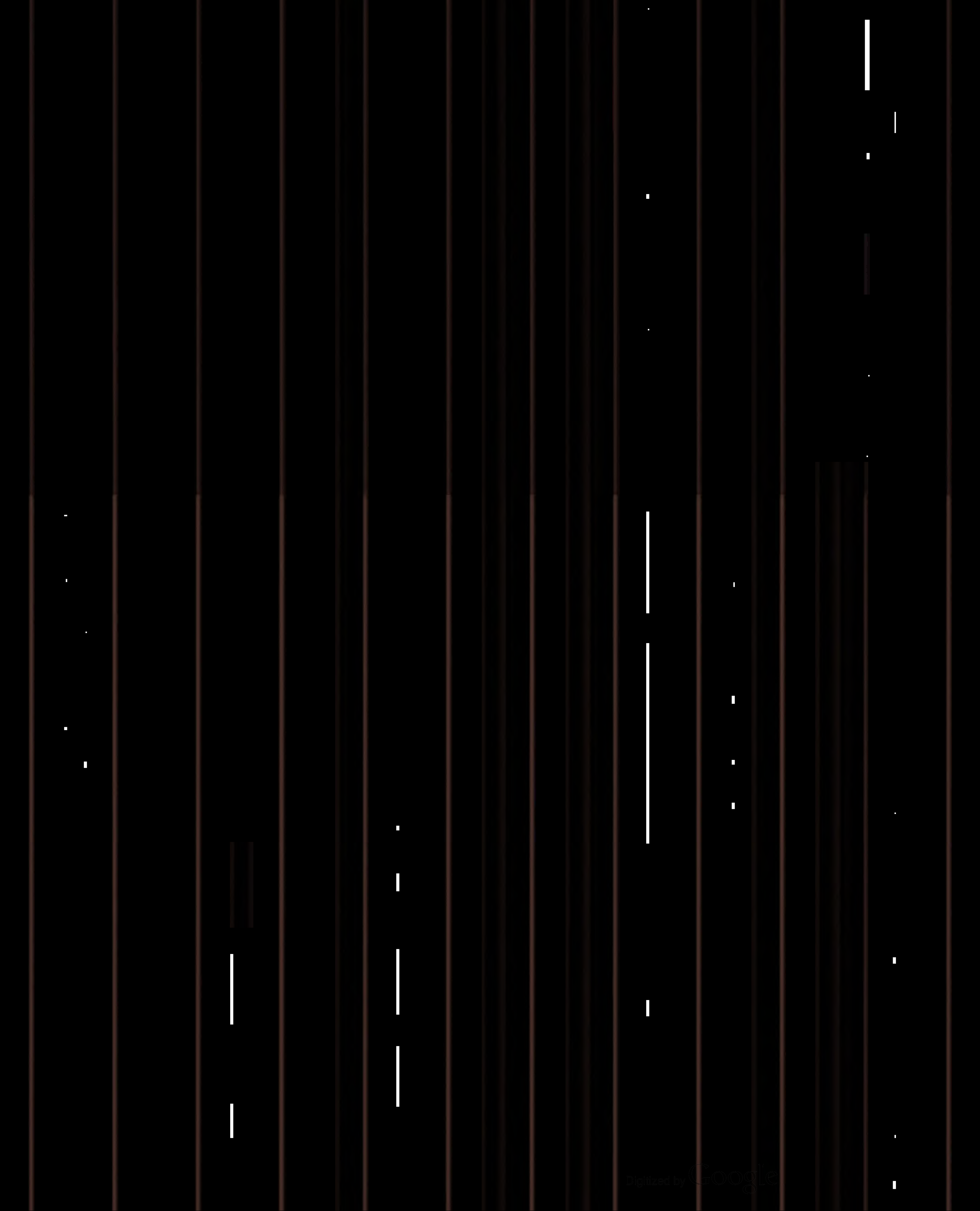
3 2044 014 105 829



СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. Васильчикова.

> Люблю отъ бабушки Московской
> Я толки слушать о роднѣ,
> О толстобрюхой старинѣ.
>
> Пушкинъ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.

1880

C

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 ЛИН. 7.

(499)

ОГЛАВЛЕНІЕ I ТОМА.

ГЛАВА I.

ГЛАВА II.

ГЛАВА III.

ГЛАВА IV.

ГЛАВА V.

ГЛАВА VI.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

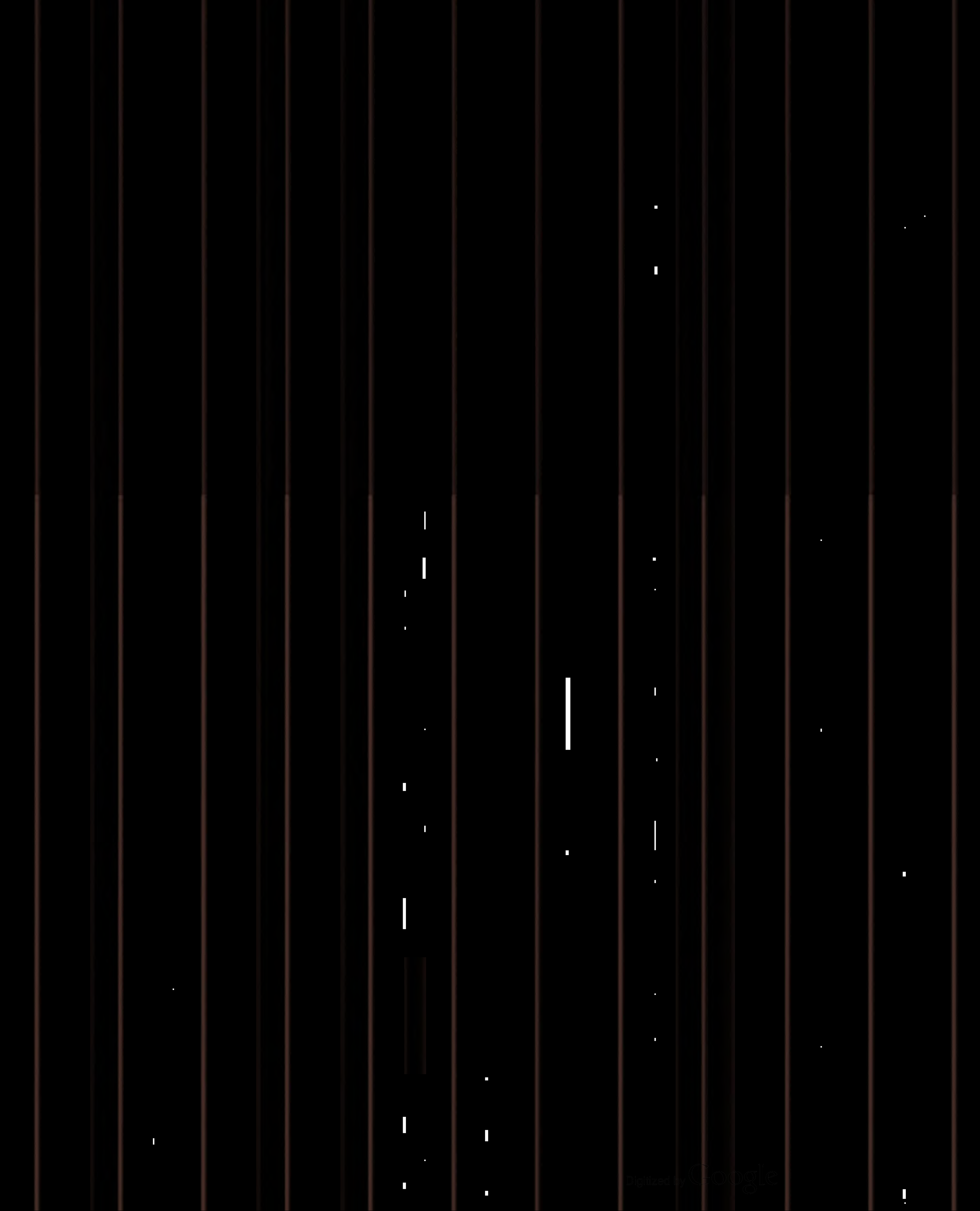
ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ГЛАВА XIII.

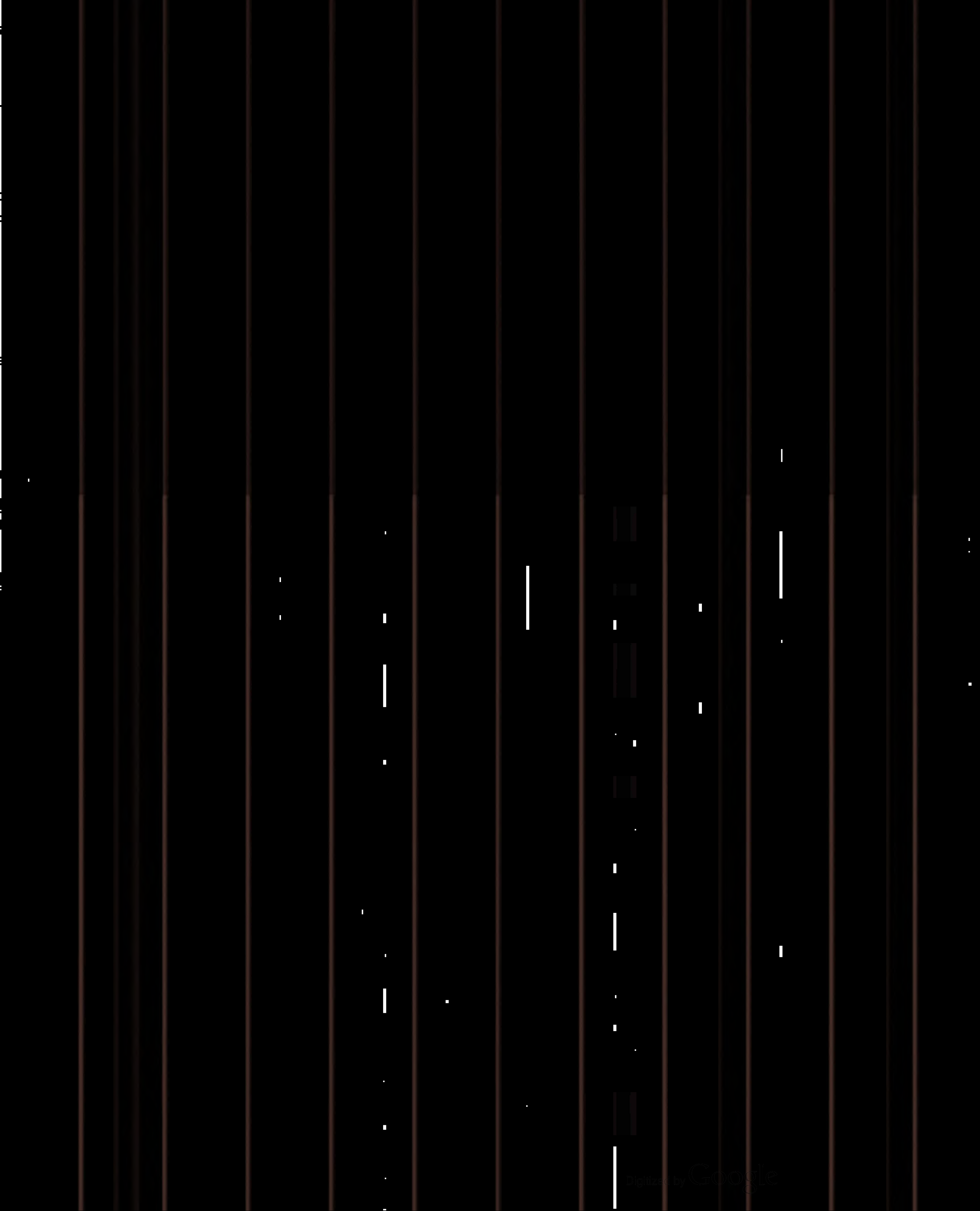
ГЛАВА XIV.

СЕМЕЙСТВО
РАЗУМОВСКИХЪ
FAMAM EXTENDERE FACTIS
А. А. Васильчикова.
I



Елисаветъ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Октября 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.



Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Октября 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Нигдѣ и никогда не бывало столько временщиковъ *), какъ у насъ въ Россіи въ прошломъ столѣтіи. Впервые явились они при Петрѣ. Для новыхъ порядковъ нужны были новые дѣятели, и они собрались по зову царя отовсюду: изъ Нѣмецкой Слободы, изъ-за границы и изъ низшихъ слоевъ русскаго общества. Быстро достигли они первыхъ мѣстъ въ государствѣ, тайкомъ набивали карманы, но за то въ потѣ лица трудились подъ зоркимъ окомъ мощнаго Императора, твердо державшаго ихъ въ рукахъ своихъ. Царствованіе Императора Петра Великаго составляетъ первую эпоху въ исторіи русскихъ временщиковъ. Это была эпоха неутомимаго, почти нечеловѣческаго труда. За нею слѣдуетъ вторая эпоха, дворцовыхъ переворотовъ, продолжавшаяся до времени Екатерины Великой. Здѣсь, при каждомъ новомъ царствованіи, всплываютъ уже не труженики, а личности безъ всякихъ особенныхъ талантовъ или заслугъ, одною слѣпою игрою случая, разомъ возводимыя до высшихъ государственныхъ почестей и пользованія несмѣтными богатствами. Вся дѣятельность этого второго ряда временщиковъ сосредоточивалась на придворныхъ интригахъ, благодаря которымъ вліяніе ихъ на дѣла было огромное.

При Екатеринѣ начинается третья эпоха. Здѣсь тоже представляется цѣлая толпа юныхъ и красивыхъ любимцевъ счастія; но надо, даже и въ этой темной сторонѣ жизни великой царицы, отдать ей справедливость,—одни только люди въ полномъ смыслѣ талантливые, и притомъ люди русскаго происхожденія и закала достигали, по ея благосклонности, государственнаго значенія. Возвы-

*) Значеніе слова „временщикъ“ хорошо выясняется въ слѣдующемъ выраженіи, которое намъ удалось слышать отъ одной простой старушки, говорившей барину отправлявшемуся на выгодное мѣсто въ Петербургъ: „Будешь во времени, меня помяни“.

сились при ней: Орловы, Потемкинъ, Завадовскій, Мамоновъ, Зубовы, тогда какъ Васильчиковъ, Зоричъ, Ермоловъ, Римскій-Корсаковъ и Ланской получили только богатые подарки, да камергерскіе ключи. Эпоху эту можно по справедливости назвать эпохою вельможъ. Всѣ эти Екатерининскіе орлы, сходя съ поприща придворнаго, уносили въ свои московскіе дворцы какой-то отблескъ величія, который во времена оны ярко отражался на первопрестольной столицѣ. Въ короткое царствованіе Павла I-го, звучащее какимъ-то диссонансомъ между правленіями Екатерины Великой и Александра I-го, снова являются временщики, напоминающіе собою времена Анны Ивановны и Елизаветы Петровны. Это была ихъ вечерняя заря, и съ 1801 года самыя выраженія «временщикъ» и «человѣкъ въ случаѣ» сложены вмѣстѣ со старыми понятіями и преданіями въ архивъ прошлаго. Большая часть временщиковъ, каковы: Меншиковы, Девіеры, Ягужинскіе, Шафировы, Остерманы, Минихи, Брюсы, Левенвольды, Бироны, Лестоки, Разумовскіе, Сиверсы, Шуваловы и другіе родились или на низшихъ ступеняхъ общества или же, хотя и принадлежали къ дворянскимъ родамъ, но, не имѣя, до возвышенія своего, ни состоянія, ни преданій, терялись въ огромной массѣ мелкаго дворянства.

Исторія многихъ изъ временщиковъ чрезвычайно романтична. Возвышеніе и паденіе Меншикова, несомнѣнно самаго замѣчательнаго изъ временщиковъ вообще, а тѣмъ болѣе изъ Русскихъ временщиковъ прошлаго столѣтія, породили цѣлую литературу монографій на всѣхъ возможныхъ языкахъ. Также, хотя и не въ такой мѣрѣ, заняла историковъ трагическая судьба талантливаго Остермана и не менѣе его замѣчательнаго Миниха. Другіе временщики, напротивъ, еще недавно и столь ярко блиставшіе, теперь окончательно всѣми забыты. Только ознаменовавшіе свой случай рядомъ злодѣйствъ, какъ, напримѣръ, Биронъ, кровавая память котораго еще не угасла въ народѣ, или тѣ, которыхъ потомки удержали хотя часть богатства и значенія предковъ, не канули еще въ Лету. Кто помнитъ у насъ теперь объ угасшихъ семействахъ Ягужинскихъ, Шафировыхъ, Рагузинскихъ, Скавронскихъ? Какъ много родовъ, недавно возвышенныхъ, успѣли уже обѣднять и, никому неизвѣстные, ведутъ скромную жизнь въ какомъ нибудь дальнемъ уголкѣ необозримаго отечества нашего.

Преданія и памятники старины быстро у насъ исчезаютъ. Плохо умѣютъ у насъ сохранять какъ достояніе отцовъ, такъ и самую память о нихъ. Не только въ домахъ и селахъ семейные памятники и воспоминанія, но даже въ храмахъ Божіихъ—самыя

могилы предковъ не охранены отъ святотатственныхъ рукъ человѣческихъ. При несчастной страсти нашей все подновлять и передѣлывать, нерѣдко надгробія изъ церквей и монастырей сперва прибираются въ кладовыя [1]), а потомъ даже продаются въ ломъ разсчетливыми церковными старостами [2]).

Недаромъ замѣтилъ Пушкинъ, что мы презираемъ отцами

Ихъ славой, честью и правами
Великодушно и умно.

Вѣтреные Русскіе баре, за границею и въ Петербургскихъ гостиныхъ, громко разсуждающіе объ аристократизмѣ и считающіе себя чуть не средневѣковыми баронами, не стыдясь продаютъ родовыя имѣнія и семейныя усыпальницы, считаютъ старинные свои архивы за пыльный сборъ календарей, хранятъ на чердакахъ, среди всякаго хлама, дѣдовскіе портреты и давнымъ-давно, по выраженію того же Пушкина, перелѣзли изъ баръ въ tiers-état. Съ трудомъ укажешь въ наши дни на дачу въ окрестностяхъ Москвы или Петербурга, которая бы осталась въ родѣ ея строителя. Всѣ богатыя московскія палаты заняты казенными заведеніями, да и въ юномъ Петербургѣ едва-ли насчитаешь четыре дома долѣе трехъ поколѣній сохранившіеся въ одномъ и томъ же родѣ [3]).

Графы Разумовскіе принадлежатъ ко второй эпохѣ временщиковъ. Возвышеніемъ своимъ они обязаны только случаю. Они не играли видной роли въ лѣтописяхъ отечества нашего, не отличались особенными, выходящими изъ ряда, талантами. Въ продолженіи шести царствованій: Елизаветы, Петра III, Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I съ немногимъ сто лѣтъ существуетъ семейство Разумовскихъ и не представляетъ ни одного полководца, ни одного вполнѣ замѣчательнаго государственнаго мужа. Послѣдніе сыны гетмана умерли за границею, гдѣ провели бо́льшую часть своей жизни. Единственнымъ представителемъ рода Разумовскихъ остался въ наше время Саксенъ-Кобургъ-Готскій

---

[1]) Такъ, напримѣръ, поступлено было въ Александро-Невской Лаврѣ съ надгробіемъ Ягужинскаго и въ бывшемъ Георгіевскомъ монастырѣ въ Москвѣ съ надгробіями Бутурлиныхъ. Ср. XVIII-й вѣкъ, кн. 1-я, изд. 1-е, стр. 364.

[2]) Такъ поступлено было въ Серпуховскомъ уѣздѣ: въ селѣ Лопаснѣ съ надгробіями Васильчиковыхъ, въ томъ же уѣздѣ въ селѣ Хлѣвани съ надгробіями Головкиныхъ и пр., и пр. и пр.

[3]) Домъ графа Шереметева на Фонтанкѣ и домъ Нарышкиныхъ на Фонтанкѣ, перешедшій по наслѣдству графинѣ Шуваловой—въ пятомъ поколѣніи; дома графа Строганова на Невскомъ Проспектѣ, у Полицейскаго моста и князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго—на Невскомъ, у Аничкова моста,—оба въ третьемъ поколѣніи.

подданный—графъ Камилъ Разумовскій, лютеранинъ, не признанный въ Россіи за графа, не имѣющій уже ничего общаго съ отечествомъ нашимъ и вѣроятно едва знающій кто были его предки. Несмотря однако на все это, имя Разумовскихъ, какимъ-то невѣроятнымъ случаемъ, еще не изгладилось изъ памяти народной. Разсказы о нихъ приняли характеръ какой-то легенды. Вообще все относящееся до семейства Разумовскихъ, ихъ неимовѣрный случай, огромное богатство, столь скоро составившееся и почти столь же скоро распавшееся на мелкія крохи, ихъ хлѣбосольство, щедрость и достоинство на высотѣ почестей перваго поколѣнія, наконецъ трагическая судьба нѣкоторыхъ потомковъ — все это носитъ на себѣ отпечатокъ чего-то сказочнаго. Разумовскіе, безъ сомнѣнія, рядомъ съ Шереметевыми, остались для народа любимыми вельможами прошлаго столѣтія. Еще при жизни своей, они, по крайней мѣрѣ графы Алексѣй и Кирилъ Григорьевичи, пользовались общественнымъ сочувствіемъ. Екатерина отзывается о нихъ, что: она «никогда не знавала семейства временщиковъ, болѣе всѣми любимаго» [1]). Причину этой любви угадать не трудно: Разумовскіе, не чуждаясь просвѣщенія, жили жизнью народною, любили все отечественное, и къ нимъ вполнѣ можно было примѣнить стихи Державина:

Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ—коль страстьми владѣю,
Болляринъ—коль за всѣхъ болѣю,
Царю, отчизнѣ, церкви другъ.

Приводя стихи эти, припомнимъ, что Державинъ заимствовалъ ихъ изъ «Письма о достоинствѣ» А. П. Сумарокова. Сумароковъ долгое время былъ генеральсъ-адъютантомъ при гр. Разумовскомъ. Лучшаго идеала достоинства, какъ въ начальникѣ своемъ, найти онъ не могъ, и нѣтъ сомнѣнія, что письмо свое онъ написалъ съ натуры. Кстати замѣтить, что рукопись оды «Вельможа», изъ которой приведены эти стихи, съ помѣткою въ концѣ рукою Державина: «Ноября 12-го 1794 года»—находилась въ библіотекѣ графа Петра Алексѣевича Разумовскаго, проданной съ публичнаго торга въ Одессѣ, около 1839 года.

Второе поколѣніе Разумовскихъ уже совершенно утратило свой первобытный типъ. При родоначальникахъ семьи этой произошелъ въ Россіи тотъ переломъ, на который мы указываемъ во второй части нашей монографіи, переломъ, имѣвшій огромное значеніе

---

[1]) Mémoires de Catherine 11. 113.

для Россіи, гибельныя послѣдствія котораго ощущаются до сихъ поръ. Первые Разумовскіе родились и навсегда остались истыми хохлами, страстно любившими свою родину. Второе же поколѣніе, за немногими исключеніями, представляетъ намъ рядъ гордыхъ и неприступныхъ космополитовъ, преисполненныхъ феодальными предразсудками, наивно вѣровавшихъ въ величіе своего рода, едва говорившихъ по-русски. Ихъ Вигель въ запискахъ своихъ крайне мѣтко прозвалъ «русскими Монморанси».

Мы думаемъ не безъинтересно будетъ ближе познакомиться съ невѣроятнымъ случаемъ регистроваго казака и прослѣдить за тѣмъ, какимъ образомъ сыновья простого хохла переобразовались въ французскихъ и нѣмецкихъ аристократовъ. Съ этою цѣлью мы уже давно собираемъ всякія данныя о семействѣ Разумовскихъ, усердно перебирая семейные и государственные архивы. Первая часть труда нашего появилась уже въ печати въ 1868 году (XVIII-й вѣкъ—сборникъ, издаваемый П. И. Бартеневымъ, часть II), но съ тѣхъ поръ мы познакомились съ богатѣйшимъ архивомъ свѣтлѣйшаго князя Андрея Кириловича Разумовскаго, намъ сообщены были многія интересныя бумаги и преданія Григоріемъ Павловичемъ Галаганомъ и покойною Маріею Алексѣевною Крыжановскою, рожденною Перовскою; графъ А. С. Уваровъ и князь Н. В. Репнинъ передали въ наше полное распоряженіе все то, что̀ въ богатыхъ семейныхъ архивахъ ихъ касается до семейства Разумовскихъ и что̀ было намъ доселѣ знакомо только въ отрывкахъ; наконецъ много напечатано было съ тѣхъ поръ новыхъ свѣдѣній, относящихся къ XVIII вѣку въ разныхъ сборникахъ, повременныхъ изданіяхъ и другихъ чисто историческихъ сочиненіяхъ.

Архивъ князя Андрея Кириловича Разумовскаго († 1837), послѣ смерти второй жены его, свѣт. княгини Константины Осиповны, рожденной графини Тюргеймъ, скончавшейся въ 1867 въ Линцѣ (въ Австріи) послѣ продолжительной умственной болѣзни, достался ея двоюродной племянницѣ и воспитаницѣ, графинѣ Георгинѣ фонъ-деръ-Липпе-Бистерфельдъ и Вейсенфельдъ, рожденной Актонъ. Мужъ графини фонъ-деръ-Липпе, графъ Куртъ-Рейнике фонъ-деръ Липпе пожертвовалъ большую часть бумагъ князя Разумовскаго въ нашъ государственный архивъ, все же то, что̀ носило исключительно семейный характеръ, онъ весьма обязательно доставилъ намъ, узнавъ, что мы занимаемся составленіемъ исторіи семейства Разумовскихъ. Благодаря всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, первая часть труда нашего увеличилась почти вдвое и многое пришлось въ ней переработать за̀ново; вотъ отчего мы рѣшаемся снова издать ее одновременно съ остальными томами, въ которыхъ

помѣщаемъ, нелишенную драматизма, исторію второго поколѣнія Разумовскихъ, равно какъ и интересныя бумаги князя Андрея Кириловича. Объемистая переписка гетмана графа Кирилы Григорьевича и разныя другія бумаги, относящіяся къ первому поколѣнію Разумовскихъ, почерпнутыя частью изъ семейныхъ, частью изъ государственныхъ архивовъ, а нѣкоторыя цѣликомъ перепечатанныя изъ богатаго архива князя С. М. Воронцова, издаваемаго П. И. Бартеневымъ, не имѣютъ, за исключеніемъ немногихъ, строго историческаго интереса, тѣмъ не менѣе мы помѣщаемъ ихъ здѣсь въ полномъ составѣ, такъ какъ отъ нихъ вѣетъ всею прелестью стародавности. Читая ихъ, невольно переносишься ко временамъ Елизаветы и Екатерины и живешь ежедневною жизнію этой эпохи. Мы именно старались въ трудѣ нашемъ, по мѣрѣ возможности, возсоздать эту ежедневную жизнь добраго стараго времени, и какъ можно чаще говорить если не устами, то по крайней мѣрѣ перомъ нашихъ героевъ. Чтобы еще ближе познакомить читателя съ бытомъ прошлаго времени, мы въ приложеніяхъ помѣстили всѣ грамоты, рядныя записи, хозяйственныя распоряженія, штаты и проч. и проч. относящіяся до семейства Разумовскихъ. Быть можетъ, насъ упрекнутъ въ томъ, что мы не довольно строго разбирали имѣвшіеся у насъ подъ руками документы и что въ трудъ нашъ вкралось многое, чтó вовсе не имѣетъ интереса. Если это такъ, то это произошло отъ того, что при непрестанномъ нашемъ стремленіи къ новизнѣ, при общемъ небреженіи, съ которымъ у насъ относятся къ остаткамъ прошедшаго, мы невольно вдались въ противоположную крайность и не захотѣли пожертвовать ни единымъ лоскутомъ старины. Крайность эта кажется намъ извинительной для археолога. При составленіи нашей монографіи мы не задавались никакими отвлеченными вопросами и по мѣрѣ силъ нашихъ старались избѣгнуть всякой тенденціозности, которая въ настоящее время до того распространилась по всѣмъ отраслямъ нашей литературы. Цѣлью нашею было возсоздать возможно вѣрно и полно старинный бытъ русскихъ баръ прошлаго времени. Удалось ли это намъ—пусть судитъ благосклонный читатель.

Село Кораллово, Августъ 1879 г.

ГЛАВА I.

Происхожденіе и возвышеніе.

Въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія черниговской губерніи, Козелецаго повѣта, на хуторѣ Лемёшахъ, жилъ регистровый казакъ „кіевскаго Вышъ-города Козельца полка, Григорій Яковлевичъ Розумъ [1])“. Лемёши, нынѣ село на старой почтовой дорогѣ изъ Кіева въ Черниговъ, между станціями Козельцомъ и Чемеромъ, были до 1765 года небольшимъ хуторомъ. Прозваніе Розума дано было Григорію Яковлеву, какъ гласитъ преданіе, сосѣдними казаками отъ поговорки, которую онъ любилъ употреблять подъ пьяную руку: „гей! що то за голова, що то за розумъ!“ [2]). Хотя Розумъ „съ великою охотою вси казацкіе противъ татаръ и протчіихъ непріятелей отправлялъ походы“, однако счастіе ему не улыбалось „ради частыхъ нечаемыхъ, ово отъ непріятелей, ово междоусобныхъ, разореній“ [3]) и ово, можемъ мы прибавить по преданію, ради непросыпнаго пьянства. Григорій Яковлевичъ имѣлъ старшаго брата Ивана Яковлевича и сестру Анну Яковлевну, которая была замужемъ за казакомъ Дубиною [4]). Онъ самъ женился на дочери казака Демёшки изъ сосѣдняго села Адамовки—Натальѣ Демьяновнѣ, которой немало пришлось намыкаться горя отъ пьянаго и безпутнаго мужа. Розумъ былъ человѣкъ сварливый и вздорный; все, заработанное трудолюбивою женою, въ потѣ лица, пропивалъ онъ въ шинкахъ. Наталья Демьяновна, наоборотъ, была женщина разсудительная и умная; Розумиху любили и почитали во всемъ околоткѣ. Розумы жили въ хатѣ, которая еще недавно стояла

---

[1]) Философія Арістотелева по умствованію перiпатетiковъ и пр. Кіевъ, 1745.

[2]) „Московскія Вѣдомости“, 1860. № 182. Село Лемёши, статья Кобзаря Василенко.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же. У Ивана Розума былъ сынъ Иванъ и внуки: Савва, Петръ и Василій—о нихъ смотри ниже. У Анны Яковлевны Дубины былъ сынъ Иванъ Ѳеодоровичъ.

среди Лемёшей, по правую сторону почтовой дороги отъ Козельца въ Черниговъ. Въ длину съ сѣнями и каморою обращена была она къ улицѣ и находилась отъ нея шагахъ въ двадцати, среди огорода, на которомъ изрѣдка стояли фруктовыя деревья. Наружнымъ видомъ она не отличалась отъ прочихъ ее окружавшихъ хатъ, а по величинѣ и чистой отдѣлкѣ оконъ и дверей ее можно было принять за хату довольно зажиточнаго крестьянина. Она была аршинъ 8½ или 9 въ длину и столько же въ ширину. Внутри стѣны были выбѣлены. Вышина хаты была 3¾ аршина. На потолкѣ во всю длину красовался сволокъ, т.-е. поперечная балка, поддерживающая потолокъ, на которой малороссіяне вырѣзываютъ имена, молитвы и пр. Сволокъ обыкновенно свято хранится и при перестройкахъ переносится изъ старой хаты въ новую. На сволокѣ Лемёшевской хаты вырѣзана была славянскими буквами подъ титлами слѣдующая надпись: „Благословеніемъ Бога Отца, поспѣшеніемъ Сына (затѣмъ изображеніе креста), содѣйствіемъ Святаго Духа создася домъ сей рабы Божіей Наталіи Розумихи. Року 1711 маія 5 дня“. Слова: „Наталіи Розумихи“ приписаны были какъ-бы другимъ почеркомъ. Въ такомъ видѣ сохранялась хата эта до 16 іюня 1854 года, когда пожаръ уничтожилъ ее до тла. Старожилы помнили и надпись и всю хату всегда въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ ее пожаръ [1]). Хата эта съ окружающею ее левадою принадлежала Г. П. Галагану, происходящему по женской линіи отъ Натальи Демьяновны. Г. П. Галаганъ дорожилъ хатою Разумовскихъ: всѣ плетни вокругъ нея были разобраны и при ней постоянно находился сторожъ. Въ этой-то хижинѣ жили Розумы и родились младшія ихъ дѣти. Всего было ихъ шестеро: три сына: Данило, Алексѣй и Кирила, и три дочери: Агаѳья, Анна и Вѣра. О первомъ мы ничего не знаемъ; онъ былъ, кажется, гораздо старѣе братьевъ и умеръ задолго до 1741 г., оставивъ на попеченіи Натальи Демьяновны дочь свою, Авдотью Даниловну. Второй сынъ Натальи Демьяновны — Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемёшахъ 17 марта 1709 года. Онъ былъ сперва пастухомъ общественныхъ стадъ [2]). Его привлекательная наружность, пріятный голосъ и охота къ ученію обратили на него вниманіе мѣстнаго духовенства. Григорію Яковлеву, вѣчно пьяному, не по сердцу была грамота, и сынъ тайкомъ ходилъ учиться къ дьячку села Чемеръ [3]), къ приходу котораго принадлежали Лемёши. Однажды Григорій, возвратясь изъ шинка, засталъ сына своего за книгою. Уже не разъ доставалось мальчику за страсть къ ученію. Разсерженный

[1]) „Москвитянинъ“, 1855 года, № 6, стр. 187—188.

[2]) Марковичъ „Исторія Малороссіи“, т. II, ст. 635.

[3]) Село Чемеръ принадлежало потомъ Будлянскимъ (см. ниже); нынѣ принадлежитъ г. Пашковскому.

Розумъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, схватилъ топоръ и бросился на Алексѣя; тотъ пустился бѣжать вокругъ хаты, а отецъ за нимъ. Обѣжавъ нѣсколько разъ хижину, несчастный мальчикъ, видя, что Розумъ его нагоняетъ, проскочилъ подъ ворота и топоръ отца, брошенный ему въ слѣдъ, глубоко врѣзался въ дерево. Послѣ этого случая Алексѣй Григорьевичъ бѣжалъ изъ родительскаго дома и болѣе туда не возвращался; онъ нашелъ себѣ убѣжище у своего учителя, дьячка Чемерской церкви [1]). Здѣсь онъ окончательно обучился грамотѣ и пѣнію [2]) и по праздникамъ плѣнялъ чуднымъ голосомъ Чемерскихъ прихожанъ. Однажды Натальѣ Демьяновнѣ приснилось, что въ хатѣ у ней, на потолкѣ, свѣтятъ солнце, мѣсяцъ и звѣзды всѣ вмѣстѣ. Мужу она вѣроятно не призналась въ видѣніи, но пересказала сонъ сосѣдямъ, которые надъ нею смѣялись [3]). Дня три спустя, въ началѣ января 1731 года, въ праздничный день, проѣзжалъ черезъ Чемеръ полковникъ Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій, возвращавшійся изъ Венгріи, куда онъ ѣздилъ покупать вина для Императрицы Анны Ивановны [4]). Вишневскій зашелъ въ церковь, плѣнился голосомъ и наружностью Алексѣя Розума и уговорилъ дьячка Чемерской церкви отпустить съ нимъ его воспитанника въ Петербургъ. Алексѣй охотно согласился на предложеніе Вишневскаго и поскакалъ съ доброжелателемъ своимъ въ сѣверную столицу.

Третій сынъ Григорія и Натальи Розумовъ—Кирила, родился 18 марта 1728 года [5]). Будучи ребенкомъ, онъ ходилъ за отцовскими волами. „Сыновья мои родились счастливыми: когда Алеша хаживалъ съ крестьянскими ребятишками по орѣхи и грибы, онъ ихъ всегда набиралъ вдвое болѣе, чѣмъ товарищи, а волы, за которыми ходилъ Кирюша, никогда не заболѣвали и не сбѣгали со двора“, говаривала

---

[1]) Сообщено, равно какъ и другія подробности о молодости Разумовскихъ, Г. П. Галаганомъ, который разсказы эти слышалъ отъ своей тётки Вѣры Ивановны Чорбиной, рожденной Галаганъ, скончавшейся 80-ти лѣтъ въ 1840 году; она была правнукою Натальи Демьяновны и жила въ Батуринѣ, у графа Кирилы Григорьевича въ послѣдніе года его жизни.

[2]) Manstein, Memoires sur la Russie, т. II, стр. 221.

[3]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи“, т. II, ст. 635.

[4]) Дневныя записки малоросс. подскарбія генеральнаго Якова Марковича, т. I, ст. 361.

[5]) Въ запискѣ подъ заглавіемъ: „Знаніе дому фамиліи Его Высокографскаго Сіятельства Генералъ-Фельдмаршала Кирилы Григорьевича Разумовскаго“, хранящейся въ архивѣ гр. Уварова, годомъ рожденія гетмана показанъ 1724 годъ. Это ввело насъ въ заблужденіе въ первомъ изданіи. Съ тѣхъ поръ мы нашли другой старѣйшій списокъ той же записки (въ бумагахъ покойной М. А. Крыжановской), гдѣ вмѣсто 1724 года выставленъ 1728 годъ, что вполнѣ согласно съ показаніями прочихъ біографовъ гетмана и надгробною надписью въ Батуринѣ.

впослѣдствіи Наталья Демьяновна, но въ настоящую пору, т.-е. послѣ отъѣзда сына Алексѣя, она счастіемъ похвастаться не могла. Наоборотъ, судьба ея была крайне горька. Мужъ спился съ кругу и умеръ [1]), старшій сынъ умеръ также, оставивъ на попеченіи матери малолѣтнюю дочь; второй сынъ, который могъ бы быть подмогою для семьи, пропалъ безъ вѣсти; однимъ словомъ Розумиха совершенно упала духомъ. Голодающихъ дѣтей нечѣмъ было прокормить. Въ отчаяніи Наталья Демьяновна рѣшилась идти въ Козелецъ, надѣясь милостынею добыть кусокъ насущнаго хлѣба. „Ну", говорила она дорогою, „если денегъ не достану, такъ придется идти мазать хаты", и тутъ же дала обѣтъ, въ случаѣ нежданной помощи, отслужить молебенъ въ Козелецкой церкви. Едва успѣла она это подумать, какъ увидала на дорогѣ ножикъ, оправленный золотомъ, оброненный вѣроятно какимъ-нибудь проѣзжимъ. Розумиха подняла ножъ, продала его въ Козельцѣ и на вырученныя деньги сперва отслужила молебенъ, а потомъ уже накупила хлѣба для голодающей семьи. Вернувшись въ Лемёши, Наталья Демьяновна получила первое извѣстіе о пропавшемъ сынѣ [2]).

Счастіе улыбнулось Алексѣю Розуму съ перваго дня его пріѣзда въ Петербургъ. Вишневскій представилъ своего питомца тогдашнему оберъ-гофмаршалу, графу Рейнгольду Левенвольду, который сейчасъ же помѣстилъ молодого малороссіянина въ придворный хоръ [3]). Тутъ онъ встрѣтилъ много земляковъ. Въ то время почти всѣ высшія духовныя должности заняты были „черкасами" и придворные пѣвчіе набирались исключительно въ Малороссіи. Такъ, Марковичъ въ любопытныхъ запискахъ своихъ разсказываетъ, что въ 1732 году въ Глуховѣ „пѣли въ церкви св. Николая пѣвчіе многіе, присланные по требованію гетмана (Даніила Апостола) отъ архіерея кіевскаго и другихъ, для двора государыни" [4]).—При большомъ дворѣ Алексѣй Розумъ

---

[1]) Въ 1760 году Алексѣй и Кирила Григорьевичи надъ могилою родителя соорудили каменный храмъ во имя трехъ вселенскихъ святителей: Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Причетъ лемёшевскій уже не знаетъ ни времени кончины Григорія Яковлевича, ни точнаго мѣста его погребенія. Въ церкви сохранилась бумага, обязательно сообщенная намъ въ спискѣ А. Ѳ. Бодровымъ. Изъ этой бумаги видно, что Лемёши принадлежали брату Натальи Демьяновны, бунчуковому товарищу Денису Демьяновичу Стрѣшенцову, который ихъ завѣщалъ племяннику своему графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. Кирила Григорьевичъ въ свою очередь подарилъ ихъ въ 1791 году своей родственницѣ Матренѣ Герасимовнѣ Тепловой (женѣ извѣстнаго Григорія Николаевича) съ обязательствомъ ея и ея наслѣдниковъ вѣчно вносить въ лемёшевскую церковь по 25 рублей въ годъ.

[2]) Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной—сообщено Г. П. Галаганомъ.

[3]) Manstein, Mémoires sur la Russie, II, 221, и Helbig, Russische Günstlinge, ст. 210.

[4]) Записки Марковича, I, 397.

остался однако весьма мало времени. Нѣсколько дней послѣ поступленія его въ придворный хоръ, Цесаревна Елизавета Петровна присутствовала при богослуженіи въ дворцовой церкви. Она была поражена голосомъ Розума и потребовала, чтобы онъ былъ ей представленъ, послѣ окончанія литургіи. Красота его поразила Великую Княжну еще болѣе, чѣмъ голосъ. Высокій, стройный, нѣсколько смуглый, съ чудными черными глазами и черными же дугообразными бровями, Розумъ былъ красавецъ въ полномъ смыслѣ слова.—Цесаревна просила графа Левенвольда уступить ей молодого пѣвчаго; графъ согласился, и Алексѣй Григорьевичъ перешелъ ко двору Елизаветы Петровны [1]).

До 1731 г. первымъ лицомъ при дворѣ этомъ былъ сержантъ Семеновскаго полка,—камеръ-пажъ Алексѣй Никифоровичъ Шубинъ, сынъ бѣднаго владимірскаго помѣщика изъ окрестностей Александрова. Черезъ него Елизавета Петровна познакомилась съ этою мѣстностію, которую очень полюбила и которую посѣщала даже будучи Императрицею. Но, несмотря на вліяніе Шубина, съ первыхъ же дней поступленія своего ко двору Цесаревны, Алексѣй Григорьевичъ сталъ пользоваться особымъ почетомъ; онъ отдѣленъ былъ отъ прочаго хора пѣвчихъ, считался наравнѣ съ камердинерами Цесаревны: Чулковымъ, Полтавцевымъ и Штерномъ, и получалъ равное съ ними содержаніе. „Пѣвчему Алексѣю Григорьеву", гласитъ вѣдомость о томъ, сколько *отпускается къ поставцу ея высочества и служителямъ, окромя банкетовъ и приказовъ, водки, вина и пива*, „чрезъ день и 2 дни водки и вина по 1 кружкѣ. Пива по 4, по 6 и по 7 кружекъ въ каждый день" [2]). При дворѣ Цесаревны, точно также какъ и при большомъ дворѣ, Розумъ встрѣтилъ много земляковъ. Великая Княжна владѣла имѣніемъ въ Малороссіи, духовниками ея были малороссіяне; сперва отецъ Костанцій, о которомъ упоминаетъ, въ своемъ, къ сожалѣнію, еще неизданномъ дневникѣ, генеральный хорунжій Николай Даниловичъ Ханенко, и бывшій священникъ украинской ея вотчины—села Понорницы [3]) Θедоръ Яковлевичъ Дубянскій.—Были при дворѣ ея и пѣвчіе малороссіяне—Тарасовичъ и Божокъ [4]), а также камеръ-лакей Иванъ Θедоровичъ Котляревскій [5]), слѣпой бандуристъ Григорій

[1]) Manstein, Memoires sur la Russie, II, стр. 221.

[2]) Архивъ князя Воронцова, I, 20. На приведенной вѣдомости не означено къ какому времени она относится, но положительно можно утвердить, что она составлена въ 1731 году. Въ началѣ этого года Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій привезенъ былъ въ Петербургъ, а въ декабрѣ того же года Шубинъ, въ ней еще числящійся, посаженъ подъ арестъ и въ январѣ 1732 сосланъ въ Сибирь.

[3]) Мѣстечко Понорница,—Черниговской губ., Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда, отобрано было у Шафирова.

[4]) Записки Марковича, I, 421.

[5]) Рукописный дневникъ Ханенки.

Михайловъ [1]) и секретарь Петръ Мировичъ [2]). Въ концѣ 1731 года Шубинъ какъ-то неосторожно выразилъ при свидѣтеляхъ мысль, что напрасно избрали Анну Ивановну и не вспомнили про дочь Петра Великаго. Слова эти были немедленно переданы куда слѣдуетъ. Шубина схватили, пытали, заключили въ такъ-называемый каменный мѣшокъ и, наконецъ, послѣ наказанія кнутомъ и вырѣзанія языка, сослали въ Камчатку. Арестъ Шубина и его горестная судьба сдѣлали сильное впечатлѣніе на Великую Княжну. Она долгое время была неутѣшна по своемъ любимцѣ, и есть преданіе, что Елизавета намѣревалась принять иноческій чинъ въ Александровскомъ Успенскомъ монастырѣ. Когда первые порывы грусти прошли, Цесаревна почувствовала себя совершенно одинокою среди непріязненнаго къ ней петербургскаго двора. Дочь Екатерины, непомнившей родства, возросшая среди птенцовъ великаго Петра, которыхъ грозный царь набиралъ на всѣхъ ступеняхъ общества, Елизавета Петровна была вполнѣ чужда родовымъ предразсудкамъ и аристократическимъ понятіямъ. Постоянно подозрѣваемая, окруженная шпіонами, она поневолѣ жила въ сомкнутомъ кружкѣ своего маленькаго двора, избѣгая всякаго новаго знакомства, всякаго сближенія съ лицами, игравшими видную роль въ свѣтѣ. Но если бы Елизавета Петровна и желала окружить себя Рюриковичами или потомками Гедимина, едва ли бы удалось ей это. Оставшись на 18-мъ году отъ рожденія, послѣ смерти матери и отъѣзда сестры въ Голштинію, одна, безъ руководителей, во всемъ блескѣ красоты необыкновенной, получивши въ наслѣдіе отъ родителей страстную натуру, отъ природы одаренная добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, кое-какъ или, вѣрнѣе, вовсе не воспитанная, среди грубыхъ нравовъ, испорченныхъ еще лоскомъ обманчиваго полуобразованія, бывши предметомъ постоянныхъ подозрѣній и недовѣрія со стороны двора, Цесаревна видѣла ежедневно, какъ ея избѣгали и даже нерѣдко отъ нея отворачивались сильные міра сего и по неволѣ искала себѣ собесѣдниковъ и утѣшителей между меньшею братіею. Послѣ ссылки Шубина, Елизавета обратила свое вниманіе на молодого Розума, потерявшаго свой голосъ и переименованнаго въ придворные бандуристы [3]). Вскорѣ изъ бандуристовъ уже не Розумъ, а Разумовскій—произведенъ былъ въ управляющіе однимъ изъ Цесаревиныхъ имѣній [4]); мало-по-малу и другія недвижимыя имущества, а вслѣдъ за этимъ и весь небольшой дворъ Елизаветы Петровны очутились подъ вѣдѣніемъ Алексѣя Григорьевича,

---

[1]) Рукописный дневникъ Ханенки и Архивъ князя Воронцова, I, 21.

[2]) Зап. Марковича, I, 268.

[3]) Helbig, Russische Günstlinge, 210.

[4]) Manstein, Mem. sur la Russie, II, 221.

который получилъ званіе гофъ-интенданта. Однимъ словомъ, онъ вполнѣ занялъ мѣсто ссыльнаго Шубина.—Сама Елизавета называетъ его въ письмахъ: „другомъ нелицемѣрнымъ". „Другъ мой нелицемѣрный", писала она къ Михаилу Илларіоновичу Воронцову, „велѣлъ поклониться вамъ, а теперь я ему не велѣла писать" [1]). „Притомъ же просилъ меня Алексѣй Григорьевичъ", сообщала она ему же въ 1739 году, „дабы я вамъ отписала, чтобы вы на него не прогнѣвались, что онъ не пишетъ къ вамъ, для того, что столько боленъ былъ, что не безъ опасенія:—превеликій жаръ. Однакожъ, слава Богу, что этотъ жаръ перервали, и сдѣлалась лихорадка, и еще съ постели не вставалъ, однакожъ де теперь безъ опасенія; и приказалъ свой должный поклонъ отдать и желаетъ васъ скорѣе видѣть" [2]). У Разумовскаго заискивали самые вліятельные при Цесаревнѣ люди. Мавра Егоровна Шувалова упоминаетъ о немъ почти въ каждомъ письмѣ своемъ къ Великой Княгинѣ: „Отдаю мой поклонъ милостивому государю А. Г. и прошу его ласки ко мнѣ" [3]). „Хору честному воспѣвальному, товарищамъ, отдаю мой поклонъ, а особливо Алексѣю Григорьевичу и прошу покорно въ доброй памяти содержать" [4]), приписывалъ къ письму жены Петръ Ивановичъ Шуваловъ.—„Милостивому моему государю А. Г. отдаю поклонъ и прошу бутылку шампанскаго прислать ко мнѣ на дорогу. Ей-Богу, пью горѣлку" [5]), писала еще изъ Торжка Мавра Егоровна. Самые близкіе родственники Цесаревны, какъ, напримѣръ, двоюродный братъ ея Андрей Симоновичъ Гендриковъ, обращались къ Разумовскому съ просьбами о заступничествѣ и о сохраненіи въ милости [6]).—Въ правленіе Анны Леопольдовны Алексѣй Григорьевичъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ при Цесаревнѣ. Немногіе придворные, ее окружавшіе, преклонили голову передъ юнымъ любимцемъ и смотрѣли на него уже тогда, какъ на тайнаго супруга Великой Княгини [7]).

Случай Алексѣя Григорьевича отозвался и въ Лемёшахъ. Цесаревна была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Малороссіею. Пріѣзжіе изъ Украйны являлись къ ней, привозили письма отъ гетмана, кутили съ ея пѣвчими, бандуристами и камеръ-лакеями и водили дружбу съ духовниками. Нѣтъ сомнѣнія, что черезъ пріѣзжихъ малороссіянъ Алексѣй Григорьевичъ переписывался съ семьею. Дѣла Розумихи поправились.

---

1) Архивъ князя Воронцова, I, 12.
2) Тамъ же, I, 7.
3) Тамъ же, I, 82.
4) Тамъ же, I, 85.
5) Тамъ же, I.
6) Тамъ же, I.
7) Helbig, Russ. Gunst., 210.

графъ Левенгауптъ, издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что вступилъ въ русскія владѣнія только съ тѣмъ, чтобы быть удовлетворенными за многочисленныя неправды, причиненныя Швеціи господствовавшими надъ Россіею иностранными министрами.—Безпокойный маркизъ де-ла-Шетарди уже давно хлопоталъ о государственномъ переворотѣ.—Елизавета долго не рѣшалась, но теперь явно наступила благопріятная минута, и она стала дѣйствовать съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и вполнѣ женскою тонкостію, отклоняя всякое, могущее ее стѣснить въ будущемъ, обязательство.

Дня за три до восшествія своего на престолъ, Елизавета Петровна собрала „малѣйшій консиліумъ“ изъ кавалеровъ своего двора. Правительница Анна Леопольдовна въ этотъ день намекнула Цесаревнѣ, что по городу ходятъ слухи о сношеніяхъ ея съ шведами и французскимъ посланникомъ. Терять времени нельзя было; всѣ кавалеры настаивали на томъ, чтобы Елизавета дѣйствовала немедленно и рѣшительно. При этомъ Разумовскій сказалъ: „сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отчего сынове россійстіи могутъ придти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего“. На слова эти Цесаревна отвѣчала: „подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ“. При этихъ словахъ всѣ присутствующіе прослезились [1]).

Въ ночь переворота съ 24 на 25 ноября 1741 года, въ то время, какъ Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова и Шварца, объѣзжала гвардейскія казармы и занимала дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ оставался наблюдать за порядкомъ въ домѣ Цесаревны на Царицыномъ лугу [2]). Туда сама Елизавета перевезла въ саняхъ павшую правительницу вмѣстѣ съ Императоромъ Иваномъ Антоновичемъ и его сестрою [3]).

Въ 8 часовъ утра 25 ноября готовъ былъ манифестъ. Елизавета надѣла на себя андреевскую ленту, провозгласила себя полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и при восторженныхъ кликахъ народа переѣхала изъ своего дома въ зимній дворецъ, находившійся неподалеку отъ Полицейскаго моста. Придворные Елизаветы, на которыхъ еще вчера свысока смотрѣли Левенвольды, Менгдены, Головкины, Минихи,—стали первыми вельможами въ государствѣ. 30 ноября, въ

[1]) Пекарскій, Маркизъ де ла-Шетарди, 429.

[2]) Die Merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Kaysers Peters des Dritten и пр. v. einem Freunde der Wahrheit, 102.

[3]) Маркизъ де ла-Шетарди, 401.

Но самое прямое указаніе на отношенія не только Разумовскаго, но и самой Цесаревны къ Натальѣ Демьяновнѣ, находимъ мы въ слѣдующемъ письмѣ Великой Княгини къ кіевскому полковнику Антону Михайловичу Танскому: „Благородный господинъ полковникъ,—писала она отъ 8 мая 1741 изъ Петербурга, — я уповаю, что вы, г. полковникъ, по сему письму не оставите имѣть великую благосклонность къ охраненію двора нашего гофъ-интенданта Алексѣя Григорьевича матери его Натальи Демьяновны Разумовой, что въ прилучившихся ея нуждахъ и являемыхъ ей обидахъ особливѣйшимъ охраненіемъ содержать изволите; ибо сіе зависитъ въ диспозиціи вашего благородія, въ чемъ полагаясь на васъ, остаюсь вамъ доброжелательною — Елисаветъ“ [1]).

Но судьба готовила семейству Разумовскихъ еще бóльшее возвышеніе, отъ котораго далеки были даже самыя блестящія представленія ихъ о будущемъ величіи.

ГЛАВА II.

Воцареніе Елизаветы. — Тайный бракъ. — Отправленіе Кирилы Григорьевича за границу.

Анна Ивановна скончалась 17-го октября 1740 года. На русскомъ престолѣ очутился двухъ-мѣсячный ребенокъ. Уже давно чуялось на Руси, во всѣхъ слояхъ общества, недовольство. Недовольство это, сдерживаемое при Аннѣ страхомъ пытокъ, ссылокъ и казней, стало теперь громко высказываться. Отъ слабой, нерѣшительной, неопрятной правительницы, глаза всѣхъ невольно обращались на статную и красивую Цесаревну, свою, русскую, а не иноземку, въ которой какъ-бы воплотилась древняя народная сказка о царь-дѣвицѣ. — Еще недавно забытая и униженная, Елизавета стала вдругъ надеждою русскаго народа. При дворѣ переворотъ слѣдовалъ за переворотомъ. Минихъ свергнулъ Бирона, Остерманъ Миниха, — шаткость правительства была очевидна. Иностранцы по прежнему всѣмъ заправляли. Графъ Линаръ и Менгдены окружали Анну Леопольдовну и ею распоряжались, какъ хотѣли. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга загорѣлась война со шведами. Шведскій главнокомандующій,

---

[1]) Изъ бумагъ семейства Танскихъ, принадлежащихъ П. А. Васильчикову.

графъ Левенгауптъ, издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что вступилъ въ русскія владѣнія только съ тѣмъ, чтобы быть удовлетворенным за многочисленныя неправды, причиненныя Швеціи господствовавшими надъ Россіею иностранными министрами.—Безпокойный маркизъ де-ла-Шетарди уже давно хлопоталъ о государственномъ переворотѣ.—Елизавета долго не рѣшалась, но теперь явно наступила благопріятная минута, и она стала дѣйствовать съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и вполнѣ женскою тонкостію, отклоняя всякое, могущее ее стѣснить въ будущемъ, обязательство.

Дня за три до восшествія своего на престолъ, Елизавета Петровна собрала „малѣйшій консиліумъ" изъ кавалеровъ своего двора. Правительница Анна Леопольдовна въ этотъ день намекнула Цесаревнѣ, что по городу ходятъ слухи о сношеніяхъ ея съ шведами и французскимъ посланникомъ. Терять времени нельзя было; всѣ кавалеры настаивали на томъ, чтобы Елизавета дѣйствовала немедленно и рѣшительно. При этомъ Разумовскій сказалъ: „сія вещь не требуетъ закоснѣнія, но благополучнѣйшаго дѣйствія намѣреніемъ, а ежели продолжится до самаго злополучнаго времени, то чувствуетъ духъ мой великаго смятенія не токмо въ Россіи, но и во многихъ государствахъ по той претензіи, отчего сынове россійстіи могутъ придти въ крайнее разореніе и въ потеряніе отечества своего". На слова эти Цесаревна отвѣчала: „подлинно такъ, и я не столько себя сожалѣю, какъ бѣдныхъ совѣтниковъ моихъ и всѣхъ подданныхъ". При этихъ словахъ всѣ присутствующіе прослезились [1]).

Въ ночь переворота съ 24 на 25 ноября 1741 года, въ то время, какъ Елизавета Петровна, въ сопровожденіи Лестока, Воронцова, Шувалова и Шварца, объѣзжала гвардейскія казармы и занимала дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ оставался наблюдать за порядкомъ въ домѣ Цесаревны на Царицыномъ лугу [2]). Туда сама Елизавета перевезла въ саняхъ павшую правительницу вмѣстѣ съ Императоромъ Иваномъ Антоновичемъ и его сестрою [3]).

Въ 8 часовъ утра 25 ноября готовъ былъ манифестъ. Елизавета надѣла на себя андреевскую ленту, провозгласила себя полковникомъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ и при восторженныхъ кликахъ народа переѣхала изъ своего дома въ зимній дворецъ, находившійся неподалеку отъ Полицейскаго моста. Придворные Елизаветы, на которыхъ еще вчера свысока смотрѣли Левенвольды, Менгдены, Головкины, Минихи,—стали первыми вельможами въ государствѣ. 30 ноября, въ

---

[1]) Пекарскій, Маркизъ де ла-Шетарди, 429.

[2]) Die Merkwürdige Lebensgeschichte des unglücklichen Kaysers Peters des Dritten и пр. v. einem Freunde der Wahrheit, 102.

[3]) Маркизъ де ла-Шетарди, 401.

день св. Апостола Андрея Первозваннаго, Петръ и Александръ Ивановичи Шуваловы, Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій пожалованы были въ дѣйствительные камергеры, а два послѣдніе, кромѣ того, въ поручики лейбъ-кампаніи съ чиномъ генералъ-поручиковъ.

„Воронцовъ и Разумовскій, — писалъ къ графу Брюлю саксонскій секретарь посольства Пецольдъ отъ 25 января 1742,—люди не имѣющіе никакого понятія о военномъ дѣлѣ, были однакоже зачислены въ лейбъ-кампанію, по той причинѣ, чтобы дать имъ возможность пользоваться жалованьемъ, сопряженнымъ съ такими должностями и тѣмъ самымъ уменьшить расходы по кассамъ“ [1]).

Слухъ о перемѣнахъ въ Петербургѣ быстро дошелъ до Малороссіи, а въ Малороссіи и до Лемѣшъ.

„Была у меня“, пишетъ Ханенко 15 января 1742 года, „изъ села Лемёшовъ новопожалованнаго дѣйствительнаго камергера Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матка Наталья Демьянова дочь и вручила письмо для пересылки къ оному сыну“ [2]). Такимъ образомъ, извѣстное преданіе о томъ, какъ пріѣхавшаго изъ Петербурга офицера за г-жею Разумовскою крестьяне встрѣтили съ удивленіемъ и отвѣчали на его разспросы: „въ насъ зъ роду не було такой пани, а е коли божаете хата Розумихи-вдовы“, и о томъ, что захваченная въ-расплохъ Наталья Демьяновна воскликнула: „пане ясневельможный, ты хлопецъ добрій, не глазуй зъ мене, що я тобы подіяла, чи не срамъ тоби снущаться у бидной вдовы“, — оказывается не болѣе, какъ выдумкою. Какъ мы видѣли выше, слухъ о случаѣ Алексѣя Григорьевича уже давно ходилъ по Украйнѣ, а госпожу Разумовскую знали не только по всему околотку, но даже и въ Глуховѣ. Къ тому же, Алексѣй Григорьевичъ, какъ видно изъ письма его къ матери отъ 5-го іюля 1744 (см. ниже), купилъ ей домъ въ Козельцѣ, по крайней мѣрѣ, онъ въ 1744 году упоминаетъ о *старомъ* своемъ Козелецкомъ домѣ. За Наталіею Демьяновною точно отправленъ былъ курьеръ, но позднѣе, теперь было не до того. Послѣ быстраго переворота надо было осмотрѣться, ждали наслѣдника престола, слѣдовало думать о коронаціи въ Москвѣ. Въ началѣ февраля 1742 года прибылъ племянникъ новой Государыни, герцогъ Шлезвигъ-Голштейнъ-Готторпскій Петръ-Ульрихъ. Елизавета немедленно пожаловала ему ленту св. Андрея Первозваннаго съ брилліантовою звѣздою, а герцогъ съ своей стороны назначилъ Михаила Илларіоновича Воронцова и Алексѣя Григорьевича Разумовскаго кавалерами, учрежденнаго отцомъ его, въ

---

[1]) „Сборникъ Русскаго Историческаго Общества“, VI, 396.

[2]) Рукописный дневникъ Н. Д. Ханенки.

память покойной Цесаревны Анны Петровны, голштинскаго ордена св. Анны [1]). Въ концѣ февраля дворъ переѣхалъ въ Москву, а 25 апрѣля Государыня торжественно короновалась въ Успенскомъ соборѣ. Милости посыпались на Алексѣя Григорьевича. Въ самый день коронованія Разумовскій, несшій въ церемоніи шлейфъ Государыни и отправлявшій при церемоніальныхъ обѣдахъ, за трономъ, должность оберъ-шенка, былъ пожалованъ оберъ-егермейстеромъ и получилъ прямо (помимо Александровской ленты) знаки ордена св. Андрея Первозваннаго. „Жалованъ Алексѣй Григорьевичъ, нашъ патріотъ въ кавалеры бликитной ленты", пишетъ Марковичъ [2]). 13 іюня того же года пожаловано ему было изъ собственныхъ императрициныхъ вотчинъ: можайскаго уѣзда, село Троицкое-Болычево, село Рождественно-Порѣчье [3]), да село Николаевское-Карачарово съ заводами. Въ московскомъ уѣздѣ село Знаменское [4]); 30 того же іюня Алексѣй Григорьевичъ получилъ изъ Миниховыхъ вотчинъ въ Малороссіи: въ городѣ Носовкѣ, по рѣкѣ Вербѣ, и въ селѣ Адамовкѣ хутора; въ селѣ Козарахъ, на рѣкѣ Острѣ, мельницу; того же года августа 27-го изъ бывшихъ имѣній Неплюева—мѣстечки Ропскъ и Бакланъ [5]).

Послѣ коронованія отправленъ былъ нарочный за Наталіею Демьяновною въ Лемёши. Розумиха собралась, какъ кажется, на-легкѣ съ сыномъ и внучкою. Судя по дневнику Ханенки, ее провожали полковникъ кіевскій Михаилъ Танскій съ братомъ Іосифомъ, сынъ Нѣжинскаго полковника Божича, полковой обозничный кіевскій Подвисоцкій, Афендикъ и другіе [6]). За нѣсколько станцій до Москвы, навстрѣчу къ матери выѣхалъ Алексѣй Григорьевичъ. Сохранилось преданіе о томъ, что Наталья Демьяновна не узнала въ блестящемъ царедворцѣ своего сына; онъ принужденъ былъ раздѣться, чтобы по родимымъ пятнамъ убѣдить мать, что онъ точно сынъ ея.

Наталью Демьяновну напудрили, устроили ей высокую модную прическу (теля очипка), нарумянили, нарядили въ модное платье и повезли во дворецъ, предупредивъ ее, что она должна пасть на ко-

---

[1]) „Сбор. Русс. Ист. Общества", VI, 413. Депеша Пецольда отъ 24 февраля 1742.

[2]) Зап. Марковича, II, 162.

[3]) Сёла Порѣчье и Карачарово московской губерніи, можайскаго уѣзда, принадлежатъ теперь правнуку гетмана графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго — графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову. Въ великолѣпномъ домѣ находятся богатѣйшія библіотеки и древлехранилище. Село Болычево принадлежитъ г. Редлиху.

[4]) Село Знаменское-Денисьево, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ кн. В. М. Голицыну.

[5]) См. ниже жалов. грамоту отъ 13 мая 1734. Ропскъ и Бакланъ до Неплюева принадлежали Меньшикову. Бакланъ принадлежитъ г-жѣ Головиной, рожд. кн. Урусовой, внукѣ графини Уваровой, рожд. Разумовской.

[6]) Смотри ниже.

лѣни передъ Государыней. Едва простая старушка вступила въ залы дворцовыя, какъ очутилась передъ большимъ зеркаломъ, во всю вышину стѣны. Отъ роду ничего подобнаго не видавшая, Наталья Демьяновна приняла себя за Императрицу и пала на колѣни. Елизавета Петровна радушно встрѣтила старушку и, говорятъ, между прочимъ, сказала ей: „благословенно чрево твое". Наталья Демьяновна со всѣмъ семействомъ помѣстилась во дворцѣ [1]). „Передъ вечеромъ ѣздили во дворецъ и были у матушки Алексѣя Григорьевича", пишетъ малороссійскій подскарбій генеральный Яковъ Марковичъ отъ 1 іюня 1742 года. 5-го октября онъ снова записываетъ въ своемъ дневникѣ: „послѣ обѣда ѣздили до матушки Алексѣя Григорьевича, гдѣ и его самого застали и видѣли Василія Танскаго и Костоша, изъ ссылки отысканныхъ милостивымъ указомъ Ея Величества" [2]). Но модные платья и наряды не пришлись Натальѣ Демьяновнѣ пó сердцу. Она отбросила фижмы, робы и самары, выкинула пудру, мушки и румяна и снова облеклась въ свое малороссійское платье. Дворецъ и придворная жизнь были не по ней; она строго придерживалась старыхъ обычаевъ и среди роскоши двора страдала тоскою по родинѣ. Единственнымъ развлеченіемъ ея во время пребыванія ея во дворцѣ— были посѣщенія малороссійскихъ депутатовъ съ ихъ женами. По ея приказанію, среди великолѣпныхъ дворцовыхъ залъ разстилались ковры и, сидя на нихъ съ землячками своими, она болтала о родинѣ, слушала придворныхъ малороссіянъ — пѣвчихъ и бандуристовъ и распивала варенуху [3]). Въ началѣ октября 1742 года, какъ видно изъ записокъ Марковича [4]), когда при дворѣ стали помышлять о возвращеніи въ Петербургъ, Наталья Демьяновна, которую уже давно тянуло до дому, покинула Москву, оставивъ при дворѣ меньшаго сына и внучку, Авдотью Даниловну. Алексѣй Григорьевичъ, понимая тоскливое положеніе матери, не удерживалъ ея. Вѣроятно, въ то же время пожалована она была въ статсъ-дамы, хотя Марковичъ относитъ этотъ знакъ Монаршей милости ко временамъ гетманства Кирилы Григорьевича. Странно, что ни въ современныхъ календаряхъ, ни въ Карабановскихъ спискахъ, изданныхъ кн. Долгоруковымъ, она въ числѣ статсъ-дамъ не числится. У потомковъ Разумовскихъ сохранилось, однако, нѣсколько современныхъ портретовъ Наталіи Демьяновны. Она представлена на нихъ еще не очень старою (слѣдовательно портретъ былъ писанъ въ началѣ царствованія Елизаветы Петровны), въ богатомъ малороссійскомъ костюмѣ, съ миніатюрнымъ изображеніемъ Императрицы, украшеннымъ бриллiантами на Андреевской лентѣ, при-

---

[1]) „Москов. Вѣдомости", 1860, № 182. Село Лемѣши—Кобзаря Василенка.

[2]) Зап. Марковича, II, 168.

[3]) Сообщено Г. П. Галаганомъ, изъ разсказовъ В. И. Чорбиной.

[4]) Зап. Марковича, II, 168.

волотомъ въ лѣвому плечу. Это ясно доказываетъ, что она была статсъ-дама и что пожалованіе ея относится къ первымъ годамъ царствованія Елизаветы [1]). „Помѣстья, принадлежавшія несчастному генералъ-фельдмаршалу Миниху“, доносилъ Пецольдъ изъ Москвы отъ 5 ноября 1742, „подарены оберъ-егермейстеру Разумовскому, который для управленія ими отправилъ туда свою мать и остальныхъ родственниковъ [2]).

Возвращеніе бывшей Лемѣшовской шинкарки было событіемъ въ Малороссіи. Даже камердинера бывшаго пастуха общественныхъ стадъ, Семена Пустоту, принимали въ Глуховѣ совершенно отмѣннымъ образомъ. „Рано былъ у енерала (11 сентября 1742 г.),—записываетъ въ дневникъ свой Ханенко, — гдѣ видѣлся съ камординомъ господина Разумовскаго Пустотою, который прибылъ изъ Москвы... Въ 10-мъ часу, передъ полднемъ“, разсказываетъ онъ далѣе (20 октября, того же года), „прибыла въ Глуховъ г-жа Разумовская, Алексѣя Григорьевича матушка, для котораго пріѣзда былъ у генерала [3]) публичный столъ, гдѣ и мы съ прочими обѣдали.—21 октября. Г. генералъ Бибиковъ съ госпожею Разумовскою былъ воспріемникомъ сыну бунчужнаго генеральнаго г-на Оболонскаго — Демьяну отъ крещенія, и для того у него, бунчужнаго, былъ крестный столъ и гуляли даже до вечера, а въ вечеру провожали г-жу Разумовскую на ея квартиру, гдѣ довольно отъ сотника Глуховскаго трактованы, потомъ былъ у писаря генеральнаго г-на Безбородки и уже поздно пріѣхалъ въ домъ шуменъ. 22-го октября. Ради вчерашняго шума не выѣздилъ (sic) съ дома никуда; а г-жа Разумовская, отобѣдавъ у сотника Глуховскаго, отъѣхала съ Глухова въ путь свой, а мимоѣздомъ была и у есаула генеральнаго г. Якубовича. Съ нею въ ассистенціи отъѣхали полковникъ кіевскій Михайло Танскій и братъ его Іосифъ да полковника Нѣжинскаго Божича сынъ и Афендикъ, также обозный полковой кіевскій Алексѣй Подвисоцкій и прочіе“ [4]).

Наталья Демьяновна поселилась около родины своей — села Адамовки, на одномъ изъ хуторовъ, пожалованныхъ Алексѣю Григорьевичу. Здѣсь она выстроила себѣ усадьбу, которую назвала Алексѣевщиною, съ домомъ, а при домѣ соорудила церковь [5]).

---

[1]) О пожалованіи Натальи Демьяновны въ статсъ-дамы упоминаетъ тоже Бантышъ-Каменскій въ своей исторіи Малороссіи, III. Примѣчанія, стр. 69, прим. 253.

[2]) „Сбор. Русс. Ист. Общ.“, VI, 452—53.

[3]) Генералъ-поручикъ, сенаторъ и Св. Александра Невскаго кавалеръ Иванъ Ивановичъ (старшій) Бибиковъ, † 1745. Онъ послѣ Бутурлина управлялъ Малороссіею, см. ниже.

[4]) Рукописный дневникъ Ханенки.

[5]) Алексѣевщина принадлежитъ теперь А. Ѳ. Бодрову. Отъ дома Натальи Демьяновны не осталось слѣдовъ.

Новый оберъ-егермейстеръ и Андреевскій кавалеръ, предъ которымъ раболѣпствовали теперь не только немногіе придворные захудалаго двора Цесаревны, но и первые магнаты имперіи, чувствовалъ, однако, какъ мало подготовленъ онъ былъ къ своему положенію и какъ необходимо было ему окружить себя людьми, которые могли бы выводить его изъ той затруднительной обстановки, въ которую, даже и въ то нехитрое и невзыскательное время, безпрестанно ставило его совершенное отсутствіе всякаго образованія. У Алексѣя Григорьевича въ выборѣ людей было какое-то особенное природное чутье; почти всѣ при немъ служившіе были людьми замѣчательными.

Первымъ, какъ по давности знакомства съ Разумовскими, такъ и по вліянію, которое онъ постоянно имѣлъ на всю ихъ семью, стоитъ Григорій Николаевичъ Тепловъ, сынъ жены истопника въ Псковскомъ архіерейскомъ домѣ, отчего и получилъ онъ фамилію Теплова [1]), и воспитанникъ знаменитаго Ѳеофана Прокоповича. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ школѣ, учрежденной Ѳеофаномъ при Александро-Невской лаврѣ, а потомъ долгое время учился за-границею. Онъ воротился оттуда въ 1736 г., поступилъ въ Академію наукъ и пристроился къ Артемію Петровичу Волынскому, который никогда, по свидѣтельству Гельбига, не покровительствовалъ невѣжеству [2]). Съ необыкновенною ловкостью выпутался онъ изъ-подъ суда во время гибели Волынскаго, перешелъ къ занятіямъ ученымъ, назначенъ переводчикомъ при Академіи, а въ 1741 г. адъюнктомъ. Тутъ онъ сталъ искать покровительства у новаго временщика и сдѣлался необходимымъ въ домѣ Разумовскаго. Отъ своего воспитателя Тепловъ наслѣдовалъ большую ученость, соединенную съ весьма широкими понятіями о томъ, какъ обходиться съ людьми сильными и какъ обхожденіе съ ними согласовать со степенью ихъ силы.

Другая личность, состоявшая при Алексѣѣ Григорьевичѣ, былъ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, ученикъ Миллера, одинъ изъ первыхъ воспитанниковъ академической гимназіи въ Петербургѣ и первый адъюнктъ изъ русскихъ въ Академіи наукъ. Онъ также довершилъ воспитаніе свое за-границей и первый составилъ грамматику русскаго языка [3]). Ададуровъ при графѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ секретаря и исполнялъ эту должность, какъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже письма, даже въ то время, когда сдѣлался преподавателемъ русскаго языка при Екатеринѣ-Великой. По представленію Алексѣя Григорьевича, Ададуровъ получилъ, позднѣе, мѣсто у канцлера графа Бестужева; впослѣдствіи былъ онъ кураторомъ московскаго университета.

[1]) Helbig, Russische Günstlinge, 313.

[2]) Тамъ же. Въ 1736 г. умеръ Ѳеофанъ Прокоповичъ.

[3]) Куникъ, „Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Академіи Наукъ“.

уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ. Едва Бестужевъ занялъ мѣсто вице-канцлера, какъ уже противъ него образовалась сильная партія. Всѣ сторонники союза съ Франціею и Пруссіею возопили, когда онъ предложилъ тѣсную связь съ Австріею. Лестокъ, по заступленію котораго Бестужевъ былъ снова призванъ къ дѣятельности, теперь, вмѣстѣ съ де-ла-Шетарди, сталъ во главѣ его противниковъ, къ числу которыхъ принадлежали генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, великій канцлеръ князь Черкасскій и другіе,—все люди съ вѣсомъ при дворѣ. Хотя переворотъ, о которомъ такъ хлопоталъ де-ла-Шетарди, и произведенъ былъ безъ его участія и даже вѣдома, однако онъ съ виду пользовался огромнымъ вліяніемъ. „Если первый поклонъ Императрицѣ", писалъ англійскій резидентъ Финчъ, „то второй—де-ла-Шетарди" [1]). Елизавета Петровна привыкла къ Лестоку, онъ сталъ ей необходимъ и имѣлъ всегда свободный доступъ къ Государынѣ,—Бестужевъ, наоборотъ, только рѣдко допускался съ докладами. Удержаться ему одному не было никакой возможности. „Вице-канцлеру много помогаетъ опора", доносилъ Пецольдъ отъ 31-го мая 1743 г., „которую онъ находитъ въ своемъ братѣ, пріобрѣтшемъ большое довѣріе, въ Воронцовѣ, въ любимцѣ Разумовскомъ и другихъ, и въ архіепископѣ Новгородскомъ, который изъ духовенства пользуется въ настоящее время наибольшимъ почетомъ" [2]). Но брату вице-канцлера — графу Михаилу Петровичу — готовилась карьера за границею, Воронцову онъ довѣрялъ не вполнѣ, опасаясь его честолюбія. Самою вѣрною опорою Бестужева оставался Разумовскій. Онъ вскорѣ сталъ его лучшимъ другомъ. Но этого было недовольно; надо было еще сдѣлать узы, соединявшія Разумовскаго съ Государыней, неразрывными. Бестужевъ сталъ искать себѣ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ и скоро нашелъ ихъ въ духовникѣ Ѳеодорѣ Яковлевичѣ Дубянскомъ и въ епископѣ Юшкевичѣ.

Духовенство, принадлежавшее къ русской партіи, во имя которой Елизавета взошла на престолъ, только-что успѣло свободно вздохнуть отъ гнёта, подъ которымъ долгое время оно томилось. Во все царствованіе Анны Ивановны, Ѳеофанъ Прокоповичъ нещадно преслѣдовалъ сторонниковъ Стефана Яворскаго и приверженцевъ „Камня Вѣры". Съ большою ловкостью припуталъ онъ къ ихъ убѣжденіямъ интриги іезуитовъ. Главною же ихъ виною было то, что они иностранцевъ называли „человѣками или людишками", высказывали мысль, довольно, впрочемъ, вѣрную, „что государство ихъ питаетъ", да, кромѣ того, еще и всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ „многое число

---

¹) „Исторія Россіи", пр. Соловьева, XXI.

²) „Сборникъ Русс. Истор. Общества", VI, 487.

еще Принцессой занималъ у нея должность управляющаго, то никто никогда и не обращалъ на него вниманія. Онъ не отличается ни знаніемъ, ни опытностью, ни тонкостью въ обращеніи, чтó въ сущности весьма пріятно нѣкоторымъ лицамъ, желающимъ заслужить особыя милости, ибо они могутъ быть, повидимому, вполнѣ спокойны, такъ какъ высочайшая благосклонность выпала на долю человѣка, совсѣмъ для нихъ безвреднаго" [1]). Но судьба не ограничилась возвышеніемъ своего баловня до высшихъ ступеней государственнаго чиноначалія,—она готовила Алексѣю Григорьевичу новое, дотолѣ неслыханное въ Россіи положеніе при дворѣ. Хитрый и ловкій графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ еще при Аннѣ Леопольдовнѣ вызванъ былъ изъ ссылки и снова привлеченъ къ общественной дѣятельности, благодаря совершенному отсутствію всякаго серьёзнаго дарованія между людьми, державшими бразды правленія. Одинъ онъ былъ опытенъ въ дѣлахъ и умѣлъ владѣть перомъ. Государынѣ онъ былъ неугоденъ, но хорошо излагалъ мысли на бумагѣ и объяснялся по-французски и по-нѣмецки. По необходимости, его удержали при дѣлахъ [2]). Несмотря однако на свой умъ и ловкость, Бестужевъ никогда не съумѣлъ пріобрѣсть вполнѣ благорасположенія Императрицы. Ему недоставало той живости въ выраженіяхъ, которая нравилась Государынѣ; въ обхожденіи его была какая-то жеманность и натянутость, а въ дѣлахъ — мелочность, которая была ей особенно противна [3]). Бестужевъ былъ настолько хитеръ, чтобы съ-разу понять, сколь необходима была для него при дворѣ сильная подпора: онъ ухватился за Разумовскаго. Бывшій камеръ-юнкеръ короля великобританскаго Георга І-го, близко знакомый съ англійскою литературою, живо помнилъ изреченіе Шекспира: „frailty — thy name is woman", т.-е. слабость, перемѣнчивость — твое имя женщина. Государынѣ было всего 33 года, красоты она была необыкновенной. Имя Россіи громко звучало по всей Европѣ; въ продолженіи 60-ти лѣтъ бездомные иностранцы стекались сюда со всего свѣта и находили здѣсь обильную добычу для кармановъ и честолюбія. Того гляди, какой-нибудь принцъ-искатель приключеній — въ родѣ Инфанта Португальскаго, Принца де-Конти, Принцевъ Гессенъ-Гомбургскихъ или, наконецъ, графа Маврикія Саксонскаго — приглянется Императрицѣ и, чего добраго, надѣнетъ „вѣнецъ и бармы Мономаха". Тогда конецъ всѣмъ честолюбивымъ замысламъ Бестужева, — тогда, пожалуй, опять на сцену выйдетъ Остерманъ и мѣсто великаго канцлера, на которое

---

[1]) Тамъ же, VI, 398.

[2]) Пекарскій, Марк. де ла-Шетарди, 585.

[3]) Ernst Hermann, Geschichte des Russischen Staats, V, 112.

уже мѣтилъ Алексѣй Петровичъ, придется промѣнять на хижину въ Березовѣ. Едва Бестужевъ занялъ мѣсто вице-канцлера, какъ уже противъ него образовалась сильная партія. Всѣ сторонники союза съ Франціею и Пруссіею возопили, когда онъ предложилъ тѣсную связь съ Австріею. Лестокъ, по заступленію котораго Бестужевъ былъ снова призванъ къ дѣятельности, теперь, вмѣстѣ съ де-ла-Шетарди, сталъ во главѣ его противниковъ, къ числу которыхъ принадлежали генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, великій канцлеръ князь Черкасскій и другіе,—все люди съ вѣсомъ при дворѣ. Хотя переворотъ, о которомъ такъ хлопоталъ де-ла-Шетарди, и произведенъ былъ безъ его участія и даже вѣдома, однако онъ съ виду пользовался огромнымъ вліяніемъ. „Если первый поклонъ Императрицѣ", писалъ англійскій резидентъ Финчъ, „то второй—де-ла-Шетарди" [1]). Елизавета Петровна привыкла къ Лестоку, онъ сталъ ей необходимъ и имѣлъ всегда свободный доступъ къ Государынѣ,—Бестужевъ, наоборотъ, только рѣдко допускался съ докладами. Удержаться ему одному не было никакой возможности. „Вице-канцлеру много помогаетъ опора", доносилъ Пецольдъ отъ 31-го мая 1743 г., „которую онъ находитъ въ своемъ братѣ, пріобрѣтшемъ большое довѣріе, въ Воронцовѣ, въ любимцѣ Разумовскомъ и другихъ, и въ архіепископѣ Новгородскомъ, который изъ духовенства пользуется въ настоящее время наибольшимъ почетомъ" [2]). Но брату вице-канцлера — графу Михаилу Петровичу — готовилась карьера за границею, Воронцову онъ довѣрялъ не вполнѣ, опасаясь его честолюбія. Самою вѣрною опорою Бестужева оставался Разумовскій. Онъ вскорѣ сталъ его лучшимъ другомъ. Но этого было недовольно; надо было еще сдѣлать узы, соединявшія Разумовскаго съ Государыней, неразрывными. Бестужевъ сталъ искать себѣ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ и скоро нашелъ ихъ въ духовникѣ Ѳедорѣ Яковлевичѣ Дубянскомъ и въ епископѣ Юшкевичѣ.

Духовенство, принадлежавшее къ русской партіи, во имя которой Елизавета взошла на престолъ, только-что успѣло свободно вздохнуть отъ гнёта, подъ которымъ долгое время оно томилось. Во все царствованіе Анны Ивановны, Ѳеофанъ Прокоповичъ нещадно преслѣдовалъ сторонниковъ Стефана Яворскаго и приверженцевъ „Камня Вѣры". Съ большою ловкостью припуталъ онъ къ ихъ убѣжденіямъ интриги іезуитовъ. Главною же ихъ виною было то, что они иностранцевъ называли „человѣками или людишками", высказывали мысль, довольно, впрочемъ, вѣрную, „что государство ихъ питаетъ", да, кромѣ того, еще и всѣхъ сплошь протестантовъ, изъ которыхъ „многое число

---

[1]) „Исторія Россіи", пр. Соловьева, XXI.
[2]) „Сборникъ Русс. Истор. Общества", VI, 487.

честныя особы при дворѣ и въ воинскихъ и въ гражданскихъ чинахъ рангами высокими почтены, служатъ, неправдою и невѣрностью помарали" [1]). Съ воцаренiемъ Елизаветы, русская партiя взяла рѣшительный перевѣсъ; во главѣ ея стоялъ духовникъ Императрицы Дубянскiй, къ которому она благоволила, человѣкъ весьма умный и ловкiй царедворецъ, но при дворѣ разыгрывавшiй роль простячка, что давало ему еще большую силу, такъ какъ никто изъ царедворцевъ его не опасался. Одинъ только Бестужевъ, а гораздо позднѣе и Екатерина, съумѣли разгадать его. Благодаря Дубянскому, всѣ изгнанные въ царствованiе Анны Ивановны iерархи — Левъ Юрловъ воронежскiй, Варлаамъ Вантовичъ кiевскiй и другiе—были освобождены изъ заключенiя, и архiерейскiй санъ имъ возвращенъ. Съ каѳедры, въ присутствiи Императрицы, стали сыпаться самыя сильныя обвиненiя и ругательства противъ иностранцевъ. Громко стали говорить о чудесахъ, бывшихъ при гробѣ Святителя Димитрiя Ростовскаго, искренняго друга Яворскаго. Но все могло измѣниться. Не всѣ еще иностранцы были сокрушены. Лестокъ и де-ла-Шетарди въ высшей степени пользовались еще довѣрiемъ Государыни, а — по словамъ Ѳеофилакта Лопатинскаго — „женское сердце пуще мужескаго". Слѣдовало постоянно имѣть при Самодержицѣ такое лицо, которое было бы предано духовенству и на заступничество котораго можно бы вполнѣ и всегда разсчитывать. Такимъ изъ всѣхъ былъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскiй. Искренно благочестивый, онъ, какъ малороссъ, принадлежалъ къ партiи автора „Камня Вѣры", сторонники котораго были, по большей части, украинцы и бѣлоруссы; призрѣнный въ младенчествѣ духовенствомъ, возросшiй подъ крыломъ его, онъ взиралъ на него съ чувствами самой искренней и глубокой благодарности и былъ ему преданъ всѣмъ своимъ честнымъ и любящимъ сердцемъ. Власть гражданская сошлась съ властью духовною. Уговорить богомольную и отчасти суевѣрную Государыню было не трудно: духовникъ имѣлъ всегда до нея доступъ, и она охотно прислушивалась къ словамъ его. Въ депешѣ отъ 8-го апрѣля 1747 г. саксонскiй резидентъ Пецольдъ говоритъ: „Всѣ уже давно предполагали, а я теперь это знаю за достовѣрное, что Императрица нѣсколько лѣтъ тому назадъ (seit ungefähr ein Paar Jahren) вступила въ бракъ съ оберъ-егермейстеромъ (eine Mariage de Conscience errichtet)" [2]). Преданiе гласитъ, что вѣнчанiе [3]) происходило осенью 1742 г. въ подмосковномъ

---

[1]) Hermann, Geschichte des Russ. Staats, V, 202.

[2]) Слова Ѳеофана, см. Чистовичъ — Рѣшиловское дѣло, стр. 9. Hermann, Gesch. des Russ. St. V. 202.

[3]) Вейдемейеръ, Царствованiе Елизаветы Петровны, стр. 30.

селѣ Perовѣ (дворъ возвратился въ Петербургъ въ декабрѣ 1742 г.). Нѣтъ сомнѣнія, что обрядъ совершалъ Дубянскій. Съ тѣхъ поръ Государыня особенно полюбила Перово; она одарила церковь дорогою утварью, богатыми ризами и воздухами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, собственной ея работы [1]). Возвращаясь съ Алексѣемъ Григорьевичемъ въ Кремль, дорогою, на улицѣ Покровкѣ, противъ церкви Воскресенія въ Барашахъ, Елизавета вспомнила, что послѣ вѣнчанія не былъ отслуженъ молебенъ, — велѣла остановиться, вошла въ церковь и отстояла молебствіе. Послѣ молебна она зашла къ приходскому священнику и кушала у него чай. Въ память этого событія, надъ церковью въ Перовѣ и церковью Воскресенія въ Барашахъ, которая была роскошно обновлена Императрицею, поставлены были, подъ крестами, вызолоченныя императорскія короны, а на мѣстѣ, гдѣ находился домъ священника, возведены были, по ея же приказанію, графомъ Растрелли богатыя палаты, подаренныя Елизаветою Разумовскому, гдѣ помѣщается нынѣ 4-я гимназія. „Въ возобновленіи и украшеніи храма Воскресенія, — говоритъ г. Снегиревъ, — участвовали Императрица Елисавета Петровна и графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, имѣвшіе къ нему особенное благоволеніе. Преданіе старожиловъ къ этому прибавляетъ, что на память благодарственнаго молебна, по особому случаю пѣтаго Елизаветою Петровною въ этомъ храмѣ, его глава, по ея повелѣнію, увѣнчана императорскою короною, которая и донынѣ украшаетъ куполъ. При ней въ верхней церкви устроенъ великолѣпный иконостасъ съ живописными образами, а въ нижней — полъ устланъ чугунными плитами, лежавшими дотолѣ на синодальномъ дворѣ“ [2]).

Вліяніе Алексѣя Григорьевича послѣ брака стало огромно [3]). Всѣ его почитали и съ нимъ обращались, какъ съ супругомъ Императрицы. Онъ занималъ во дворцѣ комнаты, смежныя съ аппартаментами Государыни. Когда онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ здоровымъ, Елизавета Петровна обѣдывала въ его покояхъ, и онъ принималъ ее и ея приближенныхъ (до 12 человѣкъ за-разъ) въ парчевомъ шлафрокѣ [4]). Случившійся съ нимъ припадокъ подагры остановилъ весь дворъ, отправлявшійся въ Тихвинъ, и даже Великаго Князя и Великую Княгиню, сидѣвшихъ уже въ саняхъ [5]). Разумовскій всюду сопутствовалъ Государынѣ—и, какъ увѣряетъ очевидецъ, она даже публично оказывала ему знаки нѣжности и сама застегивала ему шубу и поправляла

[1]) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 188.
[2]) „Москвитянинъ“, 1844 г., т. V, 424.
[3]) Записки Порошина, 72.
[4]) Mém. de Cath. II, 55.
[5]) Тамъ же, стр. 75.

шапку, когда въ трескучій морозъ они выходили изъ театра [1]). Одному ему отпускалось рыбное кушанье, въ то время какъ государыня и весь дворъ содержали строжайшій постъ, а графъ Бестужевъ принужденъ былъ обратиться къ патріарху Константинопольскому за разрѣшеніемъ не ѣсть грибнаго. Однимъ словомъ, его положеніе было совершенно особенное, и это положеніе онъ удержалъ до конца жизни Императрицы, несмотря на всѣ усилія враждебной ему партіи. Царедворцы падали ницъ передъ всемогущимъ супругомъ Государыни, и даже гордая Мавра Егоровна Шувалова, статсъ-дама, пользовавшаяся съ давнихъ поръ довѣренностью Елизаветы Петровны и склонявшая ее на гнѣвъ и милость, когда хотѣла [2]), въ Москвѣ пѣвала молебны, когда мужъ ея, графъ Петръ Ивановичъ, возвращался съ охоты у Разумовскаго, не высѣченный отъ него батожьемъ [3]): Алексѣй Григорьевичъ не могъ отстать отъ страсти всѣхъ малороссіянъ къ вину и „весьма неспокоенъ бывалъ пьяный" [4]). Въ своихъ увеселеніяхъ дворъ поддѣлывался во вкусамъ Алексѣя Григорьевича. Благодаря страсти его къ музыкѣ, заведена была постоянная итальянская опера; за огромныя цѣны выписывались знаменитые по Европѣ пѣвцы, „буфоны и буфонши". Въ штатѣ двора встрѣчаются бандуристы и бандурщицы, и даже „малороссіянка-воспѣвальница" [5]). Украинскіе пѣвчіе, изъ которыхъ особенно отличался Марко Ѳедоровъ Полторацкій, пѣли и на крылосѣ, и на сценѣ, вмѣстѣ съ итальянцами. На придворныхъ пирахъ появились малороссійскія блюда; однимъ словомъ, все украинское было въ модѣ. Но среди всѣхъ упоеній такой неслыханной фортуны, Разумовскій оставался всегда вѣренъ себѣ и своимъ. На крылосѣ — и въ покояхъ Петербургскаго дворца, среди Лемѣшевскаго стада — и на великолѣпныхъ праздникахъ роскошной Елизаветы былъ онъ все тѣмъ же простымъ, наивнымъ, нѣсколько хитрымъ и насмѣшливымъ, но въ то же время крайне-добродушнымъ хохломъ, безъ памяти любящимъ прекрасную свою родину и своихъ родственниковъ. Племянницу свою, Авдотью Даниловну, онъ пристроилъ фрейлиною къ Государынѣ. Вся родня его вышла въ люди. Универсаломъ 1742 г. объявлено было слѣдующее: „поданнымъ сего октября 21-го дня въ войсковую генеральную канцелярію челобитіемъ, Наталья Демьяновна, госпожа Разумовская, представила, что полку кіевскаго казаки—родные братья ея: Ѳедоръ, Герасимъ и Денисъ Демѣшки, и племян-

[1]) Anecdotes et recueil de coutumes... de la Russie par un voyageur qui a séjourné 13 ans dans cet empire. Londres. 1792. T. VI, стр. 92.

[2]) Бант.-Каменскій, Біогр. Росс. генералиссимусовъ и генералъ-фельдм., стр. 303.

[3]) Зап. Порошина, 72.

[4]) Тамъ же.

[5]) Камер.-Фур. Журналъ 1748.

ники: Андрей, Павелъ и Корнѣй—сыны Демёшки-жъ, да зятья: Іосифъ Закревскій, *Уласъ* Климовичъ и *Евфимъ* Драганъ съ прошлыхъ давнихъ годовъ Ея Императорскаго Величества Всероссійскому престолу въ разныхъ военныхъ и другихъ многихъ походахъ вѣрно, радѣтельно и усердно, не щадя своего здоровія, служили, не упущая ни единаго похода, а именно: Ѳедоръ Демёшко — 13 годъ атаманомъ куреннымъ былъ... а Герасимъ и Денисъ Демёшки во всѣхъ турецкихъ акціяхъ и сраженіяхъ службу отправляли; а дѣды и отцы ихъ всѣхъ прежде бывшихъ походовъ не миновали... племянники же ея, родного помершаго брата Андрея дѣти: Павелъ и Корнѣй Демёшки — съ единаго двора перемѣнно во всѣхъ турецкихъ походахъ обрѣтались; а прадѣдъ ихъ, Григорій Стришинецъ, чрезъ тридцать годъ, сотникомъ Остерскимъ былъ... изъ зятей же ея, одинъ, Іосифъ Закревскій, былъ въ Польскомъ походѣ 3 года... другой зять ея, Уласъ, въ тѣхъ же походахъ будучи, службы отправлялъ, — а третій, Евфимъ Драганъ, въ тѣхъ же походахъ обрѣтался, и особливо отецъ его, Ѳедоръ Драганъ, находясь въ службѣ, въ Усть-самарскомъ походѣ и умре. За ту же долговременную и усердно оказанную ихъ службу, чрезъ которую они понесли изъ своихъ имуществъ многіе убытки, по примѣру другихъ, никакого еще доселѣ высочайшаго Ея Императорскаго Величества награжденія не получили; и просили о награжденіи ихъ за такія многія ревностныя и усердно оказанныя службы чиномъ бунчуковыхъ товарищей и о принятіи ихъ въ особливую протекцію генеральной войсковой канцеляріи".

Исполняя это прошеніе госпожи Разумовской, члены канцеляріи велѣли исчисленную ея родню „принять подъ главный знакъ бунчукъ и опредѣлить въ чисто бунчужныхъ товарищей" [1]). Такимъ образомъ, неграмотные дядья и шурья Алексѣя Григорьевича изъ простыхъ казаковъ, закройщиковъ и ткачей обратились въ бунчуковыхъ товарищей. Немного послѣ Драганъ для благозвучія переобразовался въ Дарагана; Демёшки въ память дѣда *Остерскаго сотника Григорія Стришинца* приняли подходящую къ великорусскому нарѣчію фамилію Стрешенцовыхъ, а Климовичъ, „имѣя совершенное свѣдѣніе, что предки его были польскіе шляхтичи, какъ и теперь фамилія ихъ существуетъ, именуется и гербомъ печатается, но, не имѣя возможности, за краткость времени, доказательства письменнаго о томъ представить" [2]), сталъ величаться шляхтичемъ Будлянскимъ. Надо замѣтить, что все

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ черниговской губерніи. Выпускъ I, 102—103.

[2]) Тамъ же, вып. I, 102,—изъ прошенія, поданнаго въ 1784 Михаиломъ Власовичемъ Будлянскимъ въ черниговское губернское дворянское собраніе.

тогдашнее малороссійское шляхетство обуреваемо было страстью вести роды свои изъ старинной Польши. Заботясь о роднѣ своей, Разумовскій не забывалъ и о тѣхъ, кому обязанъ былъ своимъ возвышеніемъ. Ѳедоръ Степановичъ Вишневскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и сдѣлался своимъ человѣкомъ у Разумовскаго, черезъ это онъ сталъ близокъ и къ Государынѣ, которая жаловала ему имѣнія и разную домашнюю утварь, сохранившуюся доселѣ у его потомковъ [1]). Марковичъ разсказываетъ, какъ онъ вмѣстѣ съ Вишневскимъ, во время пребыванія своего въ Москвѣ, проводилъ дружескія вечеринки у Разумовскаго [2]). Сохранилось преданіе о томъ, что Алексѣй Григорьевичъ не забылъ и своего учителя-дьячка, вызвалъ его въ Петербургъ и предоставилъ ему право выбрать себѣ въ столицѣ такую должность, которая ему придется по сердцу. Долго старикъ не рѣшался, наконецъ, онъ какъ-то попалъ въ театръ. Давали оперу. Музыка его свела съ ума и онъ бросился къ Разумовскому, прося о назначеніи своемъ въ придворные капельмейстеры. Алексѣй Григорьевичъ, посмѣявшись надъ добродушіемъ старика, назначилъ его смотрителемъ въ одномъ изъ дворцовыхъ садовъ съ приличнымъ жалованьемъ [3]). Нѣтъ сомнѣнія, что Алексѣй Григорьевичъ, хотя мы и не имѣемъ на то прямыхъ доказательствъ, старался, сколько могъ, облегчить судьбу и падшаго графа Левенвольда. Его предстательствомъ объясняется то, что Левенвольдъ сосланъ былъ въ сравнительно-близкій Соликамскъ, тогда какъ Остермана заточили въ Березовѣ, а Миниха въ Пелымѣ. Если бы не несчастное Лопухинское дѣло, то Левенвольдъ навѣрное былъ бы возвращенъ. Даже послѣ онаго, въ 1758 году, когда при дворѣ никто уже и не помнилъ про Левенвольда, безъ малѣйшаго сомнѣнія вслѣдствіе предстательства Разумовскаго, отправленъ былъ курьеръ въ Соликамскъ, съ извѣстіемъ объ освобожденіи ссыльнаго графа—но было уже поздно: курьеръ не засталъ Левенвольда въ живыхъ [4]).

Въ мартѣ 1743 года Разумовскій отправилъ, уже нѣсколько подготовленнаго въ Петербургѣ, брата своего Кирилу Григорьевича заграницу, подъ строжайшимъ инкогнито, „дабы ученіемъ наградить пренебреженное понынѣ время, сдѣлать себя способнѣе къ службѣ Ея Императорскаго Величества и фамиліи своей впредь собою и поступками своими принесть честь и порадованіе“. Кирила Григорьевичъ отправился на два года въ Германію и Францію подъ надзоромъ Григорія Николаевича Теплова. Передъ отъѣздомъ онъ отъ брата получилъ

---

1) „Русскій Архивъ“, 1870 г., 274—275.
2) Зап. Марковича, II, 158.
3) „Московс. Вѣдомости“, 1860, № 182. Село Лемѣши, статья Кобзаря Василенки.
4) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, 10.

слѣдующую инструкцію, какимъ образомъ поступать, будучи въ чужестранныхъ государствахъ [1]):

„При отправленіи васъ въ чужестранныя государства, и во-первыхъ —въ Германію, какъ для изученія полезныхъ наукъ, такъ и пристойныхъ честному кавалеру добрыхъ поступокъ, разсудилъ я за потребно: при желаніи вамъ къ тому намѣренію Божія благословенія, дать слѣдующую, къ собственной вашей пользѣ, братскую инструкцію. По силѣ оной должны вы поступать.

I. Во-первыхъ, крайнее попеченіе имѣть о истинномъ и совершенномъ страхѣ Божіи, во всемъ поступать благочинно и благопристойно, и вѣру православнаго греческаго исповѣданія, въ которой вы родились и воспитаны, непоколебимо и нерушимо содержать, удерживая себя притомъ отъ всякихъ продерзостей, праздности, невоздержанія и прочихъ, честному и добронравному человѣку неприличныхъ поступокъ и пристрастій.

II. Въ разсужденіе же вашихъ еще младыхъ лѣтъ, также и для другихъ важныхъ обстоятельствъ изобрѣлъ я за потребно для васъ до даннаго впредь отъ меня опредѣленія поручить въ смотрѣніе и предводительство академіи наукъ адъюнкту Григорію Теплову. Чего ради чрезъ сіе наикрѣпчайше васъ увѣщеваю, ему, какъ опредѣленному надъ вами смотрителю, съ надлежащимъ почтеніемъ во всемъ, что̀ онъ въ вашу пользу за благо изобрѣсти или учредить имѣетъ, быть послушну. Собою и безъ его воли ничего не начинать и не дѣлать, никакихъ компаній и денежныхъ расходовъ безъ его согласія и позволенія не имѣть, и въ прочемъ во всемъ такимъ образомъ съ нимъ поступать, какъ вы въ томъ, по возвращеніи своемъ, отвѣтъ дать можете, и какъ то разумному человѣку благопристойно.

III. А понеже главное и единое токмо намѣреніе при семъ вашемъ отправленіи въ чужестранныя государства состоитъ въ томъ, чтобы вы себя къ вящей службѣ Ея Императорскаго Величества, по состоянію вашему, способнымъ учинили, и фамиліи бы вашей впредь собою и своими поступками принесли честь и порадованіе, того ради имѣете вы о дѣйствительномъ исполненіи онаго намѣренія прилагать съ своей стороны неусыпное попеченіе, и оное за едино токмо средство всего вашего будущаго благополучія признавать, оставя всѣ другія разсужденія и пристрастія. Дабы вы, при семъ уже довольно созрѣвшемъ возрастѣ, пренебреженное по нынѣ время своимъ прилежаніемъ въ ученіи наградить и оставшуюся еще, по вашимъ младымъ лѣтамъ, въ васъ способность въ собственную вашу пользу употребить могли, что̀

[1]) Прилагаемые два документа мы перепечатываемъ изъ „Москвитянина“ 1852 г., № 12, куда, въ свою очередь, они попали изъ „Черниговскихъ Губ. Вѣдомостей“.

къ вашей рекомендаціи впредь тѣмъ наипаче служить имѣетъ. Дано въ С.-П-бургѣ марта дня 1743 года.

Алексѣй Разумовскій".

Третій пунктъ этой инструкціи, въ которомъ Алексѣй Григорьевичъ такъ серьёзно смотритъ на образованіе, насъ еще болѣе удостовѣряетъ въ томъ, что какъ въ Лемёшахъ, такъ позднѣе и въ Петербургѣ, Кирила Григорьевичъ учился и особенно въ послѣднее время учился много и послѣдовательно. „Пренебреженное доселѣ время", о которомъ упоминается въ томъ же пунктѣ, слѣдуетъ отнести къ занятіямъ въ Лемёшахъ, которыя, безъ сомнѣнія, были самыя элементарныя. Вмѣстѣ съ инструкціею, данною Кирилѣ Григорьевичу, старшій Разумовскій вручилъ другую его ментору слѣдующаго содержанія; въ ней вполнѣ выражается нѣжная привязанность его къ брату:

„Государь мой Григорій Николаевичъ.

„При отправленіи брата моего Кирилы Григорьевича въ вашемъ надзираніи въ другія государства, разсудилъ я за потребно объявить вамъ письменно, въ чемъ мое намѣреніе состоитъ и чего я, по вашему обѣщанію, требую: 1) Прежде всего я отъ васъ прошу беречь при всякомъ случаѣ его здоровье и, сколько возможно, отвращать отъ него всякія здоровью его вредительныя приключенія. 2) Законъ Православнаго Греческаго исповѣданія не только въ немъ наблюдать, но и стараться, по вашему благоразумію, далѣе его въ томъ наставлять, какъ то вамъ самимъ извѣстно, что начало всей человѣческой премудрости—страхъ Божій. 3) Повсягодно не пропускать того и прилежно стараться, чтобъ приступать къ Святымъ Тайнамъ, хотя по одному разу. Буде же въ томъ городѣ, гдѣ жить будете, случая къ тому не будетъ, то хотя нарочно въ близкое мѣсто для того ѣздить. 4) По пріѣздѣ вашемъ въ Галлу [1]) или гдѣ вы разсудите при первомъ случаѣ остановиться и жить, старайтесь такую квартиру занять, которая не была бы излишняя, а была бы во всемъ покойна, а лучше всего, когда найдете мѣсто у профессора какого и столъ свой у него будете имѣть, при которомъ бы всегда была честная и полезная къ воспитанію молодого человѣка компанія. 5) Перво всего, я думаю, учиться Кирилѣ Григорьевичу нѣмецкаго языка, а когда въ томъ нѣсколько навыкнетъ, то и французской начать надобно, дабы, во Францію пріѣхавши, могъ онъ хотя нѣсколько по-французски говорить, и за то ему въ нѣмецкой землѣ столько пробыть дозволяется, сколько вы за потребно разсудите.

---

[1]) Въ „Москвитянинѣ" напечатано въ *Гассу;* это очевидная ошибка, такого города нѣтъ въ Германіи, тогда какъ Галле славился своимъ университетомъ.

6) Между тѣмъ ариѳметики, географіи, исторіи универсальной учиться онъ долженъ, и къ тому такожъ особливое прилежаніе употреблять. 7) Изъ нѣмецкой земли, не отписавъ ко мнѣ и не получивъ на то ему позволенія отъ меня, не выѣзжать. 8) Къ наукамъ его принуждать, смотря по состоянію здоровья, умѣренно, и буде случится (отъ чего Боже сохрани!) занемочь, доктора и лекарей искать искусныхъ. 9) Безъ позволенія бы онъ вашего ничего не начиналъ, въ компаніи не вступалъ и гостей бы не принималъ такихъ, съ которыми ему знакомство не прилично. 10) Имя его прямое тѣмъ только открывать, кому вы разсудите за потребно, а безъ того называть всегда такъ, какъ въ паспортѣ прописано, дабы онъ не имѣлъ причины лишнихъ расходовъ содержать. 11) Деньги его чтобъ всегда при немъ были, и за его печатью, только васъ прошу смотрѣть за нимъ, чтобы онъ безъ вашей воли ихъ не издерживалъ, а вы можете расходъ порядочно приказать записывать, и всякій мѣсяцъ, освидѣтельствовавъ оный, подписывать съ нимъ вмѣстѣ и въ то время, когда отъ меня требовать будетъ пересылать новыя суммы, присылать прошу издержаннымъ деньгамъ исправный расходъ, хотя перечнемъ. 12) Въ платьѣ и галантереи излишества прошу никакого не дѣлать и до того не допускать, развѣ кого изъ учителей онъ необходимо долженъ будетъ подарить чѣмъ. 13) Безчестья ему никакого ни словомъ, ни дѣломъ не наносить, а ежели что случится достойное исправленія, о томъ ему и представлять и выговаривать наединѣ и безъ постороннихъ людей, а о нестерпимыхъ, ежели какія, паче чаянія, случатся отъ него грубости и непослушаніе, писать ко мнѣ немедленно, и тѣ письма напередъ ему прочитывать, ибо ему довольная инструкція дана, какъ онъ долженъ вамъ повиноваться. 14) Для лучшей стройности тѣла его и для забавы, учить его танцовать, фектовать и на лошадяхъ ѣздить, но съ такою умѣренностью, чтобы въ томъ ни излишняго ни времени ни расходовъ не издерживать. 15) Писать ко мнѣ и къ матушкѣ принуждать его сколько можно почаще, а васъ обо всемъ прошу со всякою вѣрностію ко мнѣ обстоятельно писать. 16) Люди, которые будутъ при немъ: Григорій и Иванъ, отдаются въ полное ваше смотрѣніе и когда проступятся предъ Кирилою Григорьевичемъ и вы разсудите, безъ наказанія ихъ, ежели онъ хочетъ, не оставлять; впрочемъ я на васъ во всемъ полагаюся и больше все, чтó здѣсь опущено, предаю въ ваше собственное разсужденіе. Обѣщеваю за то васъ, по возвращеніи вашемъ благополучномъ, во всемъ по силѣ моей не оставлять и за трудъ вашъ дѣйствительно благодарить, съ которымъ обѣщаніемъ всегда пребываю, вашъ слуга,

Алексѣй Разумовскій".

Кирила Григорьевичъ отправился изъ Петербурга въ исходѣ марта подъ именемъ Ивана Ивановича Обидовскаго. Это явствуетъ изъ слѣдующей записки, сохранившейся въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

„Его сіятельство (Бестужевъ) изволили приказать написать два паспорта на хорошей большой бумагѣ, а именно:

„1. Для Ивана Ивановича Обидовскаго, Россійскаго дворянина, и при немъ служители:

„Василій Егоровъ, Григорій Савинъ, Иванъ Колмыковъ (Григорій да Иванъ упоминаются въ письмѣ Разумовскаго къ Теплову).

„2. Для Кирилы Григорьевича Разумовскаго, Россійскаго шляхтича и при немъ 3 служителя, которые отпущены въ иностранныя государства; и еще сегодня оные, приложивъ печати и съ переводомъ совсѣмъ изготовя, прислать къ его сіятельству господину вице-канцлеру на дворъ“.

Второй паспортъ нуженъ былъ до границы и для „открытія прямаго имени Разумовскаго тѣмъ, кому бы заблагоразсудилось Теплову“. Мы думаемъ, что небезъинтересно будетъ приложить здѣсь и самый паспортъ, выданный Кирилѣ Григорьевичу—вотъ списокъ онаго:

„Божіею милостью, мы, Елисаветъ первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и проч. и проч. и проч. Объявляемъ чрезъ сіе кому вѣдать надлежитъ. Понеже показатель сего Россійскій шляхтичъ Кирила Разумовскій отпущенъ изъ Россіи въ иностранныя государства, того ради всѣхъ высокихъ областей дружелюбно просимъ и отъ каждаго по состоянію чина и достоинства кто симъ употребленъ быть имѣетъ, пріятно желаемъ, нашимъ же военнымъ и гражданскимъ управителямъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: помянутаго шляхтича Кирилу Разумовскаго въ надлежащемъ ему пути, какъ туда ѣдущаго, такъ и назадъ возвращающагося, съ обрѣтающимися при немъ его 3-мя служителями и вещами, не токмо вездѣ свободно и безъ задержанія пропускать, но и гдѣ случится побыть ему позволить и всякое благоволеніе и потребное вспоможеніе оказывать велѣли, за что мы каждымъ высокимъ областямъ въ таковыхъ случаяхъ взаимно воздавать обѣщаемъ. Наши же подданные оное наше повелѣніе да исполнятъ. Во свидѣтельство чего данъ ему сей паспортъ за нашею государственною печатью изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Въ С.-Петербургѣ первагонадесять марта 1743“.

Въ тотъ же день выданъ паспортъ и адъюнкту Теплову, „для дальнѣйшаго и совершеннѣйшаго обученія, отправленнаго въ иностранныя государства“.

Кирила Григорьевичъ былъ уже подготовленъ къ путешествію; во всякомъ случаѣ онъ уже твердо зналъ грамоту. Несмотря на это,

многаго еще недоставало въ немъ, чтобы быть тѣмъ, что французы называютъ „un cavalier accompli", и нѣтъ сомнѣнія, что старшій Разумовскій, щедрый до расточительности, не изъ какихъ-либо денежныхъ разсчетовъ отправилъ брата въ чужіе края подъ вымышленнымъ именемъ и предписывалъ ему строжайшую экономію, а для того, чтобы, такъ какъ неслыханное возвышеніе Алексѣя Григорьевича уже огласилось по всей Европѣ, нѣсколько-деревенская и необтесанная еще личность меньшаго брата не причинила бы Россійскому двору какого посрамленія. Поѣздка въ Галле, какъ видно, не осуществилась. Путешественники остановились сперва въ Кёнигсбергѣ, гдѣ были очень хорошо приняты капитаномъ Брилемъ, находившимся вѣроятно въ Прусской службѣ; здѣсь они познакомились съ извѣстнымъ въ то время ученымъ Целестиномъ-Христіаномъ Флотвелемъ [1]), уроками котораго вѣроятно пользовался молодой Разумовскій. Отсюда Кирила Григорьевичъ съ менторомъ своимъ проѣхалъ въ Данцигъ. Изъ Кёнигсберга Кирила Григорьевичъ писалъ о разрѣшеніи тамъ остаться цѣлый годъ, чтобы на рубежѣ Европы подготовиться къ дальнѣйшему путешествію. На свое посланіе онъ получилъ, въ Данцигѣ уже, отъ Ададурова слѣдующій отвѣтъ:

„М. Г. мой Кирила Григорьевичъ. Въ исполненіе высокаго повелѣнія его высокопревосходительства брата вашего, моего милостивѣйшаго государя, имѣю я ваше высокоблагородіе съ должною покорностію увѣдомить, что его высокопревосходительство находится въ пожеланномъ здравіи и благополучіи и вашимъ благополучнымъ въ Кенигсбергъ прибытіемъ, а наипаче высочайшею Ея Императорскаго Величества милостію, которая пожалованіемъ васъ минувшаго апрѣля 25 дня въ дѣйствительные при Ея Императорскомъ Величествѣ камеръ-юнкеры вамъ показана, васъ поздравить, и я ваше высокоблагородіе отъ истиннаго сердца покорнѣйше поздравляю, съ искреннимъ желаніемъ непремѣннаго продолженія къ вамъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости, и всегдашняго умноженія вашего и всей высокой фамиліи вашей благополучія. И понеже сія знатная дистинкція учинена вамъ во мнѣніи наивящшей къ полезнымъ наукамъ вашей прилежности и для побужденія васъ черезъ то къ наибольшему старанію о пріобрѣтеніи надлежащей способности къ службѣ Ея Императорскаго Величества и всѣхъ честному и знатному кавалеру пристойныхъ и похвальныхъ свойствъ и добрыхъ поступокъ: то его высокопревосходительство приказалъ мнѣ вашему высокоблагородію чрезъ сіе паки напамятовать, какъ то его высокопревосходительство при случаѣ и самъ

[1]) О Флотвелѣ—см. ниже.

учинить не оставитъ, чтобы вы какъ въ нужныхъ вамъ языкахъ и наукахъ, такъ и въ добрыхъ поступкахъ крайнее раченіе и прилежность оказывали, послѣдуя во всемъ къ пользѣ вашей предводительству Григорія Николаевича, что̀ къ удовольствію его высокопревосходительства, а къ вашему большому авантажу впредь служить имѣетъ. Что ваше высокоблагородіе начали географіи и нѣмецкому языку учиться, то его высокопревосходительству весьма пріятно, но притомъ изволилъ его высокопревосходительство въ подтвержденіе прежняго своего повелѣнія приказать, чтобы вы и въ латинскомъ языкѣ нѣсколько обучаться изволили, который для нѣмецкаго и французскаго вамъ очень нуженъ и тѣмъ языкамъ вмѣсто основанія служить имѣетъ; а какимъ образомъ въ томъ упражняться и все прочее, полагаетъ его превосходительство на разсмотрѣніе Григорія Николаевича. На требованное вами дозволеніе, чтобы первый годъ жить вамъ въ Кенигсбергѣ, его высокопревосходительство согласиться изволилъ, и приказалъ означенный годъ жить вамъ въ семъ городѣ въ такомъ разсужденіи, чтобы тутъ при прочихъ наукахъ особливо по-нѣмецки научиться, а потомъ съ бо́льшею способностію далѣе путь свой продолжать могли. Что до музыки и танцованія касается, оное его высокопревосходительство для увеселенія вашего также соизволяетъ, токмо съ такою умѣренностію, чтобы вы того за главное свое упражненіе почитать не изволили, но больше-бъ времени и прилежности на нѣмецкій и латинскій языки (пока французскаго еще не начинаете), на исправность и чистость въ русскомъ письмѣ и стилѣ, и на исторію и географію употребляли, пока къ дальнимъ и вышнимъ наукамъ вашему высокоблагородію со временемъ приступить можно будетъ. А фехтованіе его высокопревосходительство разсудилъ отложить до тѣхъ поръ, пока ваше высокоблагородіе въ означенныхъ языкахъ и наукахъ пробы своего прилежанія и прогрессовъ оказать и къ его высокопревосходительству прислать изволите. Благодарительныя письма къ тѣмъ особамъ, о которыхъ вы и Григорій Николаевичъ упоминаете, его высокопревосходительство при первомъ способномъ случаѣ писать обѣщалъ, также и г-на капитана Бриля надлежащимъ вспоможеніемъ оставить не изволитъ. Впрочемъ, письмами вашего высокоблагородія, которыя всѣ исправно здѣсь получены, его высокопревосходительство весьма доволенъ и приказалъ за оныя благодарить, а самъ на оныя отвѣтствовать не могъ, за неимѣніемъ къ тому времени. Я же за милостивое вашего высокоблагородія приписаніе ко мнѣ въ письмахъ Григорія Николаевича нижайше благодарствую и, желая вашему высокоблагородію всякаго благополучія и счастливаго во всѣхъ намѣреніяхъ вашихъ успѣха, пребываю съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего высокоблагородія по-

вернѣйшій и нижайшій слуга Вас. Ададуровъ. Въ Санктъ-Петербургѣ 7 мая 1743. (Получено 28 мая 1743 въ Гданскѣ)“ [1]).

Дидактическій тонъ письма этого ясно указываетъ на отношенія учителя къ бывшему ученику.

Въ то время, какъ Кирила Григорьевичъ учился географіи и универсальной исторіи, нѣмецкому и латинскому языкамъ, братъ его получилъ отъ Государыни, 30 апрѣля 1743 года, въ полтавскомъ полку слободы Орчакъ, Карловку [2]), село Коломакъ; въ лубенскомъ полку село Андреяшевку, село Андреевку [3]), а въ Нитинскомъ на Сеймѣ— семь большихъ гетманскихъ мельницъ подъ Батуринымъ [4]). Мѣстности эти были конфискованы у Миниха и передавались Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе „съ деревнями, съ людьми и со крестьяне, съ пашнею, землею, съ лѣсы и сѣнными покосы и съ заводы всякаго званія, съ мельницами, съ лошадьми и со скотомъ, и со всѣми къ тѣмъ слободамъ, селамъ и деревнямъ принадлежностями, какъ оныя во владѣніи Миниха состояли“, а 2-го іюня того же года собственныя ея вотчины въ Псковскомъ уѣздѣ, Корельскую волость съ приписными къ ней въ разныхъ уѣздахъ, засадахъ и губахъ, волостьми и деревнями, а 7 октября того же года отписныя ингерманландскія деревни и приморскій домъ, да еще имѣющійся въ С.-Петербургѣ, за Малою-Невкою, называемый Крестовскій островъ бывшаго фельдмаршала Миниха, да въ Копорскомъ уѣздѣ Гостилицкую мызу со всѣмъ и съ красильнымъ заводомъ.

При дворѣ тогда интриги были въ сильномъ разгарѣ. Елизавета Петровна была полнымъ олицетвореніемъ русской помѣщицы прошлыхъ временъ. Лѣнивая, прихотливая, неимѣвшая опредѣленныхъ часовъ ни для сна, ни для вставанія, ни для ѣды, ни для одѣванія, ненавидѣвшая всякое серьёзное занятіе, то излишне фамильярная, то за бездѣлицу сердившаяся и бранившая царедворцевъ самыми неизбранными словами, вѣчно окруженная барскими барынями, приживалками, разсказчицами, чесательницами пятокъ, она любила толки и въ слушаніи ихъ проводила большую часть дня. Никогда доселѣ не представлялось такого разгула для всѣхъ мелкихъ доносовъ, наушничества, пронырствъ и каверзъ. Первую роль тутъ играли женщины: Мавра Егоровна Шу-

---

[1]) Изъ архива гр. Уварова.

[2]) Карловка принадлежала впослѣдствіи вдовѣ графа Льва Кириловича, графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, нынѣ принадлежитъ В. К. Екатеринѣ Михаиловнѣ.

[3]) Андреевка принадлежала кн. Варварѣ Алексѣевнѣ Рѣпниной р. гр. Разумовской, принадлежитъ теперь Василію Аркадьевичу Кочубею; Крестовскій островъ принадлежитъ кн. К. Э. Бѣлосельскому-Бѣлозерскому; Гостилицы, сперва Потемкину, а теперь кн. Голицыну.

[4]) Зап. Марковича, II, 292.

валова, Анна Карловна Воронцова, Настасья Михайловна Измайлова и, наконецъ, какая-то Елизавета Ивановна, которую графъ А. С. Строгановъ называлъ „le ministre des affaires étrangères de ce temps-là“ [1]). Отъ женщинъ не отставали и мужчины. Не медля по воцареніи Елизаветы, образовались партіи, только и думавшія о томъ, какъ бы одна другую низвергнуть. Вражда ихъ забавляла Государыню, и часто пересказами старались они еще болѣе возбудить противниковъ другъ противъ друга [2]). Съ одной стороны, стояли, какъ мы сказали выше, представители союза съ Франціею, къ которымъ присоединилась еще Голштинская свита наслѣдника престола, съ другой—Бестужевъ, опиравшійся на Разумовскаго. Самъ же Разумовскій не принималъ участія въ сплетняхъ и интригахъ придворныхъ: онѣ были противны его добродушной и честной природѣ. Его близкими пріятелями были Бестужевъ и Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ [3]); но тѣмъ не менѣе въ дѣла государственныя онъ не вмѣшивался, а Бестужева онъ любилъ, потому что въ немъ, несмотря на его недостатки, природнымъ инстинктомъ чуялъ самаго способнаго и полезнаго для Россіи дѣятеля. Первая стычка между двумя партіями имѣла слѣдствіемъ несчастное Лопухинское дѣло. Лестоку, во что́ бы то ни стало, хотѣлось уничтожить соперника, имъ же самимъ возвышеннаго. Онъ ухватился за пустыя придворныя сплетни, надѣялся въ нихъ запутать вице-канцлера и тѣмъ повредить Австріи. Началось слѣдствіе, пытки, казни; но Бестужева дѣло это не сломило, а Лестоку подготовило путь въ ссылку. Послѣ драматической развязки Лопухинскаго процесса, дворъ переѣхалъ въ Москву. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, весною 1744 года, пріѣхала Принцесса Ангальтъ-Цербстъ-Бернбургская, Іоганна-Елизавета съ дочерью Софіею-Августою-Фридерикою. Пріѣздъ этотъ былъ нежданнымъ ударомъ для Бестужева, мечтавшаго о брачномъ союзѣ для наслѣдника престола съ Принцессою Саксонскою; но въ то же самое время мѵропомазаніе принцессы Софіи, принявшей, съ православіемъ, имя Екатерины Алексѣевны, было послѣднимъ торжествомъ Лестока.

Еще до отъѣзда двора, Ададуровъ выслалъ Кирилѣ Григорьевичу камеръ-юнкерскій патентъ при письмѣ, изъ котораго видно, что при дворѣ ожидали скораго пожалованія Разумовскихъ въ графское достоинство:

„Милостивый государь мой, Кирила Григорьевичъ, при покорнѣйшемъ моемъ поздравленіи вашего высокоблагородія съ благополучнымъ начатіемъ сего года, имѣю честь служить при семъ присылкою вашего

[1]) Записки Порошина, 72.
[2]) Hermann's Gesch. d. russ. St. T. V, стр. 165.
[3]) Зап. Порошина, 72.

патента на камеръ-юнкерскій чинъ. Коммиссію о напечатаніи и украшеніи онаго упросилъ я у его высокопревосходительства милостиваго государя моего Алексѣя Григорьевича, для показанія должной моей вашему высокоблагородію услуги, и по напечатаніи давно уже вручилъ его высокопревосходительству. Но понеже патентъ его высокопревосходительства на оберъ-егермейстерскій чинъ не былъ еще тогда готовъ, который также у меня дѣлался, то и вашъ до тѣхъ поръ не стали подписывать. Итакъ, по окончаніи того патента, изволила всемилостивѣйшая Государыня подписать братца вашего патентъ 17-го, а вашъ 18-го числа сего мѣсяца. Я отъ искренняго сердца ваше высокоблагородіе съ сею Ея Императорскаго Величества высочайшею милостію паки поздравляю и желаю, чтобъ мнѣ, по моему къ вамъ совершенному усердію, вскорѣ и съ новымъ, но еще бо́льшимъ счастіемъ вашему высокоблагородію покорнѣйшее поздравленіе принести можно было. При семъ, по приказу его высокопревосходительства, имѣю ваше высокоблагородіе увѣдомить, что его высокопревосходительство изволили за Ея Императорскимъ Величествомъ слѣдовать въ Москву сего числа, въ началѣ 12-го часа по-утру, въ пожелаемомъ благополучіи. Я проживу здѣсь до 27-го или до 28-го числа сего мѣсяца, и такъ ежели сюда будутъ ваши письма, то отправлю оныя немедленно къ его высокопревосходительству, а по пріѣздѣ моемъ въ Москву—при первой почтѣ не оставлю ваше высокоблагородіе о здравіи вашего государя брата увѣдомить; впрочемъ, рекомендуя себя въ дальнѣйшія вашего высокоблагородія милости, пребываю съ должнымъ респектомъ вашего высокоблагородія, милостиваго государя моего, покорнѣйшій и нижайшій слуга Василій Ададуровъ. — Въ Спб., 21-го января 1744 года".

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, 12-го мая 1744 года, Императрица подарила Алексѣю Григорьевичу село Перово и деревни—Тетерки и Тимохово, а также и дворъ Гороховскій на поемной землѣ Спасо-Андроніева монастыря, отобранной прежде въ вотчинную канцелярію, но съ тѣмъ, чтобы за землю платить монастырю оброчныя деньги. Государыня любила посѣщать Перово и гостила тамъ иногда довольно долго. Туда привозила она впослѣдствіи Великаго Князя и Великую Княгиню [1]; тамъ Елизавета Петровна любила потѣшаться соколиною и псовою охотою, на которую приглашались часто чужестранные министры и нѣкоторыя изъ знатныхъ особъ двора.

Въ тѣ времена Перово было не то, что̀ теперь; тамъ красовались великолѣпный домъ, роскошный англійскій садъ съ дорогими растеніями, бесѣдками, фонтанами, статуями и проч. Длинный проспектъ

---

[1]) Memoires de Catherine II, стр. 79.

проведенъ былъ вплоть до измайловскаго звѣринца. Здѣсь Государыня охотилась, а въ самомъ Перовѣ любила смотрѣть на игры и хороводы поселянъ [1]). 16-го мая, того же 1744 года, Алексѣй Григорьевичъ, чрезъ предстательство графа Кейзерлинга, русскаго посланника въ Дрезденѣ, былъ пожалованъ Императоромъ Карломъ VII [2]) въ рейхсъ-графы. Въ грамотѣ на графское достоинство римской имперіи сказано, что Разумовскіе происходятъ отъ знатной фамиліи Польскаго королевства — Рожинскихъ, изъ которой фамиліи Романъ Рожинскій поселился въ Малороссійскихъ городахъ, гдѣ его потомки, отъ своихъ полезныхъ заслугъ и многихъ благоразумныхъ совѣтовъ, употребляемое нынѣ прозваніе Разумовскихъ получили. Такимъ образомъ, іеромонахъ Михаилъ Козачинскій, префектъ Кіевской академіи, не первый сочинилъ эту фантастическую генеалогію, надъ которою впослѣдствіи не рѣдко посмѣивался Кирила Григорьевичъ и которая была напечатана подъ заглавіемъ:

„Философія Арістотелева по умствованію періпатетиковъ изданная Ея Императорскаго Священнѣйшаго Величества природныя нашея великія Государыни всеавгустѣйшія Императрицы Елизаветы Петровны всея Россіи вѣрному подданному, священныхъ Россійскаго и Римскаго Імперіи сіятельнѣйшему Рейхсъ-Графу, высокопревосходительнѣйшему Государственному Ягеръ-Мейстеру, Дѣйствительному Еяжъ Імператорскаго Всепресвѣтлѣйшаго Величества Оберъ-Камеръ-Геру, Лейбъ-Компаніи поручику и многихъ орденовъ Кавалеру Его Высоко-Рейсъ-Графскому Сіятельству Алексію Григоріевичу Разумовскому, въ лѣтный славнаго Его Тезоименитства День. Приписанная на шировѣрной выписъ изъ печатныхъ, Латинскихъ и Польскихъ книгъ о шляхетной енеалогіи благородныхъ господъ Розумовскихъ, утвержденная въ четыры доводы, раздѣленная и публичними въ Академіи Могvлозборовской Кіевской диспутами освидѣтельствованная чрезъ Всенижайшаго Слугу и Богомольца, Академіи Кіевскія Префекта и Тояжде Философіи Троекурснаго Учителя Іермонаха Михаила Козачинскаго Поднесенная. Отвѣтствовалъ же, сея жъ Философіи Слышатель, Греческаго, Еvрейскаго и Нѣмецкаго Діалектовъ ученикъ Благородный Господинъ Григорій Щербацкій при учительствѣ Помянутаго Префекта Михаила. Въ Кіевѣ 1745 года, Марта 17 дня“.

Какъ видно изъ перлюстраціи депешъ маркиза де-ла-Шетарди, пожалованіе Разумовскаго въ графы не пришлось по сердцу Бестужеву. Вѣроятно, ему не нравилось то, что въ одно время съ Разумовскимъ

---

[1]) Захаровъ, Путеводитель по окрестностямъ Москвы, 189.

[2]) Карлъ VII, курфюрстъ Баварскій, Императоръ Германскій съ 1742 по 1745 годъ.

возведены были въ графское достоинство Лестокъ и Брюммеръ,—горшіе враги его. Бестужевъ, прочитавъ извѣщеніе объ этомъ въ нѣмецкихъ газетахъ, явился къ Разумовскому и сказалъ ему: „посмотрите, какъ Россію презираютъ иностранные дворы: они доказываютъ подобными пожалованіями, что Государыня нуждается въ ихъ милости, когда намѣревается награждать своихъ подданныхъ". Разумовскій отвѣчалъ, что онъ подобныхъ хитростей не разумѣетъ и „что надлежитъ всегда за великое счастье поставлять, когда милость великаго Принца получить можно". Императрица весьма апробовала отвѣтъ Алексѣя Григорьевича и сказала, что если бы онъ у нея просилъ совѣта, она не могла бы сочинить лучшаго отвѣта. „Сія Принцесса", говоритъ далѣе Шетарди, „охотно видѣла бы, чтобъ такой человѣкъ, котораго она сама произвела, еще наивяще возвышенъ былъ, токмо чтобы не явствовало, якобы то отъ нея происходитъ" [1]).

Какъ скоро въ Малороссіи узнали о полученіи Алексѣемъ Григорьевичемъ достоинства Римскаго графа, отъ всѣхъ чиновъ народа малороссійскаго отправлено было къ нему поздравленіе. На это поздравленіе графъ Разумовскій отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ [2]):

„Высокопочтеннѣйшіе господа! Ваше поздравительное писаніе, которымъ вы меня почтить изволили, при полученіи графскаго достоинства священныя Римскія имперіи, въ которое Его Императорское Величество Цесарь меня возвысить соблаговолилъ, одолжаетъ меня чрезъ сіе принесть мое благодареніе съ обнадеживаніемъ всегдашняго благодаренія (sic), и что я во всякихъ случаяхъ то памятовать буду, что вы, высокопочтеннѣйшіе господа, въ моемъ благополучіи участіе пріемлете и тому изволите радоваться, что я, принявъ и возблагодаривъ за явленную вами при семъ случаѣ учтивость, остаюсь всегдашнимъ моимъ обыкновеннымъ почитаніемъ, которое всегда будетъ непремѣнно такимъ же образомъ, какъ и я имѣю честь быть непрестанно вашего высокопочитанія послушнымъ слугою. Г. А. Розумовскій, Іюня 28-го 1744 году. Москва".

Черезъ два мѣсяца послѣ пожалованія Алексѣя Григорьевича въ рейхсъ-графы, по случаю заключенія съ Швеціею мира, 15-го іюня, оба брата Разумовскіе возведены были въ графское Россійской Имперіи достоинство. Ададуровъ извѣстилъ объ этомъ Кирилу Григорьевича слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Съ несказанною радостію поздравляю я ваше сіятельство

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова.

[2]) Перепечатываемъ его изъ „Исторіи Малороссіи" Маркевича. Т. IV, стр. 417, приложеніе XCI. По ошибкѣ оно названо отвѣтомъ *Гетмана* Разумовскаго.

высочайшею оною милостію, которая вамъ отъ Ея Императорскаго Величества вчерашняго числа возвышеніемъ васъ въ графское достоинство Всероссійской Имперіи показана. Сіе есть такое происшествіе, котораго я при торжествованіи заключеннаго съ Швеціею вѣчнаго мира для вашего сіятельства тѣмъ наипаче надѣялся, чѣмъ болѣ я увѣренъ о особливомъ и отеческомъ попеченіи, которое объ васъ имѣетъ его высокографское сіятельство вашъ государь братецъ. Я еще за день до сего торжества, послѣдуя движенію моего сердца, осмѣлился съ довольною ясностію открыть вамъ несомнѣнную мою о томъ надежду въ письмѣ, посланномъ съ студентомъ Екимомъ Яковлевичемъ Барсуковымъ, который понынѣ жилъ при братцѣ вашемъ, а поѣхалъ къ вамъ изъ Москвы вчера около полудня, и такъ еще прежде сего вашего повышенія. Вмѣстѣ съ вами объявлены россійскими графами: Андрей Ивановичъ Ушаковъ [1]), Александръ Ивановичъ Румянцевъ [2]) и вашъ братецъ. Прочихъ произведеній и пожалованій въ тотъ день было весьма много, причемъ графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ пожалованъ государственнымъ канцлеромъ, графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ [3]) вице-канцлеромъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ [4]) камеръ-юнкеромъ при Ея Императорскомъ Высочествѣ Государынѣ Великой Княжнѣ [5]), о которыхъ произведеніяхъ впредь буду стараться услужить обстоятельнымъ извѣстіемъ, а теперь, желая отъ сердца наивящаго благополучія вашему сіятельству и продолженія неотмѣнной къ себѣ вашей милости, пребываю съ глубочайшимъ респектомъ, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорнѣйшій и вѣрнѣйшій слуга Вас. Ададуровъ. Въ Москвѣ, 16-го Іюня 1744 года.

„P. S. Его сіятельство графъ Григорій Петровичъ Чернышевъ [6]) ваше сіятельство чрезъ меня сею Ея Императорскаго Величества милостію поздравляетъ; вѣдая же вашего сіятельства къ себѣ милости, принимаю смѣлость донести и о себѣ, что я при семъ торжествѣ Ея Императорскаго-Величества высочайшею милостію такожде взысканъ и пожалованъ совѣтникомъ коллежскимъ въ той же герольдмейстерской конторѣ, что я наипаче милостивому предстательству его высокографскаго сіятельства братца вашего приписываю“ [7]).

---

[1]) Генералъ-аншефъ графъ А. И. Ушаковъ, грозный начальникъ Тайной Канцеляріи, ум. 1747 г.

[2]) Генералъ-аншефъ графъ А. И. Румянцевъ, отецъ Задунайскаго, ум. 1749.

[3]) Впослѣдствіи государственный канцлеръ, ум. 1767.

[4]) Впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и Московскій главнокомандующій, ум. 1784.

[5]) Екатерины II-й.

[6]) Генералъ-аншефъ графъ Г. П. Чернышевъ, отецъ предыдущаго, ум. 1745.

[7]) Изъ Архива гр. Уварова.

Какъ видно, многочисленныя произведенія и пожалованья этого дня дѣлались весьма безтолково. По крайней мѣрѣ, Екатерина Великая, по случаю мира съ Швеціею въ 1790 г. (8 августа), вспоминая про былыя времена, говорила Храповицкому о безпорядочномъ при Императрицѣ Елизаветѣ торжествѣ мира: „занимались только церемоніею и производились въ чины безъ всякихъ правилъ: видно, по внушенію Бестужева и Разумовскаго". Вообще Екатерина не была высокаго мнѣнія о дворѣ Елизаветы Петровны; разговаривая однажды съ тѣмъ же Храповицкимъ, она ему замѣтила о придворныхъ покойной тётки: „тогда Разумовскій былъ изъ пѣвчихъ, а Сиверсъ—изъ лакеевъ" [1]).

ГЛАВА III.

Путешествіе въ Малороссію. — Возвращеніе графа Кирилы Григорьевича.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ въ государственныя дѣла вмѣшиваться не любилъ, онъ понималъ, что высшія правительственныя соображенія не про него писаны, что онъ къ этому дѣлу не подготовленъ. Къ тому же, свойственная всѣмъ истымъ малороссіянамъ лѣнь отстраняла его отъ головоломныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе значеніе его при дворѣ было громадное. Самыя приближенныя къ Государынѣ лица называютъ его „милостивымъ патрономъ" и обращаются къ нему за ходатайствомъ.

„Сіятельный графъ, милостивый государь мой Алексѣй Григорьевичъ",—писалъ къ Разумовскому изъ Берлина, женатый на двоюродной сестрѣ Елизаветы, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ,—„братъ мой всегда ко мнѣ пишетъ о непремѣнной вашего сіятельства ко мнѣ милости и дружбѣ, которыя черезъ частыя напоминанія свидѣтельствовать изволили, за которыя ваше сіятельство покорнѣйше благодарствуя, съ моей стороны никогда не престану быть вашимъ вѣрнымъ и нелицемѣрнымъ слугою. При семъ прилагаю письмо къ Ея И. В., которое покорно прошу немедленно вручить, ибо я Ея Величеству доносилъ о имѣвшемся сей день разговорѣ королевскомъ со мною, также приложилъ Французскую копію съ учиненной конвенціи между королемъ Прусскимъ и королемъ Англійскимъ для окончанія

---

[1]) Записки Храповицкаго. Изд. Барсукова, 68 и 346.

имѣющей войны; оное все нужно Ея Имп. Вел. вѣдать, и прошу ваше сіятельство меня о томъ увѣдомить и пр.“ [1]).

Тотъ же Воронцовъ черезъ Алексѣя же Григорьевича испрашивалъ отъ Государыни денегъ на покупку подмосковнаго села Троицкаго-Конкова. „Вашему сіятельству вѣдомо,—писалъ онъ,—что я ни одной русской деревни не имѣю, и для житія Московскаго необходимо въ близости деревню имѣть нужно. Хотя оная мнѣ никакого дохода приносить не будетъ, токмо разсуждая по добротѣ и близости къ Москвѣ, сія деревня, конечно, 10 тыс. руб. стоитъ. Я же не токмо 5,000 руб. денегъ не имѣю, но ниже ежегодное содержаніе моего дому безъ великаго долгу не проходитъ. Нынѣ принужденъ нахожусь алмазы или серебряные сервизы въ закладъ отдать, и едва ли оныя деньги съ процентами занять сыскать могу. Того ради, по благосклонной дружбѣ и милости вашего сіятельства ко мнѣ покорнѣйше прошу мнѣ милость показать и всемилостивѣйшей нашей Государынѣ доложить о всеподданнѣйшемъ моемъ прошеніи, дабы я деревнями награжденъ. Чрезъ которую высочайшую милость Е. И. В. я въ состояніе приведенъ буду въ пожалованномъ мнѣ толь знатномъ чинѣ не бѣдное житіе вести, и какъ накопившійся долгъ на мнѣ не въ долгомъ времени заплатить, такъ, не упуская случая, и сію деревню (Конково) купить. Вашему сіятельству вѣдомо, что я пренижайшее прошеніе Е. В. подалъ, и затѣмъ нынѣ вторично трудить всемилостивѣйшую Государыню отнюдь не смѣю. Токмо прошу ваше сіятельство милосердое сердце Е. В. упросить о милостивомъ услышаніи упомянутаго моего рабскаго прошенія, и ежели столь счастливъ буду, что Е. И. В. меня деревнями наградить благоизволитъ, всепокорно прошу приложенный указъ къ подписанію поднести. Сею высочайшею милостію Е. В. я премного награжденъ и обрадованъ буду и мнѣ ничего не останется на свѣтѣ желать, какъ токмо непремѣнное продолженіе дражайшей Е. И. В. милости. Я не престану Бога молить о долголѣтнемъ здравіи и благополучномъ царствованіи Е. И. В., а ваше сіят., за многія благодѣянія ваши, вѣчную благодарность и услуги мои при всѣхъ случаяхъ и фамиліи вашей оказывать не оставлю и пр.“ [2]).

Еще униженнѣе обращались къ Разумовскому братья Бестужевы.

„Прошу васъ слезно“,—писалъ къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову графъ Михаилъ Петровичъ,—„замолвить за меня; такожде и его превосходительство, милостиваго государя моего Алексѣя Григорьевича, попроси, чтобъ и онъ милостивое слово за меня замолвилъ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, II, 608—609.

[2]) Тамъ же, II, 621—623.

и меня вѣрнаго и покорнаго вашего слугу, какъ скорѣе увѣдомить, какое мое есть преступленіе передъ Е. И. В.“ [1]).

Особенно же слезно вымаливалъ себѣ вотчины великій канцлеръ. „Убей Богъ душу мою“,—писалъ онъ къ Разумовскому, отъ 7 декабря 1744 года,—„что ежели бы не сущая моя крайняя бѣдность и нищета меня принуждала, никогда бы не дерзнулъ не токмо Е. И. В., но ниже бы ваше сіятельство прошеніями моими потрудить; но Богъ тому свидѣтель, что къ прежнимъ моимъ долгамъ и раззореніямъ въ разныя торжества и весьма убыточные сюда и отсюда переѣзды и не имѣя своихъ собственныхъ доходовъ, въ такіе новые долги пришелъ, что онаго на мнѣ болѣе сорока тысячъ находится, умалчевая о томъ, что изъ бѣднаго моего наслѣдства деревню за пять тысячъ продалъ, и почти всѣ пожитки подъ закладомъ, такъ что и подаренную мнѣ недавно отъ короля Шведскаго табакерку за десять тысячъ рублевъ заложилъ, дабы чѣмъ могъ до Санкт-Петербурха дотащиться. Но теперь до того пришло, что и кредиту нѣтъ, ни заложить больше нечего. Я не уповаю тѣмъ виновенъ быть, что не прежде или не вмѣстѣ со многими прочими, яко съ Нероновымъ, Сантіемъ, Минихомъ, Трубецкимъ, Румянцовыми о деревняхъ не просилъ. Я не чаю, чтобъ изъ оныхъ кто болѣе моего заслужилъ, а особливо послѣдній, которому въ девяносто гаковъ пожаловано, моими (обще съ покойнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бреверномъ) трудами и руководствомъ Абовскій миръ заключенъ и, слѣдовательно, яко воронъ чужими перьями украшивался. Ежели же паче чаянія въ кведстію придти могло, что онымъ пожалованы изъ конфискованныхъ, а я прошу о коронныхъ деревняхъ, то и конфискованныя не Французской или Шведской коронѣ, но Е. же И. В., всемилостивѣйшей Государынѣ, Самодержицѣ нашей принадлежали. Но, какъ выше сего упомянуто, развѣ я тѣмъ виновенъ, что не прежде или не вмѣстѣ съ прочими о деревняхъ просилъ, ибо конфискованныя въ Лифляндіи почти всѣ уже розданы? Истинно, сіятельнѣйшій графъ, еще клянуся вамъ самимъ Богомъ, что ежели бы не толь мизерное мое состояніе было, то бы, не такъ какъ другіе, всеконечно никакими прошеніями моими не потрудилъ; а понеже уже милостивымъ вашимъ предстательствомъ въ просьбѣ моей самопожеланное начало учинено, что недѣли тому съ три назадъ, какъ Е. И. В. персонально мнѣ всемилостивѣйше обѣщать соизволила упрашиванныя мною деревни мнѣ пожаловать и для того повелитъ челобитную мою пріискать, того ради ваше сіятельство всепокорно-обязательнѣйше возблагодаря, всеуниженно прошу, по продолжающей вашей ко мнѣ милостивой про-

[1]) Архивъ князя Воронцова, II, 218.

текцін, Е. И. В. о подписаніи всемилостивѣйшаго указу о пожалованіи мнѣ оныхъ деревень напамятовать, дабы я при дряхломъ и слабомъ моемъ здравіи повсечасную мою работу и труды съ радостнымъ, а не съ печальнымъ сердцемъ исполнялъ, и съ равнымъ же веселіемъ, а не съ сокрушеніемъ, какъ въ путь мой отправился, такъ и въ Санктъпетербурхѣ въ деревянныя мои конуры войти могъ, чѣмъ ваше сіятельство къ вѣчно-благодарной памяти меня безконечно одолжить соизволите, что я во всю жизнь мою съ неизрѣченнымъ высокопочитаніемъ и покорностію пребуду“ [1]).

Канцлеръ вообще всячески ухаживалъ за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ, въ которомъ находилъ вѣрнѣйшую себѣ опору. Въ письмахъ Бестужева, напечатанныхъ въ архивѣ князя Воронцова, имя старшаго Разумовскаго встрѣчается почти на каждой страницѣ, то канцлеръ передаетъ ему письма полученныя въ Иностранной Коллегіи отъ Кирилы Григорьевича, то пересылаетъ донесенія Малороссійскихъ управляющихъ Разумовскаго; кромѣ того, онъ заботится объ отысканіи особы написавшей какое-то письмо всемогущему фавориту.

„Я, по силѣ приложеннаго вашего при письмѣ посткрыпта“, писалъ онъ къ Воронцову отъ 1-го сентября 1744 изъ Москвы, „и по причинѣ находящейся при томъ печати, наикрѣпчайшій ордеръ въ здѣшній почтовый амтъ послалъ, ежели извѣстно о имени той персоны, которая къ е. с. графу Алексѣю Григорьевичу отъ 23 числа прошедшаго мѣсяца письмо отпустила, немедленно знать дать; въ противномъ же случаѣ, ежели впредь подъ такою печатью письма приноситься будутъ, того подъ арестъ взять; но понеже в. с. письмо токмо предъ нѣсколькими минутами до отправленія сего получено, того ради о томъ впредь донести не премину [2])“.

Но хотя графъ Алексѣй Григорьевичъ не любилъ вообще заниматься дѣлами государственными, были однако два вопроса, которые его задѣвали за живое; для нихъ забывалъ онъ и природную лѣнь и отвращеніе отъ дѣлъ и смѣло выступалъ впередъ, не опасаясь изъ-за нихъ докучать Государынѣ. Первый вопросъ касался до дѣлъ духовныхъ и духовенства. Благодаря Разумовскому, вліяніе духовенства на набожную и суевѣрную Елизавету приняло огромные размѣры. „Первѣйшій тогда, въ особливой милости и довѣренности у Ея Императорскаго Величества находящійся, господинъ оберъ-егеръ-мейстеръ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій“, говоритъ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, „пріятствомъ съ духовными лицами обходился

---

[1]) Тамъ же, II, 48—49; въ другомъ письмѣ къ Разумовскому же — Бестужевъ проситъ: „дабы Е. И. В. (ему) бѣдному милостыню подати изволила“. Тамъ же, II, 17.

[2]) Тамъ же, II, 39.

и въ ихъ особливыхъ надобностяхъ всегда предстателемъ былъ" [1]). „Первый тогда фаворитъ", говоритъ онъ далѣе, „св. Синода членамъ особливо благосклоненъ былъ и неотрицательно по ихъ домогательствамъ и прошеніямъ всевозможныя у Ея Величества предстательства и заступленія употреблялъ" [2]). Протоіерей Дубянскій и архіепископъ Амвросій не ошиблись въ своемъ разсчетѣ и до конца жизни Елизаветы имѣли у трона скораго заступника и помощника. Это заступничество, вопреки жалобамъ Шаховского, имѣло отчасти и плодотворное дѣйствіе. Если не по иниціативѣ Разумовскаго, то по крайней мѣрѣ черезъ его посредство, учреждена была въ Свіяжскѣ особая коммиссія съ цѣлью распространять христіанство въ Заволжьѣ. Миссіонеры посылались и въ Сибирь, и на Кавказъ, и въ Камчатку. Въ Сибири и въ Камчаткѣ миссіи увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Изъ татаръ Казанской губерніи, благодаря неутомимой дѣятельности архимандрита Димитрія Сѣченова, возведеннаго впослѣдствіи, и весьма вѣроятно по предстательству Разумовскаго, на Новогородскую каѳедру, крестилось 360,000 человѣкъ, и многія тысячи Калмыковъ приняли вѣру христіанскую. Въ Вѣдомостяхъ безпрестанно появлялись извѣстія о присоединяемыхъ къ Православію, и Государыня очень часто бывала крестною матерью. Доброе сѣмя было брошено и начало уже пускать корни. Вслѣдъ за принятіемъ Христіанства неминуемо бы послѣдовало окончательное обрусѣніе края. Къ сожалѣнію, благіе начатки эти не принесли добраго плода и, благодаря равнодушію слѣдующихъ царствованій, пропали безъ слѣда. Екатерина, среди своихъ огромныхъ трудовъ, не имѣла времени заняться этимъ дѣломъ; при Павлѣ думали только о сокрушеніи всего, что было сдѣлано въ предыдущее царствованіе, и не оставалось времени на прочное созиданіе чего-либо новаго.

Рядомъ съ учрежденіемъ миссій упомянемъ еще объ основаніи въ Астрахани семинаріи для приготовленія проповѣдниковъ между иновѣрцами, о печатаніи Евангелія и духовныхъ книгъ для Грузинъ и наконецъ о новомъ изданіи всей Библіи, не появлявшейся въ печати съ самаго 1663 года. Къ сожалѣнію, это религіозное настроеніе имѣло и свою темную сторону. Набожностью Императрицы и Разумовскаго для достиженія своихъ цѣлей безпрестанно пользовались хитрые интриганы. „Я была окружена въ молодости", говоритъ Императрица Екатерина, „богомольцами и ханжами; нѣсколько лѣтъ тому назадъ нужно было быть или тѣмъ или другимъ, чтобы быть въ извѣстной степени на виду" [3]). Конечно, религіозныя убѣжденія Алексѣя Гри-

---

[1]) Записки кн. Я. П. Шаховского, I, 64.

[2]) Тамъ же, I, 97.

[3]) „Сборникъ Русскаго Истор. Общества". Письмо Екатерины къ г-жѣ Жофренъ отъ 15 января 1766 г.

горьевича были самыя искреннія. Вѣра его была чиста и изливалась изъ глубины души его; но нельзя не пожалѣть, что при всемъ его желаніи добра, отсутствіе всякаго образованія служило помѣхою. Онъ былъ часто орудіемъ ловкихъ и властолюбивыхъ царедворцевъ и лицъ прикрытыхъ рясою, конечною цѣлью которыхъ было по большей части не истинное благо духовенства и преуспѣяніе вѣры Христовой, а достиженіе личныхъ выгодъ и личнаго вліянія на дѣла.

Этимъ объясняется то, что, несмотря на исключительное положеніе нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ при дворѣ, во все продолженіе царствованія Елизаветы, и на постоянное благорасположеніе къ нимъ Государыни и непрестанное ходатайство за нихъ Разумовскаго, собственно для улучшенія всего духовенства и раціональнаго усиленія его вліянія было сдѣлано или ничего, или такъ мало, что не стоитъ объ этомъ упоминать.

Другой вопросъ, возбудившій живое участіе въ Разумовскомъ — были дѣла Малороссіи. Здѣсь онъ дѣйствовалъ совершенно самобытно, руководимый единственно страстною любовью къ родинѣ. При дворѣ никто не обращалъ вниманія на отдаленную Украйну, до нея никому не было дѣла, и она, еще столь недавно пользовавшаяся правами свободы, стенала подъ игомъ правителей, насылаемыхъ изъ Петербурга. Права ея были забыты и, по свидѣтельству Георгія Кониская, страшнымъ образомъ отозвались въ ней всѣ ужасы Бироновщины. Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Елизаветы, по восшествіи на престолъ, было указать во время личнаго своего присутствія въ Сенатѣ 15 декабря 1741 г., чтобы имѣлось разсужденіе, какое облегченіе въ податяхъ и въ прочемъ можно сдѣлать Малороссійскому народу, чтобы онъ поправился отъ убытковъ, претерпѣнныхъ имъ въ бывшую Турецкую войну и вслѣдствіе пребыванія у него большого войска [1]). Кромѣ того, Государыня поручила управленіе Малороссіи бывшему любимцу своему, Александру Борисовичу Бутурлину. Бутурлинъ принялъ это назначеніе нехотя, съ условіемъ, что оно будетъ временное и только и думалъ, какъ бы скорѣе вернуться ко двору. Коронованіе Государыни вскорѣ послужило ему благимъ предлогомъ. Между тѣмъ, какъ скоро Бутурлинъ привезъ въ Малороссію манифестъ о восшествіи на престолъ Елизаветы Петровны, рѣшено было отправить въ Петербургъ съ поздравленіемъ депутатовъ отъ народа Малороссійскаго. На то избраны были Лубенскій полковникъ Петръ Апостолъ (сынъ послѣдняго гетмана) и бунчуковые товарищи Яковъ Марковичъ, Григорій Лизогубъ и Андрей Горленко. Послѣдній былъ тотъ самый Андрей Андреевичъ, съ которымъ Елизавета переписывалась будучи Цесаревной. Во время

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 42.

избранія своего въ депутаты, онъ находился уже въ Петербургѣ, откуда посылалъ запорожца Гриву за паспортомъ генеральнымъ на званіе депутата [1]). Весьма вѣроятно, что самое избраніе и отправленіе въ Петербургъ депутатовъ совершалось по его внушенію и, быть можетъ, онъ поѣхалъ впередъ съ семействомъ Разумихи, которому еще недавно передавалъ письма и посылки, присылаемыя съ „каморъ-динеромъ“ Игнатомъ Полтавцевымъ. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что немедленно по пріѣздѣ въ Петербургъ депутаты отправляются на поклонъ къ Игнату Кириловичу Полтавцеву и „у него покаловъ по нѣскольку вина выпивши, подъ шумомъ“ въ свою квартиру возвратились [2]). Какъ мы видѣли, Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій былъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ съ народомъ Малороссійскимъ. Вѣроятно, что сношенія начались еще до пріѣзда депутатовъ; во всякомъ случаѣ пребываніе ихъ при дворѣ еще болѣе скрѣпило связь Разумовскаго съ Малороссіею. Переписка стала оживленнѣе, и Марковичъ не разъ вручалъ Разумовскому письма отъ старшинъ генеральныхъ. Депутаты прибыли въ Петербургъ въ январѣ 1742 года. Алексѣй Григорьевичъ несказанно обрадовался землякамъ. „Были мы у Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, камергера, нашего Малороссіянина“, говоритъ Марковичъ. Все, что можно было сдѣлать для радушнаго пріема депутатовъ, было сдѣлано Разумовскимъ. Государыня приняла ихъ отмѣнно милостиво. Въ день аудіенціи она, въ присутствіи дамъ и господъ, стоя выслушала привѣтъ, говоренный полковникомъ Лубенскимъ Апостоломъ. Ему отвѣчалъ оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ и обнадеживалъ милостью монаршею весь народъ Малороссійскій, а партикулярно депутатовъ. Разумовскаго депутаты посѣщали безпрестанно, то поутру „и были на водкѣ у Алексѣя Григорьевича“ [3]), то вечеромъ, и въ обществѣ Вишневскаго и Елагина „бокаловъ по 10-ти венгерскаго выпили и подпіахомъ“ [4]). Часто заставали они у него Государыню: „были во дворцѣ у Разумовскаго, гдѣ удостоились быть у ручки Ея Величества и милостивыя слова слышать“, и опять-таки „подпіахомъ“ [5]). Ихъ приглашали на всѣ маскарады и банкеты придворные, возили въ оперу, гдѣ „дѣвки Италіанки и кастратъ [6]) пѣли съ музыкою“; показывали имъ звѣринцы, кунсткамеру, академію и проч. Изъ Петербурга въ слѣдъ за дворомъ депутаты отправились въ Москву. Здѣсь продолжали они столь же часто посѣщать Разумовскаго,

[1]) Записки Марковича, II, 152.
[2]) Тамъ же, II, 157.
[3]) Тамъ же, II, 171.
[4]) Тамъ же, II, 158.
[5]) Тамъ же, II, 160.
[6]) Метастазій.

да еще нерѣдко бывали у отца духовнаго Дубянскаго, у стараго знакомаго Горленки, Полтавцева, у бандуриста Григорія Михайловича и у пѣвчаго Божка, двухъ земляковъ, вскорѣ возведенныхъ въ дворянство [1]). 25 апрѣля 1742, въ день коронованія, Малороссійскіе депутаты въ процессіи уступили шагъ одному только Лифляндскому ритершафту. Черезъ день послѣ коронованія они, на особой аудіенціи, поздравляли Государыню. Потомъ опять начались вечеринки у Разумовскаго, балы, куртаги, оперы маскарады и пр. Особенно была по сердцу Малороссіянамъ опера, „гдѣ въ изъяснеиіе милосердыхъ сентиментовъ Ея Величества репрезентовалась исторія о Титѣ, императорѣ Римскомъ и составленной на него конжюраціи чрезъ Сикстуса и Лентулуса, съ наущенія Вителліи, дочери убіеннаго Виталлія, которымъ всѣмъ оный императоръ простилъ. Сіе представленіе украшено декораціею лѣсовъ, площадей, облаковъ и проч. при преизрядномъ пѣніи и при танцахъ экстраординарныхъ“ [2]).

Кромѣ этихъ оффиціальныхъ торжествъ и обѣденныхъ пирушекъ у Разумовскаго, были еще у него болѣе интимные праздники, на которыхъ первыми гостями, разумѣется, были Малороссіяне. „Ѣздили мы въ домъ А. Г. Разумовскаго“, говоритъ Марковичъ, „гдѣ была сватьба его служителя со служебкою, и тамъ мы Малороссіяне (опять-таки) подпіяхомъ“. Со свадьбы хохлы наши отправились, вѣроятно въ нѣсколько безобразномъ видѣ, во дворецъ, гдѣ былъ „фейерверкъ изрядный и коштовый“ [3]). Эти свадьбы служителей со служебками не только у Разумовскаго, но и при дворѣ повторялись весьма часто и всегда съ особенною торжественностью. Описанія ихъ встрѣчаемъ мы почти на каждой страницѣ Камерфурьерскаго журнала, и рѣдкія проходили безъ присутствія Государыни. Недаромъ говорилъ Иванъ Лопухинъ Бергеру: „нынѣшняя Государыня больше любитъ простой народъ, потому что сама просто живётъ...“ [4]). Елизавета Петровна бывала на свадьбахъ этихъ иногда „аки гостья“, иногда изъ двери или окошка инкогнито смотрѣла на веселіе придворной прислуги, или же только одѣвала или осматривала невѣсту во внутреннихъ покояхъ. Видя ласковый пріемъ, дѣлаемый депутатамъ при дворѣ, царедворцы наперехватъ угощали ихъ въ Московскихъ хоромахъ и зазывали въ под-

---

[1]) Записки Марковича, II, 157.

[2]) Тамъ же, II, 167—168. La Clementia di Tito, опера Метастазія, поставленная на московской сценѣ Штелинымъ, нарочно для того вызваннымъ изъ Петербурга. Къ оперѣ онъ придѣлалъ діалогъ: La Russia afflitta e riconsolata (Пекарскій, Извѣстія для біогр. Ломоносова).

[3]) Зап. Марковича, II, 166, 172, 175, 179.

[4]) Исторія Соловьева, XXI, 287.

московныя: князь Черкасскій въ Останкино, фельдмаршалъ князь Долгорукій въ Васильевское. Но среди удовольствій, депутаты не забывали своихъ интересовъ. Разумовскій былъ имъ во всемъ усердный патронъ и ходатай. Апостолъ успѣлъ выхлопотать матери своей, вдовѣ гетмана Даніила, ежегодную пенсію въ 300 руб.; кромѣ того, состоялись, безъ сомнѣнія исключительно подъ вліяніемъ Разумовскаго, слѣдующіе сенатскіе указы: 1) запрещено было строжайше Великороссіянамъ принимать Малороссіянъ въ кабалу; 2) приказано было составить особую коммиссію изъ Русскихъ и Малороссіянъ для смотрѣнія за свободными маетностями и 3) строжайше запрещено было Русскимъ, служащимъ на Украйнѣ и проѣзжающимъ черезъ нее, чинить обиды, забирать даромъ провіантъ, дрова и пр. Сняты были всѣ недоимки и уничтожены обременявшія жителей повинности [1]). Разрѣшенъ былъ снова переходъ крестьянъ съ мѣсто на мѣсто. Сведены были почты, учрежденныя во время Турецкой войны, и приказано содержать только одну—отъ Глухова по Кіевскому тракту. Наконецъ, какъ мы видѣли выше, возвращены были изъ Сибири ссыльные: Танскій, Костошъ и другіе, которые радушно были принимаемы и Алексѣемъ Григорьевичемъ и его матерью.

Мѣсто Бутурлина въ Малороссіи занялъ генералъ-лейтенантъ Иванъ Ивановичъ Бибиковъ, и Малороссійскіе члены войсковой генеральной канцеляріи получили право пользоваться равенствомъ съ Великороссійскими членами, право похищенное у нихъ Леонтьевымъ вопреки указа 1734 г. Кромѣ того, несомнѣнно тоже черезъ Разумовскаго, подтверждены были всѣ права и преимущества города Кіева.

Пріемъ, оказанный депутатамъ въ Петербургѣ, льготы ими привезенныя, разсказы ихъ о силѣ и вліяніи Разумовскаго при дворѣ, о любви его къ родинѣ и всегдашней готовности хлопотать и стоять за земляковъ, произвели сильное впечатлѣніе въ Малороссіи. Всѣ дохнули привольнѣе, во всѣхъ сердцахъ породилась надежда на будущія блага, и „генеральные старшины“ громко стали поговаривать объ избраніи гетмана.

Разумовскій давно грустилъ по родинѣ и думалъ только о томъ какъ бы попасть въ Малороссію. Малѣйшее его желаніе было закономъ при дворѣ. Елизавета сейчасъ же послѣ коронованія своего собралась въ Украйну. Отправлены были приказы объ исправленіи дороги въ Кіевъ и о строеніи дворцовъ на станціяхъ. Потомъ, по причинѣ недостатка въ лѣсѣ и изъ опасенія отяготить Малороссіянъ постройками, велѣно было приготовлять только отъ Глухова до Кіева погреба для питей и припасовъ [2]). Немедленно было приступлено къ

[1]) Исторія Соловьева XXIII, 42.
[2]) Исторія Соловьева, XXI, 260.

поправкѣ дороги черезъ Глуховъ, Кролевецъ, Батуринъ, Нѣжинъ и Козелецъ. Она была расширена, мосты сдѣланы прочнѣе и поставлены раскрашенныя версты [1]). Но высшія государственныя соображенія принудили Елизавету отложить путешествіе. Дворъ возвратился въ Петербургъ. Война съ Швеціею, переговоры съ Англіею, Лопухинское дѣло не дозволяли Императрицѣ удаляться отъ Сѣвера. Но теперь, послѣ празднованія мира и обрученія Великаго Князя начались сборы къ отъѣзду. Ададуровъ извѣстилъ Кирилу Григорьевича о путешествіи или, какъ тогда выражались, походѣ Государыни слѣдующимъ письмомъ:

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ. Вашему сіятельству чрезъ сіе съ покорностію доношу, что Е. И. В. наша всемилостивѣйшая Государыня изволила 27 дня сего іюня по полудни въ 7 часовъ выступить изъ Москвы для восріятія своего пути въ Кіевъ и, доѣхавъ до Коломенскаго, тамо ночевать изволила. За Ея Императорскимъ Величествомъ изволилъ слѣдовать и вашъ братецъ, его высокографское сіятельство, который находится, слава Богу, въ совершенно добромъ здравіи и пожелаемомъ благополучіи. За день передъ тѣмъ туда же изволили отправиться по полудни въ 4-мъ часу Ихъ Императорскія Высочества Государь Великій Князь и Государыня Великая Княжна, также и Ея Свѣтлѣйшая Государыня мать. Печать родоваго гербу [2]) ваше сіятельство можете вырѣзать съ той, которую къ вамъ отъ братца письма будутъ печа-

---

[1]) Бант. Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 219—220.

[2]) Вотъ описаніе герба Разумовскихъ, заимствуемое нами изъ Гербовника (ч. I, стр. 20—21). Щитъ, раздѣленный перпендикулярно на двѣ части, имѣетъ золотое и черное поле, въ коихъ изображенъ двоеглавый коронованный орелъ, перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ; на груди сего орла голубой щитокъ, содержащій серебряную двумя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперекъ пробитую лату. Сверхъ всего щита положена графская корона, подъ которою поставленъ серебряный коронованный шлемъ о десяти золотыхъ обручахъ, по краямъ золотомъ обложенный, съ висящимъ на немъ золотымъ клейнодомъ и съ стоящимъ сверхъ короны голубымъ прапоромъ, изображенною на немъ вышеписанною серебряною латою украшеннымъ, при которой приложены двѣ красныя крестообразно вверхъ летящія стрѣлы. По сторонамъ щита опущенъ наметъ, съ правой стороны краснаго и чернаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ, а съ лѣвой голубого и краснаго, подложенный серебромъ. На мѣсто щитодержателей, съ одной стороны вооруженный Скиѳъ, съ откровенною головою, лѣвою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе голубое, нижнее красное, эпанча и поясъ, на которомъ виситъ сабля, серебряные, а скиѳскій лукъ, колчанъ и сабля золотые. Съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный Полякъ съ откровенною головою, правою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ метательное копье держащій. Внизу подпись: „Famam extendere factis“. „Щитодержатель Полякъ и Скиѳъ, сказано въ дипломѣ на графское достоинство Кирилы Григорьевича, изображены для показанія начала фамиліи Разумовскихъ“, т.-е. происхожденія отъ Рожинскихъ.

таны. Она уже у мастера и вырѣзывается на стали; я чаю, что скоро и поспѣетъ. Оная можетъ вашему сіятельству для запечатыванія вашихъ писемъ служить до тѣхъ поръ, пока дипломъ на графское достоинство къ вамъ присланъ будетъ. Я получилъ указъ, чтобы ѣхать въ Кіевъ вчера и надѣюсь завтра или въ среду конечно отправиться. И такъ, какъ вашему сіятельству угодно будетъ впередъ къ братцу писать, то можете адресовать оныя чрезъ графа Михаила Петровича (или какъ ваше сіятельство сами за благо изобрѣсти изволите) къ великому канцлеру его сіятельству графу Алексѣю Петровичу, до тѣхъ поръ, пока дворъ изъ Кіева возвратится. Я надѣюсь, что такимъ способомъ письма вашего сіятельства къ братцу очень вѣрно доходить будутъ. Наконецъ, рекомендуя себя въ милость вашего сіятельства, пребываю со всесовершеннымъ респектомъ вашего сіятельства, милостиваго государя моего, покорнѣйшій и нижайшій слуга Василій Ададуровъ. Въ Москвѣ 30 іюня 1744 [1]).“

Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій находился въ непрестанныхъ сношеніяхъ съ матерью, которую нѣжно любилъ. Онъ радѣлъ о ней изъ Петербурга и не только о ней одной, но и о всѣхъ вообще родственникахъ своихъ. Всѣ они стали зажиточными, если не богатыми людьми. Вотъ письмо графа Алексѣя Григорьевича, относящееся къ 1743 г. и свидѣтельствующее о томъ, какъ онъ заботился о матери. Письмо это собственноручное, и мы печатаемъ его съ сохраненіемъ правописанія подлинника: „Милостивая Государыня матушка. Сказувалъ мнѣ Степанъ Лутай, что желаніе ваше есть, чтобы смотреть за теми дворами іхуторами которія ви ізволили сами покупать; і ежели то подленно такъ то прошу меня уведомить; то я срадостію велю іхъ отдать вамъ, нетолько хуторъ и двори но і одамовку [2]) отдать велю, однакъ вы ізволите сними делать то въ вамъ вашей і кому хочете ізволите приказать заними смотреть і ежели ещо что надобно то прошу мене увѣдомить і я всё то готовъ (вычеркнуто: для васъ зделать) для тебе государыня матушка зделать лишь бы тень не било вамъ затрудненія всмотреніи; да прикажи матушка прислать описанія всемъ темъ деревнямъ которія пожалованы затямъ і дядюшкамъ і ондреенкамъ [3]). Дворецково Степана Лутая вамъ рекомандую вмилость, которово посылаю для услугъ вашихъ и бить ему безъ отлучно при васъ, куда нейзволите поехать, і извольте і приказувать каксвоимъ слугою і онъ вамъ надеюсь будетъ угоденъ ко услугамъ; ежели ізволите куда писма писать, государыня матушка, то извольте приказать дворецкому Степану чтобы

[1]) Изъ Архива гр. Уварова.

[2]) Адамовка, бывшее имѣніе Миниха, было, какъ мы видѣли выше, пожаловано Алексѣю Григорьевичу 19 іюня 1742.

[3]) Андреенки—племянники Натальи Демьяновны, сыновья ея брата Андрея.

онъ ихъ свидѣтельствувалъ; і имя ваше подъписивалъ понеже онъ посланъ для тово чтобы какъ вѣрному слузѣ всево тово наблюдать і смотреть что касаеться до чести вашей і моей; а ежели что упущено несмотреніемъ ево то на немъ взащется і за то будетъ наказанъ; впрочемъ поручаю вродительскія молитвы і благословеніе і остаюсь вашъ сынъ и слуга граѳъ А. Разумовскій. Письма Кирили Григорьвича посилаю вкоторомъ онъ водномъ жалобу на меня пише что будто я къ нему не пишу і не вѣдомляю ево о здаровіе вашемъ, то ізвольте поверить государыня матушка что это онъ оправдая свою леность, что онъ самъ втомъ находится, прошу писмо кнему написать і ево за то пожуритѣ чтобъ ленивъ писать і учиться не былъ понеже онъ затемъ посланъ і то ево только і дело".

Мысль о представленіи Государынѣ необтесанныхъ родственниковъ нѣсколько пугала графа Алексѣя Григорьевича. Не то чтобы онъ ихъ стыдился, такое чувство было совершенно противно природѣ Разумовскаго, но онъ опасался какъ-бы подъ пьяную руку всѣ эти Уласы, Евфимы и Демѣшки не стали творить безчинства и хвастать родствомъ съ всесильнымъ оберъ-егермейстеромъ. Изъ Москвы онъ писалъ матери, строго предписывая какъ родственники должны были держать себя и гдѣ именно находиться во время проѣзда Государыни. Вотъ это въ высшей степени интересное письмо:

„Милостивая Государыня Матушка, Понеже во время *пришествія* Е. И. В. въ новый мой Алексѣевскій домъ, надлежитъ, чтобъ въ ономъ моемъ домѣ напрасно и безъ дѣла никто бы тамъ не былъ и не шатался бъ. Того ради писано отъ *мене* къ управителю Семену Пустотѣ, чтобъ онъ того накрѣпко смотрѣлъ и наблюдалъ дабы не токмо съ постороннихъ, но и изъ родни туда никто отнюдь бы не ходилъ и не шатался бъ. Дворъ, который стоитъ въ городѣ Козельцѣ велѣно управителю той часъ, что есть худо *подчинить*, очистить и къ пріѣзду моему для васъ, милостивая госудадарыня, особливые покои убрать такожe и для другихъ сродни, которымъ именно велѣно будетъ туда пріѣхать. Во время же прибытія Е. В. въ Козелецъ велѣно отъ меня вышеписанному управителю Пустотѣ, чтобъ онъ какъ зятьямъ, дядьямъ такъ и всей роднѣ именемъ моимъ приказалъ бы быть всѣмъ въ одномъ собраніи въ деревнѣ Лемѣшахъ и дожидаться бы тамо моего свиданія. Ежелижъ бы кто съ нихъ пожелалъ посмотрѣть шествія Е. В. въ Козелецъ, то въ томъ далъ бы имъ позволеніе; *однакъ* притомъ накрѣпко бы отъ меня приказалъ о чемъ и вы, милостивая государыня, всѣмъ имъ приказомъ подкрѣпить извольте, чтобъ никто съ нихъ въ тѣ мѣста, куда имъ не должно ходить, не вступали бъ и не мѣшались бъ; а наипаче запретить, чтобъ отнюдь никто съ нихъ въ то время именемъ моимъ

не *фасталъ* бы и не славился бъ тѣмъ, что онъ мнѣ родня, но дождались бы на вышепоказанномъ старомъ моемъ Козелецкомъ домѣ моего свиданія. При томъ доношу вамъ, милостивая государыня, предъ недавнымъ временемъ писалъ ко мнѣ Гамѣ (?) о своей обидѣ, учиненной ему якобы отъ Ѳедора Демьяновича, что мнѣ весьма противно, и для того велѣлъ я Семену Пустотѣ той часъ о томъ обстоятельно изслѣдовать и обидимое возвратить. Васъ же, м. г., покорно прошу отъ себя и отъ мене какъ Ѳедору Демьяновичу такъ и всѣмъ имъ наижесточайше и крайне запретить, чтобы они отнюдь никому впредь никакихъ обидъ и озлобленій не дѣлали, о чемъ отъ мене и къ Семену Пустотѣ писано, понеже зато очень худо можетъ слѣдовать. Ежели же кто съ нихъ въ томъ явился бы ослушнымъ и противнымъ, то о томъ той часъ приказать ко мнѣ написать и ожидать на то моей резолюціи. Платьямъ какъ сестрицамъ, такъ зятямъ, дядямъ, тёткамъ и Андреенкамъ [1]) къ пріѣзду моему велѣно отъ меня дѣлать Семену Пустотѣ, а изъ чего кому, о томъ въ моемъ къ нему указѣ показано. Что же вы, м. г., изволили писать о господинѣ ротмистрѣ (?) то я въ томъ стараться буду, чтобъ его удовольствовать, и о томъ вперäъ вамъ донесть непремину. Нынѣ же, прося вашего благословенія, съ обыкновеннымъ моимъ повиновеніемъ пребываю, м. г. матушка, вамъ послушный и покорный сынъ и слуга „*графъ* Алексѣй Разумовскій".

„P. S. Что изволили вы, м. г. матушка, писать и требовать, гдѣ бъ именно вамъ и съ кѣмъ Е. В. встрѣтить: на то вамъ доношу, что я о томъ удобнѣе не сыскалъ, какъ въ Нѣжинѣ; да и то чтобъ какъ изъ своихъ, такъ и изъ постороннихъ при васъ никого бы не было, кромѣ Семена Пустоты и другихъ служителей. Степану жъ Рыбалкину быть безотлучно при новомъ моемъ Алексѣевскомъ домѣ. Впредь же я о семъ еще буду обстоятельно писать, нынѣжъ доношу, что братъ Кирила Григорьевичь въ чужихъ краяхъ; слава Богу находится въ добромъ здравіи и въ наукѣ своей успѣваетъ".

„1744 іюля 5 дня съ Москвы" [2]).

Поѣздъ Государыни былъ огромный; ее сопровождали Разумовскій, гофмейстеръ Шепелевъ, графъ Салтыковъ, Ѳедоръ Яковлевичъ Дубянскій, два архіепископа, графиня Румянцева, князь Александръ Михайловичъ Голицынъ, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ, Брюммеръ, Берхгольцъ, сочинитель извѣстныхъ Записокъ (о первомъ пребываніи его въ Россіи), Декенъ и пр. пр. [3]). Вся свита состояла изъ

---

[1]) Павелъ и Корнѣй Андреевичи Демѣшки.

[2]) Изъ богатаго семейнаго архива Г. П. Галагана, находящагося въ великолѣпномъ его селѣ Сокирницахъ, Прилуцкаго уѣзда, Полтавской губерніи.

[3]) Зап. Марковича, II, 209 и Mémoires de Catherine, II, 18.

230 человѣкъ [1]). Старшины генеральные взяли-было на себя поставку лошадей и провизіи на станціяхъ отъ Глухова до Кіева. Рѣшено было подготовить 4000 лошадей; но Алексѣй Григорьевичъ писалъ къ Бибикову, что всѣхъ лошадей нужно будетъ 23,000, такъ что принуждены были ихъ собирать съ обывателей [2]). Не безъ интереса будетъ здѣсь выписать, сколько какой провизіи для этой свиты положено было поставить каждому старшинѣ. Вотъ что̀ обязался поставить Марковичъ: „Вина волжскаго два ведра, крымскаго 2, яловицъ 2, телятъ 2, валуховъ 10, ягнятъ 8, каплуновъ 10, курчатъ 50, индѣекъ 4, гусей 7, утокъ 20, поросятъ 8, кабановъ 2, яицъ 500, уксусу 1 ведро, масла 1 пудъ, ветчины 4 окорока, муки пшеничной 1 четверть, муки ситной 2 четв., грибовъ 500, патоки 15 фунт., водки двойной 10 ведръ, крупъ гречневыхъ 3 четверика, пшена 3 тоже, сала полпуда". Отецъ Марковича раскопалъ даже плотину въ своемъ прудѣ, чтобы наловить болѣе рыбы [3]).

Великій Князь съ Великою Княжною и Принцессою Цербстскою выѣхали впередъ. Они помѣстились въ двухъ каретахъ. Въ одной сидѣли Принцесса, Великая Княжна, графиня Румянцева и статсъ-дама Принцессы, въ другой Великій Князь, Брюммеръ, Берхгольцъ и Декенъ. Великому Князю скоро надоѣло общество педагоговъ, онъ пересѣлъ въ карету Принцессы и уже болѣе не захотѣлъ изъ нея выходить. Принцессѣ общество его было не по вкусу, и для развлеченія она пригласила къ себѣ въ карету молодыхъ людей, находившихся въ ея свитѣ: князя Александра Михайловича Голицына и графа Захара Григорьевича Чернышева [4]). Но въ каретѣ стало слишкомъ тѣсно, тогда вспомнили о повозкахъ, въ которыхъ перевозились постели; одну изъ нихъ наскоро уладили, постели всѣ убрали и наставили скамеекъ; такимъ образомъ путешествіе окончилось самымъ веселымъ образомъ, къ великому негодованію престарѣлыхъ придворныхъ, крайне другъ другу надоѣвшихъ, сидя все время вмѣстѣ [5]). За два дня до Государыни проѣхалъ поѣздъ Великаго Князя черезъ Глуховъ и остановился въ Козельцѣ, въ новомъ домѣ графа Алексѣя Григорьевича. „Мы всѣ ожидаемъ здѣсь съ нетерпѣніемъ пріѣзда нашей божественной Императрицы", писала изъ Козельца, отъ 14 августа, Принцесса Іоганна Елизавета къ графу Михаилу Илларіоновичу Воронцову,... „здѣшній домъ графа Разумовскаго чудо какъ хорошъ" [6]). „Мы доѣхали черезъ

---

1) Описаніе Кіева, Закревскаго, I, 82.
2) Записки Марковича, II, 205.
3) Тамъ же, II, 207.
4) Оба впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалы.
5) Mémoires de Catherine, II, 18—19.
6) Архивъ кн. Воронцова, I, 419.

три недѣли въ Козелецъ [1]) и еще три другихъ недѣли прождали тамъ Императрицу", повѣствуетъ Екатерина II, „путешествіе которой было задержано разными обстоятельствами. Мы узнали въ Козельцѣ, что дорогою нѣсколько лицъ изъ свиты Государыни были отправлены въ ссылку и что она сама была въ очень дурномъ расположеніи духа. Наконецъ въ серединѣ мѣсяца она пріѣхала въ Козелецъ и мы тамъ оставались до конца Августа". Такъ какъ Великій Князь проѣхалъ черезъ Глуховъ 3-го Августа, а Государыня пріѣхала туда 6-го и выѣхала оттуда 7-го [2]), то ясно, что она до пріѣзда въ Козелецъ гостила въ Алексѣевскомъ новомъ домѣ графа Алексѣя Григорьевича. Пріемъ сдѣланный Елизаветѣ въ Толстодубовѣ, подъ Глуховымъ на самомъ рубежѣ Украйны, былъ великолѣпенъ. 10 полковъ регистровыхъ, 2 компанейскихъ и нѣсколько отрядовъ изъ надворной гетманской корогвы, генеральные старшины и бунчуковые товарищи расположились лагеремъ въ шести верстахъ отъ Есмани [3]). Полки были выстроены въ одну линію, въ два ряда; первый полкъ, отсалютовавъ Царицѣ знаменами и саблями, обскакивалъ весь фронтъ и другой полкъ и останавливался за послѣднимъ, второй дѣлалъ то же и такимъ образомъ Государыня видѣла неразрывную цѣпь полковъ до Глухова. Войска были одѣты заново въ синихъ черкескахъ съ вылетами и широкихъ шароварахъ, съ разноцвѣтными по полкамъ шапками [4]). Государыня, въ свитѣ которой находились: графъ Алексѣй Григорьевичъ, оберъ-гофмейстеръ баронъ Минихъ, гофмаршалъ Шепелевъ, графъ Салтыковъ, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ, „прочихъ камергеровъ довольно", архіепископы — Сарскій и Подонскій — Платонъ Малиновскій, Переяславскій — Арсеній Могилянскій [5]), и духовникъ Ѳ. Я. Дубянскій [6]), 5-го Августа въ четвертомъ часу пополудни была встрѣчена казацкими войсками подъ начальствомъ генеральнаго обознаго Якова Лизогуба. Такъ какъ Императрица подвигалась весьма медленно и часто выходила изъ кареты, казаки дѣлали свои повороты безъ всякаго затрудненія. Елизавета веселилась и удивлялась встрѣчѣ

---

[1]) Екатерина, вмѣсто Козелецъ, пишетъ Козельскъ. Вообще видно, что память ей нѣсколько измѣнила въ этомъ мѣстѣ. Императрицу они не могли ожидать въ Козельцѣ три недѣли, такъ какъ 29 Августа дворъ уже торжественно въѣхалъ въ Кіевъ. Вѣроятно все пребываніе въ Козельцѣ было трехъ-недѣльное. Намъ также неизвѣстно кто изъ свиты Государыни былъ отправленъ въ ссылку. Mémoires de Catherine, II, 19.

[2]) Зап. Марковича, II, 209—210.

[3]) Тамъ же II, 209.

[4]) Марковичъ, „Исторія Малороссіи", II, 627 и „Исторія Руссовъ", 244.

[5]) Платонъ Малиновскій изъ префектовъ кіевской академіи хиротонисанъ 1750, † 1754 архіепископомъ московскимъ. Арсеній Могилянскій изъ архимандритовъ Троицкой лавры хиротонисанъ 1744, † 1770 митрополитомъ кіевскимъ.

[6]) Зап. Марковича, II, 210.

и конвою войскъ [1]); она вошла подъ наметъ генеральныхъ старшинъ и обошла пѣшкомъ всѣ команды. Потомъ, сѣвши въ коляску она доѣха ла до Есмани и тутъ въ палаткахъ ночевала. На другой день Императрица поднялась рано съ ночлега и изволила ѣхать въ Глуховъ съ церемоніею. Около кареты ѣхали старшины и бунчуковые товарищи съ обнаженными саблями. Доѣхавъ до городскихъ воротъ, Государыня вышла изъ кареты. Здѣсь ее привѣтствовалъ архіепископъ Черниговскій. Потомъ она пѣшкомъ пошла въ дѣвичій монастырь, гдѣ слушала обѣдню и гдѣ предику читалъ архіерей Черниговскій. Изъ монастыря съ тою же церемоніею Государыня отправилась въ каретѣ на монастырскій дворъ, гдѣ была аудіенція всѣмъ старшинамъ. Поздравительную рѣчь читалъ Михаилъ Скоропадскій. Послѣ аудіенціи былъ обѣдъ и вечеромъ танцы и „изволила веселиться,—говоритъ Марковичъ, танцами нашихъ женъ, польскими и казацкими". На другой день послѣ пріѣзда Государыни, подано ей было черезъ Разумовскаго прошеніе о гетманѣ [2]). Прошеніе это ходило по полкамъ еще до пріѣзда Императрицы, но не всѣ генеральные старшины согласились приложить къ нему свою подпись. Между отказавшимися находился авторъ Записокъ, генеральный подскарбій Яковъ Марковичъ [3]). Въ тотъ же день Елизавета Петровна поѣхала далѣе, милостиво принявъ прошеніе. Такія же встрѣчи были въ Королевцѣ, гдѣ она ночевала, въ Нѣжинѣ и въ Козельцѣ. Изъ Кіевской Академіи были выписаны вертепы, пѣвчіе пѣли, семинаристы представляли зрѣлища божественныя въ лицахъ и пѣли канты поздравительные [4]). „При семъ", повѣствуетъ Георгій Конискій, „розданы нарочитыя суммы нищимъ, бѣднымъ и всѣмъ церковнымъ служителямъ и монашеству, а въ храмы и гробницы дарствованы многія дорогія вещи и утвари". Въ Нѣжинъ, по совѣту сына, выѣхала на встрѣчу къ Государынѣ Наталья Демьяновна и съ нею вмѣстѣ прослѣдовала въ Алексѣевщину и въ Козелецъ. Въ Козельцѣ Елизавета Петровна прожила у графа Алексѣя Григорьевича до конца Августа, отъѣзжая на охоту и въ Алексѣевщину и въ другія сосѣднія новопожалованныя помѣстья Разумовскаго [5]). Во время пребыванія въ Козельцѣ",—говоритъ Екатерина,—„въ большой залѣ, находившейся среди дома Алексѣя Григорьевича, съ утра до вечера играли въ фараонъ и вели очень большую игру. Всѣмъ было крайне тѣсно жить. Мы съ матушкою спали въ одной комнатѣ, графиня Румянцева и штатсъ-дама моей матери помѣщались въ передней. Точно также

---

[1]) „Исторія Руссовъ", 244, и Зап. Марковича, II, 209.
[2]) Записки Марковича, II, 210 и „Исторія Малороссіи" Марковича, II, 627.
[3]) Тамъ же, II, 209.
[4]) „Исторія Руссовъ", 244. Ист. М. Россіи, Марковича, II, 628.
[5]) Мѣстныя преданія.

тѣсно жили и другіе. Однажды Великій Князь зашелъ къ намъ въ комнату, въ то время когда матушка писала. Около нея стояла открытая шкатулка, въ которой онъ сталъ изъ любопытства шарить. Матушка сказала ему не трогать шкатулки; онъ отошелъ въ другой уголъ комнаты и сталъ прыгать. Но прыгая, чтобы разсмѣшить меня, онъ нечаянно задѣлъ за крышку шкатулки и уронилъ ее. Матушка разсердилась и они стали обмѣниваться крупными словами. Матушка упрекала Великаго Князя въ томъ, что онъ преднамѣренно уронилъ шкатулку, а тотъ громко жаловался на ея несправедливость; оба вызывали меня въ свидѣтельницы. Зная нравъ матушки, я боялась получить пощечину, если не буду на ея сторонѣ; въ то же время мнѣ не хотѣлось ни лгать, ни огорчать Великаго Князя. Такимъ образомъ я очутилась между двумя огнями. Однако я сказала матушкѣ, что наврядъ ли Великій Князь сдѣлалъ это умышленно, такъ какъ, прыгая онъ нечаянно зацѣпилъ кафтаномъ за крышку шкатулки, стоявшей на весьма низкомъ табуретѣ. Матушка, которой необходимо было излить на комъ либо гнѣвъ свой, накинулась на меня. Я замолчала и стала плакать. Великій Князь, видя мои слезы и то, что меня бранятъ изъ за него, сталъ упрекать ее въ несправедливости и назвалъ гнѣвъ ея бѣшенствомъ, та назвала его невоспитаннымъ мальчишкой. Однимъ словомъ, трудно было, безъ драки, довести далѣе ссору. Съ этихъ поръ Великій Князь возненавидѣлъ матушку. Онъ никогда не забылъ этой ссоры, а матушка съ своей стороны была злопамятна и въ отношеніяхъ между ними стали проявляться принужденность, недовѣрчивость и вѣчныя колкости" [1]). Во время пребыванія въ Козельцѣ Елизавета Петровна познакомилась съ сестрами, зятьями и вообще всею роднею Алексѣя Григорьевича. Домъ, въ которомъ жила Государыня и спорили Великій Князь съ Принцессою Ангальтъ-Цербстскою, существуетъ понынѣ. Отъ Натальи Демьяновны онъ перешелъ къ дочери ея Вѣрѣ Григорьевнѣ Дараганъ, а отъ нея — къ правнуку Григорію Павловичу Галагану. Въ немъ сохранилось кресло, на которомъ сиживала Елизавета Петровна, и многіе семейные портреты. Въ послѣднихъ числахъ Августа дворъ двинулся изъ Козельца. За 60 верстъ отъ Кіева представились Императрицѣ нѣсколько избранныхъ лицъ духовенства и гражданства Кіевскаго; встрѣча въ самомъ Кіевѣ, 29 Августа, была чрезвычайно торжественна: въ ней приняло участіе все народонаселеніе города. Воспитанники духовной академіи ожидали Елизавету Петровну въ видѣ греческихъ боговъ, героевъ и даже миѳологическихъ животныхъ. Съ помощью машинъ, частью выписанныхъ, частью и собственнаго изобрѣтенія, произведены были разныя удивительныя явленія „къ удо-

---

[1]) Mémoires de Catherine, II, 19—21.

вольствію Императрицы; между прочимъ, выѣзжалъ за городъ важный старикъ, самаго древняго виду, великолѣпно прибранный и украшенный короною и жезломъ, но сдѣланный съ молодаго студента. Колесница у него была божескій фаетонъ, а въ него впряжены два пiитическіе крылатые кони, называемые пегасы, прибранные изъ крѣпкихъ студентовъ. Старикъ сей значилъ древняго основателя и князя Кіевскаго Кія. Онъ встрѣтилъ Государыню на берегу Днѣпра, у конца моста, привѣтствовалъ ее важною рѣчью и, называя ее своею наслѣдницею, просилъ въ городъ, яко въ свое достояніе и поручалъ его и весь народъ Русскій въ милостивое ея покровительство" [1]). Всѣ полковники по дистанціямъ до Кіева съ полчанами своими подавали челобитья съ прошеніемъ о гетманѣ. Государыня въ Кіевѣ оставалась двѣ недѣли. Она была въ восторгѣ и отъ пріема и отъ самаго Кіева, и однажды произнесла всенародно: „Возлюби меня, Боже, въ царствіи небесномъ Твоемъ, какъ я люблю народъ сей благонравный и незлобивый". Она посѣщала церкви и монастыри, гдѣ оставляла богатые вклады, собственноручно золотила великолѣпную церковь Андрея Первозваннаго и повелѣла строить въ Кіевѣ дворецъ [2]). На возвратномъ пути Государыня опять посѣтила Козелецъ. Здѣсь она снова остановилась на нѣсколько дней, такъ какъ выѣхала изъ Кіева 11-го Сентября, а въ Глуховъ прибыла только 20-го. Такимъ образомъ почти все время своего пребыванія въ Малороссіи, за исключеніемъ 14 дней, посвященныхъ Кіеву, она пробыла въ гостяхъ у графа Алексѣя Григорьевича. Наталья Демьяновна съ дочерьми проводила Государыню до Нѣжина и была Императрицею приглашена съ ними въ Петербургъ на свадьбу наслѣдника престола. Въ Глуховѣ Елизавета Петровна провела двое сутокъ, и крестила тамъ сына у генеральнаго есаула Якубовича и дочь у генеральнаго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго. Въ Глуховѣ же при дворѣ праздновалась свадьба управляющаго графа Алексѣя Григорьевича, Семена Пустоты, съ дочерью Вибельскаго сотника Тризны [3]). Въ отвѣтъ на прошеніе о гетманѣ старшинамъ генеральнымъ было приказано прислать въ Петербургъ торжественную депутацію ко дню бракосочетанія наслѣдника. Невольно приходитъ на умъ (хотя, впрочемъ, это одно только предположеніе), не думала ли Елизавета сдѣлать гетманомъ своего супруга, и не отказался ли онъ отъ этого съ своею обычною скромностью, предлагая на свое мѣсто брата Кириллу? Какъ бы то ни было, но рѣшеніе вопроса объ избраніи гетмана было на время отложено.

Лишь только Императрица проѣхала черезъ Нѣжинъ, какъ тамъ

---

[1]) „Исторія Руссовъ", 244. Описаніе Кіева I, 82—83.

[2]) Тамъ же:

[3]) Зап. Марковича II, 212.

разыгралась исторія, которая была крайне непріятна для графа Алексѣя Григорьевича и которую никакъ не могли предупредить всѣ его заботливыя письма о томъ, какъ родственники должны были держать себя. Между гвардейцами, изъ первыхъ перешедшихъ на сторону Елизаветы Петровны, находился нѣкто Грюнштейнъ. Онъ былъ человѣкъ вздорный и буйный. Хотя онъ получилъ значительныя имѣнія послѣ воцаренія Елизаветы, однако онъ не удовольствовался этимъ. Онъ хотѣлъ разыгрывать политическую роль и объявилъ себя открытымъ противникомъ генералъ-прокурора князя Трубецкаго. Въ Петербургѣ оказался недостатокъ въ соли. Грюнштейнъ воспользовался этимъ случаемъ, явился къ графу А. Г. Разумовскому и объявилъ, что если онъ не уговоритъ Государыню, пользуясь своимъ вліяніемъ на нее, удалить Трубецкаго, то онъ, Грюнштейнъ, убьетъ его на мѣстѣ прежде чѣмъ кто-нибудь успѣетъ опомниться, и хотя бы даже это стоило ему жизни. Но, разставаясь съ жизнію онъ вынесетъ убѣжденіе, что спасъ Императрицу и государство отъ самаго зловреднаго человѣка, тяготящаго землю. Угроза эта прошла для Грюнштейна безъ послѣдствій, но это не научило его уму-разуму. Самъ Грюнштейнъ былъ сынъ крещенаго еврея изъ Саксоніи. До поступленія въ военную службу онъ велъ скитальческую жизнь по Россіи. Романтическія похожденія, разсказанныя имъ Пецольду, сильно отзываются неправдою [1]). Въ 1744 г., состоя адъютантомъ при лейбъ-компаніи, онъ въ числѣ другихъ компанейцевъ слѣдовалъ за Государынею въ Кіевъ. 19-го Сентября Императрица проѣхала обратно изъ Кіева черезъ Нѣжинъ. Вечеромъ того-же дня во второмъ часу по-полуночи, Власъ Климовичъ alias Будлянскій съ женою Агаѳьею Григорьевною возвращался восвояси со двора, гдѣ останавливалась Наталья Демьяновна. Ѣхалъ онъ въ коляскѣ, съ двумя верховыми впереди. Въ темнотѣ, на большой Кіевской дорогѣ, экипажъ Будлянскаго столкнулся съ коляскою Грюнштейна, у которой мазали колеса. Грюнштейнъ выскочилъ изъ коляски, сталъ кричать: „что за канальи ѣздятъ, не сворачиваютъ съ дороги и не отдаютъ честь генералитету", и велѣлъ стащить съ лошади ѣхавшаго передъ коляскою Будлянскаго слугу его Дегтяренку, который объявилъ, что ѣдетъ сестрица графа Разумовскаго съ мужемъ. Услыхавъ это, Грюнштейнъ сталъ бранить Алексѣя Григорьевича скверными словами и закричалъ: „Я Разумовскаго услугою лучше и онъ черезъ меня имѣетъ счастіе, а теперь за нимъ и намъ добра нѣтъ, его Государыня жалуетъ, а мы погибаемъ!" При этомъ онъ ударилъ въ лицо кучера Будлянскаго, столкнулъ его съ козелъ и велѣлъ бить другихъ слугъ. Власъ Климовичъ захотѣлъ за нихъ всту-

---

[1]) „Сборникъ Русск. Истор. Общ.", VI, 392—94. Депеши Пецольда.

питься, но Грюнштейнъ ударилъ его по лицу и сталъ бить палкою; онъ остановился только послѣ униженной просьбы Агаѳьи Григорьевны. Избитый Будлянскій, садясь опять въ коляску, велѣлъ Дегтяренкѣ ѣхать къ тёщѣ и разсказать ей, какъ лейбъ-компанія избила ея зятя. Услышавъ это Грюнштейнъ закричалъ: „лейбъ-компанія принимайся". Лейбъ-компанцы, значительно подгулявшіе, бросились на Будлянскаго, схватили его за волосы, вытащили изъ коляски, повалили на землю и начали бить. Ругали и Агаѳью Григорьевну и даже били дубиною. Грюнштейнъ кричалъ тѣмъ временемъ: „ Вашъ Богъ Разумовскій воскресъ черезъ меня, а мы тѣмъ временемъ страждемъ". Дегтяренко между тѣмъ далъ знать о происшествіи въ домъ Натальи Демьяновны, служители ея бросились выручать Будлянскихъ. „Намъ Разумовскихъ и надобно", завопилъ Грюнштейнъ и велѣлъ командѣ своей бить на повалъ, на смерть. Наталья Демьяновна выбѣжала сама на улицу, надѣясь остановить драку, но едва спаслась отъ побоевъ. На другой день Грюнштейнъ явился къ Натальѣ Демьяновнѣ и требовалъ отъ нея письменнаго заявленія о томъ, что зять ея бранилъ его и намѣревался бить тростью. „Какъ забойство начали дѣлать, такъ и росписку въ Москвѣ берите", отвѣчала Разумовская. „Меня Государыня жалуетъ: я не только зятю, но хотя бы и сыну вашему не уступилъ", сказалъ на это Грюнштейнъ и вышелъ вонъ. Дѣло это Грюнштейну не прошло даромъ, онъ попалъ въ тайную канцелярію, въ застѣнокъ, содержался въ Москвѣ въ тайной конторѣ и наконецъ съ женою и сыномъ сосланъ былъ въ Устюгъ [1]).

Въ то время какъ дворъ посѣщалъ Малороссію, графъ Кирила Григорьевичъ, достаточно подготовленный въ Кенигсбергѣ, съ пѣстуномъ своимъ переѣхалъ въ Берлинъ. Здѣсь младшій Разумовскій сталъ учиться подъ руководствомъ знаменитаго Леонарда Эйлера, стараго знакомаго Теплова по академіи Петербургской, при которой Эйлеръ профессорствовалъ 14 лѣтъ (1727—1741). Тепловъ изъ Берлина писалъ къ Шумахеру:

„Г. Эйлеръ, вполнѣ заслужившій пріобрѣтенную имъ извѣстность, дѣлаетъ наше пребываніе въ Берлинѣ чрезвычайно пріятнымъ и полезнымъ. Къ несчастію, мы принуждены покинуть его, потому что домъ у него и лѣтомъ и зимою слишкомъ тѣсенъ для насъ; притомъ же очень удаленъ отъ отеля его сіятельства графа Бестужева. Мы однако не пропускаемъ продолжать пользоваться уроками г. Эйлера" [2]).

Во время пребыванія графа Кирилы Григорьевича у Эйлера, зна-

---

[1]) Исторія Соловьева, XXII, 6—9.

[2]) Записки Имп. Академіи Наукъ, Т. VI (1864), статья покойнаго Пекарскаго: Екатерина II и Эйлеръ, стр. 60 и 61.

менитый математикъ показалъ ему подлинный гороскопъ, составленный имъ вмѣстѣ съ другими академиками по приказанію Анны Ивановны для новорожденнаго Ивана Антоновича. Заключеніе, выведенное обоими математиками, до того ихъ ужаснуло, что они рѣшили представить Государынѣ другой гороскопъ, предсказавшій молодому принцу всякія благополучія. Кромѣ Эйлера, Разумовскаго училъ еще Фридрихъ-Генрихъ Штрубе де-Пирмонъ, родомъ изъ Ганновера, членъ Петербургской академіи, бывшій долгое время секретаремъ Бирона, а потомъ графа Петра Григорьевича Чернышева, въ бытность послѣдняго посланникомъ при Берлинскомъ дворѣ. Въ письмѣ къ Шумахеру, отъ 2-го іюля 1744 изъ Берлина, Штрубе между прочимъ пишетъ: „досуга у меня здѣсь нѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я имѣю честь учить здѣсь г. Разумовскаго, который кажется столько же доволенъ мною, сколько я имъ...“ Но если учитель и ученикъ были довольны другъ другомъ, то образовались совершенно другого рода отношенія между Штрубе и Тепловымъ. Первый написалъ графу Алексѣю Григорьевичу доносъ на Теплова, который узналъ объ этомъ и въ длинномъ письмѣ къ Шумахеру горько жаловался на Штрубе. „Когда онъ (Штрубе)“, писалъ Тепловъ, „вопреки моей воли, выигралъ значительную сумму у молодого Разумовскаго въ карты, то я сдѣлалъ ему выговоръ за то. Вотъ почему онъ осмѣлился дѣлать неблагоразумныя и дерзкія попытки предъ графомъ Разумовскимъ, чтобы меня очернить и уронить въ его мнѣніи до такой степени, что въ своихъ письмахъ говорилъ обо мнѣ какъ объ игрокѣ, ворѣ, пьяницѣ и имѣющемъ другіе пороки, въ которыхъ я невиненъ даже передъ Богомъ... Вотъ его мнѣ признательность за 200 экю, которые доставилъ ему за ученіе г. Разумовскаго, за 200 руб., которые выхлопоталъ ему какъ почетному, но теперь безполезному члену нашей академіи, и за милость и благосклонность е. с. графа Разумовскаго, которыхъ достигнулъ по моей рекомендаціи. Несмотря на всѣ эти важныя услуги, онъ старался о моей погибели, хотѣлъ оттереть меня и, не краснѣя, писалъ о томъ е. с. Чтобы избавиться отъ непріятнаго затрудненія и освободиться отъ подобнаго врага, я его спроваживаю, отнимая у него вознагражденіе тою же властію, которою зависѣло отъ меня назначить...“ [1]). Пользуясь уроками Эйлера и Штрубе, Разумовскій занимался несомнѣнно и съ другими учителями, и изучалъ Французскій языкъ, бывшій въ то время

---

[1]) Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, I, 671—675. Враждебныя отношенія главнаго ментора съ учителемъ породили вѣроятно разные толки, которые дошли до Коржавина, разсказывавшаго впослѣдствіи: „что Кирила Григорьевичъ весьма недостоинъ такой чести и великаго чина и правленія Академіи, и скаредныя рѣчи говорили, якобы въ Берлинѣ штрафованъ“. Архивъ князя Воронцова, II, 313.

при дворѣ Фридриха-Великаго въ общемъ употребленіи. Король Прусскій, искавшій всякаго случая къ сближенію съ Россіею, узналъ черезъ посланника своего въ Петербургѣ, Мардефельда, о пребываніи молодого Разумовскаго въ Берлинѣ. Мардефельдъ просилъ короля оказать отличіе брату всемогущаго Петербургскаго фаворита. Фридрихъ поспѣшилъ развѣдать о мѣстѣ жительства Кирилы Григорьевича, пригласилъ его ко двору, приласкалъ его, а потомъ черезъ графа Подевильса (Podewils) послалъ къ нему золотую табакерку, съ вензелемъ его изъ брилліантовъ и портретомъ, украшеннымъ алмазами [1]). О Кирилѣ Разумовскомъ имѣла особенное попеченіе сама Государыня. Въ дневникѣ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ за 25 іюня 1744 сказано, что Елизавета Петровна „соизволила указать малороссійскаго старшинскаго сына, который нынѣ у господина оберъ-егермейстера живетъ, для наукъ, въ разсужденіе его хорошей къ тому способности, за море къ брату онаго оберъ-егермейстера камеръ-юнкеру Разумовскому отправить, и ему яко студенту на тамошнее содержаніе жалованіе противъ другихъ опредѣлить“ [2]). Этотъ старшинскій сынъ, отправленный для компаніи къ молодому Разумовскому, былъ Якимъ Яковлевичъ Борсукъ, сынъ бунчуковаго товарища, Якова Петровича Борсука. О немъ, какъ мы видѣли выше, упоминалъ въ письмѣ своемъ отъ 16 іюня 1744 г. Ададуровъ. Якимъ Борсукъ былъ впослѣдствіи переводчикомъ при иностранной коллегіи, флигель-адъютантомъ Алексѣя Григорьевича и наконецъ въ 1757 г. Стародубскимъ полковникомъ [3]).

Окончивъ курсъ наукъ въ Берлинѣ, Кирила Григорьевичъ съ Тепловымъ и, какъ мы думаемъ, Будлянскимъ переѣхалъ въ Гёттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи, а потомъ объѣхалъ Францію и Италію [4]). Сохранилось семейное преданіе о томъ, что онъ учился также въ Страсбургѣ. Это преданіе подтверждается тѣмъ, что Кирила Григорьевичъ туда черезъ двадцать лѣтъ отправилъ, вѣроятно по старой памяти, сыновей своихъ. Весною 1745 года мы уже встрѣчаемъ его въ Петербургѣ при дворѣ и 29 мая по возвращеніи изъ чужихъ государствъ, куда онъ, по своей къ полезнымъ наукамъ склонности, Высочайше былъ уволенъ, пожалованъ въ дѣйствительные камергеры и кавалеры Голштинскаго ордена св. Анны [5]).

Эта двухлѣтняя поѣздка совершенно преобразовала молодого Разу-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, I, 532.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 107.

[3]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ родовъ Черниговъ. губ., 63.

[4]) Рукописный историческій словарь Козодоева, хранившійся въ Чертковской библіотекѣ.

[5]) Дипломъ на графское достоинство графа Кирилы Григорьевича отъ 1 марта 1751.

мовскаго. Гельбигъ, вообще не очень снисходительный, говоритъ, что въ Берлинѣ Разумовскій былъ воспитанъ Эйлеромъ настолько удачно, насколько то было возможно безъ напряженія (ohne Anstrengung); онъ былъ не безъ познаній, и по-нѣмецки и по-французски говорилъ отлично [1]). По своемъ возвращеніи, Кирила Григорьевичъ является при пышномъ дворѣ Елизаветы истымъ вельможею, не столько по почестямъ и знакамъ отличія, сколько по собственному достоинству и тонкому врожденному умѣнью держать себя. Въ немъ не было въ нравственномъ отношеніи ничего такого, что французы такъ мѣтко назвали parvenu, хотя на самомъ дѣлѣ и онъ и братъ были *„parvenu“* въ полномъ смыслѣ слова, и поэтому мелочныя тщеславныя выходки, соединенныя съ этимъ понятіемъ, были бы ему вполнѣ извинительны. Отсутствіе геніальныхъ способностей вознаграждалось въ немъ,—прибавляетъ еще Гельбигъ,—страстною любовью къ отчизнѣ, правдивостью и благотворительностью, качествами, которыми онъ обладалъ въ высшей степени и благодаря которымъ онъ заслужилъ всеобщее уваженіе [2]). Не слѣдуетъ заключать изъ этихъ словъ Гельбига, чтобы младшій Разумовскій былъ лишенъ дарованій. Напротивъ того, „онъ былъ хорошъ собою“,—говоритъ Императрица Екатерина, „оригинальнаго ума, очень пріятенъ въ обращеніи и умомъ несравненно превосходилъ брата своего, который также былъ красавецъ, но былъ гораздо великодушнѣе и благотворительнѣе его“ [3]). Всѣ красавицы при дворѣ были отъ него безъ ума. „Я не знаю другой семьи“,—продолжаетъ Екатерина,—„которая, будучи въ такой отмѣнной милости при дворѣ, была бы такъ всѣми любима, какъ эти два брата“ [4]).

Таковымъ явился въ Петербургъ вчерашній казакъ и таковымъ онъ былъ до конца жизни. Почести и несмѣтное богатство не вскружили ему голову, роскошь и всѣ послѣдствія, съ нею неразрывныя, не испортили его сердца; онъ былъ добръ и великодушенъ, благотворителенъ, щедръ въ милостыняхъ, и, безъ малѣйшей гордости и спѣси, всѣмъ доступенъ, со всѣми ласковъ, полонъ живого оригинальнаго ума съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшливости. А было отъ чего вскружиться головѣ при дворѣ роскошной Елизаветы, и едва ли кто, подобно Разумовскому, съумѣлъ бы сохранить трезвость мыслей среди этого водоворота интригъ и непрестанныхъ наслажденій.

„Дворъ“,—говоритъ князь Щербатовъ,—„подражая, или, лучше ска-

---

[1]) Helbig, Russ. Günstlinge, 215.

[2]) Тамъ же, 218.

[3]) Mém. de Cath., II, 80.

[4]) Тамъ же, 81.

зать, угождая Императрицѣ, въ златотканыя одежды облекался; вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что̀ есть богатѣе, въ столѣ — все, что̀ есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ—все, что̀ есть рѣже, въ услугѣ,—возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, нестоль для нужды удобныя, какъ единственно для виду, учинялись нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Дома стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ; вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало, и человѣкъ дѣлался почтителенъ по мѣрѣ великолѣпности его житія и уборовъ" [1]).

Особенною роскошью отличались оба пріятеля графа Алексѣя Григорьевича: великій канцлеръ Бестужевъ, у котораго былъ погребъ „толь великій, что онъ знатный капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графамъ Орловымъ", и у котораго палатки, ставившіяся на его загородномъ дворѣ на Каменномъ-Острову, имѣли шелковыя веревки; да Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, „всегда имѣвшій великій столъ и гардеробъ, изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоявшій"; который во время 7-ми-лѣтней войны, „всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія можно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью съ собою перевозилъ". Впрочемъ, и старшій Разумовскій не отставалъ отъ своихъ пріятелей. Онъ первый, по свидѣтельству кн. Щербатова, сталъ носить брилліантовыя пуговицы, звѣзду, ордена и эполеты. Онъ велъ большую игру, самъ держалъ банкъ и нарочно проигрывалъ, „причемъ статсъ-дама Настасья Михайловна Измайлова (рожденная Нарышкина) и другія попросту изъ банка крадывали у него деньги, да и не только столь важныя лица, которыя потомъ въ надлежащемъ мѣстѣ выхваливали его щедрость, но и люди совсѣмъ безважные при томъ пользовались. За дѣйствит. тайн. сов. княземъ Иваномъ Васильевичемъ Одоевскимъ, Александровскимъ кавалеромъ и президентомъ Вотчинной Коллегіи, одинъ разъ подмѣтили, что онъ тысячи полторы въ шляпѣ перетаскалъ и въ сѣняхъ отдавалъ слугѣ своему" [2]). Роскошь при дворѣ приняла особенные размѣры. Готовились къ бракосочетанію Великаго Князя; всѣмъ придворнымъ чинамъ за годъ впередъ было выдано жалованье, такъ какъ они „по пристойности каждаго свои экипажи приготовить имѣютъ". Именнымъ указомъ велѣно было знатнымъ обоего пола особамъ изготовить богатыя платья, кареты цугами и пр.

[1]) О поврежденіи нравовъ въ Россіи, 59.
[2]) Зап. Порошина, 72.

„И понеже сіе торжество чрезъ нѣсколько дней продолжено быть имѣетъ, то хотя для онаго каждой персонѣ какъ мужской, такъ и дамамъ, по одному новому платью себѣ сдѣлать надобно (впрочемъ, всемилостивѣйше дозволялось дѣлать и болѣе). Служителей же при экипажахъ по нижеписанной пропорціи имѣть: 1-го и 2-го классовъ персонамъ у каждой кареты по 2 гайдука и отъ 8 до 12 лакеевъ, кто сколько похочетъ, токмо-бъ не менѣе 8 было, такожде по 2 скорохода и кто можетъ еще по 2 или по одному пажу и по 2 егеря“ и т. д. По этому росписанію даже лица четвертаго класса обязаны были имѣть не менѣе 4 лакеевъ [1]).

Изъ Парижа выписано было подробное описаніе всѣхъ церемоній празднествъ и банкетовъ, бывшихъ при свадьбѣ Дофина съ Инфантою Испанскою, а изъ Дрездена — всѣ рисунки, программы, объявленія и проч. тѣхъ торжествъ, которыми во время правленія роскошнаго Августа II сопровождалось бракосочетаніе сына его, царствующаго въ то время короля Польскаго. Государыня страстно любила празднества. При дворѣ бывали безпрестанные банкеты, куртаги, балы, маскарады, комедіи французская и русская, итальянская опера и проч. Всѣ они дѣлились на разныя категоріи; каждый разъ опредѣлялось, въ какомъ именно быть костюмѣ, въ робахъ, шлафорахъ или самарахъ, для дамъ, въ цвѣтномъ или богатомъ платьѣ для мужчинъ. Два раза въ недѣлю бывали при дворѣ маскарады, одни для двора и для тѣхъ лицъ, которыхъ Государыня удостоивала приглашеніемъ, другіе для 6 первыхъ классовъ и знатнаго шляхетства. Кромѣ того, бывали часто еще публичные праздники для дворянства. Иногда на нихъ допускалось и купечество и всякаго званія люди, кромѣ людей боярскихъ. На эти маскарады дамы должны были являться въ доминахъ съ „баутами“ и „быть на самыхъ малыхъ фижменахъ, т.-е. чтобъ обширностью были малые“. Строго запрещалось привозить съ собою малолѣтнихъ и употреблять въ убранствѣ хрусталь и мишуру. Дозволялось являться въ приличныхъ маскахъ и платьяхъ маскарадныхъ, „точію кромѣ пилигримскаго, арлекинскаго и непристойныхъ деревенскихъ“. Кромѣ того, мужчинамъ строжайше запрещалось имѣть при себѣ оружіе, т.-е. сабель, кинжаловъ и прочаго. На праздникахъ этихъ, „знатная маска“ отдѣлялась отъ „вольной маски“ [2]). Даже французы, которые въ то время гордились Версалемъ и его праздниками, не могли надивиться роскошью нашего двора.

„Красота и богатство аппартаментовъ“,—говоритъ де-ла-Месселіеръ,

---

[1]) Энциклоп. Словарь, состав. русскими учеными и литер. Отд. II. Елизавета Петровна, ст. Пекарскаго, стр. 468.

[2]) Камеръ-фуріерскіе журналы 40-хъ и 50-хъ годовъ.

секретарь Французскаго посольства,—„невольно поразили насъ; но удивленіе вскорѣ уступило мѣсто пріятнѣйшему ощущенію при видѣ болѣе 400 дамъ, наполнявшихъ оные. Онѣ были почти всѣ красавицы въ богатѣйшихъ костюмахъ, осыпанныхъ бриллiантами. Но насъ ожидало еще новое зрѣлище; всѣ шторы были разомъ спущены, и дневной свѣтъ внезапно былъ замѣненъ блескомъ 1200 свѣчей, которыя отражались со всѣхъ сторонъ въ многочисленныхъ зеркалахъ... Загремѣлъ оркестръ, состоявшій изъ 80 музыкантовъ. Великій Князь съ Великою Княгинею подали примѣръ танцамъ... Вдругъ услышали мы глухой шумъ, имѣвшій нѣчто весьма величественное. Двери внезапно отворились настежъ, и мы увидѣли великолѣпный тронъ, съ котораго сошла Императрица, окруженная своими царедворцами и вошла въ большую залу. Воцарилась всеобщая тишина. Государыня поклонилась троекратно... Дамы и кавалеры окружили насъ, говоря съ нами по-французски, какъ говорятъ въ Парижѣ. Зала была огромная, и заразъ танцовали до 20 минуетовъ, что производило довольно странную, но въ то же время пріятную для глазъ картину. Контраданцевъ вообще танцовали мало, всего нѣсколько польскихъ и англезовъ. Въ 11 часовъ оберъ-гофмейстеръ объявилъ Ея Величеству, что ужинъ готовъ. Всѣ перешли въ очень большую и богато-убранную залу, освѣщенную 900 свѣчами. По серединѣ стоялъ фигурный столъ на 400 персонъ. На хорахъ во все время ужина гремѣла вокальная и инструментальная музыка. Были кушанья всѣхъ возможныхъ странъ Европы, и прислуживали французскіе, русскіе, нѣмецкіе и итальянскіе оффиціанты, которые старались ухаживать за своими соотечественниками“ [1]).

На этихъ балахъ и маскарадахъ часто разыгрывались лоттереи, и почти всегда садились за ужинъ по билетамъ, которые раздавались гостямъ, такъ что случай рѣшалъ, какому кавалеру сидѣть около какой дамы.

Банкеты бывали великолѣпные; обыкновенно среди фигурнаго стола дѣлали „преизрядною фигурою, фонтанъ съ коскадами, который во все время кушанія играніемъ воды продолжался, и около коскада установлено бывало премножество налитыми бѣлымъ воскомъ шкаликами, которые въ то время были зажжены, также въ залѣ и галлереѣ въ паникадилахъ и кронштейнахъ зажжено бывало премножество бѣлаго воска свѣчъ“ [2]).

Въ 1744-мъ году Елизавета Петровна вздумала приказать, чтобы

---

[1]) Voyage à St.-Pétersbourg ou nouveaux mémoires sur la Russie par M. de la Messelière, 120—123.

[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1750 г.

на нѣкоторые придворные маскарады всѣ мужчины являлись безъ масокъ въ огромныхъ юпкахъ на фижмахъ, одѣтые и причесанные какъ одѣвались дамы на куртагахъ, а дамы въ мужскомъ придворномъ платьѣ. Такія метаморфозы крайне не нравились мужчинамъ, которые бывали оттого въ дурномъ расположеніи духа. Съ другой стороны, дамы казались жалкими мальчиками; кто былъ постарѣе, ту безобразили толстыя и короткія ноги. Но мужской костюмъ вполнѣ шелъ Государынѣ, и несчастные дамы и кавалеры должны были покоряться судьбѣ своей. При высокомъ ростѣ и нѣкоторой полнотѣ, Елизавета Петровна была чудно хороша въ мужскомъ нарядѣ. Ни у одного мужчины не было такой прекрасной ноги: нижняя часть особенно была необыкновенно стройна. Государыня во всякомъ нарядѣ умѣла придавать движеніямъ своимъ особенную прелесть [1]); она танцовала превосходно и отличалась особенно въ менуэтѣ и русской пляскѣ. Извѣстный въ то время балетмейстеръ Ланде говаривалъ, что нигдѣ не танцовали менуэта лучше, чѣмъ въ Россіи [2]). Великая Княгиня тоже страстно любила танцы и иногда по три раза на балѣ мѣняла платье. Кокетство было тогда въ большомъ ходу при дворѣ, и всѣ дамы только и думали о томъ, какъ бы перещеголять одна другую [3]).

Императрица первая подавала примѣръ щегольства; во время пожара въ Москвѣ въ 1753 г., у нея сгорѣло 4000 платьевъ [4]), а послѣ смерти ея Петръ III нашелъ въ гардеробѣ ея слишкомъ 15,000 платьевъ, частью одинъ разъ надѣванныхъ, частью совершенно не ношенныхъ; 2 сундука шелковыхъ чулокъ; лентъ, башмаковъ и туфлей до нѣсколькихъ тысячъ, болѣе сотни неразрѣзанныхъ французскихъ матерій и проч. [5]). Никто не смѣлъ одѣваться и причесываться такъ же какъ Государыня. Елизавета Петровна имѣла особое попеченіе о туалетѣ своихъ придворныхъ; такъ, въ 1748 году Е. И. В. изволила указомъ объявить, чтобъ дамы волосы убирали по прежнему: заднихъ отъ затылка не подгибали вверхъ, а ежели когда надлежитъ быть въ робахъ, тогда дамы имѣютъ задніе отъ затылка волосы подгибать къ верху [6]); а въ 1752 году предписано было оберъ-гофмейстеринѣ, гофмейстеринѣ, статсъ-дамамъ, фрейлинамъ, придворнымъ кавалерамъ съ фамиліями, и генералитету первымъ 4-мъ классамъ съ фамиліями-жъ, во время

---

1) Mémoires de Catherine, II, 148—149.

2) Вейдемейеръ, Царствованіе Елизаветы Петровны, 61.

3) Mémoires de Cath., II, 149.

4) Тамъ же, 199. Въ архивныхъ дѣлахъ того времени по сношеніямъ съ Франціею, къ донесеніямъ нашихъ пословъ безпрестанно прилагались длинные счеты закупаемыхъ для двора тканей.

5) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1866, IV. Смѣсь, стр. 100.

6) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1748 г.

Высочайшаго Е. И. В. въ Петергофѣ присутствія въ куртажные дни имѣть платье: дамамъ кафтаны бѣлые тафтяные, обшлага, опушки и юпки гарнитуровыя зеленыя, по борту тонкій позументъ, на головахъ имѣть обыкновенный папельонъ, а ленты зеленыя, волосы вверхъ гладко убраны; кавалерамъ: кафтаны бѣлые, камзолы, да у кафтановъ обшлага маленькіе, разрѣзные и воротники зеленые, кто изъ какой матеріи пожелаетъ, съ выкладкою серебрянаго позумента около петель, и притомъ у тѣхъ петель, чтобъ были кисточки серебряныя-жъ, небольшія, какъ оныя прежде сего у Петергофскаго платья бывали" [1]).

Не смотря на цѣлый рядъ подобныхъ предписаній, которыми предполагалось ограничить издержки частныхъ людей, роскошь съ каждымъ годомъ усиливалась, тѣмъ болѣе, что другими Высочайшими же приказами не только она была терпима, но даже дѣлалась обязательною для людей высшаго круга. Но за этимъ внѣшнимъ блескомъ, за этими румянами, фижмами и бриллiантами, крылись азіатская неопрятность и неряшество. Во время путешествій Государыни, свиту и даже Великаго Князя и Великую Княгиню помѣщали кое-какъ въ людскихъ палаткахъ; иногда въ комнатахъ Великой Княгини была по колѣно вода, иногда печи въ ея спальнѣ имѣли огромныя щели. Въдобавокъ при дворѣ бывалъ такой недостатокъ въ мебели, что зеркала, постели, стулья, столы и комоды перевозились изъ зимняго дворца въ лѣтній, оттуда въ Петергофъ, Царское Село и даже Москву. При этихъ переѣздахъ все ломалось и билось, и безъ всякой починки становилось въ комнатахъ. Для каждой незначительной поправки требовалось именное приказаніе Императрицы, добраться до которой было очень мудрено, или же совсѣмъ невозможно [2]). Въ богатыхъ домахъ вмѣстѣ съ гайдуками, гусарами, скороходами въ великолѣпныхъ ливреяхъ, сновала безпрестанно босоногая челядь въ лохмотьяхъ. Въ спальной комнатѣ Елизаветы Петровны спалъ, на тюфячкѣ, ея бывшій лакей Чулковъ; близъ спальной Великой Княгини въ небольшомъ покоѣ, во время томящаго зноя, жило 17 человѣкъ разной прислуги, которые не имѣли иного выхода, какъ черезъ комнаты самой Екатерины [3])...

Но всѣ эти мелочи ускользали отъ Кирилы Григорьевича, который вполнѣ и отъ души предавался удовольствіямъ свѣта. Къ свадьбѣ спѣшили гости изъ Малороссіи. Наталья Демьяновна собралась со всею семьею, оставивъ въ Адамовкѣ одну только дочь Анну Григорьевну Закревскую, которая передъ тѣмъ разрѣшилась отъ бремени и

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ. 1752 г.

[2]) Mémoires de Catherine II, 163.

[3]) Тамъ же, 197.

поэтому не могла предпринять дальняго пути. „Былъ у старушки Розумовской“, пишетъ отъ 8-го іюня 1745-го Марковичъ, „которая сегодня пріѣхала въ Глуховъ, а послѣ-завтра отъѣдетъ въ Петербургъ“ [1]). Наталья Демьяновна ѣхала по зову Государыни, но главнымъ образомъ влекло ее на сѣверъ свиданіе съ младшимъ сыномъ, только что вернувшимся изъ дальняго странствованія. Мы уже упомянули, что Елизавета Петровна особенно благоволила къ Аннѣ Григорьевнѣ Закревской, которая вѣроятно была любимою сестрою графа Алексѣя Григорьевича. Какъ скоро Государыня узнала, что Закревская осталась въ Адамовкѣ, за нею отправленъ былъ кабинетъ-куріеръ Писаревъ. Передъ отъѣздомъ Писаревъ получилъ подробную инструкцію, которая въ двухъ редакціяхъ сохранилась въ Государственномъ Архивѣ.

„Указъ кабинетъ-куріеру Писареву. Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, и его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ объявить нашу милость и соизволеніе, что хотимъ, дабы она пріѣхала сюды для присутствія на бракѣ нашего племянника Его Императорскаго Высочества Великаго Князя, а понеже оная госпожа по отъѣздѣ сюда матери своей осталась беременна въ послѣднихъ дняхъ къ рожденію, что можетъ быть и воспослѣдствовало уже, и для того ѣхать ей сюды соизволяемъ не ранѣе (оставленъ пробѣлъ) недѣли послѣ рожденія младенца; такожъ и время назначеннаго брака въ половинѣ Августа и для того, ежели до пріѣзду твоего уже оная госпожа родила, то ей, считая по рожденіи (пробѣлъ) недѣль и въ путь убираться, сюда ѣхать возможно; еслиже оная госпожа родила въ сихъ числахъ, то ей уже времени на исправленіе отъ болѣзней рожденія и сюда пріѣхать не достанетъ, то уже ѣхать ей сюда какъ можетъ исправиться“.

Вѣроятно еще до отъѣзда Писарева, получено было извѣстіе о разрѣшеніи отъ бремени Анны Григорьевны: рядомъ съ редакціею, приведенною выше, находимъ другую, писанную рукою кабинетъ-министра барона Ивана Антоновича Черкасова:

„Ѣхать тебѣ въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго въ село Адамовку, къ его женѣ Аннѣ Григорьевнѣ. Посланное съ тобою своеручное письмо Ея Императорскаго Величества отдать и потомъ посланный съ тобою жъ пакетъ отъ графа Лестока доктору Унгеборну или лѣкарю Яхонтову въ Кіевѣ отдать, куда и ѣхать тебѣ, межъ тѣмъ какъ оная госпожа Анна Григорьевна станетъ въ путь ѣхать сюды собираться и онаго лѣкаря Яхонтова и съ лѣкарствами взять тебѣ при оной же госпожѣ.

„Для пріѣзда оной госпожи сюда брать подводы по указу данному

---

[1]) Записки Марковича, II, 223.

тебѣ изъ ямской канцеляріи, сколько потребно, съ заплатою прогоновъ, на что дано тебѣ изъ кабинета Е. И. В. 500 рублевъ и чтобъ, какъ при оной госпожѣ поѣдешь, было ей приготовлено всякое потребное въ пути довольство и покой. Также и лѣкарю подводы и пищу давать, какъ можетъ доволенъ быть. Расходныхъ денегъ записывать и по пріѣздѣ подать оный расходъ и остаточныя деньги, что будетъ, въ кабинетъ Е. И. В.". Съ боку приписано:

„И на покупку потребныхъ медикаментовъ нужныя деньги употреблять".

Елизавета Петровна собственноручно писала Аннѣ Григорьевнѣ слѣдующее:

„Г. Анна Григорьевна.

„По приѣзде онаго курера, ежели Богъ васъ в совершенное здравіе после родовъ привелъ, то пожалуй какъ возможно скорея сберитеся и дочку, которая четверолетняя, объ которой изъперва вамъ писанно было, только за немощию не прислали, то теперь с собою возмите и какъ возможно скорея приежайте к намъ, дабы застать свадьбу племяника моего, которую чрезъ помощь Божию надеюсь въ будущей месицъ совершит, и желаю всемъ серцемъ и васъ при оной видить; а что вамъ ко оной дороге что надобно, то куреру оному прикажите, я ему все велела исполня (ть), что вамъ потребно будетъ.

Елисаветъ" [1]).

Пакетъ отъ Лестока содержалъ указъ лѣкарю Яхонтову:

„Указъ Е. И. В. Самодержицы Всероссійской изъ медицинской канцеляріи Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову.

„Сего Іюля 13-го дня по Е. И. В. указу Е. И. В. дѣйствительный тайный совѣтникъ, первый лейбъ-медикусъ, директоръ главный надъ медицинскою канцеляріею, и всѣмъ медицынскимъ факультетомъ, рейхсъ-графъ господинъ Лестокъ приказалъ послать къ тебѣ указъ и велѣть по полученіи онаго явиться тебѣ немедленно къ отправляющейся въ Санктъ-Петербургъ превосходительнѣйшаго господина оберъ-егермейстера, Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, графа Алексѣя Григоріевича Разумовскаго сестрѣ Аннѣ Григоріевнѣ, въ селѣ Адамовкѣ и для пользованія въ случаѣ болѣзни ѣхать при ней до Санктъ-Петербурга, а прибывъ явиться въ медицинскую канцелярію. И Кіевскаго гарнизона лѣкарю Яхонтову учинить о томъ по сему Е. И. В. указу. С.-Петербургъ іюля 13-го дня 1745 года. У подлиннаго подписано по нѣмецки: графъ Лестокъ" [2]).

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1867 г., IV. Смѣсь, стр. 38.

[2]) Изъ государственнаго архива. Дѣло подъ заглавіемъ: „О привозѣ ко двору

Кромѣ этого, Писареву вручены были слѣдующіе два указа въ ямскую и Малороссійскую генеральную войсковую канцелярію:

„Въ Ямскую канцелярію.

„По Е. И. В. указу отправляется отселя въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства оберъ-егермейстера, Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ Ямской канцеляріи дать указъ съ причётомъ въ такой силѣ: ежели оный Писаревъ во всѣхъ отъ того села, ямахъ или почтовыхъ станахъ, состоящихъ въ командѣ ямской канцеляріи, подъ оную госпожу, при ней подлѣкаря, медикаментовъ, служителей ея и подъ багажи ея, будетъ требовать сколько и когда ямскихъ или обывательскихъ подводъ, чтобъ ямскіе управители и старосты давали безъ всякаго задержанія за указные прогоны, а ему Писареву отселя до онаго села, также отъ онаго до Кіева и обратно въ то село для привоза лѣкаря и медикаментовъ дать подводъ, сколько потребуется“ [1]).

Изъ кабинета Е. И. В. въ Малороссійскую войсковую канцелярію:

По Е. И. В. указу отправляется отсель въ Малую Россію въ домъ Кіевскаго полку полковаго есаула Іосифа Закревскаго, въ село Адамовку, для препровожденія сюды жены его, а его сіятельства, оберъ-егермейстера и Е. И. В. лейбъ-компаніи поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго сестры, Анны Григорьевны, кабинетъ-куріеръ Петръ Писаревъ, которому изъ оной канцеляріи дать указъ въ такой силѣ, чтобы оному Писареву вѣдомство Малороссійской генеральной канцеляріи до показаннаго села и оттоль до Кіева и обратно, по селамъ и деревнямъ и мѣстечкамъ состоящимъ въ командѣ оной канцеляріи, сколько и когда будетъ требовать подъ оную госпожу и при ней будущихъ и себя подводъ обывательскихъ, давали бъ безъ всякаго задержанія во всемъ вѣдомствѣ оной канцеляріи за указную плату, и Малороссійская генеральная войсковая канцелярія имѣетъ учинить по Е. И. В. указу“.

Какъ видно, Анна Григорьевна ѣхала медленно. Къ ней на встрѣчу отправленъ былъ другой кабинетъ-курьеръ Гурьевъ съ слѣдующимъ предписаніемъ отъ барона Ивана Антоновича Черкасова:

„По указу Е. И. В. принять тебѣ съ конюшни берлинъ со всѣми

изъ Малой Россіи есаула Закревскаго жены (другою рукою) его и графа Разумовскаго матери съ дѣтьми“. О пріѣздѣ Натальи Демьяновны въ дѣлѣ этомъ, впрочемъ, никакихъ бумагъ нѣтъ.

[1]) Тамъ же.

путевыми припасами и по данной подорожной нужныя лошади впречь и ѣхать по Московской дорогѣ на встрѣчу кабинетъ-куріеру Писареву и гдѣ его ѣдущаго сюда встрѣтишь при сестрѣ его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Аннѣ Григорьевнѣ, то оной госпожѣ объявить Е. И. В. соизволеніе, дабы въ оный посланный съ тобою берлинъ изволила сѣсть и для поспѣшенія съ одною дѣвкою только ѣхать сюда, какъ возможно скорѣе, дабы могла поспѣть сюда къ 20-му сего мѣсяца, ежели ранѣе невозможно, и тебѣ самому при ней ѣхать. И на всѣхъ почтовыхъ станахъ велѣть десять лошадей денно и ночно имѣть во всякой готовности съ людьми и хомутами. На оный путь для платежа прогоновъ принять тебѣ изъ кабинета сто рублевъ, изъ которыхъ употреблять на пищу, ежели у Писарева денегъ мало. А гдѣ надлежитъ ей обѣдать или ужинать, то посылать напередъ приготовлять, дабы затѣмъ въ пути долго не мѣшкать, такожъ тебѣ или Писареву ѣздить всегда впереди для того, такожъ и лошадей приготовить. А у багажа ея оставить людей. Б. Ив. Ч. [1]).

„18 августа 1745".

Нѣсколько ранѣе Наталіи Демьяновны выѣхали ея племянники и внуки Стрѣшенцовы, Закревскіе и Будлянскіе. „Я былъ", записываетъ въ Діаріумѣ своемъ Николай Даниловичъ Ханенко подъ 3 февралемъ 1745 г., „у племянниковъ графа Разумовскаго, прибывшихъ въ Москву изъ Козельца". Сама Наталья Демьяновна прибыла въ Петербургъ 6 іюля „и стала квартирою на Смольномъ дворѣ" [2]).

Не одно семейство Разумовскихъ спѣшило на сватьбу; туда еще отправились генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, кумъ Государыни, которому она пожаловала села Вишняки и Горожинъ; ѣхала съ нимъ и жена его, которую Елизавета Петровна, говорятъ, полюбила за сходство ея съ покойною Императрицею Екатериною I-ою и пригласила въ Петербургъ [3]). Кромѣ того, ѣхали еще для присутствія при бракосочетаніи депутаты, избранные отъ народа Малороссійскаго: генеральный обозный Лизогубъ, генеральный хорунжій Н. Д. Ханенко и бунчуковый товарищъ Василій Андреевичъ Гудовичъ. Сенатъ опредѣлилъ сначала всѣмъ тремъ депутатамъ на содержаніе по 30 рублей въ мѣсяцъ, т.-е. по 10 рублей на каждаго. Государыня, узнавъ о томъ черезъ графа Алексѣя Григорьевича, отправила въ Сенатъ слѣдующій указъ:

„Мы увѣдомились, что Малороссійскимъ чиновникамъ назначено на наемъ квартиры, съ покупкою дровъ и свѣчъ, по 10 рублей въ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Записки Марковича, II, 218.

[3]) Бантышъ-Каменскій, „Исторія Малой Россіи", III, 192—193.

мѣсяцъ, по примѣру выдачи, производившейся имъ въ 1727 году въ Москвѣ; но какъ они пріѣхали поздравить насъ съ бракосочетаніемъ возлюбленнаго нашего племянника, то повелѣваемъ дать имъ квартиру и по сту рублей въ мѣсяцъ и впредь съ такими пріѣзжими поступать по сему, дабы подданнымъ вѣрнымъ нашимъ не было обиды противъ ихъ достоинства“ [1]).

Разумѣется, депутаты были своими людьми у Алексѣя Григорьевича. Только-что Ханенко пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ онъ уже отмѣчиваетъ въ своемъ дневникѣ: „вручилъ графу Разумовскому письма“. 22-го іюня онъ пишетъ... „послѣ обѣда отъѣхалъ съ сыномъ Васильемъ до Петергофа и на 18-ой верстѣ отъ Петербурга встрѣтилъ Государыню ѣдущую верхомъ и Ея Величество съ графомъ Разумовскимъ о моемъ дѣлѣ припомнить изволила“. Сейчасъ же, послѣ пріѣзда Натальи Демьяновны, депутаты отдаютъ ей „визиту“, постоянно у нея обѣдаютъ; у нея на Смольномъ дворѣ живутъ Малороссіяне, Журманъ и Борсукъ, а жена генеральнаго бунчужнаго Оболонскаго вмѣстѣ съ нею переѣхала въ Петергофъ. На другой день послѣ переѣзда ихъ, Ханенко тоже туда отправился: „отъѣхавъ съ сотникомъ Вибельскимъ Тризною и ужинали на квартирѣ г. Разумовской у Пустоты“. 21-го іюля депутаты ужинаютъ у Разумовскаго въ лѣтнемъ дворцѣ „купно съ архіереями“. 23-го Іюля Наталья Демьяновна, а при ней и бунчужный съ женою отъѣхали въ мызу, называемую Гостилицъ. Государыня была къ Малороссіянамъ крайне благосклонна. „Рано были съ обознымъ генеральнымъ, первый у графа Разумовскаго, потомъ и самой Государынѣ кланялись и у ручки были и обѣдали у приватнаго стола при присутствіи Ея Величества въ лѣтнемъ дворцѣ“. Были у ручки Государыни. Были рано у графа Разумовскаго, гдѣ Государынѣ, при поднесеніи нѣсколькихъ сосудовъ рожовой водки, кланялся войтъ Нѣжинскій—Стеріевичъ. Рано были во дворцѣ и кланялись Государынѣ, отъѣзжавшей въ Царское Село и у ручки были и до поздна пребывали у госпожи Разумовской“ [2]). Какъ видно, милостивое обхожденіе Императрицы къ Малороссіянамъ было нѣкоторымъ царедворцамъ не по сердцу и они позволяли себѣ при дворѣ на ихъ счётъ насмѣшки, но Малороссы, сильные всемогущимъ покровительствомъ супруга Елизаветы „зло огрызались“ [3]). 21-го Августа отпразднована была съ необыкновеннымъ блескомъ свадьба наслѣдника престола. Десять дней продолжались торжества; балъ смѣнялся банкетомъ, банкетъ маскарадомъ, маскарадъ

---

[1]) Марковичъ, Ист. М. Россіи II, 623—631.

[2]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[3]) Записки Марковича, II, 229.

„италіанскимъ дѣйствіемъ называемымъ пастораль“, пастораль оперой, французскими комедіями, балетами и пр. На всѣхъ торжествахъ Малороссійскіе депутаты занимали почётныя мѣста. Около 140 богатыхъ каретъ насчитывали въ брачномъ поѣздѣ, изъ нихъ особымъ изяществомъ отличалась сіяющая зеркалами и позолотою карета Семёна Кириловича Нарышкина. При дворѣ блистала новая богатая статсъ-ливрея, сукно и галуны для которой выписывались изъ-за границы.

ГЛАВА IV.

Толки о гетманствѣ.—Придворная жизнь Кирилы Григорьевича.—Президентство.—Женитьба.

Среди развлеченій столичной жизни, Оболонскій, Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ, къ которымъ еще присоединился пріѣхавшій изъ Глухова Кочубей, не забывали нуждъ Малороссіи и всячески старались скорѣе довести до конца порученія, на нихъ возложенныя генеральною старшиною. Уже 18 сентября 1745 года Ханенко говоритъ, что „поданъ графу А. Г. Разумовскому краткій меморіалъ о нуждахъ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ“.

Черезъ три дня Малороссіяне снова идутъ во дворецъ—„21 сентября рано вси, а въ вечеру я самъ былъ во дворцѣ у графа Разумовскаго для разговору о поданномъ ему меморіалѣ“. Еще три дня спустя подана была „*чертѣна* (черновая?) челобитной для усмотрѣнія графа и копіи грамоты и письма“. 7-го октября, послѣ обѣда у бунчужнаго, депутаты поѣхали къ рейхсъ-графу и „какъ виноградомъ, такъ и виномъ подчиваны отъ него и всякіе держали разговоры, въ томъ числѣ и о гетманѣ. Потомъ были на комедіи французской“. Рѣшенія, однако, никакого не выходило, но депутатамъ дали почувствовать, кого имъ готовили въ начальники и ихъ мало-по-малу сближали съ молодымъ братомъ всемогущаго фаворита, заранѣе, хотя и втайнѣ, назначеннаго въ гетманы.

„Обѣдалъ (20 ноября 1745 года) я съ Гудовичемъ у г. Разумовской съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ и Тепловымъ“. „Были во дворцѣ у графа Кирилы Григорьевича“, пишетъ Ханенко. Изъ Мало-

россіи торопили депутатовъ. „1 декабря рано утромъ были у графа Алексѣя Григорьевича и письмо къ нему писанное отъ старшины генеральной мною подано“. Отвѣта все не было, однако, 25 декабря, на Рождество „*пріѣздилъ* (sic) къ депутатамъ капитанъ-поручикъ Марковичъ съ нѣкоторымъ обнадеживаніемъ отъ графа Разумовскаго“ [1]).

Итакъ, Лизогубу, Ханенкѣ и Гудовичу, волею-неволею, приходилось сидѣть у моря и ждать погоды, пользуясь своимъ пребываніемъ въ столицѣ и близкими отношеніями ко двору, чтобы обдѣлывать свои частные дѣлишки.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наталья Демьяновна хорошо знала, кто будетъ со временемъ гетманомъ на Украйнѣ; но, несмотря на то, что она жила въ Петербургѣ въ кругу семьи, среди многочисленнаго общества земляковъ, ее снова тянуло въ Малороссію. Какъ видно изъ дневника Ханенки, она почти ежедневно или угощала у себя малороссіянъ, или сама у нихъ обѣдала. Кромѣ того, она часто видалась съ живущими въ Петербургѣ архіереями, которые почти всѣ были ея земляками. Но старушка не дождалась рѣшенія судьбы ея меньшаго сына, она рѣшилась разстаться съ внучатами и близкими родственниками, между прочимъ, съ племянницею Авдотьею Герасимовною Журавкою, рожденною Стрѣшенцовою, и стала собираться назадъ въ Адамовку. 14 Января 1746 года былъ у графа Алексѣя Григорьевича, въ собственномъ его домѣ, что былъ прежде Цесаревинъ дворецъ на Царицыномъ лугу—сговоръ нѣжинскаго полковника Семена Васильевича Кочубея съ двоюродною сестрою графскою Ксеніею Герасимовною Стрѣшенцовою. Женихи размѣнялись перстнями, „которые сама Государыня отдавать и на руки жаловать изволила, потомъ была вечеря, гдѣ и мы (депутаты) у стола сидѣли и кушали, а по ужинѣ были танцы, до коихъ и насъ употреблено. Тогда же графъ принесъ золотую табакерку съ алмазами и подарилъ Кочубею“ [2]). Черезъ два дня послѣ сговора, т.-е. 18 Января, Наталья Демьяновна, погостивъ шесть мѣсяцевъ у сыновей, отъѣхала изъ столицы. Она отправилась съ дочерьми, не думая, что въ послѣдній разъ прощается съ старшимъ сыномъ, оставляя внуковъ и внучекъ, родныхъ и двоюродныхъ, Будлянскихъ, Закревскихъ, Дарагановъ и Стрѣшенцовыхъ на его попеченіи. Передъ нею поскакалъ въ Козелецъ кабинетъ-курьеръ Писаревъ съ слѣдующимъ указомъ изъ кабинета Государыни:

„Е. И. В. указала для проѣзда отъ Санктъ-Петербурга до Малой Россіи оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-пору-

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Тамъ же.

чика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго матери съ дочерьми въ домъ ея, находящіеся на Московской дорогѣ, такоже ежели есть и отъ Москвы, дворцы протапливать и имѣть въ чистотѣ. И того ради ѣхать тебѣ чрезъ Новгородъ до Малой-Россіи тѣмъ трактомъ, куда вышеобъявленнымъ персонамъ въ домъ ихъ слѣдовать надлежитъ, и приставленнымъ къ тѣмъ дворцамъ указъ Е. И. В. объявить, чтобъ во оныхъ дворцахъ покои протапливали и имѣли въ чистотѣ, и когда означенныя персоны прибудутъ, то имъ въ тѣхъ дворцахъ станцію имѣть не только безпрепятственно, но и со всякимъ учтивствомъ допускали-бъ, а когда проѣдутъ, то оныхъ дворцовъ больше не протапливать. Ежели иногда въ которыхъ дворцахъ дровъ недостаточно будетъ, въ такомъ случаѣ немедленно велѣть тамошнимъ обывателямъ, сколько потребно, привезть, а какъ обрѣтающимся при тѣхъ дворцахъ приставникомъ, такъ и находящимся въ тамошнихъ мѣстахъ обывателямъ чрезъ сіе имяннымъ Е. И. В. объявляется, чтобы они въ томъ были тебѣ послушны, чего ради имѣешь ты, гдѣ кому надлежитъ, сей указъ для прочтенія объявлять, и отъ послѣдняго дворца обратно ѣхать тебѣ въ Петербургъ. Будучи тебѣ въ пути, обидъ нигдѣ никому не чинить и безденежно подводъ не брать подъ опасеніемъ штрафа по указамъ“.

Подписано отъ 9-го января 1746 года [1]).

Изъ кабинета было въ то же время предписано въ ямскую канцелярію:

„По указу Е. И. В. посылается изъ кабинета Е. В. для нѣкотораго дѣла въ Малую-Россію до Козельца кабинетъ-курьеръ Петръ Писаревъ, которому надлежитъ до показаннаго мѣста и обратно въ С.-Петербургъ по двѣ почтовыя подводы за указные прогоны, подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить оное по Е. И. В. указу“.

9 января 1746 года [2]).

Дорогою постигло Писарева несчастіе: близъ Тулы ему „незапнымъ случаемъ выломали ногу“, и на его мѣсто, по распоряженію тульской провинціальной канцеляріи, для подготовленія дворцовъ до Козельца, отправленъ былъ канцеляристъ Тимоѳей Садовниковъ [3]).

Наталья Демьяновна съ дочерьми и прислугой отправилась изъ Петербурга на 80-ти ямскихъ подводахъ, что́ видно изъ слѣдующаго предписанія въ ямскую канцелярію:

---

[1]) Государственный архивъ: дѣло о привозѣ ко двору и пр.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

„Изъ кабинета Е. И. В. въ Ямскую канцелярію. Ея Императорское Величество указали:

„Отправляется отсуда въ домъ свой въ Малую-Россію до мѣстечка Козельца оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и кавалера, рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго мать съ дочерьми, которымъ для проѣзду ихъ со свитою до показаннаго мѣста Е. И. В. указали дать на 80 ямскихъ подводъ за указный платежъ подорожную, и Ямская канцелярія имѣетъ учинить о томъ по Е. И. В. указу“ [1]).

Внуки и внучки Натальи Демьяновны помѣщены были во дворцѣ. Не только Алексѣй Григорьевичъ, но и сама Государыня любила и ласкала ихъ, что́ подало поводъ, какъ мы увидимъ далѣе, къ разнымъ слухамъ касательно ихъ происхожденія. Особенно полюбила Государыня дочерей Анны Григорьевны Закревской. Къ племянникамъ и къ племянницамъ Алексѣя Григорьевича приставлена была нѣкто мадамъ Шмитъ или Шмитша, какъ она названа въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ [2]). Шмитша эта была родомъ чухонка и жена придворнаго трубача; ее также называли „мадамъ Іоганной“ [3]).

Она отличалась необыкновенною толстотою и массивностію, была бой-баба и сохранила отъ прежней лагерной жизни особенную грубость тона. Шмитша обязана была своимъ назначеніемъ покровительству старыхъ нѣмокъ и шведокъ, находившихся въ числѣ Императрицыныхъ камеръ-фрау, а потомъ, благодаря умѣнью шпіонить и сплетничать, играла довольно важную роль при дворѣ и назначена была гофмейстериною при фрейлинахъ [4]).

Кромѣ Шмитши, или Іоганны, при племянникахъ Алексѣя Григорьевича состояли еще главнымъ гувернеромъ—нѣкто Носке, бывшій впослѣдствіи гофмейстеромъ при камеръ-пажахъ, да лотарингецъ Францискъ Сосеротъ — для обученія ихъ французскому языку и штилю [5]).

Для племянниковъ и племянницъ съ мадамой бывали во всѣ дни отъ двора ординарные столы, да, кромѣ того, имъ же ежедневно отпускалось разныхъ питей на 4 р. 41 к., а учителю Носке на 32 съ $^1/_2$ копѣйки [6]). Родственники Алексѣя Григорьевича безпрестанно видались съ Малороссійскими депутатами. „Рано были у насъ“, помѣчаетъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1748.

[3]) Anecdotes ou recueuil de coutumes etc. VI, 82.

[4]) Mém. de Catherine, II, 249.

[5]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1748, и Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова. Носке былъ учителемъ И. И. Шувалова.

[6]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1748.

Ханенко, „племянники графа Разумовскаго, Василій Ефимовичъ Дараганъ и Михайло Власьевичъ (Будлянскій) съ учителемъ своимъ г-омъ Носке, мимоѣздомъ въ монастырь Невскій". — „Обѣдалъ я у дѣтей Носкомъ обучаемыхъ". „Послѣ обѣда были у насъ племянники графскіе, Михайло Власьевичъ и Василь (sic) Ефимовичъ и сынъ Якубовича Александръ съ учителемъ г. Носкомъ. Были у насъ Носке съ женою своею и племянники графскіе. Ѣздили до Ивана Журавки, гдѣ и ужинали съ нимъ и съ камерюнгферами, свойственницами графа Разумовскаго, да съ племянницею мадамъ Іоганны" и т. д. [1]).

Депутаты продолжали проживать въ неизвѣстности, наконецъ, 6-го марта 1746 г., были они у Алексѣя Григорьевича и получили декларацію о бытіи гетмана. Депутаты обрадовались, поспѣшили вручить графу Кирилѣ Григорьевичу, по требованію его, всѣ рѣчи, говоренныя ими Государынѣ и Великому Князю до время брака его [2]), и ожидали со дня на день отпуска, — но дѣло снова отложено было въ долгій ящикъ, и бѣдные хохлы, уже давно страдавшіе тоскою по родинѣ, снова принуждены были бить баклуши по Петербургу. Однако, дѣло гетманское было уже дѣломъ рѣшеннымъ. Канцлеръ графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ въ запискѣ къ графу Михайлѣ Илларіоновичу Воронцову говоритъ: „между тѣмъ приказалъ я оберъ-секретарю нѣкоторыя письма, касающіяся до гетманства, которыя васъ въ коллегіи не застали, къ вамъ привезти" [3]).

Но, во-первыхъ, Елизавета Петровна не любила скоро на что-либо рѣшаться, а съ другой стороны,—несомнѣнно, что юному кандидату вовсе было не до гетманства. Онъ и думать не хотѣлъ о выѣздѣ изъ Петербурга и всячески оттягивалъ рѣшеніе Государыни.

Графъ Кирила Григорьевичъ, попавшій изъ Лемѣшовской хаты на школьную скамью, и только-что закрывшій букварь свой, съ увлеченіемъ пустился въ вихрь свѣта. Имя его безпрестанно встрѣчается въ Камеръ-фурьерскихъ журналахъ: то онъ дежурнымъ, то форшнейдеромъ, то онъ, вмѣстѣ съ женою генералъ-прокурора князя Трубецкаго, принимаетъ участіе въ „кадрилѣ Великой Княгини, состоящей въ 34-хъ персонахъ, которыя обрѣтались, по билетамъ, въ доминахъ бѣлыхъ съ золотою выкладкою, тогда какъ будущая его невѣста (Ивана Львовича Нарышкина дочь) и племянница, графиня Авдотья Даниловна Разумовская, первая съ камеръ-юнкеромъ Сергѣемъ Васильевичемъ Салтыковымъ, а вторая съ княземъ Юсуповымъ участвуютъ

---

1) Дневникъ Ханенки.

2) Тамъ же.

3) Архивъ кн. Воронцова, II, 159.

въ кадрилѣ его свѣтлости принца Августа Голштинскаго въ доминахъ рудожелтыхъ съ серебряною выкладкою“ [1]). Кирила Григорьевичъ ежедневно находился въ обществѣ Государыни то при дворѣ, то у брата своего. Елизавета Петровна большую часть дня проводила въ комнатахъ своего супруга во дворцѣ; кромѣ того, часто посѣщала она его дома и въ городѣ и за городомъ. Какъ любила Императрица гостить въ Perовѣ, такъ точно, во время пребыванія въ Петербургѣ или его окрестностяхъ, часто навѣщала она то Гостилицкую мызу, то Мурзинку, то Славянку, то Приморскій дворъ, подпетербургскія дачи старшаго Разумовскаго. Но особенно любила она Гостилицы. Сюда пріѣзжала она иногда на нѣсколько дней лѣтомъ, позднею осенью и даже зимою. Здѣсь она охотилась верхомъ то съ собаками, то съ соколами, въ мужскомъ платьѣ. Здѣсь давались Алексѣемъ Григорьевичемъ роскошные обѣды и вечернія кушанья, то въ разныхъ аппартаментахъ дома, то на дворѣ въ постановленной бѣлой палаткѣ. Во время этихъ угощеній гремѣла итальянская музыка, иногда играли волторнисты, при питіи здоровьевъ палили изъ пушекъ. Изрѣдка собирались въ домъ крестьянскія „бабы съ дѣвками“, такъ какъ Государыня любила народныя пѣсни [2]). 5 сентября 1745 г. Государыня праздновала въ Гостилицахъ свои имянины. Компанія была многочисленная. Тутъ были: фельдмаршалъ князь Долгорукій, графъ Румянцевъ, Нарышкины и нѣкоторыя изъ статсъ-дамъ, всего до 40 человѣкъ. Государыня пополудни въ 1-мъ часу слушала божественную литургію въ полковой церкви Преображенія Господня; по окончаніи обѣдни имѣлась пальба изъ пушекъ. Въ половинѣ второго началось обѣденное кушанье въ залѣ, на 12-ти штукахъ. Форшнейдеромъ при столѣ былъ камеръ-юнкеръ графъ Воронцовъ. Во время обѣда пили за здравія: Е. И. В., Ихъ Императорскихъ Высочествъ и благополучнаго и счастливаго государствованія Е. И. В., при пушечной пальбѣ, при играніи на трубахъ и битіи въ литавры. Во время кушанія играла музыка. Послѣ обѣда по-полудни въ 6-мъ часу начался балъ въ той же залѣ, гдѣ обѣдали и были поставлены на трехъ штукахъ фрукты. По окончаніи бала играли въ карты, и прочее увеселеніе имѣлось до 12-го часа. Въ половинѣ 12-го въ нижнемъ аппартаментѣ началось вечернее кушаніе, за поставленнымъ на 11 штукахъ столомъ, при которомъ присутствовали Е. И. В. и всѣ вышеозначенныя персоны. Во время того кушанія также имѣлась музыка. При питіи за здоровья палили изъ пушекъ. Противъ дома имѣлась

1) Камеръ-фурьерскіе журналы, 1745 г.

2) Тамъ же.

иллюминація. — Особенно любилъ графъ Алексѣй Григорьевичъ угощать Государыню и весь дворъ у себя, въ Цесаревниномъ, а позднѣе въ Аничковскомъ домѣ, въ день своихъ имянинъ 17-го марта. Для праздниковъ этихъ онъ не щадилъ денегъ, и во все царствованіе Елизаветы 17-ое марта считалось чѣмъ-то въ родѣ табельнаго дня,—тàкъ иногда, хотя и рѣдко, этотъ день праздновался въ Гостилицахъ; бывали пиры, итальянская музыка, иллюминаціи, и, чтò не совсѣмъ согласовалось съ набожностью Елизаветы Петровны и Разумовскаго,—несмотря на великій постъ,—танцы. „Около середины великаго поста,—говоритъ Екатерина Великая, — мы ѣздили съ Императрицею въ Гостилицы на имянины къ оберъ-егермейстеру графу Разумовскому. Тамъ были танцы, и было довольно весело" [1]). Одно изъ посѣщеній Гостилицъ дорого обошлось Великому Князю и Великой Княгинѣ. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ сама Екатерина:

„Въ исходѣ мая, въ Вознесенье, мы поѣхали въ Гостилицы къ графу Разумовскому. 23 числа того же мѣсяца Государыня пригласила туда императорскаго посла барона Претлаха. Онъ провелъ тамъ вечеръ и ужиналъ съ Императрицею. Ужинъ этотъ продолжался далеко за полночь, такъ что, когда мы возвратились въ отведенный намъ маленькій домикъ, солнце уже взошло. Этотъ деревянный домикъ стоялъ на небольшомъ пригоркѣ у катальной горы. Положеніе этого дома намъ понравилось зимою, когда мы были на имянинахъ у оберъ-егермейстера и, чтобы намъ сдѣлать угодное, онъ намъ его отвелъ. Домъ былъ двухъ-этажный, въ верхнемъ этажѣ были лѣстница, зала и три комнаты; мы спали въ одной, Великій Князь одѣвался во второй, въ третьей жила г-жа Крузе. Внизу расположились Чегловы, мои фрейлины и мои камеръ-фрау. Возвратившись съ ужина, мы всѣ улеглись спать. Около шести часовъ утра, нѣкто Левашевъ, сержантъ гвардіи, пріѣхалъ изъ Ораніенбаума переговорить съ Чегловымъ насчетъ построекъ, которыя тамъ производились. Найдя всѣхъ еще спящими, Левашевъ сѣлъ около часового, и ему послышалось, что что-то трещитъ; это возбудило въ немъ подозрѣніе. Солдатъ сказалъ ему, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ стоитъ на часахъ, трескъ уже нѣсколько разъ возобновлялся. Левашевъ обѣжалъ домъ и увидѣлъ, что изъ-подъ дому вываливались большіе камни. Онъ тотчасъ разбудилъ Чеглокова, и сказалъ ему, что фундаментъ дома опускается и что надо изъ него всѣхъ вывести. Чегловъ схватилъ халатъ и побѣжалъ наверхъ; тамъ стеклянныя двери были заперты; онъ велѣлъ выломать замки и, дошедши до комнаты, гдѣ мы спали, дернулъ занавѣски,

---

[1]) Mém. de Cath., II, 78—79.

разбудилъ насъ и сказалъ, чтобы мы скорѣе вставали и уходили, такъ какъ подъ домомъ провалился фундаментъ. Великій Князь спрыгнулъ съ постели, схватилъ шлафрокъ и убѣжалъ. Я сказала Чеглокову, что выйду вслѣдъ за нимъ, и онъ ушелъ. Я торопилась одѣться, и, одѣваясь, вспомнила про мадамъ Крузе, которая спала въ сосѣдней комнатѣ. Я поспѣшила разбудить ее; но такъ какъ она спала очень крѣпко, то я едва добудилась ея и насилу могла ей растолковать, что надо поскорѣе выходить изъ дому. Я помогла ей одѣться и, когда она была совсѣмъ готова, мы пошли въ залу; но едва успѣли мы переступить порогъ, какъ все провалилось, и мы услышали шумъ, похожій на тотъ, который бываетъ при спускѣ корабля въ воду. Мадамъ Крузе и я упали на полъ. Въ эту минуту, изъ противоположной двери, со стороны двора, вошелъ Левашевъ; онъ поднялъ меня и вынесъ изъ комнаты. Случайно я взглянула въ ту сторону, гдѣ была катальная гора; она стояла прежде въ уровень со вторымъ этажемъ, а теперь по крайней мѣрѣ на аршинъ была выше. Левашевъ дошелъ со мною до лѣстницы, по которой онъ взошелъ: ея уже не было, она провалилась. Нѣсколько человѣкъ взобрались на верхъ по обломкамъ; Левашевъ передалъ меня ближайшимъ, тѣ дальше, и такимъ образомъ, переходя изъ рукъ въ руки, я очутилась въ сѣняхъ, откуда меня вынесли на лугъ. Тамъ нашла я Великаго Князя въ шлафрокѣ. Вышедши изъ дому, я стала пристальнѣе разсматривать то, что́ происходило тамъ, и увидѣла, какъ оттуда выбирались и выносились окровавленные люди. Въ числѣ наиболѣе пострадавшихъ была моя фрейлина, княжна Гагарина [1]). Она хотѣла выбраться изъ дома, какъ и всѣ другія; но только-что успѣла перейти изъ своей комнаты въ слѣдующую, какъ печка стала рушиться, повалила экранъ и опрокинула ее на стоявшую тамъ постель, на которую посыпались кирпичи; съ нею была еще одна дѣвушка, и обѣ онѣ очень пострадали. Въ этомъ же нижнемъ этажѣ находилась небольшая кухня, гдѣ спало нѣсколько человѣкъ изъ прислуги; трое изъ нихъ были задавлены. Но это еще было ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что́ произошло между фундаментомъ дома и нижнимъ этажемъ: тамъ спало шестнадцать работниковъ, приставленныхъ смотрѣть за катальною горою; всѣ они до одного погибли подъ осѣвшимъ зданіемъ. Причиною всего этого было то, что

[1]) У Екатерины II, когда она была Великою Княгинею, фрейлинами были двѣ сестры: княжны Гагарины, дочери князя Алексѣя Матвѣевича отъ брака съ Шафировою и внуки извѣстнаго Сибирскаго губернатора князя Матвѣя Петровича. Изъ нихъ старшая Анна Алексѣевна (впослѣдствіи оберъ-гофмейстерина) вышла за т. сов. графа Д. М. Матюшкина, а меньшая Дарья Алекс. (статсъ-дама) за фельдмаршала кн. А. М. Голицына.

домъ выстроенъ былъ осенью на скорую руку. Весь фундаментъ состоялъ изъ четырехъ рядовъ известковаго камня. Въ сѣняхъ перваго этажа архитекторъ велѣлъ поставить двѣнадцать деревянныхъ столбовъ. Ему надо было ѣхать въ Малороссію и, уѣзжая, онъ сказалъ Гостилицкому управителю, чтобы до его возвращенія онъ не позволялъ трогать этихъ подпорокъ. Несмотря на запрещеніе архитектора, управляющій, какъ скоро узналъ, что мы займемъ этотъ домъ, тотчасъ приказалъ вынести столбы, которые безобразили сѣни. Съ наступленіемъ оттепели, все строеніе осѣло на четыре ряда известковыхъ камней, которые отъ того расползлись въ разныя стороны, и вмѣстѣ съ этимъ самый домъ началъ скатываться съ горы, на которой онъ стоялъ, до маленькаго пригорка, который и остановилъ дальнѣйшее паденіе. Я отдѣлалась нѣсколькими синяками и страшнымъ испугомъ, вслѣдствіе котораго мнѣ пустили кровь. Всѣ мы были до того напуганы, что, въ продолженіе слишкомъ четырехъ мѣсяцевъ, каждая громко захлопнутая дверь заставляла насъ вздрагивать. Въ тотъ же день, какъ скоро прошелъ первый страхъ, Императрица, обитавшая въ другомъ домѣ, призвала насъ къ себѣ; ей не хотѣлось вѣрить, чтобы опасность, въ которой мы находились, была велика, и потому всѣ старались представить ее незначительною, и иные даже утверждали, что опасности вовсе никакой не было. Испугъ мой очень не понравился Государынѣ, и она за него на меня дулась. Оберъ-егермейстеръ плакалъ, былъ въ отчаяніи и говорилъ даже, что съ горя застрѣлится. Но видно ему отсовѣтовали, потому что онъ остался живъ. На другой день мы возвратились въ Петербургъ" [1]).

Такимъ образомъ, въ пирахъ и весельи пролетѣлъ первый годъ пребыванія молодого Разумовскаго при дворѣ. Г. Н. Тепловъ продолжалъ находиться при немъ, хотя въ это время едва ли онъ могъ усмотрѣть за своимъ бывшимъ ученикомъ. Впрочемъ, онъ этого и не домогался; онъ терпѣливо выжидалъ времени, когда судьба призоветъ Кирилу Григорьевича къ серьёзной дѣятельности и заранѣе готовился принять въ этой дѣятельности самое живое участіе.

Изъ сверстниковъ своихъ графъ Кирила особенно сблизился съ умнымъ, оригинальнымъ и любезнымъ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ Чернышевымъ. Ихъ связывали и молодость, и своеобразность и одинаковые успѣхи въ свѣтѣ, но особенно общая страстная любовь къ отчизнѣ. „Человѣкъ быстрый, увертливый и проворный", по свидѣтельству кн. Щербатова [2]), Чернышевъ долгое время былъ заграницею и

---

[1]) Mém. de Catherine, II, 87—92.

[2]) Кн. Щербатовъ, 60.

„къ несчастію“ (прибавляетъ строгій критикъ нравовъ прошлаго столѣтія, представлявшаго, надо признаться, обильную почву для критики), перенялъ заграницею все, что сластолюбіе и роскошь при Европейскихъ дворахъ наипріятнѣйшаго имѣютъ. Столъ его привлекалъ вкусъ, обоняніе и зрѣніе, экипажи его блистали золотомъ, ливрея его пажей была шита золотомъ, вина у него были самыя лучшія и самыя дорогія“. Но среди роскоши и удовольствій въ немъ не загасалъ святой огонь, и проблески этого огня привлекали къ себѣ Кирилу Григорьевича. Отъ природы ума нѣсколько поверхностнаго, Чернышевъ много зналъ и читалъ; заграницею онъ сошелся со всѣми замѣчательными людьми того времени, отлично говорилъ въ обществѣ, былъ добрый человѣкъ, весьма гостепріимный и со всѣми одинаково любезный. Сходство характеровъ и наклонностей породило дружбу, о которой мы, впрочемъ, болѣе знаемъ по преданію. Въ бумагахъ графа Кирилы, находящихся въ архивѣ гр. А. С. Уварова, сохранилось письмо отъ Чернышева, ясно указывающее на близость ихъ отношеній. Письмо это написано гораздо позднѣе описываемаго нами времени, однако намъ кажется кстати привести его здѣсь.

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь. Не знаю, греческая, не знаю латинская пословица, однако есть такая: „лучше поздно, нежели никогда“, она-то со мною сбывается. Уже тому два мѣсяца, какъ я пріѣхалъ въ отечество, да и откудова, изъ Франціи, а къ вашему сіятельству еще не писалъ; уже и на голубую ленту, которую я съ того времени ношу [1]), я наглядѣлся, а къ вашему сіятельству и о полученіи оной не сообщилъ. Истинно непростительно; когда бы не столь увѣренъ былъ на милость вашего сіятельства, я бы никогда не отважился, однако лучше про оное молчать, а постараться въ оное дурачество впредь не попадаться. „Die Erkenntniss des Fehlers ist die halbe Besserung“. Или Горацій говоритъ: „melius semel, quam nuncquam“. Или какъ голландецъ Vondel говоритъ: „better oit als noit“: *oit* значитъ *иногда*, а *noit* значитъ *никогда*. Trêve de proverbes! Истинно не однова собирался къ вашему сіятельству писать, и уже не одно письмо и писалъ, только все чиновны таковы, что... [2]) ихъ не умѣю, и для того уже разсудилъ хотя глупое или измаранное письмо, да лишь бы написать. Сколь же мнѣ прискорбно, что вашего сіятельства я здѣсь не засталъ, о томъ маню себя, что вы увѣрены. Сколько бы я васъ по пріѣздѣ своемъ изъ Франціи забавилъ. Разсудите, каковъ я сталъ: другихъ кафтановъ не ношу какъ *шелиновыхъ* (?),

---

[1]) По свидѣтельству Щербатова, Чернышевъ этою голубою лентою Бѣлаго Орла обязанъ былъ И. И. Шувалову.

[2]) Неразобранное слово.

въ красныхъ каблукахъ и все пою пѣсни, да какія — одна другой лучше, и навезъ ихъ столько много, все въ томъ разумѣ, чтобы васъ онымъ поучить. Я въ Парижѣ былъ 10 недѣль и 4 часа и изъ онаго времени въ крайней скукѣ былъ только 4 часа, а въ прочее вы догадаться можете, каково мнѣ было. Хожу всякій день въ двухъ лентахъ, а епанцы (?) всѣ цѣлы; дорого бы далъ, чтобы Гр. Н. Тепловъ меня видѣлъ, каковъ я чиненъ сталъ въ двухъ лентахъ: онъ бы на меня глядя все хохоталъ. Платья изъ Парижа навезъ тьма [1]) и карету, предорога. Прощай, милостивый государь, будьте увѣренъ, что я пока живъ, пребуду все тотъ же, сирѣчь наипризнательнѣйшій и усерднѣйшій изо всѣхъ в. с. слугъ и пр.

„Смѣю ли, милостивый государь, за неимѣніемъ другой бумажки въ письмѣ в. с. мой поклонъ Гр. Ник. приписать и увѣрить его, что мнѣ истинно безъ него скучно; ни побраниться, ни похохотать, ни поругать, ни пошептать не съ кѣмъ; вѣдь онъ помнитъ, что я всегда говорилъ, что хоть въ ссорѣ когда съ нимъ, а говорить люблю, и его шутки хороши. Жаль мнѣ очень, что у него въ Глуховѣ нѣтъ моей Срѣтенской кормилицы, то бы онъ, хотя бы ея шутки ко мнѣ отписалъ. Adieu Monseigneur“.

Черезъ годъ послѣ возвращенія изъ-заграницы 21 мая 1746 года, графъ Кирила Григорьевичъ „въ разсужденіе усмотрѣнной въ нёмъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искуства“ [2]), былъ назначенъ президентомъ Императорской академіи наукъ съ жалованіемъ по 3000 рублей въ годъ. 12 іюня [3]) Разумовскій въ первый разъ явился въ академію и обратился къ академикамъ съ слѣдующею рѣчью:

„Почтеннѣйшіе господа, всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Государыня и повелительница Елизавета Петровна, наша всемилостивѣйшая Императрица и самодержица, съ неутомимымъ материнскимъ попеченіемъ старается неустанно споспѣшествовать благу и чести своихъ подданныхъ. Нынѣ она соблагоизволила своимъ высочайшимъ повелѣніемъ назначить меня президентомъ Императорскаго общества столько же учёного, сколько и славнаго. Такая высочайшая милость нашей всемилостивѣйшей Монархини налагаетъ на васъ, государи мои, на всѣхъ вообще и на каждаго въ особенности, обязанность направлять свои труды къ согласованію ихъ съ мыслію высокоблаженной и досто-

[1]) „Одѣянія его (т.-е. Чернышева) были“, говоритъ князь Щербатовъ (стр. 61), „особливаго богатства и вкуса и ихъ толь много, что единожды вдругъ 12 кафтановъ выписалъ“.

[2]) Изъ диплома на графское достоинство отъ 1-го марта 1751.

[3]) Исторія Соловьева, XXII, 320.

славной памяти Петра Великаго, перваго основателя вашего общества. Меня же эта милость побуждаетъ наблюдать и приводить въ исполненіе точнѣйшимъ образомъ всё то, что изъ вашего прилежанія и усердія можетъ быть извлечено на пользу нашего отечества.

„Не требуется подробныхъ изъясненій, чтобы убѣдить васъ, какъ горячо желаетъ того наша всемилостивѣйшая Монархиня, такъ какъ это вы достаточно усматриваете изъ множества до сихъ поръ изданныхъ полезныхъ постановленій и славныхъ распоряженій Е. И. В., которыя служатъ тому подтвержденіемъ и доказательствомъ. Я нахожу одно необходимымъ, это поощрять васъ, государи мои, чтобы отнынѣ же для выполненія своего долга вы обратились со мною къ тѣмъ средствамъ, при помощи которыхъ наше обширное государство извлекло бы вмѣстѣ съ славою и истинную пользу для себя. Это есть первая и важнѣйшая цѣль вашего учёнаго общества, для которой оно основано. Кромѣ того, вамъ извѣстно, что не можетъ быть благороднѣе и прекраснѣе той славы, которая зиждется на благѣ цѣлаго общества. И какъ можетъ не быть славы, когда польза распространится по широкому русскому государству? Соединеніе таковыхъ двухъ дѣятельностей имѣлъ также цѣлью заботливый Монархъ, для своего отечества, въ составленномъ имъ самимъ проэктѣ объ основаніи академіи наукъ, въ которой въ то же время учрежденъ и университетъ [1]). И такъ на эти два главные предмета должны мы преимущественно обратить наше вниманіе, и я твердо убѣжденъ, что ваши всестороннія усилія и стремленія на будущее время будутъ согласоваться, какъ это было и до сихъ поръ, съ волею, мыслями и желаніемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни. Я во всякое время буду пользоваться вашими добрыми совѣтами, и своею главнѣйшею обязанностію буду считать достиженіе благоденствія этого учрежденія и удовольствованіе каждаго его сочлена въ особенности согласно всемилостивѣйшему намѣренію Е. И. В.; причемъ имѣю основательную надежду, что вы, милостивые государи, моимъ усердіемъ, а я вашимъ содѣйствіемъ будемъ взаимно довольны. Да подастъ Всевышній, чтобы наше единодушіе скорѣе принесло такіе плоды, которые были бы въ состояніи со-

[1]) Профессоръ Соловьевъ (Исторія Россіи, XXII, 320) слова эти приводитъ нѣсколько иначе: „За необходимо вамъ объявить нахожу, что собраніе ваше такія мѣры отъ перваго нынѣшняго случая принять должно, которыя бы не одну только славу, но и совершенную пользу въ семъ пространномъ государствѣ производить могло. Вы знаете, что слава одна не можетъ быть столько велика и столь благородна, ежели къ ней не присоединена польза. Сего ради Петръ Великій какъ о славѣ, такъ и пользѣ равномѣрное попеченіе имѣлъ, когда первое основаніе положилъ сей академіи, соединивъ ее съ университетомъ“. Разница въ редакціи произошла отъ того, что покойный академикъ Пекарскій, напечатавшій въ своей исторіи академіи рѣчь Разумовскаго in extenso—перевелъ ее съ нѣмецкаго списка, которымъ онъ пользовался.

дѣлать насъ по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ достойными лестной, высокой милости Е. И. В.“ [1]).

На эту рѣчь отвѣчалъ Шумахеръ. „Академія,—сказалъ онъ между прочимъ,—остававшаяся въ продолженіи пяти лѣтъ безъ главы, чувствуетъ истинную радость и полнѣйшее удовольствіе, потому что нынѣ начальникомъ ея поставленъ столь знатный господинъ, котораго благородный образъ мыслей обѣщаетъ намъ, что ее скоро увидятъ поставленною на твердомъ и прочномъ основаніи...“ [2]).

Профессоръ элоквенціи Тредьяковскій съ своей стороны привѣтствовалъ юнаго президента слѣдующими словами: „академія, чрезъ ваше графское сіятельство, оживотворивши всѣ свои члены и въ здравіе пришедши, какъ съ одра тяжкія болѣзни возстала. Академія чрезъ васъ, первую Россійскую свою главу, всеконечно изобрящетъ всегда дѣйствительный способъ, дабы исполнить основателя своего намѣреніе—множиться россійскими членами, въ россійскихъ твердо обращаемыхъ составахъ“ [3]). Кромѣ этихъ сильно тенденціозныхъ словъ сохранились еще черновыя отвѣтныхъ рѣчей Миллера и Н. І. Делиля, противниковъ Шумахера, въ которыхъ говорится, „что академики вполнѣ убѣждены въ ревности е. с. ко благу общественному, и потому нисколько не страшатся, чтобы ложныя внушенія людей, или мало свѣдущихъ, или злонамѣренныхъ, могли произвести на новаго президента самомалѣйшее впечатлѣніе, и что академики, не разъ жаловавшіеся правительству на академическую канцелярію, надѣются что Разумовскій даруетъ наконецъ академіи новый уставъ...“, но врядъ ли рѣчи эти были прочтены [4]).

Въ наши дни покажется конечно страннымъ—назначеніе въ президенты академіи 18-ти-лѣтняго мальчика, едва выпустившаго изъ рукъ указку, за которую такъ поздно ухватился, но при Елизаветѣ едва ли это кого удивляло. На де сіансъ академію смотрѣли въ тѣ времена какъ на заморскую затѣю, пригодную для сочиненія всякихъ виршей, фейерверковъ и другихъ подобныхъ увеселительныхъ кунштовъ. Этотъ взглядъ, съ практичностію нѣмца, подмѣтилъ Шумахеръ и завелъ при академіи, къ великому неудовольствію ученыхъ своихъ сочленовъ, разныя мастерскія. Вслѣдствіе этого большинство тогдашняго общества съ крайнимъ равнодушіемъ смотрѣло на назначеніе президента надъ учрежденіемъ, которое по тогдашнимъ понятіямъ входило въ разрядъ того, что при Версальскомъ дворѣ называлось: „les menus plaisirs“. Нельзя, впрочемъ, не признаться, что академія С.-Петербургская, при

[1]) Пекарскій, Исторія Имп. Академіи Наукъ. II, XXII—XXIII.
[2]) Тамъ же, II, XXIII.
[3]) Исторія Соловьева, XXII, 320.
[4]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, II, XXIV—XXV.

отсутствіи всякаго подобія школъ, не говоря уже объ университетѣ, долгое время была аномаліею. Съ другой стороны, назначеніе молодого Разумовскаго объясняется не только исключительнымъ положеніемъ брата его при дворѣ, но еще тѣмъ полнымъ отсутствіемъ людей образованныхъ и способныхъ, которымъ отличалось, особенно въ началѣ, царствованіе Елизаветы Петровны. Къ тому же, при тогдашнемъ настроеніи умовъ, вѣрнымъ отголоскомъ котораго служатъ приведенныя выше слова Тредьяковскаго, во главѣ академіи болѣе образованное меньшинство желало видѣть Русскаго, а не Нѣмцевъ, каковы были до сихъ поръ: Блументростъ, Кейзерлингъ, Корфъ и Бревернъ. Но изъ Русскихъ никто къ этому дѣлу не оказался годнымъ, такъ что въ первыя пять лѣтъ, послѣ вступленія Елизаветы на престолъ, академія оставалась безъ президента. Тѣмъ временемъ вернулся изъ-за границы братъ всемогущаго временщика съ огромнымъ запасомъ льстивыхъ свидѣтельствъ отъ падкихъ на Русскія деньги иностранныхъ профессоровъ. При дворѣ всѣ были отъ новопріѣзжаго въ восторгѣ. Ласкатели Алексѣя Григорьевича, а ихъ въ то время было не мало, громко трубили по городу и при дворѣ о талантахъ и познаніяхъ молодого Разумовскаго; академія нуждалась въ президентѣ, и Кирила Григорьевичъ, самъ ни сознавая ни значенія ея, ни обязанностей на него возлагаемыхъ, очутился однажды президентомъ Императорской Россійской академіи наукъ. Очевидно, что при отсутствіи серьёзнаго классическаго образованія, при безпрестанныхъ развлеченіяхъ свѣтской жизни, недавній казакъ, какимъ-то чудомъ преобразившійся въ придворнаго кавалера, не могъ быть примѣрнымъ президентомъ. Безъ руководителя невозможно было обойтиться, и таковымъ сталъ давно знакомый съ академіею, воспитатель новаго президента Тепловъ. Десять дней послѣ назначенія Разумовскаго, Тепловъ получилъ мѣсто ассессора при академической канцеляріи [1]). Несмотря однако на недостаточность познаній и на совершенную неподготовленность къ таковому дѣлу, можно смѣло сказать, что Кирила Григорьевичъ ничѣмъ не хуже своихъ предшественниковъ управлялъ академіею. И Блументростъ, и Корфъ, и Кейзерлингъ, и Бревернъ мало занимались ввѣреннымъ имъ учрежденіемъ, полагаясь всегда и во всемъ на Шумахера. Состояніе академіи, послѣ управленія первыхъ четырехъ президентовъ, было самое плачевное. Всѣ лучшіе иностранные профессора уѣхали или, правильнѣе, бѣжали за границу. Ссоры между оставшимися иногда доходили до дракъ и неоднократно разбирались въ Сенатѣ. Интригамъ всякаго рода не было конца, доносы другъ на друга были въ общемъ ходу. Учрежден-

---

[1]) Пекарскій. Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова. Приложеніе къ VIII тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, стр. 41.

ные при академіи университетъ и гимназія числились только на бумагѣ. „L'académie sans académiciens, la chancellerie sans membres, l'université sans étudiants, les règles sans autorité, et au reste une confusion jusqu'à présent sans remède [1]), писалъ Тепловъ къ профессору Штрубе, бывшему учителю новаго президента, съ которымъ, какъ видно, успѣлъ помириться. Среди этого омута отчаянно дѣйствовала геніальная личность Ломоносова. Ломоносовъ, возвратившійся изъ за-границы, полный сознанія силъ своихъ, съ горячею любовью къ отчизнѣ, съ жаждою неутомимой дѣятельности, встрѣтилъ на родинѣ пріемъ самый холодный. Ему обѣщали, при отправленіи за границу, мѣсто экстраординарнаго академика, и вмѣсто того назначали въ адъюнкты. Огромное большинство соотечественниковъ или вовсе не обратило на него вниманія, или взирало на него недовѣрчиво. Русскій ученый въ тѣ времена былъ чѣмъ-то немыслимымъ; Русскій поэтъ представлялся публикѣ въ видѣ Тредьяковскаго, на котораго современники смотрѣли какъ на какого-то шута. Но самыми непримиримыми врагами Ломоносова въ академіи были Нѣмцы, съ Шумахеромъ во главѣ. Они взяли, такъ-сказать, академію на аренду и смотрѣли на нее какъ на свое собственное достояніе. Нѣмцы тѣснили даже своихъ, когда они, какъ, напримѣръ, Делиль или Браунъ, дружились съ Русскими.

Но со вступленія на престолъ Елизаветы, общій по Россіи крикъ противъ иностранцевъ сталъ раздаваться и въ стѣнахъ академіи. Немногіе Русскіе тамъ служившіе стали поговаривать о произволѣ Нѣмцевъ. Ломоносовъ очутился во главѣ недовольныхъ и вошелъ въ открытую борьбу съ нѣмецкимъ элементомъ, громко проповѣдуя, что желаетъ видѣть „Россійскую академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую“. Со всѣмъ импетомъ сильной и цѣльной натуры, шелъ онъ, часто не разбирая средствъ, къ достиженію своей цѣли и надорвался надъ геркулесовою работою. Гдѣ нѣмецкій элементъ пустилъ корни, тамъ онъ долго держится; цѣлаго столѣтія недостаточно было, чтобы осуществить мысль перваго нашего ученаго дѣятеля. Но, къ несчастію, въ борьбѣ своей Ломоносовъ, неуживчивостью, пылкостью и необузданностью, самъ безпрестанно портилъ дѣло и подготовлялъ успѣхъ противникамъ.

Первою заботою новаго президента было ознакомиться съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ академическихъ. Разумовскій потребовалъ изъ Сената всѣ бумаги, касающіяся распрей между академиками и, кромѣ того, велѣлъ каждому изъ нихъ порознь подать о томъ-же особенную бумагу. Первое впечатлѣніе при разборѣ этихъ бумагъ было самое тягостное, и весьма вѣроятно, что впечатлѣніе это съ самаго начала

[1]) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина. Томъ I, стр. 704.

охладило президента къ дѣлу. Во всѣхъ этихъ изложеніяхъ, въ перекрестныхъ навѣтахъ и жалобахъ, была такая путаница, что даже человѣку вполнѣ опытному едвали было возможно доискаться до истины. Право, какъ и слѣдовало ожидать, осталось за хладнокровнымъ, тихимъ и порядливымъ Шумахеромъ, настоящимъ учредителемъ академіи. Хитрый, властолюбивый, ласкательный, онъ несомнѣнно обладалъ талантами, а главное—былъ очень распорядителенъ. Благодаря его трудамъ, академія была основана; съ крайнимъ искусствомъ съумѣлъ онъ въ началѣ собрать музеи и созвать профессоровъ изъ-за границы. Потомъ онъ мало-по малу сталъ забирать власть въ свои руки, и, какъ скоро это удалось, онъ исключительно занялся своими выгодами, и академія стала на второмъ планѣ. Такимъ образомъ, въ теченіи болѣе 20 лѣтъ онъ одинъ распоряжался академіею и сосредоточилъ въ рукахъ своихъ власть первыхъ президентовъ. Шумахеръ былъ въ перепискѣ съ Тепловымъ во время путешествія его по чужимъ краямъ при графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ. Разсчетливый Нѣмецъ находилъ, что нелишнее быть въ ладахъ съ адъюнктомъ, находившимся въ близкихъ отношеніяхъ съ сильными міра сего. Теперь онъ всячески заискивалъ у новаго ассессора, и тѣмъ еще болѣе усилилъ себя. Разобравъ нѣсколько академическія дѣла, графъ Кирила Григорьевичъ представилъ правительствующему Сенату слѣдующее заключеніе: „Отъ каждаго изъ профессоровъ я требовалъ письменно, имѣютъ ли что еще въ подтвержденіе или доказательство своихъ жалобъ, и когда каждый письменно объявилъ, что никакого доказательства въ улику приносить не можетъ, а нѣкоторые объявили, что и сами того не знали и не разумѣли, къ чему руки свои прикладывали, но дѣлали это больше по наученію другихъ: то усмотрѣлъ я, что совѣтникъ Шумахеръ во всѣхъ своихъ поступкахъ предъ профессорами правъ и ненависть отъ нихъ однимъ только тѣмъ заслужилъ, что по ревности своей къ пользѣ и славѣ государственной въ небытность президентовъ принуждалъ профессоровъ къ отправленію ихъ должности и къ показыванію дѣйствительныхъ трудовъ, за которые имъ столь знатное жалованіе опредѣлено. Когда по вступленіи моемъ въ правленіе академическихъ дѣлъ разсмотрѣны труды профессоровъ, то нашлось, что нѣкоторые изъ нихъ больше въ убытокъ государству здѣсь жили и обманывали командировъ, нежели старались произвести пользу въ народѣ; притомъ не по достоинству своихъ трудовъ и знанія требовали себѣ жалованія и къ полученію его всякіе происки употребляли; а какъ потомъ строгій надъ ними надзоръ учрежденъ, то главный возбудитель всѣхъ ссоръ и несогласій между профессорами и совѣтникомъ Шумахеромъ, бывшій при академіи профессоръ Делиль, видя, что дѣла академическія не по его намѣренію стали происходить, и что ему невозможно уже

канцелярію обманывать, взялъ свой абшидъ. И ежелибы описать всѣ прежніе поступки нѣкоторыхъ бывшихъ и нѣкоторыхъ нынѣ находящихся при академіи профессоровъ, изъ которыхъ однакожъ исключаются добрые и достойные, то бы правительствующій Сенатъ могъ совершеннѣе видѣть ревность къ пользѣ отечества Россійскаго Шумахерову и лѣность и нерадѣніе къ трудамъ разныхъ профессоровъ. И тѣмъ подтверждаю, что въ нынѣшнемъ времени многіе въ порученныхъ имъ дѣлахъ такъ нерадѣтельно поступали, что на силу возможно было пріискать способъ, чтобъ ихъ привести въ надлежащій порядокъ, и могу увѣрить прав. Сенатъ, что между профессорами многими ничего инаго не усматривается, какъ желаніе одно—стараться всегда о прибавкѣ своего жалованія, получать разными происками ранги великіе и ничего за то не дѣлать и не быть у никого въ командѣ и дѣлать собою, что кому вздумается, подъ тѣмъ прикрытіемъ, что науки не терпятъ принужденія, но любятъ свободу" [1]).

Разумѣется, какъ заключеніе это, такъ и рѣчь, произнесенная Разумовскимъ, при первомъ появленіи его въ академіи, были сочинены Тепловымъ. Такимъ образомъ, на жалобы Ломоносова и его товарищей, благодаря Теплову и Шумахеру, не было обращаемо вниманія. „Нынѣшній президентъ его сіятельство графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій", говоритъ Ломоносовъ, „отъ Россійскаго народу могъ бы много успѣть, когда бы хоть немного побольше вникалъ въ дѣла академическія. Но съ самаго начала ввѣрился тотчасъ Шумахеру, а особливо, что тогдашній ассессоръ Тепловъ былъ ему предводитель, а Шумахеру пріятель" [2]). Къ несчастію, крайне неуживчивый Ломоносовъ съумѣлъ поссориться со всѣми лицами, окружавшими Разумовскихъ. Вражда его съ Сумароковымъ извѣстна. Объ Елагинѣ онъ иначе и не отзывался, какъ о „Перфильевичѣ", въ самыхъ презрительныхъ выраженіяхъ; съ Тепловымъ онъ тоже былъ на ножахъ. Понятно, что и Тепловъ, и Елагинъ, и Сумароковъ съ своей стороны его не щадили и что отовсюду доходили до президента самые невыгодные для поэта-академика отзывы. Несмотря на это, Разумовскій безсознательно, самъ собою, понялъ, что Ломоносовъ не походилъ на окружавшихъ его, что въ этой грубой личности было что-то, невольно вселявшее и сочувствіе, и удивленіе и какое-то невольное почтеніе къ заносчивому профессору. Русскому вполнѣ, каковъ былъ Разумовскій, нравилась даже эта размашистая натура, которую не удерживали ни приличія свѣта, ни торжественность академическихъ засѣда-

[1]) Билярскій, Матеріалы для біографіи Ломоносова, стр. 97.

[2]) Тамъ же, 118. Пекарскій, Дополн. извѣстія для біогр. Ломоносова (приложеніе къ VIII т. Зап. Академіи Наукъ), стр. 29.

ній, и наперекоръ всѣмъ стоявшимъ близъ президента, какъ въ оффиціальной сферѣ, такъ и въ семейномъ кружкѣ, онъ, гдѣ только могъ, подавалъ Ломоносову руку помощи. Такъ, Разумовскій поднесъ въ 1748 году Государынѣ оду его на восшествіе ея на престолъ и самъ же, вѣроятно, выхлопоталъ сочинителю награду въ 2000 рублей. Тотъ же Разумовскій „для поощренія Ломоносова велѣлъ привести академическую лабораторію въ такое состояніе, чтобы Ломоносовъ могъ тамъ удобно и съ пользою производить всѣ опыты, какіе только случатся въ химіи"; благодаря президенту, Ломоносовъ получилъ казенную квартиру и передъ отъѣздомъ Разумовскаго въ Украйну былъ имъ же представленъ къ чину коллежскаго совѣтника. Ломоносовъ умѣлъ цѣнить эти знаки сочувствія; въ то время у него не было еще могущественнаго покровителя; онъ не забывалъ ихъ и послѣ, и, въ минуты самаго сильнаго раздраженія противъ хода дѣлъ въ академіи, онъ писалъ къ Ивану Ивановичу Шувалову, передъ которымъ имѣлъ обыкновеніе изливать всю душу свою: „Президентъ нашъ добрый, только ввѣрился Теплову" [1]).

Разумовскій несомнѣнно хотѣлъ поправить дѣла академіи, но среди развлеченій свѣтской жизни, при крайней своей молодости, онъ къ дѣлу относился далеко не серьёзно. — Впрочемъ, сейчасъ же послѣ вступленія своего въ должность, онъ поспѣшилъ обратиться къ учителю своему — знаменитому Эйлеру, уговаривая его вернуться въ Петербургъ и снова занять мѣсто при академіи. По случаю этого предложенія, Бернулли писалъ къ Эйлеру: „Боюсь только, что уже будетъ невозможно привести академію въ прежнее цвѣтущее состояніе, но это бы осуществилось, когда бы вы рѣшились отправиться туда года на два. Дѣло можно бы такъ устроить, что король, по сосѣдству и изъ дружбы къ императрицѣ, отпустилъ бы васъ въ Россію, и въ такомъ случаѣ, конечно, не можетъ возникнуть никакихъ неудобствъ. Я вызываюсь исполнять въ продолженіи двухъ лѣтъ ваши обязанности въ Берлинѣ, но съ тѣмъ, чтобы вы получали берлинское жалованье"... [2]). Но Эйлеръ не принялъ предложеній Разумовскаго... „Я совершенно доволенъ своей судьбою", писалъ онъ, „король назначилъ мнѣ то же жалованье, какое получалъ я въ Петербургѣ... и... называетъ меня своимъ профессоромъ — я счастливѣйшій въ свѣтѣ человѣкъ" [3]). Такое же предложеніе было сдѣлано Іоганну-Вольфангу Крафту, Даніилу Бернулли и брату его Іоганну съ столь же малымъ успѣхомъ. Старшій Бернулли прямо объявилъ Эйлеру, что Шумахеръ—

---

[1]) Билярскій, 149.

[2]) Пекарскій. Ист. Академіи, I, 115.

[3]) Тамъ же, I, 261—262.

единственная причина недовѣрія за границею къ Петербургской академіи [1]). За то другой учитель Разумовскаго, Штрубе де-Пирмонъ поспѣшилъ заключить съ академіею новый контрактъ и сдѣлался не только профессоромъ, но даже и непремѣннымъ секретаремъ академіи, впрочемъ, не на долго [2]).

Такимъ образомъ, академія принуждена была довольствоваться тѣми иностранными посредственностями, которыхъ не разогнали безпрестанные споры между членами ученаго института, а равно и интриги властолюбиваго Шумахера. Послѣ неудачнаго призыва ученыхъ знаменитостей, которыхъ академія не съумѣла сохранить въ нѣдрахъ своихъ, президентъ приступилъ къ сочиненію новаго регламента, который былъ подписанъ Императрицею 24-го іюля 1747 года. Это былъ собственно первый уставъ академіи, такъ какъ Петръ Великій не успѣлъ составить таковаго при жизни своей. Регламентъ, составленный Тепловымъ и Шумахеромъ безъ участія академиковъ, возбудилъ только новую бурю. Въ университетѣ и гимназіи при академіи не было почти учениковъ. Несмотря на сопротивленіе духовнаго начальства, президентъ вытребовалъ изъ Невской, Московской и Новгородской семинарій лучшихъ воспитанниковъ. Въ Москву для выбора ѣздилъ Тредьяковскій, въ Петербургѣ этимъ дѣломъ занялся Ломоносовъ и другъ его Браунъ. Первое время лекціи шли плохо, изъ гимназіи производили въ студенты безъ экзаменовъ. Ректоръ университета, знаменитый Миллеръ, перессорился и съ Тепловымъ, и съ Ломоносовымъ, и съ Шумахеромъ. Онъ былъ отрѣшенъ отъ должности, и на мѣсто его былъ назначенъ Крашенинниковъ. Набранные въ семинаріяхъ студенты кутили, дрались между собою и грубили начальству. Но мало-по-малу дѣла улучшились, ученіе пошло живѣе, и въ числѣ студентовъ находились извѣстные впослѣдствіи Румовскій, Барсовъ и Поповскій. Въ январѣ 1748 года Кирила Григорьевичъ, вслѣдствіе „имяннаго изустнаго указа“ Императрицы, предписалъ, дабы при академіи наукъ „переводили и печатали книги гражданскія различнаго содержанія, въ которыхъ польза и забава соединена бъ была съ пристойнымъ къ свѣтскому житію нравоученіемъ“ [3]). Это предписаніе осталось на время безъ послѣдствій; оно только подало первую мысль къ осуществившемуся 8 лѣтъ позднѣе изданію „Ежемѣсячныхъ Сочиненій“, о которыхъ будемъ имѣть случай еще говорить далѣе. Между тѣмъ вражда Ломоносова съ Шумахеромъ все болѣе и болѣе ожесточалась. Союзникомъ послѣдняго явился зять его Таубертъ, ко-

---

[1]) Пекарскій, Ист. Академіи, I, 117.
[2]) Тамъ же, I, 676—677.
[3]) Билярскій, 277.

тораго Шумахеръ готовилъ себѣ въ преемники. Къ довершенію бѣдъ, пожаръ истребилъ значительную часть зданій и музеевъ Академіи и между прочимъ знаменитый Готорпскій глобусъ.

Приглашая академиковъ въ Россію, Разумовскій въ то же самое время старался отклонить Вольтера отъ намѣренія посѣтить Петербургъ. Съ знаменитымъ философомъ графъ Кирила Григорьевичъ былъ въ постоянной перепискѣ, но до насъ дошло только одно письмо президента съ черновыми поправками Шумахера.

„Monsieur", писалъ Разумовскій къ Вольтеру, „Je Vous suis bien obligé des complimens de congratulation que Vous me faites sur la dignité que sa Majesté Impériale, ma gracieuse Souveraine, a eu la grace de me conférer. Le comble de mes souhaits serait, Monsieur, que j'eusse bientôt la satisfaction de Vous faire les mêmes sur la récompense complête que Vous avez à espérer du roy à qui Vous avez devoué si sagement Vos services [1]). Il est connaisseur des arts et des sciences, et il sait récompenser ceux qui les possèdent comme Vous les possédez, Monsieur, au plus haut dégré.

Le libraire de l'académie ayant envoyé l'annee passée au mois de Juin à M-r Briasson un ballot de livres de notre impression, y a mis par mes ordres entre autres paquets pour les membres de Paris attachés à notre académie, un pour Vous, Monsieur, où il y a dix tomes de nos anciens Commentaires et le premier tome des nouveaux avec le supplément de Scientia navalis [2]) en deux tomes, que j'espère que Vous aurez recus, ou que Vous les receverez en son temps. Pour l'atlas de Russie, il n'y est pas, parceque Vous ne me l'avez par demandé. Mais à présent sachant Votre sentiment làdessus je Vous l'enverrai ou par eau ou par terre à la première occasion qui se présentera. Le voyage, que Vous souhaitez d'entreprendre, est à mon avis trop long et trop fatigant pour un homme de Votre âge et de Votre constitution, et pour moi, pour Vous dire la vérité, très inutile, parcequ'il y a apparence que je serai dans ce tems là bien éloigné d'icy et hors d'étât de profiter de Votre conversation et c'est pourtant ce que je ne voudrais pas (sic,) en être privé. Je suis avec beaucoup de zêle, Monsieur, Votre très humble et très obéissant serviteur [3]).

Изъ бумагъ, относящихся до академической дѣятельности графа Кирилы Григорьевича, сохранились въ Архивѣ графа А. С. Уварова три письма, которыя и приводимъ здѣсь.

---

[1]) Фридрихъ Великій.

[2]) Scientia navalis—сочиненіе Леонарда Эйлера, съ посвященіемъ графу К. Г. Разумовскому напечатано при Академіи въ 1749 г.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, I, 384—385.

I.

Письмо канцлера графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина къ графу К. Г. Разумовскому.

„Сіятельнѣйшій графъ, государь мой Кирила Григорьевичъ, любезнодражайшій сватъ [1]), Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила указать в. с. объявить, чтобы изволили къ бывшему въ здѣшней академіи профессору Эйлеру отписать, не похочетъ ли онъ паки сюда возвратиться и въ здѣшнюю службу вступить, обнадеживая его особливымъ Е. И. В. высочайшимъ благоволеніемъ и что ему всякія возможныя снисхожденія и выгодности дозволены будутъ, ежели онъ токмо на то вознамѣрится и увѣдомитъ на какихъ кондиціяхъ онъ на то поступить хощетъ. — Все сіе имѣя секретно, наипаче въ Берлинѣ, содержано быть, я в. с. прошу оное письмо въ коллегію иностранныхъ дѣлъ прислать, дабы оное съ отправляющимся вскорѣ въ Берлинъ куріеромъ къ министру Е. И. В. тамо, г. канцеляріи совѣтнику Гроссу [2]), надежно прислано быть могло. Напротиву чего можете и в. с. въ письмѣ вашемъ къ г. Эйлеру присовокупить, чтобъ онъ свой отвѣтъ для отправленія сюда ему же Гросу поручилъ. Я есмь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

„27-го Октября 1750“.

Получивъ письмо это, въ которомъ уже видно вліяніе на Государыню только что возвысившагося тогда любителя просвѣщенія Ивана Ивановича Шувалова, Разумовскій написалъ къ Гроссу и Эйлеру, отъ которыхъ получилъ слѣдующіе отвѣты:

II.

Письмо Г. И. Гросса къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Quoiqu'en consequence de la gracieuse lettre de Votre Excellence du 30 Octobre j'aie fait de mon mieux pour porter M. Euler à accepter les conditions avantageuses que S. M. l'Impératrice lui a fait offrir et d'abord il a paru même y être disposé, ne faisant

---

[1]) См. ниже.

[2]) Генрихъ Ивановичъ Гроссъ, другъ Кантемира, чрезъ котораго и поступилъ на русскую службу, родился въ 1713 году въ Стуттгартѣ. Онъ былъ русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, Варшавѣ, Дрезденѣ, Гагѣ и наконецъ въ Лондонѣ, гдѣ онъ умеръ въ 1765 и похороненъ въ церкви св. Павла,—см. „Русскій Архивъ“, 1865 г., стр. 1505.

d'autre difficulté si non celle qu'il aurait de la peine à obtenir ici son congé: cependant par l'incluse ci-jointe, qu'il me fit remettre hier, V. E. verra que j'ai le chagrin de n'avoir pas reussi auprès de lui dans la négotiation qu'elle m'a confiée. Certainement il n'y a pas de ma faute, mais je ne laisse point d'être sincèrement fâché de n'avoir pas pû suivant vos intentions procurer à l'académie Impériale un si digne sujet. Au reste j'ai l'honneur d'être avec tout le respect possible, monseigneur, de V. E. le très humble et très obéissant serviteur Gross.

Berlin, ce 30 Novembre (11 Decembre) 1750.

III.

Письмо Леонарда Эйлера [1]) къ графу К. Г. Разумовскому.

Monseigneur,

Les gracieuses intentions de S. M. I. que V. E. m'a bien voulu annoncer pénètrent mon âme du plus profond respect, et je me sens tout à fait rempli de confusion quand je me représente d'un côté les emminents avantages que S.. M. I. me fait la grâce de m'offrir et de l'autre côté mes faiblesses qui m'en rendent entièrement indigne. Plus je comprends la grandeur du bonheur auquel je pourrais parvenir par la grâce de Votre haute Excellence et dont mon esprit est tout à fait ébloui, plus je dois aussi considérer combien S. M. I. attend de moi à l'égard de son académie. Or ce serait pour moi la plus grande mortification, si je me trouvais incapable de répondre aux idées avantageuses que V. E. avez formées de ma capacité et que je dois regarder comme l'effet de la grâce toute particulière dont V. E. m'a bien voulu daigner (sic) jusqu'ici en si grande abondance. Or quelque prix qu'on puisse mettre à mes travaux dans l'étude des mathématiques, quoique je n'en connaisse que trop les défauts, je sens assez que le peu de mes forces diminue de jour en jour et comme j'avance à grands pas vers les 50

---

[1]) Леонардъ Эйлеръ, знаменитѣйшій математикъ прошлаго столѣтія, родился въ Базелѣ въ 1707 году. Молодымъ человѣкомъ пріѣхалъ онъ въ Россію, куда его призвали, чтобы занять мѣсто въ академіи вмѣстѣ съ его соотечественниками и друзьями Н. и Д. Бернулли, сыновьями его учителя. Въ Петербургѣ Эйлеръ женился на дочери швейцарскаго живописца Гезеля. Онъ оставался въ Россіи до 1741, когда, вслѣдствіе непріятностей, вмѣстѣ съ другими учеными, покинулъ академію, чтобы поселиться въ Берлинѣ, куда призвалъ его Фридрихъ II, высоко цѣнившій его геніальныя способности. Тамъ Эйлеръ оставался до 1766 г. и, послѣ неоднократныхъ приглашеній, только въ этомъ году, уже во время директорства графа Орлова, рѣшился возвратиться въ Россію. Екатерина Великая щедро его одарила. Эйлеръ умеръ въ Петербургѣ слѣпымъ въ 1783.

ans de mon âge, j'éprouve en moi très distinctement le même sort, qu'on remarque généralement dans tous ceux qui se sont livrés aux études mathématiques. Car quelques grands génies, qu'ayant (sic) été Newton, Leibnitz, Herman, Wolf et Bernoulli, on n'observe pas sans surprise, que toutes les belles découvertes, dont nous leur sommes redevables, ont été produites avant la quarantième année de leur âge et bien qu'ils aient vécu plus longtemps, et qu'il y en ait encore en vie, il est surprenant, que tout ce qu'ils ont fait après ce terme n'approche point de leurs premières productions et qu'il s'en faut même beaucoup. Voilà précisément le cas, monseigneur, où je dois avoüer que je me trouve actuellement; car ayant déjà passé ce terme, qui ajourne jusqu'ici les découvertes des mathématiciens, je ne saurais me flatter que je fusse à l'avenir en état de réussir dans cette étude mieux que mes prédécesseurs. Dans ces circonstances mon devoir et mon zêle pour l'académie Impériale exigent de ma part un sincère aveu de mon impuissance de remplir dignement l'importante charge, à laquelle V. E. me voudrait faire la grâce de m'élever, et quoique cette générosité inouie de S. M. I. dont mon coeur est le plus vivement touché pût mettre ma famille au plus haut degré de félicité, je me vois contraint par mon indignité à renoncer à un si grand bien, auquel la Providence me défend d'aspirer, m'ayant outre cela mis dans un étât, où ni ma santé, ni celle de quelques uns de mes enfants ne saurait soutenir un si grand voyage et encore moins un climat si différent de celui d'ici, surtout après que j'ai persuadé ma vieille mère de se transporter chez nous, qui, ayant déjà passé 72 ans, serait tout à fait hors d'étât d'entreprendre un tel changement. Cependant ces obstacles insurmontables ne m'empêchent pas de reconnaitre le prix infini des hauts avantages que S. M. I. daigne de m'offrir si généreusement par l'entremise de V. E. comme j'en suis touché le plus vivement et infiniment au de là que je suis (sic) en état d'exprimer mes sentiments de reconnaissance et de respect, je supplie très humblement V. E. d'agréer les faibles marques de ma plus profonde soumission; et comme c'est principalement le véritable intérêt de l'académie Impériale, qui me nécessite de renoncer à des offres aussi glorieux qu'avantageux, je me flatte que V. E. ne désapprouvera pas ma résolution et qu'elle ne me refusera point la continuation de ses hautes grâces, dont j'ai été si heureux de jouir jusqu'ici, quoique de plus en plus je me sois moins en état de les mériter. Toutefois au défaut de ma capacité, qui va très sensiblement en diminuant, je redoublerai mes efforts pour produire de temps en temps quelque morceau qui ne soit pas tout à fait indigne de l'attention de l'académie Impériale, et ce sera par ce moyen que je tâcherai de soutenir,

autant qu'il me sera possible, l'honneur que V. E. me fit en m'accordant si gracieusement une place parmi le membres étrangers. Dans cet étât il ne me reste que d'implorer V. E. très humblement de vouloir bien regarder gracieusement mes faibles efforts et mon zêle ardent pour les intérêts de l'académie Impériale. Or la lettre dont V. E. m'a daigné d'honorer (sic) et dont je ne découvrirai jamais rien à personne, me servira d'un monument perpétuel des grâces de V. E. et auguementera dans mon coeur de plus en plus la haute vénération et le profond respect avec lequel je serai toute ma vie, monseigneur, de Votre haûte Excellence le très humble, très obéissant et très soumis serviteur L. Euler. Berlin, ce 25 Novembre 1750 [1]).

Какъ ни плохо шли дѣла въ академіи, однако чрезъ мѣсяцъ послѣ своего назначенія въ президенты, 29-го іюня 1746 г., въ день обрученія своего съ фрейлиною Екатериною Ивановною Нарышкиною, графъ Кирила Григорьевичъ получилъ александровскую ленту. 25-го сентября того же года была привѣтная при дворѣ аудіенція королевско-польскому и курфирсто-саксонскому полномочному министру, графу Фицтуму, или, какъ выражается Камеръ-фуріерскій журналъ, „Вицту“. „Пріѣхалъ оный посолъ въ своей каретѣ и въ антикамерахъ принятъ церемоніймейстеромъ, потомъ оберъ-церемоніймейстеромъ; за нимъ на блюдѣ его кавалеръ несъ кавалерію (Бѣлаго Орла) для поднесенія Ея Императорскому Величеству, ради его сіятельства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, и тако препровожденъ черезъ залу въ аудіенцъ-камеру и тамъ передъ Е. И. В. отправлена привѣтная ауденція“. Въ честь новаго кавалера „того же дня, пополудни, былъ при дворѣ куртагъ въ залѣ, причемъ играла италіанская музыка“ [2]). „Послѣ полдня во дворцѣ былъ куртагъ,“ повѣствуетъ Ханенко, „передъ начатіемъ котораго посолъ Короля Польскаго при приватной аудіенціи офрировалъ графу Алексѣю Григорьевичу кавалерію Бѣлаго Орла“. На другой день малороссійскіе депутаты спѣшили поздравить своего патрона. „Рано утромъ,“ помѣчаетъ Ханенко подъ 26 сентябремъ, „были у графа и съ полученіемъ оной кавалеріи поздравляли“. Коллегія иностранныхъ дѣлъ предложила Государынѣ „въ тотъ же день помянутому графу Фицтуму кавалерію св. Александра пожаловать“ [3]). Фицтумъ получилъ 30-го сентября александровскую звѣзду, осыпанную бриллiантами [4]).

---

[1]) Архивъ гр. Уварова.

[2]) Журналы: церемоніальный, банкетный, камеръ-фуріерскіе и путевые 1746 г.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 213.

[4]) См. Бантышъ-Каменскій, Списокъ кавалеровъ и пр., 200. Графъ Людвигъ Зигфридъ Фицтумъ фонъ Екштедтъ (Vitzthum von Eckstädt), бывшій впослѣдствіи посломъ въ Баваріи и Франціи, получилъ въ 1757 андреевскую ленту (тамъ же, 104).

Отвѣтная грамота къ Королю Польскому по случаю пожалованія Разумовскаго была, по приказанію Елизаветы, написана отдѣльно. Коллегія заготовила было общій отвѣтъ по случаю произведенія графа Алексѣя Григорьевича и Чоглокова. Грамота эта подписана была въ декабрѣ 1746 года [1]).

Какъ мы видѣли выше, Кирила Григорьевичъ былъ женихомъ; за него сосватала сама Императрица, нѣсколько (по свидѣтельству Екатерины II) противъ его желанія [2]), внучатную сестру свою и фрейлину, Е. И. Нарышкину. Екатерина Ивановна родилась 11-го мая 1729 года. Она была дочерью флота капитана Ивана Львовича Нарышкина (р. 1-го января, 1700 г. † 11-го іюля 1734 г.), отъ брака съ четвероюродною сестрою Дарьею Кириловною Нарышкиною же (р. 6-го марта 1709 г. † 19-го мая 1730 г.). Семейство Нарышкиныхъ раздѣлилось уже въ XVI вѣкѣ. При Петрѣ Великомъ родство между отдѣльными вѣтвями было такъ отдаленно, что, несмотря на строгость въ то время церковныхъ правилъ, потомки разныхъ поколѣній свободно могли вступать между собою въ бракъ. Бракъ Царя Алексѣя Михайловича возвысилъ весь исхудалый родъ Нарышкиныхъ и самые отдаленные родственники царицы Натальи Кириловны, ея троюродные и двоюродные дяди съ сыновьями попали ко двору, а многіе даже въ окольничіе и бояре. Изъ родныхъ дядей Петра Великаго только двое оставили потомство: любимецъ Петра, начальникъ посольскаго приказа, Левъ Кириловичъ (р. 1664 г. † 1705 г.) и бояринъ Мартеміанъ Кириловичъ (р. 1665 г. † 1697 г.). У послѣдняго была одна только дочь, княгиня Наталья Мартемьяновна Голицына (р. 1682 г. † 1740 г.), оставившая послѣ себя сына, князя Ивана Васильевича, умершаго бездѣтнымъ въ 1773 году, и дочь, княжну Дарью Васильевну (р. 1708 г. † 1762 г.), бывшую замужемъ сперва за княземъ Дадіаномъ, а потомъ за Кочетовымъ. Такимъ образомъ, изъ поколѣнія Нарышкиныхъ, отъ котораго происходила Царица Наталья Кириловна, одинъ только бояринъ Левъ Кириловичъ оставилъ мужское потомство. У него было три сына Александръ, Иванъ и Евграфъ. Евграфъ Львовичъ умеръ въ 1706 г.; Иванъ Львовичъ рано овдовѣлъ и умеръ тридцати-четырехъ лѣтъ, оставивъ на попеченіе старшаго брата, Александра Львовича (впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и андреевскаго кавалера) единственную дочь, сироту, Екатерину Ивановну. По матери своей, невѣста графа Разумовскаго происходила отъ Ѳомы Ивановича Нарышкина, дяди Кирилы Полуектовича [3]). Дѣдъ ея,

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 223 и 232.

[2]) Mémoires de Catherine II, 112.

[3]) Единственными представителями царской вѣтви рода Нарышкиныхъ въ наши

Кирила Алексѣевичъ, женатый на княжнѣ Мышецкой, былъ сперва царскимъ крайчимъ, потомъ оберъ-комендантомъ Дерптскимъ, первымъ Петербургскимъ комендантомъ, а въ 1719 году—московскимъ губернаторомъ. Дядя ея, Семенъ Кириловичъ, первый щеголь своего времени, бѣжалъ въ царствованіе Анны Ивановны во Францію и проживалъ тамъ подъ именемъ „Тенкина". Елизавета Петровна, по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ камергеры и назначила посланникомъ въ Англію. Онъ тамъ оставался всего 7 мѣсяцевъ, назначенъ былъ гофмаршаломъ при Великомъ Князѣ, а въ 1757 году—оберъ-егермейстеромъ. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что былъ изобрѣтателемъ знаменитой у насъ въ прошломъ столѣтіи роговой музыки. У Семена Кириловича отъ брака съ Маріею Павловною Балкъ-Полевою († 1793 г.) было двое дѣтей, умершихъ въ малолѣтствѣ, но отъ брата его, Петра Кириловича († 1770 г.), женатаго на Е. М. Готовцевой, существуетъ многочисленное потомство. Изъ сестеръ Дарьи Кириловны, двѣ—Наталья († 1770 г.) и Евдокія—умерли дѣвицами, а двѣ другія: Татьяна Кириловна († 1757 г., старшая изъ сестеръ) была за генералъ-адмираломъ княземъ Михайломъ Михайловичемъ меньшимъ Голицынымъ, а Софья Кириловна (тоже умершая въ 1757 г. и въ одномъ мѣсяцѣ съ сестрою)—за генералъ-поручикомъ барономъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгановымъ. Сынъ послѣдней, о которомъ придется намъ говорить ниже, былъ первымъ графомъ Строгановымъ. Екатерина Ивановна воспитывалась въ домѣ дяди своего Александра Львовича, извѣстнаго своею надменностью и женатаго на графинѣ Еленѣ Александровнѣ Апраксиной. Сестры его при дворѣ Петра Великаго играли весьма важную роль и считались чѣмъ-то въ родѣ принцессъ крови [1]). Такимъ образомъ, Екатерина Ивановна все дѣтство свое, пока не была взята ко двору, провела съ двоюродными братьями своими, Александромъ и Львомъ Александровичами, столь извѣстными въ прошломъ столѣтіи своею любезностью и гостепріимствомъ. За Нарышкиными считали 88,000 душъ; половину этого огромнаго имѣнія получила она въ приданое и между прочимъ: домъ на Воздвиженкѣ (теперь графа Шереметева), подмосковныя села: Петровское (извѣстное подъ именемъ Петровскаго-Разумовскаго), Троицкое, Котлы и др., огромныя пензенскія вотчины: Чернышево, Ершово и проч. и проч.

„Обрученіе было", говоритъ Ханенко, 29-го іюня 1746 года,

дни—Василій Львовичъ Нарышкинъ, женатый на кн. Орбеліани и Эммануилъ Дмитріевичъ, женатый на А. Н. Чичериной; всѣ другіе Нарышкины происходятъ отъ отдаленныхъ родственниковъ царицы Натальи Кириловны.

[1]) Изъ нихъ Агрипина Львовна вышла за князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, Александра за знаменитаго Артемія Ивановича Волынскаго, Марія за князя Ѳедора Ивановича Голицына и Анна за князя Алексѣя Юрьевича Трубецкаго.

„въ придворной большой церкви, графа Кирила Григорьевича съ фрейлиною Екатериною Ивановною, умершаго Ивана Львовича Нарышкина дочерью. Онъ же, графъ Кирила Григорьевичъ, рано послѣ обѣденъ пожалованъ кавалеріею св. Александра". „30 іюня. — Рано утромъ были во дворцѣ и поздравляли первѣй графа Кирилу Григорьевича, а потомъ и графа Алексѣя Григорьевича, у котораго тутъ же были и архіереи". Черезъ три мѣсяца, т.-е. 27 октября 1746 года, отпразднована была и самая свадьба. Вотъ описаніе ея, заимствованное нами изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1746 года.

„27 октября снятъ трауръ, который носили по французской дофинѣ. Сего же числа отправлялась при дворѣ Е. И. В. свадьба камергера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго съ фрейлиною Нарышкиною. Пополудни знатнѣйшія обоего пола особы съѣхались ко двору Е. И. В. въ галерею, а въ 6-мъ часу пополудни на дворецъ велѣно въѣхать придворнымъ цугамъ, такожъ и другихъ знатныхъ персонъ каретамъ, въ которыя сѣвъ, чиновные по свадебной церемоніи поѣхали по жениха на его дворъ, и въ 7-мъ часу привезенъ онъ во дворецъ прямо къ большому галерейному крыльцу, и препровожденъ въ церковь. Потомъ, обыкновенною церемоніею, изъ покоевъ Е. И. В. чрезъ галерею, невѣста ведена съ литавры и трубы маршаломъ е. с. княземъ Трубецкимъ съ шаферами и другими кавалерами. Невѣсту велъ Его Императорское Высочество; за нею слѣдовали Е. В. Государыня Великая Княгиня и другія чиновныя дамы въ церковь, и по обвѣнчаніи, такою же церемоніею пошли въ галерею и въ парадныя камеры, пока на пріуготовленные столы кушанья становили. И какъ поставили кушанья, въ покояхъ на сторонѣ Е. И. В., подлѣ малой комнатной церкви, въ трехъ покояхъ: въ 1-й большой 2 стола съ балдахинами, на 80 персонъ; во 2-мъ покоѣ—2 стола, на 80 же персонъ; въ 3-мъ покоѣ — на 20 персонъ, — то за столомъ, обыкновенно подъ балдахиномъ, посажена невѣста подлѣ ея матери: по правую сторону — Ея Высочество Государыня Великая Княгиня, по лѣвую — ея свѣтлость вдовствующая ландграфиня Гессенъ-Гомбургская; въ концѣ стола, изъ Высочайшей милости, изволила присутствовать Е. И. В.; подлѣ Е. В., по правую и лѣвую стороны, сидѣли господа послы; во время стола за стульями у пословъ стояли камеръ-пажи; потомъ сидѣли знатнѣйшія дамы. За другимъ столомъ подъ балдахиномъ женихъ; подлѣ его отцы и братья, и прочіе знатные и чужестранные министры. Во время столовъ, по свадебной церемоніи обыкновенно, маршалъ, съ трубы и литавры, приводилъ ближнихъ дѣвицъ и форшнейдера. Здоровья маршалъ съ шаферами пить начиналъ: 1) жениха и невѣсты, 2) отцовъ и матерей, 3) братьевъ и сестеръ, 4) форшнейдера и ближнихъ дѣвицъ, 5) всѣхъ гостей. Форшнейдеръ былъ ка-

мергеръ графъ Скавронскій; шаферовъ, камергеровъ и камеръ-юнкеровъ 6 человѣкъ. А за прочими столами сидѣли такожъ знатныя персоны до 6 класса. Въ продолженіи стола играла италіанская музыка. И по окончаніи стола возвратились въ галерею и начались танцы; и, нѣсколько танцовавъ, съ музыкою провожены до каретъ и отвезены женихъ и невѣста въ домъ ихъ. Того дня при дворѣ была надѣта статсъ-ливрея.

„28-го числа октября, по-утру, обыкновенно помянутые камеръгеръ графъ Разумовскій съ женою Е. И. В. всеподданнѣйше благодаренія приносили, такожъ и И. И. В., и того дня при столѣ И. В. уняты были кушать. Того-жъ дня пополудни, собрались ко двору Е. И. В. въ галерею всѣ знатнѣйшіе, и начался балъ; а между тѣмъ въ вышеобъявленныхъ же комнатахъ, въ которыхъ 27-го числа кушали, таковые же столы пріуготовлены. И по окончаніи бала кушали вечернее кушаніе; сидѣли обыкновенно невѣста, въ своемъ мѣстѣ подъ балдахиномъ; потомъ приведенъ графъ господинъ Разумовскій церемоніею, при битіи литавръ, играніи трубъ, маршаломъ, и, сорвавъ надъ своею графинею вѣнецъ, посаженъ съ нею. Е. И. В., изъ Высочайшей милости, изволила при томъ столѣ присутствовать яко гостья, а Е. В. Государыня Великая Княгиня и господа послы сидѣли подлѣ Е. И. В., такъ, какъ и въ первый день. За другимъ столомъ Его Императорское Высочество и прочія чиновныя персоны и чужестранные министры. Въ продолженіи стола была италіанская музыка. Здоровья кушали тѣжъ, которыя въ 1 день пили. По окончаніи стола разъѣхались по дворамъ.

„29-го числа октября роздыхъ.

„30-го числа октября, пополудни Е. И. В и И. И. В. и всѣ знатнѣйшіе и чужестранные были въ домѣ упомянутаго камергера, графа Разумовскаго; былъ балъ и кушали вечернее кушаніе“ [1]).

На другой день послѣ свадьбы, 28-го октября, графиня Екатерина Ивановна объявлена была статсъ-дамою съ пожалованіемъ пребогатаго портрета [2]). Малороссійскіе депутаты присутствовали при свадебной церемоніи и на другой день являлись съ поздравленіями какъ къ новобрачному, такъ и къ графу Алексѣю Григорьевичу [3]). При академіи, по случаю женитьбы президента, напечатаны были, сочиненные Христіаномъ Крузіусомъ, профессоромъ антиквитетовъ и исторіи литеральной при академическомъ университетѣ, латинскіе стихи, подъ заглавіемъ: „Epithalamion in nuptias ab illustrissimo atque excellentissimo comite, Cyrillo Gregorii fil. Rasumovsky, augustissimae Imperatricis

[1]) Журналы: церемоніальный, банкетный и проч. 1746.

[2]) „Русская Старина“, II, 490.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

totius Russiae a cubiculo, Academiae Scientiarum praeside, atque ordinum S. Alexandri et S. Annae equite cum generosissima virgine Catharina Ioannis fil. Nariscina, auspicato contractas A. P. C. N. CIƆIƆCCXLVI. D. VI. Cal. Nov. Christianis Crusius, prof. P. O. antiquit. et hist. litt. bene ominandi devotique animi testandi causa canit. Petropoli typis Academiae Scientiarum" [въ f° 2 ненум. листа] [1]).

Депутаты Лизогубъ, Ханенко и Гудовичъ продолжали жить въ Петербургѣ, въ домѣ полковника графа Захара Григорьевича Чернышева. Они все также часто видались съ родственниками Алексѣя Григорьевича: Дараганами, Стрешенцовыми, Будлянскими и съ жившею въ лѣтнемъ дворцѣ, двоюродною его сестрою, Евдокіею Герасимовною Журавкою; они угощали графскихъ „камординовъ" Ивана Золотова, Ивана Барановскаго, Дмитрія Войновича и другихъ, наконецъ, зачастую бесѣдовали и съ самимъ графомъ, но резолюціи на ихъ счетъ все не выходило. Непрестанно говорили они обоимъ Разумовскимъ о своихъ нуждахъ, подавали меморіалы, письма отъ старшины и даже самой Натальи Демьяновны, но все не въ прокъ. Они знали, что у нихъ будетъ гетманъ, не трудно было имъ догадаться, кто именно этотъ гетманъ будетъ, и вслѣдствіе этого ухаживали за Кирилою Григорьевичемъ, безпрестанно у него бывали, не пропускали случая поздравить его, когда слѣдуетъ, причемъ однажды въ день поздравленія съ назначеніемъ въ президенты академіи Ханенко весьма оригинально вноситъ въ журналъ свой, въ скобкахъ: Rixa cum Hudowitz ad mensam. Но всѣ эти обѣщанія были на словахъ. Въ Августѣ 1746 года, депутаты получили отъ Алексѣя Григорьевича наставленіе быть у государственнаго великаго канцлера графа Бестужева-Рюмина, и обнадеживанія „какъ о главномъ дѣлѣ, такъ и о другихъ общихъ дѣлахъ", а главное „о скоромъ отпускѣ и милости Ея Величества" [2]). Наконецъ, 15 мая 1747 года узнали депутаты, что „указъ имянный сего мая 5-го числа подписанный объ избраніи гетмана въ сенатъ присланъ". Гудовичъ вслѣдствіе этого извѣстія явился къ старшему Разумовскому и подалъ ему „потребный меморіалъ",—а на другой день всѣ депутаты отправились во дворецъ благодарить графа за исходатайствованіе имянного указа о гетманѣ. Указъ этотъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Понеже въ бытность нашу въ Украйнѣ, тамошняя старшина и обыватели, именемъ всего нашего подданнаго народа Малороссійскаго, намъ всеподданнѣйше били челомъ о опредѣленіи имъ по прежнему гетмана, того ради мы, на сіе ихъ всеподданнѣйшее прошеніе все-

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, I, 693.

[2]) Неизданный дневникъ Ханенки.

милостивѣйше соизволяя, указали нынѣ въ Малороссіи гетману по прежнимъ тамошнимъ правамъ и обыкновеніямъ быть, и онаго во всемъ на такомъ основаніи учредить, какъ бывшій тамъ напередъ сего гетманъ Скоропадскій учрежденъ былъ; и нашему сенату, будучи въономъ всѣ тамошнія малороссійскія дѣла нынѣ выданы, чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ, справясь съ оными, для такого-жъ учрежденія и опредѣленія въ Малой Россіи новаго гетмана, немедленно потребныя расположенія учинить и во всемъ, что̀ къ тому принадлежитъ, по тому примѣру поступить и исполненіе учинить, какъ при опредѣленіи вышепомянутаго гетмана Скоропадскаго поступлено было, и учинить по сему нашему указу. Елисаветъ" [1]).

Обрадованные депутаты поспѣшили просить у графа Алексѣя Григорьевича объ исходатайствованіи имъ отпуска, „токмо"—Разумовскій—„велѣлъ еще потерпѣть". Малороссы снова представляли ему не токмо о старыхъ, но и новыхъ нуждахъ. Гудовичъ, находившійся какъ-бы во главѣ посольства, имѣлъ частыя совѣщанія съ графомъ объ общихъ дѣлахъ Малороссійскихъ, подавалъ новую „челобитную, сочиненную о нуждахъ въ докладъ Государынѣ отъ сената взнесенныхъ", письма о тѣхъ же дѣлахъ, жаловался на обиды, причиняемыя въ Глуховѣ генералъ-маіоромъ Лунинымъ и проч. Графъ довольно съ депутатами разговаривалъ о дѣлахъ, обнадеживалъ ихъ, что вскорѣ по дѣламъ общимъ будетъ резолюція и, наконецъ, признался имъ (31 января 1748), что „и самъ былъ бы радъ депутатовъ отселѣ, т.-е. изъ Петербурга, сбыть". Но прошло еще три мѣсяца, а депутаты все еще находились въ полной неизвѣстности относительно своего отъѣзда. Алексѣй Григорьевичъ принималъ ихъ снова въ большомъ „салѣ" дворца (30 апрѣля), обнадеживалъ ихъ скорымъ отъѣздомъ и подчивалъ ихъ водкой [2]).

14 марта 1748 года депутаты писали въ Малороссію, что доподлинно они увѣрены о назначеніи для элекціи гетмана генералъ-маіора графа Гендрикова, камергера Великой Княгини и что они надѣются вмѣстѣ съ нимъ быть отпущены во-свояси [3]). 2-го мая того же года Разумовскій сообщилъ Гудовичу, что для отправленія Гендрикова все уже было готово,— а все же несчастныхъ депутатовъ не отпускали. Въ концѣ Августа Алексѣй Григорьевичъ имъ сообщаетъ: „развѣ де вмѣстѣ съ нами (т.-е. съ дворомъ) до Москвы отъѣздъ вашъ будетъ"— и въ самомъ дѣлѣ въ концѣ года „была Гендрикову учинена декларація—ѣхать ему передомъ въ Москву, откуда уже будетъ его от-

[1]) Зап. Марковича, II, 249.
[2]) Неизданный дневникъ Ханенки.
[3]) Зап. Марковича, II, 260.

правка въ Украйну",—самый же отъѣздъ депутатовъ въ Москву состоялся въ февралѣ 1749 года. 1-го числа обѣдали они у духовника Дубенскаго, а послѣ обѣда пріѣхалъ къ нимъ графскій камердинеръ Иванъ Барановскій съ извѣстіемъ, что Государыня изволила подписать свою конфирмацію на докладѣ сенатскомъ о нуждахъ малороссійскихъ. 4-го они были рано во дворцѣ: „перво Разумовскому графу кланялись и благодарили за его патронство, потомъ отъ его-жъ представлены были самой Государынѣ для отданія благодаренія за явленную высокомонаршескую милость, что̀ и учинено было въ церквѣ комнатной" [1]). Но въ Москву поѣхали только двое изъ депутатовъ, третій, Лизогубъ, умеръ въ Петербургѣ 24 января 1749 г. Москва оказалась первымъ этапомъ депутатовъ и этапомъ, какъ мы увидимъ далѣе, крайне продолжительнымъ.

Младшій Разумовскій не спѣшилъ промѣнять удовольствія свѣтской и придворной жизни на скуку Глуховскаго захолустья. Все ему въ столицѣ улыбалось: 5 сентября 1747 у него родилась дочь, графиня Наталья Кириловна. Ровно черезъ годъ (5 сентября 1748 г.), Государыня собственноручно возложила на графа Кирилу знаки ордена Бѣлаго Орла, присланные ему королемъ Августомъ III-мъ и въ тотъ же день пожаловала въ подполковники лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка [2]). Наконецъ, 12 сентября 1748 г., у него родился сынъ—первенецъ—графъ Алексѣй Кириловичъ.

Милости Императрицы по прежнему продолжали сыпаться и на старшаго Разумовскаго. 25 ноября 1745 года, ради празднованія вступленія на престолъ, пожалованъ онъ былъ капитанъ-лейтенантомъ лейбъ-компаніи [3]). 27 мая 1747 г. получилъ онъ въ Копорскомъ уѣздѣ земли, принадлежащія къ Санковицкой мызѣ, да бывшій князя Меньшикова Рачинскій погостъ, мызу Перелѣсскую и мызу Гревову, деревню Нилово, Рудилово, Войносово, да деревню Монастырь [4]). Наконецъ, 7 сентября 1748 года, „конной-гвардіи полкъ принималъ въ команду свою новопожалованный подполковникъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій" [5]).

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Изъ диплома на графское достоинство.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[4]) Изъ жалов. грамоты.

[5]) Неизданный дневникъ Ханенки.

ГЛАВА V.

Канцлеръ гр. Бестужевъ. — Пребываніе двора въ Москвѣ. — Избраніе въ гетманы.

Вліяніе Бестужева на дѣла государственныя продолжало усиливаться. Крайне пронырливый и подозрительный, неуживчивый и часто мелочной, великій канцлеръ былъ однако твердъ и непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ. Врагъ непримиримый, онъ былъ, однако, другомъ друзей своихъ и неиначе ихъ покидалъ, какъ когда они сами измѣняли ему [1]). Дружба его съ вице-канцлеромъ, графомъ М. И. Воронцовымъ, о которой, какъ мы видѣли выше, упоминалъ Пецольдъ, оказалась недолговременною. Воронцовъ неохотно уступилъ первое мѣсто честолюбивому Бестужеву, который съ своей стороны не любилъ дѣлиться властію. Съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣлъ канцлеръ проводить свои мысли даже черезъ недруговъ своихъ и какъ Воронцовъ, такъ и Шуваловы долгое время служили его цѣлямъ [2]). Замѣчательно, что на сторонѣ своей Бестужевъ имѣлъ честнѣйшихъ людей своего времени и притомъ людей чисто-русскаго закала. Вотъ почему дипломаты такъ ненавидѣли всю Бестужевскую партію, и почему великаго канцлера такъ долго поддерживала Елизавета. Лучшимъ другомъ Бестужева былъ, напримѣръ, кабинетъ-секретарь Государыни, баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ, человѣкъ суровый и упрямый, но любившій порядокъ и справедливость [3]). Главною силою канцлера была несомнѣнно тѣсная дружба его съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ.—„Вліяніе старшаго Разумовскаго на Государыню“, пишетъ Пецольдъ отъ 18 апрѣля 1747 года, „до того усилилось послѣ брака ихъ, что хотя онъ прямо и не вмѣшивается въ государственныя дѣла, къ которымъ не имѣетъ ни влеченія, ни талантовъ, однако, каждый можетъ быть увѣренъ въ достиженіи того, что́ хочетъ, лишь бы Разумовскій замолвилъ слово“. „Хотя“, говоритъ онъ далѣе, „значеніе великаго канцлера было уже очень велико, благодаря всѣмъ его интригамъ (menées), однако онъ дошелъ только теперь, со времени женитьбы сына на молодой графинѣ Разумовской, до высшей степени могущества. Императрица съ тѣхъ поръ поставила Бестужева на такую близкую ногу, что не проходитъ почти вечера безъ пригла-

---

1) Mémoires de Catherine, II, 7.
2) Тамъ же, 9.
3) Тамъ же.

шенія его на маленькія „parties de plaisir" и Государыня дозволяетъ ему всегда говорить ей все, что онъ хочетъ" [1]). Французскій повѣренный въ дѣлахъ Даліонъ съ отчаяніемъ писалъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ—маркизу д'Аржантонъ: вице-канцлеръ находитъ на пути своемъ такія препятствія, которыя преодолѣть трудно. Бестужевъ въ послѣднее время такое дѣло сдѣлалъ, которое ему упрочиваетъ милость и довѣренность и разрушаетъ планы графа Воронцова: онъ женилъ своего единственнаго сына на племянницѣ графа Разумовскаго... Намъ больше дѣлать нечего при здѣшнемъ дворѣ, какъ только продолжать борьбу съ господствующею партіею, пользоваться обстоятельствами и всѣми способами обезпокоивать Россію" [2]).

Эта „молодая графиня Разумовская", впрочемъ и въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ такъ титулованная, была упомянутая нами Авдотья Даниловна, Императрицына фрейлина. 18 Декабря 1746 года, въ день своего рожденія, Императрица обручила сына канцлера графа Андрея Алексѣевича, тогда еще камеръ-юнкера, а впослѣдствіи дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и Александровскаго кавалера, на фрейлинѣ Разумовской во время бала и въ присутствіи всѣхъ чужестранныхъ министровъ и знатнѣйшихъ обоего пола особъ [3]). Бракъ, совершенный 5-го Мая 1747 года, былъ несчастливъ. „Хотя Бестужевы еще такъ недавно женились", пишетъ Пецольдъ въ приведенной нами выше депешѣ, „однако у нихъ уже не разъ бывали домашнія ссоры; молодая графиня грозилась пожаловаться Государынѣ и оберъ-егермейстеру, обѣщаясь обратить свое замужество къ униженію великаго канцлера и его семейства, во столько же, во сколько оно до сихъ поръ служило къ ихъ возвышенію" [4]). Въ концѣ 1747 года графиня Авдотья Даниловна поѣхала съ мужемъ въ Вѣну, куда молодой Бестужевъ былъ отправленъ съ поздравленіемъ по случаю рожденія эрцгерцога Леопольда. Марія Терезія, нуждавшаяся въ союзѣ съ Россіею и знавшая, что Бестужевъ и Разумовскіе были сторонниками Вѣнскаго кабинета, осыпала любезностями графиню Бестужеву. Жила графиня не долго: безпутный мужъ скоро вогналъ ее въ могилу.

Горячій сторонникъ союза съ Англіею, гдѣ онъ провелъ свою молодость и съ Австріею, дружественныя отношенія съ которой были еще завѣщаны Петромъ Великимъ, Бестужевъ не могъ равнодушно думать о Пруссіи и Франціи. Онъ зналъ, сколько денегъ потратили и Фридрихъ Великій и Версальскій кабинетъ на то, чтобы его сверг-

---

[1]) Hermann, Geschichte des russischen Staats. V, 202.

[2]) Исторія Соловьева, XXII, 129.

[3]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1746.

[4]) Hermann, Gesch. d. russ. St. V, 208.

нуть, и всѣ усилія его стремились къ тому, чтобы окончательно уничтожить вліяніе этихъ двухъ державъ въ С.-Петербургѣ. Въ лицѣ маркиза де-ла-Шетарди, со срамомъ изгнаннаго за предѣлы Россіи, рушилось вліяніе Франціи. За Пруссію стоялъ еще графъ Лестокъ, которому Государыня была многимъ обязана, но котораго не могъ терпѣть графъ Алексѣй Григорьевичъ.

Послѣ изгнанія де-ла-Шетарди, Лестокъ сдѣлался злымъ недругомъ Бестужева, который съ своей стороны не могъ простить пронырливому лейбъ-медику устроенный наперекоръ ему бракъ Наслѣдника. Канцлеръ всячески старался уронить во мнѣніи Императрицы зазнавшагося временщика. Перлюстрація депешъ иностранныхъ агентовъ при дворѣ нашемъ представляла къ тому удобное средство, да и самъ Лестокъ открытымъ презрѣніемъ ко всему русскому и необдуманными рѣчами готовилъ себѣ погибель. 22-го Ноября 1748 года Лестокъ праздновалъ свадьбу свою съ дѣвицею фонъ-Менгденъ, 24-го того же мѣсяца онъ былъ арестованъ въ домѣ своемъ на Фонтанкѣ (на углу Лештукова переулка) С. Ѳ. Апраксинымъ и А. И. Шуваловымъ, а вскорѣ затѣмъ заключенъ въ крѣпость. „Pestucheff (sic) ne s'est point adressé directement à l'Impératrice pour perdre Lestocq", доносилъ въ Вѣну графъ де-Бернисъ, „mais il a employé pour cela le Grand Veneur Rosoumovsky qui dans le premier moment répugnait à s'en mêler. Pour l'y déterminer, Pestoucheff représenta au Grand Veneur que, si Lestocq se trouvait innocent, il s'entendait de soi-même qu'il serait relâché et rehabilité, que par conséquent cette détention ne serait autre chose que ce qui lui était arrivé à lui-même Grand Chancelier (въ 1740 г., при сверженіи Бирона) ainsi qu'à plusieurs autres; mais que tous les indices, que l'on a des crimes de Lestocq, exigeaient qu'on s'assura de sa personne. C'est par ces raisonnements que le comte Rosoumovsky s'est déterminé à en parler à l'Impératrice [1]". Слова Разумовскаго подѣйствовали, Лестока допрашивали, пытали и сослали сперва въ Угличъ, а потомъ въ Устюгъ Великій. Другіе враги Бестужева, Шуваловы трепетали передъ всемогущимъ канцлеромъ. Великій Князь, о которомъ Бестужевъ отзывался съ глубочайшимъ презрѣніемъ, лишенный своей Голштинской свиты, которую канцлеръ выгналъ безъ всякихъ церемоній изъ Россіи, и Великая Княгиня, на которую онъ смотрѣлъ какъ на малозначущую дѣвочку, окруженные соглядатаями, не могли ни двинуться, ни вымолвить слова безъ его вѣдома. Вскорѣ послѣ ссылки Лестока, дворъ снова переѣхалъ въ Москву. Здѣсь Государыня обѣдала и ужинала у Разумовскаго въ Горенкахъ, а 17 марта въ селѣ Покровскомъ было обѣденное кушанье для тезоименитства его сіятельства графа Алексѣя

[1]) Архивъ князя Воронцова, III, 329—330.

Григорьевича; кушали Ея Императорское Величество и Ихъ Высочества и перваго и втораго класса обоего пола персоны. Палили изъ пушекъ при питіи здоровьевъ [1]).

Вслѣдъ за дворомъ пріѣхалъ въ Москву и графъ Кирила Григорьевичъ. Вообще, когда дворъ покидалъ Петербургъ, то сѣверная столица обращалась въ совершенную пустыню: не видать было болѣе каретъ, и травою заростали улицы [2]). По предложенію Шумахера, при президентѣ въ Москвѣ учреждено было отдѣленіе академической канцеляріи [3]), при которой письмоводителемъ былъ нѣкто Фелькнеръ [4]). Въ это пребываніе въ Москвѣ, Государыня очень серьёзно заболѣла; у нея сдѣлались страшныя спазмы, отъ которыхъ она лишалась чувствъ и жизнь ея была въ опасности. Придворные страшно переполошились, но болѣзнь хранилась подъ строжайшимъ секретомъ, такъ что Великій Князь и Великая Княгиня узнали объ этомъ случайно [5]). „Цѣлую ночь", пишетъ Линаръ, датскій посланникъ, хорошо знакомый съ тѣмъ что̀ дѣлалось при дворѣ, ибо онъ, по свидѣтельству Екатерины II-ой [6]), былъ принятъ какъ свой у Бестужевыхъ, „были собранія и переговоры, на которыхъ между прочимъ рѣшено было главными министрами и военными властями, что, какъ скоро Государыня скончается, Великаго Князя и Великую Княгиню возьмутъ подъ стражу и Императоромъ провозгласятъ Ивана Антоновича. Число лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло, очень велико, но до сихъ поръ никто другъ друга не выдавалъ... Я подозрѣваю многихъ въ томъ, что они принимали участіе въ этомъ заговорѣ, особенно же имѣющихъ причины опасаться Великаго Князя и весьма естественно ожидающихъ болѣе милостей отъ принца, который всѣмъ имъ будетъ обязанъ" [7]). Всегда сдержанный въ депешахъ своихъ, Линаръ здѣсь явно намекаетъ на Бестужева. Этимъ показаніемъ объясняются ночныя совѣщанія Бестужева и Апраксина у Чоглоковыхъ, о которыхъ упоминаетъ Екатерина [8]). Вѣроятно и Алексѣй Григорьевичъ зналъ объ этихъ планахъ. Ему, какъ истинно Русскому человѣку, не разъ приходилось внутренно вздыхать въ виду иностранныхъ замашекъ и вкусовъ Наслѣдника престола. Опасенія касательно жизни Государыни скоро разсѣялись; впрочемъ, какъ мы уже сказали, о томъ знали лишь самые къ ней

---

[1]) Кам.-фур. журналъ 1748.
[2]) Mém. de Catherine, II, 126.
[3]) Пекарскій, Дополн. извѣстія для біографіи Ломоносова, 43.
[4]) Тамъ же.
[5]) Mémoires de Catherine, II, 105.
[6]) Тамъ же, 137.
[7]) Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 106.
[8]) Mém. de Cath., II, 105.

приближенные; всякій спросъ о здравіи Императрицы могъ бы любопытнаго привести прямо въ тайную канцелярію. Елизавета Петровна весною переѣхала въ Перово къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Сюда приглашены были и Великій Князь съ Великою Княгинею. Каждый день бывали въ Перовѣ охоты, и мужчины возвращались домой поздно, усталые и нелюбезные, такъ что дамамъ приходилось искать развлеченія въ себѣ самихъ.

Государыня ежедневно принимала участіе въ охотахъ; что же касается до Великой Княгини, то она усердно принялась за чтеніе, и тѣмъ составляла исключеніе при дворѣ, гдѣ рѣдко кто брался за книгу. Оберъ-гофмейстерина Чоглокова, состоявшая при Екатеринѣ, горько жаловалась на скуку: не съ кѣмъ было поиграть въ карты, до которыхъ она была страстная охотница, да къ тому же и мужъ ея, котораго она страшно ревновала, выбился изъ рукъ. Благодаря подаренной ему сучкѣ Цирцеѣ, онъ участвовалъ на каждой охотѣ и сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ и шутокъ всей Перовской компаніи. Его увѣряли, что собака его не упускала ни одного зайца, и тщеславный Чоглоковъ былъ въ восторгѣ. Въ Перовѣ Великая Княгиня заболѣла, и здѣсь она увидѣла доказательство того обаятельнаго вліянія на приближенныхъ, которымъ природа столь щедро ее одарила. Враждебная ей Чоглокова, приставленная къ ней Бестужевымъ, чтобы слѣдить за каждымъ ея шагомъ, съ самою нѣжною заботливостью стала ухаживать за Великою Княгинею во время этой болѣзни и съ этихъ поръ совершенно перемѣнилась въ своихъ къ ней отношеніяхъ. Вскорѣ послѣ этой болѣзни захворала вторично и Государыня. Она приказала перенести себя въ Москву, и весь дворъ шагомъ ѣхалъ за нею [1]). Этотъ новый припадокъ спазмъ не имѣлъ послѣдствій, и вскорѣ потомъ Государыня отправилась на богомолье къ Троицѣ. Она дала обѣтъ пройти пѣшкомъ всѣ 60 верстъ и начала свое путешествіе отъ Покровскаго дворца. Пройдя въ день версты три или четыре, Императрица возвращалась въ Москву въ каретѣ. Иногда она въ экипажѣ отправлялась далѣе къ тому мѣсту, гдѣ приготовлена была стоянка. Послѣ отдыха она снова возвращалась въ каретѣ туда, гдѣ остановилась въ своемъ хожденіи, и отсюда снова продолжала свое шествіе. Такимъ образомъ походъ этотъ занялъ почти все лѣто, тѣмъ болѣе, что иногда Императрица по нѣскольку дней отдыхала въ Москвѣ и селахъ по дорогѣ. На время богомолія Великій Князь и Княгиня переѣхали на Троицкую дорогу и поселились въ Раевѣ, имѣніи Чоглоковыхъ, близъ Тайнинскаго. Когда Государыня дошла до Тайнинскаго, гдѣ находился въ тѣ времена дворецъ, въ

[1]) Mém. de Catherine, I, 109—111.

Раево сталъ ежедневно пріѣзжать графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій. Онъ жилъ въ имѣніи жены своей Петровскомъ, на тогдашней Петербургской дорогѣ. „Онъ былъ очень веселаго нрава и однихъ съ нами лѣтъ", пишетъ Екатерина, „мы очень любили его, и Чоглоковымъ пріятны были его посѣщенія, такъ какъ онъ былъ братъ фаворита. Его визиты не прекращались все лѣто, и мы всегда съ большимъ удовольствіемъ встрѣчали его. Обыкновенно онъ у насъ обѣдалъ и ужиналъ, а послѣ ужина уѣзжалъ къ себѣ въ Петровское, дѣлая такимъ образомъ 40 или 50 верстъ. Лѣтъ 20 спустя, однажды мнѣ вздумалось спросить его, чтò ему была за охота пріѣзжать въ Раево и раздѣлять скуку и нелѣпость тамошней жизни, тогда какъ у него въ Петровскомъ ежедневно собиралось множество гостей изъ самаго лучшаго, какое тогда было въ Москвѣ, общества [1]). На этотъ вопросъ, ни минуты не задумываясь, онъ отвѣчалъ: Я былъ влюбленъ.— Что вы? возразила я: — да въ кого же могли вы быть влюблены у насъ?— Въ кого? — отвѣчалъ онъ — въ васъ. Это чрезвычайно меня разсмѣшило, потому что я даже и не подозрѣвала этой любви, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время уже нѣсколько лѣтъ какъ былъ женатъ, и повидимому жилъ съ женою хорошо" [2]).

Петровское, какъ видно изъ дневника Ханенки, часто посѣщали Великій Князь и Великая Княгиня. Что же касается до депутатовъ, то они были своими людьми у Кирилы Григорьевича. „Отъѣхали мы 27 Іюля въ Петровское", повѣствуетъ Ханенко, „до графа Кирилы Григорьевича и тамъ обѣдали и у него застали Романа Иларіоновича Воронцова, князя Алексѣя Никитича Волконскаго, графа Ивана Григорьевича Чернышева, Вас. Ан. Брылкина и ассессора академіи наукъ Г. И. Теплова. Послѣ обѣда изъ луковъ стрѣляли и имѣли нѣкоторые объ Украйнѣ разговоры съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ" [3]).

Въ то время какъ Наслѣдникъ съ Великою Княгинею жилъ въ Раевѣ, однажды, на охотѣ, подпоручикъ Бутырскаго полка Іосифъ Батуринъ бросился передъ Великимъ Княземъ на колѣни и объявилъ, что его одного признаетъ законнымъ своимъ Государемъ и готовъ исполнить все то, что онъ прикажетъ. Испуганный Наслѣдникъ пришпорилъ свою лошадь и ускакалъ. Оказалось, что Великій Князь, черезъ

---

[1]) Пецольдъ, вѣроятно обманутый какимъ-нибудь придворнымъ нувелистомъ, писалъ ко двору своему: „Трубецкой, Чоглоковъ и молодой графъ Разумовскій получили тайное приказаніе не покидать Великаго Князя, и доносить кому слѣдуетъ обо всемъ томъ, что онъ дѣлаетъ и предпринимаетъ" (Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 203). Показаніе это совершенно ложно: Екатерина не медля бы узнала шпіона и не пощадила бы Кирилу Григорьевича въ запискахъ своихъ.

[2]) Mém. de Cath. II, 112—113.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

своихъ псарей, свёлъ тайкомъ съ этимъ Батуринымъ знакомство. Дѣло огласилось; Батурина схватили и заключили въ тайную канцелярію. Онъ оказался безпутнымъ, промотавшимся малымъ, бросившимся какъ съумасшедшій въ заговоръ, не заручившись даже болѣе или менѣе серьёзными сообщниками, ибо едва можно назвать этимъ именемъ темныхъ товарищей его Худышкина, Тыртова, Кенжина и Кетова [1]). При допросахъ оказалось, что Батуринъ питалъ самую злую ненависть къ графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и намѣревался въ случаѣ удачи умертвить его. Передъ товарищами онъ хвастался, что имѣетъ на то именной указъ отъ Великаго Князя, которому Разумовскій самый лютый врагъ и злодѣй [2]). Вскорѣ послѣ воцаренія Елизаветы стали ходить въ народѣ разные враждебные графу Алексѣю Григорьевичу слухи. Любопытно, что слухи эти, носившіе на себѣ до 1749 года характеръ одной только зависти и относившіеся прямо до положенія его во дворцѣ, съ конца 40-хъ годовъ принимаютъ серьёзный оттѣнокъ и имѣютъ цѣлью представить Наслѣдника престола жертвою колдуна Малороссіянина. Несчастное паденіе потолка въ Гостилицахъ послужило тэмою для самыхъ нелѣпыхъ толковъ: Разумовскій, какъ разсказывали, шесть разъ подводилъ Великаго Князя подъ вѣрную смерть; чарами своими онъ остудилъ Государыню къ племяннику; Наталью Демьяновну называли колдуньею, волшебницею и еретицею; говорили, что Алексѣй Григорьевичъ составилъ команду изъ своихъ Черкасъ, которые губили Русскихъ, что онъ вывезъ изъ дворца старинныя вещи прежнихъ царей и отправилъ ихъ къ матери, которая въ свою очередь отослала ихъ въ Польшу и пр. и пр. и пр. [3]). Въ дѣлахъ тайной канцеляріи, сохранившихся въ государственномъ архивѣ, мы находимъ цѣлый рядъ разбирательствъ по поводу такихъ вздорныхъ обвиненій на благодушнаго Разумовскаго.

Къ несчастію, въ каждомъ дѣлѣ затрогивалась честь не одного только Разумовскаго, но и Государыни, и поэтому почти всѣ эти разбирательства оканчивались крайне трагически застѣнкомъ, дыбой, кнутомъ, плетьми, батогами, шпицрутенами и наконецъ ссылкою на каторгу. Такимъ образомъ судились: въ 1743 г. казначей монетной канцеляріи служитель Ѳедоръ Мозовскій, въ 1745—дворецкій мундтшенкскій помошникъ Семенъ Очаковъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ-поручикъ Тимерязевъ; въ 1746—токарь петергофской конторы Михайло Дачковъ и бунчуковый товарищъ Павелъ Григорьевъ Скорупка; въ 1747 г. бунчуковый товарищъ Марко Марковичъ; въ

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 122—124.

[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 209—210.

[3]) Дѣла тайной канцеляріи въ государственномъ архивѣ.

1748 Преображенскаго полка поручикъ Василій Марковичъ и дворовая дѣвка Дарья Михайлова; въ 1749 г. бывшій де-сеансъ Академіи регистраторъ Ивановъ; въ 1750 раскольный старецъ Корнилій, солдатъ Лазарь Быстряковъ, арестанты Алексѣй Язвинцевъ и Григорій Косоговскій, солдаты Щетенко, Матвѣй Шестаковъ, Иванъ Меркульевъ, однодворецъ Поярковъ и Троицкаго-Волновскаго (близъ Бѣлгорода) монастыря строитель іеромонахъ Пафнутій; въ 1751 титулярный совѣтникъ Андрей Позняковъ; въ 1752 крестьянинъ Петръ Прокофьевъ, деньщикъ Григорій Воробьевъ, солдатъ Иванъ Гордѣевъ, купецъ Иванъ Пичюгинъ и дворовый человѣкъ Иванъ Парцевскій; въ 1753 крѣпостная жёнка Авдотья Никонова и пр. и пр. и пр. Каждое имя представляетъ отдѣльное дѣло, почти всѣ дѣла между собою сходны и бо̀льшею частью неудобны для печати. Нѣкоторыя однако не лишены интереса. Такъ, напр., солдатъ Матвѣй Шестаковъ между прочимъ судился за то, что назвалъ Разумовскаго *„временщикомъ“*.—Такимъ образомъ оказывается, что слово это стариннѣе, чѣмъ можно было предполагать. Дѣло бывшаго де-сеансъ академіи регистратора Иванова замѣчательно по толкамъ, которые возбуждало въ мелкомъ чиновномъ мірѣ академіи президентство младшаго Разумовскаго. Иванова оговорилъ стряпчій Новогородскаго архіерея Стефана —Петръ Верещагинъ. Ивановъ говорилъ Верещагину: По академіи чинятся великіе непорядки, когда е. с. Кирила Григорьевичъ Разумовскій въ академію пріѣдетъ, то, облокотясь на столъ, все лежитъ и никакого разсужденія не имѣетъ и что положатъ, то крѣпитъ безъ спору, а болѣе въ той академіи имѣетъ власть той академіи ассессоръ Григорій Тепловъ, и что̀ онъ е. с. скажетъ, то по его словамъ такъ и дѣлается, да не токмо въ академіи, но и въ домѣ е. с., что̀ прикажетъ оный Тепловъ который день кушать готовить, то-де по его, Теплова, приказу и дѣлается и домъ весь е. с. въ смотрѣніи имѣетъ оный Тепловъ; и нынѣ многіе лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, къ пожалованію въ унтеръ-офицеры сюда пріѣзжая, сперва просятъ онаго Теплова, а не е. с., и что̀ оный Тепловъ о комъ скажетъ, то того и въ чинъ произведутъ. Въ 1748 имѣлось Малороссіянъ въ С.-Петербургѣ не малое число для прошенія Е. И. В. на е. с. Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ разныхъ обидахъ, и когда изъ оныхъ Малороссіянъ кто подаетъ Е. И. В. какое прошеніе, то, по прочтеніи, Е. И. В. соизволяетъ то прошеніе отдать е. с. Алексѣю Григорьвичу и е. с. велитъ того просителя взять подъ караулъ и отослать въ Малую Россію по прежнему, ибо почти всею Малою Россіею завладѣлъ е. с. и имѣющихся вотчинъ своихъ управителямъ приказываетъ е. с., чтобъ подданныхъ его приводили къ содержанію отъ побѣга противъ Великороссійскихъ крестьянъ; да у его жъ сія-

тельства въ Малой Россіи построенъ домъ каменный превеликій и писалъ е. с. за море къ корреспонденту своему, чтобъ прислать е. с. на обивку въ тотъ новый домъ покоевъ разныхъ стѣнныхъ обоевъ на 400,000 рублей. Тогда Верещагинъ спросилъ у Иванова, откуда у Разумовскаго столько денегъ... Дальнѣйшія подробности мы опускаемъ. По дѣлу строителя іеромонаха Пафнутія привлечено было много разныхъ лицъ: строитель Троицкаго Богоявленскаго, что въ Кремлѣ, монастыря (приписаннаго къ Троицкой Сергіевой лаврѣ) іеромонахъ Аѳанасій Дорошевичъ, пѣвчій Кирила Загоскевичъ, іеромонахъ Троицкой Сергіевой лавры Тимоѳей Куракинъ, генералъ-маіорша Бредихина и другіе. Дѣло это замѣчательно по подробностямъ о бракѣ Елизаветы съ Разумовскимъ, тайно совершеннымъ, по показанію многихъ изъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ, въ Петербургѣ, послѣ восшествія на престолъ, но до вѣнчанія на царство, Кириломъ Флоринскимъ, который за это будто произведенъ былъ въ архимандриты Троицкой лавры и члены св. Синода. Упомянемъ еще о дѣлѣ Авдотьи Никоновой, имѣющемъ нѣкоторое сходство съ сказаніями о псевдо-Таракановыхъ, о которыхъ придется говорить намъ позднѣе. Эта Никонова-крѣпостная нѣкоего Бачманова, содержалась въ Тихвинскомъ Введенскомъ женскомъ монастырѣ „въ монастырскихъ трудахъ до конца живота“. Въ 1753-мъ году она сказала за собою государево слово и дѣло, и когда её доставили въ тайную канцелярію, не иначе хотѣла говорить какъ самой Государынѣ или по крайней мѣрѣ графу Александру Ивановичу Шувалову. Угроза пыткою развязала ей однако языкъ, и она показала, что въ томъ же Тихвинскомъ монастырѣ содержалась подъ карауломъ *Персидская* дѣвка—Лукерья Михайлова. Эта Лукерья разсказала Никоновой, что она дочь Персидскаго короля и жена графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, что Государыня ее насильно выдала замужъ за Разумовскаго, потому что на ней хотѣлъ жениться Великій Князь, котораго тоже противъ воли сосватали. Въ подтвержденіе словъ своихъ Лукерья показала Никоновой двѣ небольшія писанныя бумажки, свернутыя какъ письма, и прочла ихъ. Одно будто было письмо отъ Разумовскаго и другое отъ Великаго Князя, оба отмѣнно нѣжныя и въ нихъ Лукерья называлась: „другомъ сердечнымъ Ольгою Макаріевною“. Замѣчательно, что Лукерья была оправдана и отослана обратно въ Тихвинскій монастырь за крѣпкимъ карауломъ, а Никонова была нещадно бита кнутомъ и сослана въ строжайшее заключеніе въ другой монастырь [1]). Противъ Разумовскаго стали тоже сильно возставать начальники новой скопческой ереси, уже начинавшей взирать на молодого Петра Ѳеодоровича какъ на

---

[1]) Государственный архивъ—дѣла Тайной Канцеляріи.

своего искупителя [1]). Всѣ эти слухи были предвозвѣстниками перемѣны, исподоволь готовившейся въ дворцовыхъ покояхъ. Враждебная Бестужеву партія не теряла надежды. Ей нужна была опора внутри дворца, и опору эту она скоро нашла себѣ въ лицѣ молодого камеръ-пажа Ивана Шувалова.

Въ Іюлѣ Государыня отправилась изъ Москвы въ Саввинъ монастырь, близъ Звенигорода, а оттуда въ Воскресенскую обитель, болѣе извѣстною подъ именемъ Новаго Іерусалима. Графъ Алексѣй Григорьевичъ сопутствовалъ ей, равно какъ и нѣкоторые изъ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Дорогою Государыня останавливалась въ принадлежащемъ Разумовскому селѣ Знаменскомъ - Денисьевѣ и тамъ вечернее кушанье кушать изволила въ ставкахъ на лугу, подлѣ Москвы-рѣки. „Тутъ она ночевала, на другой день обѣдала, а вечернее кушанье изволила кушать у князя Голицына, переѣхавъ Москву-рѣку, въ селѣ его, Голицына [2]), а ночевать возвратиться изволила въ село Знаменское". Этотъ князь Голицынъ, у котораго ужинала Елизавета Петровна, былъ князь Николай Ѳедоровичъ, сынъ князя Ѳедора Ивановича (женатаго въ первомъ бракѣ на Маріѣ Львовнѣ Нарышкиной, теткѣ графини Екатерины Ивановны Разумовской) отъ второго брака съ Анною Петровною Измайловою. Ровно черезъ три мѣсяца послѣ посѣщенія Государыни, Голицынъ женился на сестрѣ Ивана Ивановича Шувалова, Прасковьѣ Ивановнѣ. Весьма вѣроятно, что это пребываніе въ Знаменскомъ и посѣщеніе Петровскаго были связаны съ возвышеніемъ Шувалова; доказательствомъ этому служитъ то, что послѣдній уговорилъ Разумовскаго уступить ему Знаменское, напоминавшее ему о началѣ его случая, а впослѣдствіи подарилъ оное сестрѣ своей [3]). Наврядъ ли Разумовскій уступилъ бы, безъ особенныхъ на то причинъ, имѣніе, подаренное ему въ 1742 г. Государыней. Изъ Знаменскаго Императрица имѣла шествіе поутру въ 12-мъ часу въ Звенигородъ и, не доходя полверсты до монастыря, обѣдала въ ставкахъ. Отдохнувъ, она посѣтила Саввинъ монастырь, отслужила соборный молебенъ чудотворцу, и поѣхала въ Воскресенскъ. Она прибыла уже ночью въ разбитый за монастыремъ, противъ заднихъ воротъ, лагерь свой. На другой день Государыня отстояла обѣдню и осмотрѣла выстроенный для нея противъ большой соборной церкви деревянный дворецъ, куда къ вечеру и переѣхала. На другой день Елизавета снова отслушала обѣдню и, осмотрѣвъ

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 209.

[2]) Село Петровское, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ правнуку кн. Николая Ѳедоровича—князю Александру Михайловичу Голицыну.

[3]) Знаменское-Денисьево, Звенигородскаго уѣзда, принадлежитъ понынѣ правнуку кн. Прасковьи Ивановны—князю Владиміру Михайловичу Голицыну.

подробно всѣ зданія монастырскія, послѣ обѣда отъѣхала въ Москву [1]). Воскресенскъ очень полюбился Императрицѣ. 2-го Сентября того же года она предприняла снова туда шествіе. 3-го числа въ Новый Іерусалимъ прибыли Ихъ Высочества. Въ день имянинъ Государыни послѣ торжественной литургіи съ предикою, которую говорилъ Ростовскій митрополитъ и молебна, Елизавета приняла отъ духовныхъ персонъ поздравленіе и жаловала ихъ къ рукѣ, потомъ послѣдовала въ свой новый дворецъ, гдѣ при пушечной пальбѣ ее поздравляли придворные. За монастыремъ, на лугу, устроены были ставки и въ нихъ Императрица съ Наслѣдникомъ, Великою Княгинею и знатными обоего пола особами изволила кушать. Кавалеры, для которыхъ не хватило мѣста за столомъ Государыни и гвардіи оберъ-офицеры обѣдали въ сосѣдней ставкѣ. Въ продолженіе стола играла итальянская инструментальная и вокальная музыка. На служащихъ надѣта была статсъ-ливрея. Во время обѣда Великій Князь провозгласилъ здоровье Государыни (51 пушечный выстрѣлъ). Государыня въ отвѣтъ предложила здоровье Ихъ Высочествъ (31 выстрѣлъ). Наслѣдникъ въ отвѣтъ выпилъ за счастливое и благополучное государствованіе Ея Величества (51 выстрѣлъ). Государыня предложила здоровье всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ (31 выстрѣлъ), а Великій Князь напослѣдокъ, поднявъ кубокъ, сказалъ: сколько въ кубкѣ капель, столько лѣтъ желаютъ вѣрноподданные здравствовать Ея Величеству (101 выстрѣлъ). Вечеромъ вся свита Государыни собралась въ дворцовыхъ покояхъ монастыря, въ залѣ былъ концертъ. Играли и пѣли Итальянцы, а гости забавлялись въ карты. 6-го Государыня уѣхала въ Москву [2]). Во время этого пребыванія въ Новомъ Іерусалимѣ, 4 Сентября, Императрица пожаловала своего камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры. Это было событіемъ при дворѣ: всѣ на ухо поздравляли другъ друга съ новымъ фаворитомъ [3]). Шувалова Елизавета уже не разъ отличала и, какъ мы видѣли выше, даже посѣтила будущаго его зятя по дорогѣ въ Саввинъ монастырь. Назначеніе это надѣлало шуму и въ академіи. Вслѣдствіе письма Теплова отъ 16 Октября 1749 года, въ Русскія и Нѣмецкія вѣдомости было внесено „о пожалованіи камеръ-пажа Ивана Шувалова въ камеръ-юнкеры"—т.-е. точно такъ, какъ о томъ выразился въ письмѣ своемъ Тепловъ. Какъ видно, объявленіе это сильно взорвало Шуваловыхъ, которые о томъ довели, по всей вѣроятности, до Государыни. Письмомъ отъ 6 Ноября того же года Тепловъ сообщалъ Шумахеру, что президенту „безмѣрно удивительно, какъ мало подчиненные смо-

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1749 года.

[2]) Кам.-Фур. Журналъ 1749.

[3]) Mém. de Cath. II, 117.

трать на свою должность и отправляють дѣла съ крайнимъ нерадѣніемъ и неосторожностью. Сколько памятуется и опредѣленіемъ особливымъ подтверждено было, дабы чины особливаго достоинства всегда вносились въ газеты съ ихъ именемъ и отечествомъ и съ надлежащею учтивостью, а не такъ, какъ подъ № 85, объ Иванѣ Ивановичѣ, господинѣ Шуваловѣ... Чего ради е. с. г. президентъ приказалъ къ вашему высокоблагородію писать, дабы вы, призвавъ въ канцелярію тѣхъ, на комъ сіе взыскивать надлежитъ, учинили имъ пристойный выговоръ въ канцеляріи" и пр. Академическая канцелярія переполошилась. Наведены были справки. Шумахеръ воспользовался случаемъ, чтобы подвести Ломоносова; но тотъ доказалъ „что Россійскіе артикулы" до него не касаются [1]). Несомнѣнно, что графъ Кирила Григорьевичъ опасался, какъ бы не подумали, что онъ, въ качествѣ брата Алексѣя Григорьевича, имѣлъ причины быть недовольнымъ возвышеніемъ Шувалова, и поэтому приказалъ внести о немъ въ газеты какъ о лицѣ не особенно важномъ. Санктъ-Петербургскія Вѣдомости зависѣли отъ президента и издавались при академіи. Вслѣдствіе всей этой исторіи въ № 91 Вѣдомостей помѣщено было полное описаніе пребыванія Государыни въ Воскресенскомъ монастырѣ, а въ концѣ прибавлено, что Императрица „пожаловать изволила камеръ-пажа своего Ивана Ивановича господина Шувалова двора своего камеръ-юнкеромъ" [2]). Возвышеніе Шувалова, который еще камеръ-пажемъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины своимъ прилежаніемъ и любовью къ чтенію [3]), исподоволь подготовлялось его родственниками. Графиня Мавра Егоровна, женщина умная, ловкая и дальновидная, пользовалась разными случаями, чтобы обратить на красавца-пажа вниманіе Государыни и, благодаря ей, Иванъ Ивановичъ получилъ сперва золотые часы, потомъ пожалованъ былъ камеръ-пажемъ, а наконецъ и камеръ-юнкеромъ. Съ обыкновенною своею хитростью Шуваловы такъ устроили дѣло, что Бестужевъ и Апраксинъ просили Государыню о пожалованіи Ивана Ивановича въ камеръ-юнкеры, и графъ Александръ Ивановичъ „пріѣзжалъ къ нимъ нарочно будто просить, чтобы они фамиліи ихъ сдѣлали одолженіе и Ея Величеству, въ удобное время, доложили" [4]). Нѣтъ сомнѣнія, что Бестужевъ и Апраксинъ обратились къ другу своему Разумовскому и что добродушный Алексѣй Григорьевичъ самъ же просилъ о возвышеніи своего соперника. Съ этихъ поръ нанесенъ былъ первый ударъ могуществу Бестужева,

---

[1]) Билярскій, Матеріалы для біогр. Ломоносова, 134—137.
[2]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 421—422.
[3]) Ив. Ив. Шуваловъ—статья П. И. Бартенева, 8.
[4]) Записки Порошина, 72.

и Алексѣй Григорьевичъ сталъ мало-по-малу удаляться на второй планъ. Борьба Бестужевской партіи съ партіею Шуваловыхъ продолжалась девять лѣтъ, девять лѣтъ самыхъ хитрыхъ и большею частью грязныхъ интригъ, особенно со стороны послѣднихъ, которые въ молодомъ и благородномъ родственникѣ своемъ, Иванѣ Ивановичѣ, противъ ожиданія, встрѣчали скорѣе тормазъ, чѣмъ подпору. Объ этой борьбѣ будемъ мы имѣть случай говорить позднѣе.

Положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ, повидимому, не измѣнилось, но случай Шувалова на него сильно подѣйствовалъ и онъ тяжко заболѣлъ послѣ перваго путешествія въ Воскресенскъ. Депутаты долгое время не могли его видѣть по причинѣ нездоровья. Государыня однако продолжала осыпать своего „нелицемѣрнаго друга" милостями и Разумовскій мало-по-малу оправился. 13-го Сентября прибыла въ Москву сестра его Вѣра Григорьевна, съ мужемъ своимъ Ефимомъ Өедоровичемъ Дараганомъ и дядею Денисомъ Демѣшкою alias Стрешенцовымъ. Они остановились во дворцѣ графскомъ [1],— вѣроятно на Покровкѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ велъ постоянную переписку съ родственниками своими въ Малороссіи; къ сожалѣнію, до насъ дошли только два письма его къ Вѣрѣ Григорьевнѣ Дараганъ; письма эта весьма типичны,—мы ихъ здѣсь помѣщаемъ.

I.

Государыня моя сестрица Вѣра Григорьевна. Черезъ Нахимовскаго два письма неподписанныхъ я получилъ, которіе (sic) думаю писаны отъ васъ, потому что въ одномъ упомянуто объ отправленіи вашего сына Ивана, который сюда съ Нахимовскимъ пріѣхалъ здоровъ; а другое о пожалованныхъ вамъ деньгахъ. На которіе чрезъ сіе вамъ упоминаю: для писемъ содержать человѣка знающаго и добраго, на котораго вамъ можнобъ было повѣрить, а при томъ подтверждать чтобъ безъ подп*ису* вашего имени писемъ никуда не отправлялъ, да и то о чемъ и къ кому прикажете, между тѣмъ обучиться подписывать и самимъ свое имя. *Оніе* жъ письма запечатаны были печатью (на которой имя вашего мужа вырѣзано) непристойною вашему характеру, ибо на оной корона и между короною перо княжескихъ фамилій. Того ради оною печатью впредь писемъ не печатать, а откудова вы оный гербъ взяли и стали имъ печататься—меня въ скорости увѣдомить. Для печатанія вамъ писемъ по вашей чести отъ

---

[1]) Неизд. дневникъ Ханенки. Ханенко упоминаетъ еще о какомъ-то графскомъ *бархатномъ* (?) домѣ въ Москвѣ.

меня въ скорости всѣмъ печати будутъ присланы. Впрочемъ прошу поступать безъ поврежденія чести, а я есмь съ искреннимъ усердіемъ, государыня моя сестрица, вашъ братъ граѳъ (sic) А. Разумовскій. Поклонъ мой сестрѣ Агафьѣ Григорьевнѣ и мужу ея, а притомъ поклонъ мой *Евѳиму* Дарагану.

Августа 12 дня 1747 г.

II.

Государыня моя сестрица Вѣра Григорьевна. Купчую написанную на имя вашего мужа на село Пески хотя матушка изволила по чьимъ неразсуднымъ представленіямъ ко мнѣ писать, яко бы не къ пользѣ и не по чести нашей перемѣнять, однакъ я разсудилъ оную лучше перемѣнить и написать на ваше имя, а прежней изъ книгъ не выдираючи съ вашей включить, чтобъ оная въ состояніи быть не могла; ибо на покупку оной деревни не мужу вашему, но вамъ изъ высочайшей милости всемилостивѣйше отъ Е. И. В. деньги пожалованы. Впрочемъ желая вамъ съ вашимъ мужемъ [1]) благополучнаго и продолжительнаго здоровія есмь, государыня сестрица, вашъ братъ и слуга граѳъ А. Разумовскій.

Ноября 4 1747 г., С.-Петербургъ [2]).

Эта-то малограмотная Вѣра Григорьевна прибыла теперь въ Москву, чтобы поблагодарить Государыню за щедрыя милости, а также чтобы повидаться съ дѣтьми, вмѣстѣ съ дворомъ переѣхавшими изъ Петербурга въ древнюю столицу [3]). Государыня, чтобы утѣшить оскорблённаго любимца, крайне радушно приняла сестру его. 17 Сентября Вѣра Григорьевна праздновала свои имянины; обѣдали у ней Журавка съ женою, судья Ахтырскій съ женою, депутаты и всѣ графскіе племянники и племянницы. Передъ обѣдомъ „выправили обратно въ Малую Россію Дениса Демёшку“, вѣроятно уже черезъ-чуръ отзывавшагося природнымъ казачествомъ, причемъ однако Государыня пожаловала ему 3000 рублей. 29-го Сентября Императрица вернулась изъ Троицкой Лавры въ Москву вечеромъ, а ночью переведена во дворецъ Вѣра Григорьевна съ мужемъ. На другой же день депутаты поспѣшили къ ней, чтобы поздравить ее съ новосельемъ. 3-го Октября они у нея

---

[1]) Ефимъ Ѳедоровичъ Дараганъ умеръ въ 1762 году и похороненъ въ Лемёшевской Трехъ-святительской церкви.

[2]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[3]) Невѣд. дневн. Ханенки.

обѣдали, и Дараганъ разсказывалъ Ханенкѣ, что наканунѣ Государыня, за столомъ, вспомнила о его, Ханенковой, женѣ [1]).

Между тѣмъ истекало уже четыре года со времени прибытія Малороссійскихъ депутатовъ. Въ Москвѣ они были дѣятельнѣе чѣмъ когда либо. Только-что дворъ успѣлъ переѣхать изъ Петербурга, какъ они уже подали Алексѣю Григорьевичу „меморіалъ объ остальныхъ общенародныхъ дѣлахъ, а именно: о гетманѣ, о выводѣ Грузинъ, о классахъ, о резиденціи въ Батуринѣ, о деревняхъ до артиллеріи генеральной подлежащихъ, о располщикахъ" (?) и „о томъ всемъ довольно съ графомъ разговоръ вели". Въ Мартѣ они отъ Разумовскаго слушали декларацію „о скоромъ отправѣ". Черезъ мѣсяцъ они подаютъ сочиненную ими записку „о классахъ ранговъ малороссійскихъ", причемъ Алексѣй Григорьевичъ ихъ снова обнадежилъ имѣющимся быть скоро уже ихъ отпускомъ. Въ Іюнѣ они пишутъ въ генеральную канцелярію о нарядѣ изъ ближнихъ Козелецкихъ полковъ во дворъ графскій Козелецкій работныхъ 300, да плотниковъ 50 человѣкъ. Въ Іюлѣ, видя, что ихъ все еще не отпускаютъ, по случаю болѣзни Разумовскаго, они сочинили просительное къ нему письмо объ исходатайствованіи имъ позволенія вернуться во-свояси. Письмо это передалъ о. духовникъ Дубянскій; потомъ они черезъ камердинера графскаго докладываютъ ему о саранчѣ и о томъ, что генеральная канцелярія нарядила работныхъ людей изъ 4 полковъ, по требованію графскому, для работъ въ Козелецкомъ его домѣ. До свѣдѣнія депутатовъ дошло также, что графъ Кирила Григорьевичъ „говорилъ брату о депутатахъ и нуждахъ Малороссійскихъ довольно" [2]). Около того же времени генеральная старшина черезъ Гудовича и Ханенку прислала графу Алексѣю Григорьевичу слѣдующее посланіе:

Сіятельнѣйшій рейхсъ графъ, высокомилостивый патронъ. По высочайшему Е. И. всемилостивѣйшей Государыни Монархини нашей милосердію и о здѣшнихъ Малороссійскихъ обывателей, при нынѣшней ихъ скудости и бѣдности, оказанному состоявшійся высокомонаршій указъ объ увольненіи Малой Россіи отъ довольствія положенныхъ на сей край консистентовъ и о положеніи неимущимъ денегъ индуктнаго сбора черезъ три года, такожъ и выводѣ конскихъ заводовъ и о прочемъ здѣшней нацы (sic) облегченіи и помилованіи полученъ, и таковый высочайшій Е. И. В. всемилостивѣйшій указъ, при всенародномъ собраніи здѣсь въ Глуховѣ, въ церкви по божественной литургіи, со вседолжнѣйшимъ ко всещедрому Богу принесеніемъ молебнаго пѣнія за всевысочайшее Е. И. В. здравіе и все-

---

1) Неизданный дневникъ Ханенки.

2) Тамъ же.

благополучнѣйшее и многолѣтное государствованіе, публикованъ, что и во всѣхъ Малороссійскихъ полкахъ съ молебствіемъ и торжествомъ публиковать же отправлено, о чемъ и къ преосвященному митрополиту Кіевскому, такожъ къ епископамъ Черниговскому и Переяславскому для ровнаго жъ благоденственнаго исполненія, сообщеніе учинено, и во знаніе бъ и нынѣ же подписавшіеся сколько много быть чиновъ въ Глуховѣ при резиденціи гетманскаго правленія всеподданнѣйшее благодарственное челобитіе чрезъ обрѣтающихся въ Москвѣ отъ здѣшней націи депутатовъ дерзновеніе приняли. И яко довольно чувствуемъ, что сія высочайшая Е. И. В. милость по особливому вашего высокографскаго сіятельства ходатайству и патронству слѣдовала, такъ за то вашему высокографскому сіятельству отъ всеискреннѣйшихъ цѣлаго отечества нашего сердецъ нижайшее приносимъ благодареніе съ глубочайшимъ прошеніемъ о содержаніи впредь здѣшняго отечества во всегдашнимъ своимъ высокомъ призѣри и патронствѣ и ниже со всѣмъ здѣ живущими не изобрѣтая болна (sic) какъ бы изъяснимъ всепокорнѣйшихъ сердецъ нашихъ вѣрную о томъ благодарность, а крайній долгъ себѣ пріемлемъ высокое вашего рейхсъ графскаго сіятельства имя всегда памятовать незабвенно.

Вашего высокографскаго сіятельства высокомилостиваго патрона всенижайшіе слуги [1]).

11 Октября Гудовичъ и Ханенко обѣдали у Вѣры Григорьевны Дараганъ, вмѣстѣ съ графомъ Гендриковымъ, Журавками, Лясавицкимъ и женою его Дубиновкою, тоже родственницею Разумовскихъ. 13-го, депутаты „рано были во дворцѣ передъ графомъ Разумовскимъ, который объявилъ имъ о скорой отправкѣ въ Малороссію графа Гендрикова для избранія гетмана, о чемъ сего числа посланы именные указы въ Сенатъ и коллегію иностранныхъ дѣлъ, по причинѣ переноса изъ Сената въ ту коллегію дѣлъ Малороссійскихъ". Потомъ депутаты ѣздили къ великому канцлеру и съ нимъ имѣли также разговоры объ избраніи гетмана въ силу именнаго указа. Въ послѣдніе дни своего пребыванія они особенно часто видѣлись съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ и какъ съ нимъ, такъ и съ Тепловымъ много разговаривали про Малороссію. 20 Ноября они презентовали Кирилѣ

[1]) У Маркевича (Исторія Малороссіи, Т. IV, стр. 411 и 419) напечатаны, подъ именемъ докладовъ, два благодарственныхъ адреса къ Государынѣ—одинъ, болѣе пространный, отъ Стародубскаго полка, второй отъ — генеральныхъ старшинъ. Маркевичъ (IV, 421) посланіе это называетъ „письмомъ Малороссійскихъ старшинъ къ Гетману Разумовскому", но, во-первыхъ, гетманъ не былъ рейхсъ-графомъ, во-вторыхъ, до своего избранія въ гетманы (1750 г.) онъ не былъ въ прямыхъ сношеніяхъ съ Малороссіею; перепечатываемое же нынѣ письмо относится къ началу 1749 г. Мы перепечатываемъ эту, какъ равно и другія бумаги, безъ сохраненія неправописанія подлинниковъ.

Григорьевичу 3 книги—двѣ статута Литовскаго *по русску* и *по польску* печатанныя, а третью—статуты коронные да трактатъ съ Польшею въ 1686 учиненный, которымъ уступлена тогобочная Украйна". Съ старшимъ Разумовскимъ они трактовали о Батуринѣ и другихъ на гетмана подлежащихъ маетностяхъ, о конскихъ заводахъ и пр. Тепловъ же подарилъ имъ всѣ академическія изданія. Отъ времени до времени депутаты черезъ графскихъ камердинеровъ напоминаютъ объ отправкѣ и наконецъ сами просятъ Разумовскаго „о порядочной отправѣ". 14-го Декабря, наконецъ, была имъ отпускная аудіенція. Ханенко произнесъ при этомъ благодарственную рѣчь, въ которой перечислялись всѣ явленныя Малороссіи милости монаршія. На рѣчь отвѣчалъ великій канцлеръ. Потомъ Государыня жаловала ихъ къ ручкѣ и милостиво съ ними говорить изволила. На другой день Гудовичъ съ Ханенкомъ опять поѣхали во дворецъ, прощались со многими кавалерами, а въ 12-мъ часу при исходѣ и съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ простились и видѣли, какъ Государыня, со всею своею ассистенціею, изволила въ путь до С.-Петербурга подняться, при пальбѣ изъ многихъ пушекъ. Изъ дворца они поспѣшили къ графу Кирилѣ Григорьевичу, чтобы поздравить его съ новорожденною дочерью Елизаветою. 17-го Декабря, Гудовичъ и Ханенко у графа Гендрикова читали данную ему инструкцію и грамоту на избраніе гетмана. Потомъ встрѣтились еще вечеромъ съ Гендриковымъ у младшаго Разумовскаго. 18-го они ѣздили поздравить Кирилу Григорьевича со днемъ рожденія Императрицы, тотъ ихъ удержалъ обѣдать „съ другими многими своего полка Измайловскаго и прочими офицерами. Послѣ обѣда игралъ Кирила Григорьевичъ въ *биларъ* (sic) съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Голицынымъ, капитаномъ своего полка" [1]).

„Отправа" депутатовъ была вполнѣ „порядочная". При отпускѣ пожалованы были они собольими шубами въ 500 рублей, деньгами по 1000 рублей и брильянтовыми перстнями отъ придворнаго ювелира Дюплона [2]); кромѣ того Государыня велѣла заплатить за ихъ квартиру въ Петербургѣ графу Захару Чернышеву 550 рубл. [3]). Депутаты времени не потеряли; правда, ихъ долго продержали, но за то не мало льготъ вымолили они для Малороссіи, жестоко пострадавшей въ это время отъ саранчи и пожаровъ. Винокуреніе было уменьшено, ввозъ хлѣба изъ Польши былъ разрѣшенъ для продовольствія народа, выведены были изъ Украйны квартировавшіе въ ней полки, жители были уволены отъ работы крѣпостей и возки артиллеріи, не приказано было выдавать болѣе „раціоновъ и порціоновъ" на гарнизонъ Глуховскій, на полевую аптеку

---

[1]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[2]) Московскій Архивъ Иностранныхъ дѣлъ. Дѣла Малороссійскія, 1749.

[3]) Архивъ князя Воронцова, VII, 290.

и на генералитетъ; повелѣно было разобрать конскіе заводы и наконецъ, индуктныя деньги, около 84,000 рублей, въ теченіи трехъ лѣтъ выдаваемы были бѣднымъ [1]).

Въ началѣ Января 1750 г. депутаты пріѣхали въ Глуховъ и привезли данную имъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ высочайшую отпускную грамоту. Дѣло объ избраніи графа Кирилы Григорьевича было уже рѣшено въ Петербургѣ, теперь слѣдовало исполнить обрядъ выбора его вольными голосами. Въ жалованной грамотѣ объявлялось Малороссіянамъ, духовнымъ и мірскимъ, войску Запорожскому обѣихъ сторонъ Днѣпра и пр., что „быть въ Малой Россіи гетману по прежнему", на томъ же основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ Скоропадскій; что въ Глуховъ отправляется, для избранія вновь гетмана изъ Малороссійскаго народа вольными голосами, графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ и что въ Глуховѣ должны были собраться всѣ вѣрные подданные Ея Величества, духовные и мірскіе, а также полковники, полковые старшины, бунчуковые и значковые товарищи и казаки изо всѣхъ полковъ, къ тому времени, которое назначитъ графъ Гендриковъ, для избранія себѣ гетмана „по прежнимъ своимъ обыкновеніямъ, кого благопристойно будетъ, изъ вѣрныхъ и искусныхъ особъ". „Впрочемъ", гласитъ далѣе грамота, „мы обѣщаемъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ, Малороссійскому народу, всѣ вольности, права и привилегіи, которыя вы, отъ времени принятія подъ державу Всероссійскую гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ Малороссійскимъ народомъ..... имѣли, свято, ненарушимо и цѣло содержать и во первыхъ своихъ подданныхъ отъ нападенія всѣхъ непріятелей оборонять и весь Малороссійскій народъ въ непремѣнной своей милости содержать" [2]).

6-го Января, послѣ литургіи и благодарственнаго молебна съ многолѣтіемъ грамота была прочтена въ Глуховской соборной церкви. По всѣмъ полкамъ и ко всѣмъ полковникамъ, кромѣ отдѣльныхъ грамотъ, отправленныхъ прямо изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, черезъ депутатовъ, были разосланы повѣстки съ повелѣніемъ войсковой канцеляріи, дабы грамоты были опубликованы такъ же, какъ и въ Глуховѣ. Хотя еще не имѣлось свѣдѣній о времени прибытія Гендрикова, однако сотнику Глуховскому и казакамъ его было приказано, отъ войсковой канцеляріи, состоять въ готовности и держать вѣстовыхъ въ Сѣвскѣ, кои могли бы заблаговременно дать знать о прибытіи графа и, кромѣ того, должны были изъ Сѣвска ѣхать передъ его каретою.

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 194. Записки Якова Марковича, II, 271. Маркевичъ, Исторія Малороссіи, VII, 426—430.

[2]) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, т. IV, кн. VI, стр. 8—10.

Передъ Гендриковымъ пріѣхалъ въ Глуховъ, вѣроятно, чтобы подготовить ему помѣщеніе, родственникъ его, камеръ-юнкеръ Сафоновъ [1]). 9-го числа, черезъ нарочнаго курьера, Глуховскаго гарнизона сержанта Быковскаго, получено было генеральною старшиною письмо отъ Гендрикова, писанное изъ Калуги отъ 6-го января, въ которомъ онъ объявлялъ о томъ, что ѣдетъ, и просилъ, чтобы все было готово къ его пріему. Присутствующіе въ войсковой канцеляріи члены того же 9-го числа отправили къ Гендрикову глинскаго сотника, Антона Крыжановскаго, съ поздравленіемъ по случаю новаго года и благополучнаго путешествія, а также съ извѣщеніемъ, что все готово къ принятію графа. Для встрѣчи и провожанія Гендрикова назначены были: 1) на границѣ Малороссійской подъ селомъ Толстогубовымъ, глуховскій сотникъ Туранскій съ 300 казаковъ изъ его сотни; 2) четырьмя верстами ближе къ Глухову—королевецкій сотникъ Огѣевскій и сто казаковъ; 3) ближе къ Ясмани—воронежскій сотникъ Холодовичъ и сто казаковъ, и 4) подъ Ясманью ямпольскій сотникъ Каневецкій съ своею сотнею. При всѣхъ сотняхъ были знамена. 13-го Января сотникъ Крыжановскій возвратился въ Глуховъ съ письмомъ отъ Гендрикова, въ которомъ онъ, за поздравленіе и „прудкое" извѣстіе о приготовленіяхъ, объявлялъ свое удовольствіе. 14-го узнали, что посланецъ Царицы прибылъ въ Сѣвскъ, и того же числа, какъ присутствующіе въ войсковой канцеляріи, такъ и прочая генеральная старшина, въ сопровожденіи компанейской команды, называемой надворною корогвою, и войсковою музыкою выѣхали въ Ясмань. 15-го прибылъ графъ Гендриковъ. Всѣ чины встрѣтили его передъ въѣздомъ въ Ясмань и поздравили съ благополучнымъ пріѣздомъ. Раздались звуки музыки и литавръ. Гендриковъ вышелъ изъ кареты и благодарилъ; потомъ онъ отправился на приготовленную ему квартиру, куда всѣ снова къ нему явились. Отдохнувъ немного, Гендриковъ поѣхалъ далѣе въ сопровожденіи чиновъ и войскъ, выступавшихъ къ нему на встрѣчу. При въѣздѣ въ Глуховскій форштадтъ, пушки салютовали 31 ударомъ. Впередъ шли сотники Глуховскій, Королевецкій, Воронежскій и Ямпольскій съ обнаженными саблями, за ними слѣдовали ихъ команды съ распущенными знаменами, держа ружья на караулъ, при звукѣ музыки, трубъ и литавръ. Отъ Сѣвскихъ воротъ до квартиры графа Гендрикова поставленъ былъ Глуховскій гарнизонный полкъ. Въ первой каретѣ ѣхали секретарь и переводчикъ; во второй графъ Гендриковъ съ своимъ адъютантомъ, по сторонамъ кареты ѣхали верхомъ два сержанта лейбъ-гвардіи; въ третьей каретѣ ѣхала жена посла, графиня Елизавета Сергѣевна Гендрикова, изъ рода Бутурлиныхъ; въ четвертой дѣти Генд-

---

[1]) Зап. Марковича, II, 278.

рикова; въ прочихъ же колясках слѣдовали другіе изъ свиты графа чины. Генеральная старшина встрѣтили графа на крыльцѣ изготовленнаго для него дома и отдали ему подлежащій „комплементъ"; послѣ того поздравляли духовные чины: архимандритъ и Глуховскій протопопъ съ ихъ соборами, причемъ первый произнёсъ краткое, а второй болѣе пространное слово [1]).

Гендриковъ привезъ жалованную грамоту и, по его требованію, черезъ два дня послѣ его пріѣзда, генеральные старшины подписались на „прошеніи въ гетманы Кирилы Григорьевича", — какъ выражается Марковичъ [2]). Вотъ этотъ курьёзный документъ:

„Ея Имп. всепресвѣтлѣйшее Величество высочайшимъ своимъ повелѣніемъ благоизволила учредить ваше графское сіятельство отъ тайнаго совѣта своего въ министерство такое дабы по привилегіямъ и обыкновенію древнему нашему, вольными голосами избрать намъ гетмана. За сію высочайшую милость и матернее попеченіе Ея И. пресвѣтлѣйшаго В. раболѣпно приносимъ усердное благодареніе и вѣрность нашу подданническую непоколебимо Е. И. всепр. В. и Наслѣдникомъ Е. И. всепр. В. сохранить клятвенно обѣщаемъ. Чувственно намъ есть, что изволеніе Е. И. всепр. В. не инако точію чрезъ тщательное посредствіе сіятельнѣйшаго рейхсъ-графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, который, при дворѣ Е. И. В. обрѣтаясь, отъ самаго начинанія и основанія сего дѣла, во всемъ производилъ дѣйствительное вспоможеніе: 1-ое, когда за закрѣпою единой Малороссійской генеральной старшины до Е. И. всепр. В. челобитная чрезъ бунчуковыхъ товарищей была съ прошеніемъ позволенія избрать гетмана послана до рейхсъ-графскаго сіятельства, то его сіятельство исходатаилъ высочайшее Е. И. всепр. В. дозволеніе о подачѣ генеральною старшиною Е. И. В. и всемилостивѣйшее той челобитной принятіе, почему во время благополучнаго шествія Е. И. всепр. В. въ Кіевъ изо всѣхъ полковъ поднесена челобитная; 2-ое, а равнымъ образомъ и блаженныя памяти преосвященнѣйшему митрополиту и архіепископу Кіевскому Рафаилу такожде объ избраніи гетмана чрезъ ходатайство е. рейхсъ-графскаго с. поднесть дозволено; 3-е, съ общаго совѣта нашего

[1]) Подробности о пріемѣ Гендрикова, а равно объ избраніи гетманскомъ, почерпнуты нами изъ „Журнала о происхожденіи въ пріѣздъ въ Малую Россію обрѣтающихся при высочайшемъ Е. И. В. дворѣ, отправленныхъ въ 1745 г. отъ всей Малороссійской націи для прошенія о бытіи въ Малой Россіи, по прежнему, гетману и о прочихъ нуждахъ господъ депутатовъ и о прочемъ слѣдующемъ дѣйствіи". Журналъ этотъ былъ напечатанъ въ „*Основѣ*" 1862 г. № 2 (Февраль) подъ ошибочнымъ заглавіемъ: „Встрѣча на Украйнѣ Кирила Разумовскаго и избраніе его въ гетманы". Старинный подлинникъ журнала хранится въ Кіевскомъ Выдубицкомъ монастырѣ.

[2]) Записки Марковича II, 278.

отправленнымъ гг. депутатамъ въ Москву во всякихъ нашихъ общихъ нуждахъ, по взысканіи на пользу нашу высокомонаршей милости, благоизволилъ быть всегдашній предстатель и нынѣ в. высокографскаго с. со воли Е. И. всепр. В. министеріемъ совершенною радостью и изобильнымъ благополучіемъ верхъ пользы нашей являетъ сюда отъ крови монаршей в. высокогр. с. учрежденъ ко избранію гетмана полными голосами полномочный и дѣйствительный правды и высокой воли Монаршей хранитель и исполнитель и чтобы всего общества вольность могла имѣть свой твердый успѣхъ. Мы нынѣ подкрѣпляемъ согласіемъ нашимъ подданническимъ въ исполненіе хотѣнія и власти монаршей дѣйствіе в. с. Того ради какъ духовныя, такъ и мірскія здѣ нынѣ присутствующія власти покорно просимъ в. высокогр. с. дабы природный патріотъ отечества нашего Малой Россіи его рейхсъ-графское (sic) с. Кирила Григорьевичъ Разумовскій едино и равно съ нами при избраніи гетмана вольными голосами присутствіемъ, о семъ не токмо словесное, но и письменное в. с. имѣемъ поднести прошеніе Января 18. 1750" [1]).

Получивъ витіеватое, но неудобопонятное прошеніе это, Гендриковъ сталъ напропалую угощать генеральную старшину. Подскарбіи, писаря, судьи, есаулы генеральные безъ просыпа у него гуляли и куликали [2]). Послѣ прибытія въ Глуховъ 15 Февраля „господина“ Тимоѳея, преосвященнѣйшаго архіепископа, митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, господина Амвросія, преосв. епископа Черниговскаго и господина Іосифа, архимандрита Кіевопечерской лавры, а также архимандритовъ другихъ обителей и разныхъ знатныхъ духовныхъ особъ, малороссійскихъ полковниковъ, бунчуковыхъ товарищей, старшихъ полковыхъ сотниковъ, сотенныхъ старшинъ, значковыхъ товарищей, многихъ рядовыхъ казаковъ, войсковыхъ товарищей и прочаго малороссійскаго шляхетства, учинена была повѣстка отъ графа Гендрикова, чтобы всѣ „чиновныя персоны“ собрались 18-го февраля въ домъ, гдѣ имѣется канцелярія по коммиссіи его, Гендрикова, объ избраніи гетмана. Когда собралось въ министерскомъ домѣ около 1000 человѣкъ— „а рядовыхъ казаковъ“, замѣчаетъ Марковичъ, „при этомъ не было“), Гендриковъ объявилъ, что всѣмъ уже извѣстно, что онъ присланъ для избранія въ Малой Россіи гетмана вольными голосами, по прежнимъ обыкновеніямъ, и требовалъ, чтобы предстоящіе объявили, кого они желаютъ избрать гетманомъ. Всѣ единогласно объявили, что они желаютъ е. с. графа Кирилу Григорьевича Разумовскаго. Вопросъ Гендриковъ предложилъ троекратно—и всегда получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ. При этомъ опредѣлено, что публичному избранію быть съ должною церемоніею 22-го Февраля. Нѣсколько дней было посвящено

[1]) Изъ Московскаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ: Дѣла Малороссійскія.
[2]) Зап. Марковича, II, 279.

для подготовленія самаго торжества избранія съ обстановкою, дотолѣ вовсе неизвѣстною на Украйнѣ. 21-го Февраля, адъютантъ Глуховскаго гарнизона съ войсковою музыкою разъѣзжалъ, по приказанію Гендрикова, по Глухову и за городомъ, объявляя народу, что на другой день назначена церемонія „благополучнаго гетманскаго избранія". Кромѣ того, полковнику поручено было съѣздить съ тою же повѣсткою ко всѣмъ полковникамъ. 22-го Февраля произошло самое торжественное избраніе или „элекція", какъ выражались современники. По пробитіи утренней зари и данному сигналу изъ трехъ пушекъ, народъ толпами сталъ собираться со всѣхъ сторонъ на площади, между церквами Николаевскою и Троицкою, гдѣ изготовленъ былъ „театръ" или возвышеніе о трехъ ступеняхъ, покрытое гарусныхъ штофомъ и обведенное перилами, обложенными алымъ сукномъ. Въ то же время выступили къ тому же мѣсту всѣ полки, подъ главнымъ начальствомъ генеральнаго войсковаго есаула Якубовича—сперва полкъ Глуховскаго гарнизона съ распущенными знаменами, барабаннымъ боемъ и музыкою; онъ сталъ позади возвышенія; потомъ изъ-за города стали подвигаться пѣшіе Малороссійскіе казацкіе полки, также съ распущенными полковыми и сотенными знаменами, съ музыкою и литавреннымъ боемъ, подъ предводительствомъ полковниковъ и старшинъ. Первымъ шелъ полкъ Лубенскій, за нимъ слѣдовали полки Миргородскій, Гадяцкій, Переяславскій, Прилуцкій, Стародубскій, Нѣжинскій, Черниговскій, Кіевскій и Полтавскій. Полки расположились по обѣимъ сторонамъ Глуховскаго полка, по четыре съ каждой стороны, такъ что они окружали возвышеніе. Остальные полки, за неимѣніемъ мѣста, были помѣщены на улицахъ. Въ 8 часовъ, по второму данному сигналу, собрались въ домъ полномочнаго министра графа Гендрикова генеральные и войсковые старшины, бунчуковые товарищи и знатное Малороссійское шляхетство, а митрополитъ Кіевскій, Тимоѳей Щербацкій, съ тремя епископами [1]), Печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ Оранскимъ и прочимъ духовенствомъ, съѣхались въ церковь св. Николая Чудотворца. Въ 9 часовъ третій сигналъ возвѣстилъ народу о началѣ церемоніи. Прежде всего выѣхали со двора Великорусскаго полномочнаго 16 выборныхъ компанейцевъ въ полномъ вооруженіи, подъ предводительствомъ ихъ старшины; за ними слѣдовали гетманскіе войсковые музыканты съ литаврщикомъ, играя походъ; потомъ въ богатой каретѣ, запряженной цугомъ, секретарь коллегіи иностранныхъ дѣлъ, Степанъ Писаревъ, везъ высочайшую жалованную грамоту, которую держалъ въ рукахъ на большомъ серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ. Всѣ полки отдавали ей честь ружьемъ, съ музыкой, барабаннымъ и литаврическимъ боемъ и наклоненіемъ

[1]) Епископъ Черниговскій заболѣлъ наканунѣ 23 февраля и скончался въ Глуховѣ.

знаменъ. По сторонамъ кареты шли 12 гренадеръ при ружьѣ. За каретою несли гетманскіе клейноды: бунчуковый товарищъ, Иванъ Гамалѣй, несъ большое бѣлое знамя съ Русскимъ гербомъ, подарокъ Петра Великаго гетману Даніилу Апостолу; по сторонамъ его шли два знатные бунчуковые товарища, а за нимъ хорунжій Николай Ханенко, которому ассистовали 12 бунчужныхъ товарищей. Бунчуковые товарищи, Яковъ Марковичъ (авторъ замѣчательныхъ Записокъ, столь часто нами приводимыхъ) и Θедоръ Ширяй, несли на красной бархатной подушкѣ, обложенной золотымъ позументомъ и съ золотыми кистями по угламъ — гетманскую булаву. За ними шли генеральный судья Акимъ Горленко, подскарбій генеральный Михайло Скоропадскій и генеральный писарь Андрей Безбородко, отецъ знаменитаго князя Александра Андреевича, которымъ ассистовало 24 бунчуковыхъ товарища. Илья Лизогубъ и Петръ Чернолужскій несли на бархатной подушкѣ гетманскій бунчукъ, за ними шли генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій со всѣми бунчуковыми товарищами и Малороссійскимъ шляхетствомъ. Петръ и Григорій Горленки несли на бархатной подушкѣ „нацѣональную" гетманскую печать, за ними шелъ писарь генеральнаго суда Иванъ Пиковецъ, имѣвшій по сторонамъ двухъ бунчуковыхъ товарищей, Ивана Жоравку и Илью Журмана, и сопутствуемый канцеляристами войсковой генеральной канцеляріи и генеральнаго суда. Павелъ Макріевичъ несъ войсковый прапоръ, за ними слѣдовали всѣ войсковые товарищи. Наконецъ цугомъ ѣхалъ въ богатой каретѣ графъ Гендриковъ и его ассистенція, окруженные гренадерами и придворными лакеями. 16 пѣшихъ выборныхъ компанейцевъ съ ружьями, подъ начальствомъ старшины, замыкали шествіе. По дорогѣ отъ министерскаго двора до самой площади были вытянуты по обѣимъ сторонамъ компанейцы и жондаки [1]. Когда графъ Гендриковъ приблизился къ возвышенію, взнесена на оное царская грамота и гетманскіе клейноды и положены были на два стола, покрытые красною камкою. Государственное знамя держалъ Гамалѣй съ двумя товарищами около стола, гдѣ лежала грамота. За нимъ помѣстились митрополитъ, епископы, архимандриты и прочее духовенство въ полномъ облаченіи. Около стола, гдѣ лежали клейноды, стали генеральные старшины и бунчуковые товарищи, а вокругъ возвышенія — все шляхетство Малороссійское. Посреди возвышенія сталъ самъ гр. Гендриковъ и произнесъ слѣдующую рѣчь: „Е. И. В., по прошенію всего Малороссійскаго народа, всемилостивѣйше соизволяетъ быть по прежнему по всей Малой Россіи гетману и повелѣваетъ избрать

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 196—198; Ригельманъ, Лѣтоп. повѣств. о Малой Россіи, т. IV, кн. VI, 6—9.

межъ себя изъ природныхъ своихъ людей гетмана, по Малороссійскимъ своимъ правамъ и вольностямъ, вольными голосами, для котораго избранія я съ высокомонаршею грамотою сюда, въ Малую Россію, и присланъ". После этого, секретарь Писаревъ громогласно прочелъ всему собранію жалованную грамоту. По прочтеніи грамоты, митрополитъ Кіевскій, отъ имени Малороссійскаго народа, принесъ всеподданнѣйшее благодареніе „за таковое Е. И. В. высокоматеринское призрѣніе и къ Малороссійскому народу милосердіе". Тогда графъ Гендриковъ, оборачиваясь на всѣ стороны, громогласно нѣсколько разъ спросилъ: „кого желаете себѣ въ гетманы?" На это духовенство, генеральные старшины, бунчуковые и войсковые товарищи, полковники, старшины и шляхетство объявили, что такъ какъ самымъ вѣрнымъ и неутомимымъ ходатаемъ за нихъ постоянно былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, то они за правое полагаютъ быть въ Малой Россіи гетманомъ брату его, природному Малороссіянину, Е. И. В. дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковнику, академіи наукъ президенту, орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеру, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому [1]). Народъ троекратными кликами подтвердилъ избраніе. Графъ Гендриковъ поздравилъ тогда всѣхъ присутствующихъ съ новоизбраннымъ гетманомъ. Раздался 101 пушечный выстрѣлъ, и по полкамъ всѣ казаки стали стрѣлять бѣглымъ огнемъ. Грамота и гетманскіе клейноды были внесены въ церковь св. Николая, куда направилось собраніе. Началась литургія, проповѣдь читалъ Софійскій архимандритъ Манасія Максимовичъ. После литургіи отпѣтъ былъ молебенъ съ многолѣтіемъ Государынѣ, причемъ произведена была троекратная пушечная и ружейная во всѣхъ полкахъ пальба. Изъ церкви грамота и клейноды перенесены были въ домъ Гендрикова, а полки выведены были за городъ и распущены [2]).

Въ знакъ благодарности, графу Гендрикову, именемъ всей Малороссіи, поднесено въ даръ генеральными старшинами 10,000 рублей, свитѣ его 3,000 рублей, а народу „для общей радости" дано вина горячаго болѣе двухъ-сотъ ведеръ. Въ самый день церемоніи у Гендрикова „въ двухъ дворахъ" былъ банкетъ, причемъ играла инструментальная музыка и при питіи за здоровье Государыни и „прочихъ господъ" палили изъ пушекъ, что̀ продолжалось до девятаго часу ночи [3]). Рано на другой день въ генеральной канцеляріи приступили къ избранію депутатовъ [4]), которые должны были ѣхать въ Петербургъ,

[1]) Московск. Архивъ минист. иностр. дѣлъ. Дѣла Малоросс. 1750 г.
[2]) Ригельманъ, Лѣт. повѣствованіе о Малой Россіи, IV, 10—11.
[3]) Ригельманъ, т. IV, кн. VI, стр. 11.
[4]) Зап. Марковича, II, 281.

чтобы благодарить Государыню и поздравить новаго гетмана [1]). Избраніе это не съ разу состоялось; только 11-го Марта окончательно рѣшенъ былъ выборъ генеральнаго бунчужнаго Демьяна Оболонскаго, кума Государыни, присутствовавшаго на свадьбѣ Наслѣдника, Нѣжинскаго полковника Семена Кочубея, бунчуковаго товарища Ильи Журмана и писаря войсковаго генеральнаго суда Ивана Пиковца [2]). Депутаты отправились въ Петербургъ съ благодарственнымъ адресомъ къ Императрицѣ и письмомъ къ графу Кирилѣ Григорьевичу за подписью генеральныхъ старшинъ [3]). Гендриковъ съ своей стороны известилъ Государыню о подаркѣ ему сдѣланномъ слѣдующимъ письмомъ:

Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. пріемлю смѣлость чрезъ сіе раболѣпственно донесть, что здѣшняя малороссійская старшина, по избраніи гетмана, презентовала меня денежною суммою въ десяти, да на канцелярію и свиту мою въ трехъ тысячахъ рубляхъ состоящую. Еще мнѣ учинено не по моему достоинству, но точію единой ради чести и славы В. И. В. и въ возблагодареніе той высочайшей милости, съ каковою меня, всеподданнѣйшаго раба, для объявленія толь неизреченнаго во всему здѣшнему народу милосердія сюда отправить и удостоить изволили; за что приношу всеподданнѣйше рабское мое благодареніе, и молю со усердіемъ Всевышняго, да при всецѣломъ всегда сохраненіи дражайшаго В. И. В. здравія, даруетъ вашему августѣйшеству чрезъ множайшія множества лѣтъ благополучное государствованіе и счастливое во всѣхъ высочайшихъ предпріятіяхъ происшествіе, со всякимъ, по желанію высокомонаршаго В. В. сердца, благоуспѣшествомъ. Я же, при поверженіи себя къ высокомонаршескимъ В. И. В. стопамъ, съ подобающимъ благоговѣніемъ и со всеглубочайшимъ высокопочитаніемъ пребываю В. И. В. всемилостивѣйшей Государыни всеподданнѣйшій рабъ графъ Иванъ Гендриковъ. Глуховъ, 16 Апрѣля 1750 г. [4]).

Денегъ этихъ, однако, не хватило Гендрикову: онъ еще, какъ видно изъ докладовъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ за мартъ 1754-го года, въ бытность свою въ Глуховѣ взялъ изъ казны, безъ позволенія, 2000 рублей. Узнавъ о томъ, Государыня повелѣла Гендрикову деньги эти немедля въ коллегію выплатить, а буде онъ не заплатитъ, то дать знать въ придворную контору, чтобъ изъ жалованія у него взяли [5]).

Окончивъ свое порученіе, графъ Гендриковъ отправился на поклонъ

---

[1]) Ригельманъ, т. IV, кн. VI, стр. 12.

[2]) Зап. Марковича, II, 282.

[3]) Тамъ же.

[4]) Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, изд. Ник. Калачевымъ, кн. IV, стр. 28—29.

[5]) Архивъ князя Воронцова, VII, 346.

къ графинѣ Наталіи Демьяновнѣ въ Алексѣевщину, близъ Адамовки [1]).

Странною показалась вся эта невиданная дотолѣ обстановка Малороссіянамъ. Многіе безъ сомнѣнія радовались—имя гетмана имѣло въ себѣ для нихъ что-то магическое; къ тому же, несомнѣнно много льготъ было даровано, и хотя выборъ „вольными голосами" сильно отзывался приневоливаніемъ, однако можно было ожидать продолженія милостей изъ Петербурга, при такомъ добромъ „патріотѣ", каковъ былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, ради котораго и совершено было избраніе. За то старые казаки, вздыхая, покачивали головами и чуяли, что настали времена другія, что прошла невозвратно эпоха Сагайдачнаго и Хмѣльницкаго, при избраніи которыхъ и на умъ никому не приходили всѣ эти процессіи, возвышенія, обитыя алымъ сукномъ, и богатыя кареты заложенныя цугами, тѣ простыя, но вольныя времена, когда громада казаковъ собиралась на площади и шапками забрасывала любимаго избранца. Впрочемъ и самъ Кирила Григорьевичъ въ старости не считалъ своего гетманства за дѣйствительное и называлъ постоянно Мазепу послѣднимъ гетманомъ [2]).

ГЛАВА VI.

Партіи при дворѣ. Бекетовъ. Присяга на гетманство. Отъѣздъ графа Кирилы Григорьевича въ Малороссію и пребываніе его въ Глуховѣ.

Во время пребыванія двора въ Москвѣ, главнокомандовавшій въ Петербургѣ князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, бывшій въ то же время начальникомъ кадетскаго корпуса, завелъ для собственнаго удовольствія и для развлеченія немногихъ сановниковъ, задержанныхъ противъ воли дѣлами службы на берегахъ Невы, театральныя представленія; актеры-кадеты разыгрывали въ корпусѣ лучшія трагедіи, какъ русскія, сочиняемыя въ то время Сумароковымъ, такъ и французскія въ переводахъ [3]). Французскій репертуаръ состоялъ по преимуществу изъ пьесъ Вольтера, представляемыхъ въ искаженномъ видѣ [4]). Когда дворъ возвратился изъ Москвы, кадеты рѣшились по-

---

[1]) Записки Марковича, II, 283.
[2]) Маркевичъ, Ист. Малороссіи, II, 633.
[3]) Mémoires de Catherine II, 149—151.
[4]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 455.

казать свое искусство передъ Сумароковымъ, по званію адъютанта Разумовскаго, вмѣстѣ съ нимъ прибывшаго въ Петербургъ. Кадеты, черезъ товарища своего Бекетова, пригласили Сумарокова на представленіе трагедіи его „Хоревъ“. Тщеславный авторъ былъ внѣ себя отъ представленія и поспѣшилъ извѣстить объ этомъ патрона своего, графа Алексѣя Григорьевича. Разумовскій съ своей стороны доложилъ о томъ Государынѣ, которая пожелала видѣть представленіе „Хорева“ при дворѣ [1]). Кромѣ кадетовъ, въ трагедіи участвовали и офицеры сухопутнаго кадетскаго корпуса. Между артистами особенно отличался фельдфебель Разумовскій (будущій Гадяческій полковникъ, а потомъ егермейстеръ и генералъ-маіоръ Василій Ивановичъ), двоюродный племянникъ графа Алексѣя Григорьевича, сержантъ Остервальдъ и фельдфебель Меллисино [2]). Роль Кія игралъ Меллисино, Хорева—Бекетовъ, а Оснельды—кадетъ Свистуновъ, котораго сама Государыня убирала на сцену [3]). Императрица очень забавлялась этими представленіями, они стали любимымъ развлеченіемъ двора, и 29 Сентября 1750 года графъ Кирила Григорьевичъ объявилъ въ канцеляріи академіи, „что Е. И. В. всемилостивѣйшая Государыня изустнымъ своимъ именнымъ указомъ повелѣть изволила Тредьяковскому и Ломоносову сочинить по трагедіи“... Ломоносовъ сейчасъ взялся за дѣло и черезъ мѣсяцъ сочинилъ трагедію „Тамиру и Селимъ“; что же касается до Тредьяковскаго, онъ весь погрузился въ заданную ему задачу и послѣ усидчиваго труда въ Ноябрѣ представилъ трагедію Деидамію, „катастрофъ“ которой „было веденіе царевны на жертву богинѣ Діанѣ“, которая, т.-е. трагедія, однако не удостоилась даже печатанія при академіи [4]). Придворные вскорѣ замѣтили, что Императрица занимается кадетскими спектаклями несравненно болѣе, чѣмъ можно было ожидать. Театръ изъ дворцовой залы былъ перенесенъ во внутренніе покои. Государыня сама наряжала актеровъ, заказывала имъ великолѣпные костюмы, и они являлись на сценѣ осыпанные драгоцѣнными каменьями Императрицы [5]). Вѣроятно, это поразило прежде всѣхъ великаго канцлера. Пожалованный въ камеръ-юнкеры черезъ предстательство Бестужева, Апраксина и Разумовскаго, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ уже въ Москвѣ считался фаворитомъ, а теперь онъ не только со дворомъ пріѣхалъ въ Петербургъ, но получилъ еще помѣщеніе во дворцѣ [6]).

---

[1]) „Отечественныя Записки“, 1822, № 32, стр. 298.

[2]) Буличъ, „Сумароковъ и современная ему критика“. Неизвѣстно, почему авторъ принимаетъ фельдфебеля Разумовскаго за будущаго гетмана Малороссіи.

[3]) „Отечественныя Записки“, 1822, № 32, стр. 298.

[4]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 157—158 и 455—456.

[5]) Mémoires de Catherine II, 150.

[6]) Бартеневъ, Ив. Ив. Шуваловъ, стр. 9 и 10.

Сомнѣваться болѣе было невозможно. Вестужевъ видѣлъ, что положеніе графа Алексѣя Григорьевича при дворѣ становится не тѣмъ, каково было прежде; надо было искать другой опоры, и онъ рѣшился замѣнить новаго фаворита своимъ собственнымъ созданіемъ, которое было бы его орудіемъ, а не подмогою для недруговъ. Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ стали примѣчать при дворѣ, что роскошнѣе всѣхъ бывалъ одѣтъ на театральныхъ представленіяхъ довольно красивый юноша Бекетовъ, лѣтъ 18 или 19, исполнявшій роли первыхъ любовниковъ. Потомъ и внѣ театра показались на немъ и брилліантовыя пряжки, и кольца, и часы, и кружева, и все самое лучшее. Наконецъ онъ вышелъ изъ корпуса и, несомнѣнно вслѣдствіе настояній Бестужева, ненавидѣвшій всякія интриги Алексѣй Григорьевичъ (котораго уже Екатерина II называетъ въ это время *бывшимъ фаворитомъ*) сейчасъ же взялъ молодого кадета Бекетова къ себѣ въ адъютанты, что давало тогда капитанскій чинъ. Придворные не замедлили вывести изъ этого свои заключенія, и стали говорить, что если графъ Разумовскій приблизилъ къ себѣ Бекетова, то это сдѣлано съ цѣлью противопоставить его молодому камеръ-юнкеру Шувалову, такъ какъ бывшій кадетъ обратилъ на себя особенное вниманіе Государыни [1]). Придворные не ошибались: дѣйствительно Бекетовъ былъ избранъ Бестужевымъ, чтобы отстранить Шувалова и его партію. Во всемъ этомъ дѣлѣ явно видна рука канцлера. Онъ приставилъ къ молодому и неопытному Бекетову другого адъютанта, состоявшаго при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, Ивана Перфильевича Елагина, который въ то же время служилъ и подъ его начальствомъ, въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Жена Елагина, бывшая камерфрау Государыни, доставляла Бекетову тонкое бѣлье и кружева, а такъ какъ она не была богата, то ясно было, что деньги тратились не изъ ея кошелька [2]). Болѣе года оба соперника жили совмѣстно при дворѣ. Бекетовъ занялъ комнаты во дворцѣ. Въ Маѣ 1751 года Шуваловъ уѣхалъ даже изъ Петербурга, но не надолго [3]). Бестужевъ тѣмъ болѣе долженъ былъ дорожить поддержкою во дворцѣ, что въ самой семьѣ Разумовскихъ уже не находилъ онъ прежняго полнѣйшаго довѣрія. Графъ Кирилл Григорьевичъ съ нимъ разсорился. Размолвка вышла изъ-за Теплова. Во время пребыванія двора въ Москвѣ великій канцлеръ составилъ въ Октябрѣ 1749 года записку „для всевысочайшаго извѣстія“. Она была слѣдующаго содержанія: „Хотя тогда никто слова не говорилъ, какъ Лестокъ на обѣдѣ у Шведскаго посланника

[1]) Mém. de Catherine II, 150—151.
[2]) Mém. de Catherine II, 152.
[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 482.

Вульфенштерна (въ присутствіи пословъ, всѣхъ чужестранныхъ министровъ и здѣшнихъ знатнѣйшихъ) канцлера съ великимъ грубіянствомъ принуждалъ за здравіе Е. И. В. предъ всѣми людьми пить; но какъ на прошедшей недѣлѣ въ четвертокъ, т.-е. 12-го сего Октября, канцлеръ на новоселіи у кн. Михаила Андреевича Бѣлосельскаго, гдѣ было за столомъ съ хозяиномъ и хозяйкою 20 персонъ, ассессора Теплова принудить хотѣлъ, чтобъ онъ за здоровіе графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго покалъ, который всѣми полонъ пить, полный же выпилъ, то теперь по всему городу уже разсказываютъ, будто канцлеръ Теплова разругалъ съ великимъ для него (канцлера) прискорбіемъ, что его непріятели (коихъ безъ причины столько же много, какъ волосовъ на головѣ) тѣмъ пользуются пожалованный ему отъ Е. И. В. изъ первѣйшихъ въ государствѣ чинъ съ такимъ молодымъ человѣкомъ смѣшивать. Канцлеръ однакожъ за излишне поставлялъ бы Е. И. В. оправданіемъ своимъ предъ Тепловымъ утруждать; но дабы какъ гдѣ ложно обнесеннымъ не быть, то всенижайше дерзновеніе пріемлетъ представить, что канцлеръ, увидя, что Тепловъ въ помянутый покалъ только ложки съ полторы налилъ, принуждалъ его полонъ оный выпить, говоря, что онъ долженъ полонъ выпить за здоровіе такого человѣка, который Е. И. В. вѣренъ, такъ и въ ея высочайшей милости находится и отъ котораго ему подлинно много благодѣяній сдѣлано, и что къ чему же въ такія компаніи и ѣздить, буде съ другими наравнѣ не пить. Но какъ Тепловъ грубіянство имѣлъ и того не послушаться, то можетъ быть канцлеръ и ему сказалъ, что развѣ онъ хощетъ примѣру церемоніймейстера Веселовскаго послѣдовать, а впрочемъ никакого браннаго, ниже оскорбительнаго слова не сказалъ, и въ томъ на всѣхъ безпристрастныхъ изъ оной компаніи ссылается. Что до грубіянства Теплова принадлежитъ, то онъ въ томъ уже обыкъ, ибо во многіе дома незванный пріѣзжалъ, гораздо у прочихъ и старшихъ себя за столомъ мѣсто снималъ, да и дамъ тѣмъ не щадитъ, какъ то особливо Авдотья Герасимовна Журавка [1]) надъ собою искусство тому видѣла, когда онъ отнялъ у ней мѣсто въ каретѣ, въ которой она уже ѣхала, такъ что она на улицѣ осталась, о чемъ она сама лучше донести можетъ. А примѣръ Веселовскаго въ томъ состоитъ, что на прощальномъ обѣдѣ у посла лорда Гиндфорта, какъ посолъ, наливши полный покалъ, пилъ здоровіе, чтобъ благополучное Е. И. В. государствованіе болѣе лѣтъ продолжалось, нежели въ томъ покалѣ капель, то и всѣ оный пили, а одинъ только Веселовскій полонъ пить не хотѣлъ, но ложки съ полторы, и то съ водою токмо налилъ, и въ томъ упрямо предъ всѣми стоялъ, хотя канцлеръ

---

[1]) Рожденная Стрешенцова, двоюродная сестра Разумовскихъ.

изъ ревности къ Е. В. и изъ стыда предъ послами ему по-русски и говорилъ, что онъ долженъ сіе здоровіе полнымъ покаломъ пить какъ вѣрный рабъ, такъ и потому, что ему отъ Е. И. В. много милости показано пожалованіемъ его изъ малаго чина въ столь знатный. Но канцлеръ тогда не хотѣлъ Е. И. В. симъ утруждать, какъ то и нынѣ происшедшее съ Тепловымъ въ молчаніи оставилъ бы, ежели-бъ о томъ по городу иначе не толковали, хотя онъ и то и другое изъ усердія своего сдѣлалъ: первое изъ респекта и должности къ Е. И. В., а другое по любви къ графу Алексѣю Григорьевичу, а еще паче, что и то респекту противно, чтобъ не хотѣлъ пить за здоровіе такого человѣка, который милость Е. И. В. на себѣ носитъ" [1]). Елизавета Петровна, какъ свидѣтельствуютъ современники и какъ подтверждаетъ Екатерина II, была охотница до сплетень, поэтому неудивительно, что великій государственный канцлеръ удѣлялъ отъ своихъ многочисленныхъ занятій минуты на составленіе подобныхъ записокъ для всевысочайшаго извѣстія. Но записка эта дошла и до Теплова, который, разумѣется, всячески постарался возбудить противъ Бестужева своего воспитанника. Въ это время уже скончалась графиня Авдотья Даниловна. Прусскій посланникъ Гольцъ сообщалъ двору своему, что „младшій Разумовскій имѣлъ разговоръ съ Воронцовымъ и открылъ ему, что онъ и старшій братъ начинаютъ ревновать ко власти канцлера, который имъ очень надоѣлъ и хотя нужно время для поколебанія къ нему довѣрія Императрицы, однако они надѣются успѣть въ этомъ въ продолженіе года" [2]). Или Воронцовъ, или Кирила Григорьевичъ прихвастнули при этомъ случаѣ. Графъ Алексѣй Григорьевичъ продолжалъ оставаться вѣрнымъ другомъ Бестужева; ему и на умъ не приходило обойти канцлера у Императрицы. Среди всѣхъ этихъ интригъ, для людей, не посвященныхъ въ тайны придворной жизни, положеніе старшаго Разумовскаго казалось не измѣнившимся. Онъ по прежнему жилъ во дворцѣ, Государыня зимой гостила по три и по шести дней у него въ Гостилицахъ и праздновала по обыкновенію въ его домѣ, на Царицыномъ лугу, день св. Алексѣя человѣка Божія, причёмъ въ продолженіе обѣденнаго и вечерняго стола была обычная пальба изъ пушекъ, итальянская музыка и иллюминація. Однако не трудно было подмѣтить тонкому наблюдателю, что при всей внѣшней обстановкѣ, многое во дворцѣ шло не такъ какъ прежде. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ случившееся около этого времени въ Малороссіи тёмное дѣло,—которое не могло не быть весьма прискорбнымъ Алексѣю Григорьевичу, такъ какъ въ дѣлѣ этомъ замѣшанъ

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, XXIII, 56—58.

[2]) Тамъ же, XXIII, 58.

былъ любимый его управляющій и fac-totum Степанъ Пустота. Объ этомъ обстоятельствѣ мы знаемъ только по двумъ бумагамъ, сохранившимся въ государственномъ архивѣ. Кіевскій губернаторъ Леонтьевъ, по доносу нѣкоего Шишацкаго, отправилъ въ Глуховъ къ Натальѣ Демьяновнѣ офицера съ командою, который схватилъ и привёзъ въ Кіевъ нѣкоторыхъ служителей Алексѣя Григорьевича, между прочими— дворецкаго Степана Пустоту, управителя Василія Отхотскаго и приказчика Романа Уманца. Нѣсомнѣнно, года за два до этого никто на подобную дерзость не рѣшился бы. Впрочемъ и теперь за такой поступокъ Леонтьевъ получилъ слѣдующій высочайшій выговоръ:

„Указъ нашему генералу Леонтьеву. Увѣдомились Мы, что вы по нѣкоторому доносу изъ дома нашего оберъ-егермейстера графа Разумовскаго, отъ матери его въ Глуховѣ, приславъ туда офицера съ командою, взяли въ Кіевъ нѣкоторыхъ его служителей яко въ важномъ какомъ дѣлѣ, чему быть неуповательно, ибо сіе учинили вы по доносу нѣкотораго Шишацкаго, бывшаго лакеемъ въ домѣ нашего оберъ-егермейстера графа Разумовскаго въ Малой Россіи при матери его и за воровство учиненное Шишацкимъ въ томъ домѣ съ наказаніемъ отъ службы отставленнаго, о чемъ вамъ дано знать черезъ поручика Щегловитаго; но вы, о томъ никакого разсужденія не имѣя, учинили обиду матери его, чего было вамъ, не описався къ Намъ, и дѣлать не надлежало. Да и никакого о томъ отъ васъ доношенія къ намъ нѣтъ, а ежели бы была законная причина вамъ то учинить, то вамъ надлежало къ Намъ о томъ доношеніе съ нарочнымъ какъ наискорѣе прислать. Того для повелѣваемъ по полученіи сего людей, взятыхъ изъ дому графа Разумовскаго отъ матери его, немедленно отпустить къ ней, а доносителя Шишацкаго со всѣмъ его доносомъ и ежели есть сообщники его и произведеннымъ дѣломъ—прислать сюда въ нашу тайную розыскныхъ дѣлъ канцелярію за крѣпкимъ карауломъ, а впередъ въ такихъ дѣлахъ имѣете вы осторожно поступать, дабы не учинить напрасно кому обиды подложнымъ и несостоятельнымъ доношеніемъ“.

Подписанъ 19-го Февраля 1750. Подлинный посланъ того же числа съ курьеромъ Степаномъ Аничковымъ [1]).

Леонтьевымъ однако арестанты не были выпущены; дворецкій Степанъ Пустота, управитель Василій Отхотскій, приказчикъ Романъ Уманецъ и бунчуковый товарищъ Романъ Лашкевичъ подъ крѣпкимъ карауломъ отправлены были съ офицеромъ на десяти подводахъ, прямо въ Петербургъ. По новому указу Государыни, ихъ остановили въ Московской конторѣ тайной канцеляріи, а 29 февраля 1750,

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

по именному же указу Императрицы, Пустота былъ выпущенъ изъ-подъ стражи [1]).

По какой причинѣ ихъ остановили и что сталось съ прочими арестантами—намъ неизвѣстно. Ясно только, что прежняго всемогущества уже не было. Между тѣмъ новые Малороссійскіе депутаты Оболонскій, Кочубей, Журманъ и Пиковецъ, отправленные по случаю гетманскаго избранія, прибыли тѣмъ временемъ въ Петербургъ. 24 Апрѣля была дана имъ публичная аудіенція. Они благодарили Государыню отъ всего народа Малороссійскаго за оказанную милость, а имъ отвѣчалъ великій канцлеръ и объявилъ между прочимъ, что на выборъ гетманскій воспослѣдуетъ въ непродолжительномъ времени высочайшее утвержденіе [2]).

5-го Іюня 1750 г. подписанъ былъ Императрицею указъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, состоявшій изъ пяти пунктовъ. Въ 1-мъ утверждалось избраніе графа Кирилы Григорьевича, во 2-мъ жаловались ему на урядъ прежнія гетманскія маетности, кромѣ тѣхъ, которыя были подарены Гамалѣевскому, Батуринскому и Межибожскому монастырямъ, Глуховской Анастасіевской церкви, графу Алексѣю Григорьевичу, Витковичу и Павловскому. Маетности эти составляли города Ямполь и Батуринъ съ уѣздами, Гадячскій замокъ съ Чеховскою и Быковскою волостьми; Почепъ съ уѣздомъ, Шептаковская волость, Бакланскій дворецъ, село Литвиновичи, хуторъ Будійскій, Глуховская мельница о трехъ камняхъ, Переволчинскій перевозъ и опредѣленное доселѣ на монастырское содержаніе село Кучеровка съ приселками Сопичемъ и Потаповкою, да села Поповка, Машевъ и Жадовъ. 3) Всѣ доходы Малороссійскіе приказано было собирать и употреблять по „прежнимъ обыкновеніямъ". 4) Конскіе заводы кирасирскихъ и конногвардейскаго полковъ приказано вывесть изъ гетманскихъ маетностей, а также казенную полотняную фабрику изъ Почепа. 5) Великороссійскимъ чинамъ велѣно въ генеральной канцеляріи, въ генеральномъ судѣ, въ коммиссіи экономіи, въ счетной и въ коммиссіи объ обидахъ, болѣе не присутствовать, и министерскую канцелярію уничтожить. Наконецъ графу Гендрикову предписано возвратиться въ С.-Петербургъ [3]). Несмотря на этотъ указъ, графъ Кирила не спѣшилъ отъѣздомъ изъ Петербурга, и самихъ депутатовъ тамъ задерживали. 24 Іюля 1750 г. Государыня подписала рядъ указовъ, въ силу которыхъ Разумовскій при торжествахъ, публичныхъ церемоніяхъ и при столахъ получилъ мѣсто съ генералъ-фельдмаршалами, считаясь съ ними по

---

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

[2]) Ригельманъ, т. IV, кн. IV, стр. 12. Странно, что въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ объ этой аудіенціи не упоминается.

[3]) Маркевичъ, „Исторія Малороссіи", IV, 439—440.

старшинству. Приказывалось ему возобновить Батуринъ [1]), „при заложеніи онаго учинить освященіе по церковному обыкновенію и имѣть тамъ гетману свою резиденцію“ [2]). Отдавались ему всѣ доходы съ подлежащихъ на урядъ гетманскій маетностей, деньгами, хлѣбомъ, виномъ и прочими припасами, собранные до избранія его [3]). Наконецъ, такъ какъ Кирила Григорьевичъ „противъ другихъ гетмановъ имѣлъ ту отличность“, что былъ русской имперіи графъ, и такъ какъ Императрица высочайше имѣла къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, то приказано было въ отправляемыхъ къ нему изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотъ „давать ему предикатъ: высоко и благоурожденнаго“ [4]). Въ то же самое время Государыня повелѣть соизволила „клейноды для гетмана сдѣлать новые, со украшеніемъ изъ каменьевъ, которыхъ бы цѣною до 1500 р. было и какимъ образцомъ оные сдѣланы быть имѣютъ, тому на передъ изготовить чертежи, а между тѣмъ, чтобы гетману во управленіе вступить можно было, отдать ему клейноды старые, объявя притомъ, что и новые даны быть имѣютъ“ [5]). При этомъ по докладу коллегіи иностранныхъ дѣлъ „о повсегодномъ отпускѣ изъ статсъ-конторы на расходы по Малороссійскимъ дѣламъ 5000 р.“, Государыня повелѣла „сихъ денегъ не требовать; а когда на какой расходъ или выдачу оныя потребны будутъ, о томъ докладывать Е. В.“ [6]). Три мѣсяца позднѣе, т.-е. 31 Октября 1750, Императрица подписала новый указъ, въ силу котораго войско Запорожское поступало также подъ вѣдомство Малороссійскаго гетмана и, вслѣдствіе требованія господина гетмана Государыня, на поданный ей отъ сената докладъ о рангахъ Малороссійскимъ чинамъ, соизволила повелѣть гетману объявить, „что оные ранги Малороссійскимъ чинамъ пожаловать соизволитъ, токмо въ оные чины никто прежде пожалованъ быть не имѣетъ, безъ представленія о ихъ персонахъ и достоинствахъ Е. И. В., а инако на волю предаются на старомъ основаніи“ [7]). Въ то же самое время изъ св. синода посланъ былъ слѣдующій указъ [8]):

---

[1]) То же подтверждено именнымъ указомъ гетману отъ 31 Іюля того же года,— см. Ригельманъ, IV, VI, 12, 13.

[2]) Архивъ князя Воронцова, VII, 284.

[3]) Бантышъ-Каменскій, III, 220, говоритъ: „съ 1734 г. собранные“, но въ указѣ срока этого не указано. Гетманскій доходъ превышалъ 100,000 р. въ годъ.

[4]) Маркевичъ Исторія Малороссіи, IV, 441—442.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 285.

[6]) Тамъ же, VII, 284.

[7]) Тамъ же, 290.

[8]) За сообщеніе приведенныхъ нами указовъ и распоряженій духовнаго вѣдомства обязаны мы Н. Н. Мурзакевичу, доставившему ихъ въ редакцію „Русскаго Архива“, обязательно намъ ихъ передавшую. Они извлечены изъ рукописнаго сборника

Указъ Е. И. В. Самодержицы Всероссійской изъ святѣйшаго правительствующаго Синода преосвященнѣйшему Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому.

Святѣйшему правительствующему Синоду правительствующаго Сената вѣдѣніемъ объявлено: въ указѣ Е. И. В. за подписаніемъ собственныя Е. И. В. руки, сего Іюня 5-го дня въ Сенатъ написано: „Понеже по всемилостивѣйшему Е. И. В. повелѣнію учиненное въ Малороссіи тамошняго народа вольными голосами избраніе въ гетманы дѣйствительнаго камергера, академіи наукъ президента и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника графа Кирилы Разумовскаго ему отъ Е. И. В., 24 Апрѣля сего года, объявлено и въ коллегію иностранныхъ дѣлъ указомъ Е. И. В. всемилостивѣйше конфирмовано, того ради Е. И. В. повелѣли сенату о всемилостивѣйшемъ пожалованіи отъ Е. И. В. его графа Разумовскаго въ гетманы, куда надлежитъ дать знать. И по Е. И. В. указу и по опредѣленію святѣйшаго правительствующаго Синода велѣно: для надлежащаго о томъ вѣдѣнія въ подчиненныя подлежащія святѣйшему Синоду мѣста послать указы и посланы, и преосвященному Тимоѳею митрополиту Кіевскому и Галицкому о томъ вѣдать, № 768. 1750 г. Іюня 19 ч.“ Подписали: Оберъ-секретарь Яковъ Леванидовъ, секретарь Андрей Сорокинъ, канцеляристъ Борисъ Невскій.

Вслѣдствіе этого указа митрополитъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы новаго гетмана въ церквахъ поминали на литургіи такъ: „Благороднаго Кирила гетмана“—вѣроятно по старинной формулѣ; но этой формулой, какъ видно, новый гетманъ остался недоволенъ, и митрополитъ поспѣшилъ разослать другое предписаніе, которое кстати здѣсь приводимъ, хотя оно относится и къ позднѣйшему времени.

Митрополіи Кіевской пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Пафнутію, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Ѳеофану, Нехворощанскому Даміану, всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Дмитрію, Гадяцкому Василію, Зѣнковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону, честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Опошнянскому Іакову, Хоролскому Симеону, Остаповскому Иродіону и Іоанну Богаевскому да іереямъ духовной протопопіи, Мирогородское правленіе содержащимъ: Воскресенскому Іоанну Христенку и Бѣликовскому, Покровскому Петру Михайлову; дѣвичихъ монастырей: Великобудянскаго игуменіи Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасьѣ и Быстрицкаго начальницѣ Памфиліѣ. Прошлаго 750 г. Августа 8, по указу Е. И. В. и по опре-

---

указовъ и распоряженій кіевскихъ митрополитовъ Рафаила Заборовскаго и Тимоѳея Щербацкаго по подвѣдомственной имъ епархіи.

дѣленію его преосвященства Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, отпущенному съ катедральной протопопіи Кіевскія канцеляріи, между прочимъ велѣно вамъ: Ясновельможнаго господина Малыя Россіи, обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетмана, Е. И. В. дѣйствительнаго камергера, Императорской Санктпетербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника и ордена святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго святыя Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: „Благороднаго Кирила гетмана"; а понеже таковое воспоминаніе показалось не во удовольствіе, того ради, въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ предъ всѣми прежними гетманами предикатовъ съ полученія сего Е. И. В. указа вамъ и всему вѣдомству вашему подвѣдомственнымъ приказать воспоминать тако: „высоко и благоурожденнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи". О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему Е. И. В. указу, полученіе же сего вмѣсто репорта, подъ симъ подписавъ, изъ послѣдняго мѣста, обратно въ канцелярію прислать катедральную. № 1093. 1751 года Августа 27 дня. Подписали катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей, митрополіи Кіевской архідіаконъ Манассій, катедральной канцеляріи регентъ іеродіаконъ Лука, канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Этимъ однако дѣло не кончилось, и черезъ годъ митрополитъ разсылаетъ по епархіи новое предписаніе:

По указу великаго господина иже въ Богу (sic) преосвященнѣйшаго Киръ-Тимоѳея Щербацкаго архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицкаго и Малыя Россіи, отца и архипастыря нашего, съ канцеляріи митрополіи Кіевскія пречестнымъ игуменамъ: Сорочинскому Гавріилу, Гадяцкому Исидору, Скельскому Филарету, Полтавскому Антонію, Нехворощанскому Даміану; всечестнымъ протопопамъ: Сорочинскому Димитрію, Миргородскому Роману, Гадяцкому Василію, Зѣнковскому Максиму, Полтавскому Евстаѳію, Кобеляцкому Михаилу, Криловскому Симеону, честнымъ крестовымъ намѣстникамъ: Опошнянскому Іакову, Хоролскому Симеону, Остаповскому Иродіону, Іоанну Богаевскому, дѣвичихъ монастырей: Великобудянскаго игуменіи Авраміи, Пушкаревскаго намѣстницѣ Анастасіи и Быстрицкаго начальницѣ Анѳіи предлагается. Хотя прошлаго 751 года Августа 21 дня отпущеннымъ къ вамъ изъ катедральной его преосвященства канцеляріи указомъ велѣно: ясновельможнаго господина Малыя Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ высокоповелительнаго гет-

мана, Е. И. В. дѣйствительнаго камергера, Императорской С.-Петербургской академіи наукъ президента, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника и обѣихъ Россійскихъ орденовъ святыхъ апостола Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, Россійскія Имперіи графа Кирила Григорьевича Разумовскаго въ удовольствіе за отличность особливѣйшихъ его ясновельможности показанныхъ заслугъ предъ всѣми гетманами предикатовъ, съ полученія онаго указа вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать: въ церковныхъ священнослуженіяхъ на обыкновенныхъ мѣстахъ воспоминать тако: „высоко и благоурожденнаго сіятельнаго графа Кирила Григорьевича, гетмана Малыя Россіи“; но понеже извѣстно его преосвященству учинено, яко нѣкоторые священники, по природной своей тупости, и не могучи оныхъ терминовъ настояще выговорить, оные отмѣняютъ, что̀ не въ удовольствіе, но токмо ко раздраженію слѣдуетъ, того ради, за полученіемъ сего вамъ и всѣмъ вѣдомству вашему подсудственнымъ приказать воспоминать тако: „сіятельнаго графа гетмана Кирила Григорьевича“. О чемъ вамъ вѣдать и чинить по сему непремѣнное исполненіе. Полученіе же сего, вмѣсто репорта, подписавъ, изъ послѣдняго мѣста обратно въ канцелярію митрополіи Кіевской сообщенныхъ копій прежнихъ указовъ прислать. № 410. 1752 года, Марта 17-го дня. Подписали: катедральный писарь іеромонахъ Досиѳей, канцеляристъ Иванъ Данилевскій.

Депутаты Малороссійскіе были отпущены въ концѣ Іюля. Передъ отъѣздомъ они получили по 1000 рублей каждый и по брилліантовому перстню отъ придворнаго ювелира Дюплона, подобно ихъ предшественникамъ [1]). 5-го Іюля было благоденственное молебствіе въ Глуховской церкви Св. Михаила и читана была грамота изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ которой объявлялось утвержденіе избраннаго гетмана; послѣ молебствія была пальба. Такія же грамоты разосланы были во всѣ полки. Въ то же время Нѣжинскій полковой есаулъ Долинскій привезъ изъ Петербурга первое приказаніе новаго гетмана. Онъ предписывалъ Лисенкѣ, Скоропадскому и Валкевичу управлять генеральною канцеляріею, а Горленкѣ, Ханенкѣ и Оболонскому завѣдывать генеральнымъ судомъ до его пріѣзда [2]). Вскорѣ графъ Гендриковъ и прочіе Русскіе, занимавшіе должности въ Малороссіи, уѣхали обратно въ Россію [3]). Самъ же графъ гетманъ не спѣшилъ пріѣздомъ: его задерживали въ Петербургѣ и беременность

[1]) Изъ бумагъ Московскаго Архива иностранныхъ дѣлъ.
[2]) Зап. Марковича, II, 284—285.
[3]) Тамъ же, II, 287.

жены [1]), и интересъ борьбы между партіею брата и Шуваловыми, и составленіе себѣ приличнаго штата, и наконецъ сама Государыня, особенно къ нему благоволившая и не желавшая лишить ни себя, ни придворныхъ любезнаго собесѣдника, умѣвшаго отлично угощать, давать банкеты и балы, которые она не рѣдко удостоивала своимъ присутствіемъ [2]).

Соперничество между Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и Никитою Аѳанасьевичемъ Бекетовымъ однако окончилось въ отсутствіе гетмана. Лѣтомъ 1751-го года, когда графъ Кирила былъ уже въ Малороссіи, Бекетовъ, любившій литературу и занимавшійся вмѣстѣ съ другомъ своимъ Елагинымъ стихотворствомъ, сталъ перелагать стихи свои на музыку. Пѣсни, имъ сочиняемыя, пѣвали у него молоденькіе придворные пѣвчіе. Нѣкоторыхъ изъ нихъ Бекетовъ полюбилъ за ихъ прекрасные голоса и въ простотѣ душевной иногда гулялъ съ ними по Петергофскимъ садамъ. Шуваловы ухватились за это и поспѣшили истолковать поведеніе Бекетова самымъ отвратительнымъ образомъ [3]). Какъ видно, этого было недостаточно; чтобы окончательно погубить молодого любимца, графъ Петръ Ивановичъ вкрался въ сердце неопытнаго Бекетова, выхвалялъ красоту его, чрезвычайную бѣлизну лица и для сохраненія всегдашней свѣжести далъ ему притираніе. Довѣрчивый Бекетовъ поспѣшилъ имъ воспользоваться, и лицо его покрылось угрями и сыпью. Графиня Мавра Егоровна немедля обратила на это вниманіе Государыни, и присовѣтовала удалить Бекетова, какъ человѣка зазорнаго поведенія [4]). На этотъ разъ ударъ былъ вѣренъ. Государыня, вслѣдствіе этой послѣдней продѣлки, переѣхала въ Царское, куда запрещено было слѣдовать Бекетову. Несчастный остался съ Елагинымъ и заболѣлъ горячкою, отъ которой чуть не умеръ. Въ бреду онъ безпрестанно говорилъ объ Императрицѣ, которая занимала всѣ его мысли [5]). Какъ скоро онъ поправился, его удалили отъ двора. Указомъ 1757 года, надворный совѣтникъ Якимъ Барсуковъ (бывшій товарищъ графа Кирилы Григорьевича за границею, а потомъ состоявшій при старшемъ Разумовскомъ), генеральсъ-адъютанты Никита Бекетовъ и Иванъ Елагинъ произведены были въ армейскіе полковники, съ тѣмъ чтобы быть Барсукову, въ Малой Россіи, въ полку

---

[1]) 15 Декабря 1749 г. графиня родила дочь Елизавету; въ это время она была беременна сыномъ Петромъ, родившимся 15 Января 1751.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1750 г.

[3]) Mémoires de Catherine II, 160—161.

[4]) Бантышъ-Каменскій, Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ и генералъ-фельдмаршаловъ, I, 301. Онъ же, Словарь достопамятныхъ людей русской земли, I, 115. Бекетовъ впослѣдствіи былъ Астраханскимъ губернаторомъ.

[5]) Mémoires de Catherine II, 161.

Стародубскомъ полковникомъ съ опредѣленными на тотъ чинъ въ Малой Россіи деревнями и угодьями, которыя ему, Барсукову, отдать со всѣмъ наличествомъ, оставшимся по смерти бывшаго тамъ полковника Максимовича; Бекетова опредѣлить по его прошенію въ армію, а Елагину остаться при генералъ-фельдмаршалѣ и кавалерѣ графѣ Разумовскомъ, съ полнымъ жалованіемъ по его чину изъ статсъ-конторы и считаться имъ, Елагину и Бекетову, старшинствомъ по ихъ генеральсъ-адъютантскимъ чинамъ съ прочими полковниками, пожалованными прошлаго года декабря 25, по докладу отъ военной коллегіи изъ равныхъ съ ними состоящихъ ранговъ" [1]). Какъ видно, хотя и удаленный отъ двора, Бекетовъ все еще продолжалъ считаться адъютантомъ графа Алексѣя Григорьевича, только указъ о назначеніи его къ арміи окончательно разорвалъ всякую связь его съ дворомъ. Шуваловы торжествовали вполнѣ.

Избраніе графа Кирилы Григорьевича въ гетманы вдохновило Ломоносова, и въ 1750 году онъ посвятилъ Разумовскому идиллію, которую выписываемъ здѣсь:

ПОЛИДОРЪ.

ИДИЛЛІЯ.

Е. С. ГРАФУ КИРИЛѢ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ. 1750 ГОДЪ.

Въ оной разговариваютъ:
Калліопа, Муза.
Левкія, Днѣпровская Нимфа.
Дафнисъ, тамошній пастухъ.

Калліопа.

Между прохладными Днѣпровскими струями,
Между зелеными и мягкими кустами,
Тебя я посѣтить пришла съ Кастальскихъ горъ,
Чтобъ радость мнѣ свою соединить съ твоею.
Едино щастіе съ тобою я имѣю,
Единъ у насъ теперь предстатель Полидоръ [2]);

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.
[2]) Графъ Кирила Григорьевичъ.

Богиня, что поля пространны управляетъ [1]),
И щедрою Парнассъ рукою украшаетъ
Ему вручила жезлъ, чтобъ въ сихъ лугахъ пасти.

Левкія.

Доколѣ будетъ Днѣпръ въ брегахъ своихъ крутиться,
Дотолѣ алтари здѣсь будутъ Ей куриться,
И лавры завсегда торжественны цвѣсти.
Здѣсь плески на лучахъ повсюду раздаются,
И съ шумомъ радостнымъ въ порогахъ воды льются.
Избыточно цвѣты даютъ свой нѣжный духъ,
И вѣтьвьми дерева красуяся, качаютъ,
И горы и лѣса Богиню возвышаютъ,
Что къ ихъ желанію склонила щедрый слухъ.
Тебя здѣсь, Полидоръ, желали рощи злачны,
Долины тучныя, источники прозрачны,
Тебя желали здѣсь обильныя поля.

Каллiопа.

Тебя мы, Полидоръ, имѣемъ тамъ ограду,
И чрезъ тебя Парнассъ почувствовалъ отраду,
Какъ влагу получивъ изсохшая земля [2]).

Левкія.

Ты, Муза, прохладись подъ тѣнію густою.

Каллiопа.

Ты, Нимфа, уклонись со мной сюда отъ зною;
Мы сядемъ при водѣ на мягкую траву.
Теперь пристоенъ часъ сплетать вѣнки прекрасны,
И Полидору пѣть здѣсь пѣсни намъ согласны.

Левкія.

И вѣтьвей и цвѣтковъ, Каллiопа, нарву.
Смотри, какъ зеленью вездѣ покрылись нивы,
И тихой Днѣпръ въ себѣ изображаетъ ивы,
Что густо по крутымъ краямъ его растутъ.
Играютъ Зефиры кудрявыхъ древъ листами,
И нѣжатъ теплыми душистой цвѣтъ крылами,
Съ котораго, шумя, свой пчелы медъ несутъ.

---

[1]) Императрица Елизавета Петровна.
[2]) Президентство.

Калліопа.

Пріятный день теперь намъ радость умножаетъ,
Подъ вѣтьвьми соловей свой свистъ усугубляетъ,
Завидуя въ лугахъ поющимъ пастухамъ.
И овцы ужъ траву съ ручьями позабыли,
И слухъ къ веселой ихъ игрѣ ужъ обратили,
И козы прыгаютъ по звонкимъ ихъ струнамъ.
Иной кладетъ пучки, иной въ свирѣлку свищетъ,
Иной любезныя межъ деревами ищетъ,
Иной самъ прячется отъ ней въ зеленый кустъ.

Левкія.

Хотя довольно насъ пріятность услаждаетъ:
Однако больше всѣхъ меня увеселяетъ
О Полидорѣ пѣснь изъ Дафнисовыхъ устъ.
Я вижу, онъ идетъ украшенъ весь цвѣтами,
Цвѣты на головѣ, цвѣты между перстами,
Цвѣтами увитъ вкругъ и посохъ и свирѣль.
Не такъ любезно мнѣ по камнямъ водъ журчанье,
Не столько голубицъ мнѣ мило воркованье,
И сладкихъ соловьевъ не такъ пріятна трель;
Какъ голосъ Дафнисовъ здѣсь рощи оживляетъ,
И имя, „Полидоръ", стократно повторяетъ.
Ахъ, Дафнисъ! пѣніемъ своимъ насъ услади.

Калліопа.

Хотя геройскихъ лиръ мнѣ больше шумъ угоденъ
Однако сельскихъ струнъ мнѣ сладокъ звонъ и сроденъ:
Ты, Дафнисъ, звонкихъ птицъ въ лугахъ здѣсь постыди.

Дафнисъ.

Ты, Муза, мнѣ вдохни, чтó нынѣ пѣть пристойно,
Чтó слуху вашего и чтò сихъ дней достойно.
Ты, Нимфа, ласковымъ мнѣ взглядомъ силу дай.

Калліопа.

Зачни великія Богини добродѣтель,
Которой я сама и весь Парнассъ свидѣтель:
Потомъ и сихъ долинъ довольства воспѣвай.

Левкія.

Запой, что̀ видѣлъ ты, какъ былъ въ великомъ градѣ,
И что̀ при Нимфахъ пѣлъ въ Палемоновомъ стадѣ:
Мы станемъ пестрые вѣночки завивать,
И въ голосъ къ твоему напѣву приставать.

Дафнисъ.

Молчите шумные пороги,
И слушайте мой новой стихъ:
Усыпьте, Нимфы, здѣсь дороги
Лилеями изъ рукъ своихъ;
Вездѣ вѣнками украшайте
Пригорки, долы и ручьи!

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи!

Дафнисъ.

Великой будетъ пусть Богинѣ
Вездѣ прилична красота.
О, какъ я веселюся нынѣ,
Что̀ видѣлъ очи и уста,
Отъ коихъ радость почерпаютъ
Широки сѣверны поля!

Калліопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтаютъ!

Левкія.

Красуется сія земля!

Дафнисъ.

При ней я видѣлъ Полидора,
Онъ предъ лицо̀мъ ея стоялъ
Среди геройскаго собора,
И ласково ко мнѣ взиралъ.
О, тихи вѣтры! развѣвайте
По всѣмъ лугамъ слова мои!

Каллїопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкія.

Красуйтесь Днѣпрскія струи!

Дафнисъ.

Вчерась меня кругомъ обстали
Пастушки съ красныхъ нашихъ горъ,
И съ жадностію понуждали,
Каковъ, скажи намъ, Полидоръ?
Я далъ отвѣтъ: онъ превышаетъ
Собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ.

Каллїопа.

Верьхи Парнасски украшаетъ.

Левкія.

Онъ здѣшнихъ будетъ честь луговъ.

Дафнисъ.

Онѣ одна передъ другою,
Скажи, скажи о Нимфѣ намъ [1]),
Которой Полидоръ красою
Плѣнившись, торжествуетъ самъ.
Я имъ сказалъ: вы заплетите,
Нарвавши съ розами лилей.

Каллїопа.

На нихъ любуясь, поглядите.

Левкія.

И думайте при томъ о ней.

Дафнисъ.

Лозѣ подобно плодовитой,
Она возлюбленнымъ плодомъ,
Благословеніемъ покрытой,
Исполнитъ Полидоровъ домъ.

---

[1]) Графиня Екатерина Ивановна Разумовская.

Пребудетъ радость въ вѣкъ отнынѣ,
На каждый умножаясь часъ.

Каллiопа.

Хвала безсмертная Богинѣ!

Левкiя.

Украсившей его и насъ!

Дафнисъ.

Ему поспѣшно наливайтесь
Прiятной сладостью плоды,
Сторично овцы размножайтесь
И лѣтнiе воловъ труды.
Вы сладку росу поспѣшайте
Сбирать прилежные рои.

Каллiопа.

Верьхи Парнасски расцвѣтайте!

Левкiя.

Красуйтесь Днѣпрскiя струи [1]).

Пастораль эта какъ-то сквозитъ ироніею, которая, впрочемъ, можетъ быть не приходила на мысль Ломоносову. Полидоръ „превышающій собой всѣхъ здѣшнихъ пастуховъ", слишкомъ живо напоминалъ бывшаго пастуха Лемѣшевскаго общественнаго стада, а „отрада, почувствованная Парнасомъ", едва ли „подобно влагѣ" освѣжила изсохшую почву Академіи!

Въ Февралѣ 1751 года стали поговаривать на Украйнѣ о безпокойствахъ со стороны Татаръ [2]). Мѣшкать долѣе въ Петербургѣ было трудно. Приходилось готовиться къ отъѣзду въ Малороссію. 28 Февраля 1751 года Императрица соизволила указать „привести гетмана къ присягѣ въ придворной церкви, причемъ быть одному изъ архіереевъ, синодальному члену, а потомъ представить его на поклонъ и клейноды для отдачи ему при семъ же случаѣ приготовить. Притомъ Государыня разсуждать изволила, что понеже при прежнихъ гетманахъ великороссійскіе министры опредѣлены были, тоб и при нынѣшнемъ

---

1) Сочиненія Ломоносова, изданіе Смирдина, I, 293—299.
2) Записки Марковича, II, 291.

гетманѣ такого министра опредѣлить надобно, не для надзиранія за самимъ гетманомъ, ибо о вѣрности его никакого сумнѣнія нѣтъ, но токмо для смотрѣнія за тамошнею Малороссійскою старшиною, чтобъ отъ нихъ чего худаго не учинилось, такъ что иногда и самъ гетманъ усмотрѣть не можетъ. На сіе всенижайше донесено, что въ Москвѣ при отправленіи графа Гендрикова для выбора гетмана и о семъ Е. И. В. докладывано было, что соизволено-ли будетъ при гетманѣ министру быть, но Е. И. В. на сіе тогда не соизволила". Въ тотъ же день доложено было Императрицѣ „что Малороссійскій гетманъ, при нынѣшнемъ своемъ отъѣздѣ въ Малую Россію, экипажи свои отправляетъ на передъ и когда соизволено будетъ ему для учиненія присяги, а потомъ на поклонъ къ Е. И. В. и для принятія клейнодовъ пріѣхать, тогда не соизволено ли будетъ ему дворцовый экипажъ дать? Но Е. И. В., за непристойное сіе признавая для того, что и прежнимъ гетманамъ дворцовые экипажи не даваны, разсуждать изволила, что въ то время, когда гетманъ изъ Малой Россіи обратно пріѣдетъ, можно ему на время дворцовый экипажъ дать, пока собственный его привезенъ будетъ" [1]). 13-го Марта [2]) 1751 года новый гетманъ наконецъ торжественно присягалъ въ С.-Петербургѣ. Весь дипломатическій корпусъ и знатныя обоего пола особы собрались во дворецъ въ галерею, около придворной церкви, передъ начатіемъ богослуженія. Императрица, Наслѣдникъ и Великая Княгиня присутствовали при обѣднѣ. Послѣ обѣдни Государыня съ Великимъ Княземъ и Княгинею вышли изъ церкви. Въ ней остались гетманъ, великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, вице-канцлеръ графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ и остальные мужчины. Первенствующій членъ синода, Платонъ, архіепископъ Московскій и Сѣвскій, вышелъ на середину церкви и сталъ передъ налоемъ, на которомъ находились евангеліе и крестъ. Великій канцлеръ взялъ гетмана за руку и подвелъ его къ налою; тогда архіепископъ Платонъ прочиталъ слѣдующую присягу, которую громко повторилъ гетманъ, поднявъ вверхъ руку:

„Азъ обѣщаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ предъ святымъ Его евангеліемъ, что хощу и долженъ Ея Величеству, своей природной и истинной всепресвѣтлѣйшей, державнѣйшей, великой Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ Самодержицѣ Всероссійской и прочая и прочая и прочая и Е. И. В. высокому законному Наслѣднику, Е. И. В. благовѣрному государю Великому Князю Петру Ѳеодоровичу, который по изволенію и самодержавной Е. И. В. власти опредѣленъ, и впредь отъ Е. же И. В. по самодержавной Е. И. В.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII. 293—294.

[2]) Въ запискахъ Марковича означено 3 марта; это вѣроятно опечатка.

власти опредѣляемыхъ, и къ воспріятію престола удостоеннымъ высокимъ наслѣдникамъ [1]) вѣрнымъ, добрымъ и послушнымъ рабомъ и подданнымъ быть и всѣ къ высокому Е. В. самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять и въ томъ во всемъ живота своего въ потребномъ случаѣ не щадить, и при томъ по крайней мѣрѣ стараться споспѣшествовать все, что къ Е. В. вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ, о ущербѣ же Е. В. интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявить, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать тщиться буду. Когда-жъ къ службѣ и пользѣ Е. В. какое тайное дѣло или какое бъ оное ни было, которое приказано мнѣ будетъ тайно содержать и то содержать въ совершенной тайнѣ и никому не объявлять, кому о томъ вѣдать не надлежитъ и не будетъ повелѣно; повѣренный и положенный на мнѣ чинъ гетманства надъ войскомъ Запорожскимъ и надъ народомъ Малороссійскимъ вѣрно и постоянно содержать и все то войско и народъ Малороссійскій къ вѣрности, къ службѣ и послушанію приводить и ни съ которыми посторонними государи безъ вѣдома и безъ указу Е. И. В. никакой переписки и пересылки собою не имѣть, а гдѣ услышу какихъ непріятелей (отъ чего сохрани Боже) собраніе, и мнѣ гетману о томъ вѣрно и немедленно Е. И. В. доносить; а гдѣ повелитъ мнѣ Е. И. В. быть на службѣ съ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, и мнѣ, наблюдая интересъ и повелѣнія Е. И. В., со всею вѣрностью служить и всѣ указы Е. И. В. ко мнѣ отъ времени до времени присылаемые надлежащимъ образомъ по совѣсти моей, съ крайнѣйшимъ радѣніемъ исправлять и такимъ образомъ себя весть и поступать какъ доброму и вѣрному Е. И. В. рабу и подданному благопристойно есть и подлежитъ и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ о томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніи же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь" [2]).

[1]) Нѣтъ ли тутъ намека на назначеніе наслѣдницею престола, въ случаѣ бездѣтной смерти Петра Ѳедоровича, Екатерины? Дѣтей у нихъ въ то время еще не было. См. объ этомъ статью П. И. Бартенева: Екатерина Вторая и пр. (Восьмнадцатый вѣкъ, книга первая, стр. 29).

[2]) Изъ Государственнаго Архива. Бумага носитъ заглавіе: „Копія съ присяги Малороссійскаго гетмана графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, учиненной 13 марта 1751 года". Въ концѣ ея читаемъ: „У подлинной пишетъ тако: Ея Императорскаго Величества Малороссійскаго войска Запорожскаго гетманъ и кавалеръ графъ Кирила Разумовскій по вышеписанному присягаю и подписуюсь. Я смиренный Платонъ архіепископъ Московскій и Сѣвскій свидѣтельствую о присягѣ господина гетмана и кавалера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго и подписуюсь".

Послѣ этого, гетманъ подписался на поднесенной канцлеромъ присягѣ; то же сдѣлалъ и архіепископъ. По окончаніи обряда гетманъ и великій канцлеръ со всѣми кавалерами вышли въ галерею и въ аудіенцъ-камеру, куда уже были принесены всѣ клейноды гетманскіе: пребогато украшенная дорогими каменьями золотая булава, большое бѣлое знамя съ Русскимъ гербомъ, бунчукъ, войсковая печать и серебряные литавры съ пребогатыми, на бархатѣ шитыми, заковычками и съ золотыми висящими кутасами [1]). Черезъ часъ послѣ выхода своего изъ церкви, Государыня прибыла въ аудіенцъ-камеру. Совѣтникъ Собакинъ поднесъ великому канцлеру положенную на золотое блюдо гетманскую булаву. Бестужевъ ее передалъ Государынѣ, которая ее и другіе клейноды вручила Разумовскому. Этимъ церемонія окончилась. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ гетманша первая тронулась изъ Петербурга въ Москву [2]). Самъ же гетманъ ожидалъ жалованной грамоты и уволенъ былъ въ Малороссію только 22-го мая [3]). Того же числа Государыня подписала жалованную грамоту гетману слѣдующаго содержанія:

„Божіею поспѣшествующею милостію, Мы, Елизаветъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская (за тѣмъ слѣдуетъ титулъ большой).

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же Малороссійскому народу извѣстно и вѣдомо да будетъ, что мы, Великая Государыня, наше И. В., милосердуя о нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Малороссійскаго народа и имѣя о благосостояніи онаго материнское попеченіе и призрѣніе, дабы сей изъ давнихъ временъ къ нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше сохраненъ и содержанъ, на всеподданнѣйшее отъ Малороссійской старшины именемъ всего народа прошеніе, высочайше и всемилостивѣйше соизволили, по прежнему обыкновенію, вольными голосами, избрать гетмана, яко то при

---

1) Ригельманъ, т. IV, 13. Неизвѣстно почему, онъ говоритъ, что Разумовскій получилъ клейноды 24 февраля.

2) Зап. Марковича, II, 292—293.

3) Ригельманъ, IV, 13. Не знаемъ, откуда г. Щебальскій почерпнулъ извѣстіе помѣщенное имъ въ его Чтеніи изъ Русской Исторіи, выпускъ IV, стр. 213, будто Разумовскій пріѣхалъ въ Глуховъ до избранія и открылъ двери для званныхъ и незванныхъ и что поэтому, когда въ слѣдующемъ году „собралась рада, то казаки, на вопросъ кому быть гетманомъ, или молчали, или произносили имя Разумовскаго". Этому извѣстію явно противорѣчитъ и Ригельманъ, и Бантышъ-Каменскій, и Записки Марковича, и Исторія Маркевича, и наконецъ Камеръ-фурьерскій журналъ. Такъ же ошибочно г. Щебальскій титулуетъ Степана Ѳедоровича Апраксина графомъ.

предкахъ нашихъ, Всероссійскихъ Монархахъ и Императорахъ было. Вслѣдствіе же того нашего всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію, нашего И. В. генералъ-маіорѣ, лейбъ-компаніи подпоручикѣ, Е. И. В. нашей любезнѣйшей племянницы Великой Княгини камергерѣ и орденовъ св. Александра и св. Анны кавалерѣ, графѣ Иванѣ Гендриковѣ, 22 Февраля прошлаго 1750 года въ Глуховѣ отъ всѣхъ обще Малороссійскихъ чиновъ и народа единогласно избранъ гетманомъ природный Малороссіянинъ, нашъ дѣйствительный камергеръ, академіи наукъ президентъ и нашей гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ, и орденовъ св. Александра, Бѣлаго Орла и св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій и со онымъ выборомъ подписаннымъ всѣхъ при томъ бывшихъ духовныхъ персонъ, старшины и другихъ чиновъ руками для испрошенія всевысочайшей нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Пиковецъ, и мы, Великая Государыня, Н. И. В., въ разсужденіе того, по повелѣнію нашему общему вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его, графа Разумовскаго, гетманомъ всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной намъ, Великой Государынѣ, въ вѣрности своей предъ св. евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь въ придворной нашей церкви при нашемъ канцлерѣ д. т. сов., сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, присяги, войсковые клейноты (sic): булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ насъ получилъ, послѣ чего онъ, подданный нашъ гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Н. И. В., дабы мы пожаловали его на урядъ гетманскій и на маетности, на булаву опредѣленныя, жалованною грамотою. И Мы, всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, Великая Государыня, Императрица и Самодержица Всероссійская, Н. И. В., призирая на то подданнаго нашего гетмана прошеніе и вѣдая его къ Н. И. В. по прежде засвидѣтельствованымъ при дворѣ нашемъ по чину своему прилежности и благоповеденію, такожде въ гвардіи нашей и въ академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда гетманскаго дать и силою сей Н. И. В. жалованной грамоты соизволяемъ ему, подданному нашему гетману, войсковую армату или артиллерію и данные гетманскаго достоинства знаки имѣть такъ, какъ прежніе гетманы, въ вѣрности своей къ намъ бывшіе, со-

державали, воинскія и гражданскія всякія въ Малой Россіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда нашего блаженныя памяти, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Е. Ц. В., гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Н. И. В. указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему посылаемымъ безъ нарушенія правъ и вольностей стародавнихъ народа Малороссійскаго. А маетностями на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію. Дабы, видя онъ, подданный нашъ гетманъ, къ себѣ сію нашу милость, служилъ Н. И. В. и нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно со всѣмъ подъ правленіемъ его обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ, противъ всѣхъ нашихъ непріятелей во всемъ согласно вышепоименованной присягѣ, которую онъ, гетманъ, при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ. За что наша, Великой Государыни, Н. И. В., милость и призрѣніе и впредь отъ него, подданнаго Нашего отъемлена не будетъ, но наипаче умножится и для объявленія вящшей къ нему, подданному нашему гетману, нашей милости и утвержденія сію грамоту собственною Н. И. В. рукою подписали и нашею государственною печатью утвердить повелѣли.

Дана въ резиденціи нашей С.-Петербургѣ Мая 22-го дня лѣта отъ Р. Хр. 1751, государствованія нашего десятаго года" [1]).

Передъ отъѣздомъ своимъ графъ-гетманъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ докладомъ:

„По всемилостивѣйшему и высочайшему В. И. В. соизволенію отправляюсь я въ Малую Россію и, будучи отселѣ въ такомъ отдаленіи, не уповаю, чтобъ способно мнѣ было въ томъ же порядкѣ академію содержать, въ какомъ она при мнѣ находилась. Заведенный же мною въ академіи порядокъ и непрерывная въ чужестранныхъ государствахъ корреспонденція съ учеными людьми не могутъ ни на малое время остаться безъ главнаго въ академіи командира. Того ради всеподданнѣйше В. И. В. доношу, не соблаговолено ли будетъ въ академію опредѣлить В. И. В. указомъ президента иного; а буде В. И. В. угодно будетъ по прежнему мнѣ-жъ президентомъ остаться, то въ такомъ случаѣ весьма бы полезно было прибавить вице-президента, по изобрѣтенію В. И. В., и жалованіе ему опредѣлить изъ той

---

[1]) Изъ бумагъ С.-Петербургскаго Государственнаго Архива. Грамота эта напечатана у Ригельмана, IV, 15—16, но съ ошибками.

суммы, которая президенту положена, а я, будучи высокомонаршею В. И. В. милостію паче мѣръ моихъ награжденъ, такое президентское достоинство и безъ жалованія нести могу. Оный же вице-президентъ могъ бы въ отстуствіи моемъ всѣ дѣла такъ, какъ и президентъ, равносильно отправлять, а о важнѣйшихъ учрежденіяхъ и дѣлахъ со мною переписку и сношеніе имѣть и такимъ образомъ ущербу казнѣ В. И. В. никакой не будетъ и дѣла академическія съ наилучшимъ успѣхомъ теченіе свое непрерывно возымѣютъ.

„На сіе желаю высочайшей резолюціи В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій“ [1]).

Несмотря на послѣднюю фразу доклада, какъ кажется, высочайшей резолюціи не послѣдовало; во всякомъ случаѣ она была отрицательная, и Шумахеръ по прежнему продолжалъ управлять неограниченно академіею.

Для отправленія гетмана въ Малороссію нанято было сенатомъ 125 подводъ, за которыя заплачено по 3 рубля за каждую; но графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ, чтобы отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Малороссіи на каждомъ почтовомъ стану было приготовлено, какъ это было дѣлано для гетмана Скоропадскаго, по 200 подводъ, съ тѣмъ, чтобы когда графиня Екатерина Ивановна проѣдетъ, то съ каждаго стана двѣ трети подводъ распустить, а треть оставить для него самого [2]). Гетманъ отправился въ Малороссію съ неразлучнымъ спутникомъ своимъ Тепловымъ, со множествомъ экипажей, верховыми лошадьми, съ поварами и музыкантами, съ гайдуками и скороходами, сержантами Измайловскаго полка и даже труппою актёровъ. Тепловъ только-что произведенъ былъ въ коллежскіе совѣтники и по просьбѣ Разумовскихъ, Государыня повелѣла ему быть при гетманѣ въ Малороссіи всегда въ такомъ званіи, въ какомъ гетманъ заблагоразсудитъ и по чину его получать ему довольство отъ гетмана [3]).

Передъ отъѣздомъ графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ „объ отдачи ему той грамоты, которая за подписаніемъ Е. И. В. блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государя Петра Великаго на гетманство Скоропадскому въ 1711 г. дана была и которая донынѣ въ архивѣ коллегіи иностранныхъ дѣлъ хранилась“, но Государыня „соизволила указать, не отдавая ту грамоту, по прежнему въ архивѣ содержать“ [4]). Изъ Москвы Разумовскій вмѣстѣ съ женою продолжалъ путь къ Глухову. „Іюня 18 числа“, сказано было въ Петербургскихъ вѣдомостяхъ, „его ясновельможность г. гетманъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей, 1867, кн. I, смѣсь, стр. 4.
[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 148.
[3]) Тамъ же.
[4]) Архивъ князя Воронцова, VII, 301.

Запорожскихъ, президентъ академіи наукъ, подполковникъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, и кавалеръ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій, въ провожаніи всѣхъ знатнѣйшихъ чиновъ и многаго знатнаго дворянства, отправился отсюда (т.-е. изъ Москвы) въ путь благополучно, причемъ нѣкоторые провожали его ясновельможность до первой станціи Пахры; а 21 числа его ясновельможность прибылъ въ Тулу и отъ знатнѣйшихъ тамошняго города благополучнымъ пріѣздомъ поздравленъ и богато трактованъ" [1]). Въ Ясмани гетмана встрѣтили компанейскіе полки, Запорожцы и депутація, состоявшая изъ архимандрита, протопопа, нѣсколькихъ священниковъ, генеральнаго писаря Безбородки и десяти бунчуковыхъ товарищей. Послѣ ранняго обѣда въ Ясмани, гетманъ поднялся со всею своею свитою и выѣхавшею къ нему на встрѣчу депутаціею. Когда онъ приблизился къ Глухову, то генеральный есаулъ Волкевичъ съ бунчужными товарищами и запорожскими казаками окружили гетманскую карету. Внутри города, отъ Сѣвскаго въѣзда до гетманскаго двора, постановлены были въ два ряда 6000 казаковъ [2]). Они отдавали гетману честь съ музыкою, битьемъ въ литавры и со стрѣльбою, пока не раздалась пальба изъ пушекъ. Генеральные старшины и бунчуковые товарищи ожидали гетмана у городскихъ воротъ. Генеральный есаулъ Якубовичъ привѣтствовалъ его рѣчью. Весь поѣздъ направился сперва къ церкви Св. Николая, гдѣ Гомелевскій архимандритъ произнесъ предику и окропилъ ясновельможнаго святою водою, а оттуда въ гетманскія палаты. Здѣсь снова встрѣтили Разумовскаго генеральные старшины и бунчуковые товарищи; генеральный подскарбій Скоропадскій привѣтствовалъ его рѣчью. Гарнизонный Глуховскій полкъ стоялъ въ парадѣ вокругъ церкви и отдалъ на караулъ со стрѣльбою, а рота, стоявшая на гетманскомъ дворѣ, съ поклоненіемъ знаменъ и барабаннымъ боемъ [3]). На другой день мужчины явились къ гетману, а дамы къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. Приглашены были на обѣдъ всѣ генеральные старшины и полковники [4]). Сейчасъ же по пріѣздѣ гетмана сдѣлано было „повелительное объявленіе", чтобы старшины, полковники, шляхетство и прочія особы и люди всякаго званія собрались въ Глуховъ къ 13 Іюля [5]) для торжественнаго и публичнаго объявленія жалованной грамоты. 13 Іюля, послѣ пробитія утренней зари, по данному сигналу изъ трехъ пушекъ, всѣ Малороссійскіе полки вошли въ городъ пѣшіе

1) Исторія Соловьева, XXIII, 148.
2) Ригельманъ, IV, 13.
3) Записки Марковича, II, 294—295.
4) Тамъ же, II, 295.
5) Ригельманъ и Бан.-Каменскій говорятъ, что церемонія была 14 Іюля. Придерживаемся показанія Марковича-очевидца.

и поставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги отъ гетманскаго дворца до церкви Св. Николая. Гарнизонный полкъ стоялъ около церкви. Когда послѣдовалъ второй сигналъ, генеральные старшины, бунчуковые товарищи и прочіе чины собрались во дворцѣ, откуда по третьему сигналу двинулся народъ. Войсковая музыка, игравшая маршъ, открывала шествіе, за нею шло 60 компанейцевъ и 60 запорожскихъ казаковъ; потомъ два конюха вели коня въ богатомъ уборѣ, на которомъ привѣшены были пожалованныя гетману серебряныя литавры; по сторонамъ шли 6 бунчуковыхъ товарищей; за ними ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи 12 бунчуковыхъ товарищей генеральный бунчужный Оболонскій, державшій гетманскій бунчукъ. Потомъ верхомъ генеральный хорунжій Ханенко съ національнымъ знаменемъ, поддерживаемымъ двумя пѣшими бунчуковыми товарищами; 12 другихъ бунчуковыхъ слѣдовали за Ханенкой; за ними въ богатой каретѣ цугомъ ѣхалъ генеральный писарь Андрей Безбородко, державшій на богатой бархатной подушкѣ войсковую печать; 6 бунчуковыхъ товарищей ѣхали верхами по обѣимъ сторонамъ кареты, за которой шли 6 лакеевъ въ богатыхъ ливреяхъ; далѣе въ открытой богатой коляскѣ, заложенной парою, генеральный подскарбій Скоропадскій держалъ на бархатной богатой подушкѣ гетманскую булаву; по сторонамъ ѣхали верхами опять 6 бунчужныхъ товарищей, а съ обѣихъ сторонъ и позади шли лакеи въ богатыхъ ливреяхъ; потомъ слѣдовалъ въ богатой каретѣ, цугомъ, Григорій Николаевичъ Тепловъ, державшій передъ собою на пребогато-убранной подушкѣ высочайшую жалованную за урядъ гетманскій грамоту; впереди кареты шли два скорохода, по сторонамъ два гайдука, сзади 4 лакея, 12 бунчуковыхъ товарищей ѣхали верхами по сторонамъ. За Тепловымъ въ великолѣпной каретѣ, запряженной въ шесть богато-убранныхъ лошадей, ѣхалъ самъ ясновельможный гетманъ; впереди кареты верхомъ ѣхалъ графскій конюшій Арапинъ, за нимъ бѣжали 4 скорохода и шли 8 лакеевъ, а по сторонамъ кареты 4 гайдука, всѣ въ богатыхъ ливреяхъ; за каретою ѣхали верхами два сержанта лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка. Съ правой стороны кареты ѣхалъ верхомъ генеральный есаулъ Якубовичъ, и 12 человѣкъ бунчуковыхъ товарищей по обѣимъ сторонамъ; 40 запорожскихъ казаковъ и 60 компанейцевъ замыкали шествіе.

Грамота и клейноды были внесены въ церковь и положены на столъ, покрытый богатымъ персидскимъ ковромъ: посреди положили грамоту, по правую сторону булаву, а по лѣвую печать; по бокамъ стола стали генеральный бунчужный Оболонскій съ бунчукомъ и генеральный хорунжій Ханенко съ знаменемъ въ рукахъ. Началась торжественная обѣдня, по окончаніи которой Тепловымъ прочтена была вслухъ „передъ всѣмъ народомъ“ жалованная грамота. За тѣмъ

было благодарственное молебствіе, и при концѣ онаго пушечная пальба изъ города и ружейная ото всѣхъ полковъ. Грамота и клейноды тѣмъ же порядкомъ были отвезены въ гетманскій дворецъ. Тамъ Разумовскій роскошно угостилъ всѣхъ знатнѣйшихъ Малороссіянъ. Во время пира играла инструментальная музыка, а при питіи здоровьевъ гремѣла пушечная пальба. Вечеромъ весь городъ горѣлъ огнями [1]).

Въ Глуховѣ ожидала Разумовскаго старушка-мать и сестры [2]). Здѣсь увидѣла Наталья Демьяновна свою невѣстку, которую знавала въ дѣвицахъ во время пребываній своихъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Графъ Кирила Григорьевичъ всѣми силами старался удержать мать при себѣ, свято чтилъ всѣ ея деревенскіе обычаи и нарочно для нея заказывалъ привычныя ей кушанья. Но и въ Глуховскомъ дворцѣ, какъ нѣкогда во дворцахъ царскихъ, было старушкѣ и тѣсно, и неловко. Наврядъ ли могла она сойтись съ невѣсткою, съ дѣтства привыкшею къ придворному обхожденію и воспитанною въ домѣ надменнаго Александра Львовича Нарышкина, искавшаго себѣ невѣстъ между дочерями владѣтельныхъ Нѣмецкихъ князей. Графиня Наталья Демьяновна, впрочемъ, болѣе года прожила съ сыномъ, но, наконецъ, ей стало не въ силу; она вернулась въ свою Алексѣевщину и мирный Козелецъ [3]). Времени она своего однако въ Глуховѣ не теряла понапрасну и, какъ мы увидимъ далѣе, успѣла, благодаря вліянію своему на сына, значительно округлить состояніе дочерей своихъ. Въ Козельцѣ Наталья Демьяновна начала строить въ 1752 году, съ благословенія Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго, въ честь святыхъ Захарія и Елизаветы (тезоименитой благодѣтельницы семейства ея), каменный двухъ-ярусный соборъ. При соборѣ воздвигла она и каменную колокольню, по образцу той, которая находится въ Кіево-печерской лаврѣ [4]). Окончанія храма не довелось уже видѣть Натальѣ Демьяновнѣ. Какъ видно по антиминсамъ, нижній храмъ съ придѣломъ во имя Адріана и Наталіи былъ освященъ въ 1763, т.-е. черезъ годъ послѣ ея кончины. Что же касается до верхняго собора, онъ освященъ былъ въ 1773 году Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ, и то колокольня въ это время была еще крыта соломою. Только лѣтъ 20 тому назадъ, Захаро-Елизаветинскій соборъ былъ окончательно оштукатуренъ и отдѣланъ.

Глуховскій дворъ былъ миніатюрною копіею со двора Петербургскаго. Графъ-гетманъ въ Глуховѣ зажилъ царькомъ. Въ универса-

---

[1]) Бант.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 199 — 202, и Ригельманъ, IV 13—17.

[2]) Записки Марковича, II, 295.

[3]) Тамъ же, II, 310.

[4]) Щекатовъ, Словарь географическій, III, 643.

лахъ своихъ онъ употреблялъ старинную формулу: „Мы, напимъ, намъ, того ради приказуемъ; данъ въ Глуховѣ и т. под.“ [1]). При немъ находилась, въ родѣ тѣлохранителей, большая конная команда, подъ названіемъ „команды у надворной корогвы“ или гетманскаго знамени. Новый гетманъ облекъ этихъ тѣлохранителей, занимавшихъ караулы при его дворцѣ, въ зеленые гусарскіе мундиры [2]). Во дворцѣ былъ цѣлый придворный штатъ: капелянъ Юзефовичъ [3]), придворный капельмейстеръ, Новгородскій сотникъ, Рачинскій [4]), конюшій Арапинъ и проч. При дворѣ гетманскомъ находились казаки „бобровники“, стрѣльцы и пташники, обязанностію которыхъ было ловить на гетмана бобровъ и стрѣлять всякую птицу къ столу его [5]). На торжественные дни и семейные праздники гетманскіе, бывали выходы въ Николаевскую и придворную гетманскую церкви и молебны съ пушечною пальбою. Во дворцѣ гетманскомъ давались банкеты съ инструментальной музыкой, балы, и бывала даже французская комедія. Первую комедію давали въ новомъ гетманскомъ дворцѣ, она называлась: La foire de Hizim [6]). Однимъ словомъ, вся придворная Петербургская жизнь въ сокращенномъ видѣ повторялась въ Глуховѣ. Разумѣется, при такой новой обстановкѣ прежній гетманскій дворецъ уже не могъ удовлетворять потребностямъ новоизбраннаго ясновельможнаго. Сейчасъ же послѣ его утвержденія стали спѣшить постройкою новаго дворца, что вѣроятно было также одною изъ причинъ медленія Разумовскаго въ Петербургѣ. Однако дворецъ не могъ быть, не смотря на это, готовъ къ пріѣзду гетмана и только въ Октябрѣ 1751 года онъ перешелъ въ него [7]). Г. Н. Тепловъ сдѣлался правителемъ гетманской канцеляріи и въ то же время политическимъ директоромъ, инспекторомъ, администраторомъ и менторомъ ясновельможнаго [8]).

Вскорѣ послѣ прибытія графа Кирилы Григорьевича въ Глуховъ, явился туда преосвященный Тимоѳей, митрополитъ Кіевскій. Какъ видно изъ записокъ Марковича, гетманъ его принялъ весьма холодно, такъ какъ владыка опоздалъ не только ко въѣзду, но даже и къ церемоніи гетманскаго установленія [9]). За то радушно приняла его старушка Наталья Демьяновна, у которой преосвященный и кушалъ

[1]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, примѣчаніе къ стр. 88.
[2]) Тамъ же, III, 234.
[3]) Зап. Марковича, II, 357.
[4]) Тамъ же, II, 387.
[5]) Бант.-Кам., Ист. М. Россія, III, 232.
[6]) Зап. Марковича, II, 300.
[7]) Тамъ же, II, 299.
[8]) „Русская Старина“, III, 594.
[9]) Зап. Марковича, II, 296.

въ самый день своего пріѣзда [1]). Вѣроятно, чтобы загладить первое впечатлѣніе, митрополитъ поспѣшилъ разослать по своей епархіи тѣ указы, которые мы привели выше. Впрочемъ, неудовольствіе гетмана не долго продолжалось: дня четыре послѣ своего пріѣзда, митрополитъ и пять архимандритовъ кушаютъ у Разумовскаго „до поздна" при пальбѣ пушекъ [2]).

Бразды правленія взялъ въ руки Г. Н. Тепловъ. Уже въ Петербургѣ сталъ онъ усидчиво заниматься дѣлами Малороссіи и пріѣхалъ въ Глуховъ вполнѣ ознакомленный съ краемъ. По его выбору въ генеральную канцелярію назначены были: Скоропадскій, Оболонскій, Турковскій, Тарновскій и Боровикъ [3]). Родственникъ гетмана, Семенъ Васильевичъ Кочубей, опредѣленъ обознымъ генеральнымъ [4]). Устроившись и обжившись нѣсколько въ Глуховѣ, графъ Кирила Григорьевичъ отъ 12 Октября 1751 года обратился къ Государынѣ съ слѣдующимъ письмомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, Великая Государыня Елисаветъ Петровна, Императрица и Самодержица Всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

„Государственная иностранныхъ дѣлъ коллегія присланными В. И. В. ко мнѣ двумя грамотами требуетъ: дабы я оставшіяся въ Почепской волости, отданной мнѣ по высочайшей В. И. В. милости на гетманскій урядъ, парусныя полотна, коихъ явилось при пріемѣ за меня той маетности 3308 кусковъ, возвратилъ для продажи въ Комерцъ-коллегію, почитая оныя парусныя полотна непринадлежащими мнѣ, ибо оныя до отдачи той Почеповской волости мнѣ ассигнованы были къ вывозу оттуда. И хотя я въ ту иностранныхъ дѣлъ Коллегію пространно писалъ, прося, дабы оныхъ парусныхъ полотенъ, въ силу высочайшаго В. И. В. именнаго указа, объ отдачѣ мнѣ гетманскихъ маетностей со всѣми въ нихъ наличностями, не отбирано было отъ меня; но о семъ же принялъ смѣлость всевысочайшему В. И. В. лицу всеподданнѣйшее мое представить прошеніе.

„По высочайшему В. И. В. именному всемилостивѣйшему указу отданныя мнѣ на урядъ гетманскій маетности явились весьма опустошены, и подданныхъ въ тѣхъ маетностяхъ, противъ прежнихъ временъ, многимъ числомъ умножилось, а изъ наличностей въ оныхъ пришло мнѣ самое малое число, какъ готовыхъ денегъ, такъ и хлѣба, вина и прочихъ запасовъ; къ тому же изъ маетностей, и за прежними гетманами бывшихъ, многія отошли за другихъ владѣльцевъ и нынѣ

[1]) Тамъ же, II, 296.
[2]) Зап. Марковича, II, 297.
[3]) Тамъ же, II, 298.
[4]) Тамъ же, II, 299.

состоять. А здѣсь какъ на устроеніе пристойнаго въ Глуховѣ гетманскаго дома, такъ паче на построеніе въ Батуринѣ церквей Божіихъ, гетманскаго дома и прочихъ публичныхъ апартаментовъ, довольной суммы потребно; на то какъ скарбу національнаго, такъ и на собственное содержаніе мое всемилостивѣйше пожалованныхъ доходовъ крайне недостаточно. Того ради В. И. В. всенижайше прошу, тѣ парусныя полотна въ гетманской Почеповской волости коштомъ Малороссійскимъ и людьми выдѣланныя и нынѣ на лицо тамъ имѣющіяся и мною съ прочими наличностями принятыя, оставить такъ же къ моему употребленію всемилостивѣйше пожаловать указомъ.

„В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій [1]).

„1751 года, Октября 12 дня въ Глуховѣ".

Въ то же самое время новый гетманъ отдавалъ слѣдующій ордеръ зятю своему, бунчуковому товарищу „Евфиму" Дарагану:

„Понеже высочайшею Е. И. В. грамотою, нами сего Ноября 23 полученною, всемилостивѣйше повелѣно, на мѣсто умершаго архимандрита Кіевско-Печерской лавры Іосифа Оранскаго, выбрать кандидатовъ достойныхъ того сана мужей трехъ или болѣе изъ монаховъ въ Печерской и въ иныхъ тамошнихъ Кіевскихъ обителяхъ находящихся, или изъ такихъ, которые оттуда отбыли и обрѣтаются гдѣ въ Великороссійскихъ монастыряхъ, по древнему обычаю соборнѣ, въ присутствіи преосвященнаго Тимоѳея, архіепископа-митрополита Кіевскаго и при присланныхъ отъ насъ, вольною элекціею; и по избраніи для высочайшаго благоусмотрѣнія и конфирмаціи, кому изъ тѣхъ кандидатовъ архимандритомъ быть, прислать къ Е. И. В. за руками всѣхъ будущихъ на той элекціи съ засвидѣтельствованіемъ о достоинствѣ къ той архимандріи оныхъ кандидатовъ выборъ. Того ради для бытія въ присутствіи съ его преосвященствомъ господиномъ архіепископомъ-митрополитомъ Кіевскимъ отцомъ Тимоѳеемъ и съ прочимъ имѣющимъ тамъ быть духовенствомъ при элекціи кандидатовъ въ архимандриты Кіево-печерскія лавры, опредѣлены отъ насъ генеральный бунчужный господинъ Оболонскій да вы. И о томъ къ отцу намѣстнику съ братіею той лавры отверстый вамъ дается нашъ универсалъ, и съ которымъ вы должны ѣхавъ въ показанную Кіевопечерскую лавру, имѣете быть у того присутствія. И кто обще всѣмъ тѣмъ собраніемъ въ кандидаты избраны будутъ, на оныхъ выборахъ и вы подписаться имѣете, и чтобъ за подписомъ всего собранія учиненные выборы присланы были къ намъ чрезъ васъ по прежнему обыкновенію, для взнесенія къ Е. И. В. при нашемъ представленіи. О томъ вы его пре-

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

освященству и прочему тому собранію духовному объявить имѣете. 1751 года Ноября 27 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій [1])".

Веселъ показался жителямъ Глухова 1751—52 годъ. У гетмана балъ смѣнялся комедіею, комедія банкетомъ. На семейныхъ праздникахъ гетманскихъ вино лилось рѣкою. Какъ маленькій властелинъ, давалъ онъ аудіенціи старшинамъ послѣ богослуженія въ придворной церкви, вручалъ торжественно пернач полковому судьѣ миргородскому Остроградскому, котораго производилъ въ полковники [2]) и на пріемахъ у себя поздравлялъ кого съ повышеніемъ, кого съ наградою. Замашки эти стали однако заходить слишкомъ далеко и изъ Петербурга спѣшили умѣрить пылъ ясновельможнаго. Мы уже упомянули, что Наталья Демьяновна времени своего въ Глуховѣ не теряла. Вся родня Разумовскихъ заняла видное положеніе на Украйнѣ. Мѣстная аристократія поспѣшила вступить съ нею въ тѣсныя отношенія посредствомъ браковъ. Журманы, Жоравки, Кочубеи, а впослѣдствіи Валькевичи, Апостолы и Галаганы сроднились съ Разумовскими. Но такое родство съ Малороссійскою шляхтою уже не удовлетворяло Наталью Демьяновну, она хотѣла, чтобы дочери ея положеніемъ своимъ окончательно затмили малороссійскихъ паннъ и безпрестанно приставала къ сыну съ требованіемъ новыхъ для нихъ маетностей. Графъ Кирила Григорьевичъ сталъ раздавать имъ сотенные городки, которые до того всегда были свободны. Вотъ универсалы, въ силу которыхъ Дараганы и Будлянскіе получили огромныя помѣстья:

„Е. И. В. Малыя Россіи и обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ, дѣйствительный камергеръ, Имп. Санктпетербургской академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ и обоихъ россійскихъ Императорскихъ орденовъ святыхъ Апостола Андрея и Александра Невскаго, такожъ польскаго Бѣлаго Орла и голштинскаго св. Анны кавалеръ, Россійской Имперіи графъ Кирила Разумовскій.

„Объявляемъ симъ нашимъ универсаломъ [3]) господамъ генеральной Малороссійской старшинѣ, полковникамъ, бунчуковымъ и войсковымъ товарищамъ, полковымъ старшинамъ, сотникамъ съ ихъ урядами, а особливо полковнику Переяславскому съ полковою старшиною и сотниковъ того полку Бориспольскому съ сотенною старшиною и кому вѣдать надлежитъ. Имѣя мы респектъ къ сестрѣ нашей Вѣрѣ Григоріевнѣ и мужу ея бунчуковому товарищу „Евфиму" Дарагану, который, обрѣтаяся въ службѣ Е. И. В. въ войскѣ Малороссійскомъ,

[1]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[2]) Зап. Марковича, II, 301.

[3]) Мы не сохраняемъ правописанія подлинника, преисполненнаго украинизмами. Универсалъ пишется постоянно „унѣверсалъ" и т. п.

противъ прочихъ равныхъ ему чиновниковъ къ содержанію фамиліи своей и исправленію себя къ должной службѣ имѣетъ недостатокъ. По данной намъ отъ Е. И. В. власти надаемъ оной сестрѣ нашей Вѣрѣ Григорьевнѣ съ мужемъ ея для лучшаго имъ содержанія дому своего и исправленія себя, оному ея мужу, бунчуковому товарищу Евфиму Дарагану, къ войсковой службѣ въ полку Переяславскомъ мѣстечко Борисполь со всѣми въ томъ мѣстечкѣ жительствующими свободными посполитыми людьми и съ принадлежащими къ нему грунтами, плецами посполитскими [1]) и угодьями и всѣми принадлежностями въ вѣчное имъ и наслѣдникамъ ихъ владѣніе (кромѣ живущихъ въ томъ мѣстечкѣ казаковъ и ихъ казачихъ грунтовъ и угодій, кои при своихъ вольностяхъ и владѣніяхъ ненарушимо содержаны быть должны), и симъ нашимъ универсаломъ, утверждая въ вѣчное, спокойное и неподвижное имъ владѣніе то мѣстечко Борисполь со всѣми къ нему принадлежностями, грунтами и угодьями, повелѣваемъ, дабы тѣхъ посполитыхъ людей войты со всѣмъ посполитствомъ имъ, сестрѣ нашей съ мужемъ ея и наслѣдникамъ ихъ, были послушны и подданническія должности и повинности отправляли; а полковникъ Переяславскій, старшина, полковые сотники и никто отнюдь въ томъ владѣніи никакого помѣшательства чинить да не дерзаютъ. И за объявленіемъ въ полковой Переяславской канцеляріи сего нашего универсала того мѣстечка Борисполя со всѣми посполитыми людьми и принадлежностями отдачу учинить отъ оной полковой Переяславской канцеляріи чрезъ нарочнаго старшину. Въ укрѣпленіе всего того сей нашъ универсалъ за подписомъ нашимъ и печатью національною Малороссійскою данъ въ Глуховѣ, 1752 года, Января 17 дня. Гетманъ графъ К. Разумовскій". L. S. [2]).

Въ другомъ универсалѣ того же года мы читаемъ: „имѣя мы респектъ къ сестрѣ нашей Агафьѣ Григорьевнѣ и мужу ея бунчуковому товарищу Власу Климовичу, который обрѣтаясь въ службѣ Е. И. В. въ войскѣ Малороссійскомъ, противъ прочихъ равныхъ ему чиновниковъ къ содержанію фамиліи своей имѣетъ недостатокъ... надаемъ оной сестрѣ нашей съ мужемъ ея, для лучшаго имъ содержанія дому своего и исправленія себѣ оному ея мужу, бунчуковому товарищу Власу Климовичу, къ войсковой службѣ, въ полку Прилуцкомъ въ мѣстечкѣ Срѣбномъ остальные за раздачею Грузинамъ [3]) дворы жительствующихъ посполитыхъ людей свободныхъ войсковыхъ

---

[1]) Общественными площадями.

[2]) Изъ архива Г. П. Галагана.

[3]) При Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, много имѣній малороссійскихъ было роздано Грузинскимъ выходцамъ, потомки которыхъ частію и теперь владѣютъ ими — таковы князья Баратовы, Жеваховы и другіе.

и полку Нѣжинскаго мѣстечко Олишевку и съ принадлежащими къ нимъ грунтами пустовскими, плецами посполитскими и угодьями, въ вѣчное ихъ и наслѣдникамъ ихъ владѣніе и т. д. [1]).

Бориспольцы протестовали противъ своего закабаленія, но управляющій Дарагана захватилъ всѣ документы и другіе городскіе знаки и увезъ къ Дарагану на Мартусевскій хуторъ [2]). Бориспольцы дѣло свое проиграли, но слухъ о немъ дошелъ до Петербурга. Разумовскій кромѣ этого отпустилъ на Голштинскую службу къ Великому Князю,

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ родовъ Черниговской губерніи, выпускъ I, Черниговъ, 1868, стр. 111.

[2]) Сообщено Г. П. Галаганомъ. Борисполь, или Борисово поле,—мѣстечко и почтовая станція Полтавской губерніи Переяславскаго уѣзда, при верховьѣ Альты, на дорогѣ изъ Кіева въ Переяславъ, отъ перваго въ 40 верстахъ. Названіе свое получило отъ того, что при находящейся въ немъ церкви Св. Николая стояло тѣло убіеннаго святого князя Бориса. Въ немъ 4 церкви, и около 6,000 жителей. По имени его коадъюторы (т.-е. викаріи) кіевской митрополіи до 1799 назывались епископами переяславскими и бориспольскими. (Геогр. словарь Щекатова, I, 531 и Энцикл. лексиконъ Плюшара, VI, 344). Въ 1767 году малороссійская коллегія слушала предложеніе графа П. А. Румянцева о тѣхъ городахъ, изъ которыхъ за малымъ числомъ жителей графъ не назначилъ выбора депутатовъ въ коммиссію для сочиненія проекта новаго уложенія. Вмѣсто выбора, для нихъ обременительнаго, Румянцевъ предлагалъ, чтобы жители такихъ незначительныхъ городковъ отозвались къ нему прямо о своихъ нуждахъ и желаніяхъ, „черезъ что самое", какъ значилось въ его предложеніи, „возьмутъ они участіе съ прочими гражданами". Этимъ воспользовались Бориспольцы и писали 4 іюня въ Малороссійскую коллегію: „Онъ полковникъ (Дараганъ) за жизни еще своей (онъ умеръ въ 1762 г.) ратушъ въ футоръ (sic) Мартусевскій свой понеслъ, а зерцало и орла, такожъ мѣдное ратушное ведро и кварту въ маетность свою село Глибокое велѣлъ взять; печать же мѣстная Бориспольская и поднесь въ сотенномъ Бориспольскомъ правленіи имѣется, такожъ и протоколъ ратушный у сотника Бориспольскаго Максима Афендика находится... Цѣховымъ людямъ яко то шевскаго цѣху, кромѣ панщины, на каждаго положена чиичь по два и по три рубля; а на всякій годъ накидаютъ на цѣхъ болѣе ста сырыхъ кожъ, которыхъ мы немогучи вычинить, принуждены кіевскимъ кожемщикамъ (sic) давать и за чинбу своими деньгами платить, по выдѣланіи-жъ шіемъ чоботы, которые развѣ только 25 копѣекъ достойны, а намъ по 40 копѣекъ накидаютъ. Когда жъ съ Козельца въ Борисполь пріѣдетъ ея полковницы (т.-е. Вѣры Григорьевны Дараганъ) стряпчій-шафаръ и счетчикъ, то недовольно что самимъ съ своею ремню чоботы дилаемъ безденежно, но и ихъ наймитамъ, мамкамъ, нянькамъ и служебкамъ приказываютъ шить безъ заплаты... Имѣючіе же тягло ратушные люди всякаго дни на панщинѣ бываемъ и буди въ якомъ дворѣ двѣ или три хаты стоятъ, то вдругъ безъ очереди на работу гонятъ, и на всякій годъ чинимъ оплачуемъ предъ святками рождественскими и воскресенскими отъ каждой хаты по курицѣ и яицъ по десяти; выбираютъ особо по пѣвню на каплуны и отъ пѣвня по денежкѣ, по два мотка отъ хаты прядемъ, на которые только по двѣ смѣны конопель даютъ, а мотовило десяти-пудовое. Хмѣлю по вязцѣ, червцу по ложцѣ взимаютъ, а если хмѣлю и червцу яко въ Борисполю не родится, у кого то за хмѣль по 5 коп., а за червецъ по 8 коп. взыскиваютъ". (Изъ архива Г. П. Галагана). Просьба Бориспольцевъ оставлена была безъ послѣдствій.

безъ разрѣшенія Государыни двухъ братьевъ Скоропадскихъ, — самъ назначалъ полковниковъ и произвольно распоряжался на Почепской фабрикѣ; за это ему выговаривалъ, какъ увидимъ далѣе, великій канцлеръ, и, кромѣ того, дѣйствія его были осуждены лично Государынею. 16 Марта 1754 г. въ Москвѣ, въ присутствіи канцлера и вице-канцлера Императрицѣ докладываемо было о разныхъ Малороссійскихъ дѣлахъ и она высочайше повелѣла:

„1. Полковниковъ Малороссійскихъ гетману собою безъ указу впредь производить запретить, а велѣть ему, выбирая кандидатовъ, доносить объ нихъ Е. И. В., по прежнему обыкновенію и какъ то при государствованіи Е. В. блаженныя и высокославныя памяти Гос. Имп. Петра Великаго бывало.

„2. Вышеупомянутыя на Почепской фабрикѣ сдѣланныя полотна взять у гетмана обратно въ казну.

„3. Понеже не безызвѣстно Е. И. В., что гетманъ цѣлые города, также и деревни, въ вѣчное и потомственное владѣніе собою, безъ указу раздаетъ, а владѣльцы при томъ и у служилыхъ казаковъ принадлежащіе имъ грунты отнимаютъ, отчего казаковъ передъ прежнимъ весьма умалилось, и что продаютъ и вывозятъ изъ Малой Россіи черезъ Польшу въ Кенигсбергъ маштовые товары, смальчючъ, поташъ и другіе запрещенные товары, которыхъ по указамъ кромѣ Россійскихъ портовъ никуда отвозить не велѣно, и что откупщики индукты не токмо съ привозныхъ изъ-за границы и съ отвозныхъ за границу товаровъ, но и внутри Малой Россіи съ обывателей, что бы ни случилось имъ между собою, и хотя малое что съѣстное продать, со всего пошлину сбираютъ, чего въ прежнія времена не бывало, и такихъ сборовъ они для своей прибыли столько умножаютъ, что обывателямъ Малороссійскимъ несносно, и оттого уже нѣсколько тысячъ ихъ въ Польшу на житіе перешло; а буде такіе еще налоги продолжатся, то со временемъ и вся Малая Россія, къ немалому вреду и убытку здѣшней Имперіи, разориться можетъ: того ради Е. И. В. высочайше соизволяетъ, для лучшаго смотрѣнія и пресѣченія всѣхъ таких непорядковъ, опредѣлить при гетманѣ министромъ изъ генералитета, съ вѣдома и совѣту котораго-бъ гетманъ во всѣхъ тамошнихъ дѣлахъ поступалъ по прежнему, какъ то при государствованіи Е. В. Гос. Имп. Петра Великаго и при гетманѣ Скоропадскомъ было.

„4. При семъ случаѣ всенижайше донесено, что о министрѣ, быть ли оному при гетманѣ, давно уже изготовленъ докладъ отъ коллегіи, но времени не было о томъ Е. И. В. доложить; и что въ томъ же докладѣ на высочайшее соизволеніе представляется: имѣть ли гетману заграничную корреспонденцію съ сосѣдними областьми, а прежнимъ гетманамъ полной власти къ тому не было, токмо нынѣшній гетманъ

въ обиду себѣ поставляетъ, что Кіевскій губернаторъ сію корреспонденцію имѣетъ, а ему, гетману, на то не позволяется. И Е. И. В. соизволили указать поступать въ томъ по прежнему, какъ при гетманѣ Скоропадскомъ было“ [1]).

Мы зашли немного впередъ, дабы указать, что изъ Петербурга за гетманомъ слѣдили зорко и что въ виды правительства вовсе не входили черезъ-чуръ самостоятельныя дѣйствія графа Кирилы Григорьевича.

Несмотря на всю любовь свою къ матери, молодой гетманъ не всегда слѣпо подчинялся вліянію ея. Власъ Климовичъ alias Будлянскій, получившій отъ щедротъ Государыни въ 1746 г. село Ольшаное въ Прилуцкомъ полку и маетности отъ зятя, поселился въ селѣ Чемерѣ и началъ тамъ скупать дворы и грунты. Оказалось, что Чемеръ былъ съ давнихъ поръ маетностію „на чинъ Кіевскаго полкового писарства“ и то всѣ Кіевскіе писаря постоянно селомъ тѣмъ владѣли и принадлежащими къ нему угодьями „корыстовались“. Будлянскій, поселившись въ Чемерѣ, въ домѣ, купленномъ имъ съ грунтомъ у Евфросиніи Лягуровой, сталъ оттягивать подъ свое владѣніе посполитыхъ людей, частію подъ тѣмъ предлогомъ что они его родственники, а частію подъ видомъ купли. Такимъ образомъ онъ отнялъ 25 дворовъ съ грунтами у кіевскаго полкового писаря Борсука. Борсукъ неразъ утруждалъ словесно и письменно какъ Г. „Уласа“ Климовича, такъ и графиню Наталью Демьяновну, о возвращеніи отнятаго, но вмѣсто отвѣта Будлянскій сталъ употреблять „на разніе свои работизни“ и остальныхъ крестьянъ Борсука. Писарь обратился къ Разумовскому. Кирила Григорьевичъ поручилъ бунчуковымъ товарищамъ Лазаревичу и Романовичу произвести по жалобѣ Борсука слѣдствіе. Въ концѣ 1752 г. слѣдователи донесли гетману что Борсукъ правъ, но что Будлянскій имъ объявилъ, что онъ крестьянъ своихъ не отдастъ и поѣдетъ жаловаться его ясновельможности. Сами крестьяне громко заявляли что они не хотятъ быть въ подданствѣ у Борсука, „чиня при томъ дерзновеніе, крики и шумы“: Будлянскій воспользовался отъѣздомъ Разумовскаго въ Москву и въ свою очередь жаловался на слѣдователей генеральной канцеляріи. При этомъ онъ представилъ письмо отъ Натальи Демьяновны на имя присутствующихъ въ генеральной канцеляріи членовъ, слѣдующаго содержанія:

„Дочь моя Агафія Григорьевна, прибывши ко мнѣ, представила, что по производимому въ с. Чемерѣ бунчуковыми товарищами Лазаревичемъ и Романовичемъ слѣдствію, за купленные нами (sic) въ Чемерѣ разнаго званія люди (sic), за силу полученнаго тѣми слѣдова-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII, 338—339.

телями зъ войсковой генеральной канцеляріи ордера, за писаря полкового кіевскаго Борсука отобрать съ командою велѣно, черезъ что ежели они слѣдователи таковое учинятъ исполненіе, за крайнее можно признать неспокойство. И для того вашимъ высокородіямъ пріятно рекомендую, пока отъ его ясновельможности, дражайшаго сына моего по письму моему къ нему посланному, будетъ какая резолюція, о неотказѣ въ Чемерѣ дворовъ за писаря Борсука, ордеромъ къ нимъ слѣдователямъ бунчуковымъ товарищамъ Лазаревичу и Романовичу, предложить, за что и вашимъ высокородіямъ за таковую благосклонность благодарить имѣю, въ которомъ я уповании и пребываю вашихъ высокородій доброжелательная графиня Наталія Разумовская. Января 13 дня 1753 года. Лемеши". Письмо было сочинено какимъ-нибудь грамотѣемъ, проживавшимъ при Натальѣ Демьяновнѣ „ради кореспонденціи", такъ какъ она сама была неграмотна. Будлянскій былъ тоже неграмотенъ и подлинники разныхъ его отзывовъ по этому дѣлу подписаны различными почерками. Генеральная канцелярія потребовала отъ Будлянскаго доказательства неправильности слѣдствія, тотъ отвѣчалъ новымъ прошеніемъ отъ имени тёщи и тогда дѣло было представлено на резолюцію гетману, причемъ канцелярія рѣшительно высказалась въ пользу Борсука. Разумовскій, находившійся въ то время въ столицѣ, отвѣчалъ универсаломъ, „который", по выраженію г. Лазаревскаго, „представляетъ собою не маловажное свидѣтельство его безпристрастія". Будлянскому было предписано дворы и грунты отдать безденежно Борсуку и ежели онъ купилъ въ Чемерѣ у стороннихъ владѣльцевъ дворы и грунты ранговаго владѣнія, то и тѣ отъ него отобрать [1]).

18 Апрѣля 1751 года къ гетману съ капитаномъ-поручикомъ, лейбъ-компаніи вице-капраломъ Василіемъ Суворовымъ, отцомъ знаменитаго князя Италійскаго, прислана была графу Кирилѣ Григорьевичу андреевская лента. Разумовскій спѣшилъ благодарить Государыню слѣдующимъ письмомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая Великая Государыня Елизаветъ Петровна, Самодержица Всероссійская, Государыня всемилостивѣйшая.

„При изъявленіи столь многочисленныхъ высокомонаршихъ и высокоматернихъ ко мнѣ всеподданнѣйшему милосердій, благоугодно нынѣ явилось В. И. В. всемилостивѣйше украсить меня еще орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго.

Сіе безприкладное великодушіе вкореняетъ столь глубокое въ сердцѣ моемъ благоговѣніе къ В. И. В. яко къ Помазанницѣ Божіей, что я,

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговской губерніи, вып. I, стр. 104—111.

единственно монаршею вашею милостью безъ всякихъ заслугъ возвышенный, не иначе приступаю какъ рабъ недостойный къ престолу вашему, почитая таковыя щедроты за верхъ всего моего въ жизни временной благополучія. Повергши же себя предъ стопы ваши высокомонаршія и не имѣя достойныхъ словъ принести В. И. В. мое всеподданнѣйшее благодареніе, Богу единому хвалу воздаю и Его молю отъ глубочайшаго моего сердца о укрѣпленіи державы В. И. В. и о всецѣломъ здравіи освященныя Вашея Особы, полагая, до послѣдняго пролитія крови, животъ мой за все то, что̀ либо потребно къ соблюденію долгоденственнаго и мирнаго вашего государствованія, въ чемъ мнѣ Господь да поможетъ, всегда несумнѣнную надежду и моленіе имѣю со всѣмъ моимъ домомъ.

„Съ такимъ всеискреннѣйшимъ усердіемъ молебствіе Богу нынѣ соборнымъ и торжественнымъ пѣніемъ совершилъ и есмь со всѣмъ моимъ потомствомъ по конецъ живота моего, державнѣйшая Императрица, Вашего Всепресвѣтлѣйшаго Величества всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

„Въ Глуховѣ. Апрѣля 22, 1752 году“ [1]).

19 Апрѣля въ Глуховѣ было торжество „ради привезенной кавалеріи“. Торжество это продолжалось до 25 числа, подъ которымъ Марковичъ снова замѣчаетъ: „торжество было, обѣдали въ гетманскомъ дворцѣ; ввечеру былъ балъ и фейерверкъ“ [2]). Въ началѣ Мая гетманъ, сопровождаемый Тепловымъ, генеральнымъ писаремъ Безбородкою, генеральнымъ есауломъ Якубовичемъ и 10 бунчуковыми товарищами, отправился осматривать Малороссійскіе полки. Онъ сперва посѣтилъ Батуринъ, потомъ Стародубъ и Черниговъ, а оттуда проѣхалъ въ степные полки и Кіевъ. Въ гетманское отсутствіе дѣлами правили Скоропадскій, Волкевичъ и Ханенко. Оболонскому была поручена экспедиція строеній. Путешествіе продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ [3]). Гетмана вездѣ встрѣчали съ радостью, вездѣ устроены были пышные пріемы; вся Малороссія ликовала. Одинъ только случай, породившій толки въ народѣ, смутилъ Малороссовъ. Гетманъ въ Черниговѣ объѣзжалъ городскія укрѣпленія; за нимъ слѣдовали многочисленная свита его и всѣ чины Черниговскаго полка; онъ подъѣхалъ къ главному бастіону у церкви Св. Екатерины; вдругъ вихрь сорвалъ съ него андреевскую ленту. Тепловъ, ѣхавшій за нимъ, успѣлъ ее подхватить и хотѣлъ ее снова надѣть; но гетманъ взялъ у него ленту, свернулъ и положилъ въ

---

[1]) Изъ бумагъ Госуд. архива.
[2]) Записки Марковича, II, 304.
[3]) Ригельманъ, IV, 17.

карманъ. Ропотъ въ народѣ и толки дошли до старухи Натальи Демьяновны; она уговаривала сына удалить Теплова, предсказывая ему неизбѣжныя несчастія, ежели онъ будетъ слѣдовать совѣтамъ своего любимца. Гетманъ однако не послушался матери [1]).

Во время этого путешествія, гетману попалось въ руки пасквильное письмо, доказывающее, что избраніе его было не вполнѣ единогласное и что по Украйнѣ водились недовольные. Разумовскій донесъ о томъ Государынѣ слѣдующимъ рапортомъ, писанномъ изъ имѣнія матери:

„Всепресвѣтлѣйшая и пр.

„Прошлаго Мая 15 дня, когда я пріѣхалъ изъ Батурина въ селю Кунашевку при городѣ Борзнѣ [2]), подано мнѣ письмо писаремъ моимъ генеральнымъ Безбородькою (sic), о которомъ онъ, писарь, мнѣ объявилъ, что сіе-де письмо къ нему прислано отъ Полтавскаго полковника Горленка, съ тѣмъ увѣдомленіемъ, что въ полковой Полтавской канцеляріи подано нѣкоторымъ казакомъ подъ неизвѣстною печатью съ надписаніемъ таковымъ: *Промеморія въ Полтавскую полковую канцелярію, везти до города Полтавы немедленно, отъ Изюмской полковой канцеляріи*, и когда-де оный пакетъ распечатанъ былъ, тоде въ немъ промеморіи никакой не явилося, а найдено сіе письмо, на которомъ подписано имя мое и чины, яко бы оное письмо ко мнѣ было писано, а фамиліи не упомянуто.

„Принявши я вышепомянутое письмо, распечаталъ самъ и въ немъ нашелъ еще пакетъ бѣлый, припечатанный, только безъ печати, а въ томъ пакетѣ нашлась скверная бумажка, притворною и фальшивою рукою написанная, которая заключаетъ въ себѣ открытую брань, поносными и язвительными словами, матери нашей, брату моему графу Алексѣю Григорьевичу и мнѣ собственно. Все же оное такъ сочинено отъ дерзновеннаго нѣкотораго злодѣя, что хотя уязвляетъ нашу честь, властію и милосердіемъ В. И. В. намъ пожалованную, но, по моему скудному разсужденію, наипаче оскорбляетъ самодержавную власть, которую В. И. В., яко истинная наша Монархиня и Помазанница на землѣ Божія, единственно отъ Бога пріемлете.

„Таковое я усмотрѣвши дерзновеніе и злодѣйство, не пропустилъ того же часа, дабы слѣды не затерялися, по которымъ оное скверное письмо дошло до меня, послать нарочнаго съ секретною моею инструкціею къ полковнику Полтавскому Горленкѣ въ Полтаву, а оттуда, слѣдуя по запискамъ почтовымъ, приказалъ обоимъ слѣдовать далѣ. Вчерашняго же числа, какъ полковникъ Горленко, такъ и по-

[1]) Маркевичъ, Исторія Малороссіи, II, 642—643 и Бант.-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣчаніе къ стр. 71 и 72.

[2]) С. Кунашевка принадлежитъ нынѣ М. Н. Кочубею.

сланный нарочный, возвратясь, подали мнѣ рапортъ письменно, что по точнымъ ихъ свидѣтельствамъ является, яко сей пакетъ вышелъ изъ Билевской крѣпости, что на линіи, а отъ кого точно, того имъ собою найти было невозможно. И яко поискъ такого злодѣя государственнаго, который, забывъ страхъ Божій, оскорбляетъ власть и волю Монаршую, требуетъ особливой наижесточайшей строгости, то оная безъ особливаго и высочайшаго повелѣнія В. И. В. произведена въ дѣйство быть не можетъ. Того ради, падъ предъ стопы высокомонаршіе, всеподданнѣйше прошу В. И. В. всемилостивѣйше повелѣть учинить слѣдствіе неослабное, дабы доискаться и искоренить такого отважнаго злодѣя, а притомъ и насъ, всеподданнѣйшихъ рабовъ вашихъ, защитить отъ поношенія. Вышепомянутый же пасквиль подлинный и съ тѣми пакетами, въ которыхъ онъ запечатанъ, при семъ подъ особливымъ конвертомъ прилагаю, который, яко мерзкая бумажка, недостоинъ того, чтобъ собственными своими ручками В. И. В. вынуть изъ конверта изволили. Іюня 12-го, 1752. Адамовка" [1]).

Не знаемъ, какая воспослѣдовала высочайшая резолюція, но бумага эта не лишена интереса: она доказываетъ, что новый гетманъ вполнѣ проникнутъ былъ важностію своего сана и пасквильныя на свой счетъ выраженія считалъ оскорбленіемъ Императорскаго Величества.

Передъ окончаніемъ своего путешествія, Разумовскій еще разъ посѣтилъ Батуринъ, гдѣ съ нимъ съѣхалась жена его и гдѣ постройки быстро подвигались впередъ. Отсюда онъ писалъ къ Государынѣ:

Преосвященный Василій, митрополитъ Черногорскій, который предстать счастіе имѣетъ предъ В. И. В., удостовѣрилъ меня показаніемъ подлинныхъ высочайшихъ грамотъ, какъ блаженныя и достославныя памяти Государя, родителя вашего, такъ и В. И. В., что народъ, отъ котораго онъ посланъ, есть тотъ, который, по единовѣрству за благочестіе Православныя Греческаго исповѣданія вѣры, особливые опыты показывалъ своего усердія къ престолу монаршему Всероссійскому и во время войны съ Портою Оттоманскою въ 1711 не малою храбростью себя отличалъ. Почему вседражайшій родитель В. И. В. засвидѣтельствовать соизволилъ въ незабвенную память потомкамъ всѣ таковыя ихъ дѣйствія особливыми своими высочайшими грамотами. А яко въ семъ народѣ Православная Греческая церковь съ западной стороны окружена Римскимъ исповѣданіемъ, а съ другихъ трехъ Магометанами, то въ таковомъ иновѣрныхъ и бусурманъ окруженіи охраняетъ себя единымъ покровительствомъ В. И. В. Вѣдая же В. И. В. теплоту къ защищенію и распространенію истиннаго христіанства,

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 406—408. Приложенный пасквиль въ архивѣ князя не сохранился.

пріемлю дерзновеніе чрезъ сіе всеподданнѣйше о немъ засвидѣтельствовать и донести, что онъ, преосвященный, показался мнѣ мужъ разумный и не для своей какой-либо корысти, какъ видно изъ грамотъ, которыя я читалъ, но для вспоможенія къ соблюденію въ Православіи всего своего народа подаяніемъ въ монастыри ихъ путь воспріялъ—явиться къ престолу В. И. В., о чемъ удостовѣряя, есмь до конца живота моего, державнѣйшая Императрица, В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій. Батуринъ. Августа 19-го, 1752" [1]).

Вскорѣ по возвращеніи гетмана въ Глуховъ, умерла жена Григорія Николаевича Теплова [2]), а 22-го Октября у Разумовскаго родился сынъ, названный въ воспоминаніе недавно полученной „блакитной кавалеріи" Андреемъ. Сынъ генеральнаго подскарбія Скоропадскаго было отправленъ курьеромъ въ Петербургъ съ этимъ извѣстіемъ. 1-го Ноября были крестины—воспріемниками были графъ Алексѣй Кириловичъ и графиня Наталья Демьяновна, нарочно прибывшая для этого въ Глуховъ. „Прибывшей въ Глуховъ матушкѣ отдали всѣ визитъ во дворцѣ", повѣствуетъ Ханенко. Въ день крестинъ у гетмана обѣдали вся генеральная старшина да генералъ-маіоръ князь Кантемиръ съ женою своею Пассековою и дочерью [3]). Главные чиновники явились ко двору гетманскому съ поздравленіями, причемъ подносили гетманшѣ „обычный презентъ" [4]). Вскорѣ послѣ торжественныхъ крестинъ графиня Наталья Демьяновна вернулась въ Адамовку, а какъ скоро графиня Екатерина Ивановна оправилась отъ родовъ, оба Разумовскіе стали собираться, по приглашенію Государыни, въ Москву, гдѣ въ то время находился дворъ. Они выѣхали изъ Глухова 24 Ноября въ 10 часовъ пополуночи, при пушечной пальбѣ [5]). Въ свитѣ гетмана находились генеральный обозный Кочубей, генеральный писарь Безбородко, Гадяцкій полковникъ Голецкій, 6 бунчуковыхъ товарищей, старшій канцеляристъ Туманскій и другіе.

Въ архивѣ графа Уварова сохранилось нѣсколько писемъ графа Бестужева-Рюмина, и графа М. И. Воронцова, писанныхъ къ гетману во время пребыванія его въ Глуховѣ. Мы ихъ здѣсь помѣщаемъ въ хронологическомъ порядкѣ [6]).

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

[2]) Зап. Марковича, II, 308 Это была вторая жена Теплова.

[3]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[4]) Записки Марковича, II, 309.

[5]) Неизданный дневникъ Ханенки.

[6]) Изъ писемъ этихъ только два вошли въ первое изданіе нашего сочиненія.

Письма канцлера графа Бестужева.

I.

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ, любезно дражайшій сватъ.

Усмотря изъ почтеннѣйшаго в. с. отъ 4-го сего мѣсяца писанія благополучное ваше въ Москву прибытіе, тѣмъ в. с. искреннѣйше поздравляю, желая много случаевъ имѣть съ благополучными произшествіями в. с. поздравлять и моими охотными услугами всегда больше благосклонность и дражайшую дружбу вашу пріобрѣтать. Впрочемъ, въ приписанномъ отъ в. с. поскриптѣ комплиментъ коль не обязателенъ, я просилъ бы однакожъ для свата и истиннаго друга всякой оставить и вѣрить, что мнѣ при всякомъ случаѣ по вашимъ желаніямъ служить пріятно будетъ, да и безъ того уже не оставилъ объ упоминаемой вами грамотѣ съ е. с., дражайшимъ братцемъ вашимъ, говорить, усердно желая, чтобы только по тому скорый успѣхъ воспослѣдовалъ. И отдавая мой нижайшій поклонъ любезнѣйшей графинѣ вашей моей милостивой государынѣ Катеринѣ Ивановнѣ есмь съ совершеннѣйшимъ почтеніемъ и истинною преданностію в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Спб. 11 Апрѣля 1751 г.

II.

На почтенное в. с. отъ 15-го сего мѣсяца писаніе, имѣю честь отвѣтствовать, что я по содержанію онаго во всемъ, что къ удовольствію в. с. служить можетъ, охотно и прилежно стараться готовъ и буду, а что до приложеннаго при томъ билета принадлежитъ, то я какъ прежде в. с. доносилъ, такъ и теперь увѣдомить могу, что я о вашей грамотѣ сколько можно стараюсь и уже съ согласія съ е. с. дражайшимъ братцомъ вашимъ письменный о томъ докладъ подалъ, сегодня о томъ паки напамятовать хотѣлъ, но какъ случая не было, то я постараюсь, чтобъ оное завтра учинить. Въ прочемъ, отдавая мой поклонъ любезнѣйшей графинѣ вашей моей м. г. Катеринѣ Ивановнѣ, есмь съ совершеннымъ высокопочитаніемъ в. с. послушнѣйшій слуга Г. А. Бестужевъ-Рюминъ.

Изъ Спб. 22-го Апрѣля 1751 г.

III.

Вручитель сего войсковой товарищъ Іотія (sic) будучи в. с. уже прежде грамотами рекомендованъ, да и нынѣ одну при себѣ имѣя,

я видя его крайнюю нужду и бѣдность уклониться не могъ его симъ еще особливо въ милость в. с. препоручить и толь паче, что онъ будучи крайняго сожалѣнія достоенъ в. с. показаніемъ ему милости заставить его вашимъ вѣчно прославителемъ быть. Я семь и проч.

Изъ Спб. 4-го Іюня 1751 г.

IV.

В. с. прошу за противно не принять, что я на почтенныя ваши отъ 28 прошлаго мѣсяца писанія донынѣ отвѣтствовать умедлилъ, ибо то единственно отъ недостатка времени происходитъ; къ тому же я долго не зналъ, чтобы удовольствительнаго в. с. на то донести, такъ что и теперь не могу больше какъ токмо увѣдомить, что касательно до посланной совѣтнику Полякову формы кореспонденціи оная будетъ коллегіею распоряжена, я по партикулярно дружескому в. с. письму ничего ни собою, ни коллегіи сдѣлать не могу, что же до другаго и до положенной копіи принадлежитъ, то я также ничего еще точнаго сказать не могу, какъ токмо сослаться на дражайшаго братца в. с., что за моимъ стараніемъ и напоминаніемъ не стоитъ, что по данному отъ сената докладу скорая всевысочайшая резолюція воспослѣдовала, безъ которой, сколько мнѣ извѣстно, сенатъ собою ничего рѣшить не можетъ. Впрочемъ я в. с. какъ и прежде обнадежить могу, что я во всемъ ко удовольствію в. с. всѣмъ сердцемъ служить готовъ, пребывая и проч.

Изъ Спб. 27-го Іюня 1751 г.

V.

Къ отправленной къ в. с. въ пользу господина Капниста, сына бригадира сего имени, грамотѣ и при отъѣздѣ нынѣ отсюда сего послѣдняго, имѣю честь присовокупить мое прошеніе, да соизволите в. с., какъ первому въ его благополучіи милостиво вспомоществовать, такъ и сего послѣдняго въ вашей благосклонной протекціи и милости содержать, я же, напротивъ того, всегда тщательно случай искать буду къ показанію вамъ всѣхъ отъ меня зависящихъ услугъ и благоугодностей, пребывая и проч.

Изъ Спб. 24-го Іюля 1751 г.

VI.

Съ наибольшею радостью имѣю честь увѣдомить в. с., что Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила сегодня во-первыхъ в. с. кавалеромъ Святаго Андрея назначить, а потомъ на Александра Борисовича, графа Михаила Ларіоновича, князя Бориса Григорьевича Юсупова и Степана Өедоровича [1]) оную наложить. Я в. с. тѣмъ отъ всего сердца поздравляю и буде присылка знаковъ онаго нѣсколько замѣшкается, то только для того, что я по особливой моей къ в. с. преданности съ дражайшимъ братцомъ вашимъ стараться буду о томъ, чтобъ в. с. орденъ бриліантами украшенный присланъ былъ. Впрочемъ я имѣю честь быть и проч.

Изъ Спб. Сентября 5-го дня 1751 г.

VII.

Господинъ Журманъ, не вѣдая, что я вчерась уже съ нарочною штафетою в. с. увѣдомилъ о пожалованномъ вамъ отъ Е. И. В. орденъ св. Андрея, сегодня меня просилъ подорожную ему дать, дабы съ нарочнымъ в. с. сію пріятную вѣдомость съ большими при томъ обстоятельствами отправить. Я ему не только въ томъ отказать не хотѣлъ, но паче ссылаясь во всемъ на то, что онъ къ в. с. писать будетъ, вторично в. с. тѣмъ отъ всего сердца поздравляю и есмь и проч.

Изъ Спб. Сентября 6-го дня 1751 г.

P. S. Два почтеннѣйшія в. с. отъ 1-го Августа писанія я чрезъ господина Журмана получилъ и какъ по первому тщательно стараться буду во всемъ къ удовольствію в. с. служить, и ему какъ свойственнику в. с. во всемъ, что отъ меня зависитъ, полезнымъ быть, такъ по другому крайне благодарствую в. с. за обѣщаемое показаніе милости бѣдному старику Іотію, котораго я потому паки въ милость в. с. поручаю.

---

[1]) Александръ Борисовичъ Бутурлинъ † 1767 г., впослѣдствіи графъ и фельдмаршалъ; гр. Мих. Ил. Воронцовъ † 1767, тогда вице-канцлеръ, впослѣдствіи государственный канцлеръ; кн. Б. Гр. Юсуповъ, Д. Т. С, Сенаторъ и директоръ шляхетнаго корпуса, † 1759; Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ, впослѣдствіи фельдмаршалъ, † 1760.

VIII.

Почтеннѣйшее в. с. отъ 12 прошлаго Декабря писаніе я въ свое время исправно получилъ и будучи оное до коллегіи принадлежащее тогда-жъ въ оную и сообщено. И такъ имѣя честь в. с. увѣдомить пребываю и пр.

Въ Спб. Января дня 1752 г.

IX.

Вручитель сего, бывшій въ Глуховѣ при министерской канцеляріи канцеляристомъ и у приходу и расходу денежной казны, по возвращеніи своемъ сюда хотя и представленъ былъ въ сенатъ для повышенія рангомъ, однакожъ ничего тамъ получить не могъ, и такъ будучи принужденъ паки въ Глуховъ, гдѣ жена его осталась, возвратиться, меня просилъ его въ милость в. с. рекомендовать. Я-жъ въ томъ ему, видя сожалѣтельное его состояніе и долговременную при тамошнихъ дѣлахъ бытность, толь меньше отказать могу, но паче в. с. прошу ему вашу милость объявить опредѣленіемъ его по вашему благоусмотрѣнію въ Глуховѣ къ какому либо дѣлу, которое онъ способно отправлять, и отъ того пропитаніе съ женою имѣть могъ бы. В. с. меня тѣмъ по премногу одолжить изволите, яко пребывающаго всегда и пр.

Изъ Сбп. Января 29-го дня 1752 г.

X.

За учиненное мнѣ письмомъ в. с. поздравленіе наступающимъ нынѣ новомъ годомъ будучи по премного обязанъ, я упустить не хотѣлъ в. с. мое благодареніе чрезъ сіе засвидѣтельствовать, взаимно желая вамъ какъ въ сей, такъ и на многіе будущіе годы совершеннаго добраго здравія и всякаго благополучія, я же есмь въ прочемъ и проч.

Въ Спб. Февраля дня 1752 г.

P. S. Въ отвѣтъ на постскриптъ в. с. имѣю я засвидѣтельствовать и великое сожалѣніе, что донынѣ не могъ вамъ служить пересылкою знаковъ ордена и то ревностное стараніе, которое я какъ съ начала, такъ потомъ и нынѣ объ исходатайствованіи оныхъ непрестанно прилагаю и прилагать буду.

3-го Февраля 1752 г.

XI.

По прошенію подателя сего поляка Шишки, который при томъ же и грамоту о себѣ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ в. с. вручить честь имѣть будетъ, я уклониться не могъ его чрезъ сіе въ милость и протекцію в. с. наилучше рекомендовать, пребывая въ прочемъ и пр.

Въ Спб. Февраля 6-го 1752 г.

XII.

При воспослѣдовавшемъ наконецъ отправленіи къ в. с. курiера съ знаками ордена св. Андрея, вамъ всемилостивѣйше отъ Е. И. В. пожалованнаго, что донынѣ сперва даже до 8 Октября за подписаніемъ токмо грамоты, а потомъ за самыми знаками останавливалось, я столь большею радостію в. с. поздравляю, сколь я всегда охотенъ в. с. служить. Сколько жъ я тѣмъ временемъ о поспѣшеніи сего отправленія напоминалъ въ томъ ссылаюсь на е. с. дражайшаго вашего братца и в. с. прошу увѣренными быть о томъ совершенномъ высокопочитаніи, съ которымъ я есмь и пр.

Въ Спб. Марта 14-го 1752 г. [1]).

PS. По написаніи сего, крестъ ордена не прежде, какъ въ прошедшую субботу, т.-е. 21-го сего мѣсяца, ко мнѣ присланъ, а потомъ при нынѣшнихъ дняхъ благоговѣнія за исправленіемъ принадлежащей къ тому цѣпи даже до сего дня сіе отправленіе замедлилось.

Марта 26-го дня 1752 г.

XIII.

По высочайшему Е. И. В. именному повелѣнію долженствую я в. с. знать дать, что Е. И. В. съ удивленіемъ о томъ увѣдомиться изволила, что в. с. двухъ братьевъ Скоропадскихъ, отпустя сюда, въ постороннюю ихъ службу рекомендуете: ибо ежели Голштинскую за чужую не почитать, то, однакожъ, и за Россійскую признавать не можно; что также никогда не обыкновенно, чтобы мимо своей Государыни въ чужомъ мѣстѣ службы искать и тѣмъ паче, когда въ томъ

---

[1]) Письмо это въ архивѣ графа Уварова сохранилось въ двухъ экземплярахъ, одинаково подписанныхъ Бестужевымъ, но одинъ изъ экземпляровъ безъ постскриптума.

никакой надобности нѣтъ: потому что, ежели бы то для экзерцицій или операцій воинскихъ было, то при толь многочисленныхъ Е. И. В. арміяхъ всему тому еще лучше всякаго другого мѣста обучиться можно. Е. И. В. не изъ какого гнѣва, но въ такомъ всемилостивѣйшемъ разсужденіи повелѣла мнѣ къ в. с. отписать, дабы, вѣдая всевысочайшее ея соизволеніе въ подобныхъ случаяхъ, вы толь лучше могли по онымъ должнѣйше себя располагать. Я есмь, и пр.

Изъ Спб. Марта 29-го дня 1752.

XIV.

В. с. меня весьма одолжите, ежели генеральнаго сухопутнаго гошпиталя лекаря Иберкамфа въ прошеніи его къ опредѣленію при академіи наукъ милостію своею не оставите, за что̀ я ко взаимнымъ услугамъ готовъ. Со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ неотмѣнно пребываю и пр.

Въ Спб. Іюня 11-го дня 1752 г.

XV.

Вручитель сего, нѣжинскій житель, Аѳанасій Позначцевъ, прилежно меня просилъ о рекомендаціи по его дѣлу къ в. с., я, по его иностранству и неимуществу, ему отказать не хотѣлъ и в. с. покорно прошу ему милость вашу дозволить и его, буде возможно, въ его дѣлѣ удовольствовать приказать; я же, напротиву того, есмь всегда и пр.

Съ Каменнаго-Острова. Августа 14-го дня 1752 г.

XVI.

Почтеннѣйшее в. с. писаніе отъ 3-го числа минувшаго Іюля, я получить честь имѣлъ, и усмотря изъ онаго, что в. с. благосклонность имѣли рекомендованнаго отъ меня лекаря Иберкамфа при академіи опредѣлить, оставить не могу за то в. с. мое благодареніе чрезъ сіе учинить.

Касательно-жъ господина подполковника Этлингера, то я предъ нѣкоторымъ временемъ и в. с. уже писалъ, чтобъ вы особливымъ листомъ въ коллегію объ немъ отозваться изволили, и тогда я больше въ состояніи найдуся по желанію в. с. старанія мои о томъ усугубить,

дабы показать, съ какимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью я есмь и пр.

Съ Каменнаго-Острова. 17-го Августа 1752 г.

XVII.

В. с., будучи удостовѣрены, коль истинное я всегда участіе пріемлю во всемъ, что благополучнаго вамъ случиться можетъ, легко можете себѣ представить и ту радость, которую я чувствовалъ, усмотря изъ почтеннѣйшаго в. с., отъ 24-го Октября писанія, что Богъ даровалъ вамъ любезнаго сына. Жена моя также благодаритъ за учиненное и ей въ ономъ письмѣ увѣдомленіе и приложеннымъ письмомъ особливо. Засвидѣтельствуйте свое (sic) о томъ поздравленіе е. с. любезнѣйшей вашей графинѣ, моей м. г. Катеринѣ Ивановнѣ, я-жъ, оное симъ исправляя, отъ всего сердца желаю впредь множайше толь пріятные случаи имѣть для засвидѣтельствованія, съ какимъ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностью я быть честь имѣю и пр.

Въ Спб. Ноября 7-го дня 1752 г.

Письма вице-канцлера графа М. И. Воронцова.

I.

Вручитель сего, польскій шляхтичъ Шишко, просилъ здѣсь коллегію иностранныхъ дѣлъ о нѣкоторой своей претензіи, давней уже съ прошлой польской революціи. А понеже, по разсмотрѣнію здѣсь оной его претензіи, невозможно было въ томъ его удовольствовать, да и онъ самъ принялъ намѣреніе по единовѣрію остаться въ Россіи и утвердиться жительствомъ въ Украйнѣ, вслѣдствіе чего просилъ меня о рекомендаціи къ в. с. Того ради я оставить не хотѣлъ, чтобъ чрезъ сіе не просить в. с. въ милостивомъ принятіи онаго бѣднаго человѣка въ вѣдомство ваше и сдѣлать о немъ такое опредѣленіе, чтобы онъ могъ пропитаніе имѣть. Въ прочемъ пребываю съ неизмѣннымъ высокопочитаніемъ и совершенною дружбою покорный и вѣрный слуга гр. М. Воронцовъ.

1752 г. Февраля 1-го, въ Спб.

II.

При семъ къ в. с. посылаю изготовленный портретъ е. с. графа Алексѣя Григорьевича, который господиномъ Караваковою по приказу графини Катерины Ивановны сдѣланъ и здѣсь отъ всѣхъ съ немалою апробаціею принятъ, яко же и е. с., братецъ вашъ, оный взять изволилъ и былъ доволенъ [1]).

Для извѣстія в. с. доношу, что всемилостивѣйшей нашей Государынѣ благоугодно было повелѣть графа Михаила Петровича изъ Вѣны назадъ отозвать и при семъ случаѣ графиню, его супругу [2]), законною ему женою признать. Я уповаю, что в. с., любя графа Михаила Петровича, о семъ извѣстіи съ пріятностью услышать изволите. На мѣсто же его посольское въ Вѣну повелѣно ѣхать графу Кейзерлингу, а на мѣсто Кейзерлинга опредѣленъ господинъ Гросъ и чаятельно въ скоромъ времени въ путь свой, въ Дрезденъ, отправится.

О полученіи упомянутаго здѣсь портрета, также и о прежде посланныхъ отъ меня къ в. с. письмахъ я буду ожидать пріятнаго увѣдомленія, дабы за неимѣніемъ извѣстія въ напрасномъ сумнѣніи не оставался, а я не престаю отвѣтомъ моимъ служить на всякое письмо в. с. Впрочемъ пребываю и пр.

1752 г. Апрѣля 28 дня, въ Спб.

Еще же в. с. сообщить имѣю, что А. В. Олсуфьеву повелѣно въ нашей коллегіи засѣданіе имѣть, гдѣ онъ и началъ 24 числа сего мѣсяца [3]).

---

[1]) Портретъ этотъ поясной, въ зеленомъ мундирѣ, принадлежитъ графу А. С. Уварову и находится въ с. Порѣчьѣ. Каравака, родомъ Гасконецъ, поступилъ на службу къ Петру Великому и сдѣлался придворнымъ живописцемъ. Прилагаемый при семъ томѣ портретъ графа Алексѣя Григорьевича есть геліографическій снимокъ съ портрета, писаннаго Караваковою.

[2]) Вторая жена гр. М. П. Бестужева-Рюмина была вдова Саксонскаго оберъшенка Гаугвицъ.

[3]) Изъ архива гр. А. С. Уварова.

VII.

Партіи при дворѣ.—Бестужевъ.—Шуваловы.—Приготовленія къ войнѣ.—Отъѣздъ гетмана въ Глуховъ.

Разумовскіе прибыли въ Москву почти въ одно время съ дворомъ, который тронулся 14 Декабря изъ С.-Петербурга. Вмѣстѣ съ дворомъ пріѣхалъ, разумѣется, и графъ Алексѣй Григорьевичъ, все еще могущественный, хотя уже не всемогущій и единственный фаворитъ.

Великій канцлеръ Бестужевъ не сопутствовалъ Государынѣ; дѣла и здоровье задерживали его въ Петербургѣ. Грозная туча стояла на политическомъ горизонтѣ, а при дворѣ ряды его пріятелей замѣтно пустѣли. Между дипломатами распространился, какъ мы уже упоминали, слухъ, что даже старшій Разумовскій отъ него отшатнулся. Прусскій министръ Гольцъ доносилъ даже своему правительству, что Воронцовъ имѣлъ разговоръ съ Кирилою Разумовскимъ. Однако, когда Гольцъ предложилъ Воронцову деньги для привлеченія Алексѣя Григорьевича, Воронцовъ отвѣчалъ, что „теперь не время" [1]).— Слухъ этотъ былъ не болѣе, какъ дипломатическая сплетня или же хвастовство со стороны Воронцова, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что толки доходили до Бестужева, который болѣе чѣмъ когда-либо заискивалъ у младшаго Разумовскаго.

I.

„Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь мой Кирила Григорьевичъ", писалъ онъ, „не могу я довольно изобразить в. с. моей благодарности за все то, чтó въ почтеннѣйшемъ вашемъ отъ 17 сего ко мнѣ письмѣ обязательнаго для меня находится. В. с., не довольствуясь показаніемъ мнѣ дѣйствительнаго одобренія, изволите еще оное умножать образомъ вашего мнѣнія. Я-жъ, напротиву того, теперь токмо прилежнѣйше прошу увѣренными быть, что мое признаніе будетъ безконечно. Присовѣтованіе в. с. быть мнѣ великодушнымъ есть подлинно единственнымъ мнѣ теперь способомъ. Да, могу сказать, что я онаго всегда, сколько могъ, держался и много сносить за велико не считалъ. Въ первую, во вторую, отчасти въ третью въ Москвѣ бытность, не меньше же и здѣсь во время оно, хотя работывалъ я, и почти по-

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 58—59.

вседневно, до третьяго и четвертаго часа пополуночи, однако же при всемъ томъ спокойно, а иногда сутки и полторы безпрерывно спать могъ; нынѣ же при всемъ моемъ предъ прежнимъ весьма поздномъ житіи, почти совсѣмъ спать не могу. Къ тому же, при старости (умалчиваю о скорбутикѣ, о которой отъ непрестаннаго сидѣнія и не удивительно) привязалась ко мнѣ ипохондрія, которая такъ жестоко меня мучитъ, что всю кровь во мнѣ непрестанно въ сильное движеніе приводитъ, и ни мало успокоиться не даетъ, и такъ всегда дня черезъ два или три теченіе отворяетъ. Я же при томъ не имѣю инаго облегченія, какъ токмо самое малое отъ десяти часовъ поутру часовъ до седьмаго вечеру, а прочее время безпрестанно страдаю, такъ что буде на часъ и усну, то однако-жъ не инако какъ обутый и въ тулупѣ. Въ такомъ будучи состояніи, со всею в. с. благосклонно дружескою помощью, за которую паки наиобязательнѣйшее мое благодареніе приношу, къ крайнему моему сожалѣнію не предвижу, когда возмогу къ Москвѣ перетащиться, и в. с. первопомно обнадежить о всесовершенной моей къ вамъ преданности, и съ какимъ усердіемъ и высокопочитаніемъ я есмь и всегда пребуду, и пр.

Въ Санктъ-Петербургѣ. Генваря 25 дня 1753 г.

II.

Прилагая при семъ переводъ письма ко мнѣ отъ знакомаго в. с. инженернаго подполковника Этлингера, в. с. сами изъ онаго усмотрѣть изволите нынѣйшнее бѣдное его состояніе. Я не знаю, заслужилъ ли онъ чѣмъ-нибудь милость в. с., но вѣдая его къ вамъ усердіе, я его самъ въ оную препоручить смѣлость пріемлю, не соизволите ли иногда в. с. съ своей стороны благосклонное стараніе употребить, дабы сей бѣдный человѣкъ нѣсколько вспомоществованъ былъ. Онъ конечно не престанетъ признавать въ томъ ваше благодѣяніе и милость, я-жъ всегда пребуду и пр.

Въ Спб., Февраля 15 дня 1753 г. [1]).

---

[1]) Къ письму этому приложенъ переводъ съ письма къ канцлеру инженеръ-полковника Этлингера отъ 11 Января 1753, слѣдующаго содержанія:

„В. с. не прогнѣвайтесь, что я васъ вторично моимъ письмомъ утруждаю, но, не имѣя иного прибѣжища, а в. с. мнѣ всегда вашу высокую милость оказывать изволили, я и дерзнулъ васъ о милостивомъ вспоможеніи просить. Я нынѣ въ такихъ печальныхъ обстоятельствахъ нахожусь, въ какихъ никогда не бывалъ, ибо по силѣ указовъ изъ военной коллегіи и фортификаціонной канцеляріи я принужденъ былъ возвратиться къ командѣ, хотя я нездоровъ былъ, а теперь мнѣ жалованья выдавать не хотятъ съ того времени, какъ я въ Батуринѣ находился, чрезъ что я въ какія

III.

.... Покорнѣйше благодарствую в. с. за почтеннѣйшее ваше отъ 4-го сего мѣсяца ко мнѣ писаніе и за подаваемые онымъ совѣты хранить мое здоровье. Не меньше обязанъ я в. с. за скорую присылку адресса къ господину профессору Бургаву, чтобъ онъ въ Москву ѣхалъ со мною. Братъ его, господинъ тайный совѣтникъ ко мнѣ уже писалъ, что онъ в. с. имянное о томъ Высочайшее Е. И. В. повелѣніе, да и мнѣ при томъ монаршимъ Е. В. именемъ объявляетъ, чтобъ я безъ совѣта сего доктора въ дорогу скоро не отваживался, да и во всемъ по его совѣтамъ поступалъ. Такимъ образомъ буду я повиноваться господину профессору, да еще радъ, что такому, отъ котораго я, конечно, много добра для моего здоровья надѣюся. На немъ уже изволите в. с. взыскать, ежели я нѣсколько больше запоздаю персонально в. с. мое почитаніе засвидѣтельствовать.

Увѣдомленіе в. с. о жестокомъ припадкѣ графу Михайлѣ Ларіоновичу мнѣ крайне прискорбно и печально, и я всѣмъ сердцемъ желаю е. с. скораго и совершеннаго выздоровленія. Впрочемъ истинно всегда пребуду и пр.

Спб., Февраля 8 дня 1753 г.

IV.

В. с. покорнѣйше прошу да соизволите ордеровать господина совѣтника Шумахера, чтобъ онъ позволилъ кому-либо изъ служителей академіи снять два плана съ тѣхъ мѣстъ принадлежащаго мнѣ Ка-

бѣдныя обстоятельства приведенъ, оное в. с. легко представить можете. Поѣздку въ Батуринъ я по требованію е. с. гетмана сдѣлалъ и на то отъ покойнаго генерала Леонтьева позволеніе имѣлъ, а нынѣ мнѣ оное вмѣсто отпуску считаютъ. Далѣе принуждаютъ меня въ степи ѣхать безъ денегъ и при хворости. В. с. извѣстно, что я сей посылкѣ не супротивился, какъ я въ Ригѣ вылеченъ былъ, но какъ я поѣздкою изъ Риги къ сожалѣнію паки въ прежнее немощное состояніе приведенъ, то я, по истинѣ, на самомъ дѣлѣ не въ состояніи такую должность, которая столь многими безпокойствами и трудами сопряжена, исправлять, а особливо безъ жалованія. Того ради я в. с. всенижайше прошу мнѣ вашу высокую милость показать и вашимъ милостивымъ заступленіемъ исходатайствовать, дабы я отъ сихъ печальныхъ обстоятельствъ освобожденъ или е. с. гетману или въ Ригу командированъ былъ, также чтобы мнѣ заслуженное мое жалованіе выдано было, ибо я будучи въ Батуринѣ также Е. И. В. всенижайше служилъ. В. с. меня всегда своею милостію не оставляли и в. с. природная склонность нужду терпящихъ спомогать меня милостиво увѣряетъ, что в. с. и сію мою просьбу милостиво услышать изволите.

меннаго острова [1]), которые господинъ надворный совѣтникъ Штелинъ, будучи ему тѣ мѣста наибольше извѣстны, покажетъ, такъ же чтобы стараніе было приложено о скорѣйшей отдѣлкѣ работаемаго уже тому острову проспекта [2]) и чтобы оный и съ другимъ меньшимъ планомъ, какъ экземпляры, такъ и доски, ко мнѣ со щетомъ присланы были, дабы я по тому подлежащія деньги немедленно заплатить могъ. Я-жъ напротивъ того есмь всегда съ совершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію и пр.

Сентября 27 дня 1753 г.

P. S. Я уже многократно и ежедневно собираюсь къ в. с. пріѣхать мой поклонъ отдать, но мнѣ всегда сказываютъ, что в. с. въ городъ переѣзжать изволите, чѣмъ я и воздерживаюсь, дабы тогда переѣзду в. с. не помѣшать.

V.

.... В. с. покорнѣйше прошу да соизволите приказать, чтобы вложенный при семъ артикулъ еще съ сегодняшнею почтою въ Петербургъ отправленъ и при тамошнихъ газетахъ какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ напечатанъ былъ.

27 Сентября 1753 г.

Послѣднія три записки относятся уже ко времени пребыванія гетмана въ Петербургѣ, но мы кстати помѣщаемъ ихъ здѣсь.

VI.

Сегодня тотчасъ по отъѣздѣ в. с. отъ меня пріѣхалъ ко мнѣ его превосходительство оберъ-гофмаршалъ [3]) и просилъ дабы, я в. с. реко-

---

[1]) Каменный островъ, между Большой и Малой Невой, близъ Петербурга, принадлежалъ канцлеру графу Головкину, а потомъ графу Бестужеву, который на украшеніе его употребилъ много денегъ: провелъ поперекъ острова рвы, выкладенные камнемъ, развелъ голландскій садъ и пр. Отъ него перешелъ онъ къ Императору Павлу I, тогда еще Великому Князю; нынѣ принадлежитъ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Михаиловнѣ.

[2]) Виды эти принадлежали къ рѣдкимъ частнымъ заказамъ, дѣланнымъ въ тѣ времена академическимъ граверамъ. Тогда состояли при академіи граверы Вортманъ, Штенглинъ, знаменитый Шмидтъ, а изъ русскихъ Соколовъ, Виноградовъ и Генсовъ. Виды Каменнаго острова составляютъ нынѣ библіографическую рѣдкость.

[3]) Въ 1754 году оберъ-гофмаршаломъ былъ Дмитрій Андреевичъ Шепелевъ, андреевскій кавалеръ, онъ былъ строителемъ Зимняго дворца. Онъ умеръ въ 1759 году и завѣщалъ домъ свой, находившійся въ сосѣдствѣ съ Зимнимъ дворцомъ, Государынѣ. Отъ этого та часть дворца, гдѣ находится теперь Ломотовъ павильонъ, долгое время называлась—„шепелевскимъ дворцомъ“.

мендовалъ въ милость каптенармуса вашего полка Комарскаго, дабы онъ милостію в. с. пожалованъ былъ въ сержанты и ежели невозможно въ комплектъ, хотя за комплектъ, потому что онъ нынѣ только одинъ безъ произвожденія, слѣдовательно старшій остался. Я толь меньше отъ сего отрещись могу, что в. с., конечно, склонны будете такое снисхожденіе е. пр. оберъ-гофмаршалу показать.

16 мая 1754 г.

VII.

Прилагаю при семъ для извѣстія в. с. полученное отъ полковника Бестужева-Рюмина изъ Митавы письмо, изъ котораго в. с. усмотрѣть изволите, какое онъ отъ взятія изъ Мемеля привезенныхъ туда осьми ящиковъ распоряженіе учинилъ. Впрочемъ, уповаю я завтра съ в. с. у Степана Ѳедоровича [1]) обѣдать, а послѣ завтра, ежели в. с. дома быть изволите, буду честь имѣть и вамъ къ обѣду пріѣхать и съ вами проститься.

Іюня 3-го дня 1754 г.

Изъ приложеннаго при семъ оригинальнаго письма ко мнѣ господина надворнаго совѣтника Штелина в. с. изволите уже пространнѣе усмотрѣть желаніе его и просьбу, и тѣ резоны, на которыхъ онъ то основываетъ, а какъ сіе по командѣ прямо принадлежитъ токмо до в. с., да я и безъ того знаю, что вы его милостію жаловать изволите, то мнѣ и не остается болѣе, какъ только его въ продолженіе оной рекомендовать.

Апрѣля 11-го, 1755 г. [2]).

Льстивыя выраженія и заискиванія канцлера имѣли однако мало вліянія на Кирилу Григорьевича Разумовскаго. Правда, онъ старался облегчить больному Бестужеву путешествіе въ Москву, рекомендовалъ ему въ спутники профессора и доктора Коу-Бёргава (Koou-Boerhaave), брата лейбъ-медика и тайнаго совѣтника Германа Бёргава [3]); пользовался его рекомендаціями на-счетъ построекъ (въ этомъ дѣлѣ канц-

[1]) Апраксина.

[2]) Изъ Архива гр. А. С. Уварова.

[3]) Richter, Geschichte der Medicin in Russland, III, 424. Лейбъ-медикъ Бёргавъ умеръ въ Москвѣ 1753, его мѣсто занялъ докторъ Панаіоти (Павелъ Захарьевичъ) Кондоиди. Авраамъ Бёргавъ пріѣхалъ въ Россію въ 1746 г. и въ 1748 получилъ при академіи мѣсто профессора физіологіи и анатоміи. Шумахеръ мѣтилъ его и въ профессора химіи, чтобы вытѣснить Ломоносова.

леръ былъ знатокомъ), такъ какъ самъ, подъ надзоромъ архитектора Филиппа Кокорева (вѣроятно, Кокоринова), производилъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ „многія строенія“ [1]), но въ то же время онъ находился въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ не только съ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, но даже съ графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ, теперь уже непримиримымъ врагомъ графа Алексѣя Петровича. Съ Шуваловымъ Разумовскаго сблизилъ ихъ общій другъ графъ Иванъ Чернышевъ. О семъ послѣднемъ и о Шуваловѣ при дворѣ иначе не говорили, какъ объ Орестѣ и Пиладѣ. Втроемъ они составляли лучшій цвѣтъ тогдашней придворной молодежи.

По пріѣздѣ въ Москву, великій канцлеръ лихорадочно началъ искать себѣ союзниковъ. Уже съ нѣкоторыхъ поръ остановила на себѣ его вниманіе молодая Великая Княгиня, старавшаяся, въ неравной борьбѣ съ нимъ, воздавать ему, по мѣрѣ силъ, око за око и зубъ за зубъ. Стойкость и хитрость, съ которыми Екатерина защищала интересы и права мужа въ вопросѣ о герцогствѣ Голштинскомъ, доказали канцлеру, что онъ имѣлъ дѣло съ женщиною далеко не обыкновенною; онъ зналъ, что въ семейной жизни Великая Княгиня была несчастлива. Что же касается до Великаго Князя, то Бестужевъ уже давно понялъ, чего могла ожидать отъ него Россія; къ тому же, онъ его ненавидѣлъ какъ друга Фридриха-Великаго и сторонника Шуваловыхъ. Беременность Екатерины давала надежду, что скоро родится наслѣдникъ престола, а здоровье Государыни, по свидѣтельству лечившихъ ее врачей, не подавало надежды на долгое царствованіе. Канцлеръ первый разгадалъ и понялъ Екатерину, и рѣшился съ нею сблизиться. Черезъ Сергѣя Васильевича Салтыкова узнала она, что канцлеръ ищетъ ея дружбы. Хотя не мало накипѣло у нея злобы на сердцѣ противъ Бестужева, однако шутить такимъ предложеніемъ было нечего. Голштинецъ Бремзенъ, вполнѣ преданный канцлеру, служилъ при Великомъ Князѣ по дѣламъ его герцогства. Ему поручила Екатерина объявить Бестужеву, что она готова войти съ нимъ въ дружескія сношенія. Заключенъ былъ тайный союзъ. Канцлеръ сталъ всячески возбуждать Елизавету противъ племянника. Это было ему легко. Государынѣ давно опостылѣлъ ея наслѣдникъ, и всѣ его нѣмецкія безтактныя замашки были ей крайне противны. Въ запискахъ къ Алексѣю Григорьевичу Разумовскому и Ивану Ивановичу Шувалову она въ самыхъ рѣзкихъ и, по обыкновенію своему, далеко не отборныхъ выраженіяхъ отзывалась о Великомъ Князѣ [2]). Но этого было недовольно. Бестужевъ рѣшилъ, въ случаѣ кончины Го-

[1]) Зап. Марковича, II.
[2]) Mémoires de Catherine II, 329.

сударыни, возвести на престолъ ея внука, а правительницею государства провозгласить Екатерину. Съ рожденіемъ правнука Петра Великаго, объ Иванѣ Антоновичѣ никто уже не думалъ. Теперь на мѣсто Петра Θеодоровича, котораго легко можно было или отправить въ Голштинію, или заключить въ какіе-нибудь Холмогоры, представлялся наслѣдникомъ не иностранный принцъ, съ дѣтства заключенный въ крѣпости, съ именемъ котораго невольно соединены были всѣ ужасы Бироновщины, а кровь и плоть Петрова. Слѣдовало ко всему этому подготовить Государыню; но дѣло было крайне затруднительно, такъ какъ Елизавета Петровна страшно боялась смерти. Всякій намекъ на ея кончину могъ бы дорого стоить тому, кто бы на него отважился. Въ планахъ своихъ Бестужевъ нашелъ споспѣшника. То былъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Явное презрѣніе ко всему русскому, пренебреженіе всѣми обрядами православной вѣры, страсть ко всему Нѣмецкому уже давно отдалили старшаго Разумовскаго отъ Великаго Князя. Какъ ни избѣгалъ онъ интригъ, какъ ни держалъ себя вдали отъ дѣлъ государственныхъ, однако въ этомъ случаѣ онъ охотно, какъ видно, поддался вліянію Бестужева. Все дѣло было однако содержимо въ глубокой тайнѣ. Шуваловы ничего не подозрѣвали, а великій канцлеръ и Екатерина, не спѣша и тихомолкомъ, подготовляли свой планъ дѣйствія.

Между тѣмъ гетманъ, среди безпрестанной придворной суеты, не забывалъ Украйны. Пріѣхавшіе съ нимъ вмѣстѣ Малороссы имъ были представлены Государынѣ, принявшей ихъ отмѣнно милостиво. Приказано было давать старшинамъ при дворѣ мѣсто съ генералъ-маіорами, а полковникамъ сейчасъ за бригадирами [1]). Еще въ бытность гетмана въ Глуховѣ, повелѣно ему было изъ Петербурга выслать 2,000 казаковъ для строенія крѣпости св. Елизаветы, нынѣшняго Елизаветграда. Въ Москвѣ Разумовскій съумѣлъ выхлопотать, чтобы вмѣсто 2,000 туда отправлено было только 611 человѣкъ. Изъ генеральной канцеляріи были имъ вытребованы въ Москву всѣ бумаги, относящіяся до финансовыхъ вопросовъ [2]). Онѣ были нужны гетману для докладовъ Государынѣ, вслѣдствіе которыхъ разные сборы, заведенные Самойловичемъ и Мазепою на Украйнѣ и чрезвычайно отяготительные для народа, были уничтожены; таможни на границахъ Малороссіи и Великоруссіи закрыты, и объявлена свобода торговли между сѣверомъ и югомъ. „Отъ просвѣщенной Е. И. В. прозорливости не утаилось", сказано было въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" отъ 27-го января 1754 года, „что существительный ея при-

[1]) Зап. Марковича, II, 312.
[2]) Тамъ же, II, 320.

бытокъ состоитъ въ прибыткѣ всѣхъ ея подданныхъ. По сему премудрому разсмотрѣнію всемилостивѣйше соизволила Е. И. В. пользы подвластнаго къ счастію своему ей народа такіе великіе короны своей доходы посвятить, которые во всѣ времена, да и во всѣхъ, не исключая ни одного, государствахъ, какъ справедливыми, такъ и весьма важными почитаются. Однимъ словомъ сказать Е. И. В. изволила всякіе внутреннихъ пошлинъ сборы отставить и всѣ внутреннія таможни уничтожить, такъ что внутренно вся толь обширная сія имперія вольнымъ портомъ сдѣлана. Возбужденная чрезъ то въ народѣ радость такъ велика и примѣтна была, что сенатъ обойтиться не могъ всенижайшее свое и должное за толикія благодѣянія благодареніе Е. И. В. засвидѣтельствовать. Почему въ навечеріе праздника Рождества Спасителя нашего, по окончаніи въ придворной церкви Божіей службы, канцлеръ, какъ старшій сенаторъ, обще со всѣми другими, именемъ сената и всего обрадованнаго и одолженнаго народа, оное Е. И. В. всеподданнѣйше и приносили, на которое Е. И. В. всемилостивѣйше соизволила сама въ отвѣтъ сказать, что Е. В. всегда ко особливой радости и удовольствію служитъ возможность пользу своихъ подданныхъ, хотя бъ то и съ собственнымъ ея убыткомъ было, поспѣшествовать" [1]). Эти перемѣны сильно порадовали Малороссіянъ: молебствія раздавались по церквамъ; были въ Глуховѣ и „водка" у генеральнаго бунчужнаго, и банкеты у обознаго въ честь милостиваго указа [2]). Тѣмъ временемъ Тепловъ оставался въ Глуховѣ въ родѣ alter ego гетмана, подписывая ордеры, за которыми не всегда слѣдовало слѣпое повиновеніе, такъ что въ Ноябрѣ 1753 года Разумовскій выговаривалъ генеральной канцеляріи за невыдачу подводъ по подорожнымъ, подписаннымъ Григоріемъ Николаевичемъ [3]). Старшины, уѣхавшіе съ Разумовскимъ, почти цѣлый годъ при немъ оставались; Безбородко вернулся на родину только на самое короткое время и снова отправился къ гетману, при которомъ попеременно дежурили въ Петербургѣ и Москвѣ кто либо изъ генеральныхъ старшинъ. Управленіе дѣлами въ Глуховѣ, послѣ отъѣзда Теплова, было поручено Кочубею и Скоропадскому, но вскорѣ вслѣдствіе ордера изъ Петербурга мѣсто послѣдняго занялъ Якубовичъ [4]).

Не такъ удачно шли дѣла академіи. Лишь только гетманъ пріѣхалъ въ Москву, къ нему явился Ломоносовъ, исключительно занятый въ то время мыслію о распространеніи въ Россіи мозаичнаго искусства. Шумахеръ отказалъ ему въ отпускѣ. Ломоносовъ обратился тогда съ

[1]) Исторія Соловьева, XXIII, 225.
[2]) Записки Марковича, II, 331.
[3]) Тамъ же, II, 319.
[4]) Тамъ же, II, 320.

просьбою въ сенатъ и отъ генералъ-адмирала князя Михаила Михаиловича Голицына получилъ паспортъ на проѣздъ въ Москву. Гетманъ-президентъ ласково принялъ Ломоносова и во все время пребыванія его въ Москвѣ оказывалъ дружелюбіе. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ на куртагѣ представилъ Ломоносова Государынѣ, которая пожаловала ему деревни и сама изъявила ему желаніе, чтобы онъ занялся исторіею Россіи.

Довольный возвратился Ломоносовъ въ Петербургъ, но здѣсь его ожидали непріятности. Въ профессорскомъ собраніи ему прочтенъ былъ выговоръ отъ президента, а князь Голицынъ получилъ письмо отъ Теплова, въ которомъ, именемъ Разумовскаго, онъ его просилъ въ чужія дѣла не входить [1]). Причину этой перемѣны было угадать не трудно. Разумовскій, занятый дѣлами своего гетманства, не подозрѣвалъ ничего противозаконнаго въ поступкѣ Ломоносова и принялъ его дружески. Рапорты Шумахера, въ которыхъ вѣроятно изображено было самыми черными красками непослушаніе Ломоносова, не признававшаго власти президента, пришли уже послѣ отъѣзда перваго изъ Москвы. Къ тому же Тепловъ, только-что вернувшійся изъ Малороссіи, Елагинъ и Сумароковъ вѣроятно обратили вниманіе Разумовскаго на отношенія Ломоносова къ Шувалову, на благосклонный пріемъ, сдѣланный ему Императрицею, указывали на него какъ на ловкаго пройдоху, интригующаго противъ начальства. Въ письмахъ къ Шувалову Ломоносовъ горько жалуется на академію. Онъ писалъ пространно объ этомъ и къ Разумовскому и просилъ его положить конецъ 20-лѣтнему бѣдственному его положенію и „избавить отъ приближающагося конечнаго разоренія“ [2]). Ломоносовъ добивался того, чтобы „никакія ученыя дѣла не отправлялись“ безъ обсужденія академическаго собранія и чтобъ президентъ не аппробовалъ ничего того, что канцелярія безъ согласія собраній будетъ представлять ему; онъ просилъ Шувалова замолвить слово президенту и ожидалъ какъ отъ Разумовскаго, такъ и отъ Ивана Ивановича „скорой наукамъ помощи“ [3]). Вслѣдствіе жалобъ Ломоносова, несмотря на хорошія отношенія Ивана Шувалова къ младшему Разумовскому, стали при дворѣ поговаривать объ излишествахъ, недостаткахъ и непорядкахъ академіи, и президентъ услышалъ непріятныя тамъ рѣчи о своемъ правленіи [4]). Слѣдствіемъ этихъ непріятныхъ рѣчей было учрежденіе, по приказанію президента, коммиссіи, въ которой засѣдали: Шумахеръ, Ломоносовъ, Штелинъ и Мюл-

---

[1]) Билярскій, Матеріалы, 070.
[2]) Тамъ же, 229.
[3]) Тамъ же, 230.
[4]) Тамъ же, 070.

леръ, „для отрѣшенія излишествъ“ отъ академіи [1]). Коммиссія однако ни къ чему не повела: „съ одного конца академію хотятъ починивать, а съ другого портятъ“, отзывался Ломоносовъ Шувалову [2]). Кромѣ того, президентъ предписалъ Шумахеру всѣ рѣчи, говоренныя академическими студентами, собрать и напечатать на русскомъ языкѣ, и рѣчи, читанныя впредь академическими студентами точно также печатать, „ибо сіе въ публикѣ будетъ доказательствомъ происходящимъ въ университетѣ успѣхамъ“. Наконецъ Разумовскій горячо взялся за изданіе русскаго журнала при академіи. Журналъ этотъ долженъ былъ называться „Санктъ-Петербургскія ежемѣсячныя примѣчанія“; изданіе его поручалось Мюллеру, и онъ долженъ былъ выходить въ 2000 экзѐмплярахъ [3]). Ломоносовъ немедля раскритиковалъ заглавіе, объявивъ, что ежели назвать книгу „Санктпетербургскими штанами, то сіе таковожъ прилично будетъ“ [4]). Начались опять споры и непріятности; наконецъ 1-ая книжка журнала вышла въ 1755 году подъ именемъ: „Ежемѣсячныхъ сочиненій“. Разумовскій особенно интересовался своимъ твореніемъ и когда въ статьяхъ являлись „нѣкоторыя сумнительства“, самъ лично въ бытность свою въ Петербургѣ разрѣшалъ ихъ [5]). По случаю повелѣнія исправить всѣ штаты, регламентъ академіи былъ снова разсмотрѣнъ въ общемъ профессорскомъ собраніи; тутъ дѣло чуть не дошло до драки между Тепловымъ и Ломоносовымъ.

Весною 1754 года дворъ изъ Москвы переѣхалъ въ Петербургъ. За дворомъ послѣдовалъ и гетманъ со всѣмъ своимъ семействомъ. Онъ снова поселился въ хоромахъ своихъ на Мойкѣ [6]), тогда еще деревянныхъ, и снова сталъ принимать у себя все Петербургское общество. Зима съ 1754 на 55 годъ была одна изъ самыхъ блестящихъ славившагося празднествами царствованія Елизаветы. По случаю рожденія Великаго Князя Павла Петровича, при дворѣ были безпрестанные пріемы. Частные люди съ своей стороны старались не отставать отъ двора и наперерывъ другъ передъ другомъ устраивали у себя обѣды, балы, маскарады и прочіе праздники съ иллюминаціями и фейерверками [7]). Между ними особенно отличались роскошью

---

[1]) Билярскій, матеріалы.
[2]) Тамъ же, 261.
[3]) Тамъ же, 46.
[4]) Пекарскій, Редакторъ, Сотрудникъ и Цензоръ, въ „Русскомъ Журналѣ“ 1755—1764 (Приложеніе къ XII т. Зап. Им. Ак. Наукъ, 5).
[5]) Тамъ же, 8.
[6]) Reimers, S.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, II, 177 и Георги Описаніе С.-Петербурга, 101, см. объ этомъ домѣ ниже.
[7]) Hermann's Gesch. d. russ. St. V, 134.

своею праздники Разумовскихъ. Алексѣй Григорьевичъ принималъ дворъ то въ Аничковскомъ дворцѣ Государыни, то въ Цесаревниномъ домѣ, то на Приморской своей дачѣ, то въ Мурзинкѣ, то въ Гостилицахъ [1]). Отъ старшаго брата не отставалъ и Кирила Григорьевичъ. Государыня часто посѣщала его балы и вечера, и иногда оставалась у него до 5-го часа утра [2]). Столъ его славился по всему Петербургу, и поваровъ своихъ онъ выписывалъ изъ Парижа.

Между бумагами младшаго Разумовскаго, сохранившимися въ архивѣ графа Уварова, находимъ нижеслѣдующее письмо отъ Ѳеодора Дмитріевича Бехтѣева, отправленнаго въ Парижъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства и занимавшагося тамъ, между прочимъ, исполненіемъ разныхъ коммиссій для Петербургскихъ придворныхъ.

„По приказу в. с., Григорій Николаевичъ писалъ ко мнѣ о принятіи здѣсь для дома вашего повара или chef de cuisine, а паче всѣхъ стараться склонить къ тому извѣстнаго Баріота [3]), бывшаго гофмейстеромъ маркиза Шетордія. Сей человѣкъ охотно въ службу къ в. с. идетъ. Изъ приложенной при семъ записки, которую онъ мнѣ подалъ, изволите милостиво усмотрѣть, чего онъ требуетъ, полагаясь, впрочемъ, на щедроту вашу, что̀ касается до жалованья. Я думаю, что онъ будетъ доволенъ тремя стами рублями. Нижайше в. с. прошу приказать меня увѣдомить о соизволеніи вашемъ, дабы сей человѣкъ напрасно здѣсь время не пропускалъ и послѣ бы какихъ претензій дѣлать не сталъ, какъ то обыкновенно отъ нихъ бываетъ. Впрочемъ, прошу нижайше о продолженіи мнѣ высокой вашей милости, пребывая съ глубочайшимъ почтеніемъ в. с. всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга. Ѳедоръ Бехтѣевъ.

„Изъ Парижа. Въ 9-е Декабря 1756 г.“

Что графъ Кирила Григорьевичъ былъ охотникъ полакомиться, тому служитъ еще доказательствомъ слѣдующее письмо отъ Новгородскаго архимандрита Іоасафа:

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1864 г., 276.

[2]) Кам.-фуріерскій журналъ 1755 г.

[3]) Маркизъ де-ла-Шетарди пріѣхалъ въ Россію съ огромною свитою; при немъ было 12 молодыхъ людей, состоявшихъ при его миссіи, секретарь посольства, 6 духовныхъ лицъ, частный секретарь и 50 человѣкъ прислуги, между которой было 5 поваровъ, подъ главнымъ смотрѣніемъ кухмистера Баріота или Барридо (Barrideau), который, какъ говорили современники, искусствомъ превосходилъ знаменитаго Дюваля, главнаго повара Фридриха Великаго. Ла-Шетарди съ собою привезъ 100,000 бутылокъ вина, изъ которыхъ было 16,800 бутылокъ шампанскаго. Съ этихъ поръ шампанское стало входить въ общее употребленіе, а со времени Екатерины II стали на банкетахъ его пить при тостахъ. До Екатерины при здоровьяхъ пили Венгерское вино.

Высокосіятельнѣйшій графъ, ясновельможный и высокоповелительный господинъ, милостивый государь и патронъ.

Убогій монахъ, недостойный землякъ вашему высокографскому сіятельству, нижайше челомъ бью. О внутреннемъ моемъ къ высокографской персонѣ вашей искреннѣйшемъ усердіи и почтеніи засвидѣтельствуетъ совершеннѣе Богъ и самая моя совѣсть, нежели сіе малое и подлое письмецо. Я при семъ возымѣлъ дерзновеніе послать къ столу вашего высокографскаго сіятельства новгородской особливой рыбки, подборныхъ сто сиржей, которые если милостиво приняты будутъ, то я себя счастливымъ признавать имѣю; а нынѣ до конца жизни моей пребываю съ должнѣйшимъ высокопочитаніемъ вашей ясновельможности временныхъ и вѣчныхъ благъ всеусердно желающій богомолецъ и нижайшій слуга. Антоніева монастыря Римлянина архимандритъ и Новгородской семинаріи ректоръ Іоасафъ.

Съ Новгорода, 1754 году Августа 8 дня [1]).

Но „средь винъ, сластей и ароматъ" Кирила Григорьевичъ не забывалъ всего на свѣтѣ. Утонченныя блюда, приготовляемыя французскими поварами и вкусныя особливыя рыбки не предлагались однимъ только избраннымъ и знакомымъ пріятелямъ. У Разумовскаго былъ всегда открытый столъ, куда могли являться званые и незваные. Правомъ этимъ воспользовался однажды бѣдный офицеръ, жившій по тяжебнымъ дѣламъ въ Петербургѣ и лишеный всякаго способа къ пропитанію. Каждый день обѣдывалъ онъ у гетмана и, привыкнувъ наконецъ къ дому, вошелъ однажды послѣ обѣда въ одну изъ внутреннихъ комнатъ, гдѣ графъ игралъ, по обыкновенію, съ пріятелемъ въ шахматы. Разумовскій сдѣлалъ ошибку въ игрѣ, офицеръ не могъ удержать восклицанія. Гетманъ остановился и спросилъ у бѣдняка, въ чемъ состояла ошибка. Сконфуженный офицеръ указалъ на промахъ графа. Съ тѣхъ поръ Разумовскій, садясь играть, спрашивалъ „гдѣ мой учитель". Но однажды учитель не пришелъ къ обѣду, гетманъ велѣлъ навести справки, почему его не было. Съ трудомъ дознались, кто былъ незваный гость графа. Несчастный былъ боленъ и въ крайности. Разумовскій отправилъ къ нему своего доктора, снабжалъ его лекарствами и кушаньями, и послѣ выздоровлѣнія помогъ ему выиграть тяжбу и наградилъ деньгами [2]).

Другой разъ у гетмана обѣдалъ Австрійскій посолъ, графъ Эстергази, и показывалъ за столомъ богатую табакерку, подаренную ему Государыней. Всѣ ею любовались, и табакерка обошла вокругъ всего огромнаго стола. Подъ конецъ обѣда посолъ захотѣлъ понюхать та-

---

[1]) Изъ Архива гр. Уварова.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣч. къ стр. 77—78.

баку; онъ сталъ искать табакерку и не находилъ ея. Всѣ присутствующіе, изъ которыхъ многіе были вовсе незнакомы хозяину, поставлены были этимъ въ самое непріятное положеніе. Посолъ сталъ намекать на то, что табакерка украдена. Гетманъ тогда всталъ, перевернулъ свои карманы и громко сказалъ: „господа, я подалъ добрый примѣръ, надѣюсь, что всѣ ему послѣдуютъ и такимъ образомъ успокоятъ господина посла". Всѣ бросились подражать графу, одинъ только бѣдно одѣтый старичокъ, сидѣвшій на отдаленномъ концѣ стола, отказался отъ этого и со слезами на глазахъ объявилъ, что желаетъ наединѣ объясниться съ гетманомъ. Разумовскій вышелъ въ сосѣднюю комнату, за нимъ послѣдовалъ гость его, на котораго со всѣхъ сторонъ устремились косые взгляды. Когда хозяинъ и старикъ очутились наединѣ, послѣдній сказалъ: „Ваше сіятельство, я въ крайней бѣдности и единственно прокармливаю себя и семейство свое вашими обѣдами; мнѣ стыдно было въ этомъ признаться передъ всѣми гостями, не взыщите на меня: я честный человѣкъ и живу трудами своими". При этомъ онъ сталъ вынимать разную провизію изъ кармановъ. Въ эту минуту пришли сказать, что табакерка нашлась у посла: она провалилась между кафтаномъ и подкладкой. Бѣдняку гетманъ назначилъ пожизненный пенсіонъ [1]).

Послѣ пріѣзда Кирилы Григорьевича въ Петербургъ, раздоры въ академіи не успокоивались. Въ 1755 году къ Ломоносову было подкинуто подмётное письмо, которое содержало въ себѣ, „подъ видомъ критики на нѣкоторыя сочиненія, жалобы великія на г. академіи президента, злодѣйскія ругательства совѣтнику Теплову, полковнику Сумарокову, профессору Мюллеру и напослѣдокъ на всѣхъ чужестранныхъ въ академіи служащихъ, злобную клевету". Тепловъ въ авторствѣ письма этого заподозрѣлъ Тредіаковскаго, крайне обиженнаго тѣмъ, что стихи его не помѣщались въ „Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ". Будучи внѣ себя отъ колкой критики на собственныя сочиненія [2]) и особенно на то, что въ письмѣ упоминалось о „барашкѣ"—прозваніи, данномъ ему еще въ дѣтствѣ дьячкомъ, учившимъ его читать, Тепловъ представилъ академіи записку, въ которой всячески ругалъ Тредіаковскаго. Не довольствуясь этимъ, онъ еще его вызвалъ къ себѣ на домъ. Вотъ какъ случай этотъ разсказываетъ самъ злосчастный піита:

„Ложное подозрѣніе на меня о сочиненной невѣдомо кѣмъ критикѣ на сочиненія г. совѣтника Теплова толь мнѣ дорого стало, что едва я себя съ отчаянія добровольной не предалъ смерти. Да и какъ

[1]) Изъ семейныхъ преданій.

[2]) Вѣроятно здѣсь разбиралось сочиненіе Теплова: „Наставленія нравственной философіи или знанія до философіи касающіяся". С.-П.-Б. 1751.

было терпѣть! Г. Тепловъ, призваннаго меня въ домъ его графскаго сіятельства, не обличивъ, и не доказавъ ничѣмъ, да и не чѣмъ пустымъ, ругалъ какъ хотѣлъ м...... и грозилъ шпагою заколоть. Тщетная моя была словесная жалоба, и какъ я на другой день принесъ письменное прошеніе его графскому сіятельству, то одинъ изъ лакеевъ, увидѣвъ меня въ прихожей, сказалъ мнѣ, что меня пускать въ камеры не велѣно. А понеже я съ природы не имѣю нахальства, смѣю похвалиться, то услышавъ такое запрещеніе отъ лакея, тотчасъ вонъ побѣжалъ, чтобы скорѣе уйти домой и съ собой унесть свой стыдъ, а о прошеніи уже моемъ, хотя и законномъ, позабылъ и помышлять" [1]).

Ломоносовъ съ своей стороны продолжалъ вести ожесточенную борьбу съ Шумахеромъ изъ-за пересмотра академическаго устава. Шумахеръ обвинялъ Ломоносова въ томъ, что онъ хочетъ отнять власть у президента. Ломоносовъ отвѣчалъ, что желаетъ только снять съ президента бремя, которое выше силъ одного человѣка. Съ Тепловымъ, какъ мы уже видѣли выше, дѣло дошло чуть не до драки. Дѣло окончилось выговоромъ, сдѣланнымъ Ломоносову отъ имени Разумовскаго и запрещеніемъ первому являться въ академическія собранія. „Я осужденъ, — писалъ Ломоносовъ Шувалову — Тепловъ цѣлъ и торжествуетъ... Президентскимъ ордерамъ готовъ повиноваться, только не Теплову" [2]). Шуваловъ поспѣшилъ однако ходатайствовать за любимаго поэта, и Ломоносову разрѣшено было снова присутствовать въ академическихъ конференціяхъ. Трудно было Разумовскому распутать весь этотъ гордіевъ узелъ академическихъ споровъ, доносовъ и сплетень. Всѣ академики были между собою на ножахъ и кромѣ того, за исключеніемъ осторожнаго Шумахера, открыто враждовали съ Тепловымъ. Не одинъ Ломоносовъ подпалъ подъ гнѣвъ всемогущаго „совѣтника", досталось и ученому историку Мюллеру, на котораго жаловался между прочими и Ломоносовъ, за неосторожныя будто выраженія въ его Сибирской исторіи. Мюллеру отъ имени Разумовскаго запретили сочинять родословныя и у него отнято было мѣсто ректора въ академическомъ университетѣ. Выведенный изъ терпѣнія, Мюллеръ подалъ Кирилѣ Григорьевичу жалобу на Теплова. Въ отвѣтъ на жалобу президентомъ была отправлена въ академію бумага, въ которой между прочимъ было сказано, что нѣкоторые члены препятствуютъ его стараніямъ къ пользѣ этого учрежденія, и прямо указывалось на Мюллера, который изъ академиковъ былъ разжалованъ въ адъюнкты, но впрочемъ не на долго [3]).

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 188 и 193.
[2]) Исторія Соловьева, XXIII, 326—327, и Билярскій, стр. 161.
[3]) Исторія Соловьева, XXIII, 328—331.

Одновременно съ этими внутренними академическими раздорами, въ 1754 на Разумовскаго поданъ былъ доносъ черезъ жида Аарона Якубова, который доводилъ до свѣдѣнія правительства, что бунчуковый товарищъ Яковъ Торновскій и сотникъ Шеноваловскій Максимъ Суханскій торгуютъ подъ именемъ гетмана черезъ Польшу въ Кёнигсбергъ заповѣдными товарами. Е. И. В., какъ сказано въ журналѣ конференціи отъ 22 Марта 1754 г., соизволила слушать выписку изъ дѣла и копію съ грамоты, отправленной къ гетману, „а копію съ отвѣтнаго его листа, за пространностію онаго для прочитанія со временемъ у себя оставить соизволила“. Въ этомъ листѣ Разумовскій несомнѣнно совершенно оправдалъ себя отъ клеветы, такъ какъ не только послѣдствій не было, но даже гетманъ просилъ о томъ, чтобы Кіевскій магистратъ былъ ему подчиненъ. По приказанію Государыни наведены были справки и оказалось, что ни у Скоропадскаго, ни у другихъ прежде бывшихъ до него гетмановъ Кіевскій магистратъ въ вѣдомствѣ не былъ, вслѣдствіе чего Императрица соизволила указать: „Кіевскому магистрату быть при своихъ привилегіяхъ по прежнему, а гетману въ вѣдомство не отдавать“. Точно также отказано было гетману въ просьбѣ его отдать въ его смотрѣніе, зависящіе отъ канцеляріи конфискаціи, села: Хоружевку, принадлежавшее вице-канцлеру графу Головкину, и Ряски, принадлежавшее нѣкогда фельдмаршалу Миниху, состоявшее „для имѣющейся въ немъ суконной фабрики“ подъ вѣдѣніемъ мануфактуръ-коллегіи. Въ 1755 году особыми грамотами подтверждено было гетману: 1) полковниковъ Малороссійскихъ собою безъ указу не производить; 2) чтобы для лучшаго усмотрѣнія и пресѣченія производящихся въ Малой Россіи непорядковъ быть при гетманѣ по прежнему обыкновенію министру изъ генералитета, и 3) чтобъ ему, гетману, собою заграничной корреспонденціи не имѣть, но поступать въ томъ по прежнему, какъ при гетманѣ Скоропадскомъ было [1]). Въ 1754 году уничтожены были „для уравненія свободностію Малороссійскаго равно подданнаго же Е. И. В. народа“ существовавшіе въ Малороссіи внутренніе таможенные сборы, извѣстные подъ названіемъ *индукты* и *евекты* [2]). Въ указѣ отъ 15 Іюля 1754 г. изображено было: „По Малороссійскимъ правамъ, яко то по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу нашу гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Малороссійскимъ и по немъ бывшіе гетманы подтверждены, изъ которыхъ на основаніи гетмана Скоропадскаго нынѣ нашему Малороссійскому гетману всемилостивѣйше отъ насъ быть повелѣно, всѣ въ Малороссіи сборы, выбирая Малороссій-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VII, 344—345; 353.
[2]) Исторія Соловьева XXIII, 247.

скими людьми, а подъ смотрѣніемъ Великороссійскихъ воеводъ, подлежащими въ нашу казну положены и утверждены и точно въ тѣхъ де пунктахъ именовано всякіе въ Малой Россіи сборы, купно и съ доходами отъ купцовъ чуземскихъ индѣ токмо въ Государеву казну во всѣхъ Малороссійскихъ городахъ доходить имѣютъ" [1]). На основаніе этого послѣдняго указа весь индуктный сборъ, приходившійся на долю гетмана, былъ у него отобранъ. Графъ Кирила Григорьевичъ поспѣшилъ по этому случаю обратиться къ канцлеру съ слѣдующимъ письмомъ отъ 4 Декабря 1754 г.: „В. с. извѣстно, что, по представленію Правительствующаго Сената, Е. И. В. Всемилостивѣйшая Государыня высочайше повелѣть соизволила индукту и евекту въ Малой Россіи отставить и повелѣть учредить по всей Малороссійской границѣ портовыя таможни, въ которыхъ сбирать пошлину по тарифу и внутреннюю въ казну Государеву; а мнѣ яко по высочайшей Ея же И. В. милости учрежденному въ Малой Россіи гетману, потому что оный доходъ, въ силѣ высочайше конфирмованныхъ правъ и обыкновеній Малороссійскихъ понынѣ въ домъ на мой собственный прожитокъ приходилъ, никакого за то эквиваленту не пожаловано. Въ указѣ же печатномъ Е. И. В. изъ прав. сената отъ 15 Мая 1754 г. точно изображено, якобы тотъ доходъ индукта и евекта по правамъ и статьямъ, мнѣ даннымъ, подлежитъ въ казну государеву, а не въ скарбъ мой гетманскій, то я принялъ дерзновеніе о томъ подать мое всеподданнѣйшее прошеніе Е. И. В., дабы я не лишенъ былъ той Монаршей милости противу всѣхъ моихъ антецессоровъ, которая мнѣ всемилостивѣйше единожды уже конфирмована высочайшею грамотою за собственноручнымъ Е. И. В. подписаніемъ. И о семъ толь наипаче осмѣлился трудить Е. И. В., что благоволеніе ея есть все то свято сохранить, что мнѣ всемилостивѣйше и Малороссійскому народу акордовать уже соизволила. А яко в. с. первенствующая въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ персона, въ которой всѣ указы государевы, Малороссійскія правы и статьи гетманскія повелѣно особливымъ имяннымъ указомъ Е. В. вѣдать, то я, при поданіи моего всеподданнѣйшаго прошенія Е. И. В., не осмѣлился трудить изъясненіемъ подробно всѣхъ правъ, статей и указовъ, по которымъ индукта и евекта всегда подлежала на гетмана собственно. А прилагаю оныя при семъ в. с. прося покорнѣйше, что ежели Е. И. В. угодно явится потребовать иногда извѣстія отъ в. с., чѣмъ я утверждаю правость мою, внушить сіи мои документы, которые единственно состоятъ на томъ основаніи, которое всемилостивѣйшая Государыня двѣмя высочайшими грамотами, за собственноручнымъ своимъ подписаніемъ, утвердить для непоколеби-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 411—412.

каго по тому исполненію изволила. В. с. чувствительное мнѣ одолженіе покажетъ, когда примете въ разсужденіе правость мою, и чрезъ то отвратите разорительныя слѣдствія дому моему, которыя неослабно приближаются, что самое меня обяжетъ къ совершенному признанію моей благодарности и преданства".

Къ письму приложена была пространная записка, въ которой приведены были въ подробности всѣ пункты привилегій, дарованныхъ Богдану Хмѣльницкому, касающихся до гетманскаго скарба и на основаніи примѣровъ Хмѣльницкаго, Брюховецкаго, Дорошенки и Скоропадскаго, доказывалось, что индукта несомнѣнно приходилась на долю гетмана. „Гетману", сказано въ заключеніи, „не извѣстны тѣ причины, по которымъ онъ лишался, къ крайнему своему недостатку въ содержаніи, сего индуктнаго дохода, безъ котораго ему пробавить себя въ гетманствѣ ни по какой мѣрѣ невозможно, за неимѣніемъ другихъ, кромѣ какъ изъ маетностей доходовъ, которыя по умаленію чуть не большей половины бывшихъ при Скоропадскомъ деревень, не приносятъ по лучшей экономіи и 15,000 рублей въ годъ, а паче за отрѣшеніемъ многихъ другихъ доходовъ, которые получаемы бывали всѣми гетманами". Наконецъ Разумовскій добавляетъ: „ежели сіе показаніе въ чемъ-либо сумнительно, невѣроятно или не довольно ясно покажется, то словесное объясненіе, уповаю, неоспоримо быть можетъ, котораго за пространствомъ изобразить здѣсь невозможно; ибо много препятствуетъ точному разумѣнію и нарѣчіе Малороссійское, которое въ правахъ, въ статьяхъ и универсалахъ гетманскихъ всегда въ иномъ разумѣ писано, нежели какъ на Россійскомъ діалектѣ то разумѣть должно было". Бестужевъ не спѣшилъ докладомъ Государынѣ; онъ „должнымъ себѣ почиталъ простымъ сего поднесеніемъ не утруждать", какъ объяснено имъ было при поднесеніи экстракта, „пока самъ напередъ съ крайнимъ прилежаніемъ и осторожностію не разсмотрѣлъ всѣхъ предъявленныхъ обстоятельствъ и резоновъ, какіе гетманъ на свое право и пользу имѣетъ". Изъ экстракта, составленнаго Бестужевымъ по этому дѣлу для представленія Императрицѣ, оказывается, что сенатъ не почелъ нужнымъ довести до свѣдѣнія коллегіи иностранныхъ дѣлъ, отъ которой зависѣла Малороссія, объ уничтоженіи индукты и что даже канцлеру лично, какъ сенатору, ничего по этому предмету не было сообщено. По мнѣнію Бестужева, при разсмотрѣніи дѣла такой важности слѣдовало не только пригласить въ сенатъ всю коллегію иностранныхъ дѣлъ, но и самого гетмана, однако онъ не смѣетъ объ этомъ говорить, такъ какъ воспослѣдовало уже высочайшее рѣшеніе", но продолжаетъ онъ, „когда всевысочайшая Е. И. В. милость къ гетману неотъемлема, и монаршее ея соизволеніе не токмо много разъ словесно, иногда съ гнѣвомъ на канцлера, а особ-

ливо когда объ опредѣленіи министра представляемо было, но и двумя высочайшими за ея подписаніемъ данными грамотами подтверждено"... то канцлеръ, „не вступая теперь въ разсмотрѣніе учиненныхъ отъ сената объ Украйнѣ распоряженій, яко ему неизвѣстныхъ, не можетъ однакожъ обойтись, чтобъ Е. И. В. всенижайше не представить, что подобное истолкованіе прямому состоянію было совсѣмъ противно". По убѣжденію Бестужева, гетманы несомнѣнно пользовались индуктою. „Но какъ теперь, не вступая въ пространство, дѣло коротко въ томъ состоитъ, что гетманъ по отнятіи у него индукты, за умалившимися въ половину противъ Скоропадскаго съ деревень доходами (хотя и сей индукту также имѣлъ), содержать себя не можетъ, а правосудіе Е. И. В. думать не позволяетъ, чтобъ Е. В., опредѣляя гетмана единственно изъ милости къ Малороссійскому народу, похотѣла, чтобы одинъ нынѣшній гетманъ тогда претерпѣвалъ, когда всѣ ему въ команду ввѣренные ея щедротами пользуются и когда оказуемыя Е. И. В. гетману милости имѣли-бъ служить знакомъ и залогомъ монаршаго ея ко всему народу, имъ управляемому, благоволенія, и когда Е. И. В. то и другое совокупить въ благодѣющей своей рукѣ имѣетъ толико способовъ: ибо видится для гетмана все равно, индуктою ли или другимъ какимъ образомъ получить отъ ея щедроты то, чего нынѣ одинъ изъ всѣхъ гетмановъ лишается и сіе видится толь легче и справедливѣе, что учрежденныя вновь... таможни, имѣя собирать толь несравненно большія противу того пошлины, какъ гетманъ до сего получалъ... и казнѣ, конечно, великаго ущерба не будетъ, когда-бъ изъ тѣхъ пошлинъ столько ему возвращалось, сколько онъ до нынѣ индуктою, а именно по 50,000 рублевъ, къ лучшей своей экономіи получалъ" [1]).

Государыня согласилась съ мнѣніемъ государственнаго канцлера и указомъ отъ 15 Мая 1755 г. повелѣла „по высочайшей своей особливой милости выдавать Малороссійскому гетману графу Разумовскому ежегодно по 50 тысячъ рублей изъ собираемыхъ въ Малой Россіи пограничными таможнями тарифной и 30-копѣечной пошлины, производя сію дачу по третямъ года, начавъ оную съ 1-го Сентября прошлаго 1754 года" [2]). Какъ видно, Разумовскому содержаніе штата въ Глуховѣ стоило не малаго, потому что, несмотря на эту милость, онъ еще просилъ взаймы 60,000 рублей. Вслѣдствіе этой просьбы, отъ 4 Октября 1756 года Государыня предписала сенату: „выдать Малороссійскому гетману графу Разумовскому 60,000 рублей, которые изъ опредѣленной ему по пятидесяти тысячъ повсегодной изъ таможенъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 408—421.

[2]) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

суммы вычитать черезъ три года, всякій годъ по 20,000 рублей, начиная съ перваго Января настоящаго 1756 года" [1]).

Указомъ отъ 17 Января 1756 года, состоявшимся по прошенію Разумовскаго, всѣ дѣла Малороссійскія были перенесены изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ сенатъ [2]). Такимъ образомъ гетманъ сталъ зависѣть отъ первой въ государствѣ инстанціи. Въ этой мѣрѣ нельзя не видѣть перваго шага къ уравненію Малороссіи съ остальными частями Имперіи. Гетманъ здѣсь явно дѣйствовалъ по побужденію Теплова. Григорій Николаевичъ, породнившійся третьимъ бракомъ своимъ на Матренѣ Герасимовнѣ Стрешенцовой, сестрѣ жены генеральнаго обознаго Кочубея, съ гетманомъ, сталъ подумывать о томъ, что можетъ произойти, ежели бы, паче чаянія, старшій Разумовскій былъ удаленъ отъ двора. Онъ, если не ошибаемся, уже исподоволь готовился къ переходу въ противный лагерь, или по крайней мѣрѣ заранѣе такъ обставлялъ свои дѣла, чтобы отъ какой-либо внезапной перемѣны не пострадать, какъ было во времена оны, когда онъ состоялъ при Волынскомъ. Этимъ объясняется записка Теплова „О непорядкахъ въ Малороссіи" [3]), гдѣ онъ старается выставить передъ Императрицей Елизаветой Петровной аномалію тогдашняго состоянія Украйны и вредъ, который отъ этого претерпѣвала казна. Въ каждой строкѣ записки этой проведена мысль о необходимости радикальныхъ перемѣнъ въ Малороссіи и объ уравненіи правъ ея съ правами остальныхъ частей Имперіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой мысли было много вѣрнаго, но въ то же время нельзя не замѣтить, что записка дѣлаетъ мало чести Теплову. Будь бумага эта представлена Разумовскому, дѣло было бы другое, но она готовилась къ подачѣ Государынѣ и, судя по тону, какимъ говорится о послѣднемъ гетманѣ, помимо его. Такимъ образомъ записка оказывается чѣмъ-то въ родѣ доноса. Не даромъ опасалась графиня Наталья Демьяновна хитраго Теплова. Въ вопросѣ о перенесеніи Малороссійскихъ дѣлъ изъ иностранной коллегіи въ сенатъ, Тепловъ былъ движимъ личною ненавистью къ великому канцлеру. Отношенія къ послѣднему младшаго Разумовскаго, несмотря на дружественную съ виду переписку, все болѣе и болѣе охлаждались, гетманъ охотно внималъ наущеніямъ своего совѣтника и весьма доволенъ былъ окончательно выдти изъ-подъ надзора старика Бестужева. Но напрасно Тепловъ готовился такъ преждевременно къ паденію Разумовскихъ. Положеніе ихъ при дворѣ нисколько не поколебалось. Правда, что графъ Алексѣй Григорьевичъ, съ тѣхъ поръ какъ Шуваловы окончательно вошли въ милость, держался въ сто-

1) Изъ бумагъ Государственнаго архива.

2) Записки Марковича, II, 385.—

3) Кулишъ, Записки о Южной Россіи, II, 171.

ронѣ и только изрѣдка, когда представлялся случай, ходатайствовалъ за своихъ родственниковъ и друзей [1]), но все-таки Императрица не оставляла его своими милостями. Такъ, племянникъ его Михайло Власьевичъ Будлянскій, воспитанный вмѣстѣ съ извѣстнымъ образованностью своею графомъ Яковомъ Ефимовичемъ Сиверсомъ [2]), былъ пожалованъ камергеромъ ко двору Наслѣдника; другой племянникъ Дараганъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ [3]). Племянницы Марина и Софья Осиповны Закревскія и Софья Ефимовна Дараганъ—были взяты фрейлинами ко двору, а двоюродные племянники Петръ и Василій Ивановичи Разумовскіе, воспитанные въ кадетскомъ корпусѣ, пожалованы: первый—Нѣжинскимъ, а второй—Гадячскимъ полковниками; къ тому же, второй нѣсколько позднѣе произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ егермейстеромъ [4]).

Въ 1756 году Государыня подарила старшему Разумовскому, построенный по ея приказанію въ 1748 году [5]) графомъ Растрелліемъ,

---

[1]) Mémoires de Catherine, II.

[2]) Blum, ein Russischer Staatsmann, IV. Тайный совѣтникъ и камергеръ Михаилъ Власьевичъ Будлянскій первый ввёлъ въ Малороссіи посадку табака. Ему принадлежало мѣстечко Срѣбное, въ Прилукскомъ уѣздѣ, до сихъ поръ центръ малороссійской табачной промышленности. Тютюнъ долгое время назывался „Камергеркою" въ честь Будлянскаго. Онъ жилъ въ Чемерѣ (который успѣлъ отецъ его оттянуть у кіевскихъ писарей) истымъ бариномъ, имѣлъ 5,000 душъ крестьянъ и извѣстный по всей Малороссіи оркестръ, которымъ управлялъ капельмейстеръ итальянецъ Баби (сообщено Г. П. Галаганомъ). Михаилъ Власьевичъ былъ женатъ на Софьѣ Петровнѣ Валькевичъ и имѣлъ двухъ сыновей, Алексѣя и Петра, умершихъ бездѣтными (см. о первомъ князь Шаликовъ: „Путешествіе въ Малороссію" и Лазаревскій, „Очерки старѣйшихъ родовъ Черниго. губ."). Все имѣніе Будлянскихъ перешло въ родъ Ширяевъ. У Михаила Власьевича была сестра Марина Власьевна за Даниломъ Петровичемъ Апостоломъ.

[3]) Камеръ-фуріерскій журналъ, 1755 г.

[4]) Тамъ же, 1756, 1757 и 1758 года. Изъ нетитулованныхъ Разумовскихъ, одинъ только Василій Ивановичъ былъ женатъ на графинѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ Апраксиной, которой братъ, какъ мы увидимъ ниже, женился на одной изъ дочерей гетмана. Василій Ивановичъ умеръ въ 1800 году, въ пожалованномъ ему Елизаветою селѣ Сенковицахъ и похороненъ въ Сергіевой пустынѣ близъ Петербурга. Тамъ же похоронена и жена его († 1806). У нихъ были двѣ дочери, I. Александра Васильевна, за Алексѣемъ Деденевымъ, о которомъ Гельбигъ говоритъ, что онъ былъ человѣкъ весьма странный и въ обществѣ неуживчивъ (für die Gesellschaft ganz unbrauchbarer Charakter. Russ. Günstlinge, 214). У Деденевыхъ былъ сынъ камергеръ Михаилъ Алексѣевичъ, р. 1793, † въ Дрезденѣ 1831, и дочь Софья Алексѣевна за ген. отъ инф., ген.-адъют. и с.-петерб. ген.-губернаторомъ Матвѣемъ Евграфовичемъ Храповицкимъ (1784, † 1847); его первая жена. Вторая дочь В. И. Разумовскаго, Наталья Васильевна (1761 † 1844), была замужемъ за Д. С. С. Муравьевымъ.

[5]) Въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ 1755 года, Аничковскій дворецъ называется еще „Аничковскимъ Ея Императорскаго Величества дворцомъ"; а въ 1757 уже просто „Аничковскимъ домомъ". До 1756 г. онъ отдавался разнымъ лицамъ для

Аничковскій дворецъ. Дворецъ этотъ, весьма великій, стоялъ въ тѣ времена на открытомъ мѣстѣ; онъ былъ въ три этажа и имѣлъ совершенно простой фасадъ. На улицу выходилъ на сводахъ висячій садъ, равный ширинѣ дворца. Дворцовый садъ въ видѣ неправильнаго четырехугольника простирался до Садовой улицы. Въ саду находилось каменное зданіе въ одинъ этажъ, въ которомъ помѣщена была картинная галерея графа [1]). Уже въ первые годы своего царствованія Елизавета подарила Разумовскому дворецъ, въ которомъ сама жила до восшествія своего на престолъ, и который былъ извѣстенъ подъ названіемъ Цесаревнинаго дворца. Онъ находился на Царицыномъ лугу не далеко отъ Милліонной, близъ дома, принадлежавшаго графу Лестоку, а потомъ подареннаго фельдмаршалу Апраксину [2]), на мѣстѣ нынѣшнихъ Павловскихъ казармъ и дома принца Ольденбургскаго. Замѣчательно, что ни жалованныхъ грамотъ, ни указовъ на пожалованіе этихъ двухъ дворцовъ не было.

Въ государственномъ архивѣ мы нашли записку, безъ подписи и числа, въ которой изъяснено, что жалуются графу Алексѣю Григорьевичу, еще не фельдмаршалу, въ потомственное владѣніе: „два собственныхъ наши каменные дома въ С.-Петербургѣ. Одинъ построенный на рѣкѣ Фонтанкѣ, что у Аничковскаго моста со всѣми строеніями каменными и деревянными безъ изъятія, и что въ нихъ мебелевъ и другихъ наличностей имѣется, такожъ и съ мѣстомъ принадлежащимъ къ тому дому, которое лежитъ за каменной оградой на берегу той же рѣки, а другой, что противъ нашего большого сада на Красной улицѣ по каналу стоитъ, со всѣми же строеніями и мебелями, какъ оный нынѣ находится“. Второй домъ былъ несомнѣнно тотъ, который былъ извѣстенъ подъ именемъ Цесаревнина. Кирила Григорьевичъ, послѣ смерти брата, обратился къ Екатеринѣ II съ просьбою о грамотѣ на имѣнія его; вопросъ же о собственности дворцовъ передавалъ на монаршее благоволеніе. Екатерина все за нимъ утвердила [3]). Елизавета Петровна любила посѣщать Аничковскій домъ, хотя графъ Алексѣй Григорьевичъ продолжалъ по прежнему жить при ней во дворцѣ; часто ѣзжала она туда къ обѣднѣ [4]) и постоянно, покамѣстъ

праздниковъ; такъ, напримѣръ, тамъ принималъ Государыню и дворъ австрійскій посолъ графъ Эстергази (Камеръ-фуріерскій журналъ 1755 года). Георги въ описаніи говоритъ, что Аничковскій дворецъ выстроенъ въ 1744 году, а Reimers (Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts) въ 1748 году; придерживаемся послѣдняго показанія.

[1]) Тамъ же, 108.

[2]) Нынѣ домъ графини Игнатьевой, рожд. кн. Мещерской.

[3]) См. приложенія.

[4]) Камеръ-фуріерскіе журналы 1757, 1758, 1759 и 1760 годовъ.

здоровье ей позволяло, праздновала тамъ именины своего тайнаго супруга. Наконецъ, 5-го Сентября 1756 года, въ день своего тезоименитства, Государыня пожаловала Алексѣя Григорьевича, въ одно время съ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ и Степаномъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ, въ генералъ-фельдмаршалы. „Повелѣваемъ", сказано въ указѣ сенату, „нашему генералъ-фельдмаршалу графу Алексѣю Разумовскому, съ пожалованія его фельдмаршаломъ, жалованіе производить по нынѣйшнему его фельдмаршальскому чину полное, а раціоны и на деньщиковъ изъ военной суммы" [1]). Военной коллегіи объявлено было, „что при нашемъ фельдмаршалѣ и кавалерѣ графѣ Разумовскомъ быть въ штатѣ 2-мъ генеральсъ-адъютантамъ, 2-мъ флигель-адъютантамъ и одному секретарю обыкновенныхъ чиновъ по фельдмаршалскому штату и съ полнымъ жалованіемъ по ихъ рангамъ изъ военной суммы" [2]). Преданіе гласитъ, что Елизавета уже давно собиралась возвысить Разумовскаго въ это званіе, но скромный Малороссіянинъ всегда отъ него отказывался; наконецъ, когда указъ былъ подписанъ, онъ сказалъ ей: „Государыня, ты можешь меня назвать фельдмаршаломъ, но никогда не сдѣлаешь изъ меня даже порядочнаго полковника. Смѣхъ да и только!"

Въ то время, какъ въ Петербургѣ весело праздновали рожденіе Великаго Князя Павла Петровича и тайные замыслы Бестужева и Екатерины черезъ рожденіе это получали новую силу, событія на Западѣ быстро шли впередъ. Европа, умиротворенная Ахенскимъ конгрессомъ, снова грозила загорѣться всеобщею войною. Бестужевъ справедливо гордился Ахенскимъ миромъ и вполнѣ имѣлъ право смотрѣть на него какъ на свое твореніе. Ахенскій конгрессъ состоялся, благодаря появленію на Рейнѣ Русскаго 30,000 корпуса, содержимаго Англіею и Нидерландами. Россія, не тратя ни людей, ни денегъ, вдругъ заняла въ Европѣ первое мѣсто. Дружбы ея домогались первенствующія державы. Но на самомъ дѣлѣ Ахенскій конгрессъ не рѣшилъ ни одного изъ вопросовъ, волновавшихъ Европу. Вражда между Пруссіею и Австріею не ослабѣвала, и обѣ державы только выжидали случая помѣрить силы свои на полѣ битвъ. Это было скорѣе перемиріе, чѣмъ что другое. Вѣрный преданіямъ Петра Великаго и своего недруга Остермана, Бестужевъ, съ самаго начала царствованія Елизаветы, держался, какъ мы видѣли, союза съ Австріею. Съ Вѣнскимъ дворомъ былъ заключенъ договоръ, по которому обѣ державы обязывались, въ случаѣ нападенія на владѣнія одной изъ нихъ, выставить 30,000 кор-

---

[1]) Государственный архивъ.

[2]) Тамъ же.

[illegible] АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РАЗУМОВСКІЙ

[illegible]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

1) Государственный архивъ.
2) Тамъ же.

ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ

РАЗУМОВСКІЙ

ОБЕРЪ-ЕГЕРМЕЙСТЕРЪ И ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

1) Государственный архивъ.

2) Тамъ же.

пусъ на помощь союзницы. Въ то же время Бестужевъ искалъ союза и съ Англіею, къ которой былъ привязанъ лучшими воспоминаніями юности. Отъ Пруссіи и Франціи отдаляли его какъ интересы Россіи, такъ и личная вражда къ Фридриху II-му и Версальскому кабинету, столь долго и неутомимо, черезъ Мардефельда, Ла-Шетарди и Лестока, трудившихся надъ его паденіемъ. Тройственнымъ союзомъ между Россіею, Англіею и Вѣнскимъ дворомъ, канцлеръ думалъ удержать statu quo въ Европѣ и помѣшать новому пролитію крови. Изъ Англіи, съ цѣлію заключить тѣсный союзъ, отправленъ былъ въ Россію сиръ Чарльсъ Ганбюри Виліамсъ (sir Charles Hanbury Williams, 1709 † 1759) одинъ изъ самыхъ блестящихъ представителей славившагося въ то время остроуміемъ и ученостію лондонскаго общества. „Можно сказать, что еще никакой государь не имѣлъ удовольствія быть толико почитаемымъ“, говорилъ Бестужевъ о Елизаветѣ въ докладной запискѣ, имъ поданной Государынѣ 19 Января 1756, ...„были ли... къ славѣ Е. И. В. канцлеровы труды, оное Е. В. лучше извѣстно“. И въ самомъ дѣлѣ никогда еще Россія не имѣла такого громаднаго вліянія на дѣла Европы и нѣтъ сомнѣнія, что вліяніемъ своимъ отечество наше не мало было обязано трудамъ канцлера. Несмотря на свои огромные недостатки, на корыстолюбіе, неразборчивость средствъ для достиженія своихъ цѣлей, на крайнее честолюбіе и пр., и пр., и пр., Бестужевъ все-таки оставался на 16-мъ году царствованія Елизаветы тѣмъ, чѣмъ былъ при началѣ его, т.-е. единственнымъ человѣкомъ, способнымъ управлять кормиломъ государства среди волненій внѣшней политики. Съ большою опытностью въ дѣлахъ дипломатическихъ онъ соединялъ рѣдкія познанія и несомнѣнно желалъ величія Россіи, хотя иногда любовь къ родинѣ подчинялъ личнымъ выгодамъ. Теперь труднѣе, чѣмъ когда-нибудь стало управленіе дѣлами государственными. Въ Европѣ произошла внезапная перемѣна, которой никто не ожидалъ и не предвидѣлъ и которая спутала соображенія самыхъ искусныхъ дипломатовъ, а между ними и Бестужева. Льстивыя письма Маріи-Терезіи ко всемогущей маркизѣ де-Помпадуръ измѣнили всю политику Версальскаго двора, а кстати и ловко употребленное выраженіе: „ma cousine“ — стерло тѣ кровавыя воспоминанія, которыя, казалось, на вѣкъ должны были отдѣлить Францію отъ Вѣнскаго кабинета. Освященныя вѣками, преданія Генриха IV, Людовика XIII и Людовика XIV были забыты; Франція протянула руку своему историческому врагу и, забывъ недавнюю связь съ Пруссіею, открыто выступила противъ Фридриха-Великаго. Австрія, Франція и большая часть Германіи соединились въ одно; на сторонѣ Пруссіи оставалась одна только Англія. При такомъ неожиданномъ переворотѣ, Бестужевъ, болѣе чѣмъ когда-либо, стремился къ союзу съ

Сенъ-Джемскимъ дворомъ. Союзъ этотъ могъ парализировать прежній договоръ съ Австріею и спасти Россію отъ пагубной войны. Бестужевъ рѣшился на всякій случай двинуть войска къ границѣ и на-готовѣ выжидать удобнаго случая вмѣшаться въ дѣла Европы, не теряя ни людей, ни денегъ. Въ это трудное для Бестужева время, когда ему приходилось безпрестанно бороться съ сильными противниками, на каждомъ шагу натыкаться на подкопы и видѣть, какъ, благодаря нежданнымъ событіямъ на Западѣ, подъ мѣткими ударами его враговъ, сокрушалось зданіе его политики, съ такимъ трудомъ и терпѣніемъ возведенное, новая неожиданность еще болѣе расшатала его нетвердое положеніе при дворѣ и окончательно уронила его въ глазахъ Императрицы. Неожиданность эту породила Англія. Въ началѣ пребыванія Виліамса въ Россіи все улыбалось Британскому посланнику. Канцлеръ принялъ его самымъ дружелюбнымъ образомъ. Въ свитѣ его находился красивый и блестящій графъ Станиславъ Понятовскій, вскорѣ сблизившійся со дворомъ Великокняжескимъ. Понятовскій сталъ безпрестанно посѣщать живописный китайскій павильонъ, выстроенный Екатериною среди тѣнистыхъ дубовъ Ораніенбаумскаго парка и свелъ Виліамса съ Великою Княгинею. Въ Лондонѣ сэръ Чарльзъ считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ и остроумныхъ собесѣдниковъ; онъ былъ другомъ Гораса Вальполя, лорда Голланда, Лительтона и Фильдинга. Онъ любилъ литературу, писалъ стихи и славился своими политическими пѣснями. Екатерина вполнѣ поддалась обаятельному уму ловкаго и любезнаго Англичанина. Между ними завязалась переписка, въ которомъ молодая Великая Княгиня совершенно откровенно высказывала все то чтб у ней было на душѣ. Къ сожалѣнію, переписка эта, которая должна пополнить всѣ недомолвки записокъ Екатерины, еще недоступна изслѣдователямъ. Она намъ извѣстна только по краткимъ отрывкамъ, внесеннымъ профессоромъ Соловьевымъ въ его исторію. „Шуваловы не любятъ васъ за вашу дружбу съ Разумовскими и Бестужевымъ“, писалъ къ ней Виліамсъ, „они будутъ хлопотать съ помощью Австрійскаго и Французскаго пословъ, боясь восшествія на престолъ Великаго Князя, и провозгласятъ вашего сына, удаливъ васъ изъ Россіи“. „Я съумѣю разрушить ихъ замыселъ“, отвѣчала Екатерина, „или умру, или буду царствовать, а не поступлю какъ Шведскій король“ [1]). Въ другомъ письмѣ она прямо излагаетъ свой планъ дѣйствія въ случаѣ смерти Елизаветы: „Я иду прямо въ комнату моего сына; если встрѣчу Алексѣя Разумовскаго, то оставлю его подлѣ маленькаго Павла; если же нѣтъ, то возьму ребенка въ свою комнату; пошлю за офицерами гвардіи, за Бестуже-

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 62—63.

вымъ, Апраксинымъ и Ливеномъ и сама иду въ комнату умирающей... если замѣчу малѣйшее движеніе, то овладѣю Шуваловыми". Далѣе Екатерина сообщаетъ, что имѣла тайное свиданіе съ гетманомъ графомъ Кирилою Григорьевичемъ Разумовскимъ, который увѣрялъ ее въ успѣхѣ ея дѣла и утверждалъ, что Измайловскій полкъ, котораго онъ состоялъ подполковникомъ, послѣдуетъ за нимъ. Гетманъ ручался, что его братъ въ предсмертныя минуты Елизаветы возьметъ Великаго Князя Павла и сбережетъ его. Екатерина просила гетмана забыть прежнюю вражду съ Бестужевымъ, такъ какъ всѣ ея друзья должны теперь дѣйствовать за-одно. Гетманъ же долженъ былъ склонять въ пользу Екатерины Бутурлина, Трубецкаго и даже Воронцова, втайнѣ ненавидѣвшаго Шуваловыхъ. „Я рѣшилась", писала еще Екатерина, „или царствовать, или погибнуть" [1]). При такой откровенности со стороны женщины, на которую уже обратили взоры всѣ лучшіе люди Русскіе, неудивительно что Виліамсъ слѣпо вѣрилъ въ успѣхъ свой. Онъ уже мечталъ разыграть роль новаго де-ла-Шетарди, но въ это самое время Англійское правительство неожиданно заключило союзъ съ Фридрихомъ II. Виліамсъ все еще твердо вѣрилъ въ свой успѣхъ, онъ ожидалъ скорой развязки; Елизавета была опасно больна, доктора отчаявались въ ея выздоровленіи. Но и здѣсь онъ ошибся.

Между тѣмъ вліяніе Шуваловыхъ возросло до высшей степени. Иванъ Ивановичъ, открытый любимецъ Государыни, былъ всемогущъ, но вліяніе свое онъ по мѣрѣ силъ употреблялъ на пользу отечества, забывая о себѣ и довольствуясь личнымъ расположеніемъ Императрицы. За то двоюродные его братья быстро достигли высшихъ государственныхъ почестей. Оба были уже Андреевскими кавалерами и графами; изъ нихъ графъ Александръ Ивановичъ, по смерти графа Ушакова, назначенъ былъ начальникомъ страшной тайной канцеляріи, а графъ Петръ Ивановичъ, настоящая глава всей Шуваловской партіи, въ 1756 году получилъ мѣсто генералъ-фельдцейхмейстера. Благодаря женѣ своей, графинѣ Маврѣ Егоровнѣ, нѣкогда любимой камерфрау, а теперь всемогущей наперсницѣ Государыни, и двоюродному брату, часто, но, къ сожалѣнію, всегда безуспѣшно старавшемуся освободиться изъ-подъ его опеки, успѣлъ графъ Петръ Шуваловъ завладѣть довѣренностью Елизаветы Петровны. Безпрестанные недуги ослабили нервы Императрицы: ей постоянно приходила на умъ первая ночь ея царствованія, и она опасалась, чтобы съ ней не поступили точно такъ, какъ нѣкогда поступила она съ несчастной Анной Леопольдовной. Этимъ настроеніемъ ловко воспользовался графъ Шуваловъ; онъ старался еще болѣе усилить боязнь Государыни, увѣрялъ ее, что она окружена

---

[1]) Тамъ же, XXIV, 64.

тайными недоброжелателями, готовыми на всякое преступленіе, и наконецъ ему вполнѣ удалось убѣдить больную и слабѣющую Императрицу въ томъ, что одинъ онъ въ состояніи оградить ее отъ дѣйствія скрытыхъ враговъ. Въ этомъ состояла главная сила его при дворѣ. Безъ всякой подготовки къ дѣламъ государственнымъ, лишенный образованія и познаній, крайне самонадѣянный, Шуваловъ на самомъ дѣлѣ способенъ былъ только къ однимъ мелкимъ придворнымъ интригамъ; но, тщеславный и честолюбивый, онъ, несмотря на всю свою несостоятельность, стремился къ достиженію исключительнаго вліянія на дѣла и хотѣлъ стать во главѣ управленія. Не имѣя никакой опытности въ вопросахъ дипломатическихъ, незнакомый съ тайными пружинами Европейскихъ кабинетовъ, никогда не бывавшій на войнѣ и кое-какъ знавшій службу, онъ однако ни передъ чѣмъ не останавливался: брался и за составленіе новаго уложенія, и за финансовые вопросы, и за управленіе политикой Русскаго двора, и за выдумку гаубицъ, и за учрежденіе военнаго строя. Достигнувъ почти исключительнаго вліянія, онъ, еще недавно съ покорностью склонявшій спину подъ батогами всемогущаго Разумовскаго, сдѣлался теперь самымъ гордымъ временщикомъ двора Елизаветы. Даже многочисленные его кліенты, запрудившіе всѣ отрасли управленія, были надменности невыносимой. Не менѣе Бестужева падкій къ деньгамъ, Шуваловъ набивалъ свои карманы трудовою копѣйкою народа, тогда какъ канцлеръ исключительно наживался деньгами, получаемыми отъ иностранныхъ державъ. Разумѣется, всѣ дѣйствія Шувалова носили отпечатокъ мелкости его способностей. Все дѣлалось наскоро, кое-какъ, безъ системы и логики. Какъ при Петрѣ были у насъ въ модѣ Голландцы, при Екатеринѣ I и Аннѣ Ивановнѣ—Нѣмцы, такъ теперь при Елизаветѣ, со временъ де-ла-Шетарди, въ ходъ пошли Французы. Пышные праздники, блестящая свита и звонкія фразы Французскаго посла сдѣлали глубокое впечатлѣніе на поверхностныхъ людей, а между ними и на И. И. Шувалова. Все Французское стало въ модѣ при дворѣ и въ высшемъ свѣтѣ, Французскій языкъ быстро вошелъ въ общее употребленіе. Къ сожалѣнію, въ этомъ слѣпомъ пристрастіи грѣшенъ былъ Иванъ Ивановичъ, находившійся въ дѣятельной перепискѣ съ Вольтеромъ, который писалъ тогда, по заказу двора нашего, исторію Петра Великаго. Благодаря этому настроенію высшаго общества, графъ Петръ Ивановичъ сталъ открытымъ сторонникомъ Франціи; тѣсный союзъ съ Версальскимъ дворомъ сдѣлался любимою мечтою его. Не разбирая, выгоденъ ли союзъ этотъ для Россіи и какія будутъ отъ него послѣдствія, онъ сталъ всячески, безъ вѣдома Бестужева, стремиться къ осуществленію своей цѣли. Бехтѣевъ былъ отправленъ тайнымъ агентомъ въ Парижъ. Со стороны Франціи явились въ Пе-

тербургъ извѣстный шевалье или, вѣрнѣе, „шевальерша" д'Эонъ и шевалье Макензи Дугласъ. За Бехтѣевымъ въ Парижѣ всячески ухаживали; что же касается до Дугласа, хотя онъ собственно былъ только повѣреннымъ принца де-Конти и не имѣлъ никакого оффиціальнаго положенія при Русскомъ дворѣ, однако онъ вскорѣ сталъ домашнимъ человѣкомъ у Шуваловыхъ и Воронцова и, помимо канцлера, успѣлъ снова завести дипломатическія сношенія между Россіею и Франціею и подготовить путь къ пріѣзду посла маркиза Лопиталя. Замѣчательно, что Дугласу поручено было, между прочимъ, отъ Французскаго правительства развѣдать о причинахъ, заставившихъ вызвать изъ Украйны гетмана, о томъ, что думають о вѣрности Малороссіянъ и какъ съ ними обходятся въ Петербургѣ [1]). Интриги до того сплелись при дворѣ, что трудно было даже самому хитрому и ловкому придворному разобрать этотъ гордіевъ узелъ. Съ одной стороны была сильная партія Шуваловыхъ, отъ которой тайкомъ начиналъ отдѣляться Воронцовъ. Съ другой стороны стоялъ старый канцлеръ, опиравшійся на Алексѣя Григорьевича Разумовскаго и въ то же самое время находившійся въ открытой враждѣ съ гетманомъ, который съ своей стороны былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ Виліамсомъ и Понятовскимъ. Послѣдній былъ своимъ человѣкомъ въ гетманскомъ домѣ и тамъ проводилъ почти всѣ вечера. Австрійскій посолъ графъ Эстергази, нѣкогда лучшій другъ Бестужева, перешелъ на сторону Шуваловыхъ. Оставалась Великая Княгиня, но на нее можно было разсчитывать для будущаго, а въ настоящемъ ея положеніи она могла мало принести пользы. Екатерина принуждена была скрывать сочувствіе свое къ канцлеру, которое могло, въ случаѣ, если бы слухи о немъ дошли до Императрицы, сильно повредить обоимъ. Противъ Шуваловыхъ могла она дѣйствовать только орудіями свѣтской женщины. Она на каждомъ шагу выказывала имъ глубочайшее презрѣніе, отыскивала ихъ смѣшныя стороны и преслѣдовала ихъ своими насмѣшками и сарказмами, которые повторялись по всему городу. Графы Шуваловы своею нетерпимою гордостью успѣли нажить себѣ много недоброжелателей, поэтому всякій охотно смѣялся и передавалъ знакомымъ колкости Великой Княгини. Кромѣ этого, Екатерина болѣе чѣмъ когда-нибудь ласкала Разумовскихъ, всегда, впрочемъ, ею особенно любимыхъ [2]), и этимъ опять-таки досаждала Шуваловымъ, такъ какъ послѣдніе, по ея свидѣтельству, были въ описываемое нами время открытыми недоброжелателями графовъ Алексѣя и Кирилы Григорьевичей [3]).

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 68.
[2]) Mémoires de Catherine II, 229.
[3]) Тамъ же, 422.

Недоброжелателями этими, однако, были одни графы Шуваловы; съ Иваномъ же Ивановичемъ и Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ графъ Кирила Григорьевичъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ. Императрица снова заболѣла. Врачи отчаявались въ выздоровленіи. Шуваловы испугались и стали заискивать у Екатерины; переговоры между ними и Великою Княгинею шли черезъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго и Бецкаго. Апраксинъ совѣтовалъ Екатеринѣ не брезгать Шуваловыми, она написала къ Ивану Ивановичу письмо, переданное ему Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и принятое, по словамъ послѣдняго, съ восторгомъ [1]). Но Государыня, вопреки всеобщимъ ожиданіямъ, поправилась. Назначенъ былъ военный совѣтъ, въ которомъ положено было дѣйствовать наступательно. Послѣ союза Англіи съ Пруссіею не могло уже быть рѣчи о субсидномъ договорѣ. Вступленіе Фридриха въ Саксонію крайне разгнѣвало Императрицу. Со всѣхъ сторонъ готовились къ войнѣ. Виліамсъ заявилъ, что Фридрихъ проситъ Императрицу принять на себя посредничество въ примиреніи съ Австріею, но видя, что заявленію этому плохо вѣрятъ при дворѣ, сталъ грозить нападеніемъ со стороны Прусскаго короля. 31 Декабря 1756 г. Елизавета подписала актъ приступленія къ Версальскому договору, заключенному между Австріею и Франціею. Напрасно наслѣдникъ престола позволилъ себѣ нѣкоторыя возраженія на конференціи: „что сдѣлано, то сдѣлано по моему приказанію“, отвѣчала ему Государыня, „и я не хочу, чтобы объ этомъ разсуждали“ [2]). Бестужевъ не переставалъ надѣяться, что, по крайней мѣрѣ для Россіи, до открытой войны дѣло не дойдетъ, и, вѣрный своему плану, выдвинулъ къ границамъ войска, подъ начальствомъ фельдмаршала Степана Ѳеодоровича Апраксина, лучшаго своего друга, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ и пользовавшагося довѣріемъ Великой Княгини. Другъ канцлера, Апраксинъ былъ въ то же время близокъ и къ Шуваловымъ: дочь его княгиня Елена Степановна Куракина была въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ графомъ Петромъ Ивановичемъ и имѣла на него большое вліяніе. Съ однимъ только гетманомъ не въ ладахъ былъ Апраксинъ: они какъ-то повздорили вмѣстѣ и злые языки увѣряли, что фельдмаршалу досталось отъ гетманскихъ кулаковъ [3]).

Вообще графъ Кирила Григорьевичъ былъ очень горячъ и не всегда умѣлъ сдерживать себя; онъ поссорился и съ благодушнымъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, и какъ видно не на шутку. „Je

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 65.
[2]) Тамъ же, XXIV, 84.
[3]) Raumer, II, 409.

dois avec regret communiquer à Votre Excellence", писалъ Шуваловъ къ Воронцову, „que ce matin Hetman (sic) m'a fait des reproches et des reprimandes si vives qui me sont d'autant plus sensibles que je n'y ai aucune part. C'est par rapport de ce qu'on lui a ôté la garde. V. e. pourra penser combien il est fâcheux pour un homme de se voir traité de la sorte. Je suis fâché de mon coeur de perdre ses bontés. Il faut qu'il y ait des gens qui nous ont brouillés. Voilà, monseigneur, les recréations que je suis obligé d'essuyer de beaucoup de gens qui me font toujours coupable sans reflechir" [1]).

Но ссора эта какъ видно продолжалась не долго; уже въ Январѣ 1757 года Шуваловъ пишетъ Воронцову: „on m'a dit que Vous êtes chez son excellence hettmane, je Vous prie, monseigneur, de lui faire mes respects [2])", и въ томъ же году, какъ мы увидимъ ниже, между Кириломъ Григорьевичемъ и Шуваловымъ завязалась дѣятельная переписка.

Гетманъ продолжалъ жить въ Петербургѣ открытымъ домомъ, щеголяя экипажами [3]) и собирая у себя отборное общество. Depuis ce temps là (1756) je commençai à fréquenter plus souvent la cour et le grand monde, allant dans les meilleures maisons, comme celle du hetmann comte de Rasoumovsky, fort lié avec notre famille, le prince Troubetzkoy, le c-te Cheremeteff..." повѣствуетъ въ запискахъ своихъ графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ [4]).

Военныя приготовленія отозвались и въ Малороссіи. Уже въ 1754 году 200 Запорожцевъ выступили изъ Сѣчи для прикрытія Елизаветграда отъ нечаянныхъ нападеній Татаръ, а въ слѣдующемъ году, по случаю смерти султана Махмуда I, войска казацкія были усилены на границахъ [5]). Въ правительствующій сенатъ въ Апрѣлѣ 1756 года сообщено было экстрактомъ изъ протокола конференціи, „чтобы Малороссійскихъ Украинскихъ гетманскаго уряду казаковъ съ потребною старшиною такимъ образомъ нарядить, чтобы оные всѣ и каждый о дву конь по первому указу въ двѣ или три недѣли со-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VI, 275.

[2]) Тамъ же, VI, 284.

[3]) Бехтѣевъ писалъ изъ Парижа къ графу М. И. Воронцову: „Я самъ закажу карету графу Кирилѣ Григорьевичу... на каретѣ графа Алексѣя Григорьевича думаю вмѣсто золота сдѣлать простой лакъ и только одинъ гербъ по сторонамъ; здѣсь каретъ болѣе не золотятъ". „Для его сіятельства гетмана", пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ Воронцову же, „карету я заказалъ; карета для графа Алексѣя Гр. дѣлается, оная выбита будетъ зеленымъ травчатымъ бархатомъ, но позолоты снаружи мало будетъ". „Карета е. с. графа Алексѣя Григорьевича, стала здѣсь на мѣстѣ въ 5.327 ливровъ" (Тамъ же, томы III и VI).

[4]) Архивъ князя Воронцова, V, 15.

[5]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 203.

браться могли и по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ провіанта съ собою имѣли, однакожъ безъ обозу". 26 Августа приказаніе это наикрѣпчайше подтверждено. Въ Сентябрѣ повелѣно было изъ конференціи, чтобы, такъ-какъ войска выступающія на границу подъ предводительствомъ Апраксина отчасти собирались въ Малороссіи, то чтобы провіантъ и фуражъ для нихъ были заготовлены своевременно и „потому разсуждено отъ Сената учинить какъ наискорѣе такое опредѣленіе, дабы какъ Малороссійскій гетманъ, такъ до пріѣзда его туда тамошняя войсковая канцелярія по присылаемымъ прямо отъ его превосходительства генерала фельдмаршала и кавалера требованіямъ во всемъ скорое и неотложное исполненіе чинили". Въ то же время запрещенъ былъ выгонъ рогатой скотины изъ Малороссіи въ Силезію [1]). 5000-ный отрядъ былъ назначенъ для выступленія къ Прусскимъ границамъ подъ начальствомъ генеральнаго есаула Якубовича; однако вслѣдствіе представленій гетмана, выступили только 1000 человѣкъ подъ командою Якубовича, Прилуцкаго полковника Галагана и обозныхъ полковыхъ: Стародубскаго Скакуна и Кіевскаго Солонины. При отрядѣ этомъ состоялъ тоже бригадиръ Капнистъ. Кромѣ того, 8000 посполитовъ, или крестьянъ, отправлены были къ арміи, чтобы исправлять должность погонщиковъ [2]). Среди всеобщаго ожиданія и приготовленій къ войнѣ, въ Запорожскомъ войскѣ возникло неудовольствіе. Казаки жаловались, что ихъ тѣснятъ. Сенатъ вслѣдствіе этихъ жалобъ приказалъ перенесть запорожскіе зимовники, находящіеся по сію сторону рѣки Самоктани, въ другое мѣсто въ Запорожскихъ же дачахъ, чтобы никакъ ссоръ, особенно же гайдамацкаго воровства не было, и предписалъ гетману, отобравъ мнѣніе кошевого, представить ему это мнѣніе, приложивъ свое заключеніе. Запорожцы требовали, чтобы у Старосамарскихъ жителей отнято было право владѣть мѣстами на рѣкѣ Самарѣ и чтобы Запорожскому войску даны были грамоты на всѣ владѣемыя имъ съ давнихъ поръ земли. Сенатъ отвѣчалъ, что требованія Запорожцевъ неосновательны; завязалась переписка. Запорожцы доказывали, что такъ было при Хмѣльницкомъ; сенатъ отвѣчалъ, что грамоты, на которыя казаки ссылаются, нельзя отыскать и приказалъ, чтобы гетманъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, и Запорожское войско назначили особыхъ людей, которые должны сдѣлать описаніе всѣмъ Запорожскимъ землямъ и угодьямъ, положить на карту и представить въ сенатъ. При этомъ дано почувствовать Запорожью, что полная независимость при выборахъ должностныхъ лицъ не будетъ уже допущена. Въ то же самое время

---

1) Архивъ кн. Воронцова, III, 454 и 493.

2) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 204.

графъ Кирилл Григорьевичъ донесъ сенату, что Запорожцы на сходкѣ избрали прежняго атамана, а судью, писаря и есаула—новыхъ, не давъ ему о томъ знать, вслѣдствіе чего онъ велѣлъ кошевому и старшинѣ прислать объясненіе, на какомъ основаніи это сдѣлано [1]). Въ связи съ этими безпорядками находились письма Малороссійскихъ эмигрантовъ временъ Мазепы: Нахимовскихъ, Мировичей и Орликовъ, перехваченныя Львовскимъ почтмейстеромъ и представленныя въ Петербургъ нашимъ посланникомъ въ Варшавѣ—Гроссомъ. Эмигранты говорили о тайныхъ переговорахъ кошевого съ Крымскимъ ханомъ и о скоромъ возстаніи Запорожцевъ [2]). Все это вмѣстѣ дѣлало присутствіе младшаго Разумовскаго въ Малороссіи необходимымъ. Отъ 12 Ноября онъ получилъ изъ конференціи слѣдующій указъ:

„Отъ часу распространяющееся въ Европѣ военное пламя и то участіе, которое мы въономъ по силѣ нашихъ обязательствъ необходимо принять принуждены, заставляя натурально помышлять и о собственной обширныхъ нашей имперіи границъ безопасности и,—Малороссія по причинѣ ближкаго сосѣдства Оттоманной Порты и подвластныхъ ей Татаръ, а паче своевольства Запорожскихъ казаковъ, кои всегда, вмѣсто укрѣпленія сосѣдственной дружбы и согласія, подаютъ поводъ къ непріятнымъ жалобамъ, заслуживаютъ наибольшую атенцію. Сія провинція, вашему управленію ввѣренная, требуетъ теперь при такомъ деликатномъ дѣлъ состояніи необходимо вашего въ оной какъ наискорѣе присутствія, толь наипаче, что въ принятіи потребныхъ къ безопасности ея на всякій случай предосторожностей, не можемъ мы лучше полагаться какъ на вашу довнанную ревность и искуство, а и вы не можете того лучше въ дѣйство произвести, какъ дѣйствительно тамо присутствуя. Потребными къ тому наставленіями вы отъ времени до времени снабдѣваемы будете, а между тѣмъ:

1-е. Недреманно вы смотрѣть имѣете, не будетъ ли какихъ со стороны короля Прусскаго или отъ кого бы то ни было изъ-за границы тайныхъ подсылокъ и какихъ злостныхъ разглашеній.

2-е. За Запорожскими казаками также крѣпко смотрѣть и отъ всякаго своевольства воздерживать, дабы не могли нарушать сосѣдственнаго согласія; почему виноватыхъ строго наказывать, а обиженнымъ скорое и достаточное удовольствіе доставлять.

3-е. Нашему генералу фельдмаршалу Апраксину по его требованіямъ всегда скорое вспоможеніе и удовольствіе показывать, какъ вамъ и прежде рекомендовано было.

4-е. Поручаемый вамъ отъ нашего сената нарядъ на нынѣшнее

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 105—106.

[2]) Тамъ же, XXIV, 156—157.

нужное военное время нѣкотораго числа съ Малороссіи людей стараться какъ наилучше и наискорѣе въ дѣйство произвести“ [1]).

На этотъ указъ гетманъ поспѣшилъ отвѣтить, что онъ къ отъѣзду готовится, что относительно перваго пункта онъ проситъ дать знать на Украйну; касательно второго пункта онъ „по истинному подданству присяжнаго раба и по непоколебимой своей вѣрности къ освященной Е. И. В. особѣ и къ сохраненію во всѣхъ случаяхъ высочайшаго Е. И. В. государственнаго интересса долженствуетъ чистою совѣстію признаться, что въ вѣрноподданномъ Малороссійскомъ народѣ ни малѣйшаго наклоненія къ таковымъ вѣроломнымъ помысламъ ни тайнаго, ни явнаго онъ не примѣчалъ и не уповаетъ, чтобы сей народъ на таковое душевредство поступать теперь могъ“. Касательно 4-го пункта гетманъ обѣщался сдѣлать все возможное, но при томъ за долгъ считаетъ напомнить, что Малороссія страна пограничная и вовсе безъ людей оставаться не можетъ [2]). Одновременно съ этимъ отвѣтомъ гетманъ обратился къ Государынѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Высочайшее В. И. В. повелѣніе, дабы мнѣ въ Малую Россію немедленно отъѣхать, мнѣ объявлено изъ конференціи по которому и отправлюсь туда съ поспѣшеніемъ. Но при отъѣздѣ моемъ дерзновеніе пріемлю всеподданнѣйше просить милосердымъ окомъ воззрѣть на обстоятельства моей опечаленной теперь фамиліи. Беременная моя почти уже на сносѣхъ жена съ восемью малолѣтними и по большей части больными дѣтьми въ такомъ состояніи теперь, что мнѣ ихъ съ собою взять, какъ для холодовъ наступившихъ, такъ и для дальняго пути, и помыслить невозможно; а оставить къ приближающимся родамъ одну ее съ столь многочисленною и малолѣтнею фамиліею любовь и само человѣколюбіе воспрещаетъ, да и В. И. В. благоутробіе и милосердіе къ роду человѣческому того учинить великодушно не дозволитъ. Того ради съ глубочайшимъ моимъ рабολѣпствомъ всеподданнѣйше прошу повелѣть мнѣ здѣсь еще остаться, доколѣ жизнь жены моей изъ страху выйдетъ, дабы я, оставя ее въ такомъ опасномъ состояніи, не восчувствовалъ иногда въ отдаленіи осиротѣлыхъ моихъ малолѣтнихъ дѣтей. Впрочемъ военныя обстоятельства зимнимъ временемъ въ Малой Россіи опасными быть не кажутся, а хотя бы что и было сумнительно, то повѣренный тамъ генералитетъ и Малороссійская старшина, сколько мнѣ извѣстно, довольно о томъ предосторожности имѣть могутъ, да и подтвердить имъ, доколѣ я пріѣду, изъ своихъ командъ, наистрожайше о томъ можно. Ежели В. И. В. сіе мое всеподданнѣйшее и всекрайне нужное прошеніе неугодно явится, то я, не пріемля никакихъ о фамиліи

---

1) Архивъ князя Воронцова, III, 544—545.

2) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

моей размышленій, Божію предусмотрѣнію и В. И. В. милосердому благопризрѣнію предавъ жену и всю малолѣтнюю мою при ней фамилію, отъѣду немедленно въ Малую Россію. На сіе ожидаю всеподданнѣйше В. И. В. милостивѣйшаго повелѣнія и есмь по гробъ В. И. В. всенижайшій и всеподданнѣйшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій" [безъ числа] [1]).

Прошеніе явилось угоднымъ; графъ получилъ разрѣшеніе оставаться въ Петербургѣ до родовъ жены. Она родила 8-го Января 1757 года, сына Льва. 14 Февраля Государыня съ Наслѣдникомъ престола крестила новорожденнаго [2]). Сейчасъ послѣ крестинъ гетманъ сталъ собираться въ путь.

„Отъѣзжая на Украйну (въ 1751 г.)" писалъ Ломоносовъ о графѣ Кирилѣ Григорьевичѣ, въ длинномъ представленіи, адрессованномъ вѣроятно И. И. Шувалову, „президентъ повѣрилъ правительство одному Шумахеру и пріѣхавъ, представилъ въ присутствіе трехъ человѣкъ: первый безсовѣтный, другой шалунъ, третій невѣжда. Съ пріѣзда графъ былъ въ академіи только однажды". На этотъ разъ Ломоносовъ не имѣлъ причинъ жаловаться; отправляясь въ Малороссію Разумовскій, подъ предлогомъ старости и дряхлости Шумахера, предписалъ: „присутствовать въ канцеляріи академической и всѣ текущія по академіи дѣла обще съ Шумахеромъ подписывать г. коллежскому совѣтнику и профессору Ломоносову и г. коллежскому ассессору и унтеръ-библіотекарю Тауберту, поступая во всемъ по регламенту и приложенной при семъ особливой инструкціи, о чемъ отъ меня и въ правительствующій сенатъ доношеніемъ представлено" [3]). Вообще въ то время по городу относительно президента академіи ходили весьма нелестные слухи. Говорили между прочимъ, что гетманъ больше наплодилъ дѣтей, чѣмъ читалъ книгъ и лучше зналъ разныхъ Петербургскихъ красавицъ, чѣмъ членовъ академіи [4]).

Передъ отъѣздомъ гетману дано было вмѣсто кафтана и запоны 1116 рублей 52 копѣйки, а чиновникамъ, при немъ бывшимъ, вмѣсто соболей и камокъ: новому генеральному судьѣ Журману—250 рублей, а остальнымъ по 60 рублей. По всей дорогѣ, на каждомъ почтовомъ стану, велѣно было выставить по 200 подводъ, по примѣру пріѣздовъ

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

[2]) Камеръ-фуріерскій журналъ 1757 года. Графиня Екатерина Ивановна родила: въ 1753 г. дочь графиню Дарью Кириловну (умерла въ малолѣтствѣ, въ Москвѣ, 1762 года); въ 1754 г.—дочь графиню Анну Кириловну; въ 1755 г.—дочь Прасковью Кириловну.

[3]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 608—609.

[4]) „Русскій Архивъ" 1873 г., II, 1912—1913.

гетмана Скоропадскаго [1]). Гетманъ отправился въ путь съ Тепловымъ, Журманомъ и „прочими своими придворными“ [2]). Графиня Екатерина Ивановна съ дѣтьми и Матреною Герасимовною Тепловой осталась въ Петербургѣ. „Другъ нашъ его сіятельство гетманъ поѣхалъ въ Украйну, а графиня со всѣмъ домомъ здѣсь осталась“, писалъ графъ М. И. Воронцовъ къ графу М. П. Бестужеву [3]).

ГЛАВА VIII.

Пребываніе гетмана въ Малороссіи.— Переписка съ Петербургомъ.

„Вашего сіятельства письмо дружеское отъ 13-го сего мѣсяца я получилъ исправно“—писалъ изъ Москвы графъ Кирила Григорьевичъ къ графу М. И. Воронцову, „и за предварительное увѣдомленіе вашихъ ко мнѣ дружескихъ сентиментовъ отъ искренняго сердца в. с. покорнѣйше благодарствую. Я, слава Богу, благополучно въ Москву 18 подъ вечеръ, т.-е. во вторникъ, пріѣхалъ, и ежели бы не столь худая дорога отъ множества снѣговъ, которая какъ сани мои всѣ почти переломала, такъ и меня самого крайне обезпокоила, удержала меня въ Москвѣ дней на пять: то бы я, нимало не мѣшкавъ, далѣ въ путь отправился. Однакожъ не далѣе какъ до воскресенія пробуду, а между тѣмъ, пользуясь компаніею братца вашего Ивана Ларивоновича, и какъ съ нимъ, такъ и съ другими немногими пріятелями, побывавъ у себя въ Троицкомъ и Петровскомъ, завтра ѣду къ вамъ обѣдать въ Коньково и тамъ буду имѣть удовольствіе пить в. с. и милостивой государыни моей графини Анны Карловны и Анны Михайловны здоровіе. Въ вашемъ домѣ воспоминаніе дружбы вашей любезнѣе еще мнѣ покажется, хотя, гдѣ бы я ни былъ, истиннаго себѣ друга и безъ того не забываю.

Москва, 20-го февраля 1757 г. [4]).

Въ Глуховъ гетманъ пріѣхалъ 2 Марта; тамъ ожидала его старушка-мать [5]).

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 174—175.
[2]) Зап. Марковича, II, 343.
[3]) Архивъ кн. Воронцова, II, 367.
[4]) Тамъ же, IV, 379—380.
[5]) Записки Марковича, II, 343.

Осмотрѣвъ состояніе Малороссіи, гетманъ отправилъ къ Государынѣ слѣдующее донесеніе:

„Всепресвѣтлѣйшая и проч. По всевысочайшему соизволенію В. И. В. пріѣхалъ я въ Глуховъ сего Марта 2-го дня и все, что всемилостивѣйше мнѣ ввѣрено отъ В. И. В. по нынѣшнимъ военнымъ конъюнктурамъ, осмотрѣлъ съ крайнимъ моимъ усердіемъ и вѣрноподданнической вѣрностью. По исполненіи же того дерзновеніе пріемлю В. И. В. всеподданнѣйше донести, что Малая Россія во всѣхъ ея предѣлахъ, самодержавію В. В. подвластныхъ, Богу благодареніе, находится въ вѣрноприсяжной своей должности, и никакихъ постороннихъ ниже подсылокъ, ниже какихъ либо сумнительствъ по сіе время нигдѣ и ни отъ кого не слышно, и не было. О чемъ собственно по моей рабской должности В. И. В. доношу, и, припадая къ стопамъ, есмь по конецъ жизни моей В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ Кирила Разумовскій.

Марта 17 дня 1757 г. Глуховъ" [1]).

Нѣкоторыя сумнительства были однако слышны со стороны Запорожья: атаманы Минскаго куреня Шкура и Ирклеевскаго—Кишенскій, возмутили казаковъ, взяли насильно котлы и, ударяя въ нихъ, созвали раду. Собралось около 300 казаковъ и избрали, вмѣсто прежнихъ кошевого и судьи,—Шкуру и Кишенскаго. Но избраніе это было кассировано атаманами, которые возвратили власть прежнимъ своимъ предводителямъ. Узнавъ о самовольномъ поступкѣ Шкуры и Кишенскаго, Разумовскій приказалъ ихъ арестовать, равно какъ и другихъ зачинщиковъ и представить въ Глуховъ. Между тѣмъ кошевой и войсковая старшина, при видѣ общаго неудовольствія, отказались отъ власти. Безъ разрѣшенія гетмана, приступлено было къ новымъ выборамъ. Коль скоро слухъ о томъ дошелъ до Глухова, графъ Кирила Григорьевичъ отправилъ на Запорожье универсалъ, въ которомъ объяснено было, что за такое дѣло войско Запорожское весьма достойно быть подъ истязаніемъ и штрафомъ и чтобъ впредь не смѣли, подъ опасеніемъ высочайшаго гнѣва, сами собою увольнять кошевого и старшину и выбирать новыхъ. Въ то же самое время гайдамаки оговорили кошевого и старшину, что они брали у нихъ въ подарокъ ограбленныя вещи" [2]).

Другое дѣло, которымъ пришлось Разумовскому заняться вскорѣ послѣ своего пріѣзда, касалось до секретныхъ связей, которыя могли имѣть съ Малороссіею Нахимовскій, Мировичъ, Орликъ и другіе

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.
[2]) Исторія Соловьева, XXIV, 175.

эмигранты, покинувшіе Украйну послѣ Полтавскаго боя. Объ этихъ секретныхъ связяхъ доносилъ посланникъ нашъ въ Варшавѣ Гроссъ. Львовскій почтмейстеръ сообщилъ секретно Гроссу письмо изъ Яссъ отъ Нахимовскаго къ Орлику, находившемуся на Французской службѣ въ чинѣ бригадира. Въ письмѣ этомъ Нахимовскій говорилъ, что въ то время какъ онъ былъ въ Крыму, кошевой войска Запорожскаго прислалъ къ хану нарочнаго подъ видомъ купца, съ тѣмъ, чтобы войти въ переговоры касательно освобожденія казаковъ изъ-подъ Русскаго ига. Ханъ не давалъ рѣшительнаго отвѣта, и ожидалъ внушеній изъ Стамбула; что же касается до самого Нахимовскаго и Мировича, то они, по словамъ перваго, всячески старались возбудить посланца противъ Москалей“ [1]).

Какъ письмо это, такъ и надежды, въ немъ выраженныя о томъ, что дѣла Малороссіи начинаютъ поправляться, было не что иное, какъ пустое хвастовство. Все въ Малороссіи было вполнѣ покойно, не было ни малѣйшаго признака измѣны, ничего подобнаго не приходило на умъ казакамъ, и безпорядки на Запорожьѣ не имѣли никакого особенно важнаго значенія. Тѣмъ не менѣе слухи эти сильно раздражали графа Кирилу Григорьевича и онъ, не зная подробностей, приписывалъ ихъ недоброжелательству къ себѣ великаго канцлера.

„Пріятнѣйшія письма в. с.“, писалъ онъ къ Воронцову, „и съ приложеніями я получилъ исправно. Благодарствую в. с. за увѣдомленія дружескія и поздравленіе имянинами. Взаимно имѣю честь и васъ поздравить, какъ съ прошедшимъ праздникомъ Воскресенія Христова, такъ и приближающимся торжествомъ дня коронаціи Е. В. всемилостивѣйшей нашей Государыни. При томъ о себѣ объявляю, что я не очень здоровъ. Воздухъ здѣшній, жизнь скучная, а при томъ прешедшій постъ и дурная дорога въ худомъ моемъ и безъ того здоровіи много перемѣны сдѣлали, и я опасаюся, чтобъ больше не занемочь. И доктора не имѣю, и взять его негдѣ; голова уже безпрестанно побаливаетъ, а насморки обыкновенные много силы берутъ. Сожалѣю, что в. с. и сами часто также западаете; желаю, чтобъ лѣто хотя сіе васъ поправило и недостатки тѣ наградило въ здоровіи, которые нынѣшней зимой претерпѣли. Е. с. милостивой государынѣ моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ Христосъ Воскресе и съ любезною графинею Анною Михайловною. Апрѣля 3 дня 1757 г. Глуховъ.

„P. S. Полученный мною изъ конференціи рескриптъ привелъ меня въ немалое сумнѣніе, а особливо переводъ извѣстнаго письма. В. с. яко другу моему, открываюсь, что сіе дѣло есть совсѣмъ несбытное и неосновательное; а больше почитаю, что вымышленное моими извѣст-

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 156—157.

ными пріятелями, такого свойства, каковы были мнимые шпіоны отъ Короля Прусскаго, единственно только для того, чтобъ сдѣлать мое присутствіе здѣсь нужнымъ, важнымъ и весьма необходимо полезнымъ, дабы черезъ то вложить мнѣніе всемилостивѣйшей нашей Государынѣ, какая опасность отъ сего края быть можетъ, въ наблюденіе чего, чтобъ меня засадить въ семъ скучномъ мѣстѣ и затворить бы путь къ моему возвращенію въ Петербургъ, ежели пожелаю. Сіе есть мое мнѣніе въ разсужденіе сей матеріи. В. с., будучи при самомъ источникѣ оной, можете лучше меня видѣть и знать, и ежели можете при оказіи мнѣ ваше о семъ дружеское мнѣніе открыть, то меня много одолжите. Въ прочемъ позвольте, м. г. мой, себѣ дружески попенять, для чего вы мнѣ не сообщили въ письмѣ вашемъ о семъ извѣстномъ и надежномъ каналѣ, чрезъ которое сіе письмо получено, ибо когда дѣло и матерія мнѣ ввѣряется, то для чего-жъ происшествіе о нихъ мнѣ для единственнаго моего знанія не сообщить? Вы изъ многихъ опытовъ могли примѣтить, что я повѣренность друзей моихъ такихъ, какимъ в. с. быть себѣ ласкаю, всегда крѣпко храню и ни для чего въ свѣтѣ другу моему злодѣемъ быть не могу. Рекомендуется мнѣ въ рескриптѣ, чтобъ имѣть предосторожность отъ пріѣзжающихъ изъ Крыму, Молдавіи и Польши. Воистину чудное дѣло поручается, котораго, сколь мое усердіе ни велико, сполнить не могу, яко же всѣ пограничные посты, какъ-то: форпосты, заставы и таможни не въ моей власти, ниже вѣдѣніи состоятъ. Сіе мое разсужденіе для единственнаго вашего знанія дружески сообщаю. Я надѣюсь, что и впредь будутъ сему подобные забубоны вымышлены, причемъ имѣю твердую надежду, что вы, гдѣ возможно будетъ, употребите стараніе добраго друга, чтобъ сему не вовсе слѣпо вѣрили. Моя преданность къ в. с., любовь и дружба нелицемѣрная заставятъ васъ дѣлать, что должность друга въ такихъ случаяхъ требуетъ, въ чемъ я ни мало не сомнѣваюсь".

Дѣло однако разъяснилось и Разумовскій сталъ придумывать средство отдѣлаться отъ безпокойныхъ эмигрантовъ, клеветавшихъ на вѣрныхъ казаковъ. Въ то же время онъ писалъ къ Воронцову, отъ 6 Апрѣля:

„Провизія моя Венгерскихъ винъ изъ Токая пришла благополучно, о чемъ я по причинѣ военныхъ нынѣшнихъ обстоятельствъ не мало сомнѣвался. Не могъ я оставить, чтобъ съ в. с. оною не подѣлиться, изъ которой теперь имѣю честь послать в. с. десять анталовъ, изъ всякаго сорта по одному. В. с. усмотрите, что нынѣшняго года Венгерскія вина очень хороши. Прошу оныя въ здоровіе употреблять [1])".

[1]) Всѣ письма гетмана, писанныя имъ къ Воронцову въ 1757, заимствованы нами изъ Архива князя Воронцова, IV, 379—393.

Воронцовъ съ своей стороны почти еженедѣльно переписывался съ Разумовскимъ и передавалъ ему всѣ городскія извѣстія. „Его сіятельство братецъ вашъ", писалъ онъ между прочимъ отъ 12 Марта, „намѣренъ обычайно свои имянины въ Аничковомъ домѣ отправлять, гдѣ и Е. В. присутствовать соизволитъ". „Мы еще донынѣ о счастливомъ вашемъ въ Глуховъ пріѣздѣ извѣстія не имѣемъ,—сообщалъ онъ 21 Марта,—и вчерась, будучи съ е. с. братцемъ вашимъ въ Аничковомъ домѣ, обѣдавъ со всѣмъ синодомъ и духовенствомъ, много о в. с. говорили, и о здоровьѣ вашемъ пито". „Позвольте мнѣ попенять", пишетъ еще вице-канцлеръ, „что вы насъ здѣсь друзей своихъ, черезъ такъ долгое время, оставили въ великомъ безпокойствѣ, не имѣвъ понынѣ (2 Апрѣля) никакого извѣстія о вашемъ пріѣздѣ въ Глуховъ; а графиня ваша и братецъ въ крайней печали и сомнѣніи о вашемъ здоровіи пребываютъ...... у насъ ни единъ день не проходитъ, чтобы мы о любезномъ гетманѣ не поминали, всегда сожалѣя о разлученіи съ вами" [1]). Въ другомъ еще письмѣ Воронцовъ говоритъ, что по случаю неполученія извѣстій отъ Разумовскаго „въ городѣ уже были нескладные эхи", но что онъ ни мало не удивляется, что гетманъ „никакой пріятной сосіеты и забавы въ его скучномъ мѣстѣ найти не изволилъ" [2]).

Гетманъ наконецъ придумалъ способъ отдѣлаться отъ эмигрантовъ. „При семъ отправленіи" писалъ онъ отъ 12 Апрѣля, „ничего новаго донести не могу. Ѣзжу уже давно по зеленымъ полямъ, и лѣсы густѣть начинаютъ; однакожъ воздухъ нѣсколько холоденъ. Со всѣмъ тѣмъ, лишася компаніи Петербургской, ничто не веселитъ и желаю какъ наискорѣе съ вами видѣться.

„P. S.—Послѣдній рескриптъ заставилъ меня думать, какимъ образомъ истребить сей каналъ, откуда сіи вѣсти (о намѣреніи Запорожцевъ отложиться отъ Россіи) приходятъ, которыя смущаютъ тѣхъ, которымъ дѣла сіи ввѣрены (т.-е. Бестужева), а наводятъ на сей край недовѣренность въ то время, когда ни одна душа здѣсь такого безбожнаго мнѣнія не имѣетъ, но напротиву того всѣ пребываютъ въ непоколебимой вѣрности къ Е. И. В., въ чемъ в. с. твердо увѣряю. Для пресѣченія сего мнѣ кажется можно способъ употребить, чтобъ двухъ или трехъ бездѣльниковъ (Нахимовскаго и Мировича) истребить, которые въ Крыму изстари живутъ, и будучи заражены старинными мыслями, по старинному пишутъ и разсуждаютъ, забывъ то, что Украйна послѣ того времени, можно сказать, что совсѣмъ переродилась, и совсѣмъ не то правленіе, не такіе правители, не тѣ по-

---

1) Архивъ князя Воронцова, IV, 428 и 429.

2) Тамъ же, IV, 430.

читай люди, и слѣдовательно не тѣ ужъ и мысли въ нихъ пребываютъ. Для успокойствія всего, мнѣ кажется, что можно сихъ плутовъ оттуда украсть или какимъ способомъ истребить, о успѣхѣ котораго увѣрить за подлинно васъ не могу, только стараніе удобовозможное употреблено будетъ. Сіе дѣло какъ весьма деликатное и требуетъ политическаго размышленія, то я собою отнюдь ничего дѣйствовать не дерзаю, ежели мнѣ не повелѣно будетъ свыше; а вамъ, яко другу моему, мое мнѣніе открываю для единственнаго вашего знанія. Я хотѣлъ было о сей матеріи письмо писать къ персонѣ Е. И. В. съ представленіемъ моего мнѣнія, только поудержался съ тѣмъ. Ежели вы разсудите, что сіе будетъ не лишнее, то и тогда можно будетъ сіе сдѣлать. Итакъ васъ прошу при первой оказіи дать мнѣ знать, что вы о семъ думаете; а здѣсь всѣ жестоко злятся на сихъ пребывающихъ въ Крыму бездѣльникахъ, яко рушителей здѣшняго покоя наведеніемъ на сей край подозрѣнія и сомнѣнія о вѣрности той, которую всѣ единодушно къ Е. И. В. имѣютъ".

Воронцовъ отвѣчалъ на это предложеніе, что несомнѣнно желательно бы было, чтобы Нахимовскій и Мировичъ были какимъ случаемъ истреблены или украдены, но еще лучше ихъ оставить въ презрѣніи „тѣмъ болѣе, что никакого опасенія отъ ихъ каверзъ имѣть не можно, а они уже престарѣлые люди и скоро въ гробъ пойдутъ". Впрочемъ, вице-канцлеръ совѣтовалъ о предложеніи семъ довести гетману до свѣдѣнія Государыни или по малой мѣрѣ о томъ отписать въ конференцію „единственно для показанія тѣмъ усердія и ревности къ службѣ", причемъ добавилъ, что предложеніе это „не инако, какъ весьма пріятно здѣсь принято быть можетъ" и что объ этомъ уже увѣдомленъ Воронцовымъ графъ Алексѣй Григорьевичъ [1]).

О дѣятельности гетмана въ это пребываніе его въ Глуховѣ мы имѣемъ не много извѣстій. Онъ отстаивалъ, сколько могъ, передъ сенатомъ старинныя права Малороссіи. Между прочимъ, онъ жаловался на то, что главный магистратъ опредѣлилъ для словеснаго суда между купцами по два человѣка изъ великороссійскихъ купцовъ и что для протеста векселей въ Кіевѣ, Нѣжинѣ, Ромнахъ и Борзнѣ назначенъ былъ публичный нотаріусъ. Дѣло это возбуждалось уже не впервые. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что гетманъ уже въ 1754 году объяснилъ, что въ Малороссіи суду и расправѣ во всѣхъ претензіяхъ надлежитъ быть по силѣ малороссійскихъ правъ, въ малороссійскихъ судебныхъ мѣстахъ, и потому Малороссіяне должны быть освобождены отъ новаго учрежденія. На этотъ разъ ходатайство Разумовскаго имѣло успѣхъ: нотаріусъ и купцы были обратно вызваны въ Россію. Вскорѣ

---

1) Архивъ князя Воронцова, IV, 431.

послѣ этого, гетманъ получилъ изъ сената грамоту, въ которой излагалась необходимость ввести словесные суды въ Малороссіи. Графъ Кирила Григорьевичъ отвѣчалъ, что часъ отъ часу рождается ему большая темнота и затрудненіе въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ, благодаря неточному истолкованію постановленій о Малороссійскомъ народѣ, на которыхъ гетманъ Богданъ Хмѣльницкій приступилъ подъ всероссійскую державу. Въ статьяхъ Хмѣльницкаго, писалъ гетманъ, смѣшиваются пункты, утвержденные царемъ, съ пунктами, которые упоминались только въ разговорѣ между боярами и гетманскими посланцами; отъ этого и происходятъ противорѣчія [1]). Съ цѣлью выработать сводъ малороссійскихъ правъ и вольностей, весьма дотолѣ неопредѣленныхъ, гетманомъ созвана была въ Глуховъ особая коммиссія, но сводъ, ею составленный, пришелся не по вкусу генеральной старшинѣ [2]). Съ другой стороны, сенатъ довольно колко отвѣчалъ Разумовскому. Сенатъ не усматривалъ изъ гетманскаго листа, какая темнота и затрудненіе рождаются гетману въ правленіи дѣлъ малороссійскихъ и какая происходитъ неточность въ истолкованіи постановленій о Малороссійскомъ народѣ. „Самъ гетманъ", гласитъ даже отвѣтная грамота, „въ своемъ листѣ ни малѣйшаго о томъ изъясненія не прописываетъ и не упоминаетъ, кромѣ одного дѣла о словесныхъ между купцами судахъ; но одного этого дѣла въ темноту по всѣмъ малороссійскимъ дѣламъ вмѣнять и въ затрудненіе въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ и въ неточное истолкованіе постановленій о Малороссійскомъ народѣ почитать весьма не надлежитъ, ибо всѣ конфирмованныя отъ Е. И. В. о Малороссійскомъ народѣ постановленія безъ наималѣйшей отмѣны въ своей силѣ по всѣмъ дѣламъ содержаны быть должны. А помянутое дѣло къ отмѣнности постановленій о Малороссійскомъ народѣ нималѣйше не принадлежитъ, наипаче же къ затрудненію въ правленіи малороссійскихъ дѣлъ не касается, потому что дѣло состоитъ токмо о словесныхъ между одного купечества судахъ, которому по учрежденіи по границѣ таможенъ и производимой чрезъ оныя не однимъ малороссійскимъ, но и великороссійскимъ и иностраннымъ купечествомъ государственной коммерціи, необходимо быть слѣдуетъ, и когда всѣ вышеупомянутые какъ разговорные, такъ и письменные пункты, во-1-хъ, при грамотѣ къ гетману Богдану Хмѣльницкому посланы; во-2-хъ, тѣжъ разговорные пункты за подписаніемъ Петра Великаго еще въ 1722 году прописаны и утверждены, равно съ того и въ 1754 году о индуктѣ въ докладъ Е. И. В. внесены и подписаніемъ Е. И. В. руки конфирмованы, то за-

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 245—246.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 204.

тѣмъ и правительствующій сенатъ оныхъ разговорныхъ пунктовъ недѣйствительными почесть не можетъ, колми наче ему господину гетману недѣйствительными оные представлять и о непріемѣ оныхъ за основаніе просить не надлежало, а наконецъ между разговорными и письменными пунктами противорѣчья никакого нѣтъ“ [1]). Гетманъ былъ счастливѣе въ представленіяхъ своихъ по Запорожскому войску. Онъ выхлопоталъ Запорожскимъ казакамъ прибавку жалованья, основываясь на томъ, что сербскіе выселенцы и новый слободскій полкъ стѣснили ихъ въ рыбной и звѣриной ловлѣ, и что вслѣдствіе увеличенія пошлинъ въ пограничныхъ таможняхъ казаки покинули и торговлю и соляные промыслы. Разумовскій просилъ тоже снабдить Запорожское войско артиллеріею. Сенатъ постановилъ жалованья прибавить 2000 рублей и отпустить въ Запорожское войску три новыя пушки [2]).

Среди своихъ занятій, графъ Кирила Григорьевичъ велъ дѣятельную переписку съ Петербургомъ. Приводимъ здѣсь письма его къ графу М. И. Воронцову, сохранившіяся въ архивѣ князя Воронцова:

I.

Чрезъ сіе в. с. свидѣтельствую мое всегдашнее повтореніе непрерывающейся и искренней моей дружбы и почтенія в. с. Я на сихъ дняхъ ѣду въ Батуринъ. Гнусное мѣсто Глуховское, на которомъ я построился уже было и немало и притомъ по сырости, низости и болотной землѣ почти уже деревянное строеніе, не въ пору строенное и скоропоспѣшно худыми плотниками и изъ мелкаго лѣсу, до того меня напослѣдокъ привели, что я единственно для здоровія, которое домъ мой Глуховскій весьма повреждаетъ, принужденъ нынѣшняго лѣта зачать каменный домъ въ Батуринѣ. Матеріалы всѣ и съ излишествомъ готовы, да архитекта не имѣю. Просилъ я на сихъ дняхъ въ правительствующій сенатъ, чтобъ на коштъ малороссійскій для всѣхъ публичныхъ и казенныхъ строеній опредѣленъ былъ архитектъ Квасовъ въ Малую Россію, который до сего въ Козельцѣ находился; однакожъ Квасовъ понадобился брату моему и затѣмъ отъѣхалъ въ Санктъ-Петербургъ, да и я его желалъ только потому, что онъ у насъ на лицо былъ и меня о томъ просилъ, а когда уже уѣхалъ, то

---

[1]) Исторія Соловьева, XXIV, 300—301.

[2]) Тамъ же.

я въ немъ не много теряю. В. с. прошу, поговоря съ Трезинымъ [1]), который такъ давно ищетъ абшиту, спросить его, не хочетъ ли года хоть на четыре или на пять ко мнѣ на такомъ жалованіи пріѣхать, какое въ Петербургѣ получалъ, и буде хочетъ, то чтобъ вашимъ же стараніемъ не позже какъ въ два мѣсяца ко мнѣ пріѣхалъ, дабы лучшаго времени мнѣ не потерять къ строенію. Ежели же въ немъ никакой надежды нѣтъ или въ неизвѣстности лѣто сіе можетъ пройти, то и вовсе сей проэктъ объ немъ оставляю, а прошу в. с. исходатайствовать мнѣ гезеля Кокорина [2]), который въ рукахъ теперь у Ивана Антоновича [3]). Я имъ весьма буду доволенъ, да и онъ безмѣрно будетъ радъ тому, что при мнѣ будетъ. Только я не думаю, чтобъ Иванъ Антоновичъ, употребляя его къ порцелиновой фабрикѣ, охотно хотѣлъ отпустить; однако-жъ для счастія его, Кокорина, прошу уговорить Ивана Антоновича. На сіе ожидаю в. с. дружескаго увѣдомленія.

Апрѣля 24, 1757. Глуховъ.

II.

Получа в. с. пріятнѣйшее письмо отъ 18 Апрѣля покорно благодарствую за удостовѣреніе будущихъ увѣдомленій. Я въ надеждѣ на истинную вашу ко мнѣ дружбу, осмѣлился вамъ о томъ припамятовать и, вѣдая вашу ко мнѣ всегдашнюю откровенность, учинилъ то, не преступивъ закона нимало истинной нашей взаимной повѣренности. Я уже поѣхалъ шататься по полямъ, гдѣ стараться буду дѣла необходимыя Малороссійскія съ перемѣненіемъ воздуха отправлять, а особливо, что здоровье мое сего движенія въ хорошіе нынѣшніе дни требуетъ. Благодарствую в. с. за присланную кореспонденцію Короля Прусскаго съ графинею Бриль. Мнѣ таковыя піесы въ скучномъ семъ мѣстѣ очень пріятны. У насъ здѣсь слухъ пронесся, что превеликая баталія была у Пруссаковъ съ Австрійцами, армія прусская вся побита и Король самъ убитъ.

Апрѣля 27 дня, 1757. Королевецъ.

---

[1]) Архитекторъ Трезинъ, родомъ итальянецъ, дѣятельный участникъ въ первыхъ постройкахъ Петербурга.

[2]) Архитектуры-гезель, т.-е. подмастерье Александръ Филиповичъ Кокориновъ, сибирскій уроженецъ, впослѣдствіи строитель и первый директоръ Им. Академіи Художествъ, † 1771.

[3]) Баронъ Иванъ Антоновичъ Черкасовъ.

III.

В. с. пріятнѣйшее и дружеское письмо отъ 8 сего мѣсяца я получилъ исправно и благодарствую покорно за старанія объ архитектѣ. Я бы всемѣрно желалъ имѣть у себя гезеля Кокорина и почиталъ бы себѣ за великое одолженіе отъ Ивана Антоновича, ежели бы онъ меня отпускомъ сего человѣка одолжилъ. Писалъ я по сей оказіи и къ братцу о семъ, а васъ прошу, съ нимъ поговоря, сколько можно, того или иного кого безъ потерянія времени ко мнѣ пріискать, чѣмъ меня премного одолжить можете. За дружеское приношеніе участія къ хлѣбному торгу, я в. с. особливое благодареніе приношу. Я послалъ уже гдѣ можно справки сдѣлать, по чему и въ какую пору хлѣбъ и какой и коливой мѣры купить можно, и во что отъ какого мѣста до Риги обойдется. О томъ же самомъ не оставлю и въ низовыхъ моихъ деревняхъ навѣдаться. Однакожъ такія справки нѣкотораго времени требуютъ. А между тѣмъ по обстоятельствамъ сего немалаго и труднаго предпріятія желаю предварительно знать подробно, какими авантажами и въ какомъ количествѣ хлѣба я надежду имѣю пользоваться. Мнѣ сіе для того наипаче знать надобно, что хлѣбъ въ Малой Россіи съ немалою прибылью на высидку вина здѣсь обращается. А когда получу отъ в. с. точное росписаніе, куда и по какой цѣнѣ отъ васъ примутъ, и сколько четвертей, и какіе отъ того для меня авантажи, тогда обстоятельно в. с. мнѣніе мое отпишу, сходно ли то будетъ съ вашею и моею пользою изъ Украйны доставить. О чемъ прошу въ непродолжительномъ времени меня увѣдомить, а я какъ скоро мои справки соберу, то къ в. с. сообщу.

Мая 26-го, 1757. Нѣжинъ.

IV.

Получа послѣднее отъ Мая 15-го дня в. с. дружеское письмо, имѣю честь объявить въ отвѣтъ, что я весьма радуюсь о пріѣздѣ двухъ италіанскихъ архитектовъ Венерони и Бартоліати. Я желаю изъ нихъ одного, который за лучшаго в. с. (въ чемъ я на вашу волю и отдаюся) признанъ будетъ, имѣть у себя на службѣ. Я ему дамъ 800 руб. на годъ, хотя кажется сіе для Украинской дешевизны въ житіѣ и много, и при томъ и столъ мой, когда я въ Глуховѣ живу, или онъ при мнѣ будетъ, къ его услугамъ всегда. Но сіе послѣднее не вписывать прошу въ обязательство, а обѣщать ему, что онъ столомъ при мнѣ будетъ доволенъ, дабы онъ то могъ считать себѣ отъ дому

моего, сверхъ обязательства, себѣ за особливое учтивство, къ которому я, усмотря его труды и способность, могу и другіе агременты присовокупить. Что касается до квартиры, оная, разумѣется, ему всегда готова отъ меня. Чего ради в. с. прошу въ имени моемъ его принять и мнѣ сообщить кондиціи, на которыхъ онъ остался войти ко мнѣ въ службу, а потомъ и отправить его приказать не умедля въ Глуховъ на почтовыхъ, что самое Романъ Ларивоновичъ по дружбѣ и любви своей ко мнѣ не оставитъ изъ дому моего учинить. Прежде же сего исполненія, я в. с. открою мое прямое желаніе, что я конечно хочу имѣть гезеля Кокорина, котораго Иванъ Антоновичъ держитъ въ мнимомъ проэктѣ, будто онъ его въ Италію доучиваться послать имѣетъ именное высочайшее повелѣніе. Тому уже пять лѣтъ, я чаю, какъ онъ его, Кокорина, симъ вояжемъ обнадежилъ, только уже и самъ Кокоринъ привыкъ вѣрить, что сему не бывать. А я бы Кокорина и довольнымъ сдѣлалъ и самъ бы имъ весьма доволенъ былъ, вѣдая прокъ въ немъ. Онъ бы мнѣ не такъ былъ дорогъ (по нынѣшнимъ обстоятельствамъ не изъ чего много и дать), какъ италіанецъ. Сверхъ того, онъ съ русскими работниками, а особливо съ малороссійскими обойтись лучше могъ, а главное то, что я великолѣпныхъ строеній строить не намѣренъ, но домъ каменный, покойный къ житію, который хотя весьма по нашему посредственною рукою построится, въ Малой Россіи всегда однакожъ будетъ казаться великолѣпнымъ. Сіе бы я снисхожденіе отъ Ивана Антоновича за особливую къ себѣ дружбу принялъ, о чемъ писалъ я по нынѣшней оказіи и къ государю братцу; однакожъ, знаю упорство старика Ивана Антоновича и потому весьма мало надежды имѣю, чтобъ онъ меня симъ одолжилъ, а въ семъ послѣднемъ случаѣ в. с. прошу съ италіанцемъ дѣло такъ, какъ я выше изъяснился, окончать и въ ожиданіи сего одолженія отъ в. с. имѣю честь и пр.

Іюня 9 дня, 1757. Глуховъ.

V.

На полученное отъ в. с. почтеннѣйшее письмо отъ 17-го сего мѣсяца изъ Царскаго Села доношу, что я ожидаю отъ в. с. копіи со всего того, что въ правит. сенатѣ для васъ сдѣлано, а о цѣнахъ, провозѣ и о прочемъ: припасовъ пшеницы, гороху, маку, сѣмени льнянаго и коноплянаго, справки дѣлаю и скоро сообщу. Хотя в. с. ко мнѣ ничего не пишете, однакожъ я стороною увѣдомился, что в. с. и милостивой государынѣ моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ Богъ даровалъ дочь, чѣмъ отъ всего сердца моего и поздравляю.

1757 г. Іюня 30 дня. Глуховъ.

VI.

За приложенный трудъ о приглашеніи архитектовъ италіанцевъ въ мою службу, я в. с. особливое приношу благодареніе. Проектъ контракта и ихъ своеручное на французскомъ языкѣ приписаніе я высмотрѣлъ и изо всего того велѣлъ сочинить имъ удовлетвореніе отъ моей стороны, которое при семъ и прилагаю на русскомъ языкѣ за моимъ подписаніемъ и приложеніемъ собственной моей печати, а отъ нихъ чрезъ в. с. ожидать буду за руками ихъ контракта. И такимъ образомъ оконча дѣло, прошу в. с. препоручить ихъ Роману Ларивоновичу, который по своей ко мнѣ дружбѣ не замедлитъ ихъ ко мнѣ отправить, о чемъ я и писалъ къ нему по сей оказіи. Что же в. с., такъ и братъ мой писать изволите, чтобъ я о семъ отозвался въ правит. сенатъ и что е. с. князь Никита Юрьевичъ [1]) обѣщалъ на то и резолюцію сенатскую исходатайствовать, то я почитаю сіе за ненужное, потому что я указъ именной имѣю за подписаніемъ собственныя Е. И. В. высочайшей руки о строеніяхъ тѣхъ, которыя начинать хочу. Почему и сумма хотя не въ согласіи Е. И. В. высочайшаго прежняго о томъ указа отобрана, однакожъ и то, что опредѣлено нынѣ отъ правит. сената выдавать въ скарбъ по представленнымъ отъ меня нуждамъ, перечневою суммою отдано на мою диспозицію, почему и содержаніе архитекта при строеніяхъ, такъ какъ доктора, лекаря и прочихъ въ народѣ потребныхъ людей, есть дѣло зависящее отъ собственной моей диспозиціи, и я держалъ черезъ пять лѣтъ и прежняго архитекта Ринальди по моему собственному опредѣленію, а теперь ежели бы о сихъ архитектахъ требовать позволенія, то черезъ то самое о прежнемъ [о которомъ въ коллегіи вопросы старательствомъ Олсуфьева [2]) уже были, по какому указу я архитекта на скарбѣ Малороссійскомъ содержу} подать могу будто бы нѣкоторое признаніе, что я прежняго непозволеннымъ образомъ держалъ. Имѣю ли я архитекта или нѣтъ, въ томъ я отвѣту по волѣ Е. И. В. никому уже дать не долженъ. И они, кромѣ меня, ни которому мѣсту отчету дать не будутъ же обязаны.

Іюля 21, 1757. Глуховъ.

---

[1]) Трубецкой, ген.-фельдмаршалъ, въ то время генералъ-прокуроръ.

[2]) Адамъ Васильевичъ.

VII.

Я по сей оказіи писалъ къ братцу моему съ приложеніемъ особаго письма къ Е. И. В. всемилостивѣйшей Государынѣ, котораго содержаніе то, чтобъ изъ особливой высочайшей милости дозволено мнѣ было пріѣхать въ С.-Петербургъ хотя на самое короткое время, какъ для того счастья, чтобъ видѣть очи Е. И. В., такъ и для того, чтобъ самому себѣ персонально пріискать людей въ службу такихъ, безъ которыхъ въ Малой Россіи пробыть невозможно, а именно доктора, лѣкаря, учителей, мадаму и прочихъ: а потомъ, послѣ новаго году, забравъ всю свою фамилію и распорядивъ домы Великороссійскіе и долги, еще не малымъ числомъ оставшіеся, ретироваться въ Малую Россію со всѣмъ домомъ. А къ брату графу Алексѣю Григорьевичу еще и то дополнилъ, что ежели онъ и въ томъ еще усмотритъ нѣкоторое затрудненіе, то бы ту только милость сдѣлалъ, чтобъ поскорѣе меня о томъ увѣдомилъ; а я, не отлагая ни на малое время, пошлю отъ себя нарочнаго или кого изъ пріятелей, упрошу жену мою и всю фамилію привезти ко мнѣ немедленно въ Глуховъ. Такія мѣры я долженъ буду принять для того наипаче, что мое житіе въ такомъ состояніи, въ каковомъ оно нынѣ, и разорительно и несносно для претерпѣваемой мнѣ скуки, тѣмъ наипаче, что я, живучи въ неизвѣстности и ожидая резолюціи, о которой зачалъ докучать весьма еще заблаговременно брату, т.-е. отъ 30 Іюля, упустилъ время способное къ заготовленію въ погребъ провизіи и прочихъ надобностей. Того ради въ согласіе всего вышеписаннаго, прошу в. с., такъ какъ особливаго друга, приложить свое дружеское стараніе тамъ, гдѣ ваша сила и возможность будетъ, чѣмъ меня безмѣрно одолжите.

Октября 17 дня, 1757. Глуховъ.

Разумовскому не сидѣлось въ Малороссіи: и внутренняя борьба партій и борьба внѣшняя, вдругъ разгорѣвшаяся съ береговъ Вислы до Атлантическаго океана и даже Америки, и сердечныя невзгоды, какъ мы увидимъ далѣе—все это вмѣстѣ тянуло его въ Петербургъ. Уже въ Августѣ рѣшился онъ обратиться прямо къ Государынѣ съ прошеніемъ о дозволеніи вернуться.

„Исполняя всевысочайшую волю В. И. В.“, писалъ онъ, „пробылъ я до сего времени въ Малой Россіи, гдѣ бы желалъ и всю наступающую осень и зиму остаться, дожидаясь будущаго вашего монаршаго повелѣнія, но непритворно В. В. признаваюся, что въ моемъ слабомъ здоровьи, а паче, что я доктора того лишаюся, который меня привыкъ пользовать, не снесу въ наступающія осень и зиму Глухов-

скаго сырого и гнилого воздуха; В. И. В. самимъ извѣстно положеніе города Глухова и при томъ обстоятельства моего здоровья. Первое не соотвѣтствуетъ никакъ пользѣ больного человѣка, такого какъ я, а другое не соотвѣтствуетъ силамъ моимъ и не старымъ лѣтамъ. Болѣзнь въ правомъ бокѣ, которая началася уже у меня болѣе четырехъ лѣтъ и почти всего меня высушила, перестала было на нѣсколько мѣсяцевъ, какъ я себя отдалъ въ руки доктору Крузу, а нынѣ чувствительно опять показалася. Ежели же мнѣ остаться осень и зиму въ Глуховѣ, то самовидѣцъ тому Богъ, что она меня преодолѣетъ. И для того принимаю смѣлость всеподданнѣйше просить В. И. В. о дозволеніи мнѣ возвратиться въ Санктпетербургъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, дабы я могъ наступающія осень и зиму пробыть въ лучшемъ воздухѣ и удостоиться видѣть В. И. В., а притомъ пользоваться въ моей болѣзни, которая, кажется, не по лѣтамъ моимъ къ гробу меня ведетъ. Уповая на человѣколюбіе и милосердіе В. И. В., повергаю себя къ стопамъ вашимъ освященнымъ и есмь, пока живъ, съ раболѣпствомъ и повиновеніемъ,

„Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ графъ К. Разумовскій.

„Августа 27 дня. Глуховъ, 1757 [1])“.

Не получая отвѣта, гетманъ, какъ онъ увѣдомлялъ Воронцова, снова просилъ Государыню слѣдующимъ письмомъ:

„Всепресвѣтлѣйшая и проч. Предъ симъ за нѣсколько мѣсяцевъ, принялъ я дерзновеніе утруждать В. И. В. всеподданнѣйшимъ моимъ прошеніемъ о дозволеніи пріѣхать мнѣ на зиму въ Санктпетербургъ, но не получа милостивой резолюціи, чрезъ сіе еще повергая себя къ стопамъ В. И. В., всеподданнѣйше прошу дать мнѣ оное пріѣхать хотя на малое время, дабы я могъ имѣть счастіе видѣть очи В. И. В., а потомъ само-персонально пріискать людей себѣ въ службу, безъ которыхъ мнѣ въ Глуховѣ для здоровья моего никакъ пробыть невозможно, и напослѣдокъ, препоручивъ себя высокоматерному вашему милосердію и распорядивъ домъ мой, забраться со всею моею фамиліею въ Малую Россію. Сего всемилостивѣйшаго дозволенія, по крайности моей, испросить отъ В. И. В. смѣлость принялъ и, какъ необходимо мнѣ надобно, ожидаю съ раболѣпствомъ. В. И. В. всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ, графъ Кирила Разумовскій.

„Октября 16 дня, 1757. Глуховъ [2])“.

Но и на это прошеніе не послѣдовало высочайшаго соизволенія. Тоскующій гетманъ писалъ къ Воронцову:

---

[1]) Изъ бумагъ Государственнаго Архива.

[2]) Тамъ же.

VIII.

Послѣднее в. с. дружеское письмо отъ 17 Октября [1]) я съ великимъ моимъ удовольствіемъ получилъ, и за откровенность вашу, такъ какъ и за искренность вашихъ обо мнѣ сентиментовъ съ великимъ признаніемъ приношу вамъ мое благодареніе. Мнѣ, живущему въ отдаленіи и крайне лишенному всѣхъ извѣстій изъ С.-Петербурга о военныхъ нынѣшнихъ обращеніяхъ, а при томъ и никакими газетами кромѣ Петербургскихъ не пользующемуся, откровенность в. с. великую новость принесла. Я никогда не думалъ, чтобъ въ фельдмаршалѣ Апраксинѣ столь мало искуснаго командира найти; и хотя отъ возвращающихся къ намъ изъ нерегулярныхъ войскъ великимъ числомъ раненыхъ и увѣченныхъ слышно по всей Малой Россіи о успѣхахъ бывшей въ Пруссіи баталіи весьма противное, нежели въ реляціи печатной то опубликовано: однакожъ принужденное вѣроятіе я отдавалъ печатному листу, а на слухахъ съ мѣста возвратившихся не увѣрялся, доколѣ в. с. не навели меня своимъ увѣдомленіемъ вовсе сумнѣніе мое оставить. Повѣрьте, м. г. мой, что, видя къ сторонѣ Россійской арміи столь великіе казавшіеся авантажи, невозможно уклониться, чтобъ не почувствовать досады противу того, кто причиною (буде то правда) нашему теперешнему безславію. Можемъ по справедливости сказать, что дрожали горы, а [2])... Не натурально, чтобъ интересъ отечества своего, а паче слава всемилостивѣйшей Государыни на сердцѣ намъ всѣмъ обще и каждому особно не лежали. Потому заключить можете, сколь много и мнѣ прискорбности ваше увѣдомленіе принесло, и чаяли ли мы опытъ своей храбрости и военнаго искуства при самомъ началѣ столь малый показать? Въ откровенности къ в. с. взаимно могу сказать, что когда тщеславіе соединится съ невѣжествомъ, то вящшей опасности ожидать надобно, нежели отъ одного невѣжества. Ежели бы тогда моего мнѣнія спросили, когда командиръ учреждался, я бы всегда могъ по привычкѣ чистосердечно и безпристрастно сказать, что человѣкъ безъ практики и столь тяжелаго тѣла, а при томъ ни въ какихъ военныхъ обращеніяхъ съ Европейцами не бывалъ, кромѣ нѣкоторой турецкой команды, гдѣ одною бригадою командовать ему дозволено было, по благосклонности главнаго командира [3]), едва ли годится командиромъ быть главнымъ въ великомъ корпусѣ и давно въ полѣ не бываломъ, противъ столь исправнаго войска, которое довольно я самъ видѣлъ, какое оно въ Пруссіи. Уже того поворотить нельзя

---

[1]) Смотри ниже.

[2]) Пропускъ въ подлинникѣ.

[3]) Фельдмаршала Миниха, въ 1738.

кто лишенъ подъ симъ худымъ предводительствомъ живота, и кто на вѣки увѣченъ. Помоги, Боже, всемилостивѣйшей Государынѣ нашей радостнѣйшія и вѣрнѣйшія извѣстія впредь получить, чего всѣ мы для общаго нашего благополучія желать должны, или пособи, Боже, ублажить миролюбное сердце нашей Государыни скорымъ и полезнымъ миромъ, нежели столь худою войною смущать. За попеченіе о каретѣ, которую для меня в. с въ Парижѣ заказать изволили, много вамъ благодарствую. У насъ первый снѣгъ 19 сего Ноября выпалъ и стоитъ постоянно. Я намѣреніе принялъ жену свою звать къ себѣ въ Глуховъ, принявъ столь долговременное молчаніе за несоизволеніе Е. И. В., чтобъ мнѣ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Прошу в. с. постараться, чтобъ хотя то мнѣ не возбранено было; ибо истинно возможности нѣтъ болѣе такъ жить уединенно, какъ я живу, а времени способнаго пропустить опасаюсь, такъ какъ осень изрядную напрасно въ ожиданіи утратилъ, въ которую весьма было способно жену, малыхъ дѣтей и всѣ провизіи къ себѣ завести. Ноября 22 дня, 1757 года. Глуховъ.

IX.

В. с. послѣднее письмо отъ Ноября 14 чрезъ человѣка братца вашего я исправно имѣлъ честь получить. Я вижу, что я въ дружбѣ в. с., которую и съ моей стороны, не взирая ни на какіе дезастры, храню всегда постоянно, никогда не ошибался; да и не думаю, чтобъ кто нибудь инаго долженъ былъ быть мнѣнія, вѣдаючи доподлинно характеръ в. с. Дружескія в. с. всегда желанія, дѣйствительнымъ стараніемъ мнѣ подтвержденныя, видѣть меня въ Петербургѣ обязываютъ принести вамъ чувствительное благодареніе. Господинъ посолъ Французскій [1]), отъ всѣхъ слышу что согласно своей репутаціи поступаетъ: любимъ всѣми и всегда того ищетъ посредствомъ своего пріятнаго характера. Прошу в. с. отъ меня ему засвидѣтельствовать мое высокопочитаніе и поблагодарить за честь, которую онъ дѣлаетъ дому моему и обо мнѣ столь дружелюбно отзывается. Я сожалѣю, что счастія сего не имѣю, да какъ видно, и буду ли когда имѣть, чтобъ съ нимъ персонально найти знакомство. Однакожъ отсутствіе мое не убавливаетъ нимало почтенія, которое я къ его превосходительству имѣю. За попеченіе о каретѣ покорнѣйше благодарствую. Я прошу напослѣдокъ, ежели въ первомъ моемъ намѣреніи неудача, способствовать своимъ стараніемъ, чтобъ жена моя и вся моя фамилія по-

---

[1]) Маркизъ Лопиталь (Paul Galuccio l'Hôpital, marquis de Chateauneuf).

скорѣе выѣхали ко мнѣ. Истинно возможности болѣе нѣтъ въ таком уединеніи жить, какъ нынѣ живу. Лѣтомъ забавляло меня нѣсколько поле, а нынѣ, и того лишася, сижу совершеннымъ затворникомъ въ крайнемъ безлюдіи. За присылку архитектовъ покорно благодарствую. Кажется, что люди такіе точно, какихъ мнѣ желать надобно, и принимаются за дѣло нелѣностно.

Ноября 28 дня, 1757 г. Глуховъ.

P. S. Ежели жена моя конечно отпущена будетъ ко мнѣ ѣхать въ Глуховъ, то я в. с. покорно прошу, дабы чрезъ Правит. Сенатъ повелѣно было по прежнему обыкновенію ей со всею свитою поставить потребное число по станціямъ отъ Петербурга до Глухова подводъ и дворцы бы велѣно было протопить. Я хотя и не уповаю, чтобъ въ семъ ей затрудненіе было сдѣлано, однакожъ по моимъ обстоятельствамъ чего ожидать не надобно? Въ убѣжаніе сего я совершенную надежду кладу на дружество и стараніе в. с. объ ней".

Каждая строка изъ Петербурга въ отдаленномъ Глуховѣ была въ эту тревожную эпоху кладомъ. Въ архивѣ графа А. С. Уварова находимъ мы цѣлый рядъ писемъ, полученныхъ Разумовскимъ изъ Петербурга. Мы ихъ помѣщаемъ здѣсь и начинаемъ съ писемъ вице-канцлера, главнаго корреспондента скучавшаго гетмана [1]).

I.

Чрезъ сіе в. с. донести имѣю, что бывшіе передъ симъ въ здѣшней службѣ два архитекта, одинъ, родомъ изъ Милана, называется Іосифъ Венерони, другой, изъ Лугано, Францискузъ Бертоліати на сихъ дняхъ сюда пріѣхали искать себѣ службы. Я имъ говорилъ, не пожелаютъ ли ѣхать къ вамъ на Украйну, въ чемъ они и охоту свою оказали, чего ради я велѣлъ имъ въ запасъ написать кондиціи, на какомъ основаніи они въ вашу службу поступить имѣютъ, которыя пересмотря и на мѣрѣ постановя къ авантажу вашему, для апробаціи в. с. немедленно пришлю. Впрочемъ, я в. с. увѣрить могу, что они оба въ архитектурѣ весьма искусны и вы будете довольны. А понеже в. с. хотѣли Трезину то же жалованіе дать, которое онъ здѣсь получаетъ (т.-е. по 800 руб. на годъ), я надѣюсь не выше оной цѣны ихъ

---

1) Мы печатаемъ только тѣ письма графа М. И. Воронцова, которыя не вошли въ архивъ кн. Воронцова.

уговорить, только квартиру и столъ имъ дать должно. И ежели в. с. на вышеписанныя предыдущія кондиціи склониться изволите, то прошу какъ наискорѣе ко мнѣ отписать и до тѣхъ поръ я ихъ удерживать буду, чтобъ никакого обязательства они не принимали. В. с. пріятнѣйшее письмо отъ 27 Апрѣля изъ Королевца получилъ исправно. Весьма радуюсь, что вы въ добромъ здоровіѣ обрѣтаетесь, желаю по часту сіи пріятныя извѣстія получать. Что же надлежитъ до пронесеннаго у васъ слуха, якобы жестокая баталія между Пруссаками и Аустрійцами была, будто Король Прусскій убитъ и армія его вся побита, мы на сихъ дняхъ получили извѣстіе, что 25 Апрѣля (6 Мая) у Праги великая баталія чрезъ 7 часовъ продолжалась, на которой съ обѣихъ сторонъ множество побитыхъ, и Король Прусскій поверхность дѣйствительно обдержалъ но превосходному числу своей арміи, ибо 112 т. человѣкъ противъ 50 т. Аустрійцевъ имѣлъ. Токмо обстоятельныхъ вѣдомостей, сколько тысячь человѣкъ съ обѣихъ сторонъ убито, въ полученіи здѣсь не имѣемъ. Правда, что при началѣ нынѣйшней кампаніи въ Богеміи, Король Прусскій нѣкоторые авантажи уже имѣлъ. Надлежитъ смотрѣть на середину и конецъ кампаніи, а особливо когда наша и Французская арміи будутъ въ его земляхъ дѣйствовать, о чемъ въ іюнѣ мѣсяцѣ будетъ вѣдомо.

1757 г. Мая 15 д. С.-Петербургъ.

При семъ посылаю для любопытства вашего нѣкоторые стихи, которые по причинѣ замѣшканія Французскихъ (неразобрано) сдѣланы.

II.

Чрезъ сіе имѣю токмо увѣдомить о полученіи дражайшаго письма в. с. отъ 26 Мая изъ Нѣжина, предоставляя, впрочемъ, отвѣтомъ моимъ служить, коль скоро окончаніе по извѣстному дѣлу въ сенатѣ послѣдуетъ, которое на сихъ дняхъ обѣщали окончить, и тогда обстоятельно къ в. с. писать буду. Мы здѣсь уже 10 дней живемъ. Е. В. угодно было, чтобъ жена моя для родинъ сюда переѣхала, къ чему время весьма приближается. Дай Боже, чтобъ благополучно родины ея окончились и я имѣлъ пріятное удовольствіе в. с. о томъ донести. Е. с. братецъ вашъ имѣлъ недавно припадокъ болѣзни отъ почечуя, а теперь въ совершенномъ здоровіи обрѣтается.

1757, Іюня 9 дня, въ Царскомъ-Селѣ.

III.

Господинъ Елагинъ [1]) мнѣ знать далъ объ отправленіи къ в. с. нарочнаго куріера, я симъ случаемъ пользуясь, засвидѣтельствую в. с. о моемъ непремѣнномъ высокопочитаніи и совершенной дружбѣ и притомъ донести имѣю, что по извѣстному моему дѣлу въ сенатѣ наконецъ рѣшеніе послѣдовало, и я на сихъ дняхъ получилъ копію съ опредѣленія, съ котораго для извѣстія вашего прилагаю копію. А чрезъ сіе имѣю только донести, что отъ Санктпетербургскаго и Рижскаго портовъ запрещается въ выпускъ заморской: рожь, мука, овесъ и крупа, но токмо дозволяется: пшеница, горохъ, макъ, сѣмя льняное и конопляное, а отъ города Архангельска всякій хлѣбъ. Итакъ теперь остается вѣдать заподлинно вышеуказанные сорты хлѣба по какой цѣнѣ и до коликаго числа нынѣшняго года и въ будущее лѣто изъ Малороссіи къ Рижскому порту поставить можно. О семъ пунктѣ покорно прошу в. с. приказать достовѣрно освѣдомиться и буде не точно, то хотя примѣромъ почему четверть изъ означенныхъ вещей (кои я нарочно карандашемъ подчеркнулъ) къ Рижскому порту, съ покупкою и съ провозомъ и прочими расходами, привезти можно и до коликаго числа четвертей. Понеже безъ сего извѣстія отнюдь не можно съ чужестранными купцами въ договоры вступать, слѣдовательно и на покупку сихъ разныхъ вещей денегъ впередъ требовать. А я уже коммиссію далъ въ разные города къ чужестраннымъ писать, сколько какого сорта хлѣба и отъ котораго порта имѣть пожелаютъ и почему за ластъ платить имѣютъ (NB. а ластъ 16 четвертей считается) и о семъ надѣюсь не въ продолжительномъ времени получить обстоятельныя извѣстія. Весьма желательно, чтобы къ тому времени я могъ и отъ в. с. точное увѣдомленіе имѣть, дабы по сему дѣлу надлежащія мѣры и распоряженія учинить, безъ всякой ошибки. А какъ скоро я получу извѣстія отъ чужестранныхъ купцовъ и по какой цѣнѣ за ластъ хлѣба и прочія вещи давать будутъ, не оставлю в. с. донести. Изъ чего прямо увидѣть можно будетъ, какая прибыль послѣдуетъ.

1757 г., Іюня 17 д., въ Царскомъ-Селѣ.

P. S. О вышеписанномъ прошу Григорію Николаевичу сообщить и отъ меня поклонъ сказать, и что я самъ къ нему о сей матеріи вскорѣ писать буду.

---

[1]) Иванъ Перфильевичъ.

IV.

Чрезъ сіе имѣю токмо покорнѣйше в. с. благодареніе принести за дружеское ваше участіе, которое изобразить изволили въ письмѣ вашемъ отъ 11-го сего мѣсяца по случаю сговора дочери моей съ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ. А теперь имѣю донести, что въ 20-е сего мѣсяца Е. И. В. соизволила милостивно невѣсту и жениха перстнями размѣнять и мы теперь стараніе прилагаемъ, чтобы еще симъ мясоѣдомъ, буде можно, сватьбу совершить. Сердечно желаю, чтобъ в. с. къ тому времени сюда прибыли, о чемъ стараніе со всѣхъ сторонъ прилагается.

1757 г. Сентября 22 д. въ Санктъ-Петербургѣ.

P. S. Г. Виліамсъ [1]) паки раздумалъ моремъ ѣхать и вновь требовалъ, чтобы подводы ему даны были чрезъ Финляндію и Швецію ѣхать, которыя къ 25 числу сего мѣсяца и поставить велѣно и онъ изъ Кронштадта сегодня сюда ожидается. Вчерась Е. В. соизволила пожаловать зятя моего въ камеръ-юнкеры къ своему двору, также князя Трубецкаго, Бутурлина и молодого Шувалова, а Сиверса гофъ-маршаломъ.

V.

Я уже давно отъ в. с. пріятнѣйшихъ писемъ не получалъ и весьма безпокоенъ о здоровьи вашемъ вѣдать, чего ради прошу дружескимъ увѣдомленіемъ меня не оставлять, дабы хотя тѣмъ нѣкоторое порадованіе имѣлъ, когда до нынѣ суетно ласкался васъ вскорѣ здѣсь видѣть; будучи и теперь въ ожиданіи ежечасно услышать, что вамъ сюда пріѣхать повелѣно будетъ, чего всѣмъ сердцемъ желаю, а съ моей стороны все возможное къ тому употребляю, токмо къ чувствительному моему сожалѣнію сіе такъ долго медлится, однакожъ не отчаеваюсь услышать пріятнѣйшее извѣстіе о прибытіи вашемъ сюда, котораго всѣ генерально съ нетерпѣніемъ дожидаются. О себѣ покорнѣйше донести имѣю, что при начавшейся дурной погодѣ, я уже нѣсколько разъ боленъ былъ и принужденъ по бо́льшей части въ скукѣ дома сидѣть; къ тому же, наипаче худые успѣхи нашей арміи и неожиданныя, странныя и весьма безславныя для насъ поведенія командующаго фельдмаршала столь много меня изнуряютъ, что я сего прискорбія едва сносить могу, будучи усердіемъ и вѣрностію

---

[1]) Виліамсъ вслѣдствіе своей неудачи помѣшался; первые припадки умопомѣшательства почувствовалъ онъ въ Петербургѣ. Онъ умеръ сумасшедшимъ въ 1759 году.

о славѣ всемилостивѣйшей нашей Государыни и любезнаго отечества объятъ и зная, какія непріятныя толкованія при всѣхъ дворахъ чинятся, и изъ того худыя послѣдованія быть имѣютъ, умалчивая о напрасныхъ издержкахъ многихъ милліоновъ, что̀ все ничѣмъ исправить и наградить не можно, хотя къ тому наисильнѣйшія мѣры употребляются, и начало сдѣлано снятіемъ команды отъ фельдмаршала Апраксина, которая господину генералу Фермору [1]) поручена. Вышеписанное въ довѣренности в. с., моему наилучшему другу, откровенно объявляю, зная ваши честные сентименты и усердіе о славѣ Е. И. В. и пользѣ дражайшаго отечества, что вы равномѣрно такое же прискорбіе чувствуете. По нынѣ мы худымъ управленіемъ постъ-амта хотя и лишены всѣхъ публичныхъ извѣстій, т.-е. печатныхъ газетъ, однакоже многія поносныя и крайне огорчительныя извѣстія о бытности нашей арміи въ Пруссіи здѣсь подъ рукою получаются, которыя токмо сожалѣніе умножаютъ, а плохое руководство нашего командира къ вѣчному его посрамленію и осужденію памятью останутся. При семъ для любопытства вашего посылаю недавно здѣсь полученный экстрактъ письма Кор. Прусс. къ фельдмаршалу Кейту; стиль онаго вамъ, надѣюсь, понравится. Въ заключеніе прошу непремѣнно содержать меня въ вашей любви и дражайшей дружбѣ, о которыхъ я совершенно увѣряюсь и вамъ неизмѣнно пребуду истиннымъ другомъ и вѣрнымъ слугою. Я вскорѣ отъ г-на Дукласа ожидаю извѣстія, что онъ въ Парижъ пріѣхалъ и повелѣнную отъ меня дорожную карету для васъ сдѣлать заказалъ; токмо я не могу отъ г-на Елагина дождаться вашего герба, который прислать ко мнѣ обѣщался въ Августѣ; однакожъ г. Ададуровъ приказалъ въ герольдіи наилучшимъ образомъ сдѣлать, и я, получа оный, пошлю къ г. Дукласу. На сихъ дняхъ получено извѣстіе, что г. Виліамсъ въ Абовъ пріѣхалъ, токмо еще море не переѣзжалъ; можетъ быть, что и въ третій разъ сюда воротится, чего однако же не уповаю. У насъ жестокіе морозы и снѣгъ всякій день идетъ, вчерась нарочитое наводненіе было, и ледъ во всю рѣку плыветъ; такой ранней зимы никто не помнитъ.

1757 г., Октября 17 д., въ С.-Петербургѣ.

VI.

На сихъ дняхъ я получилъ в. с. два дружескія писанія отъ 17 и 23 Октября и что̀ до одного надлежитъ, я въ ежедневномъ ожиданіи пребываю услышать милостивое Е. В. повелѣніе о пріѣздѣ вашемъ

[1]) Генералъ-аншефъ и русскихъ орденовъ кавалеръ графъ Вилимъ Вилимовичъ Ферморъ ум. 1771 года. Въ 1759, послѣ Цорндорфской битвы онъ уступилъ команду графу Салтыкову.

сюды, но къ немалому моему чувствительному сожалѣнію донынѣ онаго не послѣдовало; я не оставлю на сихъ дняхъ при удобномъ случаѣ паки доложить Е. В., и, получа соизволеніе, немедленно изъ конференціи съ указомъ курьеръ къ в. с. отправится. Вы не можете себѣ представить, сколь много здѣсь всѣ друзья ваши съ нетерпѣніемъ прибытія вашего ожидаютъ. Французскій посолъ [1]), хотя не имѣетъ чести персонально васъ знать, непрестанно у меня спрашиваетъ, дано ли позволеніе о пріѣздѣ вашемъ сюды. По непремѣнной моей преданности и дружбѣ къ в. с., вы легко можете понять, сколько мнѣ прискорбно такое долгое медленіе вашего прибытія. Что же касается до другого письма вашего, я не могу довольно благодаренія моего принести за употребленное стараніе ваше въ способствованіи извѣстнаго хлѣбнаго торга; токмо по нынѣ еще никакихъ позитивныхъ извѣстій изъ чужестранныхъ государствъ въ полученіи не имѣю, сколько числомъ ластовъ и какого сорта хлѣба купить желаютъ; я думаю, что высокая цѣна у насъ хлѣбу, а паче великая пошлина съ выпуску, къ тому же хорошій урожай нынѣшняго лѣта всякому хлѣбу за моремъ, есть причиною, что такъ мало охотниковъ являются покупать хлѣбъ въ Россіи.

С.-Петербургъ, 20 Октября, 1757.

Письмо отъ графини Анны Карловны Воронцовой, рожденной Скавронской:

Государь мой Кирила Григорьевичъ!

Я никогда не сомнѣвалась о томъ, что в. с. примете искреннее участіе по случаю обрученія дочери моей [2]) съ барономъ Александромъ Сергѣевичемъ Строгановымъ [3]), но всегда того ожидала отъ истинной дружбы вашей и постояннаго къ намъ благонамѣренія. Всѣ склонныя привѣтствія въ письмѣ вашемъ пріемлю я съ особливою чувствительностію, вѣдая довольно, что онѣ происходятъ отъ искренняго и благороднаго сердца вашего. В. с. можете увѣрены быть и о моемъ къ вамъ усердіи, и что я по толь дѣйствительнымъ опытамъ пріятства вашего конечно не останусь безъ сердечной благодарности и признанія, равномѣрно и дочь моя, которая при самомъ

---

[1]) Маркизъ Лопиталь.

[2]) Баронесса, впослѣдствіи графиня Анна Михайловна Строганова (1743 † 1769) не долго жила съ мужемъ и уже въ началѣ царствованія Екатерины II была съ нимъ въ разводѣ.

[3]) Графъ А. С. Строгановъ, оберъ-камергеръ и всѣхъ россійскихъ орденовъ кавалеръ, президентъ академіи художествъ (1734 † 1811). По матери баронессѣ Софіи Кириловнѣ Строгановой, рожденной Нарышкиной, онъ былъ двоюродный братъ графини Е. И. Разумовской.

началѣ вступленія въ родство съ вами, видя особливую къ себѣ отъ васъ ласковость, надѣется обрѣсть себѣ милосердаго отца въ особѣ вашей; я, оную вамъ совершенно поручая, пребуду всегда съ непреклоннымъ почтеніемъ къ услугамъ Анна Воронцова.

С.-Петербургъ, 20 Октября 1757.

Пожалуй пріѣзжай къ намъ поскорѣе, а то мы скуки (sic) пропадаемъ.

Письма отъ И. И. Шувалова.

I.

В. с. при отъѣздѣ своемъ дозволили мнѣ, чтобы я къ вамъ писалъ. Я, пользуясь симъ удовольствіемъ, имѣю честь принести в. с. мое всегдашнее почтеніе и благодарность за знаки вашей милости предъ отъѣздомъ вашимъ, которые моимъ признаніемъ и желаніемъ быть вамъ угоднымъ къ услугамъ удостоиться болѣе стараться буду. Имѣю честь поздравить съ наступающимъ днемъ тезоименитства вашего, желая отъ моего сердца многіе таковые благополучно препроводить. Впрочемъ, съ моимъ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

1757 года, Марта 14 дня.

II.

В. с. письмо съ моимъ почтеніемъ честь имѣя получить, видѣлъ къ великому моему обрадованію знакъ вашей ко мнѣ милости, которой буду стараться удостоиться моимъ всегдашнимъ признаніемъ и желаніемъ во всякомъ случаѣ в. с. показать мое истинное почтеніе, которое я всегда къ вашимъ качествамъ имѣлъ и имѣю. Не примите, в. с., сіе за увѣреніе единыхъ обыкновенныхъ словъ, но за чистосердечное мое къ вамъ почитаніе. Долженъ еще повторить симъ в. с. мое благодареніе за старанія ваши къ моей пользѣ предъ отъѣздомъ вашимъ; если оныя по желанію вашему, къ моему несчастію, дѣйства своего не получили, то я долженъ только жаловаться на мою неудачу; однако не меньше тѣмъ чувствую вашу склонность къ благодѣянію; въ отсутствіи же вашемъ я ко всему подверженъ быть могъ, не имѣя никого кто бы могъ способствовать мнѣ. Сердечно сожалѣю о вашемъ худомъ здоровьи и скукѣ; а я, милостивый государь, уже недѣли съ двѣ какъ всякій день боленъ головою, имѣя при томъ хорошее начало ипохондріи, чего я боялся и ожидаю всегда; и тако заключаю, препоручая себя въ милость в. с.

Апрѣля 14 дня, 1757 г., С.-Петербургъ.

III.

В. с. письмо съ особливымъ моимъ удовольствіемъ честь имѣлъ получить, сколько не чувствителенъ благодарностію за все воономъ в. с. ко мнѣ увѣреніи и сколько не обнадеженъ о всѣхъ вашихъ сентиментахъ, которые вамъ справедливое отъ всѣхъ почтеніе пріобрѣли, то бы мое письмо чрезъ мѣру въ доказательствахъ велико было. Я сказать только то долженъ, что во все время, какъ я честь имѣю знать в. с., хотя были нѣкоторыя обстоятельства по моему легковѣрію, которыя бы могли перемѣнить мои противъ васъ мысли, но ничего инаго какъ болѣе утвержденія моего почтенія не сдѣлали. Прошу в. с. сдѣлать мнѣ честь и удовольствіе въ отсутствіи вашемъ вашими письмами; желая отъ сердца васъ самихъ скорѣе видѣть и увѣрить, съ какимъ я непремѣннымъ высокопочитаніемъ честь имѣю быть в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

Мая 8 дня, 1757 года, Село Царское.

IV.

В. с. мнѣ дозволить изволили приносить вамъ въ отсутствіи мое почтеніе. Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь в. с. при засвидѣтельствованіи онаго увѣрить о моей всегдашней благодарности, которую я всегда чувствовать буду и тѣмъ болѣе она никогда не перемѣнится, сколь много я увѣренъ о вашихъ честныхъ сентиментахъ. Повѣрьте, м. г., что я крайне желаю васъ здѣсь видѣть, гдѣ льщу себѣ, что болѣе могу пріобрѣсти моимъ исканіемъ вашу къ себѣ склонность. Карлъ Ефимовичъ Сиверсъ теперь у меня проситъ, чтобъ в. с. принесть его почтеніе.

Іюня 5 дня, 1757 года, Царское Село.

V.

Пользуясь симъ случаемъ, имѣю честь в. с. послать нѣсколько книгъ новыхъ; нѣтъ, кажется, ни одной завидной; какъ что̀ ни получу достойное вашего любопытства, то пришлю; я себѣ за честь и удовольствіе почитаю, что мнѣ хотя сіе малое дѣло приказать изволили. Имѣю честь послать в. с. три медали серебряныя, о уставленіи университета [1]). Прошу, м. г., простить, золотыя еще не поспѣли;

[1]) Указъ объ основаніи Московскаго университета воспослѣдовалъ 12 Января 1754 года, самое же открытіе его 26 Апрѣля 1755 года. Изъ медалей, выбитыхъ по

какъ поспѣютъ, то служить буду. Здѣшнихъ вѣстей новыхъ нѣтъ; какъ я чаю, въ газетахъ видѣть изволите о взятіи Цесарцами у Пруссаковъ города Гавеля [1]) и 3500 человѣкъ въ полонъ; сіи послѣдніе, кажется, поправились и счастіе на своей сторонѣ и поверхность имѣютъ; дай Богъ, чтобъ только пользовались. Наша армія, чаю, въ Пруссіи, только операціи еще нѣтъ кромѣ Мемеля [2]); когда в. с. дозволите, то я буду о приключеніяхъ сихъ писать, которыя за нѣсколько дней прежде газетъ приходить будутъ, желая показать вамъ во всемъ мое глубокое почтеніе; а паче сего желаю, чтобы могъ имѣть честь скорѣе васъ видѣть и засвидѣтельствовать, сколько я есмь в. с., м. г. моего, покорнѣйшій и вѣрный слуга Иванъ Шуваловъ.

1757 году Іюля 28 дня.

VI.

Покорнѣйше благодарствую за милостивое письмо, которымъ вы мнѣ честь сдѣлать изволили. Позвольте, чтобъ я, пользуясь симъ случаемъ, принесъ в. с. мое всенижайшее почтеніе, которому опыты во всѣхъ мнѣ возможныхъ случаяхъ стараться доказать буду. Сердечно желаю, чтобъ в. с. самихъ здѣсь скорѣе видѣть, въ чемъ я льщусь и надѣюсь, гдѣ могу лучше доказать самъ, сколько я есмь и пр.

1757 г., Ноября 16 дня, С.-Петербургъ.

случаю основанія университета, извѣстны намъ двѣ: одна большая, представляетъ съ одной стороны профиль Государыни съ подписью вокругъ: D. G. Elisabeta I. Imp. Autocr. Omn. Ross., а съ другой—аллегорическую фигуру Россіи, окруженную принадлежностями наукъ и искусствъ, сидящую около пьедестала, на которомъ виденъ на щитѣ вензель Императрицы. На заднемъ планѣ изображена Москва. Вокругъ читаемъ: Nova Sibi monumenta paravit, а внизу подъ аллегорическою фигурой: Academia Mosc. Instit MDCCLIV. Другая медаль, меньшая, съ одной стороны подъ императорскою короною имѣетъ надпись: Auspiciis Augustissimae Elisabetae I. Omnium Russiarum Imperatricis et Autocratoris. Die XXV. Aprilis; съ другой стороны видна сидящая Паллада, держащая въ рукѣ вѣнки и окруженная принадлежностями наукъ и искусствъ. Вокругъ находится подпись: Dat praemia laudi, а внизу: Universit. Mosc. (Ricaud de Tiregale, Médailles sur les principaux événements de l'empire de Russie, 82 и 83).

[1]) Городъ Габель, а не Гавель, былъ занятъ Австрійцами подъ начальствомъ генерала Макира, послѣ 36-ти-часовой осады, 15 Іюля (нов. ст.) 1757 года. Городъ защищалъ прусскій генералъ Путкамеръ. Взятіе этого города открыло Австрійцамъ входъ въ Лужицы (Lloyd und Tempelhof, Gesch. d. 7 jährigen Krieges in Deutschland, I, 227).

[2]) Мемель былъ занятъ русскими 24 Іюня 1757 года.

Письма генералъ-фельдмаршала князя Никиты Юрьевича Трубецкаго:

I.

Изъ С.-Петербурга, 21 Марта 1757.

Я пользуюсь сею оказіею всеусердно в. с. поздравить съ благополучнымъ (какъ то съ Божіей помощью надѣюсь) въ Глуховъ прибытіемъ, всепокорно прося содержать меня всегда въ вашей памяти.

P. S. По позволенію в. с., какъ сами мнѣ дозволили, г. Фрейганга сегодня въ сенатъ въ переводчики опредѣлилъ.

II.

Изъ С.-Петербурга, 18 Апрѣля 1757.

Я пользуясь сею оказіею покорно в. с. доношу: братъ вашъ и супруга и всѣ дѣти в. с. благодатію Господнею во всецѣломъ здоровіи находятся. А при томъ въ покорности же моей в. с. благодарствую за увѣдомленіе меня вашимъ почтеннѣйшимъ отъ 17 минувшаго о благополучномъ в. с. въ Глуховъ прибытіи. И доношу, что по дѣлу в. с. о смолчюжныхъ (sic) заводахъ (какъ въ приложенномъ приономъ посскриптѣ изъяснить изволили) съ крайнимъ моимъ желаніемъ оное въ пользу в. с. елико возможность меня допуститъ скоро окончить стараюся и стараться буду и уже разсужденіе по тому въ правительствующій сенатъ было и приказаніе есть, но не совершенно еще окончено. Я, видя изъ того в. с. ко мнѣ дружескую повѣренность, сердечно тому радуюся, покорно прося о продолженіи оной, которую съ моей стороны всегда и во всемъ съ особливымъ совершеннымъ высокопочитаніемъ непоколебимо содержа, непрестану вѣрно именоваться, какъ и истинно есмь и пр.

P. S. Экспедиція сія, съ чѣмъ податель сего къ в. с. посылается, требуетъ по обстоятельству дѣлъ (и во убѣжденіе, ежели бы не скоро сдѣлана была, отъ злотолковъ ворчанія) строгаго исполненія, того для какъ вѣрный в. с. слуга и примѣръ тутъ (?) разсудилъ построжѣе взысканіе, кому то поручить изволите, какъ можно скорѣе исполнить. По написаніи сего отъ е. с. брата вашего Екимъ Яковлевичъ (?) привезъ ко мнѣ къ в. с. адрессованный пакетъ съ рекомендаціею вѣрно оный вамъ доставить, который при семъ и прилагаю и ежели изволите съ подателемъ сего и в. с. писать, то потомужъ въ моемъ пакетѣ вложить прикажите, чрезъ что вѣрно и то е. с. вручено будетъ, также и къ графу Михайлѣ Ларіоновичу.

III.

Изъ С.-Петербурга, 29 Апрѣля 1757.

Незапно случившаяся скорая сего подателя посылка не дозволяетъ мнѣ не о чемъ здѣсь распространяться, а для того покорно в. с. благодарствую за почтеннѣйшее ко мнѣ в. с. отъ 12 настоящаго мѣсяца сегодня полученное и только то доношу, что я какъ по тѣмъ, о которыхъ онымъ мнѣ рекомендовать изволите, такъ и во всѣхъ в. с. повелѣніяхъ, яко всегда сущій в. с. вѣрный слуга стараться моими услугами доказать, яко съ неотмѣннымъ высокопочитаніемъ искреннѣйше именовался и пр.

P. S. E. с. братъ вашъ, м. г. мой, и съ дражайшей в. с. супругою и со всѣми, находятся во всецѣломъ здравіи и хотя я посылалъ донести имъ объ отправленіи сего подателя, написать, какъ за скорымъ его отпускомъ, такъ и за тѣмъ, что въ почту сію писали не изволили.

IV.

Изъ С.-Петербурга, съ Приморскаго двора. 10 Іюля 1757.

Сейчасъ съ должнѣйшимъ моимъ почтеніемъ получилъ я в. с. отъ 30-го минувшаго Ноября писанное, за которое принесши мое покорное благодареніе, прошу пожаловать отпустить мнѣ, что такъ долго умедлилъ моимъ за почтеннѣйшее в. с. письмо благодареніемъ. Правда, хотя суеты, какъ по конференціи, такъ и по сенату, а притомъ изъ продолженія Пирмонтскихъ (неразобранное слово) водъ курса, въ чемъ и нынѣ еще состою, нѣсколько, какъ угадывать изволите, помѣшивали, но со всѣмъ тѣмъ отговариваться не хочу, но покорно прошу ту мѣшкоть мнѣ пожаловать отпустить. Меня ничто въ томъ такъ не обмануло мое искреннее къ в. с. усердіе, чтобъ всѣ ваши дѣла окончивъ, вдругъ донести, какъ малыя и рѣдкія собранія въ сенатѣ, а при томъ и мои отлучки нѣсколько и по-нынѣ то мнѣ дѣйствіе произвести препятствовали, то теперь, довольствуясь тѣмъ, что доношу о точномъ окончаніи уже сколько можно дѣла. Вѣрьте, в. с., что ей-ей всѣ мои силы къ оному прилагать (*буду*) и какъ многія помѣшки тому были (о чемъ писать къ вамъ право не хотѣлось), то какъ всѣми силами давно предупреждалъ, невольно уже пришелъ на такую дорогу, что больше въ сенатѣ сдѣлать нельзя было. Я о всемъ этомъ е. с. брату вашему сообщалъ, теперь же и остальныя всѣ какъ о плутѣ Богдановичѣ (?), такъ и прочія, да и сегодня полученныя съ крайнимъ моимъ усердіемъ стараться буду по тому же съ добрымъ успѣ-

хомъ приводить къ концу, елико только возможность меня силою законовъ допуститъ. На концѣ же я не о чемъ иномъ, токмо покорно пожаловать твердо увѣрену быть, съ достодолжнѣйшимъ почтеніемъ и сущею дружескою преданностію всегда и пр.

Пожайлуйста, государь мой Григорій Николаевичъ, не погнѣвайтесь тѣмъ, что умѣшкалъ своею благодарностію за ваше ко мнѣ писаніе, истинно не для чего токмо по пословицѣ со мною дѣлается: „браги частыя, а руки одинокія“. Но будьте пожалуйста увѣрены, что я какъ много и столь люблю и почитаю вашего принцыпала, то и вамъ пребуду и есмь неотмѣнно вѣрный слуга.

V.

Изъ С.-Петербурга, 25 Августа 1757.

В. с. отъ 21 минувшаго Іюля я имѣлъ честь исправно съ обыкновеннымъ моимъ къ в. с. почтеніемъ получить и тотчасъ объ ученикѣ архитектуры Борзоковскомъ, чтобы по прежнему оставленъ былъ при Глуховскомъ строеніи къ Ухтомскому [1]) писалъ, почему и уповаю, что уже исполнено и покорно прося в. с. и впредь въ потребномъ въ угодность вашу мною повелѣвать, ибо я со сущею моею преданностію и пр.

VI.

Изъ С.-Петербурга, 5 Октября 1757.

Я какъ всегда имѣю съ крайнею моею и неотмѣнною преданностію обычайное мое къ в. с. почтеніе, то не хотѣлъ упустить сего случая, чтобъ не пользоваться чрезъ сіе ту мою искренность удостовѣрить и притомъ покорно в. с. донести, что е. с., любезнѣйшій вашъ братъ, и вся дражайшая фамилія ваша во всецѣломъ здоровіи находится и у насъ все благодатію Божіею обстоитъ благополучно. Объ экспедиціи съ подателемъ сего в. с. отправляемой я повторять оставляю, ибо сами изволите увидѣть, сколько то нужно и необходимо и тако подлежащіе къ оному распорядки учинить приказать не оставите. А я только сердечно желаю, чтобъ скорѣе Богъ помогъ мнѣ о томъ стараться, чтобъ в. с. видѣть здѣсь и изустно донести; яко съ сущею преданностію и неотмѣннымъ высокопочитаніемъ имянуюся и пр.

---

[1]) Князь Дмитрій Ухтомскій, извѣстный архитекторъ; онъ въ 1742 г. основалъ архитектурную школу въ Москвѣ.

P. S. Государю моему Григорію Николаевичу униженно кланяюсь и притомъ услужно прошу пожаловать здѣсь включенный наказъ господину Лашкевичу, ежели онъ не въ Глуховѣ, приказать послать.

VII.

Изъ С.-Петербурга, 12 Ноября, 1757.

Съ подателемъ сего в. с. отъ 27 минувшаго я съ обыкновеннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ исправно имѣлъ честь получить и видя изъ него новый опытъ в. с. ко мнѣ дружеской любви всепокорное мое принести имѣю благодареніе. Прося при семъ пожаловать господину Крыжановскому рекомендовать мои тамошнія маетности, о чемъ къ нему съ прошеніемъ я отъ сего числа также и къ прикащику моему, чтобы послушенъ былъ и въ полномъ его вѣденіи состоялъ писалъ.

Письма отъ Штелина.

I.

Monseigneur, la gracieuse résolution [1]) que V. E. vient d'envoyer à la chancellerie académique en ma faveur et celle des beaux arts, m'oblige au remerciement le plus humble et le plus sincère en mon particulier et en général au nom de tous les beaux arts, lesquels à la fin s'attendent du sein de leur digne président à leur véritable progrès—l'effet indubitable des nouveaux ordres de V. E. Ce sera le temps et les ouvrages entrepris désormais qui Vous rendront un remerciment actuel. Pour moi je m'estimerai assez heureux, si mon zèle sous la protection de V. E. pourra contribuer à l'accomplissement du louable dessein de V. E. et faire mieux réussir à l'avenir notre Académie des arts dans ses entreprises. En avance je me flatte du moins que V. E. en son retour la trouvera sur un meilleur pied. Plusieures choses du moins les plus nécessaires dans ses départements sont changées déjà et un arrangement fait en sorte que le gâtemétier et la suffisance ne se puissent plus s'y glisser si aisément en retour. Les maitres et leurs subalternes en sont très satisfaits depuis que je leur ai fait comprendre que la nouvelle direction n'aboutissait qu'à leur avancement dans les arts, à l'honneur de l'Académie et à l'utilité

---

[1]) Штелинъ пожалованъ былъ въ 1757 членомъ академической канцеляріи (см. выше) и директоромъ отдѣленія художествъ (см. Митр. Евгеній, Словарь русскихъ писателей, II, 265).

publique. Notre chancellerie, ayant été pressée depuis quelques jours par des oukases du haut Sénat pour rendre à la cour de la monnaie une demi-douzaine de nos meilleurs élèves de l'Académie du dessein, j'ai taché de répondre en sorte que nous ne nous depouillons tout à fait du peu de bon qu'il y a encore chez nous capable de profiter des maitres artistes que nous attendons [1]). De Berlin j'attends avec impatience la réponse de M. Schmidt [2]) à ma seconde, qui lui a porté réponse à ses propositions. Peut-être fait elle le circonflexe ou nouveau detour des lettres par la Suède et la benedetta Finlande? Peut-être n'ose-t-il se joindre à nous pendant que les troubles regnent sur les frontières de la Prusse? M. le résident baron Wolf [3]) a été charmé de la part que V. E. a voulu bien prendre à sa convalescence. Il m'a chargé de témoigner à V. E. ses remerciements et les sentiments de la plus humble reconnaissance. Depuis trois semaines il demeure dans sa nouvelle maison du jardin à l'isle de St.-Pétersbourg. Autant que le beau temps permet, il ne manque guère de l'un ou de l'autre gaste. Hier S. E. m. le vice-chancelier [4]) avec le Comte Martin Carlowitz [5]) et le chambellan Korff [6]) a diné chez lui. M-r l'ambassadeur Williams, qui reside au Primorsky du baron Wolf y est survenu inopinément. Le Comte Esterhasi [7]) garde la chambre à cause d'une érysipèle dans le visage (sic). Son taciturne général St.-André, Suabe (sic), protestant qui n'a pas manqué d'approbation, est reparti pour Riga le

---

[1]) Ожидаемые художники были: Луи-Жозефъ ле-Лоррэнъ (Le-Lorrain), рисовальщикъ Маро, скульпторъ Николай Жилле (Gillet) и наконецъ знаменитый берлинскій граверъ Георгъ-Фридрихъ Шмидтъ.

[2]) Г. Ф. Шмидтъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ художниковъ XVIII вѣка, род. 1712 въ Берлинѣ; въ 1757 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ 1759 онъ гравировалъ знаменитый портретъ Елизаветы съ картины Токе. Портретъ былъ готовъ за 6 дней до смерти Государыни. Кромѣ этого въ Петербургѣ Шмидтъ гравировалъ еще портреты: гетмана, гр. М. И. Воронцова, И. И. Шувалова, гр. П. И. Шувалова, доктора Моунзея (рѣдчайшій) и Австрійскаго посла графа Эстергази. Въ 1762 Шмидтъ вернулся въ Берлинъ. Онъ умеръ въ 1775 году. Изъ учениковъ его замѣчательны: Чемесовъ, Васильевъ, Герасимовъ и пр.

[3]) Баронъ Вольфъ, созданіе Воронцова и Шуваловыхъ, сначала былъ нѣчто въ родѣ банкира, а потомъ замѣнилъ Штамбке при Наслѣдникѣ и сдѣлался министромъ-резидентомъ по Голштинскимъ дѣламъ.

[4]) Гр. М. И. Воронцовъ.

[5]) Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій, генералъ-аншефъ (1717—1776), братъ графини Воронцовой.

[6]) Баронъ Николай Андреевичъ Корфъ, впослѣдствіи генералъ-аншефъ и андреевскій кав., жен. б. на гр. Екатеринѣ Карловнѣ Скавронской.

[7]) Графъ Николай Эстергази де-Галанта (Esterhasi de Galantha), андреевскій кав., Австрійскій посолъ.

lendemain du jour de cour où il a été présenté à S. M. Le général Boukow [1]) né Hanovrien, est encore ici. Le Comte Poniat [2]) donne souvent à manger. Le baron Posse a passé une couple de nuits à la belle étoile dans les forêts de Wiborgstoron, et en est revenu chargé de gibier mâle, croyant, avec raison, pécher et tuer les femelles dans la saison présente. L'encan de l'héritage de feu Malzahn [3]) s'est fait la semaine passée. M-r l'envoyé van den Osten [4]) en a acheté la plus grande partie. M. Douglas [5]) se prépare pour partir sitôt que l'ambassadeur, qui est parti de Varsovie [6]), comptant arriver ici les premiers jours de Juin, sera arrivé ici. Notre ambassadeur Comte Bestoucheff [7]) est passé par Nurnberg, d'où il y a des lettres de fraiche dâte. M-r Prasse [8]) continue à chanter le miserere en Saxon. Au lieu d'incommoder V. E. d'avantage par mes nouvelles importantes, j'ai l'honneur de joindre ici un couple (sic) de pièces authentiques, qui ne manqueront pas de divertir V. E. d'un côté et de faire pitié de l'autre. Celle qui nous debite un nouveau monseigneur a été envoyée ici en quantité pour être distribuée aux connaissances du nouveau monseigneur. L'autre en mspt. ne sera imprimée nullement ici. A la gracieuse continuation de la bienveillance de V. E. et à sa généreuse protection se recommande, monseigneur, de V. E. le plus humble et très obéissant serviteur J. Stehlin.

St.-Pétersbourg, le 9 de Mai 1757.

---

[1]) Генералы Буковъ и Сантъ-Андре—Австрійцы, прибывшіе чрезвычайными посланниками отъ Маріи-Терезіи. Пріемная аудіенція дана была Букову 26 Января 1757 г. (Кам.-фур. жур. с. г.). Буковъ состоялъ при нашей арміи, въ званіи Австрійскаго коммиссара. За Буковымъ и вѣроятно С.-Андре (въ Камеръ-фур. жур., говорится такъ: Цесарскіе пріѣзжіе съ прочими) очень ухаживали, показывали имъ Петергофъ, Кронштадтъ, Царское Село и пр.

[2]) Станиславъ Августъ Понятовскій, будущій Польскій король, пріѣхалъ въ первый разъ въ качествѣ attaché къ посольству Вилліамса, а теперь былъ Польскимъ посланникомъ.

[3]) Баронъ Мальцанъ, Датскій посланникъ, смѣнившій графа Линара, умеръ 1756 года въ Петербургѣ.

[4]) Датскій камергеръ фонъ-Остенъ, замѣнилъ Мальцана, его пріемная аудіенція была 24 Февраля 1757.

[5]) Шевалье Макензи Дугласъ (см. о немъ выше).

[6]) Французскій посолъ маркизъ Лопиталь имѣлъ пріемную аудіенцію 27 Іюня 1757 года; въ тотъ же самый день генералъ Буковъ имѣлъ отпускную аудіенцію.

[7]) Графъ Михайло Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, братъ канцлера, посолъ нашъ въ Вѣнѣ, отправлялся посломъ во Францію, гдѣ онъ умеръ въ 1760 г.

[8]) Прассе, Саксонскій резидентъ, находившійся въ близкихъ сношеніяхъ съ домомъ вице-канцлера.

II.

Monseigneur.

Une nouvelle tout nouvellement arrivée me fournit l'occasion d'en féliciter V. E. de tout mon cœur. C'était aujourd'hui à la pointe du jour, que le bruit de 101 canons de la fortresse éveilla toute la ville de Pétersbourg. Tout le monde croyait d'abord, que c'était pour annoncer le retour de S. M. I. de Sarskoe Sélo, d'où pourtant à ce que l'on entend S. M. I. ne retournera pas dans le mois présent. Bientôt après on entendit qu'après minuit M. le Gen.-Maj. Panin [1]) était arrivé à Sarskoe Sélo avec l'agréable nouvelle d'une victoire considérable, que le 19 du courant l'armée de S. M. I. avait remportée sur l'armée prussienne sous le commandement du Maréchal Général Lehwald dans les environs de Welau, une mille au deça du retranchement Prussien [2]). Le rapport qui fut écrit au champ de bataille ne contient que l'abrégé de cette journée. Le détail suivera bientôt. Cependant comme rien n'en est encore imprimé, je ne voulais pas manquer d'en donner part (sic) à V. E. même en hâte, autant qu'en est venu à ma connaissance.

Le Feldmaréchal Apraxine, ayant fait sa disposition pour attaquer l'ennemi dans son retranchement, fût attaqué une mille au deça en pleine marche dans un espèce de défilé. Le combat le plus vigoureux dura 3 heures. Nos grenadiers, notre artillerie et surtout nos haubises [3]) ont fait des merveilles. Nos généraux se sont distingués par leur bravoure. Les Prussiens furent obligés à décamper avec une perte considérable et se retirèrent dans leurs retranchements. Parmi le nombre des tués de leur côté on a trouvé le général en chef Comte Dohna et beaucoup d'autres officiers. Notre armée a remporté quantité de drapeaux Prussiens, gagné 33 canons de différents calibres et 3 haubises et fait prisonniers 600 et deserteurs 300. De notre côté sont

---

[1]) Генералъ-аншефъ графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, извѣстный побѣдитель Пугачева. Порошинъ записалъ: „Какъ П. И. Панинъ съ извѣстіемъ о Эгерсдорфской баталіи, съ трубящими почталіонами, въ Царское Село пріѣхалъ, то Великій Князь испугался. Тотъ день былъ ужасный громъ („Р. Вѣстн." 1866 г., кн. 8, стр. 485).

[2]) Битва при Гроссъ-Егерндорфѣ или Егерсдорфѣ, на берегахъ Прегеля, неподалеку отъ Велау. Апраксинъ 19 Августа 1757 года съ 80,000 человѣкъ войска побилъ 22,000 корпусъ прусскій подъ командою фельдмаршала Левальда. Вслѣдъ за побѣдою Апраксинъ переправился обратно черезъ Прегель и очистилъ Пруссію, оставя за собою одинъ Мемель.

[3]) Извѣстныя Шуваловскія гаубицы, здѣсь впервыя употребленныя; онѣ отличались отъ обыкновенныхъ бóльшею длиною и овальнымъ распаломъ, котораго длина была вдвое болѣе ширины. Орудія эти содержались въ тайнѣ, какъ изобрѣтеніе, отъ котораго ожидали большихъ успѣховъ. Несмотря однако на слова Штелина, опытъ не доказалъ ихъ пользы, и онѣ вскорѣ были вовсе оставлены.

parmi les tués (dont on ne sait pas encore le nombre ni de l'un, ni de l'autre côté) Mr. Lapouchin gen. en chef [1]), qui commandait l'aile gauche et qui se précipita dans les escadrons ennemis; Mr. Sibin lieut.-général; Mr. Kapnist [2]) brigadier des cosaques et le cheval sous le corps de S. E. le Feldmar. Apraxine. Parmi les blessés:

M. Lieven, gen. en chef [3]). M. Lieven—lieut.-gen. [4]). M. Tolstoi—lieut.-gen. [5]). M. Bousquet—gen. maj. ingen [6]). M. Willebois, qui avec une sanglante blessure dans la tête n'a pas quitté l'action jusqu'à la fin [7]). M. Joh. Manteufel Zöge, beau-frère du gen. Lieven. M. Plemenikof — brigad. M. Weymarn — brigad. quartier maitre gen. Nous avons bu aujourd'hui un bon bocal à la continuation de l'heureux succès des glorieuses armées de S. M. I. ce que souhaite de tout son coeur, Monseigneur, Votre très humble et très obéissant J. Stehlin.

A Pétersb. le 28 Août 1757.

P. S. Je viens de recevoir la réponse de M. Schmidt de Berlin à nos dernières propositions. Il les a acceptées et compte partir bientôt pour s'embarquer à Lubec et nous joindre encore dans l'autômne présent. M. l'ambassadeur Villiams ayant été parti d'ici tout à fait pour Stockholm et passé déjà une couple de stations de Finlande, retourna tout un coup (sic) il y a huit jours en ville avec une espèce de fiévre bilieuse. Il s'est logé dans son premier quartier chez m. le baron Wolf et se prépare actuellement pour partir avec un vaisseau Anglais pour se rendre tout droit par mer en Angleterre.

Письма отъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова [8]).

I.

„В. с. государя моего милостиваго пріятнѣйшее писаніе отъ 5-го числа изъ Глухова, я вчерась честь имѣлъ получить. Радуюсь, что в. с. здоровы, что единственно съ охраною старается препобѣдить

---

[1]) Генералъ-аншефъ Василій Абрамовичъ Лопухинъ женатъ былъ на графинѣ Ягужинской.

[2]) Капнистъ, отправленный на театръ войны съ малороссійскимъ отрядомъ (см. выше).

[3]) Ген.-аншефъ и александровскій кавалеръ баронъ Юрій Григорьевичъ (Георгъ Рейнгольдъ), † 1763.

[4]) Баронъ Матвѣй Эбергардъ, † 1762.

[5]) Ген.-аншефъ и алекс. кав. Матвѣй Андреевичъ Толстой, † 1763, женатъ былъ на графинѣ Остерманъ.

[6]) Ген.-аншефъ и алекс. кав. де-Боскетъ.

[7]) Ген.-фельдцейхмейстеръ и всѣхъ росс. орд. кав. Александръ Никитичъ Вильбоа.

[8]) Письма эти, вполнѣ безграмотныя, доказываютъ, какъ нетребовательно было высшее общество того времени въ дѣлѣ образованія.

скуку, и охотникомъ еже не имѣете дѣлъ отъемлющихъ время, быть похваляю, чѣмъ иногда и здѣсь покажется не скучнымъ, когда-жъ ни то увеселитъ. А о мѣстѣ отнюдь не скажу живи, но старайся возвратиться, гдѣ вѣрные вамъ благожелатели сердечно и искренно тебя видѣть и жить неразлучно желаютъ. За посланныя черешни много благодарствую и о полученіи тебѣ донесу и Василія Васильевича (?), какъ скоро попросите, для васъ отпущу.

14 Апрѣля, 1757. С.-Петербургъ.

Е. с. графиня Катерина Ивановна и всѣ дражайшія дѣти ваши находятся здоровы, только по усердію моему ко всей фамиліи в. с. умолчать долгъ воспрещаетъ, какъ пріѣхавъ на мѣсто, чрезъ двѣ недѣли вспомнилъ сказать о себѣ, ежели-бъ видѣли какія-то графинѣ слезы нанесло, да и всѣмъ любящимъ васъ печаль, вѣрно надѣюсь впредь и всегда-бъ того стереглись, что̀ все и видѣть желаютъ. Не лѣнись, мой батюшка, пиши почаще. А Григорій Николаевичъ хотя въ письмѣ графа Михайлы Ларивоновича меня вспомнилъ, чтобъ прививками я съ нимъ подѣлился, и за то кланяюсь, пребывая ему здѣсь во всегда вѣрнымъ слугою.

II.

Я не оправдаюсь, что такъ долгое время не служилъ моими письмами, но могу искреннее мое почитаніе и любовь къ в. с. засвидѣтельствовать не только любезною вашею супругою, но и всѣмъ домомъ, гдѣ я очень часто бываю съ совершенною искренностію; видѣвъ ея житіе, поступки во всемъ сходные съ честію васъ обоихъ и, однимъ словомъ, не вижу человѣка, ктобъ не хотѣлъ съ большимъ почитаніемъ быть въ домѣ вашемъ для усмотрѣнныхъ меритовъ въ е. с. графинѣ вашей. Она тотъ же домъ имѣетъ для честныхъ и знатныхъ людей, какъ и при в. с. было. Графъ Михаила Ларіоновичъ и графиня Анна Карловна очень часто провождаемъ (sic) дни васъ вспоминая, когда-жъ у нея нѣтъ съ кѣмъ поиграть въ кадрилью, что̀ ежедневно между дѣлъ наще единственное утѣшеніе и удовольствіе, наѣзжалъ (sic); она имѣетъ только съ дѣтьми дѣло, и я съ ними; вотъ я и думаю, слышавъ порядокъ моего предъ вами проступка, и сѣтовать уже не будете; чтожъ я забытъ, добромилостивецъ мой, какъ увидимся, тогда попеняю; а теперь повѣрьте, государь мой милостивый, что радость всякому честному человѣку домъ вашъ видѣть, и вы найдете оный съ желаніемъ вашимъ во всемъ сходный. Романъ Ларіоновичъ [1]) истинно усердный вашъ

[1]) Воронцовъ.

другъ и слуга; я не знаю, когда гдѣ бываетъ, кромѣ вашего дома; печется и хлопочетъ, гдѣ силы достать могутъ, единственно объ васъ и для васъ, чѣмъ я удостовѣрить могу, почитая самъ за первѣйшее удовольствіе, когда-бъ какое въ чемъ-либо вамъ добро видѣлъ или и слышалъ! А за тѣмъ увѣряю совершенно, вы столь счастливы, что весь городъ васъ здѣсь видѣть желаетъ, слѣдовательно имѣете надежду сюда радостно пріѣхать; спѣшите, спѣшите, всѣ силы употребляя, чего съ моей стороны особенно усердно васъ въ полномъ здоровіи видѣть желая, пребываю во всегда и пр.

14 Ноября, 1757. С.-Петербургъ.

Письма шведскаго посланника, барона Маврикія Поссе [1]).

I.

Monseigneur, Me trouvant justement chez Madame la comtesse lorsqu'elle était occupeé à finir la lettre dans laquelle celle-ci se trouvera, j'ai pris la liberté de joindre ces peu de mots pour assurer V. E. de mes très humbles respects. De dire à V. E. combien nous regrettons sa présence ici, cela serait aussi impossible, que je le crois inutile, d'autant plus qu'avant Votre départ tout le monde pouvait voir nos regrets sur nos visages. Ces mêmes regrets, Monseigneur, continuent toujours et même ils ne font qu'auguementer par l'inquiétude où nous sommes de ne pas recevoir de Vos nouvelles, pour consoler Votre aimable sposa qui commence déjà à n'entendre de raison sur Votre silence. Je me tue à lui persuader qu'il est arrivé quelque malheur au courier que Vous auriez depéché, mais j'ai beau dire tout ce que je veux tout cela ne sert à rien et je vois bien qu'il n'y a qu'une lettre de V. E. capable de la tranquilliser. Jugez, Monseigneur, par la hardiesse que j'ai de Vous écrire (sur) un chiffon comme celui-ci quelle confiance je mets en Vos bontés, c'est en Vous en demandant humblement la continuation que j'ai l'honneur и пр.

II.

St.-Pétersburg ce 2 de Mai 1757.

Monseigneur.

Un billet doux qu'un amant recevroit de sa maitresse ne sauroit lui causer une joie plus grande que celle que j'ai ressentie en recevant la

---

[1]) Баронъ Поссе, какъ видно изъ писемъ его, другъ дома Разумовскихъ, встрѣчается въ камеръ-фурьерскихъ журналахъ между лицами чаще другихъ приглашаемыми ко двору.

gracieuse lettre, dont il a plu à v. e. de m'honorer. Une marque si signalée de votre bienveillance ne fait qu'augmenter en moi le désir inexprimable que j'ai de revoir l'homme d'or, l'homme du monde que j'estime le plus; et s'il ne tenait qu'à moi, monseigneur, je n'hésiterai pas un instant à me mettre tout à l'heure à cheval pour aller vous rejoindre à Gloukoff, pour vous témoigner la vive reconnaissance que je conserverai toute ma vie de vos bontés. L'empressement avec lequel j'ai toujours recherché l'honneur de votre aimable compagnie, vous persuadera assez du plaisir que j'aurai de me trouver auprès de v. e., et ce serait en partageant avec elle les plaisirs de la chasse, comme aussi en prenant part aux autres petits amusements que l'occasion et la fortune nous présenteraient, que j'oublierais longtemps les vanités de ce monde, la cour, les intérêts des princes et toute la boutique politique. Ce n'est pas, monseigneur, qu'une société aimable ne rend mon séjour ici des plus agréables: mon propre penchant qui m'invite à faire ma cour très assidûment auprès des deux aimables dames [1]), qui par l'absence de leurs chères moitiés se trouvent un peu isolées; l'ancienne habitude que j'ai contractée dans votre maison, la bonne compagnie qui s'y trouve et le bon accueil que la gracieuse comtesse me fait tout les jours, tout cela m'engage naturellement à augmenter le nombre de ceux qui s'empressent de lui tenir compagnie; par ce moyen je suis parvenu à supporter l'absence de v. e. plus facilement que je ne croyais au commencement. M-r le major d'Endten [2]) me fit l'honneur il y a quelque temps de me nommer parrain avec s. e. m-me la Hettmanne d'un garçon dont sa femme était accouchée; l'enfant est mort, mais l'alliance spirituelle que j'ai contractée en cette occasion avec m-me la comtesse subsiste toujours, en faveur de quoi ma gracieuse „Couma“ m'a fait présent d'une très belle boite que je conserverai eternellement en souvenir d'un évènement si glorieux. M. le médecin Kruus [3]) a conseillé à m-me la comtesse de se donner beaucoup d'exercice, mais comme elle a été obligée pendant quelque temps de garder la chambre à cause d'un refroidissement, qu'elle éut un jour en voulant pêcher à la ligne dans son jardin, elle ne peut en prendre d'autre que de jouer au volant; en attendant tous les préparatifs sont faits pour monter à cheval et après quelques essais que m-me la comtesse veut encore faire incognito dans le jardin, il se fera au premier jour une grande cavalcade à Cathrinhof. L'autre jour m-me la com-

[1]) Графиня Екатерина Ивановна и Матрена Герасимовна Теплова.

[2]) Вѣроятно офицеръ Измайловскаго полка.

[3]) Докторъ Карлъ-Фридрихъ Крузе (по-русски Карлъ Өедоровичъ), родомъ изъ Голштиніи, былъ главнымъ докторомъ лейбъ-гвардіи, а потомъ лейбъ-медикомъ. Онъ былъ братъ графини Сиверсъ, жены оберъ-гофмаршала.

tesse m'amenait avec elle souper chez la belle Maréchale [1]), la compagnie n'était pas nombreuse, et il n'y avait que m-r le chambellan Worontzow [2]), m-r le conseiller Borsokoff [3]), quelques officiers du régiment d'Ismayloff, m-r Endten et messieurs Belogradski et Raupach qui nous regalèrent avant souper et pendant que nous jouions au cadrille [4]), de plats de leur métier. Tout le monde était de bonne humeur, et la charmante hôtesse dont les beaux yeux n'inspirent rien moins que la tristesse, fit si bien les honneurs de sa maison, que si vous l'aviez vu monseigneur, vous n'aurez pas été le dernier à convenir qu'elle était toute aimable. On nous flatte, monseigneur, du plaisir de vous revoir bientôt ici; en ce cas-là, je ne regretterai pas du tout le refus dont je suis menacé par rapport à mon rappel, espérant encore d'avoir le bonheur de vous assurer de vive voix du profond respect avec lequel j'ai l'honneur d'être и пр.

III.

S.-Pétersbourg ce 24 de Juillet 1757.

Vous connaissez j'éspère, monseigneur, le zêle et l'inviolable attachement que je vous ai voué depuis longtemps à vous et à tout ce qui vous appartient. Une suite de ces sentimens invariables me donne occasion d'écrire à v. e. la présente lettre qui la convaincra sans doute de toute la part que je prends à ce qui peut intéresser v. e. le plus sensiblement. S. e. m-me la comtesse votre épouse, vous marquera par ce courrier l'idée que j'ai conçue de procurer à vos aimables enfants un gouverneur très capable de leur apprendre non seulement les sciences qui conviennent à de jeunes seigneurs, mais de leur inspirer des sentiments dignes de leur naissance et de former leurs coeurs et leur caractère. Ce sont là les qualités essentielles d'un gouverneur pour des enfants de famille, et je ne sais pas trop, si la personne à qui v. e. a confié actuellement cet important soin, pourrait entièrement y répondre; c'est pourquoi je prends la liberté de présenter pour cet effet un sujet, Suèdois de nation,

---

1) Вѣроятно здѣсь рѣчь идетъ о теткѣ гетманши—Маріи Павловнѣ Нарышкиной, рожд. Балкъ-Полевой, женѣ Семена Кирилловича, который въ то время былъ гофмаршаломъ, но вскорѣ (7 мая 1757) пожалованъ былъ оберъ-егермейстеромъ. Жены тогдашнихъ фельдмаршаловъ (Трубецкаго, Бутурлина и Апраксина) были всѣ женщины пожилыя, а М. П. Нарышкиной р. въ 1730 г. было всего 27 лѣтъ.

2) Графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ.

3) Вѣроятно, это тотъ же Барсуковъ, о которомъ упоминается въ письмахъ Ададурова (см. выше).

4) Кадриль, игра въ карты, въ родѣ ломбера.

qui est un homme de bonnes moeurs et d'étude et qui outre cela a déjà élevé en Suède quelques seigneurs de mes parents, savoir les barons de Sparre. Un hazard des plus heureux l'a conduit-ici. Il vient d'arriver actuellement de Paris. De crainte que ses talents ne le fissent entrer autre part, je l'ai engagé de ne prendre aucun autre engagement avant que d'avoir reçu la réponse de v. e. Je suis persuadé qu'elle ne pourrait pas trouver un meilleur gouverneur pour ses enfants, et si v. e. veut m'en croire, elle n'hésitera pas à décider son choix. La personne en question s'appelle Safstrom; il a fait ses études à Upsale plusieurs années de suite; depuis il a été en France d'où il vient d'arriver il y a 8 jours muni d'une forte lettre de recommandation pour moi de la part de l'envoyé de Suède à la cour de France. Comme au reste il n'est pas assez bien du côté de la fortune pour vivre longtemps ici à ses propres dépens, je vous supplie, monseigneur, de faire connaitre au plutôt vos sentiments à s. e. m-me la comtesse Catherine Ivanovna. Je me flatte quand v. e. connaitera le sujet que je prends la liberté de lui recommander, qu'elle me saura un peu gré de le lui avoir procuré. Je ressens un vrai plaisir de procurer par là à v. e. une millième partie de mon inviolable attachement et de l'infinie et respectueuse considération avec laquelle и пр.

P. S. Mille compliments à m-r le conseiller Tepleoff (sic). Sa chère Matrona Garasna (sic) se porte comme un charme, et l'on s'apperçoit fort bien à la fraicheur de son tein, qu'elle ne dorme (sic) plus les après-diner et qu'elle jouit pendant les nuits d'un sommeil non interrompu.

Не смотря на эту лестную рекомендацію, Савстромъ однако не поступилъ къ Разумовскому: мы не находимъ даже имени его въ перечнѣ иностранныхъ учителей, явившихся вслѣдствіе указа отъ 28 Апрѣля 1757 года, на испытаніе въ академію наукъ для полученія свидѣтельства на право быть учителемъ. Что же касается до нѣсколько гривуазной приписки, то Матрена Герасимовна, несмотря на увѣреніе Поссе, въ это время не столько предавалась покою, сколько была занята любовію къ ней Великаго Князя. Наслѣдникъ поссорился съ фрейлиною графинею Воронцовою и влюбился въ Теплову. Когда онъ ожидалъ ее къ себѣ, то совѣтовался съ Великою Княгинею о томъ, какъ бы лучше украсить свои комнаты, чтобы онѣ были по вкусу Матренѣ Герасимовнѣ. Съ этой цѣлью онъ однажды собралъ кучу гренадерскихъ киверовъ, ружей, перевязей и пр., такъ что комнаты его стали похожи на арсеналъ. Но нѣжная связь съ Тепловой продолжалась недолго. Нѣсколько, какъ видно, романтическая супруга Григорія Николаевича лѣтомъ не могла часто видѣться съ своимъ высокимъ любовникомъ, и принялась за переписку. Она начала съ

длиннѣйшаго письма на четырехъ страницахъ, требуя, чтобы Великій Князь съ своей стороны писалъ ей по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю. Наслѣдникъ, ненавидѣвшій всякое писаніе, разсердился не на шутку и этимъ отношенія ихъ пресѣклись [1]).

Гетманъ сидѣлъ въ Глуховѣ какъ на горящихъ угляхъ. Несмотря на частую присылку курьеровъ и на многихъ корреспондентовъ, извѣстія поздно доходили до отдаленной Малороссіи. Въ письмахъ были безпрестанныя недомолвки. Отступленіе Апраксина и всеобщій на него ропотъ, оттолоски котораго доходили до Глухова, сильно безпокоили Разумовскаго. Онъ зналъ, что Апраксинъ близокъ къ великому канцлеру и что онъ велъ тайные переговоры съ Великою Княгинею. Самъ графъ Кирила Григорьевичъ, несмотря на *крупный разговоръ* свой съ фельдмаршаломъ, о которомъ упоминали мы выше, передъ отъѣздомъ своимъ въ Малороссію, по настоянію Екатерины, вошелъ съ нимъ въ сношенія. Примиреніе шло черезъ И. И. Шувалова. „Касательно до дѣла гетманскаго", писалъ Апраксинъ къ Шувалову изъ Риги, „доношу в. п., что я уже какъ прежде, такъ и нынѣ во всемъ на васъ и на брата вашего Петра Ивановича положился, о чемъ пространнѣе ему писалъ изъ Митавы отъ 11-го сего мѣсяца, на которое ссылаюсь и что по этому дѣлу вы, м. т., и братъ вашъ Петръ Ивановичъ, положить и учинить изволите, я всѣмъ доволенъ" [2]). Крики негодованія противъ Бестужева и Апраксина, раздававшіеся въ Вѣнѣ и Парижѣ, долетѣли и до гетмана. Быть можетъ, онъ разсчитывалъ для Апраксина на сильную поддержку Шуваловыхъ; быть можетъ, онъ не зналъ, что великій канцлеръ вполнѣ отрекся отъ бывшаго своего друга и съ злорадствомъ, которое ему однако не помогло, указывалъ на фельдмаршала, какъ на добропріятеля Шуваловыхъ. Но, съ другой стороны, гетманъ твердо вѣдалъ, что Екатерина вела тайные переговоры съ Апраксинымъ, что онъ самъ, равно какъ и многіе изъ приближенныхъ къ брату его лицъ, могутъ сильно попасться, если доберутся до происковъ Великой Княгини и что паденіе Бестужева, несмотря на свое личное къ нему недоброжелательство, можетъ сильно отозваться на положеніе при дворѣ графа Алексѣя Григорьевича. Не даромъ писалъ ему Штелинъ о какомъ-то новомъ Monseigneur'ѣ. Благодаря всему этому положеніе графа Кирилы Григорьевича въ Глуховѣ, вдали отъ двора и отъ всѣхъ близкихъ, было крайне не завидное. Къ тому же, его еще томило личное горе.

Мы видѣли, что Елизавета женила его нѣсколько противъ воли, что за нимъ бѣгали всѣ Петербургскія красавицы. Цѣломудріе въ то

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 248—251.

[2]) „Сборникъ Русс. Истор. Общества", IX, 456.

время, не смотря на указъ 1750 года противъ женщинъ вольнаго поведенія, не было въ общемъ ходу, и гетманъ, подобно другимъ, забывалъ подъ-часъ супружескую вѣрность. Онъ любилъ пламенно какую-то намъ неизвѣстную красавицу, и она его обманывала. Вотъ что̀ писалъ къ нему по этому случаю Иванъ Перфильевичъ Елагинъ:

„Сколько мои письма до сего были в. с. пріятны, столько, я думаю, настоящее приключитъ вамъ горести и безпокойства. Любезная ваша доказала, что она женщина и непостоянству женскому подвержена. Романъ Ларіоновичъ [1]) обо всемъ писалъ къ вамъ обстоятельно, я это вѣдаю и для того не хочу повтореніемъ безпутныхъ рѣзвостей и мщенія недозволительнаго вамъ болѣе дѣлать прискорбности, зная вашу страсть и понимая, каково тяжело слышать вамъ о невѣрности такой персоны, которую вы обожали и можетъ быть еще, услыша все, обожать не перестанете. Она теперь раскаивается и все мнѣ обѣщаетъ, чего бы я отъ нея ни потребовалъ; но не знаю, истинное ли имѣетъ раскаяніе и исполнитъ ли тѣ обѣщанія, которыя мнѣ дѣлаетъ: время намъ все покажетъ. Я чувствую, м. г., сколь вамъ несносно чтеніе моего письма; и чтобы не умножать болѣе вашей досады, грусти и печали, оканчиваю его тѣмъ, что я, доколѣ живъ, съ непремѣнною преданностію и глубочайшимъ почтеніемъ и пр.

„5-го Іюля 1757 г., С.-Петербургъ“.

Наконецъ столь долго ожидаемое и столь часто выпрашиваемое дозволеніе вернуться въ Петербургъ было даровано Государынею чрезъ посредство И. И. Шувалова. Объ этомъ извѣстили Разумовскаго Воронцовъ и Трубецкой.

„Изъ отправленнаго сегодня рескрипта изъ конференціи“, писалъ первый, „в. с. усмотрите, что всемилостивѣйшая Государыня соизволила повелѣть вамъ ко двору Е. В. пріѣхать. Сіе Е. И. В. повелѣніе мнѣ объявлено отъ е. пр. И. И. Шувалова, а потомъ сама Е. В. именно указать изволила. Я о семъ обстоятельствѣ для того къ в. с. пишу, что, будучи очевиднымъ свидѣтелемъ усерднаго и дружескаго старанія е. пр., вы ему одолженіе имѣете. Къ тому же я совершенно знаю сколь много онъ васъ любитъ и почитаетъ и въ искренней дружбѣ съ вами быть желаетъ. Вы не оставите съ своей стороны тому соотвѣтствовать. А я, будучи вамъ обоимъ искренній другъ и слуга, весьма тому радуюсь. Впрочемъ я ласкаю себя, что вы всевозможное (стараніе?) употребите, чтобъ сюда къ дражайшему дню Е. В. рож-

[1]) Воронцовъ.

денія пріѣхать и я удовольствіе имѣть буду изустно увѣрить о моей совершенной дружбѣ.

1757 г. Ноября 30 дня, въ С.-Петербургѣ.

„Григорію Николаевичу прошу мой поклонъ сказать".

„Возблагодаривъ в. с.", отвѣчалъ Разумовскій, „за все ваше дружеское стараніе, которое вы приложили желанію моему способствовать въ пріѣздѣ моемъ ко двору Е. И В., объявляю чрезъ сіе, что я хотя съ нуждою для худаго зимняго пути, которому и начала еще почти не видно, отправляюся изъ Глухова сего 13 или 14 числа и спѣшить буду в. с., такъ какъ моего друга, видѣть персонально. Я хотя и прежде о любви и дружбѣ ко мнѣ е. пр. Ивана Ивановича мало сомнѣнія имѣлъ, однакожъ читая ваше дружеское удостовѣреніе, тѣмъ меньше нынѣ о его ко мнѣ истинной пріязни сомнѣваюся, которую сохранить себя самымъ дѣломъ стараться не премину. Приложенное при семъ письмо прошу отъ меня вручить е. пр. персонально и удостовѣрить, что мое желаніе есть точно то же, какъ и е. пр., дабы дѣломъ самымъ утвердить мою съ нимъ любовь и дружбу, въ которой е. пр. довольный поводъ мнѣ подалъ при семъ случаѣ своимъ старательствомъ, такъ какъ я то усмотрѣлъ изъ вашего послѣдняго дружескаго письма отъ 30 Ноября 1757 г. Декабря 11 дня" [1]).

Съ своей стороны фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой слѣдующими двумя письмами извѣщалъ гетмана о разрѣшеніи ему вернуться въ Петербургъ.

„Изъ С.-Петербурга" 30-го Ноября 1757 г.

„Изъяснять много какое участіе имѣю въ скоромъ прибытіи в. с. сюда излишне было, ибо сущая преданность и искреннее мое почтеніе уповаю вѣрно и в. с. довольно извѣстно, и для того, не плодя больше о томъ, прошу всеблагого Творца нашего да сохранитъ ваше здоровіе всецѣло въ семъ пути, чтобъ я могъ скоро порадоваться, чего черезъ цѣлый годъ грусти желалъ, а притомъ увидѣвъ изъ письма сестры Прасковьи Юрьевны [2]) сколько в. с. въ проѣздъ ея чрезъ Глуховъ пріятнымъ угощеніемъ одолжить изволили, пріемля то какъ самому, покорно в. с. благодарствую и всесердечно желаю ту мою благодарность моимъ достодолжнымъ почтеніемъ вскорѣ изустно усугубить.

„Я имѣю долгъ, свѣдавъ отъ сестры моей Прасковьи Юрьевны, за ваше, государь мой Григорій Николаевичъ, пріятнѣйшее угощеніе,

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 392—393.

[2]) Графиня Прасковья Юрьевна Салтыкова, рожденная княжна Трубецкая, жена ген.-фельдмаршала графа Петра Семеновича, † 1767.

услужно благодарить чрезъ сіе, но къ чувствительнымъ моимъ признаніямъ (неразобранное слово) желаю сердечно взаимно оказать усердіе и потому сердечно радуюсь, что скоро могу то персонально вамъ увѣрить.

P. S. Пожалуйста, государи, не замѣшкайтесь, пріѣзжайте скорѣе вѣдь сюда право.

Изъ С.-Петербурга 1 Декабря 1757 г.

„Я отъ вчерашняго числа изъявлялъ мое удовольствіе высочайшимъ Е. И. В. повелѣніемъ быть сюда, а теперь, пользуясь сею оказіею, имѣю честь в. с. донести, яко податель сего, отправленный отъ сената нарочно со всѣмъ тѣмъ учрежденіемъ, что до пріѣзду в. с. принадлежитъ. Почему уповаю, что никакой уже остановки въ скоромъ прибытіи в. с. сюда послѣдовать не можетъ. Итакъ, осталось мнѣ только донести то, что съ сущею преданностію и пр.".

ГЛАВА IX.

Пребываніе при дворѣ.—Сватьбы.—Паденіе Бестужева.—Опасность, угрожавшая Разумовскимъ. — Занятія по академіи. — Пребываніе въ Малороссіи.

Разумовскаго незачѣмъ было торопить: коль скоро онъ получилъ высочайшее дозволеніе ѣхать ко двору, онъ поручилъ управленіе Малороссіею генеральному обозному Кочубею, генеральному подскарбію Скоропадскому, генеральному писарю Безбородкѣ, есаулу Волькевичу и хорунжему Ханенкѣ, и въ сопровожденіи одного только канцеляриста Дергуна [1]) поскакалъ 12 Декабря въ Петербургъ. Графиня Наталья Демьяновна еще въ Ноябрѣ вернулась въ Адамовку, а Тепловъ, недавно выдавшій племянницу свою за Миклашевскаго [2]), какъ кажется, еще остался въ Глуховѣ. Въ Петербургѣ Разумовскій засталъ маркиза Лопиталя, игравшаго первую роль какъ въ обществѣ, такъ и при дворѣ. Государыня его особенно жаловала и въ праздникъ ея восшествія на престолъ французскій посолъ стоялъ съ тарелкою у нея за стуломъ [3]). Апраксинъ содержался недалеко отъ Петербурга

---

[1]) Зап. Марковича, II, 348.
[2]) Тамъ же.
[3]) Зап. Порошина, 72.

въ мѣстечкѣ Три-Руки, въ путевомъ дворцѣ, не въѣзжая въ городъ, подъ присмотромъ того же Суворова, который нѣкогда привезъ въ Глуховъ Андреевскую ленту гетману. Графъ Алексѣй Григорьевичъ на этотъ разъ дѣйствовалъ за-одно съ графомъ Петромъ Ивановичемъ Шуваловымъ: оба хотѣли спасти Апраксина, но противъ нихъ были вице-канцлеръ, графъ Бутурлинъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, которыхъ подстрекали Эстергази и Лопиталь [1]). Что же касается до Бестужева, то онъ послѣднее время уже почти не видалъ Государыню. Переговоры о дѣлахъ дѣлались черезъ третье лицо, и его положеніе съ каждымъ днемъ становилось болѣе затруднительнымъ.

Мы уже не разъ имѣли случай говорить о томъ, что Великая Княгиня особенно отличала Разумовскихъ. Въ настоящій пріѣздъ свой ко двору гетманъ еще болѣе сблизился съ супругою Наслѣдника престола.

Екатерина [2]) сосватала племянницу Разумовскихъ Марину Осиповну Закревскую за Льва Александровича Нарышкина. Святовство это началось на балѣ у Великой Княгини. Марина Осиповна, молоденькая и ловкая, мастерски танцовала менуетъ съ Нарышкинымъ. Екатерина, сидѣвшая между сестрою Нарышкина, Сенявиною, и невѣсткою его Анною Никитичною [3]) любовалась парою и рѣшила вмѣстѣ съ собесѣдницами своими, что молодыхъ людей слѣдуетъ непремѣнно женить; ее еще болѣе къ этому подстрекало то, что Нарышкина сватали въ городѣ за племянницу Шуваловыхъ, Хитрову. На другой день, на придворномъ маскарадѣ Екатерина подошла къ гетману и сказала, что стыдно ему не похлопотать о счастьи своей племянницы, что ей представляется прекрасная партія въ лицѣ Льва Нарышкина; что мать Нарышкина [4]) хочетъ женить его на Хитровой, но что гораздо лучше выдать за него Марину Осиповну, и что гетманъ долженъ, не теряя времени, приняться за дѣло. Гр. Кирила Григорьевичъ поспѣшилъ сообщить проектъ Великой Княгини Теплову, который тотчасъ же передалъ его графу Алексѣю Григорьевичу и получилъ его согласіе. На другой день Тепловъ отправился къ Петербургскому архіепископу и получилъ за 50 рублей разрѣшеніе на бракъ [5]). Какъ скоро разрѣшеніе было получено, гетманъ съ графинею Екатериною Ивановною

---

[1]) Mémoires de Catherine II, 286.

[2]) Екатерина въ своихъ запискахъ относитъ сватовство Закревской и просьбу гетмана къ 1757. Тутъ явная ошибка. Невозможно, чтобы Нарышкинъ былъ такъ долго женихомъ; къ тому же, гетманъ лѣтомъ 1757 былъ въ Малороссіи.

[3]) Анна Никитична урожд. Румянцова (1730 † 1820).

[4]) Елена Александровна, урожд. гр. Апраксина († 1767).

[5]) Трудно понять, какое дозволеніе было нужно для этого брака: между молодыми людьми не было ни малѣйшаго родства.

явились къ теткѣ своей, Еленѣ Александровнѣ Нарышкиной, и съумѣли такъ ловко повести дѣло, что та противъ воли согласилась. Затѣмъ гетманъ и родственницы убѣдили Льва Нарышкина жениться на Закревской. Получивъ согласіе жениха, Кирила Григорьевичъ призвалъ къ себѣ племянницу, которая нашла партію слишкомъ выгодною, чтобы отъ нея отказаться. На другой день, въ воскресенье, оба Разумовскіе обратились къ Государынѣ съ просьбою о соизволеніи на бракъ и тотчасъ его получили. Это сватовство еще болѣе сдружило Великую Княгиню съ Разумовскими. Оба брата были крайне благодарны Екатеринѣ за то, что она устроила для ихъ племянницы такую блистательную и богатую сватьбу и, сверхъ того, были довольны одержать верхъ надъ Шуваловыми, съ трудомъ скрывшими свою досаду [1]. Вскорѣ послѣ своего сватовства, Левъ Александровичъ Нарышкинъ убѣдилъ гетмана приглашать къ себѣ Великаго Князя по секрету на вечера, разъ или два въ недѣлю: на вечерахъ этихъ присутствовали только гетманъ, Марья Павловна Нарышкина [2]), Великій Князь, Матрена Герасимовна Теплова и самъ Нарышкинъ. Собранья эти происходили великимъ постомъ и подали поводъ къ новой выдумкѣ. Домъ гетмана, какъ мы уже упомянули выше, былъ въ то время деревянный; въ комнатахъ графини Екатерины Ивановны ежедневно собирались гости, и такъ какъ хозяйка любила карты, то тамъ по вечерамъ бывала постоянная игра. Гетманъ являлся въ гостиную жены, любезничалъ съ гостями и опять исчезалъ, а на его половинѣ, даже въ тѣ дни, когда не бывало Великаго Князя, собиралась своя бесѣда. Кирила Григорьевичъ нѣсколько разъ бывалъ у Великой Княгини на ея тайныхъ вечеринкахъ, и захотѣлъ въ свою очередь принять ее у себя. Великой Княгинѣ и обществу ея отведены были двѣ или три комнаты въ нижнемъ этажѣ гетманскаго дома; комнаты эти гетманъ называлъ своимъ эрмитажемъ. Наслѣднику престола и супругѣ его строжайше запрещено было выѣзжать изъ дворца безъ особеннаго дозволенія Императрицы. Окруженные шпіонами, они только тайкомъ могли выходить изъ своихъ аппартаментовъ, причемъ Великій Князь таился отъ Великой Княгини, а Великая Княгиня отъ Великаго Князя. Такимъ образомъ у Кирилы Григорьевича, въ одномъ и томъ же домѣ и въ одно время, собиралось по три и по четыре различныхъ общества. Одинъ только хозяинъ да приближенные Екатерины знали о томъ, что̀ происходило въ домѣ; другіе же, начиная съ хозяйки, и не подозрѣвали того, что дѣлалось за стѣнами графининой гостиной

---

1) Mémoires de Catherine, II, 273—276.

2) Жена оберъ-егермейстера Семена Кириловича, о которой упоминали мы выше.

и возвращались домой увѣренные, что были единственными гостями хлѣбосольнаго гетмана [1]).

Среди этихъ вечеринокъ и приготовленій къ сватьбамъ, которыхъ при дворѣ праздновали разомъ три, Нарышкина съ Закревской, барона Строганова съ графиней Анной Михайловной Воронцовой и графа Петра-Іоны Александровича Бутурлина [2]) съ графиней Марьей Романовной Воронцовой, въ то время, какъ гетманъ шутливо бился объ закладъ съ Датскимъ посланникомъ Остеномъ о томъ, который изъ молодыхъ мужей первый будетъ рогоносцемъ [3]),—Разумовскимъ грозила страшная опасность. Арестованіе Апраксина и слѣдствіе надъ нимъ нанесли окончательный ударъ Бестужеву. Онъ висѣлъ на волоскѣ, и этотъ волосокъ поспѣшилъ разорвать могущественный при дворѣ маркизъ Лопиталь, нашедшій въ Петербургѣ обширное поле къ упражненію въ интригахъ. Государыня, наканунѣ сватьбы Марины Осиповны, сама была на дѣвичникѣ, который справлялся въ Аничковскомъ домѣ. Сватьба праздновалась съ обыкновенною торжественностью, съ маршалами, шаферами и ближними дѣвицами; а въ то же время, по выраженію князя Шаховскаго, „происками злодѣевъ графъ Бестужевъ повергнутъ былъ въ несчастіе“ [4]). Великій канцлеръ былъ арестованъ, 25 февраля 1758 г., вечеромъ, въ то время, какъ онъ только-что пріѣхалъ во дворецъ на конференцію [5]). Солдаты, которые должны были арестовать Бестужева, радовались, думая, что имъ велятъ схватить Шуваловыхъ [6]). По свидѣтельству Екатерины, общественное мнѣніе было совершенно на сторонѣ Бестужева. Напали на слѣды переписки Екатерины съ Апраксинымъ, Елизаветѣ донесено было о сношеніяхъ Великой Княгини съ гетманомъ. Переписку съ гетманомъ Екатерина вела подъ строжайшимъ секретомъ. „О семъ секретѣ“, писалъ впослѣдствіи Бестужевъ, „никому извѣстно быть не могло кромѣ Теплова: онъ единственно, злясь на Елагина и Бестужева, тайнымъ доносителемъ былъ“ [7]). Въ одно время съ канцлеромъ захвачены были два друга графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, герольдмейстеръ Василій Евдокимовичъ Ададуровъ, и люби-

---

[1]) Mémoires de Catherine, II, 278—279.

[2]) Сынъ фельдмаршала.

[3]) Mémoires de Cath. II, 309.

[4]) Записки кн. Я. П. Шаховскаго, II, 140.

[5]) Екатерина спутываетъ въ своихъ записках числа. Такъ, она арестованіе Бестужева относитъ къ 1759 году, наканунѣ сватьбы Льва Нарышкина и графа Бутурлина. Сватьба Бутурлина была 15, Строганова 18, а Нарышкина 22-го февраля 1758. Память, очевидно, въ этомъ измѣнила Екатеринѣ. Мы руководствуемся показаніемъ саксонскаго резидента Прассе. Hermann, Gesch. de Russ. St. V, 225.

[6]) Mém. de Cath., 311.

[7]) Исторія Соловьева, XXIV, 193, и XXV, 153.

мый адъютантъ графа, Иванъ Перфильевичъ Елагинъ. Стали сильно подозрѣвать сношенія Екатерины съ великимъ канцлеромъ. Присутствіе духа Бестужева спасло Екатерину: всѣ бумаги и письма ея были имъ истреблены. Графу Петру Ивановичу Шувалову всего этого было не довольно: онъ всячески хотѣлъ завлечь въ эту катастрофу и обоихъ Разумовскихъ. Для этого онъ старался дѣйствовать черезъ другого адъютанта Алексѣя Григорьевича—поэта Сумарокова. Но при всѣхъ своихъ недостаткахъ, Сумароковъ имѣлъ довольно честности, чтобы остаться вѣрнымъ своему благодѣтелю.

„Петръ Ивановичъ Шуваловъ мой злодѣй", писалъ Сумароковъ къ Екатеринѣ II отъ 25 февраля 1770, „за то особливо, что онъ хотѣлъ меня сдѣлать себѣ противу графа Разумовскаго злодѣемъ" [1]). Сумарокова допрашивали [2]).

„Графы Разумовскіе", говоритъ Прассе въ депешѣ отъ 28 апрѣля 1758 года, „должны ожидать тоже ареста [3])". Но гроза прошла мимо. Апраксинъ умеръ внезапно, Бестужевъ, почти годъ содержавшійся подъ арестомъ, былъ сосланъ въ подмосковное село свое Горетово, Елагинъ отправленъ въ Казанскую деревню, Ададуровъ назначенъ въ Оренбургъ товарищемъ губернатора, а Разумовскихъ не только не арестовали, но даже 17-го марта Государыня пировала у графа Алексѣя Григорьевича въ Аничковскомъ его домѣ до 2-хъ часовъ утра, причемъ были генералитетъ, штатсъ-дамы и полныя генеральши [4]). Въ личномъ объясненіи Великой Княгини съ Императрицею, послѣ Бестужевскаго дѣла даже не помянуто было имя графа Кирилы Григорьевича. Лѣтомъ Государыня провела со всѣми статсъ-дамами и кавалерами пять дней въ Гостилицахъ и осенью крестила сына гетмана — Григорія Кириловича, родившагося 10-го ноября 1758 года. Можно предположить, что, кромѣ брачныхъ узъ, соединявшихъ съ Государынею старшаго Разумовскаго и несомнѣнно послужившихъ ему и его брату лучшею въ этомъ дѣлѣ защитою, оба были еще многимъ обязаны заступничеству И. И. Шувалова и графа М. И. Воронцова. Даже дѣла опальной Екатерины вскорѣ настолько поправились, что она рѣшилась войти въ письменныя сношенія съ ссыльнымъ Елагинымъ. Она ссужала его деньгами и въ запискахъ своихъ намекала ему подъ разными псевдонимами объ общихъ друзьяхъ. „Homme d'or

---

[1]) Библіографическія записки, т. I, стр. 433. Вотъ, между прочимъ, причина, почему Екатерина, не взирая на все сумасбродство Сумарокова, впослѣдствіи все-таки ему покровительствовала.

[2]) Прассе говоритъ: „der Oberstallmeister Sumarokow", но онъ здѣсь, очевидно, принимаетъ одного за другого.

[3]) Hermann, Geschichte des Russ. Staats, V, 227.

[4]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1758 г.

здѣсь и хорошій ему пріемъ", пишетъ она, „и мы всѣ не оставимъ о васъ упомянуть". „Наши дѣла изрядно идутъ", говоритъ она въ другой запискѣ, „Homme d'or съ часу на часъ сюда ждутъ, Неподвижному напомню объ васъ, чтобъ окончить скорѣе наше соединеніе". „Homme d'or присылалъ ваши два письма вдругъ ко мнѣ; я о его отъѣздѣ весьма сожалѣю, а еще болѣе объ васъ. Многократно недвижимый человѣкъ возбужденъ стараться и старался васъ поворотить, но еще успѣха благополучнаго не имѣлъ... Какъ Homme d'or уѣдетъ, то присылайте къ тому человѣку, съ которымъ я присылаю записку... Homme d'or имѣлъ четыре мѣсяца письмо ваше у себя, а мнѣ не присылалъ... а нынѣ онъ ко мнѣ ваши два письма вдругъ прислалъ... Неподвижнаго рѣдко вижу, а Копала почти нѣтъ, но совсѣмъ тѣмъ не пропущу ему напоминать и подвигать ко всему тому, что̀ вамъ полезно будетъ [1])".

По мнѣнію профессора Соловьева, подъ золотымъ человѣкомъ надобно разумѣть гетмана графа Кирилу Разумовскаго, а подъ неподвижнымъ—графа Алексѣя Григорьевича [2]). Намеки объ отъѣздахъ и пріѣздахъ могутъ относиться до пребыванія гетмана на дачѣ.

Одновременно съ Екатериною писалъ къ Елагину и Понятовскій. Понятовскій черезъ Екатерину сблизился и съ Разумовскими; съ гетманомъ, какъ мы видѣли, онъ былъ друженъ и въ запискахъ къ Елагину безпрестанно намекаетъ и на Золотого человѣка (Goldmann) и на Неподвижнаго, котораго называетъ горою (Berg). „Гору мы будемъ сколько возможно понукать относительно того, что̀ вы знаете, въ случаѣ если Золотой человѣкъ пропадетъ (dahin ginge)... Передъ отъѣздомъ своимъ въ Августѣ 1758 Понятовскій, прощаясь съ Елагинымъ, писалъ къ нему между прочимъ: „Письмо это оставляю у Золотого человѣка, онъ вамъ его доставитъ, когда на то представится случай" [3]). Въ самый разгаръ Бестужевскаго дѣла пріѣхалъ въ Петербургъ съ блестящею свитою поляковъ и нѣмцевъ принцъ Карлъ Саксонскій; при немъ состоялъ другъ Разумовскаго, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Первымъ дѣломъ принца, по пріѣздѣ, было отправить къ графу Алексѣю Григорьевичу состоявшаго при немъ въ родѣ пѣстуна генерала Лашиналя. Алексѣй Григорьевичъ былъ боленъ (весьма вѣроятно, что вся Бестужевская трагедія подѣйствовала на его организмъ) и вмѣсто себя отправилъ къ принцу съ поздрав-

---

[1]) „Сбор. Русс. Ист. Общ.", VII, 75—80.

[2]) Исторія Соловьева, XXIV, 446 (примѣчаніе 118).

[3]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 75—80. Нѣмецкіе подлинники переведены крайне небрежно.

леніями бригадира Воейкова. Однимъ изъ первыхъ визитовъ принца былъ къ Алексѣю Григорьевичу и гетману [1]).

Какъ скоро кризисъ прошелъ и Разумовскіе явились если не съ новой силой при дворѣ, то съ новыми знаками монаршей благосклонности, гетманъ обратился къ Императрицѣ съ прошеніемъ. Какъ ни странно и непріятно поражаютъ въ наше время просьбы въ родѣ той, которую приводимъ ниже, надо однако, въ извиненіе гетмана, сказать, что въ тѣ времена просилъ всякій, бывшій въ случаѣ. На казну тогда смотрѣли, и, надо признаться, до сихъ поръ смотрятъ многіе православные, какъ на мать-кормилицу, неистощимую и неизсякаемую подательницу всякихъ благъ. Никто столько не просилъ, а гдѣ приходилось и прямо не забиралъ, какъ оба графы Шуваловы; просили и Воронцовы, и Трубецкой, и Апраксинъ, и Бестужевъ—однимъ словомъ, всякій, кто только занималъ немного видное мѣсто при дворѣ, обращался къ верховной власти съ просьбою о денежномъ пособіи и почти всегда успѣвалъ въ своей просьбѣ. Это обстоятельство должно извинить графа Кирилу, но при этомъ должны мы замѣтить, что наврядъ ли когда такъ поступалъ старшій братъ его. Приводимъ прошеніе гетмана:

„Всепресвѣтлѣйшая и пр.

„Степень, на которую меня благоугодно явилось В. И. В. возвести, всему свѣту доказываетъ, сколь далеко простирается милосердіе, и щедрота, и великодушіе В. И. В. Равнымъ образомъ и благодарность всей нашей фамиліи не имѣетъ иныхъ предѣловъ, какъ только жизнь и дыханіе наше, пока Богъ благоволитъ оныя продолжить. В. И. В. даровали намъ все то, чтó токмо въ щасти (sic) рода человѣческаго пожелать возможно, и я собственно всему племени нашему оставлю въ вѣчный законъ сіе въ В. И. В. Божіе дарованіе превозносить вѣчнымъ признаніемъ, а самъ, пока живъ, усердными къ Богу молитвами о продолженіи вседражайшаго здравія Вашего, будучи столь изобильно взысканъ милосердіемъ Вашимъ. Но, взирая на умножившееся число дѣтей моихъ, по человѣчески предвижу, Всемилостивѣйшая Государыня, что въ недостаткахъ къ житію могутъ иногда закрыты остаться знаки сихъ благодѣяній въ моемъ потомствѣ. Я имѣю теперь пять сыновей и пять дочерей: всѣ они, какъ нынѣшніе, такъ и которыми впредь вослибо (sic) Богъ меня благословитъ, однимъ наслѣдствомъ жены моей, а ихъ матери, должны будутъ себя снабдить, потому что я собственнаго недвижимаго имѣнія въ вѣчность за собою ни единой души не имѣю. Всемилостивѣйшая Государыня, призрѣвъ столь великодушно на меня, призри милосердо на мое потомство для вящаго

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ, 1758 г.

прославленія въ поздніе вѣки имени В. В.; сотвори и съ ними для ихъ наслѣдія свою высочайшую и благоутробную милость пожалованіемъ мнѣ въ вѣчное потомство въ Малой Россіи недвижимаго имѣнія,—хотя часть изъ тѣхъ деревень, которыя въ вѣчномъ же владѣніи у князя Меншикова были и которыми я по одному только гетманству изъ высочайшей Вашей милости съ нѣкоторыми другими, временно, а потому безпрочно и безкорыстно, нынѣ владѣю. И ежели на всеподданнѣйшее сіе мое прошеніе тѣмъ же милосердымъ окомъ воззрѣть соизволите, то я дерзновеніе принимаю и записку тѣмъ деревнямъ приложить, которыхъ осмѣлился просить мнѣ и потомкамъ моимъ въ вѣчность. Явленная ко мнѣ уже В. И. В. милость, хотя въ родѣ моемъ не угаснетъ на многіе вѣки, однакожъ чѣмъ болѣе потомки мои достигнутъ позднихъ вѣковъ, тѣмъ болѣе одолженные служить отечеству, глубочайше прославлять будутъ въ состояніи своемъ собственнымъ примѣромъ, милость, щедрость и великодушіе безпримѣрно-милосердой своей Государыни, о благосостояніи которой я со всѣмъ моимъ племенемъ молить Бога одолженъ, такъ какъ есмь усердно, Всемилостивѣйшая Государыня, В. И. В. всеподданнѣйшій и вѣрный рабъ графъ К. Разумовскій". (Безъ числа).

Записка, приложенная къ письму:

1. Волость Почеповская со всѣми деревнями, такъ какъ она во владѣніи за княземъ Меншиковымъ состояла.

2. Волость Батуринская по его же Меншикова владѣнію.

3. Волость Шептаковская и Бакланская по владѣнію также князя Меншикова.

Вышеупомянутыя волости состоятъ теперь по тому же князя Меншикова владѣнію, съ иными многими за нимъ княземъ Меншиковымъ бывшими волостями и деревнями, за гетманомъ Малороссійскимъ, по уряду его. А оныя какъ тѣ, которыя гетманъ смѣлость принялъ просить, такъ и другія, были отданы ему князю Меншикову въ вѣчное и потомственное владѣніе и по его несчастію на Государя отобраны. А Бакланская отдана была Ивану Ивановичу Неплюеву" [1]).

Просьба Разумовскаго была исполнена: въ Маѣ 1759 года ему подарены города Почепъ и Батуринъ съ уѣздами, а также волости Шептаковская и Бакланская.

Въ этомъ же году лѣтомъ снова пріѣхалъ въ С.-Петербургъ Карлъ Саксонскій, уже въ качествѣ герцога Курляндскаго. Гетманъ былъ почти неразлученъ съ нимъ, и вѣроятно на этотъ разъ назначенъ былъ состоять при немъ. Лѣто-жъ графъ Кирила Григорьевичъ жилъ

---

[1]) Государственный архивъ.

на мызѣ своей Знаменкѣ [1]), по Петергофской дорогѣ, не далеко отъ Стрѣльны, вѣроятно полученной имъ въ приданое за женою, такъ какъ въ сосѣдствѣ находились извѣстныя въ былое время Нарышкинскія дачи Сергіевка, „Ба-Ба“ и „Га-Га“. Государыня часто навѣщала здѣсь гетмана, а онъ самъ былъ почти ежедневнымъ гостемъ въ Петергофѣ, гдѣ въ честь герцога давались безпрестанные праздники. Съ герцогомъ Курляндскимъ Разумовскій объѣздилъ всѣ окрестности Петербурга и угощалъ его на дачахъ своего брата. Въ Мурзинкѣ и Гостилицахъ герцогъ потѣшался рыбною ловлею, качелями, каруселями, стрѣльбой въ мишень изъ штуцеровъ и луковъ, катаніемъ съ горъ. Всѣ эти забавы оканчивались роскошными обѣдами, во время которыхъ играли волторнисты старшаго Разумовскаго [2]). Принцъ продолжалъ оказывать особенные знаки отличія графу Алексѣю Григорьевичу, посѣщалъ его и даже являлся къ нему съ поздравленіемъ въ день орденскаго праздника Бѣлаго Орла и т. под. [3]). Въ честь принца было торжественное засѣданіе въ академіи. Гетманъ-президентъ звалъ герцога „къ слушанію той Академіи у профессоровъ, вновь сочиненныхъ къ нынѣшнему 1759 году по ихъ наукамъ, разныхъ къ мореплаванію и прочимъ земнымъ обстоятельствамъ, къ лучшей Россійскому государству пользѣ, документовъ“ [4]). Герцогъ Курляндскій отправился въ академію въ придворныхъ каретахъ вмѣстѣ съ гетманомъ и всею своею свитою. „По прибытіи его королевскаго высочества, тако жъ иностранныхъ пословъ и Россійскихъ кавалеровъ означенное предсказаніе началось по полудни въ 12-мъ часу въ началѣ, которое зачиналъ говорить профессоръ Ломоносовъ на Русскомъ языкѣ, а прочіе говорили на разныхъ языкахъ“ [5]). Послѣ „предсказанія“ принцъ поѣхалъ къ гетману вмѣстѣ съ иностранными министрами и нѣкоторыми Россійскими кавалерами на обѣдъ, „а послѣ обѣда пускали изъ лука стрѣлы въ мишень, а потомъ забавлялись въ билліардъ и карты“ [6]).

Во время этого пребыванія въ Петербургѣ, гетманъ особенно занялся академіею. Профессорское собраніе, университетъ, гимназія и географическій департаментъ поручены были Ломоносову. Штелинъ, какъ мы видѣли выше, имѣлъ подъ своимъ вѣдомствомъ департаментъ художествъ. Тауберту достались: типографія, книжная лавка и ма-

---

[1]) Знаменка продана была Шуваловымъ, потомъ перешла къ Мятлевымъ, нынѣ принадлежитъ Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему. Сергіевка принадлежала впослѣдствіи покойной В. К. Маріѣ Николаевнѣ.

[2]) Камер.-фур. журналъ, 1759 г.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

[5]) Тамъ же.

[6]) Тамъ-же.

стерскія [1]). Въ ордерѣ Разумовскаго Ломоносову, между прочимъ, сказано было, „ежели онъ (Ломоносовъ), что къ лучшему произведенію ученыхъ дѣлъ и къ приращенію наукъ усмотритъ, о томъ представлять въ канцеляріи прочимъ гг. членамъ, гдѣ, по общему согласію, о томъ чинить разсужденія и опредѣленія и докладывать для конфирмаціи е. с. г. президенту [2])". По порученію Разумовскаго Ломоносовъ приступилъ къ составленію большого атласа Россійской имперіи. Ломоносовъ же для университета и гимназіи составилъ новый штатъ и сочинилъ новый регламентъ, которые были Разумовскимъ апробованы, несмотря на противодѣйствіе академиковъ Мюллера, Брауна, Фишера и Модераха. „Его сіятельство академіи наукъ господинъ президентъ", писалъ Ломоносовъ въ отвѣтъ на замѣчанія названныхъ выше академиковъ, „вѣдая, коль великія и безполезныя несогласія и шумы были въ академическихъ собраніяхъ, когда онъ по силѣ академическаго регламента приказалъ въ профессорскихъ собраніяхъ сочинить регламентъ для университета и гимназіи, изволилъ поручить г. коллежскому совѣтнику Ломоносову оныхъ составленіе, дабы отъ неосновательныхъ и пристрастныхъ споровъ не произошло по прежнему въ томъ препятствія и потери времени, въ которое бы могло Россійское юношество пользоваться добрымъ обоихъ оныхъ департаментовъ учрежденіемъ" [3]). Разумовскій не только поддержалъ Ломоносова, но еще поручилъ университетъ и гимназію въ исключительное его смотрѣніе. Въ предложеніи своемъ академической канцеляріи, Разумовскій между прочимъ говоритъ: „г. Ломоносовъ... по сочиненному отъ него регламенту гимназіи, поступая съ моего позволенія, привелъ своимъ стараніемъ гимназію во много лучшее состояніе передъ прежнимъ, того ради по данной мнѣ отъ Е. И. В. власти поручаю учрежденіе и весь распорядокъ университета и гимназіи единственно оному г. совѣтнику Ломоносову по сочиненнымъ отъ него регламентамъ, полагаясь на его знаніе и усердіе, и уповая, что онъ въ произведеніе до цвѣтущаго состоянія оныхъ двухъ департаментовъ по должности сына отечества со всякимъ прилежаніемъ и усердіемъ поступать будетъ. И по сему академической канцеляріи чинить ему въ произведеніе сей, на него единственно положенной должности всякое споможеніе, чтобы никакой больше остановки не учинилось въ семъ нужномъ дѣлѣ къ приращенію наукъ въ отечествѣ, а особливо чтобы опредѣленную на университетъ сумму не токмо не употреблять ни на какіе другіе расходы, но и недоимочную на про-

---

1) Билярскій, 359.
2) Пекарскій, Ист. Академіи, II, 637.
3) Тамъ же, II, 673.

шлые годы, въ случаѣ надобности, для помянутаго учрежденія выдавать по частямъ изъ академической суммы или изъ книжныхъ лавокъ въ разные термины, чтобы въ двѣнадцать лѣтъ расходъ на университетъ съ прочими департаментами пришелъ въ равновѣсіе противъ штата. А оный г. Ломоносовъ имѣетъ мнѣ репортовать о всемъ онаго происхожденіи на каждую треть года, дабы я могъ видѣть всего онаго дѣла теченіе и успѣхи" [1]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ по приказанію Разумовскаго напечатано было въ „Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" объявленіе о томъ, что число содержащихся на казенномъ счету гимназистовъ втрое умножено, а потому родители приглашаются къ отдачѣ своихъ дѣтей „для опредѣленія къ гимназическимъ наукамъ" [2]). Гетманъ сталъ тоже заботиться объ учрежденіи самостоятельнаго С.-Петербургскаго университета, и для академіи велѣлъ купить Строгановскій домъ, находившійся на Васильевскомъ острову [3]). Нельзя не отдать Разумовскому справедливости въ томъ, что онъ старался поддерживать Ломоносова несмотря на то, что геніальный академикъ, какъ-бы нарочно, именно въ это время, болѣе чѣмъ когда либо, враждовалъ съ близкими къ графу Кирилу Григорьевичу лицами. Не только онъ былъ на ножахъ съ Шумахеромъ, Таубертомъ и Мюллеромъ, но еще перессорился съ Румовскимъ и Шлёцеромъ, которые имѣли всегда къ президенту свободный доступъ. Вообще, надо сознаться, что у Ломоносова былъ характеръ крайне неуживчивый и что онъ, достигнувъ званія члена канцеляріи, поступалъ, гдѣ представлялся случай и возможность, не менѣе самовластно, чѣмъ Шумахеръ и Таубертъ [4]). Иногда онъ прямо затрогивалъ и самихъ Разумовскихъ. Между студентами академическаго университета находились два Малороссіянина Лобысевичъ и Дѣвовичъ, которымъ особенно покровительствовали оба брата Разумовскіе. Несмотря на это, по предложенію Ломоносова, академическая канцелярія постановила обоихъ студентовъ за нехожденіе на лекціи выключить. Малороссы обратились съ жалобою къ президенту и, представивъ аттестаты объ успѣхахъ, выданные имъ Брауномъ и другими академиками, всенижайше просили его высокографское сіятельство, дабы онъ, прекратя высокою своею властію злобу Ломоносова, прямо повелѣлъ наградить ихъ при академіи адъюнктами или магистрами и къ другому какому мѣсту опредѣлить. Жалоба эта уже не застала Разумовскаго въ Петербургѣ, она была отправлена въ Глуховъ, причемъ Лобысевичъ и Дѣвовичъ заявили, что Ломоносовъ нарочно откладывалъ рѣшеніе по ихъ дѣлу

[1]) Тамъ же, II, 679—680.

[2]) Тамъ же, II, 683.

[3]) Билярскій, Матеріалы, 076—081.

[4]) Пекарскій, Ист. Академіи, II, LIV.

до отъѣзда президента. Графъ Кирила Григорьевичъ заступился за земляковъ, вытребовалъ ихъ къ себѣ въ Глуховъ, пристроилъ ихъ къ должностямъ, а въ академическую канцелярію писалъ между прочимъ: „А между тѣмъ г. Ломоносову объявить, что я весьма удивляюсь, по чьему учрежденію таковой противу воли ихъ отпускъ безъ моей апробаціи сдѣланъ... Сколько мнѣ памятуется, я такъ далеко власти г. Ломоносову не давалъ“ [1]).

Несмотря однако на эти непріятности, несмотря на безпрестанныя жалобы какъ академиковъ, такъ и приближенныхъ къ нему и къ брату его, графу Алексѣю Григорьевичу, лицъ, гетманъ безпрекословно утверждалъ все, что ни подавалъ ему Ломоносовъ относительно мѣръ, казавшихся послѣднему необходимыми для улучшенія учебной части въ академіи. Только въ 1761 году, когда требованія Ломоносова сдѣлались черезъ-чуръ неумѣренны и онъ сталъ представлять о необходимости удалить и Мюллера и Тауберта, президентъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе и оставлялъ ихъ безъ движенія [2]).

Къ академической дѣятельности Разумовскаго въ эту эпоху относятся письма, полученныя имъ отъ главнокомандующаго Русскими войсками графа Фермора и профессора Флотвеля. Вотъ они:

„Находящійся здѣсь въ Кенигсбергѣ профессоръ-учитель, Санктъ-Петербургской Имп. академіи членъ Флотвель, отъ е. с. вице-канцлера графа Михайла Ларіоновича Воронцова рекомендованъ ко мнѣ, съ тѣмъ, что онъ в. с. довольно знаетъ и дабы въ пребываніяхъ его возможное вспоможеніе показывать, почему ему всякое удовольствіе для в. с. учинится; но при томъ онъ проситъ обѣщаннаго ему награжденія, о чемъ хотя прямо къ в. с., яко академіи президенту, отъ него особливо писано, но и меня о семъ неотступно просилъ къ в. с. рекомендаціею заступить; я, видя ту его просьбу и что в. с. довольно его знать изволите, не могъ въ томъ ему отказать, чтобъ сей моей рекомендаціи не учинить. При семъ же в. с. имѣю честь пріобщить говоренную рѣчь въ здѣшней академіи сего мѣсяца 11 числа на день рожденія Его И. В. на Латинскомъ языкѣ.

Впрочемъ пребываю съ моимъ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію в. с., милостиваго государя моего, покорнѣйшій слуга В. Ферморъ. 15 Февраля 1758 года, Кенигсбергъ.

„Monseigneur“, писалъ Флотвель, „la magnanimité de v. e., dont votre gouvernement et nos environs retentissent, la grandeur de l'âme, qui la fait admirer, par milliers des (sic) gens et la grâce distinguée dont v. e. m'a généreusement comblé tant pendant son séjour en Prusse

[1]) Тамъ же, II, 689—690.
[2]) Тамъ же, II, 728.

qu'après son retour à Pétersbourg et encore dernièrement par la très gracieuse recommandation à s. e. monseigneur le général en chef de Fermor, qui surpasse toute mon attente, me paroissent donner le privilége de m'adresser immédiatement à v. e., dans une affaire, qui ne demande que sa protection et où il y va à faire fortune. Je tiens par la seule grâce de v. e. une place dans la célèbre Académie Impériale de St.-Pétersbourg, un emploi qui m'élève à la dignité d'un membre dans un corps, qui sous vos gracieux auspices fait les délices du monde. Les journaux des savants en admirent les progrès et les pièces rendues publiques font honneur à leurs auteurs. Pénétré du plus respectueux attachement tant pour l'illustre chef que de la plus vive reconnaissance pour tous les membres de l'académie, je tâcherai de me rendre digne de leur confiance par des expéditions et l'accomplissement des ordres, dont il plaira de me charger. Je ferai jouer tous les ressorts de mon esprit, pour mériter la grâce de v. e. et son puissant appui pour obtenir la pension réunie à ma charge; J'hasarde d'en implorer l'accord et muni d'une recommandation de s. e. monseigneur de Fermor, général gouverneur de Prusse, qui par sa grâce se fait admirer dans tout le pays, j'espère d'être exaucé et en même temps engagé à ne donner mes jours qu'aux occupations pour l'Académie.... Celestin Chretien Flotwell" [1]).

Во время долгаго пребыванія гетмана въ Петербургѣ, въ Малороссіи умерли генеральные старшины: Скоропадскій, Оболонскій, Якубовичъ и Валькевичъ, на дочери котораго женился въ 1759 году племянникъ гетмана, камергеръ Михайло Власьевичъ Будлянскій [2]). На мѣсто умершихъ избраны были: Илья Васильевичъ Журманъ, Василій Андреевичъ Гудовичъ и Иванъ Тимофеевичъ Жоравка. На избраніе ихъ собрались въ Глуховѣ въ Сентябрѣ 1758 года всѣ чины Малороссійскіе. Имъ предложено было, кромѣ избранія новыхъ старшинъ, разсмотрѣть проектъ коммиссіи о правахъ Малороссійскихъ. Собраніе отложило это дѣло до Января 1759, но и тутъ, ничего не рѣшивъ, разъѣхалось. Какъ мы уже замѣтили, проектъ былъ не по вкусу Малороссійской шляхты; она заботилась только о томъ, какъ бы дѣло отложить въ долгій ящикъ. Вслѣдствіе этого отправленъ былъ въ

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова. Целестинъ Христіанъ Флотвель, который, какъ онъ самъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ, былъ знакомъ съ Разумовскимъ во время перваго пребыванія его за границею, былъ уроженцемъ Іены, ректоромъ соборной школы въ Кенигсбергѣ и извѣстнымъ въ свое время богословомъ. Не знаемъ исполнилъ ли Разумовскій просьбу стараго своего знакомаго, а весьма вѣроятно и учителя. Во всякомъ случаѣ Флотвель не долго могъ пользоваться испрашиваемымъ жалованьемъ. Онъ умеръ въ слѣдующемъ 1759 году.

[2]) Записки Марковича, II, 327.

Глуховъ Григорій Николаевичъ Тепловъ [1]). Онъ оставался въ Глуховѣ до времени пріѣзда гетмана и вѣроятно подготовилъ рядъ реформъ, которыя Разумовскій намѣренъ былъ ввести въ Малороссіи.

Пріѣздъ Теплова поразилъ шляхетство, и по Украйнѣ стали о новыхъ порядкахъ говорить неодобрительно. Рядомъ съ реформами судебными и административными, Разумовскій занялся планомъ университета, который онъ собирался учредить въ Батуринѣ.

Этотъ Батуринскій университетъ интересовалъ Кирилу Григорьевича гораздо болѣе, чѣмъ существовавшіе въ Петербургѣ при академіи начатки гимназіи и университета, о которыхъ такъ радѣлъ Ломоносовъ. Въ мысли учрежденія высшаго учебнаго заведенія для Малороссіи видно вліяніе Ивана Ивановича Шувалова, дружба котораго къ гетману усиливалась съ годами. Шуваловъ въ это время былъ всею душою преданъ только-что основанному имъ Московскому университету, и вѣроятно въ частыхъ бесѣдахъ своихъ съ Разумовскимъ вселилъ въ послѣднемъ желаніе оказать подобную же услугу ввѣренной его управленію Украйнѣ. Проектъ былъ сочиненъ Тепловымъ въ 1760 году. Тепловъ явно руководствовался при этомъ статутами Германскихъ университетовъ. Причинами къ учрежденію университета въ Малороссіи приводятся въ проектѣ этомъ слѣдующія: во-первыхъ, склонность народа Малороссійскаго къ ученію и наукамъ, благодаря которымъ многіе Малороссіяне, не смотря на всѣ затрудненія, ходили учиться въ Польшу, Германію и даже Римъ, а во-вторыхъ, недостаточность существовавшихъ въ то время въ Малороссіи школъ или, какъ ихъ тогда называли, академій. Мѣстомъ заведенія предлагался Батуринъ. Для учрежденія университета, по мнѣнію Теплова, необходимы были слѣдующія основанія: доходъ, законы, семинарія и профессіи университетскія. Доходъ долженъ былъ быть временный и вѣчный. Первый, на вызовъ и проѣздъ ученыхъ изъ-за границы, на разныя постройки, покупку библіотеки, устройство типографіи, ботаническаго сада и анатомическаго театра, покупку инструментовъ и другія единовременныя издержки—всего на сумму 20,000 рублей. Для пополненія его предполагалось: обложить мельницы въ Малороссіи на одинъ годъ податью съ каждаго жернова, отдѣлить часть оставшихся коммиссарскихъ денегъ, учредить шнуровыя книги за подписью ясновельможнаго и высокоповелительнаго гетмана и генеральныхъ старшинъ, для отправки во всѣ полки: „таковую книгу непостыдно было (по мнѣнію Теплова), во-первыхъ, послать въ С.-Петербургъ, къ двору Е. И. В.“; наконецъ разсчитывалось на пожертвованія гетмана и старшинъ. Источниками вѣчнаго дохода должны были служить по-

[1]) Тамъ же.

жалованныя университету свободныя войсковыя выморочныя деревни, маетности Батуринскаго монастыря, который предполагалось упразднить и зданіе употребить подъ университетъ; часть таможенныхъ сборовъ, налогъ на цыганъ, налогъ на косы, ввозимыя въ Малороссію, и наконецъ типографія и книжная лавка. Гетманъ долженъ былъ носить пожизненно титулъ фундатора и протектора Малороссійскаго Батуринскаго университета, съ правомъ передать, кому онъ захочетъ, по смерти достоинство протектора, но не фундатора. Инавгурація университета должна была совершиться по примѣру другихъ Европейскихъ университетовъ, и на будущіе вѣка каждаго столѣтія два раза долженъ былъ праздноваться съ принятыми при такихъ торжествахъ обрядами юбилей. Ректоръ университета долженъ былъ пользоваться всѣми правами, какими пользовались ректоры Германскихъ университетовъ; онъ долженъ былъ избираться первостатейными профессорами на годъ, имѣть калификацію „Magnificus", а „по приличію Русскаго нарѣчія, высокопочтенный" и при „публичныхъ актахъ пурпурою ему украшатися". Ректоръ былъ президентомъ университетскаго директоріума, состоявшаго изъ профессоровъ. Студенты были подсудны во всемъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, одному директоріуму. Ректоръ и профессора должны были сочинить сводъ особливыхъ университетскихъ узаконеній, которыхъ бы гетманъ утвердилъ особливымъ универсаломъ. Желающіе поступить въ университетъ должны были явиться къ ректору, который бы на экзаменѣ вписывалъ ихъ въ университетскую книгу и отсылалъ при письменномъ видѣ къ тому профессору, котораго лекціи были потребны вступающему. Всѣ студенты, какого бы то они званія ни были, получали право носить шпагу или саблю. Изъ школъ: Кіевской, Черниговской, Переяславской, Бѣлогородской и изъ школъ Польскихъ, ученики при хорошихъ аттестатахъ, окончивъ классъ реторическій, получали право поступать прямо въ Батуринскій университетъ, причемъ Малороссійскія школы не должны были задерживать желающихъ вступить въ университетъ. Крѣпостные не могли иначе поступать въ предположенный университетъ, какъ получивъ отъ господъ своихъ вольную, которая должна была храниться въ университетскомъ архивѣ и, въ случаѣ дурного поведенія студента, возвращалась вмѣстѣ съ изгнаннымъ студентомъ владѣльцу. Курсъ ученія долженъ былъ продолжаться три года; послѣ его окончанія студенты должны были писать диссертаціи на ученыя степени и защищать ихъ въ публичныхъ диспутахъ. Получившіе аттестатъ отъ ректора должны были опредѣляться въ гражданскую и военную службу въ предпочтеніе неученымъ. Входя въ университетъ, студенты должны были подписываться подъ законами университетскими и присягать въ исполненіи ихъ. Профессора, кромѣ публичныхъ лекцій для всѣхъ

студентовъ, могли еще читать, по желанію студентовъ, и частныя лекціи, „Collegia privata и privatissima". При университетѣ учреждалась семинарія для 40 человѣкъ бѣдныхъ шляхтинцевъ и всякихъ разночинцевъ „способныхъ и не вовсе увѣчливыхъ". Они должны были готовиться въ студенты и, кончивъ курсъ, за даровое воспитаніе оставаться на службѣ университета, для обученія другихъ сперва учителями, потомъ магистрами, и наконецъ профессорами. Въ семинаріи ученики должны были учиться латинскому языку (переводить Корнелія Непота, Цицерона, Юстина, Саллюстія и Юлія Цезаря, а изъ поэтовъ Виргилія, Овидія, Горація и Марціала), краткой исторіи и географіи, французскому и греческому языкамъ, а для дѣтей шляхетныхъ еще назначались фехтованіе и танцы. Въ университетѣ предполагалось учредить 9 профессуръ: 1) латинскаго краснорѣчія, 2) логики, метафизики и практической философіи, 3) естественнаго права и юриспруденціи, 4) древностей, исторіи „литеральной" и политической, генеалогіи и геральдики, 5) физики экспериментальной и математики со всѣми ея частями, 6) физики теоретической и практической, 7) анатоміи, 8) химіи и наконецъ 9) ботаники и естественной исторіи. При университетѣ предполагалось еще учредить церковь со всѣмъ причтомъ, больницу, экономическую контору, карцеръ, гауптвахту, лабораторію и пр., и пр. [1]).

Въ концѣ 1759 года гетманъ со всѣмъ семействомъ отправился въ Малороссію. Дорогою онъ остановился въ Москвѣ и здѣсь провелъ около двухъ мѣсяцевъ, видаясь почти ежедневно съ графомъ Иваномъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Въ февралѣ 1760 г. графиня Екатерина Ивановна со всѣми дѣтьми поѣхала далѣе; гетманъ же послѣдовалъ за нею нѣсколько позднѣе и прибылъ въ свою резиденцію 8-го Марта, „а при немъ", говоритъ Марковичъ, „французовъ не мало" [2]).

„Письмо в. с. почтеннѣйшее", писалъ графъ Кирила Григорьевичъ къ графинѣ Аннѣ Карловнѣ Воронцовой изъ Глухова отъ 23 Марта 1760, „отъ Марта 2-го меня уже застало сего 22 числа въ Глуховѣ. Желаніе в. с. искреннее совершилося тѣмъ, что я, жена и дѣти, слава Богу, благополучно уже живемъ на мѣстѣ. Дай Богъ, чтобъ мы всегда слышали и о благосостояніи в. с., а моя благодарность и признаніе за всю вашу милость и дружбу никогда забвенны не будутъ, въ какомъ бы ни было отдаленіи отъ васъ. В. с. управы ищите на Шведскаго посланника господина барона Поза" (sic) [3]) что онъ безъ меня васъ заигрываетъ. Мнѣ кажется, что онъ вамъ вмѣсто меня

---

[1]) Чтенія при Имп. Обществѣ исторіи и древностей, 1763, II. Смѣсь, стр. 67—85.
[2]) Зап. Марковича, II, 365.
[3]) Баронъ Поссе—см. о немъ выше.

войну объявилъ. И гдѣ бы я думалъ, что вы отомстите ему мои обиды, тутъ, вижу, вамъ самимъ неудача. Засвидѣтельствуйте ему мое почтеніе и скажите, что ежели бы онъ былъ въ Украйнѣ, я бы ему въ отмщеніе пороху не далъ стрѣлять. Только я не злопамятенъ, авось либо помирился бы съ нимъ, однакожъ пересиживать его надобно и не всегда давать волю быть своимъ побѣдителемъ. Весьма благодарствую за присланный портретъ Е. И. В., такъ какъ за первое украшеніе дому моего. Ежели что въ нашихъ дикихъ мѣстахъ угодно покажется в. с., прошу повелѣвать".

Отъ того же числа гетманъ увѣдомлялъ и канцлера о своемъ пріѣздѣ въ Глуховъ:

„Пріѣхавши въ Глуховъ сего 8-го числа, перво всего почувствовалъ я, что удаленъ сталъ отъ дому в. с. и м. г. графини Анны Карловны, въ который любовь и дружба искренняя почти повседневно меня привлекали. Постоянство и твердость в. с. характера къ друзьямъ своимъ меня вѣчно опредѣлили, гдѣ бы я ни былъ, искать продолженія любви вашей; потому что всякъ, кто оную имѣетъ совершенными опытами дружбы отъ васъ бываетъ заплаченъ. Помыслите теперь сами, вѣдая и о моей къ вамъ искренности, сколь мнѣ стало прискорбно отлучиться, да и на неизвѣстное время, отъ в. с., такъ какъ истиннаго моего друга и сколь жалостно мнѣ было покинуть и супругу вашу, которая дружеству нашему совершенную цѣну знала и своею ко мнѣ милостію и любовію тому всему способствовала. Всемилостивѣйшая Государыня благополучіе мое и потомства моего всесовершеннымъ теперь устроила. Я, не желая ничего болѣе уже въ свѣтѣ, того только одного лишаюся, что съ друзьями не всегда вмѣстѣ быть могу и хотя отсутствующіе простываютъ иногда отъ дальняго и долговременнаго отлученія въ дружбѣ, но тамъ, гдѣ чистосердечіе и гдѣ искренность залогомъ, никогда дружба, по моему мнѣнію, не оскудѣваетъ, и союзъ паче укрѣпляется взаимными опытами. Въ таковыхъ сентиментахъ я в. с. покинулъ и въ таковыхъ отъ васъ отлучился. Столь твердаго оставивъ друга, какъ в. с., не имѣю нималой причины просить васъ о продолженіи любви, дружбы и милости вашей. Единожды то постановлено, никогда въ васъ перемѣниться уже не можетъ" [1]).

Гетманъ по пріѣздѣ въ Глуховъ серьёзно занялся дѣлами; онъ объѣхалъ всѣ полки [2]) и съ помощью Теплова дѣятельно принялся за реформы. Какъ видно, Григорій Николаевичъ въ это время считалъ уже Разумовскаго крѣпкимъ на мѣстѣ и купилъ даже у Якова Марковича въ Глуховѣ домъ на Веригинѣ, на Сѣнявской

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 393—395.

[2]) Зап. Марковича, II, 368.

улицѣ [1]). Гетманъ отправилъ въ армію 2000 казаковъ подъ командою Прилуцкаго полковника Григорія Галагана. Одна тысяча была составлена изъ полковъ компанейскихъ, а другая изъ полковъ городовыхъ [2]). Смерть генеральнаго хорунжаго Ханенки дала Разумовскому случай сдѣлать перемѣну въ судопроизводствѣ. Генеральный судъ, въ которомъ прежде засѣдали всѣ генеральные старшины и президентомъ котораго былъ съ 1728 г. самъ гетманъ, въ послѣднее время состоялъ изъ одного только генеральнаго судьи, рѣшенія котораго были подвержены аппеляціи въ генеральную канцелярію. Такимъ образомъ въ Малороссіи въ то время было пять инстанцій: сотенный судъ, полковникъ, генеральный судъ, генеральная войсковая канцелярія, наконецъ гетманъ. Чтобы возвысить судъ и сократить проволочку въ дѣлахъ, Разумовскій, универсаломъ отъ 17 Ноября 1760 года, велѣлъ присутствовать въ генеральномъ судѣ двумъ генеральнымъ судьямъ и десяти депутатамъ отъ Малороссійскихъ полковъ, выбраннымъ дворянствомъ изъ полковыхъ старшинъ. Каждый изъ нихъ при слушаніи дѣла, до полка ихъ относящагося, выходилъ изъ присутствія; тѣмъ же правиломъ руководились и генеральные судьи [3]). Среди этихъ занятій, въ Мартѣ 1761-го года, гетманъ непріятно и неожиданно былъ пораженъ указомъ, въ силу котораго Кіевъ отдѣлялся отъ гетманства и снова непосредственно подчиненъ былъ сенату; всѣхъ казаковъ приказано было оттуда вывести и поселить на лѣвомъ берегу Днѣпра [4]). Какъ ни прискорбно было Разумовскому видѣть, что главный городъ Малороссіи отходитъ изъ его вѣдомства, однако онъ съ тѣмъ же рвеніемъ продолжалъ заниматься дѣлами. Собранная въ Петербургѣ коммиссія новаго уложенія требовала изъ Малороссіи данныхъ для продолженія своихъ работъ. Сенатъ предписалъ: „Малороссійскому гетману, опредѣля особыхъ людей къ тому способныхъ Литовскій статутъ разсмотрѣть, и какія явятся въ немъ недостатки пополнить, а излишки исключить, и прислать въ сенатъ съ депутатомъ, который бы могъ дать обо всемъ подробное изъясненіе“ [5]). Универсаломъ отъ 6-го Іюля 1761 года гетманъ положилъ преграду злоупотребленіямъ, происходившимъ отъ излишняго винокуренія, дошедшаго до такихъ размѣровъ, что ведро водки продавалось по 15 копѣекъ. „Малороссіяне, сказано въ универсалѣ, не только пренебрегаютъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, отъ которыхъ проистекаетъ богатство народное, но еще, вдаваясь въ непомѣрное винокуреніе,

[1]) Тамъ же, II, 369.
[2]) Ригельманъ, IV, 19.
[3]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 205.
[4]) Зап. Марковича, II, 373.
[5]) Исторія Соловьева, XXIV, 426.

часто покупають хлѣбъ по торгамъ дорогою цѣною не для пріобрѣтенія себѣ какихъ либо выгодъ, а для одного пьянства; истребляя лѣсныя свои угодья и нуждаясь отъ того въ дровахъ, необходимыхъ къ отапливанію ихъ хижинъ. Во избѣжаніе происшедшихъ отъ сего безпорядковъ опредѣляемъ: 1) чтобы винокуреніемъ занимались одни только владѣльцы и казаки, имѣющіе грунты и лѣсныя угодья, кромѣ духовенства, купечества и посполитаго народа; 2) полковникамъ и сотникамъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ лишенія мѣстъ, надзирать за точнымъ исполненіемъ сего; 3) запрещается имѣть въ Малороссіи винокурни и шинки Великороссіянамъ и вообще не тамошнимъ владѣльцамъ, въ особенности купцамъ и крестьянамъ; 4) возбраняется также полковникамъ и полковымъ старшинамъ нанимать бѣдныхъ, хотя и имѣющихъ грунты, казаковъ для произведенія подъ ихъ именами винокуренія и шинковства, но каждому предоставляется производить оныя на своихъ земляхъ и изъ собственнаго имущества" [1]).

Кромѣ этихъ реформъ гетманъ задумалъ еще населить пустопорожнія земли на Украйнѣ, а между прочимъ и свои маетности раскольниками, бѣжавшими въ Польшу. Съ этою цѣлью онъ обратился къ Императрицѣ съ слѣдующимъ прошеніемъ:

„Божіею споспѣшествующею милостію, всепресвѣтлѣйшей и пр. (слѣдуетъ полный Императорскій титулъ).

„В. И. всепресвѣтлѣйшаго В. вѣрный подданный Малой Россіи обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ челомъ бью. Въ прошломъ Іюнѣ мѣсяцѣ сего года явился у меня Великороссійскій человѣкъ Илларіонъ Яковлевъ сынъ Арленковъ и добровольно показалъ о себѣ, что онъ крестьянинъ ст. сов. Теплова, Кромскаго уѣзда села Молодовой, а за 6 лѣтъ оттуда бѣжавъ, жилъ въ Польшѣ и, услышавъ о публикованныхъ всемилостивѣйшихъ В. И. В. указахъ, коими къ возвращенію въ Россію разбѣжавшимся за границу Россійскимъ подданнымъ назначенъ послѣдній срокъ съ отпущеніемъ винъ, вышелъ изъ-за границы и при томъ объявилъ, что многіе живущіе за границею Польскою Россійскіе подданные желаютъ выдти на жительство въ Малую Россію, токмо бы отведена имъ была къ населенію земля. Но на такомъ его объявленіи не увѣряясь, велѣлъ ему о томъ желаніи къ выходу въ Россію многихъ въ Польшѣ живущихъ Россійскихъ подданныхъ сыскать достовѣрное свидѣтельство, почему онъ-же крестьянинъ Арленковъ сего Августа 11 дня, явясь съ двумя монахами заграничныхъ раскольничьихъ монастырей, подали мнѣ доношеніе за подписомъ своимъ и игумна Досиѳея съ братіею, да отъ слободъ въ Польшѣ-жъ, Великороссійскими людьми-раскольниками населен-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 205—206.

ныхъ, слободы Еремеевой, слободы Грабовки, слободы Лукьяновой и слободы Нивокъ. А въ томъ доношеніи просятъ объ отводѣ имъ на поселеніе въ Малой Россіи земли, близъ границы Польской имѣющейся, лежащей въ Стародубскомъ полку, между рѣками Цатою и Вагою на устьѣ, а ежели-де тамо за чѣмъ поселиться отведено быть не можетъ, то на другихъ земляхъ въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ, съ тѣмъ-же токмо основаніемъ, чтобъ имъ въ содержаніи закона ихъ по преданіямъ и старопечатнымъ книгамъ ни отъ кого возбраненія не чинено, и дозволено-бъ имъ содержать у себя своихъ священниковъ и церкви, при томъ же съ нихъ не брано-бъ въ солдаты и не употреблено-бъ къ службамъ съ казаками, какъ-де и отъ жительствующихъ нынѣ въ Малой Россіи въ описанныхъ раскольничьихъ слободахъ того не требуется, кромѣ двойнаго годоваго оброку и всякихъ общенародныхъ повинностей равно съ Малороссіянами; а безъ такого-де дозволенія, они и прочіе живущіе въ Польшѣ Россійскіе люди выходить опасаются, дабы-де съ ними, такъ какъ въ прошлыхъ 738 и 739 годахъ въ описныхъ государевыхъ слободахъ весь духовный ихъ чинъ разобранъ и разосланъ по неизвѣстнымъ мѣстамъ, и нынѣ поступлено не было, а безъ духовнаго-де ихъ чина и простой народъ ужить не можетъ, какъ о томъ всѣмъ изъ приложеннаго здѣсь въ оригиналѣ доношенія ихъ усмотрѣть соизволено будетъ [1]). Притомъ же для любопытства сколь великое число народа Великороссійскаго раскольниковъ въ Польшѣ и другихъ мѣстахъ населено слободами, взята у оныхъ, изъ Польши вышедшихъ монаховъ, сказка, съ которой для извѣстія въ правительствующемъ сенатѣ включаю при семъ копію. Я, признавая таковое желаніе Великороссійскаго народа къ выходу изъ Польши на поселеніе въ Малой Россіи, для высочайшихъ В. И. В. интерессовъ полезнымъ, за должность почелъ всякое къ тому приложить стараніе и не оставилъ учинить справокъ объ оной землѣ въ Стародубскомъ полку, между рѣками Цатою и Вагою, о которой они просятъ; и по справкамъ, хотя еще не въ полности собраннымъ, нашлось, что оная земля отъ нѣсколькихъ лѣтъ была спорная съ Поляками, а теперь при дѣланіи за силу указовъ В. И. В. пограничнаго укрѣпленія и засѣкъ, осталась въ границахъ Малороссійскихъ надлежащею къ Стародубскому полку и еще безъ всякаго поселенія, токмо на оной по малому ея пространству немного людей поселеніемъ вмѣститься можетъ. А въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ, всевысочайше отъ В. И. В. мнѣ въ вѣчно-потомственное владѣніе пожалованныхъ, въ Почеповской и Батуринской волостяхъ, по дозволенному свободному здѣшнимъ людямъ переходу, немало пустыхъ мѣстъ является. Того

---

[1]) Прошенія этого въ архивѣ кн. Воронцова не находится.

ради В. И. В. всеподданнѣйше прошу, оныхъ желающихъ выходить изъ Польши зашедшихъ туда Великороссійскихъ людей раскольниковъ, какъ въ Малороссійскихъ моихъ деревняхъ на порожнихъ мѣстахъ, такъ и на оной отобранной изъ завладѣнія Польскаго землѣ, лежащей въ Стародубскомъ полку, между рѣчками Цатою и Вагою, поселить подъ владѣніемъ моимъ всевысочайше дозволить, на томъ основаніи, какъ они просятъ. Хотя же построеніе для нихъ церкви и соблазненно видится, однако для приласканія ихъ къ жительству на первый случай мнится весьма быть надобно, ибо по публикованнымъ В. И. В. указамъ, хотя многіе сроки назначиваны къ возвращенію ушедшимъ въ Польшу Россійскимъ людямъ, какъ то уже нынѣ и послѣдній срокъ окончился, но выходъ оныхъ людей, а особливо раскольниковъ, весьма чаятельно малъ, по одному какъ видно твердому содержанію церковныхъ ихъ староверческихъ обрядовъ и духовныхъ своихъ, коихъ они лишаться и оставить въ Польшѣ не хотятъ, и ежели имъ дозволенія въ томъ не будетъ, то не токмо въ прежнія Великороссійскія мѣста откуда отцы ихъ или сами вышли, возвращенія, но и въ Малую Россію выходу къ поселенію надѣяться не можно, и, слѣдовательно, не безъ ущерба государственнаго въ чужомъ краю они останутся; отъ поселенія же ихъ въ Малой Россіи подъ владѣніемъ моимъ интересамъ В. И. В. приращеніе воспослѣдуетъ, яко-жъ сколько оныхъ раскольниковъ выходящихъ изъ Польши во владѣніи моемъ поселить, двойной подушный сборъ въ казну В. И. В. за нихъ отъ меня плаченъ будетъ, съ таковымъ притомъ опредѣленіемъ: чтобъ до нихъ, кромѣ меня, яко помѣщика моихъ деревень, никакой другой управитель не интересовался, и они бы при вышеупомянутыхъ государственныхъ оброкахъ обыкновенную крестьянскую повинность мнѣ отправляли. А ежели кто изъ Великороссійскихъ помѣщиковъ, за поселеніемъ оныхъ людей, призваетъ и докажетъ кого изъ нихъ своимъ крестьяниномъ, такого безъ всякаго затрудненія получить себѣ можетъ, да и Малороссійскимъ жителямъ чрезъ умноженіе въ Малой Россіи народа указноположенныхъ востатченіяхъ (sic) облегченіе быть слѣдуетъ. За высочайшимъ же отъ В. И. В. на сіе дозволеніемъ наикрѣпчайшее смотрѣніе отъ меня устроится, дабы отнюдь ни подъ какимъ образомъ вновь бѣгающихъ Великороссійскихъ помѣщичьихъ, купецкихъ и изъ военныхъ людей къ тому поселенію не принимано, кромѣ однихъ сущевыходящихъ изъ Польши, да и что принадлежитъ до раскольничьей ереси, то не токмо до наималѣйшаго распространенія не допускать, но сколько возможно самихъ ихъ отъ того заблужденія увѣщевать и исправлять прилежное стараніе употребляемо будетъ. До воспослѣдованія же на сіе высочайшей В. И. В. резолюціи

онымъ явившимся у меня двумъ раскольничьимъ монахамъ даны паспорты съ срокомъ къ явкѣ у меня отъ сего времени въ два мѣсяца.
„1760 года Августа 31 дня“ [1]).

Наврядъ ли на прошеніе это вышла требуемая гетманомъ резолюція. Императрица была слишкомъ занята войною; къ тому же, силы ея видимо слабѣли и нѣкогда было читать просьбы гетмана.

Въ 1760 году освящена была въ Лемѣшахъ, сооруженная братьями Разумовскими надъ могилою отца, трехъ-святительская церковь.

„Сіятельнѣйшій графъ, ясновельможный, высокоповелительный господинъ, господинъ (sic) Малыя Россіи отъ обѣихъ сторонъ Днѣпра и войскъ Запорожскихъ гетманъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, высокомилостивый государь и патронъ“, писалъ по этому случаю къ гетману Ираклій Комаровскій, епископъ Черниговскій [2]), „в. с. высокопочтенное писаніе съ требованіемъ прибытія моего въ Лемѣши для освященія, по данному отъ преосвященнаго митрополита Кіевскаго господина Арсенія благословенію, новосооруженной тамо в. с. церкви за отписаніемъ о томъ его преосвященству, мною сего 1760 года Августа 8 дня уже въ поздній вечеръ всепочтеннѣйше получено и по оному в. с. писанію сего числа писалъ къ его преосвященству съ нарочнымъ, кой и отправленъ съ самаго утра съ прошеніемъ его преосвященству къ тому оной церкви Лемѣшковской мнѣ освященію дозволенія; и ежели по оному писанію моему къ тому его преосвященства воспослѣдуетъ дозволеніе и о томъ меня увѣдомленіе, то я за полученіемъ того къ назначенному по письму в. с. сего Августа 16-го числу въ Лемѣши прибыть имѣю. Если же паче чаянія въ томъ его преосвященства не будетъ благословенія, то я и о томъ тотчасъ увѣдомить в. с. не оставлю и тойчасъ покорнѣйше доношу и притомъ высокопатронской в. с. навсегда препоручая себя милости и неоставленію, со всепреданностію моею остаюсь в. с., высокомилостиваго государя и патрона, всѣхъ благополучій всеусерднѣйшій богомолецъ и покорнѣйшій слуга [3])“

Тѣмъ же лѣтомъ графиня Екатерина Ивановна съ дѣтьми собралась на богомолье въ Кіевъ. Узнавъ о намѣреніи гетманши, архимандритъ Кіево-печерской лавры, Лука Бѣлоусовичъ [4]) обратился къ графинѣ съ слѣдующимъ письмомъ: „Сіятельнѣйшая графыня, милостивая благодѣтелко (sic), извѣстился я что в. графское с. по усерд-

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 421—425.

[2]) Ираклій Комаровскій хиротонисанъ въ 1752 г. изъ архимандритовъ черниговскаго Ильинскаго монастыря. Въ 1761 уволенъ на покой, † 1765 г.

[3]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

[4]) † 1761 г.

ному своему желанію намѣрены сего лѣта Кіевъ посѣтить, но якого именно времени соизволите быть, точнаго увѣдомленія не имѣю, и того ради в. гр. с. покорно прошу о томъ своемъ намѣреніи и пріѣздѣ завременно меня увѣдомить. При семъ же совѣтую в. с. богомолчано (sic), въ настоящее самонужнѣйшее людямъ время не подводами людскими, но собственными своими лошадьми ѣхать, дабы ваше благоугодное намѣреніе Богъ исполнилъ въ пользу душевную, а за подводы, люди, наипаче въ настоящее время имъ крайне нужное, воздыхаютъ со плачемъ. Для лошадей же в. гр. с. собственныхъ, я могу услужить фуражемъ; токмо о сохраненіи людей и паки прошу и благонадеженъ пребуду в. гр. с., милостивой благодѣтелки всего добра всеусердный желатель, всегдашній богомолецъ и покорнѣйшій слуга. 1760 г. Іюля 27.

„P. S. Аще бы и его высокографское с. милостивый нашъ господинъ гетманъ возымѣлъ намѣреніе посѣтить Кіевъ, то таковымъ же Богоугоднымъ людей бѣдныхъ пощаженіемъ прошу посовѣтовать помиловать“ [1]).

Мы видѣли выше, что за десять лѣтъ до описываемаго нами времени, зять гетмана Власъ Климовичъ, обратившійся въ потомки Польскихъ шляхтичей Будлянскихъ, добирался до села Чемеръ и что, несмотря на заступничество матери, графъ Кирила Григорьевичъ воспротивился захватамъ бывшаго ткача. Но въ настоящій пріѣздъ на Украйну, Разумовскій засталъ графиню Наталію Демьяновну больною и дряхлою, у него не хватило духа долѣе противиться просьбамъ матери, и Будлянскій универсаломъ гетмана получилъ село Чемеръ, гдѣ нѣкогда учился грамотѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

„Бунчуковый товарищъ Власій Будлянскій“, сказано было въ универсалѣ, „представилъ о службѣ предковъ (!?) своихъ, продолженныхъ вѣрно Всероссійскому престолу чрезъ многіе годы, и что онъ самъ находился въ войсковой службѣ не малое время. Съ опредѣленія-жъ его бунчуковымъ товарищемъ, жительство имѣетъ полку Кіевскаго, сотни Козелецкой въ селѣ Чемерѣ, которое есть испрежде войсковое и ни подъ какимъ урядомъ и ратушею не находилось. А нынѣ полковой кіевскій писарь Митковичъ владѣетъ онымъ по рангу своему. При домѣ-жъ его, Будлянскаго, съ котораго должная служба Е. В. происходитъ, въ неимѣніи подданныхъ крайняя нужда и необходимость состоитъ; для того онъ, Будлянскій, просилъ респектомъ продолженныхъ предками его и имъ самимъ войсковыхъ службъ, о подачѣ ему во владѣніе того села Чемера нашего разсмотрѣнія. А яко

---

[1]) Изъ архива гр. Уварова.

по справкѣ въ нашей генеральной канцеляріи, съ генеральнымъ слѣдствіемъ чиненнымъ 1730 года, о всѣхъ Малороссійскихъ маетностяхъ, показано, что село Чемеръ прежде было войсковое; потомъ, по опредѣленію полковника Константія Солонины, протопопъ Козелецкій Юрій содержалъ, а по немъ на чинъ судейства полковаго, Романъ Жила владѣлъ, потомъ же на урядъ писарей полковыхъ ишло (sic); прежде же ни подъ какими урядниками, ни подъ ратушею не было; изъ какого генеральнаго слѣдствія явствуетъ, что оное село Чемеръ не утверждено отъ прежнихъ антецессоровъ нашихъ на чинъ писаря полковаго Кіевскаго, но завладѣно по одному полковниковъ Кіевскихъ допущенію, а оное есть свободное въ диспозиціи нашей гетманской состоящее. Того ради, мы, респектуя на оныя предками его бунчуковаго товарища Власія Будлянскаго отправленныя и нынѣ отъ дому его происходимыя службы, то село Чемеръ, яко свободное войсковое, надаемъ ему, бунчуковому товарищу Власію Будлянскому, со всѣми къ нему принадлежащими грунтами и угодьями, въ вѣчное и потомственное владѣніе, кромѣ казаковъ и ихъ грунтовъ“ [1]).

Изъ Глухова Разумовскій велъ дѣятельную переписку съ графомъ М. И. и графинею А. К. Воронцовыми. Помѣщаемъ здѣсь письма его въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Бывшіе въ службѣ моей архитекты Бартоліати и Венероній [2]) отпущены теперь. Я рекомендую ихъ обратно в. с. въ милость, такъ какъ иностранцевъ, и уповаю, что в. с. по особливой склонности и великодушію къ таковымъ, не лишите ихъ своего покровительства, въ чемъ я благонадеженъ пребуду.

P. S. Они уѣхали вчера и забыли взять отъ меня сіе письмо, о которомъ просили.

Марта 23 дня 1760 г. Глуховъ.

II.

Monsieur,

La lettre du 15 de ce mois, que v. e. m'a fait l'honneur de m'écrire, m'est rendue ce matin avec tout ce qui y était joint. L'injustice que les deux architectes Bartoliati et Veneroni font à m-r Teploff, dans

---

[1]) Лазаревскій, Очерки старѣйшихъ дворянскихъ родовъ Черниговъ. губ., 112.

[2]) См. о нихъ выше.

les termes peu ménagés à v. e. est à la vérité outrageante pour lui; mais elle me touche aussi de près, voyant que ces messieurs se trouvent offensés de ma part, quand leur mécontentement ne vient que de l'insuffisance palpable de remplir les points auxquels il se sont engagés comme architectes. Malgré les témoignages dont ils se vantent, leurs projets pour mes bâtiments plusieurs fois répétés, lesquels j'ai exposé à l'examen de plusieurs habiles architectes, étant à Pétersbourg l'année passée, où m-r Teploff ne se trouva point, ne les mettaient point même au rang d'architectes médiocres; encore moins remplissaient-ils mes désirs. Après cela les bâtiments de bois qu'ils ont commencés à Batourine à l'aveu de m-r Teploff et de tout le monde, sont gâtés par eux-mêmes à ne pouvoir y plus remédier. C'est à faux qu'ils veulent s'excuser comme si plusieurs autres en avoient la disposition; il n'y a que m-r Teploff de qui dépendait la disposition des chambres et des commodités à ma fantaisie, dont je suis aussi fort content; mais la construction de bois, la force des fondements de pierre, la régularité des fénêtres, leur proportion, dont personne ne se mêlait point, n'est que leur faute, où ils ont grossièrement manqué, et pour toute excuse ils faisaient une réponse ridicule, comme s'ils ne se sont pas engagés que pour des bâtiments de pierre et qu'ils n'avoient jamais eu en mains de bâtiments de bois, étant sensés Italiens, chose qu'ils désavouent à présent impudemment. Si ce n'étaient point les instances de m-r Teploff de les garder jusqu'ici dans l'espérance d'avoir de meilleurs fruits de leur talent et peut-être si ce n'était point son respect et mon attention à la recommandation de v. e., je devrais les congédier dans la première année, quand ils m'ont présenté leur premier projet; mais v. e. voit lui-même par la lettre de m-r Teploff, que je lui renvoie pour la relire, avec combien d'affabilité il couvre à eux mon mécontentement. Ce sont des raisons véritables qui m'ont forcé, sans que m-r Teploff y eût aucune part, de les renvoyer et de chercher un autre architecte. La nature du contrat, vu que les conditions de part et d'autre sont remplies, dure immuable; mais dès que les points y marqués ne subsistent en réalité, l'obligation de même cesse. Si j'avais manqué de l'argent, m'auraient-ils alors servi? Mais s'ils manquent jusqu'à tel point de talent, comme tous les architectes m'ont dit à Pétersbourg, voyant leurs projets ridicules, les dois-je payer ultérieurement? V. e. me connait trop, que je ne suis pas un homme à ménager l'argent, quand il s'agit à conserver ma foi. Aurais-je (pu) les laisser sans raisons légitimes et sans les besoins pressants pour commencer mes bâtiments au plutôt? La durée de leur service chez moi n'était enfin que la valeur de tout ce que je reçois de vos mains; mais il me semble que j'ai prevenu v. e. étant encore à Pétersbourg que ni ma satisfac-

tion, ni mon intérêt n'étaient plus de garder ces deux Italiens et que j'ai cherché déjà un autre à leur place, lequel ayant trouvé, j'ai fait remercier les premiers par la Cancellerie (sic) Générale, et non pas par m-r Teploff, d'une manière fort satisfaisante à ce qu'il m'a paru. J'ai donné même une lettre de recommandation à v. e. en leur faveur, laquelle, soit-il par distraction ou par mépris, il n'ont pas pris des mains de Teploff, qui fût pourtant obligé de l'expédier à v. e. par une occasion à part. Quant à la lettre de m-r Teploff écrite à eux l'année 1758, laquelle ils prennent pour une pierre d'achoppement, ce n'est qu'une pure fiction pour animer v. e. contre m-r Teploff, et cet abus ou plutôt ruse n'est pas pardonnable aux Italiens. M-r Teploff même fût surpris d'avoir vu tourner sa lettre amicale et pleine de ménagement pour eux, en époque de leur quasimalheur, à ce qu'ils disent à v. e. S'il leur y a reproché d'avoir importuné v. e., sans avoir s'adresser (sic) auparavant à la place de qui dépendait leur arrangement, ce n'est qu'étant jaloux des bontés de v. e. et ayant vu que le désordre prétendu parvenait jusqu'à vos oreilles, il ne pouvait pas leur passer sous silence et sans exhortation. Encore ne fût-il fait qu'avec des termes badins et ménagés contre eux, mais toujours respectueux pour v. e. Et puisque entre cette lettre et leur départ passa plus de deux ans, que ne faisait-il dans cet intervalle pour eux m-r Teploff d'amicale (sic)? Mais leur ignorance et mon intérêt n'en pouvaient point soutenir la continuation. Au reste je ne veux pas passer sous silence que ma cousine m-me Teploff portait des plaintes amères contre la conduite scandaleuse et indécente de Bartoliati, qui s'émancipait de prostituer leur maison par sa conduite trop passionnée pour la gouvernante des filles de m-r Teploff, sans ménager leur présence et l'honneur d'enfants dans un âge où les bons et les mauvais exemples s'impriment également. Et quoique ce ne fût éclaté qu'aux derniers mois où leur ignorance suggérait déjà la résolution positive de les congédier, toute fois il a causé une confusion et alarme dans la famille d'un père qui prend beaucoup à cœur l'éducation de ses enfants, et qui fût sur le champ obligé de renvoyer la gouvernante comme indigne et d'être privé de secours, étant éloigné de lieux propres à trouver une autre à sa place. Mais ce sujet ne regarde en particulier que Bartoliati, qui pour se venger de m-r Teploff me parait le premier motif de cette calomnie qu'ils ont exagérée par des termes fort grossiers et outrageants dans la supplique à v. e., et que j'ai l'honneur de vous renvoyer ci-jointe pour la justification de m-r Teploff. Pour le congé que ces m-rs veulent avoir, j'aurais leur donné sans doute (sic), s'ils m'avaient parlé un seul mot, mais c'est à présent seulement qu'ils commencent à le désirer, et je suis prêt à signer tel que v. e. m'annoncera en leur faveur.

Quant aux autres prétentions de payement, j'en suis quitte tout à fait avec eux, comme avec des gens qui pour plus de 4,000 rbles en argent m'ont fait deux inutiles et ridicules projets pour ma maison de Batourine et un bâtiment de bois gâté dans ses fondements. Comme ils étaient défrayés dans ma maison de tout et ne vivaient que mesquinement, ils sont assez heureux d'avoir conservé tout cet argent sans contredit. Enfin je suis mortifié d'être provoqué à dire les choses sur leur compte dont je voulais garder plutôt le silence.

Le 29 de May 1760. Gloukoff.

III.

Я уже прежде извѣстенъ былъ изъ постороннихъ увѣдомленій, что в. с. больны были и крайне тѣмъ безпокоился, а получа третьяго дня почтеннѣйшія в. с. письма отъ 15 Мая, весьма обрадовался, видя ваше облегченіе. Чрезъ двѣ недѣли пожилъ я на чистомъ воздухѣ въ Батуринѣ, и мои припадки всѣ также миновалися. Мы воздухомъ пользуемся весьма изряднымъ, однакожъ морозы и у насъ продолжалися по ночамъ даже до первыхъ чиселъ Мая, чего и глубокіе старики наши не запомнятъ. За лимоны в. с. весьма благодарствую. Они пришли всѣ въ цѣлости и весьма кстати, которыми я и жена моя пользуемся только почти для лѣкарства. Свидѣтельствую мое почтеніе м. г. моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ.

1760 г., Мая 29. Глуховъ.

Приписка графини Екатерины Ивановны:

„Присемъ и я в. с. приписываю мой поклонъ, такъ какъ и милостивой моей государынѣ Аннѣ Карловнѣ и при томъ благодарствую за присылку лимоновъ, которые мнѣ очень нужны были для лѣкарства. В. с. всегда вѣрная и покорная услужница г. Екатерина Разумовская“.

Приписка рукою графа Кирилы Григорьевича:

„За табакерки [1]) присланныя какъ я, такъ и жена моя приносимъ в. с. благодареніе. Желалъ бы я что-нибудь съ сего краю вамъ прислать, но ничего достойнаго рукъ вашихъ не нахожу; ежелижъ вамъ

[1]) Воронцовъ писалъ Разумовскому отъ 22 Мая: „on m'a apporté depuis peu de Paris quelques tabatières des plus à la mode et d'un fort beau vernis. En voici deux que je prie s. e. m-me la Comtesse et Vous, m-r, d'accepter. Si l'amitié ne s'acquitte pas par des bagatelles, elle n'en a pas moins le droit de les offrir“ и пр. (Арх. кн. Воронцова, IV, 444). Табакерки эти были изъ *vernis Martin*, за который любители платятъ въ наши дни огромныя деньги.

что ни есть бы отсюда угодно было, прошу мнѣ дать коммиссію прислать, что приму за особливый знакъ дружбы вашей ко мнѣ. А то мнѣ весьма пріятно, что не забываете меня книжками новыми, о чемъ и впредь прошу“ [1]).

IV.

Податель сего, ассессоръ г. Крыжановскій, будучи извѣстенъ мнѣ по своей исправности во всѣхъ дѣлахъ, которыя отъ меня положены были на него, показалъ нынѣ наипаче усердіе къ соблюденію интересса Е. И. В. въ покупкѣ лошадей на армію, о чемъ и свидѣтельства отъ господъ командующихъ имѣетъ. Онъ теперь проситъ въ награжденіе за свою службу мѣста покойнаго, т.-е., быть полковникомъ и я, совершенно желая ему оное получить, прошу в. с. въ томъ ему сильную свою помочь подать [2]).

1760 года, Сентября 25. Глуховъ.

V.

В. с. благопріятнѣйшее письмо отъ 1 Сентября я получилъ исправно. Приложенія, которыя изволите при письмахъ вашихъ дѣлать то книгами, то піесами, любопытства достойными, въ отдаленіи моемъ двойной цѣны мнѣ стоятъ. Они веселятъ меня и матеріею своею и удостовѣряютъ, что в. с. участникомъ меня дѣлаете своихъ удовольствій. Впрочемъ не примите за одно только народное обыкновеніе, но за характеръ истиннаго моего къ вамъ дружества, что я, поздравивъ васъ праздниками наступающими и новымъ годомъ, свидѣтельствую чрезъ сіе при начатіи онаго мое чистосердечное желаніе вамъ и всей вашей любезной фамиліи, при совершенномъ здравіи, такого благополучія, которое бы соотвѣтствовало во всемъ желаніямъ вашимъ. Е. с. графинѣ, м. г. моей Аннѣ Карловнѣ съ любезными вашими дѣтьми того же желая, удостовѣряю весь домъ вашъ, что сіи мои поздравленія отъ нелицемѣрнаго друга происходятъ.

1760. Декабря 5. Глуховъ.

---

[1]) Воронцовъ выслалъ Разумовскому новое сочиненіе Фридриха-Великаго.

[2]) Въ IV т. „Архива кн. Воронцова“, стр. 425—426, напечатана копія съ листа въ Прав. Сенатъ, отъ 27 Мая 1761, въ которой Разумовскій проситъ о назначеніи въ Гадячскіе полковники того же компанейскаго полковника Антона Крыжановскаго.

VI.

C'est la première fois de ma vie que je donne une recommandation à un homme de mérite à contre-coeur. L'envie même de le garder toujours auprès de moi m'a tenté de me servir d'une fraude, si je ne croyais pas que cette façon devait aussi blesser ma délicatesse de penser et empêcher la fortune d'un homme que j'aime. Monsieur Clerc [1]) jusqu'ici mon médecin a exercé si bien ses talents chez moi en Ukraine, que je dois avoir tout lieu de me plaindre de me séparer de lui. Monsieur Monci (sic) [2]) étant à présent médecin du corps de S. M. I. et ayant quitté la ville de Moscou, m-r Leclerc y est invité par ses amis et envisage cette place comme une petite fortune en perspective pour lui. Son contrat n'est pas encore fini avec moi; mais l'empressement que j'ai de le rendre heureux a prévalu sur les droits que j'avais sur lui. Il me sollicite d'employer les meilleurs moyens pour que cette place ne soit point accordée à quelque autre médecin et qu'il y soit placé avec une pension avantageuse et honorable de S. M. I. Bien loin

---

[1]) Николай-Гавріилъ Клеркъ или Леклеркъ (N. Gab. Clerc—dit Leclerc) род. въ Бомъ-ле-дамъ (Baume les Dames—Franche-Comté) въ 1726, † въ Версалѣ въ 1798. Онъ сперва былъ докторомъ у герцога Орлеанскаго въ Вилеръ-Котре (Villers-Coterets), потомъ полковымъ докторомъ при французской арміи, дѣйствовавшей въ Германіи; въ 1759 г. онъ поступилъ на службу къ графу Кирилѣ Григорьевичу. Въ 1769 онъ сдѣлался лейбъ-медикомъ В. К. Павла Петровича, директоромъ шляхетнаго корпуса и наконецъ инспекторомъ Павловской больницы въ Москвѣ. Онъ возвратился во Францію въ 1777 г. и Людовикомъ XVI возведенъ былъ въ дворянство съ именемъ Леклерка, получилъ ленту св. Михаила, значительную пенсію и званіе главнаго инспектора всѣхъ госпиталей во Франціи. Во время революціи онъ вышелъ въ отставку. Онъ былъ членомъ С.-Петербургской академіи. Кромѣ многихъ сочиненій медицинскихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были напечатаны въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Леклеркъ написалъ романъ (Yu le grand et Confucius) для чтенія молодого В. Князя Павла Петровича, перевелъ сочиненія Бецкаго на французскій языкъ (Plans et statuts и Education morale et physique) и наконецъ извѣстную Исторію Россіи (Histoire physique, morale, civique et politique de la Russie ancienne et moderne. Versailles et Paris, 1783—85, 6 томовъ in 4-to съ атласомъ и гравюрами), вызвавшую извѣстный отвѣтъ Болтина. Сынъ Леклерка Антонъ-Францискъ, извѣстный легитимистъ (р. 1757 † 1816), былъ сотрудникомъ отца и написалъ послѣдніе два тома Исторіи Россіи; онъ же перевелъ на французскій языкъ Исторію Россіи, англичанина Тука (Tooke). Леклеркъ-отецъ напечаталъ еще: 1) Observations sur la carte de la Russie, sur la mer Baltique, sur la mer Caspienne и пр., Paris 1786, одно изданіе in-folio съ 15 картами, другое in 4-to, съ 10-ю, и 2) Examen impartial de la critique des cartes de la mer Baltique et du golfe de Finlande. Paris, 1786, въ 8°.

[2]) Первый лейбъ-медикъ и тайный совѣтникъ Яковъ Моунзей (Mounsey) былъ докторомъ въ Москвѣ; съ 1760 призванъ ко двору, присутствовалъ при смерти Елизаветы, а по воцареніи Екатерины уѣхалъ въ Англію.

de le dissuader de cette proposition, car à la vérité l'exercice dans une ville comme Moscou pour un médecin habile et vertueux lui donnera plus de jour qu'à Gloukoff, où il n'y a que ma maison qui connait son mérite, je me suis proposé d'employer l'effet de l'amitié que v. e. a pour moi et de vous prier de lui accorder votre protection qui lui sera la plus efficace dans le cas où il est. V. e. par tout ce que je connais de votre bonté de coeur sera charmée de l'obliger, et la ville de Moscou profitera de ses talents. Il n'y a que moi qui perde sûrement à l'échange, mais je compte aussi faire un acte de vertu en faisant du bien à quelqu'un à mes propres dépens.

Ce 8 de Janvier 1761. Gloukoff.

VII.

Къ графинѣ Аннѣ Карловнѣ:

„По письму почтеннѣйшему в. с. отъ 15 Марта желалъ бы я сердечно, понимая самъ довольно обстоятельства е. с. княгини Катерины Алексѣевны [1]) услужить покупкою конскаго ея заводу; однакожъ лошадей у меня такъ много расплодилося, какъ около Москвы [2]), такъ и въ Украйнѣ, что я безъ отягощенія своей экономіи прибавлять за недостаткомъ людей никакъ не могу у себя. Между тѣмъ, принимая въ уваженіе рекомендацію в. с. и княгини Катерины Алексѣевны обстоятельства, препоручилъ сію коммиссію Григорію Николаевичу, не можетъ ли онъ хотя въ розницу охотникамъ Малороссійскимъ за трitysячную сумму оный заводъ распродать и къ части Знаменки слободы купца пріискать. Надобно искать, по способности сихъ деревень, въ слободскихъ полкахъ, потому что они не въ Малой Россіи. А что по сему происходить будетъ, о томъ онъ къ княгинѣ Катеринѣ Алексѣевнѣ увѣдомленія по временамъ посылать будетъ. Я всегда радъ в. с. угодности искать, гдѣ моя возможность.

1761 г. Марта 31 дня. Батуринъ."

„При засвидѣтельствованіи е. с. графу М. Л. моего почтенія, прошу ему объявить, что письмо отъ е. с. писанное, я получилъ, вслѣдствіе чего и къ кошевому атаману отъ меня повелѣніе дано будетъ, какъ

---

1) Вдова умершаго шталмейстера и алекс. кав. князя Петра Михайловича Голицына (второго сына Полтавскаго героя, кн. Михаила Михайловича старшаго), † 1760 рожденная Каръ.

2) У гетмана подъ Москвою былъ конный заводъ въ селѣ Троицкомъ - Лыковѣ, см. о немъ ниже.

съ оными поступить, и когда ко мнѣ привезены будутъ, то немедленно постараюсь къ е. с. отправить".

VIII.

Приложенное при семъ письмо покорно прошу в. с. приказать доставить съ первою и надежною оказіею е. с. графу Петру Григорьевичу Чернышеву, которое по домашней моей нуждѣ для дорожной кареты не терпитъ промедленія, о которой я прошу е. с., чтобъ пожаловалъ выслалъ изъ Парижа съ послѣдними кораблями. О себѣ доношу, что я не очень здоровъ, а мучитъ меня лихорадка, которая въ Малой Россіи, особливо въ Глуховѣ, не въ диковинку.

1761 года, Мая 27 дня. Глуховъ.

IX.

Вчера пріѣхали въ службу мою изъ Варшавы докторъ Ди-Фаи и лѣкарь Эно, оба французы. Они ко мнѣ привезли о своемъ искусствѣ и великой ихъ практикѣ отъ всѣхъ почти знатнѣйшихъ Польскихъ магнатовъ весьма авантажныя рекомендаціи. Время покажетъ, буду ли я счастливъ въ нихъ, а кондиціи съ ними постановлены такія, что никакой причины они имѣть не будутъ никѣмъ въ домѣ моемъ быть недовольными, потому что все ихъ содержаніе на однихъ только деньгахъ. На счетъ мой посланный за ними учитель Эльгертъ занялъ 204 червонныхъ въ Варшавѣ къ даннымъ ему отъ меня наличнымъ деньгамъ у барона Реокура, и по его адрессу г. Энденъ заплатилъ уже, уповаю, оныя деньги въ Петербургѣ купцамъ Арбутнота и Риттеру. Того ради прошу в. с. по дружбѣ своей одолжить меня взятую отъ нихъ квитанцію приказать какъ наискорѣе для сохраненія впредь моего кредита переслать къ его превосходительству Ѳедору Матвѣевичу Воейкову [1]), который за посланнаго моего Эльгерта Реокуру пожаловалъ отвѣтствовалъ своимъ кредитомъ.

1761 годъ, Іюня 28 дня. Батуринъ.

X.

Сего Августа 6 числа Богъ даровалъ мнѣ сына Ивана, котораго предаю въ вашу дружескую ко мнѣ милость.

---

[1]) Посланникъ въ Варшавѣ.

P. S. При семъ свидѣтельствую и е. с. м. г. моей графинѣ Аннѣ Карловнѣ мое почтеніе и доношу, что намъ Богъ даровалъ сына Ивана, котораго въ милость рекомендую.

1761 года, Августа 16. Глуховъ.

XI.

Покорнѣйше благодарствую в. с. за пересылку барону Реокуру должной отъ меня суммы. А нынѣ выписалъ я себѣ изъ Варшавы учителемъ къ дѣтямъ моимъ подполковника Мальшара, за котораго я тому же барону Реокуру задолжился вторично 155 червонныхъ и сто рублей, того ради я приказалъ господину Эндену помянутыя деньги прежнимъ каналомъ заплатить въ С.-Петербургѣ, и в. с. прошу еще трудъ на себя принять и оную квитанцію переслать къ Ѳ. М. Воейкову съ приложеннымъ отъ меня письмомъ, чѣмъ меня попремногу одолжите.

1761 года, Августа 16. Глуховъ.

XII.

О вѣрныхъ Е. И. В. службахъ въ войскѣ Запорожскомъ низовомъ, старшины того войска Ивана Чугуевца (который уроженецъ съ татарскихъ Едысанскихъ мурзъ) и что онъ, будучи въономъ Запорожскомъ войскѣ чрезъ немалое время войсковымъ писаремъ, понесъ многіе труды и прилагалъ старательства, какъ къ сохраненію и пользѣ Высочайшаго интереса, такъ и къ учрежденію въ томъ же войскѣ всѣхъ добрыхъ распоряженій чрезъ присланное ко мнѣ отъ всего онаго Запорожскаго войска доношеніе рекомендовано его, Чугуевца, къ удостоенію къ полученію Высочайшей милости и желаемаго имъ награжденія. Я, будучи сверхъ того увѣренъ изъ даннаго оному старшинѣ войска Запорожскаго низоваго Ивану Чугуевцу о тѣхъ его службахъ и добромъ обхожденіи отъ всего онаго Запорожскаго войска аттестата, имѣю честь въ милостивое ваше призрѣніе рекомендовать.

Сентября 28, 1761 [1]).

Въ октябрѣ 1761 года гетманъ вдругъ былъ отозванъ ко двору. Его призывалъ братъ, чтобы присутствовать при послѣднихъ дняхъ благодѣтельницы Разумовскихъ. Еще въ 1758 году ожидали близкой

[1]) Архивъ кн. Воронцова, IV, 395—404.

кончины Государыни. Съ каждымъ годомъ она все слабѣла и въ концѣ 1761 года уже не была въ состояніи выѣзжать изъ дворца. Для развлеченія ее переносили въ комнаты то Шувалова, то Разумовскаго, гдѣ она или обѣдывала, или ужинала. Лѣтомъ 1761 года съ большимъ трудомъ Государыня переѣхала въ Петергофъ, оттуда ее еле-живую перевезли осенью обратно въ Петербургъ. Гетманъ, только отпраздновавшій свадьбу племянницы своей Марины Будлянской съ Даниломъ Петровичемъ Апостоломъ [1]), 23 Октября поскакалъ въ Петербургъ съ Тепловымъ, Скоропадскимъ, Туманскимъ и племянникомъ своимъ Будлянскимъ, оставивъ въ Глуховѣ всю семью свою [2]).

Разумовскій остановился въ Москвѣ, чтобы осмотрѣть университетъ. Мысль объ университетѣ въ Батуринѣ его не покидала. Изъ Малороссіи онъ велъ объ этомъ дѣятельную переписку съ Миллеромъ [3]). 12 Ноября Разумовскій вмѣстѣ со многими Московскими вельможами и Тепловымъ посѣтилъ университетъ. Въ сопровожденіи куратора Веселовскаго, онъ вошелъ сначала въ латинскій классъ ректора Шадена, гдѣ встрѣтили его рѣчью и стихами латинскими, и здѣсь выслушалъ переводъ на Русскій языкъ изъ Цицероновыхъ писемъ, потомъ историческую лекцію профессора Рейхеля. Въ большой аудиторіи профессоръ Барсовъ встрѣтилъ его Русскимъ привѣтствіемъ. Профессоръ Фроманнъ взошелъ на каѳедру и прочелъ лекцію о вѣроятности (de probabilismo). Затѣмъ слѣдовали юридическіе тезисы: de principibus juris naturae, между студентами Дилтея. Изъ большой аудиторіи гетманъ перешелъ во французскіе классы Билона, Бойе, и въ латинскій классъ Попова. Затѣмъ поѣхали въ домъ, гдѣ жили пансіонеры. Гетманъ осмотрѣлъ его, типографію и словолитню; посѣтилъ камеру, гдѣ читаются физическія лекціи. Показавъ инструменты, профессоръ Ростъ прочелъ лекцію: de pressione et compressione aëris, и сдѣлалъ опыты сюда относящіеся, съ надлежащимъ вниманіемъ. Въ заключеніе гетманъ осматривалъ минералогическій кабинетъ, химическую лабораторію, гдѣ показаны были нѣкоторые малые опыты, и наконецъ библіотеку. Обзоръ университета окончился обѣдомъ у куратора [4]).

---

[1]) Зап. Марковича, II, 375.
[2]) Тамъ же, II, 376.
[3]) Шевыревъ, Исторія Московскаго университета, 91.
[4]) Тамъ же, 91—92.

X.

Смерть Елизаветы. — Таракановы. — Царствованіе Петра III. — Восшествіе на престолъ Екатерины.

Когда графъ К. Г. Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, Государыня, еле-живая, страдала лихорадкою; припадки начались 16 Ноября, но къ удивленію докторовъ лихорадка прошла. Царедворцы стали надѣяться, но 12-го Декабря открылась жестокая рвота съ кашлемъ и кровью; 23-го болѣзнь усилилась. Государыню пріобщили, а 24-го соборовали. Въ этотъ же день вечеромъ, какъ доносилъ графу Кауницу Австрійскій посолъ графъ Мерси д'Аржанто, депешею изъ С.-Петербурга отъ 10 Января 1762 г. (н. ст.), Государыня позвала къ себѣ Великаго Князя и Великую Княгиню, и, пригласивъ удалиться всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Адама Васильевича Олсуфьева, объявила Великому Князю слѣдующее: „въ благодарность за все, что она для него сдѣлала, пусть онъ обѣщаетъ при ея послѣднихъ минутахъ не обижать въ особенности графа А. Г. Разумовскаго и камергера И. Шувалова, также и прочихъ находившихся на ея службѣ особъ считать вѣрными слугами, вообще предать полному забвенію все то, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могло возбудить его неудовольствіе противъ нихъ. На это Великій Князь, какъ говорятъ, чрезвычайно растроганный краткою послѣднею просьбою Императрицы, торжественно обѣщалъ Е. В., что послѣднія приказанія ея будутъ исполнены точно и неизмѣнно" [1]. 25 Декабря, въ $4^1/_2$ часа пополудни, Императрицы Елизаветы Петровны не стало. Нѣтъ сомнѣнія, что Разумовскіе не отходили отъ изголовья своей благодѣтельницы, которую, особенно же графъ Алексѣй Григорьевичъ, любили всѣми силами преданнаго, простого сердца. Слезы обоихъ братьевъ были слезами искренними, и скорбь ихъ была вполнѣ сердечная. Покойная Государыня, возведшая ихъ изъ ничтожества на верхъ почестей, была къ нимъ неизмѣнно добра. Несмотря на всѣ свои недостатки, Елизавета несомнѣнно имѣла даръ вселять глубокую къ себѣ привязанность. Въ горести И. И. Шувалова, Разумовскихъ, Чулкова и нѣкоторыхъ другихъ вѣрныхъ слугъ ея слышалось не сожалѣніе о концѣ ихъ случая, но глубокое, вполнѣ чистосердечное сокрушеніе о той, которую они такъ искренно и неподкупно любили.

Передъ тѣмъ, чтобы продолжать разсказъ нашъ, остановимся нѣ-

---

[1]) „Сборникъ Историческаго Общества", XVIII, 27.

сколько на легендѣ о таинственныхъ князьяхъ и княгиняхъ Таракановыхъ, этихъ загадочныхъ дѣтяхъ Елизаветы и Разумовскаго, о которыхъ немало было писано заграницею и у насъ въ послѣднее время.

О Таракановыхъ говорили заграницею въ сочиненіяхъ своихъ: Кастера, Дюкло, Архенгольцъ и др. еще въ прошломъ столѣтіи; у насъ имя это появилось весьма недавно. Его ввели въ моду бумаги, напечатанныя въ „Русской Бесѣдѣ" 1859 г., № 4, статья М. Н. Лонгинова въ „Русскомъ Вѣстникѣ", 1859, т. 24, и особенно талантливая, хотя и запечатлѣнная анахронизмомъ, картина покойнаго художника Флавицкаго. Напечатанныя въ первой книгѣ „Чтеній Московскаго Общества Исторіи и Древностей", за 1867 г., оффиціальныя бумаги и свѣдѣнія объ искательницѣ приключеній, надѣлавшей столько шума въ Европѣ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, ясно доказываютъ, что она ничего общаго съ такъ-называемыми Таракановыми не имѣла. Она называла себя султаншей Алиной или Али-Эмете, потомъ владѣтельницей Азова (dame d'Azov), наслѣдницею дома Володимірскаго (de la maison de Volodimir), принцессой Елизаветой Володимірскою, принцессой Елизаветой Всероссійской, также графинею Пиненбергъ и графинею Селинскою, но никогда и нигдѣ имени Таракановой не принимала, да и вѣроятно о такой фамиліи никогда и не слыхала. О странной женщинѣ этой распространяться мы не будемъ. Она стала выдавать себя за дочь Елизаветы и „казацкаго гетмана князя Разумовскаго, родственника шаху персидскому" и за сестру Пугачева, только во второй половинѣ своей романтической карьеры; весь разсказъ ея о своей первой молодости до того наивно баснословенъ, что невольно дивишься, какъ женщина, несомнѣнно умная, могла до самой смерти разсказывать такія бабьи сказки.

Покойный гр. Д. Н. Блудовъ разсказывалъ, что существовали братъ и сестра Таракановы, дѣти Елизаветы, получившіе фамилію свою отъ слободы Таракановки, мѣста рожденія графа А. Г. Разумовскаго, что сестра была послушницей и потомъ монахиней въ Вознесенскомъ монастырѣ Московскаго Кремля и что на ея похороны въ началѣ нынѣшняго вѣка собрались всѣ жившіе въ Москвѣ члены и родственники фамиліи Разумовскихъ; братъ же жилъ въ какомъ-то монастырѣ, кажется, близъ Переяславля-Залѣсскаго [1]). Г. Снегиревъ сперва въ „Русской Старинѣ" [2]), а потомъ въ „Русскихъ Достопамятностяхъ" [3]) приводитъ преданіе о старицѣ Досиѳеѣ, присланной по секретному указу Екатерины II-й въ Ивановскій монастырь въ 1785 году,

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1865, 656.

[2]) „Русская Старина", изд. Мартынова, годъ 2-ой, стр. 87.

[3]) „Русскія Достопамятности", вып. V, 14—17.

получавшей, кромѣ ежегодной особенной суммы изъ казначейства, еще значительныя деньги отъ неизвѣстныхъ лицъ и знакомой (кромѣ игуменьи, духовника и причетника) съ однимъ только московскимъ купцомъ Шепелевымъ. Старица эта, послѣ 25-лѣтняго пребыванія въ Ивановскомъ монастырѣ, скончалась 4 февраля 1810, какъ гласитъ ея надгробіе, или 1808, по надписи на ея портретѣ. Отпѣвалъ ее, за болѣзнію митрополита Платона, викарій его, преосвященный Августинъ съ почетнымъ духовенствомъ. На отпѣваніе съѣхались главнокомандующій столицы графъ И. В. Гудовичъ, женатый на дочери гетмана, и другіе вельможи Екатерининскаго времени. Тѣло Досиѳеи погребено въ Новоспасскомъ монастырѣ, усыпальницѣ Романовыхъ. Къ V-му выпуску „Русскихъ Достопамятностей" приложенъ даже литографическій портретъ монахини Досиѳеи. „Оригиналъ", говорилъ г. Снегиревъ, „по сказанію г. Мельникова (въ „Русской Старинѣ" этотъ авторитетъ не приводится и прямо сказано: „портретъ хранится въ настоятельскихъ кельяхъ") хранится въ настоятельскихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря; писанъ на полотнѣ выш. 10½, шир. 7½ вер. На задней его сторонѣ читаемъ: „Принцесса Августа Тараканова, въ иноцѣхъ Досиѳея, постриженная въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, гдѣ во многихъ лѣтѣхъ, проведенной жизни своей, скончалась 1808 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ". Между потомками гетмана сохранилось тоже преданіе о таинственной старицѣ княжнѣ Таракановой, жившей отшельницею въ Московскомъ Никитскомъ монастырѣ. Преданіе гласитъ, что были двѣ княжны Таракановы, воспитывавшіяся въ Италіи. Съ ними вмѣстѣ тамъ жила нѣкая Лопухина. Гр. Орловъ предательски арестовалъ въ Ливурно обѣихъ сестеръ. Одну дорогой утопили, другую спасъ матросъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, спасенная Тараканова явилась къ бывшей подругѣ своей, Лопухиной; та крайне перепугалась, дала Таракановой крестьянское платье и видъ какъ своей крѣпостной, умоляя ее скорѣе покинуть ея домъ. Съ этимъ видомъ Тараканова отправилась въ Москву, гдѣ постриглась въ Никитскомъ монастырѣ. Она всегда на себѣ носила какія-то бумаги, которыя сожгла передъ смертью.

Въ посадѣ Пучежѣ, Костромской губерніи, сохраняется преданіе о дочери Елизаветы, инокинѣ Аркадіи, жившей тамъ подъ именемъ Варвары Мироновны Назаровой [1]). Въ Казани за дочь Елизаветы Петровны, и даже за рожденную княжну Тараканову, почитали княгиню Баратову, которой, говорятъ, Императоръ Павелъ I-й оказывалъ, во время своего тамъ пребыванія, особые знаки почтенія. Въ Перми г. Турчанинова считали за сына Императрицы. Подобныя же преданія

[1]) Чтенія въ Обществѣ исторіи и древностей, 1866 г., кн. II.

сохранились въ Екатеринбургѣ, Уфѣ, Нижнемъ и Костромѣ [1]). Кастера говоритъ, что княжна Тараканова (здѣсь онъ разумѣетъ: la princesse de Volodimir) была младшая изъ троихъ дѣтей, рожденныхъ отъ брака Елизаветы Петровны съ гр. А. Г. Разумовскимъ, что одинъ изъ ея братьевъ былъ еще живъ въ 1800 году, а другой, готовясь въ юности къ горной службѣ, учился химіи у профессора Лемана и погибъ вмѣстѣ съ своимъ учителемъ, задушенный ядовитыми испареніями какого-то состава, пролившагося изъ разбитой по неосторожности стклянки [2]). Дюкло говоритъ, что 8 незаконныхъ дѣтей Елизаветы Петровны, изъ которыхъ ни одинъ не былъ ею признанъ, воспитывались у приближенной къ ней Итальянки Іоганны, какъ собственныя дѣти послѣдней [3]). Наконецъ Гельбигъ повѣствуетъ: „Увѣряли, что у Елизаветы было 8 человѣкъ дѣтей, въ числѣ которыхъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе; однако лица, которыя это могутъ знать, увѣряютъ, что одинъ только тайный совѣтникъ и президентъ медицинской коллегіи Закревскій былъ сыномъ Императрицы Елизаветы и графа Разумовскаго. Сколько мы знаемъ, добавляетъ онъ въ примѣчаніи, у Государыни было двое дѣтей, сынъ отъ Разумовскаго и дочь отъ Шувалова [4]). Въ біографіи Шувалова Гельбигъ разсказываетъ исторію принцессы de Wolodimir, которую называетъ княжною Таракановою [5]). Вотъ всѣ до сихъ поръ извѣстныя данныя о дѣтяхъ Елизаветы.

Строго взвѣсивъ эти противорѣчащія другъ другу извѣстія, мы дошли до окончательнаго убѣжденія, что у Елизаветы Петровны никогда никакихъ дѣтей не бывало. Нѣтъ возможности допустить, чтобы Елизавета, имѣвшая несомнѣнно доброе сердце, могла заточить плоть и кровь свою по разнымъ монастырямъ обширнаго своего государства. Въ тѣ времена открытаго фаворитизма, на приличія свѣта не обращали слишкомъ строгаго вниманія. Если бы у Елизаветы были дѣти, то они воспитывались бы во дворцѣ и со временемъ получили бы и чины, и богатство. Положеніе Екатерины II-й, особенно же въ первые годы ея царствованія, было не въ примѣръ щекотливѣе положенія Елизаветы. Недоброжелатели ея толпились на ступеняхъ трона: Великій Князь Павелъ Петровичъ былъ ей постояннымъ упрекомъ, и она могла на каждомъ шагу опасаться переворота во имя его, а тѣмъ не менѣе, для воспитанника своего Алексѣя Григорьевича Бобринскаго она намѣревалась учредить княжество въ Германіи, наградила его огромнымъ состояніемъ, благодаря которому

[1]) Княгиня Тараканова и принцесса Владимірская, П. Мельникова, стр. 5.
[2]) Castera, Histoire de Catherine II, Paris, an VIII, I, 99.
[3]) Duclos, Mémoires secrets sur la France, II, 350.
[4]) Russische Günstlinge, 213.
[5]) Тамъ же, 249.

онъ сталъ вельможею и жилъ постоянно въ высшемъ обществѣ, вполнѣ знавшемъ объ его происхожденіи. Нельзя тоже вообразить, чтобы такой рѣдкій семьянинъ, какъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, такой почтительный сынъ, любящій братъ, попечительный дядя, оставилъ безъ всякаго призрѣнія и присмотра дѣтей своихъ, чтобы онъ ими никогда не занимался при жизни и ничего не отказалъ имъ по смерти. Самое имя Таракановыхъ, данное дѣтямъ Елизаветы и Разумовскаго, доказываетъ всю нелѣпость басни о ихъ существованіи. Во-первыхъ, Алексѣй Григорьевичъ родился въ Лемёшахъ; во-вторыхъ, слободы Таракановки нѣтъ во всей Черниговской губерніи [1]), не было ея также и между имѣніями, дарованными Елизаветой старшему Разумовскому, да и самаго слова „таракан" нѣтъ въ Малороссійскомъ нарѣчіи. Наконецъ, фамилія Таракановыхъ существовала въ Россіи до Елизаветы и была въ тѣ времена весьма извѣстною и въ столицахъ, и при дворѣ. Генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ Алексѣй Таракановъ отличился во время Турецкихъ походовъ царствованія Анны Ивановны, подъ начальствомъ Миниха, получилъ деревни въ Малороссіи, занималъ почетное мѣсто въ обществѣ и умеръ въ 1760 году. Съ какой стати дала бы Государыня дѣтямъ своимъ фамилію, принадлежащую лицу не имѣвшему ничего съ ними общаго.

Что же касается до схимницъ, то почти нѣтъ значительнаго женскаго монастыря на Руси, въ которомъ не было бы преданія о какой либо таинственной затворницѣ, присланной по высочайшему указу, получающей неизвѣстно откуда огромныя деньги, передъ которой изгибаются губернаторы и мѣстныя власти и на похороны которой являются всѣ городскіе тузы въ полной формѣ, а иногда еще нарочно присланные чиновники изъ столицы. Въ основаніи всѣхъ этихъ разсказовъ лежатъ обыкновенно сплетни праздныхъ женщинъ, желающихъ придать рельефность своему городу и монастырю. Басня о старицѣ Досиѳеѣ, какъ видно изъ разсказа г. Смагина [2]), равно какъ и семейное преданіе, сохранившееся у потомковъ гетмана, до того спутаны съ исторіею принцессы Володимірской, что оба, очевидно, носятъ на себѣ печать изобрѣтенія. Портрета старицы Досиѳеи ни въ настоятельскихъ, ни въ какихъ другихъ кельяхъ Новоспасскаго монастыря не существуетъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы, основываясь на статьѣ г. Снегирева, не разъ на мѣстѣ разыскивали этотъ портретъ; никто изъ братіи, начиная съ отца архимандрита, о немъ не зналъ и не слыхивалъ. Въ 1868 году, на выставкѣ любителей художествъ въ Москвѣ выставленъ былъ портретъ старицы Досиѳеи, писан-

[1]) Мельниковъ, „Кн. Тараканова", 24—25.

[2]) Современная Лѣтопись, 1865, № 13.

ный масляными красками и присланный, если не ошибаемся, изъ Новоспасскаго монастыря, но это ничто иное какъ новѣйшая, и притомъ весьма плохая, копія, сдѣланная съ литографическаго портрета, приложеннаго къ V-му выпуску Русскихъ Достопамятностей.

Откуда же взялась басня о Таракановыхъ? Кто могъ выдумать подобное имя?

Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ автобіографіи историка Шлёцера и въ письмѣ, которое сохранилось въ архивѣ графа А. С. Уварова. Шлёцеръ состоялъ учителемъ при сыновьяхъ гетмана. Въ автобіографіи его мы, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующее: „Разъ обѣдали у насъ 4 сына Императрицы Елизаветы (поэтому двоюродные братья нашихъ графовъ), подъ именемъ графовъ Т—выхъ (von T—v), вмѣстѣ съ ихъ наставникомъ (Hofmeister) Нѣмцемъ по имени Д—ль (D—l), который выдавалъ себя за полковника и даже носилъ военный мундиръ. Они только-что возвратились изъ Швейцаріи, гдѣ провели 6 лѣтъ и въ это время проучили, т.-е. проѣли, 36,000 рублей. Они остались полнѣйшими невѣждами и не по своей винѣ, а благодаря наставнику. Такъ какъ они часто насъ посѣщали, то я наскоро прошелъ съ вторымъ графомъ [1]) по Бюшингу географію Женевы. Какъ удивились юноши, когда ученикъ мой сталъ ихъ разспрашивать про улицы, гулянья, образъ правленія и проч. города, гдѣ онъ никогда не бывалъ, а они, проведшіе въ немъ столько лѣтъ, не могли дать на вопросы ни одного удовлетворительнаго отвѣта“ [2]). Въ правдивости Шлёцера сомнѣваться нельзя. Кто-жъ были эти Т—вы, или, вѣрнѣе, Таракановы (ибо пропущенныя буквы сами собою просятся наружу), о которыхъ упоминаетъ ученый профессоръ и которые такъ долго жили въ Женевѣ подъ руководствомъ недостойнаго наставника Д—ля? Вопросъ этотъ разрѣшается слѣдующимъ письмомъ, писаннымъ къ графу Алексѣю Григорьевичу его племянниками въ 1761 году [3]):

„Сиятельнѣйшій графъ, прымногомылостивый отецъ и благодѣтель. Всенижайше просымъ в. с., высокомилостыво насъ простыть, что мы такое долгое время пропустили безъ засвидѣтельствованія нашего должнаго почтенія; мы ымъ при самой истинной (sic) в. с. имѣемъ честь донесть, что до нашей преданности и безконечнаго къ в. с. всенижайшаго почтенія и благодарности никогда изъ мыслей не выходыло и изразить (sic) онаго на бумагѣ удер-

[1]) Графомъ Петромъ Кириловичемъ.

[2]) August, Ludwig Schlözer's Oeffentliches und Privat-Leben von ihm selbst geschrieben, 139—140.

[3]) Мы приводимъ письмо съ сохраненіемъ малороссійскаго произношенія сочинителей.

живались за тѣмъ самымъ только, чтобы не обезпокоить в. с. нашыми письмами; нынѣжъ полагаясь на высокую в. с. отеческую мылость, прыняли дерзновеніе чрезъ сіе представить нашу жалобу на г. „*Дитцеля*“. Какъ в. с. небезизвѣстно, что ужъ годъ и тры мѣсяца, что мы выѣхали изъ С.-Петербурга и никакою жалобою не утруждали; а нынѣ по необходимости должны донесть, что г. Дитцель содержитъ насъ не такъ, какъ въ инструкціи прыказано отъ в. с. и издерживаетъ на себя и на свои веселья вдвое нежели на насъ на всѣхъ исходитъ; а когда мы у него требовать станемъ, то оттоворку ту имѣетъ, что не получалъ денегъ, а напротывъ того мы увѣдомылись, что онъ часто деньги беретъ и въ долгъ даетъ по 50 луидоровъ, а можетъ статься и болѣ. Учителей намъ давать тѣхъ не хочетъ, которыхъ мы требуемъ, а все дѣлаетъ по совѣту другихъ и не разсматриваетъ, показыетъ ли онъ хорошо или нѣтъ, и каждый почти мѣсяцъ новые учители, а намъ понять ничего невозможно кромѣ время терять, также и деньги. А мы, видя такые безпорядки, осмѣлились трудить в. с., чтобы на насъ взыскано не было, когда мы ничего не профытуемъ; и для того нижайше просымъ сдѣлать съ нами отеческую милость перемѣнить г. Дицеля или намъ самымъ пожаловать деньгы въ руки, а чтобы онъ отписувалъ къ в. с., ежелы мы излишнее будемъ издерживать, а въ ученьи не упражняться, такъ какъ намъ въ инструкціи прыказано. Мы же теперь неизвѣстны, сколько в. с. изволилы пожаловать на наше содержаніе, и исходытъ ли та сумма или нѣтъ, о томъ мы неизвѣстны. Счеты, которые г. Дыцель посылаетъ къ в. с., не сумнительно, чтобы тамъ чего и двойнаго не напысано, что на насъ и не исходыло; онъ же никогда не исправится о цѣнѣ и поручаетъ покупать другымъ, а тѣ купчины не безъ того, чтобъ половину не профытовалы, а тѣмъ, которые намъ вѣрнѣе, не вѣритъ и дѣлаетъ по совѣту другихъ, которые его обманываютъ. Кромѣ всего этого столь много другихъ безпорядковъ въ его поступкахъ, о которыхъ и не хотымъ утруждать в. с., кромѣ того показать надъ нами отеческую мылость, перемѣнить г. Дицеля или деньги въ руки намъ пожаловать; а намъ съ нымъ инако жыть не можно, потому что онъ наполненъ интрыгами, а сколько разъ старался сдѣлать между намы несогласія, послѣ опысывалъ къ в. с., что будто мы не хотымъ вмѣстѣ жыть. А мы инаго способу избрать не могли, какъ только прынесть нашу жалобу и препоручыть себя въ высокую в. с. отеческую мылость и благоволеніе и пребудемъ по жизнь нашу вашего рейхсъ-графскаго сыятельства премногомылостиваго государя и отца всенижайшіе племянныки: Андрей Закревскій, Кирила Стрешенцовъ, Иванъ Дараганъ, Григорій Дараганъ, Григорій Закревскій.

„1761 году Ноября 10. Женева“.

Итакъ, князья Таракановы были никто иные, какъ уже намъ знакомые племянники Разумовскаго, господа Закревскіе, Дараганы и Стрешенцовъ, воспитанные, какъ мы видѣли выше, сперва во дворцѣ, подъ смотрѣніемъ г-жи Шмидтъ и г. Носке, а потомъ за границею, подъ вѣдѣніемъ г. Дицеля, преміеръ-майора Московскаго Драгунскаго полка. Этотъ Дицель, несмотря на жалобы племянниковъ Разумовскихъ, не только не былъ удаленъ, но даже вмѣстѣ съ находящимся въ штатѣ генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Разумовскаго флигель-адъютантомъ Алексѣемъ Вагнеромъ произведенъ въ подполковники и оба назначены къ нему же, графу Разумовскому, въ генеральсъ-адъютанты [1]). Вотъ почему Гельбигъ говоритъ, что всѣхъ дѣтей Елизаветы насчитывали до восьми и въ числѣ ихъ находились всѣ братья и сестры Закревскіе. У насъ до сихъ поръ, даже въ высшихъ слояхъ общества, часто ищутъ таинственнаго происхожденія тамъ, гдѣ никакой тайны нѣтъ; тѣмъ болѣе искали ее въ царствованіе Елизаветы Петровны, о бракѣ которой съ Разумовскимъ говорили только шопотомъ. Дѣти, привезенныя изъ Украйны, родители которыхъ являлись при дворѣ только мелькомъ, и то въ началѣ царствованія Елизаветы, воспитанныя во дворцѣ подъ смотрѣніемъ m-me Шмидтъ, которая и есть вѣроятно Итальянка Іоганна, о которой упоминаетъ Дюкло, обратили на себя вниманіе царедворцевъ. Ласки къ нимъ Государыни, возвышеніе ихъ мамки и учителя, отправка ихъ на воспитаніе за границу, все это вмѣстѣ породило между этими же царедворцами мысль о ихъ якобы таинственномъ происхожденіи. Особенно поразила слухъ придворныхъ дотолѣ вовсе неизвѣстная въ Петербургѣ и звучащая какъ-то странно фамилія „Дараганъ", которую придворные служители, какъ видно изъ Камеръ-фурьерскихъ журналовъ, перекрестили въ „Дарагановы". Этимъ именемъ стали вѣроятно безразлично называть всѣхъ племянниковъ графа Алексѣя Григорьевича, жившихъ при дворѣ. Нѣмцы, которыхъ, не смотря на торжество Русской партіи, оставалось при Елизаветѣ Петровнѣ не малое число въ Петербургѣ, изъ Дарагановыхъ сдѣлали „Таракановыхъ", по свойству своего произношенія. Вѣроятно для пущей важности, „полковникъ" Дицель за границею пустилъ въ ходъ молву, что онъ состоитъ при дѣтяхъ Императрицы Елизаветы „графахъ von Taracanov", путешествующихъ подъ строгимъ инкогнито. Память путешествія гетмана подъ чужимъ именемъ еще была жива въ Европѣ. О нёмъ знала и принцесса Володимірская, принимавшая только Кирила Григорьевича за Пугачева [2]).

Такимъ образомъ, басня, сочиненная, отъ нечего дѣлать, придвор-

[1]) Изъ Государственнаго архива.

[2]) Мельниковъ, „Кн. Тараканова", 99.

ными, значительно подкрашенная и преувеличенная Дицелемъ, получила права гражданства въ Европѣ, напечатана была публицистами въ родѣ Кастеры какъ нѣчто несомнѣнное, и изъ Германіи и Франціи снова залетѣла къ намъ въ Россію, чтобъ здѣсь облечься въ форму преданій о всякихъ монахиняхъ Досиѳеяхъ и старицахъ Назарьевыхъ.

Заключимъ повѣствованіе наше о Разумовскихъ въ періодъ царствованія Елизаветы Петровны письмомъ, относящимся къ послѣднимъ днямъ 1761 года и полученнымъ гетманомъ отъ бывшаго „придворнаго философа", а въ описываемое нами время „старшаго при академіи наукъ переводчика" Киріака Кондратовича:

„Сіятельнѣйшій графъ Кирила Григорьевичъ, милостивѣйшій патронъ. Хотя я, по милостивѣйшему в. с. представленію отъ правительствующаго сената, за долговременную мою службу награжденъ чиномъ коллежскаго ассессора; но остался при томъ же 300 рублевомъ жалованіи, за тѣмъ что академія объявила, что я полное получаю жалованіе, а прибавить не изъ чего; а младшій переводчикъ Лебедевъ въ то время получалъ и нынѣ получаетъ 350 р. въ годъ. Прежде меня бывшіе ассессоры, какъ Россійскіе, такъ и иностранные и при правленіи и при переводахъ книгъ, всѣ получали по 600; и въ штатѣ академическому ассессору 600 положено; и по указу дозволено коллегіямъ и канцеляріямъ самимъ собою чинить прибавку; и понеже я не только никакихъ деревень не имѣю, но и всѣ мои пожитки до 5000 р. въ Камѣ рѣкѣ потонули и, для выданія замужъ двухъ моихъ дочерей, задолжался до 500 р. и съ четырьмя оставшимися малолѣтними дѣтьми и съ женою, претерпѣваю крайнюю скудость и отъ заимодавцевъ безпокойство: того ради рабски прошу сотворить со мною бѣднымъ и разоренныгь высокую патронскую милость, по которой бы я удостоился имѣть приличное моему чину пропитаніе. Вашего графскаго сіятельства раболѣпнѣйшій ассессоръ Киріакъ Кондратовичъ. 1761 года Декабря 13 дня" [2]).

При перемѣнѣ правленія, о возвращеніи въ Малороссію для гетмана не могло быть рѣчи. Камергеръ Петръ Кириловичъ Нарышкинъ, дядя графини Екатерины Ивановны, поскакалъ на Украйну съ извѣстіемъ о восшествіи на престолъ Петра III-го [3]). Гетманша со всѣмъ семействомъ въ Январѣ 1762-го года возвратилась въ Петербургъ. Первыя минуты новаго царствованія были тяжелы для графа Алексѣя Григорьевича. Другъ Бестужева и ненавистникъ иностранцевъ, онъ былъ постоянно въ болѣе чѣмъ холодныхъ отношеніяхъ къ Великому Князю и вполнѣ симпатизировалъ проэкту канцлера объ уда-

---

1) Изъ архива гр. Уварова.

2) Записки Марковича, II, 377—378.

леніи Петра III-го отъ престолонаслѣдія. Къ глубокой сердечной скорби присоединилась еще неизвѣстность о томъ, какая судьба его ожидала. Въ тѣ времена еще живы были преданія о ссылкахъ и преслѣдованіяхъ, которымъ подвергались при началѣ новаго царствованія любимцы покойнаго монарха или монархини. „Изъ всѣхъ Русскихъ вельможъ", писалъ графъ Брюль, „достойнѣе всѣхъ себя показалъ фельдмаршалъ Разумовскій, братъ гетмана. Послѣ кончины Императрицы онъ повергъ къ стопамъ новаго Монарха всѣ свои знаки отличія, испрашивая какъ единственную милость оставить за собою, изъ всего огромнаго имущества, одно только имѣніе въ Малороссіи (вѣроятно Адамовку), гдѣ бы могъ онъ провести остатокъ дней своихъ" [1]). Петръ III-й, по душѣ человѣкъ весьма добрый, былъ тронутъ поступкомъ честнаго Малороссіянина; онъ не только не принялъ его отставки, но еще подтвердилъ всѣ жалованныя грамоты покойной тётки и постоянно высказывалъ свое благоволеніе старшему Разумовскому. Графъ Алексѣй Григорьевичъ послѣ смерти Елизаветы покинулъ императорскій дворецъ и окончательно поселился въ своемъ Аничковскомъ домѣ. Тамъ часто навѣщалъ его новый Императоръ, любившій по вечерамъ выкуривать трубку въ гостепріимныхъ палатахъ супруга своей тётки. Изрѣдка Алексѣй Григорьевичъ давалъ здѣсь праздники и банкеты, особенно любимые Петромъ Ѳеодоровичемъ. Въ день переѣзда Императора въ новый зимній дворецъ, Алексѣй Григорьевичъ поднесъ ему богатую трость и просилъ дозволенія присоединить къ этому—милліонъ рублей. Государь, вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, охотно принялъ оба подарка [2]) и сталъ еще благосклоннѣе къ Разумовскому, который вторично просилъ объ отставкѣ и на этотъ разъ получилъ ее. Указомъ 6-го Марта объявлено было: „генералъ-фельдмаршалу графу Разумовскому быть уволеннымъ и вѣчно свободнымъ отъ всякой военной и гражданской службы, съ тѣмъ, что какъ у двора, такъ и гдѣ бъ онъ жить ни пожелалъ, отдается ему по чину его должное почтеніе, обѣщая Е. И. В. сами сохранить къ нему непремѣнную милость и высочайшее благоволеніе" [3]).

Еще ближе къ новому Императору сталъ графъ Кирила Григорьевичъ. „Гетманъ постоянно находится при особѣ Государя", пишетъ графъ Брюль, „и повидимому онъ любимый его собесѣдникъ. Люди, хорошо знакомые съ ходомъ дѣлъ, увѣрены, что отвращеніе, которое питаетъ Императоръ ко всему тому, чтó походитъ на вице-королевство, заставляетъ его постоянно имѣть при себѣ гетмана, а иные думаютъ, что Государь находитъ особое удовольствіе принуждать къ

[1]) Hermann., Geschichte des Russischen Staats, V, 265.

[2]) Biographie Peter des Dritten, Tübingen, 1808, II, 90.

[3]) Исторія Соловьева, XXV, Ѳ.

военнымъ упражненіямъ привыкшаго къ нѣгѣ Разумовскаго" [1]). Такое положеніе при дворѣ должно было глубоко оскорблять графа Кирила Григорьевича. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ шута и не могъ при своемъ свѣтломъ умѣ, съ первыхъ же дней новаго царствованія, не понять жалкой роли, которую ему предоставилъ новый Императоръ. Однимъ изъ первыхъ удовольствій Петра III-го было заставлять старыхъ и изнѣженныхъ царедворцевъ Елисаветы ежедневно выдѣлывать передъ дворцомъ новое прусское ученье, только-что введенное въ войска наши. Съ перваго же дня восшествія его на престолъ, всѣ фельдмаршалы и генералы получили каждый особый полкъ, для котораго должны были сочинить новыя формы. Подполковники и маіоры гвардейскихъ полковъ, въ какомъ бы чинѣ ни были, принуждены были лично командовать, когда во дворцѣ смѣнялись караулы, и стоять передъ фрунтомъ во время парадовъ. Этому новому правилу принужденъ былъ подчиниться и гетманъ, не имѣвшій дотолѣ понятія о военномъ строѣ и не бравшій никогда въ руки эспантона. Чтобы не подвергнуть себя публичному выговору отъ Императора и не быть предметомъ насмѣшекъ, онъ, подобно товарищамъ своимъ, держалъ у себя на дому молодого офицера, хорошо знавшаго военный артикулъ, и раза по три или по четыре въ день бралъ у него уроки новой прусской экзерциціи [2]). Какъ однако гетманъ ни трудился, все-таки приходилось публично глотать и выговоры, и насмѣшки, глубоко оскорбительныя для человѣка, привыкшаго при Елизаветѣ играть чуть не первую роль при дворѣ. Петръ III-й однако не сознавалъ своихъ промаховъ и, пожуривъ и насмѣявшись публично надъ гетманомъ, запросто заходилъ къ нему въ гости, не подозрѣвая того, сколько горечи накипѣло на сердцѣ графа Кирила Григорьевича. „Я была очень смѣшлива", разсказывала Пушкину, долго послѣ описываемаго нами времени, старшая дочь гетмана, остроумная Наталья Кириловна Загряжская: „Государь, который часто ѣзжалъ къ матушкѣ, бывало нарочно смѣшилъ меня разными гримасами. Онъ не похожъ былъ на Государя. Однажды, разсказывала она ему же, „Государь объявилъ, что будетъ въ нашемъ домѣ церемонія въ сѣняхъ. У него былъ арапъ Нарциссъ; этотъ арапъ подрался на улицѣ съ палачомъ, и Государь хотѣлъ снять съ него безчестіе (il voulait le réhabiliter). Привели арапа къ намъ въ сѣни, принесли знамена и покрыли его ими. Тѣмъ дѣло кончилось" [3]).

---

1) Hermann, Geschichte des Russischen Staats, V, 265.

2) Записки Штелина объ Импер. Петрѣ III. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ., 1866, IV. Смѣсь, 101—107.

3) Прим. къ соч. Пушкина (изд. Исакова) Г. Н. Геннади, 104—105. Пушкинъ записалъ 9 анекдотовъ Н. К. Загряжской, изъ которыхъ только 6 были у насъ на-

Эти странныя выходки и безпрестанныя мелкія обиды, безсознательно наносимыя Императоромъ, дѣлали ему страшный вредъ. Всѣ невольно обращали взоры на забытую и загнанную Императрицу, которая въ уединеніи оплакивала смерть тётки, тогда какъ супругъ ея, съ перваго дня царствованія своего, принялся за пирушки, не обращая ни малѣйшаго вниманія на едва охладѣлое тѣло покойной Государыни. Въ высшихъ слояхъ общества сталъ слышаться ропотъ, быстро распространявшійся по столицѣ и по всей Россіи, когда узнали о мирѣ съ Пруссіею, когда увидѣли презрѣніе новаго Императора ко всему русскому и поклоненіе, доходившее до фетишизма, вчерашнему нашему врагу. Однажды Императоръ хвастался предъ гетманомъ тѣмъ, что Фридрихъ произвелъ его въ генералъ-маіоры Прусской службы. „Вы можете съ лихвою отплатить ему",—отвѣчалъ Разумовскій, „произведите его въ русскіе фельдмаршалы" [1]). Несмотря на насмѣшки свои надъ гетманомъ, Петръ снова возвратилъ Кіевъ подъ его вѣдомство, и всѣ доклады по Малороссійскимъ дѣламъ были утверждены. Зять гетмана, генеральный бунчужный Осипъ Лукьяновичъ Закревскій, Безбородко, Гамалѣя, Бороздна и черниговскій полковникъ Божичъ получили отставку, съ пожалованіемъ перваго въ генеральные обозные, втораго и третьяго въ генеральные судьи, четвертаго въ генеральные бунчужные, а послѣдняго въ бригадиры. На мѣсто ихъ избраны были Дублянскій, Туманскій и Скоропадскій [2]); въ хорунжіе избранъ племянникъ гетмана Даніилъ Апостолъ, а въ бунчужные Тарновскій [3]). Кромѣ этого, назначено безъ выборовъ нѣсколько полковниковъ, что было нововведеніемъ въ Малороссіи. Но какъ уничтоженіе тайной канцеляріи и дарованіе вольностей дворянству не могли заглушить всеобщаго неудовольствія, такъ точно возвращеніе Кіева, утвержденіе нѣсколькихъ производствъ и сохраненіе богатыхъ окладовъ (содержаніе его обходилось въ то время казнѣ въ 98,147 рублей и 85 коп. [4]) далеко не удовлетворяли гетмана. По городу ходили слухи, что гетманомъ назначенъ будетъ любимецъ царскій, Андрей Гудовичъ, и слухи эти, несмотря на благосклонность, оказываемую графу Кирилѣ Григорьевичу, легко могли осуществиться при перемѣнчивомъ нравѣ новаго Императора. Перемѣна мундировъ, безпрестанныя утомительныя ученья, явное предпоч-

---

печатаны. Кн. Дашкова въ своихъ запискахъ разсказываетъ послѣдній анекдотъ нѣсколько иначе.

1) Бант.-Каменскій, Ист. Малой Россіи, III, 207.

2) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, IV, 20.

3) Записки Марковича, II, 379.

4) Ист. Соловьева, XXV, 26.

теніе Нѣмцамъ, слухи о новой войнѣ, предпринимаемой изъ-за Голштиніи, порождали громкій ропотъ между гвардейцами. По всему городу слышны были жалобы, между народомъ ходили глухіе слухи, въ воздухѣ чуялось тревожное волненіе, предшествующее бурѣ. Всѣ желали перемѣны и перемѣну эту ждали отъ Екатерины. Преданностію своею къ православной вѣрѣ и Русскимъ интересамъ, уваженіемъ къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, которые такъ безразсудно попиралъ Петръ III, открытымъ предпочтеніемъ ко всему Русскому, Императрица съумѣла вселить къ себѣ общее сочувствіе. На нее смотрѣли какъ на надежду Россіи, отъ нея ожидали единственнаго спасенія. Неоднократно подвергавшаяся въ обществѣ грубымъ выходкамъ Императора, она жила въ Петергофѣ, но въ уединеніи своемъ зорко слѣдила за ходомъ дѣлъ и оборотомъ, который принимало общественное мнѣніе. Она съ необыкновенною ловкостью и искусствомъ держала въ рукахъ своихъ нити общественнаго заговора, съ каждымъ днемъ усиливавшагося, во главѣ котораго стояли предпріимчивые и талантливые братья Орловы. Но долгое время заговорщики считали въ рядахъ своихъ одну только молодежь; имъ нужны были теперь люди съ вѣсомъ и значеніемъ въ свѣтѣ, и прежде всего надо было склонить на свою сторону наставника Великаго Князя Наслѣдника, Никиту Ивановича Панина, и обожаемаго гвардіею гетмана графа Разумовскаго. Главное искусство Екатерины состояло въ томъ, что она до послѣдней минуты не высказывалась; многіе изъ заговорщиковъ, а между ними Панины и, какъ думаютъ иные, гетманъ, увѣрены были, что дѣло идетъ о возведеніи на престолъ Павла Петровича и ошибку свою увидѣли только тогда, когда Екатерина была уже провозглашена Самодержицею и когда дѣлать уже было нечего. Давнишній поклонникъ Екатерины, графъ Кирила Григорьевичъ находился постоянно въ лучшихъ съ нею отношеніяхъ. Отношенія эти не прерывались съ перемѣною правленія. Гетманъ не могъ не сокрушаться о томъ, что Государь не внималъ совѣтамъ своей супруги и всячески старался унижать ее передъ посторонними. „Любимый полкомъ своимъ“,—говоритъ княгиня Дашкова, „Разумовскій, хотя и жалуемый при дворѣ, понималъ всю неспособность царствовавшаго Монарха и ясно сознавалъ всѣ опасности, грозившія Россіи отъ его правленія“ [1]). Гвардія, а особенно Измайловскій полкъ“, добавляетъ Германъ, „обожали гетмана, крайне щедраго къ бѣднымъ офицерамъ и солдатамъ“ [2]). Привлеченіе такой личности было дѣломъ величайшей важности для заговорщиковъ. На дѣло это отважился Алексѣй Григорьевичъ Ор-

[1]) Memoirs of the Princess Dashkow, I, 55.
[2]) Hermann, Gesch. d. Russ. St., V, 283.

ловъ. Онъ явился къ Разумовскому ночью. Гетманъ хладнокровно выслушалъ рѣчь Орлова, потомъ, подумавъ немного, присовѣтовалъ Орлову ѣхать къ другому для совѣщанія, и, сказавъ: „онъ умнѣе насъ", потушилъ свѣчи и пожелалъ нежданному гостю покойной ночи [1]). Такой странный отвѣтъ долженъ былъ сильно озадачить заговорщиковъ. Послѣ неудачи Орлова выступила впередъ княгиня Дашкова, эта безпокойно-романтическая личность, этотъ философъ, поэтъ и впослѣдствіи директоръ академіи, соединявшая съ несомнѣнными достоинствами огромные недостатки и вполнѣ предавшаяся въ настоящую минуту своей страсти къ интригамъ и смѣлымъ предпріятіямъ. Княгиня только-что оказала Екатеринѣ огромную услугу, уговоривъ Н. И. Панина принять участіе въ заговорѣ. На Разумовскаго Дашкова старалась дѣйствовать черезъ Рославлевыхъ и Ласунскаго, служившихъ въ Измайловскомъ полку, душою и тѣломъ преданныхъ Екатеринѣ и находившихся въ близкихъ отношеніяхъ къ гетману; Ласунскій даже, какъ говорили, имѣлъ на него значительное вліяніе [2]). Въ то время однако, когда предпріимчивая княгиня такъ хлопотала и почти отчаявалась въ содѣйствіи Разумовскаго, гетманъ, уже въ предъидущее царствованіе вполнѣ преданный Екатеринѣ, тайкомъ подготавливалъ успѣхъ задуманному дѣлу. Подъ разными предлогами онъ сталъ удалять всѣхъ Нѣмцевъ изъ своего Измайловскаго полка [3]). Между тѣмъ заговорщики старались заманить на свою сторону Теплова, недовольнаго новымъ правленіемъ и нерѣдко дозволявшаго себѣ рѣзкія выраженія относительно Императора. Между многочисленными домочадцами гетмана находился нѣкто Валуа, архитекторъ, выписанный имъ изъ Франціи для разныхъ построекъ, производимыхъ имъ за разъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ Украйнѣ. Этого Валуа какъ-то обидѣлъ Тепловъ, не особенно любимый, какъ видно, въ домѣ младшаго Разумовскаго. Валуа поклялся отмстить за обиду. Неосторожныя слова, произнесенныя Тепловымъ при немъ, вскорѣ подали ему къ этому случай. Архитекторъ написалъ доносъ на Теплова и представилъ его Государю, въ то время, какъ онъ верхомъ ѣхалъ обѣдать къ англійскому послу Кейту [4]). Петръ уже давно недоброжелательствовалъ Теплову и, будучи еще Великимъ Княземъ, горько жаловался И. И. Шувалову на интриги Теплова, благодаря которымъ гетманъ не исполняетъ ни одну изъ просьбъ его [5]). Императоръ велѣлъ посадить Теплова подъ караулъ и допросить его строжайшимъ

---

[1]) Бант.-Каменскій, Біографіи русс. фельдмаршаловъ, I, 242—243.
[2]) Mem. of the Princess Dashkow, I, 56.
[3]) Сообщено намъ покойнымъ Хмыровымъ.
[4]) Vie de Pierre III, 1, 230.
[5]) „Русскій Архивъ", 1866 г., 582.

образомъ. Арестъ этотъ сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на гетмана; онъ всячески сталъ заступаться за своего бывшаго наставника и постояннаго совѣтника, и наконецъ, вслѣдствіе его настойчивыхъ домогательствъ, послѣдній не только былъ выпущенъ, но даже въ силу указа отъ 23 Марта статскій совѣтникъ *и нашего голштинскаго двора камергеръ* Григорій Тепловъ „за извѣстную намъ его къ службѣ ревность" всемилостивѣйше пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, впрочемъ съ тѣмъ, „чтобы быть въ отставкѣ по прежнему" [1]). Подобное обхожденіе, не смотря на пожалованный чинъ, пришлось не по сердцу злопамятному Григорію Николаевичу и онъ душою и тѣломъ предался заговору.

Между тѣмъ странныя выходки Императора не прекращались. Уже давно лежалъ у него на душѣ вопросъ о Шлезвигѣ; уже давно хотѣлось ему, до сихъ поръ игравшему только въ солдатики, испробовать настоящей войны. Однажды на большомъ обѣдѣ у графа Алексѣя Григорьевича, въ Аничковскомъ его домѣ, Государь сидѣлъ напротивъ Датскаго посланника графа Гакстгаузена. Вдругъ, совершенно для всѣхъ неожиданно, онъ сказалъ: „Довольно долго Данія пользовалась моею Голштиніею, теперь и я хочу отъ нея попользоваться". Испуганный Гакстгаузенъ отправилъ тѣмъ же вечеромъ секретаря посольства Шумахера съ этимъ извѣстіемъ въ Копенгагенъ [2]). Датскій дворъ не медля принялъ мѣры къ оборонѣ и поручилъ главное начальство надъ войсками генералу графу де Сенъ-Жерменю [3]). Со стороны Россіи началось вооруженіе, еще болѣе усиливавшее всеобщее неудовольствіе. Гетманъ назначенъ былъ главнокомандующимъ и съ 30 полками долженъ былъ выступить противъ Даніи [4]). „Я тебя выбралъ", сказалъ ему при этомъ Императоръ, „чтобы сопутствовать мнѣ въ походѣ и командовать моею арміею". „Въ такомъ случаѣ", отвѣчалъ Разумовскій, „я позволю себѣ дать Вашему Величеству совѣтъ: повелите выступить двумъ арміямъ, дабы за арміею, находящеюся подъ моею командою, постоянно слѣдовала другая, чтобы заставить моихъ солдатъ идти впередъ; иначе не предвижу, какимъ образомъ предпріятіе Вашего Величества можетъ осуществиться [5]).

Въ то время, какъ гетманъ присталъ къ сторонникамъ Екатерины, въ числѣ заговорщиковъ находились уже многіе изъ самыхъ близкихъ его пріятелей: Панинъ, Ласунскій, Рославлевы, князь Михайла Никитичъ Волконскій, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Але-

1) Исторія Соловьева, XXV, 102.
2) Зап. Штелина о Петрѣ III, 101.
3) Biographie Peters des Dritten, 57—58.
4) Зап. Марковича, II, 381.
5) Histoire de Pierre III, I, 145.

ксандръ Сергѣевичъ Строгановъ, Тепловъ и многіе другіе. Петръ III лѣто проводилъ въ Ораніенбаумѣ, Императрица жила въ Петергофѣ. Ожидали скораго отъѣзда Императора: онъ долженъ былъ ѣхать къ войску, направленному противъ Даніи и заѣхать въ Берлинъ для посѣщенія обожаемаго Фридриха II. Заговорщики отложили исполненіе своего предпріятія до отъѣзда Государя, а до тѣхъ поръ всячески старались дѣйствовать на народъ и гвардію; распространяли, впрочемъ не совершенно ложный, слухъ о томъ, что Петръ намѣренъ заключить Императрицу въ монастырь и жениться на графинѣ Елизаветѣ Романовнѣ Воронцовой. Между тѣмъ полковникъ баронъ Будбергъ увѣдомилъ Государя, что противъ него есть заговоръ и что самому Будбергу предлагали принять въ немъ участіе [1]). Императоръ не обратилъ вниманія на слова Будберга, но заговоръ принималъ такіе размѣры, что сохранить тайну не было почти возможности; со всѣхъ сторонъ стали доходить до Императора предостереженія. 26 Іюня Государыня посѣтила Петра III въ Ораніенбаумѣ. Въ японской залѣ былъ большой обѣдъ, а вечеромъ маскарадъ въ театрѣ. Заговорщики съ безпокойствомъ замѣтили, что Императоръ былъ въ очень дурномъ духѣ при началѣ праздника, но къ вечеру онъ опять повеселѣлъ [2]). 27 Іюня Императоръ и Императрица отправились въ Гостилицы, гдѣ графъ Алексѣй Григорьевичъ давалъ въ ихъ честь великолѣпный праздникъ [3]).

Въ Гостилицахъ Петръ III и Екатерина увидѣлись въ послѣдній разъ. Приведемъ здѣсь разсказъ Натальи Кириловны Загряжской, записанный Пушкинымъ, о послѣднемъ днѣ царствованія Петра III.

„Это было передъ самымъ Петровымъ днемъ. Мы ѣхали въ Знаменское: матушка, сестра Елизавета Кириловна [4]) и я въ одной каретѣ, батюшка съ Васильемъ Ивановичемъ [5]) въ другой. На дорогѣ останавливаетъ насъ курьеръ изъ кабинета, подходитъ къ каретамъ и объявляетъ, что Государь приказалъ звать насъ въ Петергофъ. Батюшка велѣлъ было ѣхать, а Василій Ивановичъ сказалъ ему: „Полно, не слушайся; знаю, что такое. Государь сказалъ, что онъ когда нибудь пошлетъ за дамами, чтобъ они явились во дворецъ, какъ ихъ застанутъ... И охота ему проказить наканунѣ праздника". Но курьеръ попросилъ батюшку выдти на минуту. Они поговорили, и батюшка велѣлъ тотчасъ ѣхать въ Петергофъ.

Подъѣзжаемъ ко дворцу; насъ не пускаютъ: часовой сунулъ намъ

---

[1]) Biographie Peters des Dritten, 107.
[2]) Тамъ же, 121.
[3]) Тамъ же, 122.
[4]) Графиня Апраксина, см. о ней ниже и во-2-мъ томѣ.
[5]) Вѣроятно—Чулковымъ.

въ окошко пистолетъ или что-то этакое. Я испугалась и начала плакать и кричать. Отецъ мнѣ сказалъ: „полно перестань; что̀ за глупость!“ и потомъ, обратясь къ часовому: „мы пріѣхали по приказанію Государя“.—Извольте идти въ караульню.—Батюшка пошелъ, а насъ отправилъ къ ***, который жилъ въ домикахъ. Насъ приняли. Часа черезъ два приходятъ отъ батюшки просить насъ на Monplaisir; всѣ поѣхали; матушка въ спальномъ платьѣ, какъ была. Пріѣзжаемъ въ Monplaisir, видимъ множество дамъ, разряженныхъ en robe de cour.

„А Государь ужасно сердитый. Увидя Государя, я испугалась, сѣла на полъ и закричала: „ни за что не пойду на галеру“. На силу меня уговорили. Минихъ былъ съ нами. Мы пріѣхали въ Кронштадтъ. Государь первый вышелъ на берегъ; всѣ дамы за нимъ.

„Матушка осталась съ нами на галерѣ (мы не принадлежали той партіи). Графиня Анна Карловна Воронцова обѣщала прислать за нами шлюбку. Вмѣсто шлюбки, черезъ нѣсколько минутъ видимъ Государя и всю его компанію: бѣгутъ назадъ всѣ опять на галеру; кричатъ, что сейчасъ станутъ насъ бомбардировать. Государь ушелъ à fond de câle съ гр. Лизаветой Романовной; а Минихъ, какъ ни въ чемъ не бывало, разговариваетъ съ дамами, leur faisant la cour. Мы пріѣхали въ Ораніенбаумъ. Государь пошелъ въ крѣпость, а мы во дворецъ.

„На другой день зовутъ насъ къ обѣднѣ. Мы знали уже все. Государь былъ очень жалокъ. На эктиньѣ его еще поминали. Мы съ нимъ простились. Онъ далъ матушкѣ траурную свою карету съ короною. Мы поѣхали въ ней. Въ Петербургѣ народъ принялъ насъ за Императрицу и кричалъ намъ: ура!.. На другой день Государыня привезла матушкѣ ленту“.

Арестованіе одного изъ заговорщиковъ, Пассека, вдругъ измѣнило всѣ ихъ планы. Медлить было невозможно. Алексѣй Орловъ ночью съ 27 на 28 Іюня поскакалъ въ Петергофъ, гдѣ уединенно жила въ Монплезирѣ Екатерина. Онъ разбудилъ ее, Императрица поспѣшно одѣлась и сѣла въ карету Орлова съ любимою своей камеръюнгферой Екатериною Ивановною Шаргородскою. Все время Екатерина шутила и смѣялась съ Шаргородскою по поводу какого-то безпорядка, замѣченнаго ею въ ихъ одѣяніи [1]). Орловъ сидѣлъ на козлахъ кареты, у дверей ѣхалъ верхомъ Василій Ильичъ Бибиковъ. На дорогѣ Государыня увидала ѣдущаго камердинера своего, она опустила стекло кареты, выглянула и закричала: „воротись за мною“ [2]). За пять верстъ

---

[1]) Неизданный біографическій словарь Казадаева, хранившійся въ Чертковской библіотекѣ. Шарогородская ошибочно названа Настасіею Ивановною Соколовою.

[2]) Тамъ же.

отъ Петербурга Екатерину встрѣтили Григорій Григорьевичъ Орловъ и князь Ѳедоръ Сергѣевичъ Барятинскій, который уступилъ ей свою карету, такъ какъ ея лошади выбились изъ силъ. Не доѣзжая до казармъ Измайловскаго полка, Императрица вышла изъ кареты и пошла пѣшкомъ. Полкъ былъ уже подъ ружьемъ и принялъ Государыню съ восторгомъ, всѣ кричали въ одинъ голосъ: „умремъ за матушку Царицу“ и спѣшили въ полковую церковь [1]). Двое солдатъ привели подъ руки священника съ крестомъ и началась присяга. Преміеръ-маіоръ Измайловскаго полка А. С. Шепелевъ замедлилъ явиться къ присягѣ. Екатерина послала ему сказать, что она въ немъ не имѣетъ надобности и приказала арестовать его [2]). Послѣ присяги въ Измайловскомъ полку, Екатерина снова сѣла въ карету. Передъ нею шелъ священникъ съ крестомъ, а вокругъ кареты толпились Измайловцы. Шествіе тронулось къ Семеновскимъ казармамъ. Семеновцы высыпали на встрѣчу съ криками ура! Вѣроятно въ это время нагналъ Императрицу гетманъ, который, какъ видно изъ разсказа его дочери, при присягѣ Измайловскаго полка не могъ присутствовать. Онъ бѣжалъ изъ Петергофа, гдѣ оставилъ жену и дочерей и посовѣтовалъ Екатеринѣ ѣхать въ Казанскій соборъ [3]). Въ сопровожденіи всѣхъ полковъ гвардіи и многочисленнаго стеченія городскихъ обывателей, шествовала Государыня къ собору. Повсюду на пути раздавались клики: ура! да здравствуетъ Императрица Екатерина! Всѣ сословія спѣшили принести присягу [4]). Въ соборѣ встрѣтило Екатерину духовенство и свѣтскіе сановники; она была провозглашена самодержицею, и отслуженъ былъ благодарственный молебенъ.

Изъ собора Екатерина, въ сопровожденіи гетмана и блестящей свиты, отправилась во дворецъ. Она вышла на балконъ, находящійся надъ нынѣшнимъ Комендантскимъ подъѣздомъ, чтобы показать себя народу и на рукахъ вынесла къ нему Великаго Князя Павла Петровича [5]). Послѣ того наскоро собранъ былъ совѣтъ и рѣшено обнародовать манифестъ. Въ предъидущую ночь, по распоряженію Разумовскаго, манифестъ этотъ былъ уже отпечатанъ при Академіи. Редакція его принадлежала Г. Н. Теплову [6]). Въ дѣлахъ академическихъ сохранилось извѣстіе о томъ, что 29 Іюня 1762 г. печатались

---

1) Тамъ же.

2) Тамъ же.

3) Vie de Pierre, III, 1, 258. Робертъ Кейтъ въ депешѣ къ Гренвилю отъ 1/12 Іюля 1762, говоритъ, что гетманъ находился при пріемѣ Измайловцевъ, но мы имѣемъ болѣе довѣрія къ показаніямъ дочери гетмана.

4) Неизданный словарь Казадаева.

5) Тамъ же.

6) Russ. Günstlinge, 314.

въ академической типографіи манифесты и присяги на Французскомъ, Нѣмецкомъ, Латынскомъ, Финскомъ и Шведскомъ языкахъ, о тисненіи же Русскихъ манифестовъ нѣтъ никакихъ упоминаній [1]). За то Шлецеръ повѣствуетъ слѣдующее: „Таубертъ принималъ много участія въ великомъ дѣлѣ (переворотѣ 1762 г.): въ подземельяхъ академическаго дома, въ которомъ онъ жилъ, печатался ночью манифестъ, который уже раздавался на разсвѣтѣ дня (28 Іюня)... Одинъ Нѣмецъ, состоявшій при Академіи, былъ позванъ вечеромъ къ *знатной особѣ*, которая ему объявила, что наборщики и печатники съ своими приборами заперты тамъ-то, съ тѣмъ, чтобы ночью печатать манифестъ о переворотѣ, а онъ, Нѣмецъ, долженъ отправиться туда же, чтобы наблюдать за корректурою и пр. Бѣднякъ отказывался отъ предложенія, противился, кланялся въ ноги, на колѣняхъ умолялъ, чтобы избавили его отъ порученія. „Вы знаете уже слишкомъ многое“, отвѣчалъ вельможа, „вы и я отвѣчаемъ головою, если что нибудь откроется. Вы должны идти туда, куда васъ посылаютъ и не смѣете оттуда отлучиться“. Несчастный Нѣмецъ поплелся и за подвигъ свой, за весь смертельный страхъ, который претерпѣлъ, награжденъ былъ жалкими пятидесятью рублями [2]). Несомнѣнно, что „знатная персона“, о которой здѣсь говоритъ Шлецеръ, былъ никто иной, какъ графъ Кирила Григорьевичъ. Вѣроятно что манифесты заранѣе были сочинены Тепловымъ, по указанію Екатерины, и что, какъ скоро гетманъ узналъ объ арестѣ Пассека, онъ распорядился ихъ печатаніемъ. Вотъ почему нѣсколько дней послѣ переворота Тепловъ могъ вполнѣ справедливо замѣтить Мюллеру, пришедшему къ нему съ поздравленіемъ: „N'est ce pas une grande affaire et bien conduite? [3])“.

По окончаніи совѣта Екатерина въ Преображенскомъ мундирѣ стараго покроя, принадлежавшемъ Талызину, съ распущенными волосами, въ треугольной шляпѣ, обвитой дубовыми листьями, сѣла на пѣгаго коня и во главѣ гвардейскихъ полковъ выступила въ Петергофъ. Ей сопутствовала княгиня Дашкова, тоже въ преображенскомъ мундирѣ, гетманъ и Иванъ Ивановичъ Шуваловъ [4]). Между тѣмъ Петръ III, узнавъ, что въ Петербургѣ началось возстаніе, поспѣшилъ въ Петергофъ, гдѣ, какъ мы видѣли, застали его Разумовскіе. Убѣдившись собственными глазами, что Императрица покинула Петергофъ, онъ, по совѣту Миниха, поплылъ со всею своею свитою въ Кронштадтъ. Но вице-адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ успѣлъ уже

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, I, 658.

[2]) A. L. Schlözers oeffentl. u. Privatleben v. ihm selbst beschrieben, 106—108.

[3]) Тамъ же.

[4]) Biographie Peters d. III, II, 133 и Memoirs of the Princess Dashkow, I, 80—84.

привести тамошній гарнизонъ къ присягѣ. Въ совершенномъ изнеможеніи духа, воротился несчастный Императоръ въ Ораніенбаумъ. Узнавъ, что гетманъ находится въ свитѣ Екатерины, онъ послалъ въ Гостилицы за графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ [1]). Старикъ не медля пріѣхалъ. Всѣ окружавшіе Петра, кромѣ Миниха и Гудовича и весьма вѣроятно старшаго Разумовскаго, спѣшили его покинуть. 29 Іюня, въ то время, какъ Императрица достигла Сергіевской пустыни, вице-канцлеръ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ вручилъ ей отреченіе Петра III. На другой день послѣ переворота, Измайловскій полкъ, отъ „мечтательнаго своего превозношенія", собрался своевольно около лѣтняго дворца требуя, чтобы Императрица къ нему вышла и увѣрила лично, что она здорова. Говорили, что она увезена „хитростями" Фридриха II. Дежурные придворные, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ и шефъ полка гетманъ, старались успокоить Измайловцевъ, увѣряя, что Государыня здорова и опочиваетъ. Солдаты не унимались. Государыня принуждена была явиться. Вслѣдъ за этимъ вышелъ манифестъ, въ которомъ Императрица благодарила солдатъ, но въ то же время, напоминая имъ о дисциплинѣ, объявляла, что съ тѣми, которые не будутъ повиноваться начальникамъ, будетъ поступлено со всею строгостью закона [2]). Всѣ главные сторонники Екатерины были щедро награждены. Гетманъ получилъ, сверхъ своихъ прежнихъ окладовъ, по 5000 рублей въ годъ [3]) и пожалованъ былъ въ сенаторы и генералъ-адъютанты Государыни. Племянникъ его камергеръ Михайла Власьевичъ Будлянскій посланъ былъ въ Малороссію съ извѣщеніемъ о восшествіи на престолъ Екатерины II [4]). 4-го Іюля вышло распоряженіе, чтобъ гетманъ Малороссійскій графъ Разумовскій имѣлъ въ командѣ всѣ пѣхотные полки, около Петербурга расположенные, и гарнизоны Петербургскій и Выборгскій [5]). 25 Іюля того же года Екатерина посѣтила гетмана, передъ вечернимъ столомъ, и въ знакъ особеннаго своего благоволенія къ нему и къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ возложила на нее орденъ св. Екатерины [6]). Въ Ропшинской драмѣ графъ Кирила Григорьевичъ не принялъ участія; несомнѣнно ей чужда была и сама Екатерина. Весь odium преступленія падаетъ на графа Алексѣя Орлова, князя Ѳ. С. Барятинскаго и Г. Н. Теплова. Узнавъ о неожиданной кончинѣ Петра III, Императрица объявила, что будетъ присутствовать при погребеніи

[1]) Тамъ же, II, 135.
[2]) Записки Державина, 23.
[3]) „Русскій Архивъ", 1864, 402.
[4]) Зап. Марковича, II, 381.
[5]) Исторія Соловьева, XXV, 136—137.
[6]) Неизданный словарь Казадаева.

усопшаго Императора. Гетманъ и Никита Ивановичъ Панинъ сильно противились этому рѣшенію, но Екатерина настаивала на своемъ. Тогда Панинъ въ засѣданіи Сената предложилъ всѣмъ сенаторамъ in corpore представить Государынѣ, чтобы она, „сохраняя свое здравіе, по любви своей къ Россійскому отечеству, для всѣхъ истинныхъ ея вѣрноподданныхъ и для многихъ непріятныхъ слѣдствъ, изволилаб̀ъ намѣреніе свое отложить“. Сенатъ принялъ предложеніе Панина, всѣ сенаторы отправились во внутренніе покои и уговорили Императрицу не исполнять своего намѣренія [1]).

ГЛАВА XI.

Коронація.—Замыслы Орлова.—Безкорыстіе графа Алексѣя Григорьевича.—Уничтоженіе гетманства.—Путешествіе графа Кирилы Григорьевича за границею.—Переписка съ И. И. Шуваловымъ.—Смерть графа Алексѣя Григорьевича и графини Екатерины Ивановны.

Въ Августѣ 1762 года Екатерина отправилась въ Москву для коронованія и остановилась въ подмосковной гетмана, селѣ Петровскомъ. Здѣсь провела она нѣсколько дней, посѣщая изрѣдка городъ подъ строгимъ инкогнито. Здѣсь же, въ первый разъ вблизи увидалъ ее Державинъ, находившійся тогда простымъ солдатомъ на караулѣ при Петровскомъ домѣ [2]). Во время коронаціи гетманъ, вмѣстѣ съ возвращеннымъ изъ ссылки графомъ Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, былъ ассистентомъ у Государыни, а графъ Алексѣй Григорьевичъ несъ корону и послѣ обряда коронованія бросалъ въ народъ жетоны.

Въ Москвѣ, среди празднествъ коронаціи, Разумовскіе получили извѣстіе о кончинѣ престарѣлой ихъ матери. Графиня Наталья Демьяновна мирно кончила жизнь на хуторѣ своемъ Алексѣевщинѣ, близъ Адамовки, 12 Сентября 1762 года. Ее похоронили въ Козельцѣ, въ нижнемъ лѣвомъ придѣлѣ Захаро-Елизаветинскаго храма, который, какъ мы видѣли выше, она начала строить. Въ придѣлъ этотъ перенесли иконостасъ изъ домовой церкви ея въ Алексѣевщинѣ, гдѣ теперь едва видны слѣды ея дома. Самый иконостасъ давно уже истлѣлъ и замѣ-

---

1) Исторія Соловьева, XXV, 140.

2) Записки Державина, 24.

ненъ другимъ, который отъ сырости тоже испортился. Вообще нижній этажъ Козелецкой Захаро-Елизаветинской церкви содержится въ непозволительной небрежности, безъ оконъ, наполненный соромъ и всякаго рода хламомъ; вода по лѣстницамъ безпрепятственно стекаетъ во внутренность, и потому все, что только есть въ церкви, покрыто плѣсенью. Гробница Натальи Демьяновны изъ простаго кирпича, на ней стоитъ гипсовый крестъ вершковъ въ 10 высоты. На крестѣ съ одной стороны Славянская надпись: „Со святыми упокой, Христе, душу рабы твоея графини Наталіи, идѣ же нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная", а съ другой: „1762 года Сентября 12 дня". Въ придѣлѣ служатъ два раза въ годъ заупокойныя обѣдни: 12-го Сентября и 26 Августа, и въ это время поютъ панихиды по Адріанѣ и Натальи. Этотъ Адріанъ новѣйшаго изобрѣтенія, между родственниками Разумовскихъ никакого Адріяна никогда не бывало.

Гетманъ оставался при Государынѣ все время ея пребыванія въ Москвѣ т.-е. до Іюня 1763 года. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ Екатерины и нерѣдко исполнялъ самыя секретныя ея порученія: „1000 рублей отослать гетману, графу К. Разумовскому"; „Отошли къ графу К. Г. Разумовскому, для извѣстнаго ему употребленія 4,100 рублевъ", встрѣчаемъ мы безпрестанно въ запискахъ, писанныхъ Екатериною къ Адаму Васильевичу Олсуфьеву въ первый годъ ея царствованія. Государыня назначала гетмана однимъ изъ членовъ предполагаемаго въ то время совѣта [1]), поручила ему предсѣдательство въ коммиссіи, учрежденной при высочайшемъ дворѣ, изъ наличнаго лучшаго генералитета [2]) для составленія новыхъ штатовъ всей арміи. Вслѣдствіе этого послѣдняго назначенія гетманъ получилъ слѣдующее письмо отъ графа Фермора, находившагося въ то время въ отставкѣ.

„Сіятельнѣйшій графъ, м. г. мой, Кирила Григорьевичъ. Увѣдомясь о учрежденной отъ Е. И. В. всемилостивѣйшей Государыни военной комиссіи, беру смѣлость къ вашему высокографскому сіятельству, яко первенственному члену, адресоваться, покорнѣйше прося вспоможеніемъ вашимъ удостоить меня того счастія паки въ славной службѣ Е. И. В., яко всемилосердой Государыни моей, быть и послѣднюю мою жизнь въ оной продолжить. Я бы, милостивый государь, себя счастливымъ почиталъ, ежели бы удостоенъ былъ прежнимъ моимъ старшинствомъ и жалованіемъ, вице-президентомъ военной коллегіи присутствовать и тѣмъ долгъ мой отечеству своему всеподданнѣйше оказать; но и то все предоставляю всевысочайшей волѣ Е. И В., гдѣ раба своего упо-

[1]) См. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества, VII т., 109, 115 и др.
[2]) Тамъ же, VII, 201.

требить соизволитъ. Рекомендуя себя въ благоволеніе и милость вашего высокографскаго сіятельства, съ должнымъ высокопочитаніемъ всегда пребуду вашего выс. с., м. г. моего, всепокорнѣйшій слуга графъ В. Ферморъ.

„Декабря 14-го дня 1762. С.-Петербургъ" [1]).

Какъ видно, Государыня осталась вполнѣ довольною трудами коммиссіи. Штаты ею сочиненные были конфирмованы, и по приказанію Императрицы составлены были три списка: 1) всѣмъ служащимъ военнымъ отъ фельдмаршала до послѣдняго въ табели о рангахъ находящагося, 2) генералитету, штабъ и оберъ-офицерамъ и 3) всѣмъ военнымъ, опредѣленнымъ къ гражданскимъ дѣламъ и не у дѣлъ находящимся [2]). Еще болѣе довѣрія выказала Государыня младшему Разумовскому, поручивъ ему слѣдствіе по дѣлу о братьяхъ Гурьевыхъ и Хрущовыхъ, которое на нее произвело весьма сильное впечатлѣніе, едва разсѣянное торжествами коронаціи. „Мы повелѣли", сказано было въ манифестѣ о наказаніи Хрущова и Гурьевыхъ, „нашей гвардіи тремъ штабъ-офицерамъ, а именно: гетману графу Разумовскому и генералъ-поручикамъ Суворову и Ватковскому сіе дѣло секретно изслѣдовать, безъ розысковъ прикрыхъ (sic) (т.-е. претящихъ) нашему человѣколюбію, по самой справедливости и ближайшими способами къ открытію правды" [4]), Кромѣ этихъ порученій, графъ Кирила Григорьевичъ былъ еще назначенъ Екатериною, вмѣстѣ съ Бестужевымъ, графомъ М. И. Воронцовымъ, княземъ Я. П. Шаховскимъ, Н. И. Панинымъ, графомъ З. Г. Чернышевымъ и графомъ Г. Г. Орловымъ, засѣдать въ коммиссіи о русскомъ дворянствѣ, открытой при высочайшемъ дворѣ 11-го февраля 1763 года. Въ указѣ коммиссіи, который былъ собственноручно написанъ Государынею, сказано было, что свобода, данная благородному русскому дворянству Петромъ III, была далеко не полна, а поэтому „надлежитъ учредить такія статьи, которыя бы наивящше поощряли честолюбіе дворянъ къ пользѣ и службѣ нашей и нашего любезнаго отечества". Екатерина сама открыла коммиссію и передала указъ свой Бестужеву. 18 Марта уже коммиссія представила Государынѣ обширный докладъ и при немъ права дворянства Россійскаго, изложенныя въ 21 статьѣ, съ примѣчаніями. Какъ видно изъ доклада, статья 11-я, въ которой изложено, что въ случаѣ если дворянинъ, вслѣдствіе оскорбленія величества и возмущенія противъ общаго покоя, будетъ казненъ или сосланъ, то имѣ-

[1]) „Русскій Архивъ", 1865, 667.
[2]) Изъ архива гр. Уварова.
[3]) „Русскій Архивъ", 1865, 483.
[4]) Сборникъ Русскаго Ист. Общества, VII, 172.

ніе его не конфискуется, а передается наслѣдникамъ, принята была голосами гетмана, Бестужева, Воронцова, Панина, Чернышева и Орлова противъ мнѣнія князей Я. П. Шаховскаго и М. Н. Волконскаго. Екатерина нѣсколько мѣсяцевъ держала у себя докладъ коммиссіи. Онъ былъ возвращенъ ей только 11 Октября, причемъ Тепловъ изустно объявилъ, что Государыня желаетъ, чтобы коммиссія сочинила по этому поводу законы и манифестъ, и какъ тѣ, такъ и другой представила ей на разсмотрѣніе.

Отъ такого порученія коммиссія почтительнѣйше отказалась, такъ какъ ей неизвѣстно, изволитъ ли Государыня подтвердить изложенныя въ докладѣ права и не воспослѣдуетъ ли какого въ статьяхъ измѣненія. Вслѣдствіе этого отвѣта все дѣло о вольностяхъ дворянства отложено было въ долгій ящикъ [1]). Среди этихъ занятій, гетманъ не забывалъ и Малороссіи. По представленію Разумовскаго, разрѣшенъ былъ безпошлинный вывозъ лѣса изъ Польши, откуда въ то же самое время запрещено было впускать горячее вино въ Новую Сербію и въ Запорожскую Сѣчь, и уничтожены въ Украйнѣ табачные и другіе откупы, стѣснявшіе тамошнюю торговлю [2]). Универсаломъ отъ 17 Февраля 1763 года гетманъ подтвердилъ полковымъ канцеляріямъ и челобитчикамъ представленія и прошенія доставлять прямо въ генеральный судъ, откуда они должны были поступать на гетманское утвержденіе; генеральной канцеляріи, въ силу того же универсала, предписано было сноситься съ генеральнымъ судомъ во всякихъ перепискахъ сообщеніями [3]).

Мы упомянули о томъ, что Бестужевъ присутствовалъ при короноціи Екатерины: немедленно послѣ переворота 28 Іюня Императрица вызвала, изъ подмосковнаго села Горетова, своего стараго сторонника. Бестужевъ поспѣшилъ ко двору и нашелъ тамъ много новыхъ, ему вовсе незнакомыхъ дѣятелей. Канцлерское мѣсто было занято графомъ Михаиломъ Илларіоновичемъ Воронцовымъ. Екатерина пожаловала старика въ фельдмаршалы, назначила ему значительный окладъ, но въ то же время, „во уваженіе преклонныхъ лѣтъ“, уволила его отъ занятій военныхъ и гражданскихъ. Времена Елизаветинскія прошли безвозвратно; вседѣятельному и всеобъемлющему уму Екатерины нужны были новые сотрудники. Она осыпала милостями старыхъ царедворцевъ тётки своей, посѣдѣвшихъ въ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ, но въ то же время выдвигала впередъ цѣлую фалангу новыхъ дѣятелей, которыхъ не только хватило на ея 34-хъ-лѣтнее царствованіе,

---

[1]) Тамъ же, VII, 232 и 238—266.
[2]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 208.
[3]) Тамъ же.

но и еще на первыя тридцать лѣтъ нынѣшняго вѣка. Горька должна была показаться бывшему канцлеру и новопожалованному фельдмаршалу второстепенная роль его при дворѣ. Онъ всячески старался снова вкрасться въ довѣріе Государыни и нерѣдко докучалъ ей непрошенными совѣтами и представленіями. Съ первыхъ дней новаго царствованія значеніе графа Григорія Григорьевича Орлова стало ясно всякому. Бестужевъ поспѣшилъ съ нимъ сблизиться, и въ старческой головѣ его снова возникла та же мысль, благодаря осуществленію которой, въ 1742 году, 16 лѣтъ сряду держалъ онъ бразды правленія въ рукахъ своихъ. Короче, онъ придумалъ женить Орлова на Государынѣ. Мысль свою онъ передалъ Орлову; 28-лѣтній временщикъ былъ отъ нея въ восторгѣ, и Бестужевъ началъ собирать подписи для представленія Императрицѣ формальнаго прошенія о томъ, чтобы она избрала себѣ супруга [1]). Между лицами, подписавшимися подъ этимъ прошеніемъ, по свидѣтельству барона де-Бретёля, французскаго посланника, главную роль игралъ старинный союзникъ Бестужева — духовенство. Прошеніе это надѣлало много шуму. Во главѣ тѣхъ, которые особенно возставали противъ вторичнаго брака Императрицы, находились канцлеръ графъ Воронцовъ, Никита Ивановичъ Панинъ и гетманъ Разумовскій [2]). Гетманъ съ первыхъ же дней восшествія на престолъ Екатерины вошелъ въ столкновеніе съ графомъ Григоріемъ Орловымъ. Разсказываютъ, что разъ, за обѣдомъ во дворцѣ, Григорій Григорьевичъ расхвастался, говоря о недавнемъ переворотѣ, приписывалъ все дѣло одному себѣ и наконецъ, разгоряченный виномъ, сталъ увѣрять, что въ мѣсяцъ времени берется сдѣлать новый переворотъ и низвергнуть Екатерину. „Быть можетъ“, возразилъ, смѣясь, Разумовскій, „черезъ мѣсяцъ ты это бы и сдѣлалъ, но мы бы тебя прежде двухъ недѣль повѣсили“ [3]). По свидѣтельству княгини Дашковой, Воронцовъ явился лично къ Государынѣ [4]), и объявилъ, что бракъ ея съ Орловымъ произведетъ самое грустное впечатлѣніе на всѣхъ русскихъ. Екатерина отвѣчала, что она никогда не поручала старому интригану составлять прошенія и что она яко бы вполнѣ умѣетъ цѣнить чистосердечность и прямоту образа дѣйствій Воронцова. А по городу слухи не умолкали. „Государыня-де изволила поѣхать въ Воскресенскій монастырь для того, чтобъ старый чортъ Бестужевъ способнѣе въ отсутствіи могъ производить дѣло начатое, написавъ прошеніе о замужствѣ и точно за Григорія Орлова, къ которому

[1]) Memoires of the Princess Dashkow, I, 123—124.

[2]) Hermann, Geschichte des russischen Staats. V, 323. La Cour de Russie il y a cent ans, 229.

[3]) Castéra, Hist. de Catherine II, I, 449.

[4]) Mem. of the Pr. Dashkow, I, 124—125.

духовенство и нѣсколько сенаторовъ подписались, а какъ дескать дошло до Панина и Разумовскаго, то Панинъ, видя въ ономъ неполезность, и хотѣлъ развѣдать и изъяснить неудобность. Саму Государыню просилъ, чтобъ ему дозволено было съ нею переговорить, чтó и получилъ; начавъ представлять, что съ позволенія-ль ея оное дѣлается, и въ отвѣтъ получилъ, что нѣтъ; однако онъ могъ примѣтить изъ лица и поступокъ, что это все происходило по повелѣнію ея, и тотчасъ позвавъ къ себѣ гетмана, Захара Чернышева, и согласились между собою оное уничтожить и пригласили къ себѣ Репнина, Рославлевыхъ, Ласунскаго, Пассека, Теплова, Барятинскихъ, Каревыхъ, Хованскихъ Петра и Сергѣя, Петра Апраксина, Николая Ржевскаго, разсуждая, что это дѣло не хорошее и что отечеству вредно, и всякій патріотъ долженъ вступиться, искоренить и опровергнуть [1])". Такова была молва, ходившая по всей Москвѣ.

Старикъ графъ Алексѣй Григорьевичъ, пріѣхавшій вмѣстѣ со дворомъ въ Москву на коронацію, тамъ оставался все время пребыванія Государыни и жилъ въ домѣ своемъ на Покровкѣ, о которомъ мы уже говорили. Орловъ нерѣдко намекалъ Екатеринѣ о тайномъ бракѣ Императрицы Елизаветы Петровны съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Однажды, вѣроятно вскорѣ послѣ разговора съ Воронцовымъ, Императрица призвала послѣдняго къ себѣ и приказала ему написать проектъ указа, въ которомъ объявлялось, что „въ память почившей тётки своей, Императрицы Елизаветы Петровны, Государыня признаетъ справедливымъ даровать графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, вѣнчанному съ Государыней, титулъ Императорскаго Высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ своей объявляетъ ему и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ сіе гласнымъ во всенародное извѣстіе". При этомъ Екатерина приказала Воронцову попросить у Разумовскаго всѣ документы, касавшіеся до его брака съ Императрицею Елизаветою Петровною, чтобы по нимъ можно было составить актъ, облеченный въ законную форму. Воронцовъ былъ какъ громомъ пораженъ приказомъ Государыни, который противорѣчилъ не столько словамъ, сколько тону отвѣта, сдѣланнаго ему за нѣсколько дней до того; онъ хотѣлъ-было возражать, но Екатерина настойчиво подтвердила свое повелѣніе и вышла, оставя канцлера въ совершенномъ недоумѣніи. Дѣлать было нечего. Воронцовъ на-скоро набросалъ проектъ указа и поѣхалъ съ нимъ къ старшему Разумовскому. Онъ его засталъ въ домѣ на Покровкѣ, близъ Воскресенія въ Барашахъ, сидѣвшимъ въ креслахъ у камина, вѣроятно въ той комнатѣ, которая по преданію служила спальнею

---

[1]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 290—291.

Елизаветы Петровны и извѣстна до сихъ поръ [1]) подъ именемъ мраморной (ее теперь занимаетъ директоръ). Графъ читалъ св. Писаніе Кіевской печати въ октаву. Послѣ взаимныхъ привѣтствій, Воронцовъ объявилъ Разумовскому причину своего посѣщенія. Графъ Алексѣй Григорьевичъ потребовалъ проектъ указа, пробѣжалъ его глазами, всталъ тихо съ своихъ креселъ, медленно подошелъ къ комоду, на которомъ стоялъ ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ, отыскалъ въ комодѣ ключъ, отперъ имъ ларецъ и изъ потаеннаго ящика вынулъ бумаги, обвитыя въ розовый атласъ. Онъ развернулъ бумаги, атласъ спряталъ назадъ въ ящикъ, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Все это онъ дѣлалъ, не прерывая молчанія. Наконецъ, прочитавъ бумаги, поцѣловалъ ихъ, подошелъ къ образамъ, перекрестился, со слезами на глазахъ и съ примѣтнымъ волненіемъ возвратился къ камину, у котораго оставался канцлеръ, бросилъ свертокъ въ огонь, опустился въ кресло и, помолчавъ немного, сказалъ: „Я не былъ ничѣмъ болѣе какъ вѣрнымъ рабомъ Ея Величества, покойной Императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями превыше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я, изъ какой доли и на какую степень возведенъ я десницею ея. Обожалъ ее какъ сердобольную мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзалъ самою мыслію сближаться съ ея царственнымъ величіемъ! Стократъ смиряюсь, вспоминая прошедшее, живу въ будущемъ, „его же не прейдемъ", въ молитвахъ ко Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей Монархини, подъ скипетромъ которой безмятежно, въ остальныхъ дняхъ жизни, вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, графъ, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память Монархини, моей благодѣтельницы. Теперь вы видите, что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей Государынѣ: да продлитъ она милости свои на меня, старца, не желающаго никакихъ земныхъ почестей. Прощайте, ваше сіятельство, да останется все прошедшее между нами тайною; пусть люди говорятъ, что̀ имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ свои надежды къ ложнымъ величіямъ, но мы не должны быть причиною толковъ". Отъ Разумовскаго Воронцовъ поѣхалъ прямо къ Государынѣ и донесъ ей съ подробностью о томъ, что̀ произошло между нимъ и графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ. Императрица, выслушавъ, взглянула на Воронцова проницательно, подала ему руку, которую онъ поцѣловалъ, и сказала: „Мы другъ

---

[1]) Чтенія въ Обществѣ Исторіи, 1866 г., книга III, смѣсь, стр. 249—250.

друга понимаемъ. Тайнаго брака не существовало, хотя бы и для усыпленія боязливой совѣсти. Шопотъ о семъ всегда былъ для меня противенъ. Почтенный старикъ предупредилъ меня, но я ожидала этого отъ свойственнаго Малороссіянину самоотверженія". Съ послѣднимъ словомъ она погрузилась въ мрачную глубокую думу. Воронцовъ вышелъ. Приходъ графа Григорія Григорьевича Орлова прервалъ размышленія Государыни. О чемъ они говорили—неизвѣстно [1]).

Въ разговорѣ съ Воронцовымъ Екатерина слѣдовала не формулированному еще въ тѣ времена извѣстному афоризму князя Талейрана, что слова созданы для скрытія настоящей мысли. Поступокъ Разумовскаго открылъ ей глаза и доказалъ всю невозможность, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, брака съ Орловымъ, толки о которомъ возбуждали всеобщее недовольство. Но въ то время какъ она отсылала Воронцова къ Разумовскому, Государыня вполнѣ разсчитывала воспользоваться документами, находившимися въ рукахъ у послѣдняго. Кредитъ Орлова послѣ поступка графа Алексѣя Григорьевича нисколько не ослабѣлъ; девять лѣтъ оставался онъ еще всемогущимъ любимцемъ Императрицы. Напротивъ того, всѣ лица, слишкомъ явно возстававшіе противъ брака, начиная съ канцлера, впали въ немилость. Ротмистръ конной гвардіи и камеръ-юнкеръ Ѳедоръ Алексѣевичъ Хитрово, дѣятельный участникъ въ Іюньскомъ переворотѣ, былъ арестованъ, допрошенъ и сосланъ въ Орловское свое имѣніе. Ласунскій и Рославлевъ были удалены отъ двора. Княгинѣ Дашковой черезъ ея мужа былъ сдѣланъ высочайшій выговоръ, на Паниныхъ Государыня смотрѣла недовѣрчиво. Одинъ гетманъ, изъ всей противной Орлову партіи, оставался

[1]) Подробности эти мы почерпнули изъ имѣющагося у насъ въ спискѣ разсказа графа С. С. Уварова, въ Варшавѣ, на обѣдѣ у фельдмаршала князя Паскевича о бракѣ Елизаветы Петровны. Сущность разсказа этого (напечатаннаго in extenso въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей 1863 г. Книга 3-я. Смѣсь, 153—157) отзывается правдой; но многое въ немъ невѣрно, такъ, напримѣръ, мѣстомъ событія предполагается Петербургъ, тогда какъ весь эпизодъ несостоявшагося брака съ Орловымъ разыгрался въ Москвѣ; также говорится, что Разумовскій изъ дому ѣзжалъ только въ церковь, удаляясь отъ свѣта, тогда какъ онъ до конца жизни принималъ у себя Государыню и дворъ; къ тому же въ обоихъ домахъ своихъ въ Петербургѣ имѣлъ онъ домовыя церкви и пр. Кромѣ того въ разсказѣ иногда слышатся не слова графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго (тестя графа Уварова, передавшаго ему подробности эти), а личныя воззрѣнія повѣствователя. Такъ, изъ словъ гр. Уварова вытекаетъ, что Екатерина уже заранѣе готовила отказъ Орлову и что, коротко зная честную и прямую натуру Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, она предугадывала его образъ дѣйствій и разсчитывала на него. Но это противорѣчитъ другимъ современнымъ извѣстіямъ, обнародованнымъ позднѣе и которыя поэтому не были извѣстны въ то время (т.-е. въ 1843 г.) гр. Уварову. Екатерина, напротивъ, хотѣла вступить во вторичный бракъ, но поступокъ Разумовскаго и всеобщій ропотъ заставили ее измѣнить свое намѣреніе.

по прежнему въ милости. „Мнѣ кажется, что Императрица“ доносилъ, отъ 23 Августа новаго стиля, въ очень секретной депешѣ, англійскій посланникъ графъ Букингамъ министру иностранныхъ дѣлъ графу Галифаксу, „не подозрѣваетъ гетмана въ участіи въ послѣднихъ безпорядкахъ (дѣло Хитрово), хотя многіе изъ предводителей этого возстанія постоянно находились въ его обществѣ. Тѣмъ не менѣе мнѣ извѣстно, что онъ очень недоволенъ милостями, оказываемыми любимцу (Г. Г. Орлову)“ [1]). Что же касается до графа Алексѣя Григорьевича, Екатерина, при возвышенномъ умѣ своемъ, не могла не быть тронутою рѣдкимъ (особенно же въ тѣ времена), между сильными міра сего, примѣромъ полнаго самоотверженія и благородства. Она всячески старалась дѣлать старику угодное. Такъ въ началѣ 1763 г. старшій Разумовскій просилъ заимообразно изъ банка 80,000 рублей на два года съ процентами или безъ процентовъ, смотря по соизволенію Государыни. Екатерина, на докладной запискѣ генералъ-прокурора Александра Ивановича Глѣбова, собственноручно надписала: „безъ процентовъ“ и дала сенату слѣдующій указъ:

„Нашъ генералъ-фельдмаршалъ графъ Алексѣй Разумовскій всеподданнѣйше насъ проситъ, чтобы мы ему повелѣли выдать для его необходимыхъ нуждъ изъ банка заимообразно 80,000 рублевъ на два года, предая на нашу высочайшую волю, съ процентами ли ему то выдать или безъ процентовъ. Мы, имѣя непремѣнное къ нему, графу Алексѣю Разумовскому, Императорское наше благоволеніе, всемилостивѣйше повелѣваемъ выдать ему заимообразно 80,000 рублевъ на два года безъ процентовъ, не требуя съ него никакихъ имѣній въ закладъ, но подъ единую его росписку, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ тѣ два года всю помянутую сумму уплатилъ (такъ какъ онъ и самъ болѣе срока къ тому не проситъ) такою же монетою, какою ему выдано будетъ. А понеже суммы наличной теперь въ банкахъ не нашлося на толикое число, того ради, для скорѣйшаго полученія ему, графу Алексѣю Разумовскому, выдать оные 80,000 рублевъ мѣдною монетою повелѣваемъ, изъ наличныхъ таможенныхъ денегъ, на счетъ конторы мѣднаго банка, а оная банковая контора изъ первовступаемыхъ законтрактованныхъ въ положенные сроки денегъ возвратить имѣетъ всѣ оные 80,000 рублей въ таможенные сборы по прежнему. Января 23, 1763 г.“ [2]). Другой разъ случилось Разумовскому просить Государыню за нѣкоего прапорщика Венглинскаго: „Александръ Ивановичъ“, собственноручно писала Екатерина къ Глѣбову, „Я вчерась и сегодня (1-го Апрѣля 1763 г.) позабыла вамъ отдать приложенную цыдулку;

---

[1]) Сборникъ Ист. Общества, XII, 160.

[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 229—230.

пожалуй устрой у мѣста онаго человѣка; графъ А. Г. Разумовскій объ немъ проситъ; онъ много и по моей просьбѣ дѣлывалъ. Екатерина" [1]). — До конца жизни старшаго Разумовскаго, Екатерина оказывала ему знаки особаго уваженія и обращалась съ нимъ скорѣе какъ съ родственникомъ, чѣмъ съ подданнымъ. Когда графъ Алексѣй Григорьевичъ являлся къ Государынѣ, она вставала и выходила къ нему на встрѣчу, сама сейчасъ же подавала кресло, и когда онъ уходилъ, Императрица провожала его до дверей своего кабинета.

18 Іюня 1763, гетманъ выѣхалъ изъ Москвы въ Малороссію. Его призывали туда дѣла управленія, да кромѣ того онъ былъ не въ лучшихъ отношеніяхъ съ Орловымъ и поэтому при дворѣ ему было неловко. „Императрица", доносилъ Прусскій посланникъ графъ Сольмсъ Фридриху Великому изъ Москвы отъ 17 (28) Марта 1763 года, „рѣшила не заставлять никого служить противъ воли, и стоитъ сказать только слово, чтобы получить не только отпускъ, но даже разрѣшеніе покинуть навсегда отечество. Гетманъ Разумовскій, котораго, кромѣ приведенныхъ имъ экономическихъ соображеній, побудили еще къ тому зависть по поводу утраченной милости и вліянія, по первой просьбѣ получилъ разрѣшеніе отправиться на два года въ Украйну, мѣсто своего новаго (sic) пребыванія. Онъ останется однако въ Москвѣ до отъѣзда двора въ Петербургъ" [2]). „Гетману", писалъ онъ далѣе отъ 7 Іюня, „не нравилось, что человѣкъ (Г. Г. Орловъ), который нѣсколько времени назадъ стоялъ такъ значительно ниже его, сдѣлался равнымъ ему по чину [3]).

Передъ гетманомъ отправились въ Малороссію племянники его Будлянскій и Петръ Ивановичъ Разумовскій, со всею свитою, пѣвчими и конюшими, а потомъ гетманша съ младшими сыновьями и дочерьми. Старшіе сыновья Разумовскаго оставались въ Петербургѣ, гдѣ, какъ мы увидимъ далѣе, они воспитывались подъ руководствомъ гувернеровъ своихъ Бурбье, Румовскаго и Шлёцера. Тепловъ уже не сопровождалъ гетмана. Переворотъ 1762 открылъ ему болѣе обширное поле дѣятельности. Онъ назначенъ былъ статсъ-секретаремъ при Государынѣ вмѣстѣ съ Адамомъ Васильевичемъ Олсуфьевымъ и Иваномъ Перфильевичемъ Елагинымъ, и такимъ образомъ самъ сталъ въ ряды сановниковъ имперіи. Съ графомъ Кирилою Григорьевичемъ ѣхали на этотъ разъ родственники его: Семенъ Васильевичъ Кочубей, генеральный обозный, и Илья Журманъ, генеральный писарь, прибывшіе въ Москву на коронацію депутатами отъ народа Малороссійскаго. Те-

---

[1]) Сборникъ Им. Русс. Истор. Общества, VII, 273—274.

[2]) Тамъ же, т. XXII, 44.

[3]) Тамъ же, XXII, 71.

пловъ, оставшійся при дворѣ, поспѣшилъ забыть своего покровителя: это подтверждаютъ и Георгій Конисскій, и Бантышъ-Каменскій, и преданіе и весь прежній образъ дѣйствій Теплова. Несомнѣнно однакожъ то, что гетманъ не вѣрилъ въ двуличіе Теплова и что онъ послѣ, какъ и прежде, оставался съ Григоріемъ Николаевичемъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Пріѣхавъ въ Глуховъ, гетманъ дѣятельно принялся за преобразованія, начало которыхъ было еще положено при Елизаветѣ.

Съ Государыней гетманъ продолжалъ быть, несмотря на враждебность свою къ Орлову, въ хорошихъ отношеніяхъ и велъ съ нею дѣятельную переписку, которая, къ несчастію, до насъ не дошла. У насъ подъ рукою только одно письмо отъ Екатерины, свидѣтельствующее о частомъ обмѣнѣ мыслей и, кромѣ того, показаніе Воронцова, который, пересылая Разумовскому (17 Іюня 1763) пакетъ отъ Императрицы, поздравляетъ его съ счастливымъ пріѣздомъ въ Малороссію и проситъ извѣстить получилъ ли онъ письмо отъ Государыни, отправленное изъ Москвы съ нарочнымъ курьеромъ [1]).

Дошедшее до насъ собственноручное письмо Екатерины отъ 14-го Августа 1763 года, изъ Петербурга, было слѣдующаго содержанія: „Графъ Кирилъ Григоріевичъ, письмо ваше изъ Батурина дня съ три тому назадъ, какъ до моихъ рукъ дошло; вы пишите ко мнѣ, что вы съ господиномъ Штейномъ (?) разъѣзжаете, когда погода вамъ то дозволяетъ: знать, что и у васъ лѣто не лучше, какъ и у насъ. Третьяго дня я сына господина Штейна изъ тюрьмы освободила, гдѣ магистратъ его посадилъ вмѣсто отца за протестованные векселя, а думаю, что нынѣ къ вамъ писано будетъ, дабы вы задержали упомянутаго барона. Je meurs de peur qu'il ne vous vole une seconde année de vous revenus. Prenez bien garde à cet homme: c'est un fripon reconnu; il doit encore à présent au chancelier le revenu de ses terres en Finlande, il ne lui a jamais payé un sou. voila ce que mon amitié pour vous me dicte. Au reste vous ferez comme vous le jugerez à propos. Il n'y a rien de nouveau ici, и въ крайней тишинѣ живемъ. Петербургъ весьма пустъ кажется противъ Москвы. Великій Князь и я слава Богу, здоровы. Voilà tout ce que je puis vous dire pour cette fois, je souhaite d'en entendre autant de votre part et je suis comme toujours avec beaucoup d'amitié pour vous—Екатерина“ [2]) Изъ переписки графа Кирилы Григорьевича, относящейся къ описываемому нами времени, имѣемъ мы только одно письмо къ великому канцлеру.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, IV, 456. Письмо это помѣчено 1762 г. Это явная ошибка, такъ какъ 18 Іюля 1762 гетманъ находился въ Петербургѣ.

[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общества, VII, 314—315.

„Въ разсужденіи старанія", писалъ гетманъ изъ Глухова, отъ 18 Іюля 1763, „которое я всегда имѣлъ о продолженіи вашей дружбы и благосклонности, в. с. можете быть увѣрены, что я такое имѣлъ удовольствіе, читая ваше пріятное мнѣ сообщеніе о высочайшемъ присутствіи Е. В. въ вашемъ домѣ, властно какъ бы я самъ пользовался тѣмъ счастіемъ, за которое дружеское сообщеніе покорную мою приношу благодарность, такъ какъ и за приложеніе аллегорическаго описанія представленной при семъ случаѣ предъ домомъ в. с. иллюминаціи. Ея с. милостивой государыни моей Аннѣ Карловнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и поклонъ". Рукою графини Екатерины Ивановны: „При семъ и я благодарствую в. с. какъ за присланный мнѣ поклонъ, такъ и за книжку, которую вы мнѣ прислать изволили, и притомъ е. с. графинѣ Аннѣ Карловнѣ прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе" [1]). Уѣзжая изъ Москвы графъ Кирила Григорьевичъ не догадывался, что надолго разставался съ Воронцовыми. Въ письмѣ отъ 29-го Іюля 1763, великій канцлеръ сообщаетъ, что онъ съ радостію узналъ, что Разумовскій скоро будетъ въ Петербургѣ, такъ какъ получилъ двухлѣтній отпускъ за границу и даже домъ его, по его же прошенію, взятъ Государынею „на чинъ будущихъ канцлеровъ и за оныя выдать повелѣла деньги сколько я по несчастному и знатному моему чину долговъ нажить принужденъ былъ" [2]). Слухъ о скоромъ возвращеніи гетмана былъ совершенно ложенъ; Разумовскій былъ слишкомъ занятъ дѣлами Малороссійскими, чтобы думать о столичныхъ удовольствіяхъ.

Казаки, носившіе до тѣхъ поръ разнообразныя одѣянія, получили мундиръ, который, вслѣдствіе универсала гетмана 1763 года, долженъ былъ быть во всѣхъ полкахъ одного цвѣта и покроя. Въ полки стали вводиться регулярный строй и порядокъ. Многіе полковники, особенно же въ царствованіе Петра III-го, подражая гетману, стали носить мундиры того же цвѣта, какъ и мундиры казаковъ, но нѣмецкаго покроя [3]). По всей Малороссіи производилась народная перепись, оконченная въ 1764 году. Въ исходѣ того же года гетманъ созвалъ въ Глуховъ всѣ чины Малороссійскіе на генеральное собраніе. Здѣсь обсуживались вопросы первой важности для Малороссіи. Прежде всего выработано было прошеніе объ уравненіи чиновъ Малороссійскихъ съ Великорусскими. Прошеніе было отправлено въ Петербургъ, и Государыня милостиво приняла его, поручивъ коммиссіи, трудившейся надъ составленіемъ правъ и вольностей для дворянства, членомъ которой, какъ мы видѣли выше, былъ самъ гетманъ, сочинить положеніе о

---

1) Архивъ кн. Воронцова, IV, 404—405.
2) Тамъ же, IV, 457.
3) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, 234—235.

рангахъ Малороссійскихъ и объ образѣ производства ихъ [1]). Въ силу этого положенія, чины Украинскіе были совершенно уравнены съ Великорусскими. Кромѣ этого, положенъ предѣлъ свободному переходу крестьянъ, указомъ 1742 года снова введенному въ Малороссію [2]). Благодаря этому рѣшенію собранія, уменьшилось бродяжничество. Но главное вниманіе гетмана обращено было на судоустройство. Какъ мы видѣли, универсалами своими изъ Москвы Разумовскій уменьшилъ число инстанцій и сократилъ проволочку дѣлъ. Теперь онъ принялся за реформу болѣе радикальную. Уничтоженные Богданомъ Хмѣльницкимъ суды земскіе, градскіе и подкоморскіе были снова возстановлены. Такимъ образомъ полковники и сотники остались чисто-военными начальниками, и власть гражданская отдѣлилась отъ власти военной. Малороссія была раздѣлена на 20 повѣтовъ: Козелецкій, Остерскій, Черниговскій, Мглинскій, Стародубскій, Погарскій, Глуховскій, Батуринскій, Нѣжинскій, Переяславскій, Золотоношскій, Прилуцкій, Винницкій, Лубенскій, Роменскій, Гадячскій, Зѣньковскій, Мирогородскій, Остаповскій и Полтавскій. Въ каждомъ повѣтѣ находился земскій судъ, въ которомъ три раза въ году собирались несмѣняемые: судья, подсудокъ и земскій писарь, избранные вольными голосами изъ шляхетства того повѣта. Въ судахъ подкоморскихъ, въ которыхъ разбирались спорныя дѣла о землѣ, и подъ вѣдомствомъ которыхъ находились межи, засѣдалъ подкоморій съ двумя помощниками-коморниками. Для уголовныхъ дѣлъ установленъ былъ въ каждомъ полку градскій судъ; полковникъ остался его предсѣдателемъ, но судья и писарь стали уже называться не полковыми, а городскими. Полковыя и сотенныя канцеляріи занимались только производствомъ дѣлъ военныхъ и сотенныхъ своего вѣдомства [3]).

Вѣроятно къ этому послѣднему пребыванію гетмана въ Глуховѣ относится слѣдующій анекдотъ. Одинъ малороссійскій помѣщикъ несправедливымъ рѣшеніемъ суда лишенъ былъ всего своего достоянія; нѣсколько разъ приносилъ онъ на судей письменныя жалобы, не доходившія до гетмана, нѣсколько разъ безъ всякаго также успѣха старался онъ лично объясниться съ нимъ; наконецъ, по совѣту одного пріятеля, рѣшился онъ черезъ садъ пробраться къ гетманскому кабинету и ожидать въ сѣняхъ появленія его. По увѣренію пріятеля, гетманъ обыкновенно, послѣ полуденнаго отдыха, выходилъ въ садъ, въ то время какъ приближенные къ нему играли въ бильярдъ или занимались другими увеселеніями. Напрасно бѣдный проситель ожидалъ

[1]) Ригельманъ, Лѣтопис. повѣствованіе о М. Россіи, IV, 20—21.
[2]) Тамъ же.
[3]) Бант.-Каменскій, Ист. М. Россія, III, 208—209.

въ углу, опасаясь вмѣсто гетмана увидѣть его камердинера: дверь изъ сѣней не отворялась, и молчаніе было только прерываемо стукомъ бильярдной игры. Наконецъ помѣщикъ услыхалъ шорохъ въ кабинетѣ и узналъ тяжелые шаги гетмана, отворявшаго дверь въ другую комнату. Бѣдный проситель трепетно ожидалъ появленія Разумовскаго, но тишина снова водворилась въ кабинетѣ. Вдругъ шорохъ снова раздался близъ самой двери въ кабинетъ. Не теряя времени, помѣщикъ нагнулся къ порогу и просунулъ черезъ оный свою челобитную. Вскорѣ бумага исчезла и потомъ опять явилась изъ-за порога. Помѣщикъ схватилъ ее и пустился бѣжать. Развернувъ бумагу, онъ увидѣлъ, что гетманъ не только велѣлъ суду возвратить ему несправедливо отнятое имѣніе, но еще удовлетворить за всѣ понесенные протори и убытки. „Кто привелъ къ в. с. просителя?" спросили потомъ гетмана его приближенные. „Никто", отвѣчалъ онъ. „Гдѣ же вы его видѣли?"— „Нигдѣ".—„Но какимъ образомъ дошла до васъ просьба?"—„Такимъ, которымъ и хитрѣйшій изъ васъ не умѣлъ бы воспользоваться: она пролѣзла черезъ порогъ" [1]).

Среди своихъ многотрудныхъ занятій, гетманъ былъ непріятно пораженъ начавшимся на границахъ Украйны вербованіемъ новыхъ уланскихъ полковъ. Въ 1764 году, при проектѣ образованія Новороссійской губерніи, представлено было на высочайшее благоусмотрѣніе формированіе поселеннаго кавалерійскаго полка, вооруженнаго пиками и названіе онаго уланскимъ, по примѣру другихъ Европейскихъ державъ. На это представленіе воспослѣдовало высочайшее разрѣшеніе съ тѣмъ, чтобы полкъ получилъ названіе Елизаветскаго пикинернаго [2]). Губернаторъ Мельгуновъ дѣятельно принялся за дѣло и началъ съ того, что сталъ заманивать заднѣпровскихъ казаковъ въ пикинерный полкъ. Вербованіе это, извѣстное въ Малороссіи подъ названіемъ *пикинеріи* и *вербунокъ*, породило сперва стычки между новонабранными солдатами и гетманскими казаками, а потомъ и открытый мятежъ, когда пикинеровъ стали учить строевой службѣ. Между казаками поднялся ропотъ, стали поговаривать о старинныхъ правахъ и о договорахъ Хмѣльницкаго [3]). Все это дошло до Петербурга и возбудило неудовольствіе. Но неудовольствію этому не стало границъ, когда узнали, что Разумовскій задумалъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ родѣ своемъ. Какъ и когда породилась въ головѣ графа Кирилы Григорьевича эта династическая фантазія—намъ неизвѣстно. Все дѣло было затѣяно крайне неловко и разыгралось крайне безтолково.

---

[1]) Тамъ же, III, примѣчаніе, 75—76.
[2]) Военно-энциклопедическій словарь, XIII, 202.
[3]) Марковичъ, Исторія Малороссіи, II, 653.

Въ концѣ генеральнаго собранія, когда вопросъ о судоустройствѣ былъ рѣшенъ, между нѣкоторыми старшинами и полковниками зашла рѣчь о томъ, что нехудо гетманство сдѣлать наслѣдственнымъ въ родѣ Разумовскаго. Объ этомъ стали поговаривать кліенты гетмана, имъ же самимъ, вѣроятно, подученные. Дѣланы были разныя „пропозиціи", возникли жаркіе споры и наконецъ выработано было 23 пункта. Затѣмъ собраніе разошлось на время. Генеральный писарь Василій Григорьевичъ Туманскій, вмѣстѣ съ полковниками гадячскимъ — Антономъ Степановичемъ Крыжановскимъ и миргородскимъ — Өедоромъ Матвѣевичемъ Остроградскимъ, сочинили, на основаніи пунктовъ, которые приняло собраніе, челобитную на имя Государыни. Старшій канцеляристъ генеральной войсковой канцеляріи — Туманскій, братъ генеральнаго судьи, отправленъ былъ гетманомъ въ Кіевъ, подъ предлогомъ введенія въ Кіевскій магистратъ новаго писаря, но собственно съ тѣмъ, чтобы переговорить съ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ и архимандритомъ Печерской лавры Зосимою Валькевичемъ о задуманномъ дѣлѣ. Туманскій повезъ съ собою челобитную. Разумовскій, разославшій по всѣмъ полкамъ ордеры, чтобы полковники, старшины и живущіе при полкахъ чиновники съѣхались снова въ Глуховъ, хотѣлъ заручиться, до этого экстраординарнаго собранія, подписями митрополита, архимандрита и прочаго духовенства, въ полной увѣренности, что примѣръ ихъ сильно подѣйствуетъ на умы въ Малороссіи. Повѣренный гетмапа, окончивъ свое оффиціальное порученіе, обратился сперва къ Печерскому архимандриту. Онъ сталъ ему говорить о своевременности избранія и утвержденія въ преемники гетману одного изъ сыновей Разумовскаго и предложилъ ему подписаться подъ челобитною, которую чины Малороссійскіе намѣрены подать Императрицѣ. Зосима Валькевичъ выманилъ у Туманскаго челобитную, снялъ съ нея копію, и, возвращая подлинникъ посланцу гетманскому, объявилъ: „что никакого предложенія отъ генеральной старшины и прочаго общества, по вопросу о наслѣдственности гетманства въ родѣ Разумовскихъ, ему не дѣлано, что нѣтъ на то соизволенія Государыни, которой онъ присягалъ въ вѣрности" и на-отрѣзъ въ подписи отказалъ. Отъ архимандрита, который поспѣшилъ сообщить начальству какъ самую суть дѣла, такъ и копію съ челобитной, Туманскій отправился къ митрополиту. Преосвященный Арсеній, выслушавъ предложеніе войскового канцеляриста, отвѣчалъ, что, быть можетъ, онъ съ своими духовными особами подпишетъ, но не иначе какъ *особую* челобитную на избраніе гетманскаго сына и то только въ томъ случаѣ, если 1) гетманъ сложитъ чинъ свой, 2) если послѣдуетъ на то высочайшее соизволеніе и наконецъ, 3) если ему будетъ сдѣлано по этому поводу предложеніе отъ всего общества. „Впрочемъ", добавилъ

владыка, „кажется гетману и тою высочайшею милостію, которую имѣеть, довольнымъ быть должно“. Послѣ этихъ двухъ неудачъ, Туманскій возвратился въ Глуховъ, куда тѣмъ временемъ съѣхалось не мало всякихъ чиновниковъ. Несмотря на отказъ духовенства, гетманъ не остановился и приказалъ всѣмъ прибывшимъ собраться въ генеральную канцелярію. Одинъ только бригадиръ Петръ Даниловичъ Апостолъ не получилъ приглашенія. Генеральный писарь прочелъ собранію челобитную. Раздалось нѣсколько отдѣльныхъ криковъ: „хорошо“, но большинство собранія молчало. Противъ челобитной возстали: бывшій генеральный писарь Андрей Яковлевичъ Безбородко, бывшій генеральный судья Илья Васильевичъ Журманъ, черниговскій полковникъ Петръ Степановичъ Милорадовичъ, переяславскій Семенъ Ивановичъ Сулима, и бунчуковый товарищъ Григорій Григорьевичъ Иваненко. Генеральный судья Александръ Павловичъ Дублянскій объявилъ: „теперь-де хорошо, а впредь что̀ будетъ, неизвѣстно и потому подписывать не буду“. Послѣ этихъ словъ всѣ стали другъ за другомъ выходить изъ канцеляріи; пошли толки о томъ, что надобности подписываться нѣтъ никакой, высказано было даже опасеніе „о бытіи той фамиліи во всегдашнемъ гетманствѣ“ и собраніе само-собою закрылось. На другой день снова всѣ собрались и снова стали говорить за и противъ челобитной. Когда рѣчь дошла до подписей, то вся генеральная старшина, за исключеніемъ Туманскаго, генеральнаго подскарбія Василія Андреевича Гудовича и Дублянскаго, учинившаго наканунѣ смуту противъ челобитной, а на этотъ разъ подписавшаго ее, отказалась отъ рукоприкладства. Генеральный обозный Семенъ Васильевичъ Кочубей и бывшій судья Журманъ объявили, что по свойству съ гетманомъ не могутъ подписать челобитной; генеральный есаулъ Иванъ Михайловичъ Скоропадскій, къ которому присталъ генеральный бунчужный Яковъ Степановичъ Тарновскій, отказался подъ тѣмъ предлогомъ, что гетманъ ему шефъ; генеральный хорунжій Данило Петровичъ Апостолъ, сынъ неприглашеннаго на собраніе бригадира и племянникъ по женѣ гетмана, заявилъ: „что есть люди его постарѣе, они пускай прежде подпишутся“.—За то подписались подъ челобитною всѣ полковники, исключая Милорадовича, всѣ бунчуковые товарищи, кромѣ Иваненки, всѣ полковые старшины, сотники и прочіе полковые чины. Росписался даже протестовавшій наканунѣ полковникъ Сулима съ писаремъ своимъ Горлецкимъ, опасаясь, какъ онъ объяснялъ послѣ, отъ гетмана гоненія и надѣясь, что бумагу нельзя будетъ отправить въ Петербургъ, такъ какъ между подписями оставлены были большіе интервалы для именъ тѣхъ старшинъ, которые пожелали бы позднѣе скрѣпить прошеніе. Этимъ дѣло и окончилось, хотя ожидали еще изъ полковъ немалаго съѣзда.

Въ самой же челобитной, генеральная старшина, полковники, бунчуковые товарищи, старшины полковые и прочіе чины били челомъ Государынѣ о слѣдующемъ: сначала изображены были всѣ монаршія благодѣянія, сыпавшіяся на Малороссію и съ припаденіемъ къ августѣйшимъ стопамъ припоминалось, что отъ начала присоединенія Малой Россіи къ державѣ Всероссійской отъ всѣхъ Всероссійскихъ Монарховъ утверждено, чтобъ Малороссійскимъ народомъ, по узаконеннымъ правамъ и привилегіямъ, управлять гетманской особѣ. Со временъ Богдана Хмѣльницкаго избраніе всегда новыхъ персонъ производило несогласія, въ дѣлахъ замѣшательства и разныя другія неистовства, которыя причиняли затрудненія и самой Россійской имперіи, такъ что послѣ смерти Даніила Апостола, новое гетманское избраніе отложено было указомъ. Вслѣдствіе этого, какъ для ненарушимой цѣлости высокихъ Е. И. В. и всей Имперіи интересовъ, такъ и для сохраненія утвержденныхъ Малороссійскихъ правъ, вольностей и привилегій и избѣжанія для народа разорительныхъ трудностей, слѣдуетъ имѣть гетмана всегда отъ такой фамиліи, которая въ непоколебимой своей къ Всероссійскому престолу вѣрности болѣе другихъ утверждена. Извѣстно избраніе графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, столь много сдѣлавшаго для Малороссіи въ свое четырнадцатилѣтнее гетманство. Взирая на его полезное управленіе, на его вѣрность къ престолу, на то, что онъ имѣетъ столько же имѣній въ Великой, какъ и въ Малой Россіи и въ надеждѣ, что его сыновья, которые столь благородно воспитуются, несомнѣнно подражать будутъ родителю, старшина, полковники, бунчуковые и прочіе чины униженно просятъ, дабы высочайше дозволено было избраніе въ гетманы его сіятельства сыновъ, графовъ Разумовскихъ, по примѣру Юрія Хмѣльницкаго. Того ради на усердное сіе общее желаніе просятъ Малороссійскіе чины явить монаршее благоволеніе и утвердить указами дозволеніе избрать послѣ нынѣшняго гетмана достойнѣйшаго изъ сыновей его, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и самъ гетманъ, къ прославленію премудраго царствованія Е. И. В., умноженію славы и пользы всей Имперіи и непоколебимой вѣрности Малороссійскаго народа, при утвержденныхъ правахъ, вольностяхъ и привилегіяхъ [1]).

Такова была просьба, въ которой, неизвѣстно почему историкъ, скрывающійся подъ псевдонимомъ Георгія Конисскаго, нашелъ, что къ преемственности гетманства приведены были причины крайне оскорбительныя для самихъ просителей и ихъ потомства, въ которой озлословлены и обмараны, по его словамъ, правители и подчиненные Малороссійскіе живые и мертвые, которая значила вмѣстѣ приговоръ и

---

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

декретъ на злостные поступки жителей Украйны, и отъ хульнаго и злобнаго писанія которой задрожала бы рука гражданина природнаго [1]).

Челобитная, какъ можно было ожидать, сильно разгнѣвала Государыню. Извѣстія о гетманскихъ замыслахъ долетѣли до Петербурга со всѣхъ сторонъ. Архимандритъ Зосима Вальковичъ сообщилъ копію съ челобитной и всѣ подробности дѣла Кіевскому оберъ-коменданту Чичерину, Глуховскій комендантъ де-Латуръ извѣстилъ о томъ же Кіевскаго генералъ-губернатора Воейкова, — оба поспѣшили донести объ этомъ въ Петербургъ [2]), куда тайкомъ старшины успѣли отправить „съ нѣкоторыми письмами" войсковаго товарища Павловскаго [3]). Наконецъ, самъ гетманъ, не дождавшись новаго съѣзда, отправилъ къ Государынѣ подписанную только частію генеральной старшины челобитную [4]). Какъ кажется, графъ Кирила Григорьевичъ и не подозрѣвалъ, что дѣйствія его возбудили неудовольствіе въ Петербургѣ. Его туда вызвали, но онъ не спѣшилъ отъѣздомъ, посѣтилъ Батуринъ, отпраздновалъ новый годъ въ Глуховѣ и отправился въ столицу только 9-го Января [5]). Правленіе Малороссіи было ввѣрено Семену Васильевичу Кочубею, Василію Григорьевичу Туманскому и Данилѣ Петровичу Апостолу. Генеральному есаулу, хорунжимъ и бунчужнымъ гетманъ поручилъ передъ своимъ отъѣздомъ военный судъ и войска, приказавъ, по возможности, сохранять единообразіе въ мундирахъ и оружіи [6]). Гетманъ, какъ видно, вполнѣ разсчитывалъ на самое краткое пребываніе въ столицѣ. Онъ даже оставилъ въ Глуховѣ жену и дѣтей и поѣхалъ на-легкѣ. Вѣроятно, Тепловъ, втайнѣ противъ него дѣйствовавшій, успокоивалъ его своими письмами. Лишь только Разумовскій пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ его непріятно поразило извѣстіе, что Кіевъ исключенъ вновь изъ его вѣдомства. Государыня, благодаря Теплову, безпрестанно подававшему ей доклады по дѣламъ знакомой ему Малороссіи, уже и безъ того недовольная гетманомъ, теперь крайне была возмущена противъ него. Тепловъ въ докладахъ своихъ представлялъ всю опасность, грозившую Россіи отъ замысловъ Разумовскаго и волненія въ Малороссіи. Еще до пріѣзда гетмана, въ Петербургѣ распространился слухъ, что графиня Разумовская ѣдетъ въ столицу и что она была уже въ Кромахъ (Орловской губерніи). „Адамъ Васильевичъ",—писала Екатерина къ Олсуфьеву отъ 4-го Января 1764 года, „спроси у своего курьера, самъ ли онъ видѣлъ гетманшу, на-

[1]) Исторія Руссовъ, 249.
[2]) Бан.-Каменскій, III, 209.
[3]) Государственный Архивъ.
[4]) Марковичъ, Ист. Малороссіи, II, 653—654.
[5]) Зап. Марковича, II, 388—389.
[6]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, 210.

родный ли слухъ, или онъ отъ вѣрныхъ людей слышалъ, что она въ Кромѣ; напиши отвѣтъ и пришли, а я очень любопытна" [1]). Какъ скоро Разумовскій прибылъ въ Петербургъ, онъ явился во дворецъ. Тепловъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями. Графъ Григорій Орловъ, находившійся при этой встрѣчѣ, воскликнулъ: „и лобза его же предаде" [2]). Пріемъ, сдѣланный гетману, былъ самый холодный и глубоко оскорбилъ его.

„Гетманъ пріѣхалъ и былъ очень холодно принятъ", доносилъ въ секретной депешѣ отъ 12 Февраля н. с. 1764 г. графъ Букингамъ графу Сандвичу [3]). Разумовскаго всѣ любили, и между царедворцами образовалась въ его пользу цѣлая партія, громко осуждавшая правительство. Государыня, крайне ревнивая ко всему, что касалось до верховной власти, запретила гетману являться ко двору и требовала отъ него прошенія объ увольненіи отъ званія своего. Въ городѣ приписывали эту немилость интригамъ Орлова, и говорили, что Государыня гетманомъ назначитъ графа Григорія Григорьевича [4]). Эти слухи, которыми впослѣдствіи, вѣроятно, воспользовался Тепловъ, чтобы очистить себя въ глазахъ Разумовскихъ, глубоко оскорбляли Екатерину. „Адамъ Васильевичъ",— писала она отъ 17 февраля 1764 года къ Олсуфьеву, „дайте, пожалуй, разнымъ людямъ прочесть и сами разскажите друзьямъ своимъ происхожденіе гетманскаго дѣла, его поведеніе въ Малороссіи, какъ я два мѣсяца о томъ знала, какъ не вѣрила, наконецъ — какъ позвала Неплюева, Панина, Шаховского, васъ и вице-канцлера, какъ вы вообще всѣ согласны были на то, чтобъ Панинъ и Голицынъ къ нему поѣхали для растолкованія гетману непорядочныхъ его поведеній, и какъ, наконецъ, онъ самъ узналъ и они ему совѣтовали, дабы изъ этого съ честью выйтить, что индѣ дороги нѣтъ, какъ только просить объ увольненіи отъ этой должности; а нынѣ въ Петербургѣ иные говорятъ, будто то все происходитъ отъ гоненія на гетмана графа Григорія Григорьевича Орлова, и вамъ лучше извѣстно, сколь то ложно выдумано" [5]). Гетманъ долго не поддавался. Гетманша, не дождавшись мужа, въ Мартѣ мѣсяцѣ покинула Глуховъ и пріѣхала въ Петербургъ. До какой степени Государыня была гнѣвна на Разумовскаго, видно изъ другого писама ея къ Олсуфьеву отъ 27 Марта 1764 года [6]). Въ письмѣ этомъ Государыня, дѣйствуя совершенно

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1863, 424.

[2]) Б.-Каменскій, Ист. М. Россіи, III, прим. 73—74.

[3]) Hermann, Gesch. d. russ. St., V, 567. Депеша Сакена.

[4]) „Сборникъ Русск. Истор. Общ.", XII, 160.

[5]) „Русскій Архивъ", 1863, 427.

[6]) Въ „Русскомъ Архивѣ" (1863, 437) письмо это помѣчено отъ 27 Марта 1765. Тутъ явная ошибка. Весною 1765 г. Разумовскіе были уже за границею.

по-женски, старалась придраться и къ графинѣ Екатеринѣ Ивановнѣ. „Адамъ Васильевичъ“, гласитъ письмо это, „пошлите кабинетъ-курьера отселѣ до Москвы и велите ему навѣдаться подъ рукою и будто отъ себя, объ ѣздѣ сюда Катерины Ивановны Разумовской. Она сегодня пріѣхала, а сказываютъ, что лошадей по ста на станціяхъ безденежно брали и будто два гренадера и сержантъ, которые вездѣ предъ нею шествовали, прибили чуть не до смерти въ Яжелбицахъ ямщика и множество озорничества дѣлали по дорогѣ; и естьли то такъ, то велите курьеру, чтобъ онъ совѣтовалъ обиженнымъ мнѣ подать челобитенъ, прося защищенія и удовлетворенія; однако-жъ, чтобъ они въ правду просили, а не въ вымысленныхъ обидахъ. Пожалуй, умненько сдѣлайте; а какъ до Москвы доѣдетъ, то день другой проживъ, велите съ записанными извѣстіями ѣхать обратно сюда“.

Сторону Разумовскаго держалъ отчасти графъ Н. И. Панинъ, принимавшій живое участіе во всемъ этомъ дѣлѣ. Наконецъ, послѣ долгихъ переговоровъ, Разумовскій увидѣлъ, что дѣлать нечего, и рѣшился, по совѣту Панина, принести повинную Государынѣ. „Никита Ивановичъ“, писала Екатерина Панину, „гетманъ былъ у меня, и я имѣла съ нимъ экспликацію, въ которой онъ все то же сказалъ, чтò и вамъ, а наконецъ просилъ меня, чтобъ я съ него столь трудный и его персонѣ опасный чинъ сняла. Я на то отвѣтствовала, что я теперь о его вѣрности уже сумнѣваться не могу, а впредь съ нимъ далѣе изъяснюсь. Теперь извольте ему моимъ именемъ сказать, сегодня или завтра, чтобъ онъ письменно подалъ то, чтò онъ мнѣ говорилъ“. „Никита Ивановичъ, приведите, пожалуй, скорѣе къ окончанію дѣло гетманское“, пишетъ она ему далѣе. Гетманъ подалъ прошеніе въ Октябрѣ. Императрица, повелѣвшая Олсуфьеву составить секретныя инструкціи для губернаторовъ Ярославскаго, Астраханскаго и Новгородскаго (Мельгунова, Бекетова и Сиверса), письмомъ отъ 30 Октября приказывала ему изготовить такую же инструкцію для Малороссійскаго генералъ-губернатора, „оставя на имя его мѣсто“.—„Прибавить надлежитъ“, продолжала Императрица, „чтобъ сколь возможно привести оный народъ къ тому, чтобы мужики съ мѣста на мѣсто не перешли; и разбирать и раздѣлить le gouvernement militaire d'avec le civil, souverainement confondu dans cette province... раздѣлить ихъ настоящіе правы съ тѣми, которыя они сами себѣ присвоили, и во всемъ ему должно имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ. Доходовъ никакихъ нѣтъ оттуда, но еще отселѣ имъ дается 48,000. 2-й пунктъ. Сего пункта нѣсколько перемѣнить надобно и чтó на одну персону написано, писать на общее лицо“ [1]). Эта одна персона былъ несомнѣнно самъ гетманъ.

[1]) Тамъ же, 433.

Наконецъ, 10 Ноября 1764 года вышелъ указъ объ уничтоженіи гетманства, который начинался такъ:

„Божіею милостью, Мы, Екатерина II и проч. Объявляемъ нашему вѣрноподданному Малороссійскому народу, Малороссійскій гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ насъ всеподданнѣйше, чтобъ мы, въ разсужденіи пространства многотрудныхъ дѣлъ Малороссійскихъ, а напротивъ того и въ другихъ въ Великой Россіи не меньше важныхъ его упражненій, чѣмъ гетманство, и наложенное на него по тому правленіе Малой Россіи съ него сняли. Мы, видя его графа Разумовскаго не малое по справедливости обремененіе, и снисходя на его къ намъ всеподданнѣйшее прошеніе, уволили его всемилостивѣйше, какъ отъ чина гетманскаго, такъ и отъ всѣхъ Малороссійскихъ по оному дѣлъ".

Того же числа Государыня, переименовавъ Разумовскаго въ генералъ-фельдмаршалы, пожаловала ему пожизненно гетманское содержаніе въ 50,000 рублей на годъ, съ прибавкою изъ Малороссійскихъ доходовъ 10,000 рублей, городъ Гадячъ съ ключемъ, т.-е. съ селами и деревнями, Быковскую волость и домъ, построенный на казенныя деньги въ принадлежавшемъ уже ему Батуринѣ [1]).

Изъ всѣхъ дипломатовъ, находившихся въ то время въ Петербургѣ, одинъ только Сольмсъ зналъ подробности этого дѣла. Оказывается, что по Европѣ стали ходить слухи о новомъ заговорѣ противъ Екатерины. Фридрихъ II счелъ за долгъ объ этомъ извѣстить Государыню. Панинъ иронично благодарилъ за сообщеніе и добавилъ, что Императрицѣ было уже извѣстно нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что онъ, Панинъ, вмѣстѣ съ гетманомъ, составили заговоръ съ цѣлью свергнуть Императрицу и посадить на престолъ наслѣдника. Императрица выказала себя великодушною, отвергнувъ это извѣстіе... „Что касается до гетмана", доносилъ Сольмсъ въ депешѣ отъ 17 (28) Апрѣля 1764 года, „то мнѣ кажется, что онъ не такой человѣкъ, какой нуженъ для подобныхъ смѣлыхъ предпріятій; онъ лѣнивъ и безпеченъ, любитъ только комфортъ и хорошій столъ, и чистосердечно ненавидитъ трудъ и занятія. Тѣмъ не менѣе, онъ принадлежитъ къ числу недовольныхъ, потому что въ настоящее время у него хотятъ отнять присвоенную его званію власть и низвести его въ положеніе близко сходное съ положеніемъ частнаго человѣка. Но въ подобное затрудненіе онъ поставилъ себя самъ, своею безпечностью, предоставивъ управленіе Украйною своимъ старшинамъ, вслѣдствіе чего народъ былъ ужасно притѣсняемъ, самъ онъ обѣднѣлъ, а всѣ эти люди обогатились. Жалобы дошли, наконецъ, до Е. И. В., и на него косо стали смотрѣть. Но всего болѣе повредило ему неблагораз-

[1]) Ригельманъ, Повѣствованіе о Малой Россіи, IV, 22.

уміе: онъ разрѣшилъ части Украинскаго дворянства собраться въ сеймъ, гдѣ они подписали челобитную къ Императрицѣ, прося признать должность гетмана наслѣдственною въ его семействѣ, избравъ одного изъ сыновей гетмана для наслѣдованія ему въ случаѣ смерти, и даровать ему и народу нѣкоторыя старинныя права, которыя Петръ I благоразумно отмѣнилъ. Враги графа Разумовскаго объясняютъ это, какъ попытку сдѣлаться независимымъ отъ Россіи и Императрица уже готова была предать его суду. Графъ Панинъ вмѣшался, и тогда дѣло было разслѣдовано, причемъ, какъ оказалось, графъ погрѣшилъ противъ разума, но не противъ сердца. Въ настоящую минуту, чтобы нѣсколько удовлетворить государство, у гетмана отбираютъ всѣ принадлежащія ему права и власть, которыя переходятъ въ руки малороссійской коллегіи; онъ же сохранитъ, однако, пожизненно всѣ почести и доходы, присвоенные его прежней должности, такъ что лишается онъ только труда, а оставляетъ за собою всѣ удобства, которыми пользовался“ [1]).

Только по истеченіи четырехъ лѣтъ узнали суть дѣла товарищи Сольмса, и англійскій повѣренный въ дѣлахъ, Генрихъ Ширлей, въ депешѣ къ виконту Веймоту (Waymouth) отъ 20-го (31-го) Іюля 1768 г. повѣствуетъ: „Нѣкоторыя знатныя лица удаляются въ Москву, утомленныя и недовольныя дворомъ и властію человѣка (Орлова), который, шесть лѣтъ тому назадъ, стоялъ на столько ихъ ниже. Назову только шталмейстера князя Рѣпнина [2]) и фельдмаршала графа Разумовскаго, о которомъ я слышалъ, что онъ испрашиваетъ дозволенія удалиться на нѣкоторое время въ свои помѣстья. Однако, подлежитъ сомнѣнію, будетъ ли это ему разрѣшено, вслѣдствіе обстоятельства, о которомъ я недавно узналъ отъ лица, хорошо знающаго такого рода дѣла. Вскорѣ послѣ коронованія Е. И. В., графъ Разумовскій, бывшій тогда гетманомъ казаковъ, считалъ возможнымъ убѣдить Малороссіянъ сдѣлать гетманство наслѣдственнымъ въ его родѣ. Съ этимъ намѣреніемъ онъ отпросился въ свои имѣнія, расположенныя въ этой части Россіи. Тотчасъ по пріѣздѣ своемъ туда, онъ собралъ Малороссовъ и изложилъ имъ свое желаніе. Но противъ этого сильно и дѣятельно возстали многіе, даже двое изъ лучшихъ друзей Разумовскаго объявили, что готовы сдѣлать для него все, кромѣ лишенія себя права избирать гетмана. Въ то время, какъ шли эти препирательства, сюда былъ отправленъ гонецъ, сообщившій Императрицѣ о попыткѣ графа. Ему немедленно было приказано вернуться въ Петербургъ, а три полка, расположенные въ окрестностяхъ Украй-

[1]) Сборникъ Им. Росс. Истор. Общества, XXII, 247—248.

[2]) Князь Петръ Ивановичъ Рѣпнинъ—оберъ-шталмейстеръ, † 1778.

ны, были туда секретно отправлены, дабы въ случаѣ, если бы гетманъ сталъ колебаться, заставить его подчиниться повелѣніямъ Ея Величества. Графъ, убѣдясь въ невозможности успѣха, счелъ за лучшее покориться. Онъ былъ лишенъ званія гетманскаго, совершенно уничтоженнаго, а взамѣнъ получилъ значительную пожизненную пенсію. Съ тѣхъ поръ старались сравнить положеніе Малороссовъ съ положеніемъ русскихъ крѣпостныхъ, что̀, какъ слышно, вызвало сильное недовольство... При такихъ условіяхъ, желаніе графа Разумовскаго ѣхать въ свои помѣстья кажется немного подозрительнымъ и хотя Императрица совершенно убѣждена, что ему невозможно будетъ снова занять тамъ свое прежнее положеніе, однако, она не желаетъ подавать ему случай къ подобнымъ попыткамъ, послѣ которыхъ пришлось бы ей принимать мѣры строгости, что̀ было бы ей крайне прискорбно и совершенно противорѣчило принятому ею образу дѣйствій“ [1]).

Такъ кончилось гетманство графа Кирилы Григорьевича. Въ четырнадцатилѣтнее свое управленіе онъ старался, по мѣрѣ силъ своихъ, быть полезнымъ родному краю. Не надо забывать, что воспитаніе его было самое поверхностное, что, силою обстоятельствъ перенесенный изъ хаты на школьную скамью, а съ нея брошенный въ вихрь блестящаго и веселаго двора Елизаветы, онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть никакой серьёзной подготовки къ административной дѣятельности. Тамъ, гдѣ имъ руководили природный умъ и доброе сердце, тамъ дѣло всегда шло на ладъ. Къ сожалѣнію, гетманъ легко поддавался чужому вліянію. Тепловъ, генеральная старшина, и корыстная родня, старуха мать, души не чаявшая въ дочеряхъ и всегда готовая за нихъ вступиться, всѣ болѣе или менѣе руководили Разумовскимъ и нерѣдко подстрекали его къ дѣйствіямъ, которыя, къ несчастію, тяжело отозвались на бѣдныхъ посполитыхъ людяхъ Малороссійскихъ. „Управленіе Разумовскаго“, говоритъ г. Лазаревскій, „было для Малороссіянъ тягостнѣе всѣхъ его предшественниковъ, хотя, быть можетъ, послѣдній гетманъ былъ лучшимъ человѣкомъ изъ всего ряда ея правителей XVIII в. Несмотря на свое происхожденіе, Разумовскій не зналъ больныхъ мѣстъ своей родины и непосредственное завѣдываніе краемъ ввѣрилъ той самой старшинѣ, которую въ стремленіяхъ ея къ окончательному порабощенію народа могъ сдерживать только суровый надзоръ Великороссійскихъ чиновниковъ. При Разумовскомъ старшина окончательно взяла верхъ и, пользуясь родственными связями съ гетманомъ, спѣшила забирать оставшіяся еще свободными села „въ вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ владѣніе“, формула совершенно новая, впервые явив-

[1]) Сборникъ Истор. Общества, XII, 340.

ГРАФЪ КИРИЛА ГРИГОРЬЕВИЧЪ
РАЗУМОВСКІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

еще свободными села „въ вѣчное и потомственное свое и наслѣдниковъ своихъ владѣніе“, формула совершенно новая, впервые явив-

¹) Сборникъ Истор. Общества, XII, 340.

шаяся въ гетманскихъ универсалахъ при Разумовскомъ. „Закрѣпощеніе крестьянъ“, продолжаетъ г. Лазаревскій, „узаконенное черезъ двадцать лѣтъ послѣ гетманства Разумовскаго, было логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ отношеній старшины къ народу, которыя окончательно установились при Разумовскомъ“ [1]).

Въ то время, когда разыгрывалась въ Глуховѣ и Петербургѣ гетманская траги-комедія, на берегахъ Вислы, старый пріятель Разумовскаго нежданно и негаданно надѣвалъ вѣнецъ Ягеллы. Мы упоминали о томъ, что графъ Станиславъ Понятовскій, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, былъ свой человѣкъ въ домѣ графа Кириллы Григорьевича. Послѣ отъѣзда своего изъ Россіи, Станиславъ-Августъ продолжалъ изрѣдка переписываться съ гетманомъ. Вотъ два письма его, сохранившіяся въ архивѣ графа А. С. Уварова.

I.

Monseigneur,

Le sieur Kuczewski gentilhomme Polonais qui aura l'honneur de remettre cette lettre à v. e., aura en même temps celui de vous exposer ses plaintes à la charge de certains cosaques de la Siecz, dont il compte de produire (sic) devant v. e. des preuves sans réplique. Comme les cosaques de la Siecz relèvent aussi de l'autorité de v. e., il vous sera aisé, monseigneur, de faire rendre justice au sieur Kuczewski, que je recommande particulièrement pour cet effet à la bonté et à la protection de v. e. Je profite de cette occassion pour vous rappeler le souvenir de celui, qui s'étant toujours fait honneur de son attachement pour vous, ne cessera d'être toujours avec les mêmes sentiments d'amitié et de respect, monseigneur, de v. e. le trés humble et très obeissant serviteur Stanislas Poniatowski Stolnik de Lithuanie.

Varsovie, ce 10 (21) Novembre 1763.

II.

Me souvenant toujours avec reconnaissance des agréments dont j'ai joui dans la maison de v. e. pendant mon séjour en Russie; c'est un avantage que je souhaite à tous ceux à qui je m'interesse et vont dans ce pays-là, d'être à même de vous voir et d'être bien vu de vous. Je

[1]) „Русскій Архивъ“, 1873, 383—384. Очерки изъ быта Малороссіи въ XVIII вѣкѣ, ст. Лазаревскаго.

le souhaite particulièrement à m-r Oskierka, Czesnik de Lithuanie, délégué de la confédération du grand duché à S. M. I. de toutes les Russies, qui aura l'honneur de vous remettre celle-ci. Je lui envie son voyage à bien des égards. Il me serait bien doux de pouvoir Vous renouveler de bouche les assurances du véritable et constant attachement dans lequel и пр.

Varsovie, ce 24 Avril 1764.

Какъ скоро графъ Кирила Григорьевичъ узналъ объ избраніи Понятовскаго онъ поспѣшилъ письменно поздравить его.

„Sire", писалъ къ нему Разумовскій, „personne ne peut prendre plus de part à l'avènement au trône de V. M. que l'amitié Vous a de tout temps aussi solidement attaché que moi; permettez donc, Sire, que je Vous présente mes félicitations et que je fasse des voeux pour la prospérité de votre règne. Heureux le peuple qui est gouverné par un Prince qui faisait remarquer, avant d'être sur le trône, toutes les qualités qui peuvent y faire parvenir et qui a aussi dignement rassemblé les suffrages d'un pays qui n'aspirait qu'à la félicité de Vous avoir pour maître. J'ai l'honneur de connaitre suffisament V. M. pour être persuadé de la solidité de son bonheur et qu'à la longue, loin de diminuer la joie d'être sous un Prince tel que Vous, leur félicité auguementera à chaque nouvelle année de votre règne lequel je désire être prolongé à l'infini. Une longue et dangereuse maladie qui m'ôtait toute faculté de penser a été cause que j'ai tardé si longtemps à présenter mes respectueux compliments à V. M., mais reprenant l'usage de mes sens, cela a été mon premier soin de même que Vous demander la continuation de Vos bontés.

S.-Pétersbourg, Novembre 1764 [1]).

Двери дворца снова раскрылись для графа Кирилы Григорьевича. До тѣхъ поръ имя его мы встрѣчаемъ только разъ въ „Камеръ-фурьерскомъ журналѣ" между лицами, приглашенными ко двору, и то по случаю двойной свадьбы, племянника и племянницы, Андрея Осиповича Закревскаго на княгинѣ Маріи Ивановнѣ Одоевской и фрейлины Софьи Ефимовны Дараганъ за князя Петра Васильевича Хованскаго [2]); но уже въ Іюнѣ онъ сопутствуетъ Государынѣ въ поѣздкѣ ея по Прибалтійскому краю, и съ этихъ поръ, какъ видно изъ „Записокъ Порошина", безпрестанно обѣдаетъ во дворцѣ, бываетъ у Наслѣдника и играетъ въ карты съ Государыней. Какъ мало уничтоженіе гетман-

---

[1]) Архивъ гр. Уварова.

[2]) Камеръ-фурьерскіе журналы, 1764 г.

ства пошатнуло довѣріе графа Кирилы Григорьевича къ Теплову, видно изъ слѣдующаго письма отъ гетмана, писаннаго почти на другой день послѣ увольненія его, къ Ивану Перфильевичу Елагину, бывшему въ то время, какъ уже сказано, однимъ изъ секретарей Государыни.

Письмо это мы приводимъ со всѣми украинизмами Разумовскаго.

Государь мой и другъ Иванъ Перфильевичъ! прошу васъ государя моего приложенную челобитную о коммиссіи Почеповской представить Е. И. В. нашей всемилостивѣйшей Государынѣ. Я, вѣдая обстоятельно, что оная или за посули секретарямъ и подъячимъ или отъ непроницательства судьями дѣлъ и обыкновеній Малороссійскихъ помѣщиковъ, до такого замѣшательства доведена, что не только мнѣ, но едваль и наслѣдникамъ моимъ доведется видѣть окончаніе оной. Чего для симъ моимъ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ принужденъ прибѣгнуть третично къ защищенію и правосудію нашей всемилостивѣйшей Монархини, прося всенижайше, чтобъ сіе дѣло разсмотрѣно было въ какомъ ни есть сенатскомъ департаментѣ. Васъ же, государя моего, прошу внушить Е. И. В., дабы высочайшимъ своимъ имяннымъ указомъ изволили повелѣть по сему дѣлу, для объясненія господамъ сенаторамъ, присутствовать Григорію Николаевичу Теплову, яко одному такому, который по справедливости тамошнія дѣла въ точности ихъ вѣдаетъ. Симъ способомъ правосудіе снискано будетъ, и дѣла, получа свою ясность отъ затмѣнія ябедниковъ, челобитчиковъ, секретарей и подъячихъ ихъ помощниковъ, получатъ свое скорое и справедливое какъ для интересовъ государевыхъ, такъ и для меня окончаніе, надѣюсь не долѣ, какъ въ два мѣсяца. Я есмь со всегдашнимъ моимъ почтеніемъ и дружбою, вашъ государя моего всепокорный другъ и слуга, графъ К. Разумовскій.

Ноября 2, 1764 [1]).

Возвращаясь изъ Балтійскаго края, Екатерина заѣхала къ старому графу Алексѣю Григорьевичу въ Гостилицы. Она туда прибыла въ 11 часовъ пополудни; у крыльца встрѣтилъ ее хозяинъ „со всѣми своими свойственниками“, и для высочайшаго прибытія, изъ поставленныхъ предъ домомъ пушекъ, производилась пушечная пальба изъ 101-го выстрѣла. „Вечернее кушанье Е. И. В. изволили кушать въ 18-ти персонахъ; при столѣ пили здоровье, причемъ производилась пушечная пальба: 1) Е. И. В. благополучнаго прибытія зачиналъ е. с. графъ Алексѣй Григорьевичъ съ выстрѣломъ 51 пушки. 2) Е. И. В. изволила зачинать пить здоровье е. с. графа, яко хо-

[1]) Изъ Государственнаго архива.

зяина тому дому, съ выстрѣломъ 21-й пушки“. На другой день былъ обѣдъ въ 30 кувертовъ, и Государыня изволила кушать въ 30-ти персонахъ, въ продолженіе котораго пѣли пѣвчіе графа и пили тѣ же здоровья. Потомъ Государыня играла въ карты, каталась съ горъ и въ линеѣ по саду. За ужиномъ „столъ былъ убранъ пристойною великолѣпностью, а изъ пирамидъ были пущены по два фонтана“. 23-го Іюля, послѣ завтрака, пожаловавъ хозяина и свойственниковъ его къ рукѣ, Государыня отправилась при пушечной пальбѣ въ Петергофъ [1]).

Если вѣрить преданію, бывшаго гетмана ожидала въ Петербургѣ новая непріятность. 5-го Іюля, въ день выѣзда Императрицы изъ Пернавы, произошло въ Шлиссельбургѣ покушеніе Мировича, стоившее жизни несчастному затворнику Ивану Антоновичу. Въ судьи Мировича, гласитъ преданіе, назначенъ былъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Когда судьи спросили подсудимаго, кто подалъ ему мысль предпринять такое ужасное дѣло? — тотъ отвѣчалъ: — „г. гетманъ графъ Разумовскій“. — Всѣ судьи, а въ томъ числѣ и Разумовскій, были крайне изумлены. Оказалось, что Мировичъ доискивался до имѣнія, несправедливо отнятаго у его предковъ, и не разъ объ этомъ просилъ гетмана. Графъ отвѣчалъ ему однажды, что мертваго изъ гроба не ворочаютъ и добавилъ: „ты молодой человѣкъ, самъ прокладывай себѣ дорогу, старайся подражать другимъ, старайся схватить фортуну за чубъ и будешь такимъ же паномъ, какъ и другіе“. Эти слова графа подали Мировичу мысль искать счастія въ возведеніи принца Ивана на престолъ [2]). Преданіе это, набросанное на бумагу Г. Ѳ. Квиткою, имѣетъ много правдоподобнаго. Екатеринѣ же все, напоминавшее про дѣло Мировича, было особенно непріятно. Такъ, генералъ-поручикъ Александръ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ, командовавшій во время заговора полкомъ, въ которомъ служилъ Мировичъ, никогда не могъ добиться, несмотря на всѣ усилія честолюбивой жены и знатныхъ при дворѣ родственниковъ ея, до генералъ-аншефскаго чина. Хотя совсѣмъ бездоказательно, однако, все-таки имя Разумовскаго было замѣшано въ дѣлѣ. Онъ почелъ благоразумнымъ, а быть можетъ, ему присовѣтовали свыше, удалиться на время отъ двора, и въ Апрѣлѣ 1765 года онъ отправился за границу.

Въ царствованіе Петра III и въ первые годы правленія Екатерины Разумовскій, находившійся безпрестанно при Императорѣ, занятый Малороссіею, государственными переворотами и вопросомъ о гетманствѣ, мало занимался академіею. Однако изъ Москвы отъ 17 Апрѣля 1763 онъ писалъ академической канцеляріи, что „гг. членамъ

---

[1]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1764 (дополненіе).

[2]) „Русскій Архивъ“, 1863 г., 478.

рекомендуется впредь излишніе между собою споры оставить, наблюдая благопристойность и честь академіи, а дѣлать то, съ чего бы вящшая государству польза слѣдовать могла“. Споры между академиками однако не переставали усиливаться. Ломоносовъ принималъ въ нихъ такое живое участіе, что въ Москвѣ поднятъ былъ вопросъ объ увольненіи его изъ академіи. Указомъ отъ 2-го Мая 1763 г. Ломоносовъ былъ пожалованъ въ статскіе совѣтники и въ то же время отставленъ вовсе отъ службы съ половиннымъ по смерть жалованьемъ. Черезъ десять дней, однако, Императрица отправила въ сенатъ собственноручную записку съ предписаніемъ прислать къ ней обратно указъ объ отставкѣ. Такимъ образомъ Ломоносовъ получилъ давно желаемый чинъ и все-таки остался при академіи. 2-го Іюля 1763 года, въ отсутствіе президента, находившагося въ Малороссіи, Екатерина, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ и блестящею свитою придворныхъ дамъ и кавалеровъ, посѣтила торжественное засѣданіе академіи. Никогда еще академія не удостоивалась подобной чести. Государыня прослушала рѣчи Эпинуса, Цейгера и Румовскаго, произнесенныя по-нѣмецки и по-русски, что̀ также было нововведеніемъ, такъ какъ до тѣхъ поръ одинъ Латинскій языкъ допускался въ академіи, приняла отъ профессора Мюллера новыя изданія, пожелала видѣть опыты профессора Цейгера и, поблагодаривъ всѣхъ академиковъ, возвратилась въ лѣтній дворецъ. На другой день всѣ академики явились во дворецъ благодарить Государыню и цѣловали ея руку. Во время путешествія Екатерины по Остзейскому краю, куда сопровождалъ ее Разумовскій, началась ожесточенная борьба между Ломоносовымъ и Шлёцеромъ. Ломоносовъ представилъ на отъѣзжавшаго за границу Шлёцера доносъ прямо въ сенатъ. Сенатъ распорядился не выдавать заграничнаго отпуска Шлёцеру и предписалъ академической канцеляріи отобрать у несчастнаго адъюнкта историческія рукописи. Таубертъ не спѣшилъ исполнять приказаніе сената, а Ломоносовъ, напротивъ, поспѣшилъ съ новымъ доносомъ. Тѣмъ временемъ вернулся графъ Кирила Григорьевичъ и сейчасъ же по пріѣздѣ получилъ указъ отъ сената, въ силу котораго предписывалось президенту о Шлёцерѣ и о важныхъ рукописяхъ, у него находившихся, произвести надлежащее слѣдствіе по своему благоусмотрѣнію и о томъ, что̀ по этому дѣлу учинено будетъ, рапортовать сенату. Вся эта исторія и огорчила, и обидѣла Разумовскаго. Таубертъ былъ къ нему особенно близокъ, пользовался его полнымъ довѣріемъ и былъ главнымъ руководителемъ воспитанія его сыновей, а самъ Шлёцеръ находился при нихъ наставникомъ и жилъ вмѣстѣ съ ними. Образъ дѣйствій Ломоносова былъ по малой мѣрѣ странный. Графъ Кирила Григорьевичъ потребовалъ отъ безпокойнаго академика отвѣтъ, для чего мимо президента, яко глав-

наго командира, утруждалъ онъ правительствующій сенатъ о такомъ дѣлѣ, которое, въ силу академическаго регламента, подлежало единственно разсмотрѣнію и рѣшенію президента. Отвѣтъ Ломоносова былъ гордъ и самонадѣянъ до крайности: онъ не только не извинялся, но съ перваго же пункта становился какъ-бы обвинителемъ самого Разумовскаго. Началась нескончаемая переписка, пошли новыя жалобы и доносы въ сенатъ. Борьба между Ломоносовымъ, Таубертомъ и Шлёцеромъ дошла до послѣднихъ границъ. Самая крупная брань градомъ сыпалась съ обѣихъ сторонъ, причемъ нельзя не замѣтить, что зачинщикомъ былъ постоянно Ломоносовъ. Дѣло, наконецъ, окончилось назначеніемъ Шлёцера ординарнымъ профессоромъ при академіи съ значительнымъ жалованьемъ, вслѣдствіе прошенія, поданнаго имъ на высочайшее имя и сильно поддержаннаго Тепловымъ. Эти внутренніе раздоры, а, быть можетъ, тоже примѣръ Государыни, дѣятельно принявшейся за дѣло воспитанія, побудили Разумовскаго ввести новыя реформы въ академіи. Въ Мартѣ 1764 президентъ далъ предложеніе академической канцеляріи, чтобы Ломоносовъ и Таубертъ „обще или, если не согласятся, то порознь, приглася каждому къ себѣ изъ гг. профессоровъ, кого пожелаютъ, учинить проекты, во-первыхъ, на какомъ основаніи академическому ученому Корпусу по нынѣшнему состоянію и впредь быть должно, а потомъ и прочимъ департаментамъ порознь, токмо-бъ располагаемая сумма не превосходила аппробованнаго штата“. Поводомъ къ этому распоряженію выставлялось несогласіе съ академическимъ штатомъ наличнаго состава служащихъ при академіи разныхъ лицъ... „Къ тому же“, добавлялъ Разумовскій, „и самые опыты указали, что разные въ регламентѣ предписанные распорядки не соотвѣтствуютъ ожидаемой отъ оныхъ пользы“ [1]). Смерть Ломоносова и отъѣздъ за границу президента положили конецъ этимъ предполагаемымъ реформамъ. Въ бумагахъ эксъ-гетмана сохранилось, относящееся къ этому времени, благодарственное письмо отъ д'Аламберта [2]) за избраніе его въ почетные члены академіи, слѣдующаго содержанія:

Monsieur, je n'ai reçu que depuis très peu de jours par le canal de M-r le prince Galitzine [3]) le diplôme, que v. e. m'a fait l'honneur de m'envoyer et la lettre très obligeante qu'elle a bien voulu y joindre.

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, 785—849.

[2]) Д'Аламберъ род. 1717, † 1783. Екатерина на первомъ году царствованія вошла съ нимъ въ переписку, призывала въ Петербургъ, чтобъ быть воспитателемъ Великаго Князя и предлагала ему огромное жалованье. Философъ отказался. Нѣтъ сомнѣнія, что вниманіе Екатерины побудило академію избрать его въ члены.

[3]) Князь Дмитрій Алексѣевичъ Голицынъ, род. 1734, сконч. въ 1799. До 1764 онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ, а съ 1764 въ Гагѣ.

J'ai déjà eu l'honneur de remercier l'illustre Académie Impériale par une lettre, que j'ai remise à M-r le prince Galitzine, dès que j'eus appris mon élection. Permettez moi, monsieur, de l'assurer de nouveau de mon respect, de mon attachement et de ma recconnaissance. Permettez moi aussi de vous assurer des mêmes sentiments, comme étant le digne chef de cette illustre compagnie, depuis longtemps connu dans toute l'Europe par votre amour éclairé pour les sciences et les lettres. Je suis avec un profond respect, monsieur, de v. e. le très humble et très obeissant serviteur D'Alembert.

A Paris, le 3 Novembre 1764 [1]).

Въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей напечатаны также письма Эйлера къ Разумовскому и Тауберту. Изъ нихъ мы видимъ, что, благодаря заступничеству Разумовскаго, Эйлеръ въ 1763 году получилъ 1200 рублей въ награду за Шарлоттенбургскій домъ его, разрушенный Русскими войсками при взятіи Берлина, и что недовольный предпочтеніемъ, оказываемымъ въ Берлинѣ Французамъ, онъ желалъ вернуться въ Россію. Эйлеръ только опасался, что „Monseigneur le Hetman" сердился на него за прежній отказъ и желалъ, чтобы графу объяснены были тогдашнія критическія его обстоятельства [2]).

Отвѣтъ Эйлеру уже приказала написать сама Государыня, послѣ отъѣзда Разумовскаго. „Monsieur le comte Worontzow", писала она къ графу Михаилу Илларіоновичу, отъ 6 января 1766 года, „la lettre que M-r Euler vous a ecrite m'a causé beaucoup de satisfaction, par la raison que j'y vois son désir d'entrer derechef au service. Assurément je le trouve parfaitement digne de la place de vice-président de l'Académie des sciences qu'il souhaite, mais pour cela il y a certaines mésures à prendre avant que je puisse établir cette charge; je dis établir, car jusqu'à présent il n'y en a pas eu. Le comte Rasoumofski à son départ m'a résigné sa charge de président, que je n'ai pu remplir jusqu'ici; j'avois donc pensé à mettre adinterim un vice président de qualité, qui, je crois, refusera par modestie la charge de président pour laquelle d'ailleurs les candidats sont difficiles à trouver, ainsi je ne puis rien répondre sur cet article pour le présent à M-r Euler [3]).

Такимъ образомъ окончилось двадцатилѣтнее президентство Разумовскаго. Хотя новый директоръ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, продолжалъ оказывать Кирилѣ Григорьевичу всѣ должные

---

[1]) Изъ архива графа Уварова.
[2]) Чтенія Об. Ист. и Древ., за 1866, IV. Смѣсь, 130—133.
[3]) Архивъ князя Воронцова, VII, 650—651.

почетному предсѣдателю знаки уваженія, что продолжалось до назначенія въ президенты княгини Дашковой, самъ эксъ-гетманъ со дня отъѣзда за границу считалъ себя уже вполнѣ чуждымъ академіи. Разумѣется, въ эти двадцать лѣтъ Разумовскій не много сдѣлалъ для науки, но не надо забывать, что во главу академіи онъ попалъ 18-ти лѣтъ, почти прямо изъ реестровыхъ казаковъ, не сознавая ни цѣли ея, ни значенія, ни пользы. Понятно, что при такихъ условіяхъ онъ не могъ обойтись безъ руководителя, что неопытностью его воспользовались люди ловкіе и властолюбивые, но тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что дѣло могло бы идти гораздо хуже. Въ Разумовскомъ при неоспоримомъ природномъ умѣ было еще много такта, и тактъ этотъ часто выводилъ его изъ самаго затруднительнаго положенія. Къ тому же, это была вполнѣ русская натура, сочувственно отзывавшаяся ко всякому родному звуку, чуткая къ каждому проявленію народнаго духа. Каково бы было положеніе Ломоносова при Бреверне или Корфѣ? Его бы затерли такъ, что едва ли дошелъ бы до насъ слухъ о немъ. Грубыя выходки, неуживчивость, раздражительная щекотливость геніальнаго академика могли, впрочемъ, всякаго вывести изъ терпѣнія. Враговъ онъ себѣ нажилъ всюду, но особенно между самыми близкими къ Разумовскому людьми и, несмотря на это, президентъ выказывалъ къ нему почти невозмутимое долготерпѣніе. Самъ Ломоносовъ чувствовалъ это и не разъ отдавалъ справедливость добротѣ Разумовскаго. Правда, что въ долгое президентство гетмана всѣ попытки (за исключеніемъ одного Шлёцера и то въ послѣдніе годы) къ приглашенію извѣстныхъ ученыхъ изъ-за границы оставались безуспѣшными, но за то данъ былъ первый толчокъ отечественной литтературной дѣятельности, хотя пока только переводной, и впервые стали появляться у насъ академики изъ Русскихъ. Кромѣ Ломоносова и Тредіаковскаго мы встрѣчаемъ еще, въ президентство Разумовскаго, между академиками и адъюнктами имена: Крашенинникова, Никиты Попова, Котельникова, Румовскаго, Софронова, Красильникова, Козицкаго и Матониса, и это въ то время, когда поддерживаемый Тепловымъ, Шумахеръ могъ открыто жаловаться: „что я-де великую прошибку въ политикѣ своей сдѣлалъ, что допустилъ Ломоносова въ профессоры“, а приближенный къ президенту Таубертъ говорить: „развѣ-де намъ десять Ломоносовыхъ надобно, и одинъ намъ въ тягость“ [1]).

„На сихъ дняхъ“, писалъ великій канцлеръ Воронцовъ къ И. И. Шувалову отъ 15 Апрѣля 1765 г., изъ Петербурга, „отъѣзжаетъ отсюда графъ К. Г. Разумовскій въ Ахенъ, откуда намѣренъ поѣздку учи-

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи, II, XLVIII.

нить во Францію, Италію и Англію" [1]). Разумовскій отправился за границу вмѣстѣ съ сыновьями; проѣзжая въ Ахенъ, онъ остановился въ Берлинѣ. Здѣсь онъ представился Фридриху-Великому, двадцать лѣтъ тому назадъ оказавшему вниманіе молодому школьнику, скрывавшемуся подъ названіемъ Обидовскаго. Король принялъ путешественника весьма ласково и пригласилъ его на большіе маневры. „Какого вы мнѣнія о движеніяхъ войска?" спросилъ его Фридрихъ. „Государь", отвѣчалъ графъ Кирила Григорьевичъ, „я фельдмаршалъ не военный, а гражданскій". „Такихъ чиновъ мы здѣсь не знаемъ", иронически замѣтилъ король Прусскій [2]). „Я былъ обрадованъ", писалъ Фридрихъ-Великій къ Екатеринѣ отъ 1 Іюня 1765 года изъ Санъ-Суси, „узнавъ отъ графа Разумовскаго, что В. И. В. совершенно поправились послѣ нездоровія, которое чувствовали; фельдмаршалъ этотъ былъ принятъ здѣсь такъ, какъ должны быть приняты всѣ, имѣющіе счастіе зависѣть отъ васъ" [3]). Изъ Ахена Разумовскій поѣхалъ въ Мангеймъ, откуда отправилъ сыновей въ Стразбургъ, самъ же остановился при блестящемъ дворѣ курфюрста-палатина Карла-Теодора, старавшагося на берегу Рейна завести малое подобіе Версаля. Какъ видно, палатинъ радушно принялъ графа Кирилу Григорьевича, который по просьбѣ его сталъ хлопотать о доставленіи Александровской ленты любимцу курфюрста, барону Фюрстенбергу и написалъ о томъ Никитѣ Ивановичу Панину, завѣдывавшему коллегіею иностранныхъ дѣлъ.

„Votre Excellence a marqué en cour", отвѣчалъ ему Панинъ отъ 28 Сентября 1765 г., „le désir que l'électeur Palatin lui a fait connaitre de voir le baron de Fürstenberg sont lieutenant-général décoré de l'ordre de St. Alexandre Newski. S. M. I. ne doutant point sur une telle recommandation que le b. de Fürstenberg ne soit digne de la distinction qu'il demande, s'est fait un plaisir de la lui accorder, d'autant plus qu'il a paru que v. e. s'y interessait. L'Impératrice a de plus en vue en faisant cette faveur à une personne que l'électeur honore de ses bontés de donner une marque de ses sentiments personnels pour S. A. S. Je joins ici les marques de l'ordre que vous voudrez bien, monsieur, faire parvenir ou à l'électeur pour en revêtir le nouveau chevalier, ou directement au baron de Fürstenberg, suivant que vous le trouverez plus à propos. Je suis bien aise d'avoir cette occasion de faire mon compliment à v. e. sur la bonne santé dont elle jouit dans son voyage. Je lui en souhaite la continuation [4]).

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1864, 382.
[2]) Castera, Historie de Catherine II, I, 221.
[3]) Сборникъ Русск. Истор. Общества, XX, 224.
[4]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

Изъ Мангейма въ концѣ Іюля Разумовскій проѣхалъ въ Парижъ. Отсюда онъ предложилъ Екатеринѣ купить богатое собраніе рѣдкостей Перувіанца донъ-Педро-Франко-Давила (Davila), пользовавшееся громадною извѣстностію и которое въ то время продавалось. „S. M.“, писалъ по этому случаю къ Разумовскому Панинъ отъ 18 Февраля 1766 года, „est assez disposée à faire l'acquisition du cabinet de M. Davila. Je prie pour cet effet v. e. de nous en procurer le catalogue [1]). Vous voudrez bien, monsieur, quand vous serez de retour à Paris entrer en marché avec le propriétaire, en nous informant toutefois du prix avant de rien conclure [2]).

Путеводителемъ Разумовскаго по Парижу былъ И. И. Шуваловъ. „Я любопытенъ знать“, писалъ къ послѣднему отъ 12 Октября 1765 г. графъ М. И. Воронцовъ, „полюбился ли Парижъ и тамошнее обхожденіе графу Кирилѣ Григорьевичу. Вы, какъ старожилъ Парижскій, многимъ ресурсомъ находитесь Русскимъ вояжирамъ“ [3]). Ознакомившись съ Парижемъ, Разумовскій посѣтилъ Фонтенбло и въ концѣ года поѣхалъ въ Италію. „За сообщеніе о бытности графа К. Г. въ Фонтенбло и о скоромъ выѣздѣ его въ Италію, много в. п. благодарствую“, писалъ Воронцовъ къ Шувалову отъ 16 Декабря 1765 г. [4]). По дорогѣ въ Италію Разумовскій остановился въ Стразбургѣ, гдѣ воспитывались въ то время сыновья его. „Графъ Разумовскій“, писалъ Полѣновъ, учившійся въ то же самое время въ Стразбургѣ на счетъ академіи, пріятелю своему Заутерсгейму, „о которомъ вы вѣроятно слыхали, когда онъ еще жилъ въ Парижѣ, пріѣхалъ сюда для свиданія съ своими дѣтьми. Узнавъ, что Руссо еще здѣсь, графъ хотѣлъ на другой же день своего пріѣзда посѣтить его. Онъ, говорятъ, имѣлъ намѣреніе предложить ему въ подарокъ всю свою библіотеку, дать ему пенсію и мѣстопребываніе въ любомъ изъ своихъ многочисленныхъ помѣстьевъ въ Малороссіи. Къ сожалѣнію, это великодушное намѣреніе не исполнилось, потому что Руссо выѣхалъ изъ Стразбурга въ тотъ же самый день, какъ графъ сюда пріѣхалъ“ [5]). „На обратномъ пути изъ Парижа“, писалъ еще Полѣновъ къ Тауберту, „графъ Разумовскій остановился здѣсь на нѣсколько дней. Мы (т.-е. Полѣновъ и Лепехинъ) имѣли честь быть ему представлены г. Шёп-

---

[1]) Каталогъ собранія этого былъ составленъ Роме Делилемъ (Romé de L'isle) подъ заглавіемъ: „Catalogue systématique et raisonné des curiosités de la nature et de l'art qui composent le cabinet de M-r Davila“. Каталогъ этотъ очень цѣнится естествоиспытателями.

[2]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1864, 386.

[4]) Тамъ же, 389.

[5]) Тамъ же, 1865, 585.

флиномъ (почетнымъ членомъ Петербургской академіи). Графъ говорилъ со мною нѣсколько минутъ и, какъ кажется, остался очень доволенъ тѣмъ, что г. Шёпфлинъ о насъ сказалъ. Посѣтивъ этого профессора, чтобы видѣть его библіотеку, графъ подарилъ ему золотую медаль на коронацію августѣйшей нашей Государыни" [1]). Изъ Стразбурга, вмѣстѣ съ старшимъ сыномъ своимъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, Разумовскій черезъ Швейцарію поѣхалъ въ Миланъ. „Графъ Кирила Григорьевичъ", сообщалъ Шувалову Воронцовъ отъ 17 Февраля 1766 г., „писалъ ко мнѣ изъ Милана, и я по слогу письма его заключаю, что онъ весело путешествіе свое продолжаетъ" [2]). Изъ Милана Разумовскій поѣхалъ во Флоренцію, Пизу, Сіенну, Римъ, гдѣ оставался недолго во время великаго поста, Неаполь, Лорету, Венецію и наконецъ изъ Падуи, гдѣ остановился для пользованія водами, писалъ графу М. И. Воронцову слѣдующее:

„Письмо в. с., пущенное изъ С.-Петербурга отъ 11-го Апрѣля, я имѣлъ честь здѣсь получить, за которое приношу благодареніе. Я не сомнѣваюсь, что вы теперь лѣтніе дни въ селѣ Кимрѣ [3]) провождаете; желаю отъ сердца, какъ в. с., такъ и м. г. моей Аннѣ Карловнѣ, чтобъ пребываніе вамъ было пріятно и здоровью вашему полезно. Я сожалѣю, что коммиссія Анны Карловны не застала меня въ Неаполѣ, только же я для себя маленькую провизію дьяволиковъ [4]) взялъ, изъ которыхъ удѣлю по возвращеніи моемъ часть и е. с. Зъ Риму я ѣхалъ на Лорету, видѣлъ домъ святый, который великой вѣры требуетъ; видѣлъ и всю Романью, которая многими изрядными городами насажена, и земля крайне плодородная; жаль только того, что она въ поповскихъ рукахъ. Видѣлъ славную Венецію и ея панталоновъ [5]), множество каналовъ и лодокъ, воду вонючую, оперу скучную, дней десять прожилъ, скучилъ (sic) и уѣхалъ. Апропо видѣлъ Далолія [6]) съ его женою, которая скучаетъ по Петербургу, а Далоліо, имѣющій дипломъ консульства короля Польскаго, скучаетъ въ корпусѣ дипломатическомъ, потому что въ его карманъ ничего не приноситъ, и помышляетъ опять хвалить Бога и людей въ струнахъ и органѣхъ. Здѣсь наѣхалъ, городъ дурной, пустой и въ скукѣ второй томъ Ве-

---

[1]) Тамъ же, 587. О Шепфлинѣ см. II. 7.

[2]) „Русскій Архивъ", 1864, 397.

[3]) Кимры, большое, торговое село на Волгѣ, Тверской губерніи Корчевскаго уѣзда, принадлежало гр. А. К. Воронцовой, Скавронскимъ, и потомъ графинѣ Самойловой.

[4]) Diavolini—родъ неаполитанскихъ конфектъ, полезные для желудка.

[5]) Панталонъ—извѣстное комическое лицо въ венеціанскихъ комедіяхъ.

[6]) Domenico Dalloglio—извѣстный скрипачъ и композиторъ, долгое время жившій въ Россіи.

неціи составляющій: воздухомъ несравненно лучше, почему и я остался дней пятнадцать для употребленія водъ, близъ сего города находящихся. Послѣзавтра отсюда отъѣзжаю въ Туринъ и надѣюсь, что заѣду въ Миланъ на малое время. Въ Генуую намѣренъ съѣздить налегкѣ изъ Турина съ графомъ Мозенкомъ (?). Вотъ все мое похожденіе вкратцѣ въ сихъ мѣстахъ в. с. донести, пребываю и пр.

1766 г., Мая 31 дня, Падва (sic) [1]).

Изъ Турина Разумовскій проѣхалъ снова въ Парижъ, оттуда, если не ошибаемся, ѣздилъ въ Англію, а въ Сентябрѣ 1767 г. мы его уже встрѣчаемъ на праздникѣ, данномъ Екатеринѣ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ въ подмосковномъ селѣ Островѣ [2]).

Вернувшись изъ чужихъ краевъ, Разумовскій поселился въ Петербургѣ уже не въ деревянномъ домѣ, а въ построенныхъ на его мѣстѣ великолѣпныхъ каменныхъ палатахъ, до сихъ поръ существующихъ и которыя, по рѣдкому у насъ случаю, не измѣнили своего внѣшняго вида. „Домъ его на Мойкѣ", говоритъ Гельбигъ, „одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ и обширнѣйшихъ дворцовъ столицы. Онъ въ немъ жилъ истымъ вельможею. Насчитывали въ одномъ этомъ городскомъ домѣ болѣе 200 человѣкъ служителей. Онъ давалъ великолѣпные праздники и ежедневно принималъ. Къ нему охотно собирались, ибо всѣхъ притягивало добродушное, сердечное и благородное обхожденіе фельдмаршала, высокія достоинства сыновей его, равно какъ умъ и любезность его дочерей" [3]). Въ домѣ этомъ, въ богатомъ кабинетѣ графа, стоялъ изящный накладной шкафъ изъ розоваго дерева; въ немъ свято хранились пастушечья свирѣль и простонародный кобенякъ, который во дни юности носилъ Лемешевскій казакъ Кирило Розумъ, теперешній фельдмаршалъ и вельможа. Разумовскій часто показывалъ эти памятники давно-прошедшаго своимъ приближеннымъ.

Дурное впечатлѣніе, произведенное дѣломъ Мировича, мало-помалу изглаживалось въ умѣ Государыни. Разумовскій сталъ ея почти ежедневнымъ собесѣдникомъ. Въ концѣ 1768 года произошелъ нежданный разрывъ съ Турціею. Обстоятельства усложнялись. Екатерина, не смотря на свой умъ и свою энергію, почувствовала необходимость въ добрыхъ совѣтахъ. Она стала думать о возстановленіи существовавшей при Елизаветѣ Петровнѣ конференціи, но графъ Н. И. Панинъ съ этимъ не соглашался и вмѣсто конференціи предлагалъ созвать чрезвычайный совѣтъ, какъ то бывало уже нѣсколько разъ со времени восшествія Государыни на престолъ. Панинъ притомъ указалъ

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, VII.

[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1767.

[3]) Helbig, Russische Günstlinge, 217.

на графа Г. Г. Орлова, обойти котораго въ то время было еще невозможно, графа З. Г. Чернышева, князя А. А. Вяземскаго, будущаго фельдмаршала и вице-канцлера Голицыныхъ, какъ на полезныхъ членовъ предполагаемаго совѣта. „Не соизволите-ль", добавлялъ онъ въ предложеніи своемъ, „туда-жъ (т.-е. въ совѣтъ) призвать фельдмаршала графа Разумовскаго, хотя бы сіе только было въ разсужденіи знатности перваго вашего класса, чѣмъ импрессія, особливо у другихъ дворовъ, еще важнѣе и значительнѣе будетъ; ибо, по обращенію его при дворѣ его считаютъ въ довѣренности Вашего Величества, а тѣмъ самымъ тѣмъ болѣе удостовѣряется о согласіи и единодушіи предпринятыхъ мѣръ, вслѣдствіе держащагося совѣта". Предложеніе Панина оказалось Государынѣ угоднымъ, совѣтъ былъ созванъ и кромѣ предложенныхъ Панинымъ кандидатовъ приглашены были еще братъ его графъ Петръ Ивановичъ и князь М. Н. Волконскій. Сама Екатерина открыла первое засѣданіе рѣчью, въ которой объяснила цѣль совѣта и то, что она отъ него ожидаетъ. По чину своему графъ Кирила Григорьевичъ предсѣдательствовалъ. Характеръ постояннаго учрежденія получилъ совѣтъ только въ слѣдующемъ 1769 году [1]). „Графъ Орловъ, графъ Разумовскій, генералъ Чернышевъ, двое Панинныхъ и двое Голицыныхъ", писалъ лордъ Каткартъ (Cathcart) къ графу Рочфорду изъ С.-Петербурга отъ 12 Декабря 1768 г., „принадлежатъ къ недавно возникшей партіи. Двое первыхъ честные люди, вовсе не Французы, скорѣе преданные Австріи, чѣмъ Пруссіи и расположенные къ Англіи, но по мягкости характера способные, подъ вліяніемъ Французовъ, Австрійцевъ или другихъ, склоняться на мѣры и понятія, послѣдствія которыхъ они не предвидятъ" [2]). „Разумовскій, доносилъ тотъ же Каткартъ, отъ 29 Декабря 1769 г., человѣкъ чрезвычайно честный и благонамѣренный" [3]). „Графъ Орловъ (Григорій Григорьевичъ), писалъ онъ же отъ 29 Октября 1780 г., „служитъ въ совѣтѣ представителемъ оппозиціи графу Панину... Пользуется поддержкой и поощреніемъ нѣмого большинства, за исключеніемъ графа Разумовскаго, предсѣдателя совѣта" [4]). Разумовскій часто обѣдалъ у Государыни, игралъ съ нею въ вистъ по 10 рублей роберъ; изрѣдка Екатерина его посѣщала иногда вовсе неожиданно, но какъ бы скрытно она ни подъѣзжала къ малому подъѣзду графскаго дома, постоянно находила все готовымъ для ея пріема [5]). Мѣткія слова графа Кирилы Григорьевича и колкія его

---

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи XXVIII, 10.
[2]) Сборникъ Русс. Ист. Общ. XII, 412—413.
[3]) Тамъ же, XIX, 21.
[4]) Тамъ же, XIX, 133.
[5]) Сумароковъ, Черты Екатерины Великой.

рѣчи ходили по городу, но самая колкость ихъ дышала добродушіемъ и на Разумовскаго никто не сердился. „Что у васъ новаго въ свѣтѣ?“ спросилъ его однажды одинъ пріятель. „Все по старому“, отвѣчалъ Разумовскій: „одинъ Панинъ (Никита Ивановичъ) думаетъ, другой (Петръ Ивановичъ) кричитъ, одинъ Чернышевъ (графъ Захаръ Григорьевичъ) предлагаетъ, другой (графъ Иванъ Григорьевичъ) трусить; я молчу, а прочіе, хоть и говорятъ, да того хуже“ [1]). Другой разъ, за обѣдомъ у Государыни, палъ разговоръ, во время десерта, на ябедниковъ, и Екатерина предложила тостъ за честныхъ людей. Всѣ подняли бокалы, одинъ Разумовскій не дотронулся до своей рюмки. На вопросъ Императрицы: „почему онъ не доброжелательствуетъ честнымъ людямъ?“ — „Боюсь, отвѣчалъ Разумовскій,—моръ будетъ“ [2]). Когда началась первая война съ Турками, главнокомандующимъ былъ назначенъ князь Александръ Михайловичъ Голицынъ. Графъ Кирила Григорьевичъ, по гетманству, считался старшимъ фельдмаршаломъ; кто-то изъ его знакомыхъ, желая польстить Разумовскому, изъявилъ удивленіе, почему младшему ввѣрена была армія противъ Турокъ. „Потому, отвѣчалъ графъ, что ему достаточно одной, а я, лишась двухъ, съ третьею только разобью непріятеля“ [3]). Въ сенатѣ и совѣтѣ онъ отличался необыкновенною правдивостью и независимостью. Однажды въ сенатѣ Разумовскій отказался подписать рѣшеніе, которое считалъ несправедливымъ. „Государыня желаетъ, чтобъ дѣло было рѣшено такимъ образомъ“, объявили ему сенаторы. „Когда такъ, не смѣю ослушаться“, отвѣчалъ Кирила Григорьевичъ, перевернулъ бумагу и подписалъ свое имя. Екатерина потребовала объясненій. „Я исполнилъ вашу волю“, сказалъ онъ, „и подписалъ рѣшеніе, но такъ какъ оно, по моему мнѣнію, неправое и товарищи покривили совѣстью, то я и почелъ нужнымъ криво подписать свое имя“. Государыня пересмотрѣла дѣло, отмѣнила рѣшеніе сенаторовъ и сказала Разумовскому: „Вы мнѣ настоящій другъ, ибо не допустили меня совершить несправедливость“ [4]). Другой разъ разбиралось въ совѣтѣ дѣло о женитьбѣ князя Орлова на его двоюродной сестрѣ, Екатеринѣ Николаевнѣ Зиновьевой. Орловъ, всегдашній недоброжелатель Разумовскаго, въ это время былъ уже въ немилости, и члены совѣта, долго передъ нимъ преклонявшіеся, теперь рѣшили его разлучить съ женою и обоихъ заключить въ монастыри. Кирила Григорьевичъ отказался подписать приговоръ и объявилъ товарищамъ, что для рѣшенія дѣла не доставало выписки изъ постановленія „о кулачныхъ бояхъ“. Всѣ за-

[1]) Бан.-Каменскій, біографіи фельдмаршаловъ, I, 214,
[2]) Тамъ же.
[3]) Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, III, примѣч. 79.
[4]) Тамъ же.

смѣялись и требовали объясненія. „Тамъ" продолжалъ графъ, „сказано между прочимъ: лежачаго не бить. Еще недавно всѣ мы считали бы себя счастливыми, ежели бы Орловъ пригласилъ насъ на свою сватьбу, а теперь, когда онъ не имѣетъ прежней силы и власти, то стыдно и совѣстно намъ нападать на него" [1]). Несмотря однако на слова эти, приговоръ состоялся; но Екатерина объявила, что рука ея отказывается подписать подобную бумагу противъ человѣка, которому она столь многимъ обязана. Пожалованіе княгини Орловой въ статсъ-дамы и Екатерининская лента, ей присланная, затушили все это дѣло. Слова и поступки Разумовскаго быстро разносились по столицамъ. Оригинальный образъ выраженія, Малороссійское произношеніе, слѣды котораго находимъ даже въ правописаніи Кирила Григорьевича, все это давало особенную рельефность его рѣчамъ и усиливало его популярность. Никто не сердился на его насмѣшки, потому что въ нихъ никогда не было ядовитости. Однако и Разумовскому иногда доставалось. Въ тѣ времена въ большомъ ходу были каталоги. Это были сатиры на общество, къ имени того или другого лица подбирали заглавіе извѣстной книги, въ которомъ содержался какой-нибудь намекъ болѣе или менѣе колкій на характеръ этого лица. Такого рода каталогъ ходилъ по Петербургу въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ немъ, между прочимъ подъ № 20 видимъ: L'ami des hommes par le Comte Rasoumovski; для людей, знакомыхъ съ тогдашнею литтературою, понятенъ былъ намекъ на многочисленность семейства Разумовскаго и на Ловеласовскія его наклонности. Полное заглавіе книги, сочиненной отцомъ знаменитаго Мирабо: l'Ami des hommes—ou traité de la population".

Въ архивѣ князя Александра Михайловича Голицына сохранилось нѣсколько писемъ графа Кирила Григорьевича отъ 1768 года въ Италію, къ Ивану Ивановичу Шувалову. Приводимъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ.

I.

Февраля 4 ст. ст. 1768 г. Москва.

Дружеское письмо ваше отъ 22-го Декабря ст. ст., изъ Рима подъ № 17 пущенное, мною получено, изъ котораго съ особливымъ удовольствіемъ вижу, что вамъ пребываніе въ Римѣ не скучно и что вы даже до такого (sic) степени дошли, что приватно маленькіе ужины имѣете, что весьма трудно для чужестранныхъ. Я сими выгодами не

[1]) Тамъ же.

могъ въ бытность мою пользоваться по причинѣ моего малаго въ семъ городѣ пребыванія и притомъ великаго поста. Я надѣюсь, что вы всѣ антики и болванчики въ Римѣ выкупите; только не думаю, чтобы такой промахъ сдѣлали, какъ бывшій мой докторъ Илеръ, который подъ видомъ достойныхъ вещей всю дрянь, которая въ погребахъ и подъ кровлями валялася, выкупилъ; если бы я его совѣтамъ послѣдовалъ, то бы много вздору покупалъ; со всѣмъ тѣмъ въ Падоѣ (sic), послѣдуя его совѣтамъ, нѣсколько негодныхъ картинокъ цапнулъ. Сожалѣю, любезный мой другъ, что обстоятельства вашего здоровія принуждаютъ васъ такъ долго въ Италіи остаться, и сколь бы я ни желалъ, чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ былъ, но вижу, что ему должно будетъ разстаться съ вами, ибо я не болѣ хочу его оставить какъ до Октября мѣсяца, какъ уже я вамъ и прежде имѣлъ честь о семъ писать; а мнѣ необходимо хочется, чтобы онъ въ Англіи, прежде нежели въ отечество возвратиться, побывалъ. И такъ прошу васъ, любезнаго моего друга, постараться пріискать ему достойнаго сопутника и отпустить изъ Италіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, предписавъ ему такой путь, какой вы заблагоразсудите; я же бы думалъ, чтобы лучше ѣхать въ Гену (sic) и въ Марсель и видѣть меридіональныя французскія провинціи, нежели повторять дорогу черезъ Альпы, которую уже онъ со мною сдѣлалъ. На сихъ дняхъ, то есть 20-го Января, Е. В. въ С.-Петербургъ уѣхать изволила; Великій Князь здѣсь нѣсколько времени оставался, по причинѣ великой стужи, а завтра также отсюда отправится. Фамилія моя также отсюда уѣхала, а я на первой недѣли поста, конечно, отсюда выѣду. Вотъ всѣ вамъ здѣшнія вѣсти. Прошу сказать сыну, что я письмо его подъ нумеромъ первымъ отъ перваго Января получилъ и что не отвѣтствую особливымъ письмомъ—истинно времени нѣтъ, а что я и всѣ домашніе здоровы, въ томъ онъ изъ вашего письма увѣриться можетъ. Я уже не ласкаю себя писать вамъ отсюда, а по пріѣздѣ моемъ въ С.-Петербургъ конечно не оставлю васъ увѣдомить. Послѣднее письмо ваше было подъ № 15, а сіе, на которое имѣю честь вамъ отвѣчать, подъ № 17; и такъ 16-е я не получалъ, если то ошибка въ нумерахъ, то нѣтъ ничего, а если на дорогѣ пропало, то я сожалѣю. Прости, любезный другъ, желаю вамъ веселиться наступающею весною, а мы весьма еще далеко отъ того отстоимъ.

Прежде писалъ я къ вамъ о пріисканіи мнѣ повара хорошаго и метеръ-дотеля и теперь о семъ вамъ просьбу мою повторяю, если возможно, но чтобы оба люди были такіе, которые въ знатныхъ и большихъ хоромахъ бывали и знаютъ обходиться съ большими столами. Въ семъ случаѣ, кажется, господинъ Нагъ способствовать можетъ, а мнѣ крайняя нужда, а особливо въ хорошомъ поварѣ, ибо метръ-

дотель чужестранной съ нашими людьми не вдругъ управится, однакожъ нуженъ для стола. Я о семъ кромѣ васъ никому коммиссіи не давалъ, такъ ни отъ кого болѣе какъ отъ васъ же и не ожидаю, дабы иногда двухъ не приговорить черезъ разныя руки.

II.

Февраля 26, 1768 г. С.-Петербургъ. Три письма ваши я получилъ, одно отъ 29 Декабря 1767 подъ нумеромъ 18; другое отъ 9 Генваря подъ № 1-мъ, третье отъ 23 Генваря жъ подъ нумеромъ 3-мъ, одно изъ оныхъ въ Москвѣ, а два уже здѣсь пріѣхавши, на которыя, если по сіе время не отвѣчалъ, прошу васъ, любезный другъ, на меня не попенять: причина тому мой переѣздъ изъ Москвы сюда. Теперь вамъ на полученныя письма вкратцѣ отвѣчаю, а впредь переписка наша исправнѣе будетъ, будучи на такомъ мѣстѣ, куда письма исправнѣе и ближе приходятъ, нежели въ Москвѣ. Я благодарствую за принимаемое вами участіе въ разсужденіи моей болѣзни. Я ожидаю теперь весны, съ которой зачавъ, продолжать намѣренъ черезъ все будущее лѣто излѣченіе моихъ припадковъ, которые зимою весьма для меня несносны бываютъ... Къ графу Ивану Григорьевичу Чернышеву писалъ я цидулкою, спрашивая его, получилъ ли онъ письмо то, которое вы къ ему писали въ горестныхъ часахъ, ибо я его сіи дни не видалъ во дворцѣ; какой отъ него отвѣтъ получилъ, при семъ сообщаю. Приморскаго вашего двора я никакъ купить не могу, ибо и мой собственный въ пустѣ какъ опальный стоитъ, также и братъ свой бросилъ и никогда тамъ не живетъ, а довольствуется Гостилицею; что же касается до деревни, то я ему о томъ говорить буду, а лучше бы оба мы вмѣстѣ ее выторговали по благополучномъ вашемъ возвращеніи въ отечество. Что касается до пересылки писемъ вашихъ къ сестрицѣ вашей, то для меня сія коммиссія весьма пріятна, и для того извольте ихъ прислать на мое имя, а я всегда въ Москву оныя доставлять не примину.

Пишете вы, милостивый мой другъ, что вы намѣрены побольше въ одномъ мѣстѣ пожить, какъ для ученія сыну то полезнымъ почитаете, такъ и для того, что вы не любите часто мѣстъ перемѣнять, изъ чего я заключаю, что вы долго Италію не намѣрены оставить, и сколь ваши резоны ни законны, только не сходны съ намѣреніемъ тѣмъ, которое я предпріялъ съ моимъ сыномъ, то-есть чтобъ ему возвратиться будущею осенью въ отечество. Я не считаю за потерянные часы то время, которое онъ съ вами проводитъ, но хотѣлось бы мнѣ, чтобъ Италію оставили; ваша склонность, чтобъ не куріерствовать, намѣреніе чтобъ

употреблять воды въ Пизѣ будущимъ лѣтомъ, великое знакомство и хорошее, которое вы въ Италіи надѣлали, представляютъ мнѣ, что вы ни въ концѣ будущаго лѣта оную не оставите, и думаю, что всю предбудущую зиму тамо прокочуете; если бы я зналъ заподлинно, когда вы съ симъ краемъ разстаться намѣрены, то бы постарался, буде возможно, соединить вояжъ сына моего съ вашимъ, а иначе прошу его отправить, если онъ лишится сего авантажу, что принужденъ будетъ отъ васъ отстать, изъ Генуи на Марсель, оттуда онъ, проѣхавъ и посмотрѣвъ меридіональныя французскія провинціи, въ Англію проберется и тамо можетъ васъ еще подождать; ибо я думаю, что и вы тотъ же путь предпріять изволите и въ Парижѣ недолго останетесь. Сіе есть мое распоряженіе въ разсужденіи моего сына, которое однакожъ подвергаю вашему благоизобрѣтенію и ожидаю на сіе вашего отвѣта какъ и на то, что я думаю пора деньги ему переслать; такимъ ли образомъ, какъ прежде, или другимъ какимъ, прошу меня увѣдомить.

Въ третьемъ письмѣ отъ 23 Генваря подъ № 3-мъ пишете вы ко мнѣ о деньгахъ, которыя вы доставили принцу Курляндскому, тысячу триста пятьдесятъ червонныхъ въ Венеціи, почему и вексель и полномочіе для принятія оныхъ прислать изволили. Я удивляюсь, что вы, имѣвъ всегда въ незабвенной памяти четыре особы, какъ-то: Сумарокова, Лефорта, князя Хованскаго и Веревкина, разсудили за благо еще пятаго къ нимъ подъ масть подтасовать. Сей дѣтина есть сущій промышленникъ, который таскается по свѣту безъ воли и удовольствія, слѣдовательно и безъ заплаты отъ отца своего, который ему не больше даетъ какъ шесть тысячъ въ годъ, что̀ учинитъ не съ большимъ пять тысячъ нашихъ рублей. Онъ уже столько намоталъ и столь поступокъ непристойныхъ званіямъ его подѣлалъ, что наконецъ въ Бастильѣ теперь резидуетъ по фальшивымъ векселямъ, и говорятъ, что будто отецъ отъ его и подѣланныхъ имъ долговъ отрицается, какъ новокрещенный отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Однако, любезный мой другъ, когда вы заблагоразсудили дать мнѣ сію коммисію, чтобъ вамъ отыскать сіи деньги, то я не оставлю употребить всевозможнаго старанія, вслѣдствіе чего разсудилъ призвать Александра Ивановича Черкасова, которому вручилъ для пересылки письмо къ принцу Петру, давъ ему знать, сколько вашъ поступокъ честенъ и знатенъ въ разсужденіи сей фамиліи и что вы по справедливости для спокойствія вашего немедленно удовольствованы быть должны. Я на сіе буду ждать отвѣту и если они затрудненіе будутъ дѣлать, то я тогда черезъ министерство пойду и ежели необходимость требовать будетъ, то и самой Государынѣ внушить не оставлю и просить Е. В. о доставленіи вамъ удовольствія. Наскучилъ я вамъ долгимъ моимъ отвѣтомъ на ваши три письма, пора перестать. Прости, любезной мой антиква-

ріосъ. Если за благо разсудите и для меня какую древнюю статуйку поддѣлите, то мнѣ великое удовольствіе сдѣлаеть. Adieu.

III.

Февраля 29, 1768. С.-Петербургъ. На полученное письмо отъ сына и отъ васъ, Февраля 6 изъ Рима пущенное, симъ отвѣчаю. Прикащика вашего я сыскалъ и самъ ему письмо вручилъ въ самый тотъ день, въ который получилъ и велѣлъ ему немедленно въ тотъ же самый день въ Москву переслать, яко сіе случилось въ самый почтовый день отсюда въ Москву. Что касается до заплаты денегъ, которыя вы заняли для принца Курляндскаго, то будь, мой любезный другъ, спокоенъ: я ничего не упущу, что̀ потребно будетъ къ доставленію вамъ оныхъ. Вѣстей у насъ новыхъ никакихъ нѣтъ, зима жестокая стоитъ, снѣгу мало, а морозовъ и много и прежестокіе, словомъ, подобно какъ бываютъ большая стужа и морозы крещенскіе, хотя завтра 1-е Марта, а у васъ уже около половины, у людей весна. Я только прошу Бога, чтобъ солнце увидѣть не льдяное, а подобное тому, которымъ вы пользуетесь, и котораго я уже мѣсяцевъ шесть не видалъ. Никита Ивановичъ Панинъ столь замерзъ зимою, что лучшаго способа не нашелъ къ согрѣтію плоти своей какъ поять себѣ жену и чрезъ то уподобиться мужьямъ постояннымъ, а не вѣтреннымъ волокитамъ. Вотъ уже видите два авантажа изъ сего послѣдующіе—теплота и постоянство, а третій есть тотъ, который многіе за собою имѣютъ, что жена будетъ предорогая, злая, постоянно хозяйка въ домѣ совершенная и притомъ и богата, словомъ она—Анна Петровна Шереметева. Сговоръ былъ вчера; благодарили обѣ стороны всемилостивѣйшую Государыню и говорятъ, что послѣ Свѣтлаго праздника свадьба будетъ. Прошу сказать сыну, что я здоровъ, письмо его подъ № 5-мъ получилъ, расходовъ обѣщанныхъ ожидаю и какъ я, такъ и всѣ домашніе здоровы, и сіе бы принялъ онъ за отвѣтъ на его послѣднее письмо, впрочемъ завидую вамъ, что вы, бѣгляне, пользуетесь благорастворенныиъ воздухомъ, а я здѣсь всякій день какъ собака золъ, что ни малѣйшей оттепели на дворѣ не вижу, да и надежды къ тому нѣтъ, Ecco la cara patria! Прости, любезный мой другъ, пора тебѣ жениться, а мнѣ прикажи кого сватать.

IV.

С.-Петербургъ Марта 7, 1768. Дружеское письмо ваше подъ № 20, 12 Генваря ст. ст. изъ Рима пущенное и приписанное въ сыновнемъ письмѣ, мною получено; деньги я къ сыну вскорѣ постараюсь

переслать такимъ образомъ, какъ вы совѣтуете. Прилагаю къ вамъ письмо отъ вашего здѣсь прикащика; письма ваши я всегда къ нему отсылаю, а иногда прямо ихъ адресую въ Москву по ихъ надписямъ. Тому дней съ четыре, какъ у графа Ивана Григорьевича сынъ родился, и надѣятся, что онъ въ Маѣ мѣсяцѣ въ Англію отправится. Поступками сына моего я очень доволенъ, онъ пишетъ часто и довольно, чтó все приписываю вашимъ напоминаніямъ; прошу ему сказать, что я письма его отъ 22 и 30 получилъ, отвѣтствовать впредь буду, а теперь нельзя; простудился тому нѣсколько дней, и докторъ не велитъ много писать. Прости, любезный мой другъ, у насъ еще по сіе время превеликая зима продолжается.

V.

Государь мой и другъ Иванъ Ивановичъ, письмо ваше подъ № 4, Февраля 2 дня, получилъ 13 Марта; и по оному главное, о чемъ васъ увѣдомить нынѣ хочу и что васъ безпокоитъ, есть обнадежить васъ поскорѣе, что деньги ваши, данныя въ займы принцу Курляндскому, не пропадутъ, ибо уже о томъ ко мнѣ отозвались; вчера баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ пріѣзжалъ ко мнѣ съ письмомъ, которое при семъ къ вамъ въ оригиналѣ прилагаю, и трактовалъ со мною, чтобы уплату помянутаго долгу получить серебряною здѣшнею монетою, и я, чтобъ только поскорѣе опасное ассюрировать, сказалъ, что все равно, только бы червонные уплачены были такою цѣною, какою они здѣсь ходятъ. И такъ теперь только остается мнѣ знать отъ васъ, что, когда оныя деньги получу, прикажете съ ними дѣлать. Письмо отъ сына увѣдомительное о полученіи имъ моего векселя и подлинно послѣ получилъ я, такъ, какъ вы и думали; и потому онъ не виноватъ, о чемъ отъ меня уже къ нему и писано. Что касается до того, чтобы вояжъ сына моего согласить съ вашимъ, то мнѣ сіе весьма пріятно тѣмъ, что для меня неопасно, и для него весьма полезно. Хотѣлъ бы я только знать именно, въ какое вы время точно полагаете изъ Италіи выѣхать, о чемъ прошу, государь мой другъ, меня увѣдомить, какъ то уже и прежде я вамъ о семъ писалъ довольно. Есмь съ почтеніемъ и дружбою вашего превосходительства, государя моего и друга, вѣрный всегдашній слуга графъ К. Разумовскій.

VI.

1767 г. Марта 14 ст. с. Не прогнѣвайся, любезный мой другъ, что своею рукою письма не могъ написать: я тому нѣсколько дней простудился; теперь превеликій кашель, и докторъ не велитъ писать.

Прошу сказать сыну, что я его послѣднее письмо и приложенный расходъ получилъ; деньги къ нему вскорѣ пересланы будутъ, васъ же прошу его оными ссужать, пока онъ нынѣ посланныя получитъ. Письма къ нему особливаго не пишу по вышепрописанной причинѣ. Впрочемъ, прилежаніемъ его къ трудамъ и къ ученію весьма доволенъ и васъ, моего любезнаго друга, довольно возблагодарить не могу, за то, что вы вашими столь полезными совѣтами истребляете въ немъ оставшуюся дѣтскую лѣность и вкореняете съ мужествомъ прилежность къ трудамъ. Прилагаю къ вамъ струны пробы, противу которыхъ прошу хорошую провизію прислать, а при томъ и для скрипицъ разныхъ сортовъ по нѣскольку бунтовъ прибавить, которую коммиссію прошу поручить сыну, ибо думаю, что онъ и самъ musicalischer Geist.

VII.

Апрѣля 1, 1768 г. С.-Петербургъ. Письмо ваше, любезнаго моего друга, отъ 16 Февраля пущенное, я получилъ исправно Марта 20 нов. шт. Вы хорошо сдѣлали, что въ Неаполь не поѣхали зимнимъ временемъ; зима вездѣ свои неудобства имѣетъ: у насъ она означивается большими громадами снѣговъ и льдовъ, а въ вашихъ мѣстахъ холодными вѣтрами и дождями, которые весьма неспособны для любопытныхъ людей въ тамошнихъ мѣстахъ. А особливо присутствіе господина Галянтона въ Неаполѣ гораздо вамъ тамошнее пребываніе пріятнымъ сдѣлаетъ, онъ человѣкъ любопытный и знающій и притомъ не лѣнивъ таскаться вездѣ и показывать свою услугу чужестраннымъ, я и самъ въ бытность мою въ Неаполѣ по его предписанію всѣ тамошнія околичности смотрѣлъ; сколь онъ ни желалъ самъ со мною вездѣ быть и показывать, но здоровье его не дозволяло. Если сіе мое письмо васъ въ Неаполѣ застанетъ, прошу, любезный другъ, засвидѣтельствовать ему мое почтеніе. Изъ часто получаемыхъ отъ сына писемъ и также изъ вашихъ дружескихъ увѣреній вижу, что онъ гораздо поприлежнѣе сталъ предъ прежнимъ, и весьма будучи какъ его прилежаніемъ доволенъ, такъ и вижу, что вы, любезный мой другъ, его пребываніемъ съ вами не скучаете и не обезпокоены, почитая притомъ, что онъ лучше не можетъ времени употребить, какъ находясь съ вами и пользуясь вашими дружескими совѣтами, которое къ немалому моему удовольствію вижу изъ писемъ его ко мнѣ, что онъ чувствуетъ сходными съ его пользою и принимаетъ такъ, какъ должно принимать отъ честнаго человѣка, нелестнаго друга и милостивца, и проситъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ ему сроку прибавить. И хотя мое намѣреніе было непреложное, чтобъ онъ въ будущемъ

Сентябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ, но, видя, что пребываніе ваше и расположеніе несходно съ моимъ по причинѣ предпріятаго вами употребленія теплицъ въ Пизѣ, то, желая чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ изъ Италіи выѣхалъ, сроку ему до будущей весны прибавляю, желая, чтобъ онъ будущую зиму въ Англіи вмѣстѣ съ братьями препроводилъ, которые туда вскорѣ отправляются; васъ же прошу, милостиваго моего друга, не оставлять его вашими дружескими совѣтами, дабы онъ, сколько возможно, время свое не праздно препровождалъ, въ чемъ имѣю на васъ твердую надежду. Апропо. Въ проѣздъ мой черезъ Пизу, я заѣзжалъ къ водамъ, которыя мили двѣ или три отъ города; и оныя пробовали съ Миллеромъ и докторомъ тамошнимъ, имени котораго не упомню. По экспериментамъ нами дѣланнымъ нашли, что воды очень слабы, а докторъ глупъ, такъ что казалось намъ тогда, что не токмо человѣка, но ниже любимой собаки ему повѣрить лечить нельзя. Напротиву того есть воды недалеко отъ Сіенны, которыя гораздо сильны и славны еще были при древнихъ Римлянахъ, да и докторъ весьма мужикъ изрядный и ученый и силу водъ фундаментально знаетъ. Я, любя васъ и почитая, желаю отъ сердца, чтобы вы всякую пользу отъ употребляемыхъ водъ получили, и совѣтую, чтобъ въ проѣздъ вашъ черезъ Сіенну съ тамошнимъ лучшимъ докторомъ поговорить о вашихъ припадкахъ, о качествахъ тамошнихъ водъ, не могутъ ли онѣ вамъ годиться; также извольте о водахъ, которыя въ Пизѣ, говорить съ докторомъ герцогскимъ во Флоренціи, а на того, что въ Пизѣ, не извольте полагаться, ибо онъ великій невѣжа и чучело, сколько мы въ короткое время примѣтить могли. Деньги къ сыну я скоро пошлю, надѣясь на ваше дружеское обнадеживаніе, что ему въ оныхъ нужды не будетъ; съ пересылкою оныхъ не спѣшу, потому что курсъ здѣсь чрезвычайно низокъ по причинѣ страстной недѣли и праздника, въ которые никакихъ торговъ не дѣлается, а послѣ праздника, какъ скоро хоть немного подымутся, такъ я деньги переведу. Прилагаю письмо, которое вашъ управитель мнѣ отдалъ; оно у меня пролежало, потому что почты двѣ или три къ вамъ не писалъ. О деньгахъ, которыя вы принцу Курляндскому заняли, ничего не слышу. А на сихъ дняхъ еще, гдѣ надлежитъ, потолкаюсь. Прости, мой любезный другъ.

VIII.

Санктпетербургъ. Апрѣля 9, 1768 г.

Я не хотѣлъ пропустить, чтобъ васъ, любезнаго моего друга, не увѣдомить съ сею почтою, что деньги ваши тысячу триста червонныхъ я вчера принялъ; теперь ожидаю вашего повелѣнія, куда оныя при-

кажете перевесть или здѣсь отдать. Вексель я отдалъ и копію изъ уполномочія, а оригиналъ у себя оставилъ; и такъ ваши деньги на принцѣ Курляндскомъ не пропали. Въ послѣднемъ письмѣ, подъ нумеромъ десятымъ отъ сына полученномъ мною, пишетъ онъ, также и вы изволите упоминать (*неразобрано*) французѣ Монфоръ инженеръ. Я ничего заподлинно обѣщать не могу, а ежели онъ сюда пріѣдетъ и ко мнѣ явится, то не оставлю его рекомендовать, гдѣ надобно будетъ, дабы онъ могъ мѣсто сходное съ его желаніемъ и достоинствомъ въ службѣ здѣшней получить. По сей почтѣ посылаю я къ сыну векселей на три тысячи рублей; курсъ весьма низокъ, не больше какъ 44 за рубль; черезъ мѣсяцъ увѣряютъ, что оный непремѣнно подвысится, но я не хотѣлъ такъ долго дожидаться, дабы моею остановкою иногда вамъ безпокойства не навесть, а на предбудущей почтѣ повторительные векселя отправлю. У насъ время настало сырое, дурное и холодное, рѣка еще льдомъ покрылася, и думаю, что дней десятокъ простоитъ, хотя уже караулы поставлены и черезъ рѣку не пропускаютъ никого. Пребываю съ непремѣнною дружбою и преданностію.

IX.

Санктпетербургъ, 1768 г. Апрѣля, 11-го дня.

Прилагаю къ вамъ повторительные векселя, вслѣдствіе тѣхъ, которые я отправилъ къ сыну на прошедшей почтѣ, которые прошу ему вручить и сказать, что я и домашніе всѣ здоровы. У насъ теперь время весьма настало мокрое и дурное, рѣка еще не вскрылась, земля распускается, я сейчасъ ѣду на дежурство, а завтра Е. В. изволитъ ѣхать въ Сарское село обѣдать, куда и слуга вашъ слѣдуетъ, убѣгая дурного городского воздуха; тамо пробудемъ до двадцать второго сего мѣсяца и, отправя праздникъ рожденія Е. В., возвратимся въ городъ для слушанія оперы Эфигеніи Анторидъ во вкусѣ французскомъ, а музыка Буранельлева; прямо ли она похожа будетъ на французскую, впредь вамъ отпишу. Другъ вашъ Иванъ Перфильевичъ лежитъ боленъ въ подагрѣ; больше къ вамъ, любезному моему другу, съ сею почтою ничего писать не имѣю; и такъ, желая вамъ всякаго удовольствія купно и съ моимъ юношею, остаюсь съ непремѣннымъ почтеніемъ и искреннею дружбою.

1771 годъ былъ годомъ скорбнымъ для семейства Разумовскихъ. Уже давно хворалъ графъ Алексѣй Григорьевичъ. Въ послѣдніе мѣсяцы онъ уже не вставалъ съ постели. Сумароковъ, узнавъ о болѣзни своего бывшаго начальника, поспѣшилъ въ Петербургъ. Онъ засталъ старика очень плохимъ. Алексѣй Григорьевичъ со слезами

простился съ Сумароковымъ, спѣшившимъ обратно въ Москву, и на память подарилъ ему полученную имъ отъ Елизаветы Петровны и стоившую болѣе 2000 рублей табакерку изъ лапись-лазули и золота съ бриллiантами, въ числѣ которыхъ былъ одинъ красный [1]). 6 Iюля старикъ Разумовскiй мирно скончался въ Аничковомъ домѣ своемъ. Оставивъ службу при Петрѣ III, онъ жилъ въ обширныхъ палатахъ своихъ, окруженный воспоминанiями о родинѣ; его столъ, привычки, прислуга были чисто Малороссiйскiе. Онъ рѣдко посѣщалъ дворъ, гдѣ однако, какъ мы видѣли выше, бывалъ всегда отмѣнно принятъ Государынею, но не избѣгалъ его и любилъ, когда царедворцы и лучшее Петербургское общество у него собиралось [2]). Онъ изрѣдка давалъ пиры Государынѣ, которая съ своей стороны нерѣдко запросто по утрамъ посѣщала его [3]). Графъ Алексѣй Григорьевичъ, говоритъ Бантышъ-Каменскiй, чуждался гордости, ненавидѣлъ коварство и, не имѣя никакого образованiя, но одаренный отъ природы умомъ основательнымъ, былъ ласковъ, снисходителенъ, привѣтливъ въ обращенiи съ младшими, любилъ предстательствовать за несчастныхъ и пользовался общею любовью. Незадолго до смерти его, одинъ купецъ предлагалъ ему 70,000 рублей за пеньку, назначенную имъ въ продажу и стоившую гораздо дороже. Торгъ не состоялся, и вскорѣ сгорѣлъ амбаръ, въ которомъ хранилась пенька. Приближенные изъявили сожалѣнiе Разумовскому, что онъ не сошелся въ цѣнѣ съ купцомъ: „Нечево жалѣть“, отвѣчалъ Алексѣй Григорьевичъ, „напротивъ, я благодарю Бога, что понесъ эту потерю. Она для меня ничтожна, а была бы весьма чувствительна для бѣднаго торговца“ [4]).

Сумароковъ слѣдующими стихами оплакалъ смерть своего благодѣтеля:

Элегiя ко Степану Ѳедоровичу Ушакову, Губернатору Санктпетербургскому, на преставленiе графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго.

Пущённое тобой письмо ко сей странѣ,
Мой другъ, уже дошло, уже дошло ко мнѣ,
Дошло, и мнѣ во грудь и сердце мечъ вонзило:
Какъ молнiей меня и громомъ поразило.

---

[1]) „Русская Старина“. IV, 693. Между другими подарками, полученными Разумовскимъ отъ Елизаветы, находился костыль, на рукояткѣ котораго удивительно схоже представлена была изъ оникса въ видѣ сирены съ открытою грудью и бриллiантовою короною на головѣ сама Елизавета. Наслѣдники гетмана продали эту трость извѣстному мѣнялѣ Лухманову, который въ свою очередь продалъ ее за дорогую цѣну С. В. Салтыкову (тамъ же).

[2]) Helbig, Russische Günstlige, 213.

[3]) Камеръ-фурьерскiй журналъ.

[4]) Бантышъ-Каменскiй, Бiографiи фельдмаршаловъ, I, 271—272.

Хочу отвѣтствовать, ничто на умъ нейдетъ:
Примаюсь за перо, перо изъ рукъ падетъ.
Одну съ другою мысль неволею мѣшаю,
И токомъ горькихъ слезъ бума́гу орошаю.
Прощаюся, о графъ! съ тобою навсегда,
И не увижуся съ тобою никогда.
Три мѣсяца прошло, какъ я съ тобой разстался,
Три мѣсяца мнѣ ты, въ очахъ моихъ, мечтался,
Въ болѣзни, въ слабости, сто въ день стенящій разъ,
И сей въ Петрополѣ послѣдній самый часъ,
Въ который у тебя былъ я передъ глазами,
Ты очи наполнялъ прощаяся слезами,
Вручая о себѣ ко памяти мнѣ знакъ,
Хотя бы поминалъ тебя я, графъ и такъ.
Взирая на него, колико слезъ я трачу!
Рыдаю и стеню, терзаюся и плачу.
О мой любезный графъ! Ты весь свой прожилъ вѣкъ,
Какъ долженъ проживать честнѣйшій человѣкъ.
Любимцы царскіе, въ иныхъ предѣлахъ свѣта,
Предъ Вышнимъ предстаютъ нерѣдко безъ отвѣта.
О тайныя судьбы! сего ужъ мужа нѣтъ,
И можетъ быть еще какой злодѣй живетъ,
Въ глубокой старости, въ покоѣ и забавѣ,
Во изобиліи и въ пышной мнимой славѣ,
Не числя, сколько онъ людей перегубилъ,
И сколько онъ господъ, ругаясь, истребилъ,
Не внемля совѣсти ни малыя боязни,
И кровью ихъ багрилъ мѣста онъ смертной казни,
Во удивленіе, что Богъ ему терпѣлъ
И весь народъ на то въ молчаніи смотрѣлъ.
А сей умершій мужъ тиранствомъ не былъ страстенъ,
И сильной наглости ни мало не причастенъ,
Съ презрѣніемъ смотря, когда ему кто льстилъ,
И собственной своей досады онъ не мстилъ,
Степенью высоты во вѣкъ не величался,
И добродѣтелью единой отличался.
Екатериною онъ былъ за то хранимъ,
И милости ея до гроба были съ нимъ.
Не требовалъ ему никто отъ Бога мести,
Никто бъ его, никто не прикоснулся чести,
Какъ развѣ нѣкто бы носящій въ сердцѣ ядъ,
Какова бъ варвара извергъ на землю адъ.
Но ужъ, любезный графъ, и онъ тебя не тронетъ.
Прости!... падетъ перо, и духъ мой горько стонетъ.

Съ другой стороны, извѣстный помѣщикъ Николай Еремѣевичъ Струйскій, заведшій типографію въ Пензенскомъ помѣстьѣ своемъ, селѣ Рузаевкѣ, сочинилъ слѣдующую эпитафію покойному Разумовскому:

Любимца царскаго здѣсь тлѣнъ оканчиваетъ.
Со именемъ его и прахъ не сотлѣваетъ;
Но если бъ и сотлѣлъ и мельче пепла былъ,
То и тогда-бъ сей прахъ для всѣхъ безцѣннымъ слылъ.
На мѣстѣ семъ лежитъ, быть мнится, добродѣтель,
Елизаветинскихъ щедротъ, всѣхъ дѣлъ свидѣтель.
Монархиня сама ему вѣнцы плела,
Рукой своей безсмертья въ храмъ ввела" [1]).

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти графа Алексѣя Григорьевича, Іюля 22-го того же 1771 года, скончалась, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста, графиня Екатерина Ивановна Разумовская.

Хотя бракъ Разумовскихъ благословенъ былъ многочадіемъ,—у нихъ было шесть сыновей и пять дочерей, изъ которыхъ одна только дочь, графиня Дарья Кириловна, скончалась въ малолѣтствѣ,—однако между ними не было, особенно въ послѣдніе годы, примѣрнаго согласія. Эксъ-гетманъ былъ страстный поклонникъ прекраснаго пола, а графиня весьма затрудняла воспитаніе дѣтей (die Mama, sagte man mache gute Erziehung schwer [2]). Тѣмъ неменѣе, какъ свидѣтельствуетъ Казадаевъ, графиня Екатерина Ивановна была вѣрная супруга, попечительная мать, добрая родственница и кроткая госпожа въ домѣ [3]).

И графъ Алексѣй Григорьевичъ и графиня Екатерина Ивановна похоронены въ Александро-Невской лаврѣ, въ Благовѣщенской церкви. Сохранилось семейное преданіе, будто при гробѣ эксъ-гетманши дежурили камергеры и придворныя дамы, по причинѣ родства ея съ покойной Государыней, которой она приходилась, какъ сказано выше, внучатною сестрою. Графъ Кирила Григорьевичъ надъ могилами брата и жены воздвигъ великолѣпный мраморный памятникъ въ видѣ тріумфальныхъ воротъ съ слѣдующею эпитафіею: „Здѣсь погребены тѣла въ Бозѣ усопшихъ: рабы Божіей графини Катерины Ивановны Разумовской, урожденной Нарышкиной, двора Е. И. В. Императрицы Всероссійской дѣйствительной штатсъ-дамы, ордена святыя Екатерины кавалера, родившейся 1729 году Мая 11-го дня [1]), скончавшейся въ Санктпетербургѣ 1771 года Іюля 22 дня, жившей 42 года 2 мѣсяца и 12 дней, и раба Божія Римскаго и Россійскаго графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Россійскихъ войскъ генерала-фельдмаршала, оберъ-егермейстера, лейбъ-компаніи капитанъ-поручика, перваго камергера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника, орденовъ Россійскихъ святого апостола Андрея, святого Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и святыя Анны кавалера, родившагося 1709

---

[1]) Сочиненія Н. Струйскаго, т. I, стр. 9.
[2]) Aug. Lud. Schlözers öffentliches und Privatleben, 119.
[3]) Неизданный рукописный словарь Казадаева.

года Марта 17-го дня, скончавшагося въ Санктпетербургѣ 1771 года Іюля 6-го дня, жившаго 62 года 4 мѣсяца и 19 дней. Сей монументъ сооруженъ въ знакъ супружеской и братской любви и незабвенной памяти генераломъ-фельдмаршаломъ графомъ Кириломъ Разумовскимъ 1779 года".

ГЛАВА XII.

Вдовство.—Жизнь въ Петербургѣ и въ Малороссіи.

Вскорѣ послѣ смерти графини Екатерины Ивановны, въ домъ Кирилы Григорьевича переселилась племянница его, графиня Софья Осиповна Апраксина, дочь Анны Григорьевны Закревской. О сестрѣ ея Маринѣ Осиповнѣ Нарышкиной мы упомянули выше, сама же Софья Осиповна была въ замужствѣ за графомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ. Умная и хитрая, она была въ то же самое время властолюбива, завистлива, жадна къ деньгамъ и скупа до крайности. Разумѣется, всѣ свои недостатки она умѣла скрывать. Съ виду суровый, особенно въ кругу домашнихъ, которые его всѣ нѣсколько побаивались, и упрямый какъ истый хохолъ, графъ Кирила Григорьевичъ на самомъ дѣлѣ былъ человѣкъ крайне благодушный, съ мягкимъ сердцемъ, довольно слабо-характерный и имъ при нѣкоторой ловкости не трудно было управлять. Это на дѣлѣ доказалъ Г. Н. Тепловъ и это давно подмѣтила хитрая Апраксина. Со дня вступленія своего въ домъ Разумовскаго она стала забирать непримѣтно власть въ руки, вскорѣ сдѣлалась въ немъ полною хозяйкою и пріобрѣла надолго такое вліяніе, которое уже ничто до конца жизни графа не могло пошатнуть. Понятно, что появленіе Апраксиной въ отцовскомъ домѣ было крайне не по сердцу дѣтямъ Кирилы Григорьевича, тѣмъ болѣе, что по поводу роли, разыгрываемой ею въ семьѣ Разумовскихъ, стали ходить по городу самые обидные слухи. Старшія дочери графа: Наталья и Елизавета Кириловны, были уже давно фрейлинами; послѣ смерти матери взяты были ко двору и двѣ меньшія, графини Анна и Прасковья. Наталья и Анна Кириловны вскорѣ вышли замужъ, первая за Николая Александровича Загряжскаго, а вторая—за брата тогдашняго любимца Екатерины, Василія Семеновича Васильчикова. Въ 1775 году любимая дочь Кирилы Григорьевича, графиня Елизавета, бѣжала изъ дворца съ графомъ Петромъ Ѳедоровичемъ Апраксинымъ, свояномъ графини Софьи Осиповны, человѣкомъ пользовавшимся весьма плохою

репутаціею и къ тому же уже женатымъ. Поведеніе дочери сильно огорчило отца и онъ прервалъ съ нею всякія сношенія. Говорятъ, что раздраженный отецъ явился къ Государынѣ, и возвратилъ ей фрейлинскій шифръ дочери, объявляя, что дочь его уже не достойна носить пожалованный Императрицею знакъ отличія. Однако, благодаря вмѣшательству Екатерины, дѣло было улажено, бракъ узаконенъ, и Кирила Григорьевичъ простилъ своей провинившейся любимицѣ. Черезъ годъ послѣ бѣгства сестры, выдана была за Ивана Васильевича Гудовича и младшая дочь эксъ-гетмана, графиня Прасковья. Бракъ этотъ состоялся нѣсколько противъ воли невѣсты, вслѣдствіе происковъ Софіи Осиповны, отмѣнно благоволившей къ брату жениха, Михаилу Васильевичу Гудовичу. Изъ пяти сыновей графа, трое уже были взрослые. Старшаго, графа Алексѣя Кириловича, отецъ женилъ въ 1774 на первой, въ тогдашнее время, по богатству и знатности русской невѣстѣ, графинѣ Варварѣ Петровнѣ Шереметевой; второй противъ воли всего семейства женился на вдовѣ, Софьѣ Степановнѣ Чарторыжской, рожденной Ушаковой; младшіе были подъ руководствомъ гувернеровъ отправлены за границу. Опасаясь вмѣшательства дѣтей въ домашнія дѣла Кирилы Григорьевича, графиня Апраксина всячески старалась отдалять ихъ отъ отца. Она отчасти достигла своей цѣли. Дѣти, а особенно дочери, нѣжно любившія родителя, страдали отъ этого отдаленія и стали въ открыто-враждебныя отношенія къ Апраксиной. Разумѣется, это еще болѣе раздражило противъ нихъ Софью Осиповну, и она съ своей стороны всячески старалась возбуждать противъ нихъ Кирилу Григорьевича. „Изъ всѣхъ семейныхъ исторій", писала Наталья Кириловна къ брату Андрею въ Вѣну отъ 29 декабря 1777 г., „самая крупная это исторія Софьи. Она до того возмутительна, что у меня едва хватаетъ духа говорить объ ней. Скажу только то, что̀ дастъ тебѣ понятіе о томъ, на какомъ счету у насъ теперь добродѣтель. Никогда женщина эта не была наглѣе, безстыднѣе и въ болѣе открытыхъ отношеніяхъ кое къ кому, и никогда ее лучше не принимали, болѣе не ласкали, усерднѣе за нею не ухаживали. Корсаковъ приглашаетъ ее на свои концерты, куда обыкновенно зовутъ только самыхъ приближенныхъ. Она бываетъ на маленькихъ балахъ у Государыни, и вскорѣ, я въ этомъ убѣждена, будетъ постоянно приглашаема ко двору. Напрасно ищешь всему этому причины—развѣ аналогія вкусовъ. Каждый разъ, когда подумаю объ этой женщинѣ, мнѣ приходятъ на умъ стихи изъ Федры:

„Dieux qui la connoissez,
Est-ce donc la vertu que Vous recompensez!"

Одинъ только; любимецъ отца, графъ Андрей Кириловичъ, подчасъ заискивавшій у всемогущей двоюродной сестры своей, съумѣлъ остаться съ Кирилою Григорьевичемъ въ прежнихъ, самыхъ короткихъ отношеніяхъ.

Графъ Кирила Григорьевичъ за женою взялъ громадное приданое, отъ брата онъ получилъ огромное наслѣдство, отъ императрицы Елизаветы Петровны и Екатерины ему были дарованы знатныя маетности въ Малороссіи. Все это, взятое вмѣстѣ, поставило его на ряду съ первыми русскими богачами. Едва ли, кромѣ графа Шереметева, кто-либо могъ съ нимъ теперь соперничать. Однако долгая жизнь при дворѣ, вдали отъ имѣній, разстроила это громадное состояніе. Тѣмъ не менѣе, среди двора и развлеченій петербургской жизни, Разумовскій заботился о благосостояніи крестьянъ своихъ и даже, что рѣдко можно было встрѣтить въ прошломъ столѣтіи, интересовался вопросами, касающимися до отношеній крѣпостныхъ къ помѣщику. Слѣды этого попеченія встрѣчаемъ въ слѣдующемъ коллективномъ письмѣ къ Кирилѣ Григорьевичу: Штелина, Нартова и Эйлера:

Подъ Высочайшемъ Е. И. В. покровительствомъ изъ Вольнаго Экономическаго Общества его сіятельству г-ну генералъ-фельдмаршалу, Е. И. В. генералъ-адъютанту, сенатору, дѣйствительному камергеру, Академіи Наукъ президенту, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику, разныхъ орденовъ кавалеру и онаго общества члену, графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому. За рѣшеніе задачи о назначеніи земли подъ крестьянское тягло ваше сіятельство изволили обѣщать въ награжденіе 35 червонныхъ, а какъ въ числѣ присланныхъ пьесъ нашлась одна такая, которая по довольномъ разсматриваніи комитетомъ признана во всемъ соотвѣтствующею оной задачѣ, потому Вольное Экономическое Общество сочинителю помянутой пьесы господину пастору Гросману принудило выдать обѣщанное награжденіе и за должное почло вашему сіятельству сообщить о томъ письменно во извѣстіе, прося при томъ, чтобы ваше сіятельство благоволили оныя деньги 35 червонныхъ прислать въ собраніе Вольнаго Экономическаго Общества для выдачи обѣщаннаго награжденія помянутому пастору Гросману, яко рѣшителю вышеозначенной задачи. І. фонъ Штелинъ, Андрей Нартовъ, L. Euler. Ноября 30 дня, 1776 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ нѣсколько поневолѣ продолжалъ жить въ Петербургѣ, проводя лѣто то въ Гостилицахъ, то на Знаменкѣ, которую онъ впослѣдствіи продалъ графу Андрею Петровичу Шувалову; изрѣдка онъ ѣздилъ въ Москву и посѣщалъ свои тамошнія подмосковныя: Петровское, Троицкое и Поливаново. Въ Малороссію его Екатерина не отпускала; воспоминаніе о династическихъ замыслахъ экс-гетмана въ умѣ

ея еще не вполнѣ изгладилось. Не имѣя возможности посѣщать южныя свои маетности, Разумовскій въ 1772 году поручилъ управленіе ими старшему сыну своему Алексѣю. Между отцомъ и сыномъ, жившимъ въ Москвѣ, установилась дѣятельная переписка. Мы помѣщаемъ здѣсь письма графа Алексѣя Кириловича, прямо относящіяся до хозяйственныхъ вопросовъ; остальная часть переписки этой найдетъ себѣ мѣсто въ біографіи старшаго сына гетмана.

I.

Москва, Марта 21 д. 1773 г.

Послѣ долгаго и безпокойнаго цѣлую недѣлю продолжавшагося путешествія, наконецъ прибыли мы въ Москву 18-го числа. Хотя и долгъ мой былъ въ тотъ самый день увѣдомить васъ о пріѣздѣ нашемъ, но разборы съ дороги и нѣкоторые визиты къ намъ не допустили меня оный исполнить. Приношу теперь, м. г. батюшка, вамъ нижайшія мои поздравленія съ прошедшимъ днемъ вашего тезоименитства и притомъ отъ искренняго сердца все то желаю, что можетъ желать благодарный сынъ такому отцу, котораго паче всего любитъ и почитаетъ. Вчерашняго дня Наталья Кириловна (Загряжская) на нѣсколько дней уѣхала къ Александру Артемьевичу [1]) въ деревню, а я до сихъ поръ не выѣзжалъ еще ни къ кому, ибо послѣ дороги у меня столь опухли ноги, что никакимъ образомъ мнѣ не возможно было одѣться. Однако завтрашняго дня надѣюсь выѣхать. Дороги къ Украйнѣ, говорятъ, что уже столь попорчены, что саньми ѣхать не возможно, а притомъ и рѣки не безъ опасности, и я для того долженъ буду ожидать здѣсь лѣтняго пути, что меня задержитъ въ Москвѣ я думаю по-крайней-мѣрѣ недѣли три. Василій Сидоровичъ [2]) сказывалъ мнѣ, что онъ ожидаетъ всякій день резолюціи отъ васъ, на просьбу его объ отрѣшеніи отъ здѣшней экономіи. Однако ежели смѣю представить вамъ, м. г. батюшка, что здѣшнія деревенскія дѣла повидимому не въ лучшемъ порядкѣ находятся и притомъ въ оныхъ столь много управляющихъ, что ежели оные поручите человѣку, не совсѣмъ извѣстной честности, то онѣ въ совершенный безпорядокъ пріидутъ, а теперь хотя я почитаю Василія Сидоровича и не за самаго искуснѣйшаго эконома, но столь долгая его свычка съ оными

---

[1]) Александръ Артемьевичъ, ген.-поручикъ, † 1786. Жилъ въ имѣніи своемъ Знаменское-Каріанъ, Загрячина тожъ, въ 35 верстахъ отъ Тамбова, по астраханской дорогѣ; тамъ и похороненъ. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ графу П. С. Строганову.

[2]) Управляющій.

и притомъ короткое его знаніе всѣхъ ему подчиненныхъ, еще не допускаютъ здѣшнія дѣла дойти до той степени безпорядка.

Въ вотчинахъ вашихъ здѣсь содержится охота псарная не малая, и какъ Василій Сидоровичъ самъ признается, что оной содержаніе не мало стоитъ: не дозволите, м. г., перевесть оную въ Украйну, гдѣ, конечно, содержаніе сравнить не можно съ здѣшнимъ и притомъ и я буду оною пользоваться нынѣшнимъ лѣтомъ.

II.

Москва, Апрѣля 22 д. 1773 г.

Послѣ послѣдняго моего письма, которое надѣюсь, что уже дошло съ г. Друковцовымъ, я не имѣлъ чести писать къ вамъ, потому что случилось, что я дважды въ почтовые дни былъ за городомъ, изъ которыхъ единожды у Петра Борисовича [1]) въ Кусковѣ, гдѣ мы ѣздили съ собаками цѣлый день. Разговаривая про тамошнія мѣста съ нимъ, онъ мнѣ сказывалъ, что отъ Перовской земли сажень съ 40, ни къ чему не употребляемыя, подошли къ его саду и, будучи весьма ему нужны по плану его, онъ далъ коммиссію Павлу Сергѣевичу Потемкину [2]) объ оныхъ поговорить съ вами въ Петербургѣ, не сомнѣваясь, что вы какъ-нибудь не изволите согласиться, оныя ему уступить или на другое промѣнять, на что̀ и я ему обѣщалъ къ вамъ писать. Я думаю, м. г. батюшка, что сіе мѣсто ни къ чему не нужно, а его конечно весьма онымъ одолжите. Ѣздилъ я также въ Троицкое, гдѣ нашелъ довольно порядку, однако при томъ, ежели смѣю представить вамъ свое мнѣніе, мнѣ кажется, что оный заводъ весьма не экономическій и не полезный здѣсь имѣть. Троицкое село съ принадлежащими къ оному мѣстами составляетъ слишкомъ 600 душъ, которыя всѣ употреблены къ заводу; оный прибыли большой не приноситъ и долженъ упадать, потому что по бо̀льшей части лошади мелки становятся и штутмейстеръ [3]) въ ономъ Крупицкій не очень знающій человѣкъ, а ежелибъ оный съ прочими соединить въ Украинѣ, то здѣшніе мужики для перваго случая конечно бы одного оброка дали тысячи двѣ и больше, къ которой суммѣ ежели причесть содержаніе, то, конечно, съ заводу никогда оной не придетъ. Все сіе я почелъ за долгъ мой вамъ представить. Архитектора Баженова до сихъ поръ видѣть я не могъ и для того ничего о модели еще не могу донесть.

---

[1]) Шереметева.

[2]) Впослѣдствіи графъ, ген.-аншефъ, † 1796.

[3]) Смотритель коннаго завода.

На сихъ дняхъ сбираюсь я съѣздить въ Поливаново, а по возвращеніи оттуда скоро отправлюсь въ Украйну. Что касается до невѣсты, оный проектъ уже надобно будетъ отложить до пріѣзда моего изъ Украйны, потому что одно съ другимъ согласиться не можетъ.

III.

Москва, Апрѣля 5 д. 1774 г.

Письмо ваше черезъ Яновскаго имѣлъ я честь получить вчерашняго числа и планъ, вами апробованный, видѣлъ. Представленіе мое вамъ въ Петербургѣ состояло въ томъ, чтобы, спасая отъ гнитья остатки столь великаго и чрезъ мѣру пространнаго дома [1]), собрать изъ онаго спокойнѣе и удобнѣе домъ на лучшемъ по соизволенію вашему мѣстѣ, который бы исподоволь можно было поставить и привести въ состояніе, а, напротивъ того, починка столь обширнаго строенія, каковъ онъ теперь есть, и какой намѣреніе взяли его сдѣлать, великія затрудненія и разстройку сдѣлаетъ во всей вашей экономіи Малороссійской, потому что какъ крышку, такъ и почти всѣ стѣны, полы и печи доведется дѣлать новые; сумма на то потребна не малая; а изволите знать, что денегъ у насъ нѣтъ ни полушки, что уже принуждены были входить въ долгъ, и съ нуждою находить занять для уплаты Владиславичу; что ни лѣса ни никакого къ строенію нужнаго матеріала въ Батуринѣ нѣтъ; что подданные требуютъ вспоможенія и поправленія своего собственнаго, слѣдовательно, и не въ состояніи нынѣшній годъ быть употреблены ни въ какую, сему подобную работу. Гофштейнъ же, который долженъ теперь почти день и ночь трудиться въ поправленіи Стародубскихъ вашихъ деревень и въ изысканіи надъ оными дѣланнаго мошенничества, долженъ будетъ вмѣсто того оставить все то, что бы онъ сдѣлалъ въ вашу пользу, и обратить всѣ свои труды и старанія къ строеніямъ. Въ заключеніе всего, милостивый государь батюшка, я никакъ себя не вижу посему въ состояніи ни одного пункта моего выполнить, и всѣ хорошія и полезныя намѣренія и представленія мои вамъ о поправленіи вашихъ деревень и приведеніи въ хорошее состояніе оныхъ, въ пріобрѣтеніи новыхъ и порядочныхъ доходовъ, все сіе я уже не въ состояніи исправить и отвѣтствовать ни за что не могу. Вы вѣдать изволите, что представленіе мое состояло въ томъ, чтобы издержекъ, кромѣ самыхъ полезныхъ для экономіи, не дѣлать, доходы оставлять, никакихъ къ уплатѣ долговъ не ассигновать; а за то обязался я всякій годъ снаб-

[1]) Домъ въ Батуринѣ.

дить домъ вашъ провизіей, 50,000 деньгами пересылать въ Петербургъ и въ нѣсколько лѣтъ поправить состояніе подданныхъ, привести въ порядокъ всю экономію и пріобрѣсти изрядный капиталъ, который по прошествіи того времени употребить бы изволили по вашему благоразсмотрѣнію. Напротивъ того, во-первыхъ, принуждена была тамошняя экономія заплатить слишкомъ 20,000, которые ассигновать тамъ изволили. Сія уплата привела въ немалыя затрудненія экономію и пріостановила пополненіе всѣхъ полезныхъ предпріятій; въ такомъ положеніи, когда еще взяться теперь за такія строенія, то уже способа никакого я не нахожу къ исполненію мною вамъ представленнаго, а напротивъ того, инаго не предвижу, какъ дальнее разореніе подданныхъ и безпорядокъ во всей экономіи.

Притомъ дозвольте мнѣ, милостивый государь батюшка, представить вамъ мои мысли, которыя единственно происходятъ отъ любви и усердія моего къ вамъ, конечно оное сверхъ еще долга сыновняго больше всѣхъ посторонних меня къ вамъ привязываютъ и къ интересамъ вашимъ, а потому, конечно, никто больше и участія не пріемлетъ, какъ въ благополучіи и удовольствіи вашемъ, такъ и въ противномъ. Для того пользу вашу и благосостояніе я почитаю такъ, какъ свое собственное. Долги и разстройство вашихъ интересовъ меня столько же смущаютъ, какъ васъ самихъ, и сердечно бы всѣ свои силы употребилъ къ избавленію васъ отъ всѣхъ сихъ безпокойствъ, но со всѣмъ тѣмъ, милостивый государь, дозвольте мнѣ представить, что я почитаю, что отъѣздъ вашъ въ Малороссію никакъ не есть способъ къ тому. Проживать вы немногимъ меньше тамъ будете, какъ и въ Петербургѣ, а особливо въ первый годъ, въ который должно будетъ перевозить и заготавливать изъ Петербурга туда всю провизію для погреба, стола и̂ прочаго, не считая, во что̀ станетъ переѣздъ вашъ со всѣмъ домомъ, не считая двойныхъ расходовъ, которые должны имѣть въ Малороссіи для себя, а въ Петербургѣ для содержанія братцевъ и оставшихся людей, домовъ и прочаго, не считая многихъ еще другихъ причинъ, которыми васъ здѣсь не утруждаю, а думаю, милостивый государь батюшка, что, не трогаясь съ мѣста, можно бы съ хорошимъ правленіемъ деревень и дома вашего въ нѣсколько лѣтъ и долги заплатить, и привести все въ лучшій порядокъ и васъ лишить всѣхъ безпокойствъ, въ семъ я увѣренъ и конечно-бы взялся оное доказать, ежели-бы только изволили твердое намѣреніе принять, удостоить меня своею довѣренностію и послѣдовать моимъ представленіямъ, ни отъ кого другихъ не принимая. Но какъ бы то ни было, наконецъ остается въ волѣ вашей. Теперь я Яновскаго отправлю, а ждать буду послѣдней вашей резолюціи. Разницы сіе только

сдѣлаетъ двѣ недѣли, а какъ скоро получу повелѣніе ваше, то съ нарочнымъ тотчасъ дамъ знать Гофштейну.

Притомъ, милостивый государь батюшка, приму смѣлость напомнить вамъ, что будучи въ Петербургѣ представлялъ вамъ о необходимости послать на нѣсколько времени въ Малороссію Червинскаго, на что̀ вы изволили согласиться и обѣщать его къ веснѣ туда отправить; но до сихъ поръ я о томъ никакого извѣстія не имѣлъ, хотя уже и время бы ему теперь тамъ быть на мѣстѣ и заготавливаться всѣмъ къ положенному ему тамъ упражненію. Не выполня сего, никакимъ образомъ приступить невозможно къ установленію порядка въ вашей экономіи, ни къ пріобрѣтенію никакихъ новыхъ доходовъ, кромѣ того, что лишитесь удовольствія видѣть всегда предъ глазами положеніе и состояніе своего имѣнія и потому способность къ заведенію или прибавленію чего-нибудь новаго и полезнаго. Напротивъ того, теперь можно сказать, что не только вы, но и самъ Гофштейнъ, который управляетъ оными, не знаетъ и знать не можетъ точно и подробно прямое состояніе такого пространнаго владѣнія, отъ чего и рождаются безпорядки, ссоры, процессы и проч.

Письмо ваше князю Михаилу Никитичу[1]) я самъ вручу и постараюсь его уговорить, такъ какъ изволите приказывать, чтобы пообождалъ, пока сыщутся занять тѣ деньги, а стараться буду оныя какъ возможно скорѣе найти.

О каретѣ Брюссельской я ничего не писалъ, потому что въ томъ повелѣнія вашего не было, а приказывать изволили только вычинить ее и исправить къ пріѣзду Петра Кириловича, что̀ все и сдѣлано; палатку также съ того времени дѣлаютъ, которая скоро уже и готова будетъ..." [2])

Между тѣмъ время шло своимъ чередомъ. Прежнія впечатлѣнія теряли свою силу. Вслѣдъ за дѣломъ Мировича стали сглаживаться въ памяти Екатерины и воспоминанія о династическихъ бредняхъ эксъ-гетмана. При дворѣ появилось новое свѣтило, блескъ котораго вполнѣ затмилъ прежнее сіяніе Орлова. Значеніе талантливаго Потемкина росло не по днямъ, а по часамъ. Чуждый придворнымъ интригамъ, Разумовскій довольно равнодушно смотрѣлъ на паденіе враждебнаго ему Орлова, и не принялъ участія въ краткомъ случаѣ Васильчикова, съ которымъ однако пришлось ему породниться, такъ какъ Государыня сосватала третью дочь Кирилы Григорьевича за брата своего новаго любимца. Но самобытный складъ блестящаго ума, широкіе виды, жажда къ дѣятельности, которыми очаровалъ Потемкинъ Госу-

---

[1]) Волконскому.

[2]) Изъ архива автора.

дарыню, пришлись по сердцу и Разумовскому. Онъ сблизился съ новымъ генералъ-адъютантомъ, и покуда оставался при дворѣ былъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

Уже давно тянуло Кирилу Григорьевича въ Малороссію. Ему хотѣлось подышать роднымъ воздухомъ; болѣе 11 лѣтъ держали его вдали отъ любимыхъ имъ степей. Къ тому же, надо было привести дѣла въ надлежащій порядокъ и расплатиться съ долгами. Вдали отъ зоркихъ глазъ его хозяйство шло весьма плохо. Управленіемъ старшаго сына онъ былъ крайне недоволенъ. Другіе сыновья его сорили деньгами и безпрестанно докучали отцу безразсудными требованіями денегъ. Огромныя Малороссійскія маетности давали плохіе доходы. Сосѣди, пользуясь отсутствіемъ Разумовскаго, стали заводить процессы, до которыхъ Малороссы были большіе охотники и оспаривать права его на владѣніе тою или другою мѣстностію. Благодаря неясности владѣльныхъ актовъ и смутнымъ понятіямъ о границахъ и правахъ на владѣніе землею и крестьянами, такіе процессы было очень легко заводить. Такъ, въ 1760 году графъ Кирила Григорьевичъ купилъ у Василія Танскаго мѣстечко Яготинъ; ближніе сосѣди стали оспаривать послѣ пятнадцати лѣтъ права Разумовскаго на посполитые Яготинскіе дворы и доказывать, что онъ ими завладѣлъ самовольно. Все это требовало неотлагательнаго присутствія Разумовскаго въ Малороссіи. Не обращая вниманія на совѣты старшаго сына, онъ воспользовался дружбою къ нему Потемкина, чтобы при первой возможности подать просьбу объ отпускѣ. Въ 1775 дворъ отправился на цѣлый годъ въ Москву для празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Разумовскій сопутствовалъ Государынѣ и съ нею вмѣстѣ совершилъ пѣшій походъ къ Троицѣ. Сейчасъ же послѣ похода, онъ черезъ Потемкина подалъ слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

Всемилостивѣйшая Государыня. Припадки, случающіеся въ здоровіи моемъ, требуютъ по совѣту докторскому того, чтобъ я на нѣкоторое время климатъ перемѣнилъ и употребилъ безпрерывное движеніе, которое средство они почитаютъ наилучшимъ для меня лекарствомъ; но притомъ и упавшіе по заочности и отдаленному правленію доходы мои, такъ какъ и всей экономіи худыя обстоятельства, понуждаютъ меня самого необходимо всѣ деревни мои осмотрѣть и привести въ лучшее состояніе какимъ-нибудь распорядкомъ. Сего ради дерзаю, всемилостивѣйшая Государыня, симъ всеподданнѣйше просить объ увольненіи меня на два года въ мои деревни, съ тѣмъ, чтобъ изъ высочайшей ко мнѣ милости по чину моему штатъ мой и все прочее, что́ я получаю, при мнѣ сохранены осталися. В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирила Разумовскій [1]).

[1]) Изъ Государственнаго архива.

Невольно приходятъ на умъ при чтеніи этого прошенія просьбы, писанныя изъ Глухова тѣмъ же Разумовскимъ 20 лѣтъ назадъ. Тогда молодому царедворцу вреденъ былъ климатъ Малороссіи, и онъ для поправленія здоровья просился въ Петербургъ. Много утекло съ тѣхъ поръ воды и возмужалый фельдмаршалъ жаждалъ надышаться воздухомъ родной Украины.

Столь давно желаемое дозволеніе было наконецъ даровано. Передъ отъѣздомъ Кирила Григорьевичъ рѣшился для уплаты долговъ раздѣлаться съ ненужными ему Петербургскими домами. Потемкинъ обѣщалъ ему, что Аничковъ домъ купитъ казна, на Цесаревинъ дворъ онъ также искалъ покупщика. За собою оставлялъ онъ свои обширныя палаты на Мойкѣ. Кромѣ того, онъ рѣшился пожертвовать и однимъ изъ пожалованныхъ ему Екатериною имѣній, но не зналъ которое продать, Быковскую ли волость или Гадяцкій за́мокъ съ ключемъ. Изъ Петербурга подробно писалъ къ отцу о дѣлахъ графъ Алексѣй Кириловичъ.

Спб. 9-го Апрѣля, 1777.

Милостивый государь-батюшка!

Письмо ваше отъ 8-го Марта имѣлъ я честь получить. Плану Цесаревинскаго дома я при Ламотѣ никогда не видалъ и не зналъ, что вы приказывали подѣлать; а изъ Москвы я давалъ коммисію Мартинелли, чтобы, съ Ламотомъ посовѣтуясь, сдѣлали бы планъ, который и сдѣланъ за нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе края. Что касается до дома покойной канцлерши, я оный осматривалъ, но въ цѣнѣ мы согласиться не могли; и такъ я думаю, что принужденъ буду со временемъ искать нанять домъ, что́ весьма нелегко найти, и дорого здѣсь.

Андрея Осиповича [1]) весьма рѣдко я вижу, потому что онъ безпрестанно въ Академіи, и съ Васильевскаго острова почти не съѣзжаетъ, а теперь рѣка опасна, и видѣться трудно съ островскими жителями; а какъ скоро его увижу, то буду говорить ему о намѣреніи вашемъ, чтобы Григорій Кириловичъ жилъ здѣсь; однако я ничего не успѣю тутъ учредить, понеже получилъ дозволеніе ѣхать изъ Петербурга, какъ скоро изъ Москвы пріѣдетъ Николай Петровичъ [2]), котораго ожидаютъ на сихъ дняхъ. Притомъ не изволите-ли о томъ и къ маіору Олсуфьеву прежде написать, дабы онъ не почелъ оное за знакъ вашего неудовольствія.

Прилагаю при семъ двѣ челобитныя объ отдачѣ Гадяцкой и Быковской волости. Жураховскій сказывалъ, что вы изволили приказы-

[1]) Закревскаго.
[2]) Шереметевъ.

вать ему въ Батуринѣ, чтобы онъ здѣсь, сообразуясь съ обстоятельствами, подалъ бы изъ оныхъ которую сочтетъ полезнѣйшую. Но его мнѣніе, что онѣ обѣ не полезны и для того я, услышавъ его доказательства, разсудилъ лучше ихъ обратно отправить къ вамъ и ожидать на то послѣдней вашей резолюціи. Время къ подачѣ не уйдетъ, если въ томъ намѣреніи оставаться изволите, а маленькая ошибка въ формѣ можетъ со временемъ родить великія хлопоты. Во-первыхъ, въ челобитной написано, что замокъ Гадяцкой пожалованъ вамъ со всѣмъ его уѣздомъ; а замокъ Гадяцкій имѣетъ свой собственный уѣздъ; сверхъ того, принадлежатъ къ оному многіе другіе города, которые также имѣютъ свои уѣзды: слѣдовательно, по челобитной меньше вы просите, нежели вамъ принадлежитъ. Сверхъ того, сей пунктъ противорѣчитъ тому, что прошлаго года вы изволили доказать въ сенатѣ по дѣлу селъ Котлякова и Севастіановича, что въ Малороссіи уѣздовъ нѣтъ. Потомъ написано, что по сіе время оныя волости законнымъ порядкомъ вамъ не отданы, отъ чего и грамоты не получаете: а оную же грамоту, когда въ Москвѣ былъ дворъ, то изволите помнить, что сенатъ опредѣлилъ дать и заготовить формуляръ, который и сдѣланъ: грамота не дана единственно для того, что въ ономъ формулярѣ не внесены были нѣкоторыя нужныя слова, о чемъ одномъ теперь сенатъ трактуетъ. Итакъ, если изволите Гадячъ и Быковъ, по примѣру графа Румянцева, получить, то надлежитъ челобитную сдѣлать точно съ того, какъ въ жалованномъ указѣ написано; а о грамотѣ, и другаго ничего не упоминать; дабы оная грамота дана была съ желаемою пользою и дабы сенатъ не счелъ себѣ въ обиду, что, сказавъ въ опредѣленіи своемъ, что онъ имѣетъ право дать вамъ грамоту, теперь въ челобитной сказано, что еще не имѣете права оной получить.

Притомъ Жураховскій доказываетъ, и мнѣ кажется, что справедливо, что комиссія отдаточная, какой вы просите, не основана на законахъ и правахъ, почему и дѣла ея непрочны. Графъ Румянцевъ спокойно владѣетъ своимъ имѣніемъ, потому что никто не смѣетъ его безпокоить, пока онъ останется главнымъ въ Малороссіи: но со временемъ или онъ или наслѣдники его почувствуютъ слѣдствія оной отдачи. А если изволите, чтобы оная отдача учинена была прямо на основаніи законовъ, слѣдовательно осталась бы безпорочна, то надлежитъ съ трехъ сторонъ, т.-е. со стороны Государевой, съ вашей и со стороны сосѣдей разночинцевъ, опредѣлить по три человѣка комиссаровъ, кои власть имѣютъ оную учинить по законамъ, что́ гораздо надежнѣе, прочнѣе и притомъ не терпитъ никакого препятствія. Если изволите на то согласиться, то и челобитной никакой не надобно: сенатъ безъ того опредѣлитъ тѣхъ комиссаровъ. Оное все

зависитъ отъ вашего благоразсмотрѣнія, и что̀ изволите положить, по тому и поступать станутъ; только Жураховскій проситъ, чтобы безъ замедленія о томъ изволили прислать свою резолюцію, потому что скоро послѣ праздника надлежало бы и вступить въ дѣло. Для лучшаго о семъ вниманія велѣлъ я ему сдѣлать выписку изъ правъ Малороссійскихъ о комиссіяхъ, которую здѣсь прилагаю; и если изволите просмотрѣть оную, то и справедливость Жураховскаго представленія увидѣть изволите. Онъ далъ мнѣ также экстрактъ сочиненный со всего дѣла по замку Гадяцкому, имѣющемуся въ сенатѣ, съ коего обстоятельно видѣть можно все то, что̀ принадлежало и что̀ принадлежитъ теперь къ замку и чѣмъ вы дѣйствительно владѣете. Какъ онаго у васъ нѣтъ, а можетъ быть иногда изволите о чемъ справиться, то при семъ также посылаю. Съ Шкуропадскимъ дѣло такъ, какъ сказывалъ мнѣ Жураховскій, худую беретъ дорогу; оное Кузьмину поручено для разсмотрѣнія по законамъ. Тому нѣсколько времени, какъ я спрашивалъ у него объ ономъ дѣлѣ; но, удаляясь отъ разговора, онъ мнѣ сказалъ только, что ему велѣно справиться по законамъ, и что когда что̀ сдѣлано будетъ, то онъ меня увѣдомитъ: а мнѣ кажется, что я отъ него ничего не свѣдаю, и что онъ нарочно мѣшкаетъ, потому что знаетъ, что я ѣду въ Москву. Кузьминъ же въ сенатѣ и законахъ Малороссійскихъ ничего не понимаетъ, а управляемъ Безбородкою, который всячески старается помочь Шкуропадскому, съ коимъ онъ очень часто здѣсь бываетъ. Къ Теплову нѣсколько разъ ходилъ Жураховскій, но онъ, не знаю для чего, не хочетъ ни во что мѣшаться; и почти выгналъ его отъ себя, сказавъ, что онъ жалованья отъ графа не получаетъ, чтобы быть его стряпчимъ. Елагинъ перешелъ въ другой департаментъ, и потому также въ ваши дѣла теперь уже не входитъ; а къ Кузьмину приступа никакого нѣтъ, и Жураховскій, который сочинилъ выписку изъ законовъ по сему дѣлу для подачи ему, никакъ того исполнить не могъ; оную я велѣлъ также списать, и при семъ прилагаю. Можетъ быть, нужда случится когда въ оной для справокъ.

Нѣкоторые Англичане здѣсь дѣлаютъ мнѣ пропозицію взять на аренду Знаменскую мызу, и хотятъ весьма выгодныя кондиціи сдѣлать: мнѣ кажется, что оно было бы весьма авантажно для Знаменскаго, потому что они удобрятъ всѣ земли и будутъ содержать въ порядкѣ, но такъ какъ они меньше не хотятъ брать, какъ лѣтъ на 8 или на 10, то я не могъ съ ними ничего заключить безъ вашего дозволенія, что̀ имъ объявилъ и обѣщалъ къ вамъ писать. Если дозволите, то всепокорно прошу о томъ мнѣ дать знать, дабы съ ними заключить контрактъ прежде лѣта [1]).

---

[1]) Изъ архива автора.

Разумовскій былъ уже въ Батуринѣ въ началѣ 1776 года. Онъ нашелъ въ Малороссіи огромную перемѣну. Тамъ былъ новый властитель и ему приходилось разыгрывать уже не первую роль. Многіе изъ тѣхъ, которые за десять лѣтъ передъ описываемымъ нами временемъ униженно передъ нимъ изгибались, теперь не ломали передъ нимъ шапокъ и заводили вздорные процессы. Главнымъ истцомъ противъ него былъ теперь Скоропадскій, скакавшій нѣкогда по гетманскому повелѣнію въ Петербургъ съ извѣстіемъ о рожденіи у Разумовскаго третьяго сына. Съ новымъ правителемъ Малороссіи графомъ П. А. Румянцевымъ отношенія графа Кирилы Григорьевича были натянуты, и вначалѣ его пребыванія въ Батуринѣ почти враждебны. Два секретаря перваго, Завадовскій и Безбородко, вышедшіе послѣ Кайнарджійскаго мира въ люди и игравшіе ужъ видную роль при дворѣ, стали на сторонѣ противниковъ эксъ-гетмана. Особенно былъ ему враждебенъ талантливый Безбородко, въ которомъ Скоропадскій нашелъ себѣ покровителя и ходатая. Въ письмахъ къ графу А. Р. Воронцову, Безбородко съ явнымъ пристрастіемъ нападаетъ на Разумовскаго и, подъ вліяніемъ Скоропадскаго, крайне рѣзко говоритъ о дѣйствіяхъ Кирилы Григорьевича, о его будто бы грабежахъ и несправедливыхъ захватахъ [1]). Если бы попреки, возводимые Безбородко на Разумовскаго, были справедливы, они отозвались бы на общественномъ мнѣніи въ Малороссіи и молва о гетманѣ дошла бы до позднѣйшихъ поколѣній далеко не въ томъ привлекательномъ видѣ, въ какомъ она на самомъ дѣлѣ долгое время держалась на Украйнѣ. Пишущему сіи строки самому въ дѣтствѣ не разъ приходилось слышать отъ старожиловъ Быковской волости, что отцы и дѣды ихъ, зажиточные казаки, добровольно шли въ кабалу къ доброму и честному Разумовскому, чтобы избавиться отъ притѣсненій сосѣдней Малороссійской шляхты. Въ спорныхъ дѣлахъ своихъ Разумовскій обращался за защитою къ пріятелю своему князю Потемкину. Въ то время при послѣднемъ находился правителемъ его канцеляріи Михаилъ Васильевичъ Ковалинскій. Этотъ Ковалинскій, родомъ Малороссъ и другъ извѣстнаго Сковороды, въ 1774 году вернулся изъ-за границы, куда онъ ѣздилъ вмѣстѣ съ четвертымъ сыномъ Разумовскаго графомъ Львомъ Кириловичемъ. Графъ Кирила Григорьевичъ остался очень доволенъ попеченіями Ковалинскаго и пристроилъ его къ новому генералъ-адъютанту. Со времени полученія отпуска между Ковалинскимъ и графомъ завязалась дѣятельная переписка. Въ письмахъ своихъ Разумовскій говоритъ о житьѣ своемъ въ Малороссіи и о причиняемыхъ ему обидахъ. Вообще въ это время графъ Кирила Григорьевичъ былъ въ грустномъ настроеніи духа.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII. 186—190.

Кромѣ хозяйственныхъ невзгодъ его еще внезапно поразило, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Малороссію, извѣстіе о кончинѣ Великой Княгини Натали Алексѣевны и о нежданной опалѣ любимаго сына, графа Андрея Кириловича. Помѣщаемъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ письма Разумовскаго къ Ковалинскому.

I.

(Москва, начало 1776 года).

Читая письмо ваше къ Софьѣ Осиповнѣ [1]) весьма мнѣ лестно было видѣть дружескіе отзывы обо мнѣ шефа вашего, а особливо въ разсужденіе дѣла ябедническаго съ Шкура (Скоропадскимъ), которое есть для меня великою занозою. Безмѣрно меня удивило то, что Румя(нцевъ) тутъ *помутилъ*. Я никогда не сомнѣвался, что сей человѣкъ меня не любитъ для того, что онъ ни друзей, ни ближнихъ своихъ не можетъ любить, но злости въ немъ противу меня не полагалъ, даже до такого градуса, что не устыдился быть поборникомъ въ такомъ ябедническомъ и гнусномъ дѣлѣ, каково есть Скуропадс(каго)! Возможно ли такъ далеко простирать свою злобу, чтобъ забыть, что онъ благовоспитанный дворянинъ, что такой же чинъ имѣетъ и что такой же точно помѣщикъ, какъ и тотъ, кого онъ гонитъ и старается затмить правосудіе и сотворить участникомъ злости и ненависти своего перваго по Бозѣ судію, а съ другой стороны дать ябедникамъ поводъ въ Малороссіи поступать съ первыми въ государствѣ чинами, какъ съ гайдамаками и готовить яму, въ которую самъ перво всѣхъ ввerженъ будетъ. О, несказанное ослѣпленіе сего человѣка! Господь да будетъ ему судья, а я о заблужденіи его сожалѣю. Теперь тебя, друга моего, прилежнѣйше прошу, скажи мое глубочайшее признаніе графу [2]), скажи, что я не въ состояніи изъяснить того словами, что сердце мое чувствуетъ. Попроси его отъ меня и напоминай почаще, чтобъ онъ сдѣлалъ мнѣ одолженіе и привелъ бы сіе поганое дѣло къ концу пока его Румя(нцевъ) еще вовсе не скозлилъ (sic), который живетъ, какъ слышно, здѣсь въ Подмосковной и ожидаетъ курьера съ С.-Петербурга, дабы по тому направить свои стези.

II.

Батуринъ. Марта 25-го, 1776.

Вручитель сего флигель-адъютантъ мой Жураховскій, посланъ отъ меня въ С.-Петербургъ по имѣющимся моимъ дѣламъ въ сенатѣ имѣть

---

[1]) Графинѣ Апраксиной.

[2]) Потемкину.

хожденіе. Я вамъ его въ дружбу вашу рекомендую, какъ дѣтину добраго, права здѣшнія хорошо свѣдущаго и человѣка честнаго. Хотя мой другъ графъ Григорій Александровичъ и полны карманы мнѣ обѣщаній насулилъ, но руки пусты: домъ не купленъ, взаймы денегъ не слыхать чтобы давали и дѣло Скоропадскаго не рѣшено. Сей ябедникъ уже хвасталъ здѣсь публично, что Е. И. В. дѣло его со мною рѣшить изволила въ его пользу, о чемъ въ проѣздъ мой черезъ Глуховъ многіе съ удивленіемъ у меня спрашивали, да и то правда, что онъ весьма надеженъ на двухъ новыхъ секретарей [1]), которые ему великіе покровители и друзья. Убѣждай, пожалуй, графа, чтобы онъ употребилъ свое стараніе, чтобы сіе дѣло было кончено, яко такое, которое во всѣхъ судахъ уже оправдано. А то молодцы новые сломаютъ и сдѣлаютъ мнѣ образу (sic), а Царицѣ нанесутъ порицаніе въ публикѣ.

Вѣдомостей здѣшнихъ никакихъ нѣтъ. Я пріѣхалъ сюда 25 прошлаго мѣсяца, нашелъ прекрасную весну, потому недѣли съ двѣ, какъ сдѣлался воздухъ студеный, а дней съ пять какъ нападалъ снѣгъ и воды позамерзали и сдѣлалась наша весна настоящею зимою.

Прошу, другъ мой, увѣдомлять меня, что у васъ дѣлается, а особливо, какъ въ заводчикѣ [2]), ибо мы здѣсь въ весьма пустомъ мѣстѣ живемъ и ничего не знаемъ.

III.

Батуринъ. 24-го Мая 1776.

Благодарю васъ за письмо и за сообщеніе вѣдомостей отъ 28-го Апрѣля ко мнѣ пущенное изъ Царскаго Села. Правда ваша, что Аничковскій мой домъ на рукахъ остается. Но только бы та и бѣда была, но то хуже, что и адвокатъ мой, сынъ Андрей погибъ, да и тотъ кто обѣщалъ пособлять не въ такомъ состояніи, какого ему моя всегдашняя дружба и преданность желаетъ. Но что дѣлать, когда судьба такова. Здѣсь слухъ пронесся съ Москвы, что вашъ шефъ зачалъ будто бы съ грусти спивать. Я сему не вѣрю и крѣпко спорю, ибо я лучшую крѣпость духа ему приписываю, нежели сію. Прошу по вѣрной оказіи меня увѣдомлять, что въ домѣ Давидовѣ происходитъ. Въ заключеніе прошу свидѣтельствовать мое почтеніе и поклонъ князю Григорію Александровичу. Нашъ правитель отсюда уѣхалъ, будучи позванъ отъ самой Государыни; какъ принятъ, куда употребленъ будетъ, прошу меня увѣдомлять. Здѣсь молва носится будто онъ сюда

---

[1]) Завадовскій и Безбородко.

[2]) Намекъ на случай Завадовскаго.

не будетъ больше, что зависѣть будетъ много оттого, какъ ему у васъ повезетъ.

Если свѣдаешь причину за что мой юноша страждетъ, дай мнѣ при оказіи знать, ибо я никакъ понять не могу, какая его вина.

Карандашемъ и другою рукою:

Андрею Ос. писалъ, но онъ, по обыкновенію, ничего не знаетъ. Аще можно, да мимо идетъ чаша, да пусть отвратитъ кому вся возможна. Когда же могли, то старались, какъ можно болѣе добра сдѣлать.

IV.

Яготинъ. 23 Іюля 1776 года.

Письмо ваше отъ 15 прошедшаго мѣсяца я сего 22 получилъ. Благодарствую за сообщенныя въ ономъ вѣдомости. Желаю отъ сердца, чтобы апостольскія слова: „бѣды внутрѣ, бѣды внѣ" перемѣнились во псаломниковы: „мы же возстахомъ и исправихомся". Я вижу, что твой князь нашелъ въ Катеринѣ Алексѣевнѣ Синя. [1]) новаго Орфея, но приближающійся Марсіасъ въ лицѣ князя Ник. Вас. Репнина не попортилъ бы ихъ гармоніи по прежнимъ крѣпостямъ. Онъ теперь подъ Кіевомъ въ карантинѣ, и скоро вашихъ предѣловъ достигнетъ. Сыну моему Андрею велѣно жить у меня въ Малороссіи. Я о семъ письмо отъ Царицы получилъ, которому кажется уже и быть здѣсь должно, но еще не бывалъ. Иванъ Перфи. Елаги(нъ) писалъ ко мнѣ, что домъ мой Аничковскій купленъ за 80,000 рублей. Правда, что за безцѣнокъ, но что дѣлать, когда никто и полушки дать не захотѣлъ, а мнѣ деньги нужны и долги тяготятъ. Прошу писать по оказіямъ, что у васъ дѣлается, а особливо какъ Завад(овскій)? Здѣсь слухъ носится, что онъ великъ зѣло, зѣло. Будьте увѣрены, что мнѣ письма ваши весьма пріятны.

Другою рукою карандашемъ:

Какъ собирателю рукописей посылаю вамъ подлинныя письма Царскія: Петра 32, Алексія 5, Екатерины 8, Анны 1, которыми графъ Петръ Бор. Шереметевъ и другіе дарили.

V.

Батуринъ. Генваря 11-го, 1777.

Письмо ваше отъ 1-го сего мѣсяца получилъ да и передъ симъ, которыя вы ко мнѣ писали до меня исправно дошли. За всѣ васъ

---

[1]) Екатерина Алексѣевна Синявина, дочь адмирала Алексѣя Наумовича. Она вышла замужъ за графа Семена Романовича Воронцова.

искренно благодарю, такъ какъ и за поздравленія меня съ новымъ годомъ и за всѣ ваши пріятельскія желанія, въ письмѣ вашемъ выраженныя, о которыхъ я увѣренъ, что они отъ добраго сердца происходятъ. Я и васъ съ симъ начавшимся новымъ годомъ поздравляю, желаю отъ сердца всякаго удовольствія, совершеннаго здоровія, чиновъ и богатства; для сихъ послѣднихъ надобно, чтобы на пана вашего свѣтилъ лучъ не прошлогодній, но позапрошлогодній, чего усерднѣйше желаю. Слава Богу, юноша мой попалъ въ мѣсто злачное, въ мѣсто прохладное, и такое, какого кажется, по моему вкусу, лучше не можетъ быть на свѣтѣ семъ, въ которомъ онъ не будетъ ни такого суроваго климата имѣть ни такого холоднаго воздуха глотать, какимъ естество насъ здѣсь потчиваетъ [1]). Задунайскій у васъ боленъ, а мы его сюда давно ожидаемъ, такъ какъ здѣсь слухъ пронесся будто онъ хотѣлъ послѣ праздника сюда быть.

VI.

Батуринъ. Генваря 23-го, 1777.

Посылаю письмо къ князю Григорію Александровичу, которое прошу васъ ему вручить и просить скорой резолюціи. Я не сомнѣваюсь, что она будетъ и полезна, понеже требованіе губернской канцеляріи есть несправедливое и незаконное, какъ усмотрите изъ приложеннаго экстракта. Боюсь я, чтобы мнѣ еще не довелось трудить моего благодѣтеля, князя Григорія Александровича, ибо г. губернаторъ Чертковъ кажется мнѣ или корыстолюбивъ, или весьма не внимаетъ, понеже на отзывы мои къ нему самъ не отвѣчаетъ, а канцелярія его мнѣ нелѣпые отвѣты пишетъ по его велѣнію и даетъ протекцію людямъ, бѣжавшимъ изъ моей службы и подданства. Я, сколько возможность будетъ, стану отъѣдаться отъ сего бѣса полуденнаго самъ, не утруждая вашего шефа, но въ противномъ случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ его оборонѣ.

VII.

Батуринъ. Октября 16-го 1777.

Когда ужъ я думалъ, что васъ или въ С.-Петербургѣ нѣтъ, или вы про меня забыли, тогда въ самое то время получилъ ваши два пріятныя письма, за которыя симъ вамъ и благодарю. По сей оказіи

---

[1]) Говорится о назначеніи графа Андрея Кириловича министромъ въ Неаполь.

пишу я князю Григорію Александровичу, чтобы исходатайствовалъ мнѣ продолженія моего срока отпуску до будущаго лѣта. Пожалуй напоминай ему, дабы иногда за дворскими суетами не запомнилъ (sic) просьбы отдаленнаго. Также и о Скоропадскаго дѣлѣ не на кого иного, какъ на Бога и на него надежду имѣю. Напоминай ему, да не посмѣются врази наши надъ нами, но съ пророкомъ скажемъ: мы же возстахомъ, исправихомся.

VIII.

Батуринъ, Ноября 9-го 1777.

Письмо ваше отъ 7-го Октября имѣлъ удовольствіе получить. Гадячане оболгаху меня туне передъ г. Зоричемъ, будто я деревни у нихъ пообграбливалъ. Жаль, что сіи клеветники, принося свою жалобу, не ознаменуютъ ни лѣтъ, ни примѣтъ, почему тотъ, кому они клевещутъ, можетъ подумать, что я, живучи теперь въ Малороссіи, симъ мастерствомъ упражняюсь. А таковые отборы были учинены, по бытности моей гетманомъ, имѣній Государевыхъ беззаконно и воровски похищенныхъ, не имѣя никогда того въ виду, чтобы такія имѣнія могли быть моими. Посему они, не имѣвъ никакихъ законныхъ доказательствъ, молчали про таковые отборы и молчали бы вѣчно, но когда, по щедротамъ высочайшимъ, пожалованы сіи имѣнія мнѣ и должно стало отдачу учинить, при которой слѣдуетъ еще у неправильно владѣющихъ у государства похищеннаго имѣнія возвратить, то въ отвращеніе могущихъ быть такихъ слѣдствій, а паче въ затемнѣніе справедливости, ябедники приступили съ крикомъ, чтобы отдачи не только не чинить, чтобы ни у кого ничего не отбирать, но чтобы прежде отобранные судомъ гетманскимъ возвратить и вѣдаться бы мнѣ со всякимъ особливо судомъ, который всякому вору есть какъ во спасеніе и для отвѣчанія котораго ни моей, ни дѣтей моихъ жизни не станетъ. И вотъ въ чемъ вся задача состоитъ. Могъ бы я вамъ сказать, каковы по дикому и непросвѣщенному здѣшнихъ жителей воспитанію и неблагодарности дѣлаются теперь въ присутствіи моемъ досады. Постыжусь про оныя говорить, вѣдая, что никто вѣрить не можетъ, что отъ такихъ малыхъ людей такія дерзости дѣлаться могли. Благодаря васъ за сдѣланныя вами заступленія оклеветанному моему имени передъ г. Зоричемъ, остаюсь и пр.

PS. Полковникъ Пламенецъ проѣхалъ въ Галичь, у меня не бывалъ, видно, что его ябедники наточили [1])

---

[1]) Архивъ графа А. С. Уварова.

Во время пребыванія графа Кирилы Григорьевича въ Батуринѣ, къ нему пріѣзжалъ опальный сынъ его Андрей Кириловичъ вмѣстѣ съ сестрою Наталіею Кириловною. Судьба сына, занимавшаго уже видное мѣсто при дворѣ, сильно озабочивала Разумовскаго. Государыня собственноручно объяснила ему суть дѣла и причины своего гнѣва на зазнавшагося юношу. Назначеніе Андрея Кириловича министромъ въ Неаполь успокоило огорченнаго отца. Въ концѣ 1778 года, графъ Кирила Григорьевичъ покинулъ Малороссію и поѣхалъ въ Москву. Здѣсь оставался онъ нѣсколько времени и здѣсь примирился, благодаря усиліямъ графа Румянцева, съ дочерью своею Апраксиною. Какъ видно, между правителемъ Малороссіи и эксъ-гетманомъ уже существовало въ то время полное согласіе. „Mon père est à Moscou" писала брату Андрею изъ Петербурга Наталья Кириловна, отъ 26-го августа 1778 года, „et on l'attend ici. Vous savez ou vous ne savez pas que j'ai été obligée de déménager de la maison de mon père, qui se trouve trop petite à présent, tandis qu'autrefois elle était assez grande pour nous tous. C'est un trait de ma cousine [1]), je la reconnais à ces traits. Михайло Власьевичъ [2]) a été obligé de déloger aussi ainsi que Софья Ефимовна [3]) et il ne reste dans la maison que mon père, ma cousine et mes deux frères [4]) . . . . Je suis fâchée que tout cela ait fait jaser sur le compte de mon père et lui a fait tort dans l'esprit de tous les gens qui pensent. Cette maudite femme ne nous quittera-t-elle jamais? Elle vient d'être cause de la mort du pauvre Червинскій, qui s'est tué parcequ'elle l'a mis mal dans l'esprit de mon père et qu'elle voulait encore lui faire perdre l'espérance d'être jamais avancé.... Il ne lui manquait que cette petite horreur pour achever de la rendre tout à fait interessante . . . . Je suis curieuse, добавляла она, de savoir comment le Grand Duc recevera mon père, car, depuis votre départ, il n'a je crois pas dit un mot à qui que ce soit de la famille" [5]).

Въ концѣ Августа Разумовскій вернулся въ Петербургъ и на другой же день явился въ Царское Село, гдѣ его нетерпѣливо ожидали. „Mon père est très bien aux deux cours", доносила брату Наталья Кириловна, „surtout à la grande. On a été très impatient de le voir et jusqu'à présent l'accueil qu'on lui fait justifie cette impatience". Но за то дочь крайне недовольна была отношеніями отца къ Потемкину, хотя сама была съ нимъ въ большой дружбѣ. Ей казалось, что графъ Кирила Григорьевичъ слишкомъ за Потемкинымъ ухаживалъ,

---

1) Графиня С. О. Апраксина.

2) Будлянскій.

3) Дараганъ.

4) Графы Григорій и Иванъ Кириловичи.

5) Изъ архива князя Разумовскаго.

а главное ее возмущало доброе согласіе между княземъ Григоріемъ Александровичемъ и графинею Софіею Осиповною. „Potemkine est l'ami de ma cousine et n'est guère celui de mon père", писала она брату, „car de tout ce qu'il lui a demandé il n'a jamis rien obtenu, comme par exemple que mon frère Alexis soit employé à Moscou. C'est lui qui a tout gâté. Après cela que mon frère Léon soit fait adjudant (sic) il le refuse. Il ne peut seulement pas obtenir depuis trois mois, que mon frère Grégoire soit fait adjudant chez mon père. Je ne conçois non plus mon père, pourquoi ne pas en parler lui même à l'Impératrice, qui le distingue beaucoup et auprès de laquelle il a tant de droits. En vérité je souffre quand je vois si peu de fiérté. Comment faire la cour à ce vilain aveugle et pourquoi? [1]).

Въ Петербургѣ Разумовскій оставался недолго. Онъ сдалъ домъ свой на Мойкѣ графу Браницкому, который въ немъ принималъ Екатерину [2]), а бывшій Цесаревнинъ дворецъ, находившійся на Милліонной и Красной улицахъ, близъ дома князя Грузинскаго, продалъ за 25,000 рублей И. И. Бецкому для воспитательнаго дома, котораго числился почетнымъ благотворителемъ [3]). Въ 1781 году онъ уже снова былъ въ Малороссіи и снова зачалъ дѣятельную переписку съ Ковалинскимъ.

Вотъ его письма.

I.

Батуринъ, Марта 16-го 1781.

Письмо ваше отъ 24-го прошедшаго мѣсяца получилъ. Узнавъ изъ онаго о намѣреніи двора быть въ Москву въ 83-мъ году, оставилъ намѣреніе возвращаться самъ наступающимъ лѣтомъ въ Петербургъ. Васъ же, благодаря за увѣдомленіе, яко для моего здоровья и съ домашними моими обстоятельствами весьма соединенное и полезное, прошу свидѣтельствовать мою благодарность князю Григорію Александровичу за пріемлемое въ томъ дружеское участіе, а притомъ и представьте ему мою просьбу, чтобъ исходатайствовалъ отъ Е. И. В. высочайшее дозволеніе о продолженіи моего здѣсь пребыванія. Теперь же переставъ заботиться о поворотѣ моемъ къ вамъ, симъ лѣтомъ стану помышлять о поѣздѣ моемъ въ Новороссійскую губернію, для обозрѣнія тамъ отведенныхъ мнѣ земель и буде не встрѣтятся какія либо непредвидѣнныя препоны, то и направлю стези мои въ Херсонъ

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.
[2]) Сборникъ Им. Истор. Общества IX. 113—114.
[3]) „Русская Старина", 1875, 154 и 361.

для обозрѣнія сего мѣста. Сей вояжъ хочется мнѣ сдѣлать въ Маѣ мѣсяцѣ, ибо далѣе говорятъ, что станетъ жарко, а потому и безпокойно. Благодарю васъ какъ за присылку календарей, такъ и за сообщеніе вѣдомостей, которыми прошу и впредь меня почаще спабдѣвать (sic) въ письмахъ вашихъ.

Сейчасъ, когда печатать началъ письма мои въ Петербургъ, получилъ по почтѣ письмо ваше отъ 28-го Февраля и приложенный военный новонапечатанный списокъ, за которые вамъ мою благодарность симъ свидѣтельствую.

II.

Мая 4-го 1782 г. Батуринъ.

Отъ Марта мѣсяца, котораго числа не подписано, отъ Апрѣля 7 и 12-го письма ваши получилъ. Благодаря васъ за оныя, благодарю и за сообщеніе мнѣ двухъ книжечекъ, которыя дѣйствительно любопытныя и для царей одного съ нимъ исповѣданія хороши, а для папы весьма дурны. Но пора ему роги сломать. Довольно сей попъ въ прошедшія времена передъ царями карачился. Относительно до продажи села моего Поливанова было время, что оное помышлялъ продать по причинѣ, что упутался было въ долги какъ медвѣдь въ сѣти, но о цѣнѣ мы съ оберъ-камергеромъ не сошлись. Между тѣмъ продалъ дома въ Петербургѣ и нѣсколько деревень здѣсь и посбылъ знатную часть долговъ, меня угнетающихъ. Теперь же я не только оной продавать не намѣренъ, но слыша, что князь Григорій Александровичъ купилъ неподалеку Голицынскія Дубровицы, то таковое для меня пріятное сосѣдство умножаетъ больше къ сему селу привязанность, ибо я воображаю, что со временемъ наскучатъ пышность, роскошь и суета, свойственныя резиденціямъ, удалимся въ сіи мѣста, въ тишинѣ и въ безмолвіи, отложше ветхаго человѣка и подобно въ новаго облещемся и тако поживемъ. Прошу васъ продолжить вашу мнѣ переписку. Сообщайте мнѣ вѣдомости, каковыя случатся и подобныя книжечки, если попадутся.

Другою рукою, вѣроятно графини С. О. Апраксиной:

И я вамъ кланяюсь. Рада, что Поливаново не продается и я сама оную деревню очень люблю. Возьми съ него обои къ спальной, которые онъ обѣщалъ и вели обить мою комнату. Я тебѣ буду благодарна. Прощай.

III.

Возвратясь изъ Херсонскаго края 13-го числа сего мѣсяца, письмо ваше отъ 26-го Мая я получилъ и какъ за содержащееся въ немъ

увѣдомленіе съ новостями, происходимыми въ обитаемомъ вами городѣ, такъ и за приложенный притомъ новый уставъ полиціи, искренно благодарю. Жаль токмо, что оный не въ переплетѣ до меня дошелъ. По необходимости былъ онъ въ рукахъ здѣшнихъ переплетчиковъ, кои безобразнымъ своимъ переплетомъ и облекли его въ видъ акаѳиста. Прошу одолжать меня и впредь доставленіемъ сему подобныхъ и другихъ, кои признаете достойными любопытства, новостей. Сіе во всякое время сочту знакомъ вашей ко мнѣ искренней пріязни, но не забывайте притомъ и жалобы моей на здѣшнихъ переплетчиковъ. Въ сдѣланномъ мною въ Херсонъ вояжѣ я ощущалъ особливое удовольствіе, ибо неточію въ путешествіи семъ не имѣлъ никакого безпокойства, но зрѣніе мое безпрестанно занималось пріятнымъ удивленіемъ, поколику на самой той ужасной своею пустотою степи, гдѣ въ недавнемъ времени едва кое-гдѣ разсѣянныя обрѣтаемы были ничего не значущія избушки, называемыя отъ бывшихъ Запорожцевъ зимовниками, на сей, говорю, пустопгѣ особливо по Херсонскому пути, начиная отъ самаго Кременчуга, нашелъ я довольныя селенія верстахъ въ 20, въ 25, и не далѣе 30, бóльшею же частью при обильныхъ водахъ. Что принадлежитъ до самаго Херсона, то, кромѣ извѣстнаго великолѣпнаго Днѣпра, сѣверный берегъ котораго здѣсь онымъ населяется, представьте себѣ множество всякій часъ умножающихся каменныхъ зданій, крѣпость, замыкающую въ себѣ цитадель и лучшія строенія, адмиралтейство съ строющимися и построенными уже кораблями, обширное предмѣстье, обитаемое купечествомъ и мѣщанами разнородными съ одной стороны; казармы, около 10,000 военнослужащихъ въ себѣ вмѣщающихъ, съ другой. Присовокупите къ сему почти передъ самымъ предмѣстіемъ и видопріятный островъ съ карантинными строеніями, съ Греческими купеческими кораблями и съ проводимыми для выгодъ сихъ судовъ каналами. Все сіе вообразите и тогда вы не удивитесь, когда вамъ скажу, что я и понынѣ не могу выдти изъ недоумѣнія о толь скоромъ возращеніи онаго на мѣстѣ, гдѣ такъ внедавне одинъ токмо обрѣтался зимовникъ. Не говорю уже о томъ, что сей городъ, конечно, въ скорости процвѣтетъ богатствомъ и коммерціею, сколь то видѣть можно изъ завиднаго начала оной. Климатъ онаго есть также обстоятельство благое. Вы пишите, что и 26 Мая лѣта у васъ еще не начиналось, а я въ сіе время, будучи тамъ, терпѣлъ сильный жаръ, который всегда однако для меня сноснѣе, нежели Финская вредоносная стужи буйность. Херсонъ для меня столь показался пріятенъ, что я взялъ въ немъ и мѣсто для постройки дома, на случай, хоть быть тамъ нѣкогда и согражданиномъ. Скажу вамъ и то, что не одинъ сей городъ занималъ мое удивленіе. Новые и весьма невдавне также основанные города: Никополь, Новый-Кон-

дакъ, лѣпоустроенный Екатеринославль. Къ тому же присовокупить должно расчищенные и къ судоходству удобными сдѣланные Ненаситицкіе пороги съ проведеннымъ и проводимымъ при нихъ съ невѣроятнымъ успѣхомъ каналомъ, равно достойны всякаго вниманія разума человѣческаго, паче же достойны безсмертной славы великія Екатерины, премудрымъ своимъ проницаніемъ о грядущемъ блаженствѣ Россіи устроивающей столь дивная и чудная и съ толикимъ преуспѣяніемъ. Все сіе заслуживаетъ человѣческое любопытство, которое, чудясь великости дѣлъ нашей Монархини, не менѣе всегда дивится и прозорливому ея избранію сорачителей мудрыхъ ея намѣреній, плоды подвиговъ которыхъ зрѣютъ благоуспѣшно. Изъ всего того заключить можете о всемъ удовольствіи, которое испыталъ я надъ упованіе мое (sic) въ семъ путешествіи. Симъ оканчиваю.

Іюня 22-го дня 1782 года, Батуринъ.

PS. Князь вашъ съ одной стороны охотникъ деревни продавать и покупать, съ другой стороны пронесся здѣсь слухъ, что ему полюбилась деревня графа Петра Александровича Румянцева въ Переяславскомъ бывшемъ полку Городище, которую онъ намѣренъ, говорятъ, купить для племянницы своей, Александры Васильевны графини Браницкой. Не знаю, сойдутся ли они торгомъ съ графомъ или нѣтъ. Но если князю въ сихъ мѣстахъ имѣніе надобно, то я ему продамъ волость Яготинскую, въ томъ же мѣстѣ, на той же рѣкѣ, Супой называемой, такая же ситуація, словомъ можно пріѣхать и жить съ людьми и большимъ домомъ, какъ я и жилъ. О семъ извольте князю доложить и если ему угодно, то подробная опись пришлется.

IV.

Яготинъ, Сентября 15-го, 1781.

Письма ваши получилъ. Радуюсь, что вы опять на старое мѣсто къ князю попали. Касательно, чтобъ вамъ прожить нѣкоторое время въ домѣ моемъ, я весьма тому согласенъ, но какъ я оный уступилъ теперь е. с. князю вашему для сватьбы племянницы его, то и не знаю за симъ не только вновь какихъ жителей возможно-ль будетъ помѣстить, но и живущихъ тамо дѣтей моихъ уповаю потѣснить надобно будетъ. Однако-жъ вы можете о семъ говорить съ Андреемъ Осиповичемъ Закревскимъ, къ которому я обо всемъ пишу относительномъ по дому.

Сей куріеръ могъ дня три прежде отъ меня отправленъ быть, но онъ доходилъ въ Переяславлѣ сысканія его бѣднаго имущества и

прогонныхъ денегъ, которое ограблено было на дорогѣ; охота коннаго Кіевскаго полку офицерами. Сіи люди здѣсь имѣютъ по доходящимъ до меня слухамъ ту же славу, что Павлинцы около Петербурга, хотя и полковники кажется степенные и нѣмцы, да всѣ говорятъ: о се намъ лихо!—по мѣстамъ, гдѣ они квартируютъ.

Въ томъ же году Разумовскій писалъ къ сыну изъ Яготина:

„Уже всѣ мои письма запечатаны были, и куріеръ, котораго я въ С.-Петербургъ отправлялъ, совсѣмъ отпущенъ, только что еще не ускакалъ, въ то самое время прислали мнѣ изъ Батуринскаго дома письма, по почтѣ полученныя, между которыми и отъ тебя письмо, пущенное изъ Портичи, подъ № 5 отъ 29 Мая, получилъ, изъ котораго увидѣлъ, что письмо мое отъ 13 прошедшаго Марта нанесло тебѣ великую непріятность и воздвигло тебя на тонъ Родрика. Я весьма тому радъ, видя изъ сего чувствительное твое сердце, чтó весьма свойственно благовоспитанному человѣку. Желаю, чтобы сія чувствительность всегда въ сердцѣ твоемъ пребывала, то оная будетъ служить преградою всякимъ непріятностямъ, могущимъ встрѣтиться въ теченіи жизни твоей. Я отъ сердца желаю, чтобы ты мнѣ впредь не подалъ никакого случая къ неудовольствію, какъ ты и обѣщаешь. Можешь быть увѣренъ, что и я во всякихъ случаяхъ отдамъ тебѣ должную справедливость. На сихъ дняхъ получилъ я отъ Ея Величества на прошеніе мое собственноручное письмо, которымъ всемилостивѣйше дозволяется мнѣ остаться здѣсь для поправленія моего здоровія до будущаго лѣта. Итакъ, я въ сіе мѣсто заѣхалъ теперь со всѣмъ домомъ, а въ Батуринѣ на зиму домъ конопатятъ, которому весьма сіе нужно по его ветхости. Касательно до капельмейстера, Лау мой свой терминъ кончилъ, наступалъ какъ бѣшеный, чтобъ ему данъ былъ абшитъ, который, какъ скоро получилъ, то и пришелъ въ раскаяніе и оказалъ желаніе продолжать у меня службу, сколько мнѣ угодно, почему я его на годъ и принялъ, считая отъ прошедшаго Мая мѣсяца, слѣдовательно, въ пріисканіи такого человѣка спѣшить нѣтъ нужды, однакожъ изъ виду вовсе терять не надобно. Я и самъ знаю, что таковаго сорту людей надобно искать въ Нѣмецкой землѣ, но не знаю къ кому туда адресоваться, авось не попадется ли какое нибудь животное въ вашихъ предѣлахъ, такое, какое мы ищемъ“ [1]).

Отъ 17-го Ноября того же года Кирила Григорьевичъ писалъ къ Андрею Кириловичу уже изъ Батурина:

„Подъ № 7 отъ 28-го Августа, письмо твое получилъ. Правда, что давно мы другъ другу писемъ не писали; слѣдовательно и не полу-

[1]) Изъ архива, кн. Андрея Кир. Разумовскаго. Оттуда же и всѣ остальныя письма графа Кирилы Григорьевича.

чали, но того и взыскивать нельзя по отдаленности мѣстъ, въ которыхъ мы теперь живемъ, и по кочующей жизни, которую я въ лѣтнее время въ сихъ мѣстахъ веду. Не удивляюсь я, что васъ жары безпокоили въ Неаполѣ, когда и здѣсь мы нѣсколько оными, мѣсяца два, безпокоены были и которыя и мнѣ были гораздо чувствительны такому, который и по лѣтамъ и по сложенію любитъ теплый климатъ, за которымъ гоняясь, лишаюсь резиденціи, вмѣсто оной водворяюсь въ степяхъ и нерѣдко кочую въ палаткахъ или кибиткахъ. Знатнѣйшіе путешественники ИИ. ВВ. Великій Князь и Великая Княгиня здѣсь проѣхали [1]) и 15 Октября выѣхали изъ Кіева, изъ Малой Россіи и отечества. Въ бытность ихъ въ семъ городѣ оказали не малое и отмѣнное благоволеніе какъ къ сему городу, такъ и всему краю здѣшнему. Такими милостивыми знаками и отзывами плѣнили сердца здѣшнихъ обывателей и провожаемы были со слезами. Я и самъ былъ въ Кіевѣ, принятъ былъ весьма милостиво и въ слезахъ съ ними разстался. Сказываютъ, что и въ Петербургѣ тѣмъ же началось и кончилось, съ тою разницею только, что тамъ было съ родными дѣтьми, слѣдовательно и чувство и слезы по-сильнѣе. Теперь мнѣ остается желать, чтобы тебя тамъ увидѣли и, правъ ли ты или виноватъ, поведеніе и обхожденіе въ разсужденіи тебя такое бы было, дабы холодность не примѣчаема была въ публикѣ, и въ случаѣ если Е. В. все равно будетъ, пребываніе твое въ отечествѣ-ль твоемъ или внѣ онаго, мое мнѣніе такое, чтобы ты оставилъ сію стезю, на которой ты теперь стоишь и просился въ отечество твое въ службу, къ которой ты съ дѣтства пріуготовляемъ былъ и въ знаніи которой ты преуспѣлъ, я разумѣю морскую, въ адмиралтейство. Съ нынѣшнимъ твоимъ чиномъ и старшинствомъ, ты въ семъ мѣстѣ скорѣе произойдешь нежели во всякомъ другомъ. Хотя и въ арміи не отстанешь, но то разница, что первой ты учился, а другой пріучиваться надобно. Вотъ тебѣ мой совѣтъ для переду, который въ дѣйствіе произведи тогда, когда обстоятельства дозволятъ. Всѣ домашніе мои благодарятъ за приписаніе и кланяются. Я здоровъ, отёкъ прошёлъ, приложили на 6 мѣсяцевъ *ѳару*. Сія операція по слабости моей груди сдѣлалась почти необходимою“.

Въ 1785 году Разумовскій воротился уже въ Петербургъ и во время отсутствія Государыни, ѣздившей въ Іюнѣ въ Вышній Волочокъ, управлялъ столицею.

„Всемилостивѣйшая Государыня“, писалъ къ ней Разумовскій, отъ 14 Іюня, „письма В. И. В., изъ Твери и Вышняго Волочка пу-

[1]) Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна, отправлявшіеся на путешествіе за границу, подъ названіемъ графа и графини Сѣверныхъ.

щенныя, имѣлъ счастіе получить, несказанно радъ я, равно и всѣ здѣшніе жители, что В. И. В. при совершенномъ здравіи путешествіе ваше продолжаете, какъ о томъ, что угодно вамъ было сократить оное и обрадовать вашимъ возвращеніемъ столицу вашу и ея предѣлы. Высочайшее повелѣніе ваше оберъ-полиціймейстеру объявилъ, чтобы онъ наблюдалъ, дабы въ каменныхъ домахъ деревянныхъ лѣстницъ и переходовъ не строено было. Онъ мнѣ объявилъ, что при новыхъ строеніяхъ полиція того всемѣрно наблюдаетъ, старыхъ же ломать В. И. В. ему не повелѣли, но послѣдній пожаръ и тѣхъ пугнулъ, почему и стараются хозяева брать лучшія предосторожности. Здѣсь все благополучно и время пріятное настаетъ, но еще и намъ пріятнѣе будетъ, когда будемъ имѣть счастіе В. И. В. видѣть въ совершенномъ здравіи и удовольствіи послѣ поднятыхъ трудовъ".

„Два письма В. И. В", писалъ еще Разумовскій отъ 18 Іюня того же года, „отъ 16 и 17 имѣлъ счастіе получить. Касательно до встрѣчи Высочайшее повелѣніе ваше исполнено будетъ, яко В. В. угодное, хотя столицѣ вашей весьма беззаботное. Время здѣсь сдѣлалось сырое и прохладное, но сердца горящія любовью и желаніемъ видѣть свою монархиню, благополучно возвращающуюся послѣ поднятыхъ трудовъ въ путешествіи, какъ по суху, такъ и по водамъ" [1]).

При дворѣ Кирила Григорьевичъ занялъ обыкновенное свое мѣсто. Онъ почти ежедневно бывалъ у Государыни, аккуратно посѣщалъ эрмитажныя собранія и по-прежнему былъ ея записнымъ партнеромъ, только вистъ замѣненъ былъ рокамболемъ и бостономъ по самой малой цѣнѣ. „Батюшку отмѣнно принимаютъ при дворахъ", писала къ графу Андрею Кириловичу Наталья Кириловна Загряжская. Къ этому времени относится слѣдующее письмо графа Петра Ивановича Панина къ графу Кирилѣ Григорьевичу:

„Милостивое в. с. опредѣленіе лекаря Ленуа сугубо меня тѣмъ одолжаетъ, съ какого вы, милостивый графъ, расположеніемъ къ памяти покойнаго брата моего оное сдѣлать изволили. Я, отнеся сіе особливо къ тѣмъ вашимъ врожденнымъ добродѣтельнымъ качествамъ, къ которымъ въ Бозѣ почившій братъ мой и собственно я всегда наполнялись почтеніемъ и привергли себя искреннимъ усердіемъ къ в. с., приношу чрезъ сіе мое вамъ за все оное наипризнательнѣйшее благодареніе, прося, чтобъ ваше обращаемое расположеніе къ обоимъ намъ съ покойнымъ братомъ моимъ теперь обратить на единаго меня съ тою полною вѣрою, что я, зная прямую тому цѣну, буду соотвѣтствовать оному всегда искреннѣйшимъ усердіемъ и вѣрностію.

Декабря 29 дня, 1783 года, Москва" [2]).

---

[1]) Изъ Государственнаго Архива.

[2]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

Тотъ же самый графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, за десять лѣтъ передъ этимъ, а именно въ 1773, въ письмѣ къ племяннику своему князю Александру Борисовичу Куракину, того же самаго Разумовскаго назвалъ „въ припадкѣ счастія обогащеннымъ празднецомъ“ [1]).

Между тѣмъ сынъ Разумовскаго, графъ Андрей, былъ переведенъ изъ Неаполя въ Копенгагенъ. Въ богатомъ его архивѣ сохранился цѣлый рядъ писемъ отъ отца къ сыну. Помѣщаемъ ихъ здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ:

I.

С.-Петербургъ, 1 Іюля 1785.

Г. Вице-адмиралъ Грейгъ [2]), отправляя дѣтей своихъ мичмановъ въ морскомъ флотѣ Алексѣя и Ивана Грейговъ съ ихъ учителемъ Адамомъ Амстромомъ вояжировать, просилъ меня черезъ графа Ивана Григорьевича Чернышева [3]), чтобъ ихъ рекомендовать твоему попеченію, когда они въ Копенгагенъ прибудутъ. Я сію коммиссію взялъ охотно на себя исполнить, будучи увѣренъ, что ты и безъ моей рекомендаціи не оставилъ бы изъявить всякія благодѣянія и выгоды, которыя только отъ тебя зависѣть будутъ, что однакожъ симъ исполняя, поручаю сихъ молодыхъ людей, во время тамъ пребыванія, твоему попеченію и призрѣнію, во всемъ, въ чемъ имъ оное нужно будетъ. Симъ одолжишь ихъ отца, добраго, знатнаго и заслуженнаго въ Россійскомъ флотѣ человѣка; сдѣлаешь угодное и графу И. Г. Чернышеву, который тебя любитъ и яко шефъ ихъ интересуется, и мнѣ удовольствіе.

II.

С.-Петербургъ, Декабря 13, 1785.

Отъ 26 Ноября письмо твое подъ № 19 получилъ. Левашевъ, которому ты письмо ко мнѣ вручилъ, еще сюда не бывалъ. Сказываютъ, что къ новому году будетъ. 4000, обѣщанныя и слѣдующія тебѣ, въ началѣ Генваря переведены будутъ равно и за покойную твою гардеробу, сколько доведётся, ибо мы сколько ни старались съ Толстымъ Александромъ пріобрѣсть тебѣ лучшую сумму за сію статью, но больше 800 получить не могли и то взялъ одинъ портной, который

---

[1]) „Русская Старина“, VIII, 342.

[2]) Самуилъ Карловичъ Грейгъ (Sir Samuel Greig), р. 1736, † 1788, адмиралъ, андр. кав.

[3]) Графъ И. Г. Чернышевъ былъ президентомъ адмиралтействъ-коллегіи.

на меня дѣлаетъ платье, въ упованіи томъ, что замѣнитъ сію сумму счетами, свойственными людямъ его званія. Съ наступившею зимою здоровіе мое кажется немного получше становится, которое осенью отъ сыраго и суроваго воздуха гораздо претерпѣвало. Весною думаю отъ сихъ странъ удалиться на нѣсколько лѣтъ въ Малороссію, а со временемъ, если нужно будетъ и далѣе въ теплѣйшій климатъ, о чемъ я уже и прежде писалъ. Жаль, что мною присланные ковры можетъ быть поздно пріѣдутъ, только они для зимы таковы, какихъ въ Англіи не дѣлаютъ. Читалъ я посткриптъ твой и письмо смотрителя завода Троицкаго къ тебѣ писанное. Правда, что онъ давно мнѣ стужалъ о томъ, чтобы ему доставить нѣсколько жеребцовъ для подновленія завода изъ Даніи или изъ Ганновера, soupe au lait называемыхъ, но я, пріѣхавши сюда, купилъ ему изъ привозимыхъ всякую весну на биржу одного жеребца; отправилъ къ нему, а прочее и изъ виду потерялъ, почему видно не надѣялся онъ на мое проворство, а узнавъ, что ты въ Данію переселился, ударился прямо къ тебѣ съ предложеніемъ и чтобъ тебя больше на сей подвигъ обязать, то и далъ тебѣ знать, что и заводъ и деревня и весь тамошній животъ тебѣ принадлежатъ, что и самая правда и моя такая на то воля, но сіе со временемъ должно послѣдовать, ибо раздѣлъ мой между вами Великороссійскихъ имѣній есть ничто иное какъ порядокъ, утвержденный на истинномъ равенствѣ всякой изъ васъ части, дабы, послѣ кончины моея, не имѣли нужды разбираться, а можетъ и ссориться и враждовать другъ на друга и не таскаться по судамъ по пусту, дѣлая изъ себя доходъ всѣмъ лихоимцамъ, по суднымъ мѣстамъ находящимся. Предоставивъ однакожъ себѣ волю выдѣлить, изъ дѣтей моихъ тѣхъ, кого заблагоразсужу и сколько кому изъ нихъ удѣлить захочу, имѣвъ въ виду и то, что мнѣ и самому жить и содержать по чину моему штатъ и домъ надобно. По сіе время полную часть имѣетъ братъ вашъ старшій Алексѣй, также Петръ, кромѣ къ Гостилицамъ приписанныхъ Знаменскаго и Крестовскаго острова, да прошлаго лѣта Льву отдѣлилъ 3000 Можайскихъ въ удѣлъ на его содержаніе, ибо онъ первыя руки мотъ и часто мнѣ своими безпутными и неумѣренными издержками немалую скуку наводилъ. Что же касается до тебя, то не имѣешь причины заботиться о правленіи твоею частію, она въ добрыхъ рукахъ, но хотя бы я и хотѣлъ выдѣлить тебя прежде 3 лѣтъ того сдѣлать нельзя, ибо большая часть составляется изъ Псковскихъ имѣній, а оныя въ арендѣ у Фитенгофа на 9 лѣтъ отданы, чему уже 6 лѣтъ прошло. И сыну Петру могъ я удѣлить по его согласію съ вычетомъ по пропорціи платимой мнѣ суммы годовой за аренду. Для лучшаго же твоего усмотрѣнія и свѣдѣнія о семъ дошедшемъ о раздѣлѣ слухѣ, прилагаю точную копію со всего сего акта Е. В. конфирмованнаго. Говоря о семъ,

ничего тебѣ о возложенной отъ Генаута [1]) на тебя коммиссіи не сказалъ; итакъ, обращаясь къ первому скажу, что требованіе его къ тебѣ въ пріисканіи описаннаго жеребца есть дѣльное и основательное, которое и я не токмо апробую, но и совѣтую пріискать двухъ сколько можно хорошихъ жеребцовъ, одного такой шерсти, какъ онъ описалъ, а другаго буланаго, или кого изволишь, только бы не вороной былъ, ибо сія шерсть у насъ теперь не весьма въ употребленіи и почитай ее обѣгаютъ. Сіи кони надобно, чтобъ съ первыми кораблями сюда приплыли. Что же касается до заплаты денегъ и привозу чего стоить будутъ, то и сіе зависитъ отъ воли твоей. Если вексель адресованъ на мое имя будетъ, то я здѣсь заплачу, а если надобно оный перевесть, то по письму твоему и то учинено будетъ.

Записка, о которой упоминаетъ Разумовскій въ вышеприведенномъ письмѣ и которую мы помѣщаемъ in extenso въ приложеніяхъ, была имъ подана на высочайшее имя въ 1784. Во время двукратнаго пребыванія своего въ Малороссіи, графъ Кирила Григорьевичъ окончательно расплатился съ долгами и привелъ дѣла свои въ блестящее положеніе. Имѣнія, полученныя имъ отъ брата и жены не только не были „умалены, но еще присовокуплены“. „Не число душъ“, говоритъ онъ въ запискѣ своей, „но прилежное вниманіе за экономіею и умѣренная жизнь умножаетъ имѣніе“. Онъ раздѣлилъ между пятью сыновьями 37,432 души, такъ что на долю каждаго, приходилось 6000 съ чѣмъ-то душъ. Четыре дочери получили каждая по 2000 душъ и по 40,000 рублей на приданое. Въ томъ же году актъ былъ утвержденъ Екатериною, но сыновья, какъ видно было выше, не всѣ еще были выдѣлены и Кирила Григорьевичъ оставилъ за собою право передавать доставшіяся на долю каждаго по раздѣлу имѣнія, когда ему заблагоразсудится. Обращаемся снова къ письмамъ Разумовскаго.

III.

Генваря 7, 1786. С.-Петербургъ.

Письмо твое подъ № 20 получилъ, на которое впредь отвѣчать буду, сіе же къ тебѣ пишу, хотя по почтѣ, но не обыкновенною дорогою чрезъ купцовъ, которою и ты отвѣчать можешь. Причина сему письму, окончаніе отъ тебя полученнаго подъ вышеозначеннымъ №, начинающемуся сими словами: „Il y a bien longtemps, mon cher père, que j'ai l'esprit fortement et incessement occupé d'objets de la plus haute importance pour etc“. Говоришь не ясно, а думаешь,

[1]) Смотритель Троицкаго завода.

что я догадаюсь и узнаю если дамъ себѣ время подумать. Я довольно думалъ, но не отгадалъ; изъ тѣхъ же кому показалъ, чтобъ отгадали, разумѣется своимъ, одна сестра твоя Наталья Кириловна, зная твое расположеніе сердечное и влюбчивое, заключила, что ты вздумалъ жениться. Если она отгадала, то отпиши въ какой части свѣта, въ какомъ государствѣ, въ какомъ городѣ живетъ и кто такова по имени и по фамиліи красавица, которая тебя плѣнила. Для меня, я бы желалъ, чтобъ была знатна, а не подла, для тебя и для экономіи твоей, которую я не лучшею статьею въ жизни твоей поставляю, надобно, чтобъ лучше была богата, нежели бѣдна. Чтобъ же она и хороша была въ томъ мы оба согласны, а съ моей стороны мимоходомъ скажу тебѣ, не можно-ль, чтобъ она была и Русская. Вотъ наше гаданіе, на чемъ мы и остановились. Теперь ожидаю на сіе отвѣта твоего, который долженъ быть и ясенъ и внятенъ. Новый годъ кончился, который тебѣ благополучно провождать во всякомъ удовольствіи желаю, празднованіемъ безъ всякаго произвожденія ни по арміи, ни по штатскимъ, кромѣ только, что обыкновенные по гвардіи доклады вышли. У насъ были морозы великіе, около мѣсяца продолжавшіеся, теперь оттепель, таетъ, много снѣгу спущается, отъ которой у меня грудь завалило, которая съ погодой, уповаю, пройдетъ. Adieu.

IV.

С.-Петербургъ, 10 Генваря 1786.

Подъ № 20 отъ 17 Декабря прошлаго 1785 г. изъ Копенгагена письмо твое пущенное я исправно получилъ. Помнится мнѣ, что ковры, посланные къ тебѣ въ 4 штукахъ состоящіе, сдѣланы полотнищами, съ тѣмъ точно намѣреніемъ, чтобы ихъ сшивать было можно по пространству комнаты. При семъ включаю тебѣ обѣщанныхъ на 5000 векселей, въ которыхъ считай и требуемыя тобою экстраординарныя, потому что я сестрѣ твоей Загряжской 409 р. заплатилъ, которыхъ не вычитаю. Покойную твою гардеробу отдалъ портному за 800 р., а тебѣ пошлю полную тысячу. Сверхъ сего не вычитаю и сего, что портной у меня по обыкновенному и свойственному симъ мастеровымъ искусству другую 1000 учтетъ. За симъ всѣмъ не ожидай больше отъ меня ни копѣйки до слѣдующаго Мая мѣсяца, въ которое время получишь отъ меня 4000, а за симъ менажъ твой располагай такъ, чтобъ не было нужды никому стужать и просить помощи въ твоихъ недостаткахъ, да и какая нужда въ долги тебѣ заходить, понеже ни званіе твое, ни дворъ того отъ тебя не требуютъ, а я право не въ состояніи шестерыхъ васъ прихоти и пустыя из-

держки выполнять. Богъ мнѣ единъ свидѣтель бываетъ, когда я мечусь какъ угорѣлый, чтобы сыскать способъ честный, удовлетворять случающимся недостаткамъ по дому и по образу жизни моей, хоть не прихотливому, но соотвѣтственному моему званію.

P. S. Подъ № 22 письмо твое сейчасъ получилъ. Новый годъ, которымъ меня поздравляешь, началъ весьма нехорошо, потому что занемогъ и послѣ онаго не выѣзжалъ еще и по сіе время, но, слава Богу, теперь полегче и думаю дня черезъ два выѣхать. Желаю тебѣ сей наступившій провожать съ лучшимъ здоровіемъ и со всякими по желанію твоему выгодами. Софья Осиповна поручила мнѣ свидѣтельствовать тебѣ ея благодарность и чувствительность за приписанное о ней, она желаетъ тебѣ въ сей новый годъ и во всѣ послѣдующіе совершеннаго здоровія и всякаго благополучія. Малая ея Вѣрушка [1]), которую ты почти дитею оставилъ, сдѣлалась большою и хорошею слыветъ дѣвицею. Она была помолвлена за Нарышкина, сына Петра Петровича [2]) и, слывши невѣстою съ мѣсяцъ, другъ другу не полюбились и нареченная сватьба не состоялась. Одна осталась свободною невѣстою въ ожиданіи другаго жениха, а другому, лишившись любезной ему невѣсты, осталось право другую искать, влюбиться и жениться. Рекомендованный тобою секретарь не бывалъ; изъ описанія твоего о немъ понимаю, что онъ великій мушкатъ! На что мнѣ его рекомендуешь? У меня и своихъ много подобныхъ ему, которые заржавили и меня съѣдаютъ.

V.

С.-Петербургъ, Февраля 14, 1786.

Левашевъ [3]) съ своего путешествія возвратился; хвалится вездѣ и передъ самою Государынею, сколь онъ твоимъ ласковымъ пріемомъ былъ въ Копенгагенѣ доволенъ, а потому благодаренъ и признателенъ на его учтивый отзывъ, я ему отвѣчалъ равнымъ учтивствомъ. Сія есть обыкновенная монета придворная. Письмо твое подъ № 18-мъ мнѣ вручилъ, на которое вкратцѣ тебѣ симъ отвѣчаю. Что касается

---

[1]) Графиня Вѣра Николаевна Апраксина, дочь графини Софьи Осиповны, † въ 1845 г., вышла замужъ за графа Петра Васильевича Завадовскаго.

[2]) Петръ Петровичъ Нарышкинъ, гвардіи маіоръ (1726 † 1782) женатъ былъ на княгинѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Репниной. Сынъ его Петръ, тайный совѣтникъ и сенаторъ (р. 1764, † 1825) былъ женатъ: 1) на гр. Маріи Николаевнѣ Салтыковой; 2) на Екатеринѣ Николаевнѣ Опочининой.

[3]) Василій Ивановичъ Левашевъ, д. т. с., оберъ-егермейстеръ, р. 1740, † холостымъ 1803 года.

до твоего разсужденія, относящагося къ твоему званію и посту, сопровождаемому всегдашними непріятностями, не имѣющему никакого поощренія, ни авантажу и весьма уничижительному какъ для тебя, такъ и непріятному для тѣхъ, которые съ тобою дѣло имѣютъ, и кажется, что и для самыхъ дѣлъ не полезно. Но я сужу, какъ слѣпой о цвѣтахъ, и можетъ быть политика для меня вовсе дама незнакомая, съ которою ты теперь обращаешся, сего такъ требуетъ. Въ томъ Богъ вамъ въ помощь, а разсужденія твои нахожу справедливыми и противорѣчить онымъ не могу. Касательно же до того, чтобъ сдѣлать подвигъ къ самой Ея Величеству, который тебѣ представляется лучшимъ и плавчимъ (sic) способомъ, сіе самое уже сдѣлано было и ключъ почитаю обѣщанный въ дорогѣ, но ничего извѣстнаго не вышло, кромѣ одно извѣстное, что тому года два назадъ слишкомъ, какъ сіе происходило. По сему сей способъ не почитаю за способный. Что же до меня касается, то я при всѣхъ моихъ выгодахъ, не могу быть доволенъ въ семъ мѣстѣ по причинѣ суровости климата, которымъ мое здоровіе часъ отъ часу истощевается и заставляетъ меня помышлять удалиться изъ сего мѣста и хоть нѣсколько оное поисправить. Почему въ Маѣ, конечно, полагаю отсюда уѣхать въ Малороссію, гдѣ годъ поживши, если облегченія не почувствую, то удалюсь въ иныя теплѣйшія страны въ Европѣ находящіяся, ибо сіе есть общее мнѣніе всѣхъ господъ учениковъ Гипократовыхъ, что одинъ сей способъ къ подкрѣпленію моего разстроеннаго здоровія есть, и я думаю, что они въ первый разъ противъ обыкновенія своего не ошибаются. Въ такихъ моихъ похожденіяхъ можетъ быть гдѣ ни есть представится способъ къ свиданію нашему съ тобою; впрочемъ, какъ еще довольно времени впереди, то о семъ и впредь переписаться можемъ.

P. S. Сіе письмо зачато было прежде благополучнаго разрѣшенія отъ бремени Государыни Великой Княгини, которая родила Принцессу Марію Павловну [1]). Ее вчера окрестили, и, какъ обыкновенно, при такомъ радостномъ пріобрѣтеніи фамиліи Императорскому дому бываютъ оказуемыя многимъ подданнымъ Монаршія милости, то я остановился и сдѣлалъ кое-гдѣ подвиги о напамятованіи въ семъ случаѣ и о тебѣ. Сколько было произведенныхъ, за краткостію времени не могу тебѣ сообщить, да и нужнымъ не поставляю, а скажу, что ты пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ; симъ тебя усерднѣйше по-

---

[1]) Великая Княгиня Марія Павловна, р. 4 февраля 1786, † 11 (23) іюня 1859. Въ супружествѣ была (1804 г.) за Карломъ Фридрихомъ, великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймаръ-Эйзенахскимъ (1783, † 1853).

здравляю. Радуюсь сердечно, что ты сдвинулся съ такого якоря, на которомъ около десяти лѣтъ простоялъ. Сія оказанная тебѣ Монаршая милость, не сомнѣваюсь, что усугубитъ извѣстную твою охоту, ревность и усердіе, которыя и до сего ты имѣлъ въ настоящемъ твоемъ званіи и служеніи. Князь Г. А. Потемкинъ и гр. А. А. Безбородко были предстателями о тебѣ, при семъ случаѣ я и совѣтую засвидѣтельствовать имъ твою благодарность особливыми письмами, прося ихъ, чтобъ и впредь не оставляли употребить свое ходатайство тебѣ во благо, гдѣ случай встрѣтиться можетъ, а особливо послѣдній, отъ котораго вы, господа дипломатическаго корпуса, непосредственную имѣете зависимость. Бывшій твой секретарь Chevalier Pierre, письмо твое, подъ № 21, мнѣ доставилъ чрезъ брата твоего Петра. Я его самъ не видалъ, да и нужды въ томъ не нахожу, чтобъ спѣшить его видѣть. На содержаніе письма твоего отвѣчать не имѣю ничего, въ разсужденіи томъ, что думаю мнѣнія твои, какъ по сему, такъ и по прочимъ письмамъ, перемѣнятся по причинѣ твоего произвожденія, яко такого рессора, который упадшій твой разумъ и разсудокъ въ уныніе, наладятъ на дальнѣйшее продолженіе твоего служенія. Писалъ ты тому нѣсколько времени, что король Шведскій, который тебѣ весьма знакомъ и который тобою столь хорошо въ Неаполѣ угощенъ былъ, желаетъ тебя видѣть въ Стокгольмѣ гостемъ, о чемъ отзывался и господину Маркову [1]), находящемуся нашему министру при Е. В., и что ты желалъ бы сіе сдѣлать, но безъ увольненія не можешь отлучиться отъ своего поста, и просилъ, чтобы я о семъ навѣдался. Мой совѣтъ тебѣ вотъ какой: отпиши о семъ или къ вице-канцлеру [2]) или къ гр. Безбородко, съ приложеніемъ копіи письма къ тебѣ отъ Маркова, о такихъ отзывахъ; оное твое письмо конечно доложено Е. В. будетъ, почему и резолюція воспослѣдуетъ о томъ ѣхать или нѣтъ. Если дозволено будетъ, поѣдешь, а если отказано, въ такомъ случаѣ и Царь право свое теряетъ, что, однако же, кажется, чаять нельзя. Отвѣтствую тебѣ вкратцѣ на всѣ твои вопросы, въ разныхъ твоихъ письмахъ находившіеся. За нужное нахожу объяснить вкратцѣ о взаимномъ нашемъ желаніи повидаться. Я, уже какъ выше сказалъ, что имѣю намѣреніе, весною будущею удалиться отъ сего мѣста для поправленія моего здоровія, но какъ

---

[1]) Аркадій Ивановичъ Марковъ, впослѣдствіи графъ, род. 1747, † 1829, министръ сперва въ Голландіи, а потомъ въ Стокгольмѣ; онъ въ 1786 занялъ мѣсто Бакунина въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, игралъ важную роль во время случая Зубова. При Александрѣ I былъ посломъ въ Парижѣ, д. т. с. и андр. кав.

[2]) Графъ Иванъ Андреевичъ Остерманъ (1725, † 1811). Посолъ въ Швеціи, потомъ вице-канцлеръ (на мѣсто князя Александра Михайловича Голицына въ 1775). При Императорѣ Павлѣ въ 1796 назначенъ государственнымъ канцлеромъ.

для сего краткаго времени и по причинѣ исходатайствованія тебѣ отъ двора увольненія, гдѣ для кого и спѣшатъ, не всегда скоро все дѣлается, для тебя же никакая бездѣлица скоро сдѣлаться не можетъ, то я и почитаю сію цѣль, чтобы намъ здѣсь свидѣться, неудобною, а потому и невозможною, а для того сего года или по малой мѣрѣ лѣто отложить должно. Впредь же сіе лучшимъ образомъ можно кажется исполнить, о чемъ обстоятельнѣе переписаться можно будетъ. Остается мнѣ еще тебѣ слово молвить объ извѣстныхъ жеребцахъ къ Троицкому заводу: я желаю имѣть двухъ хорошихъ сколько возможно жеребцовъ, буланаго, т.-е. черная грива и ноги по колѣно, а другаго соловаго, т.-е. soupe au lait, которыхъ и совѣтую промыслить.

VI.

Февраля 21, 1786. С.-Петербургъ.

Предъ симъ я уже писалъ къ тебѣ о прінсканіи и покупкѣ для Троицкаго нашего завода двухъ хорошихъ датскихъ жеребцовъ, однаго буланаго, а другаго соловаго. Теперь прилагаю на покупку оныхъ векселей на сумму 1500 руб., которой я почитаю довольно будетъ для заплаты за оныхъ, такъ и на отправленіе и доставленіе ихъ сюда къ порту съ первыми кораблями. Засимъ, теперь ничего больше писать не имѣю. Масляница у насъ оканчивается съ превеликою стужею, такъ что спектакли и маскарады отмѣняются. Вотъ какова Чухонія! Да и въ то время, когда уже въ Европѣ Мартъ настаетъ! Впрочемъ, я сижу больше въ такихъ холодныхъ обстоятельствахъ дома, когда же выѣзжаю, то всегда больше-ли, меньше-ли, но чувствую тѣсноту и одышку въ груди...

VII.

Марта 14, 1786. С.-Петербургъ.

Письмо твое извѣстное, подъ № 2, отъ 14 Февраля пущенное, мною исправно получено 9 Марта, о чемъ и спѣшу тебя симъ увѣдомить. Что же касается до содержанія онаго, то теперь ни время, ни случай подробно отвѣчать не дозволяютъ: то только теперь тебѣ вкратцѣ скажу, что по мнѣнію моему, великія встрѣчаются препоны къ достиженію твоего желанія во всѣхъ его частахъ, о которыхъ должно больше трактовать на словахъ лицомъ къ лицу, нежели по перепискѣ, которая времени много будетъ только уносить, а настоящаго дѣла не оснуетъ, а тѣмъ менѣе рѣшитъ. Сего для полагаю

необходимо намъ видѣться, но гдѣ и когда, о томъ впредь переписываться можемъ. За симъ желаю тебѣ совершеннаго здоровія и всякаго благополучія.

VIII.

Апрѣля 1, 1786.

Подъ № 3 отъ 7 Марта изъ Копенгагена пущенное письмо ваше получилъ. По желанію твоему, свѣчи восковыя бѣлыя, Батуринской моей фабрики, для домашняго твоего обиходу доставлены будутъ, которыя, въ разсужденіи ихъ бѣлизны и чистоты, Французскимъ не уступятъ, но за пріуготовленіе свѣтиленъ отвѣчать не могу, хотя всѣ способы употребляются у меня на фабрикѣ для приведенія оныхъ въ совершенство, но не уповаю, чтобы могли съ Французскими равняться. Чай зеленый тоже доставленъ будетъ, который теперь гораздо вздорожалъ, по причинѣ сдѣлавшагося раздору съ Китайцами, который нѣкоторую помѣху дѣлаетъ торговлѣ на Кяхтѣ, но сіе мало значитъ, ибо сіи шалуны, гнѣваясь и дѣлая прицѣпки ко всякой бездѣлицѣ, часто подобныя штучки выкидываютъ. Сіи обѣ статьи будутъ къ тебѣ доставлены съ нашею эскадрою, которая пойдетъ, какъ скоро льды исчезнутъ. О братѣ твоемъ [1]) и его спутникѣ Фюслейнѣ скажу тебѣ, что я ихъ послалъ въ Гётингъ или въ другое какое училище, но они оякорились въ Дрезденѣ, и хотя я писалъ, что всякую резиденцію почитаю не способомъ къ ученію, но имъ сіе мѣсто полюбилось и я ихъ оттуда выслать не могъ. Приставъ его говоритъ, что всѣ способы къ наученію они тамъ нашли. Ты можетъ быть ихъ въ теченіи будущаго лѣта у себя увидишь, то и не оставь подать имъ совѣта, который бы и лучшимъ и полезнѣйшимъ для нихъ по твоему разсужденію быть могъ.

IX.

Апрѣля 18-го, 1786. С.-Петербургъ.

Письма твои подъ №№ 4 и 5 мною получены. Будучи въ статской службѣ и спискѣ, военнаго мундира носить нельзя и не водится, но старое доносить можешь въ отсутствіи, ибо никто строго сего взыскивать не станетъ; что же касается до намѣстническихъ униформовъ, или мундировъ, прилагаю при семъ напечатанную книжку, въ которой всѣ мундиры описаны, а которые ты носить можешь, означены знакомъ NB. Касательно до бекеши, которыя здѣсь въ модѣ, сей статьи здѣсь сыскать трудно, но какъ у меня сыскалась готовая, ко-

---

[1]) Графѣ Иванѣ Кириловичѣ.

торую я очень мало употреблялъ, а шапку и ни разу, то я оныя къ тебѣ и пошлю, можетъ съ нашею эскадрою, равно и муфту соболью сдѣлать прикажу. Сіи овчинки не калмыцкія, а крымскія или, по нынѣшнему названію, Таврическія именуются. Касательно до отданія по сосѣдству твоего почтенія его Шведскому величеству, о семъ вице-канцлеръ къ тебѣ, уповаю, писать будетъ, почему и поступить можешь какъ съ такимъ предписаніемъ исшедшимъ свыше; мнѣ же о семъ болѣе сказать нечего. У насъ здѣсь отмѣнно хорошая весна наступаетъ. Дворъ уповательно скоро отправится въ Царское Село. Я слава Богу здоровъ, только еще объ отъѣздѣ моемъ отселѣ просьбы моея не заносилъ и не знаю еще времени, когда отсюда выѣхать смогу.... къ кн. Потемкину и гр. Безбородкѣ письма отъ тебя вручилъ.

Уже не разъ, какъ видѣли мы выше, Кирила Григорьевичъ намекалъ сыну о желаніи его, къ достиженію котораго отецъ видѣлъ великія препоны. Желаніе это, какъ вѣрно угадала Н. К. Загряжская, была женитьба. Еще въ 1777 году, проѣздомъ въ Неаполь, графъ Андрей Кириловичь сблизился въ Вѣнѣ съ семействомъ графа Тунъ-Гогенштейнъ. Одна изъ дочерей графа, графиня Елизавета Тунъ, влюбилась въ красиваго русскаго дипломата. Послѣ назначенія своего въ Копенгагенъ, Андрей Кириловичъ снова заѣхалъ въ Вѣну и съ этихъ поръ сталъ серьёзно помышлять о женитьбѣ. Между нимъ и молодой Австрійкой завязалась переписка. Сперва намеками, а потомъ уже открыто Андрей Разумовскій сообщилъ отцу о своемъ намѣреніи жениться Родные невѣсты требовали со стороны жениха перемѣны вѣры, перехода въ Австрійское подданство, перевода части имѣнія за-границу и наконецъ „доказательства о древности дворянства“. Все это было крайне не по̀ сердцу Кирилѣ Григорьевичу. Глубокая его привязанность къ вѣрѣ отцовъ и родинѣ излилась въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ къ сыну отъ 1-го мая 1786 г. изъ С.-Петербурга:

X.

Отправленіе отсюда въ море Г. Капитана Ломана, который тебѣ мои посылки доставитъ и котораго рекомендую и поручаю твоему попеченію и призрѣнію, что̀ отъ тебя зависѣть можетъ, подаетъ мнѣ случай увѣдомить тебя, что я письмо твое подъ № 6 получилъ. Хотя все учреждается къ тому, чтобъ Ея Величеству шествовать будущею зимою въ Херсонъ, а оттуда въ Таврическую область, но какъ сіе еще далеко, то можетъ по политическимъ обстоятельствамъ какая ни есть внезапность случиться или другая какая помѣха, которая оста-

новить можетъ. Такъ о всякихъ отдаленныхъ предпріятіяхъ кажется судить надлежитъ, какъ бы оныя вѣроятны ни были. Мой также отъѣздъ отсюда хотя и вѣрнѣе, ибо мои обстоятельства и препоны несравненно менѣе, а потому и маловажнѣе, но я еще не знаю, въ началѣ-ли лѣта, въ половинѣ-ли или въ концѣ въ Малороссію отправлюсь, или не встрѣтится ли что̀ ни есть такого, что и вовсе не поѣду, а потому и свиданіе наше съ тобою, столько желаемое, весьма сомнительно, особливо вскорѣ, и кажется сіе удобнѣе въ проѣздъ Ея Величества черезъ Малороссію, если оный подлинно случится. Но полно о сей матеріи бесѣдовать, впредь можемъ списаться, къ чему довольно времени впереди имѣется.

Какъ сей случай вѣрный и не по почтѣ, то и разсудилось мнѣ слово сказать тебѣ, относительно письма твоего подъ № 2 о женитьбѣ и касательныхъ до того обстоятельствъ. Первое, чтобъ войти въ цесарскую службу, оставить, такъ-сказать, свое отечество, сдѣлаться изъ Русскаго Австрійцемъ, истребить здѣсь, такъ-сказать, гнѣздо твое, достающееся тебѣ по наслѣдству въ недвижимомъ имѣніи, которое обратить въ деньги и доставить тебѣ оныя, — все сіе есть операція не токмо что трудная, но и невозможная и соединенная съ твоимъ поношеніемъ и раззореніемъ, которую ни я, ни свойственники, ни друзья наши апробовать не могутъ, непріятели же употребятъ сіе яко орудіе, которымъ тебѣ и мнѣ вредить возмогутъ, если бы таковое намѣреніе до ихъ свѣдѣнія дойти могло. Быть подданнымъ Австрійскимъ или Россійскимъ, по мнѣнію моему, все равно, то и не стоитъ труда отечество свое вовсе оставлять. Взгляни на твари безсловесныя, которыя всегда мѣстъ своихъ и лѣсовъ держатся, въ которыхъ онѣ родились и взросли, хотя нерѣдко бываютъ спуганы охотниками или звѣрями сильнѣе ихъ и принуждены бѣжать и удаляться свойственныхъ имъ жилищъ; но, по прошествіи такой внезапности, паки въ оныя возвращаются и водворяются, то кольми паче человѣкъ, тварь одаренная разумомъ и разсудкомъ, долженъ сего правила держаться. Сказавъ тебѣ о приступѣ къ сему сватанію, скажу о персонѣ, яко главной причинѣ нашея бесѣды. Можетъ быть, она мила, прекрасна и такъ совершенна и наполнена добрыми качествами, какъ ты описываешь, или еще больше, я на все согласенъ съ тобою, но встрѣчающіеся три артикула, которые Германскій педантизмъ влечетъ за собою, мнѣ и всѣмъ любящимъ васъ весьма противны, т.-е. выводное, чтобъ положить 150,000 гульденовъ, стязаніе о законѣ или вѣрѣ Греческой и доказательство о древности дворянства. Когда прилежно и хорошенько разсудить, кажется, должно дѣлать остуду всякому горящему, любовному пламени, яко слѣпотою возжигаемому и горящему, а по сему и по вышесказанному вотъ мое заключеніе: на женитьбу я согласенъ.

Таковой союзъ, признаюсь тебѣ, что пріятнѣе бы онъ мнѣ былъ съ Россіянкою. Если же, слѣдуя или любви или другимъ какимъ встрѣчающимся обстоятельствамъ, заключить союзъ съ иностранкою, то имѣть въ виду и никогда не потерять, ниже въ чемъ либо нарушать сіи три пункта: отечество, вѣра и Государь. Сіи должны во всякомъ случаѣ свято и неприкосновенно сохранены быть, а засимъ самъ разсуди и, сколько возможно, безпристрастно подумай, возможно-ль сіе предпріятіе, которое ты въ виду имѣешь, довести до желаемаго тобою окончанія и за исключеніемъ всѣхъ неудобностей, о которыхъ я выше сказалъ; если есть возможность, чего я не предвижу однако-жъ, то можешь доходить онаго. Если же нѣтъ, то лучше съ Германцами не связываться и не срамиться напрасно, а обратить взоры и предметъ въ другую сторону, а всего бы лучше въ Россійскую, въ которой много красавицъ и хорошихъ и не бѣдныхъ имѣется. Богъ тебѣ да поможетъ.

PS. Говоря о представляющихся въ мысляхъ твоихъ выгодахъ въ Австріи, позабылъ сказать о посольствѣ, оное пріятно въ теперешнемъ положеніи и обстоятельствахъ, но чтобъ всегда сіе посольство такъ лестно было, за сіе никто отвѣчать не можетъ. Прилагаю письмо отъ Ивана Васильевича Гудовича [1]), зятя нашего, который мужъ и отецъ своимъ дѣтямъ хорошій и свойственникъ добрый. Онъ прошлаго года сдѣланъ Рязанскимъ и Тамбовскимъ правителемъ намѣстничества. Я его въ твою дружбу и знакомство рекомендую. Касательно выписыванія для Троицкаго завода жеребцовъ, они нынѣшній годъ не могутъ поспѣть къ заводу. Довольно, чтобъ они наступающимъ лѣтомъ около осени могли въ Москву доставлены быть.

XI.

Мая 6-го, 1786. С.-Петербургъ.

Прилагаю вексель въ 4,000 рублей, тебѣ отъ меня опредѣленныхъ: о полученіи сего меня увѣдомляй. Сказываютъ, что у васъ, по причинѣ Датскаго торгу съ Остъ-Индіею, вывозятъ оттуда порцелинъ Японскій или Китайскій въ немаломъ количествѣ и продаютъ недорогою цѣною, а какъ сего вздору у меня по дому немалое количество выходитъ, то я бы и желалъ знать цѣну сему у васъ товару

---

[1]) Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, впослѣдствіи графъ (см. о немъ выше) и генералъ-фельдмаршалъ (р. 1731, † 1808), женатъ былъ на графинѣ Прасковьѣ Кириловнѣ Разумовской.

для выписыванія по дому, если оный дешевле, нежели у насъ обходится, то и рекомендую прислать ко мнѣ всякаго сорту изъ лучшихъ, среднихъ и самыхъ послѣднихъ по дюжинѣ тарелокъ глубокихъ и мелкихъ и по нѣскольку блюдъ, а притомъ и смѣту для всякаго сорту. Еслибы собрать полный сервизъ отъ 24 до 30 персонъ, то во что оный здѣсь на наши деньги обойтиться можетъ. Почему я, разсудя, могу черезъ тебя выписать нѣсколько такихъ сервизовъ для разсылки по разнымъ мѣстамъ. Не оставь навѣдаться, можетъ-ли сей порцелинъ такъ, какъ наши европейскіе, терпѣть горячую воду или кипятокъ. Сію высылку, мнѣ кажется, отъ васъ весьма удобно будетъ сдѣлать, по причинѣ пресмыкающихся взадъ и впередъ въ теченіи лѣта нашихъ кораблей. Если у васъ есть еще что такое, чего у насъ нѣтъ, что́ бы выписывать можно, то дай мнѣ знать. Весна у насъ настаетъ, зелень зачала показываться, но мосты еще не наводятся по причинѣ льдовъ, которыми Ладога стращаетъ. Дворъ давно въ Царскомъ Селѣ. Я слава Богу здоровіемъ моимъ весну изрядно начинаю, а что́ покажетъ лѣто—увижу.

XII.

Мая 16-го, 1786. С.-Петербургъ.

Подъ № 7 отъ 29-го Апрѣля пущенное изъ Копенгагена письмо твое получилъ, что касается до извѣстнаго портрета [1]), то мое мнѣніе: поставь его въ кабинетѣ своемъ или въ другой какой комнатѣ, но вмѣстѣ съ нашими кажется неудобно. Я о семъ ни съ кѣмъ не разглагольствовалъ, да и нужды, кажется, нѣтъ, а пишу тебѣ какъ думаю. Здѣсь у вице-канцлера гр. Остермана того же государя въ домѣ портретъ большой и въ богатой рамѣ поставленъ въ особой комнатѣ. Удивительно мнѣ, что ты пишешь о своей бывшей гардеробѣ, что ее желаешь назадъ имѣть, когда я, какъ скоро получилъ оную, то всѣ способы употребилъ ко пріисканію какого ни есть охотника или промышленника, который бы взялъ ее за резонабельную цѣну, за двѣ или бы хоть за полторы тысячи рублей, но никто на сіе не пріискался. Наконецъ портной мой взялъ за 800 руб., не съ тѣмъ однако-жъ, чтобы готовыя деньги платить, но чтобъ ему зачтено было впредь по счетамъ, которые онъ мнѣ за подѣлки на меня подавать будетъ. Я еще велѣлъ искать и видя, что сіи вещи могутъ навсегда остаться на рукахъ и должны преданы быть согнитію, принужденъ отдать былъ и деньги въ началѣ Января къ тебѣ посланы, вмѣсто 800—1,000 руб., которые ты и получилъ. Теперь по письму твоему

[1]) Дѣло идетъ, кажется, о портретѣ короля Шведскаго.

послѣднему посылалъ я къ портному справиться, не разсовалъ-ли онъ еще сей коллекціи кафтановъ? Нашлось, что всѣ зимніе и богатѣйшіе онъ распырялъ (sic), а остались одни лѣтніе, за которые онъ требуетъ 500 р. Я приказалъ торговаться, если уступитъ, то думаю взять и отправить къ тебѣ. Оные кафтаны къ Петрову дню могутъ поспѣть; итакъ, въ теченіе лѣта ими пользоваться можешь, а впредь никакъ спѣшить не должно. Если тебѣ карета надобна, то я могу тебѣ доставить за половину цѣны, которую тебѣ заплатилъ, ибо она у меня стоитъ безъ всякаго дѣйствія. Что касается до лошадей Троицкаго завода, то деньги къ тебѣ переведены, шерсть лошадямъ сказана, и такъ, пожалуй, только ихъ въ теченіи лѣта сюда высылай, дабы я могъ прежде глубокой и грязной осени ихъ въ Москву доставить. О братѣ Иванѣ, чего для онъ въ Дрезденѣ остался, а не въ другомъ какомъ училищѣ въ Нѣмецкой землѣ, я уже писалъ въ прежнихъ моихъ письмахъ.

XIII.

Мая 26-го, 1786. С.-Петербургъ.

Прежде нежели сіе письмо до рукъ твоихъ дойдетъ, я не сомнѣваюсь, что ты извѣстенъ уже будешь о переселеніи твоемъ, по высочайшему повелѣнію, изъ Датской земли въ Швецію, на мѣсто Маркова, который сюда поворачивается, для заступленія, говорятъ, мѣста Бакунина, тайнаго совѣтника Петра Васильевича [1]), котораго уповаю ты знавалъ и который недавно умеръ, заболѣвъ прошедшею зимою чахоткою, отъ которой здѣсь трудно излечиваться. Письмо сіе доставлено тебѣ будетъ черезъ Кочубея [2]), офицера гвардіи, племянника гр. А. А. Безбородко, который въ Швецію посылается курьеромъ и везетъ къ тебѣ депеши и повелѣніе о перемѣщеніи твоемъ въ Швецію. Сей молодой человѣкъ останется въ Швеціи нѣкоторое время при тебѣ. Для него гр. Безбородко, который занимаетъ въ воспитаніи его мѣсто отца, желалъ, чтобы я сего юношу вамъ рекомендовалъ, что́ симъ охотно обѣщанное ему исполняю. Поручаю сего молодаго человѣка вашему призрѣнію и надсмотрѣнію въ его поведеніи, о которомъ старайся не токмо отъ него самого знать по довѣренности, которую, уповаю, ты пріобрѣтешь съ его стороны, но и по сторонѣ навѣдываться, дабы онъ иногда, какъ молодой человѣкъ, не далъ ка-

[1]) Петръ Васильевичъ Бакунинъ, тайный совѣтникъ, членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, † 1786.

[2]) Викторъ Павловичъ Кочубей, впослѣдствіи государственный канцлеръ и князь (р. 1768, † 1834); онъ женился позднѣе на внукѣ графа Кирилы Григорьевича, Маріи Васильевнѣ Васильчиковой.

кого промаха, который бы могъ навлечь непріятность дядѣ его и самому ему, отъ чего всегда старайся его отвратить здравыми совѣтами и разсужденіями, больше дружескими и смягченными, нежели суровыми и министерскими, которые бо̀льшею частію, молодыхъ людей самолюбіе уничтожая, самихъ ихъ нерѣдко въ курбетъ поставляютъ. Впрочемъ, сей дѣтина есть малый молодой, но скромный и неслышно за нимъ никакихъ пороковъ, ни шалостей, слѣдовательно не дальнихъ заботъ тебѣ стоить будетъ присмотръ за его поведеніемъ. Что же до его упражненія касается, то намѣреніе и желаніе дяди его гр. А. А., чтобы онъ обращался при министрахъ, пріобыкъ къ министерскимъ дѣламъ, то и старайся вводить его въ сіе званіе всѣми лучшими способами, каковы, по мнѣнію твоему, встрѣтиться могутъ. Симъ самымъ угодность сдѣлаешь гр. А. А., который носитъ милость и довѣренность отмѣнную Государскую, имѣетъ и склонность и готовность дѣлать добро и который весьма о тебѣ хорошаго мнѣнія, какъ мнѣ довольно извѣстно стороною и заочно, по его отзывамъ. Теперь остается мнѣ сказать тебѣ, что письмо твое отъ 12 Мая я получилъ. Отъѣздъ Ея Величества въ Херсонъ и Таврическую область, ни въ чемъ ни отмѣненъ, а положено быть ему въ будущемъ году въ Генварѣ или Февралѣ мѣсяцѣ. Мое здоровіе по сію пору въ изрядномъ состояніи и такъ не спѣшу отсюда въ Малороссію, но думаю въ теченіи лѣта однако же отправиться. Чтобы же намъ тамъ, и въ то время, когда дворъ будетъ, увидѣться, сіе почитаю неудобнымъ, о чемъ и предъ симъ уже къ тебѣ писалъ, а еще больше, по новости твоей перемѣны, неудобность теперь настоитъ. Сіе теперь мѣсто тебѣ поручается знатное и важное по его связи; имѣешь теперь пространное поле показать твою способность, ревность и усердіе въ семъ званіи. Старайся однако же не промотаться, а сказываютъ, что тутъ способовъ къ тому довольно. Adieu.

XIV.

Іюня 6-го, 1786. С.-Петербургъ.

Васильевъ твой, наконецъ, къ тебѣ отправляется. Я недавно писалъ къ тебѣ съ племянникомъ гр. Безбородки, но теперь почитай и писать ничего не имѣю, хотя и изрядная оказія тому, кажется, представляется. Не знаю, когда въ Швецію переселишься? Здѣсь всѣ считаютъ, что скоро. Въ семъ мѣстѣ тебѣ труднѣйшую роль играть думаю будетъ, нежели въ Копенгагенѣ. Со многими дружиться, говорятъ, надобно будетъ, но не всегда искренно, но говорятъ, что въ Стокгольмѣ гораздо пріятнѣе будетъ жить передъ Копенгагеномъ. Король тебѣ знакомъ, кажется по отзывамъ и друженъ, но онъ занос-

чивъ и, можетъ быть, его интересы не всегда съ нашими согласіемъ встрѣчаются, то въ такихъ случаяхъ и дружба ваша буде не вовсе ко паденію, то потрясенію подвергаться можетъ. Старайся, чтобы возстановляющаяся твоя репутація въ семъ мѣстѣ не умалялась, но возрастала. Реляціи твои пиши больше по русски, а письма къ министрамъ на какомъ языкѣ изволишь. Гр. Безбородко, который считается всемогущъ, весьма, какъ стороною слышу, хорошо о тебѣ говоритъ. Старайся племянника его пріучить, чтобы твоихъ совѣтовъ слушалъ и творилъ благоугодное дядѣ своему, какъ я довольно о семъ писалъ. Симъ, думаю, средствомъ усугубишь лучшее мнѣніе его къ себѣ, впрочемъ о всѣхъ здѣшнихъ поведеніяхъ вручитель сей лучше и больше, уповаю, сказать можетъ, нежели я на память. Оставшую твою гардеробу, состоящую въ нѣсколькихъ лѣтнихъ кафтанахъ, думаю вскорѣ отправить въ Гельзинёръ.

P. S. Въ Швеціи дѣлается поваренная желѣзная посуда, которая по свойству металла гораздо почитается здоровѣе и безопаснѣе мѣдной, по причинѣ что за сею весьма прилежное имѣть надлежитъ смотрѣніе, дабы часто и хорошо лужена была, а если сего недосмотрѣно будетъ, то отъ бываемой яри или vert de gris называемой, великія болѣзни, а иногда и самая смертельная опасность приключается, чего отъ желѣзной посуды никакъ не бываетъ. Для того по приложенной здѣсь на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ запискѣ, прикажи оной надѣлать лучшимъ мастерствомъ и ко мнѣ въ домъ отправить. На первый случай сіе количество не великое и послужитъ только для пробы; если же усмотрится желаемая выгода и прочность, то и впредь на всю поварню на разныя мѣста въ моихъ домахъ выписать можно будетъ. По описаннымъ въ письмахъ твоихъ недостаткамъ и дороговизнѣ въ Копенгагенѣ, порцелиновый Китайскій сервизъ вижу должно оставить. Мнѣ сказано было, что его тамъ и дешево и способно доставить лучше, нежели всякій другой, а потому было я къ тебѣ о сёмъ и адресовался.

XV.

Іюня 27-го, 1786. Знаменское.

Письмо твое, изъ Копенгагена пущенное, которымъ увѣдомляешь меня о полученіи векселей, получилъ. Прилагаю коносементъ на посланную твою остальную гардеробу, о которой я уже прежде писалъ. Дворъ переѣхалъ на праздники въ Петергофъ, по обыкновенію, и тому два дня, какъ я поселился на дачу Знаменскую и больше ничего писать не имѣю. Я слава Богу здоровъ, чего и тебѣ отъ сердца желаю.

XVI.

1786, Іюля 18-го. Гостилицы.

Письмо твое отъ 27 Іюня изъ Копенгагена пущенное, получилъ. Что касается до переѣзда твоего изъ Копенгагена въ Стокгольмъ, то, хотя я заподлинно и опредѣлительно сказать не могу, но знаю, что намѣреніе министерства, чтобъ Марковъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше пріѣхалъ. Слухъ же носился, который и до меня дошелъ, чтобъ Маркова ты смѣнилъ тамъ лично, а не черезъ переписку, то и не только до половины зимы, врядъ ли твои обстоятельства дозволятъ и до Сентабря въ Копенгагенѣ остаться. Впрочемъ, пишу тебѣ сіе гаданіемъ, знать же мнѣ не почему, ибо дворъ въ Царскомъ Селѣ, а я живу въ Гостилицахъ, принимаю лекарство для облегченія припадковъ, причиняемыхъ мнѣ осеннимъ сырымъ временемъ, а потому я никого не вижу, да и видѣть до Октября мѣсяца не могу. Слѣдовательно и о причиняемыхъ переселеніемъ твоимъ тебѣ убыткахъ ни съ кѣмъ говорить не могу, да увѣренъ, хотя бы и говорилъ, то будутъ потерянныя слова, ибо дворъ ни малѣйше не входитъ въ издержки своихъ министровъ, равно и въ ихъ долги, правильно-ль или мотовствомъ оные надѣланы, дворъ на то съ индиферентностію взираетъ. Что же касается до меня, то я право не въ состояніи тебѣ помогать. Вашей братіи расточителей у меня шесть, истинно доходовъ недостаетъ! Мнѣ одному большимъ домомъ, по моему званію, жить должно, а на ваши экстраординаріи хотя великую часть имѣнія продалъ, но и то уже прожито и паки тебѣ повторяю, не ожидай отъ меня ничего на заплату твоихъ долговъ, а плати ихъ какъ и чѣмъ хочешь. Впрочемъ, въ началѣ Сентября четыре тысячи получишь за треть".

Проданное имѣніе о которомъ упоминаетъ Разумовскій въ предыдущемъ письмѣ, былъ пожалованный ему Екатериною городъ Гадячъ съ ключемъ. Какъ мы видѣли выше, Кирила Григорьевичъ уже давно помышлялъ о томъ, какъ бы окончательно разсчитаться съ долгами. Онъ долго колебался между продажею Гадяча и Быковской волости. Теперь онъ рѣшился на первое и продалъ Гадячъ казнѣ съ селами и деревнями, всего въ этомъ владѣніи считалось 9,948 душъ, за 596,088 рублей.

Уже не разъ въ письмахъ своихъ упоминалъ Кирила Григорьевичъ о намѣреніи своемъ выѣхать изъ Петербурга. Въ 1787 г. онъ окончательно на это рѣшился, продалъ Знаменское графу Шувалову и началъ собираться въ путь.

„Любезный другъ мой, Иванъ Васильевичъ", писалъ онъ къ зятю своему Гудовичу отъ 1 Января 1787 года: „Письмо ваше

черезъ губернатора Александра Андреевича Волкова получилъ. Подателя онаго я нашелъ также, какъ вы описываете, человѣкомъ знающимъ и достойнымъ дружбы вашей. По причинѣ его здѣшнихъ заботъ и короткаго пребыванія, мало мнѣ досталося времени пользоваться его обществомъ и разговорами. Дворъ завтра переѣзжаетъ въ Царское Село, а со всѣмъ въ походъ [1]) пустятся 7-го сего мѣсяца. Я же получилъ, по всеподданнѣйшему моему прошенію милостивый отпускъ, который меня дѣлаетъ свободнымъ пребывать во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта. Для усмотрѣнія вашего копію прилагаю. И какъ отъ меня зависитъ продолжить оный, сколько я захочу, то можете понять, что спѣшить не буду кончить оной. Жестокій кашель, который сильно меня мѣсяцей (sic) около трехъ безпокоилъ, прошелъ; но по обыкновенію зимнему, а особливо въ здѣшнемъ климатѣ, всякое утро больше или меньше безпокоитъ меня заложеніе въ груди, а иногда и головная болѣзнь, отъ которыхъ частію кофеемъ, а частію терпѣніемъ отдѣлавшись утромъ, прочее время дня сносно провождаю, а потому мало куда и выѣзжаю. Равно по сей причинѣ и зимою выѣхать отсюда не въ состояніи, то и дожидаться буду весны: въ исходѣ Апрѣля или въ началѣ Мая пущусь въ Москву черезъ Псковъ и Смоленскъ, буде что не воспрепятствуетъ. Въ Москвѣ прямо поѣду въ Петровское, гдѣ и буду дожидать Ея Величества на возвратномъ пути. Я ласкаю себя пріятною надеждою видѣться съ вами въ Москвѣ.

P. S. Вы знаете, что Петръ Васильевичъ Завадовскій обѣщался жениться на Вѣрѣ Николаевнѣ [2]). Годъ все обходился какъ женихъ съ невѣстою, откладывая публичное оглашеніе сего акта съ мѣсяца на мѣсяцъ, а наконецъ черезъ мѣсяцъ положилъ быть рѣшительнымъ. Генварь пришелъ; дворъ отъѣзжаетъ; онъ не рѣшился, но увѣряетъ. Мать и дочь въ крайнемъ безпокойствѣ. Публика твердитъ негативу, я же не знаю еще, что изъ всего сего выдетъ; но кажется, что для обѣихъ сторонъ не только не похвально, но и поносно, ежели ни во что обратится [3])".

Къ этому послѣднему пребыванію въ Петербургѣ Кирила Григорьевича относятся слѣдующіе два анекдота, записанные Бантышъ-Каменскимъ. Послѣ Чесменской побѣды, въ Петропавловскомъ соборѣ, въ присутствіи Государыни и всего двора, митрополитъ Платонъ,

---

[1]) Путешествіе Екатерины въ Крымъ.

[2]) Апраксиной, см. выше.

[3]) „Русскій Архивъ“, 1873, кн. I, 0467—0468.

тогда еще архіепископъ Тверской, произнесъ знаменитое слово, среди котораго онъ внезапно сошелъ съ амвона, подошелъ къ памятнику Петра Великаго и, ударивъ по немъ посохомъ, воскликнулъ: „Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое" и пр. Среди общаго восторга и умиленія, графъ Кирила Григорьевичъ тихонько сказалъ окружавшимъ его: „чего онъ его кличетъ; если онъ встанетъ, намъ всѣмъ достанется" [1]).

Однажды, когда Разумовскій былъ въ благородномъ собраніи, у соннаго гусара украли дорогую графскую соболью шубу; гусаръ испугался не столько графа, котораго всѣ служащіе обожали, сколько главнаго дворецкаго, и умолялъ Кирила Григорьевича скрыть отъ дворецкаго пропажу. „Не бойся, отвѣчалъ ему графъ, я обѣщаю тебѣ, что кромѣ меня и тебя никто не будетъ объ этомъ знать". Вернувшись домой, гусаръ на всѣ разспросы о шубѣ ссылался на Разумовскаго, который хладнокровно отвѣчалъ встревоженному дворецкому: „объ этомъ знаетъ я да гусаръ" [2]). Весною 1787 года Разумовскій покинулъ окончательно сѣверную столицу, въ которую уже не возвращался и объѣхавъ свои Псковскія и Можайскія помѣстья, поселился на жительство въ Москвѣ.

ГЛАВА XIII.

Жизнь въ Москвѣ.

Въ былыя, теперь, увы! давнопрошедшія времена, вельможи и царедворцы, прослуживъ царю и отечеству достаточное число лѣтъ, уступали мѣста свои новому поколѣнію и удалялись въ Москву, гдѣ вполнѣ наслаждались *otium cum dignitate*, о которомъ теперь изгладилось даже преданіе. Тогда рѣдко можно было встрѣтить при дворѣ еле-дышащихъ, дряхлыхъ стариковъ, съ жадностію придерживающихся окостенѣлыми руками къ послѣднимъ призракамъ прежняго значенія, а въ высшихъ сферахъ административныхъ не попадались сѣдые, какъ лунь, сановники, борящіеся съ недугами и немощами глубокой старости. Къ тѣмъ, которые удалялись въ Москву на покой, присоединялись еще недовольные, какъ, напр., графъ Петръ Ивановичъ Па-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей, IV, 275.

[2]) Онъ же, Исторія Малой Россіи, прим. къ т. III, 78.

нинъ, Куракины и другіе. „Количество дворянъ, живущихъ въ Москвѣ“, повѣствуетъ одинъ путешественникъ, „невѣроятно. Русскихъ вельможъ весьма немного въ Петербургѣ... Освободившись отъ службы, они всѣ переѣзжаютъ въ Москву... Петербургъ не представляетъ ни одного примѣра этихъ колоссовъ великолѣпія и азіатской пышности, которыхъ намъ не разъ случалось встрѣтить здѣсь“ [1]).

И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Москва была не то, что теперь. По всей бѣлокаменной возвышались великолѣпныя палаты Русскихъ баръ: на Вздвиженкѣ стояли хоромы Разумовскаго (домъ графа Шереметева), Нарышкиныхъ (архивъ Министерства иностранныхъ дѣлъ) и графа Мусина-Пушкина (фельдмаршала Валентина Платоновича, купленный имъ послѣ смерти великаго канцлера графа М. И. Воронцова, теперь домъ Бутурлиной), на Никитской дома княгини Дашковой (консерваторія), графини Головкиной и князя Юрія Владиміровича Долгорукаго (Реальное училище), на Стоженкѣ—Еропкиныхъ (Коммерческое училище), на Знаменкѣ—Апраксиныхъ (Александровскій кадетскій корпусъ), на Рожественкѣ—графа Р. Л. Воронцова (университетская клиника), въ Новой Слободѣ—графовъ Остермановъ (Семинарія), на Моросейкѣ—графовъ Румянцевыхъ (доставшійся имъ по наслѣдству отъ Матвѣевыхъ, нынѣ домъ Каулина), на Покровкѣ Ивана Ивановича Шувалова (домъ кн. Голициной), на Басманной—Демидовыхъ (Елизаветинскій Институтъ и школа топографовъ), на Разгуляѣ—графа Мусина-Пушкина (Алексѣя Ивановича, 2-я гимназія). Подъ Донскимъ жили Орловы, на Тверской Чернышевы (домъ генералъ-губернатора), Салтыковы (домъ Мятлева) и Прозоровскіе (домъ Малкіеля), на Страстномъ бульварѣ—Гагарины (Екатерининская больница), на Моховой—Пашковы и Барятинскіе (Университетъ); нынѣшній Сиротскій домъ принадлежалъ князю Михаилу Петровичу Голицыну, теперешній Межевой Институтъ—Куракинымъ и пр. и пр. и пр. Каждому знатному лицу вмѣнялось, какъ-бы въ обязанность, имѣть свои хоромы въ Москвѣ. Всякій служившій въ Петербургѣ исподоволь готовилъ себѣ убѣжище на старость лѣтъ. Всѣ эти роскошные барскіе дома были биткомъ набиты рѣдчайшими коллекціями, библіотеками, мраморами, картинами. „Можно подумать“, говоритъ Кларкъ, бывшій въ Москвѣ въ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія, „что обобрали всю Европу для составленія богатѣйшихъ Московскихъ музеевъ“ [2]).

Библіотеки графа Бутурлина, Разумовскаго, Головкина и Демидова были извѣстны по всей Европѣ. Хоромы Голицыныхъ, Головкина, Гагариныхъ, Козлова и проч. были украшены лучшими произведе-

---

[1]) Voyage de deux Français dans le nord de l'Europe, II, 345.

[2]) Clarke, Voyages en Russie, en Tartarie et en Turquie, I, 108.

ніями Итальянскихъ и Голландскихъ художниковъ. У князей Урусова, Щербатова, Одоевскаго можно было видѣть рѣдчайшія собранія по естественной исторіи [1]). „Коллекціи графа Бутурлина, быть можетъ, самыя замѣчательныя въ Европѣ", говоритъ Кларкъ [2]). „Не станемъ поминать", продолжаетъ онъ, „о тысячѣ другихъ собраній, разсыпанныхъ по Москвѣ" [3]). Куда дѣвались эти сокровища искусствъ, эти рѣдкія изданія, эти богатые минералы, эти груды драгоцѣннаго фарфора, бронзы, мраморовъ? Изъ всего этого не осталось ничего, все пошло прахомъ, все разлетѣлось на воздухъ. Немилосердая рука нашихъ доморощенныхъ архитектоновъ раззорила чудныя залы, богатыя гостинныя Екатерининскихъ вельможъ, которыя съ такимъ вкусомъ украшали Растрелли, Казаковъ, Баженовъ, князь Ухтомскій, Гваренги и Камерови. Вельможи... но и отъ нихъ осталось одно только имя, одно только громкое преданіе. То, что французы называли когда-то grand-seigneur и что у насъ вѣрно и мѣтко передано словомъ вельможа, давнымъ-давно исчезло и уже забыто на Руси вмѣстѣ съ преданіями Екатерининской славы. Мѣста вельможъ заняли военные и штатскіе генералы, которые *otium*'а уже не ищутъ, а о *dignitas* имѣютъ самыя оффиціальныя понятія. Стали сходить въ могилу Екатерининскіе орлы, опустѣла и Москва! А за сто лѣтъ много ихъ еще было по бѣлокаменной. Въ тѣ протекшія блаженныя времена, Куракины строили богадѣльню, Шереметевы—странопріимные дома, Голицыны—больницы, и все на царскую ногу. Примѣру бояръ родовитыхъ слѣдовали люди новые: Демидовы осыпали золотомъ юный Московскій университетъ и только что созданный Екатериною Воспитательный домъ. Тогда въ новопожалованныхъ помѣстьяхъ Орловы, Разумовскіе, Завадовскіе и другіе строили великолѣпные храмы, барскіе хоромы, часто посѣщали и по-долгу живали въ своихъ имѣніяхъ. Въ Москвѣ вельможи имѣли значеніе сами по себѣ, а не по мѣсту ими занимаемому. Они любили народъ, раздѣляли его вкусы и были любимы имъ. Каждый вельможа помышлялъ, что не довольно было родиться или подняться на верхъ, чтобы заслужить всеобщее уваженіе и быть чѣмъ либо. Всѣ они возросли на чистой русской почвѣ, всѣ дорожили Москвою, какъ сердцемъ Россіи. На Петербургъ взирали какъ на городъ чисто бюрократическій, гдѣ слѣдовало жить, покамѣстъ состоишь на службѣ. Постоянное же пребываніе тамъ, а тѣмъ болѣе за-границею, было немыслимо для истаго боярина. Независимое положеніе Москвичей поддерживала въ нихъ независимый об-

1) Voyage de deux Français, III, 346.
2) Clarke, I, 179.
3) Тамъ же, I, 178.

разъ мыслей, которымъ не только не пренебрегала, но на который даже нерѣдко обращала особое вниманіе Великая Екатерина. Этимъ независимымъ духомъ, впрочемъ, обуреваемъ бывалъ графъ Кирила Григорьевичъ Разумовскій и до переѣзда своего въ Москву. Какъ кажется даже, колкія выраженія его относительно того, что дѣлалось, навлекли гнѣвъ Государыни, иначе трудно объяснить слова, сказанныя ею Храповицкому: „графъ Кирилъ Григорьевичъ Разумовскій не глупъ, но имѣетъ испорченное сердце" [1]), столь противорѣчащія мнѣнію, выраженному ею о немъ въ ея запискахъ. Графъ Кирила Григорьевичъ поселился въ великолѣпномъ домѣ, который былъ выстроенъ на старинномъ Романовомъ дворѣ въ 1782 году, по плану графа З. Г. Чернышева [2]) и который донынѣ не измѣнилъ внѣшняго своего вида. Все пространство по обѣимъ сторонамъ Вздвиженки при соединеніи ея съ Моховою, на берегу Неглинной принадлежало въ XVII и началѣ XVIII вѣка Нарышкинымъ. Вздвиженка называлась въ то время Арбатскою улицею. Одна часть со стариннымъ домомъ, извѣстнымъ въ тѣ времена подъ названіемъ Ирининскаго, отъ домовой церкви во имя св. мученицы Ирины, построенной по преданію самимъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, досталась по раздѣлу Александру Львовичу Нарышкину и въ концѣ прошлаго столѣтія продана была женѣ генерала отъ инфантеріи, Софіи Петровнѣ Свѣчиной, отъ которой перешла въ 1818 г. горному правленію [3]). На другой сторонѣ улицы находился такъ-называемый Романовъ дворъ, со многими вокругъ него мѣстами, скупленными у сосѣдей бояриномъ Львомъ Кириловичемъ, который при домѣ выстроилъ церковь Знаменія Пресвятыя Богородицы съ придѣлами свв. Варлаама Хутынскаго и Сергія Радонежскаго, совершенно сходную съ церквами имъ же построенными и находящимися въ бывшихъ подмосковныхъ вотчинахъ Нарышкина—селахъ Покровскомъ—Филяхъ, Троицкомъ, — Лыковѣ и Петровскомъ (Разумовскомъ). Въ книгѣ первой ревизіи съ 1722 по 1726 годъ, церковь Знаменія показана на новомъ дворѣ Александра и Ивана Нарышкиныхъ [4]). Церковь сохранила свой первобытный внѣшній видъ. Внутренность, къ сожалѣнію, совершенно передѣлана въ 1847 году. Этотъ Романовъ дворъ, вѣроятно жалованный царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, достался на долю Ивана Львовича Нарышкина, а послѣ него перешелъ единственной дочери его, графинѣ Екатеринѣ Ива-

[1]) Записки Храповицкаго, изд. Барсукова, 73.

[2]) „Русская Старина", Мартынова, II, 115.

[3]) „Русская Старина", Мартынова, I, 40. Церковь во имя св. мученицы Ирины, разобранная въ 1842, вновь выстроена по старымъ планамъ въ 1873 г. Самый домъ занятъ теперь архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

[4]) Тамъ же, II, 115—116.

новнѣ Разумовской. Здѣсь-то графъ Кирила Григорьевичъ зажилъ совершеннымъ вельможею, затемняя пышностію своею другихъ Московскихъ баръ. Въ Москвѣ, какъ въ Петербургѣ, бывалъ у Разумовскаго ежедневный открытый столъ для званыхъ и незваныхъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ многіе Московскіе старожилы помнили еще хлѣбосольство эксъ-гетмана и веселые пиры его на Вздвиженкѣ и въ Петровскомъ-Разумовскомъ. Лѣто Кирила Григорьевичъ проводилъ въ родовой Нарышкинской вотчинѣ жены своей, Петровскомъ, посѣщая, впрочемъ, и другія свои подмосковныя Троицкое-Лыково, тоже Нарышкинское наслѣдіе и Поливаново. Въ первые годы Разумовскій уѣзжалъ иногда на лѣтніе мѣсяцы въ Малороссію, но любимымъ его пребываніемъ до 1794 года было Петровское-Разумовское. „Имѣніе это", говоритъ Коксъ, путешествовавшій по Россіи вмѣстѣ съ лордомъ Гербертомъ, въ 1778 году, „походитъ скорѣе на городъ, чѣмъ на дачу. Оно состоитъ изъ 40 или 50 домовъ разной величины. Одни дома кирпичные, другіе деревянные; одни окрашены, другіе нѣтъ. У графа Разумовскаго находятся тутъ тѣлохранители, множество слугъ и оркестръ музыки" [1]). Огромные Петровскіе пруды были выкопаны работниками-малороссами. Графъ увѣрялъ, что они лучше копаютъ землю, чѣмъ великоруссы, но потомъ признавался, что ихъ выписывалъ за тѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе садиться среди нихъ во время работъ и говорить съ ними на родномъ нарѣчіи. Несмотря на утонченную роскошь свою, на путешествія и придворную жизнь, Разумовскій все-таки оставался хохломъ и признавался, что когда передъ нимъ заиграютъ на бандурѣ, то долженъ скорѣе вспомнить, кто онъ и гдѣ онъ, чтобы не пуститься плясать трепака. Здѣсь въ Петровскомъ, окруженный блестящимъ военнымъ штатомъ: генералъ-и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, цѣлою толпою егерей, гайдуковъ, гусаровъ, скороходовъ, карликовъ и всякихъ другихъ тѣлохранителей, эксъ-гетманъ по истинѣ долженъ былъ представиться иностранцу однимъ изъ тѣхъ колоссовъ великолѣпія и азіатской пышности, о которыхъ упоминаетъ Кларкъ. Таковымъ, на самомъ дѣлѣ, показался онъ молодой своей снохѣ, графинѣ Елизаветѣ Осиповнѣ Разумовской, рожденной графинѣ Тунъ-Гогенштейнъ, съ дѣтства привыкшей однако къ изстари извѣстной роскоши Австрійскихъ магнатовъ. Графъ Андрей Кириловичъ послѣ начала войны съ Густавомъ III, съ опасностію жизни, бѣжалъ изъ Стокгольма. Екатерина была имъ отмѣнно довольна, но все еще не дозволяла ему вернуться въ Петербургъ и младшій Разумовскій изъ Гамбурга прямо

---

[1]) Voyage en Pologne, Russie etc. par William Coxe, trad. par Mallet. ed. in 4°, I, 148.

проѣхалъ въ Вѣну. Тамъ любовь невѣсты превозмогла всѣ затрудненія. Къ тому же, дѣло взялъ въ руки, находившійся въ то время въ Вѣнѣ, старый другъ Кирилы Григорьевича, графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ. Молодая Тунъ вскружила ему голову и онъ уговорилъ своего друга дать согласіе. Графъ Андрей Разумовскій женился, не перемѣнивъ ни подданства, ни вѣры, не представивъ даже неимѣющихся доказательствъ древности дворянства, а тѣмъ болѣе безъ перевода за границу денегъ, которыхъ у расточительнаго дипломата никогда не имѣлось въ запасѣ. Вскорѣ послѣ свадьбы Андрей Разумовскій не безъ труда получилъ разрѣшеніе пріѣхать въ Россію, но только прямо въ Москву, не заѣзжая въ Петербургъ, который былъ для него запертъ съ 1776 года. Самъ Кирила Григорьевичъ, въ Апрѣлѣ 1788, испросилъ у Государыни разрѣшенія на сватьбу сына и на пріѣздъ его въ Москву для свиданія съ нимъ. Снохѣ старикъ Разумовскій подготовилъ торжественную встрѣчу въ Петровскомъ. При пріѣздѣ ея весь военный штатъ фельдмаршала и цѣлая армія егерей, гусаровъ, скороходовъ, лакеевъ, казаковъ, карликовъ и проч. окружили ее на лѣстницѣ [1]). Молодая графиня не была красавицею, но она была крайне миловидна, любезна, ласкова. Вскорѣ домъ Разумовскаго, начиная съ фельдмаршала и кончая послѣднимъ карликомъ, сталъ отъ нея безъ ума. Она ухаживала за свекромъ, говорила съ нимъ по-итальянски, языкъ, къ которому старикъ имѣлъ особое пристрастіе, коверкала передъ нимъ Русскія слова, шутила съ карликами и прислугою, сердечностію обворожила сестеръ, съумѣла даже полюбиться графинѣ Софьѣ Осиповнѣ, однимъ словомъ, она какъ солнечный лучъ освѣтила нѣсколько угрюмый домъ Кирилы Григорьевича. Молодые провели около года въ Москвѣ, наконецъ въ концѣ 1789 г. Андрей Кириловичъ получилъ столь долго ожидаемое разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Онъ поспѣшилъ туда съ молодою женою. Со дня отъѣзда завязалась между отцомъ и сыномъ дѣятельная переписка, благодаря которой Кирила Григорьевичъ снова дѣлается автобіографомъ.

I.

Августа 20-го, 1789 года, Петровское.

Тотъ день, какъ вы отъѣхали, полученъ пакетъ на твое имя съ посылкой, присланной отъ Бориса Александровича Загряжскаго [2]),

---

[1]) См. ниже письма графа Андрея Разумовскаго къ женѣ.

[2]) Борисъ Александровичъ Загряжскій, братъ мужа Наталіи Кириловны, женатъ былъ на княжнѣ Черкасской.

котораго человѣкъ сказалъ, что тутъ отъ господина его письмо имѣется, почему я и распечаталъ, нашелъ тутъ письмо къ себѣ отъ сестры вашей Наталіи, которое съ пособіемъ Алексѣя Кириловича прочелъ и къ прочимъ тоже разослалъ, Загряжскому и какой-то Французенкѣ мамзели или мадамѣ. Твое же запечатать велѣлъ и пришлю съ братомъ Алексѣемъ. Не спѣшу его пересылать, понеже ты автора тамо найдешь. Сегодня принесли ко мнѣ изъ почты надписанное къ тебѣ, которое и прилагаю. Остается мнѣ слово толковать о себѣ. Болѣзни мои не умаляются, горло болитъ, но кажется поменьше, нога тоже не убавляется; какъ вы уѣхали, привязалъ еще гару на плечо лѣвое, а сверхъ гару и на ногѣ котера. Господа Эскулапы еще настоятъ, чтобъ для утоленія боли въ затылкѣ, которая продолжается, или шпанскія мухи пластырь прилѣпить, или пьявицы присадить, или баночную кровь пустить. Если черезъ нѣсколько дней не легче будетъ, то я думаю на послѣднее согласиться. Сверхъ сего, мой козелъ и оселъ [1]) накатываетъ въ меня внутренніа лекарства. Вотъ картина нашея жизни, какъ Сирахъ говоритъ: „юнъ бѣхъ и состарѣхся, инъ тя пояшетъ и ведетъ тя аможе не хощеши" [2]). Любезной Елизаветѣ кланяюсь; желаю отъ сердца, чтобъ ей въ столицѣ менѣе скучно было, нежели въ Петровскомъ. Графу Ивану Григорьевичу Чернышеву, Петру Васильевичу и супругѣ его [3]) мое почтеніе скажи, писать къ нимъ хотя бы и радъ, да не готовъ и сіе съ великою нуждою начертилъ, истинно затылокъ пуще болитъ. Прощайте, будьте веселы и здоровы.

II.

Петровское, 23-го Августа, 1789 года.

Полученныя на имя твое и жены твоей письма включаю. Лизавета твоя увѣренъ, что восплящетъ, получа два пакета, которыхъ, думаю, давно ожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Здоровье мое еще не хорошо, горлу получше, но не совсѣмъ прошло, нога тоже, но больше всего меня безпокоитъ ломъ въ затылкѣ съ лѣвой стороны; не даетъ ни читать, ни писать. Ни котеръ, ни гару на рукѣ лѣвой еще боли не смягчаютъ, равно какъ и всѣ по сю пору способы, то и надобно еще по-

---

[1]) Докторъ графа Кирилы Григорьевича, Нѣмецъ Дуссикъ (см. ниже).

[2]) Текстъ этотъ не изъ Книги премудрости Іисуса сына Сираха, а изъ Евангелія отъ Іоанна, гл. XXI, ст. 18.

[3]) Петръ Васильевичъ Завадовскій (съ 1794 г. графъ), любимецъ Екатерины, статсъ-секретарь, сенаторъ (при Александрѣ I министръ народнаго просвѣщенія) (1738 † 1812), женатъ былъ на графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ Апраксиной († 1845), дочери гр. Софіи Осиповны.

пробовать пороть и колоть, чтобъ отъ сей бѣды хотя нѣсколько избавиться. Сегодня на воздухъ выѣзжалъ по причинѣ хорошаго дня. Adieu.

PS. Когда уже сіе запечатано и послано было на почту, то еще три пакетца принесли ко мнѣ на имя ваше съ Лизаветою, я принужденъ былъ поворотить посланнаго, дабы безъ задержанія и сіи къ вамъ доставить, которыя здѣсь и влагаю.

III.

Петровское, 28-го Августа, 1789 года.

На сихъ дняхъ получилъ отъ брата вашего Льва письма, во второмъ и къ тебѣ включено, которое и посылаю. Здоровье мое по осеннему, то-есть не лучше. Хозяйкѣ твоей кланяюсь; я думаю, что она въ столицѣ веселится, чего ей отъ сердца желаю. Магометомъ своимъ, уповаю, зѣло, зѣло занимается.

IV.

Петровское, Августа 30-го, 1789.

Штатеръ [1]) вчера сюда пріѣхалъ и письмо вручилъ отъ тебя; слава Богу, что вы благополучно до С.-Петербурга дотащились. Елизаветѣ твоей любезной кланяюсь, благодарю ее за приписанныя ласковыя слова, въ письмѣ твоемъ. Рука ея довольно четка и напрасно трудится большими каратерами писать, вѣдь я только дурного письма читать не могу, каково есть ея Магомета, а прочее изрядно, а особливо ея, читаю безъ малѣйшаго затрудненія. Скажи ей, что я поклонъ отъ нея всѣмъ отвѣсилъ. Софія Осиповна ее благодаритъ, Анна [2]) и Прасковья [3]) тоже. Васильчикова [4]) сегодня потащилась въ Ростовъ на богомолье, что весьма странно, ибо въ Москвѣ церкви, какъ рощи стоятъ и любую избирать можно на моленіе. Соболева не стоитъ труда посылать на малое время къ тебѣ въ Петербургъ, я его отдалъ Астерлони обучаться коммерціи. Прилагаю письмо къ лю-

---

[1]) Англичанинъ подполковникъ Статеръ, управляющій Малороссійскими имѣніями Разумовскаго. См. о немъ Архивъ князя Воронцова, XIII, 113.

[2]) Анна Кириловна Васильчикова.

[3]) Прасковья Кириловна Гудовичъ.

[4]) А. К. Васильчикова съ-молоду была крайне богомольна, она скончалась монахинею, подъ именемъ Агніи.

безной Елизаветѣ, видно, что долго еще письма сюда къ вамъ приходить станутъ. Здѣсь время стоитъ уже нѣсколько дней прескверное, отчего нетвердое мое здоровье весьма на разладѣ, грудь и плеча такъ болятъ, будто бы кто палками каталъ. Съ перемѣною вѣтра и погоды можетъ и мнѣ лучше быть. Графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу отъ меня свидѣтельствуй поклонъ. Желаю вамъ въ столицѣ всякаго удовольствія.

V.

Петровское, Сентября 3-го, 1789.

Послѣднее письмо твое отъ 27-го прошедшаго мѣсяца, изъ С.-Петербурга пущенное, получилъ, которое меня увѣдомило, что вы благополучно притащились въ сію столицу. По привычкѣ, письма къ вамъ еще всѣ сюда адрессуютъ и каковы послѣдніе пакетцы получилъ, оные прилагаю. Брату вашему Григорію тоже прилагаю, которому вручи и скажи, что я не пишу къ нему потому, что не очень здоровъ и прошлую ночь пароксизмъ имѣлъ, и такъ здоровье мое къ осеннему. У насъ около сутокъ продолжается великій вѣтеръ; думаютъ, что у васъ должна быть великая вода, ибо его такимъ почитаютъ.

Елизаветѣ Осиповнѣ отъ меня кланяйся; я думаю ей веселѣе Петровскаго, по послѣдней мѣрѣ я того желаю, чтобы ей не скучно было.

Графу Ивану Григорьевичу мое почтеніе и поклонъ Петру Васильевичу Завадовскому.

VI.

Петровское, 10-го Сентября, 1789.

Двѣ почты прошло, я отъ тебя ни строчки не получалъ, а особливо мнѣ нужно было знать, когда и какъ вы представлены были Ея Величеству и Высочайшей фамиліи. Графъ Матюшкинъ [1]) вчера обѣдалъ у меня въ Петровскомъ и сказывалъ, что вы были представлены въ Александровъ день въ вечеру, хотя было и положено быть сему поутру. Отъ графа Ивана Григорьевича тоже получилъ письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что вы были представлены и представленіемъ довольны. Слава Богу! Дай мнѣ знать, какъ съ тобой обходятся, особливо Великій Князь, и куда тебя прочатъ, то-есть къ какой державѣ и долго-ль въ Петербургѣ останешься? Время осеннее большими шагами наступаетъ, убирайтесь поскорѣе изъ Петербурга, если не желаете гдѣ-нибудь въ дорогѣ по грязи пластать или вовсе

[1]) Графъ Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ, т. сов. (1725 † 1800).

завязнуть. Прилагаю пакеты полученные изъ почтоваго двора на имя ваше. Любезной твоей Елизаветѣ мой поклонъ скажи. У насъ осень изрядная, но все осень, а не весна и не лѣто, а потому и здоровье мое по осеннему, то-есть сопровождаемо припадками асматическими. Слава Богу, что еще не сильными; окошко на ногѣ я затворилъ, мало пользы причинявшее, а на рукѣ гару еще не оставилъ. Молю Всевышняго да избавитъ васъ отъ подобныхъ лѣкарствъ, и да даруетъ вамъ совершенное здоровье.

VII.

Петровское, Сентября 13-го, 1789.

Отъ 3-го и 6-го ч. сего мѣсяца въ одинъ день письма ваши я получилъ. Изъ оныхъ съ удовольствіемъ увидѣлъ, что вы имѣли счастіе быть представлены Ея Величеству и Ихъ Высочествамъ и приняты милостиво. Въ провожавшемъ васъ офицерѣ Кругликовѣ, пока вы въ Петербургѣ, я не сомнѣваюсь, что никакой нужды не имѣете, а когда въ путь отправитесь, тогда менѣе нужды въ немъ имѣть будете, потому что онъ никакимъ языкомъ чужестраннымъ не говоритъ, почему и писалъ я теперь къ Моллеру [1]), чтобы онъ сего сюда отправилъ съ первымъ обозомъ, если случится; если же нѣтъ, то давъ ему прогоны по разсчету... Касательно твоего отъѣзда изъ Петербурга, если обстоятельства дозволятъ вамъ и здоровье твоей жены, чтобы по первому пути ѣхать далѣе, то я и самъ почитаю за лучшее, нежели подвергать себя въ глубокую осень на всякомъ шагу въ грязи топиться и вязнуть. Здоровье мое по осеннему; у насъ сырости и мокроты больше; солнце хотя изрѣдка и проглядываетъ, но мало грѣетъ. Лизаветѣ любезной мой поклонъ скажи, благодарите за приписку и пребывайте въ здоровьи. Сіе есть усерднѣйшее желаніе остающагося и кланяющагося всѣмъ ближнимъ и пріятелямъ. Софія Осиповна и прочіе вамъ всѣ кланяются и благодарятъ.

VIII.

Москва, Сентября 27, 1789.

Прилагаю два письма, мною здѣсь полученныя, которыя твоей Елизаветѣ вручи при моемъ поклонѣ, и времени недостаетъ по причинѣ отъѣзда почты, да и писать больше нечего, итакъ, сказавъ тебѣ что я переселился уже вчера съ Петровскаго въ Москву на зимнее ко-

---

[1]) Моллеръ, управляющій Псковскихъ и Петербургскихъ имѣній Разумовскаго.

човье, остаюсь съ всегдашнимъ моимъ вамъ усерднѣйшимъ доброжелательствомъ и проч.

IX.

Москва, 1-го Октября, 1789.

Получилъ я вчера письмо отъ любезной Елизаветы, которая занимала мѣсто твоего секретаря по причинѣ сей день приключившейся тебѣ головной болѣзни, которой скажи мое благодареніе за всѣ ея ласковыя выраженія, въ письмѣ ея написанныя. Не оставилъ я сказать отъ нея поклонъ живущимъ здѣсь двумъ сестрамъ, Васильчиковой и Гудовичевой, тоже и Софьѣ Осиповнѣ, всѣ ея хоромъ благодарятъ. Три пакета прилагаю, одинъ на твое имя подписанный, другой на брата вашего Григорія, а третій на всю фамилію и тутъ же въ домѣ (sic) камергера Васильчикова [1]), какъ же я по пребыванію моему въ Москвѣ ближе всѣхъ дому Васильчикова [2]), то и распечаталъ оный, не нашелъ ничего на мой счетъ, посылаю къ вамъ всѣмъ, разберите, къ кому изъ васъ принадлежитъ? Градоначальникъ [3]) нашъ Московскій получилъ письмо отъ Всемилостивѣйшей Государыни, которое вчера и мнѣ сообщилъ; въ немъ ознаменуются побѣды надъ Турками. Благодареніе Вышнему, авось за симъ послѣдуетъ миръ и тишина, которыя да даруетъ Богъ. У насъ здѣсь дней уже двѣнадцать какъ продолжается прекрасное время и здоровье мое изрядно.

X.

Москва, 11-го Октября, 1789.

Отъ 4 сего мѣсяца письмо твое вчера получилъ. Хорошо, что вы, между прочимъ осматривая Кронштадтъ и Петергофъ, заглянули и въ Гостилицы, которые вы видѣли съ лучшею прикрасою, нежели я ихъ оставилъ, ибо два пруда, которые всѣ хвалятъ, я только велѣлъ дѣлать, а сдѣланными не видалъ, а плотики думаю, что хорошіе и крѣпкіе; уповаю, что не скоро попортятся. Я уже старъ и слабъ, вижу что здоровье мое трудно укрѣплять и для того устремился на плотики, о чемъ и здѣсь помышляю, какъ бы покрѣпче и попрочнѣе ихъ передѣлать.

---

[1]) Александръ Семеновичъ Васильчиковъ, камергеръ, любимецъ Екатерины (1740, † 1804); за братомъ его Василіемъ Семеновичемъ была замужемъ дочь Разумовскаго.

[2]) Домъ Васильчиковыхъ у Арбатскихъ воротъ сгорѣлъ въ 1812 году.

[3]) Ген.-аншефъ Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ, Москов. главнокомандующій съ 1786—1790 г.

Прилагаю письмецо къ брату Григорію, что̀ онъ дѣлаетъ, чѣмъ забавляется, и не скучаетъ-ли по Швейцаріи? Софія Осиповна свидѣтельствуетъ вамъ обще съ Елизаветою поклонъ и благодареніе, что объ ней вспомнили. Посланныя лѣкарства съ обозомъ она исправно получила и благодаритъ за выполненіе ея коммиссіи, сказываетъ, что ты обѣщалъ ей что-то о лѣкарствахъ и ихъ употребленіи ей съ Англійскаго по-русски перевесть, но я думаю, что̀ обѣщано было въ Петровскомъ, то трудно выполнить въ столицѣ, а особливо относительно къ переводу съ одного языка на другой. Не знаю, какъ у васъ, а у насъ время стоитъ сухое и ясное, но холодное, ночью морозы 4 и 5°, а днемъ солнце свѣтитъ холодомъ, словомъ какъ итальянцы называютъ „una bella frescatella", но вамъ врядъ ли смѣть пуститься въ дорогу по причинѣ столь поздняго времени, а и первый путь, повидимому, не замедлитъ уставиться.

Здоровье мое изрядно. По вечерамъ, влѣзши въ теплый шлафорокъ, отдуваюсь и отпиваюсь кофеемъ, вмѣсто опіума, которое дѣлаетъ мнѣ облегченіе въ груди и сонъ. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Парасковья наша губернаторша, называемая Гудовичева, таскаясь девять мѣсяцевъ съ большимъ брюхомъ, на сихъ дняхъ родила мертваго сына, отъ чего печалится и плачетъ; что же до ея касается, то по сіе время все изрядно, и никакихъ дурныхъ послѣдствій не примѣчается, впрочемъ ни она и ни кто не знаетъ причины, отъ которой сіи неблагополучныя родины произошли.

XI.

Москва, 19 Октября, 1789.

Кругликовъ вручилъ мнѣ два отъ тебя письма. Правда, что я зналъ нѣсколько изъ писемъ Петра Васильевича и графа Ивана Григорьевича, что ты принялъ намѣреніе подолѣе въ С.-Петербургѣ остаться, но обстоятельно, какъ ты мнѣ не писалъ, не зналъ; коли не гонятъ, то и нѣтъ надобности удаляться изъ такого мѣста, откуда выѣзжаютъ, вѣдая всегда свою хорошую-ль или дурную судьбу, а ты-бъ уѣхалъ, не зная никакой, то и я съ пріятелями нашими согласенъ, чтобъ не спѣшить, если того не потребуютъ обстоятельства. Если бы тебя куда и послать вздумали, то всегда лучше на мѣстѣ взять наставленія, нежели одни только письменныя. Въ избранныя приватныя Ея Величества общества не дѣлай дальнихъ искательствъ, дабы иногда не сочли нахальнымъ. Я не знаю какого свойства теперешнаго

ній фаворитъ [1]), а вижу изъ письма твоего, что онъ съ тобою незнакомъ да и знакомому быть нельзя. Таковыя пропозиціи или изъявленія желанія лучше дѣлать черезъ фаворита, нежели черезъ кого другого; вѣдь у фаворитовъ бываютъ еще ихъ фавориты, дураки и изрядные люди, то и черезъ таковыхъ пристойнымъ образомъ попытки дѣлать можно, которыя и нерѣдко удаются. Что же ты адресовался чрезъ Николая Ивановича Салтыкова [2]), то кажется мнѣ не по пути. Хорошо, что ты къ Потемкину писалъ, а еще лучше если онъ самъ пріѣдетъ и тебя въ столицѣ застанетъ, а и всего лучше, если и сотворитъ по желанію твоему, чего отъ всего сердца моего желаю.

Теперь остается мнѣ сказать тебѣ слово, относительно процессовъ по деревнямъ, опредѣленнымъ на твою часть, съ Дубровскимъ и прочими, о чемъ ты написалъ въ письмѣ къ брату твоему старшему [3]). Чтобъ я, или кто подобный мнѣ, отдавъ недвижимое имѣніе, оставляли и забирали на себя, по онымъ, хлопоты и издержки, сего нигдѣ нѣтъ. Должно тебѣ знать, что всякое имѣніе, по несчастію, не только у насъ, но и во всѣхъ государствахъ, имѣетъ свои выгоды и непріятности, которыя всякъ владѣющій очищать долженъ. Я же, отдавая вамъ имѣніе, даю и полную волю и ни въ чемъ васъ не стѣсняю, слѣдовательно, всѣ изъ васъ имѣете власть дѣлать всякія сдѣлки съ своими нападчиками правильными и неправильными, какъ изволите. Сія судьба и тебя не минуетъ не только теперь, но и впредь, дай Богъ, чтобъ ея только не случилось, вотъ все, что́ я тебѣ совѣтовать и сказать на сіе могу. Я ищу покою и убѣгаю, сколько возможно, отъ всякихъ процессовъ, которые уже мнѣ наскучили, и уже ни денегъ, ни повѣренныхъ, ни терпѣнія, а паче всего здоровья недостаетъ, а къ тому и зрѣнія и памяти. Другу твоему, любезной Елизаветѣ, кланяюсь.

XII.

Москва, Октября 21, 1789.

Отъ 18 сего мѣсяца письмо твое получилъ. Тому нѣсколько времени, какъ принесли съ почты полученное на твое имя, которое и прилагаю, видно, что письма еще черезъ Москву долго васъ преслѣ-

---

[1]) Въ іюнѣ 1789 года на мѣсто Мамонова фаворитомъ сталъ Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767 † 1822. Графъ Римской имперіи въ 1793; свѣт. князь Римской имперіи въ 1796 г.). Покровителемъ его до 1789 г. былъ Н. И. Салтыковъ.

[2]) Николай Ивановичъ Салтыковъ (1736 † 1816, графъ въ 1790 г., свѣт. князь въ 1814), впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ. Состоялъ сперва при В. К. Павлѣ Петровичѣ, а въ 1789 былъ воспитателемъ В. К. Александра Павловича.

[3]) Графу Алексѣю Кириловичу.

довать будутъ. Моллеръ ко мнѣ писалъ, по возвращеніи его изъ Пскова. Что касается до претензіи по деревнямъ, на твою часть опредѣленнымъ, помѣщиковъ Дубровскаго и прочихъ, то мнѣ давно извѣстно, о чемъ я и съ Моллеромъ, а прежде его съ братомъ твоимъ Алексѣемъ Кириловичемъ говорилъ, переписывался и трактовано было черезъ повѣренныхъ и, словомъ, ничего не пропущено. Находится, что наши доказательства слабы, дабы заочно можно сихъ претендентовъ отбоярить отъ ихъ претензіи и для того разсудилось идти на миръ, что̀ постараемся сдѣлать, не упуская времени, или отдать имѣніе претендующимъ. Таковые процессы во всѣхъ деревняхъ имѣются, но если крестьяне ихъ упустить не хотятъ, то они и уплатятъ употребленную на то сумму исподоволь, на что̀ и твои охотно приступаютъ. Что касается до брата твоего Петра, то о семъ было отъ меня рекомендовано Моллеру, дабы на мѣстѣ все объѣздилъ и осмотрѣлъ, что онъ и учинилъ, и разсуждаетъ, что находитъ за способно и не безобидно на обѣ стороны нѣкоторою частью размѣняться съ общаго между вами обоими согласія; о чемъ къ нему писано, чтобы таковой планъ вамъ представилъ и на чемъ вы согласитесь, тому и быть такъ. Сіе вамъ рекомендую учинить какъ по братской любви, такъ и человѣколюбія ради, ибо крестьяне политики не разумѣютъ, они повадились въ лѣса ѣздить и употреблять какъ на свои строенія, такъ и на дрова, легко отъ сего не отстанутъ и будутъ ѣздить насильно и когда станутъ возбранять, послѣдуютъ драки и смертоубійства, что̀ все добрымъ вашимъ согласіемъ упредится, котораго и рекомендую не потерять изъ виду.

Вотъ мое рѣшеніе на два замѣченные тобою пункта и вопросы. Иного я тебѣ мнѣнія подать не могу, какъ вышеписанное. Впрочемъ, сомнѣнія въ томъ нѣтъ, что съ новаго года деревни тебѣ въ полную посессію отъ меня отдадутся, аще живъ буду; а въ противномъ случаѣ и самъ ихъ возьмешь.

Итакъ, распоряжай ими, что до сдѣлокъ касается, такъ, какъ бы ихъ ты уже въ рукахъ имѣлъ. У насъ время настоитъ весьма пріятное, а потому здоровье мое получше яко термометръ. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

XIII.

Москва, 28 Октября, 1789.

Отъ 18 и 22 Октября письма твои получилъ. Съ разныхъ мѣстъ приходятъ пріятныя вѣсти о побѣдахъ надъ Турками, какъ съ нашей стороны, такъ и Цесарцевъ. Дай Богъ, чтобы въ теченіи зимы, когда все поуспокоится, вышелъ миръ, приносящій дальнѣйшее спо-

койствіе, котораго отъ Царя до пастуха всѣ желаютъ. Бѣдный Король Французскій! не довольно, что всякая въ его государствѣ тварь на него вооружается и обуздаетъ его не токмо на теперешнее, но и на будущее время; но къ бо̀льшему поношенію и самой подлой статьи бабы на него наскакуютъ! Вотъ пря̀мо надъ самимъ Государемъ сбылась пословица, гласящая: „на похилое (sic) дерево и козы скачутъ". Чѣмъ-то все сіе кончится, Богъ вѣсть!

Рекомендованнаго тебѣ доктора-француза, la Rivière, я не отметаю, но и не принимаю, вотъ почему: какъ я давно имѣлъ въ виду съ моимъ сморкачемъ [1]) разстаться, не для того, чтобы онъ хуже въ его искуствѣ былъ многихъ другихъ его сотоварищей, но я хотѣлъ бы имѣть и доктора и компаніона, съ кѣмъ бы иногда на безлюдьи и побесѣдовать, на что̀ онъ отнюдь неспособенъ, не говоря никакимъ языкомъ, кромѣ Нѣмецкаго жаргона, почему и рекомендованъ мнѣ былъ еще прошлаго году другой отъ Андрея Осиповича Закревскаго [2]), съ которымъ онъ и переписку имѣлъ, чтобы вступить въ мою службу, на что оный докторъ и согласился; но не знаю какими судьбами выпущена была сія негоціяція изъ виду, которую я теперь опять возобновилъ и вскорѣ ожидаю рѣшительнаго отвѣта: или онъ будетъ у меня, или вовсе его изъ виду оставить и искать будемъ другого. Въ послѣднемъ случаѣ, рекомендованный тебѣ можетъ пригодиться, но до того времени оставить все въ глубокомъ молчаніи, а между тѣмъ сего la Rivière'а ознакомить съ сестрою Загряжскою или нѣкоторымъ изъ шести братьевъ, и примѣчать, какого онъ поведенія, дабы если бы и ты уѣхалъ, я зналъ, къ кому адресоваться и чрезъ кого съ нимъ трактовать.

Григорія уговаривайте всѣ, чтобы онъ въ Швейцарію не ѣхалъ. Чѣмъ онъ скучаетъ? и какая его нужда туда гонитъ? Буде недоволенъ, что его никуда не опредѣляютъ. Слава Богу! Знать, что не спѣшатъ! Служба не есть голодъ, терпѣть можно. Конечно, похвальное дѣло посвятить свою способность на служеніе государству и Государю, но въ томъ оказать свою готовность, что онъ и учинилъ, а затѣмъ быть должно спокойну въ ожиданіи, пока будетъ угодно указать ему мѣсто и должность, и если какое покажется, въ такомъ случаѣ надобно кое-гдѣ и толкнуться, по слову евангельскому: „ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ". Прила-

---

[1]) Докторъ Дуссикъ.

[2]) Андрей Осиповичъ Закревскій (1743, † 18..), директоръ училища при Академіи художествъ (1775—1780), потомъ президентъ коммерцъ-коллегіи, племянникъ графа Кирилы Григорьевича, братъ Марины Осип. Нарышкиной и гр. С. О. Апраксиной.

гаю письмо о вѣдомостяхъ французскихъ, которое мой Адамъ [1]) мнѣ прослебезовалъ (sic). Я, слава Богу, по сему сырому и мокрому времени, которое у насъ началось, кромѣ ревматизмовъ, болѣе ни чѣмъ не обезпокоенъ.

Припадка безпокоющаго тебя совѣтую не презирать и по осенней погодѣ не очень пресмыкаться. Adieu.

P. S. Какъ сіе письмо получишь ты отъ графа Ивана Григорьевича Чернышева, чрезъ нарочнаго, отправляющагося по адмиралтейской коллегіи дѣламъ курьера, то и желаю знать: такъ какъ Ихъ Высочества теперь въ городѣ, и обыкновенно бывали у нихъ балы, то есть ли оные теперь и зовутъ ли васъ на оные и каково съ вами обходятся при маломъ дворѣ? При большомъ же всѣ меня увѣряютъ, что хорошо; тоже, какъ думаешь долго остаться въ резиденціи и объ опредѣленіи тебя къ какому-либо мѣсту, внѣ-ль государства или внутри, ничего-ли еще не оказывается?

О всемъ меня при оказіи не оставь увѣдомить.

XIV.

Москва, Ноября 22, 1789.

Послѣднее твое письмо отъ 7-го сего мѣсяца получилъ. Почитая за нужное отвратить цѣль Апраксина [2]) на Вѣну, прилагаю письмо къ сестрѣ вашей Елизаветѣ, которое можешь посредствомъ Ивана Григорьевича или графа Безбородки имъ доставить чрезъ нашего министра тамъ находящагося. Съ письмомъ я теперь о семъ безпутномъ человѣкѣ ни къ П. В. Завадовскому, ни гр. А. А. Безбородко не разсудилъ за нужное адресоваться, почитая довольно будетъ и моего письма, которое подъ открытою печатью посылаю; прочти и, запечатавъ, самъ отдай, кому заблагоразсудишь, для пересылки. Еслибъ паче чаянія сіе не подѣйствовало, то тогда можно къ помощи къ нашимъ пріятелямъ прибѣгнуть, которая можетъ столь дѣйствительна быть, что и изъ Вѣны его выслать могутъ, что и весьма нужно было, дабы онъ впредь по резиденціямъ не совался. У Штатера денегъ нѣтъ, онъ на сихъ дняхъ перевелъ сюда десять тысячъ, которыми я и живу. Къ Моллеру писалъ я, если по Псковскимъ деревнямъ деньги въ сборѣ, чтобъ меня увѣдомилъ, тогда и резолюція моя выйдетъ. Я

---

[1]) Французъ Адамъ, библіотекарь графа Кирилы Григорьевича.

[2]) Графъ Петръ Θедоровичъ Апраксинъ († 1813), женившійся отъ живой жены на графинѣ Елизаветѣ Кириловнѣ Разумовской (см. выше и т. III).

самъ въ долгу и недоумѣваю, чѣмъ уплачивать, и какъ впредь жить. Зима у насъ сильная. Зачались морозы до 18-ти градусовъ, а снѣгу мало, такая стужа нерѣдко и меня давитъ и выживаетъ съ постели. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ скажи.

P. S. Прилагаю письмо о деревняхъ, тебѣ мною вручаемыхъ, по которому тебѣ отъ правленія отдача учинена будетъ, если то надобно. Гр. И. Г. Чернышеву и Петру Васильевичу скажи мой поклонъ, не успѣлъ къ нимъ на письма ихъ отвѣчать теперь, а впредь буду. Истинно много письма и нездоровъ.

XV.

Москва, Ноября 27, 1789.

Тому нѣсколько времени, какъ писалъ ты ко мнѣ о докторѣ французѣ, рекомендованномъ Гудріемъ и Роджерсономъ [1]), на что̀ тогда я не могъ ничего опредѣлительнаго въ резолюцію сказать, не получа отвѣта о докторѣ Акортѣ, рекомендованномъ Андреемъ Осиповичемъ. Теперь я получилъ отвѣтъ, что сей докторъ, человѣкъ молодой, перекрестъ изъ жидовъ Польскихъ, который и вѣру католическую, видно, взялъ только для того, чтобы подъ сею маскою въ доктора попасть; большой репутаціи въ тамошнемъ околоткѣ не имѣетъ, ко мнѣ въ службу не болѣе, какъ года на два желаетъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ увѣренъ былъ, что по прошествіи сего времени онъ опять медицинскою канцеляріею въ службу опредѣлится. Таковыя обстоятельства мнѣ не нравятся, я и своего доктора считаю полужидомъ, а тутъ можетъ и полновѣсный жидъ и такой же сморчокъ, какъ и мой, попадется. Да признаюсь тебѣ, что я ко всѣмъ докторамъ эстиму и довѣренность потерялъ и никакого имѣть не хочу; а хочется мнѣ имѣть хорошаго лѣкаря, добраго практика и искуснаго оператора, если бы такой попался, то бы я очень доволенъ былъ. Развѣдай пожалуй отъ Андрея Осиповича, по медицинской отъ Гудра и Роджерсона, и отъ всѣхъ, кто лучшаго рекомендовать можетъ, и коли сыщешь, сондируйте его о кондиціяхъ и отпиши ко мнѣ. Что же до доктора касается, то въ Москвѣ ихъ много, столь же дурныхъ, какъ и вездѣ, а имѣвъ лѣкаря, лучшаго изо-всѣхъ докторовъ за умѣренную плату здѣсь для дому уговорить можно, а въ деревнѣ домашній лѣкарь и пользовать будетъ по наставленіямъ доктора, если онъ

---

[1]) Иванъ Самуиловичъ Роджерсонъ, лейбъ-медикъ Екатерины II, тайный совѣтникъ, † 1823 года.

самъ не лучшаго знанія будетъ. Что̀ о семъ развѣдаешь, ко мнѣ отпиши. У насъ зима сдѣлалась нѣсколько дней мягче, но снѣгу мало наволокло, будто падать хочетъ, но не падаетъ. Здоровье мое не мало претерпѣваетъ, но я берегусь, сколько возможно, терпѣніемъ и постомъ. Послѣ новаго года легче будетъ, ибо Ноябрь и Декабрь для меня всегда трудные мѣсяцы въ году во всѣхъ мѣстахъ.

Елизаветѣ твоей кланяюсь.

XVI.

Москва, Декабря 3, 1789.

Предъ симъ писалъ я къ тебѣ, чтобъ, согласившись съ Андреемъ Осиповичемъ, искать мнѣ хорошаго въ домъ лѣкаря, на мѣсто моего сморкача доктора; теперь съ симъ послалъ я записку къ графу Ивану Григорьевичу о лѣкарѣ, который ему очень знакомъ долженъ быть, котораго взялъ было Шереметевъ [1]) къ себѣ въ домъ по рекомендаціи Роджерсоновой, но за гнусную, сказываютъ, фигуру его отпустилъ. Я не думаю, чтобъ могла въ натурѣ быть гнуснѣе фигура моего и не думаю, чтобъ и акомпаниметы гаже быть могли. Ко всему себя я уже пріучилъ, не могу себя пріучить къ тому, кто ни на какомъ языкѣ не говоритъ, а притомъ, весьма сіе животное свой покой наблюдаетъ, а часто очень боленъ, чего я въ докторахъ и лѣкаряхъ терпѣть не могу. Что̀ тебѣ графъ Иванъ Григорьевичъ о рекомендуемомъ лѣкарѣ скажетъ, отпиши ко мнѣ, а я до того времени сего ни видѣть, ни говорить съ нимъ не буду. Доктора я въ домѣ твердо предпріялъ не имѣть, а хорошаго лѣкаря почитаю необходимо нужнымъ. Рекомендованнаго доктора Андреемъ Осиповичемъ никто не похваляетъ, и про тебя одного будь сказано, что въ рекомендаціяхъ Андрей Осиповичъ не счастливъ. Сколько онъ мнѣ разныхъ искусныхъ людей ни рекомендовалъ, ни одинъ ниже посредственный не попадался, то и въ семъ случаѣ навѣдывайся стороною больше, а не чрезъ него.

Вчера здѣсь скончался князь Гагаринъ [2]), оставя въ прежалкомъ состояніи молодую жену и дѣтей въ превеличайшихъ долгахъ; онъ всѣми любимъ былъ и сожалѣемъ, они вамъ очень знакомы и въ Петровскомъ часто бывали, она Плещѣевыхъ, почтенная женщина. Больше писать нечего, я здоровъ, хотя не такъ. Желаю вамъ лучшаго.

---

[1]) Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (1751 † 1809), братъ графини Варвары Петровны Разумовской, жены гр. Алексѣя Кириловича.

[2]) Генералъ-поручикъ князь Павелъ Сергѣевичъ Гагаринъ (р. 1747 † 2 дек. 1789) женатъ былъ на Татьянѣ Ивановнѣ Плещѣевой.

XVII.

Москва, Декабря 7, 1789.

Послѣднее письмо твое съ курьеромъ графа Ивана Григорьевича получилъ. Признаюсь тебѣ, что я и самъ нѣсколько сомнѣваюсь, чтобъ безпутный Апраксинъ исполнилъ по моему письму, но какъ я желаю чтобъ обойтиться безъ всякаго другого способа къ его понужденію, то и надобно подождать отвѣта, а какъ времени довольно, то нехудо бы дать знать вашимъ въ Вѣнѣ друзьямъ, чтобъ ему больше задъ, нежели лицо казали, что̀ и можетъ въ немъ сдѣлать простуду къ сему мѣсту и онъ скорѣе согласится на мое предложеніе. Здѣсь отъ проживающихъ слышно, что князь Потемкинъ въ Яссахъ и находится съ визиремъ въ перепискѣ о мирѣ, посему и полагаютъ, что онъ не скоро будетъ къ вамъ въ Петербургъ, то и кажется мнѣ, что надежда твоя на сего визиря тщетная, а потому совѣтую, имиже вѣси судьбами, стараться о извѣстности твоей судьбы, прежде нежели изъ Россіи уѣдешь. Кажется, что П. В. Завадовскій и Марковъ [1]) могутъ тебѣ быть пособіемъ по ихъ связи съ Безбородкомъ. Если случай представится, свидѣтельствуй Его Высочеству мою чистѣйшую и чувствительнѣйшую благодарность за его милостивое о мнѣ напамятованіе. Софья Осиповна благодаритъ и кланяется за приписанное ей. Когда ты примешь деревни отъ Моллера, то получишь и собранныя въ оныхъ деньги, о чемъ ему писано будетъ. Я не знаю, кому ты ихъ поручишь въ вѣдомство, но думаю что ты бы съ нимъ твой счетъ нашелъ, если бы ему ихъ поручилъ въ вѣдѣніе, а его съ ними подчинилъ бы хотя Петру Васильевичу или Маркову въ отсутствіи твоемъ. Онъ Лифляндецъ, ему имѣніе сіе теперь знакомо, у насъ же полагаютъ, что всѣ Лифляндцы лучшіе экономы. Онъ же тутъ, думаю, нѣкоторые уже порядки учредилъ. Графу Ивану Григорьевичу скажи мое почтеніе, не пенялъ бы, что къ нему теперь не пишу. На дворѣ оттепель, что̀ меня сильно разстроило, ночь худо спалъ, поутру пароксизмъ имѣлъ, и сіе съ нуждою написалъ, голова какъ лукошко. Adieu.

XVIII.

Москва, 12 Декабря, 1789.

Братъ вашъ Петръ пріѣхалъ сюда; побывъ нѣсколько, отъѣзжаетъ. Вручилъ мнѣ твое письмо, на которое съ нимъ же вкратцѣ отвѣчаю...

---

[1]) Аркадій Ивановичъ Марковъ въ то время присутствовалъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

Любезной твоей, и сожалѣю, что не очень здоровой, Елизаветѣ, кланяюсь и посылаю соболью муфточку отъ сердца, желая, чтобъ она ее употребляла съ пользою и удовольствіемъ на нѣжныхъ рукахъ. У насъ зима никуда негодная, такъ же какъ слышно, и у васъ снѣгу нѣтъ, тепло не лѣтнее, холодъ не зимній, рѣки разстаиваютъ, земля позамерзла, все сіе мое слабое здоровье много разлаживаетъ. Грудь болитъ, затылокъ болитъ и руки будто палками биты отъ ревматизмовъ, надо оттерпливаться пока возможность будетъ. Перемѣщеніе мѣстъ министерскихъ сдѣлалось, но жаль, что ты ничего извѣстнаго по сіе время не имѣешь.

XIX.

Москва, Декабря 27, 1789.

Письмо, которымъ увѣдомляешь меня о полученіи посланной шубы, я получилъ; радуюсь, если сія посылка тебѣ понравилась; я къ Моллеру повелѣніе послалъ о томъ, чтобъ собранныя деньги при врученіи въ твое вѣдѣніе деревень тебѣ вручены были. Извѣстнаго лѣкаря я принимаю; желалъ бы я, чтобъ онъ такъ хорошъ былъ, какъ его рекомендуютъ, и такъ полезенъ, какъ бы я желалъ для моихъ немощей; впрочемъ, онъ для лѣкаря очень не дешевъ. Мой сморкачъ еще ничего не знаетъ, по малой мѣрѣ намѣренія моего еще не объявилъ. Здѣсь странный по Москвѣ носится секретный слухъ, который однакожъ и до меня дошелъ, что Булгакову велѣно изъ Тріеста ѣхать къ Потемкину и что ты съ Марковымъ туда же назначаетесь для заключенія мира. Есть люди, которые сему вѣрятъ, но я—нѣтъ! а если вы тамъ будете, то миру скоро не будетъ.

Замашки Нидерландцевъ съ Императоромъ знаменуютъ своими гарантіями, что не подданствомъ, а вольностію и независимостію сіи люди дышутъ и трудно будетъ ихъ съ сей стези спятить. У насъ непостоянныя и перемѣнныя погоды, отъ коихъ и здоровье мое много претерпѣваетъ. Adieu.

P. S. Съ сею вѣрною оккaзіею не могу умолчать, сколь мнѣ пріятно обхожденіе милостивое Ея Величества съ вами. Но нахожу за благо дать тебѣ знать, чтобъ поступать, сколь возможно, умѣреннѣе въ сихъ обхожденіяхъ, дабы иногда, хотя неповиннымъ образомъ, не навлечь на себя какого-либо непріятнаго и репутаціи твоей вреднаго поступка, тѣмъ болѣе, что публика на ваше поведеніе глаза пялитъ и примѣчаетъ. Въ доказательство сего и графъ Иванъ Григорьевичъ въ послѣднемъ его письмѣ ко мнѣ написалъ сіи слова: „Графа Ан-

дрея Ихъ Высочества, а особливо онъ, весьма милостиво принимаетъ — не сдѣлало бы то вреда?“ Если бы . . . . [1]). Только что сей надежный пріятель примѣтилъ, то не бѣда; но вотъ бѣда, когда другіе, не столь благомыслящіе и любящіе тебя, какъ онъ, разсуждать вдоль и поперегъ станутъ, и станутъ дѣлать такія разсужденія и заключенія, въ которыхъ ни хвоста, ни головы не найдешь, „at sapienti sat“.

XX.

Москва, 2 Января, 1790.

Симъ поручаю тебѣ коммиссію свидѣтельствовать мой поклонъ любезной нашей Елизаветѣ и сказать ей, что письмо ея получилъ, въ которомъ описываетъ твое сошествіе въ вице-канцлеровъ погребъ, хотя ты не Орфей и не Эвридицію искалъ, но другаго чего, не во адъ сошелъ, но погребъ, но искренне тебя поздравляю, что шеи не сломилъ, а отдѣлался нѣкоторыми контузіями. Впредь же будь остороженъ; не твое дѣло по чужимъ погребамъ таскаться; возьми (sic) сію экспедицію, она много можетъ стоять. Прости.

XXI.

Москва, 9 Января, 1790.

Два письма вашихъ получилъ отъ 31 прошлаго года Декабря, и отъ 3 теперешняго Января. Въ сей новый годъ желаю вамъ отъ всего сердца новаго благополучія и совершеннаго здоровья, а особливо любезной твоей Елизаветѣ, которой крайняя въ семъ нужда. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ сестры вашей Елизаветы Апраксиной, которое въ оригиналѣ сообщаю, ибо оно должно васъ успокоить тѣмъ, что намѣренія ихъ нѣту въ Вѣнѣ быть. Одно мнѣ крайне не нравится въ нёмъ, что Императоръ [2]) занемогъ. Боже, не дай намъ сего друга потерять, другаго подобнаго ему врядъ ли Россія нажить можетъ.

Прилагаю письмо отвѣтное, которое доставить ей постарайся.

Скажи брату Алексѣю Кириловичу и сестрѣ Загряжской, что я письма ихъ получилъ, чтобы не пеняли, что не отвѣчаю, истинно не могу, сіе пишу, а голова какъ лукошко. Зима наша непостоянная, вся въ пароксизмахъ, а здоровье мое какъ гагръ (sic) за нею слѣдуетъ.

---

[1]) Точки въ подлинномъ письмѣ.

[2]) Іосифъ II.

Философъ нашъ, чаю, скоро сюда будетъ, получивъ свою отставку. Льва всякій день сюда ожидаю. Кланяюсь Елизаветѣ, желаю ей отъ сердца, чтобъ здоровье ея совершенное сдѣлалось.

Прощайте, съ дурною головою писать не ловко.

XXII.

Москва, 15 Января, 1790.

Письмо твое съ майоромъ моимъ получилъ. Оставимъ политику съ ея безпокойствами, станемъ говорить о твоемъ миролюбивомъ Королѣ [1]), котораго и я право любить зачинаю, и постараюсь, и чрезъ Ивана Васильевича и чрезъ прочихъ другихъ, поискать лучшихъ гончихъ собакъ. Лѣтомъ сего нельзя было сдѣлать, понеже и господа и собаки были въ поляхъ и лѣсахъ, но какъ первыхъ зима въ городъ загнала, вторые сысканы будутъ. Я думаю, что сихъ животныхъ пары три или четыре доставить и при нихъ охотника и другого надобно же, которыхъ искать станемъ. Словомъ, чтó впредь будетъ, не оставлю тебя увѣдомить. Между тѣмъ, если бы собраны были, то куда имъ идти до Вѣны: черезъ Петербургъ или черезъ Польшу? О семъ меня увѣдомить рекомендую. Лизаветѣ нашей любезной кланяюсь. У насъ зима началась и морозы великіе всё давятъ и мою грудь въ покоѣ не оставляютъ. Буду ждать лучшаго.

XXIII.

Москва, 24 Января, 1790.

Послѣднее письмо твое отъ 14 сего мѣсяца получилъ. О собакахъ, требуемыхъ тобою, писалъ я уже къ И. В. Гудовичу; но то было о гончихъ, которыхъ я ему рекомендовалъ доставить лучшихъ. Теперь буду писать о борзыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, у него лучшія и льщу себя, что онъ можетъ быть пару и удѣлитъ, хотя онъ, послѣ жены и дѣтей, сихъ животныхъ любитъ паче другихъ. Словомъ, пару, другую и третью сихъ собакъ я здѣсь наберу; тѣхъ же, которые бы ихъ до Неаполя доставили, ищу въ моей охотѣ, изъ которыхъ одинъ пьяный, да полпьяный, а посему, по малому количеству какъ собакъ, такъ и людей и качеству сихъ послѣднихъ, не можно будетъ хорошей

---

[1]) Фердинандъ IV, король Неаполитанскій, р. 1751 † 1825, мужъ Маріи-Каролины-Луизы Австрійской, сестры Королевы Французской Маріи-Антуанеты. См. о ней т. III, біографія князя А. К. Разумовскаго.

эпохи (sic) ожидать въ какомъ бы они костюмѣ въ Неаполѣ ни предстали, ибо пьянство все помрачитъ. Сказавъ тебѣ вышеписанное, скажу теперь мою слѣдующую мысль. Я полагаю, что о сей посылкѣ необходимо должно внушить Ея Величеству, пристойнымъ образомъ, ибо хотя дѣло идетъ о нѣкоторомъ числѣ собакъ, но притомъ послать должно подданныхъ ея, а сіе и заставляетъ увѣдомить ее, дабы иногда не принято было за противное. Итакъ прежде всего внушить сію исторію Ея Величеству за нужное и необходимое считаю. Мнѣ и то приходитъ на мысль, не угодно-ли ей будетъ сей пріятной для Короля подарокъ отъ себя учинить, взявъ за предметъ, что она, узнавъ отъ тебя, что Его Величество желаетъ Русскую охоту имѣть, тогда выйдетъ стая гончихъ, по препорціи борзыхъ 12 или 15. Охотниковъ, одѣтыхъ богато, какъ въ старину въ царскихъ охотахъ одѣяніе бывало, на сѣдлахъ русскихъ, на коняхъ бѣлыхъ, вотъ видишь не шутка будетъ — царскій и пріятный подарокъ, и будетъ эпоха въ Неаполѣ о собакахъ и охотѣ Русской, какъ въ Гишпаніи и Англіи объ овцахъ. Таковые подарки у Государей всегда въ обыкновеніи и тѣмъ часто съ пріятностію ихъ дѣлаютъ, что они пріятными будутъ, а собливо когда ихъ горячо желаютъ. О сей моей мысли посовѣтуйся какъ съ графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, такъ и съ другими пріятелями, яко съ П. В. Завадовскимъ, съ гр. А. А. Безбородкою и прочими, и какая ихъ мысль будетъ—увѣдомь. А я между тѣмъ буду писать въ Малороссію, чтобы двухъ лучшихъ охотниковъ выслали. Но лучшіе будутъ пьянъ да полпьянъ. Здоровье мое по зимнему, то-есть перемѣнчивое. Любезной Елизаветѣ кланяюсь, желая вамъ всякаго благополучія.

P. S. Философъ нашъ увѣдомилъ меня письмомъ, что онъ направилъ лыжи изъ Петербурга въ Швейцарію съ великимъ, однакожъ, восхищеніемъ по причинѣ даннаго ему диплома княгинею Дашковою, которымъ онъ въ чинъ членовъ академіи нашей принятъ.

XXIV.

Москва, 28 Января, 1790.

Графъ Рехтеръ сюда пріѣхалъ какъ снѣгъ для меня на голову, котораго я не ожидалъ и, увидя внезапно передъ собою, удивился. Онъ у меня почти всякій день бываетъ, вручилъ мнѣ твое письмо, изъ котораго, увидя, что вы здоровы и ѣздите по баламъ, заключаю, что и весело ваше время провожаете, чему сердечно радуюсь. Отъ И. В. Гудовича еще и на первое письмо отвѣту не получилъ, а о послѣд-

немъ еще писалъ къ нему съ его женою, которая дня три какъ къ нему съ дѣтьми отправилась отсюда. Ожидаю вскорѣ на оба сіи письма отвѣта; впрочемъ я все въ тѣхъ мысляхъ, что Ея Величество, если только ей представлено будетъ, изволитъ указать отъ ея имени сію угодность сдѣлать для такого Государя, который нашъ союзникъ и въ котораго порты, какъ бы въ свои, наши корабли заѣзжаютъ. Коли во время бно Императрица Анна Ивановна Королю Прусскому триста человѣкъ великановъ подарила, до которыхъ онъ былъ великій охотникъ, то для чего-бъ нельзя подарить сотню собакъ и нѣсколько человѣкъ ихъ директоровъ Государю, который великую охоту имѣетъ къ симъ животнымъ, и который съ лучшимъ удовольствіемъ такой подарокъ приметъ, нежели военный корабль или полкъ вооруженный? Поговори и подумай о семъ съ пріятелями. Здѣсь я въ разговорахъ сказалъ мою идею князю А. М. Голицыну [1]), онъ весьма похвалилъ и тоже думаетъ, что таковой подарокъ у мѣста былъ бы. Чтобъ тебѣ на малое время съѣздить въ имѣніе твое Псковское, въ Кирилловскую мызу, для обозрѣнія? Я весьма похвалилъ бы такое (посѣщеніе), оно первое будетъ помѣщичье въ сей мызѣ, какъ оная заведена, ибо я самъ ее не видалъ послѣ сей эпохи. Сейчасъ явился у меня молодой Демидовъ [2]), который вручилъ твое письмо и приложенное отъ Вѣры Николаевны Завадовской къ матери ея, которая поручила мнѣ свидѣтельствовать ея благодарность тебѣ за приписанное къ ней. У насъ морозы невелики, снѣгу довольно нападало и частыя перемѣны въ воздухѣ, отъ которыхъ и я не мало въ моихъ немощахъ претерпѣваю. Любезной Елизаветѣ и всѣмъ моимъ пріятелямъ отъ меня кланяйся. Adieu.

P. S. Когда письмо мое къ тебѣ уже написано и запечатано было, то получилъ я отъ Ивана Васильевича въ отвѣтъ на мое къ нему писанное. Я его нарочно скопировать приказалъ, которое здѣсь влагаю. Ты изъ онаго увидишь, что онъ, яко охотникъ, понялъ яснѣе, нежели въ письмѣ твоемъ написано было, то-есть что собаки должны быть борзыя, а не гончія, коихъ онъ ни во что вмѣняетъ. По письму его сіи животныя вскорѣ сюда присланы будутъ, съ которыми обходиться у меня въ дому никто не знаетъ, ибо моя охота вся въ Батуринѣ и еще завтра туда отправится требованіе, чтобъ охотниковъ прислали.

---

[1]) Князь Александръ Михайловичъ Голицынъ (1723 † 1807), вице-канцлеръ съ 1762 по 1774 г., потомъ оберъ-камергеръ.

[2]) Вѣроятно Николай Никитичъ.

XXV.

Москва, 13 Февраля, 1790.

Сіе пишу тебѣ единственно только съ тѣмъ, чтобы ознакомить тебя со вручителемъ бригадиромъ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, который меня просилъ, чтобы препроводить его письмомъ къ тебѣ какъ человѣка незнакомаго, который желаетъ вашего знакомства. Я его рекомендую какъ добраго и честнаго человѣка. Отъ Ивана Васильевича извѣстныхъ собакъ я еще не получалъ, а по письму его всякій день ожидаю. Къ немощамъ моимъ прибавился проклятый кашель, который меня мучитъ.

XXVI.

Москва, 21 Февраля, 1790.

Отъ 17 сего мѣсяца письмо твое получилъ, собакъ еще отъ Ивана Васильевича мнѣ не доставили; я не оставлю ему при первомъ случаѣ свидѣтельствовать твою ему благодарность. Я считалъ уже тебя по письмамъ Моллеровымъ въ твоихъ деревняхъ, но если сію поѣздку отложить можешь до весны, то тѣмъ лучше будетъ. Съ симъ посылаю двѣ книги исторіи Петра I-го, которыя кошевой мой снарядилъ [1]). Я крайне безпокоенъ нѣсколько уже дней жестокимъ кашлемъ, который меня лишилъ сна, вкусу и аппетиту; обратилъ искуство моихъ врачей въ невѣдѣніе и всю ихъ науку въ безполезную микстуру, которою долго меня чинили. Осталось, кажется, ожидать помощи отъ времени, а паче всего отъ Бога. Любезной твоей Елизаветѣ кланяюсь.

XXVII.

Москва, 27 Февраля, 1790.

Письма твои отъ 25 и 31 прошедшаго мѣсяца получилъ. Въ первомъ пишешь, что записку о коммиссіяхъ у себя не могъ отыскать, почему я пошарилъ въ своихъ запискахъ и нашелъ оную подлинную, твоею рукою писанную, которую въ оригиналѣ и посылаю, оставивъ у себя точно такую-же копію. Карета Брюссельская должна быть четвероместная—на рессорахъ, хотя и назначена была въ запискѣ безъ рессоровъ, но я, справясь, что и прежняя была съ рессорами, замѣтилъ на сторонѣ „par un NB". Впрочемъ, все такъ, какъ въ запискѣ быть

---

[1]) Не о сочиненіи ли Туманскаго здѣсь говоритъ Разумовскій?

должно, наблюдая, чтобъ все было крѣпко, чисто и покойно сдѣлано, не гоняясь за богатыми украшеніями. На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ И. В. Гудовича, котораго копію прилагаю, изъ которой усмотришь, сколько онъ заботится о собакахъ и думаю, что хороши будутъ. Если бы угодно было сію посылку отъ двора сдѣлать, то бы и нашихъ туда же включить надобно, яко хорошихъ, а если сего учинить не разсудятъ, то надобно поискать человѣка, кто бы ихъ доставить могъ, ибо на однихъ охотниковъ нельзя положиться, яко на людей безгласныхъ, о чемъ заранѣе думать должно. Постарайся пріискать таковаго человѣка у васъ, а если не сыщется, дай мнѣ знать, то я здѣсь поищу. Напрасно вы столько заботитесь о мебеляхъ, я никакихъ оттуда [1]) брать не велѣлъ. Одно бюро назначилъ-было, но увидѣлъ, что сію зиму никакъ нельзя его употребить по причинѣ, что кабинетъ мой очень холоденъ оказался, то и не велѣлъ его оттуда трогать и скажи твоей Елизаветѣ, чтобъ она была здорова и съ сей стороны была спокойна; если и будущую зиму останетесь, то и онъ при васъ. Графу Ивану Григорьевичу я ничего о семъ не скажу, да не о чемъ и говорить о такой бездѣлицѣ, которая словъ не стоитъ.

Я получилъ отъ Моллера письмо, гдѣ онъ пишетъ, что ты намѣренъ ѣхать въ Псковскія деревни твои для обозрѣнія и онъ за тобою. Сіе весьма хорошо и полезно, дабы ты видѣлъ свое имѣніе.

Здоровье мое все по зимнему, то-есть не хорошо. Прибавился прежестокій кашель, который много меня безпокоилъ, кажется становится полегче, но еще не оставляетъ меня нѣсколько безпокоить. Дня съ четыре какъ Левъ нашъ пріѣхалъ сюда, думаетъ къ вамъ ѣхать со временемъ.

Будьте здоровы съ любезной Елизаветой.

XXVIII.

Москва, 3-го Марта, 1790.

Вчера возвратился М. В. Гудовичъ и вручилъ письмо отъ тебя, хвалитъ и прославляетъ знакомство твое съ нимъ. Письмо твое къ Ивану Васильевичу сегодня же отправилъ, ибо люди его, приведшіе собакъ, сегодня къ часу отправляются. О смерти Императора [2]) Москва говоритъ и всѣ съ сожалѣніемъ. Похитила смерть сего Государя у подданныхъ, у нашей Императрицы вѣрнаго друга и у Россіи хорошаго

---

[1]) Т.-е. изъ Петербургскаго дома, на Мойкѣ, чтó теперь Воспитательный домъ.

[2]) Императоръ Іосифъ II (р. 1741), умеръ въ Вѣнѣ, послѣ продолжительной болѣзни, 20 февраля н. ст. 1790 г.

союзника „тако-бо преходитъ яко тѣнь слава міра сего“. Жалка бѣдная наша Великая Княгиня, потерявъ свою любезную сестру [1]). Я понимаю всю тяжесть ея грусти по любви ея и нѣжности. Кондратковскій пріѣхалъ, письмо твое привезъ, трудно, кажется, пробиться къ вѣнскому посту, пока старикъ [2]) его не оставитъ, но бѣды нѣтъ, что попытался, но хранить въ тайнѣ сію попытку сколько возможно должно. Съ моей стороны будь увѣренъ и спокоенъ, что ни врагу, ни другу тайна сія повѣдана не будетъ.

Собаки и охотники здѣсь, ихъ должно по зимнему пути посылать, а зимній путь уже исчезъ, вотъ бѣда: какъ намъ жениться, такъ и ночь коротка! Побуждай графа Безбородко, чтобъ доложилъ Царицѣ. Истинно гораздо бы и для насъ лучше, и для Ея Величества славно, да Королю бы пріятно было столь знатное собачье посольство! Но пора, пора что нибудь да дѣлать, ибо и одѣть и прибрать надлежитъ сихъ посланцевъ по пристойности. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ скажи. Жестокой меня кашель оставилъ, есть однако же остаточки, но лучшаго ожидаю поправленія отъ весны и благорастворреннаго воздуха.

PS. Ты видишься часто съ Иваномъ Григорьевичемъ, графомъ Чернышевымъ, и П. В. Завадовскимъ, кланяйся имъ отъ меня и скажи, чтобы не попеняли, что на письма ихъ не отвѣчаю, ей мочи нѣтъ.

XXIX.

Москва, 10-го Марта, 1790 г.

Въ послѣднемъ моемъ письмѣ позабылъ я тебя благодарить за присланную зимнюю рубашку, изъ вигонь [3]) сдѣланную, чтó симъ теперь исполняю. У меня подобная имѣется и хорошо ее носить и тепло. Нѣтъ-ли у сего продавца сихъ вещей такихъ же панталонъ, или какихъ бы то ни было шерстяныхъ бѣлыхъ для зимы и шелковыхъ для лѣта? Я бы желалъ по парѣ имѣть. Если сыщутся, то для меня возьми, а чтó стоитъ будутъ, деньги Моллеръ заплатитъ.

Собакъ для посольства у меня много, т.-е. около десяти набралось, но не думаю, чтобъ всѣ онѣ для посольства годились, а довольно бу-

[1]) Эрцгерцогиня Елизавета, рожденная Принцесса Виртембергская, меньшая сестра Имп. Маріи Θеодоровны. Первая жена Имп. Франца II Германскаго (Франца I Австрійскаго). Она умерла 17 февраля 1790 г., за три дня до смерти Іосифа II.

[2]) Князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ (1721 † 1793), въ то время посолъ въ Вѣнѣ.

[3]) Vigogne.

детъ собакъ шесть или восемь лучшихъ справить. Жаль мнѣ, если Государыня не захочетъ сей столь для Неаполитанца знаменитый подарокъ отъ себя послать. Кромѣ что намъ заботно и не дешево станетъ, и подарокъ не будетъ той цѣны имѣть, какъ бы оный имѣлъ отъ аттенціи Ея Величества. То ли другое, пора знать, и для того проси Безбородко, чтобъ доложилъ Ея Величеству, дозволитъ-ли она, чтобъ сіе нами сдѣлано было, если же не изволитъ отъ себя послать. Кромѣ двухъ охотниковъ, надобно необходимо послать при нихъ и офицера, для чего я избралъ на сей случай Денисьева, сына моего флигель-адъютанта, о чемъ и писалъ къ отцу, представляя ему сколь авантаженъ такой вояжъ для молодого человѣка. Еще годился бы на сей случай генералъ-адъютантъ мой Будлянскій, Михаила Власьевича сынъ [1]), онъ у васъ въ С.-Петербургѣ, посондируй его и мнѣ дай знать, а если ни той, ни другой не согласятся, то поискать изъ унтеръ-офицеровъ или офицеровъ гвардіи. Я не думаю, чтобъ на столь хорошую коммиссію охотниковъ не нашлось. Здоровье мое на разладъ. Родъ ревматизмовъ во многихъ частяхъ меня безпокоитъ, надо терпѣть и отдуваться, пока благотворный весенній воздухъ чѣмъ лучшимъ зимнюю загустѣлость въ тѣлѣ наградитъ. Поклонъ любезной Елизаветѣ и здравія вамъ обоимъ отъ сердца желаю.

XXX.

Москва, 20-го Марта, 1790.

Я не знаю что̀ дѣлать съ нашими собаками. Онѣ собраны штукъ восемь добрыхъ, два охотника, привезенные изъ Батурина, которыхъ ни срядилъ, ни сготовилъ къ отправленію, потому что отъ тебя никакого извѣстія не получаю, отправлять-ли ихъ или нѣтъ? Время весеннее однакожъ приближается и корабельный ходъ тоже; ты по веснѣ собираешься уѣхать, то кто же въ сіе время въ отсутствіи твоемъ приметъ ихъ для отправленія и прочее? Мнѣ приходитъ на мысль, не лучше-ли сію экспедицію остановить до удобнѣйшаго времени, ибо теперь вездѣ воюютъ, вездѣ бунтуютъ, скоты наши, могутъ, хотя неповинные и къ неповинному Царю грядущіе, могутъ, говорю, тою или другою шайкою схвачены быть и лишить насъ сего предмета. Подумай о семъ и дай мнѣ знать, я тотчасъ оглобли сіи въ другую сторону поворочу. Если же посылать, то надобно, мнѣ кажется, упредить

---

[1]) У М. В. Будлянскаго было два сына: Алексѣй и Петръ. Не знаемъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

Дюка Серра Капріола [1]), чтобы онъ уже на себя принялъ отправленіе сихъ людей и скотовъ къ его Государю, въ отсутствіи твоемъ. Онъ можетъ нѣкоторыя издержки на сіе употребить, которыя ему отъ его двора возвращены будутъ, а я уже могу прямо ихъ къ нему адрессовать, а за цѣлость сей экспедиціи и за доставленіе ея онъ отвѣчать долженъ будетъ. Вотъ моя мысль, которую тебѣ на разсмотрѣніе сообщаю и ожидаю твое о семъ мнѣніе. Но чтобъ ни предпринимать дѣлать, пора знать рѣшеніе нашей Государыни о семъ. Состояніе мое ни первое между здоровыми, ни послѣднее между больными, ожидаю теплую и пріятную весну яко лучшаго лекарства и обращаю взоры и мысли мои въ Петровское. Кланяюсь любезной Елизаветѣ и желаю вамъ всѣхъ и всякихъ благополучій.

XXXI.

Москва, 28-го Марта, 1790.

Отъ 13 и 21 Марта письма твои получилъ. Посольство собачье, какъ тѣ, которыя отъ Ивана Васильевича присланы, такъ и прочія собранныя дружины, содержатся въ добромъ присмотрѣ и трактаментѣ. Прилагаю пакетъ, который я изъ Петербурга получилъ въ моемъ пакетѣ, оный, кажется мнѣ, что принадлежитъ вашему повару, ибо у меня чужестранца нѣтъ. Касательно герба моего и chiffre'а, я приказалъ то и другое сдѣлать, и какъ скоро готово будетъ, то пришлю. Признаюсь, что я сіе совсѣмъ было позабылъ. Если же надобно симъ поспѣшить, то вотъ способъ легчайшій: всѣ мои дипломы и граматы въ казенной въ С.-Петербургѣ, то прикажи взять изъ казенной: графской дипломъ, въ которомъ найдешь гербъ со всѣми цвѣтами описанный, который прикажи скопировать кому нибудь, хотя въ академіи художествъ, имя тоже не трудно написать, и, какъ все сіе готово будетъ, то и посылай, куда заблагоразсудишь. Судя по слухамъ политическимъ и снарядамъ военнымъ, любезные миръ и тишина отдаляются; все подвергается неизвѣстному року! Дай-то Богъ, чтобъ возсіяло знаменіе во благо для достиженія желаемаго покоя! Растаяло было все, оказывало приближеніе весны, но вдругъ задуло по зимнему, заморозило и дало пощечину веснѣ, которая гораздо кажется поотчалила. Здоровье мое тоже не спокойное; въ разныхъ мѣстахъ ревматизмъ меня безпокоитъ, но дѣлать нечего, все что ни употребляю,

---

[1]) Герцогъ Серра Капріола, Неаполитанскій министръ въ Петербургѣ (р. 1752 † 1822), женатъ былъ на княжнѣ Аннѣ Александровнѣ Вяземской († 1839), дочери генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго.

дальняго спокойства не дѣлаетъ, видно что терпѣть надо въ ожиданіи отъ Бога и лучшаго времени помощи. Елизаветѣ кланяюсь.

XXXII.

Апрѣля 6-го, 1790. Москва.

По послѣднему твоему письму собачье посольство, о коемъ мы столько заботимся, кажется, на хорошей дорогѣ. Съ кн. Петромъ Алексѣевичемъ Голицынымъ оберъ-егермейстеромъ [1]) можно трактовать, я не думаю, чтобъ онъ въ чемъ либо какое затрудненіе сдѣлалъ, равно и о собакахъ, которыхъ штукъ восемь рекомендованныхъ наберется, говорить съ нимъ можемъ, тоже и посылать-ли при нихъ особаго человѣка или нѣтъ, и, если посылать: должно-ли его одѣть по охотничьей нашей ливреи или никакъ не одѣвать? Все сіе мнѣ знать должно для того, чтобъ я могъ скорѣе отправить въ С.-Петербургъ. Я не сомнѣваюсь, что по первой оказіи получу отъ тебя извѣстіе, которое мнѣ руки развяжетъ по сей матеріи.

Политическія вѣдомости дурное гласятъ. Пруссакъ союзъ заключилъ съ Турками и съ Татарами, и съ Поляками, все сіе около Цесарцевъ и насъ вертится. Шведъ на миръ нейдетъ, да и нельзя ему подладиться подъ тонъ, которымъ ему предлагаютъ, если нѣсколько октавъ не спустятъ. Все сіе знаменуетъ войну жестокую и смертоносную, и кажется сей годъ паче другихъ обагренъ будетъ кровью человѣческою, будь воля Божія и Государева, а бѣднымъ ихъ рабамъ тяжело зѣло, зѣло становится! Я думаю, Левъ нашъ скоро возвратится; отпиши съ нимъ, какъ тебѣ везетъ у дворовъ меньшаго и большаго и куда тебя прочатъ къ мѣсту. Штакельбергъ [2]) сказываютъ смѣняется. Польша—мѣсто хорошее, но не въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Сказываютъ, опредѣляется или опредѣленъ туда Булгаковъ [3]).

По Москвѣ слухъ носится, что будто положено у Визиря и князя Потемкина, какъ скоро выступятъ въ поле и станутъ въ ружье, то миръ съ Россіею и съ Портою заключится. Два тому резона полагаю, что Алкоранъ запрещаетъ мириться иначе какъ имѣвъ оружіе въ рукахъ, а притомъ, чтобъ симъ способомъ отдалить всѣхъ посред-

---

[1]) Князь Петръ Алексѣевичъ Голицынъ (р. 1741, † 1810), оберъ-егермейстеръ и андр. кавалеръ.

[2]) Графъ Оттонъ-Магнусъ Стакельбергъ (1736 † 1800), д. т. с. и кав. ордена св. Алекс. Нев. Посланникъ въ Италіи и посолъ въ Варшавѣ, откуда онъ былъ отозванъ въ 1790 г. и назначенъ въ Швецію.

[3]) Яковъ Ивановичъ Булгаковъ (1743 † 1809), посланникъ въ Царьградѣ, а съ 1790—1794 въ Варшавѣ.

ственниковъ, которые нерѣдко бываютъ сущіе волки въ овечьей кожѣ и вмѣсто чтобъ спѣшили вѣнки мирные сплетать, къ пулямъ и ядрамъ поощряютъ, и наконецъ чтобъ не произвесть ревности въ разныхъ державахъ. Дай-то Богъ, чтобъ такія вѣсти сбылись. Давно ни ты, ни графъ Иванъ Григорьевичъ не споминаетесь въ письмахъ вашихъ взаимно, не поссорились-ли вы?

Весна у насъ настаетъ и я въ Петровское переселяться помышляю около конца сего мѣсяца. Елизаветѣ твоей кланяюсь, радуюсь, что она здорова. Я же не очень. Весна и жизнь петровская поправитъ желающаго вамъ всѣхъ благъ.

XXXIII.

Москва, 14-го Апрѣля 1790.

Почти ничего къ тебѣ писать не имѣю, какъ только ожидаю извѣстія отъ тебя, посылать-ли собакъ, или вовсе посылку сію уже оставить, о чемъ меня не замедли увѣдомить.

У насъ стало было походить на весну, но вдругъ нападалъ снѣгъ и стали ѣздить на саняхъ, словомъ, заглянешь въ календарь, видишь Апрѣль, а на дворѣ похоже на Январь. Здоровье мое тоже не въ лучшемъ положеніи, но надежда, что сіе не надолго продолжится, ободряетъ; желаю вамъ всѣхъ благъ.

XXXIV.

Москва, 15-го Апрѣля 1790.

Вчера письмо твое послѣднее получилъ, вижу, что посольство наше долго еще продолжится, по причинѣ, что попалось на докладъ графу Безбородко, который въ обѣщаніи споръ, а кажется пора доложить, но въ исполненіи совсѣмъ тому противное выходитъ. Скажи кн. Петру Алексѣевичу, что число собакъ, которыхъ я полагаю послать— восемь, а если ему много покажется, то можно и на шести помириться. Что касается до герба и имени, то велѣлъ я ихъ писать поприлежнѣе и какъ скоро готовы будутъ, то по почтѣ перешлю, правда, что въ граматахъ и дипломахъ въ С.-Петербургѣ имѣются гербы, но скопировать ихъ нѣтъ способа, хотя бы и Моллеръ былъ въ городѣ, ибо по выправкѣ оказалось, что ключи здѣсь, а не у него. Мнѣ приходитъ на мысль, буде мы опоздаемъ съ доставленіемъ шифровъ и гербовъ въ Брюссель и Парижъ, то можно ихъ написать, когда они въ Петербургъ привезены будутъ, а тамъ бы только назначили гдѣ быть

гербу и гдѣ имени; впрочемъ, воля твоя, мнѣ кажется и безъ того обойтиться можно, а могутъ написать горшки или цвѣтки, малину, что угодно. Что касается до дороговизны, то бы она недорога была въ 150 лудвиговъ, но деньги наши тамъ дешевле, провозъ и пошлина у насъ дороги, а потому и полагать около двухъ тысячъ надлежитъ за повозку Брюссельскую, а Лондонская во что станетъ—не знаю. Благодарствую за попеченіе, которое прилагаешь о доставленіи мнѣ панталоновъ, когда получу отъ тебя обѣщанный вас и чулки, то передѣлавъ и довольно будетъ. Что же до шелковыхъ касается, то здѣсь ихъ всякихъ цвѣтовъ надѣлать можно.

Любезной Елизаветѣ мой поклонъ посылаю.

XXXV.

Москва, 20 Апрѣля 1790.

Вотъ и ожидаемый гербъ для каретъ посылаю, но какъ рисовщикъ хотѣлъ показать его изящество, то и кажется мнѣ, что онъ неспособенъ къ иной пересылкѣ, какъ только такой, какъ онъ теперь уложенъ, а сія для почты неспособна. Словомъ, гербъ такой, каковъ онъ есть во всѣхъ его цвѣтахъ, теперь отъ тебя зависитъ, сей ли посылать, скопировавъ съ его другой такой же, или никакого не посылать, а приказать оставить мѣста, гдѣ ихъ написать должно, а какъ кареты привезены будутъ въ Петербургъ, то поручить коммиссію брату Алексѣю Кириловичу, чтобъ тутъ ихъ написать велѣлъ, для чего и гербъ сей у него оставить можешь; что же до вензеля или имени касается, то оное состоитъ изъ двухъ литеръ: С. R. Зависитъ отъ живописца его расцвѣтить или позолотить, какъ угодно, равно дать ему и форму по мѣсту, на которомъ написать должно будетъ. Я занемогъ было гораздо, полагаю дня съ три лежалъ въ постелѣ, ослабѣлъ довольно, но Чубукъ [1]) мой кое-чѣмъ поналадилъ, кажется, мой животъ, и сего дня съ постели вылѣзъ. Любезной Елизаветѣ кланяюсь и обоимъ совершеннаго здоровья желаю.

P. S. Прилагаю письмо къ Моллеру, если онъ еще изъ Пскова не пріѣхалъ, держи его у себя и какъ пріѣдетъ—ему вручи.—Какъ дѣло идетъ о собакахъ?

---

[1]) Докторъ Дуссикъ.

XXXVI.

Москва, 2 Мая, 1790.

Вчера послѣднее твое письмо, отъ 25 Апрѣля пущенное, получилъ; хотя согласенъ съ тобою, что съ дурными вѣстями спѣшить не должно, но какъ и дурныя по неизвѣстности увеличиваются еще худшими разглашеніями, то я и благодаренъ тебѣ за сообщеніе послѣднихъ: дай Богъ, чтобъ подобныхъ съ симъ впредь не имѣть! Потеря хорошаго генерала въ Принцѣ Ангалтъ-Бернбургскомъ [1]), и здѣсь всѣми, кто его зналъ, чувствуема и сожалѣема, яко именитаго человѣка, по его искуству, какъ въ военномъ мастерствѣ, такъ и въ душевныхъ хорошихъ качествахъ. Оставимъ сію непріятную матерію, которую или миромъ или пулями поправлять должно, станемъ говорить о выписываемыхъ нашихъ колымагахъ, изъ Брюсселя и Лондона. Не думалъ я, чтобъ онѣ мнѣ столь дорого пришли, какъ я изъ письма твоего вижу, но что дѣлать, коли наша монета столь въ Европѣ дешевою сдѣлалася! Коли уже каша заварена, то надобно ее и расхлебать. Я прилагаю письмо къ Моллеру, на заплату за сіи повозки семи тысячъ шести сотъ рублей. Прошу тебя о слѣдующемъ: мнѣ теперь крайняя нужда въ деньгахъ, здѣсь для прожитку моего, посему и далъ было повелѣніе Моллеру, чтобъ онъ, оставя всѣ издержки по дому С.-Петербургскому, старался бы копить побольше денегъ и сюда ихъ перевесть, но предъ симъ послалъ я ассигнацію на уплату тысячи руб. Шмиту портному, котораго стужательство мнѣ очень надоскучило, да теперь за кареты около восьми тысячъ руб., а съ провозомъ и пошлинами, которыя у насъ такъ же не нѣжны, выйдетъ и 10-ть; но работники въ Брюсселѣ и въ Лондонѣ заплачены быть должны. Посему и желалъ бы я, чтобъ вы, переговоря съ Моллеромъ, согласили банкира, чтобъ онъ сіи деньги велѣлъ тамъ заплатить, а отъ насъ получалъ бы уплату по третямъ, такимъ образомъ: треть ему теперь отдать, другую въ Сентябрѣ, а третью въ Январѣ, платя ему до того времени, пока заплачены будутъ, обыкновенные по ихъ обряду проценты. Такимъ образомъ банкиръ ничего не теряетъ, а мнѣ не столь чувствительна растрата будетъ, по причинѣ, что денегъ побольше сюда доставить можно будетъ, и чтó по сему учините и какое учрежденіе сдѣлаете, меня увѣдомить не оставьте. Что касается до повозокъ, я никакой перемѣны не нахожу сдѣлать, кромѣ Брюссельской, чтобъ вашъ, который сверху имперіалы накладывается,

[1]) Принцъ Викторъ-Амедей Ангальтъ-Бернбургъ-Шаумбургскій р. 1744, генералъ-поручикъ въ Русской службѣ и Андреевскій кавалеръ. Убитъ въ Финляндіи апрѣля 30, 1790 г., во время Шведской войны.

вовсе отмѣнить. Хотя-жъ о выпускахъ сзади и приказалъ я отмѣнить, но ихъ почитаю une commodité de plus, и думаю по наслышкамъ, сіи выпуски ослабятъ повозку, но если художникъ не сего мнѣнія, то лучше ихъ оставить. Гербъ уже для сихъ повозокъ посланъ, а за симъ получишь и вензель написанный изрядно. Какъ скоро отъ тебя сказано будетъ, собачки отправятся и все къ тому готовится. Софія Осиповна просила меня, чтобъ какъ тебѣ, такъ и Елизаветѣ ея поклонъ и почтеніе начертить. Отъ меня любезной Елизаветѣ кланяюсь, отъ сердца желаю, чтобъ надежда ваша была не тщетна. Adieu.

XXXVII.

Мая 13, 1790 года, Москва.

Послѣднее письмо твое наполнено пріятными вѣдомостями, которыя должны Государыню и всѣхъ подданныхъ веселить и къ коимъ еще старичёкъ Чичаговъ [1]) прибавилъ хорошую штуку, прогнаніемъ непріятельскаго флота и уничтоженіемъ самаго коварнаго и опаснѣйшаго предпріятія, которому видно, что Рогервикъ [2]) былъ моделью, но Русскій Роберти принялъ гостей такъ, какъ они и не ожидали! Дай Богъ, чтобъ и впредь ихъ поталкивать, авось втолкаютъ въ королишку Шведскаго мирныя мысли. Что касается до запасу, который ты предпріялъ сдѣлать женѣ твоей, то я почитаю резонабельнымъ, но почитаю за необходимое внесть, что сіе дѣлается только въ такомъ случаѣ, если судьбами Божіими твоя жизнь прежде ея пресѣчётся. При отдачѣ деревень въ твое владѣніе, далъ я тебѣ и письмо урядовое, уполномочивающее тебя на всякія сдѣлки въ имѣніи, а потому и казалось мнѣ, что уже никакое другое письмо не нужно; но какъ ты просилъ, точію на сей артикулъ точнаго еще письма, то я оное и прилагаю, которое если надобно, то употребляй его, если же что отмѣнить разсудите, то давайте знать, что̀ прибавить или убавить, я, подписавъ, вскорѣ къ вамъ доставлю, о чемъ я писалъ и къ Петру Васильевичу.

Весна настаетъ или уже настала. Корабли приходить и отходить станутъ съ С.-Петербурга. Посольство наше собачье еще не обдѣлано къ отсылкѣ, да и предвидѣть нельзя, какъ скоро оное конецъ свой финальный возьметъ. Ты же не вѣчный житель С.-Петербургскихъ пре-

---

[1]) Василій Яковлевичъ Чичаговъ (1726 † 1809), адмиралъ. Разбилъ Шведскій флотъ на Ревельскомъ рейдѣ 2-го мая 1790. Екатерина наградила его Андреевскою лентою.

[2]) Въ мартѣ 1790 г. полковникъ Роберти, комендантъ Балтійскаго порта или Рогервика, осажденный Шведскими кораблями, подписалъ постыдную капитуляцію.

дѣловъ, и когда въ присутствіи и при стряпаніи твоемъ сіе не скоро подвигается, то безъ ошибки можно полагать, что какъ ты уѣдешь, вовсе остановится, забудется, и изъ виду потеряется. Сегодня рѣшился я учинить слѣдующее: Нѣмцевъ у меня въ службѣ нѣтъ, а два охотника и восемь собакъ борзыхъ изготовлены къ отсылкѣ, и хотя одинъ изъ охотниковъ Нѣмецъ, но Лифляндецъ, а другой мой крѣпостной, оба же подданные Россійскіе, я съ ними всѣми посылаю одного изъ моихъ флигель-адъютантовъ Денисьева, который поѣдетъ какъ вояжёръ на кораблѣ. Свита его будетъ состоять въ 2-хъ охотникахъ и 8-ми собакахъ. Можетъ быть, и будетъ при немъ одинъ его собственный человѣкъ. Дается ему инструкція отъ меня съ предписаніемъ его коммиссіи; подробностями же, какъ и къ кому явиться въ Неаполѣ, ты долженъ его снабдить, равно въ пріисканіи корабля. Договоръ со шкиперомъ—тоже твое дѣло и попеченіе. Что же принадлежитъ до содержанія какъ самого Денисьева, такъ при немъ людей и собакъ, какъ туда, такъ и обратно до возвращенія въ Россію, вы должны реглировать съ Моллеромъ и пріискать банкира, который доставлялъ бы сумму по разсчёту на содержаніе, а Моллеръ долженъ дѣлать заплату въ С.-Петербургѣ. Вотъ мой планъ, который не мѣшаетъ никакъ дворцовой охотѣ отосланной быть. Я же думаю, что Денисьева и охотниковъ тамъ долго не будутъ держать, но черезъ мѣсяцъ или полтора оттуда отпустятъ, и такъ могутъ быть около зимы въ отечество, а какъ сія экспедиція вскорѣ отсюда отправлена будетъ, то и скажи Моллеру, чтобъ заготовилъ мѣсто на Крестовскомъ острову для сихъ гостей для житья и куля два овсяной муки для корму собакъ. Я завтра переѣзжаю въ Петровское, кажется, гдѣ васъ ожидать буду. Adieu.

P. S. Когда мое письмо написано уже было, то получилъ твое послѣднее отъ 6 Мая, наполненное пріятною вѣдомостію, о происшествіи, бывшемъ подъ Ревелемъ. Я несомнѣваюсь, что сія вѣсть нашей всемилостивѣйшей Монархинѣ пріятнѣйшею была по ея важности и не удивляюсь, что изволила такъ весела быть, какъ ты описываешь. Даруй Всевышній Ея Величеству почаще таковыя (побѣды) получать надъ всѣми воюющими противу ея врагами, а за сими миръ и тишину, которые столь для Ея Величества и для роду человѣческаго нужны. Прилагаю письмо къ Елизаветѣ, которое сего дня съ почты принесено, и скажи мой ей поклонъ.

XXXVIII.

Петровское. Мая 16, 1790.

Послѣднее письмо твое отъ 20-го сего мѣсяца чрезъ адъютанта князя Прозоровскаго получилъ. Что касается до непріятныхъ дѣйствій, подъ Фридрихсгамомъ [1]) послѣдовавшихъ, то по Москвѣ слухъ конфузный уже пронесся, до того, какъ я отъ тебя получилъ (письмо). Дай Богъ, чтобъ сіе впредь лучшими происшествіями награждаемо было. Удивляетъ меня твой отзывъ, что ты герба не получилъ моего, который недѣли двѣ прежде шифра отправленъ чрезъ Веніяминова, находящагося при банкѣ и живущаго у Петра Васильевича Завадовскаго, такъ мнѣ сказалъ Бусирской (?), который его срисовалъ и отправилъ, да кажется мнѣ, что и ты писалъ ко мнѣ о полученіи его, равно какъ и о томъ, чтобъ гербъ и шифръ туда не посылать, гдѣ дѣлаются повозки, а дожидаться когда пріѣдутъ въ Петербургъ, то ихъ тутъ написать приказать. Борзыя собаки вскорѣ отправлены будутъ, охотники уже одѣты и галстухи на собакъ сработали. Я съ вчера сюда пріѣхалъ, а сегодня что то вѣтрено, холодно и сыро, если бы вчера такая погода была, то бы я изъ города не выдвинулся, а поѣхавши—буду уже поживать въ ожиданіи лучшаго времени. Елизаветѣ кланяюсь.

XXXIX.

Петровское. 20 Мая 1790.

Вчера получилъ я твое письмо, отъ 14 сего мѣсяца пущенное. Если Моллеръ почитаетъ за лучшее, чтобъ за кареты вдругъ сумму заплатить, я въ томъ счету не нахожу, и желалъ бы, чтобы то сдѣлано съ такимъ разсчётомъ, какъ я прежде уже о семъ писалъ, ибо мнѣ здѣсь въ деньгахъ нужда великая настоитъ. Кареты, конечно, дороги приходятся, такъ, какъ и все выписываемое оттуда, понеже деньги наши сдѣлались дешевыми; стараться должно, чтобъ по причинѣ военныхъ обстоятельствъ кареты мои не попали къ Шведамъ въ руки, дабы не лишиться и денегъ и каретъ. Вензель или гербъ на сихъ повозкахъ написаны будутъ, для меня все равно, но я удивляюсь, что ты герба не получилъ, который гораздо давно отсюда отправленъ и почти цѣлый мѣсяцъ прежде шифра. Если вамъ пробираться сюда, то, конечно, по пути будетъ заѣхать въ Псковскія твои деревни, и

---

[1]) 3 Мая 1790 г. Густавъ III разбилъ капитана Слизова и требовалъ сдачи Фридрихсгама.

обозрѣвъ оныя, пуститься черезъ Смоленскъ, или черезъ Новгородъ въ Москву, но изъ Москвы на Вѣну кажется должно держать путь вамъ на Малороссію и на Кіевъ, а оттуда на Броды и въ Австрійскіе предѣлы. Но изъ Кіева до Бродовъ триста верстъ Польшею необходимо ѣхать должно; а черезъ Польшу теперь ни солдаты, ни генералъ, ни курьеры не ѣздятъ; ни Русская птица кажется не пролетитъ, такъ Прудеусы взбѣсилися противъ Русскихъ, то врядъ и вамъ возможность будетъ предпринять туда путь, не подвергая себя крайней опасности отъ своевольныхъ и сумасбродныхъ Полячишковъ, что почёлъ я за нужное тебѣ примѣтить. За Штатера всѣ вы я вижу братья хватаетесь, не знаю, станетъ ли его столько, чтобъ за всякаго имѣніемъ усмотрѣть какъ должно, не говорю о томъ, что я и самъ на него видъ имѣю, который совсѣмъ несходенъ будетъ съ вашимъ.

Прилагаемое письмо отъ Ивана Васильевича, которое писано было еще въ Бессарабіи, въ лагерѣ, и ходило comme la vérole du docteur Panglos dans le Candide и наконецъ ко мнѣ дошло.

Дня четыре, какъ я сюда въ Петровское переѣхалъ, зефиръ Чухонскій дуетъ, отчего холодно и дурно. Ни выдти, ни выѣхать на дворъ не забавно, да и комнаты понемногу протапливать должно. Пишешь ты мнѣ, какой способъ ты сыскалъ къ отправленію псовъ, я же мой тебѣ передъ симъ довольно ознаменовалъ и твоего ожидаю, а все уже къ отправленію готово. Любезной Елизаветѣ кланяюсь. Левъ оставилъ письмо для Мелессино, которое пожалуй доставь.

XL.

Петровское, 31 Мая, 1790.

Вручитель сего есть флигель-адъютантъ мой, Степанъ Васильевъ сынъ Денисьевъ, отправленный съ извѣстною тебѣ коммиссіею. Первый твой подвигъ долженъ быть объ отправленіи его скорѣе къ его мѣсту, дабы напрасно не мѣшкалъ въ С.-Петербургѣ и не упускалъ хорошаго времени для его вояжа. Отпуская его отсюда, далъ я ему двѣсти рублей, изъ которыхъ онъ долженъ заплатить сто руб. за четыре пары наемныхъ извощиковъ, а прочіе сто на содержаніе его, охотниковъ и собакъ въ пути, и на прочіе путевые расходы, что уповаю и довольно будетъ для Петербурга, а если чего бы недоставало, то писалъ я къ Моллеру, чтобъ онъ давалъ ему деньги, сколько нужда потребуетъ, а лучше, во все время бытности его въ С.-Петербургѣ, вели ему къ тебѣ адрессоваться въ его надобностяхъ.

Что же касается до его дальнѣйшаго отправленія и содержанія какъ его, такъ при немъ людей и скотовъ, чтобъ они имѣли безнуж-

ное и безъизлишнее содержаніе, какъ туда, такъ и обратно въ Россію, о семъ сдѣлать вамъ распоряженіе съ Моллеромъ и до какой суммы простираться будетъ, дать ему вексель, или кредитное письмо отъ банкира, которое Моллеръ уплачивать будетъ по увѣдомленію банкировъ, которые тамъ ему деньги выдавать будутъ. Въ Неаполь его адрессуй къ кому ты знаешь. Проси, чтобъ ихъ тамъ не задержали больше, какъ только пока нужда потребуетъ.

Увѣдомить-ли или нѣтъ о семъ нашего тамъ министра, предаю, какъ и все прочее, въ твою волю и разсужденіе, ибо ты самъ лучше вѣдаешь права, вашей братіи принадлежащія или присвоенныя. Равно брать мѣры, чтобы въ Балтійскомъ морѣ Шведамъ, а въ Средиземномъ Алжирскимъ и Тунисскимъ разбойникамъ въ руки не попадались. Послѣднее горше перваго, а то и другое недоставитъ нашей цѣли! Словомъ, мое дѣло по сіе время было доставить скотовъ, что̀ я и сдѣлалъ, изготовить и отправить ихъ до С.-Петербурга, что̀ я симъ и исполняю. Какая же отъ меня дана инструкція Денисьеву, копію влагаю. Я думаю о дальнѣйшемъ его отправленіи не худо посовѣтоваться и съ другомъ нашимъ, графомъ Иваномъ Григорьевичемъ, какъ человѣкомъ недавно вояжировавшимъ. Вотъ сей корабликъ, который я отъ себя спустилъ на воду, который Божію сохраненію и твоему попеченію поручаю. Имена собакамъ прилагаю, о содержаніи ихъ можешь спросить инструкцію у Денисьева. Adieu.

XLI.

Петровское, Іюня 3, 1790.

Два письма твоихъ отъ 20 до 27 прошлаго мѣсяца получилъ. О выданныхъ или заплаченныхъ тобою деньгахъ за брата Ивана, прилагаю къ Моллеру повелѣніе о заплатѣ оныхъ, а притомъ, чтобъ сіе было въ первое и послѣднее, ибо какъ бездонную кадку не наполнишь водою, такъ сего мота и долговъ не заплатишь, которыхъ на немъ многія сотни тысячей, а если бы онъ такъ храбро на непріятеля наступалъ, какъ на банкъ, то бы сдѣлалъ себѣ славу и честь роду своему, а теперь будетъ тварь презрѣнія достойная, промотавшая знатное имѣніе и рано-ль, поздно-ли пойдетъ по-міру въ тяжесть ближнихъ рода своего.

За сообщенныя вѣдомости въ послѣднемъ письмѣ твоемъ благодарю. Слава Богу, что нахальство Шведовъ добрымъ отпоромъ отъ нашихъ въ ничтожество обращается, но лучше бы если бы удалось ихъ ловко поколотить. Отъ Востоку ничего не слышно здѣсь, кромѣ

того, что изрѣдка слухи проскакиваютъ что скоро миръ будетъ, но я къ здѣшнимъ слухамъ не иму вѣры.

Чудно мнѣ, что ты герба моего не получалъ, онъ дѣйствительно посланъ съ Веніяминовымъ, который у П. В. Завадовскаго, въ четвероугольномъ ящикѣ клеенкою зашитъ и подписано на твое имя. Скажи П. В., чтобы приказалъ его поискать сему господину. 29 прошедшаго мѣсяца Денисьевъ съ восемью борзыми собаками и съ двумя охотниками на четырехъ парахъ отсюда отправился, дальше же его отправленіе будетъ зависѣть отъ твоего изволенія и проворства, я бы думалъ чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, дабы хорошимъ временемъ туда доплели, то скорѣе и оттуда поворотиться могутъ. У насъ зачались дни хорошіе, но вчера, незнамо почему и за что, подвернулся такой сильный пароксизмъ, какого я давно не имѣлъ; чуть меня не задавилъ, зачался послѣ обѣда и держалъ сильно за полночь, а кончился въ три часа по-полуночи, размучивъ меня паче галерника варварскаго. Кланяюсь любезной Елизаветѣ и желаю вамъ всегда хорошаго здоровья.

XLII.

Петровское, Іюня 13, 1790.

Увѣдомляю тебя о полученіи твоего письма, отъ 6-го сего мѣсяца пущеннаго, изъ котораго усмотрѣлъ, что успѣхи надъ запертымъ Шведскимъ флотомъ не такъ поспѣшно идутъ, какъ то желается, но полная надежда къ лучшему на нашей сторонѣ, которую заблаговолитъ совершить Всевышній по желанію нашему.

Спѣшу тебѣ сказать слово о каменьщикѣ, рекомендуемомъ Камерономъ [1]). Въ бытность его здѣсь, правда, что говорено было о такомъ мастеровомъ, но какъ мой главный въ Батуринѣ домъ придетъ уже подъ кровлю [2]), прежде нежели онъ туда доѣдетъ, сіи же мастеровые надобны при заложеніи строенія; сверхъ того, опасаюсь я, что иногда они не перессорились съ архитекторомъ, то вмѣсто успѣха пойдетъ дѣло на разладъ. Сихъ ради причинъ, кажется мнѣ, что можно обойтиться теперь безъ сего мастероваго и для того, по полученіи сего, изволь ему отказать, дабы онъ, не упуская времени, могъ возвратиться во-свояси.

Получилъ я вчера письмо отъ нашего Григорія, слѣпого философа Швейцарскаго, который увѣдомляетъ меня, что по многотрудномъ

---

[1]) Карлъ Камеронъ, англичанинъ, придворный архитекторъ Екатерины II. Имъ построена носящая его имя галерея въ Царскосельскомъ дворцѣ.

[2]) Домъ этотъ существуетъ понынѣ; онъ никогда достроенъ не былъ (см. ниже).

пути достигъ онъ до края, которымъ восхищается, гдѣ желаетъ остаться навсегда неподвижно и имѣетъ въ виду купить имѣніе отъ 100 до 200 тысячъ франковъ Швейцарскихъ. Проситъ, чтобъ заложить его имѣніе въ банкѣ и переслать для покупки таковаго ему тамъ по желанію его имѣнія, котораго онъ опасается, чтобы кто другой не перекупилъ. Видно, что и въ семъ, какъ и въ прочихъ его поведеніяхъ вводится легкомысліе, которое не допускаетъ сдѣлать разсчетъ, сообразный обстоятельствамъ, въ которыхъ мы теперь находимся, по причинѣ войны: денегъ нигдѣ нѣтъ, занять ихъ негдѣ, курсъ нашъ въ Европѣ въ превеликомъ упадкѣ! То-ль время настоитъ, чтобъ не только дѣлать, но и помышлять о такихъ предпріятіяхъ? О неизмѣримое невѣжество и легкомысліе! Лѣто у насъ дождливое и прохладное. Сукно, байка, служатъ мнѣ одѣяніемъ отъ жаровъ. Здоровье мое посредственно, но хлѣбы и травы хороши становятся, далъ бы Богъ ихъ убрать по желанію. Любезной Елизаветѣ кланяюсь, зѣло, зѣло. Adieu.

XLIII.

Петровское, Іюня 20, 1790.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ получилъ я твое письмо отъ 10-го сего мѣсяца пущенное, въ которомъ объявляешь, что угодно было Ея Величеству наименовать тебя къ Вѣнскому двору министромъ [1]). Двоякая для тебя пріятность: знатность мѣста, постоянство онаго, и что въ немъ много знакомыхъ и почти другая для тебя фамилія имѣется, а для Елизаветы твоей несказанная выгода, по любви ея къ своимъ, а особливо и сверхъ по привязанности ея къ матери, она-то по пословицѣ и дома и замужемъ. Кланяйся ей отъ меня и поздравь ее съ симъ пріятнымъ и милостивымъ происшествіемъ.

Не сомнѣваюся я, что можетъ съ перваго шагу твое наименованіе поселитъ нѣкоторое смущеніе въ мысляхъ нашего тамъ посла, князя Дмитрія Михайловича [2]), какъ то и здѣсь произвело оное у его свойственниковъ, о чемъ графъ Иванъ Григорьевичъ тебѣ объяснитъ, но сіе зависѣть будетъ отъ тебя и твоихъ съ нимъ поступковъ, которые, не сомнѣваюсь, вѣдая твое душевное расположеніе не на оскорбленіе ближнему, будутъ таковы, что загладятъ причиняемое противу намѣренія твоего ему смущеніе и обратятъ на желаемое спокойствіе духа. Положеніе твое теперь такое, что я тебя или скоро сюда

---

[1]) Чтобы не обижать старика князя Д. М. Голицына, Андрей Кириловичъ назначенъ былъ министромъ къ королю Венгерско-богемскому.

[2]) Голицынъ (1721 † 1793) женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Кантеміръ (1720 † 1761). Онъ находился 30 лѣтъ посломъ въ Вѣнѣ.

ожидаю, или, можетъ быть, и вовсе не будешь, если твое присутствіе покажется нужнымъ къ назначенному тебѣ мѣсту, а притомъ иногда бы и состояніе жены твоей, которое есть не въ ея волѣ, не воспрепятствовало-бъ сему намѣренію. У насъ лѣто очень дурное, холодно, сыро и грязно, а потому я изъ Петровскаго никуда не двигаюсь, хотѣлъ было въ Троицкое [1]) переѣхать, но никакъ за сыростію нельзя; а какъ и здоровье мое по погодѣ располагается, то нерѣдко разныя безпокойства чувствую, да и нога моя понемногу меня безпокоитъ. На сей часъ больше, кажется, писать нечего.

XLIV.

Петровское, 6 Іюня, 1790.

И прежнее и послѣднее письмо твое отъ 2-го Іюня получилъ Распорядокъ, которымъ ты препроводилъ собакъ Королю Неаполитанскому и всѣ взятыя къ тому мѣры, весьма апробую и похваляю; кажется все такъ хорошо устроено, что нельзя имъ не попасть до желаемаго мѣста. Слава Богу кажется, что уже знаменитые авантажи нашъ флотъ одержалъ надъ Шведами. Вчера сообщилъ мнѣ князь Прозоровскій письмо и реляцію отъ Ея Величества [2]), къ нему присланныя. Теперь остается только желать спокойствія и мира, какъ на водахъ, такъ и на сухой землѣ. За всѣ твои сообщенныя по сіе время вѣдомости, яко весьма обстоятельныя, изъявляю мое большое удовольствіе.

Бѣдный Чичаговъ недолго, думаю, будетъ пользоваться полученными милостями монаршими, ибо уже изжилъ вѣкъ свой съ тридцатью душами и кажется время уже коротко пользоваться четырьмя тысячами [3]).

Писанное въ письмѣ твоемъ, о твоемъ названіи въ Вѣну и о послѣ нашемъ тамъ, показывалъ я князю оберъ-камергеру [4]), который вчера

---

[1]) Троицкое-Лыково принадлежитъ теперь г. Корзинкину.

[2]) Князь Александръ Александровичъ меньшій Прозоровскій (р. 1732 † 1809), тогда генералъ-аншефъ, а при Имп. Павлѣ — фельдмаршалъ, былъ съ 1790 — 1795 главнокомандующимъ въ Москвѣ.

3 іюня 1790 г. Шведскій флотъ, подъ предводительствомъ герцога Зюндерманландскаго, напалъ на нашъ флотъ и былъ отбитъ.

[3]) Разумовскій ошибался: Василій Яковлевичъ Чичаговъ пережилъ его и умеръ въ 1809 г.

[4]) Оберъ-камергеръ князь Александръ Михайловичъ былъ двоюроднымъ братомъ посла, князя Дмитрія Михайловича. Послѣдній былъ сыномъ фельдмаршала кн. Михаила Михаиловича старшаго, а первый генералъ-адмирала кн. Михаила Михайловича меньшаго.

у меня въ Петровскомъ обѣдалъ, онъ весьма довольнымъ быть казался начертаніями твоими.

Ошибку нашу велѣлъ я поправить Моллеру, заплатя тобою издержанныхъ за брата Ивана 150 р., а тысячу въ казнѣ оставить. Слава Богу! таковые повороты у меня весьма рѣдки бываютъ.

Слава Богу, что твоя Елизавета поправляется; чтобы ей производить подобныхъ себѣ на свѣтъ, надобно совершенное здоровье имѣть, а пока столь слабое продолжаться будетъ, то совѣтуй ей въ сей промыселъ не вступать, яко крайне вредный и опасный для нея. Ожидать васъ сюда я буду, но совѣтую не подвергать себя на возвратномъ пути дурному осеннему времени, не забывая, что не малое разстояніе до Вѣны отъ Петербурга. У насъ еще лѣто не можетъ выправиться, все пестро на небѣ и дождливо на землѣ. Adieu.

XLV.

Петровское, 11 Іюля, 1790.

Послѣднія письма твои получилъ; не оставилъ я сообщить писанное отъ тебя къ послу нашему въ Вѣну князю оберъ-камергеру. Рекомендованный тобою графъ Нидерландецъ еще не бывалъ, и когда въ Москву и пріѣдетъ, то она уповаю больше его займетъ нежели я старый, хворый и деревенскій житель. Касательно выписки кареты изъ Брюсселя, видно, что коммиссіонеръ твой Вѣнскій не послѣдній вѣтрогонъ, да и каретникъ Симонъ въ тотъ же вихорь попалъ, но какъ бы то ни было, только бы карета доставлена была; чтожъ до передѣлки касается и выпусковъ позади, то бѣда не велика, что не передѣлана по предписанію моему, авось либо и пригодится когда-нибудь. Буде тебѣ непріятно возвѣщать дурныя вѣсти о принцѣ Нассау [1]), то и мнѣ непріятно слышать, но необходимо знать же надобно какъ пріятное, такъ и противное тому. Авось даруетъ Всевышній впредь сіе поправить. О Лондонской экспедиціи ожидаемыхъ нами повозокъ видно, что еще никакого извѣстія нѣтъ, понеже ты ничего не вспоминаешь. Радуюсь, что Елизавета твоя поправляется, отъ сердца желаю, чтобы силы ея вящше и вящше укрѣплялись. Лѣто уже проходитъ, а мы кромѣ дурной осени по сіе время не видали, желательно хотя бы оно въ осень помѣстилось. Adieu.

P. S. Приложенное письмецо при моемъ искреннемъ почтеніи вручи

---

[1]) Принцъ Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ Нассау Зигенъ (1745 † 1805), Андр. кавалеръ и адмиралъ, 1 іюля 1790, атаковавъ Шведовъ при Роченсальмѣ, былъ отбитъ.

графу Ивану Григорьевичу и попроси е. с. отъ меня, чтобъ приказалъ его по адрессу доставить, гдѣ находится.

XLVI.

Троицкое, 1 Августа, 1790.

Привыкши отъ тебя частыя имѣть извѣстія, не зналъ чему приписать молчаніе черезъ нѣсколько почтъ; боялся, что чего непослѣдовало съ вами непріятнаго, но послѣднее твое письмо меня поуспокоило. До твоего послѣдняго письма не слыхалъ я, чтобъ Валентинъ Платоновичъ графъ Пушкинъ [1]) намѣренъ сюда быть, а сказывали мнѣ, что графиню, его мать, ожидаютъ вскорѣ.

Если отправленіе твое не очень скоро будетъ, то врядъ быть-ли вамъ сюда возможно будетъ, а надобно будетъ убираться отъ дурного и грязнаго пути кратчайшими дорогами. Прибывшія кареты, какъ изъ Англіи, такъ и изъ Брюсселя, буде привезутъ, не спѣши сюда отправлять ко мнѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ въ оныхъ нужды нѣтъ, которое уже и теперь въ исходѣ, а когда пріѣдутъ, то и все кончится, сего для я думаю, чтобъ онѣ отправлены были сюда по лучшему зимнему пути, когда и дорога хороша и извощиковъ довольно, а въ сіе время, и то и другое трудно, теперь же у меня въ повозкахъ нужды нѣтъ. Я уже пятый день, какъ переѣхалъ изъ Петровскаго въ область Троицкую, и ночую въ мезонинѣ, гдѣ вы однажды обѣдали со мною. Время хотя не самое горячее, однакоже получше стало. Вскорѣ собираюсь посмотрѣть въ Поливаново [2]), дня на два или на три. По возвращеніи оттуда возвращусь въ Петровское.

XLVII.

Петровское, 15 Августа, 1790.

Отъ 5 и 8 сего мѣсяца письма твои получилъ, только-что ты меня одинъ извѣстилъ о воспослѣдовавшемъ мирѣ со Шведомъ [3]), а больше никто изъ вашей страны по сю пору ни одного слова ни рекъ. Здѣшній градоначальникъ сообщилъ мнѣ копію писаннаго къ нему

---

[1]) Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (1735 † 1804) былъ главнокомандующимъ войсками противъ Шведовъ. Екатерина была имъ недовольна и замѣнила его въ началѣ 1790 г. графомъ Иваномъ Петровичемъ Салтыковымъ. Гр. Мусинъ-Пушкинъ женатъ былъ на княжнѣ Прасковьѣ Васильевнѣ Долгорукой, дочери Крымскаго. Мать его, графиня Марѳа Петровна, была родомъ княжна Черкасская.

[2]) Село Поливаново, Подольскаго уѣзда, принадлежитъ нынѣ В. В. Давыдову.

[3]) Миръ со Шведами былъ подписанъ 3 Августа 1790 года въ Верелѣ.

Ея Величествомъ о семъ. Слава Богу, что сіе сдѣлалось и такъ скоро и секретно, что ни одинъ газетчикъ не пикнулъ въ Европѣ. Дай то Богъ, чтобъ за симъ повсюду послѣдовалъ миръ и тишина. Графу Ивану Григорьевичу скажи мой поклонъ, равно и мое искреннее сожалѣніе о приключившемся съ нимъ. Жаль, что меня нѣтъ тамъ, можетъ быть сего съ нимъ не случилось, онъ всегда склоненъ былъ скоро ѣздить, а я всегда противился тому, и николи съ нимъ не ѣзжалъ, какъ по договору, то-есть или въ моей повозкѣ, или буде въ его, то-бъ ѣхали рысью, а не скакали. Дай Богъ, чтобы ему сіе прошло безъ малѣйшаго безпокойства на грядущія времена, для предосторожности же впредь посовѣтуй ему перенять у меня любезную твою повозку таратайку, въ которой нельзя иначе ѣздить, какъ степенно умѣренными шагами, а если поскачешь зуба во рту не останется. Сію повозку люблю только я, и Чубукъ мой почитаетъ за лучшую для моціона. Изъ писемъ твоихъ вижу, что экспедиція наша, состоящая въ повозкахъ, изъ Лондона благополучно привалила къ Петербургскому порту, но гдѣ-жъ дѣвалась Брюссельская карета? Неужели ея корсары подхватили? Пора вамъ оставить столицу, если не намѣрены таскаться по грязямъ осеннимъ. Радуюсь, что здоровье нашей Елизаветы наладилось предпріять предлежащій путь. Кланяюсь ей, посылаю два пакета писемъ, адресованныхъ къ ней, которые она весьма любитъ. Напрасно она поспѣшила, чтобъ они адрессованы ей были сюда. Симъ не ускорите, но умедлите; почта и курьеры нарочные всегда исправнѣе ходятъ на С.-Петербургъ, нежели сюда, съ которою скорѣе бы до рукъ доходили. Время у насъ предурное, а потому и здоровье мое не лучше. Adieu.

XLVIII.

Петровское 26 Августа, 1790.

Отъ 13 и 15 пущенныя письма ваши получилъ. У насъ столь дурное и безпрестанно дождливое время продолжается, что всё и вездѣ грязью покрыто, поселяне бѣдные лишаются собранія плодовъ своихъ, безпрестанно трудятся то въ сѣнокосѣ, то въ жатвѣ, но всѣ труды ихъ дождемъ и сыростію сгниваются. Почты уже не приходятъ въ урочные дни отъ распутицы. Не знаю какъ-то вамъ по такимъ путямъ таскаться будетъ? если не перемѣнитъ Богъ солнца въ ясное и теплое, а если оно останется такъ, какъ по сіе время, то, кажется, и думать проѣхать нигдѣ нельзя будетъ и не лучше-ль дождаться перваго зимняго пути, съ которымъ вездѣ заѣхать можно будетъ? Но сіе думаю не ладно будетъ, съ твоимъ званіемъ, а паче съ здоровьемъ твоей спутницы Елизаветы, которой мой поклонъ свидѣтельствуй, и полу-

ченное на ея имя письмо влагаю, которое нѣсколько уже дней какъ ко мнѣ принесено.

Погода негодная дѣлаетъ и меня такимъ же. Весь я разложёнъ; въ груди, ногахъ и въ рукахъ боль и ревматизмъ. Все сіе не грѣхамъ юности моея приписывать должно, но дурной погодѣ и шестидесяти двумъ веснамъ.

XLIX.

Петровское, 2 Сентября 1790.

Отъ 26 прошедшаго мѣсяца письмо твое получилъ, думалъ было я уже не отвѣчать на оное, видя тебя совсѣмъ готоваго къ отъѣзду, но какъ еще совсѣмъ ты не отправленъ, то и разсудилъ еще сіе написать, которое почитай послѣднимъ. Какъ ни разсуждаю, какъ ни придумываю къ лучшему, все уже неудобнымъ время представляется для пути, а особливо слабому здоровью, каково есть нашея Елисаветы.

Прилагаю письмо къ Елисаветѣ, и объявляю мой поклонъ; у насъ сегодня первый день, въ который съ утра до вечера почти солнце свѣтило ясно, но прохладно по осеннему. Ночью шелъ однакожъ не малый дождь Adieu.

L.

Петровское, 5 Сентября 1790.

Послѣднее твое письмо, отъ 29 Августа пущенное, получилъ— l'homme propose et Dieu dispose, сіе съ твоимъ путешествіемъ сбылось, но какъ боги все дѣлаютъ къ лучшему, то и пріятно волѣ ихъ повиноваться. Высочайшее благоволеніе Ея Величества, чтобы вы повеселясь праздниками пустились въ путь, вамъ предлежащій, смягчаетъ суровость онаго въ позднее время [1]). Елизаветѣ кланяйся и совѣтуй отъ меня, чтобъ она больше танцовала, прыгала и такими движеніями приготовляла себя къ понесенію пути столь дальняго и непріятнаго въ столь позднее время; впрочемъ слѣдуетъ полагаться на Божіе провидѣніе, можетъ быть, что глубокая осень будетъ съ морозами, то можно будетъ, хотя не такъ какъ лѣтомъ, но съ нѣкоторою пріятностію продолжать оный. Прилагаю ей мною полученную библіотеку писемъ на ея имя, которыя она между праздниками почитывать можетъ. Рука Господня коснулась меня, ревматизмъ въ правомъ плечѣ, боль въ груди и старая въ правой ногѣ. Непостоянное бывшее холодное и сырое лѣто, осень на дворѣ и шестьдесятъ лѣтъ съ лишкомъ на пле-

---

[1]) Праздники по случаю мира съ Швеціею.

чахъ снабдѣваютъ мое терпѣніе симъ непріятнымъ запасомъ. Богъ да сохранитъ васъ отъ сего въ позднѣйшія лѣта. Adieu.

LI.

Петровское, 23 Сентября 1790.

Послѣднее письмо твое получилъ, о всемилостивѣйшемъ дозволеніи я пріемлю истинное участіе и сорадуюсь съ тобою; сожалѣю съ тобою, что таковая отличная милость и благоволеніе Монаршее на канунѣ почти твоего отъѣзда послѣдовала, но лучше поздно, чѣмъ никогда.

Прилагаю письмо къ любезной Елизаветѣ, которой поручаю и мой поклонъ свидѣтельствовать. Почтеніе мое скажи графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу. Я немощенъ, а они теперь пирушками заняты, потому къ нимъ ничего и не пишу. А переѣхавъ изъ Петровскаго въ Москву, зачну толкаться съ писульками моими. Я нездоровъ.

LII.

Москва, 30 Сентября 1790.

Полученное письмо къ любезной нашей Елизаветѣ включаю. Я переѣхавши сюда въ городъ изъ Петровскаго первыя три ночи былъ крайне обезпокоенъ, не могши спать отъ припадковъ астматическихъ, почему и помышлялъ уже возвратиться въ Петровское, но четвёртая ночь меня остановила. Проводя оную спокойнѣе, ласкаю себя, что, поживя, привыкну сносить городскій воздухъ, а ѳсобливо какъ позамёрзнетъ, чего всякій день ожидать надлежитъ.

LIII.

Москва, 4 Октября 1790.

Послѣднее твое письмо отъ 26-го Сентября получилъ. Напрасно ты ласкаешься, чтобъ вояжъ вамъ былъ сопровождаемъ хорошимъ временемъ, въ столь глубокую осень, каковая уже настаетъ, не только въ нашемъ Русскомъ суровомъ климатѣ, нельзя уже съ пріятностію путешествовать во всей почти Европѣ; если бы служба дозволяла и дѣла ваши домашнія, то бы лучше пользоваться изливаемою и оказуемою милостію Монархини и остаться до послѣдняго пути, которымъ прибывъ сюда, можно бы уже съ пріятнымъ весеннимъ временемъ въ

путь пуститься. Сей планъ можетъ быть не покажется твоей Елизаветѣ, но должно пеленать ей свой разумъ терпѣніемъ, всякому человѣку повсемѣстно свойственнымъ; въ утѣшеніе ей прилагаю письмецо, всегда милое для нея, и присоединяю мой поклонъ. Здоровье мое немножко въ городѣ поналадилось, ночи поспокойнѣе сталъ провожать, и болѣзни, поборяя времени, иногда больше, иногда меньше меня безпокоятъ, ибо сей календарь крѣпко, по несчастію, въ мой корпусъ водворился и сдѣлалъ меня термометромъ по неволѣ.

LIV.

Москва, 12 Октября 1790.

Послѣднее письмо твое, отъ 5-го сего мѣсяца пущенное, получилъ. Прилагаю два письма, полученныя мною на имя Елизаветы, которой при врученіи скажи отъ меня поклонъ. Графу Ивану Григорьевичу скажи мое почтеніе и благодареніе какъ за письмо, такъ и за подробное описаніе настоящихъ праздниковъ по причинѣ мира. Я оныя справилъ къ пріятелю нашему князю Александру Михайловичу Голицыну, который себя, лошадей, зайцевъ, людей и собакъ безпокоитъ у Шереметева въ Кусковѣ и называетъ сію сволочь охотиться. У насъ, слава Богу, другой день безъ дождя, а сегодня и гораздо на лѣтній похожъ, но ни боль моя въ ногѣ, ни ревматизмъ въ рукѣ не унимаются. Пора кончить мое письмо, дабы праздничныхъ забавъ не ущербить. Adieu.

LV.

Москва, 19 Октября 1790.

На прошлой почтѣ не писалъ я къ тебѣ ничего, а послалъ только полученное письмо къ Елизаветѣ, написавъ на твое имя, которое не разсудилось мнѣ задержать. Сегодня получилъ я отъ князя Александра Михайловича письмо подъ открытою печатью отъ князя Дмитрія Михайловича, который меня проситъ, чтобъ, запечатавъ оное, къ тебѣ переслать, что симъ и исполняю; впрочемъ, въ нёмъ не означается ни года, ни мѣсяца, ни числа, ни мѣста откуда отправлено, что приписать должно неисправности секретарской. Прилагаю также письмо къ невѣсткѣ Софіи Степановнѣ [1]), которое отправь немедленно по надписи; какъ она пишетъ ко мнѣ, что они переселяются въ Италію, то

---

[1]) Графиня Софія Степановна Разумовская, рожденная Ушакова, жена графа Петра Кириловича.

и не худо узнать въ С.-Петербургѣ, кто банкиръ брата вашего Петра, которому и сіе письмо вручите для вѣрнаго доставленія, а безъ того можетъ оно бродить по Европѣ и не попасть въ надлежащія руки.

Время всякій день дѣлается хуже; вмѣсто сырого и грязнаго, которое почти чрезъ все лѣто продолжалось, прибавилось еще и холодное, и здоровье мое по осеннему нехорошо. Елизаветѣ кланяюсь, отъ сердца желаю, да укрѣпитъ Господь здоровье ея на понесеніе столь дальняго пути, въ такое суровое время. Прощай.

LVI.

Москва, 24 Октября 1790.

Ужъ прошло нѣсколько времени, какъ я отъ тебя письма не имѣлъ, а сіе ничему иному не приписываю, какъ только тому, что писать нечего. Зима наступаетъ, путь способный, но студёный и непріятный, особливо для такого здоровья, какъ твое и Елизаветы, опасный. По политическимъ обстоятельствамъ, кажется спѣшить не для чего къ твоему посту, гдѣ старый посолъ находится. По домашнимъ же обстоятельствамъ, присутствіе твое въ резиденціи не противно, и никто тебя оттуда не выживаетъ, и такъ не лучше-ли прозимовать въ Петербургѣ? А противу весны въ дорогу, такимъ способомъ можете пріятно и здорово въ Маѣ мѣсяцѣ достигнуть Вѣны. Вотъ вамъ мой совѣтъ, пользуйтесь имъ, если ничто не препятствуетъ. У насъ грязь и сырость, кажется, прошли, земля поокрѣпла отъ наставшихъ морозовъ, а думать надлежитъ, что и снѣгъ не замедлитъ. Здоровье мое не ладно, и особливо нога меня не мало тревожитъ и безпокоитъ. Чубукъ мой многіе способы къ излеченію употреблялъ, но все то было по сіе время втунѣ, только что одно безпокойство, а пользы никакой. Буду терпѣть, пока угодно будетъ Богу. Новостей у насъ никакихъ нѣтъ, отъ вашихъ предѣловъ оныхъ ожидаемъ. За симъ кланяюсь любезной Елизаветѣ. Софья Осиповна обоимъ вамъ зѣло, зѣло кланяется.

LVII.

Москва, 28 Октября 1790.

Послѣднее твое письмо, отъ 14-го сего мѣсяца, получилъ; бывшее мое безпокойство не отъ чего иного послѣдовало, какъ отъ перемѣны мѣста и дома, ибо нѣкоторые полы были подкрашены; кабинетъ былъ подзолоченъ и подштукатуренъ, все сіе хотя заблаговременно было учинено, но мое дурное здоровье, однакожъ, почув-

ствовалю, видно, что не мое дѣло домы обновлять, ибо и самыя маленькія починки мнѣ гораздо чувствительны. Понимаю я, сколько пріятно тебѣ милостивое Ея Величества дозволеніе быть участникомъ въ ея обществѣ; поминая прошедшіе дни, которые имѣю въ незабвенной памяти пріятнаго сего общества, крайне сожалѣю, что состояніе моего дурного здоровья лишаетъ меня сего счастія. Вотъ и зима настаетъ; у насъ уже снѣгъ показался, хотя еще не такой, чтобъ на саняхъ ѣздить можно, но морозы отъ шести до семи градусовъ оказались. Думать надлежитъ, что у васъ еще и болѣе сего. Что касается до вашего вояжа, я все такого мнѣнія, какъ прежде писалъ, предъ симъ. Относительно до герба на каретѣ Брюссельской, писалъ я къ Моллеру, чтобы онъ поступилъ какъ заблагоразсудитъ; къ тебѣ ничего не упомянулъ для того, что считалъ тебя отъѣзжающимъ, а какъ теперь ты охотно за сіе принимаешься, то и предаю твоему благоизобрѣтенію бронзовый ли гербъ, или вензель на сей каретѣ сдѣлать или написать, или другой приказать, словомъ, въ полную твою волю и выборъ предоставляю, только наблюдать того, чтобъ не опоздать съ отсылкою сихъ повозокъ, и не пропустить перваго пути, ибо когда выбоины по дорогѣ подѣлаются, тогда опасно, чтобъ ихъ не переломали.

Прилагаю письмо къ Елизаветѣ, присоединяю ей мой поклонъ и искреннее желаніе всякаго ей блага и совершеннаго здоровья, якоже и тебѣ. Графу Ивану Григорьевичу и Петру Васильевичу благодарю, что о мнѣ вспомнили и свидѣтельствуй имъ мой взаимный поклонъ и почтеніе. Софія Осиповна кланяется и благодаритъ за приписанное ей. Adieu.

LVIII.

Москва, 1 Ноября 1790.

Шидловскій вчера явился и вручилъ твое письмо. Извѣстный твой подвигъ я нахожу кстати, нерѣдко бываютъ просьбы, никакъ съ правдою несродны; а твоя имѣетъ оную основаніемъ. Если персоны, къ которымъ ты адрессовался, расположены творить добро, то доброе и выйдетъ. Если же иначе, то останешься при томъ, что до сего былъ. Софья Осиповна съ превеликимъ удовольствіемъ получила Англійскую палку съ ея приборомъ, для тасканія рыбы изъ воды. Премного тебя благодаритъ.

Сегодня разнесся слухъ по Москвѣ, будто Турки подъ Киліею, сдѣлавъ вылазку, нашихъ поколотили, генерала-аншефъ Меллера [1])

[1]) Баронъ Иванъ Ивановичъ Меллеръ-Закомельскій, генералъ-аншефъ, Андреевскій и Георгіевскій кавалеръ, смертельно раненъ былъ подъ Киліею, † 10 октября 1790.

будто больно ранили, и генерала Шереметева [1]) тоже. Дай-то Богъ, чтобъ сіе неправда была. Прилагаю полученное письмо для Елизаветы, скажи ей: у насъ снѣгъ на дворѣ и прегустой воздухъ, и я поразстроенъ.

LIX.

Москва, 7 Ноября 1790.

Отъ 28-го прошедшаго мѣсяца послѣднее письмо твое получилъ. Если Старембергъ къ намъ пріѣдетъ сюда, то не думаю, чтобы твоя ему рекомендація ко мнѣ могла ему быть полезною, ибо я никуда не выѣзжаю, а теперь и не одѣваюсь, и почти изъ спальни не выхожу, по причинѣ ноги, которую лечатъ и велятъ больше лежать.

Графу Ивану Григорьевичу мой поклонъ и почтеніе скажи; сожалѣю, что его ревматизмъ атаковалъ, я и самъ получилъ его еще лѣтомъ въ лѣвое плечо, и хотя я многими спиртами и пластырями его отводилъ, но ничто не успѣвало; наконецъ, принужденъ былъ гару привязать, но и тотъ немного помогъ, къ чему прибавилъ еще рѣпный пластырь, сіи два способа подѣйствовали и гораздо поубавили болѣзнь, которую я претерпѣвалъ, но еще не совсѣмъ, почему и продолжать буду лекарство, пока истребится боль. Я бы хотѣлъ знать, чѣмъ е. с. свой ревматизмъ лечитъ, дабы въ случаѣ воспользоваться могъ? Господинъ Денисьевъ добивается извѣстія о сынѣ своемъ, отправленномъ съ собаками, а какъ онъ писалъ ко мнѣ изъ Копенгагена, а послѣ того уже никакого извѣстія о немъ не имѣю, слѣдовательно, отцу ничего повѣдать не могу, то симъ адрессуюсь къ тебѣ, не имѣешь ли хотя стороною о сей экспедиціи какого извѣстія, дабы я отцу могъ знать дать. Прилагаю письмо къ любезной Елизаветѣ и присоединяю мой поклонъ. Зима у насъ-было поустановилась, но боюсь, что опять сойдетъ, ибо зачинаетъ не малая оттепель.

Если въ новой оперѣ, „Олегъ" [2]) называемой, есть такія пьесы, или аріи, которыя можно играть на духовыхъ инструментахъ, то прикажи скопировать, какія тебѣ нравятся, и доставь мнѣ для игранія при столѣ моими музыкантами. Adieu.

---

[1]) Генералъ-маіоръ Василій Сергѣевичъ Шереметевъ.

[2]) Начальное правленіе Олега, подражаніе Шекспиру, безъ сохраненія ѳеатральныхъ правилъ, соч. Екатерины II. Императрица сочиняла пьесу эту въ 1786 г. Музыка была писана Чимарозою (жившемъ при С.-Петербургскомъ дворѣ отъ 1787 — 1792 г.) и Сарти (жившемъ въ Россіи при дворѣ и при Потемкинѣ 1784 — 1802). Олегъ былъ игранъ въ 1-й разъ на Эрмитажномъ театрѣ 22-го Октября 1790 г.

LX.

Москва, Ноября 1790.

Прилагаю письмо, полученное къ Елизаветѣ. У насъ уже извѣстно, что Килія, городъ, стоящій на Дунаѣ, взятъ, но какъ его взялъ нашъ И. В. Гудовичъ [1]), то и прилагаю его послѣднее ко мнѣ съ нѣкоторыми обстоятельствами письмо. Между прочимъ, увидите и то, что покойный Меллеръ, мнѣ кажется, погорячился, поступилъ противъ предписанія главнокомандующаго и заплатилъ жизнію своею. Сіе письмо можешь показать графу Ивану Григорьевичу и П. В. Завадовскому, который его любитъ. У насъ зима, но безъ снѣгу, на дворѣ воздухъ густой, солнца не видать, а потому и здоровье мое многія немощи безпокоятъ.

LXI.

Москва, 19 Ноября 1790.

Отъ 5 сего мѣсяца, письмо твое получилъ и включенное въ ономъ отъ Денисьева къ отцу его и ко мнѣ. Я на сихъ дняхъ получилъ отъ отца его, которое здѣсь влагаю, рекомендую сколь возможно доставить ему черезъ Вѣну или какъ лучше заблагоразсудишь, ибо я не знаю, куда его адрессовать. Также на сихъ дняхъ полученный пакетъ, надписанный на имя твое, влагаю; я думаю, что онъ отъ Томсона. Къ Елизаветѣ нашей ничего не получалъ, и такъ мой поклонъ ей скажи. Зима наша шалитъ и весьма непостоянная, а потому и здоровье мое столь частыми и внезапными перемѣнами не мало безпокоится, но стало-быть терпѣть надо.

LXII.

Москва, 25 Ноября 1790.

Письмо твое, отъ 14 и 18 сего мѣсяца пущенное, получилъ. Правда, что нашъ И. В. Гудовичъ кажется счастливъ потому, что честный и добрый человѣкъ, слуга Государю и Отечеству вѣрный, въ обществѣ полезный, а потому и всемилостивѣйшее пожалованіе его полнымъ Генераломъ всѣми признается достойному достойнымъ награжденіемъ [2]).

---

[1]) Килія сдалась на капитуляцію И. В. Гудовичу 18 Октября 1790 г.

[2]) Иванъ Васильевичъ Гудовичъ произведенъ за взятіе Киліи въ генералъ-аншефы 12 Ноября 1790 года и переведенъ на Кавказъ.

Частое о мнѣ напоминаніе Ея Величества, нашей всемилостивѣйшей Монархини, о которомъ ты пишешь, умножаетъ мое сожалѣніе, что лично не могу пользоваться и быть участникомъ столь милостиваго расположенія. Когда угодно Ея Величеству доставить мнѣ музыку „Олега", я приму съ благодареніемъ достодолжнымъ, а тебѣ совѣтую ожидать обѣтованнаго, но не стужать, дабы не наскучить иногда напоминаніемъ.

Въ послѣднемъ письмѣ пишешь о забавахъ, которыя у васъ происходятъ; не сомнѣваюсь о совершенствѣ и пріятности ихъ, сожалѣю, что не могу быть, хотя въ зрѣніи, соучастникомъ въ оныхъ. Старембергу квартиры въ домѣ моемъ обѣщать никакъ невозможно, ибо истинно некуда помѣститься, равно то же могу сказать и объ Иванѣ Ивановичѣ [1]); я съ превеликою нуждою нѣсколько покоевъ очистилъ для тебя, а братья, если который и пріѣдетъ, что̀ всякую зиму случается, то уже и не знаю куда дѣвать! Домъ мой, хотя не малъ кажется, но онъ объ одномъ только жильѣ, а потому и весьма мало выгоденъ для помѣщенія постороннихъ. Софья Осиповна проситъ меня засвидѣтельствовать ея поклонъ тебѣ и любезной твоей Елизаветѣ, которой и мой тутъ же помѣщаю. Зима наша худо настаетъ; время сырое, воздухъ густой и нездоровый; хотя я не выѣзжаю, но не менѣе сіи перемѣны чувствую, ибо весь разлаженъ.

LXIII.

Москва, 12 Декабря, 1790.

Прежнее твое письмо отъ 25-го Ноября получилъ и вчера вечеромъ предстали предъ меня два камергера: толстый Дивовъ [2]), и худой Старембергъ, который и вручилъ мнѣ твое послѣднее. Сколько бы ни радъ я по рекомендаціи твоей любезной Елизаветы быть полезнымъ сему гостю, но немощи мои не дозволяютъ ему ни въ чёмъ быть полезнымъ, ибо я изъ дому никуда не ѣзжу, ни у себя за большимъ столомъ не присутствую. Просилъ его однакожъ, чтобъ ѣздилъ ко мнѣ въ домъ, какъ въ свой собственный, всякій часъ, когда ему свободное время дозволитъ. Николаю Александровичу Загряжскому рекомендовалъ его по письму вашему, съ которымъ у меня въ домѣ видѣлся, но сей тоже не очень по Москвѣ пресмыкаетъ; большой его выѣздъ только ко мнѣ, а больше мало куда ѣздитъ, но гостя въ дворянскій клубъ сво-

[1]) Шуваловѣ.

[2]) Адріанъ Ивановичъ Дивовъ († 1814), камергеръ, завѣдывалъ Эрмитажною Французскою труппою (впослѣдствіи сенаторъ), женатъ былъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Бутурлиной.

зить обѣщалъ, а можетъ быть въ маскарадъ и въ національный дурной спектакль, когда захочетъ. Впрочемъ нельзя лучше имѣть сопутника какъ Дивовъ; онъ съ нимъ причалилъ къ Бутурлину [1]), человѣку молодому и богатому,; у котораго метресса красавица-Француженка, да и всѣ, или многія сей націи сорванцы у него притолку имѣютъ и часто играютъ спектакли въ домѣ его. Такой образъ жизни свойственъ человѣку, каковымъ мнѣ кажется Старембергъ [2]), въ долгое время можетъ бы быть и наскучилъ, но въ короткое время можетъ какъ обсерваторъ и какъ Spectateur заниматься безъ скуки, а въ противномъ случаѣ можетъ имѣть убѣжище въ моемъ домѣ, яко антиподу того, въ которомъ онъ водворился. Они въ третій день изъ Петербурга въ Москву пріѣхали, чему я удивился; дорога, сказываютъ, очень хороша, здѣсь снѣгу нѣтъ, но льду по дорогѣ довольно, который её гладкою дѣлаетъ. У насъ стоитъ больше осень, нежели зима; все пасмурно, воздухъ густой, снѣгъ нѣсколько разъ принимался падать въ довольномъ количествѣ, но, въ то же время, кончался дождемъ, отъ котораго и растаивалъ. Здоровье мое изрядно, кромѣ что съ ногою не можемъ сладить, много лекарствъ прикладываютъ, но все сіе мнѣ пользы не дѣлаетъ. Adieu.

LXIV.

Москва, 16 Декабря, 1790.

Писавъ къ тебѣ на прошлой почтѣ, на сей ничего писать не имѣю, какъ только, что прилагаю письмо къ Денисьеву, отъ сенатора, родителя его, которому рекомендую доставить. Жаль, что сей молодой человѣкъ столь рѣдко о себѣ увѣдомленіе подаетъ, а потому и нельзя знать, чтó мыслить о его неизвѣстности. Мнѣ приходитъ на мысль, не попалъ ли онъ въ руки морскихъ корсаровъ, ибо не знаю, чему приписать его неизвѣстіе.

Король Неаполитанскій долго-ль будетъ въ Вѣнѣ, я думаю вамъ сіе извѣстно, ибо, пока онъ не возвратится, наша экспедиція не можетъ оттуда тронуться, буде счастливо туда доѣхала. Графу Старембергу Москва полюбилась, домъ Бутурлина, гдѣ онъ живетъ и вся яже въ нёмъ, то-есть образъ жизни. Здѣсь нѣсколько удивляются, что онъ

[1]) Графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ (1763 † 1829), племянникъ и воспитанникъ канцлера графа Александра Романовича Воронцова, библіофилъ. Домъ его находился въ Нѣмецкой слободѣ, при немъ была великолѣпная библіотека, минералогическій кабинетъ, ботаническій садъ и проч. Славился своимъ хлѣбосольствомъ. Въ 1793 г. женился на графинѣ Аннѣ Артемьевнѣ Воронцовой.

[2]) Графъ Старембергъ (Starhemberg), Австрійскій камергеръ, пріѣзжалъ путешественникомъ въ Россію.

по званымъ обѣдамъ, спектаклямъ и клубамъ въ жилетѣ ѣздить, но можетъ быть то повсемѣстная мода, которую Москва хотя и ловитъ, но иногда за хвостъ вмѣсто головы ухватится, почему и криво понять можетъ.

У насъ зима настаетъ, а еще не настала. Здоровье мое живетъ, нога безпокоитъ, ласкаюсь впредь симъ имѣть себя лучшимъ.

LXV.

Москва, 30 Декабря 1790.

Не знаю, какъ пролетѣло письмо, къ тебѣ писанное отъ нашего влюбленнаго философа, мимо Петербурга, и попало ко мнѣ, которое читая узналъ, что къ брату пишетъ, и, разглядѣвъ надпись начиталъ, что именно къ тебѣ, я его здѣсь влагаю. Многія письма уже онъ ко мнѣ писалъ, но я еще ни на одно не отвѣчалъ, и чѣмъ болѣе размышляю о его вопросахъ и намѣреніяхъ, которые клонятся, чтобъ жениться чортъ знаетъ на комъ, удалиться отъ своихъ кровныхъ и отечества, поселиться внѣ оныхъ! Матерія непріятная во истину. И самъ не знаю, когда и что̀ на таковые необычайные и вздорные вопросы отвѣчать? Требуетъ въ письмѣ твоемъ денегъ на покупку имѣнія, въ которомъ ему никакой нужды нѣтъ, и я ему оныхъ дать не могу, не имѣвъ у себя готовыхъ; не умнѣе же было, если бы онъ и самъ и дульцинею свою сюда привёзъ и женился бы, буде она того стоитъ, здѣсь, а буде какая потаскушка, то и безъ женитьбы можно обойтиться, пока наскучитъ, что̀ безъ сомнѣнія вскорѣ послѣдовать можетъ! Жаль мнѣ, что я хорошее имѣніе, какъ Гостилицы, опредѣлилъ въ недостойныя руки. Ты, уповаю, будешь писать, дай ему здравый совѣтъ, который весьма теперь нуженъ. Adieu.

LXVI.

Москва, 8 Января 1791.

Послѣднее письмо ваше получилъ; радъ, что собаки наши доставлены до ихъ мѣста. Признаюсь тебѣ, что долгое неповѣстіе зачало было меня безпокоить; я боялся, чтобъ наше посольство не досталось въ руки Алжирскихъ морскихъ разбойниковъ, то-то бы одолжили Денисьева, управивъ его сынка въ эсклавы, коего онъ безъ памяти любитъ. Жаль мнѣ, если молодой сей человѣкъ уѣдетъ не видавши Короля, но

что же дѣлать, если иначе нельзя. Письмо Италинскаго [1]) возвращаю, я изъ него нѣчто вычиталъ и послалъ къ старику Денисьеву. Въ прошедшее торжество новаго года пожаловано немало штатъ и придворныхъ, а тебѣ хотя бы обѣщанный ключъ камергерскій дали, но и того нѣтъ. Если сіе дѣлается съ тѣмъ, чтобъ, подаваясь назадъ, лучше впередъ прыгнуть, хорошо, а безъ сего предмета никуда негодится. Пишетъ мнѣ Загряжская, сестра ваша, что бѣдная твоя Елизавета все въ такомъ же положеніи, какъ и въ Петровскомъ была, я о семъ крайне сожалѣю. Неужели факультетъ цѣлый Петербургскій не можетъ ей сдѣлать никакого пособія въ сихъ ея припадкахъ.

P. S. Измаилъ взятъ [2]), побито Турокъ много, но и своимъ думать надо, что досталось. Молебенъ пѣтъ, а про миръ здѣсь ничего не слышно. Говорятъ, что князь Потемкинъ поскачетъ въ С.-Петербургъ, то и того менѣе надежды къ достиженію мира, столь всѣми желаемаго. Газеты сулятъ Англійскую эскадру въ Балтійское море, состоящую изъ 24 военныхъ кораблей; въ Черное изъ 10-ти. Полячки сдѣлали союзъ съ Турками наступательный и оборонительный, именно противъ двухъ Императорскихъ Дворовъ. Все сіе гласилось прежде взятія и избитія Измаила, что́ впредь заговорятъ—увидимъ. Пруссаки также начали сильно вооружать. Что́ знаютъ у васъ, говорятъ и думаютъ обо всемъ, дай мнѣ при случаѣ знать.

LXVII.

Москва, 22 Января 1791.

Разсудилось мнѣ дать тебѣ знать о мысли моей слѣдующей. Между имѣніями, распредѣленными вамъ, братьямъ, отъ меня въ Великороссіи, достались Гостилицы нашему философу Григорію слѣпому и влюбленному въ Швейцарку и Швейцарію. Сіе имѣніе отмѣнно стоитъ уваженія по красотѣ мѣста, по выгодамъ его и по привязанности и уваженію, которое имѣлъ братъ покойный, дядя вашъ, и я имѣю. Но нашъ шалопай всему сему цѣны не знаетъ и предается достойное въ руки недостойныя. Мнѣ приходитъ на мысль передѣлать сіе и

---

[1]) Андрей Юрьевичъ Италинскій р. въ Кіевѣ 1743 г., † въ Римѣ 1827 г. Учился медицинѣ, отправленъ былъ въ Лондонъ, Эдинбургъ и Парижъ для усовершенствованія въ наукахъ. Въ Парижѣ сблизился съ Гриммомъ. Былъ наставникомъ В. П. Кочубея; назначенъ былъ секретаремъ посольства въ Неаполѣ, а потомъ министромъ тамъ же. При Имп. Александрѣ до 1817 года былъ посланникомъ въ Царьградѣ, а потомъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ. Человѣкъ замѣчательнаго ума и страстный археологъ.

[2]) Измаилъ взятъ штурмомъ 11-го Декабря 1790 г.

доставить тебѣ въ твой удѣлъ, а ему отдать часть изъ твоихъ деревень, а именно изъ Псковскихъ: волость Владимірскую, въ которой 1285 душъ и въ Копорскихъ 510 душъ; въ Гостилицахъ же 1,666, то хотя сотнею душъ и превосходитъ, но въ разсужденіи отмѣнныхъ выгодъ тягаться труда не стоитъ. Подумай о семъ, пока ты на мѣстѣ, можешь поразспросить Штатера непримѣтнымъ образомъ, о чемъ тебѣ угодно, словомъ подумай, поразсуди, а когда сюда пріѣдешь, то подробнѣйше и заключительнѣе переговоримъ. Прощай! [1]).

LXVIII.

Москва, 21 Января 1791.

Послѣднее письмо ваше получилъ, которое меня извѣстило, что молчанію вашему нѣсколько времени причиною были забавы и пляски и балы; дай-то Богъ, чтобъ за сими миръ послѣдовалъ, то еще веселѣе будетъ. Швейцарскій нашъ философъ, кажется, совсѣмъ спятилъ съ ума, писалъ ко мнѣ Моллеръ, что онъ взялъ свое опредѣленное, послалъ векселей на нѣсколько тысячъ, видно, что разсудокъ его помрачился, близко году уже, какъ я ни на одно изъ его писемъ не отвѣчаю; не можетъ понять, что мнѣ всѣ его предпріятія неугодны и посылаетъ векселя, какъ будто бы и я его глупыми предпріятіями столько же восхищался, какъ и самъ. О неограниченное дурачество, подкрѣпляемое самолюбіемъ! Но я векселей не велѣлъ акцептовать, дабы дураку и впредь неповадно было посылать оные.

Здѣсь Москва занимается пріѣздомъ князя Потемкина. Губернаторъ [2]) поскакалъ, говорятъ, на встрѣчу на границу, и предводители по ихъ уѣздамъ, хотя, гдѣ онъ и когда будетъ, никто не знаетъ, а судятъ только по тому, что лошади по станамъ стоятъ; здѣсь давно уже считаютъ, что Поповъ [3]) у васъ, а у васъ его только ждутъ. Графъ Брюсъ сюда прошлую ночь пріѣхалъ. Сожалѣю, что твоя Елизавета не поправляется въ здоровьѣ, скажи ей мой поклонъ, сожалѣніе и усерднѣйшее желаніе къ поправленію и возстановленію ея здоровья. Что до моего касается, то чувствую его по перемѣнамъ воздуха и времени: когда чисто и хорошо, то и мнѣ изрядно; когда же мятель и вѣтеръ, то и я все чувствую тяжкое. Но быть тому такъ; нога моя

---

[1]) Гостилицы достались на часть графа Петра Кириловича.

[2]) Московскимъ губернаторомъ съ 1784—93 г. былъ Петръ Васильевичъ Лопухинъ (впослѣдствіи свѣт. князь и д. т. с. 1-го кл.).

[3]) Василій Степановичъ Поповъ (впослѣд. д. т. с., 1745 † 1822), правитель дѣлъ Потемкина.

все почти въ томъ же положеніи, одинъ Чубукъ гласитъ, что она лучше, но Чубукъ дуракъ какъ лошадь. Adieu.

LXIX.

Москва, 28 Января 1791.

Третьяго дня получилъ я изъ Батурина письма отъ Денисьева, въ которыхъ и письмо приложено къ сыну его, которое постарайся доставить исправно. Прилагаю выписку изъ его послѣдняго письма ко мнѣ для любопытства твоего, изъ котораго увидишь сколь сей старичокъ заботится о томъ, что показалось ему Италинскій скоро его сына изъ Неаполя выпроводить хотѣлъ, даже заботится и о томъ, что сынъ ему ничего и о деньгахъ не пишетъ. На все сіе я ему краткое объясненіе сдѣлалъ, что сей городъ не такой, чтобы долго проѣзжающему задерживаться должно; что же онъ денегъ отъ него не требуетъ, то потому, что все уже придумано такимъ образомъ, что онъ въ оныхъ недостатка имѣть не будетъ. Я не сомнѣваюсь, что отдано знать его корреспондентамъ, гдѣ надобность потребуетъ, чтобъ даваемы ему были деньги на его содержаніе, до нѣкоторой суммы, но понеже отецъ его желаетъ, чтобъ перевесть къ нему въ Вѣну тысячу рублей на его счётъ, которыя ему должны вручены быть въ его проѣздъ чрезъ сей городъ, то на сей конецъ и прилагаю повелѣніе къ Моллеру, которое когда ему вручишь, то онъ исполнить долженъ по твоему приказу.

Изъ арміи многіе пріѣзжаютъ сюда; всѣ говорятъ, что князь Потемкинъ будетъ, пока никто не знаетъ—куда. Между многими вѣстями, которыя по городу носятся, говорятъ, что Суворовъ сдѣланъ отъ Императора фельдмаршаломъ [1]), а другіе говорятъ, что и орденъ Маріи Терезіи ему данъ, хотя по статуту сего ордена, если кто не католическаго закона, то не можетъ его имѣть. Елизаветѣ скажи мой поклонъ и прощай.

LXX.

Москва, 7 Февраля. 1791.

Письмо твое отъ 27 прошедшаго мѣсяца получилъ. Что касается о Гостилицахъ, то сіе только и писано было съ тѣмъ, чтобъ выправился, поразсмотрѣлъ, посовѣтовался съ кѣмъ заблагоразсудишь, въ

[1]) Слухъ этотъ оказался ложнымъ. Суворовъ назначенъ былъ Австрійскимъ фельдмаршаломъ только въ Мартѣ 1799 года.

томъ числѣ и съ П. В. Завадовскимъ, а когда пріѣдешь сюда, то еще переговоримъ, прежде нежели къ дѣлу приступимъ.

Графъ Александръ Сергѣевичъ [1]) сюда пріѣхалъ, занимается забавами Московскими, хотя не надолго, ибо вскорѣ намѣренъ возвратиться вспять. По словамъ его и по письму твоему, политическая барка весьма волнуется; дай же Богъ, чтобы она къ веснѣ къ тихому пристанищу прибилась, а безъ того быть бурѣ.

Князя [2]) Москва сюда ожидаетъ, по прежнему же и неизвѣстно когда будетъ. Сожалѣю отъ сердца, что здоровье твоей любезной Елизаветы не укрѣпляется. Какъ скоро Салтыковъ сюда пріѣдетъ, посылку отъ него истребую и немедленно перешлю; онъ еще сказывалъ мнѣ, что графъ Безбородко въ Варшавѣ. Удивляюсь я, что мать нашей Елизаветы такую нужную для нея вещь съ проѣзжающимъ, а не съ курьеромъ послала, которые, уповаю, нерѣдки изъ Вѣны бываютъ.

Я весьма доволенъ, что посылка нашихъ псовъ твоему доброму Королю понравилась. Думаю какъ ихъ увидитъ, еще довольнѣе будетъ. Сего искренно желаю, хорошо, что ты и мою благодарность за его милостивый отзывъ обо мнѣ отвѣсилъ. Погода у насъ точно весенняя, весьма тепло, таетъ и снѣгъ въ лужи воды превращается. Таковыя внезапныя перемѣны и мнѣ не нечувствительны, но болѣе оттерпливаюся. Adieu.

LXXI.

Москва, 10 Февраля 1791.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо отъ Денисьева, который проситъ, чтобы приложенное къ сыну его доставить. Я оное здѣсь влагаю и рекомендую его, подписавъ на имя флигель-адъютанта моего порусски или по французски, доставить въ его руки. Онъ называется Степанъ Васильевичъ Денисьевъ. Князя Потемкина сегодня сюда ожидаютъ. Графъ Безбородко, если онъ не будетъ, то еще день останется. Я вчера занемогъ было очень сильно необыкновенною болѣзнію коликою, но слава Богу все прошло. Прощай.

LXXII.

Москва, 13 Февраля 1791.

Отъ 6-го сего мѣсяца письмо ваше получилъ. Что касается до отпуска Денисьева и полученнаго имъ награжденія, то изрядно. Но

[1]) Строгановъ.
[2]) Потемкина.

что принадлежитъ до удержанія людей въ службѣ, то не знаю, откуда ты взялъ, чтобъ ихъ тамъ оставили, ибо помнится, чтобъ они съ Денисьевымъ возвратились, у нихъ есть жены и дѣти, то, кажется, не могутъ они тамъ долго остаться; впрочемъ, одинъ изъ нихъ Лифляндецъ вольный человѣкъ, а другой Русскій, мой. Я думаю, если они и останутся, то не надолго, то-есть на полгода или на годъ, о чемъ вамъ необходимо и писать туда, къ кому заблагоразсудите. Что до Денисьева касается, не зачѣмъ въ Вѣнѣ дожидаться пріѣзда твоего туда, чего для и отпиши, чтобъ его оттуда отправили во свояси, какъ скоро онъ туда пріѣдетъ, о чемъ я къ отцу его писать буду, равно какъ и о томъ, чтобъ если онъ вздумаетъ писать къ сыну, то бы письмо его отправлялъ прямо чрезъ Кіевъ на имя посла или въ канцелярію посольства въ Вѣну, а ты дай отъ себя знать, кому надлежитъ, что когда такія письма получаемы будутъ, то бы ихъ или отсылали или удерживали, смотря по обстоятельствамъ, такимъ образомъ скорѣе будетъ доходить, нежели чрезъ С.-Петербургъ. Салтыковъ сюда пріѣхалъ.

Посылки еще я не получалъ, о которой ты писалъ; какъ скоро получу, то немедленно по почтѣ отправлю. Сожалѣю о приключившемся случаѣ съ свойственницею нашея Елизаветы, который ей, конечно, долженъ быть прискорбенъ. Вотъ каково падать съ лѣстницъ; благодари Бога, что тебя спасъ и не допустилъ войти въ царство Плутона въ ту пору, когда неосторожностію попалъ было въ Остермановъ погребъ. Прощай!

LXXIII.

Москва, 24 Февраля, 1791.

На сихъ днахъ получилъ я письмо отъ Денисьева къ сыну, которое немедленно доставить туда рекомендую, написавъ адресъ на пакетахъ какъ заблагоразсудишь, по французски или по русски. Князь Григорій Александровичъ здѣсь гоститъ, можетъ быть, ты скорѣе его увидишь, нежели сіе письмо получишь; онъ всю Москву привелъ въ превеликое уваженіе, куда ни повернется, толпы людей всякаго званія! Больше писать нечего. Прощай.

P. S. Я надѣюсь, что посылка моя получена, которую тому почты съ двѣ прошло, какъ я отправилъ, получа отъ Салтыкова.

LXXIV.

Москва, 28 Марта, 1791.

Послѣднее письмо твое отъ 17 сего мѣсяца получилъ. За поздравленіе меня съ имянинами благодарю, дай Богъ еще пожить, пока ему угодно, со всѣми вами. Любезной Елизаветѣ кланяюсь и благодарю за ея поздравленіе. Влюбленный Швейцаръ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ на мое молчаніе и за недавнее переведеніе на его имѣніе денегъ. Виноватъ-ли я и мои правители, что его нелегкая занесла въ Швейцарію, что деньги наши въ упадкѣ, и что онъ не получаетъ опредѣленной ему суммы на половину? Павелъ апостолъ говоритъ: „хощеши-ли не боятися власти—твори благо", а я говорю, коли хочешь полный доходъ получать, живи въ отечествѣ своемъ между своими ближними и кровными; коли хочешь жениться, избирай благородную жену въ отечествѣ своемъ, а не потаскушку въ Швейцаріи. Оставляющій бо человѣкъ родъ и отчизну по доброй волѣ, извергъ есть, итакъ, не на кого да не пеняетъ. Хорошо, что онъ поѣхалъ во Францію при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей землѣ, можетъ или на фонарь попасть, или позабыть свою дульцинею, въ томъ и другомъ случаяхъ—выигрышъ на нашей сторонѣ. Больше писать нечего, да и не должно занимать въ льющихся какъ рѣка на васъ веселіяхъ. Сокращаюсь въ желаніи веселиться вамъ въ совершенномъ здоровьи.

LXXV.

Москва, 2 Апрѣля, 1791.

Отъ 24 прошедшаго мѣсяца письмо ваше получилъ. Не удивляюсь я, если ты усталъ отъ праздниковъ и пирушекъ, занимающихъ всѣ дни ваши. Желаю только отъ сердца, чтобы не приключилось никакого вреда здоровью вашему. Думаю, однакоже, что головная боль твоя есть не что другое, какъ слѣдствіе безпорядочной жизни, царствующей въ столицѣ.

Портретъ Батоніевъ взять можешь, тогда онъ поселится у васъ, а со временемъ, буде здоровье мое дозволило, то и оригиналъ можетъ пріѣхать къ вамъ повидаться.

Матвѣю Васильевичу Муромцеву, при засвидѣтельствованіи моего почтенія и поклона, можешь сказать, что я полученнаго отъ него пластыря еще не употреблялъ; ученики Гипократовы пачкаютъ мою ногу своими, а когда ихъ операціи кончатся безъ успѣху, тогда ихъ са-

михъ, ихъ специи и методы брося, ухвачусь за пластырь, ими презираемый.

Прiѣзда Рахманова ожидаю, который мнѣ привезетъ лучшее и полное увѣдомленiе касательно до тебя и твоего положенiя. Видно что тебѣ ранѣе мѣсяца сюда не бывать, ибо, если ранѣе сего мѣсяца пустишься въ путь, то въ грязи между Петербургомъ и Москвою увязнешь; итакъ, ожидать буду въ Петровскомъ вашего прiѣзда. Князь у васъ силенъ и всемогущъ. Что онъ съ тобою ласково обходится, то хорошо; что ко мнѣ о его дружбѣ и преданности говоритъ, и то не дурно, но все сiе есть монета придворная и весьма легковѣсная, на которую и полагаться нельзя. У насъ весна настаетъ, солнце и прiятные дни показываются, еще на воздухъ не выѣзжалъ отъ Октября мѣсяца, но познакомиться съ нимъ думаю. Здоровье мое живетъ, нога дурна по старому. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Прилагаю письмо подписанное банкиру въ Венецiи, которое вѣрно доставь черезъ Вѣну; въ немъ включено письмо къ брату вашему Петру, которому я совѣтую возвратиться въ Москву, перестать вести жизнь цыганскую, таскаться по Европѣ, и поселиться въ своемъ отечествѣ и между своими—фамилiею, соотчичами и имѣнiями въ семъ городѣ.

LXXVI.

Москва, 29 Апрѣля, 1791.

Принялъ было я намѣренiе больше къ тебѣ не писать, потому что не думалъ, чтобы мои письма уже застали васъ въ столицѣ, но, получа послѣднее, въ которомъ пишешь, что уповаешь чрезъ пятнадцать дней выѣхать изъ С.-Петербурга, думаю, что и сiе еще тебя застанетъ. Несказанно сожалѣю я о сдѣлавшемся припадкѣ, графу Ивану Григорьевичу. Дай Богъ, чтобы сiе дальней опасности къ его жизни не нанесло, къ несказанному сожалѣнiю его графини, фамилiи и моему. Къ желанiю сему прибавила и добрую надежду, своею вѣстiю, весьма для меня прiятною, Елизавета Михайловна Черкасова [1]), она сказала мнѣ, что дядюшкѣ ея, слава Богу, есть гораздо получше, что языкъ свободный, рукою и ногою владѣть можетъ, о недѣйствiи которыхъ доктора съ перваго взгляда сомнѣвались. Пока ты будешь въ резиденцiи, увѣдомляй меня всякую почту, чтб съ моимъ другомъ дѣлаться будетъ. Хочу знать о его какъ дурномъ, равно и хорошемъ

[1]) Баронесса Елизавета Михайловна Черкасова, рожденная княжна Бѣлосельская, племянница по матери графа Чернышева.

состояніи. У насъ послѣ прекрасныхъ дней сдѣлалась погода чухонская, небо пестрое, похоже на сѣрую лошадь въ яблокахъ, между которыхъ и солнце иногда проскакиваетъ. Погода холодная и сырая производитъ дождь, снѣгъ и крупу, а посему и я какъ разбитая лошадь, чувствую боль превеликую въ груди. Спина, ребра, будто какъ дубьемъ понадломали. Въ Петровское хочу переселиться, но непріятно еще при такой непогодѣ, и такъ въ городѣ сижу въ хижинѣ и ожидаю лучшія погоды. Любезной Елизаветѣ кланяюсь.

P. S. Скажи брату Алексѣю Кириловичу, что я послѣднее его письмо получилъ, и что не отвѣчалъ ему на оное потому, что прежде его письма далъ я полную резолюцію Моллеру о всемъ томъ, что̀ онъ у меня спрашиваетъ, касательно до Петербургскаго дома и находящихся въономъ вещахъ, о чемъ и сомнѣваюсь, что Моллеръ ему сообщилъ какъ то отъ меня велѣно".

Весною 1791 г. старикъ Разумовскій снова былъ порадованъ посѣщеніемъ любимаго сына и любезной жены его. По дорогѣ въ Вѣну они заѣхали въ Петровское и здоровье графини Елизаветы Осиповны заставило ихъ остановиться тамъ гораздо долѣе, чѣмъ они предполагали. Несмотря на хворость свою, графъ Кирила Григорьевичъ всячески ухаживалъ за своею любимицею. Самъ онъ былъ въ жалкомъ состояніи: ревматизмы, астма, хирарга и подагра его жестоко мучили. На ногахъ открылись раны, онъ самъ говаривалъ, что ноги его „avant-coureurs dans l'autre monde" [1]). Отъ билліардной игры, къ которой съ молоду былъ страстный охотникъ, за болѣзнію онъ принужденъ былъ отказаться. За то теперь любилъ поиграть въ карты, и часто за игрою проводилъ безсонныя отъ недуга ночи. Подъ бременемъ своихъ недуговъ, Разумовскій видимо слабѣлъ физически, но умъ его все тотъ-же— острый, насмѣшливый, съ оттѣнкомъ чисто-малороссійскаго юмора. Онъ, какъ самъ признался выше, уже рѣдко являлся на свои роскошные обѣды, которые однако все-таки продолжались своимъ чередомъ и куда по прежнему являлись званые и незваные. Когда же онъ выходилъ къ гостямъ, собравшимся на обѣдъ или на балъ, то въ послѣдніе годы почти постоянно въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ, съ нашитою на немъ андреевскою звѣздою [2]). Сохранилось преданіе, что въ послѣдній проѣздъ Потемкина черезъ Москву, о которомъ упоминаетъ Кирила Григорьевичъ въ письмѣ къ сыну, нѣсколько подсмѣиваясь надъ суматохою, произведенною этимъ посѣщеніемъ въ древней

---

1) „Русскій Архивъ", 1870 г., стр. 1217, письмо И. В. Лопухина къ Руничу.

2) Слышано отъ очевидцевъ: А. В. Васильчикова, графа А. И. Гудовича, князя С. М. Голицына и другихъ.

столицѣ, гордый князь Тавриды заѣхалъ навѣстить Разумовскаго. Несмотря на свою немочь, эксъ-гетманъ, по старой дружбѣ, на другой день отдалъ ему визитъ. Потемкинъ принялъ его по обыкновенію неодѣтый и неумытый, въ шлафрокѣ. Въ разговорѣ, между прочимъ, князь попросилъ гостя дать въ честь его балъ. Кирила Григорьевичъ согласился, на другой день созвалъ всю Москву и принялъ Потемкина, къ крайней досадѣ послѣдняго, въ ночномъ колпакѣ и шлафрокѣ [1]). Хитрый малороссіянинъ разомъ казнилъ и любимца Екатерины, и городъ, пришедшій отъ пріѣзда его въ смятеніе. Вотъ почему, вѣроятно, Разумовскій писалъ къ сыну, что считаетъ лестныя о немъ выраженія Потемкина не болѣе какъ придворною легковѣсною монетою. Въ Маѣ 1792 года много шума произвелъ по Москвѣ арестъ извѣстнаго Новикова. Главнокомандующій князь Александръ Александровичъ Прозоровскій, не отличавшійся особыми административными и другими способностями, вообразилъ себѣ, что Новиковъ виновенъ въ самыхъ страшныхъ злоумышленіяхъ. Онъ обставилъ арестъ и высылку скромнаго философа необыкновенными воинскими предосторожностями и придавалъ важное значеніе успѣху своихъ распоряженій. Графъ Кирила Григорьевичъ, встрѣтивъ главнокомандующаго вскорѣ послѣ, привѣтствовалъ его слѣдующими словами: „Вотъ расхвастался, какъ будто городъ взялъ! Старичонку, скорченнаго геморроидами, взялъ подъ караулъ; да одного бы десятскаго или будочника за нимъ послать—такъ притащилъ-бы его“ [2]). Въ архивѣ князя Разумовскаго сохранилось еще нѣсколько писемъ Кирилы Григорьевича, отъ 1793 и 1794 годовъ.

I.

Петровское, 30 Іюля, 1793.

Письма твои отъ 1-го и 19 Мая по нашему счету я получилъ. Послѣднее вручилъ братъ вашъ Григорій, который весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра! Не знаю—о послѣднемъ жалѣть или радоваться? Братъ Петръ пишетъ изъ Лозанны, что прежде году еще ему не можно возвратиться въ отечество, ибо онъ еще долженъ Швейцарію подробнѣйше разсмотрѣть! Вотъ чортъ въ полѣ домъ приказалъ (sic). А притомъ думаетъ и бабу свою картузную повылечить, которая давно

---

[1]) Семейное преданіе.

[2]) Лонгиновъ, „Новиковъ и Московскіе Мартинисты“, 323, и Словарь достоп. людей—Бантышъ-Каменскаго, IV, 29.

уже неизлечима [1]), но дуракъ сего по сю пору не примѣтилъ. Чудны дѣла Божія по всей вселенной, и у насъ въ фамиліи не безъ того. Чтобы Григорію въ службу вступить то трудно, ибо испорченное не поправишь. Ты самъ свидѣтель, какъ онъ хорошо было себя съ начала пріѣзда въ столицу ознаменовалъ, и каково подло подъ конецъ выглянулъ, а таковымъ поступкомъ истребилъ вовсе въ чужихъ и даже своихъ зародившееся доброе мнѣніе съ перваго взгляда. Мнѣ же о немъ стряпать ни здоровіе, ни отсутствіе не дозволяетъ, а своимъ проворствомъ онъ ни до чего не добьется. Итакъ, мое мнѣніе, чтобы оставаться ему при тѣхъ. Занятыя тобою для него деньги, какъ скоро вексель, обѣщанный тобою, получится, такъ скоро и заплачены будутъ. Жаль мнѣ, что садовника Григорій съ собою не привезъ. Для чего-бы не посадить его въ карету съ собою, буде мѣсто было? Через то бы ни садовнику знатности, ни ему униженія не послѣдовало! Въ ожиданіи отъ тебя стекляннаго обѣщаннаго мастера, упустилъ я здѣсь представившагося. Теперь пишу я къ Гибертовскому, чтобы искалъ, не можно-ли достать изъ Польши, изъ пріобрѣтенныхъ провинцій къ Россіи, хотя онъ не будетъ можетъ быть такъ совѣстенъ, какъ Богемецъ, но уповаю гораздо будетъ лучше той неудачи, которая на моемъ заводѣ имѣется. Скажу тебѣ слово о дѣлахъ твоихъ: я писалъ къ тебѣ, что всѣ способы употреблены были о займѣ 100,000 подъ закладъ имѣнія, но нѣтъ способа, развѣ продать часть изъ имѣнія, а при томъ и требовалъ, чтобы ты именно назначилъ какое продать, но еще отвѣта не получилъ, хотя письмо подано 5-го Мая, чему уже около 2-хъ мѣсяцевъ, что меня не мало удивляетъ, ибо въ немъ все было подробно написано. Въ Малороссію я нынѣшнимъ лѣтомъ не ѣздилъ, а будущимъ если ссудитъ Богъ, непремѣнно поѣду и на нѣкоторое время, а можетъ быть и на долго, буде поздоровится, ибо здѣсь жить дорого до безконечности. Любезную Елизавету благодарю за письмо ея, оно мнѣ пріятно, но отвѣчать не могу на Французскомъ языкѣ, съ трудомъ и по Русски пишу, ибо голова дурна и кружится, глаза худо глядятъ, да и все мое здоровіе идетъ на разладъ, такъ меня теперешнее лѣто оттрепало. Шесть уже недѣль какъ безпрестанно идутъ дожди, вѣтры холодные, сырость въ воздухѣ, все сіе меня лишило обонянія, вкуса, апетита и сна, и къ тому нерѣдкіе астматическіе припадки сдѣлали меня худымъ, тощимъ и недвижущимся, такъ что и пишу съ превеликою нуждою, а впредь буду писать чрезъ секретаря. Прощай.

---

[1]) Графиня Софія Степановна страдала солитеромъ—см. т. II.

II.

2 Августа 1793. Петровское.

Два письма вашихъ, отъ 13 Іюня и отъ 11 Іюля, получилъ. Посланный порцелинъ еще не пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, но я за оный благодарю; не сомнѣваюсь, что онъ хорошъ будетъ; опасаюсь только, чтобы его въ перевозѣ въ Москву не перебили. Въ послѣднемъ письмѣ твоемъ получилъ письмо отъ графа Ивана Григорьевича и къ протопопу Почеповскому отъ сына его [1]). Къ первому отвѣтъ влагаю, а другому переслано будетъ. Мнѣ кажется, что я писалъ уже тебѣ тогда же о садовникѣ, какъ ты мнѣ отозвался о семъ, но если, паче чаянія, ты его не получалъ, то сіе послѣднее употреби яко первое и дозволь сему человѣку остаться въ Англіи по его желанію, ибо довольно если онъ около весны попадетъ въ Малороссію. Далекое разстояніе причиною, что письма мои рѣдкими тебѣ кажутся; мнѣ же кажется, что я очень исправно на получаемыя отъ тебя письма отвѣчаю. Любезной Елизаветѣ кланяйся отъ меня. Дай Богъ, чтобы она въ свое время скоро и благополучно разрѣшилась отъ бремени [2]). Поклонъ отъ тебя всѣмъ нашимъ отвѣсилъ, всѣ благодарятъ и Софья Осиповна желаетъ тебѣ имѣть удовольствіе. У насъ, послѣ жаркихъ и хорошихъ дней, сдѣлалась осенняя погода. Я переправился-было въ Поливаново мѣсяца на полтора, но, пріѣхавъ туда, занемогъ и всѣ четыре ночи спать не могъ; опасаясь большой бѣды, принужденъ былъ убѣжать сюда. Причиною сему было, что старый мой Мазепа Огалинъ (?) вздумалъ мнѣ представить домъ въ лучшемъ видѣ, отштукатурилъ его къ пріѣзду, а сіе-то и было причиною, что никакъ въ немъ жить нельзя, хотя онъ и сухъ и выстоялся, но снаружи, какъ скоро окошки отворишь, то извесочный духъ какъ палкою въ лобъ; на ночь затворятся окошки, остается набравшійся воздухъ, а сего-то для моей слабой груди и довольно для произведенія астматическихъ припадковъ. Хотя я, набравшись сего дурного духу, и здѣсь безпокойство еще чувствую, но надѣюсь, по милости Божіей, что сіе не продолжится, а особливо когда въ семъ для меня здоровомъ мѣстѣ установится хорошая погода, которой мы уже нѣсколько дней лишились. Adieu.

P. S. По приложенной у сего запискѣ инструментамъ для духовой моей музыки, которая, говорятъ, пораздувалась, равно и нотамъ му-

---

[1]) Не отъ Кудрявскаго-ли?

[2]) Надежда эта не сбылась.

зыкальнымъ, справься о цѣнѣ; что̀ сіе можетъ стоить, дай мнѣ знать, ибо я хочу вѣдать вашу цѣну. По запискѣ сей требуютъ 800 черв. слишкомъ: если разница въ цѣнѣ малая, то можно и здѣсь все сіе скупить безъ дальнѣйшихъ заботъ, — въ противномъ случаѣ, лучше у васъ сіе исправить. Потребны мнѣ часы Англійскіе, которые бы ходили вѣрно и исправно, ибо мои все врутъ и колобродятъ. Я думаю часы карманные, буде возможно, то и съ репетиціею, ибо я худо вижу, то иногда по стуку доходить до настоящаго часа. У тебя въ Англіи есть корреспондентъ, какой-то Куралиша (sic), невѣтренный. Дай ему коммиссію, чтобъ нарочно заказалъ мнѣ часы крѣпкіе, карманные и вѣрные, но не богатые.

III.

Октября 17, 1793. Петровское.

Прилагаю письмо къ графу Ивану Григорьевичу [1]) въ отвѣтъ на его два мною полученныя, которое рекомендую его сіятельству доставить исправно. Здѣсь слухъ носится, что предмѣстникъ твой, князь Дмитрій Михайловичъ, умеръ [2]), но отъ тебя я какъ о семъ, такъ и всемъ, даже о тебѣ самомъ, давно извѣстія не имѣю. Видно, что вы или забавами, или дѣлами заняты. Больше по сей почтѣ ничего писать не имѣю. Бракосочетаніе В. К. Александра Павловича кончилось [3]), никакихъ произвожденій не слыхать, всѣ бо онѣ, однѣ въ коронацію, другія въ мирное торжество [4]) отшлифованы щедро, милостиво и изобильно въ моихъ мысляхъ, а о другихъ я не судья. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ; я надѣюсь, что она здорова; сіе есть искреннее мое желаніе. Лѣто наше прошло, началась-было сырая и непріятная осень, туда же послѣдовала, ибо все-было замерзло и земля снѣгомъ покрылась, и я думалъ-было въ Москву отсюда передвинуться; но снѣгъ сошелъ, земля распустилась и я здѣсь остался, хотя въ мокротѣ и грязи, но въ чистѣйшемъ воздухѣ, передъ Московскимъ, и съ первыми морозами вернусь въ городъ, ибо здѣсь скучно начинаетъ быть, всѣ меня оставили за дурною и грязною дорогою, но я ни на кого не пеняю, ибо грязь велика, дни короткіе, ночи долгія и темныя. Левъ, братъ вашъ, пріѣхалъ изъ арміи, живетъ здѣсь, а Гри-

---

[1]) Гр. И. Г. Чернышевъ послѣ удара жилъ долгое время въ чужихъ краяхъ.

[2]) Князь Д. М. Голицынъ умеръ въ Вѣнѣ 19 Сентября, 1793.

[3]) Бракосочетаніе в. к. Александра Павловича совершено было 21 Мая, 1793 года.

[4]) Торжество мира съ Турціею праздновано было въ С.-Петербургѣ 2-го Сентября 1793 г.

горій, со всѣми его элеганціями, ведетъ скуку въ Петербургѣ, яко же и вездѣ. Я при всѣхъ сихъ перемѣнахъ воздушныхъ много претерпѣвалъ и готовлюсь запастись терпѣніемъ на цѣлую зиму или пока Богъ позволитъ. Adieu.

IV.

Москва, 6 Января 1794.

Статскій совѣтникъ, коммиссіонеръ вашъ, Александръ Александровичъ Юній принесъ ко мнѣ пакетъ, прося оной препроводить къ тебѣ. Въ немъ вложено два векселя на 30,000 рублей, занятыхъ здѣсь у оберъ-камергера князя Александра Михайловича Голицына, что̀ все увидишь подробнѣйше изъ его къ тебѣ письма. Желаю усерднѣйше, съ моей стороны, чтобъ сей заемъ былъ послѣдній и чтобъ ты себя такъ располагалъ въ образѣ твоея жизни, чтобъ не было нужды совать твоего имѣнія по разнымъ рукамъ, затыкая прорѣхи, долгами причиненныя, чѣмъ никого не одолжишь, себя же разоришь, и составишь на прочее время жизни твоея тягости и непріятное бремя, что̀ уже и въ самомъ дѣлѣ не однажды испыталъ и, кажется, по-истинѣ пора опомниться и быть осторожнѣе, если не желаешь навсегда оставаться безъ всякаго имѣнія и дохода. Вотъ мой тебѣ отцовскій и истиннаго друга совѣтъ; послѣдуй ему и благо тебѣ будетъ. Сіе письмо я адресовалъ черезъ Николая Александровича Загряжскаго къ его женѣ, а вашей сестрѣ, Натальѣ Кириловнѣ, которая бы отправила немедленно къ тебѣ, буде еще изъ Вѣны въ Россію не выѣхалъ, что̀ лучше извѣстно ей тамъ, нежели мнѣ здѣсь, ибо они, по привычкѣ обращаясь съ чужестранными, часто видятся съ графомъ Кобенцелемъ [1]), въ котораго депешахъ можетъ и сіе письмо быть отправлено съ лучшею вѣрностью, а въ случаѣ, если бы ты былъ уже на пути, то бы держала до твоего пріѣзда. Я здоровъ по-зимнему, ибо, кромѣ холоднаго времени, которое само-по-себѣ вредно, нерѣдкія перемѣны въ воздухѣ больше и больше оное разстраиваютъ и подвергаютъ меня разнымъ припадкамъ, а особливо нога моя гораздо меня безпокоитъ. Прощай.

---

[1]) Графъ Людвигъ Кобенцель, австрійскій посолъ въ Петербургѣ.

зыкальнымъ, справься о цѣнѣ; что сіе можетъ стоить, дай мнѣ знать, ибо я хочу вѣдать вашу цѣну. По запискѣ сей требуютъ 800 черв. слишкомъ: если разница въ цѣнѣ малая, то можно и здѣсь все сіе скупить безъ дальнѣйшихъ заботъ, — въ противномъ случаѣ, лучше у васъ сіе исправить. Потребны мнѣ часы Англійскіе, которые бы ходили вѣрно и исправно, ибо мои все врутъ и колобродятъ. Я думаю часы карманные, буде возможно, то и съ репетиціею, ибо я худо вижу, то иногда по стуку доходить до настоящаго часа. У тебя въ Англіи есть корреспондентъ, какой-то Куралиша (sic), невѣтренный. Дай ему коммиссію, чтобъ нарочно заказалъ мнѣ часы крѣпкіе, карманные и вѣрные, но не богатые.

III.

Октября 17, 1793. Петровское.

Прилагаю письмо къ графу Ивану Григорьевичу [1]) въ отвѣтъ на его два мною полученныя, которое рекомендую его сіятельству доставить исправно. Здѣсь слухъ носится, что предмѣстникъ твой, князь Дмитрій Михайловичъ, умеръ [2]), но отъ тебя я какъ о семъ, такъ и всемъ, даже о тебѣ самомъ, давно извѣстія не имѣю. Видно, что вы или забавами, или дѣлами заняты. Больше по сей почтѣ ничего писать не имѣю. Бракосочетаніе В. К. Александра Павловича кончилось [3]), никакихъ произвожденій не слыхать, всѣ бо онѣ, однѣ въ коронацію, другія въ мирное торжество [4]) отшлифованы щедро, милостиво и изобильно въ моихъ мысляхъ, а о другихъ я не судья. Любезной Елизаветѣ мой поклонъ; я надѣюсь, что она здорова; сіе есть искреннее мое желаніе. Лѣто наше прошло, началась-было сырая и непріятная осень, туда же послѣдовала, ибо все-было замерзло и земля снѣгомъ покрылась, и я думалъ-было въ Москву отсюда передвинуться; но снѣгъ сошелъ, земля распустилась и я здѣсь остался, хотя въ мокротѣ и грязи, но въ чистѣйшемъ воздухѣ, передъ Московскимъ, и съ первыми морозами вернусь въ городъ, ибо здѣсь скучно начинаетъ быть, всѣ меня оставили за дурною и грязною дорогою, но я ни на кого не пеняю, ибо грязь велика, дни короткіе, ночи долгія и темныя. Левъ, братъ вашъ, пріѣхалъ изъ арміи, живетъ здѣсь, а Гри-

---

1) Гр. И. Г. Чернышевъ послѣ удара жилъ долгое время въ чужихъ краяхъ.

2) Князь Д. М. Голицынъ умеръ въ Вѣнѣ 19 Сентября, 1793.

3) Бракосочетаніе в. к. Александра Павловича совершено было 21 Мая, 1793 года.

4) Торжество мира съ Турціею праздновано было въ С.-Петербургѣ 2-го Сентября 1793 г.

ъ и могъ рѣшиться на надобное мнѣ годовое или полугодовое о“ [1]).

оды пребыванія своего въ Украйнѣ старикъ Разумов-ельную жизнь и съ увлеченіемъ предался страсти своей лъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ [2]) совер-глую церковь, обведенную Іоническою колоннадою, съ ка-ь иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ [3]) и домъ по планамъ итектора Менеласа. У Разумовскаго былъ домъ въ Кіевѣ, строенный изъ дубовыхъ брусьевъ. Въ немъ, какъ можно судить изъ предъидущаго письма, онъ собирался провести зиму. Семейное преданіе гласитъ, что съ фельдмаршала стали требовать за этотъ домъ какую-то постойную повинность. Разгнѣванный фельдмаршалъ, живо помнившій прежнее свое положеніе въ Малороссіи, велѣлъ въ двадцать четыре часа разобрать домъ и перенести его изъ Кіева въ Яготинъ. Домъ этотъ, перестроенный, какъ мы сказали выше, Менеласомъ, состоялъ изъ главнаго корпуса, перевезеннаго изъ Кіева, и шести павильоновъ, изъ которыхъ каждый равнялся большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы [4]). Въ Бакланѣ выстроилъ Кирила Григорьевичъ домъ въ подраженіе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима [5]), въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный, съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекою въ 5000 томовъ. Вокругъ него, по красивымъ берегамъ Судогости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ Голландскомъ вкусѣ [6]). Въ Почепѣ въ Іюнѣ 1795 года свидѣлся съ нимъ старый пріятель его, гр. П. В. Завадовскій. Вотъ что послѣдній писалъ по этому случаю другу своему, гр. А. Г. Воронцову: „Въ Почепѣ видѣлъ я графа Кирила Григорьевича. Я разстался съ нимъ какъ съ ночнымъ картежникамъ и съ дневнымъ биліардщикомъ. Какая перемѣна! Видъ его поразилъ меня до слезъ: водятъ подъ руки, голова преклонилась долу, изсохъ какъ сухарь; духъ только не утратилъ пріятной веселости. Онъ заѣхалъ туда, чтобъ въ своей землѣ погребсти кости“ [7]).

---

[1]) Изъ Архива князя Разумовскаго.

[2]) Принадлежитъ нынѣ дѣтямъ праправнука Кирилы Григорьевича, князьямъ Репнинымъ.

[3]) На освященіи Яготинской церкви Кирила Григорьевичъ по слабости не могъ уже присутствовать (смотри ниже).

[4]) Главный корпусъ Яготинскаго дома нѣсколько лѣтъ тому былъ разобранъ.

[5]) Фонъ-Гунъ, „Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малую Россію въ осени 1805 г.“

[6]) Тамъ же.

[7]) Архивъ князя Воронцова, XII, 155.

ГЛАВА XIV.

Последніе годы.

Въ 1794-мъ году графъ Кирила Григорьевичъ переѣхалъ на житье въ Малороссію. Усилившійся недугъ заставилъ его покинуть Москву и искать облегченія въ благорастворенномъ климатѣ родины. „Графъ Кирила Григорьевичъ“, писалъ къ гр. Александру Романовичу Воронцову гр. П. В. Завадовскій въ 1794 г., „когда поѣхалъ бы въ Малороссію, то не для другого, какъ погребсти свои кости въ отчизнѣ. Его болѣзнь такова, что всякій часъ можетъ быть конецъ, который уже приблизило естественное истощеніе тѣла. Онъ человѣкъ, такъ-сказать, прячущій отъ многихъ свой здравый разумъ и знанія“ [1]). Разумовскій поселился въ Батуринѣ и тѣмъ еще болѣе удалился отъ дѣтей своихъ. Графиня С. О. Апраксина была въ домѣ его полною хозяйкою, всѣмъ заправляла и, вмѣстѣ съ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, пользовавшимся отмѣннымъ ея благорасположеніемъ, составляла почти единственное общество старика фельдмаршала. Сначала, какъ видно, Кирила Григорьевичъ не рѣшался окончательно поселиться въ Батуринѣ.

„Виргилій говоритъ: боюся Грековъ, когда они подарки даютъ“. Евангеліе гласитъ: „ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ“, писалъ онъ къ сыну Андрею изъ Батурина отъ 26 Іюля 1795 или 1796 года (на письмѣ годъ не выставленъ), „я сего вручителя, Нѣжинскаго жителя, грека купца симъ препровождаю для поступленія съ нимъ по Евангельскому совѣту, яко съ подданнымъ Россійскимъ. Вотъ и его ко мнѣ просительное письмо, а больше увидишь изъ собственнаго дѣла, правъ ли онъ или виноватъ и благотвореніе твое да будетъ по тому располагаемо. По сію пору еще я не рѣшился, гдѣ зимовать буду, ибо Яновскій ничего еще не написалъ ко мнѣ изъ Кіева, куда я его послалъ; за симъ больше ничего писать не имѣю, ибо недавно писалъ [2]). Здоровіе мое все въ томъ же положеніи. Прощай.

P. S. Писалъ къ тебѣ еще изъ Москвы, чтобъ доставить нѣкоторыхъ винъ для стола Венгерскихъ, которыя бы замѣняли Французскія. Получилъ отвѣтъ, что сіе дѣло возможное. Не можно-ли доставить нѣкоторыхъ сортовъ по малому количеству по выбору и вкусу вашему, съ объясненіемъ цѣны и прочаго, почему бы я узналъ всѣ обстоя-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XII, 106.

[2]) Письма эти не сохранились.

тельства и могъ рѣшиться на надобное мнѣ годовое или полугодовое количество" [1]).

Первые годы пребыванія своего въ Украйнѣ старикъ Разумовскій велъ дѣятельную жизнь и съ увлеченіемъ предался страсти своей къ постройкамъ. Онъ выстроилъ въ селѣ своемъ Яготинѣ [2]) совершенно круглую церковь, обведенную Іоническою колоннадою, съ каменнымъ иконостасомъ, обложеннымъ мраморомъ [3]) и домъ по планамъ архитектора Менеласа. У Разумовскаго былъ домъ въ Кіевѣ, строенный изъ дубовыхъ брусьевъ. Въ немъ, какъ можно судить изъ предъидущаго письма, онъ собирался провести зиму. Семейное преданіе гласитъ, что съ фельдмаршала стали требовать за этотъ домъ какую-то постойную повинность. Разгнѣванный фельдмаршалъ, живо помнившій прежнее свое положеніе въ Малороссіи, велѣлъ въ двадцать четыре часа разобрать домъ и перенести его изъ Кіева въ Яготинъ. Домъ этотъ, перестроенный, какъ мы сказали выше, Менеласомъ, состоялъ изъ главнаго корпуса, перевезеннаго изъ Кіева, и шести павильоновъ, изъ которыхъ каждый равнялся большому дому. Съ каждой стороны дома были большія каменныя службы [4]). Въ Бакланѣ выстроилъ Кирила Григорьевичъ домъ въ подраженіе сельскихъ домовъ въ окрестностяхъ Рима [5]), въ Почепѣ великолѣпный каменный домъ и церковь. Домъ этотъ, построенный по планамъ де-ла-Мота, былъ огромный, съ залами для баловъ и концертовъ и библіотекою въ 5000 томовъ. Вокругъ него, по красивымъ берегамъ Судогости, фельдмаршалъ развелъ садъ въ Голландскомъ вкусѣ [6]). Въ Почепѣ въ Іюнѣ 1795 года свидѣлся съ нимъ старый пріятель его, гр. П. В. Завадовскій. Вотъ что послѣдній писалъ по этому случаю другу своему, гр. А. Г. Воронцову: „Въ Почепѣ видѣлъ я графа Кирила Григорьевича. Я разстался съ нимъ какъ съ ночнымъ картежникамъ и съ дневнымъ биліардщикомъ. Какая перемѣна! Видъ его поразилъ меня до слезъ: водятъ подъ руки, голова преклонилась долу, изсохъ какъ сухарь; духъ только не утратилъ пріятной веселости. Онъ заѣхалъ туда, чтобъ въ своей землѣ погребсти кости" [7]).

---

[1]) Изъ Архива князя Разумовскаго.

[2]) Принадлежитъ нынѣ дѣтямъ праправнука Кирилы Григорьевича, князьямъ Репнинымъ.

[3]) На освященіи Яготинской церкви Кирила Григорьевичъ по слабости не могъ уже присутствовать (смотри ниже).

[4]) Главный корпусъ Яготинскаго дома нѣсколько лѣтъ тому былъ разобранъ.

[5]) Фонъ-Гунъ, „Поверхностныя замѣчанія по дорогѣ отъ Москвы въ Малую Россію въ осени 1805 г."

[6]) Тамъ же.

[7]) Архивъ князя Воронцова, XII, 155.

Въ послѣдніе годы жизни своей графъ Кирила Григорьевичъ былъ занятъ постройками дома и церкви въ Батуринѣ. Домъ этотъ существуетъ до сихъ поръ; онъ находится на самомъ краю Батурина, на мѣстности, называемой Тепловкою, въ честь Григорія Николаевича Теплова. Строеніе стоитъ на обрывистомъ и живописномъ берегу Сейма. По обѣимъ сторонамъ его находятся два большіе двухъ-этажные флигеля, которые теперь почти въ развалинахъ. Средній корпусъ носитъ еще слѣды прежняго великолѣпія. Многія комнаты украшены лѣпною работою и имѣютъ до сихъ поръ паркетные полы. Въ одной изъ залъ особенно хорошо украшеніе вокругъ главнаго входа. На восточной сторонѣ дома, къ рѣкѣ Сейму, находится балконъ, украшенный восьмью колонами Тосканскаго ордена. За домомъ расположенъ липовый садъ съ правильными аллеями [1]). Домъ этотъ, равно какъ и церковь Воскресенія Христова, о которой придется намъ говорить ниже, никогда не были вполнѣ отдѣланы. Фельдмаршалъ умеръ, не достроивъ ни дома, ни церкви, а послѣ смерти его некому было не только думать о новыхъ постройкахъ, но даже поддерживать старое, и все существовавшее въ Батуринѣ стало съ необыкновенною быстротою разрушаться.

Занимаясь украшеніемъ имѣній своихъ, Разумовскій не забывалъ и усовершенствованій хозяйства: въ 1797 выписалъ онъ Испанскихъ овецъ, съ завода князя Лихтенштейна, и такимъ образомъ можетъ считаться однимъ изъ первыхъ основателей овцеводства въ Россіи; разводилъ шелковицу и вводилъ шелководство въ Яготинѣ; выписывалъ машины, заводилъ мельницы, усовершенствовалъ свѣчную и суконную фабрики въ Батуринѣ и проч. Есть преданіе, что Разумовскій первый развелъ въ Малороссіи пирамидальные тополи. Въ то же самое время онъ былъ примѣрнымъ помѣщикомъ. „Крестьяне благословляютъ память покойнаго фельдмаршала Разумовскаго“, говоритъ фонъ-Гунъ. „Сколько я ни ѣздилъ по здѣшней сторонѣ, вездѣ находилъ, что и старые, и малые, и дворяне и простолюдины, безъ изъятія, всѣ единогласно прославляютъ память графа Кирила Григорьевича, бывъ исполнены искреннѣйшаго къ покойному почитанія и благодарности. Времена, въ кои онъ жилъ посреди ихъ, называютъ златыми“ [2]). Память этихъ златыхъ временъ не совсѣмъ угасла и до сихъ поръ между бывшими крѣпостными графа. Въ памятный 1861 годъ, когда настала пора свободы для нашей меньшей братіи, у многихъ изъ потомковъ послѣдняго гетмана, сохранившихъ въ Малороссіи мелкія частицы его

---

[1]) Батуринъ, мѣстечко Черниговской губерніи. „Черниговскія Губернскія Вѣдомости“, 1866, № 12. Въ довольно наивной статьѣ этой ошибочно сказано, что Разумовскій жилъ въ этомъ домѣ.

[2]) Фонъ-Гунъ, „Поверхностныя замѣчанія и пр.“

громаднаго состоянія, крестьяне требовали, чтобы опять все было какъ при Разумовскомъ!

Почти ежегодно фельдмаршалъ объѣзжалъ Малороссійскія свои владѣнія, но настоящею его резиденціею былъ Батуринъ. Онъ жилъ въ сломанномъ теперь огромномъ деревянномъ домѣ, который онъ самъ построилъ въ началѣ своего гетманства и который, вмѣстѣ съ другими гетманскими маетностями и самимъ Батуриномъ, былъ ему подаренъ Екатериною въ 1764-мъ году. Домъ этотъ находился на мѣстѣ, которое до сихъ поръ называется „городкомъ", въ полуверстѣ отъ Тепловки, на краю обрыва Батуринской горы. На немъ еще теперь видны, расположенные правильными рядами огромные кусты терновника и сирени, любимаго кустарника Малороссіянъ. На югъ отъ городка существуетъ еще, нынѣ отдѣленный отъ него искусственнымъ каналомъ, огромный фруктовый садъ, неправильно называемый Мазепинскимъ. Но уже не осталось никакихъ слѣдовъ самаго зданія, и преданія мѣстныхъ жителей на городокъ указываютъ, какъ на мѣсто жительства Мазепы [1]). Вокругъ дома стояли отдѣльные флигели для гостей. Въ 1859 г. разобранъ былъ послѣдній флигель, выстроенный для графини С. О. Апраксиной [2]). Передъ домомъ находился валъ, на которомъ стояли пушки. Валъ этотъ сохранился и понынѣ; онъ идетъ полукружіемъ отъ обрыва высокой Батуринской горы, близъ церкви Покрова и оканчивается за церковью Воскресенья, также на краю обрыва. У самаго вала, какъ замѣтно и теперь, находились рвы, наполненные водою. Сохранились также до нашего времени двѣ изъ гетманскихъ пушекъ [3]). При Батуринскомъ домѣ находилась домовая церковь. Въ Батуринѣ Разумовскій зажилъ, какъ и всегда, истымъ вельможею, и о гостепріимствѣ его до сихъ поръ говорятъ въ Малороссіи. Батуринскій домъ, въ первые годы пребыванія графа Кирилы Григорьевича, былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ, стоило только явиться къ хозяину и гости сколько хочешь. Гости проживали по мѣсяцу и болѣе. Каждому назначалось особое помѣщеніе, особая прислуга и предоставлялось требовать для прогулокъ какой угодно экипажъ. Гостемъ могъ быть каждый дворянинъ или чиновникъ. За столъ Разумовскаго садилось ежедневно до пятидесяти человѣкъ; кромѣ того подавался обѣдъ и въ комнаты гостямъ, не желавшимъ участвовать за общимъ столомъ. На правѣ гостей были и офицеры почетныхъ карауловъ, которые назна-

[1]) Батуринъ, „Черниговскія Губернскія Вѣдомости", 1860 г., № 12.

[2]) „Московскія Вѣдомости", 1860, № 182. Село Лемѣши—Кобзаря Василенко. Тамъ ошибочно сказано, что флигель этотъ былъ выстроенъ для графа Апраксина, пріѣхавшаго въ гости.

[3]) „Черниговскія Губ. Вѣдомости", № 12.

чались къ графу, какъ къ фельдмаршалу и полковнику Измайловскаго полка [1]). За обѣдомъ ежедневно игралъ домашній оркестръ, а къ концу обѣда за десертомъ пѣли пѣвчіе. Старикъ Разумовскій особенно любилъ Малороссійскія пѣсни, которыя у него пѣвались на славу. Часто, когда пѣвчіе зачинали какой-нибудь народный припѣвъ, графъ Кирила Григорьевичъ замѣчалъ: „вотъ эту пѣсню пѣвалъ я, будучи хлопцемъ." Ходилъ онъ плохо, отъ боли въ ногѣ, и являлся изъ внутреннихъ комнатъ своихъ не иначе, какъ въ перчаткахъ, такъ какъ страдалъ хирагрою [2]). Въ 1796 посѣтилъ Разумовскаго въ Яготинѣ одинъ изъ лучшихъ дѣятелей Екатерининыхъ временъ, графъ Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. „Фельдмаршалъ только-что сюда прибылъ изъ Батурина", писалъ Сиверсъ къ дочери изъ Яготина отъ 17 Іюля 1796 года; „онъ очень удивился меня видѣть, такъ какъ я его непредупредилъ о моемъ посѣщеніи. Онъ меня принялъ съ истинною сердечностью, какъ одного изъ старѣйшихъ своихъ знакомыхъ. Удовольствіе мое съ нимъ видѣться было сильно помрачено жалкимъ состояніемъ его здоровья. У него были раны на ногѣ, которыя истощили его силы. Доктора считали ихъ неизлечимыми, но, благодаря простому средству одного мужика, онъ отъ нихъ отдѣлался. При немъ не было никого изъ его сыновей и дочерей, но находились старая его подруга, вдовствующая графиня Апраксина, и Генералъ-Маіоръ Гудовичъ. . . . Около самаго дома разведенъ небольшой регулярный липовой садъ, далѣе фруктовый садъ со множествомъ винограда. . . . Мы ходили смотрѣть на мельницы. . . . и закончили прогулку тѣмъ, что̀ меня болѣе всего интересовало и понравилось,—именно шелковичнымъ садомъ (это настоящій лѣсъ) и домомъ, гдѣ находятся шелковичные червяки. . . . Весь образъ приготовленія шелка доказываетъ, что Италіанскій графъ, которому фельдмаршалъ платитъ страшно дорого, ничего не понимаетъ въ этомъ дѣлѣ. . . . Сегодня мы осматривали плотину. Это просто Римская работа. Графъ намѣренъ обратить въ озеро огромный лугъ, находящійся передъ домомъ. Я хотѣлъ ѣхать сегодня, но добрый старикъ фельдмаршалъ меня никакъ не отпустилъ" [3]). Много сохранилось анекдотовъ о послѣднихъ годахъ жизни Разумовскаго. Вотъ главные изъ нихъ:

Объѣзжая свои владѣнія, графъ Кирила Григорьевичъ примѣтилъ бѣдную хату, стоявшую среди полей, и велѣлъ перенести ее на другое

---

[1]) „Московскія Вѣдомости", 1860 г. № 182. Село Лемѣшн, Кобзаря Василенко.

[2]) Изъ разсказовъ В. И. Чорбиной, правнуки Натальи Демьяновны Разумовской. Въ послѣдніе годы жизни Разумовскаго, Чорбина проживала при немъ въ Батуринѣ (смотри ниже). Передано Г. П. Галаганомъ, которому эти подробности сообщила сама Чорбина.

[3]) Ein russischer Staatsmann von R. L. Blum. IV, 246—248.

мѣсто. „Это невозможно, отвѣчалъ ему управляющій,—хата принадлежитъ казаку.“ Такъ купить ее! „Казакъ слишкомъ дорожится“, продолжалъ управляющій“, онъ за нее требуетъ 3000 рублей.“—„Ты не умѣешь торговаться, сказалъ графъ, пришли его ко мнѣ.“ Казака привели къ графу. Разумовскій сталъ ему доказывать, что онъ запрашиваетъ слишкомъ дорого за свою хату, при которой находится только 10 или 12 десятинъ земли; казакъ утверждалъ, что у него было больше десятинъ, но что графскіе же хлопцы ихъ у него отрѣзали; наконецъ, послѣ продолжительнаго торга, казакъ согласился сбавить 500 рублей. Графъ не медля всталъ съ своихъ креселъ и вынулъ изъ своего стола 5000 рублей, причемъ сказалъ казаку: „смотри, чтобъ черезъ три дня не было уже твоей хаты на моей землѣ!“ Казакъ началъ представлять невозможность столь скоро пріискать себѣ другое мѣстожительство. „Это мое дѣло“, отвѣчалъ графъ и, оборотясь къ управляющему, прибавилъ: „отведи ему въ концѣ моихъ владѣній двойное количество купленной у него земли и построй на мой коштъ новую хату“ [1]). Однажды Разумовскій гулялъ по Батурину съ Михайломъ Васильевичемъ Гудовичемъ, почти постоянно проживавшимъ въ домѣ графа. Гуляя, они прошли мимо только-что отстроеннаго дома графскаго управляющаго. Гудовичъ замѣтилъ, что пора бы смѣнить управляющаго, что онъ воръ и на графскія деньги отстроилъ себѣ домъ. „Нѣтъ, братъ,“ отвѣчалъ Разумовскій, „этому только осталось крышу крыть, а другаго взять, онъ съизнова станетъ весь домъ строить“ [2]).

Тотъ же самый управляющій, англичанинъ Штатеръ, пришелъ ему объявить, что нѣсколько сотенъ изъ крестьянъ бѣжали въ Новороссійскій край. „Можно ли быть до такой степени неблагодарными!“, добавилъ Штатеръ. „В. с. истинный отецъ своимъ подданнымъ“. „Батько хорошъ“, отвѣчалъ Разумовскій, „да матушка-свобода въ тысячу разъ лучше. Умные хлопцы: на ихъ мѣстѣ я бы тоже утёкъ“. Одинъ прикащикъ графскій изъ крѣпостныхъ затѣялъ несправедливую тяжбу съ сосѣдомъ, бѣднякомъ помѣщикомъ. Благодаря имени графа и деньгамъ, помѣщикъ проигралъ дѣло, и у него отняли все небольшое его имѣніе. Объ этомъ узналъ графъ Кирила Григорьевичъ, велѣлъ возвратить помѣщику отнятое имѣніе, да еще подарилъ ему ту деревню, къ которой приписанъ былъ прикащикъ. Чрезъ нѣсколько дней однако прикащикъ, по желанію графа, считавшаго его довольно наказаннымъ, отъ новаго помѣщика своего получилъ отпускную. Другой разъ случилось опять нѣчто подобное. У бѣднаго же помѣщика управляющіе графскіе оттянули послѣднее его достояніе, описали его какъ

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Біографіи росс. фельдмаршаловъ“, I, 248.
[2]) Тамъ же, I, 246.

человѣка весьма безпокойнаго и просили графа сдѣлать ему такой пріемъ, отъ котораго онъ не устоялъ бы на ногахъ. „Чего стоитъ отнятая у тебя деревня?“ спросилъ Разумовскій.—„Семь тысячъ рублей“, отвѣчалъ помѣщикъ. „Сейчасъ велю“, продолжалъ графъ, „выдать тебѣ 15,000 рублей.“ Пораженный помѣщикъ палъ на колѣни. „Посмотрите“, сказалъ Кирила Григорьевичъ управляющимъ, поднимая помѣщика: „я сдѣлалъ вамъ угодное, онъ не устоялъ на ногахъ“ [1]).

Смерть Екатерины не могла не отозваться глубоко въ сердцѣ Разумовскаго. Не смотря на тучи, которыя изрѣдка отемняли ихъ взаимныя отношенія, онъ былъ глубоко и душевно привязанъ къ великой Царицѣ, съ именемъ которой соединялись лучшія воспоминанія его жизни.

Фельдъегерь, отправленный новымъ Императоромъ къ фельдмаршалу Румянцеву, не засталъ его въ живыхъ. На возвратномъ пути онъ заѣхалъ въ Батуринъ, и увѣдомя Кирилу Григорьевича о кончинѣ Задунайскаго, спросилъ что̀ прикажетъ онъ о себѣ сказать Государю Императору? „Скажи, что и я умеръ“, отвѣчалъ Разумовскій [2]).

Вскорѣ начались перемѣны, отголосокъ которыхъ дошелъ и до Батурина. Вслѣдствіе указа новаго Императора, приказано было распустить военные штаты, находившіеся при генералъ-фельдмаршалахъ, не состоявшихъ на дѣйствительной службѣ. Всѣ генералъ- и флигель-адъютанты, всѣ ординарцы и почетные караулы, гайдуки егеря и гусары покинули Батуринъ. Старику было это крайне досадно и обидно. „Я бы желалъ послать къ вамъ нарочнаго курьера“, писалъ онъ изъ Батурина къ князю Безбородкѣ отъ 3-го октября 1799 года, „но по волѣ Его Величества штатъ и ординарцы отъ меня отпущены и остаюсь я одинъ на лицо“ [3]). Тѣмъ не менѣе и за отпускомъ военныхъ, штатъ служителей стараго фельдмаршала все-таки остался огромный. При немъ находились: 1 дворецкій, 1 камердинеръ, 1 подлекарь, 2 карлика, 4 парикмахера, 2 ихъ ученика, 2 кондитера, 1 ихъ помощникъ, три ихъ ученика, 1 кофишенкъ, 1 его помощникъ, 1 мундшенкъ, 1 его помощникъ, 1 ученикъ, 1 келлермейстеръ, 3 квасника, 2 ихъ ученика, 1 тафельдекарь, 2 его помощника, 3 женщины для чистки серебра, 1 домоправитель, два писаря, 3 мальчика, 2 солдата, 1 писарь при графинѣ Софьѣ Осиповнѣ Апраксиной, 2 геодезиста, 4 ученика, 1 камеръ-лакей, 10 лакеевъ, 4 ѣздовыхъ лакея, 1 казакъ, 1 маркеръ, 2 скорохода, 2 егеря, 13 охотниковъ, 10 истопниковъ, 3 кухмистера, 1 помощникъ, 1 приспѣш-

---

[1]) Бантышъ-Каменскій, „Біографіи росс. фельдмаршаловъ“, I, 246.

[2]) Записки Шишкова, I, 19.

[3]) Изъ Государственнато Архива.

никъ, 1 хлѣбникъ, 1 ученикъ, 11 кухонныхъ учениковъ, 1 хлѣбница, 1 капельмейстеръ, 14 музыкантовъ, 18 пѣвчихъ, 1 конюшій, 1 берейторъ, 1 ясельничій, 2 кучера, 2 форрейтора, 4 ямщика, 40 конюховъ, 7 учениковъ въ лазаретѣ, 2 надзирателя, 2 женщины, 1 кастелянша, 17 прачекъ, 7 бѣлошвеекъ, 2 коровницы, 2 ученицы ихъ, 1 сѣдельникъ, 2 шорника, 3 слесаря, 4 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 каретникъ, 1 переплетчикъ, 2 ихъ ученика, 2 портныхъ, 3 столяра, 2 ихъ ученика, 1 серебряникъ, 3 живописца, 1 квартирмейстеръ, 1 корзинщикъ, 1 обойщикъ, 1 рѣзчикъ, 18 сторожей, 15 разныхъ лицъ, находившихся при нѣкоторыхъ служителяхъ графа,—всего 261 человѣкъ. Всѣ они получали жалованье отъ графа, которое ежемѣсячно простиралось до 2 тысячъ тогдашнихъ ассигнаціонныхъ рублей [1]). Ежедневно для стола графа и его прислуги выходило: цѣлый быкъ, 10 барановъ, 100 куръ и проч. Графиня Софья Осиповна, завѣдывавшая всѣмъ хозяйствомъ, неоднократно требовала уменьшенія числа служителей. Наконецъ она рѣшилась подать графу два реестра о необходимыхъ и о лишнихъ служителяхъ. Разумовскій подписалъ первый, а послѣдній отложилъ въ сторону. „Я согласенъ съ тобою", сказалъ онъ племянницѣ, „что люди эти не нужны мнѣ; но спроси ихъ прежде, не имѣютъ ли они во мнѣ надобности, и если они откажутся отъ меня, то и я тогда смѣло откажусь отъ нихъ" [2]).

Съ каждымъ годомъ фельдмаршалъ все болѣе и болѣе страдалъ отъ своихъ недуговъ. Онъ не могъ уже болѣе разъѣзжать по имѣніямъ и едва выходилъ изъ дома. Гости стали его утомлять. Гостепріимныя двери Батуринскаго дворца теперь уже отворялись для однихъ близкихъ, пріемы надоѣдали старику, а въ то же время одиночество было ему также въ тягость. Дѣти только изрѣдка посѣщали Батуринъ и гостили не подолгу. Вся Батуринская обстановка, и особенно повелительный тонъ графини Апраксиной былъ имъ крайне не по сердцу. Разумѣется, Кирила Григорьевичъ ставилъ дѣтямъ въ укоръ дурныя ихъ отношенія къ Апраксиной. Въ письмѣ къ сыну Андрею изъ Батурина отъ 3-го апрѣля 1799 года старикъ горько жалуется на свое одиночество. „Отъ полученія письма твоего черезъ Беца", писалъ онъ, „ожидалъ я отъ тебя повторительнаго, но прошло не малое время, а я ничего отъ тебя не получалъ, думалъ, что на меня осердился, тѣмъ паче, что нѣчто похожее на то въ письмѣ твоемъ мнѣ показалось. Притомъ въ газетахъ возгласили, что ты уволенъ отъ нашего Монарха по просьбѣ твоей на нѣкоторое время въ Россію, куда уже и собрался ѣхать, и такъ я остановился со всякими моими

---

[1]) „Москвитянинъ", 1852 г., № 4.

[2]) Бан.-Кам., „Біогр. фельдмаршаловъ", I, 248—250.

письменными къ тебѣ отзывами, положивъ твердое намѣреніе тебя лично увидѣть, но послѣднее отъ тебя полученное письмо совсѣмъ увѣрило меня о противномъ и оказалось, что все старое по старому и вновь ничего.

„Овечья наша экспедиція еще не кончена, за опозданіемъ. Зимовали на границѣ Цесарской, что̀ все весьма дорого мнѣ стоитъ и развѣ въ концѣ Мая или въ Іюнѣ на опредѣленное имъ мѣсто придутъ. Дошли бы только въ хорошемъ состояніи, а о издержкахъ нечего жалѣть, ибо вознагражденъ буду заведеніемъ сего хорошаго рода скотинъ въ имѣніяхъ моихъ и вашихъ. Извѣстнаго архитектора. . . . (неразобранное слово) я вижу трудно у васъ достать. Отъ шалуна нашего Григорія нечего другого было ожидать, какъ такого поступка, которымъ онъ увѣнчалъ всѣ свои неистовства. Жаль мнѣ, что при старости и дряхлости моей не могу ни одного изъ васъ имѣть при себѣ, который бы мнѣ очи закрылъ, ибо большой б . . . . какъ рощею окружился, недвижимъ съ мѣста, все видится ему въ чернѣ и сердится на всѣхъ тѣхъ, кои около меня остаются. Братъ Петръ съ женою, Левъ ролю Линдора играетъ, Григорій, жаль что и родня его Иванъ, надѣлалъ безумно долговъ, надавалъ всѣмъ на себя кабалы, не заботится о заплатѣ, но бьетъ шабалу по Европѣ. Ты же, несчастный дипломатъ, самъ въ себѣ не воленъ и хорошо сдѣлалъ, что хотя къ садику пристрастился [1]), по пословицѣ: мѣшай дѣло съ бездѣлицей, не скучай. Чубукъ меня уговариваетъ въ Карсбадъ шествіе предпринять, почитая весьма сіе полезнымъ здоровію моему. Я еще не рѣшился на сіе, а ежели рѣшусь, то буду у тебя въ садовникахъ въ новонасажденномъ твоемъ садикѣ. Домъ мой Санктпетербургскій я продалъ въ казну [2]) за триста тысячъ. Онъ сталъ валиться и сдѣлался бы совершенною развалиною, изъ васъ же никто не въ состояніи его ни поддержать, ни содержать въ желаемомъ видѣ, и такъ я сіе почитаю за лучшее. Авось удастся мнѣ и твои долги заплатить и выручить деревни твои Копорскія изъ подъ закладу, которыя были къ продажѣ осуждены. Если зима у васъ была пріятная, то и у насъ не сурова, хотя снѣговъ много нападало, но ужъ недѣли съ три какъ сошли и пользуюсь буде не настоящею пріятною весною, то близко того. Любезной твоей сожительницѣ кланяюсь, благодаря за ея о мнѣ напоминаніе. Здоровье мое еще отъ зимы не совсѣмъ откашлялось,

---

[1]) Андрей Кириловичъ купилъ земли, принадлежавшія графу Монтекукули на Landstrasse (одномъ изъ Вѣнскихъ предмѣстій). Впослѣдствіи онъ выстроилъ тамъ великолѣпный домъ, нынѣ князя Лихтенштейна (см. томъ III).

[2]) Домъ Разумовскаго на Мойкѣ былъ проданъ въ 1797 году, подъ Воспитательный домъ (см. Reimers, St.-Petersburg am Ende seines ersten Jahrhunderts, II, 177). Онъ до сихъ поръ сохранилъ внѣшній свой видъ.

авось лѣто его степеннѣйшимъ учинитъ. Сожалѣю, другъ мой, что тебя мать-политика въ старость безвременную загнала. Желаю искреннѣйше ей претвориться въ лучшую и пріятнѣйшую, да съ нею и твое состояніе обновится яко орля юность. Прощай".

Извѣстія, напечатанныя въ газетахъ, оказались не вполнѣ ложными. Въ Январѣ 1799 года уже было состоялся указъ объ отозваніи Андрея Кириловича изъ Вѣны и о назначеніи на его мѣсто Колычева. Новымъ указомъ отъ 23 Февраля онъ былъ оставленъ въ прежнемъ званіи и въ то же самое время пожалованъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. 25-го Сентября того же 1799 года Разумовскій былъ уволенъ на 6 мѣсяцевъ отъ занимаемой имъ должности Русскаго посла при Вѣнскомъ дворѣ. Разсчитывая на новую перемѣну, онъ не спѣшилъ отъѣздомъ. Грозное предписаніе Государя повелѣло ему немедля оставить Вѣну и ѣхать къ отцу въ Малороссію. Только въ концѣ Декабря, убѣдившись, что ожидать нечего, Андрей Кириловичъ отправился въ Батуринъ.

„Выведенный изъ терпѣнія медленностію моего путешествія", писалъ онъ къ женѣ изъ Батурина [1]), „я рѣшился взять изъ Кіева кибитку и въ 18 часовъ проскакалъ 220 верстъ. Я пріѣхалъ сюда въ 6 часовъ утра. Перваго увидалъ я толстаго Громацкаго, того самаго, который былъ дворецкимъ въ Петербургѣ; онъ меня помѣстилъ въ тѣхъ грустныхъ комнатахъ, въ которыхъ провелъ я въ 1776 году 6 мѣсяцевъ! Сердце мое сжалось при этомъ воспоминаніи, но мысль, что я нахожусь подъ однимъ кровомъ съ батюшкою, скоро разогнала грустныя ощущенія. Мнѣ объявили, что Гудовичъ спрашиваетъ о моемъ здоровьѣ, онъ первый въ домѣ встаетъ. Я побѣжалъ къ нему и провелъ съ нимъ около получаса. Я строго на строго запретилъ будить батюшку. Въ 9 часовъ мнѣ объявили, что онъ всталъ. Я засталъ его въ гостиной. Не могу тебѣ изобразить всего того что̀ я перечувствовалъ въ эту минуту. Я принужденъ былъ удалиться, чтобы придти въ себя. Батюшка былъ также разстроенъ [2]). Это нѣсколько отозвалось на немъ въ продолженіи всего дня. Не буду разсказывать тебѣ какъ я свидѣлся съ кузиною [3]), съ сестрою Анною [4]), и всѣми домочадцами—ты себѣ это легко можешь представить, а я уже ничего не

---

[1]) Писемъ съ подробностями перваго свиданія съ отцомъ два, одно отъ 11-го Января 1800, другое отъ 10-го Марта того же года. Андрей Кириловичъ написалъ второе, думая что первое затеряно, такъ какъ графиня его не получала. Мы здѣсь сливаемъ оба письма.

[2]) Отецъ съ сыномъ не видались 9 лѣтъ.

[3]) Гр. С. О. Апраксина.

[4]) Анна Кириловна Васильчикова, чтобы быть ближе къ отцу, жила въ то время въ Кіевскомъ Фроловскомъ монастырѣ и часто посѣщала отца въ Батуринѣ.

могу припомнить изъ всего этого дня, кромѣ того, что много говорилъ про тебя и поставилъ твой портретъ на столикъ передъ батюшкою. Подарокъ этотъ его очень порадовалъ, онъ его цѣлый день держалъ около себя, а вечеромъ велѣлъ повѣсить въ своемъ кабинетѣ. Я имѣлъ несказанное счастіе застать добраго батюшку въ гораздо лучшемъ состояніи, чѣмъ я предполагалъ. Я тебя увѣряю, что онъ смотритъ гораздо бодрѣе, чѣмъ когда ты его оставила (въ 1791 году). Онъ обѣдаетъ за столомъ со всѣми, ѣстъ съ большимъ аппетитомъ, даже иногда слишкомъ много и это, какъ кажется, ему не вредитъ, но за то почти уже не ходитъ. Онъ съ трудомъ и весьма тихо передвигается изъ своей спальни въ гостиную, опираясь одной рукою на костыль, а другою на своего камердинера. Я увѣренъ однако, что главное затрудненіе происходитъ отъ недостатка упражненія въ мускулахъ. Послѣ первыхъ шаговъ видно, что батюшкѣ уже не такъ трудно ходить. Съ наступленіемъ весны ноги его поправятся. Всѣ окружающіе его говорятъ, что такъ бываетъ каждый годъ. Къ тому же, ноги его стянуты въ бинтахъ, что̀ несомнѣнно способствуетъ ихъ онѣмѣнію. Батюшка также носитъ бандажи и на рукахъ. Дурные соки бросились къ оконечностямъ и—слава Богу, это освободило грудь и онъ уже давно не страдаетъ одышкою... Веселость и расположеніе духа были бы у него прежнія, если бы не огорчали его безпрестанныя домашнія дрязги. Ахъ, милый другъ, какое у него сердце! Всю жизнь испытывалъ я его благосклонность, но ничего не можетъ сравниться съ тѣми ласками, съ тѣми знаками любви, которыми онъ меня теперь осыпаетъ. Я отъ него отхожу только въ тѣ минуты, когда онъ отдыхаетъ. Я могу, когда хочу, видѣться съ нимъ наединѣ, и хотя я всегда цѣнилъ рѣдкія его достоинства, однако теперь болѣе чѣмъ когда-либо сознаю всю доброту его. Онъ много и съ глубокою нѣжностью и сочувствіемъ говорилъ о тебѣ. Какой отличный, какой несравненный отецъ! Кочубей [1]) былъ здѣсь на дняхъ съ своею женою; онъ уѣхалъ за день до моего пріѣзда, но я надѣюсь, что онъ сюда вернется и проведетъ здѣсь нѣсколько дней. Онъ поѣхалъ повидаться съ своею бабушкою, матерью Безбородки [2]). Вообрази, эта бѣдная старушка слѣпа и не знаетъ, что сынъ ея умеръ. Ей читаютъ письма будто бы имъ писанныя, и эту комедію будутъ разыгрывать до ея смерти" [3]).

---

[1]) Князь Викторъ Павловичъ Кочубей, тогда вице-канцлеръ и графъ, недавно женился на внукѣ графа Кирилы Григорьевича, Маріи Васильевнѣ Васильчиковой, дочери Анны Кириловны Васильчиковой.

[2]) Евдокія Михайловна Безбородко, рожденная Забѣла, дочь ея Ульяна Андреевна была матерью В. П. Кочубея.

[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

Въ то время, какъ радость свиданія съ отцомъ смягчила на время въ сердцѣ графа Андрея Кириловича горечь служебныхъ невзгодъ, подозрительный Павелъ I, изъ Михайловскаго зáмка, съ безпокойствомъ слѣдилъ за тѣмъ, чтó дѣлалось въ Батуринѣ. По приказанію его, въ Декабрѣ 1799 года, бывшимъ въ то время генералъ-прокуроромъ Александромъ Андреевичемъ Беклешевымъ [1]) отправленъ былъ въ Москву, Шкловъ и Батуринъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николевъ, съ тѣмъ, чтобы взять свои мѣры и извѣститься о поступкахъ: въ Москвѣ, княгини Екатерины Ѳедоровны Долгорукой, рожденной княжны Барятинской, князей Александра и Алексѣя Борисовичей Куракиныхъ и Сергѣя Ивановича Плещеева, въ Шкловѣ—Зорича и наконецъ въ Батуринѣ—графовъ: Кирила Григорьевича и Андрея Кириловича Разумовскихъ. Беклешевъ вручилъ Николеву письмо къ старшему Разумовскому отъ 13-го Декабря 1799 года, слѣдующаго содержанія:

„Находящійся при мнѣ д. с. с. Николевъ, пользуясь отпускомъ, желаетъ побывать въ Кіевѣ, куда неминуемо ему черезъ Батуринъ ѣхать должно... осмѣливаюсь вручителя сего г. Николева препоручить въ милость и покровительство ваше и т. д.“

Наврядъ-ли Разумовскіе были такъ просты, что не поняли настоящей цѣли путешествія г. Николева. Туристовъ не водилось въ тѣ времена на Руси, а благочестіе генералъ-прокурорскаго чиновника должно было показаться имъ по малой мѣрѣ подозрительнымъ. Какъ бы то ни было, однако графъ Андрей Кириловичъ ни слова не упоминаетъ въ письмахъ къ женѣ о посѣщеніи Николева, самъ же Николевъ изъ Москвы отъ 16-го Февраля 1800 года отправилъ отношеніе о пребываніи своемъ въ Батуринѣ, но не къ Беклешеву, уже смѣненному непостояннымъ Павломъ, а къ преемнику его, Петру Хрисанфовичу Обольянинову.

„Въ мѣстечкѣ Батуринѣ“, писалъ онъ, „нашелъ я графа Кирила Григорьевича безъ ногъ и ходить онъ не можетъ, а возятъ его въ колясочкѣ. Также на лѣвой рукѣ у кисти, на суставѣ, большая шишка, отчего худо и рукою владѣетъ. Графъ Андрей Кириловичъ здоровъ, но желтъ, худъ и задумчивъ. Упражненія сего послѣдняго: въ 12 часовъ приходитъ къ отцу, гдѣ и остается до 4-хъ часовъ, а съ сего времени до 7-ми часовъ безъисходно бываетъ у себя въ комнатѣ, читая, а больше задумавшись ходитъ по комнатѣ; а въ вечеру, какъ онъ, такъ и всѣ живущіе собираются у графа и разговариваютъ или играютъ въ карты. Сіи всѣхъ живущихъ у графа ежедневныя упраж-

---

[1]) А. А. Беклешевъ, Курскій и Кіевскій, а потомъ Рижскій генералъ-губернаторъ и генералъ-прокуроръ, р. 1743 † 1808.

ненія, а законо-противныхъ разговоровъ не слыхать, да не предвидятся, чтобъ были. При мнѣ проѣхалъ графъ П. В. Завадовскій, который на другой день отправился къ себѣ въ деревню. Въ домѣ графа Кирилы Григорьевича находятся не принадлежащихъ къ оному: подполковникъ Англичанинъ Статеръ, экономъ всѣхъ графскихъ Малороссійскихъ деревень, служитъ у графа болѣе 20 лѣтъ; докторъ Англичанинъ, Гунтъ, живущій по контракту съ 1796; докторъ Нѣмецъ надворный совѣтникъ Дуссикъ, по контракту служащій 15 лѣтъ; лѣкарь Дуссикъ, сынъ доктора; библіотекарь Французъ Адамъ, находится при графѣ въ сей должности 12 лѣтъ; камердинеръ Нѣмецъ Флистеръ, живетъ 7 лѣтъ; секретарь изъ Малороссіянъ—Константинъ Сорока, находится въ сей должности съ 1778 года; управитель Батурина—подпоручикъ Рышляковъ. Принадлежащихъ графу Малороссіянъ, живущихъ въ Батуринѣ, 600 душъ. Проживающіе для компаніи графа: —генералъ-маіоръ Гудовичъ 3-й, по временамъ отлучается въ деревню; графиня Софья Осиповна Апраксина, живетъ 30 лѣтъ. Маіорша Чорбина съ дочерью [1]) живетъ по родству и неимуществу" [2]).

„Теперь мы здѣсь совершенно одни", писалъ Андрей Кириловичъ къ женѣ отъ 23 Января, „съ батюшкою, кузиною и Михаиломъ Гудовичемъ. Я очень доволенъ обоими и думаю, что со временемъ буду еще довольнѣе. Мы живемъ какъ въ монастырѣ, каждый знаетъ въ подробности, что̀ дѣлаютъ другіе, и каждый день повторяется одно и то же. Я встаю въ 7 часовъ. Мнѣ докладываютъ, когда батюшка встаетъ, я первый къ нему являюсь; послѣ 10 часовъ начинается перевязка ногъ и одѣваніе, я самъ тогда иду одѣваться. Въ полдень я снова прихожу къ нему; послѣ часа онъ играетъ въ триктракъ съ Адамомъ. Въ два часа садятся обѣдать. Я сижу за столомъ подлѣ батюшки, всѣхъ насъ мужчинъ и женщинъ 20 человѣкъ: секретари служащіе, нѣсколько неуклюжихъ и нѣмыхъ родственницъ—все это нѣмыя личности. Говорящихъ только насъ трое. Послѣ обѣда батюшку на креслахъ перевозятъ въ гостиную, съ полчаса разговариваютъ, потомъ каждый идетъ къ себѣ отдыхать до пяти часовъ. Въ пять собираются къ чаю, вокругъ большого стола, за которымъ предсѣдательствуетъ кузина. Потомъ играютъ въ бостонъ, въ чемъ и я принимаю участіе. Въ десять часовъ ужинъ. Потомъ я остаюсь еще у батюшки вмѣстѣ съ Гудовичемъ. Въ 11 часовъ всѣ расходятся. Здѣсь страшное множество крысъ... Батюшка окруженъ котами, но они до того жирны, что крысами вовсе не занимаются. Ты нашла бы въ домѣ громадную

---

[1]) Вѣра Ивановна Чорбина, рожденная Галаганъ, правнука Натальи Демьяновны. Умерла въ 1840 году 80 лѣтъ.

[2]) Изъ Государственнаго Архива.

перемѣну. Чувствуется еще изобиліе во всемъ, но при этомъ общая распущенность въ прислугѣ. Лучшихъ людей уже нѣтъ. Видно, что главная пружина ослабла, ощущается недостатокъ въ энергіи. Никогда батюшкѣ такъ плохо не прислуживали и никогда не бывалъ онъ менѣе взыскательнымъ. Общій видъ дома вселяетъ глубокую тоску. Быть можетъ мнѣ, какъ людямъ, страдающимъ желтухою, все представляется въ темномъ цвѣтѣ, но здѣсь все дышетъ разрушеніемъ и упадкомъ. Однако я вовсе не думаю, что бѣдный батюшка въ отчаянномъ состояніи; напротивъ, я твердо убѣжденъ, что онъ можетъ прожить еще нѣсколько лѣтъ, докторъ вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе и я ухватываюсь за эту надежду, чтобы забыть все прочее...

„Я исполнилъ всѣ твои порученія [1]). Батюшка былъ очень тронутъ, прочитавъ то, что̀ до него относится. Я не забылъ никого, не исключая карликовъ, которые по прежнему остались лучшими слугами батюшки. Ефимъ два раза въ день приходитъ объявлять мнѣ, что батюшка проснулся. Толстякъ, котораго щекотали, уже болѣе не существуетъ, гайдуки распущены по высочайшему повелѣнію, равно какъ егеря и гусары, составлявшіе въ Малороссіи свиту и гвардію батюшки. Точно также нѣтъ уже болѣе военнаго штата и ты здѣсь не нашла бы той арміи, которая окружала тебя на лѣстницѣ въ Петровскомъ. Здѣшній домъ походитъ нѣсколько на богадѣльню: одинъ хромаетъ, другой кашляетъ, и чтобы не отстать отъ другихъ, я самъ страдаю головною болью... Батюшка почти не владѣетъ ногами, съ нимъ дѣлается одышка и онъ очень страдаетъ, когда, едва передвигаясь, съ помощью костылей, пройдетъ нѣсколько шаговъ. Онъ страдаетъ даже сидя. Докторъ говоритъ, что общее состояніе здоровья удовлетворительно и что не только онъ можетъ еще прожить нѣсколько лѣтъ, но даже можно бы было помочь мѣстному страданію, ежели-бы онъ согласился на путешествіе къ минеральнымъ водамъ. Я часто уговариваю его это сдѣлать, иногда онъ какъ будто соглашается, но чаще приводитъ разныя причины, тормозящія это спасительное для него предположеніе. Батюшку всегда надо увлекать на всякое рѣшеніе. Къ нему необходимо приставать, чтобы заставить его предпринять даже такое дѣло, которое ему вполнѣ по сердцу. Мнѣ пришло на умъ, что не худо бы тебѣ написать къ нему. Скажи, что изъ писемъ моихъ ты заключаешь, что ему необходимо ѣхать на купанія въ Баденъ [2]). Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы онъ съ этого началъ. Можешь прибавить, что ты говорила съ Франкомъ [3]), который на этомъ настаиваетъ (въ чемъ я совершенно убѣжденъ)... Будь понѣжнѣе и полас-

[1]) Отъ 10 Марта 1800.

[2]) Баденъ близъ Вѣны.

[3]) Франкъ, извѣстный въ то время Вѣнскій докторъ.

ковѣе... Добрый батюшка, между прочимъ, вѣчно опасается быть, благодаря своимъ немощамъ, другимъ въ тягость. Чтобы успокоить тебя, скажу по секрету, что буде путешествіе осуществится, кузина не приметъ въ немъ участія. На ея мѣстѣ поѣдетъ сестра моя Елизавета, которую батюшка очень любитъ и еще, быть можетъ, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ кажется, сестра Загряжская. Это будетъ единственный способъ окружить батюшку своими. Просто стыдно, что никого изъ дѣтей при немъ здѣсь не находится. Несомнѣнно однако, что поѣдетъ одинъ изъ Гудовичей, вѣроятно Михаилъ, что еще не такъ худо; къ тому же тамъ онъ уже будетъ вовсе не тѣмъ, что̀ здѣсь. Если ты со мной согласна, то напиши какъ можно поразборчивѣе, такъ какъ, хотя я буду тутъ на подмогу, все же мнѣ бы пріятнѣе было, если-бы батюшка могъ все прочесть самъ, а я ограничился бы только тѣмъ, что, стоя за креслами, сталъ бы разбирать трудно понятныя слова.

„Простуда батюшки (отъ 16 Апрѣля), слава Богу, проходитъ, но я очень опасаюсь дурной погоды и теперешней недѣли говѣнія. Правда, взяты всѣ предосторожности. Первые дни онъ рѣшительно ничего не ѣлъ, не ради поста, а ради предосторожности. Онъ сильно кашляетъ и кашель его въ самомъ дѣлѣ страшенъ. Вчера онъ обѣдалъ на своей половинѣ, а сегодня ѣлъ постное за общимъ столомъ. Его на креслахъ поутру перевезли въ церковь по галлереѣ, которая мнѣ очень не по сердцу, при этомъ не были приняты должныя предосторожности. Сегодня вечеромъ исповѣдь, а завтра онъ пріобщается. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ свирѣпствуетъ у насъ страшнѣйшій ураганъ и не знаешь, куда отъ него укрыться въ картонномъ здѣшнемъ домѣ, въ которомъ никто, за исключеніемъ, быть можетъ, меня, не имѣетъ такого дурного помѣщенія, какъ батюшка. Мнѣ это подало мысль пристроить къ дому корпусъ, который бы легко можно было отдѣлать къ будущей зимѣ. Такимъ образомъ можно оградить батюшку отъ простудъ, которыя онъ теперь безпрестанно схватываетъ въ своихъ обращенныхъ на сѣверъ комнатахъ, что̀ никуда не годно въ его лѣта. Хотя всѣ дуются на меня, ты знаешь на кого я намекаю, за эту мысль, однако я отъ нея не отстану... Племянникъ мой [1]) пріѣхалъ третьяго дня; онъ въ одиннадцать дней доѣхалъ изъ Вѣны, несмотря на то, что полтора сутокъ провелъ у матери въ Кіевѣ... Я

[1]) Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, сынъ Анны Кириловны Васильчиковой и внукъ графа Кирилы Григорьевича; онъ служилъ при дядѣ своемъ, графѣ Андреѣ Кириловичѣ, въ Вѣнѣ. По отъѣздѣ Разумовскаго, А. В. остался при Колычевѣ. Онъ отправленъ былъ курьеромъ въ Петербургъ и по дорогѣ заѣхалъ для свиданія къ матери въ Кіевъ и къ дѣду въ Батуринъ. Васильчиковъ дядѣ привезъ извѣстіе о смерти его тещи, графини Тунъ-Гогенштейнъ.

передалъ письмо твое доброму батюшкѣ и стоялъ, облокотясь на его кресло, покамѣсть онъ его читалъ. Сестра Загряжская стояла около меня. Его сперва поразилъ рисунокъ, онъ плохо видитъ, потомъ засмѣялся и тихо сталъ читать самъ, я же помогъ ему только въ двухъ или трехъ мѣстахъ. Благодаря твоему вступленію, онъ совершенно вдался въ обманъ и подумалъ, что ты намѣрена у него что-нибудь выпросить. Онъ слишкомъ привыкъ къ подобнымъ мучительнымъ для него докукамъ; ты сама знаешь какъ онъ хмурится, когда его о чемъ-либо просятъ. Я сейчасъ же понялъ въ чемъ дѣло, но нарочно не промолвилъ ни единаго слова, хотя и замѣтилъ недоумѣніе батюшки. Когда онъ сталъ читать далѣе, у всѣхъ троихъ показались слезы на глазахъ. Сейчасъ послѣ чтенія мы сѣли за столъ. За обѣдомъ онъ сказалъ: „письмо казалось шуткой, а вышло дѣло серьёзное!" потомъ онъ добавилъ: „Боже мой, какъ хорошо бы было, если-бы все это могло осуществиться", а потомъ веселымъ его тономъ, который ты помнишь: „Ma, ma, e ce ne sono molti di questi ma" [1]), показывая на больныя свои ноги. Да сохранитъ его Богъ! я все еще питаю надежду привезти его къ тебѣ.

„Я веду переговоры съ Статеромъ и другими лицами, занимающими должности при здѣшнемъ дворѣ. Ты знаешь или не знаешь, что Статеръ здѣсь министръ финансовъ и никакое управленіе до сихъ поръ не было столь выгоднымъ для владѣльца; я хочу этимъ сказать, что онъ даетъ гораздо болѣе доходовъ, чѣмъ его предшественники съ большою для себя прибылью, такъ какъ онъ получаетъ десятую часть всѣхъ доходовъ и, кромѣ того, значительное содержаніе. Но по крайней мѣрѣ такимъ образомъ извѣстно на что можно разсчитывать и лицо, завѣдующее дѣлами, само заинтересовано тѣмъ, чтобы имѣнія приносили какъ можно болѣе доходовъ помѣщику и чтобы прекращены были тысячи злоупотребленій всякихъ подчиненныхъ, растаскивавшихъ прежде господскія деньги".

Осенью 1800 г. посѣтилъ отца меньшой сынъ, графъ Иванъ Кириловичъ. Онъ заѣхалъ въ Батуринъ по дорогѣ въ Италію, куда ѣхалъ въ надеждѣ вылечиться отъ злой чахотки. Присутствіе трудно больного не могло измѣнить грустнаго настроенія Батуринскаго общества, а, напротивъ, навело на него новое уныніе.

„Мы продолжаемъ жить здѣсь въ глубочайшемъ уединеніи: братъ мой, да я, я да батюшка—и эти четверо едва равны двумъ. Дни проходятъ въ глубокомъ молчаніи, прерываемомъ только стонами батюшки. Стоны эти частью вызываются страданіемъ, но привычка и тоска тоже имѣютъ тутъ свою долю. Батюшка теперь почти безпре-

---

[1]) Но, но и много такихъ но.

станно тоскуетъ, хотя ему стòитъ только пожелать, чтобы все это измѣнилось. Но въ этомъ-то и все затрудненіе, и затрудненіе это съ каждымъ днемъ увеличивается. Воля другихъ все болѣе и болѣе имъ управляетъ. Бòльшую часть дня онъ дремлетъ въ своихъ креслахъ и спрашиваетъ, какова погода. Для перемѣны онъ ругаетъ доктора. Коль скоро онъ его видитъ, онъ на него кричитъ; коль скоро его нѣтъ, онъ за нимъ посылаетъ. Почему не вылечиваетъ онъ болѣзни въ ногахъ? Вотъ главное неудовольствіе противъ доктора. Увы! изъ словъ послѣдняго,—и я вѣрю ему, ясно, что всѣ средства истощены. Въ пику доктору обращаются за совѣтами къ разнымъ знахарямъ. Теперь у насъ живетъ старая баба, которую выписали за 300 верстъ отсюда. Съ батюшкою не спорятъ, чтобы не лишать его надежды, послѣдняго оставшагося ему блага, но за всѣмъ тѣмъ, чтò знахари ему предписываютъ, зорко слѣдятъ доктора, внутреннихъ же лекарствъ вовсе не допускаютъ. Ты не можешь себѣ представить, что только эта старая вѣдьма не сочиняетъ. Она заразила весь домъ. Она натираетъ батюшкины ноги мазью изъ чеснока и коровьяго кала! По утрамъ она зубами хватаетъ его колѣни, бормочетъ что-то и если все это не поможетъ, отгадай, изъ чего она намѣрена составить пластырь? Она будетъ сопранизировать котовъ! да, котовъ! право стыдно, что медицинскій факультетъ не открылъ до сихъ поръ этого удивительнаго специфическаго средства! Ты, быть можетъ, думаешь, что я шучу,—увы, все это буквально вѣрно, мнѣ и на мысль не приходитъ тебя обманывать, только ради Бога никому объ этомъ не говори. Ты не можешь себѣ представить, что стало теперь съ батюшкою", писалъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе графъ Андрей Кириловичъ, „кѣмъ онъ окруженъ и чтò за жизнь у него здѣсь. Ты никогда не могла бы ее вынести" [1]).

Иногда, пріѣздъ молодыхъ внуковъ графа Кирилы Григорьевича, нѣсколько оживлялъ мрачный Батуринскій домъ. Графъ Петръ Алексѣевичъ Разумовскій, Алексѣй Васильевичъ Васильчиковъ, Викторъ Павловичъ Кочубей съ молодою женою, Гудовичи, Апраксины посѣщали изрѣдка стараго фельдмаршала. Послѣднихъ, впрочемъ, старикъ Разумовскій недолюбливалъ, за то безъ ума любилъ перваго, который одно время числился при немъ адъютантомъ.

„Мы вчера и сегодня были „very busy", снаряжая въ путь племянника моего Петра. Къ нему прицѣпили и другого племянника, разслабленнаго Апраксина, отъ котораго, между нами будь сказано, очень рады были отдѣлаться. Батюшка возненавидѣлъ этого несчастнаго, за то перваго считаетъ совершенствомъ".

10 Декабря 1800 года, графъ Андрей Кириловичъ назначенъ былъ

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

сенаторомъ. Онъ поскакалъ въ Петербургъ. Между имъ и отцомъ снова завязалась переписка, но графъ Кирила Григорьевичъ уже не могъ писать самъ и съ трудомъ подписывалъ даже свои письма. „Изъ подписи моей вы увидите", гласитъ постскриптумъ къ письму отъ 20 Января 1801, „какъ мнѣ трудно подписывать дрожащею моею рукою. Въ Петербургѣ много есть мастеровыхъ, не могутъ ли они придумать сдѣлать такую машинку, которая могла-бы удерживать дрожаніе оной при подписи".

Вообще письма этой эпохи носятъ явный отпечатокъ секретарскаго стиля. Только изрѣдка здѣсь и тамъ проявляется увядающій уже юморъ старика фельдмаршала. „Что до моего здоровья", писалъ онъ отъ 8 Февраля 1801 г., „оно въ такомъ же почти положеніи, какъ когда вы меня оставили, но кашель нѣсколько дней крайне меня мучитъ. Сколько Чубукъ ни чинилъ меня своими дрогами и лекарствами, но наконецъ сталъ въ пень; и такъ я страдаю, а онъ, вылупя глаза, на меня смотритъ".

Но, несмотря на страданія, Кирила Григорьевичъ продолжалъ зорко слѣдить за своими дѣлами. Выписываемъ здѣсь нѣкоторыя изъ писемъ 1801 года.

I.

Любезный сынъ графъ Андрей Кириловичъ, земли въ Саратовской губерніи по опекунскому межеванію отъ деревень матери вашей отрѣзаны къ поселенію иностранныхъ; нынѣ по состоявшемуся въ прошломъ году всевысочайшему указу, велѣно возвратить такимъ же числомъ, сколько было отъ оныхъ деревень отрѣзано. Но силу сего указа по теперешнемъ тамъ генеральномъ межеваніи члены межевой конторы не всѣ за одно пріемлютъ, о чемъ вы увидите изъ записки, у сего включенной. Къ отвращенію сего затрудненія отъ повѣреннаго моего имѣетъ быть подано въ Сенатъ прошеніе, о которомъ извѣститъ васъ братъ вашъ графъ Алексѣй Кириловичъ, но съ вашей стороны нужно при томъ дѣятельное стараніе къ достиженію желаемаго, на каковой конецъ не оставьте употребить всевозможныя средства и убѣжденія при врученіи господамъ сенаторамъ, кто изъ нихъ посильнѣе, записокъ, оное дѣло объясняющихъ и приласкайте къ себѣ оберъ-секретаря Стражева, поелику таковаго рода люди важное имѣютъ вліяніе по дѣламъ, отъ нихъ зависящимъ... 26 Февраля 1801, Батуринъ.

II.

Батуринъ, 25 Марта, 1801.

Письма ваши дошли ко мнѣ всѣ исправно... Откровенность ваша, въ нихъ обнаруженная, убѣждаетъ меня изъявить вамъ искреннюю признательность, равно какъ и за дѣятельные подвиги въ исполненіи моихъ порученій. Фазаны ваши отъ Лашкевича сюда присланы 24 штуки, изъ коихъ 6 послала къ вамъ гр. Софья Осиповна, но не знаю какъ они къ вамъ довезены, равно и олень съ ними полученъ. Фазаны были въ хорошемъ состояніи, а олень немного тронулся, такъ что поваръ сказалъ и употреблять его иначе нельзя, какъ надобно мариновать, что̀ и велѣлъ ему учинить. Касательно брошуровъ (brochures), о коихъ вы ко мнѣ пишете, что г. Лашкевичъ хотѣлъ при сей посылкѣ присовокупить, сколько я ни рылся, но оныхъ сыскать не могъ, слѣдственно г. Лашкевичъ ихъ не посылалъ. Относительно до посольства вашего въ Парижѣ, первую вѣдомость получилъ я отъ брата вашего, графа Алексѣя Кириловича, изъ Москвы, а потомъ такіе же слухи доходить ко мнѣ стали и изъ здѣшнихъ мѣстъ. Сколько я не сомнѣвался не вѣрить сему, но началъ было колебаться, пока вы теперь меня въ томъ переувѣрили въ письмѣ своемъ, черезъ Миклашевскаго полученномъ. Описать вамъ не можно всеобщаго восхищенія и радости, произведенной восшествіемъ на престолъ Е. И. В. Александра Павловича. Артиллерійская команда съ ихъ шефомъ Бреверномъ, слѣдующая чрезъ Батуринъ въ Москву на ревю къ 10-му Мая, получивъ по именному повелѣнію приказаніе возвратиться обратно въ Кіевъ, торжественно сей обратный путь пріемлетъ и несказанно довольна сею перемѣною. Надѣюсь, что вы нынѣ царствующимъ Императоромъ счастіе имѣете пріемлемыми быть благосклонно. Поручаю вамъ избрать добрый случай повергнуть меня, со всѣми вами, къ стопамъ Его Величества и принесть достодолжное мое поздравленіе съ благополучнымъ Е. В. восшествіемъ на престолъ. Я молю Всевышняго, дабы онъ даровалъ ему многолѣтное, счастливое надъ нами царствованіе и поручаю себя со всею моею фамиліею во всевысочайшее Е. В. покровительство. Чрезъ Давыдова, отправленнаго отъ Великаго Князя Константина Павловича для закупки лошадей, я получилъ изъ Кошаръ отъ Францена письмо ваше, его же самого не видалъ, да и нужды въ томъ нѣтъ, ибо они могутъ толковать о ихъ дѣлѣ съ Франценомъ. Съ новымъ генералъ-прокуроромъ совѣтую вамъ имѣть знакомство, а буде можно и дружбу, ибо онъ по дѣламъ моимъ въ Сенатѣ всегда быть можетъ нужнымъ, яко человѣкъ дѣловой

и справедливый. Здоровье мое въ томъ же положенiи, какъ при васъ было; руки болятъ и ноги также.

О здѣшнемъ исправникѣ когда вы уже говорили съ Козодавлевымъ и онъ явилъ свою податливость, то пожалуй еще къ нему потолкайся, чтобы сей человѣкъ оставленъ былъ при прежнемъ мѣстѣ, яко человѣкъ въ должности своей исправный.

III.

Батуринъ, 15 Апрѣля, 1801.

По дѣлу съ Танскимъ принесены Сенату отъ стороны нашей такiя обстоятельства, кои требуютъ, въ разсужденiи исполняемаго указа, поспѣшнѣйшаго разрѣшенiя, и хотя повѣренный мой въ Петербургѣ не оставленъ и доходитъ до полезной резолюцiи надобной, какъ вы увидите изъ копiи указа, у сего включаемаго, но, для достиженiя желаемаго, рекомендую и вамъ со стороны своей употребить къ тому всевозможное старанiе. У насъ новаго ничего нѣтъ, нога моя болѣе разбаливается и руки тоже. Американское масло ни мало не пособляетъ. Или болѣзнь такого рода, что не можетъ сiе лекарство преодолѣть его, или оно составлено шарлатаномъ и потому недѣйствительно. Впрочемъ, я давно не получаю отъ васъ никакихъ извѣстiй, а теперь должны быть у васъ повседневныя любопытныя перемѣны, о коихъ мнѣ знать бы хотѣлось, теперь же и почты не стѣснены. По написанiи сего получилъ я ваше письмо, при которомъ приложены стихи, напечатанные на восшествiе Государя Императора, изъ котораго я увидѣлъ, что вы направляете стопы ваши въ Вѣну. Кажется, что лучше для васъ и для фамилiи нашей было бы, если бы по званiю вашему назначали приличное вамъ мѣсто къ занятiю въ своемъ отечествѣ, а не внѣ онаго; но когда уже то сдѣлано сходно съ желанiемъ вашимъ, то сему такъ уже быть, а потому и ожидаю того времени, въ которое буду имѣть удовольствiе васъ видѣть, такъ какъ вы путь свой предпринимаете учинить на сiе мѣсто. Хотя передъ симъ поручилъ я вамъ принести всеподданнѣйшее поздравленiе Е. И. В., но теперь, убѣжденъ будучи совѣтами сдѣлать то на письмѣ, препровождаю здѣсь таковое съ копiею для прочету вашего и съ тѣмъ, чтобы вы по разсужденiю вашему, какъ за благо признаете, учинили по дѣлу онаго или бы и оставили безъ поднесенiя. Вручители сего гг. Гудовичи —одинъ генералъ-поручикъ, а другой бригадиръ, оба поѣхали искать службы у Государя. Если вамъ удастся за нихъ слово замолвить, то рекомендую такого случая не пропустите" [1]).

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

Вотъ письмо, которымъ среди своихъ немочей графъ Кирила Григорьевичъ привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Александра I.

„Всемилостивѣйшій Государь. Достигшее до здѣшняго края всерадостное извѣстіе, о восшествіи В. И. В. на прародительскій престолъ, принесло и мнѣ, удрученному ветхостію лѣтъ и изнеможенному вѣрноподданному, радость неизреченную. Вѣдаю, что довлѣло бы, не взирая на всѣ немощи мои и великость разстоянія, пасть къ освященнымъ стопамъ В. И. В. со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ, но немощи, меня безпрерывно удручающія, по истинѣ столь велики, что не токмо предпринять столь дальній переѣздъ не въ силахъ, но, бывъ лишенъ владѣнія рукъ, по сіе время не былъ въ состояніи принести оное и письменно. Теперь же, получа ослабѣвшимъ моимъ рукамъ весьма малое облегченіе, первое счастливѣйшее для меня изъ нихъ употребленіе дѣлаю, подписывая сіе приносимое В. И. В. всеподданнѣйшее мое поздравленіе и повергая себя мысленно къ стопамъ В. В., повергаю купно и всю мою фамилію, препоручая какъ себя, такъ и дѣтей моихъ въ высокомонаршую милость В. И. В. Пріими оное, Всемилостивѣйшій Государь, отъ вѣрноподданнаго, служившаго многіе годы въ Бозѣ почивающимъ предкамъ твоимъ и нынѣ служить бы желающаго, если бы немощи, препятствующія тому, не лишили сего счастія. Обѣщаемое В. И. В. правленіе по законамъ и по сердцу вселюбезныя бабки вашея, въ бозѣ почивающей Императрицы Екатерины Великія, восхитившее всѣхъ вѣрноподданныхъ до степени неизъяснимой, восхитивъ меня и какъ бы обновивъ истощенныя мои силы, подаетъ мнѣ изнеможенному, но усердіемъ пылающему, неизмѣнную надежду, что сіе мое приношеніе будетъ принято благосклонно“.

Апрѣля, 15 1801, Батуринъ [1]).

Государь отвѣчалъ немедленно слѣдующимъ рескриптомъ отъ 15-го Мая того же года: „Графъ Кирила Григорьевичъ. Послуживъ вѣрно и ревностно толикимъ монархамъ, нося и оправдывая на себѣ ихъ милости, вы имѣете все право наслаждаться въ нѣдрѣ покоя вашего всеобщимъ уваженіемъ и отличнымъ моимъ благоволеніемъ. Примите истинную мою признательность за поздравленіе ваше и желанія, его сопровождающія. Я увѣренъ, что мольбы столь почтенной старости пріятны будутъ Небесамъ. Молю Всемогущаго да ниспошлетъ вамъ силы и здоровье, и западъ жизни вашей да исполнится тихія радости, неотъемлемой и единой истинной награды добрыхъ дѣлъ. Пребываю вамъ всегда доброжелательнымъ. Александръ“. [2]).

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) Бан.-Каменскій, „Біогр. фельдм.“, I, 245.

„Послѣднее письмо ваше",—писалъ Разумовскій къ графу Андрею Кириловичу, „отъ 20 мая 1801, съ Михайломъ Павловичемъ Миклашевскимъ отправленное, дошло ко мнѣ исправно. Благодарю за подвигъ вашъ по дѣлу моему въ Сенатѣ съ Танскимъ, но уже оное кончили мы здѣсь миромъ, онъ уничтожилъ свою претензію на степь, а я за то сдѣлалъ ему нѣкоторую уступку. Мировая о томъ сдѣлка утверждена на судѣ и дѣло оное предано вѣчному забвенію. На прошедшей недѣлѣ братъ вашъ Алексѣй Кириловичъ съ М. В. Гудовичемъ отправились въ Яготинъ присутствовать при освященіи тамъ храма. Болѣзнь ноги моей не позволяетъ мнѣ предпріять сего пути, давно мною желаемаго, чтобы освященіе оное совершено было въ присутствіи моемъ. Гр. Софья Осиповна тоже полагала туда ѣхать, но не могла дождаться изъ Ляличь Вѣры Николаевны [1]), дѣти у сей занемогли и такъ путь сей ихъ отложенъ. Не знаю какъ они поспѣютъ въ Кіевъ, куда онѣ обѣ намѣреніе положили ѣхать. У насъ жары несносныя и давно нѣтъ дождей. Деревья цвѣли хорошо. Отъ суши появился червь, который всѣ листья на яблокахъ объѣлъ и нѣтъ никакого средства спасти ихъ отъ инсектовъ. Кромѣ болѣзни въ ногѣ и руки мнѣ худо служатъ, при томъ еще не прекращается и кашель, сильно меня обезпокоивающій.

P. S. При отъѣздѣ вашемъ отсель врученъ вамъ экстрактъ по дѣлу съ Бороздною за села Радумку, въ Шептаковской волости состоящую, которое дѣло находится подъ разсмотрѣніемъ Сената. По Бороздиѣ претендентомъ теперь Стороженко и, сказываютъ, поѣхалъ уже въ Петербургъ, гдѣ, можетъ быть, стряпать будетъ по сему дѣлу. Говорятъ также, что ему благопріятствуетъ и генералъ-прокуроръ. Не оставьте приказомъ повѣренному Завацкому, дабы выправился по Сенату, въ какомъ дѣло сіе находится положеніи. Если предусмотрится опасность, то я васъ уполномочиваю съ претендентомъ Стороженкомъ вступить въ мирные переговоры. Онъ здѣсь имѣетъ хорошую о себѣ репутацію и склоненъ къ миролюбію, что и обѣщаетъ благо и сему дѣлу конецъ" [2]).

Вотъ наконецъ послѣднее изъ дошедшихъ до насъ писемъ старика Разумовскаго:

Батуринъ, 11 іюня 1801.

Письмо ваше отъ 14 мая я получилъ и за увѣдомленіе пріятное для меня о дѣлахъ моихъ Нарышкинскомъ и Гадяцкомъ, по коимъ ласкаете вы надеждою, что кончатся въ пользу нашу, изъявляю вамъ искрен-

---

[1]) Графиня В. Н. Завадовская.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

нюю мою признательность, такъ какъ увѣренъ я, что вашимъ стараніемъ на сію дорогу поставлены дѣла оныя. Теперь остается ожидать, чтобъ кончились по желанію. Касательно перемѣны военной службы на статскую внукомъ моимъ, а вашимъ племянникомъ графомъ Петромъ, тогда сіе было необходимо, но теперь, когда всякъ обезпеченъ въ своемъ постѣ, якоже гласитъ писаніе: „хощеши ли не боятися власти, твори благое", могутъ безпечны быть и по военной и по гражданской части служащіе правдою. Не меньше меня удивляетъ и брата вашего графа Алексѣя Кириловича, что оба его сыновья къ вамъ не показываются и что вы ихъ не видите ни при дворѣ, ни въ домахъ, въ коихъ бываете. Сохраняя правила родства, вы можете, призвавъ ихъ къ себѣ, сдѣлать имъ примѣчаніе, что они упускаютъ родственный долгъ въ частомъ съ вами свиданіи и отецъ ихъ хотѣлъ къ вамъ писать и просить васъ, дабы вы по сему обстоятельству ихъ не оставили" [1]).

Страданія стараго фельдмаршала все усиливались; онъ наконецъ рѣшился ѣхать за границу. Съ этою цѣлью графъ Андрей Кириловичъ заказалъ для отца въ Лондонѣ карету особаго устройства. Карета эта была сдѣлана такъ, что посредствомъ довольно хитраго механизма задокъ откидывался и въ нее можно было вкатывать постель. „Одинъ изъ купцовъ нашихъ, Филимоновъ, ежегодно бывающій въ Вѣнѣ, возвращается назадъ черезъ Батуринъ, спѣшу черезъ него сообщить вамъ, что въ Лондонѣ отлично поняли мой заказъ", писалъ графъ Андрей къ отцу отъ 27 Ноября 1801 года, „но карета не можетъ быть готова и къ вамъ доставлена ранѣе Мая. По вашему приказанію я подписалъ васъ на тѣ Французскія и Нѣмецкія газеты, которыя мнѣ показались лучшими. Въ то же время вы мнѣ писали, что не желаете болѣе получать журнала Гуфланда и Лондонскаго курьера. Прилагаю при семъ записку тѣмъ журналамъ, на которые я васъ подписалъ, а равно другихъ, которыхъ рекомендуетъ здѣсь книгопродавецъ" [2]). Вотъ журналы, на которые подписанъ былъ графъ Кирила Григорьевичъ:

„Journal de Francfort", „Mercure Universel", „Spectateur du Nord", „Journal des Modes", „Hamburger Zeitung" и „Salzburger Journal". Книгопродавецъ рекомендовалъ еще: „Le Nord littéraire par Olivarius" (4 cahiers par année), „Le Mercure de France" (24 №№ par année), „La décade philosophique (36 №№ par année), „L'esprit des journaux", (12 cahiers par année), „Annales des arts et des manufactures" (12 cahiers par anneé) [3]). Въ то же самое время сынъ пересылалъ отцу бан-

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.

дажи, заказанные по запискамъ Дуссика въ Вѣнѣ, надъ исполненіемъ которыхъ наблюдалъ самъ знаменитый Франкъ. Но бандажи, съ нетерпѣніемъ ожидаемые, оказались не годными. Что́ еще болѣе поразило графа Кирила Григорьевича, это была смерть Чубука его, иначе доктора Дуссика, стараго Чеха, съ которымъ онъ вѣчно бранился, но безъ котораго онъ не могъ ни на минуту обойтись. Эстафеты полетѣли въ Вѣну съ требованіями новаго доктора. Графъ Андрей Кириловичъ рекомендовалъ ихъ нѣсколько, но особенно Француза Бальо (Baillot). „Это именно такой человѣкъ, какого", писалъ графъ Андрей, „вы уже давно желаете, онъ имѣетъ при отличныхъ манерахъ (bon-ton) весьма много познаній, благодаря которымъ общество его весьма пріятно, однимъ словомъ, это человѣкъ совершенно благовоспитанный (un homme de mise), который можетъ вполнѣ пополнить тотъ недостатокъ въ общительности, на который вы такъ часто жаловались и которымъ такъ страдалъ покойный докторъ вашъ съ его отталкивающими манерами. Одно только затрудненіе, это то, что Бальо незнаетъ понѣмецки и потому не будетъ въ состояніи познакомиться съ журналомъ вашей болѣзни, который велъ Дуссикъ" [1]). Этотъ Клодъ Бальо, деканъ Ліонскаго медицинскаго факультета и пр. и пр. и пр., поступилъ къ графу Кирилѣ Григорьевичу на слѣдующихъ условіяхъ: путешествіе доктора и его камердинера, изъ Вѣны въ Батурина и обратно, въ случаѣ если ему будетъ отказано, оплачивается фельдмаршаломъ; 2) онъ получаетъ полное содержаніе и кромѣ того, 500 Голландскихъ дукатовъ (по тогдашнему счету 2500 руб.) годового жалованья. Жалованье это ежегодно увеличивается на 150 дукатовъ; 3) въ случаѣ кончины графа, Бальо получаетъ пожизненный пенсіонъ, равный двумъ третямъ того жалованья, которое онъ будетъ получать въ тотъ годъ, когда это несчастіе случится. Въ случаѣ же смерти Бальо, половина того же пенсіона достается его женѣ. Со смертію Дуссика рушились планы заграничнаго путешествія.

Въ письмѣ отъ 19 Марта Андрей Кириловичъ пишетъ, что карета, какъ ему сообщаютъ изъ Лондона, оказывается чудомъ совершенства (un chef d'oeuvre de perfection),—онъ говоритъ о томъ, какъ ее доставить въ Россію, совѣтуетъ это сдѣлать моремъ, не отправляя, какъ предполагалъ старикъ фельдмаршалъ, за нею нарочнаго въ Лондонъ, а адресуя ее прямо въ Петербургъ на имя Бервика, зятя Штатера. „Но увы", продолжаетъ онъ, „какъ я глубоко пораженъ тѣмъ, что всѣ эти распоряженія не имѣютъ уже цѣлью предположенное путешествіе, которое было бы такъ полезно для вашего здоровья и въ то же время такъ бы меня осчастливило. Я все надѣюсь, что лѣ-

---

[1]) Тамъ же.

томъ, когда пріѣдутъ докторъ и карета, вы рѣшитись ѣхать. Я въ отчаяніи, заключаетъ онъ, отъ того, что̀ случилось съ вашими газетами! Это не могло быть по приказанію Государя нашего, вамъ бы слѣдовало, любезный батюшка, написать объ этомъ Трощинскому или графу Кочубею...." [1]). Карета была выставлена въ Лондонѣ и ее показывали за деньги; мастеръ, какъ въ то время увѣряли, выручилъ такимъ образомъ до 5000 рублей. Ввозъ иностранныхъ экипажей въ царствованіе Павла I былъ строго запрещенъ, и надо было имѣть особенное дозволеніе отъ Государя на провозъ кареты. Императоръ Александръ Павловичъ немедленно разрѣшилъ его, и когда карета прибыла въ Петербургъ, потребовалъ, чтобы ее привезли для осмотра сперва на Каменный островъ, а потомъ къ вдовствующей Государынѣ въ Павловскъ. Съ доставкою въ Батуринъ карета обошлась въ 18,000 тогдашнихъ рублей. Фельдмаршалъ захотѣлъ ее попробовать, но она оказалась слишкомъ грузною: 8 лошадей послѣ 4-хъ-верстной ѣзды едва могли ее довезти домой [2]). Карета эта въ концѣ сороковыхъ годовъ еще хранилась въ Батуринѣ.

Въ 1802 году страждущій Разумовскій былъ пораженъ смертію сына Ивана, скончавшагося отъ чахотки въ Италіи. Послѣ него осталось много долговъ, старикъ нуждался въ деньгахъ, и это его крайне мучило. Новый докторъ не былъ въ состояніи уменьшить физическихъ страданій. Отправлено было описаніе болѣзни въ Парижъ въ тамошній медицинскій факультетъ, но Французскіе доктора медлили отвѣтомъ. Къ тому же, камердинеръ Нѣмецъ, къ которому фельдмаршалъ привыкъ, отъ него отошелъ — все это усугубляло нравственную и физическую тоску бѣднаго страдальца. „Я глубоко огорченъ тѣмъ, что Англійская карета, которою я занялся съ такою заботою, что даже ночью о ней бредилъ, не удостоилась вашего одобренія“, писалъ графъ Андрей Кириловичъ отъ 22 Ноября 1802. — „Вотъ что̀ значитъ не наблюдать самому за работою, безъ себя никакъ нельзя поручиться, чтобы не произошло ошибки въ размѣрахъ; безъ сомнѣнія, если бы карета дѣлалась на моихъ глазахъ, всѣхъ тѣхъ недостатковъ, на которые вы указываете, не было бы. Я все надѣюсь, что найдется способъ поправить ошибку и сдѣлать способными къ употребленію тѣ усовершенствованія, которыя карета несомнѣнно имѣетъ. Ахъ, если бы она могла привезти васъ сюда, это было бы верхъ моихъ желаній, ибо, повторяю еще разъ, это было бы для васъ спасеніемъ. Вы жалуетесь, любезный батюшка, что докторъ не предпринимаетъ никакого способа леченія и ограничивается тѣмъ, что за вами наблюдаетъ. Безъ сомнѣнія, онъ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Фонъ-Гунъ, Поверх. замѣч. и пр.

ожидаетъ консультаціи изъ Парижа, которую вы вѣроятно уже получили, такъ какъ я ее къ вамъ отправилъ съ эстафетою. Я получилъ тому два дня письмо отъ графа Моркова [1]) касательно бандажей; онъ пишетъ, что они еще не готовы.... Вы мнѣ говорите, дорогой батюшка, что вы никогда такъ не нуждались въ деньгахъ, какъ теперь, и что вы никакъ не можете обойтись безъ займа, — это плачевная крайность и никто болѣе меня вамъ не можетъ соболѣзновать.... Вы меня напугали извѣстіемъ о бывшемъ у васъ землетрясеніи; по депешамъ, мною полученнымъ, въ тотъ же самый день, землетрясеніе чувствовали въ Константинополѣ и въ Валахіи. Слава Богу, что оно у васъ не причинило ни малѣйшаго зла" [2]). Хотя фельдмаршалъ жаловался на стѣсненное положеніе, однако, какъ видно изъ приводимаго ниже письма, онъ до конца жизни пользовался всѣми дарованными ему Елизаветою и Екатериною пенсіями:

„Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый государь.

Выполняя желаніе вашего сіятельства, въ почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ отъ 2 Августа сего года къ его высокопревосходительству, г. дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, государственному казначею и кавалеру барону Алексѣю Ивановичу Васильеву, предписано отъ экспедиціи государственныхъ доходовъ С.-Петербургскому штатному казначейству, дабы оно слѣдующія вамъ, милостивый государь, въ пенсіонъ за майскую сего года треть деньги 21,450 р. отпустило его сіятельству графу Петру Кириловичу. О семъ поставляя долгомъ увѣдомить ваше сіятельство, имѣю честь быть и пр. Ѳедоръ Голубцовъ. Августа 28 дня 1801 года" [3]).

Не долго пришлось еще графу Кирилѣ Григорьевичу пользоваться пенсіями и человѣческими почестями. Ни новый докторъ, ни совѣты парижскихъ медиковъ, ни заказанные въ Парижѣ бандажи не могли уже остановить быстраго хода его болѣзни. Страданія усиливались, силы слабѣли. Фельдмаршалъ уже почти не могъ двигаться. Вышеприведенное письмо графа Андрея Кириловича было однимъ изъ послѣднихъ имъ полученныхъ. Батуринскій домъ становился все мрачнѣе и мрачнѣе. Въ 1802 году его однако еще озарилъ лучъ радости. Старикъ фельдмаршалъ благословилъ внуку свою, графиню Варвару Алексѣевну, на бракъ съ княземъ Репнинымъ. Свадьбу отпраздновали въ Батуринѣ въ домовой церкви. Вслѣдъ за этимъ графъ Левъ Кириловичъ привезъ къ отцу красавицу жену свою. Бракъ этотъ былъ старику не по сердцу [4]).

---

[1]) Графъ Морковъ былъ въ то время посломъ въ Парижѣ.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[3]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

[4]) Графиня М. Г. Разумовская вторично вышла замужъ при живомъ первомъ мужѣ.

Но добрая, милая и любезная, графиня Марья Григорьевна съумѣла плѣнить умирающаго старца, который осыпалъ ее ласками [1]). За 4 мѣсяца до своей кончины графъ Кирила Григорьевичъ ѣздилъ осматривать церковь (гдѣ онъ и похороненъ), которая въ то время еще строилась. Это была его послѣдняя прогулка. Онъ окончилъ жизнь 3-го Января 1803 года.

Графъ Кирила Григорьевичъ похороненъ въ трапезѣ Батуринской церкви Воскресенія Христова [2]). Графъ Андрей Кириловичъ, получившій Батуринъ въ наслѣдство, поставилъ надъ могилою отца мраморный памятникъ въ видѣ пирамиды съ гербомъ, урною и рельефнымъ медальономъ покойнаго, окруженнымъ лавровымъ вѣнкомъ. Надгробная надпись гласитъ:

„Здѣсь покоится тѣло Его Сіятельства Господина Генералъ-Фельдмаршала, Сенатора, Дѣйствительнаго Камергера и орденовъ Россійскихъ св. Апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра-Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голштинскаго св. Анны кавалера, графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, родившагося 1728 года Марта 18 дня и скончавшагося въ Батуринѣ 1803 года Января 9 дня въ 2 часа пополудни. Житія его было 74 года 9 мѣсяцевъ и 22 дня".

Противъ памятника въ деревянной рамкѣ сохраняется шитый гербъ Разумовскаго. Въ алтарѣ находилось стальное узорчатое кресло, формою похожее на курульный стулъ, принадлежавшее гетману [3]); сѣнь надъ престоломъ изъ серебрянаго глазета служила, по преданію, балдахиномъ надъ катафалкомъ фельдмаршала. Сверхъ того, у входа въ церковь съ лѣвой стороны находится картина, изображающая Божію Матерь, которая, говорятъ, перенесена изъ покоевъ графа Кирилы Григорьевича. Въ самомъ Батуринѣ въ саду П. А. Кочубея, называемомъ Кочубеевщина, существуетъ еще дубовый пень, на которомъ, по преданію, любилъ садиться Разумовскій.

---

[1]) Изъ разсказовъ гр. Маріи Григорьевны Разумовской.

[2]) Изъ церковной описи видно, что церковь Воскресенія Христова выстроена въ 1803 году. Она далеко некрасива и послѣ смерти Разумовскаго ее додѣлали кое-какъ. Народное преданіе гласитъ, что на мѣстѣ, гдѣ теперь церковь, стоялъ какой-то Мазепинъ столбъ, который былъ такъ великъ, что когда сломали его, то получили нѣсколько пудовъ желѣза, много денегъ и кирпича столько, что его стало на построеніе почти всей церкви („Черниговскія Губ. Вѣд.", 1860, м. Батуринъ).

[3]) Кресло это недавно продано мѣстнымъ духовенствомъ Петру Аркадіевичу Кочубею.

Конецъ первой части.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ДИПЛОМЪ НА ГРАФСКОЕ РИМСКОЙ ИМПЕРІИ ДОСТОИНСТВО.

Diploma S. R. Imperii Comitis cum Praedicato Illustris et Magnifici pro Alexio Gregorovio de Rasumoffski et eius Descendentibus legitimis. dd-o Francofurti die 27 Aprilis 1744.

Nos Carolus Septimus etc. (titulus integer.) Agnoscimus et notum facimus tenore praesentium universis: Quae per latissimos Romani Imperii fines digna passim bene merentibus virtutum Praemia distribuit, eadem et in Exteros se diffundit inexhausta Caesareae benignitatis Ubertas, et eos, qui amicitiae, foederisve nexu sibi devinctis Principibus et Populis Domi militiaeve strenuam operam navantes, nobilioris indolis praeclara documenta edunt, augustis Munificentiae suae radiis ita collustrat, ut supremo Caesareae Maiestatis Throno propius admoti, Sacrique Imperii Civitate donati, fulgentissimis honorum et iurium titulis per omnem terrarum orbem conspicui reddantur.

Intelligentes igitur celebrem familiam Alexii Gregorovii de Rasumoffski supremi in Aula Russica Venationum Praefecti, locumtenentis praetoriae cohortis et actualis primarii Camerarii, nec non Russicorum Ordinum Sancti Andreae et Sancti Alexandri ac Holsatici Sanctae Annae Equitis Originem suam ex Polonia trahere, et a Romano Rozynski, inde in Russiam delato descendere, ibique et praesertim in Civitate Koselesk Districtus Kioviensis sedem fixisse, et non solum insignibus meritis et obtentorum munerum claritate conspicuam se reddidisse, sed etiam a datis subinde salutaribus consiliis cognomen Rasumoffsky adeptam esse.

Considerantes praeterea ipsius Alexii Gregorovii de Rasumoffski praestantes animi ingeniique dotes, in rebus agendis fidem, zelum et dexteritatem, quibus se et familiam suam ornavit et ulterius ornare pergit, atque multifariis in occasionibus se adeo commendatum reddidit, ut in Aula Russica Dignitatibus supra recensitis gratificatus et ordinibus praememoratis donatus fuerit; ideoque certo confisi fore, ut nullam de Nobis, Sacroque Romano Imperio et Augustâ Domo Nostrâ bene merendi occasionem praetermittat, Nos dignum omnino censemus, ut eidem gratiam Nostram Caesaream peculiari quodam monumento ad seram Posteritatem transmittendo testemur.

Quapropter motu proprio ex certa Nostra scientia, animo bene deliberato, et de Caesareae Nostrae Potestatis plenitudine praefatum Alexium Gregorovium de Rasumoffski eiusque liberos, Posteros et Descendentes utriusque Sexus, ex legitimo thoro natos et nascituros, veros Nostros et Sacri Romani Imperii Nostrarumque Ditionum haereditariarum Comites creamus, dicimus ac nominamus et Comitum seu Comitatus

A*

titulo, honore ac Dignitate insignimus et condecoramus, aliorumque Nostrarum et Sacri Romani Imperii nec non Ditionum Nostrarum haereditariarum Comitum Numero, Coetui ac Consortio adscribimus et aggregamus.

Decernentes et hoc Nostro Caesareo Edicto statuentes dictum Alexium Gregorovium de Rasumoffski, omnesque Eius liberos et Posteros legitimos utriusque Sexus natos et omni posthac tempore nascituros S. R. Imperii Comitum appellatione tam in literis, quam viva voce uti, et ubivis locarum ac terrarum in quibuscunque negotiis et actionibus veros Comites dici et haberi, omnibusque et singulis Privilegiis, Exemptionibus, libertatibus, honoribus et Praerogativis libere uti, frui, potiri et gaudere posse ac debere, quibus alii Sacri Romani Imperii, Ditionumque Nostrarum haereditariarum Comites ex antiqua Stirpe orti, quatuorque tales avos paternos et maternos numerantes in sacro Romano Imperio Nostrisque Ditionibus haereditariis utuntur, fruuntur et gaudent, de consuetudine vel de iure.

Ut autem eo luculentius de collata hac S. R. Imperii Comitatus Dignitate omni Posteritate constet, non solum gesta hactenus eius Insignia clementer laudamus et approbamus, sed ea sequentem in modum omni posthac tempore gerenda benigne concedimus videlicet:

Scutum militare erectum in forma decussis quadripartitum cum Parmula caerulea in medio, cataphractam argenteam duabus ex utraque parte Sagittis transversim confixam continente utpate avita familiae de Rasumoffski arma. In capite huius scuti seu decussis tres nigri et incensi pyroboli in fundo aures, in basi vero nigri coloris aureum inter tres stellas argenteas cantherium cernitur, ad denotandam Dignitatem suam apud Cohortem Praetoriam; ad latera vero in fundo caeruleis et argenteis Rhombis variegato imposita est dimidia aquila nigra e regione versa, in Signum gratiae Nostrae Caesareae et meritarum testimonium ex qua ipsa ratione etiam coronam S. R. Imperii Comitibus propeiam Scuto huic integro imposuimus. Superius vero eminent tres galeae torneariae pariter coronatae, clathratae ac suis monilibus et torquibus ornatae, quarum media argentea est, et Aquilam Imperialem corona, rostra et cruribus aureis sustinet, altera ad dextram posita vexillo caeruleo supra quod in Parmula descripta Cataphracta argentea conspicitur, et duabus rubeis in forma Crucis Sancti Andreae positis Sagittis ornatur, tertia et ad sinistram collocata Galea autem Mytram pyrobolariis cohortis Praetoriae propriam, dextrorsum versam, adhaerente ex utraque parte iugo alarum aquilinarum nigrarum, utrinque tribus stellis argenteis insignitarum ostentat. Laciniae defluentes a dextris nigrae et aureae a sinistris vero Caeruleae et argenteae sunt. Telamonum loco stat hinc Scythus armatus aperto capite et sinistra manu scutum sustineus, cuius superior vestis caerulea, inferior vero rubea, Pallium autem, cingulum, in quo Acinaces pendet, et calcaria argentea sunt, Scythicus Arcus, Pharetra et Acinaces ex auro; illinc vero se praesentat Polonus pariter armatus aperto Capite et dextra manu Clypeum tenens, cuius vestis superior rubea, et inferior caerulea est, manu altera hastam auream portans, ad denotandam originem familiae de Rasumoffski ex Polonia, et ibi praestita eius seruitia; prout haco omnia vivis coloribus hic accuratius delineata ante oculos ponuntur.

Locus Picturae:

Volentes et hoc Imperiali nostro Edicto statuentes saepe memoratum Alexium Gregorovium Nostrum S. R. Imperii Ditionumque Nostrarum haereditariarum Comitem de Rasumoffski omnesque eius natos et nascituros liberos legitimos Posteros et Descendentes utriusque Sexus supra scripta arma (Salvis ordinis cuiuscunque accedentibus Insigniis, aliisque ornamentis personalibus) deinceps in omnibus et singulis honestis et decentibus actibus, exercitiis atque expeditionibus libere, quiete, et sine omni pror-

sus impedimento gerere et adhibere, iisdemque pro libero voluntatis arbitrio quovis modo uti posse et valere.

Praeterea ut uberiori Caesareae Nostrae beneficentiae ac gratiae fructu gaudeant, dicto Alexio Gregorovio Comiti de Rasumoffski, eiusque Descendentibus, ut supra, hoc quoque Privilegium impertimur, ut deincepsa Nobis, Nostrisque in S. R. Imperio Successoribus Romanorum Imperatoribus ac Regibus titulo: Illustres et Magnifici, germanice hoch und Wohlgebohrn perpetuo nominentur, salutentur et praedicentur, ipsisque ex omnibus nostris Nostrorumque in S. R. Imperio Successorum Nobisque et Serenissimae Domui Nostrae subiectarum Ditionum Cancellariis titulus et appellatio: Illustres et Magnifici, germanice hoch und Wohlgebohrn detur et tribuatur, quemadmodum in hunc ipsum benignae mentis ac voluntatis Nostrae Caesareae effectum hoc dictis Nostris Cancellariis ad supplicem petitionem per Caesarea Decreta stricte mandabimus et iniungemus.

Ideoque etiam omnibus et singulis Nostris et S. R. Imperii Electaribus aliisque Principibus Ecclesiasticis et secularibus, Archiepiscopis, Episcopis, Ducibus, Marchionibus, Comitibus, Baronibus, Militibus, Nobilibus, Clientibus, Capitaneis, Vicedominis, Praefectis, Castellanis Officialibus, Civium Magistris, Judicibus, Consulibus, Heroaldis et Caduceatoribus, Civibus, Communitatibus ac omnibus denique Nostris et Sacri Romani Imperii Ditionumque Nostrarum haereditariarum subditis et fidelibus dilectis cuiuscunque Dignitatis, gradus, ordinis, et conditionis existant, mandamus et praecipimus, ut saepefatum Illustrem et Magnificum Nostrum Sacrique Imperii fidelem dilectum Alexium Gregorovium Comitem de Rasumoffski, eiusque ex legitimo thoro natos et nascituros liberos, Posteros ac Descendentes, utriusque Sexus in infinitum in dicto S. R. Imperii Comitum Statu, ordine et Dignitate permanere, omnibusque et singulis supradictis Privilegiis, Juribus, Consuetudinibus, immunitatibus, libertatibus, exemptionibus, honoribus et praerogativis in hoc Nostro Imperiali Diplomate concessis libere, quiete et absque ullo impedimento uti, frui, potiri et gaudere sinant, adeoque eos in omnibus et singulis defendant et tueantur, et alios, ne quid in contrarium faciant vel moliantur pro viribus impediant et prohibeant, sub poena gravissimae nostrae, et S. R. Imperii Indignatione, mulctœque ducentarum marcarum auri puri fisco seu aerario Nostro Caesareo et Parti laesae ex aequo toties sine spe remissionis pendendae, quoties temerario ausu aliquid contra huius Caesarei Diplomatis tenorem actum vel attentatum fuerit.

Caeterosquoque Nobis non subiectos Reges, Duces, Principes Ecclesiasticos et seculares, ac cuiuscunque ordinis homines pro status conditione fraterne, benevole, clementerque hortamur et requirimus, ut declaratae hic Nostrae voluntatis effectum quovis modo promoveant et tueantur, quo ipso rem facient Nobis pergratam, fraterno amoris affectu, benevolentia et gratia Nostra Caesarea quavis occasione rependendam.

Harum testimonio literarum manu Nostra subsriptarum et Sigilli Nostri Caesarei appensione munitarum, quae dabantur in libera Nostra et Sacri Romani Imperii Civitate Francofurto ad Moenum die vigesima septima Mensis Aprilis anno Domini millesimo septingentesimo quadragesimo quarto, Regnorum Nostrorum Romani et Bohemici tertio. Carolus.

V-t Ioann: Georgius Comes a Kōnigsfeld. Ad Mandatum Sacrae Caesareae Maiestatis proprium Christianus Teuber.

(Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива).

II.

ДИПЛОМЪ НА ГРАФСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Елисафеть Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимирская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ Государыня и Великая Княгиня; Новагорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кандійская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

На память будущихъ вѣковъ объявляемъ настоящею Нашею жалованною грамотою всѣмъ, хотя данная Намъ отъ Всевышняго самодержавная власть во Всероссійской Нашей наслѣдной Имперіи и принадлежащихъ къ ней пространнѣйшихъ Царствахъ, Княжествахъ и земляхъ тако распространяется, что всѣ достоинства и высокихъ степеней чести и преимущества, какъ издавна въ оной обыкновенныя, такъ по Высочайшему Нашему соизволенію нововведенныя, каждому по заслугамъ и по Нашей Императорской милости раздавать въ единомъ токмо Нашемъ благоволеніи состоитъ, однакожъ Мы въ награжденіи таковыми знатными степеньми, честьми и титлами въ Имперіи Нашей богатодарность Нашу обыкли изъявлять, разсматривая каждаго, а наипаче тѣхъ, которыхъ на степень знатнѣйшаго графскаго преимущества возвести, соизволяемъ особливыя заслуги и высокія достоинства.

И тако разсуждая, что любезно Намъ вѣрноподданный Нашъ Малороссійскій войска Запорожскаго обоихъ сторонъ Днѣпра Гетманъ, Нашего Императорскаго Величества дѣйствительный камеръ-геръ, Академіи наукъ президентъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и ордеповъ святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ, Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, по объявленной отъ брата его роднаго Нашего генерала лейбъ-компаніи Нашей капитана-поручика, оберъ-егермейстера, перваго Нашего дѣйствительнаго камеръ-гера, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковника и Россійскихъ орденовъ: святаго Апостола Андрея и святаго Александра Невскаго, такожъ Польскаго Бѣлаго орла и Голстинскаго святыя Анны кавалера, Россійскія и Римскія Имперіи, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, данной ему за подписаніемъ его Римскаго Императорскаго Величества Карла Седьмаго на графское достоинство Римскія Имперіи жалованной грамотѣ—происходитъ отъ знатной и благородной фамиліи Польскаго королевства Рожинскихъ, изъ которой Романъ Рожинскій, по прибытіи въ Россію, поселился въ Малороссійскихъ Нашихъ городахъ, гдѣ его потомки отъ своихъ полезныхъ заслугъ и многихъ благоразумныхъ совѣтовъ употребляемое нынѣ званіе Разумовскихъ получили.

А потомъ, усмотря его, Кириллы Григорьевича Разумовскаго, собственныя превосходныя дарованія, чрезвычайныя добродѣтели, остроту разума, въ дѣлахъ

вѣрность, ревность и справедливость, которыми онъ какъ себя, такъ и фамилію свою наиваще украсилъ и чрезъ то толикую себѣ похвалу заслужилъ, что отъ Насъ Императорскаго Величества въ 1743 году Апрѣля 24 дня во время его пребыванія въ чужихъ Государствахъ, куда онъ, по благородной своей къ полезнымъ наукамъ склонности, отъ Насъ Всемилостивѣйше былъ увольненъ, въ Наши камеръ-юнкеры произведенъ, а потомъ въ 1744 году Іюля 15 дня и честію Нашего Россійской Имперіи графа удостоенъ и пожалованъ, по возвращеніи же его въ Россію въ 1745 году Мая 29 дня въ Наши дѣйствительные камеръ-геры и въ томъ же году для оказанной его къ службѣ Нашей ревности кавалеромъ Голстинскаго ордена святыя Анны, а въ 1746 году Мая 21 дня въ разсужденіи разсмотрѣнной въ немъ особливой способности и пріобрѣтеннаго въ наукахъ искусства Нашей Академіи наукъ въ президенты Всемилостивѣйше пожалованъ, гдѣ онъ многими къ приращенію наукъ и художествъ касающимися и отъ Насъ Всемилостивѣйше аппробованными учрежденіями какъ Намъ, такъ и всей Имперіи Нашей, о которой въ просвѣщеніи ея благопристойными и полезными науками всегда наивящее Наше высокоматернее попеченіе есть, знатныя и полезныя услуги показалъ, за которыя его ревностныя старанія и Намъ благоугодныя службы въ томъ же году Іюня 29 дня кавалеріею святаго Александра Невскаго награжденъ, и понеже онъ при томъ достохвальными своими поступками и заслугами не токмо Наше, но и иностранныхъ государей почтеніе и милость себѣ заслужилъ и отъ оныхъ явными и великими знаками милости съ соизволенія Нашего награжденъ, а особливо въ 1748 году Сентября 5 дня отъ его Королевскаго Величества Польскаго Августа Третьяго орденомъ кавалеріи Бѣлаго орла чрезъ его публичнаго министра почтенъ и удостоенъ, также и отъ Насъ Императорскаго Величества за вышепоказанныя его вѣрныя службы того же числа Нашей лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникомъ Всемилостивѣйше пожалованъ; усмотря же неутолимую его въповѣренныхъ ему отъ Насъ чинахъ и должностяхъ ревность, сверхъ всѣхъ выше писанныхъ его достоинствъ, по учиненному по Высочайшему Нашему повелѣнію въ Малороссіи тамошняго народа вольными голосами избраніи его въ Гетманы, онъ Россійскія Имперіи графъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій, отъ Насъ Императорскаго Величества Нашимъ Малороссійскимъ войска Запорожскаго обоихъ странъ Днѣпра Гетманомъ прошлаго 1750 года Апрѣля 24 дня Всемилостивѣйше конфирмованъ и пожалованъ, о чемъ ему отъ Насъ Императорскаго Величества вышеписаннаго числа и объявлено, а въ Правительствующій Нашъ Сенатъ и во всѣ прочія мѣста въ Имперіи Нашей, куда надлежало, о томъ его пожалованіи дано знать Нашими указами, которому яко Гетману при всѣхъ торжествахъ и публичныхъ церемоніяхъ мѣсто имѣть съ Нашими генералами-фельдмаршалами, считаясь между оными по старшинству съ пожалованія въ чинъ, Всемилостивѣйше повелѣли и имѣя къ его персонѣ особливую Всевысочайшую довѣренность и благоволеніе и другими знатными привилегіями и преимуществами пожаловать и наградить его соизволили, и для того, желая ему, Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому, за вышеобъявленныя его службы новый и публичный знакъ Нашей Императорской милости показать, которой бы не токмо ему и его потомству въ вѣчныя времена къ особливой чести и славѣ и опрочимъ Нашимъ подданнымъ къ побужденію служить могъ, чрезъ вѣрныя и ревностныя службы Нашей Императорской милости достойными себя учинить, Всемилостивѣйше соизволили его Кириллу Григорьевича Разумовскаго по Нашей Императорской Самодержавной власти и силѣ не токмо въ данныхъ ему отъ Насъ и отъ иностранныхъ государей честяхъ и титулахъ милостиво

подтвердить, но разсудили за потребно ему во утвержденіе того и въ память будущихъ родовъ на вышепомянутую честь Графства дать сей Нашъ публичный Дипломъ, якоже мы симъ то исполняемъ.

И тако да будутъ во имя Бога Всемогущаго, отъ Него же всякое начало, честь и достоинство происходитъ, помянутый господинъ Кирилло Григорьевичъ Разумовскій и отъ него законорожденные и впредь рождаемые дѣти и ихъ наслѣдники и потомство мужскаго и женскаго пола нисходящей линіи въ знакъ Нашей Императорской милости, собственнымъ Нашимъ изволеніемъ самодержавною, отъ Бога врученною Намъ властію и благоусмотрѣннымъ Нашимъ разсужденіемъ въ Нашей Всероссійской Имперіи, Царствахъ, Княжествахъ и земляхъ пожалованы, почтены и именованы титуломъ Россійскія Имперіи Графовъ и Графинь съ приложеніемъ Сіятельныхъ, яко же Мы симъ и силою сего Нашего диплома его, Кириллу Григорьевича Разумовскаго, и отъ него законорожденныхъ и впредь рождаемыхъ дѣтей и ихъ наслѣдниковъ и потомство обоего пола нисходящей линіи въ Наши Россійскія Имперіи въ Графа и Графини возводимъ, опредѣляемъ и жалуемъ, повелѣвая и симъ Нашимъ Императорскимъ указомъ утверждая, дабы оныя съ вышеозначеннаго 15 числа Іюля 1744 года впредь въ вѣчныя времена силою сего Нашего возведенія отъ всѣхъ именовались какъ на письмѣ, такъ и на словахъ Россійскія Имперіи Графы и Графини сіятельные и какъ въ нашемъ, такъ и въ иностранныхъ Государствахъ всѣ права, привилегіи и преимущества, которыя достоинству тому приличествуютъ и принадлежатъ, получали, воспринимали и употребляли и при томъ Нашему Императорскому Величеству и наслѣдникамъ Нашимъ по должности своей во всѣхъ дѣлахъ вѣрно и радѣтельно, яко и прежде служили.

И дабы, сверхъ того, онъ Россійскія Имперіи графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій особливую Нашего Императорскаго Величества благоволеніе и милости склонность тѣмъ наипаче искусилъ; того ради Мы, тою же самодержавною властію ему и отъ него законорожденнымъ и впредь рождаемымъ дѣтямъ и ихъ наслѣдникамъ и потомству обоего пола нисходящей линіи, не токмо прежній ихъ родовой гербъ милостиво похваляемъ и подтверждаемъ, но и послѣдующимъ образомъ оный умножа вѣчно впредь во всякихъ случаяхъ безпрекословно употреблять жалуемъ и позволяемъ, а именно: военный прямостоящій вдоль золотымъ но черному полю раздѣланный щитъ съ изображеннымъ на немъ двоеглавнымъ двемя коронами коронованнымъ орломъ, крилie и когти распростертые, имѣющимъ перемѣнныхъ съ полями цвѣтовъ и въ знакъ Нашей къ нему Высочайшей Императорской милости на засвидѣтельствованіе его Намъ и Имперіи нашей показанныхъ знатныхъ заслугъ; а на груди сего орла является голубой щитокъ, содержащій серебряную двемя красными стрѣлами съ обѣихъ сторонъ поперегъ пробитую лату, яко родовой гербъ фамиліи Разумовскихъ, сверхъ всего щита наложена отъ Насъ обыкновенная графская Россійской Имперіи свойственная корона, надъ которою поставленъ графскій серебряный потомужъ коронованный шлемъ о девяти золотыхъ обручахъ, по краямъ золотомъ обложенный, съ висящимъ на немъ золотымъ клейнодомъ и стоящимъ сверхъ короны голубымъ прапоромъ и изображенную на немъ вышеписанною серебряною латою украшеннымъ, при которомъ приложены двѣ красныя на подобіе Андреева креста вверхъ летящія стрѣлы; по сторонамъ щита опустошенъ шлемовый наметъ, съ правой краснаго и чернаго цвѣтовъ, подложенный золотомъ, а съ лѣвой голубаго и краснаго, подложенной серебромъ; вмѣсто щитодержателей стоятъ съ одной стороны вооруженный скифъ съ открованною главою, лѣвою рукою щитъ держащій, у котораго верхнее одѣяніе

голубое, нижнее красное, епанча и поясъ, на которомъ виситъ сабля, серебряный лукъ, колчанъ и сабля золотые, а съ другой стороны такимъ же образомъ вооруженный полякъ съ обнаженною главою, щитъ правою рукою держащій, у котораго верхнее платье красное, а нижнее голубое, въ другой рукѣ золотое метательное копье имѣющій. Для показанія начала фамиліи Разумовскихъ изъ Польскаго королевства и для ихъ прежнихъ военныхъ службъ и храбрыхъ дѣйствій къ чему и приложенная подпись: FAMAM EXTENDERE FACTIS, то есть: славу умножать дѣлами. Склоняется такъ какъ все сіе въ настоящей Нашей жалованной грамотѣ надлежащими красками точнѣе изображенное зрѣнію представляется. Желая и симъ Нашимъ указомъ повелѣвая, дабы часто помянутый Нашъ вѣрнолюбезный Россійскія Имперіи Графъ, Кирила Григорьевичъ Разумовскій, и всѣ отъ него рожденные и впредь рождаемые законные дѣти и ихъ наслѣдники и потомство обоего пола нисходящей линіи вышеписанный гербъ (оставляя при томъ ненарушимо надлежащее съ симъ гербомъ соединеніе получаемыхъ отъ каждаго кавалерскихъ орденовъ и другихъ персональныхъ украшеній), какъ нынѣ, такъ и впредь, въ вѣчныя времена во всѣхъ честныхъ и пристойныхъ случаяхъ, дѣйствіяхъ и экспедиціяхъ, также въ письмахъ, въ печатяхъ, на домахъ и на домовыхъ вещахъ и вездѣ, гдѣ ихъ честь и другія случающіяся обстоятельства того потребуютъ, свободно, покойно и безпрепятственно имѣть и по своему изволенію употреблять могли. И того ради Мы, Всепресвѣтлѣйшая Великая Государыня Императрица Елисафетъ Первая, Самодержица Всероссійская, Нашей Всероссійской Имперіи вѣрнолюбезнымъ подданнымъ, какъ духовнымъ высшія и нижнія степени, такъ и мірскимъ въ Нашемъ Императорскаго Величества синклитѣ обрѣтающимся, всякаго чина и степени какъ военнымъ, такъ гражданскимъ и придворнымъ и генерально всѣмъ подданствомъ вѣрностію и послушаніемъ Намъ обязаннымъ, какого бы званія, достоинства и состоянія оные ни были Всемилостивѣйше и накрѣпко повелѣваемъ и указомъ Нашимъ имяннымъ утверждаемъ, а прочихъ потентантовъ, принцовъ и высокихъ областей дружебно просимъ, также и отъ прочихъ отъ всякаго по достоинству чина и состоянія благоволительно и милостиво желаемъ, дабы помянутаго Намъ и Всероссійской Нашей Имперіи вѣрнолюбезнаго Россійскія Имперіи Графа Кириллу Григорьевича Разумовскаго и отъ него законно рожденныхъ и впредь рождаемыхъ дѣтей и ихъ наслѣдниковъ и потомство обоего пола нисходящей линіи въ вѣчныя времена Нашими Россійскія Имперіи Графами и Графинями сіятельными признавали, почитали, писали и именовали и по Всемилостивѣйшему Нашему возвышенію предсѣдательство въ духовныхъ и сенаторскихъ совѣтахъ по достоинству онымъ позволяли и прочія преимущества и почтенія отдавали, которыя Мы по самодержавству Нашему Нашимъ Россійскія Имперіи Графамъ съ особливою милостію пожаловали и позволили, что все Мы подданнымъ Нашимъ исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникамъ Нашего Императорскаго гнѣва и пени ста фунтовъ чистаго золота, изъ котораго половина въ казну Нашу, а остаточное тому оскорбленному доправлено быть имѣетъ; прочимъ же потентантамъ, принцамъ и всѣмъ высокимъ областямъ взаимно въ таковыхъ же мѣрахъ воздавать обѣщаемъ. Яко же во свидѣтельство сей нашей къ помянутому Намъ вѣрнолюбезному Россійской Имперіи Графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому милости и достойнаго возвышенія Мы сію Нашу жалованную грамоту Нашею собственною рукою подписали и государственною Нашею печатію укрѣпить повелѣли. Дано въ Нашей резиденціи въ Санктпетербургѣ лѣта отъ

Рождества Христова тысяща семь сотъ пятдесятъ перваго, Марта перваго дня, Государствованія Нашего девятаго года.

На подлинномъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою подписано тако: Елисафетъ.

Канцлеръ Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(Изъ архива автора).

III.

ГРАМОТА НА ГЕТМАНСКОЕ ДОСТОИНСТВО.

Божіею носпѣшествующею милостію, Мы, Елисафетъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новгорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоэерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны повелительница и Государыня Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкасскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

Всѣмъ обще и каждому особливо, паче же Малороссійскому народу, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Мы, Великая Государыня Наше Императорское Величество, милосердуя о Нашихъ вѣрноподданныхъ Малороссійскаго народа и имѣя о благосостояніи онаго материнское попеченіе и призрѣніе, дабы сей изъ давныхъ временъ къ Нашей Имперіи благоприсоединенный народъ Малороссійскій, лучшимъ порядкомъ и совершеннымъ радѣніемъ былъ управляемъ и при своихъ издревле пріобрѣтенныхъ вольностяхъ и правахъ наилучше охраненъ и содержанъ: на Всеподданнѣйшее отъ Малороссійской старшины именемъ всего народа прошеніе, Высочайше и Всемилостивѣйше соизволили по прежнему обыкновенію, вольными голосами избрать Гетмана, яко то при предкахъ Нашихъ Всероссійскихъ Монархахъ и Императорахъ было, въ слѣдствіе же того Нашего Всемилостивѣйшаго соизволенія, при посланномъ къ тому избранію Нашего Императорскаго Величества генералъ-маіорѣ, лейбъ-компаніи подпоручикѣ и Ея Императорскаго Высочества Нашей Любезной племянницы Великой Княгини камеръ-герѣ и орденовъ святаго Александра и святыя Анны кавалерѣ, Графѣ Иванѣ Гендриковѣ 22 Февраля прошлаго 1750 года въ Глуховѣ отъ всѣхъ обще и Малороссійскихъ чиновъ и народы единогласно избранъ Гетманомъ природный малороссіянинъ Нашъ дѣйствительный камеръ-геръ, Академія Наукъ президентъ и Нашей гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ и орденовъ святаго Александра, Бѣлаго Орла и святыя Анны, кавалеръ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій, и со онымъ выборомъ, подписаннымъ всѣхъ при томъ бывшихъ духовныхъ персонъ, старшины и другихъ чи-

новъ руками. Для испрошенія Всевысочайшей Нашей конфирмаціи присланы генеральный бунчужный Демьянъ Оболонскій, Нѣжинскій полковникъ Семенъ Кочубей, бунчуковый товарищъ Илья Журманъ, да при нихъ суда Войсковаго генеральнаго писарь Иванъ Пиковецъ и Мы, Великая Государыня, Наше Императорское Величество, въ разсужденіи того по повелѣнію Нашему общаго вольными голосами Малороссійскаго избранія и будучи достаточно о службѣ, вѣрности и благоразуміи чрезъ хвалы достойное правленіе военныхъ и гражданскихъ порученныхъ дѣлъ увѣрены, его Графа Разумовскаго Гетманомъ Всемилостивѣйше конфирмовали и по учиненной Намъ, Великой Государынѣ, вѣрности своей, предъ святымъ Евангеліемъ, при крестномъ цѣлованіи, здѣсь, въ придворной Нашей церкви, при нашемъ канцлерѣ, дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ, Россійскихъ и другихъ орденовъ кавалерѣ, графѣ Алексѣѣ Петровичѣ Бестужевѣ-Рюминѣ, присягѣ войсковые клейноты, булаву, знамя, бунчукъ, печать и литавры отъ Насъ получилъ; послѣ чего онъ, подданный Нашъ Гетманъ, графъ Разумовскій, просилъ Наше Императорское Величество, дабы Мы пожаловали его на урядъ Гетманскій и на маетности на булаву, опредѣленныя жалованною Нашею грамотою и Мы, Всепресвѣтлѣйшая Державнѣйшая Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, Наше Императорское Величество, призирая на то подданнаго Нашего Гетмана прошеніе и вѣдая его къ Нашему Императорскому Величеству по прежде засвидѣтельствованному при дворѣ Нашемъ по чину своему прилежности и благоповеденію, такожде въ гвардіи Нашей и въ Академіи наукъ заслугамъ, ревности и добропорядочному правленію и по учиненному нынѣ вновь вѣрности и службы обѣщанію, повелѣли сію милостивую жалованную грамоту на утвержденіе того уряда Гетманскаго дать, и силою сей Нашей Императорскаго Величества жалованной грамоты соизволяемъ ему, подданному Нашему Гетману, войсковую, Армату или Артиллерію и данные Гетманскаго достоинства знаки имѣть, такъ какъ прежніе Гетманы въ вѣрности своей къ Намъ бывшіе содержали воинскія и гражданскія всякія въ Малороссіи дѣла управлять по войсковымъ правамъ, по прежнимъ обычаямъ и по постановленнымъ пунктамъ, на которыхъ приступилъ подъ державу дѣда Нашего блаженныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, Всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, Его Царскаго Величества Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій со всѣмъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ и по Нашимъ, Императорскаго Величества указамъ опредѣленнымъ и впредь опредѣляемымъ и къ нему присылаемымъ, безъ нарушенія правъ и вольностей стародавныхъ народа Малороссійскаго, а маетностьми на булаву опредѣленными противъ иныхъ подданныхъ Нашихъ гетмановъ владѣть со всякою пристойною повинностію и дабы видя онъ, подданный Нашъ Гетманъ къ себѣ сію Нашу милость, служилъ Нашему Императорскому Величеству и Нашимъ наслѣдникамъ вѣрно и постоянно, со всѣмъ подправленіемъ его гетманскимъ обрѣтающимся подданнымъ нашимъ войскомъ Запорожскимъ и народомъ Малороссійскимъ противъ всѣхъ Нашихъ непріятелей, во всемъ согласуя вышеимянованной присягѣ, которую онъ Гетманъ, при крестномъ цѣлованіи за подписаніемъ руки своей далъ, за что Нашей Великой Государыни Нашего Императорскаго Величества милость и призрѣніе и впредь отъ него подданнаго Нашего отъемлема не будетъ, но наипаче умножится. И для объявленія вящей къ нему, подданному Нашему Гетману, Нашей милости и утвержденія, сію грамоту собственною Нашею Императорскаго Величества рукою подписали и Нашею Государственною печатью утвердить повелѣли. Дано въ резиденціи Нашей въ С.-Петербургѣ Мая 22 дня

лѣта отъ Рождества Христова тысяща семь сотъ пятдесятъ перваго, Государствованія Нашего девятаго года.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Елисафетъ.

Канцлеръ графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

(Изъ архива автора).

IV.

ГРАМОТА НА ОРДЕНЪ СВЯТАГО АНДРЕЯ.

Божіею милостію Мы, Елисафетъ Первая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая и прочая и прочая.

Высоко и благоурожденному Намъ любезновѣрному подданному Малороссійскому войска Запорожскаго обѣихъ странъ Днѣпра Гетману Нашему, дѣйствительному камеръ-геру, Академіи Наукъ президенту и Нашей гвардіи Измайловскаго полку подполковнику графу Разумовскому.

Изъ Высочайшей Нашей къ вамъ милости пожаловали Мы васъ кавалеромъ Нашего перваго ордена святаго Андрея и знаки онаго при семъ посылая, повелѣваемъ вамъ на себя надѣть и носить. А впрочемъ уповаемъ, что вы своею должною и вѣрною службою къ Намъ продолжать не оставите и пребываемъ Нашею Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, Октября 8 дня 1751 года.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Елисафетъ,

Графъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ.

Писана на листу и прислана подъ конвертомъ.

(Изъ архива автора).

V.

ГРАМОТА НА ДЕРЕВНИ ВЕЛИКОРОССІЙСКІЯ ПОКОЙНАГО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА.

Божію поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Корельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская, Болгарская и иныхъ, Государыня и Великая Княгиня Новагорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверныя страны Повелительница и Государыня

Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли, Черкаскихъ и Горскихъ князей и иныхъ наслѣдная Государыня и обладательница.

Объявляемъ чрезъ сіе, что вселюбезнѣйшая наша тетка, блаженныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна, имянными своими указами 1742 г. іюля 13-го, 1743 г. іюня 2-го и октября 7-го, 1744 г. мая 12-го и 1747 годовъ мая 27-го чиселъ, Всемилостивѣйше пожаловала генералу-фельдмаршалу, оберъ-егермейстеру, лейбъ-компаніи капитану-поручику, лейбъ-гвардіи коннаго полку подполковнику и кавалеру графу Алексѣю Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе. Первымъ: имѣющіяся въ вѣдомствѣ собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны вотчинной канцеляріи вотчины Можайскаго уѣзда, село Троицкое, Болычево тожъ, село же Рожественно Порѣчье тожъ, да село Николаевское Карачарово тожъ, съ принадлежащими къ нимъ деревнями, съ людьми и со крестьяны, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодіи и съ заводы, какъ оные въ вѣдомствѣ оной канцеляріи состояли; да въ Московскомъ уѣздѣ село Знаменское съ людьми и со крестьяны и со всѣмъ противъ вышеписаннаго же. Вторымъ: собственныя блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны вотчины, состоящія въ Псковскомъ уѣздѣ Корельскую волость съ приписными къ ней въ разныхъ уѣздахъ засадахъ и губахъ волостьми и деревнями, съ людьми и со крестьяны, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со скотомъ и со всѣми къ тѣмъ вотчинамъ принадлежностями, все что оныхъ имѣлось во Псковской провинціи въ вѣдомствѣ собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны вотчинной канцеляріи не оставливая ничего. Третьимъ: отписныя Ингерманландскія деревни и Приморскій дворъ, при томъ же имѣющійся въ Санктъ-Петербургѣ за Малою Невою называемый Крестовскій Островъ, бывшаго фельдмаршала Миниха. А именно: въ Копорскомъ уѣздѣ Гостилицкую мызу со всякимъ строеніемъ и со скотомъ и со всѣми къ ней принадлежащими деревнями и землями, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи, съ людьми и со крестьяны и со обрѣтающемся въ оныхъ деревняхъ красочнымъ заводомъ, съ людьми на оныхъ. Четвертымъ: село Перово и деревни Тетерки и Тимохово со всѣми къ нимъ принадлежностями, такожъ и дворъ Гороховскій на наемной землѣ Спаса Андроньева монастыря, со всѣмъ въ чемъ оныя деревни и дворъ по имянному указу ноября 5-го дня 1743 года приняты въ вѣдомство собственной блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны вотчинной канцеляріи и что тогда во оныхъ имѣлось, кромѣ одной земли, что подъ вышеписаннымъ Гороховскимъ дворомъ Спаса Андроньева монастыря, за которую положенныя оброчныя деньги повсягодно платить ему въ тотъ монастырь бездоимочно. Пятымъ: изъ отписныхъ по бывшему межеванію земель въ Копорскомъ уѣздѣ, въ Сынковицкой мызѣ, за отмежеваніемъ на указную дачу статскому дѣйствительному совѣтнику Борису Неронову оставшую пашенную землю, сѣнные покосы, лѣсныя угодья съ людьми и со крестьяны, съ Латыши и Маимистами; да бывшаго князя Меншикова Рачинскій погостъ, мызу Перелѣсскую и мызу Гревову съ деревнями; да за отдачею генералу-маіору Албрехту оставшія деревни Котельской мызы деревни Пилово, Большое, Рудуилово, Войносово и деревню Монастырь, со всѣми къ нимъ принадлежностьми, съ отмежеванною въ 1714 году отъ вышепомянутой Синковицкой къ Хотунской мызѣ пустошью Власовой. А въ 1771 году Нашъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камеръ-геръ, лейбъ-гвардіи Из-

майловскаго полку подполковникъ, Академіи наукъ президентъ и орденовъ святыхъ Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій въ поданномъ Намъ прошеніи писалъ, что онъ, по смерти брата своего покойнаго генерала-фельдмаршала графа Алексѣя Разумовскаго, ступя по законному праву въ наслѣдство всего движимаго и недвижимаго его имѣнія, нашелъ, что на всѣ жалованныя ему отъ любезнѣйшей Нашей тетки, блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны волости и деревни, въ Великой Россіи находящіяся, жалованныхъ грамотъ ему дано не было; а на Аничковскій его домъ и никакого именнаго указа нѣтъ, на Цесаревнинскій же хотя и есть, но только словесный, записанный въ бывшей собственной канцеляріи тогдашнимъ оной канцеляріи присутствующимъ, и просилъ о пожалованіи ему на помянутыя вотчины грамотъ, что же до обоихъ домовъ касается, то предалъ въ наше благоволеніе. А какъ воля любезнѣйшей Государыни, тетки Нашей Намъ не токмо была извѣстна, но Мы и сами при томъ были, когда она покойному графу Алексѣю Разумовскому Аничковской домъ пожаловала, то Мы, почитая свято Ея соизволеніе, нынѣ утверждаемъ пожалованіе въ родъ его неотъемлемо какъ Аничковскаго, такъ Цесаревнинскаго домовъ и всего того, что блаженныя памяти Государыня тетка Наша оному покойному фельдмаршалу пожаловала, и въ слѣдствіе сего Наше Императорское Величество по Самодержавной Нашей Императорской власти, силою сей Нашей жалованной грамоты, ему генералу-фельдмаршалу графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому въ его наслѣдство вышеписанныя вотчины со всѣми къ нимъ вышеупомянутыми принадлежностями, также Крестовской Островъ, Приморской дворъ, Аничковской и Цесаревнинской домы всемилостивѣйше утверждаемъ и оные ему, наслѣдникамъ и потомкамъ его продать, заложить и во всякія крѣпости по правамъ укрѣпить позволяемъ, повелѣвая при томъ всѣмъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ, его, графа, и потомковъ его не только въ спокойномъ владѣніи и пользованіи оными вотчинами, островомъ и домами содержать, но и никакого препятствія въ томъ не чинить, паче же въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ надлежащими мѣрами защищать и охранять. Для вящщего же утвержденія всего того Всемилостивѣйше пожалованнаго на вѣчное обезпрепятственное ему, графу, и потомкамъ его владѣніе сія Наша Императорская жалованная грамота за подписаніемъ собственныя Наши руки и съ приложеніемъ Государственныя Нашея печати дана въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта отъ Рождества Христова тысяча семь сотъ семьдесятъ девятаго года декабря въ пятый день, царствованія Нашего въ осьмое-на-десять лѣто.

На подлинной подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако:

Екатерина.

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

(Изъ архива автора).

VI.

ГРАМОТА НА БАТУРИНЪ, ПОЧЕПЪ И ПРОЧ.

Божією поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и пр. и пр. и пр. (полный титулъ).

Объявляемъ чрезъ сіе, что Вселюбезнѣйшая Наша тетка, блаженныя и вѣчной славы достойная памяти Государыня Императрица Елисавета Петровна имяннымъ своимъ указомъ февраля 17-го дня 1760 года сенату даннымъ Всемилостивѣйше пожаловала тогда Малороссійскому Гетману и нынѣ Нашему генералу-фельдмаршалу, сенатору, генералу-адъютанту, дѣйствительному камеръгеру, лейбъ-гвардія Измайловскаго полку подполковнику и орденовъ святыхъ: Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеру графу Кириллѣ Григорьевичу Разумовскому въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе Малороссійскія маетности, а именно: городъ Батуринъ и городъ Почепъ съ ихъ уѣздами, по тому какъ состояли они во владѣніи за княземъ Меншиковымъ, такожъ Шептаковскую волость и Бакланскій дворецъ съ ихъ селами и деревнями и угодьями, повелѣвая ему, графу Разумовскому, владѣть симъ всѣмъ жалованнымъ отъ Ея Величества недвижимымъ имѣніемъ, по тому какъ оное состояло по ревизіямъ во время покойнаго гетмана Скоропадскаго, а потомъ во время владѣнія князя Меншикова, выключая только что кому съ того времени предковъ Ея и Ея Величества имянными за своеручнымъ ихъ и Ея Величества подписаніемъ указами отдано, чего ради и ревизіи къ отдачѣ употребить тѣхъ годовъ; а въ 1764 году ноября въ 10-й день Мы, снисходя на прошеніе его, графа Разумовскаго, и Всемилостивѣйше увольняя его отъ Гетманства, не только утвердили за нимъ всѣ вышеописанныя Малороссійскія маетности отъ Нашей Вселюбезной тетки, блаженныя и вѣчныя славы достойныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе пожалованные, но и всемилостивѣйше изъ Высочайшей Нашей Императорской къ нему милости пожаловали въ вѣчное и потомственное ему и дѣтямъ его наслѣдное владѣніе въ Малой же Россіи изъ урядовыхъ маетностей замокъ Гадяцкій и волость Быковскую съ принадлежащими къ ней мѣстечками, селами и деревнями; но какъ онъ, генералъ-фельдмаршалъ, на всѣ вышеписанныя маетности жалованной Нашей грамоты еще не имѣетъ, того ради Мы, по Самодержавной Нашей Императорской власти, силою сей Нашей жалованной грамоты ему, Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его означенныя маетности со всѣми къ нимъ вышеупомянутыми принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, съ сѣнными покосами и рыбными ловлями, ничего не выключая изъ всего того, что къ нимъ принадлежитъ и потому впредь правдою и судомъ по пристоинству присовокуплено быть можетъ, пожалованію вышеобъявленныхъ Вселюбезнѣйшей тетки Нашей и Нашего Всемилостивѣйшихъ указовъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Всемилостивѣйше утверждаемъ и оныя ему, наслѣдникамъ и потомкамъ его продать, заложить и во всякія крѣпости по правамъ укрѣпить позволяемъ, токмо чтобъ обыкновенные публичные сборы, равно какъ съ прочихъ наслѣдныхъ шляхетныхъ маетностей

плачены были. При томъ показанному Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его не токмо вышеобъявленными маетностями со всѣми къ нимъ принадлежностьми пользоваться Всемилостивѣйше повелѣваемъ, но и всѣмъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ, наикрѣпко подтверждаемъ въ спокойномъ владѣніи ими никакого ему, дѣтямъ его и потомству препятствія не чинить, а въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ всякими мѣрами защищать и охранять, во утвержденіе же всего вышеписаннаго Мы сію Нашу Императорскую жалованную грамоту Нашею собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дана въ Санктъ-Петербургѣ, лѣта тысяча семь сотъ восемьдесятъ втораго, генваря седьмаго дня, Государствованія Нашего двадесятаго года.

Подлинная подписана собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: Екатерина.

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

VII.

ГРАМОТА НА ДЕРЕВНИ МАЛОРОССІЙСКІЯ ПОКОЙНАГО ГРАФА АЛЕКСѢЯ ГРИГОРЬЕВИЧА.

Божіею поспѣшествующею милостію Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и пр. и пр. (полный титулъ).

Объявляемъ чрезъ сіе, что Вселюбезнѣйшая Наша тетка блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти Государыня Императрица Елисаветъ Петровна имянными своими указами 1742 году, сенату данными, Всемилостивѣйше пожаловала покойному генералу-фельдмаршалу и кавалеру графу Алексѣю Разумовскому въ вѣчное и потомственное владѣніе: первымъ, іюня отъ 30-го дня изъ описныхъ послѣ бывшаго фельдмаршала Миниха въ Малой Россіи вотчинъ въ городѣ Носовкѣ, да въ селѣ Адамовкѣ, что за нимъ, Минихомъ, имѣлось во владѣніи двороваго числа и съ подданными обывателями и съ имѣющимися къ тому владѣнію въ городѣ Носовкѣ на рѣкѣ Вербѣ хуторами и съ принадлежащею къ тѣмъ вотчинамъ и хуторамъ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всякими угодьи и съ винокурнями и съ скотными заводами и припасы, что тогда имѣлось на лицо и со всѣми къ тѣмъ вотчинамъ принадлежностьми и шинками; да въ селѣ Козарахъ владѣнія его жъ, Миниха, на рѣкѣ Острѣ мельницы, что оныхъ во владѣніи за нимъ же, Минихомъ, имѣлось. Вторымъ: августа отъ 27-го дня Малороссійскія волости, мѣстечко Ропскъ и мѣстечко Боклань съ принадлежащими къ нимъ селы и деревнями, съ людьми и со крестьяни, съ пашенною землею, съ лѣсы и съ сѣнными покосы и со всѣми угодьи и со всякими заводы и мельницами и со скотомъ и со всякимъ строеніемъ и со всѣмъ тѣмъ, какъ оные въ отдачѣ были покойному дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору и кавалеру Неплюеву, не оставляя ничего. Третьимъ: апрѣля отъ 30 дня 1743 года изъ маетностей, которыя конфискованы у бывшаго генералъ-фельдмаршала Миниха, состоящія въ Малой же Россіи въ полку Полтавскомъ: слободу Орликъ, слободу Карловку,

село Коломахъ; да въ полку Лубенскомъ: село Андреяшевку, село Андреевку съ деревнями, съ людьми и со крестьяни, съ пашенною землею, съ лѣсы и сѣнными покосы и съ заводы всякаго званія и съ мельницами, съ лошадьми и со скотомъ и со всѣми къ тѣмъ слободамъ, селамъ и деревнямъ принадлежностьми, какъ оныя состояли во владѣніи за показаннымъ Минихомъ; да въ полку Нѣжинскомъ: на рѣкѣ Сеймѣ изъ бывшихъ Гетманскихъ семь мельницъ подъ Батуринымъ вмѣсто пожалованной ему Баклановской волости, и какъ по смерти онаго генерала-фельдмаршала и кавалера графа Алексѣя Разумовскаго, Нашъ генералъ-фельдмаршалъ, сенаторъ, генералъ-адъютантъ, дѣйствительный камеръ-геръ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковникъ, Академіи Наукъ президентъ и орденовъ святыхъ Апостола Андрея Первозваннаго, Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Голстинскаго святыя Анны кавалеръ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовскій подданнымъ Намъ прошеніемъ представилъ, что онъ послѣ брата своего, вступя по законному праву въ наслѣдство всего движимаго и недвижимаго его имѣнія, нашелъ, что на всѣ жалованныя ему отъ любезнѣйшей Нашей тетки, блаженныя памяти Государыни Императрицы Елисаветы Петровны волости и деревни, жалованныхъ грамотъ дано не было и просилъ о пожалованіи ему на тѣ вотчины грамоты. Того ради Мы, по Самодержавной Нашей Императорской власти, силою сей Нашей жалованной грамоты, ему, Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его означенныя, брату его пожалованныя маетности со всѣми къ нимъ принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, съ сѣнными покосами, со всякими заводы, мельницами и шинками, ничего не выключая изъ всего того, что̀ къ нимъ по основанію выше объявленныхъ Вселюбезнѣйшей тетки Нашей указовъ принадлежитъ и потому впредь правдою и судомъ по пристоинству присовокуплено быть можетъ въ вѣчное и потомственное владѣніе Всемилостивѣйше утверждаемъ и оныя ему, наслѣдникамъ и потомкамъ его продать, заложить и во всякія крѣпости по правамъ укрѣпить позволяемъ, токмо чтобъ обыкновенные, публичные сборы, равно какъ съ прочихъ наслѣдныхъ шляхетныхъ маетностей плачены были; при томъ показанному Нашему генералу-фельдмаршалу, дѣтямъ и потомкамъ его, не токмо выше объявленными маетностями, со всѣми къ нимъ принадлежностями пользоваться Всемилостивѣйше повелѣваемъ; но всѣмъ Нашимъ управителямъ и прочимъ, до кого сіе касаться можетъ, накрѣпко подтверждаемъ въ спокойномъ владѣніи ими никакого ему, дѣтямъ и потомству его препятствія не чинить, а въ потребномъ случаѣ отъ всякихъ обидъ всякими мѣрами защищать и охранять. Во утвержденіе же всего вышеписаннаго Мы, сію Нашу Императорскую жалованную грамоту, Нашею собственною рукою подписали, государственною Нашею печатью укрѣпить повелѣли. Дана лѣта тысяча семь сотъ восемьдесятъ четвертаго, мая третьяго-на-десять дня, Государствованія Нашего двадцать втораго года.

На подлинномъ подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако: **Екатерина.**

Вице-канцлеръ графъ Иванъ Остерманъ.

VIII.

ПРОШЕНІЕ ГРАФА К. Г. РАЗУМОВСКАГО КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II-ОЙ О РАЗДѢЛѢ ИМѢНІЯ.

Всемилостивѣйшая Государыня. Когда всемилостивѣйше снисходя на прошеніе многихъ своихъ вѣрноподданныхъ Высочайше соизволили утвердить просьбы о раздѣлѣ имѣнія между дѣтьми ихъ, то и я, слѣдуя симъ примѣрамъ, повергаю себя къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, испрашивая Высочайшей конфирмаціи на нижеслѣдующее мое распредѣленіе: имѣю я дѣтей, рожденныхъ съ покойною женою моей Катериной Ивановой роду Нарышкиныхъ, сыновей графовъ: Алексѣя, Петра, Андрея, Льва, Григорія, Ивана, графинь: Наталью, что нынѣ за Николаемъ Александровичемъ Загряжскимъ, Елисавету, что за графомъ Петромъ Федоровичемъ Апраксинымъ, Анну, что за Василіемъ Семеновичемъ Васильчиковымъ, Прасковью, что за Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ; и хотя въ разсужденіи ихъ нынѣшней дружбы между собою и братской любви не сомнѣваюсь, что оная всегда и при раздѣлѣ наслѣдія ихъ продолжится; но какъ часто непредвидимыми случаями иногда любовь братская, изсякнувъ, и между единокровными обращается въ ссоры и несогласіе, а чрезъ то и раздѣлъ послѣ родителей продолжается нѣсколько лѣтъ и кончится рѣшеніемъ присутственныхъ мѣстъ, но ненависть и неудовольствіе между ими продолжается до гроба, а иногда переходитъ и къ дѣтямъ ихъ.

Для предупрежденія сего, а болѣе, что нѣкоторые изъ сыновей, пришедъ въ совершенный возрастъ, могутъ и сами управлять своимъ имѣніемъ, раздѣляю на шесть частей все находящееся въ Великороссійскихъ губерніяхъ имѣніе, которое есть двоякаго роду: одно родовое по матери ихъ, законно ей и дѣтямъ моимъ принадлежащее, другое собственное мое, также въ Великороссіи, дошедшее до меня унаслѣдіе отъ покойнаго брата моего роднаго, генералъ-фельдмаршала графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, единственно мнѣ яко ближайшему по крови наслѣднику, принадлежащее; для того оба сіи недвижимыя имѣнія, какъ покойной жены моей, такъ и дошедшее ко мнѣ отъ брата моего, не только ни въ чемъ не умаленное, но еще присовокупленное, всѣ безъ остатка совокупляю вмѣстѣ и, располагая на равныя части, отдаю какъ мое имѣніе все то, что Высочайшими имянными указами брату моему графу Алексѣю Григорьевичу пожаловано, равно и покойной матери ихъ графини Катеринѣ Ивановнѣ со описанными въ жалованныхъ грамотахъ и отказныхъ книгахъ принадлежностными, также и пріобрѣтенныя по купчимъ, закладнымъ, раздѣльнымъ записямъ законно утвержденнымъ; и хотя въ одной части число душъ умножено, въ другой уменьшено; но сіе сдѣлано мною единственно во уваженіе состоянія разнаго качества деревень, въ которыхъ одни выгоды замѣнены другими, да сверхъ же того не число душъ, но прилежное вниманіе за экономіею и умѣренная жизнь умножаетъ имѣніе и сдѣлаетъ сей раздѣлъ безобиднымъ. Изъ имѣнія покойной жены моей во владѣніе и распоряженіе вмѣсто седьмой части оставляю себѣ село Троицкое съ присудными деревнями, село Петровское и Черкизово также съ деревнями и подмосковное село Поливаново съ деревнями. Всего тысячу семь сотъ шестде-

сять три души, которыя и полагаю въ раздѣлъ: Троицкое графу Андрею, Петровское графу Льву, Черкизово графу Григорію, Поливаново графу Ивану. Что принадлежитъ до четырехъ дочерей моихъ, то имъ слѣдовало послѣ покойной матери получить каждой по тысячи триста шестидесяти душъ; но я изъ имѣнія матери ихъ далъ по двѣ тысячи, да приданаго каждой на сорокъ тысячъ рублей, выключая графини Елисаветы Апраксиной, которой вмѣсто приданаго даны въ Малороссіи находящіяся: мѣстечко Носовка, село Адамовка, да въ Козельцѣ дворы и мельницы, и сія передача противъ указной части сдѣлана мною съ тѣмъ намѣреніемъ, что оная противу прочихъ своихъ сестеръ при замужствѣ своемъ ничего изъ движимаго имѣнія не получала, и затѣмъ уже ни дочери мои, ни дѣти ихъ никакого права и требованія имѣть не могутъ и не должны на всякое имѣніе, остающееся послѣ меня, какъ движимое, такъ и недвижимое. Въ сихъ селахъ и деревняхъ домы, заводы, мельницы, отхожія пустоши и лѣса да принадлежатъ тому, кому и деревни на часть досталися. Малороссійское же недвижимое имѣніе оставляю при себѣ до имѣющаго быть моего впредь объ ономъ распредѣленія.

Всемилостивѣйшая Государыня, умножите всегда являемыя ко мнѣ щедрости. Вашего Императорскаго Величества Высочайшею конфирмаціею, какъ сего моего для дѣтей опредѣленія, такъ и приложеннаго при семъ раздѣла, повелите, дабы въ присутственныхъ мѣстахъ сіе имѣніе справлено и отказано было по ниже приложенному росписанію за дѣтей моихъ.

Что же принадлежитъ до вступленія ихъ во владѣніе, то сіе да зависитъ отъ меня при жизни моей дать удѣлъ въ полное владѣніе и распоряженіе кто признанъ будетъ въ состояніи уже самъ собою управлять; напротиву того и сынъ, получивши въ удѣлъ сіи деревни, по смерть мою безъ воли моей продать изъ оныхъ права да не имѣетъ.

О семъ всеподданнѣйше проситъ Всемилостивѣйшая Государыня Вашего Императорскаго Величества,—на подлинномъ подписано: всеподданнѣйшій рабъ графъ Кирилла Разумовскій.

Раздѣлъ.

Во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ и уѣздахъ состоитъ недвижимаго имѣнія моего и покойной жены моей графини Катерины Ивановны по нынѣшней четвертой ревизіи 37,432 души, которое дѣля на шесть частей, каждому сыну должно получить шесть тысячъ двѣсти тридцать восемь душъ, изъ которыхъ полагаю:

На 1-ю часть — графу Алексѣю:

Пензенскаго намѣстничества, Чембарскаго уѣзду, село Ершово, съ селомъ Чернышовымъ, съ присудными къ нимъ селы и деревнями	3352
Саратовскаго намѣстничества: селы Аркадакъ и Екатерининское съ присудными къ нимъ пятнадцатью деревнями	2558
Московской губерніи, подмосковное село Перово, деревни: Тетерки, Пекинъ, село Горенки, деревня Тимохова. Всѣхъ	274
Приморской дворъ, пожалованный 1743 г.	

графу Алексѣю Григорьевичу и при немъ деревня Коркулъ	60	
Итого . . .	6244	Сверхъ пропорціональнаго числа 6-ть душъ.
На 2-ю часть — графу Петру:		
Крестовскій островъ	31	
Псковскаго намѣстничества, Зубковская волость	2616	
Опочецкаго уѣзда, Опочецкая волость .	3317	
Гостилицкой мызы, деревня Сокулъ, большое и меньшое, и Осено	288	
Приморская Васильевская мыза, что называется Знаменскою	42	
Итого . . .	6294	Сверхъ пропорціональныхъ число излишнихъ 54 души.
На 3-ю часть — графу Андрею:		
Подмосковное село Троицкое съ деревнями	649	
Санктъ-Петербургской губерніи, Ямбургскаго уѣзда, изъ принадлежащихъ къ Греевой мызѣ селъ и деревень, изъ 1580 душъ половинное число къ однимъ мѣстамъ	510	
Псковскаго намѣстничества, Островскаго уѣзда волости Старовысицкое.	1003	
Немоевская	1690	
Володимерская	1285	
Выборгская	1106	
Итого . . .	6233	Сверхъ пропорціональнаго числа недостаетъ 6 душъ.
На 4-ю часть--графу Льву:		
Подмосковное село Петровское	107	
Можайскія три волости съ присудными къ нимъ деревнями.	3088	
Епифанскихъ	717	
Санктъ-Петербургской губерніи Ораніенбаумскаго уѣзда, Греева мыза, съ присудными къ ней селы и деревнями	1797	
Да Ямбургскаго уѣзда съ принадлежащихъ къ Греевой же мызѣ селъ и деревень, изъ 1580 душъ въ одномъ мѣстѣ.	512	
Итого . . .	6221	Недостаетъ 17 душъ.
На 5-ю часть — графу Григорію:		
Саратовскаго намѣстничества, Аткарской округи, въ деревняхъ Двоенкѣ и Каменкѣ	378	

Въ Малороссійской Алексѣевской слободѣ Малороссіянъ	604	
Московской губерніи, Воскресенской округи, село Черкизово съ деревнями . . .	629	
Псковскаго намѣстничества и того же уѣзда, волости: Рюская, Рюсицкая, Чирская, Погостицкая, Приданицкая, село Ноготь, въ конхъ съ волостью Корельскою	1978	
Опочецкаго уѣзда, Красногородская волость	584	
Санктъ-Петербургской губерніи, Драни, Ямбургскаго уѣзда Гостилицкая мыза съ присудными къ ней однимъ селомъ и семью деревнями	1666	
Да Ямбургскаго уѣзда деревня Рудилово, Вокносово, Пилово, Глубокое	569	
Итого . . .	6407	Сверхъ пропорціональнаго числа 178 душъ.

На 6-ю часть — графу Ивану:

Тамбовскаго намѣстничества, Шацкаго уѣзда, Тарадейской, Неупской присуды . .	4882	
При томъ винокуренный заводъ.		
Новоприкупаемое село Федосово. . . .	140	
Подмосковное село Полиханово съ деревнями	485	
Санктъ-Петербургской губерніи, приморская дача, называемая Шуваловская, купленная въ 771-мъ году и при ней деревня Погозы	86	
Псковскаго намѣстничества и того же уѣзда Пруцкая волость	440	
Итого	6033	Недостаетъ 211 душъ; но заводъ винокуренный сіе замѣняетъ.
А всего . .	37432	

Да сверхъ вышеписаннаго имѣнія отдано мною дочерямъ моимъ въ приданое каждой по 2000 душъ слишкомъ по третьей ревизіи, а по нынѣшней ревизіи далеко болѣе.

Именно.

1-й — Натальѣ Загряжской.

Московской губерніи Дмитровскаго уѣзда селы Пересвѣтово и Федоровское, съ присудными къ нимъ деревнями, въ которыхъ по бывшей 3-й ревизіи	646
Симбирскаго уѣзда, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества Вольской и Фалин-	

ской округи село Покровское, Широкій Буеракъ тожъ,—по 3-й ревизіи было. . . . 815

Шацкаго уѣзда, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества Аткарской округи, село Архангельское, Широкій Карамышъ тоже, по 3-й ревизіи. 313

Село Дмитріевское по 3-й ревизіи . . . 265

Итого. . 2039

Изъ этого числа нѣкоторые дворовые люди изъ отдачи исключены.

2-й — графинѣ Елисаветѣ Апраксиной:

Володимерскаго намѣстничества Муромскаго уѣзда Варежская треть, село Варежъ съ присудными къ нему девятью деревнями, въ которой по бывшей 3-й ревизіи . 725

Въ селѣ Орефинѣ 76

Нижегородской губерніи, селы Таможниково, Ишино, съ присудными къ нимъ шестью деревнями, въ которыхъ по 3-й ревизіи было 667

Шацкаго уѣзда, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества, Балашевской округи, село Богоявленское, Миткарей тоже, въ немъ, за исключеніемъ переведенныхъ въ село Оркадакъ и въ деревню Мещерякову семидесяти трехъ душъ, по бывшей 3-й ревизіи оставалось. 601

Итого. 2069

Изъ того числа нѣкоторые дворовые люди изъ отдачи исключены.

3-й — Аннѣ Васильчиковой:

Калужскаго намѣстничества, Боровскаго уѣзда Карамышевская волость, село Карамышево и съ присудными къ нему двадцатью четырьмя деревнями, въ которыхъ по бывшей 3-й ревизіи было 1379

Того же намѣстничества, Медынскаго уѣзда, введенныя изъ Карамышевской же волости на поселеніе деревни Затрудневой, Пузаки, Горнево, Иванищево, Агеевка, Салисоново, Акиншено, Костиновникъ, по 3-й ревизіи было 439

Рязанскаго намѣстничества, Ряжскаго уѣзда сельца Перки, деревни Лѣтово и Поплевено, въ нихъ по 3-й ревизіи, за исключеніемъ переведенныхъ въ Шацкую вотчину, что нынѣ Саратовскаго намѣстничества Аткарской округи, въ деревню Двоенку тридцати четырехъ душъ оставалося. 114

Итого . . . 1932

А за недостающее въ двутысячное число изъ выговоренныхъ дворовыхъ людей по особливой сдѣлкѣ дано пять тысячъ рублей.

4-й — Прасковьѣ Гудовичевой:
Владимерскаго намѣстничества, Муромскаго уѣзда, Новосельская треть съ присудными къ нему пятью селами и двѣнадцатью деревнями, въ которыхъ по 3-й ревизіи было 1948
Да изъ Вяжской трети Заидомская слобода по третьей же ревизіи было 52

Итого. 2000

Изъ того числа нѣкоторые дворовые люди изъ отдачи исключены.

У подлиннаго раздѣла рука приложена: Тако сей раздѣлъ учинилъ я, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Кирилла Разумовскій.

По листамъ скрѣпилъ секретарь Иванъ Шилетъ. Прапорщикъ Петръ Волчанецкій.

(Изъ архива автора).

IX.

ИЗВѢСТІЕ ДОМУ ФАМИЛІЙ ЕГО ГРАФСКАГО СІЯТЕЛЬСТВА, ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛА, СЕНАТОРА И РАЗНЫХЪ ОРДЕНОВЪ КАВАЛЕРА, ГРАФА КИРИЛЫ ГРИГОРЬЕВИЧА РАЗУМОВСКАГО.

Рожденіе.				Тезоименитства.	
Годы.	Мѣсяцы.	Числа.	Имена.	Мѣсяцы.	Числа.
1728	Марта	18	Графъ Кирила Григорьевичъ	Марта	18
1731	Маія	11	Графиня Екатерина Ивановна. . . .	Ноября	24
			Преставилась 1771 года Іюля 22 числа.		
			Дѣти ихъ Сіятельствъ:		
1747	Сентябр.	5	Графиня Наталья Кириловна	Августа	26
1748	Сентябр.	12	Графъ Алексѣй Кириловичъ	Марта	17
1749	Декабря	15	Графиня Елисаветъ Кириловна . . .	Сентябр.	5
1751	Генваря	15	Графъ Петръ Кириловичъ	Генваря	16
1752	Октября	22	Графъ Андрей Кириловичъ	Ноября	30
1753	Октября	»	Графиня Дарья Кириловна	Марта	19
			Преставилась 1762 года Іюля 25 числа въ Москвѣ.		
1754	Декабря	1	Графиня Анна Кириловна	Декабря	9
1755	Декабря	12	Графиня Прасковья Кириловна . . .	Октября	28
1757	Генваря	8	Графъ Левъ Кириловичъ	Февраля	20
1759	Ноября	10	Графъ Григорій Кириловичъ	Ноября	17
1761	Августа	6	Графъ Иванъ Кириловичъ	Генваря	7

(Изъ архива князя Н. В. Репнина).

X.

РЯДНАЯ ГРАФИНИ ЕВДОКІИ ДАНИЛОВНЫ БЕСТУЖЕВОЙ-РЮМИНОЙ, РОЖДЕННОЙ РАЗУМОВСКОЙ.

Роспись рядная приданому что дано двора Ея Императорскаго Величества за каморъ фрейлиною Авдотьею Денисовною (sic) Разумовской отъ дяди ея Ея Императорскаго Величества оберъ егеръ-мейстера дѣйствительнаго камеръгера и лейбъ-компаніи капитана-поручика и кавалера графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго въ награжденіе Ея жъ Императорскаго Величества камеръ-юнкеру графу Андрею Алексѣевичу Бестужеву-Рюмину. А именно:

Святыхъ иконъ:

Образъ Спаса Вседержителя, окладъ, риза и поля, чеканный золотой вѣнецъ и около средняго поля осыпано жемчугомъ крупнымъ, угловатымъ, счетомъ сто девяносто два зерна; въ вѣнцѣ два изумруда и два лалика на полѣ; на углу одинъ яхонтъ большой.

Образъ преподобныя Евдокія, окладъ на всей дскѣ накладной, серебряный, чеканный, вызолоченъ.

Образъ преподобнаго Нила Столбенскаго, окладъ, поля и риза серебряные, чеканные, вызолочены.

Алмазныхъ вещей (не означено).

Серебра бѣлаго въ посудѣ.

	Фунты.	Золотники.	Рубли.
Чайникъ большой съ канѳоромъ и съ доскою .	8	82	
Чайникъ меньшой съ канѳоромъ безъ лампады съ доскою	6	62	
Чайникъ малый, безъ канѳора	1	67	
Кофейникъ большой	3	29	
Молошникъ на ножкахъ	2	$18^1/_2$	
Сахарница фляжкою, съ крышкою на шолнерѣ .	1	2	
12 ложечекъ чайныхъ съ пріемцы сахарными .		$45^1/_4$	
4 шандана столовые и одни щипцы съ дощечкою.	7	87	
Итого	32	$8^3/_4$	767

Серебра жъ подъ золотомъ — въ туалетѣ.

	Фунты.	Золотники.	Рубли.
8 ларчиковъ большихъ и малыхъ, 1 съ подушкою на булавки, 1 рукомойникъ съ лаханью, 2 тарелочки на уборы, 2 шандана, 1 щипцы съ дощечкою, 1 фляжка круглая съ крюкомъ, 1 зеркало большое, съ рамами, вѣсу . .	44	$12^1/_2$	
Совсѣмъ состоитъ въ цѣнѣ	—	—	2,130
Денегъ рублевой монеты	—	—	15,000

Платья.

	Рубли.
Роба съ шлейфомъ и юбкою парчи серебряной, съ поддиспаномъ. .	325
Роба парчи серебряной, съ золотыми травы и съ шелковыми пукеты, съ позументомъ золотымъ	639
Роба съ юбкою, алая, съ серебряными травы и съ поддишпаномъ серебрянымъ.	590
Роба желтая съ юбкою и съ шлейфомъ, желтая съ серебряными и съ шолковыми травы, съ позументомъ серебрянымъ.	350
Роба бѣлая съ золотомъ и съ серебрянымъ позументомъ	450
Роба пунцовая съ серебромъ.	390
Самара съ юбкою штофу пунцоваго съ золотомъ и съ шелковыми травы	384
Самара съ юбкою померанцоваго штофу съ серебряными и съ шелковыми травы, съ подушкою голубой тафты.	235
Самара съ юбкою штофу алаго съ серебряными и съ шелковыми травы съ позументомъ серебрянымъ, съ подушкою свѣтлозеленой тафты.	220
Самара съ юбкою, бѣлая съ серебромъ	280
Самара съ юбкою грезетовая, лосиннаго колера, съ серебрянымъ позументомъ.	92
Кафтанъ съ юбкою штофу темнозеленаго, съ серебряными и съ шолковыми травы, съ подпушкою алой тафты.	243
Кафтанъ съ юбкою грезетовой, свѣтло-дымчатой, съ подпушкою тафты желтой	89
Шлафоръ съ юбкою штофу желтаго, съ шелковыми травы, съ подбоемъ тафты бруснишной.	116
Шлафоръ съ юбкою гроденапелевой, свѣтло-зеленой, съ подпушкою тафты желтой	87
Шлафоръ атласной алой, выкладенъ бѣлымъ брабанскимъ кружевомъ.	220
Кафтанъ зашивной грезетовой гулинной (sic), съ сѣткою серебряною широкою збитью	102
Юбка исподняя атласная, бѣлая, стеганая, подбита бѣлою жъ тафтою по подолу, съ нашивкою серебряной широкою сѣткою. Юбка стеганая, голубая, подбита выбойкою съ нашивнымъ по подолу узкимъ гасомъ серебрянымъ. Юбка исподняя, голубая, градитуровая, по подолу шитая шелками, подбои выбойчетые. Юбка тафтяная, желтая, нафижбены, по подолу шита шелками съ сѣткою серебряною, подбита выбойкою. Жупанъ и юбка стеганые, зеленые, съ золотымъ гасомъ по борту. Два жупана бѣлые, саржевые, шелковые, безъ подбою. Два жупана такихъ же на выбойкѣ, стеганые. Два корсета атласные, одинъ бѣлый, другой желтый, подбиты бѣлою тафтою	460
Епанча парчи серебряной, на собольемъ мѣху	800
Соболи на шею	120
Палентинъ съ серебряною битью	10
Шлафоръ мужской, парчи серебряной, съ золотыми травы и съ шелковыми пукеты, съ подбоемъ пунцовымъ гроденапелевымъ. . . .	220
Шкатула, оклеена бархатомъ, съ мѣднымъ приборомъ, съ золотымъ позументомъ. Въ ней: семь кусковъ лентъ съ золотомъ и серебромъ. Двадцать одинъ кусокъ лентъ шелковыхъ, разныхъ колеровъ. Три гребня черепаховые. Тринадцать цвѣтовъ золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ.	147

	Рубли.
Два вѣера.	50
Двѣ дюжины рукавицъ женскихъ, бѣлыхъ.	8
Шкатула оклеена атласомъ, съ мѣднымъ приборомъ и съ золотымъ позументомъ. Въ ней: семнадцать паръ башмаковъ женскихъ разныхъ матерій, съ гасомъ серебрянымъ и золотымъ. Одни туфли мужскія. Дюжина чулокъ шолковыхъ, женскихъ	120

Двѣ скрыни большихъ съ бѣльемъ, оклееныя атласомъ краснымъ, съ золотымъ позументомъ. Въ нихъ: двѣнадцать паръ мужскихъ кружевныхъ манжетъ съ галстуками. Три галстука мужскихъ кружевныхъ. Три убора къ самарамъ: фантажи съ сагажантыми (sic) и съкрагены кружевныя. Двѣ пары агажантовъ одинакихъ. Одно покрывало на нахтышъ камердуховое съ кружевомъ. Одинъ шлафмицъ марселевой съ кружевомъ. Одинъ карсетъ марселевой съ кружевомъ. Пять карнетъ камердуховыхъ съ кружевы и съ лентами шелковыми. Покрывало на подушки камердуховое съ кружевомъ. Семь наволокъ на подушки батистовыхъ съ кружевы. Три платка шитые, кисейные. Одна дюжина платковъ кисейныхъ. Одна дюжина косынокъ кисейныхъ. Одна дюжина батистовыхъ платковъ. Двѣ дюжины манжетъ съ воротами камердуховыхъ женскихъ. Полдюжины платковъ шелковыхъ карманныхъ. Четыре дюжины сорочекъ мужскихъ голландскаго тонкаго полотна. Шесть дюжинъ сорочекъ женскихъ, такого жъ полотна. Двѣ перемѣны наволокъ на подушки голландскаго полотна, въ каждой по семи наволокъ. Четыре простыни такихъ же. Двѣ перемѣны наволокъ на подушки крикенберскаго полотна, въ каждой по семи наволокъ. Двѣнадцать простынь такого же полотна. Четыре гарнитура скатертей, въ каждомъ одна скатерть и двѣ дюжины салфетокъ. Четыре гарнитура скатертей въ каждомъ по одной скатерти и по одной дюжинѣ салфетокъ.

Итого двѣ скрыни съ бѣльемъ. . . .	4,369
Кровать съ завѣсы малиноваго французскаго штофу, съ позументомъ золотымъ и съ прочимъ уборомъ	2,287
Постеля перина съ подушки и матрацомъ съ наволоки и одѣяломъ атласными	208
Обои въ спальню штофу малиноваго съ завѣсы тафтяными, съ кресла и столы уборными со всѣмъ ихъ приборомъ.	241
	31,749

Роспись приданому Графини Авдотьи Денисовны такожъ чтò ей во время замужства пожаловано и подарено, и чтò она отъ своего супруга получила.

Приданое Графини Авдотьи Денисовны: Образъ Спасителевъ въ серебряномъ позолоченомъ окладѣ и вынизанъ жемчугомъ; Образъ святой Евдокіи въ серебряномъ позолоченомъ окладѣ. Крестъ золотой съ мощами пожалованъ отъ Ея Императорскаго Величества графинѣ въ болѣзни.

Платье.

Серебряная парчевая роба серебромъ обложена; Серебряная парчевая роба, съ разными травами и съ золотымъ позументомъ; Роба штофная, оранжеваго цвѣту, съ серебряными и синими травами, и съ широкимъ серебрянымъ позу-

ментомъ; Роба розоваго цвѣту, съ серебряными и зелеными травами, обложена узкимъ серебрянымъ поендеспанью; Роба синяя съ золотомъ, обложена золотымъ позументомъ.

Самары.

Красная, съ серебряными и разными травами, серебрянымъ позументомъ обложена; Синяя, серебрянымъ позументомъ богато выкладена; Пунцовая съ золотыми травами, и обложена золотою поендеспанью; Оранжевая, съ серебряными травами, обложена позументомъ.

Кафтаны.

Кафтанъ и юбка изъ зеленаго богатаго штофу съ серебромъ; Грезетовая дымчатая юбка и кафтанъ; Грезетовый фіолетовый кафтанъ съ серебрянымъ позументомъ.

Адріены.

Желтый адріенъ съ разными цвѣтами, который графиня сама въ подарокъ отдала; Простой желтый градетуровый адріенъ, который графиня сама въ подарокъ отдала; Розовый атласный адріенъ съ юбкой.

Шубы.

Соболья шуба покрыта серебряною парчею; Лисья шуба покрыта богатою серебряною парчею.

Контуши и исподницы.

Зеленый, атласный, стеганый контушъ и исподница съ золотымъ позументомъ; Желтая тафтяная шитая юбка съ серебрянымъ позументомъ; Синяя атласная стеганая юбка. Бѣлый марсельскій контушъ и юбка.

Маскарадное платье.

Синее, серебрянымъ позументомъ обложенное, русское крестьянское платье. Черная грезетовая епанча и шнурованье.

Кружева.

Гранитуръ брабандскихъ кружевъ, состоящій въ $27^1/_2$ аршинахъ, который къ розовому атласному адріену принадлежитъ; Уборъ къ робѣ брабандскаго кружева, фонтажъ съ галстукомъ и манжетами къ вороту и рукавамъ; Уборъ брабандскаго кружева, притомъ фонтажъ съ рукавами къ робѣ, галстукомъ и манжетами къ вороту; Уборъ къ самарѣ, притомъ фонтажъ, двое двойныхъ ангажантовъ и манжеты къ вороту, такожъ палатинъ; Уборъ къ самарѣ, состоящій въ фонтажѣ, двухъ двойныхъ ангажантахъ и манжетахъ къ вороту; Уборъ къ самарѣ, состоящій въ двухъ двойныхъ ангажантахъ, палатинѣ, лацкинѣ и манжетахъ къ вороту; Уборъ къ самарѣ, состоящій въ корнетѣ, трехъ двойныхъ ангажантахъ, палатинѣ и въ манжетахъ къ вороту; Четыре перемѣны на ординарные корнеты; Одинъ лацкинъ, палатинъ и три кроника для фонтажъ; Три пары одинакихъ ангажантовъ. Серебряная сѣтка на исподницу.

Бѣлье.

Женскія рубахи голландскаго полотна: дюжина подъ № 1, дюжина подъ № 2, дюжина подъ № 3, дюжина подъ № 4, дюжина подъ № 5, десять рубахъ подъ № 6. Всего 5 дюжинъ и 10 рубахъ.

Четыре дюжины мужскихъ рубахъ, изъ которыхъ одна дюжина съ бра-

бандскими кружевными манжетами; 9 спальныхъ шапочекъ, 3 шапочки подъ кроникъ (sic), 3 пары штановъ, бѣлый спальный контушъ, тринадцать паръ бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ, семнадцать паръ маленькихъ манжетовъ камертуховыхъ къ рубашкамъ, и притомъ манжеты къ вороту.

Шесть платковъ кисейныхъ и одинъ вышивной платокъ.

5 спальныхъ шапочекъ кисейныхъ безъ кружева; большая наволочка, шесть маленькихъ, покрышка на постелю изъ камертуха, покрышка жъ для нахтъ-тиша. } Обшиты брабандскими кружевами и къ постелѣ принадлежатъ

Приборъ къ постелѣ.

Перемѣна состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ такихъ же; Такая-жъ перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна-жъ, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 наволокѣ и въ 6 маленькихъ; Перемѣна, состоящая въ 2 простыняхъ, 1 большой наволокѣ и въ 2 маленькихъ. NB. три маленькихъ наволочекъ на дорогѣ потеряны. Перемѣна состоящая въ 2 простыняхъ, 1 большой наволокѣ и въ 6 маленькихъ.

Приборъ къ столу.

Большая скатерть, съ 24-мя салфетками, клѣтчатыя; скатерть съ 19-ю салфетками, клѣтчатыя; скатерть съ 24-мя салфетками на подобіе грезету; скатерть съ 18-ю салфетками на подобіе грезету; скатерть съ 12-ю салфетками узорчатыми; скатерть съ 6-ю салфетками, узорчатыя; скатерть съ 12-ю салфетками, мелкотравныя; скатерть съ 6-ю салфетками, мелкотравныя. NB. Изъ сихъ у камеръ-фрау 5 салфетокъ потеряно.

Уборы.

Кармазинная штофная занавѣсъ, золотымъ позументомъ обложена, съ периною и подушками, съ синими атласными наволоками и притомъ синее и бѣлое атласные одѣяла. Двое креслы и два табурета обиты краснымъ кармазиннымъ штофомъ. Три кармазинныя штофныя покрышки на тоалетъ, съ золотымъ позументомъ. Большой серебряный позолоченый тоалетъ; маленькій такой же. Серебряный кофейный сервизъ. Маленькая готовальня съ брилліантами. Наличныхъ денегъ графиня привезла 15 тысячъ рублевъ. Изъ тѣхъ 5,000 рублевъ, которые мадамъ Іоганна имѣла, такожъ привезено 1,800 рублевъ.

Во время замужства подарено: Отъ Ея Императорскаго Величества 1000 червонцевъ. — Отъ Его Сіятельства Графа Алексѣя Григорьевича 500 червонныхъ.

Брилліантовъ:

Отъ Ея Императорскаго Величества. Брилліантовыя серги.

Отъ Ея Величества Римской Императрицы. Брилліантовое перо.

Отъ Его Величества Короля Польскаго. Фарфоровый чайный сервизъ.

Отъ Его Сіятельства Графа Алексѣя Григорьевича. Ясписовая небольшая табакерка съ брилліантами.

Отъ Его Сіятельства Канцлера. Брилліантовый складень и четыре нитки жемчугу.

Отъ Ея Сіятельства Гофмейстерины. Одно перо и одинъ брилліантовый шлейфъ.

Отъ Графа Андрея Алексѣевича. Бриллiантовые часы; Бриллiантовая табакерка. Его портретъ съ бриллiантами. Два бриллiантовые перстня, чѣмъ они обручались; небольшая золотая готовальня съ бриллiантами; небольшая табакерка изъ жемчужной раковины, золотомъ оправленная, которая покойной Графинѣ, какъ фрейлинѣ, отъ Ея Императорскаго Величества пожалована, но Графинею доктору Свиту въ Вѣнѣ подарена.

Роспись тѣмъ вещамъ, которыя покойная Графиня Авдотья Денисовна отъ ея супруга получила.

Платья:

Роба соломеннаго цвѣту, съ серебрянымъ и вiолетовымъ гарлантовымъ туромъ изъ гризету.

Самаръ:

Самара розоваго цвѣту съ серебрянымъ гарлантовымъ туромъ; синяя богатая самара съ золотыми цвѣтами и золотомъ обложенная; самара изъ пунсоваго штофа съ бѣлыми цвѣтами; самара изъ бѣлаго атласу съ желтыми цвѣтами; самара тафтяная, узорчатая, бѣлая съ желтымъ.

Адрiены:

Адрiенъ изъ богатаго съ серебромъ штофу соломеннаго цвѣту; адрiенъ изъ бѣлаго гризету, золотомъ обложенный; адрiенъ изъ бѣлаго гродетуру и разными цвѣтами шитый; адрiенъ изъ бѣлаго-жъ гродетуру съ зелеными цвѣтами шитой; адрiенъ пунсовый тафтяный, тафтою-жъ фризированный; адрiенъ изъ травчатой тафты бѣлой съ желтой.

Полушлафроковъ:

Желтый гризетовый полушлафрокъ; полушлафрокъ дымчатый гризетовый; полушлафрокъ же бѣлый штофный, съ пестрыми цвѣтами; черная гризетовая юбка для надѣванiя на фишбины; голубая гризетовая юбка и полушлафрокъ серебромъ выкладенные; амазонское платье гродетуровое зеленое, золотомъ выкладенное, съ шляпою.

Исподницы:

Бѣлая марсельская юбка и контушъ; бѣлая атласная шелкомъ и золотомъ шитая исподняя юбка; бѣлая гродетуровая голубымъ шелкомъ вышитая исподняя юбка; красная атласная серебромъ и шелкомъ вышитая исподняя юбка.

Маскарадныхъ платей:

Черная бархатная юбка золотомъ выкладенная съ карсетомъ и епанчею чернаго бархату, съ шляпою; тафтяная домино съ малеванными цвѣтами, розоваго цвѣту; голубая гродетуровая домино серебромъ выкладенная; багутъ (sic) съ голубою лентою изъ золотаго флору.

Шубъ:

Горностаевая шуба, покрытая желтою богатою серебромъ тканою парчею, съ муфтою; бѣлая съ серебромъ и краснымъ бархатомъ розiетто.

Кружевъ и фонтанжевъ:

Фонтанжъ, робные рукава, манжеты, къ вороту и галстукъ изъ крутфильскихъ кружевъ, одна пара тройныхъ ангажантовъ и манжеты къ вороту изъ крутфильскихъ же кружевъ. Уборъ бриссельскихъ кружевъ, причемъ одинъ

фонтанжъ, трое двойные ангажанты палатина и манжеты къ вороту. Черный фонтанжъ съ серебряными цвѣтами; черный же фонтанжъ съ золотыми цвѣтами. Уборъ серебряныхъ блондовъ, состоящій изъ фонтанжа, трехъ двойныхъ ангажантовъ лацкена, палатина, 2-хъ манжетъ къ вороту, 2-хъ шлейфовъ; черный же фонтанжъ съ черными кружевами. Уборъ состоящій въ лакцентѣ и двухъ палатинахъ съ серебромъ: одна пара ангажантовъ, два двойныхъ фонтанжа и манжеты къ вороту изъ серебряныхъ кружевъ, трое двойные ангажанты, лацкенъ и манжеты къ вороту, да два палатина. Уборъ изъ блондовъ віолетовыхъ и бѣлыхъ, состоящій въ одномъ фонтанжѣ, одномъ лацкентѣ, двухъ двойныхъ ангажантовъ, одномъ палатинѣ, двухъ шлейфахъ, манжетахъ къ вороту; одна пара ангажантовъ съ золотыми кружевами и палатиномъ; два маленькіе головные убора изъ блондовъ, одинъ гарнитуръ къ розовому адріену съ бѣлыми гарнутами; одинъ гарнитуръ къ адріену съ пестрыми цвѣтами гарнута; уборъ изъ узорчатой бумаги съ разными лентами, состоящій въ головномъ уборѣ, ангажантахъ и пр., палатинъ; уборъ изъ бумаги съ голубою лентою, состоящій въ головномъ уборѣ, ангажантахъ и палатинѣ. Еще два головные убора изъ блондовъ, одинъ съ красными, а другой съ голубыми.

Мантилей:

Одна мантилья серебряная съ золотомъ; мантилья-жъ изъ серебра и красныхъ гирлянтовъ; мантилья изъ красной и бѣлой шенильи; дымчатая грезетовая мантилья съ краснымъ велпомъ.

Палатиновъ:

Одинъ палатинъ изъ серебра, съ зелеными и віолетовыми гарнутами, причемъ и четыре шлейфа; такой же съ шестью шлейфами; зеленый съ серебромъ палатинъ, причемъ лацкенъ и два шлейфа; золотой палатинъ съ гарлантомъ и лацкеномъ; красный съ серебромъ палатинъ съ букета изъ камертуха; эсклаважъ мяснаго цвѣту; палатинъ изъ віолетовой и бѣлой шенильи; палатинъ изъ красной и бѣлой шенильи; бѣлый изъ блондовъ и флору конкерантинъ (sic); лацкенъ изъ бѣлыхъ съ серебромъ лентъ; лацкенъ изъ голубыхъ съ серебромъ лентъ.

Галантерей и другихъ вещей:

Шесть эсклаважей изъ жемчугу, причемъ и четыре пары серегъ жемчужныхъ же, вмѣстѣ въ одной связкѣ; два шелковые везеные кошелька; три аршина желтой богатой парчи; двѣ нитки жемчугу; девять паръ башмаковъ; шесть паръ бумажныхъ чулокъ; разныхъ сортовъ ленты.

(Изъ архива автора).

XI.

РЯДНАЯ ГРАФИНИ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ РАЗУМОВСКОЙ, РОЖДЕННОЙ НАРЫШКИНОЙ.

Реэстръ что пожаловано въ приданое Екатеринѣ Ивановнѣ Нарышкиной.

Робной уборъ и къ нему фантанштъ.
Три убора самарныхъ кружевныхъ.
Круглые манжеты кружевные съ воротомъ.
Двѣ дюжины каморточныхъ манжетъ круглыхъ.
Къ постели шлафорокъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый корсетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Марселевый колпакъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Подвязной карнетъ съ бѣлымъ кружевомъ.
Шесть карнетъ ночныхъ, подвязныхъ, батистовыхъ, съ бѣлымъ кружевомъ.
Каморточное покрывало на подушки съ кружевомъ.
Каморточное покрывало на нахтышъ съ кружевомъ.
Одна перемѣна батистовая на подушки съ кружевомъ.
Двѣнадцать паръ мужскихъ манжетъ.
Двѣ дюжины шитыхъ мужскихъ манжетъ.
Четыре галстука мужскихъ кружевныхъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ галстуковъ.
Двѣ дюжины батистовыхъ платковъ.
Двѣ дюжины кисейныхъ платковъ.
Четыре платка по кисеѣ шитые.
Одна дюжина шелковыхъ платковъ.
Двѣ дюжины бѣлыхъ шелковыхъ чулковъ.
Двѣ дюжины башмаковъ.
Три дюжины мужскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ голландскихъ рубашекъ.
Двѣ дюжины женскихъ валендорскихъ рубашекъ.
Двѣ перемѣны голландскихъ на постелю.
Шесть перемѣнъ валендорскихъ на постелю.
Три дюжины полотенецъ.
Двѣ скатерти большихъ и къ нимъ надлежитъ четыре дюжины салфетокъ.
Шесть скатертей и къ нимъ шесть дюжинъ салфетокъ.
Большой сундукъ на платья коженный.
Другой сундукъ на бѣлье обитъ камкою съ позументомъ.
Ларецъ на башмаки обитъ камкою съ позументомъ.
Умывальный ларецъ обитъ бархатомъ и съ позументомъ.

(Изъ Государственнаго архива).

XII.

ВЫПИСКА ИЗЪ ДѢЛА ОБЪ ИМѢНІЯХЪ ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ НАРЫШКИНОЙ.

I.

Указъ нашему генералу Левашеву.

Объявляемъ вамъ, что Мы нашу фрейлину, дочь Ивана Львовича Нарышкина, Екатерину Ивановну сговорили въ супружество нашему дѣйствительному камеръ-геру графу Кирилѣ Г. Разумовскому, который бракъ вскорѣ быть имѣетъ, а понеже оная наша фрейлина отъ отца и матери осталась малолѣтна и воспитана въ домѣ дяди ея Александра Львовича, у котораго въ вѣдѣніи и управленіи состояли всѣ имѣнія движимыя и недвижимыя, а нынѣ по кончинѣ Александра Львовича въ домѣ его нашлись отъ оной фрейлины имѣніи извѣстія токмо о недвижимомъ подлинная раздѣльная запись 1732 года, а о движимомъ имѣніи подлинной описи учиненной по кончинѣ Ивана Львовича чрезъ камеръ-гера Михаила Григорьевича Нарышкина и людьми Александра Львовича и Ивана Львовича здѣсь не явилось; и токмо люди помянутой нашей фрейлины: Петръ Аштковъ, Иванъ Кондаковъ объявили копію съ полной описи движимому имѣнію, учиненной въ 1734 году камеръ-геромъ Михайломъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ и та ничьею рукою не подписана. По тому же движимому имѣнію подлинную опись, учиненную въ 1742 году людьми Александра Львовича: Лукою Ивановымъ, Андреемъ Турчениномъ, Васильемъ Бѣляевымъ, Ивана Львовича человѣкомъ Михайломъ Крупецкимъ за ихъ руками, по оныя обѣ описи одна съ одною несходны и послѣдняя опись дѣлана не слѣдуя прежней, а по разсмотрѣніи оныхъ описей явилось, что многаго въ новой описи нѣтъ, что въ первой есть, и многое сверхъ той прежней описи есть, чего въ оной первой не писано. А люди ихъ, которые при описи были многіе померли, а остались въ живыхъ Александра Львовича: Василій Гришановскій въ Московскомъ домѣ, Василій Бѣляевъ въ здѣшнемъ домѣ управителемъ. И для того повелѣваемъ вамъ, прежнюю 1734 года подлинную опись приказать отыскать въ домовой канцеляріи или, оной, буде, не сыщется, то по посланнымъ при семъ описямъ вновь учинить новую опись, къ которой описи при себѣ употребить вамъ коллежскихъ и канцелярскихъ судей, обрѣтающихся въ Москвѣ, кои къ тому способны, также секретаря изъ сенатской конторы, а для письма взять людей изъ домовой канцеляріи Александра Львовича и Екатерины Ивановны, причемъ быть и служителямъ Александра Львовича—Гришановскому, который въ Москвѣ, и Бѣляеву, да Екатерины Ивановны—Петру Аштқову, которые отсюда отправлены, да со стороны графа К. Г. Разумовскаго Ивану Вагнеру и слѣдовать при томъ по прежней описи и чего не явится, то спрашивать у вышеписанныхъ людей и гдѣ чтó дѣвалось и куда употреблено, и если на то имовѣрныя записи или что сверхъ первой и другой описи въ казенной явится, о томъ о всемъ спрашивать вышеписанныхъ людей съ прикладываніемъ ихъ рукъ, для чего оное излишество и какимъ образомъ учинилось, также всю прежнюю опись очистить и оную прислать къ намъ за вашею и другихъ при томъ присутствующихъ руками, а ключи отъ казенной

обрѣтаются въ домѣ Екатерины Ивановны умершаго ея человѣка Крупицкаго у жены его, а что при описи явится золотыхъ, серебряныхъ и алмазныхъ вещей и каменьевъ, то отправить сюда, а прочее кромѣ того отдать на руки по новой описи служителямъ Екатерины Ивановны и графа Кирилы Григорьевича.

Въ 18 день октября 1746 г.

II.

Вѣдомость, сообщенная гофмаршаломъ Нарышкинымъ.

За Иваномъ Львовичемъ по раздѣлу въ 1732 году Генваря дня съ братомъ Его Александромъ Львовичемъ и по учиненнымъ отъ крѣпостныхъ дѣлъ записямъ въ разныхъ уѣздахъ должно быть недвижимаго имѣнія и въ немъ по подушной переписи мужскаго полу душъ.

Крестьянскихъ	15,688
Да оставшихся за тѣмъ раздѣломъ общихъ	1,342
Изъ которыхъ Ивану Львовичу надлежитъ быть половина.	671
Итого съ нераздѣльными.	16,359
Дворовыхъ людей раздѣльныхъ	55
Да общихъ дворовыхъ же людей.	276
Изъ оныхъ Ивану Львовичу половина.	138
Всего крестьянъ и дворовыхъ	16,552.

Изъ оныхъ одной подлинной записи, которой надлежало быть при домѣ Ивана Львовича, на лицо не имѣется, а токмо имѣется копія, а какъ ниже сего значитъ, оной подлинной записи съ прочими крѣпостьми надлежитъ быть при домѣ покойнаго Александра Львовича.

По объявленнымъ записямъ записано общихъ крестьянъ и людей, росписавъ, раздѣлить впредь, а тѣ дворовые люди въ ту прежнію перепись въ подушномъ окладѣ написаны въ разныхъ вотчинахъ и подушные за нихъ деньги платятся пополамъ, а тѣмъ людямъ хотя точнаго раздѣлу и нѣтъ, однакоже по домовому росписанію, которые отдѣлены на половину Ивана Львовича, тѣмъ жалованье и хлѣбъ давался изъ дому его съ 732 года почему и по нынѣ берутъ сполна.

Кромѣ малолѣтныхъ, которыхъ тогда въ подушный окладъ числить не велѣно.

Движимому ихъ Александра и Ивана Львовичей всему имѣнію учинены при жизни ихъ росписанія, по которымъ и раздѣлъ былъ учиненъ, а что кому досталось, такого росписанія не имѣется и гдѣ оное нынѣ находится то неизвѣстно, токмо оному росписанію должно быть, повидимому, въ домѣ Александра Львовича, потому что всѣ важныя крѣпости и описи дѣйствительно находятся въ его домѣ.

А по кончинѣ Ивана Львовича движимаго его имѣнія сколько осталось, то видѣть можно изъ учиненныхъ описей:

1) въ 734 году Августа 7 дня камеръ-геромъ Михайломъ Григорьевичемъ Нарышкинымъ и служителемъ Лукою Ивановымъ съ товарищи, которая опись въ 736 году послана въ С.-Петербургъ къ Александру Львовичу, съ нея оставлена копія;

2) въ 742 году Декабря дня служительми онымъ же Лукою Ивановымъ и Михайломъ Крупицкимъ съ товарищи по приказу Александра Львовича, которая имѣется за руками ихъ на лицо.

Сія вѣдомость сообщена отъ гофъ-маршала Г. Нарышкина въ 14 день Октября 1746.

III.

Рапорты Левашева:

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Самодержицѣ Всероссійской, Государынѣ Всемилостивѣйшей.

1.

Отъ Генерала Левашева всеподданнѣйшій рапортъ.

В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ минувшаго Октября 16-го (фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной дѣйствительному камеръгеру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому въ супружество сговоренной движимому имѣнію описи о учиненіи) Всемилостивѣйшаго Высочайшаго именнаго указа съ приложеніями о полученіи и кто при той описи при мнѣ быть опредѣлены, я всеподданнѣйше В. И. В., минувшаго Октября 30 дня рабски доносилъ. Сего Ноября 1-го, Александра Львовича и Екатерины Ивановны Нарышкиныхъ служителямъ: Бѣляеву и Ашиткову, въ Москву по прибытіи, чтобъ въ 734 году учиненную опись въ домовыхъ канцеляріяхъ немедленно отыскали отъ меня накрѣпко приказано и для лучшаго и скорѣйшаго исправленія къ нимъ въ домы Александра Львовича Штабу моего оберъ-аудиторъ Черкасовъ приставлены были и въ обоихъ оныхъ домахъ предписанной 734 году описи искано, а не найдено, а отыскано въ домѣ Александра Львовича 742 г. бѣлая за руками служителей его; а въ домѣ Екатерины Ивановны одна 730 году, а вторая 734 году черныя описи, ни чьими руками не подписанныя.

Что же бы опись за рукою Михайла Григорьевича Нарышкина была, тому признавается будто бы быть не уповательно, какъ въ домѣ Александра Львовича изъ найденныхъ Михайла Григорьевича изъ двухъ писемъ при семъ приложенныхъ является, что показанная опись будетъ служителевыми руками подписана и чтобы по Высочайшему В. И. В. всемилостивѣйшему повелѣнію въ упоминаемой описи временно упущено не было Екатерины Ивановны имѣнію, я при мнѣ съ опредѣленными сего Ноября 6-го вновь опись дѣлать началъ, при чемъ иногда и настоящая опись не найдется.

В. И. В. Всемилостивѣйшей Государыни всеподданнѣйшій и всенижайшій рабъ

Василій Левашевъ.

Ноября 8 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

2.

В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ сего Октября отъ (оторвано) (фрейлины Ивана Львовича Нарышкина дочери Екатерины Ивановны дѣйствительному камеръ-геру графу Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому въ супружество сговорено движимому имѣнію со употребленіемъ при мнѣ въ Москвѣ изъ коллежскихъ и канцелярскихъ Судей да изъ Сенатской Конторы секретаря описи о учиненіи) Всемилостивѣйшій Высочайшій именной указъ съ приложеніями я всеподданнѣйше сего Октября 6 принять удостоился и всени-

жайше рабски доношу по предписанному В. И. В. Всемилостивѣйшему Высочайшему указу во всемъ рабское исполненіе чинить долженствую.

При реченной описи при мнѣ Камеръ-Коллегіи вице-призидентъ, хотя онъ въ годовомъ отпуску имѣется, но нынѣ въ Москвѣ быть прилучился къ показанному дѣлу весьма по его пристойности потребный человѣкъ и чтобъ другихъ отъ мѣстъ не брать князь Михаилъ Ивановичъ сынъ Шаховской да мануфактуръ-коллегіи изъ членовъ по пристойности же совѣтникъ Князь Иванъ Михайловъ Одоевскій, а изъ Сенатской Конторы секретарь Андрей Суровцевъ быть опредѣлены только изъ С.-Петербурга Александра Львовича служитель Василій Бѣляевъ да Екатерины Ивановны служитель же Петръ Ашитковъ, которымъ при описи быть надлежитъ, еще въ Москву не прибыли.

Октября 30 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

3.

Что по Высочайшему В. И. В. высокодержавныя руки за подписаніемъ по Всемилостивѣйшему указу дѣйствительнаго камеръ-гера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго супруги штатсъ-дамы Екатерины Ивановны движимому имѣнію вновь опись дѣлать началъ, а прежнія тому имѣнію описи въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненной еще не найдено, о томъ отъ меня В. И. В. сего Ноября 8 дня всеподданнѣйше рабски донесено, а вчерашняго числа отъ дому Александра Львовича Нарышкина отъ служителей Василія Гришоловскаго, Михайла Турченина, Василія Бѣляева ко мнѣ при доношеніи означенная въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненная за руками Александра Львовича Нарышкина служителей Луки Иванова, Василія Гришоловскаго да Ивана Львовича Нарышкина служителя Григорія Нѣмчинова опись подана. И въ томъ доношеніи написано, что та опись въ ящикѣ между разными нѣмецкими и русскими въ книгѣ атласъ найдена и при той описи изъ рукоприкладчиковъ въ живыхъ одинъ Василій Гришоловскій имѣется и по оной описи при нынѣшней новой описи свидѣтельствовано будетъ, а предписаннаго имѣнія уже съ половину пересмотрѣно и описано.

Ноября 17 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

4.

Что по Высочайшему В. И. В. указу бывшей фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, а нынѣ дѣйствительнаго камеръ-гера графа Кирила Григорьевича Разумовскаго супруги, движимому имѣнію опись дѣлать началъ, о томъ В. И. В. минувшаго Ноября 8, а что реченному же имѣнію въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненная опись найдена, о томъ того жъ Ноября 17-го дня отъ меня всеподданнѣйше рабски донесено, а сего Декабря 20 дня та опись окончена, а замедленіе въ томъ происходило, что многія вещи, которыя въ которыхъ сундукахъ по описи написаны были не въ тѣхъ сундукахъ, но въ другихъ найдены и нынѣ противъ прежней означенной описи о неявльшихся вещахъ и сверхъ того описи о явившихся отъ служителей отвѣты берутся и опись на-бѣло переписывается, изъ которыхъ одна за руками моею и при мнѣ при той описи будущихъ при

всеподданнѣйшемъ моемъ доношеніи и алмазныя и золотыя и серебряныя вещи и прочіе каменья В. И. В. отправлены будутъ.

Декабря 22 дня 1746 года,
въ Москвѣ.

5.

Что В. И. В. по Высочайшему указу бывшей фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, а нынѣ штатсъ-дамы, дѣйствительнаго камеръ-гера и кавалера графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго супруги, въ Москвѣ движимому имѣнію опись окончена, о томъ В. И. В. отъ меня въ 746 году Декабря 22 всеподданнѣйше рабски донесено.

Нынѣ о показанномъ имѣніи вновь учиненную за моею и при мнѣ бывшихъ камеръ-коллегіи вице-призидента князя Михайла Шаховскаго, да мануфактуръ-коллегіи совѣтника князя Ивана Одоевскаго за руками, опись, да въ 734 году отъ камеръ-гера Михайла Григорьевича Нарышкина учиненную за руками же Александра Львовича Нарышкина служителей Луки Иванова, Василія Гришоловскаго да Ивана Львовича Нарышкина служителя Григорья Нѣмчинова найденную опись, о которой 746 года Декабря 22-го В. И. В. я всеподданнѣйше рабски доносилъ, а для чего отправленныя въ С.-Петербургъ (съ прежнею подлинною описью) копіи несходны явилися, о томъ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской отъ служителя Петра Ашиткова со взятой сказки точную копію при семъ В. И. В. всеподданнѣйше рабски подношу, а таковая жъ точная новая опись и по ней всѣ вещи въ Москвѣ въ домѣ штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны служителемъ Артамону Шульгину да Петру Ашиткову съ роспискою отдана, а каменья и золото и серебро съ нарочнымъ офицеромъ безъ всякаго замедленія въ С.-Петербургъ отправлено быть.

Генваря 8 дня 1747 года,
въ Москвѣ.

6.

В. И. В. сего года Генваря отъ 24 за высокодержавною рукою по Высочайшему именному указу штатсъ-дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ Москвѣ оставшему по описи имѣнію изъ Московскаго магистрата взятыми цѣновщиками оцѣнка учинена и цѣновную опись цѣновщиковъ за руками при семъ В. И. В. всеподданнѣйше подношу, а такова-жъ за руками тѣхъ же цѣновщиковъ цѣновная опись въ Москвѣ предписанной же штатсъ-же дамы графини Екатерины Ивановны Разумовской въ домѣ управителю отдана будетъ, понеже оный управитель нынѣ отъ Москвы въ отлучкѣ въ Смоленскѣ имѣется.

IV.

Раздѣльный актъ между братьями Нарышкиными.

Лѣта тысяща седмьсотъ тридесятъ втораго Генваря 31 дня тайный совѣтникъ и комерцъ-коллегіи президентъ Александръ Львовичъ сынъ Нарышкинъ съ братомъ своимъ роднымъ отъ флота капитаномъ Иваномъ Львовичемъ сы-

номъ Нарышкинымъ, учинили мы межъ собою полюбовный раздѣлъ въ томъ, что въ прошломъ 1705 году блаженныя памяти отецъ нашъ, бояринъ Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, при животѣ своемъ, опредѣлилъ намъ недвижимое свое имѣніе, а именно: мнѣ, Александру, одному: въ Каширскомъ уѣздѣ Соломенскую волость со крестьяны и съ желѣзными заводы и со всѣми къ ней принадлежащими угодьи, да сестрѣ нашей Аграфенѣ въ Московскомъ уѣздѣ село Медвѣдково и село Раѣво съ деревнями седмьдесятъ два двора, да въ Муромскомъ уѣздѣ изъ Пуроцкой волости ей же Аграфенѣ шестьсотъ дворовъ; а сестрамъ нашимъ Прасковьѣ, Александрѣ, Марьѣ, Аннѣ изъ той же Пороцкой волости да въ прибавокъ изъ Яковлевской волости по четыреста дворовъ; а оставшія другія вотчины опредѣлилъ намъ, Александру и Ивану, и брату нашему Евграфу по равнымъ частямъ, и о томъ отецъ нашъ бояринъ Левъ Кириловичъ написалъ челобитную, которую блаженныя и вѣчно достойныя памяти Е. И. В. соизволилъ собственною своею рукою подписать, чтобы учинить по тому опредѣленію и въ томъ же 705 году въ помѣстномъ приказѣ, что нынѣ вотчинная коллегія, за всѣми нами справлена, а въ прошломъ 706 году братъ нашъ Евграфъ волею Божею умре, и опредѣленная часть его за нами по нынѣ оставлена была безъ справки за насъ, а сестра наша княгиня Аграфена въ прошломъ 710 году волею Божіею умре же и по смерти ея опредѣленное недвижимое все имѣніе справлено въ ономъ году за нами, Александромъ и Иваномъ обще, а сестръ нашихъ Прасковіи и княгини Маріи опредѣленныя ихъ части по указу справлены по пунктамъ и по наслѣдству за мною Александромъ за однимъ, кромѣ что послѣ смерти сестры нашей княгини Марьи изъ ея недвижимаго имѣнія дано мужу ея князю Федору Голицыну четвертая часть, а сестры наши Александра и Анна съ опредѣленнымъ своимъ недвижимымъ вышли замужъ и съ тѣмъ остались и по нынѣ, которыя дачи и раздѣльныя записи съ сестрами нашими значатъ именно въ вотчинной коллегіи и по той записи на него брата моего Ивана ни о чемъ не бить челомъ и владѣнія не взыскивать, понеже той сестрѣ нашей Прасковьѣ весь сполна жеребій по силѣ указовъ справленъ за мною, Александромъ, въ которой жеребья по той раздѣльной записи и по справкѣ въ вотчинной коллегіи недостало мнѣ, Александру, въ четырехсотное дворовое число, ста тридцати осьми дворовъ и въ то число токмо возвратить изъ Муромскихъ вотчинъ изъ Вацкой трети деревню Гавриловъ-Починокъ тридцать два двора, а достальные сто шесть дворовъ въ томъ же Муромскомъ уѣздѣ изъ Вацкой же трети деревня Таломская, Митино, Сухарева, Терпигорева, Пылаиха и Рдова и что къ тѣмъ деревнямъ надлежитъ съ пашнею и съ сѣнными покосы и лѣсы и со всѣми угодьи по писцовымъ и отказнымъ книгамъ и по дачамъ отдаю ему, Ивану. А оставшіе за тѣмъ вышеписаннымъ прочія вотчины, а именно въ Московскомъ уѣздѣ мнѣ, Александру: село Чашниково, деревни Носово, деревня Катюшка, деревня Перепечина, деревня Котенёва, деревня Исакова, деревня Новосёлки, деревня Шенюкино, деревня Новое, сельцо Милкисарево, деревня Кулебакино, село Покровское, деревня Фили, деревня Мазилово, сельцо Кунцево, село Медвѣдково, деревня Выползова, деревня Филино, село Раёво, деревня Юрлова, деревня Сабурова; да въ Орловскомъ уѣздѣ: село Дмитровское съ деревнями; въ Карачевскомъ уѣздѣ: деревня Новолѣски; въ Ряжскомъ уѣздѣ: село Канино, село Смыково; въ Ярославецкомъ уѣздѣ Малаго: село Тарутино съ деревнями, сельцо Огубъ съ деревнями; въ Оболенскомъ уѣздѣ: сельцо Тросье съ деревнями; въ Каширскомъ уѣздѣ: сельцо Грызлово, село Савинско, сельцо Волохово съ деревнями; въ Можайскомъ уѣздѣ: сельцо Облиницо; въ

Владимірскомъ уѣздѣ: село Рожествино съ деревнями; въ Шацкомъ уѣздѣ: село Конабѣево, село Ялтуново въ лѣсной сторонѣ, другое село Ялтуново въ напольной сторонѣ, село Волосатово, село Темешево, село Женменево, село Олешенево, село Маморга, село Купля, село Новоселки, село Огламазово, село Березово, деревня Токарева, Янина Слобода, деревня Янбирина, деревня Раковскіе усады, деревня Выша, деревня Ярнеевскихъ усадовъ, да въ восьми пустошахъ пашенная земля: село Барки, село Северенья, село Насины; въ Рожественскомъ присудѣ: село Рожествено, село Кузьмодемьяновское—Раево тожъ, село Кузьмодемьяновское—Рянза тожъ, село Никольское—Морошка тожъ, село Архангельское—Таракса тожъ, село Покровское—Машерка тожъ, поселокъ Васили, да къ тѣмъ же Шацкимъ селамъ и деревнямъ бортныхъ уложьевъ триста восемьдесятъ семь, да въ Муромскомъ уѣздѣ: сельцо Озябликово, Никольская слобода, деревня Еремейкова, деревня Тамцова, деревня Янино, деревня Чирятьево, деревня Шамшилова, деревня Шишкино, деревня Козлокова, деревня Максакова, деревня Турбанева, деревня Бангина, деревня Кряжи, деревня Выборково, деревня Вечкино, деревня Аксентьево, село Вача, село Дьяково, деревня Сколково, деревня Сурская, деревня Искусово, деревня Алтунино, деревня Рылово, деревня Новошанцово, деревня Михалево, деревня Бѣлогузово, деревня Урюпино, деревня Звягино, деревня Красная, деревня Маратино, село Козаково, деревня Полцо, деревня Деревнищи, деревня Сурское-Большое. Да брату моему Ивану Львовичу: въ Московскомъ уѣздѣ: село Черкизово, деревня Верёзкино, деревня Пекино, деревня Дубровки, деревня Морщихино, деревня Бурцево, деревня Пучьково, село Троицкое, деревня Черепкова, деревня Рублево, деревня Луки, деревня Острогино, деревня Мякинино, деревня Коскино, село Петровское, сельцо Остродамово, деревня Селичино; въ Епифанскомъ уѣздѣ: Молоденьки, деревня Олховецъ; да въ Ряжскомъ уѣздѣ: деревня Поплевино, деревня Бараково; въ Нижегородскомъ уѣздѣ: сельцо Таможниково съ деревнями; въ Дмитровскомъ уѣздѣ: село Пересвѣтово, село Федоровское съ деревнями; въ Боровскомъ уѣздѣ: Карамышевская волость; въ Шацкомъ уѣздѣ: село Вознесенское, Черная Слобода, село Кашеляево, село Кулики, село Кривая Лука, село Чернышово, село старое и новое Томниково, село Скопы, деревня Печены, деревня Рысли, четыре пустоши пашенной земли; къ томужъ присутствію бортныхъ уложьевъ триста восемьдесятъ семь; село Архангельское, село Знаменское, село Никольское—Машта тожъ, село Богоявленское—Шиндятино тожъ, село Суверенье; въ Муромскомъ уѣздѣ: деревни Верхополье, Варежская Слобода, деревня Макрецъ, деревня Вострома, деревня Юрьевецъ, деревня Горбанцово, деревня Горбанова, деревня Мамоново, деревня Лохани, деревня Кринуша, деревня Бужарова, село Давыдково, сельцо Чепанино, село Новоселки, село Фетиньино, село Глѣбово, деревня Путилково, деревня Дубровка, деревня Пиповка, деревня Городищи, деревня Попышево, деревня Фафонова, деревня Кошкино, деревня Бахарево, деревня Починокъ Брагинъ, деревня Каменки, деревня Алферова, деревня Бѣлякова, деревня Спетицкое, деревня Шишкино, деревня Лопкова, деревня Лѣсникова, деревня Федурина, деревня Карбышева. Да изъ жеребья сестры нашей что ему особо выше сего писано, а тѣ села и деревни со крестьяне и съ дворовыми людьми, кромѣ Московскихъ и Подмосковскихъ людей, со всѣми къ тѣмъ селамъ и деревнямъ принадлежащими угодьи, по писцовымъ и межевымъ и переписнымъ и отказнымъ книгамъ и подачамъ нашимъ, кромѣ новыхъ Шацкихъ посёлковъ и Симбирской и Пензенской вотчинъ. У Муромскихъ села Орефина и Залдомской слободы общихъ крестьянъ, которыхъ селъ и деревень выше сего не

упоминалось. А въ Шацкой уѣздъ въ вышеписанныя села и деревни по сему нашему раздѣлу послать намъ для осмотру отъ себя людей нашихъ и велѣть имъ по свидѣтельству въ вѣрность наличныхъ крестьянъ мужескъ полъ переписать; уравнять тѣ села наличными душами въ равенство, по подушному окладу и по исполненію наличнаго дворовага числа душъ, въ тѣхъ Шацкихъ селахъ; по тому-жъ учинить управленіе и въ землѣ по писцовымъ книгамъ, чтобъ оба жеребья и въ пашенной землѣ по сему росписанію нашему на обѣ половины всѣмъ уравнительны были: какъ душами, такъ и пашенными землями и сѣнными покосы по-сельно и по-деревенно, къ которому селу и деревни написаны по писцовымъ книгамъ и подушной переписи, чтобъ села и деревни по росписанію нашему добротою крестьяне были равны и къ смежеству, а которые крестьяне вновь изъ Шацкихъ нашихъ старыхъ селъ выпущены по нашему исполненію на новыя слободы, а другіе крестьяне и собою вышли, послѣ подушной переписи, и тѣхъ вновь же переписать по именамъ съ женами и дѣтьми и съ ихъ пожитки и, уравняя худаго съ добрымъ, раздѣлить пополамъ и по усмотрѣнію раздѣлу, которые надлежитъ вывесть въ старые села или кто пожелаетъ для лучшей пользы—въ тѣхъ новыхъ поселкахъ оставить и тѣхъ. Раздѣлять по тому-жъ пополамъ цѣльными поселками и тому учинить особливое росписаніе равными жеребьи, а которые крестьяне бѣжали или собою вышли изъ моихъ, Александровыхъ, собственныхъ вотчинъ, а именно изъ Соломенской волости и тѣхъ взять мнѣ, Александру, а изъ двухъ жеребьевъ, что справлено за мною, по дачамъ послѣ сестръ, а нынѣ при свидѣтельствѣ раздѣленія посланными людьми сыщутся по вышеписанному росписанію въ его, Ивановыхъ, въ деревняхъ, и тѣмъ быть въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ оные явятся. А буде въ общихъ вотчинахъ, а именно въ Симбирской и Пензенской и въ Шацкихъ новыхъ посёлкахъ явятся, изъ тѣхъ же двухъ жеребьевъ и тѣхъ крестьянъ мнѣ, Александру, вывесть на прежнее жилище всѣхъ, кромѣ тѣхъ, которые въ общихъ оныхъ вотчинахъ написаны въ подушномъ окладѣ. А земля въ Пензенскомъ уѣздѣ моей, Александровой, собственной дачи тую землю въ раздѣлъ не класть, а токмо поселенныхъ на той землѣ общихъ крестьянъ отдать мнѣ, Александру, въ зачетъ раздѣлу, а ему, Ивану, наполнить крестьянъ въ Симбирской вотчинѣ тѣмъ же числомъ, сколько въ той Пензенской мужеска полу душъ отставлено будетъ такимижъ крестьяны и такимъ заводомъ. А земли въ Симбирской вотчинѣ раздѣлить пополамъ, а которые за мною, Александромъ, послѣ сестръ и что по дачамъ особливо имѣется справлено, въ томъ числѣ и Соломенскіе заводы, а владѣли мы обще и доходы получали, потомъ по сей нашей полюбовной раздѣльной записи намъ и по насъ наслѣдникомъ нашимъ ни о какихъ съ тѣхъ заводовъ и другихъ моихъ, Александровыхъ, вотчинъ доходахъ на него, Ивана, не бить челомъ и при допросѣ намъ ни въ чемъ не спорить. А Московскіе наши дворы: что на Арбатской улицѣ каменной Иринискої и при немъ съ прикупными дворовыми мѣстами и загородной Прѣснинскій мнѣ, Александру, а ему, Ивану: каменной же новой дворъ, что слыветъ Романовъ, а къ нему прибавить мнѣ, Александру, ему, Ивану, денегъ три тысячи шестьсотъ рублевъ, да загородный дворъ, что на Дѣвичьемъ полѣ, а загородные-жъ дворы что на Крымскомъ броду и другой въ Земляномъ городѣ межъ Остоженки и Пречистенской улицъ, оные равною мѣрою раздѣлить пополамъ и которыя прикупныя дворовыя мѣста при новомъ дворѣ, что слыветъ Романовъ онымъ быть при томъ дворѣ, которыми владѣть намъ по сему раздѣлу, въ межахъ, по дачамъ нашимъ и по крѣпостнымъ. А которой нашъ домъ на Чистомъ Пруду въ приходѣ церкви Архангела Гавріила каменный и

оный дворъ продать намъ обще, или кто по оцѣнкѣ пожелаетъ взять себѣ, тому заплатить половину цѣны. А которое есть въ Московскихъ домахъ и въ раздѣленныхъ нашихъ Подмосковныхъ и другихъ вотчинахъ общее движимое, а именно: лошади, всякая скотина и пчёлы ульями и птицы и хлѣбъ стоячій и молоченой и посуда мѣдная и чугунная всякая, что явится того движимаго на лицо, оное всѣ посланнымъ нашимъ людямъ, уровняя худое съ добрымъ, съ жеребья раздѣлить пополамъ, такимъ же образомъ, какъ мы другое свое движимое имѣніе сами имѣющееся при себѣ раздѣлили, и впредь намъ, Александру и Ивану, и женамъ нашимъ и дѣтямъ и наслѣдникамъ о всемъ движимомъ другъ на друга по раздѣлѣ не бить челомъ. А которые наши дворы имѣются въ разныхъ городахъ отъ вотчинъ для постою и житья вотчиныхъ крестьянъ, а въ тѣхъ уѣздахъ будутъ у обоихъ насъ вотчины и тѣмъ дворамъ быть за нами общимъ. А которые крестьяне до сей нашей раздѣльной записи и до подушной переписи вошли въ которой жеребій въ зятья или какими другими раздѣлы перешли изъ котораго жеребья въ другой жеребій и живутъ дворами или вдовы и дѣвки вышли въ замужство, и тѣмъ быть въ тѣхъ жеребьяхъ, кто гдѣ нынѣ живетъ. И подушныя деньги платить по раздѣленіи и по переписи всякому за свой жеребій за умершихъ и вывозныхъ и которые отданы въ солдаты и помѣщикомъ вывезены и безвѣстно бѣжали, кромѣ Шацкихъ вотчинъ. А въ Шацкихъ вотчинахъ, которые крестьяне бѣжали изъ тѣхъ вотчинъ изъ подушнаго окладу и явятся въ новыхъ посёлкахъ и тѣмъ крестьянамъ подушный платежъ платить въ тѣ села, изъ которыхъ они выбѣжали, а которые бѣжали безвѣстно и въ тѣхъ новыхъ поселкахъ ихъ не явится, и за тѣхъ платить пополамъ тѣми жъ селы и поселки, а буде послѣ сего нашего раздѣла нынѣ явятся по свидѣтельству нашему, въ которомъ жеребью чьи бѣглые люди и крестьяне и по изысканію помѣщиковъ взяты будутъ съ пожилыми годами, и за тѣхъ взятыхъ бѣглыхъ крестьянъ жилыми душами отдать изъ цѣлаго жеребья въ тотъ жеребій, у котораго возьмутъ половину, равнымъ числомъ, душами мужеска и женска полу. А пожилыя деньги и подушной окладъ за вывозныхъ крестьянъ платить пополамъ, а которые послѣ сего раздѣлу бѣглые крестьяне явятся въ пріемѣ въ чьемъ жеребью или кто нынѣ, раздѣля бѣглыхъ, не осмотритъ и вонъ не вышлетъ до седмьсотъ тридесятъ третьяго году, и за тѣхъ съ онаго году платить намъ самимъ каждому по вотчинѣ, у кого гдѣ явятся. А буде изъ которыхъ жеребьевъ указомъ Е. И. В. что взято будетъ, и отдано кому въ какое наслѣдство или другимъ какимъ образомъ что отъ кого отойдетъ, и за оное отданье дать тому, у кого отойдетъ толикое жъ число дворами и душами мужеска и женска полу изъ своего жеребья половину, въ томъ же уѣздѣ, въ которомъ взято будетъ. И буде какое и владѣніе и денежный платежъ взыщется, такожъ по исцовымъ дѣламъ, которые до сего раздѣлу зачаты и впредь явится челобитье по общему нашему владѣнію, кому обвинены будутъ, и тѣ иски и владѣнье и денежный платежъ платить пополамъ же. А буде по нашему изысканію вотчинные наши крестьяне изъ бѣговъ сысканы будутъ или которые нынѣ изъ бѣговъ сысканы, а бѣжали до сего раздѣлу и надлежитъ за тѣхъ бѣглецовъ съ кого помѣщиковъ взять пожилыя деньги или какіе по половинѣ иски и вычеты, и тѣмъ деньгамъ взятье имѣть и раздѣлить пополамъ. А буде впредь въ чемъ какіе вотчинные посторонніе споры будутъ или нынѣ имѣются и по тѣмъ спорамъ имѣть общее стараніе. А которые общіе наши долги имѣются на насъ по росписи, которые за нашими руками и тѣ долги заплатить намъ пополамъ. А что еще имѣется на насъ долгу въ военной коллегіи тринадцать тысячъ рублевъ, которые мы занимали обще

на покупку С.-Петербургскаго двора и о зачетѣ ихъ имѣется прошеніе въ Артилеріи, и тѣ деньги намъ росписать такимъ образомъ, которыя до 705 году явятся за взятые припасы съ заводовъ желѣзныхъ и тѣ всѣ деньги взять намъ обще пополамъ, а которые взятые припасы явятся послѣ 705 году, за тѣ припасы деньги ежели ихъ явится съ онаго года суммою больше тринадцати тысячъ и тѣ деньги зачесть отъ меня, Александра, одного за С.-Петербургскій дворъ и тотъ дворъ взять мнѣ, Александру, нынѣ себѣ, а ему, Ивану, дѣла нѣтъ, а буде послѣ 705 году въ Артилеріи ко взятью будетъ меньше тринадцати тысячъ и тѣ деньги сколько не достанетъ въ тою сумму за тотъ дворъ доплатить мнѣ, Александру, ему, Ивану. А буде на вышеписанныя заемныя деньги взысканы будутъ проценты и тѣ платить пополамъ, а до котораго числа оныя деньги мнѣ, Александру, не зачтены будутъ тому Петербургскому двору числятся обще, а двору, что на рѣчкѣ Фонтанкѣ, по сему раздѣлу быть за мною, Александромъ, за однимъ.

И людей своихъ общихъ мы раздѣлили-жъ, а именно: мнѣ, Александру, Луку Иванова, Андрея Иванова сына Турчанинова, Василья Гришоловскаго, Якова Братова, Гаврила Забѣлина, Якова Рубцова, Клима Андреева, Макара Горяинова, Ивана Долгинина, Петра Крылова, Юрья Бахтѣева, Кондратья Грекова, Ивана Климова, Савву Евреинова, Федора Афросимова, Василья Сингирея, Ипата Наумова, Алексѣя Беклемишева, Семена Мошкова, Александра Куркіезова, Андрея Андреева сына Турченина, Ивана Рубцева, Михайлу Турченина, Бориса Друганова, Ивана Колосова, Петра Мошкова, Сергѣя Друганова, Алексѣя Филипова, Михайла Колосова, Алексѣя Колосова, Ивана Троицкаго, Алексѣя Михайлова, Ивана Кольчугина, Ивана Грибкова, Степана Масѣева, Ивана Софронова, Ивана Вешникова, Алексѣя Старкова, Якова Федорова, Ивана Францъ, Якова Кокорева, Макара Панова, Алексѣя Полякова, Савву Мошкова, Ивана Чулкова, Сергѣя Старкова, Ивана Фотерлиста, Федора Ветчинина, Семена Плетенева, Якова Евреинова, Федора да Володиміра Красовскихъ, Дмитрія Голевинскаго, Фому Акулова. А ему, Ивану: Григорья Нѣмчинова, Михайлу Крупецкаго, Петра Давыдова, Осипа Сунгурова, Ивана Шульгина, Петра Ашиткова, Андрея Небольсина, Степана Неустроева, Артамона Шульгина, Алексѣя Радивилова, Петра Дедешина, Дементія Волкова, Елисѣя Близова, Авдея Вешникова, Пимена Булатова, Никиту Евреинова, Филимона Волоховца, Якова Павлова, Ивана Ухватова, Юрья Грамоцкаго, Петра Крупицкаго, Петра Игнатьева, Якова Гнеушова, Петра Небольсина, Алексѣя Сунгурова, Семена Крупицкаго, Никиту Махова, Дмитрія Смирнова, Кирилу Смольянинова, Аврама Иванова, Антона Пенючина, Василья Ильина, Василья Врова, Степана Пенючина, Іону Степанова, Ивана Ашиткова, Михайлу Климова, Ивана Бабурскаго, Якова Ухватова, Ивана Комисарова, Сергѣя Комисарова, Романа Афанасьева, Осипа Ананьина, Матвѣя Ананьина, Андрея Колоскова, Гаврилу Плетенева, Петра Зубка, Афанасья Портнаго, Ивана Кондакова, Матвѣя Законина, Сергѣя Николаева, Ивана Ананьина, Ивана Булатова, Степана Кострова, Ивана Власова, съ женами ихъ и съ дѣтьми безотмѣнно. А которые люди въ подушномъ окладѣ написаны по вотчинамъ хотя въ тѣхъ селахъ, которые кому и не достались, и по тому подушному окладу оныхъ людей намъ не числить, а числить ихъ по сему раздѣлу какъ оные написаны выше сего и о подушномъ платежѣ и о переписки и о положеніи въ окладъ за насъ, по сему раздѣлу, подать намъ въ камеръ-коллегію обще челобитную и о томъ имѣть обще ходатайство, а доколѣжъ указъ о томъ учиненъ будетъ подушныя деньги платить тому, кому эти люди по сему раздѣлу достались безъ всякія

отговорки, не допущая никакихъ убытковъ. А другихъ оставшихъ за вышеписаннымъ раздѣломъ всѣхъ людей мужеска и женска полу въ Москвѣ и подмосковныхъ раздѣлить намъ впредь. А ежели я, Александръ, противъ сей раздѣльной записи не устою, то ему, брату моему Ивану, и наслѣдникамъ его взять на мнѣ, Александрѣ, и наслѣдникахъ моихъ за неустойку денегъ тысячу рублевъ. А сія запись и по взятіи неустойки и впредь въ запись. Къ сей записи тайный совѣтникъ и камеръ-коллегіи президентъ Александръ Львовъ сынъ Нарышкинъ сію сдѣлку учинилъ и неустойки тысячу рублевъ написалъ и руку приложилъ. А что въ сей раздѣльной въ подъяческой рукѣ перваго листу на второй страницѣ сверху въ четвертой строкѣ по чищеному написано триста на той же страницѣ сверху девятой на десять строкѣ почищено триста жъ, того я Александръ впредь спорить не буду. Камеръ-геръ Михайла Григорьевъ сынъ Нарышкинъ, у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Логинъ Михайловъ сынъ Щербачевъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Прапорщикъ Иванъ Павловъ сынъ Жемчужниковъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Федоръ княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Князь Алексѣй княжъ Ивановъ, сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Лейбъ-Гвардіи капитанъ-поручикъ князь Яковъ княжъ Алексѣевъ сынъ Голицынъ у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Петръ Ивановъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полку поручикъ Николай Петровъ сынъ Салтыковъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. У сей записи генералъ-фельдмаршалъ и кавалеръ князь Иванъ княжъ Юрьевъ сынъ Трубецкой свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Афанасій Наумовъ сынъ Мельгуновъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Полковникъ Яковъ Матвѣевъ сынъ Фотреденъ свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Статскій Совѣтникъ Володиміръ Семеновъ сынъ Борзого у сей записи свидѣтелемъ былъ и руку приложилъ. Маіоръ Никита Андреевъ сынъ Балкуновъ свидѣтелемъ былъ у сей записи и руку приложилъ. Раздѣльную писалъ Московской Крѣпостной Конторы подъячій Аврамъ Худяковъ. Совершить по указу. Секретарь Иванъ Протопоповъ 1732 году Генваря въ 31 день сія раздѣльная въ Московской Крѣпостной Конторѣ въ книгѣ записана подлинно. Пошлинъ сто девяносто пять рублевъ, отъ письма тридцать рублевъ, отъ записки сорокъ копѣекъ, за излишнія страницы два рубля, на расходъ рубль пять копѣекъ одна четверть взяты. Совершилъ надсмотрщикъ Петръ Большовъ.

V.

Письма Михайла Григорьевича Нарышкина къ Александру Львовичу Нарышкину.

1.

Государь мой Александръ Львовичъ.

Благополучно государь мой здравствуй съ государынею моею Аленою Александровною и дѣтками вашими.

Доношу вамъ сего Іюля 11 дня брата вашего Ивана Львовича не стало. О кончинѣ его къ вамъ на прошлой почтѣ писалъ и оное письмо отдалъ людямъ вашимъ Лукѣ; а въ тотъ день случилась почта четверговая, а о кончинѣ

его вамъ объявилъ, и послѣ того посовѣтывался съ сродниками своими Иваномъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а брата Семена Григорьевича въ Москвѣ не было. И мы съ Иваномъ братомъ надлежащее къ похоронамъ, все что надлежитъ къ погребенію убору, приказали людямъ его изъ его суммы денежной покупать; а именно: управителю Григорію Нѣмчинову, и какъ все исправили надлежащее и съ подобающею честію, къ выносу призвали архимандритовъ 5 человѣкъ и священниковъ довольно, а архіереевъ на выносѣ не было, за такою нуждою, что и всего въ Москвѣ имѣются два человѣка, и тѣ были въ служеніи въ соборѣ Архангельскомъ одинъ, а другой въ Вознесенскомъ монастырѣ, и звали ихъ за два дня до выносу и они отговаривались. Однакожъ Ростовскій, хотя на выносѣ и служеніи не былъ, а въ Петровскій монастырь къ отпѣванію и погребенію пріѣхалъ, и былъ и надлежащее все отправили. А кончина брата вашего случилась въ слободѣ и оттудова и выносъ былъ со всякою подобающею честію, какъ надлежитъ, и оный выносъ и погребеніе въ одинъ день отправлено и то было въ Іюлѣ же 14 дня. А которые пожитки брата вашего при немъ были и на рукахъ и казенная съ прочимъ изживеніемъ была у Петра Крупицкаго, и оное изъ слободы забравъ, съ Иваномъ Ивановичемъ и съ княземъ Григоріемъ Мышецкимъ, привезли къ Москвѣ, и которое и въ Москвѣ было и то забравъ, поставили въ казенную и запечатали. А которые не раздѣленные ваши общіе пожитки въ сундукахъ и наружѣ и призвавъ вашихъ людей Луку Иванова и Андрея Турченина, и то все забравъ, въ особливую палату поставили, и приказалъ твоимъ управителямъ такъ и Григорью Нѣмчинову замкнуть и запечатать своими печатьми ихъ. А во дворячествѣ и конюшняхъ, которые были при братѣ вашемъ, онымъ же приказалъ быти и Крупицкому у того же дѣла всѣмъ быти у оставшей рухляди, которая имѣлась на его рукахъ. А деньги, которыя имѣлись у Матвѣя Ананьина и оныя деньги, усмотря коликое число отданы Нѣмчинову на расходы ко употребленію на выносъ и погребеніе и на раздачу архіерею и архимандритамъ и священникамъ и на милостыню и прочее на расходы, а коликое число отдано Нѣмчинову, и что издержано и тому приказалъ послать до васъ извѣстіе Нѣмчинову съ симъ посланнымъ человѣкомъ. А отъ брата вашего приказанія словеснаго и письменнаго какъ о дочери своей, такъ и домѣ содержанія никакого никому не было. А братъ вашъ какъ исповѣданіемъ и причащеніемъ Христовыхъ святыхъ таинъ и посвященіемъ масла исправился за нѣсколько дней, и развѣ что и есть приказаніе отцу духовному и о томъ я не вѣдаю. А что мы, посовѣтовавъ съ братомъ Иваномъ, и въ сіе отправленіе къ погребенію вступили, понеже увидѣли, что никого не было, ни сестры вашей княгини Трубецкой, и мы разсудили, чтобы отъ васъ не было во оставленіи брата вашего на насъ порицанія и отъ постороннихъ поношенія. А по исправленіи сего нашего состоимъ во всемъ въ воли вашей; а о болѣзни брата вашего съ начатку до конца его живота донесетъ вамъ обстоятельно посланный человѣкъ къ вамъ и того ради и посланъ, который при немъ безотлучно былъ. При семъ доношу: братъ вашъ, признавъ кончину, призвалъ меня съ Мышецкимъ и говорилъ о дочери своей, что написати прошеніе княгинѣ Марьѣ Юрьевнѣ Черкаской, чтобы не оставила дочери его и хотѣлъ ей поручить, и я ему сталъ гововить, что надѣюсь никакъ княгиня на себя бремя не приметъ и князь Мышецкій вызвался, что лучше прошеніе написать милостивой Государынѣ Императрицѣ, чтобы, по своей высокой милости, не оставила и повелѣла ей жить въ домѣ брата вашего, и онъ, братъ вашъ, на томъ утвердился и приказалъ Мышецкому такое прошеніе написать и, написавъ, онъ, Мышецкій, при-

несъ брату и онъ заручилъ и отдалъ ему, Мышецкому, и онъ взялъ и гдѣ то прошеніе нынѣ, о томъ я не свѣдомъ, только прошу, чтобы сіе мое вамъ извѣстіе сохранить, никому не объявлять, а о семъ надѣюсь, что къ вамъ люди ваши писали.

Слуга вашъ М. Нарышкинъ.

Іюля 16 дня.

2.

Государь мой Александръ Львовичъ. Письмо ваше, отправленное отъ васъ Августа 1-го дня, получилъ изъ дому вашего Августа 7-го дня исправно, за которое вамъ благодарствую и прошу чтобъ впредь насъ не оставить. Изволили писать, чтобы намъ не оставить племянницы вашей и мы, по возможности своей, не оставляемъ и впредь желаемъ не оставить. А въ домѣ, чтобы мнѣ призирать и тѣмъ насъ, пожалуй, не изволь тяготить. Извольте въ домъ свой или брата вашего служителямъ писать, чтобы во управленіи были и хранили домъ брата вашего всякими дѣлами. А чтожъ по письму вашему прежнему приказать служителямъ вашимъ и брата вашего съ остальные послѣ брата Вашего какъ письма, такъ и движимаго приказалъ, осмотря, описать и начать осматривать, однакожъ я при себѣ и служителяхъ твоихъ и брата вашего изъ казенной вынувъ движимое главнѣйшее алмазныя и золотыя вещи, описали, осмотря, и положили по прежнему въ тѣже мѣста, въ которыхъ были, и запечаталъ я своею печатью и поставивши въ казенную и потомъ же и казенную запечатали и потомъ со временемъ со осмотрѣніемъ описывать достальное движимое и письма и что движимое, буде найдется записка, и по тѣмъ запискамъ сличать будемъ, а чего не явится и о томъ будемъ спрашивать у кого была на рукахъ и какъ сочиня со осмотрѣніемъ опись всему пришлется къ вамъ копія, а вторая оставится въ казенной А описи будутъ за руками служителей какъ вашихъ, такъ и брата вашего и казенная за печатьми ихъ, А длюда (?) же, которыя имѣются и дѣлъ въ Москвѣ и на приказехъ въ вотчинахъ, приказалъ Нѣмчинову, сочиня вѣдомость, послать къ вамъ. Да изволь тайно спросить Петра Игнатьева, которыя вещи алмазныя возвращены послѣ сестры вашей Марьи Львовны, и тѣхъ вещей главныхъ не явилось и о тѣхъ вещахъ извольте спросить Петра: такія вещи въ опомъ ларцѣ были-ль и ключъ и печать была у брата вашего и какъ оный ларецъ приношивали къ брату вашему до смерти его, видѣлъ-ли ихъ и не вынулъ-ли братъ вашъ тѣхъ вещей и не отдалъ ли кому? Отъ того ларца и отъ кабинета ключей не явилось по смерти брата вашего, а печать я взялъ по смерти брата вашего, и оный кабинетъ запечатавъ, послалъ изъ слободы въ казенную къ Москвѣ при служителяхъ братнихъ, а ларецъ съ вещами запечатанный до меня и стоялъ у мамы племянницы вашей, и я вамъ объявляю, а не во свидѣтельство пишу и прошу сохранить келейно за вашу къ себѣ любовь. Впрочемъ пребываю вашъ слуга М. Нарышкинъ. При семъ вамъ моему государю и Еленѣ Александровнѣ жена моя и дѣти нижайшій поклонъ отдаютъ *). При семъ вамъ Елена Александровна поклонъ я отдаю.

Прошу васъ моего государя не оставить дѣтей моихъ.

М. Н.

Августа 8-го дня 1734 года.
Москва.

---

*) Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ женатъ былъ на Уліанѣ Андреевнѣ Кил-

VI.

1746 года Декабря 20 дня опись, учиненная по силѣ именнаго Ея Императорскаго Величества Высочайшаго указа, за подписаніемъ Ея Императорскаго Величества собственныя руки отъ 18 числа Октября 1746 года, движимымъ, Ея Императорскаго Величества фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, имѣніямъ, что чего въ Московскомъ домѣ въ казенной явилось нынѣ на лицо, о томъ значитъ ниже сего, а именно:

№ 1-й.

Ларецъ оклеенъ бархатомъ зеленымъ, обложенъ позументомъ съ городками золото-серебромъ, внутри выклеенъ камкою цвѣтною, а при томъ ларцѣ ключа не имѣлось, отомкнутъ отмычками, а въ томъ ларцѣ имѣется вещей:

1. Перстень золотой, при немъ средняго и постороннихъ искръ нѣтъ, только имѣется по сторонамъ три нифъ бриліантовые.
2. Перстень золотой, въ немъ три камня розовые.
3. Перстень золотой, въ немъ шесть алмазовъ, а средняго камня нѣтъ.
4. Перстень золотой, въ немъ восемь искръ алмазныхъ, а средняго камня нѣтъ.
5. Въ бумажкѣ восемь искръ алмазныхъ.
6. Перстень золотой, въ немъ двѣ искры яхонтовыя, а среднихъ трехъ камней нѣтъ.
7. Кольцо золотое, въ немъ одиннадцать изумрудовъ.
8. Три запонки золотыя, въ томъ числѣ въ двухъ камня зеленые, а въ третьей камень бѣлый, а въ нихъ во всѣхъ трехъ запонкахъ среднихъ камней нѣтъ.
9. Табакерка черепаховая, черная, круглая, на кровлѣ врѣзана фигура травчатая, золотая; шалнеръ мѣдный.
10. Девять пуговицъ золотыхъ, въ нихъ искры алмазныя, въ томъ числѣ у одной ушки отломаны.
11. Три пуговицы золотыя съ красными искрами.
12. Шесть колецъ золотыхъ.
13. Запонка золотая двойная.
14. Два зерна бурмицкихъ.
15. Коробка бѣлая костяная.
16. Булавка золотая.
17. Восемь булавокъ серебряныхъ, въ нихъ въ головкахъ по алмазу.
18. Араматикъ золотой.
19. Двѣнадцать мѣстъ золотыхъ изъ складней, въ нихъ по двѣ искры алмазныя.
20. Пять камней лазоревыхъ, яхонтовыхъ.
21. Семь пуговицъ большихъ золотыхъ, прорѣзныхъ, около нихъ яхонты, изумруды и жемчугъ.
22. Пуговица золотая большая, въ ней одинъ алмазъ да шесть яхонтовъ.

чевой. У него было два сына: Сергѣй (ген.-маіоръ), Иванъ (ст. сов.) и пять дочерей: Марія старшая, Анастасія за Измайловымъ, Марія младшая за Жеребцовымъ, Прасковья за Воейковымъ и Анна за Отяевымъ.

23. Пуговка золотая съ финифтью, въ ней шесть искръ яхонтовыхъ.
24. Обручъ золотой, что на рукахъ носятъ, съ личинками.
25. Цѣпочка золотая, длиною въ четверть.
26. Одинъ слитокъ золота.
27. Портретъ золотой, въ немъ гербъ, кругомъ осыпанъ алмазами.
28. Медаль золотая 725-го года о погребеніи Его Императорскаго Величества Государя Петра Великаго.
29. Три портрета золотыхъ иностранныхъ.
30. Три монеты большихъ золотыхъ.
31. Четыре монеты малыхъ золотыхъ.
32. Часы золотые.
33. Двѣ цѣпочки золотыя съ крючками отъ часовъ.
34. Десять червонцевъ.
35. Двое часовъ серебренные карманные.
36. Четыре портрета серебренныхъ.
37. Три готовальни, оклеены хозомъ и оправлены серебромъ.
38. Футляръ серебренный вызолоченъ, въ немъ наперстокъ.
39. Готовальня серебренная, въ ней кладется перышко, на верху печать сердоликовая.
40. Чернильница серебряная свертная.
41. Компасъ серебренный, въ готовальнѣ хозовой.
42. Готовальня черепаховая черная, въ которой кладется перышко.
43. Табакерка золотая, круглая, крышка намётная.
44. Табакерка раковая въ золотѣ.
45. Табакерка серебренная четвероугольная; крышка янтарная.
46. Табакерка серебренная сердечкомъ; крышка янтарная, по ней травы золотыя.
47. Табакерка серебренная обронной работы; внутри на кровлѣ портретъ.
48. Табакерка каменная синяя, оправлена серебромъ.
49. Табакерка каменная, оправлена серебромъ, вызолочена, въ кровлѣ камень разбитъ.
50. Табакерка серебренная съ голубою финифтью; оправа серебряная, вызолоченая и по ней травы золотыя.
51. Табакерка такая же бѣлая, круглая, внутри вызолочена, кровля разломлена.
52. Табакерка серебренная съ финифтью бѣлою, оправа серебряная вызолочена, по ней травы золотыя.
53. Табакерка черепаховая, оправлена серебромъ.
54. Табакерка серебренная внутри вызолочена.
55. Коробочка серебренная сканной работы.
56. Коробочка раковая, круглая, оправлена серебромъ.
57. Табакерка каменная неотдѣланная.
58. Табакерка янтарная круглая.
59. Табакерка черепаховая черная, круглая; внутри высеребряно.
60. Раковина морская.
61. Тря опахала костеныя.
62. Кошелекъ складной, шитъ золотомъ и разными шелками.
63. Раковина чёрная.
64. Роспись рядная писана на гербовой бумагѣ приданому Марьи Львовны и сверху передрана.

65. Ларчикъ черепаховой, при немъ ключа нѣтъ.

66. Часы солнечные, серебренные, круглые, на кольцѣ серебряномъ.

67. Ларчикъ четвероугольный, серебренный, вызолоченъ съ травы, на ножкахъ.

68. Табакерка серебренная, крышка съ травы вызолочена.

69. Складень яхонтовой, въ золотѣ; въ немъ двадцать шесть мѣстъ.

70. Пуговица золотая съ яхонты и изумруды безъ ушковъ.

71. Коробочка серебренная, круглая, въ ней два кольца золотыхъ.

72. Донышко отъ запонки золотое.

73. Колечко сережное золотое.

74. Двѣ запонки янтарныхъ.

75. Роматикъ золотой испорченъ.

76. Крестъ мужской золотой.

77. Игольникъ съ наперсткомъ серебренные.

78. Четыре черена ножевыхъ серебренные.

79. Четыре дощечки каменныя.

80. Сѣтки серебренной шесть вершковъ.

81. Бахромы золотой и серебренной и съ чулковъ поддешпаніи, вѣсомъ пятьдесятъ золотниковъ.

82. Ложка серебренная, ветхая.

№ 2-й.

Ларецъ четвероугольный, оклеенъ матерью голубою, внутри камкою красною; въ немъ:

83. Пять колпаковъ мужскихъ бумажныхъ.

84. Братинка орѣховая, обложена серебромъ и вызолочена.

№ 3-й.

Сундукъ дубовый обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

85. Исподница голубая, камчатая, стёганая, подложена холстиною.

86. Исподница штофная, травы золото-серебромъ по брусничной землѣ, подложена камкою голубою; кругомъ по подолу позументомъ золотымъ.

87. Балахонъ коричневой, гарнитуровой, безъ обшлаговъ.

88. Самара да юбка голубыя, тарценелевыя, по краямъ самара и юбка шиты серебромъ.

89. Кафтанъ подколной и юбка тканые по зеленой землѣ серебряными и шелковыми травы.

90. Юбка голубая тарценелевая, кругомъ по подолу обложена сѣткою серебренною широкою; подложка атласная красная.

91. Юбка гарнитуровая, алая, по подолу шита серебромъ.

92. Спорокъ съ женской епанчи, матеріи золото-серебромъ, по пунцовой землѣ.

93. Исподница тафтяная, алая, стегана травами голубымъ шелкомъ.

94. Остатокъ бархату рыжаго, травы золотыя и малиновыя и зеленыя, мѣрою одинъ аршинъ девять вершковъ съ половиною.

95. Тридцать девять хвостовъ собольихъ и одинъ лоскутокъ.

96. Огонковъ собольихъ, мѣрою четыре аршина съ половиною.

97. Шлафора опушка по алому гарнитуру, шита серебромъ.

98. Корсетъ канифасовой, бѣлый.

99. Шнурованье тафтяное, алое, стегано голубымъ шелкомъ.

100. Шнурованье тафтяное, алое, стегано бѣлымъ шелкомъ, при немъ шнуръ шелковый, бѣлый.

101. Пуговицы серебренныя съ женскаго шлафора.

102. Пуговицы серебренныя, съ кистями, споротые съ женскаго шлафора.

103. Спорокъ съ казакина цвѣтной, шелковый, пуговицы обшивныя, серебренныя.

104. Трость переломленая, у ней головка и двѣ гайки золотыя, на головкѣ личина, наконечникъ мѣдный.

105. Шпага, ефесъ и у ноженъ крючекъ и наконешникъ золотые.

106. Шапка женская соболья, верхъ бархатный алый, на ней чехолъ тарценелевой, черной.

107. Шапка голубая, шелковая, опушка сѣрая, шелковая-жъ.

108. Кафтанъ, камзолъ и штаны парчевые по голубой землѣ, травы мелкія, серебренныя, подбиты тафтою бѣлою; пуговицы вызолоченныя, серебренныя, петли обшиты пергаментомъ.

109. Камзолъ парчи серебренной, подбитъ бѣлой тафтой; пуговицы волоченыя серебренныя, петли обшиты по пергаменту.

110. Кафтанъ и штаны тарценелевыя коричневые, подбиты тафтою голубою, пуговицы серебренныя волоченыя, петли обшиты по пергаменту серебренному, у штановъ шлифъ серебренный съ пряжки серебренными.

111. Камзолъ тарценелевый голубой, подбитъ тафтой бѣлой, пуговицы серебренныя волоченныя, петли обшиты по пергаменту серебренному.

112. Кафтанъ тарценелевой голубой, съ штанами, подбитъ тафтою алою, пуговицы серебренныя волоченныя, петли обшиты по пергаменту серебренному, у кафтана обшлаговъ нѣтъ, у штановъ шлифы серебренные.

113. Кафтанъ суконный кофейный, съ штанами, подбитъ тафтою голубою, у кафтана обшлага парчевые, серебренные по голубой землѣ, камзолъ той же парчи съ бахромой серебренною, подбитъ бѣлою тафтою; у кафтана и у камзола и у штановъ пуговицы серебренныя обшивныя и тѣ петли обшиты по пергаменту серебренному, у штановъ шлифы серебренные.

114. Кафтанъ суконный кофейнаго цвѣта, съ искрою, подбитъ тафтою голубою, обшлага и клапаны и по борту искладено позументомъ серебреннымъ широкимъ и узкимъ, пуговицы серебренныя обшивныя.

115. Камзолъ тарценелевой тканый, алый, травы серебренныя, подбитъ тафтой бѣлой, пуговицы обшивныя, серебренныя, петли по пергаменту серебренному.

116. Кафтанъ съ штанами суконные васильковые по борту и на обшлагахъ и на штанахъ петли шиты золотомъ; подбитъ тафтою красною, пуговицы обшиты золотомъ.

117. Бешметъ тарценелевой пунцовый, по немъ писанныя серебренныя травки съ зеленымъ шелкомъ, пуговицы и петли и зашивки съ кистями и кругомъ шнурокъ серебренные, подбитъ шердиномъ бѣлымъ.

118. Камзолъ парчевой серебренный по голубой землѣ съ бахромою серебренною; той бахрамы у правой полы отрѣзано на четверть, пуговицы обшиты волоченнымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту, подбитъ тафтою бѣлою.

119. Кафтанъ и камзолъ бархатные голубые, обложены пондешпаніемъ серебреннымъ, кафтанъ подбитъ тафтою бѣлою, пуговицы серебренныя волоченыя, у камзола пуговицы такія же, петли обшиты по пергаменту серебренному, подъ камзоломъ подбою нѣтъ.

120. Штаны бархатные черные, подбиты крашениною.

121. Кафтанъ, камзолъ и двое штановъ перпетцелевые, кафтанъ подбитъ тарценелемъ голубымъ, а камзолъ тафтою бѣлою; пуговицы и петли обшиты тою же тафтою, у штановъ шлифы, у однихъ серебреные, а другихъ гарусные.

122. Кафтанъ и камзолъ полуметные сѣрые, кафтанъ подбитъ тафтою голубою, а камзолъ тафтою бѣлою, пуговицы и петли обшиты гарусомъ того же цвѣта.

123. Штаны тарценелевые, черные, шлифы шелковые, съ пряжками серебреными.

124. Камзолъ съ лацканами суконный, гвоздичный, на бѣломъ хребтовомъ мѣху; пуговицы обшиты волоченымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту серебромъ.

125. Камзолъ ветхій, серебренный, насыпной, по брусничной землѣ; подбитъ тафтою бѣлою, пуговицы обшиты волоченымъ серебромъ, петли обшиты по пергаменту.

126. Кафтанъ, камзолъ и штаны ратиновые, черные, подбиты штофцемъ, шерстянымъ чернымъ.

127. Кафтанъ и камзолъ и двое штановъ суконные черные, кафтанъ подбитъ стамедомъ чернымъ; камзолъ подбитъ тафтою черною; пуговицы и петли тѣмъ же сукномъ.

128. Кафтанъ, камзолъ и штаны суконные черные; кафтанъ подбитъ штофцемъ суконнымъ чернымъ, а камзолъ тафтою черною; пуговицы волоченыя, петли обшиты гарусомъ.

129. Кафтанъ суконный черный, подбитъ стамедомъ чернымъ; пуговицы и петли гарусныя.

130. Камзолъ съ лацканомъ суконный, зеленый; пуговицы и петли гарусныя; подбитъ бумазеею бѣлою.

131. Штаны суконные дикаго цвѣта, подбиты бумазеею бѣлою.

132. Спорокъ сертучный суконный, гвоздичневый.

133. Изъ подъ кафтана мѣхъ овчинокъ черныхъ волнистыхъ; у одного рукава овчиннаго обшлага нѣтъ; петли обшиты серебромъ по пергаменту.

134. Шлафоръ мужской ветхій, штофный, по брусничной землѣ; подбитъ тафтою голубою.

135. Казакинъ штофной по пунцовой землѣ, травы серебренныя и разныхъ шелковъ; подбитъ тафтою пунцовою.

136. Казакинъ тарценелевой дымчатый, подбитъ тафтою брусничною; пуговицы обшиты серебромъ волоченымъ; петли обшиты тѣмъ же тарценелемъ.

137. Душегрѣйка бѣлая шита травами, пуговицы каменныя, съ золотыми стежками.

138. Душегрѣйка камчатая гулинная на заячьемъ мѣху.

139. Наметъ съ нахтыша штофный малиновый, обложенъ позументомъ золотымъ.

140. Кафтанъ, камзолъ и штаны спаниletовые дымчатые, клѣтчатые; кафтанъ подбитъ рецентомъ желтымъ, камзолъ тафтою бѣлою, штаны полотномъ бѣлымъ, пуговицы обшитыя подъ цвѣтъ шелкомъ, серебромъ; у штановъ шлифъ подъ цвѣтъ съ пряжками стальными.

141. Кафтанъ и камзолъ бараковые, дикаго цвѣта; кафтанъ подбитъ бархатомъ чернымъ, камзолъ тафтою бѣлою; пуговицы и петли подъ цвѣтъ шелковыя

при томъ штаны бархатныя черныя; шлифы шелковые, черные, съ пряжками серебренными.

142. Кафтанъ, камзолъ и штаны суконные вишневые; кафтанъ подбитъ тафтою голубою; камзолъ подбитъ тафтою бѣлою; штаны полотномъ бѣлымъ; пуговицы и петли гарусные подъ цвѣтъ; у штановъ шлифы подъ цвѣтъ шелковые, съ пряжками серебренными.

143. Бешметъ желтый, по немъ травы серебренныя, съ разными шелками; нашивки съ кистями серебренныя, пуговицы обшивныя волоченымъ серебромъ; петли по пергаменту обшиты серебромъ кругомъ шнуромъ серебрянымъ.

144. Шапка, верхъ парчи, золотая; овчинка волнистая черная; на верхъ кисть серебряная.

145. Позументу золотаго односторонняго, мѣрою девяносто восемь аршинъ три четверти.

146. Шапка мужская соболья, верхъ бархатный черный.

147. Шапка мужская, верхъ бархатный голубой, околышъ овчинки сѣрой, тулья соболья пупчетая.

148. Картузъ суконный черный, безъ полъ.

149. Картузъ суконный малиновый, поля бархатныя голубыя.

150. Колпакъ реценной жеркой (sic), шитъ серебромъ мѣстами, на верхъ кисточка серебряная.

151. Колпакъ тафтяной зеленой, обложенъ бахромою шёлковою бѣлою.

152. Колпакъ моровой бѣлой, обложенъ плетещкомъ серебреннымъ, ветхій.

153. Сукна алаго полъ-аршина.

154. Перпетухля (sic) два лоскута.

155. Овчина черная пупчетая.

156. Портупей кортичный позумента золотаго, подложенъ сукномъ.

157. Портупей кортичный позумента серебреннаго, ветхій.

158. Портупей кортичной лента серебренная по коричневой землѣ.

159. Портупей кортичный шелковый зеленый.

160. Три портупея шпажные самые ветхіе.

161. Шпага, эфесъ, крючокъ и наконешникъ серебренные, клинокъ трое-гранный.

162. Трость, при ней головка и гайка золотая, наконечникъ мѣдный.

163. Рукавицы выдровыя на лисьемъ мѣху, ветхія.

164. Кортикъ-эфесъ и крючокъ и наконечникъ серебренные.

165. Портупей кортичный лентовый, по голубой землѣ травы серебренные.

166. Шпага, ефесъ, крючокъ и наконечникъ серебренные, клинокъ трое-гранный.

167. Портупей шпажный шелковый, зеленый, тканый, коймы золотыя, пряжка мѣдная.

168. Портупей кортичный, серебренный тканый.

169. Епанча суконная алая, воротникъ истертъ и по прорѣхѣ обложена позументомъ золотымъ въ два раза.

170. Позументу серебреннаго снятаго съ портища; по описи 734 года показано вѣсомъ два фунта, изъ того по той же описи въ расходѣ на башмаки и къ колыбели, семьдесятъ восемь золотниковъ, а нынѣ на-лицо одинъ фунтъ пятьнадцать золотниковъ, не явилось трехъ золотниковъ.

171. Лоскутъ парчи золотой старой.

172. Два обшлага тарценелевые голубые, петли обшиты аргоментомъ серебреннымъ.

173. Пологъ флеровой бѣлый.

174. Завѣсъ отъ окна полотняный.

175. Три завѣса кисейныхъ отъ оконъ.

№ 4-й.

Сундукъ липовой, а въ немъ серебра:

176. Шесть блюдъ полистыхъ, края рѣзные съ чернью, каемки вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцат три фунта семьдесятъ восемь золотниковъ.

177. Шесть блюдъ глубокихъ, по краямъ травы разныя вызолочены, въ нихъ вѣсу двадцат семь фунтовъ сорокъ шесть золотниковъ.

178. Двѣ кружки вызолоченныя черневыя, каждая на трехъ яблокахъ, въ нихъ вызолочено съ ручками и на нихъ рожки, вѣсомъ восемь фунтовъ шестьдесятъ девять золотниковъ.

179. Двѣ кружки на яблокахъ; на крышкахъ по яблоку съ ручками, съ чернью, разныя,—вѣсомъ семь фунтовъ семьдесятъ семь золотниковъ съ половиною.

180. Кувшинъ, ручка витая, вѣсомъ два фунта восемьдесятъ золотниковъ.

181. Три чашки съ ручками на ножкахъ, вѣсомъ одиннадцать фунтовъ сорокъ одинъ золотникъ.

182. Кружка, внутри и съ лица и на крышкѣ вызолочена съ чернью, два яблока съ когтями отломлены; вѣсомъ три фунта восемьдесятъ одинъ золотникъ.

183. Двѣ кружки съ рѣзьбой вызолочены, вѣсомъ четыре фунта сорокъ шесть золотниковъ.

184. Дюжина тарелокъ, по краямъ поля рѣзныя, черневыя; вѣсомъ семь фунтовъ девяносто золотниковъ съ половиною.

185. Кувшинъ большой, серебренный, вызолоченъ; накладки бѣлыя, чеканныя, прорѣзныя; вѣсомъ двадцат восемь фунтовъ двѣнадцать золотниковъ.

186. Кружка большая съ ручкою, вызолочена съ лица, а внутри и около ея и на крышкѣ личины; вѣсомъ шесть фунтовъ пятьдесятъ одинъ золотникъ.

187. Другая кружка такая же; вѣсомъ шесть фунтовъ три золотника.

188. Шесть чашекъ водочныхъ, гладкія; вѣсомъ сорокъ два золотника.

189. Ложка суповая; вѣсомъ пятьдесятъ восемь золотниковъ.

190. Двадцат четыре ложки столовыхъ; вѣсомъ два фунта пятьдесятъ пять золотниковъ.

191. Пятнадцать ложекъ маленькихъ, въ томъ числѣ одна переломлена; вѣсомъ пятьдесятъ золотниковъ.

192. Шесть паръ ножей серебренные, черенья съ вилками; въ нихъ вѣсу съ желѣзомъ одинъ фунтъ двадцать-семь золотниковъ.

193. Шесть вилокъ съ такими же череньями, да пять череновъ безъ лезвіевъ, въ нихъ вѣсу девяносто одинъ золотникъ.

194. Три чашки серебренныя съ финифтью; вѣсомъ одинъ фунтъ тридцат золотниковъ.

195. Поддонъ, что на оной ставятся судки, и при ономъ солонка, да четыре судка, да на верху тарелка, черневыя, вызолочены; вѣсъ семь фунтовъ шестьдесятъ золотниковъ.

196. Одиннадцать паръ разныхъ рукъ ножей съ вилками; вѣсомъ, и съ желѣзомъ, два фунта семьдесятъ три золотника.

197. Двѣ солонки; вѣсомъ пятьдесятъ золотниковъ.

198. Готовальня рѣзная съ чернью, мѣстами золочена, въ ней шесть коробочекъ; вѣсомъ три фунта тридцать три золотника съ половиною.

199. Два блюда глубокихъ вызолоченныхъ; вѣсомъ семь фунтовъ четырнадцать золотниковъ.

200. Чайникъ чеканной работы; вѣсомъ одинъ фунтъ восемьдесятъ шесть золотниковъ.

201. Стаканъ большой вызолоченъ, да пять стакановъ поменьше; вѣсомъ одинъ фунтъ двадцать шесть золотниковъ.

202. Чайникъ чеканный; безъ крышки съ ручкою деревянною; вѣсомъ девяносто три золотника.

203. Шандалъ, вмѣсто вертена мужикъ, мѣстами вызолоченъ; вѣсомъ три фунта три золотника; съ правой ноги прикрѣпки не имѣется.

204. Въ погребцѣ шесть четвертинъ съ шурупами, мѣстами золочены, травы черневыя; вѣсомъ десять фунтовъ четырнадцать золотниковъ.

205. Погребецъ покрытъ кожей красною и обитъ желѣзомъ, внутри краснымъ сукномъ; въ немъ шесть четвертинокъ граненыхъ, съ личинками чеканными, безъ крышекъ; вѣсомъ двѣнадцать фунтовъ семьдесетъ семь золотниковъ.

206. Блюдо большое, по полямъ рѣзьба, мѣстами вызолочена; вѣсомъ восемьнадцать фунтовъ тридцать восемь золотниковъ.

207. Лахань чеканная, съ личинами, вызолочена, вѣсомъ шесть фунтовъ сорокъ девять золотниковъ.

208. Три чашки чешуйчетыя золоченыя; вѣсомъ два фунта двадцать золотниковъ.

209. Семь тарелокъ суповыхъ золоченыхъ, въ томъ числѣ одна не золоченая; вѣсомъ одиннадцать фунтовъ сорокъ восемь золотниковъ.

210. Кофейникъ бронной работы, на трехъ ножкахъ, двѣ ручки на верху; шишечка, три ключа выемные, на ножкахъ и на ручкахъ личинки, вѣсомъ шесть фунтовъ пять золотниковъ.

211. Два поддона большихъ, вѣсомъ пять фунтовъ сорокъ три золотника.

212. Кружка лощетая вызолочена; вѣсомъ два фунта шесть золотниковъ; на крышкѣ яблока нѣтъ.

213. Четыре шандала большихъ; вѣсомъ три фунта девяносто четыре золотника.

214. Лахань чеканная съ личинами, мѣстами поля вызолочены; вѣсомъ двѣнадцать фунтовъ семьдесятъ три золотника.

215. Лахань чеканная, поля прорѣзныя; вѣсомъ пять фунтовъ сорокъ пять золотниковъ.

216. Солонка круглая чеканная; вѣсомъ девятнадцать золотниковъ.

№ 5-й.

Шкатулка оклеенная красною кожею, обита желѣзомъ, а въ ней посуды серебренной вызолоченной.

217. Рукомойникъ съ блюдомъ, рѣзные, вызолочены сверху и внутри; вѣсомъ три фунта тридцать четыре золотника.

218. Чашка съ крышкою; на крышкѣ змѣйка золоченая, двѣ ручки съ рѣзьбой; вѣсомъ восемьдесятъ золотниковъ.

219. Стаканъ съ лица и внутри вызолоченъ, хозовой работы; въ немъ вѣсу тридцать девять золотниковъ.

220. Стаканъ съ крышкою съ лица и внутри вызолочено; оный и крышка

рѣзныя; на крышкѣ маленькая шишечка; вѣсомъ сорокъ пять золотниковъ съ половиною.

221. Двѣ коробочки, одна маленько побольше, а другая поменьше, рѣзныя, съ лица и въ нихъ вызолочено; вѣсомъ восемьдесятъ два золотника съ половиною.

222. Коробочка съ крышкой рѣзная, золоченая; въ ней чернильница и съ перышкомъ песочница, и отъ чернильницы втулочка серебренная; вѣсомъ тридцать одинъ золотникъ.

223. Рюмка вызолоченная оная и дно рѣзныя; вертено витое, у веретена рѣпокъ фигурный; другая рюмка такая же, но ниже, рѣзная же; у ней три рожка; въ нихъ вѣсу пятьдесятъ девять золотниковъ съ четвертью.

224. Три шандала, мѣстами рѣзьба, въ нихъ вѣсу одинъ фунтъ сорокъ два золотника.

225. Одинъ шандалецъ серебренный, трубка витая съ гайкой; вѣса въ немъ четырнадцать золотниковъ съ четвертью.

226. Тарелка вызолочена, по краямъ рѣзьба; въ ней вѣсу шестьдесятъ четыре золотника.

227. Двѣ ложки, одна вилка тройная, все вызолочено; въ нихъ вѣсу тридцать восемь золотниковъ.

228. Чарка на трехъ ножкахъ съ двумя ручками, вся вызолочена; въ ней вѣсу двадцать восемь золотниковъ.

229. Солонка, по краямъ рѣзьба золоченая; въ ней вѣсу восемнадцать золотниковъ.

230. Чаша золотая, кругомъ вѣнца каменья; вѣсу въ ней семьдесятъ четыре золотника.

№ 6-й.

Ларецъ обитъ сукномъ краснымъ, а въ немъ:

231. Ларецъ серебреный чеканный на яблокахъ, и при томъ двѣ скобы и у крышки двѣ цѣпочки, серебренныя же, вѣсомъ семь фунтовъ шестьдесятъ семь золотниковъ. Въ немъ блюдечко серебреное по краямъ рѣзьба позолоченое; вѣсомъ тридцать два золотника.

232. Крышка отъ стакана серебренная, вызолоченная, съ яблокомъ; вѣсомъ семнадцать золотниковъ.

233. Щётка, оправлена серебромъ.

234. Футлярецъ, сдѣланъ рыбкой, серебренный, вызолоченной, чешуйчетый; вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ.

235. Блюдечко серебренное, края чеканные; вѣсомъ семь золотниковъ.

236. Два ароматичка серебренные; вѣсомъ восемь золотниковъ.

237. Подушечка низанная жемчугомъ и бисеромъ.

238. Ложка серебренная, ветхая, шесть золотниковъ.

239. Монетка серебренная иностранная.

240. Ложка серебренная, черневая, мѣстами вызолочена; черенъ витый; вѣсомъ двѣнадцать золотниковъ.

241. Сткляночка въ футлярѣ хрустальная, красная.

242. Кувшинецъ краснаго стекла, разбито у носка и у поддонка, оправа серебренная.

243. Стаканъ серебренный, вызолоченъ; вѣсомъ одинъ фунтъ восемь золотниковъ.

244. Кружка серебренная, внутри и съ наружи мѣстами вызолочена; на крышкѣ гербъ; вѣсомъ одинъ фунтъ семьдесятъ одинъ золотникъ.

245. Рукомойникъ серебренный, сдѣланъ попугаемъ; вѣсомъ одинъ фунтъ десять золотниковъ.

246. Одна скатерть.

247. Двадцать три салфетки.

248. Судки серебренные, стоячіе, съ фигурами и травы около вертена выкрашены; на нихъ три судка да двѣ чашки серебренныя; вѣсомъ десять фунтовъ сорокъ четыре золотника.

249. Туфли бѣлыя, тканыя золотомъ.

250. Туфли алыя, тканыя серебромъ.

251. Туфли зеленыя, тканыя серебромъ.

252. Туфли зеленыя, тканыя золотомъ.

253. Черевики по вишневому бархату, шиты золотомъ.

254. Туфли замшевыя, съ серебренною лентою.

255. Черевики парчевые, серебренные.

256. Черевики обериннные, бѣлые, шитые золотомъ.

257. Черевики тафтяные, алые, шитые серебромъ.

258. Дощечка костяная, китайская.

259. Компасъ съ ночными часами костяной, изломанный.

№ 7-й.

Ящикъ сосновый,—въ немъ:

260. Шесть тарелокъ фарфоровыхъ, цвѣтныхъ, съ золотомъ.

261. Три блюдечка фарфоровыхъ, лощетыхъ, цвѣтныхъ, съ золотомъ.

262. Четыре блюдечка хрустальныхъ, травчатыхъ.

263. Двѣ чашки китайскія, съ крышками.

264. Двѣ чашки фарфоровыя желтыя.

265. Двѣ чашки яшмовыя, съ ручками.

266. Одна чашка фарфоровая, песочная.

267. Шесть чашекъ фарфоровыхъ кофейныхъ, съ алыми цвѣтами.

268. Шесть чашекъ фарфоровыхъ съ блюдечками, чайныхъ, цвѣтныя съ золотомъ.

269. Пять чашекъ цвѣтныхъ фарфоровыхъ, съ золотомъ.

270. Чашка черная китайская плетёная.

271. Двѣ чашечки водочныя орѣховыя.

272. Двѣ чашечки водочныя перловыя, бѣлыя.

273. Три чашечки водочныя фарфоровыя, цвѣтныя.

274. Шесть чашекъ бѣлой глины; лощетыя, водочныя.

275. Четыре блюдечка фарфоровыхъ синихъ.

276. Одно блюдечко фарфоровое, сверху синее, внизу кофейнаго цвѣта.

277. Четыре кувшинца бѣленькими цвѣточками.

№ 8-й.

Ящикъ сосновый задвижной, окованъ желѣзомъ, въ немъ:

278. Математическихъ инструментовъ и циркулей десять мѣстъ въ корпусахъ.

279. Ящикъ деревянный, восьми-гранный, съ инструментомъ.

280. Да безъ корпуса круглый инструментъ.
281. Да четыре циркуля.

№ 9-й.

Ларчикъ черно-цвѣтный лаковый, а въ немъ:
282. Цвѣты и бумажки разные китайскіе.

№ 10-й.

Сундукъ, верхъ обитъ кожею и желѣзомъ, а въ немъ:

283. По описи 734 года показано бархату рыжаго съ золотыми и разными цвѣтами, въ одной штукѣ, мѣрою пятьдесятъ три аршина девять вершковъ, а нынѣ явилось на лицо пятьдесятъ одинъ аршинъ съ половиною, а не явилось двухъ аршинъ одного вершка.

284. Въ другой штукѣ три аршина семь вершковъ.

285. Такое же одѣяло постельное, въ три полотнища, длиною три аршина три четверти.

286. Двѣ штуки, длиною каждая по три аршина, шириною по шести вершковъ.

287. Кафтанъ дѣтскій, вишнёвый, бархатный, мѣхъ соболій пупчетый, обложенъ золотымъ позументомъ.

288. Штофцу шерстянаго коричневаго; кусокъ мѣрою шестнадцать аршинъ.
289. Мѣхъ бѣлій хрептовый, негодный; да рукавъ бѣлій, ветхій.
290. Штофцу шерстянаго коричневаго, мѣрою три аршина съ половиною.
291. Пола соболья пластинчатая.
292. Штаны полосатые тафтяные, подложены холстиною.
293. Подкладка байковая, полосатая, изъ подъ мужскаго шлафора.
294. Одно мѣсто черное мушкарацкое тафтяное.
295. Остатокъ бѣлой байки, мѣрою четырнадцать вершковъ.
296. Лоскутъ чернаго суконца.
297. Другой лоскутъ чернаго сукна толстаго.
298. Лоскутъ чернаго стамеду.
299. Лоскутъ хлопчатаго мѣху бумажнаго.
300. Мѣхъ бѣлій, изъ подъ казакина ветхій.
301. Соболій лоскутъ пупчетой.

№ 11-й.

Сундукъ обитъ нерпью и желѣзомъ бѣлымъ, а въ немъ:
302. Камки кофейной тринадцать аршинъ.
303. Муфта соболья.
304. Муфта переная алая.
305. Два рукава, да два лоскута собольи пупчетые.

306. Рукавъ бѣлій, покрытъ атласомъ вишневымъ, при немъ двѣ ленты полосатыя.

307. Нагрудникъ рысій, покрытъ тафтою голубою.
308. Одинъ лоскутъ брусничной камки.
309. Подкладка изъ подъ штановъ бумазеи бѣлой.

310. Лоскутъ колыбельной, да семь ушковъ колыбельныхъ, бархатные, по малиновой землѣ травы золотыя и серебреныя.

311. Двѣ чашечки-пудреницы китайской работы.

312. Стклямочка хрустальная, съ серебреннымъ тискомъ.
313. Башмаки оберинные бѣлые, съ серебреннымъ позументомъ.
314. Туфли матеріи серебренной, шиты серебромъ.
315. Въ мѣшечкѣ лоскутики собольи и самые мелкіе.

Дѣтскаго платья:

316. Кафтанъ да штаны оберинные лимонные, кафтанъ обложенъ золотнымъ плетешкомъ, пуговицы обшивныя, золотныя.
317. Душегрѣйка атласная, алая, обложена плетешкомъ серебреннымъ, да на ней восемь пуговицъ серебренныхъ.
318. Душегрейка камчатая малиновая, обложена плетешкомъ золотымъ и серебреннымъ.
319. Душегрѣйка атласная алая, обложена плетешкомъ серебреннымъ; у ней двадцать пуговицъ, да восемь крючковъ.
320. Перчатки атласныя алыя, на собольемъ пупчетомъ мѣху.

Бѣлья:

321. Шестнадцать сорочекъ женскихъ голландскаго полотна.

По описи 734 показано:

322. Одиннадцать косынокъ кисейныхъ, восемь косынокъ голландскихъ, изъ оныхъ по той же описи показано одна кисейная да шесть голландскихъ, выданы Екатеринѣ Ивановнѣ, приняла мама, а нынѣ на лицо одна косынка кисейная, а не явилось двухъ косынокъ голландскихъ да девяти кисейныхъ.
323. Пять занавѣсовъ уборныхъ голландскихъ, въ томъ числѣ одинъ кисейный да одинъ холстинный.
324. Одна простыня постельная голландская съ кружевомъ.
325. Четыре наволочки каморковыя съ кружевомъ.
326. Двѣ наволочки каморковыя же малинныя съ кружевомъ.
327. Пять простынь голландскихъ, да одна холстинная простыня.
328. Семь наволочекъ голландскихъ.
329. Толстая простыня холстинная.
330. Одиннадцать салфетокъ камчатыхъ.
331. По описи 1734 года показано: восемь скатертей большихъ ткацкихъ, а нынѣ на лицо восемь кусковъ скатертей ткацкихъ, мѣрою семьдесятъ семь аршинъ съ четвертью.
332. Двадцать сорочекъ мужскихъ верхнихъ съ манжетами.
333. Шесть сорочекъ верхнихъ безъ манжетъ.
334. Пять сорочекъ исподнихъ.
335. Четыре порты ткацкаго полотна.
336. Шесть галздуковъ кисейныхъ длинныхъ.
337. Двѣнадцать галздуковъ кисейныхъ короткихъ съ шнурками.
338. Девять полотенецъ личныхъ.
339. Двѣ скатерти камчатыхъ.
340. Девять плюзеровъ.
341. Косякъ флеру брусничнаго травчатаго.
342. Пологъ дѣтскій болбереконой брусничный, кругомъ его и на верху кружево. Золото серебромъ да съ рѣпьями, въ которыхъ бить серебренная.
343. Верхъ казакинный штофный, цвѣтной по лимонной землѣ травы бѣлыя, петли и пуговицы обшиты также штофомъ.
344. Да подъ вышеписанный казакинъ мѣхъ бѣлій, чешуйчатый.

345. Душегрѣйка камчатая, вишневая, стеганная на бумагѣ, подкладка холстинная.
346. Лоскутъ сукна алаго, ветхій.
347. Два рукава камзольныхъ бѣлой тафты.
348. Лоскутъ стамеду зеленаго.
349. Труба зрительная.
350. Трость разбитая, набалдашникъ ценинной.

№ 12-й.

Ларецъ оклеенъ орѣхомъ, внутри выклеенъ камкою красною, а въ немъ:
351. Четыре скатерти нѣмецкихъ.
352. Четыре скатерти простыхъ.
353. Тридцать семь салфетокъ большой руки, разныхъ узоровъ нѣмецкихъ.
354. Одиннадцать салфетокъ нѣмецкихъ, меньшой руки.
355. Передникъ бритовный голландскаго полотна.
356. Передникъ бритовный, кисейный, полосатый.
357. Опушка съ шлафора, по зеленой землѣ травы серебренныя и шелковыя малиновыя.
358. Начелокъ черный бархатный, подложенъ тафтою голубою, у него ленты брусничныя.
359. Колпакъ моровой съ кистью серебренною, обложенъ галуномъ серебреннымъ.
360. Шапочка уборная женская, штофъ голубой травы серебренныя, обложена сѣткою серебренною.
361. Гарусу разныхъ цвѣтовъ семь пучковъ, въ нихъ по счету стошестьдесятъ четыре мотка.
362. Дощечка китайская, на ней личинка попорчена.
363. Бантъ серебренный, къ ефесу шпажному.
364. Сѣтки серебренной, шириною въ полъ-аршина, на юбку; мѣрою три аршина три четверти и одинъ вершокъ.
365. Сѣтки же серебренной остатокъ, мѣрою девять вершковъ, шириною въ три вершка.
366. Позументу прорѣзнаго серебреннаго, три вершка.
367. Кружева золотнаго ветхаго, три аршина три вершка.
368. Кружева же десять вершковъ, ветхаго серебреннаго.
369. Два лоскута краснаго атласу, на нихъ лоскуточки галуна золотаго нашито.
370. Выжиги тридцать три золотника.

№ 13-й.

Ларецъ оклеенъ бархатомъ малиновымъ, кругомъ обложенъ галуномъ серебреннымъ, у замка личина, кольцо, по сторонамъ скобы серебренные, въ немъ:
371. Шесть простынь голландскаго полотна.
372. Тридцать наволокъ съ подушекъ голландскихъ.
373. Два полотенца голландскихъ.
374. Двадцать пять сорочекъ женскихъ голландскаго полотна.

№ 14-й.

375. Коверъ персидскій, травчатый золотомъ, серебромъ, подложенъ тафтою алою, по концамъ бахрома шелковая.

376. Одѣяло красное, камчатое, стеганое, подбито коричневымъ киндякомъ.

377. Кафтанъ венгерскій: сукно алое, подложенъ мѣхомъ рысьимъ лапчатымъ, прошвы, пуговицы и петли золотыя, около ворота шнурокъ съ кистьми золотыми.

378. Кафтанъ венгерскій: сукно алое, подбитъ стамедомъ краснымъ, пуговицы золоченыя.

379. Бострокъ венгерскій суконный, зеленый; полы подбиты тафтою бѣлою, а задъ и рукава байкою, пуговицы золотыя волоченыя.

380. Бострокъ суконный, зеленой, подбитъ стамедомъ краснымъ; пуговицы мѣдныя, вызолоченныя.

381. Штаны венгерскія, суконныя, зеленыя, подбиты холстиною.

382. Штаны темнозеленыя суконныя, подложены байкой.

383. Кафтанъ камчатый лимонный, подбитъ тафтою алою, пуговицы сканныя серебренныя.

384. Кафтанъ атласный, свѣтло-гвоздичный, подбитъ тафтою гвоздичною; пуговицы сканные, серебренные, у рукавовъ по шести паръ крючковъ серебренныхъ.

385. Кафтанъ камчатый, лимонный, подбитъ тафтою алою, пуговицы сканныя серебренныя.

386. Спорокъ съ камзола атласный, гвоздичный.

387. Камзолъ атласный, лимонный, подбитъ тафтою осиновой кругомъ его и петли, и клапаны обложены галуномъ золотнымъ, пуговицы волоченыя.

388. Зипунчикъ тафтяной, дымчатой, подбитъ тафтою бѣлою.

389. Зипунчикъ такой же.

390. Кушакъ турецкій, красный, вязаный.

391. Кафтанъ французскій, суконный, маковой; петли шиты золотомъ, пуговицы волоченыя; подложенъ тафтою такого же цвѣта.

392. Кафтанъ саксонскій суконный, осиновый, обложенъ галуномъ золотнымъ, пуговицы золотныя, волоченныя.

393. Кафтанъ французскій суконный, коричневый, петли обложены галуномъ, пуговицы серебренныя, литыя, по счету двадцать двѣ пуговицы большія, да у рукавовъ шесть пуговицъ поменьше.

394. Кафтанъ венгерскій коричневой, петли выкладены галуномъ.

395. Кафтанъ коричневый саксонскій, подбитъ камкою вишневою, петли обложены галуномъ золотнымъ безъ подкладки.

396. Спорокъ съ шубы тафты дымчатой безъ одного рукава.

397. Спорокъ съ кафтана оберинный, бѣлый.

398. Тѣлогрѣя черная, камчатная, женская.

399. Одѣяло ветхое, изобравъ (sic) цвѣтной, а мѣху лоскутъ.

400. Кафтанъ безъ подкладки и камзолъ французскіе, вишневаго камлоту, петли обшиты золотомъ.

401. Кафтанъ камлотовой осиновой, петли шиты золотомъ, на немъ пять пуговицъ обшивныхъ золотныхъ.

402. Камзолъ песочный штофецъ; петли шиты золотомъ, по поламъ и кругомъ по подолу обложенъ галуномъ; пуговицы волоченыя золотныя; у рукавовъ по шести паръ гапель серебренныхъ.

403. Камзолъ атласный, сливный, подбитъ тафтою такою же, петли шиты золотомъ.

404. Камзолъ штофцу шерстянаго песочнаго, петли шиты золотомъ безъ подкладки.

405. Штаны вишневые, атласные, подбиты тафтою красною, по обѣимъ сторонамъ ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

406. Штаны камлотовые, вишневые, подбиты тафтою гулиппою (sic), ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

407. Штаны песочнаго штофцу подбиты тафтою бѣлою, ниже кармановъ обложено галуномъ и развязано шнуромъ золотнымъ.

408. Штаны коричневаго цвѣту штофные, подбиты тафтою бѣлою.

409. Штаны штофцу песочнаго, подбиты тафтою осиновою.

410. Кушакъ шелковый, красный, вязаный.

411. Одинъ шарфъ пестрый.

412. Девять сорочекъ женскихъ, старинныхъ холстинныхъ.

413. Кафтанъ камчатый коричневый, подбитъ камкою вишневою, у рукавовъ по шести гнѣздъ и гапель серебренныхъ.

№ 15.

Сундукъ оклеенъ нерпью, обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

414. Скатерть нѣмецкая.

415. Тридцать салфетокъ нѣмецкихъ.

416. Десять скатертей нѣмецкихъ.

417. Сорокъ четыре куска съ половиною салфетокъ, мѣрою въ нихъ восемьсотъ пятьдесятъ девять аршинъ два вершка.

418. Двадцать-пять кусковъ скатертей, мѣрою въ нихъ двѣсти тридцать пять аршинъ десять вершковъ.

№ 16.

Ларецъ обитъ малиновымъ штофомъ, кругомъ обложенъ галуномъ серебреннымъ, а въ немъ:

419. Платокъ флеровый бѣлый, шитъ серебромъ.

420. Платокъ флеровый брусничный, шитъ серебромъ съ канителью.

421. Платокъ флеровый брусничный, шитъ серебромъ и травы шелковыя голубыя.

422. Платокъ флеровой, голубой, каймы тканыя, серебренныя.

423. Палатинъ серебренный, шитъ по зеленому тарценелю, а при немъ восемь штучекъ.

424. Палатинъ тканый серебренный, цвѣтенъ разными шелками.

425. Лацканъ серебренный.

426. Лацканъ и при немъ палатинъ серебренный съ алымъ шелкомъ.

427. Два лацкана, одинъ золотный, другой серебренный.

428. Лацканъ шитъ серебромъ, раздвѣченъ разными шелками.

429. Игла золотая, въ ней двѣ искры алмазныя, да искра изумрудная.

430. Лацканъ серебренный съ битью.

431. Лацканъ серебренный, кругомъ бахрама.

432. Лацканъ серебренный.

433. Лацканъ серебренный, съ пропуровою лентою.

434. Отъ сорочки женской манжеты съ нѣмецкимъ кружевомъ и съ лентами брусничными.

435. Платокъ ситцевой.

436. Подвязки серебренныя.

437. Другія подвязки серебренныя, съ голубымъ шелкомъ.

438. Третьи подвязки серебренныя съ алымъ шелкомъ.

439. Три банта серебренные, съ кистями къ опахаламъ.

440. Башмаки по голубому тарценелю, шиты серебромъ.

441. Черевики матеріи серебренной, тканыя.

442. Поясъ по осиновой тафтѣ шитъ серебромъ; на концахъ бахрама серебренная.

443. Булавка серебренная, большая, на головѣ вырѣзано имя Дарьи Кириловны *).

№ 17-й.

Шляпникъ сосновый окованъ желѣзомъ, а въ немъ:

444. Двѣ шляпы пуховыя съ пандешпаніею.

445. Шляпа пуховая съ позументомъ серебреннымъ, прорѣзнымъ.

446. Натруска роговая, ветхая.

№ 18-й.

Сундукъ большой сосновый, а въ немъ:

447. Узда боярина Кирилы Полуэктовича, наборъ серебренный, дощатый съ рѣпейчиками, подложена сафьяномъ, наугольники граненые, въ удѣлахъ веретенцо съ кольцами серебренные, а набору на ней пятьдесятъ семь мѣстъ.

448. Узда ременная съ ухватомъ, на ней наборъ серебренный чеканный, вызолоченъ, съ бирюзами, на ней по счету тридцать девять мѣстъ, а на ухватѣ семьдесятъ два бубенца серебренные.

449. Къ той же уздѣ похви съ такимъ же наборомъ, на нихъ по счету девять мѣстъ, напаховникъ шитъ по малиновому бархату серебромъ и золотомъ, кругомъ его бахрама; въ рединѣ варварка да четыре кисти съ блесками.

450. Часдарь оберь (sic) серебренная, насѣчная, по ней травы бархатныя, кругомъ ея кружево серебренное, съ бахрамою золотою, подложено кумачомъ.

451. Муштукъ желѣзный, ремень черный, наборъ серебренный, бѣлый, на немъ сорокъ семь мѣстъ, къ ней пахви и паперсть (sic) съ такимъ же наборомъ, на похвяхъ двѣнадцать, на паперсти девятнадцать мѣстъ.

452. Платъ бархатный, малиновый, кругомъ его кружево серебренное съ городами, обшитъ шнуромъ золотымъ, подложенъ крашениною зеленою.

453. Пара олстровъ (sic) по красному хозу, шитъ золотомъ съ бирюзами, наконечники серебренные.

454. Муштукъ арабскій, наборъ серебренный съ чернью, вызолоченъ, набиранъ по тесьмѣ красной, подложенъ сафьяномъ краснымъ; подбородокъ связанъ къ головѣ цѣпочками серебренными, а счетомъ тѣхъ цѣпочекъ девять; на томъ же муштукѣ у переческа кругъ серебренный прорѣзной, мѣстами вызолоченъ, съ чернью, при томъ же кругѣ четырнадцать кистей шелковыхъ; на томъ муштукѣ набору сто-сорокъ мѣстъ; у нея поводъ тесьмянный, красный.

455. Узда турецкая съ паперстью и похвями, наборъ серебренный, вызолоченъ, съ чернью; набирана по зеленой тесьмѣ; подшита сафьяномъ краснымъ;

*) Нарышкиной, матери Екатерины Ивановны.

набору двѣсти-тридцать-шесть мѣстъ; у той узды лысина серебренная, сканная съ финифтью, на четырехъ цѣпочкахъ серебренныхъ; да на похвахъ набору семьдесятъ восемь мѣстъ, да кругъ серебренный, сканный, съ финифтью, да три подвѣски серебренныя; на паперсти набору восемьдесятъ пять мѣстъ; на той же паперсти кругъ серебренный, сканный, съ финифтью; у того круга четвертина выломлена; у той же паперсти четыре подвѣски.

456. Узда наборная; наборъ серебренный, вызолоченъ, а въ наугольникахъ и запряжникахъ и лысинѣ, въ кругахъ и ухватахъ и подвѣскахъ, бирюзы набору сто десять мѣстъ; на похвахъ такого же набору двадцать-четыре мѣста; да кругъ серебряный вызолоченъ, въ немъ бирюза и въ наконечникахъ четыре бирюзы.

457. По описи 734 года показано: Узда наборъ серебренный, вызолоченъ и съ каменьями бирюзами по счету семьдесятъ пять; да къ оной же уздѣ похви, на нихъ семнадцать мѣстъ, и съ напоховникомъ къ оной же уздѣ наперсть по вишневому бархату, съ такимъ же наборомъ; по счету на ней двадцать восемь мѣстъ; въ срединѣ камня нѣтъ, обшита кругомъ золотнымъ шнуромъ, а нынѣ на лицо на оной уздѣ набору тридцать-восемь мѣстъ, а порожнихъ на ремнѣ для набора мѣстъ не имѣется, изъ чего видно, что въ прежней описи написано ошибкою.

458. Паперсть, наборъ серебренный, вызолоченъ, наблрана по тесьмѣ зеленой; на ней набору восемьдесятъ мѣстъ, подложена сафьяномъ краснымъ.

459. Паперсть турецкая, наборъ серебренный, съ чернью, вызолоченъ; на ней набору девяносто пять мѣстъ, подшита сафьяномъ краснымъ.

460. Паперсть, наборъ серебренный, вызолоченъ, съ бирюзами счетомъ двадцать одно мѣсто, набирана по тесьмѣ вишневой.

461. Паперсть, наборъ серебренный, вызолоченъ, рѣзной, тридцать шесть мѣстъ, по малиновому бархату, кругомъ обложено галуномъ золотымъ узенькимъ, въ срединѣ паперсти камень зеленый; у той паперсти конца нѣтъ.

462. Паперсть, наборъ серебренный, рѣзной, вызолоченъ, набиранъ на тесьмѣ красной, подложена сафьяномъ краснымъ; на ней набору двадцать девять мѣстъ.

463. Портупей кортичный наборный, наборъ серебренный, вызолоченъ съ бирюзами, по бархату малиновому; на ней набору семьдесятъ семь мѣстъ.

464. Портупей бархатный, черный, у него пряжка и наконечникъ и крючокъ серебренные.

465. Портупей лентовый, золотный серебромъ, пряжка и петля и крючокъ серебренные.

466. Ледунка бархатная, у нея закрышка; дска золотая, рѣзная, съ чернью намазною; въ срединѣ гербъ, а снизу той дски прикрѣплены каемки серебренныя; у ней четыре скобки серебренныя, вызолоченныя.

467. По описи 734 года показано: одни лубья сандальные и колчанъ на нихъ, и на поясахъ восемьдесятъ шесть мѣстъ серебренныхъ вызолоченныхъ; у колчана три цѣпочки тройныя серебренныя же, а нынѣ на лицо набора восемьдесятъ четыре; не явилось въ наборѣ двухъ мѣстъ.

468. Два отворота серебренные чеканные, что у олстровъ (sic) бываютъ, мѣстами вызолочены, обшиты бахромою ветхою.

469. Двѣ пары пистолетъ, въ томъ числѣ у одинхъ мишени серебренныя.

470. Двѣ цѣпочки серебренныя, вызолочены городками; въ нихъ сто мѣстъ, вѣсомъ тридцать девять золотниковъ съ половиною.

471. Такой же цѣпочки съ городками покрупнѣе сорокъ девять мѣстъ,

въ нихъ пятьдесятъ два камня красныхъ, вѣсомъ два фунта восемь золотниковъ три четверти.

472. Лосина бѣлая.

473. Трокъ сафьянный, сѣдельный, шитъ мѣстами серебромъ и золотомъ волоченымъ, въ шитьѣ тринадцать бирюзъ.

474. Трость чипрасовая: головка мѣдная, золоченая, конечникъ ее серебренный, подъ нимъ фигурка мѣдная, съ желѣзнымъ копьецомъ.

475. Тебёнки (sic) по красному сукну шиты золотомъ и серебромъ волоченымъ, по краямъ острочено хозомъ зеленымъ; къ нимъ крылцы (sic) той же работы.

476. Тебёнки китайской работы писанныя.

477. Крылцы сѣдельные, бархатные, малиновые.

478. Платъ войлочный, сѣдельный, бархатный, алый, кругомъ обложенъ кружевомъ съ городами, золото съ серебромъ; подложенъ сукномъ алымъ.

479. Челдарь (sic) матеріи серебренной; кругомъ его бахрама золотная; подбитъ краснымъ кумачомъ; ветхій.

480. Войлокъ подсѣдельный, бархатный, красный, рытый, подложенъ кумачемъ краснымъ; обшитъ съ двухъ сторонъ матеріею золотою.

481. Войлокъ подсѣдельный матеріи серебряной, ветхій, подбитъ краснымъ кумачомъ; съ двухъ сторонъ обшитъ тою же матеріею.

482. Попона штофцу суконнаго алая; въ срединѣ и кругомъ ея шита разными шелками, подбита киндякомъ желтымъ.

483. Сѣдло-арчакъ черкесскій, обѣ луки, извѣстные концы и извѣсти обложены гладкимъ золоченымъ серебромъ; въ извѣстяхъ четыре скобки серебренныя, золоченыя же; подушка и крылцы и тебёнки, обери насыпной, по алой землѣ травы бархатныя; подпруги и путилища обшиты сафьяномъ краснымъ; стремяна китайскія, съ насѣчкою золотою.

484. Сѣдло русское, у него арчакъ уфимской; обѣ луки оклеены краснымъ хозомъ, огибъ серебренная, вызолочена, на ней же по три штуки серебренныя, прорѣзныя, вызолочены; въ извѣстяхъ четыре колечка съ рѣпьями; подушка и крылцы и сверху луки бархатныя жаркія, тебёнки кожаныя, шиты серебромъ съ золотомъ; стремена желѣзныя.

485. Сѣдло нѣмецкое, верхъ малиноваго бархату; по подушкѣ и по сторонамъ прошито плетешками золотными и кругомъ обложено позументомъ и бахромою золотною; у передней луки двѣ пряжки да подъ задней лукою одна пряжка серебренная, золоченая; кругомъ передней и задней лукъ, въ обогъ, серебренныхъ тридцать девять гвоздей, золоченыхъ; набалдашникъ мѣдный, тебёнки бархатныя, малиновыя, на красной яловочной кожѣ; кругомъ ихъ обложено цѣпочкою серебренною городками по счету восемьдесятъ восемь мѣстъ; подпруги кежовыя, шелковыя; стремена мѣдныя, у него же чепракъ бархатный малиновый, по ушамъ шитый золотомъ, кругомъ обложенъ позументомъ и бахрамою золотою; того же сѣдла чешки бархатныя, малиновыя, на нихъ вышиты травы золотомъ, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

486. Изъ подъ того сѣдла войлокъ крытъ сафьяномъ чернымъ и кругомъ по красному сафьяну шито золото серебромъ, въ шитьѣ восемнадцать мѣстъ серебренныхъ, золоченныхъ, съ бирюзами, кругомъ по краямъ войлокъ обшитъ бархатомъ малиновымъ, подложенъ сукномъ краснымъ.

487. Того же сѣдла олстры хозовыя, черныя, набалдашники серебренные, чеканные, вызолоченные, двѣ пряжки пристяжныя мѣдныя; съ того сѣдла наметъ суконный, красный, обложенъ кругомъ бахрамою золотною; все ветхое.

488. Арчакъ; обѣ луки и огиби и извѣсти обложены серебромъ; на лукахъ особо мѣста серебренныя, мѣстами золоченыя съ черные; подушка, крылца и тебеньки матерія золото-серебромъ; въ извѣстяхъ четыре колечка серебренныхъ; подпруги, приступи, путлища тесьмы шелковой цвѣтной, нашиты на красномъ сафьянѣ.

489. Два тебенька бархатные, кругомъ обложены позументомъ и бахрамою золотою.

490. Плеть плетьникъ обложенъ весь серебромъ.

491. По описи 734 года показано: бахрамы шелковой широкой, разныхъ цвѣтовъ, девятнадцать аршинъ два вершка; бахрамы шелковой, разныхъ цвѣтовъ, узкой, тридцать три аршина съ половиною; бахрамы такого же цвѣту, самой узкой, девятнадцать аршинъ семь вершковъ; бахрамы простой, разныхъ цвѣтовъ, два аршина два вершка, а нынѣ на лицо той бахрамы узелъ гнилой.

492. Обою полотнаго штофъ травчатой, по малиновой землѣ травы разныхъ шелковъ, съ полосами, одиннадцать полотнищъ съ половиною, въ нихъ мѣрою, въ каждомъ полотнищѣ, по четыре аршина по семи вершковъ, итого пятьдесятъ одинъ аршинъ съ полувершкомъ.

493. Того же штофнаго обою полтора полотнища сшито, мѣрою, въ длину, одинъ аршинъ одиннадцать вершковъ.

494. Обери малиновой четыре аршина десять вершковъ съ половиною.

495. Отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ голубыхъ шесть, каждая въ одно полотнище, мѣрою каждая длиною, по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ.

496. Да фалборовъ четыре, въ трехъ длины въ каждомъ, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а въ четвертомъ одинъ аршинъ три четверти.

497. По описи 734 года показано отъ оконъ занавѣсокъ тафтяныхъ желтыхъ шесть; въ каждой мѣрою по четыре аршина съ половиною, итого двадцать семь аршинъ, да три фалбора, въ каждомъ, мѣрою, по два аршина съ четвертью, итого шесть аршинъ три четверти, а нынѣ на лицо завѣсы мышами изъѣдены, а фалборъ одинъ, а не явилось двухъ фалборовъ.

498. Шарфъ черный шелковый, на вишневой камкѣ.

499. Камки красной отъ окна, въ три полотнища, въ каждомъ мѣрою по три аршина по шести вершковъ, итого десять аршинъ два вершка, а фалборы мѣрою два аршина съ четвертью.

500. Позументу золотаго, мѣрою одиннадцать аршинъ пять вершковъ, вѣсомъ семьдесятъ-восемь золотниковъ съ половиною.

501. Ленты было оберинной шелковой десять аршинъ.

502. Ленты тканой золотой, шириною въ полтретья вершка, длиною одинъ аршинъ семь вершковъ.

503. Два остатка позументу золотаго узкаго, въ обоихъ мѣрою два аршина четырнадцать вершковъ; вѣсомъ восемь золотниковъ съ половиною.

504. Лоскутъ маленькой парчи золотой.

505. Отъ иконъ завѣсъ, тафтяной пунцовой въ два полотнища ветхой, каждое мѣрою въ длину, по три аршина по три вершка, итого шесть аршинъ шесть вершковъ.

506. Изорбафу алаго два аршина.

507. Изорбафу цвѣтнаго малиноваго, мѣрою въ длину одинъ аршинъ девять вершковъ.

508. Бархату по тусинной землѣ цвѣтнаго, мѣрою четыре аршина съ четвертью.

509. Съ балдахина, оберинного малиноваго галуну серебреннаго съ городками, четыре аршина пять вершковъ, да въ другомъ кускѣ такого же галуну четыре аршина, вѣсомъ въ обоихъ кускахъ сорокъ девять золотниковъ.

510. По описи 734 и 742 годовъ показано: кровать со всѣмъ уборомъ оберинная малиновая, подъ ней подбой тафтяной, желтой, струйчетой, обложено по обери позументомъ бѣлымъ шелковымъ, къ оной кровати покрывало тафтяное, желтое, струйчетое, подбито крашениною желтою, а на лицо верху оберинного и подвесъ подбою тафтянаго не явилось.

511. Александрійской бумаги семь дестей пятнадцать листовъ на лицо, изъѣдена мышами.

512. Уборъ на кровать желтый оберинной, старый.

513. Обой полотной ветхій, камки желтой.

514. Наметъ съ стула малиновый, штофный, обложенъ галуномъ золотымъ

515. Коверъ шелковый съ разными травами.

516. Съ четырехъ подушекъ пуховыхъ наволоки тафтяныя, брусничныя.

№ 19-й.

Сундукъ сосновый, обитъ желѣзомъ, въ немъ:

517. Подкладка изъ подъ шеегрѣйки, бумазейная бѣлая.

518. Двадцать два горностая гнилыхъ и негодныхъ.

519. Галуну бархатнаго ветхаго, съ золотомъ, споранного съ трехъ лакейскихъ кафтановъ лоскутья.

520. Муфтъ лисья, чернобурая, гнилая.

521. Лоскутъ отъ попоны черного сукна.

522. Кафтанъ суконный васильковый, черкасскій; около воротника и рукавовъ и на клиньяхъ искладено позументомъ золотымъ; ветхій.

523. Полукафтанье камлотовое алое черкаское, также ветхое.

524. Епанча суконная, цвѣтъ маковая, на собольемъ пупчетомъ мѣху, ветхая.

№ 20-й.

525. По описи 734 года показано: Боула обита кожею и желѣзомъ, а въ ней положенъ кроватный уборъ, штофный, желтый, съ бахромою и съ галуномъ шелковымъ подъ цвѣтъ, а нынѣ на лицо и на нахтышъ уборъ того же штофу.

№ 21-й.

Кабинетъ оклеенъ орѣхомъ, въ дверяхъ стекла зеркальныя, а въ немъ:

526. Лента бѣлая, на которой подписана мѣра Господа нашего Іисуса Христа.

527. Книжка костяная въ серебренныхъ рѣзныхъ доскахъ и съ карандашемъ серебрейнымъ.

528. Двѣ запонки изумрудныя въ золотѣ.

529. Двѣ пары запонокъ янтарныхъ, въ томъ числѣ двѣ попорчены.

530. Ножъ съ вилками, черенья яшмовыя, оправлены серебромъ.

531. По описи 734 года показано: двѣ трубки зрительныя, оправа мѣдная вызолочена, а нынѣ на лицо у одной оправа мѣдная, а другая безъ оправы.

532. Табакерка серебренная, внутри вызолочена, безъ крышки.
533. Стклянochка хрустальная, оправлена серебромъ.
534. Готовальня оклеена чернымъ хозомъ, къ ней два циркуля серебренные, да при нихъ серебренная фигурка, во что карандашъ укрѣпляется, да стальное перо, да къ тѣмъ же циркулямъ два кривыхъ стальныхъ размѣровъ, да линейка гебоновая.
535. Готовальня хозовая, въ ней мѣдныхъ и стальныхъ инструментовъ десять мѣстъ да линейка гипрасовая.
536. Линейка двойная, гебоновая съ оправою мѣдною.
537. Линейка пальмовая съ начерченными мѣрами.
538. Часы солнечные, мѣдные, круглые.
539. Циркуль мѣдный, переломленный.
540. Гребень съ нагребникомъ, черепаховые.
541. Два блюдечка костяныя, внутри рѣзьба черневая.
542. Цѣпочка серебренная, испорченная, отъ часовъ.
543. Табакерка серепетинная, черная, круглая.
544. Табакерка черепаховая, круглая, внутри оправлена серебромъ и вызолочена.
545. Два глобуса маленькихъ деревянныхъ.
546. Три ручки стеклянныя.
547. Шестьдесятъ два мѣста мѣдныхъ, листочками, и на нихъ подписанныя слова.
548. Пуговка сердоликовая, на золотомъ стежкѣ съ душегрѣйки.
549. Ящикъ китайскій, съ чернилами.
550. Ложка раковая, безъ стебля, при ней малое число серебра.

Да оставшаго за описью 734 года вновь описано, а что чего порозь значитъ ниже:

№ 22-й.

Ларчикъ сосновой, а въ немъ:

551. Образъ Алексѣя человѣка Божія и Маріи Египетской, окладной, обнизанъ жемчугомъ и каменьями зелеными и красными, въ кіотѣ деревянномъ.
552. Образъ Чудотворца Николая окладной.
553. Образъ Знаменія Богородицы окладной.
554. Образъ Алексѣя Митрополита окладной.
555. Образъ Святыя мученицы Параскевіи съ мощами, весь серебренный.
556. Образъ Богоматери Знаменія въ кіотѣ серебренномъ.
557. Образъ Селверста папы Римскаго, окладной.
558. Образъ Маріи Египетской окладной, вѣнецъ вынизанъ жемчугомъ.
559. Образъ Николая Чудотворца, поля окладныя.
560. Образъ Іоанна Предтеча, окладной.
561. Образъ Св. пророка Наума и св. мученицы Даріи, неокладной.
562. Образъ Богоматери Казанской, неокладной.
563. Образъ Великомученика Георгія не окладной.
564. Два образа Богоматери и Спасителевъ, рѣзные на камнѣ, вызолочены.

№ 23-й.

Сундукъ обитъ нерпью и желѣзомъ, а въ немъ:

565. Сабля, ножны по черному хозу, оправлена серебромъ и вызолочена;

наконечникъ серебренный, вызолоченъ; на ней яхонтовъ и изумрудовъ триста сорокъ.

566. Сабля, ножны бархатныя, малиноваго цвѣта, оправа крыжъ, черень и наконечникъ серебренные, вызолочены; на среди два кольца серебренныя, вызолоченыя; поясъ—тесьма шелковая, на тесьмѣ двѣнадцать пряжекъ, двѣ бляшки черневыя, два наконечника, одинъ крючокъ, да пряжка серебренные вызолочены.

567. Сабля, ножны хозовыя черныя, черень костяной, на чернѣ семь изумрудовъ, на ножкахъ у черня наконечникъ, оправа серебренная, финифтяная; два кольца съ пробой; поясъ шелковый, красный, круглый.

568. Тесакъ, ножны хозовыя, черныя, оправа, черенъ и наконечникъ серебренные, безъ позолоты; двѣ гайки и одно кольцо; поясъ шелковый, тканый.

569. Двѣ шпаги, одна большая, другая малая, эфесы желѣзные, одинъ вызолоченъ, обвивка на эфесѣ серебренная; ножны черныя кожаныя, крючки и наконечники желѣзные.

570. Двѣ шпаги маленькія ветхія, эфесы на одной мѣдный, а на другой желѣзный, обвивки мѣдныя, наконечникъ и крючки желѣзные; ножны простыя черныя.

571. Плитка яшмовая, съ рѣзьбой.

572. Стаканъ костяной, бѣлый, рѣзной, оправа серебренная, позолочена, въ чехлѣ деревянномъ.

573. Два шарфа золотыхъ, одинъ съ бахромою, а другой вязаный, безъ бахромы.

574. Поясъ тканый золотомъ.

575. Натруска золотая, черневая,

576. Колчанъ, налучье лосинные; на налучьѣ серебренныхъ двадцать шесть мѣстъ.

577. Половина цѣпи золотой, вѣсу шестьдесятъ золотниковъ.

578. Двѣ пары чушекъ, сукна краснаго съ бахромою золотою.

579. Къ тѣмъ чушкамъ кавтуры, шитые, ветхіе.

580. Перевесь лосинная, шитая серебромъ, ветхая, которой три лоскута.

581. Подобушникъ круглый, съ бахромою золотою, на немъ кольцо мѣдное, при немъ тесьма, при тесьмѣ шесть мѣстъ серебренныхъ.

582. Намётъ съ сѣдла бархатный, ветхій.

583. Войлокъ подсѣдельный, на немъ крыша бархатная.

584. Намётъ съ сѣдла, суконный, шитый.

585. Одно крыльцо подсѣдельное, бархатное, ветхое.

586. Стремена мѣдныя.

587. Портупей кожаный, съ пряжками мѣдными.

588. Подушка бархатная, каретная, малиновая, кругомъ бахрома серебренная.

589. Двѣ подушки триповыхъ, малиновыя, рытыя.

590. Подушка триповая, малиновая, ветхая.

591. Двѣ подушки суконныя, каретныя красныя, ветхія.

592. Десять намётовъ суконныхъ, красныхъ, ветхихъ.

593. Намётъ, который подкладывается подъ сѣдло русское, чернаго сукна, по краямъ шито золотомъ.

594. Двѣ подушки колясочныя, побочныя, красныя, на нихъ тесьма бѣлая.

595. Бумажникъ колясочный, покрытъ стамедомъ голубымъ, ветхій.

596. Попона зеленая, ветхая, подложена бѣлою байкою.

597. Чепракъ суконный красный, шитъ мишурою.

598. Бурка татарская, подложена кожею, при ней два плаща серебренные, вызолоченные, да цѣпочка двойная вызолоченная.

599. Попона голубая, подбита полстью, ветхая.

600. Одѣяло голубое санное, обложено сукномъ краснымъ, подложено кумачомъ.

601. Два занавѣса отъ коляски, ветхіе, тафтяные.

602. Занавѣсъ оконничный, ветхій, штофный, малиновый и одинъ лоскутъ малиновый же.

603. Шесть намётовъ сѣдельныхъ желтыхъ.

604. Одна подушка малиновая, пуховая, наволочка камчатая.

605. Трокъ ременный, нашито на полъ аршина позументъ золотой.

606. Шляпа пуховая, большая.

607. Пологъ вязаный, шелковый, разныхъ цвѣтовъ.

608. Пологъ флеровой зеленый, полосы вязанные, а верхъ тафтяный купцовый ветхій.

609. Пологъ полы александрійской пестряди, а верхъ и съ полатъ шерстяной.

610. Намётъ съ нахтыша беринный, зеленый.

611. Одѣяло на бумагѣ, покрыто камкою дымчатою, подбито киндякомъ.

612. Четырнадцать завѣсовъ изъ баржи, тафтяныхъ жеркихъ.

613. Одинъ пологъ флёровой, бѣлый, съ верху покрышка холстинная.

614. Пять чепраковъ сукна краснаго, лакейскихъ, кругомъ обшиты сукномъ голубымъ.

615. Двѣ пары чушекъ пистолетныхъ того же цвѣту.

616. Колчанъ сафьянный, черный, шитъ золотомъ, при немъ чехолъ, во что кладётся лукъ, козловый.

617. Занавѣсъ оконничный тафтяной, жеркой, полинялъ.

618. Три ледунки, оклеены бархатомъ малиновымъ, вышиты золотомъ и оправлены серебромъ, вызолоченныя.

619. Одинъ рогъ на порохъ.

620. Семь чехловъ шпажныхъ, суконныхъ, красныхъ.

621. Одинъ чехолъ фузейный, красный.

622. Картина писана: птица.

623. Модель орѣховая, оклеена раковиною.

624. Чепракъ бархатный малиновый, кругомъ позументъ золотой и бахрома такая же.

625. Попона суконная, коричневаго цвѣту, бахрома шелковая, подбита пестрядью бумажною.

626. Шлафоръ старинный, камчатый, дымчатый, ветхой.

627. Два намёта красные и одинъ зеленый сѣдельные, ветхіе.

628. Сѣдло бархатное малиновое, кругомъ позументъ съ бахромою золотною; три пряжки, да наболдашникъ мѣдные вызолочены, крыльцы бархатныя, малиновыя, кругомъ позументъ золотный съ бахромою, подпруги тесмяные.

629. Сѣдло, обито бархатомъ малиновымъ, расшито золотомъ и серебромъ.

630. Погребецъ осьмигранный, обитъ бархатомъ малиновымъ, кругомъ позументъ серебренный; въ немъ шесть стакановъ хрустальныхъ съ винтами.

№ 24-й.

Сундукъ сосновый, въ нёмъ:

631. Шесть блюдъ да двѣ тарелки серепетинныя черныя.
632. Одна четвертина серепетинная, съ кольцомъ.
633. Одинъ кубокъ серепетинный безъ поддона.
634. Три стакана серепетинныхъ, въ томъ числѣ одинъ ветхій.
635. Двѣ ступки серепетинныя.
636. Одна чашка серепетинная свертная, съ кольцомъ.
637. Одна чарка и двѣ крышки серепетинныя съ шишечками.
638. Два шандала серепетинные, свертные.
639. Три ложки серепетинныхъ.
640. Одинъ кувшинъ съ крышкою китайскою.
641. Двѣ чашки виницейскія, съ крышками.
642. Одно блюдо виницейское.
643. Три блюда китайскія.
644. Одна чашка виницейская съ красными травами, безъ крышки.
645. Три подсвѣчника виницейскихъ; въ томъ числѣ одинъ расшибленъ.
646. Одинъ ночникъ виницейскій.
647. Шесть тарелокъ виницейскихъ; въ томъ числѣ одна разбита.
648. Одинъ стаканъ хрустальный рѣзной, съ крышкою.
649. Коробка мраморная; крышка рѣзная, въ ней стаканчикъ маленькій хрустальный.
650. Три кувшина виницейскихъ, большихъ.
651. Шесть блюдъ виницейскихъ.
652. Чернилица съ песочницею ценинная.
653. Чашка съ блюдомъ черепаховая.
654. Двѣ чашки яшмовыя рѣзныя.
655. Чайникъ, чашка глиняные.
656. Пять блюдечекъ чайныхъ, разбитыхъ.
657. Дощечка мраморная.

№ 25-й.

Баула обита нерпью и желѣзомъ, а въ ней:

658. Потиръ серебреный вызолоченъ, при немъ же ложка серебренная черневая.

659. Евангеліе оклеено малиновымъ бархатомъ, евангелисты серебренные, вызолоченные, двѣ застёжки серебренныя; при немъ закладка, съ звѣздою шита золотомъ, въ срединѣ жемчужина.

660. Поручи атласныя зеленыя, шиты золотомъ, ветхія, подложены крашенинною зеленою.

661. Завѣсъ церковный камчатый, двуличневый, въ немъ десять полотнищъ.

662. Одежда съ жертвенника, да два лоскута такой же камки.
663. Пелена камчатая, красная, обложена камкою свѣтло-зеленою, ветхая.
664. Фата александрійская, красная, бумажная.

665. Ухватъ отъ узды, на красной тесьмѣ шелковой наборъ, серебренный вызолоченъ; счетомъ тридцать три мѣста, въ нихъ тридцать-пять бирюзъ.

666. Жаровѣйка серебренная, вызолоченая, съ ручкою серебренною.
667. Черень ножовый серебренный.
668. Галстукъ кружевной, мужской, нѣмецкаго кружева.
669. Два кружева, что употребляютъ подъ нахцы.
670. Девять платковъ кисейныхъ.

671. Одинъ галстукъ кисейный, ветхій.
672. Галстукъ кисейный съ кружевомъ.
673. Ангажанты съ кружевомъ, кисейныя.
674. Покрывало на столъ, кисейное съ кружевомъ.
675. Два занавѣса бритовные, ткацкаго полотна.
676. Девятнадцать салфетокъ разныхъ узоровъ.
677. Два колпака бумажныхъ ветхихъ.
678. Одна наволочка голландская, маленькая, на подушку.
679. Лоскутъ флеру бѣлаго
680. Платокъ голубой, флёровой, шитъ серебромъ.
681. Шесть картинъ римскихъ и два колпака на тафтѣ бѣлой и желтой.
682. Такихъ же картинъ на трехъ листкахъ бумажныхъ.
683. Два пояса каталицкихъ лентовыхъ.
684. Нагрудникъ тафтяной пунцовый.
685. Подзоръ отъ окошка ткацкаго полотна.
686. Двѣ пары чулковъ бумажныхъ.
687. Двѣ сорочки мужскія голландскаго полотна, безъ манжетъ.
688. Башмаки женскіе вишневаго бархату, старинные.
689. Рогъ мѣдный для глухого человѣка.

690. Верхъ съ кровати, желтый, оберинный, обложенъ галуномъ бѣлымъ, шелковымъ, подложенъ крашениною красною.

691. Покрывало и штука, которая въ головахъ ставится, такой же объери желтой, обложены бѣлымъ же галуномъ шелковымъ, подложены крашениною желтою.

692. Верхъ съ кровати камчатой, желтой, обложенъ галуномъ желтымъ шелковымъ, подбитъ крашениною желтою.

693. Двѣ завязки къ завѣсу оберинныя, желтыя, съ желтымъ галуномъ, шелковымъ.

694. Подушка пуховая, на ней наволочка желтая, камчатая.
695. Подушка пуховая, на ней наволочка камчатая, красная.
696. Подушка пуховая, на ней наволочка ткацкаго полотна.
697. Семь лоскутовъ полуобери голубой, ветхіе.
698. Лоскутъ рыжаго бархату съ золотомъ, ветхій.
699. Три парука, въ томъ числѣ два бѣлыхъ и одинъ темнорусый.
700. Три фузеи съ приборомъ желѣзнымъ.
701. Верхъ на балдахинъ кроватный, ветхій, коричневый, камчатый.
702. Раковина перловая.

№ 26-й.

Сундукъ дубовый обитъ желѣзомъ, а въ немъ:

703. Одѣяло тафты зеленой, ветхое, подкладка холщевая, стёганое.

704. Казакинъ ветхій, камка коричневаго цвѣту, подбитъ собольимъ пупчетымъ мѣхомъ, одной половины полы камки нѣтъ.

705. Штаны черныя, ратиновыя, шлифы такіе же, черные, шелковые, пряжки желѣзныя.

706. Душегрѣйка канифасовая, подбита байкою бѣлою, ветхая.
707. Подушка пуховая, камка желтая.
708. Подушка пуховая, камка зеленая.
709. Подушка тафтяная, ветхая, пунцовая.
710. Пола шедриновая, ветхая, съ казакина, маковая.

711. Четыре занавѣса отъ оконъ, тафтяные, желтые, при нихъ два подзора.

712. Пестряди полосатой, узкой, тринадцать аршинъ пять вершковъ.

713. Наволока пестряди широкой.

714. Полотнаго обою полу-оберя желтой, полдевята полотнища, да голубой четыре полотнища, въ длину по три аршина по одиннадцати вершковъ.

715. Обою такого же девять желтыхъ, да голубыхъ девять же полотнищъ, мѣрою въ длину по три аршина по одиннадцати вершковъ.

716. Обою такого же четыре желтыхъ, четыре голубыхъ, мѣрою въ длину такою же.

717. Еще такого же обою два полотнища голубыхъ, желтое одно, въ длину мѣрою то же.

718. Того же обою четыре лоскута, два голубыхъ, два желтыхъ, мѣрою въ полтора аршина.

719. Три полотнища голубыхъ, въ томъ же числѣ одно желтое, мѣрою одинъ аршинъ десять вершковъ.

720. Колпакъ бѣлый, бумажный, ветхій.

721. Десять салфетокъ простыхъ, въ томъ числѣ одна камчатая.

722. Лоскутъ бѣлой, холстинный, стеганый на бумагѣ, ветхій.

723. Крашенины желтой три аршина безъ вершка.

724. Лоскутъ чернаго сукна, ветхій.

725. Полполотнища голубой оберя полотнаго обою, мѣрою два аршина съ четвертью.

726. Два шнура шелковые, канареечные, съ блоками.

727. Бахромы шелку разныхъ цвѣтовъ, мѣрою тридцать аршинъ съ четвертью.

728. Полъ пояса отъ штановъ алаго бархату, да клапанъ того же бархату, три петли шиты по пергаменту серебромъ.

729. Подвязки тканы шелкомъ бѣлымъ по зеленой землѣ, подложены краснымъ сукномъ.

730. Шнурованье холстинное, бѣлое, ветхое.

731. Скатерть ветхая.

732. Колокольчикъ мѣдный.

733. Изорбафу китайскаго, по красной землѣ травы золотыя, два аршина четыре вершка.

734. Шесть кусковъ скатертей старыхъ.

735. Полотнаго обою штофнаго, по желтой землѣ травы разныхъ цвѣтовъ, четырнадцать полотнищъ, а мѣрою въ длину каждое по три аршина по три четверти съ вершкомъ.

736. Того же обою шесть лоскутовъ.

737. Три скатерти ветхія да одна салфетка.

№ 27-й.

Шкатула оклеена малиновымъ бархатомъ, вмѣсто желѣза обита серебромъ, внутри выклеена камкою красною, а въ ней:

738. Разныхъ штукъ ломаныхъ, золота съ финифтью и серебра и одна жемчужина и два янтаря—во всѣхъ вѣсу четырнадцать золотниковъ.

739. Коробочка красная, деревянная, а въ ней двѣ кости единороговыя.

740. Шесть образовъ мѣдныхъ римскихъ.

741. Три камня морскіе да палочка каменная.

742. Образъ Богоматери, на лебастрѣ, римской.

743. Образъ Богоматери на свинцѣ.
744. Дощечка костяная.
745. Футъ костяной, въ немъ циркуль мѣдный и въ немъ карандашу палочка.
746. Каменная дощечка.
747. Два стекла косыя, въ томъ числѣ одно писаное, да два стекла табакерочные.
748. Бисерная кисточка отъ галстуха.
749. Цѣпочка изломанная, отъ часовъ, стальная.
750. Мѣра лошадиная, лентовая, съ желѣзнымъ яблочкомъ.
751. Готовальня кожаная, красная, на тесьмѣ.
752. Три зернушка красные, да камешекъ маленькій.
753. Опушка съ шлафора серебряная, съ краснымъ шелкомъ.
754. Три кошелька разныхъ шелковыхъ съ золотомъ и серебромъ.
755. Середоликъ бѣлой съ краснымъ.
756. Разныя письма французскія и нѣмецкія.

№ 28-й.

Ларчикъ обитъ сукномъ краснымъ, а въ нёмъ:
757. Пять дѣтскихъ бѣлыхъ платьецевъ.
758. Тринадцать рубахъ дѣтскихъ.
759. Четыре передника дѣтскихъ.
760. Шесть платьецевъ шёлковыхъ дѣтскихъ разныхъ.
761. Шнурованье черное тафтяное.
762. Бострачекъ шелковый, дѣтскій.
763. Четыре подушечки шитыхъ булавочныхъ.
764. Четыре помочи дѣтскія, шелковыя.
765. Два обручика на голову дѣтскіе, бархатные.
766. Нагрудникъ стеганый, бѣлый.
767. Три наволочки полотняныя.
768. Шнурованье дѣтское, бѣлое, стеганное голубымъ шелкомъ.
769. Епанечка дѣтская, черная, тафтяная.
770. Одѣяло тафтяное алое, дѣтское, ветхое.
771. Свивальникъ красный суконный.
772. Десять шапочекъ дѣтскихъ разныхъ.
773. Два башмака порченные, дѣтскіе.
774. Чулки дѣтскіе, стеганые.
775. Дощечка китайская.
776. Четыре блюда и двѣ чашки фарфоровыя.
777. Игрушекъ дѣтскихъ алебастровыхъ и стеклянныхъ, деревянныхъ, жестяныхъ и глиняныхъ сто двадцать одна.
778. Шахматы и въ табакеркѣ игрушки костяныя.
779. Книжка французская, ветхая.
780. Два крючка желѣзные, вызолочены.
781. Два гребня пальмовые.
782. Двѣ тавлеи, большія и малыя.
783. Корейничекъ (sic) плетеный.
784. Двои креслы плетеныя.
785. Два ларчика клееные.
786. Два баульчика клееные же дѣтскіе.
787. Четыре шнурованья дѣтскихъ стёганыхъ.

№ 29-й.

788. Ларецъ оклеенъ бархатомъ малиновымъ, кругомъ обложенъ позументомъ, серебро съ золотомъ, при немъ двѣ скобы и у замка личинка серебряная.

789. Да въ той же казенной имѣется въ разныхъ сундукахъ книгъ разныхъ четыреста восемьдесятъ пять, въ томъ числѣ россійскихъ шесть.

790. Ящикъ обитъ черною кожею, внутри мѣста выклеены байкою, а въ немъ хрустальная и фарфоровая посуда.

791. Сундукъ сосновый, обитъ мало желѣзомъ, а въ немъ денегъ рублевой, полтинной и гривенной монетъ сто шестьдесятъ пять рублей девяносто копѣекъ, мелкихъ серебряныхъ копѣекъ восемьсотъ тридцать восемь рублей пятьдесятъ одна копѣйка, итого тысяча четыре рубля сорокъ одна копѣйка.

792. Кабинетъ ветхій, старинный, оклеенъ орѣхомъ и покрытъ лакомъ, ландшафты на ящикахъ и на дверцахъ алебастровые, съ личинками, около тѣхъ ландшафтовъ обложено мѣдью рѣзною.

793. Кабинетъ дубовый съ разными всякими письмами.

794. Шкатула для дороги на посуду небольшая, оклеена кожею золотною, внутри оклеено сукномъ краснымъ; петли и скобы мѣдныя, пуста.

795. Ларчикъ оклеенъ черною кожею, а въ немъ разныя письма.

796. Подголовникъ дубовый, окованъ желѣзомъ, пустъ.

797. Столикъ дубовый, четвероугольный, съ двумя ящиками.

798. Три кровати.

799. Столъ четвероугольный, оклеенъ орѣхомъ, на четырехъ точеныхъ ножкахъ.

800. Ларчикъ ветхій, оклеенъ орѣхомъ, въ немъ щетка платяная да гребень пальмовой.

801. Ширмы камчатые, желтыя, о шести полотнищахъ.

802. Шесть стуловъ да кресла, станки орѣховые, обои фабрики Затрапезнаго.

803. Шесть стуловъ, да кресла, станки дубовые, обиты камкою желтою; ветхіе.

804. Шесть стуловъ, станки орѣховые, обиты трипомъ травчатымъ, ветхіе, съ бахромою.

805. Шесть стуловъ, станки дубовые, обиты штофомъ по желтой землѣ травы малиновыя.

806. Восемь станковъ столовыхъ, не обитыхъ.

807. Образъ Богоматери, писанный на холстѣ въ рамахъ золоченыхъ, золотомъ и серебромъ.

808. Образъ Распятія Христова на холстѣ, въ черныхъ рамкахъ.

809. Образъ и картинъ писанныхъ на стеклѣ девять.

810. Портретъ Царя Алексѣя Михайловича въ золоченыхъ рамкахъ.

811. Одинадцать картинъ разныхъ, въ золоченыхъ рамкахъ.

812. Двѣнадцать картинъ разныхъ, въ черныхъ рамкахъ.

813. Картинъ печатныхъ на бумагѣ, въ черныхъ рамкахъ, двадцать одна, въ томъ числѣ ветхихъ пять.

814. Шесть картинъ разныхъ безъ рамъ, въ томъ числѣ ветхихъ двѣ.

815. Конуклюзія печатная, въ черныхъ рамахъ.

816. Картина флеровая ветхая, въ золоченыхъ рамахъ.

817. Зеркало большое, рѣзное съ стрѣлкою часовою.

818. Два зеркала большія, въ золоченныхъ рѣзныхъ рамкахъ.

819. Зеркало среднее въ золоченныхъ ветхихъ рамкахъ.

820. Зеркало большое, овальное, въ золоченныхъ рѣзныхъ рамкахъ.

821. Зеркало въ орѣховыхъ рамахъ; рамы изломаны.

822. Два зеркала среднихъ четвероугольныхъ, въ черныхъ рамахъ.

823. Зеркало круглое, старинное, въ рѣзныхъ золоченныхъ рамахъ; разбитое.

824. Зеркало четвероугольное среднее, въ орѣховыхъ рамахъ.

825. Зеркало малое четвероугольное, въ зеркальныхъ же рамахъ съ звѣздками; по угламъ желтые.

826. Четыре зеркала овальные въ золотыхъ рѣзныхъ рамахъ, въ томъ числѣ у одной рамы ветхіе; при нихъ четыре подсвѣчника деревянные, рѣзные, золоченные, ветхіе.

827. Двѣ доски на столы съ черными каменными досками.

828. Три лоскута обоевъ малёваныхъ.

829. Колыбель рытая, бархатная, съ золотомъ и серебромъ, подложена камкою желтою.

830. Микроскопіумъ большой.

831. Часы стѣнные ветхіе.

832. Часы столовые мѣдные вызолочены, при нихъ двухъ ножекъ нѣтъ.

833. Два ящика съ красками.

834. Клавикорды ветхіе.

835. Рукомойникъ жестяной, стѣнной, ветхій.

836. Три таза мѣдныхъ маленькихъ.

837. Два урыльника оловянные.

838. Передача круглая, небольшая, съ двумя скобами, оловянная.

839. Шандалъ мѣдный съ финифтью, о четырехъ трубкахъ.

840. Три штуки обоевъ тканыхъ, французской работы, гарусные.

841. Обоевъ тканыхъ гарусныхъ шесть штукъ.

842. Три ковра персидскихъ, въ томъ числѣ два ветхихъ.

843. Обои Затрапезнаго фабрики синій съ желтымъ восемьнадцать полотнищъ и шесть лоскутовъ, которые были надъ окнами и надъ дверьми, ветхіе.

844. Обои ветхіе полуоберинныя, голубыя, съ краснымъ, мѣрою длины три аршина, одинъ вершокъ, въ нихъ красныхъ полотнищъ двѣнадцать съ половиною, голубыхъ двѣнадцать съ половиною; пять лоскутъ голубыхъ да три красныхъ.

845. Семь попонъ ветхихъ, изъ сѣраго сукна, окрашено голубою краскою, по краямъ обложено сукномъ краснымъ.

846. Повозокъ попонныхъ, обшитыхъ сукномъ краснымъ, девять.

847. Попона медвѣжья, покрыта голубымъ сукномъ, ветхая.

848. Обой крашенинныхъ шесть штукъ, красные съ желтымъ.

849. Двѣ подушки маленькія, колясочныя, красныя, суконныя, съ бѣлымъ галуномъ шелковымъ.

850. Двѣ подушки сукна голубова колясочныя, одна обложена галуномъ бѣлымъ шелковымъ.

851. На козлы платъ сукна зеленаго, подбитъ крашениною зеленою.

852. Полость балковая бѣлая, ветхая.

853. Наметъ краснаго сукна съ козелъ, съ бѣлымъ галуномъ шелковымъ, ветхій.

854. Наметъ съ козелъ черного сукна.

855. Возели гарусные красные, ветхіе.

856. Семь чепраковъ лакейскихъ, сукна краснаго, опушка сукна голубаго, при нихъ двѣ чушки того же цвѣта, суконные.

857. Бархату зеленаго рытаго, лоскутъ мѣрою одинъ аршинъ три четверти; при немъ того же бархату лоскутъ малый.

858. Наметъ сѣдельный краснаго сукна, подложенъ кожею красною, ветхій.

859. Наметъ суконный, красный, сѣдельный.

860. Наметъ малиноваго сукна, ветхій, сѣдельный.

861. Наметъ васильковаго сукна, сѣдельный.

862. Чехолъ краснаго сукна, ветхій, въ немъ восемь лоскутовъ ветхихъ разнаго цвѣту сукна.

863. Два чехла кожаныхъ съ налучниковъ, при нихъ чехолъ шпаги.

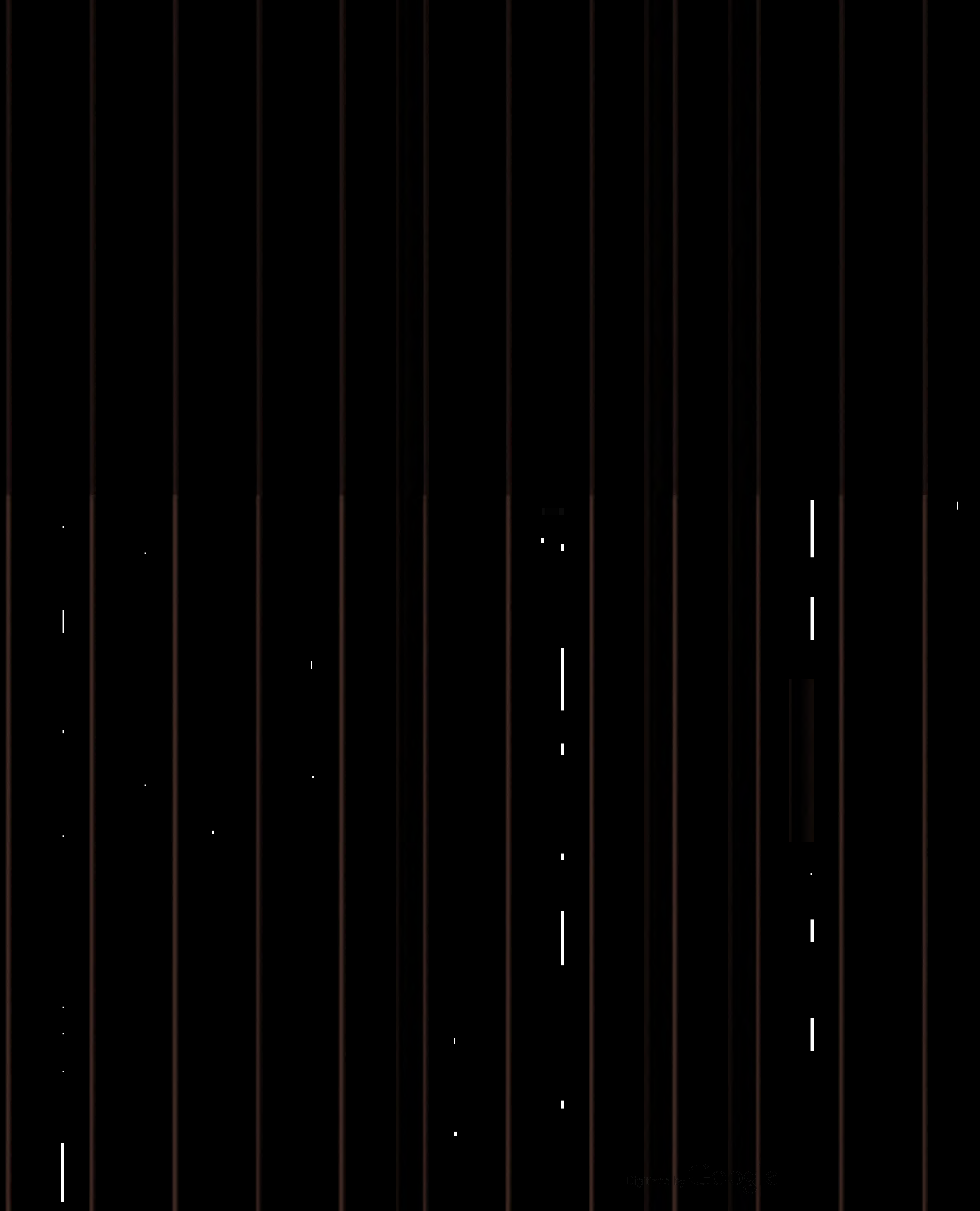
864. Пять луковъ турецкихъ, сандашныхъ, роговыхъ.

865. Ножны кортичные; крючекъ и оправа мѣдные; наконечника нѣтъ.

866. Муштукъ съ удилами мѣдными, а на удилѣ два мѣста мѣдныхъ, да узда безъ удила съ поводами ременными, ветхія; при томъ три тесьмы тканыя, шелковыя, подложены кожею красною, ветхія.

О вышеписанныхъ явившихся сверхъ описи 734 года движимыхъ имѣніяхъ дому дѣйствительной статсъ-дамы Елены Александровны Нарышкиной, служители Василій Гришаловскій и Василій Бѣляевъ, дому фрейлины Катерины Ивановны Нарышкиной, Петръ Ашитковъ, сказками съ приложеніемъ рукъ показали: Василій Гришаловскій, что какъ оныя за описью въ казенной оставшія вещи нашли онъ, Гришаловскій, не знаетъ, ибо онъ, Гришаловскій, съ окончанія 734 года описи, въ тою казенную палату никогда не хаживалъ и ключей у него, Гришаловскаго, отъ той казенной не имѣлось; а ходилъ онъ, Гришаловскій, въ прошломъ 745 году въ тою казенную, для вынятія прежде по словесному покойнаго господина его Александра Львовича Нарышкина приказанію денегъ тысячи рублевъ, а потомъ по присланному указу трехъ тысячъ рублевъ, не одинъ, но обще дому фрейлины Екатерины Ивановны Нарышкиной, съ домовыми управителями: Михаиломъ Крупицкимъ да Петромъ Ашитковымъ, а болѣе онъ, Гришаловской, въ тою казенную никогда ни съ кѣмъ не хаживалъ; Василій Бѣляевъ, что онъ 734 году при описи той вещей не былъ, а былъ при описи 742 году, по приказу покойнаго господина Александра Львовича Нарышкина, съ прочими того же дома служительми и тою опись чинили не всѣмъ тѣмъ вещамъ, но выборомъ, кои лучшія и тако, можетъ быть, оныя за тою 734 года описью и не оставшими и оказались; къ тому жъ изъ оныхъ нѣкоторыя вещи въ тою казенную положены послѣ учиненія уже той 742 года описи по послѣднему раздѣлу въ 744 году, а иновѣрныхъ всему тому записокъ въ домовой канцеляріи не имѣется; Петръ Ашитковъ, что какъ при прежней 734, такъ и при второй 742 годовъ описяхъ онъ, Ашитковъ, не былъ, а былъ въ Муромскихъ вотчинахъ на приказехъ и для чего въ казенной сверхъ описи 734 года оставшія вещи явились, онъ, Ашитковъ, не знаетъ, а иновѣрныхъ оному записокъ въ домовой ихъ канцеляріи не имѣется.

Василій Левашевъ, Князь Михаилъ Шаховской, Князь Иванъ Одоевскій и Андрей Суровцевъ.



А именно:	Число людей.	Им жалованья. На месяц. Одному. р.	к.	Всем. р.	к.	В треть. Одному. р.	к.	Всем. р.	к.	В год. Одному. р.	к.	Всем. р.	к.
Ливрейные:													
Швейцарь	1	—	—	13	—	—	—	52	—	—	—	156	—
Лакеевъ десять, каждому по 48 р., а всѣмъ . .	10	4	—	40	—	16	—	160	—	48	—	480	—
Араповъ два	2	5	—	10	—	20	—	40	—	60	—	120	—
Гусаръ большихъ два .	2	7	—	14	—	28	—	56	—	84	—	168	—
Гусаръ меньшихъ два .	2	7	—	14	—	28	—	56	—	84	—	168	—
Егерей два	2	5	—	10	—	20	—	40	—	60	—	120	—
Скороходовъ два {одному .	1	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	180	—
{другому .	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Итого. .	21	—	—	126	—	—	—	504	—	—	—	1512	—
при нихъ прикмахеръ.	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Истопники:													
Истопниковъ полагается 18 человѣкъ, каждому въ годъ по 36 рублей . .	18	3	—	54	—	12	—	216	—	36	—	648	—
Фратёровъ (1) 4 человѣка	4	3	—	12	—	12	—	48	—	36	—	144	—
Смотритель трубъ . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Итого. .	23	—	—	69	—	—	—	276	—	—	—	828	—
Куханнымъ:													
Кухмистеръ иностранецъ, ему въ годъ жалованья 400 р., да на вино, считая въ день по бутылкѣ, цѣною по 25 коп. бутылка, на 91 р. 25 к., а всего въ годъ 491 р. 25 коп.	1	—	—	40	$93\frac{3}{4}$	—	—	163	75	—	—	491	25
Кухмистеровъ русскихъ два, каждому по 96 р. въ годъ	2	8	—	16	—	32	—	64	—	96	—	192	—
Поваровъ четыре, каждому по 48 р. въ годъ .	4	4	—	16	—	16	—	64	—	48	—	192	—
Борщеваръ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Брантмейстеръ . . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
каждому въ годъ по 48 руб.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Учениковъ два, каждому по 36 р. въ годъ. . . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого. .	13	—	—	94	$93\frac{3}{4}$	—	—	372	75	—	—	1139	25
Дѣвушки:													
Камеръ-юнфоръ двѣ, каждой въ годъ по 48 р.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Камеръ-метхинъ двѣ, каждой по 36 р. въ годъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
При мадамѣ одна. . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Вдова одна	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—

(1) Т.-е. полотёровъ.

А имянно:	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
имъ каждой на кушанье въ годъ по 36 р., а всѣмъ шестерымъ	—	3	—	18	—	12	—	72	—	36	—	216	—
Итого . .	6	—	—	39	—	—	—	156	—	—	—	468	—
Прачешная:													
Кастелянша.	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Кружевница и чулочница	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Прачекъ восемь, каждой по 42 р., въ годъ . . .	8	3	50	28	—	14	—	112	—	42	—	336	—
Итого . .	10	—	—	42	—	—	—	168	—	—	—	504	—
Садъ:													
Садовникъ	1	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
При немъ подмастерье, коему одно жалованье, а платья нѣтъ	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Учениковъ три, каждому по 48 р. въ годъ. . .	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
Работниковъ 15 человѣкъ, во весь годъ каждому по 42 руб	15	3	50	52	50	14	—	210	—	42	—	630	—
хотя оные работники и положены, чтобъ ихъ 15 человѣкъ всегда, но разумѣется такъ, что лѣтомъ живетъ ихъ двадцать и больше, а зимою отъ 6-ти до 8 человѣкъ для того, чтобъ не превосходить сей полагаемой суммы на нихъ, а исправляться ею.													
Итого . .	19	—	—	99	50	—	—	398	—	—	—	1194	—
Кузница:													
Кузнецъ и коновалъ .	1	—	—	20	83 $\frac{1}{3}$	—	—	83	33 $\frac{1}{3}$	—	—	250	—
Помощниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого . .	3	—	—	26	83 $\frac{1}{3}$	—	—	107	33 $\frac{1}{3}$	—	—	322	—
Ремесленники:													
Медоваръ.	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Два работника . . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Серебрянникъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Столяровъ пять . . .	5	4	—	20	—	16	—	80	—	48	—	240	—
Слесарь	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Печниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Итого . .	12	—	—	46	—	—	—	184	—	—	—	552	—

А именно:	Число людей	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Контора:													
Дворецкій	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
Бухгалтеръ	1	—	—	7	—	—	—	28	—	—	—	84	—
Копіистовъ три . . .	3	5	—	15	—	20	—	60	—	60	—	180	—
Разсылщиковъ два . .	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Сторожъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Полицемейстеръ . . .	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Пріемщикъ всякихъ матеріаловъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Итого. . .	10	—	—	53	50	—	—	214	—	—	—	642	—
Конюшенные:													
Берейторъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Его ученикъ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Кучаръ нѣмецъ . . .	1	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	180	—
Кучаръ русской . . .	1	—	—	6	—	—	—	24	—	—	—	72	—
Кучаръ младшій . . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Фарейторовъ	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
Конюховъ	11	3	—	33	—	12	—	132	—	36	—	396	—
Итого. . .	19	—	—	79	—	—	—	316	—	—	—	948	—
Работники: въ кухню 4, въ тафельдекарской 3, въ кандитерской 1, въ кафишенской 1, въ прачечной 2, въ лакейской 1, у музыкантовъ 1, на дворѣ 7, а всего 20 человѣкъ, каждому по 42 руб. въ годъ, а всѣмъ.	20	3	50	70	—	14	—	280	—	42	—	840	—
Музыканты:													
Музыкантовъ три . .	3	12	50	37	50	50	—	150	—	150	—	450	—
Пажиковъ	5	4	—	20	—	16	—	80	—	48	—	240	—
Живописныхъ учениковъ	2	4	—	8	16	16	—	32	—	48	—	96	—
Итого. . .	10	—	—	65	50	—	—	262	—	—	—	786	—
Всего въ годъ жалованья .	191	—	—	1051	43³/₄	—	—	4205	75	—	—	12617	25

Содержаніе лошадей и экипажевъ.	Число лошадей.	Имъ фуража. На мѣсяцъ. Одной. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	На треть. Одной. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одной р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
Полагается имѣть три цуга въ каждомъ по 7 лошадей. . . . . . 21 Верховыхъ . . . . 8 Гусарскихъ. . . . 2 Камердинерская . . 1 Одноколочныхъ . . 2 Разъѣзжихъ . . . 10 Всего . 44													
Овса на каждую лошадь по полторы четверти въ мѣсяцъ, а въ годъ на одну 18 четвертей, а на всѣхъ на 44 лошади 792 четв. Но какъ овсу цѣна не равная, то полагается по 1 р. 50 к. за четверть. .	44	2	25	99	—	9	—	396	—	27	—	1188	—
Сѣна на каждую лошадь по 15-ти пудъ въ мѣсяцъ, а въ годъ на одну 180 пуд., а на всѣхъ на 44 лошади 7920 пудъ . . . Также и сѣно имѣетъ неравную цѣну и для того полагается за пудъ по 14 к., а все.	—	2	10	92	40	8	40	369	60	25	20	1108	80
Итого на фуражъ одинъ для 44-хъ лошадей . . .	—	—	—	191	40	—	—	765	60	—	—	2296	80
Итакъ, каждая лошадь стоитъ въ годъ однимъ фуражомъ по 52 р. 20 к.													
На разныя мелочи по конюшнѣ въ годъ.													
Масла конопляного 24 п., для ночниковъ по 1-му п. 24. Свѣчъ сальныхъ на 6 мѣсяцевъ 2400 на 12. Хлопчатой бумаги на свѣтильню 3 ф., по 40 к., 1 р. 20. Сала свинаго на смазку каретъ 36 п. по 2 р. 50=90 р., ветчиннаго сала для мазанія у лошадей копытъ 5 п. по 6 р.= 30 р., дегтя 18 п. по 40 к.=7 р. 20. Мыла 6 пуд. по 3 р.=18 р. Сала го-													

На разныя мелочи по конюшнѣ въ годъ.	Число лошадей.	Имъ фуража.											
		На мѣсяцъ.				На треть.				Въ годъ.			
		Одной.		Всѣмъ.		Одной.		Всѣмъ.		Одной		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
вяжьяго для мазанія шоръ 5 п., по 5 р., 25 р. Веревокъ всякихъ тонкихъ и толстыхъ на поводья и пристяжи 24 п., по 60 к., 14 р. 40. Холста на передники конюхамъ 150 ар. по 5 к.=7 р. 50. Скребницъ 20 на 10 р. Щетокъ 40 на 10 р. Мелкихъ щетокъ для чищенія наборовъ—3 р. Щетокъ для мытья каретъ 6 р. Лоханокъ 20 2 р. Ушатовъ 8—4 р. Гребней—1 р. Ножницъ для стриженія гривъ 4 р. 4 кожи для починокъ—10 р. Холста для вытиранія стеколъ 30 ар. 1 р. 80. Спирта для мытья стеколъ 12 штоф.—12 р. Байки 10 ар. для обтиранія лошадей—4 р. 100 ар. лентъ черныхъ для заплетанія гривъ 2 р.; на лекарство лошадямъ, по 1 р. на лошадь 44 р. На ковку лошадей 24 коп. на лошадь въ мѣсяцъ, а въ годъ съ одной 1 р. 88 к., а за 44=129 р. 36.													
Итого мелочей 472 р. 46.	—	—	—	39	36 1/3 2/3	--	—	157	48 2/3	—	—	472	46
А съ мелочью лошадь каждая въ годъ содержаніемъ будетъ стоить 62 р. 93 1/2 к.													
На содержаніе экипажевъ и на починку оныхъ. . . . . 500 р.	—	—	—	41	66 2/3	—	—	166	66 1/3	—	—	500	—
На придѣлку новыхъ . . . . . 300 „	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
На солому . . 200 „	—	—	—	16	66 2/3	—	—	66	66 2/3	—	—	200	—
Всего . . 1000 р.	—	—	—	83	33 1/3	—	—	333	33 1/3	—	—	1000	—
А всего на содержаніе лошадей и экипажевъ въ годъ	44	—	—	314	10 1/2	—	—	1256	42	—	—	3769	26

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Говядины 1½ пуда черкаской, по 4 к. за фунтъ, а за пудъ 1 р. 60 к. на	2	40						
Теленокъ одинъ	3	—						
Баранины 30 фун., по 5 коп. за фунтъ	1	50						
Барашковъ два по рублю	2	—						
Ушковъ телячьихъ	—	40						
Мозговъ на	—	60						
Нёбъ говяжьихъ на	—	45						
Ветчины копченой 10 ф., по 8½ за фун.	—	85						
Куръ русскихъ кормленыхъ 4, по 25 коп.	1	—						
Утокъ двѣ, по 40 к.	—	80						
Индѣйка одна	—	75						
Гусь одинъ	—	50						
Рябчиковъ 5 паръ, по 25 к. за пару	1	25						
Тетеревей двѣ пары по 35 к. пара.	—	70						
Масла русскаго 3 фунта	—	24						
Масла чухонскаго 10 ф., по 10 к. за фун.	1	—						
Яицъ 60, по 6 к. десятокъ	—	36						
Луку ¼ четверика	—	12						
Шпигу 10 ф., по 8 к. за фунтъ	—	80						
Муки крупитчатой 10 ф.	—	30						
Бумаги на обертку жаркого одна десть	—	5						
Пшена Сорочинскаго 1½ фунта	—	13½						
Крупъ смоленскихъ ½ ф.	—	3						
Изюму 1 фунтъ	—	8						
Рыбы на	1	—						
Хлѣбовъ бѣлыхъ 4, по 4 к.	—	16						
Масла прованскаго ½ бутылки	—	22						
Сливокъ бутылка	—	45						
Капарсовъ анчоусовъ одна бутылка	—	45						
Лимоновъ свѣжихъ 6, по 5 коп.	—	30						
Соли 5 фунтовъ	—	5						
Уксусу ренскаго 1 бутылка	—	10						
Сливокъ двѣ бутылки по 12 к.	—	24						
Молока 7 бутылокъ, по 2 к.	—	14						
На зелень 1 руб., но сіе покупать въ недостаткѣ, а должно довольствовать кухню всею зеленью изъ своихъ садовъ	1	—						
Итого кухня стоитъ	23	32½	711	41¼	2845	65	8536	95
На нечаянные расходы во время случаевъ, когда излишнихъ гостей въ день прибудетъ, прибавляется по 2 р. Сіи деньги не всякій день выдаютъ въ								

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
расходъ, а тогда, когда много случится постороннихъ людей	2	—	60	—	240	—	720	—
Итого со всѣмъ въ годъ	25	32½	771	41¼	3085	65	9256	95
1-е. Сіе все положеніе для кухни значитъ одни ординарные столы, а банкеты, на кои бываютъ гости званые по билетамъ или безъ билетовъ, оные исключаются изъ сей суммы, а должно таковой столъ давать особо изъ кабинета.								
2-е. Стола-жъ ординарнаго никогда болѣе не накрывать какъ только на 25 человѣкъ, а когда случится людей и болѣе числомъ нежели 25 человѣкъ, тогда имѣть столъ въ другой комнатѣ, за который могутъ ходить всѣ домашніе, какъ-то: адъютанты, ординарцы и прочіе почитающіеся своими въ домѣ, за оный столъ кушаньемъ довольствовать со стола большого.								
Тафельдекарская въ день:								
Хлѣбовъ бѣлыхъ 35 по 4 к.	1	40						
Ситныхъ 20 по 4 к.	—	80						
Сливокъ 2 бутылки по 12 к. . . .	—	24						
Уксусу ренскаго 1 бутылка . . .	—	10						
Масла прованскаго ½ бутылки . .	—	25						
Горчицы 8 золотниковъ	—	9						
Перцу 2 золотника	—	2						
Сахара 1 фунтъ	—	21						
Соли 2 фунта	—	2						
Огурцевъ на	—	10						
Салатовъ разныхъ на.	—	25						
Анчоусовъ капарсовъ заливковъ 1½ банки, по 45 к. банка	—	67½						
Масла сливочнаго 2 фунта	—	50						
Мыла 1½ фунта для мытья серебра	—	9						
Итого	4	74½	142	35	569	40	1708	20
Также и на тафельдекарскую въ банкеты особая сумма, какъ и о кухнѣ показано.								
Кофишенская въ день:								
Чаю черного и зеленаго по 10 золотниковъ	—	30						
Сахару 5 фунтовъ по 21 к.	1	5						
Кофе 2 фунта по 33 к.	—	66						
Оленьего рога ¼ фунта	—	5						
Сливокъ 5 бутылокъ по 12 коп. . .	—	60						
Итого	2	66	79	80	319	20	957	60

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день.		Въ мѣсяцъ.		Въ треть.		Въ годъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Тожъ въ банкеты и на кофишенскую выдавать; присемъ предписывается, что кромѣ фамиліи никому изъ кофишенской не отпускать ни чаю, ни сахару, ни кофе.								
Кондитерская въ день:								
Мокрыхъ конфектовъ 5 ф. по 60 к. за фун.	3	—						
Яблоковъ украинскихъ и ранетъ, а лѣтомъ ягодъ и апельсиновъ	3	—						
Сухихъ французскихъ и печеныхъ на	3	—						
Итого.	9	—	270	—	1080	—	3240	—
О кондитерской тожъ, что и о кухнѣ во время банкетовъ платить отъ кабинета, а сверхъ того въ вечерній столъ десерту никогда не подавать.								
Итакъ всѣ оныя 4 части въ день стоятъ	41	73	1431	90	5727	60	17182	80
Погребъ русскій въ годъ:								
Муки ржаной въ мѣсяцъ 1½ четверти по 3 р. 50 к., а въ годъ 18 четвертей 63 р. Муки пеклеванной въ мѣсяцъ 5 пуд. по 70 к., а въ годъ 60 пуд. 42 р. Муки пшеничной въ мѣсяцъ по ½ пуд., а въ годъ 6 пуд. по 1 р. 20 к. 7 р. 20. Солода пшеничнаго въ мѣсяцъ ½ пуд. по 1 р. пудъ, а въ годъ 6 пудъ 6 р. Солода ржанаго мелкаго 4 пуда въ мѣсяцъ по 70 к. пудъ, а въ годъ 48 пудъ 33 р. 60 к. Солода ржанаго крупнаго 2 четверика въ мѣсяцъ по 4 р. четверть, а въ годъ 3 четверти 12 р. Солода яшнаго 2 четверика въ мѣсяцъ, по 4 р. четверть, а въ годъ 3 четверти 12 р. Мяты нѣмецкой ½ пуда въ мѣсяцъ по 12 р. пудъ, а въ годъ 6 пудъ 72 р. Клюквы ½ четверти въ мѣсяцъ по 8 р. за четверть, а въ годъ 6 четвертей 48 р. Меду сырцу по 5 пудъ въ мѣсяцъ по 6 р. за пудъ, а въ годъ 60 пудъ 360. Клея рыбьяго 1½ фунта въ мѣсяцъ по 1 р. за фунтъ, а въ годъ 18 ф. 18 р. Корицы 15 ф. по 3½ руб. 52 р. 50 к. Гвоздики 3 фунта въ годъ по 4 руб. 12 р. Кишнецу 30 фунтовъ въ годъ на 3 р. Изюма 13 фунтовъ въ годъ на 1 р. Фіалки 9 фунтовъ въ годъ на 2 р.								

Содержаніе стола и погребовъ.	Въ день. р.	Въ день. к.	Въ мѣсяцъ. р.	Въ мѣсяцъ. к.	Въ треть. р.	Въ треть. к.	Въ годъ. р.	Въ годъ. к.
25 к. Полпива 12 варъ въ годъ, по 32 р. варя, 384 р. Пива 2 вари въ годъ по 38 варя 76 р.								
Итакъ въ годъ на русскій погребъ, то-есть на квасы, кислые щи, меды, пиво, полпиво, надобно 1257 р., а въ день придетъ	3	49 1/6	104	75	419	—	1257	—
Изъ всего также по комнатамъ не отпускать кромѣ фамиліи.								
Погребъ фряжскій въ день:								
Одна бутылка бургонскаго	1	50						
12 бутылокъ пива англійскаго по 35 к. бутылка.	4	20						
Двѣнадцать бутылокъ вина винограднаго ординарнаго по 25 к. бутылка .	2	90						
Двѣ бутылки бишеву или наливнаго новаго, смородиновки, вишневки или малиновки какого-нибудь одного сорта.	1	—						
Изъ сладкихъ винъ венгерскаго или другихъ итальянскихъ на	2	—						
Водки французской одинъ штофъ .	1	—						
Спирта для подогрѣванія кушанья одинъ штофъ.	1	30						
Лимоновъ 10 по 5 к.	—	50						
Сахара 1 фунтъ	—	21						
Водки на	1	39						
Итого	16	—	480	—	1920	—	5760	—
Изъ сего погреба также, кромѣ стола и фамиліи, никому не отпускать, а въ банкеты тожъ, что и о кухнѣ сказано, выдавать изъ кабинета деньги.								
Итакъ содержаніе стола по кухнѣ, тафельдекарской, по кондитерской, по кофишенской и по обоимъ погребамъ стоитъ	61	22 1/2	2016	65	8066	60	24199	80
Разный по дому расходъ.								
На восковыя свѣчи ничего не полагается для того, что оныя должны привозимы быть изъ Малороссіи.								
Сальныхъ свѣчъ 300 пудъ въ треть по 3 руб., а въ годъ 900 пудъ. . . .	2	50	75	—	300	—	900	—
Дровъ однополѣнныхъ 2000 саженъ, по 1 р. 30 к.	7	22 1/3	216	66 2/3	866	66 2/3	2600	—
Угольевъ 6000 четвертей по 14 к. .	2	33 1/3	70	—	280	—	840	—
Въ прачешную на крахмалъ, мыло, шёлкъ, нитки и прочее	—	83 1/3	25	—	100	—	300	—

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
Да 3-мъ музыкантамъ такая-жъ	3	3	28 1/8	9	84 3/8	13	12 1/2	39	37 1/2	39	37 1/2	118	12 1/2
Двумъ карличкамъ каждому въ половину, а обоимъ.	2	1	64 1/15	3	28 1/8	6	56 1/4	13	12 1/2	19	68 3/4	39	37 1/2
Помошничий кафтанъ, сукна 7 ар. по 2 р.—14 р. Стамеду 6 ар. по 50 к.—3 р. Пуговицъ томпаковыхъ 2 1/2 портища, по 40 к.—1 р. Пуговицъ камзольныхъ 3 1/2 портища, по 20 к.—70 к. Портному за работу и прикладъ—5 р. 23 р. 70 к.													
А всѣмъ 8 человѣкамъ помощникамъ	8	1	97 1/2	15	80	7	90	63	20	23	70	189	60
Да пятерымъ пажикамъ и двумъ живописнымъ ученикамъ такое-жъ, а всего 7 человѣкамъ	7	1	97 1/2	13	82 1/2	7	90	55	30	23	70	165	90
Да камзолы имъ рабочіе изъ Батуринскаго сукна, коихъ за работу и прикладъ каждаго по 2 р., а всѣмъ 15	—	—	16 1/2 1/6	2	50	—	66 2/3	10	—	2	—	30	—
Кафтанъ сьюсу(1). Сукна алаго 5 1/2 ар., по 2 рубля—11 р. Сукна голубаго 1 1/2 аршина, по 2 р.—3 р. Плису чернаго на обшлага 3/4 ар.—2 р. 25. Басону 24 ар., по 30 к. — 7 р. 20. Позументу серебрянаго узкаго на камзолъ, въ два ряда 10 лотъ, по 75 к. лотъ—7 р. 50. Пуговицъ басонныхъ 2 1/2 портища, по 30 к.—75. Пуговицъ камзольныхъ 3 1/2 портища, по 15 к.—52 1/2 к. Стамеду 5 ар. по 50 к.—2 р. 50. За работу портному съ мелкимъ прикладомъ — 5 р. Шляпа съ позументомъ и всѣмъ приборомъ 4 р. На перевязь сукна алаго 1 1/2 ар., по 2 р.—3 р. Позументу на выкладку оной 20 лотъ, по 75 к.—													

(1) Т.-е. швейцару.

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	На мѣсяцъ. Одному. к.	На мѣсяцъ. Всѣмъ. р.	На мѣсяцъ. Всѣмъ. к.	Въ треть. Одному. р.	Въ треть. Одному. к.	Въ треть. Всѣмъ. р.	Въ треть. Всѣмъ. к.	Въ годъ. Одному. р.	Въ годъ. Одному. к.	Въ годъ. Всѣмъ. р.	Въ годъ. Всѣмъ. к.
14 р. Стамеду 3 ар. по 50 к.—1 р. 50. Петлицы на обшлага — 6 р. За работу той перевязи—2 р. 70 р. 22½ к.	—	—	—	5	85¼	—	—	23	40¾	—	—	70	22½
Кафтанъ лакейскій, сукна алаго 6 ар., съ двоими штанами, по 2 р. аршинъ, 12 р. Голубаго на камзолъ 1½ арш., по 2 р.—3 р. Плису чернаго на обшлага ¾ арш., 2 р.—25. Басону 24 ар. по 30 к.—7 р. 20. Позументу серебрянаго на камзолъ 10 лотъ, по 75 к.—7 р. 50 к. Пуговицъ басонныхъ 2½ портища, по 30 к.—75 к. Пуговицъ камзольныхъ оловянныхъ 3½ портища, по 15 к.—52½. Стамеду 5 ар., по 50 к.—2 р. 50. За работу портному съ мелкимъ прикладомъ—5 р. Шляпа съ позументомъ и со всѣмъ приборомъ—4 р. 44 р. 72½.													
Стоитъ одинъ лакейскій кафтанъ со всѣмъ приборомъ 44 р. 72½ к., а таковыхъ надобно на 10 человѣкъ лакеевъ да на двухъ егерей, на трехъ кучеровъ и на трехъ форейторовъ, а на всѣхъ 18 кафтановъ.	18	3	$72\frac{3}{8}\frac{1}{3}$	67	8¾	14	$90\frac{1}{2}\frac{1}{3}$	268	35	44	72½	805	5
Гусарское платье. Сукна алаго на мантію и двое штановъ 6 ар., по 2 рубля—12 р.; на камзолъ съ рукавами сукна голубаго 2½ аршина, по 2 р.—5 р. Стамеду 4 ар., по 50 к.—2 р. Позументу 25 лотовъ по 75 коп.—18 р. 75. Шнурка серебрянаго 30 лотовъ по 75 к.—22 р. 50. Кисти серебряныя къ мантіи—6 р. Плиса чернаго ¾ аршина—2 р. 25. На опушку мантіи 6 кошекъ сибир-													

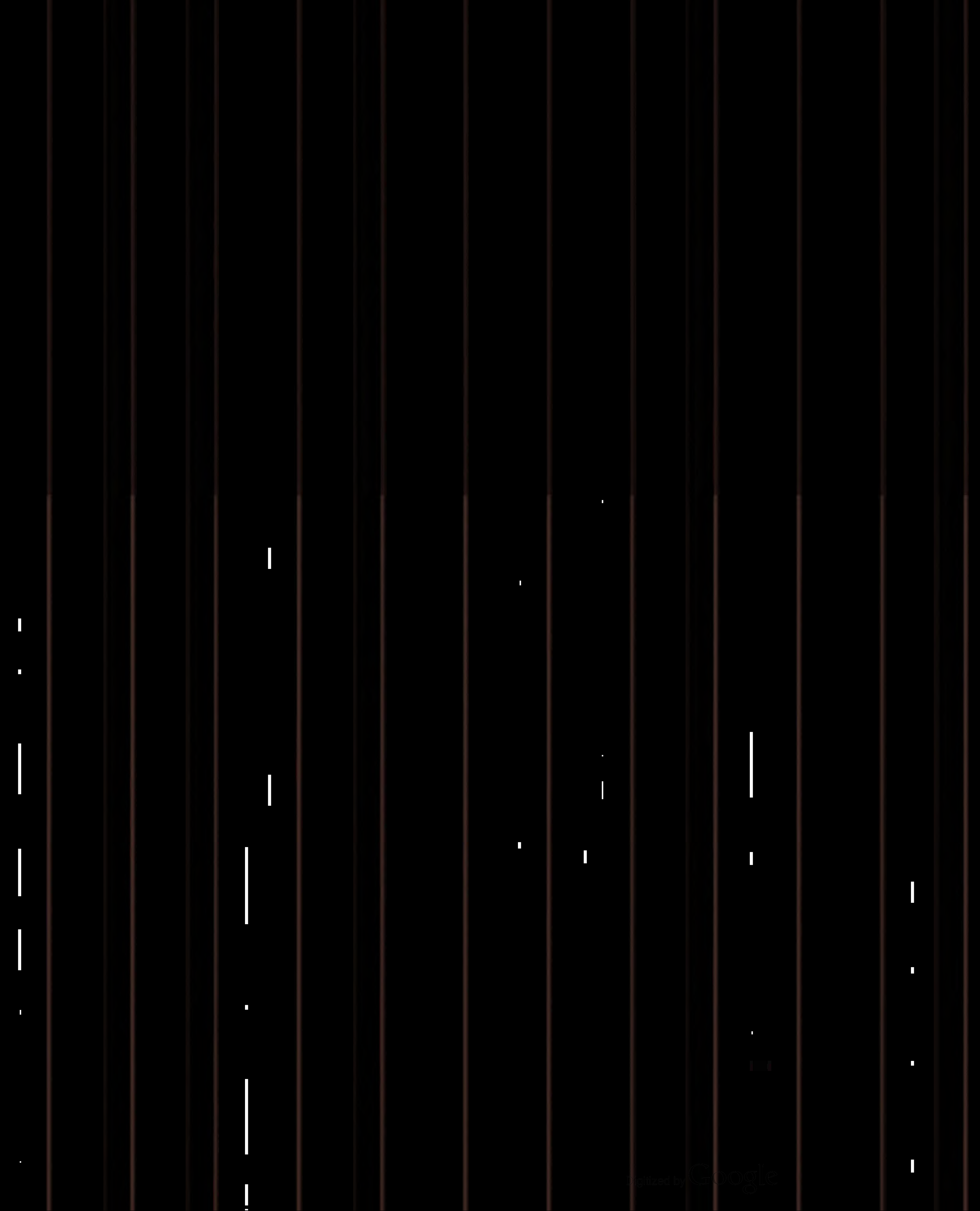
Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
скихъ по 80 коп.—4 р. 80 к. Пуговицъ мѣдныхъ посеребряныхъ 200—4 р. За работу и мелкій прикладъ 5 р. Киверъ съ приборомъ, какъ то: и съ позументомъ, съ атласною голубою подкладкою и съ кисточками серебряными—6 р. Кушакъ —5 р. Шляпа съ приборомъ и позументами—4 р. 97 р. 30 к. Таковыхъ надобно 4-ре пары	4	8	10½ ⅓	32	43⅓	32	43⅓	129	73⅓	97	30	389	20
Арапское платье. Сукна алаго на шубу и двое шароваровъ 7 ар., по 2 р.—14 р. Голубаго на камзолъ съ рукавами 2½ ар., по 2 р.—5 р. Стамеду 6 ар. по 50 к.—3 р. Шнурку 25 ар. вѣсомъ 7 лотъ по 75 к. лотъ—5 р. 25. Позументу 10 лотовъ, по 75 коп.—7 р. 50 к. Плису ¾ аршина—2 р. 25. На опушку шубы кошекъ 6, по 80 к.—4 р. 80. За работу—5 р. Чалма со всѣмъ приборомъ и шитье серебряное—7 р. 53 р. 80 к. Таковыхъ два платья .	2	4	48⅓	8	96⅔	17	93⅓	35	86⅔	53	80	107	60
Скороходское платье. Сукна алаго на кафтанчикъ и двое штановъ 5 ар. по 2 р.—10 р. Голубаго на камзолчикъ 1¼ ар. по 2 р. — 2 р. 50. Стамеду 3½ ар., по 50 к.—1 р. 75. Трипу на обшлага и воротникъ ¾ ар.—2 р. 25. Позумента на кафтанъ и на камзолъ узкаго 55 ар., вѣсомъ 48 лотовъ, по 75 коп. 35 р. Грезету на юпку 3½ ар., по 1 р. 60 к. арш.—5 р. 60 к. Тафты черной на кушаки 5 ар.—по 1 р.													

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
20 к.—6 р. Плиса голубаго на картузъ $^3/_4$ ар.—1 р. 35 к. Гасу серебрянаго на картузъ, 5 лотовъ, по 1 р. 20 к. 6 р. Бахромы серебреной 9 лотъ по 1 р. 20 к.—10 р. 80 к. Кистей серебряныхъ 6 лотовъ, по 1 р. 20 к.—7 р. 20. Шлифы подъ колѣни 7 лотъ, по 1 р. 20 к.—8 р. 40 к. Пуговицъ 6 портищъ, по 40 к. портище—2 р. 40 к. За работу—8 р. На трость кистей и шнурка 13 лотъ, по 75 коп.—9 р. 75. Шляпа 4 р.													
121 руб.													
Таковыхъ два платья .	2	10	$8^1/_3$	20	$16^2/_3$	40	$33^1/_3$	80	$66^2/_3$	121	—	242	—
Итого ливрейнымъ	27	—	—	134	$50^5/_8$	—	—	538	$2^1/_2$	—	—	1614	$7^1/_2$
Да, сверхъ того, ливрейнымъ всѣмъ 27-ми человѣкамъ къ Святой недѣлѣ на чулки, башмаки, а другимъ на сапоги, по 3 р. каждому, а всѣмъ . . .	27	—	25	6	75	1	—	27	—	3	—	81	—
Всѣмъ ливрейнымъ камзолы шить ежегодно изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ и за работу оныхъ по 2 р. за каждый камзолъ, а всѣхъ оныхъ: свису 1, лакеямъ 10, кучерамъ 3, форейторамъ 3, егерямъ 2, гусарамъ 4, скороходамъ 2, арапамъ 2, всего 27 человѣкамъ . .	27	—	$16^2/_3$	4	50	$66^2/_3$	—	18	—	2	—	54	—
Нижнимъ служителямъ дѣлать кафтанъ, камзолъ и двое штановъ изъ Батуринскаго сукна, за что и не полагается на сукно денегъ, а за одинъ прикладъ и за работу портному съ пары по пяти рублей.													
Сколько-жъ и кому оные кафтаны дѣлать, значится подъ симъ:													

Годовое платье.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
Лакейск. парикмахеру 5 р.													
Истопникамъ 18-ти, по 5 р. каждому . . 90 „													
Фратёрамъ 4-мъ . . 20 „													
Смотрителю трубъ. . 5 „													
Поварамъ 4-мъ. . . 20 „													
Борщевару 1-му . . 5 „													
Брантмейстеру 1-му . 5 „													
Приспѣшникамъ 2-мъ 10 „													
Ученикамъ 2-мъ . . 10 „													
Садовымъ учен. 3-мъ. 15 „													
Разсыльщикамъ 2-мъ. 10 „													
Сторожу 1-му . . . 5 „													
Берейторскому учен. 5 „													
Конюхамъ 11-ти на каждаго по 5 р. . 55 „													
Сторожу церковному. 5 „													
Итого . .	53	—	$41\frac{2}{3}$	22	$8\frac{2}{3}$	1	$66\frac{2}{3}$	88	$33\frac{2}{3}$	5	—	265	—
Кухмистеру иностр. .	1	—	—	2	50	—	—	10	—	—	—	30	—
Русскимъ.	2	1	$66\frac{2}{3}$	3	$33\frac{1}{3}$	6	$66\frac{2}{3}$	13	$33\frac{1}{3}$	20	—	40	—
Садовнику	1	—	—	2	$91\frac{2}{3}$	—	—	11	$66\frac{2}{3}$	—	—	35	—
Кузнечнымъ помощникамъ на зимнее и на лѣтнее, каждому по 6 р. . .	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12	—
Медовару 8 р., тутъ верхнее и зимнее	1	—	—	$66\frac{2}{3}$	—	—	—	2	$66\frac{2}{3}$	—	—	8	—
Его помощникамъ, каждому по 6 р., также на лѣтнее и зимнее. . . .	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12	—
Серебрянику	1	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	6	$66\frac{2}{3}$	—	—	20	—
Столярамъ, каждому по 10 р., тутъ и лѣтнее и зимнее платье	5	—	$83\frac{1}{3}$	4	$16\frac{2}{3}$	3	$33\frac{1}{3}$	16	$66\frac{2}{3}$	10	—	50	—
Слесарю 8 р., тутъ зимнее и лѣтнее	1	—	—	—	$66\frac{2}{3}$	—	—	2	$66\frac{2}{3}$	—	—	8	—
Печникамъ по 6 р. двумъ на зимнее и лѣтнее. . .	2	—	50	1	—	2	—	4	—	6	—	12	—
Бухгалтеру	1	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	6	$66\frac{2}{3}$	—	—	20	—
Копіистамъ	3	1	25	3	75	5	—	15	—	15	—	45	—
Полицеймейстеру. . .	1	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	6	$66\frac{2}{3}$	—	—	20	—
Пріемщику матеріаловъ	1	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	6	$66\frac{2}{3}$	—	—	20	—
Онымъ всѣмъ деньгами давать, и болѣе уже никакого платья, ни зимняго, ни лѣтняго не давать.	—	—	—	27	$66\frac{2}{3}$	—	—	110	$66\frac{2}{3}$	—	—	332	—
Дворецкому противъ афисьянта строить. . .	1	—	—	3	$28\frac{1}{8}$	—	—	13	$12\frac{1}{2}$	—	—	39	$37\frac{1}{2}$
Берейтору тожъ . . .	1	—	—	3	$28\frac{1}{8}$	—	—	13	$12\frac{1}{2}$	—	—	39	$37\frac{1}{2}$
Всего на платье выходитъ	—	—	—	289	$24\frac{1}{3}\ \frac{1}{4}$	—	—	1156	$98\frac{1}{8}$	—	—	3470	95
А всего на содержаніе большого дома въ годъ. .	—	—	—	4389	$76\frac{3}{4}$	—	—	17559	7	—	—	52677	21

Статъ, которымъ полагается на содержаніе Аничковскаго дома, Фонтанскаго, Цесаревинскаго и Крюковскаго домовъ и Мурзянки.	Число людей.	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Въ Аничковскомъ домѣ:													
Священникъ	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
Ему на платье. . .	—	—	—	2	50	—	—	10	—	—	—	30	—
Пѣвчихъ.	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Имъ на платье . . .	—	1	16 2/3	3	33 1/3	6	66 2/3	13	33 1/3	20	—	40	—
Сторожъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Ему на платье какъ на зимнее, такъ и лѣтнее	—	—	—	—	66 2/3	—	—	2	—	—	—	8	—
На содержаніе церкви просвирами, виномъ, ладаномъ и свѣчами . . .	—	—	—	8	33 1/3	—	—	33	33 1/3	—	—	100	—
Стряпчій, который смотритъ за домами и ходитъ за приказными дѣлами, коему жалованье и на платье и на содержаніе лошади	1	—	—	29	16 2/3	—	—	116	66 2/3	—	—	350	—
При немъ писарь. . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Ему на платье изъ Батуринскаго сукна и на прикладъ.	—	—	—	—	41 2/3	—	—	1	66 2/3	—	—	5	—
На бумагу и прочее. .	—	—	—	1	25	—	—	5	—	—	—	15	—
Унтеръ-офицеръ ему и съ платьемъ	1	—	—	5	—	—	—	20	—	—	—	60	—
Для содержанія караула, а лѣтомъ для чистки и въ саду и на дворахъ . . .	12	3	—	36	—	12	—	144	—	36	—	432	—
Имъ на платье какъ на лѣтнее, такъ и зимнее, каждому по 6 р. въ годъ . .	—	—	50	6	—	2	—	24	—	6	—	72	—
На полицейскія должности, на починку мостовыхъ и на дрова тамошнимъ только служителямъ.	—	—	—	83	33 1/3	—	—	333	33 1/3	—	—	1000	—
Въ Цесаревинскомъ домѣ:													
Сторожей.	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Имъ платье изъ Батуринскаго сукна, по 5 р. на прикладъ	—	—	41 2/3	—	83 1/3	1	66 2/3	3	33 1/3	5	—	10	—
И какъ на оный, такъ и на Крюковской на содержаніе полицейскими должностями	—	—	—	16	66 2/3	—	—	66	66 2/3	—	—	200	—
Мурзянка:													
Прикащикъ и съ платьемъ въ годъ	1	—	—	8	—	—	—	32	—	—	—	96	—
Истопниковъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—

Штатъ, которымъ полагается на содержаніе Аничковскаго дома, Фонтанскаго, Цесаревинскаго и Крюковскаго домовъ и Мурзянки.	Число людей.	На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
Имъ платье изъ Батуринскаго сукна, по 5 р. каждому на прикладъ. .	—	—	41 2/3	—	83 1/3	1	66 2/3	3	33 1/3	5	—	10	—
Караульщикъ у лѣса .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Итого на содержаніе Аничковскаго, Фонтанскаго, Цесаревинскаго и Крюковскаго домовъ и Мурзянки	—	—	—	244	83 1/3	—	—	979	33 1/3	—	—	2938	—
Крестовскій островъ:													
Прикащикъ	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Ему на платье. . . .	—	—	—	3	33 1/3	—	—	13	33 1/3	—	—	40	—
Сержантъ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Капралъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Имъ на платье. . . .	—	1	25	2	50	5	—	10	—	15	—	30	—
При нихъ баба . . .	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Скотница.	1	—	—	6	—	—	—	24	—	—	—	72	—
У ней работникъ. . .	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Бабъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
У птицъ пастухъ и съ платьемъ.	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Сторожей.	3	4	—	12	—	16	—	48	—	48	—	144	—
Садъ:													
Садовникъ	1	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
Ему на платье . . .	—	—	—	2	8 1/3	—	—	8	33 1/3	—	—	25	—
Садовыхъ учениковъ .	4	4	—	16	—	16	—	64	—	48	—	192	—
Имъ платье изъ Батуринскаго сукна и на прикладъ по 5 р.	—	—	41 2/3	1	66 2/3	1	66 2/3	6	66 2/3	5	—	20	—
Работниковъ въ саду .	15	4	—	60	—	16	—	240	—	48	—	720	—
При островѣ Малороссіянъ	7	3	—	21	—	12	—	84	—	36	—	252	—
Имъ на платье . . .	—	—	66 2/3	4	66 2/3	2	66 2/3	18	66 2/3	8	—	56	—
	39	—	—	188	25	—	—	753	—	—	—	2259	—
На содержаніе дровами дома, оранжерей и всѣхъ служительскихъ покоевъ и угольемъ на кухнѣ . .	—	—	—	133	33 1/3	—	—	400	—	—	—	1200	—
На кормъ птицъ . . .	—	—	—	8	33 1/3	—	—	33	33 1/3	—	—	100	—
На кормъ коровъ . .	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
На кормъ воловъ. . .	—	—	—	25	—	—	—	100	—	—	—	300	—
На кормъ лошадей . .	—	—	—	15	—	—	—	60	—	—	—	180	—
Итого на содержаніе Крестовскаго острова. .	—	—	—	361	58 1/3	—	—	1446	33 1/3	—	—	4339	—
Итого на содержаніе Аничковскаго, Фонтанскаго и Крюковскаго домовъ, Мурзянки и Крестовскаго острова	—	—	—	601	41 1/32	—	—	2405	66 2/3	—	—	7217	—
А всего по всѣмъ штатамъ	—	—	—	4996	18 1/3 1/2	—	—	19984	73 2/3	—	—	59954	21



	Имъ жалованья.											
	На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
	Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Живописцу Мартинелли. . .	—	—	33	33¹/₃	—	—	133	33¹/₃	—	—	400	—
Ему на платье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	50	—
Кушанье въ мѣсяцъ по . . .	—	—	5	—	—	—	20		—	—	60	—
Секретарю Маснѣ.	—	—	33	33¹/₃	—	—	133	33¹/₃	—	—	400	—
Александру Шульгину. . . .	—	—	20	83¹/₃	—	—	83	33¹/₃	—	—	250	—
Итого.	—	—	1487	20⁵/₆	—	—	5938	33¹/₃	—	—	17816	50

Оная сумма всѣмъ будетъ производиться изъ кабинета, а до дому и до конторы не касается.

Верхнее платье также дѣлать всѣмъ отъ кабинета чрезъ три года и для того положенную какъ въ генеральномъ статѣ всѣмъ, такъ и меньшихъ графовъ сумму, коей особый у сего штатъ, отпускать изъ кабинета тогда, когда ему сроки будутъ, а именно: оное сдѣлано прошлаго 1773 года, а срокомъ будетъ 1776, въ которомъ году и должно её отпустить на строеніе онаго, чему приложены особые штаты съ показаніемъ, сколько онаго надобно и на какую сумму, а именно:

	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Лѣтняго	—	—	102	—	—	—	408	—	—	—	1224	—
Зимняго	—	—	222	64¹/₆	—	—	890	56²/₃	—	—	2671	70
Да сукна Батуринскаго на тоже трехгодовое лѣтнее и зимнее платье 615 аршинъ.												
А всего заштатнымъ на жалованье и на строеніе платья, кромѣ сукна	—	—	1809	35	—	—	7237	40	—	—	21712	20

	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Конюховъ	2	3	—	6	—	12	—	24	—	36	—	72	—
Имъ на платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ по 5 р.	—	—	$41\frac{2}{3}$	—	$83\frac{1}{3}$	1	$66\frac{2}{3}$	3	$33\frac{1}{3}$	5	—	10	—
Его сіятельству самому на платье, бѣлье и на прочіе мелочные расходы.	—	—	—	166	$66\frac{2}{3}$	—	—	666	$66\frac{2}{3}$	—	—	2000	—
Лошадей { каретныхъ 4, верховыхъ 2 }													
Итого лошадей . . . 6													
Каждой лошади на содержаніе въ годъ противъ прочихъ по 62 р. $93\frac{1}{2}$ к.	—	5	$24\frac{11}{24}$	31	$46\frac{3}{4}$	20	$97\frac{5}{6}$	125	87	62	$93\frac{1}{2}$	377	61
На содержаніе экипажей	—	—	—	16	$66\frac{2}{3}$	—	—	66	$66\frac{2}{3}$	—	—	200	—
Итого . .	—	—	—	285	$97\frac{5}{6}$	—	—	1143	$75\frac{1}{3}$	—	—	3431	26
СТАТЪ ГРАФУ ЛЬВУ КИРИЛЛОВИЧУ.													
Камердинеръ	1	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Ему платье противъ официанта	—	—	—	3	$28\frac{1}{8}$	—	—	13	$12\frac{1}{2}$	—	—	39	$37\frac{1}{2}$
Ему-жъ на кушанье	—	—	—	10	—	—	—	40	—	—	—	120	—
Лакеевъ	2	4	—	8	—	16	—	32	—	48	—	96	—
Имъ ливрея противъ прочихъ	—	3	$72\frac{17}{24}$	7	$45\frac{5}{12}$	14	$90\frac{5}{6}$	29	$81\frac{2}{3}$	44	$72\frac{1}{2}$	89	45
Истопникъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ 5 руб.	—	—	—	—	$41\frac{2}{3}$	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	5	—
Кучеръ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Ему ливрея противъ прочихъ	—	—	—	3	$72\frac{17}{24}$	—	—	14	$90\frac{5}{6}$	—	—	44	$72\frac{1}{2}$
Конюхъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ 5 руб.	—	—	—	—	$41\frac{2}{3}$	—	—	1	$66\frac{2}{3}$	—	—	5	—
Его сіятельству самому на платье, бѣлье и на прочіе мелочные расходы	—	—	—	100	—	—	—	400	—	—	—	1200	—
Лошадей { каретныхъ 2, верховая 1 }													
Итого лошадей . . . 3													
Имъ на содержаніе каждой по 62 р. $93\frac{1}{2}$ к.	—	5	$24\frac{11}{24}$	15	$75\frac{9}{24}$	20	$97\frac{5}{6}$	62	$93\frac{1}{2}$	62	$93\frac{1}{2}$	188	$8\frac{1}{2}$
На содержаніе экипажей	—	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
Итого . .	—	—	—	181	$52\frac{23}{24}$	—	—	726	$11\frac{5}{6}$	—	—	2178	$35\frac{1}{2}$

СТАТЪ ГРАФУ ГРИГОРІЮ КИРИЛЛОВИЧУ.	Число людей.	Имъ жалованья.											
		На мѣсяцъ.				Въ треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Камердинеръ Иванъ Воронинъ	1	—	—	12	50	—	—	50	—	—	—	150	—
Ему на платье противъ официанта	—	—	—	3	28 1/8	—	—	13	12 1/2	—	—	39	37 1/2
Лакей	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Ему ливрея противъ прочихъ	—	—	—	3	72 17/24	—	—	14	90 5/6	—	—	44	72 1/2
Истопникъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ 5 руб.	—	—	—	—	41 2/3	—	—	1	66 2/3	—	—	5	—
Кучеръ	1	—	—	4	—	—	—	16	—	—	—	48	—
Ему ливрея противъ прочихъ	—	—	—	3	72 17/24	—	—	14	90 5/6	—	—	44	72 1/2
Конюхъ	1	—	—	3	—	—	—	12	—	—	—	36	—
Ему платье изъ Батуринскаго сукна, а на прикладъ и прочее 5 руб.	—	—	—	—	41 2/3	—	—	1	66 2/3	—	—	5	—
Его сіятельству самому на платье, бѣлье и на прочіе мелочные расходы	—	—	—	75	—	—	—	300	—	—	—	900	—
Лошадей { каретныхъ 2, верховая 1 } Итого лошадей . . . 3													
Имъ на содержаніе каждой по 62 р. 93 1/2 коп.	—	5	24 11/24	15	73 9/24	20	97 5/6	62	93 1/2	62	93 1/2	188	80 1/2
На содержаніе экипажа	—	—	—	8	33 1/3	—	—	33	33 1/3	—	—	100	—
Итого	—	—	—	137	13 7/12	—	—	548	54 1/3	—	—	1645	63

Камердинеру Воронину жалованье опредѣляется преимущественно противъ прочихъ официантовъ для того, что 12-ти-лѣтняя его служба при моихъ дѣтяхъ въ чужихъ краяхъ, кою онъ исправлялъ порядочно, дѣлаетъ его достойнымъ сего отъ меня награжденія. Ему-жъ приписывается и нынѣ деньги всѣ графа Гр. Кирилловича имѣть у себя и имъ приходъ и расходъ держать съ запискою, а по прошествіи года давать мнѣ самому отчётъ; сіе предписывается ему для того, что графъ Гр. Кирилловичъ несовершенныхъ лѣтъ, а потому самъ распоряжать деньгами не долженъ.

СЧЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, КОТОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.

Лѣтнее.

Ливрейнымъ:

Сукна голубаго 5 арш. по 2 р.	10 р.	— к.
Стамеду голубаго 6 арш. по 50 к.	3 „	— „
Плису 1 аршинъ	3 „	— „
Басону 15 арш. по 30 к.	4 „	50 „
Пуговицъ басонныхъ 2 дюжины по 25 коп.	— „	50 „
За работу и прикладъ	3 „	— „
	24 р.	— к.

	Число людей.	Имъ на платье. На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	Въ треть. Одному. р.	к.	Въ треть. Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Въ годъ. Всѣмъ. р.	к.
Таковыхъ надобно на 1-го свиса, на 19-ть лакеевъ, на 2-хъ егерей, на 4-хъ гусаръ, на 2-хъ скороходовъ, на 2-хъ араповъ, на 7-мь кучеровъ, на 3-хъ форейторовъ, а всего на 40 человѣкъ	40	2	—	8	—	320	—	24	—	960	—
Въ томъ числѣ на положенныхъ по особымъ штатамъ при меньшихъ графахъ: лакеямъ 9-ти да кучерамъ 4-мъ.											
Помощникамъ шинели изъ Батуринскаго сукна каждому по 5 аршинъ, а на подкладку каразеи, за мелкой прикладъ и за работу портному полагается по 4 р. на каждаго, а 8-мъ	8	—	33⅓	1	33⅓	10	66⅔	4	—	32	—
Истопникамъ 24-мъ, фротерамъ 4-мъ, надзирателю трубъ 1-му, парикмахеру лакейскому 1-му, а всѣмъ 30 человѣкамъ то же, что и помощникамъ.	30	—	33⅓	1	33⅓	40	—	4	—	120	—
Въ томъ числѣ и на положенныхъ при меньшихъ графахъ истопникамъ 6-ти человѣкамъ и двумъ кухмистерамъ Русскимъ по 12 руб.	2	1	—	4	—	8	—	12	—	24	—
Поварамъ 4-мъ, борщевару 1-му, брантмейстеру 1-му, приспѣшникамъ 2-мъ, ученикамъ 2-мъ. Всего 10-ти человѣкамъ, на шинели, каждому Батуринскаго сукна по 5 арш., а на прикладъ противъ помощника, по 4 р.	10	—	33⅓	1	33⅓	13	33⅓	4	—	40	—
Разсыльщикамъ тожъ	2	—	33⅓	1	33⅓	2	66⅔	4	—	8	—
Двумъ: полиціймейстеру и пріемщику на сюртуки, каждому по 12 р.	2	1	—	4	—	8	—	12	—	24	—
Берейтору сюртукъ	1	1	—	—	—	4	—	—	—	12	—
Ученику его во всемъ противъ истопника.	1	—	33⅓	—	—	1	33⅓	—	—	4	—
Итого, сукна Батуринскаго на трехгодовое лѣтнее платье 295 арш.											
А всего на лѣтнее трехгодовое платье, кромѣ Батуринскаго сукна	—	102	—	—	—	408	—	—	—	1224	—

СЧЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, КОТОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.	Число людей.	Имъ на платье. На мѣсяцъ. Одному. р.	к.	На треть. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.	Въ годъ. Одному. р.	к.	Всѣмъ. р.	к.
Зимнее.											
Ливрейнымъ:											
На лакейскую шубу сукна краснаго 5 арш. по 2 рубля . . . . 10 р. — к.											
Стамеду на опушку $1^1/_2$ ар. по 50 коп. . . . . — „ 75 „											
Волчьяго мѣха на . . . . 27 „ — „											
Петлицъ и пуговицъ гарусныхъ на . . . . 1 „ 50 „											
Овчины въ рукава и прочій мелочной прикладъ, за работу . . . . 4 „ — „											
Шапка, верхъ красный, сѣренькая опушка овчинная 5 „ 50 „											
48 р. 75 к.											
Таковыхъ надобно на 19-ть человѣкъ лакеевъ и 2-хъ араповъ, а всего 21 шуба.	21	4	$6^1/_4$	16	25	341	25	48	75	1023	75
Въ томъ числѣ и на положенныхъ по особымъ штатамъ при меньшихъ графахъ 9-ть лакеевъ.											
На гусарскую шубу.											
Сукна алаго 6 арш. по 2 р. 12 р. — к.											
Медвѣжьяго мѣха на. . . 18 „ — „											
Прибора разнаго гаруснаго на . . . . 1 „ 50 „											
За работу и мелкій прикл. 4 „ — „											
Шапка разсомашья . . . 8 „ — „											
Кисти серебряныя со шнуркомъ . . . . 10 „ — „											
53 р. 50 к.											
Таковыхъ надобно 4-ре шубы . .	4	4	$45^5/_6$	17	$83^1/_3$	71	$33^1/_3$	53	50	214	—
На скороходскій сюртукъ:											
Сукна алаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к.											
Стамеду на опушку 2 арш. по 50 к . . . . 1 „ — „											
Пуговицъ оловянныхъ $2^1/_2$ дюжины . . . . — „ 50 „											
Волчьяго мѣха на . . . . 27 „ — „											
Позумента серебрянаго съ городками 10 арш., вѣсомъ 15 лотъ, по 75 к. лотъ . 11 „ 15 „											
За работу и мелочной прикладъ. . . . . 4 „ — „											
Шапка овчинная, сѣрая . 5 „ 50 „											
59 р. 15 к.											

СЧЕТЪ ВЕРХНЕМУ ПЛАТЬЮ, КОТОРОЕ ДѢЛАТЬ ЧРЕЗЪ ТРИ ГОДА.	Число людей.	Имъ на платье.									
		На мѣсяцъ.		На треть.				Въ годъ.			
		Одному.		Одному.		Всѣмъ.		Одному.		Всѣмъ.	
		р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.
Таковыхъ надобно для скороходовъ два, да на свиса одинъ, а всѣхъ три.	3	4	$92\frac{11}{12}$	19	$71\frac{2}{3}$	59	15	59	15	177	45
На егерскую шубу: Сукна зеленаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к. Стамеду 2 арш. по 50 к. . 1 „ — „ Волчьяго мѣха на . . . . 27 „ — „ За приборъ гарусный. . . 1 „ 50 „ За работу и мелочной прикладъ. . . . . 4 „ — „ Шапка сѣрая, овчинная. . 5 „ 50 „ 49 р. — к.											
Таковыхъ надобно двѣ шубы . .	2	4	$8\frac{1}{3}$	16	$33\frac{1}{3}$	32	$66\frac{2}{3}$	49	—	98	—
На кучерской сюртукъ: Сукна алаго 5 арш. по 2 р. 10 р. — к. Стамеду 2 арш. по 50 к. . 1 „ — „ Пуговицъ оловянныхъ $2\frac{1}{2}$ дюжины . . . . — „ 50 „ Медвѣжьяго мѣха на. . . 18 „ — „ Позумента 10 арш., вѣсомъ 15 лотъ, по 75 к. за лотъ. 11 „ 15 „ За работу и мелочной прикладъ . . . . 4 „ — „ Шапка краснаго сукна, съ медвѣжьею опушкою, а на козырѣ позументъ . . . 5 „ — „ Муфта медвѣжья . . . . 5 „ — „ 54 р. 65 к.											
Таковыхъ надобно для 7-ми кучеровъ и 3-хъ форейторовъ, а всѣхъ. . Въ томъ числѣ и на положенныхъ при меньшихъ графахъ 4-хъ кучеровъ.	10	4	55	18	$21\frac{2}{3}$	182	$16\frac{2}{3}$	54	65	546	50
Итого на зимнее верхнее 3-хъ-годовое платье ливрейное.	—	171	$64\frac{1}{6}$	—	—	686	$56\frac{2}{3}$	—	—	2059	70
Помощникамъ:											
На шубы, крытыя сукномъ Батуринскимъ, котораго на каждаго человѣка по 5 аршинъ, а на овчинный мѣхъ, на прикладъ и за работу по 5 руб., а всѣмъ 8-мъ	8	—	$41\frac{2}{3}$	1	$66\frac{2}{3}$	13	$33\frac{1}{3}$	5	—	40	—
Истопникамъ 24-мъ, фротерамъ 4-мъ, надзирателю трубъ 1-му, парикмахеру											

СТАТЪ НА 5 ПАЖЕЙ И 2 УЧЕНИКА МАТЕМАТИКА.	Въ годъ. р.	к.	
Каждому на столъ, бѣлье, башмаки, сапоги, чулки, галстухи, баню и прочія мелочи въ мѣсяцъ по 5 рублей, въ годъ 60 рублей. А всѣмъ. . . .	420		
На годовое платье каждому: Сукна 7 аршинъ по 2 р. . . . . . 14 р. — к. Стамеду 6 аршинъ по 50 к. . . . . 3 „ — „ Пуговицъ томпаковыхъ: Кафтанныхъ 2½ портища. . . . . 1 „ — „ Камзольныхъ 3½ портища. . . . . — „ 70 „ Портному за прикладъ мелочной и за работу . . . . 5 „ — „ Итого одному . . 23 р. 70 к.			
А всѣмъ.	165	90	
На камзолъ изъ Батуринскаго сукна за прикладъ и за работу портному съ каждаго по 2 р., а всѣмъ	11		Оное е. с. неапробовано и вымарано.
Рукою графа Кирилла Григорьевича: Мѣсто Батуринскаго сукна съ прикладомъ полагается на всякаго по 12 р., а всѣмъ.	34		
Всего въ годъ	669	90	

29 Марта 1774 года.

Исправлять по сему Графъ К. Разумовскій.

СТАТЪ СОДЕРЖАНІЯ ГРАФА ГРИГОРІЯ КИРИЛЛОВИЧА.	Число людей.	Имъ жалованья въ годъ. Одному. руб.	Всѣмъ. руб.
Полагается три мундира въ годъ, каждый мундиръ съ шляпою и темлякомъ 110 рублей, а за всѣ.	—	—	330
Сюртукъ мундирный	—	—	30
Фракъ одинъ.	—	—	25
На наемъ ямскихъ 4-хъ лошадей	—	—	600
На содержаніе бѣлья	—	—	200
Для его кармана, то-есть на покупку пудры, помады, башмаковъ и другихъ мелочей.	—	—	240
Сверхъ сего, ему-жъ получаемое имъ отъ полка жалованье . . .	—	—	—
Камердинеровъ два:			
Ивану Воронину жалованья и на столъ	1	—	150
Ему на платье	—	—	40
Андрею Кириллову жалованье и на столъ	1	—	72
Ему на платье	—	—	30

	Число людей.	Имъ жалованья въ годъ. Одному. руб.	Всѣмъ. руб.
Лакеямъ жалованья и на столъ	2	48	96
Имъ на ливрею	—	27	54
Истопникъ	1	—	36
Ему на платье и для зимы на шубу	—	—	15
Для стола его и другихъ экстраординарныхъ расходовъ опредѣляется	—	—	1082
Итого на все годовое содержаніе	—	—	3000
Все сіе зависитъ отъ повелѣнія и распоряженія Феодора Яковлевича.			

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ I-мъ ТОМѢ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

*) Имена ихъ не обозначены, потому что они встрѣчаются почти на каждой страницѣ.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

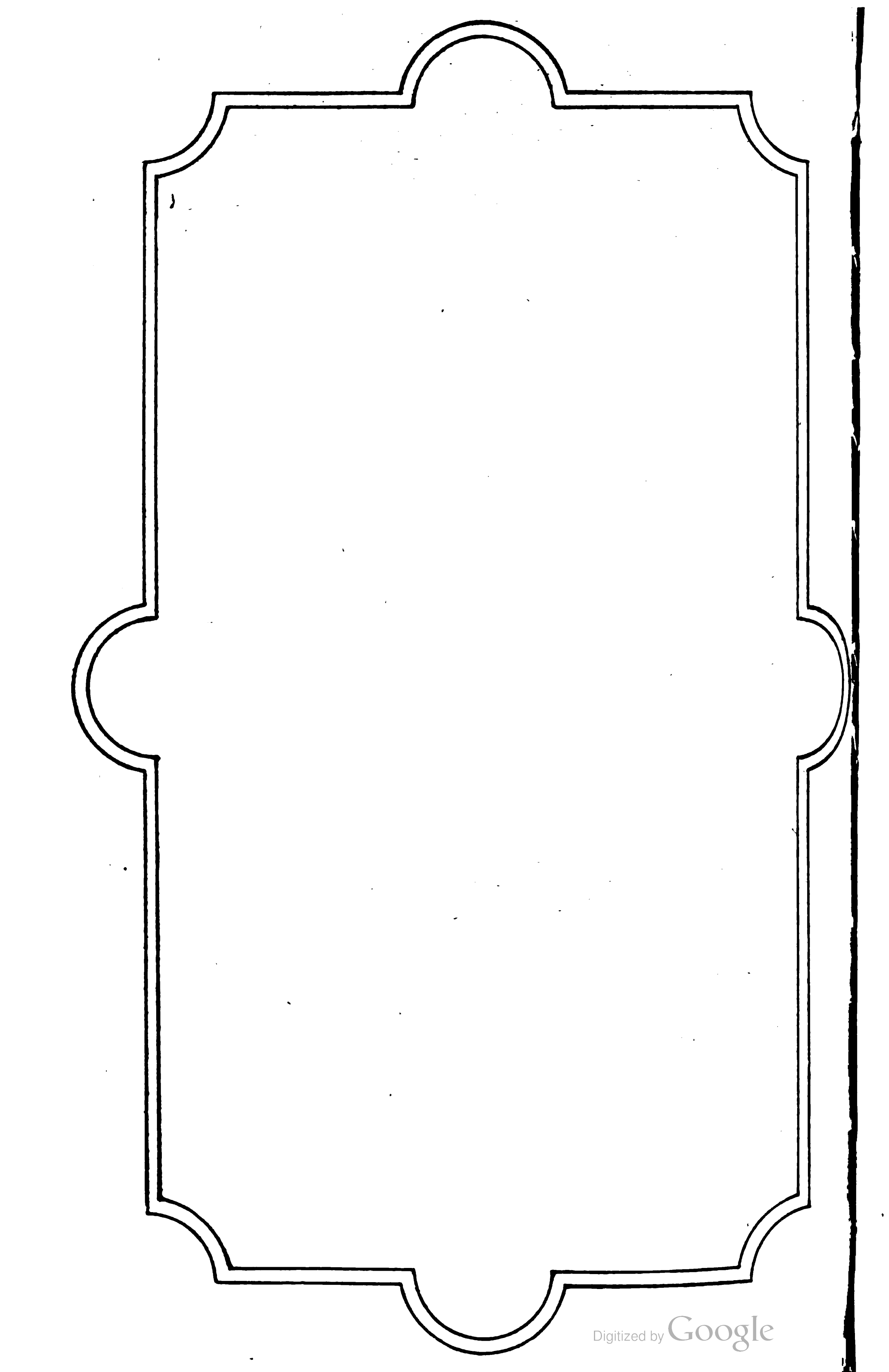
Щ.

Э.

Ю.

Я.

Ѳ.



СЕМЕЙСТВО
РАЗУМОВСКИХЪ

А. А. Васильчикова.

Люблю отъ бабушки Московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Пушкинъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ

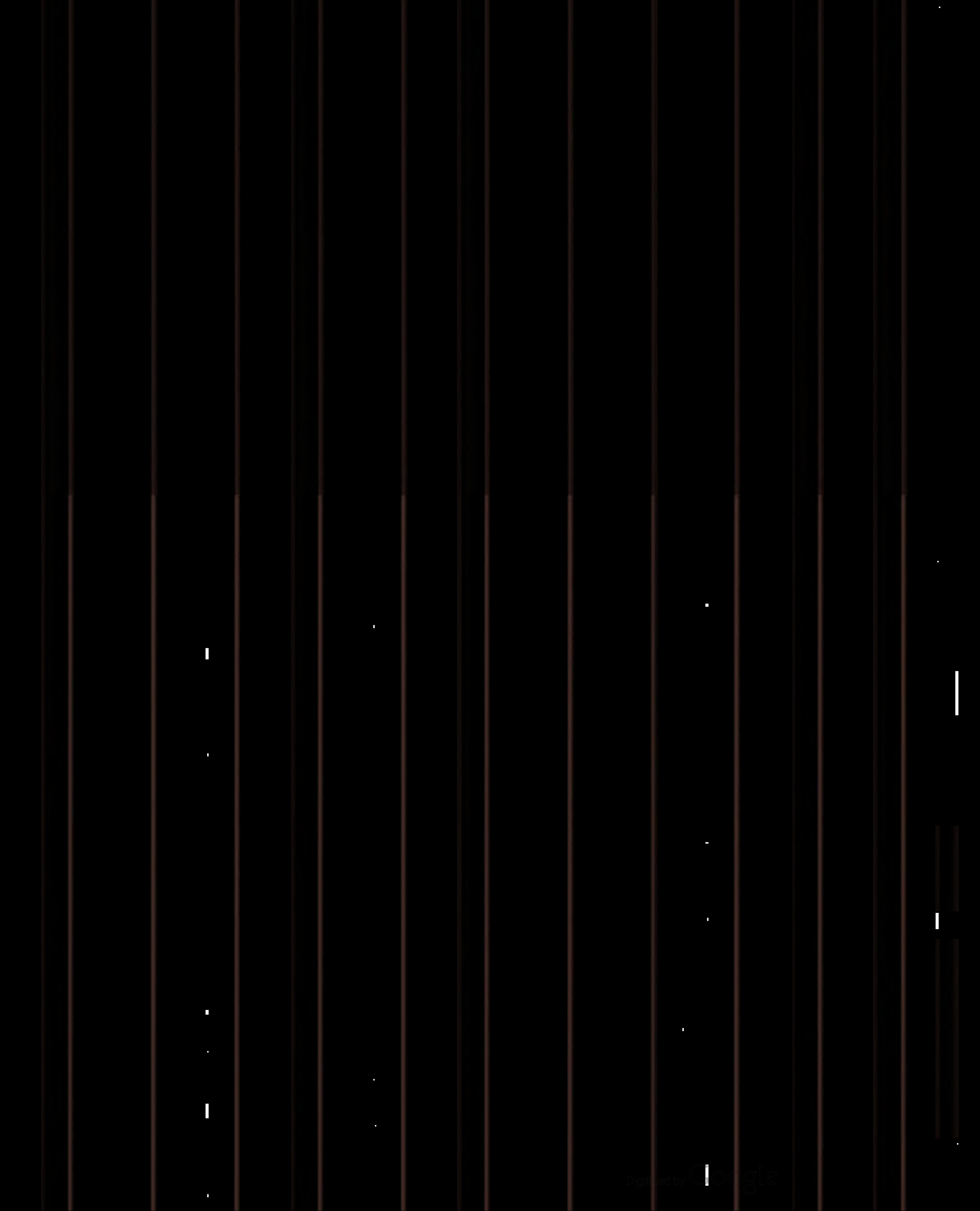
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. О., 2 л., 7.
1880

(553)

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

СЕМЕЙСТВО
РАЗУМОВСКИХЪ.
FAMAM EXTENDERE FACTIS
А. А. ВАСИЛЬЧИКОВА.
II
Digitized by Google



ГРАФИНЯ НАТАЛЬЯ ДЕМЬЯНОВНА
РАЗУМОВСКАЯ.

(КАЗАЧКА РАЗУМИХА.)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

ГЛАВА I.

Воспитаніе.

У графа Кирилы Григорьевича было одиннадцать человѣкъ дѣтей, шесть сыновей: Алексѣй, Петръ, Андрей, Левъ, Григорій и Иванъ, и 5 дочерей: Наталья, Елизавета, Дарья, родившаяся въ Октябрѣ 1753 г. и скончавшаяся въ Москвѣ, 9-ти лѣтъ отъ роду, 25-го Іюля 1762 г., Анна и Прасковья. „Въ тѣ времена“, говоритъ Шлецеръ, „богатые русскіе вельможи всячески старались дать дѣтямъ своимъ, недоставшееся имъ самимъ въ удѣлъ, высшее образованіе. Щедрою рукою тратили они на это деньги и платили съ великодушіемъ, которое въ другихъ странахъ едвали можно было встрѣтить даже у владѣтельныхъ особъ“ [1]). Къ числу такихъ вельможъ принадлежалъ и графъ Кирила Григорьевичъ. Старшіе сыновья его стали подростать. „Казацкій гетманъ, графъ Разумовскій“, продолжаетъ Шлёцеръ, „имѣлъ много дѣтей, между прочимъ сыновей тринадцати, одиннадцати и восьми лѣтъ“. Знаменитый историкъ тутъ нѣсколько ошибается; графу Алексѣю Кириловичу было въ то время (1761) точно 13 лѣтъ, но графу Петру Кириловичу было 10, а графу Андрею Кириловичу 9. „Онъ хотѣлъ дать сыновьямъ хорошее воспитаніе, потому что былъ самъ хорошій человѣкъ и желалъ, чтобы дѣти получили образованіе, какъ можно ранѣе. Средствъ у него на то хватало, ежегодный доходъ его оцѣнивали въ 600,000 рублей. Но маменька, какъ было слышно, затрудняла дѣло воспитанія подростающихъ сыновей. Тогда Таубертъ присовѣтовалъ графу удалить дѣтей отъ матери, не высылая ихъ однакожъ изъ Петербурга. Нанятъ былъ на Васильевскомъ острову, въ 10-й линіи, прилично меблированный, большой новый домъ, походившій на дворецъ (palast-müssiges Haus)“ [2]). Сюда переселились юноши, а вмѣстѣ съ ними восьми-лѣтній Тепловъ, сынъ Григорія

---

[1]) August Ludwig Schlözer's Oeffentliches und Privatleben von ihm selbst geschrieben, 1 Fragment. Göttingen, 1802 ст. 140.

[2]) Ibidem.

Николаевича, маленькій геній (ein Genie), игравшій уже тогда весьма порядочно на скрипкѣ, маленькій Олсуфьевъ, сынъ Екатерининскаго статсъ-секретаря Адама Васильевича [1]), ровесникъ Теплову, а позднѣе, 14-ти-лѣтній Козловъ, сынъ Ивана Ивановича, рекетмейстера. Главнымъ гувернеромъ при дѣтяхъ былъ нѣкто m-r Bourbier, французъ, эксъ-лакей, но лакей образованный, начитанный, умѣвшій ороографически и грамматически правильно писать по-французски. Онъ получалъ 600 рублей въ годъ. При немъ помощниками состояло трое учителей: полуученый іезуитскій воспитанникъ изъ Вѣны и двое настоящихъ ученыхъ: математикъ Румовскій, адъюнктъ академіи, и Шлёцеръ. Бурбье сначала вздумалъ обращаться съ помощниками своими, какъ съ подчиненными, но, увидавъ съ кѣмъ имѣлъ дѣло, вскорѣ присмирѣлъ.

Другіе учителя наѣзжали и давали уроки по билетамъ. Иностранцы преподавали по-французски, такъ какъ воспитанники еще не были знакомы съ нѣмецкимъ языкомъ. За хозяйствомъ наблюдалъ дворецкій, разбитной нѣмецъ, котораго, впрочемъ, скоро прогнали за воровство. Столъ былъ по истинѣ графскій. Во время постовъ готовились два обѣда, постный и скоромный. „Изъ шалости и по страсти къ опытамъ“, говоритъ Шлёцеръ, „я присоединился къ православнымъ и рѣшился выдержать всѣ русскіе посты. Не могу сказать, чтобы это было для меня лишеніемъ: вкуснѣйшія рыбы съ самыми разнообразными приправами, печенія на прованскомъ или даже на луккскомъ маслѣ, миндальное молоко, вмѣсто сливокъ, могли удовлетворить самаго изысканнаго лакомку, но на пятый же день я схватилъ лихорадку и принужденъ былъ отказаться отъ постнаго яства“ [2]). Два экипажа были всегда на-готовѣ, парадная карета для молодыхъ графовъ и другая для учителей, которые должны были однако, для пользованія ею, обращаться съ просьбою къ гувернеру. Весь институтъ стоилъ графу Кирилѣ Григорьевичу около 10,000 рублей въ годъ, такъ по крайней мѣрѣ говорили Шлецеру, не понимавшему какъ суммы этой могло хватить на всѣ расходы. „И за всѣ наслажденія, коими пользовался я въ этомъ домѣ“, продолжаетъ Шлецеръ, „долженъ я былъ работать всего какихъ нибудь 6 часовъ въ недѣлю! Славное было житье! все было дружно, единодушно и юношески весело! Во всемъ домѣ не было ни одной дамы, никто не стѣснялъ насъ въ исполненіи обязанностей, а со всѣмъ тѣмъ строго соблюдалось во всемъ приличіе и достоинство“ [3]).

---

[1]) Вѣроятно Дмитрій Адамовичъ.
[2]) Aug. Lud. Schlözer's Oeffentliches und Privatleben, 119.
[3]) Ibidem.

Несмотря на это приволье, Шлёцеръ немало ломался передъ тѣмъ, чтобы переѣхать на жительство въ пансіонъ Разумовскаго. „Мнѣ даютъ только одну комнату", писалъ онъ къ Мюллеру, „тѣ двѣ, которыя сначала были мнѣ назначены, занялъ Румовскій. Одной мнѣ совершенно недостаточно. Моя комната, если бы она была такъ набита, имѣла бы видъ дворницкой. Хотя г. Таубертъ говоритъ, что мнѣ слѣдуетъ получить комнаты двѣ, но управляющій говоритъ только объ одной; и третьяго дня Бурбье говорилъ о предположеніи, что *со временемъ* можно было бы раздѣлить и безъ того уже тѣсныя комнаты. Мнѣ не даютъ мебели. Объ этомъ говорено уже такъ много, что мнѣ надоѣло. Сначала г. Таубертъ обѣщалъ все, потомъ онъ исключилъ только постель; но я долженъ былъ получить кровать, столы, стулья и проч. Теперь ничего не хотятъ мнѣ дать. Мнѣ предлагаютъ чередоваться съ Бурбье въ надзорѣ за дѣтьми. Что я на это не могу согласиться, не требуетъ доказательствъ... Въ началѣ условія были: 1) Учить дѣтей по-нѣмецки и по-латини въ назначенные часы; 2) за столомъ составлять имъ полезное общество. Итакъ, я буду давать имъ уроки, вмѣстѣ обѣдать и жить внѣ дома. Получу ли что-либо взамѣнъ ужина, чая и проч., и другихъ условій дароваго помѣщенія, это предоставляю гг. Тауберту и Теплову. Неужели мнѣ остаться ни съ чѣмъ? хорошо, пусть такъ. Этимъ способомъ я теряю сто рублей; но для своего спокойствія я пожертвовалъ бы еще большимъ... Если бы вышеприведенный 3-й пунктъ понимали такъ, какъ въ началѣ объяснилъ г. Таубертъ, т.-е. что я иногда буду имѣть надзоръ только въ видѣ услужливости, а не по обязанности, то для меня это еще было бы ничего. Идея субординаціи слишкомъ глубоко засѣла въ душу Бурбье; ежедневно мнѣ пришлось бы бороться съ нею и это бы сдѣлалось источникомъ вѣчныхъ жалобъ и хлопотъ. Слишкомъ очевидное различіе, которое дѣлаютъ между мною и Румовскимъ, для меня также несносно. Г. Таубертъ говоритъ: я дѣлаю слишкомъ много затрудненій; но меня къ тому принуждаютъ и не лучше ли представить ихъ передъ переѣздомъ. Сколько было бы шуму, еслибъ я, что̀ навѣрное предвижу, спустя малое время съ досады долженъ былъ выѣхать" [1]).

Объ этихъ затрудненіяхъ Шлёцеръ не упоминаетъ въ своихъ запискахъ. Какъ видно, онѣ были устранены. Ему отвели въ нижнемъ этажѣ двѣ просторныя горницы, напротивъ его помѣстился Румовскій [2]). Изъ шести учениковъ двое были нѣсколько необузданны, но

---

[1]) Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности Имп. Ак. Наукъ. Т. XIII 339—340, Приложенія, Письма Шлёцера къ Мюллеру, письмо 6.

[2]) Schlözer's Oeff. u. Privatleben, 120—121.

учителя умѣли содержать ихъ въ послушаніи и рѣдко приходилось обращаться съ жалобами въ высшую инстанцію, т.-е. къ Тауберту.

Одинъ изъ юношей сталъ через-чуръ часто повторять о разныхъ лицахъ вопросы и замѣчанія: „est-il noble?“, „mais il n'est pas noble“. Учителя придумали, съ дозволенія Тауберта, учтивое, но продолжительное наказаніе, вполнѣ вылечившее потомка весьма не имянитыхъ предковъ. Какъ всегда водится въ большихъ обществахъ, одно лицо является предметомъ шутокъ для остальныхъ, такъ было и здѣсь, но насмѣшки никогда не переходили извѣстныхъ границъ и только умножали общую веселость. Словомъ „славное было житье и я буду всегда съ чувствомъ искренней благодарности считать два съ половиною года, проведенные мною въ этомъ институтѣ, самымъ пріятнымъ временемъ долгой моей жизни“ [1]).

Домъ былъ набитъ слугами, большею частію крѣпостными, но въ числѣ ихъ было и два нѣмца, что̀ въ тѣ времена считалось высшимъ тономъ. Одинъ изъ этихъ слугъ, нѣкто Іоганъ, красивый молодой человѣкъ, вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ приключеній, былъ занесенъ изъ Венгріи въ Россію. Онъ держалъ себя съ необыкновеннымъ достоинствомъ, говорилъ бѣгло по-русски, понималъ по-латини, имѣлъ отличный почеркъ, и наконецъ, прибирая, послѣ уроковъ, за молодыми людьми всѣ принадлежности рисованія, самъ выучился писать пастелью и написалъ весьма схожій портретъ Шлёцера. „Такой геній не могъ долѣе стоять за нашими каретами. Уже давно отличали его мы съ Румовскимъ. Я показалъ однажды Тауберту кое-что написанное Іоганомъ, и онъ былъ на слѣдующій же годъ принятъ переписчикомъ въ академію, съ жалованьемъ въ 200 рублей. Онъ пошелъ въ гору и въ 1797 году былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе знанія многихъ языковъ, онъ предался всякимъ этимологическимъ бреднямъ и сталъ производить нѣмецкія и греческія техническія выраженія отъ арабскаго, турецкаго и Богъ вѣсть какихъ другихъ языковъ“ [2])... Крѣпостные не имѣли отдѣльныхъ помѣщеній и спали просто на полу на цыновкахъ или шерстяныхъ одѣялахъ, а зимою на лежанкахъ. У Шлёцера камердинеромъ былъ полупьяный и полуграмотный крѣпостной Николашка. Дѣла у него почти не было и Шлёцеръ заставлялъ его переписывать русскія рукописи. Напрасно старался нѣмецкій ученый поощрить его къ дальнѣйшему ученію и возбудить въ немъ честолюбіе. „Къ чему мнѣ это, я крѣпостной человѣкъ“ было его постояннымъ отвѣтомъ. Слова эти глубоко засѣли въ умѣ ученаго историка и породили въ

---

[1]) Schlözer's Oeff. u. Privatleben, 121.

[2]) Тамъ же, 124.

головѣ его много нерадостныхъ думъ [1]). Сперва нѣмецкій языкъ входилъ въ число предметовъ, преподаваемыхъ Шлёцеромъ, но вскорѣ онъ помѣнялся съ вѣнскимъ іезуитомъ и принялъ на себя преподаваніе латини. „Я имѣлъ полную свободу преподавать какъ хотѣлъ и, на ряду съ переводами, которые шли своимъ чередомъ и при которыхъ грамматика приводилась только какъ-бы случайно въ таблицахъ, сталъ я говорить съ учениками по-латинѣ... для этого я раскрылъ карту Россіи и сталъ пояснять ученикамъ своимъ: Russia divisa est in partes viginta; haec pars (ставя на нее палецъ) versus orientem sita, colore viridi tincta, quomodo vocatur? Легко себѣ вообразить, что юношамъ, хорошо говорившимъ по-французски, не трудно было понять и затвердить слова эти; divisé, partie, vingt, orient, verd и проч. были имъ давно знакомы. Дѣло пошло великолѣпно, Таубертъ, нашъ главный инспекторъ, еженедѣльно посѣщавшій насъ, не могъ нарадоваться моему искуству. Я обратился къ комедіямъ Плавта и Теренція, составилъ изъ нихъ сборникъ фразъ, относившихся до предметовъ общежитія и убѣдился въ томъ, что древне-римскій разговорный языкъ, какъ простонародный, такъ и болѣе возвышенный, для насъ не утраченъ“. Григорій Николаевичъ Тепловъ, по свидѣтельству Шлёцера, былъ человѣкъ вполнѣ ученый и поэтому онъ настаивалъ на томъ, чтобы сынъ его основательно изучилъ латинскій языкъ. Для него Шлёцеръ выбралъ изъ Марціала и Овена 172 стихотворенія, которыя Таубертомъ были напечатаны подъ заглавіемъ: „*Epigrammata, in quibus tirocinium ponere latinae linguae queant*“. (84 стр. большой in 12-mo). Книга начиналась маленькими стихотвореніями въ 2, 3 и 4 строки, за которыми слѣдовали другія, болѣе пространныя. Въ заключеніе помѣщены были Овидіевы: Pyramus et Thisbe и Ariadne Teseo. Просвѣщенному отцу, который, хотя и былъ заваленъ государственными дѣлами, однако ни на минуту не терялъ изъ виду своего сына и зорко слѣдилъ за его успѣхами, крайне понравилась такая легкая и со всѣмъ тѣмъ далеко не шутливая метода преподаванія“ [2]).

При составленіи плана ученія Шлёцеръ не участвовалъ, но онъ замѣтилъ Тауберту, что въ планѣ этомъ вовсе не упоминалась географія и „необходимая для учениковъ новая наука—познаніе отечества“. „Подъ этимъ именемъ разумѣлъ я статистику, но не осмѣливался произнести дикаго названія этого, дотолѣ вовсе незнакомаго Русскимъ. Таубертъ одобрилъ мое предложеніе и поручилъ мнѣ начать уроки въ видѣ опыта. Первый урокъ начался вопросомъ: „какъ велика Россія срав-

---

[1]) Тамъ же, 127.

[2]) Тамъ же, 128—129.

нительно съ Германіею и Голландіею?" За нѣсколько дней передъ этимъ, Румовскій въ классѣ математики объяснялъ ученикамъ, что̀ такое квадратная миля. Вотъ какъ единодушно шло наше преподаваніе! Потомъ пошли вопросы: „что̀ такое юстицъ-коллегія? что̀ покупаетъ и что̀ продаетъ Русскій народъ? откуда получаетъ онъ золото и серебро?" Никогда не забуду, съ какимъ восхищеніемъ слѣдилъ Таубертъ за уроками. Онъ взялся сообщать мнѣ необходимыя свѣдѣнія. Дѣло кончилось тѣмъ, что кромѣ прежнихъ занятій, я долженъ былъ еще пять часовъ въ недѣлю преподавать статистику—новое это слово стало принимать право гражданства въ Россіи,—и за труды получилъ 100 рублей въ годъ добавочнаго жалованья. Статистики, —да, буквально и безъ преувеличенія, — самое первое ея начало!" [1]). Оказывается, что говорить о статистическихъ данныхъ считалось у насъ, въ тѣ времена, чуть ли не государственною измѣною. Самъ Шлёцеръ только теперь принялся за нее, такъ какъ Миллеръ упросилъ его не заниматься такимъ щекотливымъ предметомъ. Какой-то англичанинъ-путешественникъ, посѣтившій Петербургъ, зашелъ въ академическую книжную лавку, единственную въ то время во всей Имперіи, и спросилъ, нѣтъ ли какой книги о юстиціи, финансахъ, торговлѣ и проч. „Господи помилуй", отвѣчалъ, крестясь, приказчикъ, „можно ли такія вещи печатать?" Въ 1763 г., сидя у одного купца, Шлёцеръ заговорилъ о томъ, сколько вывезено было пеньки въ этотъ годъ; одинъ изъ гостей отвелъ историка въ сторону и умолялъ его не говорить о такихъ предметахъ, такъ какъ это могло навлечь страшную бѣду и на Шлёцера, и на того, кто-бы ему открылъ подобную государственную тайну [2]). Шлёцеръ сначала могъ пользоваться данными, извлеченными изъ иностранныхъ сочиненій, но Таубертъ вскорѣ „возгорѣлъ патріотическою ненавистью къ тому, что̀ иностранцы писали о Россіи". Данныя ихъ въ самомъ дѣлѣ были бо́льшею частью ложныя, и благодаря связямъ своимъ съ президентами разныхъ коллегій и секретарями академіи, Таубертъ сталъ доставлять Шлёцеру кучу драгоцѣнныхъ свѣдѣній. „По каждому изъ главныхъ предметовъ статистики, я составилъ карманную книжечку", продолжаетъ Шлёцеръ, „въ золотомъ переплетѣ; въ нихъ вписалъ извлеченія изъ данныхъ, сообщенныхъ мнѣ Таубертомъ. Извѣстную надпись: ad usum delphini—я замѣнилъ другою: „à l'usage de l'académie de la X-me ligne". Ученики получили каждый по книжкѣ въ золотомъ переплетѣ, содержаніе ея было приспособлено къ тому роду службы, къ которой они готовились; такъ графъ Алексѣй Кириловичъ, пожалованный въ

1) Тамъ же, 130.
2) Тамъ же, 131.

ротмистры, въ день восшествія на престолъ Петра III, получилъ книжку sur le militaire, графъ Петръ Кириловичъ—sur le commerce, графъ Андрей Кириловичъ, бывшій уже мичманомъ—sur la marine и т. д. Дѣти писали сочиненія каждый о своемъ предметѣ, сочиненія эти были представлены высшему начальству, и самъ monseigneur гетманъ, иногда, хотя впрочемъ рѣдко, обѣдавшій у сыновей своихъ, удостоилъ ихъ неоднократнымъ fort bien.

Статистика пошла въ моду; всѣ знакомые Шлёцера спѣшили доставлять ему свѣдѣнія, чтобы попасть, какъ они шутя говорили, въ члены академіи 10-й линіи. Шлёцеръ еще сочинилъ русскую географію, которая хотя и была написана для дѣтей, однако содержала весьма много дотолѣ неизвѣстныхъ фактовъ. Иностранные учителя, жившіе по разнымъ петербургскимъ домамъ, списывали Шлёцерову географію для своихъ воспитанниковъ [1]).

Гувернеръ Бурбье долженъ былъ, кромѣ французскаго языка, преподавать еще всеобщую исторію. Но вскорѣ онъ почувствовалъ свою несостоятельность, тѣмъ болѣе, что ученики стали надъ нимъ подтрунивать. Онъ упросилъ Шлёцера взять на себя преподаваніе исторіи, обѣщая ему за то 100 рублей въ годъ изъ получаемаго имъ жалованья. Шлёцеръ согласился, и снова принялся за заготовленіе отдѣльныхъ книжечекъ à l'usage de l'académie de la X-me ligne. Хотя исторія была болѣе знакома русскимъ, чѣмъ статистика, однако хорошихъ руководствъ, для изученія ея въ то время, еще не существовало. Старшій Разумовскій получилъ книжечку съ исторіею Римлянъ, Тепловъ съ исторіею Евреевъ и т. д. „Особенно любилъ мои уроки графъ Андрей, которому было тогда 9 лѣтъ. Весьма часто вечеромъ, послѣ 6 часовъ, когда наступало время общаго отдыха, забирался онъ ко мнѣ въ комнату, и цѣлые часы говорилъ со мною, не по лѣтамъ умно, про статистику и исторію“ [2]). Такая бездна премудрости стала сильно тревожить бѣднаго Бурбье. Мальчики нерѣдко сами отъ себя заводили за столомъ ученые разговоры, отъ которыхъ въ потъ бросало бѣднаго француза, и, подмѣтивъ несостоятельность своего ментора, мальчики стали ему въ глаза смѣяться. Бурбье впалъ въ меланхолію. Кто-то разъ за столомъ разсказалъ, что французъ, жившій учителемъ въ одномъ знатномъ домѣ, оказался лакеемъ; несчастный залился слезами. Меланхолія его усилилась. Ему все грезилась Сибирь, куда непремѣнно ушлетъ его monseigneur гетманъ, коль скоро узнаетъ о его прошломъ. Горе свое онъ сталъ заливать виномъ. Припадки меланхоліи до того усилились, что его принуждены были от-

---

1) Тамъ же, 133—134.

2) Тамъ же, 137.

править обратно во Францію. На кораблѣ, въ виду береговъ отчизны, несчастный зарѣзался [1]). „Щедрые русскіе баре“, говоритъ Шлёцеръ, „часто ошибались въ тѣхъ людяхъ, которые были имъ необходимы для достиженія благородной ихъ цѣли. Искали они этихъ людей почти постоянно между французами; того требовала тогдашняя мода. Ихъ принимали по наружности, коль скоро она была прилична, не разбирая, чѣмъ они были на родинѣ, лакеями-ли, мастеровыми или бѣглыми офицерами, непремѣнно оставившими свою родину вслѣдствіе d'une affaire d'honneur. Приличная наружность, надо правду сказать“, добавляетъ Шлецеръ, „не далась нашимъ нѣмцамъ, какъ бы способны и учены они ни были“ [2]). Еще при Елизаветѣ изданъ былъ указъ объ экзаминованіи при академіи всѣхъ иностранныхъ учителей. У одного изъ подобныхъ экзаминандусовъ спросили, что̀ такое article, adjectif, conjonctif, и пр.; тотъ, помолчавъ немного, отвѣчалъ, что болѣе года, какъ выѣхалъ изъ Парижа и что слова эти вѣроятно весьма недавно сочинены французскою академіею, которая, впрочемъ, ничѣмъ инымъ не занимается, какъ сочиненіемъ всякихъ ненужныхъ педантизмовъ“. „У насъ часто бывали гости“, повѣствуетъ далѣе Шлёцеръ, „и такъ какъ гувернеры наши были все французы, то и гости тоже бо̀льшею частью принадлежали къ этой націи. Всѣ они были совершенные невѣжды. Можно было еще имъ простить ихъ національную гордость, хотя она выражалась часто весьма обиднымъ для русскихъ и нѣмцевъ образомъ. Но какъ они гордились своимъ языкомъ, не имѣя притомъ ни малѣйшаго понятія о своей литературѣ! „Il parle très bien le français“ говорили они, какъ другіе говорятъ: онъ такой же великій математикъ, какъ Эпинусъ или химикъ какъ Леманъ. Напротивъ того, все хорошее, что̀ можно было сказать о достойномъ ученомъ, уничтожалось словами: „mais il parle très mal le français!“ Взорванный такими понятіями, я разъ сказалъ, что ничего нѣтъ легче изученія языковъ и что я берусь въ четыре недѣли довести любаго изъ нашихъ учениковъ до того, что онъ будетъ въ состояніи по-еврейски прочесть и перевести цѣлую главу изъ книгъ Моисея. Всѣ засмѣялись. Я предложилъ графу Алексѣю сдѣлать опытъ; онъ сейчасъ же согласился, и послѣ 24-хъ часовъ ученія, раздѣленныхъ на четыре недѣли, онъ легко и правильно могъ читать и переводить X-ую главу изъ книги Бытія. Разумѣется, на томъ дѣло и остановилось и графъ-ротмистръ не продолжалъ болѣе своихъ еврейскихъ уроковъ“ [3]).

---

[1]) Тамъ же, 138.
[2]) Тамъ же, 140.
[3]) Тамъ же, 141—142.

Въ свободное отъ ученія время, дѣти, кромѣ графа Алексѣя Кириловича, хаживали играть къ Великому Князю Павлу Петровичу, принимали участіе въ придворныхъ маскарадахъ, домашнихъ спектакляхъ и пр. Они вмѣстѣ съ графомъ Николаемъ Петровичемъ Шереметевымъ, Алексѣемъ Алексѣевичемъ Спиридовымъ, Степаномъ Степановичемъ Апраксинымъ, Неплюевымъ, Вадковскимъ и другими, составляли обыкновенное общество Наслѣдника престола. Académie de la X-me ligne, какъ видно, сильно занимала въ то время и дворъ, и петербургскую знать. Великій Князь разспрашивалъ своихъ лакеевъ, посылаемыхъ къ Разумовскимъ, о томъ, что̀ они дѣлали, когда кончали учиться и пр. [1]). Изъ всѣхъ товарищей Павелъ Петровичъ болѣе всѣхъ полюбилъ графа Андрея Кириловича [2]).

Между тѣмъ преемникомъ Бурбье назначенъ былъ нѣкто de l'Isle, разумѣется французъ, человѣкъ лѣтъ 50, имѣвшій польскій дипломъ на чинъ полковника и наружность, вселявшую уваженіе [3]). Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго научнаго образованія, а жена его, часто обѣдавшая съ членами академіи X-ой линіи, принадлежала къ низшему сословію. Тѣмъ не менѣе Делиль пускался въ ученые споры со Шлёцеромъ, и когда перевѣсъ оставался на сторонѣ ученаго историка, отдѣлывался аргументомъ, что съ иностранцемъ (un étranger) нечего говорить. Делиль съумѣлъ возбудить противъ себя весь институтъ. Учителя подали, черезъ Тауберта, коллективную жалобу графу Кирилѣ Григорьевичу и Делиль былъ смѣненъ. На его мѣсто поступилъ г. de Marignan, тоже французъ. „Онъ нарицался", говоритъ Шлёцеръ, „лейтенантомъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ ученаго, сочинилъ даже диссертацію объ officia palatina Меровинговъ, которую онъ мнѣ показывалъ. Онъ дѣйствовалъ столь же деспотически, какъ и предшественникъ его, но былъ скрытнѣе и хитрѣе. Вѣроятно скоро начались бы между нами враждебныя отношенія, но послѣ 1 Января 1765 г. нашъ институтъ былъ распущенъ. Г-нъ лейтенантъ удержался въ домѣ гетмана и вѣроятно со временемъ пріобрѣлъ себѣ на русскіе рубли „une terre" во Франціи, что̀, какъ извѣстно, pium desiderium всѣхъ его соотечественниковъ" [4]).

Несмотря на ироническій отзывъ Шлёцера о Мариньянѣ, несомнѣнно, что послѣдній не только съумѣлъ удержаться въ домѣ гетмана, но и еще снискать любовь воспитанниковъ. Онъ до конца жизни

---

[1]) Записки Порошина, 48.

[2]) Ibidem, 52.

[3]) Этотъ Делиль не имѣлъ ничего общаго съ извѣстнымъ астрономомъ Николаемъ-Іосифомъ Делилемъ, бывшимъ членомъ Спб. академіи при Аннѣ Ивановнѣ.

[4]) Schlözer's Leben, 139.

остался въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ семействомъ Разумовскихъ и велъ дѣятельную переписку съ графомъ Андреемъ Кириловичемъ. Академія была распущена въ виду отъѣзда молодыхъ Разумовскихъ за границу. Графъ Кирила Григорьевичъ хотѣлъ довершить воспитаніе сыновей своихъ въ одномъ изъ извѣстныхъ заграничныхъ университетовъ. Выборъ его палъ на Страсбургъ, гдѣ воспитывались русскіе студенты, посланные академіею, и гдѣ, по преданію, учился во времена оны самъ старикъ Разумовскій. Страсбургскій университетъ славился въ то время своими профессорами: Яковъ-Рейнгольдъ Шпильманъ (р. 1722, † 1783) читалъ химію; Іоганнъ-Фридрихъ Ерленъ, († 1775)—общенародное право; Іосифъ-Адамъ Лоренцъ (р. 1734, † 1801)—исторію; извѣстный въ то время нѣмецкій поэтъ, Людовикъ-Генрихъ Николаи (р. 1737, † 1820)—логику; Трейтлингеръ—германское право. Но главнымъ украшеніемъ страсбургскаго университета былъ Іоганнъ-Даніилъ Шёпфлинъ (Schoepflin р. 1694, † 1771), историческіе труды котораго пользовались въ то время громкою славою въ Европѣ. Кромѣ глубокой и разнообразной учености, Шёпфлинъ отличался еще самою высокою нравственностію. Начались сборы въ путь. Молодымъ Разумовскимъ сопутствовали: г. де-Мариньянъ и студентъ академіи Дмитрій Легкій. 14-го Мая Разумовскіе прибыли въ Страсбургъ. „Мы не имѣемъ ничего новаго теперь сказать", писалъ къ Протасову одинъ изъ учившихся въ страсбургскомъ университетѣ питомцевъ академіи А. Я. Полѣновъ [1]), отъ 23 Мая н. ст. 1765 г., „какъ только что его сіятельства господина президента дѣти прибыли въ Страсбургъ, Мая 14 дня по новому стилю, вмѣстѣ съ г. Легкимъ, и мы имѣли честь ихъ видѣть неоднократно, а самъ г. президентъ неизвѣстно когда будетъ. Намъ очень странно показалось, какъ мы увидѣли сихъ господъ противъ нашего гаданія, ибо мы точно такъ думали, что они не прежде осени сюда пріѣдутъ" [2]).

Разумовскіе были поручены попеченію профессора Шёпфлина, который числился почетнымъ членомъ петербургской академіи и подъ надзоромъ котораго состояли, со времени отъѣзда адъюнкта Протасова, учившіеся въ то время въ Страсбургѣ студенты, Полѣновъ и Лепехинъ [3]).

„Сей почтенный мужъ (т.-е. Шёпфлинъ)", писалъ Полѣновъ, „великое стараніе прилагаетъ о дѣтяхъ его сіятельства г. президента и часто ихъ самихъ экзаминуетъ [4])". Впрочемъ, преподаваніе въ страс-

---

[1]) Другой студентъ былъ Лепехинъ.
[2]) „Русскій Архивъ", 1865, стр. 465.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, 469.

бургскомъ университетѣ было, особенно за нѣсколько времени до пріѣзда молодыхъ Разумовскихъ, не вполнѣ удовлетворительно. „Я тѣмъ несчастливъ", писалъ Полѣновъ къ Тауберту, „что не могу здѣсь надлежащимъ образомъ успѣвать въ ученіи и удовольствовать моей къ наукамъ охотѣ. Профессоръ философіи, единственно любя свой покой, не читаетъ никакихъ лекцій, безъ чего, какъ вы сами изволите знать, приняться мнѣ за юриспруденцію никоимъ образомъ не можно; да и юридическій факультетъ въ немаломъ безпорядкѣ. Слушать у троихъ или четверыхъ профессоровъ лекціи никоимъ образомъ не можно, потому что они не вдругъ зачинаютъ и не вдругъ оканчиваютъ. Честь здѣшняго университета, г. Шпильманъ" [1]). Впрочемъ, въ ученіи вскорѣ произошла перемѣна, и тотъ же Полѣновъ, въ письмѣ къ Протасову, писанномъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда Разумовскихъ и изъ котораго мы уже привели выше выписку, говоритъ: „Наше ученіе идетъ весьма порядочно, особливо въ юристическомъ факультетѣ, гдѣ каждый изъ господъ профессоровъ долженъ въ полгода окончить свою коллегію. Кажется, что многократныя жалобы, дошедшія, какъ можно догадываться, и до французскаго канцлера, принудили ихъ взяться за сіе мнѣніе" [2]).

Въ 1766 году, проѣздомъ въ Парижъ, графъ Кирила Григорьевичъ посѣтилъ дѣтей своихъ. Подробности его пребыванія въ Страсбургѣ уже нами разсказаны. Возвращаясь изъ Парижа, онъ снова заѣхалъ въ Страсбургъ. Онъ университетомъ, а особенно городомъ остался недоволенъ. Присутствіе французской военной молодежи, пирушки, буйство офицеровъ не пришлись ему пò сердцу, и онъ рѣшилъ для младшихъ сыновей подыскать болѣе тихое и скромное мѣстопребываніе за границею.

Во время своего второго пребыванія, графъ нанялъ гувернерами къ старшему сыну страсбурскаго профессора поэта Николаи и нѣкоего француза Кронье, и взялъ Алексѣя Кириловича съ собою въ Италію. Другіе сыновья оставались въ Страсбургѣ подъ присмотромъ Шёпфлина и Мариньяна. Въ Италіи эксъ-гетманъ встрѣтился въ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ и на его попеченіи оставилъ своего первенца вмѣстѣ съ его менторами. Какъ видно, Шуваловъ остался очень доволенъ педагогическими трудами Николаи [3]). „Изволили писать", пи-

---

[1]) Тамъ же, 451.

[2]) Тамъ же, 465—466.

[3]) Николаи въ 1769 г. прибылъ съ Разумовскими въ Россію. Онъ поступилъ библіотекаремъ къ В. К. Павлу Петровичу и сталъ называться *барономъ* Андреемъ Львовичемъ. Потомъ онъ былъ секретаремъ В. Князя и тайнымъ совѣтникомъ. Онъ купилъ у генерала Стушина, близъ Выборга, извѣстную дачу Monrepos, которую отдѣлалъ и которая до сихъ поръ осталась въ его родѣ. Сынъ его, Павелъ Андреевичъ, получилъ баронское достоинство отъ Императора Николая Павловича.

салъ къ Шувалову Разумовскій-отецъ изъ С.-Петербурга отъ 26 Февраля 1768 года, „что вы намѣрены господину Николаю за его труды, которые онъ принималъ въ ученіи сына моего, сдѣлать награжденіе, которое вы опредѣлили было французу Кронье, я не только что въ семъ случаѣ вашего мнѣнія и прошу то дѣломъ исполнить, дабы сей достойный мужичокъ не былъ оставленъ... Во второмъ письмѣ отъ Января 9-го подъ № 1 изволите описывать пространный разговоръ, который вы имѣли или, паче сказать, отеческое наставленіе дѣлали сыну моему. Я бы желалъ отъ сердца, чтобъ онъ по сему поступалъ, но думаю, что проклятая, съ ребячества вкравшаяся и возрастающая, лѣность воспретитъ ему пользоваться вашими здравыми совѣтами, сколько онъ ни обѣщаетъ послѣдовать онымъ. Съ моей стороны васъ, любезнаго моего друга, достойно возблагодарить не могу за участіе, которое вы принимаете въ благополучіи сего молодого человѣка; совѣты ваши столь полезны, что никакой другъ и свойственникъ, ниже я самъ, лучшихъ дать не могу. Если онъ не будетъ стараться преодолѣть сію страсть, то для него же хуже; я же буду сожалѣть только о томъ, что, прилагая стараніе дѣлать его себѣ и отечеству полезнымъ, а больше ему самому хотѣлъ доставить въ жизни благополучіе, въ надеждѣ своей обманутъ; онъ бы не долженъ забывать и того, что у меня ихъ шесть, и я изъ нихъ ни одного слѣпо не люблю, а ожидаю, чтобъ они того достойны были; итакъ, если въ немъ утѣшенія чаемаго имѣть не буду, то уповаю отъ другихъ быть награжденъ за мое неусыпное объ нихъ попеченіе; но будетъ ли то полезно для него, въ томъ ему разсуждать оставляю. Васъ же, любезнаго моего друга, прошу не унывать, постараться его всѣми мѣрами отвращать отъ сей ему пагубной страсти, пока онъ еще съ вами пребываетъ. Пишете вы, что онъ имѣетъ близкое знакомство съ одной дамою; я сего не порочу, если она такъ добра, какъ вы пишете; любовь иногда хорошею школою бываетъ для молодыхъ людей; но опасаться надобно и того, что итальянцы бываютъ иногда гораздо ревнивы и весьма мстительны, дабы иногда съ досады мужъ стилетомъ въ бокъ не ткнулъ, когда вздумаетъ, что дружба его рогами платится". „Я не болѣе хочу оставить сына", пишетъ въ другомъ письмѣ отецъ къ тому же Шувалову, „какъ до Октября мѣсяца (1768)... и мнѣ необходимо хочется, чтобы онъ въ Англіи, прежде нежели въ отечество возвратится, побывалъ... И такъ, прошу васъ, любезнаго моего друга, постараться пріискать ему достойнаго спутника и отпустить изъ Италіи въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ... Я бы думалъ, чтобы лучше ѣхать въ Геную и въ Марсель и видѣть меридіальныя французскія провинціи, нежели повторять дорогу черезъ Альпы, которую уже онъ со мною дѣлалъ... Изъ частыхъ, получаемыхъ отъ сына писемъ„ пишетъ еще Разумовскій отъ 1-го Апрѣ-

ля 1768 г., „а также изъ вашихъ дружескихъ увѣреній вижу, что онъ гораздо поприлежнѣе сталъ предъ прежнимъ и весьма будучи какъ его прилежаніемъ доволенъ, такъ и вижу, что вы, любезный мой другъ, его пребываніемъ съ вами не скучаете и не обезпокоены, почитая притомъ, что онъ лучше не можетъ времени употребить, какъ находясь съ вами и пользуясь вашими дружескими совѣтами, которые къ немалому моему удовольствію вижу изъ писемъ его ко мнѣ, что онъ чувствуетъ сходными съ его пользою и принимаетъ такъ, какъ должно принимать отъ честнаго человѣка, нелестнаго друга и милостивца и проситъ въ послѣднемъ письмѣ, чтобъ ему сроку прибавить. И хотя мое намѣреніе было непреложное, чтобы онъ въ будущемъ Сентябрѣ или Октябрѣ мѣсяцѣ въ С.-Петербургъ былъ, но, видя, что пребываніе ваше и расположеніе не сходно съ моимъ, по причинѣ предпріятаго вами употребленія теплицъ въ Пизѣ, то, желая, чтобъ сынъ мой съ вами вмѣстѣ изъ Италіи выѣхалъ, сроку ему до будущей весны прибавляю, желая, чтобъ онъ будущую зиму въ Англіи вмѣстѣ съ братьями препроводилъ, которые туда вскорѣ отправляются. Васъ же прошу, милостиваго моего друга, не оставлять его вашими дружескими совѣтами, дабы онъ, сколько возможно, время свое не праздно препроводилъ, въ чемъ имѣю на васъ теплую надежду“ [1]).

Петръ и Андрей Кириловичи отправились съ Мариньяномъ изъ Страсбурга въ Англію въ 1768 году. Андрей Кириловичъ поступилъ на службу въ англійскій флотъ [2]). Въ 1769 году, весною, Алексѣй Кириловичъ съѣхался съ братьями и поживъ нѣсколько въ Лондонѣ, предпринялъ съ ними вмѣстѣ, подъ руководствомъ Мариньяна и Николаи, путешествіе по Англіи. Путешествіе не удалось, молодые Разумовскіе принуждены были вернуться въ Лондонъ ранѣе, чѣмъ предполагали. Вотъ какъ объ этомъ разсказываетъ въ письмѣ къ отцу Алексѣй Кириловичъ:

„Вчерашняго дня ввечеру противъ упованія нашего несчастное приключеніе возвратило насъ въ Лондонъ изъ Манчестера, не видавъ ни Іорку, ни прочей части по другую сторону въ Англіи.

Пріѣхавъ сюда, первое наше стараніе увѣдомить васъ о всемъ; и для того имѣю честь донести, что г. Мариньянъ, взявъ съ собою изъ Лондона кредитное письмо отъ здѣшняго купца Дю-Велуза на разныя мѣста въ Англіи, на двѣсти ливровъ стерлинговъ, былъ исправно на оное уплаченъ до Манчестера; но, пріѣхавъ въ сей городъ и расположившись ѣхать къ Іорку, услышали отъ купца тамошняго, коему

---

[1]) Изъ архива князя А. М. Голицына.

[2]) Бантышъ-Каменскій, Словарь достопамятныхъ людей Русской земли. Т. I. стр. 1.

были рекомендованы, что Дю-Велузъ ему пишетъ, чтобы болѣе на кредитное письмо денегъ не выдавать и не вѣрить бы, имѣя извѣстіе изъ Амстердама, что тамошній купецъ, на котораго отъ Клемана и Гитара деньги были ассигнованы, обанкрутился; и такъ мы принуждены были съ крайнимъ нашимъ неудовольствіемъ, и болѣе не теряя времени, возвратиться прямо въ Лондонъ, пользуясь нѣсколькими гинеями, которыя, по счастію, у г. Николая нашлись, и теперь мы здѣсь совсѣмъ безъ денегъ находимся. Сегодняшняго утра, будучи у г. Ивана Григорьевича [1]), онъ намъ оферировалъ нѣсколько дать для отъѣзда нашего; и ежели оное возможно будетъ, мы, пользуясь сей оказіей, отъѣдемъ въ Голландію, гдѣ дождемся, пока соизволите переслать намъ денегъ. Здѣсь я нашелъ у посла нашего милостивое ваше письмо подъ № 4-мъ отъ Апрѣля 11-го, за которое нижайше благодарствую и изъ котораго съ удовольствіемъ вижу, что въ добромъ здравіи находиться изволите.

„Что изволите приказывать о поварѣ, то ежели возможно, конечно, буду стараться достать хорошаго. Передъ окончаніемъ моего письма, почитаю за должность сдѣлать вамъ, милостивый государь, краткое описаніе нашего несчастливаго вояжу.

„Отправясь изъ Лондона, первый городъ, который мы видѣли, Салисбюри, въ которомъ, кромѣ соборной церкви, ничего достойнаго примѣчанія нѣтъ; но въ нѣкоторомъ разстояніи отъ онаго три дома находятся, которые почесть можно изъ первыхъ въ Англіи, а именно: домъ лорда Раднора, графа Пемброка и господина Гора, какъ для внутренности оныхъ домовъ, такъ и для садовъ, къ онымъ принадлежащихъ. Изъ Салисбюри мы переѣхали въ Басъ, славный городъ въ Англіи для минеральныхъ бань, откуда продолжали путь нашъ къ Бристолю, городъ весьма нехорошій, но достойный примѣчанія для коммерціи. Изъ Бристоля мы отправились въ Вудстокъ, малое мѣстечко, въ коемъ разными стальными товарами торгуютъ и возлѣ коего находится Бленемъ, славный домъ Дюка де Мальборугъ. Потомъ въ Оксфордъ, достойный примѣчанія для славнаго университета, гдѣ побывавъ, поѣхали смотрѣть Сто, домъ лорда Темпль, который конечно удовольствуетъ всякаго любопытнаго путешественника. Изъ Сто, чрезъ Ковентри, въ Бирмингемъ, въ коемъ множество мануфактуръ разныхъ, а особливо дѣлаютъ много вещей рѣзныхъ изъ жести писанной и лакированной. Послѣ того въ Дерби, отъ коего города не далеко стоитъ хорошій домъ, принадлежащій лорду Скарсдель. Изъ Дерби мы проѣхали въ Шеффильдъ, славный городъ для желѣзныхъ фабрикъ, гдѣ лучшіе ножи, бритвы и проч. дѣлаются; въ нѣкоторомъ

[1]) Чернышева, бывшаго въ то время посломъ въ Лондонѣ.

разстояніи отъ онаго домъ маркиза Рокингама, а далѣе въ мѣстечкѣ, называемомъ Кестльтонъ, видно весьма курьозную въ горахъ каверну, которую, увидѣвъ, продолжали путь нашъ въ Букстонъ, мѣстечко, въ коемъ минеральныя бани находятся; а изъ Букстона въ Манчестеръ, гдѣ пробывъ два дня и видѣвъ достойное примѣчанія, опять чрезъ Дерби, и потомъ Лейстеръ и Нортамптонъ возвратились въ Лондонъ; и такъ не успѣли видѣть славной провинціи Іоркъ и прочихъ мѣстъ по другую сторону. Впрочемъ, милостивый государь, мы всѣ, слава Богу, въ добромъ здравіи находимся“ [1]).

Этою поѣздкою по Англіи старшіе сыновья графа Кирилы Григорьевича закончили свое воспитаніе. Осенью 1769 года они вернулись въ Россію и поступили на службу.

Казалось, лучшаго воспитанія нельзя было придумать. Тутъ была и общественная школа, учрежденная на царскую ногу, и лучшіе профессора, и даже самъ знаменитый Шлёцеръ. Сочинена была для учениковъ первая русская статистика, о которой до тѣхъ поръ никто не вѣдалъ на Руси. Отлично, по свидѣтельству Шлёцера, подготовленные на родинѣ, молодые люди отправлены были для окончанія образованія въ одинъ изъ первыхъ въ то время университетовъ Европы. Ученый Шёпфлинъ слѣдитъ за ихъ занятіями, извѣстный поэтъ и профессоръ Николаи путешествуетъ съ юношами по Италіи и Англіи. Однимъ словомъ, лучшаго нельзя было придумать, и, несмотря на все это, цѣль воспитанія далеко не была достигнута. Изъ трехъ Разумовскихъ, старшій Алексѣй и меньшой Андрей несомнѣнно обладали блестящими способностями, а все-таки изъ нихъ не вышло того, чего такъ желалъ отецъ, именно полезныхъ сыновъ отечества. Молодыхъ Разумовскихъ винить нельзя; они въ этомъ отношеніи не составляли исключенія. Всѣ ихъ сверстники и всѣ поколѣнія, воспитывавшіяся на Руси въ послѣднія 130 лѣтъ, представляютъ то же безотрадное явленіе.

Было время, когда, желая похвалить представителей стариннаго рода, праотцы наши говаривали: „истые то баре“, и не мало похвалы слышалось въ словахъ этихъ. Прошли какія-нибудь сто лѣтъ, стали говорить: „что̀ за баричъ, что̀ за барство“ и крайне обиднымъ кажется въ наши дни подобное выраженіе. Откуда такая перемѣна? Неужели же тому причиною совершенно чуждая народу нашему знаменитая революція 1789 года? Едва ли. Во времена о̀ны, бары наши были живымъ воплощеніемъ нашей народной жизни. Народъ ихъ понималъ и любилъ. Прошло полстолѣтіе, и отчужденные отъ народа космополиты высшаго полета стали для него ба-

---

[1]) Изъ архива автора.

ричами. Вельможамъ Елизаветы и Екатерины захотѣлось блеснуть воспитаніемъ дѣтей своихъ. Они чувствовали, что далеко отстали отъ прочей Европы, что имъ самимъ многаго недоставало и недостатокъ этотъ хотѣли они пополнить въ дѣтяхъ своихъ. Русскихъ воспитателей не было и волею-неволею пришлось обратиться къ иностранцамъ. Въ царствованіе вполнѣ русской, православной Елизаветы, воцарившейся во имя народности и для спасенія людей русскихъ отъ ига иностранцевъ, эти люди русскіе, сами того не сознавая, стали систематически отрывать отъ родной почвы дѣтей своихъ. Здѣсь, къ сожалѣнію, приходится помянуть недобрымъ словомъ честнаго и благороднаго И. И. Шувалова, много способствовавшаго къ распространенію у насъ и французскаго языка, и французскихъ обычаевъ, и французскаго полуобразованія. Появились всякіе Бурбье, Делили, Мариньяны, русскіе дворяне изъ колыбели перешли на руки иностранцамъ. Всѣ дѣятели Екатерининскаго времени, а ими могла бы похвастаться любая страна, всѣ до единаго, за исключеніемъ развѣ самаго незамѣчательнаго изъ нихъ И. И. Бецкаго, возросли и возмужали на родной почвѣ, подъ вліяніемъ народнаго духа. Это было несомнѣнно одною изъ главныхъ причинъ славы этой единственной въ лѣтописяхъ нашихъ эпохи. Люди иностраннаго закала не находили себѣ мѣста въ совѣтахъ великой Монархини. Замѣчательно, что въ 34-хъ-лѣтнее царствованіе Екатерины, за исключеніемъ одного почтеннаго графа Якова Сиверса, не только ни одинъ иностранецъ, но даже ни одинъ изъ нашихъ прибалтійскихъ нѣмцевъ не выдвинулся впередъ. Ихъ было много и въ войскахъ, и въ коллегіяхъ, но нигдѣ и никогда не тѣснили они русскихъ и скромно служили, невольно подчиняясь вліянію сильно со всѣхъ сторонъ вѣявшаго народнаго духа. Царствованіе Екатерины было лебединою пѣснью чисто-русскихъ государственныхъ дѣятелей. Не даромъ на похоронахъ великой Царицы англійскій министръ при дворѣ нашемъ сказалъ: „on enterre la Russie“ [1]). Къ концу XVIII вѣка иностранное воспитаніе стало приносить плоды свои.

Наплывъ иностранцевъ въ это время дошелъ до своего максимума. Эмигранты всѣхъ видовъ и категорій, отъ аристократической принцессы де-Тарантъ до братьевъ Робеспера и Марата, отъ вольтерьянца Ланжерона до іезуитовъ Грубера и Розавена—нагрянули на Россію. Ихъ принимали съ открытыми объятіями. Уже офранцуженное, общество жадно прислушивалось къ ихъ рѣчамъ: крайне лестнымъ показалось милостивое обращеніе бѣглецовъ съ сѣверными варварами. Вошло въ моду у насъ вольтерьянство, а затѣмъ іезуиты стали разставлять свои сѣти, которыми охотно опутались уже вполнѣ отрѣшив-

---

[1]) XIX Вѣкъ, сборникъ, издаваемый Бартеневымъ, II, 219.

шіяся отъ своей родины россіянки. Нигдѣ такъ сильно не высказывалось и не высказывается до нашихъ дней, порождаемое воспитаніемъ полнѣйшее отреченіе отъ національности, какъ въ дѣлѣ отступничества. Англичанинъ или нѣмецъ, совращенный въ папизмъ, все-таки остается англичаниномъ или нѣмцемъ. Не такъ съ русскимъ. Какъ скоро онъ отрекается отъ вѣры отцевъ, о которой, сказано будь мимоходомъ, онъ имѣетъ самое смутное понятіе, разомъ прерывается послѣдняя нить, соединявшая его съ родиною и онъ вполнѣ и всецѣло дѣлается французомъ. Примѣровъ тому не мало у насъ на глазахъ.

Знатные русскіе юноши, уже дома вполнѣ очистившіеся отъ народной проказы, стремились окончить переобразованіе свое за границею. Иностранцы отцы не могли уже воспитать русскихъ дѣтей, русское именитое дворянство все болѣе и болѣе входило въ колею, изъ которой не могло уже выдти. Екатерининскіе орлы стали сходить въ могилу и на мѣсто ихъ явилась толпа дряблыхъ космополитовъ, русскихъ развѣ только по имени. Почти одновременно съ началомъ XIX вѣка бразды правленія перешли въ руки любимаго внука Екатерины.

Александръ I нагляднымъ образомъ представляетъ намъ переломъ, произведенный въ Россіи иностраннымъ воспитаніемъ. Екатерина, нѣмка, пріѣхавшая въ Россію, не зная по-русски ни слова, среди враждебнаго ей двора, переработываетъ свою природу и, чтобы достичь верховной власти и удержать ее за собою, дѣлается вполнѣ и всецѣло русскою; внукъ ея, русскій Великій Князь, рожденный и воспитанный въ Россіи, не знаетъ и до конца жизни не понимаетъ своего народа, своей родины! Ученики аббата Николя и Песталоцци, наполнявшіе дворецъ и столицы, люди часто вполнѣ достойные и образованные, оказывались гораздо несостоятельнѣе необразованныхъ отцовъ, особенно если сравнить ихъ съ птенцами Петра и орлами Екатерины.

Время быстро шло впередъ, а съ нимъ вмѣстѣ и воспитаніе, но только въ обратной пропорціи. Было время, когда Пушкинъ могъ сказать:

„Мы всѣ учились по-немногу
„Чему-нибудь и какъ-нибудь.“

Настало другое время и положительно можно было сказать, что мы уже ничему и никакъ не учимся. Во времена óны англизированные или офранцуженные потомки „тѣхъ родовъ боярскихъ“, съ грѣхомъ пополамъ, высиживали четыре года на скамьяхъ нашихъ университетовъ, сыны же ихъ, взлелѣянные англійскими nursery-rimes и проведшіе отрочество за границею, возвращались на родину, чтобы вполнѣ съ грѣхомъ сдать офицерскій или дипломатическій экзаменъ. Воль-

теріанство стараго времени, требовавшее нѣкоторыхъ, хотя далеко не обширныхъ познаній, стало выходить изъ моды, его съ лихвой замѣнило полнѣйшее политическое безвѣріе и презрительный скептицизмъ къ самымъ кореннымъ, заповѣднымъ вѣрованіямъ Русскаго народа.

Черезъ сто лѣтъ стали ощущаться горькія послѣдствія насильственной реформы. Расшатанные народные идеалы хранились въ непреобразованныхъ еще слояхъ общества. Но потребность воспитанія стала ощущаться въ среднихъ классахъ, особенно въ то время, когда вѣра въ необходимость эту оскудѣвала вверху. Своей школы всё еще не было, по неволѣ приходилось снова обратиться къ Западу. Началось новое отчужденіе отъ народной почвы, хотя въ другой менѣе осязательной формѣ. Вслѣдствіе тысячи разнородныхъ причинъ особенно много развилось у насъ людей недоучившихся. Они съ жадностью подхватили вольтеріанство вельможъ-стариковъ и гражданское безвѣріе болѣе современныхъ сановниковъ. Съ страшною быстротою распространилось навѣянное сверху безвѣріе по необъятнымъ степямъ нашей родины. Какъ ни различны съ виду послѣдствія этого господствующаго настроенія, въ сущности своей оно тождественно и только видоизмѣняется въ проявленіяхъ своихъ. Какъ вверху, такъ и внизу то же безотрадное и тлетворное безвѣріе, вся разница въ обстановкѣ. Источники этому всеобладающему злу одни и тѣ же, это иностранныя основы, на которыхъ зиждется до сихъ поръ наше quasi-воспитаніе. Вотъ отъ чего такъ враждебно относятся эти двѣ тождественныя по внутреннему своему характеру струи безвѣрія ко всякому истинно русскому стремленію, вотъ отчего такъ противно и тому и другому всякое проявленіе истиннаго народнаго духа. Снизу кричитъ: татарщина, сверху: шовинизмъ. Только у насъ можетъ существовать такой non-sense, какъ русская партія! Чтò бы сказали нѣмцы или англичане, если бы кто заявилъ имъ о существованіи среди нихъ нѣмецкой или англійской партіи, да еще находящейся подъ присмотромъ князя фонъ-Бисмарка или лорда Биконсфильда? Одна мысль объ этомъ навела бы гомерическій смѣхъ на любого британца или нѣмца, какъ бы флегматиченъ онъ ни былъ!... Но мы отдалились отъ нашего предмета.

Четвертый сынъ графа Кирилы Григорьевича, Левъ Кириловичъ, отправился за границу въ концѣ 60-хъ годовъ. Съ нимъ вмѣстѣ поѣхалъ двѣнадцати-лѣтній братъ его, Григорій Кириловичъ, болѣзненный и нелюдимый, менѣе всѣхъ братьевъ любимый отцомъ. Съ молодыми Разумовскими отправился, въ качествѣ ментора, Михаилъ Ивановичъ Ковалинскій, мистикъ, ученикъ и другъ Сковроды, о которомъ мы упоминали въ первомъ томѣ труда нашего. Впослѣдствіи Ковалинскій пошелъ въ гору, какъ многіе изъ гувернёровъ Разумовскихъ.

Онъ былъ правителемъ канцеляріи Потемкина, потомъ управлялъ Рязанскимъ намѣстничествомъ, а наконецъ назначенъ былъ кураторомъ въ московскій университетъ. Кромѣ Ковалинскаго, при Разумовскихъ состоялъ еще нѣкто Петрищевъ. За границею встрѣтилъ ихъ уже знакомый намъ де-Мариньянъ, которому отъ графа Кирилы Григорьевича порученъ былъ главный присмотръ за сыновьями. Первою стоянкою Разумовскихъ былъ Гёттингенъ, гдѣ Левъ Кириловичъ слушалъ лекціи. Изъ Гёттингена графъ Григорій Кириловичъ переѣхалъ въ Ліонъ, вмѣстѣ съ Ковалинскимъ, а Левъ Кириловичъ съ Петрищевымъ поселился въ Женевѣ. Мѣсто Мариньяна занялъ при нихъ полковникъ французской службы, де-Феронсъ (de Feronce), но первый, какъ видно изъ приложенныхъ ниже писемъ, продолжалъ навѣщать бывшихъ своихъ воспитанниковъ и даже по-долгу у нихъ гащивалъ. Въ архивѣ графа А. С. Уварова сохранились письма де-Феронса къ М. И. Ковалинскому изъ Женевы въ Ліонъ

I.

Genève le 22 Fevrier 1772.

Je suis très sensible, Monsieur, du témoignage obligeant de votre souvenir par la lettre que vous m'avez fait l'amitié de m'écrire. Je vois avec plaisir que vous êtes satisfait de m. le comte Grégoire. Je l'exhorte fortement à continuer de même et à profiter de vos sages instructions. Je vous prie, monsieur, de vouloir bien le prier de travailler assiduement à ses extraits d'histoire et à prendre exactement ses leçons; j'espère de le retrouver un vrai savant et même en état de me donner des leçons à moi-même sur différents objets de ses études. J'attends aujourd'hui des lettres de m. de Marignan qui décideront tout de suite mon départ. Je me flatte, monsieur, de vous rejoindre au plutôt. Il me tarde infiniment d'être à Lyon; nos amusements ici ne sont pas trop vifs; il fait un temps affreux et un grand froid, ce qui nous empêche de profiter de bien des agréments et surtout de celui de la promenade. Je vous prie, monsieur, de dire à Iwan, supposé qu'il manque d'argent pour les frais du ménage, d'en demander à m. David, associé de m. Gaulis et c-ie, qui lui en donnera. Je pense qu'on travaille actuellement à meubler la chambre de m. Petrisheff et que je trouverai tout cela prêt à mon arrivée. Je suis bien surpris que vous n'ayez pas encore reçu ses lettres. J'écris à m. le comte Grégoire de ne pas oublier de faire quelques visites à m. le marquis de Bellescie et à m-me la marquise de Rochebaron. Je vous prie, monsieur, de vouloir avoir la bonté de l'en faire ressouvenir.

II.

Genêve, le 1 Mai 1772.

Je n'ai pu répondre, monsieur, à votre dernière lettre plutôt parceque je ne l'ai reçue qu'au moment de mon depart pour Lausanne. Je suis très content de ce que vous avez la bonté de me marquer au sujet de m. le comte Grégoire et que vous soyez satisfait de son application. J'ai été joindre m. et m-me de Marignan à Lausanne, j'ai trouvé m. Petricheff avec eux; nous sommes tous arrivés ici hier au soir, nous repartons Dimanche de grand matin et m. Petricheff Samedi au soir. M. Petricheff sera Dimanche de bonne heure à Lyon, et nous y arriverons Lundi à midi. Je vous prie, au moment de la reception de ma lettre d'envoyer Maconnais chez notre tapissier, afin qu'il mette un nouveau lit tout de suite dans la chambre de m. le comte Léon; ce lit servira pour m. le comte Grégoire, m-me de Marignan occupera ma chambre, m. de Marignan celle du comte Grégoire et moi celle de m. Petricheff. M. Petricheff logera chez m-me Fureau jusqu'au départ de m. et de m-me de Marignan qui ne doivent s'arrêter que 12 jours à Lyon. Je vous prie de faire faire ces arrangements tout de suite. Je désirerais que m. le comte Grégoire ne sortit point Dimanche et qu'il attende m. Petricheff à la maison. Ayez la bonté d'envoyer Maconnais tout de suite chez le tapissier, il se nomme Jaquet et loge je crois dans la rue Pizé. Je vous prie également de l'envoyer aussi chez m-me Fureau pour qu'on trouve pour Dimanche une chambre pour m. de Petricheff. Je vous prie de recommander à Iwan et Maconnais que les chambres soyent bien nettoyées.

III.

D'Aix. Mai 1773.

J'apprends avec plaisir votre arrivée à Lausanne. J'aurais désiré que les circonstances vous eussent permis de prolonger votre séjour parmis nous puisque le ton de la campagne vous plait, mais tel est le triste sort de la condition humaine d'être souvent contrariée dans ses voeux. Il faut s'y soumettre et dire avec le docteur Pangloss: tout est au meiux dans ce meilleur des mondes possibles. Ma santé est toujours chancellante, mes maux de tête continuent quoique avec moins de force et l'on m'accable de remêdes. J'espère cependant d'être en étât de me rendre Lundi prochain à Lausanne. Je vous prie de faire agréer mes compliments à m. Petricheff et à m. le professeur Salchli.

Разумовскіе на всю зиму поселились въ Лозаннѣ. Часто посѣщали они Женеву, гдѣ въ то время проживало много русскихъ, между прочими Демидовы, Собакинъ и племянникъ И. И. Шувалова, князь Ѳ. Н. Голицынъ. Послѣдній близко сошелся съ графомъ Львомъ Кириловичемъ и менторомъ его Ковалинскимъ.

„Что хорошаго", писалъ Голицынъ къ Ковалинскому изъ Женевы отъ Февраля 1773 года, „друзей обманывать? Я васъ всякій день ожидаю по пустому... Скажите, устоите-ли вы въ своемъ словѣ и обѣщаніи и когда васъ ожидать? Успокойте меня въ томъ. Новости политическія, кажется, къ миру склонны. Дай Богъ, чтобы тишина скорѣе воспослѣдовала. О себѣ подлиннаго ничего не знаю. Главное мое желаніе скорѣе васъ здѣсь увидѣть. Землянки наши здоровы, хороши и любезны, какъ обыкновенно. Что̀ любезный графъ дѣлаетъ? Нашелъ ли онъ какую отраду? Я бы къ вамъ пріѣхалъ, но уроки не дозволяютъ отлучиться".

„Извѣстіе о вашемъ пріѣздѣ", писалъ къ нему же Голицынъ отъ 2 Августа 1773, „меня тѣмъ болѣе тронуло, что я, живши столь долго въ сосѣдствѣ, не пользовался вашимъ пріятнымъ сосѣдствомъ. Судьба наша испытала въ семъ случаѣ наше терпѣніе. Что-жъ дѣлать, когда сіе не возвратимо. Г. Петрищевъ по отъѣздѣ своемъ отсюда обѣщалъ, если будетъ можно, по полученіи графской воли, сюда на нѣсколько времени пріѣхать со всѣми. Если сіе можетъ онъ еще исполнить, безпримѣрное мнѣ удовольствіе сдѣлаетъ. А вамъ, думаю, нехудо еще остаться, ибо въ дорогѣ будете въ самое дурное время. Я помню, что мы изъ Россіи выѣхали въ самое сіе время и до самой почти Вѣны плыли, а вы еще позже поѣдете. Подумайте объ этомъ, можетъ быть мои совѣты дождаться зимы апробуютъ, а сіе тѣмъ болѣе вамъ пристойно, что вы прежде мѣсяца или пяти недѣль не подыметесь. Путешествіе весьма долгое. Если же ничто не можетъ перемѣнить ваше намѣреніе, такъ, собравшись совсѣмъ, жертвуйте мнѣ хоть мѣсяцемъ. Уговорите г. Петрищева пріѣхать, стать въ Вашеронѣ. Разницы вамъ право мало сдѣлаетъ. Если я васъ не истинно любилъ, требовать бы сего не осмѣлился. Я васъ тогда-бы могъ проводить хоть до Берны. Скажите г. Петрищеву, что сей знакъ дружбы вѣчно буду помнить. Если всѐ сіе невозможно, пріѣзжайте ко мнѣ, когда хотите, и когда заблагоразсудите прямо въ нашу хижину, но граціевъ ради докажите мнѣ, скорѣйшимъ исполненіемъ моей просьбы, вашу дружбу" [1]).

Осенью 1773 г. Разумовскіе пустились въ обратный путь и остановились по дорогѣ въ Женевѣ. Голицынъ былъ съ ними неразлученъ.

---

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

Они захотѣли повидаться съ Вольтеромъ, у котораго не разъ бывалъ князь Ѳедоръ Николаевичъ, снабженный отъ дяди рекомендательными письмами. Но старый философъ былъ боленъ и на извѣщеніе о намѣреніи Разумовскихъ навѣстить его, отвѣчалъ слѣдующею запиской:

„M-r de Voltaire est très malade. Il demande bien pardon à messieurs les comtes de Rasmousky (sic). Il est très affligé de ne pouvoir recevoir aujourd'hui l'honneur de leur visite. S'il peut recouvrir un peu de santé, il se fera un devoir et un grand plaisir de leur présenter ses respects.

25 7-bre 1773 à Ferney“ [1]).

Не знаемъ, удалось-ли Разумовскимъ побывать въ Фернѣ. Въ началѣ 1774 года они уже были въ Петербургѣ, куда вызывалъ ихъ отецъ и куда графу Льву Кириловичу писалъ, отъ 29 Апрѣля 1774 г., изъ Парижа, женевскій его пріятель князь Ѳ. Н. Голицынъ.

„Прости, любезный мой философъ“, гласитъ письмо это, „если я къ тебѣ не писалъ ни однажды отсюда. Я чрезъ князь Ивана Сергѣевича [2]) имѣлъ объ васъ извѣстія; зналъ, что дороги дурны были, что вы такъ долго тащились. А я въ началѣ Декабря сюда пріѣхалъ, оставивъ Женеву съ великимъ сожалѣніемъ. Опричь любви, привычка къ простой и къ трудолюбивой жизни, дружба многихъ, пріятность мѣстъ и спокойствіе, коимъ наслаждался, все сіе участвовало умножать мое сожалѣніе. Можетъ быть, нѣтъ въ Европѣ мѣста, которое толь сходствовало съ моими философическими мыслями. Представь-же, сколь горько такое покинуть, можетъ быть и навсегда. По счастію, разсужденіе во мнѣ довольно обладаетъ страстьми; также и должность имѣетъ нѣкоторое могущество. Сожалѣю токмо, что мало пожилъ, недовольно набрался науки, чтобы можно было льститься сею выйдти въ люди, а особливо нынѣ; у насъ множество достойныхъ молодыхъ людей. Помнишь, какъ мы разсуждали *au petit Sacconet* или *au bastion?* Объ (чемъ) мы съ тобою не переговорили? Никто у насъ не увернулся. Я жилъ до дядинаго [3]) пріѣзда въ *Chatelaine*, которое ты такъ хорошо описалъ. Парижъ дѣйствительно городъ удивительный, нигдѣ столь нѣтъ разныхъ забавъ, нигдѣ столь нѣтъ способовъ всему научиться, нигдѣ столько много прожить не можно денегъ, нигдѣ съ самымъ малымъ доходомъ столь пріятно нельзя жить; нигдѣ столько нѣтъ упражненныхъ людей, нигдѣ столько нѣтъ бездѣльныхъ, но всего пріятнѣе, что живи какъ хочешь: ни до кого тебѣ нужды нѣтъ. Однимъ словомъ, Парижъ представляетъ обѣ

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Барятинскаго, посланника нашего въ Парижѣ.

[3]) И. И. Шувалова.

крайности во всякомъ состояніи. Я слушаю здѣсь множество публичныхъ курсовъ, чѣмъ немного пріумножилъ свое знаніе. Могу сказать, что веселіе не ослѣпило меня и не убавило прилежности къ наукамъ. Я считаю быть въ Петербургѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, между тѣмъ съѣзжу въ Англію, которую весьма любопытенъ видѣть. Прости, любезный философъ, будь увѣренъ о непрерывной моей къ тебѣ дружбѣ".

Вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Россію, графъ Левъ Кириловичъ отправился въ свитѣ князя Репнина въ Константинополь. Что же касается до графа Григорія, то онъ оставался нѣсколько лѣтъ въ Россіи и въ концѣ 70-хъ годовъ, какъ мы увидимъ ниже, поѣхалъ доканчивать свое образованіе въ Лейденскомъ университетѣ. Графъ Иванъ Кириловичъ, меньшой изъ братьевъ Разумовскихъ, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. Когда онъ началъ подростать, отецъ его уже былъ подъ полнымъ вліяніемъ графини Апраксиной, не любившей вообще лишнихъ расходовъ и прихотей. На воспитаніе меньшаго Разумовскаго смотрѣли сквозь пальцы: у него не было ни выписныхъ изъ-за границы гувернеровъ, ни академическихъ профессоровъ. Онъ учился кое-какъ и кое-чему, на подобіе бо́льшей части своихъ сверстниковъ. Позднѣе отецъ думалъ путешествіемъ вознаградить потерянное время. Двадцати съ лишнимъ лѣтъ отправилъ онъ сына за границу. Но ничто не могло уже вознаградить потеряннаго. Иванъ Кириловичъ на родинѣ успѣлъ привыкнуть къ разгульной жизни и за границею думалъ не о скучныхъ лекціяхъ, а о томъ, какъ-бы до сыта насладиться тѣми развлеченіями, которыя могла ему представить Европа.

ГЛАВА II.

Графъ Алексѣй Кириловичъ.

Графъ Алексѣй Кириловичъ родился 12-го Сентября 1748 года; со дня рожденія записанъ онъ былъ въ военную службу и по восшествіи на престолъ Петра III, тринадцати лѣтъ произведенъ былъ изъ секундъ-ротмистровъ въ ротмистры [1]). На дѣйствительную военную службу молодой Разумовскій однако не поступалъ. Вернувшись изъ-за границы онъ назначенъ былъ камеръ-юнкеромъ и, несмотря на то, что отецъ

---

[1]) „Отечественныя Записки", 1867 г., Августъ, кн. 2, статья Семевскаго, „Шесть мѣсяцевъ изъ Русской Исторіи".

желалъ для него болѣе полезной дѣятельности, несмотря на то, что самъ не любилъ придворной жизни, сталъ служить при дворѣ. Служба эта мало занимала Разумовскаго и онъ жаловался отцу на бездѣйствіе. Графъ Кирила Григорьевичъ, которому Екатерина не дозволяла посѣщать, въ первые годы послѣ уничтоженія гетманства, малороссійскихъ имѣній, чтобы дать сыну занятіе, передалъ ему полное надъ ними управленіе. Въ то же самое время отецъ сосваталъ ему графиню Варвару Петровну Шереметеву, дочь богача-вельможи графа Петра Борисовича и жены его Варвары Алексѣевны, единственной наслѣдницы несмѣтнаго состоянія государственнаго канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго. Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, покоритель Риги и Лифляндіи, по указу Петра Великаго, избралъ наслѣдникомъ всего своего достоянія, „аки достойнѣйшаго", второго сына, графа Петра Борисовича. У послѣдняго, болѣе чѣмъ удвоившаго женитьбою свое уже и такъ громадное богатство, родились сынъ и двѣ дочери. Старшая дочь, графиня Анна Петровна (р. 1744 г.), умерла двадцати четырехъ лѣтъ 17 Мая 1768 г., невѣстою престарѣлаго графа Никиты Ивановича Панина, который былъ почти ровесникомъ отца ея. Послѣ смерти сестры, вторая дочь графа Петра Борисовича, графиня Варвара Петровна, родившаяся 2 Января 1750 г., по богатству стала первою невѣстою въ Россіи. Сватовство продолжалось довольно долго. Женихъ, какъ кажется, не рѣшался сдѣлать форменнаго предложенія. Судя по портретамъ, сохранившимся въ древней отчинѣ Шереметевыхъ, селѣ Кусковѣ, невѣста была недурна собою, но она была застѣнчива, робка до крайности и не блистала умомъ. О сватьбѣ не мало толковали по Москвѣ и Петербургу. Графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, забывъ вѣроятно, что родной братъ его такъ недавно былъ женихомъ 26-ю годами его младшей, графини Шереметевой, родной сестры невѣсты и не припоминая о „тѣхъ врожденныхъ добродѣтельныхъ качествахъ" графа Кирилы Григорьевича, которыя десять лѣтъ позднѣе „наполняли его, Панина, почтеніемъ и привергли къ старшему Разумовскому усердіемъ" [1]), съ негодованіемъ писалъ отъ первыхъ чиселъ Января 1773 г. къ племяннику своему князю Александру Борисовичу Куракину, мечтавшему также о выгодной партіи: „Вы, любезный другъ, позволяете себѣ брать примѣръ изъ графа Алексѣя Кириловича, затмѣваясь, что онъ къ подражанію своему ничего другаго въ предкахъ своихъ не имѣетъ, какъ въ отцѣ припадками счастія обогащеннаго-празднеца; а въ дѣдѣ уже пастуха" [2]). 23 Февраля 1774 году Алексѣй Кириловичъ женился.

---

[1]) См. І-й томъ.

[2]) „Русская Старина".

Сватьбу съ большимъ торжествомъ и пышностью отпраздновали въ Москвѣ, гдѣ молодые и поселились, пріѣзжая въ Петербургъ только изрѣдка, когда того требовало дежурство графа при дворѣ. Лѣтомъ Алексѣй Кириловичъ посѣщалъ малороссійскія имѣнія отца. Управленіе ими шло неудовлетворительно. Графъ Алексѣй не имѣлъ рѣшительно никакихъ способностей къ хозяйственнымъ занятіямъ. Онъ самъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, постоянно увлекался изъ одной крайности въ другую, недовѣрялъ людямъ и при этомъ вѣчно находился подъ вліяніемъ какого-нибудь пройдохи. Дѣла отцовскія представлялись ему въ самомъ черномъ цвѣтѣ и онъ пророчилъ отцу окончательное раззореніе. Онъ всячески старался отклонить его отъ всегдашней и любимой мысли, пожить въ Малороссіи. Въ концѣ длиннаго, писаннаго по этому случаю и помѣщеннаго въ первомъ томѣ труда нашего, письма. Алексѣй Кириловичъ между прочимъ выпрашивалъ себѣ у отца серебряный столовый сервизъ. „Сервизъ, который къ сватьбѣ изволили прислать, я не отправилъ теперь обратно, потому что, во-первыхъ, опасался переслать его по такимъ худымъ дорогамъ, въ чемъ и оправдала меня опасность, въ которой Антуанъ находился, ибо рисковалъ онъ дорогой утонуть, а къ тому я хотѣлъ сперва представить вамъ мое положеніе. Отправивъ теперь оный въ Петербургъ, я ничего у себя въ домѣ не имѣю своего собственнаго, что можетъ быть и странно покажется всякому, будучи всѣмъ извѣстно состояніе ваше; сверхъ того, какъ почти весь городъ перебывалъ у меня во время сватьбы моей и всѣ видѣли сервизъ, который не инако считаютъ какъ вами на сей случай пожалованный, то какъ судить будутъ, когда увидятъ, что я оный отправляю обратно? И притомъ, хотя я и получилъ въ приданое за Варварою Петровною сервизъ кувертовъ на 30, но оный не комплектный и надлежитъ много придѣлывать къ оному, какъ-то крышки на блюда, подсвѣчники десертные приборы и проч. Но какъ самъ я, состояніе мое и благоденствіе зависятъ отъ васъ, то и въ семъ случаѣ, такъ какъ и всегда, препоручаю себя въ ваше родительское благоволеніе и ожидать буду повелѣнія вашего, которому и слѣдовать имѣю“ [1]).

Отецъ однако не внялъ представленіямъ сына и, получивъ наконецъ разрѣшеніе Государыни, поспѣшилъ переѣхать на нѣсколько лѣтъ въ Батуринъ и снова сталъ управлять своими имѣніями. Между тѣмъ, по случаю празднованія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира въ Іюлѣ 1775 года, графъ Алексѣй Кириловичъ изъ камеръ-юнкеровъ назначенъ былъ въ дѣйствительные камергеры.

„Новаго донести ничего не имѣю“, писалъ онъ годъ послѣ на-

---

[1]) Изъ архива автора. Письмо отъ 5 Апрѣля 1774 г.

значенія своего, къ отцу въ Батуринъ изъ Москвы, отъ 6 Марта 1776 года, „кромѣ того, что̀ можетъ быть вамъ уже извѣстно, что насъ всѣхъ придворныхъ изъ Москвы гонятъ въ Петербургъ къ пріѣзду принца Генриха [1]), къ чему теперь всѣ готовятся. Обстоятельства и расположенія мои, будучи весьма не согласны съ такимъ путешествіемъ, я писалъ къ Андрею Кириловичу, чтобы объяснилъ оныя Григорію Александровичу [2]) и жду отвѣта. Я меньше всѣхъ конечно ожидалъ сдѣлаться нужнымъ въ Петербургѣ, будучи выключенъ изъ комплекта и записанъ въ сверхъ-комплектные. Но видно, что и въ тѣхъ нужда случилась. Если того необходимо, то принужденъ буду перемѣнить весь свой планъ и лишиться удовольствія быть у васъ нынѣшнею весною".

„Что касается до меня", писалъ онъ далѣе изъ Петербурга, отъ 1 Января 1777 г., „то донесу, что по сіе время живу здѣсь въ ожиданіи отпуска. Григорій Николаевичъ [3]) сказывалъ мнѣ, что онъ посылалъ къ вамъ копію съ письма, которое я подалъ, на оное до сихъ поръ никакого отвѣта не имѣю и не понимаю тому причины". Послѣ долгаго ожиданія Разумовскому было, наконецъ, позволено вернуться въ Москву. Передъ отъѣздомъ онъ пріискивалъ себѣ постоянную квартиру въ Петербургѣ, куда, какъ предвидѣлъ, часто должны были призывать его дежурства при дворѣ.

„Плану Цесаревинскаго дома я при Ламотѣ никогда не видалъ и не зналъ, что вы приказывали его дѣлать, а изъ Москвы я давалъ коммиссію Маріонелли, чтобы, съ Ламотомъ посовѣтуясь, сдѣлали бы планъ, который и сдѣланъ за нѣсколько дней до его отъѣзда въ чужіе краи. Что касается до дома покойной канцлерши, я оный осматривалъ, но въ цѣнѣ мы согласиться не могли и такъ я думаю, что принужденъ буду со временемъ искать нанять домъ, что̀ весьма не легко найти и дорого здѣсь" [4]).

Такое затрудненіе на счетъ квартиры по малой мѣрѣ кажется страннымъ, когда подумаешь о хоромахъ экс-гетмана на Мойкѣ и близъ Царицына луга. Аничковскій домъ въ описываемое нами время былъ уже проданъ въ казну.

Изъ Москвы Алексѣй Кириловичъ писалъ отцу о своихъ видахъ и намѣреніяхъ касательно службы. Выписываемъ здѣсь вполнѣ его письма.

---

[1]) Прусскаго.
[2]) Потемкину.
[3]) Тепловъ.
[4]) Изъ архива автора.

I.

Москва, 9 Августа 1777.

..... Во первыхъ доложу вамъ, что я по долговременной болѣзни въ Петербургѣ наконецъ, воспользуясь послѣдними минутами пребыванія тамъ г. Завадовскаго, получилъ отпускъ, столь долго мною ожидаемый. Сіе было столь наскоро заключено и такъ близко съ отпускомъ самого Завадовскаго и съ пріѣздомъ короля Шведскаго, что я не могъ уже добиться толку о срокѣ моего отпуска, и съ тѣмъ выѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ меня многіе однакоже увѣряли, что какъ Государыня изволила положить никогда болѣе не отпущать кавалеровъ, какъ на четыре мѣсяца; то и мнѣ не болѣе того можно быть отсутственнымъ. Накануне моего отъѣзда былъ я у графа Петра Александровича [1]), который послѣ многочисленныхъ комплиментовъ и увѣреній о дружбѣ его къ вамъ, далъ мнѣ письмо для васъ, которое я персонально, какъ и ему сказывалъ, надѣялся вамъ вручить; но, пріѣхавъ сюда, обстоятельства мои домашнія и великій безпорядокъ во всей моей экономіи здѣсь не дозволили мнѣ отлучиться, для чего и письмо прилагаю при семъ. Извините, милостивый государь батюшка, что я оное позадержалъ здѣсь; тому причиною, что я все былъ въ надеждѣ успѣть съѣздить въ Малороссію, а притомъ по разговорамъ г. Румянцева заключилъ, что оное ничего важнаго не содержитъ, а единственно есть повтореніе словесно мнѣ имъ сказанныхъ комплиментовъ.

Теперь приступлю я къ матеріи, для меня наиважнѣйшей, въ разсужденіи которой и курьера намѣренъ я былъ послать: обстоятельства мои заставляютъ меня прибѣгнуть къ вамъ, какъ къ чадолюбивому отцу, коего всегда почиталъ источникомъ своего благоденствія и отъ коего единственно и теперь помощи ожидать могу. Неоднократно вы, милостивый государь батюшка, по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ, пріемля родительское участіе въ состояніи моемъ, изволили мнѣ объявлять желаніе свое, чтобы я опредѣлился въ какую ни есть отечеству полезную службу и избралъ бы себѣ мѣсто по склонности моей, которое бы и доставили мнѣ вашимъ милостивымъ стараніемъ. Молодость, неосновательныя мысли, съ оною соединенныя, а къ тому и худое мое тогда свѣдѣніе о нашей службѣ не допустили меня воспользоваться милостивымъ вашимъ обо мнѣ попеченіемъ, какъ ни мало склонности я чувствовалъ уже въ то время ко двору; нынѣ же всѣ мои обстоятельства не тѣ. Съ одной стороны и дѣйствіе нѣко-

[1]) Румянцева-Задунайскаго

тораго самолюбія открываетъ глазамъ моимъ всю картину теперешней моей жизни, весьма для меня нелестной; ибо не инако разсуждаю о придворной моей должности, какъ о такой, которая единственно неспособному ни къ какому дѣлу и почти лишнему члену въ обществѣ прилична. Мнѣ кажется, что всякій капралъ нужнѣе меня отечеству и несравненно болѣе имѣетъ случая оному дѣлать заслуги. Сіи мысли, весьма нерѣдко мнѣ воображающіяся, можетъ быть отчасти причиною тому, что я не только ни малой по сіе время склонности не чувствую ко двору; но, напротивъ, чрезмѣрное во мнѣ къ оному отвращеніе повседневно прибавляется. Здѣсь я самую истину чувствъ души моей вамъ открываю. Будьте увѣрены, милостивый государь батюшка, что силъ моихъ болѣе недостаетъ продолжать столь противную мыслямъ моимъ службу; слѣдствія же сего принужденнаго моего состоянія тѣ, что нравъ мой часъ отъ часу перемѣняется и здоровье мое совсѣмъ отъ того истребляется. Съ другой же стороны, вступилъ я, женившись, въ хозяйство, коего по разнымъ случаямъ и отлучкамъ въ Петербургъ по сіе время не имѣлъ еще удобности разсмотрѣть и въ порядокъ привести; чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе оно разстроивается, что особливо теперь испыталъ послѣ девяти-мѣсячнаго отдаленія моего отсюда, не имѣя никакого надежнаго человѣка, который бы въ отсутствіе мое могъ бы здѣсь замѣнить нѣсколько сей недостатокъ. Видя сіе и чувствуя, сколь нужно хотя нѣкоторое основаніе порядка сдѣлать, всѣ способы употреблялъ, будучи въ Петербургѣ, какъ и вамъ небезъизвѣстно, дабы получить дозволеніе хотя на годъ отлучиться, ибо меньше того времени почти невозможно опредѣлить на разсмотрѣніе и поправленіе моего хозяйства. Но законныя и необходимыя нужды партикулярнаго человѣка столь маловажны показались, что не удостоился я не только получить милостивой резолюціи на мое прошеніе, но ниже отвѣта на оное не дано; а вообще объявлено всѣмъ намъ, что Ея Величество впредь опредѣлила никого изъ придворныхъ болѣе не отпускать, какъ на 4 мѣсяца; симъ опредѣленіемъ вдругъ и предпріятія мои всѣ уничтожились. Одинъ способъ остается мнѣ, коимъ достигнуть могу до двоякаго сего предмета, отечеству быть полезну и свой собственный интересъ соблюсти: способъ тотъ, чтобы быть опредѣлену къ мѣсту здѣсь, въ Москвѣ. Всѣ обстоятельства, кажется, удобнѣйшія къ полученію мною желаемаго: Григорій Александровичъ [1]), который всегда считается пріятелемъ вашего дома, во всей силѣ и славѣ опять находится. Два мѣста президентскія очищаются здѣсь въ Москвѣ, а именно: камеръ-коллегіи президентъ Мельгуновъ сдѣланъ намѣстникомъ и коллегію свою, слѣдовательно,

[1]) Потемкинъ.

оставить долженъ; мануфактуръ.-коллегіи президентъ Волковъ такимъ же образомъ, и, если не упуская времени воспользоваться симъ случаемъ, то не сомнѣваюсь, что все желаемое получить легко можно будетъ, если вы, милостивый государь батюшка, о семъ напишете къ Григорію Александровичу, а притомъ хотя и къ самой Государынѣ включится тутъ же письмо, кое можно оставить, если изволится, на разсмотрѣніе Григорія Александровича, я увѣренъ, что все для васъ, конечно, исполнено будетъ. Только сіи точно два мѣста назвать надлежитъ, въ разсужденіи того, что какъ оба президента въ другія опредѣлены мѣста, то не странно покажется, что вы просите, если на оныя еще Ея Величество назначить не соизволила никого, чтобы на одно изъ двухъ соблаговолила опредѣлить сына, который желаетъ какъ Ея Величеству, такъ и отечеству сдѣлаться полезнымъ и посвятить труды свои. А притомъ Григорью Александровичу, если милость сдѣлаете написать, что ежелибъ возможно меня по склонности моей опредѣлить, то предпочелъ бы мѣсто въ мануфактуръ-коллегіи, къ коему нахожу себя способнѣе и гдѣ найду упражненіе для меня пріятнѣйшее и съ знаніемъ моимъ нѣсколько сходственнѣе; если же не назначить сихъ точно мѣстъ, то хотя и опредѣлятъ меня, но можетъ быть въ Петербургѣ, что меня еще далѣе отведетъ отъ моего намѣренія.

Присовокупите, милостивый государь батюшка, къ безчисленнымъ вашимъ родительскимъ благодѣяніямъ и сіе, коимъ навсегда установите основаніе благополучія сына вашего. Если я буду счастливъ столь, что труды мои заслужатъ мнѣ похвалу въ отечествѣ; если я не потеряю плодовъ воспитанія своего, но употреблю оные въ пользу общества, все сіе отнесется къ вамъ; ибо отъ васъ единственно имѣю все то, что̀ можетъ открыть мнѣ къ тому путь.

II.

Москва, 3 Октября 1777.

Письмо ваше съ Петромъ Терентьевымъ имѣлъ честь получить и съ приложенною копіею письма къ князю Потемкину. За милостивое ваше обо мнѣ попеченіе отъ искренняго сердца приношу мою нижайшую благодарность. Не сомнѣваюсь, что еслибъ зависѣло единственно отъ вашего согласія установить судьбу мою въ разсужденіи службы, не оставалось бы мнѣ ничего желать; но по несчастію отъ толь многочисленныхъ и разновидныхъ обстоятельствъ зависитъ наше благоденствіе, что еслибъ не надежда, которая насъ почти ни въ какомъ случаѣ не оставляетъ, никто бы не имѣлъ сердца о своемъ благополучіи стараніе имѣть. Возвратясь сюда, чрезъ два дня опять отпра-

вился въ путь Петръ Терентьевъ, съ коимъ и письма ваши я послалъ, а при томъ Натальѣ Кириловнѣ [1]) поручилъ свои интересы и подалъ ей случай испытать искренность къ ней дружбы князя Потемкина; но вмѣсто желаемаго успѣха, странное и совсѣмъ для меня непонятное приключеніе сдѣлалось. Пишетъ ко мнѣ Наталья Кириловна, что по полученіи письма моего былъ у нея князь, съ коимъ она долго говорила о намѣреніи моемъ, и наконецъ съ удивленіемъ видя изъ рѣчей его, что онъ, не отказываясь въ доставленіи мнѣ мѣста, ожидаетъ только вашего согласія, дабы приступить къ тому; спрашивала, не получалъ ли онъ отъ васъ письма о семъ дѣлѣ; но онъ божился, что не имѣлъ; а получилъ письмо, въ коемъ единственно пишете по дѣламъ вашимъ; но о сей матеріи ни слова. Въ разсужденіи чего не медля опять писалъ къ ней, чтобъ она призвала Петра Терентьева и разспросила бы, куда онъ дѣвалъ врученныя ему письма; а притомъ бы постаралась чрезъ Ковалинскаго, или какъ лучше заблагоразсудитъ, узнать всю истину сей энигмы. Чѣмъ сіе кончится, ожидаю нетерпѣливо извѣстія; ибо и срокъ пришелъ моему отпуску....

...... Будучи въ Петербургѣ, я все ласкалъ себя нынѣшнимъ лѣтомъ имѣть честь быть у васъ и слѣдовать за вами, сколькобъ время дозволило въ вашихъ вояжахъ по Малороссіи; но болѣзнь моя, а потомъ короткій срокъ моего отпуска и безпорядокъ, въ домѣ вкоренившійся отъ долгаго отсутствія моего, не допустили исполнить желаемаго намѣренія. Видя такія препятствія и въѣхавъ въ Москву въ самое скучное время, удалился я отъ свѣта и переѣхалъ со всѣмъ домомъ въ Горенки, гдѣ живу и понынѣ, хотя уже зима настаетъ. Здѣсь я ни минуты въ праздности не былъ: изъ разныхъ старыхъ лоскутьевъ собралъ новый домъ, въ коемъ я со всей своей семьею спокойно помѣстился и еще для пріѣзжихъ, когда случатся, покоевъ довольно оставилъ. Садъ Числовскій расчистилъ, засадилъ плодовитыми деревьями и цвѣтами и окопалъ рвомъ; рябчиковъ и тетеревовъ перестрѣлялъ и наконецъ съ сожалѣніемъ собираюсь опять въ городъ переѣхать.

Здѣсь все благополучно, но въ Петербургѣ не таково: уповаю, что уже изволите имѣть извѣстіе о великомъ и безпримѣрномъ еще наводненіи, бывшемъ тамъ, отъ коего почти всѣ жители много претерпѣли, въъ томъ числѣ и я, ибо погребъ, гдѣ сохраняемы были всѣ привозныя кожи изъ Малороссіи, наполнился водою, отчего и товаръ весь помокъ. Другая новость та, что Иванъ Ивановичъ Шува-

---

[1]) ...гряжской.

ловъ возвратился, наконецъ, изъ чужихъ краевъ и находится теперь въ Петербургѣ, о чемъ также можетъ быть уже знать изволите.

Петръ Борисовичъ [1]) теперь въ Марковѣ и я чрезъ письмо къ нему исполнилъ вашу коммиссію; Варвара Петровна свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе.

III.

Москва, 31 Декабря 1777.

Хотя Александръ покупками и пріуготовленіемъ приданаго [2]) еще нѣсколько времени здѣсь задержанъ будетъ; но какъ въ Петербургѣ лишенъ буду столь удобнаго случая обстоятельно къ вамъ о себѣ писать, то положилъ передъ отъѣздомъ моимъ оное исполнить и оставить у него въ рукахъ сіе письмо.

Разсужденія ваши, милостивый государь батюшка, о положеніи моемъ конечно весьма справедливы, ибо основаны на истинѣ и здравомъ разсудкѣ; но у Двора въ нынѣшнее время ни того, ни другаго уже не содержится. Всѣ пути къ достиженію чести и похвалы молодому человѣку закрыты, кромѣ одного: худыя или хорошія свойства души въ людяхъ не уважаются, а поставляютъ въ достоинство одни преимущества тѣлесныя. Вы представить себѣ не можете теперь, въ какомъ развратномъ состояніи найдете дворъ по возвращеніи вашемъ въ Петербургъ. Три фаворита вдругъ сильны и велики; одинъ другого давитъ и старается болѣе возвыситься униженіемъ своихъ соперниковъ. Каждый изъ нихъ, чувствуя себя не въ состояніи болѣе продолжать персонально услугъ своихъ, ищетъ ввести въ кредитъ намѣстника, а намѣстники наконецъ становятся съ тѣми же фаворитами на ряду. Однимъ словомъ, такой хаосъ, что наилукавѣйшіе и престарѣлые у двора тутъ, какъ въ лабиринтѣ. На сихъ дняхъ пріѣхалъ оттуда Ковалинскій, отъ коего узналъ, что Зоричъ, который весьма недавно былъ всемогущъ, уже теперь наканунѣ своей смѣны. Тьма претендентовъ отвсюду подъѣзжаютъ и все въ смятеніи отъ неизвѣстности, на кого жребій падетъ. Уже извѣстно, что свидѣтелемъ будучи сихъ перемѣнъ, невозможно успѣхъ имѣть у одного фаворита, не обратя на себя злобы всѣхъ прочихъ; а тому, кто не имѣетъ ни одного на свою сторону, въ комъ изъ нихъ искать, видя столь частыя и неожиданныя смѣны?

Вы изволите говорить, что въ моихъ обстоятельствахъ почитаете за нужное, прежде чѣмъ оставить службу, доказать, что я не лѣнивъ,

---

[1]) Шереметевъ.

[2]) Для графини Прасковьи Кириловны, выходившей за Гудовича.

способенъ, но недоволенъ. Есть ли способъ мнѣ то исполнить? По должности моей столь мало можно судить и заключать о способности моей, какъ и о томъ, что я ни къ какимъ дѣламъ не гожусь. Недовольнымъ какимъ образомъ могу себя оказать инако, какъ оставя службу тогда, когда отказаны мнѣ всѣ способы употребить труды мои въ пользу отечества? Проситься же въ отпускъ на годъ, мнѣ кажется, болѣе подастъ причину называть меня лѣнивымъ и, конечно, тогда ничему иному не припишутъ, какъ лѣни частыя мои просьбы объ отпускахъ; а сверхъ того и увѣренъ могу быть напередъ, что въ томъ мнѣ откажутъ; ибо Государыня формально объявила, что никто изъ кавалеровъ ни подъ какимъ видомъ болѣе, какъ на четыре мѣсяца, никогда отпущенъ не будетъ, что со мною и воспослѣдовало прошедшею зимою. Въ четыре мѣсяца чрезъ безпрестанныя домогательства получилъ я отказъ, и тогда, не видя инаго средства, подалъ письмо чрезъ секретаря, прописывая законныя причины, побуждающія меня просить увольненія. Безъ наималѣйшаго уваженія держали меня еще шесть мѣсяцевъ безъ резолюціи и наконецъ, при абшидѣ Завадовскаго, дозволили и мнѣ отлучиться на четыре мѣсяца. Итакъ, милостивый государь батюшка, теперь уже и приступить къ тому не смѣю. До сихъ поръ не только, что въ мысли мои никогда не входило идти въ отставку; но истинно почти за безчестное дѣло почиталъ молодому человѣку не служить. Теперь же столь тяжело и несносно мнѣ мое состояніе, что не вижу иного средства къ избавленію меня отъ такого ада. Почти цѣлый годъ я оттерпливался и старался найти способъ, не оставляя службы, переждать до перемѣны въ моихъ обстоятельствахъ; но силъ моихъ на то болѣе не стало и тогда уже сталъ о томъ къ вамъ писать. Теперь описать не въ состояніи вамъ, съ какими чувствами ѣду я въ Петербургъ. Дай Богъ, чтобъ сей вояжъ былъ для меня счастливѣе прошлогодняго, что кажется невозможнымъ. Но если состояніе мое не перемѣнится, тогда уже дозвольте мнѣ явиться у васъ, но не въ отпускъ, а въ совершенной отставкѣ.

Друковцовъ присылалъ ко мнѣ письмо, коимъ изволите приказывать ему потребовать моего мнѣнія въ разсужденіи просьбы къ вамъ сосѣдей моихъ о перестройкѣ церкви. Потомъ присылали и они ко мнѣ депутатомъ попа здѣшняго, для истребованія какъ резолюціи о церкви, такъ и дозволенія перевести сюда отъ стараго строенія, бывшаго въ Перовѣ, имѣющійся тамъ матеріалъ. Друковцову я отвѣчалъ, что прежде, какъ дозволить имъ здѣсь строиться, за нужное почитаю о томъ обстоятельно вамъ доложить и ожидать точнаго повелѣнія, а тѣмъ господамъ объявилъ, что, будучи почти наканунѣ моего отъѣзда, времени не имѣю теперь съ ними трактовать и какъ время еще къ строенію до весны много, то буду къ вамъ о томъ писать и если

отъ васъ дозволеніе о томъ точное будетъ, то они успѣютъ къ тому приступить. Чтожъ касается до матеріаловъ, то вовсе имъ отказалъ, ибо какъ старое все строеніе найдено мною въ упадкѣ въ Перовѣ и ни къ чему тамъ неспособное, то перенесъ я все оное въ Горенки и часть нынѣшняго лѣта въ нихъ и прожилъ.

Теперь донесу вамъ, милостивый государь батюшка, что церковь здѣшняя до сихъ поръ, хотя почти на основаніи приходскихъ, но всегда въ волѣ вашей состоитъ оную сдѣлать опять единственно домашнею. Согласясь на представленіе г. Мартынова, того сдѣлать уже невозможно будетъ, ибо формально сдѣлана она будетъ навсегда приходскою; часть немалая земли вашей отойдетъ и будетъ на-вѣки церковною и вы будете на своемъ дворѣ не господиномъ. Сіе есть первое и главное неудобство. Другое то, что если пожелаете мѣсто сіе на Гороховомъ полѣ продавать, какъ ваше и было намѣреніе, то уступивъ часть къ приходу, уже не найдете купца на остатки или по крайней мѣрѣ отдать надобно будетъ оное за безцѣнокъ. Теперь же сосѣдъ мой Демидовъ, который болѣе всѣхъ тутъ интересуется, столь устремился въ сіе дѣло, что если на предложеніе ихъ склониться не изволите, онъ, я думаю, наконецъ, станетъ искать хотя купить все мѣсто, только чтобъ удовольствоваться въ семъ случаѣ. Главный же его предметъ, который побуждаетъ о сей церкви хлопотать, предметъ достойный великаго его ума, есть тотъ, что онъ надѣется тогда выходить дозволеніе послѣ смерти тушу свою здѣсь похоронить. А первый затѣйщикъ сему дѣлу и тотъ, который всѣхъ сихъ господъ ввелъ въ такія затѣи, есть Друковцевъ, который всегда почитаетъ за грѣхъ упустить случай пакости какія-нибудь сдѣлать [1].

За долгъ почелъ объяснить вамъ всю сію интригу, что исполнивъ, остается теперь только вашей о томъ резолюціи ожидать.

Лошади мои уже впряжены и я сейчасъ ѣду.

P. S. Забылъ донести, что Ковалинскій, между прочимъ, сказывалъ мнѣ, что онъ оставилъ Ивана Перфильевича (Елагина) между двумя огнями, ибо и Потемкинъ и Зоричъ войну ему объявили. Уже доходило до того, что онъ и въ отставку просился.

IV.

С.-пб., 16 Января, 1778.

Тому около десяти дней, какъ я въ Петербургѣ, изъ коихъ половину, пріѣхавъ, просидѣлъ дома, будучи очень нездоровъ, а осталь-

[1]) Здѣсь идетъ рѣчь о церкви Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ. Въ 1793 году на мѣстѣ стариннаго храма, существовавшаго со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, выстроена новая церковь, она считалась домовою графа Разумовскаго.

ные на безсмѣнномъ дежурствѣ проводилъ, по недостатку камергеровъ. Впрочемъ, о себѣ новаго донести ничего не имѣю, все по старому, и мнѣ теперь кажется, что я изъ Петербурга никогда не выѣзжалъ, а въ заключеніе сдѣланнаго мнѣ отказа на просьбы мои пожалованы въ президенты въ камеръ-коллегію князь Щербатовъ, герольдмейстеръ, а въ мануфактуръ-коллегію Бриль, бывшій губернаторъ иркутскій. Ничего не могло въ семъ случаѣ мнѣ помочь. Несчастливая моя судьба все преодолѣла и стараніе князя Потемкина было безполезно мнѣ, въ то самое время, когда ему ни въ чемъ не отказывали. Вотъ, милостивый государь батюшка, въ какомъ нелестномъ положеніи я нахожусь. Что-жъ касается до будущаго времени, то картина онаго несравненно хуже настоящаго представляется.

На сихъ дняхъ былъ я у Григорія Николаевича, съ которымъ много говорилъ о пребываніи вашемъ въ Малороссіи и о безпокойствахъ, причиняемыхъ тамошними ябедниками. Причемъ съ немалымъ удовольствіемъ слышалъ отъ него, что вы перемѣнили намѣреніе жить въ такомъ хлопотливомъ краю. Я всегда былъ тѣхъ мыслей, что жизнь тамошняя болѣе вредна вашему здоровію, какъ полезна, ибо, выключая нѣкоторые авантажи въ климатѣ, во всемъ прочемъ Малороссія уступить должна Петербургу и Москвѣ, а особливо послѣдней. Спокойствіе же души и общество честныхъ людей, хотя и въ холодномъ климатѣ, несравненно лучше противнаго тому въ самомъ лучшемъ.

Прилагаю при семъ письмо отъ Ивана Ивановича Шувалова. Вы найдете, что оное было распечатано, что произошло отъ того, что пріѣхавъ на сихъ дняхъ ввечеру поздно домой, подалъ мнѣ его человѣкъ отъ Ивана Ивановича, не сказавъ ничего, а я, не разсмотрѣвъ адресса, счелъ, что онъ мнѣ о чемъ пишетъ и распечаталъ, но въ первыхъ строкахъ узналъ свою ошибку и тотчасъ оное опять въ пакетъ вложилъ. Ивану Ивановичу же того не смѣлъ сказать, дабы онъ на первыхъ порахъ не принялъ меня за вѣтреннаго, а за долгъ почелъ въ томъ, милостивый государь батюшка, вамъ признаться чистосердечно.

V.

С.-пб., 19 Марта 1778.

Письмо ваше отъ Февраля 20-го съ курьеромъ имѣлъ я честь получить и пользуюсь обратнымъ онаго отправленіемъ для засвидѣтельствованія вамъ нижайшаго моего поздравленія съ днемъ вашего ангела; отъ искреннѣйшаго сердца желаю оной съ многими еще будущими препроводить въ здравіи и удовольствіи.

О себѣ донесу вамъ, что сколь не чувствительны были мнѣ худое обо мнѣ мнѣніе, нелестный отказъ въ моемъ исканіи и вседневныя у двора огорченія, однако, пріѣхавъ сюда, вооружился терпѣніемъ и бодростію, надѣясь найти, наконецъ, какую-нибудь перемѣну въ обстоятельствахъ моихъ и тогда перемѣнить намѣреніе идти въ отставку на другое гораздо сходственнѣе съ мыслями и желаніемъ моимъ. Но все то понапрасну; ни доброе мое намѣреніе, ни огорченія нимало здѣсь никого не трогаютъ, а между тѣмъ живу я понапрасну, ни себѣ и никому не въ пользу, а болѣе во вредъ, ибо не только что здѣшнее мое пребываніе съ безпрестаннымъ неудовольствіемъ сопряжено, но, сверхъ того, кажется, что изъ онаго заключить можно только одно то, что я весьма мало чувствую тяжесть такого состоянія, въ коемъ болѣе всего честь моя страждетъ, что весьма уничижительно для меня. Итакъ, я взялъ было намѣреніе прежде всего съ княземъ Потемкинымъ объясниться и сказать, что я прошу увольненія отъ службы по причинамъ, которыя уже отчасти и ему довольно извѣстны; мнѣ кажется, что сей есть лучшій способъ дать восчувствовать мои неудовольствія; но въ самое то время, когда хотѣлъ я къ тому приступить, онъ занемогъ, и потому должно мнѣ было отложить еще на нѣкоторое время, а вчера онъ выѣхалъ и надѣюсь теперь свободнѣе можно будетъ то исполнить. О семъ намѣреніи моемъ я съ Григорьемъ Николаевичемъ нѣсколько разъ говорилъ: онъ въ томъ со мною согласенъ и сказалъ, что въ моемъ положеніи онъ давно бы оставилъ службу.

Съ новымъ зятемъ [1]) имѣю честь васъ поздравить. Уповаю притомъ, что и его уже по сіе время можно поздравить съ женою, если онъ не потерялъ куражу послѣ столь страннаго и неожидаемаго пріему, каковъ ему былъ.

Старичокъ Дицель [2]) просилъ меня написать вамъ о садовникѣ, недавно сюда пріѣхавшемъ, коего онъ весьма рекомендуетъ, какъ человѣка не только въ своемъ ремеслѣ знанія много имѣющаго, но, сверхъ того, архитектора изряднаго и весьма искуснаго во всякой земляной работѣ; онъ имѣетъ хорошіе аттестаты и показывалъ мнѣ планы разные своего сочиненія, хорошо рисованные, и если онъ столько знающъ въ практикѣ, какъ въ теоріи, то, кажется, можно считать его въ числѣ такихъ садовниковъ, кои не часто попадаются. Онъ теперь безъ мѣста, и если изволите имѣть хорошаго человѣка въ Петровскомъ или въ другомъ гдѣ мѣстѣ, можно его, уповаю, не за весьма высокую цѣну достать. Господинъ Зоричъ, который очень ласково со всѣми

---

[1]) Иваномъ Васильевичемъ Гудовичемъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ и графомъ.

[2]) См. о немъ, томъ I.

обходится, на сихъ дняхъ далъ мнѣ коммиссію засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе и просить, чтобъ, если чрезъ Польшу сюда ѣхать вознамѣритесь, заѣхали-бъ къ нему въ Шкловъ, гдѣ домъ его и все, что имѣетъ, къ услугамъ вашимъ. Михайло Власьевичъ [1]) тутъ ѣхалъ и сказывалъ намъ, что весьма хорошій городокъ, регулярно выстроенный и въ которомъ все можно найти.

Новаго здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ того, что Романъ Ларіоновичъ [2]) нѣсколько дней послѣ того, какъ объявленъ былъ намѣстникомъ Володимірскимъ, занемогъ опасною горячкою и нѣсколько дней почти безнадеженъ былъ, но сегодня говорятъ, что легче гораздо ему стало.

VI.

Москва, 15 Мая 1778.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, не преминулъ бы я писать къ вамъ съ Едугинымъ, который за нѣсколько дней до выѣзда моего отправился; но онъ ничего о томъ мнѣ не сказавъ и я ни отъ кого не слышавъ объ отъѣздѣ его, упустилъ противъ желанія моего столь удобную оказію. Пріѣхавъ же сюда, тому двѣ недѣли, сначала нездоровъ былъ, а потомъ, свѣдавъ за нѣсколько часовъ, что отправляется курьеръ изъ дома вашего въ Батуринъ, не успѣлъ и съ нимъ писать, для чего принужденъ былъ отложить до сего числа и писать съ почтою.

Письмо ваше отъ Марта 27-го имѣлъ я честь получить съ копіею ордера къ Журaховскому, коему оригинальный мною врученъ. Къ князю Куракину письма вашего я не видалъ; однако по повелѣнію вашему благодарилъ за добрыя и справедливыя его намѣренія; но не нашелъ я въ немъ такой охоты къ дѣламъ, какую онъ имѣлъ при вступленіи своемъ въ прокурорскую должность; мнѣ казалось, что сей жаръ въ немъ уменьшился; можетъ быть, сіе уменьшеніе временное и происходило отъ того, что онъ весьма былъ занятъ Датскою бѣлою лентою, которая уже нѣсколько тому времени, какъ у него лежала безъ употребленія, за неполученіемъ дозволенія надѣть оную; однако, наконецъ и дозволено ему ею украситься. Что-жъ касается до Жураховскаго, признаюсь, милостивый государь батюшка, что не могу представить себѣ, чтобъ онъ столь злодѣйскія мысли имѣлъ, каковыя ему приписываютъ. Онъ клялся мнѣ, что совсѣмъ не зналъ и не видывалъ того человѣка, которому, говорятъ, сочинялъ челобитныя

---

[1]) Будлянскій.

[2]) Графъ Воронцовъ.

противъ васъ и что онъ толико обязанъ вашею милостію и довѣренностію, что считаетъ, что онъ долженъ бы отъ всѣхъ быть признанъ совершеннымъ бездѣльникомъ и негоднѣйшимъ человѣкомъ, еслибъ онъ хотя помыслить когда былъ въ состояніи что-нибудь противъ интересовъ вашихъ. Онъ во всемъ мнѣ оправдался; говорилъ, что у князя Куракина не былъ долго, пріѣхавъ въ Петербургъ, по причинѣ болѣзни, не отдавалъ письма для того, что почитая оное единственно рекомендательнымъ для него, хотѣлъ оное самъ вручить; а послѣ того былъ у князя нѣсколько разъ въ разныя времена, но не могъ его видѣть. Григорій Николаевичъ къ себѣ его не допускаетъ, видѣть не хочетъ и объявилъ, что ни о чемъ съ нимъ трактовать не намѣренъ и для того, говоритъ онъ, что и не знаетъ, что въ такихъ обстоятельствахъ ему дѣлать. Провѣдывалъ я, сколько возможно, о поведеніи его и не нашелъ, чѣмъ бы его укорить можно: Андрей Осиповичъ [1]), который живетъ на Васильевскомъ островѣ, гдѣ и Жураховскій, и который его часто видитъ, подтвердилъ мнѣ все то, что онъ и самъ мнѣ сказывалъ: согласить же Григорья Николаевича съ нимъ никакой возможности нѣтъ, въ чемъ и Михайло Власьевичъ свидѣтельствовать можетъ, и есть-ли какія еще причины скрытныя, для которыхъ Григорій Николаевичъ его не терпитъ и какого оныя рода, то мнѣ неизвѣстно.

Чрезъ Михайлу Власьевича изволили уже быть увѣдомлены о моей отставкѣ. Григорій Николаевичъ, съ коимъ я нѣсколько разъ о томъ трактовалъ и коего просилъ о написаніи письма о томъ, заблагоразсудилъ написать оное, такъ какъ усмотрѣть изволите изъ приложенной при семъ онаго копіи. Въ семъ случаѣ Зоричъ, по обыкновенію своему, оказалъ мнѣ свою честность и добрую душу; въ самый тотъ день, въ который подалъ я письмо, зашелъ къ нему и онъ, отозвавъ меня, сталъ распрашивать причины, побуждающія меня оставлять службу. Воспользуясь симъ случаемъ, разсказалъ я ему подробно всѣ свои обстоятельства у обоихъ дворовъ, желаніе, которое я имѣлъ быть опредѣлену, отказъ мнѣ сдѣланный и проч. Все, что имѣлъ на душѣ, открылъ и не представлялъ себѣ инако его любопытства, какъ единственно слѣдствіемъ обыкновенной его ко мнѣ ласки и доброжелательства ко всѣмъ вообще. Подобнымъ образомъ изъяснялъ я свое дѣло всѣмъ тѣмъ у двора, кои нѣкоторую роль играютъ, какъ-то: г. Никита Ивановичъ [2]), г. Иванъ Григорьевичъ [3]), Елагинъ и проч.; но онъ въ самый тотъ вечеръ, бывъ у Государыни съ Прасковьей

---

[1]) Закревскій.
[2]) Панинъ.
[3]) Чернышевъ.

Александровной [1]), зачалъ говорить обо мнѣ и все то, чтó мною ему сказано, пересказалъ. Прасковья Александровна въ томъ ему помогала и наконецъ договорили до того, что Государыня замолчала, не имѣя ничего, чѣмъ бы опровергнуть все то, что они въ мой авантажъ говорили, какъ онъ самъ мнѣ то пересказывалъ на другой день, причемъ прибавилъ, что Государыню въ такомъ положеніи они оставили, что еслибъ всемогущій Потемкинъ хотѣлъ прямо показать дружбу свою нашей фамиліи, то могъ бы онъ на все то, что я желалъ, согласить Государыню, хотя уже и письмо подано. „Что же касается до меня", говорилъ онъ, „сожалѣю, что не могу болѣе для васъ сдѣлать, какъ только говорить, но сего никто мнѣ не воспретитъ и говорить я не перестану". Такимъ образомъ Государынѣ вся моя исторія извѣстна, а вы изволили мнѣ и прежде писать, что, прося увольненія отъ службы, показать надобно, что я имѣю неудовольствія, дабы не сочли, что я того требую отъ лѣни или другой какой причины. Инако не могъ бы я никакимъ образомъ изъявить своего неудовольствія, ежелибъ въ семъ случаѣ счастіе не помогло и Зоричъ бы не такъ поступилъ. Когда прощался съ нимъ, то опять подтвердилъ мнѣ, сколько онъ сожалѣетъ, что я отъѣзжаю и просилъ засвидѣтельствовать вамъ его почтеніе и сожалѣніе, что онъ не могъ вамъ въ чемъ служить. Что-жъ касается до Потемкина, который никому добра не желаетъ, кромѣ себя, казалось, что я подарилъ его, когда подалъ письмо; ибо никогда столь учтиво и ласково меня не принималъ. Сію минуту пріѣхалъ сюда курьеръ, который сей же часъ отправляется къ вамъ и я пользуюсь симъ случаемъ и посылаю съ нимъ мое письмо. Наталья Кириловна мнѣ пишетъ, что получила отъ васъ повелѣніе выѣхать изъ дома, что ее весьма огорчаетъ по причинѣ той, что какъ она очень нездорова стала, то рѣдко выѣзжать можетъ и, слѣдовательно, не такъ часто будетъ имѣть удовольствіе васъ видѣть, какъ живучи въ домѣ; я самъ оставилъ ее въ докторскихъ рукахъ. Притомъ же квартиры, будучи весьма дороги въ Петербургѣ, а кошелекъ ихъ въ худомъ состояніи; она надѣялась поправить нѣсколько экономію свою и расплатиться съ долгами, не имѣя нужды издерживать столько, живучи у васъ. Я почелъ за долгъ о томъ донести вамъ, потому что я, живучи съ ними въ Петербургѣ, былъ самъ свидѣтелемъ и частымъ ея припадкамъ и худымъ обстоятельствамъ ихъ казны" [2]).

Прошеніе объ отставкѣ поданное Разумовскимъ, на Высочайшее имя, было слѣдующаго содержанія:

---

[1]) Брюсъ.

[2]) Изъ архива автора.

„Всемилостивѣйшая Государыня. Никогда бы я не осмѣлился принять сего дерзновенія, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, чтобъ утруждать Ваше Императорское Величество симъ всеподданнѣйшимъ моимъ прошеніемъ, ежели-бы только могъ согласить настоящую мою службу у двора Вашего Величества съ обстоятельствами естественными, которыми я обязанъ отцу моему по всегдашней его болѣзни, упражняющемуся попеченіемъ родительскимъ о многочисленной нашей фамиліи разныхъ лѣтъ и разнаго возраста и ежели бы я самъ, собственно начиная жизнь мою, имѣлъ уже въ благоустройствѣ домъ мой. Но, Всемилостивѣйшая Государыня, долгъ мой меня заставилъ все мое прилагать о томъ попеченіе, чтобъ отцу моему, обремененному фамиліею, въ благоустройствѣ его дома дѣлать, пока собственное мое здоровье къ тому допустить, хотя нѣкоторое вспоможеніе и свой собственный домъ учредить потребнымъ для жизни моей хозяйствомъ; то дерзаю пасть къ освященнымъ стопамъ Вашего Величества и единственно для домашнихъ отца моего и моихъ обстоятельствъ, всеподданнѣйше прошу уволить меня отъ службы.

„Всемилостивѣйшая Государыня Вашего Императорскаго Величества

Всеподданнѣйшій рабъ“ [1]).

Получивъ чистую отставку, Алексѣй Кириловичъ поспѣшилъ въ Москву, гдѣ и поселился. „Mon frère Alexis“, писала къ брату Андрею Наталія Кириловна Загряжская, отъ 30 августа 1778 года, „est parti il y a huit jour et après sa demission, par ce qu'on ne lui avait pas accordé une place qu'il avait demandée. A quelques petites choses près, je trouve qu'il a très bien fait et ceux, qui pensent bien, ne peuvent que l'estimer pour la façon dont il s'est conduit. Le Comte Iwan [2]) l'a beaucoup blâmé, mais je crois que cela ne prouve rien [3]). Потемкинъ ничего не захотѣлъ сдѣлать для сына своего друга, даже напротивъ, по словамъ Натальи Кириловны, онъ все дѣло испортилъ. Въ Москвѣ Разумовскій сталъ заниматься отдѣлкою, выдѣленнаго ему отцомъ, вмѣстѣ съ Перовымъ и Пензенскими маетностями графини Екатерины Ивановны, села Горенокъ. Не знаемъ, какъ долго былъ Разумовскій въ отставкѣ, но 27 Іюня 1786 года, въ день восшествія на престолъ Государыни онъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники и назначенъ сенаторомъ [4]). О служебной дѣятельности Алексѣя Кириловича при Екатеринѣ дошло до насъ мало свѣдѣній;

---

[1]) Изъ архива автора.

[2]) Чернышевъ.

[3]) Изъ архива князя Разумовскаго.

[4]) Письмо гр. Штакельберга, къ гр. Андрею Кириловичу, отъ Іюля 1786 года и Сочиненія Державина, V, 499.

извѣстно только, что въ 1793 году, по сдѣланному графомъ Безбородкою объявленію, чтобы совѣтъ представилъ кандидатовъ на вакантное мѣсто президента комерцъ-коллегіи, совѣтъ имѣлъ „во исполненіе сей воли Монаршей разсужденіе“ и представилъ, что къ управленію онымъ мѣстомъ могли бы быть способными генералъ-поручикъ Соймоновъ и тайные совѣтники графъ Алексѣй Разумовскій и князь Юсуповъ [1]). Выборъ Екатерины палъ однако не на Разумовскаго, уже давно домогавшагося подобнаго мѣста. Очевидно, что Государыня была противъ него предубѣждена. Быть можетъ, недовольство ея происходило отъ того, что Разумовскій принадлежалъ уже тогда къ масонскимъ ложамъ. Въ 1795 году онъ значился еще сенаторомъ, уволеннымъ на два года [2]). Сохранилось преданіе, что Разумовскій не одобрилъ одного закона, который Екатерина дала на обсужденіе въ сенатъ. Нѣсколько разъ по дѣлу этому собирали голоса, но одного все не доставало. Узнавъ, что пренія затягиваются по винѣ графа Алексѣя Кириловича, который не хотѣлъ при голосованіи подать голоса, Екатерина потребовала его къ себѣ и взяла съ него обѣщаніе согласиться, причемъ онъ однако заявилъ, что нехотя повинуется волѣ Государыни. Законъ состоялся, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ [3]).

Около 1784 года, графъ Алексѣй Кириловичъ разошелся съ женою. Выраженіе это не совсѣмъ вѣрно. Простая, безхарактерная, коекакъ воспитанная, графиня Варвара Петровна давно уже надоѣла вспыльчивому вольтеріанцу мужу своею набожностію, суевѣріями и совершенною безпомощностію. „Alexis“, писала въ 1779 году къ Андрею Кириловичу Наталья Кириловна, „se plaint beaucoup à moi de sa chère moitié“. Вскорѣ послѣ рожденія младшаго сына своего, графа Кирилы Алексѣевича, по приказанію мужа, котораго дотолѣ была самою вѣрною и покорною рабою, графиня Варвара Петровна должна была покинуть дѣтей и выѣхать изъ дома Разумовскаго. Она не смѣла противиться безапеляціонному приговору мужа, котораго боялась, какъ огня, и съ разбитымъ сердцемъ оставила дѣтей, которыхъ страстно любила. Графиня купила себѣ мѣсто въ Москвѣ, на углу Моросейки и Лубянской площади и выстроила тамъ домъ, по образцу флигеля, существовавшаго при домѣ свекра. Послѣ изгнанія жены, графъ удалился отъ свѣта, къ которому всегда былъ мало расположенъ, и сталъ

[1]) Архивъ Госуд. Совѣта, II, 4.

[2]) Списки гражданск. чиновъ за 1795 г.

[3]) Преданіе это мы слышали отъ дочери гр. Алексѣя Кириловича, княгиня Варвары Алексѣевны Репниной. То же повѣствуетъ Фази, часовщикъ Екатерины, близко знакомый съ семействомъ Разумовскихъ, (см. „Русская Старина“, томъ XIV, стр. 590.

рѣдко видѣться не только съ знакомыми, но даже съ самыми близкими родственниками. Даже дѣтей и воспитанниковъ своихъ видалъ онъ не ежедневно, а съ гувернанткою дочерей, швейцаркою m-lle Calame, жившей въ нѣсколькихъ отъ него комнатахъ, сносился не иначе, какъ письменно.

Все царствованіе Павла I-го, если не ошибаемся, графъ Алексѣй Кириловичъ провелъ въ отставкѣ и жилъ въ Москвѣ, скрываясь въ роскошныхъ палатахъ своихъ и великолѣпныхъ теплицахъ. Лѣтомъ онъ ѣздилъ почти постоянно въ Малороссію. Въ концѣ прошлаго столѣтія онъ уговорилъ отца продать обширный домъ на Знаменкѣ. Это Нарышкинское наслѣдіе графъ Кирила Григорьевичъ назначалъ издавна въ наслѣдство старшему сыну. Алексѣй Кириловичъ представлялъ отцу, что домъ слишкомъ обширенъ и что содержаніе его стоитъ крайне дорого. Домъ торговалъ сперва князь Безбородко, подарившій свои палаты подлѣ Лефортовскаго дворца Императору Павлу [1]). Съ Безбородки за домъ безъ мебели требовали 450,000 руб., и дѣло разошлось. Въ 1799 году явился новый покупщикъ, шуринъ Алексѣя Кириловича, богачъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ. „Покойный князь Безбородко", писалъ къ нему Алексѣй Кириловичъ изъ Москвы отъ 5 Сентября 1799, „за годъ до смерти своей весьма желалъ домъ сей купить, и, по отношенію его о томъ къ батюшкѣ моему, былъ я уполномоченъ къ совершенію продажи за 450,000 безъ всѣхъ мебелей. Но князь, желая домъ получить съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ просимой цѣны, на отзывъ нашъ рѣшительно не отвѣчалъ, а потомъ, когда, въ послѣднюю его здѣсь бытность, онъ паки захотѣлъ приступить къ торгу, предпочитая имѣть готовый домъ постройкѣ новаго, батюшка уже не захотѣлъ ни за какую сумму онаго продавать и тѣмъ разошлись. Но какъ сей домъ опредѣленъ на мою часть и, по образу жизни моей, слишкомъ для меня великъ, я опять старался склонить батюшку къ продажѣ его, если случай встрѣтится, на что онъ, наконецъ, согласился, на тѣхъ же кондиціяхъ, предоставляя, однакожъ, въ волю мою сдѣлать нѣкоторую въ нихъ отмѣну въ пользу покупщика. Чистосердечно признаюсь вамъ, что я желалъ бы, чтобъ сей домъ, выходя изъ владѣнія нашего, никому другому, кромѣ васъ, не достался".

Шереметевъ купилъ домъ за 400,000 рублей съ частью мебели; такъ, парадная гостиная осталась въ полномъ своемъ убранствѣ, изъ комнатъ же графа Кирилы Григорьевича вынесена была только подвижная мебель. Люстры, зеркала и даже въ церкви утварь, ризы и проч. остались за Шереметевымъ. Не мало времени потребовалось для вывоза

[1]) Слободской дворецъ, теперь ремесленное заведеніе.

серебра, библіотекъ, картинъ, оружейныхъ и проч., такъ какъ рядомъ со скарбомъ старшаго Разумовскаго, тутъ же хранилось все имущество сына его [1]). Продавъ домъ, графъ съ семействомъ поселился на наемной квартирѣ и предался унаслѣдованной имъ отъ отца и дяди страсти къ постройкамъ. Онъ сталъ воздвигать на мѣстѣ пожалованнаго Елизаветою дядѣ его, графу Алексѣю Григорьевичу, Гороховаго двора богатѣйшія палаты изъ дубовыхъ брусьевъ, почитая каменные дома нездоровыми для житья. На этотъ домъ, какъ самъ позднѣе сознавался, онъ простроилъ болѣе милліона рублей. Продать старинныя великолѣпныя палаты съ мебелью за 400,000, чтобы немедленно послѣ этого истратить на сооруженіе деревяннаго дома милліонъ, это была афферa вполнѣ подходившая подъ уровень обыкновенныхъ хозяйственныхъ соображеній графа Алексѣя Кириловича. За то домъ вышелъ на славу. О немъ не мало говорили не только въ Москвѣ, но и въ Петербургѣ. Залы блистали зеркалами и бронзою, многія гостиныя обиты были богатѣйшими гобеленями. Картины лучшихъ мастеровъ старинныхъ и новыхъ вмѣстѣ съ весьма интересными портретами, между прочимъ Нарышкинскими, украшали стѣны. Богатство палатъ Разумовскаго съ ихъ ботаническими и минералогическими собраніями обратили на себя вниманіе знаменитой баронессы де-Стааль [2]) и другихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ Москву.

„Домъ этотъ со всѣмъ, что̀ онъ содержитъ", повѣствуетъ де-Местръ, „сто̀итъ по малой мѣрѣ четыре милліона; оранжереи превосходятъ все то, что можно видѣть въ этомъ родѣ въ Европѣ; въ главной гостиной подоконники сдѣланы изъ лаписъ-лазули. Каталогъ однихъ изданій XV вѣка составляетъ довольно толстый томъ" [3]). Библіотеки этой составлено было два каталога профессоромъ Геймомъ: 1) каталогъ библіотеки графа А. К. Разумовскаго, 2 ч., и 2) изданіе, о которомъ упоминаетъ де-Местръ: „Notice des monuments typographiques qui se trouvent dans la bibliothêque du Comte A. Razoumovsky. Moscou 1810, 8-vo". Домъ занималъ почти цѣлый кварталъ. Садъ, наполненный цвѣтниками и рѣдкими деревьями, имѣлъ болѣе 3½ верстъ въ окружности и занималъ 43 десятины. Въ немъ было 4 пруда, наполненные рыбою. Яуза извивалась среди сада и черезъ нее перекинутъ былъ каменный мостъ [4]). Въ домѣ этомъ нынѣ помѣщается

---

[1]) Всѣ эти подробности, равно и письмо Разумовскаго, мы почерпнули изъ архива С. Д. Шереметева. Переписка графа Н. П. Шереметева съ гр. А. К. Разумовскимъ.

[2]) M-me de Stael. Dix années d'éxil. Oeuvres Complètes, XV, 212.

[3]) Correspondance diplomatique de J. de Maistre, I, 231.

[4]) Москва или историческій путеводитель по знаменитой столицѣ и пр., Москва, 1831, 4 т. 8°, IV, 31 и слѣд. и изъ разсказовъ Г. В. Грудева.

малолѣтнее отдѣленіе Воспитательнаго дома. Около дома стояла церковь Вознесенія, что на Гороховомъ полѣ, считавшаяся въ то время домовою.

Но любимымъ мѣстопребываніемъ графа А. К. Разумовскаго было подмосковное село его Горенки. Для разведенія тамъ ботаническаго сада, онъ вызвалъ изъ-за границы профессора Стефани. Преемникомъ его былъ ученый докторъ Редовскій, отправившійся въ 1805 году въ Китай вмѣстѣ съ графомъ Головкинымъ и умершій на дорогѣ. Помощникомъ Редовскаго былъ извѣстный ботаникъ, Ѳедоръ Богдановичъ Фишеръ, рекомендованный Разумовскому профессоромъ Шпренгелемъ. Фишеръ занялъ мѣсто Редовскаго, а впослѣдствіи переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ развелъ ботаническій садъ. Садъ Горенскій, въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, считался однимъ изъ чудесъ Москвы. Въ немъ собрано было около 2000 родовъ растеній, особенно богато было собраніе сибирской флоры.

Извѣстные ботаники Лангсдорфъ, Таушеръ, Гельмъ и Лондесъ изъѣздили Сибирь, Уралъ и Кавказъ для пополненія богатѣйшихъ горенскихъ коллекцій. Теплицы горенскія, гдѣ соединены были рѣдчайшія растенія со всего свѣта, состояли изъ семи корпусовъ. Въ оранжереяхъ насчитывали до 500 огромныхъ померанцевъ, грунтовые сараи тянулись на цѣлую версту. Садъ былъ расположенъ на двухъ квадратныхъ верстахъ и былъ замѣчателенъ необыкновеннымъ разнообразіемъ древесныхъ породъ. Среди сада возвышался огромный трехъэтажный домъ. Библіотека въ Горенкахъ, отдѣльная отъ городской, считалась одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи, особенно по естественнымъ наукамъ; въ ней находились рѣдчайшіе гербаріи; между прочимъ, часть коллекцій Палласа [1]). "Горенки имѣніе графа Алексѣя Разумовскаго", писалъ въ 1812 г. женѣ своей изъ Москвы знаменитый баронъ Штейнъ, „примѣчательно своимъ огромнымъ ботаническимъ садомъ и оранжереями, которыя цѣнятъ въ 500,000 рублей" [2]). Въ этихъ теплицахъ выращены были растенія, дотолѣ неизвѣстныя, такова особенная порода вискусовъ, получившая въ честь графа названіе *Razoumovskia* и новый видъ Personatae rhinantheae, названныя *Razoumovia;* этихъ послѣднихъ два рода: Razoumovia tranquehurcia и Razoumovia juniculata. При богатой ботанической сокровищницѣ Горенской ученымъ садовникомъ Ѳ. Б. Фишеромъ учреждено было отдѣльное ботаническое общество. Впослѣдствіи оно слилось съ обществомъ испытателей природы, основаннымъ въ Москвѣ Г. И. Фишеромъ фонъ-Вальдгеймъ. Соединеніе это много способствовало успѣхамъ общества

---

[1]) „Отечественныя Записки", Свиньина, т. IX, (1822 г.), 13—23.
[2]) G. U. Pertz, das Leben des Ministers Freiherrn von Stein, III, 106.

испытателей природы [1]). „Въ подмосковномъ великолѣпномъ имѣніи своемъ Горенкахъ“, повѣствуетъ Вигель, „среди царской роскоши, графъ Алексѣй Кириловичъ заперся одинъ съ своими растеніями.... Изъ познаній своихъ онъ дѣлалъ то же употребленіе, что изъ богатства: онъ наслаждался имъ безъ всякой пользы для другихъ... Всѣ сыновья гетмана“, — говоритъ онъ далѣе, „воспитаны были за-границею, начинены французскою литературою, облечены въ иностранныя формы и почитали себя русскими Монморанси, они были любезные при дворѣ и несносные внѣ его аристократы“ [2]).

Сужденіе Вигеля нѣсколько рѣзко и едва-ли оно вполнѣ приложимо ко всѣмъ сыновьямъ послѣдняго гетмана Малороссіи. Но надо признаться, что Алексѣй Кириловичъ былъ гордыни непомѣрной. Впрочемъ, гордость эту сохранялъ онъ и при дворѣ. Благодушные москвичи невольно его сравнивали съ любезнымъ и равно ко всѣмъ учтивымъ фельдмаршаломъ, и сравненіе это было далеко не въ пользу меньшаго поколѣнія. Высокомѣріе Алексѣя Кириловича породило даже въ Москвѣ слухъ, будто онъ считалъ себя сыномъ Елизаветы Петровны. „Графъ Алексѣй“, повѣствуетъ графъ М. А. Дмитріевъ-Мамоновъ, „даетъ чувствовать, будто онъ есть плодъ тайнаго брака Елизаветы, освященнаго церковью и, слѣдовательно, будто онъ происходитъ отъ царской крови. Говорятъ, что онъ любитъ показывать кровать дяди своего графа Алексѣя Григорьевича, сыномъ котораго ему хочется прослыть... Слухъ о бракѣ“, замѣчаетъ далѣе Мамоновъ, „распространился благодаря тщеславію нынѣшнихъ Разумовскихъ“ [3]). Разумѣется, разсказъ Мамонова не болѣе, какъ городская сплетня, но онъ не лишенъ интереса, какъ отголосокъ мнѣнія, которое составило себѣ московское общество о графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ. Гордый въ отношеніи къ посторроннимъ, Разумовскій былъ суровъ въ кругу своего семейства. Правда, что подроставшіе сыновья часто выводили его изъ терпѣнія своимъ самодурствомъ, а главное долгами. Деньги—это было самое больное его мѣсто. Дѣла по хозяйству шли крайне плохо, на расходы по постройкамъ и роскошныя затѣи часто не хватало средствъ. Съ сосѣдями по имѣніямъ заводились безпрестанныя тяжбы. Графъ хандрилъ, подозрительно относился къ самымъ близкимъ людямъ, вѣчно жаловался, вѣчно былъ недоволенъ. „Старшій братъ вашъ“, писалъ старикъ Кирила Григорьевичъ сыну своему Андрею, „б... какъ рощею окружился, недвижимъ съ мѣста, все видится ему вчернѣ и сердится на всѣхъ тѣхъ, кои около меня остаются“. И этотъ-то гордый и не-

---

1) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго университета, II, 523—524.
2) Воспоминанія Вигеля, III, 87—88.
3) „Русскій Архивъ“, 1877 г., III, 390.

уживчивый вельможа, ни во что, какъ казалось, не вѣровавшій, съ высоты своего величія смотрѣвшій на человѣчество, сталъ въ ряды ревностныхъ масоновъ. Мы упомянули выше, что предубѣжденіе Екатерины противъ графа Алексѣя Кириловича можетъ быть объяснено тѣмъ, что онъ былъ членомъ масонскихъ ложъ. Дѣйствительно, имя его встрѣчается въ числѣ членовъ Capitulum Petropolitanum, существовавшаго въ первой половинѣ царствованія Екатерины и имѣвшаго великимъ мастеромъ своимъ Людера [1]). Съ тѣхъ поръ, однако, о Разумовскомъ въ масонскихъ лѣтописяхъ не упоминается. Въ обществѣ Новикова онъ не принималъ участія и въ бумагахъ по Новиковскому дѣлу на него нѣтъ даже намёка.

Изъ многочисленнаго и нѣкогда столь дѣятельнаго Новиковскаго кружка́ въ началѣ нынѣшняго столѣтія оставалось въ живыхъ человѣкъ 9 или 10 старыхъ адептовъ. То были Трубецкіе, Гагаринъ, Лопухинъ, О. А. Поздѣевъ и другіе. Старые мартинисты эти, несмотря на гоненія 1792 года и арестъ Новикова, втайнѣ держались преданій своей юности и, по собственному выраженію, „сохраняли и поддерживали въ тиши священный огонь". Но огонь этотъ съ годами переродился, пламя потеряло свою живительную согрѣвающую силу и обратилось въ какое-то холодное мерцаніе. Отъ всего прежняго ученія осталась одна наружная формальность. Съ воцареніемъ Павла I, тайные мартинисты вздохнули свободнѣе, не рѣшаясь однако возобновлять своихъ собраній. Освобожденный Новиковъ поселился въ уединенной своей подмосковной, почти не посѣщая Москву и вполнѣ отрекшись отъ дальнѣйшей дѣятельности по части масонства. Послѣ восшествія на престолъ Александра Павловича масонство пробудилось съ новою силою. Къ старымъ послѣдователямъ Новикова примкнули новые прозелиты, которые взяли дѣло въ свои руки; то были, между прочими, П. И. Кутузовъ, Данауровъ, князь Козловскій и много другихъ [2]). Глубокая таинственность продолжала облекать лишенные уже всякаго внутренняго значенія обряды. „Услышалъ я", писалъ Невзоровъ, „что въ Москвѣ заводятся опять ложи масонскія; наконецъ, начали и меня приглашать вступить въ оныя. Но люди, представлявшіе себя правителями ихъ здѣсь, по репутаціи своей не могли для меня быть приманкою для вступленія съ ними въ масонскій союзъ, это были не Иванъ Владиміровичъ" [3]). Къ этому союзу примкнулъ теперь надменный, неуживчивый, крутой съ подчиненными, графъ Алексѣй Кириловичъ, семейная жизнь котораго представляла не мало соблазна тогдаш-

---

[1]) Пыпинъ, Русское масонство до Новикова, „Вѣстникъ Европы", № VI, 567.
[2]) „Русскій Архивъ", 1875 г., III, 80.
[3]) Лопухинъ. Библіографическія записки, I, 656—657.

нему московскому обществу и убѣжденія котораго отзывались сильною закваскою волтерьянства. Объяснить такую аномалію трудно, хотя у насъ встрѣчается она нерѣдко. Масоны „отлично пьютъ и ѣдятъ", писалъ о нихъ графъ Ростопчинъ, „они преданы роскоши и сладострастію, а между тѣмъ постоянно разглагольствуютъ о цѣломудріи, воздержаніи и молитвахъ" [1]). Верховнымъ жрецомъ этихъ возродившихся или, вѣрнѣе, выродившихся масоновъ сталъ Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, отставной морякъ, служившій нѣкогда начальникомъ канцеляріи президента морской коллегіи, фельдмаршала по флоту графа И. Г. Чернышева. Онъ принадлежалъ во времена оны къ числу замѣчательнѣйшихъ сподвижниковъ Новикова [2]); былъ однимъ изъ русскихъ розенкрейцеровъ, великимъ мастеромъ ложи Орфея [3]) и обрядоначальникомъ провинціальной ложи [4]). Разгромъ 1792 года и арестованіе Новикова сильно, должно быть, на него подѣйствовали, по крайней мѣрѣ, судя по письмамъ его къ ближайшимъ друзьямъ, писаннымъ въ двѣнадцатомъ году, очевидно, что филантропизмъ его сильно поблекъ. Среди славной эпохи, имъ проживаемой, среди потрясающаго зрѣлища страданій и разоренія, во время разгрома Москвы и послѣдовавшихъ за нимъ побѣдныхъ кликахъ, Поздѣевъ исключительно занятъ былъ слухами о томъ, что Государь намѣренъ освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и молва объ этомъ приводила его въ совершенное отчаяніе [5]). Даже умъ его съ годами очевидно выдохся. Тѣмъ не менѣе, а быть можетъ именно вслѣдствіе этого страннаго смѣшенія мистическаго настроенія съ ультра-консерватизмомъ, Поздѣевъ пользовался сильнымъ авторитетомъ въ извѣстномъ кружкѣ масоновъ. Къ нему прибѣгали, какъ къ совѣтнику, утѣшителю и наставнику самыя разнохарактерныя личности, по преимуществу, впрочемъ, изъ высшаго круга. Нескончаемыя посланія Поздѣева представляютъ пеструю смѣсь натянутаго и туманнаго мистицизма, лести, заискиванія и самаго положительнаго обскурантизма. Къ Поздѣеву любилъ обращаться за совѣтами и Алексѣй Кириловичъ. Гордый графъ смиренно выслушивалъ долгія и скучныя рацеи человѣка, гораздо ниже его стоявшаго по уму и образованію. Съ своей стороны, Поздѣевъ, весьма снисходительно относившійся ко всему тому, что было неправильно въ семейныхъ отношеніяхъ графа Алексѣя Кириловича, руководилъ его духовною жизнію и даже при случаѣ давалъ ему совѣты касательно его служебной дѣятельности. Основываясь

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875 г., III, 80.

[2]) Новиковъ и московскіе мартинисты, М. Н. Лонгинова, М. 1867, стр. 165.

[3]) Тамъ же, 177.

[4]) Тамъ же, 232.

[5]) „Русскій Архивъ", 1869, стр. 1853.

на текстахъ св. писанія о томъ, что земля въ потѣ лица должна быть обработываема человѣкомъ, онъ крѣпостному праву подыскивалъ чуть ли не божественное происхожденіе. Онъ умѣлъ постоять за людей ему преданныхъ, непрестанно рекомендовалъ Разумовскому то того, то другого изъ своихъ адептовъ, а въ иныхъ случаяхъ не прочь былъ, гдѣ надобно, и пошпіонить. Довольно объемистая переписка Поздѣева съ Разумовскимъ, печатаемая нами въ приложеніяхъ, представляетъ не безъинтересный матеріалъ для полной характеристики нашего общества въ первую четверть настоящаго столѣтія. Преданные Поздѣеву люди, за малыми исключеніями, принадлежали къ поколѣнію отживающему. Не то, чтобы масонство отживало свой вѣкъ, напротивъ, никогда не было оно въ такомъ цвѣтущемъ положеніи. Со всѣхъ сторонъ открывались новыя ложи съ самыми оригинальными и разнообразными названіями: Александръ къ коронованному пеликану, Елизавета къ добродѣтели, Петръ къ истинѣ, les amis réunis, Дубовая долина, Нептунъ къ надеждѣ, Изида и пр. и пр. Но молодое поколѣніе не довольствовалось пустымъ паѳосомъ Поздѣевской школы; оно жаждало новаго ученія, оно требовало живого слова. Весь авторитетъ старыхъ учителей, непонимавшихъ новыхъ потребностей времени, погибъ безвозвратно. Изъ-за границы явились новые учителя: Шредеръ и Феслеръ. Новое поколѣніе масоновъ приняло ихъ съ распростертыми объятіями, а старые масоны со злобою и проклятіями. Послѣдніе все болѣе и болѣе отдѣлялись отъ младшихъ своихъ собратій. Среди огромной сѣти масонскихъ ложъ, которыя съ необыкновенною быстротою распространились въ Петербургѣ, Москвѣ, Ревелѣ, Одессѣ, Вологдѣ и даже Томскѣ, Поздѣевцы стали одиноко и съ завистью слѣдили за успѣхами бывшихъ друзей своихъ. „Дайте разумѣть“, писалъ Поздѣевъ Разумовскому, „что тѣхъ масоновъ, которыхъ вы знаете, нечего опасаться, а коли дадутъ имъ инспекцію надъ ложами, то можно быть и Государю и государству покойными, что не только сами неудобны къ безпокойству, но еще и остерегутъ и узнаютъ и не допустятъ что-нибудь мыслить противъ Государя и государства“.

Занимаясь ботаникою и масонствомъ, графъ Алексѣй Кириловичъ жилъ въ отставкѣ до 1807 года. Послѣ воцаренія Александра Павловича, когда юный Императоръ прибылъ въ Москву для вѣнчанія своего на царство, онъ милостиво принялъ Разумовскаго и уговаривалъ его снова поступить на службу, но Алексѣй Кириловичъ не согласился. Тѣмъ не менѣе Государь отличалъ его во все время своего пребыванія въ Москвѣ и передъ отъѣздомъ пожаловалъ старшую дочь его, графиню Варвару Алексѣевну, только-что представленную ко двору, во фрейлины. Пожалованіе это было, однако, опубликовано только послѣ возвращенія

двора въ Петербургъ [1]). Въ тѣ времена подобное отличіе было рѣдкостью и считалось немалою Монаршею милостью. Въ 1807 году Алексѣй Кириловичъ сдѣлался сговорчивѣе и рѣшился, наконецъ, уступить усиленнымъ просьбамъ Государя. Указомъ правительствующему сенату, даннымъ 2-го Ноября 1807 года, Разумовскій пожалованъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначенъ попечителемъ московскаго университета и его округа [2]). Какъ видно изъ рескрипта на имя Разумовскаго, отъ 14 Апрѣля 1808 года, Алексѣй Кириловичъ принялъ мѣсто попечителя только изъ угожденія къ волѣ Государя. Разумовскій замѣнилъ при московскомъ университетѣ умнаго и дѣятельнаго М. Н. Муравьева, „незабвеннаго питомца-попечителя", какъ называетъ его Шевыревъ [3]), скончавшагося 1807 г. 28 Іюля. Въ преемники Муравьеву Александръ Павловичъ прочилъ сперва И. И. Дмитріева. „Какъ ни лестно было бы для моего самолюбія заступить мѣсто почтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ Муравьева, похищеннаго смертію еще въ мужествѣ лѣтъ его", повѣствуетъ Дмитріевъ, „но я не захотѣлъ, чтобы завистники или эпиграммисты назвали меня вороной въ павлиныхъ перьяхъ. Въ отвѣтѣ моемъ графу Завадовскому изъявлены были чувства душевной благодарности къ Августѣйшему моему покровителю, сознаніе моихъ недостатковъ въ классическомъ образованіи и искреннее желаніе остаться при отправленіи только службы по званію сенатора, въ которой я уже пріобрѣлъ навыкъ. Отказъ послужилъ къ пользѣ отставного камергера и сенатора А. К. Разумовскаго. Онъ заступилъ мѣсто Муравьева и, въ задатокъ за будущую службу, награжденъ орденомъ св. Александра Невскаго и чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника" [4]). Дмитріевъ нѣсколько ошибается: Александровская звѣзда пожалована была Разумовскому позднѣе.

Вскорѣ послѣ назначенія своего Разумовскій отправился въ Петербургъ. Онъ ѣхалъ туда нéхотя; но его настоятельно звалъ князь Н. М. Козловскій, его factotum, пользовавшійся въ то время безграничнымъ довѣріемъ своего патрона. „Увѣренъ, что сіе (т.-е. пріѣздъ Разумовскаго)", писалъ онъ 19 Ноября 1807 года изъ С.-Петербурга „послужитъ къ лучшему устроенію домашнихъ дѣлъ... Отъ васъ зависѣть будетъ принять знаки милостиваго мнѣнія, которое Государь Императоръ принялъ въ разсужденіе дарованій вашихъ и весьма доволенъ, что вы сіе охотно принять изволили. Искренно говорю, по чести, не для васъ, а для сердечныхъ обязанностей полезны быть могутъ (sic); по приказанію

[1]) Архивъ гр. С. Д. Шереметева, письма гр. А. К. Разумовскаго.

[2]) Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, 386—387.

[3]) Тамъ же, 383.

[4]) И. И. Дмитріевъ, Взглядъ на мою жизнь, 155—156.

вашему изъявлялъ признательность вашу, онъ (т.-е. Государь) желаетъ вамъ добра и много о семъ говорилъ и много дѣйствіевъ (sic) подтверждающихъ оное ..." [1]). „На счетъ продажи имѣнія", писалъ далѣе Козловскій отъ 2-го Декабря 1807, „Алексѣя Григорьевича (Теплова?) давно знаю, но въ этомъ случаѣ вотъ его виды: Марья Антоновна (Нарышкина), съ которой, мнѣ вѣрно извѣстно, по дѣламъ экономическимъ весьма связанъ и нѣкотораго рода управленіе и устройство обстоятельствъ ему ввѣрено, намѣренъ, чтобъ она попросила, но не Гурьева [2]) уже. Дѣла сего рода идутъ здѣсь такъ: сей толстый и недоброжелательный человѣкъ (Гурьевъ) отказываетъ; подаютъ самому Государю письма, и ежели кто подкрѣпленъ, то безъ церемоніи выходитъ именное повелѣніе купить, чтó и было въ прошедшемъ мѣсяцѣ у Милорадовича [3]) и у Чернышева купили, т.-е. Григорія Ивановича [4]). Итакъ, сіе обстоятельство повременить мало, особенно до пріѣзда вашего надобно. Въ заключеніе о пріѣздѣ в. с. сюда. Вамъ, конечно, отвыкнувъ отъ двора и по роду жизни вашей, трудно рѣшиться, но о семъ представляетъ Василій Степановичъ [5]), который усердно кланяется и приказалъ мнѣ написать, что вамъ не только нужно, но необходимо должно пріѣхать; князь Петръ Васильевичъ [6]), съ которымъ открыто говорилъ, тоже; графъ Петръ Васильевичъ [7]) своимъ манеромъ говоритъ: „онъ будетъ, я знаю, да и надобно побывать". Причины же побуждающія суть слѣдующія: Государь Императоръ съ извѣстнымъ добрымъ сердцемъ своимъ не можетъ избѣжать, чтобъ внушенія злонамѣренныхъ людей не имѣли надъ нимъ тѣхъ же дѣйствій, какія въ прошлое правленіе на счетъ Москвы дѣланы были: что въ Москвѣ гнѣздо вольномыслящихъ, что въ Москвѣ мартинисты много значутъ. Нынѣ, къ усугубленію вредныхъ сихъ идей, хотятъ перемѣнить названіе мартиниста, а пожаловать въ иллюминаты. Сію мысль поддерживаетъ вашъ градодержатель [8]), подкрѣпляетъ ее суевѣрный графъ Николай Ивановичъ [9]) и въ добавокъ бывшій внедавнѣ у васъ Хитрово (по личности на васъ) между знакомыхъ своихъ говорилъ: „что въ Москвѣ вралей много, но хитрость иллюминатовъ велика; сидятъ въ уголкахъ межъ собою; изъ главныхъ у нихъ Алексѣй Кириловичъ". Остановится ли сей человѣкъ го-

---

[1]) Архивъ князя Репнина.

[2]) Графъ Дмитрій Александровичъ, министръ финансовъ и удѣловъ.

[3]) Знаменитый генералъ, графъ Михаилъ Андреевичъ.

[4]) Графъ Григорій Ивановичъ, сынъ фельдмаршала по флоту, графа Ивана Григорьевича Чернышева.

[5]) Тамара.

[6]) Лопухинъ.

[7]) Заводовскій.

[8]) Графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ.

[9]) Салтыковъ.

ворить только между своими? Не знаю, но люди, коихъ я выше сего назвалъ, говорятъ, что вамъ пріѣхать надобно для того, чтобы импозировать собою и уронить вздоръ сей, тѣмъ болѣе, что высокое мнѣніе получили объ васъ у двора, какъ и прежде писалъ" [1]).

Разумовскій былъ принятъ Государемъ весьма благосклонно. Видимымъ знакомъ благоволенія былъ орденъ св. Александра Невскаго, полученный графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ при весьма лестномъ рескриптѣ, съ небольшимъ 6 мѣсяцевъ послѣ назначенія попечителемъ. „Орденъ жаловался", какъ сказано въ рескриптѣ, „отъ удостовѣренія, что ревностныя попеченія графа совершатъ устройство учебной части какъ въ университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ".

Попеченія Разумовскаго оказались, однако, на дѣлѣ не столь ревностными, какъ, напримѣръ, попеченія любимаго всѣмъ округомъ его предмѣстника. Привыкшій къ уединенной жизни и не любившій ни въ чемъ стѣснять себя, новый попечитель былъ мало кому доступенъ. Въ числѣ многочисленнаго домашняго штата графа Алексѣя Кириловича находился библіотекаремъ молодой харьковскій грекъ, Михаилъ Качони. Несмотря на 25-ти-лѣтній возрастъ, Качони уже испробовалъ счастія на разныхъ поприщахъ: служилъ урядникомъ въ Екатеринославскомъ ополченіи, былъ канцеляристомъ, ротмистромъ, сержантомъ въ таврическомъ гренадерскомъ полку. Наконецъ, онъ пристроился въ домѣ Разумовскаго и тамъ преобразился въ извѣстнаго литератора, профессора и историческаго критика Михаила Трофимовича Каченовскаго. Получивъ въ 1805 году званіе магистра, а въ 1806 году степень доктора, уже не Качони, а Каченовскій, послѣ назначенія Разумовскаго попечителемъ, сдѣлался его письмоводителемъ и вскорѣ ему поручено было управленіе всѣми дѣлами попечительской канцеляріи, вмѣстѣ съ званіемъ старшаго письмоводителя при попечителѣ [2]). Каченовскій сталъ важнымъ лицомъ въ округѣ. Онъ имѣлъ большое вліяніе на дѣла и представляемыя имъ отъ имени Разумовскаго предложенія производили иногда непріятное впечатлѣніе на профессоровъ [3]).

Первымъ дѣломъ Разумовскаго, послѣ своего назначенія, было выхлопотать Московскому обществу испытателей природы, коего давно уже состоялъ президентомъ и о которомъ имѣлъ особое попеченіе, именованіе Императорскаго. Государь изъявилъ особымъ рескриптомъ благоволеніе свое за поднесенный ему первый томъ трудовъ общества. Обществомъ тогда же составленъ былъ планъ систематическаго описанія Московской губерніи, на что̀ отъ казны выдано было единовременно 5000 рубл.

---

[1]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, I, 383—384.

[3]) „Русскій Архивъ", 1866, 752. Воспоминанія И. М. Снигирева.

Астрономическія наблюденія и тригонометрическія измѣренія поручены были ординарному профессору астрономіи Гольдбаху; Императорское депо картъ присоединило къ нему съ своей стороны Панснера, снабдивъ его всѣмъ нужнымъ. Въ концѣ лѣта 1808 года, оба изслѣдователя ѣздили въ Звенигородъ, Рузу, Можайскъ, Воскресенскъ, Волоколамскъ и Верею. Въ слѣдующемъ году Гольдбахъ продолжалъ свои разъѣзды съ молодымъ курляндцемъ Вильдеманомъ. Наблюденіе времени и широты производилось секстантомъ; углы треугольниковъ были измѣряемы повторительнымъ кругомъ Борда. Трудъ остался, впрочемъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, недоконченнымъ, хотя, какъ видно изъ писемъ Гольдбаха къ Боде, первый пользовался расположеніемъ графа Алексѣя Кириловича и находилъ въ немъ участіе къ своимъ занятіямъ [1]). Кромѣ того, по распоряженію Разумовскаго, ординарный профессоръ опытной физики П. И. Страховъ съ 1808 года постоянно замѣчалъ по три раза въ день измѣненія метеорологическихъ явленій и наблюденія свои печаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Это продолжалось безостановочно до занятія Москвы французами [2]).

Въ 1809 году, вслѣдствіе доклада Разумовскаго, повелѣно было отнести пенсіи, выдаваемыя чиновникамъ, ихъ выслужившимъ до преобразованія университетовъ, а также вдовамъ и сиротамъ профессоровъ, на общій училищный капиталъ. По мнѣнію новаго попечителя, ежегодная перемѣна ректоровъ въ университетѣ сопряжена была со многими неудобствами, и онъ требовалъ отъ министра безсмѣнности ректоровъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько лѣтъ. Несмотря на большія затрудненія, ходатайство Разумовскаго было окончательно уважено и высочайшимъ указомъ отъ 16 Сентября 1809 года предписано производить избраніе ректора черезъ каждые три года. Одной изъ главныхъ заботъ Разумовскаго было переведеніе университета въ болѣе пространное и удобное помѣщеніе. Старымъ университетскимъ строеніемъ [3]), купленнымъ Екатериною въ 1785 году у князя Барятинскаго, попечитель былъ недоволенъ, несмотря на многія, сдѣланныя къ нему въ послѣднія 25 лѣтъ пристройки. Онъ хотѣлъ перевести университетъ въ Екатерининскій или Головинскій дворецъ въ Лефортовѣ. Деревянный дворецъ этотъ, принадлежавшій при Петрѣ графу Голо-

---

[1]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, I, 239—240.

[2]) Біографическій словарь профессоровъ Московскаго Университета, II, 453.

[3]) Старое зданіе Университета. Новое зданіе куплено было у Пашковыхъ въ 1833 году. У Пашковыхъ въ Москвѣ было 4 великолѣпныхъ дома: 1) нынѣшній музей, еще до сихъ поръ называемый Пашковскимъ домомъ; 2) новое зданіе Университета; 3) домъ придворнаго вѣдомства, у Каменнаго моста, и 4) Запасная аптека у Чистыхъ Прудовъ.

вину [1]) и сгорѣвшій въ 1753 году, былъ Елизаветою кое-какъ перестроенъ и указомъ Императрицы перевезены были изъ Перова тамошнія „большія хоромы“ для поспѣшенія въ Москвѣ дворца“ [2]).

Екатерина повелѣла разобрать кое-какъ возведенное теткою ея зданіе, и подъ руководствомъ Гваренги и Камерози сталъ воздвигаться громадный дворецъ, на мѣсто стараго Головинскаго, который ко времени кончины Екатерины готовъ былъ только вчернѣ. Павелъ I, сейчасъ же послѣ восшествія своего на престолъ, повелѣлъ неоконченный дворецъ обратить въ казармы. О пріобрѣтеніи дворца этого усердно, но безуспѣшно старался Разумовскій и безпрестанно въ письмахъ своихъ напоминалъ о томъ министру народнаго просвѣщенія Завадовскому. Вообще попечитель былъ раздражителенъ, нетерпѣливъ и обидчивъ. Добродушный Завадовскій, находившійся въ самыхъ дружественныхъ и даже, по женѣ, родственныхъ отношеніяхъ съ семействомъ Разумовскихъ, всячески старался успокоить новаго попечителя, не безъ легкаго иногда оттѣнка ироніи и, по выраженію самого Алексѣя Кириловича, обходился съ нимъ, какъ съ „капризною любовницею“. „Флегма, свойственная старости, погасила во мнѣ жаръ“, писалъ къ Разумовскому министръ, совѣтуя ему не такъ горячо принимать все къ сердцу и брать съ него примѣръ.

Въ началѣ Декабря 1809 года, впервые послѣ своего вѣнчанія на царство, Александръ Павловичъ посѣтилъ Москву. Государь пріѣхалъ изъ Твери вмѣстѣ съ жившею въ этомъ городѣ любимою сестрою своею, Екатериною Павловною. 11 Декабря Александръ съ Великою Княгинею подробно осмотрѣлъ университетъ. Никогда еще пятидесятилѣтній университетъ не удостоивался подобной чести. Впервые входилъ въ alma mater русской науки вѣнценосецъ Россіи. Разумовскій былъ отъ Государева посѣщенія въ восторгѣ. Возвращаясь въ этотъ день изъ университета, онъ даже заѣхалъ къ отличаемому имъ профессору Страхову и весьма былъ удивленъ обширностью его библіотеки и множествомъ рѣдкихъ дорогихъ книгъ, чертежей и рукописей, которыя нашелъ у профессора [3]). Такой визитъ, сдѣланный профессору гордымъ Разумовскимъ, рѣдко кого посѣщавшимъ, не мало всѣхъ удивилъ. „Съ моимъ сердечнымъ удовольствіемъ“, писалъ къ Разумовскому министръ просвѣщенія, „поздравляю в. с. стяжаніемъ всякой хвалы, которую я слышалъ отъ Государя Императора, посѣщавшаго Московскій университетъ. Онъ отозвался добрымъ словомъ о профессорахъ, коихъ удостоилъ своего разговора, о порядкѣ управленія, а наипаче о личныхъ вашихъ каче-

---

[1]) Есть гравюра Генриха де-Вита, изображающая московскія хоромы Головина въ первые годы прошлаго столѣтія. Древніе оттиски гравюры этой крайне рѣдки.

[2]) Изъ Госуд. архива.

[3]) Біогр. словарь проф. Моск. Университета, II, 461.

ствахъ, способствующихъ лучшему образованію сей полезнѣйшей части, и при семъ случаѣ изволилъ сказать, что Екатериненскій дворецъ положилъ отдать подъ университетъ, только ему еще надобно переговорить съ военнымъ министромъ".

Отдача дворца, однако, не состоялась. Дряхлый физически, хотя еще бодрый умомъ, графъ Завадовскій сталъ помышлять объ отставкѣ. Государь колебался, кого назначить ему въ преемники. Великая Княгиня Екатерина Павловна въ Москвѣ представила Карамзина Императору. Живя постоянно въ Твери, сестра Государева, воспріимчивая и любезная, старалась окружить себя людьми умными. Она поочередно вызывала къ себѣ то того, то другого изъ москвичей, выходящихъ изъ-подъ общаго уровня по познаніямъ или дарованіямъ; сближалась съ ними, вела съ ними дѣятельную переписку и старалась сдѣлать ихъ извѣстными Государю. Ростопчинъ, Разумовскій, Нелединскій, Карамзинъ и многіе другіе по нѣскольку разъ въ году гащивали въ гостепріимномъ Тверскомъ дворцѣ. Изъ всей плеяды тогдашнихъ московскихъ умниковъ никто не пришелся такъ по́ сердцу Великой Княгинѣ, какъ Карамзинъ. Онъ только-что прочелъ ей первые томы своей исторіи. Она не замедлила о томъ увѣдомить Государя. Это подало Александру Павловичу мысль поставить Карамзина во главѣ народнаго образованія. По малому чину исторіографа, предполагалось назначить его не министромъ, а директоромъ; Сперанскій, однако, бывшій тогда на высшей степени могущества, отклонилъ эту мысль, совѣтуя сдѣлать Карамзина сперва кураторомъ [1]); но отъ этого предложенія, какъ видно, самъ Карамзинъ отказался. „Какъ жаль, что не имѣю права похвастаться передъ тобою своею философическою умѣренностію", писалъ онъ къ Дмитріеву отъ 19 Февраля 1811 года, „немногіе отказываются, отъ чего я отказался" [2]). Посѣщеніе Императоромъ университета, а равно и выгодное впечатлѣніе, произведенное на Государя Разумовскимъ, обратили на него высочайшее вниманіе. Угрюмый и гордый, раздражительный и желчный въ уединеніи кабинета, который онъ рѣдко покидалъ, графъ Алексѣй Кириловичъ умѣлъ при случаѣ блеснуть въ обществѣ. Его несомнѣнныя познанія, колкость ума, утонченная свѣтскость иногда, хотя и не часто, брали верхъ надъ обычною хандрою и брюзгливостью. Такимъ предсталъ онъ въ Москвѣ передъ Государемъ и показался ему достойнымъ преемникомъ Завадовскаго. „Можетъ быть Линней", повѣствуетъ Вигель, „и былъ бы хорошимъ министромъ просвѣщенія, но между ученымъ и

---

[1]) „Русская Старина", XI, 244. Воспоминанія Сербиновича. Сербиновичъ говоритъ: „но и тутъ предпочтенъ былъ Разумовскій", тутъ явная ошибка.

[2]) Н. М. Карамзинъ, М. Погодина, II, 60.

только-что любителемъ науки—великая разница..... Тогда все почиталось великою ученостью. Отъ любезныхъ Разумовскому теплицъ оторвали его, чтобы поручить ему разсадники наукъ: казалось, право, что русское юношество считали принадлежащимъ къ царству прозябаемыхъ. Еще разъ должно сказать, что всѣ эти баричи при Екатеринѣ и послѣ нея, на французскій манеръ воспитанные, въ дѣлахъ были ни къ чему не годны, слѣдственно съ властію и вредны; и къ сотнямъ доказательствъ того принадлежитъ Разумовскій. Никакой памяти не оставилъ онъ по себѣ въ министерствѣ" [1]).

ГЛАВА III.

Графъ Алексѣй Кириловичъ.

(Продолженіе.)

Начало царствованія Александра Павловича было эпохою вольнолюбивыхъ мечтаній, политическихъ утопій и административнаго дилеттантизма. Вѣнчанный воспитанникъ гражданина Лагарпа съ раннихъ лѣтъ не возлюбилъ среду, его окружавшую. Александра выняньчила нѣмка, княгиня Ливенъ, онъ возросъ подъ руководствомъ Лагарпа. Другіе воспитатели, князь Н. И. Салтыковъ и М. Н. Муравьевъ, никогда не имѣли на царственнаго отрока того вліянія, которымъ пользовался умный и симпатичный швейцарецъ. При всемъ благородствѣ, при всей искренности убѣжденій, Лагарпъ былъ плохимъ руководителемъ для русскаго, а тѣмъ паче для Великаго Князя. Все въ Россіи шло въ разрѣзъ со взглядами, понятіями и привычками либерала-швейцарца. Онъ не могъ понять совершенно чуждой ему Россіи, а потому не могъ и любить ея. Невольно и незамѣтно для самого себя, Лагарпъ вселялъ въ сердцѣ царственнаго воспитанника недовѣріе къ русскому народу и къ самымъ заповѣднымъ вѣрованіямъ его. Ребенкомъ сблизился Александръ съ Адамомъ Чарторижскимъ, и хитрый полякъ, несмотря на вполнѣ русское свое происхожденіе [2]), сознательно довершилъ дѣло Лагарпа. Едва достигнувъ юношества, Александръ мечталъ не о малознакомой ему Россіи, а объ аркадійской жизни на берегахъ Рейна подъ благорастворенным небомъ Запада [3]). Въ откровенныхъ

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, III, 88.

[2]) См. письма гр. А. И. Маркова, къ кн. Андрею Кириловичу Разумовскому.

[3]) Графъ Корфъ, Восшествіе на престолъ Николая I, стр. 5.

письмахъ къ друзьямъ своего дѣтства, будущій наслѣдникъ Русскаго престола не скрывалъ, до какой степени ему были не пó сердцу тѣ люди, среди которыхъ протекала жизнь его. „Je me fais du mauvais sang", писалъ онъ къ В. П. Кочубею отъ 10 Мая 1796 года, „en voyant les bassesses qu'on fait à chaque instant pour acquérir une distinction pour laquelle je n'aurois pas donné trois sols. Je me sens malheureux d'être en société avec des gens que je ne voudrais pas avoir pour domestiques et qui jouissent ici des premières places, tels que le P. S..., M. P..., le P. B..., les deux C. S...., M... et un tas d'autres qui ne méritent pas même d'être nommés, qui, hautains avec leurs inférieurs, rampent devant celui qu'ils craignent" [1]). Таковы были впечатлѣнія Александра Павловича въ послѣдніе мѣсяцы Екатерининской славы. Понятно, что правленіе Павла I-го развило еще болѣе недовольства въ наслѣдникѣ престола. По малой мѣрѣ странные любимцы новаго Императора, могли бы раздражить всякаго, но корень недовольства Александра лежалъ глубже. Весь складъ русской жизни былъ ему непонятенъ и шелъ въ разрѣзъ съ тѣми идеями, тѣми убѣжденіями, въ которыхъ воспиталъ его Лагарпъ и вынянчила княгиня Ливенъ. Александръ Павловичъ несомнѣнно любилъ свою родину, по-своему онъ желалъ ей добра, но добра этого Россія не понимала и не могла понять. Отсюда весь драматизмъ положенія Александра I, то глубокое разочарованіе, та безотрадная грусть второй половины его царствованія, которую не могли разсѣять блескъ 13-го и 14-го годовъ и отъ которой онъ искалъ убѣжища въ мистицизмѣ. Россія представлялась ему въ отвлеченномъ видѣ, не имѣвшемъ ничего общаго съ дѣйствительностію. Оттого всѣ отвлеченные планы оказывались на дѣлѣ непригодными; отъ этого такъ часто и такъ безсознательно благо Россіи приносилось въ жертву Европѣ, среди умиротворенія которой забывались духовные интересы, будущность, призваніе отечества. Этимъ лучше всего, какъ намъ кажется, объяснить двойственность въ характерѣ Александра Павловича, которую подмѣтили всѣ его историки: самыя благія намѣренія — и самые ничтожные плоды, самые благородные порывы—и постоянная борьба, постоянное колебаніе и переходы отъ одной крайности въ другую. Невозможное правленіе Павла Петровича возбудило реакцію, во главѣ которой невольно, самою силою обстоятельствъ, поставленъ былъ 24-хъ-лѣтній Александръ Павловичъ. 12 Марта 1801 года Александръ I сталъ Самодержцемъ почти неизвѣстной ему Россіи и память о трагическомъ днѣ этомъ глубоко врѣзалась въ впечатлительномъ сердцѣ юнаго Монарха.

Подъ вліяніемъ всеобщаго недовольства, возбужденнаго необъясни-

---

[1]) Тамъ же 4.

мыми мѣропріятіями покойнаго Императора, и въ силу иностраннаго своего воспитанія, Александру Павловичу казалось, что необходимы немедленныя и радикальныя реформы во всемъ государственномъ строѣ. Съ дѣтства, подъ вліяніемъ республиканскихъ воззрѣній, навѣянныхъ Лагарпомъ, и вслѣдствіе привычекъ безграничнаго самовластія, порожденныхъ его положеніемъ и всѣмъ строемъ тогдашней жизни, Александру грезилась какая-то фантастическая смѣсь самыхъ противоположныхъ политическихъ системъ. Онъ жилъ воображеніемъ и стремился за несбыточными идеалами. Разумѣется, со стороны государственныхъ мужей Екатерининскаго времени и царедворцевъ отца, онъ не могъ разсчитывать на сочувствіе къ своимъ утопіямъ. Къ тому же, какъ мы видѣли, онъ къ нимъ питалъ глубокое презрѣніе. Но среди многочисленнаго Петербургскаго двора, было нѣсколько юношей, съ которыми протекло дѣтство Александра. То была золотая молодежь, цвѣтъ петербургскаго общества—и цвѣтъ вполнѣ благородный. Друзья молодого Императора были люди образованные, они не искали ни почестей, ни знаковъ отличія, они несомнѣнно искренно желали добра Россіи и совершенно безкорыстно взялись помогать совѣтами своими Александру Павловичу, когда послѣдній обратился къ нимъ за содѣйствіемъ въ трудномъ дѣлѣ всеобщаго преобразованія. Но благородные юноши эти были воспитаны иностранцами и заграницею, такъ что полякъ Чарторижскій вполнѣ подошелъ подъ уровень ихъ иностранныхъ воззрѣній, иностранныхъ понятій и иностраннаго нарѣчія. Графъ В. П. Кочубей, графъ П. А. Строгановъ, Н. Н. Новосильцовъ и князь Чарторижскій, составили тайный, неоффиціальный, но тѣмъ не менѣе, верховный совѣтъ Государя. Мысли свои о Россіи царскіе совѣтники могли облекать только во французскія фразы. Положено было создать на новыхъ основаніяхъ новый государственный строй, составлена была программа занятій и молодые новаторы дружно принялись за „constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation; но въ чемъ состоялъ этотъ истинный духъ, о томъ члены совѣта сами не имѣли понятія. Безъ всякой системы, никогда, по свидѣтельству графа Строганова, не придерживаясь составленной напередъ программы, перебрасывались совѣтники царскіе, отъ одного предмета къ другому, все затрогивая и ничего не исчерпывая. Незнакомые съ существующимъ государственнымъ порядкомъ, они по-неволѣ принуждены были обращаться, коль скоро нуженъ былъ вполнѣ дѣловой, усидчивый трудъ, къ старымъ сподвижникамъ Екатерины—къ графу А. Р. Воронцову, къ Г. Р. Державину, къ графу П. В. Завадовскому или къ Д. П. Трощинскому. Добросовѣстно записанные графомъ Строгановымъ, протоколы совѣщаній этого комитета общественной безопасности, какъ его въ шутку тогда называли, представляютъ рядъ оживленныхъ разговоровъ между остроум-

ными, хотя и нѣсколько поверхностными иностранцами, мало знакомыми съ Россіею. Только въ одномъ засѣданіи промелькнуло смутное сознаніе истиннаго народнаго духа. „Народъ", сказалъ какъ-то графъ Строгановъ, „вѣритъ, что Государь постоянно готовъ защищать его... Если бы кто вздумалъ сдѣлать малѣйшее покушеніе противъ правъ верховной власти, онъ первый станетъ въ защиту ея" [1]). Но въ этотъ, ненарокомъ высказанный, афоризмъ никто изъ царскихъ совѣтниковъ не вѣрилъ. Всѣ мысли, всѣ стремленія тайнаго совѣта направлены были именно къ ограниченію правъ верховной власти, и самъ Государь, не сознавая всего могущества Богомъ дарованной и излюбленной народомъ власти, совершенно искренно готовъ былъ ради общаго блага отъ нея отказаться. Среди утопій о правахъ сената, о новоучреждаемыхъ министерствахъ и объ отвѣтственности министровъ, главныя язвы Россіи оставались на заднемъ планѣ и даже о крѣпостномъ правѣ вольнолюбивые мечтатели говорили вскользъ и какъ бы нехотя. Самая мысль объ освобожденіи крестьянъ породилась внѣ комитета: ее подалъ князь П. А. Зубовъ, послѣдній изъ любимцевъ Екатерины и представитель самой темной эпохи ея царствованія. Проектъ князя Зубова въ совѣтѣ отстаивалъ собственно одинъ только графъ Строгановъ. Сами того не сознавая, члены совѣта стремились къ олигархіи. Такого рода тенденціи не разъ проявлялись на Руси, стóитъ только вспомнить восшествіе на престолъ Анны Ивановны. Въ настоящемъ случаѣ реформаторы совершенно невольно наталкивались на олигархію, которая сама собою истекала изъ всѣхъ ихъ плановъ. Мысль объ ограниченіи верховной власти руководила, какъ мы уже сказали, всѣми преніями совѣта. Но кому же слѣдовало передать права, отторгаемыя отъ Самодержца, или, вѣрнѣе, добровольно имъ жертвуемыя? О низшемъ сословіи не могло быть и рѣчи, объ освобожденіи крестьянъ говорили только мелькомъ и не вполнѣ сочувственно. Оставалось дворянство — но къ собратьямъ своимъ царскіе совѣтники питали самое глубокое презрѣніе. „Сословіе это (т.-е. дворянское), сказалъ графъ Строгановъ въ засѣданіи 18-го Ноября, „самое невѣжественное, самое ничтожное и въ отношеніи къ своему духу — наиболѣе тупое; вотъ картина большей части нашего сельскаго дворянства. Тѣ же, которые получили нѣсколько тщательное образованіе, — немногочисленны... Бóльшая часть дворянства, состоящаго на службѣ, къ несчастію, ищетъ въ исполненіи распоряженій правительства свои личныя выгоды и очень часто служитъ плутуя... Всякая мѣра, клонившаяся къ нарушенію правъ дворянства, выполнялась съ изумительною точностію и именно дворянинъ приводилъ въ исполненіе

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. I. Приложенія, стр. 53.

мѣры, направленныя противъ его собрата, противныя выгодамъ и чести сословія" [1]). Поневолѣ приходилось новыя права дѣлить между весьма немногими и образовывать вокругъ престола олигархію, но до этого, слава Богу, не дошло. Самъ Лагарпъ испугался радикальныхъ мѣръ, предлагаемыхъ комитетомъ. Государь также сталъ опасаться огульнаго порицанія всего существовавшаго на Руси и слишкомъ рабскаго подражанія иностранному. На одномъ изъ засѣданій совѣта онъ прямо заявилъ, „что чужіе образцы не всегда могутъ быть примѣняемы у насъ и что мы имѣемъ старыя учрежденія, къ которымъ надо прививать новыя" [2]). Къ тому же, частыя собранія совѣта не приносили на практикѣ существенной пользы, въ Петербургѣ же стали сильно критиковать дѣйствія комитета, безъ особеннаго однако озлобленія, хотя въ столичныхъ гостиныхъ иногда ѣдко подсмѣивались надъ реформаторами Россійскаго государства. Сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное толками о предполагаемыхъ реформахъ, на Москву. „Мнѣ кажется", писалъ въ частномъ письмѣ оттуда современникъ, „что я вижу преддверіе строющееся съ необыкновенною роскошью и смѣлостью. Оно должно украсить зданіе, которое величиною и правильностію вѣроятно будетъ поражать потомковъ; но строится одинъ лишь фронтонъ, а о самомъ зданіи нѣтъ еще рѣчи. Вы не можете себѣ представить, какое впечатлѣніе все это производитъ на здѣшнюю публику. Я вовсе не выѣзжаю, но тѣ немногіе, которые у меня, бываютъ и которые часто вращаются въ обществѣ, увѣряютъ меня что нѣсть конца сужденіямъ о будущихъ случайностяхъ и что съ нетерпѣніемъ и безпокойствомъ ожидаютъ послѣдствій всѣхъ этихъ начинаній... по-моему, не стоило изъ-за столь малаго подымать столько шуму... Петръ І-й сказалъ какъ то: на что законы, есть-ли по нимъ не исполняютъ?—У насъ есть законы, но ихъ безпрерывное противорѣчіе, наглость, съ которою имъ не повинуются, открытое и нахальное лихоимство, безграничная роскошь, которая есть первая причина всѣхъ золъ, невнимательность и даже презрѣніе, съ которыми относятся къ должностямъ, если онѣ не доставляютъ денегъ, этого единственнаго божества, передъ которымъ все преклоняется, пороки, свойственные нашей формѣ правленія и нашему строю, которыхъ однако исправить безъ неминуемой опасности невозможно—вотъ тѣ затрудненія, которыя я предвижу для преуспѣянія желаемаго... Пусть суды наши по закону осуждаютъ и оправдываютъ, но да будутъ они, сколь возможно, составлены изъ людей безукоризненной честности; Государь да не наказуетъ никого, а нелицемѣрный законъ да не слабѣетъ во вѣки;

---

[1]) Тамъ же, стр. 52.
[2]) Тамъ же, стр. 58.

да будетъ наказаніе тѣмъ сильнѣе и тѣмъ примѣрнѣе, чѣмъ выше стоитъ преступникъ. Пороки правительства никогда не восходятъ снизу вверхъ. Для всего этого необходимо нравственное воспитаніе, о которомъ мы не имѣемъ почти понятія. Коль скоро дѣти наши становятся немного попугаями и начинаютъ лепетать на нѣсколькихъ языкахъ, коль скоро въ нихъ проявляется какой-нибудь легкій талантъ, все кончено, бо̀льшаго не требуютъ. . . . Изучая исторію и много размышляя, доходишь до того убѣжденія, что для государствъ, какъ и для отдѣльныхъ лицъ, бываютъ несчастныя эпохи, въ которыхъ при самыхъ благихъ побужденіяхъ не достигаешь своей цѣли, и даже наоборотъ, доходишь до совершенно противоположнаго.

Du destin qui fait tout tel est l'arrêt cruel...

„Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ—вотъ характеристическая черта нашего времени. Не знаю такъ ли вы судите, но, по-моему, скудость эта наводитъ невольный ужасъ. Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ, являются здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ. Отсутствіе всякаго дарованія соединено съ неимовѣрною самоувѣренностію. Присоедините къ этому всеобщую распущенность, забвеніе всего нравственнаго и честнаго. Лишь бы нажиться, а какимъ грязнымъ путемъ—это все равно. И все это съ цѣлью вдоволь насладиться роскошью и изнѣженностію, насытить самыя низкія и животныя страсти. Картина не привлекательна, но клянусь, такова она на мои глаза. Пріѣзжайте сюда и, быть можетъ, вдали изъ тлетворнаго воздуха, васъ окружающаго, вы сами все увидите въ томъ же свѣтѣ“ [1]).

Таковы были впечатлѣнія, записанныя мудрецомъ, незнакомымъ съ честолюбіемъ, по собственному вкусу жившему вдали отъ правительственныхъ сферъ, къ которымъ, однако, по происхожденію и положенію своему въ свѣтѣ, казалось, былъ призванъ отъ рожденія. И этотъ недостатокъ въ людяхъ ощущался уже въ то время, когда было въ живыхъ еще столько Екатерининскихъ орловъ. Всѣ эти толки, все это недовольство дошло и до Государя. Онъ сталъ терять вѣру въ своихъ совѣтниковъ. Комитетъ сталъ рѣже собираться, потомъ мало по-малу совѣщанія прекратились вовсе. Новосильцовъ уѣхалъ за границу; графъ Строгановъ перешелъ въ военную службу; Будбергъ замѣнилъ Чарторижскаго, Куракинъ Кочубея. Первый періодъ реформъ приходилъ къ концу.

Въ то время, какъ Александръ недовѣрчиво сталъ смотрѣть на реформы, предложенныя друзьями его дѣтства, взоры его остановились на молодомъ труженикѣ, вышедшемъ изъ народной толпы. Труженикъ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 392—393, 431, 436—437. Письма князя Андрея Ивановича Вяземскаго къ государственному канцлеру графу А. Р. Воронцову.

этотъ пробилъ себѣ путь сквозь тѣсные ряды мелкаго чиновничества, и въ то время, когда на него обратилось вниманіе Императора, онъ занималъ уже довольно видное мѣсто въ администраціи. Въ 1806 году начались личныя сношенія Александра Павловича съ графомъ, тогда еще просто, М. М. Сперанскимъ. Со времени эрфуртскаго свиданія Сперанскій сдѣлался первымъ совѣтникомъ Царя. Все еще вольнолюбивый, Александръ былъ пораженъ блестящимъ умомъ своего статсъ-секретаря, быстротою его работы, яснымъ изложеніемъ дѣла, красивымъ слогомъ. Въ немъ онъ находилъ тѣ же наклонности, какъ и въ членахъ неоффиціальнаго совѣта, но на этотъ разъ, какъ казалось, представителемъ новыхъ идей являлся не дилеттантъ, а человѣкъ прошедшій черезъ горнило опыта, съ трудомъ поднявшійся по всѣмъ ступенямъ государственной службы и съ ранней молодости пріобыкшій къ усидчивому труду. Съ рвеніемъ взялся Сперанскій за рѣшеніе данной ему Государемъ задачи. Задача эта была громадна,—предполагалось, по выраженію самого Сперанскаго, дать Россіи „новое бытіе и совершенно во всѣхъ частяхъ преобразовать".

Этотъ невозможный, нечеловѣческій трудъ былъ набросанъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Баснословная скорость отразилась, разумѣется, на самомъ трудѣ. Охватывая разомъ все, Сперанскій не замѣчалъ, какъ общее ускользало изъ рукъ его. Подробности затемнили взглядъ его. Онъ былъ человѣкъ несомнѣнно талантливый, но далеко не геніальный, а трудъ ему заданный требовалъ по малой мѣрѣ генія. Самъ того не сознавая, Сперанскій сталъ вѣрить во всемогущество уставовъ и всесиліе формы [1]). Воспитанный на народной почвѣ, онъ подпалъ однако въ Петербургѣ подъ вліяніе иностраннаго духа, безгранично властвовавшаго тогда въ высшихъ слояхъ общества. Онъ отрѣшился, подъ сильнымъ напоромъ этого духа, отъ народнаго элемента, несовмѣстимаго, по тогдашнимъ убѣжденіямъ, съ понятіемъ объ образованномъ человѣкѣ. Вслѣдствіе этого, Сперанскій не искалъ въ лѣтописяхъ, въ древнихъ актахъ, въ уложеніи, въ старинныхъ нашихъ соборахъ, боярскихъ и земскихъ думахъ, въ обычаяхъ и нравахъ народа матеріаловъ и основанія для новаго государственнаго строя. Его трудъ былъ вполнѣ отвлеченный, чисто теоретическій; его вдохновляли не отечественные источники, а уставы императорской Франціи. Дѣйствительность отъ него ускользала; подъ вліяніемъ слѣпого поклоненія Наполеону, Сперанскій забывалъ нѣкогда столь близкій ему народъ, со всѣми его насущными потребностями, съ его самобытнымъ складомъ ума и исторіею. Хотя въ манифестѣ объ открытіи государственнаго совѣта упоминалось „о примѣрахъ древняго отечественнаго законодательства",

---

[1]) Tourgueneff, La Russie et les Russes, I, 574.

... своихъ
... политической
... -бургскихъ круж-
... графъ Стро-
... неизбѣжные пред-
... были
... своихъ
... начи-

... петербургскіе кружки восстали
... 1812 годъ. Темныя тучи
... приближеніе страшной
... большинство Россіи дрог-
... менно въ такое время. Предста-
... передъ Государемъ. Карамзинъ
... Россіи.
... за Александра Пав-
... постояннымъ непониманіемъ
... непрактичныхъ намѣ-
... пожертвовалъ своимъ
... перешедшій въ туманное
... вольнолюбивыя мечты.
... въ совѣтахъ Госу-
... внутреннихъ реформахъ
... на Польшу: виби-
... Начался третій періодъ цар-
... солидарности съ Европою.
... кабинета присутствовались
... -жденныя, въ новоучрежден-
... кипѣла работа. Во главѣ
... Екатерины. Но то не
... недолгаго значенія,
... Завадовскій и бѣлорусскими ду-
... Завадовскій имѣлъ государственное
... значеніе что онъ удержалъ за
... зимняго дворца. Онъ
... людей, которыхъ средній
... которыхъ великая
... на то дѣло, къ которому каж-
... Завадов-
... второй половины
... учрежденіе

хотя въ преобразовательномъ проектѣ Сперанскаго—учрежденіе, долженствовавшее играть весьма важную роль, названо „государственною думою“, однако это были одни только старыя слова, лишенныя стариннаго ихъ смысла. Все придуманное было совершенно ново для Россіи, вполнѣ чуждо ея духу и всѣ реформы навязывались народу безъ яснаго сознанія, во сколько онѣ ему нужны и полезны. Проектъ Сперанскаго исчерпывалъ всѣ государственные вопросы, объ одномъ только не было помину, а это одно должно было быть краеугольнымъ камнемъ всякой раціональной реформы. Мы разумѣемъ уничтоженіе крѣпостного права. Сперанскій не рѣшался затронуть этотъ жгучій вопросъ, и вся огромная, не имѣвшая историческаго основанія, работа уподобилась зданію, сооруженному на пескѣ. Противъ новаго любимца, какъ одинъ человѣкъ, поднялось все петербургское общество. „Вся, такъ-называемая аристократія“, повѣствуетъ графъ Корфъ, „вздрогнула... и цѣлыми родами возстала противъ нововводителя“, который, какъ говорили, „стремился къ уравненію всѣхъ сословій, къ демократіи, а оттуда къ ниспроверженію всѣхъ основъ Имперіи“ [1]). Крикъ этотъ былъ поднятъ противъ человѣка, требовавшаго учрежденія маіоратовъ, защищавшаго права дворянства и готовившаго ему громадное значеніе въ изобрѣтенныхъ имъ государственныхъ учрежденіяхъ, тѣми же самыми „такъ называемыми“, по выраженію графа Корфа, „аристократами“, которые съ полнѣйшимъ равнодушіемъ отзывались о поносившемъ все сословіе ихъ во ушію царево, сочленѣ своемъ графѣ Строгановѣ. Во имя общаго блага и консерватизма пошли по Петербургу самые обидные, самые лживые слухи, посыпались доносы. „Всѣ толки, вселяющіе въ публикѣ недовольство“, замѣтилъ, на одномъ изъ засѣданій тайнаго совѣта, графъ Строгановъ, „исходятъ изъ петербургскихъ кружковъ (les côteries de la ville de Pétersbourg), въ подобныхъ толкахъ принимаютъ участіе ближайшіе къ Государю лица, старающіяся все выказать въ мрачномъ видѣ и даже убѣдить Государя, будто въ Россіи господствуетъ недовольство“ [2]). Нѣтъ сомнѣнія, что планы Сперанскаго были непрактичны, что они для Россіи не годились, но нельзя здѣсь однако не замѣтить, что странная вообще участь постигаетъ нашихъ реформаторовъ. Какъ бы ихъ ни называли: якобинцами, карбонаріями или красными, всѣ они, подобно Сперанскому, падаютъ подъ ударами слѣпой и разнузданной злобы. Планы Сперанскаго, мечтавшаго создать полноправную аристократію, были, положимъ, непрактичны, но едва ли онъ заслуживалъ гоненіе со стороны высшаго общества. Были и другіе реформаторы, которыхъ планы и

---

[1]) Жизнь графа Сперанскаго, I, 174.

[2]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, т. I. Приложеніе, стр. 91.

реформы оказались болѣе пригодными, но и они, не довершивъ своихъ благихъ начинаній, принуждены бывали удалиться съ политической арены вслѣдствіе непрестанныхъ нападеній тѣхъ петербургскихъ кружковъ, на которыхъ еще въ началѣ столѣтія указывалъ графъ Строгановъ. Реформаторы удалялись, а преемники ихъ, излюбленные представители тѣхъ же самыхъ кружковъ, поневолѣ принуждены были продолжать начатое, стараясь только по мѣрѣ слабыхъ силъ своихъ тормазить не ими задуманное и крайне имъ несочувственное начинаніе.

Но на этотъ разъ не одни только петербургскіе кружки возстали противъ реформъ Сперанскаго. Наступилъ 1812 годъ. Темныя тучи поднимались на Западѣ. Въ воздухѣ чуялось приближеніе страшной грозы. Всѣ нервы были натянуты. Огромное большинство Россіи дрогнуло при мысли о всеобщей ломкѣ, именно въ такое время. Представителемъ этого большинства явился, передъ Государемъ, Карамзинъ въ знаменитой запискѣ своей о старой и новой Россіи.

Всеобщее недовольство сильно подѣйствовало на Александра Павловича. Разочарованный, оскорбленный постояннымъ непониманіемъ самыхъ благихъ, но, въ то же время, самыхъ непрактичныхъ намѣреній, Императоръ, ради общественнаго мнѣнія, пожертвовалъ своимъ любимцемъ. Глубокій мизантропизмъ, вскорѣ перешедшій въ туманное мистическое настроеніе, замѣнилъ прежнія вольнолюбивыя мечты. Время новаторовъ прошло безвозвратно, мѣсто ихъ въ совѣтахъ Государя занялъ графъ Аракчеевъ. Мысли о внутреннихъ реформахъ были отброшены. Либерализмъ Государя обратился на Польшу; внѣшняя политика поглотила все его вниманіе. Начался третій періодъ царствованія—эпоха конгрессовъ и злополучной солидарности съ Европою.

Въ то время, когда въ тайнѣ Царскаго кабинета придумывались преобразованія, большею частію мертворожденныя, въ новоучрежденномъ министерствѣ народнаго просвѣщенія кипѣла работа. Во главѣ министерства этого стоялъ бывшій любимецъ Екатерины. Но то не былъ одинъ изъ тѣхъ временщиковъ, которымъ, послѣ недолгаго значенія, давались отставки съ Александровскою звѣздою и бѣлорусскими душами. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій имѣлъ государственное значеніе до своего придворнаго случая, значеніе это онъ удержалъ за собою и по выходѣ изъ фаворитскихъ покоевъ зимняго дворца. Онъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ орлиный взглядъ Екатерины умѣлъ отыскивать въ толпѣ, которыхъ великая Царица цѣнила и направляла именно на то дѣло, къ которому каждый былъ пригоденъ. Образованный, умный, дѣятельный Завадовскій принялъ участіе во всѣхъ важныхъ реформахъ второй половины царствованія Екатерины. Имъ составлено было знаменитое учрежденіе

о губерніяхъ, уставы заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ и пр., онъ же съ 1782 года, поставленъ былъ во главѣ народнаго образованія. Удаленный отъ службы въ концѣ царствованія Павла I, онъ Александромъ Павловичемъ снова призванъ былъ къ дѣятельности и, несмотря на противодѣйствіе Лагарпа, ему поручено было только-что учрежденное министерство народнаго просвѣщенія. Помощниками Завадовскаго были члены „главнаго училищъ правленія": графъ Северинъ Потоцкій, Клингеръ, Фуссъ, Озерецковскій, Мартыновъ, Муравьевъ и старинный сотрудникъ Екатерининскаго времени: Янковичъ де-Миріево. Къ послѣднимъ примкнули тайные совѣтники Государя: Строгановъ, Новосильцовъ и Чарторижскій, но первые два, какъ видно изъ писемъ Строганова къ Новосильцову, съ гордою презрительностію относились къ дѣятельности Завадовскаго [1]). Что же касается до послѣдняго, онъ исключительно хлопоталъ объ окончательной полонизаціи западнаго края, гдѣ успѣли уже заглохнуть брошенныя геніальною рукою Екатерины первыя сѣмена обрусѣнія. Несмотря на опасенія Лагарпа [2]) и жалобы Строганова о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія шесть дней ничего не дѣлаетъ, а въ седьмой отдыхаетъ [3]), въ какія нибудь восемь лѣтъ сдѣлано было по части народнаго образованія гораздо болѣе, чѣмъ во все предшествовавшее столѣтіе [4]). Написанъ былъ новый уставъ университетовъ [5]), учреждены учебные округи, открыты университеты въ Казани, въ Харьковѣ и педагогическій институтъ въ Петербургѣ, послужившій основаніемъ позднѣйшему университету, преобразованы уже существовавшіе университеты въ Москвѣ, Вильнѣ и Дерптѣ, данъ новый уставъ академіи наукъ, а также духовнымъ академіямъ и училищамъ, открыто нѣсколько лицеевъ, организована цѣлая система училищъ, отъ университета до приходской школы. „Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей", говоритъ г. Сухомлиновъ въ трудѣ своемъ объ образованіи въ Россіи во времена Александра I, „ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, какъ

---

[1]) Пыпинъ, Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 117.

[2]) Сборникъ историческаго общества, V, 39.

[3]) Пыпинъ, 117.

[4]) Богдановичъ, Исторія Александра I, I, 140.

[5]) Въ 1808 году, по порученію графа А. К. Разумовскаго, профессоръ греческой и латинской словесности при Московскомъ университетѣ Хр. Фр. Маттеи, перевелъ на латинскій языкъ уставъ этотъ, заключавшій въ себѣ правила и постановленія трехъ университетовъ: Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго подъ именемъ: Alexandri I, Imperatoris ac Autocratoris Rossorum omnium Constitutiones et Confirmationes trium Universitatum Rossicarum: Mosquensis, Casanensis et Charcowiensis, Ex mandato Curatoris Universitatis Mosquensis, A. C. Rasumowsky, lingua latina redditœ et editae, Mosquœ, 1808. Къ изданію этому присоединено было: Index rerum singularium et notabilium.

управленіе коммиссіею училищъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго, въ дѣлѣ народнаго образованія, служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной коммиссіи и главнаго правленія училищъ. Время управленія Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи" [1]). Такіе тяжкіе труды не могли не ослабить 72-хъ-лѣтняго и притомъ хвораго Завадовскаго. Онъ сталъ думать о покоѣ, но просьбы объ отставкѣ однакоже не подавалъ. Въ концѣ 1809 года, въ то время, какъ Александръ Павловичъ занятъ былъ задуманными Сперанскимъ реформами и рѣшено было ввести проектъ его о новомъ образованіи государственнаго совѣта, внезапно назначены были четыре новыхъ министра. Никто не ожидалъ перемѣнъ—и сами смѣщаемые министры узнали о томъ лишь наканунѣ новаго 1810 года, въ который послѣдовало ихъ увольненіе [2]). Барклай-де-Толли назначенъ былъ военнымъ министромъ на мѣсто Аракчеева, Гурьевъ—министромъ финансовъ на мѣсто Голубцова; И. И. Дмитріевъ—министромъ юстиціи на мѣсто князя Лопухина—и наконецъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій--министромъ народнаго просвѣщенія, на мѣсто графа Завадовскаго.

Указъ о назначеніи Разумовскаго подписанъ былъ однако только 11-го Апрѣля 1810 года [3]). Вслѣдъ затѣмъ, въ Маѣ того же года попечителемъ Московскаго округа назначенъ былъ сенаторъ Павелъ Ивановичъ Голенищевъ-Кутузовъ, бывшій отъ 1800 по 1803 годъ кураторомъ университета, вмѣстѣ съ М. М. Херасковымъ и княземъ Ѳ. Н. Голицынымъ. За него сильно ходатайствовалъ зять Разумовскаго, фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, бывшій въ то время главнокомандующимъ въ Москвѣ [4]). Но главною поддержкою Кутузова были масоны [5]). Хуже выборъ сдѣлать было трудно. Ограниченный, мелочный, завистливый и придирчивый, Кутузовъ, при безчисленныхъ цитатахъ изъ Священнаго Писанія и запутанныхъ мистическихъ фразахъ, зорко слѣдилъ за злобою дня и постоянно мечталъ о наградахъ и денежныхъ пособіяхъ. „Кутузовъ", говоритъ о немъ графъ Ростопчинъ, „самый пошлый человѣкъ... обремененный долгами, доносчикъ по вкусу къ шпіонству... бывшій полицейскимъ шпіономъ

[1]) Сухомлиновъ, Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи, въ царствованіе Имп. Александра I, „Журналъ мин. народ. просвѣщенія", Октябрь, 1865 г.

[2]) Богдановичъ, Исторія Александра I, II, 489.

[3]) Шевыревъ, Исторія Им. Московскаго Университета, 400.

[4]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Бумаги графа Разумовскаго: благодарственное письмо Гудовича, отъ 22-го Мая 1810 г., по случаю назначенія Кутузова.

[5]) Н. М. Карамзинъ, М. Погодина, II, 60.

въ царствованіе Павла, глупый, низкій, обладающій всѣми дурными свойствами грубаго простонародья" [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя было не подивиться подобному выбору, но что еще болѣе изумительно—это то, что умный и проницательный графъ Ростопчинъ въ этомъ ничтожномъ обскурантѣ, поставленномъ во главѣ учебнаго дѣла, видѣлъ какого-то опаснаго революціонера, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ, и мечтавшаго о низверженіи трона. Усердный доносчикъ на Карамзина и врагъ всякой либеральной идеи представлялся лицамъ высшей администраціи какимъ-то опаснымъ иллюминатомъ. Надо замѣтить, что въ описываемое нами время прозвище иллюминатъ замѣнило прежнее выраженіе якобинецъ. Около двадцатыхъ годовъ иллюминатство въ свою очередь уступило права гражданства карбонаризму, потомъ пошли красные, за ними соціалисты и т. д. Но, несмотря на эти перемѣны наименованій позднѣйшіе блюстители порядка, подобно Ростопчину, также не впопадъ ими злоупотребляли, почти постоянно клеймя ими людей, ничего общаго съ карбонаризмомъ или соціализмомъ не имѣвшими. Назначеніе Кутузова породило въ Москвѣ много толковъ, носили по городу эпиграммы [2]). Огромная переписка Кутузова съ Разумовскимъ, помѣщаемая нами въ приложеніяхъ, составляетъ, несмотря на тяжелый слогъ, на напускной фанатизмъ и постоянное заискиваніе денегъ и чиновъ, интересный матеріалъ для будущей подробной исторіи московскаго университета. Безтактныя выходки Кутузова не разъ раздражали Разумовскаго. Наврядъ-ли пришлось бы первому усидѣть на мѣстѣ безъ помощи масоновъ. „Во многомъ я знаю, что онъ (т.-е. Кутузовъ), какъ безпокойный и назойливый

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875, III, 80 и 184.

[2]) Вотъ двѣ эпиграммы:

1.

О сколь религія священная страдаетъ!
Вольтеръ ее бранилъ, Кутузовъ защищаетъ.

2.

Кутузовъ сенаторъ,
Кутузовъ кураторъ,
Кутузовъ ораторъ,
Кутузовъ поэтъ,
Во всемъ равно славенъ,
Во всемъ себѣ равенъ,
Оттѣнковъ въ немъ нѣтъ.
Плохой онъ сенаторъ,
Плохой онъ кураторъ,
Плохой онъ ораторъ,
Плохой онъ поэтъ.

Послѣдняя эпиграмма князя П. А. Вяземскаго.

дитя", писалъ въ защиту московскаго попечителя къ графу Алексѣю Кириловичу Поздѣевъ,... „что-жъ дѣлать, не вдругъ человѣкъ изъ окружности поворотитъ на прямой радіусъ къ центру... Онъ съ ошибками большими, но у него нѣтъ скрытаго и онъ человѣкъ, облагодѣтельствованный вами, не оставьте его; онъ требуетъ наставленія... Другой бы былъ на мѣстѣ съ злобою и хитростію и скрытностію, то это бы было хуже".

Новый министръ не спѣшилъ на мѣсто служенія. Пошли долгіе сборы, пріискиваніе дома въ Петербургѣ, который, изъ гигіеническихъ предосторожностей, непремѣнно долженъ былъ быть деревянный, съ большимъ садомъ и просторнымъ дворомъ. Потомъ пошла отдѣлка его, меблировка. Изъ Москвы потянулись огромные обозы. Наконецъ поднялся самъ графъ съ младшею дочерью, старшая была уже замужемъ, съ воспитанниками и воспитанницами, приживальщиками и приживалками, всѣмъ домомъ, и поселился на Фонтанкѣ, въ новокупленныхъ палатахъ, между Семеновскимъ и Обуховскимъ мостами, ближе къ первому, стоявшихъ въ глубинѣ обширнаго обросшаго деревьями двора. Позади дома находился огромный садъ [1]).

Въ министерствѣ съ нѣкоторымъ трепетомъ ожидали прибытія новаго начальника. Графъ Алексѣй Кириловичъ, несмотря на иностранное свое воспитаніе, вполнѣ обладалъ чисто отечественнымъ мастерствомъ, все осуждать и все критиковать. Родственныя и дружескія отношенія къ Завадовскому не мѣшали ему подчасъ весьма ѣдко порицать дѣйствія своего предшественника и далеко не одобрительно отзываться почти о всѣхъ его сотрудникахъ. Въ Петербургѣ, куда разумѣется слухи объ этихъ сужденіяхъ доходили въ преувеличенномъ видѣ, ожидали всеобщей ломки и смѣщенія главныхъ чиновниковъ министерства. Особенно, какъ повѣствуетъ одинъ современникъ, не жаловалъ Разумовскій ученаго директора министерской канцеляріи, Ивана Ивановича Мартынова. Мартыновъ былъ неусыпный труженикъ. Онъ пользовался полною довѣренностію Завадовскаго и былъ его ревностнымъ сотрудникомъ. Самое названіе свое министерство получило отъ Мартынова. Когда рѣчь зашла о томъ, какое имя дать новому учрежденію, Мартыновъ первый подалъ мнѣніе о томъ, чтобы назвать его министерствомъ *народнаго* просвѣщенія, „такъ какъ цѣлью его заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ. Мнѣніе это было высочайше утверждено. Въ образованіи министерства сотрудникъ Завадовскаго принималъ живѣйшее участіе. Онъ писалъ инструкціи, набиралъ чиновниковъ, составлялъ штаты. Онъ же ревностно трудился надъ уста-

---

[1]) Домъ этотъ, по выходѣ изъ министерства, графъ А. К. продалъ князю А. Б. Куракину.

вами университетовъ и вообще всѣхъ учрежденныхъ при Завадовскомъ учебныхъ заведеній" [1]). Несмотря на эти заслуги, Мартыновъ почему-то навлекъ на себя нерасположеніе Разумовскаго, и послѣдній говаривалъ, что желаетъ быть министромъ единственно для того, чтобы выгнать такого негоднаго человѣка. На дѣлѣ оказалось, что опасенія были напрасны, всѣ остались при своихъ мѣстахъ, а между прочими и директоръ канцеляріи. Такое странное противорѣчіе всѣхъ поразило. Приближенные къ Разумовскому люди выразили ему свое недоумѣніе. „Вы не повѣрите", отвѣчалъ имъ графъ, „какъ мнѣ пріятно, когда этотъ бывшій врагъ мой докладываетъ мнѣ стоя и потомъ засыпаетъ пескомъ, когда я подписываю бумаги" [2]). Не знаемъ во сколько справедливъ разсказъ этотъ, несомнѣнно только, что Мартыновъ сталъ сильнѣе прежняго и столь же дѣятельно трудился по дѣлу народнаго образованія.

Въ эпоху переселенія Разумовскаго изъ Москвы въ Петербургъ, тамошнее общество стало проявлять сильныя католическія тенденціи. Не разъ, въ продолженіи нынѣшняго столѣтія, подпадало высшее общество наше подъ навѣянныя извнѣ религіозныя вліянія. Воспитанное невѣрующими родителями въ незнаніи родного вѣроисповѣданія, общество это предалось религіозному индифферентизму. Въ данныя минуты, среди общей струи равнодушія, переходящей обыкновенно въ чистый матеріализмъ, порождалось и порождается донынѣ какое-то безпокойство, недовольство собою, инстинктивная потребность вѣры, нѣчто въ родѣ того, что въ Америкѣ называется *возрожденіями*—„*revivals*". Къ несчастію, обыкновенный исходъ такихъ благихъ побужденій всегда одинъ и тотъ-же, а именно стремленіе насытить духовную жажду у какого-нибудь, чуждаго нашей народности, источника. Такъ, въ началѣ столѣтія общество искало нравственныхъ утѣшеній у іезуитовъ; позднѣе, подъ вліяніемъ извѣстной баронессы Крюднеръ, оно заразилось ея болѣзненнымъ мистицизмомъ, переродившимся впослѣдствіи въ хлыстовщину госпожи Татариновой; наконецъ, въ наши дни оно жадно пьетъ ту жидкую водицу, которую благодушно ей подноситъ незамысловатый лордъ Радстокъ. Семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, запросъ на духовную пищу былъ гораздо серьёзнѣе. Послѣ французской революціи наплывъ эмигрантовъ въ Россію достигъ громадныхъ размѣровъ. Самыя громкія французскія фамиліи: Принцесса де-Тарантъ, герцоги Грамонъ, Ришелье, Полиньякъ, Бролье, графы Блакасъ, Дамà, Шуазель-Гуфье, Сенъ-При и пр. вдругъ

---

[1]) „Современникъ", 1856 г., III. И. И. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, статья Е. Колбасина, стр. 31 и слѣд.

[2]) „Русскій Архивъ", 1871 г., Записки Греча, 0,257—0,258.

появились среди общества, привыкшаго боготворить имена эти чуть не съ колыбели. Въ то же самое время стали выказывать когти свои изъ полоцкаго убѣжища, принятые въ Россію Екатериною, іезуиты. Понятно, что именно въ эти когти должно было попасть заалкавшее внезапно вѣры петербургское общество. Эмигранты усердно стали заниматься прозелитизмомъ, стараясь, по выраженію графа де-Фаллу, этимъ отплатить русскому обществу за оказываемое имъ гостепріимство. Къ эмигрантамъ на подмогу переѣхалъ въ Петербургъ генералъ іезуитовъ Груберъ. Въ гостинныхъ петербургскихъ появились всякіе аббаты, Николи, Розавены, Гривели, Журданы. Пропаганда живо загорѣлась и вскорѣ прозелиты стали считаться десятками: Голицыны, Протасовы, Ростопчина, Головины, Куракина, Свѣчина и много другихъ, имена которыхъ не припомнимъ, перешли въ латинство. Среди великосвѣтскихъ праздниковъ заканчивалось отпаденіе отъ православной вѣры, уже заранѣе отчужденныхъ отъ родины, отступницъ. На балахъ и раутахъ, какъ свидѣтельствуетъ Свѣчина, прошептывали свои отреченія и лепетали первую свою латинскую исповѣдь новопросвѣщенныя овцы іезуитскаго стада. Это было ново, заманчиво, романтично и рѣзко отличалось отъ безхитростныхъ пріемовъ родной вѣры. Однимъ изъ самыхъ ревностныхъ апостоловъ этой латинской пропаганды въ Петербургѣ былъ графъ Іосифъ де-Местръ. Воспитанный іезуитами и рьяный ихъ защитникъ, де-Местръ явился въ совершенно незнакомый ему Петербургъ, безъ рекомендательныхъ писемъ, почти нищимъ, въ качествѣ представителя изгнаннаго изъ своихъ владѣній короля, игравшаго даже во время своего величія второстепенную роль въ Европѣ. Къ тому же, изгнанный король сардинскій съ крайнимъ недовѣріемъ относился къ вѣрному слугѣ своему, рѣшившемуся, на собственныя скудныя средства, защищать права своего государя въ отдаленномъ Петербургѣ. Несмотря однако на неблагопріятныя условія, графъ де-Местръ, своимъ умомъ и тонкимъ тактомъ, въ короткое время съумѣлъ занять весьма видное мѣсто въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Въ то время умомъ дорожили и въ петербургскихъ гостинныхъ разговаривали, правда по-французски, но умно и пріятно. Любезный собесѣдникъ, то, чтó французы называютъ „un causeur", былъ желаннымъ гостемъ во всякомъ высокопоставленномъ домѣ. Одаренный замѣчательнымъ, хотя и парадоксальнымъ умомъ, начитанный, любезный и веселый графъ де-Местръ вскорѣ сдѣлался ежедневнымъ и любимымъ посѣтителемъ первыхъ петербургскихъ гостинныхъ. Остроумная рѣчь его была увлекательна и теплилась искренностію, крайнія ультрамонтанскія убѣжденія были сильны. Кто-то, если не ошибаемся, Балланшъ, прозвалъ весьма мѣтко де-Местра: „пророкомъ прошедшаго". Мысли свои,

вполнѣ чуждыя и вѣку и странѣ, въ которой онъ жилъ, излагалъ онъ крайне оригинально. Самая чужеземность этихъ мыслей была по вкусу нашему обществу, а стойкость убѣжденій сильно дѣйствовала на кичливыхъ слушателей, которыхъ де-Местръ съ своей стороны полюбилъ за гостепріимство и благодушіе. Успѣхи и вліяніе де-Местра, понятные въ гостинныхъ, ими однако не ограничились. Его стали зазывать въ свои кабинеты люди государственные и съ свойственнымъ русскимъ администраторамъ чистосердечіемъ, не стѣсняясь, открывали ему государственныя тайны, повѣряли ему всю неурядицу внутренняго строя и съ благодарностію принимали его совѣты.

Съ де-Местромъ графъ Алексѣй Кириловичъ познакомился, вѣроятно, во время поѣздокъ своихъ въ Петербургъ, въ первые годы столѣтія, по крайней мѣрѣ сейчасъ же по прибытіи новаго министра въ столицу ученый и остроумный сардинскій дипломатъ дѣлается его довѣреннымъ собесѣдникомъ. Сношенія ихъ становятся съ перваго же раза самыми близкими и дружественными. Въ тиши графскаго кабинета они ведутъ частыя и длинныя бесѣды. Онѣ разсуждаютъ о томъ, нужна ли на самомъ дѣлѣ наука для Россіи; полагаютъ, что ей, какъ военной державѣ, не по плечу классическое образованіе; они скорбятъ о томъ, что духовенство у насъ необразовано, сравниваютъ его съ блестящимъ сонмомъ латинскихъ кардиналовъ; много говорятъ объ іезуитахъ. Все это было жгучими вопросами дня. Именно въ это время вниманіе Государя занято было основаніемъ новаго высшаго учебнаго заведенія и положеніемъ іезуитовъ въ Полоцкѣ.

Почти одновременно съ назначеніемъ графа Разумовскаго въ министры, Государь положилъ осуществить, безъ дальняго отлагательства, мысль, начало которой относилось къ первымъ годамъ его царствованія. Не мало, какъ мы уже видѣли, задумано было реформъ, но вводить ихъ было некому, это сознавали сами реформаторы. Изъ московскаго университета студентовъ выходило немного, а новые собратья его не успѣли еще образовать питомцевъ. Рѣшено было наскоро создать теплицу, въ которой можно бы было усиленными парами образовать тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалась насущная потребность. Къ этой мысли о лицеѣ, какъ о разсадникѣ будущихъ государственныхъ дѣятелей, присоединялась еще новая цѣль, о которой дотолѣ никто на Руси не помышлялъ. Императрица Марія Өеодоровна, такъ ревностно и благотворно трудившаяся всю жизнь свою надъ дѣломъ воспитанія, пожелала на сынахъ своихъ показать глубокое свое уваженіе къ наукѣ. Она рѣшилась даровать царственнымъ отрокамъ своимъ серьёзное, классическое и притомъ общественное воспитаніе, будучи вполнѣ убѣждена, что образованіе необходимо для тѣхъ, кто стоитъ во главѣ страны, что чѣмъ выше положеніе въ свѣтѣ извѣстной лич-

ности, тѣмъ болѣе отъ нея требуется, а поэтому тѣмъ болѣе слѣдуетъ заботиться о научномъ ея воспитаніи. Великіе Князья Николай и Михаилъ Павловичи должны были служить примѣрами высшему обществу, воспитаніе котораго, по мнѣнію Государыни, было далеко не удовлетворительно. Въ благихъ намѣреніяхъ этихъ сильно поддерживалъ Императрицу-мать зять ея, герцогъ Петръ-Фридрихъ-Георгъ Ольденбургскій или, какъ его называли въ то время въ Россіи, Голштинскій. Рѣшено было молодымъ Великимъ Князьямъ дать общественное воспитаніе и закончить его въ университетѣ. Съ этою цѣлью положено было задуманное новое учебное заведеніе или лицей учреждать не въ Петербургѣ, а въ окрестностяхъ его, именно въ одной изъ пристроекъ великолѣпнаго Елизаветинскаго дворца въ Царскомъ Селѣ, такъ что Государыня постоянно могла бы находиться вблизи отъ сыновей своихъ. „Помѣщенію здѣсь (т.-е. въ Царскомъ Селѣ), сказалъ Императоръ Николай Павловичъ директору лицея Броневскому въ 1842 году, „лицей обязанъ его отцу (указывая на Принца П. Г. Ольденбургскаго), онъ подалъ Государю мысль дать намъ образованіе въ университетѣ, а чтобы подготовить къ этому—воспитать насъ общественно. Лицей и былъ учрежденъ для того въ нашемъ помѣщеніи. Разрывъ съ Наполеономъ помѣшалъ этому“ [1]). Такая сугубая цѣль придавала новому учрежденію совершенно исключительное значеніе. Составленъ былъ проектъ, который въ програму лицейскаго ученія помѣщалъ чуть ли не весь кругъ человѣческихъ познаній. Есть преданіе, что первый планъ лицея составлялъ Лагарпъ. Другіе приписывали его Сперанскому. Какъ бы то ни было, но Разумовскій, вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, получилъ отъ Государя на обсужденіе проектъ учрежденія лицея, который положено было основать съ цѣлью „образованія юношества, особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ знатныхъ фамилій“. Получивъ отъ Государя проектъ, Разумовскій, разумѣется, обратился за совѣтомъ къ обычному своему собесѣднику. Какъ свидѣтельствуетъ самъ де-Местръ, разговоры его о воспитаніи съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ были часты и продолжительны. Памятникомъ этихъ сношеній сардинскаго дипломата съ русскимъ министромъ остались извѣстныя пять писемъ перваго къ послѣднему о народномъ воспитаніи въ Россіи. Письма эти впервые появляются въ русской печати въ полномъ ихъ составѣ [2]).

---

[1]) Селезневъ, Историческій очеркъ Имп. бывшаго Царскосельскаго Александровскаго лицея, состав. къ 50-ти-лѣтнему его юбилею, Спб. 1861, б. 8°, ст. 16. Для избѣжанія лишнихъ сносокъ, мы здѣсь заявляемъ, что почти всѣ подробности объ основаніи лицея почерпнуты нами изъ того же источника.

[2]) См. Приложеніе.

Собственно два изъ этихъ писемъ относятся до воспитанія, послѣднее же имѣетъ предметомъ защиту іезуитовъ и ихъ непомѣрныхъ требованій. Третье письмо служитъ какъ-бы переходомъ отъ вопроса о воспитаніи къ вопросу объ іезуитахъ. Всѣ письма были выводомъ того, что́ изустно объяснялъ де-Местръ министру. Они пропитаны дидактизмомъ и среди софизмовъ, которыми они пересыпаны, слышится голосъ благосклоннаго учителя, обращающагося ex cathedra къ малоопытному ученику. „И это все", говоритъ Самаринъ въ изслѣдованіи своемъ объ іезуитахъ, „принималъ къ свѣдѣнію, по крайней мѣрѣ выслушивалъ, русскій министръ народнаго просвѣщенія! Мы не знаемъ, что́ онъ отвѣчалъ, не знаемъ даже отвѣчалъ ли онъ что-нибудь; но доказательствомъ его безпримѣрнаго долготерпѣнія служитъ одно уже то обстоятельство, что переписка длилась довольно долго все въ одномъ тонѣ. Тонъ этотъ, какъ одно изъ знаменій того времени, самъ по себѣ назидателенъ. Повѣренный иностранной державы, притомъ еще иновѣрецъ, впутывается въ вопросъ внутренняго управленія, тѣсно связанный съ интересами чуждой ему церкви; при этомъ онъ берется за дѣло не какъ ходатай, а какъ власть имущій, не проситъ, а обличаетъ и тянетъ къ отвѣту. Онъ подступаетъ къ русскому министру народнаго просвѣщенія, уставивъ въ него строгій начальническій взглядъ, хватаетъ его за воротъ, трясетъ, поднимаетъ съ министерскихъ креселъ, садится на его мѣсто и, поставивъ его предъ собою какъ школьника, читаетъ ему нотацію о томъ, что́ для Россіи нужно и что́ не нужно, какъ управлять русскими и чему ихъ учить, или, точнѣе, чему ихъ не учить" [1]). Разумовскій отвѣчать не могъ, развѣ только благодарностію; сами письма были отвѣтами на многочисленные запросы министра. „Разговаривая нѣсколько времени тому назадъ съ членомъ государственнаго совѣта, который часто бываетъ у Его Величества" [2]), доносилъ де-Местръ своему королю, „я между прочимъ сказалъ ему кое-что о Россіи, его поразившее. Онъ упросилъ меня записать все мною сказанное и передать ему мои замѣтки. Я написалъ длинный трактатъ, въ которомъ я разбираю Россію съ точки зрѣнія вѣры, науки и свободы... Я обратился къ вышепомянутому лицу и сказалъ ему: „хотите, я извлеку кое-какія мысли, относящіяся до настоящаго вопроса изъ большого сочиненія, которымъ теперь занимаюсь?" Тотъ принялъ предложеніе мое съ большою охотою; вскорѣ я сообщилъ ему мои замѣтки. Онъ попросилъ у меня дозволеніе представить ихъ Императору. Я замѣтилъ ему, что мнѣ неприлично вмѣшиваться въ дѣла внутренняго управленія и проч. Мнѣ отвѣчали, что это берутъ подъ личную отвѣтственность. Дѣло

---

[1]) Самаринъ, Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи, стр. 323—324.

[2]) Де-Местръ несомнѣнно здѣсь подразумѣваетъ Разумовскаго.

было доложено Его Величеству, и онъ пожелалъ прочесть мои замѣтки. Тогда министръ возразилъ: „Государь, онъ писалъ только для меня и по личной моей просьбѣ, онъ бы не желалъ, чтобы думали, что онъ впутывается въ дѣла, до него не касающіяся". „Ему нечего опасаться", отвѣчалъ Императоръ, „я знаю, что онъ здраво мыслитъ и что онъ намъ преданъ". Такимъ образомъ, государь, я буду имѣть голосъ въ комитетѣ министровъ. Если-бы у меня были здѣсь секретари, я бы не преминулъ переслать къ Вашему Величеству копіи съ разныхъ записокъ, которыя пришлось мнѣ здѣсь составлять; но двойная работа эта свыше силъ моихъ. Благодаря обязанностямъ свѣта и здѣшнимъ дѣламъ, едва приходится мнѣ поспать четыре часа въ сутки. . . . Для меня здѣсь бываютъ сладкія минуты, ибо ничего нѣтъ пріятнѣе всеобщаго благорасположенія. . . . Когда я вспомню, въ какомъ ужасномъ положеніи я сюда пріѣхалъ, безъ навыка къ жизни въ большихъ городахъ, безъ малѣйшаго понятія о народномъ духѣ, безъ рекомендательныхъ писемъ, въ крайней нуждѣ. . . . я содрогаюсь, даже послѣ десятилѣтняго здѣсь пребыванія. Но когда я вспомню, что я выбрался изъ этой бездны затрудненій и униженія, не унизивъ себя и сохранивъ достоинство Вашего Величества, мнѣ кажется, что въ судьбѣ моей есть что-то сверхъестественное. Даже теперь не могу понять, какъ все это случилось; иду впередъ самъ не знаю какъ, не могу довольно всѣми нахвалиться и надѣюсь съ своей стороны, что никто не можетъ на меня пожаловаться"[1]. Вліяніе совѣтовъ де-Местра отразилось на всеподданнѣйшемъ докладѣ, представленномъ министромъ Государю. Въ докладѣ этомъ Разумовскій излагалъ свои возраженія противъ проекта объ учрежденіи лицея, и возраженія эти онъ прямо черпалъ изъ писемъ сардинскаго посланника. „Средства", говоритъ графъ, „изложенныя въ семъ проектѣ къ достиженію цѣли, не совсѣмъ соображены съ оною. . . . Понятіе о важныхъ частяхъ службы и о тѣхъ, кто къ онымъ приготовляется, долженствовало бы опредѣлить выборъ въ наукахъ и языкахъ, для нихъ потребныхъ. Знанія, всякому благовоспитанному приличныя, надлежитъ отличить отъ тѣхъ наукъ, въ особенности нужныхъ только для нѣкотораго состоянія людямъ. Но въ начертаніи лицея на сіе вниманіе не обращено. Предписывается въ немъ обучать, напримѣръ, химіи, астрономіи и другимъ отвлеченнѣйшимъ частямъ математики. Нужны ли сіи науки министру, судьѣ, дипломату и другимъ состояніямъ обыкновенной государственной службы? Нѣтъ сомнѣнія, что и между воспитанниками лицея будутъ рѣдкіе таланты, кои, по особенной склонности, могутъ углубиться въ сіи

---

[1]) Correspondance diplomatique de Joseph de Maistre, 1811—1817, recueillie et publiée par Albert-Blanc, I, 42—45.

науки; но таковымъ открыть путь въ университеты, гдѣ преподаются науки во всей обширности. Исторія мнѣній философскихъ о душѣ, идеяхъ о мірѣ, большею частью нелѣпыхъ и противорѣчащихъ между собою, не озаряетъ ума полезными истинами, но помрачаетъ заблужденіями и недоумѣніями. Естественную исторію нарочитымъ образомъ и въ обширности преподавать такому роду юношества, котораго воспитаніе имѣетъ другое, а не ученое назначеніе, излишне. Греческій языкъ также нуженъ состоянію ученому, а въ государственной службѣ, по многимъ отношеніямъ, несравненно нужнѣе языкъ нѣмецкій, который въ лицеѣ вовсе не полагается.... Множество и важность предметовъ, которымъ воспитанники лицея должны учиться, также не соображены ни съ возрастомъ, ни со временемъ, которое они пробыть должны въ семъ учрежденіи. Они принимаются отъ 10 до 12 лѣтъ и должны пробыть въ лицеѣ только 6 лѣтъ. Возможно ли успѣть въ столь короткое время въ толь многихъ и важныхъ предметахъ, каковые предписаны въ семъ училищѣ? Если же кто и успѣетъ, то получитъ обо всемъ понятія смѣшанныя, скороспѣлыя, кои такого многовѣда сдѣлаютъ скорѣе несноснымъ педантомъ, нежели основательнымъ знатокомъ.... Таковыя несообразности", говоритъ въ заключеніи Разумовскій, „и другіе недостатки въ планѣ лицея убѣждаютъ меня составить новый проектъ, который не замедлю представить на высочайшее усмотрѣніе". Еще нагляднѣе выказывается вліяніе де-Местра во второй запискѣ, представленной Государю Разумовскимъ. Для составленія новаго проекта ему необходимо было знать положительную волю Императора, касательно основъ новаго учрежденія. Съ этою цѣлью онъ составилъ записку подъ именемъ: „Вопросы лицея", въ которой въ формѣ вопросовъ испрашиваетъ нужныя ему изъясненія. Между прочимъ, 7-й вопросъ гласитъ слѣдующее: „Въ нѣкоторыхъ учебныхъ институтахъ во Франціи и другихъ государствахъ, было въ обычаѣ отличать ношеніемъ крестиковъ тѣхъ изъ учащихся, кои болѣе прочихъ успѣвали въ ученіи и отличались добронравіемъ своимъ. Сіе средство весьма удобно было къ поощренію молодыхъ людей въ наукахъ и нравственности; подобное сему постановленіе полезно ввести въ лицей. Въ такомъ случаѣ можно бы учредить сію награду слѣдующимъ образомъ: напримѣръ, два или три таковыхъ крестика было бы сдѣлано, коими, по истеченіи каждаго мѣсяца, украшаемы были трое изъ учащихся, болѣе всѣхъ въ продолженіи того мѣсяца отличавшіеся какъ поведеніемъ, такъ и прилежаніемъ въ ученіи, и какимъ либо достойнымъ похвалы и одобренія сочиненіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такое отличіе произвело бы между молодыми людьми сильное желаніе его заслужить. По прошествіи мѣсяца кресты сіи положены были бы паки въ залѣ собранія, гдѣ опять заслужившіе ихъ были бы ими

украшены. Молодой человѣкъ такой знакъ отличія носилъ бы не только во внутренности лицея, но и внѣ онаго; напримѣръ, при какомъ либо торжествѣ, зрѣлищѣ и проч., при которыхъ бы воспитанникамъ лицея быть случалось". Въ составленіи отвѣтовъ на вопросные пункты Разумовскаго принималъ участіе самъ Государь. На приведенный выше 7-й вопросъ, цѣликомъ взятый изъ третьяго письма де-Местра, было отвѣчено: „Неудобно рано пріучать къ крестамъ. Награды книгами, порядкомъ замѣщенія, медалями и проч. удобнѣе".

Получивъ нужныя объясненія, Разумовскій, разумѣется не безъ дальнѣйшихъ совѣтовъ де-Местра, принялся за составленіе новаго плана для лицея. Планъ этотъ былъ писанъ рукою И. И. Мартынова, получившаго, какъ мы уже замѣтили, при новомъ министрѣ еще бóльшее значеніе. „Благоволеніе Государя и довѣренность ко мнѣ *дѣятельнаго* и просвѣщеннаго министра графа А. К. Разумовскаго", говоритъ самъ Мартыновъ, „давали мнѣ крылья успѣвать во всѣхъ должностяхъ и дѣланныхъ мнѣ порученіяхъ. Е. В. изволили начертать главнѣйшія статьи постановленій лицея и возложить на графа разсмотрѣть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія для начертанія постановленія лицею. Графъ А. К. это дѣло поручилъ мнѣ" [1]. Новое заведеніе уравнивалось правами съ университетами и получало особое, независимое отъ министерства народнаго просвѣщенія, управленіе. Въ угоду де-Местру, греческій языкъ, естественная исторія, археологія, астрономія и химія были отмѣнены, но эстетику отстоялъ Мартыновъ, читавшій ее когда-то въ педагогическомъ институтѣ по желанію Н. Н. Новосильцова. Въ Августѣ 1810 г. постановленіе о лицеѣ было высочайше утверждено, причемъ заведеніе и члены его принимались „подъ особенное Е. И. В. покровительство". Лицей поступалъ въ непосредственное вѣдѣніе графа Разумовскаго, который назначался главноначальствующимъ. Кругъ власти его постановленіемъ не былъ обозначенъ, но такъ какъ лицей не былъ введенъ въ число учрежденій министерства и составлялъ отдѣльное отъ него воспитательно-учебное заведеніе, то Разумовскій долженъ былъ управлять лицеемъ въ качествѣ особо-назначеннаго попечителя, не смѣшивая дѣлъ лицея съ дѣлами министерства. Составлены были штаты служащихъ. Назначены были директоръ и преподаватели. Выборы были счастливые. Директоромъ былъ избранъ, по предложенію Мартынова, образованный и дѣятельный Малиновскій; изъ московскаго университетскаго пансіона, на каѳедру русской словесности вызванъ былъ

---

[1]) „Современникъ", 1856, III. И. И. Мартыновъ, переводчикъ классиковъ, ст. Е. Колбасина, стр. 41.

извѣстный въ то время преподаватель Кошанскій. Профессорами исторіи, математики и нравственныхъ наукъ назначены были, только что возвратившіеся изъ-за границы, студенты педагогическаго института— Кайдановъ, Карцевъ и Куницынъ. Послѣднее назначеніе было особенно удачно. Куницынъ съумѣлъ привязать къ себѣ учениковъ и имѣлъ на нихъ самое благотворное вліяніе. Питомцы лицея долго помнили любимаго учителя.

„Куницыну дань сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень,
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена!“ ....

Просьбы о принятіи дѣтей въ новоучрежденное заведеніе стали приходить со всѣхъ сторонъ. Распоряженіе Разумовскаго о переведеніи въ лицей отличнѣйшихъ учениковъ изъ московскаго благороднаго пансіона оказалось ненужнымъ и не было приведено въ исполненіе. Между тѣмъ министръ обратился къ Государю съ слѣдующимъ представленіемъ: „В. В., въ залогъ непремѣннаго благоволенія вашего, всемилостивѣйше пожаловать соизволили грамоты академіямъ: наукъ и медико-хирургической, университетамъ и нѣкоторымъ другимъ высшимъ училищамъ. Примѣры сіи убѣждаютъ меня испрашивать Императорской грамоты В. В. и учреждаемому лицею, яко уравненному въ правахъ и преимуществахъ съ россійскими университетами“. При этомъ Разумовскій представилъ проектъ грамоты, который удостоился высочайшаго утвержденія. Самая грамота, нѣсколько напыщенная, писана была на 12 пергаментныхъ листахъ; она представляла образецъ каллиграфическаго искусства, украшена была аллегорическими фигурами и виньетами и переплетена была въ золотой глазетъ съ шитыми вензелями и гербами. Государь подписалъ ее 22 Сентября 1811 года. „Между тѣмъ какъ приготовлялась грамота“, говоритъ Мартыновъ, „и отдѣлываемо было строеніе, принимаемы были воспитанники и со всею строгостью испытываемы въ познаніяхъ, требуемыхъ для вступленія въ лицей, въ присутствіи министра, Малиновскаго и моемъ, но предварительномъ собраніи самимъ же министромъ свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ кандидатовъ“ [1]). Безъ малаго черезъ мѣсяцъ послѣ поднесенія грамоты, 19 Октября, въ присутствіи Государя и всей Императорской Фамиліи, съ особенною торжественностію совершено было открытіе лицея. Дѣтищемъ своимъ графъ Разумовскій занялся съ заботливостью и дѣятельностію, къ которой не привыкли его окружавшіе. Онъ строго отдѣлялъ свои обязанности по управленію лицеемъ, отъ занятій своихъ по министерству. „Графъ Разумовскій“,

[1]) Тамъ же, 41.

говоритъ историкъ лицея, „принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе содѣйствовали основанію и развитію лицея. Его ходатайству заведеніе обязано многими правами и преимуществами: онъ далъ ему организацію, непосредственно дѣйствовалъ при открытіи и лично участвовалъ въ первыхъ начинаніяхъ лицея. Онъ дѣятельно помогалъ Малиновскому во всѣхъ приготовленіяхъ къ открытію лицея: въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, въ совѣщаніяхъ конференціи, въ пріисканіи должностныхъ лицъ. Бумаги, сохранившіяся въ лицейскомъ архивѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, до какой степени Разумовскій занятъ былъ новымъ учрежденіемъ, и содержатъ въ себѣ слѣды особой его дѣятельности въ отношеніи къ лицею. Такъ, напримѣръ, когда опредѣлено было открытіе лицея, онъ самъ составилъ церемоніалъ оному, написалъ планъ рѣчи, которую долженъ былъ произнести Малиновскій, пересмотрѣлъ рѣчи Куницына и Кошанскаго, послѣдній прочелъ у него въ залѣ ту лекцію, которою предполагалось открыть курсъ ученія въ присутствіи Государя; онъ распредѣлилъ вмѣстѣ съ конференціею предметы занятій и время между преподающими; собственноручно писалъ правила относительно наблюденія за комнатною температурою лицея, приказывая по крайней мѣрѣ два раза въ день возобновлять воздухъ въ комнатахъ; присутствовалъ при экзаменахъ, требовалъ отъ лицейскаго начальства самыхъ подробныхъ донесеній о состояніи дѣлъ и внимательно слѣдилъ за распоряженіями по всѣмъ отраслямъ управленія“ [1]). Въ бумагахъ графа Алексѣя Кириловича, сохранившихся въ архивѣ правнука его князя Н. В. Репнина, находятся цѣлыя тетради съ отчетами преподавателей лицея объ успѣхахъ учениковъ и подробною характеристикою каждаго изъ нихъ [2]). Попеченія Разумовскаго о лицеѣ доходили иногда до крайности. Такъ, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ учрежденія его поразила плохая подготовка поступавшихъ въ лицей учениковъ. Какъ ни странно покажется, однако министру народнаго просвѣщенія, подъ начальствомъ котораго находились всѣ подготовительныя школы Россіи, единственнымъ средствомъ для устраненія неравенства въ развитіи и кругѣ познаній вступавшихъ въ лицей юношей представилось основаніе новаго воспитательнаго учрежденія, спеціально для лицея устраиваемаго и имѣющаго цѣлью подготовить для него отличныхъ учениковъ. Такъ возникъ лицейскій благородный пансіонъ, и такимъ образомъ самъ Царскосельскій лицей укрѣплялся среди министерства народнаго просвѣщенія въ видѣ status in statu. Проектъ Разумовскаго объ открытіи новаго

---

[1]) Селезневъ, Истор. очеркъ Лицея, 30.

[2]) Отчеты эти относительно самыхъ примѣчательныхъ учениковъ: Пушкина, Дельвича и кн. А. М. Горчакова, напечатаны у Селезнева, Приложеніе, стр. 13—14.

пансіона былъ высочайше утвержденъ въ 1813 году. Въ проектѣ этомъ не даровалось никакихъ правъ ни служащимъ при пансіонѣ, ни учащимся въ немъ. Пансіонъ носилъ вполнѣ характеръ частнаго учрежденія. Впослѣдствіи однако составленъ былъ штатъ служащимъ и дарованы права воспитанникамъ.

Такимъ образомъ основателемъ Царскосельскаго лицея, игравшаго, въ началѣ своего существованія, такую важную роль въ исторіи нашего образованія, былъ графъ Алексѣй Кириловичъ Разумовскій. Онъ учредилъ и съ любовью опекалъ то заведеніе, которое даровало Россіи Пушкина, изъ котораго вышли: князь А. М. Горчаковъ, графъ М. А. Корфъ, Дельвигъ и другіе. На знаменитомъ въ лѣтописяхъ нашей культуры экзаменѣ, на которомъ впервые раздались публично стихи Пушкина, на которомъ юный поэтъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ, прочелъ передъ Державинымъ свои воспоминанія о Царскомъ Селѣ:

И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ геніемъ и граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня, дрожащею рукою,
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мною.

На этомъ экзаменѣ, говоримъ мы, присутствовалъ и Разумовскій, справедливо гордясь успѣхами своихъ питомцевъ. Послѣ экзамена былъ у графа Алексѣя Кириловича торжественный обѣдъ, на который, въ числѣ прочихъ именитыхъ гостей, приглашенъ былъ и отецъ молодого поэта. Обращаясь за обѣдомъ къ С. Л. Пушкину, Разумовскій сказалъ ему между прочимъ: „Я бы желалъ однакоже образовать сына вашего въ прозѣ“. „Оставьте его поэтомъ“, пророчески и съ необыкновеннымъ жаромъ возразилъ Державинъ [1]).

Учрежденіе лицея несомнѣнно составляетъ самую выдающуюся и притомъ лучшую сторону служебной дѣятельности Разумовскаго. Занявъ должность министра, онъ сбросилъ съ себя свою обычную лѣнь, забылъ про хандру, сталъ доступенъ всякому. Къ сожалѣнію, такое настроеніе продолжалось не долго и остальная часть оффиціальной его карьеры далеко не соотвѣтствовала такому благому началу. Даже попеченіе его о лицеѣ со временемъ охладѣло.

---

[1]) Анненковъ, А. С. Пушкинъ, матеріалы для его біографіи, стр. 22.

ГЛАВА IV.

Графъ Алексѣй Кирилловичъ.

(Окончаніе).

Изгнанные изъ всѣхъ государствъ Европы, уничтоженные знаменитымъ бреве папы Климента XIV, отъ 21 Іюля 1773 года, іезуиты нашли себѣ убѣжище въ только-что присоединенной къ Россіи Бѣлоруссіи. Екатерина объявила, что, по чувству вѣротерпимости, она желаетъ оставить іезуитовъ въ мирно-завоеванныхъ ею областяхъ. Россія не признала папскаго бреве, и послѣдователи Игнатія Лойолы остались при своихъ коллегіяхъ въ Полоцкѣ, Витебскѣ, Оршѣ, Мстиславлѣ, Могилевѣ и Динабургѣ, а также при миссіяхъ и резиденціяхъ, разсыпанныхъ по западному краю. Въ Полоцкъ стали мало-помалу съѣзжаться іезуиты всѣхъ странъ свѣта. Сильные опорою всемогущаго Потемкина и Бѣлорусскаго намѣстника графа Захара Григорьевича Чернышева, братья Іисусова общества не обращали вниманія на громы, сыпавшіеся на нихъ изъ Ватикана, и дерзко относились къ враждебному имъ могилевскому епископу, Сестренцевичу-Богушу, котораго Екатерина, съ свойственнымъ ей одной талантомъ выбирать людей, такъ удачно поставила во главѣ новоприсоединенной къ Россіи латинской паствы. Всякими правдами и неправдами, добились іезуиты разрѣшенія открыть при своемъ полоцкомъ коллегіумѣ новиціатъ и воспользовались путешествіемъ Екатерины въ Могилевъ, а также всемогущимъ покровительствомъ князя Таврическаго, чтобы въ 1782 году получить высочайшій указъ, разрѣшающій имъ избраніе между себя генеральнаго викарія, и de facto ставившій ихъ внѣ юрисдикціи могилевскаго епископа. Самъ Потемкинъ на собственныя деньги выстроилъ для іезуитскаго генерала и профессовъ домъ въ Полоцкѣ. При Павлѣ I іезуиты стали перебираться въ С.-Петербургъ. Самый вліятельный членъ общества и будущій генералъ его, отецъ Груберъ, отправился въ сѣверную столицу; тамъ онъ былъ снисканъ милостями при дворѣ. Царскій гнѣвъ палъ на Сестренцевича, а іезуиты тѣмъ временемъ ловко забрали въ свои руки латинскую церковь св. Екатерины, на Невскомъ проспектѣ, и добились возвращенія ихъ ордену имѣній, отобранныхъ у нихъ во времена польскаго владычества. Напротивъ православнаго Казанскаго собора, стали совершаться съ необыкновенною пышностью невиданныя дотолѣ въ Петербургѣ латинскія функціи, загремѣла великолѣпная музыка, раздалась краснорѣчивая, увлекательная проповѣдь. Снисходя усиленнымъ просьбамъ русскаго православнаго Императора, папа Пій VII, наконецъ,

рѣшился снять запрещеніе съ осужденнаго Ватиканомъ ордена и бреве своимъ отъ 7-го Марта 1801 г. формально призналъ существованіе его въ Россіи. Уже съ нѣкоторыхъ поръ славился въ Петербургѣ, на Фонтанкѣ, французскій пансіонъ, содержимый іезуитомъ Николемъ, извѣстнымъ подъ именемъ аббата Николя. Іезуиты рѣшились завести теперь свою собственную школу, при самой церкви и выпросили себѣ у Государя участокъ земли, находившійся на углу Итальянской улицы и Екатерининскаго канала. Здѣсь возвели они великолѣпное строеніе, до сихъ поръ извѣстное подъ именемъ іезуитскаго дома, здѣсь, уже послѣ воцаренія Александра Павловича, они открыли училище, куда толпами стали поступать знатные русскіе юноши: Голицыны, Гагарины, Толстые, Шуваловы, Строгановы, Вяземскіе, Одоевскіе и пр., и пр. Здѣсь юные представители древнихъ родовъ нашихъ молились по-латынѣ, по-латынѣ-же читали Евангеліе, учились закону Божію по латинскому катихизису и во время латинской миссы аколитами (enfants de choeur) прислуживали священнодѣйствующимъ патерамъ [1]). Наконецъ, въ 1802 г., въ Полоцкѣ, отецъ Груберъ избранъ былъ уже не викаріемъ, а полнымъ генераломъ ордена и поспѣшилъ окончательно перевести резиденцію свою въ Петербургъ. Сами братья ордена Іисусова не вѣрили своему счастію. „Іезуиты", говоритъ де-Местръ, „великолѣпно ведутъ дѣла свои (mènent supérieurement leur barque); мы часто удивляемся съ отцомъ-генераломъ ихъ здѣсь существованію, это по истинѣ неразрѣшимая задача (un véritable problême)" [2]). Нежданная удача во всемъ, что бы они ни предпринимали, вскружила голову іезуитамъ; они стали отвергать всякій надъ собою контроль, даже со стороны лицъ, связанныхъ съ ними по вѣрѣ и народности, такъ какъ въ то время огромное большинство іезуитовъ состояло изъ природныхъ поляковъ.

Въ самомъ началѣ министерства графа Разумовскаго, западная окраина государства нашего отъ Двины до Буга представляла странное явленіе. Всѣ начала обрусѣнія, о которомъ такъ заботилась Екатерина, давно заглохли. Князь Адамъ Чарторижскій неутомимо и безпрепятственно трудился надъ окончательною полонизаціею края. „Цѣлью всей его жизни", говоритъ составитель предисловія къ письмамъ Чарторижскаго, „было обрѣсти отчизну и снова вызвать ее къ жизни... Сами русскіе сдѣлали князю честь говорить и даже заявлять печатно, что онъ на полвѣка отстранилъ окончательное обрусѣніе польскихъ обла-

---

[1]) Морошкинъ, Іезуиты въ Россіи, II, стр. 129. Разсказъ покойнаго графа А. Н. Толстаго.

[2]) A. Blanc, Mémoires politiques et correspondance diplomatique de J. de Maistre, стр. 137.

стей имперіи" [1]). Какъ ни силенъ былъ космополитическій или, вѣрнѣе, польскій оттѣнокъ русской администраціи въ западномъ краю, все же Чарторижскій оставался недоволенъ. „Защитите, Государь", писалъ онъ къ Императору Александру Павловичу, отъ 12 Января 1810 года, „несчастный край отъ собственнаго вашего управленія; никто въ здѣшней странѣ не принимаетъ участія, наоборотъ, многіе только и думаютъ о томъ какъ бы повредить ей, стараются угнетать ее, а однако съ какой точки зрѣнія ни посмотришь на дѣло и чтó бы ни пророчили въ будущемъ, не думаю, чтобы были вѣрными слугами В. И. В. люди, подающіе совѣты, осуществленіе которыхъ неминуемо повлечетъ за собою разореніе значительной части вашихъ владѣній и отстранитъ отъ васъ сердца жителей" [2]). Малѣйшее вмѣшательство министерства въ дѣло народнаго образованія глубоко оскорбляло зазнавшагося Чарторижскаго. „Изъ всего этого", писалъ онъ отъ 15 Ноября того же года, по поводу коммиссіи, учрежденной, по представленію Разумовскаго, для ревизіи кременецкой гимназіи, „слѣдуетъ заключить, что виленскій попечитель не пользуется болѣе довѣріемъ правительства и что это даже дано ему почувствовать" [3]). Почти неограниченная власть Чарторижскаго въ польскомъ краѣ стала досаждать іезуитамъ. Упоенные успѣхами, патеры отказались отъ повиновенія учебному начальству и требовали для своихъ школъ и коллегій полной независимости отъ попечителя виленскаго округа. Загорѣлась открытая междоусобная война. Своя своихъ не познаша. Этою рознею тогдашнее правительство не съумѣло воспользоваться, полонизація края шла своимъ чередомъ, а іезуиты, благодаря вліянію де-Местра на графа Разумовскаго, вскорѣ достигли своей цѣли.

Вольтеріанецъ и масонъ, Разумовскій сталъ теперь покровителемъ Іисусова общества. Послѣ смерти патера Грубера, несмотря на избраніе ему въ преемники поляка Тадеуша Бржозовскаго, настоящимъ генераломъ ордена сдѣлался графъ де-Местръ; онъ входилъ во всѣ мелочи управленія, безъ его вмѣшательства не рѣшался ни одинъ вопросъ, не принималась ни одна мѣра. Іезуиты давно съ завистью смотрѣли на бывшее свое достояніе—виленскій университетъ. Завладѣть имъ снова не было возможности; попечитель слишкомъ силенъ былъ при дворѣ. По новому университетскому уставу, всѣ учебныя заведенія были подчинены тому учебному округу, къ которому они были приписаны. Въ силу этого постановленія, всѣ іезуитскія школы зависѣли отъ Чарторижскаго. Убѣдившись въ томъ, что университетъ на-

[1]) Alexandre I et le Prince Czartoryski, correspondance particulière и пр., avec une introduction, par Ch. de Mazade.

[2]) Тамъ же, стр. 108.

[3]) Тамъ же, стр. 116.

всегда ускользнулъ изъ рукъ ихъ, іезуиты рѣшились освободиться изъ-подъ контроля свѣтской власти, создавъ свой отдѣльный независимый учебный округъ, съ собственнымъ новымъ университетомъ. Съ этою цѣлью, они перестали обращать вниманіе на распоряженія попечителя и письма посыпались изъ іезуитскаго коллегіума ко всѣмъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ: къ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, къ герцогамъ: Виртембергскому и Ольденбургскому, къ князьямъ: Голицыну и Куракину, къ Сперанскому и проч. и проч. и проч. Представлена была даже докладная записка самому Государю. Разумѣется, всего чаще и настойчивѣе обращались патеры къ министру народнаго просвѣщенія. Новый генералъ, Тадеушъ Бржозовскій, сначала просилъ смиренно только о томъ, чтобы за іезуитскими учебными заведеніями оставили ихъ старинный методъ преподаванія; просьба была, какъ казалось, самая невинная, но рядомъ съ нею ловко и незамѣтно распускалась клевета противъ университетовъ и зависящихъ отъ нихъ заведеній. По мѣрѣ того какъ письма умножались, увеличивались и требованія. Въ концѣ-концовъ доказывалось, что необходимо даровать университетскія права полоцкой іезуитской школѣ. „Это безпримѣрное явленіе въ исторіи", писалъ между прочимъ Бржозовскій къ Разумовскому, „что вздумали іезуитовъ подчинить университетскимъ законамъ, перемѣнять ихъ методъ преподаванія и стѣснять свободу начальниковъ въ выборѣ профессоровъ... Мы просимъ не новой какой милости, а о сохраненіи права, современнаго учрежденію нашего ордена, права, которымъ мы никогда не злоупотребляли и которымъ мы, пусть не безпокоятся, никогда злоупотреблять не будемъ, потому что наша собственная польза требуетъ, чтобы мы оправдывали довѣріе правительства и были достойны его покровительства, готовностію нашею служить видамъ государственнымъ". Въ заключеніе генералъ іезуитовъ говорилъ, что министръ народнаго просвѣщенія причинитъ вредъ государству, если не станетъ поддерживать іезуитовъ, готовыхъ взвалить себѣ на плечи часть правительственнаго бремени; „интересы наши совершенно тождественны съ интересами имперіи", такъ заканчивалъ одно изъ писемъ своихъ къ Разумовскому Бржозовскій [1]). Несмотря на такіе убѣдительные доводы, министръ плохо поддавался; тогда выступилъ впередъ графъ де-Местръ. Къ письмамъ своимъ о проектѣ лицея онъ присоединилъ два огромныхъ посланія, заключавшихъ въ себѣ полный панегирикъ обществу Іисусову. Де-Местръ защищалъ орденъ краснорѣчиво, остроумно и оригинально. Софизмы такъ и заискрились изъ-подъ борзаго пера его. Секта злыхъ революціонеровъ окружаетъ или, вѣрнѣе, врывается въ Россію со всѣхъ

[1]) Морошкинъ, Іезуиты, II, 481—489.

сторонъ и подтачиваетъ самые глубокіе ея корни. Секта дѣйствуетъ безъ шума, тайно, шумъ сберегается про конецъ. Россіи необходимы сторожевые псы, готовые грызть воровъ и лаемъ будить дремлющее правительство; она не можетъ обойтись безъ громадныхъ альпійскихъ сосенъ, сдерживающихъ лавину и не дозволяющихъ снѣгу въ одно мгновеніе занести мелколѣсье. „Будемъ надѣяться", говоритъ въ концѣ послѣдняго письма де-Местръ, „что отличному министру, передъ которымъ я высказываю свои мысли, суждено вполнѣ разсѣять мракъ, затмѣвающій самыя яркія и самыя основныя истины! Какое зрѣлище, графъ, съ одной стороны: степенные ученые монахи въ продолженіи 40 лѣтъ и въ виду цѣлой Россіи словомъ и примѣромъ поучающіе людей добру, постоянно помнящіе о своихъ обязанностяхъ относительно государства, не забывающіе никогда данной ими Россіи присяги, ставящіе русскій языкъ выше всего другого и почитающіе его, наравнѣ съ латинскимъ, основаніемъ своего преподаванія. А съ другой—польская академія, въ упоеніи отъ своего родного языка и нападающая на іезуитовъ! И русское правительство колеблется въ выборѣ между обоими этими учрежденіями и даже склоняется на сторону польской академіи! Что же это за колдовство? Какой непостижимый фатализмъ заставляетъ всѣ правительства предпочитать именно то, въ чемъ заключается ихъ погибель, и ненавидѣть то, что̀ можетъ спасти ихъ?"

Такого рода намеки дѣлались въ то время, когда по всему Петербургу ходили толки о реформахъ Сперанскаго, когда въ высшихъ кругахъ общества его прямо называли якобинцемъ и иллюминатомъ, когда многіе изъ высшихъ администраторовъ пророчили общую революцію, если задуманныя любимцемъ Государевымъ реформы будутъ введены въ имперіи. Разумовскому, какъ и многимъ изъ его сотоварищей, доводы де-Местра показались весьма вѣскими, особенно же въ данную минуту. Къ тому же, де-Местръ весьма ловко закончилъ свой панегирикъ инсинуаціею относительно польскихъ тенденцій Чарторижскаго. Защищать іезуитовъ, по словамъ его, значило поддерживать русское дѣло въ западномъ краѣ. Дальновидность высшихъ чиновниковъ нашихъ, благодаря иностранному воспитанію, рѣдко отличалась особенною прозорливостью. Разумовскій окончательно убѣдился въ пользѣ предлагаемой мѣры и вошелъ въ комитетъ министровъ съ представленіемъ о возведеніи полоцкой іезуитской коллегіи на степень академіи, т.-е. высшаго учебнаго заведенія, со всѣми правами и преимуществами университетовъ, и непосредственнымъ подчиненіемъ этой новой академіи всѣхъ вообще іезуитскихъ училищъ. Представленіе Разумовскаго было высочайше утверждено 12 Января 1812 г., и та-

кимъ образомъ возникъ новый учебный округъ, iезуитскiй, обнимавшiй всю Россiю.

Хотя Разумовскiй и ошибался однако въ началѣ министерства своего, онъ несомнѣнно съ охотою и любовью занялся ввѣреннымъ ему дѣломъ. Мы уже видѣли выше, что Мартыновъ называлъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ министромъ. Дѣятельность графа Алексѣя Кириловича была продолженiемъ того, что̀ начато было при Завадовскомъ. Кругъ министерскихъ обязанностей даже расширился: медико-хирургическая академiя, а за нею и вся медицинская часть въ имперiи, подчинена была министру народнаго просвѣщенiя [1]). Вниманiе новаго министра особенно обращено было на народныя школы. Въ первые два года управленiя Разумовскаго открыто было по Россiи 72 приходскихъ школы, 24 уѣздныхъ училища, одно городское и сиротское училище въ Москвѣ. Изъ среднихъ заведенiй открыты были гимназiи въ Кiевѣ, Симферополѣ и Бѣлостокѣ, греческое Александровское училище въ Нѣжинѣ и повивальный институтъ въ Бѣлостокѣ [2]). Въ виду крайне недостаточнаго числа школъ и исключительнаго положенiя московской губернiи, министръ исходатайствовалъ разрѣшенiе, чтобы вся сумма, опредѣленная казною на училища московской губернiи, выдавалась сполна, съ тѣмъ чтобы употреблять ее, въ случаѣ надобности, совокупно съ деньгами, отпускаемыми изъ московскаго приказа общественнаго призрѣнiя, на содержанiе частныхъ училищъ въ Москвѣ, съ правомъ замѣнять одну сумму другою [3]).

Разумовскiй обращалъ вниманiе не только на открытiе новыхъ училищъ, но и на самый методъ преподаванiя и требовалъ отъ попечителей, чтобы они зорко слѣдили за учебнымъ дѣломъ въ ввѣренныхъ имъ округахъ. „Усмотрѣно мною“, писалъ онъ циркулярно отъ 8-го Iюля 1810 года, „что во многихъ училищахъ преподаются науки безъ всякаго вниманiя къ пользѣ учащихся, что учителя стараются болѣе обременять, нежели изощрять память ихъ и, вмѣсто развиванiя разсудка постепеннымъ ходомъ, притупляютъ оный, заставляя выучивать наизусть отъ слова до слова то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя бы несвязанными, но не книжными выраженiями. Таковой способъ ученiя, сколько легокъ для учителей, столько вреденъ для истиннаго образованiя юношества, и на сiе тѣмъ менѣе можно взирать съ равнодушiемъ, что сверхъ потраты дѣтьми наилучшаго въ жизни времени обманывается надежда правительства, и употребляе-

1) Сборникъ распоряженiй по министерству народнаго просвѣщенiя, I.
2) Кеппенъ, Матерiалы для исторiи просвѣщенiя въ Россiи, 71—79.
3) Сборникъ распоряженiй по мин. народнаго просвѣщенiя, I, 600—601.

мыя имъ на воспитаніе издержки остаются маловознагражденными". Вслѣдствіе этихъ соображеній Разумовскій предлагалъ черезъ попечителей университетовъ: 1) назначать въ учителя людей знакомыхъ съ раціональнымъ методомъ преподаванія; 2) предписать директорамъ и смотрителямъ училищъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы учителя не затрудняли учениковъ вытверживаніемъ наизусть уроковъ, но приводили бы ихъ легкимъ, простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго; 3) чтобы визитаторы обращали особое вниманіе на методъ преподаванія и представляли объ учителяхъ незнающихъ добраго метода, или нежелающихъ ему слѣдовать; 4) не обременять юношество перепискою курсовъ, составленныхъ учителями, а преподавать по книгамъ, указаннымъ начальствомъ, и наконецъ 5) не дозволять на экзаменахъ самимъ учителямъ экзаминовать, а приглашать на то постороннихъ лицъ, свѣдущихъ въ наукѣ, а гдѣ такихъ нѣтъ, чтобы экзаминовали не тѣ учители, которые преподавали ту науку, изъ которой производится испытаніе [1]).

Циркуляромъ отъ 18 Марта 1811 г., Разумовскій припоминалъ, что „училищными постановленіями всякія тѣлесныя наказанія запрещены, между тѣмъ стало извѣстно, что нѣкоторые директоры, смотрители, учители, гувернеры и содержатели пансіоновъ дѣлаютъ оныя и даже съ ожесточеніемъ, безъ вѣдома высшаго начальства и безъ согласія родителей или родственниковъ. А какъ сіе противно доброму воспитанію, то я предлагаю вникнуть въ сіе обстоятельство и, подъ опасеніемъ отрѣшенія отъ должностей, подтвердить означеннымъ лицамъ, а содержателямъ пансіоновъ подъ опасеніемъ закрытія пансіоновъ, дабы не дерзали нарушать высочайшее повелѣніе о наказаніяхъ и исправляли бы дѣтей мѣрами кротчайшими... Желательно было бы, чтобы жестокіе наставники, учители, начальники училищъ и содержатели пансіоновъ немедленно были узнаны, и по усмотрѣнію, или перемѣнены или предостережены, какъ для пользы ихъ собственной, такъ болѣе для юношей имъ ввѣренныхъ" [2]). По предложенію Разумовскаго, учреждено въ 1811 году званіе почетныхъ смотрителей при училищахъ, въ которые избираемы должны были быть тѣ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, кои наиболѣе благорасположены къ наукамъ. Строжайшимъ образомъ было воспрещено допущеніе частныхъ учебныхъ заведеній для дѣтей обоего пола [3]); обращалось вниманіе попечителей на то, что иные учители плохо исполняютъ свои обязанности, поздно приходятъ въ классы и распускаютъ учениковъ до вре-

---

1) Сборникъ распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія, I, 175—177.

2) Тамъ же, I, 182. Распоряженіе это подтверждено новымъ циркуляромъ Разумовскаго, отъ Февраля 1814 года. Тамъ же, I, 235.

3) Циркуляръ отъ 4 Сентября, 1811 года. Тамъ же, 196—197.

мени [1]). Вслѣдствіе представленія казанскаго попечителя Михаила Александровича Салтыкова о томъ, что въ гимназіяхъ его округа, да и вообще во всѣхъ тогда существовавшихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства, не положено было обязательное обученіе закону Божію: „кореннымъ и неизмѣннымъ правиломъ, постановлено было во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ военнаго и гражданскаго вѣдомства, не изъемля изъ того и состоящія подъ управленіемъ иностраннаго духовенства, какъ обучать юношество закону Божію, такъ и, при ежегодныхъ публичныхъ испытаніяхъ, всегда начинать экзаменъ съ сего предмета, яко заключающаго въ себѣ главную и существенную цѣль образованія. Притомъ поставить въ непремѣнную обязанность начальникамъ училищъ приглашать на сей экзаменъ, въ особо назначаемый для того день, почетное духовенство, а гдѣ существуетъ архіерейская каѳедра, то и самыхъ мѣстныхъ архіереевъ“ [2]). Наконецъ, Разумовскій представилъ на высочайшее усмотрѣніе, что грековосточная церковь издревле особенно чествуетъ нѣкоторые великіе дни въ году, числомъ семь, а именно: праздникъ св. Николая, день сошествія св. Духа, день усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, день Покрова и день празднованія Казанской иконы Пресвятой Богородицы; дни эти въ 1805 году, вслѣдствіе представленія министра юстиціи, обращены были въ присутственные, въ надеждѣ симъ способомъ ускорить теченіе дѣлъ. Нынѣ министръ предлагалъ ихъ снова причислить къ тѣмъ, въ которые не бываетъ ни ученія, ни присутствія по вѣдомству свѣтскаго правительства. Это представленіе Разумовскаго было высочайше утверждено 21 Октября 1812 года [3]). Занимаясь съ любовью дѣломъ народнаго образованія, Разумовскій какъ-бы отрѣшался на время отъ своихъ прежнихъ воззрѣній. Этотъ завзятый космополитъ, вѣчно порицавшій все родное, въ двухъ докладахъ къ Государю, отъ Мая 1811 года и отъ 12 Мая 1812 года, является намъ совершенно въ новомъ свѣтѣ, онъ представляется чуть ли не славянофиломъ, или, вѣрнѣе, такъ какъ эти два понятія часто у насъ смѣшиваютъ, чисто русскимъ человѣкомъ.

„Въ отечествѣ нашемъ“, писалъ въ первомъ докладѣ Разумовскій, „далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстью занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, неимѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную

---

[1]) Циркуляръ отъ 28 Апрѣля 1812 года. Тамъ же, I, 214.

[2]) Циркуляръ отъ 6 Іюня 1812 года. Тамъ же, I, 217.

[3]) Сборникъ постановленій по мин. народ. просвѣщенія, I, 689—690.

[4]) Тамъ же, I.

пагубу обществу, воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ соотечественниковъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ, но, подъ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина. Всѣ почти пансіоны въ имперіи содержатся иностранцами, которые весьма рѣдко бываютъ съ качествами для званія сего потребными. Не зная нашего языка и гнушаясь онымъ, не имѣя привязанности къ странѣ для нихъ чуждой, они юнымъ россіянамъ внушаютъ презрѣніе къ языку нашему и охлаждаютъ сердца ихъ ко всему домашнему, и въ нѣдрахъ Россіи изъ россіянина образуютъ иностранца. Сего не довольно, и для преподаванія наукъ они избираютъ иностранцевъ-же, что̀ усугубляетъ вредъ, воспитаніемъ ихъ разливаемый, и скорыми шагами приближаетъ къ истребленію духа народнаго. Воспитанники ихъ и мыслятъ и говорятъ по иноземному; между тѣмъ не могутъ нѣсколько словъ правильно сказать на языкѣ отечественномъ. Къ прекращенію сего представляю слѣдующія мѣры: 1) дабы училищное начальство въ дозволеніи на открытіе новаго пансіона основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе на удостовѣреніи о доброй его нравственности; 2) дабы въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знанія русскаго языка; 3) за правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ; начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ попеченіе; 4) вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы преподавали оныя на русскомъ языкѣ; 5) впрочемъ во всемъ слѣдовать правиламъ для пансіоновъ существующимъ, о строгомъ наблюденіи коихъ подтвердить мѣстнымъ училищнымъ начальствамъ; 6) и наконецъ сбирать ежегодно съ содержателей пансіоновъ по 5% съ платы, ими получаемой съ пансіонеровъ, каковыя деньги обратить, по накопленіи, на учрежденіе особыхъ училищъ, въ коихъ безъ отягощенія государственной казны будутъ воспитываться дѣти родителей, оказавшихъ отечеству важныя услуги, но лишенныхъ средствъ къ ихъ воспитанію, равно и дѣти неимущихъ дворянъ“ [1]).

Во второмъ докладѣ своемъ Разумовскій предлагалъ энергическія мѣры къ обрусѣнію западнаго края. Иниціатива этого дѣла принад-

[1]) Тамъ же, I, 632—634.

лежала собственно министру полиціи, который сообщилъ графу, что по отчету виленскаго гражданскаго губернатора за 1809 годъ, оказывалось, что въ его губерніи русскій языкъ не вошелъ еще въ употребленіе. Вслѣдствіе этого заявленія, министръ народнаго просвѣщенія, принимая во вниманіе, что не въ одной виленской, но и во всѣхъ бывшихъ польскихъ, а также и остзейскихъ губерніяхъ неохотно занимаются русскимъ языкомъ, предложилъ: 1) принимать уроженцевъ вышеименованныхъ губерній въ военную и гражданскую службу, а равно и духовное званіе, черезъ пять лѣтъ по утвержденіи сего положенія, не иначе какъ знающихъ русскій языкъ; 2) изъ приходскихъ школъ переводить въ уѣздныя училища только такихъ учениковъ, кои знаютъ порядочно по-русски читать и писать; 3) изъ уѣздныхъ училищъ, переводить въ гимназіи только тѣхъ, кои знаютъ русскій языкъ основательно и по-русски говорятъ правильно; 4) гимназисты, коимъ остается до окончанія курса не менѣе двухъ лѣтъ и кои не знаютъ русскаго языка, должны въ теченіи этого времени научиться по-русски: читать, писать и разумѣть достаточно; въ противномъ-же случаѣ, не принимать ихъ на службу; 5) студентовъ университетскихъ, незнающихъ достаточно русскаго языка, нынѣ и черезъ годъ по утвержденіи сего положенія, принимать на службу, но не въ чинѣ 14 класса; 6) при производствѣ въ слѣдующіе чины, незнающіе русскаго языка и имѣющіе отъ роду не болѣе 40 лѣтъ, обязаны прослужить годомъ болѣе узаконенныхъ сроковъ; 7) въ послужныхъ спискахъ чиновниковъ остзейскихъ и возвращенныхъ отъ Польши губерній означать, знаютъ-ли они русскій языкъ или нѣтъ. Департаментъ государственной экономіи, признавая пользу сихъ мѣръ, но уваживъ, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ надлежало съ пограничными губерніями обращаться со всевозможною осторожностію, положилъ: отложить предположенныя мѣры до удобнѣйшаго времени. Государственный совѣтъ въ общемъ собраніи, 3 Іюня 1812 года, утвердилъ это мнѣніе [1]).

Если проектъ Разумовскаго касательно мѣръ къ обрусѣнію нашихъ западныхъ окраинъ былъ отклоненъ, то первый докладъ его удостоился высочайшаго утвержденія. Въ силу изложенныхъ въ немъ соображеній, министръ обратилъ теперь вниманіе правительства на домашнихъ иностранныхъ учителей, число которыхъ въ послѣднее время крайне умножилось. Министръ требовалъ, на основаніи стараго Елизаветинскаго указа, отъ 5 Мая 1757 г., чтобы всѣ иностранные учители имѣли отъ русскихъ училищныхъ начальствъ письменныя свидѣтельства о своихъ способностяхъ и познаніяхъ. Оказалось, что

[1]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра I, V, 203—204.

благотворная мѣра эта давно уже не была соблюдаема. За содѣйствіемъ Разумовскій обратился къ министру полиціи. Министръ доложилъ о томъ Государю и, по высочайшему повелѣнію, отношеніе графа Алексѣя Кириловича было внесено въ комитетъ министровъ на обсужденіе. Комитетъ въ своемъ заключеніи положилъ, что мѣра, предлагаемая министромъ народнаго просвѣщенія, стѣснительна и неудобна какъ для учителей, которые могутъ находиться въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ университетовъ и гимназій, такъ и для родителей, которые выписываютъ изъ-за границы учителей и ввѣряютъ имъ для воспитанія дѣтей своихъ, предпочитая нравственное ихъ образованіе ученію языкамъ и наукамъ. Чтобы достичь цѣли, предлагаемой Разумовскимъ, комитетъ призналъ удобнѣйшимъ внушить родителямъ черезъ дворянскихъ предводителей, чтобы они для пользы дѣтей своихъ старались избирать въ наставники людей, которые бы съ правилами строгой нравственности соединяли и познанія, званію ихъ свойственныя. Государь передалъ Разумовскому заключеніе комитета, съ тѣмъ, чтобы, прочитавъ и изучивъ его, онъ представилъ свое письменное мнѣніе. Вслѣдствіе этого министръ составилъ пространный докладъ. „Почему", говоритъ онъ въ докладѣ этомъ, „мѣра, которая признавалась удобною въ то время, когда повелѣно было со всей имперіи являться на экзамены въ С.-Петербургскую академію и Московскій университетъ, считается стѣснительною теперь, когда у насъ существуютъ пять университетовъ, и въ каждомъ губернскомъ городѣ — гимназія, уѣздное, приходское, а въ иныхъ городахъ и другія училища? Правительство наблюдаетъ мѣры относительно учителей отечественныхъ... для чего же долженъ быть изъятъ изъ сего иностранецъ, пріѣзжающій въ страну, его незнающую или вовсе, или по одной славѣ? Если онъ съ должными познаніями, то нимало не страшенъ для него экзаменъ; если онъ безъ познаній, то безжалостно долженъ быть отринутъ, какъ пожелавшій обманъ поставить въ замѣнъ свѣдѣніямъ"... „Къ сожалѣнію", докладывалъ въ заключеніе Разумовскій, „я долженъ почти согласиться въ томъ, что родители ввѣряютъ иностранцамъ дѣтей своихъ болѣе для нравственнаго образованія, нежели ученія языкамъ и наукамъ: ибо родители ввѣряютъ имъ воспитаніе дѣтей и ученіе. Но кому неизвѣстно, что бо̀льшая часть родителей не понимаетъ, что̀ такое есть нравственное образованіе. Что ученіемъ языковъ и наукъ они всегда почти замѣняютъ понятіе совершеннаго воспитанія, и отыскать образца для нашей нравственности въ чужихъ нравахъ есть заблужденіе, давно уже чувствуемое и истинными сынами отечества истребляемое, или по крайней мѣрѣ порицаемое. Всѣ мои разсужденія заключаю тѣмъ, что я не могу согласиться съ мнѣніемъ комитета: ибо отъ послабленія иностранцамъ образовать насъ въ нрав-

ственности и познаніяхъ неминуемо произойдутъ вредныя слѣдствія. Если всѣ вышеприведенныя мѣры были и притѣснительны, то и тогда бы онѣ долженствовали быть наблюдаемы. Лучше поставить преграду злу, чѣмъ равнодушно взирать на пагубное его вліяніе“. Государь утвердилъ мнѣніе министра и мѣра, предложенная Разумовскимъ, была принята [1]). Изъ остальной дѣятельности Разумовскаго за первый періодъ его министерства упомянемъ еще объ уравненіи московскаго, харьковскаго и казанскаго университетовъ съ виленскимъ и дерптскимъ, касательно пенсій и единовременныхъ выдачъ [2]), объ установленіи порядка для производства въ чины лицъ, получившихъ ученыя степени [3]), о строгомъ постановленіи, дававшемъ министру право казенныхъ воспитанниковъ и даже студентовъ педагогическаго института, университетовъ и другихъ высшихъ училищъ, изъ духовнаго званія и разночинцевъ развратнаго поведенія и уличенныхъ въ важныхъ преступленіяхъ отсылать въ военную службу, по сношеніи съ военнымъ министерствомъ. О казенно-коштныхъ студентахъ изъ дворянъ министръ долженъ былъ представлять Государю [4]). Наконецъ, въ 1811 году учреждена была Разумовскимъ при московскомъ университетѣ—первая каѳедра славянской словесности. Она открывалась съ цѣлью „ознакомить учащихся со всѣми вообще славянскими книгами, съ показаніемъ соотношенія россійскаго языка къ славянскому и происхожденія его изъ славянскаго“. Первымъ ординарнымъ профессоромъ славянской словесности назначенъ М. Г. Гавриловъ, читавшій уже въ московскомъ университетѣ русскую литературу и изящныя науки [5]).

Въ общихъ государственныхъ вопросахъ, въ которые, впрочемъ, Разумовскій входилъ мало, онъ былъ однимъ изъ самыхъ открытыхъ противниковъ Сперанскаго и взиралъ на паденіе его какъ на спасеніе Россіи. „Вотъ теперь слышу“, писалъ къ нему по этому случаю Поздѣевъ, „одинъ изъ большихъ враговъ вашихъ въ какомъ-то дѣлѣ попался... что я думаю будетъ имѣть великое вліяніе на ходъ дѣлъ. Не наше дѣло, а Богъ вотъ какъ выводитъ наружу плутни и несчастное искушеніе сребролюбіемъ или властолюбіемъ“.

1812 годъ грустно начался для Разумовскаго. Его factotum, князь Н. М. Козловскій, пользовавшійся полнымъ его довѣріемъ и имѣвшій на него большое вліяніе, запутался въ какихъ-то дѣлахъ по откупамъ. Съ горя о денежныхъ потеряхъ, Козловскій умеръ, но передъ смертью

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. народ. просвѣщенія, I, 696—703.

[2]) Тамъ же, I, 617.

[3]) Тамъ же, I, 603.

[4]) Тамъ же.

[5]) Біогр. словарь профессоровъ Моск. Университета, I, 171.

завлекъ въ откупы и своего довѣрителя. Пришлось платить огромную неустойку. Разумовскій, неумѣвшій считать денегъ, но въ то же время не любившій расходовъ не по вкусу, былъ всѣмъ дѣломъ крайне разстроенъ. „Не жалѣйте свои имѣнія“, успокоивалъ его Поздѣевъ, „сбросьте лишнюю, слишкомъ лишнюю часть, продайте, успокойте себя въ долгахъ вашихъ, продайте за безцѣнокъ, то вы останетесь еще крайне богаты и покойны. Вы сами рады будете, ибо духъ вашъ успокоится“.

Труды Разумовскаго по учрежденію лицея награждены были, 23 Октября 1811 года, Владимірскою лентою. Въ срединѣ 1812 года онъ заболѣлъ. Онъ страдалъ глазами и жаловался на боль въ ногахъ. Служебныя занятія послѣ двухгодовой дѣятельности стали его утомлять. Суетная петербургская жизнь была ему не по вкусу; онъ вздыхалъ по Москвѣ и по Горенкамъ. „Gorenki“, писалъ отъ 21 Февраля 1811 г., Разумовскій къ С. С. Уварову, недавно женившемуся на младшей дочери графа, „est une création qui m'occupce bien agréablement et où j'ai toujours retrouvé les charmes d'une délicieuse retraite bien plus analogue à mes gouts, que le cercle bruyant dans lequel je me trouve placé maintenant“ [1]). Разумовскій сталъ поговаривать объ отставкѣ. Противъ мысли этой возставалъ Поздѣевъ, которому, послѣ паденія Сперанскаго, присутствіе Разумовскаго въ Петербургѣ казалось болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ. „Вы писали, что Богъ-де въ одинъ мигъ можетъ все исправить и перемѣнить. Не такъ ли все и дѣлается?.. Кажется, время вамъ теперь Государя не оставлять и изъ С.-Петербурга не отъѣзжать“, писалъ Поздѣевъ. Хотя Разумовскій не просилъ еще отставки, однако онъ настойчиво требовалъ отпускъ, который и былъ ему дарованъ рескриптомъ изъ Вильны, отъ 26 Мая 1812 года. Время для этого было крайне неудачно выбрано. Грозныя тучи собирались на Западѣ, Государь спѣшилъ къ арміи, оставя комитету министровъ управленіе государствомъ. Государю, какъ кажется, просьба Разумовскаго пришлась не пó сердцу, по крайней мѣрѣ съ этихъ поръ къ графу Алексѣю Кириловичу, со стороны Императора Александра Павловича, стало примѣтно явное охлажденіе. Дѣла министерства по высочайшему повелѣнію переданы были князю А. Н. Голицыну. Но долго не пришлось Разумовскому пожить въ Москвѣ. Отечественная война была въ полномъ разгарѣ.

Непріятель быстро подвигался къ сердцу Россіи. Университетъ приходилось переводить въ Нижній-Новгородъ, и даже было предположеніе переселить его далѣе—въ Симбирскъ, но Разумовскій, вернувшійся въ Петербургъ, вслѣдствіе представленій попечителя Кутузова,

---

[1]) Изъ архива графа А. С. Уварова.

просилъ у Государя разрѣшенія замѣнить Симбирскъ Ярославлемъ, гдѣ нашлись болѣе удобныя помѣщенія. „J'ai passé deux postes sans vous écrire“, писалъ графъ Алексѣй Кириловичъ къ зятю своему Уварову, отъ 13 Августа 1812 г., „parceque depuis quelque temps je ne me sers que d'une oeil pour cette opération et que je suis obligé de le ménager pour ne pas priver mon ministère du peu de lumières qui lui reste... Ma santé dépérit à vue d'oeil, je suis presque privé de l'usage de mes jambes, de ma vue, de mon ouïe et les formes extérieures qui me restent, ne sont plus que des monuments de mon existance passée, mais il n'y a pas à reculer il faut bien en venir là... Vous savez que je suis rentré dans les fonctions de mon ministère. Je n'ai pas pu le refuser aux solicitations du prince Galitzine, mais il m'est encore tout à fait impossible de les remplir complêtement, vû que je ne puis faire toilette et grimper les escaliers“ [1]). Отъ нашествія непріятеля Разумовскій лично не пострадалъ. Доходныя его имѣнія далеко отстояли отъ театра военныхъ дѣйствій, московскій же домъ былъ спасенъ благодаря находчивости воспитанника его, Василія Алексѣевича (впослѣдствіи графа) Перовскаго. Перовскій въ это время только-что вышелъ изъ московскаго университета и поступилъ въ военную службу. Находясь въ арріергардѣ отступавшихъ войскъ нашихъ, онъ, въ первый же день занятія Москвы французами, взятъ былъ въ плѣнъ. Генералъ (впослѣдствіи маршалъ Себастіани) далъ ему нѣсколько гусаръ для охраненія графскаго дома, а потомъ Перовскій указалъ на домъ этотъ Мюрату, когда пламя охватило занятыя послѣднимъ богатыя и пространныя Баташевскія палаты (нынѣ домъ Шепелева) на Швивой горкѣ. Такъ свидѣтельствуетъ въ письмѣ къ графу Андрею — графъ Левъ Кириловичъ [2]). Самъ же Перовскій въ запискахъ своихъ, повѣствуя объ оригинальномъ своемъ пребываніи въ Москвѣ и взятіи въ плѣнъ французами, говоритъ только о гусарахъ Себастіани; о томъ же, что указалъ Мюрату домъ Алексѣя Кириловича, не упоминаетъ вовсе, хотя подробно разсказываетъ о разговорѣ своемъ съ королемъ Неаполитанскимъ [3]). Въ Горенкахъ, и то немного, пострадалъ домъ, оранжереи и теплицы были спасены, благодаря присутствію духа графскаго главнаго садовника Фишера [4]). „Поздравляю васъ“, писалъ въ Декабрѣ 1812 году Разумовскому Поздѣевъ, „что труды ваши въ московскомъ домѣ и въ Горенкахъ не раззорены“.

Вернувшись изъ отпуска, Разумовскому пришлось не мало хлопотать сперва о спасеніи, а потомъ о возстановленіи московскаго уни-

---

1) Изъ архива А. С. Уварова.

2) См. ниже, письма гр. Льва Кириловича.

3) „Русскій Архивъ“, 1865, 257—286.

4) Тоже, письмо гр. Л. К.

верситета. Кромѣ того, весь западъ Россіи представлялъ самое горькое зрѣлище разоренія. Вездѣ все приходилось заводить заново. Музей московскаго университета, одинъ изъ первыхъ въ Европѣ того времени, библіотека его, имѣвшая болѣе 20,000 томовъ, физическіе, астрономическіе и хирургическіе инструменты,—погибли въ московскомъ пожарѣ. Графъ Разумовскій предписалъ Кутузову, вернувшемуся въ концѣ Ноября въ Москву, объявить всѣмъ учителямъ и смотрителямъ училищъ ввѣреннаго ему округа, потерпѣвшимъ отъ нашествія, чтобы они являлись къ директорамъ своимъ для полученія заслуженнаго ими жалованья и всѣхъ возможныхъ пособій. Мысль о переводѣ университета въ Ярославль была оставлена, и въ Январѣ 1813 года учреждена временная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ попечителя Кутузова, для управленія дѣлами учебнаго округа и приведенія въ порядокъ разстроенныхъ нашествіемъ непріятеля университетскихъ заведеній. Коммиссія, открывшая засѣданія свои 7 Января 1813 года, помѣстилась въ домѣ попечителя близъ Покровскихъ воротъ. Слѣдствіемъ войны были заразительныя болѣзни. Разумовскій предложилъ врачебному отдѣленію издать для народа наставленія, какъ предохранять себя отъ эпидемій простыми средствами. Кромѣ того, по предложенію министра составленъ былъ при университетѣ врачебный институтъ изъ 50-ти воспитанниковъ, на 8 или на 9 лѣтъ, для умноженія числа врачей на службу. Музей и библіотека стали вновь учреждаться. Въ одинъ годъ собрано было болѣе 5000 книгъ и, наконецъ, 17 Августа 1813 года открыты были лекціи въ нанятомъ близъ университета домѣ купца Заикина [1]).

Циркуляромъ отъ 12 Марта 1813 года Разумовскій завелъ размѣщеніе учениковъ въ классахъ по прилежанію и успѣхамъ, то, чтó въ школахъ нашихъ называется пересадкою. „Извѣстно“, писалъ по этому предмету Разумовскій, „что соревнованіе къ успѣхамъ въ наукахъ и благонравіи ничѣмъ столько въ учащихся не возбуждается, какъ приличными поощреніями, и дѣйствительнѣйшими дознаны тѣ, которыя въ молодыхъ людяхъ питаютъ честолюбіе. Наблюдаемое въ нѣкоторыхъ училищахъ обыкновеніе раздавать ученикамъ въ классахъ мѣста по ихъ успѣхамъ въ наукахъ и поведенію всегда имѣло полезныя слѣдствія, ибо посредствомъ сего размѣщенія учениковъ прилежаніе самаго посредственнаго изъ нихъ имѣетъ нѣкоторую цѣль и самая посредственность его не отъемлетъ у него надежды достигнуть“. Вслѣдствіе этихъ соображеній предписывалось ввести во всѣхъ училищахъ имперіи „частное распредѣленіе въ классахъ мѣстъ такъ, чтобы отличившіеся ученики занимали въ училищахъ высшія мѣста предъ своими

---

[1]) Шевыревъ, Исторія Имп. Московскаго Университета, 421—423.

сверстниками, а желающіе оспорить у нихъ мѣста по какому либо ученому предмету всегда бы имѣли на то право“ [1]). Министръ продолжалъ обращать вниманіе на народныя училища, состояніе ихъ, несмотря на всѣ предварительные циркуляры Разумовскаго, оказывалось неудовлетворительнымъ. „Изъ доходящихъ до меня свѣдѣній“, писалъ онъ циркулярно отъ 31 Января 1814 г., „усматриваю я, что учители, которые должны служить для учащихся примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпишите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, толь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковый не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но, сверхъ того, еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ“ [2]). Отъ 1812 по 1816 годъ открыто было 65 новыхъ уѣздныхъ, приходскихъ и повѣтовыхъ школъ, 12 уѣздныхъ училищъ, гимназія въ Херсонѣ и воспитательное заведеніе при московской губернской гимназіи [3]). На возобновленіе благороднаго пансіона при московскомъ университетѣ отпущено было заимообразно 50,000 рублей [4]). 2-го Января 1814 года съ большою торжественностію открыта была Императорская публичная библіотека, только-что возвращенная изъ Олонецкой губерніи, куда ее наскоро отправили въ 1812 году изъ страха непріятеля. Она состояла въ то время изъ 241,717 томовъ и 12,000 рукописей [5]). Наконецъ, въ 1814 же году произошло полное открытіе казанскаго университета [6]). Около того же времени возникла у Разумовскаго мысль объ основаніи новаго университета на Волыни. Онъ думалъ образовать его изъ волынской гимназіи и объ этомъ совѣщался съ княземъ Яблоновскимъ, членомъ коммиссіи о волынскихъ училищныхъ фундушахъ, пріѣзжавшимъ по дѣламъ службы въ Петербургъ. Узнавъ о томъ, визитаторъ училищъ по волынской губерніи—графъ Платеръ, находившійся въ довольно дѣятельной перепискѣ съ Разумовскимъ, обратился къ послѣднему *по-русски* съ самою восторженною благодарностію: „Имя твое“, писалъ онъ, „пребудетъ неизгладимо въ исторіи временъ, ты жить будешь въ благодарныхъ сердцахъ отдаленнѣйшихъ нашихъ потомковъ.

---

[1]) Сборникъ распоряженій по мин. народ. просвѣщенія, I, 221.

[2]) Тамъ же, I, 232.

[3]) Кеппенъ, Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, 71—79 и Сборникъ распоряженій по мин. нар. просв., I, 100,

[4]) Сборникъ распоряженій, I, 229.

[5]) Богдановичъ, Исторія царствованія Императора Александра I, V, 207—208.

[6]) Сухомлиновъ, Матеріалы, I, 60.

Учрежденіе университета или главной школы для Русскихъ провинцій [1]) многократно было предметомъ разсужденія бывшихъ сеймовъ. Казаки, заключая трактаты съ Поляками, предостерегали (sic) изгнаніе іезуитовъ изъ Подоли и желали учредить главное училище по симъ провинціямъ (sic)..... Мы въ благоговѣніи прославляемъ Монарха, основавшаго счастіе своихъ подданныхъ на просвѣщеніи.... Слабое правительство республики рѣдко могло привести въ дѣйствіе хорошіе проекты. Всевышнее Провидѣніе предназначило кажется в. с. къ приведенію въ исполненіе проекта, существовавшаго отъ двухъ столѣтій (sic), дабы имя ваше помѣстить на ряду тѣхъ именъ, которыя и по злосчастнѣйшихъ перемѣнахъ народовъ не могутъ быть поминаемы безъ чувствительнѣйшей благодарности" [2]).

Въ архивѣ князя Репнина сохранилось нѣсколько писемъ этого графа Платера. Какъ видно изъ нихъ, по благому польскому обычаю, открытый антагонизмъ царствовалъ между сѣверомъ и югомъ западныхъ нашихъ окраинъ и жители Волыни не безъ ѣдкой ненависти отзывались о виленскомъ университетѣ и его попечителѣ. „Университетъ (виленскій)", писалъ Платеръ къ Разумовскому, „видя что волынскій визитаторъ (т.-е. Платеръ) не ограничивается правилами препорученной ему власти, безпрерывно старается лишить его всякой власти и отнять всякое вліяніе въ училищѣ.... Изъясняя сіе предъ в. с. я прибѣгаю къ просвѣщеннѣйшей добродѣтели в. с., дабы в. с. какъ достойнѣйшій начальникъ сообразить изволили, болѣе ли пользы для всеобщаго произошло изъ моей неограниченности (sic) и изъ неограниченности Чацкаго [3]), или-же было бы полезнѣе, когда бы мы соблюдали во всей точности правила, предписывающія одну недѣятельность...... Правительство не имѣетъ расхода по округу и сіе есть слава Государю и честь его подданнымъ... Всѣ фундуши не что иное какъ только пожертвованія нашихъ предковъ; слѣдовательно нельзя намъ отказать въ правѣ наблюдать за тѣмъ какъ воля ихъ исполняется" [4]).

Проектъ объ учрежденіи волынскаго университета такъ и остался проектомъ. Энергіи хватило ненадолго; служебныя обязанности видимо стали утомлять графа Разумовскаго. Онъ снова впалъ въ мизантропію, заперся въ своемъ кабинетѣ и зажилъ московскою жизнію, рѣдко кого къ себѣ допуская. „Мнѣ удивительно", писалъ къ нему Поздѣевъ въ 1814 году, „что, отдѣлавши домъ и садъ, не хотите ласки

---

1) Такъ назывались волынское, кіевское и львовское воеводства.

2) Архивъ князя Н. В. Репнина. Письмо Платера отъ Октября 1814 г.

3) Основатель кременецкаго лицея.

4) Архивъ кн. Н. В. Репнина, письмо Платера, отъ 14 Мая 1815 г. Мы привели здѣсь одинъ только смыслъ. Самое письмо, писанное по-русски, преисполнено всякихъ ошибокъ и полонизмовъ.

и пріятности сдѣлать тѣмъ, съ коими совѣтуетесь о дѣлахъ почти первыхъ въ государствѣ. Что бы стоило вамъ принять на себя трудъ сдѣлать атенцію, обласкать, пріятствовать словами и привѣтствіями и рѣшиться взять на себя трудъ хоть одинъ день въ году позвать къ себѣ. А вѣдь этакая атенція не только мирскому духу, но и Богу была не противна". Главное правленіе училищъ, игравшее такую важную роль во время министерства Завадовскаго и еще дѣятельное въ первые годы правленія Разумовскаго, стало собираться все рѣже и рѣже. Предметы совѣщаній стали касаться болѣе хозяйственной, чѣмъ научной и педагогической части. Въ составъ главнаго училищъ правленія не вступало уже новыхъ дѣятелей и протоколы подписывались только двумя присяжными членами—академиками, для которыхъ посѣщеніе засѣданій было оффиціальною обязанностію.

Паденіе Сперанскаго и переломъ въ убѣжденіяхъ Государя отразились на всемъ административномъ строѣ. Реакція вездѣ вступала въ свои права. Цензурный уставъ, изданный въ 1804 году и въ началѣ своего существованія отличавшійся снисходительностію, въ описываемое нами время сталъ примѣняться съ крайнею строгостью. Надзоръ за типографіями, книгопродавцами, книгами, журналами и газетами ввѣренъ былъ министру полиціи. Ему же дано было право и даже вмѣнено въ обязанность, указывать, въ пропущенныхъ цензурою книгахъ, мѣста и выраженія, подающія поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и опасныя для общественнаго порядка и спокойствія. Не особенно блестящій, а главное не удрученный бездною премудрости, министръ полиціи Вязмитиновъ, человѣкъ честный, но мало что въ теченіи жизни своей прочитавшій, сталъ широко пользоваться дарованными ему правами. Въ своихъ наивныхъ, иногда до комизма, нападкахъ на печатное слово, министръ полиціи нерѣдко находилъ себѣ пособника въ несомнѣнно умномъ и образованномъ Разумовскомъ. Вліяніе де-Местра отразилось и здѣсь. Съ его легкой руки графъ Алексѣй Кириловичъ сталъ вѣрить во всякіе якобинскіе и иллюминатскіе призраки. Между строкъ невинныхъ литтературныхъ произведеній того времени, министру народнаго просвѣщенія стали представляться мысли, никогда не приходившія на умъ писателямъ. Ослѣпленіе это доходило до того, что Разумовскій поддерживалъ, даже въ государственномъ совѣтѣ, нелѣпыя иногда требованія Вязмитинова. Такъ, напримѣръ, когда министръ полиціи нашелъ неприличными сужденія журналовъ о театрахъ и актерахъ, такъ какъ первые Императорскіе, а вторые находятся на службѣ Его Величества, Разумовскій не только согласился съ его мнѣніемъ, но еще предписалъ с.-петербургскому и московскому цензурнымъ комитетамъ не дозволять печатать въ журналахъ ничего, касающагося до Императорскаго театра и актеровъ. Противъ такой мѣры

возсталъ московскій генералъ-губернаторъ Тормасовъ: онъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи московскимъ журналамъ помѣщать критическія статьи объ игрѣ актеровъ и даже о самихъ пьесахъ. Дѣло дошло до государственнаго совѣта, но, несмотря на заступничество Канкрина и Мордвинова въ пользу театральныхъ рецензій, большинство членовъ совѣта подало голосъ за мѣру, поддерживаемую Разумовскимъ и запрещеніе осталось въ прежней силѣ. Романъ подъ именемъ „Похожденія Русскаго Жиль-Блаза", посредственное произведеніе малоизвѣстнаго автора Нарѣжнаго, запрещенный по требованію Вязмитинова, подалъ поводъ Разумовскому высказать взглядъ свой на беллетристику. „Между издаваемыми вновь романами", писалъ онъ, „выходятъ многіе, которые хотя и не содержатъ въ себѣ мѣстъ, явнымъ образомъ противныхъ какой либо статьѣ цензурнаго устава, но вообще по цѣли своей, двусмысленнымъ выраженіямъ и ложнымъ правиламъ могутъ быть почитаемы противными нравственности. Часто бываетъ, что авторы романовъ, хотя повидимому и вооружаются противъ пороковъ, но изображаютъ ихъ такими красками или описываютъ съ такою подробностію, что тѣмъ самымъ увлекаютъ молодыхъ людей въ пороки, о которыхъ полезнѣе не упоминать. Каково бы ни было литтературное достоинство романовъ, они только могутъ являться въ печати, когда имѣютъ истинно нравственную цѣль" [1]).

Но такая поддержка со стороны Разумовскаго не удовлетворяла Вязмитинова. Требованія его съ каждымъ днемъ увеличивались, онъ сталъ домогаться верховнаго управленія цензурою и даже заявилъ въ государственномъ совѣтѣ, что цензура, находившаяся дотолѣ въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, должна быть всецѣло предоставлена ему, Вязмитинову, какъ министру полиціи. Въ совѣтѣ возникли по этому случаю пренія. Адмиралъ Шишковъ воспользовался этимъ, чтобы представить пространный проектъ о возведеніи цензуры на степень „государственнаго постановленія", имѣющаго состоять изъ двухъ комитетовъ—верхняго и нижняго. По своему обыкновенію, Разумовскій, вообще рѣдко посѣщавшій совѣтъ, при преніяхъ этихъ не присутствовалъ; въ его же отсутствіе читался докладъ Шишкова. Вѣсти однако дошли до него, и онъ поспѣшилъ войти въ совѣтъ съ бумагою, въ которой утверждалъ, что цензура весьма хороша и достаточна, что она со времени учрежденія своего ничего противнаго нравственности не пропустила и что поэтому она должна оставаться на прежнемъ основаніи и состоять подъ единственнымъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія [2]). Этимъ все дѣло и кончилось.

---

[1]) Сухомлиновъ, ст. III, 27—29.

[2]) Записки адмирала Шишкова, II, 43—52.

Между тѣмъ Разумовскій все болѣе и болѣе предавался мрачному настроенію. Онъ чувствовалъ, что Государь къ нему охладѣлъ, и снова обратился съ прошеніемъ на высочайшее имя. Дѣла Разумовскаго по обыкновенію были въ плачевномъ состояніи; для поправки ихъ онъ просилъ Государя купить въ казну московскій домъ его, не разъ обращавшій на себя вниманіе Александра Павловича. Но Государь выѣхалъ за границу вслѣдъ за побѣдоносною арміею нашею. Онъ покинулъ свою столицу въ Декабрѣ 1812 года, вернулся только 12 Іюля 1814 года и то всего на семь недѣль, такъ какъ 2 Сентября уже спѣшилъ въ Вѣну на конгрессъ. Во время отсутствія Государя внутреннее управленіе сосредоточено было въ комитетѣ министровъ. На просьбу Разумовскаго не обращено было вниманія. Во время краткаго пребыванія Государя, Разумовскій тщетно домогался личнаго доклада. Онъ рѣшился обратиться письменно къ Александру Павловичу: „Всемилостивѣйшій Государь", писалъ онъ, „никогда не дерзнулъ бы я утруждать В. И. В. повтореніемъ представленій моихъ, если-бы, при столь близкомъ отъѣздѣ вашемъ, нѣкоторыя статьи, оставаясь безъ разрѣшенія, не угрожали послѣдствіемъ, за собою влекущимъ разстройство въ частяхъ, надзору моему высочайше ввѣренныхъ и сверхъ того, еслибъ тѣ, кои, чрезъ ходатайство мое, надѣются участвовать въ изливаемыхъ щедротою Монаршею милостяхъ, видя тщету упованія своего, не имѣли причины относить оную къ лишенію начальника ихъ той высочайшей довѣренности, безъ которой ввѣренная ему часть никакой пользы приносить не можетъ, поставляетъ меня въ необходимость, всемилостивѣйшій Государь, испросить дозволенія вашего о представленіи вамъ, хотя письменно, о дѣлахъ, ожидающихъ разрѣшенія вашего. При наступающемъ торжествѣ тезоименитства В. В., при общей радости, въ сердцахъ вѣрноподданныхъ вашихъ разливающейся, и при милостяхъ, даруемыхъ многимъ, дерзаю и для подчиненныхъ министерству моему испрашивать высочайшаго вниманія Вашего. Затѣмъ остается, всемилостивѣйшій Государь, повергнуть предъ вами испрошеніе для меня собственно высочайшей милости: о дарованіи мнѣ увольненія отъ всѣхъ дѣлъ, въ уваженіе преклонности лѣтъ моихъ и слабости здоровія, не позволяющихъ мнѣ продолжать служенія моего съ тѣмъ неусыпнымъ рвеніемъ, съ каковымъ до нынѣ его продолжалъ. Не престану я никогда молить Всевышняго о ниспосланіи В. В., при сохраненіи драгоцѣннаго для насъ здравія вашего, увѣнчанія успѣхами всѣхъ ко благу Россіи предпріятій вашихъ" [1]).

Понятно, что Государю въ эту минуту было не до докладовъ и представленій Разумовскаго. Побѣдоносныя знамена наши развѣвались

---

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина.

въ Германіи и Франціи. Государь былъ всецѣло погруженъ въ неблагодарную роль миротворителя Европы. Прошеніе Разумовскаго принято было какъ простая просьба объ отставкѣ и въ рескриптѣ отъ 31 Августа 1814 года, данномъ на имя министра народнаго просвѣщенія, сказано было:

„Изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ, долговременной службѣ и разстроенному здоровію, я сверхъ воли моей, долженъ согласиться на просьбу вашу. Но какъ, при исполненіи оной, нуженъ выборъ преемника, что̀ въ скоромъ времени сдѣлать нельзя, то предоставляю себѣ уволить васъ отъ службы, по возвращеніи моемъ въ столицу. Я надѣюсь, что изъ любви къ отечеству, не оставите вы до того времени министерства, управленію вашему ввѣреннаго“ [1]). Одновременно съ рескриптомъ этимъ получилъ Разумовскій помѣченное тѣмъ же числомъ сухое, чтобы не сказать болѣе, письмо отъ всемогущаго Аракчеева.

„Въ дополненіе къ высочайшему рескрипту“, писалъ Аракчеевъ, „вмѣстѣ съ симъ препровождаемому, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ извѣстить в. с., что, по скорому отбытію Е. В. изъ столицы и совершенному недостатку времени, не можетъ Е. И. В. заняться теперь докладами министерства народнаго просвѣщенія, а предоставляетъ вамъ, м. г., внести оные въ комитетъ министровъ. Относительно же награжденія чиновниковъ въ день 30-го Августа, то изъ служащихъ по министерствамъ чинамъ никто въ сей день наградъ не получаетъ“ [2]).

Подобные отвѣты не могли разсѣять мрачное настроеніе Разумовскаго. Объ отставкѣ онъ еще серьёзно не думалъ и упомянулъ о ней только въ видѣ будущей угрозы. Горька показалась ему предлагаемая пилюля. Между тѣмъ московскіе масоны крайне испугались извѣстіемъ объ отставкѣ Разумовскаго. „Мѣсто ваше истинно не даромъ дано вамъ, а не вольнодумцу“, писалъ къ нему въ это время Поздѣевъ, „и коли вы станете и попустите себя желать выходить изъ него и желаніе васъ осилитъ, то Богъ васъ оставитъ самому себѣ и тогда сами будете недовольны. А что вы говорите, что мало успѣли, то уже по этому много успѣли, что лишаете вольнодумству (кому нибудь и изъ иллюминатовъ, коего, если вы отойдете, на ваше мѣсто поставятъ) поставить престолъ свой и распространяться, отчего государства гибнутъ... Отъ возложенныхъ на васъ должностей не пятьтесь... Вы думаете оставить мѣсто, а Государь васъ весьма уважаетъ и вы можете имѣть большое вліяніе, ибо я слышалъ завѣрное слова его о васъ... Государь нынѣ, слышно, совсѣмъ перемѣнился, то если бы сбли-

---

1) Архивъ кн. Н. В. Репнина.

2) Тамъ же.

зились съ Голицынымъ, коего слышу жизнь нынѣ другая, то много бы добра могли сдѣлать и услуги Государю и отечеству".

Къ вящшему огорченію Разумовскаго изъ учебныхъ округовъ доходили самыя нерадостныя вѣсти. Кутузовъ никогда не былъ болѣе безтактенъ. „Je ne suis nullement surpris, писалъ Разумовскій къ Уварову,—de tout ce que vous m'apprenez sur Кутузовъ. Il est destiné à faire des sottises et il remplit sa destination avec la plus grande ardeur. C'est un mal sans remède, comme tout plein d'autres qui font gémir l'humanité, dans les temps où nous vivons. Si vous pouviez le persuader de diriger son activité sur d'autres objets: de s'enrôler par exemple et aller cueillir des lauriers au lieu des chardons dont il se fait une couronne; il y auroit au moins une apparence de conséquence dans sa conduite. Quant à moi je ne le contrarie, ni l'approuve. C'est un enfant rebelle et incorrigible, que je livre à sa destinée. Il s'en tirera comme il pourra" [1]). Тѣмъ не менѣе не мало доставалось злосчастному попечителю отъ министра. „Выговоровъ получалъ я много", писалъ онъ къ Разумовскому, „спасибо ни единаго раза вы мнѣ не сказали".

Съ другой стороны, новый казанскій попечитель Салтыковъ сообщалъ, что университетскія зданія въ Казани представляютъ груду развалинъ, что ученіе въ самомъ плачевномъ состояніи, и что между профессорами безпрестанныя междоусобія. Изъ Дерпта доходили доносы: Парота, любимца Государева, обвиняли въ ультра-демократическихъ убѣжденіяхъ и доказывали, что онъ въ Парижѣ, во времена революціи, былъ предсѣдателемъ клуба якобинцевъ. Изъ Харькова жаловались на крайніе безпорядки, на отсутствіе попечителя, представлялись доносы на профессора Шада [2]). Однимъ словомъ, все и вездѣ шло дурно, всѣ и вездѣ были недовольны.

Въ это самое время вернулся изъ-за границы Государь. Онъ возвращался, оскорбленный неблагодарностію Европы. Найденные во внутреннемъ управленіи имперіею безпорядки крайне возмутили его уже и такъ надорванную душу. Приняты были строгія мѣры. Руководившій комитетомъ министровъ статсъ-секретарь Молчановъ былъ арестованъ и отданъ подъ судъ; военный министръ князь Горчаковъ отставленъ отъ службы; главные чиновники министерства разсажены по гауптвахтамъ. Наряжена была особая коммиссія, для разсмотрѣнія незаконныхъ дѣйствій министерства во время послѣдней войны. Вмѣстѣ съ этими мѣрами строгаго, но, быть можетъ, слишкомъ запоздалаго правосудія, появился цѣлый рядъ распоряженій, шедшихъ

[1]) Архивъ графа А. С. Уварова.
[2]) Архивъ князя Н. В. Репнина.

прямо въ разрѣзъ со всѣмъ прежнимъ строемъ внутренней политики Александра I-го. Вліяніе Аракчеева достигло своего зенита. Слѣпая реакція захватывала въ тиски все общество, еще недавно призванное Государемъ къ новому бытію. Вездѣ проявлялось недовольство, тѣмъ болѣе чувствительное, что Россія не успѣла еще вздохнуть послѣ кровавой, тяжелой, хотя и славной войны, для веденія которой всѣ, отъ мала до велика, жертвовали и кровью и достояніемъ. Въ эту эпоху представители самыхъ противоположныхъ убѣжденій доходили въ недовольствѣ своемъ до тождественныхъ умозаключеній. Такъ одинъ изъ осколковъ прежняго поколѣнія, врагъ Сперанскаго и всякой новизны въ государственномъ строѣ, другъ де-Местра, страшившійся призраковъ иллюминатства и якобинизма, графъ Алексѣй Кириловичъ додумался, въ уединеніи своего кабинета, до тѣхъ же безотрадныхъ убѣжденій, до которыхъ въ то же самое время дошелъ блестящій, образованный и либеральный зять его С. С. Уваровъ, вращавшійся въ высшихъ кругахъ петербургскихъ, тѣсно связанный съ цвѣтомъ тогдашней интеллигенціи и считавшійся, разумѣется, у большинства представителей нашей администраціи за человѣка крайне опаснаго и вреднаго для общества. Разногласіе въ убѣжденіяхъ не мѣшало однако добрымъ личнымъ отношеніямъ между тестемъ и зятемъ. Уваровъ уже нѣсколько лѣтъ служилъ подъ начальствомъ графа Разумовскаго и былъ попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа. Внезапный поворотъ въ духѣ правленія, странная запутанность въ понятіяхъ, которой особенно были подвержены люди, занимавшіе верхнія ступени іерархической лѣстницы, отсутствіе всякой общей мысли въ различныхъ правительственныхъ органахъ, произвели на сравнительно еще молодого Уварова удручающее впечатлѣніе. Онъ излилъ свои чувства въ длинномъ письмѣ къ знаменитому барону фомъ-Штейну, съ которымъ сблизился за границею и котораго еще недавно (въ Іюлѣ 1812 г.) принималъ и угощалъ въ Горенкахъ, во время пребыванія прусскаго министра въ Москвѣ. Письмо помѣчено 18 Ноябремъ 1813 года [1]).

„Путешествіе за границу“, писалъ Уваровъ—„тайная цѣль, которую давно уже лелѣю въ сердцѣ. Все здѣсь, особенно же неразрывныя съ мѣстомъ мною занимаемымъ, и вполнѣ вѣскія непріятности побуждаютъ меня дорожить надеждою удалиться отсюда. Я не знаю занятій болѣе неблагодарныхъ или, вѣрнѣе, невозможныхъ. Вы знаете, что я не легко поддаюсь химерамъ, я люблю заниматься дѣломъ, я къ дѣлу пріобыкъ почти съ дѣтства. Вамъ, вѣроятно, извѣстны мои правила и

---

[1]) Въ „Общественномъ движеніи при Александрѣ I“. А. Н. Пыпина, 313—314 письмо Уварова помѣщено только въ извлеченіи, мы здѣсь его приводимъ почти in extenso.

мой образъ мыслей. Несмотря на все это, я часто отчаяваюсь въ томъ, что смогу, не говорю уже быть полезнымъ, а просто идти по той стезѣ, которую себѣ начертилъ и отъ которой никогда не уклонюсь, не пожертвовавъ тѣмъ, что̀ для меня дороже всего на свѣтѣ, т.-е. честью, здоровьемъ, убѣжденіями, достояніемъ. Не думайте, чтобы я преувеличивалъ. Я съ виду спокоенъ; я этимъ удивляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ сердцѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ въ настоящую минуту таково, что смѣшеніе понятій дошло до послѣднихъ предѣловъ. Одни требуютъ просвѣщенія безъ опасности, т.-е. желаютъ огня, который бы не жегъ. Другіе, и это большинство, сваливаютъ въ одинъ мѣшокъ Наполеона и Монтескье, французскія войска и французскія книги, Моро и Розенкампфа, мечты Ш. (?) и открытія Лейбница. Это такой хаосъ воплей, страстей, ожесточенныхъ другъ противъ друга партій, крайнихъ убѣжденій, что невозможно долго выдерживать подобное зрѣлище. Другъ въ друга кидаютъ выраженіями: религія въ опасности, нравственность потрясена, распространитель новыхъ иностранныхъ идей, иллюминатъ, философъ, франмасонъ, фанатикъ и проч. Словомъ—совершенное безуміе. На каждомъ шагу угрожаетъ опасность или повредить себѣ или же стать органомъ всѣхъ этихъ нелѣпостей и сдѣлаться, пожалуй, заплечнымъ мастеромъ на службѣ у самыхъ разнузданныхъ страстей. Среди этой-то путаницы и этого грубаго невѣжества, приходится трудиться *надъ зданіемъ, основанія котораго подкопаны и которое со всѣхъ сторонъ грозитъ разрушеніемъ.* Признаніе горестное и трудное, но, увы, вполнѣ правдивое. Я чувствую потребность облегчить сердце, я бы могъ исписать цѣлый томъ... Всего сказать невозможно. Animus meminisse horret. Не могу однако сказать, чтобы легко терялъ мужество. И у меня было много надеждъ и свѣтлыхъ мечтаній, три года опыта все разрушили“ [1]).

Почти одновременно графъ Алексѣй Кириловичъ писалъ къ брату своему графу Льву: „rien de bon ne s'adapte à notre gouvernement, parce qu'il n'a pas de base et que tout édifice sans base s'écroule quand on le remue“ [2]). Къ счастію, и Уваровъ и Разумовскій ошибались.

Между тѣмъ новая непріятность ожидала графа. Іезуиты становились крайне нахальными. Они безпрепятственно разставляли сѣти свои среди петербургской молодежи. Число совращеній въ католицизмъ ежедневно увеличивалось. Проповѣдники ихъ громогласно провозглашали съ каѳедры, что латинство единственный путь къ спасенію. Въ обществѣ стали ходить неблагопріятные іезуитамъ слухи.

---

[1]) G. H. Pertz, Das Leben des Ministers Freiherrn vom Stein, III, 697—698.

[2]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

Отступничества обратили вниманіе публики, нѣсколько поздно стали замѣчать, что весь строй преподаванія въ іезуитскихъ школахъ клонится къ окончательному совращенію въ латинство юношей, ввѣренныхъ попеченію патеровъ. Въ то же самое время высшее общество вошло въ новую, столь же чуждую родной вѣрѣ колею. На этотъ разъ струя, оживлявшая алчущихъ космополитовъ, текла со стороны протестантизма. Секты съ мистическимъ оттѣнкомъ стали входить въ моду. Масонство видимо распространялось. Юнгъ-Штилингъ, г-жа Гюонъ и всякіе другіе мистики оказались любимыми авторами многихъ кружковъ. Образовалось библейское общество, по духу своему прямо враждебное католицизму. Изъ католиковъ люди высшаго круга дѣлались протестантами. Слухи о пріемѣ Государемъ квакеровъ въ Лондонѣ и о сношеніяхъ его съ извѣстною г-жею Крюднеръ дали новый толчокъ анти-католическому настроенію. Стали требовать строгихъ мѣръ противъ іезуитовъ. Шумъ день ото дня усиливался. Обвиненія посыпались и на любимца петербургскихъ гостинныхъ, графа де-Местра. Всемогущій Аракчеевъ видимо склонялся на сторону недовольныхъ. „Возбужденіе умовъ и сумасбродство подозрѣній по поводу обращеній въ католицизмъ дошло здѣсь до того, что даже и меня стали подозрѣвать въ томъ, что я занимаюсь прозелитизмомъ въ высшемъ обществѣ. Эта безподобная выдумка доказала мнѣ, какъ должно вообще относиться къ сужденіямъ, которымъ подвергаются отцы-іезуиты“ [1]), наивно доносилъ въ Туринъ графъ де-Местръ. Общее недовольство дошло и до слуха Государева. Въ сущности онъ іезуитамъ никогда не сочувствовалъ, а теперь, подъ вліяніемъ мистицизма и г-жи Крюднеръ, менѣе чѣмъ когда-нибудь. 20 Декабря 1815 года, Разумовскій неожиданно получилъ слѣдующій высочайшій указъ.

„Графъ Алексѣй Кириловичъ, по полученіи сего, имѣете вы, сообразно съ даннымъ правительствующему сенату указомъ, немедленно приступить къ исполненію слѣдующаго: 1) взять содержимое іезуитами училище подъ непосредственное ваше управленіе и какъ за содержаніемъ, такъ и за порядкомъ онаго имѣть попеченіе; 2) тотъ же часъ назначить и послать въ оное благонадежнаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы онъ, явясь къ управляющему министерствомъ полиціи, который введетъ его въ должность, принялъ бы въ свое вѣдѣніе денежную, изъ платы отъ родственниковъ на содержаніе учениковъ, составленную кассу и, вступя по хозяйственной части въ распоряженіе сего училища, имѣлъ попеченіе о благосостояніи и продовольствіи дѣтей; 3) вы, между тѣмъ, имѣете немедленно снестись съ находящимися здѣсь родственниками учениковъ, дабы они взяли ихъ къ себѣ, поелику учи-

---

[1]) De Maistre, Correspondance diplomatique, II, 155—156.

лище не будетъ болѣе существовать; съ иногородными же отписаться, хотятъ ли они ихъ взять къ себѣ или отдать въ другія здѣшнія заведенія; 4) доколѣ дѣти будутъ оставаться въ училищѣ, на то время снабдить оное учителями изъ другихъ мѣстъ" [1]).

Мы уже видѣли, что Разумовскій, подъ вліяніемъ де-Местра и ложныхъ понятій о консерватизмѣ, поддерживалъ іезуитовъ; онъ считалъ вліяніе ихъ полезнымъ и не могъ безъ огорченія, а главное безъ чувства оскорбленнаго самолюбія, снести карательную мѣру, противъ нихъ направленную, тѣмъ болѣе, что мѣра была принята помимо его, и даже безъ его вѣдома. „Нашъ старшій братъ (notre doyen)", писалъ изъ Петербурга къ брату Андрею графъ Левъ Кириловичъ, отъ 15 Марта 1816 года, „съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, почти не выходитъ изъ своей комнаты. Причиною заточенія его вначалѣ точно была простуда. Я думаю, что онъ скоро вовсе оставитъ свое мѣсто. Для меня лично гораздо понятнѣе выходъ его въ отставку, чѣмъ поступленіе на службу. Онъ на мои глаза ужасно постарѣлъ, у него выпали всѣ зубы изъ верхней челюсти" [2]).

Разумовскій не выдержалъ этой новой, по мнѣнію его, обиды, онъ обратился къ Государю и на этотъ разъ получилъ отставку. Весьма краткимъ и холоднымъ рескриптомъ, отъ 10 Августа 1816 года, изъ Царскаго Села, Государь уволилъ его отъ службы, „въ уваженіе принесенной имъ просьбы и разстроеннаго здоровья, назначая пенсіонъ по десяти тысячи рублей въ годъ".

Послѣдніе два года Разумовскій почти не занимался дѣлами, однако нельзя не упомянуть о постановленіи 11-го Мая 1815 года, въ силу котораго предписывалось экзамены на высшія медицинскія степени производить не на латинскомъ языкѣ, какъ бывало прежде, а на русскомъ, нѣмецкомъ или другомъ употребительномъ языкѣ [3]). Одно изъ представленій Разумовскаго въ эту эпоху касалось до поощренія благотворителей къ будущимъ денежнымъ пожертвованіямъ на народное просвѣщеніе; Разумовскій не разъ дѣлалъ въ продолженіе своего управленія подобныя представленія. Причиною тому была крайняя скудость средствъ министерства. По неволѣ приходилось прибѣгать къ частнымъ пожертвованіямъ и всячески поощрять ихъ, когда казенныхъ денегъ не хватало. Бюджетъ министерства народнаго просвѣщенія, во время управленія графа Разумовскаго, колебался между 2.782,277 рублями $36^1/_4$ копѣйками и 2.351,788 рублями $21^1/_2$

---

[1]) Архивъ князя Репнина и Сборникъ постановленій.

[2]) Архивъ князя А. К. Разумовскаго.

[3]) Сборникъ постановленій, I, 770—771.

копѣйками [1]). При этомъ надо замѣтить, что бюджетъ этотъ съ 1812 года до 1815 г. ежегодно уменьшался. Изъ этихъ денегъ 1.588,729 р. 3¼ коп. шли на университеты (московскій 134,000, дерптскій 126,000, харьковскій 95,000), гимназіи и уѣздныя училища, 112,263 рубля 55¾ копѣйки на академію наукъ, 46,100 р. на публичную библіотеку, 378,230 рублей 10 копѣекъ на медико-хирургическую академію, 20,960 на содержаніе министра, и т. д. Предложеніе свое Разумовскій изложилъ въ пространной запискѣ, которую внесъ въ Январѣ 1816 года въ комитетъ министровъ. Онъ предлагалъ, во-первыхъ, пропечатывать въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ имена благотворителей съ обозначеніемъ ихъ пожертвованій; во-вторыхъ, имѣть въ училищной залѣ большую, подъ черный мраморъ сдѣланную, въ хорошихъ вызолоченныхъ рамахъ, доску, на коей золотыми буквами изображать чинъ, имя, отчество и фамилію благотворителя; въ-третьихъ, сверхъ вышеозначенныхъ почестей, для болѣе крупныхъ жертвователей имѣть портреты ихъ въ училищахъ, ходатайствовать у престола объ изъявленіи таковому благотворителю благоволенія въ рескриптѣ за императорскимъ подписаніемъ, представлять къ знакамъ отличія, и наконецъ, „усопшимъ благотворителямъ оказывать почести для незабвенной ихъ памяти, назначая, по благоразсмотрѣнію начальства, ставить въ училищномъ залѣ приличный какой-либо памятникъ на пьедесталѣ, какъ-то: урну или тому подобное, съ краткимъ изображеніемъ пожертвованія на памятникѣ или съ приличною эпитафіею. Памятники имѣютъ быть въ училище представляемы отъ наслѣдниковъ умершихъ благотворителей“ [2]). Наконецъ, постановленіемъ отъ 9 Мая 1816 года, по представленію Разумовскаго, чуть ли не послѣднему, положено было, что еврей, доколѣ останется при своемъ исповѣданіи, не можетъ быть допущенъ къ полученію университетскихъ степеней по части юриспруденціи [3]).

Во время министерства Разумовскаго открылось нѣсколько ученыхъ и литературныхъ обществъ. Онъ самъ числился однимъ изъ вице-президентовъ библейскаго общества и состоялъ почетнымъ попечителемъ одного изъ отдѣловъ русской бесѣды, враждебной, какъ извѣстно, Карамзину и его школѣ. Впрочемъ, графъ Алексѣй Кирило-

---

[1]) Богдановичъ, Исторія Александра I, V. Приложенія 16—36. Въ архивѣ кн. П. В. Репнина сохранился бюджетъ за 1812 годъ, изъ котораго мы почерпнули нѣкоторыя подробности о статьяхъ расхода. Въ бюджетѣ этомъ вся сумма на министерство показана въ размѣрѣ 3.031,743 р. 32½ к. Изъ общей вѣдомости, приводимой Богдановичемъ, видно, что Разумовскій на 1812 г. требовалъ 3.331,431 р. 40¾ к., но выдано было всего 2.782,277 р. съ копѣйками.

[2]) Тамъ же, I, 781—785.

[3]) Тамъ же, I, 802—803.

вичъ не принималъ живого участія ни въ томъ, ни въ другомъ обществѣ. На него, какъ видно, не дѣйствовали антагонизмъ бесѣды и злобные доносы Кутузова; онъ дружески принималъ Карамзина въ Петербургѣ. „Вчера", писалъ Карамзинъ къ женѣ отъ 10 Марта 1816 года, „долженъ я былъ обѣдать у привѣтливаго и любезнаго (для меня) графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, но вдругъ въ 2 часа зовутъ къ Императрицѣ".

Ученыя общества учреждались при университетахъ для усиленія и распространенія учено-литературной дѣятельности. Первымъ по времени и назначенію было Московское общество исторіи и древностей русскихъ, получившее съ самаго учрежденія характеръ не мѣстный, а общерусскій. Главная цѣль общества первоначально состояла въ критическомъ изданіи и объясненіи русскихъ лѣтописей [1]). Общество существовало уже съ 1804 года, но, по представленію Кутузова, „оказалось неимѣвшимъ надлежащей дѣятельности и приносившимъ малые плоды". Вслѣдствіе этого составленъ былъ новый уставъ и общество въ 1810 году открыло свою дѣятельность подъ предсѣдательствомъ извѣстнаго археолога Бекетова. Въ Казани студенты перваго выпуска и нѣсколько учителей составили литературное общество, получившее 1 Мая 1814 года высочайше утвержденный уставъ, подъ именемъ: общества любителей отечественной словесности при казанскомъ университетѣ. Въ 1811 году, по зачину Кутузова, учреждено общество любителей россійской словесности при московскомъ университетѣ. Въ 1812 году (въ Ноябрѣ) получило уставъ свой общество наукъ при харьковскомъ университетѣ съ двумя отдѣленіями: словеснымъ и естественныхъ наукъ. 3 Іюля 1814 утверждено было общество Академической муссы (Akademische Musse) при дерптскомъ университетѣ. Внѣ университетовъ, но съ тою же научною цѣлью, основано было въ Апрѣлѣ 1811 г. общество математиковъ, долженствовавшее, какъ сказано въ его уставѣ, „всемѣрно стараться о распространеніи математическихъ наукъ чрезъ преподаваніе, сочиненія и переводы".

Такова была дѣятельность Разумовскаго, какъ министра народнаго просвѣщенія. О выходѣ его въ отставку ходили разные слухи, всѣ болѣе или менѣе ложные. Отставку свою онъ просилъ самъ и ожидалъ, какъ мы видѣли, болѣе двухъ лѣтъ. „Въ то время министерство народнаго просвѣщенія", повѣствуетъ Вигель, „наскучило богатому и гордому графу Разумовскому, который давно уже вздыхалъ о московскомъ дворцѣ своемъ и подмосковномъ зàмкѣ, и сталъ проситься въ отставку. Кого было дать ему преемникомъ? Свобода и христіанство были паролемъ и лозунгомъ того времени: одна должна была умѣряться

---

[1]) Сухомлиновъ, Матеріалы, ст. I, 109.

другою. Дабы дать юношеству нѣкоторымъ образомъ духовное образованіе, избранъ былъ любимецъ Государя, главноуправляющій духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, который влѣзъ тогда по-уши въ мистицизмъ" [1]).

Объ отставкѣ графа Разумовскаго и назначеніи ему въ преемники князя А. Н. Голицына, по Петербургу ходилъ слухъ, записанный Гречемъ въ его запискахъ. „Въ 1816 году", говоритъ онъ, „Разумовскій былъ смѣненъ кн. Голицынымъ. Ему подсидѣлъ директоръ Царскосельскаго лицея Е. А. Энгельгардтъ. Онъ пользовался милостью Александра. Въ 1816 году, по прибытіи Государя въ Царское Село, Энгельгардтъ, будто невзначай, попался ему на встрѣчу въ саду и на вопросъ Государя, чтó онъ дѣлаетъ, каково идетъ лицей? отвѣчалъ, что былъ огорченъ выговоромъ министра. Государь полюбопытствовалъ узнать за что̀. Энгельгардтъ отвѣчалъ: въ Декабрѣ прошлаго года представлялъ я министру о необходимости сдѣлать торги на постройку лѣтнихъ панталонъ воспитанникамъ, и не получилъ никакого отвѣта. Въ Январѣ я повторилъ представленіе, и тутъ отвѣта не было. Въ Мартѣ третье представленіе, и новый отказъ. Наступалъ Май, я сшилъ панталоны безъ торговъ. Въ Октябрѣ, наконецъ, получилъ я разрѣшеніе на торги, но тогда донесъ, что панталоны уже сшиты и изношены. Министръ сдѣлалъ мнѣ строжайшій выговоръ за ослушаніе передъ начальствомъ и за неисполненіе приказаній. Черезъ недѣлю Разумовскій былъ отставленъ, но и Энгельгардтъ просидѣлъ не долго, его заѣли святоши" [2]). Хотя лицейскіе панталоны и не были причиною отставки графа Алексѣя Кириловича, однако вѣроятно, что въ лицеѣ было не мало безпорядковъ. Несомнѣнно, что въ послѣднее время министерства Разумовскаго дѣла непростительно запускались. Подтвержденіе этому находимъ мы въ разсказѣ другого очевидца. „Академія художествъ", повѣствуетъ въ запискахъ своихъ извѣстный нашъ художникъ Солнцевъ (1815—1817 г.), „находилась подъ вѣдѣніемъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, при управленіи вице-президента Чекалевскаго. Когда вице-президентъ, бывало, желалъ обозрѣть академію, то заранѣе извѣщалъ, въ какой день и часъ придетъ. Поэтому нисколько не удивительно, что для начальства въ академіи какъ-то все обстояло благополучно. А между тѣмъ воспитанники были постоянно голодными, ходили чуть-ли не въ лохмотьяхъ, самое заведеніе представляло очень непривлекательный видъ... Повидимому, столь печальныя явленія зависѣли отъ скудости суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе академіи. Но сколько припоминаю ходившіе въ то время

[1]) Воспоминанія Вигеля, V, 66—67.

[2]) Записки Н. И. Греча. „Русскій Архивъ", 1871, 0,257—0,258.

слухи, это утверждать было бы несправедливо. Напримѣръ, положительно говорили, что на поправку одной академической церкви выдано было Чекалевскому 50,000 рублей; особыя суммы отпускались на поправку коридоровъ, лѣстницъ и проч. Но проходили годы, и церковь не исправлялась, лѣстницы не починивались и вообще не предпринималось никакихъ построекъ или починокъ по академіи. Казалось бы поэтому, что значительныя суммы должны бы были сохраниться въ кассѣ академіи; но когда президентомъ назначенъ былъ, въ Апрѣлѣ 1817 года, А. Н. Оленинъ, который пожелалъ тотчасъ же узнать количество наличныхъ денегъ, то въ академическомъ сундукѣ нашли всего 17 рублей. Какъ только Чекалевскій услышалъ о назначеніи Оленина, онъ на пятый день умеръ" [1]).

Получивъ отставку, графъ Алексѣй Кириловичъ сталъ собираться въ Малороссію. Сборы были по обыкновенію долгіе. „Здѣсь говорятъ о назначеніи Репнина [2]) украинскимъ губернаторомъ", писалъ къ князю Андрею графъ Левъ Кириловичъ изъ Петербурга отъ 15 Марта 1816 года, „братъ Алексѣй, казалось, рѣшился было также отправиться въ Малороссію на довольно продолжительное время. Лѣнь и дурное настроеніе духа ставятъ огромный промежутокъ между предположеніемъ и его осуществленіемъ. Теперь однако, съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ въ отставку, предположеніе это можетъ на самомъ дѣлѣ осуществиться. Такимъ образомъ, истративъ страшныя деньги на устройство здѣсь недоконченнаго еще дома, онъ покинетъ его по всей вѣроятности съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не вернуться" [3]). Къ тому же князю Андрею отъ 6 Ноября 1818 года писалъ графъ Петръ Кириловичъ: „Старшій братъ нашъ, послѣ безконечныхъ колебаній и отсрочекъ, наконецъ тронулся съ мѣста и именно въ ту пору, когда бы ему слѣдовало пообождать, такъ какъ одновременно въ Москву отправились Государь съ Государынею и часть гвардіи. Онъ дорогою очутился среди всей этой кутерьмы. Онъ предполагалъ вернуться сюда зимою, но, судя по письму, только-что мною отъ него полученному, предполагаю, что онъ долго не тронется съ мѣста" [4]). Уѣзжая, Алексѣй Кириловичъ навсегда простился съ Петербургомъ. Въ Москвѣ онъ оставался довольно долго, по крайней мѣрѣ, судя по письму княгини Репниной къ дядѣ, князю Андрею, въ Іюлѣ 1818 года онъ еще былъ въ Москвѣ. Онъ изъ Горенокъ посылалъ цвѣты, гостившей въ то время въ Москвѣ, Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ,

---

[1]) „Русская Старина", XV, 117.

[2]) Князь Николай Григорьевичъ Репнинъ-Волконскій, зять графа Алексѣя Кириловича.

[3]) Архивъ кн. Разумовскаго.

[4]) Тамъ же.

страстной охотницѣ до садоводства. Весь дворъ посѣтилъ старика графа въ роскошныхъ его хоромахъ на Гороховомъ-полѣ и осматривалъ его ботаническія сокровища.

И съ Москвою приходилось прощаться на вѣки. Пошли опять долгіе сборы. Тѣмъ временемъ петербургскіе слухи осуществились, и князь Репнинъ назначенъ былъ украинскимъ генералъ-губернаторомъ. Онъ переѣхалъ съ женою и дѣтьми въ Полтаву, а за ними поднялся и графъ Алексѣй Кириловичъ. Онъ поселился въ большомъ имѣніи своемъ Почепѣ, на берегу Судогости, Мглинскаго уѣзда Черниговской губерніи. Настроеніе его было самое мрачное, денегъ не было, дѣла были въ разстройствѣ. Пользуясь тѣмъ предлогомъ, что московскія палаты его снова обратили на себя высочайшее вниманіе, онъ рѣшился опять просить у Государя о покупкѣ дома въ казну.

„Я принялъ смѣлость", писалъ онъ, „всеподданнѣйше просить В. И. В. въ теченіе 1814 года о повелѣніи купить въ казну московскій домъ мой [1]). Сей домъ, по выгодному и, смѣю сказать, единственному въ столицѣ мѣстоположенію, обратилъ на себя вниманіе В. И. В. и сіе обстоятельство рѣшаетъ меня возобновить нынѣ прежнюю мою просьбу. Къ сему побуждаюсь я, сверхъ того, желаніемъ освободить часть моего имѣнія отъ долговъ, обременяющихъ оное. Домъ мой стоилъ мнѣ болѣе милліона рублей, тогда, когда все было втрое дешевле. Вы окажете мнѣ, всемилостивѣйшій Государь, особенную милость повелѣніемъ принять оный въ казну за 850,000 рублей, изъ коихъ только 50,000 желаю получить наличными деньгами, а остальныя 800,000 рублей прошу замѣнить уничтоженіемъ, по мѣрѣ сей суммы, долговъ моихъ, въ разныхъ казенныхъ мѣстахъ состоящихъ. Я уповаю, что В. И. В. узнаете въ сей всеподданнѣйшей просьбѣ моей и въ весьма умѣренной оцѣнкѣ дома не побужденіе корыстолюбія, а справедливое стремленіе отца семейства, пекущагося о благосостояніи дѣтей своихъ и наслѣдниковъ и приносящаго на жертву часть своего имущества для обезпеченія другихъ" [2]).

Одновременно графъ писалъ и къ министру финансовъ Гурьеву.

„Удостовѣренный въ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, препровождаю вамъ копію съ просьбы моей Государю Императору и покорнѣйше прошу васъ о благосклонномъ содѣйствіи въ исходатайствованіи монаршей милости. Она облегчитъ бремя долговъ, отяготяющее меня, и несказанно пріятно будетъ мнѣ быть одолженнымъ въ томъ благосклонной помощи вашей. Вы сами легко усмотрѣть можете, что въ назна-

---

[1]) Въ другой черновой, тоже писанной рукою графа, вставлена тутъ слѣдующая фраза: „Рѣшеніе столь маловажной просьбы не могло привлечь вниманія вашего тогда, какъ вы заняты были рѣшеніемъ судьбы Европы".

[2]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

ченіи цѣны руководствовался я не корыстолюбіемъ, но необходимостью, тѣмъ паче, что никто изъ частныхъ людей не въ состояніи обременить себя столь значительною покупкою" [1]).

Одинъ изъ наслѣдниковъ, о благосостояніи которыхъ такъ пекся графъ Разумовскій, меньшой сынъ его, Кирила, уже 15 лѣтъ томился въ казематахъ Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря; съ другимъ—старшимъ сыномъ Петромъ, графъ уже нѣсколько лѣтъ какъ прервалъ сношенія. Нравъ графа въ послѣдніе годы его жизни сталъ почти невыносимымъ. Всѣ его боялись, весь домъ дрожалъ при сильныхъ порывахъ его гнѣва. Съ крестьянами своими онъ былъ суровъ, безпрестанно смѣнялъ управляющихъ, находя ихъ не довольно взыскательными. Каждую прихоть его приходилось исполнять немедленно, во что́ бы то ни стало. Иногда прихоти эти тяжелымъ бременемъ ложились на крестьянахъ. Такъ, весною графъ изъ Почепа вдругъ всѣмъ домомъ поднимался въ Бакланъ, чтобы тамъ слушать соловьевъ. Это бывало во время разлива рѣкъ. Особенно бушевала текущая около Почепа рѣка Судогость. Сгоняли нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ и они строили дамбы и насыпи для графскаго проѣзда [2]). Дѣла между тѣмъ шли плохо, въ Малороссіи былъ голодъ; несмотря на неоднократныя просьбы графа, московскій домъ въ казну не покупали. Разумовскій въ 1821 году снова обратился къ Государю за пособіемъ.

„Неисповѣдимыми судьбами Всевышняго", сказано было въ его прошеніи, „въ прошломъ году ниспосланный на Черниговскую губернію неурожай, не только разстроилъ благосостояніе поселянъ и мелкопомѣстныхъ дворянъ, но повергнулъ въ тягостное состояніе людей самыхъ достаточныхъ. Бывъ принужденъ для прокормленія 40,000 человѣкъ издержать болѣе 1.500,000 рублей, тогда какъ доходы мои отъ имѣнія прекратились, я нынѣ лишенъ средствъ къ вспомоществованію крестьянамъ въ бѣдствіяхъ, коими они вновь угрожаются. Въ таковомъ положеніи я рѣшился жертвовать значительною частію своего достоянія для поддержанія крестьянъ и для спасенія остального имѣнія моего отъ совершеннаго разстройства. Но превратить въ денежную сумму назначенное мною въ продажу имѣніе обыкновенными средствами невозможно, а между тѣмъ состояніе крестьянъ настоятельно требуетъ мѣръ отлагательства не терпящихъ. Потому дерзаю искать помощи у престола В. И. В. и всеподданнѣйше прошу повелѣть купить у меня въ казну 2500 душъ въ Черниговской губерніи, или выдать мнѣ заимообразную сумму, соотвѣтственную цѣнѣ онаго имѣнія. Всемилостивѣйшій Государь, обращаюсь къ вамъ, яко къ отцу

---

[1]) Тамъ же.

[2]) Изъ разсказовъ Г. В. Грудева.

подданныхъ, промысломъ Божіимъ милосердому попеченію вашему ввѣренныхъ, и не сомнѣваюсь въ благоснисхожденіи вашемъ къ вѣрному слугѣ, на закатѣ жизни ожидающему спокойствія отъ милостиваго на него воззрѣнія В. И. В. Добродѣтельному сердцу вашему утѣшительно будетъ озарить послѣдніе дни старца, съ довѣріемъ къ вамъ прибѣгающаго. Счастіемъ дѣтей и мирнымъ теченіемъ преклонныхъ лѣтъ моихъ, я обязанъ буду благосклонному принятію прошенія моего и не престану возносить пламенныя молитвы къ Всевышнему о сохраненіи на долгое время драгоцѣнной жизни вашей и о увѣнчаніи успѣхами всѣхъ предпріятій вашихъ" [1]).

„Почепъ. Декабрь 1821 года".

Не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ на это прошеніе; несомнѣнно только то, что Разумовскій не ошибался: точно наступилъ закатъ его жизни и дни его были сочтены. Въ Почепъ часто пріѣзжали дочери его, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина и Екатерина Алексѣевна Уварова, съ мужьями и дѣтьми, особенно первая, постоянно жившая въ это время въ Полтавѣ. На лѣто графъ переѣзжалъ въ Яготинъ, гдѣ его особенно занималъ великолѣпный, обсаженный рѣдчайшими деревьями, садъ. Въ немъ росли великолѣпные каштаны, тюльпановыя и шелковичныя деревья, даже одно оливковое деревцо. Въ Яготинѣ на лѣто переѣзжало также изъ Полтавы все семейство Репниныхъ.

Воспитанники графа—Перовскіе, быстро подымавшіеся по іерархическимъ ступенямъ, часто являлись на поклонъ къ старику. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Алексѣевичъ извѣстный въ литтературѣ нашей подъ именемъ Погорѣльскаго, почти постоянно жилъ въ Почепѣ. Иногда графъ какъ-бы покидалъ мрачныя свои мысли, принималъ гостей, бывалъ любезенъ. Такимъ видалъ его, между прочимъ, при посѣщеніи Почепа сенаторъ Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ, тогда еще молодой жандармскій офицеръ. Слѣдствіемъ посѣщеній этихъ была женитьба его на графской воспитанницѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ. Въ Мартѣ 1822-го года графъ Алексѣй Кириловичъ внезапно и весьма серьёзно заболѣлъ. Немедля отправлена была эстафета въ Полтаву. Несмотря на полную ростепель, княгиня Репнина сейчасъ-же пустилась въ путь. Она застала отца еще живымъ; около изголовья умирающаго находилась близкая къ нему особа. Княгиня впервые встрѣчала ее лицомъ къ лицу. Она взяла ее за руку и повела въ другую комнату. „Я васъ ненавидѣла до сихъ поръ", сказала ей княгиня, „потому что вы были причиною несчастія моей матери, но я вамъ все прощаю, если вы уговорите отца дозволить мнѣ вмѣстѣ съ вами за нимъ ухаживать". Больной едва могъ говорить и только

---

[1]) Изъ архива кн. Н. В. Репнина.

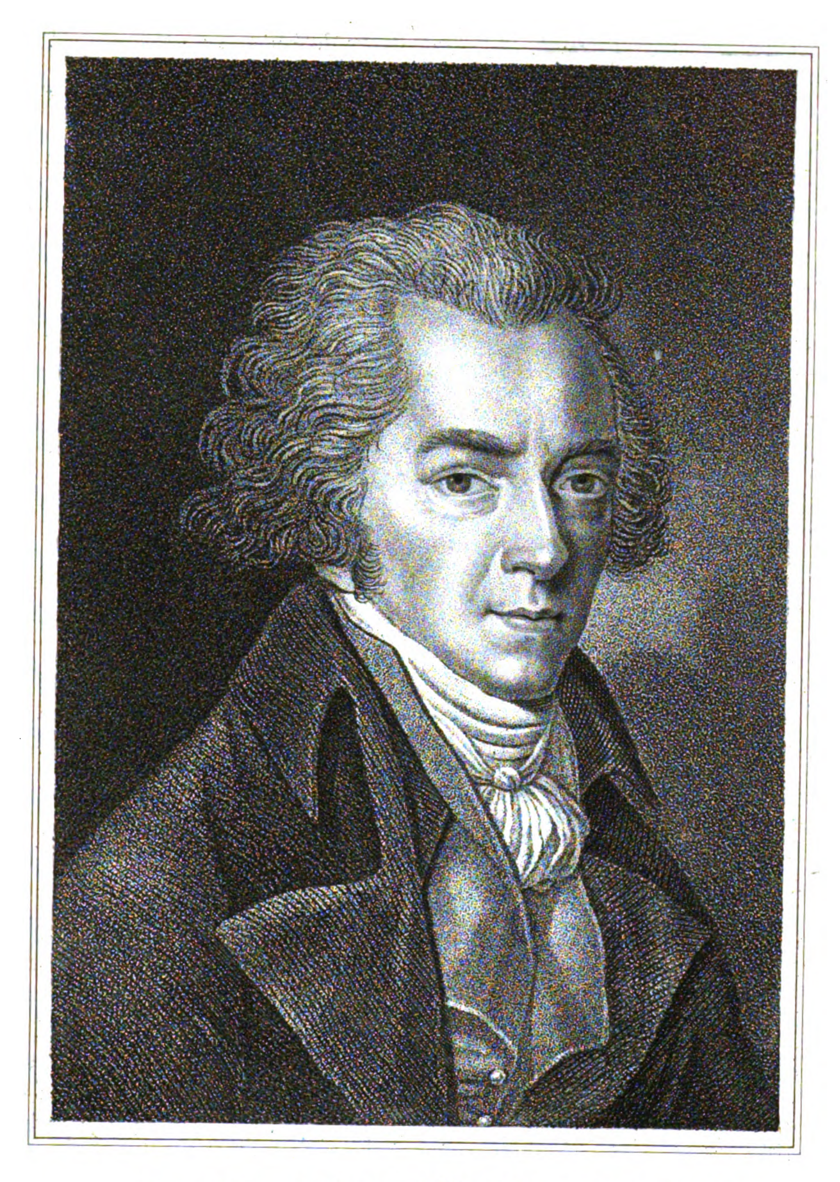
знаками выказывалъ дочери свою благодарность. Княгиня теплою молитвою старалась успокоить страданія умирающаго. Передъ самою смертью старый вольтеріанецъ устами прильнулъ къ подаваемому ему дочерью распятію [1]). Графъ Алексѣй Кириловичъ скончался 5 Апрѣля 1822 года, на Святой. Тѣло его было похоронено въ Почепѣ. По наслѣдству Почепъ достался княгинѣ Репниной. Когда въ тридцатыхъ годахъ Почепъ былъ проданъ графу П. А. Клейнмихелю, съ высочайшаго разрѣшенія, по просьбѣ Уваровыхъ и Репниныхъ, тѣло графа было перевезено въ Новгородъ-Сѣверскій. Перенесеніе это совершилось въ 1838 году по особому, присланному изъ министерства народнаго просвѣщенія и высочайше утвержденному, церемоніалу. Тѣло было снова предано землѣ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ въ тамошнемъ Спасопреображенскомъ монастырѣ [2]) въ соборной церкви, при входѣ съ лѣвой стороны, въ сѣверномъ придѣлѣ. Гробница изъ краснаго мрамора имѣетъ видъ параллелограма, она украшена бронзовыми: распятіемъ, нерукотвореннымъ образомъ, и гербомъ Разумовскихъ. На памятникѣ надпись: „Христе Боже Ты еси воскресенье наше и животъ, спаси убо душу раба твоего Алексѣя. Графъ Разумовскій, сынъ послѣдняго гетмана Малороссіи, генералъ-фельдмаршала графа Кирилы Григорьевича и графини Екатерины Іоанновны урожденной Нарышкиной. Родился 12 Сентября 1748, служилъ отечеству дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, членомъ государственнаго совѣта, сенаторомъ и министромъ просвѣ-

[1]) Изъ разсказовъ княжны Варвары Николаевны Репниной.

[2]) О времени основанія Спасопреображенскаго монастыря сохранились разнорѣчивыя преданія. Преданія эти относятъ это событіе къ 1033 или 1036 годамъ. При постройкѣ новаго собора, при Екатеринѣ II, разобрана была древняя каменная церковь и въ основаніи найденъ былъ овальный камень (нынѣ уже исчезнувшій), на которомъ значилось, что строителями были князья Владиміръ и Вячеславъ Давидовичи первые князья Сѣверскіе, внуки Святослава Ярославича Черниговскаго, княжившіе отъ 1127 по 1136 годъ. Обитель была нѣсколько разъ разоряема удѣльными князьями, татарами и поляками. Монастырь сталъ особенно извѣстенъ при Борисѣ Годуновѣ, отсюда въ 1603 году бѣжалъ Отрепьевъ въ Литву. По Деулинскому договору, Преображенскій монастырь вмѣстѣ съ Новгородомъ-Сѣверскимъ перешелъ въ руки поляковъ, и въ немъ учреждена была іезуитская коллегія. По Виленскому договору Новгородъ-Сѣверскій возвращенъ былъ Россіи, а монастырь православію. Въ 1657 г. епископъ Лазарь Барановичъ основалъ при немъ свою каѳедру, перенесенную впослѣдствіи въ Черниговъ. Позднѣе, до 1785 года, монастырь былъ подчиненъ Кіево-Печерской лаврѣ. Въ это время всѣ сокровища монастыря, драгоцѣнныя иконы, утварь, древнія рукописи и проч., на двухъ баркахъ, по требованію одного изъ настоятелей лавры, перевезены были въ Кіевъ. Въ 1699 году настоятелемъ монастыря былъ Св. Димитрій Ростовскій. Въ 1664 году, при Лазарѣ Барановичѣ, монастырь посѣтилъ Польскій Король Янъ-Казиміръ, возвращаясь съ неудачнаго похода на Малороссію; въ 1787 Екатерина II, во время Крымскаго похода, и наконецъ въ 1824 г. Александръ I проѣздомъ въ Таганрогъ.

щенія. Бѣднымъ помощникъ, наукамъ покровитель. Переселился въ вѣчность въ лѣто 1822 Апрѣля 5-го дня. Въ седмицу святыя Пасхи".

У графа Алексѣя Кириловича было пять воспитанниковъ и пять воспитанницъ: 1) Николай Ивановичъ Перовскій, бывшій губернаторомъ въ Крыму; 2) Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій р. 1787. Д. с. с. Онъ воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1807, докторомъ философіи и словесныхъ наукъ. Партизаномъ участвовалъ онъ въ отечественной войнѣ, отличился подъ Морунгеномъ (26 Окт. 1812), Лосецами (28 Окт.), Дрезденомъ и Кульмомъ. Былъ адъютантомъ князя Репнина въ Саксоніи, съ переводомъ въ лейбъ-гвардіи уланскій полкъ. Назначенъ былъ попечителемъ харьковскаго университета въ 1825 г. Въ 1830 вышелъ въ отставку и скончался въ 1836 г. Онъ въ литтературѣ нашей былъ извѣстенъ подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго. Романъ его, „Монастырка" въ свое время имѣлъ громадный успѣхъ. 3) Графъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій, род. 1793 г. Воспитывался въ московскомъ университетѣ, откуда вышелъ въ 1811 г. кандидатомъ и поступилъ въ колоновожатые. Онъ принималъ дѣятельное участіе въ походахъ 1812-14 годовъ, былъ въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ, Малымъ-Ярославцемъ, Вязьмою, Краснымъ, Люценомъ, Бауценомъ, Лейпцигомъ, Аренсомъ, Фершанпенуазомъ и Парижемъ, и вернулся на родину штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Въ 1823 д. с. с. и камергеромъ перешелъ онъ въ статскую службу, съ причисленіемъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1828 назначенъ вице-президентомъ департамента удѣловъ, въ 1831 сенаторомъ, въ 1840 товарищемъ министра удѣловъ, а въ 1841 министромъ внутреннихъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта. Въ 1843 пожалованъ онъ былъ д. т. с., въ 1846 кав. орд. Св. Владиміра I ст., а въ 1849 г. въ графское Россійской имперіи достоинство. Въ 1852 назначенъ онъ былъ министромъ удѣловъ, управляющимъ кабинетомъ Е. И. В., академіею художествъ, и всѣми археологическими въ Россіи изысканіями. Въ 1852 пожалованъ онъ былъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго, а въ 1855 г. переименованъ въ генералы отъ инфантеріи. Скончался въ 1856. Женатъ былъ на Екатеринѣ Васильевнѣ Уваровой, рожденной княжнѣ Горчаковой. Потомства не оставилъ. 4) Графъ Василій Алексѣевичъ Перовскій, род. 1795 г. Воспитывался въ московскомъ университетѣ. Вышелъ въ 1811 кандидатомъ и поступилъ на службу колоновожатымъ. Отличился во время отечественной войны подъ Ладами, Краснымъ, Смоленскомъ, Заболотью, Дорогобужемъ и Бородинымъ. Во время занятія Москвы захваченъ былъ въ плѣнъ французами и въ плѣну оставался до взятія Парижа. Въ 1816 переведенъ былъ въ лейбъ-гвардіи егерскій полкъ, и назначенъ адъютантомъ къ ген.-адъютанту (впослѣдствіи графу)



ГРАФЪ АЛЕКСѢЙ КИРИЛОВИЧЬ

РАЗУМОВСКІЙ

Д. Т. С. МИНИСТРЪ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Декабря 1879 г. Геліогр. въ Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ.

П. В. Голенищеву-Кутузову. 1818 г. переведенъ въ Измайловскій полкъ съ назначеніемъ въ адъютанты къ В. К. Николаю Павловичу. 1825 назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1828 свиты ген.-маіоромъ. Онъ отличился во время турецкой кампаніи, исправляя должность начальника штаба при отрядѣ войскъ, облегавшихъ Варну. Пожалованъ былъ въ 1829 въ ген.-адъютанты, а въ 1833 г. генералъ-лейтенантомъ и исправляющимъ должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнымъ Оренбургскимъ корпусомъ. Въ 1835 онъ предпринялъ Хивинскій походъ, оказавшійся несчастнымъ, несмотря на всю энергію Перовскаго. Государь вознаградилъ труды В. А. орденомъ св. Александра Невскаго. Въ 1842, В. А. Перовскій по болѣзни уволенъ былъ отъ занимаемыхъ должностей, съ оставленіемъ въ званіи генералъ-адъютанта. Въ 1843 г. произведенъ онъ былъ въ генералы отъ кавалеріи, а въ 1846 назначенъ членомъ государственнаго совѣта, получилъ Владиміра І-й степени и временно управлялъ морскимъ министерствомъ. Въ 1851 году онъ снова назначенъ былъ Оренбургскимъ и Самарскимъ генералъ-губернаторомъ и командиромъ Оренбургскаго корпуса. Въ 1852 г. получилъ онъ знаки св. Андрея, а въ 1853 взялъ приступомъ Коканскую крѣпость Акъ-Мечеть, наименованную по высочайшему повелѣнію фортомъ Перовскимъ. 17 Апрѣля 1855 возведенъ онъ былъ въ графское Россійской имперіи достоинство, а въ 1856 получилъ алмазные знаки св. Андрея. Въ 1857 г. уволенъ по болѣзни отъ должности Оренбургскаго генералъ-губернатора, и получилъ портретъ Государя, украшенный бриллiантами. Въ томъ же году онъ скончался. 5) Графъ Борисъ Алексѣевичъ Перовскій былъ возведенъ 20 Ноября 1856 года въ графское Россійской имперіи достоинство; генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи, ордена св. Александра Невскаго кавалеръ и государственнаго совѣта членъ; женатъ на Софьѣ Константиновнѣ Булгаковой; имѣетъ сына: графа Алексѣя Борисовича, кол. асс. и камеръ-юнкера и 3-хъ дочерей: графиню Марію Борисовну за Петрово-Соловово, графиню Ольгу Борисовну и графиню Вѣру Борисовну.

Воспитанницы графа Алексѣя Кириловича были: 1) Прасковья Алексѣевна, бывшая замужемъ за Петромъ Александровичемъ Курбатовымъ; 2) Марія Алексѣевна, за комендантомъ С.-Петербургской крѣпости генералъ-лейтенантомъ Максимомъ Константиновичемъ Крыжановскимъ [†1839 г.]; 3) Елизавета Алексѣевна, за сенаторомъ д. т. сов. Михаиломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ; 4) Анна Алексѣевна, за графомъ Константиномъ Петровичемъ Толстымъ, мать извѣстнаго поэта нашего графа Алексѣя Константиновича; 5) Софія Алексѣевна, за княземъ Владиміромъ Владиміровичемъ Львовымъ.

ГЛАВА V.

Потомство графа Алексѣя Кириловича.

Отъ брака своего съ графинею Варварою Петровною Шереметевою, графъ Алексѣй Кириловичъ имѣлъ двухъ сыновей и двухъ дочерей. Послѣ изгнанія своего изъ дома мужа, графиня, какъ мы видѣли выше, поселилась въ Москвѣ, въ приходѣ Спаса-Преображенія, что́ въ Глинищахъ, на углу Моросейки. Безпомощная, нерѣшительная, робкая и притомъ крайне простая, Варвара Петровна нашла себѣ опору въ братѣ своемъ, графѣ Николаѣ Петровичѣ Шереметевѣ; ему она совершенно ввѣрила судьбу свою и безъ его совѣта или, вѣрнѣе, приказанія ничего не предпринимала, ни на что не рѣшалась. Даже выдавать деньги дѣтямъ не смѣла она безъ его дозволенія. „Безъ вашего совѣта", писала она неоднократно къ Шереметеву, „и согласія ничего не предпринимала и не предприму". Малѣйшее желаніе любимаго брата было для нея закономъ. У графини былъ въ Сущевѣ загородный домъ, на Сущевской улицѣ, 2 квартала, въ приходѣ Казанскія Богоматери. Она въ немъ живала весною. Какъ-то Шереметевъ замѣтилъ, что помѣщеніе ему не нравится, съ тѣхъ поръ Сущевскій домъ былъ заброшенъ. Графиня лѣто проводила въ подмосковномъ своемъ селѣ Окуловѣ, по Можайской дорогѣ, Звенигородскаго уѣзда. Отъ нѣкогда богатой усадьбы не осталось въ Окуловѣ даже слѣдовъ. Видя полную безпомощность сестры, Шереметевъ къ ней приставилъ опекуномъ нѣкоего Палибина, который сталъ управлять всѣми ея дѣлами. Подъ многочисленными письмами къ брату, сохранившимися въ архивѣ графа Шереметева, графиня только подписывала свое имя; конторщики не только писали ихъ, но, какъ видно по слогу, часто сами сочиняли посланія. Оставшись совершенно одинокою, отдаленная противъ воли отъ нѣжнолюбимыхъ дѣтей, эта бѣдная, несмотря на свои 16,000 душъ, женщина, окружила себя фав604ритками, воспитанницами, калмыками, калмычками, вольноотпущенными обоего пола, барскими-барынями, бѣдными дворянками и всякаго рода и названія приживалками и приживателями. „Не безызвѣстно вамъ, братецъ", писала она къ Шереметеву, „что, по разлученіи моемъ съ мужемъ и дѣтьми, имѣла я у себя фаворитку, ту маленькую Мароушу, которую и вы знали, любили и очень нерѣдко ласкали. Она во время моего одиночества и скуки меня утѣшала и раздѣляла со мною всѣ пріятные и непріятные дни". Такихъ Мароушъ было нѣсколько. Отъ общества графиня совершенно отказалась, и, кромѣ дѣтей, брата, и самыхъ близкихъ родственниковъ, почти никого не принимала. По совѣту Шереметева она вошла въ письменныя сно-

шенія съ мужемъ. Поводомъ къ этому сближенію послужило назначеніе денежнаго положенія младшему сыну. „Хотя не имѣете вы", писалъ къ сестрѣ графъ Н. П. Шереметевъ отъ 25 Апрѣля 1799 г., „никакихъ сношеній съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, но по участію, каковое долженъ онъ къ нему (т.-е. сыну) раздѣлять, совѣтовалъ бы я вамъ чрезъ кого нибудь отнестись о семъ къ нему и испросить его мнѣнія" [1]). Графиня, какъ кажется, прямо написала мужу, и съ тѣхъ поръ между ними изрѣдка происходила чисто дѣловая переписка. Замѣчательно, что графиня Варвара Петровна должна была мужу выплачивать ежегодно по 10,000 рублей на воспитаніе дѣтей [2]). Это однако не мѣшало графу Алексѣю Кириловичу нерѣдко требовать отъ жены разныхъ единовременныхъ вспоможеній для дочерей. Такъ бѣдная старушка очень встревожена была цѣною фортепіанъ, вытребованныхъ отъ нея графомъ для дочери. „О купленныхъ фортепіанахъ", писалъ ей въ успокоеніе братъ, отъ 25 Апрѣля 1799 г., „хотя онѣ кажутся и очень цѣнны, но если хороши и выбраны кѣмъ изъ знатоковъ, а также если любезная племянница моя поступила (sic) въ искуствѣ виртуозовъ, то должно деньги заплатить, тѣмъ болѣе, что и вещь сія служить можетъ почти на вѣкъ" [3]). Такъ, тоже увѣдомляла она брата отъ 2 Іюня 1802 года, что дочери послѣ отъѣзда изъ Москвы остались разнымъ лицамъ должны 4872 рубля, которые она, по неотступнымъ просьбамъ кредиторовъ, принужденною нашлась заплатить [4]). Когда въ томъ же году старшая дочь ея, Варвара Алексѣевна, помолвлена была за князя Репнина, графиня препроводила къ брату вѣдомость о всѣхъ своихъ деревняхъ, испрашивая у него, какое онъ назначитъ дочери число душъ и сколько положитъ деньгами на приданое. Шереметевъ отказался отъ такого порученія, но графиня снова обратилась къ нему съ слѣдующимъ отчаяннымъ письмомъ:

„М. Г. мой братецъ графъ Николай Петровичъ,

Изъ полученнаго вашего письма, отъ 15 Сентября, увѣрилась и сердечно обрадована, что вы здоровы. Но, съ другой стороны, крайне огорчена, видѣвъ изъ онаго, что вы отъ дружескаго посредничества въ назначеніи деревень въ приданство дочери моей отрекаетесь. А какъ я, по особенной къ вамъ дружеской приверженности, а болѣе и потому, что я въ несчастную жизнь мою, во всѣхъ случаяхъ опытами вами доказанныхъ, правиломъ постановила почитать васъ искренно любящимъ отцомъ, братомъ, другомъ и безпристрастнымъ судьею, то

---

[1]) Архивъ гр. С. Д. Шереметева.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же.

[4]) Тамъ же.

къ кому другому прибѣгну и отъ кого искать, кромѣ васъ помощи, не знаю! Я дама, а при томъ обремененная несчастіями и почти удалившаяся отъ публики; страшусь, дабы по неопытности моей въ таковомъ случаѣ, не сдѣлать ошибки и тѣмъ не навлечь новой моей роднѣ неудовольствія. Батюшка братецъ! покорнѣйше прошу васъ въ семъ критическомъ моемъ положеніи не оставить. Вы опытны, все видѣли и все знаете. И все, что̀ только сдѣлаете, мнѣ будетъ пріятно и свято. Будьте основателемъ въ назначеніи деревень, вещей и прочаго. О семъ, кромѣ одной персоны моей да васъ, (никто) знать не будетъ. А я по назначенію вашему буду дѣйствовать и все то съ удовольствіемъ выполню въ самой скорости. Сдѣланное же вами положеніе служить образцомъ мнѣ будетъ на предбудущія времена, какъ для сыновей, такъ и для меньшой дочери. Съ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ совѣтоваться за нужное не поставляю. Болѣе потому, что онъ изъ своего имѣнія о положеніяхъ дѣтямъ нашимъ совѣта моего никогда не требовалъ, да и нынѣ не требуетъ, въ чемъ надѣюсь вы меня оправдаете" [1]).

Еще при жизни Шереметева домашняя челядь возымѣла на графиню громадное вліяніе и братъ въ письмахъ своихъ ей строго наказывалъ никому ихъ не показывать. „А при семъ хочу замѣтить вамъ, что ежели хотите вы, чтобъ совѣты мои были вамъ полезны и выходили по желанію, то совѣтую вамъ не показывать никому моихъ писемъ, ибо изъ того не выйдетъ того намѣренія и пользы, съ какою я къ вамъ отношусь. И еще подтверждаю, отнюдь никому, ни мужскому, ни женскому полу какъ бы кто вамъ близокъ не былъ" [2]). Даже дочери, нѣжно любившія мать свою, поневолѣ обращались къ дядѣ, прося его уговорить графиню то на то, то на другое. Домашняя челядь, вполнѣ овладѣвшая госпожою своею, возбуждала ее противъ дѣтей, но въ то же время не на шутку побаивалась графа Шереметева. Со смертью послѣдняго, въ 1809 году, графиня окончательно и всецѣло подпала подъ власть своей прислуги. Разсказываютъ, что въ послѣдніе годы ея жизни ей никогда не приходилось покататься; какъ она ни прикажетъ заложить карету, облѣнившіеся кучера отвѣчали, что карета сломана. Кто-то изъ близкихъ родственниковъ графини спросилъ ее, отчего она никогда не выѣзжаетъ въ экипажѣ. „Все ломаются", добродушно отвѣчала старушка. Управленіе огромнымъ графининымъ достояніемъ взялъ въ руки крѣпостной лакей ея, Иванъ Ивановъ Сыровъ, котораго она отпустила на волю и записала куда-то на службу. Онъ обиралъ госпожу свою какъ липку и,

[1]) Тамъ же, письмо отъ 25 Сентября 1802 г.

[2]) Тамъ же, письмо гр. Н. П. Шереметева, отъ 30 Ноября 1803 г.

опасаясь отвѣтственности заставлялъ графиню подписываться въ конторскихъ книгахъ подъ каждою статьею расхода отдѣльно. Огромный домъ Варвары Петровны, содержавшійся въ крайнемъ безпорядкѣ, грязный, душный, натопленный какъ баня и никогда не провѣтриваемый, набитъ былъ великолѣпнымъ Шереметевскимъ серебромъ и всякими драгоцѣнностями, доставшимися графинѣ отъ отца и свёкра. За годъ до кончины своей, графиня Варвара Петровна показывала старшей дочери, княгинѣ Репниной, великолѣпные свои бриллiанты, говоря, кому изъ дѣтей что послѣ смерти своей назначаетъ. Варвара Петровна двумя годами пережила мужа и не только, по добротѣ сердечной, все ему простила, но даже горько оплакивала кончину его. Когда она заболѣла къ смерти, никого изъ дѣтей въ Москвѣ не случилось: кто былъ въ Петербургѣ, кто на югѣ Россiи, кто за границею. Объ опасности челядь никого не извѣстила. Кромѣ домашнихъ, къ больной никого не допускали. Сыровымъ было составлено завѣщанiе, которое, по его приказанiю, полуживая и уже безсознательная графиня подписала. Приходскiй священникъ, бывшiй духовникомъ умирающей и докторъ Мухинъ, получавшiе по завѣщанiю, первый—каменный домъ, а второй—капиталъ въ 50,000 рублей, скрѣпили подпись. Домъ на Моросейкѣ, наличныя деньги, всѣ драгоцѣнности и вообще все благопрiобрѣтенное имущество досталось, по завѣщанiю, Сырову. Безчисленные приживатели и приживалки тоже не были забыты. До какой степени нажились при этомъ всѣ обитатели Разумовскаго дома, видимъ мы изъ довольно курьёзныхъ записокъ Угрѣшскаго архимандрита Пимена. Онъ, между прочимъ, разсказываетъ, что настоятель Угрѣшской обители въ 1825 году былъ нѣкто о. Израиль, сынъ просвирни при домовой церкви графини Варвары Петровны. При отрѣшенiи этого Израиля въ 1825 году отъ должности настоятеля, у него отобранъ былъ билетъ въ 16,000 рублей ассигнацiями и, кромѣ того, значительная сумма денегъ. При допросѣ онъ показалъ, что деньги эти получилъ отъ графини Варвары Петровны Разумовской, которая ему благодѣтельствовала. Такъ какъ графиня уже въ то время скончалась, то допросили бывшаго ея управляющаго Сырова. Послѣднiй заявилъ, что точно, по приказанiю покойной графини, много разъ выдавалъ Израилю значительныя суммы денегъ, но впрочемъ не знаетъ, кому деньги эти были назначаемы графинею: лично ли Израилю, или же на монастырь [1]). Если такiя деньги достались сыну просвирни, то легко себѣ представить, какова была нажива лицъ непосредственно окружавшихъ покойную. Когда хоронили графиню, въ домѣ не оказалось ни одной серебрянной ложки, а такъ какъ,

---

[1]) Чтенiя общества исторiи и древностей при Московс. Университетѣ, 1876, кн. IV. Изслѣдованiя, стр. 75.

по старому обычаю, справлены были послѣ погребенія поминки, то серебро пришлось брать на прокатъ, что̀ разумѣется Сыровымъ поставлено было на счетъ дѣтей покойной [1]).

Графиня Варвара Петровна скончалась въ 1824 году. Она похоронена въ московскомъ Новоспасскомъ монастырѣ, въ усыпальницѣ графовъ Шереметевыхъ, рядомъ съ отцомъ своимъ и дѣдомъ, великимъ канцлеромъ княземъ Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ. Надъ могилою ея поставленъ богатый мраморный памятникъ.

Старшій сынъ Алексѣя Кириловича, графъ Петръ Алексѣевичъ, воспитывался дома подъ надзоромъ французовъ гувернеровъ. Юношей онъ былъ отправленъ за границу, подъ присмотромъ нѣкоего Шеля, который въ воспитанникѣ своемъ развилъ пристрастіе ко всему французскому. Въ 1793 году молодой Разумовскій учился въ Гёттингинѣ и имѣлъ при себѣ наставникомъ малоросса Базилевича. Въ то время въ Гёттингенѣ слушали лекціи многіе русскіе: между прочимъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, Фитингофы и другіе. Въ Гёттингенѣ учрежденъ былъ даже русскій клубъ, члены котораго, впрочемъ, были большею частью прибалтійскіе бароны. Молодой Разумовскій слушалъ лекціи права (droit national et droit des gens), русской исторіи, которую читалъ знаменитый Шлёцеръ, политики, риторики, латинскаго языка; кромѣ того, онъ учился русскому и итальянскому языкамъ, рисованію, музыкѣ и верховой ѣздѣ. Графъ Алексѣй Кириловичъ особенно рекомендовалъ своему старому наставнику Шлёцеру—сына своего. Молодой Разумовскій часто видался съ ученымъ профессоромъ, который руководилъ его занятіями. Въ 1795 г. Разумовскій вернулся изъ чужихъ краевъ. Еще въ 1783 году онъ былъ записанъ сержантомъ лейбъ-гвардіи въ Измайловскій полкъ. 1793 года онъ произведенъ былъ въ прапорщики. При возвращеніи изъ-за границы онъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ къ дѣду своему, графу Кирилѣ Григорьевичу и состоялъ въ его штабѣ. Дѣдъ, какъ мы уже видѣли, въ немъ души не чаялъ.

Указъ Императора Павла I-го, раскасировавшій военные штаты фельдмаршаловъ, не находившихся на дѣйствительной службѣ, заставилъ графа Петра Алексѣевича въ 1797 г. поступить во фронтъ. Онъ переименованъ былъ въ подполковники и зачисленъ въ Астраханскій гренадерскій полкъ. 25 Мая 1798 года онъ произведенъ былъ въ полковники, съ оставленіемъ командиромъ своднаго гренадерскаго баталіона и состоялъ въ арміи дяди своего генералъ-отъ инфантеріи (впослѣдствіи графа) И. В. Гудовича, въ корпусѣ генералъ-лейтенанта барона Шюца. При началѣ знаменитой Суворовской кампаніи, армія Гудовича находилась между Владиміромъ-Волынскимъ и Каменецъ-Подольскомъ. Армія эта

---

[1]) Изъ разсказовъ Е. В. Шереметевой, Г. В. Грудова и другихъ современниковъ.

должна была подкрѣплять войска, выступившія въ походъ за границу; назначеніе же корпуса Шюца состояло въ томъ, чтобы оберегать предѣлы Россіи и, въ случаѣ надобности, идти на помощь Турціи. 1-го Августа 1799 г. Разумовскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ шефомъ мушкетерскаго Староингерманландскаго, бывшаго Штейнгеля полка, а черезъ 6 мѣсяцевъ исключенъ изъ службы за откомандированіе, въ противность всѣхъ установленій, штабсъ-капитана Ланга къ провіантской коммиссіи. Черезъ 8 мѣсяцевъ онъ былъ принятъ по прежнему на службу съ опредѣленіемъ въ полкъ и баталіонъ Е. И. В. В. К. Николая Павловича (нынѣ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ). Графъ Петръ Алексѣевичъ получалъ отъ отца ежегодно 6000 рублей, отъ матери почти то же, дѣдъ также ссужалъ его значительными суммами. Несмотря на это, онъ всегда былъ въ долгу и вѣчно нуждался въ деньгахъ. При сдачѣ полка онъ имѣлъ много хлопотъ и остался долженъ 7000 рублей, хотя, какъ свидѣтельствуетъ отецъ въ письмахъ къ женѣ, касавшихся исключительно до денежныхъ обстоятельствъ дѣтей, онъ неоднократно получалъ отъ графа Алексѣя Кириловича деньги, чтобы вернуться безъ хлопотъ и затрудненій. 15-го Мая 1801 года Петръ Алексѣевичъ пожалованъ былъ въ дѣйствительные камергеры, съ исключеніемъ изъ полка и генеральскаго списка.

Сыновья Алексѣя Кириловича призваны были, какъ казалось, къ самой блистательной будущности. Дяди по отцу были бездѣтны; братъ ихъ матери, первый богачъ въ Россіи и быть можетъ самый значительный землевладѣлецъ въ Европѣ, былъ въ престарѣлыхъ лѣтахъ и холостой. Въ рукахъ молодыхъ Разумовскихъ должны были соединиться два самыхъ значительныхъ состоянія въ Россіи. Поселившись въ Петербургѣ, графъ Петръ Алексѣевичъ сталъ жить вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ, о которомъ будемъ говорить ниже. Какъ видно, отецъ любилъ или, вѣрнѣе, былъ снисходительнѣе къ старшему сыну. „Увѣрить васъ могу“, писалъ графъ Алексѣй Кириловичъ къ женѣ о сынѣ Петрѣ, „что онъ не мотъ и никогда во зло не употребитъ благорасположенія вашего къ нему“. Однако, въ Петербургѣ графъ Петръ Алексѣевичъ снова надѣлалъ бездну долговъ, посѣщалъ и окружилъ себя самымъ невозможнымъ обществомъ, ни съ кѣмъ изъ родственниковъ, ни съ дядями, ни съ тётками не знался и, наконецъ, вмѣстѣ съ братомъ до того досадилъ дядѣ Шереметеву, что послѣдній рѣшился на бракъ, надѣлавшій столько шуму въ Петербургѣ и Москвѣ. Кромѣ того, старикъ Шереметевъ, послѣ рожденія сына, составилъ духовное завѣщаніе, въ которомъ именно обозначилъ, что если сынъ этотъ умретъ бездѣтнымъ, достояніе его должно было перейти не къ племянникамъ Разумовскимъ и ихъ потомству, а къ ближайшей отрасли рода

Шереметевыхъ. Такимъ образомъ все огромное Шереметевское достояніе прошло мимо молодыхъ Разумовскихъ. Поведеніе ихъ приводило въ сокрушеніе даже старика-дѣда. „Меня удивляетъ“, писалъ онъ къ графу Андрею Кириловичу въ 1801 г., „что сыновья Алексѣя Кириловича къ вамъ не показываются и что вы ихъ не видите ни при дворѣ, ни въ домахъ, въ коихъ бываете. Сохраняя правила родства, вы можете, призвавъ ихъ къ себѣ, сдѣлать имъ примѣчаніе, что они упускаютъ родственный долгъ въ частомъ съ вами свиданіи и отецъ ихъ хотѣлъ къ вамъ писать и просить васъ, дабы по сему обстоятельству ихъ не оставили“ [1]).

Въ 1806 г., въ то время, когда меньшой братъ графа Петра Алексѣевича содержался въ Шлиссельбургской крѣпости, повѣренный отца его, князь Н. М. Козловскій, имѣлъ съ нимъ нѣсколько довольно рѣзкихъ объясненій. „Чувствительность растрогана“, доносилъ отъ 11 Декабря 1806 г. Козловскій графу Алексѣю Кириловичу, „хочетъ совсѣмъ перемѣнить родъ жизни и знакомство паче съ родными возобновить и сколько-нибудь вину свою (у него оказалось 25,000 рублей долга) загладить, чѣмъ и надѣется потомъ пріобрѣсть милость и любовь вашу. Съ большимъ сердечнымъ жаромъ сказалъ при разговорѣ: „неужели батюшка не будетъ имѣть утѣшенія ни въ одномъ сынѣ“ [2]). Отецъ рѣшился перевесть сына на службу въ Одессу, гдѣ былъ тогда генералъ-губернаторомъ герцогъ Эммануилъ де-Ришелье. Петру Алексѣевичу рѣшеніе это было не по сердцу „по привычкѣ, пріятности заведенія и другимъ причинамъ“, какъ писалъ Козловскій, „но вижу, что угодно батюшкѣ и отдаюсь его волѣ“, по поводу чего на сей почтѣ хотѣлъ самъ писать. Страшитъ болѣе всего скука въ отдаленномъ мѣстѣ, кое, полагаетъ необитаемое никѣмъ“ [3]). Въ званіи камергера и чинѣ д. с. с., графъ Петръ Алексѣевичъ назначенъ былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при Новороссійскомъ генералъ-губернаторѣ. Разумовскій никогда умомъ не отличался, однако, какъ видно, онъ не былъ вовсе чуждъ умственныхъ наслажденій. Въ Одессѣ онъ завелъ себѣ великолѣпную библіотеку, которая послѣ его смерти продана была съ аукціоннаго торга. Въ библіотекѣ этой, между прочимъ, какъ мы уже помянули въ предисловіи, находилась рукопись оды Державина—„Вельможа“, съ отмѣткою на концѣ: *Ноября 12, 1794 г.*

Въ Одессѣ графъ Петръ Алексѣевичъ окончательно отшатнулся отъ семьи. Онъ окружилъ себя всякаго рода греками, евреями и другими темными личностями и проходимцами, безсовѣстно его обиравшими

---

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

[2]) Архивъ кн. Н. В. Репнина.

[3]) Тамъ же.

и пользовавшимися его безденежьемъ и недальновидностью, чтобы заставлять его подписывать самыя невозможныя обязательства. Писалъ онъ къ своимъ, только когда заимодавцы подступали съ ножомъ къ горлу. Обращался онъ болѣе къ матери, къ сестрамъ и зятьямъ. Къ отцу онъ пересталъ писать вовсе. Мать давала ему ежегодно по 10,000 рублей, а съ 1816 года удвоила эту сумму. Между тѣмъ противъ Петра Алексѣевича обращены были разные старые иски. Мать письменно просила Алексѣя Кириловича помочь старшему сыну; о томъ же писалъ и графъ С. С. Уваровъ. „Vous n'ignorez pas", отвѣчалъ послѣднему отецъ отъ 18 Февраля 1819 года изъ Почепа, „combien peu d'intérêt sa conduite m'inspire pour sa situation. Depuis au moins 6 ou 7 ans il ne s'est pas une fois rapellé à mon souvenir et c'est dans cette intervalle de temps qu'il a renouvelé plusieurs lettres de change... Me trouvant moi-même dans un cruel embarras comment voulez vous que je vienne à son secours" [1]).

Нѣсколько лѣтъ послѣ смерти отца, графъ Петръ Алексѣевичъ предалъ своимъ заимодавцамъ московскій домъ, который былъ положительно расхищенъ. Всѣ великолѣпныя мебели, картины, гобелены, портреты, бронза и фарфоръ распроданы были за безцѣнокъ и долгое время въ старинныхъ московскихъ мѣняльныхъ лавкахъ у Волкова, Лухманова, Бардина, Родіонова и др. продавались разрозненныя крохи древняго великолѣпія Разумовскихъ. Для себя графъ Петръ Алексѣевичъ, подъ Одессою, на хуторѣ, близъ Молдаванки, выстроилъ, съ безвкусными затѣями, дачу. Подъ дачею онъ велѣлъ вырыть лабиринтъ, многочисленныя извилины котораго одному ему были извѣстны. Туда забирался онъ, когда къ нему являлись нежеланные гости. Графъ Петръ Алексѣевичъ умеръ въ 1835 году. Онъ похороненъ на одесскомъ кладбищѣ. Съ нимъ пресѣкся въ Россіи родъ Разумовскихъ.

Младшій сынъ графа Алексѣя Кириловича, графъ Кирила Алексѣевичъ, былъ несравненно даровитѣе старшаго брата. Умный и живой, онъ въ дѣтствѣ всѣхъ удивлялъ своими необыкновенными способностями. Къ несчастію, онъ попалъ въ руки гувернера, который чрезмѣрно возбудилъ его уже и такъ пылкое воображеніе. Пятнадцати лѣтъ онъ вѣрилъ въ духовъ, въ привидѣнія и т. п. Почти отрокомъ, въ 1799-мъ году пожалованъ онъ былъ въ камергеры, по просьбѣ дяди Шереметева. „Дошло до меня", писалъ къ послѣднему графъ Алексѣй Кириловичъ отъ 2-го Ноября 1799 г., „ваше письмо отъ 18-го Октября, увѣдомляющее о пожалованіи сына моего камергеромъ и сіе отъ васъ пріятное извѣстіе принялъ я за искреннѣйшій знакъ благосклоннаго и дружественнаго вашего ко мнѣ расположенія, котораго всю цѣну

---

[1]) Архивъ графа А. С. Уварова.

чувствуя, преисполненнымъ къ вамъ чистосердечною преданностію сердцемъ, чувствительнѣйшую благодарность приношу. Послѣдуя совѣту в. с., не замедлю я отправленіемъ моего сына въ С.-Петербургъ, сколь ни тягостенъ нынѣшній путь и сколь ни нужно бы мнѣ его продержать здѣсь, для снабденія всѣмъ тѣмъ, что̀ имѣть должно къ представленію его ко двору, ибо, не предвидя случившагося нынѣ, не могъ я ничего того исполнить, да и надобности не имѣлъ онъ ни въ чемъ, не обращаясь еще въ свѣтѣ. Однако, чего здѣсь сдѣлать не успѣю, то до Петербурга оставлю, гдѣ буду просить вась помедлить нѣсколько представленіемъ его ко двору. Между тѣмъ, рекомендуя его въ вашу милость, всепокорно прошу не отказать ему въ вашемъ покровительствѣ и, по отдаленности моей, дозволить ему почитать васъ не какъ дядю роднаго, но какъ отца. По молодости лѣтъ его, по неопытности и по вѣтренности, съ тѣмъ сопряженной, имѣю я довольно причинъ опасаться худыхъ слѣдствій таковаго распоряженія, но одобряетъ меня притомъ мысль та, что, по дружескому вашему расположенію къ отцу, не оставите покровительствовать и сыну“ [1]). Опасенія отца оказались не лишенными основанія. Дома молодого Разумовскаго держали довольно строго, теперь онъ вдругъ, при пылкой, страстной, необузданной натурѣ, очутился на полной свободѣ, среди искушеній роскошной столицы. На него взирали какъ на наслѣдника несмѣтнаго богатства, онъ былъ очень хорошъ собою и, несмотря на юность свою, занималъ уже видное въ то время положеніе при дворѣ. Вокругъ него образовалась толпа льстецовъ и нахлѣбниковъ. Едва успѣлъ онъ поселиться въ Петербургѣ, какъ оказался уже недостатокъ въ деньгахъ; онъ обратился къ матери, та въ свою очередь списалась съ отцомъ. Графъ Алексѣй Кириловичъ отвѣчалъ, что, по молодости лѣтъ Кирилы Алексѣевича и по свойству сложенія его чрезмѣрно пылкаго, весьма осторожно поступать должно въ снабженіи его деньгами, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, пока не будетъ извѣстно, каково его поведеніе. Поведеніе это вскорѣ обнаружилось. „Съ крайнимъ прискорбіемъ сказать вамъ долженъ“, писалъ отецъ къ графинѣ Варварѣ Петровнѣ, „что сначала возвращенія меньшаго сына нашего въ Петербургъ и до нынѣ я безпрестанныя имѣлъ отъ него огорченія, развратные поступки всякаго рода, мотовство и т. п. Причиною конечно, что онъ отсталъ отъ всѣхъ тѣхъ, съ коими долженъ бы обращаться, и хотя неоднократно писалъ къ нему, то, чего никто изъ дѣтей отъ меня не слыхивалъ, но все ни малѣйшей пользы не произвело; нынѣ поручаю старшему сыну присматривать за нимъ“ [2]).

---

[1]) Архивъ гр. Шереметева.

[2]) Тамъ же.

Въ 1804 году графъ Кирила Алексѣевичъ находился при отцѣ. Въ это время произошло между отцомъ и сыномъ какое-то крупное столкновеніе, и въ то же время у графа Кирилы Алексѣевича проявились первые признаки умопомѣшательства. „Что дѣлаетъ Кирюша?“ писала къ отцу изъ С.-Петербурга, отъ 16 Мая 1804 года, княгиня Варвара Алексѣевна Репнина: „вотъ уже мѣсяцъ, какъ его сюда жду. Къ счастію я узнала о его выздоровленіи отъ болѣзни, которую я приписываю главнымъ образомъ его страсти безпрестанно принимать лекарства безъ совѣта докторскаго. Надѣюсь, что онъ все еще намѣренъ поступить въ Вѣнское посольство, такъ какъ я очень для него побаиваюсь петербургской праздности и надѣюсь, что когда онъ будетъ болѣе занятъ, то оставитъ привычку безпрестанно принимать лекарства, отъ чего несомнѣнно сдѣлается здоровѣе“. „Я получила письмо ваше“, писала она же отъ 21 Іюня, „въ которомъ вы мнѣ говорите, что припадокъ Кирюшинъ миновался. Надѣюсь, что шевалье де-Бернъ застанетъ его уже вполнѣ здоровымъ и воспользуется этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы уговорить его ѣхать за границу. Мы надняхъ разговаривали о Кирюшѣ съ тетушкою Загряжскою; она думаетъ, какъ и я, что лучше всего было бы отправить его прямо за границу. Здѣсь только смутно говорили о его болѣзни и тетушка каждый разъ, когда къ тому представлялся случай, опровергала ходившіе здѣсь слухи и увѣряла, что это было не болѣе какъ желчное разстройство. Но если припадки будутъ повторяться, какъ скрыть это? Кирюша еще такъ молодъ, что не слѣдуетъ въ его выздоровленіи сомнѣваться, а впечатлѣніе такого рода, разъ сдѣланное, нескоро сглаживается и стало бы ему помѣхою какъ для службы, такъ и для женитьбы; напротивъ, благодаря принятымъ нами стараніямъ опровергать городскіе слухи, если Кирюша поѣдетъ за границу, и чего ожидать слѣдуетъ, вернется совершенно здоровымъ, никто про все это не вспомнитъ. Можно бы было, попросивъ о томъ у Государя, выхлопотать для Вилье [1]) отпускъ, но страхъ, что дѣло это огласится и что это могло бы сдѣлать на Государя неблагопріятное для брата моего впечатлѣніе, побудилъ тетушку отклонить меня отъ всякой попытки относительно Вилье... Вполнѣ постигаю, каковы должны быть ваши страданія при зрѣлищѣ, которое имѣете передъ глазами“... Въ Іюлѣ графъ Кирила Алексѣевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ. „Вчера Кирюша провелъ у меня вечеръ... все въ немъ непостоянно. Вилье возвращается сегодня съ Государемъ, и я воспользуюсь его здѣсь пребываніемъ, чтобы принять мѣры къ скорѣйшему отъѣзду Кирюши. Да благословитъ васъ Господь, дорогой ба-

---

[1]) Сиръ Яковъ Вилье, лейбъ-медикъ Императора Александра Павловича.

тюшка, за тѣ жертвы, которыя вы приносите въ надеждѣ воротить Кирюшѣ разумъ и здоровье" [1]).

Графъ Кирила Алексѣевичъ отправился съ шевалье де-Бернъ въ Шотландію. „Le jeune comte de Rasoumovsky, fils du comte Alexis et cousin de ma femme", писалъ изъ С.-Петербурга, отъ 2 Сентября 1804 г., гр. В. П. Кочубей къ графу С. Р. Воронцову, „étant malade, vient sur l'avis des médecins de partir par mer pour l'Ecosse. Le batiment étant pressé de s'en aller, il n'a pas eu le temps de remplir toutes les formalités qui peuvent être nécessaires pour obtenir la permission d'entrer en Angleterre, qui, à ce que je crois, est demandée au ministre du département interieur, mais il a un passeport du prince Czartorisky. Il s'agit donc de lui faire avoir cette permission, ainsi qu'à l'assesseur Berne qui l'accompagne et leurs gens, et de leur envoyer les passeports nécessaires à Hull, et c'est moi qui a été requis par les parents du comte de Rasoumovsky de solliciter auprès de vous, mon très cher comte, cette grace. Veuillez donc bien avoir l'extrême bonté de vous occuper un peu de cet objet. Nous vous en aurons une obligation toute particulière et joignez y vos bontés pour le comte de Razoumovsky, si, sa santé s'améliorant, il était dans le cas de faire une tournée à Londres" [2]).

Изъ-за границы графъ Кирила Алексѣевичъ вернулся вполнѣ сумасшедшимъ. Говорили, что во время этого путешествія, молодой Разумовскій вошелъ въ сношенія съ иллюминатами, которые, какъ извѣстно, въ тѣ времена были пугаломъ административнаго люда. Говорили также, что у него находились какія-то бумаги, прямо указывавшія на связь съ опасною сектою. Объ этихъ бумагахъ очень много толковали, но постоянно въ такихъ общихъ и неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что явно онѣ существовали только въ воображеніи тѣхъ, кому хотѣлось окончательно погубить бѣднаго безумца. Вѣроятнѣе всего, что въ Англіи, гдѣ, особенно въ высшемъ обществѣ, страсть къ вину распространена даже и до сего дня, а тѣмъ болѣе была въ ходу 75 лѣтъ тому назадъ, молодой Разумовскій пристрастился къ крѣпкимъ напиткамъ и сталъ пить запоемъ. Пьянство окончательно расшатало его уже и безъ того страдавшія умственныя способности.

Въ 1806 году, скоро послѣ своего возвращенія, графъ Кирила Алексѣевичъ отправился изъ Москвы въ Пензенскія имѣнія отца. По дорогѣ, какъ гласитъ докладная записка, представленная Государю, графъ производилъ разныя безчинства, какъ бы нѣкоторое помѣша-

---

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина; изъ него же почерпнуты послѣдующія подробности о графѣ К. А.

[2]) Архивъ кн. Воронцова XIX, 189—190.

тельство ума показывающія, а именно: на станціяхъ, гдѣ проѣзжалъ, не только дѣлалъ станціоннымъ смотрителямъ, безъ всякой причины, угрозы, но даже хотѣлъ бить и колоть ихъ кинжаломъ; одному почталіону далъ нѣсколько ударовъ въ грудь; камердинера своего ранилъ ножомъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проѣзжалъ съ крикомъ и пѣснями; въ городѣ Зарайскѣ разогналъ всѣхъ изъ дома, гдѣ остановился; одного полицейскаго офицера едва не закололъ, а другаго чуть не застрѣлилъ. О такихъ странныхъ дѣйствіяхъ станціонные смотрители поспѣшили донести въ Москву къ почтъ-директору Ключареву. Ключаревъ съ своей стороны донесъ по начальству. Дѣло быстро разгласилось и дошло до Государя. Императоръ, по причинѣ болѣзненнаго состоянія здоровья графа Кирилы Алексѣевича, „которое побудило его до разныхъ неистовыхъ поступковъ и чтобы отвратить дальнѣйшія послѣдствія, во вредъ какъ другимъ, такъ и ему самому обратиться могущія“, повелѣть соизволилъ графа заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Мѣра эта принималась, какъ сказано было въ высочайшемъ рескриптѣ на имя графа Алексѣя Кириловича, отъ 21 Августа 1806 года, „по особенному уваженію къ фамиліи Разумовскихъ и въ виду удобности, которая можетъ доставить молодому человѣку пособіе врачей по близости къ столицѣ“. Пензенскому гражданскому губернатору Вигелю отправленъ былъ указъ о взятіи подъ присмотръ и отправленіе въ Шлиссельбургскую крѣпость гр. К. А. Разумовскаго. Въ то же время министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ В. П. Кочубей, отношеніемъ сообщилъ Вигелю, что по всѣмъ слухамъ, доходящимъ въ Петербургъ, графъ Разумовскій всегда вооруженъ кинжалами, пистолетами и проч., и что нужно наблюдать крайнюю осторожность при арестѣ его. При этомъ министръ предписывалъ принять всѣ мѣры, дабы какъ при задержаніи, такъ и на пути не дѣлано было арестованному никакого принужденія или безпокойства. Въ секретномъ отношеніи отъ 29 Августа 1806 г. къ тому же Вигелю, министръ сообщалъ, что до свѣдѣнія Государя дошли разныя обстоятельства, къ положенію графа Разумовскаго относящіяся, а именно, что онъ имѣлъ несчастіе попасть, находясь въ Петербургѣ и въ Германіи, въ общество иллюминатовъ, вредныя правила которыхъ столь извѣстны. Иллюминаты сдѣлали изъ молодого графа самаго горячаго послѣдователя ихъ секты, и совершенно развратили его. Со времени возвращенія изъ чужихъ краевъ графъ имѣетъ при себѣ какія-то бумаги, которыя скрываетъ въ своей постелѣ, спитъ всегда за крѣпкимъ замкомъ и окружается заряженными пистолетами и, кромѣ того, всегда имѣетъ при себѣ ядъ. Губернатору предписывалось принять всѣ возможныя мѣры чтобы захватить бумаги Разумовскаго и совѣтовалось арестовать его, когда онъ будетъ внѣ дома. Хотя изъ докладной записки, представ-

ленной Кочубеемъ по этому дѣлу, видно, что Вигель доносилъ о развратномъ образѣ мыслей, являемымъ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и о жестокости его къ крестьянамъ, однако мы, кажется, не ошибемся, сказавъ, что указаніе на сношенія съ иллюминатами шло отъ графа Алексѣя Кириловича. Онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ окружавшей его среды. Главнымъ довѣреннымъ лицомъ Разумовскаго-отца въ то время былъ князь Н. М. Козловскій, который, какъ видно изъ писемъ его къ графу, считалъ безуміе Кирилы Алексѣевича напускнымъ. Вигель, получивъ указъ и отношеніе министра, принялъ секретно всѣ нужныя предосторожности. Онъ предписалъ чембарскому исправнику заарестовать молодого Разумовскаго, и самъ для бо́льшей вѣрности, подъ предлогомъ ревизіи, поскакалъ въ Чембаръ, отстоящій въ 15-ти верстахъ отъ села Ершова, гдѣ жилъ Кирила Алексѣевичъ. Губернаторъ пріѣхалъ кстати; исправникъ собралъ уже 50 человѣкъ понятыхъ и во главѣ этого отряда собирался захватить несчастнаго безумца. Вигель немедля распустилъ крестьянъ и послалъ впередъ исправника съ капитаномъ Пензенскаго гарнизона Францовымъ. Съ помощью управляющаго Бѣляева, графу объявлено было имянное повелѣніе Государя Императора. Въ то время Разумовскій находился внѣ дома и, какъ видно, спокойно принялъ это сообщеніе. Къ тому времени подоспѣлъ Вигель; онъ говорилъ съ арестованнымъ, успокоилъ его относительно путешествія и строжайше предписалъ капитану Францову, который долженъ былъ доставить графа Кирила Алексѣевича въ Шлиссельбургъ, обращаться съ нимъ дорогою кротко и почтительно [1]). Цѣль путешествія была, впрочемъ, тайною. Ни Разумовскій, ни Францовъ не знали, что ѣдутъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Они думали, что отправляются въ Петербургъ. Никакихъ особенныхъ бумагъ, особенно же политическаго содержанія при арестованномъ не оказалось. Францову губернаторъ вручилъ запечатанный пакетъ, который онъ долженъ былъ открыть только въ Новгородѣ. Въ немъ сказано было, куда именно везти графа. Коменданту Шлиссельбургской крѣпости генералъ-маіору Плуталову предписано было отвести для жительства Разумовскаго приличные покои. Люди имѣющіе съ нимъ пріѣхать должны были тоже помѣститься въ крѣпости. По высочайшему приказанію воспрещено было безъ Е. И. В. разрѣшенія допускать кого-бы то ни было до заключеннаго. Приказано было снабжать его приличнымъ содержаніемъ, но безъ всякаго излишества, особенно въ употребленіи крѣпкихъ напитковъ. Въ дополненіе ко

[1]) Въ письмѣ своемъ къ графу А. К. Разумовскому (см. приложенія), Вигель ни слова не говоритъ о томъ, что гр. К. А. вышелъ къ нему на встрѣчу съ кинжаломъ въ рукахъ, о чемъ упоминается въ докладной запискѣ. Докладная записка, поданная Государю, письма Кочубея, Вигеля и проч. наход. въ архивѣ кн. Н. В. Репнина.

всему вышесказанному строжайше предписывалось имѣть наблюденіе, чтобы люди, которые будутъ находиться при заключенномъ, ограждены были отъ всякихъ со стороны его тѣлесныхъ наказаній или жестокостей. Въ Сентябрѣ 1806 года, Разумовскій былъ привезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, а книги, тѣ бумаги, которыя найдены были въ Ершовскомъ домѣ и аптека его доставлены въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Между тѣмъ въ Петербургъ отправленъ былъ графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ масонъ князь Николай Михайловичъ Козловскій, къ которому старшій Разумовскій питалъ, въ то время, безграничную довѣренность. Козловскій по нѣскольку разъ въ недѣлю доносилъ Алексѣю Кириловичу о томъ что̀ происходило въ Шлиссельбургѣ. Себѣ въ помощники онъ избралъ доктора Цедергольма, вѣроятно шведа, который взялся за леченіе несчастнаго узника. Однако, какъ видно изъ оффиціальныхъ бумагъ, старанія довѣренныхъ графа Алексѣя Кириловича стремились не столько къ излеченію сына, сколько къ пріисканію мѣръ для исправленія его. Князь Козловскій, пріѣхавъ въ Петербургъ, явился къ графу Кочубею и просилъ его показать доктору Цедергольму взятыя у графа Кирилы Алексѣевича бумаги, дабы докторъ могъ познакомиться съ образомъ его мыслей и намѣреніями. „Напрасно вы такъ занимаетесь этими бумагами“, отвѣчалъ Кочубей, „я самъ ихъ просматривалъ и вѣрно знаю, что онѣ ничего въ себѣ не заключаютъ“. „Я не оставилъ“, доносилъ Козловскій Разумовскому-отцу, „что могъ только на сіе отвѣчать, но пользы не было“. „Повѣрьте“, добавилъ Кочубей, „что по симъ бумагамъ онъ ни противъ отца, ниже въ связи съ какимъ обществомъ, напротивъ онъ предостерегаетъ входить“. „Видно ежели не нынѣ, то прежде былъ“, замѣтилъ на это Козловскій. „Буде бы и такъ было, доискиваться стараго нужды нѣтъ. Прощайте“. „Въ дополненіе писаннаго мною къ в. с. съ Андреевымъ, кажется, довольно ясно“ [1]).

Графа Кирила Алексѣевича защищалъ шевалье де-Бернъ, ѣздившій съ нимъ за границу и пользовавшійся, какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ архивѣ графа Шереметева, довѣренностью графа Н. П. Шереметева. „Шевалье“, доносилъ Козловскій отъ 11-го Декабря, „велерѣчіемъ своимъ того, кто имѣетъ документы въ рукахъ, не приведетъ къ другой мысли, а прочіе ежели кому будетъ говорить, какъ бы ни думали о его (т.-е. графа Кирилы Алексѣевича) страданіяхъ, кои онъ тамъ претерпѣлъ, но помочи сдѣлать не могутъ... Вчера графъ Кочубей сказалъ мнѣ, что онъ просилъ Н. Н. Ново-

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина. Письмо кн. Козловскаго, отъ 30 Октября 1806 г. Отношенія, посланнаго съ Андреевымъ, въ архивѣ не сохранилось.

сильцева и онъ обѣщалъ при первыхъ докладахъ и сіе (т.-е. дѣло Кирилы Алексѣевича) взять съ собою, но замѣшкалось по разнымъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ. О комендантѣ (Плуталовѣ) сказать ничего не могу; говорятъ многіе, что онъ не только честный, но и добродѣтельный человѣкъ. Пріѣздъ откладываетъ, говоря, что онъ ѣдетъ просить столовыхъ денегъ, а обстоятельства не таковы, чтобъ онъ могъ ожидать успѣху. Такъ-ли или нѣтъ, Богъ вѣдаетъ. Мы съ докторомъ на сей недѣлѣ ѣдемъ, то посмотримъ сколько можно человѣчески смотрѣть. Надѣется докторъ, что человѣкъ вѣрный отчетъ давать можетъ, впрочемъ, графъ Кочубей весьма уже иначе думаетъ. В. с. вамъ моя привязанность извѣстна, понятіе о святости связей родственныхъ тоже, итакъ, могу-ли не желать, чтобъ отецъ утѣшался сыномъ и потому какъ могу исполнить приказаніе ваше, какъ избавленіе отъ столь тягостнаго креста могло быть безъ васъ? (sic). Не могу удержаться, чтобы не сказать, желало бы сердце мое видѣть всѣхъ живущихъ въ любви, а наиболѣе и предпочитательнѣе сіе желаніе простирается къ друзьямъ, къ кровнымъ и благодѣтелямъ моимъ. *Любовь* есть жизнь существъ разумныхъ, и кто болѣе сіе ощущаетъ, тотъ болѣе въ связи съ самою любовью".

Эти не вполнѣ грамотныя фразы изливались изъ-подъ пера человѣка, старавшагося возбудить и такъ уже раздраженнаго отца и окончательно погубить несчастнаго сына. „Докторъ Цедергольмъ нашелъ у графа Кирилы Алексѣевича", доносилъ Козловскій отъ 21 Декабря, „пульсъ между 60 и 70, а прежде свыше 100 былъ, глаза чище и видъ покойнѣе. Причиною полагаетъ уменьшеніе крѣпкихъ напитковъ и второе, родившаяся въ немъ надежда, что по теперешнимъ обстоятельствамъ выпустятъ и опредѣлятъ въ милицію, почему рѣшился черезъ графа Кочубея просить письмомъ у Государя Императора. Проситъ подкрѣпить сію просьбу Наталью Кириловну и графиню Марью Васильевну [1]), письмомъ же. Комендантъ при рапортѣ посылаетъ ихъ черезъ меня къ графу Кочубею, т.-е. къ нему и Государю, а Н. К. Цедергольму для отдачи ей и графинѣ. Письмо писано по французски: „L'ennemi est aux portes de l'étât, Sire, je supplie de me faire sortir de Schlüsselbourg et permettre que je serve dans la milice". Къ графу Кочубею въ окончаніи письма: „je me recommande à Votre amitié et suis avec considération". ...Письма доказываютъ и подтверждаютъ крутость его нрава и непокорство. Такъ ли будутъ видѣть? А не послать ихъ комендантъ не смѣлъ. Впрочемъ, расположеніе его (т.-е. гр. Кирилы Алексѣевича) мыслей и разговоры почти тѣ же, кромѣ того что выслушиваетъ болѣе. Цедергольма ненавидитъ, равно и коменданта. Призна-

1) Кочубей, родомъ Васильчикову, жену графа Виктора Павловича.

нія въ дурныхъ дѣлахъ нѣтъ, а полагаетъ нападки. Поведеніе коменданта съ нимъ хорошо довольно, онъ поставлять себя началъ на ногѣ командира, сказавъ ему: „ежели вы ласкою моею недовольны, то я умѣю и приказывать", сказавъ свои права надъ такими, какъ онъ. Графъ Цедергольму говорилъ: „старикъ весьма добръ, я его люблю за доброту, но грубаго невѣжества и воспитанія"... Комендантъ мнѣ простымъ языкомъ планъ разсказывалъ, что онъ съ нимъ дѣлаетъ и дѣлать хочетъ. Я лично донесу." При семъ представилъ ему и лично просилъ его точно выполнять требованія доктора и смотрѣть за другими, чтобъ они слѣдовали его приказаніямъ... О Марьѣ Михайловнѣ теперь также ничего не скажу, а желаю и искренно стараюсь ее успокоить".

„Былъ вчера у князя П. В. Лопухина", писалъ Козловскій отъ 17 Января 1807 г." Послѣ партіи бостона остался тутъ графъ П. В. Завадовскій, одинъ изъ домашнихъ, и я. Графъ при князѣ спросилъ: зачѣмъ я здѣсь? по вашимъ дѣламъ? Отвѣтилъ, что навѣдаться о графѣ Кирилѣ Алексѣевичѣ. Онъ предложилъ взять мужика, который здѣсь сумасшедшихъ лечитъ. Князь утверждалъ, что онъ не сумасшедшій, а развращенный. Сіе доношу для того, что князь внялъ и вашему письму и моему объясненію".

Съ другой стороны въ лукавствѣ сына увѣрялъ также отца, приставленный къ узнику докторъ Цедергольмъ. „Трудность дѣла, мною предпринимаемаго", писалъ онъ по-французски отъ 25 Ноября 1806 года, „мнѣ извѣстна. Оно было бы невозможнымъ безъ рѣшительныхъ мѣръ, которыя мнѣ дозволено употреблять. Я твердо увѣренъ, что необходимо было прибѣгнуть къ этой крайности относительно несчастнаго, который такъ часто растравлялъ ваше сердце, что непремѣнно нужно было сильное потрясеніе для того, чтобы онъ серьезно подумалъ о самомъ себѣ и о своемъ поведеніи... Я былъ второй разъ въ Шлиссельбургѣ. Гр. Кочубей далъ мнѣ письмо къ коменданту, въ которомъ въ общихъ выраженіяхъ предписывалось строго слѣдовать тому, что я почту необходимымъ для заключеннаго. Я оставался два дня въ Шлиссельбургѣ... Моя цѣль была познакомиться ближе не только съ графомъ, но и съ комендантомъ и особенно съ полковникомъ, которому исключительно порученъ надзоръ за заключеннымъ. Г. Плуталовъ, почтенный старикъ, любимый подчиненными... Онъ часто судитъ о заслугахъ другихъ по ихъ чинамъ, а тѣхъ, которые чиновъ не имѣютъ, по рекомендаціямъ великихъ міра сего, которыхъ онъ всѣхъ знаетъ и всѣхъ равно боится. Это обстоятельство меня бы озадачило, если бы князь Козловскій, г-жа Загряжская и г. Тамара, которымъ не могу довольно нахвалиться, не обѣщали мнѣ свою подмогу. Комендантъ, человѣкъ воздержанный, любитъ порядокъ и весьма просвѣщенъ въ дѣлахъ вѣры. Что же касается до полковника, по тому

тону, какъ принялъ его графъ, ясно мнѣ стало, какъ мало умѣлъ онъ вселить къ себѣ почтенія и какъ мало я могъ разсчитывать на его помощь. Между ними я замѣтилъ полную фамиліарность и разговоръ ихъ былъ таковъ, каковы разговоры въ низшихъ слояхъ общества. Я долженъ однако замѣтить, что изъ двухъ полковникъ былъ воздержаннѣе въ рѣчахъ своихъ. Благодарю небо, что я подмѣтилъ это во время и что могу предупредить частыя между ними свиданія. Графъ, къ которому я пришелъ послѣ обѣда, былъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ во время перваго моего посѣщенія. Не знаю, не былъ ли онъ предупрежденъ о моемъ приходѣ. Его одежда показалась мнѣ черезъ чуръ изысканною и почти театральная поза, въ которой, сидя за столомъ, онъ читалъ или представлялъ, что читаетъ Сенеку, показалась мнѣ подозрительною. Пульсъ его, менѣе обманчивый признакъ, былъ отъ 80 до 85. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, что приходу моему были рады. Послѣ нѣсколькихъ учтивыхъ словъ съ его стороны и лестныхъ упрековъ по поводу долгаго моего отсутствія, мы пустились въ разговоръ, продолжавшійся около 3-хъ часовъ. Разговоръ этотъ не только подтвердилъ все, что в. с. изволили мнѣ сообщить касательно графа, но еще открылъ мнѣ, что онъ считаетъ слабостью всякое нѣжное чувство и стыдомъ каждое его проявленіе, такъ что всячески старается подавлять подобные порывы. Вотъ примѣръ тому. Я замѣтилъ, при первомъ моемъ посѣщеніи, что изъ всѣхъ родственниковъ, онъ болѣе всего любитъ сестру свою, княгиню Репнину. Онъ сталъ про нее говорить и я упомянулъ о жалкомъ состояніи ея здоровья. „Недѣль шесть или семь тому назадъ", сказалъ я, „вслѣдствіе перваго съ нею припадка, московскіе доктора въ продолженіе трехъ дней отчаявались спасти ее, теперь ей, слава Богу, лучше". Я сказалъ это спокойнымъ голосомъ, какъ бы продолжая разговоръ и не обращая вниманіе на то, что при словахъ этихъ онъ отъ испуга уронилъ стаканъ. Послѣ этого онъ впалъ въ глубокую задумчивость. Въ такомъ настроеніи духа онъ оставался до моего ухода. Нѣсколько минутъ спустя онъ послалъ къ коменданту, прося чернила и бумаги. Это было ему обѣщано и съ умысломъ не прислано. На второй спросъ ему отказали довольно рѣзко. Такимъ образомъ ему въ первый разъ, со времени его заключенія, дали почувствовать, что онъ находится подъ властью. На слѣдующій день онъ мнѣ прочелъ, то, что карандашомъ начертилъ на лоскуткѣ бумаги, между прочимъ вопросъ: „знаетъ ли сестра Репнина, что я въ Шлиссельбургѣ?". Я на него пристально поглядѣлъ. Онъ сконфузился. „Да, любезный графъ", отвѣтилъ я, „она это знаетъ и извѣстіе это"... тутъ я остановился. „Ну что же?", воскликнулъ онъ съ нетерпѣніемъ. „И извѣстіе это до того ее поразило, что она упала безъ чувства и три дня боролась со смертью. Я бы

вамъ это сказалъ вчера", добавилъ я, „но вы были такъ взволнованы, сегодня однако... „Остановитесь", воскликнулъ онъ громкимъ голосомъ: „вы ошибаетесь, я не взволнованъ; напротивъ, я былъ очень хладнокровенъ точно такъ же какъ и теперь и какъ буду даже если..." но остальное нельзя передать отцу. Я былъ очень встревоженъ и хотѣлъ уйти; онъ схватилъ мою руку, сильно сжалъ ее и прерывающимся глухимъ голосомъ просилъ меня скорѣе вернуться... Я воспользовался пребываніемъ въ Шлюссельбургѣ, чтобы пересмотрѣть платье графа, чтобы еще уменьшить ежедневную порцію вина и переговорить съ докторомъ крѣпости. Кромѣ того, я пріискалъ для графа камердинера шведа.

„Комендантъ ведетъ себя съ графомъ", доносилъ Цедергольмъ, отъ 22 Декабря, „съ осторожностію и твердостью, которыя дѣлаютъ ему честь. Онъ во всемъ строго держится моихъ совѣтовъ. Послѣдствія явны и удовлетворительны, самъ комендантъ сообщилъ объ этомъ съ радостью. Князь Козловскій воспользовался этимъ случаемъ, чтобы съ осторожностію объяснить коменданту, чего требуютъ настоящіе интересы семейства вашего, и чтобы успокоить безпокойство его относительно мнимаго недостатка вниманія къ сану и фамиліи заключеннаго. Онъ ему ясно доказалъ, что странные поступки требовали особыхъ мѣропріятій, что заключеніе было употреблено, какъ послѣднее средство для достиженія того, къ чему не могли привести всѣ уже испробованныя, менѣе строгія средства и что если тюрьма не исправитъ графа, то все же болѣе его развратить не можетъ. Вслѣдствіе этого, онъ уже не затруднился принять слѣдующія мѣры и обѣщался строго исполнять ихъ: 1) графъ будетъ перемѣщенъ въ болѣе здоровую и пространную комнату, съ стеклянною дверью, такъ чтобы за нимъ постоянно могъ бы слѣдить часовой, а это заставитъ и его самого по-строже слѣдить за собою. Кровать у него будетъ безъ занавѣсей, а передъ иконою ночью будетъ теплиться лампада. Устроенъ будетъ вентиляторъ для перемѣны воздуха и комнату будутъ натапливать гораздо менѣе; 2) у него отымутъ повара, такъ какъ онъ ѣстъ по 5 и 6 разъ въ день. На него будетъ стряпать въ установленные часы поваръ коменданта; 3) у него отымутъ лѣкарства, которыхъ при немъ еще нашли".

Такимъ образомъ старались привести несчастнаго безумца къ исправленію. Въ разговорахъ своихъ съ Цедергольмомъ, о которыхъ послѣдній подробно доносилъ графу Алексѣю Кириловичу, молодой Разумовскій признавался, что изъ родственниковъ болѣе всего любитъ сестру Репнину и двоюродную сестру графиню М. В. Кочубей. Онъ говорилъ, что выходившія въ то время газеты возбуждали въ немъ воинственный духъ, что онъ желаетъ поступить на военную службу,

надѣясь такимъ образомъ достигнуть славы и бѣжать отъ преслѣдованія враговъ. „Чтобы сдѣлаться великимъ“, говорилъ графъ, „надо только двѣ вещи: первое—всѣмъ рисковать, а второе — не разбирать средствъ; а кромѣ того, всегда имѣть при себѣ немного порошка, чтобы закончить фарсу, когда смѣющіеся будутъ не на моей сторонѣ (pour mettre fin à la farce, si on n'a pas les rieurs de son côté). Вообще ядъ играетъ большую роль во всѣхъ его планахъ, добавляетъ Цедергольмъ.

Съ каждою недѣлею донесенія Цедергольма дѣлались сумрачнѣе. Разъ онъ увѣрялъ, что напалъ на слѣды страшнаго разврата. Другой разъ онъ пишетъ: „Я узналъ отъ него, что онъ посвященъ былъ въ иллюминаты... Впечатлѣнія, на него сдѣланныя членами этого отвратительнаго общества, ихъ ученіе и примѣры видимо дѣйствуютъ на его умъ и поведеніе. Ученіе это долго не допуститъ благой перемѣны въ его нравственности“. Графъ Кирила Алексѣевичъ горько жаловался на свое заключеніе. Однажды, вслѣдствіе долгихъ разговоровъ о безпорядочности его поведенія, молодой Разумовскій воскликнулъ: „Оставимъ это, прошлое уже прошло, а будущее еще не наступало“. Однажды докторъ читалъ громко больному „Времена года“ англійскаго поэта Томсона. Въ той части поэмы, гдѣ описывается зима, попалъ онъ на изображеніе несчастнаго, умирающаго въ одиночествѣ; по этому поводу Цедергольмъ сталъ разсказывать съ потрясающими подробностями о послѣднихъ минутахъ Робеспьера. „Я старался разрушить, сколько могъ, философскую систему графа, она представляетъ комическую смѣсь деизма и атеизма, матеріализма и откровенія“. Между тѣмъ съ заключеннымъ, вслѣдствіе совѣщаній Козловскаго съ Цедергольмомъ, стали обходиться все строже и строже; въ комнату его поставленъ былъ часовой, у него отобрали все то, чѣмъ бы онъ могъ себѣ повредить. Ему запрещено было сообщать о какихъ либо новостяхъ. На него старались безпрестанно дѣйствовать нравственными угрозами. Комната, гдѣ содержался графъ Кирила Алексѣевичъ, оказалась отвратительно грязною и сырою. Шведъ-камердинеръ, запуганный разсказами служившихъ въ крѣпости, бѣжалъ, объявивъ, что ни за какія деньги не вернется. Учреждена была коммиссія изъ петербургскихъ докторовъ, чтобы сдѣлать анализъ походной аптечки Кирилы Алексѣевича, питавшаго съ юности, какъ мы видѣли выше, пристрастіе къ лекарствамъ. „Мы нашли“, писалъ къ Козловскому Цедергольмъ, „болѣе ядовъ, чѣмъ нужно для отравленія цѣлаго полка, и недовольно лекарствъ, чтобы вылечить одного человѣка отъ лихорадки“. Вслѣдствіе всей этой системы исправленія, несчастный заболѣлъ физически. „Жаль, что больной окруженъ одними солдатами“ писалъ тотъ же Цедергольмъ князю Козловскому. Кирила

Алексѣевича уговорили написать письмо къ отцу. „Я читалъ письмо", сообщалъ докторъ Козловскому, „оно мнѣ кажется скорѣе послѣдствіемъ моего съ нимъ разговора и увѣщаній коменданта, чѣмъ дѣломъ искренняго раскаянія" [1]).

Добродушный комендантъ Плуталовъ старался изобразить отцу несчастнаго сына въ лучшемъ свѣтѣ. „Осмѣливаюсь донести", писалъ онъ, 14 Апрѣля 1807 года, графу Алексѣю Кириловичу, „графъ Кирила Алексѣевичъ противъ прежняго, слава Богу, сдѣлался въ лучшемъ положеніи. Въ покоѣ его поставленъ образъ и горитъ лампада день и ночь. Говоритъ, что Богъ наказываетъ и онъ сноситъ терпѣливо. Страстную недѣлю употреблялъ кушаніе постное, напитковъ, по назначенію доктора, въ день 1/2 бутылки вина, а водки ничего; равно и книгъ никакихъ дано не будетъ, кромѣ какъ отъ доктора" [1]). Комендантъ извиняется въ письмѣ этомъ въ сдѣланныхъ относительно заключеннаго послабленіяхъ. Какъ видно, ему за это досталось изъ Москвы. Въ такихъ нравственныхъ мукахъ провелъ, уже страдавшій нравственно, графъ Кирила Алексѣевичъ болѣе года. Припадки изрѣдка повторялись. Это объясняли нераскаяніемъ. „Вчера было у В. С. Тамары графъ В. П. Кочубей и занимались они дѣлами Шлиссельбургскими, писалъ Козловскій. „Согласіе графское", говоритъ графъ Кочубей, „необходимо". Тайна его (т.-е. Кочубея) преемника продолжается, но поелику хранимая тайна вдругъ можетъ выйти, прошу сего у васъ чтобъ послѣ не имѣть труднѣйшаго пути къ достиженію нужнаго. Цедергольмъ поѣхалъ сегодня въ Шлиссельбургъ... съ нимъ мы видаемся и обращены кажется опять на мысль, что *мастеръ притворяться...*" Между тѣмъ, среди родни Разумовскихъ содержаніе несчастнаго Кирилы Алексѣевича въ Шлиссельбургской тюрьмѣ породило ропотъ. Н. К. Загряжская, графиня М. В. Кочубей, братъ ея А. В. Васильчиковъ и другіе близкіе родственники открыто выражали свое неодобреніе. Говорили даже въ городѣ, что подана была записка Государю объ освобожденіи заключеннаго. „Предварительно донесу", писалъ въ Москву Козловскій, „что оборотъ прилагаемой записки и повтореніе о родительской любви и попеченіи объяснялъ графъ Кочубей благоразумно и съ предосмотрительностію, что неизвѣстно, кто пойдетъ туда (т.-е. вѣроятно къ Государю) и будетъ говорить, какъ приметъ оправданіе, которое предлагать будетъ и не обратитъ ли въ его (т.-е. заключеннаго) пользу сожалѣніе? Чтобъ отвратить сіе, могущее быть, надобно прежде внушить противное и справедливое". Какъ кажется, Козловскій на этотъ

---

[1]) Всѣ эти подробности почерпнуты изъ писемъ Цедергольма, находящихся въ архивѣ князя Н. В. Репнина.

[2]) См. приложенія.

разъ не хорошо понялъ словъ графа Кочубея, старавшагося съ самаго начала облегчить участь узника. По крайней мѣрѣ уже въ слѣдующемъ донесеніи онъ изливаетъ желчь свою на Виктора Павловича. „О причинахъ для чего графъ (Кочубей) медлилъ, отвѣтъ коротокъ,... собираясь оставить свой постъ, много хлопоталъ не только, чтобъ въ лучшемъ видѣ оставить свои дѣла, но подготовлялъ, чтобъ не потерять выгодъ, сопряженныхъ съ его званіемъ. Говорятъ, что старается все сохранить получаемое, итакъ первое попеченіе обращено было на себя, сіе много требуетъ времени". Что же касается до коменданта „онъ все видѣлъ сіе дѣломъ фамильнымъ, по примѣру Кошелева(?) и даже разъ сказалъ Цедергольму: „знатныхъ остерегаться надобно, они всѣ глядятъ въ большіе люди". Къ тому же, со стороны министра (т.-е. Кочубея) онъ не видалъ пособія, а одни мягкія и незначущія дѣйствія, то, при натуральной его добротѣ и точности въ исполненіи приказаній начальства, онъ самъ по себѣ ни на что не пускался и велъ (дѣло), соображаясь, по заключенію своему, со мнѣніемъ министра. Пріѣздъ же чиновника изъ комитета перемѣнить можетъ всѣ его мнѣнія и дѣйствія".

Наконецъ положено было покончить несчастное дѣло. Подъ вліяніемъ Козловскихъ, Цедергольмовъ и К-о, графъ Алексѣй Кириловичъ требовалъ для сына примѣрнаго наказанія. Съ другой стороны, часть родственниковъ хлопотала о милости и въ этомъ смыслѣ дѣйствовала на Государя. Первоначально рѣшено было отправить больнаго въ какой нибудь губернскій городъ на житье. Противъ этого всѣми силами хлопоталъ князь Козловскій.

„Графъ Кочубей", доносилъ онъ графу Алексѣю Кириловичу отъ 10 Октября 1807 г., „по пріѣздѣ Государя, подастъ записку. Надѣемся, что слова: „въ губернскомъ городѣ" перемѣнитъ на общее: „быть въ случаѣ подъ надзоромъ правительства", оставляя симъ средство учредить тѣмъ, коимъ поручено сіе будетъ... Пріѣзжалъ сюда по нуждамъ своимъ человѣкъ, опредѣленный къ графу Кирилѣ Алексѣевичу. Изъ длинныхъ двухъ разговоровъ, которые съ нимъ имѣлъ, донесу экстрактомъ: 1) объ немъ что замѣтилъ: нѣмецъ, пожилыхъ лѣтъ, но не старъ, пунктуально желающій исполнять приказанія ему данныя, любящій порядокъ и чистоту, наблюдатель обрядовъ религіи... По вопросамъ разнымъ моимъ, онъ объяснялъ положеніе графа такимъ образомъ: что своенравіе спрятанное по временамъ открывается, даже до того, что покушался ударить его, за то, что онъ, видя нечистый стаканъ, хотѣлъ вымыть, но сей нѣмецъ, воздержавъ отъ угрозъ чинимыхъ, стаканъ взялъ и вымылъ, говоря ему: „мой долгъ есть наблюдать порядокъ и въ семъ васъ не слушаться". Большая часть разговоровъ въ томъ, что увѣряетъ въ скоромъ освобожденіи;

нельзя, чтобъ безъ вины такъ долго держали, а я вины за собою не знаю. Его ли обманываетъ или точно въ сихъ мысляхъ онъ находится?— но показываетъ, что раскаянія нѣтъ. Впрочемъ, довольно веселъ и здоровъ. Большое время проводитъ прохаживаясь по комнатѣ, на разныхъ языкахъ поетъ. Пища умѣренная, водки и рома не даютъ, кромѣ одной бутылки краснаго вина въ сутки, а болѣе въ жажду квасъ и воду. Передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, ложась спать, раза два перекрестится; человѣкъ замѣчаетъ, что не привычка и не по должности, а дѣлаетъ такъ потому, что комендантъ поставилъ образъ и того видно требуетъ. Ни на кого не жалуется, ни о комъ съ нимъ не говоритъ"... Наконецъ, какъ первый шагъ къ рѣшенію участи графа Кирилы Алексѣевича, положено былъ перевести его изъ Шлиссельбургской крѣпости въ Петропавловскую для освидѣтельствованія. Князь Козловскій доносилъ отъ 19 Ноября 1807: „Изъ Шлюссельбурга привезли. Въ среду, т.-е. завтра, будетъ съ нимъ свиданіе въ полномъ присутствіи... Провожатый со мною говорилъ, изъ всего разговора видно, что пріѣзжій надѣется скораго разрѣшенія судьбы своей, но ни слова жалобы ни на васъ, ни на родственниковъ не было. Предварительно приказано ему написать исторію вояжа его по возвращеніи изъ чужихъ краевъ до пріѣзда въ Шлюссельбургъ. Тономъ важнымъ сіе дано повелѣніе: хотятъ видѣть, какъ онъ на проступки свои смотритъ? Есть ли признаніе и чтобы яснѣе потомъ съ нимъ дѣйствовать. Дѣло графа Кирилы Алексѣевича", пишетъ далѣе Козловскій отъ 2-го Декабря, „за рѣкою, конечно, остановилось и первое засѣданіе рѣшитъ, чего впредь ожидать должно. Но сіе касается одного графа Н. И. Салтыкова: онъ, какъ ни задирали его, молчитъ крѣпко, а именно графъ Алексѣй Владиміровичъ Салтыковъ и Арсеньевъ съ нимъ начинали по просьбѣ моей. Касательно до трехъ прочихъ (т.-е. членовъ коммиссіи), единообразно видятъ, что средство одно и то чудесное: возвратить вамъ сына, а обществу человѣка, выдержавъ большое время подъ строгимъ наблюденіемъ въ пристойномъ мѣстѣ, но гдѣ сіе мѣсто, оставляетъ каждый судить общественно. Теперь живетъ въ крѣпости (Петропавловской), комендантъ человѣкъ строгій, никто ни видѣть, ни говорить не можетъ. О журналѣ вояжа графскаго не слышно. Изъ рѣчей и увѣреній князя П. В. Лопухина могу только видѣть правое сужденіе и доброжелательство къ вамъ. Съ моей стороны, не упускалъ случая представить дѣло сіе въ надлежащемъ видѣ" [1]).

Долгія и усиленныя старанія довѣреннаго графа Алексѣя Кириловича однако не достигали цѣли. Пришлось въ Петербургъ выписывать патрона. Мы видѣли выше, что именно въ это время Разу-

---

[1]) Архивъ князя Н. В. Репнина.

мовскій-отецъ назначенъ былъ попечителемъ московскаго округа и что Козловскій настоятельно звалъ его въ Петербургъ. Присутствіе и личная просьба отца рѣшили дѣло. Труды Козловскаго и его партіи, наконецъ, послѣ двухъ лѣтъ, увѣнчались желаннымъ успѣхомъ. Князь Лопухинъ, письмомъ отъ 13 Мая 1808 года, увѣдомилъ графа Алексѣя Кириловича, что, по высочайшей волѣ, сынъ его отправленъ за надлежащимъ присмотромъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь, съ порученіемъ тамошнему архимандриту стараться объ исправленіи узника и о томъ, чтобы въ разсужденіи нравственности и поведенія его, а наипаче привычки къ употребленію крѣпкихъ напитковъ присмотръ за нимъ былъ самый рачительный. Особенно-жъ возложено на архимандрита имѣть попеченіе о внушеніи ему спасительныхъ правилъ религіи, дабы чрезъ сіе могъ быть исторгнутъ самый корень тѣхъ предразсудковъ и заблужденія, которые довели его до нынѣшняго положенія. „Дано знать архимандриту“, писалъ Лопухинъ, „что потребныя на содержаніе его (т.-е. заключеннаго) деньги доставляемы будутъ отъ в. с. и что на вашъ же счетъ, если нужда потребуетъ и вы благоразсудите, исправлены будутъ комнаты, назначенныя для его помѣщенія. Сверхъ того, извѣщенъ архимандритъ и о намѣреніи вашемъ пріискать человѣка, который бы, имѣя хорошую нравственность и при томъ будучи довольно просвѣщенъ, согласился раздѣлять время съ графомъ Кирилою Алексѣевичемъ и, внушая ему правила благоразумія и умѣренности, старался обратить его на путь разсудка и добродѣтели. Наконецъ предписано о поведеніи и поступкахъ его доставлять въ комитетъ по часту обстоятельныя увѣдомленія. О чемъ, кромѣ архимандрита, сообщено по высочайшей волѣ и владимірскому гражданскому губернатору. Я предварилъ архимандрита, что ежели чтó не воспрепятствуетъ в. с., то вы, какъ скоро изволите пріѣхать въ Москву, отправите къ нему для объясненія всѣхъ подробностей о присланномъ и для доставленія всего нужнаго князя Н. М. Козловскаго“ [1]).

При древней Спасо-Евфиміевской обители, основаніе которой относится къ XIV вѣку, въ половинѣ прошлаго столѣтія (1766 г.), въ старомъ больничномъ корпусѣ учреждено было арестантское отдѣленіе, куда изъ разныхъ монастырей московской губерніи свезены были колодники, сосланные въ оныя обители изъ тайной канцеляріи для исправленія въ умѣ. Для смотрѣнія за этими колодниками опредѣлена была воинская команда отъ суздальской провинціальной канцеляріи, а начальство надъ нею поручено было мѣстному архимандриту, какъ первенствующей въ монастырѣ власти. Одновременно было предписано архимандриту

[1]) Архивъ кн. Н. В. Репнина.

употреблять всѣ старанія къ исправленію въ умѣ ввѣренныхъ его попеченію колодниковъ [1]). Съ тѣхъ поръ Спасо-Евфиміевскій архимандритъ сталъ не только духовнымъ начальникомъ монастыря, но еще комендантомъ крѣпости. Въ монастырь ссылались и ссылаются понынѣ разные ересіархи и фанатики. Такъ, около описываемаго нами времени заключенъ былъ въ монастырѣ Евфиміевомъ скопецъ камергеръ Еланскій, а позднѣе (въ 1820) и самъ начальникъ скопческой секты, Кондратій Селивановъ, здѣсь и умершій въ 1832 году. Сюда-то весною 1808 года заключили несчастнаго Разумовскаго. Съ небольшимъ годъ послѣ переселенія его въ эту новую тюрьму, Спасо-Евфиміевъ монастырь посѣтилъ извѣстный поэтъ нашъ, князь Петръ Андреевичъ Вяземскій, бывшій тогда юношею и состоявшій въ свитѣ сенатора Обрезкова. „Одинъ изъ сыновей графа Алексѣя Кириловича", разсказываетъ онъ въ выпискахъ изъ старой своей записной книжки, изъ которой не разъ придется намъ черпать подробности о семействѣ Разумовскихъ, „былъ въ первыхъ годахъ столѣтія заключенъ въ суздальскій Спасо-Евфиміевъ монастырь. Монастырь этотъ, не знаю съ котораго времени и по какому поводу, былъ и обителью благочестивыхъ иноковъ и какою-то русскою Бастиліею, въ которую административными мѣрами ссылали преступниковъ, или провинившихся, особаго разряда. Молодой графъ былъ, безъ сомнѣнія, не въ нормальномъ умственномъ положеніи. Говорили, что ученіе иллюминатовъ вскружило ему голову за границею, что вслѣдствіе этого онъ предавался иногда увлеченію дикихъ страстей и совершалъ поступки, нарушающіе законное и общественное благочиніе. Замѣчательно, что самъ отецъ былъ усерднымъ, высокопоставленнымъ членомъ въ іерархіи мартинистовъ. Примѣръ его, можетъ быть, пагубно подѣйствовалъ на сына. Разсказывали, что молодой графъ, ѣхавшій по большой дорогѣ въ Россіи, выстрѣлилъ въ коляскѣ изъ пистолета въ ямщика, сидѣвшаго на козлахъ. Все это слухи, за достовѣрность коихъ не ручаемся; но дѣло въ томъ, что онъ сидѣлъ въ монастырѣ и вовсе не по благочестивому призванію и не по доброй волѣ. Въ 1809 году, или около того, сенаторъ П. А. Обрезковъ ревизовалъ Владимірскую губернію. Былъ онъ и въ Суздалѣ съ чиновниками своими, былъ и въ помянутомъ монастырѣ [въ числѣ этихъ чиновниковъ находился Алексѣй Перовскій [2]), будущій авторъ „Монастырки"]. Это было въ воскресный день. Архимандритъ послѣ обѣдни пригласилъ насъ всѣхъ на завтракъ, или на закуску. Въ кельѣ его нашли мы еще довольно молодого человѣка, прекрас-

---

[1]) Историческое описаніе Суздальскаго Спасо-Евфиміева монастыря. Владиміръ, 1870. 3° стр. 57—58.

[2]) Воспитанникъ графа Алексѣя Кириловича, см. о немъ выше, глава IV.

ной, по нѣсколько суровой наружности: лицо смуглое, глаза очень выразительные, но выраженіе ихъ имѣло что-то странное и тревожное, волоса черные и густые. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатъ, обшитый кажется мерлушкою; на рукѣ пальцы обвиты были толстою проволокою, вмѣсто кольцевъ. Это былъ графъ Разумовскій, отрасль знатной фамиліи, рожденный быть наслѣдникомъ значительнаго имѣнія, по рожденію своему и по обстоятельствамъ призванный и самъ занять въ обществѣ блистательное и почетное мѣсто. Когда приступили мы къ завтраку, графъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ и съ жадностью бросился на рюмку водки, которую поднесли ему. Архимандритъ говорилъ, что затворникъ всегда ждалъ съ нетерпѣніемъ этой минуты, которая повторялась только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ. Не помню, по какому поводу, зашла рѣчь объ адѣ и о наказаніяхъ, которымъ грѣшники въ немъ подвержены. Графъ вмѣшался въ разговоръ и сказалъ, что наказаніе ихъ будетъ въ томъ состоять, что каждый грѣшникъ будетъ видѣть безпрерывно и на вѣки вѣковъ всѣ благопріятные случаи, въ которые могъ бы согрѣшить невидимо и безнаказанно, и которые пропустилъ онъ по оплошности своей. Мысль довольно замысловатая. Не помню есть-ли что подобное ей въ Божественной комедіи Данте; но эта кара могла бы занять не послѣднее мѣсто въ адовой уголовной статистикѣ великаго поэта" [1]).

Присмотръ за узникомъ порученъ былъ нѣкоему Дмитревскому, директору училищъ въ Владимірѣ. Въ архивѣ князя Репнина сохранились нѣкоторыя изъ его донесеній къ графу Алексѣю Кириловичу. Такъ, въ 1811 году онъ сообщалъ, что графъ Кирила Алексѣевичъ просилъ книгъ. Дмитревскій ихъ ему доставилъ французскихъ и русскихъ, но заключенный ихъ не читалъ, жалуясь на слабость зрѣнія. „Сужденія его по бо́льшей части странны и непонятны. Онъ крѣпко держится своихъ мнѣній, которыхъ, впрочемъ, не можетъ объяснить, часто говоритъ, что для перемѣны образа его жизни еще время не пришло и что для него и теперешнее положеніе не скучно. Многіе заключаютъ", добавлялъ Дмитревскій, „что пріятнѣйшее жилище и возможная свобода могли бы нѣсколько разогнать его меланхолію. Находящійся при немъ иностранецъ говоритъ, что графъ противъ прежняго гораздо тише и мягче". Въ 1818 году графъ Кирила Алексѣевичъ былъ „въ положеніи непонятнаго ожесточенія къ себѣ самому и хладнокровія ко всему въ мірѣ, даже не оказываетъ желанія къ перемѣнѣ мѣста. Книгъ никакихъ не читаетъ. Страсть къ горячимъ напиткамъ не проходитъ и о. архимандритъ строго за этимъ наблюдаетъ. Физически здоровъ, но также неопрятенъ . . .

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875, III, 452—453.

Архимандритъ настоятельно совѣтуетъ сдѣлать опытъ—дать ему другое жилище, гдѣ бы онъ могъ прогуливаться и обращаться съ хорошими людьми". У несчастнаго бывали видѣнія, онъ внезапно приходилъ въ ярость, нападалъ на пустое пространство, говоря, что видитъ діаволовъ и осыпая ихъ страшными ругательствами. Въ 1820 году архимандритомъ назначенъ былъ о. Парѳеній. Онъ къ себѣ привязалъ несчастнаго узника, около 15 лѣтъ томившагося въ неволѣ. Разумовскій ему выказывалъ большую довѣренность и въ угоду ему ходилъ въ церковь, ѣлъ постное и даже пріобщался, хотя при этомъ продолжалъ острить надъ религіею. Каждое полумѣсячіе съ нимъ дѣлались припадки бѣшенства. Мѣстомъ жительства онъ скучалъ. Архимандритъ Парѳеній устроилъ ему садикъ, которымъ Разумовскій сталъ заниматься. Въ первый разъ, послѣ 12-ти лѣтъ, Дмитревскій увидалъ, что графъ Кирила Алексѣевичъ, послѣ какой-то имъ же самимъ сказанной фразы, ласково засмѣялся. Признаки сумасшествія все усиливались. Въ свѣтлыя минуты онъ говорилъ мало, но здраво разсуждалъ. Архимандритъ Парѳеній совѣтовалъ выстроить для больного особый флигель, чтобы могъ онъ имѣть комнаты почище и посвѣтлѣе, да приставить къ нему старичка собесѣдника, съ которымъ онъ могъ бы иногда ѣздить кататься за городъ и который имѣлъ бы за больнымъ надзоръ и попеченіе. Объ иностранцахъ не было уже въ это время и помину. Вліяніе добраго о. Парѳенія на больнаго было самое благотворное: онъ не только продолжалъ ходить въ церковь и поститься, но даже потребовалъ катихизисъ. Онъ ежедневно по нѣскольку часовъ проводилъ у архимандрита, лѣтомъ бывалъ веселѣе, но зимою въ тѣсной комнатѣ снова дѣлался унылымъ.

Въ 1821 году родственники прислали больному табатерку съ музыкою и часы. Онъ ими такъ занялся, что черезъ три дня музыка перестала играть. Больной былъ тихъ и молчаливъ, но бѣшенство продолжало на него находить, и тогда онъ кричалъ: „вотъ я тебѣ задамъ". Съ большимъ трудомъ могли заставить его перемѣнять бѣлье. Какъ-то разъ онъ попросилъ у Дмитревскаго нѣмецкой книги, чтобы не забыть вовсе, говорилъ онъ, нѣмецкаго языка. Иногда узникъ игрывалъ на гитарѣ.

Такимъ томящимъ, унылымъ образомъ, вдали отъ всѣхъ близкихъ, тянулись долгіе годы. Изъ московской домовой конторы графа Алексѣя Кириловича на содержаніе „извѣстной особы" ежемѣсячно высылалось въ монастырь 200 рублей асс., кромѣ того чай и кофе. Наступалъ 16-й годъ заключенію графа Кирилы Алексѣевича и вдругъ высылка денегъ остановилась. Архимандритъ неоднократно обращался въ контору, контора отвѣчала, что денегъ не имѣетъ—графъ Алексѣй Кириловичъ скончался.

Родные вскорѣ послѣ кончины графа собрались въ Москвѣ. Репнины и Уваровы поспѣшили въ Владиміръ, куда изъ Суздаля перевели ихъ брата. Они свидѣлись послѣ долгой разлуки. Несчастный Разумовскій изъ монастыря вышелъ идіотомъ. На первое время его помѣстили въ домѣ владимірскаго губернатора, графа Петра Ивановича Апраксина. Графъ писалъ С. С. Уварову, что больной спокоенъ и тихъ. Къ нему приставленъ былъ докторъ Лангъ, добросовѣстный и попечительный нѣмецъ. Онъ доносилъ С. С. Уварову изъ Владиміра, что графъ Кирила Алексѣевичъ весьма тихъ и почти не предается пьянству. „Le Comte Cyrille n'a pas gouté la moindre jouissance, la moindre douceur de la vie", писалъ Ланге отъ 23 Мая 1823 года, „il n'a été qu'abreuvé de ses amertumes. On peut espérer tirer un heureux parti de son traitement tant physique que moral, en mettant à sa portée des jouissances permises et convenables à sa fortune. Tout ce qui l'entoure doit lui rappeler son nom, afin qu'il renonce à des gouts et à des habitudes indignes de lui. Le comte a apparu à Wladimir sous un jour si humiliant pour lui qu'on ne peut pas s'attendre que les effets en disparaissent chez lui et chez le public d'ici" [1]).

Надъ бѣднымъ страдальцемъ учреждена была опека, во главѣ которой находился двоюродный братъ графа Кирилы Алексѣевича, д. т. с. А. В. Васильчиковъ. Изъ Владиміра больного перевезли въ Харьковъ и тамъ поселили; кромѣ доктора и дядьки при немъ состоялъ еще надзиратель нѣмецъ. Сумасшествіе его перешло въ тихій идіотизмъ, онъ разсуждалъ какъ ребенокъ и писалъ огромнымъ почеркомъ между двумя строками. По нѣскольку разъ въ году гостилъ онъ въ Полтавѣ у сестры Репниной. Въ Харьковѣ графъ Кирила Алексѣевичъ скончался въ 1829 году въ то время, какъ все семейство Репниныхъ находилось въ Петербургѣ. Мы напрасно старались доискаться до слѣдовъ его могилы. Всѣ попытки въ Харьковѣ остались безуспѣшными.

Старшая дочь графа Алексѣя Кириловича, графиня Варвара Алексѣевна, родилась въ 1778 году. Ей минуло 6 лѣтъ, когда мать ея удалена была изъ отцовскаго дома. Событіе это глубоко врѣзалось въ ея памяти. Это было первымъ ея горемъ. Въ дѣтствѣ за нею ходила няня нѣмка. Когда ей минуло 13 лѣтъ, въ домѣ Разумовскихъ наставницею поступила швейцарка m-lle Calame (тётка извѣстнаго пейзажиста). Это была женщина высокихъ нравственныхъ правилъ, весьма умная, съ твердымъ характеромъ и отличнымъ сердцемъ. Положеніе ея въ домѣ графа Разумовскаго было иногда довольно щекотливое. Несмотря на это, благодаря врожденному такту Каламъ съумѣла поставить себя такъ, что самъ причудливый графъ оказывалъ ей почте-

[1]) Изъ архива графа Уварова.

ніе и, благодаря ея находчивости, неправильности семейныхъ отношеній оставались тайною для ея воспитанницъ. Молодыя графини очень ее любили и до конца ея жизни—она умерла въ Женевѣ, въ глубокой старости—питали къ ней чувства самой нѣжной признательности. Графъ Алексѣй Кириловичъ былъ очень друженъ съ фельдмаршаломъ княземъ Николаемъ Васильевичемъ Репнинымъ. Лѣтомъ онъ часто навѣщалъ князя въ подмосковномъ селѣ его Воронцовѣ и иногда привозилъ туда съ собою старшую дочь, которая была любимицею стараго фельдмаршала. Старикъ охотно бесѣдовалъ съ умною и красивою графинею и рѣшилъ женить на ней своего старшаго внука. Съ этою цѣлью онъ выписалъ изъ Петербурга молодого и блестящаго князя Николая Григорьевича Волконскаго, въ то время флигель-адъютанта и любимца Павла I-го. Князь Волконскій былъ немного моложе графини. Молодые люди съ перваго взгляда полюбили другъ друга. На зло имъ, между фельдмаршаломъ и графомъ Алексѣемъ Кириловичемъ, въ то время какъ свадьба казалась окончательно рѣшенною, произошла размолвка и сношенія Разумовскихъ съ Репниными прекратились. Разлука только усилила любовь. Тѣмъ временемъ загорѣлась война, и князь Волконскій отправился въ Голландію вмѣстѣ съ корпусомъ Германа. Вернувшись изъ несчастнаго похода, Волконскій произведенъ былъ въ полковники и получилъ эскадронъ лейбъ-гусарскаго полка. Въ 1801 году скончался престарѣлый фельдмаршалъ Репнинъ. Съ нимъ угасалъ именитый родъ его. Указомъ 12 іюля 1801 года, Александръ I повелѣлъ князю Николаю Григорьевичу Волконскому принять фамилію Репниныхъ, „во свидѣтельство, что истинныя заслуги никогда не умираютъ, но, живя въ признательности всеобщей, переходятъ изъ рода въ родъ“, и „да родъ князей Репниныхъ, столь славно отечеству послужившихъ, съ кончиною послѣдняго въ ономъ не угаснетъ, но, обновясь, пребудетъ навсегда съ именемъ и примѣромъ его въ незабвенной памяти россійскаго дворянства“. Уже Репнинымъ и полковникомъ кавалергардскаго полка, въ 1802 году, князь Николай Григорьевичъ женился на графинѣ Разумовской. Свадьбу отпраздновали въ Батуринѣ у старика графа Кирилы Григорьевича. Молодая графиня отправилась туда съ тёткою своею фельдмаршальшею, графинею Прасковьею Кириловною Гудовичъ, замѣнявшею при ней мѣсто отсутствующей матери. Молодые купили себѣ домъ въ Москвѣ, рядомъ съ домомъ Разумовскаго, на Гороховомъ полѣ. Сады обоихъ домовъ соединены были калиткою. Мать молодой княгини, графиня Варвара Петровна, благодаря нерѣшительности своей, а отчасти и вліянію ея челядинцевъ, долго не назначала невѣстѣ приданаго. Она поставила непремѣннымъ условіемъ, чтобы мужъ увѣдомилъ ее, что̀ намѣренъ изъ своего состоянія отдать за дочерью. Графъ Алексѣй

Кириловичъ неохотно отвѣчалъ, но наконецъ объявилъ, что, имѣя двухъ сыновей, о будущности которыхъ онъ долженъ думать и вслѣдствіе разстроенныхъ дѣлъ своихъ, онъ дочери можетъ только выдать 50,000 рублей асс. и то принужденъ занять ихъ въ банкѣ. Благодаря вліянію брата, графа Н. П. Шереметева, графиня Варвара Петровна рѣшилась, наконецъ, выдать дочери 50,000 рублей асс. на приданое, 4,000 на туалетъ, серебряный сервизъ вѣсомъ 5 п. 37 ф. 46 зол., цѣною на 10,184 рубля, и 3,000 душъ изъ Нижегородскихъ своихъ имѣній, Лукояновскаго округа, Маресовой волости. Послѣ графининой кончины, княгиня Репнина должна была получить еще 1000 душъ [1]). Вскорѣ Репнины переселились въ Петербургъ. Здѣсь княгиня сблизилась съ Императрицею Елизаветою Алексѣевною и Великою Княгинею Маріею Павловною. Въ 1805 году снова раздались военные громы. Князь Репнинъ поскакалъ въ армію. Княгиня, страстно любившая мужа, рѣшилась съ нимъ не разлучаться. Она оставила дѣтей на попеченіи тёщи своей, княгини Александры Николаевны Волконской, дочери фельдмаршала Репнина, и шагъ за шагомъ слѣдовала за отрядомъ мужа. Вмѣстѣ съ нею вначалѣ ѣхали маркиза Елизавета Александровна де-Виллеро, родомъ графиня Апраксина, и Аглая Антоновна Давыдова, дочь французскаго герцога де-Грамонъ [2]). Такъ достигла княгиня Аустерлицкаго поля. Во время битвы князь, командуя четвертымъ эскадрономъ кавалергардовъ, остановилъ лѣвое крыло непріятеля, находившееся подъ командою генерала Раппа, но на помощь послѣднему подоспѣлъ маршалъ Бессьеръ, и изъ всего эскадрона уцѣлѣли только 18 человѣкъ, въ числѣ ихъ раненый князь Репнинъ. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ самимъ генераломъ Раппомъ, и приведенъ къ Наполеону. Во французскій лагерь немедля явилась княгиня и не отходила отъ раненаго мужа. Съ плѣнными обходились благосклонно, имъ перевязали раны и перевезли въ богатое бенедиктинское аббатство Мёлкъ (Mölk) на Дунаѣ. Здѣсь Репниныхъ помѣстили въ удобныхъ комнатахъ и дали имъ ужинать; въ эту минуту въ аббатство пріѣхалъ грубый и недовольный генералъ Раппъ. Онъ сталъ выговаривать за мягкое обращеніе съ плѣнными и, несмотря на присутствіе княгини, крайне грубо обращался съ княземъ. Въ Брюннѣ князь Репнинъ снова свидѣлся съ Наполеономъ, который даровалъ ему свободу, поручивъ ему передать Императору Александру Павловичу мирныя предложенія. Въ 1806 году Репнинъ вышелъ въ отставку. Въ 1809 году

[1]) Архивъ графа Шереметева.

[2]) Онѣ тоже слѣдовали за мужьями: первая (р. 1775 † 1854), за маркизомъ Карломъ Карловичемъ де-Виллеро (Villereau), полковникомъ Преображенскаго полка, умершимъ во время кампаніи; вторая за Александромъ Львовичемъ Давыдовымъ. Послѣдняя овдовѣла въ 1833 году и вышла за французскаго маршала графа Себастіани.

онъ назначенъ былъ посланникомъ къ брату Наполеона, Вестфальскому королю Іерониму. Въ 1810 году князь получилъ новое назначеніе въ Испанію. Репнины стали собираться въ Мадридъ, закупили мебели, экипажи, посуду, серебро. Но испанская война остановила ихъ въ Парижѣ. Посольство не состоялось. Въ 1812 году князь Репнинъ былъ назначенъ командиромъ 9-й кавалерійской дивизіи, находившейся въ корпусѣ графа (впослѣдствіи князя) Витгенштейна. Храбрость его при Клястицахъ, Свольнѣ, Полоцкѣ и Чашникахъ награждена была орденомъ св. Георгія 3-й степени. Командуя въ 1813 г. авангардомъ Витгенштейна, Репнинъ занялъ Берлинъ и участвовалъ въ сраженіяхъ при Дрезденѣ, Кульмѣ и Лейпцигѣ. Княгиня всюду слѣдовала за мужемъ; и въ то время какъ онъ отличался на поляхъ сраженій, она учреждала въ Прагѣ больницы и съ рѣдкимъ самоотверженіемъ ходила за ранеными воинами нашими. Въ томъ же году князь Репнинъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ и генералъ-губернаторомъ Саксоніи, на правахъ корпуснаго командира надъ русскими и союзными войсками, расположенными въ королевствѣ. Память объ управленіи князя и о милосердіи княгини къ неимущимъ и страждущимъ долгіе годы хранилась благодарными саксонцами. Въ 1814 году, послѣ передачи Саксоніи пруссакамъ, Репнины поѣхали въ Вѣну, гдѣ только-что собрался знаменитый конгрессъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ; княгиня между прочимъ участвовала въ русской кадрили, которую устроила Великая Княгиня Екатерина Павловна, для бала, даннаго Государемъ въ домѣ перваго русскаго уполномоченнаго, графа (впослѣдствіи князя) Андрея Кириловича Разумовскаго. Во время такъ-называемыхъ 101 дня, князь Репнинъ послѣдовалъ за Государемъ въ армію, а княгиня вернулась въ Петербургъ, гдѣ подъ руководствомъ Императрицы Елизаветы Алексѣевны, всегда отмѣнно къ ней благоволившей, усердно занялась основаніемъ патріотическаго института и дома трудолюбія (нынѣшняго Елизаветинскаго института), учреждаемаго для сиротъ, оставшихся послѣ отечественной войны. Княгиня была первою предсѣдательницею петербургскаго патріотическаго общества. Въ 1816 году князь Репнинъ назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ Малороссіи. Репнины поселились въ Полтавѣ. Здѣсь княгиня, съ увлеченіемъ, которое постоянно прилагала ко всякому благому начинанію, занялась дѣлами милосердія. Учреждены были больницы, пріюты, но главное попеченіе княгини сосредоточилось на созданномъ ею Полтавскомъ институтѣ. На заведеніе это Репнины потратили огромныя деньги, что впослѣдствіи горько отозвалось на ихъ финансовомъ положеніи. Во время голода, свирѣпствовавшаго въ Малороссіи, княгиня неустанно пеклась о голодающихъ, не щадя собственныхъ своихъ денегъ. Въ 1834 г. князь Репнинъ назначенъ

былъ членомъ государственнаго совѣта, вслѣдствіе чего семейство переѣхало въ Петербургъ. Малороссія со слезами проводила любимаго начальника. Во время пребыванія Репниныхъ въ Петербургѣ, на князя поданъ былъ Государю доносъ. Дѣло шло о пропажѣ какихъ-то суммъ, назначенныхъ на Полтавскій институтъ, т.-е. именно на то заведеніе, на которое Репнины положили значительную часть своего состоянія. Началось слѣдствіе. Оскорбленный князь вышелъ въ отставку и поѣхалъ со всѣмъ семействомъ за границу. Тамъ пробылъ онъ болѣе 4-хъ лѣтъ, преимущественно въ Римѣ и Швейцаріи. Въ 1842 году Репнины вернулись въ Россію и поселились въ имѣніи своемъ Яготинѣ. Слѣдствіе шло своимъ чередомъ. Дворянство малороссійское готовило Репнину блестящій пріемъ, но онъ его отклонилъ; за то народъ встрѣчалъ его вездѣ по дорогѣ съ хлѣбомъ и солью. Доносъ тяжкимъ бременемъ лежалъ на сердцѣ престарѣлаго воина, напрасно ожидавшаго окончанія слѣдствія, которое все болѣе и болѣе затягивалось. 6 Января 1845 года не стало князя Репнина, онъ изнемогъ подъ гнетомъ нравственныхъ и физическихъ страданій. Тѣло его перевезено было въ Густинскій Троицкій монастырь. Несмотря на страшную стужу и мятель, погребальная процессія походила на тріумфальное шествіе. Всѣ окрестные жители, отъ мала до велика, были на ногахъ и проводили до отдаленнаго отъ Яготина Густинскаго монастыря тѣло любимаго начальника. Черезъ два мѣсяца послѣ смерти князя Репнина, слѣдствіе было окончено и полная невинность его въ возведенныхъ на него клеветахъ окончательно засвидѣтельствована. Послѣ кончины князя, княгиня Варвара Алексѣевна долгое время еще жила въ Яготинѣ, въ концѣ сороковыхъ годовъ она переселилась въ Одессу, а послѣ 1856 года окончательно водворилась въ Москвѣ. Восьмидесятилѣтнею старицею вернулась княгиня въ городъ, гдѣ протекли ея дѣтство и юность. Она была слаба и немощна, но въ дряхломъ тѣлѣ ея еще бодрствовалъ твердый и живительный духъ. Дѣла ея были крайне разстроены, отъ громаднаго нѣкогда богатства остались малыя крохи, но и эти крохи дѣлила она съ бѣдными и не было примѣра, чтобы убогій уходилъ отъ ея порога безъ помощи и утѣшенія. Княгиня поселилась на Садовой въ собственномъ домѣ, при которомъ устроена была домовая церковь. Здѣсь, ветхая деньми, мирно окончила она 9 Октября 1864 года, на 94-мъ году отъ рожденія, свое долгое земное поприще. Тѣло ея было перевезено въ Малороссію и положено возлѣ могилы супруга въ соборномъ храмѣ Троицкаго Густинскаго монастыря.

Младшая дочь графа Алексѣя Кириловича, графиня Екатерина Алексѣевна, была 5-ю годами моложе сестры. Ее воспитала та же швейцарка m-lle Calame. Въ 1811 году графиня Екатерина Але-

ксѣевна вышла за Сергѣя Семеновича Уварова, только-что начинавшаго свою служебную карьеру, но уже рѣзко отличавшагося умомъ, познаніями и строгимъ взглядомъ на жизнь отъ окружавшей его золотой петербургской молодежи. Вскорѣ послѣ свадьбы, Уваровъ назначенъ былъ попечителемъ с.-петербургскаго округа. Съ тѣхъ поръ началась служба его по дѣлу просвѣщенія, столь живительно отозвавшаяся на нѣсколькихъ поколѣніяхъ. Призванный, въ 1833 году, управлять министерствомъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваровъ оказался вполнѣ достойнымъ этого мѣста и несомнѣнно сильно подвинулъ впередъ дѣло народнаго образованія. Подъ его руководствомъ образовалась цѣлая фаланга честныхъ и благородныхъ мыслителей, всецѣло русскихъ, къ несчастію слишкомъ рано сошедшихъ съ земного поприща. Во время министерства Уварова, при незабвенномъ попечительствѣ графа С. Г. Строганова, московскій университетъ представлялъ самое отрадное зрѣлище. Все было въ немъ юно, благородно, полно любви къ знанію и труду; то была, несомнѣнно, самая блестящая эпоха его существованія. Возведенный въ 1846 году въ графское россійской имперіи достоинство, будучи президентомъ академіи, членомъ государственнаго совѣта и кавалеромъ орденовъ св. Андрея и Владиміра I ст., графъ Сергѣй Семеновичъ въ 1848 г. оставилъ министерство. Въ этомъ же году, графиня Екатерина Алексѣевна скончалась и похоронена въ Александро-Невской Лаврѣ. Вскорѣ потомъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, графъ Сергѣй Семеновичъ переѣхалъ въ Москву. Послѣ кончины графа Льва Кириловича, графиня Екатерина Алексѣевна скупила у родственниковъ своихъ, доставшіяся на часть покойнаго и подаренныя Елизаветою Петровною первому Разумовскому, собственныя ея можайскія вотчины. Имѣнія эти она передала мужу, который увеличилъ и украсилъ уже и такъ обширный Порѣченскій домъ. Онъ собралъ здѣсь обширную библіотеку, рѣдкіе мраморы, прекрасныя картины. Сюда, между прочимъ, перевезъ графъ Уваровъ купленные имъ въ Римѣ извѣстные мраморные антики изъ дворца герцоговъ Альтемпсъ, между прочимъ саркофагъ, описанный Винкельманомъ. Въ Порѣчьѣ, въ кругу профессоровъ и ученыхъ, любилъ Уваровъ проводить otium cum dignitate. Послѣдніе годы своей жизни онъ окончательно водворился между Москвою и Порѣчьемъ. Въ Москвѣ, 5 Сентября 1855 года, незамѣтно потухъ этотъ блестящій и плодотворный умъ. Графъ С. С. Уваровъ погребенъ въ родовомъ селѣ Холмъ, Смоленской губерніи, недалеко отъ любимаго имъ Порѣчья.

Потомство княгини Варвары Алексѣевны Репниной.

Дѣти:

1) Князь Василій Николаевичъ Репнинъ, жен. на Елизаветѣ Петровнѣ Балабиной.

2) Княжна Александра Николаевна, † 8 Окт. 1836 г., за графомъ Александромъ Григорьевичемъ Кушелевымъ-Безбородкою.

3) Княжна Варвара Николаевна.

4) Княжна Елизавета Николаевна, р. 1817 † 1855 г., за д. с. с. Павломъ Ивановичемъ Кривцовымъ, † 1844 г.

Внуки:

5) Князь Николай Васильевичъ, жен. на свѣт. княжнѣ Софьѣ Дмитріевнѣ Волконской р. 1842 † 1875 (имѣетъ сына и дочь) 1

6) Князь Петръ Васильевичъ, † въ Соденѣ 1856 г. . . . 1

7) Князь Василій Васильевичъ, † 1813 г. 1

8) Княжна Варвара Васильевна, р. 1841 г., за графомъ Василіемъ Алексѣевичемъ Капнистомъ (имѣетъ сына и двухъ дочерей) 1

9) Графъ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбородко, † 1874 г., женатъ на вдовѣ Пенхаржевской, рожденной Кроль, разведенной со 2-мъ мужемъ Голубцовымъ 2

10) Графъ Николай Александровичъ К.-Б., † 1864, жен. на Елизаветѣ Ивановнѣ Базилевской, вдовѣ Шупинской; послѣ смерти 2-го мужа, вышла за свѣт. кн. А. А. Италійскаго графа Суворова-Рымникскаго. 2

11) Графиня Варвара Александровна К.-Б., за Петромъ Аркадьевичемъ Кочубеемъ (имѣетъ сына и дочь) 2

12) Графиня Любовь Александровна К.-Б., за гофмаршаломъ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ † 1879 (имѣетъ двухъ сыновей и дочь). 2

13) Николай Павловичъ Кривцовъ, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка шт.-ротмистръ, р. 1840 † 1871 4

14) Ольга Павловна Кривцова, за Николаемъ Михайловичемъ Орловымъ (имѣетъ сына и 2 дочерей) 4

Потомство графини Екатерины Алексѣевны Уваровой:

Дѣти:

1) Графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ, р. 28 Февраля 1824 г., жен. на княжнѣ Прасковьѣ Сергѣевнѣ Щербатовой.

2) Елизавета Сергѣевна.

3) Александра Сергѣевна, р. 1814 † 1865, за генералъ-адъютантомъ княземъ Павломъ Александровичемъ Урусовымъ.

4) Наталья Сергѣевна, р. 1820 † 1843, за Иваномъ Петровичемъ Балабинымъ.

Внуки:

5) Графы: Алексѣй, р. 1860 г.
6) „ Сергѣй, р. 1863 г.
7) „ Өедоръ, р. 1866 г.
8) „ Игорь, р. 1869 г.
} Алексѣевичи Уваровы. . 1

9) Графини: Прасковья
10) „ Екатерина
} Алексѣевны Уваровы. 1

11) Князь Владиміръ Павловичъ Урусовъ, жен. на княжнѣ Юліи Львовнѣ Гагариной 3

12) Князь Левъ Павловичъ Урусовъ, д. с. с. въ д. гофмейстера, министръ-резидентъ въ Румыніи, жен. на Прасковьѣ Александровнѣ Абаза 3

13) Князь Александръ Павловичъ, женатъ на баронессѣ Фитингофъ. 3

14) Князя Георгій
15) „ Николай
} Павловичи Урусовы 3

16) Княжна Екатерина Павловна, за Сергѣемъ Евгеньевичемъ Головинымъ 3

ГЛАВА VI.

Графы Петръ и Левъ Кириловичи.

Графъ Петръ Кириловичъ, второй сынъ гетмана, родился 15 Января 1751 года. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ братьями своими Алексѣемъ и Андреемъ, которые были несравненно его способнѣе. Возвратившись изъ-за границы, онъ поступилъ въ военную службу, въ которую записанъ былъ съ 1762 г. Въ 1772 году онъ былъ уже полковникомъ, въ 1779 бригадиромъ, а 24 Ноября 1780 года произведенъ въ генералъ-маіоры. Онъ числился сперва въ Ладожскомъ пѣхотномъ полку, потомъ съ 1780—83 годъ считался при С.-Петербургской, а съ 1784 по 1788 при 1-й дивизіи; за участіе въ Шведской войнѣ онъ въ 1789 пожалованъ былъ въ генералъ-поручики съ увольненіемъ къ статскимъ дѣламъ. Въ то время онъ уже былъ кавалеромъ польскихъ орденовъ Бѣ-

лаго Орла и св. Станислава. Въ семидесятыхъ годахъ графъ Петръ Кириловичъ, какъ кажется, нѣсколько противъ желанія отца и семейства, женился на вдовѣ Софьѣ Степановнѣ Чарторижской, рожденной Ушаковой. Она родилась въ 1746 году и была дочерью Степана Ѳедоровича Ушакова, родившагося въ 1705 году. Этотъ Ушаковъ былъ предмѣстникомъ графа Я. Е. Сиверса въ Новгородѣ, потомъ Петербургскимъ губернаторомъ, съ 1762 года Анненскимъ кавалеромъ, а наконецъ сенаторомъ. Онъ занимался литтературою и издалъ нѣсколько сочиненій о сельскомъ хозяйствѣ. Первый мужъ Софіи Степановны принадлежалъ къ фамиліи, существовавшей съ XVII вѣка въ Польшѣ и Малороссіи и происходившей отъ незаконной вѣтви князей Чарторижскихъ; онъ былъ флигель-адъютантомъ Петра III-го. Графиня Софья Степановна была женщина свѣтская, большая щеголиха, то, чтó въ прошломъ столѣтіи называлось une petite maitresse. Ума она была недальняго, здоровья очень плохаго, жила съ мужемъ почти постоянно заграницею—то въ Италіи, то въ Швейцаріи, то въ Голландіи, славившейся въ тѣ времена своими докторами, то въ Парижѣ, то, наконецъ, на югѣ Франціи, въ Монпелье, игравшемъ въ прошломъ столѣтіи роль Ниццы или Ментона. И мужъ и жена отличались своею нерѣшительностію, безпрестанно перемѣняли свои планы, и постоянно нуждались въ деньгахъ. Старикъ фельдмаршалъ не особенно благоволилъ къ невѣсткѣ, ворчалъ противъ частыхъ и продолжительныхъ поѣздокъ сына за границу и называлъ жену его картузною бабою. Изъ-за границы приходили безпрестанныя просьбы о пособіи, что не особенно способствовало къ возбужденію благосклонности въ сердцѣ разсчетливаго графа Кирилы Григорьевича. За границею графиня близко сошлась съ разведенною женою графа Якова Сиверса [1]). Въ Парижѣ часто бывалъ у Разумовскихъ графъ А. Г. Бобринскій, а также и графъ Комаровскій, ѣздившій въ 1787 году курьеромъ во Францію. „Графиня Софья Степановна Разумовская“, повѣствуетъ онъ въ запискахъ своихъ, „просила меня отвезть отъ нея изъ Парижа подарки къ фельдмаршалу графу К. Г. Разумовскому. По пріѣздѣ моемъ въ Москву я узналъ, что фельдмаршалъ живетъ въ своемъ загородномъ домѣ Петровскомъ.

---

[1]) Bei der Ausfahrt aus der Stadt (Опочня), писалъ къ дочери графъ Сиверсъ, по дорогѣ въ Бѣлоруссію, отъ 11 Мая 1796, „nahmen wir ein neues Haus in Augenshein, welches der Graf Peter Kiril. Razoumowsky daselbst baut. Dies ist der selbe, der so lange Zeit mit seiner Frau in fremden Länder war, der Freundin deiner Mutter und Tochter meines Vorgängers in Novgorod (Blum. Ein Russischer Staats Esman, IV, 217). Графиня Сиверсъ вышла впослѣдствіи за князя Путятина. Она долгое время была въ связи съ княземъ Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, который отъ нея имѣлъ дочь Е. А. Колыванову, родившуюся въ Ревелѣ (отсюда и фамилія); она была 2-ю женою Н. М. Карамзина.

княжна Четвертинская, продолжала играть при дворѣ первенствующую роль. Съ Нарышкинымъ Разумовскіе были въ родствѣ и по отцу и по матери, такъ какъ Дмитрій Львовичъ былъ сыномъ родной племянницы графа Кирилы Григорьевича—Марины Осиповны Закревской, которую воспѣлъ въ стихахъ своихъ Державинъ. „Братъ Петръ", писалъ къ князю Андрею Левъ Кириловичъ, „страшно растолстѣлъ, животъ у него точно гора; кажется, что до сихъ поръ служба при дворѣ ему не въ тягость, но не думаю, чтобы это долго продолжалось" [1]). Графъ Петръ Кириловичъ не былъ одаренъ блестящими способностями, наружность имѣлъ однако сановитую, въ обществѣ держалъ себя нѣсколько горделиво; но, несмотря на суровую внѣшность, былъ въ сущности благодушный человѣкъ, никому во всю жизнь свою зла не сдѣлавшій. Въ 1823 году онъ внезапно заболѣлъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ потребовалъ къ себѣ племянника своего, Алексѣя Васильевича Васильчикова, съ которымъ въ послѣднее время находился въ холодныхъ отношеніяхъ. Васильчиковъ, за которымъ послали ночью, думая, что графъ его вызываетъ изъ-за какой нибудь прихоти, не соглашался явиться на зовъ дяди, которымъ имѣлъ полное право быть недовольнымъ и о болѣзни котораго ничего не зналъ. Увѣдомясь однако, что графъ въ опасности, онъ къ нему отправился и къ крайнему удивленію узналъ, что Петръ Кириловичъ назначаетъ его однимъ изъ своихъ наслѣдниковъ. Оказалось, что больной часть имѣнія своего, а именно Гостилицы, псковскія вотчины, саратовское имѣніе Архадикъ, тульское Молоденки и домъ въ Петербургѣ оставлялъ своимъ прямымъ наслѣдникамъ—братьямъ князю Андрею и графу Григорію Кириловичамъ и племянникамъ графамъ Петру и Кирилѣ Алексѣевичамъ. Быковскую же свою волость въ Малороссіи (въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ), въ которой числилось 12,000 душъ, онъ отказывалъ дѣтямъ и потомкамъ сестеръ своихъ, графини Апраксиной и Васильчиковой, впрочемъ не всѣмъ, а только четверымъ изъ нихъ по своему выбору. Чувствуя большую слабость, больной, объяснивъ Васильчикову свою послѣднюю волю, просилъ, чтобы она безотлагательно облечена была въ законную форму. Зная, какъ сенаторъ, что завѣщаніе такого рода не могло имѣть законной силы, Васильчиковъ рѣшился посовѣтоваться съ людьми болѣе его свѣдущими и поѣхалъ къ зятю своему графу, впослѣдствіи князю, Виктору Павловичу Кочубею, бывшему въ то время вторично министромъ внутреннихъ дѣлъ. Кочубей, не зная, что̀ придумать, вмѣстѣ съ зятемъ отправился къ графу, впослѣдствіи князю, И. В. Васильчикову, за братомъ котораго, была одна изъ наслѣдницъ Разумовскаго. Министръ внутреннихъ дѣлъ,

---

[1]) Изъ архива князя Разумовскаго.

членъ государственнаго совѣта [1]) и сенаторъ, послѣ долгаго совѣщанія, признали себя некомпетентными въ дѣлѣ этомъ и рѣшились обратиться къ живому источнику законовъ, М. М. Сперанскому. Сперанскій, узнавъ о всѣхъ подробностяхъ дѣла, набросалъ черновую акта и съ нею Васильчиковъ поспѣшилъ къ больному дядѣ. На счастіе Васильчикова и его сонаслѣдниковъ, при графѣ Петрѣ Кириловичѣ состоялъ молодой чиновникъ Крюковской, женатый на незаконной дочери графа. Пробѣжавъ продиктованную Сперанскимъ бумагу, которую ему поручено было списать, Крюковской прямо объявилъ Васильчикову, что никакое присутственное мѣсто не рѣшится признать ее, такъ какъ сначала до конца все въ ней противорѣчило буквѣ законовъ; при этомъ онъ предложилъ другое средство удовлетворить волѣ умирающаго, если не ошибаемся—купчую крѣпость. Слова Крюковского убѣдили Васильчикова, онъ положилъ въ карманъ составленную Сперанскимъ бумагу и послѣдовалъ данному совѣту. Новый актъ былъ составленъ и подписанъ, и облеченная въ законную форму воля умиравшаго графа не могла быть оспориваема. Такимъ образомъ, молодой, едва начинавшій службу свою чиновникъ оказался болѣе свѣдущимъ въ законахъ, чѣмъ высшіе представители законодательной власти и даже чѣмъ самъ составитель свода законовъ. Графъ Петръ Кириловичъ скончался 14 Декабря 1823 года. Онъ погребенъ подлѣ жены въ Александро-Невской лаврѣ. Онъ оставилъ трехъ воспитанницъ, изъ которыхъ одна вышла за Оржицкаго, вторая за Пистоль корса, а третья за Крюковского.

Пятый сынъ графа Кирилы Григорьевича — Левъ, родился 8 Января 1757 года. Вернувшись въ концѣ 1774 года изъ-за границы, онъ зачисленъ былъ въ блестящее посольство князя Н. В. Репнина и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Константинополь, послѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. По возвращеніи съ Востока, молодой Разумовскій поступилъ на дѣйствительную службу въ Семеновскій полкъ, въ которомъ на 9-мъ еще году произведенъ былъ въ прапорщики. Онъ сдѣлался однимъ изъ первыхъ петербургскихъ щеголей и ловеласовъ. Но среди свѣтскихъ успѣховъ своихъ онъ съумѣлъ сохранить свѣжесть и чистоту сердца. „Il a des idées de perfection, писала о немъ въ 1778 году Наталья Кириловна къ брату Андрею, c'est une métaphysique dont rien n'approche; mais ce qui me fait plaisir, c'est que ce n'est pas étudié chez lui. Il est réelement tel, tandis que chez d'autres ce n'est quelquefois que manége“. И. И. Дмитріевъ разсказываетъ, что во время дежурствъ на петербургскихъ гауптвахтахъ къ

---

[1]) Два первые другъ за другомъ были впослѣдствіи предсѣдателями Государственнаго Совѣта.

Льву Кириловичу то-и-дѣло приносили записочки на тонкой надушенной бумагѣ, видимо писанныя женскими руками. Онъ спѣшилъ отвѣчать на нихъ на заготовленной заранѣе, также красивой и щегольской бумагѣ. Такимъ образомъ упражнялся онъ и утѣшалъ себя въ душныхъ и скучныхъ стѣнахъ не всегда опрятной караульни. Графъ Левъ былъ очень друженъ съ старшею сестрою и ей повѣрялъ свои сердечныя тайны. Оказывалось, что тѣ красавицы, у ногъ которыхъ, года два тому назадъ, не напрасно вздыхалъ графъ Андрей Кириловичъ, обратили теперь благосклонность свою на младшаго его брата. Вскорѣ въ одну изъ нихъ Левъ Кириловичъ влюбился по уши. „Léon allant l'autre jour chez la princesse [1]), писала Наталья Кириловна, absorbé dans sa rêverie et courant à toute bride passa devant la voiture de l'Impératrice, qui allait diner chez m. Naryshkine. Cela lui valut une réprimande très forte de sa part et qui fit une sensation dans le public, qui n'était pas en sa faveur. Ajoutez que depuis ce nouvel engagement il ne voit personne de ceux qu'il devrait voir... Je voudrais bien l'éloigner, avant qu'il n'arrive quelque chose, mais c'est difficile, très difficile". „Après avoir bien cherché", писала она далѣе, „je vois qu'il faut commencer par renvoyer le jeune homme et comme la guerre est une des meilleures occasions qui puissent se présenter, je lui en ai parlé, lui ai représenté qu'il doit demander à y aller; il ne s'en déffend pas, mas il n'est pas tout à fait d'accord avec moi sur la demande. Si mon père l'envoie il ira, mais il ne trouve pas nécessaire de le demander. Cependant après bien des disputes il avait presque consenti, mais mon père lui-même a gâté les choses. Il a des projets, il veut solliciter pour son avancement et l'envoyer après. Ce serait excellent dans toute circonstance (quoique j'aimerais cependant mieux que l'on commence par acquérir le droit de demander), mais à présent cela ne vaut rien. Il se passera un temps infini avant de trouver un moment pour demander et bien plus peut-être pour accorder la demande... Peut être qu'à force de presser et faire sentir la honte qu'il y aurait de rester tandis que les autres s'en vont j'y réussirais. Jamais je n'ai vu quelqu'un d'aussi véritablement amoureux... La princesse lui fait le plus grand tort dans le monde.... C'est en vérité dommage qu'il perde un temps si précieux pour acquérir tout plein de connaissances qui lui manquent et qu'il est honteux de ne pas avoir" [2]) . . . Въ Семеновскомъ полку однако дослужился Левъ Кириловичъ до полковничьяго чина и только въ 1782 поступилъ генеральсъ-адъютантомъ къ князю Потемкину. Отецъ самъ спѣшилъ удалить сына изъ столицы. „Левъ

---

[1]) Кн. Б . . . . я, рожд. кн. Х . . . . я.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

первыя руки мотъ", писалъ онъ сыну Андрею, „и часто мнѣ своими безпутными и неумѣренными издержками не малую скуку наводилъ". Въ 1789 году Левъ Кириловичъ произведенъ былъ въ бригадиры, а въ 1790 году за отличіе въ генералъ-маіоры. За Дунаемъ онъ забылъ свое столичное сибаритство, храбро дрался противъ турокъ и не прочь былъ покутить съ товарищами, которые его всѣ безъ памяти любили. Сперва онъ командовалъ егерскими полками, подъ начальствомъ Суворова, а потомъ былъ дежурнымъ генераломъ при князѣ Н. В. Репнинѣ. Въ 1787 и 1788 году онъ принялъ дѣятельное участіе въ кампаніяхъ противъ поляковъ и турокъ: онъ отличился въ битвѣ при Сакчѣ, 3 Сентября 1789, преслѣдовалъ враговъ до Измаила и бомбардировалъ эту крѣпость. 2-го Ноября того же года онъ находился при взятіи Бендеръ, а 28 Іюня 1791 при побѣдѣ подъ Мачиномъ. За эти военные подвиги, Разумовскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса. Въ 1796 году, числясь въ малороссійскомъ гренадерскомъ полку, Разумовскій подалъ по болѣзни въ отставку и отправился за-границу. Пропутешествовавъ нѣсколько лѣтъ, онъ окончательно поселился въ Москвѣ. Отецъ отдѣлилъ ему, вмѣстѣ съ громаднымъ малороссійскимъ имѣніемъ Карловкою, можайскія свои вотчины и Петровское-Разумовское. Въ 1800 году Левъ Кириловичъ по дѣламъ и для свиданія съ родными отправился въ Петербургъ. Едва успѣлъ онъ туда пріѣхать, какъ получилъ высочайшее приказаніе немедля возвратиться въ Москву. „Ce que vous ignorez peut-être", писалъ по этому случаю князь А. И. Вяземскій къ графу А. Р. Воронцову, „c'est que le comte Léon Rasoumovsky, avec lequel je suis si lié, était parti depuis 15 jours pour Pétersbourg, et après deux fois 24 heures reçut l'ordre de quitter immédiatement la ville. Il est arrivé avant-hier et ne sait ni le comment ni le pourquoi" [1]).

„Графъ Левъ Кириловичъ", говоритъ князь П. А. Вяземскій, „былъ замѣчательная и особенно сочувственная личность. Онъ не оставилъ по себѣ слѣдовъ ни на одномъ государственномъ поприщѣ, но много въ памяти знавшихъ его. Отставной генералъ-маіоръ, онъ долго жилъ въ допотопной или допожарной Москвѣ, забавлялъ ее своими праздниками, спектаклями, концертами и балами, какъ въ домѣ своемъ на Тверской [2]), такъ и въ прекрасномъ своемъ загородномъ Петровскомъ. Онъ былъ человѣкъ высокообразованный: любилъ книги, науки, художество, музыку, картины, ваяніе. Едва ли не у него перваго въ Москвѣ былъ зимній садъ въ домѣ. Это смѣшеніе природы съ искус-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIV, 387.

[2]) Домъ этотъ, купленный графомъ Л. К. у Мятлевыхъ, принадлежитъ нынѣ г-ну Шаблыгину, въ немъ помѣщается Англійскій клубъ.

ствомъ придавало еще новую прелесть и разнообразіе праздникамъ его. Графъ Левъ Кириловичъ былъ истинный баринъ, въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова: добродушно и утонченно вѣжливый, любилъ онъ давать блестящіе праздники, чтобы угощать и веселить другихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дорожилъ онъ ежедневными отношеніями съ нѣкоторыми избранными: графомъ Ростопчинымъ, Карамзинымъ, княземъ А. И. Вяземскимъ и другими" [1]). „Домъ нашъ", писалъ Карамзинъ къ Дмитріеву въ 1811 г., „есть уже давно монастырь, куда изрѣдка заглядываютъ благочестивые люди, напр. гр. Ростопчинъ, Нелединскій, Обрѣзковъ, Сушковъ, гр. Пушкинъ, бригадиръ Кашкинъ, Разумовскій, Рябининъ, Оболенскіе. Вотъ наше общество".

Къ графу Льву Кириловичу Карамзинъ былъ особенно привязанъ и не разъ въ письмахъ своихъ упоминаетъ о немъ въ самыхъ сочувственныхъ выраженіяхъ. Сверхъ того, Разумовскій былъ въ тѣсной связи съ масонами и въ перепискѣ съ Поздѣевымъ. Онъ самъ былъ масонъ по убѣжденію, что̀ не мѣшало ему, впрочемъ, быть глубоко вѣрующимъ и ревностнымъ христіаниномъ. Левъ Кириловичъ, или какъ обыкновенно звали его въ обществѣ, le Comte Léon былъ въ высшей степени характера благороднаго, чистѣйшей и рыцарской чести, прямодушенъ и простодушенъ вмѣстѣ. Владѣлецъ очень значительнаго имѣнія, онъ былъ, разумѣется, плохой хозяинъ, какъ подобаетъ или подобало русскому барству. Онъ былъ любезный говорунъ. При серьёзномъ выраженіи лица и вообще покойной осанкѣ (какъ иначе перевести выразительное слово tenue?), онъ часто отпускалъ живое, мѣткое, забавное слово. Онъ нѣсколько картавилъ. Даже вѣчный насморкъ придавалъ рѣчи его особенно привлекательный діапазонъ. Всей Москвѣ извѣстенъ былъ, обтянутый свѣтлой бѣлизны покрываломъ, передокъ саней его, заложенныхъ парою красивыхъ коней, за которыми стоялъ высокій гайдукъ. Всякому москвичу знакома была большая мѣховая муфта графа, которую онъ ловко и даже граціозно бросалъ въ передней, входя въ комнаты [2]). Вся Москва его любила, „онъ неоцѣненный собесѣдникъ", пишетъ о немъ другой современникъ или, вѣрнѣе, современница, „вездѣ ему рады, куда онъ ни придетъ" [3]).

Какъ мы уже сказали выше, у Разумовскаго было нѣжное сердце. Въ то время въ Москвѣ жилъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, внукъ знаменитаго полтавскаго фельдмаршала, князя Михаила Михаиловича старшаго и сынъ оберъ-гофмаршала, Екатерины князя Николая Михайловича. Этотъ князь Голицынъ отличался крайнимъ само-

---

1) „Русскій Архивъ", 1875, III, 447.
2) „Русскій Архивъ", 1875, III, 447—448.
3) Тамъ же, 1872, 2393.

дурствомъ, за которое въ Москвѣ его прозвали именемъ оперы, бывшей въ то время въ большой модѣ „Cosa-rara“. Русскіе и англичане имѣютъ, какъ кажется, монополію самодурства. У насъ оно по преимуществу проявляется между людьми крайне богатыми, къ какому бы сословію они ни принадлежали. Про Голицына разсказывали, что онъ отпускалъ ежедневно кучерамъ своимъ шампанское, что онъ крупными ассигнаціями зажигалъ трубки гостей, что онъ горстями бросалъ на улицу извозчикамъ золото, чтобы они толпились у его подъѣзда и пр. и пр. Разумѣется, что все его громадное состояніе (у него считали 24,000 душъ) пошло прахомъ. Голицынъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Григорьевнѣ Вяземской, дочери статскаго совѣтника князя Григорія Ивановича, отъ второго брака съ Беклемишевою. Княгиня была милая, красивая женщина, почти ребенкомъ выданная за самодура, который былъ старше ея только тремя годами.

Сумасшедшая расточительность мужа приводила княгиню въ отчаяніе. Онъ, не читая, подписывалъ заемныя письма, въ которыхъ сумма прописана была не буквами, а цифрами, такъ что заимодавцы, по бо́льшей части иностранные, на досугѣ, легко приписывали къ означенной суммѣ по нулю, а иногда по два и по три [1]). Предчувствуя неминуемое разореніе, княгиня обратилась съ просьбою о помощи къ только-что вступившему на престолъ Императору Александру I. Въ отвѣтѣ своемъ княгинѣ, отъ 7 Августа 1801 года, Государь выражалъ сожалѣніе о положеніи Голицыныхъ. „Если увѣреніе сіе“, сказано далѣе въ высочайшемъ письмѣ, „можетъ послужить вамъ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, примите его знакомъ моего искренняго къ особѣ вашей участія и вмѣстѣ доказательствомъ, что одна невозможность полагаетъ мѣры моего на помощь вашу расположенія. Коль скоро я позволю себѣ нарушить законы, кто тогда почтетъ за обязанность наблюдать ихъ? Быть выше ихъ, если бы я могъ, но конечно бы не захотѣлъ, ибо я не признаю на землѣ справедливой власти, которая бы не отъ закона истекала; напротивъ, я чувствую себя обязаннымъ наблюдать за исполненіемъ его и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ другіе могутъ быть снисходительны, а я могу быть только правосуднымъ; вы слишкомъ справедливы, чтобы не ощутить сихъ истинъ и не согласиться со мною, что не только не возможно мнѣ остановить взысканіе долговъ, коихъ законность утверждена подписью мужа вашего, я не могу удовлетворить просьбы вашей и съ той стороны, чтобы подвергнуть обязательство его особенному разсмотрѣнію. Законъ долженъ быть для всѣхъ единственъ, и по общей его силѣ, признаются ясными и разбору не подлежащими вексель, крѣпость, запись, контрактъ и

[1]) Тамъ же, 1866, 901.

всякое обязательство, гдѣ есть собственноручная должниковъ подпись и гдѣ нѣтъ отъ оной отрицанія; впрочемъ мнѣ довольно извѣстно состояніе и имѣніе мужа вашего, чтобы надѣяться, что при лучшемъ распоряженіи дѣлъ его продажею нѣкоторой части онаго не только всѣ долги заплачены быть могутъ, но и останется еще достаточное имущество къ безбѣдному вашему содержанію. Сія надежда, облегчая вашъ жребій, доставитъ мнѣ удовольствіе мыслить, что страхи ваши, можетъ быть болѣе отъ нечаянности происшедшіе, нежели отъ самаго существа родившіеся, сами по себѣ разсыплются, законъ сохранится въ своей силѣ и вы меня найдете справедливымъ" [1]).

Надежда, выраженная Государемъ, однако не осуществилась. Князь Голицынъ продолжалъ слѣпо стремиться къ окончательной погибели. Между Голицыными и Разумовскимъ было нѣкоторое свойство. Братъ княгини, князь Николай Григорьевичъ Вяземскій, въ то время гофмаршалъ, женатъ былъ на родной племянницѣ графа Льва Кириловича—Екатеринѣ Васильевнѣ Васильчиковой. Въ домѣ ихъ графъ часто встрѣчался съ княгинею Голицыною и нѣжное его сердце не устояло при видѣ ея миловидности и того несчастнаго положенія, въ которомъ она находилась, вслѣдствіе самодурства мужа. Объ этомъ романѣ вскорѣ заговорила вся Москва. „Братъ Левъ", писалъ старикъ Разумовскій къ сыну Андрею, въ 1799 г., „роль Линдора играетъ".

Съ обоюднаго и дружелюбнаго согласія состоялся разводъ. Графъ Левъ Кириловичъ женился на княгинѣ Маріѣ Григорьевнѣ. Бракъ ихъ состоялся въ началѣ 1802 года [2]) и надѣлалъ много шума, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Родственники Голицына, люди очень богатые и занимавшіе видное мѣсто въ свѣтѣ, Голицыны, Меншиковы, Гагарины, а особенно пользовавшаяся громаднымъ значеніемъ въ обществѣ, княгиня Наталья Петровна Голицына, рожденная гр. Чернышева, извѣстная подъ именемъ princesse-moustache, громко возставали противъ совершившагося факта. Самъ же князь Александръ Николаевичъ продолжалъ вести дружбу съ графомъ Львомъ Кириловичемъ, часто обѣдывалъ у бывшей своей жены и нерѣдко даже съ нею показывался въ театрѣ.

Понятно, что бракъ Разумовскаго былъ прискорбенъ не одной Голицынской роднѣ, онъ пришелся весьма не по сердцу и близкимъ родственникамъ графа Льва Кириловича. Разводъ въ тѣ блаженныя времена считался чѣмъ-то необычайнымъ и почти чудовищнымъ. Однако молодая графиня съумѣла съ первыхъ же поръ привязать къ себѣ семью мужа. Скоро холодность, съ которою ее встрѣтили, замѣнилась самыми

[1]) „Русская Старина", I, 447—448.

[2]) Какъ видно изъ поздравительныхъ писемъ къ графу Л. К., въ архивѣ графа А. С. Уварова.

родственными отношеніями. Даже старикъ, графъ Кирила Григорьевичъ, не устоялъ передъ прелестью веселой и красивой невѣстки. Сейчасъ же послѣ свадьбы молодые поспѣшили въ Батуринъ, гдѣ тихо угасалъ фельдмаршалъ. Они ѣхали туда со страхомъ и трепетомъ. Старикъ однако принялъ ихъ милостиво, и графиня Марія Григорьевна любила вспоминать какъ ласкалъ и баловалъ ее свекоръ. Вернувшись въ Москву Разумовскіе стали отдѣлывать домъ свой и подмосковную. Страсть къ постройкамъ и садоводству въ семействѣ Разумовскихъ была наслѣдственна, и Левъ Кириловичъ оказался въ этомъ отношеніи вполнѣ сыномъ отца своего и братомъ брата. Между тѣмъ бракъ не былъ еще оффиціально признанъ. Но такъ какъ семейство Разумовскихъ обласкало графиню, а сильные міра, каковыми были въ то время зять графа Льва Кириловича, московскій главнокомандующій, фельдмаршалъ графъ Гудовичъ и племянникъ его графъ В. П. Кочубей, явно стали на сторонѣ молодой графини, то московское общество охотно принимало щеголеватую и любезную Марію Григорьевну и толпилось на роскошныхъ пирахъ ея, зимою на Тверской, а лѣтомъ въ Петровскомъ. Знаменитые иностранцы, посѣщавшіе въ началѣ столѣтія Москву, г-жа де-Стааль, баронъ Штейнъ, Местръ и другіе, находили въ домѣ Разумовскихъ радушный пріемъ. Только изрѣдка, тайкомъ дѣлались намеки на несовсѣмъ правильный бракъ, но и этимъ толкамъ положенъ былъ конецъ во время посѣщенія Москвы Императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1809 году. На балѣ у Гудовича, Государь подошелъ къ графинѣ и громко сказалъ: „Madame la Comtesse, voulez vous me faire l'honneur de danser une polonaise avec moi". Съ этой минуты Марія Григорьевна всецѣло вступила въ права законной жены и графскаго достоинства [1]).

Едва Разумовскіе успѣли отдѣлать великолѣпную свою подмосковную и приняться за перестройку московскаго дома, какъ нагрянулъ 1812-й годъ. Они мирно жили въ Петровскомъ; у нихъ гостила Наталья Кириловна Загряжская и никому на умъ не приходило, чтобы отдаленные военные громы могли раздаться въ самомъ сердцѣ Россіи. Извѣстія объ отступленіи войскъ нашихъ приводили, однако, московское общество въ недоумѣніе. Сраженіе подъ Смоленскомъ обратило недоумѣніе въ панику. „Votre lettre m'a fait grand plaisir, mon cher Ouvaroff," писалъ изъ Петровскаго графъ Левъ Кириловичъ, „dans ces temps de troubles et de calamités tout ce qui tient à l'amitié dilate et repose l'âme. Ma soeur Zagr. après une fièvre peu conséquente est partie il y a trois jours. Depuis quelques jours et surtout depuis l'affaire de Smolensk les 3/4 de Moscou, en femmes surtout, ont émigré,

---

[1]) „Русскій Архивъ", 1875 г., III, 448.

on ne voit presque plus, dit-on, de voitures en ville. Ma soeur Elisab. [1]) est ici. Petrovsky est rempli de parents de ma femme qui en émigrent, s'arrêtant ici. Nous y sommes, grâce à Dieu, assez tranquilles. Si les choses allaient bien mal, notre plan est d'aller d'abord à Rostoff et de là dans quelque ville où serait la force armée, c. a. d. Jaroslaff, Nijni etc. Mais j'espère que le ciel nous préservera de ce malheur. Ce n'est qu'en faisant les choses les plus brillantes que nous nous retirons. Ce n'est par conséquent, que faiblesse ou ineptie de nos généraux.

Le nouveau chef [2]) inspire de la confiance à tout le monde, nos troupes réunies paraissent avoir une très bonne disposition et se renforcent tous les jours. Humainement parlant les probabilités sont pour nous—et pour ce qui est audessus de la prévoyance humaine espérons! [3])"

Несмотря на надежды, которыя старался вселить въ москвичей новый главнокомандующій, пришлось покинуть Петровское. Французы были въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Разумовскіе бѣжали въ Тамбовъ оттуда, отъ 30 Ноября 1812 года, графъ Левъ Кириловичъ писалъ къ брату графу Андрею: Je conservais avec beaucoup d'autres une sorte de sécurité sur l'avenir, malgré les nuages obscurs qui nous le couvraient. Il ne m'a pas paru croyable que notre bonne ville de Moscou tombe entre les mains de l'ennemi. La nomination au commandement de l'armée du prince Koutousoff avait ranimé les espérances de tout le monde. Lorsque nos mouvements si rapidement rétrogrades les ont derechef et bientôt fait évanouir, il était trop tard pour sauver bien des choses. Je m'arrête un moment pour vous donner une idée plus précise de ma situation. Les charges auxquelles, vû cette malheureuse circonstance, nous avons été tous soumis avec le dérangement de mes affaires avaient épuisé mes moyens et mes ressources. Dans cet état de choses à l'arrivée de l'Empereur à Moscou [3]) le zêle peut-être pas assez calculé de quelques uns ont accablé le gouvernement de Moscou d'une nouvelle charge presqu'impossible à remplir. C'était le 10-me homme à fournir et à équiper. J'avais malheureusement dans le gouvernement plus de 4000 âmes, c'était donc plus de 400, c'était donc une trentaine de mille roubles. Presque point d'argent et dans ce moment là aucune ressource pour en trouver. Il a fallu sacrifier la moitié au moins de mon argenterie et au moment de partir j'ai fait venir le maréchal ferrant de la maison pour briser le reste, hors ce qui sert à l'usage journalier et habituel pour l'emporter comme seule ressource dans l'avenir si incertain qui s'ouvrait devant nous. Le 27 j'ai quitté Moscou non pas tant encore par la crainte de

---

[1]) Графиня Елизавета Кириловна Апраксина.

[2]) Князь Кутузовъ.

[3]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

l'ennemi qui était encore à une centaine de verstes, mais plus par celle d'une populace exaltée, de moment en moment plus licencieuse, dont on avait armé le bras pour la défense de la ville et vis à vis de laquelle on craignait de montrer de la rigueur et de la sévérité quand il s'agissait de réprimer ou d'arrêter ses excès. J'avais de plus une belle-soeur [1]), soeur chèrie de ma femme qui était grosse à pleine ceinture. Mes terres de Можайскъ [2]) étaient la proie de l'ennemi, les environs mêmes de ma maison de Petrovsky se remplissaient de подводы que le gouvernement rassemblait. Vous savez, mon cher ami, ce que c'est que la composition de nos maisons en Russie; une foule de gens qui demandaient de les sauver. C'était d'autant plus difficile que pour ne pas les alarmer, j'avais différé mes mesures jusqu'au dernier moment. Enfin, ayant ramassé ce que j'ai pû de chevaux, j'ai envoyé tout mon monde en Ukraine, j'ai abandonné mes effets et ma maison à la merci des événements et le 27, nous sommes partis, en vérité le coeur trop gros et trop pleins du spectacle de douleur que nous avions sans cesse sous les yeux, trop fatigués de soins, de soucis pour songer à ce que nous allions perdre. Je n'aspirais qu'après un coin et un peu de repos. De cette manière je me suis arrêté partout, espérant toujours, et surtout mes dames, que nous n'irons pas plus loin et je suis arrivé à Tamboff. Vous me demanderez pourquoi à Tamboff? D'abord en moi je ne trouve jamais aucune raison à opposer à ce que les autres ont quelque raison à desirer. Une fois que l'on a detruit mon nid que m'importe où je suis. Mon beau-frêre [3]) et ma belle-soeur dont les moyens sont très bornés, dans cette circonstance avaient des raisons pour venir de ce côté-ci. La tendre amitié de Mascha pour sa soeur en etait une autre pour moi pour ménager les ressources et la consolation de sa société. Voilà l'histoire de notre émigration; en voici la suite et le supplément. Dès qu'il a été possible j'ai envoyé mon valet de chambre à Moscou. A Moscou même j'avais eu la malheureuse idée d'achever enfin ma maison. Tout y était sans dessus dessous: les escaliers qui devaient être changés étaient brisés; les salons devoient être exhaussées au dépens de l'étage d'en haut; toutes les fenêtres etaient cassées. L'ouvrage avançait beaucoup, mais pas moins tout cela n'offrait pour ainsi dire que la carcasse d'une maison. Cette carcasse a été épargnée par les français. Dans les offices et l'étage d'en haut il y a eu beaucoup de monde et tout a été brisé, cassé et pillé. Il y avait grâce aux décombres dont la maison était

---

[1]) Александра Григорьевна Щукина, рожд. кн. Вяземская, младшая сестра гр. М. Г. Разумовской.

[2]) Порѣчье, Карачарово и пр. дворцовыя вотчины Елизаветы, принадлежащія нынѣ графу Уварову.

[3]) Дмитрій Өедоровичъ Щукинъ.

entourée une câve et une кладовая, où on avait accumulé tout ce qu'il y avait de plus précieux comme meubles, tableaux, bronzes, porcelaines etc. En effet quoique la maison fût pleine, cela est resté ignoré, jusqu'à cinq jours avant l'évacuation des français, quand une malheureuse de la maison même à trahi le secret et en plusieurs heures tout a été pillé. A Petrovsky de même. Depuis quinze ans j'avais mis un capital énorme en livres et quatre jours avant mon départ un libraire de la ville, qui les soignait et m'avait fait le catalogue, les estimait au prix d'aujourdhui 400 mille roubles. Il ne m'en reste pas un volume. Enfin j'ai perdu tout ce qu'avec de l'argent même on ne pourrait pas retrouver. Mon jardinier à Petrovsky, qui est à mon service depuis 10 ans, ayant reproché à mes paysans le peu de zêle qu'ils ont mis après l'évacuation des français à réparer le mal que leur séjour avait fait, la même nuit ils ont mis le feu aux deux extrémités des grandes serres, qui, outre plusieurs choses rares, contenaient une cinquantaine de citronniers et d'orangers superbes, comme, hors l'Empereur, personne n'en a en Russie. Des bâtiments, des plantes il n'en est resté que la cendre. La maison, ou plutôt la carcasse est restée, mais les français n'ont pas laissé ni une porte, ni une fenêtre. Il en est de même d'une grande et charmante habitation dans mes terres de Можайскъ, qui était de notre création et que nous, et surtout ma femme, s'était plû depuis quelques années à embellir. En un mot quoique ces trois maisons n'aient pas été brûlées, elles ne contiennent plus toutes ensemble pour mille roubles d'effets et ne sont plus habitables. Une cave seule contenait sûrement pour une vigntaine de mille roubles d'effets. Actuellement il faut depuis le premier article jusqu'au dernier remonter ma maison à neuf avec la moitié moins de moyens, car quoique mon principal revenu soit d'Ukraine et par conséquent fort loin du théâtre de ces horreurs, il faut être russe et connaitre l'intérieur pour concevoir ce que c'est qu'un coup d'épée porté dans le coeur, dont tous les membres et toutes les extrémités se ressentent. Moscou présente un spectacle affreux. De maisons il n'en reste que 2400. C'est une plaine couverte de décombres, de cadavres d'hommes et de chevaux. Les puits en sont encombrés. La ville en est un peu déblayée, mais les environs en sont encore couverts. Les derniers jours surtout qui ont précédé l'entrée des français, les grandes routes ressemblaient à ces promenades où les voitures se suivent en file, quoique l'émigration eût commencée depuis longtemps.

Voilà, mon bon ami, une faible esquisse de nos maux et de nos pertes. Mais que votre tendre amitié que je sais si bien apprécier n'aille pas trop loin. J'ai satisfait au désir qu'elle vous a dicté de la connaitre. Voici maintenant pour vous tranquilliser sur notre compte le revers de la médaille. Je ne suis ni triste, ni malheureux, ni affligé du nombre

de mes peines et de mes pertes. Je ne veux pas me faire ni plus fort, ni plus excellent que je suis. Si je leur ai donné un moment de regret, j'en ai bientôt rougi et j'ai senti mieux que jamais que la paix, le contentement, le calme et par conséquent le bonheur ne sont pas hors, mais en dedans de nous; il n'appartient ni aux hommes, ni aux événements de nous l'ôter. Oui, mon cher ami, je suis et, ce qui est encore bien mieux, nous sommes dans notre petit coin de Tamboff aussi heureux que nous l'avons jamais été, peut-être plus, parceque c'est dans le calme et la retraite que sont les jouissances les plus douces et les plus pures de l'âme. Ce que la Providence nous a ôté sont les hochets de l'orgueuil, de la vanité et de l'amour-propre—que sont-ils au prix de ce qu'elle nous a accordé? Je remercie le ciel avec un coeur pénétré de reconnaissance, en voyant ma femme à cet égard dans les mêmes dispositions.

Passons aux autres questions que vous me faites et qui peuvent vous interesser. Ma soeur Zagriatsky a passé une bonne partie de l'été avec nous, elle a donc joui avec nous des derniers soupirs non de l'existance, mais de la splendeur de Petrovsky. J'ai assez souvent de ses nouvelles, elle se porte bien. Je vous avoue j'ai été peiné de voir combien son mari avait baissé; elle m'a mandé qu'il avait encore fait une maladie et je ne suis pas sans inquiétude à son égard. Kotshoubey [1]) me parait être dans l'inactivité et le désoeuvrement. J'en suis fâché pour lui, parceque je crois que cet étât est une double peine pour lui. Notre pauvre soeur Elisabeth [2]) a perdu sa maison à Moscou et tout ce qu'elle contenait, ce qui m'afflige beaucoup, puisqu'elle a peu à perdre et que d'un autre côté son fils Alexandre qu'elle idolâtre lui coute beaucoup. Par des motifs relatifs en grande partie à lui, je n'ai jamais pu la determiner à me suivre. Elle est sortie de Moscou la veille de l'entrée des français, parceque son fils y était. Ici elle aurait été à portée de ses terres et des secours qu'elle eût pu en tirer. Elle est à l'heure qu'il est de retour à Moscou. Sa terre à Воз. (?) est restée intacte et je crois que c'est là qu'elle se retirera. Notre frère Pierre que nous avons attendu tout l'été à Petrovsky d'un moment à l'autre, ayant été surpris en Ukraine par les événements, se voyant pour ainsi dire coupé de Pétersbourg, par l'occupation de Moscou, y est resté jusqu'à présent. Il était décidé et en route même pour me joindre ici, mais il s'est laissé arrêter par quelques inquiétudes sur les embarras du voyage et du logement. Je lui ai expédié une estafette pour le décider, mais je crains de n'y pas réussir, surtout à présent que le chemin droit de là à Pétersbourg est

---

[1]) Графъ Викторъ Павловичъ.

[2]) Апраксина.

sans entraves. J'en suis bien fâché, j'aurais bien desiré le voir, et encore plus ici qu'ailleurs, parceque l'on s'y voit sans distraction et sans rivaux. Quant à mon frère Alexis j'ai fait ce que j'ai pû pour savoir ce qu'il avait souffert dans ces calamités. Personne ne m'a donné là-dessus des notices bien exactes. Je sais seulement que son troisième fils [1]) [sans compter Nicolas [2]) qui est d'une autre mère] était entré au service depuis peu et, se trouvant à Moscou lors de l'entrée des Français, s'est avisé de mener Murat dans la maison de mon frère. Il a atteint le bût qu'il se proposait. La maison a été épargnée et presque pas pillée, mais on ignore ce que lui même est devenu [3]), ils l'ont probablement emmené. Gorenky m'a-ton dit a été pillé. La majeure partie des serres conservée, grâce aux soins d'un certain Fisher, son botaniste, qui est un excellent homme. Voici ce qui regarde tous les notres" [4]).

Слова Льва Кириловича не были пустыми фразами. Онъ былъ истинный, глубоко вѣрующій христіанинъ. Вслѣдствіе своего иностраннаго воспитанія однако, онъ не довольствовался простыми пріемами родной вѣры, хотя глубоко уважалъ ее, но искалъ еще пищи своему благочестію въ обрядахъ масонства, котораго, хотя и ошибочно, но на этотъ разъ послѣдовательно, сталъ адептомъ. Онъ велъ дружбу съ Поздѣевымъ и часто съ нимъ переписывался. Нѣсколько молодыхъ людей высшаго свѣта, отличавшихся отъ сверстниковъ своихъ болѣе серьёзнымъ направленіемъ, сгруппировались вокругъ графа и черезъ него вошли въ сношенія съ Поздѣевымъ. Въ ихъ числѣ были Ланскіе и столь памятный еще Петербургу любезный, гостепріимный и талантливый графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій. Послѣдній предпринялъ даже паломничество въ Вологду, гдѣ жилъ Поздѣевъ и писалъ оттуда отъ 28 Февраля 1815 года къ графу Льву Кириловичу:

„Grâce à Dieu me voilà installé chez le respectable vieillard.... J'y ai trouvé deux amis de St-Pétersbourg, qui ne contribuent pas peu à me rendre ce séjour encore plus agréable... Je crois qu'en allant voir un homme de la trempe de m-r Posdéeff, le voyage ne peut être que fort heureux. Осипъ Алексѣевичъ étant fort occupé cette poste, m'a chargé de vous dire bien des choses et, lui ayant parlé du pauvre Gontcharoff, il a fort approuvé mon idée de le faire communier tous les Dimanches et il le lui conseille. En même temps il a écrit a Семенъ Ивановичъ (?) que vous devez envoyer chez le malade lire les prières de Basile le grand pour la guérison des possédés" [5]).

---

1) Василій Алексѣевичъ Перовскій, впослѣдствіи графъ.

2) Николай Ивановичъ Перовскій.

3) Василій Алексѣевичъ Перовскій былъ взятъ въ плѣнъ французами.

4) Архивъ князя А. К. Разумовскаго.

5) Архивъ гр. А. С. Уварова.

Бракъ Льва Кириловича былъ самый счастливый. Одно только иногда отравляло покой графа, это мысль, что онъ, вопреки Евангельскому слову, женился на „отпущеницѣ." Но самая мысль эта еще болѣе привязывала этого глубоко совѣстливаго и благороднаго человѣка къ любимой имъ женщинѣ,—16 лѣтъ протекли въ самой нѣжной любви и согласіи. Супруги почти не разставались и во время невольныхъ и недолгихъ разлукъ вели дѣятельную переписку. Приводимъ здѣсь два письма графини Маріи Григорьевны изъ Москвы къ мужу, уѣзжавшему въ 1818 году, по дѣламъ, въ Малороссію.

„Мы были", писала графиня, „на балѣ, при дворѣ [1]), народа было не много, чѣмъ, кажется, Государь остался недоволенъ и почти исключительно танцовалъ съ статсъ и кавалерственными дамами. Король (Фридрихъ-Вильгельмъ III Прусскій) тоже. Танцовали аллемандъ. Государыня у меня про тебя спрашивала, она мнѣ снова много говорила про Петровское". „Я была", писала въ другомъ письмѣ графиня, „на балѣ у Тормасова [2]), я танцовала съ Королемъ и Государемъ. Послѣдній былъ крайне любезенъ. Онъ мнѣ говорилъ, что очень желаетъ побывать въ Петровскомъ и тамъ мнѣ откланяться (me faire sa cour), но не знаетъ какъ это уладить, такъ какъ всѣ дни уже заняты. Онъ однако увѣрилъ меня, что если будетъ малѣйшая возможность, то дастъ мнѣ знать и просилъ позволенія привезти съ собою Короля прусскаго. Онъ говорилъ, что очень желаетъ, чтобы это ему удалось и что ему особенно будетъ пріятно показать Королю такую прелестную дачу".

„Сейчасъ вернулась я", писала она далѣе, „отъ Юсупова. День былъ самый утомительный. Вообрази, мы отъ себя выѣхали въ 4 часа, а пріѣхали только въ 6 [3]). Вечеръ былъ превосходный, но праздникъ самый плачевный. Все разсказывать было бы слишкомъ долго, но вотъ тебѣ одна подробность, по которой можешь судить объ остальномъ. Вообрази, послѣ закуски поѣхали кататься по ужаснымъ дорогамъ и сырымъ, некрасивымъ мѣстамъ. Послѣ получасовой прогулки подъѣзжаемъ къ театру. Всѣ ожидаютъ сюрприза—и точно сюрпризъ былъ полный—перемѣнили три раза декораціи и весь спектакль готовъ. Всѣ закусили себѣ губы, начиная съ Государя. Въ продолженіе всего вечера была страшная неурядица. Бѣдныя Императрицы не знали рѣшительно, что имъ было дѣлать и куда дѣваться. Хорошее понятіе бу-

[1]) Графиня вывозила въ то время племянницу свою, княжну Анну Николаевну Вяземскую, недавно лишившуюся матери (рожд. Васильчиковой, см. о ней выше. Княжна А. Н. вышла впослѣдствіи за князя М. Н. Голицына). Весь дворъ провелъ въ Москвѣ зиму 1817—1818 года. Здѣсь 17 Апрѣля 1818 г. родился нынѣ благополучно царствующій Государь Императоръ.

[2]) Графъ Тормасовъ, въ то время московскій главнокомандующій.

[3]) Праздникъ былъ въ Архангельскомъ, близъ Москвы.

детъ имѣть Король прусскій о московскихъ вельможахъ! Скаредность во всемъ была невообразимая" [1]).

Государю не удалось побывать въ Петровскомъ. Графиню тамъ посѣтили только Король и принцъ прусскіе, вмѣстѣ съ принцемъ Мекленбургскимъ. Этимъ посѣщеніемъ заключились навсегда веселые пиры въ живописномъ и гостепріимномъ Петровскомъ. 21-го Ноября 1818 года не стало графа Льва Кириловича. Онъ похороненъ въ московскомъ Донскомъ монастырѣ. На основаніи, дѣйствовавшихъ еще въ то время въ Малороссіи, литовскаго статута и магдебургскаго права, всѣ свои украинскія маетности графъ завѣщалъ женѣ въ полную собственность. Графъ Алексѣй Кириловичъ протестовалъ и начался процессъ. Графиня его выиграла, тѣмъ болѣе, что братья мужа князь Андрей и графъ Григорій не только отказались вести дѣло, но даже прямо заявили, что, если бы, паче чаянія, Алексѣй Кириловичъ выигралъ процессъ, то они заранѣе отказываются въ пользу невѣстки отъ причитающихся на ихъ долю частей изъ наслѣдства брата. „Есть имена", говоритъ князь П. А. Вяземскій, „которыя, разъ попавшись подъ перо, невольно вовлекаютъ его въ дальнѣйшія подробности. Имя графини Разумовской принадлежитъ къ этому разряду. Она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ едва-ли имѣла много себѣ подобныхъ. Во-первыхъ, знавшіе ее съ молодыхъ лѣтъ говорили, что она хорошѣла съ годами, т.-е. разумѣется до извѣстнаго возраста. Въ лѣтахъ полной зрѣлости и даже въ лѣтахъ глубокой старости, она могла дать о себѣ понятіе, что была нѣкогда писаной красавицей, чего, говорятъ, никогда не было [2]). Во-вторыхъ, позднѣе, пережила она всѣхъ сверстниковъ и свое современное поколѣніе; пережила многихъ и изъ новаго, такъ что Маѳусаиловскіе года ея оставались головоломною задачею для охотниковъ до лѣтосчисленія. Долго по кончинѣ графа Льва Кириловича предавалась она искренней и глубокой скорби. Глаза ея были буквально двумя источниками непрерывныхъ и неистощимыхъ слезъ. Для здоровья ея, сильно пострадавшаго отъ безутѣшной печали, присовѣтовали ей съѣздить въ чужіе края. Тамъ міръ новыхъ явленій и впечатлѣній, новая природа, разнообразіе предметовъ, а вѣроятно болѣе всего счастливое сложеніе натуры и характера ея, взяли свое. Она въ глубинѣ души осталась вѣрна любви и воспоминаніямъ своимъ, но источникъ слезъ изсякъ: трауръ жизни и одѣяній перемѣнился въ болѣе свѣтлые оттѣнки. Она не забыла прежней жизни своей, но переродилась на новую. Парижъ, Вѣна приняли ее радушно: домъ ея сдѣлался

[1]) Архивъ гр. А. С. Уварова.

[2]) Князь Вяземскій здѣсь ошибается: по семейнымъ преданіямъ, графиня въ молодости была красавицею.

опять гостепріимнымъ... Г-жа Эмиль де-Жирарденъ въ извѣстныхъ остроумныхъ Парижскихъ своихъ письмахъ, печатаемыхъ за подписью виконта де-Лоне, упоминаетъ о графинѣ Маріи Григорьевнѣ и о ея парижскомъ салонѣ. Благодарный Карлсбадъ посвятилъ ей памятникъ, она была на водахъ душою общества и хороводицею посѣтителей и посѣтительницъ этого цѣлительнаго уголка. Починъ прогулокъ, веселій, праздниковъ ей принадлежалъ. Такую власть иначе пріобрѣсти нельзя какъ образованностію, навыкомъ утонченнаго общежитія, вѣжливыми пріемами и привычками, которыя дѣлаются второю натурою.

„По возвращеніи своемъ въ Россію, она тотчасъ устроила положеніе свое въ Петербургѣ и заняла въ обществѣ подобающее ей мѣсто. Домъ ея сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ. Обѣды, вечеринки, балы зимою въ городѣ [1]), лѣтомъ на дачѣ, въ Петергофѣ, слѣдовали непрерывно другъ за другомъ. Не одно городское общество, но и Царская фамилія были къ ней благопріятно расположены. Императоръ Николай и Государыня Александра Ѳеодоровна были къ ней особенно милостивы и удостоивали праздники ея присутствіемъ своимъ. И ее принимали они за-просто въ свои и немноголюдныя собранія. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который любилъ шутить и умѣлъ вести непринужденный и веселый разговоръ, охотно предавался ему съ графинею. Все это, разумѣется, утѣшало и услаждало ея свѣтскія наклонности. Но, при всей любви своей къ обществу, соблазнамъ и суетнымъ развлеченіямъ его, она хранила въ себѣ непочатый и, такъ сказать, освященный уголокъ, придѣлъ преданій и памяти минувшаго. Рядомъ съ ея салонами и большою залою было завѣтное, домашнее, сердечное для нея убѣжище. Тамъ была молельня съ семейными образами, мраморнымъ бюстомъ Спасителя, работы знаменитаго италіанскаго художника съ неугасающими лампадами и портретомъ покойнаго графа. Кто знаетъ, какія думы, какія чувства сосредоточивались въ ней, когда входила она въ эту домашнюю святыню и пребывала въ ней въ молитвѣ и съ глазу на глазъ съ сердечною памятью своею? Она не любила рисоваться, не любила облекать себя въ назидательную наружность: въ ней не было и тѣни притворства; не было ни желанія, ни умѣнія прикрывать свои и невинныя слабости личиною умышленной и обдуманной внѣшности. Напротивъ, она скорѣе

[1]) Графиня долгое время жила въ домѣ своемъ на Большой Морской (нынѣ Сазикова), потомъ переселилась она на Литейную въ домъ Пашкова (нынѣ департаментъ Удѣловъ). Квартиру эту графиня нанимала съ мебелью. Когда домъ Пашкова купленъ былъ въ казну, Государь Императоръ 1-го Апрѣля, въ день имянинъ графини, подарилъ ей всю находившуюся въ комнатахъ ея мебель. Послѣдніе годы графиня жила на Сергіевской, въ домѣ гр. Сумарокова (нынѣ Боткиной), здѣсь она и скончалась.

была склонна какъ бы хвалиться своими слабостями: не по лѣтамъ моложавостью нрава своего, нарядовъ, обычаевъ, жадностью (доходившей до слабодушія) свѣтскихъ развлеченій, веселій и вѣчно суетнаго движенія. Но, нѣтъ, она и тутъ не хвалилась: она ничѣмъ не хвалилась, а была таковою безсознательно, непримѣтно для себя самой, единственно потому, что натура таковою создала ее. Она была правдивая, чистосердечная личность. Общественное строгое сужденіе, насмѣшливое злорѣчіе обезоруживались и нѣмѣли предъ нею. То, что могло-бы казаться смѣшнымъ въ другой, находило вездѣ не только снисхожденіе, но и сочувствіе. Всѣ были довольны, что она была довольна; всѣ тому радовались, что ей было радостно и весело. Личности, одаренныя такими свойствами и способностями, бываютъ въ обществѣ столь рѣдкія исключенія, такъ много встрѣчаешь людей скучающихъ жизнью, не умѣющихъ ужиться съ нею, жалующихся на нее, что невольно отдохнешь, когда попадается на глаза свѣтлое изъятіе изъ этой почти поголовной неуживчивости и брезгливости.

„Говоря о слабостяхъ ея, нельзя не указать особенно на одну изъ нихъ, совершенно женскую, а именно на страсть ея къ нарядамъ. Когда, въ 1835 году, въ Вѣнѣ, собиралась она возвратиться въ Россію, просила она проѣзжавшаго черезъ Вѣну пріятеля своего, который служилъ въ Петербургѣ по таможенному вѣдомству, облегчить ей затрудненія, ожидавшія ея въ провозѣ туалетныхъ пожитковъ. „Да что же намѣрены вы провезти съ собою?“ спросилъ онъ. „Бездѣлицу“, отвѣчала она: „триста платьевъ“ [1]). Добавимъ отъ себя характеристику эту. Графиня очень любила Парижъ, она простодушно признавалась, что любитъ его потому, что женщины немолодыя носятъ тамъ туалеты нѣжныхъ, свѣтлыхъ оттѣнковъ. „Ахъ, улица эта губитъ меня“, шутя говаривала она на другой день, послѣ пріѣзда своего, гуляя по rue de la Paix. Въ Парижъ ѣзжала она черезъ каждые 3, 4 года. Передъ коронаціею нынѣ царствующаго Государя, графиня рѣшилась туда съѣздить, чтобы заказать приличные туалеты для готовящихся торжествъ въ Москвѣ. Петербургъ не былъ еще связанъ сѣтью желѣзныхъ дорогъ съ Европою. Путешествіе было долгое и утомительное. Графиня, нигдѣ не останавливаясь, однимъ духомъ доѣхала до Парижа, ей было уже тогда 84 года; пріѣхала она довольно поздно вечеромъ, а на другой день, утромъ, какъ бы ни въ чемъ не бывало, гуляла по любимой своей rue de la Paix. Въ то время въ Парижѣ находилась старая вѣнская пріятельница и ровесница графини, княгиня Грасальковичъ рожденная княжна Эстергази, славившаяся тоже необыкновенною своею бодростью, несмотря на преклонныя лѣта.

---

1) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 449—452.

Узнавъ, что графиня Марія Григорьевна однимъ духомъ доскакала до Парижа, для заказа нарядовъ, княгиня съ завистью воскликнула: „Послѣ этого мнѣ остается только съѣздить на два дня въ Нью-Іоркъ“. „Графиня была“, продолжаетъ князь Вяземскій, „отмѣнно добра, не только пассивно, но и дѣятельно. Всѣ домашніе и близкіе любили ее преданною любовью. Много добра и милостей совершила она безъ малѣйшаго притязанія на огласку. Она была примѣрная родственница и охотно дѣлила богатство свое съ родственниками и дальними, нуждающимися въ пособіи. Свойство, а можетъ быть и погрѣшность, аристократическаго круга есть ограниченіе, съуживаніе этого круга до самой тѣсной исключительности. Этого правила и обычая не держалась она: на балахъ и раутахъ ея въ Петербургѣ встрѣчались лица часто совершенно незнакомыя высшему петербургскому обществу. Въ присутствіи царскихъ особъ, въ наплывѣ всѣхъ блестящихъ личностей туземныхъ и дипломатическихъ, были ласково принимаемы ею и дальніе родственники, пріѣзжіе изъ провинцій. На это нужна была нѣкоторая независимость и смѣлость. Ей очень хотѣлось ѣхать въ Лондонъ на выставку 1861 года. Она, не слишкомъ бережливая на расходы, скопила и отдѣлила нужную сумму на совершеніе этой поѣздки... Срокъ поѣздки приближался, а она не ѣхала. Я спросилъ ее: „когда же она ѣдетъ?“ Она отвѣчала неопредѣленно. Что же оказалось? Сбереженнымъ ею деньгамъ, для увеселительной прогулки, дала она другое назначеніе: узнавъ, что одинъ изъ молодыхъ родственниковъ ея много задолжалъ и находится въ нуждѣ, она, долго не думая, употребила эти деньги на уплату долговъ его. Такая черта была бы замѣчательна и прекрасна въ каждомъ; но, со стороны ея, которую обыкновенно почитали женщиною легкомысленною и безпредѣльно преданною развлеченіямъ и соблазнамъ свѣтскимъ и которая въ самомъ дѣлѣ была такова, этотъ поступокъ имѣетъ всѣ свойства жертвы благочестивой и почти героической.

„Вотъ чѣмъ довершу памятную записку свою о графинѣ Маріи Григорьевнѣ Разумовской, которую всѣ любили, но не всѣ знали. Подъ радужными отблесками свѣтской жизни, подъ пестрою оболочкою нарядовъ парижскихъ, нерѣдко таятся въ русской женщинѣ сокровища благодушія, добра и сердоболія. Надобно имѣть случай подмѣтить ихъ и сочувственное расположеніе, чтобы ихъ оцѣнить и воздать имъ должную признательность“ [1]).

Мы рѣшились цѣликомъ выписать прелестный портретъ этотъ изъ старой записной книжки покойнаго князя Вяземскаго, послѣдняго представителя блестящей Пушкинской эпохи. Увѣрены, что благосклонный

---

[1]) Тамъ же.

читатель не поставитъ намъ этого въ упрекъ. Изображеніе это не только художественно, оно еще дышетъ правдою. Князь Вяземскій упомянулъ только объ одномъ случаѣ сердоболія графини. Но такіе случаи повторялись безпрестанно. Одни близкіе родственники графини въ состояніи свести громадную цифру ея милосердія и объяснить, какимъ образомъ столь богатая женщина такъ часто бывала въ затрудненіи. Мотовства въ ней не было вовсе, она умѣла считать для себя, но часто обсчитывалась, когда дѣло шло о другихъ. Громадное имѣніе свое Карловку продала она покойной Великой Княгинѣ Еленѣ Павловнѣ за весьма значительную пожизненную ренту. Домъ свой въ Москвѣ подарила она брату, вѣчно, подобно многимъ и весьма многимъ изъ ея близкихъ родственниковъ, нуждавшемуся въ деньгахъ. Послѣдній годъ жизни своей графиня Марія Григорьевна стала видимо слабѣть, слухъ ея притупился, зрѣніе ослабло. Она чувствовала приближеніе кончины безбоязненно и спокойно. Она отказалась отъ столь долго любимаго ею свѣта, даже отъ дорогой ей табельки. Въ ея гостиной сооружена была походная церковь; въ молитвѣ провела она послѣдніе мѣсяцы своей жизни и мирно уснула на рукахъ вѣрной и любящей подруги, болѣе тридцати лѣтъ отъ нея не отходившей. Графиня Марія Григорьевна 47 годами пережила мужа. Она родилась 10 Апрѣля 1772 года и скончалась 9 Августа 1865 г., 93-хъ лѣтъ отъ роду. Мало знакомыхъ сошлось помолиться вокругъ этой поздней могилы. Въ это время года Петербургъ бываетъ пустъ; къ тому же многіе изъ лицъ, облагодѣтельствованныхъ покойною, успѣли уже забыть про ея благодѣянія. Тѣло ея перевезено было въ Москву. Подняли красивый порфирный памятникъ, за полстолѣтіе передъ этимъ воздвигнутый графинею надъ прахомъ обожаемаго мужа. На немъ, на ряду съ старою, вырѣзана была новая надпись: „Блаженны милостивые яко тіи помилованы будутъ“.

Графъ Левъ Кириловичъ оставилъ послѣ себя воспитанника, почтеннаго и всѣми уважаемаго Ипполита Ивановича Подчаскаго (д. т. с. и сенатора), скончавшагося недавно въ Твери, въ глубокой старости, и двухъ воспитанницъ, изъ которыхъ одна была за Шотомъ, а другая за д'Андре. Мать Ипполита Ивановича, Прасковья Михайловна Соболевская, впослѣдствіи вышла замужъ за Ландера.

ГЛАВА VII.

Графы Григорій и Иванъ Кириловичи.

Пятый сынъ графа Кирилы Григорьевича—Григорій, родившійся 10 ноября 1759, съ ранняго дѣтства поражалъ окружающихъ страннымъ своимъ нравомъ. Это былъ слабый, болѣзненный ребенокъ, крайне нервный, всѣхъ чуждавшійся, сосредоточенный и упрямый. Съ юныхъ лѣтъ сталъ онъ выказывать охоту къ ученію, но въ то же время характеромъ своимъ приводилъ въ отчаяніе своихъ педагоговъ. Какъ мы видѣли выше, онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Львомъ путешествовалъ за границею. Вскорѣ послѣ возвращенія отецъ вытребовалъ его въ Малороссію. „Mon petit frère Grégoire", писала къ брату Андрею Наталья Кириловна Загряжская, „est parti pour l'Ukraine. Mon père en a voulu je ne sais trop pourquoi. Il commençait à devenir un peu raisonnable, il se gâtera de nouveau". Въ Малороссіи произошли какія-то непріятности съ графинею Апраксиною и отецъ, уже и прежде любившій сына своего Григорія менѣе другихъ дѣтей, теперь окончательно отъ него отвернулся. „Ma cousine (т.-е. графиня С. О. Апраксина) me deteste plus que jamais", писала далѣе Наталья Кириловна, „depuis qu'elle sait que je suis instruite de tout ce qui s'est passé entre elle et mon frère. Mes frères (Левъ и Григорій) sont toujours chez moi, elle voit combien j'en suis aimée et l'on me rendrait responsable de tout ce qui arrive... Mon frère Gregori m'aime beaucoup depuis son retour d'Ukraine et ne me quitte presque plus. J'en suis enchantée, cela l'empêche de fréquenter la mauvaise compagnie. Il a beaucoup de bon, et s'il était entre de bonnes mains cela ferait un joli sujet. Je l'ai toujours dit, malgré qu'il ne m'aimait guère autrefois comme il me l'a avoué depuis. Grégoire, ma foi", писала она еще въ концѣ 1778 года, „joue la comédie aussi et veut faire la cour aux femmes, mais ne sait comment s'y prendre et avoue de bonne foi sa gaucherie. J'en suis très contente depuis quelque temps. Il ne voit point les filles comme autrefois; il a joué de malheur et manqué y perdre entièrement sa santé. Il est rangé, me témoigne beaucoup de confiance, a envie de s'appliquer et, à quelques ridicules près, il est en vérité bien sage et la bonne société à laquelle il parait prendre gout la corrigera de ses travers. Il me fait rire souvent en me contant de la meilleure foi du monde combien il se trouve sot quand il est avec les femmes". Въ 1779, отправленъ былъ зимою въ Стокгольмъ баронъ Строгановъ для поздравленія короля Густава III съ рожденіемъ сына. Графъ Григорій Кириловичъ упросилъ отца отпустить его съ барономъ и предпринялъ

долгое путешествіе черезъ Лапландію въ столицу Швеціи. Вскорѣ послѣ этого онъ снова отправился за границу и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ жилъ въ Лейденѣ и слушалъ лекціи знаменитаго въ то время профессора Алламана, читавшаго философію и естественную исторію. Подъ его руководствомъ молодой Разумовскій сталъ изучать минералогію и геогнозію. Онъ все предпринималъ съ какимъ-то болѣзненнымъ увлеченіемъ и теперь совершенно забылъ не только про петербургское общество, но даже про семью свою. Изъ всѣхъ братьевъ онъ одинъ былъ некрасивъ лицомъ. Маленькій, неуклюжій и смуглый, какъ и всѣ, впрочемъ, братья, онъ къ тому же былъ страшно обезображенъ оспою. Отецъ во время пребыванія сына въ Голландіи былъ имъ очень недоволенъ, вѣроятно онъ надѣлалъ долговъ, и приказалъ ему ѣхать къ старому гувернёру братьевъ де-Мариніану, руководству котораго онъ его теперь поручалъ. „Mandez moi", писалъ къ Мариніану графъ Андрей Кириловичъ, „que vous a proposé mon père? Que vous dit-on de la famille? Vous pourriez bien en savoir plus que moi. J'ai reçu une lettre du frère Grégoire qui est encore dans les marais Bataves".

„Vous voilà donc", писалъ онъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, „sorti de votre retraite pour reparaitre sur le théâtre du monde, pour y guider une jeune cervelle, à qui je prends intérêt. Dans ce que vous me dites de mon frère il y a de bonnes qualités mélangées de défauts. C'est bien ainsi que je l'ai quitté et c'est ainsi qu'il serait peut-être resté toujours, si son bonheur ne le mettait à portée de s'en corriger auprès de vous. Il a des défauts, mais il n'a point de vices et peut-être même n'a-t-il que de mauvaises habitudes. Vous le connaitrez mieux que moi, dont la position en Russie n'a jamais permis de m'en occuper. Je le voyais rârement même, cependant je crois en avoir une idée assez juste, et, c'est avec bien de la satisfaction que je pense, que votre exemple et la confiance, que vous lui inspirerez, détruiront ses mauvais plis et supléeront aux obstacles, que les circonstances ont apportés au développement de son esprit et de son caractère. Quant au portrait que vous en a fait mon père, il ne faut pas le prendre à la lettre. Mon père a toujours été prévenu contre ce jeune homme par une raison que je n'ai peut-être pas besoin de vous dire ou que je ne vous ferais sentir au moins qu'avec chagrin, c'est qu'il connait peu ses enfants par lui-même et que sur l'extérieur peu prévenant, farouche même de celui-ci, il s'en est fait une idée trop défavorable. Mon frère a été élevé hors de Russie et n'a jamais pû se plier à de certaines choses qu'on ne rencontre que chez nous. A qui la faute? Je n'en sais rien, ou du moins je ne le dirai pas ici. Tout cela nous mènerait loin. Ce n'est point mon intention. Je ne voulais que vous dire deux mots sur votre nouvel élève, le recommander à vos soins et à votre amitié et adoucir un

peu la désagréable impression qu'on vous en a donnée. J'espère mon ami, que vous ne me laisserez point ignorer ses progrès auprès de vous. Vous êtes sans donte à Lausanne maintenant. Je désirerais savoir ce que vous y faites, s'il est question d'études, d'application ou seulement d'un homme qui ne demande qu'un jugement sain et l'habitude de réfléchir, ce qu'on acquérerait sans doute auprès de vous, quand même la nature l'aurait refusée. Combien de temps comptez vous y rester? Quel sera votre plan de voyage ensuite? Ma curiosité est intéressée depuis que vous m'avez flatté d'un voyage en Italie. Ma maison, mon coeur, vous y receveront et je serai bien satisfait, bien heureux de pouvoir me partagé entre le sentiment de la nature envers mon frère et celui d'une tendre reconnaissance envers vous"... „Je viens dans le moment d'écrire à votre farouche compagnon", писалъ еще къ Мариніану Андрей Разумовскій отъ 8 Февраля 1783 года, „je croyais réelement lui avoir répondu et je vous suis obligé de m'avoir fait appercevoir ma distraction. Je lui en demande excuse cordialement. J'espère que cela me réconciliéra et me vaudra quelque confiance de sa part, ce que je souhaite en vérité de bien bon coeur. Ce que vous me dites de lui ne me surprend nullement et j'avouerai ne me déplait pas. Je l'ai toujours connu un peu singulier. Dans la peinture que vous me faites je découvre un caractère sombre et farouche, mais droit, mais honnête et je confesse, mon ami, que j'aime mieux l'énergie que la souplesse et que je préfère la rudesse même à l'inconséquence de la plupart des jeunes gens que je vois dans le monde. Je vous expose ma façon de penser avec franchise. Qu'elle ne vous épouvante pas cependant. Ne me croyez pas l'apologiste outré des défauts que vous trouvez à mon frère. Je les sens, je les condamne comme vous, je n'en excuse que la source, qui me parait trouble comme à vous même. D'ailleurs mes conseils viennent bien à l'appui de vos plaintes. Par amour pour lui, par attachement pour mon père, par intérêt pour tous enfin, empêchez que cette jeune tête ne s'échauffe trop et mettez tout en usage pour le distraire d'une application excessive. C'est bien sagement pensé de faire un voyage dans les environs de votre résidence; il y a des choses bien interessantes à parcourir dans les Alpes et dans ces glaciers fameux, que je regrette si souvent de n'avoir pas vûs. Je lui recommande et à vous aussi de faire la connaissance de m. de Saussure [1]), à Genève. C'est de la part du chevalier Hamilton [2]), à qui j'ai parlé de mon frère et qui

[1]) Горацій-Бенедиктъ де-Соссюръ, знаменитый швейцарскій геологъ и физикъ, р. въ Женевѣ 1740 г., † тамъ же, въ 1799.

[2]) Сиръ Виліамъ Гамильтонъ (р. 1740 † 1803), англійскій посолъ въ Неаполѣ, извѣстный археологъ. Онъ былъ мужемъ знаменитой лэди Гамильтонъ, игравшей важную роль въ Неаполѣ и при Нельсонѣ.

probablement passerà à Lausanne au mois de Mai en grande partie pour voir M. de Saussure dont il fait grand cas. On vous a dit vrai que mon père se rapprochait de la capitale. Il y viendra cet été à ce qu'il me mande dernièrement. J'en suis bien aise; jugez de ce que ses lettres mettaient à venir à Naples. Quand donc est ce que vous y viendrez?"

„Mon frère me propose", писалъ онъ еще отъ 29 Марта 1783 года, „de venir demeurer avec moi. Il me le propose avec une franchise qui me fait plaisir. Mon père, me dit-il, le destine à la politique. Il se croit aussi peu fait pour les affaires que pour le monde et aussi *gauche* (c'est son expression) dans l'un que dans l'autre, cependant il ne veut point désobéir et, en croyant remplir les intentions paternelles, il voudrait venir faire auprès de moi son apprentissage parcequ'il trouverait en même temps à satisfaire dans ce pays-ci son goût pour l'histoire naturelle. C'est ce goût seul qu'il semble avoir consulté et il me flatte infiniment s'il croit pouvoir apprendre quelquechose des affaires auprès de moi. Mon poste n'en offre que très peu et mes talents sont fort médiocres, cependant j'accepte de grand coeur sa proposition. Je serai enchanté de le voir, de vivre avec lui, de faire tout ce qui dépendra de moi pour son agrément et son instruction. Il est donc le maitre de venir occuper un appartement dans ma maison, mais j'espère qu'il n'y viendra pas seul et la satisfaction de vous revoir entre beaucoup dans mes idées".

Добрыя отношенія между Григоріемъ Кириловичемъ и Марин іаномъ продолжались, однако, не долго. Сумрачный мизантропизмъ Разумовскаго приводилъ бѣднаго француза въ отчаяніе. „Il m'en coute beaucoup, mon cher", писалъ къ нему Андрей Кириловичъ, отъ 7-го Іюня 1783 г., „de répondre à votre dernière lettre. Elle m'a profondément affligée, et si je ne désespère pas encore que la réponse de mon père ne répare tout, au moins ai-je perdu cette douce certitude avec laquelle je nourissais l'idée de vous revoir ici. Ce que vous me dites de mon frère, le ton même de sa lettre qui dénote un esprit sombre, et une âme malcontente, tout cela m'étonne et m'affecte. Je ne puis concevoir les motifs de cette tristesse; ils ne me paraissaient point dans son caractère, autant que j'ai pû le connaitre, et je ne démêle point quels peuvent avoir été les chagrins qui les ont fait naitre. J'y ai beacoup réfléchi d'après ce que vous m'écrivez, car je ne puis attribuer sa froideur vis à vis de vous qu'à cette humeur vague et singulière. Comment se peut-il que votre caractère aimant et sensible ne puisse pas vous obtenir sa confiance et son attachement? Je ne puis blâmer votre délicatesse et votre procédé envers mon père, quelques affligents qu'en puissent devenir les consequences pour moi. Mais j'aime à espérer que mon père insistera, qu'il combattra vos raisons,

que votre dévoûment pour lui, votre amitié pour moi, vous feront changer de résolution et que le retour même de mon frère vous y engagera. Je viens de lui écrire, je ne lui ai pas parlé de vous. Il n'est pas ce me semble d'un caractère à recevoir des remontrances ou des reproches, quoique la nature et l'intérêt que je prends à lui m'en puissent donner le droit. Je ne veux pas m'en prévaloir, je n'ose point compter sur sa confiance et ce n'est que par ce sentiment seul qu'on peut prétendre à obtenir quelquechose"...

Но рѣшеніе Мариніана было безвозвратно; несмотря на дружбу ко всему семейству Разумовскихъ, на просьбы Кирилы Григорьевича и краснорѣчивыя письма графа Андрея, долѣе жить съ Григоріемъ Кириловичемъ онъ не былъ въ состояніи и отправился изъ Швейцаріи въ Саксонію, покидая своего сумрачнаго и обидчиваго питомца, успѣвшаго поссориться и съ знаменитымъ де-Соссюромъ, съ которымъ, какъ мы видѣли выше, онъ познакомился черезъ посредство брата Андрея.

„Je vous remercie tristement", говоритъ графъ Андрей въ послѣднемъ изъ дошедшихъ до насъ писемъ къ Мариніану, отъ 16 Января 1784 года, „des détails que contient votre lettre. Dans un mois vous partez... J'ai reçu la brochure de mon frère, je l'ai lûe avec avidité. Je l'ai trouvée trop savante pour moi; je n'ai pas la moindre prétention de la juger de ce côté, mais celui auquel je me suis attaché c'est le raisonnement, s'est la justesse des idées, la simplicité des expressions et j'en ai été satisfait. La petite querelle avec m. de Saussure m'a inquiété. Je l'exhorte à ne jamais se départir du ton de modération qu'il a pris et de conserver toujours la paix avec ses confrères en nature" [1]).

Брошюра, о которой упоминаетъ Андрей Кириловичъ, было вѣроятно сочиненіе о геологическихъ изысканіяхъ въ Швейцаріи, о которой мы упоминаемъ ниже. Это былъ однако не первый печатный трудъ графа Григорія Кириловича, еще въ Лейденѣ онъ напечаталъ статью о малороссійскихъ конскихъ заводахъ (von der Ukrainischen Stutereyen), помѣщенную имъ въ „J. C. Zeihers Lehrbegriff von den Krankeiten der Pferde und deren Heilung. 8-vo, Berlin [2]).

Уговаривая де-Мариніана не разставаться съ братомъ, графъ Андрей Кириловичъ въ то же время старался примирить отца съ чудакомъ-братомъ и въ самыхъ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ говорилъ о его ученыхъ занятіяхъ.

„Читалъ я пространное твое письмо о философѣ нашемъ Григоріѣ",

---

[1]) Всѣ письма къ Мариніану изъ архива князя Разумовскаго.

[2]) См. Fortsetzung und Ergäntzungen zu Chr. G. Jöchers allgemeinen gelehrten Lexicon. Bremen, 1819, VI, 1477. Здѣсь явно ошибочно книга Цейхера помѣчена 1771 годомъ.

отвѣчалъ ему отецъ. „При всей его странности хорошо, что онъ избралъ такое упражненіе, которое и похвально и можетъ быть полезно для молодого человѣка, а ему всегда пріятно. Я не только что на него за сіе не сердитъ, но самъ апробую его упражненіе, яко могущее со временемъ ему славу наносить. Правда, что оно противно военному званію, но что дѣлать когда ни сложеніе его здоровья, ни склонности его къ тому не влекутъ? Много охотниковъ есть, которые его мѣсто займутъ въ военномъ искусствѣ, но въ томъ, куда его судьба влечетъ—мало; а что не имѣетъ стремленія ни къ знатнымъ чинамъ, ни къ декораціямъ имъ свойственнымъ, то сіе рѣдкость неслыханная въ молодомъ человѣкѣ; но почитаю счастливымъ того, который на всѣ сіи суеты съ спокойнымъ духомъ смотритъ и не занимается желаніемъ оныхъ. Такой человѣкъ въ жизни всегда довольнѣе и спокойнѣе быть можетъ. Нашъ философъ, устремившій свои мысли на полезныя знанія и на испытаніе существа натуры, кажется мнѣ, благую часть избралъ, которая не отымется отъ него. Возложеннымъ на него военнымъ чиномъ онъ какъ заниматься, такъ и безпокоиться не долженъ; его черезъ годъ отставить можно будетъ, къ чему я сыщу способъ и писать къ нему о семъ буду. Что касается до его опредѣленныхъ 5,000, я постараюсь такъ учредить, чтобы впредь никакого безпокойства не имѣлъ. Онъ, я вижу, порядоченъ въ издержкахъ и разсчетахъ, чѣмъ ни одинъ изъ васъ похвалиться не можетъ и я бы желалъ, чтобы вы сей статьѣ у него поучились, что̀ самое для васъ и для меня спокойствіемъ бы служило, котораго по сіе время всѣ мы съ сей стороны лишены. За симъ всѣмъ, можешь его съ моей стороны увѣрить, что я крайне какъ его ученіемъ, такъ и поведеніемъ доволенъ. Богъ ему въ помощь, пусть изъ себя онъ дѣлаетъ ученаго человѣка, а я въ томъ ему препятствія дѣлать не буду. Оставляю для него дороги: военную, штатскую и придворную, яко ему несвойственныя, пусть онъ течетъ путемъ и дорогою, которую самъ избралъ. Авось сіе ему послужитъ, а можетъ и доведетъ его со временемъ къ пріятной и спокойной жизни, чего ему отъ сердца желаю“ [1]).

Вслѣдствіе этого отеческаго благословенія, Григорій Кириловичъ окончательно основался въ Лозаннѣ, купилъ себѣ тамъ домъ и учредилъ общество любителей физическихъ наукъ. Въ 1783 году онъ издалъ свое минералогическое путешествіе изъ Брюсселя въ Лозанну (in 8-vo, 218 стр.), а вслѣдъ за этимъ брошюру о геологическихъ изысканіяхъ въ Швейцаріи, о которой упомянули выше (8-vo, 183 стр.)

Оба эти сочиненія скоро разошлись и вторымъ изданіемъ напеча-

---

1) Изъ архива князя Разумовскаго.

таны были въ двухъ томахъ, подъ заглавіемъ: „Oeuvres de Monsieur le Comte Grégoire de Razoumowsky, membre de la société des Sciences physiques de Lausanne, contenant: Tome 1-er: Voyage minéralogique et physique de Bruxelles à Lausanne par une partie du pays de Luxembourg, de la Lorraine, de la Champagne et de la Franche-Comté; Tome II: Voyages minéralogiques dans le gouvernement de l'Aigle et dans le Vallois, suivis de la relation d'un excursion sur le lac de Lucerne ou le lac des 4 cantons, съ рисунками. Lausanne, chez Maurer Cadet. 1784, 2 vol. 8-vo. Первый томъ сочиненій своихъ графъ Григорій Кириловичъ посвятилъ профессору Алламану: „C'est le tribut d'un homme pénétré de reconnaissance pour l'estime et l'amitié que vous eûtes la bonté de lui témoigner, tant pendant son séjour à Leyde que depuis son départ", говоритъ онъ въ посвященіи своемъ. Второй томъ посвящался графу Андрею Кириловичу въ благодарность за поощреніе его къ ученой дѣятельности. „C'est à l'amitié que je dédie mon livre", писалъ графъ Григорій. „Vous avez approuvé, mon cher frère, mes gouts et mes études. Vous avez pris part aux douces jouissances que m'ont procurées mes excursions dans les montagnes; vous avez désiré de me voir auprès de vous, d'être vous-même le témoin de mes courses et de mes travaux, dans ce climat fortuné, cette contrée heureuse, où vous êtes maintenant fixé... [1]). C'est donc à vous, qui marquez tant de confiance à mes faibles talents, à qui je dois l'hommage de mes observations dans un pays, à la vérité, moins riche de merveilles que l'Italie, mais qui n'en est pas moins un des plus charmants et des plus intéressants de l'Europe. Je suis né sensible et je me fais un devoir de vous témoigner ici combien votre amitié m'est chère, combien j'y suis reconnaissant"... Сочиненіе Разумовскаго было оцѣнено современными спеціалистами и удостоилось даже нѣмецкаго перевода. Его перевелъ и издалъ въ Дрезденѣ Чоппе [2]). Кромѣ этого, въ 1789 г., графъ Григорій напечаталъ еще другое сочиненіе: „Histoire naturelle du Jorat et de ses environs et celle des trois lacs de Neufchatel, Morat et Bienne, précédée d'un essai sur le climat, les productions, le commerce, les animaux de la partie du pays de Vaud ou de la Suisse Romande qui entre dans le plan de cet ouvrage, par le C-te G. de Razoumowsky. Lausanne chez Jean Maurer, 1789, 2 vols.

Состоя уже членомъ нѣсколькихъ ученыхъ обществъ, графу Григорію Кириловичу захотѣлось быть избраннымъ и въ только-что учрежденную Россійскую академію. „Теперь стану тебѣ говорить", писалъ

---

[1]) Въ Неаполѣ.

[2]) Herrn Gregorius Graf von Rasumowsky и пр. Mineralogische und physikalische Reisen a. d. Französischen übersetzt V. I. M. Tschoppe und mit Anmerkungen versehen. Dresden, 1788, 8°.

къ сыну Андрею фельдмаршалъ отъ 1 Апрѣля 1786 года изъ Петербурга, „объ упадшемъ въ ученую яму нашемъ философѣ Григоріи слѣпомъ. По поводу письма твоего говорилъ я на сихъ дняхъ о его желаніи съ княгинею Дашковою, чтобы его сдѣлать членомъ академіи, но чтобъ сіе сдѣлалось не для уваженія имени, ниже ко мнѣ, но судя по всей строгости ученой о его сочиненіяхъ, на которыхъ онъ садится и упирается яко на коня и уже въ нѣкоторыя академіи и ученыя общества уѣхалъ и одѣвается сими титулами яко кожею. Сія Минерва весьма такое стремленіе нашего мудреца похвалила и сказала мнѣ способъ, какъ сіе дѣлается въ нашей академіи, т.-е. кто ищетъ быть сочленомъ сего общества долженъ прислать 2 экземпляра всѣхъ его сочиненій отъ мала до велика, изъ которыхъ одинъ княгиня въ библіотекѣ своей оставляетъ, а другой отсылаетъ въ академію, который читаютъ, разсуждаютъ и представляютъ ей, достоенъ ли или нѣтъ приняту быть въ сочлены. Итакъ, отпиши къ нему, чтобы онъ, если сего желаетъ, сдѣлалъ бы по сему писанному, яко по тесанному и прислалъ бы къ тебѣ сіи увражи. Я думаю и не лишнее бы было, если препроводилъ особливымъ письмомъ къ княгинѣ Дашковой, въ которомъ бы и далъ знать о его желаніи при сей посылкѣ-же. Ты же, получа все сіе, можешь адресовать ко мнѣ или прямо къ княгинѣ Дашковой, если бы меня здѣсь не было. Я думаю, сверхъ достоинства по сочиненіямъ, для рѣдкости такихъ членовъ, его оболванятъ“ [1]). Въ то время, какъ велись эти переговоры, Григорій Кириловичъ велъ тихую уединенную жизнь въ Лозаннѣ, занимаясь сочиненіемъ и изданіемъ разныхъ минералогическихъ изслѣдованій. Онъ усердно занимался учрежденнымъ имъ въ Лозаннѣ ученымъ обществомъ и часто помѣщалъ въ запискахъ его свои статьи. Такъ въ 1784 г. въ I томѣ Mémoires de la société des sciences physiques de Lausanne, in 4-to, появилось его: „Voyage aux environs de Vevay et une partie du Vallois“. Графъ Григорій былъ отъ природы очень застѣнчивъ, но въ то же время вспыльчивъ и отъ отца унаслѣдовалъ влюбчивое сердце. Нѣжное сердце при его невзрачности, неловкости и застѣнчивости дѣлало его смѣшнымъ въ обществѣ. Къ тому же, онъ былъ крайне близорукъ. Среди занятій по геогнозіи и минералогіи Разумовскаго захватилъ въ Лозаннѣ наплывъ французскихъ эмигрантовъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ онъ познакомился и мало по малу, по свойственному природѣ его противорѣчію, сдѣлался свѣтскимъ человѣкомъ. Между сотнями французовъ и француженокъ, выселившихся въ то время въ Лозанну, находилось эльзасское семейство Мальсенъ (Malsen—Barons de Tilborch). Мальсены эти были голландскаго происхожденія, но издавна поселились

---

[1]) Архивъ князя Разумовскаго.

въ Эльзасѣ, гдѣ въ 1680 году получили баронское достоинство [1]). Семья состояла изъ матери и дочери. Мать приходилась какъ-то роднею Страсбургскому князю-епископу, кардиналу принцу Рогану, игравшему столь плачевную роль въ послѣдніе годы царствованія Людовика XVI; дочь была умна и образована. Григорій Кириловичъ сталъ ухаживать за дочерью и даже, какъ кажется, за нее сватался. Слухи о сватовствѣ этомъ дошли до Петербурга, и Кирила Григорьевичъ рѣшился вызвать сына въ Россію

„Отъ 31 прошедшаго Октября мѣсяца письмо твое получилъ", писалъ, отъ конца Ноября 1788 года, отецъ изъ Петербурга, „которымъ я увѣдомленъ, что посланныя деньги исправно тобою получены. Что касается до разсчету, то оныя по здѣшнему курсу посылаются, и все равно Людерсъ ли или другой кто свой счетъ наблюдаетъ. О таковой конторѣ, каковую ты мнѣ въ письмѣ твоемъ наименовалъ, я здѣсь никогда не слыхалъ, однакожъ я прикажу справиться, но думаю, что впредь нужды не будетъ, потому что, я полагаю, тебѣ будущимъ лѣтомъ въ отечество возвратиться, гдѣ тебѣ ничто не будетъ мѣшать заниматься по склонности твоей тѣми же занятіями, которыми и въ Лозаннѣ занимаешься, но то будетъ съ лучшею для тебя пользою и благопріятностію; а при томъ, какъ ты ни склонности, ни здоровья, ниже зрѣнія пристойныхъ къ военной службѣ не имѣешь, то и надобно будетъ тебѣ взять отставку отъ оной, а потомъ можешь жить вездѣ, гдѣ пожелаешь въ Россіи или внѣ оной, будучи воленъ и никакою службою не обязанъ. Здѣсь странный слухъ о тебѣ носится или пронесся тому уже нѣсколько времени. Говорятъ, будто бы ты женился тамъ на какой-то купца или посадскаго дочери. Но я сему не вѣрю и не думаю, чтобы ты до такого пункта забылъ себя, чтобъ пріобрѣлъ мнѣ и фамиліи своей столь малозначущихъ и неважныхъ союзниковъ и жду о семъ отъ тебя объясненія"... [2])

На самомъ дѣлѣ графъ Григорій Кириловичъ все еще считался на военной службѣ, и даже въ 1783 г., по старшинству, произведенъ былъ въ капитаны. Ему приходилось волею-неволею вернуться въ Россію, къ тому же онъ былъ влюбленъ и надѣялся отъ отца получить согласіе на бракъ съ дѣвицею Мальсенъ. Передъ отъѣздомъ онъ издалъ новое сочиненіе: „Essai d'un système de transition de la nature dans le règne minéral. Lausanne, 1785. 184 стр. 8-vo". Сочиненія Разумовскаго пользовались уваженіемъ въ ученомъ мірѣ и послѣдняя книга его была два раза переведена на нѣмецкій языкъ, сперва Грейцомъ (Greitz, въ 1786 г. 8. 126 стр., а потомъ и Шоппе (Tshoppe-Dresden.

---

[1]) Одна вѣтвь этого рода поселилась въ Баваріи.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго.

1787. 116 стр. б. in 8-vo). Во время отсутствія графа, Лозанну посѣтилъ Карамзинъ, тогда еще молодой человѣкъ, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ философіи Руссо. „Здѣсь (т.-е. въ Лозаннѣ)", говоритъ онъ въ Письмахъ Русскаго путешественника, „поселился нашъ соотечественникъ, графъ Г. К. Разумовскій, ученый натуралистъ. По любви къ наукамъ, отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право, удалился въ такую землю, гдѣ натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находитъ для себя болѣе пищи; живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ природы и дѣлаетъ честь своему отечеству. Сочиненія его всѣ на французскомъ языкѣ. За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозанну" [1]).

При пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ графъ Григорій Кириловичъ произведенъ былъ въ бригадиры. „Григорій нашъ", писалъ отецъ отъ 13 Сентября 1789 года изъ Москвы въ Петербургъ къ сыну Андрею, „думаю, въ бригадирской арматурѣ смѣшенъ, какъ давно отвыкшій. Что касается до моихъ наставленій относительно впредь до его состоянія, то оное состоитъ въ томъ, чтобъ оставить военную службу, къ которой онъ ни здоровья, ни склонности не имѣетъ, а взять такое званіе, если то возможно, гдѣ онъ съ лучшею пользою употребиться можетъ; вотъ моя мысль и наставленіе ему, о чемъ, посовѣтавшись съ ближними и друзьями, поступать по словеси Евангельскому: ищите и обрящете, толцыте и отверзется, просите и дастся вамъ" [2]). Графъ Григорій повиновался приказанію отца, подалъ въ отставку, и былъ уволенъ бригадиромъ для опредѣленія къ статскимъ дѣламъ. Въ то же время исполнилось давнее его желаніе. По предложенію княгини Дашковой 7 Января 1790 г., онъ былъ единогласно избранъ почетнымъ членомъ Россійской академіи. „Бригадиръ графъ Разумовскій", сказано было въ протоколѣ засѣданія, „пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность своею естественною исторіею Жора (du Jorat) и нѣсколькими замѣчательными изслѣдованіями, которыми онъ обогатилъ записки имъ же основаннаго Лозанскаго общества въ Швейцаріи". Все собраніе одобрило такой выборъ" [3]). Избраніе это надѣлало много шума въ Петербургѣ. Княгиня Дашкова, вслѣдъ за назначеніемъ графа Григорія Кириловича, отправила къ нему связку разныхъ академическихъ изданій, всего на сумму 500 или 600 рублей, требуя немедленной уплаты. Разумовскій, просившій только одной какой-то книги, остальныя изданія

1) Сочиненія Карамзина, изд. Смирдина, II, 301.
2) Архивъ князя Разумовскаго.
3) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, I, 371.

отослалъ обратно, не совсѣмъ вѣжливо объявляя, что въ библіотекѣ своей имѣетъ подлинники этихъ переводовъ [1]). Княгиня возвратила книги, и, какъ говорятъ, при этомъ дала почувствовать Разумовскому, что онъ избранъ въ члены академіи, съ обязанностію пріобрѣтать академическія изданія, и снова требовала за нихъ уплаты. Вспыльчивый Григорій Кириловичъ вмѣстѣ съ книгами вернулъ и дипломъ свой, причемъ написалъ не вполнѣ вѣжливыя письма княгинѣ и секретарю академіи Эйлеру. Въ засѣданіи академіи, состоявшемся 18 Февраля 1790, секретарь Эйлеръ заявилъ, что по порученію княгини Дашковой онъ имѣетъ прочесть и внести въ протоколъ слѣдующее: „Секретарь академіи получилъ обратно отъ графа Григорія Разумовскаго академическій дипломъ при двухъ письмахъ, изъ которыхъ одно адресовано было Княгинѣ, а другое ему, Эйлеру. Выраженія, употребляемыя графомъ въ письмахъ этихъ, когда онъ говоритъ о родинѣ, слишкомъ явно доказываютъ, что возвращеніе диплома, котораго онъ такъ домогался, равно какъ и рѣшеніе окончательно выселиться за границу, происходятъ отъ горестнаго настроенія духа, причинившаго не мало уже скорби всей его семьѣ, поэтому ея сіятельство полагаетъ, что академія должна великодушно предать забвенію такой необдуманный поступокъ, могущій повредить только тому кто совершилъ его и кто, безъ сомнѣнія, будетъ болѣе сожалѣть о своемъ дипломѣ, чѣмъ почтенное собраніе о подобномъ сочленѣ“ [2]).

О протоколѣ этомъ Разумовскій узналъ, уже воротившись въ Швейцарію, и оттуда по этому случаю писалъ къ одному изъ академиковъ слѣдующее:

Лозанна, 12 Мая 1790.

Пріѣхавъ сюда, узналъ я, м. г., что письма мои къ княгинѣ Дашковой и къ г. непремѣнному секретарю академіи Эйлеру, равно какъ и возвращеніе диплома, доставленнаго мнѣ княгинею, породили много ложныхъ толковъ и что въ поступкѣ моемъ нѣкоторые видѣли предвзятое намѣреніе оскорбить академію. Вы, м. г., знаете чувства, которыя я питаю къ знаменитому собранію этому. Потрудитесь же, если вы это сочтете нужнымъ, не оправдывать меня, ибо я нахожу, что поведеніе мое не требуетъ оправданія, но очистить меня, простымъ изложеніемъ правды, передъ гг. академиками. Я думалъ, что веду переговоры лично съ княгинею, а никакъ не съ имѣющею счастіе считать васъ своимъ сочленомъ академіею, которой умѣю вполнѣ воздать должное почтеніе. Буду гордиться и теперь дипломомъ, выданнымъ мнѣ по всѣмъ законнымъ правиламъ самою академіею и приму его во всякое время съ чувствомъ глубочайшей признательности. Полученный

---

[1]) Masson, Mémoires secrets sur la Russie. Ed. Firmin Didot, 210—211.

[2]) Сухомлиновъ, Исторія Россійской Академіи, I, 371.

же мною дипломъ былъ выданъ мнѣ княгинею Дашковою на слишкомъ тягостныхъ для меня условіяхъ. Я думалъ поэтому, что могъ, никого не оскорбляя, возвратить ея сіятельству слишкомъ дорогой для меня подарокъ, платить за который не могъ и не желалъ. Я сохранилъ копіи съ обоихъ писемъ. Онѣ послужатъ подтвержденіемъ всего мною сказаннаго. Если академія того пожелаетъ, я всегда готовъ копіи эти ей представить [1]).

Петербургское общество стало на сторонѣ Разумовскаго, и самъ отецъ, не особенно благоволившій къ сыну, въ письмахъ къ графу Андрею Кириловичу говоритъ: „Если нашъ слѣпецъ досадилъ княгинѣ Дашковой, то должна больше пенять на себя, по причинѣ странныя контрибуціи, которую на него обложить захотѣла. Съ нашимъ философомъ видно, что странности случаются. По желанію его, попалъ въ члены академіи нашей и по возложенной контрибуціи княгинею Дашковою принужденъ лишиться сего для него столь лестнаго званія, коимъ онъ и предо мною хвалится. Я признательнымъ (sic) его талантовъ, но нахожу, что онъ хорошо сдѣлалъ, бросивъ сіе званіе въ глаза той, которая разсудила на его счетъ книжную лавку богатить. Я бы любопытенъ знать, что княгиня сдѣлала, получа его письмо и дипломъ обратно“ [2])?

Мы немного зашли впередъ съ разсказомъ нашимъ. Въ то время, какъ происходили пререкательства съ академіею, или, вѣрнѣе, съ ея президентомъ, графъ Григорій Кириловичъ только и думалъ о томъ, какъ бы вернуться въ любимую свою Швейцарію. Наврядъ ли имѣлъ онъ духу признаться отцу въ любви своей, но онъ о ней говорилъ братьямъ и сестрамъ, а черезъ нихъ, разумѣется, все узналъ и фельдмаршалъ, самъ, впрочемъ, догадавшійся, что любовь влекла сына въ Швейцарію.

„О Григоріи нашемъ писалъ ко мнѣ Петръ Васильевичъ Завадовскій съ неудовольствіемъ о его намѣреніи, чтобы его удержать отъ побѣга въ Швейцарію“, сообщалъ между прочимъ графъ Кирила Григорьевичъ сыну Андрею отъ 22 Ноября 1789 года. „Я думаю, что не Швейцарія его съ ума сводитъ, а какая нибудь швейцарка. Частыя адрессованныя письма, именно всякую почту, меня въ томъ увѣряютъ. Фигура его сколько кажется гнусна, столько и влюбчива, какъ то и вся ваша братія. Въ подобныхъ обстоятельствахъ и самаго мягкаго нрава не гибки бываютъ, а съ такимъ упругимъ, какъ его, и чортъ не сладитъ. Однако старайтесь всѣ его убаять (sic), пригласите въ

---

[1]) Voyage de deux Français dans le Nord de l'Europe. Paris, 1796, 8°, IV, 139—144.

[2]) Архивъ князя Разумовскаго, письма гр. Кирилы Григорьевича, отъ 12 и 27 Февраля 1790 г.

помощь сирену—вашу сестру Наталью. Не поворотить ли его на желаемый путь? А если не преуспѣетъ, то все наше стараніе вотще! Влюбчивость есть мое только гаданіе, въ которомъ статься можетъ, что я и ошибаюсь; но то правда, что онъ воспитанъ внѣ отечества и не въ такомъ суровомъ климатѣ, каковъ нашъ чухонскій. Впрочемъ, какъ только на него взглянуть, то по ипостасіи и по цвѣту лица его заключить можно, что здоровіе его шаткое и слабое. Видя, что его удержать трудно, то я и пишу къ нему письмо въ отвѣтъ на его, которымъ, хотя уговариваю, чтобъ онъ остался въ Россіи, но въ случаѣ невозможности, т.-е. буде вы его уговорить на сіе не можете, опредѣляю ему часть деревень, о которыхъ онъ меня проситъ, чтобъ опредѣлить вмѣсто пенсіону, который онъ по сіе время получалъ. Я думаю, что съ нимъ малыми шагами ступать должно и для того старайтесь уговорить остаться до весны, а тамъ до лѣта; авось до того времени, буде любовишка есть, то попростынетъ и тогда можно шагу прибавить. Постарайтесь ему привить какую нибудь шатулю въ любовницы, тогда увидите, швейцары и швейцарки всѣ полетятъ къ бѣсу, а онъ останется на мѣстѣ своемъ". „О философѣ нашемъ скажу", писалъ далѣе отецъ отъ 7 Декабря, „что, мнѣ кажется, нечего съ нимъ дѣлать. Здоровье его явно оказываетъ, что оно дурно; климатъ, гдѣ онъ теперь живетъ, и лучшему здоровію чувствителенъ; нравъ его суровой и негибкій. Можетъ быть, начитался и затвердилъ правила Руссовы, которыя вовсе несовмѣстныя, а къ тому, если швейцарская Марго его сердце зажгла, то что̀ можетъ противу всего сего стоять и какой разсудокъ подѣйствовать? Когда же всѣ ваши разсужденія суетны, то что̀ уже можетъ подѣйствовать мое заочное письмо? Истинно потерянные будутъ трудъ, чернила и бумага! Итакъ, мое мнѣніе прежде всего взять ему отставку. Сей первый приступъ я почитаю въ столь ретивомъ нравѣ къ нѣкоторому душевному спокойствію, яко доставляющій свободность, которая ему столь дорога. Потомъ уговаривать его не спѣшить ѣхать въ Швейцарію, но воспользоваться лѣтомъ и узнать свое имѣніе, о которомъ онъ идеи не имѣетъ, а если возможно ловить его любовныя письма и недопускать до его рукъ, то бы всего лучше. Тутъ бы вскорѣ зародилась ревность, невѣрность, бѣшеность къ Швейцаріи и всему, яже въ оной. Братъ Петръ вручилъ мнѣ твое письмо", писалъ онъ далѣе отъ 12 Декабря; „какъ оно относится до Лозанскаго философа, то скажу тебѣ, что я на сихъ дняхъ получилъ отъ него письмо, въ которомъ, между прочимъ, проситъ онъ дозволенія сюда пріѣхать, что̀ я ему и дозволяю, но напередъ васъ могу увѣрить, что онъ какъ пріѣхалъ, такъ и уѣдетъ, ибо когда уже вы не могли его съ предпріятой стези спятить, то какъ же мнѣ одному его переворотить. Правда, что я могу употребить насиліе, но сей самый есть

способъ, который его пуще взорветъ и взбѣситъ какъ мину пороховую; итакъ, оставить его той судьбѣ, которую онъ избираетъ. Думаю, что братъ вашъ Левъ подоспѣетъ сюда къ тому времени, когда и швейцаръ, то не уговоритъ ли онъ его къ нашему намѣренію, ибо, по увѣренію И. В. Гудовича, онъ имѣетъ даръ имъ руководствовать паче васъ всѣхъ.... Отъ Швейцарскаго нашего философа (письмо отъ 27 Декабря) получилъ я письмо, которымъ меня увѣдомляетъ, что онъ подалъ Ея Величеству письмо объ его отставкѣ, назначенныхъ деревень ему не предъемлетъ, дабы не причинить мнѣ чрезъ то ни малѣйшаго ущерба и безпокойства, въ стѣсненіи моихъ для прожитія доходовъ и хочетъ быть доволенъ тѣмъ, что ему предъ симъ даваемо бывало. Хочетъ быть ко мнѣ въ Москву повидаться и проститься на малое время и хочетъ очень скоро выѣхать изъ Россіи. На все я ему вкратцѣ отвѣчаю, изъявляя ему мое желаніе здѣсь его видѣть, прежде его отъѣзда изъ Россіи. Письмо его здѣсь влагаю, которое ему доставить постарайся. Удержать его въ отечествѣ и трудно, кажется и не нужно, яко никакого намѣренія не имѣющаго на пользу своихъ, отечества и его собственную. Если онъ влюбленъ, останется онъ тамъ, пока отлюбится; если онъ женится, чего не уповаю, то сіе будетъ съ его жестокимъ нравомъ гробъ всѣмъ его тамъ помышленіямъ; все ему омерзѣетъ, все броситъ и самъ явится къ своимъ. Вотъ моя о немъ и его Швейцаріи мысль, которая, кажется, что онъ со временемъ непремѣнно исполнитъ. Правда твоя“, сообщалъ еще старикъ Разумовскій [1]), „что нашъ философъ бѣжитъ изъ предѣловъ отечества какъ въ миѳологіи Орфей изъ Плутонова царства, съ тою разницею, что первый тащилъ свою Эвридицію за собою, а нашего Швейцарка къ себѣ тащитъ, буде она у него есть! Но какъ вездѣ и на всякомъ мѣстѣ ему комары слонами кажутся, которыхъ онъ пугается и бѣжитъ по его странному нраву, то сомнѣнія нѣтъ, что онъ и оттуда со временемъ возвратится, испугавшись, во-свояси и сдѣлается l'inconstant ramené. Послѣдняя мысль его о дѣлаемыхъ кабàлахъ къ препятствію его отъѣзда всего смѣшнѣе и достойна его помѣшаннаго разсудка“ [2]).

Вернувшись въ Лозанну, Григорій Кириловичъ сообщилъ отцу, что послѣ многотруднаго пути достигъ до края, которымъ восхищается, и гдѣ желаетъ остаться навсегда; что намѣренъ тамъ купить имѣніе въ 100 или 200 тысячъ франковъ швейцарскихъ, а поэтому желаетъ какъ можно скорѣе заложить свои русскія маетности. „Видно“, писалъ отецъ, „что и въ этомъ, какъ и прочихъ его поведеніяхъ, вводится

[1]) Отъ 28 Января 1790.

[2]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

легкомысліе, которое недопускаетъ сдѣлать разсчетъ сообразный обстоятельствамъ, въ которыхъ мы теперь находимся, по причинѣ войны. Денегъ нигдѣ нѣтъ, занять ихъ негдѣ, курсъ нашъ въ Европѣ въ превеликомъ упадкѣ. То-ль время настоитъ, чтобъ не только дѣлать, но и помышлять о такихъ предпріятіяхъ? О неизмѣримое невѣжество и легкомысліе" [1]). Одними требованіями денегъ на покупку имѣнія для окончательнаго водворенія въ Швейцаріи не ограничился Григорій Кириловичъ; въ томъ же 1790 году, онъ письменно сообщилъ отцу о намѣреніи жениться на дѣвицѣ Мальсенъ. Вѣроятно онъ указывалъ при этомъ на примѣръ старшаго брата, только-что женившагося съ разрѣшенія отца на графинѣ Тунъ. Фельдмаршалъ, разумѣется, еще болѣе разсердился на непользовавшагося уже и такъ благоволеніемъ его сына. „Григорій пишетъ ко мнѣ", извѣщалъ онъ Андрея Кириловича, отъ 2 Сентября 1790 г., „о намѣреніи жениться. Превозноситъ свою Дульцинею-швейцарку, фамиліи и предковъ ея, о которомъ имени можешь справиться у сестры твоей Загряжской. Я знаю, что Николай Александровичъ [2]) къ ней писалъ по велѣнію моему. Не можно-ли у швейцаровъ справиться въ Петербургѣ о семъ животномъ? Я думаю, что она или крайняя дура или превеликая плутовка, что въ такую петлю кидается. Союзъ сей, судя по мудрованію нашего чуда, не можетъ продолжаться, хотя бы она ангелъ или чортъ была. Я на сіе его письмо не отвѣчалъ еще ничего, да и спѣшить не намѣренъ, яко къ дѣлу неизвѣстному и приторному... Влюбленный швейцаръ пишетъ ко мнѣ съ негодованіемъ на мое молчаніе и за недавнее переведеніе за его имѣніе денегъ. Виноватъ-ли я и мои правители, что его нелегкая занесла въ Швейцарію, что деньги наши въ упадкѣ, и что онъ не получаетъ опредѣленной ему суммы на половину? Павелъ апостолъ говоритъ: „хощеши-ли не боятися власти, твори благо", а я говорю: коли хочешь полный доходъ получать, живи въ отечествѣ своемъ, между своими ближними и кровными; коли хочешь жениться, избирай благородную жену въ отечествѣ своемъ, а не потаскушку въ Швейцаріи. Оставляющій бо человѣкъ родъ и отчизну по доброй волѣ—извергъ есть и такъ да не пеняетъ. Хорошо, что онъ поѣхалъ во Францію: при столь блаженныхъ устройствахъ въ сей землѣ, можетъ или на фонарь попасть, или позабыть свою Дульцинею, въ томъ или другомъ случаѣ, выигрышъ на нашей сторонѣ". Мы снова приводимъ строгія слова эти, мѣтко изображающія образъ мыслей старика фельдмаршала и знакомящія насъ въ то же время съ судьбою графа Григорія Кириловича. На дѣлѣ однако оказалось, что

---

[1]) Тамъ же, см. I т.

[2]) Загряжскій, мужъ Натальи Кириловны.

относительно невѣсты сына Кирила Григорьевичъ ошибался. Швейцарская Марго или Дульцинея, какъ ее называлъ фельдмаршалъ (болѣе сильныя выраженія мы опускаемъ), была вовсе не дура и въ плутовствѣ неповинна. Ее вѣроятно прельстилъ несомнѣнный умъ графа Григорія, ученая его репутація, или же, можетъ быть, рѣшилась она, по французскому обычаю, на приличный бракъ (mariage de convenance). Положеніе эмигрантовъ было самое плачевное, имя же Разумовскихъ извѣстно въ Европѣ, по которой ходили самые преувеличенные толки о несмѣтномъ ихъ богатствѣ. Какъ бы то ни было, но умная, образованная баронесса Генріетта Мальсенъ сочеталась бракомъ съ графомъ Григоріемъ Кириловичемъ. Во Францію онъ ѣздилъ для вѣнчанія, которое совершено было тамъ по обрядамъ латинской церкви [1]).

Но если фельдмаршалъ ошибался относительно нравственныхъ качествъ своей невѣстки, онъ только слишкомъ вѣрно предугадалъ развязку этого непріятнаго для него брака. Графъ Григорій недолго наслаждался семейнымъ счастіемъ. Въ 1793 г. онъ уже разошелся съ женою и окончательно покинулъ Швейцарію. По дорогѣ изъ Гаги, куда ѣздилъ для свиданія съ братомъ Иваномъ, онъ писалъ изъ Франкфурта-на-Майнѣ къ брату Андрею:

„Quoique vous m'ayez un peu oublié, mon cher frère, depuis une certaine époque, que bien vous savez [2]) et où j'ai recu les dernières marques de votre amitié, je ne m'en réjouis pas moins, que les instructions de mon père, conformes à mes désirs, me mettent à même de rentrer en Russie, de passer par Vienne et de vous embrasser de nouveau. Le malheur que j'ai eu de perdre presqu'entièrement l'usage de ma main droite, malheur qui me retiendra plus longtemps en route que je ne l'espérais et qui m'ôte la faculté de me servir de la plume, m'empêchent d'entrer ici dans les détails sur les idées de mon père au sujet de mon voyage et autres objets y relatifs, sur lesquels je serais charmé d'avoir votre avis. Je vous envoie ci-jointe sa dernière lettre, qu'il m'a adressée à la Haye et que vous aurez la bonté de me rendre à Vienne. Vous m'obligerez infiniment en écrivant à mon père de lui mander les causes qui me mettent dans l'impossibilité de lui donner de mes nouvelles de Vienne, ainsi que je comptais le faire et qui selon toute apparence m'ôteront le pouvoir de lui en donner encore de Kieff, comme il le désire. Mais dans ce cas je lui en ferai parvenir par quelqu'un de nos parents, si j'en trouve dans cette ville, où par quelqu'un de ses gens, si je ne puis le faire autrement, à moins que

---

1) Архивъ кн. Разумовскаго.

2) Эти слова относятся къ женитьбѣ графа Григорія.

d'ici à ce temps les eaux chaudes, que vous avez à quelques milles de Vienne et que mon médecin me conseille, ne me procurent quelque soulagement. Engagez aussi mon père à m'excuser auprès de mon frère Léon, qui par la même occasion m'a écrit une longue lettre à laquelle je suis d'autant plus mortifié de ne pouvoir répondre que c'est la seule marque de souvenir, qu'il m'ait donné depuis 8 à 9 ans. Faites bien je vous prie mes compliments à votre femme et rappelez moi, s'il se peut, à sa mémoire. Je me réjouis d'autant plus de la revoir qu'on m'avait fort alarmé, il y a quelque temps, sur sa santé. Malgré le plaisir que j'aurais à être auprès de vous, je ne me promets pas grand agrément du séjour de Vienne, mon étât ne me permettant pas seulement de m'habiller. Les vêtements les plus larges, tels qu'une robe de chambre ou un surtout, étant les seuls que je puisse supporter"...[1]).

Въ Іюнѣ того же года Григорій Кириловичъ былъ уже въ Петровскомъ и, какъ видно, желалъ окончательно поселиться въ Россіи и поступить на службу. „Григорій“, писалъ отецъ къ Андрею Кириловичу, „весьма, къ удивленію всѣхъ насъ, перемѣнился. Тяжелую голову педанта промѣнялъ на легкую петиметра! Не знаю о послѣднемъ жалѣть или радоваться?.. Чтобы Григорію въ службу поступить—то трудно, ибо испорченное не поправишь. Ты самъ свидѣтель, какъ онъ хорошо было себя съ начала пріѣзда въ столицу ознаменовалъ и каково подло подъ конецъ выглянулъ, а таковымъ поступкомъ истребилъ вовсе въ чужихъ и даже своихъ зародившееся доброе мнѣніе съ перваго взгляда“ [2]).

Въ Россіи Григорій Кириловичъ скучалъ: „Григорій“, писалъ отецъ, „со всѣми элеганціями ведетъ скуку въ Петербургѣ“. Однако онъ на родинѣ остался на нѣсколько лѣтъ и только въ 1799 году снова сталъ „бить табалу по Европѣ“, вслѣдствіе какого-то скандала. „Отъ шалуна нашего Григорія нечего другого было ожидать какъ такого поступка, которымъ онъ увѣнчалъ свои неистовства“, говорилъ отецъ въ письмѣ къ Андрею Кириловичу отъ того же года. Прежнюю страсть къ женѣ замѣнила слѣпая къ ней ненависть. Съ семьею своею онъ прервалъ всякое сношеніе. Вообще всѣ Разумовскіе, начиная съ отца, смотрѣли, не безъ нѣкотораго основанія, на графа Григорія, если не совсѣмъ какъ на помѣшаннаго, то, по крайней мѣрѣ, какъ на человѣка съ сильнымъ толчкомъ. Не знаемъ гдѣ провелъ графъ Григорій первые годы нынѣшняго столѣтія. Въ 1804 году, уже послѣ смерти отца, Левъ Кириловичъ писалъ къ брату Андрею: „J'ai appris avec plaisir que vous avez réussi à vous rapprocher un peu de notre extravagant

---

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.

[2]) Тамъ же.

frère. C'est un soulagement pour le coeur et le votre surtout que de se disculper d'un tort envers quelqu'un avec qui on ne doit point en avoir, quelqu'il soit“ [1]). Около этого же времени, Григорій Кириловичъ купилъ себѣ дачу въ Баденѣ, близъ Вѣны, а въ Тріестѣ сталъ строить великолѣпный дворецъ, который впослѣдствіи проданъ имъ былъ вдовѣ короля Мюрата, графинѣ Липона, долгое время въ немъ жившей, послѣ паденія Наполеона I. Вѣроятно въ Баденѣ, Разумовскій познакомился съ нѣмкою, баронессою Терезіею-Елизаветою Шенкъ-де-Кастель. Фамилія Шенкъ принадлежитъ къ числу древнѣйшихъ швабскихъ родовъ. Баронство получила она въ XVII столѣтіи, а въ лѣтописяхъ упоминается уже въ XII. Какъ и гдѣ познакомился Григорій Кириловичъ съ Кастель, намъ неизвѣстно, но онъ на ней женился въ 1806 году въ Тріестѣ. Бракосочетаніе совершено было въ „*Фенескомъ Парохѣ*“, православнымъ греческимъ іеромонахомъ Викентіемъ Родичемъ. Вслѣдствіе этого графъ считалъ второй бракъ свой единственно-законнымъ, такъ какъ при первомъ православнаго вѣнчанія не было. Графъ Григорій на 30 лѣтъ былъ старѣе новой жены своей. Она родилась 1790 года и за него вышла совершеннымъ ребенкомъ. Слухи о второмъ бракѣ Григорія Кириловича дошли до Петербурга и Швейцаріи. Наталья Кириловна съ тѣхъ поръ стала брата своего называть: „mon frère l'épouseur“; графиня же Генріетта Разумовская, вмѣстѣ съ матерью, баронессою Мальсенъ, поспѣшила въ Петербургъ, чтобы отстоять права свои и доказать незаконность второго брака графа Григорія. Никто изъ родства Разумовскихъ не захотѣлъ ее принимать, но у графини Генріетты были письма, отъ швейцарскихъ и парижскихъ друзей, къ поселившимся въ Россіи эмигрантамъ, изъ которыхъ впрочемъ она многихъ знала лично, и къ дипломатамъ, акредитованнымъ въ то время при петербургскомъ дворѣ. Особенно сблизился съ нею графъ Іосифъ де-Местръ и черезъ него графиня Генріетта и мать ея коротко познакомились съ тою частью высшаго петербургскаго общества, которое явно склонялось къ католицизму. Г-жа Свѣчина, княгиня Щербатова, графиня Головина и другія, охотно ее и мать принимали и вскорѣ подружились съ остроумными и любезными иностранками, положеніе которыхъ не лишено было романтизма. У Свѣчиной встрѣчали онѣ всѣхъ тогдашнихъ петербургскихъ умниковъ и передовыхъ людей, между прочими Н. Н. Новосильцева, братьевъ Тургеневыхъ, рѣзко отличавшихся отъ своихъ сверстниковъ серьёзнымъ направленіемъ, искренностію убѣжденій и глубокими познаніями. Графиня Разумовская была женщина вполнѣ способная оцѣнить такого рода собесѣдниковъ. Черезъ Тургеневыхъ сблизилась она и съ Жуковскимъ.

[1]) Архивъ кн. Разумовскаго.

Между тѣмъ, благодаря связямъ своимъ въ высшемъ обществѣ, а главное—съ Новосильцевымъ, баронесса Мальсенъ съ дочерью успѣла, несмотря на противодѣйствіе семейства Разумовскихъ, добиться до представленія ко двору, чѣмъ явно признавалось законное положеніе въ свѣтѣ графини Генріетты.

„Je ne sais si je vous ai dit", писала Наталья Кириловна Загряжская къ брату своему Андрею, „que la femme de notre frère Grégoire a été présentée. On a eu le bon esprit de ne pas souffler le mot avant et je ne l'ai sû que quand la chose a été faite. Tout cela s'est fait par Novosiltzeff sur lequel elle a, dit-on, un grand ascendant et la preuve est que les protection ..... [1]) ont obtenu une somme très considérable de l'Empereur d'une manière qu'on ne prête pas ordinairement. L'Impératrice douairière n'a pas dit le mot quand ces dames lui ont été présentées, mais la jeune Impératrice s'est crue dans l'obligation de leur parler. Que dites vous de tout cela, mon bon ami? Et ce serait une question qu'on pourrait souvent répéter [2]).

Между тѣмъ, во время похода 1813 года, Григорій Кириловичъ со второю своею женою встрѣтили въ Тёплицѣ, куда они ѣздили на леченіе, Императора Александра Павловича. Государь, всегда рыцарски учтивый съ дамами, встрѣтилъ какъ-то жену Григорія Кириловича; она ему повѣрила свое щекотливое положеніе и просила о покровительствѣ для себя и для малолѣтнихъ дѣтей своихъ. Просьба красивой и несчастной молодой женщины подѣйствовала на Государя, онъ почтилъ ее своимъ визитомъ, велѣлъ выдать ей паспортъ, подъ именемъ графини Разумовской, для въѣзда въ Россію и обѣщалъ озаботиться о дѣтяхъ.

„Il y a longtemps, m-r le comte", писалъ, около этого времени Григорій Кириловичъ къ графу В. П. Кочубею, „que vous n'avez entendu parler de moi, et sans les devoirs du sang et ceux de l'honneur, qui me font reprendre la plume en ce jour, vous seriez sans doute resté dans une parfaite ignorance sur un malheureux trop longtemps persécuté par le sort et qui, à ce titre, n'a plus d'amis. Je n'ai peut-être, m-r le comte, que des droits fort usés pour compter sur votre bienveillance. Il fût un temps où vous n'étiez qu'un jeune homme et j'eus alors avec vous des relations de jeunesse, qui ne laissent pas toujours des racines profondes, même dans les âmes les mieux nées. Depuis vous devintes ministre et homme d'état et moi, continuant à être „rien, pas même académicien", comme disait Piron, je n'ai eu durant cette époque d'autre rapports avec vous que... *des rapports de commerce.* Vous

---

[1]) Не разобрано.

[2]) Изъ архива князя Разумовскаго.

m'achetâtes mes terres [1]) et j'eusse désiré pouvoir vous les vendre toutes, si le destin ne m'eut encore arraché cette bonne fortune, n'ayant eu qu'à me louer de votre loyauté à mon égard. Enfin, voici venue la 3-me époque de mes relations avec vous, qui peut devenir la plus précieuse pour moi, si vous souvenant que vous avez épousé une de mes nièces [2]), vous voulez bien faire retomber une partie de l'affection que vous avez vouée à mon sang, sur un objet qui me touche de plus près encore, sur une épouse chèrie, une mère de famille, qui se rend à Pétersbourg avec un passeport que notre Auguste Souverain, dont la religion avait été un temps surprise, a daigné lui remettre, après l'avoir accueilli, l'avoir entendu avec une bonté vraiment paternelle. Il a daigné s'attendrir sur notre triste position et promettre même de se charger du soin de nos enfants, qui, vu la manière dont j'ai été traité dans ma propre famille, ne peuvent fonder des espérances bien brillantes sur l'héritage de leur infortuné père. Je recommande bien fortement ce cher objet de mes affections les plus tendres et les plus légitimes à votre amitié, à votre bienveillance, dont elle est, assurément, très digne à tout égard [3]).

Графиня Генріетта тѣмъ временемъ, своимъ умомъ и тактомъ, успѣла плѣнить не только большую часть петербургскаго большаго свѣта, но еще и враждебную себѣ Наталью Кириловну, которую старикъ Разумовскій называлъ сиреною семьи. Когда Григорій Кириловичъ со второю женою прибылъ въ Петербургъ, онъ нашелъ, что все общество было противъ него возстановлено и что всемогущая Наталья Кириловна открыто покровительствовала графинѣ Генріеттѣ. Съ тѣхъ поръ онъ сестру возненавидѣлъ и прервалъ съ нею всякія сношенія.

„Quant au frère Grégoire", писалъ отъ 8 Февраля 1815 года Петръ Кириловичъ, къ брату Андрею: „il est très vrai qu'il poursuit ici la cassation de son premier mariage. Les deux femmes portant notre nom sont ici l'une et l'autre. Mon frère Grégoire qui est venu chez moi quelquefois a voué la haine la mieux conditionnée à cette première, elle s'exhâle dans toute sorte d'anecdotes qu'il raconte et qu'il écrit sur son compte. Cette disposition retombe aussi sur ma soeur Zagriajsky qui est la seule de la famille, qui reçoive chez elle presque tous les jours cette première femme, je ne sais trop pourquoi, parceque il n'y a que la loi qui fixera notre opinion sur l'une ou l'autre [4]).

---

[1]) Князь В. П. Кочубей купилъ у гр. Гр. Кир. въ Саратовской губ. Волжскаго уѣзда большое имѣніе: Широкій Буеракъ.

[2]) Марія Васильевна Васильчикова.

[3]) Архивъ гр. Уварова.

[4]) Архивъ кн. Разумовскаго.

Разумовскіе помѣстились на Коломнѣ, въ бѣдномъ домикѣ г-жи Готовцевой. Графъ Григорій Кириловичъ объявилъ свой первый бракъ недѣйствительнымъ, такъ какъ онъ не былъ совершенъ по обрядамъ православной церкви, тогда какъ во второй разъ онъ былъ благословленъ въ греческомъ храмѣ, греческимъ іеромонахомъ. Начался процессъ, надѣлавшій не мало шума въ свое время въ петербургскомъ обществѣ. Среди процесса заболѣла баронесса Мальсенъ и скончалась въ 1816 году.

„Je suis chargé, Madame", писалъ къ Свѣчиной графъ де-Местръ, отъ 17 Августа, „par votre bonne amie, m-me la comtesse Rasoumowsky, d'une triste commission auprès de vous, celle de vous faire part de la mort de sa bonne maman, la pauvre Baronne de Maltsen que nous avons accompagnée aujourd'hui à la demeure éternelle. Elle est morte Lundi 14, vers 5 heures du matin, entre les bras de sa fille et de la fidèle Carizé (?). M-me Viollier [1]), qui occupe en ce moment une petite maison de campagne sur la route de Peterhof, tout près de Catherinenhof, a très à propos enlevé cette pauvre comtesse et l'a emmenée avec elle. Je vais la voir, la princesse Scherbatoff fait merveille de son côté, enfin nous faisons ce que nous pouvons. Mais combien vous nous manquez et combien vous avez été regrettée dans cette triste occasion par la *malheureuse veuve*, car c'est son titre! M-me de Maltsen a pris des remêdes qui lui brûlaient le sang. En les prenant elle disait: vous me tuez. Après sa mort le médecin a décidé qu'elle avait un abcès dans la poitrine et qu'il n'en savait rien. Là dessus la pauvre comtesse s'arrache les cheveux et prétend qu'elle est coupable de n'avoir pas empêché l'usage de ces remêdes. Jugez comment elle pouvait se battre avec Stoffsin (?)! Oh médecine!.. Pour en revenir à votre triste amie, elle avait grande envie de revenir incessament en ville et de se loger près de l'église, mais il n'y a plus moyen. La maison comme vous savez, madame, est en l'air [1]), on ne sait à qui elle appartient. L'Empereur n'a rien décidé avant de partir. Les syndics disent qu'ils ne sont plus syndics, depuis qu'on leur a signifié l'oukase Impérial. Ils refusent d'accepter les loyers qui s'accumulent. On ne voit pas de raison pour que cela finisse. J'espère, avec la grâce de Dieu, que la maison sera détruite avant qu'on sâche à qui elle appartient. Hier avant de nous séparer le dernier mot de la pauvre femme fût: „N'est ce pas que vous lui écrirez?" Vous êtes bien persuadée, madame, que ma parole ne se fit pas presser. Dès que votre

---

[1]) Жена извѣстнаго художника-портретиста, долго жившаго въ Россіи.

[2]) Здѣсь рѣчь идетъ объ Іезуитскомъ домѣ на углу Б. Итальянской и Екатерининскаго канала. Іезуиты были только-что изгнаны изъ Петербурга (см. выше).

m'achetâtes mes terres [1]) et j'eusse désiré pouvoir vous les
si le destin ne m'eut encore arraché cette bonne fortu
qu'à me louer de votre loyauté à mon égard. Enfin
3-me époque de mes relations avec vous, qui pe
précieuse pour moi, si vous souvenant que vous
mes nièces [2]), vous voulez bien faire retomber
que vous avez vouée à mon sang, sur un ob
près encore, sur une épouse chèrie, une m
à Pétersbourg avec un passeport que notr
religion avait été un temps surprise,
l'avoir accueilli, l'avoir entendu avec
Il a daigné s'attendrir sur notre tr
se charger du soin de nos enfants
traité dans ma propre famille, n
brillantes sur l'héritage de leu
fortement ce cher objet de m
légitimes à votre amitié,
ment, très digne à tout é

Графиня Генріетта
пѣла плѣнить не толь
но еще и враждебну
зумовскій называлъ
второю женою пр
было противъ н
открыто покро
сестру возне

„Quant
Петръ К
ici la c
notre
chez
pr
c

...вался вполнѣ
...ъ римско-католической
...тѣйшій Синодъ призналъ второй
...незаконнымъ; второй женѣ его запре-
...и фамилію Разумовскихъ, а на самого графа
...жить церковную эпитимью [2]). Извѣстіе это какъ гро-
...несчастную баронессу Шенкъ-де-Кастель. Она была
...женщина, жизнь ея съ взбалмочнымъ и вспыльчивымъ Ра-
...кимъ была не красна, а теперь вдругъ оказалось, что она вовсе
...замужемъ и что дѣти ея незаконны. Положеніе несчастной было
вполнѣ драматическое. Съ ужасомъ думала она объ участи сына и
дочери и въ горѣ родила второго сына. Она еще однако слѣпо надѣялась
на покровительство Государя. Александръ Павловичъ, соболѣзнуя груст-
нымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились молодая мать, удру-
ченная недугомъ и малолѣтныя дѣти, готовъ былъ помочь несчастной,
но права графини Генріетты были несомнѣнны; къ тому же, за нее

---

¹) C-te de Falloux, Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres. Paris, Aug. Vatou, 1860, 8⁰, p. I, 237—239.

²) Изъ архива Свят. Синода.

ояла, имѣвшая громадный вѣсъ въ обществѣ, Наталья осударь, основываясь на словахъ графа Григорія, думалъ, ъ былъ совершенъ во Франціи только по граждано оказалось, что былъ и обрядъ духовный. Однако, министру юстиціи Д. П. Трощинскому повелѣно дѣло. Между тѣмъ графиня Генріетта, увѣодѣ процесса, рѣшилась покинуть Петербургъ, гдѣ она сама намыкалась не мало горя. Она Тургеневыхъ и другихъ друзей своихъ, ириловича денежныя обязательства, коуществованіе и уѣхала въ Парижъ, -Местръ.

Наталья Кириловна, къ графу parler de mon frère Grégori. st partie avec les Maistre. re sa femme légitime. Je laissée généralement est ne je la regrette beaurien vu qui lui fasse , писала она далѣе, „a été ne, mais comme ce coquin de Loe Plesco (т.-е. Псковъ), qui ne pouvait st un fameux jurisconsulte, il a imaginé je lerie, pour renouveler le procès. Galitzine dit que marche tout à fait inutile... Pour en revenir à Grégoire, it un libelle contre sa première femme où il l'accuse de vol, empoisonnement et d'ivrognerie. Voyez, mon ami, comme on va loin, quand on ne va pas le droit chemin! [1]).

Самъ Григорій Кириловичъ велъ дѣятельную переписку съ братомъ Львомъ и въ слѣдующихъ письмахъ сообщалъ о своемъ положеніи.

I.

„Me voici de nouveau à la campagne, le long de la Carpowka", писалъ онъ отъ 28 Мая 1817, „non loin du jardin des apothicaires, où je fais promener le plus que possible ma pauvre femme dont la santé est aussi dérangée que le peuvent souhaiter nos atroces ennemis et ennemies. Heureusement il en est un dont je suis débarassé du

---

[1]) Архивъ гр. Уварова. Есть преданіе, что графъ Г. К. напечаталъ пасквиль на первую жену свою.

amie aura repris un peu de force et de sang-froid, vous verrez arriver une grande lettre d'elle? [1]).

Среди заботъ и безпокойствъ по процессу своему, Григорій Кириловичъ продолжалъ заниматься минералогіею. Онъ былъ избранъ въ члены коммиссіи, назначенной Императорскимъ петербургскимъ минералогическимъ обществомъ для разработки разныхъ вопросовъ по народному образованію, заданныхъ правительствомъ; кромѣ того онъ издалъ, въ 1816 году, новое сочиненіе: „Coup d'oeil géognostique sur le Nord de l'Europe en général et la Russie en particulier. St.-Pétersbourg, 1816, 8-vo.

Дѣло о двоеженствѣ Григорія Кириловича продолжалось долго. Графъ сначала говорилъ какъ власть имущій, прямо ссылаясь на милостивый пріемъ, сдѣланный женѣ его Государемъ. Дѣло поступило въ Святѣйшій Синодъ. Тамъ большинствомъ голосовъ рѣшено было, вслѣдствіе совершенія брака по одному только чину римской церкви, передать разсмотрѣніе законности его римско-католическому митрополиту Сестренцевичу-Богушу. Сестренцевичъ, на основаніи декрета бывшаго при дворѣ россійскомъ папскаго посла, Халкедонскаго архіепископа Маркграфа Іоанна Андрея Аркеттія, отъ 3 Февраля 1784 г., пригласилъ къ обсужденію этого дѣла кіевскаго наименованнаго епископа-суффрагана и двухъ каноннковъ могилевской архіепархіи и рѣшилъ дѣло это суммаріиномъ (sic) процессомъ или сокращеннымъ порядкомъ, не подлежащимъ никакой апелляціи. Рѣшеніемъ этимъ первый бракъ графа Григорія Разумовскаго признавался вполнѣ законнымъ по всѣмъ каноническимъ правиламъ римско-католической церкви. Вслѣдствіе такого отвѣта, Святѣйшій Синодъ призналъ второй бракъ Григорія Кириловича незаконнымъ; второй женѣ его запрещено было носить титулъ и фамилію Разумовскихъ, а на самого графа положено было наложить церковную эпитимью [2]). Извѣстіе это какъ громомъ поразило несчастную баронессу Шенкъ-де-Кастель. Она была достойная женщина, жизнь ея съ взбалмочнымъ и вспыльчивымъ Разумовскимъ была не красна, а теперь вдругъ оказалось, что она вовсе не замужемъ и что дѣти ея незаконны. Положеніе несчастной было вполнѣ драматическое. Съ ужасомъ думала она объ участи сына и дочери и въ горѣ родила второго сына. Она еще однако слѣпо надѣялась на покровительство Государя. Александръ Павловичъ, соболѣзнуя грустнымъ обстоятельствамъ, въ которыхъ находились молодая мать, удрученная недугомъ и малолѣтныя дѣти, готовъ былъ помочь несчастной, но права графини Генріетты были несомнѣнны; къ тому же, за нее

---

[1]) C-te de Falloux, Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres. Paris, Aug. Vatou, 1860, 8°, p. I, 237—239.

[2]) Изъ архива Свят. Синода.

открыто стояла, имѣвшая громадный вѣсъ въ обществѣ, Наталья Кириловна. Государь, основываясь на словахъ графа Григорія, думалъ, что первый бракъ былъ совершенъ во Франціи только по гражданскимъ законамъ, но оказалось, что былъ и обрядъ духовный. Однако, 25 Марта 1816 года, министру юстиціи Д. П. Трощинскому повелѣно было вновь разсмотрѣть дѣло. Между тѣмъ графиня Генріетта, увѣренная въ успѣшномъ исходѣ процесса, рѣшилась покинуть Петербургъ, гдѣ скончалась мать ея и гдѣ она сама намыкалась не мало горя. Она успѣла, благодаря стараніямъ Тургеневыхъ и другихъ друзей своихъ, получить отъ графа Григорія Кириловича денежныя обязательства, которыя нѣсколько обезпечили ея существованіе и уѣхала въ Парижъ, вмѣстѣ съ графомъ и графинею де-Местръ.

„Depuis votre départ", писала Наталья Кириловна, къ графу Льву Кириловичу, „je n'entends plus parler de mon frère Grégori. Il s'est arrangé avec Henriette et elle est partie avec les Maistre. Quant à l'histoire du mariage, elle est encore sa femme légitime. Je suis obligée de dire que l'opinion qu'elle a laissée généralement est toute à son avantage. Quant à moi je l'avoue que je la regrette beaucoup et que depuis que je la connais je n'ai rien vu qui lui fasse tort... Le procès de mon frère Grégoire", писала она далѣе, „a été jugé en faveur de la première femme, mais comme ce coquin de Loewenhagen a acheté la terre de Plesco (т.-е. Псковъ), qui ne pouvait être vendue et que c'est un fameux jurisconsulte, il a imaginé je ne sais quelle diablerie, pour renouveler le procès. Galitzine dit que c'est une démarche tout à fait inutile... Pour en revenir à Grégoire, il a fait un libelle contre sa première femme où il l'accuse de vol, d'empoisonnement et d'ivrognerie. Voyez, mon ami, comme on va loin, quand on ne va pas le droit chemin! [1]).

Самъ Григорій Кириловичъ велъ дѣятельную переписку съ братомъ Львомъ и въ слѣдующихъ письмахъ сообщалъ о своемъ положеніи.

I.

„Me voici de nouveau à la campagne, le long de la Carpowka", писалъ онъ отъ 28 Мая 1817, „non loin du jardin des apothicaires, où je fais promener le plus que possible ma pauvre femme dont la santé est aussi dérangée que le peuvent souhaiter nos atroces ennemis et ennemies. Heureusement il en est un dont je suis débarassé du

---

[1]) Архивъ гр. Уварова. Есть преданіе, что графъ Г. К. напечаталъ пасквиль на первую жену свою.

moins pour le moment. Elle est enfin partie et si Thetys est d'accord avec les Euménides, elle retournera aussi heureusement qu'elle est arrivée. Quoiqu'il en soit mon arrangement, fort avancé, comme vous le savez, avec elle avant votre départ, a été complétement terminé avant le sien. Elle a reçu 90,000 rbles en bonne partie en lettres de change et m'a donné une renonciation formelle de toute autre prétention pécuniaire sur moi à l'avenir. Les actes ont été dressés par devant notaire public et sans me compromettre en aucune manière, puisque je n'ai pas transigé directement avec elle, mais par la voie de Loewenhagen, à qui j'ai donné un plein pouvoir pour racheter une fois pour toutes par le capital constitué par cette somme de 90,000 rbesl assignats de banque, la pension de 6,000 rbles que je faisais à *la personne qui les recevait.* On a voulu faire quelques difficultés sur ce que *je ne voulais pas entrer en relation directe*, mais enfin on a souscrit à ce que j'ai voulu. Quant à Loewenhagen je lui dois la justice, il s'est exécuté on ne peut plus galament. J'ai éprouvé *un nouveau désagrément* qui heureusement ne peut avoir aucune suite pour moi en comptant comme je le fais sur la justice de l'autorité suprême, c'est la signification faite par un prêtre *d'une condamnation à une épithémie de sept ans!* Je les recuse en vertu de pressants motifs qui *depuis longtemps* ont mis mon affaire hors de cette cathégorie, puisque depuis longtemps elle a été officiellement remise au ministre de la justice, marche dont j'attends l'issue, et en produisant la lettre également officielle du ministre, qui m'en donne communication comme pièce justificative. Ces deux documents produisirent une grande surprise, car on avait ignoré l'état des choses tel que je le faisais connaitre et la démarche, de manière que tout en restera là selon toute apparence... Ce qui m'affecte le plus c'est l'effet que notre triste position produit sur ma pauvre femme, dont la santé dépérit sensiblement, mais je compte sur la bonté de ma cause qui ne peut manquer de se montrer dans son jour aux hommes sensés et intègres, et sur l'équité et l'humanité de qui il appartient. Je compte qu'on ne laissera pas languir plus longtemps dans les angoisses et l'incertitude une malheureuse famille, dont on connait bien la situation.

II.

4 Juillet 1817.

Hélas, ma position est bien différente de la votre. Vous vivez dans le monde. Vous savez tout ce qui s'y passe et vous avez dans le fond de votre sac de quoi rire ou raisonner amplement de la gente orgueilleuse ou ridicule qu'on appelle espèce humaine. Moi, au contraire, je suis un solitaire qui ne connait que mon intérieur et ne puis parler

compétemment non seulement d'affaires qui me sont etrangères, mais même des miennes, assez semblable à une eau stagnante que des polissons s'amusent à remuer pour la rendre sâle et la couvrir de mauvaises herbes et d'ordures de toute espèce. La seule chose qui me console à un certain point, si les mauvais succès des méchants et des scélérâts peuvent consoler l'homme de bien, c'est que ceux qui se sont tant agités pour enfanter ce sâle bourbier, s'y sont plongés tous entiers et sont encore dégoutants de la boue du déshonneur et de la honte dont ils ont cherché à noircir d'autres mille fois mieux qu'eux. Puisse cette crasse pésant sur leur conscience la reveiller enfin et lui rendre le mouvement si jamais elle en fût douée. Quant à moi, n'ayant pas de reproches à me faire, n'ayant de ma vie fait de mal à personne qu'à moi, on peut me persécuter, les coups du sort peuvent m'accabler, mais mes féroces ennemis ne pourront se vanter de m'avoir abattu, ni m'empêcher au sein de la félicité domestique de m'écrier avec le heros grec:

Heureux qui satisfait de son humble fortune,
Libre du joug superbe où l'on est attaché
Vit dans l'état obscur, où les dieux l'ont caché.

III.

16 Août, 1817.

.... J'aurais préféré d'avoir vû aussi mes possessions en Allemagne devastées pas l'ennemi, j'y aurais aussi été rétablir l'ordre, mais retenu inhumainement pendant 3 ans loin d'elles sans autre cause que de m'avoir tenu le bec dans l'eau si longtemps à plusieurs centaines de lieues de distance, et comme si l'on avait eu l'intention de me ruiner de fond en comble, voilà ce qui est véritablement épouvantable et d'une barbarie digne du siècle où nous vivons, où l'on traite les hommes ses semblables en chair, en os et en facultés intellectuelles, comme des meubles de bois ou de pierre qu'on place et déplace à volonté, sans qu'ils aient le droit de sentir défaillir leur coeur, ni de dire tout haut qu'on les a horriblement lésés. Il me semble en vérité que depuis 28 ans qu'on travaille l'espèce humaine en tout sens, on est parvenu au XIX siècle à en faire une râce d'animaux plus animaux que jamais. Mais en voilà assez sur ce sujet, car mes lettres pourraient vous ennuyer à force de philosopher, d'autant que la mode de la raisôn et de la saine philosophie commence grandement à passer. Mais que voulez-vous? C'est un travers qu'il faut passer à mon âge et surtout depuis qu'appris par les évènements à bien juger les hommes et les choses, il m'est devenu impossible de voir sans cesse toucher et tendre des cordes trop sensibles sans qu'elles résonnent quelquefois.

Un des incovéniants de l'étât d'indécision et de vague dans lequel on a plongé l'affaire qui m'a ammené dans ce pays-ci qui n'est pas des moindres, c'est d'encourager l'insolence de la partie adverse, qui vient de m'écrire de Paris, uniquement pour me faire des menaces. Cette femme fait vraiment honneur à ses protecteurs, car elle est une preuve vivante qu'ils savent animer un tas de boue et lui donner de la consistance. Peut-être enfin verrai-je terminer cette interminable affaire, puisque le destin qui dispose singulièrement de moi et des miens a voulu que la santé de ma femme se dérangea à un tel point que nous ne pourrons point encore partir avant l'été de l'année suivante, du moins je l'espère.

IV.

24 Septembre.

..... J'ai passé cet été à la campagne au bord de la Carpowka comme le précédent, et nous y avons eu un assez beau temps en général ce qui m'en eût rendu le séjour aussi agréable que possible, si ma femme se fût bien portée et eût pu en jouir comme moi. Mais le sort, qui se plait sans relâche à nous persécuter au physique, comme au moral, a voulu qu'elle fit une maladie très pénible qui l'empêche de se promener et de se donner le mouvement cependant nécessaire pour son étât, maladie qui s'est terminée jusqu'à un certain point par un accident qui l'a mise aux portes de la mort pour un moment... C'est cette maladie qui nous a empêché de quitter ce pays où nous n'avons plus rien à faire que des voeux pour le prompt retour de l'accomplissement de ce projet, que je nourris toujours avec complaisance depuis que je m'apperçois avec une sorte de certitude que nous devons être victime de l'impudeur et de la férocité et qu'on voudrait nous faire mourir ici de chagrin ou de faim. Heureusement une force d'âme extraordinaire et un courage que j'admire moi-même, nous fait supporter avec la fierté qui doit caractériser l'homme digne de ce nom, pour faire rougir un jour des ennemis cruels ou lâches et non provoqués, de tous les excès de leur barbarie. En attendant j'emplois mes loisirs à ma science favorite. J'ai consacré l'été à l'étude des objets de la nature qui m'environnent. Je les rassemble, je les classe maintenant, je rédige mes nombreuses notes et je prépare au monde savant une flore et une faune Ingriennes, qui certainement me feront quelque honneur au sein des heureuses contrées favorisées du ciel et de toutes les jouissances que procure la culture et l'esprit auxquels je les destine. Vous comprenez déjà par ce qui précède qu'il nous reste peu d'espoir à moi et aux miens. Ceux que nous croyions pour nous ne le sont peut-être pas. Les infortunés n'ont jamais d'amis et de vils

trembleurs ne peuvent jamais en avoir le nom ni les sentiments et cela sera, cela doit être toujours ainsi, tant que la fortune, plus sotte encore que ceux qu'elle élève, placera au haut de sa roue ceux qui deveraient être en bas... Les sentiments tendres que je vous ai voués et tout ce qui s'y rattache sont désormais, avec ceux que je conserverai toujours pour mon excellente soeur la c-sse Elisabeth, presque les seuls liens qui me retiennent encore à une ingrate patrie...

V.

Ce 14 Décembre.

C'est avec chagrin, mon cher frère, que je vois notre correspondance plus languissante qu'elle ne devrait l'être entre deux personnes tenant l'une à l'autre par des liens plus forts encore que ceux du sang, souvent très faibles dans le siècle où nous sommes, par ceux de l'amitié la plus tendre et la plus sincère, fondée sur une similitude de sentiments, de principes et de manière de voir, que le sang assimile rarement. Mais votre main tremble et vous êtes obligé de vous livrer malgré vous aux distractions du monde et des cours, depuis que le souverain est dans le sein de la première capitale des Czars. Et moi je suis toujours accablé de soucis et d'occupations, qui se sont même accumulés, au moment où je voulais déjà prendre la plume pour vous écrire, par une commission, honorable assurément, mais en même temps pénible et délicate, que l'administration du gouvernement se rattachant à l'instruction publique à donné à la société Impériale minéralogique de cette ville, qui a nommé à la pluralité des voix une commission de six membres à cet effet, au nombre desquels je me suis trouvé contre mon attente et obligé en conséquence, par le devoir que ce choix m'imposait, d'émettre une opinion détaillée sur l'objet soumis à notre examen. J'ai enfin rempli ma tâche et suis maintenant libre sous ce rapport. Ayant fait baptiser mon fils dernier né pendant que vous étiez ici, je lui ai imposé un nom qui me sera toujours cher, celui de Léon que vous portez. Ma femme d'après tout ce qu'elle sait de vous par moi, pénétrée d'estime et de l'amitié d'une véritable soeur pour votre personne, s'est réunie à moi pour désirer avec empressement de le lui donner. Il me retracera toujours le souvenir précie ux des biens courts instants, où j'ai joui de votre présence et de votre société, surtout lorsque loin de ce pays, ce souvenir, au milieu de tant d'autres, qu'à mon âge, où tout s'appesantit sur le coeur et l'esprit, je ne pourrai jamais écarter de mes tristes pensées, viendra me consoler et m'apparaitre, comme ces jours purs et sereins, qui percent quelquefois à travers le ciel presque constamment nébuleux de ces climats glacés.

Puissiez vous, mon cher frère, n'être point incommodé par les froids qui se font sentir cet hiver, comme nous l'avons été moi et ma famille dans la maison mal construite et difficile à chauffer que nous habitons [1]).

Не напрасно опасался графъ Григорій Кириловичъ за исходъ своего процесса. Министру юстиціи, правда, предписано было снова разсмотрѣть все дѣло, но какъ митрополитъ Сестренцевичъ, такъ и святѣйшій синодъ, несмотря на вмѣшательство верховной власти, снова подтвердили свои прежнія рѣшенія. Графъ тогда обратился прямо къ Государю съ просьбою о заступничествѣ, о дозволеніи ѣхать за границу и о дарованіи женѣ его заграничнаго паспорта какъ графинѣ Разумовской. На это отъ имени Государя было отвѣчено: 1) что дѣло было по высочайшему повелѣнію передано министру юстиціи на новое разсмотрѣніе, такъ какъ предполагалось, что состоявшійся во Франціи первый бракъ не былъ совершенъ священникомъ; 2) что Его Величество не почелъ возможнымъ входить въ продолженіе дѣла этого, такъ какъ оно было рѣшено митрополитами: православнымъ и католическимъ и утверждено святѣйшимъ синодомъ; 3) что рѣшеніе синода должно быть приведено въ законное дѣйствіе, и 4) что для выѣзда графа за границу затрудненія не имѣется, но что баронессу Шенкъ де-Кастель въ паспортѣ должно прописать только подъ этимъ именемъ, такъ какъ она на имя графа Разумовскаго правъ не имѣетъ [2]).

Несчастная вторая жена Григорія Кириловича не выдержала удара,—она умерла отъ отчаянія.

..... „J'ai été courir", писала отъ 5 Сентября 1818 года, къ брату Льву, графиня Елизавета Кириловна Апраксина, „à la campagne de la princesse Schahovskoy, où on a fêté le jour de nom de ma soeur. Nous y sommes restées 3 jours. Le lendemain de ma rentrée en ville on m'annonce le maitre de police Gorgoli, qui vint me prier d'aller chez mon frère Grégoire, qui était dans un étât de désespoir affreux, parceque sa femme venait d'expirer. J'ai vite monté en voiture et j'ai été chez lui. Il y a aujourd'hui huit jours que le triste évènement a eu lieu. Je ne l'ai presque pas quitté, excepté un jour où toutes les scènes lugubres m'avaient si fort bouleversée, que j'ai été malade et presque couchée toute la journée. La pauvre femme est morte de chagrin. Au dire de tous ceux qui la connaissaient, elle dépérissait à vue d'oeil depuis que leurs affaires avaient pris une tournure défavorable. Elle a eu une indisposition provenant d'un refroidissement. Cinq jours après, quoiqu'elle était assez malade, les médecins ne déséspe-

---

[1]) Архивъ графа Уварова.

[2]) Изъ подлиннаго дѣла, хранящагося въ св. синодѣ.

raient pas, quand quelqu'un a eu l'imprudence de lui apprendre la sentance foudroyante pour elle que l'Empereur avait prononcé, à l'occasion d'un passeport qu'elle avait demandé pour aller à Vienne, où des affaires l'appelaient. A cette nouvelle elle a été au désespoir, l'inflammation en a été la suite et elle est morte le surlendemain matin. J'ai crû que mon frère devenait fou les premiers jours... Maintenant il est plus calme, mais il est au lit avec la fièvre. J'aurais bien voulu profiter des ces tristes moments pour le ramener dans la bonne voie, mais malheureusement nous avons à lutter contre des principes enracinés depuis bien longtemps... Je lui ai mené hier m-me Chvostoff [1]), qui vraiment s'y est prise très adroitement et c'est elle qui a fait le plus d'effet sur lui. Je prie notre bon Seigneur tous les jours d'avoir pitié de lui et de venir à notre secours. Les enfants sont bons. Il y a un fils qui a déjà 13 ans, la fille en a onze et le dernier qui est encore un garçon en a à peu près deux, il l'a appellé Léon en votre honneur et m'a dit vous l'avoir écrit. Je vous dirai franchement qu'il est très affligé de ce que vous ne lui écriviez jamais et que vous ne lui aviez pas répondu à cette lettre où il vous parlait de la naissance de ce fils... J'avoue que les pauvres enfants sont l'objet de ma solicitude. Vous connaissez mon frère. Si on ne parvient pas à le rammener de ses erreurs, que deviendront ces infortunés? Sa douleur calmée, il prendra certainement des maitresses. Il ne se gêne ni en paroles, ni en actions et ses enfants peuvent être témoins de toute la dépravation de leur père. J'ai appris ces jours-ci par les amies de la défunte [2]), qu'elle avait pour cette raison cherché à placer ses enfants dans des pensions. J'ai pris la petite chez moi en attendant, au risque de voir tomber sur moi la malédiction de toute la famille, mais mon bon Maître me voit et me juge, je n'ai que Lui en vue dans toutes mes actions. Pussais-je avoir le bonheur de Lui être agréable en quelque chose. Cependant je ne puis espérer la garder toujours. Ma santé est si faible et si je viens à lui manquer, que deviendra-t-elle? Son frère est en pension chez Chabot depuis un an, il y est parfaitement bien et, comme mon frère veut partir, ma première idée a été de laisser cet enfant dans cette pension jusqu'à la fin de son éducation. Vous savez que NN. est à présent à la tête de l'instruction. Il a fait venir Chabot et lui

---

[1]) Александра Петровна Хвостова, рожденная Хераскова. Женщина весьма умная, находившаяся въ сношеніяхъ со всѣми литераторами и образованными людьми того времени. Она окончида жизнь въ глубокомъ благочестіи.

[2]) Главная пріятельница несчастной баронессы была г-жа Языкова, рожд. графиня Мантейфель, отъ сына которой, генерала Языкова, бывшаго директоромъ училища Правовѣдѣнія, мы слышали много подробностей о семействѣ гр. Г. К. Разумовскаго.

a dit: „vous pouvez compter que je ne metterai pas le pied dans votre pension tant que vous aurez un jeune homme que vous faites passer pour un comte Rasoumowsky“. Le maudit intérêt voilà ce qu'il produit... Voilà le monde! Je crois pourtant que nulle part il n'y a eu amalgame malheureux comme dans ma famille... [1]).

С.-Петербургская консисторія, узнавъ, что графъ Григорій Кириловичъ поселился около Казанскаго собора, въ домѣ Штера, куда онъ переѣхалъ послѣ смерти жены, возложила исполненіе синодскаго указа на отца протоіерея Петра Мысловскаго, ключаря Казанскаго собора. Мысловскій предложилъ графу явиться въ консисторію для выслушанія рѣшенія и просилъ его указать кто его духовный отецъ. Графъ отвѣчалъ, что 25 Марта 1816 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе снова разсмотрѣть все дѣло. Мысловскій о такомъ отвѣтѣ донесъ митрополиту с.-петербургскому Михаилу Десницкому, который обратился съ отношеніемъ къ князю А. Н. Голицыну. Князь Голицынъ на запросъ преосвященнаго отвѣчалъ, что графъ Разумовскій проситъ паспорта за границу, для леченія на минеральныхъ водахъ, по разстроенному здоровью и спрашивалъ не встрѣтитъ-ли духовное начальство какого затрудненія къ выдачѣ паспорта. Высокопреосвященный отозвался, что если въ заграничномъ городѣ, гдѣ графъ Разумовскій намѣренъ поселиться, есть православный священникъ, подъ началомъ котораго графъ согласенъ будетъ пройти эпитимью, то съ своей стороны онъ выдачѣ паспорта не противится. На запросъ Голицына по этому поводу, Разумовскій отвѣчалъ что имѣетъ намѣреніе поселиться въ Вѣнѣ и на дачѣ своей въ Баденѣ, а что духовникомъ себѣ избираетъ состоящаго при вѣнскомъ посольствѣ священника, впрочемъ исполнять обязывается только то, что ему по дѣлу его высочайше повелѣно будетъ.

Несчастную свою супругу графъ Григорій Кириловичъ похоронилъ на Смоленскомъ иновѣрческомъ кладбищѣ. Надъ могилою ея поставлена была, существующая и понынѣ пирамида изъ сѣраго мрамора, съ слѣдующими надписями: съ одной стороны: „La nudité de ce monument sans épitaphe et sans inscription dit aux âmes sensibles et honnêtes tout ce qu'il est possible de dire“, съ другой: „Ce monument a été élevé le 28 Oct. 1818, V. S. par le Comte Grégoire de Razoumowsky“. Лѣтъ десять тому назадъ тщаніемъ генерала Языкова, первая надпись была измѣнена, и на лицевой сторонѣ пирамиды теперь читаемъ: „Comtesse Elise Rasumowsky née en 1790 † en 1818.

Скоро послѣ кончины несчастной Елизы де-Кастель, такъ какъ по закону другого имени ей дать нельзя, скончался графъ Левъ Кири-

---

1) Тамъ же.

ловичъ. Судьба морганатической семьи брата его очень тревожила передъ смертью. Графиня Марія Григорьевна, для которой каждое желаніе мужа было закономъ, объявила что она беретъ на воспитаніе дочь Григорія Кириловича.

Устроивъ судьбу дочери, графъ Григорій съ сыновьями поѣхалъ въ Вѣну, навсегда покидая ненавистную ему родину. Онъ перешелъ съ дѣтьми въ протестантство, принялъ австрійское подданство и жилъ, то въ Вѣнѣ, то на дачѣ своей въ Баденѣ, то, наконецъ, въ Моравскомъ имѣніи своемъ Рудолецъ. Въ 1819 году вышло вторымъ изданіемъ въ Берлинѣ сочиненіе Разумовскаго: „Coup d'oeil géognostique" и пр. Въ предисловіи къ этому изданію графъ говоритъ, что горы, возвышенности и самыя равнины Россіи чрезвычайно любопытны въ геогностическомъ отношеніи, и что онъ подробнѣе бы ихъ изслѣдовалъ „еслибы les malheurs d'une épouse adorée, qu'une mort violente effectuée par un crime atroce m'a trop tôt enlevé dans ces funestes contrées et les persécutions affreuses et sans nombre que j'ai essuyé pendant près de cinq ans d'un séjour forcé à Pétersbourg, ne m'eussent cruellement détourné des objets de mes études et de mes travaux. Mais l'état d'arrestation dans lequel on m'avait mis durant ce temps, comme si j'eusse été un prisonnier de guerre ou un débiteur récalcitrant, sans aucun motif apparent ni légal d'une telle lésion du droit des gens, ne m'a presque pu permettre de faire un pas hors de chez moi sans être environné d'entraves toujours renaissantes. Qu'ils sachent au reste ceux qui ont creusé la tombe de l'intéressante Elise, qu'elle vit encore et vit malgré eux dans les coeurs de tous les honnêtes gens et de beaucoup de malheureux abandonnés ou poursuivis par l'aveugle fortune... Elle n'était venue mourir en Russie qu'attirée par les promesses flatteuses du chef de l'empire que justice lui serait rendue... Un jour plus heureux que celui qui jette maintenant des lueurs si sombres sur toute une famille qu'on a plongée dans un abime d'infortunes, verra paraitre la défense de l'intéressante victime que pour l'honneur de l'humanité on n'eût pas du me mettre dans le cas de défendre.

Всѣ эти преслѣдованія и притѣсненія, разумѣется, существовали только въ головѣ графа Григорія, до конца послѣдовательно упрекавшаго всѣхъ и вся за тѣ грустныя послѣдствія, къ которымъ привело его собственное самодурство. Дѣти Григорія Кириловича были признаны въ Россіи дворянами и Разумовскими, но не графами. Вскорѣ послѣ смерти Петра Кириловича, графъ Григорій написалъ изъ Вѣны отъ 13 (25) Ноября 1824 года слѣдующее письмо къ брату, свѣтлѣйшему князю Андрею Кириловичу, путешествовавшему въ это время по Италіи.

Mes infirmités m'ont empêché de vous écrire jusqu'à présent, mon

cher frère. Je vous avoue aussi que la crainte de troubler vos moments heureux par les tristes détails de mes maux y a beaucoup contribué. Quoique les circonstances nous ont empêché de vivre ensemble dans une intimité fraternelle, je rends cependant assez de justice à la bonté de votre coeur, pour être persuadé que ma malheureuse existence vous aura touché peut-être quelquefois. A présent que mon coeur est ouvert à la joie et au bonheur par la présence de tous mes enfants et de mon excellente belle-soeur [1]), qui me témoigne le même intérêt et la même amitié dont mon bon frère Léon m'a toujours comblé, je prends la plume quoique d'une main tremblante pour m'entretenir avec vous d'une chose qui pèse sur mon coeur. A qui puis-je m'ouvrir, si ce n'est à celui qui par la noblesse de son âme et la générosité de son caractère n'a pas voulu plonger le dernier coup de poignard dans mon sein, en mettant obstacle à ce que mes pauvres et innocents enfants portassent le nom qui fait la base de leur existence et avec lequel ils sont parvenus à cet âge, où il faut bien du courage pour supporter l'espèce d'arrêt de mort qui pèse sur leurs têtes infortunées. Après mon frère Léon, vous êtes celui qui m'avait témoigné le plus d'intérêt. Il est vrai, je n'ai pas eu à me plaindre de mon frère Pierre. Je sais qu'il n'a jamais voulu voir celle qui a causé mon malheur; c'était une preuve évidente de l'intérêt qu'il me portait et de sa loyauté. Il n'a pas oublié non plus mes enfants, car quoiqu'il ait détourné une grande partie de sa fortune en faveur d'autres parents, il a légué un capital au nom de mes enfants, capital très modique à la vérité en comparaison de ce qui me revenait de droit, mais je ne lui en suis pas moins reconnaissant. Ni moi, ni mes enfants ne sommes accoutumés au luxe; j'ai toujours vécu de privations et ce n'est certainement pas l'idée de voir mes enfants réduits à la misère qui m'effraie le plus. Dieu n'a jamais abandonné les orphelins, mais c'est l'affligente et terrible perspective de leur avenir qui me force à vous exposer mes justes craintes. Peut-être sont-elles mal fondées, mais un père qui n'a d'autre consolation que ses enfants et qui ne sait combien encore à son âge il lui sera permis de vivre, ne peut envisager d'un oeil indifférent cet avenir, qui peut être troublé par quelque membre de la famille, qui n'aura aucune espèce de délicatesse. L'arrivée à Vienne de celle qui a fait le malheur de ma vie, me met dans un étât d'anxiété difficile à exprimer. Elle vient chercher la ruine de mes enfants, je n'en puis douter. Je demande votre protection, mon cher frère, contre ses intrigues; faites tout ce que vous pourrez pour mettre à l'abri l'honneur de mes enfants. L'ainé est officier, il fait déjà plus d'honneur à son nom que les fils de mon frère Alexis.

[1]) Графиня Марія Григорьевна жила въ то время въ Вѣнѣ.

Mais serait-ce les défendre aux yeux de l'univers entier, que de les priver à l'époque la plus intéressante de leur vie du nom qu'ils ont porté jusqu'à présent. Je me jette dans vos bras, mon cher frère, et réclâme toute votre protection pour mes enfants. Vos services éminents vous ont acquis les bontés, la confiance de l'Empereur et l'estime et la considération de l'Europe entière. Vous pouvez tout. Votre famille s'éteint; réfléchissez-y, cher frère. Pourquoi doit-on sacrifier mes enfants? Faites tout ce que votre belle âme vous suggèrera dans cette occasion; vous attirerez sur vous la bénédiction du ciel. Si je ne vous ai jamais encore parlé, c'est qu'il m'en coutait de toucher cette corde, et d'ailleurs vous avez déjà reçu mes enfants, et Max en uniforme, cela suffisait alors à mon bonheur et ma tranquillité; mais aujourd'hui je suis tourmenté par l'apparition subite de cette femme et je crains tout pour mes enfants. Pardonnez, cher frère, les lamentations d'un malheureux père qui craint d'emporter dans la tombe le remords d'avoir causé le malheur de ces innocentes créatures. Il m'est venu deux idées que je veux vous communiquer: l'une que vous ayez la bonté d'écrire à l'Empereur Alexandre pour lui demander la légitimation de mes enfants, comme il parait qu'il n'y a plus de fortune à hériter, les parents ne peuvent être alarmés de cette démarche; je ne doute pas que la chose se fasse et ce ne serait pas le premier exemple. La famille s'éteindrait dans les deux individus, fils de mon frère Alexis, la légitimation de mes enfants ne fera donc de tort à personne et sauve leur honneur. Une autre idée est que moi, ayant mes possessions dans les étâts de l'Empereur d'Autriche et mon fils ainé se trouvant au service de ce Monarque, ne pourrait-on pas trouver les moyens de consolider leur existence légale dans ce pays? Donnez-moi votre avis, cher frère, car je crains de mourir avant d'avoir assuré solidement le sort de mes enfants. Je frémis en songeant à leur avenir, ils ont une carrière bien longue à parcourir. Pardonnez la longueur de ma lettre en faveur du motif sacré qui me l'a dicté. Je l'ai écrite à plusieus reprises, n'ayant pas eu la force de le faire tout d'un trait. Lisez-la de même et suivez l'impulsion de votre coeur". **Какъ кажется, князь Андрей внялъ мольбѣ больного брата. По крайней мѣрѣ, сыновья Григорія Кириловича въ Австріи и Германіи постоянно назывались Разумовскими и титуловались графами. Что же касается до пріѣзда графини Генріетты въ Вѣну, то эта замѣчательная по уму и сердцу женщина прискакала, узнавъ что бывшій мужъ ея опасно заболѣлъ. Въ то время въ Парижѣ находилась княгиня В. А. Репнина. Прежде чѣмъ рѣшиться на путешествіе, графиня Разумовская пріѣхала къ ней за совѣтомъ. Княгиня была тронута такимъ самоотверженіемъ и вполнѣ одобрила**

намѣреніе графини [1]). Григорій Кириловичъ ее не принялъ и мы видѣли выше впечатлѣніе, произведенное на него пріѣздомъ жены.

Нѣжныя попеченія о дѣтяхъ у Григорія Кириловича изливались болѣе на бумагѣ; собственно онъ никогда не переставалъ быть страшнымъ эгоистомъ, постоянно сваливая на чужую шею послѣдствія своихъ собственныхъ проступковъ. Въ то время, какъ онъ трогательно описывалъ свою заботливость о сыновьяхъ, гостившая у него графиня Марія Григорьевна писала къ графу Уварову:

„Il voudrait s'emparer de tout ce qui appartient aux enfants pour accumuler la collection de pierres qui encombre tellement sa maison, qu'il ne peut donner une chambre à son fils ainé, quand il vient en congé chez lui. Je ne comprends pas comment le plafond ne s'écroule pas“ [2]).

Графъ Григорій Кириловичъ скончался 3 Іюня н. ст. 1837 года въ имѣніи своемъ Рудолецъ, въ Моравіи. Онъ оставилъ послѣ себя много неизданныхъ сочиненій. Въ печати, со времени его окончательнаго переселенія за границу, кромѣ второго изданія Coup d'oeil géognostique, появилось еще: Observations minéralogiques sur les environs de Vienne. Vienne 1821, in 4. Кромѣ того, онъ открылъ въ Силезіи новый минералъ. Это былъ видъ Коземицкаго Примелита, лишеннаго части своихъ водянистыхъ частей. Минералъ этотъ названъ былъ въ честь графа Григорія Кириловича *Razoumowskin* и подъ этимъ именемъ до сихъ поръ извѣстенъ ученому міру.

Графъ Григорій Кириловичъ былъ членомъ королевскихъ академій: Стокгольмской, Туринской и Мюнхенской, минералогическихъ обществъ: С.-Петербургскаго и Іенскаго, Императорскаго московскаго общества естествоиспытателей, Цюрихскаго физическаго общества, Базельскаго физико-медицинскаго и Туринскаго аграрнаго.

Отъ второго непризнаннаго въ Россіи брака своего Григорій Кириловичъ имѣлъ двухъ сыновей: 1) Максимиліана (Макса), служившаго въ австрійскихъ войскахъ, и женатаго на графинѣ Мариспани (Marispany); онъ умеръ бездѣтнымъ въ Италіи, въ 1849 г., во время похода графа Радецкаго; 2) Льва Григорьевича, любимца отца. Онъ 14 лѣтъ состоялъ адъютантомъ при владѣтельномъ герцогѣ Саксенъ-Кобургскомъ, а потомъ былъ „сенешаломъ“ герцогства Кобургскаго. Онъ былъ женатъ на дѣвицѣ Лёвенштейнъ, уроженкѣ береговъ Рейна, и отъ нея имѣлъ нѣсколько человѣкъ дѣтей, между прочимъ сына Камилла. Левъ Григорьевичъ скончался въ Ниццѣ, въ 1868 году. Дочь Григорія Кириловича, Елизавета Григорьевна, воспитана была графинею Маріею Гри-

---

[1]) Разсказано княгинею В. А. Репнинною.

[2]) Изъ архива гр. Уварова.

горьевною, которая надѣлила ее приданымъ и выдала замужъ за графа Адама Готлиба Мольтке-Гвитфельда (Moltke-Hvitfeld), бывшаго долгое время датскимъ посланникомъ во Флоренціи. Сынъ ихъ, графъ Левъ Мольтке, женатый на баронессѣ Зейбахъ, внучкѣ государственнаго канцлера графа Нессельрода, находится съ 1860 года Датскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

Передъ тѣмъ, чтобъ закончить повѣствованіе наше о потомствѣ графа Григорія Кириловича, не можемъ не посвятить нѣсколько словъ законной его супругѣ, графинѣ Генріеттѣ Разумовской. Это была, какъ мы уже замѣтили, женщина вполнѣ замѣчательная. Покинувъ Петербургъ, послѣ кончины матери, она основалась въ Парижѣ и, продолжая дѣятельную и дружескую переписку съ Петербургскими и Туринскими друзьями [1]), съумѣла окружить себя самыми примѣчательными и притомъ лучшими людьми тогдашней Франціи. Гостиная ея, rue du Bac, № 27, стала извѣстна всему Парижу. Гизо, Дежерандо, Августинъ Тіерри, Ройе-Колларъ, Ремюза̀, Кузенъ, Бролье, Вильменъ были ея близкими друзьями и ежедневными собесѣдниками. Она была въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Каподистріа, а для Тургеневыхъ была какъ-бы сестрою. Черезъ нихъ подружилась она и съ Жуковскимъ. „Графиня Разумовская", писалъ о ней поэтъ нашъ, „прототипъ умной, живой, огненной француженки" [2]). На рукахъ графини умеръ молодой Сергѣй Тургеневъ, она же поскакала въ Лондонъ, чтобы сообщить горестное извѣстіе это брату его Николаю Ивановичу. За то Тургеневы привязаны были къ графинѣ всею силою любящихъ сердецъ своихъ. Все родство Разумовскихъ, посѣщавшее Парижъ, бывало у графини Генріетты и обходилось съ нею какъ съ близкою родственницею. Въ концѣ 1827 года графиня сильно заболѣла. „Графинѣ хуже да хуже", писалъ къ брату Николаю А. И. Тургеневъ изъ Парижа отъ 14 Декабря 1827 года, — „консультація не можетъ сладить съ болѣзнею, ибо она старинная и ничего не дѣйствуетъ... Мы не отходимъ отъ нея, т.-е. Гизо и дѣвицы Дилонъ. И Ройе-Колларъ бываетъ ежедневно... Графиня предчувствовала конецъ свой и мнѣ объ этомъ говорила. Никакія средства и старанія не упускаются, но надежды очень малы... Я такъ готовъ ко всему и такую вѣру имѣю въ Провидѣніе, что смотрю на все земное какъ на скоропреходящее... Цѣлый день толпились здѣсь дамы, братья Гизо, Cousin, Вильменъ, Fauriel и проч. Графиня видимо слабѣетъ. Она чувствуетъ давно свое положеніе и прежде имѣла предчувствіе. Девенъ, я и другіе сердились на нее за ея безпрестанныя напомина-

---

[1]) Де-Местрами.

[2]) „Русскій Архивъ", 1875, III, 320.

нія о близкой смерти, когда она казалась въ цвѣтущемъ здоровьѣ.. а теперь мы на самихъ себя сердимся за наше безвѣріе и начинаемъ вмѣстѣ съ докторами всего страшиться. Друзья и пріятели не отходятъ отъ нея, она пожелала видѣть приходскаго священника вчера, но не хотѣла исповѣдоваться, сколько онъ ни настаивалъ, а сегодня и не приняла его. Она говорила мнѣ, что онъ глупъ, а сама она trop vive была съ нимъ. Сохраняетъ всю свѣжесть ума; но уже не говоритъ. Всѣ дѣла свои устроила и все давно уже приготовила на случай смерти. Она видитъ мою за тебя благодарность и все повторяла, какъ спокойна за тебя и какъ увѣрена, что ты любишь ее и сохранишь къ ней память и дружбу" [1]).

„Еще дышетъ наша благодѣтельница", извѣщалъ тотъ же Тургеневъ Жуковскаго, „но сегодня рано утромъ при мнѣ и графинѣ Saint-Aulaire потребовала приходскаго священника не для исповѣди, а для успокоенія совѣсти; послѣ объясню тебѣ это обстоятельство. Онъ пришелъ. Я былъ въ другой комнатѣ. Она позвала графиню St.-Aulaire и желала, чтобы она была при немъ. Священникъ убѣждалъ; графиня St.-Aulaire на минуту вышла, но скоро она опять ее потребовала и священникъ оставилъ ее. St.-Aulaire уговорила ее опять позвать его. Онъ возвратился не надолго; она болѣе не увидитъ его,—и спокойна, исполнивъ то, чтó почитала для себя достаточнымъ. Она много и часто говорила о своихъ послѣднихъ минутахъ, о смерти, о религіи, о спокойствіи и преданности волѣ Божіей. Сегодня, рано поутру, какъ скоро я пришелъ къ ней, показала она мнѣ ящикъ, который хранилъ мои, братнины, твои письма къ ней и другія бумаги; велѣла все вынуть. И прежде она мнѣ его показывала, и все, чтó въ немъ, и сказала, чтобъ послѣ смерти ея я все взялъ изъ него; а теперь указала и другой, который велѣла открыть послѣ смерти. Я повиновался. Будь споконъ за свои, ихъ никто не увидитъ... Сію минуту получаю письмо отъ Жихарева, увѣдомляющее объ ея деньгахъ на Орловыхъ; подходилъ сказать ей объ этомъ, но она и живая объ этомъ мало безпокоилась, а теперь! Впрочемъ, есть завѣщаніе. Я замѣтилъ движеніе въ рукахъ, которое обыкновенно бываетъ въ послѣднія минуты. Дыханіе тяжелое и намъ тяжело дышать близъ умирающей благодѣтельницы".

(Приписка) „Милый Жихаревъ. Жуковскій скажетъ тебѣ мое новое горе, которое ужаснѣе для насъ тѣмъ, какъ оно отразится на душѣ, на сердцѣ одинокаго Николая. Если она придетъ въ себя, скажу ей о твоемъ письмѣ, но не надѣюсь. Благодарить будутъ тебя ея бѣдные

[1]) Письма А. И. Тургенева къ Н. И. Тургеневу, 300.

родственники, а она молиться за тебя въ небѣ, ея близкомъ жилищѣ“ [1]).

„И русскія пріятельницы возбужденныя мною“, доносилъ далѣе брату Александръ Ивановичъ, „и графини Разумовская [2]) и Гудовичъ [3]), ежедневно пріѣзжаютъ справляться и присылаютъ. Печальное зрѣлище меня возвышаетъ и какъ-то успокоиваетъ: я смотрю на нее какъ на праведницу и отсутствіе страданій оставляетъ душу въ какомъ-то покоѣ и не разстроиваетъ мыслей высокихъ и надеждъ утѣшительныхъ для будущей жизни. И въ другихъ примѣчаю я не столько безутѣшной горести, сколько чувства великаго, столь для меня теперь понятнаго. Гизо болѣе всѣхъ скорбитъ, и его скорбь не безъ упованія. У всѣхъ одно къ ней чувство и всѣ одно о ней повторяютъ.

„Въ то время какъ я вчера писалъ къ тебѣ, милый другъ и братъ, въ самую полночь графини нашей не стало. Я сидѣлъ у нея до 11½; она еще дышала и я хотя и страшился ночи, но надѣялся еще увидѣть ее, и Гизо начиналъ уже засыпать. Минутъ 20 послѣ меня она скончалась. Она не страдала. По крайней мѣрѣ какъ всѣмъ сама говорила; да и не примѣтно было страданія, а только какая-то тоска подъ конецъ; но видно, что была во все время въ памяти [4])“. Въ письмѣ къ Жуковскому А. И. Тургеневъ добавляетъ нѣсколько подробностей:

„За полчаса узнавъ, что я провожу ночь въ другой комнатѣ, позвала она меня и сказала, чтобъ я отправилъ письмо къ брату, не читая его. Я обѣщалъ. „Это одно что меня еще безпокоило“, сказала она. „Je vous aime, je vous aime beaucoup; je suis bien aise de ce qui arrive,“ повторила она два раза. „Qu'ai-je faire de la vie?“ Потомъ говорила о вчерашнемъ свиданіи съ священникомъ, между тѣмъ руки ея искали мою руку. Она держала ее нѣсколько минутъ; потомъ опять метала ихъ вокругъ себя. Ажитаціи продолжаются. Передъ тѣмъ сказала она Гизо: „C'est long!“ онъ не понялъ. Служанка повторила: „Madame a dit, que c'est trop long“. „Je ne dis pas que c'est trop long, mais c'est long“, отвѣчала графиня, разумѣя агонію [5]). Гизо поручилъ мнѣ побывать у Лафероне [6]), ибо посольской его канцеляріи ввѣрена была ею копія съ завѣщанія, впрочемъ и здѣсь она есть съ новымъ прибавленіемъ. Гизо и еще одинъ пріятель душеприкащиками..

---

1) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 339.

2) Графиня Марія Григорьевна.

3) Графиня Екатерина Николаевна, рожд. Залѣсская, по первому мужу графиня Мантейфель, жена двоюроднаго брата Григорія Кирилловича—графа Андрея Ивановича Гудовича.

4) Переписка Тургеневыхъ, стр. 300 и слѣд.

5) „Русскій Архивъ“, 1875, III, 314 и слѣд.

6) Французскій посолъ въ С.-Петербургѣ, вскорѣ назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Узнавъ отъ Лафероне, что за пріѣздомъ изъ Константинополя курьера нашъ курьеръ въ Петербургъ еще не отправился, я пошелъ къ послу [1]) и, объявивъ ему о кончинѣ ея, просилъ позволенія прислать ему пакетъ къ Жуковскому. Онъ совѣтовалъ надписать на имя Булгакова, говоря что такъ вѣрнѣе. Я исполнилъ, писалъ къ Жуковскому и приложилъ къ нему письмо графини, съ 28 Ноября на 29-е ночью писанное. Я увѣдомилъ Жуковскаго, что письма его никому здѣсь не читалъ и не прочту его и что полагаю, что онъ не въ правѣ скрывать содержаніе письма... Я описалъ все Жуковскому и все послалъ съ курьеромъ, который сегодня въ ночь поѣдетъ. Завтра въ 9 часовъ утра будетъ выносъ въ приходѣ St.-Thomas d'Aquin, оттуда на кладбище. Я буду вездѣ и исполню за себя и за тебя долгъ признательности и дружбы, почти неимовѣрной въ наше время, если бы еще не было Жуковскаго. Милый братъ! будь твердъ и смотри яснымъ взоромъ на этотъ мнимый мракъ вокругъ насъ: надъ нами свѣтло и тихо. Въ душѣ нашей невинность; а въ будущемъ Богъ и вѣчность, и, можетъ быть, прежде еще свиданіе... Мы отпѣли просто и похоронили сегодня нашу добрую, милую благодѣтельницу и друга“ [2]).

„Тихо, безъ страданія“, писалъ А. И. Тургеневъ къ Жуковскому, „отошла она туда, гдѣ умолять будетъ за насъ милосердіе Божіе и правду Его. Мнѣ тяжело и грустно здѣсь, но и отлучиться страшно... Въ Москвѣ похоронилъ я матушку, въ Петербургѣ Карамзина, въ Лондонѣ живаго брата, здѣсь Серёжу и графиню Разумовскую!.. Когда будетъ легче и въ головѣ свѣтлѣе, напишу еще. На меня возложили нѣкоторыя печальныя хлопоты. Пишу къ графу Ламберту о кончинѣ ея.

„Вчера въ 9 часовъ утра собрались мы въ домъ графини; но она уже стояла, сообразно здѣшнему обыкновенію, подъ воротами въ простомъ дубовомъ гробѣ; ибо она желала самаго непышнаго погребенія. Пришедъ въ 8 часовъ утра въ домъ, я встрѣтился съ тѣломъ ея на лѣстницѣ и она какъ бы сама уже не впустила меня къ себѣ. Мы отпѣли ее въ приходѣ ея St.-Thomas d'Aquin и отвезли въ сосѣдство Серёжи, не далеко отъ него, въ правую сторону, въ уголку у стѣны опустили гробъ ея и первый разъ былъ я на двѣ минуты у могилы моего милаго Серёжи. Нашелъ пять или шесть увядшихъ вѣнковъ, вѣроятно ею же тамъ положенныхъ и едва оторвался оттуда. За гробомъ шли Гизо́, R. Collard, Cousin, Deweny, Montebello, Bourgeois и еще нѣсколько друзей, вѣрныхъ до гроба“ [3]).

„Сегодня m-lle Elisa Dillon ходила со мною на квартиру гра-

---

[1]) Поццо ди Борго.
[2]) Переписка Тургеневыхъ, стр. 300 и слѣд.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1875 г., III, 339—341.

фини Разумовской и отдала мнѣ всѣ бумаги, кои графиня велѣла взять мнѣ и для меня отложила. Она давно мнѣ говорила объ этомъ, но я не хотѣлъ трогать, думая, что тутъ могутъ быть бумаги и не мнѣ слѣдующія. Но я нашелъ всѣ ея выписки изъ разныхъ книгъ, кои она въ послѣдніе годы, начиная, кажется, съ 1817 г., читала. Есть прелестныя изъ французскихъ, нѣмецкихъ и даже англійскихъ книгъ. Она все для меня отобрала, ибо знала мою охоту къ выпискамъ такого рода. Я все взялъ къ себѣ, приведу въ порядокъ и велю одному бѣдному переписать въ особый альбомъ, который будетъ наставительнымъ и пріятнымъ для насъ чтеніемъ" [1]).

Перепечатываемъ здѣсь письма замѣчательной женщины этой, умѣвшей вселить такую глубокую, трогательную привязанность въ сердцахъ чуть-ли не лучшихъ людей русскихъ первой половины нашего столѣтія. Письма эти, заимствуемыя нами въ „Русскомъ Архивѣ", адресованы другу Тургеневыхъ—Жуковскому.

Paris, 5 Août 1827.

Vous savez maintenant, mon cher Joukovsky, pourquoi je ne vous ai pas encore répondu. Ma seule amie, ma seule amie dans toute l'acception du terme, n'existe plus [2]). Puis-je me plaindre? Ai-je acheté trop cher par la douleur actuelle, vignt années de communication intime avec une des plus nobles créatures que le Ciel ait formées? Non, je ne me plains pas, je rends grâce à Dieu de m'avoir associée à la vie et à la mort à cette excellente femme. Les derniers jours, qui viennent de se passer, éclaireront et dirigeront le reste de ma vie. J'ai pensé à vous auprès de cette mourante toute rayonnante d'immortalité; je vous regrettais: votre noble génie eût trouvé là des inspirations dignes de lui. J'ai passé quatre jours avec elle sans la quitter. C'est à Plombières que son mari lui a annoncé lui-même qu'elle ne pouvait pas guérir; elle a aussitôt demandé à revenir à Paris pour mourir chez elle, au milieu de tous les siens et des souvenirs de toute sa vie. Elle craignait tant de mourir en route, qu'à son arrivée elle se sentit heureuse et nous eûmes un moment d'espoir. Cependant elle me dit aussitôt qu'elle avait fait son sacrifice à Dieu; qu'elle était entièrement résignée. Elle n'a pas cessé d'être occupée des autres, d'être tendre, ferme, nous soutenant de son courage, heureuse de se sentir aimée. Tout se résolvait autour d'elle en amour et en espérance, tout jusqu'à la douleur de la perdre. Son mari a été ce qu'il peut être donné à un être humain d'être meilleur. Il y avait sous son courage

[1]) Письмо Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу, 300—313.

[2]) Полина Гизо, рожденная Meulon; первая жена знаменитаго историка.

quelque chose de plus qu'humain, mais ses cheveux ont blanchi dans ces 4 jours et son visage a pris 20 ans de plus. Il lui parlait de sa mort, de leur avenir, de Dieu avec l'autorité d'un apôtre et la tendresse du meilleur des maris. Les souffrances avaient cessé et dans ces 4 jours il n'était resté de vie que dans le coeur et la tête; tout était consumé en elle, mais l'âme demeurait la même et nous apparaissait plus sensiblement que jamais. Lundi matin pour distraire notre attention, elle voulût que m-r de Remusat, qui est revenu pour elle d'Angleterre, nous racontât son voyage. Il commença par parler de Nicolas à qui il avait porté des lettres de Laf... pour l'am... [1]). Il dit qu'il lui a paru avoir un esprit et un caractère remarquables, quoiqu'il l'eût trop peu vu. A ces mots Pauline jeta sur moi des regards affectueux et dit: „Il est bon aussi; ce sont de bons amis, dites à Alexandre [2]) et à m-r Joukovsky que j'aurais voulu les trouver ici, qu'ils ne sont pas des étrangers pour moi, je les ai entièrement adoptés, ce sont de nobles âmes. Dites à m-r Tourguéneff qu'il m'a encore rendu bien heureuse en arrangeant votre affaire d'argent. Pauvre amie. Vous n'auriez pas pu rester à Paris sans cela“. La veille elle m'avait longtemps parlé de Nicolas, elle avait voulu savoir toutes les particularités de mon voyage, je les lui dis, je lui parlai de notre correspondance, ce qu'elle était devenue ce dernier temps. Elle m'écoutait avec un air sérieux et à la fin me dit: „Je crains que vous ne vous engagiez trop dans une relation qui n'aura peut-être pas d'avenir, il ne faut donner autant que si on peut donner toute la vie. Prenez garde, mon amie, vous vous préparez des chagrins. Votre amitié est beaucoup maintenant pour lui, que sera-t-elle lorsqu'il sera retourné en Russie, employé, marié, heureux? Vous aurez des mécomptes“. Je lui démontrais que cela ne se pouvait pas que j'eusse des mécomptes, ne demandant rien qui ne fût facile dans les diverses situations, et je la rassurais. Lundi soir elle voulut prendre congé de sa famille, elle dit à chacun des paroles qui lui allaient. Quand elle eut fini avec tous, elle me fit signe de venir contre son visage et me prenant les mains elle me dit: „Je vous ai gardée la dernière, vous, ma plus chère amie, savez vous bien combien je vous ai toujours aimée? Je ne vous demande rien, je ne vous recommande rien, je connais votre coeur, je sais ce que j'en peux attendre; vous ne m'oublierez pas, vous l'aimerez (en désignant son mari). Je serai auprès de vous, si c'est possible. Mon amie, Dieu nous attend tous; nous nous

[1]) П. И. Бартеневъ предполагаетъ, что это значитъ, „отъ Лафероне къ послу, т.-е. къ князю Ливену“. Наврядъ ли это такъ. Тогда не нужны бы были сокращенія. Слѣдуетъ понимать отъ Лафайета (дѣда Ремюзà) къ адмиралу, т.-е. Павлу Васильевичу Чичагову.

[2]) А. И. Тургеневу.

retrouverons pour nous aimer toujours; la mort est douce, mon amie: elle est pleine d'amour". Le Mardi elle eût une crise spasmodique, qui se calma bientôt; le jour et la nuit se passèrent dans de touchants témoignages de tendresse et dans des entretiens qui fortifiaient nos ames. Elle ne vivait plus que de sentiment, la vie matérielle avait cessé; elle ne prenait aucune nourriture, seulement un peu d'eau sucrée. Dans la journée elle eût un moment plus faible; son mari rappela la vie en elle, comme cela lui était déja arrivé, en appuyant ses lêvres, sur les lêvres décolorées de sa digne femme. Elle revint à elle et lui sourit. Le ciel était dans ce sourire. Je dis un mot sur cela à Guizot et que ce serait un beau souvenir pour lui. „Ah", dit-il, „tant qu'elle respire, elle m'aimera et sentira que je l'aime; elle le sentira là-haut encore plus". C'est avec de semblables paroles que nous arrivâmes au Mercredi. Vers onze heures elle demanda à son mari de lui lire une lettre de Fénélon qu'elle désigna; elle en fût satisfaite et demanda le sermon de Bossuet sur la mort. Il était à moitié de cette lecture, quand il crût s'apercevoir qu'elle ne voyait plus; il le lui demanda, elle répondit par un signe et déjà aussi elle ne pouvait plus parler; mais elle avait toute sa connaissance; elle lui pressait la main, sourit encore et cessa de respirer. Son mari resta longtemps immobile près d'elle, ensuite il se leva et dit: „Allez mes amis, prenez aussi congé d'elle!" Nous le fimes tous. Tout ce qu'elle a le plus aimé est accouru à Paris: Rémusat, les Broglie, m-me de S-t.-Aulaire. Jamais plus d'affection n'a entouré un mourant. Nous étions dans la chambre; le salon, le jardin n'avaient pas désempli depuis son arrivée, mes les amis les plus intimes ont été ceux qu'elle voyait.

Je ne croyais pas qu'on pût trouver une si grande douceur à embrasser une morte; mes lêvres ne s'en pouvaient détacher. Son visage avait un caractère sublime. Eliza [1]) et moi, nous l'avons ensevelie; je l'avais promis sans savoir combien il m'en couterait; mais pourtant j'ai accompli cet acte d'amitié et pas une main qui ne lui fût chère n'a approché d'elle. Guizot n'a pas quitté le cercueil. Eliza et moi nous avons veillé avec lui cette dernière nuit et Jeudi il est allé lui rendre les derniers devoirs. Entendez-vous ces pelletées de terre qui tombaient devant lui sur la femme qu'il a tant aimée, qu'il a aimée depuis l'âge de 18 ans? Le lit n'a été vacant qu'une seule nuit, il y a couché Jeudi soir et n'en aura jamais d'autre: il y peut dormir, il y entendra encore les bénédictions de sa femme. Extérieurement tout reste de même

[1]) Marguerite-Andrée-Eliza Dillon, племянница покойной г-жи Гизó. Черезъ годъ послѣ кончины послѣдней, т.-е. въ 1828 году она вышла замужъ за Гизо. Этого желала ея умирающая тетка. Вторая жена Гизо умерла въ 1833 г.

pour Guizot; il n'a que le bonheur de moins; tout reste comme vous avez vu. Le bon *** (?) prend le ménage à ses frais et garde Guizot, sa mère et son fils avec leurs gens. Chacun me demande de vous parler d'eux; vos deux noms ont été prononcés dans tous les moments. Vous êtes établis là, comme si vous étiez pour eux un intérêt de toute la vie. Vous êtes transparent, bon Joukovsky: on vous aime vite et avec sécurité. Je donne bien plus de détails à Nicolas ou du moins ils ont plus de vie: car j'ai trouvé des moments pour lui écrire presque chaque jour et sous l'impression immédiate. Comment souffrir, voir souffrir et ne pas penser à lui! Je voulais l'attirer dans ma vie, dans mes pensées, le faire sortir ainsi des siennes, le fortifier [1]) en lui montrant la force de Guizot, qui est si tendre en même temps. Je le lui ai montré plus complétement que je n'ai le temps de le faire pour vous. Au milieu de ce qui vous occupe, je n'ai pas perdu de vue ce qui vous intéresse. J'ai fait parler, j'ai parlé à tout ce que j'ai pu découvrir de personnes qui ont été pour cause de santé dans le midi, ou qui sont de ce pays-là. Nice et Hyères sont à peu près la même chose. (C'est dans la ville d'Hyères et non dans les îles qu'on va). Si la maladie commence, les doux climats sont également salutaires; si elle est avancée, ils hâtent également. Il y a une vivacité dans l'air, qui donne un rapide développement à la plaie, mais dans ce cas la question est partout de vivre plus ou moins de semaines, la guérison partout impossible. Rémusat a une belle-soeur malade, la dernière des trois soeurs, dont l'une était aimée de Rémusat; elle mourût avant le mariage; la douleur commune le retint dans la famille; pour ne pas s'en séparer, il épousa une autre des soeurs, qui mourût un an après aussi de la poitrine. Enfin il en reste une qu'on ne fait vivre que par l'air du midi. Ses parents ont soigneusement observé ce qui valait mieux de Nice ou d'Hyères. Ils ont cru Nice préférable. Ce sont m-r et m-me Périer, le frère de Casimir Périer le député. Leur fils va épouser dans quelques semaines m-lle de Lafayette. Ce sont d'excellentes gens; la femme de même nature, que votre chère Alexandrine [2]); elles s'entendraient vite et je les mettrais en rapport. Quand à Hyères je sais que la vie y est facile, à très bon marché, mais pas autant de ressources qu'à Nice. La dame que vous avez vu monter en diligence le jour de mon départ pour Londres, y a passé l'hiver dernier, aussi pour la poitrine. J'irai lui demander des renseignements. Vous les aurez dans ma prochaine

[1]) Николай Ивановичъ Тургеневъ преданъ былъ суду за государственную измѣну въ 1826 г. Онъ въ то время находился за границею. По требованію Императора Николая Павловича, правительство Карла X-го изгнало его изъ Франціи.

[2]) Александра Александровна Воейкова, которую Жуковскій страстно любилъ. Она приходилась ему племянницею (съ лѣвой руки).

lettre et bien circonstanciés. Montpellier n'est plus de mode, je ne sais pourquoi. Nice et Hyères ne valent rien en été. J'ai pensé pour cette saison, l'année prochaine, aux Eaux Bonnes dans les Pyrénées; parlez en à la princesse Sophie [1]) qui y a été. Je n'ai qu'une chose à vous dire sur m-me Woyeïkoff: c'est que tout ce que votre amitié pour elle pourra désirer de moi, je le ferai, comme vous savez, que je fais ce que vous me demandez. Koreff me charge de vous dire qu'il voit des effets surprenant d'une nouvelle manière de traiter les maladies de poitrine, en appliquant le moxa à plusieurs reprises entre les côtes où l'on souffre le plus et ensuite un séton aussi de ce même côté; mais pour un tel remède il faut en parler à Huffland ou à Kresig avant de le proposer.

Dégérando, qui se rappelle à votre souvenir, a entre les mains tous les papiers de Montmorency. Je lui ai parlé des notes en question, il m'a dit (songez qu'il a été l'ami de Montmorency) qu'il n'y a rien dans ces notes qui vaille la peine d'être communiqué, que lui a été surpris de ce que ce caractère et cet esprit a pris à la fin de rétréci par le fait d'une dévotion mal entendue (vous savez que Dégérando est très pieux). Montmorency ne s'était aidé d'autre chose que de sa conscience et une conscience, remise sous la direction d'un confesseur, n'éclaire pas suffisamment. L'abbé Nicole est venu me faire des reproches amers de ne l'avoir pas fait rencontrer avec vous chez moi. En effet je n'y avais pas pensé. Il est inconsolable de ne vous avoir pas vu, ni Alexandre [2]). Il me charge de vous dire que tout ce qu'il pourra faire pour vous être agréable, il le fera et à-présent et dans l'avenir. Je lui ai demandé de me tenir au courant de ce qui pourrait se publier d'ouvrages qui puissent concerner votre grande oeuvre, et que je vous les enverrai [3]). Dégérando fera de même; cela vous convient-il? A-présent venons à Nicolas [4]). Je vous dirai que depuis votre départ, il m'écrit des lettres effrayantes. La seule bonne, que j'ai envoyée l'autre jour à Alexandre, vous l'aurez lue. Il y a en lui une douleur sombre, farouche, qui tient moins à l'événement qui les a frappés [5]) qu'à une disposition de son caractère, que cet événement a seulement portée au

---

[1]) Княгиня Софья Григорьевна Волконская, рожденная кн. Волконская, жена фельдмаршала кн. Петра Михайловича.

[2]) Александръ Ивановичъ Тургеневъ.

[3]) Аббатъ Николь, извѣстный въ Петербургѣ педагогъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, потомъ директоръ Ришельевскаго лицея въ Одессѣ, наконецъ каноникъ и викарій Парижской эпархіи. Въ то время Жуковскій готовился къ воспитанію нынѣ царствующаго Государя Императора.

[4]) Н. И. Тургеневъ.

[5]) Кончина Сергѣя Ивановича Тургенева.

plus haut degré. Il y a quelque chose de délirant dans des passages de ses lettres, qui m'ont donné une crainte terrible, la crainte que le malheur de Serge ne se renouvelle en lui: cette douleur désordonnée y peut conduire. Quand cette idée m'est venue, il s'est joint aussitôt une idée, celle d'aller passer un mois avec lui. Je le lui proposai; je craignais qu'il n'acceptât pas. Avant d'avoir même achevé de lire ma lettre, il s'est mis à m'écrire de venir. Dans l'intervalle où ma lettre avait été écrite et avant qu'elle n'arrivât, il m'écrivait de son côté deux fois qu'il lui aurait répugné de me voir à Londres sans Alexandre, mais qu'à Lemigton c'est différent, qu'il me désire. Vous pouvez comprendre combien j'ai été aise d'avoir prévenu son désir: il ne pourra pas craindre d'avoir provoqué un acte de complaisance. Il trouve cependant encore un moyen de se tourmenter, il craint que je ne lui fasse un sacrifice; mais je sens qu'il est content; il croit que je peux partir le 8 et se hâte de m'indiquer mon itinéraire, ensuite il me dit qu'il ira où je voudrai. Je ne veux pas l'attirer dans aucuns des ports où je puis débarquer. J'ai remarqué que tout ce qui lui rappelle qu'il ne peut aller plus loin, lui fait mal. Je ne partirai que le 15. Ma santé est éprouvée de ce qui vient de se passer; il me faut quelques jours de soins pour me remettre. Je crois que sous tous les rapports ma présence lui sera meilleure que notre correspondance. Elle est trop active. Alexandre a eu tort de l'exciter autant. Je lui donnerai plus de repos que ne lui en donnent mes lettres et celles qu'il m'écrit. La réalité calmera cette ardente imagination qui crée un être fantastique auquel il applique son souvenir. Je sentais à Londres que je le calmais à mon gré; à plus forte raison lui ferai-je du bien maintenant, que nos lettres ont établi tant d'intimité entre nous: celles que vous avez vues ne sont rien en comparaison de celles que je reçois depuis. Depuis le 14 il m'écrit chaque jour. Il se consume dans cet isolement. Vous comprendrez ce que j'éprouve à l'idée de ce que sera ma présence pour Nicolas. N'y eût-il que le bien que je lui ferai, ce serait assez, mais il y a de plus une véritable sympathie entre nous et le revoir me donnera plus de contentement qu'à lui même. J'aurais passez ce temps à Broglie où va aller toute la famille Guizot et Devenie, ou aux bains de mer avec m-r et m-me Meulan. N'est-ce pas mille fois mieux employer mon temps, ce temps qui n'eût été utile à personne et qui sera donné à l'être le plus seul sur la terre? A tout moment l'idée de cette solitude me revient. Cela me prend au coeur.

N'ayez tous deux de soucis pour moi d'aucun genre; n'en ayez pas pour l'argent. Je peux sans de grands efforts vivre là, comme y vit Nicolas. Il me serait désagréable qu'Alexandre me parlât même de cela. J'ai fait mon calcul, pour pouvoir même un peu voyager; nous

serons là comme de bons frère et soeur. Que le coeur d'Alexandre soit tranquille; je ferai comme il ferait lui-même pour soigner les tristes dispositions d'âme de Nicolas. J'ai plus de responsabilité que la première fois, puisque je vais de ma volonté, d'une volonté pure, bonne, que Dieu bénira: j'en ai la confiance. Je ne dis pas mon voyage; dans ce moment chacun se disperse, court de côté et d'autre. On est habitué à me voir passer les étés dans bien des endroits différents; personne ne s'intéressera à savoir où je suis. Je ne le cacherai pas, mais je ne le dirai pas. Recommandez à Alexandre de ne pas le dire. Vous deux, vous me comprendrez; des indifférents se moqueront ou blâmeront. Pour éviter tout inconvénient j'éxige, que sans exception vous ne le disiez à personne. Alors avant mon départ je vous enverrai ma procuration et je vous parlerai de mes affaires. Tant de choses m'ont occupée, que je n'ai pas pensé à celle-là. Ai-je seulement dit à Alexandre ma satisfaction des bons soins de m-r Gichareff?. On devient avide dans la prospérité; maintenant je voudrais savoir si le c-te Orloff trouve juste de me garder huit mois mon argent sans intérêt quelconque? Il était remboursable le 28 Fevrier. Il lui serait plus facile de payer les intérêts de ce temps-là, qu'à moi de les perdre. Mais pourtant il ne faut pas que ce bon m-r Gichareff soit tourmenté pour cela; qu'Alexandre n'en pàrle que s'il n'y voit pas d'inconvénient. Je ferai, comme je l'ai souvent fait: je m'en passerai.

Ne croyez pas que vous serez souvent tourmenté de pareilles lettres. Sa longueur et sa négligence m'effrayent, quand je pense à qui elle s'adresse. Mais je vous écris du coeur, le votre m'acceptera. S'il était possible de m'écrire tout de suite, je serais bien contente de recevoir ici encore un mot de vous. Faites-le, car il pourrait se faire qu'une circonstance ou une autre retardera mon voyage. Mais hâtez vous et dites moi franchement si vous me blâmez. Cela me ferait quelque peine, mais je vous répondrai en vous montrant cet excellent être calmé, ranimé et n'ayant plus le déchirant sentiment d'un isolement absolu. Quand on peut faire ce bien-là, qu'on peut le faire sans rien blesser, on serait coupable de ne pas le faire.

Adieu, cher ami, laissez-moi vous donner ce titre, que je vous donne si volontiers et si sincèrement. Mille et mille tendresses à la mère et à la fille [1]); mais même silence qu'avec tout autre. Occupez vous beaucoup de ma chère Aline, vous lui ferez du bien. Mettez de votre poësie dans son âme, qui a été froissée de bonne heure et qui a besoin que le feu sacré la dilate. Elle en est susceptible. Tâchez

---

[1]) Княгиня С. Г. Волконская и дочь ея кн. Александра Петровна (Aline), вышедшая впослѣдствіи за П. Д. Дурново.

d'obtenir ma grâce d'une personne qui doit m'en vouloir beaucoup, qui est à Ems, m-me de Noiseville, si vous la voyez. Elle a été parfaitement bonne et aimable pour moi, et moi indigne, elle m'a écrit plusieurs fois, je ne lui ai pas répondu; cela n'a pas cessé de me bourreler la conscience. Vous ne vous doutez, que je déteste d'écrire. Vous trois vous m'avez tiré ma substance, je ne peux écrire que du coeur; quand je m'en tire bien, le reste ne fournit pas. Mais adieu! Vous devriez bien écrire à Guizot; il le mérite de vous, et Alexandre aussi. Il faut écrire à Paris, leur № est 37.

II.

Octobre 28 (1827) Paris. Rue du Bac, 27.

J'aurais voulu, cher ami, arriver à vous avec un coeur tranquille; c'est ce qui m'a fait retarder aussi longtemps de vous écrire; mais je ne peux pas attendre d'avantage, et quand mes voeux vous accompagnent sans cesse, il faut aussi enfin que les accents de ma sincère et vive amitié aillent jusqu'à vous. Vous voilà donc à Pétersbourg! Je ne pense qu'avec une profonde émotion aux soins qui vont remplir votre vie. Ce jeune enfant [1]) est l'objet de ma tendre sollicitude. Je l'aime, je prie pour lui, je vous vois en lui. Je sais comment la vérité pleine d'onction et de chaleur s'écoule de vos lèvres; je vois germer vos vertus dans ce jeune coeur. Les bénédictions qu'il méritera un jour seront votre couronne. Cher Joukowsky! Sous quel rapport que vous m'apparaissiez, vous êtes pour moi un objet de culte et d'admiration. C'est bien fort à dire en face, mais quand on est destiné à ne se revoir jamais, n'a-t-on pas la liberté des mourants? J'ai reçu toutes vos lettres; une à Lemington et trois que j'ai trouvées ici, car je ne m'en étais pas fait envoyer là. Ces admirables lettres sont une nourriture pour mon âme; c'est comme si vous aviez déviné avec quelle tristesse je reviendrai et combien j'aurai besoin de ces paroles avec lesquelles vous élevez les âmes à votre hauteur. Je suis arrivée encore plus disposée à les recueillir après avoir quitté cet être auprès duquel il faut nécessairement se purifier, si on veut y respirer à l'aise. Je ne sais par quelles souffrances je dois acheter cette amitié, que la mort et la douleur ont commencée; mais je bénirai toujours Dieu de m'avoir rapprochée d'un être qui est la pureté même. Cette âme-là n'a pas une souillure; vous le connaissez bien, mais pas encore comme moi. Jamais il n'a été avec personne autant dans l'amitié qu'avec moi; après six semaines d'une

---

[1]) Нынѣ царствующій Государь Императоръ.

communication continuelle, je n'ai plus compris la possibilité d'en être privée. Il m'était aisé de tout arranger pour rester ou revenir, jusqu'à de meilleurs tems; j'ai la certitude que c'eût été beaucoup pour lui. Il ne l'a pas voulu; la crainte de me faire tort lui fait exiger impérieusement d'Alexandre que je ne revienne pas. Il menace de quitter l'Europe si j'arrive. Je ne veux pas m'appesantir sur la peine que cela me fait, mais vous concevez celle d'Alexandre. Il est ici dans un désespoir qui surpasse tout ce que vous en avez vû. Celui pour qui il vit est là, seul, et d'autant plus seul, qu'il s'était livré d'avantage à la douceur de notre intimité; car c'est lorsqu'il s'est aperçu que bientôt il ne pourrait plus s'en passer, qu'il a voulu mon départ. J'avais été frappée de son dépérissement. Vous savez que j'ai eu l'imprudence de l'écrire à Alexandre. Depuis mon départ, il écrit lui même des détails désolants sur sa santé. Je ne sais pas si l'hiver se passe ainsi, s'il ne sera pas trop tard. Je vous ménagerais plustôt que je ne vous alarmerais, mais il faut la vérité. Son sang ne circule pas et se porte continuellement au cerveau; ses entrailles vont en empirant. Ces malheureux médecins lui conseillent d'aller dans le Midi. Jugez ce que lui est un tel conseil? Encore si Alexandre pouvait y être! Ce frère-là adoucirait la douleur de son âme et cela pourrait donner quelqu'espoir de guérison: mais maintenant il ne pense qu'à être réuni à Serge; il pense qu'il n'est que pour le malheur d'Alexandre et que sa mort simplifierait les choses. Mais ce découragement sur lui-même n'influe sur aucun de ses sentiments. Avec quel feu il me parlait de vous! Il rappelait votre première jeunesse, vos soucis pour son père; ce temps-là, où il était le plus avec vous, a été le plus heureux de sa vie, et cependant il me disait que vous ne vous aperceviez même pas combien il vous aimait, qu'il n'avait jamais songé à vous le témoigner. Son regard devenait ce que vous savez qu'il peut être, quand il parlait de cette perfection en vous qui ne s'est jamais démentie; il disait chaque fait, chaque circonstance de votre vie; il disait que c'est déjà tout de vous aimer et de penser à vous, qu'il ne conçoit pas comment on se permetterait de désirer de vivre avec vous, que ce serait trop, que la vie serait trop belle. Il dit que vous seul le connaissez, que tous les mouvements de son âme vous sont révélés. En effet je ne sais par quelle magie on peut comprendre à ce point une autre âme, sans nulle communication qui puisse y aider. Que j'ai rougi des craintes qui m'avaient amenées, en voyant cette raison si forte et si élevée! Rien de ce que je redoutais n'est possible; mais ce qui est probable, c'est que nous le perdrons s'il reste là, ou au moins s'il y reste seul. La véhémence avec laquelle il s'oppose à mon retour fait peur à Alexandre, qui exige que je me conforme à cette volonté. Je m'y

soumets à regret; car je sens qu'en allant malgré ses paroles je réussirais à vaincre cette délicatesse exaltée, qui n'est jamais satisfaite que par le sacrifice de lui-même. Cher ami, votre attente ne sera trompée en aucune chose; je préserve fidèlement ce que l'amitié me confie. Je le dis pour toutes les choses qui vous intéressent et nommément pour m-me Woyeïkoff. Vos recommandations l'auraient placée dans mon coeur, quand même elle n'en aurait été déjà bien près: car elle est un des doux souvenirs, que j'ai remportés de Pétersbourg. Je lui ai écrit à Hyères, en lui envoyant deux lettres pour les maisons les plus considérables du pays: l'une de m-r Siméon, l'ancien ministre, l'autre de m-r Thierry, l'intéressant auteur du meilleur ouvrage d'histoire de notre époque (la conquête de l'Angleterre par les Normands). Je serai, je ferai ce que je pourrai imaginer, qui satisfasse le mieux votre sollicitude pour elle. Si vous avez quelque chose à lui envoyer, adressez le chez moi. Si je n'y étais plus, je laisserai des instructions. Rien n'est encore décidé à mon égard pour l'Italie. Mon dernier voyage m'a empêchée de recevoir à temps les lettres qu'on m'a écrites, pour me presser d'y venir; j'ai laissé dans l'indécision, tant que j'ai espéré d'être ailleurs; à-present que tout espoir est détruit, je serai volontiers avec vos compagnes d'Ems, et pourtant il m'en coûtera d'être plus loin encore du point où sont mes meilleures pensées. Je serai encore une quinzaine de jours dans l'incertitude. J'ai écrit pour dire comment les choses se passent en moi et laisser décider la princesse Sophie. Il me serait doux de les revoir; je sens que j'aime plus que jamais ma chère Aline; elle m'écrit de charmantes lettres où votre nom se trouve souvent. Guizot a lu deux fois les passages de vos lettres qui le concernent. Ces lettres ont mis vos âmes en contact. Votre souvenir dans cette maison est tout vivant, vous y êtes un ami à peine absent, et certainement le premier étranger adopté de coeur à ce point-là. La douleur de Guizot est la même que le premier jour, contenue, maitrisée; tout est de même qu'autrefois à l'extérieur; il appartient de même à toutes les choses intellectuelles, il n'y a que le bonheur de moins. Il vit en présence de sa femme, avec la volonté d'être et de faire tout ce qu'elle approuverait. Il est ici pour quelques jours, ensuite il retournera à Broglie jusqu'au mois de Janvier. Cette maison m'attire et me fait mal. La perte que j'ai faite donne à Paris tout entier un autre aspect pour moi. J'ai retrouvé dans cette nouvelle amitié dont vous êtes la première cause, quelques-unes des choses que me donnait l'amitié de Pauline et surtout cette vérité parfaite de caractère, qui met tant de sécurité dans tous les rapports; mais rien ne rend le passé. J'ai vu Capod'Istria. Sa position actuelle a ajouté je ne sais quoi d'accompli en lui, qui me fait peur.

Il semble prêt pour le Ciel... Son beau visage même a pris cette paix du tombeau, que vous et moi avons si bien vu sur le visage de Serge, c'est le même sourire paisible. On sent qu'il ne tient plus à la terre, que par le bien qu'il y peut encore faire; mais ce bien même il n'est pas pressé de l'accomplir; il en fera sa part sans rien anticiper sur d'autres temps. Il sent quelles sont les choses que le temps seul peut produire, et que les hommes gâtent ce qu'ils veulent précipiter. Il m'a raconté son voyage de Pétersbourg; il m'a parlé comme vous de cette famille qui a remis entre vos mains son plus cher intérêt. Vous savez si bien faire aimer ce que vous aimez, que je n'entendais pas sans émotion les épanchements de la reconnaissance. Il va en Suisse pour avoir des troupes, et de là en Grèce, par Ancone ou Marseille, il n'était pas décidé; je voudrais que ce fût par Marseille: il verrait votre amie. Il veut être en Grèce à la fin de Novembre.

Cher ami, j'ai une prière à vous faire, qui me tient fort à coeur. Tâchez de trouver un moment pour voir m-me Zagriatsky. Je ne sais pas ce que le temps a laissé d'elle, mais quoiqu'il en reste, ce reste m'est cher. Je retrouverai le tout dans une meilleure vie. Je voudrais que l'expression de ma tendre affection lui arrivât par votre bouche. Dites-lui tout ce que vous pourrez de plus tendre de ma part. Elle ne m'écrit plus, et pourtant je suis persuadée qu'elle ne pense à moi qu'avec amitié. Malgré la différence de nos âges il y a une véritable sympathie entre nous. C'est un sentiment doux et pénible à la fois d'aimer une personne âgée et d'en être éloignée. On ne sait plus où la chercher, si c'est sur la terre ou dans le ciel. Dites aussi bien des choses de ma part à ce qui l'entoure, et surtout à m-me Kotshoubey.

Je vous écrirai bientôt, dès que je saurai ce que je deviens. Sans Alexandre je serais allé passer le reste de l'année au Bois Milet chez les Meulan, mais il m'en coute trop de le quitter. Seulement pour chercher le repos, je voudrais trouver à remplir son temps de façon qu'il en ait moins à donner à son malheur. Je m'en occupe avec soin. Il faut que je vous parle de mes affaires; mais après tout ce qui a remué mon coeur dans cette lettre, comment finir par de l'argent? Cela n'est pas en mon pouvoir. Ce sera l'objet spécial d'une lettre. En attendant causez avec le c-te de Lambert, pour trouver moyen que mon chétif revenu ne soit pas diminué; tel qu'il est, j'ai toutes les peines du monde à vivre à Paris, comme vous savez que j'y vis; un peu moins, je serai obligée de m'en aller. Causez-en avec m-r de Lambert, qui a la bonté de soigner mes intérêts; il a ma procuration et s'il partait de Pétersbourg, comme je le craignais, c'est vous que j'en voudrais charger. Adieu! Tout s'apaise et se calme quand on cause avec vous, même à 800 lieues! Oh! quelle odieuse chose, que l'absence,

que la distance. J'espère qu'il n'y en a pas dans l'autre vie. Adieu, comptez sur moi, disposez de moi. Je serai heureuse de vous témoigner combien j'ai d'amitié pour vous

Henriette Rasoumowsky.

Младшій изъ сыновей графа Кирилы Григорьевича—Иванъ Кириловичъ, родился 6-го Августа 1761 года. Онъ воспитывался, какъ мы уже видѣли выше, въ Шляхетскомъ корпусѣ. Изъ корпуса выпущенъ онъ былъ въ Мартѣ 1782 года въ Сѣвскій мушкатерскій полкъ, поручикомъ и поступилъ въ штабъ къ отцу, къ которому 20 Мая того же года назначенъ былъ флигель-адъютантомъ. Числясь въ этомъ званіи, онъ въ 1783 и 1784 годахъ принималъ участіе въ походахъ противъ поляковъ, а въ 1784 году назначенъ былъ генералъ-аудиторъ-лейтенантомъ и генеральсъ-адъютантомъ при отцѣ. Какъ видно, въ корпусѣ научился Иванъ Кириловичъ немногому и отецъ рѣшился въ 1785 году отправить его за границу въ сопровожденіи нѣкоего Фюслена, вѣроятно швейцарца, съ цѣлью наверстать потерянное въ корпусѣ время. Но путешественниковъ наука не особенно утомляла. „Недавно получилъ я изъ Берлина“, писалъ къ сыну Андрею графъ Кирила Григорьевичъ, отъ 6 Іюня 1786 года изъ Петербурга, „отъ брата твоего Ивана и отъ его спутника Фюслена письмо и какъ они пишутъ и въ планѣ ихъ положено, чтобъ ѣхать въ Копенгагенъ повидаться съ тобою, то и отвѣтъ на ихъ письма здѣсь включаю, почитая, что сей пакетъ уже застанетъ ихъ или вскорѣ послѣ пріѣдутъ. Включаю копію тоже отъ меня писаннаго его спутнику Фюслену, изъ котораго увидишь куда мое намѣреніе клонится, относящееся до ихъ путешествія, которое если всегда будетъ такъ продолжаться, какъ сей первый годъ, то никакого проку не выйдетъ, ибо нашъ молодой человѣкъ будетъ разъѣзжать, посѣщая резиденціи и знатные города, играя роль молодаго господина и знатнаго отца сына. А намѣреніе было, посылая его изъ отечества, чтобы онъ наградилъ потерянное втунѣ и способное къ ученію время въ кадетскомъ корпусѣ, то и должно удаляться отъ всѣхъ знатныхъ городовъ и сдѣлаться сущимъ студентомъ въ какомъ ни есть мѣстѣ въ Германіи, или въ Швейцаріи, по малой мѣрѣ года на два или на три. Если они будутъ къ вамъ, то не оставь подавать имъ совѣты, сходственные съ такимъ моимъ намѣреніемъ. Если же, паче чаянія, что переселеніе твое изъ Копенгагена имъ помѣшаетъ съ тобою видѣться, то доставить имъ сіи письма постарайся“. „Я думаю“, писалъ онъ далѣе отъ 18 Іюля того же года изъ Гостилицъ, „что братъ твой Иванъ и Фюсленъ гостятъ у тебя въ Копенгагенѣ, то прилагаю письмецо къ сыну Ивану, а Фюслену ничего не пишу, по причинѣ, что у меня никого здѣсь нѣтъ для французскаго языка.

Письмо кредитивное имъ на содержаніе приказалъ Людерсу банкиру дать во Франкфуртѣ на Майнѣ. При семъ за нужное тебѣ нахожу относительно сихъ вояжёровъ замѣтить, что я посылалъ ихъ или въ Гётингъ или въ какое-нибудь ученіе въ нѣмецкой землѣ, но по послѣднему письму вижу, что они водворяются въ Страсбургѣ. Я хотя и писалъ, что сіе мѣсто лучшимъ я не почитаю для молодого человѣка, ибо тамъ и французскій городъ и гарнизонъ, гдѣ вѣтренныхъ молодыхъ людей премножество, которыхъ примѣрами и наши, конечно, заразятся и тогда уже его трудно или вовсе невозможно исправить будетъ, и для того, во избѣжаніе такого неудобства, мнѣ бы хотѣлось, чтобъ онъ въ нѣмецкомъ степенномъ училищѣ сдѣлался педантъ, а послѣ сія кожа на немъ не останется; онъ ее скинетъ и выйдетъ французъ, но не столь вѣтрененъ и презрителенъ. А при томъ въ нѣмецкой землѣ все дѣлается съ прилежностію и основаніемъ, то и выйдетъ по необходимости въ такомъ мѣстѣ, что голова его будетъ гораздо лучше меблирована и полновѣснѣе и не великій вѣтеръ въ разныя стороны швырять ее станетъ. Имѣвъ сіе мнѣніе въ виду, постарайся вперить мысль въ брата, такъ и въ его сателита Фюслена, чтобы они Стразбургъ промѣняли на другое какое мѣсто въ нѣмецкой землѣ“ [1]).

Въ Копенгагенѣ положено было, чтобы Иванъ Кириловичъ учился въ Лозаннѣ. Туда онъ и переселился, но, мало заботясь о преуспѣяніи въ наукахъ и нисколько не помышляя о пріобрѣтеніи кожи педанта, жилъ припѣваючи, ожидая отъ отца какихъ-то новыхъ приказаній. „Пишешь ты мнѣ“, писалъ недовольный отецъ сыну Григорію отъ Ноября 1786 года, „что братъ твой Иванъ пріѣхалъ въ Лозанну, гдѣ живетъ у тебя и ожидаетъ моего повелѣнія, чтó ему дѣлать прикажу. Удивляетъ меня то, что сей шалунъ ничего самъ о себѣ не пишетъ, и если бы ты меня о немъ не увѣдомилъ, то бы я и не зналъ, въ которомъ онъ углѣ Европы или другой какой части свѣта находится. Удивляетъ меня еще больше, что сопутникъ его Фюсленъ куда дѣвался? О семъ ни самъ онъ и никто изъ васъ не упоминаетъ. Наконецъ и то меня больше всего удивляетъ: они, будучи въ Копенгагенѣ у брата твоего графа Андрея Кириловича, положили обще вмѣстѣ планъ, чтобы ѣхать въ Лозанъ и тамъ продолжать ученіе брата твоего Ивана, вдругъ такъ замолкли, что ни ко мнѣ, ни къ графу Андрею мѣсяца съ четыре какъ ни одинъ ни строчкою не отозвался; а теперь братъ твой невѣжда ожидаетъ моего повелѣнія! Вотъ ему мое повелѣніе: чтобъ поступилъ по положенному въ Копенгагенѣ, между ними тремя: братомъ Андреемъ, Фюсленомъ и имъ самимъ, плану ученія, которое

---

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

недолго продолжиться имѣетъ, ибо за симъ будетъ мое вамъ повелѣніе, чтобы ты его сюда привезъ, нежели по-пусту по Европѣ таскаться. Adieu“ [1]).

Черезъ годъ уже мы застаемъ графа Ивана Кириловича при дунайской арміи. Онъ перешелъ въ штабъ фельдмаршала князя Потемкина и принялъ участіе въ 1788 году въ осадѣ и штурмѣ Очакова, а въ 1789 онъ произведенъ былъ въ полковники и опредѣленъ въ Малороссійскій гренадерскій (что̀ нынѣ конный гренадерскій военнаго ордена) полкъ. Во главѣ полка своего онъ отличился въ день побѣды при Салчѣ и послѣдовавшемъ за нею преслѣдованіи турецкой арміи, былъ при взятіи Бендеръ и канонадѣ Измаила. Въ 1790 году онъ перемѣщенъ былъ въ Малороссійскій полкъ и стоялъ съ нимъ въ Молдавіи. Въ 1791 онъ перешелъ черезъ Дунай и былъ участникомъ славной битвы подъ Мачиномъ. За подвиги свои онъ былъ награжденъ орденомъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-го класса. Графъ Иванъ Кириловичъ былъ добрый малый, храбрый рубака, отличный товарищъ, но въ то же время страшный кутила, волокита и картежникъ. На деньги онъ былъ бездонная бочка и безпрестанно докучалъ отцу требованіемъ пособія. Безпутная жизнь пошатнула его съ молодости слабое здоровье. Доктора отправили его за границу въ 1792 году. Онъ снова надѣлалъ тамъ кучу долговъ, и раздосадованный отецъ писалъ къ нему изъ Москвы отъ 20-го Января 1793 года.

„Получивъ твое письмо, изъ Гаги отъ сего 4-го Января пущенное, спѣшу тебѣ отвѣчать, хотя и писалъ на прошедшей почтѣ, которое положилъ въ пакетъ, сестрѣ Елизаветѣ Кириловнѣ [2]) адресованный. Вексель на 4000 какъ скоро представленъ былъ, такъ я акцептовалъ и деньги заплатилъ сполна, что̀ учинило на наши деньги 3000 съ лишкомъ, а какъ я, заплатя сіе, сказалъ, чтобы впредь тебѣ кредиту не дѣлали, ибо я платить по твоимъ векселямъ впредь не намѣренъ, то и рекомендую тебѣ, по полученіи сего, немедля, отправиться въ твое отечество, т.-е. сюда, ко мнѣ, прямо въ Москву, а для сего и возьми путь свой на Вѣну, Кіевъ и Малороссію. Въ Варшаву не заѣзжай и держись болѣе дороги по владѣнію Цесарскаго двора, которымъ ты доѣдешь за 300 верстъ отъ Кіева и тутъ будетъ уже дорога хороша и выгодна. Отъ Кіева же до Москвы и говорить нечего; въ Кіевѣ можешь стать въ моемъ домѣ. Если бы сихъ 4000 гульденовъ тебѣ не стало на проѣздъ твой въ отечество, то проси отъ меня г. Колычёва [3]) нашего министра, чтобы онъ занялъ на себя или бы поручился

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.

[2]) Апраксиной.

[3]) Степанъ Алексѣевичъ Колычевъ, † 1805, посланникъ въ Гагѣ, впослѣдствіи посолъ въ Вѣнѣ и Парижѣ и вице-канцлеръ.

за тебя, я же какъ скоро вексель получу, не премину уплатить по оному. Наконецъ я не понимаю, какого ты разсчета держишься? По моему, ты за прошлый годъ издержалъ не 6000, определенныхъ тебѣ на прожитокъ, но около 20,000; ибо въ семъ Январѣ мѣсяцѣ заплатилъ я 11,500 гульденовъ, что̀ учинило 9000 съ лишкомъ, да послѣдніе 4000 гульденовъ, что̀ учинило 3000 съ лишкомъ. Вотъ мой счетъ, который, конечно, вѣрнѣе твоего, но быть тому такъ; говорятъ: „что̀ съ воза упало, пиши пропало". Теперь остается тебѣ спѣшить какъ наискорѣе въ отечество твое, дабы не быть подвержену такимъ послѣдствіямъ, которыя тебѣ и всему нашему роду пятно могутъ дурное нанести. Какъ я имѣю въ Маѣ мѣсяцѣ побывать въ Малороссіи, то если твой обратный путь около сего времени доспѣетъ въ Малороссію, то совѣтую подождать меня тамъ, но однакожъ прежде отпиши ко мнѣ изъ Вѣны, ибо можетъ статься, что я мое намѣреніе побывать въ Малороссіи и перемѣню, тогда-бъ ты напрасно не ожидалъ. Adieu" [1]).

Въ 1794 г. графъ Иванъ Кириловичъ возвратился въ Россію и съ своимъ гренадерскимъ полкомъ стоялъ въ Польшѣ. Онъ продолжалъ вести разгульную жизнь и дѣлать долги. „Братъ вашъ Иванъ", писалъ изъ Польши въ 1795 г. къ Андрею Кириловичу графъ Ланжеронъ, „здоровіе котораго плохо и который претерпѣлъ уже три припадка грудной болѣзни, боится здѣшняго климата и предлагаетъ уступить мнѣ свой полкъ... Я просилъ его подождать... съ сокрушеніемъ предвижу, что при этомъ могли бы у меня выдти съ нимъ непріятности. Отъ обстоятельствъ или же по собственной ошибкѣ, онъ много задолжалъ... Безъ посредства военнаго суда полкъ принять невозможно. Каково бы это было послѣ всей его пріязни ко мнѣ и той дружбы, которую я питаю ко всей вашей семьѣ.. Онъ еще очень слабъ... У брата вашего живетъ постоянно генералъ Пупаръ (Poupart), родомъ французъ, перешедшій изъ польской службы въ нашу; жена его полька, перешедшая изъ службы брата Льва, на службу брату Ивану и сестра ея, которую желаю пристроить на службу къ себѣ самому" [2]). 1-го Января 1795 года, графъ Иванъ произведенъ былъ въ бригадиры, а 23 Февраля 1796, по прошенію, за болѣзнію уволенъ отъ службы съ производствомъ въ генералъ-маіоры. Получивъ отставку, графъ Иванъ Кириловичъ жилъ то въ Москвѣ, то за границею, страдая злою чахоткою. Въ Москвѣ его лечилъ какой-то англичанинъ-докторъ вдыханіемъ куренія, которое разводили въ одной изъ обширныхъ залъ отцовскаго дома. Въ залѣ этой больной проводилъ цѣлые дни [3]). Иванъ

---

[1]) Изъ архива кн. Разумовскаго.
[2]) Тамъ же.
[3]) Изъ разсказовъ кн. Репниной.

Кириловичъ, по выраженію отца, надѣлалъ безумно долговъ и „надавалъ всѣмъ на себя кабалы". Въ 1801 году онъ пріѣзжалъ уже еле-живой въ Батуринъ проститься съ отцомъ передъ отъѣздомъ въ Италію. Онъ поѣхалъ туда съ княгинею Екатериною Николаевною М., рожденною кн. Г., съ которою давно находился въ близкихъ сношеніяхъ. На рукахъ ея онъ умеръ въ Римѣ 1802-го года. Мы напрасно доискивались тамъ могилы его. Графъ Иванъ Кириловичъ оставилъ послѣ себя воспитанницу Дарію Ивановну, вышедшую въ 1819 году за надворнаго совѣтника Василія Герасимовича Удовика.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Высочайшіе рескрипты Государя Императора Александра Павловича къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

1.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Съ крайнимъ сожалѣніемъ извѣстился я, что меньшой сынъ вашъ, проѣзжая изъ Москвы въ пензенскія деревни, вездѣ почти по дорогѣ производилъ безпорядки и насилія, совершенно разстроенное состояніе здоровья его доказывающіе.

Чтобы отвратить дальнѣйшія послѣдствія въ таковомъ положеніи, во вредъ какъ другимъ, такъ и самому ему обратиться могущія, призналъ я нужнымъ повелѣть взять его до выздоровленія подъ присмотръ въ Шлиссельбурскую крѣпость.

Особенное уваженіе мое къ фамиліи вашей, удобность, которую вы имѣть можете доставить сыну вашему по близости столицы, пособіе искусныхъ врачей и то попеченіе, которое вы сами или родственники ваши о немъ тутъ имѣть можете, побудили меня назначить ему сіе мѣсто пребыванія.

Я желаю искренно, чтобы вы скоро имѣли утѣшеніе видѣть сына вашего въ прежнемъ состояніи здоровья.

Пребываю вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Августа 21, 1806 года.

2.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Министръ просвѣщенія поднесъ мнѣ первый томъ, изданный Обществомъ испытателей природы, въ которомъ вы предсѣдательствуете. Внимая какъ предметамъ, такъ и трудамъ, споспѣшествующимъ къ распространенію познаній въ пользу наукъ, пріятно мнѣ изъявить вамъ мое благоволеніе за подвигъ, толь ревностный къ общему благу. Увѣрьте объ ономъ и всѣхъ вашихъ сотрудниковъ, и что изданія отъ сего Общества принимать я буду съ удовольствіемъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Сентября 28 дня 1807 года.

Г. Петръ Завадовскій.

3.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Въ знакъ моего благоволенія о службѣ, которую вы приняли изъ угожденія моей воли, и отъ удостовѣренія, что ревностныя ваши попеченія совершатъ устройство учебной части какъ въ самомъ московскомъ университетѣ, такъ и во всемъ его округѣ, жалую васъ въ кавалеры ордена святого Александра Невскаго, коего знаки, у сего приложенные, имѣете возложить на себя и носить по установленію.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. Апрѣля въ 14-й день 1808 года.

Графъ Петръ Завадовскій.

4.

Божіею милостію, Мы, Александръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и пр. и пр. и пр.

Нашему дѣйствительному тайному совѣтнику, министру просвѣщенія графу Разумовскому.

Во изъявленіе особеннаго благоволенія нашего къ отличному усердію, ревности и трудамъ, коими служба ваша сопровождается, признали Мы за благо пожаловать васъ кавалеромъ ордена св. Равноапостольнаго князя Владиміра большаго креста первой степени, коего знаки

для возложенія на васъ препровождая, пребываемъ Императорскою Нашею милостію всегда вамъ благосклонны.

Въ С.-Петербургѣ. Октября 23 дня 1811 года.

Александръ.

5.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Получилъ я письмо ваше отъ 23 Мая и согласенъ на порученіе дѣлъ министерства, вамъ ввѣреннаго, князю Голицыну, на время отсутствія вашего. Равномѣрно соглашаюсь на представленіе ваше о покупкѣ домовъ въ Царскомъ Селѣ для пансіона. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклоннымъ.

Александръ.

Вильна. Мая 26-го 1812 года.

6.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Изъ уваженія къ лѣтамъ вашимъ и долговременной службѣ и къ разстроенному здоровію, я, сверхъ воли моей, долженъ согласиться на просьбу вашу, но какъ при исполненіи оной нуженъ выборъ преемника, чего въ скоромъ времени сдѣлать нельзя; то, предоставляя себѣ увольнить васъ отъ службы по возвращеніи моемъ въ столицу, я надѣюсь, что изъ любви къ отечеству не оставите вы до того времени министерства, управленію вашему ввѣреннаго. Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

(Рукою Аракчеева) С.-Петербургъ, Августа 31 дня 1814 года.

7.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. По полученіи сего имѣете вы, сообразно съ даннымъ правительствующему сенату указомъ, немедленно приступить къ исполненію слѣдующаго:

1) Взять содержимое іезуитами училище подъ непосредственное ваше управленіе и какъ за содержаніемъ, такъ и за порядкомъ онаго имѣть попеченіе.

2) Тотъ же часъ назначить и послать въ оное благонадежнаго чиновника, съ тѣмъ, чтобы онъ, явясь къ управляющему министерствомъ полиціи, который введетъ его въ должность, принялъ бы въ свое вѣдѣніе денежную, изъ платы отъ родственниковъ на содержаніе

учениковъ, составленную кассу и, вступя по хозяйственной части въ распоряженіе сего училища, имѣлъ попеченіе о благосостояніи и продовольствіи дѣтей.

3) Вы между тѣмъ имѣете немедленно снестись съ находящимися здѣсь родственниками учениковъ, дабы они взяли ихъ къ себѣ, поелику училище не будетъ болѣе существовать; съ иногородными же списаться, хотятъ ли они ихъ взять къ себѣ или отдать въ другія здѣшнія заведенія.

4) Доколѣ дѣти будутъ оставаться въ училищѣ, на то время снабдить оное училище изъ другихъ мѣстъ. Пребываю къ вамъ благосклонный.

Александръ.

С.-Петербургъ. Декабря 20, 1815.

8.

Графъ Алексѣй Кириловичъ. Пріемля въ уваженіе принесенную вами просьбу и разстроенное здоровіе, я увольняю васъ отъ службы, назначая вамъ пансіонъ по десяти тысячъ рублей въ годъ.

Пребываю вамъ благосклонный.

Александръ.

Царское Село. 10 Августа 1816 года.

II.

Письмо Аракчеева къ гр. Алексѣю Кириловичу.

(Архивъ кн. Репнина).

М. Г. гр. Алекс. Кир.

Въ дополненіе къ Выс. рескрипту, вмѣстѣ съ симъ препровождаемому, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ извѣстить в. с., что по скорому отбытію Е. В. изъ столицы и совершенному недостатку времени, не можетъ Е. И. В. заняться теперь докладами министерства народнаго просвѣщенія, а предоставляетъ вамъ, м. г., взнести оные въ комитетъ гг. министровъ. Относительно же награжденія чиновниковъ въ день 30 Августа, то изъ служащихъ по министерствамъ чинамъ никто въ сей день награды не получаетъ. Исполняя Монаршую волю имѣю, честь быть и пр.

Графъ Аракчеевъ.

С.-Петербургъ. Августа 31 дня 1814.

III.

Собственноручныя письма Императрицы Маріи Θеодоровны графу Алексѣю Кирилловичу.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

1.

Ce 12 Novembre 1810. Gatschina.

Je vous suis infiniment obligée, m-r le c-te, de l'envoi de la lettre de ma fille et des bonnes nouvelles que vous me donnez de sa santé. Elle m'écrit avoir été bien contente de vous voir chez elle. Je sais, m-r le c-te, que c'est demain le jour marqué pour les noces de la comtesse votre fille. Je vous en fait mon compliment et je forme des voeux bien sincères pour son bonheur. J'espère que les fêtes passées vous viendrez me voir et je vous assure d'avance que vous serez notre bienvenu et que j'aurai plaisir à vous renouveller de bouche les assurances que je suis sincèrement, m-r le c-mte,

„Votre affectionnée Marie".

2.

Ce 30 Avril 1814.

Je suis extrêmement sensible, m-r le c-te, à l'attention bien aimable que vous avez de me témoigner, en me communiquant l'extrait intéressant de la lettre que vous venez de recevoir de Dresde. Je ne connaissais pas la pluspart de ces détails curieux et précieux pour l'histoire de notre temps. Recevez tous mes remerciements, monsieur le comte, de me les avoir communiqués et persuadez vous, que je suis très sincèrement avec la plus parfaite estime

Monsieur le comte

„Votre bien affectionnée Marie".

3.

Ce 31 Octobre 1813.

Je viens de recevoir des tagêtes [1]) de Marseille, dont l'odeur est très agréable, je me fais un plaisir de vous en envoyer, monsieur le comte, supposant qu'il vous serait agréable d'en avoir ainsi que le

[1]) Tagetis—гвоздика.

professeur Fisher. Il est bien juste que je m'empresse de vous en offrir, vous devant l'ornement de mon cabinet des fleurs et plantes les plus rares et belles. Je profite avec empressement de cette occasion pour vous renouveler les assurances de l'estime parfaite avec laquelle je suis

Monsieur le comte

„Votre bien affectionnée Marie".

4.

En vérité, monsieur le comte, je suis des plus sensibles à vos aimables attentions. Je n'ai rien vu de plus beau que cette délicieuse fleur, qui réunit à la plus grande beauté l'odeur la plus douce. Je ne la connaissais pas, mais j'en conserverai le souvenir et bien plus encore celui de vos attentions délicates. La journée d'aujourd'hui doit être des plus agréables à Gorenki, car on m'a dit que l'air est doux et puis il fait soleil. Adieu, monsieur le comte, en vous renouvelant tous mes remerciements, je vous renouvelle de même les assurances de ma bien parfaite estime.

„Marie".

Ce 15 Nov. 1817.
„La fleur est arrivée dans le plus bel étât".

5.

Ce Jeudi 16 Avril 1813.

Tant temoignages de respect et d'amour pour notre cher et bien aimé Empereur ne peut être reçu par moi qu'avec cet intérêt vif du sentiment inexprimable qui me lie à sa personne sacrée. Je vous prie monsieur le comte de remercier M. le Conseiller d'Etât Kapnist de l'ode qu'il m'a adressée et de lui témoigner tout le plaisir que j'ai éprouvé en voyant un poëte si avantageusement connu, exprimer les sentiments unanimes portés à l'Empereur. Je suis bien sensible, monsieur le comte, aux félicitations que vous m'adressez sur les glorieux evènements qui viennent de se passer et qui me comblent de bonheur, mais j'éprouve un regret réel de ne pouvoir vous en remercier de bouche à cause de votre incommodité et forme bien des voeux pour votre prompt retablissement, étant sincèrement avec une parfaite estime

„Votre bien affectionnée

Marie".

IV.

Письма Великой Княгини Екатерины Павловны (королевы Виртембергской) къ графу Алексѣю Кириловичу.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

Tver, ce 17 Janvier 1811.

C'est à Jaroslav que j'ai reçu votre aimable lettre, m-r le comte, et les ouvrages qui l'accompagnaient; je m'empresse dès mon retour ici à vous en remercier. Le projet de l'Académie Asiatique fait honneur à celui qui l'a conçu. La Russie devant être à mon avis la puissance priviligiée pour les relations orientales, doit pour sa gloire avoir des sujets instruits dans cette branche si intéressante des connaissances humaines. M-r Klaproth a également droit à la reconnaissance nationale, c'est un savant dont le nom est déjà très connu. Toutes les occasions qui me mettent en relation avec vous me sont très agréables. J'ai vu ici pendant quelque temps le professeur Buhle qui est très reconnaissant de l'honneur que lui a fait l'académie de l'agréger au nombre de ses membres. Recevez, m-r le comte, l'assurance de la considération distinguée de votre

devouée Catherine.

Tver, le 17 Janvier 1812.

Recevez, m-r le comte, les expressions de ma reconnaissance pour l'aimable lettre que vous m'avez adressée et pour l'envoi des livres. Mes sentiments pour vous sont inaltérables et il m'est bien doux de voir que vous y attachez du prix. Soyez toujours convaincu de la parfaite considération de votre

dévouée Catherine.

Prague, le 14/25 Juin 1813.

Recevez mes sincères remerciements, m-r le comte, pour les almanachs que vous m'avez envoyé; ainsi que pour les voeux que vous formez pour mois, ces derniers venant de vous ne peuvent que me flatter. Je saisis avec empressement cette occasion pour vous répéter l'assurance de mon estime, étant votre

devouée Catherine.

Franzisbrun, le 28/16 Juillet 1818.

Etant habituée à compter sur votre complaisance, m-r le comte, je m'adresse à vous pour vous prier de me rendre un service. Le frère

de la bonne de mon fils ainé a été à la marine comme chef de la partie des instruments mathématiques, ayant eu son congé, désire entrer comme maitre ou directeur pour faire les mêmes instruments à l'académie des Sciences où ce poste est vacant. Il se nomme m-r Riebes. Si la chose est faisable vous m'obligerez infiniment puisque j'aime beaucoup cette femme. Recevez, m-r le comte, l'assurance de la considération de votre.

dévouée Catherine.

V.

Письма министра народнаго просвѣщенія графа П. В. Завадовскаго къ графу А. К. Разумовскому.

1.

М. г. мой, гр. А. К.

Изъ сообщенія что отъ военнаго министра пошло къ Тимофею Ивановичу [1]), и моего къ вамъ на сей почтѣ, в. с. усмотрите, что еще до полученія письма вашего отъ 16-го взяты мѣры согласно изображаемому въ ономъ вашему желанію въ отношеніи къ переселенію университета. Я не думаю чтобъ Тим. Ив. былъ на нашей сторонѣ, а военный министръ на послѣдней со мною конференціи весьма благосклонно отзывался въ пользу университета. Онъ извинялся что самому по заочности нельзя было рѣшить здѣсь дѣла, но въ Августѣ мѣсяцѣ онъ считаетъ быть въ Москвѣ и воспользуется собственнымъ обозрѣніемъ дабы доставить университету жилище выгоднѣйшее и желаемое. Въ такомъ добромъ его расположеніи я не сомнѣваюсь, а въ бытность его въ Москвѣ, убѣждайте в. с. рѣшиться ему видимостью самихъ вещей.

Какъ прежде не понималъ причины темнаго облака, такъ теперь радуюсь что исчезло оное и открылось, что вы были правы и я не виноватъ. Да не случится впредь сему подобнаго и да не поколеблется ваше вѣрованіе въ мою душевную преданность, съ которою и проч.

С.-Петербургъ. Іюля 24, 1808 года.

2.

Іюля 29-го 1808 г.

М. г. мой, гр. Алексѣй Кириловичъ,

Получа ваше письмо отъ 23 Іюня повторяю о томъ, что я забылъ упреки въ ту же минуту, какъ свѣдалъ причину, подвинувшую васъ на

---

[1]) Тутолмину.

оные. Не желайте, говорю въ шутку, чтобы я обходился съ вами, какъ съ капризною любовницею. Флегма, свойственная старости, погасила во мнѣ потребный на то огонь. Посмотримъ, чѣмъ начнетъ Тутолминъ. Ваше примѣчаніе и предвидѣніе основательны, но надѣюсь болѣе на г. военнаго министра, что, будучи въ Москвѣ, своими глазами обозритъ и отгонитъ шашни. Прошу, примите слѣдующія строки въ приватную конфиденцію, а не за сообщеніе оффиціальное. Доходитъ до моихъ ушей голосъ съ близкой стороны, что ярославскій директоръ Кичѣевъ, опредѣленный университетомъ, держится пьяной чаши. По цѣлымъ мѣсяцамъ не бываетъ въ гимназіи, ни разу не собиралъ учителей и не держалъ съ ними совѣта. Словомъ, уставъ сдѣлался бѣлая книга, въ которую никто не заглядываетъ, отчего и учителя и ученики развращаются и послѣднихъ убыло знатное число, и только находится 26, въ числѣ которыхъ 11 изъ воспитанниковъ сиротскаго дома. Не разсудите ли послать туда ревизоромъ, изъ чиновъ университетскихъ, но человѣка весьма надежнаго, который поправилъ бы упадокъ училища и о неспособности директора донесъ бы истину. Директоромъ держится весь порядокъ и довѣріе публики, то какъ терпѣть пьяницу и нерадиваго въ семъ званіи? Также выборъ ревизоровъ, для осмотрѣнія училищъ, долженъ быть отъ университета весьма строгій, дабы сіи люди преклоняли къ себѣ уваженіе публики и доносили прямую истину о томъ, что̀ гдѣ нашли, не похваляя недостойнаго хвалы. Сіе говорю потому, что мнѣ слушать было непріятно отъ преосвященнаго Калужскаго, что Сохацкій, посланный отъ университета для осмотра училищъ, введенъ въ публичное собраніе въ такомъ хмѣльномъ состояніи, что самъ не могъ держаться на своихъ ногахъ. Сей и ему подобные соблазны распространяютъ безславіе на начальствующихъ въ самомъ университетѣ. Возьмите, в. с., лучшія мѣры, чтобы пресѣчь поношенія, которыя описываю единственно для вашего свѣдѣнія и предосторожности. Не терпите нигдѣ лѣнивцевъ, а наипаче пьяницъ; какъ ни велики были бы таланты, но сего порока не покроютъ и не замѣнятъ. Развѣ будущій слой ученыхъ русскихъ очистится отъ сей проказы, доселѣ общей. Пишу, а вамъ будетъ читать непріятно непріятное.

3.

Не вижу слѣдствій, ниже слышу объ оныхъ того злодѣйства, о которомъ вы молвили въ своемъ послѣднемъ письмѣ. Я паче надѣюсь на г. Аракчеева, которому, когда пріѣдетъ въ Москву, постарайтесь изложить обоюдную пользу. Его расположенія не поколебитъ врагъ. Матвю подарокъ и доктору, по вашему, ошейникъ пожалованы. Не

успѣлъ оныхъ къ вамъ отправить. Занимаюсь, по отъѣздѣ князя Лопухина, дѣлами его департамента, которыя сложены на мою шею на 5 недѣль его отсутствія.

7 Августа (1808)

4.

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ.

Поздравляю моего милостивца съ обновившимся годомъ и желаю, чтобы чрезъ сіи періоды растущая старость не была вамъ въ трудъ, ни болѣзнь. Простите мнѣ, в. с., что я помедлю отвѣчать на ваши почтеннѣйшія и ко мнѣ благосклоннѣйщія полученныя въ Декабрѣ. Потчивая гостей, находился въ праздникахъ безъ просыпу, и этотъ шумъ продолжался до 15-го. Король и королева [1]) отличаются ласковымъ обхожденіемъ; послѣдняя наипріятнѣйшая женщина по виду и дарованіямъ. Послѣ тисковъ французскихъ, они здѣсь, такъ сказать, отвели духъ и вкушаютъ веселіе. Наполеонъ разсѣялъ возмутительныя Гишпанцевъ войска, вошелъ въ Мадридъ и проповѣдуетъ коварство Англіи; идетъ въ Португалію, чтобъ и тамъ испровергнуть всю инфлюенцію Англичанъ и творитъ, яже хощетъ.

Болѣзнь, неказавшаяся опасною, уморила въ скорыхъ дняхъ графа Н. П. Шереметева. Во всю жизнь былъ слабъ духомъ, а при концѣ не боялся смерти, оставилъ завѣщаніе, избралъ попечителей, о чемъ только слышу, а обстоятельно не знаю.

4 Января 1809 года.

5.

19 Января 1809.

Благосклонное ваше отъ 14-го я получилъ къ сердечному моему удовольствію. Какъ обыкновенно въ одинакихъ и продолжительныхъ заботахъ удовольствіе сохнетъ, такъ и наши повседневные праздники окончились вчерашнимъ въ музыкальномъ клубѣ и сегодня И. И. В. В. Прусскіе отъѣзжаютъ. Еще я не читалъ духовной покойника, [2]) а разсказы и здѣсь тѣ же, что́ и къ вамъ дошли. Полагаютъ, я слышу, представить оную въ разсмотрѣніе сената. Нельзя никому отдалить отъ родового имѣнія законныхъ наслѣдниковъ, и я не думаю, чтобы актъ, раздирающій законъ положительный, не навлекъ должнаго вниманія. При отъѣздѣ князя Козловскаго, я говорилъ ему мое мнѣніе по сему происшествію. Пока сынъ живъ, право линіи сестры закрыто

[1]) Прусскіе, проѣзжавшіе въ Петербургъ.

[2]) Гр. Н. П. Шереметева.

и тогда только молчаніе прервать должно, если бы доходило до санкціи на сію духовную. По сію пору однакожъ не подавалися утверждать сіи случаи. В. с. слишкомъ щедро надѣляете меня дичиною, а я только хотѣлъ имѣть маленькій образчикъ въ науку для моихъ поваровъ, которые и здѣсь и въ Малой Россіи не умѣли (неразобранное слово) дичь сохранить негніющею.

P. S. Наполеонъ изъ Мадрида полетѣлъ къ своей арміи, оставя брата лейтенантомъ. Повидимому, еще не вся Гишпанія такъ покорна, какъ ея столица. Нашему Г. Ивану Васильевичу [1]) не удалось овладѣть Эриваномъ. При тяжкихъ его трудахъ эта неудача наичувствительнѣйшій для него переворотъ.

6.

Февраля 11-го (1809).

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ.

Ваши объясненія о Генингѣ я доводилъ къ свѣдѣнію Великаго Князя. Внявъ онымъ уже не всего мѣста хочетъ для своего кандидата. Когда Генингъ отличныхъ достоинствъ, для чего его не поставить въ директоры, чтобъ тѣмъ отнять навсегда (неразобрано), которые иногда не такъ удобно отклонить, какъ нынѣ удалось. Очень въ то я вхожу, сколько для васъ чувствителенъ поступокъ профессоровъ, по начальству и меня собственно колите. Но сіе произошло не въ томъ видѣ, чтобъ намъ досадительное показать неуваженіе, а по образу, чуждому деликатности. Запретивъ профессорамъ лекціи въ медицинской академіи, оскорбилъ и министра внутренняго, а наипаче Велея, [2]), который, по великому кредиту, по этой части всемогущъ. Отказать профессорамъ отъ университета и пуще пойдутъ жалобы, ссылаясь на указъ покойной Государыни, коимъ велѣно не препятствовать профессорамъ преподавать ученіе въ другихъ училищахъ, опричь ихъ каѳедръ. Въ томъ и другомъ случаѣ я не предвижу успѣха, а безъ сомнѣнія встрѣтимъ непріятности. Потому прежде чѣмъ дѣйствовать оффиціально, я приватно изъясняю всѣмъ мои мысли, бывъ ближе къ бьющему источнику. По настоящему времени неделикатность, ненаблюденіе формалитета обычнаго не должны трогать, и намъ чувствительность была бы себѣ во вредъ. Замѣнить сихъ профессоровъ таковыми же или еще и лучшими ненеудобно изъ чужихъ краевъ. Но знаменитые на 2000 не пойдутъ, а свыше стата нельзя ни сулить, ни давать. Вѣкъ и опытъ ко многому во мнѣ чувства притупилъ и вы не въ такомъ періодѣ,

---

[1]) Гудовичу.

[2]) Сэръ Джемсъ Вилье (по Англійски Уайле), лейбъ-медикъ Имп. Александра I.

потому и прошу я васъ—не раздражайтесь моимъ противомысліемъ. Если профессора, при своихъ постороннихъ занятіяхъ, полнымъ образомъ удовлетворяютъ званію своему въ университетѣ, то можно бы презрѣть въ семъ случаѣ оскорбленіе формалитета, а тогда только отказать имъ, когда бы, по принятымъ обязательствамъ, чуждымъ для университета, каѳедры ихъ оскудѣвали ученіемъ. Я изливаю вамъ душу мою, но готовъ и то дѣлать, что̀ вы за благо признаете. Разномысліе наше въ томъ: вы хочете поставить, какъ должно быть, а я—соображаясь времени. Не разъ я говорилъ съ министромъ военнымъ о строеніи, онъ отлагалъ дѣло до пріѣзда Тутолмина, который между тѣмъ на дорогѣ лежитъ больнымъ. Сверхъ того, министръ сильно теперь занятъ своими дѣлами, что на наши некогда ему взглянуть. Надо вещи видѣть близко, чтобъ ихъ видѣть прямо. Примите, милостивецъ, всѣ мои изъясненія не въ другомъ видѣ, какъ въ дружескую конфиденцію.

P. S. Почепской дичины изобильно пожаловали, но она вкусъ и приготовленіе ниже имѣетъ, что̀ соленыя перепелки.

7.

Въ оправданіе моего молчанія, на которое, безъ сомнѣнія, вы досадуете, примите слѣдующее: военный министръ всегда меня обнадеживалъ кончить дѣло за пріѣздомъ сюда Тутолмина, а сей застрялъ на дорогѣ больнымъ и наконецъ, дотащившись, и здѣсь съ одра не всходитъ. Между тѣмъ министръ военный поскакалъ въ Финляндію не надолго. Говорятъ, что и самъ Г. на малъ часъ (sic) туда же. Сверхъ того, недѣли двѣ и я пролежалъ въ постелѣ больнымъ. По сей причинѣ еще не видалъ Тутолмина. Вотъ обстоятельства, по которымъ не движется университетское дѣло, вмѣняемое, конечно, мнѣ въ нерадѣніе. Рука дрожитъ, и пока укрѣпится, сокращаю изъявленіемъ истинной преданности.

Фев. 19, 1809. С.-Пб.

8.

Сердечно благодарю за участіе, которое в. с. принимали во мнѣ болящемъ. Судьба еще отсрочила погасить жизнь и я теперь опять на ногахъ. Вслѣдствіе объясненія вашего о продаваемой библіотекѣ, я говорилъ съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ [1]), и онъ отвѣчалъ,

[1]) Куракинымъ.

что теперь разсматриваетъ доставленный каталогъ книгамъ и полагаетъ купить оныя для медицинской академіи. Въ такомъ обстоятельствѣ досадили бы ему, посягая на перекупку. Военный министръ въ Финляндіи, куда и Государь 13-го числа отъѣзжаетъ. Сей походъ располагаютъ на 10 дней. Тутолминъ такъ боленъ, что медики не обнадеживаютъ излѣченіемъ. У него камень и для операціи лѣта уже позднія. По возвращеніи изъ Финляндіи усилю настоянія мои о превращеніи въ университетъ извѣстной казармы.

10 Марта (1809).

9.

Ежели бы отъ меня зависѣло, но вы не то думаете, окончить дѣло, университетское переселеніе уже бы совершилось. Ловлю министра по недѣлямъ, чтобы ему напоминать объ его обѣщаніи. Извиняется своимъ занятіемъ о военныхъ дѣлахъ, а теперь наипаче. Не разъ хотѣлъ самъ заѣхать къ Тутолмину и съ нимъ лично переговорить. Въ отношеніи къ сему болящему и то я сдѣлаю, что̀ вы въ послѣднемъ вашемъ (письмѣ) отъ 8-го полагаете быть полезнымъ. Надобно быть у источника, чтобы видѣть, скоро ли воды текутъ. Рѣшимость моя на покой и уже не долгій по моимъ лѣтамъ не... [1]) отъ попутнаго вѣтра. Но когда брошенъ будетъ якорь, предварю о томъ в. с. въ свое время. Но мой примѣръ не для васъ. Вы въ самыхъ сущихъ лѣтахъ, носите званіе почтенное въ томъ городѣ, гдѣ основали свое пребываніе. Я же старъ и люблю деревню; никакихъ выгодъ не приспособлялъ для себя въ столицѣ. Впрочемъ, откровенность объемлю сердечнымъ чувствомъ, яко доказательство вашей дружбы. Но желаю для общей пользы, чтобы ваше правленіе университетомъ продолжалось за предѣлы моего министерства.

(1809).

P. S. Между Австріею и Франціею неизбѣжная война, а тамъ... [2])

10.

Прискорбно было для меня найти въ письмѣ вашемъ отъ 27 Сентября разумѣніе личности, чему неповинна моя душа. Я не стану объясняться, сколь нелегко отмѣнить статъ устава, вчера, такъ сказать, изданнаго. Можетъ быть, вы и не повѣрили бы моимъ о томъ изъясненіямъ. Но, наконецъ, по многимъ преніямъ уже рѣшено избирать

---

1) Неразобранное слово.

2) Точки въ подлинникѣ.

ректора въ Московскомъ университетѣ на трехъ лѣтъ (sic). О дворцѣ Екатерининскомъ на перемѣщеніе въ оной университета, велѣно сей предметъ военному министру внести въ министерскій комитетъ на разсмотрѣніе. Чтó изъ сего выйдетъ, еще не могу обнадежить, но я по всякъ день бью челомъ сему министру. Засвидѣтельствованія Г. Ивана Васильевича, конечно, послужатъ къ подкрѣпленію нашихъ исканій, особливо, ежели онъ можетъ сказать, что городовыя казармы вмѣстятъ и тѣ войска, коими занятъ дворецъ. Бывъ крайне недоволенъ запустѣніемъ, которое в. с. очистили въ Демидовскомъ училищѣ, я молвилъ вамъ о Шишацкомъ, какъ о членѣ, бывшемъ въ томъ сонмищѣ. Но, впрочемъ, принимая ваше о немъ одобреніе, я не имѣю никакого предубѣжденія на его счетъ. Относительно къ пенсіи вотъ препятствія: Демидовское училище не есть штатное, учреждено оное и содержится по особливой суммѣ, въ 5-ой статьѣ даннаго ему устава положено производить пенсію учителямъ изъ остатка отъ расходовъ. Когда есть таковые остатки, то изъ оныхъ имѣютъ право просить пенсію, а буде нѣтъ, то его нельзя ставить съ учителями народныхъ училищъ, для коихъ на пенсію по штатному ихъ числу опредѣлена сумма. Посему разсудите, в. с., имѣю ли я силу возможную въ его помощь. Не подозрѣвайте меня, любезный милостивецъ, ни въ упрямствѣ, ни въ нехотѣніи вамъ угодить.

Октября 19, 1809. С.-Петербургъ.

P. S. Припадки здоровія и занятія часто не допускаютъ писать чтó хочешь и кому хочешь.

11.

10-го Ноября, (1809).

Рѣшеніе по дому, г-жею Олениною [1]) подаренному московс. университету, которое столько трогаетъ ваше чувствительное сердце, скажу вамъ приватно: въ отсутствіи Г. я предлагалъ ваше представленіе министерскому комитету; въ ономъ опредѣлено согласно вашему мнѣнію, о чемъ я вамъ тогда же писалъ, но, при разсмотрѣніи журнала, который всегда посыланъ былъ отъ всякаго засѣданія комитета о дѣлахъ трактованныхъ и о рѣшеніяхъ по онымъ, вышло свыше повелѣніе, о которомъ имѣлъ я непріятный долгъ сообщить и вамъ и г. Тутолмину. Въ будущую субботту я доложу по вашему письму, и елико можно стану ходатайствовать о пощадѣ и не умедлю васъ увѣдомить, обрѣту ли благодать. Сына [2]) я знаю, какъ и вы, но объ его участіи прямо не вѣдаю.

---

[1]) Анна Семеновна Оленина, рожденная княжна Волконская.

[2]) А. Н. Оленинъ,—впослѣдствіи президентъ Академіи Художествъ и статсъ-секретарь.

Дмитрій Александровичъ Гурьевъ проситъ меня объ увольненіи студента Михаила Буцкаго. Прилагаю его записку. Онъ, да останется между нами, есть побочный сынъ его отца умершаго и хочетъ дать ему дорогу полезнѣйшую предъ университетомъ. Нельзя къ таковымъ людямъ не имѣть снисхожденія, и я прошу в. с., когда до васъ дойдетъ просьба отъ сего студента, выпустить его подъ какимъ-либо благовиднымъ видомъ. Еще прошу, м. г., снизойдите также въ одолженіе министру внутреннихъ дѣлъ, чтобъ не затруднять профессоровъ университетскихъ, хотящихъ преподавать лекціи въ академіи медицинской, соблюдая однакожъ свои всѣ часы, постановленные въ курсахъ университета. Я потому у васъ о семъ ходатайствую, что князь Куракинъ охотно споспѣшествуетъ всякимъ отношеніямъ по нашей учебной части. Сладьте такъ, чтобы овцы цѣлы и волки были сыты. Простите, милый графъ, что не веду переписки моей исправно. Занятія умножились и умножаются до того, что не станетъ времени побесѣдовать съ человѣкомъ, коего люблю сердечно и къ которому приверженъ предааннѣйше.

12.

Молчаливый промежутокъ былъ съ вашей стороны по причинѣ шумныхъ и блестящихъ занятій, а отъ меня изъ уваженія на усталость подвизавшихся. Нынѣ врата обоюдному нашему молчанію отверзты и съ моимъ сердечнымъ удовольствіемъ поздравляю в. с., стяжаніемъ всякой хвалы, которую я слышалъ отъ Государя Императора, посѣщавшаго московскій университетъ. Онъ отзывался добрымъ словомъ о профессорахъ, коихъ удостоилъ своего разговора, о порядкѣ управленія, а наипаче о личныхъ вашихъ качествахъ, способствующихъ лучшему образованію сей полезнѣйшей части и при семъ случаѣ изволилъ сказать, что Екатерининскій дворецъ положилъ отдать подъ университетъ, только ему еще надобно переговорить съ военнымъ министромъ. Къ концу года столько хлопотъ, что этимъ дѣломъ не придется заняться. Г. Иванъ Васильевичъ, могъ бы уговорить думу московскую, чтобы отъ города доставили домъ для гимназіи, ибо для юношества ихъ собственно необходимо сіе училище. Вашъ училищный капиталъ не такъ пространенъ да и въ нынѣшнее время при толикихъ государственныхъ расходахъ долженъ сократиться. О канцелярскихъ деньгахъ изъ письма вашего вижу—вы продолжаете щекотливость. Изъ дѣла обыкновеннаго выходилъ бы необыкновенный докладъ, и такъ сію статью я оставилъ до будущаго вашего сюда пріѣзда, о коемъ слышу, что скоро послѣдуетъ, слѣдственно мое порадованіе оный упреждаетъ.

Писавъ сіе при окончаніи года, продолжаю сіи строки сердечнымъ желаніемъ, дабы мой милостивецъ въ новолѣтіи радовался о всемъ, на самомъ себѣ (sic) и продолжалъ любить пребывающаго и проч.

Декабря 28, (1809).

VI.

Бумаги относящіяся до времени попечительства Московскимъ округомъ.

Отношенія Инспектора Университета Профессора Рейнгарда:

(Архивъ кн. Н. В. Репнина)

1.

A S. E. le comte Razoumowsky C. I. A. de S. M. I. Curateur de l'Université de Moscou etc.

Rapport.

1. V. e. m'a ordonné de mettre provisoirement en exécution les différentes dispositions relatives à la discipline et contenues dans le projet de réglement pour les étudiants stipendiés. J'ai tâché de satisfaire cet ordre dès le recommencement des cours.

Effectivement dans les cours du mois de Septembre les étudiants ont fréquenté assez exactement leurs leçons d'après le plan que j'en avais tracé; excepté quelques-uns des anciens qui, croyant avoir fini leur cours, tiennent à se soustraire à l'ordre présent. Au commencement de ce mois d'Octobre j'ai crû devoir aller plus loin; j'ai donné aux étudiants par écrit un apperçu des règles qu'ils doivent suivre. Cet apperçu se trouve ci-joint sous № A. Outre les exhortations générales, il contient des dispositions tendantes à déterminer les heures qui doivent être consacrées au travail et celles où il leur est permis de sortir; d'autres tendantes à maintenir la tranquillité dans les chambres pendant les heures du travail et plusieurs autres. Enfin j'ai chargé m-rs les candidats qui ont l'emploi de mes „помощниковъ", de tenir un journal où ils marquent avec la plus grande éxactitude tout ce qui pourra se faire de contraire à la discipline. C'est ainsi que je pourrai répondre en quelque sorte de la conduite des étudiants et de leurs progrès dans les sciences.

2. Sur le rapport que j'avais fait au conseil d'après l'ordre de v. e., quelques-uns des étudiants ont été nommés précepteurs; d'autres ont

été congédiés; il en est encore quelques-uns dont le sort devra se décider. Je dois remarquer à cette occasion que nous manquons de dispositions positives et clairement détérminées par rapport aux *étudiants qui ont fini leur cours d'études.* Quelques-uns d'eux ne désirent que de quitter l'université, sans vouloir être chargés d'aucune obligation envers l'université qui les a nourris et formés; d'autres, quoiqu'ayant fini leur cours, veulent rester à l'université sans but, sans règle, sans utilité, seulement pour se faire payer 200 roubles par an, ne faisant aucun progrès ultérieur dans les sciences, oubliant au contraire en partie ce qu'ils avaient appris, donnant au plus jeunes l'exemple du désordre et les empêchant de jouir du salaire. Il me parait qu'à la fin de chaque année académique il faut prendre une décision positive par rapport à ceux qui ont fini leur cours; il faut désigner ceux qui désirent et qui sont dignes de devenir candidats; ceux qui seront précepteurs et ainsi de suite; enfin il ne faut pas que quelqu'un soit inutilement à la charge à la caisse de l'université. Il appartient à moi, sans doute, de proposer les mesures nécessaires relativement à cet objet. Mais avant de le faire je dois prier très humblement v. e. de bien vouloir me donner quelques éclaircissements par raport à *l'obligation* des étudiants. Rien de plus juste que l'ordre de s. e. le ministre, d'après lequel tous les étudiants stipendiés sont soumis à une obligation qui doit durer 6 ans. Mais en quoi consiste cette obligation? Ces étudiants n'auront-ils d'autre destination que celle de devenir précepteurs? L'auront-ils lors même qu'on aura prouvé que les écoles soumises à l'Université, n'auront jamais besoin d'un si grand nombre de précepteurs? Que deviendront ceux qui n'ont ni du talent ni de la disposition pour cette espèce d'emploi? Ayant assez longtemps réfléchi sur cette affaire importante, je me suis décidé à préparer un rapport détaillé qui sera prêt sous peu de jours. Je demande donc très-humblement à v. e., si elle veut que je le lui adresse immédiatement ou que je l'adresse au conseil qui le lui fera parvenir avec ses remarques?

3. Parmis les différentes dispositions que j'ai faites pour l'établissement de l'ordre, il s'en trouve une, d'après laquelle tous les étudiants stipendiés doivent avoir la table commune. Jusqu' ici chacun d'eux allait où il voulait pour diner et pour souper; ce qui leur donnait du pretexte pour s'absenter quand ils le trouvaient bon, pour aller même dans les auberges etc. La disposition que j'ai faite servira donc à prévenir beaucoup de désordres, elle est d'ailleurs conforme au 121 article de l'Уставъ, et le conseil vient de la confirmer. Cependant je dois remarquer à cette occasion que 25 étudiants ne reçoivent pas le salaire qui leur ai fixé par l'étât de l'université, au lieu du salaire on leur donne la nourriture et le vêtement comme aux écoliers du

gymnase. De ceux qu'on salarie plusieurs ne reçoivent que 150 roubles au lieu de 200. Quant à moi, sachant que les finances de l'université se trouvent dans un étât qui exige l'économie, je suis loin de vouloir charger la caisse de nouvelles dépenses. Aussi parmi toutes les mesures que j'ai proposées, il n'est pas une seule qui ait entrainé des dépenses (si l'on excepte l'escalier qui se fait à-présent pour mieux arranger le logement des étudiants et des écoliers). Au contraire, voyant que plusieurs étudiants jouissent du salaire depuis 6 ou 8 ans, j'ai fait cesser cet abus, en proposant de les envoyer dans les écoles en qualité de précepteurs. Par cette opération la caisse est délivrée d'une dépense inutile très considérable. Malgré tout cela lorsque je proposais au conseil, en conséquence du devoir attaché à mes fonctions d'inspecteur, une vingtaine d'écoliers pour complêter le nombre fixé par le постановленie du gymnase, on m'a répondu: qu'on n'en pourrait admettre qu'une petite-partie, parceque leurs places sont occupées par des étudiants. On veut donc faire une double épargne: 1) en donnant aux étudiants, au lieu de leur salaire, le traitement d'écoliers, 2) en diminuant le nombre des écoliers, sous le prétêxte que leurs places sont occupées par les étudiants. C'est ainsi qu'un abus entraine toujours plusieurs autres. Qu'on se hâte d'employer quelque part les étudiants qui ont fini leur cours, afin qu'il ne soient pas inutilement à la charge de notre caisse; que de l'autre côté on paye aux étudiants (surtout à ceux qui le sont depuis un ou deux ans) le salaire sinon de 200, du moins de 150 roubles. Du reste v. e. verra par la note ci-jointe № B. que l'université ne dépense que la *moitié* de la somme fixée pour les étudiants, les candidats et les maitres-es-arts. Elle verra de même qu'à la suite de la démission de plusieurs étudiants, la caisse vient de faire une épargne de plus de 3000 roubles. Je crois donc que l'étât actuel de la caisse ne peut ni ne doit empêcher la réception des écoliers dont j'ai présenté la liste au conseil. Cette réception devait se faire au commencement des cours; deux mois se sont écoulés depuis; plus d'un mois se passera encore si v. e. ne voudra pas hâter la décision de cette affaire par un ordre de sa part.

4. L'étât du gymnase fera l'objet d'un rapport particulier que je ne manquerai pas de présenter aussitôt que les opérations, que j'y dois faire en conséquence des ordres de v. e., seront finies. Mais je ne saurai différer un instant de prévenir v. e. combien il est urgent de donner un ordre écrit relativement aux pensionnaires de S. M. l'Impératrice mêre. V. e. ayant expressément déclaré que ces jeunes gens doivent être sous mon inspection, on veut bien que je m'en charge, on convient en même temps que le plan d'enseignement qu'on leur a fait suivre jusqu'ici, est absurde, mais on ne veut pas consentir au change-

ment de ce plan sans l'ordre écrit de v. e., sous le pretexte que S. M. croyant ses pensionnaires plus avancés qu'ils ne le sont effectivement, pourrait s'étonner de les voir retrograder. Moi je pense que S. M. serait beaucoup plus étonnée si elle apprenait que ces jeunes gens n'ont appris ni les mathématiques, ni le français, ni la géographie etc., et que pour les traiter en étudiants on les a empêché de jouir de l'enseignement qu'on accorde à tous les écoliers. Du reste on pourrait arranger la chose de manière qu'ils apprissent dans le gymnase tous les objets nécessaires sans discontinuer l'étude de la chirurgie qu'ils ont commencé.

En conséquence de mon rapport je dois prier très-humblement v. e. de donner les ordres suivants:

I.

1) Le conseil ne tardera pas à compléter le nombre des écoliers entretenus fixé par le постановленіе академической гимназіи.

2) Il prendra des mesures pour faire jouir du salaire ceux des étudiants de la couronne qui ont été reçus avant le 30 Juin de cette année.

II.

1) Le conseil communiquera sans délai à s. e. le curateur tous les papiers ou actes relatifs aux pensionnaires de S. M. l'Impératrice mère.

2) En attendant ceux d'entre eux qui ne sont pas encore étudiants, seront sous la surveillance de l'inspecteur du gymnase, ils suivront les cours assignés aux écoliers de ce gymnase.

3) Néanmoins ceux d'entre eux qui ce sont adonnés à la chirurgie ou à la médecine continueront de se préparer à l'étude de ces sciences.

4) A cet effet la faculté de médecine désignera les adjoints ou autres de ses membres qui leur donneront des leçons privées et préparatoires d'après un plan conforme à leurs capacités.

5) La faculté de médecine se concertera avec l'inspecteur pour déterminer les jours et les heures où ces leçons de médecine pourront se donner sans empêcher les pensionnaires d'apprendre dans le gymnase les langues et les sciences nécessaires.

Reinhard, Professeur et Inspecteur.

Moscou, 13 Octobre 1808.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ РАПОРТУ:

№ А.

Гг. студенты Имп. московскаго университета,

Юноши, коихъ главнѣйшая цѣль есть, упражняясь въ наукахъ, образовать самихъ себя и сдѣлать способными къ отправленію публичныхъ должностей, должны знать, сколь много успѣхъ въ семъ дѣлѣ зависитъ отъ того, чтобы дѣла и занятія ихъ совершаемы и располагаемы были сообразно съ извѣстнымъ порядкомъ и правилами.

Можете-ли сдѣлаться способными къ какимъ либо должностямъ, можете-ли оправдать ожиданія отечества и начальниковъ сего университета, если не посвятите время ваше безпрерывному и благоразумно расположенному ученію, а нравы ваши сохраните чистыми и неприкосновенными пороковъ; если не постараетесь слѣдовать съ точностію предписанному порядку.

Хотя все сказанное мною само по себѣ извѣстно и справедливо, не менѣе однакожъ извѣстно и сожалѣнія достойно то, что есть между вами такіе, которые, недовольны будучи свободою и выгодами, какими пользоваться вамъ позволено, стремятся къ своевольству, а другіе предаются нерадѣнію въ ученіи, такъ что и мои увѣщанія не сильны были заставить васъ соблюдать порядокъ, коего требуютъ ваша собственная польза и тщательное упражненіе въ наукахъ.

Почему побуждаемый и соблюденіемъ вашей пользы и важностію моей должности, считаю необходимымъ совѣтовать и увѣщевать, дабы вы, помня то, что честно, и справедливо и можетъ служить вамъ украшеніемъ, жизнь вашу и дѣла ваши располагали по правиламъ, предписываемымъ добродѣтелію и обязанностями.

Въ особенности же

I. Совѣтую ходить всегда на лекціи вамъ назначенныя. Ибо никогда не будете имѣть успѣховъ, если не станете въ продолженіи всѣхъ годовъ съ безпрерывнымъ стараніемъ упражняться въ наукахъ. Дабы имѣть вѣрное и несомнѣнное доказательство вашего прилежанія или нерадѣнія, я заблагоразсудилъ каждаго изъ васъ, который хотя одинъ разъ не придетъ на лекцію, замѣчать въ книгѣ, для сего назначенной. Еслиже случится, что кто-либо или по болѣзни или по другой какой причинѣ не можетъ быть на лекціи, тотъ долженъ объявить о семъ которому-либо изъ моихъ помощниковъ.

II. Но недовольно быть только на лекціяхъ, необходимо, сверхъ того, чтобы вы въ комнатахъ особенно занимались не только повтореніемъ преподаваемыхъ учащими предметовъ, но и, сколько возможно,

записываніемъ ихъ на бумагѣ; чтобы вы распространяли кругъ знаній и умножали успѣхи чтеніемъ книгъ, принадлежащихъ къ ученію, и другихъ, кои могутъ быть вамъ полезны. А какъ, безъ сомнѣнія, посвятившіе себя наукамъ сами желаютъ, дабы ничто не препятствовало ихъ упражненіямъ въ комнатахъ, то предписываю и приказываю, дабы отъ 7 до 12 часовъ по утру и отъ 2 до 6 часовъ послѣ обѣда не только соблюдаемы были въ комнатахъ порядокъ, тишина и спокойствіе, но и чтобъ каждый изъ васъ употреблялъ сіе время на полезныя затятія. Помощникамъ моимъ поручаю замѣчать тѣхъ, кои въ это время нарушатъ порядокъ или будутъ праздны. Наипаче предписываю вставать въ надлежащее время, такъ чтобы въ семь часовъ вы начинали уже заниматься.

III. Весьма сожалѣю, что нерадѣніе многихъ изъ васъ простирается даже до того, что въ воскресные и другіе праздничные дни или совсѣмъ не бываютъ въ церкви или до окончанія службы уходятъ изъ оной. Прошу господъ кандидатовъ, помощниковъ моихъ, замѣчать такихъ въ своемъ журналѣ.

IV. А дабы соблюдаемъ былъ точнѣйшій порядокъ касательно нравовъ и поведенія и дабы обуздать стремленіе вашего своевольства, коего много было примѣровъ, считаю необходимымъ предписать и объявить слѣдующее:

1. Учебные дни должны быть посвящаемы занятіямъ. Почему въ сіи дни, и наипаче въ зимнее время, позволяется отлучаться изъ университета только по окончаніи обѣда до 2 часовъ.

2. Въ воскресные и праздничные дни сіе позволительно только по окончаніи обѣдни.

3. Отлучившіеся въ сіи дни должны возвращаться къ ужину (въ 8 часовъ), если не будутъ имѣть отъ меня позволенія пробыть долѣе внѣ университета.

4. Дабы не дать впредь поводу безъ нужды отлучаться изъ университета, я предписалъ и снова повторяю, чтобы всѣ студенты, получающіе жалованье, имѣли общій столъ и обѣдали и ужинали вмѣстѣ. Отсутствующіе должны быть замѣчаемы.

5. Въ 10 часовъ вечера двери запираются. Тотъ, кто придетъ позже сего времени, такъ какъ и тотъ, который не ночуетъ дома, будетъ наказанъ заключеніемъ въ карцеръ, если не предъявитъ на то законныхъ и по всей справедливости заслуживающихъ уваженіе причинъ.

Не думайте однакожъ, чтобы уважаемы были пустыя извиненія, кои до сего времени употребляли вы. Чрезмѣрное своевольство многихъ изъ васъ заставляетъ меня рѣшительно объявить, что въ разсужденіи сихъ проступковъ не буду оказывать ни малѣйшаго снисхожденія.

6. Если кто имѣетъ нужду отлучиться изъ университета въ неназначенное для сего время, долженъ просить позволенія у меня.

7. Если кто хочетъ заниматься преподаваніемъ уроковъ внѣ университета, тотъ долженъ также испросить мое позволеніе, дабы сіе занятіе не препятствовало ученію.

Объявляю вамъ, что съ сего дня господа кандидаты, мои помощники, будутъ вести журналъ, въ коемъ должны быть записываемы имена поступившихъ противъ правилъ, или здѣсь мною предписанныхъ или давно уже вамъ извѣстныхъ. Итакъ, ничто касательно вашего поведенія и ученія отъ меня не скроется, и я въ каждую минуту, когда нужно будетъ, а наипаче въ концѣ академическаго года могу дать совѣту (такъ, какъ предписано сіе въ уставѣ нашего университета) точное и доказательствами утвержденное свидѣтельство о вашемъ поведеніи и успѣхахъ.

Неприлично однакожъ благородно-мыслящимъ юношамъ выполнять свои обязанности единственно изъ страха къ наказанію. Почему надѣюсь и увѣренъ, что чувство чести, чувство благородства и справедливости, и побужденіе къ собственной пользѣ заставятъ васъ соблюсти должныя правила и съ приличнымъ стараніемъ и прилежностію упражняться въ наукахъ и любить добродѣтель. Но при всемъ томъ твердо объявляю вамъ, что, дабы во всей точности соблюдаемы были правила порядка, будутъ наказываемы не только важныя преступленія и пороки, но и даже всякое нерадѣніе (какъ, напр., упущеніе лекцій) не останется безъ должнаго и соразмѣрнаго взысканія.

Помыслите, прошу васъ, гг. студенты! что все сіе съ моей стороны и со стороны начальниковъ университета имѣетъ не иную цѣль, какъ только вашу собственную пользу, честь университета и выгоды отечества.

Помыслите, что счастіе жизни вашей зависитъ отъ того, дабы годы, ученію посвященные, протекли съ пользою и вы пріобыкли къ соблюденію надлежащаго порядка и къ благоразумному управленію своими дѣлами.

Помыслите наконецъ, что никакое общество малое или большое, никакое публичное заведеніе не можетъ существовать безъ правилъ, имѣющихъ извѣстную цѣль.

Повѣрьте мнѣ, собственною опытностію и опытностію другихъ наученному, что нѣтъ ничего полезнѣе и благодѣтельнѣе, нѣтъ ничего необходимѣе оной благоразумной и неизмѣнной привычки къ порядку и соблюденію правилъ.

Итакъ тотъ васъ истинно любитъ, тотъ заступаетъ у васъ мѣсто отца и достоинъ любви вашей, кто старается пріучить васъ къ сему и предостерегать, дабы вы или по легкомыслію, или предавшись праздности не уклонялись отъ истиннаго пути.

Поступая съ вами иначе, я не выполнилъ бы своей обязанности, не удовлетворилъ совѣсти своей и пренебрегъ бы ваше счастіе.

Можетъ быть найдутся между вами такіе, коимъ сіи наставленія мои покажутся безполезными, однакожъ будьте увѣрены, что послѣ, когда научитесь здраво судить о себѣ и о жизни человѣческой, сами признаетесь, что я поступалъ съ вами какъ отецъ, и истинно заботился о вашемъ благополучіи

B.

Il est fixé par l'étât de l'Université:

pour 40 étudiants (à 200) . . .	8000	rbles.
pour 12 candidats (à 300) . . .	3600	„
pour 12 maitres-es-arts (à 400) .	4800	„
	16,400	rbl.

Il faut ajouter les revenus de la fondation Démidowienne qui montent à 5000 rbls et dont la moitié est destinée aux étudiants. 2500

total. 18,900

Au commencement de cette année académique l'université a réellement dépensé pour les étudiants, candidats et maitres-es-arts . 12800

(Cependant dans ce compte ne sont pas compris ceux qui voyagent dans l'étranger).

Depuis 11 étudiants et un candidat ou ont été congédiés, ou sont nommés précepteurs, ou sont placés autre part; cela fait une épargne de 2250

(6 étudiants qui ne pourront guère manquer d'avoir bientôt leur congé n'y sont pas compris).

Reste à présent dépense effective 10,550 roubles.

2.

M. le Comte.

Rien de plus salutaire que les ordres donnés successivement par v. e. qui portent: 1) que le conseil de l'université ne doit accorder les dignités académiques qu'à ceux qui ont effectivement subi l'examen et rempli les autres conditions prescrites par l'Уставъ; 2) que le conseil ne doit pas accorder ces dignités sans avoir recherché préalablement le consentement de v. e. Ces ordres empêcheront le conseil de donner ces dignités par pure faveur, ils serviront donc à détruire un abus; ils contribueront au maintien de l'ordre prescrit et à l'honneur de l'université. En même temps v. e. a daigné communiquer au conseil son мнѣніе concernant les dignités académiques en général. En se servant du terme d'opinion, aulieu de celui d'ordre, il parait que

regardant la chose dont il s'agit, comme sujette par sa nature à des discussions, elle a bien voulu permettre aux professeurs de lui exposer à leur tour leur opinion. Oserai-je donc exposer la mienne.? V. e. ne taxera-t-elle pas de hardiesse la démarche que je vais faire? C'est uniquement l'importance de la chose qui m'y détermine, et c'est la confiance que doit inspirer la pénétration et la grandeur d'ame de v. e. qui me donne le courage de lui présenter les observations suivantes:

1) Les dignités académiques en elles mêmes ne sont que des témoignages publics et honorables accordés à ceux qui se sont rendus capables de pratiquer un certain art ou science ou de l'enseigner aux autres. Il parait qu'on ne peut guère refuser à un institut destiné à l'enseignement des arts et des sciences, le droit de donner ces témoignages; vû que ceux qui composent cet institut sont naturellement et néccssairement les véritables juges de ceux qui ont appris sous leurs auspices.

2) Une dignité académique n'est donc pas un emploi public; elle prouve seulement que celui qui en est revêtu, est capable et digne de certains emplois. Le simple dignitaire ne peut donc pas prétendre au rang accordé aux fonctionnaires publics effectifs. Mais en le déclarant capable et digne de certains emplois, on l'a en même temps déclaré capable et digne du rang attaché à ces emplois.

3) D'après ces principes S. M. I. a très sagement décrété: qu'un docteur serait censé appartenir à la huitième classe, c. a. d. qu'il aurait l'expectative du rang de cette classe, et qu'il aurait ce rang effectivement aussitôt qu'il se trouverait chargé d'un emploi convenable à ses connaissances et à sa dignité académique. S. M. n'a donc pas voulu que les simples docteurs fussent чиновники effectifs, mais Elle a voulu que dès leur entrée en fonctions publiques ils n'eussent pas de rang inférieur à la 8-me classe. C'est dans cette vue qu'Elle a décrété l'article 1-er утвердительпой грамоты: „чины университета почитаются въ дѣйствительной службѣ“. Cet article qui est cité dans le Предложенie de v. e. n'admet d'autre explication que celle qu'un homme qui aura consacré dans une université plusieurs années à l'étude des sciences dans la vue de se rendre utile au service d'état, aura les mêmes avantages que celui qui fait un cours de service dans un collége ou autre part.

4) Comme le sus-dit article ne contient rien qui puisse donner lieu à des conséquences contraires au droit que l'université a exercé jusqu'ici, ainsi de même l'autre article qui est cité dans le предложенie (27 статья предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія: „при отставкѣ же прямо изъ учёной должности, получаютъ они слѣдующій гражданскій чинъ, если выслужили число лѣтъ законами для

производства опредѣленное") n'est pas même applicable à la question, dont il s'agit, vû que dans cet article on parle clairement—non pas des simples docteurs etc., mais de ceux qui ont effectivement rempli pendant quelque temps l'emploi de précepteur ou de professeur.

Il s'en suit qu'un simple docteur, n'étant pas гражданскій чиновникъ *effectif*, ne peut non plus être regardé comme сверхъ-штатный чиновникъ, car l'академическій чинъ (il serait mieux de dire: достоинство) ne donne que le droit de prétendre à un certain гражданскій чинъ, de sorte cependant que cette prétention se *réalise* dans *le moment seulement* où le dignitaire est entré dans la classe des serviteurs d'étât *effectifs*. Quant au diplôme le sénat ne se trouvera pas dans le cas de le refuser à nos docteurs parceque, comme simplement tels, ils ne demandent ni ne reçoivent aucun diplôme du sénat.

5) Mais si un de nos docteurs sera effectivement chargé d'un emploi convenable à sa dignité académique—est-ce alors que le sénat lui refusera le diplôme? Un homme qui a consacré sa jeunesse à l'étude des sciences dans l'intention de se rendre propre au service public—serait-il moins digne de ce diplôme que celui qui dans tel ou tel collége a fait la fonction de copiste ou de translateur? Un cours d'études, bien réglé et bien suivi, est-il moins propre à former des serviteurs d'étât habiles qu'un cours de service par lequel les jeunes gens n'apprennent pour ainsi dire que le mécanisme des affaires? Sans doute l'étât a besoin d'hommes routinés et versés dans ce mécanisme, mais il a ausi besoin d'hommes familiarisés avec les sciences et animés de l'amour pour elle. Ces considérations paraissent avoir détérminé S. M. I. à décréter: qu'un cours d'études dans les universités serait regardé par rapport aux чины comme égal à un cours de service fait dans un collége ou dans une chancellerie; sous la restriction cependant que cette égalité ne deviendrait effective et réelle que dès le moment où un étudiant ou docteur serait effectivement entré au service public.

6) Cette loi est aussi juste que nécessaire. Supposons que S. M. n'eût pas accordé ce privilége aux universités, alors un homme qui, après avoir consacré six ou plusieurs années à l'étude des sciences, voulait entrer au service n'aurait point de rang; à l'âge de vingt et de trente ans, et capable d'un emploi honorable et distingué, il serait sans rang, et parcequ'il n'a point de rang, on ne pourrait pas même lui donner l'emploi qu'il mérite. Il n'y aurait donc que des désordres et des contradictions. Encore je demande: ici en Russie, où l'on attache aux rangs une si haute importance, quel est le jeune homme qui, dans le cas supposé, voudrait fréquenter notre université? Que l'étudiant se fasse inscrire dans un des colléges de l'empire,—dira-t-on peut-

être. Mais pour suivre régulièrement le cours de ses études, il n'aurait pas de temps pour servir dans ce collége. Par conséquent cette inscription ne serait qu'une formalité, c. a. d. un véritable abus; le jeune homme serait redevable de son rang—non pas à ses études et à son mérite, mais à une pure formalité. C'est à prévenir cet abus, autrefois très ordinaire, que tend la loi sus-mentionée. C'est donc par une espèce de nécessité, fondée dans la justice et dans le bien public, qu'on a accordé aux docteurs créés par les universités le droit de pretendre à un rang déterminé aussitôt de leur entrée dans la classe des fonctionnaires publics effectifs.

7) Loin donc de s'exposer à de justes reproches, l'université, par le grand nombre des docteurs créés par elle, ne constaterait que son vrai mérite. Les diplômes qu'elle donne ne sont que des documents qui prouvent authentiquement et solennellement que l'université remplit effectivement son but important—celui de former des hommes capables aux dégrès supérieurs du service public. Dans le cas seulement qu'un docteur ne mériterait pas la dignité à lui accordée, le sénat pourrait reprocher à l'université le mauvais usage qu'elle fait de son privilége. Mais les sages dispositions de v. e. ont prevenu et préviendront ces abus.

8) Cependant, dira-t-on, l'université a créé et pourra encore créer des docteurs qui n'on pas fait leurs études en Russie. Oui, mais ce privilége lui est expressément accordé par son уставъ. Il est de même expressément accordé à l'académie de médecine. Faut-il que ce privilége soit ôté aux universités dans le moment même où il vient d'être accordé à un autre institut dont la destination, par sa nature, est plus bornée que celles des universités?

9) Déjà notre privilége relativement aux docteurs de médecine, vient d'être limité en quelque sorte, par le droit accordé à l'académie de médecine de le soumettre à une nouvelle épreuve par rapport à la pratique. Cependant les dispositions qu'on a prises à cet égard, sont justes et sages; on pourrait même imiter cet exemple par rapport aux docteurs de jurisprudence. Car il est juste que chaque département de l'empire ait le droit de se convaincre par lui-même de la capacité de ceux qui désirent entrer dans son service. Dans ce cas-là un docteur qui voudrait rester au service du département du просвѣщение n'aurait pas besoin d'un deuxième examen, mais il devrait le subir aussitôt qu'il voudrait entrer au service d'un autre département, et ce deuxième examen ne supposerait pas de doutes relativement aux connaissances théorétiques du docteur; il n'aurait pour but que d'éprouver sa capacité par rapport au maniement des affaires qu'il aurait à traiter dans l'emploi qu'il recherche. Il parait que cette proposition suffit pour

prévenir ou pour refuter toutes les objections qu'on pourrait faire contre l'éxercice de notre privilége. Mais borner ce privilége aux seuls fonctionnaires de notre département—c'est si non l'anéantir, du moins le restreindre de la manière la plus préjudiciable; c'est ôter à tous les jeunes gens nobles, à tous ceux qui ne veulent pas devenir précepteurs, le désir d'aspirer aux dignités académiques, c'est ôter à la pluspart d'eux le désir de fréquenter notre université. Il n'est que trop certain que si ce plan s'exécutait, l'université perdrait infiniment de son lustre et de sa dignité, qu'elle cesserait d'être fréquentée par des étudiants volontaires, qu'elle ne pourrait donc plus remplir sa destination, celle d'être la pépinière des serviteurs d'étât des différentes classes; enfin l'université ne serait plus qu'une simple école, utile à la vérité, mais dépourvue de l'importance qu'elle doit avoir dans le système de l'organisation civile; une école dont les grands moyens contrasteraient singulièrement avec sa destination bornée, en un mot: une école sans rang et sans dignité parcequ'elle n'aurait pas le droit de les donner à ses élèves.

Vous, m-r le comte, qui avez daigné prendre sous votre protection l'université de Moscou, vous garantirez ses droits, elle implore votre secours, votre protection dans cette circonstance critique. V. e. ne permettera pas qu'un institut qui se glorifie d'un chef aussi illustre par sa dignité personnelle que par l'élévation de son rang, soit obscurci et déprimé audessous de sa véritable destination.

J'ai и пр.

Reinhard, professeur.

Moscou, le 6 Novembre 1808.

VII.

Пять писемъ графа Іосифа де-Местра о народномъ образованіи къ графу Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія.

Каждый человѣкъ находитъ около своей колыбели извѣстныя установившіяся мнѣнія о добродѣтели, правосудіи и высшей нравственности. На этихъ мнѣніяхъ мы выросли и ими, такъ-сказать, питались; мнѣнія эти мы обязаны почитать и имъ повиноваться какъ собственнымъ родителямъ. Что же касается положеній противныхъ, имѣющихъ цѣлію одно удовольствіе и ласкающихъ душу, чтобы привлечь ее къ себѣ, человѣкъ, если онъ мудръ, нисколько имъ не подчиняется: онъ почитаетъ только народныя вѣрованія и имъ однимъ повинуется.

(Платонъ о респуб., кн. VII).

I.

С.-Петербургъ. Іюнь 1810.

М. Г.

По благосклонно выраженному вами желанію, буду имѣть честь представить нѣсколько мыслей касательно народнаго образованія въ отечествѣ вашемъ.

Относительно важнаго предмета этого составленъ былъ такой же софизмъ, какъ и относительно политическихъ учрежденій: на человѣка смотрѣли какъ на существо отвлеченное, никогда и нигдѣ не измѣняющееся, и для этого воображаемаго существа писали столь же воображаемые планы государственнаго управленія. Опытъ доказываетъ, однако, самымъ яснымъ образомъ, что каждый народъ имѣетъ именно то правительство, которое онъ заслуживаетъ, такъ что всякій государственный проектъ, коль скоро онъ не вполнѣ гармонизируетъ съ характеромъ націи,—пагубная мечта.

Точно то же и въ воспитаніи (я разумѣю—въ воспитаніи общественномъ): прежде чѣмъ постановить какой-нибудь планъ по этому предмету, надо вникнуть въ обычаи, склонности и зрѣлость народа. Кто знаетъ, напримѣръ, созданы ли русскіе для науки? Мы еще не имѣемъ никакихъ на это доказательствъ, и если вопросъ рѣшился бы отрицательно, то отъ этого народу вовсе не слѣдуетъ менѣе уважать себя. Римляне ничего не смыслили въ искусствахъ; никогда не было у нихъ ни живописца, ни ваятеля, еще менѣе математика. Цицеронъ называлъ Архимеда *маленькимъ человѣкомъ;* онъ сказалъ, говоря о козѣ, изваянной Мирономъ и украденной Верресомъ: „*произведеніе это было такъ хорошо, что оно восхищало даже насъ, ничего не смыслящихъ въ подобныхъ вещахъ*“.

Всякій знаетъ наизусть знаменитый стихъ Виргилія, гласящій: „*Пусть другіе заставляютъ говорить мраморъ и мѣдь; пусть они будутъ краснорѣчивы и читаютъ въ звѣздахъ,—твое призваніе, Римлянинъ, управлять народами и пр.*

Однако, мнѣ кажется, что римляне имѣли довольно важное значеніе въ мірѣ, и нѣтъ такого народа, который подобнымъ значеніемъ не могъ бы удовольствоваться. Или я очень ошибаюсь, графъ, или же въ Россіи придаютъ слишкомъ большое значеніе наукѣ. Руссо утверждалъ, въ знаменитомъ своемъ сочиненіи, что наука причинила много зла міру. Не слѣдуетъ принимать парадоксальную часть этого изреченія, но не надобно предполагать, что все въ немъ ложно. Наука дѣлаетъ человѣка лѣнивымъ, мало способнымъ къ дѣламъ и большимъ предпрія-

ятіямъ, наклоннымъ къ спорамъ, упрямымъ въ собственныхъ мнѣніяхъ и презрительнымъ къ мнѣнію другихъ, критически наблюдательнымъ къ правительству, новаторомъ по существу, отрицателемъ народныхъ властей и вѣрованій. Вотъ отчего Бэконъ, геній не въ примѣръ мудрѣе и глубже Руссо, сказалъ, что вѣра—необходимый ароматъ, оберегающій науку отъ тлѣнія, и въ самомъ дѣлѣ нравственное ученіе необходимо, чтобы остановить вредное и весьма вредное дѣйствіе науки, преданной самой себѣ.

Въ прошломъ столѣтіи жестоко на этотъ счетъ ошиблись. Вообразили, что научное образованіе было воспитаніе, тогда какъ оно составляло лишь часть его и притомъ часть несравненно менѣе важную, имѣющую цѣну только тогда, когда она основывается на нравственномъ воспитаніи. Всѣ умы обращены были къ наукѣ, и нравственное ученіе стало какимъ-то побочнымъ занятіемъ, пустою вставкою, принятою изъ одного приличія. Система эта, введенная послѣ уничтоженія іезуитовъ, произвела въ менѣе чѣмъ тридцать лѣтъ то ужасное поколѣніе, которое опрокинуло алтари и зарѣзало короля французскаго.

Замѣтьте, графъ, что всѣ народы на свѣтѣ, движимые однимъ только инстинктомъ, а онъ никогда не обманываетъ, постоянно поручали священникамъ воспитаніе юношества, и это относится не къ однимъ только временамъ христіанскимъ. Всѣ народы такъ поступали. Иные даже, въ глубокой древности, на науку смотрѣли какъ на исключительную принадлежность духовенства. Это единодушное воззрѣніе заслуживаетъ особеннаго вниманія, ибо никому не удавалось безнаказанно идти противъ всемірнаго здраваго смысла.

Я знаю, что Е. И. В. лишенъ огромнаго преимущества: духовенство, къ несчастію, отдѣлено отъ общества и лишено въ Россіи возможности занимать гражданскія должности; но я на время откладываю разсмотрѣніе этого вопроса, и снова скажу, что въ странѣ сей крайне ошибаются относительно пользы науки и средствъ къ ея достиженію.

Воображаютъ, что коль скоро откроютъ учебное заведеніе и заплатятъ профессорамъ—дѣло кончено. Но напротивъ ничего еще не сдѣлано, если поколѣніе не подготовлено. Государство изнуряетъ себя огромными расходами, а школы остаются пустыми.

Мы видимъ ужѐ это въ гимназіяхъ, которыя безпрестанно приходится закрывать, за неимѣніемъ учениковъ, а еще болѣе разительный примѣръ представляетъ училище правовѣдѣнія, открытіе котораго сопряжено было съ такими расходами и которое имѣло такія высокія притязанія. Государь выдавалъ 300 рублей содержанія, квартиру и чинъ всякому молодому человѣку, являвшемуся въ училище, и, несмотря на такія большія преимущества, послѣ неоднократнаго

проявленія неспособности, которому были свидѣтели даже иностранцы, никто болѣе не являлся и школа была закрыта.

Однако въ тѣ времена, которыя мы называемъ *варварскими*, Парижскій университетъ насчитывалъ уже 4000 студентовъ, съѣхавшихся на собственныя средства со всѣхъ концовъ Европы.

Вообразите себѣ правительство истощающее себя на постройку великолѣпныхъ гостинницъ въ странѣ, гдѣ никто не путешествуетъ: это будетъ вѣрное подобіе управленія, издерживающаго много денегъ на научныя учрежденія, прежде чѣмъ духъ народный обратился къ наукѣ.

Мнѣ кажется, графъ, что я имѣлъ уже честь словесно представить вамъ объ одномъ обстоятельствѣ, которое мнѣ кажется довольно важнымъ, чтобы снова упомянуть о немъ въ настоящемъ письмѣ: всѣ ученыя европейскія академіи, какова напримѣръ парижская ададемія, лондонское королевское общество, флорентинская академія del Cimento и пр.—всѣ начали съ того, что были свободными собраніями частныхъ лицъ, соединенныхъ любовію къ наукѣ. Послѣ нѣкотораго времени, монархъ, видя общее къ собраніямъ этимъ уваженіе, высочайшими грамотами давалъ имъ гражданское существованіе. Вотъ какъ образовались академіи. Вездѣ были онѣ учреждаемы вслѣдствіе имѣющихся уже подъ рукою ученыхъ, а нигдѣ съ надеждою таковыхъ пріобрѣсти. Употреблять огромные капиталы на постройку клѣтки для феникса, не зная, появится ли онъ, это себя обманывать.

Вы окажете, графъ, величайшую услугу вашей родинѣ, если внушите добрѣйшему Государю вашему великую истину, а именно вотъ какую: Его И. В., по истинѣ нужны только двоякаго рода люди: *храбрые* и *честные* [1]).

Все остальное не нужно и придетъ само собою. *Время*, говоритъ персидская пословица, *отецъ чудесъ*. Оно первый министръ всѣхъ Государей. Съ нимъ они все совершаютъ, безъ него—ничего. Русскіе однако имъ презираютъ и никогда не хотятъ ждать. Обиженное время надъ ними смѣется.

Жаль, что славный народъ вашъ къ ошибочному пристрастію своему къ наукамъ присоединилъ еще желаніе слишкомъ быстро съ ними ознакомиться и стыдится того, что въ этомъ отношеніи отсталъ отъ другихъ народовъ. Нѣтъ лживѣе и опаснѣе предразсудка. Русскіе могли бы быть первымъ народомъ на свѣтѣ и не имѣть при этомъ ни малѣйшихъ способностей къ естественнымъ наукамъ, ибо несомнѣнно, что первымъ народомъ на свѣтѣ должно считать тотъ, *кто всѣхъ*

---

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ непереводимая игра словъ: deux espèces d'hommes des gens braves et de braves gens.

счастливѣе у себя и кого болѣе всѣхъ опасаются другіе. Все остальное, въ сущности, декорація.

Но мы еще не дошли до этого. Еще неизвѣстно, созданы ли русскіе для науки. Отвѣчать рѣшительнымъ *да* или *нѣтъ* на этотъ вопросъ равно ошибочно. Но по какой роковой торопливости тогда, когда нужно ожидать отвѣта отъ времени, стараются русскіе преодолѣть разстоянія, положенныя самою природою, и стыдятся того, что принуждены покориться одному изъ первыхъ ея законовъ? Точно видишь юношу, которому стыдно, что онъ еще не старецъ. Другіе народы въ Европѣ лепетали въ продолженіе трехъ или четырехъ столѣтій, прежде чѣмъ научились говорить, почему же русскіе воображаютъ, что сразу могутъ заговорить? Здѣсь, графъ, представляется одно весьма важное соображеніе, на которое я долженъ обратить ваше вниманіе, такъ какъ оно особенно касается вашей родины.

То нравственное прозябаніе, черезъ которое постепенно народы проходятъ на пути отъ варварства къ просвѣщенію, было у васъ пріостановлено и такъ сказать *подрѣзано* двумя великими событіями: схизмою X-го вѣка и нашествіемъ татаръ.

Вся новая цивилизація истекла изъ Рима; бросьте взглядъ на карту: вездѣ, гдѣ останавливается римское вліяніе, останавливается также и цивилизація. Это законъ міровой.

Надо стараться наверстать потерянное время. Смѣю думать, что Петръ I скорѣе остановилъ, чѣмъ подвинулъ дѣло, воображая, что наука растеніе, которое можно искусственно вывести, какъ персикъ въ теплицѣ. Это далеко не такъ; но еще разъ, что́ же во всемъ этомъ можетъ огорчить русскихъ? Поляки, подобно имъ—славянское племя, одного съ ними происхожденія, и однако они произвели уже три столѣтія тому назадъ одно изъ лучшихъ украшеній человѣческаго рода, знаменитаго Коперника. Въ водахъ Двины нѣтъ, однакоже, магической силы, мѣшающей наукѣ перешагнуть. Дѣло въ томъ, что то вліяніе, которое было сильно на лѣвомъ берегу, не достигло праваго прибрежья. Все поэтому, какъ я сейчасъ сказалъ, заключается въ томъ, чтобы наверстать потерянное время.

Я бы погрязъ въ метафизикѣ, если бы долѣе сталъ исчерпывать предметъ этотъ. Ограничиваюсь однимъ только яснымъ доводомъ.

Или русскіе не созданы для науки вообще и какихъ-нибудь отдѣльныхъ наукъ въ частности. Тогда они никогда въ нихъ не преуспѣютъ, походя въ этомъ на римлянъ, которые владѣя Греціею, живя съ греками, отлично зная ихъ языкъ и читая ихъ книги, никогда, однако, не имѣли ни собственныхъ физиковъ, ни географовъ, ни астрономовъ, ни математиковъ, ни даже докторовъ, за исключеніемъ Цельзія.

Или же русскіе созданы для науки, и тогда съ ними будетъ то,

что̀ было со всѣми народами, которые отличились на этомъ поприщѣ, напримѣръ съ итальянцами XV-го вѣка. Искра, перенесенная извнѣ въ благопріятное время, зажжетъ свѣточъ науки. Всѣ умы обратятся въ эту сторону. Ученыя общества образуются сами собою и все участіе правительства ограничится оформленіемъ и узаконеніемъ ихъ.

До тѣхъ поръ, пока не замѣчено будетъ внутреннее броженіе, которое поразитъ всѣхъ, всякая попытка ввести науку въ Россію будетъ не только безполезна, но даже опасна для государства, такъ какъ попытка эта только помрачитъ здравый смыслъ народный и наполнитъ Россію безчисленнымъ множествомъ полу-ученыхъ, которые во сто разъ хуже невѣждъ. Умы ихъ извращены и преисполнены гордыни, имъ родина опротивѣла, они вѣчно порицаютъ правительство, преклоняются передъ иностранными вкусами, модами и языками и готовы ниспровергнуть все то, что̀ презираютъ, т.-е. все на свѣтѣ.

Другое страшное послѣдствіе, вытекающее изъ этой научной маніи, заключается въ томъ, что правительство, нуждаясь для осуществленія ея въ профессорахъ, постоянно принуждено обращаться за ними въ иностранныя государства; а такъ какъ люди истинно-образованные и нравственные рѣдко оставляютъ свое отечество, гдѣ ихъ почитаютъ и награждаютъ, то одни только люди посредственные, и къ тому же не только развратные, но и совершенно испорченные являются на Сѣверъ предлагать за деньги свою мнимую ученость. Особенно теперь Россія ежедневно покрывается этою пѣною, которую выбрасываютъ на нее политическія бури сосѣднихъ странъ. Перебѣжчики эти приносятъ сюда одну наглость и пороки. Не имѣя ни любви, ни уваженія къ странѣ, безъ связей домашнихъ, гражданскихъ или религіозныхъ, они смѣются надъ тѣми непрозорливыми русскими, которые поручаютъ имъ все, что̀ есть дорогаго у нихъ на свѣтѣ, они спѣшатъ набрать довольно золота, чтобы привольно зажить въ другомъ мѣстѣ, и, обманувъ общественное мнѣніе кое-какими публичными опытами, которые истиннымъ судьямъ представляются жалкими образцами невѣжества, возвращаются на родину, чтобы издѣваться надъ Россіею въ дрянныхъ книжонкахъ, которыя Россія еще покупаетъ у этихъ же бездѣльниковъ,—пожалуй, даже переводитъ.

Теперешнее положеніе тѣмъ болѣе опасно, что, благодаря крайне прискорбному предразсудку, въ Россіи негласно принято смотрѣть на нравственность, какъ на нѣчто совершенно отдѣльное и независимое отъ преподаванія, такъ что, напримѣръ, если сюда пріѣзжаетъ преподаватель физики или греческаго языка, всѣмъ извѣстный за человѣка развратнаго или атеиста, весьма часто услышишь: *что имѣетъ это общаго съ физикою или греческимъ языкомъ.* Такимъ образомъ сюда

попадаетъ соръ Европы, и несчастная Россія дорого платитъ сонмищу иностранцевъ, исключительно занятому ея порчею.

Если возможно, графъ, добавить что-нибудь къ такимъ неопровержимымъ соображеніямъ, я позволю себѣ замѣтить, что наука, по самому существу своему, во всѣ времена и при всякой формѣ правленія, годна не для всѣхъ, даже не для всѣхъ принадлежащихъ къ высшему сословію. Напримѣръ, военные (т.-е. $^{80}/_{100}$ дворянства) отнюдь не должны, да и не могутъ быть учеными. Однимъ только артиллеристамъ, инженерамъ и морякамъ потребны познанія въ математикѣ, но познанія эти почти исключительно практическія и вовсе не такъ глубоки, какъ воображаютъ. Весьма кстати замѣчено было во Франціи, что никогда не случалось моряку-академику захватить вражескій фрегатъ. Къ тому же, вездѣ существуютъ для разныхъ этихъ родовъ службы спеціальныя школы, но для того, что́ называется *арміею*, наука не только недосягаема, она даже вредна. Наука изъ военнаго дѣлаетъ домосѣда, лѣнивца, она почти всегда его лишаетъ того безотвѣтнаго мужества и удальства, отъ которыхъ зависитъ успѣхъ на войнѣ. Къ тому же, большинство никогда не захочетъ прилежно заняться, въ особенности же высшій классъ общества. Военная жизнь, за нѣкоторыми исключеніями, которыхъ нельзя брать въ соображеніе, всегда была и будетъ разсѣянною. Отнимите отъ ежедневныхъ занятій офицера время, необходимое для свѣтскихъ обязанностей, для удовольствій и для военнаго ученія, спрашивается, что́ останется для науки?

Россія, къ тому же, въ отношеніи къ наукамъ поставлена въ особенно невыгодное положеніе, которое скрывать не слѣдуетъ. У всѣхъ европейскихъ народовъ церковнымъ языкомъ былъ языкъ классическій, такъ что Цицеронъ и Виргилій изучались въ церкви. Духовенство, которое, по рѣдкому счастію, пользовалось полнымъ равенствомъ съ людьми государственными, предполагало въ другихъ полное знаніе языка латинскаго; оно принимало участіе во всѣхъ дѣлахъ, и одни только пренія съ врагами вѣры требовали отъ него самыхъ глубокихъ и разнообразныхъ познаній.

Магистратура съ огромнымъ своимъ штатомъ была тоже неистощимымъ источникомъ науки. Словесность и знаніе были постояннымъ достояніемъ этого трудолюбиваго сословія, искавшаго часто отдохновенія отъ обыденныхъ своихъ занятій въ изученіи математики.

Россія не имѣетъ этого преимущества; ея церковный языкъ, безъ сомнѣнія, прекрасенъ, но безплоденъ и не произвелъ ни одного хорошаго сочиненія. Духовенство,—это колѣно Левіино, совершенно отдѣленное отъ другихъ сословій и какъ-бы составляющее отдѣльное племя. Народъ познаніями духовныхъ лицъ не пользуется. Голосъ священ-

ника слышенъ только въ церкви, а по положенію его въ свѣтѣ онъ несравненно ниже всякаго лица, принадлежащаго къ высшему сословію. Мѣста въ судебномъ вѣдомствѣ не требуютъ ученой подготовки; человѣкъ, проведшій большую часть жизни въ лагеряхъ и гарнизонахъ, можетъ закончить карьеру почетною судебною должностію. Итакъ, въ Россіи нѣтъ ничего такого, что̀ бы дѣлало науку необходимою, иначе—она не есть единственное и необходимое условіе для достиженія нѣкоторыхъ отличій. И въ той части Европы, гдѣ науки менѣе всего полезны, ихъ хотятъ ввести и притомъ всѣ разомъ. Это доказываетъ полное непониманіе природы человѣческой. Прежде чѣмъ преподавать науки, надо вселить въ народѣ стремленіе къ нимъ. Правительство *обязано* предлагать науку подданнымъ, которые ее требуютъ, но оно не *должно*, да и *не можетъ* навязывать ее тѣмъ, которые въ наукѣ не нуждаются. Напрасно поставитъ правительство тотъ или другой разрядъ познаній непремѣннымъ условіемъ для достиженія того или другаго отличія; покуда не восчувствуется необходимость науки, надъ закономъ этимъ будутъ только смѣяться, и ученые *чины* станутъ пустыми названіями, цѣна которымъ будетъ всѣмъ извѣстна.

Самымъ великимъ несчастіемъ будетъ то, что сущностью науки никто не будетъ обладать, а научною гордынею заразятся всѣ. Всѣ сдѣлаются упрямыми, безпокойными, болтливыми, недовольными, пытливыми, непокорными, какъ будто въ самомъ дѣлѣ что-либо знаютъ. Такъ что правительство послѣ всѣхъ усилій и огромныхъ расходовъ достигнетъ только того, что образуетъ *плохихъ людей и дурныхъ подданныхъ* [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ Россіи не только не надо расширять кругъ познаній, но, напротивъ, стараться его съуживать, ради самой науки, отрицающей ту энциклопедическую манію, которая является однимъ изъ величайшихъ недуговъ нашего времени. Важность предмета требуетъ изложенія его въ другомъ письмѣ.

2.

С.-Петербургъ, 11 (23) Іюня 1810.

Боссюэтъ совершенно правъ: *Нѣтъ ничего лучше того, что̀ уже было испробовано.* Позвольте мнѣ имѣть честь представить вамъ весьма сокращенный обзоръ стараго воспитанія, которое всячески ста-

[1]) Здѣсь снова игра словъ: mauvais sujets значитъ и плохіе подданные, и негодяи. Де-Местръ говоритъ: le gouvernement ne sera parvenu qu'à créer de mauvais sujets dans tous les sens de l'expression.

раются теперь возстановить во Франціи, съ нѣкоторыми конечно измѣненіями. Обзоръ этотъ самъ собою доведетъ меня до обсужденія того плана, который вы соблаговолили мнѣ сообщить.

Полный училищный курсъ дѣлился на 7 классовъ и продолжался семь лѣтъ.

1. *Пятый* [1]) (la cinquième). Здѣсь преподавались начатки латинскаго языка и молодежь упражнялась въ небольшихъ сочиненіяхъ и переводахъ нетрудныхъ писателей. Каждый урокъ задавался наканунѣ; каждый ученикъ, когда учитель говорилъ ему напримѣръ: №... *скажите урокъ изъ эклогъ Виргилія*, долженъ былъ взять книгу, читать текстъ и переводить каждую фразу отдѣльно, поясняя каждое выраженіе. Бывали награды и большія поощренія тѣмъ, которые выучивали текстъ наизусть, но это не было обязательно. Что же касается до закона Божія и нравственности, то ученики учили наизусть катихизисъ, принятый въ епархіи. Онъ имъ пояснялся во время классовъ.

2. *Четвертый* (la quatrième). То же, что̀ и въ предыдущемъ, но авторы избирались по-труднѣе и ихъ было болѣе.

3. *Третій* (la troisième) Это—что̀ по латынѣ называется *suprema grammatica* (высшая грамматика), потому что въ этомъ классѣ предполагалось уже полное ознакомленіе съ латинскимъ языкомъ въ грамматическомъ отношеніи; такъ что послѣ этого третьяго курса заботились о щеголеватости языка. Объяснялись самые трудные авторы. Пропускаю для краткости остальныя подробности, хотя многія изъ нихъ существенны.

4. *Гуманитеты* (les humanités). Здѣсь, какъ я уже сказалъ, начинается царство щегольства. Были даже особенные учебники, по которымъ изучалось все, что̀ есть особенно тонкаго и отмѣннаго въ латинскомъ языкѣ. Преподавали латинскую риторику, преисполненную лучшими отрывками изъ классическихъ авторовъ. Это окончательно образовывало молодые умы, которые въ эти лѣта уже не забывали выученнаго.

Молодые люди расправляли уже собственныя крылья, ихъ заставляли сочинять, или, какъ тогда выражались,—добавлять (amplifier),—методъ, скажу мимоходомъ, о которомъ, какъ кажется, авторъ той записки, которую вы мнѣ сообщили, не имѣетъ никакого понятія, такъ какъ онъ говоритъ, *что ничто такъ не пріучаетъ молодежь къ пустому и ложному краснорѣчію.*

Онъ, какъ кажется, забылъ, что всѣ витіи XVI и XVII вѣковъ такъ *добавляли*, и что краснорѣчіе замолкло именно въ ту эпоху, когда измѣнилась система воспитанія.

Учитель избиралъ сюжетъ—то религіозный, то нравственный, иногда

[1]) Подразумѣвается классъ.

даже бралъ его изъ миѳологіи и предлагалъ его ученикамъ. Онъ говорилъ напримѣръ: *Мидасъ получилъ отъ боговъ даръ обращать въ золото все то, до чего онъ дотрогивался: добавьте, господа, неудобства такого неразумнаго прошенія.* Всякій юноша видѣлъ всю общую массу этихъ неудобствъ, но каждый прикладывалъ къ этой тэмѣ имѣвшійся у него запасъ воображенія, и привыкалъ разсматривать предметъ со всѣхъ сторонъ.

Когда всѣ эти *амплификаціи* были представлены учителю, онъ объяснялъ ученикамъ, съ какою прелестью и обиліемъ писалъ о томъ же Овидій, и это было новымъ урокомъ.

Что̀ бы ни говорилъ авторъ записки, нѣтъ другого способа для упражненія юношества въ сочиненіи и краснорѣчіи. Когда съ цѣлью указать какую-нибудь книгу, говорятъ: *это школьное сочиненіе*, то это значитъ только, что взрослый человѣкъ и къ тому же авторъ, имѣющій нѣкоторыя претензіи, не долженъ писать какъ школьникъ; но изъ этого вовсе не вытекаетъ, чтобы школьникъ былъ виноватъ, если сочиняетъ такъ, какъ вообще сочиняютъ въ его годы.

Виноватъ, графъ, за это маленькое отступленіе, спѣшу вернуться на большую дорогу.

5. *Риторика.* Классъ этотъ въ сущности повтореніе предъидущаго, но на болѣе широкихъ основаніяхъ. Въ этомъ только классѣ начинали упражняться въ отечественномъ языкѣ, такъ какъ вообще думали, что прежде чѣмъ приняться за живопись или ваяніе, надо изучить памятники древняго художества.

Къ концу пятаго года собственно литературное воспитаніе считалось законченнымъ.

6. *Логика.* Съ переходомъ въ этотъ классъ начиналось преподаваніе законовъ мышленія и механизма силлогизмовъ. Въ этомъ же году диктовались трактаты нравственности и метафизики, которые не представляли никакой опасности, такъ какъ въ сущности они были только нѣчто въ родѣ свѣтскаго богословія (théologie laïque), вполнѣ согласнаго съ догматами христіанства.

7. *Физика.* Самое названіе показываетъ чему здѣсь учили. Съ тѣхъ поръ какъ классъ этотъ сталъ чисто математическимъ, онъ сдѣлался нѣсколько труднымъ для тѣхъ, которые не имѣли никакихъ познаній въ математикѣ. Для этой науки былъ, правда, особый учитель, но слушаніе его уроковъ не было обязательнымъ, до того опасались перейти за границы умѣренности.

Послѣ этого юноша уже былъ зрѣлъ для университетовъ, которые состояли изъ того, что̀ называлось *искусствомъ*, т.-е. изъ словесности и философіи (которую разрѣшено было преподавать и въ провинціальныхъ коллегіяхъ), медицины и права — это и составляло *четыре*

факультета. Полный курсъ для трехъ послѣднихъ продолжался пять лѣтъ. Такимъ образомъ двѣнадцать лѣтъ жизни посвящены были трудному ученію, изъ которыхъ пять—одному только литературному воспитанію, а два—начаткамъ нравственной философіи и физикѣ.

Замѣтьте, графъ, всю мудрость нашихъ предшественниковъ. Всѣ (я разумѣю здѣсь высшіе классы населенія) должны правильно думать, правильно говорить и правильно писать—и этимъ ограничивается общее воспитаніе. Потомъ каждый избиралъ себѣ дорогу и предавался спеціально той наукѣ, въ которой нуждался. Никому и въ умъ не приходило что нужна была химія, чтобы сдѣлаться епископомъ, или же математика, чтобы быть адвокатомъ. Начальное воспитаніе никогда не переходило за назначенныя мною границы. Такъ воспитаны были: Коперникъ, Кеплеръ, Галилей, Декартъ, Ньютонъ, Лейбницъ, братья Бернульи, Фенелонъ, Боссюэтъ и тысяча другихъ. Это ясно доказываетъ, что старая система воспитанія *способна лишь искажать и съуживать умъ*, какъ то утверждаютъ говоруны нашего времени.

Это введеніе (которое я старался, елико возможно, сократить) было необходимо для того, чтобы имѣть степень сравненія, на которой могъ бы я основать сужденіе мое касательно разсматриваемаго проекта.

Обратимъ сперва вниманіе, въ дѣлѣ этомъ, гдѣ время все значитъ, на соотношеніе, существующее между науками, которыя будутъ преподаваться, и тѣмъ временемъ, которое на это предназначено.

Весь курсъ будетъ продолжаться шесть лѣтъ и дѣлится на два отдѣла; въ первомъ преподаются словесныя науки, во второмъ математика. Но изъ подробностей и изъ росписаній видно, что въ сущности это не такъ и что словесныя науки идутъ рядомъ съ математикою въ продолженіе всего курса съ самаго начала и до той высшей ступени, которую предполагается достигнуть. Прослѣдимъ по росписанію за тѣми науками, которыя входятъ въ планъ воспитанія.

Языки латинскій, греческій, славянскій, французскій и нѣмецкій. Чтеніе замѣчательнѣйшихъ авторовъ на всѣхъ этихъ языкахъ и анализъ лучшихъ ихъ произведеній. Аналитическое чтеніе Гомера и Демосѳена, Виргилія и Цицерона.

Исторія всеобщая, исторія Россіи, священная исторія, исторія церкви, философическое обозрѣніе всеобщей исторіи, географія, хронологія, геометрія, алгебра, чистая математика, прикладная математика, исчисленіе безконечно малыхъ величинъ, математическая географія, естественная исторія, физика, введеніе къ изученію небесныхъ тѣлъ, химія, физическая географія, систематическое изложеніе физическихъ наукъ и разныхъ теорій о происхожденіи міра и о переворотахъ его.

Логика—теорія и практика, исторія философіи, краткое изложеніе системы человѣческихъ познаній, идеологія, психологія, космологія.

Изложеніе системы нравственныхъ наукъ. Понятіе о правахъ и обязанностяхъ, по отношенію къ общественному, гражданскому и международному праву. Русское гражданское право.

Этика или наука нравовъ. Законъ Божій. Чтеніе Новаго Завѣта.

Введеніе въ эстетику (слово, выдуманное нѣмцами) или науку изящнаго въ художествахъ. Исторія художествъ въ древности и въ новое время, по Винкельману и другимъ.

Обязанности человѣка и гражданина. Понятіе объ образованіи общества. *Основныя понятія о разныхъ правахъ.*

Гимнастика, танцы, плаваніе и пр.

Съ трудомъ повѣришь, что это написано не на смѣхъ. Какъ! всѣ народы въ Европѣ посвящали семь лѣтъ на изученіе латинскаго языка, латинскихъ классиковъ и нѣкоторыхъ основъ философіи: ученіе было постоянное, дисциплина строгая; и однако у насъ было пословицею, что *въ школѣ* можно было только *научиться тому, какъ слѣдуетъ учиться.*

И націи молодой, склонность которой къ наукѣ еще не опредѣлена, осмѣливаются предложить планъ, вмѣщающій въ себѣ такіе предметы, изъ которыхъ каждый потребовалъ бы для серьёзнаго изученія весь курсъ занятій. Обѣщаютъ правительству, обѣщаютъ обманутымъ родителямъ, что молодые люди, поступающіе въ лицей и умѣющіе только читать и писать, черезъ три года будутъ въ состояніи рѣшать задачи второй и третьей степени и будутъ понимать коническія сѣченія! Что черезъ шесть лѣтъ они дойдутъ до трансцендентальной математики или исчисленія безконечной величины и будутъ въ состояніи толково читать Виргилія и Цицерона, Гомера и Демосѳена!

Пишущій эти строки не любитъ вообще критику, наоборотъ, онъ убѣжденъ въ томъ, что слѣдуетъ хвалить и поощрять все то, въ чемъ есть хоть малая доля хорошаго, но въ настоящемъ случаѣ умѣренность непозволительна. Невозможно равнодушно читать этотъ планъ, и всякій ученый, вскользь его просмотрѣвшій, непремѣнно скажетъ: или что молодые русскіе—ангелы, или что наставники ихъ спятили съ ума.

Сомнительно, чтобы воспитанники лицея по окончаніи курса могли ясно запомнить имена и настоящее значеніе тѣхъ наукъ, которыя исчислены въ нескромномъ этомъ каталогѣ. Нѣтъ вѣрнѣе способа навсегда отвратить отъ науки несчастныхъ юношей, головы которыхъ будутъ смущены и загромождены этою грудою неудобоваримыхъ познаній, или же, что̀ еще хуже, это вѣрный способъ при-

вить юношеству тѣ пороки, которые всегда порождаетъ полузнаніе, не предлагая ничего въ вознагражденіе этого зла.

Вы не можете, графъ, оказать бо́льшей услуги вашему Государю и вашему отечеству, какъ сокративъ безъ пощады эту сумасбродную ерунду наукъ, собранную человѣкомъ, незнающимъ или не желающимъ знать, какія познанія необходимы для всѣхъ и какія науки нужны для нѣкоторыхъ профессій. Выкиньте, не колеблясь: 1) *Естественную исторію*,—наука эта похожа на поэзію, она прославляетъ тѣхъ, которые всецѣло ей предаются и дѣлаетъ смѣшными другихъ. Коль скоро дѣти ваши наберутъ нѣсколько бабочекъ и нѣсколько раковинъ, они вообразятъ себя Линнеями. Къ тому же, нѣтъ науки безполезнѣе и нѣтъ ничего легче познакомиться съ нею, во сколько это можетъ быть нужно для свѣтскаго человѣка: сто́итъ только перелистать любой лексиконъ.

2) *Исторію*; никогда исторія не входила ни въ какую систему народнаго образованія какъ предметъ ученія, требующій отдѣльнаго профессора. Бывали иногда спеціальныя каѳедры исторіи, поручаемыя людямъ талантливымъ, которыя болѣе *разсуждали объ исторіи*, чѣмъ учили исторіи. Но это было свободное преподаваніе, открытое для желающихъ. Исторія—въ книгахъ; желающій изучить ее долженъ читать.

Прикажите, чтобы извѣстная часть дня (напримѣръ, время трапезъ, какъ въ нашихъ монастыряхъ) была назначаема для чтенія полнаго курса исторіи (напр. Роленъ и Кревье, такъ какъ лучшаго нѣтъ): воспитанникъ, который будетъ обѣдать прежде или послѣ другихъ, долженъ поочередно читать; но слѣдуетъ остерегаться книгъ историческихъ,—ни одна отрасль литературы такъ не заражена. Въ проектѣ предлагается *философическое изученіе исторіи по Боссюету и Феррану*. Но, графъ, Боссюэтѣ походитъ на Феррана, какъ орелъ на крота. Ферранъ изобилуетъ ошибками, и со временъ Карла Великаго онъ дѣлается слѣпцомъ.

3) *Химію*. Нужно ли замѣчать, что эта обширная наука вовсе не у мѣста въ общемъ образованіи? Къ чему послужитъ она министру, судьѣ, военному, моряку, негоціанту и проч...?

4) *Астрономію*. Еще безполезность. Слѣдуетъ вполнѣ удовольствоваться тѣмъ, что при выходѣ изъ лицея ученики будутъ знать теорію альманаха и съумѣютъ ее объяснить.

5) *Эстетику, науку художествъ у древнихъ, археологію и нумизматику*. Такъ какъ это мнѣ кажется шуткою, то я предлагаю все вычеркнуть, не входя ни въ какія подробности.

6) *Систематическое изложеніе физическихъ наукъ и разныя теоріи о происхожденіи міра и о разныхъ переворотахъ*. Здѣсь и излишество, и опасность. Книга Бытія намъ объясняетъ, какъ свѣтъ на-

чался. Подъ предлогомъ изъясненій *разныхъ теорій* о происхожденіи міра молодыя головы наполнятся всѣми новыми космогоніями.

Уже здѣсь напечатали съ *разрѣшенія цензуры* брошюру (она въ рукахъ у пишущаго эти строки), въ которой сказано: *человѣкъ точно также, какъ его обиталище, не что иное, какъ результатъ простого броженія*. Ядъ Франціи и Германіи васъ окружаетъ. Онъ проникаетъ со всѣхъ сторонъ, не открывайте ему собственными руками новыхъ проходовъ.

7) *Изложеніе системы человѣческихъ познаній*, *идеологія*, *психологія и пр.*

Французская идеологія не что иное, какъ введеніе въ матеріализмъ. Англичане очень кстати назвали ее *сенсуализмомъ*. Но даже если придерживаться только идей Локка и Кондильяка, уже весьма опасныхъ самихъ по себѣ, и не идти далѣе, къ чему подвергаться этой опасности и къ чему вся эта ненужная метафизика? Здѣсь нѣтъ епископовъ, принадлежащихъ къ первымъ фамиліямъ страны, людей рожденныхъ пѣстунами общественной нравственности, которые все видятъ, совѣта которыхъ всѣ требуютъ, которые, при малѣйшемъ подозрѣніи, могли бы потребовать лицейскія тетради, и донести о томъ, что̀ нашли въ нихъ, правительству. Много зла было бы здѣсь сдѣлано, прежде чѣмъ кто-либо о злѣ этомъ догадался или позаботился.

8) *Философскія познанія о правахъ и обязанностяхъ; отношеніе человѣка къ обществу и обязанности, которыя изъ этого истекаютъ. Ознакомленіе съ различными правами.*

Въ первой молодости потребно знать только три истины касательно общественнаго устройства: 1) что Богъ сотворилъ человѣка для общества, что̀ доказывается самою дѣйствительностію; 2) что всякое общество требуетъ правительства; 3) что всякій обязанъ до смерти повиновеніемъ, вѣрностью и преданностію тому правительству, подъ властію котораго онъ рожденъ.

Всѣ знаютъ, какими пагубными правилами наполнили новаторы Франціи и Германіи книги свои о теоретической политикѣ. Дотрогиваться до этой смрадной лужи крайне неблагоразумно. Дайте человѣку возмужать, прежде чѣмъ посвящать его въ знаніе правилъ, весьма опасныхъ даже когда ихъ объясняютъ люди мудрые.

9) *Греческій языкъ*. Повѣрьте, графъ, людямъ трудящимся и хорошо знакомымъ съ прекраснымъ, но труднымъ языкомъ этимъ. Нѣтъ такого юноши въ Россіи, изъ высшаго общества, который бы охотнѣе не согласился сдѣлать три похода и принять участіе въ шести генеральныхъ сраженіяхъ, чѣмъ вытвердить однѣ только греческія спряженія.

Всеобщее ослабленіе дисциплины уже изгнало и греческій языкъ изъ учебной части, такъ какъ молодые люди, воспитанные въ томъ,

что мы называли *изнѣженностію*, не въ состояніи были совокупно учиться и греческому и латинскому языкамъ. Но эти изнѣженные молодые люди были *траппистами* въ сравненіи съ вашими юношами. Шести лицейскихъ лѣтъ едва хватитъ имъ, даже если оставимъ въ сторонѣ прочіе предметы, для весьма поверхностнаго знанія греческаго языка. Юношей вашихъ не научатъ ничему, потому что хотятъ учить ихъ всему.

Вотъ главные предметы, которые слѣдуетъ похерить, не колеблясь. Я знаю, что лучшія намѣренія часто безсильны и что должно до нѣкоторой степени преклоняться передъ господствующими предразсудками. Но надо имѣть постоянно въ виду цѣль, которой хочешь достигнуть. Государственный человѣкъ старается приблизиться во сколько возможно до этой цѣли.

Мнѣ слѣдуетъ, графъ, еще представить вамъ на видъ два предварительныхъ вопроса. Безъ ихъ рѣшенія ни къ чему не придешь. Отеческое правительство, расположенное къ учрежденію, которое оно считаетъ полезнымъ, легко можетъ обойти эти вопросы, а ихъ необходимо однако рѣшить, чтобы не сдѣлать промаха. Вотъ первый вопросъ: желаетъ ли или не желаетъ Е. И. В. ввести въ свои владѣнія классическое образованіе?

Если рѣшеніе будетъ отрицательное, надо исключить изъ преподаванія древніе языки, которые одни займутъ почти все время. Если, наоборотъ, рѣшеніе будетъ утвердительное, то латинскому языку подобаетъ отвести первое мѣсто, и къ нему присоединить изученіе математики (прекрасной и драгоцѣнной науки), равно какъ послѣдовательныя чтенія изъ географіи и исторіи. Это съ лихвою займетъ все время. Но не слѣдуетъ себя обманывать, надобно рѣшиться разъ навсегда и не воображать себѣ, что можно изучать древніе языки иначе, какъ по древнимъ методамъ. *Сухихъ правилъ*, говоритъ проектъ, будутъ избѣгать, но никогда не выучатся этимъ языкамъ безъ этихъ правилъ, безъ сочиненій и безъ изученія образцовъ, которые слѣдуетъ знать наизусть. Проектъ предлагаетъ на мѣсто этихъ правилъ *аналитическій методъ* (слово, не имѣющее смысла), но могу васъ увѣрить, графъ, съ тою положительностію, которую даютъ ученіе и опытъ, могу васъ честью увѣрить, что никогда *методомъ аналитическимъ* (т.-е. методомъ подстрочнаго перевода) не добьетесь вы изученія древняго языка. Еще разъ: хотятъ ли или не хотятъ знанія? Въ первомъ случаѣ одинъ только и есть хорошій методъ: 1) изученіе грамматики, выученной наизусть и раздѣленной на отдѣльные уроки за весь курсъ ученія; 2) переводы при помощи словаря съ языка, который изучаешь, на языкъ знакомый, и наоборотъ; переводы и особенно *ученіе наизусть* образцовыхъ отрывковъ на изучаемомъ языкѣ.

Если не такъ за это дѣло возьмутся, то никто никогда ничему не научится. Я готовъ въ этомъ принять присягу, ибо увѣренъ, что опытъ подтвердитъ слова мои.

Второй и самый важный вопросъ:

Какъ намѣрены согласовать систему ученія съ военнымъ званіемъ, которое во всѣхъ монархическихъ государствахъ есть и должно быть первымъ и самымъ многочисленнымъ сословіемъ?

Судя по проекту, въ предполагаемое заведеніе будутъ приниматься мальчики не моложе десяти лѣтъ и не старѣе пятнадцати. Возьмемъ среднюю цифру—между 12 и 13-ю годами. Юноша окончитъ курсъ на девятнадцатомъ году. Положительно можно сказать, что всякое тщательное, а въ особенности *классическое* воспитаніе не только не можетъ быть окончено въ эти лѣта, но даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, въ эту пору, а пожалуй и нѣсколько позднѣе, только *начинается*. Но вотъ главное: молодые люди, съ двѣнадцати или пятнадцати лѣтъ посвятившіе себя военному поприщу, станутъ получать въ этотъ промежутокъ времени чины, такъ что отецъ семейства, пожелавшій подготовить Государю хорошихъ и полезныхъ подданныхъ, обрекая дѣтей своихъ на долгое и утомительное ученіе, будетъ за это наказанъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Спокойное невѣжество возьметъ шагъ надъ наукою и будетъ надъ нею посмѣиваться. Итакъ, каждый отецъ семейства долженъ, какъ хорошій родитель, отклонять дѣтей своихъ отъ классическаго образованія, дабы не повредить ихъ карьеры и положенію въ свѣтѣ. Итакъ, всѣ усилія правительства для образованія высшихъ классовъ будутъ совершенно тщетны, доколѣ не будетъ опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго никто не можетъ поступить на военную службу, и возрастъ этотъ долженъ быть довольно зрѣлый, дабы отцы семействъ могли мирно закончить литературное образованіе своихъ дѣтей, не опасаясь повредить этимъ ихъ повышенію.

И необходимо, чтобы возрастъ этотъ (никакъ не прежде 18 лѣтъ) былъ назначенъ такъ положительно и обратился бы въ основной законъ, который уже ничто измѣнить не можетъ. Это еще не все. Вообразимъ, что юноша одаренъ красивою наружностью, ловкостью, храбростью, громкимъ именемъ, но что у него нѣтъ ни малѣйшихъ способностей къ наукамъ. Его Величество лишитъ ли этого юношу чести служить, потому что онъ ничего не смыслитъ въ литературѣ и алгебрѣ? На этотъ случай надо также принять ясное и окончательное рѣшеніе. Всякій человѣкъ, знающій Россію, не поколеблясь, скажетъ, что такое исключеніе изъ службы невозможно,—я думаю даже, что оно вездѣ было бы крайне неполитично.

Но если невѣжда принятъ на службу, то и другіе могутъ отго-

вариваться неспособностію *къ наукамъ*—и все зданіе рушится. Поэтому необходимо: 1) чтобы никто не могъ вступать на военную службу до . . . лѣтняго возраста; 2) чтобы въ эти лѣта всѣ могли бы поступать; 3) чтобы тѣ, которые учились въ лицеяхъ и университетахъ, имѣли какое-нибудь преимущество.

Вотъ главныя затрудненія. Если будутъ обольщать себя, вмѣсто того чтобы смѣло приступить къ дѣлу, повѣрьте, графъ, что самыя благія усилія только утомятъ правительство, огорчатъ русскихъ отцовъ и подадутъ иностранцамъ случай посмѣяться надъ безразсудными затѣйщиками, которые извращаютъ намѣренія правительства.

Въ письмѣ, которое за симъ послѣдуетъ, буду имѣть честь изложить еще нѣсколько мыслей касательно народнаго образованія съ нравственной точки зрѣнія.

III.

С.-Петербургъ, 13 (25) Іюня 1810.

Несомнѣнно слѣдуетъ во всѣхъ предпріятіяхъ остерегаться стремленія къ недостижимому совершенству, но рядомъ съ этимъ надо избѣгать и другую, еще болѣе опасную крайность, а именно недостаточное домоганіе того превосходства, которое отъ насъ самихъ зависитъ. Изъ того, что лицей не монастырь, не слѣдуетъ однако, чтобы онъ былъ учрежденіемъ, пользующимся дурною славою или даже явно распущеннымъ, въ которое отцы семействъ не рѣшались бы помѣщать сыновей своихъ.

Вопросъ объ опасности многочисленнаго скопища молодыхъ людей кажется уже вполнѣ исчерпаннымъ. Порокъ самъ по себѣ до того прилипчивъ, что нельзя не содрогнуться при одной мысли о такомъ скопищѣ, гдѣ всякая дурная мысль прививается, каждый дурной поступокъ всѣмъ извѣстенъ, каждая вредная книга переходитъ изъ рукъ въ руки.

Нельзя не удивиться, читая проектъ о лицеѣ, тому, что въ немъ и помину нѣтъ о предосторожности противъ неудобствъ общественнаго воспитанія. А кажется было о чемъ поговорить. Въ проектѣ много фразъ объ экзаменахъ учениковъ, и ни слова объ экзаменѣ профессоровъ, а это самое важное. Какихъ качествъ отъ нихъ требуютъ, чѣмъ могутъ доказать они свою нравственность и честность? Если они люди женатые, будутъ ли они жить въ лицеѣ съ женами, дочерьми, горничными и т. п.?

До великаго сотрясенія, пошатнувшаго Европу, въ странахъ католическихъ существовали 6 монашескихъ орденовъ, посвятившихъ себя,

въ силу своего устава, воспитанію юношества; то были іезуиты, барнабиты, бенедиктинцы, ораторіанцы, сколописы (итальянскія благочестивыя школы—*scuole pie*) и іозефисты. Люди эти обрекали себя строгому безбрачію, поэтому къ школамъ, имъ порученнымъ, никогда не могли подходить женщины, и все было устроено такъ, чтобы отдалить отъ юношей опасныя и развлекающія мысли.

Днемъ ученики никогда не бывали одни. Они даже занимались въ общей залѣ, подъ надзоромъ наставниковъ, и строгое правило молчанія замѣняло преимущества уединенія, безъ неудобствъ онаго [1]).

Ночью ученики спали каждый въ отдѣльной комнатѣ, такъ что всякое сообщеніе было прекращено. Стеклянныя или рѣшетчатыя двери этихъ комнатъ выходили въ общій дортуаръ, оба конца котораго были освѣщены. Довѣренное лицо ходило по дортуару до времени вставанія, и смотрѣло за юношествомъ, какъ сидѣлецъ за больными.

Вы еще найдете, графъ, такія же предосторожности въ школѣ, которую содержатъ въ здѣшней столицѣ честные отцы іезуиты.

Изъ подобныхъ школъ ежегодно выходили (упомянемъ здѣсь объ однихъ только физическихъ преимуществахъ) люди съ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и неизмѣннымъ здоровьемъ, ибо пріостановить юношу въ извѣстныхъ лѣтахъ—значитъ спасти его.

Въ странахъ протестантскихъ подобными преимуществами не пользовались, и государства видимо отъ этого пострадали. Жалобы противъ германскихъ университетовъ громко раздавались по Европѣ, но такъ какъ у каждаго человѣка есть свои предразсудки и такъ какъ вы, графъ, имѣете полное право не довѣрять лично моимъ предразсудкамъ, позвольте мнѣ привести слова вполнѣ безпристрастнаго судіи,—нѣмца-реформата, великаго новѣйшаго философа, великаго затѣйщика въ дѣлѣ педагогіи и великаго поклонника новыхъ идей.

„Всѣ германскіе университеты, даже лучшіе", говоритъ онъ, „требуютъ великихъ реформъ въ отношеніи нравственнаго ихъ состоянія... Даже лучшіе университеты не что иное, какъ *бездна, въ которой безвозвратно пропадаютъ невинность, здоровье и счастье многихъ юношей*, и изъ которой выходятъ молодые люди съ разстроеннымъ здоровьемъ и погибшею душою, не только не полезные обществу, но даже становящіеся ему въ тягость... Да будутъ строки сіи предохраненіемъ для юношей! Да прочтутъ они на дверяхъ нашихъ университетовъ

---

[1]) Укажу здѣсь мимоходомъ на промахъ автора проекта. Въ главѣ VI, въ числѣ наказаній, онъ поминаетъ *единичное заключеніе, безъ способовъ къ занятію*. Невозможно нагляднѣе и опаснѣе обманывать себя. Юноша никогда не долженъ оставаться одинъ съ собственнымъ своимъ воображеніемъ; самое дурное общество для него—онъ самъ.

слѣдующую надпись: „*Молодой человѣкъ, здѣсь многіе тебѣ подобные потеряли счастіе вмѣстѣ съ своею невинностію!*“ [1]).

А въ Англіи, этой столь примѣрно управляемой странѣ, которою руководитъ общественное мнѣніе, какого не легко встрѣтить на свѣтѣ, не осмѣлились-ли изверги учредить втайнѣ вполнѣ организованное общество *для развращенія юношества?* И не осмѣлилось ли общество это обращать адскіе замыслы свои противъ собранія молодыхъ людей, между которыми распространяло самыя отвратительныя книги свои?

Правда, общественное мнѣніе, столь сильно царствующее въ Англія, воспользовалось этимъ случаемъ, чтобы основать общество *сохраненія нравовъ и искорененія пороковъ.* Ужасное сборище было открыто, обличено и уничтожено; дѣло дошло до суда; нѣкоторые изъ преступниковъ были посажены въ тюрьму, и присуждены къ позорному столбу [2]). Но все же замыселъ существовалъ, и все же онъ указываетъ на крайнюю опасность собраній юношества, когда при собраніяхъ этихъ не существуетъ особенныхъ мѣръ предохраненія.

Позвольте мнѣ, графъ, представить вамъ еще самые полновѣсные авторитеты.

Основатели двухъ знаменитыхъ англійскихъ университетовъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ постановили безбрачіе непремѣннымъ условіемъ со стороны профессоровъ. Въ прошломъ столѣтіи противъ этого стали возставать въ нижней палатѣ, и надо признаться, трудно было для нападокъ найти удобнѣе случая.

„Условіе это было связано съ римскимъ суевѣріемъ и не должно было долѣе его держаться. Бракъ—учрежденіе заслуживающее всякаго почтенія, онъ дозволенъ служителямъ слова Божія и даже епископамъ англиканской церкви. Законъ о безбрачіи лишилъ бы англійскіе университеты Ньютона и Вистона, если бы они были женаты и пр. и пр. и пр.“ Много было что сказать; но коль скоро дѣло перешло въ верхнюю камеру, канцлеръ всталъ и сказалъ: „Милорды, если вы бы были въ состояніи принять предлагаемый вамъ билль, то вы не стоили бы того чтобы англичанинъ тратилъ даже шиллингъ на свое отечество. Основатели поставили непремѣннымъ условіемъ безбрачіе. Надо было тогда подумать. Государство приняло ихъ пожертвованія: никто не имѣетъ уже права измѣнить ихъ условій“.

Ни одного голоса не было подано въ пользу предложенія. Вотъ

---

1) Кампе, Собраніе путешествій для образованія юношей, Т. II, in 12°, ст. 129, 1797.

2) См. *Анти-Якобинецъ* за Ноябрь 1782, № 52, стр. 184; тамъ находятся всѣ подробности касательно этого невѣроятнаго предпріятія, а равно и анализъ сочиненія г. Боуля (Bowle), подъ заглавіемъ „Thoughts on the general election“, въ которомъ говорится о томъ же предметѣ.

почему одинъ изъ главныхъ представителей новѣйшаго безвѣрія жаловался на то, *что первоначальная дисциплина англійскихъ университетовъ приспособлена была къ воспитанію священниковъ и монаховъ и что управленіе находится до сихъ поръ въ рукахъ духовенства, обычаи котораго не подходятъ уже къ обычаямъ теперешняго общества* (что̀ крайне прискорбно!), *и которому истинный свѣтъ философіи только ослѣпилъ глаза* (записки Гиббона, глава V).

Вотъ почему вѣроятно англичане, которые всѣ безъ исключенія воспитываются въ этихъ университетахъ, обладаютъ умомъ столь узкимъ и столь мало способнымъ къ наукамъ!!!

Другой примѣръ не менѣе поразителенъ; это Франція. Фаланга людей бѣшеныхъ уничтожила все существовавшее; все приходилось перестроивать за̀ново и въ особенности великое зданіе общественнаго воспитанія. Не смотря на всѣ новыя теоріи, здравый смыслъ и опытность возстановили законъ о безбрачіи [1]). Не думаю однако, чтобы Государь, его подписавшій, когда либо былъ заподозрѣнъ въ суевѣріи или старинныхъ предразсудкахъ.

Народы непогрѣшимы, когда они согласны между собою. Почему же народы, болѣе всѣхъ себя отличившіе, и ученость которыхъ древнѣе другихъ,—постоянно соглашались въ томъ, что воспитаніе юношества слѣдуетъ поручать людямъ безбрачнымъ? Скажутъ, это *вліяніе теократическое*. Совершенно несправедливо, ибо вездѣ, гдѣ священники были люди женатые, имъ того же довѣрія не оказывали. Итакъ, не одно только священство, а именно безбрачіе послужило основаніемъ къ этому довѣрію. Противъ этого двойного доказательства ничего нельзя сказать.

Я вовсе не воображаю, графъ, что могу измѣнить духъ народа и не желаю предлагать чего-либо неосуществимаго, я только выставляю принципы и указываю на факты. Дѣло государственныхъ людей, знакомыхъ и съ людьми, и съ обстоятельствами, принять надлежащія мѣры предосторожности для достиженія цѣли. Но могу васъ увѣрить, что если не приняты будутъ самыя строгія мѣры предосторожности относительно нравственности профессоровъ, недопущенія опасныхъ книгъ и прекращенія всякой связи лицеевъ съ міромъ внѣшнимъ, общественное мнѣніе вскорѣ будетъ осуждать учрежденія эти, какъ школы безнравственности и разврата.

Полагаю не лишнимъ предложить здѣсь нѣсколько мыслей касательно наказаній и наградъ, о которыхъ я не упомянулъ въ прежнихъ письмахъ своихъ.

Въ проектѣ предполагается выдавать *каждые четыре мѣсяца* на-

[1]) Извѣстно, что въ силу одной статьи декрета, учреждавшаго университетъ, Наполеонъ обязывалъ профессоровъ къ безбрачію.

грады лучшимъ ученикамъ. Очевидно, что это слишкомъ часто. Награды теряютъ цѣну [1]), коль скоро ихъ долго не ожидаешь. Давайте болѣе наградъ, если хотите, но выдавайте ихъ только подъ конецъ года, публично и съ умѣренностію. Если каждый ученикъ получитъ награду— то изъ этого выйдетъ только глупая шутка.

Надо, чтобы послѣ экзаменовъ учрежденъ былъ публичный актъ и чтобы награды раздавались высокопоставленною особою. На актѣ этомъ надо публично прочесть списокъ учениковъ, въ томъ порядкѣ, въ которомъ ихъ перевели изъ одного класса въ другой. Вотъ самая справедливая и самая естественная награда, а въ то же время и наказаніе. Каждый ученикъ слышитъ свое имя, родители слышатъ тоже. Каждый получаетъ мзду свою.

Во всѣхъ почти большихъ французскихъ городахъ первые ученики каждаго класса ежегодно торжественно представляемы бывали мѣстнымъ властямъ. Ихъ водили къ губернатору, къ первому президенту и пр. Ничто, какъ мнѣ кажется, не помѣшаетъ ввести и здѣсь такой же обычай.

Можно было бы воспользоваться тоже *крестами*, которые были у насъ въ большомъ ходу. Въ Россіи придаютъ особенное значеніе внѣшнимъ знакамъ отличія, склонность эта понятна и разумна, изъ этого можно извлечь большую пользу.

Пусть учредятъ два или три *креста* и пусть ими жалуютъ черезъ каждыя двѣ недѣли, или хоть разъ въ мѣсяцъ, тѣхъ учениковъ, которые въ этотъ промежутокъ времени отличатся безупречнымъ поведеніемъ, отмѣннымъ прилежаніемъ и выкажутъ лучшія способности. По окончаніи срока кресты слагаются на столъ и передаются професору, который снова ихъ раздаетъ. Тѣмъ, которымъ случалось на дѣлѣ испытать учрежденіе это, живо помнятъ то волненіе, которое предшествовало каждой раздачѣ. Крестамъ этимъ можно бы было придать національную форму, въ родѣ, напримѣръ, Анненскихъ или Владимірскихъ крестовъ; они должны быть, во избѣжаніе всякаго недоразумѣнія, изъ простого металла (золота или серебра) и на нихъ слѣдовало бы вырѣзать: Императорскій лицей или что либо подобное. Юноша, получивъ крестъ, долженъ носить его не только въ лицеѣ, но и у родителей своихъ, когда онъ будетъ къ нимъ отпущенъ, и даже въ публичныхъ мѣстахъ, если бы ему пришлось, вслѣдствіе какого праздника или торжественнаго зрѣлища, туда явиться. По окончаніи класса, три первые ученика, получившіе награду, сохраняютъ знакъ отличія до начала слѣдующаго учебнаго года.

Я вполнѣ увѣренъ, что такіе кресты возбудятъ большое соревнованіе и приведутъ къ большимъ успѣхамъ.

[1]) Здѣсь опять непереводимая игра словъ: „les prix n'ont point de prix“.

Отъ всего сердца желаю, графъ, чтобы эти размышленія пришлись вамъ по сердцу. Передаю ихъ вамъ безъ всякаго притязанія, будучи увѣренъ, что обстоятельства часто становятся наперекоръ лучшимъ намѣреніямъ и что государственному мужу часто приходится входить съ препятствіями въ сдѣлку. Предложеніе мое, а выборъ вашъ. Довольствуюсь тѣмъ, что не предложилъ ничего идеальнаго, и что постоянно руководствовался тѣмъ, что̀ освящено опытностію и одобреніемъ цѣлыхъ государствъ.

IV.

26-го Іюня 1810 г.

Въ силу одной изъ тѣхъ странностей, которыми такъ отличался XVIII вѣкъ, утвердился въ Россіи изгнанный изъ католическихъ странъ знаменитый монашескій орденъ, занимавшійся исключительно воспитаніемъ юношества.

Считаю долгомъ посвятить бесѣдѣ объ іезуитахъ одно или два изъ моихъ писемъ объ общественномъ воспитаніи: иначе задача моя была бы только на половину исполнена.

Говоря объ этомъ орденѣ: можно сказать, особенно по отношенію къ вашему отечеству, что *многіе о немъ говорили, но что немногіе его хорошо познали.* Хотя привязанность моя къ іезуитамъ всѣмъ извѣстна, однако мнѣ кажется, что я не буду пристрастнымъ судьею и въ этомъ отношеніи не навлеку на себя вашего подозрѣнія. Есть способъ безошибочно судить какъ объ отдѣльномъ лицѣ, такъ и о цѣломъ орденѣ, именно: *нужно примѣчать, какіе люди сочувствуютъ ему, и какіе его ненавидятъ.* Способъ этотъ я намѣренъ примѣнить въ данномъ случаѣ.

Если я скажу, что орденъ іезуитовъ удостоился семнадцати одобреній отъ святѣйшаго престола и одного вселенскаго собора, быть можетъ, заявленіе это не будетъ имѣть такого значенія, какое бы оно имѣло въ католической странѣ. Подобное одобреніе все-таки что-нибудь да значитъ; но я постараюсь найти такія свидѣтельства, на которыя не могла бы пасть даже тѣнь подозрѣнія. Прошедшее столѣтіе провозгласило Бэкона *возстановителемъ наукъ*, а самъ онъ называлъ такъ орденъ іезуитовъ. Онъ говоритъ: „Воспитаніе юношества, считавшееся у древнихъ одною изъ важнѣйшихъ обязанностей, въ наше время было вызвано къ жизни и какъ будто возвращено изъ изгнанія іезуитами, которыхъ умѣнье и таланты таковы, что, думая о нихъ, я всегда вспоминаю слова, сказанныя когда-то греческимъ царемъ Агезилаемъ персу Фарнабазу: *„Будучи такимъ, отчего вы не изъ нашихъ!“*

Онъ добавляетъ: „незачѣмъ ходить далеко за хорошей воспитательной системой; достаточно сказать: *обратитесь къ іезуитскимъ школамъ*, лучше этого ничего нельзя придумать“ [1]).

Гроцій, другой знаменитый протестантъ говоритъ, что „іезуиты могущественно вліяютъ на общественное мнѣніе, благодаря своей святой жизни и полнѣйшему безкорыстію, съ которымъ обучаютъ юношество наукамъ и Закону Божію“ [2]).

Генрихъ IV тотчасъ же по вступленіи на престолъ возстановилъ іезуитскій орденъ и выбралъ себѣ духовника изъ среды ихъ.

Ришельё говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что *онъ не знаетъ ничего совершеннѣе устава іезуитскаго общества, и что всѣ государи могутъ изучать его и поучаться.*

Декартъ, бывшій ихъ воспитанникомъ, всегда отзывался о нихъ съ уваженіемъ [3]). Извѣстно также, какое довѣріе питалъ къ нимъ Людовикъ XIV-й и какую роль они играли въ славный его вѣкъ. Герцогъ Сенъ-Симонъ, личный врагъ іезуитовъ, сознается однако въ своихъ запискахъ, что *они обладаютъ необыкновеннымъ талантомъ воспитывать людей честныхъ и любящихъ науки.* А вся суть въ этихъ двухъ положеніяхъ, ибо если человѣкъ честенъ и притомъ обладаетъ знаніемъ, то чего-жъ ему недостаетъ?

Великій Конде въ продолженіе всей своей жизни выказывалъ іезуитамъ расположеніе, а умирая сдѣлалъ имъ самый почетный подарокъ: онъ завѣщалъ имъ *свое сердце и своего сына* [4]).

Фридрихъ II тоже можетъ служить безпристрастнымъ свидѣтелемъ. Въ качествѣ философа и отъявленнаго врага христіанства, онъ не преминулъ принять участіе въ общемъ хорѣ и послѣ уничтоженія ордена писалъ къ Вольтеру: *Мы одержали великую побѣду* [5]).

Но когда дѣло дошло до уничтоженія іезуитовъ въ его собственныхъ владѣніяхъ, философъ долженъ былъ уступить мѣсто правителю. Онъ уже не говоритъ, *мы;* напротивъ, онъ пишетъ: *Я не знаю луч-*

---

[1]) Quae nobilissima pars priscae disciplinae revocta est aliquatenus, quasi postliminio, in Jesuitarum collegiis, quorum quum intueor industriam solertiamque tam in doctrina excolanda quam in moribus efformandis, illud occurit Agesilai de Pharnabazo: „Talis quum sis, utinam noster esses!..“

Ad pœdagogium quod attinet brevissimum foret dictu: „Consule scholas Jesuitarum“, nihil enim quod in usu venit his melius. (Bacon. de Augm. scient. lib. 1, vers. mit., et lib. VI, id).

[2]) Grotii Anun. belg. p. 194, упомянуто въ нѣмецкой книгѣ, озаглавленной „Der Triumpf der Philosophie im achtzehnten Jahrhundert; Germantown in 8°, t. 1-er, p. 412.

[3]) Malebranche, Rech. de la vérité, l. III, c. 6, № 4.

[4]) Вм. L'oraison funèbre par le P. Bourdaloue.

[5]) Le roi de Prusse à Voltaire, Oeuvres t. LXXVI, edition de Kehl, p. 248.

шихъ священниковъ. Тому же самому Вольтеру онъ говоритъ: *Примиритесь съ орденомъ, воспитавшимъ и доставившимъ Франціи въ прошломъ столѣтіи столькихъ геніальныхъ людей.* Потомъ онъ добавляетъ:" *Гананелли оставляетъ мнѣ нашихъ дорогихъ іезуитовъ. Я сохраню это драгоцѣнное зерно, чтобъ подѣлиться съ тѣми, которые захотятъ развести у себя это рѣдкое растеніе* [1]).

Понадобилось сильное вліяніе изъ Парижа, чтобы заставить его обнародовать буллу объ уничтоженіи ордена въ его владѣніяхъ. Возвышенный умъ Екатерины, преисполненный державными мыслями, послѣдовалъ примѣру Фридриха и даже превзошелъ его.

Павелъ I-й, котораго никакъ нельзя обвинить въ томъ, что онъ не сознавалъ своихъ правъ, всегда держался тѣхъ же взглядовъ и никакіе наговоры не могли возстановить его противъ іезуитовъ.

Іезуиты, говоритъ генералъ Дюмурье, *обладали великимъ искусствомъ возвышать душу своихъ учениковъ, дѣйствуя на самолюбіе и внушать имъ храбрость, безкорыстіе и самоотверженіе* [2]).

Кажется, этого не мало! Но любопытнѣе всего свидѣтельство Лаланда. Онъ постоянно хвалилъ іезуитовъ и упрекалъ ихъ враговъ за то, что *они уничтожили общество, представлявшее собою удивительнѣйшее въ мірѣ сочетаніе знанія и добродѣтели.* Онъ прибавляетъ: *Карвальо (Помбалъ) и Шуазель разрушили прекраснѣйшее твореніе, которое только могли создать люди и съ которымъ не можетъ сравниться ни одно учрежденіе подъ луною. Я всегда буду думать о немъ съ восхищеніемъ, благодарностью и сожалѣніемъ.* Въ заключеніе онъ говоритъ, *что когда-то у него было желаніе вступить въ орденъ и что онъ постоянно жалѣетъ, что не послѣдовалъ призванію, внушенному ему невинностью и любовью къ ученью* [3]).

Если ко всѣмъ этимъ безпристрастнымъ отзывамъ прибавимъ свидѣтельства людей, извѣстныхъ святостью жизни и ученостью, какъ напр.: св. Франциска Салійскаго, Фенелона и др., которые съ особенною любовью относились къ этому ордену, если припомнимъ, что французское духовенство, на съѣздѣ 1762-го года, говорило королю Людовику XV: *Ваше величество, защищайте іезуитовъ, какъ самую католическую церковь!* то, кажется, этого будетъ довольно, чтобы доставить іезуитскому

---

[1]) Le roi de Prusse à Voltaire, Oeuvres t., LXXXVI, 18 Novembre, 1777, p. 286.

[2]) Mémoires du général Dumouriez. Hambourg, 1795, t. I, p. 15. Будучи тогда подъ вліяніемъ идей философскихъ и революціонныхъ, онъ все-таки по-неволѣ воздаетъ справедливую хвалу, но прибавляетъ: „*дѣйствуя на самолюбіе*". Допустимъ и это, чтобы его утѣшить.

[3]) См. письмо Лаланда, въ „Journal des Débats 15 pluviose an VIII, 13 février 1799. Любопытное заявленіе со стороны человѣка, открыто объявившаго себя главою атеистовъ.

обществу уваженіе и довѣріе даже такого правительства, которое принадлежитъ къ совершенно иной религіи.

Въ дополненіе къ этимъ одобрительнымъ отзывамъ, мы можемъ привести мнѣнія людей, почтившихъ іезуитовъ своею ненавистью: нѣтъ ни одного врага церкви и государства, ни одного революціонера, ни одного иллюмината, короче сказать, ни одного врага европейской системы, который бы не былъ также и врагомъ іезуитовъ.

Кальвинъ за три столѣтія передъ симъ писалъ къ своему другу Бэну: *Что касается до іезуитовъ, которые въ особенности оказываютъ намъ противодѣйствіе, то ихъ нужно убивать; если же это окажется неудобнымъ, то ихъ слѣдуетъ изгонять, или по крайней мѣрѣ обезсиливать посредствомъ лжи и клеветы.*

Съ тѣхъ поръ не произошло ни малѣйшей перемѣны. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ учениковъ Кальвина, бывшій еще болѣе опаснымъ врагомъ, потому что дѣйствовалъ втайнѣ, писалъ въ прошедшемъ столѣтіи:

„*Самое главное—подорвать довѣріе къ іезуитамъ; если это намъ удастся, то тѣмъ самымъ мы уничтожимъ Римъ, а если Римъ погибнетъ, то религіозная реформа совершится сама собою*" [1]).

Въ наше время мы имѣемъ любопытное свидѣтельство протестантскаго священника Рабо Сентъ-Этьенна, одного изъ самыхъ фанатическихъ членовъ того собранія, которое потрясло Францію, а затѣмъ весь міръ. Между причинами, способствовавшими пагубной революціи, онъ считаетъ одною изъ главныхъ уничтоженіе ордена іезуитовъ. Онъ говоритъ: *Самые жестокіе враги свободы слова, іезуиты, дѣйствовавшіе искуснѣе всѣхъ, исчезли, а послѣ нихъ никто уже не осмѣлился выказать такой деспотизмъ и такое упорство* [2]).

Впрочемъ, всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что европейская революція, называемая также *французской революціей*, могла совершиться только благодаря предварительному уничтоженію іезуитовъ. Это уже достаточная похвала; но можно еще прибавить, что въ наше время протестантъ, авторъ исторіи церкви, написанной со всѣми предубѣжденіями секты, сознается, что *если бы іезуиты существовали до реформаціи, никогда бы протестантское исповѣданіе не могло утвердиться, и наоборотъ, если бы они не явились, реформа сдѣлалась бы повсемѣстною* [3]).

---

1) Письмо Фра-Паоло-Сарпи (котораго по справедливости называли *католикомъ* въ общемъ и протестантомъ въ частностяхъ) отъ 5 Іюля 1619. О немъ упоминается въ его жизнеописаніи, составл. Courrayer и помѣщ. въ началѣ описанія тріентскаго собора.

2) Précis historique de la Revolution française. 1792, liv. I, p. 17.

3) Wäre der Orden der Jesuiten nicht gewesen, so würde die Kirchenrefor-

Всякій государственный человѣкъ, серьёзно взвѣсивъ эти отзывы, выбранные мною изъ тысячи, придетъ къ тому убѣжденію, что іезуиты драгоцѣнны для государства, такъ какъ у новаторовъ, открыто стремящихся ниспровергнуть существующій въ Европѣ порядокъ, нѣтъ враговъ, равныхъ іезуитамъ по мужеству и уму, а потому, чтобы положить преграду разрушительнымъ мнѣніямъ, слѣдуетъ поручить воспитаніе юношества іезуитскому ордену. Революціонеры это вполнѣ понимаютъ; потому-то, чтобы избавиться отъ такихъ безпокойныхъ враговъ, они прибѣгли къ средству, къ несчастью часто имѣющему успѣхъ. Они старались внушить государямъ недовѣріе къ іезуитамъ, обвиняя ихъ въ томъ, что *они вмѣшиваются въ политику*.

Очень важно, графъ, отклонить эту западню. Она весьма тонка, но въ то же время весьма опасна. Позвольте представить по этому случаю два заявленія, не допускающихъ никакихъ возраженій.

1°. Первое принадлежитъ Фридриху II-му. Опасаясь упрека въ пристрастіи, я стараюсь опираться преимущественно на свидѣтельства людей, стоящихъ внѣ всякихъ подозрѣній, такъ какъ ихъ симпатіи обращены были совершенно въ противоположную сторону.

Я очень хорошо знаю, говоритъ великій монархъ, которому недоставало только воспитанія и руководства іезуитовъ, *что они интриговали и вмѣшивались въ дѣла, но въ этомъ виновато правительство. За чѣмъ же оно это допускало? Я обвиняю не отца Летелье, а Людовика XIV.*

Уже одно это замѣчаніе рѣшаетъ вопросъ. Развѣ какой нибудь государь не воленъ поручить управленіе государствомъ офицерамъ своей гвардіи, если ему такъ заблагоразсудится?

Конечно, офицеры эти обязаны будутъ повиноваться; но очень возможно, что они, имѣя власть въ рукахъ, увлекутся и станутъ ею злоупотреблять; тогда съ ними случится то, чтò случается и случалось и будетъ всегда случаться со всѣми. Можно ли сказать: *гвардейскіе офицеры стали интриговать, вмѣшиваться въ дѣла, значитъ нужно уничтожить гвардію?* Это было бы безразсудно въ высшей степени, потому что сначала слѣдуетъ доказать, что другіе на ихъ мѣстѣ поступили бы лучше, а это сдѣлать нелегко; остается въ такомъ случаѣ повторить слова Фридриха II-го: *Въ этомъ виновато правительство. Зачѣмъ же оно это допустило? Я обвиняю не гвардейскихъ офицеровъ, а самого государя.*

Въ силу своихъ обѣтовъ іезуиты обязаны, съ соизволенія властей

mation keinen Wiederstand mehr gefunden haben Ingegen, wäre er auch schon vor der Reformation gewesen, so würde wohl keine Reformation erfolgt.

Allgemeine Geschichte der christlichen Kirche von d. Heinr. Phil. Henke, Professor der Theologie zu Helmstadt. Braunschweig. 1744, t. II, 3-ter Th., p. 69.

духовной и свѣтской, безвозмездно обучать юношество закону Божію и наукамъ, и заботиться о просвѣщеніи дикарей. Задача эта самая благородная и дѣла у нихъ довольно. Но если государямъ угодно вызывать ихъ изъ уединенія для совѣтовъ, еще разъ повторяю, на то добрая воля царская; іезуиты же должны стараться оправдать довѣріе, какъ сдѣлалъ бы въ подобномъ случаѣ каждый вѣрноподданный.

Если же, наоборотъ, государю покажется, что вообще опасно пользоваться дѣятельностью и познаніями этихъ людей (что доказать впрочемъ довольно трудно), то пусть оставятъ ихъ при обычныхъ занятіяхъ. Вотъ къ чему сводится это пугало: *іезуиты, вмѣшивающіеся въ дѣла правительства!*

Но, кромѣ того, есть еще возраженіе, которое, быть можетъ, покажется вамъ, графъ, болѣе сильнымъ и дѣйствительнымъ, чѣмъ предъидущее.

2°. Съ начала XVI столѣтія Европу волнуютъ двѣ секты: *кальвинисты и ихъ двоюродные братья янсенисты* [1]). Съ ними іезуиты боролись съ изумительной энергіей и постоянствомъ. Сектанты эти постоянно интриговали противъ правительства, становились въ ряды его, чтобы легче низвергнуть его. Они сами называли себя правительствомъ, и доказывали, обольщая его, что всякій кто имъ противился былъ тѣмъ самымъ врагомъ правительства. Доказательствомъ могутъ служить слова того же самаго герцога Сенъ-Симона, о которомъ я уже упоминалъ выше, я люблю брать въ свидѣтели отъявленныхъ враговъ общественнаго порядка. Послѣ похвалы іезуитамъ, которую я привелъ выше, онъ говоритъ, что *они выказываютъ слишкомъ сильное ожесточеніе противъ кальвинистовъ и янсенистовъ.* (Записки герцога Сенъ-Симона. Ibid). Но это то же, что попрекать собаку за ея вражду къ волку. Французскіе короли лишились *прекраснѣйшаго на свѣтѣ государства, лучше котораго можетъ быть одно только царство небесное* [2]), не оттого, что *слишкомъ довѣряли* іезуитамъ, а, напротивъ, оттого, что *слишкомъ мало* имъ довѣряли. Уничтоживъ іезуитскій орденъ Франція отдала себя на жертву дикимъ звѣрамъ, которые ее растерзали. Такъ какъ я взялъ за правило какъ можно рѣже приводить мнѣнія людей, которыхъ нынѣ принято называть *ханжами*, т.-е. людей благоразумныхъ, вѣрующихъ и одушевленныхъ вѣрноподданническими чувствами, то прибѣгаю опять къ свидѣтельству Вольтера.

[1]) Les raissonneurs de jansénistes, et leurs cousins les calvinistes etc. Voltaire, Oeuvres, Deux-Ponts, 1791, in-12, t. XVI, Poësies mêlées, № 185, p. 150.

[2]) Si quando te Deus ad suam regnum, quod solum tuo melius est и проч. (Гроцій въ посвященіи королю французскому Лудовику XIII сочиненія своего „De jure belli et pacis“.

Совѣсть, своего рода пытка, по неволѣ заставляетъ нечестивыхъ говорить правду. Позвольте, графъ, привести стихи, написанные Вольтеромъ по поводу уничтоженія іезуитскаго ордена:

Les renards et les loups furent longtemps en guerre;
Nos moutons respiraient: nos bergers diligents
Ont chassé par arrêt les renards de nos champs,
Les loups vont désoler la terre.
Nos bergers semblent entre nous,
Un peu d'accord avec les loups [1]).

Іезуиты должны быть благодарны за прозвище *лисицъ* отъ такого человѣка какъ Вольтеръ, но въ учтивомъ названіи этомъ заключается очевидная безсмыслица: когда же было видано, чтобы лисицы сражались съ волками, или поѣдали овецъ? Ему слѣдовало бы сказать *львы* и *тигры*, а не *лисицы*. Однако онъ по совѣсти принужденъ былъ сознаться, что правительству нечего было бояться іезуитовъ и что опасность угрожала именно со стороны ихъ враговъ. Теперь же, когда мнимые *пастыри*, т.-е. парламенты, зараженные язвой философіи и янсенизма, сговорились съ *волками*, т.-е. *съ янсенистами и ихъ братцами* и сотворили тѣ дѣла, которыми мы уже 20 лѣтъ любуемся, люди благоразумные поняли въ чемъ дѣло.

Вотъ какимъ образомъ, графъ, іезуиты *вмѣшивались въ политику*. Въ продолженіи трехъ столѣтій они не переставали взывать къ монархамъ: *вотъ оно, чудовище! берегитесь! средины быть не можетъ! оно васъ погубитъ, если вы сами его не уничтожите, или не наложите на него цѣпей*".

Не вѣрьте, графъ, тому что говорятъ объ ожесточенномъ преслѣдованіи іезуитами враговъ своихъ въ концѣ царствованія Лудовика XIV. Кому можемъ мы въ этомъ отношеніи болѣе довѣриться, какъ не г-жѣ де-Ментенонъ, которая писала кардиналу де-Ноайль отъ 17-го Февраля 1701 года: „*Никогда еще іезуиты не были такъ безсильны. Отецъ ла-Шезъ не смѣетъ говорить; они возбуждаютъ состраданіе въ лучшихъ изъ друзей своихъ; они властны только у себя въ коллегіи... Еще разъ говорю, добрякъ* (отецъ ла-Шезъ) *не пользуется ни малѣйшимъ вліяніемъ*" [2]).

Я могъ бы вамъ привести свидѣтельство исторіи въ доказательство того, что янсенисты гораздо болѣе имѣли вліянія на дѣла, чѣмъ ихъ противники, такъ что люди благоразумные удивлялись мягкости правительства относительно этихъ дерзкихъ и упорныхъ еретиковъ. Чтобы составить себѣ ясное понятіе объ ученіи, съ которымъ іезуиты постоянно борятся, нужно прежде всего разсмотрѣть, чтó такое кальви-

[1]) Oeuvres de Voltaire, t. cité nº 166, p. 150.
[2]) L'Histoire de Fénélon par M-me Bausset, t. III, liv. VI, p. 20.

низмъ, такъ какъ въ немъ лежитъ корень всего зла. Оставимъ въ сторонѣ Белармена, Боссюэта, и ихъ послѣдователей, и посмотримъ, что говоритъ англиканскій священникъ Жанъ Жортэнъ, пользующійся большою извѣстностью между англійскими богословами. „*Кальвинизмъ*" говоритъ онъ, „*есть религіозное ученіе, по которому человѣческія существа оказываются несвободными, догматы и вѣра не имѣютъ никакого разумнаго основанія, а Богъ представляется совершенно немилосердымъ*" [1]).

Послѣ такого яснаго опредѣленія, я приведу слова Вольтера (онъ—мой герой): *Кальвинизмъ долженъ былъ необходимо произвести междоусобныя войны и потрясти государства въ ихъ основаніяхъ... Одно должно было погубить другое... Вездѣ, гдѣ будетъ преобладать кальвинизмъ, правительства будутъ низвергнуты* [2]).

Въ 1797 г. одинъ женевскій священникъ, скрывавшій свое имя (впрочемъ отгадать его не трудно) писалъ: „*Да, благодаря этимъ реформаторамъ, которые вооружились противъ папы и Рима, всѣ умы обратились къ разсмотрѣнію догматовъ вѣры и потомъ перешли къ разсмотрѣнію принциповъ власти; они-то одновременно подточили и престолы и алтари*" [3]).

Я могу также привести мнѣнія нѣкоторыхъ очень почтенныхъ англійскихъ журналистовъ, которые говорили лѣтъ семь тому назадъ: „*нельзя себѣ ничего представить нелѣпѣе и безбожнѣе кальвинизма... Если взглянуть на догматы Кальвина съ настоящей точки зрѣнія, то они представляютъ такую отвратительную смѣсь безбожія, богохульства, противорѣчій и жестокости, что могутъ только внушить ужасъ и презрѣніе всякому, кто сохранилъ хоть малѣйшее чувство благоговѣнія къ Всевышнему, малѣйшее чувство любви къ ближнимъ, малѣйшіе проблески разума и здраваго смысла*" [4]).

Приведу еще слова изъ проповѣди англійскаго профессора богословія, произнесенныя имъ въ 1795 г. въ Кембриджскомъ университетѣ:

„*Думаю, что протестантскія государства виновнѣе, чѣмъ они думаютъ, такъ какъ всѣ безбожныя книги и большая часть безнравственныхъ сочиненій, благодаря которымъ ереси такъ сильно распространяются въ наше время, были написаны и напечатаны въ протестантскихъ странахъ*" [5]).

---

[1]) A religious system consisting of human creatures without liberty, doctrines without sense, faith without reason and a God without mercy. (Jartin dans l'Anti-Jacobin, Juillet, 1803, № 61, p. 231. Онъ писалъ въ половинѣ прошлаго столѣтія).

[2]) Siècle de Louis XIV, ch. XXXIII, Siècle de Louis XV.

[3]) De la nécessité d'un culte religieux, par M**. (de Génève) in-8°. 1797.

[4]) Anti-Jacobin, review and magazine. Mai, 1803, n° 59, p. 4 et 18.

[5]) A sermon, preached before the University of Cambr. on the 3-th of Mai 1795, by John Main Waring, prof. in divin. (Critic Review, août 1995, p. 400.

Въ заключеніе упомяну объ отвратительномъ Кондорсэ, который открыто признаетъ, что кальвинизмъ служилъ какъ-бы предисловіемъ къ политическому перевороту: *„народы, разъ узнавши о захватахъ папской власти, захотѣли также привести въ ясность и захваты гражданской власти“* [1]).

Послѣ всѣхъ этихъ неоспоримыхъ цитатъ, заимствованныхъ у враговъ нашихъ, да позволено мнѣ будетъ, наконецъ, обратиться къ знаменитѣйшему изъ нашихъ богослововъ, отцу Пето, который въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ свѣдущихъ людей на свѣтѣ:

Отличительный характеръ этой секты, возникшей на погибель государямъ и государствамъ — это ненависть ко всякому принципу власти [2]).

Вамъ, графъ, можетъ быть покажется, что я удаляюсь отъ своего предмета, и что въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ не о кальвинистахъ, но могу васъ увѣрить, вся суть именно въ этомъ. Кальвинизмъ, это исчадіе гордыни, объявилъ войну всякой власти, а отъ него произошли всѣ остальныя секты. Самая опасная изъ нихъ янсенизмъ, потому что онъ дѣйствуетъ подъ личиною католицизма. Всѣ другія секты наши явные враги и открыто идутъ на приступъ; янсенизмъ же составляетъ часть возмутившагося гарнизона, который поражаетъ насъ съ тыла, въ то время, какъ мы храбро деремся на стѣнахъ крѣпости. Но всѣ секты тѣсно связаны между собою, всѣ онѣ—дѣти одного отца. Поэтому на самомъ дѣлѣ существуетъ только одна секта—кальвинизмъ, въ которой смѣшались и слились всѣ остальныя. Догматическія различія исчезли и остался у нихъ лишь одинъ общій догматъ—*отсутствіе всякаго догмата.* Извѣстенъ отвѣтъ Бэйля кардиналу де-Полиньяку: *„я протестантъ въ полномъ смыслѣ слова, потому что я протестую противъ всѣхъ истинъ.“* Этотъ-то догматъ сталъ нынѣ всеобщимъ. Слѣдовало бы еще добавить: *и противъ всякой власти.* Германское иллюминатство не что иное, какъ *послѣдовательный кальвинизмъ*, т.-е. окончательно очищенный отъ всякихъ догматовъ, которые до тѣхъ поръ сохранены были по какой-то прихоти. Короче, одна только секта и есть на свѣтѣ, и государственные люди должны это постоянно помнить и никогда не забывать. Эта въ сущности единая, хотя въ то же время и многообразная секта, окружаетъ Россію или, вѣрнѣе, проникаетъ въ нее со всѣхъ сторонъ, подкапывается даже подъ ея основанія. Ей не нужно теперь, какъ въ XVI вѣкѣ, проповѣдывать съ каѳедры, набирать войска, призывать народы къ открытому возстанію. Она дѣйствуетъ гораздо искуснѣе и *приберегаетъ шумъ къ концу.* Ей нужно привлечь вни-

[1]) Condorcet, Esquisse d'un tableau des progrès de l'esprit humain, p. 111.

[2]) Dion. Petairi Dogm. theol; in fol., Anvers, 1700, t. IV, de Hierarchia, p. 2.

маніе дѣтей всѣхъ возрастовъ, ей необходимо терпѣніе правителей, и именно всѣмъ этимъ она вполнѣ владѣетъ въ настоящее время. Зараза коснулась даже вашего духовенства, и, быть можетъ, зло гораздо сильнѣе, чѣмъ то предполагаютъ.

Въ такую опасную минуту никто не можетъ оказать Его Императорскому Величеству бо̀льшую услугу, какъ общество вполнѣ враждебное тѣмъ, кто, захвативъ въ свои руки воспитаніе юношества, грозитъ Россіи. Я даже не вѣрю, чтобы существовало иное предохранительное средство, такъ какъ противъ всякой ассоціаціи, и въ особенности тайной, можно бороться только посредствомъ другой ассоціаціи. Іезуиты—это сторожевые ваши псы, оборони Богъ ихъ гнать. Если вы не хотите, чтобъ они кусали воровъ, это ваше дѣло, но по крайней мѣрѣ пусть они бродятъ вокругъ домовъ вашихъ, и когда нужно, будятъ васъ, прежде чѣмъ воры успѣютъ выломать двери или влѣзть въ окна.

Какое, графъ, ослѣпленіе! Какая непослѣдовательность ума человѣческаго! Триста лѣтъ существуетъ общество, главнымъ образомъ посвятившее себя воспитанію юношества! Оно принимаетъ на себя всѣ расходы по общественному воспитанію и тѣмъ облегчаетъ тяжелое бремя государству; юношеству оно предлагаетъ свое знаніе, правительству свои труды, и все это безвозмездно, довольствуясь сознаніемъ исполненнаго долга; оно же неустанно говоритъ и народамъ и юношеству:

Власть исходитъ не отъ народа; или если она даже первоначально и исходила отъ него, то, разъ ее уступивши, онъ уже потерялъ на нее всякое право [1]). *Власть исходитъ отъ Господа, и Ему-то мы повинуемся въ лицѣ монарха. Осуждать верховную власть нельзя ни подъ какимъ видомъ, нельзя также ея ослушаться, развѣ когда она повелѣваетъ совершить преступленіе, но и въ этомъ случаѣ слѣдуетъ пожертвовать жизнію своею. Особа монарха—священна, и ничто не можетъ оправдать возмущенія.* Считаю излишнимъ говорить о вѣрѣ. Конечно, общество Іисуса горячо предано своей вѣрѣ, которая сходна съ вашей по догматамъ; но никогда еще іезуитовъ не обвиняли и не подозрѣвали въ неуваженіи къ законамъ той страны, въ которой они находятся, они ихъ вполнѣ уважаютъ. И къ этому-то обществу относятся съ недовѣріемъ, опасаясь, что *оно вмѣшается въ дѣла политики.*

Съ другой стороны, также давно существуетъ противоположное общество, которое, устами своихъ первыхъ патріарховъ и лучшихъ членовъ, не перестаетъ тоже поучать:

---

[1]) Сюарезъ (знаменитый іезуитъ, *истинный представитель цѣлой школы*, по выраженію Боссюэта). De leg., lib. III; De lege humano et civili, cap. IV, § 6, et in defensione fidei catholicae anglicanae sectae errores, lib. III, cap. 3.

„Какова бы ни была власть государя, онъ ее получилъ *единственно отъ народа;* народъ же если и признаетъ власть какого-либо *смертнаго*, то лишь по доброй волѣ своей“ [1]).

„Власть исключительно принадлежитъ народу, и если онъ *на время* и рѣшился ввѣрить ее отдѣльнымъ личностямъ, обладающимъ талантами или знаніемъ, то личности эти должны народу отдать отчетъ въ томъ, какъ пользовались этою властію“ [2]).

„Нѣтъ, и не можетъ быть основного закона, обязательнаго для народа въ совокупности; даже общественный договоръ (contrat social) не имѣетъ значенія. Народъ можетъ отмѣнить всѣ законы; если даже онъ захочетъ повредить себѣ, никто не имѣетъ права ему въ томъ препятствовать“ [3]).

„Такъ какъ верховная власть принадлежитъ народу, то правители не болѣе какъ должностныя лица. Народъ можетъ измѣнить правительство, когда пожелаетъ и потому только, что того желаетъ“ [4]).

„Слѣдовательно, можно до нѣкоторой степени извинить тѣхъ, которые осудили Карла I-го и отправили его на эшафотъ“ [5]).

„Въ большинствѣ случаевъ, правители—величайшіе безумцы и самые отъявленные мошенники на свѣтѣ. Отъ нихъ нечего ждать добра *Они исполняютъ на этомъ свѣтѣ роль палачей и Господь употребляетъ ихъ, когда желаетъ насъ наказать*. Если мы сажаемъ воровъ въ тюрьму, казнимъ убійцъ, сжигаемъ еретиковъ, то отчего же не употребить того же оружія противъ проповѣдниковъ разврата... противъ этихъ гнойныхъ язвъ Римскаго Содома? Отчего не обагрить рукъ своихъ въ ихъ крови?.. Остается только одно средство—возстать открыто на императора, на королей и на правителей“ [6]).

„Почти невозможно быть правителемъ и не быть въ то же время разбойникомъ“ [7]).

„Республиканскій образъ правленія есть самый лучшій и самый прочный. *Тамъ, гдѣ нѣтъ народнаго представительства, господствуетъ тираннія*“ [8]).

---

[1]) Noodt, Du pouvoir des souverains, dans le recueil de diverses pièces importantes, traduites ou publiées par I. Barbeyrac (refugié), t. I, p. 41.

[2]) Memoirs of the life of sir William Jones, by lord Trignmonth, London, 1806, p. 200.

[3]) Rousseau, Contrat social, liv. 11, chap. I.

[4]) Condorcet, Esquisse citée, p. 248.

[5]) A letter to a Nobleman containing considerations on the laws relative to dissenters, etc., by a Lagman. London, Cadell, 1790. London Review, Juin, 1790. NB. Авторъ—государственный человѣкъ, занимавшій важныя должности.

[6]) Luther, Opp. lat., t. II, fol. 181, 182, 69.

[7]) Поговорка Лютера.

[8]) Essai philosophique sur un projet de paix perpétuelle, cité par Masson (Mem. secrets sur la Russie, t. III, p. 356).

„Таково мнѣніе всѣхъ нашихъ ученыхъ“ [1]).

„Что же касается до религіи, то нужно прежде всего знать, существуетъ ли на самомъ дѣлѣ творецъ всего видимаго“ [2]).

„Дѣйствительный или только кажущійся порядокъ во вселенной нисколько не служитъ доказательствомъ существованія Бога; согласіе всѣхъ людей въ этомъ случаѣ тоже не можетъ быть принято за доказательство, *такъ какъ внѣ насъ нѣтъ ничего вѣрнаго*“ [3]).

„Во всякомъ случаѣ нѣтъ разумныхъ свидѣтельствъ въ пользу существованія единаго Бога. Единство плана ничего не доказываетъ, потому что оно могло произойти вслѣдствіе совокупнаго дѣйствія многихъ боговъ, согласныхъ между собою“ [4]).

„Къ тому же, если это единство и доказываетъ, что въ видимомъ мірѣ есть только одинъ Богъ, то все-таки вопросъ—не существуютъ ли другіе міры, изъ которыхъ каждый имѣетъ своего Бога, остается нерѣшеннымъ“ [5]).

„Всѣ церкви впали въ заблужденія даже относительно нравственнаго ученія, даже относительно догматовъ, и потому мы не обязаны вѣрить которой-нибудь изъ нихъ, но мы должны единственно руководиться Словомъ Божіимъ“ [6]).

„Слово же это всякій понимаетъ различно, какъ ему указываетъ совѣсть, потому что въ такомъ важномъ дѣлѣ всякій человѣкъ, въ *силу естественнаго закона*, имѣетъ право поступать по своему усмотрѣнію... Если государь вздумаетъ принуждать или стѣснять въ этомъ отношеніи своихъ подданныхъ, то подданные имѣютъ полное право сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ, точно также какъ могутъ защищать жизнь свою, имущество и свободу противъ тирана“ [7]).

„Конечно, для *поддержанія спокойствія внутри государства* и *мира извнѣ* необходимы формы вѣры, но въ сущности это не догматы въ точномъ смыслѣ слова, такъ какъ каждый изъ этихъ догматовъ

---

1) Il faut avouer que la plupart des auteurs de la religion réformée qui ont fait en Allemagne des systèmes de la science politique, ont suivi les principes de Buchanan, de Junius Brutus et de leurs semblables. (Leibnitz. Pensées, t. II, p. 113).

2) Слова, сказанныя Кантомъ Карамзину, см. его Путешествіе.

3) Одно изъ главныхъ положеній догматовъ Канта.

4) Разсужденіе швейцарца Виттембаха, бывшаго профессоромъ въ Амстердамѣ, написанное по поводу вопроса, предложеннаго Лейденской Академіей: „Есть-ли разумныя доказательства въ пользу существованія единаго Бога?“ Разсужденіе удостоилось награды, что̀ весьма знаменательно.

5) Виттембахъ, *ibid.* Nihil aliud efficietur, nisi hunc mundum ab unico pendere et effectum esse deo, non illud etiam non posse plures esse deos quorum quisque suum mundum habeat.

6) Исповѣданіе вѣры Англиканской церкви.

7) Barbeyrac, dans ses notes sur *le Traité des droits de la nature et des gens* de Puffendorf, *liv.* VIII, chap. 8, § 5, note 7.

пригоденъ только въ данное время (sui temporis symbolum) и можетъ быть измѣненъ, смотря по обстоятельствамъ" [1]).

И подобное ученіе, графъ, не внушаетъ ни малѣйшаго опасенія! Людямъ, исповѣдующимъ такія правила, оказываютъ полное довѣріе! Ихъ не подозрѣваютъ въ томъ, что они могутъ вмѣшаться въ дѣла государственныя, имъ поручаютъ безъ колебанія воспитаніе юношества, т.-е. главнѣйшую отрасль дѣятельности государства, всю надежду отечества! Ихъ нисколько не опасаются, и само правительство предписываетъ, чтобъ въ заведеніи, имѣющемъ цѣлію приготовленіе профессоровъ, *метафизику преподавали по методу Канта* [2]). Для того, чтобы привлечь учителей, которые заподозрѣны и даже уличены въ томъ, что раздѣляютъ образъ мыслей этой философіи, государство не отступаетъ ни передъ какими жертвами! Оно сыплетъ деньгами, оно выдаетъ большія суммы не только учителямъ этимъ, но даже ихъ женамъ и дѣтямъ, выдаетъ эти суммы не на одни необходимыя потребности, но и на удовольствія! Сомнѣваюсь, чтобы въ исторіи встрѣтился другой примѣръ подобнаго ослѣпленія.

Да не скажутъ намъ, что ученіе это уже отжило свой вѣкъ! Наоборотъ, никогда еще не проявлялось въ немъ такой жизненности и силы. Въ XVI стол. ученіе это было еще въ младенчествѣ, его можно было заставить молчать двумя, тремя страницами изъ катехизиса; теперь оно *возмужало* и не признаетъ болѣе никакой власти. *Ужасная секта, имя которой легіонъ*, теперь въ особенности становится опасною, потому что *у нея много союзниковъ*.

Пріобрѣтайте же и вы, графъ, съ своей стороны *союзниковъ:* они вамъ необходимы для того, чтобы правое дѣло восторжествовало и смѣю утвердить, что напавшая на васъ злая сила не имѣетъ себѣ врага страшнѣйшаго, какъ то именитое общество, которому посвятилъ я эти строки, причемъ я имѣлъ въ виду не столько его выгоды, сколько благо вашего отечества, которое я, по чувствамъ признательности и привязанности, считаю почти своимъ.

Теперь мнѣ остается, графъ, разсказать вамъ подробно о тѣхъ средствахъ, которыя недавно стали пускать въ ходъ нечестивые, коварные люди, съ цѣлью искоренить у васъ систему воспитанія. На нее взираютъ какъ на послѣднюю себѣ помѣху въ отечествѣ вашемъ. Объ этомъ я поговорю въ слѣдующемъ письмѣ, которое и будетъ послѣднимъ.

---

[1]) Меланхтонъ, Epist. selectae a Pencero ed.; Ep. II, ad Lutherum, p. 3, 4; Luthers altenb. Werke, t. VI, p. 1226. Forma concordiae, p. 511, 651.

[2]) См. Уставъ Педагогическаго Института, въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія № 9, § 66).

V.

С.-Петербургъ, 30-го (18-го) Іюля 1810.

Кажется, въ моемъ послѣднемъ письмѣ, я имѣлъ честь представить вамъ довольно вѣрный очеркъ новой секты; противъ очерка этого едва ли можно что-либо возразить, такъ какъ сама она доставила мнѣ противъ себя всѣ данныя. Іезуиты естественные, непримиримые, неутомимые враги этой секты, поэтому неудивительно, что борьба между ними идетъ на смерть. Въ 1773 году сектанты думали, что борьба окончена и уже готовились торжествовать побѣду, но имъ пришлось испытать страшное разочарованіе.

Высокій умъ Екатерины далъ въ Россіи пріютъ знаменитому ордену, изгнанному ослѣпленными католическими правителями. На другой же день послѣ изгнанія, эти самые правители погибли отъ руки тѣхъ, которые указывали на іезуитовъ, какъ на враговъ верховной власти.

Такое ослѣпленіе со стороны правителей казалось бы невозможнымъ, но мы сами, къ несчастью, были тому свидѣтелями.

Такъ какъ іезуиты еще существуютъ въ Россіи и за нихъ вообще стоитъ здравый смыслъ народа, то вы легко представите себѣ, графъ, что секта направила всѣ свои силы именно на эту часть земного шара, гдѣ ей постоянно оказывается противодѣйствіе, однимъ только фактомъ существованія іезуитовъ.

Секта въ равной силѣ обладаетъ и ловкостью и коварствомъ, потому мы считаемъ дѣломъ первой важности прослѣдить за всѣми ея темными ухищреніями.

При Екатеринѣ II-й и при сынѣ ея, она попыталась сдѣлать открытое нападеніе, но безъ всякаго успѣха; тогда она стала дѣйствовать окольными путями. Добрый геній Россіи спасъ ее на этотъ разъ, но если бы предположеніе о взятіи въ казну имѣній, принадлежащихъ духовенству, исполнилось, то вслѣдствіе неизбѣжной реакціи непремѣнно восторжествовало бы злое начало. Тогда они прибѣгнули къ другому средству, которое у нихъ всегда наготовѣ. Если русское правительство съумѣетъ отклонить это второе средство, то оно возвысится надъ всѣми тѣми, которыя доселѣ попали въ западню. Для того, чтобы низвергнуть власть, или чтобы ей повредить, секта всегда пользовалась самою же властью: она запугивала ее, чтобы легче погубить, какъ птицеловъ, который, запугивая птицъ, гонитъ ихъ прямо въ сѣти, тогда какъ имъ слѣдовало бы не пугаться, а покойно оставаться на мѣстѣ.

Такъ какъ прямое предложеніе уничтожить іезуитскій орденъ или закрыть его школы оскорбило бы чувство справедливости въ монархѣ,

къ той же цѣли стали стремиться *окольными путями*. Стали говорить, что *государственный интересъ* (это и есть ловушка) требуетъ единства въ обученіи, и потому предлагаютъ подчинить іезуитовъ Виленскому университету, что̀ равносильно изданію указа объ уничтоженіи ордена. Если бы предложили, наоборотъ, поставить университеты подъ наблюденіе и контроль іезуитовъ, то въ подобномъ предложеніи была бы своя доля справедливости. Эти недавно возникшія заведенія, не успѣвшія еще чѣмъ-либо заявить себя, и извѣстныя развѣ по подозрѣніямъ, которыя они къ себѣ внушаютъ, вполнѣ могли бы быть подчинены обществу, всѣмъ извѣстному, дѣйствовавшему въ продолженіи трехъ столѣтій съ блестящимъ успѣхомъ, и воспитавшему почти всѣхъ великихъ людей Европы.

Но подчинить іезуитовъ университетамъ, это все равно что приказать ребенку, сидящему еще за азбукой, давать уроки краснорѣчія какому-нибудь отличному оратору.

Іезуиты, говорятъ, *намѣрены учредить государство въ государствѣ!* Какая нелѣпость, графъ! А между тѣмъ, софизмомъ этимъ, всегда старымъ и всегда новымъ, хотятъ запугать высшую власть съ тѣмъ, чтобы обмануть и погубить ее.

Но, во-первыхъ, нѣтъ ничего легче, какъ обратить тотъ же аргументъ противъ университетовъ. Они-то именно и хотятъ быть *государствомъ въ государствѣ*, потому что намѣреваются обратить общественное воспитаніе и народное обученіе въ монополію и присвоить ихъ исключительно себѣ.

Но, кромѣ этого, очень вѣскаго довода, къ которому я еще разъ вернусь впослѣдствіи, можно сказать многое въ защиту іезуитовъ.

Если послушать иныхъ людей, то отцы-іезуиты оказываются чѣмъ-то въ родѣ франмасоновъ, совершающихъ при запертыхъ дверяхъ никому невѣдомыя таинства! Но развѣ ихъ школы не открыты для каждаго? развѣ программы преподаванія ихъ не напечатаны? развѣ не только названія руководствъ, употребляемыхъ ими, но даже и самое распредѣленіе часовъ не обнародовано? Развѣ упражненія, въ которыхъ ученики даютъ отчетъ о своихъ занятіяхъ, открыто не предоставляются критикѣ и развѣ каждый не воленъ осмотрѣть эти упражненія и судить о нихъ?

Гдѣ же тутъ *государство въ государствѣ?* Стало быть и полкъ, который никому не хочетъ повиноваться, кромѣ своего полкового командира, тоже государство въ государствѣ? Вѣроятно, полкъ счелъ бы за униженіе и даже за оскорбленіе, еслибъ его подчинили надзору и контролю чужого командира. Но военное ученіе происходитъ открыто на площади, и если что-нибудь не въ порядкѣ, генералы, или даже самъ Императоръ тотчасъ замѣтятъ ошибку и поправятъ ее. Кому

же придетъ въ голову мысль, подъ предлогомъ введенія единства, лишить самоуправленія полкъ, который въ продолженіи трехъсотъ лѣтъ отличался безупречнымъ своимъ поведеніемъ, и подчинить его со всѣми командирами какому-либо капитану городской милиціи, никогда не обнажавшему шпаги. Это было бы и смѣшно, и даже опасно, по могущимъ произойти послѣдствіямъ.

Какъ видите, графъ, ужасное это *государство въ государствѣ* оказывается смѣшнымъ пугаломъ!

Всякому извѣстно, что общество не можетъ существовать безъ крѣпкой внутренней дисциплины. Поставьте регулирующее начало внѣ его, и общество разрушится. Слѣдовательно, іезуиты требуютъ для себя только то, что̀ по праву принадлежитъ всякому дозволенному закономъ обществу.

Кардиналъ Ришелье, любившій іезуитовъ и покровительствовавшій имъ, говоритъ въ своемъ завѣщаніи, что *онъ не знаетъ ничего совершеннѣе устава этого ордена, и что всѣ государи должны вполнѣ изучить его.*

Этого геніальнаго человѣка нельзя однакоже заподозрить въ томъ, чтобъ онъ не понималъ значенія власти, или не зналъ, что̀ такое *государство въ государствѣ*.

Государство въ государствѣ—это государство, скрывающееся отъ правительства, независимое отъ него; іезуиты же, какъ и всякое другое, дозволенное закономъ общество, подчинены власти государя; онъ ихъ можетъ уничтожить единымъ мановеніемъ руки. Даже и въ этомъ случаѣ, графъ, они не перестанутъ молиться за Государя, они не будутъ ни роптать на правительство, ни осуждать его. Такъ поступили они во Франціи, въ Римѣ, въ Парижѣ, гдѣ враги ихъ ожидали совсѣмъ другого; такъ будутъ они поступать и вездѣ.

Кажется, мнѣ удалось не только опровергнуть обвиненіе о *государствѣ въ государствѣ*, но даже указать на смѣшныя стороны этого обвиненія, а это что-нибудь да значитъ. Но у новаторовъ, отличающихся предусмотрительностію, есть еще наготовѣ доводъ; они приберегли его на случай пораженія; вотъ онъ:

Обученіе у іезуитовъ не соотвѣтствуетъ современному состоянію науки: они придерживаются старинныхъ методовъ, которые оказываются неудовлетворительными. Они слишкомъ много занимаются литературой и слишкомъ мало науками.

Стало быть, все дѣло сводится къ вопросу о воспитаніи, но при рѣшеніи вопроса этого, какой государственный человѣкъ не обратится къ урокамъ опыта.

Я представляю себѣ старинныхъ и новыхъ воспитателей въ видѣ двухъ алхимиковъ; одинъ хвалится тѣмъ, что умѣетъ дѣлать серебро,

и дѣйствительно дѣлаетъ его въ глазахъ всей Европы въ продолженіи трехъ столѣтій, такъ что бо̀льшая часть нашей серебряной посуды отъ него ведетъ свое начало. Является другой алхимикъ и объявляетъ, что онъ умѣетъ дѣлать золото, что старинная алхимія уже не удовлетворяетъ потребностямъ времени и потому требуетъ, чтобы прежняго алхимика смѣстили, а лабораторію, посуду и инструменты ему отдали. Отвѣтъ понятенъ: „Коль скоро *вы надѣлаете золота*, то ваше желаніе будетъ немедленно исполнено; покажите сперва осадокъ на днѣ горнила, и тогда мы вамъ уступимъ мѣсто, потому что золото несомнѣнно лучше серебра“. Французы—охотники до великихъ предпріятій; они подверглись именно этому опыту въ 1762 году. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ труда, вмѣсто ожидаемаго золота, *получился* удушливый газъ, заразившій всю Европу. Надѣюсь, въ Россіи дѣло пойдетъ успѣшнѣе, но все-таки, графъ, спѣшить не къ чему: прежде посмотримъ, что̀ въ горнилѣ.

Газеты много разсуждали о томъ, какъ *неудобно* въ городѣ имѣть одинъ только театръ, и какъ необходимо завести ихъ нѣсколько для поддержанія между артистами соревнованія, весьма полезнаго для общественнаго удовольствія. Если въ другихъ странахъ употребляютъ такой способъ для поддержанія и усовершенствованія драматическаго искусства, то будемъ надѣяться, что правительство по мудрости своей прибѣгнетъ къ тому же средству для усовершенствованія первѣйшаго—искусства воспитывать человѣка.

Графъ, всякая монополія есть зло, и общество такъ сознаетъ это, что самое слово получило оскорбительный смыслъ. Когда же государство даетъ какое нибудь исключительное право, которое въ сущности равняется *позволенію причинять вредъ другимъ за возвышенную плату*, то этимъ самымъ оно добровольно устанавливаетъ монополію. Ваше правительство отличается благоразуміемъ; къ чему же ему подвергаться такому риску и въ такомъ важномъ дѣлѣ? Когда іезуиты явились во Францію, парижскій университетъ по зависти, присущей всѣмъ людямъ вообще, изо всѣхъ силъ сталъ имъ противодѣйствовать. Но правительство не послушалось университета и не подчинило ему іезуитовъ, что было бы съ его стороны величайшимъ промахомъ. Оба учрежденія были вполнѣ другъ отъ друга независимы; правительство открыто покровительствовало и тому и другому, и такимъ образомъ получилось вмѣсто одного плохого учрежденія два превосходныхъ.

То же самое слѣдуетъ сдѣлать и въ Россіи, и правительству тѣмъ легче рѣшиться на это, что обѣ системы, по крайней мѣрѣ съ внѣшней стороны, не представляютъ значительныхъ различій. Новые наставники не говорятъ, что нужно пренебречь Закономъ Божіимъ, нравственной философіей, древними языками и литературой. Іезуиты,

съ своей стороны, не отрицаютъ пользы химіи, естественной исторіи, ботаники и прочаго.

Обѣ партіи не согласны только насчетъ способа сочетанія всѣхъ этихъ познаній, насчетъ ихъ относительной важности, а также и относительно выбора времени для ихъ преподаванія. Отъ совмѣстнаго дѣйствія и соревнованія обѣихъ системъ государство въ проигрышѣ быть не можетъ. Пусть только оно остается спокойнымъ зрителемъ.

Но будьте осторожны, графъ, мудрое управленіе ваше можетъ въ настоящемъ случаѣ принести величайшую пользу отечеству. Борьба изъ-за мнѣній между корпораціями весьма похожа на поединокъ между частными лицами. Насъ удивляетъ, что два человѣка приходятъ въ ярость и стремятся лишить другъ друга жизни *изъ-за какого нибудь слова*. Но дѣло вышло не изъ-за слова: причиной тутъ глубокая ненависть, нѣчто такое, о чемъ не говорятъ.

Повѣрьте, графъ, что и іезуиты и ярые ихъ противники враждуютъ не изъ-за химіи или ботаники. Іезуиты ничего не имѣютъ противъ этихъ наукъ, противникамъ ихъ въ сущности тоже мало до нихъ дѣла, настоящая причина вражды гораздо серьёзнѣе и о ней умалчиваютъ. Церковь и государство должны быть на сторожѣ! Не мало свѣдущихъ людей уже предостерегало ихъ отъ грозящей опасности.

Было бы вполнѣ благоразумнымъ отдать іезуитамъ академію въ Полоцкѣ, точно также какъ была у нихъ прежде академія въ Вильнѣ, предоставивъ ей тѣ права, какими пользуются университеты и въ особенности виленскій. Подобная мѣра равнялась бы почти государственному перевороту. Оба учрежденія существовали бы одно возлѣ другого, и если-бы даже соревнованіе между ними дошло до вражды, то государство отъ этого вовсе бы не пострадало; напротивъ, это было бы весьма для него выгодно, потому-то правительству нѣтъ причины отказываться отъ опыта, обѣщающаго многое и не требующаго никакихъ затратъ. На послѣднее обстоятельство слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

Но въ ожиданіи этого времени вы можете оказать величайшую услугу вашему отечеству, уговоривъ Его Величество объявить наконецъ іезуитовъ независимыми отъ виленскаго университета, какъ того требуетъ и справедливость и политическій разсчетъ; а до тѣхъ поръ у іезуитовъ руки не развязаны и спокойными они быть не могутъ. Государь можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что въ данномъ случаѣ свобода не повлечетъ за собою никакихъ дурныхъ послѣдствій. Онъ можетъ въ самомъ непродолжительномъ времени составить собственное сужденіе, и сужденіе это будетъ безошибочно, такъ какъ въ данномъ случаѣ имъ руководить будетъ единственный неошибающійся въ мірѣ семъ совѣтникъ, а именно *родительская любовь*.

Пусть обѣ системы свободно развиваются одна возлѣ другой. Въ скоромъ времени Государь увидитъ, въ какую сторону будетъ склоняться предпочтеніе отцовъ семейства, и истина предстанетъ передъ нимъ во всей своей ясности, точно будто самъ Господь ее повѣдалъ. Не знаю, можно ли въ такомъ дѣлѣ обмануть хоть *одного отца*, а навѣрное могу сказать, что *многихъ* обмануть невозможно. Всякій отецъ, какъ бы плохъ онъ ни былъ самъ, всегда старается найти самаго лучшаго учителя для своего сына. Однажды одинъ изъ друзей Дидро засталъ его читающимъ Евангеліе съ своей дочерью, и когда другъ выразилъ свое удивленіе, Дидро отвѣтилъ: *«Развѣ можно найти лучшее для нея чтеніе?»*

Будемъ надѣяться, что отличному министру, предъ которымъ я высказываю свои мысли, суждено вполнѣ разсѣять мракъ, затмѣвающій самыя яркія и самыя основныя истины! Какое зрѣлище, графъ! Съ одной стороны степенные, ученые монахи, въ продолженіи сорока лѣтъ, и въ виду цѣлой Россіи, словомъ и примѣромъ поучающіе людей добру; постоянно помнящіе объ обязанностяхъ относительно государства; не забывающіе никогда данной ими Россіи присяги; ставящіе русскій языкъ выше всякаго другого; почитающіе его наравнѣ съ латинскимъ основаніемъ своего преподаванія. А съ другой стороны польская академія, въ упоеніи своего родного языка (что, впрочемъ, понятно и если хотите отчасти разумно) нападающая на іезуитовъ за ихъ привязанность къ старымъ обычаямъ, и желающая замѣнить ненравящуюся ей грамматику своею собственною.

Въ *такихъ-то обстоятельствахъ*, русское правительство колеблется въ выборѣ между обоими учрежденіями и даже склоняется на сторону польской академіи! Что-же это за колдовство? Какой непостижимый фатализмъ заставляетъ правительства предпочитать именно то, въ чемъ заключается ихъ погибель, а ненавидѣть то, что можетъ спасти ихъ.

Графъ, задача моя окончена: я изложилъ свои мысли объ общественномъ воспитаніи въ Россіи, къ которой привязанъ тѣснѣйшими узами любви и признательности. Только этимъ могу выплатить ей сердечный долгъ свой. Утверждаю, что писалъ только то, что подсказывала мнѣ совѣсть. Я счастливъ, графъ, что могу представить вамъ свои размышленія какъ доказательство искренняго довѣрія къ вашему характеру, который я глубоко уважаю.

Графъ Іосифъ де-Местръ.

VII.

Письма Павла Ивановича Голенищева-Кутузова къ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина)

1.

По особенной матеріи обязанъ я и особое къ в. с. писать письмо, къ коему подалъ матерію прилагаемый здѣсь журналъ самый безтолковый, который пропущенъ безтолковыми нашими цензорами, но который я велѣлъ остановить и листъ перепечатать. Судите сами, в. с., возможно ли было его пропустить въ такомъ видѣ, какъ онъ уже былъ пропущенъ. Извольте прочитать страницы мною загнутыя. На 5-й страницѣ сатира на Петербургскую дороговизну и сатира толь дерзкая, что сказано: *«Петербургскіе жители едва могутъ вѣрить, что на свѣтѣ есть чистыя деньги»*. А на 45-й страницѣ еще горше того эпиграммы на Имянной Указъ, коимъ предписано учиться *Римскому праву*. Можно ли это было пропустить, и хорошо ли я сдѣлалъ, что эту дрянь остановилъ? Но вотъ, в. с., въ какое я поставленъ странное положеніе. Ежели бы это было пропущено, то враги мои радовались бы случаю говорить и уязвлять меня тѣмъ, что подъ моимъ начальствомъ пропущено дерзкое твореніе и простерли бы злобу до того, что мнѣ бы всю вину приписывали; а теперь, остановя это, я подвергаюсь другаго рода непріятностямъ. Дерзкій авторъ князь Шаликовъ кричитъ, злобится, вопіетъ. Онъ имѣетъ протекторовъ, коими всегда руководствуемъ былъ и наставляемъ, здѣсь въ Москвѣ г. Карамзинъ, а въ Петербургѣ закадычный его другъ Иванъ Ивановичъ Димитріевъ. А потому будьте увѣрены, в. с., что за сіе остановленіе дерзкаго умствованія дойдутъ на меня жалобы въ Петербургъ, и многіе за сіе вновь на меня возстанутъ, такъ какъ возстали бы, ежели бы я сіе пропустилъ; почему прошу в. с. оградить меня отъ стрѣлъ лукаваго, ищущаго всячески меня поражать, и успокоить меня одобреніемъ вашимъ сего моего осторожнаго поступка.

Но долженъ при семъ случаѣ сообщить в. с. мое размышленіе: къ таковымъ неосторожнымъ пропущеніямъ подало и впредь подавать будетъ поводъ злоупотребленіе § 180 нашего устава, гдѣ сказано сими словами: *лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры*, то судите, в. с., можно ли отвѣчать за таковое число лекторовъ, изъ коихъ нѣкоторые читаютъ такъ, что глаза ничего не видятъ

и всякую дрянь пропускають, будучи разными парами омрачены. А по сему одно надежное средство во избѣжаніе отвѣта предложить осмѣливаюсь: 1-е, нужно, чтобы число лекторовъ было ограничено, и не болѣе ихъ было какъ 4 человѣка; 2-е, чтобы сіи 4 человѣка ни отъ кого не выбираемы были и ни отъ кого не зависѣли какъ отъ попечителя. Буде сіе, в. с., сдѣлать изволите въ отмѣну 180-го §, то я, выбравъ людей вѣрныхъ и надежныхъ, буду отвѣчать за нихъ и за себя, что предаю благоусмотрѣнію в. с.

За нужное почитаю сообщить в. с. копію съ письма г. ректора [1]), позволя себѣ нѣкоторыя размышленія. Г. Буле [2]) уже поѣхалъ въ Тверь, можетъ статься онъ будетъ о многомъ вопрошаемъ, коли не будетъ лгать, то кромѣ добра о мнѣ сказать нечего. Но вотъ замѣчаніе: г. Буле, будучи употребляемъ Ея Императорскимъ Высочествомъ [3]) для ея библіотеки и для другихъ коммисій, въ теченіи сего года весьма мало давалъ лекцій; теперь, будучи вытребованъ можетъ быть и надолго, опять курсъ свой прерываетъ; то лучше бы кажется было, ежели-бы его взяли отъ насъ и мы бы тогда могли дать его мѣсто другому достойному человѣку, который бы могъ быть при университетѣ безотлученъ и не занятъ другими порученіями, толь часто его отъ должности отторгающими.

Іюня 2-го дня, 1810 Москва.

P. S. Замѣчательно для меня, что е. с. князь Иванъ Алексѣевичъ Гагаринъ [4]) объ отправленіи г. Буле не ко мнѣ, а къ ректору отнестись изволилъ; также и то, что въ «Сѣверной Почтѣ» объ опредѣленіяхъ къ должностямъ печатаютъ, а о моемъ попечительствѣ не напечатали. Это кажется важнѣе, нежели пожалованіе 4-й степени Владиміра, о коемъ всегда печатаютъ.

2.

Я никакъ не чаялъ, что, писавъ довольно по сей почтѣ къ в. с., найдусь въ необходимости еще васъ чтеніемъ сего письма утруждать; но вотъ что подаетъ къ оному поводъ: 1-е. Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, въ бытность его здѣсь, мнѣ говорилъ, а потомъ изъ Петербурга писалъ ко мнѣ о желаніи его быть экзекуторомъ въ 6-мъ

---

[1]) Ректоромъ въ то время былъ Иванъ Андреевичъ Геймъ, ординарный профессоръ исторіи, статистики и географіи; онъ былъ 12 лѣтъ ректоромъ, † 1821.

[2]) І. Ѳ. Буле, орд. проф. Естественнаго права и изящныхъ искусствъ.

[3]) В. Кн. Екатериною Павловною.

[4]) Князь И. А. Гагаринъ, шталмейстеръ, состоялъ при В. К. Екатеринѣ Павловнѣ.

департаментѣ Сената, прося меня, чтобы я о томъ говорилъ графу Мамонову, яко оберъ-прокурору, увѣряя меня при томъ, что сіе в. с. угодно. Я поспѣшилъ сіе исполнить, и почитаю дѣло почти сдѣланнымъ, о чемъ къ в. с. и графъ Мамоновъ на сей же почтѣ писалъ, да и къ министру юстиціи сдѣлалъ о томъ отношеніе; а потому и нехудо бы было, ежели бы в. с. г. министру слово о семъ замолвили. Я искренно радъ буду, ежели сдѣлалъ вамъ угодное, ибо сіе есть и будетъ всегда стремленіемъ моего сердца и цѣлію моихъ поступковъ. 2-е. Г. статскій совѣтникъ и профессоръ Суворовъ [1]), о коемъ прилагаю у сего записку, желаетъ служить въ университетѣ. Не стану о немъ распространяться, а скажу только в. с., что онъ человѣкъ рѣдкій, и что у насъ въ университетѣ ни изъ русскихъ, ни изъ иностранныхъ ему равнаго нѣтъ, какъ по учености, такъ и по моральному характеру, и Николай Семеновичъ (?), который будетъ о немъ вашему сіятельству говорить, и князь Григорій Алексѣевичъ [2]) сіе засвидѣтельствуютъ. Я не смѣлъ формально о семъ вамъ сдѣлать представленія, какъ потому, что хотѣлъ прежде вѣдать волю в. с., такъ и потому, что г. Суворовъ въ отставкѣ съ пенсіею, почему и ходъ его опредѣленія долженъ быть особый, а скажу только мое мнѣніе, что по недостатку русскихъ профессоровъ, вамъ извѣстному, онъ человѣкъ намъ нужный [3]), а подробнѣе объяснитъ вамъ о немъ Николай Семеновичъ, очень коротко его знающій. На все сіе ожидаю вашего милостиваго разрѣшенія.

Москва. 2 іюня 1810 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Милостивый Государь!

При семъ имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству копію съ представленія правленія къ его сіятельству относительно до типографіи; а при томъ донести вамъ, что вчера въ десятомъ часу получилъ эстафетою письмо изъ Твери отъ е. с. князя Гагарина, въ которомъ онъ ко мнѣ пишетъ, что Е. И. В. Великая Княгиня, имѣя соизволеніе Е. И. В. Государя Императора, приказала ему отнестись ко мнѣ о снабженіи отпускомъ г. профессора Буле, для пріѣзда его на время въ Тверь, и вслѣдствіе сего послалъ г. Артемьева къ г.

---

[1]) Прохоръ Игнатьевичъ Суворовъ, ординарный профессоръ высшей математики, † 1815.

[2]) Долгоруковъ.

[3]) Профессоръ Суворовъ, Высочайшимъ указомъ отъ 2-го іюля 1810 г., принятъ на службу въ университетъ.

военному губернатору, дабы выпросилъ для г. Буле, который хочетъ сего дня въ 10-мъ часу отправиться, подорожную. Обезображенную Аглаю остановилъ и, сверхъ того, просилъ г. Сущева съѣздить къ г. Шишкову и отъ него требовать обратно взятыхъ имъ экземпляровъ и объявить ему, что въ случаѣ, что онъ ихъ не возвратитъ, университетъ относится къ главнокомандующему. Благоволите и пр.

Иванъ Геймъ.
Іюня 1-го 1810.

3.

Два наши процесса, извѣстные в. с., то есть Панкевича [1]) съ Страховымъ [2]) и Чеботаревымъ [3]) и Рейса [4]) съ Ришаромъ, еще не прекратились, да думаю, и еще нѣсколько ихъ возникнетъ, ежели синдикомъ останется Горюшкинъ [5]), о коемъ въ мнѣніи моемъ я очень согласенъ съ тѣмъ, что в. с. о немъ мнѣ писать изволили. Это самое заставило меня думать какъ бы добрымъ образомъ отъ г. Горюшкина избавиться. Онъ самъ собою никогда просьбы въ отставку не подастъ, и мы этого не дождемся; но онъ болѣе 20-ти лѣтъ служитъ, то ничего не потеряетъ, ибо съ пенсіей получить можетъ отставку. На его же мѣсто просится человѣкъ предостойный, и отчасти в. с. извѣстный его безкорыстіемъ: нашъ оберъ-секретарь статскій совѣтникъ Сандуновъ [6]). Онъ учился и студентомъ былъ въ университетѣ; юриспруденцію такъ знаетъ, какъ мало есть людей ее знающихъ. Онъ у насъ первый оберъ-секретарь и дѣятельностію, и способностями, и безкорыстіемъ. Я, 6 лѣтъ будучи съ нимъ въ одномъ департаментѣ, могу сіе засвидѣтельствовать. Онъ берется и лекціи Горюшкина практическаго законоискуства читать и синдикомъ быть и обѣщается не только сіи процессы прекратить, но всѣ мѣры и силы употребить, чтобы оныхъ впредь не возникало; и я увѣренъ, что онъ сдержитъ слово, ибо онъ человѣкъ умный, острый, въ обращеніи пріятный и веселый. Наши

[1]) Михаилъ Ивановичъ Панкевичъ, ординарный профессоръ прикладной математики, † 1815.

[2]) Петръ Ивановичъ Страховъ, ординарный профессоръ опытной физики, ректоръ съ 1805—1807, † 1813.

[3]) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ, ординарный профессоръ исторіи, нравоученія и краснорѣчія, былъ ректоромъ, † 1815.

[4]) Ферд. Фридрихъ Рейсъ, заслуженный профессоръ химіи, † 1852.

[5]) Захарій Аникеевичъ Горюшкинъ, ординарный профессоръ россійскаго практическаго законоискусства; съ 1808 г. былъ синдикомъ; въ 1811 г. уволенъ; † 1821 г. Не знаемъ, какіе были процессы, о которыхъ говоритъ Кутузовъ,—въ исторіи Моск. Университета профессора Шевырева о нихъ не упоминается.

[6]) Николай Николаевичъ Сандуновъ—ординарный профессоръ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства; онъ въ 1811 г. занялъ мѣсто Горюшкина, † 1832.

русскіе профессоры всѣ его любятъ, ибо онъ былъ ихъ товарищъ, съ нѣмцами онъ скоро сдружится, ибо имѣетъ къ тому всѣ способности, три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій — знаетъ совершенно. Чего намъ лучше этого человѣка, и можно ли Горюшкина съ нимъ сравнить для всякой должности? Повѣрьте в. с., что онъ намъ есть полезное пріобрѣтеніе, и дѣла правленія совсѣмъ иной ходъ и теченіе при немъ возьмутъ. Онъ просилъ меня, чтобы я узналъ волю и наклонность в. с. Я, сообразя всѣ описанныя обстоятельства, подумалъ, что на совѣсти будетъ упрекъ, коли не донесу о семъ вамъ: а когда будетъ ваше соизволеніе, то г. Сандуновъ будетъ имѣть честь писать просительное письмо къ в. с. Сенатъ же онъ рѣшается совсѣмъ оставить, и все время, всѣ силы и способности посвятить на служеніе университета, яко его питомецъ.

Москва. Іюня 6 дня, 1810.

P. S. Формальное свѣдѣніе и указъ въ здѣшній Сенатъ о моей новой должности нуженъ необходимо и потому что я тогда, подобно другимъ Сенаторамъ, особыя должности имѣющимъ, могу записывать въ журналъ, что я по такимъ-то днямъ не присутствую по особо-порученнымъ дѣламъ; а тогда мнѣ и времени болѣе на все достанетъ, да и уже вѣрно знать буду, что я въ этомъ департаментѣ остаюсь, а не въ другой переведенъ буду.

4.

Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ на сегодняшней почтѣ, въ отвѣтъ на предписанія в. с. посланныхъ, за нужное почитаю в. с. донести, что о возложеніи на меня званія попечителя по сіе время еще не получено формальнаго свѣдѣнія или Указа въ здѣшній Сенатъ, что̀ для всѣхъ тѣмъ удивительнѣе, что многіе указы, по числамъ гораздо послѣ состоявшіеся, давно въ Сенатѣ получены. Сверхъ сего доношу, что когда я спрашивалъ у кассира о суммѣ отпускаемой на канцелярію попечителя, то онъ мнѣ объявилъ, что оная принята г. Кочановскимъ [1]), который ко мнѣ не является, и ни о деньгахъ, ни о дѣлахъ никакого свѣдѣнія не доставляетъ, то и прошу в. с. предписать ему и о томъ и о другомъ, ежели за благо разсудите. Предписаніе в. с. съ адъюнктомъ Смирновымъ [1]), имѣлъ я честь получить

[1]) Михаилъ Трофимовичъ Каченовскій, академикъ, заслуженный профессоръ археологіи, русской и всеобщей исторіи и статистики, исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій, † 1842.

[2]) Семенъ Алексѣевичъ Смирновъ, экстраординарний профессоръ россійскаго законовѣдѣнія. Онъ вышелъ въ отставку въ 1834 г.

и по оному непремѣнно исполню. Картина также получена и я ее препроводилъ въ совѣтъ при предложеніи. Не благоугодно ли будетъ в. с. спросить у г. министра юстиціи, почему по сіе время обо мнѣ нѣтъ въ здѣшній Сенатъ указа, я думаю, что отвѣчать ему будетъ весьма трудно, а взыскать на другихъ сіе замедленіе онъ долженъ строго и изслѣдовать, какія тому причины.

За нужное еще почитаю донести в. с., что г. профессоръ Гофманъ [1]) приходилъ ко мнѣ и сообщилъ слухи, кои онъ утверждаетъ быть достовѣрными, а потому долженствующими быть вамъ сообщенными. Онъ слышалъ: 1-е, что ботаническій садъ отойдетъ отъ насъ подъ вѣдѣніе медицинской конторы и что объ этомъ хлопочетъ и интригуетъ г. Всеволожскій [2]), бывшій медико-хирургической академіи вице-президентомъ; 2-е, что онъ, г. Всеволожскій, будетъ президентомъ медицинской конторы. О всемъ томъ просилъ онъ, г. Гофманъ, чтобы я в. с. донесъ непремѣнно, что́ исполняя чрезъ сіе, не могу не сообщить мысль мою в. с., что ежели то истинно, что медицинская контора будетъ подъ вѣдѣніемъ министерства народнаго просвѣщенія, то весьма бы кажется прилично президентомъ здѣшней медицинской конторы быть никому иному, какъ попечителю Московскаго университета, и я бы охотно сіе званіе на себя принялъ. Вамъ извѣстно, что меня на сіе достанетъ и что свѣдѣніе латинскаго языка, понятія о химіи, ботаникѣ и медицинѣ не менѣе г. Всеволожскаго дѣлаютъ меня къ сему званію способнымъ.

Москва. 6 Іюня 1810.

5.

За нужное почитаю в. с. донести: 1-е, что свѣдѣніе о возложеніи на меня попечительства получено въ Сенатѣ, по отправленіи предъидущей почты, на коей я о неполученіи онаго имѣлъ честь къ в. с. писать; 2-е, дѣло г. Панкевича окончить я надежду всю имѣю и думаю, что въ непродолжительномъ времени сдѣлаю в. с. о томъ донесеніе; 3-е, къ миролюбивому окончанію дѣла г. Рейса съ Ришаромъ нѣтъ еще надежды, а упорство болѣе со стороны Ришара, коего я и вчера призывалъ и въ коемъ замѣчаю, кромѣ корыстолюбія, какое-то ябедническое направленіе, кѣмъ-то подстрекаемое и поддерживаемое. А дѣло такъ непорядочно ведено въ правленіи, что стыдно его въ Сенатъ выпустить; 4-е, вошло ко мнѣ представленіе о крайне стѣсненномъ положеніи нашей типографіи, которую я самъ осматривалъ, о чемъ на сихъ дняхъ буду имѣть честь в. с. представить, яко о

[1]) Георгъ-Францъ Гофманъ, ординарный профессоръ ботаники, † 1826.

[2]) Всеволодъ Андреевичъ?

крайне нужномъ и отсрочки не терпящемъ дѣлѣ; 5-е, о гимназіи также буду имѣть честь вамъ представить.

Въ заключеніе прошу в. с., дабы я не могъ ошибиться, дать мнѣ ваше наставленіе, какъ поступить съ профессорами Баузе [1]) и Барсукомъ-Моисеевымъ [2]), коихъ несчастное положеніе вамъ извѣстно, и о коихъ г. ректоръ мнѣ уже неоднократно говоритъ, что нужно намъ отъ нихъ избавиться, ибо жалованье берутъ даромъ, а притомъ и всякія исторіи бываютъ, отъ нихъ же не дождемся, чтобы сами просьбы подали, почему и прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость сообщить на сіе вашъ образъ мыслей.

Москва. Іюня 9 дня, 1810.

6.

Хотя рекомендаціи О. А. [1]) о семъ письмоподателѣ толь полновѣсны, что онъ въ иной и нужды не имѣетъ, но я, бывши съ нимъ связанъ тѣснѣйшею его ко мнѣ прикосновенностію и ежедневнымъ обращеніемъ въ упражненіяхъ полезныхъ, обязанностію поставляю и съ моей стороны поручить его въ вашу милость и покровительство, яко человѣка мнѣ любезнаго и достойнаго. Я увѣренъ, что онъ оправдаетъ доброе наше о немъ мнѣніе.

О себѣ доношу, что чѣмъ болѣе вхожу въ подробности дѣлъ университетскихъ, тѣмъ болѣе вижу, что мое присутствіе здѣсь необходимо; но кромѣ сихъ наружныхъ по службѣ причинъ осмѣлюсь в. с. упомянуть и о внутреннихъ, отчасти всѣмъ извѣстныхъ. Жаль разстаться съ добрымъ кружкомъ, мнѣ ввѣреннымъ, собирающимся въ убогое гнѣздо, которое отъ моего отсутствія разорится и разсѣется; и тѣмъ болѣе жаль, что изъ сего кружка нѣсколько подобныхъ сему письмоводителю молодыхъ добрыхъ людей образовалось да и впредь при помощи Божіей и руководствѣ добрыхъ людей, толь же благословенныхъ плодовъ и ожидать можно. Простите мнѣ, в. с., что я столь откровенно писать къ вамъ осмѣлился; сіе происходитъ отъ удостовѣренія, что премудрость вамъ любезна и пути ея свѣдомы,— я пишу не къ министру, а къ человѣку просвѣщенному лучами небесной истины, сердца его коснувшейся.

Молю ежедневно милосердаго Спасителя нашего, да милосердіе

---

[1]) Θедоръ Григорьевичъ Баузе, ординарный профессоръ римскаго права. Ректоръ въ 1808 г. Вышелъ въ отставку въ 1811 г., † 1812.

[2]) Θома Ивановичъ Барсукъ-Моисеевъ или Мойза, экстраординарный профессоръ физіологіи и діэтетики, † 1811 г.

[3]) Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

Его и благость пребудутъ съ вами неразлучны и да чрезъ Его сильной десницы благословеніе вся вамъ во-благая споспѣшествуетъ.

Москва. 12 Іюня, 1810.

7.

Въ дополненіе къ довольно пространному моему письму, нахожусь въ необходимости еще по двумъ дѣламъ утруждать в. с. прочтеніемъ сего коротенькаго начертанія. 1-е, Приступаетъ ко мнѣ графъ Михайло Васильевичъ Гудовичъ [1]), о помѣщеніи въ число ординарныхъ профессоровъ доктора его Шмица, коего онъ ко мнѣ и присылалъ, и который объявилъ, что подалъ в. с. о себѣ какой-то *mémoire*. Я принялъ его весьма учтиво, сказалъ, что по самому сему я, не отнесясь къ вамъ, ничего рѣшительнаго ему сказать не могу. Графу же Михайлу Васильевичу сказалъ я, что, предположивъ ничего безъ вашей воли не дѣлать, я буду къ вамъ писать, чтó исполняя, присовокупить осмѣливаюсь мое размышленіе, что принятіе иностранца со стороны заграждаетъ путь нашимъ собственнымъ весьма достойнымъ людямъ, а какъ г. Шмицъ предлагаетъ служить безъ жалованья, то и можно ему, кажется, дать титулъ ординарнаго профессора, не производя жалованья. На чтó вашего мнѣнія и приказанія ожидаю и прошу устроить такъ, чтобы не подпалъ я подъ опасный гнѣвъ графа Михайлы Васильевича, могущаго возмнить, якобы отъ меня желанію г-на Шмица какія-либо полагаются преграды. 2-е. Касательно г. ст. сов. Суворова, о коемъ я писалъ къ в. с. и въ коемъ Николай Семеновичъ пріемлетъ участіе, то за нужное почитаю донести, что вакантная каѳедра ординарнаго профессора чистой математики у насъ для него есть; а для сокращенія путей и формы и для сохраненія ему пенсіи нужно, чтобы онъ опредѣленъ былъ имяннымъ указомъ чрезъ васъ, яко чрезъ министра объявленнымъ. 3-е. Изволили писать в. с. о Смирновѣ, чтобъ его произвести въ адъюнкты; я о семъ предложилъ; но встрѣтились нѣкоторыя затрудненія, о коихъ буду имѣть честь вамъ сдѣлать мое формальное представленіе.

Москва. Іюня 13 дня, 1810.

8.

Милостивыхъ и благодѣтельныхъ выраженій преисполненное письмо в. с. отъ 7-го числа, я имѣлъ счастіе, къ сердечному моему обрадованію, получить и приношу за оное безпредѣльную сердечную благо-

[1]) Графъ М. В. Гудовичъ, младшій братъ ген.-фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича, бывшаго главнокомандующимъ въ Москвѣ, отъ 1809 — 1812 г.; см. о нихъ томъ I.

дарность. Какъ возможно мнѣ при безчисленныхъ вашихъ занятіяхъ требовать на всѣ мои письма скорыхъ отвѣтовъ? Но простите мнѣ, м. г. ежели я васъ обременяю бумагами и частыми и пространными. Припишите сіе: 1-е, тому, что я горю усердіемъ ко благу службы и ввѣреннаго мнѣ мѣста, 2-е, что искреннѣйшая благодарность и сдѣланныя правила, не попуская меня самовластно дѣйствовать и тамъ, гдѣ бы я могъ самъ собою рѣшиться, бережливость и осторожность, чтобы не подать вамъ и тѣни сомнѣнія о моемъ будто бы неискреннемъ образѣ дѣйствованія, все сіе вкупѣ заставляетъ меня о всемъ васъ спрашивать, на все требовать вашего согласія и тамъ, гдѣ бы я иногда и самъ могъ рѣшиться. Вотъ отчего моя переписка съ вами толь пространна бываетъ, а мнѣ лишь нужно только знать то, о чемъ я паче всего забочусь, то есть, сообразно-ли вашимъ мыслямъ я дѣйствую и довольны-ли вы мною?

Даруй Боже вамъ постоянное тѣлесное здоровіе и силы къ понесенію бремени, на васъ возложеннаго, съ помощію Божіею, несомнѣнно я увѣренъ, что ваши благонамѣренные виды всѣ Его благословеніемъ увѣнчаны будутъ. Искренно увѣренъ я въ вашей ко мнѣ милости, доброжелательствѣ и стремленіи мнѣ благотворить и столько на то имѣю опытовъ, что мнѣ остается токмо благодарить Бога и умолять Его милосердіе, да оно пребудетъ съ вами неотлучно во всѣхъ путяхъ вашихъ и Ангелъ Его сильный, предшествуя вамъ, да отклоняетъ всѣ препятствія и преткновенія, могущія вамъ на благомъ пути вашемъ встрѣтиться. Касательно же пребыванія моего здѣсь, предаваясь въ томъ полной вашей волѣ, одинъ токмо прозорливому вниманію вашему пріемлю смѣлость сдѣлать вопросъ: чтó полезнѣе для блага службы: то ли, что я одинъ разъ въ мѣсяцъ буду присутствовать въ училищномъ правленіи и трактовать о дѣлахъ могущихъ и безъ меня рѣшиться, или то, что съ неутомимою дѣятельностію буду здѣсь имѣть надзоръ и работать въ пользу и подкрѣпленіе ввѣреннаго мнѣ округа? Сего кажется довольно и одно другого лучше. Еще тысячу разъ благодарю в. с., за успокоительныя обнадеживанія кои именно суть цѣлительный бальзамъ для ранъ сердцу моему, нуждами и стѣсненіемъ нанесенныхъ. Благо мнѣ что я, бѣдный, уязвленный Іерихонскій странникъ, нашелъ въ васъ благотворнаго Самарянина, снисходящаго проливать елей утѣшенія во встревоженную многими скорбями мою душу.

Въ дополненіе къ оффиціальнымъ бумагамъ, на сей же почтѣ посылаемымъ, доношу в. с., что по каждой бумагѣ вашей на другой же день даваемы бываютъ отъ меня предложенія и каждая почта очищается отвѣтами къ вамъ на оныя. Касательно-жъ г. Каченовскаго скажу, что онъ не разсудилъ за-благо со мною и по

сіе время видѣться, да какъ слышу и почитаетъ сіе для него ненужнымъ, а о газетирствѣ (sic) мнѣ говорилъ г. Геймъ, а не онъ, Каченовскій. О желаемомъ же вами человѣкѣ для обработыванія бумагъ, подумавши и посовѣтовавшись съ добрыми людьми, буду заботиться и донесу неумедля в. с. Одинъ уже къ вамъ отправленъ, мое такъ сказать дитя, то-есть Курбатовъ [1]), но по множеству дѣлъ думаю одного вамъ не достаточно. Между тѣмъ, пока мы здѣсь придумаемъ, кого вамъ представить, осмѣливаюсь дать вамъ совѣтъ послать за тѣмъ же самымъ Кудрявцевымъ и поручить ему, что вамъ угодно, онъ хотя и не въ вашей командѣ, но услужить вамъ не отречется, какъ по усердію его къ общему благу, такъ и по тому что ему натвержено, чтобы онъ въ сердцѣ своемъ питалъ къ в. с. безпредѣльную преданность и почтеніе. Я, желая вамъ угодить и ускорить вашему преднамѣренію, на сей же почтѣ писалъ къ нему, чтобы онъ къ вамъ при первомъ востребованіи немедленно явился и принялъ бы на себя обработать всѣ ваши порученія. Онъ же, можетъ быть, вамъ и человѣка добраго представитъ. Я, взявъ его изъ студентовъ тому 12 лѣтъ, былъ по благости Божіей орудіемъ его наружнаго и внутренняго благоденствія, то и имѣю право приказать ему такъ, что онъ исполнить долженъ, и смѣю увѣрить в. с., что единая развѣ болѣзнь, а впрочемъ ничто не воспретитъ ему употребить себя на услуги ваши.

Вотъ нечувствительно письмо мое сдѣлалось довольно пространно, но и не могло быть нетаковымъ, ибо я, отвѣтствуя на каждый пунктъ вашего милостиваго ко мнѣ письма, долженъ былъ писать, слѣдуя по порядку матеріи онаго.

Іюня 13 дня, 1810. Москва.

P. S. Сейчасъ до моего свѣдѣнія и самымъ вѣрнымъ образомъ дошло, что г. Буле въ бытность въ Твери подалъ пребольшой прожектъ и штатъ, какъ бы въ 3-хъ губерніяхъ, подвѣдомственныхъ Принцу Голштейнъ-Ольденбургскому [2]), сдѣлать новую организацію, такъ чтобы сіи губерніи по училищной части не зависѣли совсѣмъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, а чтобы имѣли особаго попечителя, въ какое званіе онъ себя назначаетъ и полагаетъ себѣ жалованья 15,000 р. въ годъ. Оклады всѣмъ вообще пребольшіе, выписка профессоровъ новыхъ и заведеніе большихъ училищъ, штатъ преогромный, но преудивительный. Ко мнѣ пишетъ тотъ, кто его чи-

---

[1]) Петръ Александровичъ Курбатовъ, женатъ былъ на Прасковьѣ Алексѣевнѣ Перовской, воспитанницѣ гр. Алексѣя Кириловича.

[2]) Принцъ Петръ-Фридрихъ-Георгій Ольденбургскій, первый супругъ Великой Княгини Екатерины Павловны, † 1812 г.

талъ. Что изъ сего выйдетъ, я не знаю, но за должность почелъ в. с. о семъ донести.

9.

Въ ожиданіи дѣлаемыхъ совѣтомъ соображеній о перемѣщеніи студентовъ медико-хирургической академіи, за необходимо нужное почелъ я сдѣлать в. с. формальное по сему предмету здѣсь прилагаемое представленіе, коимъ ускорить просилъ меня г. ректоръ, сообща мнѣ слѣдующія достовѣрныя свѣдѣнія: 1-е, г. Всеволожскій, согласясь съ г. Фалѣевымъ, у коего нанимали они для тѣхъ студентовъ домъ, употребляютъ всѣ силы, чтобы въ семъ домѣ студенты остались для доставленія г. Фалѣеву выгодъ, платимыхъ нынѣ 5000 наймовъ, и желаетъ безъ вѣдома вашего и моего вновь законтрактоваться съ нимъ, Фалѣевымъ, что кажется мнѣ и не очень безинтересно, да и довольно дерзко. 2-е, г. Фалѣевъ, будучи въ Петербургѣ, употребляетъ интриги и ходатайства, дабы сей его домъ былъ взятъ въ наймы, опираясь на одобреніе и планы г. Всеволожскаго, который уже и разглашаетъ здѣсь, что сіе непремѣнно исполнится.

А такъ какъ в. с. предварительно извѣстно, да и я имѣлъ честь писать къ вамъ, что, по развратности сихъ избалованныхъ студентовъ, необходимо нужно, для удержанія ихъ въ предѣлахъ благопристойности, чтобы они были помѣщены въ самомъ зданіи университета, то буде, преднамѣреваемое за мыслями гг. Всеволожскаго и Фалѣева, удержаніе дома сего подъ ними совершится, сіе для насъ будетъ и обидно и вредно по послѣдствіямъ, отъ невозможности содержать тѣхъ студентовъ въ надлежащемъ порядкѣ, а потому прошу в. с. сдѣлать милость попещися объ отвращеніи сей угрожающей намъ непріятности, о коей я не могу не заботиться, потому что все то на моихъ плечахъ ляжетъ; мѣры же къ тому могутъ быть слѣдующія: 1-е, скорѣйшее исходатайствованіе Бекетовскаго дома для помѣщенія въ немъ музеевъ, кабинета, библіотеки и прочаго; или 2-е, ассигнованіе суммы на наемъ ближайшихъ домовъ по разсмотрѣнію совѣта, или по моему. А поелику Бекетовскій домъ уже есть казенный, и деньги за него заплачены, то думаю, что весьма удобно будетъ онаго пріобрѣтеніе, коимъ мы великое помѣщеніе и спокойствіе получимъ. Смѣю льститься надеждою, что в. с., находя доселѣ всѣ мои представленія дѣльными и цѣлію единое благо общее имѣющими, простите мнѣ, что я толь много васъ моими бумагами обременяю.

Москва. Іюня 16 дня, 1810.

P. S. Деньги на канцелярію за текущую треть я принялъ, такъ какъ г. Каченовскій объявилъ, что они были присланы токмо по 1-е Мая.

10.

Не обрѣтая словъ довольно сильныхъ и въ полнотѣ могущихъ изъявить чувствованія новой безпредѣльной благодарности, возбужденной въ сердцѣ моемъ возвѣщеніемъ отъ в. с. о новой Монаршей милости, вашимъ благодѣтельнымъ ходатайствомъ мнѣ доставленной, заключаю сіе толь живое ощущеніе въ глубинѣ сердца моего, изъ коего всѣми силами духа взываю: да воздастъ вамъ Господь Богъ своею милостію, да укрѣпитъ васъ, да благословитъ и утѣшитъ. Къ симъ пожеланіямъ присоединяются и простодушныя молитвы моего семейства и невинныхъ дѣтей, коимъ я твержу: молитесь за него Богу, онъ вашъ благодѣтель, онъ подкрѣпитель нашей бѣдности! Вотъ, м. г., вся та благодарность, которую я воздать вамъ въ силахъ!

За должное почитаю донести в. с., что экзамены наши приходятъ къ окончанію. 1-го Іюля назначилъ я быть торжественному акту. При семъ, съ откровенностію вами мнѣ позволенною, осмѣливаюсь признаться, что соблазнился я великимъ числомъ студентовъ г. профессоромъ Антонскимъ [1]) представленнымъ, коихъ до 30-ти ему угодно было представить. Я думаю, что я щедрость сію долженъ буду немного пріостановить по дошедшимъ до меня нѣкоторымъ слухамъ, якобы Антонскій свои виды тутъ выполняетъ. А чрезъ таковое легкое произведеніе въ студенты и на весь корпусъ навлечь можетъ нареканіе, или подозрѣнія о злоупотребленіи, то ежели мы, сію быстроту пріостановя, и возбудимъ нѣкоторыя неудовольствія, все сіе лучше нежели какіе нибудь толки, что студентство подарками покупается, о коихъ толкахъ, думаю, и в. с. увѣдомлены были. Къ остановленію же сего побуждаюсь я и тѣмъ, что изъ числа представленныхъ 30-ти студентовъ есть нѣкоторыя дѣти сущія ю 12-ти и 13-ти лѣтъ, да и въ пансіонѣ весьма недавно, то есть ли какое вѣроятіе, чтобы они успѣли окончить курсъ, каковаго для удостоенія въ студенты требуется? О чемъ за нужное почелъ предварить в. с. на случай, буде бы на сію мною сдѣланную остановку дошли до васъ жалобы.

О неутомимой моей вообще по всѣмъ дѣламъ дѣятельности, можете в. с. заключить и по числу моихъ къ вамъ представленій, изъ коихъ кажется ненужнаго я ни одного не дѣлалъ. Пресчастливъ я буду и паче мѣры доволенъ ежели всѣ мои шаги и образъ дѣйствованія вашего одобренія удостоятся.

Іюня 23 дня, 1810. Москва.

---

[1]) Антонъ Антоновичъ Прокоповичъ-Антонскій, директоръ Университ. Благород. пансіона, заслуженный профессоръ, ректоръ (въ 1818). Въ 1810 былъ онъ профессоромъ натуральной исторіи, сельскаго хозяйства и минералогіи, † 1848.

11.

Я имѣлъ честь писать къ в. с. мои разсужденія о цензурѣ и неудобствѣ въ исполненіи 180-го пункта нашего устава, въ коемъ сказано: „*лекторы цензуры суть всѣ профессоры, адъюнкты и магистры*“ а вкупѣ съ симъ представлялъ в. с. и мысль, какимъ образомъ предупредить непріятности, могущія произойти отъ неосторожнаго пропусканія книгъ, т. е., чтобы число лекторовъ ограничить и выборъ оныхъ отдать на волю попечителя, безъ каковой предосторожности и безъ перемѣны сего въ 180-мъ пунктѣ положенія, непрестанно намъ хлопоты встрѣчаться могутъ. Я рѣшился принять смѣлость в. с. о семъ напомнить, потому что на сихъ дняхъ еще появилась въ печати книга до моего вступленія пропущенная, въ коей личность очень извѣстнаго человѣка обижена, а именно князя Маврокордато [1]). Въ запискахъ принца де-Линя, описывая дворъ сего господаря, представляетъ авторъ картину, коей выписку слово въ слово изъ печатной книги сдѣлавъ, при семъ прилагаю. Я слышалъ, что князь Маврокордато симъ очень оскорбляется.

Изъ сего в. с. изволите видѣть, какіе у насъ лекторы, и чего еще ожидать можно, ежели, какъ сказано въ уставѣ, всѣ профессора и всѣ адъюнкты суть лекторы. Истинно в. с., я крайне о семъ безпокоюсь; вамъ извѣстно, что у меня много непріятелей, и могутъ всю вину на меня взвалить, а какъ мнѣ возможно за всѣхъ лекторовъ, въ томъ числѣ и за пьяныхъ, отвѣчать. Какъ же скоро число ихъ будетъ ограничено и выборъ предоставленъ мнѣ, тогда я выберу людей достойныхъ, въ коихъ будучи увѣренъ —буду и спокоенъ.

Усерднѣйше прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость, какъ сей пунктъ, такъ и нѣкоторые другіе удостоить вашего вниманія и разрѣшенія, или волю вашу и согласованіе изъявить хотя на тѣ изъ моихъ представленій, кои в. с. важнѣйшими почитать изволите.

Москва. Іюня 30 дня, 1810.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ книгѣ подъ названіемъ: *Избранныя философическія, политическія и военныя творенія принца де Линя, изданныя однимъ изъ его пріятелей, служащія продолженіемъ къ твореніямъ его, изданнымъ госпожею Сташль-Голстейнъ и г. Пропіакомъ. Переводъ съ французскаго. С. Немир.*“, пропущенной цензурою и напечатанной въ Москвѣ 1810 года. Во второмъ томѣ на страницѣ 65 содержится слѣдующее:

[1]) Князь Александръ Маврокордато, господарь Молдавскій, удалившійся въ Россію въ 1784 г.

Дворъ Молдавскаго господаря.

Маврокордато, господарь Молдавскій умѣлъ, при дикомъ почти дворѣ своемъ, соединить довольно восточныхъ прелестей съ нѣкоторымъ родомъ Европейской образованности. Будучи въ половину христіанинъ и въ половину магометанинъ, будучи женатъ по нашему обряду, онъ завелъ у себя нѣчто похожее на турецкій сераль, только поступилъ въ семъ случаѣ съ большею осторожностію. Не желая быть обманутымъ въ случаѣ излишняго снисхожденія, ниже сдѣлаться тираномъ, приставивъ къ женамъ черныхъ невольниковъ, онъ позволялъ входить въ гаремъ всякому мужчинѣ, который понравится его султаншамъ. Надобно только, чтобъ съ ихъ стороны соблюдено было извѣстное условіе. Важный жидовскій докторъ находился въ сералѣ безотлучно съ отрядомъ своихъ служителей, и имѣлъ препорученіе осматривать приходящихъ. Признаки совершеннаго здоровья и свидѣтельство о хорошемъ поведеніи служили пропускнымъ видомъ въ сіе святилище наслажденія.

12.

Всеусерднѣйше благодарю в. с. за милостивое ваше письмо отъ 24-го Іюня, доставившее мнѣ многія успокоительныя развязки. Доношу, что вообще тѣ извѣстія, о коихъ я имѣлъ честь къ вамъ писать, были сообщены мнѣ отъ ректора и другихъ профессоровъ, кои изъ добраго намѣренія и усердія о нихъ мнѣ сказывали, а я подумалъ опять, что провинюсь предъ вами и предъ совѣстію, буде вамъ о семъ не дамъ знать. Вотъ почему и осмѣлился обременить в. с. сими новостями, коихъ событіе могло легко воспослѣдовать. Впрочемъ, я внутренно достаточно убѣжденъ, что ваши благодѣтельныя къ университету расположенія подвигнутъ в. с. отклонить всякую отъ сего почтеннаго корпуса непріятность.

Касательно же медико-хирургической академіи, какъ по ревнованію моему объ общемъ благѣ, такъ и по откровенности, съ каковою в. с. позволили мнѣ съ вами объясняться, не могу не сказать, что крайне дурно будетъ, ежели сія академія останется существующею на теперешнемъ ея основаніи и съ странными, дѣлаемыми въ ней распоряженіями, по слѣдующимъ причинамъ: 1-е, она стоитъ государству дорого, т. е. 100,000, а пользы едвали какой ожидать можно по причинѣ набора людей, ее вообще составляющихъ. 2-е, студенты до того развращены, что каждый почти день разныя неистовыя исторіи отъ нихъ происходятъ, и что нѣсколькихъ отдали уже въ солдаты, другихъ сошлютъ на поселеніе. 3-е, г. Всеволожскій, который никогда ничему не учился, и ничего, кромѣ Буфлера и Пирона не читалъ, ни

о чемъ кромѣ дряни не размышляетъ и ничего кромѣ вздору не говоритъ, удобенъ ли управлять мѣстомъ, такого иждивенія стоющимъ и требующимъ какъ обширныхъ свѣдѣній, такъ и способностей могущихъ со строгимъ надзоромъ удержать сіе заведеніе въ порядкѣ? 4-е, существованіе сей академіи отдѣльно отъ университета и въ независимости отъ онаго есть вредно для самаго университета, поелику начальство академіи выгодными окладами и другими лестными обѣщаніями всегда будетъ переманивать изъ университета людей, коихъ свободу связать весьма трудно, а чрезъ то ревнованіе и дѣятельность въ преподаваніи лекцій въ университетѣ и раздѣлится и ослабится. А что сіе было, то ужъ опытомъ доказано и в. с. извѣстно, слѣдовательно и впредь быть можетъ.

Въ заключеніе же скажу, что упраздненіе сей академіи и раздѣленіе студентовъ по университетамъ не только не требуетъ издержекъ, но уменьшитъ оныя, и сей же самый институтъ, сопряженный съ университетомъ и приономъ существующій, будетъ имѣть бытіе и составъ несравненно порядочнѣйшій и полезнѣйшій, буде, какъ я имѣлъ честь писать къ в. с., Бекетовскій и Пестелевскій дома отдадутъ подъ наши музей и библіотеку, а студентовъ половину переведутъ въ наше нынѣшнее зданіе. На предписаніе ваше касательно сей академіи, отъ 22-го Мая, формальное мое донесеніе по собраннымъ мною свѣдѣніямъ на сей же почтѣ посылая, не могу между тѣмъ не сказать в. с. и другого дошедшаго до меня слуха, что г. Всеволожскій, будучи хвастливъ и болтливъ, говоритъ разнымъ людямъ: „Eh bien notre académie subsistera malgré tout le monde", что право больно слышать. Въ разсужденіи же помѣщенія Сандунова, скажу в. с., что это бы было для насъ великое пріобрѣтеніе, и привело бы наше правленіе въ порядокъ, а всѣ глупые процессы бы прекратились. Горюшкинъ есть узелъ, который надобно развязать, ибо самъ онъ никогда просьбы не подастъ, то посему никогда отъ него и не избавимся, а отъ того и еще глупѣйшіе процессы будутъ возникать и запутываться. Вотъ и на сихъ дняхъ онъ самъ, Горюшкинъ, донесъ, что завелось новое преглупое дѣло у профессора Гофмана съ какимъ-то портнымъ изъ-за 25 рублей, что уже и бумаги накопились, и что онъ помирить ихъ никакъ не могъ. Одно уже незнаніе языковъ и невозможность объясняться съ деканами, кои суть нѣмцы, дѣлаетъ его неспособнымъ, а дѣламъ и остановку и запутку приключаетъ; а какъ намъ отъ Горюшкина избавиться—мѣры и способы предаю вашему прозорливому благоусмотрѣнію.

Слѣдуя матеріямъ милостиваго вашего письма, по премногу благодарю в. с. за благодѣтельное попеченіе о г. Суворовѣ, который истинно и честь и пользу университету принести можетъ. О Смирновѣ оффиціальное мое донесеніе по сей же почтѣ посылаю, а партикулярно

в. с. пріемлю смѣлость объяснить, что остановка или причина тому та, что вдругъ дать о немъ предложеніе, безъ формальнаго представленія о немъ совѣта, я не рѣшился, не зная, будетъ ли то вамъ угодно, чтобы я толь самовластно дѣйствовалъ, а господа профессора, совѣтъ составляющіе, не знаю что-то имѣютъ противъ г. Смирнова, и какъ будто на свѣдѣнія его и на способности не надѣясь, не дѣлаютъ движеній о представленіи его въ адъюнкты; и такъ, прошу вашего наставленія и приказанія, какъ мнѣ въ семъ случаѣ поступить, такъ чтобы и вашу волю исполнить и профессоровъ не оскорбить.

Въ разсужденіи же г. Шмица, о коемъ гр. Михаилъ Васильевичъ хлопочетъ, я какъ будто угадалъ мысли ваши, ибо при самой первой его просьбѣ сказалъ ему, что я безъ воли вашей на сіе рѣшиться не имѣю права, что в. с. о семъ представлю, и что буду ожидать вашего на то предписанія; почему по показанію вашего письма оное ему и покажу.

Москва. Іюня 30, 1810.

13.

Не имѣвъ счастія на послѣдней почтѣ ни оффиціальной бумаги, ни письма отъ васъ получить, истинно забочусь паче всего о здоровьѣ вашемъ, и отъ всего сердца желаю, чтобы не болѣзнь была виною молчанія вашего. Нашъ актъ кончился благополучно, собраніе было хотя и многочисленно, но въ порядкѣ. По изъявленію желанія графа Ивана Васильевича [1]), мы избрали его въ наши почетные члены. Вчерашняго дня я самъ отвезъ ему дипломъ, чѣмъ онъ очень былъ доволенъ, и столь ласково принялъ, что два раза меня облобызалъ, увѣряя о добромъ его расположеніи какъ къ университету, такъ и ко мнѣ. Изъ чего съ вѣроятіемъ можно заключить, что онъ всякое пособіе намъ готовъ сдѣлать, какъ по гимназіи, такъ и по типографіи, о коихъ я имѣлъ честь послать къ в. с. мои представленія, яко о предметахъ самонужнѣйшихъ и дальнѣйшей отсрочки не терпящихъ.

Въ заключеніе, за должное почитаю предварить в. с., что въ непродолжительномъ времени я долженъ буду сдѣлать представленіе объ увольненіи отъ службы профессоровъ Баузе и Барсука-Моисеева, кои изъ предѣловъ всякой благопристойности вышли. Первый дома пьетъ мертвую чашу и разныя производитъ въ университетѣ сцены, кои мирить и успокоивать весьма трудно; а вторый въ безобразномъ видѣ шатаясь по улицамъ, въ университетскомъ мундирѣ ходитъ по погребамъ и по кофейнымъ домамъ, и разные смѣхотворные и шумные про-

[1]) Гудовича, въ то время главнокомандующаго.

изводитъ анекдоты, а потому, мнѣ кажется, лучше всего представить о нихъ, не упоминая о сихъ дѣйствіяхъ,—сказать только, что они за слабостію, старостію и болѣзнями представляются къ увольненію отъ службы.

Москва. Іюля 4 дня, 1810.

14.

По стеченію обстоятельствъ обрѣтаюсь въ необходимости на одной почтѣ утруждать в. с. тремя письмами, забывъ въ двухъ предъидущихъ включить матеріи, о коихъ теперь объясниться съ вами пріемлю смѣлость. Совѣтъ, получа отъ меня предложеніе, основанное на предписаніи в. с., о пріисканіи наемнаго дома для помѣщенія студентовъ медико-хирургической академіи, поручилъ Артемьеву осмотрѣть дома, въ окрестностяхъ университета состоящіе, изъ коихъ яко одинъ изъ ближайшихъ былъ осматриваемъ и домъ шурина моего князя Алексѣя Ивановича Долгорукова, съ коимъ живетъ и дядя князь Григорій Алексѣевичъ, который, будучи знакомъ съ гг. профессорами, просилъ ихъ объ осмотрѣ сего дома, и самъ даже водилъ по всѣмъ его частямъ ректора и Чеботарева. Я былъ тутъ совсѣмъ лицо постороннее. Вдругъ изъ сего вышли разглашенія, якобы я натягиваю для выгодъ моего шурина нанять сей домъ и даю чрезмѣрно дорогую сумму за наемъ онаго.

Тутъ вступились люди корыстолюбивые, желающіе и свои домы отдать въ наймы, и сбирающіеся уже на меня жаловаться, что я нанялъ домъ шурина моего, яко къ нему пристрастный человѣкъ. Объ этомъ по Москвѣ барабанятъ, и недоброжелатели мои могутъ, доведя сіи слухи до Петербурга, обвинить меня и въ корыстолюбіи и въ пристрастіи, коихъ, какъ вамъ извѣстно, всегда я гнушаюсь. В. с. болѣе всякаго вѣдомо, что ни дома шурина моего я не нанялъ, ибо о немъ вамъ представилъ на разрѣшеніе, да знаете вы и то, что вообще сей наемъ и состояться не можетъ, поелику, какъ вы ко мнѣ писать изволите, домъ Фалѣева нанятъ на годъ и участь академіи еще не рѣшена, слѣдовительно никто кромѣ васъ не можетъ отразить сіи слухи, кои непремѣнно до Петербурга дойдутъ; также никто, кромѣ васъ, не можетъ меня оградить отъ стрѣлъ зависти и злобы, на меня устремленныхъ отъ людей недоброжелательствующихъ, ловящихъ каждый случай къ обвиненію меня въ чемъ либо предосудительномъ, какъ в. с. то видѣли, и какъ теперь еще изъ сего усмотрѣть изволите. По таковымъ обстоятельствамъ полагая за необходимое о всемъ томъ в. с. предувѣдомить и просить о защищеніи меня противъ сихъ слуховъ, вредить мнѣ могущихъ, заключаю сіе тѣмъ, что не только для моего

шурина, но для себя самого неудобенъ я (sic) имѣть виды корыстолюбивые и пристрастные, и что образъ дѣйствованія моего и въ сенатѣ доказалъ сію истину толь велегласно, что самая лютая моихъ враговъ злоба укоряла меня болѣе въ пылкости, а не въ пристрастіи. Предая вамъ, яко моему единственному благодѣтелю, все сіе на благоусмотрѣніе, прошу васъ быть увѣреннымъ, что ходъ сего дѣла извѣстенъ *общему нашему знакомому* [1]) и что я тутъ ни мало натяжки не дѣлалъ, а, напротивъ того, забывъ родство и дружбу, а помня долгъ службы и чести, даже ополчался противъ сего найма, который мнѣ дорогъ казался, отъ чего сдѣлалось у меня и съ дядюшкою нѣкоторый родъ охлажденья, о коемъ *общій нашъ знакомый* вамъ засвидѣтельствуетъ.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

P. S. О двухъ предметахъ еще осмѣливаюсь в. с. напомнить: 1, о доставленіи мнѣ бумагъ вашей канцеляріи, оставленныхъ въ Петербургѣ запечатанными г. Козановскимъ и необходимо мнѣ нужнымъ, какъ для справокъ, такъ и паче для того, чтобы ошибкою не поступить противъ распоряженій вами сдѣланныхъ; 2, о побужденіи г. министра финансовъ, чтобы здѣшнему казначейству далъ о моихъ столовыхъ деньгахъ предписаніе, коего донынѣ здѣсь въ казначействѣ не получено.

15.

Такъ-какъ по предписанію в. с. о суммахъ медико-хирургической академіи, естественно истекаетъ слѣдствіе, что сіи суммы будутъ какъ на отчетѣ всего университетскаго правленія вообще, такъ и кассира частно, то дабы не подпасть отвѣтственности и не быть подвержену какимъ либо отъ недоразумѣнія могущимъ произойти со стороны академіи неудовольствіямъ, покорнѣйше прошу в. с. снабдить меня полнымъ наставленіемъ объ образѣ выдачъ изъ оной суммы; а поелику, какъ вамъ извѣстно всѣ наши выдачи и расплаты дѣлаются по опредѣленіямъ университетскаго правленія до извѣстнаго количества, а свыше онаго не иначе какъ по разрѣшенію высшаго начальства, то желалъ бы я, касательно и сей новой въ вѣдомство наше поступающей суммы, знать, тѣмъ ли самымъ законамъ и правиламъ оная, какъ въ содержаніи такъ и въ расходахъ подвержена будетъ, на каковыхъ основаніяхъ и выдача и издержки изъ собственной университетской суммы дѣлаются.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

[1]) Поздѣеву.

16.

Вчера имѣлъ я великое и давно желанное мною удовольствіе быть въ Горенкахъ! Не могъ не удивляться богатствамъ произведеній натуры въ толь благолѣпномъ порядкѣ и полнотѣ собранныхъ, и, учась читать книгу натуры уже нѣсколько лѣтъ, взирая на сіи пламенныя и толь говорящія ея письмена, былъ бы я въ полномъ восхищеніи въ прекрасныхъ сихъ предѣлахъ, ежели бы оно не охлаждалось пустотою, происходящею отъ отсутствія достопочтеннаго и драгоцѣннаго мнѣ благодѣтельнаго хозяина, коего воспоминаніе, представляясь мнѣ при каждомъ шагѣ, заставляло меня воображать, сколь сугубо бы моя радость умножилась, если бы его самого видѣлъ, и съ нимъ въ сихъ очаровательныхъ чертогахъ о натурѣ и искусствѣ бесѣдовалъ. Такъ, м. г., препроводя день въ Горенкахъ, безпрестанно мысль моя обращалась къ вамъ съ благодарными къ вамъ чувствованіями, какъ за то, что вы любите натуру, любите науки, такъ и за то, что вы мнѣ благодѣтель, и что потому все вамъ принадлежащее для меня любезно, пріятно, восхитительно. Дай Богъ, чтобы я вскорѣ имѣлъ счастіе васъ видѣть и изустно изъявить вамъ чувствованія сердечной моей приверженности.

Москва. Іюля 11 дня 1810.

17.

Чувствительнѣйшую отъ всего сердца в. с. приношу благодарность за помѣщеніе г. Суворова, который, конечно, оправдаетъ ваше для него лестное доброе мнѣніе и содѣлается еще болѣе милостей вашихъ достойнымъ. За нужное почелъ я представить в. с. копію съ бумаги, присланной ко мнѣ отъ г. Всеволожскаго, и въ оффиціальномъ моемъ донесеніи, не говоря о ней ни худого, ни добраго, а просто на благоусмотрѣніе в. с. оную представляя, здѣсь партикулярно пріемлю смѣлость сдѣлать мое размышленіе, что сіи г. Всеволожскаго распоряженія отнюдь мнѣ не нравятся по слѣдующимъ причинамъ: 1, пишетъ онъ, что какое-то его хозяйственное правленіе, о коемъ мы не вѣдаемъ, что оно такое, и утвержденное ли присутственное мѣсто, будетъ по сообщеніямъ требовать денегъ отъ нашего правленія; это для университета, яко для мѣста старшаго, крайне уничижительно и похоже на то, какъ будто бы наше правленіе подъ указомъ ихъ правленія состояло; 2, г. Всеволожскій меня самаго ордеруетъ и пишетъ: „которому ваше превосходительство прикажите отпускать“. Это дерзко, неприлично и обидно.

Почему и прошу в. с. сдѣлать университету и мнѣ милость, во огражденіе отъ дальнѣйшихъ непріятныхъ переписокъ, вразумить г. Всеволожскаго, что ни правленіе наше у его правленія, ни я у него подъ ордерами не состоимъ, и чтобы онъ изволилъ удержаться отъ таковыхъ несообразныхъ съ разумомъ переписокъ, изъ коихъ ничего добраго выдти не можетъ. Я удостовѣренъ, что в. с. найдетъ мое разсужденіе справедливымъ и не одобрите сего г. Всеволожскаго поступка. Но лучшая бы и кратчайшая мѣра была, въ предупрежденіе всякихъ неустройствъ, чтобы правленіе академическое уничтожить, а чтобы вся экономія состояла подъ университетскимъ правленіемъ. Вообще при томъ смѣло скажу, что ежели г. Всеволожскій тутъ останется начальникомъ, то по строптивому и заносливому его характеру и по дерзкому его языку, происходить будутъ разныя исторіи, по всѣмъ отношеніямъ непріятныя и тѣмъ вящше, что симъ распоряженіемъ онъ крайне недоволенъ и весьма нехорошо объ ономъ отзывается. Я, внутренно давъ себѣ слово быть предъ вами искреннимъ, должностію почитаю о всемъ томъ в. с. предварить; сверхъ того, слышалъ я, что казначей ихъ человѣкъ весьма ненадежный.

Сдѣлайте милость, в. с., наставьте меня, что̀ дѣлать съ Баузе и съ Барсукомъ-Моисѣевымъ? Я тѣмъ болѣе въ недоумѣніи, что просьбъ объ увольненіи подавать они и не помышляютъ, а исторіи съ ними въ самомъ крайнемъ градусѣ неистовства продолжаются. Формально же о нихъ представить я не смѣю, не вѣдая о томъ вашего образа мыслей.

Москва. Іюля 14 дня 1810.

P. S. Графъ Мамоновъ сегодня мнѣ сказывалъ, что онъ сдѣлалъ представленіе къ министру юстиціи о помѣщеніи въ экзекуторы А. А. П. [1]).

18.

О помѣщеніи въ университетъ Суворова за нужное почелъ я отнестись къ в. с., дабы не могло встрѣтиться затрудненія, какъ изволите усмотрѣть изъ моего оффиціальнаго донесенія. Причины тому тѣ, что въ университетѣ состоитъ вакантною каѳедра чистой математики, какъ я въ послѣднемъ моемъ по сей матеріи письмѣ имѣлъ честь доносить в. с., а въ предписаніи вашемъ сказано: „опредѣляется профессоромъ высшей математики"; то въ предосторожность, дабы не сдѣлать изъ сего толковъ, якобы новая каѳедра учреждается и самъ не

[1]) Алексѣя Алексѣевича Перовскаго.

смѣя сдѣлать предписанія не по точнымъ терминамъ вашего, разсудилъ я остановиться исполненіемъ и, описавшись, в. с. просить о формальномъ предписаніи, чтобы Суворовъ былъ опредѣленъ, именно, на вакантную каѳедру чистой математики; тогда и все прикроется, и уста заградятся всѣмъ могущимъ вопіять, какъ отъ зависти, такъ и отъ того, что они имѣли въ виду своего человѣка, коего на сію каѳедру прочили. И буде бы я въ семъ видѣ предложилъ, то бы сказали, что учреждается новая каѳедра, почему усерднѣйше прошу в. с., причтя мнѣ сіе представленіе въ должную осторожность, а не вину, разрѣшить и успокоить меня, предписавъ именно сими словами: на вакантную каѳедру чистой математики.

Москва. Іюля 18 дня 1810.

19.

За нужное почитаю до свѣдѣнія в. с. довести прилагаемое здѣсь въ копіи отношеніе графа Ивана Васильевича [1]). Присланную при ономъ бумагу, отъ е. с., а вкупѣ и ту самую статью, противъ коей дѣлается возраженіе, за нужное почелъ я, выписавъ, на благоусмотрѣніе ваше представить, ожидая вашего по сему приказанія, какъ впредь при таковыхъ случаяхъ поступать въ сношеніи съ графомъ? При семъ случаѣ пріемлю смѣлость в. с. напомнить о моемъ о цензурѣ размышленіи, двукратно в. с. представленномъ, на которое, буде не воспослѣдуетъ вашего милостиваго разрѣшенія касательно 180 § нашего устава, то непремѣнно будутъ непріятности, коихъ ни отвратить, ни упредить нѣтъ возможности, доколѣ число лекторовъ не будетъ ограничено и выборъ оныхъ не отданъ на мою волю. О чемъ паки в. с. всеусерднѣйше прошу, безъ чего мнѣ нѣтъ никакой возможности отвѣчать за людей, коихъ такъ много въ пропущеніи книгъ замѣшано.

Касательно Смирнова приказалъ я, чтобы онъ представилъ диссертацію, а потомъ, какъ скоро совѣтъ его удостоитъ, то чтобы представленъ былъ на утвержденіе, послѣ сего и жалованье по волѣ вашей опредѣлите изъ хозяйственной суммы. Много меня в. с. обрадовали, написавъ разрѣшеніе о томъ, чтобы дома для студентовъ не нанимать. Я чрезмѣрно симъ былъ обезпокоиваемъ, какъ приступами родственниковъ, такъ и знакомыхъ, желающихъ отдавать свои дома, а теперь я отъ нихъ могу отдѣлаться и имъ отказать, чѣмъ я истинно несказанно доволенъ. Касательно предполагаемаго г. Всеволожскимъ помѣщенія студентовъ въ Бекетовскомъ домѣ, то ревнуя объ общей пользѣ,

---

[1]) Гудовича.

не могу не сказать, что г. Всеволожскій много пустаго пишетъ, а еще больше пустаго говоритъ, то и это помѣщеніе въ томъ же классѣ. Барскій, въ два свѣта съ большими залами и парадными комнатами, (домъ) отнюдь неспособенъ для житья студентовъ, а еще меньше для анатомическихъ и ветеринарныхъ операцій, а одинъ только и есть способъ сдѣлать, чтобы сей домъ не пропалъ даромъ, то есть, наши музеи, библіотеку и другія принадлежности перевести въ домъ Бекетовскій, а студентовъ перевести въ зданіе университетское. Въ Бекетовскихъ же парадныхъ комнатахъ прекраснѣйшимъ и благолѣпнѣйшимъ образомъ наши рѣдкости помѣстятся. Я говорю сіе на такой случай, буде студенты подойдутъ подъ вѣдомство университета.

О многихъ крайне нужныхъ предметахъ имѣю еще представить в. с.; но, опасаясь на сей разъ обременить васъ, предоставляю себѣ до другой почты сдѣлать вамъ мои донесенія.

Москва. Іюля 21 дня 1810.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

1.

Милостивый государь мой Павелъ Ивановичъ.

Препровождая при семъ полученное мною на имя издателя Русскаго Вѣстника письмо съ тѣмъ, чтобъ оно было напечатано въ томъ журналѣ немедленно, и безъ малѣйшей перемѣны, такъ однакожъ, чтобъ при ономъ никакого объясненія не было отпечатано, откуда, чрезъ кого и когда сіе письмо сообщено издателю; дабы сіе такой имѣло видъ, что письмо сообщено издателю прямо отъ сочинителя онаго. В. прев. покорнѣйше прошу помянутое письмо, приказавъ немедленно напечатать въ Русскомъ Вѣстникѣ на вышеизъясненномъ основаніи, подтвердить при томъ цензурѣ, обязанной смотрѣть за всѣми изданіями, въ публику выходящими, чтобъ оныя не были наполняемы статьями, которыя не имѣютъ вида правдоподобія и по слѣдствію открываются въ полной мѣрѣ неосновательными. Я еще болѣе побуждаюсь васъ, м. г. мой, просить усугубить дѣятельность наблюденія цензуры за статьями до политики относящимися, и смотрѣть чтобъ извѣстія издателями Вѣстника помѣщаемыя, заимствуемы были отъ источниковъ вѣрныхъ и сомнѣнію не подверженныхъ.

Съ особливѣйшимъ почтеніемъ и пр.

Графъ Иванъ Гудовичъ.
Іюля 20 дня 1810 г. Москва.

2.

Выписка изъ журнала Русскій Вѣстникъ. Съ страницы 5 до стр. 11.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ.

(Отрывокъ изъ письма къ издателю).

Проѣзжая недавно изъ Бѣлорусскихъ моихъ деревень черезъ городъ Витебскъ, узналъ я о происшествіи, которое сообщаю въ Русскій вѣстникъ.

„Тридцать перваго Января нынѣшняго года взята была десятскимъ въ Витебскѣ женщина, вопіявшая на улицѣ въ крайнемъ отчаяніи. Ее отводятъ къ частному приставу Левковичу: вопли несчастной усугубляются: все изъявляло въ ней скорбь и помѣшательство ума. Не отвѣчая ничего на всѣ вопросы, силилась изъясниться знаками. Вскорѣ увидѣли, что она нѣма. Левковичъ, во всѣхъ обстоятельствахъ усердствуя къ должности и къ помощи человѣчеству, прилагалъ всевозможное стараніе, чтобы хотя что нибудь узнать о сей несчастной женщинѣ. Испытавъ различныя догадки, онъ показалъ ей Польскую книгу: несчастная тотчасъ изъявила, что умѣла читать. Посредствомъ короткихъ и неоднократно повторяемыхъ письменныхъ вопросовъ, Левковичъ выведалъ всѣ обстоятельства.

„Маріанна (такъ называется сія злополучная женщина) есть дочь умершаго шляхтича Турчановскаго, въ чемъ удостовѣрились по справкѣ въ монастырѣ Бернардиновъ. Генеральша Тутолмина вывезла ее трехъ лѣтъ въ Петербургъ, гдѣ 18-ти лѣтъ выдана замужъ за военнослужащаго, который въ послѣдней войнѣ противъ Французовъ лёгъ на полѣ чести и славы. Проживъ въ столицѣ до прошедшаго Октября мѣсяца, вознамѣрилась, для облегченія скорби, возвратиться на родину; она договорилась съ ямщикомъ, отдала ему сто рублей и отправилась въ путь съ осьмью стами и съ пожитками на четыре тысячи. Въ пятнадцати верстахъ за Царскимъ Селомъ, ямщикъ, движимый корыстію, хотѣлъ удавить спящую Маріанну. Уже злодѣйскія его руки коснулись ея шеи—въ эту минуту несчастная съ крикомъ пробуждается Разбойникъ грозитъ ей ножомъ. Маріанна падаетъ безъ чувствъ на землю. Извергъ отыскиваетъ свой паспортъ, обираетъ деньги, и уѣзжаетъ съ ея пожитками [1]).

[1]) Священная должность сельскихъ священниковъ и отцовъ помѣщиковъ, внушать поселянамъ, какъ пагубны послѣдствія злодѣяній; что рано или поздно, но онѣ всегда обнаруживаются. Нравственное воспитаніе крестьянъ необходимо; онъ него зависитъ промышленность и благоустройство внутреннее. Сельскіе священники и помѣщики суть наставники поселянъ: за поступки ихъ отдадутъ отчетъ Богу.

„Черезъ нѣсколько часовъ злополучная жертва корыстолюбія изверга проглядываетъ: лютое ея состояніе было неописанно! языкъ и лѣвая рука у нея отнялись. Въ иступленіи разсудка пустилась она куда глаза глядятъ. Подъ защитою Провидѣнія, прошла около шестисотъ двадцати четырехъ верстъ. Желая удостовѣриться въ прежнихъ показаніяхъ Маріанны, витебскій губернаторъ поручилъ *ксензу* [1]), чтобы онъ посредствомъ письменныхъ вопросовъ постарался отобрать свидѣтельства. Маріанна и въ семъ изысканіи то же показала: она немедленно препровождена была въ губернаторскій домъ, гдѣ человѣколюбіе и состраданіе предложили все къ облегченію жребія сей несчастной женщины.

„Въ проѣздъ мой черезъ Витебскъ, я былъ у губернатора, и зная уже о злополучной *Маріаннѣ*, любопытствовалъ ее видѣть. П. И. С. повелъ меня въ ея комнату; онъ самъ подносилъ ей пить, поддерживалъ ея голову и заботился о ней какъ о дочери. Въ восторгѣ душевномъ и со слезами я вскричалъ невольно: Такъ! вы истинный исполнитель предписаній Великой Екатерины; вы другъ и отецъ страдальцевъ!"

N. N.

Москва. Февраля 17-го, 1810-го года.

3.

Господину издателю Русскаго Вѣстника.

Въ нумерѣ шестомъ вашего Вѣстника читалъ я анекдотъ, подъ заглавіемъ *человѣколюбіе*, занятый вами изъ одного письма, присланнаго къ вамъ отъ неизвѣстнаго.

Сколь ни пріятно описанъ сей анекдотъ, сколь ни полезны для человѣчества примѣры человѣколюбія; но истина побуждаетъ меня сію исторію опровергнуть и представить вамъ оную совсѣмъ въ иномъ видѣ.

По служенію моему при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, имѣлъ я случай узнать всѣ обстоятельства, кои подали поводъ къ таковому роману, и тѣ, которыми открылось въ ономъ одно сплетеніе лжи, наглый обманъ съ одной стороны, и непонятное легковѣріе съ другой. Я испросилъ отъ моего начальства позволеніе, выбрать изъ дѣлъ точное описаніе всего онаго происшествія, и сообщить вамъ для припечатанія въ вашемъ Вѣстникѣ.

Дадимъ славу истинѣ.

---

[1]) Польскій священникъ.

Rien n'est beau que le vrai;
Le vrai seul est aimable:
Il doit régner partout.
Et même dans la fable.

Начало сей исторіи подлинно происходило такъ, какъ сіе въ Вѣстникѣ значитъ, и первый производитель слѣдствія о несчастной Маріаннѣ Л*** признанъ былъ даже и награды достойнымъ, за удачное сочиненіе изъ однихъ знаковъ и киваній нѣмой героини чувствительнаго романа, который годился бы помѣщенъ быть между разсказами *Іорина*. Дальнѣйшія изысканія, въ коихъ Л*** уже не участвовалъ стали обнаруживать точную истину.

Во-первыхъ открылось, что лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку унтеръ-офицеръ *Изгердовъ*, коего *несчастная Маріанна* показала своимъ бывшимъ мужемъ, никогда въ томъ полку не служивалъ; да и названія сего вообще, подъ коимъ она будто бы жила въ Петербургѣ, нигдѣ по книгамъ полиціи не оказалось; какъ равно и ни одного изъ именъ тѣхъ людей, у коихъ она въ домахъ будто бы тамъ пребываніе имѣла, не нашлось.

О сихъ противорѣчіяхъ сообщено было въ Витебскъ, съ подтвержденіемъ, доискаться слѣдовъ истины въ показаніяхъ сей женщины. Тогда уже она имѣла употребленіе языка, и словесно объявила себя женою бывшаго въ Измайловскомъ полку музыкантомъ, унтеръ-офицера *Изгердова*, подтверждая впрочемъ всѣ другія показанія свои.

Съ симъ новымъ допросомъ прислана была она сама въ Петербургъ, въ томъ предположеніи, что по прежнему ея въ сей столицѣ жительству, и по ея ссылкамъ на нѣкоторыхъ людей тѣмъ удобнѣе можетъ быть здѣсь произведено дальнѣйшее объ ея участи изысканіе.

Оное возложено было на главное начальство Санктпетербургской губерніи, и Маріанна, бывъ допрашиваема въ присутствіи священника, показала свое раскаяніе, и признала уже себя *шляхтянкою Маріанною Торчановскою*, родомъ изъ Минской губерніи; что она жила нѣкоторое время въ Витебскѣ въ услуженіи по билетамъ отъ тамошняго магистрата; что все прежде ею показанное совершенно ложно; что она умышленно даже приняла на себя видъ нѣмой и невладѣющей рукою и ногою, и все сіе учинила по наученію будто бы другаго.

Новыя показанія ея требовали необходимо новаго удостовѣренія въ ихъ справедливости; для чего и посланъ былъ вмѣстѣ съ нею въ Витебскъ штата Петербургской полиціи слѣдственный приставъ М***.

Произведенные симъ послѣднимъ на мѣстѣ ея жительства дополнительные разнымъ людямъ допросы обнаружили, наконецъ, самую истину сего происшествія.

Наша героиня оказалась бродягою, и распутною женщиною, *не Изгердовою* и не *Маріанною Торчановскою*, но *Софьею Раскулиной*.

Подъ симъ послѣднимъ именемъ извѣстна она многимъ жителямъ въ Витебскѣ, знающимъ между прочимъ и то, что она распутнаго поведенія и пьяница. Исторія ея, изъ первоначальныхъ о ней въ Витебскѣ свѣдѣній, и собственныхъ ея признаній, есть слѣдующая. Она крестьянка Витебской губерніи, откуда въ малолѣтствѣ была вывезена, а въ 1806 году препровождена изъ Витебской губерніи, яко безпаспортная, въ Витебскъ для водворенія. Надобно примѣтить, что она тамъ назвала себя *Антонелею,* а въ Витебскѣ при допросѣ назвалась опять *Софьею.* Посему бывъ въ семъ послѣднемъ городѣ приписана въ мѣщанство, жила она въ услуженіи у разныхъ людей, по получаемымъ отъ магистрата временнымъ билетамъ. Въ октябрѣ 1809-го года взята она была симъ же самимъ частнымъ приставомъ Л*** за неимѣніемъ вида; и до учиненія о ней по магистрату выправокъ, отдана была на поручительство.

Проживая симъ образомъ въ Витебскѣ на свободѣ, валялась она однажды пьяная на улицѣ во грязи. Въ семъ видѣ берутъ ее въ полицію, и она, во избѣжаніе заслуженнаго наказанія, притворяется нѣмою и разбитою параличомъ. Частный приставъ Л*** дѣлаетъ ей тутъ допросъ; при ея безмолвіи подаетъ ей польскую книгу, и по указаніямъ ея поодиначкѣ разныхъ словъ и литеръ, составляя изъ нихъ рѣчи, тщательно все записываетъ. Потомъ, когда она, для возбужденія большаго о себѣ сожалѣнія, такимъ же средствомъ, какъ выше сказано, показываетъ себя ограбленною извощикомъ, усердный приставъ приноситъ къ ней деньги, серебряныя ложки, и другія вещи, и по киваніямъ ея на каждую, записываетъ все въ реестръ, который и пріобщается къ допросу.

При семъ удивительнѣе всего то, что Л***, бравъ самъ ее въ полицію въ октябрѣ 1809-го года, чрезъ четыре мѣсяца потомъ, могъ быть ею такъ обманутъ, но сіе произвело отъ перемѣны ея имени, ибо первый разъ была она въ полиціи подъ настоящимъ своимъ именемъ, а второй разъ захотѣла она сохранить строжайше *инкогнито.* Она имѣла нѣсколько времени даже и ротъ искривленный на сторону.

Самаго *ксенза Турчановскаго*, выданнаго въ сочиненной объ ней исторіи за ея брата, не бывало никогда въ монастырѣ, и въ подлинномъ отвѣтѣ монастырскомъ, который Л*** для достовѣрности бралъ читать, написано именно, не *Турчановскій*, но *Турцыновичъ*, тамъ нѣкогда находился. Не смотря на сію разницу въ имени, сей отвѣтъ послужилъ однако основаніемъ къ подтвержденію показаній мнимой шляхтенки *Торчановской*!!

Софья Раскулина, продолжая признаніе свое, открыла, что она дала было себя лечить весьма охотно отъ мнимаго паралича; но что

когда доктора, испытавъ тщетно надъ нею все свое искусство, стали ее электризировать, для сотрясенія ея нервъ, какъ они изъяснялись; то она не захотѣла уже болѣе повторенія надъ собою непріятнаго сего испытанія, и рѣшилась показать, что она уже получила употребленіе языка. Она призналась даже, что между сими самыми обстоятельствами былъ и другой случай, при которомъ узы языка ея разрѣшились: въ домѣ томъ, гдѣ она во время развѣдыванiй и изысканій о ней содержана была, нашелся человѣкъ, который повидимому несчастнымъ ея положеніемъ бывъ растроганъ, оказывалъ ей свое сострадание, за которое платила она съ своей стороны признательностію—они недолго остались при нѣмыхъ знакахъ, и въ домѣ скоро узнали, что она можетъ говорить.

Сего довольно, по мнѣнію моему, какъ для опровержения перваго о сей женщинѣ романа, такъ и для открытія точныхъ ея похожденій.

Я описалъ самымъ краткимъ образомъ всю сію странную исторію, приводя здѣсь однѣ только разительнѣйшія черты, въ доказательство, сколь наружные виды иногда обманчивы, и что если должностный человѣкъ погрѣшаетъ излишнею строгостію, то не менѣе долженъ бываетъ отвѣчать и за снисхожденіе свое, когда оно не у мѣста.

Я надѣюсь, что г. издатель Русскаго Вѣстника не откажется помѣстить въ свое изданіе сей развязки, служащей послѣдствіемъ къ анекдоту, въ номерѣ напечатанному, съ одной стороны для обличенія порока и обнаруженія истины, съ другой же и для того, что сія исторія извѣстна уже теперь въ цѣломъ Витебскѣ и многимъ въ Петербургѣ, и ея начало, нанесшее большія непріятности, подавшимъ къ оному поводъ, обратилось теперь въ посмѣяніе.

Сія повѣсть о многоимянной героинѣ можетъ теперь имѣть титуломъ: *безстыдство* и *оплошность*, а *не человѣколюбіе*.

20.

За должность почитаю донести в. с., что и на сей послѣдней почтѣ, т. е. сего Іюля 26-го дня, я получилъ отъ васъ одну только бумагу и при оной докладъ о экзаменахъ медицинскихъ. По предъидущей почтѣ послалъ я къ в. с. 3 представленія къ знакамъ отличія. Я менѣе всякаго могу быть обвиняемъ въ пристрастіи, ибо люди, за коихъ я предстательствую, вамъ самимъ коротко извѣстны, какъ и то, что служба ихъ всякаго одобренія достойна. Мудровъ [1]) же еще когда лечилъ въ Вильнѣ солдатовъ, былъ представленъ къ знаку отличія, а

[1]) Матвѣй Яковлевичъ Мудровъ, ординарный профессоръ патологіи, тераніи и клиники, † 1830 г.

по всѣмъ симъ причинамъ смѣю надѣяться, что в. с. будутъ сіи представленія пріятны. Я право до знаковъ отличія для себя самого не охотникъ, себѣ никогда оныхъ просить не стану и для меня все равно что двѣ у меня звѣзды по сторонамъ, что одна; но о томъ, чтобы сослужащіе мнѣ подчиненные были награждаемы, я всегда буду заботиться и о нихъ пещись и больше для меня лестно, что по моимъ представленіямъ будутъ давать другимъ, нежели какъ мнѣ на лѣвую сторону звѣзду пожаловали. Такъ и на оборотъ, хотя мнѣ ничего не дадутъ изъ знаковъ отличія мнѣ не прискорбно будетъ, а весьма прискорбно ежели мои подчиненные ничего получать не будутъ. О кускѣ хлѣба, да и то для дѣтей и для ихъ образованія, вотъ о чемъ я забочусь болѣе нежели о всѣхъ знакахъ отличія.

Для блага службы вообще и для корпуса нашего частно, я готовъ работать и вскорѣ буду имѣть честь представить в. с. для гимназій планъ, который буде произведется въ дѣйство, то увѣнчаетъ васъ безсмертною славою и доставитъ вамъ отъ градущихъ поколѣній благодарность и благословеніе. Въ кратцѣ начертаніе моей мысли прилагаю, а буде одобрить изволите, то скоро произвести можемъ сіе въ дѣйство. Вотъ м. г. доселѣ изъ всѣхъ моихъ представленій, писемъ и разсужденій изволили видѣть, что я болѣе о пользѣ общей, нежели о своей забочусь.

Дай Богъ, чтобы вамъ угодны были мои труды и моя дѣятельность и чтобы вы оныя поддержали вашимъ покровительствомъ не для моего частнаго, но для общаго блага. Одно уже исходатайствованіе дома для типографіи много бы намъ доставило выгодъ, о коихъ я имѣю честь в. с. представить. Какъ скоро получу отъ васъ хотя на нѣкоторые пункты разрѣшеніе, то приму смѣлость еще нѣкоторыя представленія сдѣлать, изъ предъидущихъ же изволили вы видѣть, что они всѣ равно на необходимыхъ надобностяхъ, а не на прихотливыхъ затѣяхъ основаны.

Ежели Господь благословитъ сіи мои представленія успѣхомъ, то сдѣлайте милость знаки отличія доставьте ко мнѣ, доставьте мнѣ удовольствіе отдать ихъ и облобызать подчиненныхъ.

Москва. 28 Іюля, 1810.

21.

Вы не многихъ представляли къ знакамъ отличія, будьте щедры и милостивы къ нашему университету, изъ коего только троихъ я представить осмѣлился, да и тѣ по совѣсти, чести и истинѣ достойнѣйшіе люди, коимъ грѣхъ не дать ободренія! Ей искренно говорю, что себѣ не желаю знаковъ отличія, а моимъ подчиненнымъ, коихъ сіе утѣшать

и радовать можетъ и ободрять къ службѣ! А я утѣшаюсь и радуюсь только внутреннимъ драгоцѣннымъ украшеньемъ, т. е. ношеньемъ кроваваго креста, имъ же Христосъ Спаситель и Богъ мой благоволилъ меня украсить, а вкупѣ и дать силу нести мой крестъ съ цѣлою семьею, за что какъ и за всѣ Его милости къ бѣдному грѣшнику буди Ему честь и слава во вѣки вѣковъ аминь.

За должное почитаю в. с. донести, что уже три почты сряду ни единой бумаги я отъ в. с. не получилъ, т. е. три почты сюда пришедшія сего Августа 9-го, 13 и 16 чиселъ, ни одна ничего отъ васъ не привезла; сіе меня въ недоумѣніе приводитъ, тѣмъ болѣе, что въ почтеннѣйшемъ письмѣ в. с. отъ 7-го числа изволили меня увѣдомить, что въ слѣдъ за онымъ на разные предметы оффиціально разрѣшенія ваши мнѣ доставить изволите. Писавъ же весьма пространно къ вамъ обо всемъ нужномъ, по послѣдней почтѣ, т. е. Августа 15-го дня ничего не смѣю донести кромѣ того, что сего Августа 17-го числа ученіе въ университетѣ и его гимназіи воспріяло свое начало.

Москва. Августа 18-го дня, 1810.

22.

Много и вседушевно благодарю в. с. за ваше предписаніе касательно цензуры. Оное крайне было нужно и крайне меня успокоило. Не могу еще вдругъ рѣшиться на избраніе лекторовъ, но не замедлю сего исполнить и напишу для нихъ совсѣмъ особую инструкцію, по коей они поступать должны будутъ. Знаю напередъ, что многимъ сіе ограничиваніе крайне будетъ непріятно, ибо я свѣдалъ, что тутъ за пропускъ книгъ нѣкоторымъ людямъ были барыши и подарки, что теперь прекратится. Будутъ также ропоты и со стороны пустыхъ литераторовъ, но къ этому надобно приготовиться и лучше потерпѣть поношеніе, нежели не поставить твердаго оплота сей, изъ разныхъ нечистыхъ источниковъ стремительно текущей, водѣ соблазновъ, порождающей терніе, волчецъ, на подавленіе сѣмянъ истиннаго просвѣщенія возростающее.

Бумаги канцелярскія я получилъ исправно, не разбиралъ ихъ еще потому, что Каченовскій въ отлучкѣ и поѣхалъ визитаторомъ. Желаю в. с. въ новомъ домѣ новаго счастія и чистыхъ удовольствій. Простите мнѣ ради Бога, что я пишу не складно; одиннадцатый день какъ жена моя больна такъ опасно, что я идей не могу порядочно въ умѣ моемъ составить, нетокмо положить ихъ на бумагу. Если къ слѣдующей почтѣ поспокойнѣе буду, то и писать лучше буду въ силахъ.

Москва. Августа 29 дня 1810.

23.

За должность почитаю в. с., яко благодѣтелю моему донести, что сегодня поутру графъ Иванъ Васильевичъ призывалъ меня къ себѣ и выговаривалъ мнѣ, что у меня собираются М. [1]) и совѣтовалъ мнѣ отъ этого заблужденія отстать, и чтобы у меня не собирались. Я отвѣчалъ то, что должно, т. е. что всѣ, кои ѣздятъ ко мнѣ, люди извѣстные и не подозрительные. А потомъ разныя были объясненія весьма пространныя, по коимъ видно, что е. с. натолковано много пустого. Почему и прошу в. с. буде бы случилось, что въ Петербургѣ на меня что-либо донесено было, то защитить меня отъ всякой клеветы, ибо вамъ извѣстны мои связи, и всѣ люди кои ко мнѣ ѣздятъ, то кто-жъ лучше васъ меня отъ всѣхъ злыхъ навѣтовъ оградить можетъ. Предаю себя волѣ Господней и требую при семъ случаѣ вашей защиты и покровительства.

Москва. Сентября 5 дня, 1810 года.

24.

Искренно радуясь, что медицинская въ государствѣ часть вошла въ составъ ввѣреннаго в. с. министерства, долгомъ почитаю сообщить вамъ по сему предмету мысли мои, кои, можетъ статься, и одобренія вашего удостоятся. Вотъ онѣ: для лучшаго по медицинской части устройства, да и для собственнаго вашего облегченія, нужно бы мнѣ кажется, чтобы всѣ медицинскіе чины были непосредственно подчинены и подвѣдомственны попечителю того округа, гдѣ они обрѣтаются и относились бы каждый къ своему попечителю, а сей бы вамъ дѣлалъ представленія, извлекая нужнѣйшее и сокращая число бумагъ. А безъ того вы будете завалены и обременены отовсюду и отъ разныхъ лицъ такимъ количествомъ бумагъ, что не будете имѣть возможности отъ нихъ отдѣлаться. Я съ своей стороны побуждаюсь принять смѣлость сіе вамъ представить и потому, что, вѣдая, какія здѣсь въ Москвѣ вредныя злоупотребленія и отъ врачей и отъ аптекъ, смѣю в. с. отвѣчать, что, буде по вышеписанному начертанію сія часть въ моемъ округѣ мнѣ поручена будетъ, то я не дремлющимъ окомъ буду смотрѣть за всѣми медицинскими чинами, здѣсь находящимися, а паче за аптеками, въ коихъ здѣсь почти ежедневно выходятъ удивительныя и опасныя происшествія. Напримѣръ, цѣны берутъ какія хотятъ, что въ одной стóитъ 2 рубля, то въ другой 6 рублей. Пошлютъ за лекарствомъ, чтобы тотчасъ получить, аптекарь откладываетъ до завтра, а больной умираетъ и страдаетъ и пр. Множество

[1]) Масоны.

подобныхъ сему анекдотовъ доказать можно. Положить сему преграды ничѣмъ инымъ не можно, какъ строгимъ мѣстнымъ надзоромъ начальника, имѣющаго вѣсъ и по званію своему и по чину. А какъ уже медицинская часть поступила въ вѣдомство ваше, то вамъ весьма легко сдѣлать сіе распоряженіе крайне для человѣчества полезное и для васъ самихъ облегчительное.

Москва. Сентября 12 дня, 1810 года.

25.

Г. ректоръ донесъ мнѣ, что за находящееся близъ нашего Ботаническаго сада порожнее мѣсто, огородники предлагаютъ по 400 рублей найма въ годъ и согласны оное нанять на четыре года; поелику же нынѣ оное мѣсто никакой университету пользы не приноситъ, а токмо г. профессоръ Гофманъ пользуется снимаемымъ съ сего мѣста немалымъ количествомъ сѣна, то мнѣ казалось бы полезнѣе отдать сіе мѣсто огородникамъ и получать съ него доходъ, тѣмъ паче, что къ обработанію онаго для Ботаническаго сада мы способовъ не имѣемъ, и что сіе стоить будетъ крайне дорого. Не смѣя однакожъ приступить къ сему, не вѣдая о томъ вашихъ мыслей, предаю сіе г. ректора предложеніе на разсмотрѣніе в. с., ожидая на то вашего разрѣшенія. Осмѣливаюсь при семъ случаѣ напомнить в. с. о Тимковскомъ [1]), Грузиновѣ [2]) и Дружининѣ, о коихъ я давно имѣлъ честь мое представленіе вамъ сдѣлать. Сіи три достойные человѣка намъ необходимо нужны, и я со свойственною мнѣ откровенностію пріемлю смѣлость в. с. сказать, что у насъ съ такимъ ревніемъ людей весьма мало, но боюсь, что неодобреніе приведетъ ихъ въ уныніе.

Сверхъ того осмѣливаюсь и о другихъ моихъ представленіяхъ ходатайствовать и о нихъ заботиться долженъ я тѣмъ вящше, что неутвержденіе оныхъ со стороны в. с. производитъ толки, якобы ваши расположеніи ко мнѣ перемѣнились, что, какъ вамъ извѣстно, и для самой службы вредно быть можетъ, поселяя въ подчиненныхъ моихъ нѣкое къ моему образу дѣйствованія недовѣріе и неуваженіе. Простите мнѣ м. г. сіе искреннее изліяніе, вы сами отъ меня откровенности требовали, то и не въ силахъ я скрыть предъ вами ни малѣйшаго движенія моего сердца, поколику оно къ благу службы относится.

Москва. Сентября 12 дня, 1810 года.

---

[1]) Романъ Өедоровичъ Тимковскій, ординарный профессоръ греческой и латинской словесности, † 1820.

[2]) Илья Егоровичъ Грузиновъ, ординарный профессоръ анатоміи, физіологіи и судебной медицины, † 1813.

26.

За нужное почитаю донести в. с., что неоднократно г. ректоръ, деканы и разные чиновники приносили мнѣ жалобы на секретаря правленія Тимонова, что онъ въ правленіи споритъ, шумитъ, даетъ свои мнѣнія, останавливаетъ дѣла, возражаетъ неправильно, самымъ грубымъ и запальчивымъ образомъ, приписывая себѣ право дѣйствовать яко прокуроръ, но самый безтолковый. Я призывалъ г. Тимонова, тому мѣсяца съ два назадъ, совѣтовалъ ему очень кротко уняться, но, объясняясь съ нимъ, нашелъ въ немъ глупаго и заносливаго подъячаго, коего избаловали кротостію своею присутствующіе въ правленіи и поселили въ немъ мысль, что безъ него университетъ обойтиться не можетъ. Я думалъ, что мое увѣщаніе подѣйствовало, но ошибся. Тѣ же продолжаются исторіи, тѣ же шумы и при каждомъ присутствіи споры, крики и подъячества всѣмъ досадныя, крючки и притязанія. Новыя жалобы отъ ректора съ симъ изреченіемъ: *Тимоновъ насъ всѣхъ загонялъ*. Я рѣшился дать правленію предложеніе, съ коего копію в. с. при семъ представить честь имѣю, дабы в. с. предварительно вѣдали обо всемъ, буде бы и жалоба какая на меня до васъ достигла. Буде же и послѣ сего Тимоновъ не уймется, то я приму смѣлость формальное сдѣлать о немъ в. с. представленіе съ просьбою объ избавленіи меня отъ сего шалуна, который крайне мнѣ надоѣлъ, ибо со вступленія моего въ должность ни на кого столь много разнообразныхъ жалобъ не было—какъ на него.

В. с. мое безпристрастіе извѣстно,—извѣстно и то, что подчиненность и порядокъ суть душа всякой службы, а потому и смѣю надѣяться, что изволите одобрить какъ предложеніе мое, такъ и предварительное мое вамъ о семъ донесеніе.

Москва. Сентября 15 дня, 1810 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

№ 1.

Правленію Императорскаго московскаго университета.

Неоднократно до моего свѣдѣнія доходило, что онаго правленія секретарь надворный совѣтникъ Тимоновъ, выступая изъ предѣловъ своей должности, не токмо входитъ въ сужденіе по дѣламъ, въ правленіе поступающимъ, даетъ по онымъ свои мнѣнія, стремится останавливать намѣреваемыя резолюціи и представленія, чего онъ яко секретарь отнюдь не долженъ смѣть дѣлать, но еще до того забывается, что дѣлаетъ возраженія гг. ректору, синдику и деканамъ,

производить съ ними пренія съ непристойнымъ крикомъ и запальчивою горячностію, присовокупляя къ тому постороннія, несвязныя и неприличныя объясненія. А поелику, таковое ни съ чѣмъ несообразное нарушеніе должнаго порядка и подчиненности ни въ какомъ благоустроенномъ мѣстѣ терпимо быть не можетъ, то рекомендую правленію, чтобы оно въ присутствіи своемъ вразумило г. Тимонова о его обязанности, внушило бы ему, что онъ долженъ въ тишинѣ, молчаніи и безпрекословномъ повиновеніи исполнять приказываемое ему отъ ректора, синдика и декановъ, яко старшихъ его членовъ, правленіе составляющихъ, напомянуло бы ему, что онъ не есть прокуроръ, а токмо секретарь и, сдѣлавъ ему за толь безпорядочные поступки строжайшій выговоръ, объявило бы ему, что, буде онъ, Тимоновъ, послѣ сего не взойдетъ въ предѣлы благопристойности, не соблюдетъ должнаго во всякомъ присутственномъ мѣстѣ благоговѣнія и буде дойдетъ паки до моего свѣдѣнія, что онъ свои шумныя и многоглаголивыя изверженія продолжаетъ, то я вынужденъ буду сдѣлать мое представленіе о немъ вышнему начальнику, яко о чиновникѣ безпокойномъ, сварливомъ и въ службѣ долѣе быть терпимымъ не могущимъ. На подлинномъ подписано:

Павелъ Г. Кутузовъ.
Сентября 15, 1810 г.

№ 2.

Правленію Императорскаго московскаго университета.

Въ представленномъ ко мнѣ спискѣ служащихъ въ Императорскомъ московскомъ университетѣ чиновниковъ показано, что г. профессоръ Маттей [1]) состоитъ въ службѣ университета съ 1775 года, изъ дѣлъ же покойнаго попечителя Муравьева видно, что онъ, профессоръ Маттей, вступилъ въ службу университета въ 1803 году, да и въ теченіи 5-ти съ половиною лѣтъ отправленія мною званія куратора университета его, Маттея, въ службѣ онаго не состояло, а потому толь грубую въ спискѣ ошибку, прибавляющую чиновнику 19 лѣтъ службы, приписывая ничему иному, какъ неосмотрительности опрометчиваго секретаря надворнаго совѣтника Тимонова, предлагаю

[1]) Христіанъ-Фридрихъ Маттеи, ординарный профессоръ греческой и латинской словесности. Онъ опредѣленъ былъ въ 1776 г. сперва экстраординарнымъ, а потомъ ординарнымъ профессоромъ словесныхъ наукъ. Въ 1784 г. онъ вышелъ въ отставку и вернулся въ Саксонію, оставаясь, впрочемъ, членомъ-корреспондентомъ московскаго университета. Въ 1804 онъ снова вступилъ на прежнюю должность и оставался въ ней до смерти въ 1811. (Біографическій словарь профессоровъ московск. университета, II, 26). Не понимаемъ, что означаетъ замѣчаніе Кутузова, что Маттеи не состоялъ на службѣ съ 1805 года.

правленію ему, Тимонову, за толь непростительную ошибку сдѣлать въ присутствіи строгій выговоръ съ таковымъ подтвержденіемъ, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе подъ опасеніемъ строжайшаго по законамъ взысканія. На подлинномъ подписано:

Павелъ Г. Кутузовъ.
Сентября 15 дня, 1810 г.

26.

Во-первыхъ, имѣю честь в. с. донести, что на сей почтѣ, пришедшей сюда сего Сентября 17-го дня, не получилъ я ни единаго отъ васъ отношенія, хотя, по обстоятельствамъ, и имѣлъ причины ожидать, какъ разрѣшеній вашихъ на мои разныя представленія, такъ и отвѣта на разные предметы, по существу ихъ для моего успокоенія крайне важныя. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы, и чтобы я вскорѣ обрадованъ былъ вашимъ милостивымъ писаніемъ, котораго по обстоятельствамъ я не могу ожидать иначе какъ съ желательнымъ нетерпѣніемъ. Простите мнѣ, м. г. и благодѣтель, ежели въ теченіе трехъ недѣль мои къ вамъ отношенія какъ оффиціальныя, такъ и партикулярныя были не связны, не складны и торопливы. Я находился въ горестнѣйшемъ положеніи, каковаго въ жизни моей не случалось, ибо добрая моя подруга и помощница [2]), на коей лежитъ вся заботливость бѣднаго моего хозяйства, была толь опасно больна, что, изготовляясь къ преселенію въ лучшую жизнь, была исповѣдана и причащена Святыхъ Таинъ. Благодареніе Господу Богу, благодѣтелямъ и друзьямъ, не оставлявшимъ подкрѣплять меня въ сей неописанной скорби, лишавшей меня всѣхъ силъ и способностей, кои отъ крайняго сокрушенія и неизъяснимаго страданія были подавлены до такой степени, что я не въ силахъ былъ не токмо писать, но ниже мыслить порядочно. Только пять дней, что возсіялъ лучъ надежды къ возстанію страждущей, а потому и съ сердца моего свалилось тяжелое бремя, меня угнетавшее, и дало мнѣ свободу паки вступить въ кругъ моего порядочнаго дѣйствованія.

Москва. Сентября 19-го, 1810 г.

27.

На почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 27-го минувшаго Сентября, честь имѣю донести: 1) что ущедренные вами и я самъ столько обрадованы, что словъ не достаетъ нашихъ чувствій выразить, а мое обра-

[2]) Елена Ивановна Голенищева-Кутузова, рожденная княжна Долгорукова, † 1850.

дованіе сугубое есть, потому что сіе ихъ пожалованіе увѣряетъ меня въ обладаніи неоцѣненнаго для меня сокровища, т.-е. милости, вниманія и довѣренности в. с. къ моимъ представленіямъ и просьбамъ, за каковое меня, при моихъ скорбяхъ, одобреніе да утѣшитъ васъ Господь Богъ Своею милостію и да наградитъ всѣми дарами неистощимыя Его благодати; 2) касательно Грузинова искренно донесу в. с. что я о всей прописываемой вами исторіи о поступкахъ Грузинова по сей часъ не имѣлъ никакого понятія и ничего не имѣлъ въ виду, кромѣ представленнаго о немъ отъ совѣта одобренія, на коемъ утвердясь и сдѣлалъ мое в. с. представленіе, а если бы я вѣдалъ толь основательное в. с. о немъ заключеніе, то не осмѣлился за него и ходатайствовать и отнынѣ пребуду въ разсужденіи участи его въ совершенномъ безмолвіи; 3) о Тимковскомъ общая молва, личное съ нимъ знакомство и обрѣтеніе въ немъ отличныхъ свѣдѣній, скромности и самой лучшей нравственности, побуждаютъ меня надѣяться, что в. с. изволите обратить на него, Тимковскаго, милостивое ваше вниманіе и произведеніе его утвердить; 4) о профессорѣ Реннерѣ [1]) я ни отъ кого ни слова не слыхалъ, а его самого видѣлъ у васъ въ Горенкахъ въ первый разъ; приласкалъ его, какъ человѣка умнаго и казавшагося мнѣ добрымъ; потомъ онъ былъ у меня и говорилъ слегка, что хотѣлъ бы служить въ университетѣ; я совсѣмъ не зная, что вамъ то угодно и даже, что онъ в. с. знакомъ, сказалъ ему, что я не смѣю ни представить о семъ, ни самъ рѣшиться, не зная, угодно ли то будетъ в. с., какъ и того, что не сохраняете ли вы ветеринарной каѳедры для кого другого, а теперь, зная волю вашу и въ первый разъ о ней получа свѣдѣніе изъ письма вашего, немедленно приступлю къ помѣщенію г. Реннера, ибо, еще повторяю, и по службѣ и по всѣмъ отношеніямъ дѣлать вамъ угодное есть для меня законъ священный и неприступный.

Отъ всего сердца приношу в. с. мою чувствительнѣйшую благодарность за пріемлемое вами благодѣтельное участіе въ бѣдной моей больной, которая, по благости Божіей, начинаетъ оправляться, что тѣмъ болѣе меня радуетъ, что она была совсѣмъ безнадежна и что чудесно Господь Богъ, съ самаго часа пріобщенія ея Св. Таинъ, возвратилъ ей жизнь и здравіе, за что буди Его милосердію вѣчная слава и хвала.

Касательно помѣщенія въ гимназію молодого человѣка, о коемъ писать изволите, Алексѣй Алексѣевичъ [2]) мнѣ еще не говорилъ, а вашимъ именемъ просилъ меня о помѣщеніи въ канцелярію двухъ

[1]) Теоболинъ Реннеръ—ординарный профессоръ ветеринарной науки. Оставался въ университетѣ до 1812 г., † въ Іенѣ 1850.

[2]) Перовскій.

дворянъ Соболевскихъ [1]), что еще на прошедшей недѣлѣ исполнено, и я далъ предложеніе о принятіи ихъ канцеляристами. О чемъ Алексѣй Алексѣевичъ обѣщалъ в. с. донести.

Москва. Октября 3 дня, 1810.

28.

По сей же почтѣ, посылая оффиціальную бумагу о добромъ, почтенномъ и дряхломъ нашемъ заслуженномъ профессорѣ Керестури [2]), осмѣливаюсь представленіе мое о немъ подкрѣпить всепокорнѣйшею моею просьбою о доставленіи въ ободреніе слѣдующаго чина сему старцу, который, по видимымъ его болѣзненнымъ припадкамъ и крайней слабости, конечно, недолго своимъ чиномъ наслаждаться будетъ, но въ утѣшеніе его и по усиленной его просьбѣ, не могъ я отказать въ сдѣланіи сего о немъ представленія, которое и передаю человѣколюбивому вашему ходатайству. По разнесшимся здѣсь слухамъ—будто жалованію сенаторамъ не только будетъ прибавка, но даже, что оное возрастетъ до 12,000 р. въ годъ, сугубо побуждаюсь всеусердно в. с. просить о приложеніи отеческаго вашего попеченія, чтобы я въ числѣ сенаторовъ по прежнему остался, ибо таковое жалованіе величайшимъ подкрѣпленіемъ мнѣ послужитъ, а лишеніе онаго въ сравненіи съ другими моими товарищами, коимъ я въ дѣятельности не уступаю, почелъ бы я и обидою и несчастіемъ. При семъ пріемлю смѣлость сказать мое размышленіе, что при таковомъ знатномъ увеличеніи жалованія естественно ожидать должно, что каждый сильный и могущій потщится помѣстить кого-либо изъ покровительствуемыхъ имъ, а для очищенія мѣстъ удалить прежнихъ, хотя и давно во храмѣ Ѳемиды съ усердіемъ и безпристрастіемъ трудящихся; а поелику в. с. и при помѣщеніи меня въ попечители на опытѣ видѣть изволили, колико возникало на меня козней вражіихъ, единымъ благодѣтельнымъ вашимъ ходатайствомъ отвращенныхъ, то можно заключить, что и при настоящемъ случаѣ таковые недоброхоты еще вящше противу меня ополчатся. Да поможетъ вамъ Богъ меня отъ нихъ оградить и удержать во храмѣ Ѳемиды, въ коемъ я съ такимъ же усердіемъ и дѣятельностію, какъ и во храмѣ Музъ служеніе мое продолжая, могу быть въ обѣихъ сихъ святилищахъ отечеству моему полезенъ, тѣмъ паче, что и многіе мои товарищи по два и по три мѣста занимаютъ.

Москва. Ноября 10 дня, 1810.

---

[1]) Родственники матери гг. Перовскихъ, Маріи Михаиловнѣ Соболевской, впослѣдствіи Денисьевой.

[2]) Францъ Францовичъ Керестури, ординарный профессоръ анатоміи и хирургіи, † 1811.

P. S. Я никогда при всемъ моемъ смиреніи не могъ себя поставить ниже Потоцкова (sic) [1]) и Клингера [2]). Первый и сенаторъ и попечитель, а второй и 5 мѣстъ занимаетъ, къ несчастію нашего отечества, а потому и смѣю надѣяться, что хотя при двухъ мѣстахъ меня оставя яко имѣющаго уже то наружное преимущество, что я не полякъ и не иллюминатъ, что весьма ясно доказано быть можетъ свидѣтельствомъ всѣхъ благомыслящихъ людей, то, по наружности же и по свѣтскимъ приличностямъ вещи размѣряя, обидно и прискорбно русскому дворянину, привязанному ко благу отечества, меньше имѣть выгодъ, нежели полякъ и иллюминатъ.

29.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ, на сей же почтѣ отправленныхъ, бумагъ, за нужное почитаю донести в. с., что отсюда отправиться мнѣ никакъ невозможно будетъ прежде Января, по слѣдующимъ дѣламъ, не терпящимъ отсрочки: 1) Торгъ дому типографіи, яко самую необходимую для насъ потребность, долженъ я уладить, да и матеріалы подряжать, кои зимою гораздо дешевле, а безъ меня ни на покупку дома, ни на подрядъ матеріаловъ рѣшиться университетъ не можетъ. 2) О лопухинскомъ домѣ для гимназіи уповая, что разрѣшеніе скоро отъ васъ будетъ, должно будетъ, не тратя времени, приступить къ дѣлу, а когда зимнее время упустимъ, то весною все въ-три-дорога купимъ, что все я надѣюсь въ теченіе Декабря устроить. 3) Изъ бумаги моей оффиціальной объ ассигнованіи полной суммы, на училища положенной, изволите увидѣть мои мысли о распоряженіяхъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, въ какихъ именно городахъ московской губерніи, а поелику она самоважнѣйшая, то и предполагаю я прежде всего ее объѣздить, обозрѣть и устроить, а тамъ и въ другія губерніи пуститься. 4) Экзаменъ въ благородномъ пансіонѣ будетъ около половины Декабря; вы сами изволите знать, что по заведенному тамъ устройству и охотѣ производить въ студенты, надобно за экзаменомъ крѣпко посмотрѣть, какъ вы и сами приказывать изволили, да и за самою раздачею награжденій потребенъ внимательный надзоръ. 5) Дмитревскому и учителю, съ коимъ у него исторія, предписано сюда явиться, и мнѣ надобно, по вашему предписанію, это дѣло кончить. Почему и надѣюсь, что в. с., всѣ причины и распоряженія мои одобря, не изволите мнѣ вмѣнить въ вину, что я до Января не поѣду.

Еще же за нужное почитаю в. с. напомнить, касательно прибавки

[1]) Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, попечитель харьковскаго университета, д. т. с., членъ госуд. совѣта, † 1829.

[2]) Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ, попечитель дерптскаго университета, † 1831.

суммы отъ здѣшняго приказа общественнаго призрѣнія, о коей мы здѣсь говорили, и я представилъ вамъ копію съ бумаги, писанной отъ графа Ивана Васильевича [1]) къ г. министру полиціи [2]), отъ коего на сію сумму потребно разрѣшеніе, коего графъ Иванъ Васильевичъ по сіе время еще не получалъ, то не разсудите ли за благо о семъ г. министру полиціи напомнить; ибо и графъ Иванъ Васильевичъ сего только ожидаетъ, чтобы на гимназію отпустить требуемую изъ приказа сумму. Послѣ завтра, т.-е. въ субботу, 3-го числа, ѣдетъ отсюда человѣкъ знакомый, то и предоставляю себѣ еще имѣть счастіе писать къ в. с. о томъ, о чемъ не успѣлъ донести на сей почтѣ.

Москва. Декабря 1 дня, 1810.

30.

За нужное почитаю донести в. с., что г. исторіографъ Карамзинъ сегодня отправляется въ Петербургъ и, по достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ, ѣдетъ именно нарочно для того, чтобы дѣйствовать противу васъ и, яко депутатомъ отъ всего историческаго общества, просить, что они всѣ несправедливо обижены. Между прочимъ, одинъ изъ его знакомыхъ вопрошалъ его, зачѣмъ онъ ѣдетъ, то онъ ему отвѣчалъ: *затѣмъ, чтобы Разумовскій и его весь затѣи полетѣли къ чорту*. Противу же указа и противу васъ онъ говоритъ публично, и, словомъ сказать, самолюбіе его такъ оскорблено, что онъ въ ярости и бѣшенствѣ и не думалъ ѣхать въ Петербургъ до разрушенія общества; а теперь нарочно ѣдетъ. Пристанетъ онъ у г. министра юстиціи, съ коимъ онъ очень друженъ, а потому и мѣры берите, какія ваше благоразуміе и твердость вамъ внушитъ. Его же намѣреніе все и цѣль та, чтобы новое общество не утвердилось и даже говоритъ, что онъ будетъ имѣть особую бесѣду съ Государемъ.

Главныя и сильнѣйшія мѣры тѣ, что я вамъ неоднократно писалъ: нужно необходимо его демаскировать какъ человѣка вреднаго обществу и коего всѣ писанія тѣмъ опаснѣе, что, подъ видомъ пріятности, преисполнены безбожія, матеріализма и самыхъ пагубныхъ и возмутительныхъ правилъ; да и безпрестанные его публичные толки вездѣ обнаруживаютъ его яко якобинца. Возьмите даже его Марфу Посадницу. Какой республиканскій духъ, и какая пустая выдумка, имѣющая цѣлію только воспалять духомъ республиканскимъ!

Вложилъ въ уста пьяной и глупой бабы ораторскія рѣчи въ защиту вольности новгородцевъ и заставилъ ее говорить какъ Демосѳена. И позволено-ли историческое происшествіе, бывшее недавнѣе какъ

[1]) Гудовича.

[2]) Балашеву.

за 200 лѣтъ, исказить вымыслами и на какой конецъ какъ на якобинскій? Я скоро очень доставлю вамъ выписку изъ проклятыхъ его сочиненій, гдѣ увидите весь ядъ, который онъ разлить старался на бѣдное наше юношество, полюбившее, къ несчастію, его бредни. Не въ чины его жаловать надобно, а велѣть присматривать за нимъ и за его знакомыми. У него бываютъ сборища, гдѣ любимые разговоры — кощунства на счетъ религіи и св. писанія, коими онъ явно ругается! Возьмите хоть одну маленькую его книжку, вездѣ продающуюся, подъ названіемъ *Разговоръ о счастіи*, и увидите явный матеріализмъ и зловредное для юношества ученіе. А у насъ въ университетѣ его сочиненія какъ модель штиля сдѣлались классическими. Я не могу формально противъ этого возстать, ибо всѣ возопіютъ: *это личность*. А вы предписать это можете.

Да и что за авторъ! куда онъ годится! противенъ всякой нравственности, а штиль, про который такъ кричатъ, не вѣдающіе русскаго языка! штиль самый дурной, неправильный и не русскій! Загляните въ книгу *О старомъ и новомъ русскомъ слогѣ*, сочиненную вице-адмираломъ Шишковымъ, или удостойте Шишкова о семъ поговорить, онъ ясно доказываетъ, что сей авторъ худо грамотѣ знаетъ. Но какъ бы то ни было, поѣхалъ онъ въ Петербургъ не за добромъ, а съ великими замыслами и интригами, вся его партія здѣсь уже заранѣе ему какъ идолу поклоняется, думая, что онъ будетъ случайнымъ человѣкомъ. Профессоры наши курятъ ѳиміамъ передъ нимъ и многіе были въ первый день праздника съ визитомъ, а у меня не были. Вотъ какое онъ вліяніе здѣсь имѣетъ. Вы одни можете уронить его цѣну и сдѣлать, чтобы онъ не такъ у двора принятъ былъ, какъ его обожатели воображаютъ, и чтобы не съ тріумфомъ сюда возвратился, какъ они всѣ увѣрены. А самое сильное для него пораженіе: 1) если уставъ общества исторіи утвердится, ибо онъ увѣряетъ всѣхъ, что онъ утвержденію его помѣшаетъ; 2) если вы, яко отъ самихъ себя, разсудить изволите написать ко мнѣ бумагу, что его сочиненія не употреблять, яко классическія, въ университетѣ и во всѣхъ училищахъ.

Исторіею же своею, коей еще не видалъ никто, или весьма малое число людей видѣли, хвастаетъ онъ заранѣе, что всѣ наши хроники, всѣ писатели прежде него врали, а онъ откроетъ свѣтъ въ нашей исторіи! Но заранѣе можно сказать, что это будетъ романъ, ибо самъ онъ говорилъ, что на русскихъ хроникахъ не утверждался, а основывался на иностранныхъ, напримѣръ, на Омаріѣ и ему подобныхъ. Тутъ только одно замѣчаніе г. исторіографу сдѣлать можно, а именно: что ежели новѣйшіе иностранные писатели, какъ-то: Леклеркъ, Шапъ, Перень врали на счетъ Россіи небылицы и тогда, когда мы со всею Европою въ сношеніи, то могли ли о насъ справедливо писать

древнѣйшіе иностранцы, на коихъ г. исторіографъ утверждается. Несторъ бредитъ, по его мнѣнію, яко глупый монахъ, и вотъ развязка, почему Нестора нарочно въ угожденіе ему Чеботаревъ не далъ издавать, дабы дать время выдать исторію и дабы изданіе Нестора не ускорило и не изобличило бы лживости г. исторіографа и не опровергло бы всѣхъ его вымысловъ и фантазій. Это у него съ Чеботаревымъ условлено было и онъ летитъ въ Петербургъ, дабы и намъ помѣшать его изобличить изданіемъ вѣрныхъ лѣтописей. Итакъ, в. с. лучше меня изволите знать, какія брать мѣры для чести университета, для блага общаго и для собственной вашей славы предъ публикой, которая, буде нашъ уставъ не утвердится, еще болѣе будетъ прославлять и достоинство и силу г. исторіографа, такъ уже щедро награжденнаго за одно намѣреніе издать исторію.

Простите мнѣ в. с. мое многоглаголаніе: оно изъ одной любви къ отечеству проистекаетъ. Я только-что сегодня свѣдалъ о поѣздкѣ г. исторіографа, то и поспѣшилъ на тяжелой почтѣ о семъ васъ увѣдомить. Спѣшу послать разговоръ его о счастіи. Этимъ можете его изобличить. Ядовитыя мѣста противу нравственности нарочно мною подчеркнуты, потрудитесь хоть взглянуть на нихъ. Я вскорѣ къ вамъ пришлю выписку изъ всѣхъ его сочиненій.

Москва. Декабря 2 дня, 1810 г.

31.

Во-первыхъ, имѣю честь донести в. с., что общество историческое образовано. Президентъ выбранъ Бекетовъ [1]) по причинамъ, о коихъ я имѣлъ честь прежде вамъ доносить, да и потому: 1) чтобы не сказано было, что я, желая президентства, противу сего общества дѣйствовалъ; 2) что по занятіямъ моимъ мнѣ и свободнаго времени мало. Правило или уставъ, въ коемъ все къ лучшему придумано, готовъ, и ежели на завтрашней тяжелой почтѣ не успѣю, то непремѣнно на слѣдующей и уставъ и протоколъ перваго засѣданія буду имѣть честь при оффиціальномъ моемъ донесеніи в. с. представить.

Ведя неутомимую мою дѣятельность, прошу, по приложенной при семъ запискѣ, попещись о доставленіи какого-либо упадающему моему духу ободренія, которое и для васъ самихъ предъ глазами публики нужно показать поддержаніемъ моихъ трудовъ, подъ вашимъ руководствомъ къ пользѣ общей дѣйствующимъ. За нужное почитаю вамъ, яко благодѣтелю моему, сказать о нѣкоемъ слухѣ касательно учебныхъ польскихъ фундушей и особымъ по онымъ и будто бы весьма удивительнымъ дѣйствіямъ г. Мартынова, что слышавъ отъ раз-

[1]) Платонъ Петровичъ Бекетовъ, извѣстный любитель археологіи, р. 1761 † 1836.

ныхъ вѣроятія достойныхъ людей, получилъ, наконецъ, подтвержденіе о томъ же отъ Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, съ такимъ отъ него объясненіемъ, что ежели в. с. примете трудъ обстоятельнаго и искренняго о семъ донесенія потребовать отъ находящагося при васъ г. Дьяченка, то удостовѣритесь въ истинѣ сего дѣла, которое казалось мнѣ толикой важности, что должно было довести его до вашего свѣдѣнія, да и помыслилъ я, что, свѣдавъ такіе слухи и не сообщивъ ихъ вамъ, погрѣшилъ бы я противу совѣсти, и противу благодарности, коею я вамъ обязанъ.

Отъ всего сердца поздравляя в. с. какъ съ наступающимъ воспоминательнымъ торжествомъ воплощенія Христа Спасителя, желаю да Онъ со всѣми дарами Его родится въ ясляхъ доброй души вашей и повитъ будетъ пеленами вашея теплыя вѣры, такъ и съ новымъ годомъ, съ коимъ Господь да обновитъ юность духа вашего, яко орла, и поможетъ вамъ непрестанно обновлять во благѣ, въ чистой и непорочной радости, коимъ да сопутствуютъ всѣ благословенія и милости, ихъ же посылаетъ Господь любящимъ его.

Москва. Декабря 22 дня, 1810 г.

32.

Старшины благороднаго собранія, удостоясь получить Высочайшій рескриптъ, съ коего копію при семъ прилагаю, просили меня усердно сочинить на сей случай хоръ; я, и по внушеніямъ сердца моего и по ихъ желанію, сіе исполня, имѣю честь послать къ в. с. нѣсколько экземпляровъ, прося, буде заблагоразсудите, довести сіе до свѣдѣнія И. И. В., я же и не смѣлъ, и не желалъ инымъ путемъ оныя кому либо доставить.

Москва. Января 9 дня, 1811.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Господа Старшины Россійскаго благороднаго собранія, Мнѣ всегда пріятно вспоминать время, когда личнымъ Моимъ среди васъ присутствіемъ могъ Я дать московскому благородному обществу новый опытъ отличнаго Моего къ нему вниманія. Принявъ тогда званіе члена благороднаго собранія, нынѣ съ удовольствіемъ оное возобновляю. Симъ желаю Я означить, сколь много цѣню Я чувства приверженности, коими сословіе сіе всегда отличалось. Союзъ, полагаемый усердіемъ его членовъ и Моимъ къ нимъ благорасположеніемъ, пребудетъ неразрывенъ. И въ отсутствіи Моемъ, среди васъ Я находиться буду-

Пребываю вамъ всегда благосклонный. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

Александръ.

Въ С.-П-бургѣ. 29 Декабря, 1810 г.

33.

За нужное почитаю донести в. с., что г. адъюнктъ Андрей Чеботаревъ [1]) просилъ у меня позволенія ѣхать въ Петербургъ. Я, зная его необузданное поведеніе и дерзкій языкъ, кои уже на замѣчаніи здѣшняго правительства неоднократно были, а изъ того предполагая, что присутствіе г. Чеботарева въ Петербургѣ не можетъ принести чести университету, да даже и всякой исторіи отъ него ожидать можно, объявилъ ему, что, безъ вашего позволенія, я уволить его не смѣю; а потому покорнѣйше в. с. прошу для избавленія меня отъ приступовъ г. адъюнкта предписать мнѣ, что вы не соизволяете на его отпускъ, по извѣстнымъ вамъ его шалостямъ, которыя и по нынѣ въ разныхъ видахъ и пакостныхъ исторіяхъ продолжаются.

Москва. Января 9 дня, 1811.

34.

За должное почитаю в. с. донести, что по неудовольствію г. владимірскаго губернатора на директора Дмитревскаго, сей послѣдній имъ крайне притѣсняется въ разсужденіи сдѣланнаго в. с. ему директору *особеннаго порученія* [2]) и даже его поѣздка и посѣщеніе [3]) вмѣняются ему въ преступленіе съ весьма дерзкими угровами. А изъ за всего того, лучшее къ прекращенію средство есть переведеніе г. Дмитревскаго въ другое мѣсто, какъ я имѣлъ честь о томъ къ в. с. писать съ изложеніемъ мыслей моихъ, какъ о мѣстѣ, для него готовомъ здѣсь, такъ и о избраніи ему отсюда преемника.

Москва. Января 16 дня, 1811 г.

35.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ на сей же почтѣ посылаемыхъ отношеній за нужное почитаю донести в. с. слѣдующее:

1) Руководствуясь наставленіями вашими о приглашеніи членовъ въ историческое общество, я за обязанность поставилъ самъ лично

---

[1]) Андрей Харитоновичъ Чеботаревъ, адъюнктъ химіи и технологіи, докторъ философіи, этико-политическихъ и физико-математическихъ наукъ, † 1832 г.

[2]) Присматривать за графомъ Кирилою Алексѣевичемъ.

[3]) Въ Суздальскій Спасо-Евфимьевъ монастырь.

съ благодарностію доставить графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину [1]) рукопись древняго Несторова лѣтописца, въ коей мы, благодаря г. Тимковскому [2]), болѣе уже нужды не имѣемъ; а при семъ случаѣ пригласилъ е. с. въ члены вновь составляемаго общества, что онъ принялъ весьма благопріятно, давъ обѣщаніе быть самымъ дѣятельнымъ нашимъ членомъ, и всѣми силами благу общества содѣйствовать.

2) А такъ какъ графъ Алексѣй Ивановичъ объявилъ мнѣ, что онъ сію рукопись непремѣнно отправитъ въ Петербургъ; да и сверхъ того свѣдалъ я, что онъ въ сношеніи съ г. Оленинымъ [3]), пекущимся о скорѣйшемъ изданіи сей лѣтописи, то въ предупрежденіе, чтобы насъ не выпередилъ г. Оленинъ, не благоугодно ли будетъ в. с. испросить, чтобы сія рукопись подарена была вновь составляющемуся историческому обществу.

3) Мы приступимъ немедленно къ печатанію лѣтописца, и всѣ силы употребимъ, чтобы онымъ не мѣшкать. Какъ же скоро получимъ отъ в. с. разрѣшеніе, то и къ другимъ работамъ общество приступитъ, учредя предварительно періодическія засѣданія.

Февраля 13 дня, 1811 г. Москва.

36.

Вчера по почтѣ послалъ я оффиціальныя къ в. с. о разныхъ предметахъ бумаги, а сегодня, по увѣренію О. А. [4]) о вѣрности случая, пишу съ его же совѣта, просивъ его вложить письмо въ его къ вамъ пакетъ и разсудилъ писать то, чего по почтѣ никакъ нельзя вѣрить; итакъ, за нужное почитаю донести в. с. слѣдующее:

1) Вѣрнѣйшія получилъ я свѣдѣнія, что г. Козодавлевъ [5]) крайне не благорасположенъ и къ вамъ и ко мнѣ, всячески подъ нами подыскивается, и почти за вѣрное полагать можно, что каждая ваша бумага ко мнѣ и моя къ вамъ распечатаны бываютъ; и одинъ пакетъ вашъ получилъ я, на коемъ даже весьма примѣтнымъ и неискуснымъ образомъ печать сорвана и приклеена. Но пусть его забавляется, коли

---

[1]) Графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, д. т. с., р. 1744, † 1817, извѣстный археологъ, издатель слова „О полку Игоревѣ“.

[2]) Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій (см. выше), издалъ лѣтопись Нестора по Лаврентьевскому списку. Разсужденіе его о Несторѣ напечатано было въ 1 ч. «Трудовъ Общ. Ист. и Древ. Россійскихъ».

[3]) Алексѣй Николаевичъ Оленинъ, президентъ академіи художествъ, государственный секретарь, † 1842.

[4]) Поздѣева.

[5]) Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, д. т. с., министръ внутреннихъ дѣлъ.

ему досугъ, и наши ученыя сношенія читаетъ, что̀ онъ въ нихъ найдетъ!

2) Весьма значущее и непріятное впечатлѣніе сдѣлало на нашихъ университетскихъ людей производство Кошанскаго въ надворные совѣтники, по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому, что въ 16-й статьѣ утвердительной грамоты сказано, что докторы состоятъ въ 8 классѣ, а токмо профессоры въ 7-мъ, а онъ еще и не адъюнктъ; 2) потому, что онъ многихъ старшихъ себя обошелъ; 3) что въ весьма недавномъ времени ему сдѣланъ въ совѣтѣ выговоръ по предписанію вашему.

3) Не меньше того дивятся тому, что нашъ кандидатъ Константинъ Воиновъ, служащій у насъ на казенномъ содержаніи и получающій жалованье, пожалованъ въ коллежскіе секретари по представленію министра юстиціи, чрезъ коего и указъ объявленъ, о чемъ мы и вѣдѣніе въ сенатъ получили 8 Февраля. По той же утвержденной грамотѣ, кандидаты состоятъ въ 12-мъ классѣ, а Воиновъ произведенъ въ 10-й классъ, то уже многіе старшіе и Кошанскаго и Воинова ко мнѣ приступаютъ о представленіи ихъ къ производству яко обойденныхъ сими двумя человѣками, о коихъ мы и не представляли.

4) За должное почитаю донести в. с., что у насъ гораздо поумножилось число лифляндскихъ дворянъ, слушающихъ профессорскія лекціи; нынѣ ихъ человѣкъ 12 весьма хорошихъ семей и весьма благонравные люди. Я ихъ очень обласкалъ; двое послѣдніе пріѣхавшіе баронъ Будбергъ и Лангель. На вопросъ мой, отъ чего лифляндскіе дворяне не въ Дерптѣ учатся, а къ намъ пріѣзжаютъ, они отвѣчали, что и еще многіе сюда собираются и скоро никого изъ дворянъ въ дерптскомъ университетѣ не останется, ибо-де всю довѣренность потеряли, потому что профессоры явно проповѣдаютъ безбожіе, и пока-де Клингеръ будетъ попечителемъ, то и не будутъ имѣть никакой довѣренности къ университету: ибо-де Клингера вся Лифляндія ненавидитъ яко человѣка дурныхъ правилъ, злобнаго и безбожнаго. Объ этомъ будто уже сбираются и депутацію сдѣлать изъ Риги, что Клингеромъ и университетомъ недовольны. А въ дерптскомъ университетѣ дошло до того, что щеголяютъ безбожіемъ и профессора безъ стыда говорятъ: *„мы-де знаемъ, что попечителю сіе ученіе пріятно и что-де его эта цѣль всѣмъ ученымъ извѣстна, чтобы религію яко предразсудокъ истребить, о чемъ-де есть особыя его тайныя предписанія“*. Я почелъ за нужное васъ о семъ увѣдомить.

5) Профессоръ Фишеръ [1]) просилъ меня представить в. с., что такъ какъ число членовъ общества натуралистовъ ежедневно умно-

[1]) Григорій Ивановичъ Фишеръ фонъ-Вальдгеймъ, заслуженный профессоръ естественной исторіи, р. 1771 † 1853.

жается, а потому и число дипломовъ увеличивается, то во облегченіе ваше, неблагоугодно ли будетъ в. с. разрѣшить, чтобы хотя тѣмъ, кои не такъ чиновны и знатны, дипломы давать за моимъ подписаніемъ, съ прибавкою: *за отсутствіемъ президента подписалъ вице-президентъ.* На что вашего приказанія ожидать буду.

6) Вчера мы выбрали въ члены почетные университета Сергѣя Семеновича [1]), также и въ члены общества натуралистовъ.

7) Общество физико-медицинское подъ руководствомъ Рихтера [2]) работаетъ весьма дѣятельно, акты его скоро выйдутъ; а сверхъ того исторіи медицины въ Россіи [3]), уже вступленіе прекрасно сдѣлано и читано въ послѣднемъ засѣданіи. Рихтеру надобно отдать честь, онъ человѣкъ рѣдкій и неутомимый; мы не ошиблись, избравъ его въ президенты сего общества.

8) Профессоръ Буле объявилъ мнѣ самъ, что онъ въ перепискѣ съ г. Фесслеромъ [4]), что 11 Февраля онъ отъ г. Фесслера получилъ письмо, коимъ сей послѣдній увѣдомляетъ его, что онъ на сихъ дняхъ будетъ въ Москвѣ, что пристанетъ у него Буле и пробудетъ въ Москвѣ недѣли три или болѣе. Естественно заключить можно, что г. Буле предложитъ Фесслеру въ члены нашихъ ученыхъ обществъ: то какъ съ симъ прикажете быть и какъ поступки мои располагать въ разсужденіи г. Фесслера, коего Буле сбирается ко мнѣ привести, ожидаю на сіе вашего отеческаго наставленія. Я-жъ съ моей стороны на г. Фесслера и на пріѣздъ его сюда смотрю яко на желаніе волка вкрасться въ овчарню. А такъ какъ Господь Богъ ввѣрилъ мнѣ, недостойному, два стада, то поддержите меня и пожелайте, да сей волкъ не расхититъ добрыхъ овецъ! Я не наемникъ, то и не убѣгу, а буду, елико силъ достанетъ, радѣть объ овцахъ. Господь да поможетъ мнѣ его милосердіемъ! Не скрою однако же отъ отъ васъ, благодѣтеля моего, что таковой гость не весьма мнѣ пріятенъ.

9) О Реннерѣ и Грузиновѣ вчера по почтѣ послалъ къ в. с. представленія; основываясь на собственныхъ вашихъ о нихъ предположеніяхъ, смѣю надѣяться, что мои представленія одобрить и утвердить изволите.

Вотъ все то, что на сей разъ в. с. донести имѣю; заключаю порученіемъ себя продолженію вашей драгоцѣнной мнѣ милости; при-

[1]) Уварова.

[2]) Вильгельмъ Михайловичъ Рихтеръ, заслуженный профессоръ повивальнаго искусства, докторъ медицины, лейбъ-медикъ, р. 1767 † 1822.

[3]) Geschichte der Medecin in Russland. Moscau, 1813—1817, 3 т.

[4]) Игнатій-Авреліанъ Фесслеръ, родомъ венгерецъ, знаменитый мистикъ, бывшій капуцинъ перешедшій въ протестантство, профессоръ при Александро-Невской академіи, суперинтендентъ въ Саратовѣ и наконецъ генеральный суперинтендентъ въ С.-Петербургѣ, р. 1756 † 1839.

совокупляя сердечную молитву—да Господь Богъ подкрѣпитъ васъ въ великихъ вашихъ подвигахъ, да милость Его и благословеніе пребудутъ съ вами неразлучно во все теченіе вашей жизни.

Москва. Февраля 18 дня, 1811 года.

37.

Не успѣвъ по вчерашней легкой почтѣ отправить, при семъ имѣю честь препроводить къ в. с. прибавленіе къ Московскимъ нѣмецкимъ Вѣдомостямъ, печатаемое при ономъ отъ общества физико-медицинскаго послѣ каждаго онаго ежемѣсячнаго засѣданія, съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы ученая публика видѣла, что оное общество, въ непрерываемой дѣятельности пребывая, засѣданія свои продолжаетъ регулярно. Въ каждомъ же таковомъ къ газетамъ прибавленіи означено вкратцѣ, какія упражненія при каждомъ засѣданіи общество имѣло. Сія мысль и исполненіе оной были отъ меня съ тѣмъ намѣреніемъ произведены въ дѣйствіе, чтобы ясно и несомнѣнно видѣли, что ученыя общества наши не по имени, а въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Весьма я доволенъ буду, ежели в. с. одобрить изволите сіе положеніе, которое, кажется мнѣ, и въ планъ всякаго общества входить должно, почему и оное помѣстилъ въ правилахъ, начертанныхъ мною для историческаго общества, коего члены, и старые и новые, нетерпѣливо новаго бытія сему обществу отъ в. с. ожидаютъ. Ежели мнѣ Богъ помогъ привести въ толь живую дѣятельность общество физико-медицинское, въ коемъ по большей части иностранцы, то судите-жъ, какъ будутъ работать русскіе, съ коими мнѣ гораздо пріятнѣе дѣйствовать, нежели съ иностранцами.

За нужное почитаю донести, что Алексѣй Алексѣевичъ [1]) часто меня посѣщая, наступалъ неоднократно о принятіи его въ нашъ кругъ; я подъ разными предлогами сіе отлагалъ, наконецъ вчера онъ требовалъ еще настоятельнѣе, чтобы я ему непремѣнно сказалъ причины столь долгой отсрочки. Я, будучи уже отъ О. А. [2]) пріуготовленъ и наставленъ, какъ съ нимъ дѣйствовать, сіе сказалъ ему: что будучи в. с. облагодѣтельствованъ, а поелику Алексѣй Алексѣевичъ такъ къ вамъ близокъ, то не смѣю на это рѣшиться и дать ему слово безъ вашей воли. Онъ на это сказалъ: *какъ можно сомнѣваться чтобы графъ былъ противъ этаго?* Я отвѣчалъ, что не сомнѣваюсь, но что доколь отъ васъ разрѣшено не будетъ, я обѣщать ему ничего не могу, итакъ, совѣтую ему къ вамъ писать, а между тѣмъ, не вѣдая исполнитъ ли онъ сей совѣтъ, за нужное почелъ васъ о семъ его по-

[1]) Перовскій.

[2]) Поздѣева.

ложеніи увѣдомить, и шагу съ нимъ рѣшительнаго не сдѣлаю, не получа вашего наставленія, какъ съ нимъ дѣйствовать, на что и буду ожидать отъ васъ приказанія, коимъ, при первомъ вѣрномъ ѣздокѣ, прошу покорнѣйше меня снабдить. Съ другимъ я бы зналъ какъ дѣйствовать, но съ человѣкомъ толь близкимъ къ вашему сердцу, я крайне въ затрудненіи потому только, что крайне остерегаюсь противъ васъ, моего благодѣтеля, погрѣшить, чего и доброю волею, ей-ей, не только словомъ или дѣломъ, но ниже мыслію не желаю.

Москва. Февраля 28 дня, 1811 года.

38.

Милостивое и почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 24-го Февраля, я имѣлъ счастіе получить исправно, и на что могу успѣть, буду имѣть честь отвѣчать по нѣкоторымъ пунктамъ письма вашего, предоставляя себѣ, при первомъ удобномъ случаѣ, отвѣчать пространнѣе и подробнѣе, теперь же писать буду токмо о самонужнѣйшемъ.

1-е. Что Воиновъ произведенъ чрезъ министра юстиціи въ томъ изволите удостовѣриться изъ прилагаемой у сего выписки изъ газетъ, а буде изволите заглянуть въ Московскія вѣдомости № 17, на страницѣ 497, то и напечатанное сіе увидѣть изволите. Въ сенатѣ точно въ таковой же силѣ о семъ указъ чрезъ министра юстиціи объявленъ и намъ сообщенъ.

2-е. Весьма будучи согласенъ съ в. с., что многочисленное верббованіе въ члены общества натуралистовъ крайне невыгодно и уменьшаетъ его цѣну, я и прежде и нынѣ, г. Фишеру дѣлалъ о томъ мои замѣчанія, и какъ разсужденіе ваше нынѣ мнѣ сообщенное, такъ и волю вашу о дипломахъ ему объявилъ.

3-е. Касательно выбора въ почетные члены Сергѣя Семеновича, меня увѣрили, что никогда къ министрамъ на утвержденіе о нихъ не было представляемо, а что всегда утверждалъ самъ попечитель, рапортуя о томъ министру за извѣстіе, да и по бумагамъ видно, что в. с. графа Мамонова изволили утвердить въ члены сами, будучи попечителемъ, и не представляя о томъ министру на утвержденіе, да и въ 5-ой главѣ устава § 44, сказано просто, что *совѣтъ представляетъ на утвержденіе почетныхъ членовъ начальству*, а въ другихъ §§ означено именно, при какихъ случаяхъ и по какимъ матеріямъ попечитель на утвержденіе министра чиновниковъ представляетъ.

Вотъ почему именно, думая поступать законно, я о Сергѣѣ Семеновичѣ вамъ на утвержденіе не представилъ. Но впредь желая, какъ по сему случаю, такъ и по всякимъ другимъ, дѣлать вамъ угодное, буду представлять вамъ почетныхъ членовъ на утвержденіе. Каса-

тельно же выбора въ почетные члены, можете заключить, что я не слишкомъ щедръ, ибо въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ почетныхъ членовъ сдѣлалъ я трехъ: 1-е, Бекетова, который дѣйствительно того стоитъ и который уже сдѣлалъ кое-какіе кабинету нашему довольно значущіе подарки, да и обѣщаетъ еще болѣе значущее наслѣдство отказать университету, будучи человѣкъ богатый, одинокій и бездѣтный; 2-е, сдѣлалъ я членомъ извѣстнаго своими знаніями барона Фитингофа, который, кромѣ разныхъ, весьма хорошихъ подарковъ обществу натуралистовъ, оба наши общества, какъ сіе, такъ и физико-медицинское, обязался поддерживать ежегодною суммою, и въ каждое изъ сихъ обществъ внесъ уже по 200 р. за годъ впередъ; 3-е, избралъ я членомъ Сергѣя Семеновича, 1-е, потому, что онъ человѣкъ рѣдкихъ достоинствъ и весьма хорошо учившійся; 2-е, потому, что онъ попечитель учебнаго округа; 3-е, потому, что онъ на сіе самъ изъявилъ искреннее желаніе; 4-е, потому, что онъ къ вамъ толь близокъ и что я думалъ сдѣлать тѣмъ вамъ угодное. Впредь же поставлю себѣ за правило еще быть разборчивѣе, и не болѣе какъ одного члена въ годъ принимать, и то съ вашимъ утвержденіемъ и одобреніемъ.

4-е. О Грузиновѣ изъ моего представленія могли в. с. усмотрѣть, что я отнюдь не одобрялъ выбора его прямо въ ординарные профессоры, и даже мнѣнія моего не сказалъ, а предавалъ вашему разсмотрѣнію мнѣніе совѣта, а что совѣтъ къ нему пристрастенъ, противъ этого я не спорю, и не могъ иначе представить, какъ такъ, какъ они представляли; я же, повѣрьте мнѣ, ни къ Грузинову, ни къ кому на свѣтѣ пристрастенъ не былъ и не буду, считая то за укоризну моей совѣсти, а о достойныхъ людяхъ ходатайствовать и представительствовать у васъ я обязанъ; маленькій же образчикъ моего безпристрастія изволите в. с. видѣть передъ собою: признаюсь вамъ, какъ благодѣтелю, что профессора Панкевича лично я не люблю за то, что онъ своенравенъ, много въ совѣтѣ шумитъ, много споритъ и столько гордъ, что у меня въ домѣ еще ни разу не былъ, но чтожъ? зная при всемъ этомъ, что онъ мастеръ своего дѣла, человѣкъ неутомимый и нужный, я представилъ его къ знаку отличія. Изъ сего в. с. судите удобенъ ли я къ какому-либо пристрастію. За утвержденіе же Грузинова должностію почитаю чувствительнѣйшую в. с. принести благодарность.

5-е. Объ обществѣ историческомъ имѣю честь донести вкратцѣ, что президентъ пріѣхалъ, за работу принялись, 13-го числа будетъ торжественное открытіе, къ коему наличные, старые члены приглашены, дали слово нѣкоторые непремѣнно быть членами и соучаствовать въ трудахъ общества, сообразно уставу, въ томъ числѣ графъ Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ, Николай Николаевичъ Бан-

тышъ-Каменскій, г. Карамзинъ и г. Малиновскій, охотнѣйшимъ образомъ и съ величайшимъ удовольствіемъ, приглашеніе отъ г. президента и отъ меня приняли; токмо нѣкоторые изъ нашихъ профессоровъ по ученой гордости отказались; о нихъ оффиціально буду имѣть честь в. с. донести при представленіи протокола и донесенія объ открытіи полнаго собранія. Партикулярное же засѣданіе новыхъ членовъ, или, такъ сказать, комитетъ для прочтенія устава и для взятія другихъ мѣръ, былъ вчерашняго числа; протоколъ о немъ буду имѣть честь представить в. с. Смѣю васъ увѣрить, что подъ такимъ предсѣдателемъ общество пойдетъ отъ силы въ силу; хотя весьма бы нужно денежное пособіе, однакожъ кое-какъ уладили, собравъ болѣе 500 руб. Сіе очень нужно было, ибо въ кассѣ прежняго общества ни копѣйки не нашлось. Надѣюсь, по ревности г. президента, что съ помощію его и другихъ добрыхъ, благотворительныхъ россіянъ, соберемъ еще и гораздо болѣе. Я съ моей стороны, будучи, вамъ извѣстно, весьма не богатъ, внесъ 100 руб. и ежегодно обязался по стольку давать, а коли Богъ поможетъ разбогатѣть, то и несравненно большей суммы не пожалѣю.

Москва. Марта 9 дня, 1811.

39.

По написаніи сего пространнаго письма получилъ я извѣстіе, что исторіографъ вчера поѣхалъ въ Тверь, будучи приглашенъ по эстафетѣ отъ великой княгини для свиданія съ Государемъ. Здѣсь его партія разглашаетъ, что онъ позванъ для важныхъ дѣлъ, и для употребленія весьма скоро къ очень важному посту. Вѣрно ли то, что сіе исполнится—не знаю, но вѣрно то, что онъ поѣхалъ, что собирается жаловаться на строгость цензуры, которая очень ему не по сердцу; ибо и ничего хоть подъ другими именами подаются, но всѣ подъ его надзоромъ, и по его апробаціи подаютъ въ цензуру, то ему очень обидно, что его пропаганда останавливается, а такъ какъ къ сей жалобѣ на цензуру вѣроятно и другіе цвѣты присоединены будутъ и козни устроены, то по возвращеніи Государя изъ Твери да поможетъ вамъ Господь отразить все то, что ему насказано будетъ. При прощаніи съ Буле и Чеботаревымъ, съ обоими была у исторіографа большая бесѣда, а сіи у насъ два самые недовольные: первый за то, что я о другѣ его Феслерѣ не выгодно отзывался, а второй за то, что сына повѣсу не отпускаю въ Петербургъ, и что не отпустилъ его безъ вашего позволенія, а отъ сына уже вышли здѣсь газеты, что вы будете перемѣщены въ другое министерство, что я буду отставленъ, что Карамзинъ будетъ Министромъ просвѣщенія, а Буле попечителемъ, и что Карам-

зинъ именно за тѣмъ позванъ, и что Государь будетъ къ сему склоненъ Великою Княгинею! Вотъ какія новости г. адъюнктъ разноситъ по университету, а сверхъ того по трактирамъ и кофейнымъ домамъ! То-то будетъ просвѣщеніе, коли сихъ двухъ соколовъ такъ возвысятъ! Для гибели воспитанія и религіи лучше придумать нельзя.

За должное поставя предварить васъ о сихъ ложныхъ, можетъ быть и пустыхъ слухахъ, также и о свиданіи, которое вѣрно исторіографъ съ Государемъ имѣть будетъ, молю Бога да пошлетъ вамъ свои милости и благословенія.

Москва. Марта 12, 1811.

40.

Три дня назадъ тому, т.-е. 9 числа сего мѣсяца, имѣлъ я честь писать къ в. с. по почтѣ, и на письмо ваше отъ 24-го Февраля, полученное мною чрезъ г. Соболевскаго, отвѣтствовалъ я в. с. по таковымъ только матеріямъ, которыя почтѣ ввѣрить можно, и которыя любопытный г. Козодавлевъ на досугѣ можетъ читать и видѣть, что оныя токмо до службы касаются. А теперь буду имѣть честь писать къ в. с. о другихъ матеріяхъ, о коихъ умалчивая, погрѣшилъ бы я противъ моего званія и противъ той искренности, коею я вамъ, яко моему благодѣтелю, обязанъ. А потому и доношу слѣдующее: 1) кажется мнѣ, буде не ошибаюсь, что профессоръ Буле имѣетъ запахъ иллюмината. Я убѣжденъ сіе думать по слѣдующимъ доводамъ: 1-е, на лекціи его, при коей я самъ присутствовалъ, къ археологіи онъ, между прочимъ, прицѣпилъ довольно колкія насмѣшки надъ древними мистеріями, потомъ надъ эссеянами, надъ гностиками и наконецъ дошло дѣло до того, что сіи глупости суть основанія христіанской религіи, которая просвѣщенію всегда вредною была; 2-е, представлена была мысль, что религіозные предразсудки какъ древнимъ въ успѣхахъ наукъ мѣшали, такъ и нынѣ то же дѣлаютъ; 3-е, бывъ у меня, г. Буле, говоря объ ученыхъ матеріяхъ и о древнихъ религіяхъ, крайне рекомендовалъ мнѣ книгу *Горусъ*, которая давно мнѣ извѣстна, яко классическая иллюминатская книга, опровергающая, подобно *Эліасу артисту*, самымъ тонкимъ образомъ воплощеніе Христа Спасителя. Я притворился, будто ее не знаю, также и на лекціи не сдѣлалъ я ему никакого замѣчанія, а будто мимо ушей пустилъ. Я такъ долженъ былъ поступить, вы знаете, кто его протежируетъ! Что дѣлать? Вотъ в. с. какого человѣка мы имѣемъ въ университетѣ: извольте разсудить, какого просвѣщенія отъ такихъ плевелъ ожидать должно, тѣмъ паче, что сего богомерзкаго проповѣдника слушаютъ съ удовольствіемъ, что я весьма могъ замѣтить; а потому не дадимъ

ли мы съ вами оба Господу Богу отвѣта, ежели не употребимъ всѣхъ средствъ къ избавленію университета отъ сихъ сѣменъ дьявольскихъ. Я теперь вамъ сказалъ, что думаю, и моему сердцу легче; ваше дѣло яко умнѣйшаго и опытнѣйшаго, нежели я, предпринимать мѣры, каковыя и религія и любовь къ отечеству, вами движущая, должны вамъ внушать: а я только скажу, что отъ всего сердца со слезами поблагодарю Бога, когда университетъ отъ г. Буле будетъ избавленъ. Не даромъ, видно, Фесслеръ прожилъ у него девять дней: ибо эта чудесная лекція послѣ Фесслера тотчасъ появилась.

2) Скоро пришлю я вамъ выписки изъ книги весьма подозрительной, которая подана была въ цензуру и которую я остановилъ. Теперь добираюсь, кто ея издатель и изъ какого она пера. Но уже развѣдалъ, что она была на цензурѣ исторіографа и крайне имъ выхваляема, то, думаю, изволитъ онъ разгнѣваться за то, что она остановлена. Въ его же домѣ всякій вечеръ собирается трибуналъ ложнаго просвѣщенія, изъ коего всякія на религію и на политическія дѣла выходятъ эпиграммы, сатиры и проч., которыя письменно раздаются.

3) Все сіе пишу я изъ единственнаго источника—желанія истиннаго блага и спокойствія моему отечеству и изъ такого увѣренія, что, имѣя пути злу противоборствовать, не должно къ тому упускать ни средствъ, ни времени, дабы не дать отвѣта Богу въ томъ, что мы, имѣвъ силы противопоставить разливающемуся злу оплотъ, сего не исполнили. Великій, в. с., и достойный васъ сдѣлаете подвигъ, ежели хотя мало дадите почувствовать Государю, что исторіографъ есть человѣкъ безъ всякой религіи. Уроня его вѣсъ въ ученой публикѣ, много вы уже сдѣлаете и приложите пластырь къ ранамъ, нанесеннымъ истинному просвѣщенію симъ неистовымъ моднымъ писателемъ и его послѣдователями. Вѣрьте, что вы, низложа весь этотъ сатанинскій соборъ, сотворите угодное Богу и незабвенную услугу потомству. Выписку изъ сочиненій исторіографа я вамъ доставилъ. Укажите хоть на одно безбожное мѣсто Государю, сего достаточно будетъ, чтобы вразумить его, какого человѣка онъ возвысилъ и толь необычайными милостями осыпалъ.

4) О себѣ уже я ничего не говорю, вы видите мою дѣятельность, видите мои неусыпные труды, какъ по перепискамъ съ вами, такъ и по всему тому, что я дѣлаю для университета и съ какою точностію всѣ ваши благонамѣренные виды исполняю. Вамъ самимъ для вашей чести нужно поддержать и показать публикѣ, что попечитель болѣе важенъ, нежели Циціановъ [1]), смотритель оружейной палаты, брилліантовые знаки получившій, и что графъ Разумовскій, благона-

[1]) Князь Михаилъ Дмитріевичъ Циціановъ, † 1841.

мѣренный министръ, имѣетъ столько же силы и вѣсу какъ Валуевъ [1]), многія награжденія своимъ подчиненнымъ непрестанно доставляющій.

Москва. Марта 12 дня, 1811 года.

41.

Почтеннѣйшее письмо, в. с., отъ 10-го Марта чрезъ г. ст. сов. де-Вераіона имѣлъ честь получить исправно; по довольно пространной съ нимъ по сему дѣлу бесѣдѣ, разсматривалъ я и всѣ бумаги, имъ мнѣ доставленныя. При первомъ удобномъ случаѣ буду я имѣть честь сдѣлать в. с. подробное о семъ съ моимъ мнѣніемъ донесеніе. Между тѣмъ, пріемлю смѣлость предварительно в. с. увѣрить, что всякое ваше порученіе есть для меня бремя самое легкое, а исполненіе онаго сладостнѣйшее удовольствіе. Дай Богъ, чтобы я много въ жизни моей имѣлъ случаевъ и возможности на опытахъ доказывать, сколь искренны и непремѣнны чувствованія сердечной моей приверженности.

P. S. Ради Бога, в. с., ободрите Зосиму [2]), онъ дворянинъ, а и купцу Пантелѣеву, мужику съ бородою, за крашеніе набойки пожалованъ орденъ св. Владиміра 4-й степени; а Зосима, ежели мы его поддержимъ, то много добра готовъ сдѣлать и нашимъ финансамъ помочь; онъ говоритъ, что ежели сіе пожертвованіе его будетъ благопріятно принято, то онъ важнѣйшія сдѣлаетъ пособія всему университету вообще, и драгоцѣнную рѣдкую свою коллекцію золотыхъ и серебряныхъ медалей готовитъ ему въ подарокъ, кромѣ денежныхъ имъ предположенныхъ пособій. Судите, в. с., сколь таковой человѣкъ намъ нуженъ, а потому и съ нимъ и съ университетомъ сотворите по великой своей милости, о семъ на сей же почтѣ оффиціальное представленіе получить изволите. Бумага для лѣтописца куплена, литеры заготовлены, къ печатанію еще прежде праздника приступимъ. Не забудьте меня, грѣшнаго, видя неутомимые мои труды и попеченія объ общемъ благѣ.

Москва. Марта 20 дня, 1811 года.

42.

Обѣщавъ в. с. сдѣлать при первомъ случаѣ мое донесеніе о дѣлѣ вашемъ, по коему не токмо имѣлъ бесѣду съ г. Вераіономъ, но и читалъ съ величайшимъ вниманіемъ всѣ бумаги, имъ мнѣ сообщенныя, имѣя теперь по увѣренію Осипа Алексѣевича вѣрный случай, имѣю честь сказать вамъ:

[1]) Петръ Степановичъ Валуевъ, д. т. с., главный начальникъ кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, † 1814.

[2]) З. П. Зосима, извѣстный въ то время въ Москвѣ по своему богатству грекъ.

1) Дѣло ведено непорядочно, самымъ крючковатымъ, долгопротяжнымъ подъяческимъ образомъ, съ крайнимъ и обиднымъ для крестьянъ вашихъ притѣсненіемъ и съ крайнею натяжкою на сторону того, который обманомъ ввелъ ихъ въ порубку, сдѣланную ими по простотѣ и не думая, чтобы они дѣлали преступленія. А изъ сего слѣдуетъ:

2) Что поелику введшій ихъ чрезъ обманъ въ такое дѣло, буде оно пойдетъ порядкомъ, какъ за лживый поступокъ, такъ и за порубку, осужденъ будетъ къ лишенію чести и на поселеніе, то весьма надобно остеречься, чтобы по видимой нижнихъ мѣстъ на его сторону натяжкѣ не свалили съ больной головы на здоровую и не присудили бы крестьянъ вашихъ безвинно пересѣчь плетьми. По множеству такихъ дѣлъ, въ моихъ рукахъ бывшихъ, и по худому сего дѣла обслѣдованію, вижу я, что легко сей оборотъ дадутъ, съ нижнихъ мѣстъ зачиная и до самой палаты, въ которую представя дѣло запутанное, поставятъ палату въ необходимость въ такомъ же видѣ его и въ сенатъ представить, тѣмъ паче, что губернаторъ, при самомъ началѣ сдѣлавъ ошибку и послабленіе земскому суду, даже и не понуждая его, натурально, для закрытія своихъ послабленій, постарается поддержать всю неправоту нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, а потому должно:

3) Повѣренному вашему въ предупрежденіе сего, такъ и въ поспѣшествованіе къ окончанію дѣла, подать жалобу въ нашъ департаментъ въ томъ, что дѣло не имѣетъ надлежащаго хода и просить сенатъ, чтобы повелѣлъ дать ему движеніе и законное теченіе. За симъ, естественно, отъ сената послѣдуетъ резолюція—взять отъ палаты или губернскаго правленія объясненіе, которое вѣрно будетъ или крючковатое, или двусмысленное. Тутъ уже я буду стоять на стражѣ, чтобы дѣло вытребовать. Но и повѣренному вашему надлежитъ не зѣвать, чтобы въ срокъ подать апелляціонную жалобу, когда въ палатѣ дѣло будетъ рѣшено.

4) Но мой бы совѣтъ, что такъ какъ ваша бумага болѣе имѣть будетъ вѣсу, то вамъ бы самимъ подписать и прислать просьбу въ сенатъ — и тогда мое дѣло будетъ работать и быть вашимъ стряпчимъ.

5) Какія мѣры принять изволите, прошу меня увѣдомить, а паче когда ваша просьба или повѣреннаго вашего послана будетъ, то я возьму мѣры, чтобы бумага не завалялась и чтобы тотчасъ по ней доложили.

Вотъ все, что имѣю донести по дѣлу вашему; будьте в. с. увѣрены, что всякое ваше порученіе есть для меня сладостно, что вся жизнь моя будетъ непрестаннымъ засвидѣтельствованіемъ моей къ

вамъ безпредѣльной приверженности, что чтить васъ и любить есть священный мой долгъ.

P. S. Вспомните в. с., что Буле при васъ читалъ диссертацію о ядахъ; сообразите теперешнее его поведеніе, связь съ Фесслеромъ, съ Медоксомъ, съ Карамзинымъ, не пахнетъ ли это иллюминатомъ?

Москва. Апрѣля 10 дня, 1811 года.

43.

Много имѣю в. с. сказать, и потому прошу не поскучать прочтеніемъ моего письма. Я вчера возвратился въ мою деревню изъ Твери, гдѣ имѣлъ честь обѣдать съ Ея Императорскимъ Высочествомъ [1]), принятъ былъ довольно милостиво, чему и дивился, слышавъ, что Ея Высочеству меня всячески замарать старались недоброжелатели. Въ первый разъ моего свиданія, то есть 2-го Іюля, за столомъ, была рѣчь о профессорѣ Буле и какъ Е. В. изволила отзываться лучшимъ образомъ о немъ, то и я хвалилъ его способности и свѣдѣнія, потомъ Е. В. изволила изъявить ея желаніе, чтобы профессоръ Буле былъ у ней на вакацію; я доносилъ ей, что тотчасъ по пріѣздѣ въ Москву прикажу ему въ Тверь явиться. Въ тотъ же день поѣхалъ въ Москву, по пріѣздѣ призвалъ г. Буле и объявилъ ему приказаніе Е. В., принявъ его очень ласково. Онъ говорилъ, что и самъ получилъ по эстафету приказаніе отъ Е. В., потомъ въ разговорахъ сталъ мнѣ говорить, что онъ обижается, что Рейсу пожалованъ крестъ св. Владиміра, а что Рейсъ былъ студентъ, когда уже онъ, Буле, былъ профессоръ. Я ему на сіе сказалъ, что подвиговъ его и службы не знаю; онъ на то сказалъ, что Е. В. крайне будетъ пріятно по ея къ нему милости, ежели и его представлю къ отличію. Я отвѣчалъ, что въ угодность Е. В. я все готовъ сдѣлать, но чтобы онъ сдѣлалъ записку о своей службѣ и ко мнѣ доставилъ. Я отпустилъ его очень ласково, сказавъ ему, что онъ ѣхать можетъ, и ежели хочетъ, то вслѣдъ за мною или въ одно время. Онъ сказалъ, что останется на день,—послѣ чего, какъ я торопился ѣхать, то, желая угодить Е. В., написалъ я къ нему самую ласковую записку, коей à peu près содержаніе здѣсь прилагаю. Записку онъ мнѣ доставилъ, и я поѣхалъ въ Тверь, куда пріѣхавъ, опять былъ приглашенъ къ Е. В. Узнавъ тутъ чрезъ знакомыхъ предварительно, что Е. В. крайне благоволитъ къ г. Буле и бывъ отъ многихъ о немъ вопрошаемъ, даже отъ герцога и отъ принца, но всегда съ предварительнымъ лучшимъ о немъ отзывомъ, я не могъ его также не хвалить, притомъ мнѣ и совѣтовали такъ дѣлать. Нѣкто изъ приближенныхъ далъ мнѣ почувство-

[1]) Великою Княгинею Екатериною Павловною.

вать, что Е. В. крайне пріятно будетъ, чтобы я г. Буле представилъ къ награжденію; мнѣ нечего болѣе было сказать, что я сіе исполню, но что, забывъ въ Москвѣ записку о его службѣ, а самъ ѣдучи въ деревню, желалъ, чтобы г. Буле прислалъ мнѣ записку сію въ мою деревню; а чтобы увѣрить Е. В., что всякій, ею покровительствуемый, для меня пріятенъ, что я прежде и самому Буле сказывалъ, ибо мнѣ говорили, что Е. В. имѣетъ на меня нѣкоторыя за Буле неудовольствія, я на сіе отвѣчалъ, что самъ Буле скажетъ, что я всегда его принималъ ласково, что не только непріятностей ему не дѣлалъ, но даже грубостей не говорилъ.

Пишу сіе по эстафетѣ для того, что 15-го числа въ субботу Е. В. ѣхать изволитъ въ Петербургъ, то чтобы в. с. предварительно все знали и меня защитили при нужномъ случаѣ, ежели паче чаянія, Буле въ дурномъ запахѣ въ Петербургѣ, то да не вмѣнится мнѣ въ преступленіе, что я писалъ къ нему ласковую записку, и что ласково съ нимъ обращался. Могъ ли я иначе дѣлать, слыша самый лучшій о немъ отзывъ отъ такой высокой особы, твердо мнѣ говорившей, кромѣ величайшихъ похвалъ, что и образъ мыслей его ей извѣстенъ. Этимъ мнѣ ротъ былъ запечатанъ; кажется, иначе я не могъ дѣйствовать, то не примите сіе за фальшивость, а только за необходимую политику, и желаніе угодить Е. В. Что съ Буле ласково обращался и ласковую записку къ нему писалъ, это тоже въ угодность ей. Вы сами знаете и поручиться можете, что я не только не имѣю съ Буле связи, но что изъ всѣхъ профессоровъ онъ одинъ, который у меня рѣже всѣхъ бываетъ; но ласкать его я долженъ былъ, и словесно и письменно, въ угодность Е. В. Господь Богъ да поможетъ вамъ всю сію путаницу распутать, и укротить бурю, которая на меня возстать можетъ и меня сокрушить. Вы знаете, что послѣ Бога вы одинъ у меня благодѣтель и покровитель, а враговъ тьма, то да не погубятъ меня, и да не принесутъ въ жертву добраго русскаго дворянина иностранцу, коего мысли вы довольно знаете. Молю отъ всего сердца милосердаго Спасителя, да поможетъ вамъ! Можетъ статься, и записка моя ласковая къ Буле показана будетъ, и мнѣ же вмѣнится въ преступленіе.

Долженъ я еще писать къ в. с. поневолѣ о такомъ дѣлѣ, которое, я думалъ, замолкло, но провѣдавъ достаточно, что въ Твери все вѣдаютъ, что въ Москвѣ и дѣлается и говорится, я одумалъ, что и до Петербурга дойти легко можетъ. Вотъ въ чемъ оно состоитъ. Вы помните, что я писалъ къ вамъ о молодомъ Чеботаревѣ, что онъ много пустого болтаетъ и что онъ дерзокъ на языкъ, отъ сего онъ на замѣчаніи у полиціи. И онъ тогда просился въ Петербургъ. Вы мнѣ на это предписали, чтобы его не пускать, я его неоднократно

призывалъ, мылъ ему крѣпко голову за болтовню. Сіе на него, слава Богу, подѣйствовало, и вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ онъ унялся и не болтаетъ. Въ Твери услышалъ я, что о немъ знаютъ и иные, однакожъ съ хорошей стороны, и какъ въ разговорахъ объ образѣ мыслей вѣтренныхъ молодыхъ людей, кои безъ правилъ и коихъ въ Москвѣ довольно, одна дама въ Твери сказала: „у васъ есть и профессора, коихъ образъ мыслей нехорошъ и религіи не имѣютъ“, то я отвѣчалъ: „я болтуновъ умѣю унимать и одного изъ нихъ призывалъ, мылъ голову и унялъ, несмотря на то, что онъ протекцію имѣетъ“; я говорилъ о Чеботаревѣ и думалъ, что и она о немъ же говоритъ, ибо Чеботаревъ всегда хвастался протекціею Карамзина. Симъ разговоръ и кончился. Послѣ я узналъ, что дѣйствительно говорили, что я на Чеботарева понапрасну нападалъ. Изволите видѣть, какъ здѣсь обо мнѣ г. Карамзинъ или кто другіе натолковали. Княгиня Александра Николаевна [1]) слышала весь разговоръ Е. В. со мною за столомъ о Карамзинѣ, я хвалилъ его труды, сколько можно и самымъ пріятнымъ образомъ,—слѣдовательно и тутъ кажется не проступился. Вотъ истинное и полное в. с. донесеніе о моемъ въ Твери пребываніи. Ради Господа Бога успокойте меня, ибо я въ двойномъ страхѣ, боюсь, чтобы мнѣ не повредили въ Петербургѣ, боюсь и того, чтобы вы, мой благодѣтель, не почли меня фальшивымъ и двуличнымъ. Но поставьте себя на мое мѣсто, могъ ли я иначе дѣйствовать, чтобы успокоить высокую особу и ей угодить? Отпишите, ради Бога, хотя три строчки, я до тѣхъ поръ ни спать, ни ѣсть спокойно не буду.

Въ добавокъ къ сему о себѣ донесу, что отъ трудовъ, заботъ и скорыхъ поѣздокъ, здоровье мое поразстроилось такъ, что, по мнѣнію врачей, всего нужнѣе покой и нѣкоторое время пробыть на одномъ мѣстѣ. Желудокъ мой такъ испорченъ, что каждый день у меня то рвота, то тошнота. Я въ Москвѣ набралъ лекарствъ и хочется полечиться въ деревнѣ, гдѣ и воздухъ мнѣ крайне полезенъ, почему и прошу, яко величайшаго благодѣянія, устроить обо мнѣ такъ, чтобы мнѣ не ѣхать и съ мѣста не трогаться, хотя недѣли на три. Ради Бога, не забудьте взять скорыя мѣры противу впечатлѣнія, каковое можетъ произвести моя ласковая къ Буле записка; ежели о немъ худо думаютъ, то и обо мнѣ могутъ также заключить, вздумавъ по сей запискѣ, что я и въ самомъ дѣлѣ къ нему хорошо расположенъ, и обратятъ въ мое же обвиненіе то, что я дѣлалъ единственно для угожденія и для умиротворенія противу себя самого. А потому, кто лучше васъ можетъ объяснить, что я отнюдь ни пристрастія къ Буле, ни связи съ нимъ не имѣю, вы это, конечно, и совѣстію засвидѣ-

[1]) Волконская?

тельствуете и обѣими руками подпишите, потому что всѣ мои связи, всѣ мои шаги никому столь не извѣстны, какъ вамъ.

Ежели труды мои стóятъ хоть малаго вниманія, то я ничего болѣе не прошу и величайшею себѣ наградою сочту только то: 1) чтобы я не былъ очерненъ и не потерпѣлъ бы отъ ненависти и козни недоброжелательствующихъ мнѣ; 2) чтобы меня оставили здѣсь въ деревнѣ для поправленія бѣднаго моего здоровья, которое еще можетъ быть для службы отечества нужнымъ. А ревностно ли я служу и каковъ мой образъ мыслей, кто лучше васъ это вѣдаетъ и кто кромѣ васъ меня можетъ заступить? Господь Богъ да будетъ съ вами неразлучно, преклоняю колѣна сердца, моля Его, да Онъ васъ подкрѣпитъ, помилуетъ и да пошлетъ вамъ свою благость, благословеніе и дары.

Іюля, дня 1811. Село Кузнецово.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Mon digne et cher professeur. Envoyez moi pas plus tard qu'à midi la note sur vos travaux dont je vous ai parlé hier, car je pars à 2 heures et aussitôt arrivé à Tver je ferai mon rapport au ministre. Croyez que je suis avec une considération distinguée votre dévoué serviteur.

Si par hazard vos affaires vous rettiennent et que les miennes m'obligent de partir de Tver avant que vous fussiez arrivé, vous y trouverez toujours la copie de mon rapport au ministre.

Вотъ точное существо записки—развѣ словъ нѣсколько забылъ, ибо торопился.

44.

Дабы отъ недоброжелательствующихъ мнѣ не было перетолковано въ дурную сторону, что я, пріѣхавъ въ Москву, тотчасъ не вступилъ въ сенатъ, за нужное я почелъ послать на сей же почтѣ къ в. с. оффиціальное мое донесеніе о приступѣ къ осмотрѣнію здѣшнихъ училищъ, чтó во-истину необходимо нужно, да и столько хлопотливо, что и въ сущемъ дѣлѣ въ сенатъ ѣздить некогда будетъ, пока всѣ училища не объѣзжу. Сверхъ же того проектъ строенія казармъ не мало меня заботитъ; все сіе до свѣдѣнія в. с. за нужное почитаю довести, прося всепокорнѣйше взять мѣры, чтобы мнѣ не причтено было въ вину, что я тотчасъ по пріѣздѣ моемъ въ сенатъ не явился, и, при случаѣ вредныхъ мнѣ толковъ, отвратить оные свидѣтель-

ствомъ, на самой истинѣ основаннымъ, что я долженъ во всей силѣ исполнить мою должность, какъ то изъявлено въ высочайшемъ вами мнѣ объявленномъ указѣ, гдѣ именно сказано, чтобы я московскія училища обревизовалъ.

Отправляя на сей же почтѣ при оффиціальномъ донесеніи требуемыя в. с. книги изъ послѣднихъ принесенныхъ г. Матрунинымъ, приличнымъ почитаю объяснить в. с., что мнѣ кажется, должно онаго г. Матрунина всячески поддержать и ободрить. Онъ историческому обществу человѣкъ весьма нужный и необходимый, какъ по его безпредѣльной охотѣ къ русскимъ древностямъ, такъ и потому, что онъ всю жизнь свою посвятилъ отыскиванію древнихъ книгъ и, чрезъ безпрестанное въ томъ упражненіе, получилъ много опытныхъ по сей части свѣдѣній. Онъ и нынѣ продолжаетъ о семъ заботиться, и, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, ѣздитъ по разнымъ губерніямъ, для сдѣланія новыхъ пріобрѣтеній, кои онъ обязуется всѣ посвятить историческому обществу. Вотъ причины, по коимъ осмѣливаюсь вновь обратить на него, г. Матрунина, милостивое ваше вниманіе, и тѣмъ болѣе къ тому ободряюсь, что изъ всѣхъ приношеній, сдѣланныхъ разными лицами обществу, его приношеніе, по существу, по рѣдкости, по самой даже цѣнѣ, есть превосходнѣйшее, полезнѣйшее и къ составу трудовъ общества нужнѣйшее. Скажу при томъ и то, что по самой страсти его къ изысканіямъ, я не знаю человѣка, кто бы болѣе его имѣлъ каналовъ, связей и сношеній для полученія сихъ намъ необходимыхъ книгъ.

Августа 14 дня, 1811. Москва.

45.

За должное почитаю донести в. с., что знаменитый институтъ, въ прошедшемъ годѣ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ подъ чужимъ именемъ заведенный г. Измайловымъ, который за оный удостоился получить перстень, рушился въ Іюнѣ мѣсяцѣ, а вчерашняго дня и привилегія, данная отъ университета, возвращена въ училищный комитетъ. Существованіе онаго, и самое плохое, продолжалось 8 мѣсяцевъ; я думаю, в. с. изволите вспомнить, что когда вы писали ко мнѣ запросъ о семъ институтѣ, то я вамъ въ партикулярномъ письмѣ изъяснилъ, сколь я увѣренъ, что сей институтъ не надеженъ; итакъ—я не ошибся; жаль только, что есть русскіе дворяне, заслуживающіе довѣренность публики менѣе, нежели французы и нѣмцы, коихъ пансіоны по нѣскольку лѣтъ прочно существуютъ, а еще болѣе жаль, что такіе люди имѣютъ сильныхъ протекторовъ, доставляющихъ имъ заранѣе лестные подарки. Теперь здѣсь это разрушеніе гремѣвшаго примѣрнаго инсти-

тута довольно производитъ и негодованія и насмѣшекъ. Но главный резонъ отъ правилъ учредителя и отъ книгъ, кои употребляемы были яко классическія. Я молчалъ, ибо зналъ, что само собою сіе заведеніе рушится, какъ то во-истину и сбылось. Я для того именно в. с. о семъ доношу, чтобы протекторы не распутили иныхъ совсѣмъ слуховъ и не провозгласили бы, якобы сей знаменитый институтъ притѣсненъ. Что не отъ меня сіе случилось, а что цѣлая Москва знаетъ, тому служитъ доказательствомъ то, что въ мое отсутствіе въ Іюнѣ, на вакацію, родители взяли дѣтей и, взявъ ихъ, тотчасъ объявили всѣ единогласно, что уже они ихъ не возвратятъ въ институтъ и что даже деньги, данныя впередъ, не требуютъ и ихъ въ пользу содержателя предоставляютъ,—о всемъ этомъ происшествіи я узналъ только вчерась, когда мнѣ Петръ Михайловичъ Дружининъ донесъ, что привилегія возвращена въ училищный комитетъ. Одинъ анекдотъ при семъ замѣчателенъ и вотъ какой: нѣкто дворянинъ стараго вѣка, но весьма умный и добрый, бывъ вспрошаемъ, за чѣмъ онъ взялъ двухъ сыновъ изъ сего заведенія назадъ, отвѣчалъ: „*тамъ моровая язва*". „Что это значитъ?" спросили его.—„А то значитъ, что тамъ сочиненія К.[1]) болѣе уважаютъ, нежели библію и по онымъ учатъ дѣтей грамотѣ".

Москва. Августа 17 дня, 1811 г.

46.

За должное почитаю донести в. с., что къ издаваемому ежегодно каталогу нашихъ лекцій г. профессоръ Буле присовокупилъ прелюдію, въ коей разсудилось ему помѣстить статьи и глупыя, и обидныя для разныхъ лицъ. Я сіе остановилъ и заставилъ г. Буле оныя исключить, что̀ онъ исполнилъ, но съ крайнею досадою и горечью, изъявляя, что онъ тѣмъ обиженъ. А какъ натурально изъ сего слѣдуетъ, что онъ будетъ жаловаться на меня, и сами знаете кому, то дабы в. с. предварительно вѣдали, справедливы ли его жалобы, прилагаю копію съ оныхъ, исключенныхъ мною статей, и предаю на судъ в. с. можно ли оныя было пропустить и имѣетъ ли причины г. Буле обижаться и жаловаться? Приличнымъ почитаю при семъ случаѣ съ моею откровенностію в. с. сказать, что я ли, или другой, на моемъ мѣстѣ попечитель будетъ, но человѣческой силы не достанетъ ни чего добраго произвести въ университетѣ и удерживать въ немъ порядокъ и повиновеніе, кои суть душа службы, доколѣ будетъ въ университетѣ г. Буле, ибо, кромѣ его гнусныхъ правилъ, онъ ежедневно распро-

---

[1]) Карамзина.

страняетъ разные слухи, яко бы вы скоро отставлены будете и я также; и что онъ по вѣрнымъ своимъ конекціямъ знаетъ, а отъ того не токмо мои, но и ваши приказанія не исполняются съ тою точностію и скоростію, каковыхъ порядокъ службы требуетъ. Вѣрьте сему, или не вѣрьте, но это сущая правда, а я очень скоро рѣшусь просить в. с. позаботиться, чтобы кто нибудь изъ насъ одинъ, я или Буле, остался въ университетѣ; а который изъ насъ для службы отечества нужнѣе, я это отдаю вамъ на разсужденіе. Мнѣ-жъ истинно всѣ пакости его столько-жъ надоѣли, сколько я огорчаюсь тѣмъ, что моя служба, труды, усердіе и рвеніе остаются безъ всякаго вниманія; а потому молю и прошу Бога, чтобы мои обстоятельства позволили мнѣ совсѣмъ оставить службу и васъ оставить въ покоѣ. Простите меня, что это вырвалось! истинно мнѣ скоро ѣсть нечего будетъ.

Москва. Августа 28 дня, 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Въ прелюдіи, присовокупленной къ каталогу университетскихъ лекцій, г. профессоръ Буле помѣстилъ слѣдующія изреченія:	*Замѣчанія и причины по коимъ сіи изреченія исключены:*
1) Общество исторіи и древностей росссійскихъ возобновилось, но желательно, чтобы Кліо столько-жъ ему благопріятствовала, сколько помогаетъ оному предсѣдательствующій его московскій Плутусъ.	1) Сіе крайне обидно какъ для всего общества, такъ и для предсѣдателя г. Бекетова, коего усердіе и пожертвованія не посмѣянія, а благодарности достойны.
2) Словарь Россійскихъ писателей, сочиненный нынѣшнимъ вологодскимъ епископомъ Евгеніемъ, заслуживаетъ похвалу, но жаль, что сей почтенный мужъ своихъ собратій епископовъ помѣстилъ тутъ по именамъ, а не по фамиліи.	2) Сіе и обидно и глупо, ибо г. Буле не вѣдаетъ, что у насъ архіереевъ никогда по фамиліямъ не называютъ, а всегда поименамъ.
3) Трудъ г. профессора Каченовскаго похваленъ, но жаль, что онъ ничего не писалъ самъ, а все почерпнулъ и занялъ отъ Шлецера.	3) Сія обидная личность не можетъ быть ни принята, ни пропущена ни въ какой цензурѣ.

4) Въ Пантеонѣ Россійскихъ писателей біографію писалъ славнѣйшій изъ всѣхъ Россійскихъ историковъ г. Карамзинъ.	4) При всей неотъемлемой славѣ г. Карамзина, за что-жъ у всѣхъ нашихъ историковъ Щербатова, Татищева и прочихъ отнимать славу, мы ихъ труды видимъ и ими пользуемся, а г. Карамзина исторіи ни одной строки не напечатано, то и нельзя сказать, славнѣйшій ли онъ изъ всѣхъ нашихъ историковъ или слабѣйшій.

47.

Сверхъ оффиціальнаго моего донесенія в. с. на сей же почтѣ посылаемаго касательно книги объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, за должность почитаю вамъ донести:

1) Я донесъ о семъ е. с. графу Ивану Васильевичу [1]) изъ искренняго патріотическаго къ общему спокойствію усердія, и когда е. с. спрашивалъ моего мнѣнія, то я принялъ смѣлость ему совѣтовать оную книгу изъ лавокъ отобрать, дабы разліяніе ея удержать какъ можно скорѣе. Что, я думаю, не токмо будетъ исполнено немедленно, но и будетъ о семъ донесеніе Государю Императору.

2) Отъ достовѣрныхъ и добрыхъ людей я узналъ, что сію книгу превозноситъ хвалами г. Карамзинъ, а по вліянію его на публику, предполагая, что она отъ его толковъ будетъ болѣе и болѣе покупаема, поспѣшилъ я сообщить главнокомандующему какъ о продажѣ сей книги, такъ и о вашемъ по сему предмету предписаніи.

3) Слухи носятся здѣсь, что авторъ оной, будучи въ тѣсной связи съ г. Мартыновымъ, по его совѣту, оную выпустилъ и даже будто бы сія книга переведена подъ руководствомъ г. Мартынова, имъ была поправляема и напечатана по его одобренію и увѣренію, что она терпима будетъ.

4) Надзиратель нашей типографіи Невзоровъ донесъ мнѣ, что онъ отъ студентовъ слышалъ, что г. профессоръ Буле въ свою аудиторію приносилъ библію и, развернувъ пророка Іезекіиля, сталъ критиковать штиль, говорить, что это противъ вкусу эстетики и здраваго смысла и что все священное писаніе въ такомъ вкусѣ писано, а при томъ изрекъ такое кощунство, коего я ни начертать, ни изрещи не осмѣливаюсь.

5) Живущіе въ одномъ домѣ съ г. Буле сказывали, что онъ Буле, блудно живетъ съ родною своею сестрою, и въ университетѣ къ край-

[1]) Гудовичу.

нему всѣхъ соблазну сдѣлалось гласно, что онъ спитъ съ нею на одной постелѣ.

6) Слышно также, что г. Буле имѣетъ весьма частую переписку съ г. Фесслеромъ; а при томъ говоритъ, что онъ желаетъ, чтобъ Фесслеръ былъ въ университетѣ.

Сентября 4 дня, 1811 года. Москва.

48.

Долгомъ поставляю принести в. с. всенижайшую благодарность за утвержденіе моего представленія объ учрежденіи катедры славянскаго языка, а при томъ и донести, что сіе произвело пріятнѣйшее впечатлѣніе во всѣхъ нашихъ русскихъ профессорахъ такъ, что въ совѣтѣ всѣ изъявили и радость и благодарность в. с. за таковое патріотическое постановленіе.

Но не скрою и того, что нѣмцы всѣ молчали и хранили благопристойность; единый г. Буле возопіялъ громко: „это не въ порядкѣ, это не по уставу! Сей статьи и катедры тамъ нѣтъ, а уставъ высочайше утвержденъ и самъ министръ не имѣетъ права сего дѣлать въ отмѣну устава“ и проч., при семъ крайне горячился, кричалъ и побуждалъ другихъ быть съ нимъ одного мнѣнія.

Изъ сего в. с. судите, каковъ г. Буле и его возмутительный духъ! Когда онъ противу вашихъ предписаній явно и столь дерзко ополчается, то что-жъ онъ будетъ дѣлать противу меня и имѣетъ ли ко мнѣ уваженіе? Чему и образчикъ изволите видѣть въ оффиціальной бумагѣ, на сей же почтѣ посланной. Какой можетъ быть порядокъ въ службѣ, гдѣ нѣтъ повиновенія? Какое можетъ быть повиновеніе гдѣ есть человѣкъ толь неистовый и вкупѣ толь самонадѣянный, каковъ г. Буле, безпрестанно своими поступками и другихъ къ неповиновенію ободряющій? Присовокупите къ сему мерзкую и соблазнительную его жизнь съ сестрою, всему университету извѣстную, поелику онъ самъ столь безстыденъ, что сего и не таитъ и что нѣкоторые находили его въ неприличномъ съ родною его сестрою положеніи. Скажите в. с., не дадимъ ли мы Богу отвѣтъ, ежели это чудовище, невѣріемъ и гнусными нравами весь университетъ заразить могущее, будемъ долѣе терпѣть въ нѣдрахъ паствы, отъ самаго Провидѣнія намъ ввѣренной. Но и кромѣ сего, въ его исторіи о философіи довольно одной статьи, въ коей онъ хвалитъ ученіе Спинозы, чтобы извергнуть его изъ благоустроеннаго общества. Наши же профессора, да и нѣмцы говорятъ, что изъ Геттингена, за соблазнительную его жизнь съ сестрою, хотѣли его выгнать, но, по счастію, его позвали въ Россію.

По совѣсти моей, по чести и по любви къ отечеству не могъ я

сего не написать къ в. с. Вашей мудрой прозорливости предаю все сіе на волю и молю Бога о вашемъ благоденствіи и о укрѣпленіи васъ въ вашихъ подвигахъ, буду ожидать терпѣливо вашихъ на сіе приказаній.

Москва. Сентября 7 дня, 1811 года.

49.

Изъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, касающихся до профессора Буле, на сей же почтѣ посланныхъ, в. с. достаточно усмотрѣть изволили, что я не опасаюсь творить и говорить правду, ополчаться противу безбожія и неистовства, вѣря твердо, что тотъ Богъ, который меня къ сему призвалъ, силенъ будетъ защитить меня отъ всѣхъ козней вражіихъ. Не дѣлавъ сего и умолчавъ, былъ бы я не орудіе Божіе, а сатанинское! Въ обѣихъ сихъ выпискахъ десятой доли не включено тѣхъ мерзостей, кои въ обѣихъ сихъ книгахъ находятся, дабы не сдѣлать сихъ выписокъ слишкомъ пространными. На моей совѣсти теперь ничего не остается, и я, исполнивъ мою обязанность, христіанина, человѣка и патріота, совершенно спокоенъ. Тамъ, гдѣ всѣ помышленія наши обнажатся, видно будетъ, кто право, кто криво дѣйствовалъ. Человѣческой козни и злобы менѣе я гораздо боюсь, нежели упрековъ моей совѣсти. Ежели бы я не только никакой награды не получилъ за мою службу и ревнованіе о благѣ и спокойствіи моего отечества, но ежели бы и мѣста моего лишился, то и сіе бы принялъ съ благодарностію, яко знаменіе, что я принадлежу къ крестоноснымъ, истиннымъ, не на словѣ, а на дѣлѣ, рыцарямъ, и утѣшился бы сими словами Спасителя моего: „*Блажени изгнанiи правды ради яко тѣхъ есть царство небесное*“.

В. с.! милостивый и неоцѣненный мой благодѣтель! повѣрьте, что Кутузовъ не Буле! и болѣе пригодится отечеству, нежели многіе подобные Буле профессоры! Лучше желаю я совсѣмъ не служить, нежели не ополчаться противу невѣрія, неистовства и порока, когда на сію брань призванъ. Чего мнѣ бояться, когда я творю дѣло Божіе? А за свое дѣло Богъ постоитъ. Чего мнѣ бояться, когда я побораю по Немъ и по Его Святѣйшей истинѣ? *Аще Господь со мною, что сотворитъ мнѣ человѣкъ?* Я бѣденъ! я нищъ! я безъ подпоры! но думаете ли вы, что я, за какія-нибудь сокровища міра, соглашусь ползать, льстить и потворствовать пороку и безбожію, сильными міра сего покровительствуемымъ. Хлѣбъ и воду буду я ѣсть и въ потѣ лица моего и то и другое пріобрѣтать, но не престану, по вѣрѣ моей, творить правду и *противоборствовать злу, царствующему въ мірѣ*. Нагъ и босъ возвѣщу истину Господа моего братіи моей и въ церк-

вахъ воспою Его! Не боюсь я сего писать по почтѣ, пусть кто хочетъ читаетъ! Я бы желалъ, чтобы Государь Императоръ сіе прочиталъ, онъ бы узналъ меня короче и увѣрился бы, что любящій Бога и его правду умѣетъ любить и подобіе Божіе, своего Монарха, готовъ жизнію за него пожертвовать и служить ему до изнеможенія и истощенія всѣхъ тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, претерпѣвая горести, обиды, нищету и нужду и при всемъ томъ, сохраняя столько твердости и присутствія духа, сколько потребно для совершенія своего служенія дѣятельно и неутомимо. Худо меня знаете в. с., ежели думаете, что до безконечности мнѣ лестны знаки почестей и отличія. Правда, сіи пароксизмы ко мнѣ грѣшному, яко еще не къ возрожденному и не умертвившему совершенно седмиглавой гидры грѣховъ, приступали по временамъ и на меня нападали, и васъ безпокоили! Но живъ Богъ и жива душа моя! Сей живый Богъ помогъ мнѣ и поможетъ съ корнемъ вырвать гнѣздящееся во мнѣ зло грѣха прародительскаго. Кресты я носилъ отъ дѣтства, а паче крестъ бѣдности; ношу его и нынѣ крайне тягостный и сугубо тягостный, потому что съ семействомъ его раздѣляю! Но буди воля Господня со мною; прошу и молю его отъ всего сердца да дастъ мнѣ силы и крѣпость не унывать, молю его, да и вамъ милосердіе Великаго Крестоносца поможетъ подвигомъ добрымъ подвизатися и стяжати вѣнецъ правды.

Москва. Сентября 11 дня, 1811 года.

50.

За должность почитаю на благоусмотрѣніе в. с. представить, въ точнѣйшемъ съ нѣмецкаго языка переводѣ, выписку изъ книги, изданной г. профессоромъ Буле, подъ названіемъ: „*Исторія новѣйшей философіи съ эпохи возстановленія наукъ*“, *напечатана въ Гетингенѣ 1802 года*. Изъ сего в. с. изволите усмотрѣть его г. Буле образъ мыслей, который, какъ до моего свѣдѣнія дошло, неоднократно обнаруживаетъ онъ, при преподаваніи какъ публичныхъ, такъ и приватныхъ его лекцій.

Сентября 11 дня, 1811. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Выписка).

Изъ книги подъ названіемъ: „Исторія новѣйшей философіи съ эпохи возстановленія наукъ“, изданной г. профессоромъ Буле и напечатанной въ Гётингенѣ 1802 года.

NB. Г. Буле, раздробивъ философію Спинозы и представя оную

въ самомъ плѣнительномъ видѣ, изъясняется слѣдующимъ образомъ въ III томѣ, на страницѣ 660:

„Хотя, впрочемъ, творенія Спинозы, яко преступническія и богохульныя, охуждаются, но при всемъ томъ оныя имѣютъ много интереснаго для исторіи философствующаго разума. Въ нихъ открывается, какъ человѣческій духъ болѣе и болѣе стремится освободить себя отъ оковъ вкорененныхъ предразсудковъ и преданій. Всѣ сіи опыты должны были предшествовать для пріуготовленія большаго просвѣщенія въ вещахъ, до философіи и религіи касающихся, до коихъ дошло 18-е столѣтіе. Но такъ какъ въ политику введенныя новости, хотя весьма съ цѣлію сообразныя и необходимыя, рѣдко бываютъ полезны поколѣнію, вводящему оныя, а спасительны токмо бываютъ поколѣніямъ послѣдующимъ, такъ точно и вводители новѣйшей философіи должны были собственнымъ ихъ частнымъ благомъ пожертвовать владычествующимъ предразсудкамъ ихъ современниковъ".

51.

Въ дополненіе къ донесенію моему отъ 7-го числа сего мѣсяца подъ № 746, на послѣдней почтѣ отправленному, о книгѣ подъ названіемъ: Публичная и приватная жизнь Шлецера", имѣю честь представить в. с. на благоусмотрѣніе въ точнѣйшемъ съ нѣмецкаго языка переводѣ изъ оной книги выписку статей, кои кажутся мнѣ быть такого рода, что и самая книга сія должна быть запрещена. Изъ сей выписки изволите в. с. усмотрѣть, хорошо ли поступилъ г. профессоръ Буле, одобряя и рекомендуя таковую книгу, яко нужную для россійской исторіи, и имѣлъ ли я причины его разсужденія остановить. Къ представленію сего прозорливому вниманію вашему побуждаюсь я болѣе тѣмъ, что г. Буле продолжаетъ жаловаться громко, якобы я поступилъ съ нимъ несправедливо, обидно и притѣснительно.

Сентября, 11 дня 1811. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Выписка)

Изъ книги подъ названіемъ: „Публичная и приватная жизнь Августа Людвига Шлецера" [1]), по порядку страницъ:

1) На страницѣ 29. Говоря о профессорѣ Миллерѣ: „И сей достойный, много Россіи служившій человѣкъ, послѣ 36-ти-лѣтней

[1]) Aug. Lud. Schlözer's oeffentliches u. Privatleben v. ihm selbst geschrieben. Göttingen, 1802, 8-vo.

службы былъ только профессоръ! конечно, онъ не умѣлъ ползать, но кто же можетъ въ Россіи безъ ползанія возвыситься".

2) На страницахъ 36 и 37: Усопшая Елисавета, по сужденію всѣхъ знатоковъ, знавшихъ ее принцессою, была совершенная красавица ея вѣка (sic). Нѣмецкій профессоръ Коль отъ воззрѣнія на нее лишился ума. Она дышала единымъ сластолюбіемъ и все ея существо представляло прелесть и грацію. Но ея правленіе было самое несчастное того столѣтія и походило на правленіе Людвига Возлюбленнаго. Все устроенное Петромъ и поддержанное Анною, чрезъ ея нѣмцевъ, упало подъ Елисаветою. Флотъ, финансы, а паче правосудіе, въ послѣднее десятилѣтіе ея бытія, были въ ужаснѣйшемъ состояніи.

3) На страницѣ 51-й: Я не говорю объ одномъ Несторѣ; я его еще не знаю, но онъ, конечно, долженъ быть столько-жъ жалостный лѣтописатель, какъ и всѣ монахи его вѣка, но я говорю и о его послѣдователяхъ до 15-го вѣка. И тѣ безъ изъятія всѣ суть бѣдные грѣшники. Какое расположеніе! какой бредъ, какія сказки, какія чудеса сіи люди съ важностью разсказываютъ!

4) На страницѣ 119-й: Казачій гетманъ и президентъ академіи графъ Разумовскій имѣлъ множество дѣтей, между коими три сына были 13, 11 и 8-ми лѣтъ; ему хотѣлось ихъ хорошо воспитать, ибо онъ былъ добрый человѣкъ; хотѣлось ихъ воздѣлать ранѣе, нежели онъ самъ былъ образованъ. Имѣнія у него на сіе доставало, ибо ему было до 600,000 годоваго дохода. Но маменька крайне затрудняла воспитаніе сихъ возрастающихъ дѣтей. А потому, по совѣту умнаго человѣка, они отняты отъ матери безъ отпуска изъ Петербурга и прочее и прочее.

5) На страницѣ 245-й: Ломъ (sic, т.-е. Ломоносовъ), не повиновался никакому повелѣнію, ни сенатскому, ни президентскому. Невѣроятное, но весьма обыкновенное дѣло при Елисаветѣ: сильный дикарь или дикій силачъ на все осмѣливался и, посѣвая ужасъ, дѣлалъ, что хотѣлъ.

6) На страницѣ 280-й: Воздѣланіе наукъ поддерживалось въ періодѣ императрицы Анны. Но оное совершенно погасло въ 20-ти-лѣтнее правленіе Елисаветы. Ея неблагодарная ненависть къ иностранцамъ, а паче къ нѣмцамъ, изгнала ихъ какъ изъ вышнихъ, такъ и изъ среднихъ департаментовъ.

NB. Вотъ выписка изъ книги, которую г. профессоръ Буле, рекомендуя яко классическую, для познанія россійской исторіи нужную, между прочимъ, говоритъ о ней сими словами:

„Можно смѣло надѣяться, что жизнь г. Шлецера, сего мужа, толикія заслуги россійской исторіи оказавшаго, будетъ окончена преем-

никомъ славы его, достойнѣйшимъ сыномъ, профессоромъ Христіаномъ Шлецеромъ, моимъ товарищемъ".

52.

Простите мнѣ, в. с., что я такъ часто партикулярными письмами васъ обременяю. Мнѣ и самому сіе трудно, но чтó дѣлать, когда обстоятельства того требуютъ? Теперь случилось происшествіе, о коемъ оффиціально не могу я того писать, чтó донесу партикулярно, но не менѣе сіе извѣстіе для свѣдѣнія в. с. необходимо нужно. Чтó я предвидѣлъ, то сбылось; г. Буле жаловался, что онъ обиженъ, притѣсненъ и что онъ болѣе служить не можетъ. Изъ сего вышло послѣдствіе вотъ какое: ему отъ Ея Императорскаго Высочества предложено 6,000 въ годъ жалованья, квартира, столъ и проч. Онъ, г. Буле, все сіе вчера въ засѣданіи совѣта объявилъ торжественно: что ему письменно предложены сіи выгоды; подалъ просьбу объ увольненіи и просилъ, чтобы скорѣе о томъ в. с. представить, „ибо де мнѣ скоро и ѣхать надобно". Сіе исполнено на сей же почтѣ и представленіе къ вамъ послано. Между тѣмъ, дабы не дать г. Буле повода жаловаться, что его здѣсь задерживаютъ, то я велѣлъ ему черезъ г. ректора объявить, что онъ ожидать своего увольненія не имѣетъ нужды, а можетъ, буде ему угодно, хоть сей день отправиться въ Тверь. Онъ, я думаю, мѣшкать не станетъ. Слава Богу, что съ такою и честію и столь знатными выгодами сей г. профессоръ нашъ университетъ оставляетъ. Мнѣніе же мое о занятіи его катедры, буду имѣть честь особенно в. с. представить.

За нужное также почитаю предварить в. с., что Александръ Дмитріевичъ Балашовъ будетъ ходатайствовать у васъ за шурина своего Платона Петровича Бекетова, коего онъ очень любитъ. Но я увѣренъ и въ томъ, что извѣстные вамъ труды и отличныя достоинства г. Бекетова будутъ сильнѣйшими у васъ за него предстателями. Еще доношу, что г. Соболевскій, по его желанію и по настоянію Алексѣя Алексѣевича Перовскаго, каждый день меня по дружбѣ посѣщающаго, опредѣленъ рисовальнымъ учителемъ въ Губернскую здѣшнюю гимназію съ жалованьемъ весьма хорошимъ. Осмѣливаюсь напомнить в. с. о бѣдномъ и неутомимомъ нашемъ Сущовѣ. Истинно онъ чудеса сдѣлалъ переводомъ и устроеніемъ типографіи въ два мѣсяца лучшимъ и прекраснѣйшимъ образомъ, да и трудится непрестанно къ пользѣ типографіи и приращенію ея доходовъ. Истинно сему человѣку нужно какое нибудь ободреніе, ибо онъ крайне начинаетъ унывать; а безъ него мы въ пень станемъ.

Москва, Сентября 14 дня 1811 года.

53.

Нашъ 73-хъ-лѣтній профессоръ Маттей, бывъ болѣе двухъ мѣсяцевъ болѣнъ, скончался. Можетъ статься, ежели бы онъ послушалъ совѣта Ивана Андреевича Гейма и моего, и остался бы въ прежней своей квартирѣ, которая была суха и тепла, и не переѣхалъ бы въ новую сырую, то былъ бы еще живъ. Мы, видя его настоятельное желаніе, согласились, въ утѣшеніе его старости, прибавить ему еще 200 рублей на квартиру сверхъ прежде получаемыхъ 800, хотя для него была отдѣлана квартира, покойнаго Гольдбаха. Онъ переѣхалъ въ наемный домъ, вскорѣ заболѣлъ и, безъ вѣдома докторовъ, пустилъ себѣ кровь, что, по сказанію г. Мудрова, совершенно у него отняло силы и повергло его во гробъ. О соединеніи двухъ катедръ, посылая на сей же почтѣ мое всепокорнѣйшее представленіе, смѣю надѣяться, что в. с. изволите найти причины, мною прописываемыя, довольно полновѣсными! Сверхъ того, такъ какъ въ теченіи управленія моего университетомъ, всегда кидалось мнѣ въ глаза, что число профессоровъ чрезмѣрно велико, и не соразмѣрно числу студентовъ, то всегда помышлялъ я о средствахъ, какъ бы искуснымъ и приличнымъ образомъ число профессоровъ убавить, имѣя въ виду то, что чрезъ сіе уменьшеніе много ученой и вздорной путаницы убавится, да и значущая сбережется денегъ сумма, совершенно даромъ и безъ всякой пользы растрачиваемая. Сіи средства нынѣ сами собою предстали. Гольдбахъ умеръ, Маттей тоже, Буле оставляетъ университетъ. Соединя двѣ катедры, Латынскую и Греческую, и присовокупя преподаваніе астрономіи къ катедрѣ прикладной математики и уничтожа пустую и совсѣмъ не нужную катедру археологіи, которая, по обширности входящихъ въ нее предметовъ, есть ничто иное, какъ путь преподавать всякіе вздоры и даже вредное ученіе, всегда могущее быть къ сей системѣ приплетеннымъ, мы чрезъ все сіе сохранимъ въ нашей кассѣ ежегодно 6000 рублей, кои можемъ употребить на гораздо полезнѣйшее дѣло, какъ, напримѣръ, прибавить число казенныхъ гимназистовъ, или по крайней мѣрѣ, обратить сію сумму на дрова, на кои мы, по нынѣшней дороговизнѣ, штатною суммою никакъ изворачиваться не можемъ. Сими представленіями, по моему мнѣнію весьма полезными, кажется мнѣ, я обязанъ былъ благу университета. Я сугубо буду доволенъ, ежели в. с. ихъ одобрить изволите, усмотря, что я одною любовію къ отечеству во всѣхъ моихъ шагахъ направляюсь. Объ уничтоженіи катедръ Археологіи и Астрономіи я не дѣлаю формальнаго представленія, а прилагаю только записку; буде в. с. изволите удостоить сію мысль вниманія, то и благоволите сіе устроить и снабдить меня вашимъ предписаніемъ.

Москва. Сентября 18 дня 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Выписка о катедрѣ теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи.

Преподаваніе теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи, во всѣхъ иностранныхъ университетахъ не есть часть существенно въ организацію оныхъ входящая. Катедръ точныхъ на сіи науки нигдѣ не существуетъ, а преподаются оныя токмо по желанію и требованію тѣхъ слушателей, кои сверхъ курсовъ, принадлежащихъ къ составу студентскихъ познаній, такъ называемыхъ Humaniorum, захотятъ особыя за то платить деньги подъ именемъ *Honoraria*. Сіе и весьма благоразумно, ибо археологія и изящныя искусства не суть то, безъ чего бы не можно было обойтиться. Слушателей и охотниковъ на сіи науки и вездѣ мало, а у насъ еще менѣе; сіе опытомъ доказано, ибо г. Буле никогда не имѣлъ болѣе 11-ти слушателей и самъ неоднократно говаривалъ *„въ 8 лѣтъ не достигъ и до дюжины слушателей“*. Стоитъ ли сіе малое число труда, чтобъ особую имѣть катедру, тратить ежегодно 2000 руб., кои могутъ употреблены быть съ существеннѣйшею пользою? При томъ по обширности сихъ наукъ неизбѣжно отверзается путь къ приплетеніямъ посторонниxъ разсужденій, кои чаще вредными нежели полезными бываютъ. Вотъ причины заставляющія меня желать, чтобы сія кадетра археологіи и изящныхъ искусствъ совсѣмъ несуществовала. Но такъ какъ сіе въ уставѣ сдѣлаетъ перемѣну, то необходимо нуженъ о семъ всеподданнѣйшій докладъ, съ прописаніемъ причинъ, подающихъ къ уничтоженію сей катедры поводъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

(Записка).

О катедрѣ Астрономической.

Астрономія есть часть, необходимо входящая въ такъ называемую прикладную или смѣшанную математику, для коей существуетъ въ университетѣ катедра. Въ оной всегда можетъ быть преподаваемо достаточное ученіе объ астрономіи, коей полное и обширнѣйшее познаніе нужно токмо или для мореходцевъ или для людей, единственно астрономіи себя посвятить желающихъ. Ни тѣхъ, ни другихъ производить университетъ не имѣетъ нужды. Похвально будетъ, ежели питомцы его выходить будутъ съ тѣми объ астрономіи свѣдѣніями, кои съ катедры прикладной математики преподаются. Наблюдатель для университета нуженъ весьма рѣдко, и тѣмъ меньше съ пользою употребленъ быть можетъ, что обсерваторіи при университетѣ не существуетъ, да и въ нынѣшнемъ его зданіи нѣтъ возможности оную

устроить. Слѣдовательно, опредѣлить профессора астрономіи и наблюдателя на сію катедру будетъ трата денегъ совсѣмъ безполезная. А потому мое мнѣніе есть такое: 1) особую катедру астронома-наблюдателя уничтожить, чрезъ что сохранится въ казнѣ 2000 р.; 2) преподавающему нынѣ прикладную математику профессору Панкевичу предписать, чтобы онъ старался нужныя объ астрономіи свѣдѣнія включить болѣе и болѣе въ свои лекціи, за что даже можно ему сдѣлать какую нибудь малую къ жалованью прибавку; 3) когда университетъ переведенъ будетъ въ Головинскій дворецъ, и устроится приличнымъ образомъ обсерваторія, то тому жъ прикладной математики профессору можно будетъ поручить астрономическія наблюденія. Но о формальномъ сей катедры уничтоженіи также нуженъ будетъ всеподданнѣйшій докладъ, съ таковымъ при томъ представленіемъ, буде все сіе удостоится утвержденія, чтобы уставъ вновь перепечатать со всѣми послѣдовавшими перемѣнами.

54.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. отъ 14-го Сентября, подъ № 2895, о книгѣ полякомъ писанной, не могу я отвѣчать оффиціально, и долженъ пребыть въ безмолвіи. Но партикулярно не могу не принести в. с. моего оправданія, не могу не сказать, что сія жестокая пилюля, какой я въ 34-лѣтнюю службу ни отъ кого не получалъ, тѣмъ болѣе мнѣ горька, что я ее не заслужилъ, и что по неутомимой моей дѣятельности и ревнію къ общему благу, я льстился заслужить не выговоръ, а одобреніе. Въ оправданіе мое скажу:

1-е. Могъ ли я думать, что книга, которую вы и печатать запрещаете, можетъ свободно продаваться. Такая мысль была бы явное противорѣчіе.

2-е. Услыша, что сія книга ходитъ по рукамъ, что ее даже читаютъ лакеи, могъ ли я меньше сдѣлать, какъ въ разговорѣ сказать графу Ивану Васильевичу [1]), что о сей самой книгѣ отъ в. с. имѣю я оффиціальное предписаніе. На сіе графъ И. В. мнѣ сказалъ: „*одолжите меня, сообщите мнѣ оное оффиціально*". Могъ ли я сего не сдѣлать и ослушаться главнокомандующаго, а при томъ оскорбить человѣка, коего много почитаю, и отъ коего всегда вижу ласки и знаки благоволенія?

3-е. Вы изволите писать, яко бы я употреблялъ мѣры излишнія. Я ли сіи мѣры употреблялъ? Я ли просилъ гр. И. В. объ употребленіи оныхъ? и могъ ли я ему совѣтовать что нибудь, или удержаться отъ

---

[1]) Гудовичу.

чего нибудь? а не сообщить ему я не могъ, по причинамъ вышепрописаннымъ.

4-е. Вы книгу запретили печатать, гр. И. В. ее остановилъ, а я получаю выговоръ, зачѣмъ она остановлена. Довольно уже и того, что за книгу „Ложный Петръ III [1]), пропущенную еще тогда, когда вы сами были попечителемъ, вы мнѣ дали точно такія предписанія и выговоры какъ будто бы она при моемъ начальствѣ пропущена. А теперь я получаю выговоръ за мѣры, предпріятыя гр. И. В., требовавшимъ отъ меня письменнаго отношенія, въ коемъ я ни чего иного, казалось, не сдѣлалъ, какъ исполнилъ мою обязанность добраго гражданина.

В. с. столько справедливы и столько благодѣтельны, что, обвиняя и дѣлая мнѣ выговоръ оффиціально, по крайней мѣрѣ не станете меня винить внутренно. Мы—русскіе и должны другъ друга беречь, а поляки.... Да и увѣренъ я, что в. с. яко русскій вельможа и патріотъ меня всегда въ семъ образѣ мыслей поддержите.

Москва. Сентября 21 дня, 1811 года.

Письмо П. И. Кутузова къ Натальѣ Кириловнѣ Загряжской:

Милостивая государыня Наталья Кириловна!

Простите мнѣ великодушно, ежели я, въ надеждѣ какъ на вашу благодѣтельность, такъ и на всегдашнюю ко мнѣ милость, пріемлю смѣлость обременить васъ покорнѣйшею моею просьбою, состоящею въ слѣдующемъ:

Благодѣтель мой графъ Алексѣй Кириловичъ, будучи обремененъ многими дѣлами, повидимому забылъ заботиться о доставленіи мнѣ хотя малаго ободренія по службѣ, о коей изъ приложенной у сего запискѣ ваше высокопревосходительство изволите усмотрѣть достойна ли она вниманія. Собственная графа Алексѣя Кириловича честь требуетъ, чтобы онъ громко и твердо говорилъ въ пользу человѣка, коего онъ единожды одобрилъ и который его одобреніе на самомъ дѣлѣ оправдалъ, совершивъ въ одинъ годъ въ пользу ввѣренныхъ ему мѣстъ то, на что бы инымъ нѣсколько лѣтъ потребно. Самъ графъ Алексѣй Кириловичъ долженъ вашему в. п. признаться, что въ сей запискѣ сущая и нагая истина безъ прикрасъ,—истина, которую онъ подтвердить и засвидѣтельствовать долженъ, имѣя на всѣ сіи событія въ рукахъ своихъ ясныя доказательства. И вамъ и ему извѣстно, что другіе министры, за несравненно меньшіе подвиги, подчиненнымъ своимъ доставляютъ разныя выгоды и пріятности.

[1]) Ложный Петръ III или жизнь, характеръ и злодѣянія бунтовщика Емельки Пугачева. Москва, въ вольной типографіи Θеодора Любея, 1809. 2 ч. 8-vo.

Не откажитесь, милостивая государыня, быть моею предстательницею у е. с. и доброе ваше сердце да подастъ вамъ средства вдохнуть въ моего благодѣтеля бодрую рѣшимость въ пользу мою дѣйствовать и говорить. И чего ему опасаться быть ходатаемъ за человѣка, коего усердная служба толь достаточно ему извѣстна и доказана? Еще разъ простите мнѣ мое дерзновеніе и, заплатя за оное благоснисходительнымъ вниманіемъ, заставьте меня неизгладимую къ вамъ благодарность присовокупить къ чувствованіямъ сердечной приверженности и глубочайшаго, высокопочитанія, съ коими за счастіе и честь вмѣняю навсегда пребыть и пр.

Москва. Сентября 25 дня, 1811 года.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

I.

РЕЭСТРЪ

Пожертвованіямъ какъ единовременнымъ такъ и ежегоднымъ, сдѣланнымъ Сенаторомъ Голенищевымъ-Кутузовымъ со вступленія его въ званіе Попечителя.

Единовременныя.

1) Обществу исторіи и древностей Россійскихъ портретъ Его Императорскаго Величества за раму одну коего заплачено.	300 р.
2) Оному обществу 20 рѣдкихъ старинныхъ церковныхъ книгъ	350 „
3) Обществу физико-медицинскому 250 книгъ русскихъ, всѣ какія по медицинской части есть печатанныя, стоющія .	760 „
4) Оному жъ обществу 28 книгъ нѣмецкихъ древнихъ весьма рѣдкихъ, коихъ и оцѣнить по рѣдкости ихъ невозможно, но за кои случайно на аукціонѣ заплачено	118 „
5) Обществу любителей Россійской словесности полныя сочиненія четырехъ знаменитыхъ нашихъ стихотворцевъ: Ломоносова, Сумарокова, Хераскова и Державина, за кои заплачено	170 „
6) Ярославской гимназіи 16 томовъ in 4-to Бюфоновыхъ твореній съ эстампами превосходной гравировки, лучшая парижская эдиція въ переплетѣ, стоющая нынѣ.	480 „
Итого единовременныхъ пожертвованій на	2178 р.

Ежегодныя пожертвованія.

1) Въ пользу Общества исторіи и древностей Россійскихъ ежегодно даетъ	100 р.
2) Въ пользу Общества натуралистовъ ежегодно	100 „
3) Въ пользу Общества физико-медицинскаго	100 „
Итого ежегодно . . .	300 р.

II.

КРАТКАЯ ЗАПИСКА

О службѣ Сенатора Голенищева-Кутузова.

Кромѣ безпорочной службы съ 1776 года, 35 лѣтъ продолжаемой, съ 1805 года, то-есть 6-ть лѣтъ присутствуя въ 6-мъ департаментѣ, работаетъ неутомимо. Прошлаго 1810 года Мая 17 дня по Высочайшему повелѣнію возложено на него званіе попечителя Московскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ его присутствовать въ сенатѣ; въ сіе время кромѣ сенаторскихъ трудовъ, т.-е. въ годъ и 4 мѣсяца въ пользу ввѣреннаго ему округа, сдѣлалъ онъ слѣдующіе подвиги:

1) Общество исторіи и древностей Россійскихъ, бывшее въ совершенной бездѣйственности, возстановилъ, по предписанію г. министра, сочинилъ оному уставъ, привелъ сіе общество въ дѣятельность, составилъ оному библіотеку до 800 томовъ, пріобрѣлъ оному капиталъ болѣе 7000 р., ободрилъ многихъ къ пожертвованіямъ, а сіе общество, на самую лучшую ногу постановленное, труды свои успѣшно продолжаетъ.

2) Общество физико-медицинское возстановилъ, привелъ въ дѣятельность, способствовалъ къ изданію его коментацiи (sic), къ пріобрѣтенію библіотеки, до 1000 книгъ простирающейся. Обоимъ симъ обществамъ выпросилъ разныя выгоды.

3) Для типографіи университетской, бывшей въ упадкѣ и въ ветхомъ домѣ, пріобрѣлъ за 40,000 р. домъ каменный, стоющій по нынѣшнимъ цѣнамъ 100,000 р. На сіе не требовалъ денегъ, а купилъ оный изъ хозяйственной суммы университета и типографіи и устроилъ лучшимъ порядкомъ съ весьма значущимъ приращеніемъ доходовъ университета.

4) Составилъ и учредилъ общество любителей словесности, начерталъ ему уставъ, открылъ оное. Труды его уже начались.

5) Подъ его руководствомъ, по его плану, отставной полковникъ Муравьевъ [1]) учредилъ общество математиковъ, коему попечитель

[1]) Николай Николаевичъ Муравьевъ, † 1840, отецъ графа Михаила Николаевича Муравьева и Николая Николаевича Муравьева-Карскаго, учредитель школы колоновожатыхъ.

Голенищевъ-Кутузовъ начерталъ уставъ, одобренный потомъ г. министромъ, расположилъ сего общества упражненія, кои нынѣ съ величайшимъ успѣхомъ продолжаются.

6) Цензурный комитетъ привелъ въ лучшій порядокъ, для наблюденія строгости въ пропусканіи книгъ, учредилъ особыхъ лекторовъ и написалъ имъ особую инструкцію.

7) Объѣздилъ 4 губерніи своего округа, осмотрѣлъ всѣ учебныя заведенія, многія изъ оныхъ исправилъ, другія открылъ, доставилъ отъ дворянства и купечества значущія пособія, многихъ побудилъ къ пожертвованіямъ. Путешествіе его продолжалось 3 мѣсяца.

8) Учредилъ новую доселѣ не существовавшую, необходимо нужную и полезную, катедру славянскаго языка.

9) Для губернской гимназіи въ Москвѣ сдѣлалъ планъ и представилъ г. министру.

10) Въ Ярославлѣ и въ Рязани построилъ для гимназіи каменные прекрасные домы, кои въ теченіе года окончены.

Произведеніемъ всего того, въ толь краткое время, въ дѣйствіе, обязанъ онъ единственно неусыпнымъ и безпримѣрнымъ попеченіямъ г. министра просвѣщенія, который всѣ его представленія, доводя до свѣдѣнія Государя Императора, подкрѣплялъ ихъ своимъ ходатайствомъ и испрашивалъ на оныя высочайшаго утвержденія. Сверхъ сего, перевелъ онъ россійскими стихами трехъ знаменитыхъ классическихъ писателей: полныя творенія Пиндара, Гезіода и Ѳеокрита [1]). Первыя два напечатаны, а третье печатается. Таковой пользы словесности никто изъ россіянъ не принесъ и таковыхъ трудовъ никто не предпринялъ. За свою таковую, только вкратцѣ изображенную, службу сенаторъ и попечитель Голенищевъ-Кутузовъ ничего не удостоился получить, кромѣ столовыхъ денегъ, по штату положенныхъ, ниже жалованья, кромѣ давно получаемаго сенаторскаго оклада по 3,000 р. въ годъ. Въ сіе же время нѣкоторые гг. сенаторы, какъ-то: Пестель и Нелединскій, младшіе его, получили ордена Св. Александра Невскаго, иные получили бриліантовые знаки, другіе денежныя награжденія, даже губернаторы и почтъ-директоры получили ордена Св. Владиміра; но сенаторъ и попечитель Кутузовъ, въ ревности, усердіи и дѣятельности ни кому не уступая, не удостоился никакого, даже малѣйшаго, одобренія, хотя уже 9 лѣтъ, какъ онъ имѣетъ честь носить орденъ Св. Анны. Истину всего вышеписаннаго, во всей полнотѣ и силѣ, можетъ засвидѣтельствовать достопочтеннѣйшій министръ народнаго просвѣщенія, коему, по безпрестанному его съ сенаторомъ

---

[1]) Творенія Пиндара, пер. Павелъ Голенищевъ-Кутузовъ, съ разными примѣчаніями и пр. Москва, тип. Бекетова, 1804, in 8-vo. Творенія Гезіода пер. Павелъ Гол.-Кутузовъ, Москва, въ тип. Бекетова, 1807, 8-vo.

Кутузовымъ сношенію, болѣе нежели кому нибудь всѣ подвиги его извѣстны.

Къ сему должно присовокупить, что сенаторъ г. Кутузовъ въ чинѣ тайнаго совѣтника 1800, іюля съ 13-го, слѣдовательно болѣе 11 лѣтъ, и никогда не былъ не только въ отставкѣ, но и отпусками никогда не пользовался болѣе 28 дней.

55.

На почтеннѣйшее письмо в. с. отъ 15 сентября, чрезъ Горчакова полученное, имѣя вѣрный случай писать чрезъ ѣдущаго отсюда знакомаго человѣка, по порядку матерій онаго, имѣю честь отвѣтствовать:

1-е. Касательно профессора Буле, благодарю Бога, что онъ насъ съ честію оставилъ. Университетъ избавился отъ орудія сатанинскаго, а вы и я отъ приступовъ доставлять ему награжденія, коихъ онъ не заслуживалъ и кои, можетъ быть, и рѣкой на него польются, но не чрезъ насъ, такъ у насъ на совѣсти ничего лежать не будетъ. Слава Богу, что онъ насъ отъ него избавилъ.

2-е. Поступилъ я съ нимъ не такъ, можетъ быть, какъ должно по придворной политикѣ, но по долгу и по совѣсти поступилъ право, такъ чтобы не отвѣчать Богу за ввѣренное мнѣ стадо и не быть наемникомъ, не радящимъ объ овцахъ, коихъ души Буле и ему подобные волки расхитятъ, ежели наемный пастырь бѣгаетъ. Я сего не сдѣлалъ, а пошелъ твердо противу льва рыкающаго, то-есть сатанинскаго ученія. Сіе я готовъ и еще сдѣлать. А ежели я не буду внимать и вникать тому, что у насъ преподается, то какой я буду попечитель и достоинъ ли буду сего званія?

3-е. Что Буле утвердилъ себя въ хорошемъ мнѣніи у Государя, тѣмъ хуже для Его Величества, а наше дѣло ограждать престолъ отъ таковыхъ мнѣній и, буде можно, открыть глаза и самому Государю и внушить ему, что государство должно быть очищено отъ моровой язвы лжеученія безбожныхъ профессоровъ, коихъ не протежировать, а за границу высылать должно, и всѣ университеты для спокойствія отечества отъ такихъ явныхъ плевелъ очистить. Это ваше дѣло, вы на то призваны; а мое дѣло смотрѣть, чтобы съ катедръ не врали и не писали пустяковъ. Они уже всѣ хвостъ прижали, увидя, что и Буле меня не испугалъ. Пусть думаютъ, что хотятъ, а явно смѣяться надъ религіею не посмѣютъ, когда хоть одному такому проповѣднику ошибутъ перья! Повѣрьте, что ежели бы Буле выслали изъ Россіи, то это на всѣхъ бы сильное впечатлѣніе сдѣлало и всѣ бы струсили, и замолчали.

4-е. На Великую Княгиню смотрѣть нечего! Она забрала въ голову

разныя несбыточныя химеры, о коихъ, какъ и о ней, жалѣть надобно. Напримѣръ, сочиненія свои о законодательствѣ, о финансахъ посылаетъ на поправленіе къ Карамзину, а тотъ, чтобы придать болѣе себѣ вѣсу въ глазахъ глупцовъ, громко барабанитъ по Москвѣ, что такіе и такіе проекты отъ такой-то особы къ нему посылаются. Сему публично смѣются.

5-е. О книгѣ, негоднымъ полякомъ писанной, я скажу, что я готовъ и Государю сказать и что всѣ благомыслящіе люди говорятъ: „эта книга набатъ, зловредная и терпима быть не могущая". Выговора я не заслужилъ, ибо не я ее остановилъ, а графъ Гудовичъ, коему я не могъ не сообщить вашего предписанія о запрещеніи сей книги, но я не велѣлъ ему ее обирать; то за чтожъ мнѣ выговоръ? Ежели бы вы имѣли твердость сказать, что я не виноватъ, то-бы мнѣ не было сей непріятности. Впрочемъ, я всегда такъ буду дѣйствовать, только разрѣшите меня по цензурѣ: пропускать-ли книги сего рода или нѣтъ. Здѣсь добрые люди говорятъ: что и автора и переводчика надобно-бы повѣсить, ибо это зажигатели и враги отечества. Я долгъ мой исполнилъ и очень спокоенъ. Намъ, русскимъ, надобно Государя ограждать отъ поляковъ, кои всегда наши враги, я въ духѣ моемъ русскій дворянинъ и увѣренъ въ томъ, что поляки книгу сію выдали съ самымъ злымъ намѣреніемъ возмутить цѣлое государство. Зачнется съ того, что всѣхъ дворянъ передавятъ, а тамъ и болѣе сдѣлаютъ. Вотъ плоды, коихъ ждутъ Стройновскіе и Анастасевичи [1]), да и дождутся, ежели вельми будутъ молчать и не ополчаться противу сей вольности, которая и затѣяна для того, что враги наши, не могши насъ побѣдить оружіемъ, хотятъ потрясти сердце государства убійствами и бунтами. Стыдно сказать, что этаковаго шельму [2]) сдѣлали сенаторомъ, стыдно мундиръ одинаковый съ нимъ носить. Будьте увѣрены, что во мнѣ при всей моей бѣдности достанетъ столько духа, чтобы все это Государю сказать, хоть бы гнѣвъ его за сіе понести; ему можно математически доказать, что, такія книги позволяя, онъ ведетъ къ погибели себя и все государство.

6-е. Что мнѣ можетъ сіе повредить у двора, я объ этомъ весьма мало забочусь. Лучше пострадать за доброе дѣло и за правду, нежели за ползаніе, подлость, криводушество и связи съ поляками, по фундушамъ получать чины и ленты. Всѣ добрые люди всегда скажутъ въ утѣшеніе мнѣ, что я поступилъ какъ патріоту должно! Придетъ время, что узнаютъ цѣну и истинныхъ сыновъ отечества и предателей! Одного

[1]) Василій Григорьевичъ Анастасевичъ, состоявшій при князѣ Чарторижскомъ. Онъ перевелъ съ польскаго сочиненіе Валеріана Стройновскаго объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь.

[2]) Т.-е. Анастасевича.

только жаль, что враги отечества гораздо единодушнѣе и тверже дѣйствуютъ, нежели тѣ, кои прямаго желаютъ блага. Разрѣшите только работы истинныхъ ложъ! увидите, какъ вольнодумство, якобинство и иллюминатизмъ сшиблены будутъ, полетятъ въ прахъ и всю сатанинскую челядь отъ престола разгонятъ. Вотъ единственное лекарство отъ жестокаго кризиса, въ коемъ государство находится и повѣрьте, что самое дѣйствительное! Или болѣе скажу: другаго нѣтъ.

7-е. Признаюсь в. с., что видя, что ни моя служба, ни мое усердіе неугодны и безплодны и что, вмѣсто ободренія, я получаю выговоры, да и то незаслуженные, я беру дѣятельнѣйшія мѣры къ уплачиванію моихъ долговъ, что исполня, не токмо званіе попечителя, но и званіе сенатора оставлю, и елико можно скоро, прошу токмо мало потерпѣть. Я думаю, что сіе сдѣлавъ, и вы и я гораздо спокойнѣе будемъ. Я оставлю поле дѣйствованія Стройновскимъ и Анастасевичамъ и подобнымъ имъ, до фундушей и до всячины охотникамъ, сіи гораздо по службѣ счастливѣе меня и имѣютъ болѣе вѣсу и кредиту. Таковымъ надобно уступить въ ихъ изгибчивыхъ уловкахъ. Но избави Боже имъ подражать, хотя бы быть еще бѣднѣе и забвеннѣе.

Москва. Сентября 27 дня, 1811 года.

56.

Представляя пространное донесеніе о моей визитаціи, пріемлю смѣлость просить в. с. о нижеслѣдующемъ:

1) Принять трудъ, со вниманіемъ прочитать мои замѣчанія объ усовершенствованіи хода просвѣщенія, кои, яко до общаго блага касающіяся, надѣюсь заслужатъ ваше одобреніе.

2) Какъ сія визитація есть первая отъ начала составленія Московскаго учебнаго округа, то для ободренія и для впечатлѣнія на другихъ обратить вниманіе на представляемыхъ къ награжденію, чтó я приму съ несравненно бóльшею благодарностію, какъ ежели бы самъ что получилъ.

3) Себѣ самому лично ничего не желаю, ничего не прошу и ни о чемъ не забочусь, кромѣ заслуженія вашей довѣренности и благоволенія.

Москва. Сентября 28 дня, 1811 года.

57.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. касательно Платона Петровича Бекетова, не возмогши того оффиціально объяснить, чтó могу сдѣлать приватно, имѣю честь донести: 1) что послужной его списокъ я ни

требовать отъ него, ни послать не въ правѣ, потому что онъ не въ дѣйствительной службѣ и не на жалованьѣ служитъ; 2) такъ какъ при прежнихъ моихъ представленіяхъ, объ Антонскомъ, Рейсѣ и проч. я сего не дѣлалъ, то думалъ, что и теперь безъ сего дѣло обойдется; 3) по симъ причинамъ, прилагаю одну записку. На прочіе в. с. запросы имѣю честь подробно отвѣчать въ оффиціальномъ моемъ доненесеніи, на сей же почтѣ посылаемомъ.

Октября 9 дня 1811. Москва.

58.

На оффиціальное в. с. предписаніе о Кашинѣ, сдѣлавъ мое при семъ же донесеніе, имѣю честь изъяснить, что поелику въ 1800 году не было запрещенія опредѣлять вольноотпущенныхъ въ службу, то и Кашинъ, на такомъ же основаніи, былъ принятъ, какъ и многіе ему подобные. Въ одиннадцать же лѣтъ, кажется мнѣ, онъ столько и публикѣ и университету заслужилъ, и столько отечеству дѣлаетъ чести, и дарованіями, и благоповеденіемъ, что поддержать его и ободрить непремѣнно нужно. Г. профессоръ Фишеръ просилъ меня напомнить в. с. о 4-хъ дипломахъ, посланныхъ къ подписанію для 4-хъ членовъ общества натуралистовъ, а съ моей стороны—прошу хотя объ одномъ, то-есть о дипломѣ князя Михайла Петровича Голицына [1]). Оный нужно поскорѣе ему доставить, ибо уже съ годъ, какъ онъ избранъ въ члены, а его симъ приласкать нужно и потому, что онъ весьма значущія пожертвованія сдѣлалъ и университету, и обществу историческому, о чемъ я уже имѣлъ счастіе в. с. доносить, да и еще отъ его щедрости новыхъ приношеній ожидать должно. Онъ мнѣ неоднократно напоминалъ о дипломѣ, то я и отзывался, что онъ у в. с. находится и что надѣюсь скоро отъ васъ оный получить и ему доставить. Князь же, дѣлая такіе прекрасные подарки, хочетъ остаться безъимяннымъ. Такая благотворительность, съ скромностію соединенная, достойна вниманія и уваженія.

Октября 12 дня 1811 г. Москва.

59.

Не смѣя оффиціальнаго сдѣлать в. с. представленія, касательно Высочайшаго указа, 26-го Августа правительствующему сенату дан-

[1]) Князь Михаилъ Петровичъ Голицынъ, р. 1764 † 18.. былъ очень богатъ: ему принадлежалъ Сиротскій домъ на Басманной, полный разными коллекціями, картинами, библіотекою и пр. Умеръ въ совершенной бѣдности на попеченіи двоюроднаго брата своего кн. Сергѣя Михайловича,

наго, объ учрежденіи при уѣздныхъ училищахъ почетныхъ смотрителей изъ дворянъ, поставленъ я въ необходимость партикулярно по сему предмету съ в. с. объясниться по слѣдующимъ причинамъ: 1-е. Нѣкоторые гг. губернаторы, управляющіе губерніями, входящими въ составъ ввѣреннаго мнѣ учебнаго округа, партикулярными письмами изъявляя мнѣ свои недоумѣнія, о первомъ пунктѣ вышеупомянутаго указа, въ коемъ пунктѣ сказано точно сими словами: „Въ почетные смотрители избирать изъ мѣстныхъ помѣщиковъ наиболѣе расположенныхъ къ наукамъ и проч". Но какъ не сказано, кто будетъ сихъ почетныхъ смотрителей избирать, то и вопрошаютъ они меня, кто будетъ сей выборъ производить: дворянство ли, губернаторъ ли, директоръ ли училищъ той губерніи? На каковые вопросы не будучи въ возможности дать имъ разрѣшеніе, прошу в. с. снабдить меня на сіе наставленіемъ, дабы я въ сходственность оному могъ отвѣтствовать гг. губернаторамъ, ожидающимъ отъ меня на сіе разрѣшеніе. 2-е Нѣкоторые директоры училищъ требуютъ разрѣшенія на 5-й пунктъ, въ коемъ сказано: „Почетные смотрители въ званіи своемъ утверждаются министромъ просвѣщенія". Они въ семъ недоумѣваютъ, потому что губернаторы, по объясненіи съ ними директорами, толкуютъ такъ: яко бы по сему пункту имѣли они право непосредственно къ в. с. представлять почетныхъ смотрителей на утвержденіе, а директоры возражаютъ губернаторамъ, что сіе объ утвержденіи почетныхъ смотрителей представленіе не можетъ идти къ в. с. инымъ путемъ, какъ чрезъ попечителя, яко чрезъ главнаго начальника всѣхъ учебныхъ заведеній его округа. При таковыхъ обстоятельствахъ осмѣливаюсь представить в. с. мое мнѣніе, что для разрѣшенія сихъ недоразумѣній, могущихъ произвести, ежели не непріятности, то по крайней мѣрѣ многія переписки, необходимо нужно къ сему указу дополненіе, въ коемъ бы явственно было сказано: 1-е, кѣмъ именно сіи почетные смотрители избираются; 2-е, чрезъ кого именно оные на утвержденіе в. с. представляемы быть долженствуютъ.

Такъ какъ уже отъ пяти губернаторовъ и отъ четырехъ директоровъ училищъ получилъ я таковые запросы, да и отъ прочихъ, по видимому, подобныхъ сему ожидать я долженъ, то и пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить в. с. о снабженіи меня неукоснительно вашимъ по сему предмету оффиціальнымъ предписаніемъ, дабы какъ губернаторы, такъ и директоры не имѣли права сѣтовать на мое молчаніе, которое я доселѣ поневолѣ хранить долженъ, будучи и самъ въ недоумѣніи что̀ мнѣ имъ отвѣтствовать.

Октября 30 дня, 1811 г. Москва.

60.

За нужное почитаю донести в. с., что принятыя мѣры къ укрощенію адъюнкта Чеботарева, за кои бы и отецъ его и онъ должны благодарить, какъ и за то что съ нимъ не поступлено гораздо строже, произвели злобу и негодованіе, по коимъ естественно послѣдуютъ на меня жалобы, какъ къ в. с., такъ и къ протекторамъ, каковыхъ сей шалунъ имѣетъ и въ Москвѣ и въ Петербургѣ, а ослѣпленный его отецъ, который потаканіемъ своимъ его избаловалъ, вопіетъ громко, что сдѣлана несправедливость и что онъ наказанъ безъ всякихъ доказательствъ. А я скажу только: на что ихъ искать, когда обширная Москва наполнена слухомъ о его шалостяхъ и когда онъ у полиціи на замѣчаніи по разнымъ исторіямъ. Театръ, бульваръ, публичныя гулянья были разныхъ его шалостей свидѣтелями. Даже въ нашей университетской церквѣ не могъ онъ быть спокоенъ, передразнивалъ попа, кривлялся, на лѣстницѣ ловилъ и тѣснилъ женщинъ и проч. Да и кто исчислитъ всѣ его шалости, на кои безпрестанно разнаго званія люди приносили мнѣ жалобы. Ни увѣщанія, ни угрозы, ничто не помогло и обуздать его не могло; даже когда бѣдный его отецъ сказалъ ему съ прискорбіемъ: „ты меня уморишь", то онъ ему на это отвѣчалъ: „умирай скорѣй, старый чортъ, давно пора".

При всемъ этомъ будьте в. с. увѣрены, что найдутся этому повѣсѣ защитники и покровители и даже такіе, кои за него будутъ мнѣ мстить разными ковнями, ибо онъ у иныхъ умницъ употребляется яко самое дѣятельное орудіе къ распространенію насмѣшекъ надъ религіею и всякаго кощунства. Я в. с. о семъ предваряю, дабы, при случаѣ нужды, изволили меня отъ всякихъ козней вражіихъ оградить. Я истинно полтора года терпѣвъ всякія отъ Чеботарева безпокойства, наконецъ рѣшился сдѣлать вамъ о немъ представленіе.

Еще доношу, что Петръ Михайловичъ Дружининъ просилъ меня написать къ в. с., что онъ, по усильной просьбѣ Петра Степановича Валуева и членовъ общества любителей коммерческихъ знаній, принялъ на себя званіе директора того общества, будучи ободренъ къ тому наипаче тѣмъ, что в. с. удостоили оное быть въ числѣ почетныхъ членовъ. Я не препятствовалъ г. Дружинину, чтобы не огорчить П. С. Валуева, который бы самъ обидился и тѣмъ паче, что это не есть служба и ни мало не отвлекаетъ Дружинина отъ настоящихъ занятій. Впрочемъ, если сіе в. с. не угодно, то онъ готовъ сложить съ себя сіе званіе (sic). Ради Бога, в. с. разрѣшите меня въ разсужденіи выбора почетныхъ смотрителей, мнѣ отдыху не даютъ, какъ директоры, такъ и разные дворяне, въ семъ званіи быть желающіе; но я не могу имъ дать разрѣшеніе по резонамъ, кои имѣлъ я честь объ

яснить в. с. въ партикулярномъ моемъ письмѣ за двѣ недѣли предъ симъ.

Москва. Ноября 27 дня, 1811 года.

61.

Крайне радуюсь, что имѣю вѣрный случай писать къ в. с. не по почтѣ, которая нынѣ дошла до того, что не только письма распечатывають, но и совсѣмъ ихъ удерживаютъ,—я въ томъ удостовѣрился на сихъ дняхъ, ибо чрезъ ѣздока получилъ два письма отъ брата моего и сестры въ Петербургѣ живущихъ, кои пишутъ, что, по пяти или по шести писемъ писавъ ко мнѣ, не получали отвѣта, а я ни одного письма отъ нихъ не получалъ, какъ и они въ теченіи двухъ мѣсяцевъ ни одного письма отъ меня не получили, хотя я къ нимъ писалъ каждую почту. А изъ сего ясно видно, что и мои письма и ихъ задержаны. Не знаю, какая этому причина, но знаю только, что въ благоустроенномъ государствѣ сіе терпимо быть не можетъ, ибо задерживать такія письма, въ коихъ нѣтъ никакой интересной матеріи, кромѣ семейственныхъ дѣлъ и денежныхъ разсчетовъ, есть притѣсненіе беззаконнѣйшее, тѣмъ паче, что оно дѣлаетъ въ оборотахъ каждаго большую разстройку. Я пишу сіе къ в. с., яко нужное для вашего свѣдѣнія, въ истинѣ же сего изволите удостовѣриться при первомъ вашемъ свиданіи съ моимъ братомъ, который вамъ то же подтвердитъ. Къ сему имѣю еще прибавить слѣдующіе пункты:

1) Вручитель сего г. Дмитріевъ-Мамоновъ есть молодой человѣкъ, изящныхъ и рѣдкихъ качествъ, скромный и лучшею нравственностію украшенный. Онъ принадлежитъ къ самому тѣсному кругу моихъ знакомыхъ; г. Курбатовъ очень коротко его знаетъ. Сей молодой и прелюбезный человѣкъ, не по одному сдѣланному имъ весьма значущему приношенію, достоинъ вниманія в. с. Онъ имѣетъ свѣдѣнія и дарованія рѣдкія, между прочимъ математику, инженерство онъ такъ знаетъ, какъ весьма малое число людей въ Россіи, а рисуетъ и чертитъ такъ, что я ни одного дворянина въ семъ дѣлѣ толь искуснаго не видывалъ. Онъ желалъ здѣсь выдержать экзаменъ и, конечно, могъ бы сіе исполнить, но наши безразсудные педанты, а паче Панкевичъ, проволочивъ его съ дней 10 понапрасну, наконецъ объявили ему, что еще двѣ недѣли онъ въ Москвѣ прожить долженъ; а такъ какъ срокъ его отпуска наступилъ, то онъ и не могъ долѣе остаться въ Москвѣ. Великая ваша къ нему будетъ милость, ежели изволите его удостоить вашего вниманія и за его пожертвованіе открыть ему путь къ полученію ассессорскаго чина.

2) Тётка моя родная, новопожалованная графиня Кутузова [1]), по любви ея ко мнѣ изыскивая средства мнѣ быть полезною, а можетъ быть, какъ женщина, и въ самыхъ средствахъ ошибаясь, требовала настоятельно, чтобы я къ ней доставилъ о моей службѣ записку, что я исполняя за должность, поставляю точную съ оной копію представить в. с. [2]). Я къ сему ничего прибавить не имѣю, какъ только то, что ежели на приношеніе Зосимы и Ферапонтова обращено вниманіе, то неужели мои пожертвованія и труды по службѣ онаго не стоютъ?

3) Не безполезнымъ почитаю донести в. с., до чего дошла злоба и неистовство модныхъ слезливыхъ писателей, русскихъ якобинцевъ. Нѣкто князь Шаликовъ, злясь на нашего Каченовскаго за критики на слезивцевъ, письменно угрожаетъ Каченовскаго прибить до полусмерти. Почему бѣдный Каченовскій принужденъ былъ просить защиты у полиціи, и я долженъ былъ вчера имѣть сношеніе съ оберъ-полицеймейстеромъ по сему дѣлу, о коемъ я предварительно доношу в. с. для того, что оно, сдѣлавшись здѣсь громко, конечно дойдетъ и до Петербурга. Каченовскій совершенно правъ, онъ вамъ извѣстенъ, то ничего о немъ и не скажу какъ то, что поведеніе его самое почтенное и пристойное, а князь Шаликовъ, какъ всей публикѣ здѣсь извѣстно, есть человѣкъ буйный, необузданный, безъ правилъ и безъ нравственности.

4) Нашъ наказанный адъюнктъ Чеботаревъ, вмѣсто раскаянія, бѣснуется и вопіетъ что съ нимъ поступлено несправедливо. Онъ во всей формѣ и въ правилахъ, и въ поступкахъ, и въ рѣчахъ якобинецъ, коему смерть копѣйка, но и то скажу, что онъ бы не былъ столько дерзокъ, ежели бы не ходилъ часто по вечерамъ назидаться въ кругъ г. исторіографа, гдѣ читается и проповѣдается все то, что губитъ молодыхъ людей удобно. Между прочимъ сочиненіе Стройновскаго тамъ читано съ восхищеніемъ и одобрено и потомъ сіи молодые повѣсы, яко орудія своего директора, и пріемля слова его за оракулъ, бродятъ по городу и не стыдятся громко сію книгу одобрять.

5) Нашедши въ нѣкоторыхъ иностранныхъ пансіонахъ, что тѣ сочиненія г. исторіографа, кои болѣе соблазнительны, употребляются яко учебныя и что изъ нихъ диктуютъ молодымъ людямъ, для примѣра штиля, я за нужное почелъ не прямо самъ, но чрезъ дирек-

[1]) Графиня Екатерина Ильинишна Голенищева-Кутузова, впослѣдствіи свѣтлѣйшая княгиня Смоленская, рожд. Бибикова. Сестра ея Евдокія Ильинишна была женою адмирала I класса и Андреевскаго кавалера Ивана Логиновича Г.-Кутузова и матерью Павла Ивановича. Фельдмаршалъ Кутузовъ былъ 29 октября 1811 г. возведенъ въ графское достоинство.

[2]) Записки эта копія съ той, которую Кутузовъ отправилъ къ Н. К. Загряжской (см. выше).

тора, дать почувствовать, подъ рукою, что сіе неприлично. Узналъ потомъ, что сіе дошло до свѣдѣнія г. автора, а какъ цѣль его именно та, чтобы сладострастныя правила и матеріализмъ его чрезъ училища повсюду разливался, то и натурально, что онъ за сіе озлобился. Вотъ в. с. каково тяжело исправлять свою должность по чистой совѣсти и *противоборствовать злу царствующему въ мірѣ*, а не противуборствовать и молчать тамъ, гдѣ я по званію моему говорить долженъ, не есть ли сіе подвергнуть себя отвѣту на страшномъ судѣ Божіемъ и опасности быть судиму съ цѣлыми поколѣніями дѣтей, коихъ воспитаніе, образованіе и просвѣщеніе промысломъ Всемогущаго намъ ввѣрено.

6) Мои огорченія и носимые кресты услаждаются много сими словами: „*Блажени есте егда поносятъ вамъ*“. Радуюсь нѣсколько я и тому, что по стекающимся почти ежедневно приношеніямъ и разнаго рода сокровищамъ и богатствамъ во ввѣренное мнѣ мѣсто, вижу я ясно богатство милости Божіей и знаменіе его благословенія на мое управленіе проливаемое. Нужды нѣтъ что я самъ ничего не получаю, это къ моему испытанію и очищенію, но обогащеніе университета есть и ко мнѣ великая милость Божія, за которую сердечно Господа моего благодарю, моля Его да подкрѣпитъ меня въ моемъ положеніи и содѣлаетъ достойнымъ рыцаремъ креста Его. Молю его да милость его и сила Божественнаго его Духа пріосѣняютъ васъ непрестанно и да всѣ дары благодати Его, преизобильно на васъ проливаяся, исполнять васъ новой жизни и чистѣйшей радости, её же да никто не возьметъ отъ васъ.

Москва. Ноября 24 дня, 1811 года.

62.

Всѣми пожертвованіями въ пользу университета толь часто дѣлаемыми, обязанъ онъ ни чему иному, какъ благодѣтельнымъ в. с. попеченіямъ и обращеніи Высокомонаршаго вниманія на дѣлающихъ оныя приношенія. Подъ мудрымъ вашимъ руководствомъ, нѣтъ сомнѣнія, что университеты обогатились паче прежняго. При оффиціальномъ моемъ донесеніи о важномъ подаркѣ, сдѣланномъ г. каммергеромъ Всеволожскимъ, [1]) не могши всего нужнаго изъяснить, пріемлю смѣлость исполнить то приватно въ семъ письмѣ, слѣдующими разсуж-

[1]) Дѣйств. камергеръ Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій, р. 1768 † 1836. Онъ женатъ былъ на незаконной дочери Никиты Аѳанасьевича Бекетова, изъ-за наслѣдства котораго имѣлъ тяжбу съ И. И. Дмитріевымъ. Всеволожскій пожертвовалъ университету минеральный свой кабинетъ, состоявшій изъ 5,531 штуфа и оцѣненный въ 20,000. За это онъ получилъ при рескриптѣ орденъ св. Анны 2-й ст.

деніями: 1) прискорбно будетъ и г. Всеволожскому и мнѣ, ежели онъ не будетъ отличенъ болѣе несравненно нежели г. Зосима, коего приношеніе, чинъ, достоинство, званіе, весьма ниже г. Всеволожскаго; 2) одинъ грекъ, другой природный россійскій дворянинъ, одинъ ни какого не имѣетъ чина, а другой каммергеръ; 3) г. Всеволожскій и во время милиціи сдѣлалъ такое пожертвованіе, какихъ никто не дѣлалъ, то и по сему уже достоинъ уваженія; 4) вниманіе къ нему и доставленіе ему соразмѣрнаго знака отличія ободритъ его къ вящимъ пожертвованіямъ, кои онъ дѣйствительно готовъ сдѣлать, какъ и въ письмѣ его изъяснено, и какъ онъ мнѣ словесно подтвердилъ, ежели онъ увидитъ, что на сей его подарокъ особое обращено будетъ вниманіе.

Позвольте къ сему присовокупить в. с., благодарить надобно Бога, что патріотическій духъ до такой степени возженъ и къ такимъ подвигамъ побуждаетъ. Всеволожскихъ не много, но подражатели будутъ, ежели ваше благотворное вліяніе на сыновъ отечества будетъ всегда въ такой силѣ, какъ нынѣ. Слава Богу, говорю я, что знаки отличія, не дорого казнѣ стоющія, привлекаютъ приношенія драгоцѣнныя ежедневно возрастающія! Думаю, что ежели в. с., получа сіе донесеніе прежде 12-го числа сего мѣсяца, разсудите за благо довести оное до свѣдѣнія Государя Императора, то подарокъ г. Всеволожскаго, ко дню рожденія Государя какъ бы нарочно подоспѣвшій, будетъ Его Императорскому Величеству крайне пріятенъ.

Декабря 4 дня, 1811 г. Москва.

63.

На сдѣланный мнѣ отъ в. с. оффиціальный вопросъ о причинахъ, по коимъ профессоръ Суворовъ просится въ отставку, не могъ я ничего иного сказать, какъ представить въ копіи его просьбу съ присовокупленіемъ къ тому моихъ разсужденій. А такъ какъ, къ удовольствію моему, изъ того же вашего предписанія вижу я, что в. с., яко истинный меценатъ, имѣете наклонность удержать въ службѣ сего почтеннаго и любезнаго мнѣ человѣка, то и пріемлю смѣлость приватно объяснить в. с. истинныя причины образа дѣйствованія г. Суворова; оныя суть слѣдующія:

1) Такъ какъ онъ великимъ и дѣйствительно рѣдкимъ своимъ достоинствамъ чувствуетъ цѣну, то уже съ самаго начала его вступленія самолюбіе его нѣсколько оскорбилось тѣмъ, что г. профессоръ Панкевичъ занимаетъ катедру смѣшанной или прикладной математики, несравненно болѣе наукъ объемлющей, нежели чистая математика,

при которой г. Суворовъ, будучи долженъ остаться, не имѣлъ довольно обширнаго поля дабы развернуть дарованія великаго его генія.

2) Будучи крайне недостаточенъ и многочисленнымъ семействомъ обремененъ, крайне стѣснялся онъ и огорчался тѣмъ, что долженъ былъ, живучи весьма далеко отъ университета, нанимать экипажъ съ издержками для него разорительными. Паче же оскорблялся онъ тѣмъ, что иностранные профессоры имѣютъ квартирныя деньги, а онъ нѣтъ. я же не смѣлъ сего сдѣлать самъ собою, дабы не обвиняему быть въ пристрастіи къ нему, потому что нѣкоторые русскіе профессоры, гораздо долѣе университету служащіе нежели онъ, не имѣютъ сей выгоды.

3) Просьбу его удерживался я представить и писалъ между тѣмъ къ Николаю Семеновичу Мордвинову [1]), яко человѣку сердечное участіе въ немъ пріемлющему, прося его предстательствовать у в. с., объ улучшеніи участи г. Суворова, который дѣйствительно по его достоинствамъ стоитъ того, чтобы его всѣми возможными мѣрами въ службѣ университета удержать.

Сверхъ того, самъ я, какъ по усердію моему ко благу университета, такъ и по любви моей къ г. Суворову, придумавъ ко удержанію его средства, осмѣливаюсь в. с. обнадежить, что онъ останется въ службѣ ежели вы соблаговолите принять слѣдующія мѣры:

1) Ежели изволите мнѣ предписать оффиціально, чтобы ему на квартиру производить до 800 рублей въ годъ.

2) Ежели изволите предписать, что такъ какъ профессоръ Гольдбахъ умеръ и катедра астрономіи осталась праздною, то чтобы преподаваніе астрономіи присоединить къ катедрѣ г. Суворова и за оное преподаваніе производить ему по 500 рублей въ годъ изъ суммы положенной на астрономическую катедру, которая сумма нынѣ остается наличною за смертію г. Гольдбаха.

3) Ежели согласитесь употребить ваше благодѣтельное ходатайство, чтобы пенсія, которую г. Суворовъ получалъ еще прежде вступленія его въ службу университета, утверждена была въ случаѣ его смерти въ пользу жены его и дѣтей, о чемъ, какъ изволите увидѣть, онъ и въ прошеніи своемъ упоминаетъ.

Декабря 4 дня, 1811 г. Москва.

64.

Честь имѣю препроводить къ в. с. послѣднее сочиненіе г. Таушера, вамъ посвященное и служащее вѣрнымъ свидѣтельствомъ по-

[1]) Н. С. Мордвиновъ, адмиралъ и всѣхъ русскихъ орд. кав., морской министръ (1802—1807), впослѣдствіи (1834) графъ, р. 1754 † 1845.

лезныхъ его упражненій. Я видѣлъ его; онъ у меня обѣдалъ, и я замѣтилъ, что чрезвычайная стыдливость, которая, какъ увѣряютъ, всегда была ему свойственна и забота о необезпеченномъ его состояніи, дѣлаютъ его очень робкимъ и даже иногда страннымъ; но я увѣренъ, что онъ сохраненъ будетъ для наукъ, если в. с. благоугодно будетъ опредѣлить его въ нашъ университетъ и особенно въ музей, въ коемъ число предметовъ ежедневно столь увеличивается, что непонятно, какъ можетъ доставать на все сіе одного человѣка. Одна энтомологическая часть, для которой г. Таушеръ имѣетъ природную способность, требуетъ человѣка, который бы могъ ее со временемъ усовершенствовать, содержать въ порядкѣ коллекціи, умножать ее и проч. Услышавъ то, что в. с. имѣете намѣреніе доставить нашему университету прекрасную коллекцію насѣкомыхъ г. Таушера, я подумалъ, что если вамъ благоугодно будетъ сдѣлать сіе пріобрѣтеніе для музея и опредѣлить въ оный Таушера адъюнктомъ по сей части, коею онъ занимался во все продолженіе своей жизни, и давать ему, Таушеру, проценты съ капитала 6000 руб., который заплаченъ ему будетъ черезъ шесть лѣтъ, такъ что ему можно будетъ жить жалованьемъ адъюнкта и сими процентами, то сіе, по моему мнѣнію, будетъ истинное средство сдѣлать его полезнымъ обществу и особливо коллекціи в. с., ибо онъ можетъ продолжать приводить ее въ порядокъ и сочинять оной каталогъ. Я говорилъ о семъ съ Фишеромъ, и онъ также удостовѣренъ, что это единственный способъ сдѣлать его полезнымъ для наукъ. Я хотѣлъ прежде приватнымъ письмомъ узнать на сіе волю в. с., и не буду смѣть сдѣлать оффиціальнаго по сему предмету представленія, доколѣ не узнаю, будетъ ли вамъ сіе угодно; да и для большаго удостовѣренія о состояніи г. Таушера можно доставить докторскія свидѣтельства.

Декабря 14 дня, 1811 г. Москва.

65.

Имѣю честь писать къ в. с. съ П. М. Дружининымъ—онъ есть живая грамота и в. с. перескажетъ о положеніи университета все о чемъ вамъ угодно будетъ его вопросить. Осмѣливаюсь только отвѣчать на одно оффиціальное ваше отношеніе и на приватное письмо вкупѣ: 1) Вашъ запросъ о хорѣ на день рожденія Государя тронулъ меня до слёзъ, ибо я не ожидалъ, чтобы на партикулярное письмо мое писали вы оффиціально. 2) На него-жъ скажу: поданъ хоръ на цензуру оберъ-полицеймейстера ошибкою Сущова, а я, обремененъ будучи множествомъ бумагъ и торопясь къ вамъ отправить сіи стихи, дабы вы прежде всѣхъ имѣли, признаюсь, виноватъ, что не досмотрѣлъ въ

какой цензурѣ были сіи стихи. Прошу и себѣ и типографіи великодушнаго прощенія. 3) Касательно Чеботарева донесу только, что сколько основательны свидѣтельства объ исправленіи сіе доказывается тѣмъ, что 12-го Декабря, то-есть сему назадъ 6 дней, Чеботаревъ будучи мертвецки пьянъ, въ б...... сдѣлалъ шумъ, драку, прибилъ квартальнаго и былъ приведенъ къ оберъ-полицеймейстеру, который примиреніе учинилъ и исторію сію затушилъ, изъ благодарности къ доктору Мудрову, который, женатъ будучи на родной сестрѣ Чеботарева, плакалъ и просилъ оберъ-полицеймейстера о помилованіи Чеботарева, на что оберъ-полицеймейстеръ и согласился, ибо на сихъ дняхъ Мудровъ его избавилъ отъ смерти вылечивъ его отъ остановки урины. Сія исторія всей Москвѣ извѣстна. 4) Что писалъ къ вамъ г. Ключаревъ—и сему я не дивлюсь: онъ связанъ тѣсно съ отцомъ Чеботарева и къ нему пристрастенъ весь вѣкъ, и тотъ и другой прожили интригами: безъ нихъ какъ бы могъ Ключаревъ за почтъ-директорскую должность получить все, что онъ имѣетъ, а Чеботаревъ весь вѣкъ пилъ, ѣлъ и ничего не дѣлалъ и теперь терпимъ онъ можетъ быть въ университетѣ только по старости, ибо онъ каждый вечеръ бываетъ мертвецки пьянъ и колобродитъ. Весь университетъ это знаетъ. Воля же ваша въ разсужденіи его сына исполнена будетъ во всей точности. 5) Что такое суть Чеботаревъ и Ключаревъ сіе доказывается по тѣсной ихъ связи съ Карамзинымъ, о чемъ общій нашъ знакомый старикъ [1]) очень подробно знаетъ и думаю что писать къ вамъ будетъ. 6) Что Ключаревъ притворщикъ, что онъ васъ не любитъ и преданъ Козодавлеву, это доказать можно. 7) Что и Ключаревъ и Чеботаревъ желаютъ, чтобы вы не были министромъ, это также вѣрно. Въ заключеніе нужнымъ почитаю еще нѣчто сказать. Писали вы, что я отъ нѣкоторыхъ важныхъ особъ почтенъ былъ сумаброднымъ; сему не надобно ни дивиться, ни симъ оскорбляться. Въ тѣхъ чертогахъ, гдѣ вѣра почитается химерою, гдѣ честь, добродѣтель и вѣрность къ отечеству почитаются предразсудками, гдѣ вольнодумство и безбожіе поставляютъ верхомъ мудрости, тамъ покажется сумасброднымъ всякій христіанинъ, всякій вѣрный Государю слуга, который ни за какіе милліоны не войдетъ ни въ какія крамолы отечеству вредныя. Тамъ только Буле, Карамзинъ и имъ подобные считаются мудрецами, а не токмо я, но и всѣ благомыслящіе должны казаться сумасбродными [2]).

„Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся яко съ нами Богъ". Благодарю Спасителя моего и священныя его орудія, что духъ мой и совѣсть моя спокойны. Молю Господа моего да будете вы здравы и

[1]) Поздѣевъ.

[2]) Намекъ на Тверской дворецъ в. к. Екатерины Павловны.

невредимы, молю Его каждодневно да его милосердіе пребудетъ съ вами неразлучно; молю Его да заградитъ онъ уши ваши отъ вниманія клеветамъ и markup козням враждующихъ на меня.

P. S. Сей вручитель воистину благоволенія вашего достоинъ, право, онъ другой орденъ заслуживаетъ болѣе, нежели Ключаревъ заслужилъ всѣ тѣ, кои онъ имѣетъ, ибо править училищами гораздо болѣе труда нежели править почталіонами! Великому надобно быть хитрецу и интриганту, чтобы ничтожную механическую почтамтскую службу представить въ видѣ государственныхъ подвиговъ и ослѣпить людей тѣмъ, чтобы доставить награды за это (послѣднія слова не разобраны).

Москва. Декабря 19 дня 1811 года.

66.

За скорымъ отъѣздомъ Алексѣя Алексѣевича [1]) пишу весьма кратко, и, во-первыхъ, имѣю честь поздравить в. с. съ Рождествомъ Христа Спасителя, желая, чтобы онъ родился въ ясляхъ сердца вашего, чтобы вы повили его пеленами любви къ нему, и чтобы всѣ внутреннія силы ваши въ сладчайшей нѣжной гармоніи воспѣли: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ", его же никто да возметъ отъ васъ. Къ сему присовокуплю сердечное же поздравленіе васъ и съ наступающимъ новымъ годомъ, желая, чтобы совершенно въ новаго человѣка облеклись, и всю силу новыхъ даровъ Духа въ себѣ ощутили, вкупѣ и съ полученіемъ новыхъ силъ тѣлесныхъ, толико нужныхъ для блага отечества въ великомъ званіи, въ коемъ вы промысломъ Всевышняго постановлены.

Болѣе не пишу, ибо Алексѣй Алексѣевичъ, яко живая грамота, надѣюсь, что по любви каковую онъ мнѣ по самый отъѣздъ оказывалъ, будучи у меня ежедневно, все то скажетъ въ мою пользу, что́ бы я самъ могъ сказать. Затѣмъ поручаю себя продолженію вашей драгоцѣнной для меня милости.

Москва. Декабря 20 дня 1811 года.

67.

За должное почитаю в. с. донести о слѣдующемъ:

1) Общество исторіи и древностей Россійскихъ, имѣвшее счастіе, чрезъ меня, поднесть в. с. дипломъ благотворителя, но, не имѣя отъ васъ о полученіи отзыва и крайне заботясь, благоугодно-ли в. с. было сіе поднесеніе, поручило мнѣ о томъ къ вамъ писать и желаетъ о

[1]) Перовскаго.

семъ узнать, дабы при первомъ собраніи могло оно объявить, что вами дипломъ принятъ.

2) Адъюнктъ Чеботаревъ просится въ Петербургъ; ваша воля его отпустить или нѣтъ, но по совѣсти моей долженъ васъ предувѣдомить, что ежели онъ будетъ въ Петербургѣ, то много проказъ надѣлаетъ и намъ наведетъ и хлопоты и нареканіе. Вотъ вамъ еще образчикъ его поведенія: сегодня, въ самый день Рождества Христова, въ университетской церкви при мнѣ и при многочисленномъ собраніи и университетскихъ и постороннихъ, онъ воздѣвалъ руки на небо, билъ себя въ грудь, клалъ непрестанно поклоны и при всемъ томъ дѣлалъ разныя смѣшныя гримасы и всѣхъ присутствующихъ соблазнялъ; безумный и ослѣпленный его отецъ можетъ и теперь сказать, что нападаютъ на негоднаго его сына, но этому уже свидѣтелей слишкомъ много, видѣвшихъ до такой степени простирающееся его неистовство, что въ праздникъ толь великій, въ церкви, онъ не могъ простоять обѣдни благопристойно; это доказываетъ и его правила и его умъ.

3) Я еще пріемлю смѣлость в. с. сказать: я радъ отъ его присутствія избавиться, но, зная его, не смѣлъ рѣшиться и потому, чтобы не поступить вопреки предписанію вашему, бывшему въ февралѣ мѣсяцѣ сего года.

Декабря 25 дня 1811 года. Москва.

68.

Я противу воли моей долженъ утруждать в. с. всепокорнѣйшею моею просьбою, объ огражденіи университета и меня отъ притѣснительныхъ и грубыхъ поступковъ, при каждой трети повторяемыхъ, управляющаго здѣшнимъ штатнымъ казначействомъ, д. с. с. Акинфіева. Не говорю уже о томъ, что мнѣ по сіе время не выдано ни жалованье, ни столовыя деньги, ни на канцелярію положенной суммы, что̀ единственно по своей прихоти г. Акинфіевъ сдѣлалъ; но и въ университетъ ни копѣйки не отпущено, и мы въ выдачахъ разнымъ людямъ крайне затруднены. Но всего удивительнѣе то, что г. Акинфіевъ, на вопросъ именемъ моимъ сдѣланный: „скоро-ли онъ уповаетъ, что въ университетъ деньги отпущены будутъ?“—весьма грубо отвѣчалъ: „я самъ не знаю, да и отвѣчать не обязанъ“. Послѣ сего я оффиціально къ г. Акинфіеву писалъ отношеніе, съ коего нарочно прилагаю копію, дабы онъ не вклепалъ, что я писалъ къ нему грубо, а онъ на сіе письмо и отвѣта меня ни строкою не удостоилъ. Сіе дѣло неслыханное, чтобы по казенному дѣлу не отвѣчать; но г. Акинфіевъ, яко человѣкъ грубый, необразованный и едва грамотѣ знающій, все себѣ позволяетъ. Такъ какъ сія исторія каждую треть повторяется,

то всепокорнѣйше прошу в. с. отнестись къ его начальству и подвигнуть его, чтобы оно г. Акинфіеву сдѣлало строгое поученіе, и вразумило бы сего глупаго человѣка, что постъ мой, чинъ и лѣта заслуживають уваженія и что онъ ни малаго не имѣетъ права къ беззаконному задержанію суммъ присовокуплять еще грубость и неуваженіе. Всѣ вообще здѣсь съ г. Акинфіевымъ имѣющіе дѣло давно жалуются на его грубость и на подъяческія притязанія. И истинно должно удивляться, что человѣкъ глупый, съ нуждою имя свое подписывающій, первыхъ началъ ариѳметики незнающій, удерживается въ такомъ постѣ, гдѣ съ нимъ должны поневолѣ имѣть дѣло люди благовоспитанные, непрестанно имъ оскорбляемые.

Января 4 дня 1812. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія.

Милостивый государь мой, Алексѣй Алексѣевичъ.

Покорно прошу увѣдомить меня: 1) по какой причинѣ не отпускаете вы изъ казначейства за сію наступившую треть суммы, назначенной на содержаніе Высочайше ввѣреннаго мнѣ Московскаго университета; 2) какъ скоро вы предполагаете, что оная сумма въ университетъ отпущена будетъ. Сіи свѣдѣнія мнѣ необходимо нужны, какъ для сдѣланія по расходамъ университета нужныхъ распоряженій, такъ и для донесенія моего о нуждахъ ввѣреннаго мнѣ корпуса г. министру народнаго просвѣщенія, почему и прошу покорно неукоснительно вашего отвѣта письменно меня удостоить.

Января 2 дня 1812 года.

69.

Я принялъ смѣлость вторично сдѣлать представленіе о старшемъ моемъ письмоводцѣ Облеуховѣ, ибо, по всей справедливости, онъ того достоинъ. Несправедливо бы было вмѣнить ему въ награжденіе то, что онъ произведенъ въ доктора, въ Іюнѣ мѣсяцѣ; ежели бы онъ и не былъ у меня письмоводцемъ, то и тогда бы не могъ университетъ ему отказать въ сей ученой степени, которую онъ получилъ по всей строгости университетскихъ законовъ, ибо писалъ диссертацію, выдержалъ диспутъ, давалъ три пробныя лекціи публично. Истину всего того засвидѣтельствовать можетъ не только цѣлый университетъ, но и вся публика. Ежели же я столько счастливъ, что мои труды достойны какого нибудь вниманія, то долженъ я признаться, что въ г. Облеуховѣ имѣю добраго помощника и дѣятельнаго работника, и

обязанъ, по всей справедливости, заботиться о доставленіи ему слѣдующей награды, которую я отъ покровительства в. с. приму тѣмъ съ бо̀льшею радостію, что, совершенно преставъ нынѣ заботиться о самомъ себѣ, желаю токмо того утѣшенія, чтобы трудящіеся подъ моимъ руководствомъ были ободряемы, ибо они лишеніе того не столь равнодушно возмогутъ переносить, какъ я, и удобны впасть въ отчаяніе. Въ заключеніе же скажу, что всѣ, коимъ по моимъ представленіямъ в. с. сдѣлали милость и доставили знаки отличія, не болѣе г. Облеухова оныхъ достойны, ибо они трудятся каждый по своей части, а въ составъ трудовъ г. Облеухова входятъ вообще всѣ части ввѣреннаго мнѣ округа. Смѣю льститься надеждою, что в. с., принявъ съ благоволеніемъ сіи на сущей истинѣ основанныя объясненія, не отринете моей покорнѣйшей о г. Облеуховѣ просьбы, ободрите тѣмъ человѣка хотя и молодого, но преисполненнаго рѣдкихъ свѣдѣній и отличнѣйшихъ способностей, и украшеннаго лучшею и рѣдкою нравственностію и могущаго быть со временемъ человѣкомъ государственнымъ. Ежели бы я въ семъ удостовѣренъ не былъ, то не рѣшился бы толь настоятельно за него у в. с. предстательствовать.

Марта 4 дня 1812 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

(Записка).

Вотъ что мнѣ подало мысль осмѣлиться сдѣлать мое представленіе о моемъ письмоводцѣ магистрѣ Облеуховѣ: VI департамента оберъ-прокуроръ, молодой графъ Мамоновъ [1]), по 4-хъ-мѣсячномъ управленіи дѣлами, представилъ къ знаку отличія находящагося при немъ секретаря Алексѣева, и черезъ 3 недѣли по представленіи онъ знакъ отличія получилъ. Сіе произвело во мнѣ такое разсужденіе: оберъ-прокурорская должность менѣе важна, нежели постъ попечителя: я въ ней нахожусь 9 мѣсяцевъ, Облеуховъ есть моя правая рука, графъ Алексѣй Кириловичъ, конечно, не менѣе вѣса, ежели не болѣе, имѣетъ И. И. Дмитріева [2]), Облеуховъ дворянинъ умный, просвѣщенный, а Алексѣевъ поповичъ. Облеуховъ работаетъ неутомимо 9 мѣсяцевъ и важнѣйшія обработываетъ бумаги, нежели Алексѣевъ. Почему-жъ мнѣ не осмѣлиться представить о семъ министру-благодѣтелю, отъ коего сію милость къ Облеухову приму какъ бы мнѣ самому оказанную.

[1]) Графъ Матвѣй Александровичъ Дмитріевъ-Мамоновъ, р. 1789 † въ 60-хъ годахъ, подъ бременемъ долголѣтняго умственнаго недуга. Онъ былъ сынъ фаворита Екатерины.

[2]) И. И. Дмитріевъ, былъ въ то время министромъ юстиціи.

70.

Я, къ сердечному моему сожалѣнію, нѣсколько уже выговоровъ получилъ отъ в. с. по цензурѣ за пропущенные ею романы, пѣсни и проч. Есть-ли какая нибудь возможность мнѣ за сими мелочами усмотрѣть и могу ли не полагаться въ томъ на цензоровъ? Говорю, приказываю, и слышу возраженія: „Помилуйте! Петербургская цензура и не это пропускаетъ". Вотъ и на сихъ дняхъ появилась здѣсь въ продажѣ книга подъ названіемъ: „Философическое и юридическое изслѣдованіе государственной измѣны и оскорбленія противъ Величества", печатана въ С.-Петербургѣ, 1812 г., въ типографіи Плавильщикова. Книгу и выписку рѣзкихъ мѣстъ посылаю на ваше благоусмотрѣніе, можетъ быть отъ худаго понятія вещей, но у меня отъ многихъ писателей волоса дыбомъ встали, а еще болѣе отъ того, что съ 3-го Апрѣля сія книга здѣсь продается, и что всю ее раскупили. Я не смѣлъ говорить о семъ, чтобы ее запретили, вспомня, что по бумагѣ вашей о книгѣ Стройновскаго, за сношеніе мое съ гр. Иваномъ Васильевичемъ, вы мнѣ сдѣлали выговоръ, а при всемъ томъ книга сія вреднѣе книги Стройновскаго гораздо, да и замѣчательно то, въ какую эпоху она публикована. По нѣкоторымъ выраженіямъ, кои вы замѣтить изволите, можно догадаться, подъ чьимъ руководствомъ сія книга переведена, а ежели заблагоразсудите спросить по совѣсти цензора, и чтобы онъ, не боясь, вамъ сказалъ всю правду, по чьимъ вліяніямъ онъ многое пропускаетъ, кто настоитъ и почему онъ не боится сихъ книгъ пропускать, а болѣе боится онъ не пропускать, то ясно всю коллекцію дѣйствующихъ орудій усмотрѣть изволите. Цензоръ, человѣкъ добрый, но робкій; онъ пропускаетъ всячину, отъ того, что его запугали громкими именами, но кто сіе дѣлаетъ? Это кажется открыть нужно и для васъ самихъ и для всѣхъ. Съ симъ открытіемъ сопряжены будутъ многія и другія, не менѣе вниманія достойныя. Сіе, конечно, меня и цензуру здѣшнюю извинить не можетъ, но не менѣе, между тѣмъ, подаетъ поводъ говорить, что на насъ взыскивается строжѣе, нежели съ петербургскихъ. Простите мнѣ мою откровенность в. с. и простите тѣмъ паче, что, готовясь къ причащенію Св. Тайнъ, говорю, что́ имѣю на сердцѣ! Выговоровъ я получилъ много. Спасибо ни единаго раза вы мнѣ не сказали, какъ будто бы въ управленіе близъ двухъ лѣтъ моимъ округомъ я ничего такого не сдѣлалъ, за что бы отъ васъ, или отъ Государя, благодарность получить можно. Я васъ въ томъ не виню: и, ей-ей, молюсь о васъ Богу каждый день, но знаю своихъ непріятелей, умѣвшихъ выиграть вашу довѣренность! Богъ милостивъ! всѣхъ насъ помилуетъ, и посрамитъ враговъ нашихъ, и явныхъ и тайныхъ! Начало къ сему есть, Господь силенъ довершить Его дѣло и извести яко солнце правду нашу! Вспомните Фесслера!

книжки о немъ и замѣчанія я доставилъ къ О. А. [1]), а онъ къ вамъ. Теперь по обстоятельствамъ видно ясно, для чего Фесслеръ былъ выписанъ. Не оправданы ли мы чисто? Низверженъ одинъ, падутъ многіе лицемѣры, измѣнники тайные и хитрецы, и тонкіе подъячіе и проч. „*тіи сняти быша и падоша, мы же возстахомъ и исправихомся*". Такъ в. с. я увѣренъ, что вы меня узнаете, что будете скорбѣть о выговорахъ, мнѣ дѣланныхъ, какъ и о томъ, что вы, послѣ вступленія моего въ должность, для многихъ дѣлали добро, а для меня нѣтъ. Сожалѣть, говорю, по доброму вашему сердцу и по всему тому, что отъ васъ еще тайно. Узнаете, что я не Оленинъ и не Мартыновъ [2]), и узнаете очень ясно.

Я пишу сіе истинно, не въ духѣ злобы! И все, что писалъ и что буду писать, то изъ одной безпредѣльной къ вамъ приверженности и желанія вамъ блага, наравнѣ съ самимъ собою, ибо благодарность за ваше благодѣяніе, на первомъ шагу мнѣ сдѣланное, заставляетъ меня забыть сотни огорченій. Въ чемъ я виноватъ, въ томъ и вы меня простите. Разсмотрите и меня, и себя. Я никому не жалуюсь, а глотать горькія пилюли привыкъ съ дѣтства, ибо родился въ бѣдности, много терпѣлъ горя и нуждъ, жилъ и живу подъ крестами, терпѣлъ и терплю бѣды отъ сродникъ, даже отъ лжебратій! Буде за все хвала Великому Крестоносцу! Молю Его отъ всего сердца, да даруетъ Онъ вамъ вкусить всѣ плоды Его воскресенія и ощутить онаго силу, да покрыетъ Его десница васъ отъ враговъ явныхъ и тайныхъ и да дастъ онъ вамъ крѣпость въ подвигахъ вашихъ.

P. S. Соболевскій опредѣленъ архитекторомъ, жалованья на первый случай положено 300 р. Давно бы сіе сдѣлано было; но ваше предписаніе меня связало; вы изволили именно написать: „изъ хозяйственной суммы", а она у насъ по дороговизнѣ совсѣмъ изсохла, то, не отобравъ счетовъ совершенно въ типографной суммѣ, не могъ жалованья опредѣлить изъ хозяйственной, коей нѣтъ. Теперь опредѣлилъ изъ типографной, наложа прибавку на объявленія, чрезъ мѣсяцъ времени сдѣлаю Соболевскому 200 р. прибавки, и такъ онъ будетъ получать 500. Письмо сіе или пакетъ вручитъ вамъ г. Лангель, прекрасный и добрый молодой лифляндскій дворянинъ, у насъ учившійся, и ѣдущій на службу. Будучи увѣренъ въ вѣрности сего отъѣзжающаго, и зная, что О. А. имѣетъ нужду къ вамъ писать, я его извѣстилъ о семъ и получилъ отъ него на имя ваше пакетъ, который здѣсь и влагаю. Удостойте по почтѣ строчкою о полученіи, ибо почтеннѣйшій старецъ нашъ будетъ о семъ заботиться. Простите, ради Бога, что

[1]) Поздѣеву.

[2]) Иванъ Ивановичъ Мартыновъ, въ то время директоръ канцеляріи министра народнаго просвѣщенія. См. о немъ выше.

выписка изъ книги на простой бумагѣ и нечисто писана,—въ-торопяхъ не успѣли на бѣло переписать. Ѣздокъ случился, а мнѣ совѣтовали скорѣе сію книгу къ вамъ отправить.

Москва. Апрѣля 16 дня 1812 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

1. О книгѣ *Прекрасный Пажъ*, за которую вы изволили и мнѣ и цензорамъ сдѣлать строгій выговоръ, собралъ я справки и по первой почвѣ отправлю оффиціальное донесеніе. Изволите убѣдиться в. с., что цензоры нынѣшніе не виноваты, а я еще и того меньше. Книга сія первымъ тисненіемъ напечатана была въ 1804 году и одобрена цензурою. Прежній уставъ цензурный говоритъ, что книги печатанныя не должно вновь цензировать. Вотъ почему она пропущена, вотъ почему и имени цензора не выставлено, ибо она печатана по первой цензурѣ, когда и положенія не было выставлять имена цензоровъ. Изъ сего судите в. с., за что я и цензоръ сію пилюлю проглотить должны, вспомните, что и съ пѣсенникомъ было тоже. 2. Ферри въ ваше попечительство печаталъ объявленіе о себѣ и лекціяхъ; могъ ли я запретить ему печатать тѣми же точно словами, коими при васъ онъ о себѣ въ газетахъ печаталъ? Могло ли мнѣ войти въ голову прибавленіе слова: „*иностранный профессоръ*“ и угадать ваши мысли? Вы за это мнѣ сдѣлали строгій выговоръ, и потомъ его повторили. 3. Пишете вы, что слухи носятся, что я всѣхъ разогналъ изъ университета. Кто-жъ лучше васъ самихъ можетъ сіи слухи опровергать? Вы, по бумагамъ, всѣхъ достовѣрнѣе изволите знать, что въ теченіи двухъ лѣтъ выслано изъ университета четверо, а именно: 1) Буле, потому что его взяла Великая Княгиня и вмѣсто 2,000 дала ему 6,000; 2) Чеботаревъ, извѣстный шалунъ, который для выгодъ же вышелъ и получаетъ, какъ слышно, 2,000 въ годъ; 3) Баузе, извѣстный вамъ самимъ, какъ горькій пьяница и теперь по улицамъ пьяный валяющійся; 4) Горюшкинъ, коего вы сами хотѣли избавиться и дать мѣсто Сандунову, и о коемъ вы ко мнѣ писали неоднократно сими словами: „*нашъ безтолковый Синдикъ*“. Такъ, я спрашиваю, справедливъ ли сей терминъ: „Кутузовъ всѣхъ разогналъ“, и 4 вышедшіе, всѣ съ выгодою, могутъ ли ознаменованы быть подъ терминомъ *всѣхъ?* Сіи слухи отъ шалуна Чеботарева, онъ и долженъ такъ говорить противу меня, ибо я не давалъ воли ему болтать, и ходить по шинкамъ и трактирамъ. Кто-жъ лучше васъ можетъ зажать ротъ всякимъ противу меня толкамъ, ежели вы по бумагамъ видите мою дѣятельность и исправность?

4. Вамъ благоугодно было поставить мнѣ въ вину то, что Чичаговъ [1]) съ вами говорилъ въ мою пользу. Вы меня обвинили, внемлите-жъ краткому моему оправданію. Если бы вы знали связь мою съ Чичаговымъ, то вы бы сему не дивились и не гнѣвались. Вотъ она: отцы наши были друзья 50 лѣтъ. По бѣдности обоихъ домовъ, мы имѣли однихъ учителей отъ 7-лѣтняго возраста. Жили, учились, вмѣстѣ и служили; съ лѣтами симпатія, вкусы, любовь къ наукамъ сію связь укрѣпили; будучи въ одномъ городѣ, каждый день видались, въ разлукѣ переписывались, изъ чужихъ краевъ регулярно писалъ онъ ко мнѣ 1 разъ въ мѣсяцъ, въ Россіи почти каждую почту; съ пріѣзда его я уже получилъ отъ него 13 писемъ, никогда между нами и тѣни не было не токмо размолвки, но ниже холодности; все мы дѣлили между собою: нужду, бѣдность, горе; по рублю мѣдью другъ друга ссужали. Истину сего подтвердитъ и онъ самъ, и всѣ насъ знающіе. При такой тѣсной связи я увѣренъ, что ежели бы я и не писалъ къ нему, то онъ бы сталъ говорить вамъ, всѣмъ, и будетъ говорить самому Государю, ибо Чичаговъ меня знаетъ короче, нежели кто нибудь; а потому и говорить за меня не боится и считаетъ сіе обязанностію дружбы, 37 лѣтъ существующей неразрывно, обязавшей и меня искренно сообщать ему и скорби и заботы мои, какъ и онъ то дѣлаетъ. Теперь, в. с. изволите видѣть ясно, почему Чичаговъ за меня говорилъ; какъ увидите и то, что онъ говорить будетъ, и, державшись рукою за меня такъ долго, уповательно, что руки моей не покинетъ, видѣвъ тысячи опытовъ моей къ нему любви и приверженности, какъ и я отъ него взаимно видѣлъ, вижу и увѣренъ, что всегда видѣть буду.

5. Что̀ я писалъ къ другимъ? Нужда! нужда! в. с. заставляетъ меня о себѣ напоминать. Мнѣ ѣсть нечего, съ женой и съ дѣтьми. Можно ли обвинять нищаго за то, что онъ у каждаго окошка вопіетъ и докучаетъ о кускѣ хлѣба! Онъ мнѣ всего нужнѣе, а не лента! я бы и ту отдалъ, кою имѣю за кусокъ хлѣба!

6. Вашъ Алексѣй Алексѣевичъ можетъ быть на меня гнѣвается за то, что приписываетъ мнѣ непринятіе его въ ☉ (sic) [2]). Онъ ошибается. Никто болѣе сего не желалъ какъ я, а отъ чего сіе не сдѣлалось, думаю къ вамъ писано. Алексѣй Алексѣевичъ, бывъ у меня въ домѣ всякій день и обѣщавъ писать, съ отъѣзда своего писалъ ко мнѣ одно письмо въ 6-ти строкахъ. Кто-жъ виноватъ? а я при всемъ томъ люблю его и желаю ему добра! Но вѣдаю, что за

---

[1]) Адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ, морской министръ, членъ госуд. совѣта и пр. † въ Парижѣ 1849.

[2]) Т.-е. въ Масонскую Ложу.

все добро онъ мнѣ платитъ худо! Господь да проститъ ему и помилуетъ его и наставитъ на путь правый.

71.

При толь тѣсныхъ и смутныхъ обстоятельствахъ, обременяющихъ меня до безконечности, какъ безчисленными заботами, такъ и непрестанными письменными сношеніями, сугубо огорченъ я неповиновеніемъ и возраженіями, какъ г. ректора Гейма, такъ и безсмѣннаго засѣдателя Чеботарева. Искренно скажу в. с., что положеніе мое таково и сношенія съ здѣшнимъ начальствомъ какъ словесныя, такъ и письменныя, столь многотрудны и критическія, что съ нуждою удерживаюсь я, для сбереженія чести университета, отъ формальнаго отношенія къ главнокомандующему [1]) о всемъ (sic) дерзкомъ изъясненіи, каковое мнѣ въ присутствіи университетскаго правленія дѣлали какъ г. ректоръ, такъ и безсмѣнный засѣдатель. Заключеніе моего правленію предложенія, съ коего копію по сей же почтѣ я къ в. с. посылаю, и въ коемъ я угрожаю требованіемъ пособія, въ случаѣ неповиновенія, было вынуждено ихъ выраженіями, что они не токмо безъ вашихъ предписаній меня не слушаютъ, но и готовы пойти требовать отъ главнокомандующаго отчета: какою властію онъ можетъ дѣлать такія предписанія? Твердостію моею и угрозами съ великимъ трудомъ могъ я ихъ удержать отъ сего безумнаго предпріятія, которое ежели было бы ими произведено въ дѣйство, то имъ же самимъ нанесло бы безчестіе и бѣду сугубо отъ того, что мы находимся здѣсь въ столь критическомъ положеніи, что всѣ безъ изъятія поголовно вооружены.

Изъ отзыва моего о томъ, что я и отъ отпуска отказался и остаюсь въ томъ мѣстѣ, гдѣ мое присутствіе нужно, такъ же и изъ донесеній моихъ, по сей же почтѣ в. с. доставляемыхъ, о распоряженіяхъ моихъ довольно благоразумно сдѣланныхъ, в. с. можете достаточно убѣдиться, что я не испуганъ, не потерялъ головы и что съ твердостію и хладнокровіемъ дѣйствую. Однакожъ по всѣмъ вышеобъясненнымъ, подчиненныхъ моихъ, поступкамъ, за нужное почитаю, при таковыхъ обстоятельствахъ, всепокорнѣйше в. с. просить, для удержанія порядка и подчиненности, снабдить меня, въ самоскорѣйшемъ времени, рѣшительными и строжайшими предписаніями, коими бы у меня развязаны были руки дѣйствовать такъ, чтобы мнѣ не смѣли дѣлать возраженій и дерзкихъ представленій, что безъ предъявленія вашихъ предписаній ничего исполнять не будутъ. О смѣнѣ же, какъ г. ректора такъ и непремѣннаго засѣдателя, всеубѣдитель-

[1]) Графу Ѳедору Васильевичу Ростопчину.

нѣйше в. с. прошу дать мнѣ ваше предписаніе, къ коему присовокупите такое, которое бы уполномочивало меня и каждаго изъ моихъ подчиненныхъ отрѣшать немедленно, безъ представленія вамъ, при нужномъ случаѣ. Я не имѣю ни на кого личной и частной злобы, конечно не употреблю во зло сей власти, которая мнѣ тѣмъ нужнѣе для собственнаго моего огражденія, потому что г. здѣшній главнокомандующій, въ словесномъ со мною объясненіи, сказалъ мнѣ, что онъ нѣкоторыхъ изъ гг. профессоровъ подозрѣваетъ быть напоенными духомъ неповиновенія и якобинствомъ"!— сіи были точныя его выраженія.

Августа 19 дня, 1812 года. Москва.

72.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ в. с. донесеній, на сей же почтѣ посылаемыхъ, обязанностію поставляю, съ извѣстною вамъ моею откровенностію, для блага ввѣренныхъ мнѣ мѣстъ сообщить в. с. слѣдующія мои мысли:

1) Поелику Москва находится уже въ совершенной безопасности, то всего бы удобнѣе перевести университетъ въ оную и водворить его въ бывшій Бекетовскій домъ, оставшійся въ совершенной цѣлости, въ коемъ бы мы могли не токмо весьма удобно всѣ наши заведенія помѣстить, но и дать имъ вскорѣ надлежащій ходъ, впредь до дальнѣйшихъ о его помѣщеніи распоряженій. Я говорю сіе на такой случай, буде бы не сдѣлано было распоряженій, что медико-хирургическая академія, коей сей домъ принадлежитъ, паки въ него помѣститься должна.

2) Ежели сей планъ удостоится одобренія в. с., тогда бы и при слабости моего здоровья не отказался я всѣ силы мои употребить къ произведенію его въ дѣйство и не отрекся бы самъ отправиться въ Москву, для водворенія тамъ университета въ предназначенное ему мѣсто и для открытія его такимъ образомъ, чтобы всѣ его упражненія воспріяли, елико возможно, дѣятельный и успѣшный ходъ, что мнѣ исполнить и для университетскихъ чиновниковъ и для меня самого гораздо удобнѣе и легче, нежели отправиться со всѣми ввѣренными мнѣ частями въ Симбирскъ, поелику Ярославль отъ Москвы гораздо ближе.

3) Въ такомъ случаѣ всѣ отсутствующіе и скорѣе и охотнѣе бы въ Москву собрались, во ожиданіи прочнѣйшаго университету помѣщенія и сей домъ былъ бы весьма удобенъ и покоенъ. Кромѣ того, что и о новомъ жилищѣ помышлять и заботиться гораздо легче въ са-

мой Москвѣ нежели въ нѣкоторомъ отъ оной разстояніи. Самая же въ Москвѣ пустота, нѣкоторое время продолжиться могущая, избавила бы учащихся отъ разсѣянія и тѣмъ болѣе бы ихъ преклонила къ прилежанію и дѣятельности въ ихъ учебныхъ упражненіяхъ.

4) Тогда бы, по водвореніи университета въ древнюю столицу и по приведеніи его въ нѣкоторый возможный порядокъ, могъ бы я съ спокойнѣйшимъ духомъ и сердцемъ ѣхать въ Петербургъ, или куда вамъ угодно будетъ меня назначить.

5) Но при такомъ положеніи, паче всего нужно мнѣ денежное подкрѣпленіе, безъ коего я не токмо обстоятельствъ моихъ не поправлю, но отъ убытковъ, съ переѣздами сопряженныхъ, еще въ вящшее себя приведу разореніе.

6) Другимъ образомъ можно мнѣ будетъ, получа предписанія ваши и сдѣлавъ таковыя же ректору, отправиться въ Петербургъ на короткое время и послѣ нужныхъ съ вами объясненій, пробывъ въ Петербургѣ, ѣхать въ Москву для окончательныхъ во всемъ распоряженій. Все сіе обязанностію поставляю представить вниманію в. с., и, готовъ будучи во всей точности послѣдовать тому плану, который вамъ лучшимъ и удобнѣйшимъ покажется, заключу тѣмъ, что, трудившись два года, какъ вамъ извѣстно, не щадивъ ни здоровья, ни времени, ни силъ, не получивъ не токмо награды или какого либо одобренія, но даже переносивъ непріятности, огорченія и наконецъ разореніе и двухмѣсячное скитаніе въ нуждахъ и бѣдности, при всемъ томъ предпочитая общее благо личнымъ моимъ пользамъ, готовъ я еще жертвовать моимъ здоровьемъ и спокойствіемъ службѣ Государя, ежели она ему угодна будетъ, но съ тѣмъ только, чтобы я, хотя малое, получилъ подкрѣпленіе и чтобы путь мнѣ предлежалъ не въ другое какое мѣсто, какъ въ Москву или въ Петербургъ. Сего и по совѣсти моей просить я долженъ, ибо убѣжденъ, что и самыя пользы ввѣренныхъ мнѣ заведеній требуютъ, чтобы я въ одномъ изъ сихъ двухъ мѣстъ находился.

Ноября 10 дня 1812 года. Ярославль.

73.

Предписаніе в. с. о посылкѣ надежнаго чиновника въ Москву получивъ наканунѣ моего отъѣзда въ Ярославль и не имѣя въ виду въ Костромѣ никого, могущаго сіе препорученіе исправить, долженъ я былъ отправить Ханенку изъ Ярославля, а въ Нижній-Новгородъ писать, чтобы оттуда кто-либо отправился, это бы было 300 верстъ, да до Москвы отъ Нижняго около 400 верстъ.

Между тѣмъ какъ я вчерашняго дня, по отправленіи уже Ханенки, получилъ отъ Ивана Андреевича извѣстіе, что онъ въ Москву отпра-

вилъ Петра Михайловича Дружинина, чего я совсѣмъ не воображалъ, а ежели бы зналъ, то, не отправляя Ханенки, послалъ бы предписаніе прямо въ Москву, по почтѣ къ Дружинину, то и разсудилъ я, для успѣшнѣйшаго хода дѣла, предписать и Дружинину, и Ханенкѣ, чтобы они сносилися во всемъ и дѣйствовали совокупными силами.

P. S. Мы столь же искусно, какъ и медико-хирургическая академія, сдѣлали складку въ кладовой разныхъ вещей и заклали двери, но все разломано, какъ изъ письма ректора видно. А что медико-хирургической академіи домъ остался цѣлъ, то сему причины особыя: французы за что-то его полюбили, онъ былъ убѣжищемъ всѣхъ въ Москвѣ оставшихся французовъ и многихъ плюгавцовъ (sic) руссо-французовъ. Сему дому была дана особая *sauve-garde*, и доска съ надписью—вотъ отъ чего и домъ и кладовая его уцѣлѣли, а у насъ разбойникъ Штѣльцеръ [1]) радовался, что все гибнетъ, хотя самъ былъ членъ *муниципалитета окаяннаго*, дьявольскаго собора; но не помыслилъ взять мѣръ къ сохраненію университета, отъ коего имѣетъ кусокъ хлѣба.

Ноября 14 дня 1812 года. Ярославль.

74.

Не могу изъяснить в. с., какія смѣшанныя чувствованія ужаса, жалости и скорби объяли душу мою при въѣздѣ въ Москву. Сіи чувствованія, по обозрѣніи ея плачевнаго состоянія, болѣе еще меня терзали. Я могу во всей полнотѣ смысла сказать, что глаза слезами, а сердце кровію обливались. Паче же всего раздиралось мое сердце отъ воззрѣнія на университетъ, о коемъ заботливость составляла услажденіе моей жизни и который, какъ вамъ извѣстно, былъ въ полной дѣятельности. Одно увѣреніе, что не моею виною, а Божіимъ попущеніемъ таковая глубокая и неисцѣльная нанесена сердцу моему рана, не лишаетъ меня всѣхъ силъ тѣлесныхъ и душевныхъ, на перенесеніе такой горести потребныхъ. Но плакать и вздыхать о семъ бѣдствіи я не престану, воспоминая прошедшаго благоденственнаго здѣсь образа жизни. Воззрѣніе на домы родственниковъ, благодѣтелей и друзей, гдѣ толь многократно для сердца и для разума находили пищу, гдѣ веселились и сытные столы имѣли; на домы опустѣвшіе, или со всѣмъ въ пепелъ превращенные,—все это для чувствительнаго человѣка есть такое уязвленіе, такое горе, какое описать не возможно. Къ симъ

[1]) Христіанъ-Юлій-Людвигъ Штѣльцеръ, ординарный профессоръ энциклопедіи права, римскаго права и проч., состоялъ съ 1806—1812 при университетѣ. Отставка его кажется была слѣдствіемъ его поведенія во время занятія Москвы французами. См. ниже донесеніе его графу Алексѣю Кириловичу.

ощущеніямъ присовокупляется ненависить къ злодѣю рода человѣческаго, столько своимъ неистовствомъ бѣдствій нанесшаго, и въ варварствѣ своемъ превзошедшаго Аттилу, Тамерлана, всѣхъ остготовъ и вандаловъ. Лучше сказать, видно, что сіи изверги токмо образъ человѣческій на себѣ носятъ, а они воплощенные дьяволы или каннибалы. Нѣтъ почти мѣста гдѣ бы не было и ужасныхъ и вкупѣ омерзительныхъ слѣдовъ, что они до скотскаго и звѣрскаго состоянія себя унизили. Что дѣлаемо было въ церквахъ и въ самыхъ алтаряхъ, языкъ не поворотится изрещи.

Домъ вашъ, слава Богу, цѣлъ, я еще не успѣлъ въ немъ быть, но слышалъ что въ немъ поврежденія и убытку не весьма много. Я свой домъ нашелъ безъ стеколъ, ободраннымъ и однѣ стѣны да печи. Кромѣ остатковъ изломанной мебели, изверги, имѣя въ виду на дворѣ дрова, топили печи и камины мебелями краснаго дерева, а поджигали книгами. Чудно и то, что домъ не загорѣлся, ибо при выходѣ ихъ найдено въ печахъ и по окнамъ патроны съ порохомъ и холостые, и съ пулями! Я съ женою и съ дѣтьми жмусь въ двухъ комнатахъ, ибо прочія не могутъ быть обитаемы, отъ того, что, стоявъ безъ стеколъ, настыли, ободраны и загажены. Въ одной комнатѣ мы спимъ, а въ другой и канцелярія, и столовая, и гостиная, а въ прочихъ и носу показать невозможно. Я не ропщу на сіи обстоятельства, ибо, пріѣхавъ по долгу службы и обязанностямъ моего званія, все надобно сносить. Одна сторона здѣсь благоразумными распоряженіями начальства совершенно обезпечена и очень важная, то-есть продовольствіе. Всѣ жизненныя потребности не токмо можно достать, но и дешево, даже напитки хорошіе можно купить не дороже какъ и въ прежнее спокойное время.

Вотъ вамъ, м. г., вкратцѣ начертаніе нашего положенія. Оффиціальныя бумаги, на первый разъ нужнѣйшія, по сей же почтѣ посылаю; и, сверхъ того, считаю нужнымъ изъяснить в. с. слѣдующее: 1) Положеніе находящихся здѣсь нашихъ людей толь бѣдственное и толь стѣсненное, что требуетъ самоскорѣйшаго облегченія. 2) Денежныхъ пособій никакихъ я сдѣлать не въ силахъ, ибо самъ едва нужное имѣю на мое содержаніе съ семействомъ. 3) Паче всего было необходимо скорѣе вызвать сюда ректора и кассира, кои не составляютъ всего университета, а потому и рѣшился я вызвать на время, оставя какъ прочихъ профессоровъ, такъ и вещи въ Нижнемъ до вашего предписанія. 4) Такъ какъ слышно, что ни одинъ изъ институтовъ дѣвичьихъ, подъ начальствомъ Государыни вдовствующей Императрицы состоящихъ, сюда не возвратится, то не разсудите ли испросить у Ея Величества, яко милости, чтобы она хотя одинъ и хотя самый худшій изъ домовъ, подъ ея вѣдомствомъ состоящихъ, на время пожа-

ловала университету. 5) Такъ какъ по посланнымъ бумагамъ уже изволили видѣть, что я довольно дѣятельно приступилъ къ работѣ, то и уповаю съ Божіею помощію кончить здѣсь самонужнѣйшія распоряженія чрезъ мѣсяцъ, сочинить проектъ къ возстановленію нашихъ учебныхъ заведеній и быть въ возможности съ онымъ ѣхать въ Петербургъ; почему и прошу в. с. паче всего исходатайствовать испрашиваемую мною трехмѣсячную отъ сената свободу, коею пользуясь, могу я на правахъ прочихъ попечителей, коихъ пребываніе назначено въ Петербургѣ, и яко членъ главнаго училищъ правленія, въ Петербургъ со всѣми бумагами пріѣхать.

P. S. Простите ради Бога, что мое донесеніе двумя разными руками писано, истинно не могъ иначе успѣть, а желалъ непремѣнно на сей почтѣ бумагу сію отправить. Въ Ярославѣ, какъ вы видите, я былъ не безъ дѣла, то и это извиняетъ меня, что я не прежде въ Москву пріѣхалъ.

Ноября 28 дня, 1812 года. Москва.

75.

Послѣ донесеній оффиціальныхъ, на послѣдней почтѣ къ в. с. отправленныхъ, главное попеченіе мое было собирать разсѣянныхъ страдальцевъ нашихъ и успокоивать ихъ по возможности. А какъ первѣйшее дѣло было дать имъ пристанище, то нѣкоторыхъ помѣстилъ я въ моемъ домѣ. Потомъ имѣлъ сношеніе съ г. главнокомандующимъ и просилъ его объ отведеніи какого-либо казеннаго зданія для помѣщенія какъ людей, такъ и вещей, университету принадлежащихъ. Но онъ отозвался невозможностію, по причинѣ сдѣланныхъ имъ распоряженій для помѣщенія разныхъ казенныхъ мѣстъ и чиновниковъ, изъза чего для университетскихъ мѣста не будетъ. И дѣйствительно, сіе истинно, какъ я въ томъ удостовѣрился и видѣлъ, что, при всей доброй волѣ г. главнокомандующаго, онъ со стороны жительствъ намъ пособить не въ силахъ.

А потомъ разсудилъ я принять другія мѣры, кои не могъ однакожъ рѣшиться произвести въ дѣйство, не представя вамъ моего плана на одобреніе. Ежели вы согласитесь на оный, и не откажете въ вашемъ содѣйствіи, то, безъ всякаго казнѣ убытка, очень скоро университетъ можетъ собраться и помѣститься со своими спасенными отъ погибели вещами. Здѣсь осталось еще нѣсколько господскихъ большихъ домовъ, коихъ хозяева, опасаясь постоя, охотно отдаютъ въ наймы. Разрѣшите мнѣ нанять на годъ одинъ изъ сихъ домовъ, а такъ какъ я таковой одинъ имѣю въ виду, а именно: г. Козицкой на Тверской [1]), который

[1]) Нынѣ Малкіеля, на углу Козицкаго переулка.

совершенно цѣлъ, но управитель не имѣетъ еще предписанія о рѣшительныхъ положеніяхъ цѣны за наемъ сего дома, то примите, в. с., благодѣтельный на себя трудъ снестись съ г-жею Козицкою и съ княгинею Бѣлосельскою [1]), находящимися въ Петербургѣ, и склонить ихъ, чтобы онѣ согласились отдать за умѣренную цѣну сей ихъ домъ, на Тверской состоящій. Я домъ осматривалъ, онъ сохраненъ во всей цѣлости, безъ нужды помѣститъ и всѣхъ людей нашихъ и всѣ вещи, и всѣ удобности имѣетъ какъ для классовъ, такъ и для жилья. Какъ онъ прежде ходилъ за 6000 руб. въ годъ, то нынѣ, ежели онѣ и прибавятъ тысячу или двѣ, сіе составитъ 8000 руб. въ годъ. Мы сей наемъ можемъ платить изъ процентовъ, кои получаемъ съ капитала, на построеніе казармъ намъ выданныхъ, 150,000. Будемъ спокойны, всѣхъ помѣстимъ. Разрѣшите ради Бога сіе поскорѣе, ибо и профессоры наши и учителя, изъ разныхъ городовъ стекаяся, ежедневно ко мнѣ являются. А потому в. с. остается, склонивъ вышеписанныхъ госпожъ и вытребовавъ отъ нихъ приказъ, чтобы домъ намъ отдать, предписать ко мнѣ оффиціально: 1) о принятіи онаго дома; 2) о введеніи въ оный скитающихся нашихъ странниковъ; 3) о повсемѣстномъ предписаніи, чтобы всѣ стекались въ Москву изъ разныхъ мѣстъ ихъ пребыванія.

Вотъ мѣра самая легчайшая, и кратчайшая и казнѣ не отяготительная, и ежели в. с. поможете мнѣ произвести ее въ дѣйство, то честію моею отвѣчаю вамъ, что весьма скоро ученіе наше ходъ свой приметъ, и лучше нежели гдѣ нибудь въ Москвѣ, куда по привычкѣ и любви къ древней столицѣ безпрестанно и много стекаются; а узнавъ, что и университетъ въ Москвѣ, много охотниковъ учиться являться будетъ. Обезпечьте насъ, ради Бога, токмо со стороны жалованья и квартиръ, то будете увѣрены, что съ помощію Божіею все найдетъ на ходъ. Я не пишу оффиціально, чтобы не подвергнуться отказу: Счастливы мы всѣ будемъ, ежели вы одобрите сей планъ, о исполненіи коего всѣ наши бѣдные страдальцы воздыхаютъ.

P. S. Ежели в. с. примете трудъ снестись съ г. Козицкою, то предварите ее, что ей гораздо выгоднѣе отдать будетъ домъ ея въ наймы подъ университетъ, нежели, какъ легко случиться можетъ, что его займутъ даромъ подъ постой. Ради Бога о семъ попекитесь, сіе есть паче всего намъ нужное.

Декабря 2 дня 1812 года. Москва.

---

[1]) Княгиня Анна Григорьевна Бѣлосельская-Бѣлозерская, дочь Екатерины Ивановны Козицкой, рожденной Мясниковой.

76.

Прилагаемое здѣсь начертаніе мыслей [1]) для пользъ университета не разсудилъ я оффиціально представить в. с., дабы васъ не поставить въ необходимость оныя оффиціально отвергнуть, въ случаѣ, буде оныя одобренія вашего не удостоятся. Ежели вы сіе начертаніе за благо примете, то извлекая изъ онаго то, что̀ вамъ угодно, а отвергая прочее, вы вольны предписывать мнѣ исполнить то, что̀ по вашему благоусмотрѣнію полезнѣе и удобнѣе покажется. Сверхъ того, такъ какъ тонъ христіанскій сего изложенія не всѣмъ вообще нравится, а паче новомодными философами, лицемѣріемъ прикрытыми, можетъ быть осмѣянъ и поруганъ, то и не разсудилъ я сдѣлать сію бумагу оффиціальною. Да будетъ она токмо предъ глазами вашими, яко человѣка христіанина, вѣдающаго истиннаго просвѣщенія цѣну. Благодѣтельность же ваша и любовь къ истинѣ удостовѣряютъ меня, что в. с., предписывая мнѣ исполнить по оной, отдадите мнѣ равную справедливость, какъ бы и формальныя отъ меня представленія сдѣланы были. Сугубо мнѣ пріятно будетъ, ежели в. с., удѣляя время на внимательное сей бумаги прочтеніе, удержите ее въ рукахъ вашихъ, и потомъ мнѣ искренно скажете ваше мнѣніе, которое послужитъ отвѣтомъ на тѣ чувствованія, изъ коихъ сія бумага писана.

P. S. Я при семъ же прилагаю и примѣрную вѣдомость о суммахъ, кои, по моему мнѣнію, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, могутъ быть или сбережены, или употреблены на что-либо полезнѣйшее. В. с., разсмотря сію весьма краткую вѣдомость, можете предписать мнѣ то, что̀ изъ оной вамъ основательно покажется, дабы я сдѣлалъ по тому распоряженія, и тогда это будетъ для меня легче, что не по формальному моему предписанію, а по вашему предписанію сіе сдѣлано; ибо и представлять въ отмѣну штатнаго положенія я не осмѣлился.

Увидя сегодня въ петербургскихъ газетахъ объявленіе отъ г. министра юстиціи, чтобы сенаторы явились непремѣнно въ Казань, всепокорнѣйше прошу в. с. сдѣлать къ нему отношеніе извѣстить его, что я, не конча дѣлъ моего округа, въ Казань явиться не могу. Потому всего лучше, чтобы я получилъ на 3 мѣсяца отъ присутствія въ сенатѣ свободу.

Декабря 5 дня, 1812 г. Москва.

77.

Усерднѣйшую приношу в. с. благодарность за исходатайствованіе мнѣ увольненія отъ поѣздки въ Казань. За великое мнѣ благодѣяніе

[1]) Бумаги этой, а равно и вѣдомости въ архивѣ кн. Н. В. Репнина не находится.

сдѣлали, ибо, сколько отъ тѣлесныхъ трудовъ, столько и отъ душевныхъ прискорбій, здоровье мое такъ разстроилось, что покой или пребываніе хотя нѣсколько на одномъ мѣстѣ нужны мнѣ, для поправленія силъ моихъ. Пріѣхавъ сюда, я и понынѣ еще не могу ни укрѣпиться, ни опомниться, и не въ состояніи не токмо въ Казань, но и гораздо ближе ѣхать. Ежели я не буду въ возможности взять покоя и употребить средствъ къ подкрѣпленію бѣднаго моего здоровья, примѣтно ослабѣвающаго, то буду принужденъ противу воли моей оставить службу для продолженія жизни моей, которая нужна для жены моей и для дѣтей. Къ дополненію моихъ прискорбій, и жена моя крайне больна изнурительною лихорадкою, такъ что я ни оставить ее, ни везти съ собою не имѣю возможности.

Вотъ, м. г., начертаніе моего положенія, прибавя къ сему заботы, хлопоты, горесть отъ воззрѣнія на Москву, вопли окружающихъ меня страдальцевъ, вопіющихъ, требующихъ пищи, одежды, пристанища, и при всемъ томъ невозможность ихъ удовлетворить. А посему можете в. с. судить, что въ моемъ сердцѣ происходитъ. Умолчу о многомъ усугубляющемъ мою горесть. Великую мнѣ милость в. с. сдѣлать изволите, ежели найдете удобный случай довести до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества слабость моего здоровья, дабы я сохраненъ былъ отъ какихъ либо поѣздокъ, съ таковымъ однакожъ изъясненіемъ, что настоящее мое служеніе еще я въ силахъ исполнять и готовъ продолжать его до послѣдняго оныхъ силъ истощенія, но что по нѣсколькихъ недѣляхъ, отпускъ и отдохновеніе мнѣ необходимо нужны.

Декабря 9 дня, 1812 г. Москва.

78.

За крайне поспѣшнымъ отъѣздомъ Алексѣя Алексѣевича, которому даже и сутокъ пробыть здѣсь не позволили, сколько успѣю, отвѣтствую на почтеннѣйшее в. с. письмо, отъ 30-го, чрезъ Ланга мною полученное, слѣдуя порядку матерій онаго.

1) О Штѣльцерѣ не могъ я не донести къ вамъ, ибо въ Ярославлѣ слышалъ уже толки изъ Москвы разсѣянные, что и вы и я его защищаемъ въ тайнѣ и о его поведеніи молчимъ.

2) Его донесеніе къ вамъ не стоитъ вниманія, и есть сплетеніе безстыдной лжи, опровергаемой донесеніями многихъ, но и всѣ согласно съ Ришаромъ показываютъ.

3) Тысячи людей видѣли Штѣльцера съ красною лентою на рукѣ, судящаго преступниковъ и подписывающаго приговоры разстрѣливать.

4) Я отсюда поѣхалъ 31-го числа, отправя все наше имущество

и самого Гейма, коего Штёльцеръ не послушалъ и не хотѣлъ ѣхать, хотя Геймъ ему давалъ и лошадей и повозку. Что я 31-го поѣхалъ, на то имѣю доказательства подорожную того числа, да и выѣхалъ вечеромъ, послѣ всѣхъ господъ сенаторовъ, кои почти всѣ 30-го числа уѣхали.

5) Ни трубы, ни кладовыя г. Всеволожскому не помогли бы, а помогло ему: 1) что весь этотъ край цѣлъ, зачиная отъ Петровки и до самыхъ Яузскихъ воротъ; 2) что онъ французовъ оставилъ, кои выпросили sauve garde; 3) что Semen, директоръ его типографіи, имѣлъ съ французами связь.

6) Главнокомандующій здѣшній, какъ я слышалъ, говорилъ, что ежели бы университетъ и уцѣлѣлъ, то бы онъ его сжегъ, ибо это гнѣздо якобинцовъ по его мнѣнію, и онъ радъ что оно разрушено.

7) О книгѣ я посылалъ мое оффиціальное донесеніе. Прежде нельзя было сего исполнить не изслѣдовавъ дѣла, ибо здѣсь никого не было изъ цензурныхъ людей.

Защищать вы одни меня можете, ибо болѣе всѣхъ знаете, можно ли мнѣ хлопотать и помнить о всѣхъ книгахъ; да и за образъ мыслей мой вы же ручаться можете.

8) Всѣхъ злорѣчій не переслушаешь. Главнокомандующій, и васъ и всѣхъ насъ ругаетъ и называетъ друзьями Бонапартьевыми. Вотъ какая блевотина, и говоритъ что онъ все откроетъ, между тѣмъ сдѣлалъ здѣсь явное слово и дѣло; ибо чрезъ квартальныхъ объявилъ, что доносы пріемлются и каждый день людей безвинныхъ хватаютъ.

9) Между тѣмъ, его на площади ругаютъ публично, и онъ и днемъ почти не выѣзжаетъ, да и то съ конвоемъ, до 90 человѣкъ.

10) Мы каждый день ждемъ двухъ напастей: и бунта и мора. Кабаки заперты; между тѣмъ вино продаютъ въ три-дорога; народъ ропщетъ; болѣзни здѣсь презлыя; умираетъ множество; во всѣхъ домахъ курятъ и другія берутъ предосторожности.

11) Прошу в. с. сдѣлать мнѣ милость вытребовать меня отсюда поскорѣе. Вы это вашею властію сдѣлать можете, да и я право на сіе имѣю какъ прочіе попечители, и яко членъ главнаго училищъ правленія, а сіе право никакимъ указомъ не отмѣнено.

12) Пріѣхавъ, я много вамъ открою вещей для блага общаго и частнаго: мнѣ здѣсь теперь почти дѣлать нечего; а всѣ планы могу исполнить, побывавъ въ Петербургѣ.

13) Чудно, отчего не дошла до меня бумага о переводѣ университета въ Ярославль; я подозрѣваю, что она нарочно удержана, дабы я сюда прокатилъ, и отсюда опять въ Ярославль съѣздилъ. Сдѣлайте милость, изслѣдуйте, отчего сія бумага остановлена.

Извините, ради Бога, что несвязно пишу, истинно глаза очень бо-

лять и голова тоже, а ввѣрить писать некому, ибо вѣрный мой письмоводецъ боленъ горячкою.

Москва, 13-го Декабря 1812 года.

P. S. Какъ министръ, позаботьтесь о бѣдной Москвѣ, коей участь и такъ горькая, еще лютыми бѣдствіями угрожается. Всѣ вамъ скажутъ, что я писалъ правду. Не оставьте меня здѣсь, ради Бога. Здѣсь три бѣды: Ростопчинъ, болѣзнь и безпокойствія; у него самого вчера дверь разломали и вломились просящіе помощи, да камни въ окна летаютъ.

79.

Имѣя вѣрный случай писать къ в. с., пользуюсь онымъ, дабы изъяснить то, чего бы я не хотѣлъ писать оффиціально, а притомъ и на партикулярныя письма ваши имѣть честь вамъ отвѣтствовать. Зачну съ оффиціальныхъ вашихъ предписаній и скажу:

1) Предписаніе ваше объ извѣстной книгѣ было отъ 4-го Октября. Вы и всѣ знали, что злые французы тогда владѣли еще Москвою; то какая же была возможность исполнить то, что вы предписываете, то-есть сдѣлать выговоръ цензурному комитету? Гдѣ онъ былъ, кому дѣлать выговоры, когда всѣ разсѣяны, кто въ Казани, кто въ Нижнемъ? когда я, не видавъ книги, не зналъ и имени цензора, и гдѣ его искать? Тутъ же вы выписать изволили, чтобы я узналъ объ имени переводчика. Возможное ли это дѣло? Какъ, чрезъ кого, когда врагъ въ Москвѣ, бумаги комитета сгорѣли и когда я самъ въ Костромѣ? Возможнаго ли вы требовали и кто бы въ силахъ это исполнить? Не лучше ли бы было, ежели бы вы отозвались, что по несуществованію комитета сего до времени исполнить нельзя, нежели предписывать мнѣ то, о чемъ вы знаете сами, что исполнить нѣтъ возможности? И что-жъ мнѣ было дѣлать иное какъ отвѣчать, что я тогда сіе исполню, когда комитетъ составится? Неужели я долженъ былъ лгать и сказать, что сдѣлаю выговоръ тому, о комъ не знаю и имени его.

2) Предписаніе ваше отъ 10-го Ноября столь же неудобоисполнительно. Вы изволите писать *„потребовать отъ цензора отвѣта“*. Какимъ образомъ, когда ни я, ни Геймъ не знаемъ имени цензора, не видали экземпляра, и не имѣли возможности справиться ни отъ кого, ибо о секретарѣ комитета даже не знали, гдѣ онъ находится? Что-жъ мнѣ было и тутъ дѣлать какъ не писать, что по прибытіи въ Москву я постараюсь все возможное исполнить? Какъ же досадовать на меня за неисполненіе того, чего и вы сами, на моемъ мѣстѣ будучи, исполнить бы не могли?

3) Сверхъ того, что я сказалъ въ пространномъ моемъ оффиціаль-

номъ донесеніи по сему предмету, о цензурѣ еще повторяю: она никакой перемѣны въ своей организаціи не получила. Существо моего представленія о ней было то, что такъ какъ всѣ профессора и всѣ адъюнкты имѣли право пропускать книги, а ихъ человѣкъ около 40, то труднѣе отвѣчать за нихъ, нежели за 4, и потому я просилъ, чтобы число лекторовъ ограничилось; вы на это согласились, а комитетъ остался на тѣхъ же правилахъ, на томъ же основаніи, да и хуже ли отъ этого, что лекторовъ 4, а не 40? Можно ли это назвать преобразованіемъ цензуры?

4) Изволите вы писать: *„дѣло состояло въ томъ, чтобы узнать, кто трудился въ изданіи книги“*. Какъ это узнать въ Костромѣ и въ Ярославлѣ, когда и здѣсь съ великимъ трудомъ и усиліемъ я до этого добрался?—и то по счастію, что дня 4, послѣ моего сюда пріѣзду, пріѣхалъ сюда Селивановскій, а ежели бы онъ былъ въ Казани, то можетъ быть и цѣлый мѣсяцъ не могъ бы узнать объ имени издателя, ибо члены комитета разсѣяны, а бумаги его сгорѣли.

5) Оправдать меня было вамъ очень легко: 1) потому что, зная весь ходъ дѣлъ цензуры и множество дѣлъ меня обременяющихъ, вы могли сказать, что мнѣ не было возможности упомнить и заботиться о всѣхъ книгахъ, кои цензурованы за два слишкомъ года; 2) что мой образъ мыслей и правильность столько твердо вамъ извѣстны, какъ и ненависть моя къ Наполеону, что вѣрно бы остановилъ эту поганую книгу, ежели бы зналъ о ея существованіи. Вы сами помните, что я сдѣлалъ съ книгою о вольности крестьянъ; то могли ручаться, что я и съ этою то-жъ бы сдѣлалъ.

6) Что касается до спасенія университета, то повѣрьте, что не хуже Всеволожскаго распоряженія были сдѣланы; и трубы и инвалиды; но первыя были малосильны противъ огня, а инвалидовъ били злодѣи, и нѣсколькихъ убили до смерти, а между тѣмъ Моховая и Никитская объяты были огнемъ. Медико-хирургическая академія была убѣжище всѣхъ мерзавцевъ французовъ, здѣсь оставшихся. До нея и коснуться не смѣли, тутъ не трубы и не инвалиды сохранили, да и весь этотъ край цѣлъ. Сверхъ того, за двѣ недѣли до напасти, взяты подъ арестъ типографіи Всеволожскаго директоръ, его товарищъ и человѣкъ 20 изъ французовъ компаніи Всеволожскаго и отправлены въ ссылку. Самъ онъ былъ призванъ къ гр. Ѳ. В. Ростопчину. Эту всю исторію знала вся Москва. Я ни правилами моими, ни поведеніемъ, никогда не походилъ на г. Всеволожскаго, то и средства его не могли быть моими.

7) Вы даете мнѣ чувствовать весьма обиднымъ образомъ, что вы думаете, якобы я струсилъ и спѣшилъ уѣхать. Кромѣ того, что я послѣ всѣхъ сенаторовъ выѣхалъ, отправя ящики съ нашими вещами,

вамъ извѣстно, что я на весь августъ имѣлъ отпускъ, чрезъ васъ выпрошенный, но добровольно остался, когда могъ не зазорно уѣхать. А остался для того, что опасность была очевидна, я отъ оной никогда не убѣгалъ. Сему доказательствомъ служитъ моя прострѣленная нога и разрубленный лобъ. Въ 1790 году имѣлъ я счастіе съ 3-мя эскадронами врубиться въ шведскій баталіонъ и его опрокинуть.

8) Не знаю, отчего двѣ почты съ ряду не получаю я отъ васъ ни одной бумаги, хотя съ самаго моего сюда пріѣзда почти всѣ бумаги, мною посланныя, суть довольно важныя и требующія иныя разрѣшенія, а другія отвѣтовъ.

9) Теперь я нахожусь въ положеніи крайне для меня затруднительномъ отъ неполученія вашихъ рѣшительныхъ предписаній. Въ Ярославль ѣхать неудобно. Не знаю, утвердите ли мои планы о помѣщеніи университета въ Москвѣ. Оставаться мнѣ не хочется, какъ потому, что дѣлать нечего, такъ и потому, что скучно по многимъ причинамъ, какъ-то по пустотѣ города, болѣзни, нѣтъ жены моей, и проч. и проч.

10) Отпускъ мнѣ крайне нуженъ, да и вамъ со мною увидѣться не безполезно. Увѣренъ я также, что многимъ въ Петербургѣ мой пріѣздъ будетъ непріятенъ, ибо со многихъ спадетъ личина, потому что я имѣю доказательства на фальшивость и каверзы нѣкоторыхъ людей, коихъ надобно обличить.

11) Такъ какъ я имѣлъ отпускъ въ августѣ, но имъ не воспользовался, то весьма желательно вызвать какъ на основаніи онаго, такъ и того, что всѣ попечители имѣютъ право быть въ Петербургѣ. А вы сугубо нынѣ имѣете право вызвать меня, для объясненія и соображенія всѣхъ плановъ, къ возстановленію учебныхъ нашихъ заведеній потребныхъ.

12) Доколѣ я не увижусь съ вами, дотолѣ переписки будутъ безконечны, равно какъ и требованія съ вашей стороны, а съ моей недоразумѣнія и ошибки. При свиданіи же все объяснится.

13) Многія внутреннія причины требуютъ моего въ Петербургѣ присутствія, а потому я увѣренъ, что козни злаго врага устремлены будутъ, чтобы моему пріѣзду мѣшать.

14) Многое и премногое вамъ сказать имѣю, на неложныхъ свидѣтельствахъ основанное, чего бумага вмѣстить не можетъ.

15) Касательно самаго перемѣщенія университета неодолимыя встрѣтятся препятствія, ежели я лично съ вами не переговорю, и переписки будутъ безконечныя.

Оканчиваю мое донесеніе, которое дополнить предоставляю себѣ съ ѣдущимъ отсюда г. Фроловымъ, который, пріѣхавъ сюда вчера, сбирается дня чрезъ три къ вамъ ѣхать. П. А. Курбатовъ сегодня сюда

будетъ, они съ Фроловымъ поѣдутъ вмѣстѣ. Многое Фишеръ вамъ скажетъ на словахъ, чего я не успѣлъ написать, дабы его не задержать. А какъ это къ свѣдѣнію вашему нужно и, вѣдая, что онъ къ вамъ приверженъ, я разсудилъ ему поручить на словахъ пересказать. Въ Твери презлыя горячки, здѣсь также, и положеніе мое со многихъ сторонъ непріятное.

Москва. 19 Декабря 1812 г.

P. S. Ректора я сегодня ожидаю. У насъ больныхъ вездѣ много и умершіе есть. Генныхъ, директоръ тверской, умеръ третьяго-дня гнилою горячкою; Сандуновъ въ Костромѣ безъ всякой надежды болѣнъ и отчаянно; Страховъ въ нижнемъ также отчаянно болѣнъ. Вотъ в. с. наше бѣдствіе. Кого тутъ винить? власть Господня! горе намъ яко согрѣшихомъ. Видимая экономія Божія! Цѣлое царство подведено подъ экономію тяжелаго креста къ очищенію. Благо тѣмъ, кто сіе постигаютъ, и другъ другу крестъ несть вспомоществуютъ. Много о сей тайнѣ креста по практикѣ вамъ скажу съ помощію Божіею.

80.

Имѣя удобный и вѣрный случай къ в. с. писать, за нужное почитаю къ предъидущимъ моимъ изъясненіямъ присовокупить два слѣдующія:

1) Въ гамбургскихъ газетахъ было напечатано, что виленскій университетъ вышелъ злобно Наполеону на встрѣчу, ректоръ говорилъ рѣчь, студенты составили изъ себя гвардію (NB). Какъ же попечитель [1]) не вѣдалъ сего духа, въ его университетѣ таившагося, какъ же съ него за это не взяли отвѣта и какъ онъ, будучи 9 лѣтъ попечителемъ, не наблюдалъ за образомъ мыслей своего корпуса, когда онъ человѣкъ умный и тонкій? Тотъ самый человѣкъ теперь, какъ слышно, въ милости у Государя Императора, а на мнѣ взыскивается и въ вину поставляется пропущеніе цензурою за два года книги, о коей я и понятія не имѣлъ.

2) Г. Стройновскій, сенаторъ, сочинитель книги *о свободѣ крестьянъ* и книги, которая удобна была во всемъ Государствѣ произвести возмущеніе. Наполеоновы прокламаціи о вольности доказываютъ ясно, что Стройновской своею книгою и былъ предтеча злодѣя Наполеона, готовилъ ему путь и подкладывалъ огонь. Сей Стройновскій, обличившій себя толь явно агентомъ и орудіемъ Наполеоновымъ, остается не только въ покоѣ, но посаженъ въ межевой департаментъ; даны ему столовыя деньги, лента и проч. А меня оскорбляютъ, огорчаютъ

[1]) Князь Адамъ Чарторижскій.

и мучать за то, что цензура пропустила книгу, о коей я и не вѣдалъ. Все сіе отдаю на судъ доброму и правдолюбивому вашему сердцу.

Вручитель сего есть добрый руссакъ, музыкантъ Кашинъ, коего таланты в. с. извѣстны. Онъ ограбленъ и разоренъ въ конецъ, то не возможно ли утѣшить его хотя доставленіемъ ему чина, о коемъ я двукратно имѣлъ честь в. с. представлять. Сіе ободреніе укрѣпитъ унывающій его духъ, и поддержитъ талантъ, дѣлающій честь россіянину. Примите совѣтъ, изъ усердія къ вамъ истекающій, велите скорѣе дѣтямъ вашимъ отсюда ѣхать, здѣсь болѣзни день отъ дня свирѣпѣе и число умершихъ и больныхъ умножается. Распоряженій отъ упрямства и самолюбія здѣсь никакихъ не дѣлаютъ, я изъ любви сіе къ вамъ пишу.

Москва. 21 Декабря 1812 года.

P. S. Ежели имѣете удобность напомнить о постановленіи сюда митрополита, то великое сдѣлаете дѣло и народъ чрезъ то и успокоите, и обрадуете. 30 съ лишнимъ лѣтъ Москва привыкла имѣть митрополита; теперь слышно, что сѣтуютъ и печалятся, что митрополита нѣтъ, что и это потеряно.

81.

Имѣю честь поднести в. с. нѣсколько экземпляровъ сочиненной мною на побѣды наши оды [1]), которую уже послалъ черезъ поѣхавшаго отсюда въ армію курьера къ дядѣ моему князю Голенищеву-Кутузову. Ежели в. с. заблагоразсудите оную оду вниманія вашего удостоить, то покорнѣйше прошу изъ числа сихъ экземпляровъ нѣкоторые доставить Высочайшимъ Особамъ. Бумага нехороша, переплета нѣтъ, но что дѣлать, бумаги лучшей здѣсь не имѣемъ, золотой также, ниже переплётчика не находится. Сугубо жаль, что произведеніе толь слабое не можетъ хотя наружною одеждою украситься.

13 Января. 1813.

82 [2]).

Я вчера чаялъ васъ имѣть счастіе видѣть во дворцѣ, но услыша отъ Сергѣя Семеновича Уварова, что вы нездоровы и искреннѣйше о томъ сожалѣя, за нужное почитаю донести вамъ слѣдующее: 1) Къ

[1]) Ода на истребленіе враговъ и изгнаніе ихъ изъ предѣловъ любезнаго отечества, соч. Павла Голенищева-Кутузова. Москва. Въ универ. тип. 1813, in 4-to.

[2]) Эта записка, равно какъ и слѣдующія до Февраля 1814 г., были писаны въ Петербургѣ, гдѣ Кутузовъ оставался 11 мѣсяцевъ.

Гейму по приказанію вашему, я писалъ о Лазаревѣ третьяго дня, точно въ той силѣ, какъ вамъ угодно. Это мнѣ не трудно было, какъ вы изволили писать, ибо всякое ваше дѣло есть для меня не постороннее, а мое собственное, по моей къ вамъ приверженности, и тѣмъ болѣе, что всѣ близкіе къ вамъ и ваши присные, такъ близки къ моему сердцу, какъ мои собственные однокровные. 2) Вчера встрѣтился съ Балашевымъ и онъ мнѣ сказалъ, что собирается къ вамъ ѣхать съ почтеніемъ и просить васъ о П. П. Бекетовѣ, который ему родной шуринъ; то ежели смѣю сказать мое мнѣніе, не худо бы симъ воспользоваться, дабы вразумить его о цензурѣ и сдѣлать по нашему, а не по Вязмитинова [1]) системѣ; а я слышалъ, что Вязмитиновъ предъ нимъ ползаетъ и потрушиваетъ, то для него и отъ мнѣнія и отъ плана отступитъ, а Балашевъ за счастіе почтетъ все для васъ сдѣлать, имѣя въ васъ нужду, и увѣрялъ меня очень, что васъ много почитаетъ. 3) По приказанію вашему говорилъ съ Вилламовымъ [2]) о подаркѣ Гофману. Онъ сказалъ, что докладывалъ Государынѣ и что на сихъ дняхъ къ вамъ доставленъ будетъ подарокъ непремѣнно.

Вотъ что́ я нужнымъ почитаю вамъ донести, и думаю, что вы сими донесеніями довольны будете. Поздравляю васъ съ низверженіемъ чудовища [3]), врага вселенной. Кто Богъ велій яко Богъ нашъ! Ты еси Богъ, творяй чудеса! Придите и видите дѣла Божія. Да поможетъ Господь и намъ опровергнуть мерзкую связь противниковъ креста Христова.

Съ нами Богъ—разумѣйте языци, и покоряйтеся яко съ нами Богъ.

Іюня 1 дня (1813).

83.

Сего 1813 г. Іюня 8 дня, представлено было, между прочимъ, о соединеніи академической гимназіи при университетѣ до времени съ московскою губернскою гимназіею, но рѣшеніе на сіе не послѣдовало. Между тѣмъ по всѣмъ обстоятельствамъ заключить должно, что университетскихъ доходовъ на содержаніе ея недостанетъ. Не угодно-ли будетъ утвердить мнѣніе мое съ тѣмъ, чтобы въ московскую губернскую гимназію отпускаемо было на каждаго ученика по 200 рублей въ годъ. Въ семъ случаѣ я приму мѣры, чтобы при московской гу-

1) Графъ Сергѣй Кузмичъ Вязмитиновъ, въ то время предсѣдатель комитета министровъ, † 1819.

2) Григорій Ивановичъ Вилламовъ, секретарь Императрицы Маріи Θеодоровны, статсъ-секретарь, главноуправляющій IV Отд. Соб. Е. И. В. Канцеляріи, р. 1773 † 1842.

3) Наполеона.

бернской гимназіи были открыты и тѣ классы, коихъ въ ней, въ отношеніи къ академической гимназіи, недостаетъ и предпишу, чтобъ домъ для нея на сей конецъ нанятъ былъ гораздо обширнѣйшій.

1 Сентября 1813.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Отъ самаго существованія университета и уничтоженія прежде существовавшей его гимназіи опытъ доказалъ, что губернскія гимназіи весьма малое число дали субъектовъ, могущихъ быть удостоенныхъ въ студенты, такъ что едва-ли 10 человѣкъ на сіе шестилѣтіе изъ губернскихъ гимназій поступили въ студенты; но еще долговременнѣйшій опытъ чрезъ многія лѣта доказалъ, что существованіе гимназій при самомъ университетѣ, утверждая оный на твердомъ основаніи, производило студентовъ въ годъ до 20 человѣкъ, а изъ студентовъ ежегодно выпускаемы были до 10 человѣкъ, коими снабжались разныя мѣста въ государствѣ, и что сіи люди всегда съ отличностію свое служеніе продолжали. По симъ причинамъ весьма бы полезно было гимназіи губернскія, хотя въ московскомъ округѣ, уничтожить, а сумму, положенную на оныя, обратить на учрежденіе при университетѣ гимназіи. Такимъ образомъ, безъ всякой прибавки, безъ всякихъ казнѣ лишнихъ издержекъ болѣе произойдетъ пользы, нежели отъ сихъ 10 губернскихъ гимназій, приносящихъ плодъ самый малый и несоразмѣрный иждивенію, на нихъ положенному. Ежели бы сія мысль была одобрена, то нужно токмо преднисаніе: 1) объ уничтоженіи гимназій губернскихъ; 2) объ обращеніи сихъ суммъ на заведеніе гимназіи при университетѣ; 3) чтобы планъ оной, штатъ и число гимназистовъ отдано было въ распоряженіе университетскаго начальства, которое для общей пользы не укоснитъ сей планъ совсѣмъ обработанный представить.

84.

Имѣю честь послать въ даръ мою рѣчь, о коей я вамъ говорилъ, и кою вы имѣть пожелали. Изволите изъ оной увидѣть, и мои понятія о вещи, и мои чувствованія; что это языкъ сердца, въ этомъ вы, яко знатокъ сердца человѣческаго, конечно, не усомнитесь. Сіи-то чувствованія могутъ вамъ быть поручителями моей искренней къ вамъ приверженности, а мнѣ подавать надежду, что вы въ искренности оныхъ будучи увѣрены, удостоите меня вашей милости и довѣренности, по той мѣрѣ, что не много въ мірѣ есть людей, кои-бы такъ непоколебимо вамъ были преданы.

Октября 12-го.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Рѣчь

говоренная командоромъ краснаго креста бр. П. Г. К. въ капитулѣ рыцарей востока и Іерусалима, при принятіи въ оный капитулъ X. брата Мунта.

На востокѣ С.-Петербурга, Іюня 16-го дня 5815 года.

Въ сей священной степени, въ коей, подъ высшими прежнихъ ообразами и ритуалами, сподоблены мы собраться подъ кровавою хоругвію Агнца, искони закланнаго, вземлющаго грѣхи міра, получаемъ мы уже вѣрныя свидѣтельства, несомнѣнныя доказательства въ орденѣ нашемъ отъ самыхъ параболическихъ его степеней начиная, все видимое свидѣтельствуетъ о невидимомъ, все тѣлесное о духовномъ, все земное о небесномъ, все человѣческое о божественномъ, все временное о вѣчномъ. Здѣсь представляющіеся іероглифы, пламенными, живыми письменами начертываютъ намъ, къ чему мы призваны, къ чему должны всѣми силами духа нашего стремиться, ибо здѣсь уже ясно о горнемъ Іерусалимѣ, о вѣчномъ востокѣ, о вѣчномъ отечествѣ нашемъ намъ возвѣщается. Возлюбленные братья! разсмотримъ себя: готовы ли мы къ прехожденію въ сіе вѣчное и постоянное наше отечество? Вопросимъ себя: готовы ли мы къ прехожденію въ сіе вѣчное и постоянное наше отечество? Вопросимъ себя: сбылось ли съ нами и внутри насъ существенно все то, чтó мы видимъ здѣсь подъ формами и обрядами? Произошли ли тѣ спасительныя дѣйствія, для коихъ истинно и единственно предначертаны и уставлены всѣ наши символы, чиноположенія и проч.

И, о! благость безконечная благопромышляющія о насъ любви небесныя! Для сего единственно неизглаголанная премудрость облеклася въ чувственность, тончайшая духовность въ тѣлесность, единственно изъ благоснисхожденія къ нашей слабой бренности, единственно дабы чрезъ рѣзкія и сильныя ударенія въ чувственность человѣка, возбудить спящаго въ глубокомъ грѣховномъ снѣ человѣка внутренняго, духовнаго, и воззвать его къ небесному его отечеству, сдѣлать его существенно рыцаремъ вѣчнаго востока, обитателемъ горняго Іерусалима.

Мы носимъ въ сей степени зеленую ленту съ пятью багровыми звѣздами, съ золотымъ ключомъ, на коемъ таинственная надпись: прекрасное, благолѣпное наружное украшеніе, высокое указаніе, изящное поученіе. Но совершилось ли внутри насъ то дѣйствіе, на которое оно указуетъ? Возлегла ли на рамѣ нашемъ зеленѣющая утѣшитель-

ная надежда воскресенія, что мы силою изъ пяти язвъ истекшія божественныя крови во истину очищены, омыты, освящены; испили изъ онаго животворнаго источника чашу спасенія и получили-ль въ собственность нашу тотъ божественный отъ небесныхъ таинствъ ключъ Давидовъ, иже *отверзаяй и никто же затворитъ; затворяяй и никто же отверзетъ?* Можемъ ли мы на сіе отвѣтствовать утвердительно?—Нѣтъ! Итакъ, обрядъ наружный совершился, украшенія на немъ возложены; но какіе плоды отъ всего того принесемъ мы и какой отвѣтъ дадимъ небесной благости, попустившей намъ слышать ученіе премудрости и быть посвященными обрядочно въ ея таинства! Утѣшительно, конечно, для вѣрно-работающаго рыцаря, алкающаго свѣта истины, при восхожденіи изъ параболическаго масонства въ вышнее, утѣшительно видѣть и слышать, что нашъ священный орденъ ведетъ къ живому воплощенному слову, которое онъ прежде образовательно въ слѣпотствованіи съ закрытыми очами осязалъ рукою, ведетъ къ познанію все-возрождающаго креста, обагреннаго кровію Агнца, подъ хоругвію Коего онъ въ рыцари святаго Востока, въ жители новаго Іерусалима пріемлется, посвящается и слышитъ утѣшительное воззваніе: *се Агнецъ Божій вземляй грѣхи міра.* Но когда сіи наружные обряды для ревностнаго искателя утѣшительны, сладостны и чистыя радости исполнены, то что-жъ будетъ самое событіе? О! да сподобитъ онаго насъ Высочайшій Крестоносецъ силою Агнчія крови, во искушеніе наше проліянныя!

Всѣ мы грѣшны, слабы, бренны, безпрестанно падаемъ, не внемлемъ гласу вопіющаго въ пустынѣ, пріуготовляющему къ тому, чтобы подойти подъ сію священную хоругвь, подъ коею единственно мы освященіе получить можемъ. Помоги же намъ, воплощенная неизреченная любовь! Сотвори: да сила Твоя въ нашей немощи совершается, да свѣтъ Твой въ нашей тьмѣ возсіяетъ и тьму нашу поглотитъ. Сподоби насъ воспѣть новую пѣснь яко рыцарей вѣчнаго Востока и горняго Іерусалима и услышать, что мы воистину сопричислены къ избранному стаду тѣхъ, *иже убѣлиша ризы своя въ крови Агнца; сего ради суть предъ престоломъ Божіимъ и служатъ Ему день и нощь въ церкви Его и сѣдяй на престолѣ вселится въ нихъ. Не взалчутъ къ тому, ниже взжаждутъ яко Агнецъ иже посредѣ ихъ упасетъ ихъ и наставитъ ихъ на животные источники водъ и отыметъ Богъ всяку слезу отъ очей ихъ и чистыя радости ихъ исполнитъ.*

Сихъ божественныхъ обѣтованій исполненія да сподобимся мы, грѣшные и недостойные, и ободримся въ возможности сего событія безконечнымъ милосердіемъ Бога и Агнца и, въ самомъ окаянствѣ нашемъ, уповая очищенія грѣховъ нашихъ, воззримъ внутренно на священную хоругвь со смиреніемъ и живымъ увѣреніемъ яко воистину

сей есть Агнецъ Божій, вземляй грѣхи міра. Ему же Богу и Агнцу буди честь и слава во вѣки вѣковъ Аминь.

85.

Удостовѣренъ будучи опытомъ въ вашей ко мнѣ милости и наклонности мнѣ благотворить, пріемлю смѣлость просить васъ оказать мнѣ незабвенное благодѣяніе помощію крайне мнѣ нужною, но вамъ нѣсколькихъ строкъ стоющею. Благоволите устроить, чтобы мнѣ выданы были деньги на проѣздъ изъ положенныхъ по штату попечителямъ. Я здѣсь былъ въ должности, ибо управлялъ университетомъ, ѣду къ должности, обязанъ буду ѣхать еще въ другія губерніи, а потому вы законное вполнѣ имѣете право доставить мнѣ сіе пособіе, крайне нужное мнѣ потому, что мнѣ выѣхать отсюда не съ чѣмъ. Я увѣренъ, мой любезнѣйшій благодѣтель, что вы и службу и душу мою цѣнить умѣете и что ежели вы не могли мнѣ вящшихъ выгодъ доставить, то это не отъ васъ зависѣло, а потому увѣренъ я и въ томъ, что вы мнѣ не откажете въ сей милости, единственно отъ васъ зависящей, и въ коей никто вамъ преграды поставить не можетъ.

Чѣмъ скорѣе вы сіе благодѣяніе мнѣ окажете, тѣмъ болѣе увѣрите меня въ неизмѣнной вашей ко мнѣ милости, коей я цѣну въ полнотѣ всегда чувствуя, молю ежедневно и молить не престану Спасителя, да продлитъ дражайшіе дни ваши, да пошлетъ вамъ милость, благословеніе и чистую радость.

Ноября 22-го (1813).

86.

Бумагу, о коей имѣлъ счастіе вамъ говорить и кою вы доставить приказали, при семъ посылаю [1]). Вотъ такая-то въ существенной силѣ должна быть у насъ, съ нѣкоторыми только отмѣнами, и тогда бы никакой Ро [2]) не смѣлъ непорочныхъ людей ни марать, ни безпокоить! Да поможетъ вамъ Господь Богъ во славу Его и для вашего блага и чистой радости сіе устроить. Его сила, милость и благословеніе да не отступаютъ отъ васъ ни на минуту. Осмѣлюсь напомнить о всенижайшей моей просьбѣ. Вспомните, мой дражайшій благодѣтель, что никто изъ гг. попечителей не ѣздилъ болѣе меня, никто не страдалъ столько, никто не потерпѣлъ столько горя и убытковъ; и службою я ихъ всѣхъ старѣе. Ради Бога, хотя въ сей помощи не откажите, за чтó самъ Господь Богъ васъ обрадуетъ.

Ноября 26 дня (1813).

[1]) Бумаги этой въ архивѣ кн. Н. В. Рѣпнина не находится.

[2]) Ростопчинъ.

87.

Всеусерднѣйшую приношу в. с. благодарность за бумагу о выдачѣ мнѣ на проѣзды 2000. Извѣстная вамъ моя бѣдность и трудность здѣсь достать деньги, дѣлаетъ сіе пособіе для меня важнымъ, за чтó да воздастъ вамъ Господь Своею милостію. Вы прошлаго года, когда мнѣ нужно было доѣхать только отъ Костромы до Москвы, что составляетъ 318 верстъ, сдѣлали мнѣ незабвенное благодѣяніе—исходатайствовали 3000. Я нынѣ имѣю въ предметѣ близъ 2000 верстъ объѣхать, ибо до Москвы 728 версгъ, да въ Смоленскъ взадъ и впередъ столько же, кромѣ разъѣздовъ по разореннымъ училищамъ, въ уѣздныхъ городахъ сихъ губерній состоящимъ, то и чаялъ я, бѣдный, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и прошлаго года получить. Все сіе предаю вашему вниманію и внушеніямъ чувствительной души.

13 Декабря (1813).

88.

Изъ приложенной здѣсь выписки, которая есть самая ѣдкая сатира на Шатобріановъ *Génie du Christianisme*, изволите усмотрѣть ясно образъ мыслей г. сочинителя, толикое вліяніе на университетъ и вообще на молодыхъ писателей имѣющаго. Не явное ли это надъ святѣйшими вещами ругательство? Такимъ-то зловреднымъ ядомъ, болѣе или менѣе подъ прикрасами скрытымъ, наполнены всѣ того писателя сочиненія, а къ несчастію оныя у насъ въ училищахъ ходятъ по рукамъ, яко примѣры штиля. Могутъ ли въ благоустроенномъ государствѣ терпимы быть и сочиненія и сочинитель, который явно говоритъ въ сей рецензіи о высокихъ христіанскихъ истинахъ, что онѣ суть *нелѣпости?* Не явное ли тутъ намѣреніе, заранѣе прекрасное твореніе Шатобріана представить смѣшнымъ, чтобы отъ него отвращались? Не явная ли это вражда противъ духа христіанскаго, коего онъ и запаха терпѣть не можетъ? Не пора ли снять маску съ этого шарлатана?

Безъ числа. (1813).

89.

Вручитель сего есть тотъ самый курскій купецъ Хлапонинъ, о коемъ я имѣлъ честь в. с. говорить, желающій удостоиться степени доктора, коего харьковскій университетъ его уже достойнымъ призналъ. Имя мѣщанина принялъ онъ только для того, что увольненіе изъ купечества съ большими сопряжено затрудненіями. Судите-жъ в. с., сколь сильна должна быть охота къ наукамъ, чтобы изъ именитыхъ купцовъ разжаловать себя въ мѣщане. Сей человѣкъ весьма

извѣстенъ нашимъ знакомымъ и по многимъ отношеніямъ достоинъ вниманія, онъ будетъ имѣть счастіе поднести вамъ свою книгу, имени вашему посвященную; бумагу, свидѣтельствующую удостоеніе его, у сего прилагаю. Просимаго имъ онъ, конечно, достоинъ, и въ одобреніе къ любленію наукъ нужно его поддержать, что̀ предаю вашему вниманію и прозорливости, кои будутъ умѣть все во благо устроить.

Января 2 дня 1814 года.

90.

Тотчасъ, по пріѣздѣ моемъ въ Москву, г. ректоръ университета Геймъ донесъ мнѣ, что вчерашняго дня е. с. графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ призывалъ цензора Котельницкаго и, сдѣлавъ ему строгій выговоръ за пропускъ при газетахъ № 8-го припечатаннаго объявленія отъ филотехническаго общества, сказалъ ему, что онъ о семъ будетъ писать къ в. с. Мѣсто же, по поводу коего е. с. призывалъ онаго цензора выписавъ, при семъ на благоусмотрѣніе в. с. представляю и обязанностію почитаю о семъ происшествіи вамъ предварительно донести.

Февраля 2 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Выписка изъ объявленія филотехническаго общества къ 8-му номеру Московскихъ Вѣдомостей на 1814 годъ.

Вскорѣ послѣ публичнаго собранія нашего въ Январѣ мѣсяцѣ, я, вслѣдствіе отчета за 1812 годъ, избравъ коммисіонеромъ общества, помѣщика Полтавской губерніи Зеньковскаго повѣта, г. войсковаго товарища Жадька, отправилъ съ нимъ въ армію образцы питательной вытяжки [1]), алкоголя [2]) и другихъ подобныхъ припасовъ, которые бы могли съ выгодою быть доставляемы на самыя отдаленныя разстоянія и, сдѣлавъ честь дѣятельности общества нашего, замѣнить на предбудущее время тягостныя поставки питательныхъ потребностей въ обыкновенномъ ихъ видѣ [3]).

91.

Вѣдомости, требуемыя отношеніемъ в. с., отъ 29 числа Января, № 274, уже изготовляются и надѣюсь оныя на слѣдующей почтѣ в. с.

---

[1]) Родъ сухого бульона.

[2]) Наикрѣпчайшій очищенный спиртъ.

[3]) Сколько поставки въ натурѣ и по наряду затруднительны, доказываетъ сдѣланное вычисленіе, что четверть сухарей въ Декабрѣ 1812 и Январѣ 1813 годовъ изъ нѣкоторыхъ губерній обошлась до Вильны въ 200 рублей.

представить. Къ сему обязанностію поставляю присовокупить мои разсужденія: 1) ни во время бытности попечителемъ покойнаго Михайлы Никитича Муравьева, ни въ ваше управленіе московскимъ университетомъ, въ доставляемыхъ министерству финансовъ отчетахъ не показываемо было никогда суммъ, принадлежащихъ университету, данныхъ отъ благотворителей и состоящихъ въ воспитательномъ домѣ; 2) въ представляемыхъ вѣдомостяхъ значится большое количество университетской суммы, обращающейся изъ процентовъ въ здѣшнемъ опекунскомъ совѣтѣ, то легко можетъ статься, что министерство разсудитъ, не взирая на принадлежность сихъ суммъ московскому университету, обратить ихъ на какое-либо другое употребленіе для своихъ изворотовъ, то таковое распоряженіе будетъ для университета при нынѣшнихъ обстоятельствахъ крайне тягостно и лишитъ его многихъ выгодъ; 3) въ предупрежденіе на будущее время безпорядковъ и затрудненій, сопряженныхъ съ изготовленіемъ сихъ вѣдомостей, не изволите ли в. с. разсудить за благо: избавить университетъ отъ доставленія впредь подобныхъ отчетовъ, которыхъ прежде сего никогда отъ него требуемо не было, и предписать составить на прежнемъ основаніи вѣдомости, кои и при семъ моемъ объясненіи доставлены будутъ точно въ томъ видѣ, въ какомъ вы ихъ требуете; а ваша воля будетъ доставить ихъ министерству финансовъ, исключая суммы, въ воспитательномъ домѣ состоящія; чего поелику доселѣ не было дѣлано, то и нынѣ того министерство требовать не можетъ, и мнѣ кажется, что мы чрезъ сіе только болѣе себя свяжемъ, подчинимъ и подвергнемъ себя добровольно такимъ отчетамъ, каковыхъ мы никогда не давали.

Всѣ сіи разсужденія рѣшился я представить в. с. партикулярно, единственно изъ усердія моего къ пользамъ ввѣреннаго мнѣ университета.

Февраля 12 дня 1814 года. Москва.

92.

Сдѣлавъ мое в. с. оффиціальное донесеніе о бумагѣ, присланной мнѣ отъ графа Ростопчина о Штёльцерѣ и прочихъ, и имѣя нынѣ вѣрный случай писать къ в. с. не по почтѣ, за нужное почитаю присовокупить партикулярно слѣдующее объясненіе:

1). Таковой сената поступокъ, т.-е. требованіе отъ меня объясненій чрезъ главнокомандующаго, равно обиденъ какъ для васъ, такъ и для меня: ибо тутъ явно оказывается неуваженіе сколько къ званію моему попечителя, столько и къ вашему званію министра, какъ изволите усмотрѣть изъ прилагаемой у сего записки, которую я по-

сылаю на тотъ случай, ежели в. с. заблагоразсудите за себя и за меня вступиться.

2) Ежели вы не оградите меня отъ подобныхъ сему происшествій, то я могу ожидать, что главнокомандующій, по извѣстному вамъ расположенію, ободряясь правительствующимъ сенатомъ, позоветъ меня въ допросъ, или на очныя ставки съ подсудимыми, ибо отъ его распоряженій и помѣшанной головы все ожидать можно.

3) Невозможно мнѣ было иначе ему отвѣчать, какъ я то сдѣлалъ: ибо онъ прописываетъ сенатское предписаніе, которое наравнѣ съ Высочайшими повелѣніями исполнять должно. Но не менѣе того сіе крайне непріятно; а впрочемъ и онъ, при всей своей запальчивости, сего бы не сдѣлалъ, ежели бы сенатъ ему къ тому не подалъ повода, и буде в. с. не изволите за сіе вступиться, то мнѣ всеконечно еще двухъ непріятностей ожидать должно.

P. S. Сіе письмо посылаю чрезъ костромскаго губернатора, человѣка вѣрнаго, который лично оное вамъ вручитъ.

Февраля 12 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Г. главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ, сего Февраля 8 дня своимъ отношеніемъ, съ коего копія у сего же прилагается, требуетъ отъ сенатора и попечителя московскаго учебнаго округа г. Кутузова объясненій о нѣкоторыхъ подсудимыхъ, принадлежащихъ къ московскому университету, находившихся у непріятеля въ разныхъ должностяхъ, во время его на Москву нашествія. Поелику онъ, г. главнокомандующій, въ отношеніи своемъ прописываетъ, что оное дѣлаетъ по предписанію правительствующаго сената, то сенаторъ г. Кутузовъ и почелъ себя обязаннымъ, во уваженіе сенатскаго предписанія, сдѣлать ему надлежащій отзывъ, съ коего копія у сего же прилагается.

Но при всемъ томъ, онъ, г. Кутузовъ, не можетъ не удивляться, что правительствующій сенатъ изволитъ требовать таковыхъ объясненій чрезъ мѣстное начальство и не можетъ не оскорбиться тѣмъ по слѣдующимъ причинамъ, долженствовавшимъ наклонить сенатъ къ дѣйствію совсѣмъ инымъ образомъ:

1) Правительствующему сенату было извѣстно, что сенаторъ и попечитель г. Кутузовъ находился 11 мѣсяцевъ въ С.-Петербургѣ и не прежде, какъ 23 Января изъ онаго выѣхалъ; слѣдовательно, сенатъ имѣлъ все время требовать отъ него, г. Кутузова, всѣхъ объясненій, не ожидая его изъ С.-Петербурга выѣзда въ Москву, гдѣ какъ будто

бы нарочно устроено было, чтобы ему сей запросъ сдѣланъ былъ чрезъ г. главнокомандующаго.

2) Ежели бы правительствующій сенатъ взиралъ на него, г. Кутузова, яко на сенатора, то долженствовалъ бы послать къ нему указъ прямо яко къ сенатору, не употребляя на то посредства главнокомандующаго.

3) Ежели же сенатъ, не благоволя сего сдѣлать, имѣлъ его, г. Кутузова, въ виду, токмо яко попечителя ввѣреннаго ему учебнаго округа, то и въ такомъ случаѣ сенатъ обязанъ былъ отнестись къ г. министру народнаго просвѣщенія, яко къ непосредственному его, яко попечителя, начальнику, но ни въ какомъ случаѣ не подлежало сего отношенія дѣлать и объясненій требовать чрезъ г. главнокомандующаго, коему онъ, ни мало не подчиненъ будучи, самъ частный начальникъ ввѣренной ему, особенной государственной части, имѣющей свое особенное начальство, т.-е. министерство народнаго просвѣщенія.

Впрочемъ, онъ, г. Кутузовъ, яко сенаторъ, пріемлетъ смѣлость присовокупить свое разсужденіе, что требуемыя нынѣ къ рѣшительному по оному дѣлу постановленію объясненія не при концѣ дѣла, а при самомъ онаго началѣ истребовать бы надлежало, и такъ какъ во все время пребыванія здѣсь въ Москвѣ гг. сенаторовъ Модераха и Болотникова, для сего слѣдствія отряженныхъ, и онъ, г. Кутузовъ, въ Москвѣ же находился, то имъ, гг. сенаторамъ, надлежало съ нимъ по сему дѣлу снестись, и тогда же бы онъ далъ имъ всѣ объясненія. каковыхъ нынѣ правительствующій сенатъ чрезъ г. главнокомандующаго требуетъ.

Въ заключеніе онъ, сенаторъ г. Кутузовъ, всепокорно проситъ оградить его отъ всякихъ по сему дѣлу съ г. главнокомандующимъ сношеній, имѣющихъ видъ запроса отъ полиціи, съ коею ни въ какихъ другихъ отношеніяхъ онъ не состоитъ, какъ обыватель по общимъ повинностямъ, въ точности имъ исправляемымъ. Всякой же другой видъ зависимости не сообразенъ ни званію его сенатора, ни попечителя, коему ввѣрена важная государственная часть, то-есть учебный округъ, въ составъ коего входятъ 10 губерній.

Всякое же объясненіе, каковое по сему дѣлу правительствующій сенатъ заблагоразсудитъ указомъ своимъ требовать отъ него, г. Кутузова, непосредственно, или чрезъ г. министра народнаго просвѣщенія, готовъ онъ безъ самомалѣйшаго замедленія въ правительствующій сенатъ представить.

93.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, по сей же почтѣ посылаемыхъ, за нужное почитаю изъяснить в. с. слѣдующее:

1) Всѣ нужныя поясненія касательно предполагаемой невѣрности въ вѣдомостяхъ о денежныхъ суммахъ по сей же почтѣ посылаются, основанныя на достовѣрнѣйшихъ, взятыхъ отъ правленія, справкахъ и сдѣланныхъ мною самимъ повѣркахъ, на кои ежели в. с. благоволите обратить внимательное око, то удостовѣриться изволите, что ошибка не отъ меня и не отъ правленія сдѣлана. О чемъ и ректоръ во очищеніе себя, ежели не по сей, то по слѣдующей почтѣ къ в. с. писать будетъ.

2) Отчетныя вѣдомости не токмо за 1812 г., но и за 1813 г. по сей же почтѣ посылаются, и ежели в. с. приведете себѣ на память, сколь хлопотливы и тягостны были оба сіи года, первый по разоренію университета, а второй по едва установившемуся на мѣстѣ университета пребыванію, то по великодушію вашему всякое недоброволькое замедленіе или неумышленную ошибку не токмо извините, но даже отдадите справедливость, что университетъ по разстроенному и бѣдственному его положенію и въ отчетахъ своихъ исправенъ, и въ ходѣ дѣлъ его состоитъ во всей по обстоятельствамъ возможной дѣятельности, о чемъ еще болѣе удостовѣриться изволите изъ особеннаго донесенія, которое я чрезъ нѣсколько дней буду имѣть честь в. с. сдѣлать о положеніи, въ каковомъ я нашелъ здѣшнія учебныя заведенія.

3) Дѣло Демидовскихъ крестьянъ, требовавшее времени какъ на обдуманіе необычайнаго его хода, такъ и на сочиненіе повелѣнной вамъ инструкціи, со всевозможною скоростію совершенно обработано, о чемъ по завтрашней тяжелой почтѣ отправлено будетъ къ в. с. оффиціальное и подробное донесеніе, съ пріобщеніемъ къ оному и самой инструкціи, которая, какъ мнѣ кажется, по возможности съ размышленіемъ и осторожностію написана.

Надѣюсь, что в. с. довольны будете моею дѣятельностію, по коей я, при всей многочисленности обременяющихъ меня дѣлъ и заботъ, исполнилъ все то, что̀ только по человѣческой силѣ и возможности, въ теченіи двухъ недѣль моего здѣсь пребыванія, сдѣлать было можно, паче же при предписаніяхъ вашихъ, чтобы все то дѣлаемо было немедленно. При всемъ томъ прошу вашего благоснисходительнаго извиненія, ежели по краткости времени, или по моему недоразумѣнію, что-либо упущено было. За симъ поручая себя продолженію вашихъ драгоцѣнныхъ мнѣ милостей ко мнѣ, яко дѣйствующему въ христіанскомъ простодушіи, по моей совѣсти и чести, прошу тако-жъ не упускать изъ виду коварныхъ внушеній и козней, противу меня устроенныхъ и устремленныхъ единственно на то, чтобы лишить меня вашего благоволенія и довѣренности; отъ каковыхъ хитро-сплетенныхъ діавольскихъ затѣй, я увѣренъ, оградитъ меня Христосъ Спаситель и Богъ мой! На него же единаго уповаю, не постыжуся. Его же милосердая десница

да сохранитъ и васъ отъ льстивыхъ и лицемѣрныхъ на меня толкованій и да дастъ вамъ здравіе, благословеніе и благопоспѣшность во всѣхъ подвигахъ вашихъ, о чемъ молиться Христу Спасителю не престанетъ тотъ, который, вопреки всѣмъ навѣтамъ вражіимъ, готовъ доказывать и утверждать, сколь искренны и непремѣнны суть сердечныя чувствованія почитанія, приверженности, любви и благодарности.

Февраля 16 дня 1814 года. Москва.

94.

Имѣя вѣрный случай писать къ в. с. чрезъ профессора Сандунова, отправившагося въ Петербургъ по крайнимъ надобностямъ и отпущеннаго мною на 28 дней, за должное почитаю довести, для свѣдѣнія вашего, нѣкоторыя нужныя обстоятельства: 1) касательно сдѣланнаго цензурѣ запроса о пропущенномъ извѣстіи филотехническаго общества сочиненія Каразина [1]), по достовѣрнымъ справкамъ оказалось: что не токмо не было отъ графа Ростопчина запрещенія, но даже оное сочиненіе было въ манускриптѣ у него, гр. Ростопчина, на разсмотрѣніи и онъ не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, велѣлъ оную отослать въ нашу цензуру, сказавъ, что сіе до него не принадлежитъ. О чемъ оффиціальное мое донесеніе немедленно къ в. с. доставлено будетъ. Слѣдовательно, онъ хотѣлъ нарочно подвести цензуру подъ отвѣтственность и сдѣлалъ придирку. Тутъ по пословицѣ можно сказать: *кто захочетъ драться, тотъ палку сыщетъ*, то посему никакъ отъ его злобы не избѣжать и мы, конечно, должны и болѣе шиканъ ожидать. 2) Ни о какомъ пансіонѣ, ни о какомъ училищѣ гр. Ростопчинъ не хочетъ слышать, и училища частныя народныя не даетъ открывать; иныя застроены домами частныхъ людей, другія повелѣно ломать,—и, такъ какъ я сбираю теперь о всемъ томъ справки, то по полученіи оныхъ составлю общее обо всемъ в. с. представленіе, по коему, ежели смѣю сказать мое мнѣніе, не останется вамъ другого сдѣлать, какъ войти въ комитетъ гг. министровъ и требовать, чтобы предписано было гр. Ростопчину отнюдь не мѣшать намъ строить на прежнихъ мѣстахъ нашихъ училищъ, а паче типографскаго дома, о коемъ, яко о самонужнѣйшемъ для насъ дѣлѣ, я прежде всего посылаю представленіе. В. с. сами угадать изволите, что всякое ваше по сему сношеніе съ гр. Ростопчинымъ будетъ безполезно по его расположенію, а потому нужно, чтобы не отъ васъ, а отъ комитета

[1]) Василій Назаровичъ Каразинъ, р. 1773 † 1842. Въ началѣ царствованія Александра I пользовался довѣріемъ Государя. Принималъ живое участіе въ учрежденіи министерства народнаго просвѣщенія и основаніи харьковскаго университета. Авторъ многихъ проектовъ и записокъ политическаго содержанія.

гг. министровъ сіе ему предписано было. Да и для вашей чести сіе нужно, ибо онъ тогда почувствуетъ, что вы его не удостоиваете сношеній, безъ коего само собою сдѣлается для васъ и для университета нужное. 3) Касательно отчетовъ въ вѣдомостяхъ, позвольте объяснить оное в. с. профессору Сандунову и, ежели изволите его принять и выслушать, то удостовѣритесь, что никакой ошибки и неправильности въ оныхъ вѣдомостяхъ не было ни со стороны университета, ни съ моей. 4) Ученыхъ никакихъ собраній открывать и приступать къ онымъ нѣтъ никакой возможности, доколѣ начальство гр. Ростопчина продолжится, ибо онъ кричитъ, что всѣ сіи ученыя собранія суть не что иное, какъ подъ маскою якобинскіе клубы и что онъ ни одного въ Москвѣ не терпитъ и что даже Библейское общество есть заведеніе мартинистовъ, ихъ кознями устроенное во вредъ государству; о чемъ не сочтете ли за нужное сообщить князю Александру Николаевичу Голицыну [1]). 5) Нѣкто достойный вѣроятія человѣкъ, имѣющій свѣдѣнія, по своимъ связямъ, о томъ, что происходитъ въ канцеляріи гр. Ростопчина, увѣдомилъ меня, что гр. Ростопчинъ писалъ къ Государю свое мнѣніе, что онъ за полезное и нужное считаетъ, чтобы университету въ Москвѣ не быть, ибо-де университетъ и его начальство наполнены духомъ якобинства и иллюминатства, то въ столицѣ вредно быть можетъ существованіе университета. Сіе отъ гр. Ростопчина легко станется, а потому я за нужное почелъ вамъ сіе донести, дабы вы взяли мѣры, какія заблагоразсудите.

Словомъ сказать, кромѣ сихъ, частно нашему мѣсту дѣлаемыхъ обидъ и притѣсненій, всѣ вообще состоянія, команды, частные люди, такъ недовольны, что всеобщій слышенъ ропотъ и желаніе, чтобы скорѣе Богъ избавилъ отъ этого начальника. И ежели бы я могъ себѣ вообразить, до какой степени здѣсь жить непріятно, то я бы, яко милости, просилъ у в. с. позволенія остаться доколѣ возможно въ Петербургѣ. Самое же важное обстоятельство и могущее произвести бѣду, коей самъ гр. Ростопчинъ, по его безумію, не предвидитъ, есть то, что дворовыхъ людей полиція поитъ и склоняетъ къ шпіонству и доносамъ на господъ; чему нѣсколько здѣсь примѣровъ было и, кажется, какъ будто бы мы здѣсь были совсѣмъ подъ инымъ правленіемъ, подъ иными законами, нежели каковые въ Петербургѣ существуютъ. Изъ чего можетъ выйдти такая бѣда, которой въ усыпленіи сущіе безпечные не ожидаютъ. Къ несчастію, оберъ-полицеймейстеръ хотя человѣкъ не глупый, добрый, честный, но есть покорнѣйшій рабъ гр. Ростопчина и слѣпой исполнитель безумнѣйшихъ

[1]) Извѣстному оберъ-прокурору св. синода и министру духовныхъ дѣлъ, заявшему въ 1816 г. мѣсто гр. А. К. Разумовскаго.

его приказаній; потому-то и полиція такъ въ отношеніи къ дворовымъ людямъ дѣйствуетъ.

Вотъ все, что на сей разъ в. с. имѣлъ я донести; вѣрьте, что все то сущая и нагая истина и что единое усердіе къ общему благу и откровенность, коею вамъ и по службѣ и по долгу благодарности я обязанъ, заставили меня все сіе къ вамъ написать и не исполнивъ сего, я думаю, чтобы поступилъ я противу совѣсти и противу долга добраго сына отечества.

Февраля 20 дня, 1814 года. Москва.

95.

Хотя я донесеніемъ моимъ отъ 9-го числа Февраля, за № 68, испрашивалъ разрѣшенія в. с. производить ли на основаніи указа 1783 года Января отъ 23 дня жалованье находящемуся въ московскомъ университетѣ г. ординарному профессору Суворову, но изъ письма его ко мнѣ, въ копіи у сего прилагаемой, в. с. изволите усмотрѣть, въ какомъ стѣсненномъ положеніи онъ находится и что, по претерпѣнному имъ разоренію, выдача ему жалованья, для поддержанія разстроеннаго состоянія его, необходимо нужна. Во уваженіе сихъ обстоятельствъ побуждаюсь я всепокорнѣйше испрашивать у в. с. милостивой и благодѣтельной на означенное мое отъ 9-го Февраля донесеніе резолюціи, касательно произвожденія г. Суворову жалованья.

Февраля 23-го дня 1814 года. Москва.

96.

Нѣсколько лѣтъ зная почтеннаго г. профессора Мухина [1]) и съ многихъ сторонъ привыкши его уважать и любить, не могъ я отказать ему какъ въ препровожденіи в. с. его всепокорнѣйшей просьбы, такъ и въ засвидѣтельствованіи по совѣсти моей истины всего имъ изложеннаго, равно и того, что сей достойный и рѣдкій человѣкъ безвинно претерпѣваетъ досады, шиканы и притѣсненія, единственно за то, что онъ духомъ и сердцемъ русскій человѣкъ, что его безкорыстіе и строгіе стоическіе нравы служатъ изобличеніемъ всякому неправому обороту, каковое иногда дѣла въ семъ мѣстѣ пріемлютъ, и ежели бы в. с. разсудили за благо кому-либо безпристрастному поручить изслѣдовать все, чтó въ академіи дѣлается, то убѣдились бы въ правости г. Мухина и познали бы источникъ всѣхъ дѣлаемыхъ ему неудовольствій.

[1]) Ефремъ Осиповичъ Мухинъ, р. 1766 † 1850. Докторъ медицины и хирургіи, заслуженный профессоръ.

Исполнивъ обязанность мою, и какъ начальникъ г. Мухина, и какъ человѣкъ, знающій ему цѣну и имѣющій причины отдавать ему справедливость, предаю все то вашему начальническому вниманію и милости, кои, конечно, не вмѣнятъ мнѣ въ вину сіе начертаніе.

Апрѣля 9 дня 1814 года. Москва.

97.

Поспѣшаю представить в. с. оду моего сочиненія на взятіе Парижа [1]), дабы вы прежде всѣхъ оную получить изволили; а потому и прошу прощенія, что не въ переплетѣ, въ коемъ прочіе экземпляры поспѣютъ не прежде какъ завтра и по тяжелой почтѣ—оныя буду имѣть честь доставить для Императора и всей Высочайшей Фамиліи. По сей же почтѣ успѣлъ только 4 экземпляра послать: 1-й къ вамъ, 2-й къ князю Александру Николаевичу Голицыну, 3-й къ брату и 4-й къ сестрѣ; а болѣе сихъ ни къ кому. Великую милость в. с. мнѣ сдѣлаете, ежели ее отправить благоволите къ Государю Императору или увѣдомите меня, буде предстанутъ къ тому какія-либо неудобства.

P. S. Здѣсь я никому еще ни одного экземпляра не далъ, и не раздамъ до начатія торжествъ, кои зачнутся чрезъ 3 дни, то уже въ Петербургѣ будетъ ода гораздо прежде извѣстною, нежели здѣсь; впрочемъ, кажется она никакой критики подвержена не будетъ.

Апрѣля 20 дня 1814 года. Москва.

98.

Представивъ в. с. въ прошломъ 1813 году первую и вторую часть Трудовъ общества любителей Россійской словесности, при Императорскомъ московскомъ университетѣ учрежденнаго, имѣю честь въ дополненіе того доставить при семъ вновь вышедшія третью и четвертую части Трудовъ того общества; хотя же сіи части и начаты печатаніемъ прошлаго 1812 года, но по случаю нашествія непріятельскаго не могли быть кончены прежде сего 1814 года.

Апрѣля 23 дня 1814 года. Москва.

99.

За должность почитаю донести в. с., что при нынѣшнемъ торжествованіи я столько имѣлъ непріятности отъ нѣкоторыхъ гг. профессоровъ, паче отъ ректора, что это похоже было, какъ будто бы они не радуются общей радости: 1) за два дни, когда столь мало оставалось

[1]) Ода Е. И. В. Г. Им. Александру Первому, на покореніе столицы Франціи побѣдоносным̆ъ его оружіемъ, соч. Павла Голенищева-Кутузова. Москва, въ Университ. тип. 1814, in 4-to.

времени, безъ канцелярской формы не хотѣли выдать 300 руб. на иллюминацію и Геймъ со мною спорилъ; 2) никакого распоряженія не хотѣлъ онъ дѣлать, даже щитъ загорѣлся, сдѣлался пожаръ какъ нарочно, чего ни въ казенныхъ мѣстахъ, ни въ партикулярныхъ не случилось; 3) Мерзляковъ [1]), обожатель Карамзина, хотя за десять дней поручено было ему написать стихи, хотя наканунѣ онъ сказалъ, что будутъ готовы, но въ тотъ самый день сказался больнымъ, думая тѣмъ остановить и испортить нашъ публичный актъ, чему однако я пособилъ, велѣлъ, вмѣсто его обѣщанныхъ стиховъ, прочитать мои. Словомъ сказать, если бы гр. Ростопчинъ зналъ все, что они дѣлали и говорили, то много бы имѣлъ резону не только ихъ бранить, но и хуже сдѣлать. Я для того сіе пишу, что они, сами напакостивъ, да, можетъ быть, жаловаться будутъ, а коли бы я не сдѣлалъ праздника, то судите, какой бы далъ призъ злодѣя клеветѣ.

Москва. Апрѣля 27 дня 1814 года.

P. S. Подробное оффиціальное обо всемъ донесеніе отправлено съ ѣдущимъ отсюда петербургскимъ полицеймейстеромъ гр. Васильевымъ, который увѣрилъ, что гораздо прежде почты пріѣдетъ и что вѣрно вамъ бумаги доставитъ, то въ случаѣ замедленія можете отъ него потребовать.

100.

Имѣю честь донести в. с., что Императорскій московскій университетъ, ревнуя, со всѣми вѣрными сынами отечества, раздѣлить всеобщую радость о безсмертныхъ подвигахъ Великаго Монарха и о покореніи столицы Франціи, сего Апрѣля 25 дня праздновалъ сіи достопамятныя событія публичнымъ собраніемъ, о коемъ описаніе и принадлежащія къ оному приложенія, какъ-то: рѣчь, хоръ и прочее, по завтрашней тяжелой почтѣ въ нѣсколькихъ экземплярахъ в. с. доставлены будутъ; нынѣ же предварительно по одному экземпляру имѣю честь на благоусмотрѣніе ваше представить.

Апрѣля 27 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Императорскій московскій университетъ, ревнуя раздѣлять со всѣми вѣрными сынами отечества всеобщую радость о громкихъ побѣдахъ Великаго Монарха и покореніе гордой столицы Франціи, праздновалъ сіи знаменитыя происшествія публичнымъ собраніемъ Апрѣля 25 дня

[1]) Алексѣй Өедоровичъ Мерзляковъ, р. 1778 † 1830, ординарный профессоръ поэзіи и краснорѣчія. Извѣстный поэтъ.

въ 11 часовъ утра. По прибытіи въ залу собранія е. п. г. попечителя университета т. с. сенатора и кавалера П. И. Голенищева-Кутузова и приглашенныхъ особыми программами многихъ почтеннѣйшихъ, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго сословія, особъ и другихъ посѣтителей обоего пола, торжество открыто огромною симфоніею, послѣ которой г. ординарный профессоръ Тимковскій произнесъ на русскомъ языкѣ рѣчь, приличную настоящему торжеству. По прочтеніи рѣчи, пѣвчіе пѣли, съ аккомпанированіемъ музыкальныхъ инструментовъ, хоръ, нарочно на сей случай сочиненный. Потомъ г. ординарнымъ профессоромъ ст. сов. и кав. Сандуновымъ читана ода, сочиненная на сію достопамятную эпоху е. п. попечителемъ университета П. И. Г. Кутузовымъ. Въ заключеніе пѣтъ былъ второй хоръ съ аккомпанираваніемъ разныхъ музыкальныхъ инструментовъ огромнаго оркестра, которымъ управлялъ извѣстный россійскій виртуозъ Кашинъ. Наконецъ почтеннѣйшіе посѣтители угощаемы были завтракомъ. Въ вечеру въ сей день, равно какъ и въ предыдущіе два дня и въ послѣдующій четвертый день всѣ зданія, принадлежащія университету, равно и домъ, гдѣ помѣщается московская губернская гимназія, были прекрасно иллюминованы, а предъ главнымъ корпусомъ находилась прозрачная аллегорическая картина, сочиненная и рисованная учителемъ рисованія Плетеневымъ: Александръ I, въ образѣ Марса, вложившаго мечъ свой въ ножны, представленъ стоящимъ на верху земного полушарія. Съ одной стороны, видна освобожденная имъ Европа, простирающая къ нему руки съ устремленнымъ на него взоромъ удивленія, любви и благодарности. Александръ, возстановляя Европу, указываетъ на всевидящее око, бдящее надъ нимъ въ блескѣ небеснаго свѣта, знаменуя тѣмъ, что спасеніе ея совершилъ онъ помощію Бога; разорванныя цѣпи, падающія съ руки Европы, означаютъ совершенное избавленіе ея отъ ига. Съ другой стороны, муза Кліо пишетъ дѣянія Александра: на доскѣ ея начертаны годъ достопамятныхъ событій и день взятія столицы французскаго государства. У ногъ героя, Россійскій орелъ мещетъ молніи на убѣгающее чудовище, которое терзало Европу, а нынѣ низвергнуто Царемъ-героемъ. На полушаріи видны славные города Франціи: Парижъ, Бордо и Ліонъ, какъ важнѣйшія мѣста нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій.

101.

Яко моему истинному и единственному благодѣтелю, сообщаю мнѣніе мое, читанное въ сенатѣ,—мнѣніе, коему по безумію гр. Ростопчинъ и по злобѣ противорѣчитъ, но искусно говоря, что сего мало, нѣкоторые подлые пресмыкающіеся и трепещущіе предъ нимъ, и мо-

жетъ быть составятъ (sic) большинство голосовъ, по коему сіе и хотятъ рѣшить, а потому я и желалъ, чтобы в. с. о семъ предварительно знали, и сдѣлали милость сію бумагу сообщили и слухъ оный сдѣлали гласнымъ, дабы видѣли какъ мой образъ мыслей, такъ безуміе, злобу и подлость другихъ.

Москва. 30 Апрѣля 1814 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Разсужденіе сенатора Голенищева-Кутузова, читанное въ чрезвычайномъ правительствующаго сената московскихъ департаментовъ общемъ собраніи, бывшемъ Апрѣля 29-го дня 1814 года.

Когда не токмо Россія, торжествующая надъ врагами, превознесенная и поставленная на верхъ могущества и славы безсмертными подвигами великаго Монарха своего, но и вся Европа, болѣе скажу—весь міръ восхищены, получивъ новую жизнь, новое бытіе, отъ десницы самимъ Богомъ управляемаго Александра I, паче всѣхъ земныхъ владыкъ величествомъ возсіявшаго,—то какіе тріумфы, какіе вѣнцы, какія похвалы, какіе обелиски, какія изваянія величія его достойны? Какое названіе, какое нареченіе изобрѣсти возможно и болѣе прилично, какъ имя великаго? и кому оно принадлежитъ болѣе, нежели ему? ибо не лестію оно ему присвоивается, не малымъ числомъ голосовъ провозглашается, но дѣяніями его пріобрѣтено и милліоны народовъ, единогласныя души и уста Европы восклицаютъ: Александръ великъ! Отъ сѣвера до полудня, отъ востока до запада, всѣ народы, не токмо просвѣщенные, чувствующіе цѣну жизни и бытія, но и обитатели знойныхъ степей Африки и снѣгами покрытые дикари острововъ льдистаго океана, должны признать, должны наименовать его великимъ на всѣхъ языкахъ; ибо ежели бы непобѣдимая рука Александра не низложила кровожаднѣйшаго общаго врага, то безпредѣльное сего тирана властолюбіе простерло бы желѣзной скиптръ его во всѣ четыре страны міра, и, въ необузданномъ стремленіи, достигло бы всѣхъ народовъ, постигло бы всѣ племена земныя, разрушило бы ихъ благоденствіе, низвергло бы ихъ въ бездну золъ, поелику безумному славолюбію сего чудовища и обладаніе вселенною казалось мало. Единый Александръ избавилъ цѣлый міръ.

А потому всѣми сердцами и устами нареченному Великимъ Августѣйшему Монарху вся Россія чрезъ правительствующій сенатъ, яко органъ правды, яко орудіе всеобщаго гласа, обязана всеподданнѣйше Е. И. В. просить о принятіи титла Великаго, паче всѣхъ Царей ему принадлежащаго и восторгами всего міра утверждаемаго.

А ежели бы Е. И. В., по безпримѣрной его скромности и небесному смиренномудрію, и отрекся отъ сего подносимаго ему Россіею и вселенною именованія, тогда верховное судилище, яко провозвѣстникъ всякія истины и доблести, да преклонитъ благоговѣйно со всѣмъ отечествомъ колѣна предъ Богоподобнымъ Монархомъ, да умоляетъ его принять имя великаго и на всѣхъ концахъ земли повторится: „Россіяне! вы исполнили обязанность благодарныхъ сыновъ отечества“. Живи безчисленные годы ко благу всего міра, Александръ 1-й, Александръ Великій!

102.

Положеніе, въ каковомъ находится ввѣренный мнѣ учебный округъ, бывшій театромъ войны кровопролитной и опустошительной, требуетъ какъ помышленія о возстановленіи всѣхъ учебныхъ заведеній, разореніе потерпѣвшихъ, такъ и неукоснительныхъ мѣръ къ произведенію того въ дѣйство. Разрушеніе зданій университета и прочихъ училищныхъ домовъ, истребленіе всѣхъ учебныхъ пособій, обязали меня сдѣлать планы и предположенія для скорѣйшаго приведенія всѣхъ учебныхъ заведеній въ то состояніе, въ каковомъ оныя для пользы отечества быть долженствуютъ. Трехмѣсячное мое здѣсь пребываніе, съ неутомимою дѣятельностію употребивъ, какъ на забраніе всѣхъ нужныхъ справокъ, такъ и на соображеніе средствъ, могущихъ быть при сихъ обстоятельствахъ удобнѣйшими, нахожу я необходимымъ, чтобы всѣ мои предначертанія представить лично в. с., сопровождая оныя изустными объясненіями, на кои приказанія в. с. или дополненія скорѣйшій и успѣшнѣйшій дадутъ дѣламъ ходъ, нежели всякое по заочности сношеніе, могущее продлиться переписками и подвержено быть съ моей стороны недоразумѣніямъ; чрезъ что продлится только время и не приведены будутъ во исполненіе и таковые даже предметы, кои въ ихъ возстановленіи по самой необходимости отсрочки не терпятъ.

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, излагаемымъ единственно отъ усердія моего къ службѣ и отъ заботливости о пользахъ ввѣренныхъ мнѣ мѣстъ, почитая присутствіе мое въ С.-Петербургѣ необходимымъ, всепокорнѣйше прошу в. с. исходатайствовать мнѣ отъ комитета гг. министровъ позволеніе пріѣхать въ С.-Петербургъ на неопредѣленный срокъ, ограничивая оное пребываніе такимъ временемъ, какое в. с. будете почитать нужнымъ для соображенія всѣхъ плановъ, кои буду имѣть честь вамъ представить.

Мая 3 дня 1814 года. Москва.

103.

Я поставленъ въ необходимость писать къ в. с. партикулярное письмо, ибо не могу оффиціально писать о томъ, что̀ для свѣдѣнія в. с. нужно, но дабы не обременить вашего вниманія, то сокращу мои объясненія, ограничиваясь токмо самыми необходимыми слѣдующими пунктами:

1) Графъ Викторъ Павловичъ [1]) писалъ ко мнѣ о г. Спадѣ письмо, съ коего копію у сего прилагаю, равно и съ тѣхъ бумагъ, кои были онаго письма послѣдствіемъ. В. с. изволите изъ оныхъ усмотрѣть какъ охотность мою сдѣлать угодное графу Виктору Павловичу, такъ и предстоящія мнѣ въ томъ препятствія со стороны совѣта; почему и прошу васъ покорнѣйше въ милость мнѣ сдѣлать одно изъ двухъ: 1) предписать совѣту о избраніи въ члены г. Спада, или буде вамъ сего не угодно, то 2) принять на себя трудъ—оправдать меня предъ гр. В. П. и изъяснить ему, что я въ угодность ему сдѣлалъ все отъ меня зависящее.

2) Ректоръ в. с. будетъ писать, что профессоръ Чеботаревъ, будучи въ параличѣ, близъ году не отправляетъ должности непремѣннаго засѣдателя, отчего въ правленіи и по дѣламъ остановка; я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ и желалъ бы, чтобы Чеботаревъ подалъ просьбу, но онъ сего не дѣлаетъ, то не угодно ли будетъ в. с., не ожидая моего представленія, предписать объ увольненіи его отъ сей должности и объ избраніи на мѣсто его другого.

3) Необходимо также нужно, чтобы в. с. изволили сдѣлать формальное предписаніе о введеніи въ должность Сущова, ибо безъ него типографія, толь важный доходъ составляющая, придетъ въ совершенную разстройку, а для занятія его мѣста способнаго человѣка мы истинно въ виду ни кого не имѣемъ.

4) О смѣнѣ проректора Демидовскаго училища, Герасима Покровскаго, по вашему приказанію, отъ меня предписано, но во извиненіе его осмѣлюсь изъяснить, что въ упущеніи по демидовскимъ вотчинамъ дѣлался онъ виновнымъ отъ простодушія, излишней кротости и недостатка въ твердости, но совсѣмъ не отъ видовъ корыстныхъ, или пристрастныхъ, въ чемъ за него со мною поручится всякъ, кто его знаетъ.

5) Ради Бога и для любви Христовой прошу в. с. дать предписаніе о выдачѣ жалованья профессору Суворову со дня возвращенія университета въ Москву по 1-е мая. Онъ съ многочисленнымъ семействомъ истинно въ жалкомъ состояніи и безъ куска хлѣба. Ежели бы Николай Семеновичъ Мордвиновъ не далъ бы ему убѣжища въ своей

[1]) Кочубей, впослѣдствіи князь и канцлеръ, р. 1768 † 1834.

подмосковной, то бы ему негдѣ было и головы приклонить. Онъ сердцемъ и духомъ россіянинъ, а притомъ истинный христіанинъ. Вы по милосердію вашему и надъ Штѣльцеромъ сжалились, то могу ли я думать, чтобы вы оставили безъ всякой помощи Суворова.

Мая 11 дня 1814 года. Москва.

104.

По письмамъ изъ Петербурга, полученнымъ отъ нѣкоторыхъ особъ, вѣроятія достойныхъ, подтверждается слухъ, яко бы Государь Императоръ, прежде нежели изволитъ пріѣхать въ Петербургъ, намѣреніе имѣетъ изъ арміи чрезъ Вѣну и Каменецъ-Подольскій прямо пріѣхать въ Москву. На такой случай покорнѣйше прошу в. с. снабдить меня вашими наставленіями; а при томъ такъ какъ съ вѣроятіемъ ожидать должно, что по разнымъ предметамъ какъ насчетъ университета, такъ и вообще министерства просвѣщенія отъ здѣшняго начальства будутъ дѣлаемы разныя представленія Государю, о семъ уже я и слышалъ толки, то не разсудите ли за благо в. с. предварительно и на встрѣчу Государю Императору представить, чтобы, въ случаѣ какихъ-либо недоразумѣній, благоволилъ онъ меня призвать и требовать отъ меня объясненій, кои я со всею вѣрноподданническою искренностію и твердостію буду имѣть счастіе Е. И. В. представить.

P. S. Изволили ли получить в. с. двѣ моихъ оды, одна 21-го Апрѣля, другая 4-го Мая къ вамъ отправлены, я извѣстія не имѣю.

Мая 14 дня 1814 года. Москва.

105.

Въ дополненіе къ документамъ, по вчерашней легкой почтѣ посланнымъ, имѣю честь представить в. с. краткую записку о ходѣ дѣла, изъ коей изволите увидѣть, что уже отъ сената не ошибкою сдѣлано. А притомъ за нужное почитаю извѣстить васъ, что здѣсь отыскиваются книги яко зловредныя и запрещенныя по реестру здѣсь прилагаемому [1]), лавки печатаются, гдѣ оныя найдутся, а торговцы берутся подъ стражу. До университетской лавки еще не коснулись, а потому я оффиціально и не доношу в. с.; но говорятъ, что и по домамъ сіи книги отыскиваемы и отбираемы будутъ; и ежели и это будетъ, то вступиться некому. Какія изъ этого послѣдствія будутъ, не знаю и отдаю в. с. на заключеніе.

P. S. При всѣхъ сихъ вздорахъ, ей-ей невозможно отъ смѣха удержаться, до какой глупости злоба доходитъ. Здѣсь обожатели под-

[1]) Реестра этого не находится.

лые, всякаго безумія (sic), не читавъ, не видавъ сихъ книгъ, разглашаютъ, что они присланы были отъ Бонапарте въ прошломъ годѣ, и что онъ велѣлъ ихъ перевести и распустить, дабы сдѣлать революцію, а невѣжи сіи не знаютъ, что нѣкоторыя изъ сихъ книгъ напечатаны 1784 года.

Мая 21 дня 1814 года. Москва.

106.

Еще въ бытность мою въ Петербургѣ, словесно имѣлъ я честь доносить в. с., что между Невзоровымъ и членами правленія университета возникаютъ раздоры, кои я думалъ по возвращеніи моемъ сюда укротить и примирить. Болѣе трехъ мѣсяцевъ о томъ заботился, но никакъ въ томъ не предуспѣвъ, принужденъ дать законное теченіе бумагамъ. Невзоровъ подалъ доносъ, совершенно пустой и съ горяча написанный, я препроводилъ оный въ правленіе при предложеніи, съ коего копію у сего для предварительнаго вашего свѣдѣнія представляю, а чтó окажется потомъ, я оффиціально доносить буду. Между тѣмъ, такъ какъ ожидаю, что отъ Невзорова и къ в. с. дойдутъ бумаги, то и предваряю васъ о семъ, дабы вамъ извѣстно было, что уже законный ходъ дѣлу данъ по собственному его желанію. Но такъ какъ вчерашняго дня поступила отъ него-жъ, Невзорова, на 7-ми большихъ листахъ огромная бумага, подающая подозрѣніе, что онъ въ умѣ помѣшался, что и прежде съ нимъ бывало, то и о семъ почитаю нужнымъ васъ предувѣдомить, а по переписаніи оной бумаги, точную копію в. с. представлю.

Іюня 1-го дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Копія.

Императорскаго московскаго университета правленію.

Директоръ типографіи колл. сов. Невзоровъ, сего года, Мая 19-го дня, подалъ мнѣ рапортъ, въ коемъ доноситъ мнѣ о предполагаемомъ имъ, будто бы, дѣланномъ по распоряженіямъ правленія, незаконномъ употребленіи разныхъ суммъ, типографіи принадлежащихъ, такъ и о томъ, якобы правленіе какъ въ разсужденіи его самого дѣйствовало притѣснительнымъ для него образомъ и что по точнымъ словамъ, въ его рапортѣ изъясненнымъ: „*жестокость и незниманіе членовъ университетскаго правленія къ бѣдности чиновниковъ и рабочихъ людей типографіи принуждаютъ его сдѣлать мнѣ сіе донесеніе.* Разсмотрѣвъ оный рапортъ и обязанъ будучи не оставить безъ вниманія тѣхъ

пунктовъ, кои представляются въ видѣ формальнаго извѣта, препровождаю оный г. Невзорова рапортъ въ подлинникѣ и предлагаю правленію: 1) войти въ подробнѣйшее и точнѣйшее того рапорта разсмотрѣніе и доставить мнѣ по пунктамъ онаго надлежащее удовлетворительное объясненіе; 2) дѣла, касающіяся до выдачи денегъ какъ купцу Колокольникову, такъ и типографскимъ служителямъ, рѣшить на законномъ основаніи немедленно и какъ наискорѣе; 3) о всѣхъ послѣдствіяхъ къ исполненію сего относящихся сдѣлать мнѣ донесеніе. На подлинномъ подписано: Павелъ Г. Кутузовъ.

№ 408.

Мая 22 дня 1814 года.

107.

Сего года, Мая 21-го дня, чрезъ здѣшній почтамтъ подъ № 401 отправлено къ в. с. донесеніе мое, касающееся до отношенія, сдѣланнаго ко мнѣ здѣшнимъ г. главнокомандующимъ по дѣлу профессора Штёльцера съ разными къ оному дѣлу принадлежащими нужными приложеніями, и какъ до нынѣ о полученіи онаго не имѣю отъ в. с. отзыва и какъ по важности дѣла, такъ и по расчисленію времени, а при томъ зная, что в. с. никогда по важнымъ дѣламъ резолюціями вашими не замедляете, побуждаюсь я думать, что вышеписанное мое отношеніе до в. с. не достигло.

№ 468.

Іюня 10 дня 1814 года. Москва.

108.

Имѣя вѣрный случай къ в. с. писать, елико можно кратко, дабы не обременить васъ, скажу только то, что̀ самое нужное: 1) По образу дѣйствованія гр. Ростопчина, здѣсь никакому человѣку честному и съ правилами жить невозможно, поелику шпіонство дошло до такой степени, что слугъ нашихъ поятъ виномъ, и угрозами къ доносамъ на господъ принуждаютъ, отъ чего ожидать должно, что или онъ, или наши люди насъ давить будутъ. 2) Инквизиція надъ книгами продолжается, и надъ такими, кои въ 1782 году печатаны, съ таковыми разглашеніями, что въ нихъ корень всѣхъ золъ и бѣдствій отечества, а какія то̀ книги, я уже къ вамъ писалъ. 3) Не хочу, и языкъ мой не поворотится, ниже перо мое подвигнется выразить всей мерзкой блевотины, которую онъ на васъ лично изрыгаетъ, къ чему также способствуетъ облагодѣтельствованный вами *Штельцеръ*, для коего вы, по безпредѣльному вашему человѣколюбію, приняли трудъ дать пять пред-

ложеній. А этотъ бездѣльникъ, бывъ призыванъ и допрашиваемъ гр. Ростопчинымъ, объявилъ, что отъ васъ имѣетъ тайное приказаніе остаться въ Москвѣ для сохраненія Горенокъ, и что сіе доказывается тѣмъ, что вы въ пользу его дали пять бумагъ, и объявилъ, что ему и жалованье и квартирныя деньги, по вашему приказу, производятся, что все у гр. Ростопчина записано и Штѣльцеромъ подписано.

Вотъ такъ-то, в. с., дѣйствуетъ человѣкъ, предавшій отечество, и за коего вы на меня гнѣваетесь. Такъ-то и г. Мартыновъ васъ ко гнѣву на меня возбуждаетъ; извольте-ка посмотрѣть въ 35, 36 и 37 №№ книжекъ объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія статью: *теорія удовольствій*, не явно ли тутъ чистый матеріализмъ на страницахъ 320 и слѣдующихъ. Вотъ что́ г. Мартыновъ выдаетъ, а потомъ какъ до чего дойдетъ, то скажетъ, что вы приказали. Это сто разъ хуже Ансильона, за коего знаете сами, что произошло. Повѣрьте в. с., что я говорю и пишу изъ одной христіанской къ вамъ любви и приверженности. Вы писали къ Осипу Алексѣевичу, что я мѣсто потеряю! Думаете ли вы, что я сего боюсь? Господь Спаситель мой всегда со мною; Онъ меня не оставитъ, Онъ вамъ откроетъ глаза и дастъ вамъ зрѣть всю мерзость Мартынова, коему вы ввѣряетесь ко вреду вашему и коего если бы не было при васъ, то вы бы были много довольны да и всѣ вами бы были довольны. Спросите общаго голоса, что́ говорятъ про Мартынова: онъ продаетъ экзамены, чины и васъ самихъ—и продаетъ вашимъ врагамъ; онъ даже съ гр. Ростопчинымъ въ перепискѣ; онъ лютый врагъ нашему ордену и пишетъ сюда, что онъ откроетъ о насъ всѣхъ, что мы бонапартисты. Ради Бога, молю васъ, отпустите его съ честью, возьмите честнаго христіанина. Вы и всѣ ваши подчиненные будутъ спокойны и довольны. Мало ли честныхъ и способныхъ людей? а вы къ Мартынову привязались и отъ этого страждетъ все, что̀ вамъ подчинено. Спросите по совѣсти у добрыхъ людей: что́ вамъ скажутъ про Мартынова? вольнодумецъ, интересанъ, бездѣльникъ, лицемѣръ, ничего святого неимѣющій. Люблю васъ до безконечности, а потому и больно видѣть, что вы змія ядовитаго при себѣ имѣете.

Совѣсть, долгъ, честь, благодарность, любовь, все это вкупѣ осмѣлило меня къ вамъ сіе написать! Господь да откроетъ вамъ глаза: ежели теперь не повѣрите, то будете жалѣть. Я въ душѣ моей спокоенъ и ничего не желаю, кромѣ уединенія. Вы оду мою ногами потоптали: Богъ съ вами! Вы не отвѣчали и на полученіе оной! что́ мнѣ нужды! Господь все видитъ и судитъ! Онъ васъ проститъ и помилуетъ.

За нужное почитаю васъ увѣдомить, что петербургскій почтъ-директоръ есть преданнѣйшій рабъ гр. Ростопчина, который самъ говоритъ, что прежде нежели къ кому что̀ сюда дойдетъ, онъ чрезъ него все знаетъ, и что все, что́ онъ велитъ передавать, то исполняется. Та-

кимъ-то образомъ и не дошло до васъ мое донесеніе отъ 21-го Мая, на которое по сіе время я не имѣю отзыва. Да и къ Дмитріеву и къ брату моему мои письма перехватываютъ, чего однако не боюсь, потому что съ обоими моя переписка такого рода—всякій читать можетъ. Однако-жъ я отъ нихъ достовѣрно знаю, что письма мои отъ 21 Мая до нихъ не достигли, ибо гр. Ростопчинъ зналъ, что я о немъ буду писать. Впрочемъ, я не могу не желать отсюда выѣхать.

Москва. Іюня 10-го (1814).

109.

На сей почтѣ посылая оффиціальное в. с. представленіе о возобновленіи контракта съ хозяиномъ нанимаемаго для университета дома, за нужное поставляю вниманію в. с. представить слѣдующія мои разсужденія: 1) Хотя я и представляю в. с. о семъ нынѣ нанимаемомъ домѣ, но такъ какъ Николай Никитичъ Демидовъ предлагаетъ внаймы свой домъ, въ Слободѣ состоящій, домъ большой, огромный, съ садомъ и рядомъ съ вашимъ садомъ находящійся, то не благоугодно ли будетъ в. с. съ нимъ снестись, и я увѣренъ, что онъ по честолюбію своему и по желанію, дѣлая пользу мѣсту, вкупѣ и вамъ угодить, ежели не даромъ, то, по крайней мѣрѣ, за весьма малозначущую сумму свой домъ отдастъ, а можетъ быть и даромъ на годъ, что́ по его богатству ничего не сто̀итъ. А такъ какъ, по пословицѣ, даровому коню въ зубы не глядятъ, то хоть и далеконько, но все лучше имѣть домъ даромъ, нежели платить по 7000 въ годъ найма. 2) Тотъ или другой домъ, но все уже достовѣрно то, что нельзя обойтись, чтобы не нанять и, конечно, не менѣе какъ на годъ, ибо нѣтъ никакой надежды, чтобы прежде сего времени могъ университетъ получить какое-либо готовое казенное зданіе для своего помѣщенія и какъ въ Августѣ мѣсяцѣ срокъ минетъ нанимаемому нынѣ дому, то уже покорнѣйше прошу в. с. или съ Демидовымъ какъ нибудь уладить, или по представленію наемъ прежняго дома утвердить.

Іюня 29 дня 1814 года. Москва.

110.

Кромѣ оффиціальныхъ бумагъ моихъ къ в. с., нужнымъ нахожу партикулярно писать къ вамъ со всепокорнѣйшею просьбою обратить вниманіе на слѣдующіе предметы:

1) Отправивъ къ в. с. копію съ бумаги Невзорова и партикулярно же писавъ къ вамъ обо всемъ, до него касающемся, просилъ я вашего наставленія объ образѣ дѣйствованія съ нимъ, Невзоровымъ, потому

болѣе, что безъ онаго наставленія не смѣлъ я, не предваривъ васъ, оффиціальное сдѣлать о семъ донесеніе; на что́ отъ васъ разрѣшительнаго изъясненія, хотя партикулярнаго, воли вашей ожидаю. Сіе нужно тѣмъ болѣе, что поступки Невзорова становятся день ото дня хуже, а въ крутѣ (sic) поступить я не смѣю по причинамъ, о коихъ въ предъидущемъ моемъ къ в. с. письмѣ имѣлъ вамъ объяснить подробно.

2) Изъ самаго сего положенія дѣлъ типографіи в. с. изволите сами заключить, сколь необходимо нужно формальное отъ васъ предписаніе о введеніи въ должность Сущова, коимъ, какъ вамъ извѣстно, всегда типографія поддерживалась, и коего не можемъ мы употребить, тѣмъ паче, что Невзоровъ сему противится, представляя въ резоны нахожденіе Сущова подъ судомъ. А отъ сего удаленія Сущова и отъ безумныхъ дѣйствій Невзорова, типографія и ея служители день ото дня въ вящшій приходятъ безпорядокъ. Почему и прошу в. с. сдѣлать милость университету и снабдить меня предписаніемъ о введеніи Сущова въ должность.

3) Извѣстный в. с. Спада писалъ ко мнѣ неоднократно объ избраніи его въ почетные члены университета; я не могу дать о семъ предложенія, ибо онъ баллотированъ былъ и большинство голосовъ не въ его пользу, о чемъ я партикулярно в. с. доносилъ; а поелику вамъ оффиціальнаго о семъ донесенія не сдѣлано, то буде вы захотите оказать милость Спадѣ, можете оффиціально мнѣ предписать объ избраніи его въ члены. Гр. Викторъ Павловичъ, пріемля въ немъ участіе, писалъ ко мнѣ о семъ весьма убѣдительно; да всеконечно говорилъ и в. с., то мнѣ кажется, что для него можно сіе удовольствіе сдѣлать. Но это можете вы, а не я, ибо ко мнѣ дошло донесеніе совѣта, а къ вамъ не дошло.

4) Касательно моей поѣздки въ С.-Петербургъ, не распространяясь много, скажу только, и какъ начальнику, и какъ благодѣтелю, что для пользы нашего корпуса, для вашего собственнаго спокойствія, необходимо нужно, чтобы я скорѣе пріѣхалъ, и при свиданіи съ вами буду имѣть честь ясно доказать в. с., что сего требуютъ важнѣйшія и сокровеннѣйшія обстоятельства, о коихъ не иначе, какъ изустно объявить вамъ могу.

Іюля 6 дня 1814 года. Москва.

111.

Когда в. с. изволили мнѣ дѣлать запросъ касательно опредѣленія въ ученые секретари въ медико-хирургическую академію профессора Котельницкаго [1]), тогда я сдѣлалъ по совѣсти моей одобрительный о

[1]) Василій Михайловичъ Котельницкій, р. 1770 † 1844. Ординарный профессоръ врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности.

немъ отзывъ; въ то же время имѣлъ честь писать къ в. с. и о томъ что профессоръ Мухинъ, по моему мнѣнію, безвинно притѣсняемый, долженъ быть оправданъ. Но какъ до нынѣ по его дѣлу никакого еще предписанія отъ в. с. не послѣдовало, то сей достойный человѣкъ находится въ самомъ горестномъ о своей участи недоумѣніи, тѣмъ болѣе для него прискорбномъ, что онъ, по чувствованіямъ своимъ и по мнительности, думаетъ, что могъ быть обнесенъ предъ в. с. Я какъ и прежде имѣлъ честь къ вамъ писать, такъ и нынѣ повторить осмѣливаюсь, что, зная г. Мухина, какъ отличнаго профессора, а при томъ и какъ честнаго человѣка, не могу не принимать участія въ его положеніи, равно и не могъ отказать ему въ томъ, чтобы съ покорностію в. с. о немъ напомнить, съ присовокупленіемъ моего разсужденія, что г. Мухинъ, извѣстный какъ по своей дѣятельности въ изданіи многихъ книгъ, такъ и въ искусствѣ по его профессіи можетъ быть и университету и академіи крайне полезенъ, ежели онъ будетъ ободренъ, и поддержанъ будетъ духъ его крайне унывающій отъ стеченія сихъ непріятныхъ для него обстоятельствъ; а сіе нужно тѣмъ болѣе, что во всей Москвѣ онъ единственный профессоръ анатоміи и замѣнить его не кѣмъ.

Сверхъ сей матеріи пріемлю смѣлость всеусердно в. с. просить, яко христіанина, яко министра, яко сына отечества и яко человѣка чувствительнаго, принять трудъ прочитать приложенную у сего записку, которая, сколько я понимаю, особаго вашего вниманія достойна [1]).

Іюня 13 дня 1814 года. Москва.

112.

За должное почитаю в. с. донести, что е. с. графъ Ѳ. В. Ростопчинъ завтрашняго утра, то-есть сего Іюня 28-го числа, во вторникъ, непремѣнно отправляется отсюда въ С.-Петербургъ.

Іюня 27 дня 1814 года. Москва.

113.

Доставивъ в. с. при донесеніи моемъ отъ 20-го числа Декабря, прошлаго 1813 года, за № 852, первую часть сочиненной профессоромъ московскаго университета и докторомъ д. с. с. Рихтеромъ книги подъ названіемъ: „Исторія медицины въ Россіи“, имѣю честь представить при семъ посвященный Е. И. В. той же самой книги русскій переводъ, имъ, Рихтеромъ, сдѣланный и напечатанный на собственный его коштъ. И такъ какъ я уже въ прежнемъ донесеніи

[1]) Записки этой при письмѣ не находится.

моемъ в. с. изъяснялъ о пользѣ и изящности помянутой книги, то нынѣ ничего болѣе мнѣ не остается какъ предоставить волѣ в. с. поднести прилагаемый у сего экземпляръ Е. И. В., буде вы оный признаете сего счастія достойнымъ и вмѣстѣ съ симъ обратите Высочайшее вниманіе Государя Императора на труды г. Рихтера, исходатайствованіемъ ему всемилостивѣйшаго награжденія орденомъ святого Владиміра 3-й ст. въ согласность сдѣланнаго мною в. с. перваго о семъ представленія.

№ 640.

Августа 3 дня 1814 года. Москва.

114.

Не нахожу словъ ко изъявленію в. с. чувствованій сердечной и безпредѣльной признательности за исходатайствованіе мнѣ великомилостивѣйшаго соизволенія на пріѣздъ мой въ Петербургъ, къ чему сугубую в. с. присовокупили мнѣ милость сохраненіемъ жалованья и столовыхъ денегъ. Самъ Господь Богъ да помилуетъ васъ за толикое благодѣяніе, коего я цѣну умѣя чувствовать, не могу ничѣмъ вамъ воздать какъ грѣшными моими молитвами, коихъ приносить о васъ въ моемъ недостоинствѣ Господу я ни единъ день не преставалъ и во всю мою жизнь не престану. Повѣрьте в. с., что сія поѣздка не столько для меня самого нужна, сколько для блага нашего корпуса, ибо ей-ей, Богъ то вѣдаетъ, что всѣ почести, всѣ выгоды міра сего, весьма уже давно не влекутъ моего сердца и не ослѣпляютъ разума, ибо истинно я нашелъ увѣреніе и ощутилъ всю силу того, что едино есть на потребу. Иногда, правда, по слабости моей, воздыхаю, но не о почестяхъ, а о кускѣ насущнаго хлѣба, который имѣю весьма малый, и для меня и для моего семейства недостаточный. Вотъ только то, что̀ я иногда себѣ позволяю желать, но и въ томъ возлагаю печаль свою на Господа, миловавшаго и не оставлявшаго меня доселѣ, а паче въ крестной моей жизни, теплотою упованія на него и милостію меня утѣшавшаго.

Я бы весьма скоро отсюда поѣхалъ, но вамъ, яко моему благодѣтелю, открою удерживающія меня здѣсь причины, о коихъ оффиціально доносить не могу: 1) Здѣсь кое-какія бумаги непремѣнно надобно обработать и изготовить. 2) Свѣдѣнія разныя забрать, равно смѣты и планы. 3) Съ бѣдными моими финансами уладить такъ, чтобы семейству здѣсь на прожитокъ оставить, да и самому съ нужнымъ пособіемъ ѣхать. 4) У меня болятъ глаза, ибо я ихъ вычиталъ и выписалъ, да и слезъ въ мой вѣкъ пролито довольно и горестныхъ и радостныхъ, то и боюсь при холодной погодѣ пуститься въ путь съ

глазами красными и съ трудомъ глядѣть могущими, а паче по вечерамъ. Болѣзнь не опасная, но безпокойная и хочется нѣсколько глаза поукрѣпить, дабы не испортить ихъ болѣе и совсѣмъ не ослѣпнуть.

Вотъ, м. г., все, что̀ на сей разъ съ откровеннымъ сердцемъ вамъ сказать имѣю; молю и непрестанно молить буду Господа Бога, да даруетъ онъ вамъ всѣ сокровища Его милости и благодати, а мнѣ счастіе вскорѣ васъ увидѣть здраваго и благоденствующаго и изъявить предъ вами устами и сердцемъ чувствованіе безпредѣльной приверженности, глубочайшаго почитанія и неизгладимой благодарности.

P. S. Отъ сердца поздравляю васъ со внучкою, вчера я былъ на ея крестинахъ.

Августа 10 дня 1814 года. Москва.

115.

Простите меня великодушно, что я вновь в. с. обременяю партикулярнымъ письмомъ, которое по обстоятельствамъ необходимо и должно вмѣщать хотя предметы, не могущіе оффиціально быть представлены, но не менѣе того для пользы университета нужные.

По безпредѣльной вашей любви къ отечеству и къ наукамъ, по особенному благоволенію вашему къ университету и по отеческому о благѣ его попеченію, я, конечно, увѣренъ, что вы и для незабвенной вамъ славы пожелаете, чтобы университетъ помѣщенъ былъ въ зданіи готовомъ и удобномъ и что чѣмъ скорѣе сіе исполнится, тѣмъ вамъ самимъ пріятнѣе будетъ. Смѣю предложить мои мысли къ произведенію сего въ дѣйство:

1) Домъ Степана Степановича Апраксина [1]) совершенно готовъ, прекрасно отдѣланъ и столь обширенъ, что университетъ со всѣми своими пособіями и со всѣми людьми спокойнѣйшимъ образомъ помѣститься можетъ. Я домъ сей осматривалъ, весь обходилъ, и планы его видѣлъ. Онъ квадратный и каждый фасъ до 70 саженъ длиннику.

2) Сей домъ за 600,000 руб. пріобрѣтенъ быть можетъ, съ переводомъ долга казеннаго и съ уплатою третьей части наличною суммою, что̀ мы легко сдѣлать можемъ, ежели позволено будетъ употребить на сіе сумму, опредѣленную на переводъ университета въ казармы, буде неотмѣнно будетъ сіе предложеніе, которое не прежде какъ года черезъ 3 можетъ быть исполнено.

3) Выгода въ семъ та, что, пріобрѣтая домъ прекрасный, удобовмѣстительный и со всѣмъ яко за̀мокъ отъ другихъ зданій отдѣленный, университетъ въ семъ же году можетъ въ оный перемѣститься и прекратить какъ наймы, такъ и произвожденіе квартирныхъ денегъ

[1]) У Арбатскихъ воротъ, нынѣ Александровское училище.

профессорамъ и адъюнктамъ, кои всѣ безъ изъятія помѣстятся, ибо домъ расположенъ такимъ образомъ, что никакой передѣлки не требуетъ, развѣ самой малой и ничего незначущей. NB. Даже кухней много и совсѣмъ отдѣльныхъ, а огромныя залы и гостиныя весьма удобны для помѣщенія музеевъ и библіотеки.

4) Подробнѣе объ условіяхъ и удобностяхъ пріобрѣтенія сего дома самъ хозяинъ будетъ имѣть честь в. с. объяснить, ибо онъ ко мнѣ о семъ писалъ.

5) Ежели в. с. изволите одобрить сіе преднамѣреніе, внушаемое мнѣ единственно усердіемъ къ пользѣ ввѣреннаго мнѣ мѣста и желаніемъ какъ наискорѣе привести оное въ полную дѣятельность и прежній блескъ, то и себѣ самимъ поставите вѣчный памятникъ въ сердцахъ всѣхъ сыновъ отечества, ибо всѣ поколѣнія будутъ помнить, что въ ваше министерство содѣлалось событіе необыкновенное, т.-е. что древнее святилище музъ, въ конецъ разоренное, чрезъ два года по изгнаніи непріятеля, изъ пепла своего яко фениксъ возродилось и новымъ сугубымъ блескомъ возсіяло. Чѣмъ оно обязано единственно вамъ будетъ и чего изъ лѣтописей наукъ и самаго отечества ни сама рука времени никогда не изгладитъ.

6) Ежели в. с. удостоите сей проектъ вниманія и позволите мнѣ, то я тогда только рѣшусь сдѣлать о семъ оффиціальное представленіе со изъясненіемъ всѣхъ выгодъ и съ присовокупленіемъ какъ плановъ, такъ и фасадовъ онаго дома.

Августа 10 дня 1814. Москва.

116.

За нужное почитаю в. с. донести, что Невзоровъ отъ сдѣланнаго выговора и увѣщанія не только не укротился, но въ пущую вошелъ ярость и, произнося весьма непристойныя на счетъ васъ слова, объявилъ, что онъ будетъ доносить на васъ, на меня и на правленіе университета о злоупотребленіяхъ какъ въ университетѣ, такъ и во всемъ министерствѣ просвѣщенія происходящихъ, прибавя утвердительно, что онъ пошлетъ бумаги: 1) къ Государю; 2) въ сенатъ; 3) къ министру юстиціи. О всемъ томъ его поступкѣ, какъ и объ отрѣшеніи его отъ должности, ежели не успѣю по сей тяжелой почтѣ формальный рапортъ къ в. с. послать, то на слѣдующей легкой отправлю непремѣнно. А между тѣмъ разсудилъ я за благо и партикулярно васъ предувѣдомить; и такъ какъ никакія мѣры кротости никакой пользы не произведутъ, то, между прочимъ, не худо будетъ, ежели в. с. возьмете мѣры и съ кѣмъ заблагоразсудите снестись, чтобы въ случаѣ полученія отъ Невзорова бумагъ, оныя приняты были не иначе какъ отъ человѣка,

поврежденнаго въ умѣ, что доказывается какъ письмомъ его, съ коего копію я къ в. с. послалъ, такъ и нынѣшнимъ его поступкомъ, который засвидѣтельствовать могутъ нѣкоторые изъ членовъ университета, при коихъ то случилось. И ежели бы в. с. по его доносамъ сдѣланы были запросы, то вы, имѣя въ рукахъ вашихъ бумаги какъ Невзорова, такъ и правленія, можете сказать утвердительно, что его извѣтъ не заслуживаетъ вниманія, а тѣмъ самымъ отразите могущую послѣдовать непріятность, т.-е. наряженіе какой-либо коммиссіи, могущей имѣть видъ какъ бы университетъ и я были подъ слѣдствіемъ, которое хотя совершенно откроетъ пустоту доносовъ и невинность членовъ правленія, но не менѣе того произведетъ и слухи и впечатлѣнія весьма не хорошія.

Августа 24 дня 1814 года. Москва.

117.

Хотя Невзоровъ подалъ мнѣ еще новую бумагу, съ выпискою изъ Апокалипсиса, въ коей онъ уподобляетъ университетъ Вавилону, хотя онъ мнѣ сообщилъ въ копіи рапортъ, посланный отъ него къ в. с., но я уже не нахожу нужнымъ обременять васъ оффиціальнымъ о его поступкахъ донесеніемъ. Ежели в. с. изволите обратить вниманіе ваше на заключающія его къ вамъ рапортъ слѣдующія строки: „Въ заключеніе подвергая все сіе безпристрастному начальническому сужденію в. с. я дерзаю сказать, что послѣ безпорочной и безъинтересной моей службы, опытами доказанной, послѣ многихъ моихъ пожертвованій въ пользу университета и типографіи, при всей моей бѣдности, и послѣ, наконецъ, пожертвованія должности жизнію своею, я Богъ для университетскихъ членовъ моихъ притѣснителей, такъ какъ Моисей былъ Богомъ для Фараона египетскаго и министровъ его и такъ какъ всякій честный человѣкъ есть Богъ для нечистыхъ совѣстей. Я вѣрю совершенно, что правосудный Богъ въ защищеніе мое, такъ какъ и всякаго невиннаго, наконецъ двигнетъ небомъ и землею, сушею и моремъ“, то уже сего довольно, дабы сдѣлать о немъ заключеніе, что онъ въ совершенномъ безуміи, ибо въ полномъ разумѣ себя Богомъ Фараоновымъ и Моисеевымъ называть невозможно. А потому искренно скажу, что нѣтъ никакого способа сего человѣка успокоить, какъ развѣ кровь пустить и лечить, да и то отрѣша отъ должности, или хотя на время поруча оную другому, что совершенно отъ вашего разрѣшенія зависитъ и на оное я буду ожидать вашего предписанія.

Въ дополненіе къ посланной отъ меня по прошедшей почтѣ бумагѣ касательно дома Апраксина, прилагаю у сего еще краткую записку, заключающую мысли мои о вящшемъ еще облегченіи для универси-

тета въ пріобрѣтеніи онаго дома. Симъ средствомъ и казенный Апраксина долгъ не останется на университетѣ, ибо по продажѣ нынѣшнихъ его зданій онъ немедленно можетъ заплатить 150,000. Изъ-за чего останется заплатить не болѣе какъ 18,000, каковую сумму университетъ всегда въ наличіи у себя имѣетъ.

Августа 31 дня 1814 года. Москва.

118.

Въ дополненіе къ посланному на прошедшей почтѣ изложенію о покупкѣ дома для университета можно еще присовокупить средство, облегчающее пріобрѣтеніе дома Апраксина. Оно есть слѣдующее: Ежели нынѣшнее погорѣлое зданіе университета и принадлежащіе къ оному два уцѣлѣвшихъ корпуса, то-есть больницу и домъ Волконской и отдѣланный вновь флигель, гдѣ анатомія помѣщается, продать, то по бойкости мѣста, конечно, можно предполагать, что за все сіе строеніе дадутъ не менѣе какъ 150,000 р., поелику и за Лопухинской домъ, губернской гимназіи принадлежащій, даютъ 60,000, хотя онъ едва третью часть противу университетскихъ зданій составляетъ. Если же оныя университетскія зданія и въ казну взять разсудятъ, то думаю, что и правительство не откажетъ удовлетворенія за сіи зданія, яко за собственность университета, болѣе 30 лѣтъ ему принадлежащую, и такимъ образомъ съ употребленіемъ средствъ, предъ симъ представленныхъ, домъ Апраксина можетъ быть пріобрѣтенъ безъ всякаго правительству отягощенія и безъ требованія отъ онаго новыхъ денежныхъ пособій, какъ яснѣе еще можно усмотрѣть изъ слѣдующаго, хотя краткаго, но весьма точнаго исчисленія.

1) Въ наличіи имѣетъ университетъ	307,000	р.
2) За зданіе его получить можно	150,000	„
3) Домъ Апраксина останется въ залогѣ за	125,000	„
	582,000	„

Итакъ, къ просимой Апраксинымъ суммѣ 600,000 р. остается приплатить токмо 18,000, каковую сумму университетъ всегда у себя въ наличіи имѣетъ.

119.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ в. с. представленій съ искренностію, коею я вамъ обязанъ, долженъ я присовокупить, что вы, отрѣша Невзорова и опредѣля на его мѣсто Курбатова, двойное сдѣлаете благодѣяніе и мнѣ, и университету, ибо избавите насъ отъ человѣка сумасшедшаго и безпокойнаго и доставите намъ чиновника добраго, коего

я паче всѣхъ, да и всѣ любятъ и уважаютъ. Истинно нѣтъ возможности изъ Невзорова что-либо сдѣлать и нечего отъ него ожидать, кромѣ еще вящшихъ вздоровъ и безпокойствъ, кои всѣмъ наскучали и коимъ нѣсть конца. Онъ даже на бульварѣ проповѣдуетъ и кричитъ о приближающемся концѣ міра. Когда онъ будетъ уволенъ отъ университета, то пусть бредитъ и колобродитъ, сколько хочетъ, онъ будетъ не на нашемъ отчетѣ и полиція съ нимъ управится, а теперь онъ дѣлаетъ стыдъ и срамъ всему корпусу, а иные говорятъ, что будто нарочно этакой глупый пророкъ выпущенъ изъ университета. И повѣрьте, что другого способа нѣтъ, какъ отъ него избавиться, а когда пенсію ему дать, такъ онъ будетъ спокоенъ и мы спокойны, да и на совѣсти у насъ не будетъ, что лишили его хлѣба, слѣдовательно и въ душѣ нашей мы не будемъ предъ нимъ виновны, ибо за зло и за безпокойство имъ намъ сдѣланное заплатимъ добромъ и благотвореніемъ.

P. S. Соблаговолите рѣшеніемъ сего дѣла не замедлить, ей-ей, оно отсрочки не терпитъ, ибо типографія придетъ въ совершенную разстройку, тѣмъ болѣе, что Невзоровъ проповѣдуетъ всякій вздоръ типографскимъ служителямъ, коихъ болѣе 100 человѣкъ, и они о концѣ міра мечтаютъ. Вы можете, не ожидая разрѣшенія о его пенсіи, предписать о его увольненіи, а вмѣстѣ и о томъ, что пенсію ему исходатайствуете, не ожидая на пенсію указа, а Курбатова опредѣлить.

Сентября 3 дня 1814 года. Москва.

120.

Крайне радуюсь, что имѣю вѣрный случай писать къ в. с. о такихъ предметахъ, коихъ бы и не хотѣлъ ввѣрить почтѣ, но кои, по мнѣнію моему, для свѣдѣнія вашего нужны: 1) Сей вручитель, шуринъ мой, князь Алексѣй Долгорукій [1]), имѣющій счастіе быть в. с. извѣстенъ, прежде яко профанъ, по руководству и повелѣнію Осипа Алексѣевича, принятъ и возведенъ мною въ орденѣ нашемъ въ 3-ю степень, и есть во-истинну братъ добрый и крестнымъ огнемъ практически очищенный, ибо лишился въ короткое время всего, что въ мірѣ семъ утѣшать можетъ: жены, дѣтей, домовъ, имѣнія и всего, кромѣ милости Господней, съ помощію коею онъ выноситъ тяжкіе кресты свои яко истинный рыцарь креста. Пріемлю смѣлость просить васъ о принятіи его съ милостію и благоснисхожденіемъ, яко брата всѣмъ намъ любезнаго, и 3 мѣсяца у Осипа Алексѣевича гостившаго. 2) Работы наши продолжались съ моего пріѣзда и продолжаются въ

[1]) Князь Алексѣй Ивановичъ Долгоруковъ, † 1840 г., женатъ былъ на Дарьѣ Александровнѣ де-Лициной, † 1810.

тишинѣ, въ моемъ домѣ, по благословенію Осипа Алексѣевича, а по причинѣ перемѣны начальника, я здѣсь долженъ остаться нѣкоторое время дабы все устроить и дать ходъ, чтобы и въ моемъ отсутствіи работы продолжались; а такъ какъ пріѣзду Осипа Алексѣевича сюда мѣшало, сколько я понимаю, начальство гр. Ростопчина, то теперь я уповаю, что О. А. скоро будетъ, мнѣ дождаться его необходимо, ибо надѣюсь, что съ помощію Божіею и работы высшихъ степеней во всей формѣ устроятся. 3) О петербургской безурядицѣ получилъ я бумагу отъ О. А. и пишу на всѣ тамошніе безпорядки замѣчанія и возраженія, и когда онъ поправитъ и апробуетъ, то выпущу ее по рукамъ братьевъ для ихъ осторожности. 4) Вашъ Курбатовъ почти всякій день съ нами бесѣдуетъ и работаетъ, Фроловъ также и, по милости Божіей, они братья усердные, добрые и надежные. Я по маленьку сообщаю имъ и читаю разныя важныя рукописи, готовлю ихъ къ возведенію въ высшія степени. 5) Мы имѣемъ кандидатовъ весьма хорошихъ до десятка, готовившихся по нѣскольку лѣтъ, и кои, уповаю, скоро приняты будутъ, а единственное средство ослаблять лжеученіе и его поражать есть то, чтобы распространять истинное ученіе священнаго порядка или ордена, коего работы въ возможной чистотѣ у насъ совершаются непрерывно 9 лѣтъ и только нашествіемъ варваровъ на время прерваны были. Вотъ для свѣдѣнія вашего наши масонскія извѣстія, приступаю къ дѣламъ профанскимъ. 1) Графъ Ростопчинъ при отъѣздѣ своемъ отсюда, кромѣ многой блевотины, между прочимъ, говорилъ, что онъ везетъ документы, кои представитъ Государю и кои доказываютъ, что и вы и я приверженцы Наполеона, якобинцы и иллюминаты. Онъ это говорилъ при 50-ти человѣкахъ на пиру, который ему давали его креатуры при провожаніи. 2) Ежели Тормазовъ [1]) еще не уѣхалъ, то сдѣлайте милость поговорите ему, чтобы онъ и для дѣлъ университета со мною сблизился, ибо намъ очень нужны разныя пособія, зависящія отъ воли главнокомандующаго, въ коихъ графъ Ростопчинъ, по ненависти и злобѣ, намъ отказывалъ. 3) Сдѣлайте милость, предпишите, чтобы Штѣльцеръ по сдѣланной ему изъ дерптскаго университета ваканціи исключенъ былъ изъ нашего корпуса и въ Дерптъ отправленъ; онъ со всѣми профессорами перессорился, ихъ ссориваетъ (sic), истинно самый негодный человѣкъ, а для дерптскаго университета онъ подъ масть: каковъ попъ, таковъ и приходъ. Между прочимъ, можете, буде захотите, узнать, т.-е. увѣриться, что г. Клингеръ съ Фесслеромъ въ перепискѣ и что Элизенъ, ежедневно его, Клингера, посѣщая, дѣйствуютъ и пишутъ подъ его руководствомъ,—то-то славный попечи-

[1]) Графъ Александръ Тормазовъ, р. 1752 † 1819, былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ на мѣсто Ростопчина въ 1814 г.

тель! 4) Ради Бога разрѣшите поскорѣе дѣло Невзорова и опредѣлите Курбатова на его мѣсто, ибо Невзоровъ каждый день подаетъ бумаги и по завтрашней почтѣ сбирается жаловаться на васъ и на меня министру юстиціи, съ коимъ бы не худо, вамъ увидясь, предварить его, что Невзоровъ сумасшедшій, какъ изъ его къ вамъ рапорта доказать можно ясно.

Вотъ все самое нужное написалъ, и боюсь обременять васъ болѣе.

Сентября 13 дня 1864 года. Москва.

121.

Сверхъ оффиціальныхъ моихъ донесеній, нужнымъ почитаю донести в. с. слѣдующее: 1) На отчетную вѣдомость въ двухъ тысячахъ рубляхъ, посылаемую по сей же почтѣ, при донесеніи, всеусердно прошу обратить особое ваше вниманіе, равно и на оное донесеніе. По самымъ числамъ мѣсяцевъ изволите увидѣть, что это происходило въ тѣ дни, когда непріятель былъ у воротъ и я въ положеніи самомъ затруднительномъ. Каждая же статья очищена документами оригинальными, кои у меня всѣ цѣлы и коихъ я, не могши долго отыскать, затѣмъ и замедлилъ посылкою вѣдомости; а потому смѣло скажу, что ежели кто-либо осмѣлится сказать или писать къ вамъ, плутъ или сумасшедшій, что оную сумму на свои нужды издержалъ, тотъ лжецъ и клеветникъ. Много я имѣю грѣховъ, но корыстолюбію я не причастенъ. Безкорыстіе и вѣрность суть отличительныя черты моего характера! Я бѣденъ и долженъ, но за милліоны не продамъ чести моей и вѣрности. Ежели бы я былъ взяточникъ или сребролюбецъ, то имѣлъ бы случаи нажиться. Но я сего гнушаюсь и лучше хочу терпѣть нужду, нежели корыстолюбіемъ совѣсть свою осквернить. 2) Послѣ всѣхъ бумагъ, изъ коихъ вы ясно изволили видѣть сумасшествіе Невзорова, послѣ представленія моего, по вашему же предписанію сдѣланнаго, какъ объ отрѣшеніи его, такъ и объ опредѣленіи другого на его мѣсто, остается мнѣ прибавить только, что Невзорова сумасшествіе умножается, что онъ кричитъ и проповѣдуетъ въ церквахъ и на бульварахъ, что соблазняетъ всѣхъ своею злобою, что типографію приводитъ въ разстройство и служителей въ неповиновеніе и наконецъ, что ежели вскорѣ не получимъ мы отъ в. с. предписанія о его отрѣшеніи, то, къ безчестію университета, должно будетъ прибѣгнуть къ мѣстному начальству, для его укрощенія. Отъ чего я удерживаюсь: первое, потому что ожидаю съ часу на часъ отъ васъ разрѣшенія, а второе, потому что когда уже онъ отрѣшенъ будетъ, то и правительствомъ взятъ будетъ не яко университетскій чиновникъ, но яко праздношатающійся. Я не смѣю въ голову мою и вмѣстить сію мысль, что отъ отрѣшенія Невзорова удерживаетесь в. с.

тѣмъ, что сумасброду и его сплетнямъ болѣе довѣряете, нежели мнѣ и цѣлому университетскому правленію, состоящему изъ членовъ, кои вамъ самимъ извѣстны, яко люди честные, вѣрные, безкорыстные и безпристрастные, коихъ чистота доказана вѣрнѣйшими годовыми отчетами.

Въ заключеніе всепокорнѣйше прошу, именемъ всего корпуса, насъ избавить отъ сего человѣка, отъ коего кромѣ безпокойства и разстройки ничего ожидать невозможно и къ укрощенію коего смирительный домъ есть единое средство.

Сентября 21 дня 1814 года. Москва.

122.

Оффиціальное требуемое в. с. объясненіе на бредни Невзорова, по сей же почтѣ посылается со всѣми нужными приложеніями, изъ коихъ в. с. достаточно усмотрѣть можете неосновательность всѣхъ его донесеній. Къ сему за нужное почитаю присовокупить: 1) Что никакія внушенія и ничто въ свѣтѣ не можетъ прекратить сего безумца неистовую ябеду и злобу, кои и день отъ дня возрастаютъ и возрастать еще будутъ болѣе, когда онъ увидитъ, что на его пустословія обращается вниманіе и что есть люди его поддерживающіе. 2) Такъ какъ онъ прорицаетъ, проповѣдуетъ конецъ міра и разныя политическія происшествія, а притомъ ругаетъ и поноситъ встрѣчнаго и поперечнаго и ежедневно размножаются сцены соблазнительныя и для многихъ обидныя, а притомъ и на счетъ в. с. произноситъ буесловія и хулы, коихъ ни языкъ мой повторять, ни перо мое начертать не могутъ рѣшиться, то я принужденъ буду, по пріѣздѣ главнокомандующаго, предать его Невзорова мѣстному начальству и съ нимъ всѣ его бумаги, ясно его безуміе доказывающія. 3) Не могу скрыть отъ в. с. и того, что какъ я, такъ и члены правленія крайне опечалены, не существомъ самаго дѣла, но недовѣренностію в. с. и вниманіемъ, каковое обращать изволите на безуміе человѣка неистоваго и къ вамъ самимъ безумныя изліянія напутавшаго въ рапортѣ, гдѣ онъ себя уподобляетъ Моисею и называетъ себя Богомъ, послѣ чего, а паче послѣ собственнаго вашего предписанія, чтобы я сдѣлалъ представленіе объ отрѣшеніи Невзорова и объ опредѣленіи на мѣсто его другаго, что мною и исполнено, на что инаго мы не ожидали, какъ отрѣшенія по всѣмъ обстоятельствамъ нужнаго, то тѣмъ болѣе изумились мы всѣ, видя обидные для насъ запросы и предпочтеніе всѣмъ намъ человѣка оглашеннаго въ Москвѣ подъ именемъ неистоваго и безумнаго фанатика.

Привыкши быть съ в. с. откровеннымъ, чего вы и сами отъ меня

требовали, я не могу скрыть сихъ чувствованій, кои раздѣляетъ со мною цѣлый университетъ, незаслужившій такой явной нашей немилости, отъ коей части типографскія приходятъ въ конечную разстройку и упадокъ, я не могъ удержаться отъ изліянія вамъ сущей и нагой истины.

Октября 1 дня 1814 года. Москва.

123.

Радуюсь, что имѣю вѣрный случай вамъ писать и хотя нѣчто изъяснить сверхъ того, что просилъ я Льва Алексѣевича [1]) вамъ пересказать, присовокупляю: 1) главнокомандующимъ мы всѣ предовольны: и я сдѣлалъ ему *visite en corps* съ нашими профессорами, и онъ насъ очень обласкалъ, имѣлъ съ нимъ о многомъ разговоры наединѣ, въ томъ числѣ и о Невзоровѣ, о коемъ вамъ Левъ Алексѣевичъ подробно перескажетъ. 2) Хотя мнѣ очень желается ѣхать въ Петербургъ, но здѣсь слухи отъ самого Тормазова разнеслися, что Государь сюда будетъ, то уѣхать, кажется, неловко, и похоже будетъ, какъ будто я его присутствія убѣгаю, то и надобно подождать, пока сіе разрѣшится. 3) Ради Бога, рѣшите судьбу Невзорова, ибо онъ о Наполеонѣ пророчествуетъ, что опять на Россію будетъ нашествіе. Теперь мы за Невзорова отвѣчаемъ, а каковъ онъ будетъ въ отставкѣ, то полиція пусть что хочетъ то съ нимъ и творитъ. 4) По объясненіямъ моимъ съ Тормазовымъ и съ Балашовымъ, работы наши могутъ безпрепятственно продолжаться и Осипъ Алексѣевичъ пишетъ, чтобы мы работали, что у насъ и дѣлается регулярно, и нѣсколько уже было ресепцій, и [2]) устроена въ моемъ домѣ прекраснѣйшимъ образомъ. Насъ теперь на лицо 22 брата, а къ зимнему пути соберутся и до 30 и благодареніе Бога, вотъ уже 8-й мѣсяцъ какъ дѣло идетъ въ порядкѣ. 5) Какъ скоро рѣшится что Государь не будетъ сюда, то я мѣшкать не стану моимъ отъѣздомъ, къ коему я совершенно готовъ, и всѣ бумаги нужныя заберу съ собою. 6) Крайне огорчаетъ слухъ здѣсь разнесшійся, будто вы идете въ отставку, дай Богъ чтобы сіе было неправда, ибо истинно я ничего такъ не желаю какъ чтобы вы были здоровы и въ службѣ остались, о чемъ каждый день приношу мои недостойныя молитвы Господу Богу. 7) Увѣдомьте, ради Бога, правда ли это, вы проситесь прочь, и увѣдомьте поскорѣе, ибо истинно мой духъ такъ встревоженъ симъ, что по ночамъ отъ этого не спится. 8) Сдѣлайте милость утвердите намъ поскорѣе Курбатова директоромъ типографіи, и онъ и мы о семъ васъ просимъ.

[1]) Перовскаго, будущаго графа и министра внутреннихъ дѣлъ.

[2]) Въ подлинникѣ четырехугольникъ, что означаетъ: масонская ложа.

9) На случай отъѣзда моего, работы въ [1]) будутъ продолжаться и въ мое отсутствіе, ибо поставленъ О. А. намѣстный мастеръ, который въ мое отсутствіе работать долженъ по его предписанію.

Вотъ все что на сей разъ вамъ сказать имѣю. Молю Господа да будете здоровы, благополучны подъ его покровомъ и благословеніемъ. Будьте увѣрены, что не яко министра, но яко человѣка, яко брата мнѣ драгоцѣннаго, гдѣ бы вы ни были, никогда не престану васъ чтить, уважать, любить, молиться о васъ Богу Христу Спасителю и что немного въ мірѣ семъ существуетъ людей безпредѣльно столь искренно къ вамъ привязанныхъ.

Октября 20 дня 1814 года. Москва.

124.

Почтеннѣйшее в. с. своеручное письмо отъ 17 ноября сейчасъ, предъ самымъ отправленіемъ почты, я черезъ домовую вашу контору имѣлъ честь получить и, пріемля оное не иначе, какъ за знакъ вашей ко мнѣ довѣренности, постараюсь всемѣрно оную оправдать тѣмъ болѣе, что по сердечной моей къ вамъ приверженности и ко всѣмъ, кои къ вамъ толь близки, не могу не принимать искренняго участія во всемъ до васъ касающемся. Лазаревыхъ ни отца, ни сына я еще не видалъ, а сейчасъ пошлю за старикомъ, дабы ему объявить все изъясненное въ письмѣ вашемъ, коего, сколько я понимаю, есть смыслъ тотъ, что я долженъ принять мѣры, дабы молодаго и дерзкаго человѣка укротить и удержать здѣсь, а между тѣмъ дѣлать вамъ донесенія о его положеніи, что я не премину исполнять во ожиданіи отъ в. с. рѣшенія его участи. По свиданіи же съ отцомъ, немедленно о послѣдствіяхъ в. с. донесу какъ и о мѣрахъ, каковыя онъ предпринять съ сыномъ своимъ намѣренъ.

Въ разсужденіи же остановленной цензурою пьесы подъ названіемъ: *Мои понятіи о символѣ вѣрѣ*, доношу, что послѣ строгаго вашего отъ 28 марта сего года предписанія, съ коего копію при семъ прилагаю, можно ли было цензурѣ пропустить такую пьесу, которая именно до разсмотрѣнія цензуры духовной, а не свѣтской принадлежитъ? А такъ какъ ваше предписаніе было оффиціальное и препровождено мною въ цензуру, то она и впредь должна оному сообразоваться и много впредь такихъ случаевъ встрѣтится; причемъ и теперь вслѣдствіе воли вашей, въ своеручномъ письмѣ изъясненной, я не могу ничего иного сдѣлать, какъ подъ рукой словесно и партикулярно приказать о проспускѣ сей пьесы цензору, котораго для того же сего же вечера и призову.

[1]) Въ подлинникѣ четырехугольникъ, т.-е. ложа.

Въ разсужденіи же Лазарева, когда вамъ угодно поручить его моему попеченію, то покорнѣйше прошу снабдить меня точнѣйшимъ изъясненіемъ вашихъ о немъ преднамѣреній и подробнымъ наставленіемъ объ образѣ съ нимъ дѣйствованія, дабы я отъ невѣдѣнія, безъ всякаго намѣренія, не могъ въ чемъ либо проступиться противъ вашихъ распоряженій.

Ноября 23 дня 1814 года. Москва.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Копія.

Циркулярно.

М. г. мой Павелъ Ивановичъ! Съ нѣкотораго времени начали выходить въ свѣтъ съ одобренія цензурныхъ комитетовъ многія книги и сочиненія духовнаго содержанія. А какъ оныя часто могутъ подавать поводъ къ различнымъ толкованіямъ, то прошу в. п. подтвердить московскому цензурному комитету, дабы впредь не принималъ на разсмотрѣніе никакихъ сочиненій, могущихъ подойти подъ 8-ю статью высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, а обращалъ бы оныя въ духовную цензуру.

Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

в. п. п. с.

Подписано: г. Алексѣй Разумовскій № 967.

Спбургъ, Марта 28 д. 1814 г.

125.

Обѣщавъ в. с. извѣстить васъ о послѣдствіяхъ порученнаго вами мнѣ дѣла, доношу, что, приступивъ немедленно къ исполненію, на другой день поутру призвалъ я къ себѣ старика Лазарева и, видя его весьма слабаго въ здоровьѣ, съ осторожнымъ пріуготовленіемъ объявилъ ему всю исторію его несчастнаго сына и прочиталъ ваше письмо, отъ чего онъ былъ столь чувствительно пораженъ, что залился горькими слезами, однакоже при томъ съ благодарностію сказалъ: „да помилуетъ Богъ е. с. за то, что онъ толь милосердно и толь отечески поступилъ съ моимъ негодяемъ, а в. пр. много благодарю, что вы предварили меня о семъ прежде пріѣзда моихъ дѣтей, ибо я ихъ не ожидалъ, и ежели бы они вдругъ нагрянули, то бы меня сіе поразило болѣе и мнѣ бы труднѣе было перенесть“. Потомъ разговоръ нашъ продолжался о разныхъ мѣрахъ, каковыя принять должно; причемъ я рекомендовалъ ему, чтобы паче всего дѣло сіе сохранено было въ тайнѣ и чтобы онъ по пріѣздѣ своихъ дѣтей съ угрозами имъ запре-

тилъ съ кѣмъ-либо о семъ болтать и доселѣ здѣсь ни кому сіе происшествіе не извѣстно, кромѣ Курбатова, который мнѣ сказалъ, что о семъ извѣщенъ Марьей Михайловной [1]).

Дѣти Лазарева еще не пріѣхали, но въ ту-жъ минуту, какъ будутъ, то я велѣлъ ихъ представить къ себѣ и все, что отъ нихъ услышу и что воспослѣдуетъ, равно какъ и мѣры, какія по обстоятельствамъ взять нужно будетъ, подробно в. с. опишу.

Ноября 26 дня 1814 года. Москва.

126.

Обязанностію поставляю донести в. с., что 27 числа ноября Лазаревы явились ко мнѣ и отдали отношеніе ко мнѣ в. с. касательно порученія сына попеченію отца, коего я призвавъ, оное ему и объявилъ. Въ разсужденіи же сына обязанъ будучи в. с. откровенностію и почитая за грѣхъ при всякомъ случаѣ быть съ вами не искреннимъ, объясню, сколько можно, вкратцѣ, въ какомъ положеніи мнѣ кажется быть сей молодой и дерзкой человѣкъ, сколько я могъ то усмотрѣть изъ разговора, который я нарочно распространилъ, дабы вѣрнѣйшее получить о немъ понятіе: 1-е. Онъ отнюдь не въ сумасшествіи, но имѣлъ воображеніе, воспламененное сильною страстію, соединенною съ великимъ самолюбіемъ, заставившимъ его мечтать и дѣйствовать толь безразсуднымъ образомъ. 2-е. Послѣ моего увѣщанія, объяснивъ ему сколь его поступокъ вѣтренъ, дерзокъ и неблагодаренъ, и давъ ему почувствовать всю кротость и милосердіе, съ каковыми вы въ отношеніи его поступили, я примѣтилъ, что онъ крайне раскаивается, а потому и совѣтовалъ ему образумиться, быть спокойну, смирну и, оставаяся въ повиновеніи отца, проводить жизнь скромную и нетокмо о своемъ поступкѣ не разсказывать, но стыдиться объ ономъ помышлять, а исправлять свое сердце и установить вѣтреный умъ полезными упражненіями и чтеніемъ, что онъ мнѣ и обѣщалъ со слезами, во время каковой сцены и моего увѣщанія бѣдный отецъ горько плакалъ. Итакъ, я ихъ отпустилъ отъ себя, сдѣлавъ всѣмъ тремъ нужное наставленіе; а между тѣмъ велѣлъ за сыномъ крайне присматривать; другой же просилъ позволенія остаться здѣсь, до установленія зимняго пути, на что я и согласился и по наступленіи онаго немедленно его въ С.-Петербургъ отправлю.

Касательно-жъ бумаги, привезенной ко мнѣ ими отъ в. с., всепокорнѣйше прошу разрѣшить мое недоумѣніе въ томъ, что она писана

[1]) Марія Михайловна Соболевская, впослѣдствіи Денисьева, мать гг. Перовскихъ. О какихъ Лазаревыхъ идетъ здѣсь рѣчь, намъ неизвѣстно, но, очевидно, не о богачахъ, основателяхъ Лазаревскаго института.

формою оффиціальнаго отношенія, а нумера на ней нѣтъ, то какъ прикажете ее почитать и дать ли по ней оффиціальную же бумагу отцу Лазареву или остаться при тѣхъ словесныхъ объясненіяхъ, кои я ему сдѣлалъ.

Ноября 30 дня 1814 года. Москва.

127.

Посылая по сей же почтѣ къ в. с. оффиціальное представленіе объ увольненіи въ купечество Демидовскаго крестьянина Кондратія Максимова сына Бѣлоусова, сверхъ причинъ, уже въ оной бумагѣ описанныхъ и на выгодахъ училища основанныхъ, обязанностію поставляю всепокорнѣйше в. с. просить, чтобы изволили сіе утвердить вашимъ согласіемъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ съ крестьянами справокъ, что необходимо нужно по слѣдующимъ обстоятельствамъ: 1) Павелъ Григорьевичъ Демидовъ [1]), коего мы, яко благотворителя, должны беречь, а по старости его, яко дитя утѣшать и няньчить, сверхъ оффиціальнаго его отношенія, къ вамъ представляемаго, самъ нарочно чрезъ силу пріѣзжалъ ко мнѣ и убѣдительнѣйше меня просилъ, чтобы я о семъ ходатайствовалъ, изъясняя мнѣ, что онъ особое въ семъ крестьянинѣ пріемлетъ участіе и крайне огорчится, ежели онъ въ купечество не будетъ уволенъ. 2) Сей крестьянинъ, который уже здѣсь хорошій производитъ торгъ, есть повѣренный Павла Григорьевича и особенный его коммиссіонеръ, исправляющій всѣ его домашнія порученія, покупки, денежные сборы, отдачи и пр. 3) Крестьяне по зависти, какъ о его благосостояніи, такъ и о довѣренности къ нему старика, не захотятъ можетъ быть, чтобы онъ былъ выпущенъ, то у нихъ и спрашивать нечего, а какъ онъ не будетъ выпущенъ, то училище вмѣсто 500 дохода, который оно получать будетъ съ жертвуемаго симъ крестьяниномъ капитала десяти тысячъ, всегда съ него оброку будетъ получать не болѣе сорока рублей въ годъ, да и сверхъ того, не выпустя его, мы огорчимъ старика, который еще кромѣ нашей благодарности, намъ очень полезенъ быть можетъ. 4) Онъ мнѣ проговаривалъ (sic), что намѣренъ еще 100,000 пожертвовать на возстановленіе музея и библіотеки и что о семъ ко мнѣ оффиціально писать будетъ, то ежели мы сего его требованія о крестьянинѣ не исполнимъ, такъ какъ онъ весьма капризенъ и щекотливъ, онъ такъ симъ отказомъ обидится, что вѣрно мы лишимся обѣщаемыхъ имъ 100,000; а посему в. с. по прозорливости вашей усмотрите, сколько сей выпускъ онаго крестьянина для насъ со всѣхъ сторонъ полезенъ,

[1]) Павелъ Григорьевичъ Демидовъ, д. с. с. и св. Владиміра 1 ст. кавалеръ, основатель Демидовскаго лицея р. 1738 † 1821.

то уповаю, что не изволите замедлить на то вашимъ согласіемъ, чѣмъ и старика утѣшите и обоимъ заведеніямъ существенную пользу доставите.

На почтеннѣйшее письмо в. с., полученное мною чрезъ Ивана Михайловича Фролова, не могъ я успѣть по прошедшей почтѣ отвѣтствовать, ибо долженъ былъ прежде увидѣться съ старикомъ Лазаревымъ, дабы узнать о положеніи сына его, а потому касательно его и почитаю обязанностію вамъ донести то, что, по моему разумѣнію и соображенію обстоятельствъ, кажется мнѣ для свѣдѣнія вашего нужнымъ: 1) старикъ огорченъ до безконечности и тѣмъ болѣе, что видитъ въ сынѣ мрачную меланхолію, а не настоящее раскаяніе, коего я бы желалъ яко пути къ истинному обращенію и успокоенію; 2) всѣ мысли сына стремятся единственно къ тому, чтобы вырваться изъ вашего департамента, и какъ нибудь добраться до Петербурга, гдѣ и можно ожидать отъ него новыхъ дурачествъ; 3) къ сему надѣянію ему поводъ подало то, что онъ, проѣзжая чрезъ Новгородъ и видѣвшись съ глупымъ вице-губернаторомъ Николаемъ Назарьевичемъ Муравьевымъ, получилъ отъ него обнадеживаніе, что онъ его помѣститъ въ Новгородскую казенную палату совѣтникомъ и совѣтовалъ ему подать просьбу объ увольненіи изъ вашего департамента; 4) мнѣ это крайне странно, тѣмъ болѣе, что я изъ словъ молодаго человѣка могъ усмотрѣть, что онъ всю исторію сему дураку вице-губернатору пересказалъ, но въ иномъ совсѣмъ видѣ.

Благодарность, приверженность, любовь къ вамъ, заставляя меня заботиться о вашемъ спокойствіи и всѣхъ вамъ принадлежащихъ, коихъ, смѣю сказать, люблю, какъ собственныхъ своихъ дѣтей, и вкупѣ предугадываніе, поколику я сердце человѣческое знаю, что сей предполагаемый двумя дураками планъ, буде произведется въ дѣйство, то будетъ источникомъ новыхъ дурачествъ и неистовствъ; все сіе вкупѣ наложило на меня обязанность васъ о семъ предувѣдомить, ибо думаю, что ежели бы я сего не исполнилъ, то погрѣшилъ бы противу моей совѣсти и противу васъ, моего благодѣтеля и милостивца.

Декабря 21 дня 1814 года. Москва.

128.

Нашъ достойный г. профессоръ Мухинъ, коего я неоднократно поручалъ въ особенное в. с. благоволеніе, будетъ имѣть честь лично поднести вамъ сіе письмо, коимъ вновь осмѣливаюсь просить в. с. объ обращеніи вниманія вашего и милости на сего, какъ познаніями, такъ и дѣятельностію рѣдкаго профессора, который по многимъ отношеніямъ всякаго уваженія достоинъ. Ежели в. с. заблагоразсудите, вопрося его о положеніи медико-хирургической академіи, позволить ему быть

откровеннымъ, то онъ будетъ имѣть честь объяснить вамъ, какъ всѣ обстоятельства, до сего мѣста касающіяся, такъ и объ улучшеніи онаго благонамѣренныя его мысли, истекающія изъ единаго усердія его ко благу и пользѣ службы. Я увѣренъ, что в. с., яко нашъ истинный и благонамѣренный меценатъ позволите г. Мухину къ вамъ предстать.

Января 3-го 1815 г. Москва.

129.

Послѣ сдѣланнаго уже мною в. с. отъ 15-го числа сего іюня за № 458 представленія, въ коемъ между прочимъ начерталъ я проектъ какимъ образомъ пріобрѣсти для Московскаго университета домъ запаснаго дворца, получилъ я планъ оному; а дабы в. с. яснѣе изволили усмотрѣть, сколь удобенъ тотъ домъ для помѣщенія университета, то въ дополненіе къ помянутому представленію моему прилагаю при семъ и означенный планъ.

Іюня 21-го 1815 г. [1]).

130.

Мнѣ крайне прискорбно, что давно не имѣлъ счастія васъ видѣть. Причины тому: 1) что я неоднократно къ вамъ пріѣзжалъ, но васъ не заставалъ; 2) что очень я былъ занятъ прісканіемъ квартиры и теперь готовлюсь къ перевозкѣ. Ежели будетъ согласіе ваше на подписку, на книгу Олина и ко мнѣ о томъ бумага, то въ пользу сего достойнаго и рѣдкаго, но бѣднаго молодого человѣка, осмѣливаюсь яко благодѣянія испрашивать: 1) чтобы число экземпляровъ его римской исторіи [2]) было взято ровное по всѣмъ учебнымъ округамъ; 2) чтобы деньги по подпискѣ выданы ему были здѣсь, а потомъ оныя въ главное училищъ правленіе доставлены будутъ исправно, какъ и всегда дѣлалось. Книга-же сія болѣе многихъ другихъ для училищъ нужна, а сумма весьма малая, но для бѣднаго многозначущая милость.

Сентября 29-го 1815 г.

131.

Получивъ при отношеніи в. с. отъ 11-го числа сего Октября № 2976 копію съ прошенія старшаго сына умершаго предсѣдателя астраханской палаты уголовнаго и гражданскаго суда кол. сов. Бушуева, Петра, находящагося уже въ пансіонѣ московской губернской гимназіи и просящаго той же милости, каковая оказана братьямъ его,

---

1) 1815 годъ Кутузовъ провелъ въ С.-Петербургѣ.

2) Римская исторія, соч. Милота, пер. съ фр. В. Олинъ. Она вышла только въ 1821 г.

принятымъ въ оную гимназію на казенное содержаніе, — предписывалъ я директору училищъ г. надв. сов. Дружинину, чтобы, во исполненіе воли в. с., не требовать и съ старшаго сына покойнаго Бушуева платы, ежели не внесены будутъ за содержаніе его деньги. Изъ доставленнаго мнѣ г. директоромъ донесенія, въ копіи здѣсь прилагаемаго, в. с. изволите усмотрѣть, что означенный Петръ Бушуевъ находится не въ самой гимназіи, а въ основанномъ при ней воспитательномъ заведеніи, въ которое принимать безденежно нѣтъ никакой возможности, а потому онъ и долженъ быть перемѣщенъ въ гимназію на одинакое содержаніе съ питомцами московскаго приказа общественнаго призрѣнія. Далѣе г. директоръ, изъясняя разстроенное положеніе гимназіи, стѣсненность ея и затрудненіе оказывать подобныя вспомоществованія бѣдныхъ родителей дѣтямъ, каковыхъ начальство и своихъ имѣетъ, остающихся по смерти учителей, не могущихъ дать имъ воспитанія и имѣющихъ нѣкоторое право требовать помощи, испрашиваетъ моего разрѣшенія на прибавку къ платимымъ теперь за наемъ для московской губернской гимназіи дома, въ коемъ помѣщается и воспитательное заведеніе, 12,500, въ годъ, еще 1,500, дабы на сію сумму можно было принанять еще нѣсколько покоевъ; ибо по умножающемуся числу учениковъ въ гимназіи, самые классы становятся весьма многолюдны и 1-й классъ гимназіи необходимо нужно раздѣлить.

Съ таковымъ предположеніемъ г. директора будучи согласенъ, но не рѣшаясь безъ воли в. с. дать ему позволеніе на прибавку за наемъ еще нѣсколько комнатъ 1,500, испрашиваю на сіе вашего разрѣшенія; равно какъ и принятіе въ московскую гимназію на казенное содержаніе старшаго сына предсѣдателя Бушуева, предавая собственному вашему благоразсужденію, буду и на сей предметъ ожидать вашего предписанія.

Октября 29-го, 1815 г.

132.

На предписаніе ваше о выборѣ старосты, имѣю честь донести, что какъ для исполненія онаго, коего вы требуете *немедленно*, необходимо надобно собрать крестьянъ и имъ ваше предписаніе объявить; мнѣ-жъ самому у себя въ домѣ собрать мірской сходъ не возможно; къ нимъ ѣхать въ мужицкую избу неловко, то не соблаговолите-ли, какъ и лучше всего мнѣ кажется, собрать нѣкоторыхъ изъ нихъ въ главное училищъ правленіе и тамъ имъ объявить и подписки съ нихъ взять въ присутствіи членовъ. Такъ какъ уже это было дѣлано для смѣны Ушакова, то кажется и теперь для смѣны старосты тоже можно и

удобно сдѣлать, да и дѣйствія болѣе произведетъ въ присутствіи правленія.

Ежели сіе изволите одобрить, то прикажите мнѣ и другимъ въ понедѣльникъ въ правленіе собраться, тамъ все и кончимъ, точно какъ и отрѣшеніе Ушакова.

Декабря 18-го 1815 г.

133.

Вы уже теперь не министръ, но не менѣе прежняго вы для моего сердца драгоцѣнны, любезны и почтенны. Ваши милости, ваша пріязнь, ваше ко мнѣ благоснисхожденіе, а часто терпѣніе въ моихъ погрѣшностяхъ и ошибкахъ, неизгладимы останутся въ моемъ сердцѣ, исполненномъ къ вамъ неизреченной благодарности, которая никогда не истребится! Господь Богъ да воздастъ вамъ своею милостію за все то, чтó дѣлали и изъявляли, да благословитъ васъ навсегда, а мнѣ да дастъ силы, моля Его о васъ непрестанно, доказать вамъ на опытахъ, что не много вы имѣете въ мірѣ людей, толико къ вамъ приверженныхъ, какъ я многогрѣшный. Все то, что къ вамъ близко, что къ вамъ принадлежитъ, равно мнѣ любезно навсегда пребудетъ. Радъ я и потому, что преемникъ вашъ христіанинъ. Научите его дѣйствовать подобно вамъ, и любить меня такъ, какъ вы любите. Маріи Михайловнѣ и любезнымъ дѣткамъ вашимъ усердное почтеніе свидѣтельствую. Будьте вcѣ здоровы, благополучны и Христомъ Спасителемъ благословенны, о чемъ умолять Его милосердіе не престану.

Москва. 21 Августа 1816 г.

134.

Священною обязанностію поставляю принести в. с. чувствительную вседушевную благодарность за милостивое, любви и утѣшенія исполненное письмо ваше, пріемлемое мною не иначе, какъ за драгоцѣнный залогъ вашего ко мнѣ благоволенія. Отъ всего сердца поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ. Молю Христа Спасителя, да сила Его любви безпрестанно обновляетъ силы ваши по духу, душѣ и тѣлу и да сдѣлаетъ васъ и въ семъ мірѣ причастнымъ тѣхъ чистыхъ радостей, кои уготованы избраннымъ Его и суть неотъемлемая ихъ часть и достояніе. Благодарю сего великаго Крестоносца, что послѣ перваго впечатлѣнія, нетолько меня попираемаго и многогрѣшнаго, повергнувшись со всѣми силами духа моего къ подножію Креста Его, и мною носимый крестъ Его-же святой волѣ предавая, успокоилъ столько, что даже и любезныя упражненія мои ни на одинъ день не прервались, а радуюсь паче тому, что не по собственной моей волѣ сложилъ бремя крайне меня тяготившее, буду болѣе имѣть времени

посвятить себя, силы мои и способности на служеніе друзьямъ моимъ къ единой со мной цѣли стремящимся, и неразрывно со мною связаннымъ. Увѣдомляютъ меня изъ Петербурга, что я уволенъ буду безъ всякой награды. Вы мой благодѣтель болѣе нежели кто-нибудь знаете сколько я трудился, то, конечно, тверже и вѣрнѣе всякаго можете поговорить князю Голицыну, чтобы онъ мнѣ выпросилъ хоть то, что получилъ вашъ любезный зять Сергій Семеновичъ [1]), который, конечно, не болѣе меня сдѣлалъ, и меньше меня послужилъ. Зная душу вашу я увѣренъ, что вы не отречетесь поговорить о семъ князю Голицыну, который, буде захочетъ, то, конечно, сіе сдѣлается; знаю-жъ и то, что ваше слово у него сильно подѣйствовать можетъ въ мою пользу.

Москва, Января 4-го 1817 г.

1-го января 1817 года попечителемъ Московскаго округа назначенъ былъ т. с. князь Андрей Петровичъ Оболенскій.

VIII.

Донесеніе профессора Римскаго права доктора правъ Христіана-Юлія-Людвига Штѣльцера—графу А. К. Разумовскому.

(Архивъ кн. Н. В. Рѣпнина).

Когда французское войско угрожало Москвѣ, ни одинъ изъ профессоровъ не остался здѣсь, кромѣ ректора Гейма и меня, ибо мы считали противнымъ своему долгу оставить мѣста наши безъ приказанія. Передъ самымъ пришествіемъ французовъ, ректоръ Геймъ получилъ приказаніе отправиться. Я остался одинъ и почитаю себя обязаннымъ, не могши до сихъ поръ узнать, гдѣ находится е. п. г. попечитель, покорнѣйше донести в. с. непосредственно, сколько то позволяетъ мнѣ здоровье, о состояніи здѣшняго университета и участи онаго.

Едва вошли французы въ городъ, какъ государственный министръ графъ Дарю пришелъ въ университетъ. Я выпросилъ чрезъ него освобожденія отъ постоя и охраничельнаго караула (sauve-garde), почему на другое утро онъ прислалъ капрала съ 4-мя рядовыми, которые были мною поставлены въ главномъ строеніи и предъ онымъ. При запертыхъ воротахъ университета, собственные наши солдаты долженствовали караулить, почему я самъ днемъ и ночью осматривалъ посты. На другой-же день сіе уже сдѣлалось безполезнымъ, ибо солдаты по большей части были пьяны и экзекуторъ Артемьевъ, при мнѣ, сказалъ имъ, что они не обязаны повиноваться моимъ приказаніямъ. Та-

[1]) Уваровъ.

кимъ образомъ я уже подвергался грабежу, на что однакожъ покушались токмо по одиночкѣ и что было всегда отвращаемо.

4-го сентября городъ уже горѣлъ со всѣхъ сторонъ и сильная буря способствовала распространенію пожара. Я требовалъ, чтобы пожарныя трубы были вывезены на дворъ, но сего не сдѣлали подъ предлогомъ, что недостаетъ людей и воды. Въ 9 часовъ утра полетѣла головня чрезъ Никитскую и упала на старую, развалившуюся конюшню напротивъ моей квартиры. Въ то же самое время загорѣлась и внутренность. Буря понесла огонь на дровяной дворъ и въ теченіи нѣсколькихъ часовъ сгорѣли большой каменный домъ при выходѣ на Моховую, принадлежащія къ оному конюшни и кладовыя, анатомическій театръ и соединенные съ онымъ покои. На полуденной сторонѣ университета вездѣ загорѣлся лежавшій по дворамъ навозъ. Я безпрестанно заставлялъ наемныхъ людей вытаптывать оный и такимъ образомъ препятствовалъ воспламененію находящихся тамъ конюшенъ и домовъ. Я долженъ признаться, что смотритель дровяного двора Осипъ Янковскій до того времени помогалъ мнѣ усердно, экзекуторъ Артемьевъ, напротивъ, былъ совершенно пьянъ и безполезенъ. Въ полдень осмотрѣлъ я большой главный корпусъ до чердака, ибо я опасался зажиганія внутри дома. Я нашелъ боковую дверь музея проломленною, ибо охранительный караулъ, въ противность долгу, оставилъ свое мѣсто. Два французскихъ солдата бѣгали по дому. Я нашелъ все неповрежденнымъ, а между тѣмъ вывелъ ихъ и вновь поставилъ караульныхъ. При семъ случаѣ я раненъ, но не опасно, штыкомъ въ лѣвую руку. Когда я вышелъ на дворъ, пламя открылось въ моей квартирѣ. Окна лопнули отъ бывшаго въ дровяномъ дворѣ огня, который бурею съ юго-восточной стороны вброшенъ въ угольную комнату средняго этажа. Будучи всѣми оставленъ, я одинъ долженъ былъ заняться спасеніемъ. Служитель мой носилъ воду, я выкидывалъ на дворъ горящую мебель и гасилъ пылающій около оконныхъ рамъ огонь мокрыми тряпками. Пламя истребило одежду мою и служителя моего, но домъ былъ спасенъ. Вечеромъ грабежъ усилился. Поелику смотритель музея Ришардъ уже при входѣ французовъ не находился въ университетѣ и никогда не показывался въ музеѣ, то я и тѣхъ 2-хъ караульныхъ, которыхъ имѣлъ при себѣ для собственнаго охраненія, поставилъ въ главное строеніе и на возвратномъ пути на меня напали, сорвали съ меня сюртукъ и прорубили шляпу. Послѣ 11-ти часовъ вечера увѣряютъ, что въ музеѣ видна была свѣча и примѣтенъ кто-то въ сопровожденіи французскаго солдата, но я доселѣ ничего опредѣлительнаго узнать о семъ не могъ. Между тѣмъ огонь вновь усилился въ Никитскомъ монастырѣ. Домъ графа Орлова [1]) заго-

[1]) Нынѣ княгини М. А. Мещерской.

рѣлся, а отъ онаго и стоящій напротивъ университетскій Мосоловъ домъ, а отъ горящаго на другой западной сторонѣ Заикина дома смежныя съ онымъ деревянныя конюшни и домъ, въ которомъ жилъ надворный совѣтникъ Цемшъ. Пламя въ большой кучѣ вновь пало на мою квартиру. Я уже прежде приказалъ принести воды, на принадлежащій къ моей квартирѣ деревянный балконъ и съ помощью моего служителя гасилъ падающій на оный огонь. Казалось, что тутъ кончилась опасность. Заикина домъ развалился и я самъ лично съ домашнимъ учителемъ Гейнсмейеромъ еще днемъ сломалъ заборъ около университетскаго двора и крышку одного деревяннаго строенія, посредствомъ чего прекращено все сообщеніе съ наружнымъ огнемъ. Но когда я хотѣлъ опять идти въ главное строеніе, которое между тѣмъ было въ безопасности, то въ половину 2-го часа ночи увидѣлъ деревянную обсерваторію на ономъ находящуюся горящею, вѣроятно отъ пролетѣвшихъ головень.

4 человѣка могли бы спасти строеніе, но я ни одного призвать не могъ, ибо всѣ опасаясь дурныхъ поступковъ, съ робостію скрывались. Такимъ образомъ въ сію ночь истреблено главное строеніе, хотя и пожаръ перестaлъ въ домахъ Орлова и Мосолова и даже не коснулся нашей больницы. Подозрѣніе чтобъ и сіе строеніе загорѣлось внутри, мнѣ кажется неосновательнымъ. Свѣча, о которой выше помянуто, была употреблена только для кражи. Я такимъ образомъ нашелся окруженнымъ огнемъ и если бы моя квартира вновь загорѣлась, то бы я и жизни спасти не могъ. Я пробрался сквозь пламя, сжегъ на себѣ другой свой сюртукъ и удалился до утра. Между тѣмъ грабители бросились во всѣ покои и погреба помянутаго дома, разломали всѣ двери и запертые ящики и унесли у меня все то, чего я не несъ на себѣ. Послѣ чего я принялъ въ свою квартиру для защиты столько людей, сколько она вмѣщала, пока съ большимъ трудомъ не была возстановлена внѣшняя безопасность отъ бѣшенаго войска, незнавшаго никакой подчиненности. Еще наканунѣ выхода французовъ я принужденъ былъ въ самую полночь выгнать 3 грабителей изъ нашей больницы, подвергая при томъ жизнь свою опасности.

Такимъ образомъ изъ всѣхъ университетскихъ зданій остались неистребленными отъ пожара токмо моя квартира и больница. Но наконецъ взорваніе Кремля въ ночи отъ 11-го на 12-е октября разломало и въ сихъ строеніяхъ всѣ окна и большую часть дверей.

Итакъ, всѣ сокровища нашего университета пропали, кромѣ тѣхъ, кои увезены. Только нѣкоторыя маловажныя вещи спасены, да и тѣ съ недостатками. Къ сему числу принадлежатъ препараты и прочій аппаратъ повивальнаго искусства, также собраніе бандажей, въ аудиторіи медицинскаго факультета находившіеся. Но большая часть ле-

жала на полу, растоптанная ногами, и я не могъ склонить къ тому Артемьева, чтобъ онъ приказалъ все собрать и принести ко мнѣ на сохраненіе. Я нашелъ даже на дворѣ черепъ дѣтскаго состава и спряталъ оный у себя. Сверхъ того: коллежскій регистраторъ Подхватовъ объявилъ мнѣ 13-го октября вечеромъ, что спасено изъ казны около 2,000 р. мѣдной монеты, которая въ двухъ замкнутыхъ сундукахъ отнесена въ больницу, но что одинъ сундукъ давно былъ разломанъ и всякій, кому надобно, беретъ изъ него деньги. Я не могъ поступить иначе, какъ только пересчитать деньги въ присутствіи всѣхъ чиновниковъ, обще съ ними запечатать сундуки и сохранить оные въ вѣрномъ мѣстѣ. Но экзекуторъ Артемьевъ не хотѣлъ сего позволить, а требовалъ, чтобы деньги непремѣнно оставлены были безъ сохраненія. Я почелъ нужнымъ и согласнымъ съ своимъ долгомъ, несмотря на то, привести намѣреніе свое въ исполненіе и, вмѣсто Артемьева, призвалъ въ свидѣтели доктора Кустера изъ Горенокъ. Между тѣмъ прибылъ, чего я не зналъ, нѣкто майоръ Гельманъ, которому на время препоручено было управленіе полиціею. Къ нему пошелъ Артемьевъ съ злобнымъ донесеніемъ, что *въ университетѣ 2 человѣка* (разумѣя меня и Подхватова) *воруютъ университетскія деньги и уже между собою дѣлятся*. Гельманъ по сему приказалъ столь же необдуманнымъ образомъ насъ арестовать, что бы исполнено было весьма оскорбительнымъ образомъ, еслибъ я въ школѣ грабившихъ французовъ не научился, какъ должно поступать противъ насильствъ. Тогда Артемьеву сдѣлано было замѣчаніе за неправильные его поступки и дано согласіе на приведеніе въ дѣйство моего предположенія, однакожъ въ присутствіи офицера и съ тѣмъ, что полиція возьметъ деньги за печатью въ свое сохраненіе. По причинѣ первой горячки, которая мнѣ приключилась и продолжалась 3 недѣли, я не могъ долѣе заняться симъ дѣломъ. Но послѣ мнѣ объявлено было, что найденныя деньги составляли 400 руб., полиціею запечатаны и находятся въ больницѣ подъ карауломъ 2 полицейскихъ драгунъ. Но караулъ сей безъ вѣдома моего послѣ нѣсколькихъ дней удалился и Артемьевъ послѣ того распоряжалъ деньгами по своей волѣ и выдалъ изъ оныхъ заслуженное якобы жалованіе, хотя полиція отказала въ выдачѣ изъ сихъ денегъ жалованія даже несчастному граверу Цеттеру, который едва не умеръ съ голода. По симъ причинамъ найдется тѣхъ денегъ уже немного.

Москва. 18 Ноября 1812 г.

Переводъ.

Существо дѣла.

Когда французское войско угрожало городу Москвѣ, я остался въ ономъ потому, что почиталъ безчестнымъ поступкомъ, когда чинов-

никъ оставляетъ свое мѣсто безъ приказанія. Я чрезъ сіе сдѣлалъ добро, ибо собственными тѣлесными трудами сохранилъ Е. В. Государю моему домъ, а безчисленному множеству людей всю собственность. Наконецъ, еслибъ и совѣсть позволила мнѣ удалиться, то за недостаткомъ денегъ не могъ бы того предпринять, ибо я принужденъ былъ послѣднее употребить для экипировки сына своего, служащаго въ кавалеріи офицеромъ.

Въ городовое правленіе (municipalité) вступилъ я слѣдующимъ образомъ. Спустя два часа послѣ пришествія французскаго войска въ городъ, посѣтилъ меня министръ графъ Дарю въ сопровожденіи генералъ-интенданта графа Дюмара (Дюма?). Первый сдѣлалъ мнѣ льстивое привѣтствіе, сказавъ, что я извѣстенъ ему чрезъ великаго Герцога Франкфуртскаго, какъ ученый, и потому онъ желаетъ лично со мною познакомиться. Послѣ нѣкоторыхъ справокъ объ университетѣ, которыя были для меня примѣчательны только по вопросу, обучаются ли въономъ французскіе уроженцы, они меня оставили. Первый изъ нихъ говорилъ обо мнѣ съ главнымъ маршаломъ двора (grand marechal du palais) Дюрокомъ, герцогомъ Фріульскимъ. Сей послѣдній, по прошествіи нѣсколькихъ дней, призвалъ меня къ себѣ и объявилъ, что французскій императоръ опредѣлилъ меня начальникомъ юстиціи въ Москвѣ, а потомъ въ своихъ нѣмецкихъ провинціяхъ. Я отвѣчалъ ему, что я, какъ чиновникъ, служащій своему Государю, не могу безъ увольненія вступить въ другую службу. Казалось, что сіе изъясненіе было хорошо принято и онъ отпустилъ меня. Нѣсколько дней спустя, когда городовое правленіе уже было учреждено, графъ Дюма сказалъ мнѣ, что я подвергнусь непріятностямъ, если, по крайней мѣрѣ, не войду въ сіе правленіе, ибо прежній мой предлогъ уже не могъ имѣть мѣста, такъ какъ здѣсь не шло дѣло о вступленіи въ императорскую службу. То же самое сказалъ мнѣ въ тотъ же день городской интендантъ Лессепсъ, когда я пришелъ къ нему жаловаться на вновь учрежденную французскую полицію, которая хотѣла помѣстить постороннихъ людей въ университетскомъ зданіи. Потомъ, будучи приглашенъ отъ самаго городового правленія къ принятію въ ономъ мѣста, я на сіе согласился, дабы избѣжать дурныхъ поступковъ отъ огорченнаго непріятеля и не находя ничего противнаго долгу моему въ томъ, что сдѣлался защитникомъ угнетеннаго народа, не вступая въ службу французскаго императора. А впослѣдствіи, какъ честный человѣкъ, и дѣйствовалъ въ пользу сихъ несчастныхъ, такъ какъ мнѣ поручено было соблюденіе общественной тишины и безопасности. Подвергая собственную жизнь опасности, я безчисленное множество людей охранилъ на улицахъ отъ грабежа и понужденія къ работѣ. Не могу не

признаться, что я особенно ободренъ былъ мыслію заслужить тѣмъ благодарность за особенныя съ вѣрностію оказанныя услуги.

Москва. 20 Октября 1812 года.

IX.

Письма О. А. Поздѣева къ графу А. К. Разумовскому.

Сообщено П. И. Бартеневымъ.

1.

4 Января, 1807 года.

Весьма мнѣ жаль, что вамъ, зачѣмъ бы то ни было, не можно было пріѣхать къ старику Татищеву; а я этого не зналъ: то я бы отговорился и пріѣхалъ, и прошу покорнѣйше не беречь меня, а сказать прямо, что вамъ есть свободное время, чтобы мнѣ къ вамъ пріѣхать; или чтобъ я дома остался: то вы пріѣдете, какъ то вамъ угодно. А время коротко и, кто вѣдаетъ, когда Богъ велитъ увидѣться, и какія обстоятельства васъ встрѣтятъ въ Петербургѣ. Жизнь наша исполнена превращеній и суеты такъ, что нѣтъ единаго часа, въ которомъ бы не предстояла брань (и отвлеченіе отъ пути къ истинной цѣли) внѣ насъ или внутри насъ. Вчерашнее отвѣтное ваше письмо, по просьбѣ кн. Ивана Сергѣевича [1]), я распечаталъ и видѣлъ, что сегоднишній день вы употребите на церемоніальные визиты прощанья; то, поэтому, вы скоро думаете ѣхать и мнѣ должно готовить письма, хотя весьма къ немногимъ; но остальное время прошу не беречь меня и назначать свиданіе, какъ вамъ угодно. И вчера ввечеру, чтобъ успокоить старика Татищева, который, по своимъ силамъ, много трудится и у коего я всѣ праздники не былъ, то хотѣлъ его успокоить, согласясь провести съ нимъ вечеръ, и то не зная, что вамъ ввечеру вчера можетъ быть для свиданія свободно.

Вы изволите сожалѣть о неутвержденномъ вашемъ положеніи, чего для я давно желалъ, а особливо нынѣ осенью, чтобы видѣли классическій порядокъ ученья и потому желалъ пріѣзда и Василья Степан. [2]) зимою; но сами знаете и ваши недосуги на это, и мои теперь невозможности; то развѣ по пріѣздѣ вашемъ о семъ посовѣтовать? Что до меня надлежитъ, я весьма радъ, при жизни моей, передать нужныя вѣдѣнія, кои не мои: то вы сами расположите, какъ вамъ угодно и дайте мнѣ знать. И дамъ вамъ способъ и Василья Степ. на это при-

---

[1]) Барятинскаго.

[2]) Томары.

готовить; всего лучше сами тамъ будьте. Невѣжество и въ наружныхъ обрядахъ люди думаютъ, что вѣрѣ или откровенію скоро можно научиться и скоро можно полюбить Бога и ближняго. Жизнь вся должна быть употреблена на ученіе и приготовленіе. Конечно, всякое ученіе чѣмъ далѣе, тѣмъ легче; потому то Давыдъ говоритъ: поучуся въ законѣ твоемъ день и ночь. А законъ Господень, гдѣ паче, какъ не въ натурѣ? Натура есть домъ Божій, гдѣ живетъ самъ Богъ. Слѣдуетъ вѣдать столпы ея, на чемъ она утверждена; а въ Притчахъ, въ 9-ой главѣ, именно говорится, что столповъ ея 7. Слѣдуетъ знать, какіе и какъ держится натура. Все это кто больше вѣдаетъ, больше имѣетъ вѣры и это еще начало великихъ ея буквъ.

Слава Богу, глазамъ моимъ лучше; но еще изъ дому не выходилъ.

2.

12 Ноября, 1807 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 5-го Ноября. Вы объясняете, что вы чувствуете справедливость совѣтовъ и желаете слѣдовать, но не можете. На это скажу вамъ градаціи паденія нашего. Сначала человѣкъ и не знаетъ объ исправленіи, а живетъ такъ, какъ кажется ему можно и считаетъ, что и не надобно иначе; потомъ узнаетъ объ исправленіи, но не хочетъ; потомъ захочетъ, но не можетъ. Отчего? потому что неполнымъ сердцемъ хочетъ, а потому долженъ придавать въ помощь привычки свои, кои къ тому его паче заохочиваютъ и притомъ Бога чаще просить; а если при всемъ томъ да дается чувствовать слабость, невозможность, то какъ-же бы человѣкъ увидалъ слабость свою и невозможность, коли бы не давалось ему то по временамъ ощущать? въ это время дается ему понимать и чувствовать, что онъ ничто безъ Бога и безъ средствъ, кои Богъ-же посылаетъ: ибо Богъ безъ средствъ съ вами не сойдется, а потому нужны чтенія, напоминанія, совѣты, остереженія отъ ближнихъ, а особливо идущихъ по тому-же пути. Бережливость и нѣжность съ вашей стороны нейдетъ. Гдѣ тутъ бережливость въ словахъ сихъ: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ.* То какая бережливость въ приказаніи даже семъ? Взять же и то въ резонъ: время коротко, жизнь коротка; когда разлучимся и рады бы о чемъ спросить или попросить, да уже нѣтъ. Ничего нѣтъ труднѣе, какъ знакомство на вѣчныхъ матеріяхъ: ибо люди рѣдки и матеріи некончаемыя рѣдки. Сказано: пользуйся временемъ и заготовляй матеріалы. Строеніе духовное труднѣе и вѣдающіе пять трудовъ оной архитектуры крайне рѣдки, а прочихъ, если и встрѣтишь, то все смѣшанные, все болѣе сложенные, запутанные и слѣдовательно еще труднѣе въ достиженіи до цѣли.

Что надлежитъ до отвѣта вамъ графа Петра Васильевича [1]), то, если не сдѣлается, я самъ заключу, что Провидѣніе хочетъ сдѣлать это иначе, а мы должны за нимъ идти. Такъ обращаюсь къ первымъ строкамъ. Провидѣніе часто оставляетъ насъ самимъ себѣ, дабы дать намъ восчувствовать наше безсиліе и ничтожность и дабы пріучить насъ взывать и стремиться къ нему. Ибо сначала человѣкъ не хочетъ идти, а потомъ думаетъ своими силами взлѣзть, то Провидѣніе показываетъ человѣку, научаетъ его, что есть человѣкъ, или что есть тварь сама по себѣ. Вотъ чего ради должно познаніе натуры, а потомъ, что есть Господь. Натуры! а натура есть лѣствица къ нему. Благодарю покорнѣйше за увѣдомленіе кн. Ал. Б—у [2]) показано было, что есть дворъ, онъ желаетъ еще испытать: оттуда какъ-то добровольно не выѣзжаетъ. По слухамъ, если французы будутъ господа Дарданелловъ, то имъ не такъ легко ожидать третьей коалиціи. Чудное дѣло, если они насильно вытѣснены, показывать себя, что̀ они и что̀ ихъ сосѣди.

Со мной живетъ—учителемъ дѣтей Берлинецъ, оттуда около году; онъ сказывалъ, что прусаки (съ французами когда дрались) 7 днѣй не ѣли; диковина-ли, что побѣждены? А всѣ кричатъ: измѣна, измѣна! Да, не другое что—брюхо измѣнило. Королева-де сама непремѣнно хотѣла войны и она это и дѣлала; а Наполеонъ, взявши все въ полонъ, сказываютъ, удивлялся, какъ она могла сносить, видя сама этакой недостатокъ. А мнѣ кажется, что она сама прусскими разводами прельстилась и сочла: какъ прусакамъ не побить французовъ! Берлинцы-де, услышавъ, что достались опять своему королю, сдѣлали ропотомъ своимъ бунтъ, крича, что не хотятъ къ королю. Богъ намъ да продолжитъ миръ при мудрой осторожности и домашней готовности, что Россіи можно дѣлать все безъ войны. Мысленно васъ объемлю, яко сердечнаго мнѣ и молю всемогущаго и милосердаго Господа да васъ не оставитъ, вамъ поможетъ и совершитъ доспѣянія, что сказано во евангеліи Іоанна 3 глава и 3 ст.

Нынѣ я посылаю Братцову книгу «Hermipus» съ замѣтками къ кн. Ивану Сергѣевичу, не угодно ли взглянуть, дабы удобнѣе вспомнить вамъ, если что угодно поговорить, когда увидимся.

3.

14 Ноября, 1807 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 12-го Ноября. По мірскому, слѣдуетъ васъ поздравить съ прибавленіемъ чина, изъ двухъ

1) Завадовскаго.

2) Куракину.

оставшихся для васъ въ государствѣ; но настоящей высоты къ вамъ оно не прибавитъ, а только введетъ въ вящшее искушеніе почестями за него и за мѣсто, отъ коихъ, сколько бы ни отбиваться, но наконецъ трудно удержаться, чтобы не зачали быть пріятны, слѣдовательно, самолюбію нашему искусительны; но мнѣ признаться вамъ? Истинно любя васъ душой моей, я обрадовался, что вамъ пожалованъ чинъ и радъ буду, коли вамъ и ленту дадутъ, ибо я баловникъ тѣхъ и временный, коихъ душа моя любитъ. Но буду бояться, чтобы этими почестями васъ не прохладили и не оторвали отъ Ѳ-на; но Богъ должна быть наша надежда. Сверхъ того, скажу вамъ, что Господь, по благости своей и безпредѣльной любви и къ тѣмъ, кои становятся на средній путь, устроиваетъ ихъ и временное состояніе: то мой долгъ былъ не отговорить вамъ, дабы вы менажировали доброе расположеніе къ вамъ Государя (которое теперь онъ явно показалъ, что за ваше согласіе одно съ его волею и ознаменовалъ явнымъ и публичнымъ знакомъ удовольствія его и расположенія къ вамъ), ибо мнѣ извѣстно, что оное вамъ нужно въ разсужденіи дѣтей вашихъ и продажи въ казну имѣнія, которая только-что остановилась, а можетъ и исполниться. Всѣ эти детали обязанъ тотъ обдумывать, который имѣетъ по Ѳ-ну вѣчную связь, ибо въ должностяхъ его временныхъ любитъ сопутчика такъ, что беречь его здоровье, состояніе его и домъ, и доброе имя. Резонъ, написанный граф. Петромъ Васильевичемъ къ вамъ, правиленъ; а по другому резону, чего для я вамъ не отговаривалъ и мое разсужденіе не неправильно.

Что надлежитъ до петербургской поѣздки—это правда, что вамъ трудно; но если будете не подъ суетою двора, то вамъ будетъ легко, ибо дворъ небеснаго Царя, къ которому духомъ будете стараться придержаться, будетъ облегчать и содѣлаетъ такъ, что съ удовольствіемъ отъѣдете; а что и мнѣ за васъ тяжело. И знаю, что ваша поѣздка и не мало будетъ стоить; но вотъ что слѣдуетъ выяснить, что одно повиновеніе волѣ Государевой заставило, забывъ ваше болѣзненное состояніе, на это рѣшиться. Что надлежитъ до меня, слава Богу мнѣ теперь лучше. И у меня сдѣлалась ревматизма въ рукѣ, но теперь почти прошла. Вы изволите спрашивать, около какой поры я располагаюсь пріѣхать въ Москву? Намѣреніе мое было по обстоятельствамъ продажи съ завода нашего (кое случается тогда, какъ болоты промерзнутъ въ лѣсахъ, что бываетъ въ декабрѣ) пріѣхать къ Рождеству, къ коему оттуда и запасъ привозятъ. Но вы пишете, что по первому пути слѣдуетъ вамъ ѣхать. То я готовъ пріѣхать бы одинъ по первому пути; но та бѣда, что у меня жена ухватится, а тамъ и дѣтей возьми и выдетъ со всѣмъ домомъ; а ей трудно одной въ деревнѣ, ибо въ Москвѣ сынъ и дочь, кои побольше, въ пансіонѣ. Но

мнѣ и самому не желается, чтобы вы, не видавшись, поѣхали въ Петербургъ; а пока, до перваго пути, станемъ переписываться, который два раза уже становился.

Богъ васъ да вразумитъ и дастъ вамъ самое трудное имѣть легкимъ, ибо не дѣла затрудняютъ, а наша въ это время ненужность и неловкость, какъ наилучше слѣдуетъ сдѣлать. Ибо все правитъ не сила, а силою искусство, коего должно просить у перваго мастера: Тотъ насъ да вразумитъ и содѣлаетъ трудное легкимъ.

Скажите, выздоровѣлъ ли Василій Степановичъ отъ лихорадки, коя у него была?

Вотъ что за долгъ ставлю не забыть сказать вамъ и совѣтовать: будьте отецъ и другъ братцамъ вашимъ; не смотря, что они этого и не хотятъ признавать, но ласка, откровенность, доброхотство дастъ имъ примѣромъ, не смотря ни на что, это почувствовать и дастъ вамъ надъ ними ассанданъ имѣть, и они нехотя захотятъ и признаютъ это. Правда, и для сложенія вашего это не легко; но мы, пока сложенія нашего не побѣдимъ, то не будемъ счастливы и утѣшены ни въ здѣшней жизни, ни въ будущей. Сказано: любовь дѣйствую и Богъ не можетъ устоять.

4.

26-го Ноября 1807 года.

Вы изволите писать, что прежде не знали и не помышляли объ исправленіи себя; на это вамъ скажу: потому-то первосвященникъ іудейскій и долженъ былъ приносить жертву сперва о своихъ грѣхахъ, ибо онъ вѣдалъ о нихъ, людскихъ невѣжествахъ, ибо всякая ошибка происходитъ отъ недовольнаго или неяснаго вѣдѣнія; а потому Давыдъ, или Духъ чрезъ него, наставляетъ каждаго: *поучуся въ законѣ твоемъ день и нощь; въ заповѣдяхъ твоихъ размышляти буду, уразумѣю пути твоя, во оправданіяхъ твоихъ поучуся*, т.-е. въ томъ, чѣмъ можетъ оправдаться человѣкъ; то вопросъ: при человѣческомъ прилежномъ попеченіи въ подвигахъ благихъ, чѣмъ онъ оправдывается? Праведно вы говорите о своемъ положеніи: сколь-де оно ни отдалено отъ желаемаго, но, можетъ быть, не меньше того и отъ прежняго; а потому совѣтую не упущать умножать ваше вѣдѣніе не токмо спрашиваніемъ, но и слышаніемъ повторенія того, что̀ уже слышали, ибо слову много надобно пройти камеръ, что внити или пробиться во глубину сердца, дабы содѣлаться ему живу, не забыться и быть дѣйствующу въ порядкѣ, въ себѣ и въ другихъ. Въ этомъ-то манкировалъ покойный кн. Николай Васильевичъ [1]), считая, что имѣетъ съ

[1]) Репнинъ.

собой книги и этого съ него довольно; а потому-то надѣлалъ много ложныхъ шаговъ и потерялъ даже въ мірскомъ мнѣніи, которое ему дано было прежде, дабы слова его были болѣе уважаемы и онъ бы могъ быть орудіемъ (почитаемымъ) премудрости Божеской, ибо путь средній — такой балансъ на ножовомъ остріѣ: если нѣсколько наклонился на ту или на другую сторону, то заговоритъ человѣкъ или изъ точки невѣрія или изъ суевѣрія; а тако потекутъ нечувствительно ему самому и дѣйствія его.

Что надлежитъ до сухости, кою вы въ себѣ описываете, то если (хотя иногда) она не будетъ поливаема, то плодъ не пробьется и засохнетъ, ибо такожe бываетъ и съ человѣкомъ, яко съ земнымъ растеніемъ; а потому твореніе благихъ подвиговъ описано, или сказано, у Спасителя тремя состояніями, а именно: *просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ*. Тутъ тавтологіи нѣтъ, а каждое слово свое и особенное значитъ. Въ натурѣ и въ человѣкѣ путь мокрый или размягченія сначала; потомъ путь сухой или фиксаціи, но онъ долженъ быть поливаемъ, безъ чего завянетъ и засохнетъ; это вы должны знать по садовничеству. А для лѣни должно быть дыханіе вѣтра, который, что есть ясно сказано, *въ денницѣ премудрости*.

Почести и чины, конечно, должны быть ниже васъ: этимъ очаровываются маленькіе умы, о коихъ говаривалъ покойный графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, что это-де курочкины души; но кто, безъ крайней осторожности, можетъ устоять, имѣя въ себѣ всѣ 7 смертныхъ пороковъ или воспаленій, кои всѣ духъ человѣческій омрачаютъ и разслабляютъ душу. О поѣздкѣ въ Петербургъ вы весьма умно и зрѣло судите: съ чѣмъ теперь поскакать, какъ будто бы чему обрадовались; а надобно человѣку дѣловому ѣхать съ дѣломъ; тогда и они и вы будете довольнѣе. Въ книгѣ „Герминусѣ“ самое удивительное то, какъ разумъ человѣческій минуетъ самое простое, ясное и понятное, и ищетъ золота въ экскрементахъ, или здоровья въ дыханіяхъ и атмосферѣ дѣвокъ, которое паромъ налипнетъ на окончины; а между тѣмъ, онѣ и вѣтровъ напустятъ тутъ же. Изъ этого замѣчать, что для вюлгера машина комплике или сужденіе комплике легче сдѣлать, нежели просто.

Тако все на свѣтъ указываетъ, который самъ по себѣ простъ, единиченъ, а потому и проницаетъ сердца простыя токмо, т.-е. меньше запутавшіяся въ суетѣ сего міра.

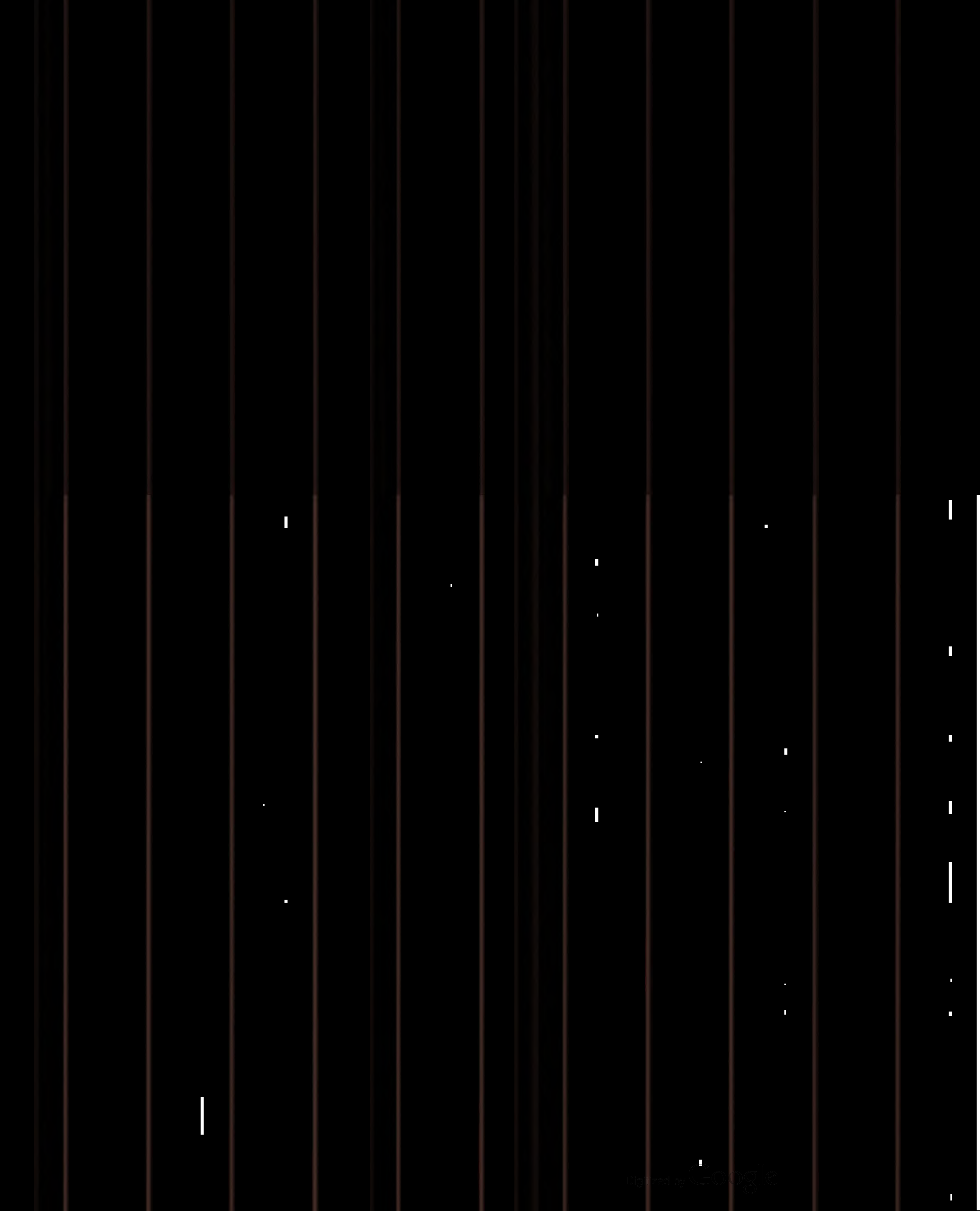
P. S. Если, Боже сохрани, похоже на правду слухъ о чумѣ въ Москвѣ или близъ, то прошу увѣдомить, дабы тогда вамъ доставить данное средство, опытомъ извѣданное, кое противу сего яда стоитъ и истребляетъ; а если этотъ слухъ ложенъ, то въ этомъ нѣтъ нужды.

5.

От 4-го Декабря 1807 года.

Уже съ недѣлю болѣнъ я глазами; думаю, отъ осеннихъ вѣтровъ сдѣлалось. Глаза красны, тяжелы и какъ за слюдой. Что не легка работа и лаженье съ собой, то я опытно вѣдаю 30 лѣтъ; но нѣтъ другаго пути и средства, какъ себя перемѣнять и перемѣнить до пришествія еще кончины, если человѣкъ не хочетъ, чтобъ его, какъ свинью, жарили и палили внутренно и внѣшно, если не будетъ здѣсь дѣйствовать самъ къ тому, чтобъ премѣниться въ совершенствѣ (содѣйствующъ). Изъясненіе, какъ ни рѣзко и уничижительно для нашей гордости, но лучше заранѣе узнать, нежели тогда, какъ станутъ палить и жарить. А кто-жъ духъ съ чѣмъ сравнитъ? и отчаяніе чему уподобитъ? лучше гораздо съ вѣдающими объ этомъ размышлять и объ этомъ разсуждать, нежели усыпляться съ прельщающимися собой и видимостью. Тотъ больше видитъ, который дальше видитъ; а который далѣе своего нынѣшняго веселья не видитъ, тотъ ничего не видитъ. Читаемый вами Арндтъ говоритъ: намъ долженъ и адъ служить. Чѣмъ?—побужденіемъ, дабы насъ гнать къ совершенствамъ, кои суть нравы народовъ, населяющихъ земли Бога вышняго. Арндтъ—книга, рекомендованная отъ Ѳ-на и не такъ, какъ Штилингъ, и тоска по отчизнѣ: ихъ читай, а оселокъ держи въ рукѣ, чтобы не войти въ тѣ же заблужденія. Какъ Шведенборгъ, такъ и Герминусъ самъ же описываетъ сказаніе другихъ и на это не глядитъ, кои суть ясны, истинныя, величественныя простоты и преподаетъ свою глупую запутанность: астрономію, астрологію бѣдную, видящую мечъ надъ собой и не ищущую и не могущую себѣ помочь, а ищущую помощи въ тѣлѣ мертвеннаго, невозрожденнаго человѣка, въ его испареніяхъ, коего дыханія самъ четверти часа не выдержитъ. О сихъ-то Павелъ говоритъ: всегда учащеся и никогда въ разумѣніе истины придти не могуще. Сужденіе ваше праведно, что мы изъ себя издыхаемъ дыханіе съ смертію, а пріемлемъ воздухъ съ жизнію; теперь микрокосмъ живетъ микрокосмомъ, имъ питается и имъ оживляется.

Сей Герминусъ не вѣдалъ, что, дабы потъ и (неразобранное слово) могли цѣлить,—то надобно наполниться въ той же мѣрѣ Духа святаго, какъ и апостолы (не вдругъ мало-по-малу и уже наконецъ), во время пятидесятницы, ибо наша скудельная храмина вдругъ наполниться не можетъ: потому-то нужно (что̀ и говоритъ и побуждаетъ само вѣчное Слово), гдѣ двое или трое, ту есмь и Азъ посреди ихъ; сего-то ради врагъ рода человѣковъ, чрезъ злыхъ невѣждъ, старался всегда разорвать связи, дабы осѣмяненія и рожденія не было, яко то и было при Фараонѣ, прежде исхода Израильтянъ изъ Египта.



классическое ученіе, какъ свѣтъ дѣйствуетъ во мрачности или теплота во влагѣ.

Желаю вамъ: 1) здоровья, 2) спокойства духа и 3) стремленія къ познаванію вещей невидимыхъ, въ чемъ состоитъ *вѣра*, которой умноженія вамъ и себѣ желаю.

8.

21 Сентября 1808 года.

Желаю вамъ здоровья и всякаго благословенія Божія на благіе подвиги, яко плоды, за кои дается покаяніе и страхъ Божій, яко начало премудрости, къ коему страху весьма помогаетъ вѣдѣніе Божія всемогущества.

Въ натурѣ: 1) въ силѣ воды, то-есть дождя, если-бы отверзлись хляби небесныя; 2) въ силѣ вѣтра: коего бури чего не снесутъ? чего не расторгнутъ и чѣмъ не потрясутъ? яко самъ Господь предсказываетъ, что: *еще потрясу не токмо землею, но и небомъ*, и тогда силы небесныя двигнутся съ мѣстъ своихъ, и 3) въ силѣ огня, который дохновеніемъ вѣтра будучи приведенъ въ движеніе, чего не спалитъ и не растопитъ? Тако себѣ силы сіи представляя, приведетъ себя человѣкъ въ трепетъ и содраганіе. Какова сила духа, которая всѣмъ этимъ такъ легко движетъ, что одна любовь его оное удерживаетъ! И сколь мы близки къ сухости и къ воспаленію общему! Сіе зрѣніе впредь, сей духъ прозрѣнія или пророчества помогаетъ намъ къ вѣрѣ вездѣсущія Божія, яко къ отцу; къ преданію себя въ его милосердіе, яко къ сыну, и въ ожиданіе совершенія его, яко къ его духу. Вотъ единица въ трехъ ея силахъ; а потому крайне необходимо воображеніе и себѣ представленіе силъ Божіихъ въ натурѣ, кои часто даютъ себя чувствовать и насъ, безстрашныхъ, лѣнивыхъ, сонливыхъ и безпечныхъ, потрясаютъ и съ эгоистическаго нашего стула двигаютъ для видѣнія, что единъ мигъ, то и увидимъ себя въ другомъ мірѣ, гдѣ останемся одни: безъ друзей, безъ имѣнія и безъ одежды даже. Да воспособляемся здѣсь заранѣе привычками къ тому, что въ будущемъ мірѣ необходимо, и да пріучаемъ себя удивляться дѣламъ Божіимъ; а потому пріучая мы себя, духъ намъ и говоритъ въ Давыдѣ именно намъ: Да не возглаголятъ уста моя дѣлъ человѣческихъ, кои суть суета и прелесть духа; но уста моя, глаголетъ Господь, да возглаголятъ премудрость и поученіе, сердца моего разумъ.

9.

5-го Октября 1808 года.

Славу Богу, пріѣхалъ я и не очень здоровой въ подмосковную благополучно по сухой дорогѣ, этакой осени давно не бывало и это

не по натурѣ, ибо солнечные годы перемѣнные, а нынѣ самый постоянный и благословенный. Сколько намъ самимъ чрезъ то указанія, чтобъ мы натуру нашу старались сдѣлать постояннѣе въ добрѣ, стремленіи къ небесному нашему отечеству и воспоминаніемъ о немъ подавляли бы всякую суету, которая ослабѣвшій духъ нашъ вводитъ паче и паче въ потрясеніе: яко и самъ Спаситель говоритъ Петру: *се сатана проситъ, дабы сѣять васъ, яко пшеницу; азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ вѣра твоя.* Тако суета: что и есть, въ параболи въ чешскомъ языкѣ, *сатана,* просѣвать старается насъ сквозь рѣшето суетностей и тако духъ нашъ такъ разслабитъ, что мы начнемъ усматривать тогда, когда силы наши уже весьма истощены и весьма далеки отъ вѣрованія истинамъ невидимымъ и стремленія къ исполненію намѣренныхъ нами правилъ. Словомъ сказать, борьба съ самимъ собою была и есть работа самая благороднѣйшая, великая и правильно называется царственная; и наука, которая учитъ править экстрактомъ міра, правильно называется царственная. Словомъ наука сія наука царей была и есть; она то даетъ, что носятъ цари въ рукѣ своей лѣвой, что означаетъ державу.

Когда мы не можемъ бесѣдовать устно, то обязаны сноситься письменно и тѣмъ паче, что все это есть приготовленіе къ классическому ученію, о коемъ увѣдомлялъ васъ прежде; потомъ слѣдовать будутъ нѣкоторые вопросы изъ нравственности, натуры или богословія. Мое дѣло усердствовать вамъ и вы хорошо будете содѣйствовать, если будете прочитывать по временамъ письма мои, ибо они писаны изъ черпанія того свѣту, который нуженъ намъ здѣсь и въ вѣчности.

10.

Іюля 20-го, 1809 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 18 Іюля. Въ городѣ я пробылъ долго безъ намѣренія, замедленъ будучи день за день, потому васъ и не увѣдомилъ, хотя все на другой день выѣхалъ. Теперь опять все дожди, хотя погода крайне теплая и благимъ растворенная, которою я совершенно пользоваться не могу, ибо все попеременно, но боль у меня въ поясницѣ продолжается, хотя слава Богу гемороиту и не чувствую. Теплые дожди, это правда, сѣнокосу совсѣмъ мѣшаютъ, но наливу ржи и яровымъ крайне полезны.

Что надлежитъ до Наполеона, то изволите припомнить, что въ другой разъ туманъ и даваемая ему въ это время рѣшимость ему дѣлаются полезны, а первая, когда туманъ закрылъ его, какъ онъ проѣзжалъ изъ Египта по Средиземному морю сквозь англійскій флотъ и какъ можетъ быть это безъ Провидѣнія? Хоть для наказанія дерзости и необдуманности тѣхъ, кои хотятъ насильно лѣзть противъ

того, который покровительствуемъ и уже столько доказано, что все послужитъ къ его возвышенію вящшему. Навуходоносоръ мы не знаемъ, чѣмъ былъ лучше его! но о немъ Господь говоритъ: я совершу имъ дѣла мои. То, пожалуй, борись противъ этого! До сихъ поръ, кромѣ воды, кто на сушѣ не возставалъ? кто устоялъ? они-де дѣлали ошибки такъ и да кто-жъ виноватъ, что дѣлали? всегда другіе и выигрывали отъ ошибокъ своихъ противоборниковъ. Если австрійцамъ и не быть, то самое ихъ возстаніе и этакое противоборствіе и неразмѣреніе силъ своихъ, лѣтъ 15 испытуемыхъ противъ французовъ, и есть причина видимая конца ихъ имперіи; а, конечно, есть причина и глубже этой, то есть невидимая, напримѣръ: почему Неаполь остался, а правители выгнаны; а Польша—не только правители отставлены, но и цѣлость государства разрушена. Такъ и въ прочихъ мѣстахъ: Саксонцы были покойны; копили деньги. Но гдѣ эти деньги? Тако во всемъ. А говоря частно о таковыхъ, какъ Наполеонъ, изволите читать въ притчахъ Соломоновыхъ 30-я глава, стихъ 21-й: треми трясется земля именно: аще рабъ воцарится; безумный исполнится пищею и прочее. А что насъ цесарцы колотили вновь! то насъ уже давно отучаютъ, дабы въ чужія ссоры не мѣшаться, а дома хозяйствовать. Зрѣніе ясное во всѣ эти вещи даетъ покой, какого другіе не имѣютъ, ибо ясность отъ свѣта, а свѣтъ откроетъ дѣла премудрости, а зрѣніе на это и успокоитъ; а другіе все кричатъ: для чего это не такъ? это не этакъ? и слѣдовательно, все требователи, судьи и роптатели. На кого? на что? Чѣмъ и Богъ самъ недоволенъ. Но онъ ведетъ къ исправленію; а эти ропщутъ, не видя средствъ ни у кого къ исправленію. И тако недовольные засыпаютъ или вѣчнымъ или временнымъ сномъ. Но намъ, кои вѣдаютъ о невидимой полиціи,—намъ легче, ибо мы видимъ и помощника и исправителя; и хотя страждемъ также, но что есть надежда въ страданіи? слѣдуетъ спросить у тѣхъ, кои страждутъ, не имѣя надежды къ избавленію. Надежда есть лучъ оттуда, гдѣ послѣдуетъ или откуда изліется избавленіе. Осіяніе симъ лучемъ много такъ уменьшаетъ страданіе, что страждущій съ крайнимъ облегченіемъ ожидаетъ избавленія и тѣмъ укорачиваетъ время, чего и вамъ и себѣ желаетъ искренно усердствующій и проч.

11.

11 Августа 1809 года.

Головная боль отъ несваренія желудка, или отъ несваренія мыслей въ сердцѣ, чрезъ что кровяные духи кидаются въ голову, не находя успокоенія въ сердцѣ и чая тамъ найти, голову отяжеляютъ; а намъ, вѣдающимъ причину и цѣленіе, слѣдуетъ успокоиваться преданіемъ въ волю Божію; просить его даже и о самыхъ малостяхъ,

ибо онъ хочетъ, дабы мы дѣлались дѣтьми, а дѣти и о самыхъ мелочахъ свободно идутъ къ отцу и матери и просятъ; а если не даютъ, то нетерпѣливыя дѣти плачутъ, а терпѣливыя сносятъ и ожидаютъ; тако и мы должны сердцемъ нашимъ стоять у ногъ Спасителя: то мысли, отяжеляющія голову, будутъ расходиться, а въ сердцѣ свѣтъ будетъ усиливаться и ихъ успокоивать. А какъ Спаситель есть Господь времени и вѣчности, то онъ и въ наружности будетъ помогать и улаживать такъ, что невозможное будетъ дѣлаться возможнымъ. И вы напрасно скрываете въ этакихъ случаяхъ, что̀ васъ тяготитъ, а надобно это съ усердствующимъ другомъ дѣлить. Сказано: „*Братъ отъ брата помогаемъ, яко градъ твердъ и высокъ*". Вся сила въ словахъ, а слова въ мысляхъ и словами все разрѣшается, то есть, связанное распутывается. У Долгорукова обыкновеніе: если что ему тяжело, то онъ предается своей меланхоліи и, не открываясь, страждетъ головною болью до крайности (но и онъ весьма признательно пишетъ и смышляетъ ѣхать сюда). Мы любимъ наши сложенія, яко наши стихіи, а эта любовь доведетъ насъ и до смерти: ибо грѣхъ дѣйствуетъ въ элементахъ и смерть въ элементахъ. Письмами мы другъ друга успокоиваемъ, то какъ не сноситься или словомъ или письменами?

Благодарю покорно за присылку письма князя Козловскаго, коимъ я потому доволенъ, что большаго и не могъ ожидать, хотя бы и хотѣлъ. И что же больше? въ публикованномъ журналѣ отъ внутренняго министра именно напечатано, что ложи не запрещаются, а теперь, хотя и не публично, слышу слова: пусть работаютъ, но не явно. То чего-жъ больше? А если бы велѣлъ явно, то это-то и была бы бѣда отъ самыхъ тѣхъ, кои имутъ ревность, но не по разуму, то отъ нихъ бы вящшая бѣда; ибо чѣмъ коневью фугу удержать, какъ не уздою; а страхъ есть не малая узда. Ваше же разсужденіе о семъ есть весьма праведное: ибо этакіе крайне рѣдки, кои тайныя ученія толерируютъ, а кои покровительствуютъ, еще рѣже; а когда говорятъ, какъ сказано, то подъ рукой толерируютъ.

Что надлежитъ до цесарцевъ, то теперь рѣшено. На что милиція? на что раззореніе своего собственнаго владѣнія тягостьми? неужели не узнали своего мастерства воеводъ? чрезъ 15 лѣтъ будучи всегда биты не только отъ французовъ, но отъ пруссаковъ и турокъ.

Что надлежитъ до Понятовскаго, то Богъ основываетъ государства, а онъ ихъ разрушаетъ; но примѣру не было, чтобы рушенное паки возстановилось.

Штилингово сочиненіе еще не прочитано.

12.

26 Марта 1810 года.

Полагаю, что вы пріѣхали уже въ Петербургъ и, во упованіи на Бога, благополучно. Поздравляю, желаю и прошу Господа, да поставитъ онъ ангеловъ своихъ на путяхъ вашихъ, чего для желаю вамъ да удерживаете себя на пути щедрости и благости его къ человѣкамъ и къ вамъ, молитвою уединенною въ сокрушенномъ даже и тѣлесномъ положеніи, съ затворенными крѣпко дверьми всякій день, чтеніемъ св. писанія, хотя чего-нибудь, и пастырс. посланій. Желаю вамъ, да остережетъ васъ Господь отъ разговоровъ и мыслей, охлаждающихъ васъ къ духу Ѳ-на (т.-е. масона) или духу собратства; да сохранитъ васъ Господь въ здоровьѣ вашемъ, въ обстоятельствахъ, а паче въ зрѣніи къ вещамъ невидимымъ, кое есть назиданіе въ вѣрѣ. Молитесь за брр., коя молитва будетъ обращаться на васъ; сіе вамъ желаетъ и о семъ молитъ (тире въ подлинникѣ) Всемогущаго, коимъ вся быша и вся совершится. Сея молитвы желаетъ и вамъ искренно усердствующій.

13.

8 Апрѣля 1810 года.

Поздравляю васъ съ симъ праздникомъ, возвѣщающимъ всеобщій юбилей, по коему, яко по архитипу, должно быть все выработано и приведено въ состояніе, дабы Богъ былъ повсюду. Желаю, да силы вашего вѣчнаго человѣка обновляются всякій день, во снѣ ли то или во бдѣніи, дабы они могли прозрѣвать сквозь видимое въ невидимое и тѣмъ возвращать вашу вѣру, укрѣплять надежду и воспитывать любовь; желаю, да духъ вѣчной натуры въ васъ воскресаетъ, яко орудіе Божія всемогущества, его премудрости и славы, чрезъ что всякая мертвенность и тлѣніе должны исчезать и давать вамъ чувствовать во всѣхъ насъ и внѣ насъ любящаго насъ и радующаго, и веселящаго насъ Бога! Поддерживайте въ себѣ духа собратства молитвою и повтореніемъ обѣта, дабы духъ Господа нашего и мастера васъ наполнялъ, васъ укрѣплялъ и просвѣщалъ сердце ваше и разумъ.

Да дастъ вамъ охоту упражнять васъ въ познаваніи дѣлъ Божіихъ и въ различеніи ихъ съ дѣлами человѣческими. Богъ да дастъ вамъ благословеніе, миръ и единство.

14.

Изъ Москвы, Мая 5-го, 1810 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 7-го Апрѣля, сожалѣю весьма о болѣзни слуха, которая весьма безпокойна, ибо тонкій слухъ

великій даръ, такъ какъ тонкое зрѣніе и обоняніе и весьма веселитъ, каждое по своимъ преимуществамъ, а обоняніе первѣе всего должно сближать насъ и сближаетъ съ міромъ невидимымъ.

Большому посѣщенію васъ нечего дивиться; а нужная атенція каждому въ словахъ и поступкахъ должна утомить до мату.

Что духъ вашъ имѣетъ резонъ стѣсненъ быть, это истина; а въ успокоеніе по сему сказать слѣдуетъ: дѣлай возможное. Сожалѣть объ оставленныхъ въ Москвѣ слѣдуетъ, ибо это сожалѣніе, при воздыханіи къ Богу, приведетъ обратно къ тѣмъ, съ коими дѣлима была матерія вѣчная. Что вы изволите не предвидѣть развязки ни въ общемъ всѣхъ положеніи, ни въ вашемъ, то коли на людей смотрѣть, то точно такъ, ибо люди все запутываютъ; а надо смотрѣть на Бога и замѣчать или вспоминать, какъ Онъ все распутываетъ; но то чудно, что все черезъ людей же. Отправленію внутр. минис. [1]) я не дивился: всего лучше поздравлять въ этакой дали, кого хотятъ удалить. Вы изволите писать о привычкахъ и обществѣ; да что паче всего опасно, какъ не привычка и общества худыхъ нравовъ? да что же паче полезно, какъ не привычки и общество добрыхъ нравовъ? Коли нѣтъ желаемаго добраго реельнаго, то должно вспоминать и молиться о томъ. Владычествующаго міра сего суетнаго духа бояться паче всего надлежитъ. Это есть и сраженіе: міръ или суета, плоть или ослѣпленіе. И діаволъ, или злыя свойства, должны вами трактованы быть, какъ змѣй, коихъ очаровательнаго укушенія бояться крайне надлежитъ. Очаровательное, разумѣется, потому, что при укушеніи не чувствуется боль, а пріятность; а потомъ разливается по всѣмъ жиламъ и тогда превращается въ ядъ.

Поздравляю васъ съ министерствомъ, которое, кромѣ заботы, безпокойства, и малаго удовольствія вамъ не принесетъ. Но должно молиться за Государя, ибо—NB—сколько есть за него молящихся? Люди мало довольны, то казалось бы хотятъ правимы быть ангеломъ, а ангела снести не могутъ по необразованности, то сами не знаютъ, чего хотятъ. Правило мудрыхъ: должно быть довольну настоящимъ, и отнюдь не желать перемѣны. Любить начальство, любить Государя долгъ нашъ, а притомъ, какъ не любить его за добрыя его свойства. А молиться за него кому больше должно, какъ не намъ. Будете за него молиться, будете его любить и онъ будетъ васъ больше любить. И я увѣренъ, что вы его любите; но должно эту любовь поддерживать молитвою о немъ, чтобы она не уменьшалась. Любите товарищей вашихъ, идущихъ съ вами по пути вѣчности; молитесь за нихъ.

---

[1]) Графа (впослѣдствіи князя) В. П. Кочубея, оставившаго въ 1810 министерство внутреннихъ дѣлъ.

Поговорите Кудрявцеву не писать въ письмахъ по почтѣ и о рыцарствѣ; да и васъ называетъ рыцаремъ (писалъ онъ къ Кутузову), хотя и въ хорошемъ смыслѣ, но это все болтовня, писать публично, изъ чего могутъ вывести глупые толки; а обо мнѣ, что я это пишу, прошу не давать ему знать. Для васъ не хорошо, коли онъ будетъ также писать, будучи при васъ.

15.

Мая 22-го, 1810 года.

Получа письмо ваше, посланное съ господиномъ Калиновскимъ чрезъ вашъ домъ и не имѣя другаго случая, обѣщалъ мнѣ Ѳед. Петр. доставить его къ вамъ вѣрно, кое къ нему и посылаю, а между тѣмъ изъ вашей домовой конторы пришли ко мнѣ просить отвѣту на ваше письмо: то я сіе и посылаю, а въ письмѣ чрезъ Ѳед. Петр. писалъ о всемъ отвѣтъ. Желаю вамъ здоровья и во всемъ милости Господней и его сохраненія и помощи.

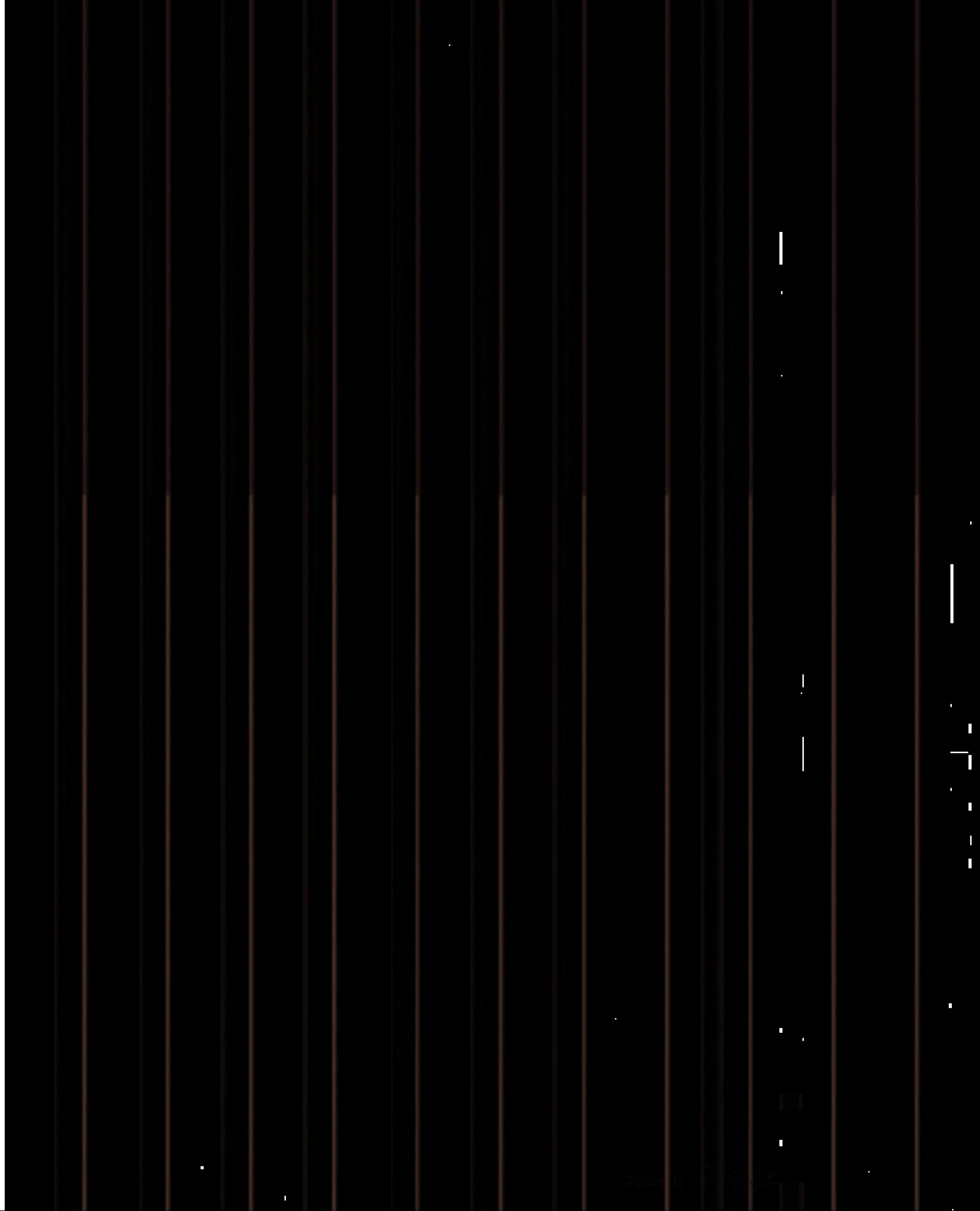
16.

Мая 22-го, 1810 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 15 Мая и за милость къ человѣку, о коемъ вы изволите упоминать. Весьма желаю, чтобъ вы удовольствіемъ, отъ него получаемымъ, сами оправдали сію, ему доставленную, милость. Люди формируются не вдругъ, и Богъ самъ ожидаетъ сего передѣланія, которое дѣлается мало по малу, а мы (масоны) обязаны помогать совѣтами, въ коихъ вливаются хотѣнія, дабы намъ отъ часу исправляться болѣе и болѣе, и Богъ самъ къ тому великій и первый помощникъ.

Въ письмѣ кн. Ник. Михайловича [1]) писано о предложеніи тому, коему быть при васъ, коли онъ согласенъ занять это мѣсто, то чтобы и совѣтывалъ ему ѣхать, почему я и отобралъ было его согласіе; и онъ желаетъ. Но въ вашемъ письмѣ желаете вы знать, умѣетъ ли онъ писать, т.-е. сочинять, я разумѣю, что ему дано будетъ. Сверхъ того вы желаете, чтобъ это былъ человѣкъ честный и скромный; то хотя по недавности моего знакомства, но однако противнаго сему я ничего не замѣтилъ, и даже и люблю сего молодаго человѣка, по его кажущемуся мнѣ хорошему и способному ко многому характеру. Но что надлежитъ до его отца, коего кн. Ник. Михайловичъ долженъ знать, кто онъ и каковъ; то по отцу судя, сынъ таковаго долженъ быть долговременнѣе разсматриваемъ, нежели я имѣлъ время и кн. Ник. Михайловичъ; и ожидать бы опытовъ, дабы вамъ

[1]) Козловскаго.



сѣянности, въ которой силы всякаго и свѣтъ и свѣтскаго разума ослабѣваютъ.

Что есть университетъ по разумѣнію гражданскому? Разсматривая граждански, университетъ есть мѣсто, посвященное наукамъ; предметъ учрежденія его есть тотъ, чтобъ открыть безпрепятственный путь къ наукамъ для всѣхъ состояній, гдѣ всякій, по удобопріемлемости и способностямъ своимъ, можетъ почерпать нужныя вѣдѣнія. Онъ есть училище воспитанія, гдѣ юношество подъ надзоромъ благоразумныхъ наставниковъ своихъ, возрастая въ нравственности и познаніяхъ, пріуготовляется быть полезнымъ государству, содѣлаться добрыми гражданами, и достойно занимать должности, къ коимъ отечество каждаго предназначитъ.

Что есть университетъ по разумѣнію философскому? Разсматривая философически, университетъ есть мѣсто истиннаго просвѣщенія; предметъ его есть—приводить учащихся, чрезъ науки, къ познанію истины. Первое его вниманіе должно наипаче обращено быть на очищеніе нравственности и посѣяніе въ сердца сѣмянъ добродѣтелей, которыя есть пути, провождающіе ко свѣту и пріуготовляющіе къ вышнимъ познаніямъ. Онъ долженъ обращать вниманіе учащихся на натуру; замѣчать законы, по коимъ она управляется и дѣйствуетъ, стройность и гармонію въ частяхъ ея и въ цѣломъ, составляющую истинную красоту. Долженъ показать, откуда всѣ вещи получили свое начало, измѣненіе ихъ и совокупное дѣйствіе къ достиженію предназначенной имъ цѣли; и науками физическими доказать, что все видимое и чувственное есть отпечатокъ невидимаго и сверхъчувственнаго, а изъ разсматриванія природы обратить вниманіе на самихъ себя, на изслѣдованіе внѣшняго и внутренняго существа своего. Показать аналогію человѣка съ натурою, причины, почему человѣкъ уклонился отъ порядка, наблюдаемаго въ природѣ и показать средства, какимъ образомъ онъ можетъ достигнуть къ возстановленію гармоніи въ самомъ себѣ, и откуда онъ можетъ почерпать свѣтъ къ истинному познанію всего, и силы къ исполненію познаннаго.

Доказавъ науками и натурою, что̀ есть истина, и сообщивъ вѣрныя средства къ достиженію ея, университетъ исполнитъ въ полной мѣрѣ назначеніе свое и ожиданіе государства, образовавъ людей, коихъ всѣ дѣйствія управляемы будутъ по законамъ просвѣщеннаго разума и сердца, освобожденнаго отъ страстей и пороковъ. Добрые нравы ограждаютъ существованіе государства, содѣлываютъ благоденствіе его незыблемымъ и составляютъ наикрѣпчайшую защиту отечества.

18.

Іюня 2-го, 1810 года.

Посылаю письмо сіе съ ѣдущимъ, въ коемъ скажу, что въ прежнемъ письмѣ не написалъ фамиліи того, кого вы намѣреваетесь брать, ибо должно бы описать его дѣйствія, т.-е. отца сего Курбатова, то боязнь моя, усердствуя вамъ и желая вамъ имѣть вѣрнаго человѣка, побудила меня не вдругъ посылать къ вамъ, боясь, чтобы сынокъ не пошелъ по правиламъ и по стезѣ батюшки своего, который изо всѣхъ, знавшихъ вещь, какую давалъ клятву передъ Богомъ, паче всѣхъ другихъ вызвался и выказался клятвою ложною, якобы онъ на улицѣ встрѣтилъ мужика съ широкою бородою, который ему сказался апостоломъ Павломъ; и много лжи прибавлялъ и былъ первымъ почти орудіемъ остервенѣнія у Прозоровскаго; сжёгъ внѣ Москвы въ двухъ мѣстахъ съ командою книги благочестивыя, и не только что ихъ самъ бросалъ въ огонь, но напередъ дралъ, а послѣ въ огонь бросалъ; и все это, чтобы ему дали чиновъ и крестикъ! То я, боясь, чтобы вамъ похожаго чего-нибудь не доставить въ сынкѣ, сдѣлалъ наипаче трудность въ отправленіи его, не отнимая однакожъ у сына то, что мнѣ въ немъ нравится и что я его люблю; но сказано: кто невѣренъ Богу, можетъ ли вѣренъ быть человѣку? и уже вѣрно отецъ не могъ поселить въ него мыслей, содержащихъ человѣка въ благочестіи и вѣрности; а какъ потому сынъ хотя за отца не отвѣчаетъ, но слѣдуетъ остерегаться, чтобы при случаѣ не вышло чего похожаго на батюшку, слѣдовательно все, чего слѣдуетъ остерегаться, о всемъ должно васъ предварить, и имѣя это въ памяти, видѣть Спасителя, какими онъ чудесными путями сына устроиваетъ быть другомъ вещи, которой отецъ есть врагъ, столь больше всѣхъ высунувшійся. Богъ да утвердитъ его въ вѣрности къ себѣ и къ вамъ, и воспитаетъ его въ благодарности къ Ѳ-ну, къ вамъ и ко всѣмъ благодѣющимъ ему. Вы страшитесь суеты и должно весьма страшиться, ибо, что̀ въ адѣ тьма, то здѣсь суета, и боящемуся ея должно молиться и имѣть часто въ мысли слова эти: *Господи, отврати очи мои, еже не видѣти суеты, и въ пути твоемъ оживляй меня.* Сіе прошеніе изъ псалтири. Совѣтую начинать день чтеніемъ нѣкоторыхъ строчекъ изъ псалтири или изъ прочаго изъ св. писанія и псалтирью оканчивать день. Жизнь наша коротка, суетна, многоболѣзненна и всякой небесной силѣ умирающа, а потому сколько труда содержать себя въ осторожности; но что человѣку невозможно додѣлать, то возможно Богу, а потому страшиться должно для осторожности, а уповать, надѣяться по силѣ, и часто вспоминать: вся возмогу о укрѣпляющемъ меня Господѣ! Имѣйте у себя весьма близко избранную библіотеку, книжку, кою вы знаете; иногда по ней можно спрашиваться.

Благодарю васъ много за Кутузова; милость сдѣлана ему великая; но сіе продолжите тѣмъ: исходатайствуйте, чтобъ онъ жилъ здѣсь, въ Москвѣ, что и должно бы; а когда надобно, то призывайте его на время, и еще, исходатайствуйте ему столовыя деньги, усовершенствуйте его наставленіями безъ бережи; а тѣ, коимъ вы писали, чтобы совѣтами ему не оставлять его, беречь, они это будутъ дѣлать по всей ихъ возможности, и онъ обѣщалъ слушаться. Дай Боже вамъ всякое благословеніе и силу въ сохраненіи васъ, въ наставленіи въ совѣтахъ и въ крѣпости духа, дабы отклонять нападеніе мысленныхъ и словесныхъ враговъ; молиться за Ѳ-нъ и любящихъ его, то дастся вамъ сила, которою можно услаждать самыя непріятныя противорѣчія, пользы ради его и общей; Богъ вамъ къ тому дастъ силу и премудрость, коею царіе царствуютъ и сильные пишутъ правду.

Просите Бога, да содержитъ васъ и дастъ быти вѣрнымъ Ѳ-ну и вашимъ обѣтамъ, дабы служить Богу, и содѣлываться полезнымъ человѣкамъ. Первое по вѣчной, а второе по временной цѣли, сего желаю вамъ.

При семъ прилагаю письмо отъ *Сенмари* о цвѣтахъ для его зеленаго элексира, который вы ему обѣщали; пожалуйте повелѣніе.

19.

Изъ Москвы, Іюня 11-го 1810 года.

Препровождаю съ письмомъ симъ молодаго человѣка Петра Александровича Курбатова точно на ваши руки, въ разсужденіи остереженія его нравовъ и понятія, который прикосновенъ будучи только къ правиламъ хорошимъ, не имѣлъ еще времени показать на опытахъ ни своей вѣрности, ни своего отмѣннаго прилежанія; но будучи весьма добраго расположенія, охоты и вниманія, чрезъ что всегда онъ былъ мнѣ весьма пріятенъ, а потому прошу и васъ покорнѣйше, сверхъ свѣтскаго начальства, быть ему милостивымъ наставникомъ и охранителемъ его нравовъ и понятій, чѣмъ содѣлаете его себѣ вѣрнѣе и Богу угоднѣе, и приготовите въ способныя и вѣрныя орудія впредь нашему доброму и благорасположенному Государю. Наша жизнь, по вашимъ и моимъ лѣтамъ, не можетъ быть продолжительна, то, сколько можемъ успѣть, обязаны работать надъ субъектами способными къ добру; направить ихъ на прямыя понятія; утвердить въ вѣрѣ къ добру, коего корень есть въ Богѣ, яко родителя всякаго добра, въ коемъ есть животъ и блаженство нескончаемое всѣхъ тварей. Орудіе къ сему есть слово Всемогущаго, сблизившееся съ нами въ четвертой тысячѣ лѣтъ и дающее намъ соединить себя съ нимъ чрезъ плоть его и кровь, дабы въ крови его получили мы его свойства; ибо свойство въ

крови, а плоть есть вегикулъ крови. Чтобы все это обнять потребна премудрость, въ коей все яснѣйше и ощутительно и потомъ живо открывается. Желаю вамъ чтенія и размышленія въ священномъ писаніи, не смотря на многія должности ваши теперь всякаго роду, а потому духъ вамъ вѣрно часто говоритъ: времени нѣтъ! Но когда кто что любитъ, то время всегда на то находитъ, а къ сему же помощникъ Тотъ, отъ коего всякое время и начало; Ему да будетъ слава, благодареніе и поклоненіе и отъ насъ во всея вѣчности! Господь всѣхъ васъ да не оставитъ.

Весьма буду радъ, если Богъ велитъ вамъ въ Іюлѣ пріѣхать въ Москву, какъ вы намѣревались. Свиданія наши по всему рѣдки и коли они къ назиданію во благѣ, то они даръ небесъ, кои отъ насъ мало зависятъ.

20.

Изъ Москвы, Іюня 27-го 1810 года.

Рекомендованный вамъ человѣкъ уже давно, по числамъ заключаю, долженъ быть у васъ. Дай Богъ, чтобы вы имъ были довольны, чтò и слѣдуетъ надѣяться; а что качества моральныя и физическія, какъ вы пишете, могутъ переходить наслѣдственнымъ образомъ, то весь родъ человѣческій носитъ эту сигнатуру на себѣ, ибо отъ одного все это происшедшее зло и до сихъ поръ ведется, умножаясь каждымъ въ себѣ и въ другихъ; и какъ все моральное и физическое зло и до сихъ поръ идетъ умножаясь, коему числу конца нѣтъ, то омега и положитъ своими 9-ю всему конецъ и введетъ все въ число 10-е, гдѣ весь кругъ будетъ слѣдствіе или проникнутъ числомъ 1-мъ, коимъ все въ кругъ регулярный введено будетъ, и всякій прямымъ радіусомъ или прямымъ лучемъ будетъ проникнутъ; прямымъ лучемъ, а неискривленнымъ. Искривленные лучи, разумѣется, секты, одна другой грубѣе, и самое грубое—идолопоклонство—и то есть секта, ибо лучи истины и тамъ есть, но весьма искривленные, кои всѣ должны быть премудростію исправлены, потому-что въ ней ко всякому исправленію, ко всякому благу средства есть, и изъ-подъ средствъ премудрости ничто выпасть не можетъ, да и некуда, ибо все въ Вездѣсущемъ, все въ немъ плаваетъ, и нѣтъ пустаго мѣста, гдѣ бы Вездѣсущаго не было; а премудрость есть дыханіе силы его, которая состоитъ въ двухъ лучахъ первыхъ циркуля, то-есть въ правосудіи и въ милосердіи, коими до кого онъ недостанетъ? и кого ими не охватитъ?

Дай Богъ, чтобъ вы могли, по вашему желанію, говоренному здѣсь и потомъ прежде еще писанному, что намѣреваетесь въ Іюлѣ здѣсь побывать; а въ домѣ вашемъ дожидаются вашего пріѣзда, чтò я самъ

слышалъ, будучи въ вашемъ саду, по позволенію вашему, для моихъ домашнихъ; а самъ бы я одинъ не пошелъ, ибо всякій домъ или садъ красенъ хозяиномъ, а хозяина коли нѣтъ, то мнѣ сносно разъ пройти, коли хозяинъ существуетъ, а если бы гдѣ не было, то и глядѣть тяжело, ибо всякій домъ живъ и пріятенъ хозяиномъ. Дай Богъ, чтобъ вы не одинъ разъ сюда пріѣхали! Вотъ участь твореній человѣческихъ: еще человѣкъ не додѣлалъ, а его и берутъ прочь, такъ что судья не даетъ взглянуть на дѣло рукъ своихъ, въ знакъ что дѣло человѣка не то, не конечное дѣло, а долженъ онъ строить безконечное, то-есть похожее на отца своего и на себя—вотъ дѣло человѣка; а мы, коимъ дано вѣдать начало, средину и конецъ вещей, должны то же дѣлать, чтó дѣлаетъ Отецъ вещей, Имъ же вся быша, и безъ Него ничто же бысть, еже бысть; а въ томъ наша жизнь, къ коему устремляя духъ и чувства наши и сближая себя, сбережемъ силы свои отъ разсѣянности, а чрезъ то и во временныхъ дѣлахъ будемъ способнѣе, удобнѣе, вѣрнѣе и Богу угоднѣе, а чрезъ то и людямъ полезнѣе.

Прошу покорнѣйше отдать вложенное письмо кн. Николаю Михайловичу.

21.

Августа 10-го 1810 года.

Уже давно не имѣлъ случая писать къ вамъ; теперь представился съ ѣдущимъ въ Петербургъ кн. Горчаковымъ. Видно трудность отыскать домъ удерживаетъ поѣздку вашу въ Москву; а между тѣмъ слухомъ и письмами увѣдомленъ я, что въ Петербургѣ позволеніе или непрепятствованіе дало возможность открыть многія (ложи) [1]). Все это, какъ стремленіе, такъ и позволеніе, хорошо весьма, ибо занятія въ познаніи истинной нравственности и расширеніи понятій, взирая на параболы натуры, тѣснить не должно; но весьма должно опасаться, чтобы не вкралась смѣшанность, съ которой весьма можетъ влѣзть опасный мнимый свѣтъ, такъ-называемаго иллюминатства, которое нынѣ въ Нѣмецкой землѣ и въ Пруссіи въ немаломъ ходу: и въ Пруссіи давно уже не являлось той ясности свѣта, который прежде полученъ былъ.

Весьма опасно входить въ связи съ пріѣзжающими сюда иностранцами, кои, дóма у себя не нашедъ ни временнаго, ни вѣчнаго, пріѣзжають сюда, являя себя распространителями свѣта и, перебывавъ во многихъ мѣстахъ, вынесли, слышу, одно только EX (sic).

[1]) Вмѣсто слово ложи въ текстѣ вездѣ нарисованы четырехугольники.

Это я писалъ о профессорѣ Феслерѣ, который есть экс-езуитъ и экс-капуцинъ.

Чтó же должно сказать и о тѣхъ, кои ихъ выписываютъ, или ихъ утверждаютъ на мѣстахъ? Мнѣ все это слышать странно, не ожидавъ этого прежде.

Благодареніе Всевышнему, что намъ дано столько, что мы не только не вычерпали всего, чтó имѣемъ, но ниже когда-либо можемъ, вѣдая, что свѣта искать въ себѣ обязаны. Дай Боже, да сохранитъ Онъ васъ любить познаваніе вездѣсущаго Бога; Его Самого, явленнаго видимо въ четвертой тысячѣ лѣтъ, то есть Христа его и свѣта натуры, яко вегикула слова. Да исполнитъ онъ васъ 7-ми даровъ Его, дабы вы явили себя примѣромъ созиданія храма и пособили ближнимъ къ таковому же строенію, къ чему да поможетъ вамъ Господь и Его премудрость!

Князь Горчаковъ, о коемъ я упомянулъ, тотъ самый, о коемъ вы многими прошены—помѣстить его въ директора училищъ; а онъ теперь чаетъ найти мѣсто выгоднѣе и еслибы таковое открылось подъ вашимъ начальствомъ, то и я бы просилъ весьма за него.

22.

Августа 11-го 1810 года.

Покорнѣйше прошу сдѣлать милость, по посланному къ вамъ письму отъ Ѳ. П. Ключарева о сынѣ его, чтó будетъ возможно по вашему милостивому старанію, какое можно употребить.

23.

Сентября 23-го 1810 года.

Теперь только свободнѣе могу отвѣчать на письмо ваше (полученное мною съ вашимъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ), съ ѣдущимъ бывшимъ повѣреннымъ Дьякова, по названію Янышерловымъ, а до сихъ поръ, съ того времени, какъ получилъ упоминаемое письмо ваше, были два случая, но не такъ вѣрные: одинъ съ кн. Горчаковымъ, съ коимъ я и писалъ письмо къ вамъ, но такъ, чтобъ только вы могли разумѣть ясно; а другой случай: ожидая точно вѣрной оказіи, но не случилось; то, поговоря о вѣрной только оказіи съ г. Ключаревымъ, послалъ письмо съ нарочнымъ почталіономъ, который, сказывалъ г. Ключаревъ, возвратился и отдалъ вѣрно вамъ письмо. Но мнѣ все это не такъ вѣрно, даже и посланный; а потому и съ нимъ я писалъ все больше иносказательно и такъ, что не увѣрилъ васъ, что вы можете съ нимъ отвѣтъ ко мнѣ прислать, чтó вы и изволили

исполнить, сказавъ ему, что вы будете писать послѣ, чѣмъ я и былъ доволенъ; а теперь уже свободнѣе пишу къ вамъ и заключаю, что, можетъ быть, вы не получили съ кн. Горчаковымъ письма моего (который поѣхалъ отсюда черезъ Ярославль, то могъ и тамъ чѣмъ-либо быть удержанъ); то нечаянно случилось, что черное у меня осталось, чего, признаться, весьма рѣдко я дѣлаю, то, съ него списавъ, вторично посылаю при семъ. Ожидавъ васъ сюда, многое и говорить на бумагѣ отлагалъ; теперь слышу, что вы уже совсѣмъ сюда быть воспрепятствованы, такъ что и оставшихъ вашихъ дѣтей велѣли привезти къ себѣ; то уже такъ и пишу, какъ не знаю, когда Богъ велитъ мнѣ васъ видѣть; ибо мы не здѣшніе, а иностранные, жители иной страны и не имѣемъ здѣсь пребывающаго града. Слава Богу, что вы приведены, какъ пишете, въ равнодушіе къ вещамъ и пріятностямъ, теперь вамъ представляющимся, коими вы прежде наслаждались; на сіе вамъ скажу, что обходиться съ міромъ и дворомъ должно такъ, какъ съ огнемъ, который имѣетъ теплоту, коею грѣетъ, и свѣтъ, коимъ освѣщаетъ, но не просвѣщаетъ, а можетъ весьма опалить; а потому есть одинъ гіероглифъ: у одного философа представленъ огонь и летающіе около него, а надпись: *не близко*. Что вы приняли намѣреніе повиноваться—правило, коему вы давно стараетесь слѣдовать,—это хорошо; но паки повторяю: молитесь за Государя и умножайте свою любовь къ нему, тѣмъ паче ему легко будетъ съ вами и онъ захочетъ отдыхать, чего рѣдко онъ можетъ имѣть, ибо хотя всѣ подданные, но они находятъ утѣшеніе и разумъ дабы его судить и рѣдко ему что либо прощаютъ, сами будучи кругомъ виноваты, лишены будучи мудраго правила, дабы себя судить. Въ этомъ состоитъ великое правило мудрости, и апостолъ Павелъ говоритъ: аще бы себя разсуждали, не бы осуждены были. Слава Богу, что вамъ открылась цѣль, для которой вы тамъ остаетесь, и, видно, она дѣлается вѣрнѣе, что вы и отлучиться въ Москву, какъ то желали и нужда была, но нынѣ не можете. Для сего нуженъ весьма совѣтъ друга видимаго. Хотя невидимый и всегда съ нами; но слышать его, вѣрить ему есть великая привычка, а безъ того всякій въ ошибкѣ; а потому мой совѣтъ: если бы настояла нужда, то таковаго, коему вѣрите, можно, отнюдь не оглашая, призвать къ себѣ на нѣкоторое токмо время, обезпеча только въ путевыхъ издержкахъ туда и обратно, и житье тамъ—на небольшую квартиру и содержаніе, съ нѣкоторымъ, однако, небольшимъ лишкомъ, чтобы и земство оставшее не могло нуждаться безъ хозяина. Но, безъ довольной нужды, слабаго старика въ даль не зазывать. Богъ то учредитъ по Его благой волѣ; впрочемъ, молитва чистая, въ себѣ мысленная, и уединеніе дастъ много пособія (ибо деривація слова „уединеніе“ значитъ—быть съ единымъ) и много вразу-

митъ и усилитъ. Вы спрашиваете, до какой степени говорить можете объ Ѳ—нѣ; на сіе скажу, что можете о всемъ говорить, о чемъ будете вразумлены и сказать можно ясно, что Ѳ — нъ не что другое, какъ ученіе познанія *микрокозма* большой природы, и *микрокозма* малой природы, т.-е. себя, и чрезъ оные познаніе Бога, коимъ все существуетъ; и что изъ этого выдетъ, т.-е. все приведется къ славному совершенству, а какъ это все дѣлается и какъ все сдѣлается,— о семъ и сему есть ученіе ордена геометрически, физически и химически (а паче морально) и богословски; безъ доброй морали, въ наукахъ къ сему и о семъ успѣть никакъ не можно, а потому-то пріятнѣе столовыя ложи посѣщаютъ братья, нежели учатся: ибо ученіе лѣнивому человѣческому духу тяжело и весьма неохотно.

Въ интервалѣ времени сего, какъ письмо я отъ васъ и по сіе время получилъ, узналъ я, якобы Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и еще Злобина сынъ, и г. Магницкой выписали профессора Феслера управлять ложами петербургскими, то, зная сего Феслера по журналу, изъ коего выписку я послалъ къ вамъ съ почталіономъ, счелъ за нужное васъ, и если можно чрезъ васъ Михайла Михайловича предостеречь, не смотря на рѣшимость, какъ слышу, что якобы Михаилъ Михайловичъ и Злобина сынъ дали ему жалованья каждый по двѣ тысячи по пятисотъ рублей въ годъ; на сей предметъ остерегалъ я васъ и письмомъ съ кн. Горчаковымъ, кое не знаю, получили ли. Потомъ, подумалъ я, что Михаилъ Михайловичъ, легко быть можетъ, поднесетъ сію Феслерову систему, кое все можетъ препроводится или спросится у васъ, яко о дѣлѣ надлежащемъ до учености; что весьма вамъ хорошо разсмотрѣть, нѣтъ-ли заблужденія и яко бдителя всего того, гдѣ есть учащіяся общества, безъ коихъ государство существовать не можетъ, какъ-то: общества фамильныя, моральныя и ученыя, къ коимъ должны принадлежать ложи, или, правильнѣе сказать, мораль и ученіе отъ нихъ тайно должны быть отправляемы, мораль—къ добродѣтели и къ спокойству въ государствѣ, а ученіе—къ чистому свѣту безъ суевѣрія и невѣрія. Тако было во всѣхъ просвѣщенныхъ, по сю пору славящихся, государствахъ. Если бы то могло быть, что Михайла Михайловичъ захотѣлъ бы сію Феслерову выдумку привести въ ходъ, и если, наконецъ, бы дано вамъ было на разсмотрѣніе, то хотя многое извѣстно вамъ, а особливо кн. Николаю Михайловичу, съ коимъ могли бы поговорить, но однако, на случай нужды, о которой вы пишете, посылаю къ вамъ акты подлинные, по коимъ работаютъ въ истинныхъ ложахъ, съ коими и съ ковромъ (sic) можете свѣрить тамошніе акты. Впрочемъ, старайтесь о семъ, чтобы эти работы были позволены подъ рукою, но неявно: ибо, узнавъ явное позволеніе Государя, накидаются къ намъ волки въ овечьихъ

кожахъ, кои все стадо распугаютъ; а если же пойдетъ на это ходъ дѣла сего, что явно захотятъ позволить, то надобно великое бдѣніе и надъ самими мастерами стуловъ, дабы эта святая, великая и полезная вещь Государю и государству не исказилась, а приносила бы Государю и государству ту пользу, кою и должна приносить формируя обучающихся ей въ людей вѣрныхъ Государю и отечеству и примѣрами своими больше (а не кичливыми словами) ослабляя въ другихъ пороки, а особливо буйность, неповиновеніе, и дерзость, и мотовство въ молодости, кривые толки о вольности, словомъ все то, что̀ мутитъ спокойство Государя и государства.

Старайтесь выходить позволеніе, какое можно, на работы масонс. въ обѣихъ столицахъ, или глухо; а клеветы эти въ Баруелѣ или тоже въ переведенной книгѣ, названной Вольтеріанцы, какъ можно счесть за праведные? Что онъ все вмѣстѣ въ мысляхъ своихъ смѣшалъ съ масонствомъ, не зная совсѣмъ масонства. Будто масонство легко знать! Въ столовыхъ ложахъ сидѣть да стрѣлять крѣпкимъ порохомъ легко; а учиться параболи, чешскому языку, коимъ всѣ книги древнихъ мудрыхъ и святое писаніе написаны, легко знать только тѣмъ, кои захотятъ содѣлывать себя, устроивать себя выше человѣка. Ибо все вещественное должно возвышаться мало по малу въ невещественное; то временныя ли дрязги тутъ въ виду, кои всѣ во нравахъ исказятся, а въ плоти перепачкаются, такъ что коли не вымоются, то сами себѣ сдѣлаются гадки и несносны; то должны заимствоваться изъ большой натуры, дабы зловонія свои заглушать благовоніями изъ большой натуры: то Баруелю ли, этому пачкуну, масонство понимать и о немъ разсуждать? Масонство такъ велико, что оно на писанія этихъ вралей никогда и отвѣчать не хочетъ, ниже думаетъ защищаться: ибо его защита Богъ! Вотъ слышу и графъ Иванъ Васильевичъ [1]), кто-то ему подсунулъ и онъ зачалъ читать Баруеля или Вольтеріанцы, и слышу—пересказываетъ цѣлыми фразами; то тутъ разуму не наберется, а развѣ войдетъ въ разумъ Тутолмина бывшаго, который тоже клеветы и обманы изъ этой книги черпалъ; то сохрани его Богъ правила Тутолмина почерпнуть! Слышу и онъ призывалъ Кутузова и совѣтовалъ оставить ложу, упирая на эту книгу и говоря: „да вѣдь, братецъ, я самъ былъ въ масонствѣ давно, да тутъ ничего не нашелъ, тутъ ничего нѣтъ; то это оставь, я тебя прошу". То будто можетъ быть оселкомъ то̀, что онъ ничего не нашелъ. Да что же и найти человѣку, который желалъ быть богатъ—и есть, чиновенъ—и есть, обвѣшанъ знаками чести временной—и есть. То желанія его на то цѣлятъ, чтобы душа: пей, яждь и веселись; то этакія цѣли кому принадлежатъ? Конечно, не человѣку. А человѣку обширность ума,

[1]) Гудовичъ.

памяти, воли, стремленія на то-ли даны, чтобы это все увязить въ столѣ и женскихъ нечистотахъ? Такъ низко истинные масоны не имѣютъ правилъ мыслить и цѣлить желаніями своими, а слѣдуетъ оставить это пекущимся токмо о своихъ выгодахъ да тѣмъ, кои на семидесятилѣтнюю свою жизнь цѣля хотятъ все охватить, а между тѣмъ съ кубкомъ питья или кускомъ стола не сладятъ и лишаются всего: славы, жизни и оставляютъ послѣ себя еще бóльшее увѣреніе, что все ихъ напряженіе было, въ маленькой здѣшней жизни, къ суетѣ. Что есть тьма или суета? это все одно. Но оставимъ хотящихъ быть кротами и нюхать только землю, отъ которой пары очадятъ голову и всякое разумѣваніе затемнятъ. Богъ благій и ихъ въ свое время въ жестокихъ очищеніяхъ, имѣющихъ быть, не оставитъ. Васъ прошу, при какомъ-нибудь удобномъ случаѣ, не упуская его изъ виду, дать разумѣть графу Ивану Васильевичу, что отъ тѣхъ масоновъ, коихъ вы знаете, нечего ему опасаться и коли дадутъ имъ инспекцію надъ ложами, то можно быть и Государю и государству покойными; что не только сами неудобны къ безпокойству, но еще и остерегутъ, и узнаютъ, и не допустятъ что-нибудь и мыслить противъ Государя и государства. А вамъ, чтобы увѣреннѣе письма доходили, для чего иногда, коли нѣтъ вѣрно ѣдущихъ, то можно нарочнаго посылать, чтò случится не такъ часто, ибо между тѣмъ ѣздоки бываютъ, а на почтѣ, не смотря на ея акуратность и невѣрно: вотъ нынѣ пропало письмо мое къ сыну въ Ревель, весьма ему нужное: онъ спрашивался и я пояснялъ о влагѣ во всемъ мірѣ, какъ она дѣйствуетъ на все и какъ—луна, яко центръ влаги, изъ коего всякая тонкая влага чрезъ воздухъ и имѣющуюся вездѣ влагу, проливается, и тако все тучнѣетъ и получаетъ силу теплотою солнечною вверхъ рости. Письмо это пропало; а отыскивать гдѣ? Богъ съ ними!

Желаю вамъ здоровья, веселости духа, спокойства, любви къ присным въ вѣрѣ, любви и вѣрности Ѳ-ну и весьма помнить слова въ Апокалипсисѣ: *буди вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ живота*. Любите братьевъ, молитесь за нихъ, привыкните вести чистую жизнь, уединяйтесь дабы запершись, павши на колѣна, обратясь къ Востоку, молиться, и помните, что жизнь ваша и моя не надолго. Молитесь за Государя, да сохранитъ его Господь, да вразумитъ его, да продолжитъ его царствованіе и чтобы и сами собою недовольные не врали; но намъ и всѣмъ съ нимъ хорошо. И нѣкоторые шутятъ въ веселости духа: сколько Россію внутренніе черви ни точатъ, и завистники наружные ни подрываютъ, а она толстѣетъ; ибо смотрите, сколько къ Россіи прибыло новыхъ земель и что не дано при Петрѣ, при Екатеринѣ, то дано при Александрѣ. Богу да будетъ слава!

О комъ вы спрашивали: можно ли дать акты? на это скажу, весьма

можно и для того и посылаю, но не вдругъ, сберегая, дабы не затруднить понятія, а напередъ къ чтенію ихъ приготовить, изъясняя, что это, хотя и языкъ покажется свой, но онъ не свой: это языкъ гіероглифическій, коему слѣдуетъ учиться; языкъ всей мудрой древности и, коли смѣть сказать, языкъ вѣчности; языкъ невидимыхъ; языкъ Божескій, коимъ и св. писаніе писано, коимъ и всѣ пророки говорили; словомъ, этотъ языкъ для насъ необходимъ: то приготовя къ сему, не покажутся акты вещію малою и пустою и игрушкою, которую лѣнивые и вдавшіеся порокамъ такъ и считаютъ. Это языкъ на коемъ можно имѣть великія ясности о всѣхъ искусствахъ, какъ-то: умѣть хорошо и благоправить всякими начальствами и государствомъ; всякія науки, всякія художества этимъ свѣтомъ поясняются и дѣлаются совершеннѣе; словомъ, человѣкъ дѣлается умнѣе и разумнѣе: умнѣе — по изданію, а разумнѣе—по расположенію. Словомъ это есть свѣтъ, поясняющій всякій разумъ и дающій здравое и ясное разсужденіе.

Теперь еще скажу, о чемъ вы спрашиваете: темплієрство есть новисіатъ масонства. На жалованіе ваше, что вы не довольно взяли полное наставленіе, скажу, что можно присылать или, при необходимости, призвать, о чемъ писано выше.

Вы пишете: если бы случилось говорить съ М. М. Сперанскимъ въ пользу Ѳ-на, можно-ли именовать кого изъ братьевъ? На оное скажу: если бы ему здѣшніе братья были нужны, то не выписали бы они изъ Пруссіи Феслера. А здѣшнихъ онъ многихъ знаетъ и какъ ему не знать Ѳедора Петровича [1]), яко точно изъ братьевъ; но онъ къ нему о семъ не отнесся, а сами знаете, имѣвъ уже съ нимъ религическую связь; то я на дѣйствованіе таковое и говорить ничего не могу, а оставить это своему ходу, пока Богъ покажетъ случай, гдѣ что надобно и кому посовѣтовать, для лучшаго хода масонства сихъ разсадныхъ школъ, не для токмо орденскихъ работъ, но и на всякую пользу и вѣрную услугу Государю и государству; ибо наука сія разуму разумовъ или разумѣнію разумѣніевъ, что все то же, что говорится въ Шотландской степени; сія наука даетъ искусство рождать новыя искусства, а не токмо старыя исправлять и улучшивать.

Совѣтъ мой, не успокоиваться на томъ, что вы чувствуете равнодушіе къ тѣмъ вещамъ, къ коимъ вы прежде были привязаны. Дворъ земного царя имѣетъ прелести, кои паки полюбятся, а потому при молитвѣ каждой не забыть просить: *Господи! отврати очи мои, чтобы мнѣ не видѣть суеты, и оживляй меня въ путяхъ твоихъ.*

Иногда на досугѣ, въ спокойное время, прочитывайте письма мои

[1]) Ключарева.

и въ спокойное время, т.-е. въ свободное, заготовьте письмо; а какъ случай представится, то и готово будетъ послать.

Сдѣлайте милость, что только можно, пособите сему подателю г-ну Янышерлову, повѣренному Дьякова, противъ г-на графа Ильинскаго по дѣлу, о коемъ вамъ самъ Дьяковъ разсказалъ, а къ тому пояснитъ самъ Янышерловъ, и замолвьте слово Алексѣю Степановичу, чтобы о семъ же пособилъ, къ коему и я теперь пишу. Не равно стараться будутъ помянутую Феслерову, не токмо фельшерскую книгу, а притомъ крайне опасную, наклонятся утверждать, то, Бога ради, остерегайтесь и остерегите, кого слѣдуетъ. Ибо это подкрадывающійся врагъ: 1) отвергающій божество Іисуса Христа, а признающій его только великимъ мужемъ, что теперь во всей нѣмецкой землѣ пасторами и въ Пруссіи проповѣдуется, чѣмъ они сами подрываютъ власть креста, яко знаменія, которое государи на коронахъ своихъ носятъ. И что-жъ произошло съ нѣмецкой землей и съ Пруссіей за это? Преданы разоренію и неволѣ и владѣльцы, и подданные. И, сверхъ того, это явно подрывать силу христіанскаго закона, а за это возбудится ропотъ противъ Государя въ духовенствѣ, и будетъ имѣть резонъ злословить. А Богъ, Богъ! оскорблённый неблагодарностію Россіи, предастъ и ее врагамъ, какъ и тѣхъ, откуда этакое заблужденіе влѣзаетъ; Россію, которая теперь изъ самыхъ благополучнѣйшихъ государствъ въ Европѣ, что̀ бы они ни говорили. Масонамъ ли отвергать божество Іисуса Христа, коимъ ученіемъ, теоретическимъ и практическимъ, ясно творится сія великая истина, что онъ есть средство, чрезъ которое все поднимается: онъ есть истинный подъемъ, что указуется по мастерской степени, чрезъ который поднимаются большія тяжести и что̀ тяжелѣе міра съ его нечистотами, отъ коихъ и тяжесть вся есть. Вотъ при семъ посылаю и переводъ степеней, навранныхъ Феслеромъ; это такая гиль и дрянь, что читать лѣнь и ни подъ что такъ ловко поддѣлаться и влѣзть иллюминатству какъ не въ этакую двусмысленность и конецъ какой? Это тоже, что Грабіэнка выдавалъ себя за Польскаго короля. Остерегайте того, коего минутами благорасположенія вы пользуетесь; берегите его отъ сихъ вкрадывающихся враговъ изъ иностранцевъ, завидующихъ на Россію и намъ стыдно дать ходъ этакому шарлатанству; и кто знаетъ, какая тутъ змѣя есть—змѣя западная, вползывающая въ спокойство Россіи. Богъ, хранящій ее по сію пору, да поставитъ Ангела своего на путяхъ Государя, хранити его и его царствованіе. Намъ уже жить недолго; но мы должны дѣлать то, чтобы предстать предъ трибуналъ Всевышняго и быть вѣрными ему до смерти; про сихъ онъ говоритъ: *буди вѣренъ до смерти и дамъ вамъ вѣнецъ живота.*

При актахъ приложены ковры; но нѣтъ товарищескаго ковра, въ

коемъ предъ ученическимъ та токмо разница, на второмъ столѣ есть литера *B*, а на полу храма 7 ступеней или возвышеній для входа во храмъ. Послѣ приложилъ и товарищескій коверъ и его посылаю. При семъ прилагаю переводъ изъ анналовъ нѣмецкихъ, выдаваемыхъ въ Кетенѣ, о системѣ Феслеромъ скропанной. Если что-нибудь похожее есть, то уже вы будете предварены это изъ той же книги, изъ которой переводъ о Феслерѣ послалъ я къ вамъ при письмѣ съ нарочнымъ почталіономъ, что вы (по привезенному отвѣту) отъ почталіона и получили.

Если бы ходъ дѣла этого пошелъ такъ, чтобы не эти акты, кои посылаю, захотѣли утвердить (гдѣ все цѣлитъ и утверждаетъ вѣрнѣе и доказательнѣе христіанство въ его высокомъ совершенствѣ), то лучше не давать позволенія и оставить такъ, какъ и теперь, въ одной терпимости. Но судите: по ошибочному разумѣнію, тамъ, въ Петербургѣ, въ ложахъ, такой дѣлаютъ рекрутскій наборъ, что въ томъ только и работы состоятъ, что только принимаютъ. Какъ будто польза состоитъ во множествѣ, коихъ и учить некогда. И этотъ и есть маперъ невѣжества, въ кое иллюминатству влѣзть весьма ловко; и когда ихъ приготовлять и учить? Когда только что принимаютъ? а Феслерова система явно разбиваетъ священное писаніе и апостола Павла и вливаетъ невѣріе; а о градусахъ, кои выше трехъ степеней, гдѣ ясная истина, что тутъ вящшее утвержденіе христіанства? А Феслеръ какъ говоритъ? О вышнихъ степеняхъ всякому довольно толковать и говорить, какъ хочетъ, а что у Розенкрейцеровъ? это говоритъ мимоходомъ, какъ будто бы въ томъ и важности не было. Таинство натуры и таинство науки, не разумѣя, что есть натура и что есть наука, и къ чему ведетъ, и что въ таинствахъ натуры Богъ: ибо коли онъ вездѣ, то также не есть-ли онъ паче въ таинствахъ натуры, ибо онъ сотворилъ, а имѣтъ умъ въ искусствѣ—это онъ самъ. Ибо искусство безъ ума, что оно есть? это противорѣчіе, ибо тотъ и уменъ, который умѣетъ искусствомъ править; словомъ, настоящій искусникъ—есть умный искусникъ. Слѣдовательно, гдѣ искусство, тутъ и умъ; а умъ кто?—Свѣтъ.

Что надлежитъ до меня, прошу обо мнѣ Михаилу Михайл. не сказывать, хотя онъ всѣхъ насъ знаетъ, и самъ о семъ князь Григорью Григорьевичу Долгорукову, въ Кіевѣ будучи, сказывалъ.

По моему, самое лучшее, если подъ рукой дадутъ истинному масонству, хоть отъ военнаго губернатора или министра полиціи, письменный отзывъ, что Государю масонс. работы не противны и онъ не приказалъ возбранять. То имѣющіе этакій тайный отзывъ будутъ свободнѣе дѣйствовать; а это свободное дѣйствованіе сдѣлаетъ то, что эти рекрутскіе наборы сами упадутъ и имъ скучится въ сухихъ церемоніяхъ упражняться: ибо невѣжествомъ долго услаждаться не ста-

нешь. А столовыя ложи не опасны; а тѣмъ паче, если въ 3-ей степени одинъ безъ другихъ министръ полиціи и министръ просвѣщенія можетъ входить и слышать, что не вольнодумству, не буйности, не глупому равенству учатъ; а основываютъ все на св. писаніи: *властямъ придержащимъ повиноваться*. То какая опасность? Да и въ истинномъ масонствѣ, какъ рекрутскихъ наборовъ нѣтъ, то много не наберется; дѣлая испытанія годовыя и больше, то малое число явное не опасно; да и жизнь ихъ всегда вѣдь у полиціи на ценсурѣ; за (неразобранное слово) масоны узнаютъ, если бы что у однихъ церемоніаловъ и столовыхъ братьевъ завелось и себя ради не дадутъ завестись чему-либо безпокойному, будучи сами бдителями, себя ради, о спокойствѣ.

Богъ васъ да вразумитъ трудиться на пользу, дабы разсадныя сіи школы были, истинныя, подъ рукой позволены, яко часть нравственная и ученая. Ибо хотящихъ добровольно учиться не должно щемить: они много могутъ пользы принести, а вреда никакого. Если возможно, постарайтесь испросить бумаги масонскія, взятыя при покойной государынѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и хранившіяся въ кабинетѣ государя Павла Петровича; а при нынѣшнемъ Государѣ, слышно было, что онѣ отданы въ архивъ иностранной коллегіи; тó такъ или не такъ, но слышалъ я за вѣрное. То хотя чрезвычайной нужды нѣтъ, но лучше, чтобы онѣ были въ нашихъ рукахъ, тѣмъ паче, что ими, по гіероглифическому ихъ языку, никто пользоваться не можетъ, а злоупотреблять уже и тѣмъ могутъ, что по незнанію толковать криво станутъ. Слѣдовательно, истина предаваться будетъ въ руки незнающихъ и легко можетъ быть осмѣваема.

24.

Октября 20-го 1810 года.

По краткости времени, желалъ я вамъ сказать, чтобы всякій день не прошелъ безъ того, чтобъ намъ не увидѣться, дабы вспомнить передать вамъ, что нужно, ибо, можетъ быть, свиданіе наше послѣднее въ сей временной жизни. Видите, я старъ, болѣзненъ весьма; и вы уже не молоды, то время коротко; а не слѣпымъ же случаемъ вы усердно приведены, взятые изъ среды людей и подготовлены дѣйствовать, на великое число людей всякаго состоянія, въ добрѣ, по волѣ Божіей, угодной и совершенной. И потому что въ сей разъ могу пересказать, остеречь, предупредить: уже, можетъ быть, каналъ сей болѣзнями моими или отшествіемъ моимъ изъ сего міра пресѣчется; а потому для васъ, по усердію моему къ Ѳ-ну, братьямъ, ищущимъ добра своего чрезъ него, обязанъ я не потаить и для того часы бы-

тія вашего здѣсь теперь дороги и для васъ и для меня, и чтобы вамъ также не сожалѣть, какъ вы писали изъ Петербурга ко мнѣ, что вы мало запаслись свѣдѣніями объ Ѳ-нѣ, цѣли его, о работахъ и о всемъ, что вамъ нужно; ибо почему вы знаете, что Богъ хочетъ изъ васъ сдѣлать во времени или въ вѣчности. Надобно дѣлаться орудіемъ его; въ томъ состоитъ и ваше благо; а будьте увѣрены, что онъ и нужнаго вамъ самимъ и дѣтямъ вашимъ не забудетъ. Умножайте свою любовь къ нему словами и мыслями, ему самому о преданности вашей говорящими. Занимайтесь этимъ, хотя нѣсколько минутъ въ день и вспоминайте этотъ псаломъ: *возлюблю тебя, Господи, крѣпосте моя!* и прочее. А весьма нерѣдко читайте пастырскія посланія и сряду или когда что откроется,—этимъ въ вашемъ одиночествѣ тамъ будете поддерживать себя у духа орденскаго и молитесь за себя и за брр., ввѣряемыхъ вамъ, ибо всякій по заблужденію достоинъ сожалѣнія, а потому и любви вашей.

Не прогнѣвайтесь, что заключенія на Феслерову бумагу очень коротки, ибо, если бы всю ихъ деталь смѣшанную, наполненную одними во многихъ мѣстахъ словами и противорѣчащими, оговаривать, то вышло бы большое скучное писаніе. А заключеніе на всю эту Феслерову и Розенкампфову бумагу, посланное въ пакетѣ, кое отдано безъ васъ вчера; тутъ экстрактно сказано, что есть масонство; кою бумагу просилъ бы я, если надобно будетъ, показать или когда захотятъ, то и отдать самому, а если уже нельзя обойтись, то и Мих. Мих.; но попросить притомъ, чтобъ ее не пустить къ Феслеру и къ Розенкампфу, ибо мы не намѣрены открытіемъ священныхъ вещей спорить съ тѣми, кои хотятъ орденъ исказить и подать способъ, хотя по невѣдѣнію, сдѣлать упражняющихся въономъ преступными, а отъ Монарха и малаго числа высокихъ его довѣренныхъ не имѣемъ однакоже намѣренія скрыть высокой цѣли ордена, желая тѣмъ содѣлать ихъ покровителями, хотя тайными, полезной вещи; а потому и прошу васъ, если нельзя эту одну вещь тайно позволить, то по толерансу Государя (даже и самимъ раскольникамъ), не приказать щемить то малое число въ государствѣ, которое хочетъ только что учиться, а потому можно позволить работать тѣмъ и другимъ.

Такъ какъ время коротко, самому не удалось попросить васъ о милости великой къ бѣдному, страждущему по причинѣ только красоты жены своей, кою у него отняли, а его, чтобы не препятствовалъ, сослали было въ Сибирь, лиша всего, и при судѣ заковали его въ желѣзо еслибы не вступились изъ жалости бывшій тогда прокуроръ и предсѣдатель уголовной палаты здѣсь, въ Москвѣ. Прокуроръ тогда былъ Дьяковъ, который вамъ всю эту исторію ясно разскажетъ и подастъ записку. Этотъ, за кого я прошу, есть докторъ

Эмардъ; ему запрещена практика отъ того, на кого вамъ жаловался ружейный мастеръ Аристовъ; а вполнѣ вамъ Дьяковъ разскажетъ; а просьба состоитъ въ томъ только, что сему доктору позволить паки практику. И записку объ Эмардѣ при семъ влагаю.

25.

Ноября 15-го, 1810 года.

Уповаю, что вы уже въ Петербургѣ; письмо сіе посылаю съ большимъ сыномъ Дьякова—Петромъ, который служитъ въ лейбъ-гусарскомъ полку Кушевича адъютантомъ, коего въ милость вашу рекомендую: онъ молодецъ весьма изрядный; ему съ тѣмъ отдано письмо сіе, чтобъ онъ самъ вамъ вручилъ его. А если вамъ угодно будетъ писать, то или съ вашимъ какимъ знакомымъ, или съ моимъ большимъ сыномъ, Николаемъ, коему я писалъ—попроситься въ отпускъ мѣсяца на 3. А онъ теперь въ Ревелѣ; если его отпустятъ, то онъ явится къ вамъ и подождетъ письма, какъ вы ему прикажете.

Въ письмѣ семъ могу токмо препроводить желанія мои: да дастъ вамъ Господь духа премудрости Его, къ дѣйствованію по волѣ Его, угодной и совершенной, ибо есть воля Его, и угодная, но не совершенно ему угодная, но пріятнѣе ему воля, не токмо угодная, но и совершенная, на которую взирая, желается. Если онъ расположитъ ходъ дѣла извѣстнаго вамъ таковымъ, чтобы мать-главная и центральная была въ Москвѣ, какъ то и прежде всегда было; а другая можетъ быть и въ Петербургѣ, коли то можно, но и тѣмъ паче, что какъ вы рѣдкое лѣто не захотите поглядѣть вашихъ заведеній въ Москвѣ, то сами видѣть будете. И что̀ надлежитъ до Ѳ-на масонс., то это не мѣшаетъ, чтобы и обѣ ложи-матери были равныя, но не подчинять Московскую ложу Петербургской, ибо быть подъ управленіемъ тѣхъ, кои цѣли не вѣдаютъ—это, стало, самому дѣлу мѣшать имѣющія каждая свои дочери-ложи, какъ то и въ Пруссіи имѣютъ каждая особые департаменты своихъ дочерей-ложъ. Но если это удержится, чтобы обѣ ложи были равныя, то какъ въ Москвѣ истинное масонство сохранилось во всей его чистотѣ, то и впредь уповать слѣдуетъ, при помощи Божіей, что Московская мать-ложа послужитъ и впредь кроткимъ своимъ вліяніемъ на Петербургскую мать-ложу, хотя бы ей и неподчиненную, дабы въ нее не вкрались ложныя цѣли, относя къ масонству или, Боже сохрани, къ какой политической цѣли, кою даже бы Монархъ нашъ не благоволилъ. Богъ вамъ да даруетъ духа премудрости его, дабы ясно видѣть вещи, цѣль хода и все обращать къ вѣрности непоколебимой нашему нынѣшнему Монарху, у коего, по счастію нашему, съ благословеніемъ Божіимъ, намѣренія

самыя добрыя: да дастъ ему Господь духа премудрости его, ибо царіе царствуютъ благополучно, и сильные пишутъ правду; въ ней есть духъ святъ, непороченъ, ясенъ и все предвидящъ. Еще скажу вамъ, что если придетъ до откровеннаго объясненія о собственномъ вашемъ ходѣ, и будете спрошены о людяхъ, чрезъ коихъ сдѣлано вамъ то яснымъ, что есть яснымъ, и съ кѣмъ вы имѣете связь, то мой совѣтъ не скрывать, дабы не сказать неправды и не потаить, дабы не дать подозрѣнія, что вы не искренны. Богъ васъ да не оставитъ; Онъ васъ да вразумитъ, и онъ да усилитъ сердце ваше въ любви къ Нему и къ тому, который долженъ желать отъ васъ искренности, преданности и вѣрности, пока духъ нашъ въ здѣшнемъ мірѣ существуетъ, и оную вѣрность, доброхотство и молитву по Господу должны мы перенести и въ тѣ будущія страны, кои уже не подъ властію владыкъ земныхъ; желаю вамъ.

26.

Ноября 27-го, 1810 года.

Представился случай, по увѣренію Павла Иван. вѣрный, съ чиновникомъ вашей канцеляріи Лазаревымъ: то и не желалъ пропустить писать къ вамъ, потому что обязаны идущіе среднимъ путемъ не опускать сноситься словесно и письменно, дабы свѣтъ, въ коемъ знакомы, не угасалъ и безпрестанно былъ подновляемъ въ правилахъ и понятіяхъ. Тотъ свѣтъ, который необходимъ во освѣщеніи пути, въ поддержаніи на немъ и дабы содѣлывать его отъ часу сладостнѣйшимъ, охотнымъ и привычнымъ такъ, чтобы натура внутренняя человѣка содѣлывалась отъ часу болѣе не земною, а небеснѣе, ибо все растетъ по немногу, а не вдругъ; словомъ сказать, для твари слабость (даже самымъ высшимъ ангеламъ и духамъ) свойственнѣе, ибо тварь не Богъ, а потому должна быть поддерживаема въ понятіяхъ и въ силахъ; а привыканіемъ заниматься тѣмъ, что и въ понятіи убѣдительно, воспитываетъ себя въ большую силу любви и большій свѣтъ отсвѣчиваетъ отъ себя въ свѣтѣ премудрости; содѣлываяся болѣе органомъ Царя царей и тѣмъ чудеснѣе, что органомъ пріятнымъ въ выраженіяхъ правды, коя рѣдко бываетъ не колка, но сіи органы имѣютъ силы и даръ пріятнаго искусства такъ ослащать оличеніе правды, что они дѣлаютъ себя тѣмъ, кому говорятъ, весьма пріятными и успокоивающими до того, что съ ними духу бываетъ легко. А все сіе содѣлываетъ кто? Духъ премудрости, т.-е. свѣтъ премудрости, который сладокъ, ясенъ, благодвиженъ, и проходящъ и проницающъ всякій разумъ, предвидящъ до того, что дѣлаетъ будущее такъ ясно, яко настоящее. О семъ-то я писалъ, чтобы

испрашивать семи даровъ Духа святаго, вспоминая себѣ словами именно духа премудрости, въ коемъ хотя и всѣ онѣ заключаются, но говоря себѣ: духа разума, духа совѣта, духа крѣпости, духа вѣдѣнія, духа страха Божія и духа любви; кое все себѣ въ словахъ показывая, яко описаніе: что есть каждый, свѣтъ, что онъ имѣетъ, словомъ, что онъ есть; содержа сердце свое отвореннымъ, дабы дать свободу Богу себѣ вливать ясность, что есть и какія принадлежности и глубины каждаго, изъ сихъ семи духовъ или даровъ. Вотъ что можно человѣческимъ грубымъ языкомъ о семъ пояснить и еще грубѣйшими онаго письменами изобразить. Богъ вамъ да даруетъ мало по-малу оное яснѣе, утѣшнѣе и пріятнѣе къ сообщенію: словомъ сказать, высокая сія мистика дѣлается легче къ пониманію, когда человѣкъ слушаетъ совѣту, т.-е. учитъ себя и натуру познавать, не натуры ради, а чтобы возможнѣе слабостью своею Бога познавать: ибо натура есть его вегикулъ, его одежда; безъ котораго познаванія и въ здѣшней жизни всякій человѣкъ есть во тьмѣ бродящій и поспѣшающій свалиться въ ту пропасть, въ которой дна нѣтъ. Богъ да ведетъ насъ и прикосновенныхъ къ намъ по основаніямъ, т.-е. по ступенямъ, что есть лѣстница Іаковлева, называемая также домомъ Божіимъ и вратами небесными. Сей путь есть называемый средній, или путь Моисея и Христа. Богъ да сохранитъ своихъ, желающихъ быть вѣрными обѣтамъ своимъ.

27.

Декабря 18-го, 1810 года.

При семъ представившемся нечаянномъ случаѣ съ ѣдущимъ изъ арміи въ Петербургъ провіантскимъ чиновникомъ (весьма близкимъ довѣреннымъ и любимымъ отъ главнокомандующаго графа Каменскаго, коллежскимъ ассесоромъ Павломъ Ивановичемъ Кованькою, коего просилъ я вручить вамъ письмо сіе; онъ по службѣ весьма знакомъ и друженъ съ Николаемъ Алексѣевичемъ Дьяковымъ, и хотя онъ не изъ работающихъ на пути познанія себя, но человѣкъ вѣрный и знающій все внутреннее и наружное положеніе арміи нашей (и я его увѣрилъ, что онъ всякій секретъ, вѣдомый ему, надежно ввѣрить вамъ можетъ), а при томъ и состояніе Валахіи и Молдавіи, кои, чаятельно, могутъ быть Россійскими губерніями, а теперь уже пока и суть: то легко могутъ быть, по просвѣщенію подъ вашею же дирекціею, то если желаете полюбопытствовать узнать что объ арміи и тамошнихъ дѣлахъ и тамошняго края, то не угодно ли благосклонно его принять и съ нимъ заняться разговорами не одинъ разъ. Онъ, по искреннему его дружеству съ преданнымъ вамъ Дьяковымъ, все

о тамошнемъ положеніи вамъ разскажетъ откровенно, которое стоитъ любопытства. А при семъ случаѣ, строками сими, препровождаю вамъ поздравленія мои, съ наступающимъ торжествомъ Спасителя нашего, Царя и Господа Іисуса Христа рожденія Его или явленія Его въ бренной плоти нашей (но свободной у него отъ грѣха), дабы каналомъ симъ вдохнуть въ насъ свѣтъ и любовь, кои Адамомъ были потеряны; любовь сія и свѣтъ будучи, какъ искра огня, вдохнута въ основаніе наше, уже можетъ весьма быть раздуваема, питаема, умножаема до того, что займетъ всего человѣка, такъ что онъ будетъ дѣлаться инаковымъ въ понятіяхъ, побужденіяхъ и стремленіяхъ воли, дабы у Бога содѣловать средствомъ (себя и другихъ) избавленія отъ свойствъ и заблужденій міра темнаго, въ который нечувствительно влекутся всѣ человѣки и то, что ниже человѣка. Безъ средства ничто и ни отъ чего не можетъ быть ни избавлено, ни съ чѣмъ соединено, тако и сей самый, коего рожденіе торжествуется, есть средство между вездѣсущимъ, безформнымъ, и тварями формными или имѣющими формы; тако и мы, умножающіе наше познаніе или ощущеніе, должны идеи о немъ развивать въ себѣ и другихъ нашего круга, дабы мало по-малу натура наша содѣлалась удобна войти и обитать въ сферахъ свѣта и упражняться въ томъ, что содѣлываетъ человѣка часъ отъ часу счастливѣе, благополучнѣе, радостнѣе, дабы онъ въ себѣ и другихъ умножалъ блаженство во всѣ вѣчности вѣчностей, чего желать и, на сей конецъ, жить и работать мы обязаны; о чемъ Господа силъ просить и устремиться къ сему мы обязаны. Отецъ будущаго вѣка (который въ таковыхъ начинается еще здѣсь) да поможетъ намъ! о чемъ самъ обязанъ о васъ и васъ прошу приложить ваши молитвы за усердствующаго.

Прошу увѣдомить, вѣрно ли вы получили письма мои: съ сыномъ Дьякова и съ чиновникомъ вашей канцеляріи Лазаревымъ и сіе посылаемое теперь. Чтобы дать вамъ понятіе о человѣкѣ семъ, вручителѣ письма: онъ игрокъ карточный до того, что, разсказываютъ, тысячъ сотъ пять выигралъ; по болѣзни случившейся отпущенъ, а теперь, слышу, выздоровѣлъ и ѣдетъ въ Петербургъ жениться на роднѣ дальней, бывшей жены его, которая давно скончалась. Вотъ его исторія. Для того пишу, чтобы вы все знали.

Что-то дѣлается по дѣламъ масонс.? Господь да направитъ и сохранитъ сіе ко благу человѣковъ всѣхъ лѣтъ.

28.

Января 8-го, 1811 года.

Давно не имѣлъ случая писать къ вамъ, а теперь представился съ подателемъ сего, штабъ-физикомъ Иваномъ Иванов. Лангомъ, коего

въ милость вашу рекомендую и прошу его благосклонно принять и ободрить его вашею ласкою. Съ нимъ я недавно познакомился на мірской ногѣ, по причинѣ давняго и почти родственнаго его знакомства съ Никол. Алексѣев. Дьяковымъ; ибо жена его, т.-е. Ланга, воспитана въ домѣ родной сестры Дьякова Капнистовой, а сестра Ланговой жены воспитана у матери Дьякова. Сей Лангъ призывается къ министру полиціи нынѣ, почему и ѣдетъ; а достоинъ онъ замѣчанія потому, что онъ любитъ Россію, яко свое отечество, и имѣлъ случай помѣшать раззорить запасную аптеку въ Лубнахъ по вліянію иностранныхъ, кои видно хотѣли, чтобы все должны были покупать у нихъ или чрезъ нихъ. По мѣсту, кое теперь ему ввѣрено, нужно было ему, чтобы его знали; а потому и рекомендую его въ милость вашу, яко человѣка, который нынѣ довольствовалъ медикаментами всю армію. Ему весьма желательно привести въ ходъ русскихъ касательно всякаго мастерства, къ хирургіи надлежащаго. Хотя онъ теперь и у министра полиціи, но ласковый вами его пріемъ и разговоръ много ему дастъ ободренія.

Желаю вамъ здоровья, удобности въ отправленіи возложеннаго на васъ Богомъ и Государемъ, и не престающаго въ васъ желанія быть угоднымъ орудіемъ всемогущаго Господа, слова его, дабы склонить къ охотному упражненію соотечественниковъ нашихъ содѣлываться лучшими въ нравахъ, правильнѣйшими въ разумѣваніяхъ, во всемъ томъ, что есть къ обработыванію своихъ свойствъ; дабы служить угодно Богу и Государю и полезно отечеству, имѣя первую цѣль— вѣчность и награду тамошнюю, безъ чего всякій на призѣ обманутъ или обманется. Словомъ, если иначе не можемъ, то должны молитвенно желать, дабы были охотныя сердца къ творенію общественныхъ добродѣтелей изъ точки познанія себя, природы, и Того, Коимъ все живетъ и право понимаетъ. Свѣтомъ мы живемъ, свѣтомъ разумѣемъ, свѣтомъ упокоемся и свѣтомъ наслаждаемся; и гдѣ есть ученіе о свѣтѣ (который выше натуры и видѣть нельзя), тамъ есть истинное зрѣніе въ настоящее и безошибочное прозрѣніе въ будущее. Итакъ, любя Бога и ближняго, желанія наши да будутъ: Богу угодить и ближнему послужить сокровищами подобій небесныхъ, кои суть въ постепенномъ порядкѣ въ извѣстномъ намъ, единомъ Ѳ-нѣ. Господу благодареніе, что тамъ дано вѣдать, гдѣ обитаетъ премудрость и гдѣ есть разумъ. Хвала Отцу будущаго вѣка, изъ котораго или чрезъ котораго изливаться будетъ состояніе или свойства, не могущія уже пасть или быть искушенными.

29.

Января 21-го, 1811 года.

Ожидалъ-было я письма съ вашими ближними, на которое хотѣлъ и отвѣчать; но какъ они еще не пріѣхали, то уже долженъ для того писать, чтобы оказіи съ ѣдущими къ вамъ другими ближними не опустить.

Дай Боже вамъ здоровья, сохраненія на пути вѣчности, а паче на пути среднемъ; да возбуждаетъ Господь въ васъ желаніе и охоту входить въ свойства отъ часу лучшія, кои даютъ чувствовать пріятность ангельскихъ совершенствъ, а потомъ Божескихъ, что очищаетъ нашу саливу и чиститъ кровь и дѣлаетъ этотъ въ насъ весь ресептакль удобопріемлемымъ источникомъ безсмертія, о коемъ столько божественная химія говоритъ, учитъ и, можно сказать, заохочиваетъ желать быть изъ числа тѣхъ, у коихъ въ правилахъ и обѣтахъ поклоняться вѣчному, всемогущему Іеговѣ въ духѣ и во истинѣ, и всемогущество его и премудрость чрезъ натуру познавать. Кои и послѣдующіе обѣты нужно всякій день разъ въ молитвѣ, съ запертыми дверями, подновлять и тѣмъ прибавлять себѣ силъ къ подражанію свойствъ нашего великаго оригинала, дабы содѣлывать себя органомъ его. Въ его проэкціи (sic) ему да будетъ слава, а намъ смиреніе и покорность, кою, дабы въ себѣ умножать, нужно всякій что-нибудь читая, вспоминать изъ св. писанія и пастырскихъ посланій. Здѣсь мы ничего не знаемъ вѣрнаго, что дѣлается по масонскимъ работамъ въ Петербургѣ.

Видѣлъ письмо ваше къ кн. Никол. Михайл., гдѣ вы пишете, что если не будетъ Дмитревскій во Владимірѣ, то не можетъ ѣздить въ Суздаль по коммиссіи, порученной ему; причемъ скажу, что если-бы онъ сталъ ѣздить къ сыну вашему, то узнаетъ губернаторъ и, по злобѣ съ нимъ, выведетъ на него не вѣсть какія преступленія и клеветы, что, думаю, и вамъ надѣлаетъ непріятностей; а злоба клеветлива и привязать есть къ чему, ибо тамъ не одинъ вашъ сынъ. Прошу покорно отдать письмо Курбатову, которое и не запечатавши посылаю. Все происшествіе, которое здѣсь разсказываютъ, кажется вѣрные люди, но по усердности не вдругъ, слѣдуетъ повѣрить. Итакъ, прошу его провѣдать хотя это: прощена-ли рота и поворочена-ли назадъ. А все было происшествіе описалъ я къ вамъ, но по чудесности остановился. Не изволите-ли вздумать, не пожелаете-ли употребить при себѣ въ вашей командѣ Арсеньева? Но я прошу о семъ, а вы извольте сами подумать. Казалось-бы, онъ можетъ человѣкъ быть вѣрный.

30.

Москва. Февраля 16-го, 1811 года [1]).

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше съ новинкой, кое я получилъ вѣрно.

Это правда, что мы имѣемъ безпрестанно нужду въ укрѣпленіи мысленномъ своемъ и устномъ или письменномъ отъ того, который на томъ же пути идетъ крайне близко насъ.

Что надлежитъ до г. Карнѣева, о немъ теперь пространнѣе скажу: онъ будучи всегда отдаленъ по службѣ отъ брр. (братьевъ) не имѣлъ возможности сдѣлать въ себѣ описанія объ великости и всеобъемости (sic) Ѳ-на (ордена) и по одной, и то рѣдкой, перепискѣ съ тѣмъ о коемъ я писалъ, склоненъ на одно токмо моральное христіанство; слѣдовательно и въ Бемѣ знаніе его по сему токмо предмету, по коему и пріятно съ нимъ заняться, но кому?—тому, который имѣетъ оселокъ, на чемъ повѣрять всѣ его слова и знаніе, а безъ того онъ нечувствительно и невинно завлечетъ къ своему предмету, т.-е. въ одну мистику, не зная, что и мистика самая высокая—та, коя указываетъ, учитъ, лечитъ и исправляетъ, давая находить вышній свѣтъ, сгущенный въ нижнихъ отсвѣчиваніяхъ чистыхъ, изъ коихъ можно и должно черпать, яко и Самъ Творецъ указываетъ, ясно и просто говоря: „добро есть соль!"

Таковые, нестарающіеся читать прилежно святое писаніе и не находя ключа къ его ясному уразумѣнію, остаются въ неразумѣніи о самыхъ величайшихъ тайнахъ, что Бога познавать легче, безошибочнѣе и Ему угоднѣе чрезъ природу! Вотъ свѣтъ премудрости! и сказано во св. писаніи: „никого-же любитъ Богъ, какъ токмо тѣхъ, кои съ премудростію пребываютъ", а кои сказками хотятъ восходить, тѣ всегда въ ошибкахъ, въ недоумѣніи и должны оставаться въ слѣпой вѣрѣ и не могутъ найти ключа ясно уразумѣвать святое писаніе, читая многое яко уже исторію, для насъ уже ненужную. Скажу хоть одинъ примѣръ: для чего намъ нужно знать, что ковчегъ носился на водахъ 150 дней и какъ Ной могъ втискать въ него (ибо мѣра его не велика описана во св. писаніи) всѣхъ звѣрей и скотовъ и птицъ иныхъ по два, иныхъ по семи изо всего міра? Какъ онъ могъ для этого числа заготовить корму? и какъ онъ могъ сладить съ испражненіемъ ихъ? Какъ онъ это выбрасывалъ и кѣмъ? Ихъ было всего 8 человѣкъ, все это множество породъ во всемъ мірѣ звѣрей и скотовъ (неразобранное слово) какъ-то: лошадей, коровъ и прочаго. Да если-бы ковчегъ былъ пространствомъ, какъ и Москва, то ни имъ, ни корму, ни испражненіямъ ихъ нельзя бы и на короткое время помѣститься! И что же

[1]) Изъ архива князя Н. В. Репнина.

это? Вѣрить этому или нѣтъ? И кто-же можетъ это разумѣть и для кого-же это писано, коли никто не разумѣетъ? Словомъ, разумѣть тайны иначе нельзя, какъ токмо Духомъ святымъ и это есть даръ! Одинъ изъ седми! даръ вѣдѣнія! и этотъ даръ таковъ, что безъ него всѣ въ ошибкахъ и въ преступленіяхъ. Что Карнѣевъ Бема почитаетъ--это весьма хорошо, но Бема разумѣть праведно надобно даръ вѣдѣнія.

На масонство Карнѣевъ смотритъ въ первыхъ его ступеняхъ, а видѣть, что этою наружностію покрыто и зрѣть глубину тайнъ въ этихъ гіероглифахъ—это дается за многую надъ этимъ работу въ орденскомъ порядкѣ, то и не чудно, что г. Карнѣевъ вмѣсто цѣлаго обратился къ части.

Сколько не читай Бема, а должно паки обращаться къ актамъ, къ св. писанію, къ человѣку и къ великой природѣ—кое все исполнено Бога! Эти цѣлыя приводятъ къ великому цѣлому, все въ себѣ содержащему, т.-е. Богу! А Бемовы писанія не могутъ назваться цѣлымъ, а частью, яко и другіе авторы великіе и орденскіе. Хорошо, что вы о Феслерѣ сказали свое мнѣніе, вы свое дѣло сдѣлали, а далѣе Богъ покажетъ!

Нерѣшимость, о коей вы пишете, происходитъ отъ неувѣренности а кто увѣренъ—уже тутъ рѣшеніе и есть! Вы пишете: „а зло де не дремлетъ“, а добро развѣ дремлетъ? Зло всегда наружнѣе, а потому оно и виднѣе и сіе во всемъ такъ, а добро внутреннее, чище, тонѣе, то оно такъ дѣйствуетъ, что тѣ, кои глядятъ токмо на дѣла тыла, то они сокровеннаго свѣта или добра не имѣютъ искусства замѣчать. Добро своего престола злу не уступало и не уступитъ, а потому, кои на него уповаютъ они (sic) покойнѣе, ожидательнѣе и проницательнѣе, а потому преданіе ихъ на Господа надежнѣе. Въ этакой-ли бѣдѣ было отечество наше? Теперь французская одна война грозитъ, а при Екатеринѣ? войска всѣ и всѣхъ малое число за Дунаемъ и около Дуная, а въ Россіи войскъ нѣтъ; низовыя губерніи признали казака императоромъ раскольника и по государству раскольники коихъ великая часть всѣ за него, крестьяне и дворовые люди всѣ за него!

Кто же остались? Одни дворяне, коихъ опредѣлено всѣхъ побить и уже зачинъ такой сдѣланъ, что не 900 человѣкъ дворянъ, а 900 фамилій дворянскихъ истреблено! Словомъ вотъ все къ концу, все къ погибели! Но кто помогъ въ этакой крайности? Богъ! Богъ браней! И кто станетъ противъ него? Онъ расположилъ, усилилъ, вдохнулъ премудрость въ генія Россіи и когда все было у погибели, вдругъ все стало поправляться мало по малу и все такъ исправилось, что и слѣдовъ пагубы не осталось! А въ другой разъ при Шведскомъ королѣ

что было? Какъ онъ своихъ звалъ на балъ въ Петергофѣ! Также все исчезло! А нынѣ не тотъ же ли Богъ? Не тотъ же ли геній, хранящій Россію? Возложимъ упованіе наше на Господа. Читайте псалмы Давыдовы и его послѣдній псаломъ, гдѣ онъ говоритъ: „малъ былъ въ братіи моей и юнѣйшій въ дому отца моего и проч." Тако и себя должно считать послѣднѣйшимъ и уповать на Бога. А молитва ваша за Государя и его царствованіе дастъ много вамъ любви къ нему, надежды на Бога и внутренняго покоя. Что надлежитъ до малостей, о коихъ стану говорить, о Мезансъ, о коемъ вы желаете знать, онъ правитъ здѣсь французскою ложею, называемою la félicité, на Пречистенкѣ, въ домѣ Всеволожскаго, который самъ тутъ надзиратель. Членовъ человѣкъ 15.

Что надлежитъ до Кутузова, то, конечно, полезно бы ему во всемъ посовѣтоваться, хотя его характеръ, весьма къ самодѣйствію стремлющійся, и я ему говорилъ и говорю о терпѣніи, объ ожиданіи, о безвременномъ и весьма нетерпѣливомъ настояніи по его какимъ-либо представленіямъ или прожектамъ. Онъ обѣщался, но есть характеры, кои весьма не скоро зачинаютъ прохлаждаться, хотя и сами бы хотѣли, ибо трудно характеры импетные останавливать и имъ останавливаться безъ постояннаго отъ Бога испрошенія, чтобы Онъ влилъ силъ. Съ натурою бороться, словно какъ съ жизнію бороться, ибо уродливая натура тоже живетъ во всей ея силѣ, которую побѣждать чего стóитъ? Сколько можно и сколько спросится, буду ему совѣтовать, а между тѣмъ при случаѣ не худо ему и подтвердить, что ему, по его характеру и привычкамъ, совѣтъ друга крайне нуженъ. Вчера Кутузовъ сказывалъ мнѣ, какъ пріѣзжалъ къ нему докторъ жившій у васъ и какъ возвѣстилъ, что скоро будетъ въ Москву великій человѣкъ изъ Петербурга—Феслеръ, и потомъ скоро пришелъ профессоръ Буле, съ великою о семъ же рекомендаціею, и чтобы позволить ему жить у Буле въ университетѣ, и что онъ намѣренъ пробыть недѣли три и болѣе. На это сказалъ ему, якобы вспоминая, Кутузовъ: не тотъ ли это Феслеръ, который извѣстенъ сдѣлался въ Берлинѣ; причемъ Буле взглянулись съ докторомъ другъ на друга, и Буле замѣшался и весьма де покраснѣлъ, а докторъ, рекомендуя Феслера, сказалъ, что и зять вашъ Сергѣй Семеновичъ, новый попечитель, весьма этого профессора Феслера знаетъ и будетъ его рекомендовать, то видно онъ съ нимъ чрезъ кого нибудь сошелся. Итакъ, сей Феслеръ употребить здѣсь захочетъ тѣ усильствія, кои ему не удались въ Петербургѣ. Вотъ какъ тьма свои вѣтви хочетъ распространять. Желаю вамъ здоровія и способности растворять сердце у другаго. Говорить съ вами искренно и откровенно, что не можетъ иначе дѣлаться, какъ чтобы вы того ни прежде, ни послѣ не судили (а есть способъ разсуждать, сожалѣть

и извинять, а не судить, то это не будетъ умалять любовь), дабы изъ глазъ вашихъ онъ и изъ духа въ словахъ себѣ суда не ощущалъ, что не будетъ вамъ его и ему васъ мѣшать любить и отворять сердце свое, отдыхая съ вами въ искренности, ибо подозрѣвать, остерегаться, весьма трудно и духу безпокойно, то всякій разъ съ кѣмъ-нибудь отъ этихъ трудностей отдохнуть и успокоиться.

Не возможно-ли сдѣлать милость помѣстить извѣстнаго вамъ штабъ-лекаря Сжмари въ институтъ медико-хирургическій на инспекторскую ваканцію, изъ коихъ, слышу, осталось одно вакантное мѣсто на 600 рублей. Если это можно — прошу покорнѣйше.

Желаю вамъ здоровія, сохраненія васъ отъ тамошней суеты и во всемъ да даруетъ вамъ Господь милость свою.

Если вы въ такомъ отношеніи съ г. министромъ юстиціи, то не можно-ли попросить, чтобы по дѣлу Дьякова, знаемаго вами, съ купцами о лѣсѣ, сдѣлать приказалъ законное удовлетвореніе.

Въ концѣ письма за нужное считаю повторить о читаніи псалмовъ Давыдовыхъ и разумѣваніи. Это крайне вразумитъ, ободритъ и успокоитъ.

Сіе письмо посылаю съ морскимъ кадетскимъ офицеромъ, возвращающимся изъ отпуска и велѣлъ сыну моему вручить вамъ.

Теперь услышалъ, что Феслеръ уже пріѣхалъ въ Москву и сталъ въ университетѣ у профессора Буле.

Павелъ Ивановичъ просилъ меня принять пакетъ къ вамъ и вложить въ мой пакетъ.

Прошу покорно доставить письмо къ Василію Степановичу [1]).

31.

Февраля 25-го, 1811 года.

Съ офицеромъ морскаго корпуса посылаю вамъ письмо сіе, черезъ дѣтей моихъ, кои, кто-нибудь изъ нихъ, должны вручить вамъ.

Имѣю васъ увѣдомить сообщенное мнѣ Павломъ Иван. о пребываніи г-на Феслера въ университетѣ въ Москвѣ, и нѣчто до пріѣзда въ Москву. Господинъ Карамзинъ самъ де сказывалъ, что онъ съ Феслеромъ имѣлъ длинную бесѣду еще въ Твери и сидѣлъ съ нимъ болѣе 4-хъ часовъ; познакомясь, приглашалъ его къ себѣ въ домъ, когда пріѣдетъ въ Москву, но, пріѣхавъ въ Москву, Феслеръ де за болѣзнію яко, не былъ нигдѣ. Въ Москвѣ Феслера посѣщалъ три раза Карамзинъ; сидѣлъ подолгу на-единѣ; а въ 4-й разъ привозилъ съ собою Мезанса, коего узналъ одинъ изъ университетскихъ профессоровъ, видѣвшій его въ разныхъ здѣсь домахъ. Феслеръ былъ боленъ,

[1]) Тамарѣ.

въ постелѣ даже и сказывалъ, что онъ не надѣется прежде недѣли оправиться и быть въ силахъ ѣхать. NB. Двѣ почты сряду Петербургскія и одну иностранную получилъ онъ весьма много пакетовъ, и большихъ и малыхъ. Феслера посѣщали, кромѣ нѣкоторыхъ профессоровъ нѣмцевъ, и В. Влад. Лопух., Серг. Семен. и водилъ съ собою Алексѣя Алексѣев. и доктора Ремана. А сего 22-го числа февраля, въ среду, въ половинѣ втораго часа пополудни Феслеръ уѣхалъ изъ Москвы. NB. Замѣчательно то, что 21-го числа по-утру, въ 9-мъ часу, Феслеръ говорилъ, что онъ боленъ и здѣсь пробудетъ дней 10, а получа часу во второмъ, въ тотъ же день, почту, сталъ спѣшить сбираться ѣхать и сказалъ, что онъ больной, черезъ силу, но ѣхать долженъ. Геймъ, бывъ въ конторѣ у Гизета, для перевода денегъ въ Веймаръ, къ выписываемому словолитному мастеру Фитгеру, видѣлъ Мезанса, получающаго 2000 червонныхъ. Феслеръ самъ сказывалъ профессору Буле, что онъ имѣетъ циркулярное рекомендательное письмо ко всѣмъ губернаторамъ, мимо коихъ онъ поѣдетъ, отъ двухъ персонъ, именно: отъ г. Козодавлева и отъ г. Сперанскаго. Павелъ Ивановичъ просилъ меня о семъ написать къ вамъ, да и я счелъ, что по ученой части и по прикосновенію къ ложамъ, вамъ, яко части ученой же, слѣдуетъ знать о Феслерѣ и о Мезансѣ. Слышу я, что здѣсь, въ Москвѣ, начальство хочетъ запретить глухо ложи всѣ, коихъ я и не слышу, кромѣ 2, извѣстныхъ вамъ, изъ коихъ одна—Мезансова, видно, шальная; ибо слышу, хотятъ напечатать акты свои, кои, какъ будутъ, обѣщались мнѣ достать; то я и къ вамъ пришлю. А у Всеволожскаго есть типографія. То если глухо запретятъ, то тѣ, кои свято власти повинуются, тѣ и перестанутъ работать; а непорядочныя ложи, у коихъ цѣли сумасбродныя, тѣмъ не запретишь, тѣ тихонько станутъ работать и размножая заблужденіе и наборъ рекрутовъ, пуще будутъ безпокоить публику и правительству наводить подозрѣніе дурачествами своими. А ложи порядочныя не могутъ дѣлать безпокойства, ибо они очень малы; пріемы у нихъ въ новые члены: случится въ годъ—примутъ одного или двухъ; то можетъ ли число ихъ быть велико? Испытаніе ихъ о поведеніи строгое и долговременное—тѣхъ, кои ищутъ вновь къ нимъ вступить; а какъ ложа порядочная всегда состоитъ изъ членовъ 10 или 15, или много 20, то можетъ ли быть тайно и собираться такъ тайно, чтобы правительство не знало не только о членахъ всѣхъ, но и о жизни ихъ, нравахъ и поведеніи, и о томъ, въ чемъ состоитъ ученіе ихъ, въ которое всякой порядочный человѣкъ имѣетъ право искать, и войти, и самъ увидѣть. А порядочная ложа сама, яко покорная всегда Государю, выведетъ наружу фальшивую или опасную цѣль, коя случится, и не въ подчиненныхъ даже ей ложахъ. Итакъ, нѣтъ сомнѣнія дать позволеніе на работы масонскія; но весьма

тайное, дабы, узнавши о позволеніи, не стали нахально и насильно требовать принятія (а озлоблять отказомъ тоже неловко! надѣлишь враговъ вещи доброй; а если соглашаться, то налѣзутъ волки въ овечьихъ кожахъ),

Кстати, по написаніи мною письма, прошенный мною провѣдать Мезансову ложу принесъ мнѣ, взятое у одного изъ членовъ оной, по фамиліи Калачова, открытіе ея и катихизисъ (которой при семъ и выгаю), въ коемъ ничего худого нѣтъ и неположеннаго въ истинныхъ ложахъ, кромѣ неправильнаго церемоніала. А вотъ, что не можетъ быть въ истинномъ масонствѣ позволено, что масонъ называется братомъ царей; то это по квакерски. Это не годится для тѣхъ, кои должны и въ словахъ быть крайне почтительны къ государямъ, по порядку повиновенія и по должности подавать примѣръ. А слова: lorsqu'ils sont vertueux, кои я нарочно два раза подчеркнулъ, на второмъ листѣ, совсѣмъ нейдутъ, ибо масонамъ не велѣно никого судить, а особливо царей; а они обязаны повиноваться. А коли не vertueux, такъ что же? развѣ не повиноваться? и какъ объ этомъ судить? Одному кажется vertu, а другому нѣтъ; словомъ, этакое изъясненіе или преступно, или вранье. Этакого языка масоны не имѣютъ.

Написавъ это письмо, въ которомъ мое имя, подумалъ: не попало бы объясненіе о Мезансовѣ катихизисѣ въ другія руки, кромѣ вашихъ, то написалъ на особой бумагѣ, кое у сего прилагаю, на таковый случай.

32.

Марта 1-го, 1811 года.

Желаю вамъ здоровья и слышу, что вы тамъ, слава Богу, здоровѣе, нежели здѣсь, за что надобно весьма благодарить Бога, что это Его есть благословеніе и чувствовать это: то Богу сіе пріятно и вы сами почувствуете въ духѣ веселость и ободреніе и удобность къ дѣлу и мыслямъ благимъ. Предъ симъ послалъ я два письма, гдѣ писалъ о Феслерѣ и о Мезансѣ, и къ пополненію прежняго имѣю увѣдомить, что во время бытности здѣсь еще Феслера, получилъ Ив. Владим. Лопухинъ большой, слышу, пакетъ отъ Мих. Михайл. Сперанскаго: чего весьма давно не бывало, чтобъ онъ съ нимъ списывался. Хотя они люди надежные, и вѣрные Государю, но кто отвѣчаетъ за Феслера?

Слышно здѣсь стало и довольно вѣроятно, что вы будете канцлеромъ, о чемъ я сдѣлался весьма скорбенъ, полагая, что это по вліянію тѣхъ, у коихъ въ цѣли чрезъ ученую часть въ Руси ко вреду что-нибудь дѣйствовать; ибо если эта часть будетъ умножена и усилена, то она много можетъ надѣлать перемѣнъ, если обращена будетъ

не къ той цѣли, которая бы составляла покой и безопасность монарха. Во Франціи что она произвела? Хотя теперь у насъ люди и надежные Государю, но если ученость двусмысленная, кою Феслеръ проповѣдывалъ въ Берлинѣ, возьметъ свое начало и распространеніе и здѣсь, въ Руси, то она добра не произведетъ; а потому весьма не желается, чтобы она изъ рукъ вашихъ вышла. А если уже нельзя вамъ будетъ отдѣлаться, чтобы ее не оставить, то слѣдуетъ весьма попещись: если можно, выпросить Государя, чтобы досталась человѣку, вами избранному, дабы въ этотъ государственный департаментъ не влѣзли подъ разными одеждами иллюминаты и, соединясь съ тѣми иностранными, кои завидуютъ на Россію и не хотятъ связи этой, коею Россія укрѣпилась и распространилась, т.-е. монархическимъ правленіемъ и зависимостью единому Государю и подкрѣпителями или подпорами его власти, яко повсемѣстными полицмейстерами, дворянами или повѣренными отъ двора. Вотъ что, въ довѣренной съ вами бесѣдѣ, могу келейно сказать.

33.

Марта 2-го, 1811 года.

Сдѣлайте милость, если это труда никакого вамъ не сдѣлаетъ, чтобы по представленію, на сей почтѣ посылаемому отъ Павла Ивановича Кутузова, объ актуаріусѣ Волоцкомъ. Къ награжденію его чиномъ можно было представить, такъ и прошу, если это удобно; если же не удобно, по нынѣшнимъ затрудненіямъ, то воля на это ваша.

34.

Марта 18-го, 1811 года.

Поздравляю васъ съ празднованіемъ славнаго воскресенія Господа нашего Іисуса Христа. Да даруетъ онъ вамъ и всѣмъ ищущимъ царствія его возрадоваться сердцемъ и всѣми чувствами о воскресеніи Христа Спасителя, паки повторяю, дабы побудить и оживить воспоминаніе о немъ въ обмершемъ сердцѣ нашемъ.

Начинаю писать на прежнее письмо ваше о Кутузовѣ. Это правда, что онъ часто ошибается, ибо все судитъ и пишетъ ежели кому, то все по чувствамъ своимъ, не подозрѣвая о ихъ ошибочности, чему подвержены всѣ пылкіе склонные къ энтузіасму, кои не вѣдаютъ, что первое паденіе и послѣдующія всѣ отъ того, что основывались и повѣрили чувствамъ, любятъ восхищаться, но не туда; а потому что предписано и въ примѣрѣ показано чувства смирять, а ими не восхищаться; къ этому принадлежитъ, т.-е. къ восхищенію, увеличивать бездѣлицы, не обдумывать, не углубляться. Что надлежитъ до сочине-

ній Карамзина, кои даны университету за классическія книги, кои онъ, т.-е. Кутузовъ, привезъ ко мнѣ съ подчеркнутыми имъ мѣстами, на кои хотѣлъ я вамъ кое-что сказать; но это такая пустошь, что лѣнь читать и съ самаго начала, когда онѣ даны университету, лучше бы ихъ не принимать; а тогда, какъ ихъ приняли, то больше смотрѣли на то, чтобы ихъ куплей сдѣлать барышъ автору и мягкое, гладкое писаніе предпочли пользѣ. Когда-нибудь выберу не всѣ тѣ мѣста, кои Кутузовымъ подчеркнуты, а нѣкоторыя и вамъ нѣчто скажу, то вы изволите взглянуть, слѣдуетъ ли ихъ оставить, или все отставить. Теперь съ отношеніями Павла Иван. къ вамъ, по вашимъ ко мнѣ письмамъ, познакомленъ и совѣтовалъ, что ежели о чемъ онъ вамъ представилъ, то отнюдь бы не повторялъ и не наскучалъ, что и со мной по нашимъ сношеніямъ съ нимъ мнѣ извѣстно. Во многомъ, я знаю, что онъ, какъ безпокойный и назойливый дитя, чаетъ, что онъ дѣлаетъ дѣло, по его зрѣнію въ вещи, хорошо; а не подозрѣваетъ, что его зрѣніе разбѣгается и не далеко видитъ. Что дѣлать! не вдругъ человѣка изъ окружности поворотишь на прямой радіусъ къ центру. Впрочемъ, имѣю васъ увѣдомить, что я о его представленіяхъ въ чины, къ орденамъ ничего не вѣдалъ и не вѣдаю, и онъ со мной не говорилъ. Это я пишу, чтобы вы не подумали, что я какое нибудь имѣю на это моими совѣтами вліяніе,—совсѣмъ нѣтъ; кромѣ тѣхъ, за коихъ я васъ просилъ, и то потому, что меня осилили просьбами, да и то писалъ: если это легко, удобно и вамъ кажется не несправедливо; и, признаться, радъ бы, чтобъ вы нѣкоторыхъ моихъ просьбъ не исполнили. Что надлежитъ до Мезансовой ложи, то не всѣ же могли провѣдать, кому было приказано; то не надобно дивиться, что наши васъ увѣдомленія явились съ тѣми несходны, въ чемъ, я думаю, вы посланнымъ и катихизисомъ даже увѣрились: а отъ меня поручено было такъ опровѣдать, что Кутузовъ и не зналъ даже, чрезъ кого я это дѣлаю, а ложа была у Лебона, но послѣ слышалъ я, что онъ и самъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Что разбирательствомъ Феслерскихъ дѣлъ вы обратили много на себя негодованія, о чемъ много не слѣдуетъ думать: ибо вѣдая васъ (коего не слѣпымъ случаемъ поставили на это мѣсто) да молчать, то это съ ними соглашаться; они могутъ дѣлать это по невѣдѣнію, а вы бы умолчали по вѣдѣнію. То тогда бы и Богъ и правые люди, коихъ всегда немного, васъ оставили; а кои за сего Феслера вступались, то надобно смотрѣть на нихъ съ любовію и сожалѣніемъ. И скоро ли, долго ли они изъ заблужденія о немъ выйдутъ, а намъ молчать, гдѣ Богъ выдается за простаго человѣка, или еще хуже, то мы-то имъ тогда-то подобны будемъ; да и какая наша будетъ вѣрность Богу, ордену и Государю, съ коимъ связь укрѣпляется одною религіею? А

если не она, то все предано будетъ удачѣ. И у язычниковъ связь съ Государемъ какая? Религія, какова бы она ни была; но религія, на коей были основываемы и у язычниковъ всѣ клятвы. А что за религія была у язычниковъ? Это намъ извѣстно: это было служеніе силамъ натуры, а у истинныхъ законниковъ служеніе первой силѣ или силъ силѣ, т.-е. единому Богу. А чтобы перемѣнить ваше положеніе, то это не въ волѣ тѣхъ, кои не взлюбили васъ за правду предъ Богомъ, за вѣрность Государю; будьте увѣрены, если вы будете на нихъ смотрѣть съ любовью и спокойно, и весело, яко на людей ошибающихся самихъ, то будьте увѣрены, что твердость ихъ, коя основана на ошибочности противу васъ, скоро поколеблется тѣмъ паче, что у кого Богъ основаніемъ, то какая сила устоитъ? Вы же и въ званіи вашемъ не по исканію вашему, не по охотѣ. Будьте увѣрены и Богъ силы и мира будетъ съ вами.

Если о здоровьѣ вашемъ дошли до меня извѣстія неправыя, то я и впредь скорѣе имъ повѣрю; ибо желаю, чтобъ Господь сохранялъ ваше здоровье—сіи мои желанія и молитвы— и дабы вы были въ довѣренности у Государя; ибо знаю, что и его благо въ томъ состоитъ, чтобы имѣть при себѣ людей служащихъ Богу во первыхъ и ему Бога ради, а не изъ мірскихъ выгодъ, коими васъ Богъ и безъ того довольно надѣлилъ, а особливо нынѣ желаніемъ умѣренности.

Вы изволили писать, что состояніе вашего здоровья, отяжеляемое безпокойствомъ служенія, не можетъ долго продолжаться; на это есть пословица, что отъ бурь многія деревья, хотя и колеблятся, будучи по виду слабы, но стоятъ, а прочіе, кажущіеся весьма крѣпкими, вырываются съ корнемъ.

Слава Богу, что сказаніе о канцлерствѣ вашемъ неправильное, и я этому радъ: ибо въ должности вашей теперешней вамъ легче по всему и съ Богомъ, и съ Государемъ. Что надлежитъ до вашего Алексѣя Алексѣев., то онъ у меня былъ токмо съ письмомъ вашимъ и послѣ не бывалъ и ко мнѣ не ѣздитъ; и это хорошо, ибо по его лѣтамъ, рано еще нашими бесѣдами заниматься; а надобно ему напередъ оглядѣть міръ съ его красотами, да какъ онъ почувствуетъ непріятности, тогда пожелаетъ говорить, можетъ быть, еще и о матеріяхъ поважнѣе; а Павелъ Иван. желаетъ видно самъ его побуждать и мнѣ не одинъ разъ говорилъ, что онъ хочетъ ѣхать ко мнѣ, а въ самомъ дѣлѣ видно, что Павелъ Иван. хочетъ. То надобно въ этихъ случаяхъ молодость не тянуть: ибо если она и согласится, то изъ видовъ временныхъ, чѣмъ тотъ самъ, который тянетъ, первый обманется и будетъ обманутъ, къ чему Кутузовъ много имѣетъ опытовъ; но они его еще не научили.

Милость ваша великая объ актуаріусѣ Волоцкомъ, къ чему я при-

силенъ былъ и Кутузовымъ просить, ему чина черезъ 2 чина, покорнѣйше благодарю. При семъ посылаю остальныя замѣчанія на бумагу Захара Яковлевича и прошу не доводить до его свѣдѣнія, что эти замѣчанія мною дѣланы; а чтобы вамъ скорѣе были пункты, на кои дѣлано было какое замѣчаніе, то я оставилъ означенныя карандашомъ на его бумагѣ, которую, какъ отдавать будете, то прикажите бѣлымъ хлѣбомъ вычистить.

О себѣ вамъ донесу: на нѣкоторое время, сколько Богъ пожелаетъ, отъ зубной боли и флюсу мнѣ посвободнѣе. Къ замѣчаніямъ прибавилъ я и свое извиненіе.

35.

Мая 4-го, 1811 года.

Благодарю покорно, что, слышу, вы по моей крайне неохотной просьбѣ за Степанова не изволили исполнить; ибо я, по любви моей давнишней и всегдашней къ отцу, принужденъ былъ просить за сына, отцу своему не очень по мыслямъ его покорнаго; а потому и зачавшаго весь ходъ вамъ извѣстнаго исканія. Жениться, не спросясь любящаго отца и меня во всемъ по случаю сватанія дѣйствованіи, о чемъ уже отецъ и я узнали о его глупомъ освѣдомленіи послѣ (sic). А потомъ, чѣмъ кончилъ, что не спросясь отца, вдругъ присылаетъ изъ далекой деревни письмо, что онъ женился и проситъ у отца благословенія (что̀ и случилось при мнѣ, когда я у отца сидѣлъ) и пишетъ, что женился не по страсти, а по разсужденію. А за ней ничего почти нѣтъ. То при всемъ томъ, просить я за него не иначе могъ, какъ присиленъ страдательною любовью отца; но радъ былъ, если по моей просьбѣ не исполнится; такъ и случилось. Хотя, впрочемъ, отнюдь не худого поведенія, и весьма не глупъ, и къ дѣлу мірскому весьма годится; но по зрѣнію въ вещи отца его и моему, это мало для сына его. Мы хотимъ, чтобы у нашихъ дѣтей Богъ былъ первымъ началомъ во всѣхъ ихъ и нашихъ дѣяніяхъ. Вотъ нынѣ сдѣлалось извѣстно, что сынъ князя Суворова, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣрамъ отца, имѣя, слышу, къ тому многія способности, и коли воевать, то воевать бы противъ государственныхъ непріятелей; а онъ началъ воевать противу зайцевъ, и что-жъ случилось? Вѣдь это все недаромъ. На томъ самомъ названіи, если это та же рѣка, гдѣ отецъ побѣждалъ турковъ, сохраненъ и прославленъ [1]). Ибо должности Государю и государству суть должности Богу; а должность гоняться за зайцами — это должность и служба кому? Такъ какъ и травить мед-

[1]) Князь Аркадій Александровичъ Суворовъ утонулъ 12-го Апрѣля 1811 г. въ рѣкѣ Рымникѣ.

вѣдей—кому эта должность принадлежитъ, генералу или канцлеру? словомъ на (неразобранное слово) формировать свои нравы, кому принадлежитъ? и въ этомъ пособіе дѣлать ближнему примѣромъ и малыми словами (sic).

Здѣсь стоятъ большіе холода, и я ожидаю, если Богъ пожелаетъ, будетъ потеплѣе, по календарю, по планетамъ ожидать около 11-го числа.

Алексѣй Алексѣевичъ ко мнѣ не ѣздилъ, и я весьма этому не мѣшалъ; ибо весьма же надобно оглядѣть міръ и самому отвѣдать всѣхъ его пріятностей. Ибо воля человѣческая—дѣло весьма нѣжное; опытъ дастъ; а безъ того вещи важныя и для слуха тяжелы.

Прошу приказать отдать письмо; а изъ любопытства прочтите трагическую сцену.

Много и весьма много благодарю за попеченіе успѣшное и милости Θедору Петровичу о сынѣ его.

36.

Сентября 25-го, 1811 года.

По волѣ вашей, отъ боли въ груди посылаю хорошей красной мази; а что надлежитъ до другихъ болѣзней, то будьте увѣрены, что ежели бы тотъ, который вездѣ, не помогалъ внутренно и наружно, то мы бы сами, по нашему нестаранію разумѣвать прямо вещи и себя внутренно и наружно, то мы бы сами себѣ до конца допортили. Но Богъ, проницающій и охватывающій все, видимо и невидимо бережетъ, не допускаетъ, медлитъ и поправляетъ; а потому мы должны ожидать Бога и сами его не переспѣшить: онъ знаетъ всѣ наши болѣзни, коимъ нашимъ недоразумѣніемъ мы весьма помогаемъ укореняться и умножаться до того, что, наконецъ, хладъ всѣхъ насъ охватываетъ. Но Богъ, несмотря на то, разными умѣреніями и сохраненіями разгонитъ зло физическое и моральное, составляемое нами самими внутри насъ и внѣ насъ. Тако во всемъ и вездѣ. Возложи упованіе на Господа. Слово это не пустое; но это есть сила и силу производитъ. Повторяя его въ себѣ, оно меня успокоиваетъ и утѣшаетъ; а если эти два есть, то и третье есть—усиливаетъ, хотя я это и не замѣчаю. Слова: „сила моя въ немощахъ совершается", весьма глубоки.

Въ Москву я пріѣхалъ, коли Богъ велитъ не надолго, а жена и дѣти въ деревнѣ.

37.

Февраля 12-го, 1812 года.

Дай Боже вамъ здоровья и успѣху въ надобностяхъ вашихъ экономическихъ и удобности по службѣ, а паче въ преодолѣніи себя въ

работахъ духовныхъ, въ осиленіи своихъ временныхъ привычекъ и въ успѣшномъ познаніи себя самого по душѣ своей, или желаніямъ по духу своему, или понятіямъ по тѣлесности своей, или по чувствамъ. Да даруетъ вамъ Господь все это обращать на вящшее познаніе Бога въ природѣ всей, которое есть дѣйствующее Слово вотѣлесившееся, явленное видимо въ Іудеѣ, обучавшее примѣромъ и словомъ, кроткое, терпѣливое, исполненное благихъ нравовъ и истины: словомъ — сама истина. И чѣмъ болѣе ее познаете, тѣмъ паче все будетъ вамъ яснѣе и удобнѣе и благословеннѣе и въ дѣлахъ вашихъ временныхъ: ибо изъ познанія сей истины сдѣлается вамъ все, яко изъ центра настоящаго, все виднѣе и яснѣе и вы паче будете остережены, и воспособлены и сохраняемы; изъ этого-то центра дается видѣть религію не сектатически; а людей любовно и безпристрастно, и натуру видимую ясно, а невидимую безошибочно понимаемую. Сего-то ради велѣно учиться языку гіероглифическому, ибо безъ сего языка понять невидимыхъ вещей ни какъ не можно; да и видимыхъ понять нельзя, ибо и видимыя понять же надобно, кои всѣ вѣдомы по ихъ внутренности, коя невидима; къ сему потребно частое обращеніе духа къ Вездѣсущему, котораго центръ въ насъ, познающихъ Его.

Слышалъ я, что вы намѣрены пріѣхать въ Москву на все лѣто. Радъ я буду весьма; только долгое отсутствіе не дало бы больше къ успѣшному дѣйствованію врагамъ вашимъ. А не на долгое время я буду весьма радъ вашему пріѣзду. Господь васъ да сохранитъ во всемъ и будетъ вамъ покровителемъ во всемъ временномъ, къ вѣчному вашему благу.

Что надлежитъ до вашего подчиненнаго П. И. Кутузова, онъ, кажется, иногда весьма радѣетъ о исправленіи себя; но скоро ли человѣкъ возьметъ верхъ надъ своимъ сложеніемъ и привычками? Онъ представилъ о вологодскомъ директорѣ училищъ, коллежскомъ ассесорѣ Волоцкомъ, о чинѣ потому, что онъ уже 7 лѣтъ въ одномъ чинѣ; но какъ онъ особенно мнѣ извѣстенъ и по его добрымъ качествамъ любимъ мною, то я о немъ покорнѣйше васъ прошу сдѣлать мнѣ милость большую и онъ того весьма желаетъ, чтобы вмѣсто чина выпросить ему Анненскій второй степени крестъ. Кажется, это можно. Сдѣлайте милость; впрочемъ, если это нельзя, то я просьбою моею не настою, но аще есть возможность, сдѣлайте милость. Мнѣ ему желается это выпросить, и я какъ будто за себя прошу; но, при всемъ томъ, да будетъ то по волѣ Господней въ маломъ дѣлѣ и въ большомъ.

А отъ болѣзней, отъ которыхъ я страдалъ, слава Богу избавленъ, но вмѣсто того бываютъ у меня обмороки, называемые вертихами, шумъ въ головѣ уже тому мѣсяца два.

Жеребцовъ по сю пору здѣсь и уже уѣхалъ, и сколько ни старался, дабы со мной сойтись, но я отнюдь не хотѣлъ подъ причиною болѣзни моей, и въ (ложѣ) онъ не былъ ни одинъ разъ, а бывалъ не одинъ разъ у Кутузова, у котораго выпросилъ бумагу: «Чего бы держаться въ масонствѣ?», которую я не могъ зазрить и воспрепятствовать, не соглашаясь, кажется, противъ совѣсти. Таковую же копію послалъ нынѣ къ гр. Віельгорскому и писалъ ему привезти показать вамъ.

Лихонинъ писалъ ко мнѣ, якобы вы сами посылали за нимъ; правда ли это? и писалъ ко мнѣ, что вы изволите перемѣщать его подъ ваше начальство и просилъ меня попросить васъ о томъ. То если онъ пересталъ играть въ карты, то и я покорнѣйше за него прошу; а если не пересталъ, то просить не смѣю.

38.

Февраля 28-го 1812 года.

Благодарю покорно за письмо ваше, писанное въ Январѣ, а числа нѣтъ. Увѣренъ я, что вы не писали потому, что случая не было; а по почтѣ, я самъ знаю, писать не столь вѣрно. Чудно, что графъ Віельгорскій былъ у васъ только 2 раза, хотя бы часто былъ у невѣсты, но это должно мѣшать тому, почему Богомъ дается ему и хорошая невѣста [1]).

О канцлерѣ милиціонномъ уже писалъ я къ вамъ недавно, въ письмѣ съ племянникомъ кн. Григорья Алексѣевича Долгорукова и послалъ письма къ сыну, отъ коего, думаю, вы уже изволили получить. Съ нимъ переписка у меня зачалась потому, что гр. Віельгорскій чудесно чрезъ него приведенъ и онъ же представился, яко отставшій отъ пагубнаго ему самому упражненія, т.-е. картъ, то я и зачалъ съ нимъ переписку и васъ просилъ за него, коли отсталъ отъ картъ, т.-е. картежничества; а если не отсталъ, то всякое приклоненіе къ Ѳ-ну и къ братству это есть маска.

Орденскія дѣла, если совсѣмъ переиначатся, то и отъ работъ, каковы бы ни были, отстанутъ; а впрочемъ, разсадныя школы всегда таковы, ибо не одни: всѣ годные субъекты вземлются во внутренній орденъ. Но изъ нихъ иногда изо ста случится самое малое число, коихъ за сердце заберетъ высокая мораль, а духъ получитъ охоту, или инстинктъ, видѣть что-то въ обрядахъ и притчахъ языка орденскаго, и тако содѣлается ищущимъ.

Что надлежитъ до васъ, что вы не мѣшаетесь ни во что и съ

[1]) Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій женился въ 1811 г. на принцессѣ Луизѣ Биронъ-Курляндской.

вами рѣчи нѣтъ, то весьма хорошо, что не мѣшаетесь; но коли сами упражняетесь и продолжаете, то духъ отъ васъ не отступаетъ, и коли вдругъ у васъ спросятъ или зачнется разговоръ, то духъ васъ тотчасъ вразумитъ и научитъ васъ, чтó говорить, кáкъ говорить, или гдѣ промолчать; тако, помните, случилось, что вы сами жалѣли, что не взяли на все наставленія и вразумленія. Ибо Богъ власти своей никому не уступалъ и премудрость его всѣмъ управляетъ. А что нельзя быть безъ прискорбія, смотря на то, что не противоборствуется духу тьмы, это правда; то близкія, или ко благу стремящіяся существа, въ чемъ упражняются въ это время? Въ молитвѣ. То они не въ бездѣйствіи, а они дѣйствуютъ въ это время. Какъ же? Внутреннѣ; тако и Богъ наружныя свои дѣйствія только скрываетъ, а за то внутреннѣ дѣйствуетъ сильнѣе.

Попечитель, о коемъ вы спрашиваете, не сердится на васъ; а коли онъ такъ много дѣйствуетъ у другихъ, что и я слышу отъ стороннихъ даже, то это по его пылкому и дѣятельному характеру, который не любитъ выжидать, а все дѣйствовать кстати, или не кстати, то этимъ самымъ мѣшаетъ получать себѣ то, что онъ хочетъ; то этакого надобно пустить, пусть онъ вымахается и устанетъ. А между тѣмъ, самъ себѣ мѣшаетъ; то видно рано, видно надобно, чтобы онъ еще ничего не получалъ и тѣмъ бы смирился: ибо эти характеры, если они успѣваютъ въ своихъ желаніяхъ, то имъ пуще бѣда: они тутъ пуще съ собою не сладятъ. Итакъ, надобно, чтобы они своею неудачею смирялись и научались быть меньше дѣйствующими. Впрочемъ, онъ нерѣдко у меня бываетъ; но о своей должности не спрашиваетъ, кромѣ когда бываютъ ему когда какія неудовольствія, да и то весьма рѣдко, часто, дѣло испортя. Что надлежитъ до Чеботарева, то надобно бы сына нѣсколько щадить для отца, а отца сберегать для Ѳедора Петровича, который давно съ отцомъ весьма друженъ; но въ этакой политикѣ пылкіе и дѣйствующіе характеры неудобны, онъ же своихъ неудовольствій скрывать не умѣетъ. Неудовольствія же эти идутъ издавна, ибо Чеботаревъ весьма желалъ, чтобъ былъ попечителемъ сынъ графа Владиміра Григорьевича Орлова, который его ученикъ и весьма къ нему приверженъ; а уже разумѣется, что не Орловъ правилъ бы университетомъ, а чрезъ него. К. Козловскій поѣхалъ въ Ярославль и теперь тамъ; съ тѣмъ поѣхалъ, чтобы сдать Приклонскому, правящему отъ Лѣнивцева, и его; а сдастъ ли—не знаю. Мнѣ крайне жаль, что вы, дѣлая милость ему, вошли въ это; а онъ очарованъ Лѣнивцевымъ; а попалъ въ эту сѣть по тому же, почему и долженъ Лѣнивцеву суммою, о коей вы ко мнѣ писали. Итакъ, одна страсть вовлекаетъ въ другія. Этакъ случилось съ покойнымъ кн. Димитріемъ Юрьевичемъ Трубецкимъ. Онъ заложилъ за одного свой домъ,

въ коемъ жилъ; то за этотъ долгъ описали было его домъ. Всѣ эти обстоятельства научаетъ обдѣлывать и остеречься и изъ долговъ выдти Богъ; молитесь ему въ простотѣ сердца и въ дѣтской преданности; сей всемогущій и милосердый, Онъ силенъ зачать, выводить и вывести изъ долговъ царя и подданныхъ. Если бы это знали, весьма бы дѣла поправились и изъ долговъ вышли; но зачать надобно чисто жить и молиться. Вы изволите писать, гдѣ де совѣсть? Но у игрока совѣсть и разумъ въ картахъ; уже онъ того не видитъ, что̀ видитъ другой человѣкъ, ибо душа его въ картахъ.

Лихонинъ правду сказывалъ, что я былъ нездоровъ; а теперь всѣ мои болѣзни вошли въ то, что у меня дѣлаются иногда вертижи и къ тому же разныя безпокойства: у меня сынъ большой крайне боленъ въ Крыму, въ Ѳеодосіи, другое письмо получаю.

А что надлежитъ до меня, я и проѣзживаюсь, и благодаря Богу, прочія боли попрошли, но иногда вертижи бываютъ и шумъ въ головѣ.

Подкрѣпите Віельгорскаго, онъ молодъ, новъ, неуставленъ, неукрѣпленъ; слово ваше одно много надъ нимъ подѣйствуетъ и его сбережетъ.

39.

Марта 26, 1812 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ Января нынѣшняго года, а числа нѣтъ. По почтѣ и я къ вамъ не пишу—не для того, чтобы въ перепискѣ нашей могло быть что-нибудь правительству или Государю неугодное; но сердечныя, покаянныя чувства не должны быть открываемы и своимъ многимъ, кольми паче стороннимъ.

Что графъ Віельгорскій у васъ былъ два раза только, это по его молодости, неопытности; ему я сказывалъ самъ, чтобъ онъ по крайней мѣрѣ съѣздилъ къ вамъ въ недѣлю разъ: 1) для пользы его, а 2) доставить вамъ бесѣду пріятную, когда есть: ибо онъ изрядный человѣкъ весьма и къ добру расположенный; а потому Провидѣніе устроило такъ, что житіе его въ деревнѣ 15 дней и пріѣзды его, прежде еще частые, въ Москвѣ не были безполезны и подѣйствовали на перемѣну его жизни. Но онъ слыша отъ меня, чтобы къ вамъ ѣздилъ, а Лихонину, яко не отставшему отъ картъ, этого бы не сказывалъ для того, чтобъ не дать случаю картежника съ вами сближать. А Віельгорскій по добротѣ сердца считалъ, что это лежать будетъ у него на совѣсти, чтобы не сказать Лихонину, считая его однимъ изъ средствъ, чрезъ которое онъ познакомленъ со мною и съ Ѳ—мъ, что я и велѣлъ ему вамъ разсказать, какъ это все Провидѣніе устроило.

Но нынѣ я писалъ паки къ нему, что ѣзда къ вамъ и несказываніе о томъ Лихонину не можетъ быть противъ совѣсти, ибо тутъ заключается спокойство вамъ и несближеніе съ вами человѣка, безполезное, яко преданнаго преступной себѣ самому и ближнимъ страсти. Канцлеръ милиціонный, какъ называете, или Лихонинъ, пишетъ ко мнѣ прекрасныя, и покаянныя, и увѣрительныя письма и другіе о немъ, что онъ отъ картъ отсталъ, чему бы я, любя его, и радъ повѣрить, но, зная страсти человѣческія, какъ онѣ глубоко внѣдриваются, всего этого увѣренія для меня мало. Теперь я слышу, что онъ ѣдетъ въ армію, то само собой удалится ѣзда его къ вамъ, а тамъ карты всегда были въ великомъ ходу, то, какъ онъ найдется въ этакомъ искушеніи, увидимъ. Богъ его да не оставитъ; мнѣ его жаль. А онъ со мною въ перепискѣ сталъ съ тѣхъ поръ, какъ Віельгорскій сближенъ съ нимъ Провидѣніемъ.

Что надлежитъ до орденскихъ дѣлъ, имъ нельзя не быть таковымъ: ибо по незнаемой дорогѣ, безъ проводника, кто пойдетъ безъ ошибки? а потому надобно на нихъ смотрѣть, какъ на дѣтей, кои однако сами признаются, что они вещи не знаютъ, но ее любятъ.

Что надлежитъ до тѣхъ, кои особливо по Феслеровой исторіи сдѣлались или открыли себя наипаче вамъ врагами, но ваше дѣло справедливое, Государю и отечеству полезное, то за правду никогда безъ враговъ не обойдется. Вотъ теперь слышу, одинъ изъ большихъ вашихъ враговъ въ какомъ-то дѣлѣ попался безъ вашего ему попеченія, что, я думаю, будетъ имѣть великое вліяніе на ходъ дѣлъ. Не наше дѣло; а Богъ вотъ что дѣлаетъ, и какъ выводитъ наружу плутни и несчастное искушеніе сребролюбіемъ и властолюбіемъ.

Вы желаете знать, что попечитель вашъ дѣлаетъ? На это скажу, что когда не въ импетномъ положеніи, то я не перестаю ему говорить объ исправленіи; но скоро ли отъ закоренѣлой привычки человѣкъ отступаетъ? Скоро ли глухота пробьется и дойдетъ до сердца, кое у насъ все одѣто страстными привычками весьма намъ самимъ вредными. А мы съ ними, и видя, и вѣря, не сладимъ, а если еще и не вѣримъ и прочные пороки и слуха своего не обращаемъ выслушать о нихъ, ибо съ ними стѣлесились такъ, какъ и Кутузовъ. Пролож онъ не даетъ себѣ и выслушать, а что надлежитъ до Ѳедора Петровича, онъ весьма на него разсердился за Чеботарева, а потому онъ и мѣру потерялъ и тѣмъ паче, что другой свое зло, свои привычки, страсти можетъ сколько-нибудь скрывать, а онъ не можетъ, въ немъ и худо и добро видно. А изъ университета вышли при немъ только двое, слышу Чеботаревъ да Буле; а и о наградахъ недавно я ему говорилъ, коли бы онъ не метался въ стороны, то что-нибудь уже бы получилъ.

Что надлежитъ до князя Козловскаго, то онъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга, весьма ослабъ; ѣздилъ въ Ярославль и откупу, слышу, не сдалъ для того, что у этого, который бы хотѣлъ снять Приклонскій, залогу нѣтъ и пріѣхалъ оттуда крайне боленъ слабостію. Всегда эти люди, какъ здоровы, да крѣпки, то слушать не хотятъ; а теперь и радъ бы слушать, да уже какъ помочь? Теперь между жизнью и смертью; консиліумы были, и тѣ то же говорятъ. Крайне жаль, что заложили за него; вы дѣлали изъ благотворенія одного; жаль, да что дѣлать? Богъ же долженъ помочь. Коли умретъ, вы должны будете своего смотрителя приставить; то не будетъ ли барыша по Ярославлю на счетъ кавказскаго убытку. Что дѣлать съ этими картежниками? Потому-то я и Лихонину, при всемъ его и другихъ увѣреніи, не вѣрю, чтобы онъ вылѣзъ изъ сей страсти. Крайне мнѣ жаль, что вы повѣрили свои деревни въ откупъ, но что дѣлать? Наше дѣло ошибаться, повѣрить тому, кому не должно; а кому избавить изъ всего сего?—Богу, премудрости его, который всѣ наши ошибки поправляетъ.

Вотъ и теперь, человѣкъ, коему дана была великая довѣренность, слышу, какъ ее сохранилъ Сперанскій и что его паче всего искусило? Сребролюбіе и властолюбіе. Кому-же все это поправить и сохранить? (Но онъ не изъ брр., а съ Феслеромъ хотѣли свое завести, чтобы можно было всюду поворачивать). Богу всевидящему и всемогущему. Вы писали, что Богъ де въ одинъ мигъ можетъ все поправить и перемѣнить. Не такъ ли теперь все и дѣлается? Только вотъ замѣчаніе мое: тѣ, кои могутъ паче теперь вѣрностію своею Государю послужить иногда словомъ однимъ, должны зачать вести чистую жизнь и когда же нибудь надобно же ее зачинать; неужли зачинать съ той минуты, когда смерть придетъ? Уже тогда поздно. Мы познающіе и познавшіе исторію творенія, не есмы земные человѣки; мы небесные человѣки, а потому и жизнь нашу обязаны сообразовать и привыкать къ тѣмъ нравамъ, къ той чистотѣ; слѣдовательно, отвращаться отъ привычекъ скотской жизни.

Мнѣ тамошнія обстоятельства совсѣмъ не видны, а кажется, время теперь вамъ Государя не оставлять и изъ Петербурга не отъѣзжать, ибо что надлежитъ до сватьбы, это дѣло инкогнитное,—можете такъ тихо, такъ скоро сдѣлать, какъ угодно. Кто васъ къ сему принуждаетъ? Воля ваша. Сватьбы же всякаго рода таковы, что чѣмъ ихъ дѣлаютъ инкогнитнѣе, тѣмъ лучше, покойнѣе и дешевле. Даже мнѣ бы хотѣлось увидѣть васъ; но одно дѣло важнѣе другого, а потому сами изволите подумать, какъ лучше. Богъ вамъ къ тому да поможетъ и вразумитъ на полезнѣйшее.

40.

Апрѣля 17-го, 1812 года.

Третій день, какъ похоронили князя Николая Михайловича Козловскаго, который во всю свою жизнь бился со страстями своими и уже видно сильно почувствовалъ тогда, какъ пріѣхалъ изъ Петербурга, ибо тогда онъ такъ упалъ, такъ зачалъ слабѣть, что весьма стало замѣтно. Но по нуждамъ своимъ поѣхалъ въ Ярославль, и думали мы, что онъ поѣздки этой не одолѣетъ; но однакожъ съѣздилъ и сталъ еще слабѣе до того, что принуждены были консиліумъ сдѣлать, о чемъ я и писалъ къ вамъ, и зачали его лечить; и помогли было, такъ что зачалъ вставать съ постели и бродить въ комнатѣ; но неосторожная отдача письма, изъ Ярославля полученнаго, и къ тому же и еще полученное о долгахъ сына, который въ гвардіи, коихъ пришелъ кредиторъ требовать. Это одно къ одному убило его, такъ кровью зачалъ кашлять и окончилъ жизнь. Тако мы всѣ бьемся со страстями нашими и нашею суетною жизнью, и несовершенное наше обращеніе къ Господу не даетъ намъ успокоиться отъ безпокойства, хлопотъ и тоски, которая, если рѣзкихъ и рѣшительныхъ мѣръ не примемъ, убьетъ насъ. Онъ по несчастному, противъ совѣта друга, сближенію съ Лѣнивцевымъ не могъ воспользоваться два раза благодѣтельною вашею помощію. Долги убиваютъ человѣка безпокойствами, кои идутъ, умножаясь. Теперь по долгу моему любви и преданности къ вамъ, сберегая духъ вашъ, долженъ совѣтовать вамъ: не жалѣйте вашего имѣнія, сбросьте лишнюю и слишкомъ лишнюю часть, продайте, успокойте себя въ долгахъ вашихъ; продайте за безцѣнокъ, то вы останетесь еще крайне богаты и покойны. Вы сами рады будете, ибо духъ вашъ успокоится. Долго ли намъ жить? Все это я пишу, слыша отъ Лихонина, сколько вы имѣете безпокойства; если я не буду заботиться и не напомянулъ бы вамъ, то гдѣ же моя любовь къ вамъ? Словомъ, лишитесь за по (неразобранное слово) части имѣнія вашего продажею. Мы теперь подъ старость должны улаживать дѣйствія наши, коими мы въ молодыхъ лѣтахъ больше въ воображеніи восхищались. Господь вамъ дастъ на это силы духа—быть надъ имѣніемъ, а не подъ имѣніемъ, коимъ довольствоваться малое осталось намъ время.

Слышу я, что, можетъ быть, не буду имѣть удовольствія здѣсь васъ видѣть, ибо учрежденный комитетъ, въ отсутствіе Государя, не допуститъ васъ пріѣхать въ Москву. Впрочемъ, самая большая моя нужда, чтобъ вы были здоровы, успокоены и первая ваша цѣль была въ связи Ѳ-на и его работъ, исканіе и алканіе Господа нашего Іисуса Христа.

Прошу покорнѣйше приказать доставить письмо Василью Степановичу и графу Вьельгорскому.

41.

18-го Декабря, 1812 года.

Уже давно не было возможности писать вамъ. Увѣдомьте, прошу покорно, о здоровьѣ вашемъ. Слава Богу, что Онъ привелъ непріятелей Россіи въ такое положеніе, что наши получили паки поверхность надъ тѣми, надъ коими они и прежде превосходствовали. Видно, въ планѣ правосудія назначено было Наполеону разбиваться зачать о Москву: ибо всякія неистовства, дѣланныя въ другихъ мѣстахъ, съ рукъ сходили до сихъ поръ; но съ сей эпохи должно было начаться разрушеніе его. Тако всѣ называемые побѣдители возрастають до нѣкоторой мѣры эгоизмы своей, а потомъ во чтб могутъ обратиться! Тако городамъ и народамъ свой предѣлъ, тако и Москвѣ. Она безпрестанно строилась и расширялась, несмотря на дороговизну, умножающуюся безъ мѣры. Вотъ уже теперь не до того, чтобы расширяться, а будетъ-ли возможность во много лѣтъ хотя нѣсколько обдѣлать то, чтб огонь поѣлъ. Вотъ клубы умножаемые, вотъ статуи поставляемыя, вотъ стремленія тѣхъ, кои старались, чтобъ ихъ имена въ память потомству были написаны! Не возможно ли замолвить слово, дабы его разобрали. Чѣмъ онъ столько виноватъ? Сдѣлайте милость, незабудьте; имѣйте милостивое попеченіе, дабы его избавить (о Ключаревѣ пишу).

Въ Москвѣ домъ вашъ Богъ сохранилъ, но все еще онъ остается подъ платежемъ поземельнаго сбора. Не возможно ли постараться, чтобъ платежъ съ Москвы разоренной сложили, ибо и тѣхъ дома, кои остались, могутъ ли доходъ съ нихъ получать для оплаты поземельныхъ, когда и самимъ тамъ жить тяжело, ибо изъ жилья сдѣланы пустыри. Сказываютъ, одна улица осталась цѣлая: отъ Сухаревой башни до Креста, гдѣ не лучше торгъ бываетъ. Участь человѣковъ, участь городовъ, участь государствъ! На Москву пришло смиреніе послѣ одушевляющаго веселія и праздности: клубовъ, баловъ, театровъ и проч. Провидѣніе велитъ одумываться. Жизнь наша коротка, а исполнена великихъ перемѣнъ: возвышенія и пониженія, а все это войдетъ въ океанъ вѣчности, и мы очутимся въ новыхъ стихіяхъ, съ новымъ тѣломъ; а стремленія духа нашего куда? Туда и инстинктъ нашъ приведетъ. Коли горѣ, то возвысимся въ благополучныя страны, а коли долу, то очутимся въ турбилліонѣ стихій борящихся: хлада, жары, вихря и отяжелѣнія.

Поздравляю васъ, что труды ваши въ московскомъ домѣ вашемъ и въ Горенкахъ не разорены.

Плѣнные нынѣ разсказываютъ, что во все время бытности ихъ въ Москвѣ всѣ они чувствовали нѣкоторый страхъ, а когда всходили на колокольню Ивана Великаго, то къ той сторонѣ, гдѣ Троица Сергіева, видѣли великое ополченіе, а потому, слышу, они къ той сторонѣ не были, даже по Троицкой дорогѣ, въ Алексѣевскомъ, кое пять верстъ отъ Москвы, они не были. Страхъ, чувствуемый всѣми, отъ чего происходилъ? Вотъ рѣшить задачу тѣмъ, кои стремятся вѣдать сокрытая для вюльгеровъ, а открываемая пекущимся о полученіи страха Божія.

Письмо сіе посылаю я къ вамъ вашей команды съ коллежскимъ секретаремъ Волоцкимъ. Сдѣлайте милость, по представленіямъ о немъ и объ отцѣ его, директорѣ училищъ въ Вологодской губерніи, о коихъ объ обоихъ представлено, нельзя ли сдѣлать милость — отцу крестикъ, а сыну—чинъ; къ случаю и ко времени, весьма это возможно. Насилу предсталъ мнѣ случай писать къ вамъ, кои рѣдки, а особливо сюда. Если изволите писать, то съ этимъ же ѣздокомъ, при обратномъ его пути. Послѣднее ваше письмо получилъ я съ Курбатовымъ передъ взятіемъ Москвы. Если Наполеонъ уйдетъ изъ рукъ за-границу, то нельзя намъ остаться спокойными. Хотя арміи его и крѣпко бока обили, но онъ самъ избѣгъ, и, кажется, произойти могло это отъ несогласнаго дѣйствованія всѣхъ, можно сказать, армій, ибо всѣ или не смѣли, или не удалось напасть на толщу его корпуса, окружая его даже съ четырехъ сторонъ.

Богу надобно самому безъ насъ повелѣть избавить насъ отъ сего врага, о чемъ тѣ, кои болѣе вѣдаютъ крѣпкаго во браняхъ, должны молиться и просить. И кому же прибѣгать къ нему, какъ не тѣмъ, у коихъ первая изъ должностей: его познавать.

Лихонинъ меня увѣрилъ, что онъ пересталъ играть въ карты; то я опять началъ его любить и посылаю ему письма. Сдѣлайте милость, прикажите ему отдать.

Поздравляю васъ съ нынѣшними праздниками, долженствующими насъ восподнимать, отяжеляющихъ себя суетою міра, которая называется въ здѣшнемъ мірѣ сатана.

42.

11-го Января, 1813 года.

Случай есть писать къ вамъ, — то и не могу пропустить: Павелъ Иван. пишетъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Благодарю покорнѣйше, что вы выпросили ему денегъ на проѣздъ. Сдѣлайте милость, выпросите ему что-нибудь для ободренія его, что можно: онъ съ ошибками большими, но у него нѣтъ скрытаго и человѣкъ облагодѣтельство-

ванный вами. Не оставьте его: онъ требуетъ наставленія; говорите ему безъ всякой бережи, что видите за нимъ худого и ошибочнаго. Онъ очень опрометчивъ и вы будете ему вмѣсто отца. Что дѣлать! Другой бы былъ на его мѣстѣ съ злобою и хитростію и скрытностію, то это бы было хуже. Мы ошибки и худобу другихъ больше видимъ, нежели прочіе люди; но въ насъ есть большая сила извинять это слабостью грѣшника стоять противу грѣха, который есть корень всякаго худа; а корень всегда скрытъ. Многіе люди командуютъ, а малые токмо наставляютъ и учатъ; а сколько людей, не имѣя наставленія, падаютъ смертно; потому-то Дмитрій Ростовскій въ своихъ предикахъ говоритъ: еслибы де на всякаго человѣка было по учителю, то и этого было бы не довольно. По учителю, разумѣется, не такому, токмо который хочетъ, но который можетъ и умѣетъ учить.

Слава Богу! Господь не кинулъ Россію; а, предавъ Москву, сокрушилъ врага, заморозилъ его, оголодилъ и предалъ. Когда стихійныя силы обратятся противъ, кто постоитъ? онѣ у Бога браней въ совершенной власти. Противу лица мраза его, кто постоитъ? Господь сокрушилъ врага.

У меня на Гороховомъ полѣ сгорѣлъ домъ до тла. Что дѣлать! Богъ далъ, Богъ и взялъ; воля Господня да будетъ. Придетъ время, Богъ и кожу нашу возьметъ, тѣмъ-же огнемъ, но медленнѣйшимъ. Гніеніе, тлѣніе—тотъ-же огонь. А дома, два въ Красномъ Селѣ, Господь чудеснымъ образомъ сохранилъ. Буди имя Господне благословенно. Берегите свою внутренность отъ духа міра, который если ее займетъ, то духъ обратится во мрачность, въ разсѣяніе, въ тоску и уныніе, которое есть путь ада.

Сіе письмо я самъ написалъ о Кутузовѣ, прося; а онъ, видно, не смѣлъ, не просилъ меня.

43.

5-го Іюня, 1813 года.

Уже весьма давно не имѣлъ удовольствія писать къ вамъ, а теперь уже и по временнымъ вашимъ надобностямъ обязанъ увѣдомить васъ по присланной ко мнѣ отъ Ларіонова, извѣстнаго вамъ, выпискѣ изъ журнала о статьяхъ, коихъ назначено отъ владѣльцевъ отобрать о вторичномъ представленіи, дабы вы изволили быть извѣстны.

О себѣ имѣю васъ увѣдомить, что я все еще живу за Вологдою, съ тѣхъ поръ, какъ французы насъ принудили выѣхать изъ областей Москвы, и пока враги человѣчества не низложатся совсѣмъ, то въ Москвѣ обстроиваться и обдѣлываться нѣтъ еще охоты, ибо по газетамъ войнѣ сей конца еще не видно.

Богъ, видно, Германію не скоро избавитъ отъ сей саранчи, которая все намѣрена пожирать, дабы и самой на развалинахъ другихъ погибнуть, ибо будетъ же и ей конецъ, если не при жизни нашей, то послѣ; а наша жизнь недолга, уже все пройдетъ и внидетъ въ океанъ вѣчности. Едино благо, кому извѣстно основаніе сего океана: сей можетъ утверждать ногу свою и возрастать въ надеждѣ, яко въ центрѣ или основаніи сего океана, дабы основать здѣсь еще благополучное свое состояніе и утверждаться на второмъ совершившася, дабы получить третье, когда будетъ tout par toutes. Вы уже переселились въ Петербургъ такъ, что уже едвали есть надежда вамъ быть въ Москвѣ и мнѣ видѣться съ вами въ здѣшней жизни. Но центръ соединенія всѣхъ, коли не будетъ изглаженъ изъ памяти и сердца, такъ распространится въ окружности и обниметъ весь неизмѣримый кругъ, дабы все радовалось, веселилось и успокоивалось, такъ что лишеніе радости этой и покой не придетъ и на память; сею идеею увеселяясь, да приближаемъ вѣчность благополучную къ себѣ, означаемую въ чистой молитвѣ: *да пріидетъ царствіе Твое.*

44.

12-го Августа, 1813 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше съ гр. Віельгорскимъ, который съ тѣхъ поръ, по причинѣ перемѣнной лихорадки, продолжавшейся однако по сю пору, пробылъ здѣсь; а въ это время г. Лихонинъ ѣздилъ, по своимъ надобностямъ, въ Рязань.

Время нынѣ такое и внѣ, и внутри насъ, что самое лучшее ни на чемъ не успокоиваться, кромѣ у ногъ Господа нашего и Спасителя: душу нашу словомъ его насыщать, читая св. писаніе или размышляя о немъ; а духъ нашъ поучая тайнамъ его, въ отворяемой нами, по милости его, природѣ—или одни, или съ тѣми, коихъ онъ намъ же далъ для дружества, идущаго съ нами въ вѣчность. Прочее, хотя и должности наши, все суета, кою мы въ вѣчности забыть должны; а коли не забудемъ, то мученіе наше всюду пойдетъ съ нами и затворитъ намъ двери въ благополучную намъ вѣчность.

Гр. Віельгорскій, несмотря на его лѣта, стоитъ того, чтобъ его я рекомендовалъ вамъ: хотя молодого человѣка, но весьма скромнаго, смышленнаго, вѣрнаго и украшеннаго многими рѣдкими свойствами, кои пріобрѣли ему мою довѣренность; и при предложеніи ему заочно мѣста на мѣс. маст. въ (ложу) дикторіальную Бебера и другую, не дали возможности отсовѣтовать ему, что бы было противу моей совѣсти и вѣдѣнія. Сколько имѣютъ нужды нравы молодыхъ и немолодыхъ людей въ ложахъ, дабы имъ быть направляемымъ къ пользѣ ведущей,

дабы содѣлывать ихъ угодными Создателю, вѣрными Государю, полезными отечеству.

Коему, рекомендуемому мною, слѣдуетъ мнѣ испрашивать у васъ особеннаго вашего покровительства, довѣренности и милости.

Другой, товарищъ его въ пути, тоже заслуживаетъ, по привязанности его къ работамъ, формирующимъ вѣчнаго человѣка, чтобы я паки рекомендовалъ его вамъ не оставить его; ибо эти люди и близкіе въ ихъ связи весьма достойны особенной милости вашей, довѣренности и покровительства. Ибо, гдѣ можно найти людей, надъ коими Провидѣніе такъ работаетъ, дабы содѣлать ихъ Богу угодными и полезными ближнимъ. Выйдетъ наконецъ, что тѣ одни должны быть въ близкомъ и короткомъ нашемъ союзѣ, кои себѣ самимъ и намъ служили напоминаніемъ о святости и чистотѣ должностей нашихъ и о содѣланіи намъ живѣе свойствъ великаго нашего примѣра, царя и Господа. Дабы привычки наши содѣлывать небеснѣе, ибо жизнь наша близка къ концу, то если мы заранѣе не оживимъ вѣчныхъ въ себѣ свойствъ, съ которыми намъ выдти отсюда, то уже кто намъ тамъ будутъ сотоварищами, кои помогутъ оживлять благія свойства, кои одни и могутъ быть дверями въ небесныя наши селенія. Пока живы мы, да молимся другъ за друга, ибо тѣмъ пользуемъ ближняго нашего и сами въ это время стоимъ предъ солнцемъ правды, освѣщаяся его лучами, въ коихъ его свойства, къ коимъ чрезъ то и мы привыкаемъ.

45.

29-го Января, 1814 года.

Весьма рѣдки случаи эти, что вы имѣете удобность писать ко мнѣ и я также; но премудрость пекущаяся даетъ къ тому удобности. Благодарю покорнѣйше за письмо ваше, отъ 19-го Декабря, съ сыномъ моимъ. Свиданія наши не ожидаемы, но чего Богъ и его премудрость содѣлать не могутъ; а теперь видовъ никакихъ нѣтъ, но пока списываться вотъ случаи подаются же.

Старѣемся мы въ мірѣ семъ—это правда, но къ вѣчности молодѣть должны. Дѣвичье молоко, коимъ оживляться можемъ и имѣемъ, на кое указывается въ алхиміи, не неудобно во нравахъ и понятіяхъ или въ душѣ и духѣ и нынѣ пособляя себѣ молитвою потовою, чтеніемъ и размышленіемъ.

Въ Москву мнѣ ѣхать и нельзя по запущенности здѣсь всего, такъ что въ своей деревнѣ живемъ все на покупномъ. На Ключарева сердечнаго пришло искушеніе, безъ чего въ жизни кто проживетъ вѣкъ? Случаемъ писать къ нему, представляющимся, воспользуюсь, если

успѣю: ибо по слабости моей не всегда могу и успѣю. Благодарю покорнѣйше; вамъ, конечно, скучно и тяжело ѣхать въ Москву.

О томъ, что дѣлается въ арміи, извѣстія имѣю и вотъ что заключаю: если дадутъ время Наполеону своихъ понаучить и приготовить, то онъ паки надѣлаетъ хлопотъ, кои еще не кончились. Кутузовъ опрометчивостію своею, ревностію не по разуму, эгоистическимъ наваливаніемъ знаній, много самъ себѣ дѣлаетъ вреда; а это самая правда, что вы изволите писать, что если бы онъ блеснулъ бытіемъ своимъ и знаніемъ, и уѣхалъ, весьма было бы хорошо (не докончено).

46.

22-го Марта, 1814 года.

Желаю вамъ во всемъ милости Господней, сохраненія вашего здоровья и во всемъ благосостоянія, а особливо помощи въ работѣ души къ благополучной вѣчности.

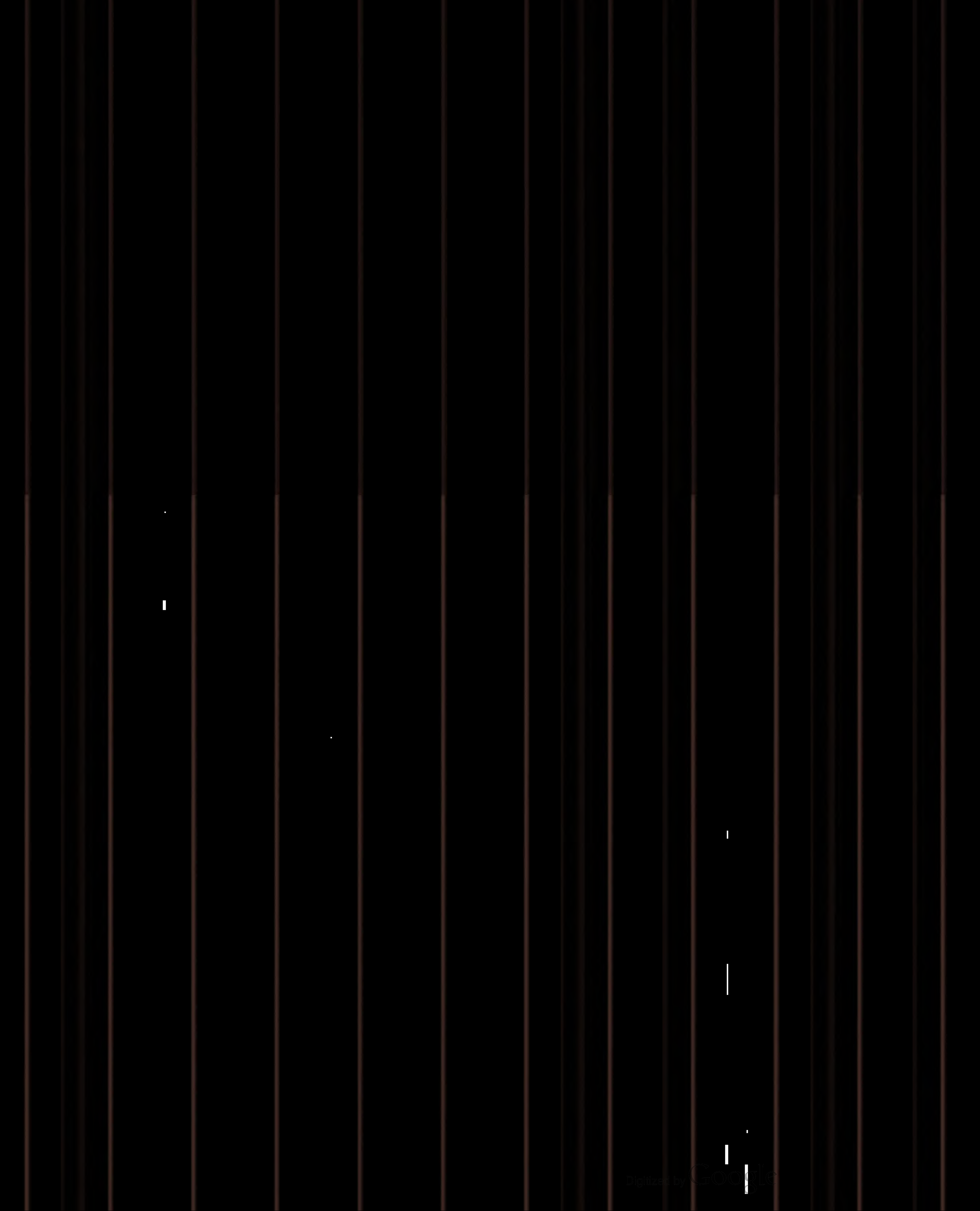
Изволите припомнить, что я писалъ о стараніи нѣкоторыхъ и о слухѣ потому, что хотятъ наложить на сожженную и разоренную Москву опять поземельныя деньги; вотъ теперь это въ точнѣ исполнилось и публиковано въ газетахъ Московскихъ, № 20, особымъ листомъ отъ Городской Думы, съ котораго копію у сего влагаю. Вмѣсто ожидаемой помощи разореннымъ жителямъ, отъ полиціи учрежденной, вотъ теперь сборъ съ сожженныхъ въ корень домовъ и мѣстъ. И съ кого собирать? вмѣсто того, чтобы дать поправиться и сколько-нибудь обстроиться, то и не давъ выстроиться даже; а которые дома Господь чудесно сохранилъ, то изъ нихъ все разграблено; а съ другихъ осталась одна пустая земля и хозяева въ корень разорены. И такъ и вы находитесь въ положеніи много потерявшемъ во время нашествія непріятеля. И даже въ требованіи поземельныхъ денегъ не исключено и то время, когда Москва не наша; то судите, нѣтъ ли возможности какъ-нибудь предстательствовать у Государя, дать отдыхъ на нѣсколько лѣтъ, дабы оправиться. Сами разсудите и, если возможно, помогите бѣдности жителей вашимъ предстательствомъ у Государя. За кого же вступиться, какъ не за разоренныхъ? Богъ вамъ да подастъ къ тому средства и поможетъ, дабы ходатайство ваше было успѣшно.

47.

24-го Апрѣля, 1814 года.

Благодарю покорнѣйше за письмо ваше отъ 11-го Марта съ гр. Віельгорскимъ.

Что вы изволите писать о графѣ Віельгорскомъ, то сами замѣ-



Что надлежитъ, о которой вы пишете (sic), вѣдь вѣрѣ надобно учиться сперва, а потомъ понимать, т.-е. обнимать; а безъ того вѣра будетъ слѣпая, сбивчивая, т.-е. знать какъ раскольники: они говорятъ и не понимаютъ, а довольны только словами безъ понятія;—такъ наши наружные религисты.

Что вы собой недовольны, это хорошо; а какъ будете понимать, то будете довольны: ибо обнимать будете свѣтъ, а свѣтъ сладокъ, утѣшителенъ; тогда будете довольны. Представьте красавицу: какъ бы ни красива она была по наружности, но дура, то скоро ею наскучите; а коли умна, то долго ею утѣшаетесь: ибо настоящее утѣшеніе есть духовное утѣшеніе, а не тѣлесное. И судите, коли вы сами себѣ служите загадкою, то какъ же Кутузову не казаться вамъ загадкою; а потому-то познаніе себя необходимо для твари и это есть подобіе Божества. Богъ самъ себя совершенно знаетъ и предписываетъ человѣкамъ: будьте совершенны, яко же и Отецъ мой небесный совершенъ есть; то познаніе себя есть свѣтъ видѣть себя.

Мѣсто ваше истинно не даромъ дано вамъ, а не вольнодуму, и коли вы станете и попустите себя желать выходить изъ него и желаніе сіе васъ осилитъ, то Богъ васъ оставитъ самому себѣ и тогда сами будете недовольны; а что вы говорите, что мало успѣли, то уже по этому много успѣли, что мѣшаете вольнодумству (кому-нибудь и изъ иллюминатовъ, коего, коли вы отойдете, на ваше мѣсто поставятъ), поставить престолъ свой и распространяться: отъ чего государства гибнутъ.

А что вы говорите, теряете терпѣніе: неужели не надобно принуждать себя къ терпѣнію и имѣть охоту? къ чему разумъ, добродѣтель и долгъ, служить Богу, а не человѣкамъ и себѣ, велятъ. А что вы говорите,—найдутся люди это дѣлать безъ васъ; но не другимъ людямъ велѣно дѣлать, а вамъ; то уже отъ возложенныхъ на васъ должностей и не пятьтесь. Поздравляю и я васъ съ праздникомъ являющимъ надежду всеобщаго воскресенія, коего намъ, коимъ даны многія тайны Господни, дожидаться въ страданіяхъ долго; то должны желать и знать прежде, дабы быть возрожденными: чего вамъ и себѣ желаю и молю Господа милосердія и щедротъ.

Вы думаете оставить ваше мѣсто; а Государь васъ весьма уважаетъ и вы можете имѣть большое вліяніе; ибо я слышалъ за вѣрное слова его о васъ съ такой стороны, откуда не чаятельно бы знать, но неловко написать въ письмѣ; Государь же нынѣ, слышно, совсѣмъ перемѣнился противъ прежняго; то еслибы вы сблизились съ Голицынымъ, коего, слышу, жизнь нынѣ другая, то много бы добра могли сдѣлать и услуги Государю и государству.

Прошу покорно, сдѣлайте милость, страждущему помогите—от-

могутъ дать хлѣба сверхъ своего обихода, и бѣда будетъ отъ своевольства мнимой гражданской свободы и при оголеніи войсками и войскъ изъ государства. Земскими судами государства не устоишь и не принудишь къ повинностямъ (и на комъ больше недоимки, податей? на казенныхъ крестьянахъ), кои всѣ больше тащатъ съ крестьянъ, яко пастыри; имъ же несутъ овцы своя, кои должны дѣлиться съ высшими себя.

Благодарю покорнѣйше, что вы отпустили Віельгорскаго; прошу покорнѣйше и впредь ему не отказать въ таковыхъ отпускахъ. Онъ весьма достойный молодой человѣкъ и, выработавши себя, можетъ быть во всякой части полезенъ, распространяя въ себѣ свѣтъ Ѳ—на.

49.

Письма безъ чиселъ.

Привлечетъ благословеніе Божіе на царствованіе благополучное и продолжительное Государя и обратитъ сердца въ любовь къ нему и желаніе долѣе быть подъ его правленіемъ.

Благодарю покорно за остереженіе отъ ch. de Maisance: онъ сюда, слышу, привезъ большія о себѣ рекомендаціи отъ Жеребцова къ гр. Кутайсову молодому, чтó его весьма познакомило и съ гр. Мамоновымъ и онъ теперь весьма близокъ съ ними и гр. Кутайсовымъ. Разсказывая о семъ Мезансѣ Кутузову, самъ хвалитъ его до чрезвычайности, что вотъ-де человѣкъ пренаполненъ знаніями; а графъ Мамоновъ крайне его рекомендовалъ вашему Алексѣю Алексѣевичу, что онъ Кутузову самъ и пересказывалъ, ибо онъ въ командѣ съ Мамоновымъ, но Кутузовъ его остерегъ.

Вотъ судьи отставшихъ отъ братства ихъ съ таковымъ, который тотчасъ ко вреду ихъ. Словомъ, не масоновъ должно опасаться, но отставшихъ отъ масонства: ибо если не къ Богу, такъ къ сатанѣ и все станетъ какъ паукъ обращать въ ядъ.

Богъ да сохранитъ званыхъ по пути къ нему.

Къ сей матеріи нейдетъ, но достойно замѣчанія, для шутки, случившееся на сихъ дняхъ, при погребеніи гр. Мамонова [1]). Когда онъ скончался, то молодой Мамоновъ, по какому-то суевѣрію или тщеславію, сталъ просить архіерея Августина, чтобы при тѣлѣ дѣдушки его читалъ священникъ въ ризахъ; на что Августинъ умно отвѣчалъ: священники-де въ ризахъ читать должны надъ архіереями или надъ

---

[1]) Матвѣй Васильевичъ Д.-М., отецъ фаворита графа Александра Матвѣевича и дѣдъ послѣдняго графа Мамонова (Матвѣя Александровича), умершаго въ 60-хъ годахъ съумасшедшимъ. Матвѣй Вас. † въ 1810 году.

помазанниками, а сей-де усопшій хоть и былъ помазанъ, но, можетъ быть, чернилами.

Испрашиванія всякій день 7-ми даровъ Духа Святаго, яко степеней означенныхъ въ товарищеской (sic) и коими входятъ въ храмъ натуры, гдѣ совершается великая работа. Господь васъ да не оставитъ! Онъ да сохранитъ. Ему да будетъ слава! и его держава во вѣки вѣковъ да будетъ!

Сдѣлайте милость Ѳедору Петровичу о сынѣ его продолжить ваше милостивое о немъ попеченіе; онъ самъ и не смѣетъ повторить напоминаніе, а меня просилъ вамъ вспомнить.

50.

Богъ да благословитъ пути ваши и даруетъ вамъ спокойное и удовольственное прибытіе во всемъ!

1. Привозилъ я теперь бумаги Феслеровыхъ градусовъ, коихъ у васъ не осталось и хотѣлъ только дать замѣтить, что онъ желаетъ установить, такъ имъ называемое этическое государство, соединяющее всѣ религіи, какія бы ни были (это-то и есть статусъ инстатумъ), кои его изъясненія легко найдете по сдѣланнымъ NB.

2. Изъясненіе детальнѣе, нежели я говорилъ, о Хирамѣ и товарищахъ, убившихъ его, ибо нерѣдко случится опять объ этомъ говорить, то лучше, приготовясь, сказать удовлетворительно.

3. Прошу покорно отдать письмо Василью Степановичу.

Испрашиваю вашихъ молитвъ и молю Господа о неоставленіи васъ во всемъ.

Въ бумагѣ: что есть масонъ? написанъ мадіамскій священникъ, тесть Моисеевъ,—Іатроіофоръ, а должно написать просто Іафоръ.

51.

Благодарю покорно за вашу бумагу; она такъ хороша, что къ ней нечего прибавить или убавить, кромѣ что одной матери-ложѣ трудно имѣть дѣло во всемъ государствѣ; а не худо бы другую сдѣлать въ Москвѣ, на чтó, кажется, легко согласить. Коли на эту вашу бумагу, безъ перемѣны актовъ, согласятся, весьма это хорошо; при Божеской помощи, на него надежда! О вчерашнихъ моихъ замѣчаніяхъ я писалъ, знаючи, что бумага о Феслеровыхъ грѣзахъ чрезъ васъ здѣсь сдѣлалась извѣстна. Прошу вашей сей бумаги данной самому придержаться, ибо вамъ Богъ помогъ ее написать.

Новое здѣсь и въ Москвѣ: Ключаревъ теперь меня увѣдомилъ, что Балашову, Александру Дмитріевичу, дано графское достоинство.

Это, кажется, новое подтвержденіе о связи или по причинѣ новаго удовольствія имъ самого.

52.

Хотя я и розно съ вами, но усердствовать вамъ разстояніе не мѣшаетъ. Въ Москвѣ еще я зачалъ прочитывать пастырскія посланія, списанныя для васъ; но въ Москвѣ, хотя и одинъ жилъ, но безпрестанно мнѣ мѣшали; а здѣсь меньше и я уже половину свѣрилъ и поправилъ. Это же я дѣлалъ одинъ, дабы лучше было видно, и это же такая тонкость, что ежели одна литера не такъ, то смыслъ дѣлается совсѣмъ превратенъ.

Пока Богъ велитъ мнѣ пріѣхать въ городъ и съ вами увидѣться, весьма совѣтую читать шестидневное твореніе и потомъ, какъ развернется. Сія называется и должна быть ручная книга ваша теперь, дабы вы возмогли дѣлать изъ этого, что̀ называется, ensemble.

Мнѣ осенью, какъ скоро мои экономическія обстоятельства позволятъ, то я и готовъ буду ѣхать въ Москву, а между тѣмъ будемъ списываться.

53.

Здѣсь слышно, якобы хотятъ продать арендныя имѣнія въ Польшѣ бывшей; вотъ и безденежности въ золотѣ и серебрѣ поправятся; продай только на ассигнаціи, то ассигнаціи вздорожаютъ, ибо нѣкоторые замѣчаютъ, что будетъ милліоновъ больше трехъ сотъ, коли не продешевятъ; ибо-де дадутъ ста по три и по четыре за душу поляки бывшіе, а особливо коимъ кстати.

Сдѣлайте милость, припомните о Кутузовѣ и не дайте затянуться дѣлу его; чѣмъ больше замедлится, тѣмъ паче явятся ото многихъ препятствія.

54.

Если угодно писать ко мнѣ, то ѣздоки будутъ около субботы. Пастырскія посланія есть-ли вамъ время списывать? если нѣтъ, то извольте мнѣ сказать: я отдамъ кому-нибудь списать, съ заплатою небольшихъ денегъ.

Давно я хотѣлъ вамъ сказать: не извольте подумать, чтобъ я въ деревнѣ жилъ, отъ васъ въ отдаленіи, по пристрастію къ экономіи или для мнимаго покоя. Совсѣмъ нѣтъ, а если жить въ Москвѣ, то, при всей моей умѣренности, исходитъ много денегъ; а на счетъ чужой жить мнѣ совѣстно и я въ этомъ переломить себя нѐ могу. А потому вы, по благодѣтельной любви вашей, не припишите житье мое здѣсь

недовольной любви къ вамъ или пристрастію къ житью деревенскому. Заводъ же мой въ такомъ положеніи, что нынѣ, со времени милиціи подрядовъ большихъ не дѣлаютъ, а все по мелочамъ разбираютъ, такъ что и нынѣ много посуды лежитъ, вотъ уже къ новому году, не раскупленной. Простите мнѣ, что я это написалъ: право, опасаюсь, чтобы вы не сочли невольное мое здѣсь, а особливо въ этакое время, и часто зимою, житье моему недовольному усердію къ вамъ или пристрастію къ смѣшной моей экономіи.

55.

Увѣдомьте, благополучно ли вы ѣздили и все желаемое совершилось къ удовольствію вашему. При семъ приступаю съ покорнѣйшею просьбою объ утвержденіи, представленнаго и рекомендованнаго вамъ Павломъ Ивановичемъ, коллежскаго ассесора Волоцкаго въ директора училищъ Вологодской губерніи, яко человѣка весьма достойнаго.

Слышу, что нѣкоторые господа профессоры, единственно чтобы не по волѣ было Павла Ивановича, согласились рекомендовать на сіе мѣсто другого, коего они такъ же, какъ и этого сами не знаютъ, а по волѣ одного токмо изъ своихъ товарищей упрошены будучи, да чтобы не сдѣлать по волѣ Павла Ивановича, а поставить на своемъ, рѣшились идти противъ; Павелъ же Иван. по одному токмо резону: зная достоинство Волоцкаго, предложилъ сему Волоцкому письменно, чрезъ меня и безъ моей просьбы, не хочетъ ли онъ принять сіе очищающееся мѣсто; на что онъ и согласился. То извольте посудить: если самъ попечитель предложилъ, и мнѣ точно извѣстно, безъ всякихъ причинъ, кромѣ одного достоинства человѣка, и если теперь господа профессора поставятъ на своемъ, и сдѣлано будетъ противъ попечителя, то уже они его ни за что почитать и явно пренебрегать станутъ. Сей-же, рекомендуемый ими, былъ прежде со мною знакомъ и отсталъ давно; но потомъ, изъ видовъ, пріѣхалъ сюда ко мнѣ и живетъ со мной: благопристойность не позволила отказать; и вотъ я въ какихъ о семъ затрудненіяхъ. И онъ меня о семъ же проситъ; но я прошу, дабы попечителева рекомендація о Волоцкомъ вами была принята и скорѣе утверждена: ибо слышу, профессора завтра войдутъ къ вамъ о другомъ, чрезъ попечителя, съ представленіемъ, коему ихъ представленію у себя удерживать нельзя. А когда вы изволите рѣшить по первому представленію попечителя, утвердясь на его аттестатѣ, то дѣло все это тѣмъ и кончится.

Увѣдомьте, какъ вы изволите располагать вашимъ отъѣздомъ, дабы успѣть сдѣлать, о чемъ говорилъ я съ вами.

25 Октября въ вечеру.

56.

Нынѣ стало здѣсь извѣстно, что якобы Віельгорскій сюда ѣдетъ съ графомъ Остерманомъ молодымъ [1]) учредить и открыть ложу; такъ ли это будетъ или не такъ, но это дѣйствія нашего бездѣйственнаго не перемѣнитъ, пока не получу отъ васъ о семъ отвѣта. Богъ да управитъ пути ваши, и да сохранитъ здоровье ваше, и умножитъ къ вамъ довѣренность Государя.

Простите мнѣ, что смѣю вложить въ пакетъ вашъ письмо къ сыну моему въ Морской корпусъ; прошу приказать отослать, по почтѣ послать было неловко по необыкновенности морали, а ѣздока нѣтъ особаго.

Если случится вамъ быть въ откровенномъ разговорѣ и сказывать о милосердіи и чудесности, произведенной надъ вами Богомъ, какъ онъ, изъ прежняго васъ человѣка, обратилъ и привелъ на сей средній (между религіей и гражданствомъ, т.-е. ни монахъ, ни мірской человѣкъ): то бы я совѣтовалъ этою искренностію содѣлать себя пріятнымъ и побудить, и показать, какіе Богъ содѣлываетъ повороты, давъ намъ испытать самимъ наши заблужденные пути и какъ приводитъ на путь истины и яснаго разумѣнія о вещахъ здѣшнихъ и будущихъ, и чрезъ оное содѣлываетъ неважными вещи временныя и насъ успокоиваетъ въ сердцѣ нашемъ и обращаетъ къ любви его Бога и ближнихъ и возводитъ насъ выше страха временнаго. Этакая откровенность прежнихъ вашихъ пороковъ и заблужденій, и ложнаго ученія содѣлаетъ васъ любезнымъ по искренности и вѣроятнымъ по вашей довѣренности. А хорошему подражать въ небесной цѣли есть въ насъ такой магнитъ, который нечувствительно влечетъ сблизиться и облегчить сердце наше подобною откровенностію и подражаніемъ. Богъ вамъ да даруетъ премудрость, разумѣніе и совѣтъ. Читайте себѣ, хоть по немногу, св. писаніе и пастырскія посланія, но внятно и съ размышленіемъ: то духъ не оставитъ васъ вразумлять въ разговорахъ и совѣтахъ.

Письмо къ Вас. Степ. прошу покорно приказать доставить.

Уже письмо сіе было запечатано и отдано, какъ пріѣхалъ ко мнѣ Ѳедоръ Петровичъ съ письмомъ, съ почталіономъ полученнымъ, пріѣхавшимъ отъ васъ.

Благодарю покорно за увѣдомленіе о томъ, что подозрѣнія и заключенія найдены подтвержденными. Богъ даетъ таковыя ясности виднѣе; онъ же и сохранитъ. Свѣтъ премудрости проницателенъ: онъ да управляетъ вами. Если что случится писать изъ откровеннаго разговора съ самимъ [2]), то пишите прямо ко мнѣ. Въ желаніяхъ вашихъ и

---

[1]) Графъ Александръ Ивановичъ Остерманъ-Толстой.

[2]) Т.-е. Государемъ.

молитвахъ останьтесь непремѣнными,—чтобы работы масонскія тайныя были и тайно или хоть явно толерированы, кои надъ публичными работами будутъ имѣть всегда тайный надзоръ и ихъ искусно мастеромъ стула направлять на истинный законъ, на вѣчность, на познаніе человѣка, природы и Бога; а это все паче будетъ узломъ въ вѣрности Государю и къ обращенію въ любовь къ нему; а буйную молодость, развращавшуюся, отвратитъ отъ развращенной жизни, и будетъ дѣйствовать на исправленіе нравовъ чрезъ то нечувствительно.

Осталось немного, ибо и здѣсь не мало дѣла и переписка съ тѣми многими, съ коими въ Москвѣ видаюсь лично; а здѣсь живучи, надобно писать.

Прошу покорно приказать переслать къ Фролову письмо; а самъ, чрезъ вашу канцелярію, послать безъ кн. Козловскаго опасаюсь, чтобы не пропало. Изъ Петербурга нынѣ получилъ, что Чичаговъ ѣдетъ въ чужіе края въ отпускъ, а на мѣсто его маркизъ де-Траверсе, а товарищемъ къ нему Кутузова братъ, и директоромъ въ Морской корпусъ; а нынѣшній директоръ Карцевъ главнымъ въ Черноморскій флотъ, и къ маркизу посланъ уже курьеръ 21 іюля о семъ.

Правда-ли, что съ французами война? Такъ я слышалъ.

Письмо Поздѣева къ графу Льву Кириловичу Разумовскому. 24 февраля 1816 г.

(Архивъ гр. А. С. Уварова).

...Изволите-ли видѣть приближающееся обращеніе іудеевъ? А когда всѣ іудеи обратятся, то и конецъ міру близокъ, ибо чрезъ нихъ прольются обильные источники къ познанію Бога, и Христа его, ибо сказано во св. писаніи у Павла, когда-де отпаденіе іудеевъ (евреевъ) (sic) призвало обращеніе языковъ, то что же-де сдѣлаетъ обращеніе евреевъ, кромѣ какъ жизнь вѣчную? То извольте сами замѣтить, весь міръ сотворенъ въ 6 дёнъ (sic) или періодовъ, а Петръ апостолъ говоритъ: день единъ предъ Господомъ это тысяща лѣтъ, а солнце сотворено въ 4-й день и Спаситель, это солнце правды, пришелъ въ концѣ четвертой тысячи лѣтъ. Сколько осталось—сами сочтите. Наше преставленіе или наше вышествіе изъ сего міра, конечно, прежде случится, нежели кончина всего міра, но зрѣніе впередъ даетъ ясность, умножаетъ вѣру, усиливаетъ надежду и даетъ видѣть и ощущать божескую любовь. Когда сынъ покорится отцу, то-есть будетъ третіе совершишася, и будетъ Богъ всяческая во всѣхъ. Всего этого зрѣніе дастъ великую силу человѣку и упованіе на Его милость, коею Онъ воспитываетъ въ насъ благодарность и надежду и даетъ побѣду надъ страстями. Господь васъ да не оставитъ...

Въ заводѣ, отъ 15 Января 1816.

Увѣдомьте, благополучно-ли вы пріѣхали въ С.-Петербургъ? Не гнѣвается ли графиня ваша, что я образа (гр. Марія Григорьевна черезъ Віельгорскаго просила у Поздѣева образъ) не прислалъ, а это истинно для осторожности, чтобы она не почла это нашимъ образомъ ибо Віельгорскій сами знаете, какъ насъ по незнанію называетъ? И чего лучше вашего образа, если непремѣнно желаетъ? Рѣдкое письмо! и кто въ состояніи Бога написать на доскѣ? Самый лучшій образъ, который можно вообразить въ себѣ, читая евангеліе, видъ, и живописцы пишутъ изъ воображенія же своего! И вы читайте все св. писаніе, писаніе—это солнце книгъ, а евангеліе это солнце и святаго писанія. Вчитывайте въ себя, то будете имѣть приближеніе живота вѣчнаго, а желаете видѣть какое орудіе у Бога—орденъ!—то читайте пастырскія писанія. Коли будете внимательно читать и будете въ ономъ размышлять, то не отстанете ни отъ Бога, ни отъ ордена и будете любить связь, которая васъ къ этому привела и никогда не отстанете. Молитесь за тѣхъ, кои васъ къ этой связи поддерживаютъ, если Богу угодно, когда выдемъ изъ здѣшняго міра, то по безпредѣльному милосердію и долготерпѣнію насъ въ нашихъ лѣняхъ и *страстно*стяхъ встрѣтятъ насъ товарищи и помощники, кои насъ и здѣсь привели къ познаванію Бога и Христа Его! Безъ сего бродили бы мы въ толпѣ профанской гдѣ день, гдѣ ночь, но Богъ по безпредѣльному его милосердію коснулся орденскимъ лучемъ и нашихъ сердецъ, дабы оживлять насъ свѣтомъ своимъ, а потому да воспоминаемъ всегда слова: „Просите и дастся вамъ, ищите и обрящете, толцыте и отверзется вамъ", и сіи слова: „буди вѣренъ до смерти и дамъ тебѣ вѣнецъ живота". Господь васъ да сохранитъ. Молитесь за искренняго и преданнаго вамъ, всегда покорнѣйшаго вашего слугу Іосифа Поздѣева...

...Просилъ я графа Віельгорскаго вручить вамъ самому письмо сіе, то если вы сами пожелаете, прочтите ему письмо сіе, но списывать не извольте давать, а онъ упомнитъ если раза 2 прочтетъ.

Недавно отъ меня поѣхали Камынинъ да Звѣревъ.

X.

Письма отъ разныхъ лицъ къ графу А. К. Разумовскому.

(Архивъ князя Н. В. Репнина).

1.

Я собирался поклониться в. с. книжкою: *Плодъ сердца полюбившаго истину*, которая завтра по тяжелой почтѣ, отъ меня, какъ отъ

издателя, и отправится къ вамъ; а между тѣмъ услышалъ, что вы, м. г., изволите за нее взыскивать съ цензуры. Въ надеждѣ на ваше ко мнѣ дружеское благорасположеніе и еще больше на любовь вашу къ просвѣщенію истинному, къ источнику просвѣщенія, покорнѣйше и всеубѣдительнѣйше прошу оставить то взысканіе: во-1-хъ, для того, что хорошее всегда хорошо, гдѣ бы оно ни родилось и ни выросло, а во-2-хъ, въ благодѣтельное мнѣ обязательство, потому что цензура и Павелъ Ивановичъ сдѣлали это въ собственное мнѣ одолженіе, удовлетворяя моей убѣдительной просьбѣ.

Въ духовную цензуру не отдавалъ я для того, что между нами въ дружбѣ сказать: что-жъ изъ нея выходило и выходитъ? И не для того-ли въ нее подавать, чтобъ совсѣмъ пропало или изуродовалось? Это извѣстно по опытамъ. У меня одной книги не пропускали въ самомъ Синодѣ для того, что въ ней говорено было о фарисеяхъ и о постныхъ лицахъ, при сердцахъ лукавыхъ; и хотя ни слова не было ни о монахахъ, ни о попахъ и дѣйствительно къ нимъ никакъ не относилось, однако имъ хотѣлось догадываться, что это объ нихъ и именно мнѣ говорили: *нельзя, это объ насъ*, надобно выключить. И еще, что Христосъ питаетъ душу благостію—нельзя-же—а поставили: брашномъ церковныхъ таинствъ и уже прибавили нѣсколько *убо—въ*. Что это было такъ, свидѣтельствуетъ печатный документъ.

При прямой любви къ истинному спасительному просвѣщенію, обидно даже объ этомъ говорить. Какъ будто и подлинно безъ рясы и клобука свѣтъ истиннаго христіанства не можетъ сообщаться и познаваемъ быть. Духъ, движущій идѣже хощетъ... не сокрывается никакими формами, регулами и уставами. Извѣстно, что сколько панагій и крестовъ ни навѣшай на иного, все-жъ духъ этотъ не будетъ въ немъ такъ дышать, какъ въ иномъ же сапожникѣ или мѣщанинѣ какомъ-нибудь. И лучшіе уставы и регулы суть тѣ, въ которыхъ ослѣпленіе не мечтаетъ управлять онымъ духомъ, подчинять его своимъ правиламъ и назначать ему границы, а гдѣ лучшее искусство: не мѣшать только его дѣйствіямъ и успѣшнѣе отдалять все то, что имъ мѣшаетъ.

Изданная мною книга дѣйствительно плодъ такого духа и потому она должна радовать всякаго чистосердечнаго любителя христіанства Она есть сочиненіе живущаго у меня питомца и крестника моего и изображенія на оберткѣ ея имъ же изобрѣтены и рисованы. Лучше сказать, онъ питомецъ свѣта, Боже сохрани и укрѣпи его! Диво обѣщаетъ любителямъ истины.

Усерднѣйше повторяя мою просьбу и поручая книгу христолюбивому посредничеству в. с., прошу еще извинить пространство моего письма. Мнѣ особливо пріятно съ вами бесѣдовать, по чувствамъ мо

его истиннаго къ вамъ высокопочитанія и искренней самой дружественной привязанности, съ коими и пр.

И. Лопухинъ.

Москва. 24-го Августа 1811 г.

2.

Фельдмаршала Свѣт. князя М. И. Кутузова-Смоленскаго.

Въ теченіе нынѣшней кампаніи отбита у французовъ между прочими вещами грамота, всемилостивѣйше дарованная въ Бозѣ почившею Имп. Елизаветою Петровною за собственоручнымъ ея подписаніемъ фамиліи Разумовскихъ. Я имѣлъ счастіе докладывать о семъ Государю Императору. Получивъ соизволеніе Его Величества на препровожденіе грамоты сей къ в. с., какъ документа, неизъемлемо принадлежащаго вамъ и свидѣтельствующаго заслуги знаменитыхъ предковъ вашихъ ко Всеавгустѣйшему Россійскому Престолу и отличное къ онымъ благоволеніе Монархини, спѣшу выполнить высочайшую волю, прилагая при семъ въ оригинадѣ ту грамоту.

Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

м. г. мой,

в. с.

всепокорный слуга

Князь Михаилъ К. Смоленскій.

№ 149.

Декабря дня 1812 г. Вильно.

3.

Ѳ. П. Ключарева.

1.

Сіятельнѣйшій графъ, м. г., великое благодѣяніе оказанное мнѣ в. с. въ испрошеніи у Государя Императора перемѣщенія въ московскій университетъ изъ пажей сына моего, навсегда останется въ сердцѣ моемъ. Онъ по высочайшему повелѣнію опредѣленъ на казенное содержаніе, которое, по совѣту Павла Ивановича и моему желанію, оставляю я въ пользу какого либо неимущаго, что не считаю противнымъ благости вашей. Сей сынъ мой имѣетъ уже отъ рожденія 19 годъ, изрядно обученъ, съ головою и способностями, а поведеніе и нравы его, слава Богу, подлинно хорошіе. По симъ причинамъ, надѣюсь на отличное покровительство вашего превосходнаго о

мнѣ попеченія, покорнѣйше прошу васъ, сіятельнѣйшій графъ, повышеніемъ его въ студенты отдалить печаль отъ сердца, огорченнаго долговременными неудачами.

Надѣясь на вѣрность г. Соболевскаго, уволеннаго нынѣ въ Петербургъ, я включу здѣсь нѣчто любопытное о Феслерѣ. Недавно Николай Михайловичъ Карамзинъ сказывалъ мнѣ, что сей великій мужъ, видѣнный имъ въ Твери въ болѣзненномъ состояніи, представился ему совершенно педантомъ и приверженнымъ къ пантеизму, какъ теперь называется на языкѣ ученыхъ спинозизмъ. Онъ изъ Москвы писалъ въ Петербургъ о разговорахъ, будто бы бывшихъ у него съ здѣшними масонами, которые строютъ то, чего сами не знаютъ. Не видѣвшись въ Москвѣ ни съ кѣмъ изъ извѣстныхъ людей, видно имѣлъ Феслеръ нужду сказать за истину одно мечтаніе. Съ г. Карамзинымъ начиналъ онъ разговоры о масонствѣ, но, срѣтя возраженія, не продолжалъ и извинился слабостію. Всего страннѣе отвѣтствовалъ, какъ древне масонство, производя начало его въ шестомъ на десять вѣкѣ отъ монаховъ, бывшихъ въ то время ученѣйшими прочихъ каменьщиками и архитекторами. Таковы-то новоявленные чудотворцы! Ихъ многихъ можно еще ждать, однако опыты и удостовѣрительное знаніе безопасны станутъ противу сихъ козней. Они учатся знать, въ комъ сила!...

Мая 24-го 1811 года.

2.

...Совершенное покровительство ваше, спасавшее доселѣ меня въ горестныхъ и тяжкихъ обстоятельствахъ и милосердое о мнѣ попеченіе, влагаютъ въ меня смѣлость увѣдомить в. с. о моемъ приключеніи во дворцѣ. По повѣсткѣ для представленія королю [1]), 5 числа устроены предъ внутреннимъ Е. В. покоемъ, на одной сторонѣ члены совѣта и сенаторы, на другой—дворъ. Государь Императоръ самъ изволилъ представлять насъ и ни единаго не запамятовалъ. Подошедъ ко мнѣ съ пріятнымъ видомъ остановился, стоявшіе по сторонамъ назвали громко мою фамилію, и Государь, повторя ее, далѣе шелъ. Изъ другой залы, гдѣ представляли дворянство и чины, возвратился съ королемъ въ его комнаты, вышелъ одинъ и не говоря ни съ кѣмъ пришелъ ко мнѣ и изрекъ: „Не думай, что я тебя забылъ“. Съ языка скочило. Я дерзаю думать о семъ, какъ объ отвѣтѣ на мое всеподданнѣйшее прошеніе и остаюсь съ подкрѣпленнымъ упованіемъ. Государь не изъявилъ милостей и сказалъ, что изъ Царскаго-Села пришлются. Молю Господа да не оставленъ буду въ бѣдахъ и тѣснотахъ, не понимая, что будетъ со мною и съ моими не только въ

[1]) Прусскому, гостившему въ то время въ Москвѣ.

отдаленности, но и въ самыя близкія времена. Чудно одно то больше всего, что непостижимая внутренняя сила отдаляетъ отъ меня уныніе, естественно близкое въ такихъ случаяхъ. Вижу себя поставленнымъ между забралъ и рвовъ, не дозволяющихъ ни одного шага. На таковомъ пути, должно просить умноженія вѣры, какъ просили сами ученики Спасителя нашего: Господи, умножи намъ вѣру. Нѣтъ приличія увѣрять, сколь вы и здравіе ваше мнѣ безцѣнны и по благодарности пламенной и по надеждѣ на васъ, какъ на направленное ко мнѣ орудіе Божіе..

Іюня 17 числа 1818 года.

P. S.—О. А. получше. Разговоры о мнимой вольности умолкають. Можетъ быть, изъ столицы и далѣе сей паліативъ распространится. Больно и часто усмиряютъ бунтующихъ слугъ. Король послѣ 1 іюля поспѣшаетъ въ Берлинъ, и говорятъ, что или 2 или 5 выѣдетъ изъ Петербурга.

4.

М. М. Сперанскаго.

1.

При подписаніи Высочайшаго рескрипта, при семъ прилагаемаго, Государь Императоръ повелѣть мнѣ соизволилъ сообщить в. с., что Е. В., хотя и желаетъ видѣть васъ, м. г., здѣсь сколь можно поспѣшнѣе, однако же никакъ не предполагаетъ обезпокоить васъ слишкомъ скорымъ путешествіемъ, тѣмъ болѣе, что къ 1 Январю и посиѣть сюда было бы вамъ затруднительно, а потому Государь Императоръ и предоставляетъ в. с. прибыть сюда между 1 и 6 числомъ будущаго Января мѣсяца.

Декабря 1809.

2.

При отправленіи рескрипта, присемъ прилагаемаго, считаю долгомъ донести в. с., что совѣтъ приметъ свое дѣйствіе съ 17 дня сего мѣсяца; къ сему времени должно быть окончено наименованіе предсѣдателей, а слѣдственно и министровъ. Фельдъегерь, съ симъ отправляемый, имѣетъ приказаніе ожидать вашего отвѣта.

8-го Декабря 1810.

5.

Письмо статсъ-секретаря Молчанова.

Секретно:

Предсѣдатель комитета министровъ проситъ гг. членовъ комитета, представить въ слѣдующее засѣданіе онаго, какіе кто пріуготовляетъ предметы къ отправленію отсюда и буде водою, то сколько примѣрно вѣсу составляютъ, а буде сухопутно, то примѣрно же сколько подводъ потребно.

Слѣдующее засѣданіе комитета имѣетъ быть послѣ-завтра, т.-е. въ среду 7-го сего мѣсяца, во дворцѣ, въ 12 часовъ по-полуночи.

Статсъ-секретарь Молчановъ.

№ 1693.

Августа 5-го дня 1812.

6.

Письмо князя Н. И. Салтыкова.

Е. И. В. благоугодно было Высочайшимъ рескриптомъ отъ 8-го сего мѣсяца, на имя мое даннымъ, повелѣть мнѣ объявить всѣмъ министрамъ, дабы каждый изъ нихъ составилъ и прислалъ ко мнѣ для представленія Е. В. записку о такихъ предметахъ, кои не могутъ быть вносимы въ Комитетъ министровъ и требуютъ личнаго доклада Вслѣдствіе чего, сообщивъ всѣмъ гг. министрамъ копію съ сего рескрипта къ исполненію, я имѣю честь препроводить таковую же и къ в. с., прося покорнѣйше пожаловать не замедлить доставленіемъ ко мнѣ, требуемой Государемъ Императоромъ, записки.

Марта 10-го дня 1816.

Копія:

Князь Николай Ивановичь, вамъ извѣстна воля моя, на основаніи коей, для удобности и общаго соображенія въ рѣшеніи дѣлъ текущихъ, вносятъ министры представленія свои въ комитетъ министровъ. Минувшіе четыре года показали въ полной мѣрѣ возможность и удобность въ исполненіи предположенія таковаго, а польза общаго сужденія въ государственныхъ дѣлахъ не требуетъ никакихъ изъясненій. Считаю излишнимъ объяснять вамъ, что заключенія комитета разсматриваются всегда мною прежде исполненія журналовъ, слѣдовательно, я всегда могу видѣть согласіе или противное мнѣніе представляемому министромъ; я нахожу, что симъ порядкомъ ходъ текущихъ дѣлъ основательно устроенъ. Но есть предметы въ каждомъ

министерствѣ, по коимъ управляющіе оными будутъ находить необходимымъ мнѣ ихъ лично представлять. Вслѣдствіе сего поручаю вамъ объявить министрамъ, дабы каждый изъ нихъ составилъ и прислалъ къ вамъ записку о сихъ предметахъ, кои, по его мнѣнію, не могутъ быть внесены въ комитетъ министровъ, а требуетъ личнаго въ кабинетѣ моемъ доклада. Предметы сіи объяснить во всей подробности, а не общими названіями, дабы, установивъ единожды правила, избѣгнуть недоразумѣній, обыкновенно происходящихъ отъ двоесмысленныхъ и темныхъ выраженій и дабы по всѣмъ министерствамъ уравнять, сколь возможно, ходъ дѣлъ. По собраніи же всѣхъ оныхъ записокъ, я буду ожидать присылки ихъ ко мнѣ.

Пребываю вамъ всегда благосклонный

Александръ.

С.-Петербургъ,
8-го Марта 1816.

7.

Попечителя казанскаго университета Михаила Александровича Салтыкова.

Avant de vous faire connaitre l'état dans lequel j'ai trouvé les instituts confiés à mes soins, j'ai cru qu'il ne serait pas inutile de vous en exposer sommairement le contenu afin que muni de votre autorisation je puisse vous communiquer quelques détails dès que j'obtiendrai de v. e. la permission de vous en faire un rapport officiel. L'aspect déplorable que présente l'extérieur des batiments, les décombres et les immondices qui couvrent les cours annoncent un air de décrépitude et de vétusté qui ne s'accorde guère avec un établissement d'une dâte aussi récente, relâchement d'autant plus impardonnable que cette partie de l'administration, si importante pour la salubrité de la température dans l'intérieur des maisons aussi bien qu'au dehors, n'exige qu'une surveillance pûrement physique et, les réparations excéptées, des frais qui ne seraient pas dispendieux si l'on s'était fait un principe de ne jamais négliger une besogne qui ne demande que de l'assiduité et des soins journaliers. Maintenant tout est tellement dégradé que les sommes assignées par les réglements suffiront à peine pour prévenir le progrès du mal, vû le prix exhorbitant des matériaux, qui, dans cette contrée surtout, continuent de hausser avec une rapidité vraiment alarmante. J'attribue l'incendie qui vient de consumer une de nos maisons, en partie au hazard, en partie au défaut de surveillance, quoique dans le vrai, le feu n'eût point causé tant de dégats, si la police de la ville eût été mieux organisée. Les pompes ne jouaient pas, manque d'eau,

de chevaux, point d'ordre, point d'activité, confusion dans la répartition des travaux, retard dans les secours, impéritie dans leur emploi. Il y aurait beaucoup à dire sur l'administration locale des provinces éloignées, mais vos lumières acquises par votre expérience et vos observations n'ont pas besoin du supplément des miennes. Ce que j'ai dit des bâtiments est également applicable aux objets relatifs à l'instruction. Quant au progrès des études, outre le déficit des livres élémentaires et autres secours de cette nature, elles sont entravées par l'ignorance des élèves dans les langues étrangères, spécialement dans le latin, de sorte que les professeurs étrangers sont réduits à l'alternative de se servir d'interprètes, quand il s'en présente ou bien de parler à un auditoire qui ne les entend pas. Cet inconvénient subsistera tant que les emplois ne seront point occupés par des russes. Prétendre que les étrangers apprennent la langue du pays est chose impossible. Ils n'en ont ni le tems ni les moyens; cette étude devient d'ailleurs infructueuse pour ceux qui l'entreprennent à un certain âge. Je suis forcé de convenir avec une sorte de dépit, que les professeurs allemands l'emportent sur les notres sous le rapport des connaissances aussi bien que de la moralité et cette supériorité doit avoir produit la discorde qui règne parmis eux. Quelle que soit ma prédilection pour ma patrie, elle ne saurait assoupir en moi le sentiment de la justice au point de me constituer neutre entre les oppresseurs et les opprimés. J'ai tâché d'employer les voies de conciliation et je suis parvenu à calmer les haines et les rivalités, ou du moins à les contenir dans les bornes de la bienséance. Je n'ai point articulé jusqu'ici d'accusation personnelle, mais si j'éprouve de la répugnance à désigner les individus, je n'oublie pas non plus que lorsqu'il s'agit de la chose publique, toute considération doit céder à l'ascendant de la vérité. Depuis bientôt neuf ans qu'existe l'université de Casan, le professeur Jakofkin, qui a présidé à sa fondation, l'a gouvernée dans l'absence du défunt curateur [1]), avec une autorité permanente et presque indéterminée. Chef du conseil, du comptoir, des différents comités, inspecteur des étudiants, directeur du gymnase, c'est à sa gestion qu'il faut imputer tout le désordre. L'université n'etant point encore organisée, le pouvoir administratif résidait entre ses mains. Il faut convenir qu'il en a abusé quoique pour se justifier il m'allègue toujours les dénégations du curateur aux représentations qu'il lui a réitérées à différentes époques. Indépendamment de son inéptie, sa réputation seule suffirait pour l'éloigner des fonctions supérieures. Il ne saurait servir d'exemple à la jeunesse, ni sous le rapport

---

[1]) Степанъ Яковлевичъ Румовскій (см. о немъ выше) назначенъ былъ попечителемъ казанскаго университета въ 1803, † въ С.-Петербургѣ 1812.

des moeurs, ni sous celui des talents et des connaissances. Je ne parlerai point de fraude, il faut la surprendre pour la constater, mais je vous avoue que je la soupçonne. Les dépenses de l'année précédente pour les frais de bâtisse et de réparation montent à 11,880 roubles, somme qui parait considérable surtout lorsqu'on jette les yeux sur les bâtiments dont le plus grand nombre menace ruine. Cependant lorsque je lui objectai le contraste de cette somme avec les résultats de l'emploi qu'on en a fait, il me ferme la bouche en me disant qu'il ne l'avait point vôlée, que je puis fouiller dans ses coffres et que les documents qu'il m'a présentés sont des pièces probantes qui le justifient. De pareils propos donnent la mesure de l'homme; joint à cela des adulations dont il tâche de colorer sa conduite et qui en décèlent au contraire toute la turpitude. Voilà où j'en suis avec m-r le professeur Jakofkin. Mais j'abuse de votre indulgence et j'oublie que je dois la ménager pour l'avenir. Je vous supplie, m-r le comte, de me continuer vos bontés et de me permettre d'y recourir quand les réformes et les innovations, qu'exige notre institût, réclameront votre appui. Je me flatte de pouvoir justifier un jour la confiance que vous m'avez témoignée en contribuant à ma nomination.

Cazan le 12 Mai 1813.

8.

Письмо А. Н. Оленина.

1.

Приказаніе в. с. о перепечатаніи двухъ полулистовъ во 2-й части Опыта Россійской библіографіи г. Сопикова, полученное мною черезъ чиновника, нарочно отъ в. с. ко мнѣ по сему предмету присланнаго, я въ то же время исполнилъ—и листы сіи отданы г. Сопиковымъ переплетчику, который занимается переплетомъ экземпляровъ, представленныхъ въ главное училищъ правленіе; между тѣмъ, увѣдомясь вчерашняго дня, что императорская академія наукъ сѣтуетъ какъ на г. Сопикова, такъ и на пропустившихъ исключаемыя нынѣ въ сочиненіи его слова, долгомъ поставляю донести в. с., что сіе было сдѣлано безъ всякаго намѣренія, ибо свѣдѣніе, помѣщенное въ книгѣ г. Сопикова, было обнародовано въ извѣщеніи, пропечатанномъ отъ имени самой императорской академіи наукъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, въ 1803 г., подъ № 24, на страницѣ 359, съ котораго для благоусмотрѣнія в. с. прилагаю точный списокъ съ надлежащими примѣчаніями: „Комитетъ правленія академіи наукъ чрезъ сіе объявляетъ, что желающіе купить съ публичнаго торга остающіяся въ

излишествѣ въ книжномъ ея магазинѣ книги [1]) по причинѣ печатанія оныхъ большими заводами [2]), явились въ оный комитетъ къ торгамъ сего 24 марта мѣсяца. А какъ сверхъ сихъ находятся и такія книги, которыя по содержанію своему заслуживаютъ всякаго вниманія [3]), а другія для обучающагося юношества весьма полезны; то таковыя книги имѣютъ быть проданы раздѣльно по увражамъ, особыми цѣнами, *также съ вѣсу* [4]), въ оное же число продаваться будетъ и маклатура".

Изъ сего объявленія в. с. изволите усмотрѣть, что еще прежде издаваемой книги г. Сопиковымъ публика отъ самой императорской академіи наукъ дѣлалась уже извѣстна о продажѣ *книгъ на вѣсъ;* слѣдственно, г. Сопиковъ о семъ упомянулъ единственно въ видѣ историческаго происшествія, не полагая никакого предосужденія, ибо самое то казенное мѣсто, которое продажу сію на вѣсъ производило и публиковало объ оной на всенародное извѣстіе.

Октября 9-го дня 1814 г.

2.

Благодѣтель в. с., какъ вы изволите меня называть, съ прошедшаго вторника въ растяжку лежитъ по милости французскаго посла. Экая бѣда, вездѣ надобно, чтобы французъ пакостилъ. Безъ того я бы давно былъ у в. с., но, полагая, что Д. Д. Бѣлостоцкій вамъ дастъ знать о дѣлѣ вашемъ, я былъ спокоенъ. Теперь донесу вамъ, что дуброва оставлена въ вашемъ владѣніи, но аппеляцію дозволено казакамъ возобновить, а Губчичу искать по формѣ суда, т.-е. съ головы. Какъ скоро мнѣ легче будетъ, непремѣнно самъ явлюсь къ в. с., котораго я по службѣ привыкъ любить и почитать и также буду дѣлать и безъ службы.

20-го Января 1817.

9.

Письмо князя П. В. Лопухина.

М. г. мой, графъ Алексѣй Кириловичъ, сынъ вашъ, графъ Кирила Алексѣевичъ, по высочайшей волѣ, отправленъ за надлежащимъ при-

[1]) Изъ припечатанной росписи видно, что многія книги оставались въ маломъ количествѣ и проданы всѣ безъ остатку, такъ что и въ императорскую библіотеку по 2 экземпляра оныхъ академія не могла доставить.—Это примѣчаніе, равно какъ и слѣдующія подписаны подъ письмомъ рукою Оленина.

[2]) Это также опровергается вышеозначеннымъ примѣчаніемъ.

[3]) Если сіи книги заслуживаютъ всякаго вниманія, то противно уже всякому понятію, чтобъ продавать оныя на вѣсъ.

[4]) По увражамъ раздѣльно никакихъ книгъ продано не было, а всѣ вмѣстѣ по означенному реестру, а именно по 4 рубля 5 коп. за пудъ.

смотромъ въ Суздальскій Спасо-Ефиміевъ монастырь съ порученіемъ архимандриту онаго стараться о его направленіи и о томъ, чтобы въ разсужденіи нравственности и поведенія его, а наипаче привычки къ употребленію крѣпкихъ напитковъ присмотръ за нимъ былъ самый рачительный. Особенно-жъ возложено на архимандрита имѣть попеченіе о внушеніи ему спасительныхъ правилъ религіи, дабы чрезъ сіе могъ быть исторгнутъ самый корень тѣхъ предразсудковъ и заблужденія, которые довели его до нынѣшняго положенія. Дано знать архимандриту, что потребныя на содержаніе его деньги доставляемы будутъ отъ в. с., и что на вашъ же счетъ, если нужда потребуетъ и вы благоразсудите, исправлены будутъ комнаты, назначенныя для его помѣщенія. Сверхъ того, извѣщенъ архимандритъ и о намѣреніи вашемъ пріискать человѣка, который бы, имѣя хорошую нравственность и при томъ будучи довольно просвѣщенъ, согласился раздѣлять время съ гр. Кириломъ Алексѣевичемъ, и, внушая ему правила благоразумія и умѣренности, старался обратить его на путь разсудка и добродѣтели. Наконецъ предписано о поведеніи и поступкахъ его доставлять въ комитетъ по часту обстоятельныя увѣдомленія. О чемъ, кромѣ архимандрита, сообщено по высочайшей волѣ и владимірскому г-ну гражданскому губернатору.

Я предварилъ архимандрита, что ежели что̀ не воспрепятствуетъ в. с., то вы, какъ скоро изволите пріѣхать въ Москву, отправите къ нему для объясненія всѣхъ подробностей о присланномъ и для доставленія всего нужнаго, князя Николая Михайловича Козловскаго.

Извѣстя о семъ в. с., имѣю честь и проч.

К. Лопухинъ.

С.-Петербургъ. Мая 13-го дня 1808 г.

10.

Письмо князя Александра Николаевича Голицына къ графу А. К. Разумовскому и отвѣтъ послѣдняго.

Каждому изъ соотечественниковъ нашихъ, безъ сомнѣнія, пріятно видѣть, что благотворительность, коею отечество наше всегда отличалось, нынѣ наиболѣе въ ономъ распространяется и что учреждаются даже цѣлыя общества, посвящающія себя постоянному служенію сей священнѣйшей Христіанской добродѣтели.

Довольно извѣстны уже тѣ благотворные плоды, кои принесло подобное общество въ Петербургѣ, подъ названіемъ Императорскаго человѣколюбиваго общества. При вседѣйствующемъ благословеніи Божіемъ и подъ покровительствомъ Всемилостивѣйшаго Государя на-

шего, щедротами своими подкрѣпляющаго сіе заведеніе, многія уже тысячи сирыхъ, бѣдныхъ и безпомощныхъ получили отъ онаго, въ продолженіе 12-ти-лѣтняго существованія его, потребную имъ помощь. Уже многіе несчастные, видя себя благодѣтельно призрѣнными, отёрли горькія слезы скорби своей. Таковое же благотворительное заведеніе, подвѣдомственное совѣту с.-петербургскаго Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ видѣ отрасли его, существуетъ и въ Казани, подъ названіемъ казанскаго попечительнаго комитета о бѣдныхъ. Подобный же сему казанскому комитету учреждается и здѣсь въ Москвѣ.

Нельзя не быть увѣреннымъ, чтобъ жители сей первопрестольной столицы, толиким подвигами и пожертвованіями ознаменовывающіе пламенную любовь свою къ отечеству и къ ближнимъ, не приняли сердечнаго участія въ семъ благотворномъ заведеніи и не возжелали бы содѣйствовать по силамъ своимъ, къ облегченію участи тѣхъ изъ согражданъ своихъ, кои требуютъ помощи и взываютъ о состраданіи, наипаче же, когда, послѣ постигшаго сію столицу бѣдствія, многіе изъ нихъ и по нынѣ еще находятся подъ тяжкимъ бременемъ крайней нищеты и болѣзней.

Пріемля въ семъ учреждающемся заведеніи искреннее участіе, сколько по долгу званія моего главнаго попечителя человѣколюбиваго общества, столько и по сердечному влеченію моему къ тому, я поставляю себѣ пріятною обязанностію извѣстить в. с. объ учреждающемся здѣсь комитетѣ сего общества, коего цѣль изволите усмотрѣть изъ прилагаемаго у сего печатнаго о томъ извѣщенія, и совершенно удостовѣренъ, что вы, какъ житель Москвы, не отречетесь принять нѣкоторое участіе въ семъ заведеніи къ облегченію участи несчастныхъ изъ согражданъ вашихъ, имѣя въ виду, что всякимъ со стороны вашей вспомоществованіемъ имъ пріобрѣтете не малую заслугу передъ Тѣмъ, Кто даже и чашу воды во имя Его жаждущему предложенную, не оставляетъ безъ вниманія.

Приношенія, въ пользу учреждающагося здѣсь благотворительнаго комитета, можно доставлять ко мнѣ, во время моего здѣсь пребыванія. По совершенномъ же открытіи комитета, дано будетъ знать черезъ газеты, кому адрессовать оныя.

Москва. 4-го Января 1818 г.

Отвѣтъ графа А. К. Разумовскаго [1]).

Я не московскій житель, но, желая быть всегда христіаниномъ не по одному званію, не удаляюсь отъ благотворенія по возможности и

[1]) Списано съ черновой, находившейся при письмѣ кн. Голицына.

здѣсь такъ, какъ въ Петербургѣ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, сколько средствъ моихъ достанетъ быть ближнему въ чемъ-либо полезнымъ.

Учрежденіе благотворительныхъ комитетовъ есть, безъ сомнѣнія, послѣдствіе разливающагося повсюду нынѣ духа Христіанства. Успѣхи ихъ довольно обезпечены твердымъ основаніемъ безпредѣльной щедроты Монарха. Имъ даруемыя средства усиливаются приношеніями многихъ сему высокому примѣру послѣдователей и наконецъ (къ сожалѣнію) не малымъ числомъ и тѣхъ благотворителей, кои не были бы таковы, если бы не надѣялись наслаждаться чтеніемъ именъ своихъ въ издаваемомъ журналѣ. Дабы не попасть въ статью сихъ послѣднихъ, а притомъ не лишить и себя пріятнѣйшаго удовольствія вспомоществовать непосредственно тѣмъ изъ нуждающихся, коихъ при всей бдительности попечительнаго комитета останется еще довольно, я охотно отдѣляю 500 руб., кои при семъ имѣю честь препроводить, съ условіемъ, чтобъ имя мое не было нигдѣ пропечатано, а если нужно будетъ въ отчетахъ, назначаемо было *отъ неизвѣстнаго*. Такимъ образомъ, не теряя изъ вида упоминаемое в. с. правило, что всякимъ подаяніемъ пріобрѣтается заслуга предъ Тѣмъ, Кто даже и чашу воды жаждущему не оставляетъ безъ вниманія, мыслю, поколику предстоящія обстоятельства дозволяютъ, съ тѣмъ согласить и то Евангельское правило, *да не увѣдаетъ шуйца твоя, что творитъ десница твоя.*

XI.

Записка о состояніи харьковскаго университета, составленная вѣроятно Каразинымъ.

(Архивъ князя Н. В. Рѣпнина).

Извѣстно, что харьковскій университетъ находится теперь въ великомъ разстройствѣ. 5 лѣтъ слишкомъ не имѣетъ онъ о своемъ попечителѣ графѣ Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ никакого оффиціальнаго извѣстія. Лучшіе профессора одинъ за другимъ оставляютъ свои мѣста. Уже по сіе время 11 каѳедръ не достаетъ, или замѣщены по необходимости молодыми людьми, едва кончившими обыкновенный курсъ ученія. Въ подвѣдомыхъ училищахъ 9 губерній также вкрадывается безпорядокъ отъ ссоръ членовъ университета, которыя, ослабивъ уваженіе къ нимъ въ глазахъ публики, представляютъ весь видъ безначалія. Такимъ образомъ, жители полуденныхъ губерній, со вступленія Государя Императора на престолъ въ разное время по-

жертвовавшіе до 1.000,000 рублей (въ томъ числѣ одно харьковское дворянство 400,000) и слѣдовательно *доказавшіе, что они чувствуютъ всю важность учебныхъ заведеній,* угрожаются большими непріятностями. Е. с. министръ признаетъ необходимымъ пребываніе въ округѣ университета начальника мѣстнаго, который бы не зависѣлъ отъ вліянія партій и принадлежалъ къ дворянству, сдѣлавшему въ пользу просвѣщенія подвигъ и слѣдственно интересованному честью и собственными выгодами къ его поддержанію.

Извѣстно, что ст. сов. и кавалеръ Каразинъ, членъ какъ сего упомянутаго университета, такъ и другихъ ученыхъ сословій и правитель дѣлъ филотехническаго общества, есть тотъ изъ дворянъ и помѣщиковъ края, который наиболѣе содѣйствовалъ къ учрежденію университета *во всѣхъ отношеніяхъ* и у дворянства и у престола. Онъ не получилъ тогда никакой награды *въ сходство точнаго объясненія его о семъ по высочайшей волѣ.* Въ нынѣшнемъ случаѣ ближе всего можно обратить на него вниманіе. По испытанному стремленію его къ общей пользѣ того края особливо, онъ, конечно, за честь себѣ поставитъ порученіе е. с. занятія дѣлами харьковскаго университета и подвѣдомаго ему округа, хотя бы только *временное*, до возвращенія Государя Императора и въ ожиданіи изъявленія высочайшей воли о попечителѣ графѣ Потоцкомъ, который чрезъ таковое порученіе (*ad interim*) отнюдь не устраняется. Напротивъ того, самъ онъ давалъ въ 1803 г. подобное же г. Каразину оффиціально. Порученіе сіе можетъ быть дано безъ всякаго титула, просто со званіемъ *управляющаго.* Конечно, по недостаточному состоянію г. Каразина (онъ имѣетъ только 350 душъ, долги и большое семейство) нужно будетъ ему опредѣлить содержаніе. Но оное удобно заимствовать изъ доходовъ университетскихъ: именно же изъ процентовъ капитальной суммы, которая не обрѣтается въ счетѣ государственныхъ доходовъ. И сіе съ тѣмъ большимъ правомъ, что сумма эта большею частію есть произведеніе усердія и трудовъ г. Каразина и отъ его дѣятельности теперь новое приращеніе можетъ получить. Опредѣленіе управляющаго въ харьковскій университетъ и его округъ принесетъ еще и съ той стороны пользу, что оно, нечувствительно и безъ нарушенія нынѣ существующаго порядка, послужитъ къ убѣжденію самымъ опытомъ въ справедливости почтенной идеи министра, что въ университетскихъ округахъ должны быть мѣстные, *безотлучные* начальники.

XII.

Записка, внесенная 1 Ноября 1811 г. т. сов. кн. А. Н. Голицынымъ въ комитетъ министровъ.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

Съ боку: рукою кн. Голицына:

„Комитетъ полагаетъ полезнымъ возвести полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи, на основаніи представленія генерала іезуитскаго, о чемъ и предоставить доложить Е. И. В. министру просвѣщенія“.

Генералъ іезуитскаго ордена, желая для пользы общей распространить кругъ ученія, орденомъ симъ преподаваемаго, испрашиваетъ дозволенія возвести полоцкую іезуитскую коллегію на степень академіи съ присвоеніемъ ей преимуществъ, дарованныхъ университетамъ и подчинить ей всѣ іезуитскія училища въ Россіи заведенныя. Орденъ сей обязывается обучать всему тому, что правительству будетъ угодно назначить, за исключеніемъ медицинской науки и уголовныхъ законовъ, коихъ ученіе воспрещено ему орденскими его уставами. Побудительныя причины сей просьбы генералъ іезуитскаго ордена представляетъ слѣдующія:

1) Въ полоцкомъ училищѣ нынѣ обучаютъ почти всѣмъ наукамъ и знаніямъ, кои преподаются въ виленскомъ университетѣ. Разность состоитъ въ одной только методѣ. Но іезуитской методы не охуждали самые враги іезуитовъ: Баконъ, Гроцій и проч. Виленскій университетъ учрежденіемъ своимъ одолженъ іезуитамъ. Они въ немъ завели и обогатили библіотеку, музей и обсерваторію. Въ продолженіи двухъ столѣтій онъ зависѣлъ отъ ордена іезуитскаго, во все то время не было въ немъ ни одной каѳедры вакантной. Со времени даже уничтоженія ордена сего много имѣлъ университетъ сей отличныхъ членовъ изъ общества іезуитскаго. Но не одинъ сей университетъ зависѣлъ отъ ордена іезуитовъ. Вѣнскій, Прагскій, Гратскій, Ингольстатскій, Страсбургскій, Понтъ-амуссонскій и многіе другіе въ разныхъ странахъ университеты управляемы были симъ же орденомъ. Во всѣхъ временахъ столь мало сомнѣвались о способностяхъ іезуитовъ, что разрѣшеніе папы, которое въ католическомъ исповѣданіи потребно для учрежденія, либо признанія университета или академіи, дано было іезуитскому ордену безъ всякаго ограниченія. Очевидная польза, какую приносятъ іезуиты образованіемъ юношества, была причиною, что Государыня Императрица Екатерина II въ имперіи своей сохранила

ихъ орденъ. Съ того времени 3 раза метода ихъ ученія представляема была правительству и всякій разъ была имъ одобряема. Безсмертная Екатерина не желала нарушить методы сей, когда въ рескриптѣ своемъ къ папскому въ Варшавѣ нунцію изъяснялась слѣдующимъ образомъ: „Я ввѣрила воспитаніе бѣлорусскаго юношества попеченію іезуитскаго общества. Правительство съ удовольствіемъ замѣтило ревность, одушевляющую труды онаго и успѣхи, каковыми они всегда вѣнчаются“.

2) Учрежденіе въ Полоцкѣ академіи не будетъ сопряжено ни съ какими издержками правительства. Іезуиты ничего болѣе не желаютъ какъ только, чтобы при нихъ оставлены были имѣнія, коими нынѣ они пользуются. Университеты много стоятъ правительству и тѣмъ что производятъ жалованіе и пенсіоны профессорамъ, коихъ часто приглашаютъ изъ чужихъ краевъ съ большими издержками. Свѣтскій профессоръ, способный обучать низшій классъ, можетъ быть не способенъ къ обученію высшаго, и нѣтъ надежды, чтобъ онъ сдѣлался способнымъ въ продолженіи времени: поелику никто не можетъ его къ тому принудить; общество-жъ іезуитское доставляетъ профессоровъ безпрерывно. Каждый профессоръ, признанный, по строгомъ испытаніи, способнымъ обучать низшій классъ, обязанъ черезъ годъ сдѣлаться достойнымъ обучать классъ высшій; если сего не достигнетъ, оставятъ его въ томъ же классѣ или удалятъ вовсе. Посему каждый профессоръ употребилъ бы на пользу общую все свое стараніе и трудъ, безъ всякаго жалованія, безъ всякихъ видовъ временной награды, единственно для удовлетворенія обязанности своего званія.

3) Учрежденіе сей академіи принесло бы значительную пользу наукамъ, кои тогда болѣе процвѣтаютъ, когда два училища находятся во взаимномъ между собою соревнованіи. Генералъ іезуитскій приводитъ сему примѣръ: Парижскій университетъ никогда столько не процвѣталъ, какъ въ то время, когда іезуиты имѣли въ Парижѣ знаменитую коллегію Людовика XIV. То же самое происходило и въ другихъ государствахъ, гдѣ іезуитскія коллегіи были въ соревнованіи съ университетами. Отъ сего родилось общее мнѣніе въ Европѣ, что съ упраздненіемъ іезуитовъ испортился и образъ воспитанія юношества.

4) Весьма важное дѣло вперять юношеству патріотическія правила, повиновеніе, почтеніе и преданность Государю. Въ семъ отношеніи іезуиты, яко вѣрноподданные, считаютъ себя способнѣе многихъ свѣтскихъ профессоровъ, привязанныхъ къ государству токмо жалованіемъ и другими выгодами. Іезуиты и здѣсь ссылаются на общее мнѣніе, что сильныя потрясенія, въ новѣйшія времена въ Европѣ случившіяся, тогда совершаться начали, когда устранили отъ юношества сихъ вѣрныхъ его стражей. Россія же имѣетъ еще другой залогъ совершенной

ихъ преданности общественному благу: сохраненіе ихъ существованія. Іезуиты говорятъ, что если бы даже не были они вѣрными подданными по долгу и религіи, то были бы вѣрными изъ признательности, вѣрными для собственной пользы, вѣрными по необходимости—такому правительству, отъ коего все получили и которое пріобрѣло неоспоримое право за безпредѣльную преданность ихъ. Наконецъ 5) Ежели послѣдуетъ высочайшее соизволеніе на образованіе въ Полоцкѣ академіи, то симъ новымъ опытомъ Монаршаго благоволенія къ бѣлорусскому дворянству, которое само просило о томъ за 4 года предъ симъ, утвердится паче и паче преданность его престолу и вознаградится нѣкоторымъ образомъ потеря, которую понесъ сей городъ, по переведеніи изъ онаго въ Витебскъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ.

Сіе представленіе генерала іезуитскаго ордена доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, и Е. В. Высочайше повелѣть соизволилъ предложить о томъ на уваженіе министерскаго комитета.

Кн. Александръ Голицынъ.

Октября дня—1811 г. [1]).

XIII.

Учрежденіе комитета министровъ на случай Высочайшаго Е. И. В. отсутствія изъ столицы.

(Архивъ кн. Н. В. Репнина).

На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою тако:

«Быть по сему

АЛЕКСАНДРЪ.»

Въ С.-Петербургѣ, Марта 20 дня 1812 года.

Во время высочайшаго Е. И. В. отсутствія изъ столицы, комитетъ министровъ учреждается съ особенною властію по всѣмъ вообще дѣламъ государственнаго управленія на слѣдующемъ основаніи:

§ 1. Комитетъ состоитъ, подъ предсѣдательствомъ ген.-фельдмаршала графа Салтыкова, изъ главнокомандующаго въ столицѣ, который въ отсутствіе предсѣдателя занимаетъ его мѣсто, изъ предсѣдателей департаментовъ государственнаго совѣта, изъ министровъ и чиновъ, управляющихъ министерствами.

§ 2. Члены комитета засѣдаютъ по старшинству чиновъ.

---

[1]) Записка эта, почти дословно повторяющая софизмы де-Местра, очевидно имъ самимъ и составлена.

§ 3. Никто изъ членовъ комитета не можетъ себя уволить отъ присутствія, въ случаѣ же болѣзни министръ извѣщаетъ комитетъ чрезъ управляющаго дѣлами онаго, что по сей причинѣ присутствовать онъ не можетъ.

§ 4. Комитетъ собирается, буде дѣла особенныхъ собраній сіе потребуютъ, по 2 раза въ недѣлю въ 11 часовъ утра, въ зимнемъ дворцѣ, въ обыкновенной комнатѣ: одинъ разъ по вторникамъ, а другой по назначенію дня предсѣдателемъ.

§ 5. Когда предстанутъ дѣла высшей важности или требующія безотлагательнаго разрѣшенія, предсѣдатель назначаетъ чрезвычайное собраніе комитета.

§ 6. Изъ текущихъ дѣлъ производимыхъ въ министерскихъ департаментахъ, представляются комитету тѣ, по которымъ нужно общее соображеніе или содѣйствіе разныхъ министерствъ, а также въ разрѣшеніи и исполненіи которыхъ встрѣтитъ министръ по обстоятельствамъ сомнѣніе.

§ 7. Представляются комитету всѣ дѣла, до Высочайшаго разрѣшенія принадлежащія, т.-е. тѣ, разрѣшеніе которыхъ превышаетъ предѣлъ власти ввѣренной въ особенности каждому министру и вообще всѣ тѣ, по которымъ министры въ назначенные дни обыкновенно докладываютъ Е. И. В. Сюда принадлежитъ и выдача паспортовъ на пріѣздъ въ Россію и выѣздъ заграницу.

§ 8. Вносятся въ комитетъ всѣ дѣла высшей полиціи, т.-е. относящіяся до общаго спокойствія, до продовольствія народнаго и по всякому чрезвычайному происшествію.

§ 9. По сему предмету главнокомандующій въ столицѣ доставляетъ комитету свѣдѣнія: 1) о проживающихъ въ столицѣ подозрительныхъ людяхъ, о коихъ вовсе неизвѣстно, какими дѣлами они занимаются; 2) о пріѣзжающихъ въ столицу изъ за границы, или изъ внутри государства подозрительныхъ людяхъ; 3) о собраніяхъ и обществахъ, навлекающихъ на себя подозрѣніе; 4) о разглашаемыхъ слухахъ и извѣстіяхъ, опасеніе или тревогу наводящихъ; 5) вообще о всякихъ въ столицѣ случившихся въ сутки происшествіяхъ, обратившихъ на себя вниманіе полиціи и получаются изъ губерній донесенія о чрезвычайныхъ происшествіяхъ; 6) о цѣнахъ на всѣ жизненныя потребности въ такомъ случаѣ, когда онѣ будутъ превышать обыкновенную ихъ мѣру.

§ 10. Въ числѣ предметовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію комитета, представленія министровъ о награжденіи чиновниковъ остаются на прежнемъ основаніи.

§ 11. Для обыкновенныхъ собраній комитета, министры наканунѣ назначенныхъ дней присылаютъ къ управляющему дѣлами комитета записки о дѣлахъ, какія они въ комитетъ внести имѣютъ.

§ 12. Изъ сихъ записокъ управляющій дѣлами комитета составляетъ общую записку, по которой предсѣдатель назначаетъ къ слушанію дѣла по степени настоятельности ихъ и важности.

§ 13. Министръ, котораго записки останутся въ комитетѣ не выслушанными, предлагаетъ ихъ въ слѣдующее засѣданіе преимущественно.

§ 14. Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго хода дѣлъ вносятся въ комитетъ дѣла краткими записками за подписаніемъ министра, оныя представляющаго.

§ 15. Записки сіи должны заключать въ себѣ всѣ обстоятельства дѣла, нужныя къ оному справки и мнѣніе министра.

§ 16. Когда министръ представляетъ въ комитетъ такое дѣло, по которому предполагается указъ къ Высочайшему подписанію, тогда представляетъ онъ вмѣстѣ и проектъ указа.

§ 17. Каждому собранію комитета ведутся слѣдующіе журналы:

1) По дѣламъ текущимъ.

2) По дѣламъ, тайнѣ подлежащимъ.

3) По дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія.

§ 18. Всѣ сіи журналы подписываются всѣми членами комитета, хотя бы кто изъ нихъ за болѣзнію и не присутствовалъ.

§ 19. Когда произойдутъ по дѣлу разныя мнѣнія, то оныя записываются въ журналъ; не присутствовавшій членъ комитета, въ случаѣ несогласія, объявляетъ свое мнѣніе при подписаніи журнала.

§ 20. Всѣ журналы по подписаніи отправляются предсѣдателемъ комитета къ Его Императорскому Величеству.

§ 21. По дѣламъ текущимъ комитетъ приводитъ свои положенія въ исполненіе.

§ 22. Когда въ разрѣшеніе дѣла произойдутъ разныя мнѣнія, то исполненіе чинить по большинству голосовъ.

§ 23. При равенствѣ мнѣній голосъ предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ.

§ 24. По дѣламъ, требующимъ Высочайшаго разрѣшенія, а также по дѣламъ до высшей полиціи относящимся, кромѣ выдачи паспортовъ на пріѣздъ въ Россію и выѣздъ за границу, которая исполняется по положенію комитета, комитетъ представляетъ положенія свои на Высочайшее усмотрѣніе и ожидаетъ повелѣнія; въ случаяхъ же нетерпящихъ отлагательства приводитъ ихъ въ исполненіе подъ общею всѣхъ членовъ комитета отвѣтственностію и о семъ немедленно доноситъ Его Императорскому Величеству.

§ 25. При разногласіи въ сихъ случаяхъ поступать на основаніи §§ 22 и 23, и тогда отвѣтственность остается на тѣхъ, по мнѣнію которыхъ исполненіе сдѣлано будетъ.

§ 26. Ежели по дѣламъ, отправляемымъ къ Его Императорскому Величеству, признается нужнымъ особенное объясненіе, то по назначенію комитета министръ, по чьей части тѣ дѣла, отправляетъ ихъ съ нарочнымъ чиновникомъ.

§ 27. Въ случаѣ надобности, комитетъ имѣетъ право пригласить въ свое засѣданіе всякаго начальника какого либо мѣста для объясненія, или для общаго съ нимъ сужденія.

§ 28. По дѣлу, по которому приглашенъ былъ въ комитетъ посторонній чиновникъ, составляется особый журналъ и имъ вмѣстѣ съ членами комитета подписывается.

§ 29. Положенія комитета приводятся въ исполненіе тѣми же министрами, отъ которыхъ дѣла представлены въ потребныхъ случаяхъ именемъ Его Императорскаго Величества.

§ 30. На исполненія положеній комитета уполномочиваются министры выписками изъ журналовъ, доставляемыми къ нимъ отъ управляющаго дѣлами комитета за его подписаніемъ.

§ 31. Въ случаяхъ, не терпящихъ ни малѣйшаго отлагательства въ исполненіи положеній комитета, сообщаются оныя министрамъ отъ управляющаго дѣлами комитета, по назначенію онаго прежде подписанія журналовъ.

Статсъ-секретарь Молчановъ.

XIV.

Рядная запись графини Варвары Петровны Разумовской, рожденной графини Шереметевой [1]).

(Архивъ графа С. Д. Шереметева).

Лѣта тысяща семьсотъ семдесятъ четвертаго, Февраля въ девятый надесять день, генералъ-аншефъ Ея Императорскаго Величества оберъ-камергеръ и разныхъ орденовъ кавалеръ графъ Петръ Борисовъ сынъ Шереметевъ, зговорилъ я дочь свою девицу графиню Варвару въ замужство Двора Ея Императорскаго Величества за камеръ-юнкера графа Алексѣя Кирилова сына Разумовскаго, а во благословеніе за нею, дочерью моею, пишу Божія милосердія *святыя образа*: *первой*, Спаса Всемилостиваго, на болшой цке, обложенъ золоченымъ серебромъ; *второй*, Володимірскія Пресвятыя Богородицы, въ окладе чеканномъ золотомъ, съ финифтью, украшенъ алмазами, яхонтами и изумрудами-лалами, обнизанъ крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ, съ

[1]) Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

подвесками крупнаго бурмицкаго жемчуга, въ кіоте серебреномъ; *третей*, Казанскія Богородицы, поля, свѣтъ, ризы и венцы съ сіяніемъ золотые чеканные; *четвертой*, Тихвинскія Богородицы, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами и изумрудами; *пятой*, Владимірскія Богородицы, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами, яхонтами, крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ; *шестой*, Спаса Всемилостиваго, обложенъ золотомъ, въ кіоте серебреномъ, золоченомъ; *седмой*, Ангела хранителя и Преподобнаго Сергія Радонежскаго, обложенъ золотомъ, украшенъ алмазами, яхонтами, изумрудами и жемчугомъ, въ кіоте серебреномъ; *осмой*, Тихвинскія Богородицы, обложенъ золотомъ; *девятой*, мощи святыхъ, въ кіоте серебреномъ, золоченомъ; *десятый*, на болшей цке Богородицы всехъ Скорбящихъ, обложенъ золоченымъ серебромъ.

Да по общему нашему съ покойной женою моею, штатсъ-дамою, графинею Варварою Алексѣевной, роздѣлу, которой прошлаго тысяща седмь сотъ шесдесятъ седмаго году, Октября два десятъ четвертаго дня, собственнымъ Ея Императорскаго Величества подписаніемъ конфермованъ, сверхъ написаннаго въ томъ разделе на ее часть недвижимаго именія за неюжъ дочерью моею *приданаго* даю состоящаго *въ платье*, *кроватяхъ*, *белье*, *серебре* и *протчемъ*, а имянно: робронтъ съ юпкою сюрсака золотою выложено кружевомъ пон де аржантонъ 1,440 рублевъ; робронтъ сюрсака серебреное выложено серебреною сеткою, 529 рублевъ; робронтъ съ юпкою полосатой помаранцовое съ белымъ, штофной съ разными цвѣтами, на немъ агреманъ, 212 рублевъ; робронтъ съ юпкою штофной зеленой съ белыми полосками, съ разными цветами съ агременътами, 192 рубли; робронтъ съ юпкою штофной голубой съ белыми полосами съ цветами съ агрементами 460 рублевъ; робронтъ съ юпкою атласной капюсень, съ белыми полосами, 191 рубль; робронтъ съ юпкою гранитуровой белой съ малиновыми бархатными полосами, 162 рубли; робронтъ съ юпкою атласной белой съ шинелевыми полосками, шитъ блесками золотыми, съ сеткою золотою, 292 рубли; робронтъ съ юпкою белой гронатуровой, шитой разными шелками съ агрементами, 210 рублевъ; рабронтъ съ юпкою гранитуровой дикой съ белыми полосками съ цветочками съ эгрементами, 122 рубли; робронтъ съ юпкою бархотной абрикосовой съ белыми полосками съ цветами съ эгрементами, 375 рублевъ; рабронтъ съ юпкою гродитуровой розовой выложенъ кружевомъ, 42 рубли; робронтъ съ юпкою штофной белой съ полосками съ цветочками съ эгрементами, 210 рублевъ; робронтъ съ юпкою отласной розовой съ полосками выложенъ кружевомъ, 662 рубли; рабронтъ съ юпкою отласной голубой по коевой выложенъ кружевомъ, 42 рубли; робронтъ съ юпкою ботде желтой списанными цветочками съ флеро-

вой выкладной, 68 рублевъ; робронтъ съ юпкою ботде желтой съ цветочками съ флеровой выкладкой, 58 рублевъ; робронтъ съ юпкою тафтяной белой съ серебреными и алыми полосками и съ алыми цветочками съ такимижъ агрементами, 70 рублевъ; робронтъ съ юпкою флеровой дикой съ голубыми полосками съ серебромъ съ эгрементами, 50 рублевъ; робронтъ съ юпкою тафтяной волнистой съ такоюжъ вырескою, 40 рублевъ; рабронтъ съ юпкою круазе клетчетой голубой съ белымъ, 25 рублевъ; робронтъ съ юпкою круазе белой полосатой голубые и алые полоски съ цветочками, 25 рублевъ; робронтъ съ юпкою съ кисейной полосатой цветочками на розовой тафте, 50 рублевъ; круазе на платье клетчетое алое съ белымъ, 20 рублевъ. Подвышеписанные робронты и подъ юпки тафты белой на 170 рублевъ. Для выкладокъ на плати блонтъ французскихъ шинелевыхъ белыхъ, на 124 рубли. Выкладка на платье марливая шитая 40 рублевъ; кофта съ юпкою отласной капюсень шита разными шелками, 150 рублевъ; кофта съ юпкою отласная полевая шита шелками, 150 рублевъ; кофта съ юпкою отласная белая списаными цветами стеганая, 90 рублевъ; кофта съ юпкою отласные алые стеганые въ узоръ, 30 рублевъ; кофта съ юпкою отласные белые стеганы въ узоръ, 30 рублевъ; кофта съ юпкою кисейная полосатая съ цветочками на голубой тафте, выложена кружевомъ, 25 рублевъ; кофта съ юпкою кисейная полосатая съ цветочками на желтой тафте, 25 рублевъ; кофта съ юпкою кисейная шита въ тамбуръ на алой тафте выложена кружевомъ, 70 рублевъ; кофта съ юпкою марселевая выложена кружевомъ, 70 рублевъ; кофта съ юпкою марселевая-жъ выложена кружевомъ, 70 рублевъ; две кофты съ юпками и одѣяло изъ Англинскаго тканья, кофты съ юпками выложены кисеею, 73 рубли; шесть кофтъ съ юпками кисейныя и миткалинныя выложены кисеею полосатою, 80 рублевъ; шесть юбокъ исподнихъ кисейныхъ съ такою жъ фалбарою, 60 рублевъ; пять юбокъ исподнie отласные разныхъ цветовъ, 85 рублевъ; юпка белая тафтяная исподняя шита золотомъ и цветами, 30 рублевъ; юпка отласная белая стеганая въ узоръ, 20 рублевъ; четыре юбки исподнихъ тафтяные и отласные разныхъ цветовъ, 40 рублевъ; юпка исподняя насыпная белая серебромъ, 20 рублевъ; юпка розовая люстриновая, 15 рублевъ; три юпки исподнie ситцовые, 12 рублевъ; юпка фижменная белая шагриновая, 22 рубли. Мантилiя французская шитая кайма, съ блондами, 35 рублевъ; мантилiя отласная алая съ пятнышками, съ блондами, 12 рублевъ; две мантилiи тафтяныя, белая и розовая съ флеромъ, 12 рублевъ; восемь мантелей тафтяныхъ разныхъ цветовъ съ блондами и флерами, 50 рублевъ; мантилiя кружевная, 70 рублевъ; две мантилiи антуалажевыя, 125 рублевъ; четыре передника тафтяныхъ, 25 рублей; 12 паръ манжетъ

дамскихъ блондовыхъ тройныхъ, 306 рублевъ; 6 паръ манжетъ флеровыхъ и косынечка, 20 рублевъ; 2 пары манжетъ и 3 косынечки, 50 рублевъ; 2 пары манжетъ тройныхъ кисейныхъ шитыхъ, 20 рублевъ; 6 паръ манжетъ кисейныхъ тройныхъ шитыхъ, 75 рублевъ; 12 чепчиковъ блондовыхъ, 99 рублевъ; чепчикъ и лопости и манжеты кружевные, 160 рублевъ; два чепчика и две косынечки марлевые, 12 рублевъ; чепчикъ марлевой съ блондами, съ розовыми лентами, 6 рублевъ; 10 чепчиковъ кисейныхъ съ кружевомъ, 50 рублевъ; 2 чепчика, 2 пары манжетъ и 2 воротника круживные, 72 рубли; 14 чепчиковъ флеровыхъ и блондовыхъ съ разными лентами, 125 рублевъ; 2 чепчика неглиже блондовые, 16 рублевъ; 12 капишоновъ кисейныхъ съ узинкимъ кружевцомъ, 28 рублевъ; две касынечки флеровые, 5 рублевъ; 6 касынечекъ блондовыхъ, изъ нихъ 3 съ капишонами, 36 рублевъ. Лентъ разныхъ сортовъ и цветовъ на 200 рублевъ. 4 дюжины сорочекъ мускихъ денныхъ, 2 дюжины сорочекъ ношныхъ мускихъ же, дюжина галанскихъ платковъ, 4 завески бритовныхъ, изъ нихъ 2 съ кружевомъ, 678 рублевъ; 4 дюжины манжетъ кружевныхъ денныхъ, 1926 рублевъ; 2 дюжины манжетъ антуалажевыхъ къ ношнымъ мускимъ сорочкамъ, 405 рублевъ; 12 дюжинъ сорочекъ галанскихъ дамскихъ, 910 рублевъ; манжетъ ко онымъ дамскимъ сорочкамъ кисейныхъ кружевныхъ и блондовыхъ, 90 рублевъ. 12 перемень галанскихъ на постелю, во всякой перемене: по две простыни и по шести наволокъ на подушки, въ томъ числе две перемены убраны кисеею: одна шитою тамбурною и обложено кружевцомъ, а другая шитая же кисеею съ зубчиками, 747 рублевъ. Одна перемена на постелю батистовая въ ней: две простыни и шесть наволокъ на подушки, обобрано въ кругъ одеяло въ два ряда и кругъ шести подушекъ широкимъ кружевомъ, фолборою простынки, подподушки на столикъ и покрывало на подушки къ тому-жъ столику батистовые-жъ, обобраны такимъ же кружевомъ фалборою, 1060 рублевъ. Къ туалету перемена танбурной кисеи, а въ ней чехолъ на столъ покрывало чехолъ пудреной, такой же кисеи, другой миткалинной обобраны все кружевомъ и два мускіе чехла пудреные миткалинные, 235 рублевъ. 4 дюжины галстуковъ короткихъ мускихъ кисейныхъ, 16 рублевъ; 2 дюжины галстуковъ кисейныхъ долгихъ, 50 рублевъ; 6 мантилій пудреные кисейные съ кружевомъ, 60 рублевъ; 6 дюжинъ чулковъ шелковыхъ белыхъ, 252 рубли; 4 кофточки кисейные стеганые, къ нимъ одна юпка такою-жъ выложены кисеей же, 14 рублевъ; 22 платка шолковыхъ разныхъ цветовъ, 40 рублевъ; 6 дюжинъ полотенецъ лишныхъ салфетошныхъ, 8 рублевъ; 3 дюжины платковъ бумажныхъ, 40 рублевъ; 20 платковъ кисейныхъ, 20 рублевъ. 24 опахала перломутровыхъ, черепаховыхъ съ золотомъ и костяныхъ, на 250 рублевъ. 6 скатертей

ярославскихъ балберековыхъ, шириною четырехъ аршинъ разной длины, 227 рублевъ; къ нимъ 14 дюжинъ салфетокъ такихъ же, 280 рублевъ; одна скатерть съ крестиками съ каймами, длиною 19 аршинъ съ половиною, ширина 5 аршинъ, 58 рублевъ; пять скатертей съ каймами жъ, длиною по осьми аршинъ, шириною четырехъ аршинъ, 80 рублевъ; къ нимъ 18 дюжинъ салфетокъ съ каймами же, 80 рублевъ; расхожихъ 30 скатертей, длиною 5 аршинъ, шириною 3 аршинъ; 12 дюжинъ салфетокъ росхожихъ же съ каймами; 3 дюжины полотенецъ, для росходу; 12 простыхъ для росходу жъ, цена оному 100 рублевъ. Епанча на соболемъ меху, опушена соболями жъ, покрыта сырсака золото съ серебромъ, 976 рублевъ; солопъ на собольемъ меху, опушена соболми жъ хвостами, покрыта розовымъ бархатомъ, 238 рублевъ; соболи на шею подложены бархотомъ и муфта соболья жъ, 410 рублевъ; шуба долгая, въ которой въ саняхъ ездятъ съ юпкою бархатная розовая, опушена соболями, 624 рубли; мантилія малинкая, на бельемъ сером̃ъ меху, опушена собольими хвостами, покрыта парчою по серебреной земле, цветы съ золотомъ, 97 рублевъ; бекеша покрыта померанцовымъ отласомъ, на лисьемъ меху опушена собольими хвостами, 90 рублевъ. Кравать съ завесомъ штофнымъ, съ позументомъ съ постелею, а въ ней: пуховикъ, матрасъ, две перемены подушекъ, а число 12 и изголовья: одно съ наволоками отласными; ширмы, обитые отласомъ съ позументикомъ; столъ подъ подушки съ чехломъ штофнымъ съ позументомъ, 1231 рубль; одеяло белое отласное стегано въ узоръ, подложено розовою тафтою, 125 рублевъ; одеяло отласное розовое, одеяло жъ отласное зеленое, 60 рублевъ; муской шлафорокъ парчевой по серебреной парче: цветы съ золотьемъ, 220 рублевъ. 4 пары комодъ красного дерева болшихъ, 240 рублевъ; пара комодъ красного жъ дерева, поменше, 50 рублевъ; одинъ кабинетъ красного дерева, съ зеркалами, 140 рублевъ; два ларца краснаго жъ дерева къ постеле, съ золочеными скобами, 100 рублевъ; двои конопе, два табурета, 12 креселъ вызолочены на полюментъ, 220 рублевъ. На паратную кровать, обои на комнату и на обивку означенныхъ конопе и креселъ на штофъ, денегъ 1000 рублевъ. Ко оной кровате позументу золотого широкого и ускогo, бахрама, кисти и снурки, 1500 рублевъ. Сервизъ агзбурской, глаткой, лощетой, а въ немъ четыре сутка, хрусталные, у которыхъ крышки, горлышки, ручки и доношки оправлены серебромъ, безъ весу; два конъфора съ ручками, при нихъ две накладки и две спирътовые чашки съ крышками, весомъ шесть фунтовъ 77 золотниковъ; две чашки овалныя супныя, болшія, съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 28 фунтовъ 14 золотниковъ, къ нимъ два блюда, овалные, съ скобками, весомъ 12 фунтовъ 39 золотниковъ; четыре ковша, внутри вызолочены, весомъ три фунта 90 золот-

никовъ; две чашки круглые болшія съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 19 фунтовъ 75 золотниковъ, къ нимъ два блюда круглые съ скобками весомъ 12 фунтовъ 69 золотниковъ; четыре чашки такія же, поменше, съ крышками, внутри вызолочены, весомъ 24 фунта 6 золотниковъ, къ нимъ 4 блюда круглыя же, съ скобами, весомъ 13 фунтовъ 90 золотниковъ. Блюдъ разной величины 4 круглыхъ болшихъ, весомъ 26 фунтовъ 72 золотника; восемь среднихъ весомъ 32 фунта 44 золотника; 12-ть блюдъ круглые жъ и техъ менше весомъ 33 фунта 90 золотниковъ; 24 блюда менши техъ весомъ одинъ пудъ 14 фунтовъ 93 золотника; 16 и техъ меньше, весомъ 24 фунта, 80 золотниковъ; 4 блюда салатныхъ весомъ 5 фунтовъ 15 золотниковъ; 6 дюжинъ тарелокъ плоскихъ весомъ два пуда 19 фунтовъ 19 золотниковъ; четыре передачи круглые, лощетые, съ скобками весомъ 15 фунтовъ 56 золотниковъ; 12 ложекъ роздатошныхъ весомъ 6 фунтовъ; четыре солонки съ двойными луночками золочеными весомъ два фунта 90 золотниковъ; 8 солонокъ осмиугольныхъ одинакихъ внутри вызолочены весомъ три фунта 88 золотниковъ; 36 ножей столовыхъ весомъ безъ железа 7 фунтовъ 25 золотниковъ; 36 вилокъ четверныхъ; 36 ложекъ весомъ 15 фунтовъ 66 золотниковъ. Всего весу *одинадцать пудъ десять фунтовъ сорокъ шесть золотниковъ*, цена оному сервизу *десять тысячь рублевъ*. И того платья, белья, кроватей и сервизъ серебреной ценою *тридцать три тысячи восемь сотъ четыре рубли*. Да на постройку двора, по силе того жъ роздела, деньгами *десять тысячь рублевъ*. А что въ вышеписанномъ же моемъ и покойной жены моей, графини Варвары Алексѣевны розделѣ, написано: ей, дочере нашей, графине Варваре, дворъ на Васильевскомъ острову, и оной дворъ, въ семьсотъ семдесятъ третьемъ году, по согласію еѣ, дочери моей, мною проданъ подъ государственную бергъ-коллегію, и въ томъ рощетъ съ нею учиненъ [1]). Да сверхъ вышеписанного надлежащаго, по силе помянутаго раздела приданого даю я ей, дочере моей, графине Варваре, въ награжденіе бралiантовыхъ вещей, цветныхъ камней, жемчугу, золота въ деле разного, серебра же въ деле, и галентерей, а имянно: складень бралiантовой, бантъ съ подвескою, къ нему на обе стороны по две штуки, къ нему склавакъ бриліантовой въ десяти штукахъ и внизу бантъ же съ подвескою, 20.000 рублевъ; серги бриліантовые съ тройными подвесками, 6000 рублевъ; перстень бриліантовой съ однимъ болшимъ камнемъ, 3500 рублевъ; перстень въ средине болшой бралiантъ со сыпкою бралiантовою жъ, 500 рублевъ; перстень бралiантовой въ средине болшой камень осыпанъ бралiантами, 300 рублевъ; барьеръ изъ мелкихъ бра-

---

[1]) Нынѣ Горный корпусъ.

ліантовъ, 650 рублевъ; эгрета браліантовая съ семью подвесками браліантовыми, болшими и малыми, 2500 рублевъ; букетъ болшой изъ браліантовъ и розовъ, крупныхъ и мелкихъ, съ зеленою финифтью, 3500 рублевъ; сердечко, въ середине болшой браліантъ, на розовой фолге, осыпанъ браліантами жъ, 200 рублевъ; бабочка браліантовая о четырехъ крылашкахъ, 300 рублевъ; мушка неболшая, браліантовая другая такая же точно, 160 рублевъ; птичка браліантовая на снурочке, 100 рублевъ; браслеты со стеклами портреты графа Петра Борисовича и графини Варвары Алексѣевны, осыпаны браліантами, 800 рублевъ; замочки браліантовыя къ браслетамъ, 80 рублевъ; браслеты копытчетые съ браліантами, 350 рублевъ; кокарды прорезные браліантовые, 2,700 рублевъ; восемь пуговицъ, браліантовые, прорезные, 1,300 рублевъ; две петелки и носочикъ браліантовые, прорезные, 850 рублевъ; султанъ изъ мелкихъ браліантовъ, 700 рублевъ; гребень серебреной верхъ въ три реда, осыпанъ браліантами, всредине камни крупные, а по краямъ мелкіе, 1,800 рублевъ; эгрета болшая браліантовая, въ ней крупные и мелкіе браліанты, 2,500 рублевъ; круасанъ браліантовой съ репеечкомъ браліантовымъ-же, 350 рублевъ; тресулка браліантовая перушкомъ, съ семью подвесками круглыми и плоскими, большими и малыми, 4,000 рублевъ; бабочка браліантовая съ четырмя крылашками и хвостомъ, 250 рублевъ; паукъ съ болшимъ браліантомъ, 200 рублевъ; бабочка, въ ней три камня болшихъ и два малинкихъ браліантовая-же, 150 рублевъ; браліантовъ, обделаны въ серебре, которыя нанизываются на нитки, щетомъ 315 камней, 1,340 рублевъ; крючки къ платью браліантовые, 700 рублевъ; два бантика на руки изъ мелкихъ браліантовъ, 500 рублевъ; серешки не болшіе браліантовые букльдешье, 150 рублевъ; перстень опаловой, осыпанъ браліантами, 150 рублевъ; перстень, за стекломъ золотое имя графини Варвары Алексѣевны со сыпкою браліантовою, 100 рублевъ; перстень, въ которомъ вставлены часы, осыпанъ браліантами, 400 рублевъ; сердечко браліантовое съ пряжечкою 400 рублевъ; серги браліантовые букльдешье, 1,000 рублевъ; перстень сердечкомъ браліантовой, осыпанъ браліантами-жъ и яхонтами, 250 рублевъ; часы, корпусъ осыпанъ браліантами, къ нимъ цепочка браліантовая-жъ, на ней три берлока: одне малинкіе часики, печатка сердоликовая и ключикъ, все осыпаны мелкими браліантами, 2,000 рублевъ; *изумрудной зеленой уборъ*, а въ немъ складень состоящей въ семи изумрудахъ, и къ нимъ шесть штукъ перенизокъ браліантовыя, къ нему ривьеръ, а въ немъ пять изумрудовъ, и подвеска изумрудная-жъ грушею съ бантомъ браліантовымъ и пять перенизокъ браліантовые; эгрета перышкомъ, браліантовая, съ двумя изумрудами и четырмя подвесками изумрудными; эгрета-жъ изъ мелкихъ браліантовъ съ двумя изумрудами и съ двумя подвесками

изумрудными-жъ; двѣ булавки, въ каждой въ средине по одному изумруду, которыя осыпаны каждой пятью бралiантами крупными; серги изумрудные съ подвесками осыпаны бралiантами; перстень изумрудной съ осыпкою бралiантовою. Оному *убору зеленому* всему цена восемь тысячь пятьсотъ рублевъ. Уборъ *красной* яхонтовой, а въ немъ складень въ пятнадцати штукахъ, яхонты осыпаны мелкими бралiантами фигурами, ривьеръ въ девяти штукахъ, десятая нижная болшая штука, яхонты осыпаны фигурою, мелкими бралiантами, 3,000 рублевъ; эгрета сдѣлана ракетою, яхонты-жъ съ мелкими бралiантами, 3,000 рублевъ; эгрета-жъ кувшинъ съ цветами, яхонтовая-жъ, съ мелкими бралiантами, 1,500 рублевъ; эгрета-жъ цветокъ съ узломъ, яхонты съ бралiантами-жъ, 1,800 рублевъ; бреслеты яхонтовые прорезные съ мелкими бралiантами, 600 рублевъ; шесть пуговицъ яхонтовые-жъ съ мелкими бралiантами въ 700 рублевъ; семь штучекъ мелкiя яхонтовыя съ бралiантами вкладываются въ барьеръ, 100 рублевъ; серги букльдешье яхонтовые, осыпаны бралiантами, 1,000 рублевъ; перстень яхонтовой осыпанъ бралiантами и яхонтами-жъ мелкими, 120 рублевъ; жукъ съ тремя яхонтами и бралiантами 200 рублевъ; замочки съ яхонтами и бралiантами, 100 рублевъ; серги круглые съ подвесками изъ бралiантовъ и яхонтовъ мелкихъ, подвески съ перевивкою, 300 рублевъ; жемчужныхъ уборовъ: серги и запонка жемчужная съ бралiантами, 2,500 рублевъ; две нитки на шею крупного бурмицкаго жемчугу, 1,000 рублевъ; двѣ бреслеты на руки изъ крупнаго бурмицкого жемчугу всякая объ осминиткахъ съ замочками бралiантовыми, 1,500 рублевъ; жемчугъ орiентальной мелкой, на руки и на шею, 300 рублевъ; браслеты на руки, гранатовые съ замочками бралiантовыми, 200 рублевъ. Галантереи: табакерка золотая, полуаваломъ, на крышке, на верху, изъ бралiантовъ лукъ и стрелы и украшена бралiантами-жъ, 850 рублевъ; табакерка, золотая, съ малиновою финифтью, бортъ алагрекъ съ медалiономъ финифтнымъ, 300 рублевъ; табакерка, золотая, овалная, съ синею финифтью, 200 рублевъ; табакерка, золотая, глаткая, съ вензелемъ и короною яхонтовыми, въ короне пять бралiантовъ, 180 рублевъ; табакерка золотая, съ синею финифтная изъ разноцветнаго золота, на крышке картинка финифтная, 200 рублевъ; табакерка, золотая, овалная, продолговатая, съ синею финифтью, на ней со всехъ сторонъ написано изъ финифти и граманчиковъ, 200 рублевъ; табакерка, золотая, чеканная о дву крышечкахъ, на крышкахъ выработана архитектура, 160 рублевъ; табакерка золотая, четвероуголная, малинкая, со всѣхъ сторонъ выработаны музыкальные инструменты, 100 рублевъ; туалетъ золотой, въ крышке зеркалцо, внутри перегородки, и кисточка, 300 рублевъ; табакерка золотая овалная крышка и дно перломутровые, 50 рублевъ; табакерка золотая, малинкая, овал-

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

ВО 2-МЪ ТОМѢ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

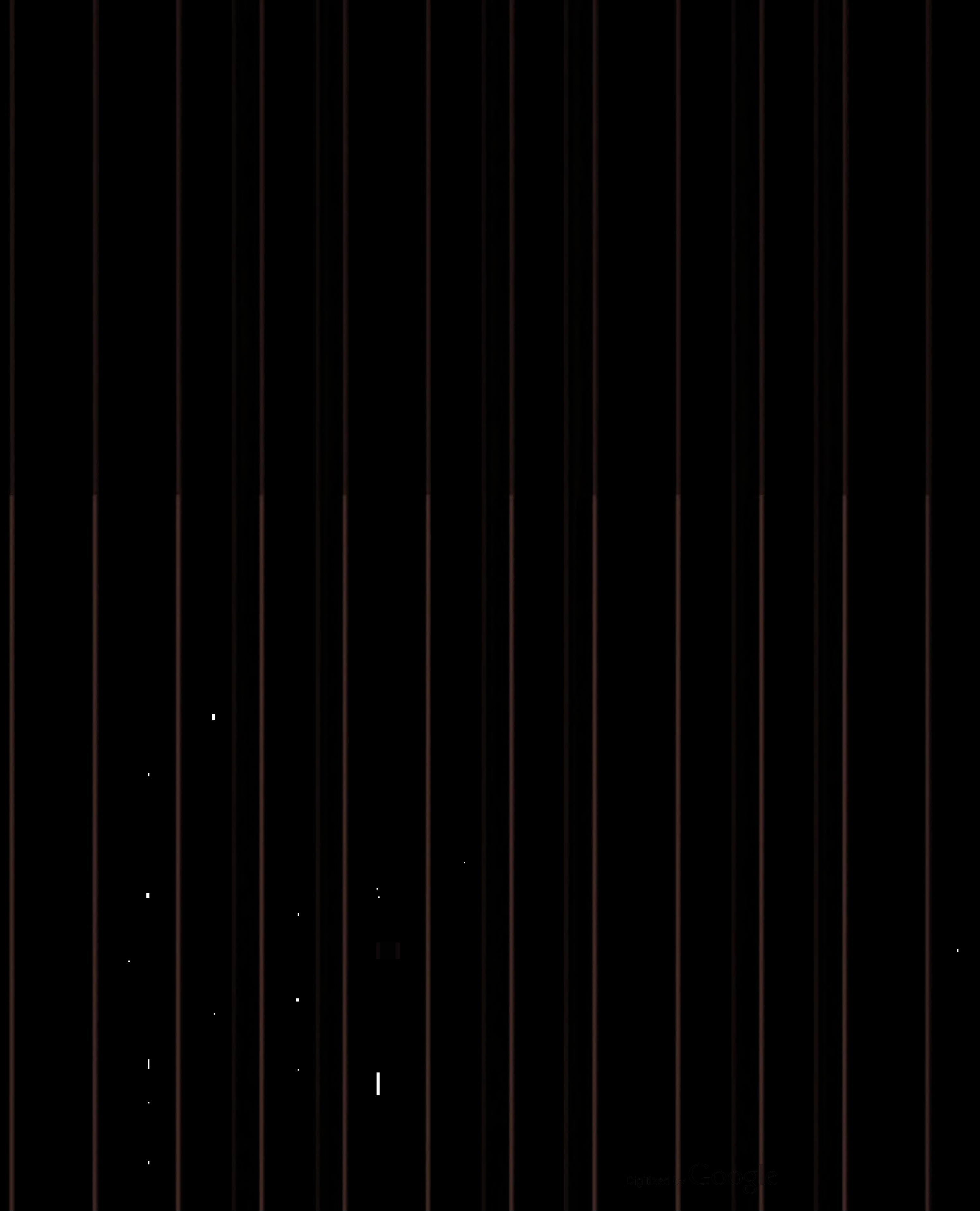
Щ.

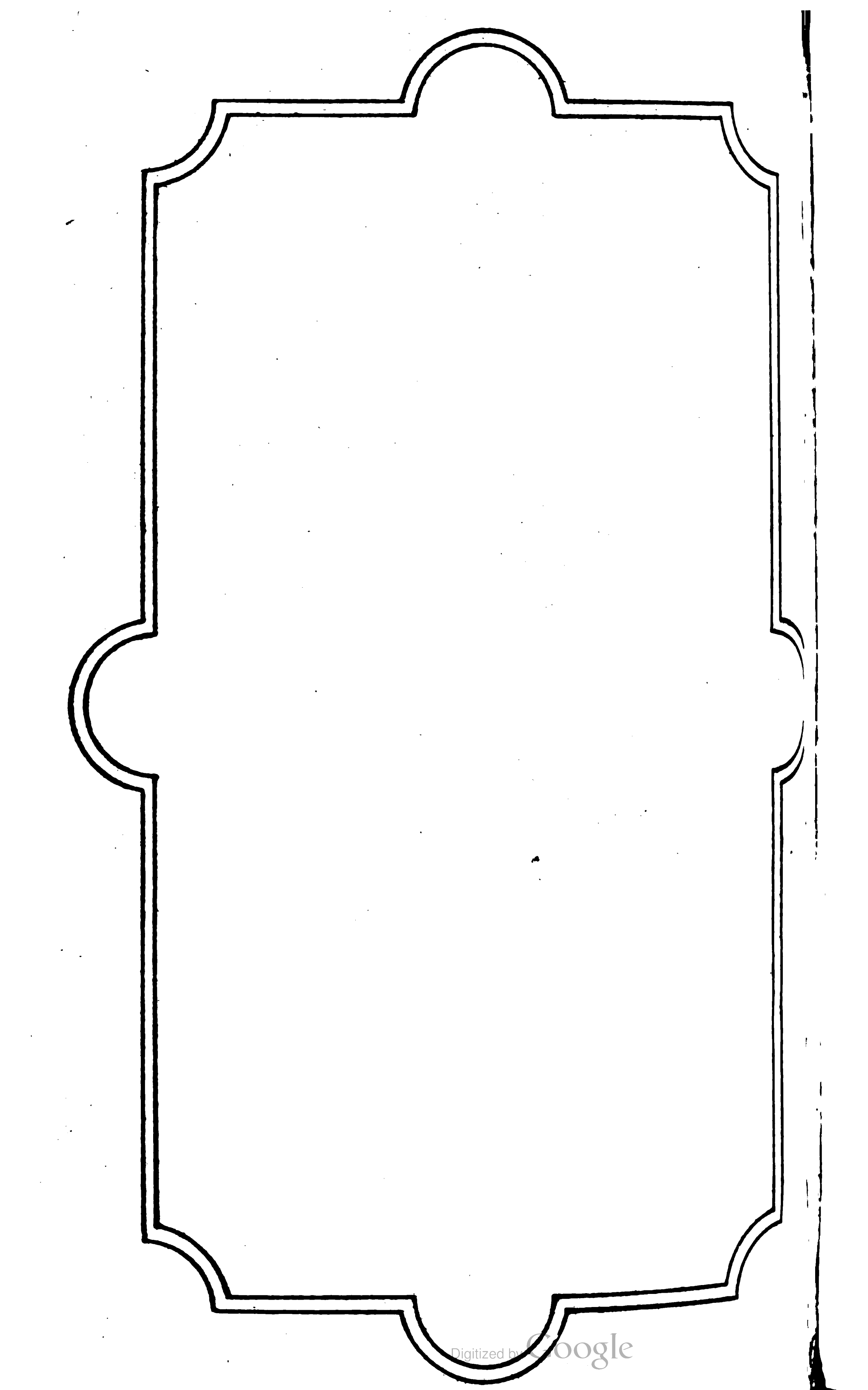
Э.

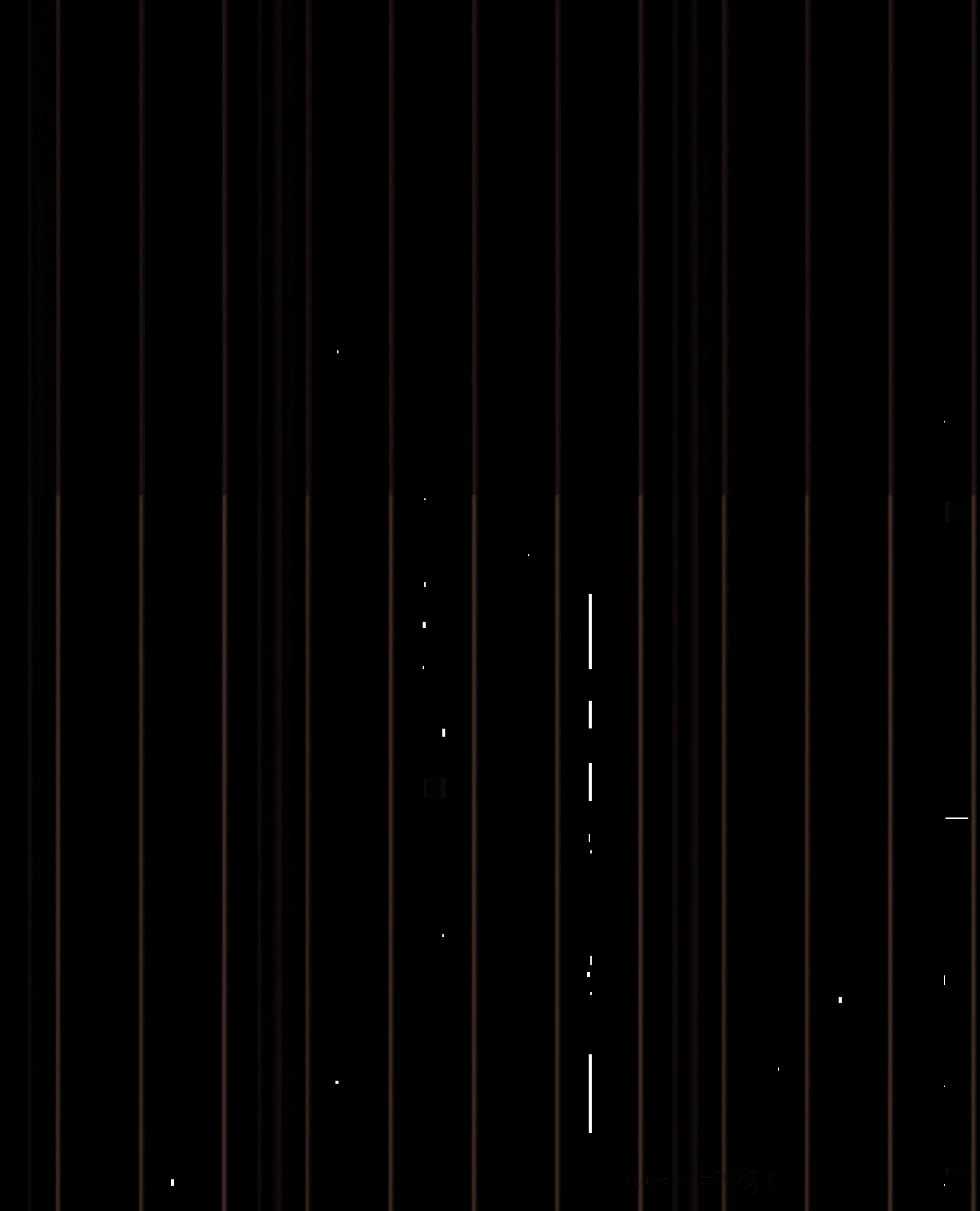
Ю.

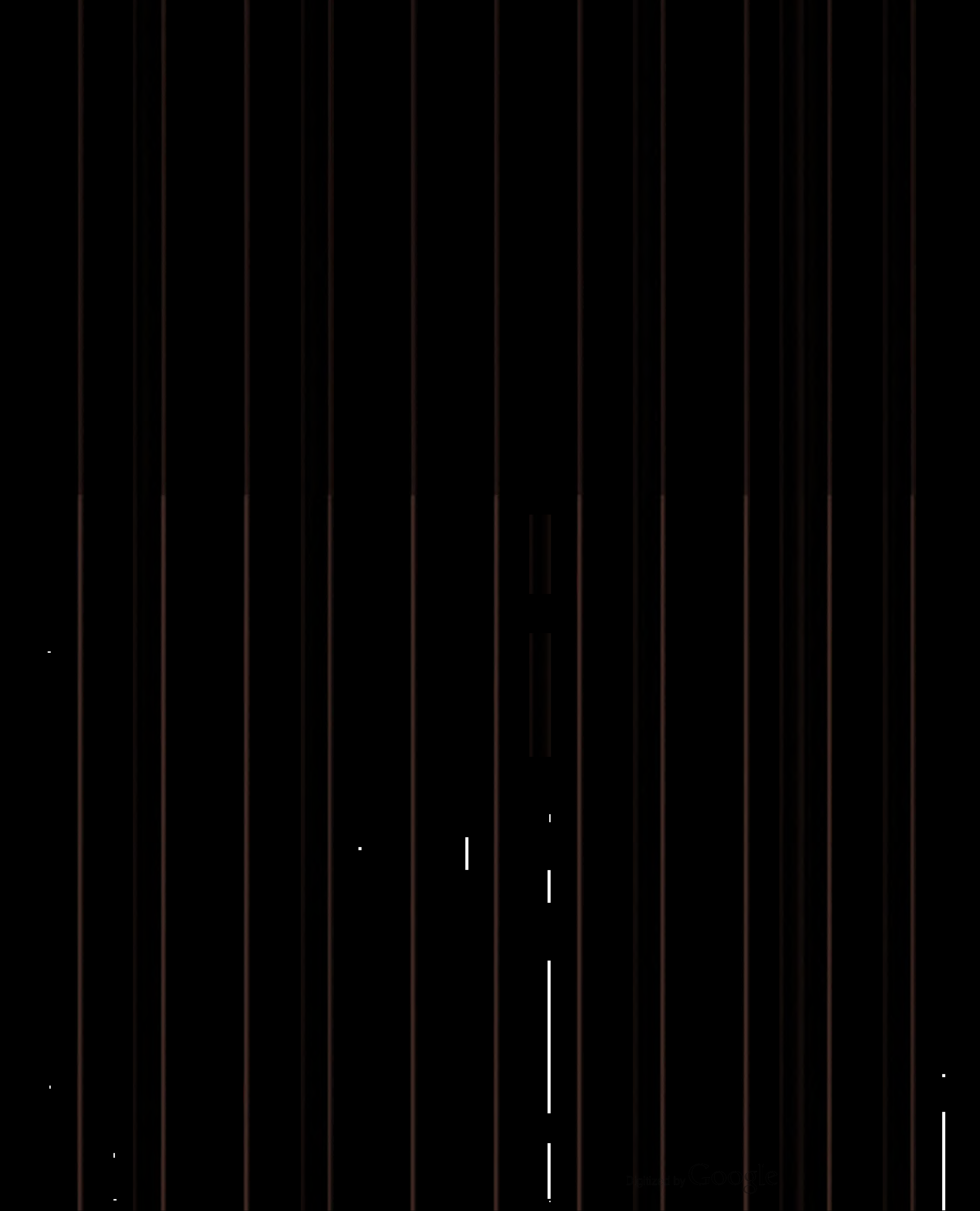
Я.

Ѳ.









09

A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.
CANCELLED
DUE SEP '74 H
CANCELLED
JAN 29 '75 H
APR 22 '74 H
WIDENER
MAY 3 1 1997
BOOK DUE
CANCELLED